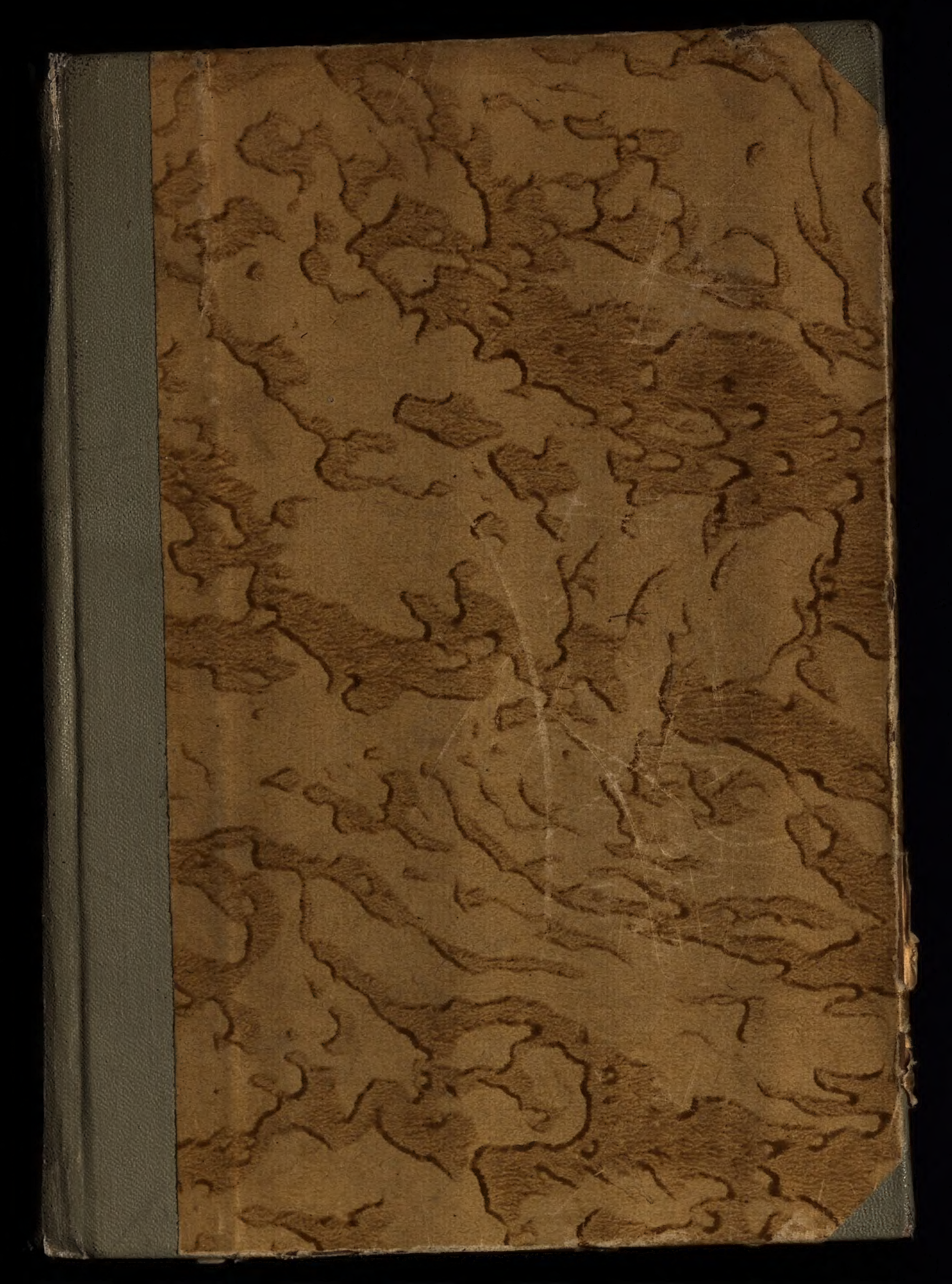
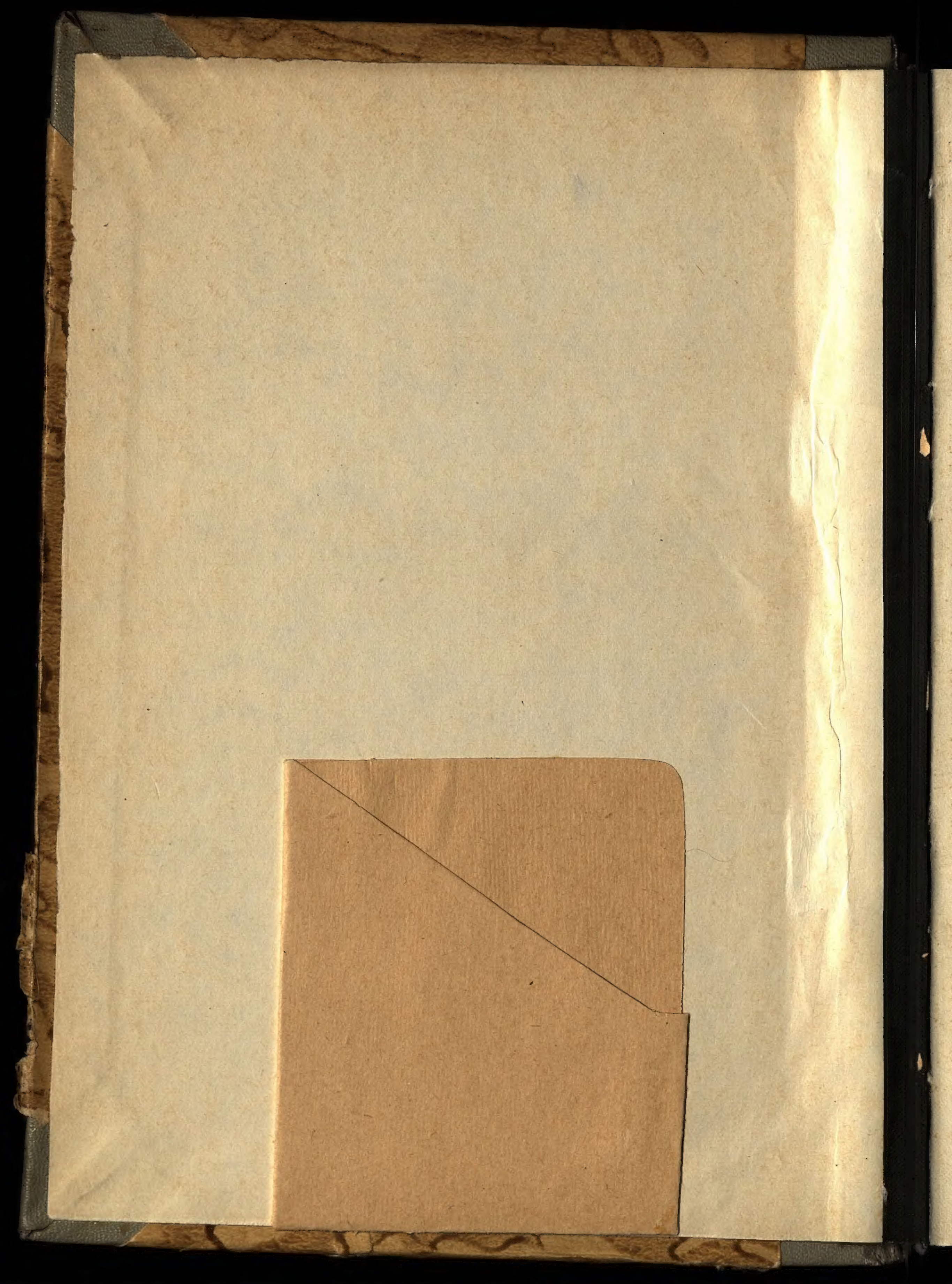
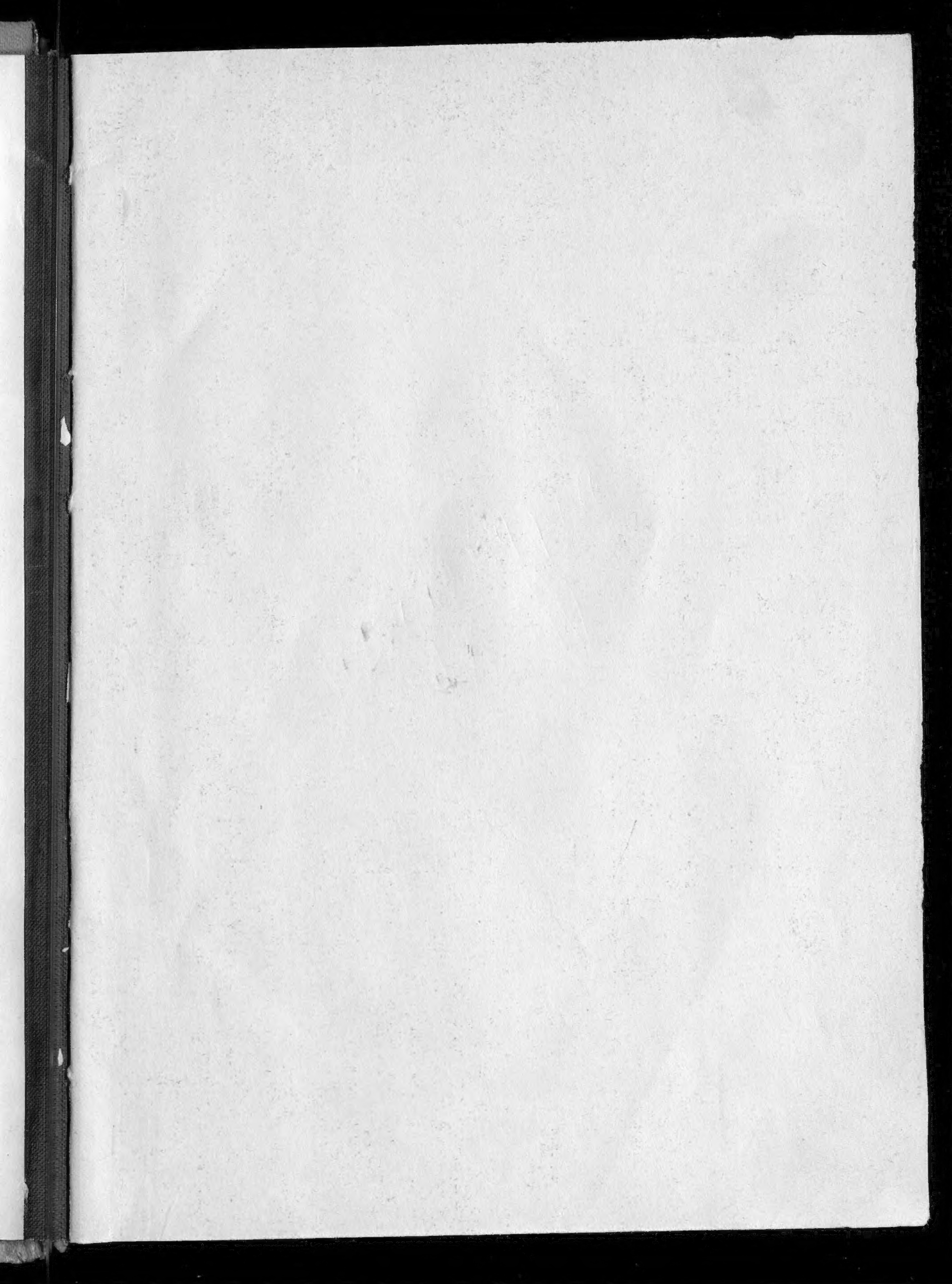

МАРКЪ МАТВѢЕВИЧЪ

АНТОКОЛЬСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ, ТВОРЕНІЯ,
ПИСЬМА И СТАТЬИ

МАРКЪ МАТВѢЕВИЧЪ

АНТОКОЛЬСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ, ТВОРЕНІЯ, ПИСЬМА И СТАТЬИ

М. М. АНТОКОЛЬСКІЙ.

Съ фотографіи.

Витебскъ. 1886.

МАРКЪ МАТВѢЕВИЧЪ

АНТОКОЛЬСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ ТВОРЕНІЯ, ПИСЬМА И СТАТЬИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. В. СТАСОВА

Съ факсимиле, портретами и снимками

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ и Москва
1905

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ, С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 лин., с. д. № 5—7

Посвящается

русскимъ художникамъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Несмотря на всѣ старанія лицъ, составлявшихъ редакціонный комитетъ настоящаго изданія, далеко не всѣ письма Антокольскаго къ его роднымъ, товарищамъ, пріятелямъ и знакомымъ могли быть собраны и напечаны здѣсь. Одни изъ этихъ писемъ утрачены, другія содержатъ подробности интимныя, личныя семейныя, или-же дѣловыя, не подлежащія обнародованію.

Изъ числа двухъ писемъ, написанныхъ Антокольскимъ къ И. С. Тургеневу, первое, отъ 4 іюня 1881 года, существуетъ въ двухъ экземплярахъ. Одинъ изъ нихъ есть копія съ подлиннаго оригинала, переписанная рукою И. Я. Гинцбурга, ученика, а впослѣдствіи друга Антокольскаго. Рукою-же самого Антокольскаго написана здѣсь только приписка: «Я нарочно далъ переписать это письмо, такъ какъ я пишу не совсѣмъ четко...» и т. д. этотъ экземпляръ принадлежитъ нынче Петру Алексѣевичу Картавову въ С.-Петербургѣ. Другой экземпляръ этого письма, принадлежащій Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, писанъ рукою Я. И. Зильбермана, также бывшаго ученика Антокольскаго, и разнится отъ перваго лишь немногими (впрочемъ, довольно незначительными) измѣненіями въ словахъ и выраженіяхъ текста. Второе письмо Антокольскаго къ И. С. Тургеневу, конца лѣта 1881 г., принадлежащее Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, переписано (какъ и предыдущее) съ подлинника Антокольскаго рукою Я. И. Зильбермана; рукою-же самого Антокольскаго написаны лишь: обращеніе къ И. С. Тургеневу: «Дорогой мой Иванъ Сергѣевичъ» и подпись: «M. Antokolsky».

Отвѣтное-же письмо И. С. Тургенева Антокольскому отъ 4 іюля 1881 года, принадлежащее Императорской Публичной Библіотекѣ, все писано рукою И. С. Тургенева.

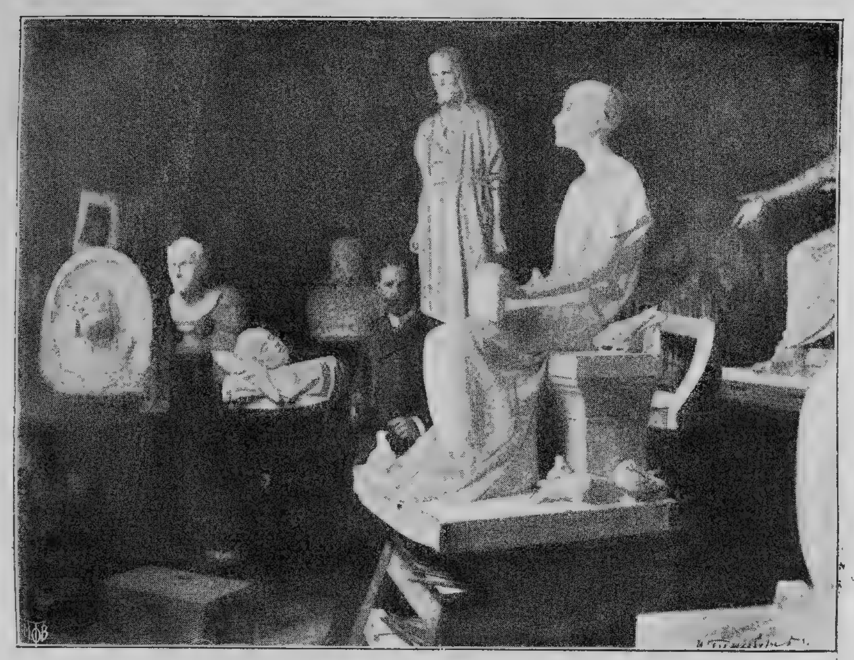
Въ отдѣлѣ «Статей» помѣщены не только всѣ статьи, напечатанныя Антокольскимъ въ газетахъ и журналахъ, но также и нѣкоторыя, оставшіяся до сихъ поръ неизданными.

Къ настоящему изданію приложены снимки лишь съ нѣкоторыхъ скульптурныхъ произведеній Антокольскаго—преимущественно всѣхъ самыхъ значительныхъ. Къ несчастью, изъ числа эскизовъ его «Инквизиціи», существовавшихъ въ четырехъ различныхъ видахъ, принадлежащихъ разнымъ періодамъ жизни художника, возможно было представить всего лишь снимокъ съ перваго, самаго первоначальнаго. Этотъ эскизъ — самый характерный и самый замѣчательный, но былъ отлитъ изъ бронзы, еще въ 1871 году, отливщикомъ Соколовымъ въ Петербургѣ такъ несовершенно, что Антокольскій шутливо писалъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ, въ февралѣ 1883 года (№ 350): «У насъ убійственно формуютъ, еще убійственнѣе отливаютъ изъ бронзы. Вы не видали, какъ отлитъ мой эскизъ «Нападеніе инквизиціи» — за подобную работу надо сѣчь на площади...» Такимъ образомъ нынче можно получить лишь самое несовершенное понятіе о высокоталантливомъ произведеніи, приводившемъ въ восторгъ и изумленіе русскихъ художниковъ, зрителей и художественныхъ критиковъ, въ первый годъ появленія его на выставкѣ.

Точно также, теперь уже почти ничего не осталось отъ глубоко-замѣчательнаго и оригинальнаго проекта памятника Пушкину, работы Антокольскаго. Уцѣлѣло лишь нѣсколько маленькихъ эскизныхъ статуэтокъ (изъ гипса): Бориса Годунова, Моцарта и Сальери, Скупого рыцаря, Мельника, Мазепы и другихъ личностей, назначенныхъ Антокольскимъ къ помѣщенію на пьедесталѣ-скалѣ этого монумента. Эти фигурки уцѣлѣли въ мастерской Антокольскаго лишь въ очень разрушенномъ и обезображенномъ видѣ.

Съ очень многихъ другихъ произведеній Антокольскаго вовсе не существовало даже эскизныхъ слѣпковъ, напр. съ серебряной группы «Петръ Великій на кормѣ корабля» (surtout de table)— группы, исполненной по заказу Вел. Кн. Владиміра Александровича, съ группы «Волна», исполненной изъ серебра и поднесенной Императору Александру III С.-Петербургской еврейской общиной, и др.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ

Мастерская М. М. Антокольскаго въ Парижѣ.

Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Антокольскій родился въ Вильнѣ, 21 октября 1843 года. Настоящее его имя было Мардохай, но съ самаго младенчества его стали звать, въ его семействѣ, Моте, потомъ Маркомъ, и это послѣднее имя сохранилось за нимъ въ продолженіе всей его жизни. Отецъ его, Матысъ (по-русски Матвѣй) Антокольскій, былъ человѣкъ очень небогатый, содержалъ харчевню и питейный домъ. Нрава онъ былъ крутого, сердитаго и даже жестокаго. Семерымъ дѣтямъ его было очень тяжело, и жизнь ихъ представляла мало утѣшительнаго. Всего хуже приходилось маленькому Мардохаю. Онъ всю жизнь избѣгалъ разсказывать кому-бы то ни было про свое дѣтство, ничего не говоритъ про него и въ своей автобіографіи, и даже писалъ мнѣ въ 1900 году, за два года до смерти, что въ продолженіе всей жизни никогда не праздновалъ день своего рожденія (№ 749) [1]; но все-таки онъ высказался о немъ.

---

[1]) Номера, поставленные въ скобкахъ на страницахъ настоящаго біографическаго очерка, указываютъ №№ писемъ Антокольскаго, напечатанныхъ въ текстѣ книги.

въ послѣдніе свои годы. Въ 1894 году онъ писалъ мнѣ: „Утомительная жизнь, которую я велъ въ дѣтствѣ и въ молодости, кажется, теперь даетъ себя знать“ (№ 605), а въ 1898 году писалъ мнѣ: „Въ дѣтствѣ я не былъ балованъ никѣмъ. Я былъ нелюбимый ребенокъ, мнѣ доставалось отъ всѣхъ; кто хотѣлъ, билъ меня, даже прислуга, а ласкать—меня никто не ласкалъ, еще меньше цѣловалъ [1]). Я ничьихъ ласкъ не помню. Я донашивалъ старое платье другихъ, меня звали „истуканомъ“, „оловянной рукой“, разъ меня чуть не отдали трубочисту. Я былъ на посылкахъ у всѣхъ“ (№ 711).

Но про мать свою Антокольскій говоритъ: „Не унижала меня только мать моя. Но не за это одно я ее люблю. Я люблю ее главное за то, что она была матерью для всѣхъ. Я помню наше бѣдное положеніе, и, тѣмъ не менѣе, моя мать, тайкомъ отъ отца, дѣлила съ болѣе бѣдными все, что у нея было. Я былъ тутъ ея посыльнымъ, она оставляла себѣ самой только крохотки, самыя насущныя, но готова была отдавать ихъ. Она была замѣчательна по уму, не смотря на малую образованность; она была сильно набожна, но шла съ временемъ, была толерантна, умъ ея былъ въ высшей степени свѣтлый, у ней былъ даръ слова, къ ней часто приходили бесѣдовать иные образованные виленскіе люди, просто ради удовольствія. Она меня сильно любила“... (№ 711). Къ этой характеристикѣ матери надо прибавить еще то, что Антокольскій говорилъ мнѣ въ одномъ своемъ письмѣ 1895 года: „Мать моя была на-дняхъ на свадьбѣ, вспомнила свою молодость и пустилась танцовать. Ей 86 лѣтъ и она все такая же умница и добрая, въ своемъ родѣ Спиноза, право, даромъ, что ничему не училась, не умѣетъ даже писать; но думаетъ и разсуждаетъ необыкновенно хорошо. Вчера, по случаю моего пріѣзда (въ Вильну), мы собрались вокругъ нея и стали ее утѣшать (на счетъ ея болѣзни); она улыбнулась и сказала: „Я изъ опасности уже вышла, мои плоды уже расцвѣли; я же какъ дерево—чѣмъ больше плодовъ, тѣмъ больше нагибаюсь“. Она вышла замужъ 15-ти лѣтъ, вела жизнь каторжную, жила, главное, для другихъ; имѣетъ семерыхъ дѣтей, всѣ почти дѣдушки и бабушки, чуть не прабабушки. Какъ такую жизнь не любить“?... (№ 634).

И такъ, отецъ и мать Антокольскаго представляли крайнюю противуположность: *она* — была источникъ добра, свѣта, радости, она помогала жить другимъ, а также и сыну своему Мардохаю; *онъ* — былъ источникъ „каторжной жизни“ для жены и сына Мардохая, вѣроятно также и для многихъ другихъ. И сынъ не могъ любить такого отца. Отецъ худо обращался съ нимъ, часто билъ его, въ томъ числѣ однажды за то, что онъ, еще мальчикомъ, разрисовалъ въ отцовской комнатѣ печь, представивъ тутъ очень живо (какъ увѣряютъ очевидцы) водовоза съ лошадью и бочкой, откуда плещетъ

---

[1]) «Въ семействѣ я исправлялъ должность рабочей лошади», говоритъ Антокольскій въ короткой, въ немногихъ строкахъ, автобіографіи своего дѣтства, продиктованной имъ И. Я. Гинцбургу въ 1888 году.

вода—это былъ одинъ изъ самыхъ раннихъ его опытовъ по части искусства вообще, и реализма въ особенности. Съ этимъ отцомъ Антокольскій все-таки кое-какъ ладилъ, а лишь только сдѣлался извѣстнымъ художникомъ, то потребовалъ, чтобъ отецъ закрылъ свой кабакъ;

Домъ въ Вильнѣ, въ которомъ родился М. М. Антокольскій.

впослѣдствіи-же поручилъ ему управлять домомъ, полученнымъ въ Вильнѣ въ приданое за женой [1]).

1) «Восходъ», 1904 г., статья С. Ан—скаго: «Изъ юношеской переписки Антокольскаго».

Такимъ образомъ, первыя и главныя впечатлѣнія Антокольскаго, еще ребенка, были двухъ сортовъ: свѣтлыя, кроткія и благодѣтельныя— отъ матери, сухія, жестокія и отталкивающія—отъ отца. Но, кромѣ того, были у него, въ раннемъ возрастѣ, еще иныя впечатлѣнія: впечатлѣнія трагическія, и это оттого, что онъ родился евреемъ.

Въ началѣ 50-хъ годовъ XIX-го вѣка, въ Россіи существовалъ одинъ жестокій законъ (теперь давно уже исчезнувшій), по которому предоставлено было евреямъ право ловить безпаспортныхъ евреевъ, избѣгавшихъ военной службы, и представлять ихъ въ солдаты, въ зачетъ рекрутскихъ квитанцій. Это законоположеніе сдѣлалось источникомъ безчисленныхъ злоупотребленій и фальшей. Происходило множество событій, въ высшей степени трагическихъ. Глубоко раздирательны бывали сцены прощанія семействъ и родственниковъ съ *евреями-пойманниками*, облыжно представленными за бѣглыхъ и скрывающихся. Антокольскій, семи или восьмилѣтнимъ мальчикомъ, былъ, въ 1851 году, свидѣтелемъ отправки такого каравана, съ обширнаго поля подъ Вильной, военною командою. Сцены были здѣсь ужасны, и съ такою силою врѣзались въ память Антокольскаго, что болѣе чѣмъ 20 лѣтъ спустя онъ живописно разсказывалъ ихъ мнѣ въ глубоко-замѣчательномъ письмѣ 1873 году (№ 85), и высказывалъ твердое намѣреніе создать обширное скульптурное произведеніе (горельефъ), которое изобразитъ нѣсколько главныхъ сценъ изъ страшной, видѣнной имъ собственными глазами и потрясшей его на вѣки вѣчныя—драмы. „У меня ростетъ въ воображеніи,—говорилъ онъ,—это произведеніе, которое я считаю капитальнѣйшимъ и серьезнѣйшимъ. Оно есть и будетъ историческій, драматическій фактъ“... Къ несчастію, это произведеніе не состоялось: Антокольскаго отвлекли въ сторону другія событія его жизни.

Конечно, родители Антокольскаго, и хорошая мать, и худой отецъ, никакого и понятія не имѣли о томъ, что волновало ихъ сына, что вкладывало въ его душу впечатлѣнія неизгладимыя, и подумывали только о томъ, какъ-бы маленькому ихъ Мардохаю поскорѣе сдѣлаться дойною коровой и выгоднымъ мастеровымъ. Сначала отдавали его, въ 1856 году, когда ему было 13 лѣтъ, въ ученье къ разнымъ мастеровымъ, но дѣло не шло у него съ ними очень-то ладно: у однихъ онъ хворалъ, отъ позументщика онъ убѣжалъ; наконецъ отдали его къ рѣзчику, и это ремесло болѣе подходило къ его натурѣ. Но онъ потихоньку отъ всѣхъ занимался тѣмъ, что было ему всего больше по душѣ—искусствомъ: по ночамъ, тайкомъ отъ всѣхъ, когда кончалась его дневная служба въ харчевнѣ, онъ лѣпилъ, самоучкой, маленькія фигурки изъ глины, вырѣзывалъ такія-же фигурки маленькимъ ножикомъ изъ дерева, или выковыривалъ ихъ гвоздемъ изъ мягкаго камня. „Я рисовалъ только по ночамъ,—говоритъ Антокольскій въ вышеупомянутой запискѣ,—и нерѣдко за работою, бывало, засыпалъ. Чтобы доставать бумагу и карандашъ, я отдавалъ свой завтракъ и обѣдъ. Моя страсть, не была понятна родителямъ, и они не только ее не поощряли, но жестоко преслѣдовали“...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ чувствовалъ горячую потребность учиться. У меня есть въ рукахъ очень интересный и важный документъ объ этомъ. Услыхавъ случайно, что въ своей ранней юности Антокольскій учился у Б. А. Гиттельсона (нынѣ раввина въ Витебскѣ), я обращался за свѣдѣніями къ этому послѣднему, и получилъ отъ него слѣдующія историческія подробности.

„Въ 50-хъ годахъ XIX-го столѣтія еврейская молодежь не только охотно, но съ жадностью набросилась на общее образованіе, въ открытыхъ правительствомъ училищахъ. Но, съ другой стороны, старики, напуганные примѣромъ образованія германскихъ евреевъ мендельсоновской школы, давшей огромное количество отщепенцевъ отъ вѣры праотцевъ, подозрительно смотрѣли на эти училища, и всячески старались мѣшать своимъ дѣтямъ и отвлекать ихъ отъ поступленія въ казенныя училища. Молодые люди, желавшіе учиться, должны были исполнять свое желаніе (по крайней мѣрѣ въ началѣ)—тайно отъ старшихъ, и готовились къ экзаменамъ, на вступленіе въ училища, гдѣ-нибудь на необитаемыхъ чердакахъ, въ погребахъ, или въ квартирахъ счастливцевъ, успѣвшихъ уже преодолѣть всѣ эти трудности и непріятности, и поступить въ одно изъ учебныхъ заведеній. Такихъ юношей родители оплакивали, на первое время, какъ отступниковъ отъ вѣры; но потомъ, они мало-по-малу мирились съ этимъ, какъ съ совершившимся фактомъ, и иногда даже сами принимались защищать и оправдывать своихъ птенцовъ. За то тѣ изъ молодежи, которымъ удалось перешагнуть черезъ запретный барьеръ, считались обязанными помогать въ этомъ дѣлѣ и другимъ. Почти каждый изъ учениковъ раввинскаго училища считалъ своимъ священнымъ долгомъ жертвовать ежедневно часъ или два на приготовленіе, безъ всякой платы, къ экзамену, всѣхъ безъ разбора, изъявившихъ желаніе учиться грамотѣ, или поступить въ одно изъ учебныхъ заведеній, двери которыхъ были тогда настежь открыты для евреевъ.

„И вотъ, весною 1858 года (я былъ тогда въ 3-мъ классѣ раввинскаго училища въ Вильнѣ), одинъ изъ моихъ товарищей (Ф. Лурье) предложилъ мнѣ приготовить, изъ еврейскихъ предметовъ и нѣмецкаго языка, къ экзамену во 2-й и 3-й классъ, одного „очень достойнаго юношу“, и прибавилъ, что отецъ его, хотя человѣкъ не бѣдный, и могъ-бы платить учителю, но онъ и слышать не хотѣлъ о поступленіи сына въ училище, а сынъ, даровитый рѣзчикъ на деревѣ, считалъ образованіе для себя совершенно необходимымъ. Я, несмотря на то, что готовилъ уже двухъ молодыхъ людей къ экзамену, охотно согласился давать и еще одному—по 3 урока въ недѣлю. Вечеромъ того-же дня явился ко мнѣ на квартиру (на Рудницкой улицѣ, д. Дзиконскаго) просто, но чисто одѣтый, симпатичной наружности юноша лѣтъ 15-ти, и мы сейчасъ-же приступили къ дѣлу. Этотъ юноша былъ— М. М. Антокольскій.

„Его хедерныя познанія изъ еврейскихъ предметовъ оказались очень ограниченными, но, благодаря его любознательности, понятливости и усердію, онъ всегда приготовлялъ уроки очень хорошо, не-

смотря на то, что продолжалъ работать у рѣзчика. Я-же никогда не бывалъ въ домѣ у родителей Антокольскаго, и никогда никого изъ всего ихъ семейства не зналъ и не видалъ лично. Они жили тогда на улицѣ Субичь, гдѣ арендовали помѣщеніе и содержали харчевню и кабакъ.

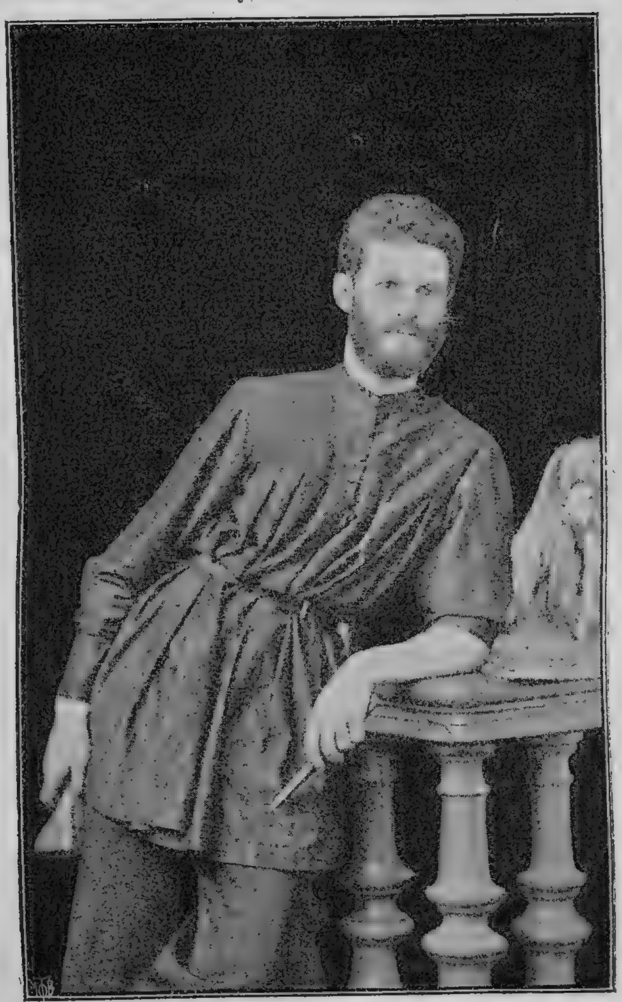
„Къ началу 1858—1859 года Антокольскій, по какимъ-то домашнимъ обстоятельствамъ, къ экзамену не явился, и разсчитывалъ приготовиться и поступить черезъ годъ въ высшій классъ. Въ 1859 году я изъ Вильны переѣхалъ въ Виленскій уѣздъ; когда же воротился въ Вильну, въ концѣ 1861 года, то не имѣлъ уже возможности заниматься уроками. Но, все-таки, я иногда встрѣчалъ Антокольскаго на улицѣ, и онъ разсказывалъ мнѣ, что за это время много читалъ, успѣлъ прочесть нѣсколько томовъ Шиллера, Лесинга, а изъ русскихъ авторовъ—многое также изъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя и другихъ; довольно много историческихъ книгъ; онъ прибавилъ, что учится также французскому языку, и имѣетъ въ виду отправиться въ Петербургъ. Но, при нашихъ встрѣчахъ, онъ почти всегда казался мнѣ озабоченнымъ и мрачнымъ. Впослѣдствіи, я встрѣтился съ нимъ снова лишь черезъ 30 лѣтъ, въ 1893 году. Онъ былъ уже тогда знаменитость...“

Въ статьѣ же, напечатанной вскорѣ послѣ кончины Антокольскаго [1]), Б. А. Гительсонъ указывалъ еще на двѣ характерныя черты Антокольскаго—юноши. Первая была та, что когда Антокольскій, находясь въ ученьѣ у рѣзчика, зарабатывалъ рублей 20 въ мѣсяцъ, онъ былъ уже совершенно доволенъ и не хотѣлъ брать никакихъ другихъ заказовъ, до того онъ былъ не жаденъ и не корыстолюбивъ; вторая черта его натуры была—необычайная его любовь и преданность императору Александру II за кротость и гуманность его натуры. Это чувство сохранилось въ Антокольскомъ на всю его жизнь. Эта любовь Антокольскаго выразилась съ особенною яркостью еще когда ему было всего 15 лѣтъ. Въ 1858 году, императоръ Александръ II посѣтилъ Вильну, и посѣтилъ, вопреки прежде существовавшимъ правиламъ, тамошнюю синагогу и раввинское училище. Антокольскій былъ восхищенъ его царственною внѣшностью, но вмѣстѣ простотой и любезностью обращенія, и передъ всѣми товарищами и начальствомъ своимъ съ большимъ воодушевленіемъ высказывалъ свои чувства. Позже, послѣ освобожденія крестьянъ и всяческихъ реформъ императора, обожаніе Антокольскаго громадно усилилось и разрослось.

Еще мальчикомъ, Антокольскій сталъ мечтать о томъ, чтобъ посвятить себя скульптурѣ и сдѣлаться художникомъ. Но онъ чувствовалъ потребность учиться, воспитаться, и для этого ѣхать въ Петербургъ и поступить въ Академію Художествъ, про которую онъ смутно слыхалъ отъ иныхъ посѣтителей отцовской харчевни. Въ этой идеѣ его сильно утверждалъ одинъ его знакомый, виленскій землемѣръ (имя котораго не сохранилось, къ сожалѣнію). Это былъ человѣкъ, ничѣмъ особенно не замѣчательный, но много читавшій на своемъ вѣку по-

[1]) Витебскія губ. вѣдомости 3 августа 1902 г., № 173.

нѣмецки, и извлекшій много здравыхъ понятій изъ своихъ чтеній. Онъ ничего не понималъ въ искусствѣ, даже очень мало видѣлъ художественныхъ произведеній, но, какъ идеалистъ, имѣлъ къ нимъ великое уваженіе, и съ великимъ энтузіазмомъ постоянно бесѣдовалъ съ Анто-

М. М. Антокольскій съ фотографіи. С.-Петербургъ. 1868.

кольскимъ о художествѣ и художникахъ. Ему казалось, что изъ мальчика Антокольскаго долженъ выйти художникъ, даже великій, и онъ старался поучать и вдохновлять его. Ничего подобнаго Антокольскій еще ни отъ кого не слыхалъ до тѣхъ поръ. Землемѣръ проповѣдывалъ ему: „Смотри на эту толпу народа. Это стадо барановъ! Они живутъ

безъ души, безъ чувства, изо дня въ день, какъ эгоисты. Не смотри на нихъ! Ты—художникъ, царь природы! Вотъ имъ, проходящимъ мимо, ничего не нужно, но ты—ты драгоцѣнный камень, только еще не шлифованный. Ты долженъ не работать, а творить, и только тогда, когда муза захочетъ...“ Тутъ же этотъ землемѣръ разсказывалъ Антокольскому, сколько самъ зналъ, изъ біографій иностранныхъ знаменитыхъ художниковъ. Эти разсказы сильно разжигали воображеніе юноши Антокольскаго. „Всѣ эти разсказы,—писалъ онъ впослѣдствіи,—я слушалъ съ замираніемъ сердца: для моего воображенія они имѣли что-то чарующее, придавая будущности особую прелесть...“ („Автобіографія“). Это и направляло его къ искусству и Петербургу. Невольно подумаешь: не будь этого землемѣра, Антокольскій много потерялъ-бы. Вообще говоря, въ его начальныхъ отроческихъ годахъ, на Антокольскаго два самыя сильныя вліянія оказали, извнѣ, двѣ личности: мать, защищавшая его, какъ могла, отъ отцовской жестокости, неразумія и непониманія, и согрѣвавшая его лучами своей любви и человѣчности,—и неизвѣстный землемѣръ, заражавшій его горячими симпатіями къ искусству. Кажется, несомнѣнно то, что безъ этихъ двухъ человѣкъ судьба Антокольскаго во многомъ была бы другая.

„Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, — говоритъ Антокольскій въ короткой автобіографіи, — пока не обратила на меня вниманіе жена виленскаго генералъ - губернатора, Настасья Александровна Назимова“. Она, по счастливой случайности, увидала работы молодого самоучки, а именно двѣ рѣзьбы изъ дерева, головы Христа и Богоматери, Вандейка, скопированныя имъ съ гравюръ. Объ этихъ работахъ сохранились свѣдѣнія. Н. В. Назимова, дочь генералъ-губернатора Назимова, сообщила (въ письмѣ къ моей племянницѣ В. Д. Комаровой), что мать ея, Настасья Александровна Назимова, передала княгинѣ Елиз. Павл. Витгенштейнъ медальонъ съ головой Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, вырѣзанный изъ дерева Антокольскимъ. Другая его работа, принадлежавшая ея матери, представляла крошечный бюстъ генерала Назимова, изъ бѣлой кости, вправленный въ булавку. Третья работа была „прелестная вещь изъ дерева, поднесенная Антокольскимъ ея родителямъ въ 1865 г., къ 25-лѣтію свадьбы ихъ, и находящаяся у гг. Сабуровыхъ“. Четвертая работа Антокольскаго— „Поцѣлуй Іуды“, барельефъ изъ гипса, находящійся у г-жи Андреевской, урожденной Назимовой.—Н. А. Назимова, высокообразованная и полная доброжелательства, приняла въ Антокольскомъ большое участіе, дала ему средства ѣхать въ Петербургъ, учиться въ Академіи Художествъ, и вмѣстѣ вручила ему письмо къ баронессѣ Эдитѣ Ѳедоровнѣ Раденъ, старшей фрейлинѣ великой княгини Елены Павловны. Отецъ Антокольскаго долженъ былъ уступить желанію генералъ-губернаторши, и Маркъ Антокольскій полетѣлъ въ Петербургъ. Онъ поступилъ въ Академію 1-го ноября 1862 года, вслѣдствіе представленія профессора Пименова, но вольнослушателемъ, потому что еще слишкомъ слабо умѣлъ рисовать. Пименовъ поступилъ такъ, вопреки академическимъ правиламъ, не столько по рекомендаціи баронессы Раденъ, сколько потому,

что сразу убѣдился въ талантливости юнаго художника изъ Вильны. Но Антокольскому предписано было при этомъ подготовляться къ рисованію въ классахъ школы для вольноприходящихъ.

Ему было тогда 22 года. Онъ былъ полонъ горячихъ надеждъ, ожиданій, страсти къ своему искусству, и съ ревностью принялся за ученье. Лучшій въ то время русскій скульпторъ, профессоръ Пименовъ, былъ человѣкъ и художникъ очень хорошій, но мало занимался своими учениками, даже рѣдко являлся въ академическіе классы, какъ и многіе его товарищи; онъ былъ Антокольскому лишь до нѣкоторой степени полезенъ своими поправками, указаніями и совѣтами. Антокольскій оставался все-таки по-прежнему, главнымъ образомъ—самоучкой. Это была его главная особенность, и съ нею онъ остался на всю жизнь.

Онъ пробылъ въ Академіи 7 лѣтъ, и работалъ усердно. Академическіе годы онъ живо, колоритно и талантливо описалъ въ своей „Автобіографіи": тамъ онъ много разсказываетъ и про общій тогдашній академическій духъ, и про тогдашнихъ профессоровъ, и тогдашнихъ своихъ товарищей. Но кромѣ того, я могу привести разсказы изъ тогдашняго времени: именно разсказы нѣкоторыхъ изъ его товарищей, къ которымъ я обращался за ихъ свѣдѣніями и воспоминаніями.

Профессоръ П. М. Ковалевскій написалъ мнѣ въ 1902 году, вскорѣ послѣ смерти Антокольскаго: „Въ первый разъ я встрѣтился съ М. М. Антокольскимъ въ 1865 г. Я только-что поступилъ въ Академію, и днемъ мы, новопоступившіе ученики, занимались въ скульптурномъ классѣ, упражнялись въ рисункѣ съ гипсовыхъ фигуръ. Помню, въ одно утро, въ началѣ зимы появился къ намъ новый ученикъ и товарищъ, который сразу вошелъ въ наше небольшое товарищеское общество (насъ было всего человѣкъ 6 — 7, и мы были близки между собою). Этотъ новый товарищъ произвелъ на насъ, очень молодыхъ, впечатлѣніе уже не очень юнаго человѣка, обросшаго черной бородкой, съ лицомъ, тоже не юношескимъ. Одѣтъ онъ былъ въ довольно оригинальную длинную бекешу. Говоръ его сразу обличалъ его нерусское происхожденіе. Его рѣчь сначала, пока мы не освоились съ нею ближе, производила нѣсколько комическое впечатлѣніе на насъ, молодыхъ веселыхъ мальчиковъ, искавшихъ всегда повода посмѣяться и пошутить. Этотъ новый нашъ товарищъ былъ М. М. Антокольскій Мы всѣ скоро сошлись съ нимъ на короткую ногу и продолжали съ нимъ вмѣстѣ наши ежедневныя занятія въ скульптурномъ классѣ. Надо замѣтить, что эти наши занятія имѣли совершенно частный характеръ. Хотя иногда и заходилъ къ намъ дежурный профессоръ, но мы не чувствовали себя нисколько стѣсненными въ какомъ-либо отношеніи. Мы работали по своему усмотрѣнію, каждый что хотѣлъ. Кромѣ того, все время мы могли разговаривать, шутить, и, вообще, проводили время довольно пріятно. Только на время посѣщенія профессора все стихало, каждый становился къ своему рисунку, и классъ дѣлался на нѣкоторое время классомъ Академіи. Въ продолженіе того года, что мы провели вмѣстѣ, живописцы и скульпторы, Антокольскій не выдѣ-

лялся изъ среды своихъ товарищей-скульпторовъ, и былъ для всѣхъ только хорошимъ товарищемъ, и, пожалуй, нѣсколько чудаковатымъ человѣкомъ. Только уже черезъ годъ (1863) мы увидѣли его маленькія вещи, рѣзанныя изъ дерева. Это его „Портной-еврей, вдѣвающій нитку" и „Скупой, считающій деньги". Двѣ эти вещицы сразу обратили наше вниманіе на талантъ Антокольскаго. Въ это время всѣ мы, молодые художники, жаждали, безсознательно, реальнаго искусства. Тогда для насъ дѣло было не въ дѣйствительно зрѣломъ и умѣломъ исполненіи, а въ самой тенденціи и сюжетѣ. Профессоръ Антокольскаго, Пименовъ, очень хорошо отнесся къ молодому скульптору, позволилъ ему приходить къ себѣ на домъ, несмотря на то, что самъ былъ уже серьезно боленъ и почти никого уже не принималъ. Вскорѣ Пименовъ скончался, и Антокольскій, по его собственнымъ словамъ, почувствовалъ себя какъ бы осиротѣлымъ, безъ близкаго руководителя, безъ поддержки..."

Профессоръ В. М. Васнецовъ написалъ мнѣ въ 1902-же году: „Въ 1867 г. я пріѣхалъ въ Петербургъ, въ 1868 году поступилъ въ Академію Художествъ и весной того же года рисовалъ въ натурномъ классѣ. Выше амфитеатра мѣстъ, на которыхъ сидѣли мы, рисовальщики съ натуры, помѣщались обыкновенно скульпторы, съ досками и глиной, и лѣпили съ того-же натурщика. Былъ я тогда мальчикъ довольно усердный къ работѣ, а къ работѣ съ натуры относился съ особеннымъ почтеніемъ, и посѣщалъ классы аккуратно до наивности. Въ антрактахъ, когда всѣ отдыхали, я ходилъ смотрѣть работы товарищей и удивлялся необыкновенному ихъ мастерству, на мой тогдашній взглядъ. Заходилъ и къ скульпторамъ. Сама уже техника лѣпки глиной была для меня новостью; было на что поглазѣть и поудивляться. Какъ я ни былъ тогда юнъ и неопытенъ, а художественный инстинктъ подсказывалъ мнѣ и указывалъ мнѣ нѣчто особое въ работѣ этого сухощаваго, темнобородаго и скорѣе интереснаго, чѣмъ красиваго еврея. Становился я поодаль за его спиной и внимательно слѣдилъ, какъ изъ-подъ его пальцевъ появляются носы, глаза, руки, ноги и проч. Совсѣмъ удивительно! И онъ тоже иногда взглядывалъ на меня своими внимательными, всегда всматривающимися, темными небольшими глазами. Послѣ нѣсколькихъ моихъ вечернихъ визитовъ къ его работѣ, онъ ласково обратился ко мнѣ съ какимъ-то вопросомъ, касающимся его работы. Я, смущенный неожиданнымъ ко мнѣ обращеніемъ, что-то отвѣтилъ. Мы познакомились. Объ Антокольскомъ я уже слышалъ отъ товарищей, какъ о выдающемся талантливомъ скульпторѣ. Ласковое обращеніе его ко мнѣ, едва начинающему ученику, меня тронуло и привлекло къ нему. Съ этого перваго вечерняго знакомства въ классахъ Академіи, начались у насъ съ Антокольскимъ самыя дружескія теплыя отношенія. Но ближе всѣхъ къ нему былъ Рѣпинъ. Кстати, припомню черту, рисующую его отношенія къ своимъ товарищамъ. Онъ, помню, усиленно хлопоталъ о программѣ молодого скульптора Чижова, получившаго золотую медаль: Антокольскій настаивалъ на томъ, чтобы этотъ барельефъ былъ помѣщенъ на одной изъ стѣнъ ака-

демическаго корридора, гдѣ помѣщались, по тогдашнему правилу, особенно удавшіяся скульптурныя программы. Нравилась мнѣ въ Антокольскомъ его необычайная любовь къ искусству, его нервная жизненность, отзывчивость и какая-то особая скрытая въ немъ теплота энергіи. Любилъ онъ говорить, кажется, только объ одномъ искусствѣ; всякія отвлеченныя разсужденія и философствованія сходились въ концѣ концовъ все къ тому же искусству, о которомъ говорилось тогда у насъ много, а спорили мы и еще того больше. Въ спорахъ онъ былъ, какъ впрочемъ и всѣ мы, горячъ. Жаргонъ его насъ нисколько не смущалъ, а произношеніе русскаго языка—ужасно. Но мнѣ нравился даже его жаргонъ...“

Кромѣ пріятелей въ Академіи Художествъ, молодыхъ русскихъ художниковъ, Антокольскій, въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ, будучи 18-ти лѣтъ, сошелся еще съ однимъ юношей, не художникомъ и не русскимъ, на своей родинѣ, въ Вильнѣ. Это былъ Вульфъ Яковлевичъ Барель, сынъ богатаго виленскаго ювелира, юноша умный, очень образованный, энергическій и симпатичный. Молодые люди сошлись во время каникулъ 1867 года, много времени проводили въ дружескихъ бесѣдахъ и обмѣнѣ сочувственныхъ мыслей, а потомъ переписывались (на жаргонѣ) въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, до самой смерти Бареля, въ 1871 году. Уцѣлѣвшія 13 писемъ и сопровождающія ихъ извѣстія сохранили много интересныхъ подробностей объ Антокольскомъ во время его юношества. Вотъ нѣсколько извлеченій.

„Барель оказывалъ Антокольскому, — говоритъ издавшій ихъ С. Ан—скій,—помимо матеріальныхъ услугъ, большую нравственную поддержку своимъ энергическимъ характеромъ и глубокой вѣрой въ справедливость и идеалъ прекраснаго“. Г-жа Рахиль Барель, невѣстка Вульфа Бареля (жена его брата) говоритъ: „Мой шуринъ Вульфъ Барель сразу угадалъ въ Антокольскомъ большого художника и очень къ нему привязался. А мужъ мой, Абрамъ, не понялъ Антокольскаго, не оцѣнилъ его, и все говорилъ брату: „Что ты нашелъ въ немъ, въ сынѣ кабатчика?“ А Вульфъ отвѣчалъ ему: „Увидишь, что люди будутъ считать за честь разговаривать съ этимъ сыномъ кабатчика“. Антокольскій въ это время своей юности былъ очень суетливъ, много говорилъ, постоянно остроумничалъ, всюду совался. Бывало, когда придетъ къ намъ, сейчасъ бѣжитъ въ мастерскую и цѣлыми часами стоитъ и смотритъ, какъ ювелирные рабочіе работаютъ. Но, побывавъ въ Петербургѣ, онъ сильно измѣнился въ характерѣ, сдѣлался болѣе солиднымъ, молчаливымъ, избѣгалъ общества и постоянно работалъ. А когда не работалъ, то бродилъ одинъ въ лѣсу. Лѣсъ онъ очень любилъ. Какъ сейчасъ вижу его: худой, глаза горятъ, на головѣ цѣлая копна растрепанныхъ волосъ, сидитъ, забившись въ уголъ, молчитъ и острымъ взглядомъ слѣдитъ за всѣми. И не вытащишь его изъ угла. Пріѣхалъ онъ однажды изъ Петербурга въ Вильно, и на немъ былъ академическій мундиръ, на пуговицахъ котораго были вырѣзаны еврейскія буквы, съ одной стороны „Мемъ“ (М), а съ другой „Алефъ“ (А), т.-е. Маркусъ Антокольскій. Я ему говорю: „Сумасшедшій! Зачѣмъ

вы это сдѣлали? Зачѣмъ вамъ тыкать въ глаза всѣмъ, что вы еврей?" А онъ отвѣчаетъ: „Я считаю для себя честью, что я еврей! Я горжусь этимъ, и хочу, чтобы всѣ знали, что я еврей!" Когда-бы ни заговорили объ искусствѣ, онъ постоянно горячился и постоянно толковалъ: „Натура! Натура! Все должно быть какъ можно ближе къ природѣ!..."

Въ письмѣ къ Барелю отъ 24 сент. 1867 г., изъ Петербурга, Антокольскій пишетъ: „Здѣсь въ Петербургѣ мнѣ не дурно, но только послѣ обѣда; на слѣдующій-же день передъ обѣдомъ мнѣ очень плохо, потому что надо идти обѣдать въ такую даль къ Бройдо (въ кухмистерскую, гдѣ Барель устроилъ ему обѣды, за которые самъ платилъ). А когда не хожу—еще хуже. Но что подѣлаешь? За то, что мой отецъ согрѣшилъ и сдѣлалъ меня евреемъ, я, его сынъ, долженъ терпѣть... Квартиру досталъ недурную (Васильевскій Островъ, 7-я линія, домъ Сумарокова), но кто можетъ знать, что можетъ случиться дальше?.." 4 ноября 1867 г. „Въ классѣ работаю цѣлый день и не имѣю свободной минуты, но за то я теперь не падаю духомъ. Въ первый разъ началъ я въ классѣ работать глину, и, слава Богу, получилъ на экзаменѣ первый номеръ. Отличился я первымъ также и въ композиціи. Скульпторы навѣрное сдѣлались мнѣ тайными врагами, но это меня не огорчаетъ. Столъ у меня очень плохой. Вѣрнѣе будетъ, если напишу, что никакого стола у меня нѣтъ. Мнѣ очень плохо. Ходить къ Бройдѣ некогда, кромѣ какъ въ субботу и воскресенье... съ 1 мая 1868 г.: „Поразмысли хорошенько надъ міромъ, и увидишь, что преимущественно у нашихъ евреевъ все въ предисловіи. Всѣ говорятъ много, и дѣлаютъ мало. Всѣ танцуютъ хороводъ, закруживаютъ себѣ голову отъ удовольствія, становятся слабыми на ноги—и все-таки не отходятъ ни на шагъ отъ своего мѣста. Ты, какъ начинающій, остановился и нашелъ въ Вильнѣ одну испорченную натуру. Могу тебѣ сказать, что ты счастливъ, найдя только одну испорченную натуру. Но мнѣ далеко до твоего счастья. Я считалъ-бы себя счастливымъ, если-бы нашелъ по крайней мѣрѣ одну богатую натуру... Квартира моя недурна, по крайней мѣрѣ лучше зимней. Къ сожалѣнію, она нѣсколько высока... Погоды въ Петербургѣ замѣчательныя. Вчера я уже ходилъ въ одномъ сюртукѣ—и мнѣ все-таки было жарко. Можно разсчитывать на хорошее лѣто. Вы счастливы: вы окружены лѣсомъ, водою, горами. Не знаю, способенъ-ли кто понять, какъ я все это люблю. Ахъ, гдѣ взять крылья?"

Эти отрывки изъ писемъ даютъ довольно удовлетворительное понятіе объ отношеніяхъ между обоими молодыми людьми, Барелемъ и Антокольскимъ, объ ихъ общихъ интересахъ и настроеніи и объ обстоятельствахъ петербургской жизни того изъ нихъ, который былъ художникомъ. Къ этому еще можно прибавить, что Антокольскій въ эти годы былъ влюбленъ, въ Вильнѣ, въ молодую еврейскую дѣвушку, M-lle Fussmann, мать которой торговала старымъ платьемъ. Антокольскій долго съ ней переписывался, но она въ 1868 году вышла замужъ,

и когда Антокольскій услыхалъ объ этомъ, то написалъ своему пріятелю: „Я недоволенъ счастьемъ барышни Фусманъ: она скачетъ изъ огня да въ воду. Ей еще приходится биться въ морскихъ волнахъ, а жаль. Жалѣю ее. Однако, ничего не говори ей, а поклонись ей отъ меня и пожелай всего лучшаго...“

М. М. Антокольскій съ фотографіи. Римъ. 1873.

Антокольскій всегда любилъ музыку, зналъ и пѣлъ, еще въ Вильнѣ, много еврейскихъ пѣсенъ; попавъ въ Петербургъ, ходилъ, когда могъ, въ оперу, и восхищался „Трубадуромъ“ и другими произведеніями тогдашней итальянской сцены. „Трубадуръ—замѣчательная

опера,—пишетъ онъ Барелю,—музыку я пѣлъ съ жадностью, и еще на дорогу съ собою взялъ. По дорогѣ домой я перепѣвалъ на память вкусные кусочки. Мнѣ казалось, что пою очень хорошо, но въ театрѣ, безъ сомнѣнія, пѣли много лучше...“ Въ это-же, приблизительно, время, Антокольскій познакомился съ композиторомъ А. Н. Сѣровымъ, плѣнился его живою, художественною натурою, его умомъ и образованностью, и съ большимъ удовольствіемъ бывалъ у него въ домѣ, на музыкальныхъ собраніяхъ и бесѣдахъ. „Завтра буду у тебя,—пишетъ онъ Барелю въ 1869 году,—и перепою, что услышу у Сѣрова...“ Впослѣдствіи его любовь къ музыкѣ еще болѣе усилилась, разрослась и повысилась. Въ 1870 и 1871 году Антокольскій познакомился съ Мусоргскимъ и сдѣлался горячимъ поклонникомъ его глубоко талантливаго творчества, его правдиваго выраженія, его національныхъ стремленій и задачъ, его реализма, историчности и поэзіи.

И такъ, Антокольскому, еще ученику, жилось въ Петербургѣ довольно сносно. Правда, средствъ у него было очень мало, и онъ иногда просто бѣдствовалъ. Въ письмѣ отъ 20 іюля 1882 г., жалуясь на плохое тогда финансовое положеніе свое, онъ говорилъ мнѣ: „О, если-бы вы знали, какъ мнѣ отвратительно клянчить у знакомыхъ, какъ я дѣлаю это теперь, да еще свои заработанныя деньги! Это напоминаетъ мнѣ то время, когда я былъ ученикомъ, и за пять рублей долженъ былъ обивать пороги“. Правда, въ годы своего ученичества въ Петербургѣ, Антокольскому приходилось иногда работать у токаря, точить билліардные шары изъ кости за нѣсколько копѣекъ, или лѣпить изъ глины амуровъ, въ Пуссеновскомъ стилѣ, за 25 рублей; правда, въ самые первые годы своего ученичества, вся помощь извнѣ существовала для него лишь въ видѣ 10 рублей стипендіи, получаемыхъ изъ кассы вспомоществованія нуждающимся евреямъ, отъ Іевз. Гавр. Гинцбурга (кассы истинно доброжелательной и благодѣтельной, но обремененной безчисленными выдачами); стипендіею-же Академіи въ 29 рублей Антокольскій сталъ пользоваться лишь съ 1865 года, послѣ выставленнаго имъ горельефа „Скупой“. Но всѣ эти бѣдствія, имущественныя, блѣднѣли передъ лицомъ того интеллектуальнаго богатства и того художественнаго счастья, которое Антокольскій испытывалъ, почувствовавъ себя среди настоящаго своего, давно желаннаго міра искусства и среди товарищей художниковъ. Всего болѣе онъ былъ счастливъ тѣмъ, что въ первые же дни поступленія въ Академію онъ встрѣтилъ юношу-художника, тоже какъ и онъ только-что пріѣхавшаго въ Петербургъ изъ провинціи, тоже какъ и онъ одареннаго оригинальнымъ и высокимъ талантомъ, тоже какъ и онъ страстно стремившагося овладѣть искусствомъ и приготовиться къ тому—громадной работой самообразованія и саморазвитія. Это былъ Рѣпинъ. Они тотчасъ-же сошлись и сдѣлались друзьями и товарищами на всю жизнь. У нихъ была такая близость настроенія, такое тожество взгляда на искусство и жизнь, на задачи ихъ будущности, что они поселились даже на одной квартирѣ, вблизи Академіи, и прожили нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ, въ самомъ тѣсномъ и единодушномъ единеніи. Они ра-

М. М. АНТОКОЛЬСКІЙ
(съ молебнымъ покрываломъ на головѣ).
Съ рисунка И. Е. Рѣпина.
С.-Петербургъ. 1866.

ботали и учились вмѣстѣ не только искусству, но и всему научному, что ихъ интересовало и что казалось необходимымъ; вмѣстѣ читали (всего болѣе Прудона, Бокля, Дарвина, историческіе романы), вмѣстѣ ходили по музеямъ, и окружены были цѣлой толпой молодыхъ товарищей, которые тоже старались самообразовываться и учиться, а этихъ двухъ— уважали и любили болѣе чѣмъ всѣхъ остальныхъ. Въ „Автобіографіи“ Антокольскаго и въ „Воспоминаніяхъ о Крамскомъ“ Рѣпина ярко и живо изображена картина жизни тогдашней русской художественной молодежи, ихъ бесѣды, занятія, благодѣтельное вліяніе на нихъ Крамского, старѣйшаго и самостоятельнѣйшаго ихъ товарища, ихъ вождя и трибуна. Тогда стояла благодатная пора для русскаго художества: всего за годъ до пріѣзда въ Петербургъ Антокольскаго и Рѣпина, произошелъ выходъ изъ Академіи цѣлой группы учениковъ, несогласныхъ съ устарѣлыми принципами этого учрежденія и протестовавшихъ противъ его художественной дѣятельности. Молодые русскіе художники вступили на новую дорогу, дорогу свободы, самостоятельности и національности. Антокольскій и Рѣпинъ сразу примкнули къ новому движенію и пошли по новооткрытому, съ середины столѣтія, пути реальности и національности, но внесли въ начавшееся движеніе свою собственную оригинальность и починъ. Они двое еще болѣе другихъ товарищей думали, соображали, но также и учились на свой собственный ладъ. Они также очень много читали, русскаго и переводнаго, какъ по художественной, такъ и по исторической части.

Но въ душѣ Антокольскаго были глубоко заложены элементы еврейской натуры и чувства, картины еврейской жизни, среди которой протекли его дѣтскіе и отроческіе годы. Поэтому и первыя его произведенія на собственныя темы были—еврейскія. Первымъ созданіемъ его явился въ 1864 году горельефъ изъ дерева: „Еврей-портной, вдѣвающій у окна нитку въ иголку“, и эта маленькая картинка была такъ нова по содержанію, такъ своеобразна по формѣ и таланту, что академическій совѣтъ присудилъ за нее автору 2-ю серебряную медаль. На мою долю выпало съ перваго-же дня оцѣнить оригинальное сходство горельефа и ранѣе всѣхъ другихъ указать въ печати его значеніе, какъ попытку внести въ скульптуру ту самую жизненную правду, которая существуетъ въ бытовыхъ картинкахъ голландцевъ. За „Портнымъ“ послѣдовали другія подобныя-же произведенія на сюжеты изъ ежедневной еврейской жизни: „Скупой, считающій свои деньги“ (горельефъ изъ слоновой кости и дерева), „Торговка, заснувшая у лотка, съ котораго уличные мальчишки крадутъ яблоки“, „Споръ о Талмудѣ“ и, наконецъ, „Нашествіе инквизиціи, въ Испаніи, на евреевъ, тайно празднующихъ въ подвалѣ Пасху“. Эти произведенія, съ фигурами очень малыхъ размѣровъ, но полными характерности и истинно-народныхъ типовъ и выраженія, выполнены всѣ въ Вильнѣ во время каникулъ, съ 1863 по 1869-й годъ, и имѣютъ главною основою тотъ національный элементъ, среди котораго родился и выросъ Антокольскій. И въ этомъ заключалась главная его сила и оригинальность. Никакой скульпторъ во всей Европѣ раньше его не бралъ себѣ задачъ изъ еврейской національ-

ной жизни и не являлся открывателемъ этой новой руды для искусства.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ юноша Антокольскій выступилъ почипателемъ новой эры въ скульптурѣ. Онъ первый задумалъ представлять сцены жизни съ ихъ дѣйствующими лицами, внутри ограниченныхъ пространствъ комнаты, дома, со стѣнами и потолками, окнами, дверями, лѣстницами вокругъ нихъ,—онъ затѣялъ придавать скульптурѣ тѣ самыя права и возможности, которыя до тѣхъ поръ существовали только у живописи. Сцена „Споръ о Талмудѣ" происходитъ у него среди низкой и маленькой комнаты шинка, во время обѣда или ужина двухъ яростно спорящихъ евреевъ, сидящихъ за столомъ; его сцена „Нашествіе Испанской инквизиціи на евреевъ" происходитъ внутри подвала, вокругъ стола, съ котораго, среди ужаса бѣгства, сдернута скатерть и посуда летитъ на полъ, вся-же толпа стѣснилась въ двери, а жирный, самодовольный и холодно-жестокій кардиналъ спускается, во главѣ вооруженныхъ своихъ солдатъ и палачей, по лѣстницѣ, освѣщенной черезъ окно въ стѣнѣ огнемъ, невидимымъ для зрителя. Все это была—величайшая и оригинальнѣйшая новизна, оставлявшая далеко за собою первыя, слабыя, еле обозначенныя попытки въ томъ-же родѣ средневѣковыхъ европейскихъ скульпторовъ. Антокольскій со своею идеей рѣшительнѣе, смѣлѣе, оригинальнѣе и полнѣе ихъ. Къ несчастью, онъ никогда не выполнилъ въ настоящемъ, большомъ видѣ своихъ первоначальныхъ маленькихъ эскизовъ. Главный изъ нихъ, „Инквизиція", былъ первоначально вылѣпленъ изъ воска и помѣщенъ на деревянномъ фонѣ, а потомъ отлитъ изъ бронзы (довольно неудовлетворительно) мастеромъ Соколовымъ въ Петербургѣ. Вся Академія, и товарищи и ученики, и профессора видѣли и признавали оригинальность, смѣлость и новизну Антокольскаго, но многіе изъ публики относились къ новой затѣѣ Антокольскаго съ сомнѣніемъ и недовѣріемъ. Еще большее число людей изъ публики, видѣвшихъ „Инквизицію", нападали на нее какъ на недостойное произведеніе искусства, какъ на игрушки. Дм. Вас. Григоровичъ, хотя и секретарь Общества поощр. искусства, но человѣкъ, мало смыслившій въ искусствѣ, вездѣ твердилъ, что это—„нюрнбергскія куколки". Но Великая княгиня Марія Николаевна, высоко образованная, доброжелательная и чуждая цѣховыхъ предразсудковъ школы, восхитилась „Инквизиціей", какъ талантливой новизной, и просила Антокольскаго исполнить эту вещь для нея въ большомъ видѣ, въ формѣ terre-cuite; Антокольскій обѣщалъ, но никогда не исполнилъ этого. Какъ глубоко должно жалѣть объ этомъ! Изъ всего созданнаго Антокольскимъ въ продолженіе всей его жизни, не было у него никогда задачи болѣе великой, сильной и обширной—здѣсь шла рѣчь объ угнетеніи, о несчастной участи цѣлаго затоптаннаго и мучимаго племени, и сверхъ того, Антокольскій пробовалъ здѣсь, и со стороны чисто-художественной, нѣчто совершенно новое, небывалое, неиспробованное: горельефъ со множествомъ плановъ, подобно живописи, и все это, освѣщенное искусственнымъ свѣтомъ сбоку. Четырнадцать лѣтъ позже, въ 1883 г., талантливый

французъ Далу попробовалъ нѣчто подобное со своей, тотчасъ-же прославившейся на всю Европу, скульптурной сценой: „Мирабо въ народномъ собраніи“, но и эта попытка осталась безъ послѣдствій, какъ слишкомъ смѣлая и рѣзкая художественная дерзость—и оригинальная мысль снова заглохла, вѣроятно на долго [1]).

Несмотря на успѣхи въ Академіи и среди товарищей, Антокольскій продолжалъ довольно сильно бѣдствовать — и отъ матеріальныхъ недостатковъ, и отъ недовольства академическимъ преподаваніемъ. Онъ попробовалъ, лѣтомъ 1868 года, поѣхать въ чужіе края, въ Берлинъ, кажется, всего болѣе для избѣжанія экзамена по научнымъ предметамъ, котораго требовало академическое начальство, какъ мнѣ писалъ П. О. Ковалевскій. Но здѣсь, въ Берлинѣ, онъ остался еще болѣе недоволенъ и художественнымъ преподаваніемъ, и тенденціей школы, и нѣмецкими художниками, особливо знаменитымъ скульпторомъ Бегасомъ, на видъ новымъ и „реалистомъ“, а въ сущности такимъ же закоренѣлымъ „классикомъ“, какъ и всѣ его товарищи предшественники (№ 345). Всѣ въ Берлинѣ, да и во всей Германіи, восхищались Бегасомъ, какъ великимъ художникомъ, какъ чудомъ, но Антокольскій—нисколько: онъ былъ одинъ изъ самостоятельныхъ дерзкихъ русскихъ, ничѣмъ не связанныхъ никакими традиціями, онъ смѣлъ „свое осужденіе имѣть“, и не любилъ прославленнаго нѣмца. А потому онъ и воротился назадъ въ Петербургъ, и зажилъ попрежнему въ ладахъ съ Академіей и товарищами. И тутъ онъ докончилъ, въ 1869 году, созданіе своей „Инквизиціи“, начатой (вновь) еще въ Берлинѣ. Онъ завелъ теперь пріязнь и дружбу съ Крамскимъ, всеобщимъ тогда помощникомъ, совѣтникомъ и направителемъ молодыхъ русскихъ новыхъ художниковъ. Крамской сдѣлался тутъ для Антокольскаго столько-же дорогимъ, пріятнымъ и полезнымъ, какъ для Рѣпина. Черезъ этого послѣдняго Антокольскій познакомился съ Мстиславомъ Праховымъ, ученымъ, литераторомъ и поэтомъ, а всего болѣе превосходнымъ, глубоко сердечнымъ человѣкомъ, которому онъ посвятилъ впослѣдствіи много горячихъ воспоминаній въ своей автобіографіи. Кромѣ этихъ, совершенно исключительныхъ личностей, Антокольскій проводилъ конецъ 60-хъ годовъ среди большой группы товарищей, искавшихъ самообразованія, повышенія своего интеллектуальнаго уровня и культуры. У этой кучки юношей шла дружная общая жизнь, шли оживленныя бесѣды, горячіе споры объ искусствѣ, его цѣляхъ и задачахъ, и особенно много помогало ихъ самообразованію ревностное чтеніе знаменитой книги Прудона. Нѣкоторые изъ этихъ юношей часто держали рѣчь передъ другими, даже дѣлали попытки писать статьи. Антокольскій былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ. Одну изъ его горячихъ статей одобрялъ самъ Крамской.

---

[1]) Въ 1877 г. Антокольскій задумывалъ сдѣлать горельефъ: „Карлъ IX у окна въ Луврѣ во время Варѳоломеевской ночи“ (№ 254), а въ 1879 г. „Церковь, гдѣ отпѣваютъ сына Ивана Грознаго“ (№ 291), въ стилѣ и манерѣ „Инквизиціи“, но оба плана остались не выполненными.

Подъ вліяніемъ такихъ благопріятныхъ для его художественнаго настроенія обстоятельствъ, Антокольскій задумалъ создать первое свое, крупное по размѣрамъ, скульптурное произведеніе: статую „Иванъ Грозный". Въ тогдашнюю пору этотъ царь и его эпоха были въ большомъ ходу, можно сказать, въ большой модѣ,—еще со временъ Лермонтовской чудной „Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ",—въ русскомъ мірѣ, и въ русской литературѣ, и въ русскомъ искусствѣ. Романы, повѣсти и драмы („Псковитянка" Мея, „Князь Серебряный" и „Иванъ Грозный" графа Ал. Толстого), ученыя изслѣдованія (проф. Костомарова), картины („Иванъ Грозный у тѣла его сына" Шустова, нѣсколько этюдовъ, картоновъ и картинъ Шварца)—все это образовывало толпу созданій на одну и ту-же тему, сильно и постоянно интересовавшихъ и художниковъ, и публику. Антокольскій былъ унесенъ общимъ потокомъ, но, по силѣ своего оригинальнаго таланта, создалъ такое произведеніе, которое превзошло всѣ прежнія на эту тему.

Работа совершена была не безъ труда и не безъ многихъ печальныхъ внѣшнихъ помѣхъ. Онъ писалъ мнѣ впослѣдствіи, въ 1882 году (№ 332): „Когда я работалъ „Ивана Грознаго", при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, я сказалъ Крамскому: „Хорошо, чѣмъ болѣе бѣсятъ меня, тѣмъ лучше выйдетъ Иванъ Грозный". Оно такъ и вышло. Не взирая на всѣ препятствія, онъ побѣдилъ и создалъ chef d'oeuvre, который сразу далъ автору громадную славу. Это произошло въ началѣ 1871 года. Выставка „Ивана Грознаго" имѣла успѣхъ неслыханный: онъ равнялся успѣху „Помпеи" Брюлова — раньше, и картинъ Верещагина—позже. И молодые товарищи—ученики, и старые профессора (академическій классикъ, профессоръ Ѳ. А. Бруни говорилъ: „у этого Антокольскаго что-то новое"), и общій голосъ толпы, все славило и превозносило Антокольскаго за его талантъ и новизну, и преклонялось передъ его поразительной трагической статуей. Академія возвела автора въ званіе академика. По повелѣнію императора Александра II, Эрмитажъ пріобрѣлъ бронзовый экземпляръ, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ, знаменитый Кенсингтонскій музей въ Лондонѣ пріобрѣлъ слѣпокъ этой статуи—единственный примѣръ русской скульптуры въ Европѣ. Но слабое здоровье, уже и до того много разъ дававшее себя знать Антокольскому, не позволяло ему жить долѣе въ петербургскомъ климатѣ—и онъ уѣхалъ за границу.

Отъ сихъ поръ начинается рѣшительный переломъ въ жизни Антокольскаго. Онъ уѣхалъ изъ Россіи 27-и лѣтъ, и всѣ остальныя 30 лѣтъ своей жизни прожилъ—внѣ своего отечества: лѣтъ 8 въ Римѣ, лѣтъ 20 съ небольшимъ—въ Парижѣ. Въ Россію онъ пріѣзжалъ лишь изрѣдка, лишь по дѣламъ и для выставокъ своихъ работъ, или для лѣченія кумысомъ. Но долгое пребываніе въ чужихъ краяхъ нисколько не измѣнило его натуры и симпатій. Онъ не переставалъ любить свое отечество съ горячею страстью, и пламенная симпатія ко всему истинно-русскому, къ значительнымъ и свѣтлымъ событіямъ русской исторіи и жизни, къ русскимъ великимъ людямъ, никогда не переставали одушевлять его.

Онъ хорошо видѣлъ великія стороны жизни и творчество Европы, глубоко обожалъ великихъ европейскихъ художниковъ, изучалъ ихъ, учился на нихъ, но никогда не покидалъ мысли о призваніи своемъ: быть художникомъ русскимъ и работать прежде всего—для своего отечества.

Первыя работы Антокольскаго были посвящены изображенію сценъ и личностей изъ той жизни, среди которой онъ родился и выросъ—жизни еврейской. Законъ общій: всѣ художники начинаютъ съ изображенія того, что имъ близко и дорого съ самаго начала жизни, что они видѣли и знали еще съ дѣтства. Исключенія изъ этого закона—рѣдкость. Но въ Петербургѣ, среди новой жизни, среди новаго міра, русскаго, онъ перешелъ со своимъ творчествомъ на изображеніе его задачъ и сюжетовъ, и остался имъ вѣренъ въ продолженіе всей остальной своей жизни. Въ 1882 году (№ 335) онъ мнѣ писалъ: „Вся душа моя принадлежитъ той странѣ, гдѣ я родился и съ которою свыкся. Весь я принадлежу тѣмъ, кого раньше другихъ я назвалъ своими. На сѣверѣ сердце мое бьется сильнѣе, я глубже тамъ дышу и болѣе чутокъ ко всему, что тамъ происходитъ. Только издали я какъ-будто вижу его болѣе рельефно, цѣликомъ. Все это принесло мнѣ много горя, много ночей я не доспалъ, волновался изъ-за него, изъ-за этого сѣвера, испыталъ тамъ очень мало радости, а все-таки отказался уйти отъ него, жить другою жизнью. Забыть его я не могу и не хочу. Вотъ почему все, что-бы я ни сдѣлалъ, будетъ всегда результатомъ тѣхъ задушевныхъ впечатлѣній, которыми матушка Русь вскормила меня“... Спустя 10 лѣтъ, Антокольскій снова говорилъ мнѣ о непоколебимой привязанности къ своему отечеству, не взирая на всѣ преслѣдованія и неудачи, часто шедшія къ нему оттуда (письмо 27 августа 1892, № 565).

Но, переходя отъ сюжетовъ еврейскихъ къ сюжетамъ русскимъ, Антокольскій вовсе не отказался, навсегда, отъ сюжетовъ еврейскихъ. Это была только временная остановка. Еврейству и еврейскимъ задачамъ онъ никогда не измѣнялъ. Онѣ всегда занимали громадное мѣсто въ его мысли, въ его чувствѣ, но только внѣшнія обстоятельства и отношенія становились иногда передъ нимъ словно ширма. Судьбы еврейства и евреевъ постоянно наполняли его душу, могущественно заботили и мучительно тревожили его. Многіе значительные факты доказываютъ это и, болѣе всего, тѣ два чудныя и страстныя письма, которыя онъ написалъ въ 1881 году И. С. Тургеневу („Дополненіе“); потомъ—слова его письма 1875 года (№ 187), гдѣ онъ говорилъ мнѣ: „Я думаю, это хорошо было-бы сдѣлать попытку—сгруппировать еврейскихъ художниковъ, для того, чтобы имъ развивать свою самостоятельность; но для этого нужна какъ нравственная поддержка, такъ и матеріальная“...; потомъ еще, постоянная забота, съ которою, при мысли о новыхъ будущихъ скульптурныхъ произведеніяхъ своихъ, онъ постоянно останавливался на задачахъ еврейскихъ. Такъ, въ 1880 годахъ онъ сильно думалъ о статуяхъ: „Моисей“, „Іеремія“, „Деввора“, „Вѣчный Жидъ“, „Шайлокъ“ (№ 332). Объ „Инквизиціи“ своей онъ также постоянно помнилъ, постоянно мечталъ о томъ, чтобъ

ее выполнить въ большихъ размѣрахъ, но писалъ мнѣ въ 1882 году: „Вы затронули одинъ очень важный и больной для меня вопросъ: вы вспоминаете мнѣ слова, сказанныя мною 10 лѣтъ тому назадъ относительно „еврейства“. Да, дорогой дядя, я это могу и теперь повторить съ большою настойчивостью, но что прикажете дѣлать — сила обстоятельствъ сильнѣе, чѣмъ воля человѣка. Жизнь какъ море: новыя бури приносятъ новыя волны, которыя увлекаютъ тебя броситься среди нихъ, и онѣ унесутъ тебя еще дальше. Новая жизнь принесетъ тебѣ новыя впечатлѣнія, и, слѣдовательно, новые сюжеты, которые станутъ преслѣдовать тебя неотступно день и ночь, пока ты ихъ не создашь. Чтобы воспроизводить евреевъ такъ, какъ я ихъ знаю, необходимо жить среди нихъ, тамъ, гдѣ эта жизнь кругомъ тебя клокочетъ и кипитъ, а дѣлать за глаза будетъ то-же самое, что художнику работать безъ натуры: какъ-бы онъ ни напрягалъ всѣ свои способности, какъ-бы онъ ни относился къ своей работѣ добросовѣстно, искренно и горячо, все-таки въ ней недоставать будетъ многаго, а главное — того духа, который такъ характеризуетъ націю и эпоху. Тотъ, кто хочетъ заниматься національными сюжетами, долженъ творить ихъ намѣстѣ, иначе лучше ихъ и не трогать. Среди евреевъ я-бы могъ быть еврейскимъ скульпторомъ въ смыслѣ внѣшности, отличительности; среди русскихъ—русскимъ. А внѣ ихъ, къ сожалѣнію, я не могу быть ни тѣмъ, ни другимъ. Я ихъ, отъ нихъ, для нихъ...“ (№ 344).

Много разъ на своемъ вѣку Антокольскій выражалъ въ письмахъ и разговорахъ стремленіе свое быть художникомъ-космополитомъ, свое убѣжденіе, что это и есть настоящее призваніе каждаго настоящаго художника. Но его натура и его дѣятельность всегда и во всемъ противорѣчили этому. Никогда онъ самъ не сдѣлался тѣмъ, что признавалъ превосходнымъ для другихъ. Его попытки создавать произведенія на задачи чуждыхъ народовъ никогда не оказывались у него счастливыми. „Офелія“, „Сестра милосердія, помогающая раненому въ бою военному германскаго войска“, „Христіанская мученица-римлянка“, даже и превосходная (по фактурѣ) статуя его „Умирающій Сократъ“ и др., ничуть не принадлежатъ къ особенно значительнымъ, истинно-выражающимъ его натуру и талантъ произведеніями. Они вялы, малохарактерны и безцвѣтны. Настоящія, характеризующія его оригинальное и великое творчество, произведенія, это тѣ, которыя создались на задачи, либо еврейскія, либо русскія: „Еврей-портной“, „Скупой“, „Споръ о Талмудѣ“, „Христосъ передъ народомъ“, „Инквизиція“, „Иванъ Грозный“, „Иванъ III“, „Владиміръ Мономахъ“, „Петръ I“, „Несторъ-лѣтописецъ“, „Ермакъ“.

Еще въ Петербургѣ, еще во время пребыванія своего въ Академіи, Антокольскій, при переходѣ отъ еврейскихъ сюжетовъ къ русскимъ, перешелъ также отъ прежняго своего матеріала — къ новому. Молодымъ и юношей онъ работалъ свои оригинальныя произведенія — изъ дерева и воска. Приступая къ статуѣ „Иванъ Грозный“, онъ перешелъ рѣшительно къ глинѣ, мрамору и бронзѣ. Дерево было для него наслѣдствомъ изъ того времени, когда онъ работалъ и учился у рѣзчика.

Въ Петербургѣ онъ уже никого изъ художниковъ не нашелъ, кто бы работалъ изъ дерева и воска, онъ и оставилъ ихъ какъ матеріалъ слишкомъ неудовлетворительный. Изъ дерева и воска были у него еще дѣланы: копіи съ Ванъ-Дейка, „Распятіе" для одной набожной русской дамы, желавшей обратить его въ православіе; „Портной"; „Скупой" (дерево въ соединеніи со слоновой костью); „Инквизиція"; работа изъ одного дерева—женская ручка, держащая гусиное перо, подаренная мнѣ Антокольскимъ въ 1871 году (№ 10) и принесенная мною въ даръ

М. М. Антокольскій съ фотографіи. Витебскъ. 1886.

музею Александра III (это была послѣдняя работа Антокольскаго изъ дерева); наконецъ даже мой бюстъ онъ предполагалъ въ 1872 г., въ Римѣ, „непремѣнно сдѣлать изъ дерева" (№ 16). Со времени „Ивана Грознаго", изъ дерева у него уже не было болѣе никакой работы; онъ сталъ, какъ всѣ европейскіе скульпторы, лѣпить свои вещи изъ глины. Обращались-же его произведенія изъ глиняныхъ въ мраморныя и бронзовыя уже не его собственною рукою, а рукою художественныхъ мастеровыхъ, мраморщиковъ и литейщиковъ, какъ это принято въ совре-

менной Европѣ. Антокольскій проходилъ лишь, потомъ, своимъ рѣзцомъ, и усовершалъ своею рукою то, что находилъ тутъ нужнымъ.

Со времени пріѣзда Антокольскаго въ Римъ, его жизнь совершенно измѣнилась. Онъ женился въ 1872 году на Генѣ (Еленѣ) Юліановнѣ Апатовой. Всѣ 30 лѣтъ слѣдующей жизни прошли для Антокольскаго среди его семейства, и многочисленныя письма его рисуютъ картину полнаго и ничѣмъ невозмутимаго счастья его въ средѣ семейной жизни.

Но представляется вопросъ: былъ-ли столько-же счастливъ и доволенъ Антокольскій и въ художественномъ отношеніи, въ теченіе 30 лѣтъ, проведенныхъ имъ за границей? Пошли-ли эти годы въ прокъ для его творчества и искусства?

Антокольскій получилъ, безъ сомнѣнія, много наслажденія пользы отъ своего долгаго пребыванія въ чужихъ краяхъ. Чудеса и красоты итальянской природы, чудеса и красоты великихъ созданій прежняго итальянскаго искусства, не могли не плѣнять его художественный духъ, не могли не быть для него источниками глубокаго искренняго счастья. Многія письма его разсказываютъ о его наслажденіяхъ Неаполемъ, Соррентомъ, Везувіемъ, которые онъ иногда посѣщалъ какъ странникъ, какъ гость. Но климатъ въ Римѣ, гдѣ онъ жилъ постоянно, былъ ему прямо вреденъ, особливо при той сырой и заплѣснѣвѣлой мастерской, которая ему попалась, и въ которой онъ принужденъ былъ довольно долго прожить; глина римская была ему совсѣмъ негодна для скульптуры; современное итальянское искусство, хилое, несчастное и продажное, только раздражало его; итальянскіе художники, ничтожные и вовсе не интеллектуальные, а только ловкіе мастеровые и корыстные люди, безконечно возмущали его. „Моя жизнь въ Римѣ,—писалъ онъ мнѣ 27 ноября 1876 г.,—пуста, сѣра и гладка... Въ Римѣ всѣ спятъ и точно сквозь сонъ мычатъ и кряхтятъ...“ Въ другомъ письмѣ: „Никогда я не видалъ такихъ отвратительныхъ людей, какъ итальянцы. До того они мелки и безсовѣстны“... Знакомыхъ у него въ Римѣ почти никого не было, кромѣ немногихъ русскихъ (С. И. Мамонтовъ съ женой Ел. Григ., Е. А. Боткина, тогда еще Мордвинова); большинство же было таково, что Антокольскій долженъ былъ жаловаться на всеобщую ихъ пустоту и несносность, „не съ кѣмъ поговорить и посовѣтоваться“... И онъ мечталъ только о томъ, какъ-бы поскорѣе уѣхать вонъ изъ этой Италіи.

Послѣ окончательнаго-же переѣзда, въ 1880 году, въ Парижъ, Антокольскій почувствовалъ себя въ новомъ мѣстѣ—счастливымъ.

Еще въ первый разъ пріѣхавъ въ Парижъ, на короткое время, въ 1876 году, онъ написалъ мнѣ (№ 221): „Я теперь въ одурѣломъ состояніи... Отъ Парижа я ожидалъ хотя больше, чѣмъ нашелъ, а все-таки нашелъ больше, чѣмъ гдѣ-либо“... Что касается до климата, то онъ былъ ему не неблагопріятенъ, и онъ не болѣлъ тутъ постоянно, какъ въ Римѣ. Но что касается до всего остальнаго, что давалъ ему Парижъ, то все это было такъ велико, могуче: и люди, и созданія художества, стараго и новаго, и громадная міровая жизнь, бьющаяся

усиленнымъ пульсомъ,—что онъ былъ унесенъ общимъ потокомъ, закружающимъ вѣчнымъ порывомъ. Но уже спустя немного времени, онъ писалъ С. И. Мамонтову (въ февр. 1880 г., № 297): „Парижъ право не по мнѣ. Конечно, въ Парижѣ можно все найти, но тамъ преобладаетъ форма, форма безъ содержанія, а меньше всего здѣсь душевной простоты"... Спустя-же нѣсколько лѣтъ, онъ говорилъ мнѣ: „Въ Парижѣ я на чужбинѣ, среди немногихъ друзей (можетъ быть ни одного нѣтъ) и среди многихъ враговъ, которые дѣлаютъ мнѣ все, что только могутъ, вредное. Сожалѣю и не удивляюсь"... „Я жилъ и живу здѣсь среди шумнаго водопада, который заглушаетъ все, но я оберегалъ себя отъ этого шума, жилъ немного лучше, чѣмъ отшельникъ—никуда не ходилъ, никого не видалъ, и все, что вынесъ въ душѣ, я вносилъ въ мастерскую. Но поймутъ-ли меня? Поймутъ-ли, что рядомъ съ моими идеалами—мучениками за идею, я воспѣвалъ будущность Россіи въ лицѣ „Петра I", „Ярослава", „Ермака" и „Нестора"?—Поймутъ, въ этомъ вѣра моя крѣпка"... (письмо № 544, 17 декабря 1891 г.). И это онъ говорилъ въ то время, какъ происходила въ Парижѣ его выставка, одна изъ самыхъ блестящихъ, какія у него бывали на всемъ его вѣку. „Я имѣлъ теперь здѣсь успѣхъ не меньшій, если не большій, чѣмъ когда-то съ „Иваномъ Грознымъ въ Петербургѣ" (№ 545).

Чего-же ему не доставало?

Только одного, что было для него всего дороже и важнѣе—Россіи, *ея* жизни и *его* общенія съ нею. Сколько времени онъ ни прожилъ въ чужихъ краяхъ, онъ все-таки оставался тамъ всегда чужимъ. Конечно, его тамъ сразу оцѣнили по достоинству, пресса ставила его всегда высоко среди современныхъ европейскихъ художниковъ, онъ былъ тамъ всегда чествованъ какъ великій талантъ, и это—еще раньше, чѣмъ у насъ: петербургская Академія Художествъ рѣшилась возвести его въ санъ русскаго профессора лишь въ 1880 году, т.-е. послѣ того, какъ онъ давно уже былъ „членомъ Института" въ Парижѣ и профессоромъ академіи художествъ въ Берлинѣ, а между тѣмъ наша Академія успѣла произвести множество другихъ русскихъ художниковъ въ профессора, забывая Антокольскаго, и въ то-же время почти вся русская критика взапуски вела аттаки противъ Антокольскаго,—но, несмотря на всѣ эти факты, Антокольскій былъ всегда во Франціи и въ Италіи чужой, гость, пріѣзжій иностранецъ. Во всѣ 30 лѣтъ его заграничной жизни онъ никогда не получилъ ни единаго заказа со стороны западнаго европейца—француза, англичанина, нѣмца. На него можно было любоваться, можно было считать его великимъ художникомъ, но его произведенія все-таки оставались для всѣхъ тамъ посторонними и ненужными. „Я не гожусь здѣсь для французовъ,—писалъ онъ мнѣ 11 декабря 1883 г., (№ 377):—для нихъ въ искусствѣ внѣшняя, крайняя риторика, форма, поза—выше всего, а содержаніе, душа—только предлогъ"... „Меня считаютъ здѣсь ненужнымъ,—писалъ онъ также (№ 383),—иначе мое положеніе въ финансовомъ отношеніи не было-бы такъ мрачно"... Въ ежедневной, частной жизни онъ оставался одинокъ и жилъ какъ въ пустынѣ. Онъ нуждался въ Россіи, хотя тамъ имѣлъ очень

много враговъ, среди русскихъ, среди русской жизни. Объ этомъ можно прочитать громадную массу подробностей и въ его письмахъ, и въ печатныхъ статьяхъ людей, иногда защищавшихъ его среди русской прессы. Но неблагопріятный климатъ, болѣзненность и художественныя удобства, непріязнь очень многихъ въ Россіи, наконецъ долгая привычка заграничнаго житья препятствовали ему воротиться на родину. Онъ писалъ мнѣ въ 1893 году (№ 350): „Вы говорите: почему-бы мнѣ не перебраться совсѣмъ въ Россію? Ахъ, еслибъ вы знали, какъ я чувствую себя здѣсь одинокимъ, среди этой шумной, быстрой, кипучей жизни, какъ мнѣ здѣсь тяжело дышется! А все-таки въ Россіи мнѣ будетъ еще тяжелѣе... Чувствовать себя не своимъ среди своихъ, получать пощечину отъ своего брата, быть всякій день подъ молотомъ невѣжества, равнодушія и несправедливости—нѣтъ, для этого я сталъ слишкомъ нервенъ. Въ матеріальномъ отношеніи, въ Россіи мнѣ навѣрное было-бы лучше, но что я одинъ могу сдѣлать? Моя работа связана со многимъ: у насъ убійственно формуютъ, еще убійственнѣе отливаютъ изъ бронзы, и совсѣмъ не умѣютъ работать изъ мрамора. Мастерскихъ у насъ тоже нѣтъ... Сверхъ того, мое здоровье вовсе не геркулесовское“...

Безъ сомнѣнія, долгое пребываніе Антокольскаго за границей принесло ему пользу, существенную и значительную. Раньше всего, оно было полезно для его здоровья, для котораго петербургскій климатъ былъ рѣшительно вреденъ. Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, оно было очень благопріятно и для развитія его таланта. Онъ много пріобрѣлъ со стороны техники—собственно скульптурная техника такъ много завоевала и такъ высоко стоитъ въ современной Европѣ, особенно въ Италіи и Парижѣ. Блестящіе примѣры этой техники передъ глазами помогли Антокольскому быстро и энергично двигать впередъ и собственное техническое развитіе. Работа „Христа“, „Сократа“, „Спинозы“, „Мефистофеля“ и другихъ статуй много превосходитъ въ техническомъ отношеніи (по части изображенія тѣла, одежды, складокъ и т. д.) работу „Ивана Грознаго“. Самъ Антокольскій признавалъ впослѣдствіи въ этой статуѣ еще много „академическаго“ (№ 337). Но обѣ эти страны оказали также, совершенно незамѣтно для самого Антокольскаго, и извѣстное неблагопріятное вліяніе на него. Онъ одно время, въ 70-хъ годахъ, какъ-то сталъ склоняться къ „итальянизму“ въ скульптурѣ; отъ реализма онъ началъ обращаться (иногда) къ итальянской идеальности задачъ и къ условности формъ, къ итальянскому лже-драматизму выраженія. Во время всемірной парижской выставки 1878 г., нѣкоторые французскіе художественные критики уже упрекали его въ этомъ, хотя интернаціональный жюри присудилъ ему тогда высшую награду по скульптурѣ; въ томъ-же упрекалъ его тогда въ „Вѣстникѣ Европы“ и я, не зная, впрочемъ, ничего объ отзывахъ французской критики по этой части. Сверхъ того, вслѣдствіе-ли своего постояннаго интеллектуальнаго одиночества въ чужихъ краяхъ, или вслѣдствіе неудачъ душевныхъ и матеріальныхъ, Антокольскій получилъ вдругъ наклонность къ настроенію элегическому, печальному и пассивному. Желаніе выражать въ своихъ произведеніяхъ страданіе, бѣдствіе, упадокъ духа, слабость воли, и всего болѣе—

погибель—замѣнило прежнее его бодрое, сильное, мощное выраженіе. „Иванъ Грозный“, „Иванъ III“, „Ярославъ Мудрый“ проявляли великую твердость, могучесть духа, непоколебимость, несокрушимое стремленіе къ выполненію своей задачи, намѣреній. Напротивъ „Сократъ“, „Спиноза“, „Голова Іоанна Крестителя“, „Голова Христа на крестѣ“, „Слѣпая христіанка у входа въ катакомбы“ и др. выражали только страданіе, меланхолію, покорность факту, разслабленность духа. Правда, всѣ эти созданія заключали въ себѣ извѣстную дозу красоты, изящества, мастерства, выполненія, но все-таки оставляли современнаго зрителя неудовлетвореннымъ, недовольнымъ. Развѣ Христосъ, Сократъ, Спиноза были когда-нибудь вялы, сентиментальны и слабы? Никогда. Напротивъ, они были въ своей жизни чѣмъ-то совсѣмъ инымъ. Они являлись воплощеніемъ силы и несокрушимости. А Іоаннъ Креститель? Да вѣдь его звали: „Сынъ грома“. Гдѣ-же выражено это у Антокольскаго? Статуя „Христосъ передъ народомъ“ рѣшительно лучшее и значительнѣйшее изъ всѣхъ скульптурныхъ изображеній Христа, съ самаго начала христіанства: простота, благородство и естественность позы, еврейская (впервые въ скульптурѣ) одежда, въ видѣ полосатой матеріи на тѣлѣ и восточной шапочки на головѣ, дѣлали эту статую далекою отъ всѣхъ лже-классическихъ и условныхъ представленій Христа скульптурою всей Европы за цѣлыхъ 2000 лѣтъ; но изображеніе Христа—слабымъ, унылымъ, пассивнымъ, нерѣшительнымъ, недѣятельнымъ—есть полнѣйшее заблужденіе и ошибка. Статуя княжны Оболенской у дверей ея гробницы—въ высокой степени изящна, граціозна, превосходно изображаетъ трагическую тоску, тяжкое ощущеніе наступающей смерти, ужасъ погибели на-вѣки,—но все-таки эта талантливая статуя напоминаетъ итальянца Канову и его монументъ эрцгерцогини Христины. Его надгробная статуя „Ангелъ, сидящій у подножія креста“, для могилы умершаго ребенка, создана совершенно въ обычномъ итальянскомъ вкусѣ и стилѣ, и интересна только со стороны изящной техники, по содержанію-же была-бы просто немыслима для Антокольскаго во время первыхъ годовъ его творчества. Его статуя „Мефистофель“ явилась мастерскимъ изображеніемъ нагого человѣческаго тѣла, и, конечно, заслужила ему, по всей справедливости, множество похвалъ, но была ложна въ самомъ корню, какъ неподходящее для нашего времени эхо старинной Италіи, ея фигуръ съ аллегоріями и символами, ея статуй, только риторическихъ, праздныхъ и излишнихъ. Что говорила собой эта голая фигура, сжавшись сидящая на камнѣ? Конечно, ровно ничего. Отсутствіе потребности въ силѣ и мощи въ эту эпоху дѣятельности Антокольскаго шло такъ далеко, что, перерабатывая свой эскизъ „Инквизиціи“ (онъ перерабатывался у него 4 раза), Антокольскій выпустилъ вонъ изъ своей композиціи фигуру сильнаго энергическаго старика-еврея, какъ-бы Натана-Мудраго, встрѣчающаго Инквизицію съ несокрушимою твердостью и рѣшимостью, готоваго на любую мученическую роль, среди испуганной и бѣгущей толпы прочихъ евреевъ. Антокольскій замѣнилъ эту чудную, сильную, лучшую во всемъ этомъ созданіи фигуру группой двухъ совершенно незначительныхъ, ничтожныхъ евреевъ, только

стоящихъ и глядящихъ. Но этакая слабость, этакая пассивность, этакая оцѣпенѣлая бездѣйственность, этакая идеальность не постоянно, не слишкомъ долго искажали Антокольскаго и его творчество. Это былъ только неблагопріятный періодъ въ его жизни, мимолетное случайное теченіе.

Антокольскій сдѣлалъ на своемъ вѣку довольно много портретовъ-статуй и портретовъ-бюстовъ. Но это былъ отдѣлъ искусства, который онъ мало любилъ и уважалъ, въ сравненіи со скульптурными созданіями, гдѣ есть сюжетъ, сцена, драма, дѣйствіе, душевное движеніе. Въ великолѣпной статьѣ своей о парижской всемірной выставкѣ 1900 г. онъ жалуется на громадную массу портретовъ этой выставки и говоритъ: „портреты—можетъ быть лучшее, что остается отъ дурной эпохи, они—плохое знаменіе своего времени"... Но съ самыхъ молодыхъ лѣтъ его осаждали заказами и просьбами „сдѣлать бюстикъ". Еще только едва былъ конченъ „Иванъ Грозный", какъ живописецъ Ге просилъ его (въ 1871 г.) посмотрѣть и подправить вылѣпленный имъ (Н. Н. Ге) бюстъ Бѣлинскаго. Про это Антокольскій писалъ мнѣ въ 1894 г.: „У Ге было много замысловъ, иногда прекрасныхъ. Но у него не было формы для выраженія ихъ. Это былъ тотъ-же Рудинъ. Онъ очень любилъ лѣпить, но лѣпилъ очень плохо. Я поправилъ кое-что въ бюстѣ"... (Замѣтимъ, что идея составить пьедесталъ подъ этимъ бюстомъ изъ книгъ сочиненій Бѣлинскаго — шла отъ Антокольскаго). Послѣ того, онъ сдѣлалъ еще много бюстовъ, мужскихъ и женскихъ. Такъ много было всегда желающихъ, такъ сильно и упорно его упрашивали и убѣждали. Но они мало замѣчательны, мало характерны, и даже не всегда вполнѣ похожи. Портреты Тургенева, Кавелина, Краевскаго, гр. Д. А. Толстого, Н. А. Милютина, С. П. Боткина, а вмѣстѣ и всѣ историческіе монументы съ портретными статуями, не принадлежатъ къ числу замѣчательныхъ его созданій. Это былъ родъ творчества, почти вовсе чуждый его натурѣ, имъ нелюбимый и потому всегда мало ему удававшійся. Но у него есть по этой части одно исключеніе, совершенно единственное, никогда болѣе не повторившееся. Это портретъ-статуя С. С. Полякова, вылѣпленная съ натуры въ 1877 г. и потомъ исполненная изъ мрамора. Поляковъ представленъ въ ростъ, стоящимъ, и поза всего его тѣла, постановка ногъ, рукъ, головы, наконецъ типъ и выраженіе лица до того вѣрны, до того правдивы и естественны, до того представляютъ собою живую натуру, глубоко ему извѣстную, знакомую и долгими годами прочувствованную, что имѣютъ мало себѣ подобнаго во всей скульптурѣ. Это великій chef d'ouvre, на который, до сихъ поръ, почти вовсе не было обращено вниманія.

Великою новостью въ жизни Антокольскаго, со времени пріѣзда его въ чужіе края, было то, что съ этихъ поръ у него завязалась большая переписка съ оставшимися въ Петербургѣ друзьями и близкими людьми. Эта переписка сдѣлалась однимъ изъ главнѣйшихъ фактовъ его жизни. Онъ въ ней сильно нуждался, онъ ею жилъ, потому что имѣлъ громадную способность писателя. Мое убѣжденіе то, что

у Антокольскаго было точно столько-же таланта къ писательству, какъ къ скульптурѣ. Онъ писалъ, правда, со множествомъ ошибокъ противъ русскаго языка и грамматики, точно такъ же, какъ говорилъ по-русски со множествомъ ошибокъ, но и рѣчь его, и писаніе были въ высшей степени талантливы, оригинальны, живописны и сильны. Эти ошибки всегда легко было бы исправить, и ихъ, конечно, охотно прощалъ всякій интеллигентный, заинтересованный сущностью дѣла человѣкъ. Позволяли себѣ надъ ними безобразно насмѣхаться, глумиться только сухіе и тупые люди изъ жалкихъ писакъ, иногда выражавшихъ даже въ нашей печати злобное сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно-ли писаны самимъ Антокольскимъ печатаемыя отъ его имени сочиненія, статьи и письма [1]). Письма и статьи Антокольскаго принадлежатъ къ числу значительнѣйшихъ представителей художественной критической литературы, не только русской, но и всей европейской. Немногія произведенія этого рода могутъ съ ними равняться по силѣ и глубинѣ критическаго взгляда, по мѣткости, художественности, мастерству и сжатости выраженія. Тургеневъ говорилъ про статьи и письма Антокольскаго: „У него языкъ не русскій, но своеобразный и пахнетъ какимъ-то особеннымъ букетомъ" (№440). „Писать" началъ Антокольскій довольно рано. Еще юношей, въ Академіи, онъ переписывался съ пріятелемъ, молодымъ Барелемъ, жившимъ въ Вильнѣ, и такъ какъ оба молодые человѣка были интеллигентны и образовывали себя сами, ихъ переписка заключала уже нѣчто характерное и интересное. Это мы узнаемъ изъ тѣхъ 13 писемъ, которыя Антокольскій написалъ къ Барелю въ теченіе времени отъ февраля 1867 до 3 ноября 1870 года, и на которыя я уже указывалъ. Первую статью свою объ искусствѣ Антокольскій написалъ также еще будучи въ Академіи, по Прудону, и она заслужила похвалу и одобреніе отъ Крамского, а это было уже очень много.

Съ пріѣзда Антокольскаго за границу, у него началась постоянная и большая переписка съ пріятелями и близкими людьми, которыхъ онъ покинулъ въ Петербургѣ, или нашелъ вновь за границей, и съ которыми у него завязались тамъ художественныя сношенія. Поэтому, эти письма—настоящая біографія Антокольскаго. Это дневникъ, гдѣ разсказывается, почти день за днемъ, все, что интересовало и наполняло его среди его работъ и жизни. Главнѣйшее и важнѣйшее содержаніе этихъ писемъ—разсказы о работахъ Антокольскаго, подробное описаніе того, что онъ задумывалъ творить и выражать своими произведеніями, разсказы объ избранныхъ имъ и порѣшенныхъ имъ самимъ задачахъ, разсказы о томъ, какъ шла, иногда измѣнялась и преображалась его работа, и какъ доводилась потомъ до конца, или откладывалась вовсе въ сторону.

---

[1]) Въ своемъ извѣстномъ «Критико-біографическомъ словарѣ» С. А. Венгеровъ нашелъ даже нужнымъ заявить, что имъ сличена автобіографія Антокольскаго, напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы», съ оригинальною собственноручною рукописью ея, хранящейся въ Императорской Публичной библіотекѣ, и что тожество печатнаго и оригинальнаго текста—полное.

Все сюда относящееся занимаетъ конечно самое первое мѣсто въ перепискѣ Антокольскаго. Но, любя разсказывать свои планы, свои мысли, свои намѣренія, онъ никогда не отказывался выслушивать возраженія тѣхъ, кому довѣрялъ, кого любилъ и уважалъ. Только у него было одно коренное правило, которому онъ слѣдовалъ во всю свою жизнь. Онъ всегда говаривалъ и всегда писалъ: „Я всѣхъ слушаю, но никого не слушаюсь". Остановившись разъ на идеѣ, долго и глубоко имъ взвѣшенной, онъ уже болѣе отъ нея не отступалъ и ничего въ ней не уступалъ. Отсюда и рождались тѣ сильно возбужденные споры, которые иногда происходили у него — въ интимныхъ письмахъ съ близкими ему по мысли, понятіямъ и направленію людьми. Таковы были, напримѣръ, у него споры съ глубоко уважаемымъ другомъ и, можно сказать, наставникомъ его, И. Н. Крамскимъ, а потомъ—со мною, постояннымъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ корреспондентомъ его.

Въ 1874 г., Крамской дѣлалъ Антокольскому разныя возраженія на счетъ статуи его „Христосъ" и замѣчалъ, впрочемъ очень осторожно, что Италія производитъ на него вліяніе не совсѣмъ благодѣтельное. Изъ-за этого возгорѣлся между ними горячій споръ, но никогда онъ не перешелъ во враждебность. Точно такъ-же было и со мной. Еще въ 1873 году я указывалъ Антокольскому на то, что, по-моему мнѣнію, онъ нѣсколько отступается отъ прежняго своего направленія, и переходитъ отчасти къ чему-то обще-европейскому, итальянскому. Впослѣдствіи, въ 1875 и 1878 годахъ, я возобновлялъ въ своихъ письмахъ такія-же свои замѣчанія, а послѣ всемірной парижской выставки 1878 года, я прямо и откровенно высказалъ въ „Вѣстникѣ Европы" свое горькое сожалѣніе о томъ, что Антокольскій во многомъ покидаетъ прежнюю свою дорогу, вступаетъ на новую, не по-прежнему своеобразную, и не русскую и не еврейскую, а на какую-то чуждую ему самому, его натурѣ и таланту. Антокольскій былъ, конечно, недоволенъ этими замѣчаніями, жаловался на нихъ въ своихъ письмахъ къ Крамскому и Рѣпину и съ жаромъ объяснялъ, какъ имъ, такъ и мнѣ самому, что я понапрасну и безправно требую съ него чего-то, чего онъ не желаетъ и что ему не можетъ приходиться, потому что художникъ долженъ слушаться только одной своей натуры и своихъ собственныхъ желаній и стремленій. Конечно, въ общемъ Антокольскій былъ вполнѣ правъ, такъ какъ художникъ не долженъ слушаться ничьихъ вліяній, ничьихъ указаній и ничьихъ совѣтовъ, а дѣлать лишь то, что предписываетъ ему собственная натура. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Антокольскій былъ и неправъ, такъ какъ я не навязывалъ ему (что было-бы совершенно беззаконно и нелѣпо) никакихъ своихъ мыслей, вкусовъ и стремленій, а только указывалъ ему, что онъ отступаетъ отъ истинныхъ требованій (*своей-же*) собственной натуры, и того, что онъ (*самъ-же*) творилъ до тѣхъ поръ въ лучшихъ, совершеннѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ созданіяхъ своего таланта. Споръ нашъ былъ очень возбужденный, сильный и нервный, но, конечно, въ ту пору ни къ чему не привелъ—каждый изъ насъ двухъ остался при своемъ мнѣніи. Но этотъ

споръ, точно такъ же, какъ было и съ Крамскимъ, не привелъ насъ ни къ какой враждебности, и ни на единую іоту не попортилъ нашихъ глубоко дружескихъ, давно уже прежде сложившихся душевныхъ и интеллектуальныхъ отношеній. Это и выразилъ впослѣдствіи самъ Антокольскій въ письмѣ, присланномъ на мой юбилей 1904 года. Антокольскій выполнилъ свой коренной превосходный законъ: всѣхъ слушать, и никого не слушаться. Но время и постоянно дѣятельная мысль сдѣлали свое. Въ послѣдній періодъ своей жизни, Антокольскій сталъ явственно отдаляться отъ тяготѣвшихъ надъ нимъ чуждыхъ вліяній, онъ словно стряхнулъ съ себя Италію, обратился снова къ наиболѣе свойственнымъ ему задачамъ, русскимъ и еврейскимъ, и снова сталъ создавать такіе здоровые, могучіе, глубоко-національные, глубоко-талантливые и глубоко-оригинальные chefs d'ouvres, какъ „Несторъ" и „Ермакъ" (1889—1891). „Инквизиціей"-же своей онъ въ это самое время сталъ снова глубоко интересоваться, и до послѣдняго дня жизни все болѣе и болѣе приготовлялся выполнить ее въ полномъ и достойномъ видѣ.

Первое мое знакомство съ Антокольскимъ началось, въ 1869 году, съ того, что онъ пришелъ ко мнѣ въ Публичную библіотеку, и просилъ меня поруководствовать его указаніями на разныя, нужныя ему тогда, подробности для выполненія его сцены „Инквизиціи" (костюмы: кардинала, евреевъ). Послѣ того, мнѣ случилось, въ продолженіе 30-ти лѣтъ, сообщать ему подобныя-же указанія при исполненіи большинства его произведеній: я послалъ ему въ Римъ весь костюмъ Петра Великаго, полученный мною, съ этою спеціальною цѣлью, изъ костюмнаго музея Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ; я сообщилъ ему портреты царевны Софіи, Спинозы, подробности русскаго монашескаго костюма для „Нестора", детали костюма и вооруженія „Ермака", „Мазепы", „Бориса Годунова", и т. д. Въ послѣдніе-же трудовые годы жизни Антокольскаго, на мою долю снова выпала та-же самая задача, что 30 лѣтъ раньше: сообщить ему, на основаніи новѣйшихъ данныхъ, разысканія на счетъ еврейскаго костюма, для его „Инквизиціи". И этотъ вопросъ снова сдѣлался темой нашихъ бесѣдъ и писемъ. Антокольскій съ жаромъ возвращался тогда къ темамъ и задачамъ своей первой юности.

Въ огромной перепискѣ его съ прочими его близкими и друзьями, Антокольскому не случалось вступать въ споры и препирательства объ искусствѣ и направленіи собственныхъ его произведеній. Его письма наполнены, однакоже, не одними только сообщеніями о ежедневной и семейной жизни, выраженіями пріязни и задушевнаго, искреннѣйшаго чувства, но содержатъ также, очень часто, интереснѣйшія и важнѣйшія бесѣды о предметахъ художественныхъ. Очень многія изъ этихъ писемъ являются то настоящими маленькими трактатами объ искусствѣ, то отдѣльными мыслями, высказывающими мнѣніе Антокольскаго о художникахъ и художествѣ стараго и новаго времени. И вездѣ здѣсь Антокольскій является новымъ, самостоятельнымъ и оригинальнымъ. Его мысли о ненужности и вредѣ конкурсовъ,

о злоупотребленіи художественными выставками въ Европѣ, о „продажности“ большинства скульпторовъ стараго и новаго времени, готовыхъ прославлять своимъ статуями кого и что угодно, безъ всякаго разбора, хотя бы объектами тутъ являлись самыя противныя и преступныя въ исторіи личности, самыя зловредныя дѣянія и событія; его непримиримые нападки на безсодержательность искусства, его непризнаваніе безусловнаго величія и авторитетности Греціи и Ренесанса въ художествѣ, его недовольство новѣйшимъ французскимъ искусствомъ, великолѣпнымъ по техникѣ и формѣ, но пустымъ и гнилымъ по существу, его презрѣніе къ сектѣ декадентовъ, одно время модной во Франціи,—все это и многіе другіе, столь-же важные современные вопросы наполняютъ его письма, всего болѣе письма къ Саввѣ Ивановичу и Елизаветѣ Григорьевнѣ Мамонтовымъ, новымъ его знакомымъ и друзьямъ, и ко мнѣ.

Письма Антокольскаго къ И. Я. Гинцбургу имѣютъ совершенно иной характеръ. Антокольскій узналъ Гинцбурга еще совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ и тотчасъ замѣтилъ его даровитость. Гинцбургъ былъ сначала настоящій самоучка, началъ съ того, что ковырялъ свои маленькія скульптурныя пробы изъ мягкаго камня гвоздемъ и перочиннымъ ножичкомъ, но скоро подвинулся настолько, что помогалъ Антокольскому художественно вылѣпливать орнаменты на тронѣ „Ивана Грознаго“. Быстро прошелъ онъ классы Академіи, выросъ со своимъ художествомъ и сталъ самостоятельнымъ скульпторомъ. Антокольскій слѣдилъ за его художественнымъ ростомъ какъ за ростомъ любимаго, дорогого сына, радовался каждому его успѣху, и съ великимъ восхищеніемъ предвѣщалъ ему значительную будущность и крупное имя, когда пошли его оригинальныя и полныя наивной правды маленькія статуэтки замѣчательныхъ историческихъ людей русскихъ (статуэтки графа Льва Толстого, Верещагина, Римскаго-Корсакова, гр. И. И. Толстого, Пыпина; изъ бюстовъ: Спасовича, Н. В. Стасовой и др.). Этимъ глубокимъ чувствомъ радости и сочувствія наполнены письма Антокольскаго къ этому воспитаннику, къ этому нѣжно-любимому, этому его сыну по художеству, къ этому, впослѣдствіи, его другу и товарищу по жизни и по службѣ обществу.

Письма Антокольскаго къ гр. И. И. Толстому, вице-президенту Академіи Художествъ, постоянно выражаютъ глубокое уваженіе и искреннюю симпатію къ его истинно-исторической благотворной дѣятельности на пользу новой Академіи и новому поколѣнію молодыхъ русскихъ художниковъ, а также благодарность за помощь, много разъ оказанную художественнымъ предпріятіямъ и произведеніямъ самого Антокольскаго.

Письма его къ племянницѣ, Ел. Павл. Антокольской, дышатъ сердечностью, родственнымъ и искреннимъ чувствомъ, и въ то же время содержатъ также не мало интересныхъ чертъ автобіографическихъ.

Наконецъ, письма къ старому другу и товарищу, И. Е. Рѣпину, были у Антокольскаго, правда, не часты и не многочисленны, но выражаютъ до самаго конца дней его всю прежнюю, сквозь всю жизнь

непоколебимую взаимную любовь и преданность двухъ высокихъ русскихъ художниковъ. Эти два человѣка шли по разнымъ дорогамъ, каждый по своему художеству, но оба къ одной цѣли, и своими письмами, съ разныхъ краевъ Европы, словно радостно перекликались про свои новыя завоеванія и открытія, про свои творческія дѣла въ искусствѣ.

Но значительную роль играли, въ письмахъ Антокольскаго, кромѣ вопросовъ личной жизни и художественной дѣятельности, также его постоянныя, никогда не покидаемыя, никогда не прекращавшіяся заботы о повышеніи русской художественной промышленности и промышленниковъ, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что много-бы выиграло искусство, еслибъ „художниковъ“ стало поменьше, а „ремесленниковъ“ побольше, такъ какъ гораздо выше и полезнѣе для искусства хорошій отличный художественный ремесленникъ, чѣмъ ремесленный художникъ, и что въ этомъ намъ надо-бы брать примѣръ со среднихъ вѣковъ: тогда и результаты будутъ выше и значительнѣе. Онъ старался основывать для этого—общества, устраивалъ посылку русскихъ художественныхъ ремесленниковъ въ Парижъ, хлопоталъ о коренномъ и дѣльномъ образованіи этихъ юношей. Въ этомъ былъ ему всегда самымъ дѣятельнымъ и энергическимъ помощникомъ баронъ Г. О. Гинцбургъ, который, какъ-бы по наслѣдству еще отъ отца своего, Іезевля Гавриловича Гинцбурга, еще съ юношества Антокольскаго великодушно покровительствовавшаго и помогавшаго этому послѣднему,—въ продолженіе всей его жизни былъ ревностнымъ помощникомъ и опорой великаго художника въ его благородныхъ, благотворныхъ мечтаніяхъ и предпріятіяхъ на пользу русскому художеству и художникамъ. Сюда относится также устройство русскаго художественнаго центра и общества въ Парижѣ. Тургеневъ, много лѣтъ жившій во Франціи, искренній любитель искусства, ревностный почитатель Антокольскаго, также принадлежалъ къ этому кружку доброжелателей и помощниковъ русскаго искусства за границей. Наконецъ, сюда же относится глубоко начавшая занимать его, еще съ молодости, съ 1875 года, мысль о томъ, чтобы сгруппировать въ Европѣ еврейскихъ художниковъ, съ тѣмъ, чтобъ изъ нихъ могла образоваться своя школа, со своимъ особымъ обликомъ, настроеніемъ, стилемъ и строемъ. Это была мысль новая, оригинальная, плодотворная въ будущемъ (№ 187). Письма Антокольскаго сообщаютъ много интересныхъ подробностей о всѣхъ этихъ прекрасныхъ, великодушныхъ усиліяхъ его.

Нѣсколько статей Антокольскаго, дѣйствительно напечатанныхъ имъ, или только назначенныхъ и приготовленныхъ для печати, но почему-нибудь оставшихся не напечатанными, посвящены вопросамъ объ искусствѣ и художникахъ. Онѣ дышатъ, какъ и всѣ значительнѣйшія письма Антокольскаго, силой, глубокой убѣжденностью, горячимъ увлеченіемъ, жаждой—принести пользу, раскрыть глаза заблуждающимся. Между всѣми ими высшее мѣсто занимаетъ послѣдняя, такъ сказать, предсмертная статья его, напечатанная лишь за нѣсколько

мѣсяцевъ до его кончины. Это—статья о парижской всемірной выставкѣ 1900 года. Она полна такой глубины, несмотря на свою краткость и сжатость, такой силы мысли, самостоятельности, она такъ оригинальна во взглядахъ и приговорахъ, наконецъ, она такъ художественна и картинна по формѣ, что занимаетъ первое мѣсто въ ряду всего написаннаго Антокольскимъ. „Подобной выставки, — говоритъ онъ, — не бывало и врядъ-ли будетъ въ другой разъ подобная: она была въ своемъ родѣ знаменіемъ времени конца вѣка, и своего рода декадентствомъ, т.-е. желаніемъ произвести по возможности сильнѣйшее впечатлѣніе, мало разсчитывая на человѣческіе нервы. Въ одинъ и тотъ-же день я былъ въ раю и въ аду, радовался человѣческому возрожденію и оплакивалъ его смерть, я пѣлъ ему гимнъ—аллилуія и похоронный маршъ“.

Что-же касается столь дорогого и вѣчно занимавшаго его предмета, еврейства и судебъ его, выше и могучѣе всего явилось у Антокольскаго то, что онъ высказалъ въ двухъ своихъ письмахъ къ Тургеневу, №№ 314а и 316а, 1881 года *). Горькая участь его племени сквозь громадную цѣпь столѣтій, неугасимая къ нему несправедливость и злоба, вѣчное безумное его преслѣдованіе и мученіе, вырвали у Антокольскаго изъ души трагическій, страстный вопль, и онъ излилъ его въ этихъ двухъ письмахъ. Онъ надѣялся, что этотъ вопль будетъ однажды услышанъ, что онъ будетъ предтечей перелома и перемѣны въ судьбѣ еврейства. Но, какъ вѣрно сказалъ Тургеневъ, прочитавъ пламенныя строки Антокольскаго, для осуществленія этой правды и свѣта нужно „водвореніе еще далекаго времени свободы и справедливости не для однихъ евреевъ“.

Въ концѣ своей жизни Антокольскій задумалъ написать романъ, изъ еврейской жизни, подъ названіемъ „Изакъ“, но успѣлъ написать, въ 1899—1900 годахъ, лишь первую его половину. Рукопись эта поступила, послѣ его смерти, въ Императорскую Публичную библіотеку. Конечно, Антокольскій очень хорошо сознавалъ свою неспособность создать дѣйствительный романъ, онъ только избралъ форму романа какъ удобный способъ для того, чтобы выразить свои наблюденія и воспоминанія современной, хорошо ему извѣстной еврейской жизни. Какъ картины историческія и этнографическія, какъ изображенія нравовъ и обычаевъ, обрядовъ и семейной жизни евреевъ, привычекъ и настроеній, характеровъ и типовъ еврейскихъ, это сочиненіе представляетъ очень важный, интересный и цѣнный матеріалъ.

---

*) Первое письмо существуетъ въ двухъ экземплярахъ. Одинъ принадлежитъ Императорской Публичной библіотекѣ, другой—Петру Алексѣевичу Картавову, въ Петербургѣ, оба переписаны на-чисто, учениками Антокольскаго, съ несуществующаго уже теперь черноваго оригинала: одинъ экземпляръ рукою—рукою Я. И. Зильбермана, другой—рукою И. Я. Гинцбурга. На обоихъ этихъ спискахъ только немногія слова, въ началѣ и концѣ, приписаны рукою самого Антокольскаго. Разницы въ текстѣ списковъ — очень немногія и незначительныя.

29 декабря 1896 года праздновался въ Петербургѣ, въ большомъ залѣ Общества Поощренія художествъ, 25-лѣтній юбилей художественной дѣятельности Антокольскаго. Ему было поднесено множество сочувственныхъ адресовъ, было сказано много рѣчей; особенно замѣчательную роль игралъ среди всего этого торжества великолѣпный адресъ, написанный на русскомъ и еврейскомъ языкахъ, и украшенный превосходными рисунками въ еврейскомъ стилѣ: онъ былъ поднесенъ ему Обществомъ распространенія просвѣщенія между евреями. Этотъ адресъ былъ прикрѣпленъ, какъ развертующійся свертокъ, внутри необыкновенно изящнаго футляра-цилиндра (мегилэ) изъ серебра съ цвѣтною эмалью, въ еврейскомъ же стилѣ, по рисунку великаго знатока еврейскаго искусства, архитектора И. П. Ропета. На этомъ юбилеѣ были также представлены, волшебнымъ фонаремъ, всѣ главныя его творенія и значительнѣйшіе его портреты, изъ разныхъ періодовъ его жизни.

Въ 1897 году, Антокольскій сдѣлался собственникомъ прелестной виллы въ сѣверной Италіи, на берегу Лаго-Маджоре. Она прежде принадлежала барону Г. О. Гинцбургу, и поэтому носила названіе „Baronata“. Здѣсь онъ среди чудной красивой природы провелъ, въ великомъ наслажденіи и полномъ спокойствіи, много хорошихъ осеннихъ дней, въ теченіе послѣднихъ годовъ своей жизни, мечтая о новой жизни художества, о будущихъ новыхъ своихъ произведеніяхъ.

Но, когда онъ возвращался въ Парижъ, къ обычной трудовой своей жизни, къ ея тревогамъ, невзгодамъ, лишеніямъ, потерямъ, онъ часто терялъ прежнюю храбрость и увѣренность, прежнее спокойствіе. Финансовое его положеніе, имущественныя обстоятельства его, отсутствіе заказовъ и оплаченныхъ работъ, не мало спобствовали печальному его настроенію. Весной 1901 года онъ принужденъ былъ распродать съ аукціона всѣ свои художественныя коллекціи (ковры, фарфоръ и фаянсъ, стекло, предметы изъ металла, скульптуры, живопись и т. д.). Долгими годами онъ любовно отыскивалъ, выбиралъ и собиралъ эти предметы, теперь пришлось съ ними разставаться — и это была для него тяжкая горесть. Мало утѣшенія ему было въ томъ, что и Тургеневъ, въ концѣ своей жизни, былъ принужденъ къ тому-же. „Я хорошо помню его продажу, писалъ мнѣ Антокольскій (№ 760). На другой день послѣ первой продажи, утромъ, я зашелъ къ нему; онъ еще лежалъ на своей кушеткѣ, обтянутой зеленымъ репсомъ (ужасный вкусъ!)“ „Вотъ, батенька, Ватерлоо!“ сказалъ онъ мнѣ. Не потерплю-ли я то же самое? Я хлопоталъ, чтобы лучшія вещи были куплены на аукціонѣ пріѣзжими изъ Россіи, но напрасно: отказались, точно я просилъ милости, или одолженія“... Чѣмъ дольше Антокольскій жилъ, тѣмъ мрачнѣе онъ смотрѣлъ на свою участь, на свою жизнь. Еще пребывая въ Парижѣ, онъ написалъ мнѣ, что жизнь его утомляетъ и тяготитъ (письма №№ 377 и 605), а въ іюнѣ 1901 года, т.-е. всего за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, онъ написалъ мнѣ въ томъ-же письмѣ (№ 760): „Вы все еще считаете меня чѣмъ-то, а я давно уже думаю, что я лишній: теперь на искренность,

на истинное искусство плохой спросъ... Наше время удивительное: куда ни кинь, все клинъ... Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы стать независимымъ художникомъ и работать, раньше всего для самаго себя, а тамъ, можетъ быть, современемъ, время станетъ лучше"... Какая печаль и грусть, какая горькая судьба. Вотъ чѣмъ иногда, къ несчастью слишкомъ часто, приходится кончать многимъ великимъ русскимъ людямъ! Они должны смотрѣть со свѣтлымъ упованіемъ—только на далекое будущее.

Но для временъ этого далекаго будущаго, кромѣ самихъ произведеній Антокольскаго, остается и чудное изображеніе его самого, его внѣшній обликъ, его фигура. Онъ тутъ является полнымъ заботы и мысли во время творческой работы, со стэкомъ въ рукѣ. Это — великолѣпный портретъ во весь ростъ (впрочемъ въ маломъ размѣрѣ, что ничуть не измѣняетъ сущности и важности портрета). Портретъ написанъ другомъ и товарищемъ Антокольскаго — Ильей Рѣпинымъ.

В. Стасовъ.

Послѣдніе дни жизни и смерть М. М. Антокольскаго.

Въ началѣ іюня 1902 г. я получилъ коротенькое письмецо отъ М. М. и это было его послѣднее письмо. Онъ писалъ: „Я очень боленъ, ѣду въ Берлинъ, посовѣтуюсь тамъ съ докторомъ и, куда онъ меня пошлетъ, туда поѣду; пріѣзжай, вмѣстѣ поживемъ, и тебѣ надо отдохнуть". Въ Берлинѣ черезъ нѣсколько дней я получилъ телеграмму: „Находимся во Франкфуртѣ, Паластъ-отелѣ, боленъ". Съ первымъ поѣздомъ я уѣхалъ во Франкфуртъ и тамъ меня встрѣтила на лѣстницѣ Елена Юльяновна,—разстроенная и со слезами на глазахъ; она разсказала мнѣ, что М. М—чу очень плохо; что онъ такъ разстроенъ, что и говорить не можетъ: ему нуженъ абсолютный покой. Проф. Норденъ, который былъ рекомендованъ ей др—омъ Шершевскимъ изъ Петербурга и др—омъ Ціономъ изъ Парижа, подробно выслушавъ больного, не нашелъ въ немъ никакой опасной и серьезной болѣзни, а только полный упадокъ силъ и разстроенные нервы, лѣчитъ онъ не лѣкарствомъ, а только усиленнымъ питаніемъ. „Я хотѣла созвать консиліумъ,—сказала плача Елена Юльяновна,—хотѣла вызвать изъ Берлина доктора, но Норденъ не хочетъ; онъ говоритъ, что это безполезно, болѣзнь будто не серьезная. Бѣдный мой мужъ,—продолжала, совсѣмъ разрыдавшись, Е. Ю.,—онъ въ послѣднюю зиму такъ много работалъ, не жалѣя себя, что окончательно растратилъ и безъ того слабыя силы; въ особенности, я думаю, ему повредило то, что онъ, въ свободное время отъ усиленной работы въ мастерской, долго писалъ, забывая сонъ и ѣду. Я и дѣти умоляли его оставить писаніе на другое время, когда у него будетъ меньше работы въ мастерской, но онъ такъ увлекался, что никто не могъ уговорить его хоть минутку отдохнуть".

На слѣдующій день меня, наконецъ, впустили къ М. М. Его больной видъ меня поразилъ; онъ былъ неузнаваемъ: страшно похудѣвшій, онъ имѣлъ земляной цвѣтъ лица, впалые глаза смотрѣли тускло. Поздоровавшись со мною и разспросивъ нѣсколько о петербургскихъ друзьяхъ своихъ, онъ сталъ жаловаться на здоровье и на доктора, который заставляетъ его много ѣсть. „Меня кормятъ каждые два часа, и это меня убиваетъ: я не могу ѣсть, у меня боли въ желудкѣ. Ахъ, какъ-бы только поскорѣе поправиться на столько, чтобы можно было-бы отсюда уѣхать; я тогда поѣду въ Швейцарію, вмѣстѣ тамъ поживемъ въ моей виллѣ“,—сказалъ онъ тихо, съ трудомъ произнося всякое слово.

Въ этотъ-же день я разспросилъ о болѣзни М. М. самого доктора Нордена, который подтвердилъ, что болѣзнь не угрожаетъ жизни, что хорошимъ усиленнымъ питаніемъ и отдыхомъ онъ скоро поставитъ на ноги больного. То-же сказала мнѣ сестра милосердія, очень аккуратно исполнявшая всѣ предписанія доктора; она еще прибавила: „Больной воображаетъ, что онъ не можетъ ѣсть, надо его заставить ѣсть, чтобы поднять его силы“.—„Нѣтъ-ли у него рака въ желудкѣ?“—спросилъ я.—„Нѣтъ,—увѣренно отвѣтила сестра,—изслѣдованія не показали присутствія рака“.

Елена Юльяновна страшно безпокоилась насчетъ дѣтей, которыхъ она оставила однихъ въ Парижѣ нездоровыми. Я обѣщался съѣздить на нѣсколько дней въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы, вернувшись, остаться съ больнымъ и ее отпустить къ дѣтямъ. Передъ самымъ отъѣздомъ я опять поговорилъ съ профессоромъ Норденомъ и спросилъ, могу-ли я спокойно уѣхать, или, если онъ считаетъ положеніе больного критическимъ, то не лучше-ли мнѣ оставаться пока еще здѣсь съ больнымъ. „Поѣзжайте себѣ спокойно,—отвѣтилъ очень сухо профессоръ. Я вамъ уже сказалъ, что болѣзнь не опасная,—лучше, чтобы съ нимъ не говорили“.—„Можетъ быть, вы напишете д-ру Шершевскому въ Петербургъ о болѣзни М. М.,—спросилъ я.—Шершевскій личный другъ М. М. и давно знаетъ его организмъ“. „Напишу черезъ нѣсколько дней“,—неохотно и строго возразилъ Норденъ.

Прощаясь со мною, М. М. сказалъ:

„Поѣзжай, посмотри Salon и зайди ко мнѣ въ мастерскую, посмотри, какъ я началъ „Инквизицію“. Знаешь, вѣдь я теперь задумалъ цѣлый циклъ новыхъ вещей, подъ названіемъ: „Всемірная трагедія“. Это будутъ три огромныхъ горельефа: 1) нападеніе культурныхъ народовъ на варваровъ, 2) нападеніе язычниковъ на первыхъ христіанъ и 3) нападеніе инквизиціи на евреевъ; въ заключеніе я сдѣлаю большую группу подъ названіемъ „Помирились“: два врага въ борьбѣ лежатъ обнявшись, мертвые. Я это давно уже задумалъ и надѣюсь, что когда я это сдѣлаю, всѣ меня поймутъ; тогда въ этотъ циклъ войдутъ и другія старыя мои работы. Впрочемъ, ты самъ увидишь; пріѣдешь—скажешь, какъ тебѣ понравилось“.

Въ Парижѣ я остался меньше, чѣмъ полагалъ, потому что извѣстія по телефону, которыя получала младшая дочь отъ матери о болѣзни М. М., были не утѣшительныя; но я обстоятельно успѣлъ осмотрѣть и Salon, и мастерскую М. М. Я увидѣлъ и эскизъ „Нападеніе язычниковъ на христіанъ“, въ первоначальномъ, еще не обработанномъ видѣ, а также „Нападеніе инквизиціи“, уже начатое въ настоящей большой величинѣ. Хотя М. М. придерживался въ „Инквизиціи“ стараго эскиза, сдѣланнаго еще въ концѣ 60-хъ годовъ, однако, тутъ въ новомъ много измѣнено и все къ лучшему; четыре раза онъ мѣнялъ композицію въ этой замѣчательной работѣ, и всѣ эскизы превосходны. Это — послѣднее созданіе, надъ которымъ мыслилъ и чувствовалъ великій талантъ. Заодно я осмотрѣлъ и другія работы, и нашелъ много новаго. Замѣчательны эскизы его: Самсонъ, Микель-Анджело, дѣвушки у окна и другіе эскизы, въ высшей степени выразительные и полные высокихъ чувствъ. Когда я вернулся во Франкфуртъ, то нашелъ М. М. еще въ худшемъ видѣ; кромѣ прежней худобы и истощенности, онъ былъ желтый отъ разлитія желчи; глаза въ особенности были ужасны, совершенно впалые и желтые.

„Вотъ что со мной дѣлаютъ,—жаловался онъ мнѣ,—даютъ ѣсть, когда не могу, и добились того, что теперь у меня печень заболѣла; въ особенности мучаютъ меня тѣмъ, что пить не даютъ—я изнемогаю отъ жажды, только позволяютъ куски льда держать во рту, но, знаешь, я контрабандою глотаю капли отъ льда“.

Я посовѣтовалъ вызвать изъ Вюрцбурга знаменитаго д-ра Лебе, но Норденъ настаивалъ на томъ, чтобы поскорѣе переѣхать въ Гомбургъ, гдѣ воздухъ лучше, да притомъ долѣе оставаться въ Паластъ-отелѣ нельзя было, такъ какъ отель переѣзжалъ въ новое помѣщеніе. Никогда я не забуду нашего переѣзда! Елена Юльяновна одѣвала М. М., глотая слезы, боясь показать больному свое горе. Я помогалъ укладывать вещи. Надо было спуститься внизъ, я предлагалъ руку М. М.

„Не надо,—сказалъ онъ тихо,—хочу посмотрѣть, въ состояніи ли я ходить одинъ“, но тутъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ взялъ руку Е. Ю., сердито сказавъ: „Вотъ что сдѣлалъ докторъ; пріѣхалъ я бодрый, а теперь не могу шагу сдѣлать“.

Когда мы усаживались въ карету, я съ ужасомъ разглядѣлъ при полномъ свѣтѣ ужасный видъ больного: онъ походилъ на мертвеца и всѣ на улицѣ останавливались и, глядя на больного, качали головою.

Это не ускользало отъ вниманія М. М. и расположеніе его духа сдѣлалось еще болѣе мрачнымъ. Напрасно Е. Ю., которая сама была внѣ себя отъ волненія, утѣшала его всю дорогу.

Въ Гомбургѣ мы помѣстились въ 3-хъ комнатахъ и тутъ-же Елена Юльяновна посадила М. М. въ chaise-longue на балконѣ.

„Ахъ, сколько тутъ воздуха!—сказалъ онъ,—можетъ быть, я отъ воздуха поправлюсь“.

Но на слѣдующее утро ему стало опять хуже. Былъ разговоръ о томъ, чтобы привезти младшую дочь, которая осталась совершенно

одна въ квартирѣ въ Парижѣ и страшно скучала по родителямъ (старшая, замужняя жила въ S. Germain).

Рѣшено было, чтобы Е. Ю. уѣхала въ Парижъ, а пока я остался при больномъ. Часто я сидѣлъ съ нимъ, утѣшая его, но я видѣлъ, что больному все хуже и лѣченіе не идетъ ему впрокъ.

Разспрашивалъ я какъ главнаго доктора Нордена, такъ и его помощника (гомбургскій врачъ) о здоровьѣ М. М., и тутъ Норденъ мнѣ сознался, что положеніе больного опасное; „но онъ вынесетъ все, потому что натура у больного замѣчательно крѣпкая“,—спокойно прибавилъ докторъ. Елена Юльяновна поторопилась и черезъ день вернулась, но безъ дочери, которая, нехорошо себя чувствуя, отложила свой пріѣздъ на нѣсколько дней; и она нашла положеніе М. М. въ худшемъ видѣ.

„Непремѣнно сейчасъ послать за другимъ докторомъ,—закричала она въ другой комнатѣ,—Лёбе позвать! Телефонируйте Нордену, пусть онъ назначитъ консиліумъ!“ Но Норденъ, явившись, объявилъ, что онъ не согласенъ вызвать Лёбе и почему-то объ этомъ спросилъ у М. М., который отвѣтилъ: „Прошу васъ, докторъ, дѣлайте, какъ сами знаете, и если не находите нужнымъ позвать другого доктора, то не дѣлайте этого“.—„Почему вы это говорите, М. М.,—спросилъ я по-русски,—вѣдь мы порѣшили уже непремѣнно позвать Лёбе.—„Нѣтъ, пускай онъ дѣлаетъ, какъ самъ знаетъ,—отвѣтилъ М. М.—ты знаешь, что хорошій докторъ это то-же, что хорошій художникъ: надо, чтобы онъ самъ довелъ до конца свое дѣло, и если онъ найдетъ нужнымъ позвать помощника или товарища, то это его дѣло“.

Профессоръ порѣшилъ подождать съ Лёбе до завтра, но завтра—уже было поздно. Съ утра у больного появилась усиленная рвота.

„Пожалуйста,—сказалъ мнѣ М. М.,—напиши скорѣе Шершевскому въ Петербургъ, опиши ему мою болѣзнь, объясни, какъ меня лѣчатъ. Онъ меня знаетъ, онъ мнѣ другъ, пускай онъ скажетъ, что со мной. Боюсь, что Норденъ ошибается, онъ меня не понялъ. Видишь, какъ онъ самъ теперь смущенъ“.

Вмѣсто письма, я, по просьбѣ Е. Ю., телеграфировалъ родственницѣ въ Петербургъ, прося сообщить, гдѣ М. М. Шершевскій, котораго Е. Ю. хочетъ пригласить въ Гомбургъ. Отвѣтъ получился неблагопріятный: не знали, куда Шершевскій уѣхалъ. Положеніе М. М. съ часу на часъ ухудшалось, однако, онъ настолько былъ увѣренъ въ своемъ выздоровленіи, что просилъ Е. Ю. сходить осмотрѣть новую квартиру и, увидѣвъ ее уходящею, дѣлалъ ей прощальные знаки рукою. Вечеромъ докторъ, къ моему удивленію, отозвалъ меня въ сторону и сказалъ: „Случился поворотъ къ худшему—больному не хорошо, телеграфируйте дочерямъ, чтобы пріѣхали, а женѣ не говорите, она разстроена, отъ нея надо пока скрывать“.

До послѣдней минуты своей жизни М. М. былъ въ полномъ сознаніи. „Видишь,—сказалъ мнѣ М. М., крѣпко сжимая мою руку,—вотъ чего добились доктора“.

Жена М. М. не отходила отъ постели больного; она все надѣя-

лась на консультацію и велѣла послать телеграмму Лёбе. Съ больнымъ вдругъ случился обморокъ, рвота стала учащаться. Докторъ (гомбургскій) не отходилъ отъ больного; велѣлъ дать больному шампанскаго, дѣлалъ подкожное впрыскиваніе камфорою. Я чувствовалъ приближеніе конца и страшно мнѣ стало въ эти ужасныя минуты. „Спать хочу“,—слабо произнесъ умирающій.—„Дайте ему спать“,—умоляющимъ голосомъ сказала Е. Ю.; она крѣпко держала руку М. М. и постоянно цѣловала и ласкала его. Докторъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ: „Пульса нѣтъ, онъ умираетъ“.

Докторъ слушаетъ сердце, даетъ нюхать спиртъ больному и дѣлаетъ мнѣ знакъ.

„Нѣтъ, онъ заснулъ“,—кричитъ Е. Ю. Я цѣлую руку великаго учителя. И вотъ, онъ спитъ.

„Докторъ, дайте ему что-нибудь, чтобы онъ проснулся!“—продолжаетъ кричать совершенно уже обезумѣвшая вдова.

32 года тому назадъ М. М. взялъ меня, неизвѣстнаго ему мальчика, изъ его родины въ Петербургъ—хотѣлось ему, чтобы и я питался той духовной пищей, которая была для него священной. Теперь на мою горькую долю выпала судьба везти его въ Петербургъ, увы, не живого, но геніальная его душа вылита уже въ его твореніяхъ, она не умерла; пускай и тѣло его будетъ тамъ, гдѣ отразилась его великая душа!

Хочу прибавить нѣкоторыя ужасныя подробности, сопровождавшія смерть великаго художника. Когда перевезли больного М. М—а изъ Франкфурта въ Гомбургъ, то проф. Норденъ, завѣдующій франкфуртской больницей, не могъ такъ часто посѣщать больного, и онъ вмѣсто себя пригласилъ гомбургскаго врача Л., который, живя недалеко, долженъ былъ ежедневно посѣщать больного и о своихъ посѣщеніяхъ отдавать отчетъ профессору Нордену. Отношенія этого доктора Л. къ больному, его поведеніе, какъ врача и какъ человѣка, такъ изумительны, что я считаю нужнымъ предать ихъ гласности. Докторъ Л.—высокій, полный, на видъ очень приличный, всегда франтовски одѣтый, въ бѣлой жилеткѣ и въ цилиндрѣ, съ клеймомъ „славнаго“ нѣмецкаго студенчества на лицѣ—съ перваго же знакомства обнаружилъ такія странности, что я ближе сталъ присматриваться къ нему. Мелочи, въ родѣ того, что онъ, приходя къ тяжко больному, находилъ время говорить вздоръ съ сестрой милосердія, съѣдать шоколадъ, который онъ находилъ въ ящикахъ, выписывать изъ Берлина свѣжую икру для больного и, въ видѣ пробы, почти все съѣдать, — все это я не находилъ нужнымъ кому-либо сообщать, въ виду серьезности положенія больного. Состояніе здоровья М. М—а разомъ ухудшилось. Е. Ю. и я настаивали на консиліумѣ, и я прошу доктора Л. вызвать изъ Вюрцбурга знаменитаго доктора Лёбе. „А знаете ли,—отвѣчаетъ мнѣ докторъ,—что Лёбе меньше чѣмъ за 600 марокъ не пріѣдетъ? Деньги крупныя, я-бы отъ нихъ не отказался. Къ чему вамъ Лёбе? Можете

ихъ мнѣ передать“,—насмѣшливымъ тономъ возразилъ мнѣ докторъ, которому ужъ тогда было извѣстно критическое положеніе больного. На мои частые вопросы, въ чемъ состоитъ болѣзнь М. М—а, опасна-ли она, и каковъ можетъ быть исходъ этой болѣзни, этотъ докторъ всегда меня успокаивалъ, хотя былъ со мной всегда откровененъ. По его мнѣнію, которое было согласно съ мнѣніемъ профессора Нордена, больной долженъ былъ поправиться. Проф. Н. пріѣзжалъ къ больному три раза въ недѣлю, выслушивалъ отчетъ отъ доктора Л. и дѣлалъ предписанія. Докторъ Л. же самъ никогда ничего не предпринималъ въ лѣченіи, хотя-бы перемѣна въ больномъ совершилась на его глазахъ въ очень сильной степени. М. М., замѣчая полную пассивность въ лѣченіи доктора Л., часто мнѣ говаривалъ: „Это не докторъ, а какой-то мозольный операторъ“.

Неожиданно для всѣхъ случился поворотъ въ здоровьѣ М. М—а къ худшему. Ясно стало даже для докторовъ, что наступаетъ смерть, и профессоръ Н. велѣлъ Л. не отходить отъ больного. И дѣйствительно, смерть приближалась быстрыми шагами. Все засуетилось, всѣ заволновались. Пульсъ больного падаетъ, силы уходятъ. И въ это время докторъ Л. отлучается отъ больного, и въ слѣдующей комнатѣ пьетъ шампанское, которое давалось въ послѣднія минуты умирающему. „Пожалуй, онъ сегодня ночью умретъ“,—говоритъ мнѣ весь раскраснѣвшійся, тучный докторъ. Наконецъ дѣлается вспрыскиваніе шприцомъ камфоры больному. „Онъ сейчасъ-же умретъ,—говоритъ мнѣ на ухо докторъ,—ничто теперь не поможетъ“. И взявъ со стола шприцъ, съ которымъ онъ недавно сдѣлалъ инъекцію больному, онъ говоритъ сестрѣ милосердія: „Ну, ужъ эта штука вамъ теперь не нужна; она мнѣ очень пригодится“,—и кладетъ шприцъ въ карманъ. „Что за противная жадность у этого доктора!“—говоритъ мнѣ возмущенная и въ то-же время трусливая сестра милосердія послѣ ухода доктора.

Ужасный моментъ насталъ. Вдова съ сухими раскрытыми глазами стоитъ остолбенѣвшая. Я пишу телеграмму. Въ это время подходитъ ко мнѣ докторъ Л. и говоритъ: „Я выписалъ изъ Берлина ещеодну порцію икры; что прикажете съ ней сдѣлать? Она завтра должна прибыть изъ Берлина“.—„Что хотите, то и дѣлайте“, — отвѣчаю я разсѣянно. „Но надо заплатить 17 марокъ“, — продолжаетъ меня тиранить докторъ.—„Заплачу, заплачу“,—отвѣчаю я. „Что же, вамъ принести эту икру?“—„Кушайте сами, или бросьте!“—вскрикнулъ я неосторожно, выходя совершенно изъ себя. Къ счастью, оцѣпенѣвшая отъ ужаса смерти вдова не слышала нашего разговора, который происходилъ возлѣ нея.

Лишнее говорить, что̀ я испытывалъ въ этотъ вечеръ и въ эту ночь. Мнѣ надо было смотрѣть за больной вдовой, писать письма, телеграммы, и въ то-же время обдумывать, какъ и гдѣ устроить похороны. На слѣдующій день, утромъ, хозяинъ виллы объявилъ мнѣ, что смерть, происшедшая въ его виллѣ, нанесетъ ему большой ущербъ и что тѣло М. М—а надо увезти въ тотъ же день вечеромъ. Пришлось хлопотать, устроить то, о чемъ я никогда въ жизни понятія не имѣлъ и

что было весьма трудно въ такомъ модномъ мѣстѣ, какъ Гомбургъ, гдѣ все устроено для удовольствія и удобства гостей и гдѣ скрываютъ все, что касается смерти и печали.

Среди всѣхъ этихъ хлопотъ и тревогъ я получаю письмо отъ доктора Л.: проситъ онъ, чтобы уплатить по счету ему деньги. Смотрю—по счету ему слѣдуетъ 600 марокъ. Это въ десять дней, и если считать его визиты по два раза въ день и по 10 марокъ за визитъ, какъ значится на его счетѣ, если считать, что весь послѣдній вечеръ онъ провелъ у постели умирающаго, то все-таки все вмѣстѣ не превышаетъ 300 м. Еще наканунѣ, Л., предупреждая меня о томъ, что онъ мнѣ представитъ счетъ, высказалъ то, что Н. можно уплатить въ Парижѣ. И вотъ, не желая, съ одной стороны, безпокоить Е. Ю., съ другой стороны—огорчить ее тѣмъ, что Л. проситъ лишнее, я рѣшилъ и его уплату отложить на послѣ, одновременно съ Н., и объ этомъ ему сообщилъ. Но черезъ короткій промежутокъ времени Е. Ю. получаетъ письмо въ видѣ формальнаго векселя отъ доктора Л., съ требованіемъ ея подписи. Это недовѣріе и грубость возмутили Е. Ю., и она подтвердила, что уплатитъ послѣ, такъ же, какъ и Н., который между тѣмъ успѣлъ уже представить свой счетъ, очень скромный (за шестинедѣльное лѣченіе—800 м.).

Въ это время пріѣхали дочери М. М—а, которыхъ я наканунѣ вызвалъ по телеграфу. Встрѣча была ужасная. Я безотлучно находился у несчастныхъ вдовы и сиротъ. Но хозяинъ виллы меня вызываетъ: „Васъ ждетъ тутъ правительственный комиссаръ; именемъ закона онъ васъ требуетъ немедленно къ объясненію по одному судебному дѣлу“. Растерянный, я предсталъ предъ чиновникомъ, который мнѣ объявилъ, что на m-me Антокольскую поданъ докторомъ Л. искъ и что онъ, чиновникъ, долженъ немедленно взыскать 700 м. (100 м. въ видѣ залога за судебныя издержки), иначе онъ долженъ приступить къ описи имущества. „Поторопитесь, — прибавляетъ строго чиновникъ,—теперь 8 часовъ, а въ 9 часовъ мои обязанности кончаются. Такъ или иначе, скажите ваше рѣшеніе“.—„Хорошо, я самъ поговорю съ вдовой“. Вѣроятно, ужъ очень я перемѣнился въ лицѣ, что когда вернулся въ комнату, то Е. Ю. спросила: „Что съ вами случилось? что тамъ такое?“—„Ничего особеннаго,—стараясь заглушить свое волненіе, отвѣчаю я,—докторъ Л. настаиваетъ на своемъ: проситъ денегъ, иначе угрожаетъ судомъ“.—„Пускай онъ дѣлаетъ, что хочетъ,—отвѣчаетъ растерянная Е. Ю.,—тутъ дѣло не въ деньгахъ, а въ той грубости, въ той ужасной формѣ, которой пользуется этотъ негодный человѣкъ“. Однако, мнѣ слѣдовало самому рѣшить это дѣло. Чиновникъ меня ждалъ въ бесѣдкѣ; тамъ-же были и хозяинъ и хозяйка виллы. „Имѣетъ-ли право докторъ взыскать деньги, которыя ему не слѣдуютъ“, спрашиваю я у чиновника,—если онъ неправъ и представилъ невѣрный счетъ?“—„Имѣетъ право,—отвѣчаетъ судебный слѣдователь.—Докторъ выразилъ опасеніе, что вы завтра уѣдете, не уплативъ ему гонораръ. Вы должны уплатить, но имѣете право оспаривать его требованіе судомъ—послѣ“.—„Но я прошу васъ выслушать, съ

какой стороны я знаю доктора Л. и почему я противился немедленно уплатить ему деньги“, обратился я къ чиновнику, и разсказалъ ему все, что зналъ о поведеніи и лѣченіи доктора Л. „Что касается до требованія доктора 600 м.,—то я и сестра милосердія можемъ засвидѣтельствовать число визитовъ доктора, вознагражденіе котораго не превышаетъ 300 м.“, прибавилъ я. Мой разсказъ объ алчности и жадности доктора произвелъ впечатлѣніе. Экзальтированная хозяйка пришла въ ажитацію. „Ну, ужъ если на то пошло,—воскликнула она,—то позвольте вамъ сказать, что мы всѣ хорошо знаемъ, какой это человѣкъ: докторъ два раза обанкрутился, и вотъ, смотрите: самъ комиссаръ смѣется. Знаете-ли почему? Этотъ Л. и его тоже обманулъ: комиссаръ поплатился разъ 500 м.“.—„Въ такомъ случаѣ,—говорю я комиссару,—я васъ попрошу составить протоколъ“. „Съ удовольствіемъ,—возразилъ расположенный уже ко мнѣ чиновникъ,—но совѣтую вамъ прежде всего все-таки эти 700 м. мнѣ уплатить. Докторъ Л. ихъ не получитъ, деньги эти будутъ у меня. Вы потомъ ихъ получите обратно, когда ваше дѣло рѣшится судомъ или миролюбиво“. Я рѣшился заплатить деньги. Но тутъ не могу пропустить одной комичной подробности: комиссаръ отказывается получить деньги, въ силу того, что мы сидимъ въ бесѣдкѣ, а въ законѣ сказано, что взысканіе денегъ совершается въ домѣ отвѣтчика. „Войдемъ въ домъ“,—говоритъ мнѣ серьезно чиновникъ. И взявъ меня за руку, онъ поднимается со мной черезъ балконъ на веранду виллы. „Здѣсь можете мнѣ деньги вручить: веранда крытая, и можно это считать домомъ“. Я ему даю деньги, онъ серьезно вручаетъ мнѣ квитанцію, и мы возвращаемся опять въ бесѣдку. Долго еще разсказывали мнѣ хозяева виллы объ ужасахъ поведенія доктора Л., разсказывали такъ, точно они впервые его узнали.

Испуганная встрѣтила меня Е. Ю., когда я вернулся домой. Я отъ нея скрылъ все, что происходило въ бесѣдкѣ. Да и не до того намъ всѣмъ было. Надо было приготовиться къ выносу тѣла, ибо, по обычаямъ курорта, выносъ и похороны должны совершаться тайно, ночью, когда всѣ спятъ; да еще, раньше чѣмъ положить тѣло въ гробъ, приходилось показать его дочерямъ, которыя пріѣхали послѣ смерти отца, больныя, разстроенныя. Все должно было совершиться такъ тихо, чтобы не разбудить жильцовъ, отъ которыхъ все скрывалось. Не забуду я этотъ ужасный выносъ: торопливо заколотили наскоро простой досчатый гробъ, и заднимъ ходомъ незнакомые мнѣ люди вынесли его тихо въ садъ, а оттуда, въ темнотѣ, безъ фонаря, точно воры, быстро побѣжали съ гробомъ за городъ. Ни единой души не видно было, и кромѣ насъ четырехъ (еще племянникъ М. М—а) и носильщиковъ, никого не было. Мы еле поспѣвали за гробомъ. Еврейская часовня находится далеко за городомъ, на кладбищѣ, въ пустынномъ мѣстѣ. Бѣдность обстановки часовни скверно подѣйствовала на вдову. „Это онъ долженъ въ сараѣ стоять!“—вскрикнула она.

Поздно, утомленные, усталые, не находя нигдѣ кареты, мы вернулись домой, совершенно разбитые. Всю ночь мнѣ не спалось, а ужъ

рано утромъ я телеграфировалъ профессору Н. во Франкфуртъ, что хочу его видѣть. Хотя день у профессора былъ непріемный, но онъ мнѣ назначилъ особенный пріемъ. Пріѣхалъ я поговорить съ нимъ о Л. и разсказалъ ему все, что произошло. „Не въ деньгахъ тутъ дѣло,—закончилъ я свой разсказъ,—m-me Антокольская такъ дорожитъ памятью своего мужа, что вопросы денежные не имѣютъ тутъ мѣста. Но ее оскорбляетъ то недовѣріе, которое оказываетъ этотъ алчный докторъ“.—„Онъ неправъ,—отвѣчаетъ мнѣ равнодушно Н.,—какъ человѣка я доктора Л. впрочемъ мало знаю. Совѣтую съ нимъ поговорить; онъ долженъ цѣну сбавить. Пускай онъ вамъ напишетъ спеціальный счетъ“.—„Но вы его рекомендовали,—отвѣчаю я профессору,—вамъ бы слѣдовало ему сдѣлать внушеніе, ибо если вы этого не сдѣлаете, то m-me Антокольской, какъ иностранкѣ, придется обратиться къ баде-комиссару или къ русскому послу, и тогда пятно ляжетъ не на одного Л., а на все сословіе гомбургскихъ врачей“. Это, видно, смутило профессора: „Хорошо, я съ нимъ поговорю по телефону“.

По возвращеніи въ Гомбургъ мнѣ подали письмо отъ адвоката доктора Л., который требуетъ меня въ свой кабинетъ для мирнаго улаженія дѣла „Антокольскій—Л.“. Однако адвокатъ началъ съ того, что предложилъ мнѣ прочитать законъ, по которому Л. имѣетъ право взыскать съ меня денегъ столько, сколько онъ проситъ.—„Не для чтенія законовъ я былъ приглашенъ вами, а для мирныхъ пореговоровъ. Л. не имѣетъ права подать въ судъ и требовать 600 м., которыя ему не слѣдуютъ“. И разсказалъ я адвокату о поведеніи Л. „Я знаю Л.—возразилъ мнѣ молодой адвокатъ,—онъ дѣйствительно не очень-то важный человѣкъ“.—„Въ такомъ случаѣ, почему вы защищаете интересы неважнаго человѣка?“—спрашиваю я.—„Что прикажете дѣлать?—сконфуженно отвѣчаетъ защитникъ Л.—Гомбургъ—это курортъ, а вы знаете, какъ на курортахъ все основано на наживѣ. Доктора стараются пользоваться тѣмъ короткимъ временемъ, когда пріѣзжаютъ иностранцы“.—„Я думаю, въ вашихъ законахъ, въ Германіи,—отвѣчаю я,—законъ о порядочности обязателенъ какъ для докторовъ, такъ и для адвокатовъ, безъ различія мѣста, гдѣ дѣйствуетъ этотъ законъ о порядочности“. Мой адвокатъ послѣ этихъ словъ совсѣмъ принялъ робкій видъ. „Въ такомъ случаѣ сами скажите, съ чѣмъ вы не согласны въ счетѣ, и что вычеркнете, то будетъ исполнено. Меня уполномочилъ Л. войти съ вами въ полное соглашеніе“. Я ограничился тѣмъ, что вычеркнулъ изъ счета сумму, которую Л. потребовалъ за свои какія-то совѣщанія съ профессоромъ Н. „Это мало; слѣдовало бы еще сократить его гонораръ“, говорю я.—„Ну, докторъ наказанъ уже,—отвѣчаетъ мнѣ адвокатъ,—вѣдь онъ еще долженъ изъ своихъ денегъ мнѣ 100 м. дать за мои труды“.—„Не завидны ваши труды,—отвѣчаю я.—А что касается до счета Л., то пускай онъ напишетъ новый спеціальный счетъ; а то, что вы вычеркиваете, до меня не касается, ибо не торговаться я пришелъ, а проучить смѣлаго доктора“. И, не подавъ руки адвокату, я вышелъ изъ кабинета.

Но дома меня ждали новые сюрпризы: начали сыпаться счеты вродѣ докторскаго: еврейская община, въ часовнѣ которой гробъ стоялъ два дня, потребовала отъ меня 600 м. „За что такъ много?"— спрашиваю я у представителя общины (онъ-же и хозяинъ большой гостинницы), къ которому я пошелъ объясняться по этому поводу. „Вѣдь Антокольскій извѣстный человѣкъ, которымъ община должна гордиться; а вы только наказываете несчастную вдову, взыскивая отъ нея безъ всякаго повода крупныя деньги".—„Признаюсь,—отвѣчаетъ мнѣ благотворитель на мои прямые вопросы,—мы пользуемся здѣсь въ этомъ курортѣ иностранцами, ибо сюда пріѣзжаютъ все богатые люди, и сборы отъ мертвыхъ—это нашъ главный доходъ".—„Да, но чѣмъ руководствуетесь вы, назначивъ такую большую сумму въ 600 м.?"—„Намъ сообщаютъ, кто какъ живетъ,—отвѣчаетъ мнѣ содержатель гостинницы, онъ-же и представитель общины.—На прошлой недѣлѣ мы взяли отъ другого полторы тысячи, а сумма въ 600 м. еще скромная". Результатомъ моихъ разговоровъ съ этими благотворителями было то, что на слѣдующій день я получилъ дополнительный счетъ въ 50 м. Но самое для меня ужасное было впереди: мнѣ предстояла непріятность развязаться съ хозяиномъ виллы, который, возмущавшись Л. и его алчностью, подалъ счетецъ сперва на 1,000 (за постель) и потомъ дополнительный счетъ. Затѣмъ пришлось мнѣ имѣть дѣло съ комиссіонеромъ, который взялся хлопотать объ отправкѣ тѣла въ Россію. Этотъ комиссіонеръ, рекомендованный мнѣ докторомъ Л. какъ спеціалистъ-хирургъ, оказался преглупымъ цирюльникомъ. Онъ все путалъ, суетился и, боясь расходовъ, за все дороже платилъ. Пришлось мнѣ самому узнать, какъ и когда надо отправить тѣло. Назначенъ былъ часъ, когда тѣло изъ часовни перевезутъ на вокзалъ и поставятъ въ приготовленный для этого спеціальный вагонъ. Но какъ разъ въ этотъ часъ долженъ былъ состояться въ городѣ фейерверкъ и иллюминація по поводу годовщины американской республики. Я торопился, и постановка гроба въ вагонъ совершилась раньше, въ присутствіи нѣкоторыхъ членовъ еврейской общины и только трехъ русскихъ, пріѣхавшихъ нарочно изъ Наугейма. Вагонъ съ гробомъ переночевалъ въ Гомбургѣ, а на слѣдующій день утромъ мы всѣ отправились во Франкфуртъ. Тамъ я узналъ, что скорымъ поѣздомъ тѣло можетъ слѣдовать только до Берлина, а оттуда вагонъ долженъ идти медленнымъ поѣздомъ; такимъ образомъ будетъ неизвѣстно, когда гробъ можетъ прибыть въ Россію. Е. Ю. послала телеграмму нашему послу въ Берлинѣ, прося его ходатайствовать о томъ, чтобы разрѣшили траурному вагону слѣдовать скорымъ поѣздомъ.

Въ Берлинъ мы прибыли вечеромъ, на Lehrter Bahnhof. Тамъ насъ ожидалъ человѣкъ изъ посольства, по имени Ю. Онъ сообщилъ намъ, что посольство ничего не можетъ сдѣлать по нашему ходатайству и что ему поручили оказать услуги, какія потребуютъ отъ него. Долго приходилось намъ рѣшать, какими поѣздами можно ѣхать въ Россію. Рѣшено было гробъ отправить на слѣдующій день утромъ, медленнымъ поѣздомъ, а намъ самимъ ѣхать вечеромъ того-

же дня скорымъ поѣздомъ. Съ гробомъ былъ посланъ лакей Е.Ю—ы, французъ François, не говорившій ни слова по-нѣмецки. Но посольскій слуга Ю. сказалъ, что онъ все устроитъ. „Я телеграфирую на границѣ, въ Эйдткуненѣ, моему знакомому, г-ну Г., чтобы онъ встрѣтилъ траурный вагонъ, отправилъ его дальше, а затѣмъ, когда и вы пріѣдете, чтобъ онъ и васъ встрѣтилъ“. По моему расчету вышло такъ, что если гробъ не будетъ задержанъ на русской границѣ, то 5 іюля въ 8 ч. утра онъ долженъ прибыть въ Петербургъ; объ этомъ я телеграфировалъ въ Петербургъ. По увѣренію Ю., никакія задержки на границѣ не могутъ случиться, разъ агентъ Г. будетъ за насъ хлопотать. Услуги Ю. обошлись намъ не очень дешево; однако мы были очень рады, что все устроилось.

Когда мы пріѣхали въ Эйдткуненъ, я увидѣлъ на дебаркадерѣ провожатаго François съ господиномъ, который оказался Г. Конечно, первый мой вопросъ былъ, отправится-ли траурный вагонъ съ нами вмѣстѣ дальше? „Нѣтъ, скорымъ поѣздомъ вагонъ не пойдетъ; но не безпокойтесь и не торопитесь: всякое дѣло требуетъ хладнокровія“, отвѣчаетъ съ достоинствомъ полный, довольный собой агентъ, имѣющій видъ богатаго купца, съ большой золотой цѣпью на жилетѣ, на которой болтается много брелоковъ и жетоновъ. „Да, но это несчастіе для насъ, если вагонъ не поѣдетъ теперь съ нами,—раздраженно возражаю я,—ради Бога, устройте, что можете. Мы всѣ разстроены, больны и сидѣть на границѣ не можемъ. Притомъ въ Петербургѣ насъ ждутъ, и разъ уже мы отмѣнили пріѣздъ.“—„Молодой человѣкъ, отвѣчаетъ мнѣ агентъ, взявъ меня подъ руку, — я не люблю, чтобы со мной много говорили. Я сказалъ, что пока до Вержболова нечего толковать. Я положительный человѣкъ и лишнихъ разговоровъ не люблю. Лучше вотъ что мнѣ скажите: зачѣмъ вы прислали этого идіота француза? Онъ меня тутъ извелъ въ эти три часа, что ждемъ здѣсь. За мной все онъ ходитъ и на меня все смотритъ. Приказалъ я ему сидѣть въ вагонѣ, но стоитъ мнѣ отвернуться, какъ онъ выскакиваетъ и за мною слѣдомъ идетъ. Вотъ любуйтесь, посмотрите, онъ опять вылѣзъ изъ вагона“. И въ это время онъ грозитъ кулакомъ французу. Вспомнилъ я, что наканунѣ Е. Ю. наказала французу, чтобы онъ предлагалъ свои услуги этому агенту. Мнѣ въ эту грустную минуту смѣшно стало. „Вѣдь онъ хочетъ быть вамъ полезнымъ“, говорю я заискивающимъ голосомъ строгому агенту.—„Мнѣ полезнымъ! Только я одинъ могу быть полезнымъ. Вотъ ужъ 25 лѣтъ, какъ я дѣйствую на границѣ. Всѣ прибѣгаютъ къ моей помощи; никто не проѣдетъ мимо меня“. И какъ-бы въ подтвержденіе этихъ важныхъ словъ, онъ фамильярно подаетъ руку мимопроходящему начальнику станціи. Пробовалъ я опять поднять вопросъ объ отправкѣ тѣла М. М—а, но агентъ на меня прикрикнулъ: „Что я вамъ сказалъ? Ни слова до Вержболова!“ Пришлось мнѣ успокаивать Е. Ю. и ждать. Когда мы пріѣхали въ Вержболово, то Г., указавъ мнѣ на начальника станціи, сказалъ: „Ну вотъ, подите къ нему, онъ вамъ все скажетъ“. Начальникъ мнѣ отвѣтилъ, что скорымъ поѣздомъ дѣйстви-

тельно нельзя отправить гробъ, а пассажирскими поѣздами очень долго придется ждать. „Отъ кого это зависитъ?“ спрашиваю я. „Отъ начальника дороги въ Петербургѣ“.—„А если я пошлю телеграмму съ прошеніемъ прицѣпить вагонъ къ скорому поѣзду?“ спрашиваю я.—„Но отвѣтъ не поспѣетъ во-время“, отвѣчаетъ мнѣ начальникъ станціи. Сталъ я просить, умолять, и въ концѣ концовъ начальникъ умилостивился, рѣшилъ сейчасъ-же отправить вагонъ съ тѣломъ М. М—а, но чтобы я сейчасъ-же послалъ телеграмму начальнику дороги. „Что я вамъ сказалъ?“ говоритъ мнѣ Г., когда я ему сообщаю объ этой радостной вѣсти. „Главное хладнокровіе и неторопливость. Теперь дайте мнѣ деньги, сколько у васъ есть. Я вамъ все устрою, отправлю вагонъ, возьму вамъ билеты,—но съ условіемъ: чтобы вы сидѣли въ буфетѣ и меня-бы не безпокоили“. Въ буфетѣ мнѣ потребовалось уплатить за кушанье, и я пошелъ мѣнять оставшіяся у меня нѣмецкія деньги на русскія, но въ размѣнной кассѣ никого не оказалось. Ждалъ я долго, и наконецъ встрѣчаю Г. „Что вы тутъ дѣлаете?“ спрашиваетъ онъ меня сердито. „Я тутъ жду безтолковаго мѣнялы, который вмѣсто того, чтобы сидѣть въ своей лавочкѣ, чортъ знаетъ гдѣ гуляетъ“.—„Пойдемте, тамъ мѣняла“, и взявъ меня за руку, оставляетъ меня въ лавкѣ, а самъ проходитъ къ кассѣ. „Ну гдѣ-же мѣняла?“ удивленно обращаюсь я къ Г. „Сколько вамъ нужно мѣнять?—добродушнымъ тономъ отвѣчаетъ Г.—Я самъ мѣняла. Я все. Вотъ вамъ билетъ и вотъ вамъ квитанція, и дайте мнѣ еще денегъ; вашихъ не хватало“.—„А вамъ за труды?“ спрашиваю я.—„Г. за труды не даютъ,—самодовольно отвѣчаетъ агентъ, мѣняла, купецъ. Я все дѣлаю даромъ. Только когда обратно проѣдете, не забудьте меня телеграммой извѣстить. Я тутъ буду и все вамъ устрою“. Когда мы сѣли въ вагонъ, то дамы мои пришли въ ужасъ: вмѣсто спальнаго вагона, который мы заказали, мы получили обыкновенныя мѣста. „Что-же вы сдѣлали?—спрашиваю я Г.,—вѣдь мы просили спальный вагонъ“.—„Сидите, не безпокойтесь,—равнодушно отвѣтилъ нашъ благодѣтель,—мало-что вы просили; тутъ лучше“. И дѣйствительно, потомъ оказалось, что въ этомъ вагонѣ мы были одни и никто насъ не тревожилъ.

„Слава Богу, наконецъ-то мы поѣдемъ спокойно, безъ пересадки“, утѣшали мы другъ друга. Я послалъ телеграмму въ Петербургъ, что непремѣнно на слѣдующій день утромъ пріѣдемъ. Стали мы устраиваться.

„Какъ въ Россіи тихо, спокойно“, сказали мнѣ дочери М. М—а, никогда не бывавшія въ Россіи. „Бѣдный мужъ мой; умеръ одинъ на чужбинѣ, а теперь и похороны будутъ малолюдны“, сказала съ грустью Е. Ю. „Очень можетъ быть, что на похоронахъ многіе изъ его друзей не будутъ,—отвѣтилъ я.—Теперь лѣто, всѣ на дачѣ, и Петербургъ пустуетъ“. Съ любопытствомъ смотрѣли мы всѣ въ окно и удивлялись той тишинѣ, которая послѣ заграницы такъ поражаетъ путешественника, особенно впервые пріѣхавшаго въ Россію.

Подъѣзжая къ Ковно, я замѣтилъ какое-то движеніе на платформѣ, которая была наполнена народомъ, и при приближеніи поѣзда масса на-

роду двинулась къ нашему вагону. До меня доносились крики: „Гдѣ онѣ? въ которомъ вагонѣ?“—„Здѣсь, здѣсь!“ закричалъ кто-то. „Впередъ! пропустите депутацію! Вѣнки сюда несите!“ И толпа со страшнымъ шумомъ ворвалась въ нашъ вагонъ. Я испугался, предполагалъ, что это пассажиры, желающіе занять наши мѣста. Въ голову мнѣ не пришло, что это насъ ожидаетъ депутація отъ города. „Гдѣ тутъ семейство Антокольскаго?“ закричали какіе-то незнакомые мнѣ люди. „Просимъ ихъ выйти изъ вагона; депутація хочетъ возложить вѣнки на гробъ Антокольскаго. Надо торопиться; поѣздъ стоитъ всего десять минутъ“. Мы всѣ побѣжали къ траурному вагону, у котораго стояли пѣвчіе и масса народу. При пѣніи вскрытъ былъ вагонъ и служили панихиду. Съ трудомъ мы могли пробраться обратно къ нашимъ мѣстамъ. Нашъ вагонъ окружила толпа, которая безмолвно стояла, вся съ непокрытой головой, ожидая отхода поѣзда. Депутація отъ ковенскихъ евреевъ провожала насъ до Вильны. Вдова и сироты М. М—а были поражены этой неожиданной встрѣчей, и онѣ долго не могли придти въ себя отъ волненія. „Васъ ожидаетъ особенная встрѣча въ Вильнѣ,—сказали мнѣ ковенскіе депутаты,—ужь второй день, какъ тамъ идутъ приготовленія. Васъ ждутъ ко всякому поѣзду и намѣреваются продержать тѣло М. М—а довольно долго. Всѣ настаиваютъ на томъ, чтобы похороны были въ Вильнѣ“.

Тутъ я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе и объяснить, почему вышло такъ, что М. М—а похоронили въ Петербургѣ. Сейчасъ послѣ смерти М. М—а я задалъ вопросъ Е. Ю—ѣ, гдѣ будутъ похороны, и она сперва назвала городъ Флоренцію. „Маркуша страшно любилъ Флоренцію,—говорила, плача, безутѣшная вдова.—Какъ мы были счастливы въ первое время во Флоренціи! Это была лучшая пора нашей жизни“.—„Но во Флоренціи никого изъ близкихъ вамъ людей нѣтъ теперь, — возразилъ я.—Притомъ съ тѣхъ поръ прошло уже двадцатьпять лѣтъ, и важнѣйшая пора жизни М. М—а прошла уже внѣ Италіи“.—„Ну, въ такомъ случаѣ,—отвѣчаетъ Е. Ю.,—я похороню его въ Парижѣ, хотя Маркуша не особенно любилъ Парижъ“.—„А мнѣ кажется, что М. М—а слѣдуетъ похоронить въ Россіи,—сказалъ я,—и лучше всего, совѣтую вамъ, рѣшить этотъ вопросъ сообща съ близкими друзьями М. М—а“. По моему совѣту Е. Ю. послала телеграмму въ Петербургъ къ нѣкоторымъ истиннымъ друзьямъ М. М—а. Отвѣтъ получился такой, что М. М. своей дѣятельностью, своей жизнью принадлежитъ Россіи, и похороны слѣдуетъ сдѣлать въ Петербургѣ. Мы остановились на этомъ рѣшеніи. Но на слѣдующій день мы получили длинныя телеграммы изъ Вильны: городъ настойчиво проситъ предать родной землѣ тѣло М. М—а, согражданина Вильны. Е. Ю., отвѣтивъ о своемъ рѣшеніи, попросила ихъ снестись по этому поводу съ петербургскими друзьями.

И вотъ, теперь ковенцы сообщили мнѣ, что депутація виленскихъ евреевъ намѣрена ѣхать въ Петербургъ съ ходатайствомъ о томъ, чтобы послѣ совершенія панихиды въ Петербургѣ тѣло привезти обратно въ Вильну для погребенія.

Вдова и дѣти М. М—а съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія поѣзда въ Вильну, родину любимаго мужа и отца. Еще на огромномъ разстояніи отъ вокзала я, выглянувъ въ окно вагона, былъ пораженъ необычайнымъ зрѣлищемъ: масса народа заполняла все то мѣсто, гдѣ находился вокзалъ, такъ что казалось, и поѣзду невозможно подъѣхать къ мѣсту. Какъ море, все волновалось, и шумъ отъ многотысячной толпы еще за версту страшно поражалъ мое ухо. Что-то стихійное было въ этой толпѣ. Я предупредилъ моихъ спутницъ, что въ Вильнѣ предстоитъ особенная встрѣча и чтобъ онѣ не слишкомъ волновались. Съ трудомъ поѣздъ подошелъ къ вокзалу, точно врѣзавшись въ черную массу толпы. Съ трудомъ мы выбрались изъ вагона, требовалось невѣроятное усиліе, чтобы не быть затертымъ въ неимовѣрно возбужденной толпѣ. Траурный вагонъ отцѣпили, и несмотря на всѣ наши доводы, что въ Петербургѣ насъ ждутъ,—насъ не выпустили. Въ вокзалѣ насъ ожидала депутація отъ города съ городскимъ головой во главѣ, и депутаціи отъ многихъ обществъ. Безчисленные вѣнки были возложены на гробъ при пѣніи еврейскихъ пѣвчихъ. Были произнесены рѣчи. Скопленіе народа было такое, что ни поѣздная прислуга, ни полиція не могли остановить то движеніе, которое уже подготовлялось заранѣе, словомъ, случилось то, что обыкновенно бываетъ при стеченіи возбужденной многотысячной толпы. Цѣлый часъ продолжались рѣчи депутатовъ и панихиды. Слѣдовало намъ войти въ вагонъ, но это было тогда немыслимо, хотя безпорядка никакого не было, но тѣснота мѣшала всякому движенію. Такого скопленія народа сами виленцы никогда не видали. Насъ привели въ вагонъ начальникъ станціи и вся поѣздная прислуга. Въ вагонъ вмѣстѣ съ нами вошла депутація отъ виленскихъ евреевъ. Вся многотысячная толпа съ обнаженными головами кланялась вдовѣ, которая, рыдая, не могла отвести глазъ отъ окружающаго. Съ дѣтьми сдѣлалось дурно; пришлось пригласить доктора. „Нѣтъ, нѣтъ, ничего подобнаго я не воображала,— сказала мнѣ разстроенная вдова, когда поѣздъ тронулся. „Вотъ Россія, вотъ гдѣ папа родился“—сказали мнѣ дочери, когда пришли въ себя.—Это было что-то такое грандіозное, что мы, парижане, рѣдко видимъ“.

Все время дороги Е. Ю. и дѣти были въ страшномъ возбужденіи. Виленская исторія въ меньшихъ размѣрахъ повторилась въ Двинскѣ и въ другихъ городахъ, и утромъ, когда мы прибыли въ Петербургъ, то Е. Ю. и дѣти отъ нервнаго напряженія не чувствовали усталости отъ дороги, ни слабости отъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ за послѣднее время за границей.

Илья Гинцбургъ.

Похороны М. М. Антокольскаго.

Сегодня уже съ 7 час. утра народъ густой толпой направлялся по Вознесенскому и Измайловскому проспектамъ, а также по прилегающимъ къ нимъ улицамъ и переулкамъ къ варшавскому вокзалу.

Къ 8 час. утра на вокзалъ почти невозможно было пробраться. Не взирая, однако, на чрезвычайно громадное скопленіе публики, порядокъ все время былъ образцовый. Толпа въ благоговѣйномъ молчаніи окружила траурный вагонъ, гдѣ стоялъ дубовый гробъ почившаго М. М. Антокольскаго.

Весь вагонъ былъ наполненъ вѣнками. Къ $8^1/_2$ часамъ прибыла вдова покойнаго и его дочери, въ сопровожденіи В. В. Стасова, бароновъ Г. О. и Д. Г. Гинцбурговъ, М. А. Варшавскаго. Гробъ былъ на рукахъ вынесенъ на платформу,—раздалось стройное и трогательное пѣніе пѣвчихъ. Въ толпѣ слышны были рыданія,—плакали родственники, друзья и почитатели Марка Матвѣевича. Окончено было краткое богослуженіе и процессія медленно двинулась впередъ. Толпа росла и, приближаясь къ синагогѣ, она достигла нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ.

Къ $10^1/_2$ час., когда траурная процессія прибыла къ синагогѣ, весь прилегающій къ синагогѣ дворъ и большая часть Малой Мастерской улицы были сплошь заполнены народомъ. Огромная толпа народа, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, тщетно старалась проникнуть внутрь храма. Послѣдній былъ полонъ уже почти съ самаго утра. Всѣ мѣста на хорахъ были сплошь заняты самой разнообразной публикой. Не было никакой физической возможности помѣстить хотя-бы еще одного человѣка. Мѣста внизу были также наполовину заняты значительно раньше до прибытія процессіи. Допускъ публики въ синагогу пришлось заранѣе прекратить. Незначительная сравнительно часть свободныхъ мѣстъ въ синагогѣ была оставлена лишь для родственниковъ, близкихъ покойнаго и депутацій. Распорядителямъ пришлось выдержать сильный напоръ огромной толпы, хлынувшей всей массой къ паперти синагоги. Каждому хотѣлось проникнуть въ храмъ, отдать послѣдній долгъ великому художнику—творцу геніальныхъ твореній.

Ближайшіе къ почившему люди, какъ его первый критикъ В. В. Стасовъ и его ближайшій ученикъ И. Я. Гинцбургъ и нѣкоторые другіе, сняли гробъ съ катафалка и на рукахъ пронесли въ синагогу. Впереди шелъ хоръ пѣвчихъ.

Въ храмѣ гробъ былъ установленъ на катафалкъ, чрезвычайно красиво убранный и весь утопавшій въ цвѣтахъ. Внутреннее помѣщеніе синагоги было декорировано очень красиво, стильно и оригинально, съ большимъ художественнымъ вкусомъ. Хоры и мѣста внизу пестрѣли самою разнообразною публикою. Здѣсь находились: художники, писатели, артисты, представители разныхъ свободныхъ профессій и другіе. Среди присутствовавшихъ находились: вице-президентъ Императорской

академіи художествъ графъ Ив. Ив. Толстой, художники-профессора: И. Е. Рѣпинъ, Н. Н. Каразинъ, В. В. Матэ, Ѳ. Р. Рейменъ, В. В. Берштамъ, М. А. Вилліе, Р. Н. Позенъ, А. И. Куинджи, Г. Р. Залеманъ, М. П. Боткинъ, скульпторъ И. Я. Гинцбургъ, К. А. Сдобровскій, секретарь Академіи Лобойковъ, Д. В. Стасовъ, В. С. Кривенко, Н. Ѳ. Соловьевъ, О. К. Нотовичъ, А. А. Луговой, М. М. Ивановъ, А. М. Хирьяковъ, Л. З. Слонимскій, редакторъ „Міра искусства“ Дя-

Съ натуры фотогр. К. Булла.
Выносъ тѣла М. М. Антокольскаго изъ синагоги въ Спб.

гилевъ, сотрудники „Новостей“, „Новаго Времени“, „Петербургскихъ Вѣдомостей“, „Биржевыхъ Вѣдомостей“, „Петербургской Газеты“, „Петербургскаго Листка“, „Herold'а“, „Восхода“, „Будущности“ и нѣсколько депутацій.

Послѣ установки гроба на катафалкъ, началось заупокойное богослуженіе.

Гробъ былъ окруженъ родственниками покойнаго. Среди нихъ находились: супруга покойнаго, двѣ дочери его, два брата, сестра покойнаго и нѣкоторые другіе.

Богослуженіе отличалось чрезвычайною торжественностью.

Во время богослуженія превосходно пѣлъ хоръ пѣвчихъ, подъ управленіемъ М. И. Шнейдера. Раввинъ А. Н. Драбкинъ произнесъ глубоко прочувствованное надгробное слово.

Изъ синагоги въ 11 час. 45 мин. печальная процессія направилась по Офицерской улицѣ, Вознесенскому проспекту, Казанской улицѣ и Невскому проспекту. Улицы и тротуары были переполнены народомъ. Особенно много публики прибавилось на Невскомъ пр. У подъѣзда Николаевскаго вокзала вся площадь была запружена публикой, стоявшей въ ожиданіи прибытія тѣла Антокольскаго. У Казанскаго моста гробъ былъ снятъ съ катафалка и отнесенъ на вокзалъ публикой на рукахъ.

Въ 12 ч. и 12 ч. 30 м. отошли на станцію „Обухово“ 2 поѣзда, переполненные публикой, пожелавшей проводить М. М. до мѣста его вѣчнаго упокоенія. Ровно въ 1 ч. дня отошелъ экстренный поѣздъ съ траурнымъ вагономъ и 7-ю классными вагонами.

На станціи „Обухово“ въ ожиданіи прибытія печальнаго поѣзда собралась масса публики. Со станціи гробъ на рукахъ, болѣе нежели $^1/_2$ версты, былъ перенесенъ на Преображенское кладбище и внесенъ въ синагогу для совершенія заупокойной молитвы надъ тѣломъ покойнаго.

По дорогѣ къ кладбищу, при шествіи погребальной процессіи съ гробомъ Антокольскаго отъ Обуховской станціи до Преображенскаго кладбища, пѣлъ превосходный хоръ еврейскихъ пѣвчихъ синагоги, и цѣлая толпа присутствовавшихъ несла, по древнему обычаю, большіе зажженные факелы въ рукахъ.

Синагоги, какъ въ городѣ, такъ и на кладбищѣ, были художественно убраны. Всюду на столбахъ, вдоль стѣнъ синагоги, были прикрѣплены, среди зеленыхъ вѣнковъ, большіе щиты съ медальонами, содержащими древне-еврейскіе орнаменты, на основаніи рисунковъ драгоцѣннѣйшихъ древне-еврейскихъ рукописей X и XI столѣтія, принадлежащихъ Императорской публичной библіотекѣ. Одни изъ этихъ украшеній представляли священную у евреевъ фигуру „Щитъ Давида“ (Магенъ-Давидъ), другія—священныя растенія и разныя символическія фигуры, въ роскошныхъ краскахъ, и съ золотомъ и съ серебромъ. Между этими медальонами особенную красоту представляли тѣ щиты, на которыхъ стояли иниціалы имени и фамиліи Марка Антокольскаго (М. А.). Эти фигуры были наполнены рисунками драгоцѣнныхъ камней: рубина, сапфира, изумруда и другихъ—въ краскахъ. Такихъ еврейскихъ орнаментовъ нигдѣ въ Европѣ никогда еще не было до сихъ поръ примѣнено. Эти рисунки-медальоны были сочинены съ оригиналовъ профессоромъ архитектуры И. П. Ропетомъ, архитекторомъ Ѳ. Г. Бернштамомъ и ученикомъ профессора Рѣпина, живописцемъ О. Я. Перельманомъ.

Малая синагога Преображенскаго кладбища была вся убрана, начиная съ притвора (или вестибюля) высокими растеніями и зеленью, отъ пола и до потолка, по всѣмъ стѣнамъ, на фонѣ черныхъ драпировокъ.

На могилу покойнаго были возложены вѣнки: отъ Императорской Академіи художествъ, отъ московскаго училища живописи, ваянія и зодчества, отъ города Вильны, отъ двинскихъ единовѣрцевъ, отъ города Ковны, отъ редакцій: „Новостей", „Биржевыхъ Вѣдомостей", „Восхода", „Будущности", отъ Императорскаго Общества архитекторовъ, отъ экспонентовъ весенней академической выставки, отъ с.-петербургской адвокатуры, отъ общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи, отъ А. И. Куинджи, отъ еврейской синагоги, отъ семьи Варшавскихъ, отъ барона Г. О. Гинцбурга, отъ Е. П. Антокольской, племянницы усопшаго, отъ виленскаго городского собранія и др.

Когда гробъ опустили въ могилу, произнесены были рѣчи.

Первымъ говорилъ вице-президентъ Императорской Академіи художествъ, гофмейстеръ Ив. Ив. Толстой. Онъ указалъ на заслуги покойнаго передъ Академіей художествъ и передъ русскимъ искусствомъ. Затѣмъ слѣдовала рѣчь В. В. Стасова:

„Господа присутствующіе! Изъ числа людей, знавшихъ Антокольскаго съ молодыхъ его годовъ, теперь осталось уже немного,—и я одинъ изъ этихъ немногихъ. Я узналъ Антокольскаго, когда ему было всего 24—25 лѣтъ, и съ перваго-же раза, съ перваго-же нашего свиданія я былъ имъ и удивленъ, и пораженъ, и плѣненъ. Я былъ лѣтъ на 20 старше его, я уже видѣлъ много людей на своемъ вѣку, много также и художниковъ нашихъ, иногда замѣчательныхъ и талантливыхъ, но передъ этимъ—я остановился съ невольнымъ, особеннымъ какимъ-то вниманіемъ. Я чувствовалъ въ немъ соединеніе и чудесной души, и чудеснаго ума, и чего-то совершенно оригинальнаго по мысли и таланту. Мнѣ захотѣлось поскорѣе привлечь его поближе къ себѣ, быть съ нимъ вмѣстѣ, слушать его, прислушиваться къ тому, чего онъ хочетъ, что задумываетъ, къ чему стремится. Ничего такого я еще не замѣчалъ у насъ, а особенно въ „скульптурѣ", которой у насъ просто, все равно, что вовсе еще и не было.

И скоро пошли у него одни созданія за другими, одни другихъ лучше, одни другихъ важнѣе. Я имъ любовался, я имъ наслаждался, и, все-таки, у меня въ головѣ далеко не было того, что потомъ съ нимъ сдѣлалось и чѣмъ онъ скоро потомъ сталъ. У великаго датскаго писателя, Андерсена, есть чудная сказка: „Безобразный сѣрый утеночекъ". Вотъ былъ такой сѣрый утеночекъ, и въ немъ, казалось, какъ-будто ничего не было особеннаго. Утеночекъ, да и только. Но онъ подросъ, и носикъ, и головка, и тѣльце, и лапки, и хвостикъ и крылышки—и вышелъ изъ него вдругъ чудный поэтическій лебедь.

Съ Антокольскимъ произошло въ молодыхъ годахъ что-то подобное. Правда, онъ никогда не былъ „безобразенъ" (ни буквально, ни аллегорически), онъ никогда не сдѣлался тоже и лебедемъ. Но превращеніе, подобное Андерсеновскому, съ нимъ, дѣйствительно, произошло. Онъ былъ сначала кто-то и что-то, какъ будто мало замѣтное, а вдругъ вы-

росъ, и какъ скоро, и вышелъ изъ него вдругъ—орелъ! Какъ я радовался, какъ я былъ счастливъ, слѣдя за взмахами его крыльевъ! Какъ меня восхищало то, что онъ, какъ изъ скорлупки негодной, въ которой такъ часто прозябало столько людей, скоро выбрался на широту и свѣтъ, что онъ не оставался въ тѣхъ узкостяхъ, исключительностяхъ и ограниченностяхъ, въ которыхъ иногда съ молодости пребываютъ люди его племени, даже и извѣстные могучимъ летомъ къ идеямъ и постиженіямъ общечеловѣческимъ и всемірнымъ.

Въ молодости Антокольскій былъ какъ-то настроенъ печально и элегично. Онъ, такъ сказать, любилъ останавливаться мыслью и чувствомъ на минусахъ, на погибеляхъ, погибеляхъ по слабости (Спиноза, Сократъ, голова Іоанна Предтечи и др.). Но впослѣдствіи, отъ минусовъ онъ пошелъ къ плюсамъ и, кромѣ Петра I, далъ еще великіе плюсы дѣятельности, созданія и силы (Несторъ, Ермакъ и др.). Но, скажу теперь, послѣ 30 лѣтъ, прожитыхъ мною съ нимъ рядышкомъ, есть у него одно созданіе, которое выше всѣхъ по мысли, по чувству, по несравненной трагичности, по силѣ, по правдѣ, по проповѣди. Это я говорю даже не про его чуднаго „Ивана Грознаго". Я говорю про его еще болѣе чудную „Инквизицію". Тамъ вотъ что было представлено: жирный, отъѣвшійся, самодовольный, тупой испанецъ-кардиналъ, инквизиторъ, спускается въ подвалъ, гдѣ евреи празднуютъ свою Пасху. Всѣ перепугались, всѣ бѣгутъ спрятаться, выскочить вонъ. Но тутъ поднялся среди нихъ, среди обезумѣвшей толпы, опрокинутаго стола, сдернутой скатерти, сыплющейся о полъ посуды,—поднялся мужъ силы, благородства и величія, по красотѣ и энергіи словно воскресшій пророкъ и вождь древности, и говоритъ имъ: „Стойте, куда бѣжите? И зачѣмъ бѣжать? Что, испугались тѣхъ цѣпей, что вотъ тѣ несутъ, бряцая мечами и аллебардами своими? Не надо! Остановитесь! Спасенія, все равно, не будетъ". И этотъ великій моментъ, это великое чувство и силу Антокольскій выразилъ такъ, какъ только великіе умы и таланты дѣлаютъ это въ мгновенныхъ, мимолетныхъ набросках и эскизахъ. Злая судьба послала ему смерть, оттолкнула Антокольскаго отъ его глины и уложила его въ мрачную могилу въ тѣ минуты, когда онъ принялся доканчивать и почти докончилъ мысль и эскизъ своихъ молодыхъ годовъ. А все-таки и тѣ двое, Судьба и Смерть, ничего не подѣлаютъ съ Антокольскимъ и его созданіемъ. Они остаются безсмертными!"

О. О. Грузенбергъ сказалъ:—„Бѣжать... молить о пощадѣ... искать спасенія въ отступничествѣ!.. Нѣтъ! Смѣло и бодро встрѣчайте смерть. Чѣмъ вы лучше тѣхъ, кто были затравлены, замучены, сожжены до васъ? Вы не лучше тѣхъ, кого еще долго будутъ мучить, травить и жечь"—вотъ что намъ безъ словъ говоритъ главная фигура „Инквизиціи" предсмертнаго незаконченнаго произведенія Антокольскаго, о которомъ намъ сейчасъ повѣдалъ В. В. Стасовъ. Этотъ голосъ, эти слова не смолкали въ душѣ Антокольскаго. Они не дали ему пасть въ борьбѣ, они спасли его отъ ужаснаго зла племенной вражды, въ нихъ обрѣлъ онъ силу бороться безъ ненависти, добиваться счастья безъ проклятія.

Пасмурно было утро его жизни. Нищета въ глухой еврейской чертѣ. Насмѣшки... издѣвательства. Настойчиво онъ рвался въ столицу Россіи. Онъ думалъ, онъ вѣрилъ, что здѣсь найдутся люди, которые съумѣютъ подъ клеймомъ жидосостоянія разглядѣть печать геніальности. Онъ не ошибся. Встрѣча съ Стасовымъ, съ Тургеневымъ, съ ихъ благородными друзьями ввела его въ дивный міръ высокихъ идей и свѣтлыхъ чувствъ. Отъ нихъ онъ узналъ, что не въ гоненіяхъ, не въ травлѣ—Россія. Они познакомили его съ священными для каждаго русскаго именами художниковъ, поэтовъ, критиковъ и философовъ. Среди нихъ не было и нѣтъ ни одного, кто будилъ-бы низкіе инстинкты, разжигалъ грубыя вожделѣнія. И Антокольскій зналъ, что грязной волнѣ, поднявшей наверхъ низкіе инстинкты, какъ-бы они долго ни держались, не залить, не загрязнить того, что составляетъ истинную силу и величіе русскаго духа. Онъ вѣрилъ, что рано или поздно благородная терпимость, жажда знаній, правды и красоты одержитъ въ его родной странѣ великую побѣду. Онъ вѣрилъ и крѣпко любилъ Россію, работалъ для Россіи, отдалъ ей всю свою душу и завѣщалъ ей свое тѣло... Но жилъ онъ вдали отъ Россіи. Семья Антокольскаго угадала его предсмертное желаніе: она привезла тѣло въ столицу его родныхъ. Пусть тѣло его будетъ покоиться на еврейскомъ кладбищѣ, но евреи счастливы, что духъ его и его творенія принадлежатъ всей Россіи“.

С. И. Мамонтовъ сказалъ, что тридцать лѣтъ тому назадъ организовался кружокъ лицъ, искренно преданныхъ и горячо любящихъ искусство. Кружокъ этотъ въ теченіе долгихъ лѣтъ не распался, а крѣпко соединился и участники его совсѣмъ сроднились другъ съ другомъ. Горе одного было горемъ всѣхъ. Сердце сердцу вѣсть давало. Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій былъ однимъ изъ лучшихъ участниковъ кружка—и С. И. далъ обѣтъ у открытой могилы великаго скульптора, что кружокъ, несмотря на смерть своей души, былъ, есть и будетъ вѣрнымъ своему завѣту, что нѣсть ни эллина, ни іудея.

Д. П. Сильчевскій въ короткой, но прочувствованной рѣчи высказалъ, что вообще тяжело терять выдающагося человѣка, но вдесятеро тяжелѣе терять генія. Антокольскій былъ величайшій русскій скульпторъ. Хотя по происхожденію онъ и былъ евреемъ, но только съ чисто-русской душой и чисто-русскимъ сознаніемъ можно создать великія произведенія: „Іоанна Грознаго“, „Ермака“, „Ярослава“ и „Нестора“.

М. Б. Городецкій сказалъ: „Вчера и сегодня съ утра ярко свѣтило необычное для петербуржцевъ свѣтлое солнце. Казалось, что оно посылало на землю свои свѣтлые и теплые лучи для того, чтобы согрѣть и освѣтить въ ужасѣ застывшія души близкихъ и родныхъ почившаго. Казалось, что солнце привѣтствовало чистую душу великаго художника, художника, оживлявшаго камни и камни говорить заставлявшаго... Но вотъ здѣсь сейчасъ надъ могилой Антокольскаго разразилась гроза, и природа будто рыдаетъ, бросая на землю въ видѣ слезъ крупныя дождевыя капли. Плачетъ природа надъ кончиной одного изъ

великихъ ея созданій, плачутъ люди, потерявшіе геніальнаго художника, постигшаго въ совершенствѣ красоту и истину, постигшаго и давшаго міру чудные образцы красоты, полные мощи и великолѣпія. Какой примѣръ терпимости и любви далъ намъ покойный!.. Какъ любовно онъ поклонялся великимъ представителямъ міра, не дѣлая разницы между эллиномъ и іудеемъ! Онъ вѣрилъ въ правду и ея животворящую силу, этой правдой онъ жилъ и ею вдохновлялся... Являясь представителемъ обездоленной націи, онъ любилъ свой народъ и всей силой своей чудной души любилъ свою родину-мать—Россію! Онъ далъ міру великіе образцы художественнаго творчества и поэтому будетъ вѣчно памятенъ.

Своей націи онъ далъ еще одно прекрасное свѣтлое имя и будетъ памятенъ поэтому...

Вѣчная ему память и вѣчная, вѣчная слава великому Антокольскому!"

Публика послѣ рѣчей долго не расходилась... Тяжело было уходить и многіе оставались, несмотря на то, что погода испортилась и полилъ дождь.

„Новости", 6-го іюля 1902 года.

Вечеръ въ память М. М. Антокольскаго.

Черезъ полгода послѣ кончины Антокольскаго, въ Петербургѣ былъ устроенъ вечеръ въ память его. Онъ состоялся, въ большой залѣ Общества поощренія художествъ, 22 декабря 1902 года. Начался онъ пѣніемъ „Хора печали", сочиненія проф. Левандовскаго; исполнялъ его хоръ петербургской синагоги, подъ управленіемъ М. И. Шнейдера. Затѣмъ, вице-предсѣдатель Академіи Художествъ, гр. Ив. Ив. Толстой прочелъ „Нѣсколько словъ о чествованіи памяти Антокольскаго"; В. В. Стасовъ прочелъ воспоминанія объ Антокольскомъ его товарищей, художниковъ Савицкаго, Ковалевскаго и Васнецова; С. И. Мамонтовъ прочелъ свои воспоминанія: „Антокольскій въ Римѣ", на основаніи его писемъ; г-жа Т. А. Майзель прочла стихотвореніе гр. А. А. Голенищева-Кутузова: „Мефистофель" и „Княжна М. А. Оболенская"; В. В. Стасовъ прочелъ свою статью „Антокольскій въ Парижѣ"; И. Я. Гинцбургъ свою статью: „Какъ работалъ и училъ М. М. Антокольскій". Во второмъ отдѣленіи вечера, М. Л. Вилліе прочиталъ стихотвореніе баронессы Е. Л. Фредерихсъ въ память Антокольскаго, а Т. А. Майзель — нѣсколько его очень интересныхъ и значительныхъ писемъ. Въ заключеніе, хоръ синагоги, подъ управленіемъ М. И. Шнейдера, исполнилъ высоко-талантливую кантату въ память Антокольскаго (речитативъ и хоръ), музыка для которой, съ аккомпанемен-

томъ ф. п. и валторны, была сочинена А. К. Глазуновымъ и А. К. Лядовымъ. Текстъ для этой кантаты былъ сочиненъ Сам. Яковл. Маршакомъ. Онъ былъ слѣдующій:

Рече Господь: «Да будетъ мужъ великій!...
Его весь міръ недаромъ ждетъ.
Я одарю его высокою душою,—
И подъ его творящею рукою
Холодный мраморъ оживетъ!»

И вотъ, явился онъ. Къ своей желанной цѣли
Чрезъ край невѣдомый повелъ онъ свой народъ,
И мощно раздалось надъ смолкнувшей землею
Его «впередъ»,—безстрашное «впередъ».
И всталъ онъ, и пошелъ. И на пути великомъ
Погибшихъ воскрешалъ и камню душу далъ,
И сердце въ немъ зажегъ. Свершенъ великій подвигъ.
И геній палъ!...

И застоналъ народъ: «Кого похоронилъ я?
Кто одинокъ въ сырой землѣ лежитъ?
И чья рука протянута недвижно,
Чью грудь огонь не оживитъ»?

Но не исчезнетъ онъ изъ памяти народной!
О, нѣтъ! И будетъ онъ, какъ радуга, сіять,
И яркою звѣздою путеводной
Нашъ мрачный путь онъ будетъ освѣщать!

Въ концѣ вечера, волшебный фонарь представилъ виды: дома Антокольскаго въ Вильнѣ, его мастерской въ Парижѣ, и всѣхъ его скульптурныхъ произведеній.

В. Стасовъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ПИСЬМА

Глубокоуважаемый —
Владимиръ Васильевичъ.

Радъ сообщить Вамъ, что работа моя кончена сегодня. Я бы желалъ, если возможно, взглянуть на нее. Я бы самъ пріѣхалъ къ Вамъ, только здоровье не позволяетъ мнѣ.

Остаюсь глубокоуважающій
Вашъ. Антокольскій

9. Декабря 71.

Факсимиле письма М. М. Антокольскаго.

1. Къ В. В. Стасову.

С.-Петербургъ, 12 сентября 1869 г.

Многоуважаемый В. В. Увѣренный въ вашемъ словѣ, я убѣжденъ, что вы не откажетесь сдѣлать мнѣ честь посѣтить меня во имя искусства. Мы будемъ ожидать васъ въ субботу вечеромъ, въ $7^1/_2$ часовъ, если это не затруднитъ васъ [1]).

2. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 9 февраля 1871 г.

Глубокоуважаемый В. В. Радъ сообщить вамъ, что работу мою [2]) сегодня я кончилъ. Я бы желалъ, если возможно, чтобы вы взглянули на нее. Я бы самъ пріѣхалъ къ вамъ, только здоровье не позволяетъ мнѣ.

3. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 2 марта 1871 г.

Мнѣ очень жаль, что вы не застали меня дома. Если можно, позвольте мнѣ пріѣхать къ вамъ завтра вечеркомъ, 3-го числа.

Головки отошлю къ вамъ какъ только онѣ будутъ готовы [3]).

---

[1]) На этомъ вечерѣ присутствовали: Антокольскій и Рѣпинъ (которые жили тогда вмѣстѣ, на Васильевскомъ острову, въ Академическомъ переулкѣ, домъ Воронина), Семирадскій, В. М. Васнецовъ, Ковалевскій, Максимовъ. Этотъ вечеръ описанъ В. В. Стасовымъ въ его біографическомъ очеркѣ: «Викторъ Михайловичъ Васнецовъ», напечатанномъ въ журналѣ «Искусство и художественная промышленность», 1898, № 1.

[2]) Статуя «Иванъ Грозный».

[3]) Двѣ небольшія гипсовыя головки, изъ «Спора о Талмудѣ», и одна—главнаго лица изъ «Инквизиціи».

4. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 9 марта 1871 года.

Съ удовольствіемъ жду васъ. Если возможно, то завтра, во вторникъ до 12 ч. Я радъ буду побесѣдовать съ вами объ искусствѣ [1]).

Прошу извинить, что до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ. Причиной послужило безпокойство, какъ за работу, такъ и за свое здоровье.

5. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 12 августа 1871 г.

Сегодня цѣлый день рвался къ вамъ; я былъ увѣренъ, что вы въ такую погоду не сидите на дачѣ, но опять погода не дала мнѣ возможности повидаться съ вами. Какъ-только установится погода, я непремѣнно пріѣду къ вамъ, здѣсь или на дачѣ.

Отъ души благодарю васъ за ваше письмо и за хлопоты о костюмѣ [2]). Надѣюсь повидаться съ вами, и тогда мы поговоримъ объ этомъ. Кланяюсь всѣмъ. Прибуду непремѣнно къ вамъ.

6. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 25 августа 1871 г.

Вы очень хорошо сдѣлали, что возражали на первое условіе [3]): это было-бы слишкомъ тягостно для насъ обоихъ, и потому я совершенно согласенъ на второе условіе, т.-е. 150 рублей въ первыхъ числахъ сентября, а остальныя когда ему будетъ возможно, но, во всякомъ случаѣ, никакъ не позже Пасхи.

Семь головокъ [4]) онъ не прислалъ, но придется и на это махнуть рукой. Завтра, въ часъ, ѣду [5]), если опять не будетъ такой гадкой погоды, какъ сегодня.

Кланяйтесь всѣмъ на дачѣ, а васъ цѣлую крѣпко, крѣпко. Сегодня мы плохо цѣловались.

Я нарочно посылаю съ Эліасомъ [6]), въ надеждѣ, что онъ застанетъ васъ дома.

---

[1]) Предполагалась прогулка Антокольскаго съ В. В. Стасовымъ по античнымъ заламъ Академіи.

[2]) Предпринятая тогда уже статуя Петра Великаго для Московской выставки 1872 г., въ память 200-лѣтія рожденія Петра I.

[3]) Половину выручки отъ выставки своей статуи «Иванъ Грозный» Антокольскій принесъ въ даръ кассѣ молодыхъ художниковъ; но сумма эта была растрачена постороннимъ лицомъ, и здѣсь идетъ рѣчь о возмѣщеніи суммы родственникомъ растратившаго.

[4]) Съ выставки Антокольскаго.

[5]) За границу.

[6]) Илья Яковлевичъ Гинцбургъ, скульпторъ, ученикъ и впослѣдствіи преданнѣйшій другъ Антокольскаго. Онъ лѣпилъ орнаменты въ тронѣ «Ивана Грознаго» для статуи своего учителя.

7. Къ нему же.

Вильна, получ. 1 сентября 1871 г.

Какъ вы поживаете? Здоровы-ли всѣ въ Парголовѣ?

Я здоровъ, только Вильна встрѣтила меня торжественно и вручила мнѣ въ знакъ памяти хорошій катарръ, такъ что и до сихъ поръ голова болитъ, да и зубная боль безпокоитъ. Спасибо ей за хорошій пріемъ! Теперь я опять выпрямился и скоро ѣду дальше.

Вы бы хорошо сдѣлали, если-бы скоро написали мнѣ. О чемъ— самъ не знаю, только пишите въ Флоренцію, пока, poste restante, по всей вѣроятности письмо ваше скорѣе дойдетъ, чѣмъ я доѣду, такъ какъ думаю по дорогѣ отдыхать.

Пожалуйста, посылайте письма не франкированными (я отплачу вамъ той-же монетою) потому, что такимъ образомъ, думаю, они дойдутъ вѣрнѣй.

8. Къ нему же.

Римъ, 24 октября 1871 г.

Какая досада, дорогой В. В. Вѣдь только третьяго дня я пріѣхалъ въ Римъ. Кто могъ знать, что здѣсь ожидаютъ меня нужныя письма! Письмо съ деньгами я получилъ, а изъ Флоренціи я ничего не получилъ, несмотря на телеграмму, посланную въ Флоренцію на poste restante. Очень жаль, что не знаю содержанія этихъ писемъ.

Эскизы[1]) я начинаю послѣзавтра, до сихъ поръ я устраиваюсь. Очень жалѣю, что они даютъ мнѣ такой короткій срокъ для исполненія. Мнѣ крайне не хотѣлось-бы дѣлать эскизы, не обдумавши серьезно, а между тѣмъ, тутъ-то нужно больше думать, чѣмъ работать.

А когда-же думать? Но одно я обѣщаю: что первой моей работой будутъ эскизы, и черезъ мѣсяцъ я пришлю фотографіи, а потомъ, если нужно будетъ, то и модели.

Если бы вы знали, какъ хотѣлось бы мнѣ теперь съ вами повидаться, и сколько потолковали-бы мы съ вами о разныхъ разностяхъ! Но теперь это невозможно, даже письменно, потому, что кругомъ теперь забота и устройство, да притомъ пора выметать изъ головы весь мусоръ, потому что теперь нужно мѣсто для болѣе серьезнаго. Надѣюсь, какъ только устроюсь, я опять стану серьезно писать вамъ длинныя письма.

Что мой Эліасикъ? Я отъ него ничего не получилъ. Здѣсь еще такъ тепло, что держатъ окна растворенными, но за то теперь Римъ обходится мнѣ довольно дорого. Напримѣръ, за самую обыкновенную комнату платятъ до 70 франковъ въ мѣсяцъ. Русскихъ вообще много здѣсь. Въ искусствѣ новаго пока ничего нѣтъ.

---

1) Эскизы для скульптурныхъ группъ, назначенныхъ для предполагавшагося въ то время Александровскаго моста черезъ Неву. Инженеръ Чайковскій былъ одинъ изъ конкуррентовъ и пожелалъ украсить свой проектъ четырьмя группами Антокольскаго.

9. Къ нему же.

Римъ, 29 октября 1871 г.

Дорогой дядя.

Вотъ ваша и итальянская почта! Представьте себѣ, что нѣсколько разъ я ходилъ на почту и настаивалъ, что навѣрное здѣсь должны быть еще письма ко мнѣ, и каждый разъ получалъ въ отвѣтъ: „нѣтъ“. Но вчера, какъ-то случайно, я опять пошелъ на poste restante, и представьте себѣ, я получилъ ваше письмо, посланное во Флоренцію (по всей вѣроятности это было первое). Тороплюсь освободить васъ отъ одной пренепріятной работы: писать письма о дѣлѣ К., которое навѣрное вамъ надоѣло не менѣе, какъ мнѣ. Да ну съ нимъ!! Болѣе я слушать не хочу о немъ. Вы хорошо знаете, что не я виноватъ въ томъ, что оно затѣяно: слѣдовательно, совѣсть моя можетъ быть покойна, а болѣе и желать мнѣ нечего. Да притомъ пора взяться за работу, а для этого нужно, чтобы голова была чиста отъ всѣхъ этихъ дрязгъ.

Работу для моста я уже началъ. Она двигается не такъ скоро, какъ они желаютъ, потому что эта работа требуетъ дѣйствительно много обдуманности. Извольте выразить „Освобожденіе крестьянъ“ въ скульптурѣ безъ аллегоріи. А главное, меня смущаетъ то, что я не могу придумать четвертый эпизодъ изъ жизни императора Александра II, который могъ бы быть воспроизведенъ въ скульптурѣ, какъ монументальный вѣнецъ.

Что касается воротъ, то они должны прислать рисунки воротъ; но, признаюсь, я не охотно желаю этого, потому боюсь, чтобы это не съѣло у меня время, которое я разсчитываю употребить на „Петра“. Но что касается орловъ для моста, то я ихъ непремѣнно сдѣлаю. Если же они пожелаютъ, то здѣсь, въ Римѣ есть одинъ очень хорошій скульпторъ, Чижовъ. Я думаю, что ему навѣрное можно поручить эти барельефы. Я могу обѣщать только, что при этомъ я буду строгимъ критикомъ.

Для „Петра“ уже дѣлается каркасъ и думаю скоро взяться за него.

Боже, сколько новостей мнѣ хочется сообщить вамъ, но теперь я долженъ помолчать до болѣе свободнаго времени, а тогда я распространюсь и на свободѣ выскажу вамъ все. Не знаете-ли вы, что дѣлается съ моимъ маленькимъ Эліасикомъ? Онъ обѣщалъ мнѣ писать, но я ни слова не получилъ отъ него.

Прошу васъ кланяться Мусоргскому. Если можно, я очень желалъ-бы узнать, что съ Эліасикомъ, учится-ли онъ? А если нужно денегъ, то пусть онъ напишетъ мнѣ. Мой адресъ: Roma, café Greco.

10. Къ нему же.

Римъ, 13 (25) ноября 1871 г.

Я заранѣе знаю, что письмо мое будетъ походить на одѣяло, которое няпюшка на старости сшиваетъ изъ разныхъ кусковъ матеріи.

Но что прикажете дѣлать, когда цѣльнаго я теперь вообще не способенъ составить. Я боюсь нѣжничать съ вами, но, если-бы вы позволили мнѣ это, то непремѣнно я расцѣловалъ-бы васъ за вашу доброту. Но, повторяю, боюсь. Кто такъ усердно старался распустить обо мнѣ нелѣпость [1])? Впрочемъ, вторые слухи болѣе правдоподобны.

Скажу вамъ по секрету: я дѣйствительно полюбилъ одну дѣвицу въ Вильнѣ, но пока между нами стоитъ „Петръ". И я раньше не женюсь, пока не разлюблю его, т.-е. когда создамъ его, а это еще не скоро будетъ. У насъ впереди еще много времени поговорить объ этомъ подробно, но не въ слѣдующемъ письмѣ, а когда-нибудь.

Въ первый разъ я слышалъ отъ васъ о курьезной каррикатурѣ Маковскаго [2]). Неужто онъ не способенъ различать человѣка отъ звѣря? Впрочемъ, очень можетъ быть, потому что въ его творчествѣ я до сихъ поръ еще не встрѣтилъ человѣческой души, но болѣе всего боюсь, что онъ написалъ это для успокоенія своей собственной желчи, а это было-бы просто жалко. Припомните, не сказали-ли вы ему когда-нибудь правду? Особенно, когда онъ брался за историческіе сюжеты?

Право, не знаю, что дѣлать съ эскизами, просто въ такое короткое время не возможно исполнить. Дѣло въ томъ, что самъ я не предвидѣлъ столько затрудненій для выполненія подобнаго сюжета. Да притомъ я ни за какіе милліоны не желаю работать только ради денегъ. Я уже нѣсколько разъ передѣлывалъ, и, по всей вѣроятности, придется еще долго возиться съ ними, но пока я скомпановалъ одну группу „Кавказъ", изъ восьми фигуръ. Но я еще не доволенъ, собственно потому, что тутъ слишкомъ много фигуръ. Постараюсь выразить это событіе какъ можно реальнѣе и какъ можно лаконичнѣе. Одно могу сказать, что скомпановать эту работу, чтобы вышло, какъ хочу, очень трудно, да притомъ тутъ нужно еще соблюдать „панданъ" [3]). Пожалуйста, спросите, когда послѣдній срокъ, и прошу выслать мнѣ

---

[1]) Слухъ о бракѣ Антокольскаго съ г-жей С*.

[2]) Содержаніе картинки этой, довольно большой (14 вершк. ширины, $10^1/_2$ вышины) было слѣдующее: изображено было шествіе новыхъ русскихъ композиторовъ въ «Храмъ Славы», виднѣющійся вдали, въ фонѣ картины. Впереди выступалъ Мусоргскій, въ видѣ «пѣтуха», громко возглашающаго. Потомъ является: Римскій-Корсаковъ, въ видѣ морского краба (онъ былъ тогда морской офицеръ) и съ нимъ двѣ талантливыя любительницы-музыкантши, сестры А. Н. и Н. Н. Пургольдъ; Бородинъ являлся въ облакахъ, изъ средины химической реторты (онъ былъ профессоръ химіи), и съ линейками музыкальныхъ нотъ на эполетахъ, потомъ Балакиревъ, въ видѣ медвѣдя, съ палочкой капельмейстера въ рукѣ, потомъ Кюи, въ видѣ лисицы, съ вѣнками, раздаваемыми имъ; наконецъ, среди нихъ, В. В. Стасовъ, мужикомъ-поводыремъ, съ барабанчикомъ у пояса, съ длинной трубой у рта; эту трубу поддерживаетъ Антокольскій, на краю ея сидитъ молодой архитекторъ Гартманъ. Сверху, изъ облаковъ, яростный Сѣровъ мечетъ во всѣхъ этихъ враговъ свои перуны.—Эта картинка, исполненная пастельными красками, была сочинена и прекрасно нарисована первой женой Конст. Егор. Маковскаго, Еленой Тимофеевной, очень талантливой; мужъ ея, Константинъ Егоровичъ, лишь немного, и въ немногихъ мѣстахъ, тронулъ картину своими карандашами.

[3]) Параллельное соотвѣтствіе.

размѣръ мѣста, на которомъ будутъ стоять группы. Это мнѣ очень нужно.

Очень сожалѣю, что забылъ предупредить васъ, чтобы деньги, полученныя вами отъ К*, отдать бронзовому отливщику за отливку „Инквизиціи". Во всякомъ случаѣ я бы очень желалъ знать, отлилъ-ли онъ ее уже? Онъ живетъ на Лиговкѣ [1]).

Какъ я вчера обрадовался, получивши повѣстку, что „Иванъ Грозный" уже пришелъ [2]), но, благодаря итальянскому плутовству или небрежности, я еще не получилъ ее и, по всей вѣроятности, получу не раньше вторника, потому что въ понедѣльникъ будетъ здѣсь торжественная иллюминація въ честь открытія новаго парламента. Какъ итальянцы любятъ фейерверки! Впрочемъ, это — ихъ жизнь.

До насъ дошло извѣстіе, что Академія щедро надѣлила учениковъ золотыми медалями. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, скоро въ Café Greco прибудутъ новые гости; въ числѣ ихъ, навѣрное, есть очень талантливые люди, какъ Рѣпинъ, но и немало хлама. Также очень хвалятъ картину Ге. Ручка изъ дерева ваша собственность [3]). Не знаете-ли, когда будетъ готовъ „Иванъ Грозный" изъ бронзы?

11. Къ нему же.

Римъ, 31 октября (12 ноября) 1871 г.

Получили-ли вы мое письмо? Меня крайне удивляетъ ваше молчаніе, а между тѣмъ мнѣ очень бы хотѣлось знать, чтó дѣлается въ Петербургскомъ художественномъ мірѣ, гдѣ небо теперь навѣрное смотритъ мрачно на человѣческую дѣятельность. Право, я не зналъ, что здѣсь такъ хорошо, и даже очень хорошо, особенно для тѣхъ, кто ищетъ не денегъ и не знаній, а такъ — просто, хочетъ пожить или полечиться, подъ предлогомъ желудочнаго разстройства или страданія нервовъ. И дѣйствительно, Римъ вначалѣ успокаиваетъ нервы, а потомъ убаюкиваетъ, и тогда спи, сколько душѣ угодно, и можешь быть увѣренъ, что уже никто не разбудитъ тебя. Потому-то мнѣ и кажется, что въ это время весь Римъ спитъ, если не физически, то морально, а иностранцы то и дѣло грѣются на солнышкѣ, ей-ей! Теперь Римъ полонъ иностранцевъ, собственно потому, что здѣсь хорошо погрѣться и позѣвать. Вотъ такъ европейская печь! А жаль, что эту европейскую печь не превращаютъ во что-нибудь болѣе дѣятельное, чѣмъ грѣть иностранцевъ и высасывать ихъ карманъ. Вѣдь римляне во время сезона отдаютъ свои жилища иностранцамъ, а сами на это время прячутся сзади, гдѣ-то въ чуланѣ. Что-жъ, если иностранцевъ грѣетъ солнце, за то римлянъ грѣютъ деньги. Но если вѣрно то, что

---

[1]) Фамилія отливщика была—Соколовъ.

[2]) Въ Италію эта статуя, изъ гипса, была послана для выполненія изъ мрамора, по заказу.

[3]) Ручка, держащая гусиное перо и какъ-бы собирающаяся писать. Послѣдняя работа Антокольскаго изъ дерева.

„время есть деньги“, то я отдалъ-бы и деньги и время за здоровье. Но, какъ вы видите,—римляне народъ безпечный, особенно когда они отдыхаютъ на сундукахъ, гдѣ спрятано нѣсколько золотыхъ монетъ.

Въ искусствѣ особеннаго ничего не слышно, по крайней мѣрѣ, если бы кто-нибудь создалъ что-либо путное, то это разнеслось-бы скорѣе вѣтра. Но за то я обрадую васъ и скажу, что въ русскихъ мастерскихъ, представьте себѣ, почти всѣ работаютъ на русскіе сюжеты (я говорю о скульптурѣ). Я воздерживаюсь говорить о другихъ, скажу только, что у Чижова можетъ выйти очень недурная вещь,—сюжетъ: „Крестьянинъ въ бѣдѣ“. Послѣ пожара, когда у него осталась только своя рубашка да мальчикъ, сидитъ онъ на обгорѣлыхъ остаткахъ, подперевъ рукой опущенную голову. Около себя онъ держитъ своего ребенка, который наивно, со страданіемъ будитъ своего отца, сидящаго точно окостенѣлый. Если Чижовъ окончитъ такъ, какъ у него начато, выйдетъ хорошій новый сюрпризъ для новаго искусства.

Что касается меня, то главное: я здоровъ и никогда себя лучше не чувствовалъ. Я началъ работать эскизы. Я говорю „началъ“, потому собственно, что я уже не разъ начиналъ, но ничего не выходило. Трудно, очень трудно создать что-нибудь скульптурное, а главное—монументальное, изъ такихъ сюжетовъ, какъ, напримѣръ, „Освобожденіе крестьянъ“. Подобный сюжетъ можетъ получить свою скульптурную монументальность только тогда, когда эти событія сконцентрируются въ нѣсколькихъ личностяхъ: тогда событія получатъ округленную форму. Но теперь событія или факты разсѣяны, составляютъ дѣло общее, и могутъ быть разсказаны, но никакъ не вылѣплены. Какъ я ни хитрилъ—все выходитъ не что-нибудь монументальное, а маленькій эпизодъ. Впрочемъ, я работаю, и мы еще увидимъ. Жаль только, что время такъ ограничено; просто боюсь, что не поспѣю.

Мастерская попалась мнѣ нехорошая, сырая, а это хуже всего. Что-то будетъ дальше?

До меня дошло, что въ Петербургѣ говорятъ, будто я женился на г-жѣ С*. Что это за вздоръ! Ужъ коли хотите, то я дѣйствительно намѣреваюсь жениться, но это когда-то еще будетъ! А пока „Петръ“ стоитъ на первомъ планѣ, и только когда я сдѣлаю его, какъ думаю, то попрошу васъ къ себѣ на свадьбу. Впрочемъ, это все еще впереди, невѣста моя еще въ Вильнѣ, а я пока въ Римѣ.

Напишите Бога ради, здоровы ли вы? Кланяйтесь сестрѣ (извините, что забылъ, какъ ее зовутъ). Кланяйтесь Д. В. съ женою, также и Софьѣ.

P. S. Не знаете ли вы, отлита ли статуя „Ивана Грознаго“?

12. Къ нему же.

Римъ, 20 (8) декабря 1871 года.

Очень и очень благодаренъ вамъ за фотографію Вольтера, за письмо и за газеты. Итакъ, поговоримъ обо всемъ. Но раньше я долженъ сказать про то, какъ я всегда не люблю распространяться, хотя-

бы только и письменно. Тѣмъ не менѣе, врядъ ли удастся мнѣ это и теперь. Во первыхъ потому, что теперь здѣсь такой холодъ въ комнатѣ, что нѣтъ охоты шевелить пальцами, чтобы они еще болѣе не озябли. Да притомъ, итальянскій языкъ съѣдаетъ у меня все время;—все сижу и долблю: „il padre", „la madre" — а все-таки съ мѣста не двигаюсь. Вотъ какая плохая голова у меня, просто хоть бросай книжку и плачь. Однако, возвратимся къ дѣлу.

Фотографія „Вольтера", хотя хороша, но все таки, кто видѣлъ оригиналъ, на фотографію не охотно смотритъ; да притомъ жаль, что освѣщеніе тутъ довольно ровно, и на сапогѣ и на головѣ — одинаковый свѣтъ.

Но все-таки теперь многіе узнаютъ о Вольтерѣ, потому до сихъ поръ не многіе знали о немъ [1]).

О художникѣ Гебгардтѣ мы читали въ „Спб. Вѣдомостяхъ",—превосходно! [2]) Вы совершенно правы. Знаете, хорошо, когда нація любитъ себя:—это даетъ ей возможность быть самостоятельной и развивать свою внутреннюю силу. Но очень нехорошо, когда послѣ нѣсколькихъ удачныхъ попытокъ, она начинаетъ увлекаться, и въ каждой новости, хотя въ мелочи, видитъ что-то великое, необыкновенное, и оттого непонятное. Чтобы видѣть всѣ три качества въ картинѣ Гебгардта, да еще и ересь въ искусствѣ, собственно потому, что на мѣстѣ апостоловъ, отцовъ религіи, представлены германскіе мужички, — нужно быть такимъ даровитымъ философомъ, какъ Лессингъ. Впрочемъ, онъ, какъ нѣмецъ, да и патріотъ, себѣ на умѣ. Въ самомъ дѣлѣ, теперь по картинѣ Гебгардта выходитъ, что реформаторы христіанства были не евреи, а германцы. И пусть только Европа признаетъ это, тогда побѣда на ихъ сторонѣ, и тогда они въ полномъ правѣ утверждать, что именно они и есть отцы Европы.

Очень жаль, что отъ Чайковскаго нѣтъ отвѣта, а можетъ быть уже и не нужно проекта? А я мучаюсь, просто до невѣроятности, и наконецъ я остановился на группѣ: „Кавказъ". Какъ оно вышло—это Богъ вѣдаетъ. Кажется, ничего; а сколько я передѣлывалъ! Со мной это случается въ первый разъ.

Я набросалъ эскизъ „Петра", и какъ онъ вышелъ, тоже не знаю, потому въ этихъ дѣлахъ спрашиваютъ не больного, а доктора.

Что еще писать вамъ? Здѣсь были холода, не выше 4—5 градусовъ, но, повѣрьте, я съ удовольствіемъ вспомнилъ Россію. У васъ холодъ, за то есть гдѣ погрѣться; а тутъ просто я не знаю, куда дѣваться отъ холода. Вечеромъ сидишь около камина, грѣешь ноги, а

---

[1]) Съ 1851 по 1887 годъ мраморная статуя Вольтера, работы Гудона, находилась въ Императорской публичной Библіотекѣ, и никогда, до тѣхъ поръ, не была издана въ рисункѣ и фотографіи. Въ 1871 году она снята въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ овальной залѣ бельэтажа, по желанію В. В. Стасова, хранителя художественнаго отдѣла, фотографомъ Гоффертомъ.

[2]) Статья В. В. Стасова: «Нѣмецкая знаменитость изъ русскихъ подданныхъ», напеч. въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 18 декабря 1871 г.

колѣни зябнутъ; наконецъ все-таки въ комнатѣ градусникъ показываетъ 9—10°, а за то ужъ утромъ, когда встаешь, такъ и хватаешься за носъ, потому что онъ цѣлую ночь былъ безъ защиты.

Нѣсколько словъ о нашихъ художникахъ я въ слѣдующемъ письмѣ пришлю. Пожалуйста, вышлите въ Вильну нѣсколько русскихъ народныхъ пѣсенъ для фортепьяно, по слѣдующему адресу: Вильна, Виленская улица, домъ Апатова, М. Апатовой [1]). Также, если можно, то и Шуберта „Маргариту". Мы сосчитаемся.

13. Къ нему же.

Римъ, 1 (13) января 1872 г.

Наконецъ я освободился отъ тягости, которой не мало бываетъ у художника во время работы. Кажется ему, что все идетъ превосходно, и художникъ, посвистывая, двигаетъ впередъ свое творчество. Но вдругъ, въ одно прекрасное утро, онъ пробуждается и находитъ, что вотъ „это"— вовсе не „такъ", да и „это" должно быть „иначе". И давай все ломать и передѣлывать, точно до сихъ поръ онъ работалъ во снѣ!

Подобный кризисъ и со мной случился, и это—благодаря жестокому катарру, которымъ Римъ угостилъ меня не хуже Петербурга. Я долженъ былъ оставить работу на цѣлыхъ десять дней. Послѣ этого, когда я открылъ работу, я не могъ удержаться, чтобы не ломать.

Я увѣренъ, вы хорошо знаете, что движенiе впередъ безъ жертвъ не бываетъ, да притомъ могу прибавить, что теперь работа гораздо болѣе соотвѣтствуетъ моему желанiю.

Боже, какъ мнѣ совѣстно передъ г. Чайковскимъ! До сихъ поръ я не послалъ ему эти эскизы, но, надѣюсь, скоро пошлю фотографiи съ нихъ. Я надѣюсь, что и вы извините меня, дорогой Владимiръ Васильевичъ, что я не пишу о русскихъ художникахъ, несмотря на свое обѣщанiе. Но теперь вы знаете причину, отчего я не писалъ. „Петръ", какъ гвоздь, торчитъ у меня въ головѣ, кромѣ него въ настоящее время ничего не вижу. У меня къ вамъ всепокорнѣйшая просьба, Бога ради не отказывайте мнѣ въ ней. Дѣло вотъ въ чемъ: я потерялъ тетрадку, гдѣ были у меня замѣтки о Петровскихъ костюмахъ, а онѣ теперь до зарѣза мнѣ нужны, такъ какъ здѣсь нѣтъ вѣрныхъ источниковъ. Притомъ же Петръ одѣвался по-своему (его лосиный кафтанъ, его зимнiя одежды). Ихъ можно достать въ литографiи „Военной хроники", навѣрное есть рисунки. Эліасикъ съумѣетъ снять кальки съ нихъ. Гдѣ эта литографiя находится—не знаю, но объ ней легко справиться въ Главномъ Штабѣ. Пожалуйста, Бога ради, посвятите на это часокъ, два, ради меня и „Петра". Надѣюсь, что вы и въ этомъ не откажете, какъ до сихъ поръ во всемъ.

Если есть какая-нибудь фотографiя, гдѣ изображенъ Петръ, то

[1]) Г-жа М. Апатова была мать Елены Юльяновны Апатовой, впослѣдствiи жены Антокольскаго.

и ее пришлите мнѣ. Да? Главное: плащъ его, да и все остальное, какъ-то: походный мундиръ, сапоги, шляпа, кушакъ и пр., пр.

Я слышалъ, или, вѣрнѣе говоря, читалъ въ письмахъ, которыя получаю, что всѣ художники уже похоронили меня, какъ художника, потому что я задумалъ жениться. Боже, какія чудеса бываютъ въ Питерѣ! То мертваго воскрешаютъ, то живого хоронятъ. Да ну, нѣтъ! Время докажетъ, что они не правы, хороня того, кто только начинаетъ жить для искусства.

Я совершенно здоровъ и бодръ, ѣмъ, сплю и работаю съ аппетитомъ. Чего еще лучше? Какъ-то вы поживаете? Какъ бы мнѣ хотѣлось заглянуть теперь къ вамъ и увидѣть, что вы подѣлываете, а также посмотрѣть на всѣхъ васъ. Здѣсь солнце хорошо грѣетъ, но не душу. Здѣсь сердце не такъ бьется, какъ между вами. Среди природы хорошо, но не всегда. Гдѣ нѣтъ людей, тамъ нѣтъ и жизни, а здѣсь-то ихъ и нѣтъ. Будьте здоровы и веселы. Желаю вамъ съ новымъ годомъ всего лучшаго. Сегодня Новый годъ по нашему. Желаю, чтобы этотъ годъ для васъ былъ лучшимъ изъ всѣхъ. Прошу, кланяйтесь всѣмъ. Да вотъ что еще, пришлите мнѣ тѣ эстампы, которые сдѣланы съ Петровскихъ монетъ, навѣрное тамъ есть вѣрнѣйшій его профиль. У меня есть маска его, да все не то.

14. Къ нему же.

Римъ, 31 февраля (11 марта) 1872 г.

Я думаю, вы навѣрное уже не разъ спрашивали: „что это значитъ, Антокольскій замолчалъ и молчитъ до сихъ поръ?“ И до сихъ поръ вамъ на это никто не отвѣтилъ, а вотъ и причина, и довольно простая: я по цѣлымъ днямъ, съ утра до вечера, работаю около „Петра“. Я очень усталъ, но легко ничто не дается. Представьте себѣ: долго я мучился надъ эскизами, потратилъ очень много времени, и все выходило не то, что я хочу. Признаюсь, я началъ отчаиваться, и разъ чуть не задумалъ оставить все это, да притомъ много способствовала тому моя мастерская, которая до невѣроятности скверна: она сырая, плѣсень кругомъ, и по угламъ даже трава растетъ; воздухъ премерзкій; топить—не помогаетъ, да притомъ много топить нельзя: глина сохнетъ. Но въ одинъ прекрасный день я плюнулъ на все, и вдругъ взялся за „Петра“ въ большомъ видѣ. „Не можетъ быть только то, чего быть не можетъ“, а „Петръ“ долженъ быть сдѣланъ! Почти мѣсяцъ я безъ отдыха надъ нимъ работалъ и успѣлъ поднять его почти до половины. Правда, я усталъ какъ собака, но за то поставилъ на своемъ, и онъ вышелъ... ни на одинъ эскизъ не похожъ, и гораздо ближе къ тому, чего хотѣлось мнѣ, хотя... Впрочемъ, увидимъ, что дальше будетъ.

Теперь уже третій день, какъ не работаю и дышу здоровымъ воздухомъ.

Здѣсь русскихъ очень много. Въ особенности говорятъ, что никогда не было здѣсь столько русскихъ, какъ въ эту зиму. Часто я

имѣю посѣтителей, но, признаюсь, они уже мнѣ надоѣли до того, что чувствую, какъ желчь у меня поднимается, въ особенности, когда благочестивыя аристократки, нахальнымъ образомъ, до котораго не дошелъ бы даже и невѣжа, задаютъ мнѣ вопросъ: „Ахъ, скажите, неужели вы до сихъ поръ еврей?“ и т. п.

Однако, чортъ съ ними! Не онѣ теперь составляютъ здоровый зародышъ русской жизни, надо надѣяться и желать, чтобы подобныя поскорѣе оставили міръ, какъ міръ оставляетъ ихъ.

Я давно обѣщалъ вамъ прислать фотографію „Кавказа“, но все не хочется, а потому не хочется, что мнѣ самому не нравится. Впрочемъ, развѣ для того только, чтобы показать, что я работаю. Скоро я пошлю эскизы совершенно другіе и въ другомъ родѣ, которые представятъ гораздо большую цѣнность для искусства, а именно, я хочу сдѣлать (они почти уже сдѣланы): 1) Владиміра Мономаха, 2) Ивана III, 3) Александра Невскаго и 4) Петра или Екатерину. Всѣ они будутъ верхомъ. Въ особенности удачно вышли „Иванъ III“ и „Владиміръ Мономахъ“. Всѣмъ этимъ я хочу замѣнить три событія, которыя должны выразить „Кавказъ“, „Правосудіе“ и „Освобожденіе крестьянъ“.

Я рѣшительно отказываюсь отъ нихъ, такъ какъ они еще не суть скульптурные реальные сюжеты. О нихъ можно много распространяться, но всего лучше мнѣ прислать образчики и того и другого.

Пожалуйста, узнайте хорошенько, носилъ ли Петръ плащъ? Вышлите, по возможности, даже фотографіи съ новѣйшихъ изображеній Петра (въ скульптурѣ и живописи), также съ „Петра“ работы Делароша. Его можно достать въ магазинѣ у Беггрова, а также пришлите профиль Петра. Я просилъ и рисунки костюма у Ге, но онъ прислалъ мнѣ совершенно не то [1]).

15. Къ нему же.

Римъ, 9 (21) марта 1872 г.

Дорогой В. В., что значитъ ваше молчаніе? Право, неужели мы должны считаться письмами? Этого я и не позволю себѣ даже думать; по всей вѣроятности время не позволяетъ и вамъ часто писать, также какъ и мнѣ. Но, какъ бы то ни было, мнѣ все-таки не легче, живши такъ далеко отъ васъ, такъ и не получать ни словечка. Это не легко, даже досадно.

Какъ бы я ни желалъ теперь разговориться обо всемъ, но долженъ отказаться на этотъ разъ, потому что время мое теперь очень

---

[1]) Исполняя эту просьбу, В. В. Стасовъ послалъ Антокольскому военный русскій костюмъ (Преображенскаго полка) временъ Петра I, кафтанъ, суперъ-вестъ, штаны, сапоги, перчатки, шапку, полученные на время изъ костюмнаго собранія Императорскихъ театровъ, черезъ начальника костюмнаго отдѣленія Н. А. Лукашевича. Послалъ онъ ему также, въ Римъ, портреты Петра I съ лица и въ профиль, но объяснилъ Антокольскому, что снимокъ съ портрета Делароша не можетъ ему пригодиться, потому что французскій живописецъ писалъ свой портретъ, по заказу Анат. Никол. Демидова, съ плохихъ и невѣрныхъ французскихъ гравюръ XVIII-го вѣка.

ограничено, а между тѣмъ на душѣ у меня много накопилось, и хотѣлось бы передать и высказаться хоть разъ. Но это—въ другой разъ, а теперь къ дѣлу, и съ покорнѣйшей просьбой. Пожалуйста, узнайте, что сдѣлалось, наконецъ, съ „Иваномъ Грознымъ“? Узнать это можно въ англійскомъ магазинѣ. Г. Когунъ [1]) тамъ бываетъ ежедневно, отъ 3-хъ до 5-ти часовъ дня. Вѣдь цѣлый годъ уже статуя отливается, а все нѣтъ еще конца. Это просто ни на что не похоже! Я желаю выставить его на годичной выставкѣ, на премію, авось что-нибудь дадутъ. Попробую счастья, а деньги очень нужны.

Пожалуйста, не откажите мнѣ въ этомъ и похлопочите.

Я здоровъ и работаю. „Петръ“ идетъ, кажется, хорошо; надѣюсь, что онъ будетъ на московской выставкѣ. Если не успѣю его прислать къ началу, то навѣрное—къ серединѣ выставки. Увидите его раньше на фотографіи.

Горло все еще безпокоитъ меня, но это нисколько не мѣшаетъ мнѣ заниматься. Если бы не эта проклятая мастерская, въ которой теперь растетъ трава, до того она сыра, то здоровье мое совсѣмъ поправилось-бы. Но не все дѣлается такъ, какъ хочется. Для работы эта мастерская также мучительна: свѣтъ низкій, и голова „Петра“ въ тѣни, такъ какъ свѣтъ падаетъ на слѣдки. Я пробовалъ работать днемъ, при ночномъ освѣщеніи, но все-таки не хорошо. Вообще я работаю съ мученіемъ. Нужно еще сказать, что здѣшняя глина — отвратительна для работы. Она не вязкая и распадается. Но все-таки сдѣлаю же я „Петра“, и докажу, что желаніе можетъ преодолѣть всѣ препятствія. Эскизъ „Ивана III“, сидящаго на лошади, готовъ. Это секретъ, потому что я убѣдился, — стоитъ мнѣ только проболтаться, какъ задуманный мною сюжетъ уже работается другими, и ничего! Помимо нѣкоторыхъ другихъ сюжетовъ, представьте себѣ, что уже одинъ работаетъ эскизъ „Пугачевъ“, и именно въ клѣткѣ, какъ я и думалъ сдѣлать, и все благодаря моей болтовнѣ. Впрочемъ, сюжетовъ въ жизни довольно, и хватитъ на мою жизнь, а если иные люди берутъ чужія идеи, то Богъ съ ними, главный трудъ это — исполненіе. Что касается „Пугачева“, то все равно я бы не сталъ его работать. Я болѣе не желаю моимъ искусствомъ раздражать другимъ нервы, поднимать желчь и возбуждать въ человѣчествѣ ненависть къ жизни. Это есть дѣло тенденціи, а отъ нея я давно отказался. Брошюру вашу „О синагогѣ“ я получилъ [2]). Очень благодаренъ вамъ, я прочиталъ ее съ удовольствіемъ. Превосходно, гдѣ говорится объ искусствѣ, а это составляетъ главное въ брошюрѣ. Если вы еще напишите, что бы тамъ ни было, пожалуйста, пришлите, потому что „Спб. Вѣдомости“ я уже давно не получаю.

Художникъ Боголюбовъ—здѣсь. Я слышалъ, что Академія приглашала Н. Н. Ге быть членомъ совѣта. Что, принялъ-ли онъ это

---

[1]) Отливщикъ англійскаго магазина.

[2]) Статья В. В. Стасова: «По поводу постройки синагоги въ Петербургѣ», напечатанная въ «Еврейской Библіотекѣ» 1872 г., томъ II.

приглашеніе? Я думаю, что съ его стороны будетъ очень резонно, если онъ не откажется отъ этого, потому что полезный человѣкъ вездѣ полезенъ. А то, эта маленькая междуусобная война просто непростительна, потому изъ-за нея страдаютъ молодыя силы. Впрочемъ, я отказываюсь отъ моего приговора, потому что я не около васъ и хорошенько не знаю въ чемъ дѣло.

Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта; да притомъ уже одно письмо я послалъ, на которое отвѣта еще не получилъ.

16. Къ нему же.

Римъ, 17 (29) апрѣля 1872 г.

Хотя поздненько, но все-таки я очень обрадовался вашему письму, а то право ужъ ни на что не было похоже! Представьте себѣ мое глупое состояніе: пишешь, пишешь, съ полною надеждою, что непремѣнно скоро получишь отвѣтъ. И что-же, ждешь, ждешь, а никто не откликается. Я удивляюсь Н. Н. Ге: несмотря на то, что уже довольно времени прошло, а отвѣта не послѣдовало на два письма. Благодаря его усердному молчанію, вышла маленькая непріятность. А именно: не дождавшись ни отъ кого отвѣта, я телеграфировалъ въ Академію, чтобы выставили „Ивана“ на премію (неловкаго я ничего тутъ не вижу). Академія всегда старается обходить меня. Но какъ на зло, въ тотъ же день получаю изъ Академіи письмо, гдѣ извѣщаютъ меня, что „Иванъ“ посланъ на лондонскую выставку. Эта новость непріятно подѣйствовала на меня: во-первыхъ потому, что это совершенно противъ моего желанія (такъ какъ я думалъ собрать свои работы и послать ихъ на Вѣнскую выставку). Во-вторыхъ, странно, въ первый разъ слышу, чтобы произведенія посланы были, не спросивъ художника, и, наконецъ, очень обидно было, отчего до сихъ поръ никто объ этомъ ни слова мнѣ не написалъ. Я представляю себѣ, какъ смѣшно имъ было получить мою телеграмму: „выставить „Ивана“ на премію“—когда онъ уже давно посланъ въ Лондонъ.

О плащѣ Петра я уже давно забылъ, и не работаю его въ плащѣ, такъ какъ нахожу, что онъ безъ плаща гораздо благодатнѣе.

Когда пріѣдетъ И. С. Тургеневъ? Пожалуйста, передайте ему мой искренній поклонъ, я очень желалъ бы опять встрѣтиться съ нимъ, да при этомъ вылѣпить съ него бюстъ. Узнайте, долго-ли онъ останется въ Россіи, и гдѣ потомъ будетъ. Я бы самъ написалъ ему, только не хочу безпокоить его моимъ каррикатурнымъ слогомъ.

Очень желаю вылѣпить и вашъ бюстъ, по крайней мѣрѣ медальонъ, такъ, чтобы потомъ не затруднительно было исполнить его непремѣнно изъ дерева.

„Петръ“ двигается, но не далеко; совсѣмъ не такъ быстро, какъ я разсчитывалъ. Я потерпѣлъ неудачу. Представьте себѣ: голова уже давнымъ-давно была готова, но захотѣлось мнѣ еще что-то прибавить, ударилъ и сдѣлалъ худо; хотѣлось поправить, но сдѣлалъ еще хуже, а потомъ и того хуже и хуже. Дошло до того, что два раза я сдѣлалъ

совершенно новую голову, и наконецъ такъ заработался, что уже ничего не видѣлъ, что работаю. Принужденъ былъ бросить работу и поѣхать освѣжиться. Теперь опять все на мѣстѣ, но мѣсяцъ пропалъ, такъ, ни за что. Всѣ хвалятъ его, всѣмъ онъ нравится, только не мнѣ. Я работаю его съ мученіемъ: свѣта никакого, такъ что буквально приходится работать ощупью. Мастерская моя сыра до невѣроятности и, представьте себѣ, какъ это непріятно дѣйствуетъ на меня: утромъ, когда встаю, я съ отвращеніемъ вспоминаю, что долженъ идти въ эту проклятую яму. Но надѣюсь, что все преодолѣю, лишь бы только здоровье не измѣнило мнѣ.

Очень благодаренъ вамъ за статью [1]. Какъ я вижу, на выставкѣ дѣйствительно ничего особеннаго нѣтъ.

Пожалуйста, когда увидите И. Н. Крамского, отдайте ему мой поклонъ. Я очень, очень благодарю его за рисунки „Петра“ (профиль), но кажется, что онъ не любитъ, когда благодарятъ его.

Что Рѣпинъ, отчего онъ не пишетъ? Видно, занятъ, настало время!

Пусть К.* передастъ деньги вамъ, а вы перешлите мнѣ. Я теперь, кстати, очень нуждаюсь.

Да пишите хоть вы, поскорѣе, не медлите и дайте обо всемъ знать, что только можетъ интересовать меня. Кланяйтесь М. Мусоргскому. Что, какъ у него подвигается „Борисъ Годуновъ“? [2])

17. Къ нему же.

Римъ, 7 (19) мая 1872 г.

Бога ради, извините меня, что я до сихъ поръ не писалъ вамъ и что теперь я такъ коротко пишу. Хочу сообщить вамъ обо всемъ.

Но для этого нужно прежде успокоиться душою и тѣломъ, чего я еще не успѣлъ. Римъ очень хорошъ, но въ настоящее время для моего здоровья—скверенъ. Вотъ все время лѣвый бокъ безпокоитъ меня. Ѣду завтра или послѣзавтра въ Сорренто. Думаю, что тамъ лучше будетъ для меня.

Скверно, когда приходится бѣжать отъ своего собственнаго тѣла. Впрочемъ, было худо, будетъ и лучше. Когда перестаю болѣть, страсть какъ хочется помѣриться силами съ другими и что-нибудь сдѣлать. Нужно спокойствіе и терпѣніе—все пройдетъ.

Мальчикъ, котораго я взялъ съ собою изъ Вильны, очень безпокоилъ меня. Теперь я буду свободнѣе, потому что съ оказіей отсылаю его обратно.

18. Къ нему же.

Римъ, 8 (20) мая 1872 г.

Я опять къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой, да притомъ очень важной для меня и „Петра“.

---

1) Статья В. В. Стасова: «Выставка въ Академіи художествъ», напечатанная въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 4 апрѣля 1872 г.

2) Опера Мусоргскаго.

Дѣло вотъ въ чемъ. Лишь недавно я узналъ, что желающій выставить на Московскую выставку долженъ заранѣе увѣдомить объ этомъ, а я, колпакъ, до сихъ поръ никому не говорилъ объ этомъ ни слова. Черезъ три недѣли „Петръ" будетъ готовъ, а черезъ 7 недѣль онъ можетъ быть на Московской выставкѣ. Прошу, пожалуйста, немедленно узнать: можетъ ли быть для него мѣсто съ хорошимъ свѣтомъ, и, во-вторыхъ, принимаетъ-ли выставка издержки по пересылкѣ вещей на свой счетъ? Впрочемъ, о второмъ пунктѣ я еще буду писать въ Академію, такъ какъ „Петръ" еще будетъ на Вѣнской выставкѣ. Такимъ образомъ Академія можетъ заплатить за пересылку.

Что-то скажетъ „Петръ" послѣ „Ивана"? Увидимъ, насколько правы тѣ художники, которые уже похоронили меня, какъ художника. Ахъ, дорогой дядя, многое множество вещей есть на душѣ, и очень хотѣлось бы хоть разъ о нихъ высказаться. Очень можетъ быть, что все это не болѣе, какъ хламъ, но тѣмъ легче стало бы на душѣ, когда этотъ хламъ изъ себя бы я выбросилъ. Истинно — хламъ, потому что свѣтлаго, хорошаго ничего нѣтъ. Лишь только одно искусство, голое искусство, безъ живыхъ людей, само живетъ. Оно языкъ мой, оно —весь я! И я надѣюсь, что еще успѣю передать то, что волнуетъ и радуетъ меня, а, признаться, радость связана съ надеждою. Онѣ впереди, а пока еще хаосъ, черный, непроницаемый мракъ. Я радъ, что у меня есть надежда: такимъ образомъ легче живется.—Однако довольно объ этомъ! Нечего пѣть: „Плачь, Іерусалимъ", сидя на землѣ со сложенными руками. Я обновляю старую пословицу мою: „Если можешь, помогай; если нѣтъ, то по крайней мѣрѣ желчь не раздражай, тогда потомъ поможешь".

У меня явилось три новыхъ сюжета, отъ которыхъ я въ восторгѣ. Одинъ изъ нихъ—жанръ (крупный), очень драматическій. — Что, вы рады?! Второй—изъ русской исторіи: „Софья въ кельѣ"—статуя. А третій—„Христосъ передъ судомъ народа"—одна фигура. Трактованъ онъ будетъ совершенно оригинально, и если идея моя будетъ понята, то я буду счастливъ.

Я не сказалъ, въ чемъ состоитъ первый сюжетъ. Навѣрное онъ болѣе заинтересуетъ васъ. Сюжетъ взятъ изъ жизни акробатовъ. Представьте себѣ странствующаго акробата, въ шутовскомъ костюмѣ, бросающаго на воздухъ двухъ—трехъ-лѣтнее дитя, на потѣху публики. Обыкновенно, подобные люди рѣдко кончаютъ своей смертью; по крайней мѣрѣ ни одинъ не обходится безъ какого-нибудь случая. Я хочу представить, какъ этотъ акробатъ, душою отецъ, любящій свое дитя, держитъ его на рукахъ полу-мертвое, полу-живое. Онъ бросилъ свою роль, и въ шутовскомъ своемъ костюмѣ вдругъ превратился въ естественнаго человѣка—въ отца, который убилъ свое дитя за грошъ, за кусокъ хлѣба, для потѣхи публики.

Конечно, очень важно въ искусствѣ, какъ трактованъ сюжетъ и какъ онъ исполненъ. Такимъ образомъ я кое-какъ могъ разсказать только то, изъ чего я составлю сюжетъ, но лучше разскажу уже потомъ, въ глинѣ. Бога ради, не говорите никому ни слова объ этомъ.

Я прошу не безъ причины. Представьте себѣ, до сихъ поръ я былъ глупъ, и разсказывалъ всѣмъ мои идеи. По секрету могу сказать, что одинъ уже сдѣланъ, второй скоро начнется. Смѣшно то, что я позволилъ себѣ разсказать одному человѣку, что думаю дѣлать „Пугачева". Не много времени спустя, этотъ самый человѣкъ приходитъ и говоритъ мнѣ, что онъ думаетъ дѣлать Пугачева. „Какъ, да вѣдь я думалъ сдѣлать его!"—„И я тоже думалъ дѣлать его",—отвѣчаетъ онъ.—„Я думалъ сдѣлать его въ клѣткѣ, когда его показываютъ народу". — „Я также думаю представить его",—повторяетъ онъ.—„Ну, дѣлайте, я не буду его дѣлать",—замѣтилъ я.—„Отчего"?—спрашиваетъ онъ.—„А потому, что болѣе не желаю дѣлать раздражающіе сюжеты—это не есть задача искусства".

Мы такъ продолжали болтать, и, мнѣ кажется, что я успѣлъ его убѣдить въ томъ, что подобныхъ сюжетовъ затрогивать не слѣдуетъ. По крайней мѣрѣ онъ болѣе не говорилъ объ этомъ. Я не жалѣю для нихъ своихъ сюжетовъ, дай Богъ мнѣ сдѣлать четверть того, что я думаю сдѣлать; но досадно то, что попадись имъ хорошій сюжетъ, вѣдь исковеркаютъ его.

Что Ге? Странно, что отъ него нѣтъ ни слова, несмотря на то, что я писалъ къ нему два раза. Оба раза я не получилъ отвѣта. Интересно знать, что тутъ за причина, или это безъ всякой причины?

Просили у меня позволенія отлить „Ивана" изъ гипса и послать его на передвижную выставку въ Москву. Конечно, я послалъ мое согласіе и благодарность. Сдѣлано это или нѣтъ? Пожалуйста, если по невѣдомой мнѣ причинѣ онъ не желаетъ отвѣчать, прошу: узнайте и напишите. Только, Бога ради, пишите сейчасъ-же, какъ получите это письмо, если желаете, чтобы „Петръ" былъ на Московской выставкѣ.

Если фотографъ возьмется сфотографировать „Петра" (въ мастерской нѣтъ достаточной дистанціи, чтобы можно было снять) и если возможно будетъ,—то къ дню открытія выставки непремѣнно пришлю большую фотографію.

Однако, довольно болтать, пора отдыхать—цѣлый день работалъ до усталости, а теперь уже второе письмо пишу.

Пожалуйста, не откладывайте отвѣта, да вообще это дѣло невѣрное. Вамъ еще придется съ кѣмъ-нибудь поговорить.

Вотъ что еще! Когда вы получите отъ К* деньги, дайте Эліаспку, сколько ему нужно. Лѣтомъ думаю быть въ Вильнѣ, и если онъ пожелаетъ, то можетъ пріѣхать. Тогда онъ можетъ за два, три мѣсяца взять впередъ свою пенсію, для уплачиванія своихъ долговъ. Впрочемъ, дайте ему свободу, какъ онъ желаетъ.

19. Къ нему же.

Римъ, 11 (23) мая 1872 г.

Дорогой дядюшка, будущій дѣдушка, отъ души обнимаю васъ,

цѣлую и поздравляю! Отъ моего имени поздравьте и Софью [1]), дай Богъ ей всего хорошаго! Эта новость очень нравится мнѣ, только вы не совсѣмъ правы. Люди живые должны думать о жизни, напрасно думаете, что вы становитесь какъ будто лишнимъ; въ васъ еще нуждаются люди дѣятельные и дѣльные,—помогите имъ словомъ и дѣломъ. Вы это дѣлаете, и превосходно! Превосходно и то, коли каждый стоитъ на своемъ мѣстѣ и дѣлаетъ то, къ чему онъ болѣе всего способенъ. Итакъ, дорогой дядюшка, не мнѣ это говорить вамъ, лучше дайте руку, будемъ еще жить и надѣяться на жизнь. Аминь.

Теперь о дѣлѣ. Письмо съ векселемъ сегодня я получилъ, за что очень и очень благодаренъ вамъ, онъ явился совершенно кстати. Бѣда, что г. Чайковскій настигъ меня такъ врасплохъ, но дѣлать нечего, нужно сдѣлать то, за что взялся. Два эскиза до 15 іюня будутъ готовы непремѣнно, а можетъ быть и всѣ. Я долженъ оставить „Петра“ для этого, и именно тогда, когда нужны эти двѣ недѣльки для окончанія его.

Завтра думаю вамъ выслать фотографію съ эскиза „Кавказъ“, а для чего—совершенно и самъ не знаю, такъ какъ я давно считаю его совершенно негоднымъ [2]). Но при этомъ думаю еще кое-что послать, а именно, фотографію съ головы „Петра“. Только на это я еще не рѣшился, собственно потому, что не хочу раньше посылать фотографіи съ головы, пока не пошлю фотографіи со всей фигуры. Я думаю, если пошлю фотографію только съ головы, то этимъ я только парализирую впечатлѣніе. Впрочемъ, все это я увижу еще. Пожалуйста, передайте г. Чайковскому, что я всѣ усилія употреблю, чтобы удовлетворить его и себя.

Денегъ пока не нужно больше, я очень благодарю за предложеніе, но пріятно брать только тогда, когда есть за что. Недавно я послалъ письмо къ вамъ. Получили вы его? Пожалуйста, дайте скорѣйшій отвѣтъ. Вотъ видите, дядюшка, какъ племянникъ надоѣдаетъ! Но это еще не все! Бога ради, соберите рисунки, если есть, гдѣ изображенъ Владиміръ Мономахъ. Я кое-что помню изъ костюма его, но лучше, когда онъ есть передъ глазами. Костюмъ для Ивана III у меня есть; по крайней мѣрѣ, для того, чтобы вылѣпить эскизъ—достаточно. Также прошу прислать мнѣ рисунки, гдѣ изображены Александръ Невскій и Екатерина II (хорошо,—гдѣ была бы она представлена верхомъ).

Кажется, долженъ былъ издаваться альбомъ рисунковъ нашего бывшаго талантливѣйшаго художника Шварца, онъ издавался (если не перепутываю фамилію) Забѣлинымъ [3]). Если этотъ альбомъ существуетъ, то, пожалуйста, какъ можно скорѣе, вышлите его.

Что хлопотъ! Довольно! Но если бы вы знали, какъ я работаю, то, право, пожалѣли бы меня. Если я пошлю фотографію съ головы

---

[1]) Съ замужествомъ.

[2]) Эскизъ «Кавказъ» такъ и остался невысланнымъ въ Петербургъ.

[3]) Этотъ альбомъ былъ изданъ въ 1872 году г. Савинымъ, подъ заглавіемъ: «Русскіе историческіе рисунки академика В. Г. Шварца», Спб. 1862 г.

„Петра“, то, Бога ради, не показывайте ее никому, и держите ее подъ величайшимъ секретомъ. Одному человѣку позволяю показать, это— Рѣпину. Что? Все-ли уже я сказалъ?

Предупреждаю васъ, что эскизъ „Кавказъ“ совершеннѣйшая дрянь! Въ немъ ничего новаго, а скорѣе—мелочь, да притомъ еще старая мелочь. Но посылаю вамъ его для того только, чтобы показать, что я работалъ, хотя я увѣренъ, что вы и безъ того повѣрите слову моему.

Я могу еще два слова прибавить: намѣсто Александра Невскаго и Екатерины я думаю сдѣлать Минина и Пожарскаго. Какъ вамъ это покажется?

Сегодня съ 6 часовъ я работалъ безъ усталости, но теперь просто рукъ не чувствую,—иду спать.

20. Къ нему же.

Римъ, 15 (27) мая 1872 г.

Недавно я послалъ къ вамъ письмо, но теперь не могу продолжать, не дождавшись вашего отвѣта.

Дѣло въ томъ, что я перемѣнилъ мою идею, и теперь затрудняюсь въ выборѣ героевъ изъ русской исторіи, въ чемъ прошу вашего совѣта.

Вначалѣ я думалъ сдѣлать „Владиміра Мономаха“, когда онъ съ торжествомъ въѣзжаетъ въ Кіевъ, гордо сидя на конѣ, въ царскомъ одѣяніи. Одна рука у него поднята, а свѣтлое выраженіе лица его какъ будто говоритъ: „Да будетъ съ вами миръ“.

Въ пандантъ къ нему, я хотѣлъ сдѣлать (да и сдѣлаю) „Ивана III“. Извѣстно, что въ исторіи онъ является какъ централизаторъ, какъ политикъ выжидательный и какъ личность энергичная. Я представляю его въ княжескомъ костюмѣ, твердо сидящаго на обыкновенной лошади, энергично и безпечно опирающагося обѣими руками на сѣдло. Его руки удерживаютъ нетерпѣливаго коня, который отъ нетерпѣнія бьетъ копытами, до того, что подъ ногами у него уже вырыта небольшая яма. А самъ онъ проницательно смотритъ вдаль.

Я хотѣлъ еще сдѣлать „Александра Невскаго“ (такъ какъ новый мостъ долженъ назваться Александровскимъ). Онъ возвращается съ поля битвы, вытирая свой мечъ. Въ пандантъ къ нему я думалъ сдѣлать „Дмитрія Донского“, идущаго по полю битвы и пробующаго остроту своего меча. Но мнѣ кажется, что Владиміръ Мономахъ, Александръ Невскій и Дмитрій Донской по характеру похожи другъ на друга. Послѣ того я думалъ сдѣлать что-то болѣе разнообразное и притомъ представить четыре узла изъ русской исторіи: „Ярослава Великаго“, какъ законодателя, и „Ивана III“, какъ централизатора; потомъ „Владиміра Святого“ и „Александра Невскаго“. Теперь опять является вопросъ: если я хочу сдѣлать четыре узла исторіи, то отчего не сдѣлать „Рюрика“, отчего не сдѣлать „Петра“ (про послѣдняго можно одно сказать, что онъ стоитъ уже въ двухъ шагахъ отъ моста)? „Екатерину II“ не

сдѣлаю. Пожалуйста, дайте мнѣ вашъ совѣтъ, да притомъ скорѣе отвѣчайте. Вы хорошо знаете, какъ дорого теперь время. „Ивана III“ начинаю, потому что его уже не перемѣню.

Фотографій я и теперь не высылаю, несмотря на мое сильное желаніе показать вамъ хоть голову „Петра“. Но если пошлю, то это будетъ съ моей стороны не болѣе и не менѣе, какъ слабость, потому что черезъ недѣлю или немного позднѣе пошлю вамъ фотографію съ цѣлаго „Петра“, правда, не оконченнаго, но все-таки вы будете имѣть ясное понятіе о „Петрѣ“.

До невѣроятности жалѣю, что „Петра“ не успѣю кончить къ началу Московской выставки. Жаль тѣмъ болѣе, что имъ я думалъ начать осуществленіе моихъ плановъ, а именно: я хотѣлъ, чтобы его показывали отдѣльно по 25 к. Сборъ этихъ денегъ былъ бы первымъ фондомъ для распространенія „искусства въ Россіи“,—именно среди юнаго поколѣнія. На нихъ—лучшая надежда. Вотъ программа, которую я пока составилъ себѣ:

1) Покупать разные рисунки, этюды и картины, для отправленія ихъ въ тѣ школы, гдѣ ихъ нѣтъ.

2) Премія въ 500 рублей тому, кто представитъ лучшую популярную книгу, на русскомъ языкѣ, объ эстетикѣ для юношей.

3) Премія въ 200 рублей тому, кто укажетъ скорѣйшій методъ преподаванія рисованія въ школѣ.

4) Каждый годъ премія въ 100 рублей тому, кто представитъ лучшій рисунокъ изъ школъ.

Объ этомъ новомъ намѣреніи пока никому не говорите, оно еще впереди. Конечно здѣсь можетъ быть многое перемѣнено, но во всякомъ случаѣ главное для васъ ясно: это давно занимаетъ меня. Если у насъ признана необходимость развивать у мальчика физическія силы, равно какъ умственныя (у насъ и этимъ не хорошо занимаются), то могу смѣло сказать: для того, чтобы создать гармоническаго человѣка, необходимо, чтобы у него умъ, сердце и мускулы были развиты равносильно: вотъ, по-моему, значеніе искусства въ жизни. Оно теперь перестаетъ быть языкомъ религіи, оно не заглушено мистическими образами, для того чтобы развивать у человѣка духовную силу, основанную будто бы на гуманности—это была ложная подкладка. Дѣло въ томъ, что всѣ тѣ, которые отпадаютъ отъ религіи христіанства, всѣ приближаются къ идеаламъ Христа. Только разница та, что тогда слова его были болѣе теоретическія, а не было сказано, какъ осуществить эти идеи. И какъ только подкладка взялась за этомъ мистицизмъ, его идея была искажена. Но у насъ нынче все это дѣлается болѣе практически (до поры до времени). Мы теперь болѣе не взираемъ вверхъ, а смотримъ на каждаго человѣка прямо, мы хотимъ узнать его, оцѣнить и дать ему настоящее значеніе его въ жизни.

Искусство на этотъ разъ тоже не отступаетъ, оно держится красоты душевной. Оно основано на истинѣ, оно также пытается узнать человѣка, развивать у него чувство къ гармоніи, красотѣ, отчего жизнь становится богатой и роскошной. Но я долженъ сдѣлать ого-

ворку: что все это пока является только въ попыткахъ, а идеала полнаго нѣтъ еще.

Однако хорошо, что бумага кончается, а то я заболтался, да нужно бѣжать работать. Цѣлую васъ.

Пожалуйста, напишите, послана ли статуя „Ивана Грознаго“ на Московскую передвижную выставку? Я былъ бы доволенъ, если бы даже и нѣтъ.

21. Къ нему же.

Римъ, 17 (29) мая 1872 г.

Вотъ какое время настало: цѣлый день работаю до усталости, а вечеромъ долженъ еще писать. Но я доволенъ. Я люблю, когда самъ двигаюсь и когда кругомъ меня другіе двигаются. Это какъ-то болѣе жизнь.

Сегодня я получилъ вашу телеграмму [1]). Къ сожалѣнію, статуя моя не можетъ поспѣть къ назначенному сроку на Московскую выставку. Она не раньше можетъ быть на мѣстѣ, какъ 1-го іюля, а къ сроку 6 іюня я пришлю фотографію. Вотъ все, что могу сдѣлать.

Фотографія будетъ большая и ясная, снятая прямо съ глины; она выходитъ лучше, чѣмъ изъ гипса. Фотографъ сказалъ, что въ мастерской можно будетъ снять.

Пожалуйста, когда увидите г. Чайковскаго, будьте добренькимъ дядюшкой, передайте ему, что я очень и очень прошу, нельзя ли дать мнѣ срокъ, для исполненія четырехъ проектовъ, до 1-го іюля. Если возможно, то это будетъ для меня очень большое облегченіе, а то, пожалуй, придется оставить „Петра“. Этого никакъ не хотѣлось бы мнѣ: во-первыхъ, потому, что пора кончить его, и, во-вторыхъ, здѣсь въ Римѣ уже невыносимо жарко, и оттого глина трескается до невѣроятности; того и смотри, что какая-нибудь часть фигуры отвалится: здѣшняя глина слишкомъ суха и не имѣетъ той вязкости, какъ петербургская.

Что, В. В., довольно хлопотъ даю вамъ?

Какъ же вы поживаете? Пожалуйста, прошу васъ, будьте такъ добры и здравствуйте да перестаньте тосковать. Что, обѣщаете? Да?

Я здравствую, много работаю, много кушаю, да крѣпко сплю, чего больше?

Получили вы письмо отъ Софьи? Когда будете писать, не забудьте отдать мой поклонъ и поздравленіе. Жалѣю, что теперь болѣе не достану такого славнаго кучера, какъ она (помните?) [2]).

Однако, все главное я написалъ и затѣмъ освобожу васъ отъ пустого чтенія. Да притомъ и самъ я усталъ и иду спать.

Вашъ племянникъ Маркъ.

---

[1]) Телеграмма состояла въ томъ, что В. В. Стасовъ видѣлся съ графомъ Дм. Андр. Толстымъ, тогда министромъ народнаго просвѣщенія и попечителемъ Московской всероссійской выставки въ память 200-лѣтія со дня рожденія Петра Великаго. Графъ Толстой изъявилъ свое согласіе на принятіе «Ивана Грознаго» на выставку, хотя бы эта статуя нѣсколько и запоздала.

[2]) Въ крестьянской телѣгѣ, на дачѣ въ Парголовѣ.

Досадно, что я не могу поспѣть, чтобы до 6-го іюня „Петръ“ былъ уже въ Москвѣ. Но вотъ что очень можетъ быть: „блинъ дорогъ только на масляницѣ“. И оттого любопытно знать, возьмутъ ли они издержки на свой счетъ, если статуя придетъ позднѣе 6-го іюня? И есть-ли у нихъ хорошее помѣщеніе для него? А главное: хорошій свѣтъ, въ одно сконцентрированный?

Въ прошломъ письмѣ я писалъ вамъ про мое желаніе: выставить „Петра“ отдѣльно, по билетамъ. Можно ли будетъ это осуществить? Мнѣ кажется, что „да“. „Петръ“ столько сдѣлалъ для Россіи, что пусть онъ будетъ и основателемъ начала развитія художественнаго элемента въ сельскихъ школахъ. Во всякомъ случаѣ, прошу вашего совѣта. Буду слушаться.

Вѣрнѣйшій мой адресъ — это „Cafe Greco“.

22. Къ нему же.

Римъ, 23 мая (3 іюня) 1872 г.

Сейчасъ я получилъ отъ васъ письмо и спѣшу отвѣчать, хотя навѣрное вы получили мои письма, гдѣ обо всемъ говорится. Итакъ, въ сущности мнѣ придется только повторить.

Я умоляю Чайковскаго дать мнѣ срокъ до 1-го іюля, а не до 15-го іюня,—этимъ онъ сдѣлаетъ мнѣ большое облегченіе, потому что я бы могъ сначала кончить „Петра“: на него осталось работы не болѣе какъ на нѣсколько дней, и потомъ я бы могъ свободно исполнить проекты для моста. Бога ради, когда получите это письмо, дайте мнѣ отвѣтъ по телеграфу, потому что вы хорошо знаете, какъ это для меня важно. Съ нетерпѣніемъ жду вашего отвѣта, гдѣ я услышу, безъ сомнѣнія, добрый и искренній совѣтъ, насчетъ выбора личностей изъ русской исторіи. Думаю о многихъ, но рѣшиться не могъ еще. Хорошо было бы между ними посадить и „Петра“. Я хорошо обдумалъ его (по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что это такъ). Впрочемъ, я и обо всѣхъ думаю, и всѣ ладятся, только не могу найти характеристической черты для „Владиміра Святого“. Какъ выразить преобразователя христіанства сидящимъ верхомъ на конѣ? Также не совсѣмъ еще сложился у меня „Ярославъ Великій“ или „Мудрый“. Но за то „Иванъ III“, „Александръ Невскій“, „Дмитрій Донской“, „Владиміръ Мономахъ“ — всѣ ладятся верхомъ.

Вы не сердитесь, что я не посылалъ вамъ фотографіи съ „Петра“ (головы) и съ эскиза, который я давно сдѣлалъ для моста? Бога ради не сердитесь, хотя на это вы имѣете полное право, потому уже нѣсколько разъ я обѣщалъ, и все-таки не исполняю.

Но съ моей стороны это тоже не безъ причины, потому что первымъ эскизомъ я не доволенъ, а фотографію „Петра“, съ цѣлой фигуры, скоро пришлю.

Ге говоритъ, что онъ два раза писалъ мнѣ, только къ сожалѣнію я не получилъ (правда, два раза я получилъ письма отъ него, но это за цѣлую зиму, и вовсе не какъ отвѣты на мои письма).

Что Рѣпинъ, снялъ ли онъ фотографію со своей картины? Если да, то прошу, пусть онъ пришлетъ ее мнѣ, а то я рѣшительно не имѣю никакого понятія объ этихъ картинахъ, а крайне хотѣлось бы мнѣ ихъ знать. Жаль, что онъ мнѣ ничего не пишетъ. Впрочемъ, признаться, и я такой же.

Цѣлую васъ (чего вы не любите).

P. S. Право, боюсь благодарить васъ за столько добра, вѣдь вы не любите этого. Признаться, вы правы: слово „благодарю" (да вообще и всѣ слова)—такая дешевая вещь и такъ щедро осыпаютъ ими за каждую мелочь, что не стоитъ и говорить о подобныхъ словахъ.

Странно, какъ я ни работаю, а все-таки „Петръ" займетъ у меня еще дней 8 или 10, а вѣдь я разсчитывалъ давно окончить его! Ухъ, какъ время летитъ! Ужасно быстро!

23. Къ нему же.

Римъ, 30 мая (11 іюня) 1872 г.

Я заранѣе приготовляю письмо къ вамъ, потому что потомъ некогда будетъ, завтра долженъ прійти фотографъ для снимка „Петра" во весь ростъ. Послѣ завтра будетъ готовъ такой экземпляръ, и, конечно, сейчасъ же пошлю его вамъ, для передачи. Кому? Объ этомъ вы лучше знаете (какъ только будутъ готовы другіе экземпляры, не замедлю послать и для васъ). Мнѣ совѣтуютъ здѣсь, чтобы я обратился къ Великому князю Владиміру Александровичу. Вы знаете хорошо, хотя этотъ вопросъ есть жизненный, а не художественный, но для здороваго искусства нужна и жизнь. Бога ради, дѣлайте, какъ вамъ покажется лучше. Я вполнѣ довѣряюсь вамъ, и все, что вы ни сдѣлаете, я буду на все согласенъ.

Фотографія еще не совсѣмъ даетъ понятіе о „Петрѣ", потому что моя мастерская—прескверная: нѣтъ мѣста и нѣтъ освѣщенія. Я долженъ былъ выломать стѣнки, чтобы добиться хоть того, что вы видите, но это не лучшая точка.

За сегодняшнее ваше письмо я не хочу, ибо не въ состояніи, благодарить на словахъ, надѣюсь лучше доказать это на дѣлѣ. Но не могу не прибавить, что меня начинаетъ маленько мучить совѣсть: не употребляю ли я вашу доброту во зло? Вѣдь ужасно много хлопотъ я даю вамъ, но у меня нѣтъ никого другого, кромѣ васъ. Я теперь работаю хуже чѣмъ лошадь: встаю въ $6^1/_2$, работаю до часа, потомъ завтракаю и опять работаю пока свѣтло, обѣдаю, и потомъ берусь за письма. Бываетъ время, когда я чувствую себя совсѣмъ уставшимъ и отупѣвшимъ, притомъ же у меня въ мастерской воздухъ—отвратительный. А все-таки я здравствую,—удивляюсь! Впрочемъ, очень быть можетъ, что потомъ я это почувствую...

О проектахъ для моста я уже писалъ вамъ, и прибавлять мнѣ нечего, развѣ только то, что съ нетерпѣніемъ жду отвѣта на мою просьбу, чтобы дали мнѣ отсрочку до 1-го іюля. Тогда я все сдѣлаю.

Насчетъ выбора историческихъ личностей я теперь не очень

затрудняюсь: во-первыхъ, потому, что обдуманныхъ сюжетовъ у меня болѣе, чѣмъ нужно, и во-вторыхъ, я думаю раньше сдѣлать эскизы, а потомъ, когда ихъ утвердятъ, можно будетъ свободнѣе обдумать ихъ.

Насчетъ фигуръ, которыя вы совѣтуете поставить около лошадей, скажу: превосходно! Это мнѣ очень нравится, но теперь я не стану дѣлать ихъ, потому что этимъ прибавлю себѣ вдвое больше работы, а времени никакъ нѣтъ на это. Повторяю: потомъ можно будетъ гораздо свободнѣе подумать о нихъ. Тогда уже не буду жалѣть ни времени, ни труда, если будетъ надежда на осуществленіе подобныхъ вещей; а пока—довольно и того, что есть, потому что, очень можетъ быть, трудъ пропадетъ безслѣдно [1]).

Сегодня неожиданно я получилъ ваше доброе и дорогое письмо, насчетъ выбора личностей. Я совершенно согласенъ съ вами. Иначе я и не думалъ сдѣлать, но пока я все-таки не сдѣлаю „Владиміра Святого", собственно потому, что онъ еще не сложился у меня въ головѣ. Совершенно наоборотъ,—„Петръ I" такъ цѣликомъ и вышелъ у меня съ лошадью. Лошадь остановилась, выставила морду въ даль, навострила уши, точно и она чуетъ что-то приближающееся; а Петръ всталъ на стременахъ, устремился въ даль и прислушивается. Онъ готовъ встрѣтить бурю, какая бы она ни была.

Довольно характеристично можетъ выйти „Ярославъ Мудрый": лошадь его идетъ шагомъ, точно она дремлетъ, а онъ сидитъ на ней задумчиво, съ открытымъ лицомъ и, какъ вообще бываетъ у людей, которые обдумываютъ (а не думаютъ), одною рукою онъ машинально потягиваетъ и крутитъ волосы своей бороды.

Я объ этомъ разсказывалъ Бронникову [2]), онъ въ восторгѣ отъ этого (видите, какой я краснорѣчивый сталъ). Право, мнѣ всегда хотѣлось бы, чтобы побольше нравилась моя работа.

Я дремлю и пишу. Въ 7 часовъ утра отправляюсь работать и возвращаюсь поздно ночью, устаю до невѣроятности, и тогда принимаюсь писать письма. Хорошо еще, что здоровье не измѣняетъ мнѣ,—я здравствую.

Фотографіи съ „Петра" я думаю послать—одинъ экземпляръ въ Москву для передачи Исакову, и одинъ вамъ. Я думаю, что такъ будетъ вѣрнѣе, да притомъ я разсчитываю, чтобы она пришла къ сроку, такъ какъ время коротко.

Говорятъ, что не такъ скоро дѣло дѣлается, какъ сказки разсказываются. Вотъ представьте себѣ, вѣдь я думалъ, что вотъ-вотъ кончу „Петра", а оказывается, работаю какъ лошадь, а все-таки до до сихъ поръ не могу еще кончить.

Чтобъ чортъ побралъ фотографа! Во-первыхъ, за то, что онъ не сдержалъ слово: обѣщалъ одинъ экземпляръ сегодня прислать и не сдержалъ слова. Я былъ у него и видѣлъ оттискъ, который, признаюсь,

---

[1]) Антокольскій отгадалъ вѣрно: ему не пришлось исполнить его эскизовъ, такъ какъ проектъ Чайковскаго не былъ одобренъ.

[2]) Живописецъ, профессоръ Ѳед. Андр. Бронниковъ.

вовсе не нравится мнѣ. Голова вышла маленькая, за то нога преогромная; голова вся въ тѣни, за то животъ хорошо освѣщенъ. Впрочемъ, въ этомъ не онъ виноватъ, а моя мастерская; но что онъ глупо сдѣлалъ, такъ это то, что снялъ вотъ такимъ образомъ: рисуется черная фигура на бѣломъ фонѣ,—непріятно! Онъ обѣщалъ передѣлать иначе. Жду съ нетерпѣніемъ сегодня другой оттискъ; увидимъ, и если не будетъ лучше, то не пошлю въ Москву, а вамъ непремѣнно. Что-жъ дѣлать, притомъ все это тянется день за день, а время не терпитъ. Я окончательно выбьюсь изъ силъ, или же сдѣлаю что-нибудь путное,—конецъ вѣнчаетъ дѣло. Очень много хлопотъ кругомъ, именно тогда, когда нужно спокойствіе. Я радъ, что здравствую, и стараюсь всего этого не допускать къ себѣ,—такимъ образомъ надѣюсь, что все преодолѣю. А впрочемъ увидимъ!

Кажется, я уже обо всемъ сказалъ, теперь остается мнѣ пожелать вамъ всего добраго. Ужъ больно хотѣлось бы мнѣ повидаться съ вами, и тогда побольше обо всемъ, что только лежитъ на душѣ, поговорить пообстоятельнѣе, а письменно неудобно, да и некогда говорить. Я здравствую и желаю вамъ того же самаго.

Фотографію я вамъ вышлю завтра, или непремѣнно послѣзавтра. Если она будетъ хороша, то пошлю къ Исакову на выставку, а если нѣтъ—только вамъ, только никому не показывайте. Вы хорошо знаете, какъ дорого первое впечатлѣніе, и я бы не хотѣлъ дать о моей работѣ фальшивое впечатлѣніе посредствомъ фотографіи.

Кланяйтесь всѣмъ друзьямъ. Что, не видитесь-ли съ Васильевымъ, Савицкимъ, Васнецовымъ? Какъ они поживаютъ, что подѣлываютъ?

Прошу отдать мой поклонъ Мусоргскому. Ну, что съ „Борисомъ Годуновымъ"? Какъ окончилъ Римскій-Корсаковъ „Псковитянку"? Часто мы говоримъ здѣсь о нихъ.

24. Къ нему же.

Римъ, получ. 9-го іюня 187

Дорогой дядя,

Сейчасъ посылаю къ вамъ фотографію „Петра"; она должна придти въ одно время съ письмомъ.

Вчера я послалъ фотографію въ Москву къ Исакову[1]. Не знаю, не запоздалъ-ли я уже? Также я посылаю фотографію Великому Князю Владиміру Александровичу. Я бы больше поговорилъ теперь съ вами, но не могу: во-первыхъ, я усталъ, во-вторыхъ,—тороплюсь на почту. Только одно долженъ прибавить, что фотографія вышла не пропорціонально: ноги большущія, а голова маленькая, по той причинѣ, что въ мастерской не было мѣста, которое было необходимо для снятія.

Ради Бога, пишите скорѣе, что скажете? Признаюсь, „Петръ I" порядочно надоѣлъ мнѣ, и я не сталъ болѣе любить его.

Эскизы работаются, и скоро, черезъ недѣлю, пошлю фотографіи.

---

[1]) Н. В. Исаковъ, попечитель московскаго округа, стоялъ во главѣ всероссійской выставки 1872 г.

Дойдетъ-ли эта фотографія? Вотъ о чемъ я безпокоюсь. Письмо ваше сегодня получилъ; все будетъ по вашему. Когда отдохну, напишу побольше. Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта.

25. Къ нему же.

Римъ, получ. 10 іюня 1872 г.

Я взялся за перо, а что сказать, самъ не знаю, ибо, наоборотъ, есть много кое-чего, что сказать, но душа до того переполнена, что одно желаніе перегоняетъ другое. Всего этого теперь во мнѣ есть достаточно, даже черезчуръ! Накопленіе разныхъ разностей и всѣ непріятности давятъ меня хуже, чѣмъ теперешняя римская атмосфера, которая дѣлаетъ человѣка вялымъ, слабымъ и раздражительнымъ. Сколько я ни силился хладнокровно устоять противъ всего, все-таки въ концѣ-концовъ я этого не достигъ: видно, человѣкъ не есть дырявый мѣшокъ, и у него есть дно, и видно, что туда можно надавливать только до тѣхъ поръ, пока тамъ еще не переполнено. Я работалъ, работалъ и заработался до того, что рѣшительно отупѣлъ, ослабѣлъ и поглупѣлъ. Теперь съ утра до вечера работаю, и все-таки очень вяло дѣло подвигается, при томъ же здѣшняя жара окончательно истощаетъ силы. Прибавьте къ этому еще разныя непріятности постороннія, которыя тоже немало раздражаютъ меня. Вотъ вамъ мое настроеніе. Неправда-ли, хорошъ я? Повѣрьте, бываютъ минуты, когда чувствуешь себя гордымъ, богатымъ тѣмъ однимъ, что ты художникъ, что сознательно идешь къ цѣли. По за то очень часто бываютъ горькія минуты, когда готовъ все проклинать, а тоже и самого себя. Я теперь таковъ. Грустно, но тѣмъ не менѣе это такъ.

Повѣрьте, дорогой дядюшка, по совѣсти, для „Петра“ нужно еще не болѣе пяти дней для окончанія его, а все-таки скрѣпя сердце я оставилъ его и взялся за эскизы. И что-же? Сегодня прихожу я и вижу, что половина ленты [1]) отвалилась (мое предчувствіе сбывается). Съ досадой я принужденъ сдѣлать другую. Я взялся опять за эскизы, а теперь, къ вечеру, когда спокойно стоялъ и работалъ, вдругъ слышу,— что-то упало, и вижу, что шарфъ отскочилъ. Что вы тутъ прикажете дѣлать? Положеніе мое теперь ужасное, совершенно какъ среди волнъ, когда чувствуешь, что сзади гонятъ, до берега еще далеко, а между тѣмъ силы измѣняютъ.

Экая досада, что все это такъ сдѣлалось, вѣдь не болѣе, какъ черезъ какіе-нибудь 5 дней я бы преспокойно кончилъ „Петра“, а послѣ спокойно взялся-бы за эскизы. Вообще эти эскизы стоятъ у меня точно кость въ горлѣ, цѣлую зиму. Вѣдь если бы не они, если бы я раньше не потерялъ на нихъ болѣе двухъ мѣсяцевъ совершенно напрасно, „Петръ“ давно стоялъ-бы на Московской выставкѣ. И, кто знаетъ, очень можетъ быть, онъ вышелъ бы лучше! Какъ хотите, какъ ни говори себѣ очень часто, что не нужно торопиться, а все-таки есть маленькіе грѣшки на

---

[1]) На груди у Петра.

душѣ. Право это такъ, да притомъ прибавляю, что и у меня есть не только художественная, но и человѣческая душа: вѣдь домой то тянетъ, вѣдь тамъ ждутъ меня, и какъ еще...

Вотъ видите, какъ нехорошо быть дядюшкой—я все къ вамъ, радость-ли, печаль-ли—я все къ вамъ, даже иногда и ни съ чѣмъ, а все къ вамъ.

Вы обѣщали на-дняхъ писать, а все еще я ничего не получаю. Вѣрно не даромъ, навѣрное что-то задержало! А впрочемъ очень можетъ быть, что завтра и получу что-нибудь.

Получили-ли вы, наконецъ, хоть тѣ фотографіи, которыя я послалъ къ вамъ не наклеенныя? Пожалуйста, дайте скорѣйшій отвѣтъ, я жду его съ нетерпѣніемъ.

Когда окончу „Петра", я напьюсь пьяный и дамъ вамъ объ этомъ знать.

Посылаю въ письмѣ этомъ непріятный курьезъ (почтовую квитанцію). Хорошо знаю, что вы повѣрите мнѣ, что я посылалъ г. Исакову фотографію, но все-таки посылаю вамъ квитанцію эту, авось пригодится.

26. Къ нему же.

Римъ, получ. 13 іюня 1872 г.

Дядюшка мой дорогой, нѣсколько дней тому назадъ я послалъ къ вамъ четыре фотографіи, снятыхъ съ „Петра". Я забылъ сказать, что теперь можете показать ихъ кому вамъ угодно, теперь онѣ уже не секретъ. Не знаю, какъ публика приметъ его, но я лично долженъ прибавить, что еще не совсѣмъ доволенъ. Правда, это всѣ художники говорятъ, и имъ замѣчаютъ, что это художественная скромность. Но все это въ сторону!

Я недоволенъ „Петромъ"—благодаря отвратительному костюму, изъ котораго ничего художественнаго нельзя было сдѣлать. Ужасно много непріятности я испытывалъ, когда его работалъ. Могу сказать, что задача, которую я задалъ себѣ, была ужасно трудна: во-первыхъ, потому... Да чортъ возьми! Я долженъ прервать разсужденія, благодаря непріятной новости, которую сейчасъ получилъ.

Представьте себѣ, уже нѣсколько дней, какъ я отправилъ фотографіи въ Москву, и вдругъ сегодня фотографъ принесъ мнѣ обратно: онъ ихъ нашелъ на почтѣ. Онѣ были отосланы, дошли до границы и тамъ на бандероли написали, что-молъ выше, чѣмъ 250 граммъ, въ Россію не посылаются, и потомъ онѣ были адресованы обратно къ фотографу, навѣрное потому, что на фотографіи есть штемпель съ его адресомъ. А я думалъ, что онѣ уже дошли! Какъ это нравится вамъ? Не правда ли, хорошая закуска среди хлопотъ и усталости? Потомъ я послалъ фотографіи къ Великому Князю и къ вамъ, навѣрное, черезъ два дня я и ихъ обратно получу поломанными, какъ тѣ, которыя получилъ сегодня.

Я велѣлъ отпечатать вновь и наклеить, чтобы послать къ вамъ, для того, чтобы онѣ вѣрнѣе дошли и не поломались. Я опять долженъ

утруждать и просить отдать ихъ фотографу Гофферту или же Штейману для наклейки и послать четыре фотографіи Великому Князю съ извиненіемъ, что въ этомъ я не виноватъ (такъ какъ я объ этомъ ему писалъ, и было-бы непріятно, когда-бы онъ получилъ письмо безъ фотографіи); еще четыре Исакову, которому я тоже объ этомъ писалъ и, наконецъ, четыре задержалъ для себя. Пожалуйста, передайте Штейману, что везу много фотографій не наклеенныхъ и, если онъ возьмется, то конечно отдамъ ему, если онъ этого желаетъ и по умѣреннымъ цѣнамъ. Я думаю, что Гоффертъ, какъ вы разъ выразились, „мямля“; съ нимъ дѣло вяло подвигается, да притомъ кажется, что онъ слишкомъ себѣ на умѣ. Если вы встрѣтите его, то интересно знать: много ли фотографій онъ продалъ съ „Ивана Грознаго“? Такъ какъ за каждый экземпляръ я долженъ получить рубль.

Бога ради, когда получите фотографію, дайте отвѣтъ какъ можно скорѣе. Черезъ недѣлю я думаю послать первыя двѣ фотографіи съ эскизовъ для моста. Боюсь, чтобы та же участь и ихъ не постигла, хотя я пошлю ихъ также не наклеенныя. На этотъ разъ я долженъ остановиться, потому болѣе, что не о чемъ говорить. Впрочемъ, я не правъ, есть о многомъ чемъ говорить, только сегодня ничего въ голову не лѣзетъ: я усталъ.

Вотъ что я слышалъ,—что Московская выставка отложена на мѣсяцъ для открытія. Правда ли это? Я былъ бы этому очень радъ.

Одно, что могу сказать, что исполнить „Петра“ было гораздо труднѣе, чѣмъ „Ивана“, да онъ и менѣе благодаренъ въ художественномъ отношеніи. Однако, самое лучшее молчать и слушать, что другіе скажутъ.

Здѣсь общій отзывъ о „Петрѣ“ довольно удовлетворителенъ. Но говорятъ, что онъ нисколько не уступаетъ „Ивану“, а по техникѣ онъ и лучше. Но это не вѣрится мнѣ, ей-ей!

Кажется, прошлое письмо не было франкировано. А тому была та причина, что какъ разъ у меня въ карманѣ не было ни копѣйки. Я опять остался безъ денегъ.

27. Къ нему же.

Римъ, получ. 21 іюня 1872 г.

Сегодня получилъ ваше письмо, спѣшу отвѣчать на него. Знаете что, письмо Исакова показалось мнѣ страннымъ. Всѣ чести и почеты, которыми онъ надѣляетъ меня, все это нужно для меня столько же, какъ стоптанный башмакъ. А главное не сдѣлано, и это очень опечалило меня. Вѣрьте мнѣ, дорогой дядюшка, что на первомъ планѣ стоитъ у меня осуществленіе моихъ идей, а именно: посредствомъ выставки собрать извѣстный капиталъ и такимъ образомъ положить первый камень для распространенія искусства въ Россіи. И лишь потомъ только я буду думать о личныхъ интересахъ. Если бы не сборъ, то, право, не было-бы охоты даже и посылать „Петра“—для чего? Хлопотать, здоровье терять—собственно для того, чтобы похвастаться

передъ публикой?! Правда, я работалъ чисто для искусства и уже счастливъ тѣмъ, что „кое-что" сдѣлалъ: слѣдовательно, главное осуществилось. Но когда дѣло идетъ о публичной выставкѣ, въ такомъ мѣстѣ, и тогда, когда въ Москвѣ будетъ такое стеченіе публики, конечно я тоже изъ этого хотѣлъ извлечь пользу, если не для себя лично, то по крайней мѣрѣ для общаго блага,—для той идеи, которая такъ долго занимаетъ меня и не перестанетъ занимать, пока я ее не осуществлю! Что касается моихъ личныхъ интересовъ, то этого я не боюсь,—не люблю хвастаться. Но если вѣрить лучшимъ итальянскимъ художникамъ, „Петръ" вовсе не хуже „Ивана", если не лучше. Такимъ образомъ, я доволенъ уже однимъ тѣмъ, что „Иванъ" созданъ былъ вовсе не случайно, какъ многіе художники толковали, и что я могъ создать нѣчто совершенно другого характера, противъ прежняго, вопреки тѣмъ, которые говорили мнѣ въ глаза, что я никогда не создамъ „Петра", потому что это не мой родъ искусства и что долго, долго „Иванъ Грозный" будетъ играть первую роль въ моемъ творчествѣ. Однако тотъ же самый художникъ недавно пришелъ ко мнѣ и изъявилъ покорность: „Виноватъ,—сказалъ онъ,—я былъ не правъ и долженъ теперь сказать, что „Петръ" болѣе удался вамъ, чѣмъ „Иванъ". А главное, я теперь съ увѣренностью буду браться за тѣ будущія задачи искусства, о которыхъ давно думаю. Если „Петръ" не продастся, то, очень можетъ быть, это будетъ къ лучшему, потому что такимъ образомъ, разъ и навсегда я не буду болѣе браться за такіе сюжеты, которымъ будетъ суждено оставаться въ гипсовыхъ обломкахъ. Пожалуйста, подумайте объ этомъ и, если возможно, поправьте дѣло. Вѣдь бываютъ же на выставкѣ акваріумы, водолазы, за которыхъ платятъ особенно [1]), отчего же не платить особо за статую „Петра", если она того достойна? Что касается до неудобства помѣщеній на выставкѣ, то, мнѣ кажется, все-таки мѣсто найти можно будетъ, тѣмъ болѣе, что Исаковъ самъ говоритъ: „Мѣсто для статуи Антокольскаго найдемъ хорошее, призовемъ къ совѣту людей знающихъ",—но изъ этого слѣдуетъ, что мѣсто еще не отыскано. Отчего же не отыскивать мѣстечко, куда можно было бы идти за плату? Главное, страннымъ показалось мнѣ то, что онъ говоритъ: „Но доброе намѣреніе Антокольскаго обратить сборъ на полезное дѣло должно сдѣлаться извѣстнымъ, и вы намъ поможете въ этомъ". Кого извѣстить объ этомъ? Публику? Къ чему? Ради Бога не дѣлайте этого! Я знаю, что у васъ есть настолько здраваго смысла и чистой души, что вы и безъ моей просьбы этого не сдѣлали бы, но умалчивать объ этомъ я рѣшительно не могу. Н. В. Исаковъ жестоко ошибается, если думаетъ, что я хлопочу объ извѣстности, что я добрый и что голыя слова могутъ удовлетворить меня или вознаградить за мои намѣренія. Скажу вамъ откровенно, если эти слова понимаю вѣрно: я на нихъ просто негодую.

Дорогой дядя, кажется, я увлекся, и вамъ навѣрное непріятно

---

[1]) Намекъ на «акваріумы» и на «водолазовъ», бывшихъ на всероссійской выставкѣ 1871 года, въ Петербургѣ, въ Соляномъ Городкѣ, гдѣ за эти зрѣлища была особая плата.

слушать меня, но право досадно, и досадно не за себя, а за то, что „доброе дѣло" отлагается Богъ знаетъ на какое время и не пользуется такимъ хорошимъ случаемъ. Какъ бы то ни было, я жду скорѣйшаго отвѣта на это письмо, авось можно еще поправить дѣло. Хорошо ли это будетъ, если я привезу „Петра" на свой счетъ и внѣ выставки сдѣлаю свою собственную выставку? Повторяю: я не измѣню того, что вы скажете, или что сдѣлаете, но только спрашиваю, и вы должны помочь мнѣ осуществить благое дѣло.

Сегодня я кончилъ „Петра"! Хотѣлъ я было сдѣлать праздникъ, но некогда. Продолжаю оканчивать эскизы, дня черезъ два или три пошлю первую фотографію.

Черезъ день или два „Петръ" можетъ трогаться въ дорогу, но не раньше, чѣмъ получу на это письмо отвѣтъ.

Правда ли то, что во Флорентинской газетѣ было сообщено, будто какой-то французъ сдѣлалъ „Петра" и поставилъ его на выставку въ Москвѣ, и что Государь заказалъ его?

Правда ли, что открытіе выставки отложено на мѣсяцъ? Исакову во всякомъ случаѣ мнѣ слѣдуетъ послать фотографію, хотя онъ этого вовсе не стоитъ. Въ случаѣ, если пошлю статую въ Москву, то для уставки ея самъ пріѣду, потому что скала, на которой онъ стоитъ, не окончена. Я думаю сдѣлать это на мѣстѣ, и такимъ образомъ облегчу статую отъ лишней тяжести, а въ этомъ она очень нуждается.

Трудно разсказать, какъ я чувствую себя уставшимъ, но дѣлать нечего—осилюсь.

Когда вышлю фотографію съ эскизовъ, я дамъ знать объ этомъ по телеграфу.

Кажется, я все уже сказалъ. Жду вашего отвѣта. Пожалуйста, не сердитесь на меня, что я даю вамъ столько хлопотъ, но вотъ думаю, что скоро все это прекратится.

P. S. Что касается моей статуи и вашего мнѣнія, то, конечно, вы правы и я этому очень радъ. Фотографія дастъ далеко не полное впечатлѣніе. Что касается точки, откуда „Петръ" снятъ, то она далеко не изъ удовлетворительныхъ.

Статью о Шварцѣ [1]) я еще не читалъ по той простой причинѣ, что некогда, дорога каждая минута. Я очень радъ, что собраны и изданы рисунки нашего геніальнаго художника. Я очень высоко цѣню его громадный талантъ. Къ сожалѣнію, онъ далеко не развилъ еще своей геніальности, но кто присмотрится къ нему поближе, не станетъ сомнѣваться въ его глубинѣ.

Жаль только, что изданіе не совсѣмъ хорошо издано: вы сами

---

[1]) Въ мартѣ 1872 года были изданы, въ литографическихъ снимкахъ, нѣкоторые рисунки Шварца, въ видѣ альбома, состоящаго изъ 7-ми листовъ: 1) Свиданіе в. к. Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ, 2) Иванъ Грозный и Антоній Поссевинъ, 3) Воевода временъ царя Михаила Ѳеодоровича, 4) Голштинскіе послы въ Посольскомъ приказѣ, 5) Ярославна, 6) Нареченіе царской невѣсты царевною, 7) Соколиная охота. Тотчасъ появились разныя статьи объ альбомѣ.

прошлый разъ объ этомъ писали. Но, во всякомъ случаѣ, несмотря на неудачное изданіе и на дороговизну, я все-таки пріобрѣту его.

Бога ради не сердитесь на меня, я ни за что на свѣтѣ не хочу этого!..

28. Къ нему же.

Римъ, получ. 26 іюня 1872 г.

Дядя мой дорогой! Нѣсколько дней тому назадъ я написалъ вамъ письмо, кажется довольно ненормальное, то-есть я его писалъ въ ненормальномъ расположеніи духа. Мнѣ очень жаль, что столько безпокою васъ моими капризами, но надѣюсь, что вы будете ко мнѣ снисходительны, какъ истинный дядюшка. Право, время для меня теперь довольно тяжелое: безпрерывная работа, невыносимая жара и постоянныя хлопоты. Все это вмѣстѣ раздражаетъ и ослабляетъ мои нервы до того, что иногда самъ не знаешь, куда спрятаться и хоть на короткое время отдохнуть. Я окончательно выбился изъ силъ, а все-таки нужно продолжать бродить.

Одинъ эскизъ уже готовъ, а всѣ три остальные въ половинѣ работы, такъ что остается только кончить ихъ. Но я долженъ предупредить васъ, что и эти эскизы далеко не выражаютъ того, чего бы мнѣ хотѣлось. Причины тому: во-первыхъ, я вовсе не мастеръ по части лошадей, а во-вторыхъ, я работаю усталый и тороплюсь. Но какъ-бы то ни было, лишь бы скорѣе конецъ!

Что касается „Петра“, то я подумалъ, что есть еще одно средство для исполненія моихъ плановъ. Вотъ оно: я отдамъ мой доходъ съ фотографіи въ пользу этого—другими словами, фотографіи съ „Петра“ будутъ продаваться въ пользу распространенія искусства. Но я это сдѣлаю только тогда, когда Исаковъ дастъ мнѣ мѣсто на выставкѣ для продажи фотографій, и тогда тотъ фотографъ, который будетъ снимать выставку, не будетъ имѣть права пользоваться моимъ произведеніемъ для снятія съ него фотографіи. Только подъ этимъ условіемъ посылаю „Петра“ на выставку, а если и въ этомъ мнѣ откажутъ, я рѣшительно отказываюсь выставлять его на Политехнической выставкѣ и помѣщу его внѣ выставки.

Еще разъ прошу васъ,—будьте ко мнѣ снисходительны какъ отецъ и не отнимайте отъ меня руку, какъ другъ. Я хорошо чувствую, что такъ могу порядочно надоѣсть, но вы видите, о чемъ хлопочу,—это не для меня, и это облегчаетъ вину моихъ капризовъ, или, вѣрнѣе, раздражительность.

Только недавно я узналъ о несчастной дуэли Евг. Ис. Утина съ Жоховымъ. Я очень хорошо зналъ второго и не могу выразить, какое тяжелое впечатлѣніе сдѣлало на меня это извѣстіе. Жоховъ былъ одинъ изъ честнѣйшихъ и добрѣйшихъ людей, которые работаютъ и хлопочутъ за другихъ, часто забывая о самомъ себѣ. Подобныхъ фактовъ я знаю много, а хлопоталъ онъ съ пользою. Жаль, очень жаль такого человѣка [8]).

---

[1]) На этой дуэли Жоховъ былъ застрѣленъ.

Нѣсколько разъ я собирался спросить и все забываю: что сталось съ памятникомъ Глинки? Кто получилъ премію и кто работаетъ его?

Пожалуйста, когда получите это письмо, по возможности дайте отвѣтъ насчетъ „Петра“. Онъ отливается.

Получили вы фотографіи (не наклеенныя), которыя я послалъ къ вамъ послѣ первыхъ фотографій? Странно, какимъ образомъ вы-то получили, а Исаковъ—нѣтъ? Все чудеса!

Если останутся у васъ лишніи фотографіи, то дайте изъ нихъ нѣсколько Гинцбургу.

Не знаете-ли вы чего-нибудь о Лондонской выставкѣ?

Ахъ, голова такъ и трещитъ, а рука просто не двигается.

Третьяго дня я написалъ вамъ это письмо, но не послалъ,—собственно потому, что самъ все время не выходилъ изъ комнаты. Силы начинаютъ измѣнять мнѣ, но сегодня я опять взялся за работу. Это письмо должно прійти вмѣстѣ съ фотографіей. Пока посылаю одного „Ивана III“. Не знаю, какъ онъ вышелъ, но могу сказать, что я опять недоволенъ эскизами, по той причинѣ, что я теперь работаю усталый и насильно. Но дѣлать нечего, нужно продолжать. Завтра пошлю еще фотографіи: вторая группа уже тоже готова, хотѣлъ сегодня ее снять вмѣстѣ съ „Иваномъ“, но теперь все дѣлается не такъ, какъ желаешь. Мнѣ крайне хотѣлось послать фотографію какъ можно большаго формата, но представьте себѣ, въ павильонѣ у фотографа до того жарко, что пока идетъ снимка, стекло засыхаетъ. Мы долго мучались и принуждены были начать въ меньшемъ форматѣ. А пока все это дѣлалось, вторая группа совершенно растрескалась, такъ что нужно было оставить до завтра, чтобы опять привести все въ порядокъ. Теперь думаю снять фотографію въ мастерской: тамъ не такъ жарко, авось удастся послать фотографію въ большомъ размѣрѣ. И такъ, какъ видите, все двигается съ мученіемъ, но никто не мучаетъ меня такъ, какъ эти проклятые итальянцы. Они—испорченный и перегорѣвшій уголь, отъ котораго, какъ тронешь, поднимается такая ѣдкая пыль, что закашляешься до слезъ, особенно у кого грудь не совсѣмъ крѣпкая. Нѣтъ у нихъ ни слова, ни чести, ни совѣсти, а самолюбія столько, что они готовы пойти на ножи, когда говоришь имъ это, поймавши ихъ. Ну, да чортъ съ ними! Когда наконецъ настанетъ та счастливая минута, что здоровье мое позволитъ мнѣ возвратиться во-свояси, къ своимъ!

Однако довольно, пора сегодня и отдыхать: уже давно я не бѣсился такъ, какъ сегодня! И еще цѣлый день: то съ формовщикомъ, то съ негоціантомъ изъ-за мрамора, то съ абоццаторомъ [1]), то изъ-за фотографіи. Ну, довольно!

Сейчасъ прислалъ мнѣ фотографъ цѣлый возъ хлама, который и

---

[1]) Abozzatore—первоначальный работникъ произведеній изъ мрамора.

посылаю вамъ, потому что медлить некогда. Но все-таки прошу подождать до завтра, онъ обѣщался сегодня прійти снимать. Надѣюсь, что будетъ несравненно лучше прежняго и притомъ же будетъ снятъ „Ярославъ Мудрый“, а можетъ быть успѣю послать и „Петра Великаго“. А все не то, все не клеится, все не то, что хотѣлось бы, вездѣ неудачи, вездѣ непріятности! Вотъ, напримѣръ: принесли фотографіи, ну, а на что онѣ похожи?—на куски старинной бумаги съ чернилами! А, да Богъ съ ними!

Если хотите ихъ кому-нибудь показать, то непремѣнно наклеите ихъ на большую бумагу. Но совѣтую лучше подождать до завтра, если не очень нужно.

Я пошлю Чайковскому телеграмму сегодня, чтобы успокоить его. Къ 30-му все должно быть на мѣстѣ, и тогда свободно можно будетъ похворать.

29. Къ нему же.

Римъ, получ. 4 іюля 1877 г.

Ваше письмо до того заинтересовало меня, что, несмотря на усталость, я все-таки желаю взяться за перо.

Съ чего бы начать? Но раньше я долженъ сказать, что мнѣ придется отчасти защищаться. И такъ, начнемъ хоть съ „Инквизиціи“. Никогда я не думалъ и не думаю оставить ее, и если до сихъ поръ медлю, то это только потому, что очень дорожу этой идеей, какъ по замыслу, такъ и по исполненію. Я хочу раньше самъ созрѣть во всемъ, собраться съ силами, для того, чтобы создать вещь, которая могла бы устоять во всемъ, что только требуется отъ истинно-гармоническаго искусства.

О „Петрѣ“ спорить съ вами я не могу: во-первыхъ потому, что я создатель, а вы критикъ—а художникъ рѣдко видитъ ошибки въ своей вещи. Но если вѣрить художникамъ и не художникамъ, то „Петръ“ болѣе впечатлѣнія даетъ, даже чѣмъ „Иванъ“.

А знаете, что я думалъ, когда работалъ его? Что онъ не будетъ нравиться русской публикѣ. А почему? Потому, что онъ носитъ на себѣ отпечатокъ личности положительной, а не отрицательной. Замѣтьте, что мы (да вообще XIX столѣтіе) любимъ болѣе въ творчествѣ отрицательныя стороны: ни въ поэзіи, ни въ живописи, ни въ музыкѣ нельзя встрѣтить положительнаго типа (я говорю о русскомъ искусствѣ). Я не обвиняю въ этомъ никого, потому что извѣстно, что искусство есть не болѣе, не менѣе, какъ выраженіе народа. Я не хочу также разбирать, почему наша поэзія и народъ болѣе отрицательны, чѣмъ положительны. Но есть тотъ несомнѣнный фактъ, что время наше—далеко не здоровое: мы больны, мы раздражены, мы не любимъ спокойствія, потому что спокойствія у насъ и нѣтъ. Но вотъ странно и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадно: среди всего этого мы любимъ въ природѣ (по крайней мѣрѣ художники стараются создать гармонію тоновъ и красокъ) болѣе хорошія, даже идеальныя стороны ея, то, что на насъ дѣйствуетъ заманчиво, но не возбудительно. Но почему

художники черпаютъ изъ природы положительныя стороны, а изъ человѣчества отрицательныя? На это опять—отвѣтъ старый, роковой: оттого, что въ дѣйствительности оно такъ и есть; оттого, что только человѣкъ можетъ дойти до той крайности, когда разслабленіе силъ нравственныхъ и физическихъ доходитъ до боли, когда любовь исчезаетъ и на мѣстѣ ея является все то, что такъ давитъ насъ такъ долго и... Мы хорошо знаемъ, потому что и всѣмъ извѣстно: человѣкъ не любитъ веселой музыки, когда онъ грустенъ, больной человѣкъ, особенно чахоточный, любитъ мракъ, а раздражительный не любитъ спокойствія.

Вотъ отчего я думалъ, что „Петръ" не будетъ имѣть успѣха, будь онъ исполненъ хоть во сто тысячъ разъ лучше, чѣмъ у меня. Что касается меня, то очень можетъ быть, что мой родъ искусства есть драма, но я считалъ бы себя счастливымъ, если бы могъ служить искусству положительному, свѣтлому, тому, что можетъ наши нервы успокаивать и смягчать, а не раздражать.

Меня удивляетъ, что вы видите въ „Петрѣ" что-то Рауховское и другихъ, ему подобныхъ. Могу на это только сказать, что итальянскимъ художникамъ именно нравится „Петръ" тѣмъ, что они видятъ въ немъ нѣчто совершенно оригинальное, даже болѣе чѣмъ у „Ивана": вѣдь не въ костюмѣ есть и будетъ задача искусства; одна можетъ быть болѣе благодатна, а другая менѣе, но сходство между Петромъ и Фридрихомъ II есть только въ костюмѣ. А впрочемъ, когда мы будемъ вмѣстѣ около статуи, тогда болѣе поспоримъ.

Что касается Рѣпина, то я вѣрю его кисти болѣе, чѣмъ словамъ: рѣдко я съ нимъ соглашался. Рѣпинъ всегда ищетъ голову, когда она уже давно сидитъ у него на плечахъ.

Дорэ безъ сомнѣнія есть художникъ геніальный, но абстрактный; онъ превосходно представляетъ намъ то, что человѣкъ можетъ себѣ представить воображеніемъ. Но когда онъ трогаетъ тѣ предметы, которые можно изучать, тамъ онъ становится слабымъ. Нѣкоторыя тетради изъ его „Библіи" совершенно не нравятся мнѣ, и „Библія" вообще несравненно слабѣе у него, чѣмъ его „Дантъ": тамъ онъ является въ полномъ блескѣ. Но за то и въ „Библіи" онъ все выкупаетъ благодаря поэтическому оттѣнку, которымъ онъ обливаетъ всѣ произведенія.

Не менѣе силенъ нашъ Ивановъ, хотя другъ на друга они столько же похожи, какъ копѣйка на сальную свѣчу. Чтобы охарактеризовать ихъ, можно только привести два характера: „Моцартъ и Сальери". Пушкинскій „Моцартъ" является творцомъ природы, — онъ создаетъ множество алмазовъ, и это съ такою легкостью, что самъ не понимаетъ ихъ цѣнности; а Сальери трудится до пота и съ долгими трудами создаетъ не множество вещей, а одну—двѣ только, и то довольно тяжеловѣсныхъ [1]). Если бы вы спросили, кому я болѣе симпа-

---

[1]) Необходимо замѣтить, что въ 1872 г. Антокольскій зналъ, изъ твореній Иванова, только его «Христа съ Магдалиной», и «Явлені Христа народу», и вовсе еще не видѣлъ главныхъ его созданій: коллекціи рисунковъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта.

тизирую, то я отвѣчалъ бы: первому, потому что достоинство творчества, когда оно истинно создаетъ, легко и свѣжо. Но все-таки я долженъ прибавить, что оба они идеалами не могутъ быть для меня. Первый потому, что не цѣнилъ то, что творилъ, слѣдовательно и не зналъ; а второй потому, что онъ создавалъ съ мученіемъ — слѣдовательно творчество его вышло черство и замученно.

Картина Иванова [1]) имѣетъ необыкновенно много достоинствъ, но главный недостатокъ тотъ, что слово „живопись" онъ далеко не оправдываетъ. Вся картина его вообще напоминаетъ мнѣ старый коверъ, который отъ времени выцвѣлъ. Но опять и тутъ, какъ у Дорэ, картина его до того глубоко обдумана, до того вѣрно поставлена каждая фигура на мѣстѣ, до того вѣрно передана дѣйствительность, что недостатки скоро исчезаютъ, когда углубляешься въ картину. Никакихъ заднихъ мыслей я не вижу въ картинѣ Иванова, за исключеніемъ чисто-художественной, а это дѣлаетъ ему честь, — и тутъ я съ Рѣпинымъ не согласенъ.

Теперь перехожу къ дѣлу. Эскизы кончены. Но какъ? Не спрашивайте. Это вы сами увидите, и тогда выругаете: они того и стоятъ. Сегодня я посылаю фотографіи съ трехъ эскизовъ: „Ярослава Мудраго", „Ивана III" и „Петра I". Я опоздалъ съ ними, но право я не виноватъ, и сдѣлалъ все, что только зависѣло отъ меня. Они много здоровья стоили мнѣ, и теперь только я чувствую, какъ грудь снова болитъ. Я раньше бы послалъ эскизы, если бы „Петръ" не началъ разваливаться. Вы хорошо знаете то ненормальное настроеніе, когда готовая вещь начинаетъ распадаться. Я разсчитываю, что фотографіи должны прійти, самое позднее—28 іюня, слѣдовательно еще три дня до перваго іюля. Но чтобы успокоить Чайковскаго, я сейчасъ посылаю телеграмму, что фотографіи высланы. Онѣ вышли несравненно лучше, да и больше, чѣмъ первыя, которыя вы конечно получили.

Рѣдко у меня была такая бурная недѣля, какъ теперешняя: я много раздражался, кричалъ, много хворалъ, много работалъ и мало ѣлъ и спалъ. Никогда я не видалъ такихъ отвратительныхъ людей, какъ итальянцы. Они до того мелки и безсовѣстны, что за копѣйку барыша для себя—испортятъ вамъ на тысячу, и это—тѣ люди, которые, кажется, должны бы быть болѣе или менѣе честны. Представьте себѣ, я купилъ мраморъ для „Ивана Грознаго", отмѣрилъ и отпилилъ, и что-же оказывается? Они переставили мѣрку и отпилили на полвершка менѣе, чѣмъ было обозначено, а теперь я съ большимъ трудомъ долженъ мучиться, чтобы вышелъ „Иванъ". Я взялъ „финитора" [2]), который, какъ я хорошо знаю, беретъ обыкновенно 8 франковъ въ день, а съ меня онъ заломилъ 20. А придется заплатить за много дней. Взялъ я формовщика для отливки „Петра", и тотъ тоже порядочно надулъ меня, да какъ еще! Пусть бы набавилъ 15 копѣекъ на рубль, анъ нѣтъ, совершенно наоборотъ, онъ надбавилъ рубль на 15 копѣекъ.

---

[1]) Явленіе Христа народу.

[2]) «Finitore» — заканчиватель мраморной работы.

Мошенники! Весь Римъ это—монастырь съ отвратительнѣйшими эксплоататорами. Никогда Риму не достичь до высокаго идеальнаго человѣчества; всегда они отличались эксплоатаціями; они всегда эксплоатировали цѣлыя племена, а сами живутъ чужими нуждами.

На будущей недѣлѣ думаю выѣхать изъ Рима, и Слава Богу! Если хотите писать, то остановитесь, подождите, я напишу еще, куда слѣдуетъ адресовать.

Очень хорошо было бы, если бы Чайковскій прислалъ сейчасъ остальныя деньги, въ деньгахъ я очень нуждаюсь.

30. Къ нему же.

Римъ, 28 іюня (9 іюля) 1872 г.

Дорогой, добрый дядюшка мой. Сейчасъ я выѣзжаю изъ Рима, и слава Богу! Но не могу не сказать вамъ хоть нѣсколько словъ: вопервыхъ, что сегодня я получилъ ваше письмо, за которое конечно благодарю, но не могу отвѣчать на него, потому что очень тороплюсь, а очень хотѣлось бы мнѣ поговорить съ вами. Во-вторыхъ, сейчасъ принесли мнѣ фотографію съ четвертаго эскиза. Я до сихъ поръ не видалъ съ него фотографіи, потому что, когда я его сдѣлалъ, сейчасъ потомъ уѣхалъ хоть немного отдохнуть во Frascati [1]), и поручилъ моему (не могу назвать его другомъ) знакомому, чтобы онъ распорядился и снялъ фотографію. И Боже, что за ужасъ! Точно нарочно, опять вышло такъ гадко! Я работалъ эту вещь въ совершенно противоположномъ свѣтѣ и вышло до того гадко, что я разсердился и разорвалъ фотографію. Объ эскизахъ у меня есть много что́ сказать, но не теперь.

И такъ, дядюшка дорогой, цѣлую васъ. Я такъ радъ, что наконецъ ѣду въ Вильно.

Мой адресъ: „Вильно, Михалинѣ Апатовой, на Виленской ул., для передачи Антокольскому“. Если эскизы мои хоть сколько-нибудь стоятъ вниманія, то я очень просилъ бы отъ Чайковскаго остальныя деньги, по условію. И тогда пришлите ихъ мнѣ. Я очень и очень нуждаюсь въ деньгахъ, я очень задолжалъ.

„Петръ“ высылается черезъ недѣлю, какъ только окончательно высохнетъ. 23 дня онъ долженъ идти до мѣста. Больше бумаги я не нашелъ около себя, да это и хорошо, потому что больше и времени нѣтъ.

31. Къ нему же.

Вильно, 6 іюля 1872 г.

Я теперь уже въ Вильнѣ и слава Богу! Всѣхъ нашелъ здоровыми и самъ тоже здравствую и счастливъ. Только еще одного недостаетъ мнѣ, а тогда было бы совершенство: именно, если бы я могъ повидаться съ вами. Тогда букетъ друзей былъ бы гармониченъ. Я отъ васъ такъ

---

[1]) Знаменитая живописная мѣстность близъ Рима.

недалеко, кажется хоть рукой подать, и оттого то еще болѣе хотѣлось бы мнѣ подать вамъ свою руку, и взять вашу, и пожать ее крѣпко, крѣпко. Что вамъ еще сказать? Хотѣлось бы мнѣ много, много съ вами побесѣдовать, о многихъ предметахъ, но, признаюсь, какъ племянникъ передъ добрымъ дядюшкой,—теперь думать и мыслить я не способенъ, но за то несравненно сильнѣе могу чувствовать. Дядя мой, если бы хоть на-половину продолжалось то счастье, которое я теперь испытываю, я навѣрное могъ-бы сказать, что я и искусство мое спасены отъ жестокости и черствости. Художникъ—это чистѣйшій продуктъ чувства, и оно отражается на искусствѣ нѣжно, мягко, и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно и глубоко, когда чувство художника подогрѣто такою чувствительною душою, какъ женская. Это я теперь испытываю, и мнѣ кажется, что это—вознагражденіе за всѣ невзгоды, которыя я пережилъ. И еще болѣе радуюсь, потому что надѣюсь, что искусство мое много выиграетъ. Невѣста моя—женщина добрая, искренняя и честная до гордости, и вмѣстѣ съ тѣмъ энергичная. Она много не говоритъ, но за то глубоко чувствуетъ.

Я бы хотѣлъ послать вамъ ея карточку. Этого она и сама желаетъ. Лишнее сказать, что и она полюбила васъ, какъ я самъ. Ваши письма я часто посылалъ къ ней. Она упрекала меня, когда узнала, что у меня нѣтъ вашей карточки, и это дѣйствительно нехорошо. Вотъ отчего она и просила меня послать вамъ ея фотографію, какъ къ доброму дядюшкѣ, но только не иначе, какъ съ нашей просьбой и вашимъ обѣщаніемъ прислать намъ вашу карточку. Только я неохотно посылаю ея фотографію, потому что ни одна фотографія не можетъ дать понятія о ней—ни одна не похожа.

Что съ проектами? Я, право, какъ мальчикъ, который напроказничалъ и боится у матери просить обѣда; а между тѣмъ чувствую себя голоднымъ насчетъ денегъ—сижу безъ гроша. А такъ сидѣть, да еще около невѣсты, въ особенности, крайне непріятно. За эскизы я долженъ получить еще 700 руб., и они были бы для меня теперь совершенно кстати.

Не знаете-ли, Савицкій въ Петербургѣ? Если да, то я бы обратился къ нему съ просьбою. Дѣло вотъ въ чемъ: изъ Академіи я долженъ получить остальныя деньги за „Ивана"; но два раза я писалъ объ этомъ, и оба раза не удостаивался отвѣта отъ конференцъ-секретаря [1]). А теперь я болѣе не хочу писать, лучше пусть кто изъ друзей лично спроситъ, и, если деньги получены, пусть вышлетъ мнѣ. Вотъ по этому адресу: „Виленская ул., Михалинѣ Апатовой, для передачи Антокольскому".

32. Къ нему же.

Вильно, 8 іюля 1872 г.

Дядюшка мой дорогой. Какъ вы обрадовали меня вашимъ письмомъ, которое вчера получилъ я въ Вильнѣ—я просто глазамъ не вѣрилъ! Представьте себѣ, какъ этотъ эскизъ безпокоилъ меня все время:

---

[1]) П. Ѳ. Исѣева.

во-первыхъ, поспѣлъ-ли онъ къ сроку, во-вторыхъ, хорошъ-ли онъ, и наконецъ что вы про него скажете? Я приготовлялся къ худшему, а оказывается, что все идетъ какъ нельзя лучше, и даже я обогатился черезъ эти эскизы—вотъ какъ! Значитъ, они еще не такъ плохи, какъ я думалъ о нихъ, потому что если бы у меня было время, я бы смѣло могъ надѣяться, что они вышли бы несравненно лучше, а вотъ вамъ и доказательство: „Ивана III" я сдѣлалъ въ самомъ началѣ, и онъ вышелъ лучше всѣхъ; вторымъ сдѣлалъ „Ярослава"; третьимъ — „Петра I", и наконецъ „Владиміра Святого". По-моему, „Петръ" плохъ, а „Владиміръ"—гадость: некогда было думать о нихъ, и еще болѣе обработать ихъ, но надѣюсь, когда будетъ удобный случай, то все передѣлаю.

Какъ вы видите, ваши замѣчанія совершенно вѣрны, и я совершенно съ ними согласенъ. Очень жалѣю, что вамъ не придется видѣть „Петра" въ Москвѣ, но дѣлать нечего, буду ждать, когда онъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Я думаю здѣсь оставаться до тѣхъ поръ, пока не придетъ „Петръ" въ Москву, и тогда самъ поѣду уставить его. На обратномъ пути буду въ Питерѣ, и тогда повидаемся съ вами, мой дорогой дядюшка; хочу вначалѣ расцѣловать васъ, потомъ поболтать съ вами и, наконецъ, вылѣпить вашъ портретъ.

Третьяго дня я послалъ вамъ письмо, конечно, по старому адресу, въ Петербургъ, вмѣстѣ съ фотографіей невѣсты моей,—навѣрное вы не получили ихъ, потому что какъ вы писали, вы уже должны были быть въ Москвѣ. Попрошу у Елены еще другую фотографію, во-первыхъ, для того, чтобы не заставить долго ждать васъ первой, а во-вторыхъ, для того, чтобы показать, какъ непохожа одна фотографія на другую.

Къ Чайковскому я сегодня напишу непремѣнно. Когда-то онъ узнаетъ свой приговоръ?

Я здравствую и наслаждаюсь, а придетъ время, я опять возьмусь за работу, скорѣе всего за „Инквизицію", а не за „Софію", впрочемъ, хорошенько не знаю; я хочу дѣлать „Софію" тоже съ обстановкою и съ освѣщеніемъ, какъ у „Инквизиціи", слѣдовательно выйдетъ не статуя голая безъ аксесуаровъ, а небольшая (по возможности), и характеръ трактованія будетъ тотъ же самый, что и въ „Инквизиціи".

Ахъ, какъ бы уже поскорѣе повидаться съ вами!

Моя невѣста очень кланяется вамъ и уже очень желаетъ познакомиться съ вами.

33. Къ нему же.

Вильно, 23 іюля 1872 г.

Добрый и дорогой мой дядюшка. Сильно желаю побольше побесѣдовать съ вами, но вотъ уже нѣсколько разъ все откладываю на болѣе удобное время, а это время не достигается. Мнѣ хотѣлось бы хоть разъ высказать все то, что чувствую и думаю, ибо до сихъ поръ я мало говорилъ и, если говорилъ, то довольно вяло и непослѣдовательно. Но опять и на этотъ разъ я долженъ отказаться отъ любимой бесѣды о любимомъ предметѣ, потому что и здѣсь, въ Вильнѣ,

среди многаго хорошаго я встрѣтилъ много нехорошаго, хлопотъ. Съ одной стороны, чувство отдано на-время на-прокатъ, чѣмъ я очень доволенъ, а съ другой стороны, голова у меня занята разными семейными дѣлами, которыя очень запутаны и которыя непремѣнно нужно привести въ порядокъ... Вотъ это — первыя хлопоты, а за ними тянутся другія разныя разности, которыми я не хочу занимать васъ, какъ мелочами. Да ну съ ними! Признаюсь, они порядочно надоѣли мнѣ.

Теперь перейдемъ къ предметамъ болѣе живымъ, а именно — къ искусству. Кажется, я уже писалъ вамъ, что получилъ письмо, что „Петръ" уже въ дорогѣ, и, думаю, черезъ недѣльки двѣ онъ долженъ быть въ Москвѣ.

Что дурно отзываются о моей работѣ въ московской газетѣ—это для меня ничего, даже смѣшно. Въ отвѣтъ на это я могу привести стихи, которые я сочинилъ лѣтъ 8 тому назадъ, а пожалуй и больше:

«Больно и смѣшно,
Если кто мараетъ,
А, впрочемъ, все равно,
Пусть дуракъ читаетъ».

Но гораздо досаднѣе то, что кто-то такъ глупо поступилъ съ „Иваномъ" и раскрасилъ его блестящими красками, — другими словами, меня вычернили и показываютъ публикѣ. Да чортъ съ ними! „Иванъ" не послѣднее мое произведеніе.

Что касается памятника Пушкину, то вѣрнѣе всего, что я не стану конкуррировать на него. Но не потому, что не признаю этотъ родъ искусства полнымъ цвѣта, и не потому, что только драма есть мой родъ; будь только вещь художественно исполнена, всегда тутъ будетъ полное искусство; а не стану дѣлать проекта собственно потому, что просто не чую этого памятника въ самомъ себѣ. Гораздо типичнѣе, оригинальнѣе и цѣльнѣе сложился у меня памятникъ Глинки.

Кругомъ его пьедестала тянется непрерывная цѣпь сценъ изъ народнаго быта: пляски, хороводы, пѣніе, музыка; а самъ Глинка стоитъ выше ихъ, съ тетрадкою въ рукѣ, прислушивается и записываетъ. Нашъ народъ и нашъ композиторъ.

Пожалуйста, не просите извиненія, что вы вмѣшиваетесь въ мои дѣла. Ради Бога дѣлайте такъ, а не иначе, — это и есть отличительная черта вашей искренности и прямоты, которую я очень и очень люблю и которою я дорожу. Говорите все, что только вамъ кажется и что вздумается говорить. Я въ свою очередь буду такъ же поступать.

Сегодня не дали мнѣ окончить письмо, и теперь только я опять взялся за него, и опять за дѣломъ.

Я забылъ прибавить насчетъ вашего бюста, что я и самъ не иначе думалъ, какъ дѣлать бюстъ, а не барельефъ. Но я собственно хотѣлъ сказать вамъ это, когда уже взялся бы за глину.

Пожалуйста, будьте такъ добры и попросите кого-нибудь въ Мо-

сквѣ, когда туда придетъ „Петръ", пусть дадутъ мнѣ знать по телеграфу, и тогда я сейчасъ же пріѣду.

Какъ поживаетъ Рѣпинъ?

А вѣдь я думалъ, что онъ уже давно катается по Волгѣ! Пожалуйста, кланяйтесь ему. Отчего онъ вдругъ замолчалъ? Неужто это случается со всѣми послѣ женитьбы? Боюсь!

Мусоргскому я на-дняхъ отдѣльно напишу.

34. Къ нему же.

Вильно, 29 іюля 1872 г.

Добренькій и дорогой дядюшка. Третьяго дня я получилъ ваше письмо и статью, которая обрадовала меня до невѣроятности. Этотъ день былъ для меня просто торжественный, точно послѣ первой побѣды, да и было чему радоваться! Статья написана очень хорошо и сильно, такъ что, когда читаешь ее, душа поневолѣ рвется на свободу, чтобы доказать, что это еще не все, о чемъ мы думаемъ, знаемъ и желаемъ. Жалѣю, что картины Рѣпина въ Москвѣ нѣтъ, представляю себѣ, какое глубокое и вмѣстѣ съ тѣмъ гармоническое впечатлѣніе произвели бы тамъ его „Бурлаки, тащущіе барки". Но это еще не ушло! Теперь мы должны приготовиться къ гораздо большей борьбѣ—это на Вѣнскую выставку [1]).

Будемъ-же надѣяться, трудиться, но и не зазнаваться, потому что дѣйствительно я вижу въ этомъ успѣхѣ только начало. Главное достоинство русскаго искусства впереди еще. Я радъ, что предчувствіе, или, вѣрнѣе говоря, то, что я видѣлъ, начинаетъ оправдываться. Представьте себѣ, когда я осмотрѣлъ европейское искусство и сказалъ одному человѣку, что Россіи придется играть первую роль въ искусствѣ, то я замѣтилъ, что онъ выслушалъ меня со снисхожденіемъ, какъ не знающаго и фанатическаго патріота. Но вы совершенно правы, что до сихъ поръ еще для многихъ русскихъ дорога только иностранная пломба.

Вчера я получилъ отъ барона Гинцбурга 2000 руб. Странно, я разсчитывалъ получить гораздо больше.

Невѣста моя недовольна тѣмъ, что не получила вашей фотографіи, но за то я утѣшалъ ее, что скоро мы будемъ имѣть бюстъ вмѣсто фотографіи.

Надо полагать, что я буду въ Москвѣ недѣльки черезъ двѣ, когда получу извѣстіе, что „Петръ" уже тамъ. Тамъ пробуду не долго, а потомъ пріѣду къ вамъ, ужъ больно хочется побывать въ Парголовѣ. Я думаю, что въ Петербургѣ хлопотъ у меня не будетъ никакихъ и работать можно будетъ спокойно, а что?.. не скажу!

Къ Мусоргскому я написалъ большое письмо. Я бы хотѣлъ, чтобы вы прочитали его и дали бы мнѣ на него отвѣтъ. Изъ Рима еще я послалъ къ вамъ подобное же письмо, но отвѣта не послѣдовало.

[1]) Всемірная Вѣнская выставка 1873 г.

Письмо къ Мусоргскому пошлю не раньше, какъ послѣзавтра, потому что нужно его окончить, а теперь не даютъ мнѣ. Какъ поживаетъ Рѣпинъ, отчего онъ не пишетъ ни слова? Я, съ своей стороны, не писалъ собственно потому, что чувство мое занято невѣстою моей, но пора же припомнить и о друзьяхъ.

Крѣпко обнимаю васъ, а также и цѣлую, что, кажется, вы не очень-то любите.

И еще, еще и еще сто тысячъ разъ, дорогой дядюшка!

Раньше, чѣмъ отсылать письмо, которое я написалъ сейчасъ, я отправился къ невѣстѣ, и тамъ нашелъ два письма — одно отъ конторы Гинцбурга, а другое отъ васъ, дядюшка.

Мнѣ остается не писать, а только расцѣловать васъ, только боюсь, что вы не любите такія сентиментальности, а я, напротивъ— иногда очень люблю ихъ.

Когда буду въ Москвѣ, непремѣнно исполню всѣ ваши желанія, да притомъ это и мои желанія.

Къ Рѣпину я и самъ хотѣлъ писать на-дняхъ, но хорошо, если и онъ напишетъ. Здѣсь не даютъ мнѣ дописать. Я здравствую. Зовутъ обѣдать.

35. Къ нему же.

Вильно, лѣто 1872 г.

Дядюшка мой дорогой, тотъ господинъ, который передастъ вамъ это письмо, есть тоже дядюшка, но пока невѣсты моей, а потомъ онъ сдѣлается и моимъ. Онъ скоро кончаетъ медицинскій факультетъ, слѣдовательно онъ докторъ. Я докторовъ не очень-то люблю, но тѣмъ не менѣе я полюбилъ этого, какъ человѣка, и надѣюсь, когда вы познакомитесь поближе съ нимъ, то и вы его полюбите. Лишнее будетъ сказать, что онъ очень желалъ съ вами познакомиться, и я радъ-радехонекъ, что могу доставить ему это удовольствіе.

P. S. Онъ можетъ многое сообщить вамъ обо мнѣ. А впрочемъ, ничего особеннаго. Сейчасъ ѣду въ Москву и оттого тороплюсь.

36. Къ нему же.

Вильно, 2 авг. 1872 г.

У меня теперь бумаги не хватаетъ, и оттого я принужденъ писать письмо на двухъ половинкахъ бумаги. Да, признаться откровенно, я и самъ хорошенько не знаю, что Богъ дастъ мнѣ на языкъ, чтобы исписать всѣ четыре стороны. Но что прикажете дѣлать—слабость! Хочу хоть болтать съ вами, дорогой дядюшка, если не серьезно бесѣдовать. Къ этому я теперь никакъ не способенъ, я говорю это по опыту. Вотъ и фактъ: наконецъ вчера я кончилъ предлинное письмо къ Мусоргскому, но, прочитавши его, я самъ совершилъ надъ нимъ приговоръ и тутъ-же разорвалъ, потому что ужъ больно я вдался въ философію и понесъ чепуху. Не сердитесь за это; вѣрьте, если я дурно сдѣлалъ, написавъ предлинное письмо, то за то я хорошо сдѣлалъ, что

разорвалъ его. По крайней мѣрѣ, я освободилъ васъ отъ чтенія подобнаго письма. Да притомъ, я надѣюсь скоро уже повидаться съ вами, и все то, что я наплелъ въ письмѣ, навѣрное будетъ переговорено на словахъ. Письмо, о которомъ я писалъ, и которое разорвалъ, и о которомъ мы будемъ еще говорить,—состояло въ томъ, что я желаю, чтобы нашъ кружокъ дѣйствовалъ въ области искусства не вразбросъ, а прочно и сознательно служилъ одному идеалу. Я убѣжденъ, что каждый понимаетъ искусство и его значеніе совершенно по-своему. Я не могу допустить, чтобы каждый по-своему былъ правъ, и оттого крайне хотѣлось-бы мнѣ раньше всего вызвать обмѣнъ мыслей и установить правильный ходъ развитія искусства. Я думаю, что вести объ этомъ переписку довольно утомительно, тѣмъ болѣе, что я думаю скоро быть у васъ, и тогда пожалуй споры начнутся. Согласны?

Между тѣмъ, я теперь сижу въ Вильнѣ и учусь мошенничать. Ей-ей! У меня никогда еще не было случая имѣть дѣло съ такимъ безсовѣстнымъ мошенникомъ, какъ теперь. Вначалѣ онъ надувалъ меня, но я навострился и не поддаюсь. А чтобы ихъ чортъ побралъ,—сколько это здоровья мнѣ стоитъ!.. Дѣло моей невѣсты ужасно запутано и если его такъ оставить, какъ оно есть, то пожалуй придется не только потерять то, что она имѣетъ въ наслѣдство, а еще бѣду на себя накликать. „Скверно, когда въ чашку супа попадаетъ паукъ!..“ Сегодня я послалъ просьбу къ Дмитрію Васильевичу [1]), и именно о дѣлѣ матери невѣсты моей. Я бы благодарилъ Бога, когда бы онъ не отказался помочь мнѣ, если есть только возможность помочь.

Я здравствую, часто гуляю, чего же больше? А потомъ опять за дѣло! Видно, отдыхать не приходится мнѣ, или отдыхать я не умѣю. Да все равно, нечего жалѣть, когда еще есть здоровье! А коли здравствуешь, такъ и работай!

Пожалуйста, кланяйтесь Мусоргскому или пожалуй я сейчасъ-же напишу.

Экій человѣкъ! Какъ нехорошо все продолжаетъ поступать Исѣевъ! Десять дней тому назадъ я послалъ ему телеграмму, чтобы онъ выслалъ мнѣ деньги за „Ивана“. Я заплатилъ за отвѣтъ, который и получилъ: онъ говоритъ, что вышлетъ мнѣ деньги, когда я сообщу ему подробный мой адресъ. Между тѣмъ, въ телеграммѣ я именно написалъ адресъ мой. Но тутъ уже я послалъ ему письмо. Правда, хотя не совсѣмъ оно должно понравиться ему, потому что я старался написать вѣжливо, но непокорно, а онъ любитъ вѣжливость и покорность. Но все-таки онъ долженъ былъ бы отвѣтить, а теперь уже десятый день! Впрочемъ, очень можетъ быть, что сегодня и получу. Увидимъ!

Пишите скорѣе.

37. Къ нему же.

Вильно. 4 августа 1872 года.

Вчера вечеромъ я получилъ телеграмму изъ Москвы, что „Петръ I“

---

[1]) Д. В. Стасовъ, адвокатъ.

уже на мѣстѣ. Завтра я устремлюсь туда же, прямо въ Москву. Сейчасъ я получилъ ваше письмо отъ 2 августа. Съ Гартманомъ [1]) увижусь непремѣнно.

Сейчасъ я также получилъ письмо отъ Исѣева (конференцъ-секретаря Академіи Художествъ), что деньги онъ высылаетъ, что Великій Князь восхищался фотографіей, которую вы послали ему. Исѣевъ также жалѣетъ, отчего фотографія не шла черезъ его руки (а я объ этомъ нисколько не жалѣю).

И такъ, до свиданія, дорогой мой дядюшка. Въ Москву пишите къ Гартману. Навѣрное сейчасъ же я увижусь съ нимъ послѣ пріѣзда и онъ передастъ мнѣ.

38. Къ нему же.

Москва, 9 августа 1872 г.

Тороплюсь написать вамъ, дорогой мой дядюшка, что сегодня я пріѣхалъ въ Москву и сейчасъ же отправился на „Политехническую выставку“ и началъ хлопотать. Тамъ на выставкѣ встрѣтилъ меня секретарь (имя котораго я, конечно, позабылъ), и тутъ-же дѣло начало двигаться плохо. Во-первыхъ, онъ довольно каррикатурно состроилъ свою физіономію, когда узналъ, что за перевозку статуи долженъ платить не я, а только они; послѣ того, онъ деликатно отказался отъ всякаго содѣйствія помогать мнѣ устроить дѣла (вопреки обѣщанію), а передалъ мнѣ квитанцію и счетъ отъ желѣзной дороги, который простирается до 373 руб., и сказалъ мнѣ, что они полагаютъ выставить его въ Петровскомъ павильонѣ или Архитектурномъ отдѣлѣ. Туда я сейчасъ и отправился. Свѣтъ оказался тамъ премерзкій! Въ Архитектурномъ отдѣлѣ есть одно мѣстечко, гдѣ, можетъ быть, было бы хорошо, и то съ грѣхомъ пополамъ, но тамъ стоятъ теперь 6 стульчиковъ и два столика, а перемѣстить ихъ отказался наотрѣзъ завѣдующій отдѣленіемъ (князь Мещерскій). Я уже подумывалъ сдѣлать отдѣльную выставку, но, судя по тому, что я слышалъ, я боюсь, что овчинка выдѣлки не будетъ стоить, а именно—что я не выручу тѣхъ 400 рублей, которыхъ должны стоить мнѣ эти хлопоты.

Пока я остановился на томъ, чтобы отправить „Петра“ въ Петербургъ и тамъ сдѣлать выставку (видно, съ москвичами дѣлать нечего и надо только махнуть рукою).

Съ Гартманомъ я еще не видался. Завтра утромъ поѣду къ нему и услышу, что онъ скажетъ. Также завтра буду у Щуровскаго и тоже услышу—что онъ скажетъ.

А пока, до свиданія! Я очень усталъ и спать хочется ужасно, потому что уже двѣ ночи, какъ я не спалъ. Стоило того! Еще, по всей вѣроятности, завтра вы опять получите письмо и я напишу вамъ все, что только узнаю.

Адресъ мой: на Тверской, въ гостинницѣ Мамонтова.

---

[1]) Викт. Алекс. Гартманъ, молодой архитекторъ, строитель всероссійской выставки 1870 года, въ Соляномъ Городкѣ, въ Петербургѣ.

Ради Бога, скорѣе отвѣчайте!!

Сегодня вечеромъ опять буду продолжать, что началъ писать.

39. Къ нему же.

Москва, 9 августа 1872 г.

Сегодня утромъ я отправился къ Щуровскому [1]), который мягко принялъ меня и обѣщалъ облегчить дѣло, и тутъ-же я передалъ ему всѣ бумаги, которыя вчера изволилъ вручить мнѣ господинъ секретарь (Да чортъ же побери его!!) Вчера, когда я пришелъ къ нему и просилъ, чтобы вытребовали изъ таможни мою вещь, чтобы раскупорить ее на мѣстѣ,—онъ отвѣчалъ, что въ это входить онъ не можетъ и лучше мнѣ самому распорядиться, какъ мнѣ будетъ угодно. Но, когда я сегодня пришелъ, онъ сталъ говорить немного мягче, а именно—что со мною пойдетъ человѣкъ изъ ихъ конторы, который устроитъ мнѣ это дѣло и найметъ для меня людей. Тогда я ему замѣтилъ, что я изъ всего того не буду имѣть ни гроша и не намѣренъ тратить на это лишнія деньги, а скорѣе готовъ потерять 400 рублей, и въ Москвѣ не выставлять.

Право, дядюшка, я удивляюсь тому, что мѣсяцъ тому назадъ эти люди знали, что „Петръ“ работается и не позаботились ни о мѣстѣ, ни объ освѣщеніи. Скверно! А, можетъ быть, я этого и заслуживаю,—это наука: впередъ не браться за подобные сюжеты. Я бы радъ былъ, если бы „Петръ“ оставилъ меня въ покоѣ, а то ужъ больно долго онъ мучитъ меня. Долѣе завтрашняго дня я не буду хлопотать о выставкѣ, а потомъ я непремѣнно долженъ рѣшить такъ или иначе.

Вообще, я долженъ сказать, что чувство къ искусству у насъ въ народѣ спитъ еще крѣпкимъ сномъ! Равнодушіе и холодность къ этому предмету здѣсь замѣтны болѣе, чѣмъ гдѣ-либо,—это первое мое впечатлѣніе. Сегодня я былъ у Вл. Егор. Маковскаго, къ сожалѣнію новаго ничего не нашелъ. Видѣлъ я у него маленькій эскизъ: „Мальчики атаковали мастерового-мальчика, который несетъ горшокъ молока“— все это, можетъ быть, будетъ очень мило, только покуда ничего нельзя сказать.

Видѣлъ я сегодня скульптора Ходоровскаго — человѣкъ онъ не глупый и веселый малый. Онъ не пойдетъ дальше, чѣмъ ушелъ, а ушелъ-то онъ очень недалеко: вещи его не важны, даже плохи. Я ихъ видѣлъ сегодня на выставкѣ.

У Шохина [2]) я сегодня былъ, но не засталъ его дома, завтра опять пойду.

Ахъ, если бы у меня было побольше времени. А у меня есть много... множество, что сказать вамъ. А жаль! Я и то пишу очень усталый. И такъ, лучше отложимъ все это до того времени, когда увидимся.

---

[1]) Профессоръ Щуровскій — предсѣдатель выставки.

[2]) Скульпторъ.

40. Къ нему же.

Москва, 11 августа 1872 г.

Сейчасъ получилъ письмо ваше, я его ждалъ съ нетерпѣніемъ и отвѣчаю тотчасъ-же. Дѣло дѣйствительно устроилось, но съ какими хлопотами; сколько непріятностей я пережилъ, и все, благодаря ихъ безалаберности. Другъ объ другѣ ничего не знаютъ, одинъ говоритъ—бѣлое, а другой—черное; одинъ радушно принимаетъ мою статую на выставку, а другой говоритъ, что имъ непріятно возить ее и платить столько денегъ за такой короткій срокъ. А когда я настаивалъ, чтобы мое произведеніе отдали мнѣ обратно, тогда начались справки и путаница. И изъ-за всего этого статуи все еще нѣтъ на выставкѣ. А отчего? Оттого, что тамъ множество предсѣдателей, а толку—мало.

Мѣста для статуи у меня есть: первое въ Историческомъ отдѣлѣ, второе въ Архитектурномъ отдѣлѣ. Очень я желалъ-бы выставить „Петра“ въ Историческомъ. Но дѣйствительно, правда то, что вы сказали: тамъ свѣтъ убійственный. Попробую сконцентрировать свѣтъ,—а именно: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ закрою окна. Гораздо лучше по освѣщенію—Архитектурный отдѣлъ. Тамъ свѣтъ сверху, и фонъ чистый и красный, но только „Петръ“ будетъ стоять между мебелью, а отойти нѣтъ довольно мѣста.

Я отыскалъ Шохина и уже успѣлъ повидаться съ нимъ нѣсколько разъ. Онъ очень заинтересовалъ меня своими способностями, и я настаиваю на томъ, чтобы онъ бросилъ свою службу, за которую получаетъ двѣнадцать рублей серебромъ (даже безъ отопленія), и поѣхалъ бы въ Петербургъ учиться. Онъ человѣкъ въ высшей степени способный, но все-таки нигдѣ нѣтъ у него выдержки; онъ не привыкъ къ настоящему труду. Воспитаніе его навѣрное было самое неблагопріятное, поэтому талантъ свой онъ разливалъ повсюду, и ни на одномъ мѣстечкѣ онъ достаточно не долилъ. Напримѣръ: онъ хорошо играетъ на віолончели, превосходно на гитарѣ, мило составляетъ акваріумъ, хорошо клеитъ коробочки, выпиливаетъ изъ дерева—однимъ словомъ, на всѣ руки онъ мастеръ, но ничего не доводитъ до чего-нибудь доскональнаго. Теперь онъ началъ лѣпить, и тутъ онъ тоже обнаруживаетъ большія способности. Газеты и публика поощряютъ его, и онъ продолжаетъ лѣпить, но, покуда, все то, что онъ ни сдѣлалъ, есть пародія на искусство. Знатокъ можетъ видѣть въ этомъ громадные задатки для будущаго, но никакъ не видѣть въ его произведеніяхъ нѣчто художественное и восхвалять его до небесъ, какъ это сдѣлала московская газета. Это положительно повредило ему, потому что, какъ я слышалъ, онъ началъ зазнаваться! Мы много толковали съ нимъ о будущности. И я вовсе не старался показать ему, что какъ-только онъ ступитъ первый шагъ, такъ сейчасъ всѣ двери казначейства и прессы откроются для него. Напротивъ,—онъ долженъ стараться не обманывать себя и не давать обманывать себя. Передъ нимъ лежитъ еще трудная дорога, которую онъ непремѣнно долженъ пройти, и только тогда онъ можетъ считать себя счастливымъ, когда пройдетъ ее; а не пройти—это просто не-

простительно, потому что онъ созданъ для того, чтобы пройти. Со всѣмъ этимъ онъ соглашается, только на томъ условіи, чтобы заранѣе выхлопотали для него средства для существованія. Я взялся попробовать.

41. Къ нему же.

Москва, 17 августа 1872 г.

Кончились всѣ невзгоды и, наконецъ, „Петръ“ поставленъ въ Архитектурномъ отдѣлѣ. Освѣщеніе—хорошее, но за то мѣсто прескверное. Дѣлать нечего, я долженъ довольствоваться хоть этимъ.

Говорятъ, что „Петръ“ многимъ очень нравится, несмотря на то, что пріѣхалъ въ печальномъ видѣ: весь запачканъ и поломанъ до того, что пришлось реставрировать его и красить. Все это было очень непріятно, но, признаться, онъ до того надоѣлъ мнѣ, что на все это я смотрѣлъ довольно равнодушно. Гораздо хуже я волновался, когда мнѣ пришлось имѣть дѣло съ рабочими. Вотъ народъ! Просто безсовѣстно пьянствуютъ!

Я могу сообщить вамъ маленькую пріятность, а именно: одинъ господинъ желаетъ имѣть „Ивана III“, немного больше, чѣмъ на фотографіи, —такимъ образомъ хоть одинъ изъ проектовъ навѣрное будетъ исполненъ изъ бронзы. Теперь остается ждать, чтобы еще кто другой заказалъ мнѣ „Ярослава Мудраго“, и тогда будетъ панданъ. Только я ужасно дешево взялъ, а именно: за маленькую статуэтку, чтобы ее вновь вылѣпить (такъ какъ отъ прежней ничего не осталось) и отлить изъ бронзы, всего на всего 400 руб. Говорятъ, что это очень дешево. Но я доволенъ тѣмъ, что эта статуэтка будетъ хоть въ маленькомъ видѣ изъ бронзы. Больше у меня никакихъ новостей нѣтъ, я здравствую, и это диво, потому теперь Москва мнѣ много здоровья стоитъ.

Кажется, я уже писалъ вамъ, что часто вижусь съ Шохинымъ. Онъ очень нравится мнѣ, и видно, что онъ добрый и честный человѣкъ, да притомъ и жизнь ведетъ довольно строгой нравственности.

Видѣлъ я картины: Ге, Шишкина, Перова и самого Перова, который вовсе не нравится мнѣ и даже отталкиваетъ! Профессоръ!

Видѣлъ чудную картину Рѣпина—„Славянскіе музыканты“. Она удивительно выразительна и превосходна въ краскахъ. Есть у меня маленькое замѣчаніе, но кажется мнѣ, я уже сообщилъ его Рѣпину.

Пока до-свиданья.

42. Къ нему же.

Москва, 20 августа 1872 г.

Наконецъ получилъ я ваше письмо, котораго ждалъ такъ долго (такъ, по крайней мѣрѣ, кажется мнѣ). Спѣшу сообщить вамъ,—надо полагать, что въ понедѣльникъ я ѣду въ Питеръ, такъ какъ до закрытія выставки еще добрыхъ десять дней, если не больше. Слѣдовательно, ждать да безъ дѣла скучать—очень это тяжело, и оттого я хочу воспользоваться временемъ и эти дни провести среди васъ. А

потомъ придется возвратиться обратно въ Москву, забрать статуи и тогда сдѣлать выставку въ Петербургѣ, ибо иначе я и не думалъ. Кажется, вы знаете, что я не люблю оставлять вещь не кончивши.

„Петръ I“ положительно здѣсь всѣмъ нравится. Всѣ отзываются о немъ съ восторгомъ, а тѣ, которые имѣли нехорошее мнѣніе о немъ по фотографіи, говорятъ, что фотографія не даетъ ни малѣйшаго понятія о статуѣ. Впрочемъ, все это еще впереди, статуя будетъ въ Петербургѣ, и тогда увидите.

Сегодня Гартманъ былъ у меня и сказалъ то же, что всѣ говорятъ. Онъ сказалъ, что сегодня же напишетъ къ вамъ. Надо полагать, что онъ, какъ нейтральный человѣкъ, скажетъ вамъ вѣрнѣе. Сегодня былъ у меня Бруни съ визитомъ (о чудо!!) и поздравлялъ меня съ „Петромъ“, который ему очень нравится.

Сегодня въ газетѣ о „Политехнической выставкѣ“ была чья-то замѣтка на счетъ моего „Петра“, и тутъ разсказывается, что „Петръ представленъ ѣдущимъ“; вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать „идущимъ“, но и то неправда. Все это довольно курьезно. Сегодня я получилъ письмо отъ Рѣпина,—спасибо ему. Я думаю завтра отвѣтить ему, если послѣзавтра не поѣду къ вамъ, потому что на счетъ этого я еще не рѣшилъ и положительно не могу сказать.

Когда увидите Эліасика и Каценъ-Эленбогена, прошу передать имъ мой искренній поклонъ. Крѣпко обнимаю васъ!

43. Къ нему же.

Вильно, 29 августа 1872 г.

Вчера, получивши ваше письмо съ газетою, я хотѣлъ сейчасъ-же взяться за перо, но не могъ, по той простой причинѣ, что сдѣлался вашимъ послушнымъ племянничкомъ и думаю скоро обвѣнчаться и пріѣхать къ вамъ погостить немного.

Слѣдовательно, какъ ни стараюсь отстранить отъ себя всѣ хлопоты, но выходитъ, что безъ меня хлопоты только увеличиваются. Ей-ей, еще другой разъ ни за что я бы не хотѣлъ вѣнчаться!!

Теперь, какъ видите, пользуюсь свободною минутою и строчу къ вамъ.

Дѣйствительно, крайне забавляло меня слушать отзывы обо мнѣ одного изъ потомковъ Брюлова. Да Богъ съ нимъ! Хламу у насъ еще много, только къ счастью молодая сила умѣетъ отличать гнилое отъ здороваго, простоту отъ условности, истину отъ вычурности и, наконецъ, правдивую красоту отъ выдуманной.

Чтобы яснѣе имѣть понятіе о подобныхъ господахъ, я передамъ вамъ слѣдующій разговоръ съ подобнымъ же скульпторомъ.

Когда я началъ работать „Ивана Грознаго“, разъ ко мнѣ въ студію вошелъ скульпторъ-академикъ и спрашиваетъ: „Неужели вы думаете обложить его драпировкой“ (такъ какъ вначалѣ я его вылѣпилъ голаго, для вѣрности)?—Я отвѣчалъ утвердительно.

— Жаль,—замѣтилъ онъ,—и эту часть вы думаете закрывать?

И эту часть, и это также? Такимъ образомъ вы всего его задрапируете?!

Послѣ того онъ очень усердно, даже горячо, сталъ доказывать мнѣ, что у меня есть талантъ, ибо иначе онъ не сталъ бы и говорить мнѣ объ этомъ, только я уродую его, а мое направленіе—ложное. Я поклонился и обѣщалъ придти къ нему—тоже кое-что замѣтить на счетъ его работы.

Другой гораздо грубѣе поступилъ. Когда онъ увидалъ, что я начинаю драпировать свою фигуру, онъ фыркнулъ, повернулся, и сказалъ, что „послѣ этого нечего и учиться."

Вотъ какіе у насъ господа еще существуютъ!!

Я долженъ прекратить письмо, но не хочу оставить его до завтра.

И такъ, я съ моею невѣстою просимъ васъ пожаловать на бракосочетаніе,—слышите? А когда оно совершится—я навѣрное дамъ вамъ знать.

Крѣпко обнимаю васъ.

Невѣста моя проситъ передать вамъ искренній ея поклонъ. На это я спросилъ ее: „Отчего искренній?" — Потому что онъ другъ твой,—слѣдовательно и мой.—Что, вы согласны? Конечно, да!

44. Къ нему же.

Петербургъ, 8 сент. 1872 г.

Дорогой мой дядюшка! Сейчасъ я пріѣхалъ съ женою (вотъ какъ!). Крайне хотѣлось бы мнѣ сейчасъ-же повидаться съ вами, но я ужасно усталъ,—слѣдовательно завтра утромъ буду у васъ непремѣнно!

Здѣсь я останусь не болѣе, какъ денекъ, потомъ ѣду за „Петромъ" и тогда останусь здѣсь болѣе недѣли или двухъ. Тогда поживемъ и поработаемъ!

Жена моя, Елена Юльяновна, посылаетъ вамъ душевный поклонъ.

45. Къ нему же.

Москва, 13 сентября 1872 г.

Дорогой дядя Стасовъ!

Такъ зоветъ васъ моя прекрасная Елена, которая просто влюблена въ васъ. Это я говорю вамъ по секрету, потому что и она передала мнѣ это по секрету

Мы здѣсь уже третій день. Погода стояла отличная, но дѣло не двигалось съ мѣста; а теперь погода стала мерзкая, и дѣло все-таки ни съ мѣста!

Здѣсь я узналъ, что на выставкѣ былъ В. К. Константинъ Николаевичъ, которому „Петръ" не понравился. Также здѣсь былъ Николай Николаевичъ, не Великій Князь, а великій художникъ, [1]) кото-

---

[1]) Ник. Ник. Гѐ.

рому „Петръ“ также не понравился (такъ передали мнѣ). Но я имѣлъ счастье видѣть его, и имѣлъ несчастье ничего не услышать. Онъ сказалъ, что не видѣлъ моей статуи „Петра“. Впрочемъ, это для меня все равно, и онъ очень хорошо дѣлаетъ, что молчитъ, если не умѣетъ сказать правду прямо въ глаза.

„Петра“ я до сихъ поръ не трогалъ съ мѣста, потому что работники все пьянствуютъ. Крайне мнѣ нужно было видѣть Солдатенкова, и попросить у него денегъ, потому что онѣ теперь крайне мнѣ нужны. Но, какъ на грѣхъ, онъ теперь въ Петербургѣ. Также я долженъ былъ получить еще съ одного господина, но и его теперь здѣсь нѣтъ. А все-таки я думаю въ воскресенье быть у васъ (17-го сентября).

Но вотъ бѣда: мы не знаемъ хорошенько, куда ѣхать. Я просилъ Илью Рѣпина, чтобы онъ отыскалъ для насъ двѣ меблированныя комнаты; не знаю, исполнилъ-ли онъ это?

Я бы очень и очень просилъ васъ написать объ этомъ Ильѣ Рѣпину и Каценъ-Эленбогену. Послѣднему напишите, въ случаѣ, если Рѣпину некогда отыскивать для меня квартиру. Когда комнаты будутъ, тогда прошу, чтобы Рѣпинъ далъ мнѣ знать по телеграфу. Особенный и искренній поклонъ посылаетъ вамъ Елена прекрасная.

46. Къ нему же.

Петербургъ, 24 сентября 1872 г.

Сегодня я былъ у Исѣева,—онъ настаиваетъ на томъ, чтобы „Петръ“ былъ присланъ сюда. И надо полагать, что „Петръ“ будетъ купленъ и отправленъ на Вѣнскую выставку. Это разъ, — а затѣмъ, нѣтъ-ли письма изъ Москвы? Хочу послать телеграмму, что бы поскорѣе высылали сюда „Петра“. Я еще узналъ, что Лондонскій Музей [1]) желаетъ имѣть слѣпокъ съ моего „Ивана Грознаго“. Академія уже объ этомъ сдѣлала распоряженіе и высылаетъ этотъ экземпляръ, а взамѣнъ Академія получаетъ слѣпокъ съ одной превосходной египетской работы.

Потомъ я желаю знать, какъ вы поживаете, потому что вы вчера показались мнѣ очень скучнымъ. А Елена все спрашиваетъ, что это значитъ,—дядя совершенно не тотъ веселый, какой онъ былъ. Если есть у васъ два экземпляра фотографій съ „Петра“ (наклеенныхъ), то прошу васъ прислать ихъ мнѣ, а также и „Ярослава Мудраго“.

Въ заключеніе позволю себѣ спросить,—нѣтъ-ли у васъ той почтовой бандероли, которую я разъ посылалъ къ вамъ, когда фотографія „Петра“ была возвращена мнѣ обратно съ границы.

Сегодня былъ у Рѣпина, но не засталъ его дома. Картина „Бурлаки“—превосходна!

Брошюрку я передалъ Рѣпину.

Завтра надѣюсь зайти къ вамъ, и тогда поговоримъ. Впрочемъ

---

[1]) Извѣстный Кенсингтонскій музей.

объ этомъ мало есть что и говорить, такъ какъ я вполнѣ согласенъ съ вами. Но главное, что меня радуетъ, — это то, что вижу въ брошюркѣ вашей цѣльное стремленіе, а именно, къ осуществленію правды.

Конечно и васъ это довольно должно радовать, что на вашихъ глазахъ творится такой большой успѣхъ.

Однако, до-свиданія. Я еще не обѣдалъ и иду обѣдать.

Крѣпко обнимаю васъ.

47. Къ нему же.

Петербургъ, 27 сентября 1872 г.

Вчера я былъ у Рѣпина, и онъ все передалъ мнѣ насчетъ бюста [1]). Этому я очень радъ, но врядъ-ли хорошо будетъ для него, потому что для живописца — непремѣнно нужна одна точка, откуда онъ смотритъ, между тѣмъ, какъ для скульптора непремѣнно нужны точки со всѣхъ сторонъ.

А впрочемъ, увидимъ, будемъ стараться другъ другу не вредить, насколько это будетъ возможно.

Сейчасъ иду опять къ нему и устрою. Пожалуйста, сообщите, въ какіе часы вы свободны.

Адресъ мой: Б. Морская, д. 5, кв. 25.

48. Къ нему же.

Петербургъ, 3 октября 1872 г.

Сегодня я отправился въ Академію съ увѣренностью, что все найду въ порядкѣ, и тамъ васъ застану. Но увы! Ровно въ 10 минутъ двѣнадцатаго я отправился къ Рѣпину и (т.-е. въ это время я уже былъ на мѣстѣ), къ моему удивленію, никого не засталъ!.. И, что еще больше удивило меня, это, что и глина не приготовлена. А вѣдь какъ увѣрялъ меня формовщикъ, что глина уже приготовлена, и что ее надо только принести. Ну, извольте надѣяться! А между тѣмъ, эти дни я ужасно усталъ, хлопотавши. „Петръ“ пришелъ въ ужасно печальномъ видѣ, да притомъ очень ужъ поломанъ, и оттого я никакъ не могъ слѣдить за формовщикомъ, чтобы сдѣлать все въ порядкѣ. Главная досада—та, что хорошенько не знаю: были-ли вы въ мастерской? Если да, то мнѣ вдвое досадно.

Я пишу это письмо въ трактирѣ „Золотого Якоря“, и мнѣ ужасно трудно писать, потому что съ одной стороны органъ играетъ, а съ другой—кричатъ и хохочутъ за бутылкой вина.

Я иду опять въ мастерскую Рѣпина, авось, тамъ кое-что узнаю.

Завтра утромъ буду у васъ, если ничего не узнаю о васъ у Рѣпина.

---

1) Рѣчь идетъ о томъ, что В. В. С. предлагалъ Антокольскому и Рѣпину сходиться въ мастерской Рѣпина, и одновременно исполнить бюстъ В. Стасова, Антокольскій — скульптурный, Рѣпинъ—живописный, а это они оба желали произвести до своего скораго отъѣзда за границу.

49. Къ нему же.

Петербургъ, 4 октября 1872 г.

Сегодня, послѣ васъ, я побѣжалъ за глиной, и, несмотря на всѣ старанія мои, я все-таки не досталъ ея. Мнѣ опять обѣщали на завтра, непремѣнно. Теперь, послѣ обѣда, я опять поѣхалъ удостовѣриться — вѣрно-ли на завтра буду имѣть глину, и формовщикъ опять побожился, что завтра, чуть свѣтъ, онъ пришлетъ мнѣ глину.

Однако, я не зналъ, что Богъ сталъ безъ цѣнности, по крайней мѣрѣ безъ кредита, и оттого я боюсь просить васъ завтра придти на сеансъ, потому что глина еще не въ мастерской.

Бога ради, извините меня, что заставляю васъ такъ долго ждать. Право, мнѣ это крайне совѣстно, но одно могу сказать въ оправданіе, что я въ этомъ не виноватъ.

Какъ-только получу глину, такъ сію минуту дамъ вамъ объ этомъ знать, и тогда дѣло начнется на славу. Завтра кончаю „Петра". Милости просимъ.

Елена Юльяновна проситъ передать вамъ ея искренній поклонъ. Она надѣется, что скоро пришлютъ изъ Вильна тѣ самые пирожки, которые вы такъ любите [1]).

50. Къ нему же.

Петербургъ, 16 октября 1872 г.

И такъ, завтра, 17-го октября, въ 12 часовъ, жду васъ у Рѣпина въ мастерской. Что, ладно?

Сегодня цѣлый день я все ждалъ Великаго Князя, и, какъ на грѣхъ, когда онъ пріѣхалъ, меня не было. Но потомъ я все-таки увидалъ его. Онъ произнесъ обычную фразу: „хорошо, очень хорошо," — а что дальше будетъ, кто знаетъ? Но вѣрно то, что завтра или послѣзавтра я открываю выставку.

51. Къ нему же.

Петербургъ, 4 ноября 1872 г.

Узнавши, что „Петръ" мой не нравится вамъ, и что вы оттого не пишете о немъ, я крайне былъ удивленъ: во-первыхъ, отчего вы не сказали мнѣ прямо, что онъ не нравится вамъ? А во-вторыхъ, если онъ не нравится вамъ, то отчего вы этого не высказываете логично и гласно? Вы хорошо знаете, что при разборѣ какихъ бы то ни было вещей, личности должны быть въ сторонѣ, такъ какъ критика основывается на безпристрастной правдѣ. А затѣмъ, искренно прошу васъ распоряжайтесь, какъ вамъ угодно, но безъ малѣйшаго кумовства: этого требуетъ сама правда.

---

1) Еврейскіе свадебные пирожки.

52. Къ нему же.

Вильно, 13 ноября 1872 г.

Пишу вамъ то, что хотѣлось-бы сказать лично, а именно: убѣдительно просить васъ исполнить то, что вы сами желаете.

Первое дѣло—ради Бога, бросьте редакцію [1]): теперь пора вамъ не терять свои силы и время въ борьбѣ противъ комаровъ.

Не думайте, что я отрицаю полезность газетныхъ толковъ. Нѣтъ, я хорошо знаю, что посѣять въ народѣ какой-нибудь взглядъ на какую-нибудь вещь можно главнымъ образомъ (особенно у насъ) только посредствомъ газеты. Этого вы уже достигли, и теперь ваше желаніе есть почти общее желаніе, а именно: искусство должно быть не иначе, какъ истиной. А теперь, когда это уже существуетъ, пора анализировать это дѣло и упрочить его. Я говорю вамъ это собственно потому, что знаю хорошо: натура ваша—художественная, впечатлительная и, пожалуй, увлекающаяся (и слава Богу). Оттого вамъ трудно не отвѣчать на нелѣпость.

Мы здравствуемъ, какъ нельзя лучше. Я-то сплю, ѣмъ, да безъ дѣла и безъ денегъ. Часто зѣваю и скучаю, думаю скоро взяться хоть за что-нибудь. А, какъ видно, мнѣ придется проскучать еще порядочно долго, потому что, говоря вамъ просто и по секрету, мнѣ не съ чѣмъ дальше ѣхать. Я разсчитывалъ на Солдатенкова, который обѣщалъ выслать мнѣ деньги, а теперь... Будь-же онъ проклятъ!! Уже третій разъ я ему довѣряюсь, а онъ все обманываетъ меня. И именно, всегда какъ разъ, когда я крайне нуждаюсь.

Боюсь, чтобы не пришлось заложить „халупу“ (избу) мою, чего крайне не хотѣлось-бы мнѣ, тѣмъ болѣе такъ скоро послѣ свадьбы. Но ничего, было хуже, будетъ и лучше!

Что у васъ хорошаго? Какъ вы всѣ поживаете? Пожалуйста, передайте мой привѣтъ брату Д. В., невѣсткѣ и Мусоргскому.

Что слышно о Шохинѣ?

Что говорятъ про вашъ бюстъ?

Пожалуйста, спросите у Шпица, хранителя академическаго музеума: къ кому надо адресоваться, чтобы выдали вашъ бюстъ и фотографію [2]).

Жена проситъ передать вамъ ея искренній поклонъ и неотступно проситъ вашу фотографію. Я тоже присоединяюсь къ ея голосу.

Кажется, все.

53. Къ нему же.

Вильно, 20 ноября 1872 г.

Не знаю, получили-ли вы первое письмо мое? Если да, то удивляюсь, что не получилъ отъ васъ отвѣта, и въ наказаніе посылаю

---

1) Редакція «Спб. Вѣдомостей».

2) Бюстъ В. В. Стасова, вмѣстѣ съ другими работами Антокольскаго, находился на осенней выставкѣ Академіи Художествъ 1872 г.

вамъ второе письмо. Что прикажешь дѣлать? Коли не читать, то, по крайней мѣрѣ, какъ можно больше писать. Но вотъ бѣда, — о чемъ писать? Кругомъ смертельная пустота, а простора для душевнаго разгула нѣтъ и нѣтъ! Но вотъ что еще печальнѣе,—въ башкѣ моей тоже совершеннѣйшая, просторнѣйшая пустота!

Представьте себѣ, что газеты („Спб. Вѣдомости") здѣсь съ трудомъ можно достать, гораздо свободнѣе расходятся здѣсь „Биржевыя Вѣдомости" (какъ вообще все коммерческое). Но Богъ съ нею, съ коммерціей! Всѣ книги, которыя я взялъ съ собою (а взялъ ихъ очень мало), я перечиталъ; послѣ того остается ходить только по гостямъ. Вотъ тутъ-то и бѣда! Могу сказать по сущей правдѣ, что здѣсь не съ кѣмъ поговорить серьезно и искренно. Но за то они изысканы и щепетильны до приторности. Да ну съ ними!

Вчера я получилъ письмо отъ Солдатенкова, что онъ высылаетъ мнѣ деньги—это было бы превосходно и какъ разъ кстати.

Что слышно у васъ? Какъ поживаетъ Мусоргскій? Говорятъ: „когда стоишь въ водѣ, жажды не чувствуешь"—это лишнее даже сказать, до того оно истинно. Но часто бываетъ, что самыя простыя вещи, когда онѣ близко около насъ, мы ихъ не замѣчаемъ. Совершенно такое дѣло со мною и случилось: когда я былъ среди васъ, я вовсе не представлялъ себѣ, что столько буду жаждать музыки, особенно той, которую я слышалъ у васъ. Но дѣлать нечего: я ограничиваюсь только воспоминаніемъ.

Однако, довольно болтать, тѣмъ болѣе, что я знаю хорошо, какъ вамъ дорого теперь время. Да притомъ же, я и самъ какъ-то изрядно усталъ,—погода скверная, а голова трещитъ.

Крѣпко обнимаю васъ. Да не забудьте передать поклоны Мусоргскому, брату Дм. съ женою и наконецъ новой скульпторшѣ [1]).

Надо полагать, что здѣсь я пробуду болѣе недѣльки. Пишите.

54 Къ нему же

Вильно, 28 ноября 1872 г.

Здравствуйте, дорогой дядюшка. Послѣ долгихъ любовныхъ приключеній съ деньгами, наконецъ я могу свободно вдыхать чистый воздухъ. Не стану таить передъ вами: въ послѣднее время я до того полюбилъ деньги, что часто изрядно безпокоила меня эта любовь! А полюбилъ я ихъ потому, что ихъ не было, но теперь я своего добился, и могу презирать.

Между прочимъ я долженъ сказать, что когда я бываю боленъ, то всегда лечусь энергично. Напримѣръ, голова болитъ и не перестаетъ: тогда я приказываю хорошенько вытопить печку, принимаю чистительное, прикладываю горчицу, а къ головѣ холодную воду съ уксусомъ. И на завтра я опять бодръ и веселъ. Совершенно также я

---

[1]) Нат. Петр. Собко, пробовавшая въ то время не безъ успѣха заниматься скульптурой. Антокольскій одобрялъ первые ея опыты, хотя и дилеттантскіе.

теперь поступилъ, когда со мною случилось денежное головокруженіе: сейчасъ же написалъ рѣзкое письмо къ Солдатенкову, просительное— къ барону Гинцбургу и г-жѣ Милютиной, для полученія денегъ впередъ, въ счетъ заказовъ,—такимъ образомъ головокруженіе прекратилось, и дня черезъ 3—4 я двинусь въ путь, можетъ быть надолго!.. До свиданья! Слышите?! Я уѣзжаю отъ васъ, собственно для того, чтобы потомъ намъ торжественно и дружественно обняться съ вами на славу искусства! Руки мои еще крѣпки и надежда моя вѣрна! И такъ, теперь только—терпѣніе! До свиданья!! Вашъ отвѣтъ я навѣрное уже увижу въ Римѣ.

Къ Исѣеву я написалъ письмо, гдѣ прошу, чтобы закрыли выставку, а также прошу, чтобы бюстъ вашъ и фотографію передали Рѣпину: такимъ образомъ вамъ легко будетъ ихъ достать. Притомъ я просилъ, чтобы „Ивана Грознаго“ выставили на премію на годичной выставкѣ. При всемъ томъ, я кратко поговорилъ о нашихъ неудачахъ въ искусствѣ, хотя знаю хорошо, что это все равно, что въ рѣшето воду лить. Но, какъ вы видите, слабость моя—болтать.

Что, бишь, еще я хотѣлъ сказать? Да! По-моему, Гартманъ не правъ насчетъ вашего бюста, въ особенности насчетъ поворота головы. Когда Рѣпинъ напишетъ вашъ портретъ?

Погода здѣсь стоитъ отвратительнѣйшая. Я здравствую, только почти ничего не работаю. Кажется, я не сказалъ вамъ, что хочу прибавить къ „Спору о талмудѣ“ еще одну фигуру, а именно—глухого, который внимательно слѣдитъ за споромъ. А все-таки, главное: я сгораю отъ нетерпѣнія—взяться за „Спинозу“. Надо полагать, что я сдѣлаю хорошее дѣло.

Ну, теперь довольно обо мнѣ и начнемъ про васъ. Что у васъ хорошаго? Какъ поживаетъ наша честная компанія? Что Мусоргскій, что Корсаковъ, что А. Н. Пургольдъ [1])—навѣрное она уже вышла замужъ. Когда вы увидите ее, отдайте мой привѣтъ. Наконецъ скажите, пожалуйста, какъ поживаетъ Софья? Имѣете-ли часто отъ нея письма? Гена до того обрадовалась вашему письму, что принялась поскорѣе дѣлать для васъ пирожки (вы знаете какіе!). И такъ, дорогой дядюшка, продолжайте радовать Гену и меня письмами, да не скучайте, а то мнѣ все кажется, что вы скучаете. Крѣпко обнимаю.

55. Къ нему же.

Вильно, 15 декабря 1872 г.

Здравствуйте, дорогой дядюшка! Представьте себѣ, что я до сихъ поръ все еще не могъ вырваться изъ этого проклятаго Вильна, а все благодаря семейнымъ дрязгамъ, которыя всегда мнѣ стоятъ много крови и времени.

---

[1]) Ал. Ник. Пургольдъ, пѣвица-любительница, превосходно исполнявшая всѣ лучшіе романсы и отдѣльные номера изъ оперъ композиторовъ новой русской школы: Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова, Бородина, Кюи, Балакирева и нѣкоторыхъ иностранныхъ композиторовъ.

Странное дѣло, съ дѣтства я ненавижу Вильно; когда я былъ въ Петербургѣ, ненависть продолжалась; тѣмъ не менѣе я ежегодно бывалъ тамъ. Выѣзжая, я каждый разъ отъ души проклиналъ его, а все-таки постоянно продолжаю попадать туда. Оно всегда служитъ для меня мышеловкой. Впрочемъ, я долженъ признаться, что я—настоящая крыса, потому что постоянно тяну въ свою нору. Ну, и по пути нахожу то, чего стою. Могу признаться, что никогда я здѣсь ничего не дѣлалъ, ничего дѣльнаго не думалъ, но за то сколько тупости тутъ, сколько крови я себѣ порчу здѣсь! Между мною и ими лежитъ пропасть. Когда я отъ здѣшнихъ людей далеко, я имъ прощаю, и чувствомъ меня тянетъ къ чувству, но потомъ, когда приблизишься, становишься лицомъ къ лицу—Боже! скорѣй назадъ!

И такъ, слава Богу, я теперь уѣзжаю. Надѣюсь, что опять оживу, когда опять стану работать и мыслить.

На память о Вильнѣ мнѣ хочется передать вамъ характеристическія черты виленскаго театра. Слушайте.

Третьяго дня я былъ въ здѣшнемъ театрѣ. Играли „Дебору“, сочиненіе Мозенталя. О самой пьесѣ, о которой я слыхалъ такъ много восторженныхъ криковъ, я могу сказать только, что, несмотря на много достоинствъ пьесы, самое имя автора довольно характеризуетъ пьесу. Я хочу сказать, что авторъ—нѣмецъ, а у нѣмцевъ творчество часто является со всѣми условіями искусства, но за то менѣе всего—искусствомъ. Пьеса „Дебора“—именно такая: умная, но невѣрная. Авторъ создалъ ее съ извѣстнымъ знаніемъ, но менѣе того съ чувствомъ, а потому она вышла изысканная, лже-патетичная и, наконецъ, тенденціозная. Виленскій театръ довольно милъ, но довольно малъ. Послѣ петербургскаго, онъ мнѣ показался картоннымъ, съ картонными актерами, махающими картонными мечами, а это ясно видно даже изъ послѣдняго ряда кресель. Вотъ публика собирается, всѣ другъ другу кланяются и чуть-чуть другъ друга изъ ложъ визави табачкомъ не подчуютъ. Вотъ женщины, разодѣтыя по-провинціальному, хочу сказать „въ пухъ и прахъ“; по обыкновенію, смотрятъ въ лорнетъ, хотя, я увѣренъ, безъ лорнета онѣ видѣли-бы гораздо лучше. Вотъ начинается кошачій концертъ, каждый музыкантъ считаетъ долгомъ показать передъ публикой достоинство своего инструмента, и всѣ вмѣстѣ, и каждый отдѣльно варіируютъ, что имъ угодно. Наконецъ, музыканты приводятъ себя въ порядокъ. Арія изъ „Травіаты“ сыграна. Послѣ того раздается колокольчикъ, занавѣсъ поднимается. Актеры принимаются не за свое дѣло—они играютъ „Дебору“.

Не стану разсказывать вамъ подробно о ходѣ пьесы: этотъ разсказъ былъ-бы, я думаю, столько-же скученъ, какъ и самая игра. Но представьте себѣ: въ то время, когда Іосифъ стоитъ передъ своей невѣстой-еврейкой и съ тихою грустью разсказываетъ ей о своей любви къ ней, онъ отчаянно машетъ головой, выходитъ изъ себя съ холоднымъ потомъ, всѣ зрители смотрятъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Вдругъ раздается сильный стукъ. Вся нѣжная публика, также и нѣжный Іосифъ съ невѣстой вздрагиваютъ отъ испуга и—ширма изъ-за кулисъ

бацъ! падаетъ на средину сцены! Я хотѣлъ разсмотрѣть хорошенько, что это за ширма такая, но занавѣсъ быстро опустился. За то актеры вознаградили публику въ слѣдующемъ актѣ. Тотъ же Іосифъ и Девора встрѣчаются въ лѣсу. Онъ изливаетъ передъ ней свои чувства, свое великодушіе, свое будущее самопожертвованіе, онъ ее любитъ, онъ ее цѣлуетъ, и тутъ занавѣсъ долженъ былъ опуститься, но увы! Занавѣсъ опустился только до половины и... и остановился, точно замерзъ. Спасибо еще машинисту, а то занавѣсъ могъ-бы прямо упасть на голову влюбленныхъ: они увлеклись и забыли уйти въ глубину сцены.

Но все это наивные промахи въ сравненіи съ слѣдующимъ: авторъ „Деборы" рисуетъ величественную, но вмѣстѣ грустную картину: „Изгнаніе евреевъ", нѣчто въ родѣ „На рѣкахъ Вавилонскихъ," столь поэтичное и любимое евреями.

На сценѣ должны лежать изгнанники, старый равви сопровождаетъ ихъ, точно самъ Іеремія. Онъ оплакиваетъ настоящую судьбу ихъ. „Мы изгнанники! За что? Куда идти?" Онъ трогательно прощается со своей родной землей, цѣлуетъ ее и удаляется. Но, Боже! Что за безобразіе вышло изъ всего этого на виленской сценѣ! Какое невѣжество знанія и искусства, какое обращеніе съ человѣчествомъ! Когда занавѣсъ поднимается, на сценѣ лежатъ арендаторы съ длинными пейсами и въ каррикатурныхъ костюмахъ. Раввинъ съ орлинымъ носомъ и злодѣйскимъ взглядомъ, подъ широкой шляпой. Онъ читаетъ свой грустный монологъ и читаетъ такъ, какъ польскій арендаторъ Янкель говоритъ на здѣшней сценѣ по-русски. Вся публика въ восторгѣ, всѣ хохочутъ и кричатъ „браво", „браво", bis, bis! Что вы скажете на это? Неправда-ли, подобные актеры и зрители достойны вниманія? О, Русь! Какъ далека ты еще отъ знанія и сознанія!

Однако, спи спокойно, милая Русь! Придетъ время, разбудитъ тебя Европа, если сама не встанешь противъ нея,—разбудитъ полное знаніе, наука, искусство и истина...

Ну, что, довольно времени я у васъ отнялъ своей болтовней? Крайне жалѣю, что долго придется мнѣ ждать вашего отвѣта. Но за то прошу—приготовьте мнѣ это удовольствіе въ Римѣ. Я надѣюсь, что вы не останетесь у меня въ долгу. Я буду читать ваши письма въ Café Greco, не одно письмо, а нѣсколько. Обѣщаете мнѣ это? Кланяйтесь, пожалуйста, Мусоргскому. Я часто пою: „На кого ты насъ покинулъ, отецъ нашъ" [1]). Я пою эту пѣсню про самого себя. Я дѣйствительно покинутъ „ни на кого."

Что съ „Инквизиціей"? Что съ головками Милютина? [2]) Мадамъ Милютина желаетъ имѣть не одинъ, а два бюста своего покойнаго мужа: первый—изъ того времени, когда Н. А. былъ полонъ жизни и энергіи, а второй—когда онъ уже разбитъ параличемъ. Тогда именно я его

---

[1]) Народный хоръ на площади въ Москвѣ, при избраніи на царство Бориса Годунова, въ I-мъ актѣ оперы Мусоргскаго «Борисъ Годуновъ».

[2]) Ник. Алексѣев. Милютинъ, статсъ-секретарь по Царству Польскому, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей въ дѣлѣ реформъ Александра II. Онъ умеръ въ 1872 г.

видѣлъ съ его дочерью, и на лицѣ его я читалъ неразгадываемый вопросъ: „Зачѣмъ?“ Я думаю, что эта идея очень хороша, даже превосходна. Крѣпко обнимаю васъ. Не забывайте и вы меня обнимать.

P. S. Хорошо, что письмо еще не послано. Я забылъ прибавить, что пирожки ваши уже лежатъ закупоренные и сегодня пойдутъ къ вамъ, кажется, черезъ одного еврея, нѣкоего Бореля. Онъ отецъ моего друга и славится здѣсь, какъ самый честный человѣкъ. Впрочемъ, не знаю, ѣдетъ ли онъ сегодня, и если нѣтъ, то пошлю багажемъ.

Часа черезъ два я уже буду въ вагонѣ. До свиданья!

56. Къ нему же.

Римъ, 1 (13) янв. 1873 г.

Вчера я написалъ письмо вамъ, и тутъ-же получилъ письмо отъ васъ,—такимъ образомъ сегодня пишу снова, потому тамъ было много вопросовъ, отвѣты на которые я нашелъ въ послѣднемъ письмѣ.

Мы здравствуемъ какъ нельзя лучше, только еще не совсѣмъ устроились, даже не по-римски, т.-е. съ грѣхомъ пополамъ. Но скоро устройство уладится и мы будемъ торжествовать.

Черезъ нѣсколько дней я начинаю работать, да и давно пора.

Здѣсь я нашелъ многихъ знакомыхъ изъ Россіи, и живешь почти между русскими. Всѣ они—превосходные люди.

И такъ, время идетъ совершенно безъ скуки и безъ трепета. Скучно только еще безъ работы, но надѣюсь, что и это скоро придетъ.

Что сказать вамъ еще? А вѣдь хотѣлось мнѣ про кое-что многое сказать вамъ! Только я все откладываю,—когда устроюсь. Тогда навѣрное получите довольно большое письмо: хотѣлось бы мнѣ передать вамъ нѣкоторыя впечатлѣнія теперешняго путешествія.

Пока скажу только, что здѣсь между русскими художниками все двигается вяло, и особенно замѣчательнаго нигдѣ ничего не дѣлается, а только много гадостей творится. Что-жъ, пускай, если безъ дѣла сидятъ!

Когда я сюда пріѣхалъ, я засталъ у художниковъ два лагеря: одинъ польскій, другой русскій. Они другъ друга чуждаются, не ради патріотизма, а ради личныхъ мелочей. Что касается до меня, то я отъ души презираю всякіе лагери или партіи, какіе бы они тамъ ни были, и всегда желаю принадлежать только къ лагерю человѣчества. Какъ вамъ это все нравится? Грустно и смѣшно.

Какъ поживаетъ нашъ другъ Илья Рѣпинъ? Очень часто мы говоримъ о немъ, и отъ души я бы радъ былъ, если бы онъ сюда пріѣхалъ хоть не надолго: это для него необходимо. Для такого таланта и живописца необходимо видѣть все, что дѣлается въ Европѣ, а еще болѣе видѣть самую прелесть природы.

Меня очень забавляютъ газетныя нападки. И тутъ повторяю: „больно и смѣшно, если кто мараетъ...“ и т. д. [1]). Я уже давно убѣ-

---

[1]) См. выше, письмо отъ 23 іюля 1872 года.

дился, что у насъ, т.-е. въ Россіи, гораздо труднѣе добиться правды чѣмъ гдѣ-либо. Но надѣюсь, что свое возьметъ; только, Бога ради, оставайтесь вѣрны самому себѣ, и не пишите въ газетахъ ваше мнѣніе о какомъ-бы то ни было искусствѣ. Теперь настало время выжидательное, благо вы свое сдѣлали, а сила свободна! Она, какъ ртуть, сама прорветъ себѣ дорогу.

Жалѣю, что мнѣ такъ исковеркали „Инквизицію", но дѣлать нечего. Прочь ее изъ головы!!

И такъ—все до свиданья!!!

Конечно, когда пріѣду, то не одинъ, а съ „Инквизиціей", „Спинозой" и съ „Христомъ". Тогда мы увидимся, и вмѣстѣ увидимъ!

Пожалуйста, отдайте мой искренній поклонъ Мусоргскому, Дмитрію Васильевичу, Софьѣ. Что наша ученица, скульпторша [1])? Жаль, что скульпторъ Шохинъ такъ опрометчиво поступилъ, но считаю, что это просто по неопытности.

Съ Новымъ годомъ!

57. Къ нему же.

Римъ, 31 янв. (12 февр.) 1873 г.

Посылаю вамъ давно обѣщанныя мною замѣтки за время послѣдняго переѣзда изъ Россіи въ Римъ. И такъ, приготовьтесь къ терпѣнію и слушайте.

„Прощай, мой родной край со всѣми прелестями и гадостями, прощай, Вильно, прощай, копейка!"—говорилъ я себѣ, когда стоялъ на платформѣ и съ нетерпѣніемъ ждалъ послѣдняго звонка. „Прощайте, прощайте, прощайте!"—раздались вокругъ меня голоса моихъ родныхъ и знакомыхъ, въ которыхъ я тогда только и видѣлъ, не знаю почему, не болѣе и не менѣе, какъ мѣдныя копейки. Ихъ круглыя, краснощекія лица казались мнѣ совершенно мѣдными копейками. „Прощайте!"—мысленно повторилъ и я, садясь уже въ вагонъ,—„радъ, что прощаюсь! Здѣсь, среди васъ я ничего не оставляю, кромѣ нескончаемаго множества воспоминаній о горькихъ минутахъ,—и все изъ-за копейки. Все лучшее, дорогое, что только есть въ жизни, здѣсь можно похоронить, или отдать за копейку; а за все знаніе истины и прекраснаго никто не дастъ и копейки". Но довольно! Вагонъ тронулся, дымъ повалилъ изъ трубы, несся мимо меня, и все остальное, что такъ недавно окружало меня,—исчезло. Локомотивъ засвистѣлъ и еще быстрѣе пошелъ, а я отъ удовольствія запѣлъ. Мы ѣхали въ Берлинъ собственно потому, что я хотѣлъ воспользоваться временемъ и показать Еленѣ все замѣчательное, что можно видѣть въ Германіи. Но скоро мы раскаялись въ нашемъ предпріятіи. Погода гнала насъ отовсюду вплоть до Рима, и тутъ мы въ первый разъ увидѣли солнце. Мимоходомъ замѣчу, что Елена очень полюбила искусство и, какъ женщина, очень вѣрно чувствуетъ въ особенности колоритъ. Тѣмъ болѣе жалѣю, что не все удалось намъ видѣть.

---

[1]) Наталья Петровна Собко.

Но раскаяваться было поздно, и волей-неволей мы продолжали путь. Вся дорога отъ Эйдкунена до Берлина была отличная; вагоны чистые и просторные, натопленные равномѣрно посредствомъ пара. Но какъ только наши ноги вступили въ Берлинъ, неудача встрѣтила насъ и не оставляла до нынѣшняго мѣстопребыванія. Мы попали въ отвратительнѣйшую гостиницу. Комнаты были холодныя и не привѣтливыя. Пока затопили печку, мы хотѣли погрѣться чаемъ, но чай оказался микстурой. Послѣ чая мы хотѣли идти въ синагогу, но и тутъ потерпѣли неудачу: оказалось, что мы опоздали къ вечерней молитвѣ болѣе чѣмъ на часъ. Такимъ образомъ, отъ нечего дѣлать мы позѣвали, позѣвали, и отъ усталости ушли спать подъ нѣмецкую перину. И тутъ-то я простудился, такъ что всю дорогу помнилъ о ней.

На завтра утромъ пошли мы въ большую синагогу. Могу сказать безъ малѣйшаго патріотическаго увлеченія, что эта синагога есть единственная святыня, которую я до сихъ поръ когда-либо видѣлъ. Это не готическая, полумрачная, полутаинственная катедраль, гдѣ человѣкъ чувствуетъ аскетическое стремленіе. Это опять и не итальянскій храмъ, въ которомъ чувствуешь себя совершенно подавленнымъ и ничтожнымъ, благодаря громадности размѣра, съ тяжелыми сводами, опирающимися на толстыя колонны, это наконецъ и не церковь, гдѣ стѣны обставлены разнообразными гробами и скелетами и разными картинами, изображающими мученія святыхъ. Берлинская синагога—это храмъ свободы и простора для чувства. Въ ней не ощущаешь ни давленія, ни страха, а только настроеніе свѣтлое и праздничное. Все въ ней изящно и гармонично. Поневолѣ вспомнишь слова Давида, когда онъ восклицаетъ: „Не хочу умирать, я жить хочу, для того, чтобы восхвалять чудеса Творца!“ Не даромъ же евреи поютъ эти пѣсни только во время праздника.

Честь и слава германскимъ евреямъ, что изъ нѣдръ ихъ вышелъ такой архитекторъ, который могъ создать подобный храмъ!

Послѣ синагоги, мы осматривали Акваріумъ, который я люблю и уважаю до невѣроятности. Честь и тутъ нѣмцамъ,—они доказываютъ, что гдѣ сознаніе, тамъ и все, что только можетъ двинуть цивилизацію впередъ. Но одного этого мало еще, чтобы установить человѣчество,—при сознаніи должны быть на-лицо доброе сердце и свѣтлая душа, а этого у пруссаковъ и нѣтъ! Берлинъ—это продуктъ коммерціи и порока.

Въ тотъ же день я осматривалъ художественный Музей. Что мнѣ въ немъ нравится, это-то, что онъ созданъ не для того, чтобы хранить разные отличные обломки разныхъ временъ. Музей созданъ для нагляднаго пониманія исторіи искусства. И онъ носитъ научный характеръ. Музей наполненъ слѣпками со всего, что только есть замѣчательнаго въ древнемъ искусствѣ. Все это разставлено по періодамъ, по школамъ и по вѣкамъ.

Гуляя по Музею, я остановился передъ фресками Каульбаха. Помню, и это недавно еще и было, когда я въ первый разъ увидалъ картины Каульбаха. Я стоялъ пораженный, сердце мое сильно билось,

а потъ градомъ катился съ меня; я смотрѣлъ и восторгался, и словъ не хватало для хвалы. Но теперь, увы! Молодость пробѣжала быстрѣе, чѣмъ я могъ предполагать... Не знаю, поумнѣлъ я съ тѣхъ поръ, или очерствѣлъ. Какъ бы то ни было, но я съ горечью долженъ теперь сказать, что сердце уже не вздрагиваетъ при видѣ этихъ картинъ, столь дорогихъ для меня раньше. Я остался холоденъ и покоенъ. А отчего? Хотя-бы оттого, что я, какъ сѣверянинъ, не могу удовлетвориться однѣми красками. Притомъ-же мы требуемъ другого сочетанія красокъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было; для насъ важны въ картинѣ не голыя краски, какія природа намъ даетъ, какъ-бы это не было художественно составлено. Мы желаемъ видѣть раньше всего тонъ, какъ въ картинѣ, такъ и во всемъ.

Въ фрескахъ Каульбаха вездѣ ярко чувствуются голыя краски. Одно исключеніе: „Битва Гунновъ." Но все это могло быть и такъ и иначе; искусство нисколько не теряетъ своего значенія, если оно не подходитъ къ требованіямъ сѣверянина. А что поражаетъ меня, такъ это содержаніе картинъ, и еще болѣе то, что (какъ извѣстно) нѣмцы смотрятъ на Каульбаха, какъ на художника и философа. Казалось-бы, что тутъ-то и заключается полная художественная истина. Но, увы! Бываетъ, что человѣкъ въ старости доходитъ до дѣтства, а философъ—до наивности. Подобное этому мы видимъ въ фрескахъ Каульбаха.

Странно, и никакъ не могу этого понять, что именно у нѣмцевъ, которые такъ ревностно занимаются всѣми отраслями искусства, нѣтъ ни одной достойной книги, ни одного обломка мрамора, древнихъ или средневѣковыхъ, которые не подвергались-бы участи: быть заключенными въ ихъ мозги, для испытыванія и изслѣдованія. На нихъ потомъ является на свѣтъ Божій множество комментаріевъ, годныхъ и не годныхъ. Неужели ихъ художники и философы до сихъ поръ не вѣдаютъ главной потребности и достоинства искусства: цѣльности и гармоніи?

Однако, чтобы добраться до какой-нибудь правды, посмотримъ на ихъ „философскія" картины, на картины Каульбаха.

Авторъ задался цѣлью возсоздать исторію культуры, со всѣми ея фазисами и кончая торжествомъ Реформаціи. Какъ вы видите, задача—философская! Но не всѣ еще достоинства лежатъ въ замыслѣ (особенно въ искусствѣ), все лежитъ главнымъ образомъ въ исполненіи. Посмотримъ-же, какъ авторъ ввелъ философію въ искусство. Чтобы олицетворить свою задачу, онъ раздѣлилъ эту идею на шесть отдѣловъ. Мимоходомъ замѣчу, что пластическое искусство не терпитъ раздѣловъ, какихъ-бы тамъ ни было. Наглядное искусство не есть книга, которая раздѣляется на томы, листы и на параграфы. Оно имѣетъ свои законы и свои предѣлы. Самостоятельнымъ является художественное произведеніе только тогда, когда въ рамкѣ его заключается цѣльность, да такъ, чтобы конца содержанія не слѣдовало-бы искать на другой картинѣ. Каждое произведеніе должно быть полно отдѣльной своею цѣльностью, какъ драма, комедія и т. п. Иначе, оно становится сбивчивымъ, подчиняется книгѣ и превращается въ иллю-

страцію. И такъ, Каульбахъ въ самомъ началѣ уже нарушилъ здѣсь законъ цѣльности, а для философа и для нѣмца это непростительно!

Далѣе, позволю себѣ спросить, отчего авторъ смѣшивалъ фантазію съ дѣйствительностью, легенду съ исторической драмой? Если онъ хотѣлъ создать исторію, отчего онъ не создалъ ее такъ, какъ мы знаемъ ее? Казалось-бы, что исторія такъ обширна, въ ней столько отдѣльныхъ этюдовъ, что изъ нея можно свободно выбирать то, что болѣе всего можетъ характеризовать яркую страницу исторіи? Но Каульбахъ пренебрегъ всѣмъ этимъ. Онъ, какъ философъ, находился въ заоблачномъ пространствѣ, гдѣ чувствовалъ вокругъ себя просторъ и бездну для фантазіи, а дѣйствительность онъ видѣлъ подъ своими ногами въ видѣ точки. Онъ создалъ исторію по своему, но какъ? Фреска „Разрушеніе Іерусалима" является чѣмъ-то самымъ фальшивымъ, какъ по содержанію, такъ и по исполненію.

Безъ содроганія невозможно читать описаніе Іосифомъ Флавіемъ ужасной драмы, разыгравшейся во время разрушенія Іерусалима. Съ какимъ отчаяніемъ, самоотверженіемъ и вмѣстѣ мужествомъ они защищали своихъ сестеръ и братьевъ! Мужчины бросались со стѣнъ въ лагерь своихъ противниковъ на встрѣчу смерти. Тутъ высказывалась ихъ храбрость и неустрашимость. Другіе предпочитали умереть съ голода. Дѣвушки бросались со стѣнъ, умирали надъ трупами братьевъ, лишь-бы сохранить свою честь. Мужчины закалывали другъ друга и самихъ себя, только-бы не умереть рабами! Наконецъ городъ превратился въ груды развалинъ: камни были перемѣшаны съ убитыми тѣлами, они были облиты холодной кровью. Тутъ—кровь льется, тамъ крики, стоны... городъ въ дыму! А тамъ насильство, пѣсни, дикій хохотъ!...—Враги торжествуютъ!

Но Каульбахъ посмотрѣлъ на это холодно, какъ философъ, а не какъ художникъ. Онъ свою картину обдумалъ, но не прочувствовалъ. И изъ всего этого вышла ложная театральная драма, разыгранная бездарнѣйшими актерами. Мало того, чортъ знаетъ къ чему онъ приплелъ чертей, гоняющихъ „Вѣчнаго Жида", а съ другой стороны стаю мальчиковъ, благоговѣйно идущихъ и поющихъ. Что они воспѣваютъ? Не торжество-ли христіанства? Не славу-ли язычникамъ? За мальчиками виденъ оселъ, а на ослѣ сидитъ Божья Матерь, окруженная своею свитою, и они совершенно не обращаютъ вниманія на то, что на шагъ отъ нихъ льется кровь. Надъ всѣмъ этимъ возсѣдаютъ три истукана и величаво созерцаютъ, что подъ ихъ ногами творится.

Вотъ вамъ и прославленный геній! Но что онъ такое сдѣлалъ? Докончилъ-ли онъ созданіе вѣковъ, какъ Рафаэль, создалъ-ли онъ новый источникъ для искусства? Пока ничего подобнаго мы не видимъ. Онъ—истинное дѣтище своего времени, и никогда не былъ его отцомъ. Аминь! Спѣшу прибавить, что фреска „Битва Гунновъ" есть единственно дѣльная картина и вполнѣ достойна назваться художественнымъ произведеніемъ И это, благодаря тому, что тутъ онъ въ своей сферѣ. Я бы съ вами поговорилъ еще, но право боюсь надоѣсть вамъ,

и спѣшу умолкнуть и ждать вашего отвѣта. Мнѣ хотѣлось-бы еще побесѣдовать съ вами о музыкѣ Вагнера, но повторяю: потомъ.

Теперь къ дѣлу. Какъ поживаете, хорошо-ли? Ну, и слава Іеговѣ! Пожалуйста, не откажите мнѣ, и постарайтесь достать мнѣ фотографіи вашихъ „Спинозъ“ [1]. Также и фотографію Софіи.

Что слышно около васъ? Неужели вы еще долго не будете писать? Мнѣ не вѣрится! Пожалуйста, передайте мои поклоны: Мусоргскому, Римскому-Корсакову и брату вашему Д. В. Елена очень кланяется вамъ всѣмъ.

Если вы хотите, чтобы я писалъ мои „замѣтки“, такъ пишите тоже и вы, иначе я ни слова!

Посылаю вамъ вексель, пожалуйста, передайте эти деньги маленькому Эліасику. Онъ очень нуждается въ этомъ. Пожалуйста, пришлите мнѣ фотографію „Спинозы“, если это только возможно, да еще, если вы найдете, фотографію съ „Эфраима Бонуса“, Рембрандта. Это мнѣ необходимо! [2].

58. Къ И. Н. Крамскому.

Римъ, 16 (28) февр. 1873 г.

Я радъ, что пишу къ вамъ, дорогой Иванъ Николаевичъ. Но съ чего начать? Съ впечатлѣнія, которое произвела на меня Италія? О, Боже, сколько томовъ самыхъ восторженныхъ отзывовъ объ Италіи можно было бы собрать для завертыванія масла, мыла и т. п., а между тѣмъ они хранятся въ разныхъ драгоцѣнныхъ сундучкахъ, между возлюбленными письмами. Надо полагать, что мы ихъ не увидимъ; придетъ время, и подобныя задушевныя письма какой-нибудь недостойный правнучекъ торжественно понесетъ къ жертвеннику, на которомъ обыкновенно приготовляются толстымъ поваромъ разныя благодѣянія для нашего желудка. Чтожъ, я хвалю подобные поступки: иначе свѣтъ узналъ-бы, сколько глупостей пишется, кромѣ тѣхъ, которыми угощаютъ насъ каждый день. И такъ, молю и васъ, дорогой И. Н., посылайте и мои рукописи къ жертвеннику, пусть Богъ ихъ тамъ разберетъ, вѣдь онъ понимаетъ всѣ нелѣпости...

Стойте! Во имя того самаго Бога не дѣлайте этого, потому что я *не* восторгаюсь Италіею. Настроеніе мое скорѣе похоже на петербургскую осень, когда сверху льетъ, точно небесныя слезы оплакиваютъ человѣческій родъ, на душѣ гадко, а подъ ногами такая грязь, что невозможно подойти къ человѣку поближе и отъ души крѣпко пожать ему руку. О, Русь, молодая Русь, вездѣ хорошо, а у тебя еще лучше,— только не для тѣхъ, кто ищетъ лучшаго...

---

[1] Гравированные портреты Спинозы въ коллекціяхъ Императорской публичной библіотеки.

[2] Здѣсь говорится о знаменитой гравюрѣ Рембрандта, изображающей еврейскаго врача, Эфраима Бонуса, котораго типъ, физіономія и костюмъ казались Антокольскому, вслѣдствіе указанія В. В. Стасова, пригоднымъ, во многихъ отношеніяхъ, руководствомъ при созданіи предполагавшейся Антокольскимъ статуи Спинозы.

И такъ, начинаю писать. Хотѣлось-бы мнѣ разсказать вамъ обо всемъ поподробнѣе. Но, во-первыхъ, я этого не дѣлаю потому, что не знаю, насколько это интересно слушать, а во-вторыхъ — я уже писалъ обо всемъ. Представляю себѣ, какъ друзья мои зѣваютъ во время чтенія!

Торопясь, я выѣхалъ изъ Петербурга и думалъ однимъ махомъ очутиться въ Римѣ, но какъ-бы не такъ!

Оказалось, что на дорогѣ лоппула карманная машина, и я поневолѣ сѣлъ на мель! Дѣлать было нечего, нужно было сидѣть у моря и ждать погоды. Но скоро опять явилась возможность пуститься въ житейское море, и попутный вѣтеръ гналъ насъ отовсюду быстрѣе, чѣмъ мы этого желали, и вотъ отчего. Вся дорога до Рима была ой-ой какая! Въ Берлинѣ холодно, въ Дрезденѣ тепло и грязно, дальше хуже, а тамъ еще дальше—еще хуже! При всемъ томъ мы хорошенько простудились, и все вмѣстѣ гармонировало какъ нельзя хуже для насъ. Но вотъ, наконецъ, за всѣ наши невзгоды мы достигаемъ благословеннаго Рима. Истинно благословенный онъ, во-первыхъ, потому, что тутъ сидитъ самъ намѣстникъ, у котораго находятся ключи, — и все-таки не можетъ освободится. Притомъ, здѣсь на каждомъ шагу очень живописно: на солнечномъ фонѣ ползаютъ іезуиты, отцы инквизиціи, подвижники христіанства и эксплоататоры самого Христа и общечеловѣчества. А вѣдь подобныя сокровища у насъ не скоро увидишь!

Здѣсь хорошо еще тѣмъ, что римляне охотно придерживаются словъ Евангелія: „Взгляни на птицъ небесныхъ, онѣ не сѣютъ, не собираютъ въ житницы, а Отецъ нашъ Небесный питаетъ ихъ". Вы не гораздо лучше ихъ. Помилуйте, они гораздо хуже не только птицъ, но и звѣрей! Они не сѣютъ и не жнутъ, а просто грабятъ да обворовываютъ любого, кто-только посмѣетъ явиться въ ихъ благословенный Римъ; а потомъ лѣниво лежатъ на животѣ и грѣются на солнцѣ, когда сыты. Это повторяютъ всѣ, за исключеніемъ развѣ слѣпыхъ, которые пріѣзжаютъ, и когда что берутъ, то выставляютъ горсти золота: покупатель даетъ, купецъ беретъ, ну, а сколько? Этого уже никто не можетъ сказать, даже самъ покупщикъ. Подобными поощрителями славятся здѣсь англичане и русскіе. И еще смѣютъ говорить, что русскіе ничѣмъ не отличаются!

Но главнымъ образомъ Римъ благословенъ еще тѣмъ, что здѣсь солнце. Этимъ они истинно могутъ гордиться, ибо, не будь его, Европа увидала бы все ихъ богатство и тогда, Боже, какою вонью, какимъ заразительнымъ ядомъ мы угостили бы всѣхъ любопытныхъ англичанъ и русскихъ! Но солнце все сушитъ и прикрываетъ.

Недаромъ всѣ представители человѣческаго образованія, въ томъ числѣ и наша многоуспѣвающая Академія, посылаютъ талантливыхъ людей въ Римъ усовершенствоваться. Дѣйствительно, для нашего времени и настроенія — въ Римѣ находится необыкновенный кладъ. Умница, умница наша Академія, да и всѣ другія не лучше: она однимъ окомъ спитъ, а другимъ ревностно наблюдаетъ за движеніемъ европейскаго искусства, и для того посылаетъ своихъ питомцевъ ближе къ

привратнику неба, чтобы они тоже дѣлались птичками Божьими, не сѣяли и не жали, а просто лѣниво лежали бы и грѣлись на солнышкѣ, и ждали, когда вдохновеніе придетъ свыше для созданія вакханки или Минервы, въ благодарность Академіи, благословляющей лавровымъ вѣнкомъ трехъ искусствъ. Жалѣю, крѣпко жалѣю, что я не имѣю ничего, за что отблагодарить ее; иначе и я присоединился-бы къ общему хору, и создалъ-бы Минерву, благословляющую академическое искусство, только не лавровымъ вѣнкомъ, а Неффовскимъ или же Шебуевскимъ ночнымъ колпакомъ. Этакъ, я думаю, было-бы правдоподобнѣе.

Какъ видите, здѣсь все обстоитъ благополучно, а все-таки искусства нѣтъ какъ нѣтъ (исключая средневѣковое и древнее)! Здѣсь нѣтъ ни общихъ выставокъ, ни состязаній; здѣсь каждый самъ по себѣ, а искусство двигается на коммерческихъ началахъ, не больше. Каждый художникъ старается устроить свою лавочку или мастерскую какъ можно шикарнѣе, и тамъ, на орѣховыхъ станкахъ, въ роскошныхъ рамкахъ, и при эффектномъ освѣщеніи, они выставляютъ свою живопись и ждутъ посѣтителей (скульпторы еще хуже). Коли угодно на другихъ посмотрѣть, да и себя провѣрить, то извольте шляться съ лѣстницы на лѣстницу, встрѣчаться съ разными отвратительными и неотвратительными личностями, съ негодными и рѣдко съ годными картинами и статуями. Повѣрите-ли вы, что я до сихъ поръ видѣлъ лишь двѣ скульптурныя вещи, которыя болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ современному искусству, но не болѣе! Бѣдная Италія, сердцемъ она юна, а умъ у ней въ чахоткѣ! Одинъ дѣлаетъ маленькаго Микель-Анджело, выходитъ удачно,—и всѣ пускаются напѣвать тотъ-же мотивъ. Является потомъ маленькій Джіотто, маленькій Рафаэль, маленькій Колумбъ и т. д; другой хитритъ еще больше и дѣлаетъ генія желѣзной дороги: голый мальчикъ стоитъ на колесѣ, которое опирается на рельсъ, и держитъ флагъ. Что, не умно-ли это? Однако, и за нимъ потянулись хвостомъ! Скоро послѣ этого, является геній электричества, геній Франклина, геній Коперника. Особенно курьезенъ послѣдній: художникъ поставилъ своего генія вверхъ ногами!!

Ну, не благословленъ-ли Римъ? Право, чувствуешь, что здѣсь можно спокойно дремать, но не больше. Однако хорошо, что у меня сознаніе не спитъ еще, и я постараюсь не дать ему дремать.

О себѣ воздерживаюсь писать. Скажу только, что я приготовляюсь молчать долго, слѣдовательно—серьезно поработать. Мы здравствуемъ. Пожалуйста, пишите обо всемъ: я рѣшительно не знаю, что творится у васъ въ художественномъ мірѣ.

Гдѣ теперь мой „Петръ"? Я бы очень радъ былъ, если-бы была возможность распорядиться о томъ, чтобы его разломать. Когда начинается годичная выставка? Я просилъ конференцъ-секретаря выставить его на премію; надо надѣяться, что и это не осуществится... ну, да Богъ съ нимъ!

Скоро у васъ явится картина Семирадскаго[1]). Она очень эффектна,

---

[1]) Картина «Грѣшница».

въ ней очень много хорошаго, но и тутъ онъ явился такимъ, каковъ онъ есть, только въ большемъ размѣрѣ.

Скоро также у васъ явятся эскизы для памятника Пушкину,—не важные.

Пожалуйста, о Семирадскомъ никому ни слова!

59. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 16 (28) февраля 1873 г.

Не могу передать вамъ, какъ вы обрадовали насъ вашимъ письмомъ. Каждый день я все нарочно шлялся въ Café, собственно для того: „авось сегодня найду письмо отъ васъ!" И это я повторялъ каждый день. Вчера я было отчаялся и началъ писать къ вамъ. Но сегодня, раньше чѣмъ послать письмо, я опять пошелъ въ Café и къ моему удивленію и радости я нашелъ письмо отъ васъ. Браво!!! Да какое еще! Съ фотографіей!! Удивительно хорошо! Я поторопился домой и все присланное передалъ Генѣ. Она же отъ радости запрыгала и захлопала въ ладоши. „Хорошо, что его здѣсь нѣтъ,—говорила она,—а не то бы я не удержалась и расцѣловала-бы его." Это было какъ разъ передъ обѣдомъ, и мы васъ поставили на столъ около насъ—такимъ образомъ обѣдъ оказался очень вкуснымъ, и мы ѣли съ большимъ аппетитомъ.

Пожалуйста, угостите насъ еще такимъ обѣдомъ и пришлите вашу большую фотографію, какъ можно скорѣе! Брошюру вашу я получилъ недавно только, по той простой причинѣ, что она лежала на почтѣ не тамъ, гдѣ обыкновенно находишь письма. Удивительно хорошо, вѣрно, да и искренно выступаетъ у васъ то, что вы говорите объ Ивановѣ [1]).

Также очень задушевно и сильно вы описали „Нападеніе инквизиціи на евреевъ" [2]). Только вы одни это поняли, какъ никто до сихъ поръ. Жаль только, что вы не припоминаете также и Бруни, вѣдь и онъ старался передать въ своей картинѣ „Мѣдный змѣй" еврейскую типичность. И надо отдать ему справедливость, что тамъ есть мѣста очень удачныя, а онъ явился даже гораздо раньше Иванова.

Вы спрашиваете о Флаксманѣ? Къ сожалѣнію, въ настоящую минуту я ничего особеннаго не могу сказать о немъ, потому что я уже очень давно видѣлъ его произведенія. Но на сколько я помню, онъ не болѣе, какъ сколокъ съ Торвальдсена [3]). И тогда я удивлялся, за что онъ такъ славится! Развѣ потому только, что онъ нѣмецкой расы [4]). Вѣдь у нихъ кто-бы ни явился, сейчасъ рубятъ для него пьедесталъ,

---

[1]) Статья В. В. Стасова «Еврейское племя въ созданіяхъ европейскаго искусства», въ изданіи «Еврейская Библіотека», 1873, томъ III.

[2]) Тамъ же.

[3]) Это ошибка. Почти всѣ произведенія Флаксмана явились на свѣтъ раньше произведеній Торвальдсена.

[4]) Флаксманъ былъ англичанинъ.

совершенно какъ у насъ, наоборотъ, рубятъ самого того, кто только явится.

Что касается до моихъ наблюденій, то не могу сказать впередъ ничего утѣшительнаго. У итальянцевъ сердца вѣчно юныя, а мозгъ въ чахоткѣ. Что касается старыхъ мастеровъ, то они не шли врозь со своимъ временемъ. Иначе и быть не можетъ. Они, какъ всегда искусство, являются только выраженіемъ своего времени. Средневѣковое время имѣло свои уродства, свои заблужденія. Вся Европа служила только религіи: воинъ — мечомъ, архитекторъ — постройками, музыкантъ—своими духовными напѣвами, живописецъ—своими картинами, а скульпторъ—своими статуями. Всѣ предавались чувству и увлекались имъ безъ малѣйшаго анализа. Но за то, по крайней мѣрѣ, искусство имѣло свою пристань, каждый зналъ, чего онъ хотѣлъ. Но теперь—гораздо хуже, особенно въ скульптурномъ искусствѣ. Художникъ самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ, и стоитъ только взглянуть на то, что они творятъ! Видно, что скульпторъ ищетъ, теряется и мельчаетъ. Представьте себѣ, что одинъ итальянецъ сдѣлалъ маленькаго Микель-Анджело, вырубающаго первую маску въ саду Медичей. Вышло болѣе или менѣе удачно. Послѣ того сейчасъ явились маленькій Джотто, маленькій Рафаэль, маленькій Колумбъ. Одинъ изъ художниковъ явился прогрессистомъ и сразу создалъ „генія желѣзной дороги": мальчикъ, стоящій на колесѣ и опирающійся на рельсы, держитъ въ рукѣ флагъ. Какъ вы видите, здѣсь умъ чахнетъ, но и за этимъ художникомъ потянулся хвостъ. Послѣ его статуи явились: „Геній электричества," „Геній Франклина," „Геній Коперника." Особенно курьезна послѣдняя статуя: художникъ перехитрилъ и поставилъ своего „Генія" вверхъ ногами!

Какъ вамъ все это нравится, неправда-ли, прогрессъ? Какъ хотите, сила сама по себѣ—слѣпой геній, и если при силѣ есть сознаніе, она становится яснымъ геніемъ. Въ средніе вѣка была сила, но не было сознанія, за то теперь нѣтъ ни того, ни другого, а существуютъ одинъ произволъ, слабость и одуреніе. По крайней мѣрѣ я это вижу въ скульптурѣ. Живопись ушла гораздо дальше, она же и гораздо плодовитѣе.

Теперь я весь занятъ, я работаю, но пока болѣе душою, чѣмъ тѣломъ. Я сдѣлалъ нѣсколько эскизовъ: „Спинозы," „Христа" и памятникъ для Милютиной. Удачно,—всѣмъ нравятся эти эскизы, исключая меня.

Теперь я все это опять оставилъ и работаю бюстъ Милютина.

Ради Бога, дядюшка, поищите въ Петербургѣ, нѣтъ-ли тамъ, въ книжныхъ магазинахъ, біографіи Спинозы, Ауэрбаха, на нѣмецкомъ языкѣ? Представьте себѣ, что я уже два раза выписывалъ ее, и на второй разъ прислали мнѣ философію Спинозы, а что мнѣ надо, то вышло, и ни за какія деньги того нѣтъ!

Я право самъ не знаю, что мнѣ дѣлать? Кстати, пришлите и фотографію его. Я досталъ портретъ, но опять такой, какого я не видалъ до сихъ поръ.

Что хорошаго у васъ? Какъ я радъ за Мусоргскаго! Пожалуйста, передайте ему отъ меня радостное поздравленіе [1]). Браво! Наша беретъ!!!

Когда у меня будетъ свободное время, я напишу ему, что я чувствовалъ, когда слышалъ „Лоэнгрина" Вагнера. Пока умалчиваю.

Что, какъ поживаетъ Рѣпинъ? Что онъ работаетъ? Что слышно въ живописномъ мірѣ? А годичная выставка уже началась въ Академіи? Гдѣ теперь „Петръ?" Пожалуйста, передайте всѣмъ мой привѣтъ, а также передайте баронессѣ и барону Гинцбургу мой искренній поклонъ. Скоро будетъ готовъ бюстъ „Петра" изъ мрамора.

Какъ поживаетъ Дмитрій Васильевичъ? Какъ здравствуетъ ваша милая невѣстка? Получаете-ли письма отъ Софіи? Кстати, поздравляемъ васъ съ № 49. Радъ буду читать какъ можно больше.

Бумага еще осталась,—дѣлать нечего, пишу.

Сдѣлайте мнѣ одолженіе, пришлите книгу подъ названіемъ: „Подарокъ для молодыхъ хозяекъ", если вы хотите сдѣлать особенное удовольствіе моему желудку. Это я повторяю слово въ слово то, о чемъ Гена проситъ меня.

Скоро я пошлю вамъ фотографіи съ эскизовъ „Иванъ III" и „Ярославъ Мудрый". Оказалось, что фотографъ былъ такъ учтивъ, что оставилъ стекло у себя.

Однако, спокойной ночи! Кажется, что уже я вдоволь наболтался, и не знаю, разберете ли вы хорошенько, потому что я пишу уставши. Но я долго молчалъ, и мнѣ хотѣлось высказаться.

60. Къ нему же.

Римъ, 17 февр. (1 марта) 1873 г.

Какъ вы видите, я опять къ вамъ съ разными хлопотами, но не за себя, а за дорогого Спинозу, съ которымъ я теперь гуляю, ѣмъ и сплю. Дѣло вотъ въ чемъ: недавно я получилъ книгу подъ названіемъ: „Ben. de Spinosa's sämmtliche Werke. Aus dem lateinischen (von B. Auerbach)". Тамъ я нашелъ біографію Спинозы довольно подробную, но, какъ мнѣ кажется, она не совсѣмъ соотвѣтствуетъ той, которая находится у васъ. Напримѣръ, здѣсь говорится, что въ началѣ отлучили его на 30 дней отъ синагоги. Потомъ одинъ фанатикъ бросился на него, и хотѣлъ убить его, но, къ счастью, Спиноза успѣлъ отстранить отъ себя ударъ, такъ что только одежда была проколота. Недолго спустя, евреи оффиціально прокляли его: это случилось въ 1656 году — значитъ на его 24-мъ году. Этого было имъ мало: еврейскія общества обратились съ просьбою къ магистрату, и съ жалобою, что онъ, Спиноза, хулитъ ихъ религію, послѣ чего онъ былъ выгнанъ изъ Амстердама на нѣсколько мѣсяцевъ.

Это же случилось до 1660 года, и въ это время онъ переѣхалъ въ

[1]) На оперной сценѣ въ Петербургѣ были поставлены нѣкоторыя сцены изъ оперы Мусоргскаго «Борисъ Годуновъ».

Кипсбургъ. Такимъ образомъ ему было тогда 28 лѣтъ. Затѣмъ, болѣе подобныхъ случаевъ не повторялось. Между тѣмъ, какъ вы передали мнѣ (кажется), ему было около сорока лѣтъ, когда онъ получилъ всеобщее проклятіе.

Пожалуйста, поищите и напишите мнѣ объ этомъ фактѣ подробно, а также, на какіе документы авторъ ссылается.

Ради Бога, облегчите вашего племянника, который ужасно какъ не спокоенъ; дайте ему скорѣйшій отвѣтъ, потому что отъ этого зависитъ очень многое: очень можетъ быть, что мнѣ придется вычеркнуть все то, о чемъ я думалъ до сихъ поръ.

При этой книгѣ находится портретъ Спинозы. Авторъ біографіи говоритъ, что портретъ написанъ художникомъ Von der Spijck, у котораго Спиноза жилъ до послѣдняго времени своей жизни въ Гаагѣ, и, конечно, нѣтъ сомнѣнія, что этотъ портретъ есть самый вѣрный. Онъ теперь находится въ Голландіи, и авторъ получилъ фотографію съ него черезъ своего пріятеля. И дѣйствительно, онъ разнится отъ всѣхъ остальныхъ, которые мнѣ пришлось видѣть до сихъ поръ. Но и тутъ большіе черные глаза съ поднятыми бровями, а между тѣмъ Лукасъ, описывая его, говоритъ, что у него были черные маленькіе и живые глаза, и Лейбницъ подтверждаетъ это. Теперь, кому вѣрить?

Какъ вы видите, я теряюсь въ неизвѣстности, а въ Римѣ не трудно совсѣмъ растеряться, потому что здѣсь нельзя быть любознательнымъ— книги здѣсь трудно доставать, исключая разныхъ указателей, альбомовъ и иллюстрацій, реставрацій и т. п. Желаніе свое приходится проглотить, потому что удовлетворить его трудно: хочешь какую-нибудь книгу, а тебѣ отвѣчаютъ: „Въ настоящее время нѣтъ, но можно выписать". Извольте ждать недѣльки 3—4, а тутъ сгораешь отъ нетерпѣнія!

Право, гораздо лучше быть классическимъ художникомъ или художникомъ всеобщимъ, т.-е. ни то, ни се, а все вмѣстѣ. Творить вакханокъ голыхъ, нищихъ, дѣвушекъ съ розами и тысячу подобныхъ сюжетовъ, которые создаются здѣсь безъ устали—экая плодовитость! Право, можно подумать, что здѣсь все, а между тѣмъ общій геній римскихъ художниковъ есть не болѣе, какъ нищій съ завязанною головой.

Однако довольно!

Скоро еще буду писать вамъ.

Вотъ вамъ еще прибавка. О чемъ говорить? Опять о себѣ? Теперь у меня періодъ творчества: я много эскизовъ сдѣлалъ, и всѣ они болѣе или менѣе удачны.

Я сдѣлалъ эскизъ для надгробнаго памятника Ник. Алекс. Милютина. Я представилъ небольшую лѣстницу, ведущую къ большому кресту, куда пришла крестьянская дѣвушка съ набранными цвѣтами: она усѣлась на подножіи креста и вяжетъ ему вѣнокъ. Какъ идея, такъ и эскизъ всѣмъ очень нравятся. Я бы очень радъ былъ исполнить его, потому что, какъ мнѣ кажется, это будетъ первый реальный, но и симпатичный надгробный памятникъ.

Потомъ я сдѣлалъ эскизъ: „Христосъ передъ судомъ народа“. Вы удивляетесь? Но мнѣ кажется, что до сихъ поръ никто Его такъ не трактовалъ, какъ я Его представляю. Вѣдь до сихъ поръ христіанство шло во имя Христа—противъ Христа; до сихъ поръ Онъ былъ въ рукахъ эксплоататоровъ, а теперь всѣ, кто отрицаетъ христіанство, ближе приближаются къ Нему. Дѣло еще въ томъ, что одинъ почтенный человѣкъ изъ Москвы [1]) заказалъ мнѣ работу съ сюжетомъ по моему выбору, а онъ хочетъ для этого посвятить одну комнату въ своемъ домѣ, для особеннаго освѣщенія и цѣльнаго впечатлѣнія. Такимъ образомъ, я тутъ разсчитываю на цѣлую обстановку въ натуральную величину.

А впрочемъ, обо всемъ этомъ я еще недостаточно думалъ.

Наконецъ я сдѣлалъ эскизъ „Спинозы“ въ двухъ видахъ. Конечно, итальянцы въ восторгѣ, но я имъ не вѣрю дальше того, что есть милаго и, пожалуй, красиваго, а серьезное они еще не совсѣмъ понимаютъ. И меня оба эскиза еще не удовлетворяютъ, а главное, что теперь въ идеѣ явился разладъ по причинѣ неточности біографіи.

Пожалуйста, обо всемъ томъ никому ни слова. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы никто не говорилъ обо мнѣ, не думалъ и не разсуждалъ раньше своего времени. Елена очень и очень кланяется вамъ, она говоритъ, что какъ только посмотритъ на вашу фотографію, то ей сейчасъ весело становится.

61. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, 20 марта 1873 г.

Извините, что я замедлилъ отвѣтомъ вамъ на ваше письмо, дорогой Савва Ивановичъ! Причина простая: я вдругъ залѣнился и сплю болѣе, чѣмъ дѣлаю; а виноватъ этому здѣшній сирокко, который нехорошо дѣйствуетъ на меня.

Эскизы мои уже высохли, а васъ здѣсь еще нѣтъ. Но за то вы прислали плоды своего творчества [2]). Радуюсь за васъ, что дѣлаете такіе огромные успѣхи. Да и вообще я долженъ сказать, что вы удивляете насъ. Но вы желаете слушать мою подробную критику, извольте, я радъ ее высказать.

Начну съ того, что тамъ есть хорошаго, а потомъ перейду къ дальнѣйшему. Я долженъ заранѣе сказать, что отнесусь къ этому бюсту, какъ-бы совершенно не зная автора; предо мной стоитъ произведеніе, и я долженъ безъ пристрастія указать на то, что въ немъ есть хорошаго и наоборотъ. Мнѣ кажется, что только такимъ образомъ можно узнать, что въ бюстѣ есть уже зрѣлаго, и чего въ немъ недостаетъ еще.

Главное, что въ вашемъ бюстѣ бросается въ глаза, это вѣрность рисунка глаза, носа, рта; все это поставлено на мѣстѣ; особенно хорошо, даже превосходно обрисованъ черепъ. Все это мы видимъ рѣдко даже у зрѣлыхъ художниковъ. Такъ же хорошо и характерно вылѣплено ухо. Вообще, на первый взглядъ можно сказать, что голова лѣплена

---

[1]) С. И. Мамонтовъ.

[2]) Фотографію съ двухъ бюстовъ, вылѣпленныхъ съ натуры.

уже мастеромъ. Но главное, что обвиняетъ васъ еще, это плечи: отъ шеи до раменъ у васъ идетъ линія вогнутая. Между тѣмъ въ натурѣ даже у самыхъ худощавыхъ людей она бываетъ скорѣе выгнутая. Потомъ плечи слишкомъ широки. Такъ, по крайней мѣрѣ, видно на фотографіи. У людей сильныхъ и высокихъ, и то плечи не бываютъ шире двухъ головъ. Перехожу къ деталямъ и скажу, что глаза слишкомъ круглы, а въ мускулахъ и лѣпкѣ чувствуется неувѣренность еще.

Теперь перехожу отъ вашего творчества лично къ вамъ.

Бога ради, избѣгайте работать безъ натуры, а съ натуры работайте какъ можно больше, и кромѣ того занимайтесь анатоміей. У васъ все есть для того, чтобы быть художникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова; занимайтесь только по возможности больше этимъ дѣломъ. Совѣтую строго и внимательно слѣдить, съ чего вы будете лѣпить. По крайней мѣрѣ я всегда такъ дѣлалъ и дѣлаю. Я учусь больше глазомъ, чѣмъ руками.

Жду вашей будущей работы, а также и васъ. Тогда больше потолкуемъ и поработаемъ.

Сегодня берусь за „Христа"; надѣюсь, что Онъ выйдетъ такимъ, какимъ Ему слѣдуетъ быть. А впрочемъ, увидимъ.

P. S. На другой сторонѣ фотографіи вы увидите чертежъ карандашемъ, гдѣ я укажу вамъ, какъ было-бы лучше. Противъ свѣта вы это увидите.

62. Къ Ел. Григ. Мамонтовой.

Римъ, 25 апрѣля 1873 г.

Когда я пріѣхалъ изъ Россіи, Римъ показался мнѣ какимъ-то мизернымъ, тѣмъ болѣе, что почти все время, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, небо все смотритъ какъ-то угрюмо, а иностранцы, шныряющіе съ зонтиками, не такъ дружелюбно смотрятъ на васъ. Признаюсь, что и я не иначе смотрю на нихъ, такъ что выходитъ общій плачъ. За то съ какимъ удовольствіемъ вспоминаю Москву. Милая Москва! Общество у насъ малое, скучное, интересовъ никакихъ; главное—какъ-бы убить день, въ который живешь. Скучно безъ людей—жизни нѣтъ. Еще хорошо, что сознаешь это и ни за что не хочешь долго оставаться въ такомъ положеніи. Хочешь бѣжать куда-нибудь, только не оставаться здѣсь, а это необходимо для меня и особенно для жены. Но она сильно чувствуетъ римское однообразіе. Впрочемъ я долженъ сказать, что я отлично провожу время. Въ мастерской работаю памятникъ Маруси Оболенской въ натуральную величину. Дѣло подвигается медленно, но кажется хорошо. Остальныя работы въ мастерской тоже идутъ своимъ чередомъ, а дома отдыхаю, и отдыхомъ наслаждаюсь, какъ настоящій семьянинъ.

63. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 31 марта (12 апрѣля) 1873 г.

Только такой сильный толчокъ, какъ письмо ваше, можетъ отор-

вать меня отъ работы и заставить взяться за перо. О чемъ начать? Вѣдь часто бываетъ, что когда хочешь многаго, то и малаго не получаешь. Со мною было совершенно такъ. Я хотѣлъ вамъ писать многокое о чемъ и началъ, но, какъ видите, не кончилъ. Главной причиной этого было вотъ что: одинъ изъ друзей моихъ захворалъ корью; другой сталъ ухаживать за нимъ, и тоже захворалъ. Третій сталъ помогать второму, и въ свою очередь тоже заболѣлъ. Но все это было бы ничего, если-бы кончилось только этимъ. Но одна дѣвушка [1]), полная жизни и надеждъ, получила корь, простудила ее, и смерть положила на нее черную печать. И такъ неожиданно! Ужасно я озлобился на жизнь и смерть, когда такъ близко и ясно увидѣлъ, что вся житейская комедія кончается мыльнымъ пузыремъ, который лопается и оставляетъ за собою только угаръ.

Послѣ прощанія съ этой особой и ея похоронъ (я былъ тутъ одинъ только мужчина, и такимъ образомъ всѣ хлопоты были возложены на меня) я съ большимъ озлобленіемъ взялся за работу.

„Спинозу" я пока оставилъ въ покоѣ: видно, что еще недостаточно думалъ о немъ, и уже нѣсколько недѣль работаю „Христа", или, какъ я Его называю, „Великаго Исаію". Мнѣ кажется, что одно названіе можетъ доказать, что я совершенно желаю отказаться отъ перваго моего „мистическаго" Христа. Я хочу вызвать Его, какъ реформатора, который возсталъ противъ фарисеевъ и саддукеевъ за ихъ аристократическія несправедливости. Онъ всталъ за народъ, за братство и за свободу, за тотъ слѣпой народъ, который съ такимъ бѣшенствомъ и незнаніемъ кричалъ: „Распни, распни его!!" Я Его представлю въ тотъ моментъ, когда Онъ стоитъ передъ судомъ того народа, за который Онъ палъ жертвою. Я выбралъ этотъ моментъ, во-первыхъ, потому, что здѣсь и связался узелъ драмы. Его душевное движеніе въ эту минуту является необыкновенно грандіознымъ. Дѣйствительно, только въ эту минуту Онъ могъ сказать (и только Онъ): „Я имъ прощаю, потому что они не вѣдаютъ, что творятъ". Во-вторыхъ, подъ судомъ народа я подразумѣваю и теперешній судъ. Я убѣжденъ, что если-бы Христосъ или Мудрый Исаія воскресъ теперь и увидѣлъ-бы, до чего эксплоатировали Его, до чего доведены Его идеи отцами инквизиціи и другими, то навѣрное онъ возсталъ-бы противъ христіанства такъ же, какъ возсталъ противъ фарисеевъ, и еще десять разъ бы далъ себя распять за правду.

Если евреи отступились и отступаются отъ Него, то я торжественно признаю, что Онъ былъ и умеръ евреемъ за правду и за братство. Оттого-то я и хочу дать ему чисто еврейскій типъ и представить его съ покрытой головою. Это я основываю на томъ, что до сихъ поръ есть еврейская молитва, гдѣ между прочимъ говорится: „Прости меня, что ходилъ съ открытою головою". Потомъ, какъ извѣстно, въ священ-

---

[1]) Княжна Марія Алексѣевна Оболенская, родная сестра княжны Екатерины Алексѣевны Оболенской, въ первомъ замужествѣ—замужемъ за Мордвиновымъ, во второмъ — за знаменитымъ врачомъ С. П. Боткинымъ.

ныхъ мѣстахъ евреи снимали не шапки, а обувь; потомъ еще—жаркій климатъ не давалъ возможности ходить съ открытою головою.

Я представляю себѣ, какъ христіане и евреи поднимутся противъ меня. Евреи навѣрное скажутъ: „Какъ это онъ сдѣлалъ Христа?“ А христіане скажутъ: „Какого это Христа онъ сдѣлалъ?“ Но до всего этого мнѣ дѣла нѣтъ.

Пожалуйста, обо всемъ этомъ никому ни слова, только Рѣпину; и впередъ прошу вашей критики. Послѣ этой работы я берусь за „Спинозу“ (авось онъ тогда созрѣетъ), а потомъ еще за одну подобную-же личность. Если-бы вы знали, за кого именно, навѣрное вы были-бы довольны. Впрочемъ, я еще недостаточно думалъ о послѣдней.

Какъ я радъ за Рѣпина, что онъ кончилъ своихъ „Бурлаковъ“, а главное, что наконецъ уѣдетъ отъ петербургскихъ болотъ. Я думаю, что это будетъ для него какъ нельзя лучше.

Въ Вѣнѣ я думаю быть въ концѣ іюля. Радъ-радехонекъ былъ-бы я, если-бы удалось мнѣ встрѣтиться съ вами. Пожалуйста, нельзя-ли какъ-нибудь это устроить. На Вѣнскую выставку я ничего не привезу, развѣ только свою собственную персону, и это, я думаю, не худо, потому что себя показать я всегда успѣю, а на другихъ взглянуть не всегда. И такъ, я ѣду глазѣть.

Книгу вашу я получилъ. Какъ часто мы благодаримъ васъ! Особеннымъ сюрпризомъ была ваша большая фотографія, которую мы случайно нашли въ книгѣ. Сегодня я не получилъ № „Спб. Вѣдомостей“; жалѣю объ этомъ, но надѣюсь, что сегодня-же получу.

Я теперь заработался до того, что къ вечеру, ложась спать, падаю какъ камень. А все-таки я здравствую, также Елена (или Гена),— она спитъ еще. Если-бы вы знали, какъ вы меня обрадовали вашимъ письмомъ. Представьте себѣ, вѣдь ни отъ кого я не получаю писемъ, кромѣ только отъ васъ. Навѣрное скоро я пошлю вамъ большое письмо о Римѣ. Что еще писать? Какъ только у меня будетъ свободное время, опять возьмусь за перо.

Если „Исаія Великій“ выйдетъ хорошо, то Онъ уже заказанъ за 9.000 рублей [1]).

Очень хорошо вышелъ маленькій „Іоаннъ Грозный“ изъ воска, величиною вершковъ въ 7. Также кончается бюстъ „Петра“—хорошо. Носъ я самъ до извѣстной степени перемѣнилъ [2]). Я также началъ работать маленькій бюстъ—этюдъ еврея для „Инквизиціи“. Потомъ я заказалъ связать и сформовать изъ воска „Ивана III“, а также „Ярослава Мудраго“. Когда это будетъ сдѣлано, я докончу ихъ, и они будутъ отлиты изъ бронзы.

---

[1]) Саввой Ивановичемъ Мамонтовымъ.

[2]) Измѣненіе, отчасти, формы носа у «Петра Великаго» было произведено Антокольскимъ особенно вслѣдствіе замѣчаній Н. Н. Ге, увѣрявшаго, что художникомъ былъ данъ Петру «еврейскій носъ», — что было очень несправедливо, потому что Антокольскій очень вѣрно воспроизвелъ носъ Петра I по маскѣ, снятой съ него послѣ смерти и скопированной нарочно для Антокольскаго Крамскимъ.

Однако, до свиданья! Надѣюсь, что увидимся въ Вѣнѣ. Я начну считать дни до тѣхъ поръ.

64. Къ нему же.

Римъ, 17 апрѣля 1873 г.

Изъ вашего послѣдняго письма я узналъ, что баронъ Гинцбургъ желаетъ послать бюстъ „Петра I“ на Вѣнскую выставку, для украшенія комнаты, гдѣ Государь будетъ отдыхать. Конечно, вещь его собственная, и онъ съ нею можетъ распоряжаться, какъ ему угодно. Но если онъ желаетъ при этомъ сдѣлать и мнѣ удовольствіе, то я очень и очень просилъ бы его нигдѣ не выставлять бюста „Петра“,— не только въ Вѣнѣ, но даже нигдѣ на русскихъ выставкахъ. Это— мое личное желаніе и желаніе не безъ причины.

Вы хорошо знаете, какъ безцеремонно поступила со мною Академія: она не нашла мѣста для моихъ работъ, и, конечно, послѣ этого мнѣ нечего другого желать, кромѣ того, чтобы какъ можно подальше стоять отъ нихъ. Навѣрное вы помните наши разговоры, передъ моимъ отъѣздомъ, о томъ, что я теперь желаю какъ можно больше поработать и какъ можно дольше молчать, и потомъ только, когда у меня окажется достаточно творчества, тогда я выступлю въ Европѣ. Я хочу людей провѣрить и себя узнать. Но въ концѣ-концовъ это только и будетъ подготовкой для дѣятельнаго развитія искусства въ Россіи. Не забудьте, что цѣль моей жизни это—Россія, не только потому, что она еще такъ молода, что въ ней болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, есть возможность развивать правильное воспитаніе для развитія полнаго человѣка, но не забудьте, что я при этомъ еврей, и если я хоть на волосъ могу противостать противъ всѣхъ грязныхъ нападокъ на евреевъ, которыхъ столь много есть еще въ Россіи, то я буду считать себя счастливымъ.

Все это сообразите. Я не очень пожалѣю, если меня отстранятъ отъ Вѣнской выставки. По крайней мѣрѣ, еще однимъ произведеніемъ больше будетъ у меня для того, чтобы двинуться въ Европу. Такимъ образомъ, лишнее уже говорить, что я не посылаю на выставку рѣшительно ничего изъ моихъ произведеній.

Потомъ, вотъ о чемъ я бы хотѣлъ просить. Недавно сказали мнѣ, что вещь, которая остается въ Академіи болѣе года, поступаетъ въ собственность Академіи, если художникъ не уберетъ ее раньше. Такимъ образомъ, прошу вашего совѣта, что мнѣ дѣлать со статуей „Петра“? Вѣдь я не только не желаю, чтобы Академія отняла ее у меня, но даже просто не желаю, чтобы она торчала тамъ. Прошу вашего содѣйствія къ тому, чтобы статуя не осталась на позоръ. Жалѣю, что я теперь не въ Петербургѣ, иначе я бы зналъ, что сдѣлать со статуей.

Я здравствую и работаю „Іисуса“. Онъ уже подвинулся наполовину, и есть надежда, что изъ него кое-что выйдетъ. Характеръ лица я сохраняю такой, какой извѣстенъ всѣмъ, т.-е. съ длинными волосами, раздвоенной бородкой и т. д., только я даю ему чисто еврейскій оттѣнокъ; потомъ онъ у меня будетъ съ покрытой головою, и

остальной костюмъ будетъ также совершенно своеобразёнъ. Свѣдѣнія о немъ и о тогдашнемъ костюмѣ я собралъ, откуда только могъ. Конечно, очень хорошій источникъ — это книга Вейса „Исторія костюма“, но чтобы окончательно убѣдиться, что больше неоткуда брать свѣдѣній, я завелъ переписку съ моими друзьями. Одинъ изъ нихъ считается знатокомъ еврейской литературы. Курьезно, какъ онъ безсильно старается уронить не Христа, а идеи его, между тѣмъ какъ другой, напротивъ, уже больно восторгается. Интересно знать—какое мнѣніе барона Гораса Осиповича объ этомъ?

Что больше писать? Завтра или послѣзавтра высылаю бюстъ „Петра“. Здѣсь онъ всѣмъ нравится. Надѣюсь, что и вамъ понравится. Въ мраморѣ онъ очень много выигралъ.

Письмо я откладываю до завтра, авось найду, о чемъ писать еще, а теперь башка черезчуръ пуста!

Если вы поѣдете въ іюлѣ на Вѣнскую выставку, то надѣюсь увидѣться съ вами. Когда Рѣпинъ будетъ въ Вѣнѣ? Вчера уѣхалъ одинъ изъ новыхъ друзей моихъ, нѣкто Мамонтовъ. Онъ ѣдетъ прямо въ Москву, и если поѣдетъ черезъ Петербургъ, то непремѣнно будетъ у васъ и у Рѣпина. Позвольте же заранѣе представить его: онъ одинъ изъ самыхъ прелестныхъ людей съ артистической натурой (у насъ не мало людей, которые были рождены съ замѣчательными задатками, но глупое воспитаніе съѣдаетъ ихъ хуже, чѣмъ ржавчина). Онъ—простъ, добръ, съ чистою головою; очень любитъ музыку и очень недурно самъ поетъ. Пріѣхавши въ Римъ, онъ вдругъ началъ лѣпить,—успѣхъ оказался необыкновенный! Недѣльки двѣ полѣпилъ, потомъ уѣхалъ въ Москву по дѣламъ, гдѣ успѣлъ сдѣлать три бюста въ очень короткое время. Съ особеннымъ мастерствомъ вышелъ у него бюстъ отца. Какъ только онъ освободился, онъ пріѣхалъ обратно въ Римъ къ своему семейству. Тутъ-то мы стали заниматься серьезно, и лѣпка оказалась у него широкой и свободной, несмотря на то, что онъ лѣпилъ только два этюда и то не успѣлъ кончить. Вотъ вамъ и новый скульпторъ!!! Надо сказать, что если онъ будетъ продолжать и займется искусствомъ серьезно хоть годикъ, то надежды на него очень большія. Притомъ нужно сказать, что это человѣкъ съ большими средствами, и надо надѣяться, что онъ сдѣлаетъ очень много для искусства. Его зовутъ Савва Ивановичъ Мамонтовъ. Пожалуйста, когда онъ будетъ въ Петербургѣ, примите его, какъ нашего общаго друга. Онъ-то и заказалъ мнѣ „Христа“, конечно, если онъ выйдетъ хорошо.

Пожалуйста, не забывайте вашего племянника и доставьте ему случай радоваться на ваши письма...

Какъ здоровье нашего Ильи Рѣпина? Я здравствую, чего желаю и вамъ всѣмъ. Какъ поживаетъ Дмитрій Васильевичъ съ семействомъ? Какъ Софія? Какъ Мусоргскій? Какъ зовутъ его новую оперу, не та ли о которой мы говорили,—помните, въ Парголовѣ, когда мы ѣхали обратно въ телѣгѣ?

Маленькій „Иванъ Грозный“ изъ воска очень хорошо выходитъ—это будетъ хорошее украшеніе на письменномъ столѣ. Величина его около $5^1/_2$ вершковъ, онъ будетъ оксидированъ подъ старое серебро. Ну, теперь, кажется, все я сказалъ.

65. Къ нему же.

Римъ, 15 (27) апр. 1873 г.

Спѣшу отвѣчать вамъ, дорогой мой дядюшка. Ваши письма я аккуратно получаю и такъ-же аккуратно на нихъ отвѣчаю. Удивляюсь, отчего вы ихъ не получаете? Нѣсколько дней тому назадъ я отвѣчалъ на ваше письмо и статью о Рѣпинѣ [1]). Теперь же, какъ вы видите, я стараюсь отвѣтить на ваше послѣднее письмо и хоть вкратцѣ разсказать вамъ обо всемъ томъ, что меня интересуетъ и окружаетъ. Жаль только, что не могу побольше и посерьезнѣе побесѣдовать съ вами, а какъ бы мнѣ хотѣлось этого! Но вотъ—утромъ встаешь и, не допивши чай, бѣжишь въ мастерскую, а къ вечеру до того устаешь, что ѣсть не хочется отъ головной боли.

Не знаю, какъ вы приняли извѣстіе, что я работаю „Христа“. Мнѣ кажется, что вначалѣ васъ это не мало удивило, но потомъ, когда вы узнали обо всемъ этомъ подробнѣе, смѣю надѣяться, вы одобрите мою основную идею. (Не знаю, получили-ли вы то письмо, гдѣ я говорю подробно объ этомъ предметѣ). Надѣюсь, что навѣрное скоро получу письмо отъ васъ, и тогда бесѣда наша будетъ подлиннѣе.

Здѣсь въ художественномъ мірѣ ничего новаго нѣтъ. Всѣ попрежнему занимаются, каждый своей лавочкой, и рады сдѣлать все, что только нужно для антихудожественнаго американца, ради своихъ коммерческихъ интересовъ. Впрочемъ нужно сказать, что много между итальянцами есть очень талантливыхъ, но мысли ихъ такъ ограниченны, такъ бѣдны, что дальше „Фортуны“, „Каина“ и т. п. не идутъ. У русскихъ художниковъ тоже ничего новаго не происходитъ, да, смотря на ихъ произведенія, я поневолѣ сомнѣваюсь,—способны-ли они что-нибудь сдѣлать новое?

Удивляюсь только тому, какимъ образомъ задавать конкурсъ [2]) въ шесть пріемовъ, для того, чтобы создать что-то новое. Между тѣмъ, члены этого комитета по большей части все художники, которые на-перечетъ знаютъ своихъ собратьевъ. Имъ-то именно заранѣе слѣдовало-бы быть убѣжденными, что ничего новаго не будетъ. Вотъ и второй разъ былъ конкурсъ, и еще два раза будетъ, а врядъ-ли что-нибудь серьезное создастся.

Что касается меня, то я не хочу трудиться для того, чтобы *не* создавать, а создавать памятники я теперь не расположенъ. У меня другія задачи и стремленія, и искусство нисколько не потеряетъ,

---

[1]) Статья В. В. Стасова: Картина Рѣпина «Бурлаки на Волгѣ», напеч. въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 18 марта.

[2]) На монументъ Пушкину.

если я не сдѣлаю одно, а сдѣлаю другое. Притомъ-же я хочу стоять на свободѣ, самъ для себя; я не хочу опять подчиняться разнымъ сужденіямъ и интригамъ—это достаточно уже надоѣло мнѣ.

Кстати, навѣрное вамъ неизвѣстно, что „Иванъ Грозный" изъ бронзы не принятъ на Вѣнскую выставку, по той причинѣ, что для него мѣста нѣтъ. Вотъ какъ это случилось. Годъ тому назадъ я получаю бумагу изъ Академіи о томъ, чтобы я сообщилъ, какія произведенія я желаю послать на Вѣнскую выставку, для того чтобы завербовать для нихъ мѣста. Такимъ образомъ я заявилъ, что мнѣ надо мѣсто для „Ивана Грознаго", изъ мрамора, для „Петра I", если онъ будетъ отлитъ изъ бронзы, и еще для барельефа изъ дерева. Къ сожалѣнію, „Иванъ" изъ мрамора не поспѣлъ, тогда я адресовался къ Исѣеву съ просьбой, чтобы замѣнить мраморнаго „Ивана"—бронзовымъ. Но скоро я получилъ отвѣтъ, что, по крайне ограниченному помѣщенію, „Иванъ Грозный" никоимъ образомъ не можетъ быть посланъ на Вѣнскую выставку. Впрочемъ, они дали мнѣ позволеніе послать голову „Петра I", о которой я въ послѣднее время заявилъ, но съ условіемъ, чтобы не быть взыскательнымъ, если онъ не будетъ стоять на хорошемъ мѣстѣ. Вначалѣ это разсердило меня, но потомъ я разсмѣялся: развѣ я долженъ былъ чего-нибудь другого ждать отъ нихъ, кромѣ подобнаго поступка?

Я хотѣлъ написать Исѣеву, что-молъ радъ уступить свои мѣста, потому что не желаю посылать свои работы на ихъ выставку, и что впередъ буду стараться о томъ-же. Но потомъ подумалъ, и этого не сдѣлалъ: не стоитъ—жаль времени.

Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ письмо отъ Гр. Уварова, опять насчетъ статуи „Ивана Федоровича," перваго книгопечатника въ Россіи. Но такъ какъ эта модель должна идти на утвержденіе Государя — слѣдовательно прямо въ Академію, то я отказываюсь отъ этой работы. Пускай вертятся около Академіи тѣ, кому угодно, а я этого не желаю; — я не хочу, чтобы ослы были моими судьями.

Насчетъ Семирадскаго [1]), я совершенно согласенъ съ вами. Меня радуетъ то, что, совершенно не сговорившись, мы съ вами утверждаемъ одно и то-же. Это дѣйствительно не болѣе, какъ фейерверочное представленіе, которое скоро надоѣдаетъ. Картина его это—букетъ цвѣтовъ, гдѣ нѣтъ глубокаго содержанія,—по крайней мѣрѣ ни въ одной личности. Достаточно взглянуть на его аристократическаго „Христа", на его паркетное выраженіе, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ хотѣлъ этою картиною сдѣлать. Безъ сомнѣнія, авторъ этой картины очень уменъ и очень талантливъ,—но все это по-своему и для себя. Семирадскій и въ этой картинѣ остался вѣренъ самому себѣ; онъ весь тутъ, по прежнему, только въ бо́льшемъ размѣрѣ.

---

[1]) Картина Семирадскаго: «Грѣшница» была выставлена въ Петербургѣ въ апрѣлѣ 1873 г., а статья о ней В. В. Стасова: Новая картина Семирадскаго «Грѣшница» была напечатана въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 7 апрѣля 1873 г.

На-дняхъ посылаю бюстъ „Петра". Пожалуйста-же, убѣдите барона Гинцбурга нигдѣ не выставлять его.

Финансовая машина опять лопнула у меня. Ужасно гадко! Но надѣюсь, что навѣрное скоро получу за бюстъ: хотя немного, но все-таки лучше, чѣмъ ничего.

Какъ-же вы то поживаете? Какъ здравствуетъ Рѣпинъ? Какъ хотѣлось-бы мнѣ, чтобы онъ какъ можно скорѣе оставилъ Питеръ— это необходимо для его здоровья и искусства.

Если вамъ ничего, то я бы просилъ взять отъ него „Инквизицію", а также голову „Петра" (фотографіи). Что, увидимся на Вѣнской выставкѣ? Меня это очень интересуетъ и очень, очень желалъ-бы. Пожалуйста, устройте, чтобъ мы были вмѣстѣ.

Жалѣю, что у васъ знаютъ о моей работѣ. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы наконецъ перестали обо мнѣ говорить.

Что сдѣлать мнѣ съ гипсовымъ „Петромъ", который торчитъ въ Академіи? Крайне не желаю, чтобы онъ гдѣ-нибудь въ углу стоялъ, чортъ знаетъ къ чему! Пожалуйста, не забудьте и объ этомъ сообщить вашъ совѣтъ.

Не знаете-ли, что теперь Крамской? Не причислился-ли онъ къ общему хору Академіи? Уже давно я вздумалъ написать и написалъ ему письмо въ сатирическомъ тонѣ, но теперь каюсь. Видно, я очень мѣтко попалъ, или совсѣмъ не попалъ; мнѣ хотѣлось-бы вовсе не попасть, т.-е. чтобы не касалось его то, о чемъ я ему писалъ. До свиданья въ Вѣнѣ. Скоро опять буду писать вамъ.

Вашу статью о Семирадскомъ я сейчасъ снова перечиталъ—мнѣ ее принесъ одинъ мой знакомый. Скажу вкратцѣ, что она очень хороша и вѣрна.

66. Къ нему же.

Римъ, 3 (15) мая 1873 г.

Третьяго дня я получилъ ваше послѣднее письмо. Отъ души благодаренъ вамъ за всѣ письма. Кажется, я уже разъ писалъ вамъ, что ни отъ кого, кромѣ васъ, писемъ не получаю. Можете себѣ представить, съ какою жадностью я читаю ихъ!

У меня все обстоитъ благополучно. Работа вдругъ стала на точкѣ замерзанія. Я какъ-то простудился, и охота работать пропала на нѣсколько дней, а между тѣмъ слѣдовало бы кончить ее, чтобы успѣть на Вѣнскую выставку—повидаться съ вами. Но не хочу гнать эту работу—такимъ образомъ она выйдетъ свободнѣе. Вы ничего не писали, что говорилъ баронъ Гинцбургъ насчетъ моей теперешней работы. Я думаю, что онъ будетъ протестовать.

Уже нѣсколько дней, я передалъ бюстъ „Петра" комиссіонеру, и онъ взялся представить его на пятнадцатый день: это—послѣдній срокъ. Я недавно писалъ къ барону Гинцбургу. За бюстъ „Петра" я назначилъ 2000 рублей.

Эту цѣну я сказалъ ему еще въ самомъ началѣ. Но здѣсь говорятъ, что это очень дешево, а я не хочу перемѣнять свои слова. По-

жалуйста, когда вы его увидите, дайте мнѣ сейчасъ знать объ этомъ. Надѣюсь, что вы особенно будете довольны этою головою Я даже думаю, что вы позволите тогда вырубить вашъ бюстъ изъ мрамора. Пожалуйста, напишите мнѣ объ этомъ, потому что, кромѣ вашего позволенія, я прошу васъ и прислать мнѣ бюстъ сюда [1]).

Я думаю оставить Римъ, но, увы, не Италію! Думаю переселиться во Флоренцію, собственно потому, что въ Римѣ жизнь становится невыносимо дорога. Этого мало еще: я принужденъ работать въ прежней мастерской. Она необыкновенно скверна, грязна и сыра, а другихъ мастерскихъ ни за какія блага не найдете. Съ квартирой тоже не мало процедуры, и если отыщешь, то столько же дорого, какъ въ Петербургѣ, только разница та, что здѣсь все скверно.

Вотъ, если Рѣпинъ вздумаетъ поселиться въ Венеціи (лучшаго онъ не могъ придумать—во всѣхъ отношеніяхъ Венеція хороша для него), то надѣюсь, что часто мы будемъ видѣться съ нимъ. О, какъ я радъ этому! Пожалуйста, сообщите мнѣ о немъ, навѣрное вы будете переписываться съ нимъ.

Вы совѣтуете мнѣ, чтобы „Петръ“ остался пока въ Академіи. Но дѣло въ томъ, если онъ тамъ останется больше года, — значитъ, останется тамъ навсегда, по крайней мѣрѣ, такъ сказали мнѣ. А я этого, конечно, никоимъ образомъ не желаю!! Да притомъ же я не хочу, чтобы „Петръ“ тамъ стоялъ. Душевное желаніе мое—разломать его, или же отлить изъ бронзы, потому что я хорошо знаю, какъ академическіе молодцы обходятся съ гипсовыми вещами: сначала хорошенько поломаютъ ихъ, а потомъ отдаютъ формовщику реставрировать. Боже, что за чудовища выходятъ!! Не угодно ли пересмотрѣть хорошенько всѣ барельефы, которые сдѣланы въ Академію на большую золотую медаль: рѣдко гдѣ уцѣлѣла голова, а объ оконечностяхъ и говорить нечего. Когда Исѣевъ вступилъ на тронъ, въ качествѣ конференцъ-секретаря, онъ сталъ вытаскивать весь этотъ хламъ и приводить его въ порядокъ. Гуртомъ онъ отдалъ реставрировать всѣ эти барельефы бездарнѣйшему ученику Спиголевскому; а тотъ, безъ таланта, безъ совѣсти и безъ сознанія, реставрировалъ ихъ такъ, что во сто милліоновъ разъ было бы лучше оставить ихъ такъ, какъ прежде было. Одинъ барельефъ и я реставрировалъ, это—барельефъ Пименова, сдѣланный на I-ую золотую медаль. Этотъ барельефъ имѣетъ свою исторію, касающуюся меня.

Когда я задумалъ работать „Ивана Грознаго“, я сталъ хлопотать о мастерской, но безуспѣшно. Тогда я сталъ просить, чтобы позволили мнѣ работать въ классѣ во время каникулъ. Господинъ Исѣевъ согласился, но только съ условіемъ, чтобы за это я реставрировалъ барельефы. Я взялся за барельефъ Пименова, несмотря на то, что его уже успѣли обезобразить. Какъ извѣстно, потомъ господинъ Исѣевъ приказалъ вытурить меня изъ скульптурнаго класса вонъ, и я долженъ былъ разрѣзать на куски „Ивана“, чтобы переселиться въ

---

[1]) Прислать гипсовый бюстъ.

ту конуру, гдѣ я его кончилъ, и гдѣ я успѣлъ такъ жестоко захворать. Вотъ вамъ и академическіе порядки, а главное — ихъ добросовѣстность!

Изъ вашего послѣдняго письма я заключаю, что не далъ вамъ вѣрнаго понятія насчетъ покрытія головы Христа, или, вѣрнѣе, какъ я назвалъ его, „Исаіи Великаго". Тогда носили шерстяные колпачки, потомъ покрышки въ родѣ тюрбана. У Вейса—„Исторія костюма"—вы можете увидать этотъ уборъ. Я же выбралъ первый, такъ что лба не закрываю, а en face, съ лица, почти не видно этой шапочки, потому что я ее надвинулъ немного на затылокъ.

Интересно, что Исѣевъ сказалъ вамъ, отчего не былъ посланъ „Иванъ Грозный" на Вѣнскую выставку? Кажется, я все передалъ вамъ, даже лишнія подробности. Вы не сердитесь за это? Но вѣдь вы дядюшка, слѣдовательно обо всемъ я долженъ писать вамъ. Пожалуйста, пишите какъ можно побольше и почаще.

67. Къ нему же.

Римъ, 11 (23) мая 1873 г.

Вчера я получилъ ваше письмо, а какъ долго я ждалъ его! Или, можетъ быть, это только показалось мнѣ такъ долго! Вчера же мы отправили къ Рѣпину письмо въ Вѣну, poste restante, не знаю, дойдетъ-ли оно? Я и Адріанъ Праховъ убѣдительно просимъ его, чтобы онъ оставилъ Вѣну какъ можно скорѣе и пріѣхалъ бы къ намъ отдыхать, потому что мы теперь поселяемся около Рима (на лѣто). Навѣрное, вамъ извѣстно мѣсто Frascati; тамъ-то, по всей вѣроятности, мы поселимся, а Илья тамъ найдетъ все, что только необходимо для его здоровья. И потомъ только мы поѣдемъ въ Вѣну и т. д. По-моему, это будетъ лучше всего для него, такъ какъ онъ теперь нуждается, раньше всего, въ отдыхѣ, здоровомъ воздухѣ и свѣжей пищѣ. Пожалуйста, сообщите мнѣ адресъ его, навѣрное вы условились съ нимъ насчетъ этого. Да притомъ я прошу написать къ нему и посовѣтовать, чтобъ онъ какъ можно скорѣе пріѣхалъ къ намъ, конечно, если вы одобряете наше предложеніе.

Уже вторая недѣля (если не больше), какъ я отправилъ бюстъ „Петра" къ барону Горацію Осиповичу. Что, не получили его еще? Комиссіонеръ взялся предоставить его въ 15 дней. Сообщите, какъ онъ вамъ и другимъ тамъ нравится? Я могу только сообщить, что онъ вышелъ очень удаченъ, даже очень, очень!

Больше 2-хъ недѣль, какъ я уже написалъ мое посланіе къ барону Горацію Осиповичу, и съ нетерпѣніемъ жду отвѣта, а между тѣмъ его еще не послѣдовало. Подожду, что сегодня и завтра будетъ, и если не получу, то навѣрное вы получите телеграмму, чтобы вы потрудились узнать: отвѣчалъ-ли онъ на мое письмо?

Работа у меня вдругъ закапризничала, да не менѣе того и я самъ сталъ капризенъ. Все время какъ-то нездоровится, такъ что я часто долженъ оставаться дома, чего терпѣть не могу. Деньги уже

давно кончились, и теперь просто я не знаю, откуда ихъ и брать. Если баронъ Горацій Осиповичъ не вышлетъ (а этого не знаю еще, такъ какъ я просилъ теперь дать мнѣ въ долгъ, впередъ, потому что за бюстъ я еще передъ моимъ отъѣздомъ назначилъ цѣну, и считаю, что теперь совершенно не много приходится мнѣ получить), то право придется вспомнить старое время. Хорошо, что есть запасъ привычки и терпѣнія на черный день: и то хорошо!

Кажется, я уже просилъ васъ выслать мнѣ вашъ бюстъ [1]), я хочу исполнить его изъ мрамора. Вы увидите, что онъ выйдетъ хорошо. Я знаю, что вы не любите мрамора, но во всякомъ случаѣ онъ будетъ во сто милліоновъ разъ лучше, чѣмъ такой отвратительнѣйшій матеріалъ, какъ гипсъ.

Новостей у насъ нѣтъ никакихъ. Ужасно хотѣлось бы какъ можно скорѣе повидаться съ вами, вмѣстѣ съ Рѣпинымъ. Что, вы не видитесь съ моимъ Эліасомъ? Онъ не посѣщаетъ васъ? А между тѣмъ, онъ теперь совершенно, какъ одинокая овца въ полѣ. Пожалуйста, иногда позовите его и разспросите, что и какъ онъ поживаетъ и т. д. . . . .

Навѣрное вамъ теперь скучновато безъ Рѣпина, но мы всѣ должны утѣшаться тѣмъ, что скоро опять сойдемся на славу.

Что за причина, что высшее начальство такъ заупрямилось и не хочетъ послать „Ивана“ въ Вѣну? Право трудно придумать причину, но я предполагаю только сплетни.

Три дня тому назадъ я написалъ къ вамъ это письмо, но такъ какъ оно было очень мало интересно, то я и не торопился отсылать его. Притомъ я хотѣлъ сообщить вамъ, что вчера получилъ отъ Рѣпина письмо. Онъ остановился въ Вильнѣ на денекъ и оттуда и пишетъ. Ужасно, какъ ему нравится Вильно. Онъ проситъ нашего совѣта насчетъ маршрута. Я уже сообщилъ вамъ, что мой совѣтъ тотъ, чтобы онъ пріѣхалъ къ намъ отдыхать. И въ этомъ смыслѣ мы телеграфировали ему въ Вѣну, poste restante, какъ онъ и назначилъ. Ужасъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду его!!

У меня никакой особенной новости не произошло—все старое. Теперь всѣ знакомые мои разъѣзжаются, да, можетъ быть, это и къ лучшему, потому что я не могу сосредоточиваться для работы,—все мѣшаютъ и все не во время. Правда, хотя все люди превосходные, но не всѣ трудящіеся и единомыслящіе. Карманъ мой все еще продолжаетъ рваться, такъ что почти уже нѣтъ возможности заштопать его, а это тоже не мало мѣшаетъ мнѣ.

Къ барону Горацію Осиповичу я послалъ письмо 7-го мая, гдѣ просилъ 2000 руб. взаймы, изъ которыхъ 400 слѣдуютъ мнѣ еще за голову „Петра“. Къ сожалѣнію, теперь уже 26 мая, а отвѣта никакого до сихъ поръ, а кажется, что пора бы? Ко всему этому, я какъ-то ча-

---

[1]) Гипсовый.

стенько хвораю. Говорятъ, что печень у меня гуляетъ, но я не хочу останавливаться, пока не окончу „Христа“.

Вашъ Маркъ, который очень крѣпко обнимаетъ васъ и цѣлуетъ.

68. Къ нему же.

Римъ, 28 мая 1873 г.

Навѣрное бюстъ „Петра I“ уже прибылъ въ Петербургъ. Узнайте это и передайте мнѣ, если надо, то по телеграфу. Чортъ знаетъ, какъ все не ладится у меня теперь. Надо полагать, что это передъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, увидимъ!!

Отъ Рѣпина мы еще не получили отвѣта на телеграмму и ждемъ съ нетерпѣніемъ.

Новостей у меня никакихъ. Сегодня я—на крестинахъ у Праховыхъ: она сына родила. Я жду того же самаго въ скоромъ времени.

Какъ же вы поживаете? Пожалуйста, пишите, да не скучайте. Надѣюсь, скоро увидимся?

Я пишу не у себя дома, да притомъ же около меня кричатъ, шумятъ, такъ что не могу продолжать.

Скоро (если время позволитъ) опять напишу.

69. Къ нему же.

Римъ, (18) 30 мая 1873 г.

Спѣшу сообщить вамъ, что Савва Ивановичъ Мамонтовъ открылъ мнѣ кредитъ въ 2000 руб. для окончанія начатыхъ работъ. Какъ вы видите, кризисъ миновалъ, да иначе и быть не могло. Теперь, дорогой мой дядя, можете успокоиться насчетъ этого. Я представляю себѣ, какъ вамъ непріятно было слушать, что житейскія мелочи такъ заѣдаютъ меня. Но врядъ ли есть человѣкъ, у котораго все шло бы какъ по маслу. Могу увѣрить васъ, дорогой, что подобные мелкіе бугорки составляютъ прелесть. Помилуйте, вѣдь мы бы не могли наслаждаться добромъ, если бы не существовало контраста! Ей-ей, это такъ!

Сегодня я иду къ доктору Боткину, онъ теперь здѣсь, и я пользуюсь его пребываніемъ, чтобы разспросить, что или какой бѣсъ сидитъ во мнѣ?

А отъ Ильи все отвѣта нѣтъ. Новостей нѣтъ никакихъ. Работа закапризилась,—не могу сладить съ драпировкой, но добьюсь, что побѣжду!

70. Къ нему же.

Римъ, (24 мая) 5 іюня 1873 г.

Представляю себѣ, какъ я надоѣлъ вамъ своими мелочами. Но надѣюсь, что теперь все кончено.

По вашему послѣднему письму я вижу, что жестоко ошибался, думая, что Горацій Осип. Гинцбургъ перемѣнился ко мнѣ. Ужасно досадую на самого себя за подобную произвольность. Но теперь ничего

не подѣлаешь,—согрѣшилъ, и лучше всего молчать да стараться искупить грѣхъ свой. Если я очень досадую на себя, за то я радъ за Г. О. Г., что въ немъ я опять вижу того самаго человѣка, добраго, любящаго человѣчество, какимъ онъ прежде всегда былъ. Но теперь не знаю, какъ распутать все это. Дѣло въ томъ, что когда я получилъ письмо отъ конторы Гинцбурга, у меня былъ С. И. Мамонтовъ, который всегда приставалъ ко мнѣ, не нужно ли мнѣ денегъ. Тутъ-то онъ поймалъ меня, и безъ разговоровъ взялся дать мнѣ, сколько мнѣ угодно. Теперь я и не знаю, кому отказать. Но все-таки думаю отказаться отъ предложенія С. И. Мамонтова, потому что онъ, какъ другъ, не обидится, да притомъ же онъ простъ и добръ, какъ и подобаетъ быть артисту и человѣку вообще.

Теперь я продолжаю приставать къ вамъ все насчетъ вашего бюста. Если вы говорите, что изъ мрамора дорого, то по крайней мѣрѣ для меня нисколько. И если бы даже и дорого, то все-таки стоитъ, потому что тогда я буду имѣть вашъ бюстъ, да еще моей работы, у себя дома. Такимъ образомъ, вы не можете отказать мнѣ въ гипсовомъ экземплярѣ.

По моему, Рѣпинъ очень неправъ былъ, желая раскрасить вашъ бюстъ такъ, какъ живописцы пишутъ [1]). Напрасно говоритъ онъ, что для раскраски скульптуры нужно гораздо болѣе времени и таланта, чѣмъ для обыкновеннаго портрета масляными красками. Я думаю еще иначе: будь тутъ хоть самъ богъ искусства,—все-таки онъ не сдѣлаетъ того, что невозможно сдѣлать. Раскрасить скульптуру, какъ Рѣпинъ желалъ, есть просто дѣло недостижимое въ художественномъ смыслѣ. Никогда невозможно передать ту легкость, ту прозрачность тѣла, съ его цѣльными рефлективными оттѣнками. Да притомъ же онъ попробовалъ исполнить эту задачу на гипсѣ! Чтобы сдѣлать подобный опытъ, необходимо производить его ни на чемъ другомъ, какъ на мраморѣ; притомъ же надо не раскрашивать, какъ Рѣпинъ желаетъ, а только дать тонъ. Таково мое мнѣніе. И, наконецъ, чтобы порадовать васъ, скажу, что такъ я сдѣлаю моего „Мудраго“ или „Великаго Исаію“. Что, дядя, а вѣдь желаніе ваше осуществится?! Увидимъ и тогда будемъ торжествовать!

Я былъ бы очень радъ, если бы возможно было поставить „Петра“ не въ Академіи, и если можно, то поскорѣе.

Я бы просилъ не выставлять вашъ бюстъ на выставкѣ. Погодимъ, не все сразу: я хочу остаться вѣренъ своему обѣщанію.

Скоро будетъ готовъ бюстъ „Ивана Грознаго“ изъ мрамора. Куда

---

1) Въ апрѣлѣ 1873 г., незадолго до своего отъѣзда за границу, Рѣпинъ написалъ портретъ В. Стасова масляными красками, грудной. Во время этихъ сеансовъ, В. Стасовъ нѣсколько разъ заводилъ рѣчь о томъ, какъ бы ему сильно хотѣлось, чтобы въ его портретѣ участвовала работа заразъ и Антокольскаго и Рѣпина, и указывалъ на полихромныя работы греческихъ и средневѣковыхъ художниковъ. Вслѣдствіе его просьбы, Рѣпинъ сдѣлалъ попытку раскрасить масляными красками гипсовый бюстъ В. Стасова, работы Антокольскаго. Но эта попытка мало удалась, и Рѣпинъ оставилъ раскраску бюста раньше, чѣмъ на полдорогѣ.

послать его для продажи, право не знаю. Но все-таки мнѣ кажется, что въ Москву.

Превосходно конченъ маленькій „Иванъ Грозный“ изъ воска, и все-таки я хотѣлъ-бы дать отлить его изъ серебра, для того, чтобы потомъ аккуратнѣе перечеканить его, то есть, его кресло, Но ужасно дорого хотятъ за это—1000 рублей!!! Боюсь, какъ бы онъ потомъ не остался у меня на рукахъ.

Я здравствую, только ужасно жарко здѣсь становится, такъ что дышится тяжело, а выѣхать нѣтъ возможности, потому что я долженъ кончить „Христа“, иначе онъ разсыплется; да притомъ же Елена не желаетъ уѣхать изъ Рима раньше, чѣмъ не пройдетъ ея трудное время.

71. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, 6 іюня 1873 г.

Между прочимъ! Есть минуты, когда душа свободна, когда на душѣ всплываютъ ея собственныя мечты и наслажденья; когда душа тиха и спокойна, какъ чистый прудъ въ лунную ночь, когда въ немъ отражается и небо съ блѣднѣющими звѣздами, и неподвижная луна, окруженная облачками съ серебристыми краями,—и несутся они быстро и легко—куда? Туда, гдѣ Творецъ, поэтъ и мечты... Что сказать вамъ въ подобныя минуты? Есть въ жизни вещи, которыя невозможно передать словами, ихъ можно только чувствовать; а между тѣмъ у меня есть сильная потребность передать ихъ, но какъ? Нѣтъ, другъ мой, отъ этого я рѣшительно отказываюсь, чтобы не исковеркать свое чувство.

Скажу только, что въ эти минуты точно нѣжный вѣтерокъ послѣ зноя поднимаетъ тебя на невидимыхъ крыльяхъ и несетъ тебя плавно, высоко, высоко—туда, гдѣ не слышны стоны человѣческихъ страданій, гдѣ воздухъ чистъ и не загрязненъ человѣческою грязью, откуда виденъ весь міръ въ одномъ цѣломъ, гдѣ гармонія и добро заглушаютъ все остальное...

Восторгъ, смѣхъ, радость сливаются со слезами; чувствуешь себя въ своей святынѣ, гдѣ раздается чудный неземной гимнъ: „Всѣ мы равны...“ И невольно восклицаешь: „Я жить хочу, а не умереть, жить для того, чтобы разсказать про чудеса Творца...“ И вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко...

„Но правда-ли это?“ вдругъ раздается голосъ разсудка, и при этомъ точно лодка, натолкнувшаяся среди волнъ на подводные камни, опрокидываетъ меня! Падаешь стремглавъ головой ко дну, падаешь среди житейскихъ волнъ, все быстрѣе и тяжелѣе, и бацъ—въ грязь!!

Странно, какой разладъ между чувствомъ и сознаніемъ — одно стремится въ чистый воздухъ, высоко надъ человѣческой суетой, гдѣ она еще не успѣла свить свои хитрыя гнѣзда; а другое злобно удерживаетъ тебя и точно металлическимъ звономъ звучитъ тебѣ въ ухо: „Ты сынъ природы, ты нашъ, а если ты не хочешь страдать нашими страданіями, если ты уходишь отъ насъ для себя — то будь-же про-

клять отъ всего человѣчества, потому что ты не человѣкъ, ты внѣ борьбы...“

Когда думаешь объ этомъ, то невольно вздрагиваешь,—во мнѣ именно больше, чѣмъ у другихъ, существуетъ такой разладъ; а между тѣмъ я убѣжденъ, я вѣрю чистою вѣрою, что только одни чистыя чувства достигаютъ чистой поэзіи и обратно дѣйствуютъ на чувство. Невесело становится мнѣ при такихъ размышленіяхъ; боюсь, что душа уходитъ, что я зачерствѣю раньше времени; боюсь, какъ бы окончательно не засохнуть... Не удивляйтесь мнѣ, мой другъ, подобныя размышленія не въ первый разъ лѣзутъ мнѣ въ голову. Часто я стараюсь разбирать себя, какъ нищій свои гроши, собранные за цѣлый день. Но, увы! вижу, что я пряталъ свое чувство, какъ скряга свое золото; я его давилъ именно тогда, когда оно болѣе, чѣмъ когда-либо, рвалось на свободу... У меня юности не было...

Но отчего? Воспитаніе и житейскія невзгоды, разсудокъ и желудокъ—вотъ кто мѣшалъ! Я никогда не могъ идти прямой дорогой, она была слишкомъ терниста; я вынужденъ былъ сгибаться чуть-ли не въ кольцо и тихо, какъ змѣй, ползать зигзагами. Больно было переносить это душѣ, и оттого она теперь чахнетъ и блѣднѣетъ... Нѣтъ, не хочу вспоминать прошедшаго!! Къ чему? Дай Богъ, чтобы никто подобнаго не зналъ, да притомъ мнѣ самому надоѣло постоянно говорить о себѣ пискливымъ и плаксивымъ тономъ. Что, не оправдываться-ли я вздумалъ?! О, мелочь!

Мой другъ, еще разъ прошу васъ не удивляться моимъ строкамъ. Смотрите на нихъ, какъ на бредъ художника среди бѣлаго дня, какъ на бредъ среди тяжелаго сна. Когда одиноко сидишь съ закрытыми глазами, мысли и мечты, какъ легкія волны, всплываютъ и отплываютъ, въ нихъ ничего особеннаго не замѣчаешь, ты противъ нихъ и не борешься, а онѣ, подобно волнамъ, сотнями, тысячами все продолжаютъ омывать песчаные берега.

Еще два слова. Отъ всей глубины души желаю всѣмъ, у кого только есть или осталась хоть искра чувства любви ко всему лучшему, не заглушать ее, хранить, дать ей свободу, пустить въ чистое поле, въ ту атмосферу, гдѣ душа быстрѣе и ровнѣе можетъ развиваться. Она въ жизни, какъ роса, питающая землю, какъ заря, разливающая свой свѣтъ, и тихо, безмятежно будитъ она: „Проснись, жизнь, пора!“ Да здравствуетъ лучшая будущность! да здравствуетъ жизнь, полная надеждъ и любви!!

72. Къ нему же.

Римъ, 8 (20) іюня 1872 г.

Давно желаю писать вамъ, но, къ сожалѣнію, все до сихъ поръ не могъ собраться, по той причинѣ, что теперь вообще въ головѣ у меня ужасный безпорядокъ, благодаря разнымъ мелочамъ, которыя для нашего брата вреднѣе, чѣмъ какая-нибудь серьезная буря. Настало время, когда слѣдовало-бы уѣхать изъ Рима, хоть не надолго, потому что здѣсь начались жары. Пришлось отыскивать новую квартиру,

старую передавать, и все это не ладилось, да притомъ, когда я сталъ совѣтоваться съ докторами, то они сказали, что лучше было-бы не ѣздить Еленѣ раньше родовъ,—такимъ образомъ опять пришлось перестроиться и переиначить планъ.

Притомъ я условился съ докторомъ Боткинымъ сдѣлать бюстъ его. И такъ какъ онъ поселился на время въ Альбано (гдѣ и я думалъ поселиться), то я началъ тамъ бюстъ его,—и вдругъ оставаться въ Римѣ! Не желая измѣнять слову, и вмѣстѣ сдѣлать благое дѣло (по крайней мѣрѣ такъ я думаю), я сталъ продолжать ѣздить каждое утро въ Альбано и къ вечеру возвращаться домой больно уставшимъ. Съ бюстомъ я долженъ былъ торопиться по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что Боткинъ долженъ былъ скоро уѣхать, и во-вторыхъ, мнѣ некогда было медлить съ временемъ, такъ какъ на-дняхъ я жду прибавленія семейства. И такъ, бюстъ взятъ былъ штурмомъ и въ шесть дней онъ былъ готовъ. Семейство Боткина очень довольно, даже говорятъ, что ни на одной фотографіи онъ не былъ такъ похожъ и характеренъ, какъ на бюстѣ (такъ-ли?). Притомъ нужно прибавить, что на радость пріѣхалъ Илья [1]), и досадно было, что некогда было радоваться. Скоро мы воспользовались присутствіемъ доктора Боткина, который выслушалъ его, и къ нашей общей радости объявилъ, что у него ничего нѣтъ особеннаго, рѣшительно ничего, а это просто разгулъ нервовъ. Онъ, т.-е. Илья, чувствуетъ себя превосходно и скоро ѣдетъ въ окрестности Неаполя съ Праховымъ, чтобы купаться въ морѣ, а я останусь, покинутый всѣми.

Что касается моего „Христа", то я Его пока оставилъ совсѣмъ. Хочу раньше всего отдохнуть, да притомъ просто невозможно сосредоточиваться на чемъ-нибудь серьезномъ среди житейскихъ мелочей, которыя бьютъ меня по головѣ, точно маленькіе молоточки.

Маленькій „Иванъ Грозный" еще не скоро явится на свѣтъ, потому что я отдалъ отлить его изъ серебра, а главное перечеканить его. На это здѣсь есть одинъ превосходный артистъ, и эта работа возьметъ цѣлыхъ 4 мѣсяца; но думаю, что должно выйти что-то особенное. Да, стоитъ-же онъ мнѣ и времени, и денегъ!

Что у васъ хорошаго? Какъ вы поживаете безъ Рѣпина? Мы задумали пріѣхать въ Россію, чтобы тамъ дружно жить и работать. Но вотъ бѣда: Боткинъ совѣтуетъ мнѣ остаться еще въ Римѣ, а купаться въ морѣ запретилъ. Онъ говоритъ, что весь организмъ у меня въ порядкѣ, только катарръ въ легкихъ оставилъ еще слѣды свои. Надо пожить еще здѣсь. Я могу ѣхать, куда только мнѣ угодно, но все-таки въ Римѣ для меня лучше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Дѣлать нечего, надо потерпѣть еще немного.

О чемъ еще писать?

Навѣрное вы уже получили письмо отъ Рѣпина, гдѣ онъ навѣрное ругаетъ все, въ особенности Италію, за исключеніемъ, конечно, немногаго. Навѣрное онъ разсказалъ вамъ впечатлѣніе отъ моего

---

1) Рѣпинъ.

„Исаіи“? Но жалѣю, что онъ видѣлъ его въ такое время, когда ничего нельзя видѣть,—онъ теперь въ безпорядкѣ.

73. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, іюнь 1873 г.

И такъ, мой дорогой другъ Савва Ивановичъ, берусь писать вамъ. Вооружайтесь терпѣніемъ, потому что на этотъ разъ у меня есть особенная охота писать вамъ. Слушайте!

Послѣ вашего отъѣзда изъ Рима я сталъ еще нервнѣе. Дѣло въ томъ, что стоитъ разъ лишь потерять равновѣсіе, и потомъ съ каждымъ мгновеніемъ труднѣе становится возстановить его. Поэтому тяжесть все больше оказывается только на одной сторонѣ, и тутъ паденіе происходитъ быстрѣе. Нормальное и существующее въ природѣ есть равновѣсіе, и не существующимъ становится тогда, когда равновѣсіе нарушено. То-же самое случилось и со мной: сила и сознаніе ослабѣли, нервная чувствительность взяла верхъ, и оттого, чѣмъ больше слабѣла сила, тѣмъ ярче выступали мои противуположныя стороны. Но главное то, что въ подобное время старушка пріѣхала анализировать меня [1]). По ея словамъ, она хотѣла окончательно узнать меня, такъ какъ изъ Петербурга дошли сплетни и до нея, будто я совершенно перемѣнился (конечно, къ худшему), сталъ гордымъ, зазнавшимся и мелкимъ (замѣтьте, что и Стасовъ напалъ на меня, что я иду назадъ, что я становлюсь ординарнымъ и казеннымъ, и т. д. Это онъ писалъ мнѣ послѣ нашего свиданія въ Вѣнѣ, на всемірной выставкѣ). Но главная характерная черта петербургскихъ сплетенъ та, что въ одномъ художественномъ кружкѣ утверждали, будто я сдѣлалъ бюстъ Стасова, а онъ за то написалъ статью о „Петрѣ I“ (эта гнусная выдумка была даже напечатана). Всему этому я не придаю большого значенія. Хорошо знаю, что со мною происходитъ то-же, что и съ многими другими, которые хотятъ стать на первой ступени знанія. Тотчасъ находятся такіе люди, которые тащатъ его обратно въ грязь. Но когда въ моемъ домѣ передо мной находится субъектъ, который отчасти вѣритъ этому (хоть она и утверждала, что не вѣритъ, но все-же пріѣхала убѣдиться, правда ли все, что она слышала, и рѣшила: или стать со мной еще большимъ другомъ, или разойтись окончательно), значитъ вѣра въ меня рухнула и на смѣну ей явилось сомнѣніе. И тогда представьте себѣ такое положеніе, когда чувствуешь, что за тобой наблюдаютъ, что каждый твой поступокъ тотчасъ же обсуждаютъ, постоянно подвергаютъ тебя экзаменамъ. Несмотря на все мое желаніе отстранить все то, что подходило-бы къ аргументамъ противъ меня, все-таки, благодаря этимъ обстоятельствамъ, я поневолѣ подался.

Ну и выбрала-же она для этого время, главное послѣ того, что я тогда заболѣлъ второй разъ и раньше, чѣмъ я успѣлъ оправиться отъ перваго. Да притомъ способна ли она анализировать? У ней нѣтъ

---

[1]) Одна русская дама, вдова, близкая знакомая Антокольскаго.

логики! Между прочимъ замѣчу: неужто мои друзья думаютъ, что я все нуждаюсь въ опекунствѣ? Кто чистосердечно позволяетъ себѣ читать мнѣ нѣчто въ родѣ нотаціи, какъ это сдѣлалъ В. В. Стасовъ, кто пріѣзжаетъ осматривать меня, подъ предлогомъ, что желаетъ проэкзаменовать меня (какъ-будто это нынѣшней дамѣ было необходимо, точно она собирается писать объ этомъ трактатъ), кто говоритъ, что ему удастся удержать меня въ Римѣ, такъ какъ это для меня необходимо (какъ выразился Адріанъ Праховъ). Согласитесь сами, что все это просто непріятно. И они же сами, между тѣмъ, знаютъ, что я готовъ слушать всѣхъ вмѣстѣ, но никого въ отдѣльности, и всегда руковожусь лишь собственнымъ умомъ и разсудкомъ.

Послѣ одного вечера, когда я, по обыкновенію, былъ подверженъ подобному экзамену (чисто экзаменъ!), я въ концѣ-концовъ отвѣтилъ ей, чтобы она узнала (а, узнавши, оставила бы меня въ покоѣ), что я остался тѣмъ, чѣмъ былъ, не бросался изъ одной крайности въ другую, и стараюсь лишь разъяснить то, что совмѣщается во мнѣ, и если мы когда-либо не были согласны во многомъ, то теперь и подавно. Я прибавилъ, что въ свои дѣйствія вѣрю; вѣрю, что я правъ (иначе бы ихъ не дѣлалъ, что я притомъ гордъ, самолюбивъ — когда противъ меня есть напоръ.

„Ну, теперь я васъ знаю,—отвѣчала она.—Говорить, что я права—ужасно; вы дѣйствительно идете назадъ“.

Вотъ вамъ и логика!

Мнѣ все равно, что бы обо мнѣ ни говорили, какія бы мнѣнія обо мнѣ ни сложились, потому что я сознательно дѣйствую съ полнымъ желаніемъ добра человѣку. Я въ эти дѣйствія вѣрю, и я правъ.

Я такъ горячо заговорилъ о ней собственно потому, что она, по-моему, теперь ходячій типъ нашего времени.

Что прикажете дѣлать съ людьми, у которыхъ нѣтъ логики, которые не могутъ дѣлать выводовъ, потому что увлекаются цифрами? Они цѣпляются за факты безъ малѣйшаго анализа того, откуда эти факты вытекаютъ, и какимъ естественнымъ путемъ отстранить ихъ, если они не натуральны. Стоитъ только заговорить съ ними о движеніи человѣчества, какъ они непремѣнно поворачиваютъ на извѣстныя тенденціи. Они на словахъ готовы доказать, что все, создавшееся десятками тысячъ лѣтъ, они могутъ уничтожить, и на смѣну этого повести человѣчество къ блаженству. А кто этому не вѣритъ—смерть! Между тѣмъ, они не хотятъ знать того, что исторія человѣчества, такъ же, какъ и исторія природы вообще, имѣетъ свои законы, и только опираясь на эти законы, можно создать лучшее для жизни. Для этого не надо никакихъ партій, и этимъ партіямъ не надо давать никакихъ кличекъ, а просто стараться распространить среди людей знаніе, давать каждому человѣку возможность видѣть себя, понимать себя среди природы, чтобы самосознаніе вытекало изъ знанія. „Равенства нѣтъ“,—говорятъ ваши ходячіе типы, а все неравенство они видятъ въ неравномъ раздѣленіи богатствъ между капиталомъ и трудомъ. Было-бы простительно говорить это англичанамъ о своей

націи, гдѣ капиталъ дѣйствительно гнететъ всю жизнь ихъ, и онъ такъ крѣпокъ, что менѣе, чѣмъ десятая часть давитъ остальныя девять десятыхъ (но и тамъ начинаютъ мало-по-малу выкарабкиваться изъ этого, и вовсе не посредствомъ раздѣленія капитала). Но это вамъ говоритъ русскій, у котораго еще ничего нѣтъ, задача котораго теперь лишь въ томъ, чтобы изучить хорошенько мѣстность, народъ, природу и предупреждать то, что можетъ впослѣдствіи мѣшать жизни. Къ сожалѣнію, у насъ есть сознаніе, но мы не хотимъ знанія. За то сколько разнокалиберныхъ мнѣній вы слышите! И какъ они вредятъ! Вы знаете простую формулу: гдѣ партіи, тамъ нѣтъ единства, а гдѣ нѣтъ единства, тамъ движеніе человѣчества задерживается; оно шатается направо, иногда назадъ, и изрѣдка случайно дѣлаетъ шагъ впередъ. Человѣкъ, принадлежащій къ какой бы то ни было партіи, не можетъ стать объективнымъ; онъ превращается въ фанатика, который со своеобразной логикой показываетъ, что только онъ правъ. Между тѣмъ истина только одна; она или существуетъ отдѣльно, цѣликомъ, или же находится у каждаго лишь въ извѣстной дозѣ.

Вотъ каковы наши всеобщіе благодѣтели, желающіе добра человѣчеству.

Одинъ говоритъ, что спасеніе состоитъ въ единствѣ и братствѣ; другой, что спасеніе — вѣра; третій, что намъ нечего спасаться и искать спасенія, потому что мы не въ опасности; четвертый утверждаетъ, что спасеніе нужно искать въ прошедшемъ; пятый убѣждаетъ, что спасеніе не наступитъ раньше, чѣмъ возможно будетъ весь міръ превратить такъ, какъ они желаютъ. Наконецъ шестой благодѣтель, за которымъ весь свѣтъ охотно тянется, проповѣдуетъ: живите, веселитесь, ибо завтрашній день не вашъ день. Все это другъ съ другомъ враждуетъ: кто искренно желаетъ добра и дѣлаетъ зло; кто ничего не желаетъ; кто искренно желаетъ добра, но только себѣ. Наконецъ, послѣдній благодѣтель беретъ верхъ, невѣжество торжествуетъ, а человѣчество страдаетъ!!

Если человѣкъ дйствительно желаетъ дѣлать добро, онъ раньше всего долженъ отказаться отъ всѣхъ партій; пусть перестанетъ быть патріотомъ, фанатикомъ, а главное героемъ. Пусть каждый дѣлаетъ, что можетъ, пусть каждый снесетъ только по камушку, и тогда можно будетъ создать храмъ добра.

Если человѣкъ сознаетъ, что теперь не все хорошо, что общество развивается ненормально, что одна масса народа падаетъ, а другая, благодаря паденію первой, подымается, тогда задача его—поставить въ жизнь больше хорошихъ людей; пусть онъ старается развивать у будущихъ дѣятелей болѣе цѣльный характеръ, т.-е. развивать умъ, чувство и силу, и тогда, если создадутся такіе люди, возстановится равновѣсіе, потому что честному человѣку невозможно дѣлать то, что не честно.

Однако вы устали, да, признаться, и я усталъ все писать объ одномъ и томъ же.

Послѣ моей болѣзни я радъ былъ куда-нибудь уѣхать. Былъ я

во Флоренціи, Пизѣ, Ливорно, и поѣхалъ обратно. И дѣйствительно, какъ вамъ извѣстно, я хорошо сдѣлалъ, потому что возвратился оттуда бодрымъ и свѣжимъ, и на все, что раньше такъ раздражало меня, сталъ потомъ смотрѣть какъ на мелочи, на которыя не стоитъ обращать вниманіе.

О Пизѣ и Флоренціи не стану писать, потому что, во-первыхъ, уже писалъ Стасову, а, во-вторыхъ, боюсь опять увлечься.

До завтра!

Сегодня некогда писать. Боюсь, что и завтра некогда будетъ, и такимъ образомъ пока шлю вамъ половину письма, скоро получите и вторую половину, и это хорошо: по крайней мѣрѣ у васъ будетъ антрактъ.

Бюстъ Гартмана выставленъ. Ей-ей, не бойтесь! Повторяю: въ немъ есть много хорошаго и много нехорошаго въ мелочахъ; но вамъ слѣдуетъ выступить, чтобы потомъ больше работать, а это необходимо еще. А впрочемъ, еще лучше было-бы выставить этотъ бюстъ изъ мрамора, такъ какъ въ гипсѣ скульптура всегда теряетъ. Да есть-ли тамъ у васъ еще экземпляръ? Что фотографія? Вы обѣщали прислать мнѣ фотографію съ Гартмана. Пока больше нечего писать. Ждите второго письма.

74. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 11 (23) іюня 1873 г.

Ужасно я радъ, что теперь есть свободное время, чтобы наконецъ побесѣдовать съ вами.

Не помню, писалъ ли я вамъ, что мелкія хлопоты чуть съ ногъ не сбили меня, но теперь все это прошло, и я вдоволь отдыхаю. Жаль только, что я долженъ оставаться въ Римѣ въ эти жары! Но всего разомъ достать нельзя.

Также не помню, писалъ ли я вамъ, что работаю бюстъ доктора Боткина. Этотъ бюстъ я взялъ штурмомъ и въ 6 дней кончилъ его. Говорятъ, что онъ удаченъ; даже семейство его говоритъ, что удачнѣе и быть не можетъ. Я же ничего не могу сказать объ этомъ, развѣ только то, что онъ далеко не оконченъ и это благодаря тому, что я торопился да и онъ торопился.

У меня явилась мысль сдѣлать бюсты всѣхъ замѣчательныхъ людей, которые у насъ есть на Руси. Первый у меня—Пироговъ. Онъ замѣчателенъ, какъ ученый и какъ человѣкъ. Онъ первый началъ говорить о равенствѣ евреевъ въ Россіи. Потомъ, я бы желалъ сдѣлать Тургенева и т. д. А право, я убѣжденъ, что подобные бюсты гораздо большее значеніе могутъ имѣть для потомства, чѣмъ разные памятники, которые ставятся у насъ на площадяхъ. Вѣдь всѣ они ложны и вычурны!

„Христа“ я пока оставилъ. Хочу отдыхать, да притомъ же, скоро, скоро я долженъ стать отцомъ семейства—вотъ это-то и задерживаетъ меня въ Римѣ.

Теперь начну съ самаго пріятнаго, а именно съ Рѣпина. Ужасно

онъ радуетъ меня тѣмъ, что очень перемѣнился къ лучшему! Ясность взгляда на искусство и на жизнь крѣпко у него связаны. Онъ не отклоняетъ ни одного изъ нихъ двухъ ни на шагъ. Его образъ мыслей ясенъ, его творчество вѣрно. Одно, въ чемъ только я не могу согласиться съ нимъ—это то, что отъ „реальнаго“ онъ часто доходитъ до „натуралистическаго, т.-е. „то только хорошо, что природа даетъ“.

Это такъ, но художественное произведеніе (если оно дѣйствительно художественное) гораздо выше, чѣмъ самая природа. Природа для художника есть только средство для того, чтобы создавать свой образъ посредствомъ творчества. Природа для художника есть то-же самое, что для живописца палитра, краски; онъ выбираетъ, подбираетъ краски, смѣшиваетъ ихъ, и все для того, чтобы получить на картинѣ желаемое имъ извѣстное впечатлѣніе и гармонію. Безъ сомнѣнія, художникъ долженъ стоять очень близко къ природѣ, чтобы вѣрнѣе получать отъ нея впечатлѣнія. Но когда впечатлѣніе получено, когда онъ хочетъ его передать, то онъ подчиняется природѣ только въ техническомъ отношеніи, и тогда только творчество выходитъ осмысленнымъ и грандіознымъ, выходитъ коротко, ясно и цѣльно, такъ цѣльно, что никакое этнографическое изображеніе не передастъ того, что у художника можетъ быть передано только въ одной фигурѣ.

Потомъ мнѣ кажется, что Рѣпинъ отдаетъ преимущество въ картинѣ содержанію. Я думаю немного иначе: въ картинѣ я желалъ бы видѣть прежде всего органическую цѣльность, какъ содержанія, такъ и исполненія. Уже одно то, что искусство исходитъ изъ души и должно дѣйствовать на душу точно такъ, какъ наука исходитъ изъ ума и дѣйствуетъ на умъ,—такимъ образомъ самое содержаніе по-моему должно быть художественнымъ, да притомъ и художественно исполнено. Впрочемъ, все это—только отрывки изъ тѣхъ разговоровъ, которые ведутся между Рѣпинымъ и Праховымъ; послѣдній—знатокъ искусства, но уже больно теоретикъ. Теперь они вмѣстѣ ѣдутъ въ окрестности Неаполя, чтобы купаться въ морѣ. Боткинъ завѣрялъ меня, что здоровье Рѣпина совершенно удовлетворительно и никакихъ опасностей нѣтъ у него, а было только простое разстройство нервовъ,—онъ здравствуетъ, и я радуюсь за него.

Какъ же вы-то поживаете, дорогой мой? Когда вы ѣдете въ Вѣну? Я хочу знать это, авось удастся мнѣ повидаться съ вами. Да притомъ напишите мнѣ, гдѣ вы остановитесь.

Вы знаете, что скоро мнѣ придется просить васъ выслать мнѣ эскизъ „Нападеніе инквизиціи“, потому что я все-таки думаю скоро взяться за исполненіе его. Я знаю, что вамъ будетъ жаль разставаться съ нимъ, но, съ другой стороны, вы навѣрное будете довольны, что я наконецъ возьмусь за него.

Писалъ ли я вамъ, что отдалъ маленькаго „Ивана Грознаго“ отливать изъ серебра? Онъ дорого обойдется, но за то ожидаю, что долженъ выйти особенно хорошо, такъ какъ всѣ детали будутъ исполнены отчетливо, до послѣднихъ подробностей.

Ужасъ какія жары настали! Вотъ сижу въ комнатѣ при закрытыхъ ставняхъ, а потъ льется градомъ. Крѣпко обнимаю и цѣлую.

75. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Римъ, іюнь 1873 г.

Въ Римѣ я долженъ переждать еще дней 15, если не больше, а потомъ я думаю уѣхать въ Вѣну на выставку. Здѣшніе художники ужасно недовольны раздачей медалей на Вѣнской выставкѣ. Представьте себѣ, что Monteverde за свою группу получилъ одинаковую медаль съ нѣкіимъ коммерсантомъ Lombardi, за четыре бюста, изображающіе четыре времени года, а какъ плохо они сдѣланы! Конечно, все это ничего, но на все это слѣдуетъ обратить вниманіе потому, что выставка есть не что иное, какъ барометръ общаго настроенія, и это говоритъ за тотъ грустный фактъ, что тупость царствуетъ надъ искусствомъ. Нужно замѣтить, что я видѣлся въ Римѣ раза два съ Боткинымъ, и такъ какъ и онъ и я думали пожить въ Albano, то я хотѣлъ воспользоваться этимъ времемемъ, чтобы сдѣлать его бюстъ; но я остался въ Римѣ, а онъ переѣхалъ, поэтому нужно было сдержать слово, и я началъ его бюстъ. Каждое утро я ѣздилъ въ Albano, а къ вечеру уставшій возвращался обратно, и въ 6 дней бюстъ былъ готовъ. „Христа“ я пока оставилъ. Рѣпинъ въ восторгѣ отъ моего „Христа“.

Право, не мало удивило меня ваше пророчество: вѣдь оно какъ нельзя вѣрнѣе. Вы совершенно правы, что съ появленіемъ маленькаго Антокольскаго мы стали какъ-то иначе думать о жизни. Теперь у меня есть самый вѣрнѣйшій другъ, которому передамъ всю свою душу; я надѣюсь, что онъ будетъ слѣдовать за правдой. Если бы вы знали, какіе разные планы строятся у меня для него, несмотря на то, что мнѣ вовсе некогда думать! Иногда мнѣ представляется наша будущая жизнь даже въ деталяхъ. Имя я далъ ему Левъ[1]) и этимъ я хотѣлъ выразить, что онъ будетъ бороться въ жизни, какъ левъ, противъ всѣхъ гадостей, которыя намъ даетъ жизнь, и, конечно, отъ души желаю ему всегда выйти побѣдителемъ. Я увѣренъ, что вы легко можете понять теперешнее мое настроеніе.

Онъ явился на свѣтъ больше ростомъ, чѣмъ знаменитый великанъ Николушка (Н. А. Праховъ), только головка маленькая (какъ настоящій Геркулесъ) и очень красивая, а главное — очень осмысленная. Елена сама кормитъ; все идетъ своимъ чередомъ, и даже, можно сказать, очень хорошо.

76. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 17 (29) іюня 1873 г.

Скажите, здоровы-ли вы, что я такъ долго не получаю отъ васъ писемъ? Вѣдь я уже пишу къ вамъ, кажется, третье письмо, а между тѣмъ ни одного вашего не читалъ еще. Здоровы-ли вы? Отчего вы не

---

[1]) Іегуда.

пишете о себѣ? Мы здравствуемъ. Рѣпинъ уѣхалъ съ Адріаномъ Праховымъ въ окрестности Неаполя, а мы остались здѣсь одни, терпѣть здѣшнія жары, которыя просто невыносимы.

Бюстъ Боткина давно готовъ. Рѣпинъ видѣлъ его, и онъ очень нравится ему. А больше не о чемъ говорить, такъ какъ теперь ничего не дѣлаю. Мы ждемъ со дня на день прибыли въ семействѣ и, благодаря только этому, принуждены оставаться въ Римѣ. Но какъ тяжело сидѣть безъ дѣла! Не могу,—уже опять хочется за работу, что навѣрное и сдѣлаю.

Какъ вы видите, хорошихъ новостей пока у меня нѣтъ, но надѣюсь за то потомъ, когда соберусь съ силами, что-нибудь создать. Главная цѣль письма моего та, чтобы разузнать причину вашего молчанія и оттого не удивляйтесь, что сегодня пишу вамъ такъ мало. Право, въ жаркіе дни ничего нельзя дѣлать, ни на чемъ нельзя сосредоточиваться, ни о чемъ думать, а только лежать въ комнатѣ при закрытыхъ ставняхъ и лежать на кушеткѣ, точно бульдогъ. Противно даже думать объ этомъ, когда человѣкъ можетъ дѣлаться подобнымъ...

И такъ, тороплюсь окончить письмо съ просьбою и съ надеждою получать отъ васъ, какъ можно больше писемъ, для того, чтобы съ удовольствіемъ читать и вмѣстѣ съ тѣмъ устранить отъ себя безцѣльную жизнь, которую я теперь веду, а все благодаря жарѣ.

Что слышно у васъ хорошаго? Что, не удалось еще перемѣстить моего „Петра“? Пожалуйста, оставьте настаивать, чтобы „Иванъ Грозный“ былъ посланъ на Вѣнскую выставку. Да-ну съ ними!! [1])

Когда вы думаете быть въ Вѣнѣ? Рѣпинъ не хочетъ еще разъ попадать въ Вѣну, потому что Вѣна съ выставкой не сдѣлала на него хорошаго впечатлѣнія,—онъ чуть-ли не ругаетъ выставку. Ничего не могу сказать объ этомъ, не потому, чтобы не вѣрилъ ему, а, думаю, потому, что въ 4 раза (онъ былъ на выставкѣ всего только 4 раза) невозможно даже ясно оріентироваться. На первомъ разѣ вы видите только всеобщій хаосъ. А, впрочемъ, увидимся, тогда поговоримъ.

И такъ, можетъ быть, до свиданья, а пока—пишите.

Черезъ нѣсколько дней будетъ готовъ бюстъ „Ивана Грознаго“. Куда послать его? Не знаю. Что вы скажете—въ Петербургъ, или въ Москву?

Я все ждалъ, да и не посылалъ этого письма. Все думалъ: авось сегодня, завтра получу письмо, но посылаю его сегодня, потому что ничего не получилъ.

77. Къ нему же.

Римъ, 3 (15) іюля 1873 г.

Послѣднее ваше письмо не совсѣмъ-то обрадовало меня. Дѣла идутъ не очень-то ладно. Очень непріятно будетъ, если вы не по-

---

[1]) В. В. Стасовъ явился въ это время къ графу Дм. Андр. Толстому, тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, и, какъ завѣдывавшаго русскимъ отдѣломъ Вѣнской выставки 1873 г., просилъ его велѣть послать на эту выставку статую «Ивана Грознаго»; графъ Толстой охотно исполнилъ эту просьбу, и статуя тотчасъ-же отправлена была въ Вѣну

ѣдете на Вѣнскую выставку. Но все-таки надѣюсь еще, что скоро мы тамъ увидимся. Не помню, говорилъ-ли я вамъ, что, благодаря здѣшней жарѣ, я схватилъ лихорадку съ ревматизмомъ. Хорошо, что не совсѣмъ чисто римская лихорадка, но все-таки я пролежалъ ровно недѣлю и потомъ принужденъ былъ уѣхать на нѣсколько дней въ Альбано, откуда возвратился совсѣмъ молодцомъ. Но все-таки скверно, когда сидишь въ ожидательномъ положеніи. Какъ-то и не работаешь и не отдыхаешь, а только жаришься среди здѣшней жары, которую переносить просто нѣтъ возможности. А уѣхать совсѣмъ изъ Рима нельзя, потому что доктора не совѣтуютъ—нужно переждать кризисъ. Крайне непріятно было мнѣ, когда я узналъ, что „Иванъ Грозный" будетъ посланъ на Вѣнскую выставку. Я считаю это просто насмѣшкой надъ нами. Я сейчасъ написалъ письмо къ Исѣеву. Разглагольствовать я не хотѣлъ, потому что просто жаль времени и бумаги, но все-таки я твердо настаиваю на томъ, чтобы этого не дѣлали. Вотъ вамъ копія съ этого письма, я переписываю его для того, чтобы именно вы знали содержаніе его:

„Многоуважаемый Петръ Федоровичъ! Узнавъ отъ моихъ друзей, что „Иванъ Грозный" будетъ посланъ на Вѣнскую выставку, я раньше всего позволю себѣ отъ души поблагодарить васъ за всѣ хлопоты. Но все-таки убѣдительно прошу васъ остановить эту посылку, потому что я не желаю явиться съ моими произведеніями на выставку передъ закрытыми дверями. И если статуя будетъ послана, то это будетъ для меня настолько-же непріятно, какъ и первоначальный отказъ".

Но вамъ скажу еще другое: если эта статуя будетъ послана, я рѣзко буду ругаться съ Исѣевымъ. Чортъ возьми ихъ всѣхъ! Давно пора открыто прервать съ ними какія-бы то ни было сношенія.

Что касается заказовъ отъ барона Г. О. Гинцбурга, то недавно я получилъ отъ него письмо, но объ этомъ ни слова. Да, признаться откровенно,—выборъ заказа не совсѣмъ мнѣ по душѣ, и врядъ-ли мнѣ удастся хорошо его исполнить. Коли онъ хочетъ пандамъ къ „Петру", то я думаю лучше было-бы сдѣлать „Софію", и ихъ обоихъ поставить другъ противъ друга. Вообще, я неохотно теперь сталъ-бы работать все царей да царевенъ. Гораздо пріятнѣе было бы мнѣ, еслибъ онъ заказалъ мнѣ бюстъ „Спинозы", или „Великаго Исаіи" и т. п. Странно, что здѣсь нѣкто Новицкій уже давно пристаетъ ко мнѣ, чтобы я исполнилъ заказъ для нѣкоего Дурново изъ Москвы — статую Екатерины II, но я все до сихъ поръ отнѣкивался (хвалю себя за это!), потому просто, что сюжетъ мнѣ не по душѣ.

Говорилъ-ли я вамъ, что мечтаю сдѣлать бюсты всѣхъ нашихъ русскихъ замѣчательныхъ людей? Для этого я хочу непремѣнно повидаться съ Тургеневымъ, съ Пироговымъ и т. п. Пожалуйста, напишите, гдѣ теперь Тургеневъ?

То ваше письмо, гдѣ было вложено и письмо отъ Гартмана, я получилъ и сейчасъ-же послалъ къ Рѣпину, чтобы увѣдомить его, что вы послали письмо въ Неаполь. Но, какъ я потомъ узналъ, онъ ходилъ на почту, но не получилъ письма. Думаю, что можетъ быть онъ

пошелъ слишкомъ рано: надо надѣяться, что авось теперь онъ уже получилъ его! Какъ я слышалъ, онъ очень ругаетъ Италію, однако это ему не мѣшаетъ быстро поправляться. Говорятъ, что онъ отлично поздоровѣлъ,—да и облѣнился, по крайней мѣрѣ насчетъ писемъ. Представьте себѣ, что до сихъ поръ я не получилъ отъ него ни слова.

Что это вздумалось Гартману писать, будто я хочу навсегда оставить Россію и остаться въ Италіи? Признаться откровенно: не утѣшительно мнѣ возвращаться обратно въ это болото. Я чувствую, что тамъ безъ дѣйствія трудно мнѣ будетъ усидѣть, а дѣйствовать—для этого еще не достаточно мои нервы окрѣпли. Но оставаться здѣсь—тоска! Смертельная тоска! Здѣсь просто чувствуешь, какъ застываешь умомъ и душой. Все, окружающее меня, чуждо для меня. Между ними я не нахожу своего интереса, своего языка и своего образа мыслей.

Возвращусь въ Россію непремѣнно! Но если и тамъ буду страдать, то оставлю и Россію, но никоимъ образомъ не возвращусь въ Италію.

Да вотъ я чуть не позабылъ сказать вамъ объ „Инквизиціи". Пожалуй, пока можно ее оставить, такъ какъ я думаю на будущее лѣто быть въ Россіи, и если вамъ такъ противенъ бѣлый мраморъ, то и бюстъ свой (гипсовый) оставьте у себя до моего возвращенія, и тогда посерьезнѣе поговоримъ объ этомъ.

Вы навѣрное знаете адресъ Гартмана: пожалуйста, дайте мнѣ его. Что, какъ поживаетъ Мусоргскій?

78. Къ нему же.

Римъ, 7 (19) іюля 1873 г.

Тороплюсь сказать вамъ, что у вашего племянника явился маленькій герой!! Вотъ какъ! Это случилось въ пятницу (18 іюня) ровно въ 12 часовъ дня [1]). Крѣпко жалѣю, что васъ здѣсь нѣтъ, иначе мнѣ здѣсь не съ кѣмъ радоваться. Могу увѣрить васъ, что, по всѣмъ признакамъ, сынъ мой долженъ быть непремѣнно героемъ. Онъ явился на свѣтъ уже большимъ, съ маленькою головкой и крѣпкими мышцами. Такъ что, только сдѣланная для него, оказалась мала, но она очень осмысленная. Надѣюсь, когда вы увидите, то онъ понравится вамъ.

Имя я далъ ему „Іегуда"—„Левъ". Желаю ему вѣчную борьбу противъ всѣхъ гадостей, которыя мѣшаютъ намъ честно жить. Пусть онъ борется храбро, какъ левъ, и пусть останется побѣдителемъ, какъ герой Іегуда временъ Маккавеевъ.

Надѣюсь, что, когда будемъ жить въ Питерѣ или въ Москвѣ, вы другъ друга полюбите. Елена цѣлуетъ васъ отъ души, а я также цѣлую васъ за будущаго вашего пріятеля.

Что, бишь, я еще хотѣлъ сказать вамъ?

---

[1]) Новорожденному было дано имя «Іегуда».

Все у насъ дома идетъ своимъ чередомъ и даже, можно сказать, очень хорошо.

Здѣсь, какъ я узналъ, тѣ художники, у которыхъ есть произведенія на Вѣнской выставкѣ, очень взбѣшены насчетъ распредѣленія медалей, потому что какъ разъ получили ихъ самые бездарные, даже торгаши. Изъ нихъ одинъ такую же получилъ медаль, какъ первый здѣшній художникъ, нѣкто Monteverde, за лучшія его произведенія! Представьте себѣ, что онъ сдѣлалъ и за что получилъ? За четыре бюста, изображающихъ „Четыре времени года", и какая мерзкая это работа! Именно работа, а не другое что, потому что стоитъ сходить въ его студію, чтобы вполнѣ убѣдиться, что онъ ничто иное, какъ дрянной работникъ.

Конечно, для меня всѣ эти медали, чины, звѣзды имѣютъ такую же важность, какъ мѣдныя пуговки, но выставка есть ничто иное, какъ совокупный барометръ общаго настроенія, и это даетъ грустное заключеніе,—кто теперь царствуетъ надъ искусствомъ!

Что слышно про вашу поѣздку? Пожалуйста, дайте мнѣ объ этомъ знать, авось увидимся! До свиданія!

79. Къ нему же.

Римъ, 11 (23) іюля 1873 г.

Что сказать вамъ, дорогой мой дядя! Вамъ легко понять, какъ я теперь терзаюсь среди жизненныхъ мелочей, при всемъ моемъ удовольствіи.

Теперь мы здѣсь рѣшительно одни, и обо всемъ я долженъ самъ хлопотать.

Ну, однако, объ этомъ и говорить не стоитъ. Надѣюсь, что все это скоро пройдетъ, и я опять войду въ свою колею. Теперь что-то особенно хочется поболтать съ вами, именно поболтать, потому что голова теперь больно пуста и мало способна на что-нибудь другое. Ужь больно надоѣло мнѣ возиться съ кухарками, бабками и нянъками; все это въ порядкѣ вещей, но все-таки отъ этого мнѣ не легче, все-таки мнѣ не съ кѣмъ поговорить. И оттого, Бога ради, извините меня, что я выбралъ именно васъ въ жертвы, чтобы слушать мою болтовню. Но о чемъ говорить?

Попробую пустить въ ходъ перо и дать свободно мысли распутываться.

Странное дѣло, неужели Рѣпинъ такъ скоро объитальянился, т.-е. такъ скоро облѣнился, что съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ изъ Рима, ничего не писалъ мнѣ? Если бы я зналъ, что онъ работаетъ, тогда, конечно, я нисколько бы не сталъ удивляться, но я хорошо знаю, что ничего онъ не дѣлаетъ, только поправляется, даже жирѣетъ... Но къ чему я это говорю? Вѣдь на каждое явленіе есть причина.

Я думаю, что вы, дорогой дядя, недовольны мною,—зачѣмъ я писалъ Исѣеву. Но согласитесь сами, что они (чортъ ихъ знаетъ кто тамъ) уже черезчуръ насмѣхаются надо мной.

Вы хорошо знаете, что у художниковъ творчество—это ихъ дѣти; они зарождаются у него, онъ носится съ идеей, мучится, потомъ созидаетъ, няньчится съ нею, страдаетъ, радуется. Наконецъ, твореніе его кончено, и художникъ отдаетъ его отъ себя, но отдаетъ какъ родители своихъ дѣтей: онъ отдаетъ твореніе свое вдаль отъ глазъ, но не отъ сердца своего. И всегда, какъ родители, онъ бдительно интересуется всѣмъ, что касается этихъ дѣтей, и очень больно бываетъ ему, когда кто вздумаетъ распоряжаться этими дѣтьми. Эхъ, горе тому, кто не знаетъ и не умѣетъ цѣнить подобнаго чувства. И никогда не чувствовать этого чиновнику Исѣеву!

Ну, да чортъ съ нимъ!!

Кажется, я уже разъ писалъ вамъ, что получилъ письмо отъ Гартмана. Да! припоминаю: кажется, вы именно переслали мнѣ его,—слѣдовательно вы о немъ знаете. И я думаю, что вы навѣрное одобрили его взглядъ? На это я могу еще разъ повторить, что въ глубинѣ души я совершенно согласенъ съ вами. Повѣрьте моей искренности, бываютъ многіе такіе часы, когда я чуть не боготворю Россію, но за то есть и горькія минуты, когда отъ души презираю ее! Гдѣ мое спокойствіе, здѣсь или тамъ—не знаю, это еще вопросъ. Но мнѣ кажется, что нигдѣ. Здѣсь я не спокоенъ, зачѣмъ я не среди васъ въ Россіи, зачѣмъ я долженъ оставаться непремѣнно въ чужой странѣ, которая совершенно чужда мнѣ, начиная съ мелочей и кончая всеобщими интересами. Эти люди не понимаютъ меня, и я совершенно лишній для нихъ. Но возвратиться назадъ въ Россію, признаться, я тоже не могу. Тутъ хотя я себя и чувствую среди эха отъ своихъ собственныхъ звуковъ, хотя только среди васъ, среди вашей жизни я чувствую себя живымъ,—но все-таки я впередъ уже знаю, что для всего этого у меня должны быть очень крѣпкіе нервы, чтобы не разливалась желчь. Признаюсь, ничто такъ скверно не дѣйствуетъ на меня, какъ грязь и мелочь. Я чувствую, что среди подобнаго хаоса я скоро сгорю. Я охотно согласился бы и на это, если бы зналъ, что это будетъ полезно для кого-бы то ни было. Но вотъ, изъ меня можетъ сдѣлаться художникъ болѣзненный, желчный,—значитъ и искусство мое совершенно будетъ такое же! Нѣтъ, этого я не могу допустить!! Искусство дороже всего для меня! Я хочу того же самаго, чего хочетъ отецъ: чтобы его дитя, а мое творчество, было здоровое, бодрое, полное поэзіи и души. А между тѣмъ, пріѣхавши въ Россію, боюсь сказать (да чего тутъ грѣхъ таить), мнѣ поневолѣ придется творить совершенно наоборотъ, потому что какъ бы художникъ ни стоялъ высоко съ своимъ сознаніемъ и со своимъ талантомъ, но разъ онъ и человѣкъ, онъ стоитъ съ открытою душою противъ жизни, онъ живо подчиняется ей; прошедшее, будущее и настоящее существуютъ для него, потому что нѣтъ будущаго безъ настоящаго!

Вотъ вамъ моя искренняя исповѣдь. Горько мнѣ сознаться, что я не могу и не хочу скоро возвратиться на родину, но столько же горько мнѣ коптѣть здѣсь. Вѣрно то, что цѣль моей жизни—Россія, но раньше всего я долженъ хорошенько укрѣпить себя.

Въ заключеніе, я могу повторить старыя, старыя мои слова: „Я оставляю тебя, потому что люблю тебя“.

Въ искусствѣ теперь здѣсь затишье. Да когда оно было здѣсь бурно? Хорошаго всегда здѣсь было мало, а дряни работается много, и она быстро расходится, слѣдовательно, на дрянь есть гораздо болѣе любителей и цѣнителей, чѣмъ на хорошія вещи. Ну, а больше право не о чемъ говорить.

Скажу еще, между прочимъ, что у меня явились двѣ новыхъ идеи. Одна—маленькая статуэтка „Заблудившаяся сиротка“. Маленькая дѣвочка стоитъ на перекрестной дорогѣ подъ столбомъ, у котораго торчатъ двѣ руки, показывающія направо и налѣво.

Другая идея это—„Король Лиръ“. Кажется, онъ еще никѣмъ не былъ трактованъ. О послѣднемъ я еще мало думалъ.

Знаете, что я бы просилъ васъ? Выписать для меня „С-Петербургскія Вѣдомости“ на полгода, отъ 1-го октября. Правда, теперь эта газета особенно вяла, но что-же есть лучше?

Вѣдь вездѣ читаешь одни и тѣ-же главныя извѣстія: сколько убійствъ, кто перепился и т. д., а потомъ читаешь оффиціальныя извѣстія: кто чинъ получилъ, кто въ отставку вышелъ, затѣмъ слѣдуетъ биржевая хроника и кончается объявленіями. А впрочемъ, есть много и другихъ извѣстій, но на тѣ-то я именно и жалуюсь.

Отчего вы такъ мало пишете? Или мнѣ только кажется, что мало? Какъ вы здравствуете? Пишите.

Ну, кажется, довольно, да мнѣ теперь и очень пора отдохнуть.

80. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Римъ, 27 іюня 1873 г.

Ужасно, какъ жжетъ здѣсь солнце, такъ что и мнѣ нѣтъ возможности ходить днемъ, а только по вечерамъ. Очень и очень обрадовало меня ваше предпріятіе насчетъ школы и лечебницы: эти обѣ вещи, по-моему, самыя разумныя, въ особенности школа, потому что только знаніе облегчаетъ жизнь. Конечно, и второе не менѣе важно въ жизни. Но такъ какъ я талмудистъ, то, хоть убейте, не могу замолчать; ужъ извините меня, если позволю себѣ сказать хоть слова два. Дѣло въ томъ, что лечебницы бываютъ двоякаго рода: первая служитъ для предупрежденія болѣзней, вторая, когда болѣзнь уже существуетъ и ее лечатъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы обратили больше вниманія на первое условіе, конечно насколько возможно. Потомъ, мнѣ кажется, было бы очень хорошо, если бы въ школѣ на стѣнахъ развѣсить разныя картины, и мѣняли-бы ихъ (помните нашъ разговоръ объ этомъ). По моему, слѣдуетъ еще обратить вниманіе на гимнастику. Бога ради извините, что я навязываю свое мнѣніе, но что прикажете дѣлать? Старый талмудистъ я, привычка болтать.

Затѣмъ остается пожелать вамъ полнаго успѣха въ вашихъ добрыхъ предпріятіяхъ; только одного не могу выбрать изъ двухъ: что вы

ЕВРЕЙ-ПОРТНОЙ.
С.-Петербургъ. 1874.

останетесь въ Абрамцевѣ [1]) и не пріѣдете въ Италію! А впрочемъ, главное: желаю вамъ всѣмъ здоровья и, конечно, полнаго выздоровленія Андрюши, и тогда благоразуміе должно взять верхъ. Надѣюсь, что на будущее лѣто я самъ явлюсь въ Абрамцево.

Боткинъ выслушалъ меня и объявилъ, что организмъ ничѣмъ не страдаетъ; только въ правой сторонѣ груди остался еще признакъ катарра (прежде катарръ въ легкихъ былъ у меня довольно сильный). Нужно во что-бы то ни стало выгнать и это. Морскія купанія онъ запретилъ мнѣ, а насчетъ перемѣны климата сказалъ: если я во Флоренціи достану хорошую мастерскую (а въ Римѣ это невозможно), тогда лучше ѣхать во Флоренцію; но если въ Римѣ возможно достать хорошую мастерскую, то, конечно, лучше оставаться въ Римѣ. Такимъ образомъ, будущую зиму я думаю нанять особую мастерскую, такъ какъ, лишь только окончу „Христа“, думаю взяться за маленькія работы, и тогда для меня совершенно будетъ достаточно Studio di pittore: это и лучше для меня, потому что подобныя студіи помѣщаются не внизу. Мы остались на той же квартирѣ, но передѣлали ее такъ, что узнать нельзя.

81. Къ В. В. Стасову.

Римъ, (19) 31 іюля 1873 г.

Мой дорогой и молчаливый дядя, право я уже опять начинаю безпокоиться, что вы такъ долго молчите, а мнѣ поневолѣ приходится подражать вамъ въ этомъ, потому что матеріала нѣтъ, о чемъ-бы поговорить. Вы хорошо знаете, что у каждаго человѣка есть своя мѣрка знанія, разговора, интересъ общества и, наконецъ, даже чувство: оно не горитъ, если не станете подливать ничего свѣжаго. И оттого не диво, когда человѣкъ, какъ я, забравшись чортъ знаетъ какъ далеко отъ васъ, мало-по-малу начинаетъ думать: о чемъ говорить? Да и не диво еще это, вѣдь вы молчите, и каждая нить разговора поневолѣ прерывается.

Что касается того, какъ здѣсь, то теперь пусто и мертво! О русскомъ художественномъ кружкѣ и говорить нечего,—для меня онъ не существуетъ, потому что просто не съ кѣмъ дружески говорить, а сплетничать я не хочу и не хочу давать имъ поводъ сплетничать. А говорить о себѣ, признаться, ужь больно надоѣло мнѣ. Скверно, когда человѣкъ всѣхъ пичкаетъ своимъ личнымъ „я“. Пора это бросить разъ навсегда, и раньше всего: пора перестать заниматься собой. Мой „я“ долженъ принадлежать другимъ, для нихъ я долженъ работать и думать. Только, къ сожалѣнію, до сихъ поръ—это не болѣе, какъ голыя слова безъ дѣйствія. Придетъ-ли когда-нибудь то счастливое время, когда со спокойною совѣстью, положа руку на сердце, я съумѣю сказать: „Я не эгоистъ, я работалъ и не даромъ грѣлся подъ лучами солнца“?

Что въ нашемъ мірѣ хорошаго? Я все думаю, что вы теперь

---

[1]) Село Абрамцево, близъ Москвы, принадлежащее Мамонтовымъ.

очень заняты, и радъ былъ бы, если бы ваше занятіе было ученое, а не домашнее. Что Мусоргскій? Что искусство? Дремлетъ, выжидаетъ или борется? (Скверно, что приходится надѣлять искусство такимъ значеніемъ,—но у насъ всѣ воюютъ). Вы ничего не говорите объ этомъ, а между тѣмъ я очень и очень интересуюсь. Да что я все спрашиваю? Вѣдь вы молчите? Я тоже теперь все былъ занятъ домашними дѣлами.

Скажу вамъ: очень пріятно имѣть своего собственнаго героя. На него я возлагаю надежду, что онъ выполнитъ то, чего я не съумѣю довершить. Но идеалъ мой, который хочу воспитать въ немъ,—это то, чтобы онъ съ сознаніемъ обладалъ знаніями, чтобы любилъ дѣло правды и человѣчества, вообще, безъ различія. Рѣпина я разъ выругалъ, послѣ чего я получилъ коротенькое письмо, и то по поводу нашего новорожденнаго. Какъ я узналъ, онъ очень поправился, даже потолстѣлъ, восхищается, но и скучаетъ. И это не диво!

Работа идетъ у меня теперь медленно, и новостей никакихъ. Вчера у насъ былъ пиръ. На этомъ пиру участвовали: я, моя благовѣрная жена, еще одна старушка; это было по тому поводу, что Елена встала съ постели. Говорили о васъ и очень жалѣли, что вы не участвуете съ нами. Будемъ-же надѣяться, что придетъ опять время, когда встрѣтимся на общую радость, и тогда пиръ обновится, только съ большимъ блескомъ.

Пожалуйста, отдайте мой поклонъ: Мусоргскому, вашему брату съ женою, да и Софіи.

Больше не о чемъ писать, теперь я хочу читать, жаль, что нѣтъ письма.

82. Къ нему же.

Римъ, получ. въ Вѣнѣ 12 (24) авг. 1873 г.

Мой дорогой, золотой, милый дядя, не могу выразить вамъ, какъ обрадовали вы меня вашимъ письмомъ! Я думалъ и передумалъ Богъ знаетъ что! Ну, слава Богу, что я читаю ваши строки, и что вы въ Вѣнѣ. Ура! увидимся!

Стремлюсь къ вамъ непремѣнно. Не хочу упустить случай, когда есть возможность обнять васъ.

А какъ Елена обрадовалась вашему письму! Сейчасъ напишу и къ Рѣпину, скажу, что вы здравствуете, чего больше? Некогда писать. Хочу мечтать о будущемъ, когда мы встрѣтимся.

83. Къ нему же.

Римъ, 30 сент. 1873 г.

Сегодня я и Рѣпинъ—мы получили ваши письма. Какъ видите, пишу вамъ отвѣтъ, который между прочимъ я здѣсь помѣщаю въ его конвертѣ. Я не послалъ его раньше, право самъ не знаю почему. Изъ этого отвѣта вы увидите, что ваше письмо болѣе поразило, чѣмъ разсердило меня (какъ вы предполагаете во второмъ письмѣ). Оно и не

могло разсердить меня, потому что вытекаетъ прямо изъ сердца, и мнѣ остается только радоваться и отъ души благодарить за вашу откровенность. Но меня поразило то, что именно *вы* составили себѣ обо мнѣ такое понятіе, между тѣмъ какъ мы еще не успѣли хорошенько обмѣняться мыслями (я говорю о томъ короткомъ времени, когда мы были вмѣстѣ въ Вѣнѣ). Но вы говорите, что вначалѣ вамъ показалось, что между вами и мною начинается расколъ, который рано или поздно долженъ привести къ нашей разлукѣ. Потомъ вы съ ужасомъ убѣдились, что я иду назадъ, и когда остались одни послѣ моего отъѣзда, то, сводя счеты изъ всего слышаннаго, вы съ досадою и яростью должны были признаться самому себѣ, что „проклятая Италія возымѣла свое дѣйствіе „засасыванія" и „опошленія" и т. д.

Вѣрьте мнѣ, что я тысячу, тысячу разъ осыпалъ-бы васъ благодарностью, если бы ваша откровенность и искренность открыли мнѣ, хоть въ чемъ-нибудь, что я двигаюсь ошибочно. Но, увы! я теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, не признаю за собой подобнаго недостатка. Между прочимъ мнѣ надо сказать, что я упрямъ, но при этомъ не слѣпъ, и можетъ быть эти два качества не сбили меня съ дороги, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, и впередъ я хочу остаться вѣрнымъ самому себѣ. Что касается вашего убѣжденія въ отношеніи меня, то мнѣ остается только сожалѣть и дожидаться, что время скажетъ. А знаете, я даже не хотѣлъ-бы восторжествовать, потому что я все еще слишкомъ люблю васъ, а торжествовать я хочу только надъ врагами. . . . .

Еще нѣсколько словъ, которыя считаю долгомъ высказать. Въ вашемъ письмѣ вы говорите между прочимъ: „Можно любить лишь очень немногое,—все остальное требуетъ настоятельно нашей ненависти, нашего презрѣнія, нашей рѣшительной непріязни вообще". Нѣтъ, сто разъ нѣтъ! Я совершенно другого убѣжденія: любить нужно многое, и лишь немногое мы должны презирать. Мы должны стремиться любить какъ собственную, такъ и чужую жизнь. Наши стремленія, наши надежды, наши желанія—однимъ словомъ, всѣ мы должны стремиться достигать этого. Мы первые должны сознательно и разумно любить, и лишь съ любовью улучшать все то, что въ жизни есть сквернаго. Если бы у меня не было надежды на будущее, если бы я зналъ, что мой трудъ, весь я—не принесемъ улучшенія въ будущее, то я самъ-бы подъ собой вырылъ яму, ибо такъ жить или смотрѣть, какъ живутъ другіе—это просто позоръ для человѣчества!

Теперь перехожу къ самому главному. Ваша новая мысль, чтобы связать въ одно цѣлое еврейское искусство, ужасно хороша! Эта мысль оригинальна и смѣла, да притомъ осуществима. Но вотъ дѣло въ чемъ. Вы сами говорите, что Гоголь оттого силенъ, что онъ не разсыпался, а создалъ все то, что ближе лежало къ его сердцу. Я совершенно всегда былъ и остался того-же убѣжденія, ибо иначе у меня не явились-бы такія идеи, какъ: „Споръ о Талмудѣ", „Нападеніе инквизиціи на евреевъ", „Подпись декрета объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи", гдѣ являются Фердинандъ, Изабелла II, Донъ-Гуанъ Барбенелло и

инквизиторъ Тарквемада, потомъ „Спиноза“ и, наконецъ, самъ „Христосъ“. Вы спросите: отчего я все это не исполняю? Но тотъ фактъ несомнѣненъ, что явились у меня эти идеи, слѣдовательно тутъ обошлось не безъ продолжительныхъ думъ. Но главное то, что я постоянно думаю также и о России вообще.

Не знаю, кажется, вамъ извѣстны мои планы будущности: повторю ихъ еще разъ вкратцѣ. Я не переставалъ думать и обдумывать, какъ ввести художественный элементъ въ воспитаніе народа, именно въ Россіи; мнѣ кажется, что средство для этого у меня удачно обдумано. Оно можетъ достигнуть успѣха безъ особенныхъ трудовъ (объ этомъ я поговорю подробно въ другой разъ).

Но теперь прибавлю только, что эта идея составляетъ важный предметъ въ моей жизни. Я не умолкну, и буду хлопотать объ этомъ, пока буду живъ. Но когда первый шагъ будетъ сдѣланъ, я пойду дальше, а именно: стану работать надъ тѣмъ, чтобы поднять уровень художественности у евреевъ. А знаете, я думаю исключительно только о русскихъ, а также и о русскихъ евреяхъ, потому только, что, во-первыхъ, главная масса евреевъ находится именно въ Россіи, во-вторыхъ, никто такъ не нуждается въ воспитаніи вообще, какъ русскій еврей, и, наконецъ, что на Русь и на русскихъ евреевъ—у меня главныя надежды. Къ этому надо прибавить, что въ Россіи я нахожусь у себя дома: тутъ мой языкъ, мое сердце, и тутъ только мы другъ другу можемъ помогать. Вотъ что главнымъ образомъ меня теперь занимаетъ. Но, чтобы не упустить одного, не слѣдуетъ гнаться за двумя.

Пожалуйста, если можно, вышлите мнѣ еще одинъ нумеръ газеты, гдѣ помѣщена ваша статья [1]), потому что ту, которую вы прислали мнѣ, Рѣпинъ забралъ.

84. Къ нему же.

Римъ, 27 сент. (6 окт.) 1873 г.

Извините меня, ради Бога, что до сихъ поръ не писалъ вамъ. Дѣло въ томъ, что я хотѣлъ написать вамъ длинное письмо, касающееся нѣсколькихъ вопросовъ, или просто разсужденіе „О положеніи оперы въ музыкѣ или среди народа“. Этотъ вопросъ очень занимаетъ меня, и мнѣ хотѣлось, чтобы вы раздѣлили со мной эту бесѣду. Но до сихъ поръ я не довелъ это письмо до конца—все благодаря хлопотамъ съ „Христомъ“, который скоро, такъ черезъ мѣсяцъ, будетъ готовъ. Тогда увидимъ, что скажетъ эта послѣдняя работа. Но я горжусь ею!

Итальянцы почти всѣ перебывали у меня въ студіи, и не потому, что видятъ въ моей работѣ что-то похожее на ихъ работы, а только потому, что видятъ въ ней новизну. Они въ восторгѣ! Теперь остается вопросъ, кто кого перетянетъ: пойду ли я по ихъ слѣдамъ, или же перетяну ихъ къ себѣ? Но какъ бы то ни было, я не останусь долго здѣсь. Те-

1) Статья В. В. Стасова о Вѣнской всемірной выставкѣ, помѣщенная въ «Спб. Вѣдомостяхъ», начиная съ сентября 1873 г., подъ заглавіемъ: «Нынѣшнее искусство въ Европѣ».

перь рѣшено, что я оставляю Римъ и поѣду или въ Парижъ, или же раньше на годъ въ Россію, а потомъ въ Парижъ.

Пожалуйста, пришлите мнѣ фотографію съ портрета царевны Софіи, а также брошюрку, гдѣ говорится о ней (она находится у васъ [1]).

У меня много кое-чего вертится въ головѣ. Могу сказать, что „Спиноза“ уже готовъ (конечно, только въ головѣ) и не менѣе готова „Софія“. Также статуи хочется изъ нихъ сдѣлать, одну и другую, и наконецъ потомъ взяться за „Инквизицію“,—вообще напоръ сильный. Мнѣ пришло въ голову сдѣлать актрису Рашель, но пока это только мелькнуло у меня въ головѣ. Но, можетъ быть, оставлю и ее, какъ многія другія.

Сегодня пріѣзжаетъ семейство Мамонтова,—я очень радъ, потому что скука здѣсь ужасная! Я почти ни съ кѣмъ не вижусь, да и съ кѣмъ видѣться? Съ нашими русскими художниками? Не стоитъ, — мелочь!

Я здравствую, Елена тоже, она кланяется вамъ. И такъ, можетъ быть, очень скоро я пошлю вамъ большое письмо. Какъ вы видите, я не могу не писать, только, пожалуйста, читайте.

Извините, что теперь пишу мало, работа ждетъ.

Да, я забылъ сказать вамъ, что писалъ къ Когуну, чтобы онъ взялъ „Петра Великаго“ къ себѣ на заводъ, и когда пріѣду, тогда кое-что передѣлаю и отолью его изъ бронзы.

Илья [2]) уже давно въ Парижѣ — онъ въ восторгѣ! И, конечно, тамъ остается. Я переслалъ ему ваше письмо, а также и статью о Вѣнской выставкѣ. Что касается его картины, которая находится у Беггрова, то самое лучшее обратиться къ его брату въ консерваторію. Очень хорошо было бы, если-бъ картина продалась. Онъ здравствуетъ, и я еще больше люблю его, чѣмъ прежде.

85. Къ нему же.

Римъ, 4 (16) декабря 1873 г.

Конечно, вы вполнѣ въ правѣ сердиться на меня, дорогой дядя, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ. Но дѣло въ томъ, что теперь въ третій разъ берусь писать къ вамъ и, благодаря моей безалаберности, занятіямъ, а главное лѣни, я до сихъ поръ не могу исполнить моего желанія. Если же я настаиваю и продолжаю писать, тогда тѣмъ хуже, потому что Богъ знаетъ, что такое выходитъ, такъ что тогда въ письмахъ я только и дѣлаю, что извиняюсь за мою пустую голову.

Что сказать вамъ? Начну съ того, что въ маѣ мѣсяцѣ я буду въ Россіи и, по всей вѣроятности, Римъ оставлю навсегда. Это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что здѣсь хорошо коптѣть тѣмъ, у кого карманъ жиренъ, а башка и душа худыя; здѣсь хорошо для лордовъ, пріѣзжающихъ доживать остатки своихъ никому не нужныхъ

---

[1]) Это была статья М. И. Семевскаго, напечатанная въ «Русской Старинѣ».

[2]) Илья Ефимовичъ Рѣпинъ.

лѣтъ; здѣсь хорошо тѣмъ, кто думаетъ и живетъ исключительно для себя и въ свое удовольствіе; но для того человѣка, который сознаетъ, что есть и другая грѣлка, кромѣ солнца, а именно душа, желающая добра не себѣ одному, и кто мало-мальски думаетъ,—тотъ не можетъ долго оставаться внѣ своей родины, потому что тѣ люди, которые живутъ даже долго внѣ своей націи, поневолѣ отстаютъ отъ своихъ и не дѣлаются близкими для другихъ. Надо прибавить, не думайте, что это я говорю новость. Нѣтъ, я всегда былъ и буду этого мнѣнія, и если я хотѣлъ и хочу оставаться еще нѣсколько времени за границей, то это только для того, чтобы еще съ большими силами и сознательнѣе возвратиться къ ней. Вотъ первая причина, а затѣмъ слѣдуетъ и вторая, отчего я такъ тороплюсь моимъ возвратомъ. Дѣло въ томъ, что я здѣсь окончательно разорился въ этомъ году: здѣсь жизнь дорога, и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, почище Питера. А главное, здѣсь работники-итальянцы эксплоатируютъ меня какъ только могутъ: въ мастерской для меня разореніе. Вдобавокъ при этомъ я много себѣ крови порчу. Я самъ не умѣю быть хозяиномъ, а лишь только работникомъ, мнѣ нужны глина и спокойствіе, а послѣдняго то и не достаетъ мнѣ!

И такъ я ѣду въ Россію. Лѣто по всей вѣроятности пробуду въ Вильнѣ, а на зиму буду дѣлать набѣги то на Питеръ, то на Москву. Если мнѣ возможно будетъ, останусь дольше въ Россіи, а если нѣтъ, то опять уѣду на время въ Парижъ.

Но есть еще одна причина, отчего я ѣду въ Россію: это—едва ли не самая существенная, потому что тутъ дѣйствуетъ душевное желаніе. А именно, я хочу приготовить этюды для задуманнаго сюжета, который ношу чуть ли не шесть лѣтъ въ себѣ. Надо сказать, что, кромѣ „Софіи“ и „Рашели“, у меня ростетъ въ воображеніи еще одно произведеніе, которое я считаю капитальнѣйшимъ и серьезнѣйшимъ. Оно есть и будетъ историческое, драматическій фактъ. Это—одинъ эпизодъ изъ воспоминаній моего дѣтства. Хотите послушать? [1])

---

[1]) Задуманное Антокольскимъ скульптурное созданіе имѣло основой сцены трагическаго характера, совершавшіяся передъ его глазами въ Вильнѣ въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго (XIX) столѣтія. Въ то время существовало такое законоположеніе, что «еврейскія общества могутъ ловить у себя всѣхъ безпаспортныхъ, принадлежащихъ другому обществу, даже губерніи, и отдавать ихъ въ солдаты, въ зачетъ своей рекрутской квитанціи». Этимъ хотѣли помочь сильнымъ недоимкамъ рекрутъ, накопившимся повсюду на евреяхъ. Началась повсемѣстная ловля. Хватали кого могли, былъ-ли онъ безпаспортный или нѣтъ: паспортъ не составлялъ препятствія, потому что его уничтожали, и несчастный «пойманникъ» могъ кричать сколько есть силъ, что имѣетъ письменный видъ—его не слушали: своя бѣда заглушала жалость, а деньги заглаживали всѣ послѣдствія. Это былъ явный торгъ людьми, которыхъ продавалъ кто хотѣлъ, а покупалъ кто могъ и имѣлъ надобность. Трудно себѣ вообразить, сколько эта мѣра, повидимому, разрѣшенная для облегченія общества, принесла зла. За безпаспортными охотились какъ за дикими звѣрями; за ними охотились не съ цѣлью искоренять бродяжничество, а для собственной корысти. Но этого мало. Вырывали дѣтей изъ объятій родителей силой или хитростью, увозили и продавали, какъ безпаспортныхъ...» («Русскій Вѣстникъ», 1859, т. XXI, статья:

Кажется, это было въ 1851 году. Евреи вдругъ получили всемилостивѣйшій указъ: евреи, которые стоятъ не на очереди, должны давать рекрутовъ, но не изъ своихъ семействъ, а только изъ „пойманныхъ людей“, т.-е. надо было поймать такого человѣка, у котораго нѣтъ паспорта, или же такого, который не записанъ въ ревизію.

Трудно передать вамъ то отчаяніе, вопль, крики, стоны, которые раздались изъ устъ бѣдныхъ беззащитныхъ матерей, у которыхъ отнимали ихъ дѣтей, да еще такихъ, которымъ не было еще и 7-ми лѣтъ. Здѣсь случались такіе раздирающіе эпизоды, какіе можно только вычитать изъ тѣхъ временъ, когда изгоняли евреевъ и мавровъ изъ Испаніи. Напримѣръ: одна мать спрятала своихъ дѣтей (двоихъ), каждаго отдѣльно, но одного поймали и забрали, а другой, узнавши объ этомъ, Богъ знаетъ отчего, выбѣжалъ изъ своего убѣжища. Сосѣдка приходитъ къ матери и учитъ ее, чтобы она сходила къ Кагану, такъ какъ она знаетъ одного спрятаннаго мальчика, который гораздо старше и здоровѣе ея сына; такимъ образомъ, она скажетъ, гдѣ тотъ спрятанъ, но съ уговоромъ, чтобы освободили ея сына. Но на это она не рѣшалась до послѣдняго дня. Насталъ и послѣдній день пріема, и тогда, въ отчаяніи, она бросилась къ Кагану и передала ему все, что сказала ей сосѣдка. Оказалось, что, на кого она указывала, былъ тоже ея сынъ, котораго сосѣдка не узнала, благодаря тому, что онъ былъ переодѣтъ дѣвочкой. Такимъ образомъ, она лишилась двоихъ дѣтей, вмѣсто одного.

Я знаю еще одинъ фактъ, который не менѣе характеризуетъ, съ одной стороны, варварскій натискъ, а съ другой—принудительную подлость. У насъ въ домѣ былъ мальчикъ, нашъ дальній родственникъ (ровесникъ мнѣ), котораго мать оставила у насъ, по бѣдности. Когда случился этотъ наборъ, его дядя поймалъ его и отдалъ за свое семейство; но тутъ случилось, что тотъ, за кого онъ былъ отданъ, нахо-

---

«Картины прошлаго. Штрафной», стр. 533). Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ «Русскаго Вѣстника» Каткова, впервые заговорившаго объ этомъ печальномъ предметѣ, о немъ же подробно говорено было въ статьѣ: «Пойманникъ. Быль», г. Багрова, въ «Еврейской Библіотекѣ» 1873 г., т. IV, и здѣсь, между прочимъ, разсказывалось (стр. 5): «Всякій еврей, какого бы возраста ни былъ, попавшійся безъ письменнаго вида, сдавался (тогда) въ рекруты безъ всякаго суда и слѣдствія... Всякій, словившій безпаспортнаго еврея, могъ сдать его въ рекруты за свой счетъ... Завелся торгъ людьми, торгъ рекрутскими квитанціями. Охотились на безпаспортныхъ, какъ на дикихъ звѣрей... Сдавались старъ и младъ. Власти не внимали никакимъ жалобамъ, мольбамъ, доводамъ и протестамъ жертвъ насилій... Страшная исправительная мѣра противъ уклоненій евреевъ отъ военной службы была уничтожена въ началѣ царствованія Александра II. Нашлись многіе, въ томъ числѣ и пишущій эти строки, которые довели до Высочайшаго свѣдѣнія о всѣхъ злоупотребленіяхъ, порождаемыхъ этой безчеловѣчной мѣрой, умоляя о милосердіи и состраданіи. И мольбы ихъ были услышаны. Жертвы описанной нами эпохи изъ печальной жизни евреевъ назывались «пойманниками»...

Разсказъ г. Багрова напомнилъ Антокольскому сцены, видѣнныя имъ собственными глазами и его намѣреніе: изобразить ихъ въ художественномъ произведеніи, подобномъ, по содержанію и формѣ, его сценѣ изъ временъ Инквизиціи.

дился недалеко отъ города Вильно. Его тоже поймали и отдали Богъ знаетъ за кого. Кончилось тѣмъ, что въ Ярославлѣ оба брата встрѣтились въ одной и той-же командѣ.

Но кончилась буря... сколько домовъ было разрушено, сколько молодыхъ вѣтвей оторвано отъ деревьевъ, которыя лежатъ съ зелеными листьями еще, но въ грязи... и нѣтъ надежды на исцѣленіе! Сколько молодыхъ стволовъ покривилось, и вотъ-вотъ скоро окончательно заглохнутъ. А матери долго ходили съ красными отъ слезъ глазами; онѣ все еще оплакивали свои молодыя жертвы, которыхъ вихремъ оторвало отъ ихъ семейной любви.

Я тогда вышелъ изъ своей норы, гдѣ и я былъ спрятанъ у одного христіанина. Сколько знакомыхъ мальчиковъ я встрѣтилъ общипанными и остриженными. Какъ они перемѣнились, какимъ грубымъ ухваткамъ такъ скоро научились, какъ чисто научились ругаться русскими словами. Я слышалъ и видѣлъ ихъ часто на толкучкахъ, и не зналъ безнравственнаго и грубаго значенія этихъ словъ. Но никто не мѣшалъ имъ, каждый смотрѣлъ на нихъ, какъ на жертвы, съ которыми вотъ скоро, скоро станутъ обращаться деспотично, свойственно тогдашней дисциплинѣ.

„Играйте, молодыя пташечки, веселитесь, пока вы еще свободны“, думалъ каждый, глядя на нихъ.

Но это еще была только подготовка къ тому моменту, когда драма разыгралась на моихъ глазахъ во всей своей грозности и ужасѣ. Насталъ день, когда отрядъ рекрутовъ долженъ былъ уйти. Ихъ одѣли въ грубыя сѣрыя шинели, съ длинными полами и рукавами, въ такія же панталоны, шапки, надѣли имъ и ранцы. Всѣ выступили за городъ и остановились, имъ дали прощальный отдыхъ. День былъ жаркій. Я пошелъ провожать моего друга, съ которымъ часто дѣлилъ невзгоды. Я шелъ какъ-то задумчиво, не торопясь, самъ не знаю отчего, и, кажется, насколько припомню, къ моему стыду,—я былъ тогда совершенно равнодушенъ. Мимо меня шли, ѣхали и перегоняли меня, вездѣ гудѣли, говорили, охали, острили, и, конечно, все объ одномъ и томъ же предметѣ. Но никогда я не забуду образъ одинокой женщины, бѣжавшей безъ отдыха и почти безъ чувствъ на поле, гдѣ она должна была навѣрное разстаться со своимъ сыномъ. Ей было лѣтъ 35 или около того, лицо у ней было худое и изнуренное, глаза красные и впалые, губы полуоткрытыя и почти черныя; она была покрыта старымъ безцвѣтнымъ платкомъ, подъ мышкой несла узелокъ, а въ рукахъ держала свои старые истоптанные башмаки, чтобы они не мѣшали ей бѣжать. Она бѣжала быстрыми, но мелкими шагами и всѣмъ тѣломъ устремившись впередъ; лишь по временамъ она съ усиліемъ глубоко вдыхала въ себя воздухъ, какъ будто воздухъ спиралъ ей дыханіе. Иногда она взглядывала на пальцы, которые какъ будто окостенѣли и дрожали... Такъ и чувствовалось: добѣжитъ до мѣста и упадетъ безъ чувствъ.

Я засталъ сцену, полную оживленія. Помню ясно и ярко, до послѣднихъ подробностей, что тогда происходило на полѣ, гдѣ разыгрывалась эта драма.

Вотъ отецъ сидитъ и со вниманіемъ зашиваетъ въ шинель сына нѣсколько новыхъ рублевыхъ ассигнацій; вотъ старикъ со своимъ сыномъ, оба молча стоятъ другъ передъ другомъ и крѣпко держатся за руки—душа не нуждается въ словахъ, она ясно чувствуетъ; вотъ дѣвушки, женщины, мужчины—всѣ хлопочутъ вокругъ солдата-дядьки: каждый проситъ у него чего-то, навѣрное, чтобы онъ относился снисходительно къ ихъ дѣтямъ, и каждый суетъ ему въ руки что-то; вотъ женщина лежитъ на землѣ около своего сына, почти малютки еще, и навзрыдъ плачетъ, крѣпко обнявши его обѣими руками; помню и его безсмысленное выраженіе, какъ онъ стоитъ въ шинели, почти весь окованный и, хорошенько не понимающій, смотритъ въ даль. А вотъ одинъ мальчикъ сидитъ одиноко: видно, что у него нѣтъ никого, съ кѣмъ бы прощаться; съ особенной искренностью онъ читаетъ молитвы: то весь сжимается, то глаза его устремлены вверхъ, то онъ прижимаетъ къ сердцу свой маленькій псалтырь и крѣпко-на-крѣпко закрываетъ глаза (такъ способно молиться только дитя). Вотъ и гармоника, гдѣ-то скрипитъ, и пляска, въ родѣ трепака — кто-то бойко валяетъ. А тамъ, дальше корчмарь хлопочетъ, и видно радъ, что у него такой знатный барышъ; еще далѣе пасется нѣсколько крестьянскихъ лошадей, а крестьяне лежатъ около своихъ возовъ и равнодушно и машинально чистятъ зубами соломки.

Но среди этой суматохи офицеръ скомандовалъ: „Въ походъ!“ Всѣ встали, спѣшатъ, суетятся, наконецъ усаживаются, среди общихъ криковъ, стоновъ, ломанья рукъ... Повозки тронулись, и вопли, перемѣшанные съ поцѣлуями, еще болѣе усилились.

Но вдругъ кто-то закричалъ: „Раввинъ пріѣхалъ, съ дѣтьми прощаться!“ Всѣ притихли, точно ждали отъ него спасенія. Его подняли и поставили на бочку, поддерживаемую нѣсколькими мужиками, —это былъ старый человѣкъ, низенькій, съ сѣдою бородой и съ открытой грудью; одѣтъ онъ былъ въ длиннополый и старый капотъ и измятую шляпу; онъ былъ столько же бѣденъ, какъ и всѣ окружающіе, но за то онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми. Онъ протянулъ руки, поднялъ свое чистое и блѣдное лицо вверхъ и только-что хотѣлъ произнести что-то, какъ по всѣмъ точно электрическая струя пробѣжала, изъ всѣхъ грудей вырвались одни и тѣ же звуки, стоны, и крики разразились громомъ... „Спросите у нашихъ предковъ, за что мы такъ страдаемъ“— твердилъ народъ. И ничѣмъ невозможно было удержать эти отчаянные, дикіе крики, точно напоръ прорвалъ гдѣ-то клапанъ. Всѣ плакали, раввинъ плакалъ, и я плакалъ... и казалось мнѣ, что каждый листокъ плачетъ, что въ воздухѣ слышны стоны и что души умершихъ отцовъ и матерей оплакиваютъ своихъ беззащитныхъ сиротъ.

Тянулись возы, за которыми шла рыдающая толпа. Вотъ понемножку она отстаетъ, первый возъ дѣлаетъ поворотъ и исчезаетъ изъ виду, за нимъ и второй—всѣ кричатъ, махаютъ шапками, платками, но и третій возъ исчезаетъ и, наконецъ, послѣдній, а печальные звуки все еще слышны вдали... Наконецъ и это исчезаетъ...

Мы стали возвращаться домой, и опять очутились на томъ мѣ-

стѣ, гдѣ нѣсколько минутъ тому назадъ разыгрывалась драма. И ничего тамъ болѣе нѣтъ! Солнце попрежнему ярко свѣтило и грѣло. Вонъ разбитая бутылка валяется въ травѣ, лежитъ опрокинутая бочка, стоя на которой раввинъ благословлялъ, корчмарь убираетъ посуду... и нѣтъ ничего больше!... Нѣсколько человѣкъ остановились, попросить холодной воды, а мы молча продолжали путь. Когда я теперь смотрю на картину Дела-Роша — „Семейство, возвращающееся съ Голгоѳы", то мнѣ живо представляются тѣ семейства, которыя тогда возвращались домой. Художникъ лучше выразилъ это кистью, чѣмъ я способенъ передать словами.

„Привычка вторая натура",—сказалъ кто-то,—что-жъ, это совершенная правда. Самыя ужасныя, самыя поражающія вещи, если онѣ совершаются передъ нами каждый день,— мы привыкаемъ къ этому и становимся равнодушны. Лишь немногимъ дана способность видѣть истину во всей наготѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлайте сравненіе, возьмите фактъ „убіенія младенцевъ" и тотъ фактъ, что я сейчасъ разсказывалъ—и мы увидимъ, что гораздо ужаснѣе тотъ, который совершился передъ моими глазами. Спрашивается, что лучше для бѣдной и вѣрующей матери? То, что дитя ея, которое оторвали отъ нея, теперь находится на небѣ, окруженное цвѣтами, что дитя превратилось въ ангела, что оно часто превращается въ птичку и прилетаетъ пѣть подъ родительскимъ окномъ (не забудьте, что вѣра — это ихъ жизнь и утѣшеніе), или же постоянно чувствовать, что дитя ея вырвано изъ семьи, что оно живо, что постоянно мучатъ его, что оно зоветъ ее, такъ-же какъ она его, но между ними бездна... Наконецъ, кто знаетъ, живъ ли онъ?.. Вотъ наша сосѣдка, вдова портниха—она уберегла изъ всего семейства только одного сына, худого и слабаго мальчика съ большими глазами. Какъ она берегла его, какъ тряслась надъ нимъ!.. Но его вырвали отъ нея живого... А потомъ она все лежала и плакала: то чуется ей, что онъ стоитъ, въ ночную вьюгу, въ полѣ на часахъ. „Бѣдный! — шепчетъ она, — ему холодно!", то кажется ей, что его бьютъ. Вотъ разъ ночью, во снѣ, она закричала, всѣхъ разбудила, а сама чуть живая встала. „Ой, пташечка моя, — шептала она съ плачемъ,—голубчикъ мой, его розгами бьютъ, кровь льется... ой, за что?..." Какъ онъ кричалъ и просилъ у нея помощи!... Такъ она мучилась, съ тоскою проживала день, а ночью, тихо рыдая, засыпала. Но не долго она томилась. Она умерла раньше времени, одинокая, безъ утѣшенія, безъ надеждъ, но съ вѣрою и любовью...

Не сердитесь на меня, дорогой дядя, что я столько времени отнялъ у васъ, но вѣдь это не всегда бываетъ. У меня часто случается, что я непремѣнно долженъ передать то, что накипитъ на душѣ, иначе душа становится тяжко тяжелой.

Вотъ видите, дядя, я еще не совсѣмъ забылъ своихъ. Я думаю, напротивъ, что, живя среди хаоса, ничего невозможно видѣть общаго. И такъ, будемъ жить и надѣяться, что жизнь для жизни впереди еще!!

Въ заключеніе, что, бишь, еще я хотѣлъ сказать вамъ? О работѣ

моей я пока воздерживаюсь говорить. Когда кончу, тогда увидимъ, а конецъ скоро.

Недавно здѣсь открылась выставка, съ преміей въ 1000 франковъ — половина за живопись, а половина за скульптуру. Ужасно какая бѣдная выставка живописи! Просто невозможно вѣрить, если бы самъ не видалъ. Просто стыдно было открывать. За то скульптура цвѣтетъ, —правда немного, но за то буквально все отборныя вещи и, представьте себѣ, всѣ реальныя. Тамъ есть и такія, за которыя душа радуется! Недавно была баллотировка... и странно, я и Чижовъ—мы попали въ судьи за скульптуру. Да кстати, Чижовъ просилъ меня, въ случаѣ, если вы будете писать о памятникѣ Екатерины II, то проситъ, чтобы вы не забыли его, что онъ сдѣлалъ Екатерину II [1]), потому что въ какомъ-то журналѣ была разсказана вся исторія памятника, а о немъ— ни слова. Какъ видно, больно обижается. Я это передаю вамъ такъ, какъ онъ просилъ, но надѣюсь, что вы и вовсе не будете писать о казенныхъ искусствахъ, и я впередъ хвалю.

И такъ, кончаю письмо, мой дорогой дядя. Надѣюсь, что вы не будете сердиться на меня за то, что я такъ долго молчалъ.

За фотографію „царевны Софьи" и за кальку я очень и очень благодарю. Мой сердечный поклонъ моей ученицѣ, какъ вы называете [2]), за снимки и кальки. Но постараюсь, когда пріѣду въ Россію, чтобы тогда намъ заниматься вмѣстѣ: и лѣпить и думать. Елена конечно очень и очень кланяется, а маленькій ростетъ на славу.

Отчего вы такъ мало пишете? Неужели оттого, что я мало пишу? Мой сердечный и душевный поклонъ Софіи, Мусоргскому и брату съ женою.

Однако, какъ скверно здѣсь у меня въ мастерской! Она очень сырая и холодная, такъ что я схватилъ ревматизмъ, который довольно часто мучитъ меня. Боюсь, что принужденъ буду ѣхать на Искію.

А письмо большое, которое давно обѣщалъ, непремѣнно пошлю вамъ, какъ только у меня на это будетъ свободное время. Теперь пишите вы.

86. Къ К. Н. Крамскому.

Римъ, (18) 30 декабря 1873 г.

До сихъ поръ я не отвѣчалъ вамъ, во-первыхъ, потому, что былъ очень занятъ, потомъ узналъ, что васъ все еще не было въ Петербургѣ [3]), и наконецъ, не кончивъ работы, я легъ въ постелъ и перестрадалъ ревматизмомъ въ правой рукѣ. Теперь боль проходитъ, и тою же самою рукою я пишу, хотя съ трудомъ еще. Какъ вы видите, и здѣсь можно хворать, скучать и все что угодно.

---

[1]) Памятникъ Екатерины II, въ Петербургѣ, передъ Александровскимъ театромъ, по проекту Микѣшина, по программѣ московскаго профессора Ѳ. Чижова.

[2]) Нат. Петр. Собко.

[3]) Крамской 25 мая 1873 г. выѣхалъ на все лѣто изъ Петербурга и вернулся туда только въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Съ чего начать? Право, долгое время я передъ вами молчалъ, и казалось-бы, что тутъ-то и слѣдовало разливаться новостямъ. На практикѣ выходитъ, что, благодаря именно этому натиску желанія передать все, не знаешь, съ чего начать, и ищешь начальной темы, но въ ней и путаешься. И такъ, теперь у меня есть двѣ причины не распространяться: во-первыхъ та, что рука еще не совсѣмъ здорова, и вторая та, что на первый разъ боюсь, какъ-бы не запутаться въ моихъ мысляхъ. Конечно, пока могу только передать здѣшнія художественныя новости, но, къ сожалѣнію, въ нихъ ничего нѣтъ особеннаго. Вы хорошо знаете, что самъ Римъ отъ начала исторіи и до настоящаго времени ничего путнаго не создалъ, кромѣ эксплоатаціи патриціями, перемѣшанной и поддержанной воинственнымъ элементомъ; потомъ форма измѣнилась, а суть осталась та-же; потомъ создалась аристократія, перемѣшанная съ духовенствомъ, и все та-же эксплоатація! Римъ создалъ Колизей, свидѣтельствующій о древнемъ безобразіи, онъ создалъ инквизицію, обличающую ихъ необузданный фанатизмъ, и наконецъ намѣстника Св. Петра, въ которомъ сосредоточивается религіозная эксплоатація. А наука, искусство—этого не было въ ихъ власти. Все то, что только могъ говорить логическій умъ, они старались уничтожить, потому что въ этомъ они видѣли вредное ихъ интригамъ созданіе. Что касается искусства, то хотя они очень нуждались въ немъ для поддержанія религіи, но въ Римѣ не оказалось ни одного на это способнаго человѣка. Исторія показываетъ, что Римъ создалъ только двухъ художниковъ: Джуліо Романо (ученика Рафаэлева) и недавно умершаго художника Фракасино (оба они довольно посредственны и другъ друга стоятъ).

Странно то, что римляне и до сихъ поръ не могутъ отвыкнуть отъ своихъ привычекъ; до сихъ поръ они живутъ тѣмъ, что иностранецъ имъ привозитъ. У нихъ нѣтъ своей индустріи, своей изобрѣтательности, нѣтъ своей чистой коммерціи, а есть только эксплоатація. Если иностранцевъ пріѣзжаетъ больше, они больше наживаютъ, и весь Римъ—праздничный. Если-же наоборотъ, какъ это случилось въ нынѣшнемъ году, тогда они охаютъ и голодаютъ!

Вотъ вамъ образчикъ нравственной атмосферы, которою весь Римъ дышетъ. Чего послѣ этого искать здѣсь тѣмъ, которые желаютъ найти здѣсь что-то особенное, высокое для жизни?

Здѣшнее искусство носитъ тотъ-же отпечатокъ: свой отъ своего не покупаетъ, и весь интересъ вертится на томъ, чтобы сбыть свой товаръ иностранцамъ, какъ-то: англичанамъ и американцамъ. Но спѣшу прибавить въ честь ихъ природныхъ способностей, что они вовсе не безчувственны; напротивъ, несмотря на подобное равнодушіе со стороны тѣхъ, кто-бы могъ поддерживать искусство, все-таки искусство быстро расползается (впрочемъ, изъ всѣхъ художниковъ, которыхъ я знаю, ни одинъ не римлянинъ родомъ). Но какъ-бы то ни было, общій результатъ неблагопріятный. Съ одной стороны, благодаря именно густотѣ растительности, она развивается густо, но мелко; потомъ, благодаря большой конкурренціи, они стараются поддѣлаться подъ

чужой вкусъ, американскій и т. п. А до чего доходитъ этотъ вкусъ, про то могу сказать, какъ спеціалистъ. Для американцевъ главное—техническая сторона; въ скульптурѣ она состоитъ, во-первыхъ, въ чистотѣ мрамора, онъ долженъ быть безъ пятенъ, и во-вторыхъ—мраморъ долженъ быть гладко отдѣланъ. Первый достатокъ или недостатокъ они хорошо видятъ глазами; что касается второго—они непремѣнно положатъ свои опытныя руки на мраморъ и водятъ по немъ. А затѣмъ, сюжеты могутъ быть: Ревекка, Юдиѳь, Діана и т. п. Вотъ подъ какимъ строгимъ надзоромъ создается искусство. Правда, все это совершается второстепенными художниками, но дѣло въ томъ, что первостепенныхъ художниковъ здѣсь очень мало. Но главное, чего здѣшнимъ итальянцамъ не достаетъ, это—образованія; будь у нихъ это орудіе, хоть не въ высокой степени, тогда навѣрное они вышли-бы изъ своего труднаго положенія. Но пока—этого нѣтъ, и ихъ интересъ въ искусствѣ заключается въ выдѣлкѣ технической стороны, какъ наприм. кружевъ, атласа и т. п., сюжеты въ искусствѣ тоже идутъ у нихъ не дальше: вездѣ дѣвушки, мальчики, и опять мальчики, дѣвушки, и такъ до безконечности. Только теперь, въ этомъ году, на выставкѣ нѣсколько талантливыхъ художниковъ быстро отскочили отъ старыхъ традицій, и работаютъ въ сферѣ реализма; но, покуда, они страдаютъ отсутствіемъ гармоніи для глаза и цѣльности для чувства.

Что касается живописи, то здѣсь опять нечего говорить о римлянахъ. Лучшіе художники всѣ изъ мѣстностей внѣ Рима. И тутъ—тоже все мило, хорошо, прекрасно, вотъ что можно сказать въ смыслѣ лучшей похвалы для нихъ, но не больше. Гораздо лучше выдѣляются здѣсь испанцы. Ихъ сильно реальный колоритъ стоитъ выше всего здѣсь. Но ихъ нужно отыскивать, надо шляться цѣлые дни, пока что-нибудь путное увидишь. А то, что видишь каждый день, все это дрянь, продажное искусство, вездѣ обломки, имитація, фотографія съ старыхъ вещей,—все это мозолитъ глаза до усталости.

Какъ видите, здѣшняя обстановка не дурная, но и не завидная. А знаете, когда пріѣзжаетъ молодой пенсіонеръ, счастливый, веселый, мнѣ невольно тогда думается: „А ну-ка, такой-ли ты будешь всегда?“ Дѣло въ томъ, что все то, что здѣсь осталось отъ великихъ мастеровъ, конечно, до нѣкоторой степени служитъ какъ свѣтъ огня, и пользоваться имъ нужно осторожно; для взрослаго это свѣтъ, при которомъ онъ занимается весь вечеръ и даже съ успѣхомъ, но для ребенка этотъ свѣтъ иногда и вреденъ: ребенокъ пожалуй безсознательно протянетъ къ огню руки и надолго обожжется.

О здѣшнихъ русскихъ художникахъ мнѣ нечего сказать. Подобныхъ художниковъ у васъ тамъ, вокругъ васъ, не мало, и вы знаете ихъ хорошо.

Что касается до меня, то я все продолжаю работать. Скоро кончаю „Христа передъ народомъ“. Не скоро онъ появится въ Россіи, по крайней мѣрѣ таково мое искреннее желаніе. Гораздо вѣроятнѣе и скорѣе я пріѣду въ Россію и пробуду тамъ около года, а тамъ увидимъ, куда центръ тяжести потянетъ.

Скажите, не знаете-ли вы, гдѣ теперь гипсовый „Иванъ Грозный“, который былъ въ Москвѣ [1])? Вѣдь Общество взяло на себя доставить его обратно на мѣсто на свой счетъ, и даже, кажется, оно обязалось подѣлиться выручкою. Много-же я получилъ! Впередъ шлю имъ спасибо!

Конечно, вы навѣрное получаете письма отъ Рѣпина. Какъ видно, онъ очень доволенъ Парижемъ. Онъ теперь сильно работаетъ, значитъ—наши впередъ! Чего больше желать?

Вы обѣщали мнѣ быть аккуратнымъ корреспондентомъ, и я вѣрю, и жду отъ васъ этого. Пожалуйста, передайте мой искренній поклонъ женѣ вашей и дѣткамъ. Мой поклонъ Савицкому, Буткевичу, Макарову, Васнецову, если вы ихъ видите.

87. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 13 (1) янв. 1874 г.

Давно не получалъ я отъ васъ письма и я соскучился. Получили ли вы мое послѣднее письмо? Я его адресовалъ въ Публичную Библіотеку; кажется, что тамъ вѣрнѣе. Мнѣ будетъ жаль, если оно пропадетъ, потому что это было довольно объемистое письмо, да притомъ тамъ былъ разсказъ изъ моихъ воспоминаній.

Ваше послѣднее письмо я получилъ лежа въ постели и страдая ревматизмомъ, какъ разъ въ правой рукѣ. Я промучился болѣе двухъ недѣль, и теперь долженъ осторожно работать. Вотъ оттого „Христосъ“ такъ медленно и двигается. Черезъ мѣсяца три я долженъ буду ѣхать на Искію, брать ванны. Какъ это—противно!! Вообщее надо сказать—вотъ уже полгода, какъ не проходитъ двухъ дней, чтобы не звать доктора: то я хвораю, то жена, молодецъ только нашъ Левъ [2]).

Я сталъ колебаться насчетъ поѣздки въ Россію, а впрочемъ времени еще много, увидимъ! „Христосъ“ не скоро будетъ въ Россіи, я хочу выполнить то, что обдумалъ: раньше, чѣмъ явиться въ Россію, хочу работать да работать, а потомъ начну работать въ Россіи.

Что еще сказать вамъ? Право я вовсе не расположенъ писать, я хочу читать, и оттого только и пишу.

Что новаго у васъ, что слышно въ художественномъ мірѣ? Когда начинается выставка въ Академіи? Пожалуйста, не выставляйте вашъ бьюстъ, если вы не получите отъ меня еще два-три бюста для выставки. Я сдѣлалъ бюстъ доктора Боткина, и надо сказать, что вашъ бюстъ далеко отступаетъ отъ него, такъ, что я рѣшился еще разъ вылѣпить вашъ бюстъ. Отъ Рѣпина давно не получалъ я извѣстій; думаю, что онъ очень усердно работаетъ.

Здѣсь въ художественномъ мірѣ ничего особеннаго нѣтъ — всѣ работаютъ, только толку мало, а впрочемъ кое-что есть, но, какъ я сказалъ, я уже теперь вовсе не расположенъ продолжать писать, а затѣмъ кончаю письмо, чтобы на этотъ разъ избавить васъ отъ скучной бесѣды.

---

[1]) Этотъ слѣпокъ былъ посланъ въ Москву, съ картинами передвижниковъ въ 1873 году.

[2]) Іегуда.

Съ Новымъ годомъ!!!

Письмо опять осталось не посланнымъ. Странно, а я думалъ, что оно давно путешествуетъ прямо къ вамъ.

Сегодня я перечиталъ вашу статью, читанную въ Архитектурномъ обществѣ, о Гартманѣ [1]). Ужъ какъ я обрадовался, когда читалъ: во-первыхъ, онъ этого стоитъ, и во-вторыхъ, дѣйствительно, если бы не вы, онъ исчезъ-бы отъ насъ и никѣмъ не былъ бы замѣченъ, какъ пыль, поднимающаяся въ воздухѣ. А между тѣмъ онъ то-же самое, что Шварцъ въ живописи (что вы вѣрно замѣтили давно уже). Да притомъ, самая статья очень нравится мнѣ, — написана тепло и сильно.

Новостей у насъ никакихъ не происходитъ... Да! изъ той же газеты я узналъ, что вышла ваша книга о Вѣнской выставкѣ, въ пользу Саратовскихъ голодающихъ [2]).

88. Къ И. Н. Крамскому.

Римъ, 28 янв. (9 февр.) 1874 г.

Ужъ больно вы обрадовали меня вашимъ письмомъ. Вдругъ, точно сквозь окно, я увидалъ весь художественный интересъ въ Петербургѣ. А какъ я радъ обо всемъ томъ слышать, какъ хотѣлось-бы мнѣ тамъ побывать! Ужъ очень тянетъ, право, хотя сознаніе говоритъ, что тамъ ничто хорошее не ждетъ меня. Но что прикажете дѣлать съ нашимъ братомъ, особенно съ сѣверянами: часто дѣлаешь то, чего не сознаешь, а что сознаешь, того не дѣлаешь. Уже больно душа гуляетъ! Но, спѣшу прибавить, сознаніе вовсе не желаетъ оставить Россію, а, напротивъ, я убѣжденъ, что нигдѣ нѣтъ столько простора для развитія художественнаго элемента въ народѣ, притомъ никто столь не нуждается въ этомъ, какъ Россія, и ни откуда не надо ждать столько хорошаго, какъ отъ Россіи. И оттого, чѣмъ дольше я останусь внѣ Россіи, чѣмъ больше я буду работать, тѣмъ легче я достигну пользы для художественнаго развитія народа.

У меня уже было рѣшено на лѣто ѣхать въ Россію, но теперь я опять нахожусь въ колебаніи. Теперь мы рѣшили ѣхать въ Парижъ. Тамъ останемся не долго, потомъ жена поѣдетъ въ Россію, повидаться со своими, а я поѣду на воды. Чувствую, что укрѣпить здоровье мнѣ необходимо. Потомъ поѣду въ Лондонъ и обратно въ Парижъ, а тамъ увидимъ: хочу силы пробовать, Илья (Рѣпинъ) пророчитъ мнѣ успѣхъ, увидимъ!

Напрасно вы думаете, дорогой И. Н., что я могу сердиться на

---

[1]) Статья В. В. Стасова: «Викторъ Александровичъ Гартманъ», напечатанная въ «Спб. Вѣдомостяхъ», 31 декабря 1873 года, № 359.

[2]) Книга В. В. Стасова: «Нынѣшнее искусство въ Европѣ. Художественныя замѣтки о всемірной выставкѣ 1873 г. въ Вѣнѣ». Посвящается Ильѣ Рѣпину, Мордуху Антокольскому и памяти Виктора Гартмана. Все изданіе этой книги было принесено авторомъ въ даръ комитету для помощи саратовскимъ голодающимъ, состоявшему подъ предсѣдательствомъ А. П. Философовой.

васъ за то, что вы желаете мнѣ добра и сходили разузнать подробно о моемъ „Христѣ". Совершенно напротивъ, я только обрадовался, что у меня есть еще друзья! Въ послѣднее время я слышалъ столько клеветъ, столько нападокъ на меня, что думалъ, всѣ встали противъ меня. А главное, клеветали тѣ, которымъ, если-бы они хотѣли знать правду, ничего это не стоило-бы. Но они предпочли лучше клеветать, чѣмъ придерживаться правды. Ну, это въ сторону!

Что касается до моего „Христа", то вѣрьте, что шапочка дѣлаетъ много шума изъ-за ничего. Объ этой мелочи теперь и потомъ много будетъ говорено, и если-бы я зналъ, что эта или какая-нибудь другая мелочь можетъ отвлекать вниманіе отъ общаго, если-бы я зналъ, что эта мелочь можетъ нарушить гармонію цѣльности, тогда я бы не задумался и уничтожилъ-бы ее. Но дѣло въ томъ, что эта мелочь вовсе не настолько бросается въ глаза, чтобы о ней столько говорить. Это войлочный колпачокъ, замаскированный волосами; потомъ, онъ сидитъ на затылкѣ, а главное, фигура стоитъ довольно высоко, такъ что верхушки головы вовсе не видно. Что касается того, насколько подобная покрышка вѣрна или нѣтъ, то я довольно долго искалъ свѣдѣній объ этомъ, какъ и обо всемъ остальномъ. Но дѣло въ томъ, что рѣшительно никакихъ наглядныхъ документовъ не дошло до насъ изъ тогдашнихъ временъ. Есть нѣкоторые довольно примитивные барельефы, но пока довольно подозрительные. Въ томъ числѣ есть барельефъ ассирійскій, гдѣ представляется плѣнный еврей, но и тутъ не рѣшено, вѣрно-ли здѣсь представлено, потому что это искусство до того примитивно еще, что сомнѣваешься, способенъ-ли былъ художникъ различать своихъ отъ не своихъ. На ассирійскомъ барельефѣ еврей представленъ въ ассирійскомъ костюмѣ (почти); впрочемъ и тутъ есть шапочка. Но въ этомъ есть своя доля правды, такъ какъ есть предположеніе, что ассирійская культура имѣла сильное вліяніе на еврейство. Но несомнѣнно то, что подобное вліяніе она могла имѣть только на высшій слой общества, а народъ остался такимъ, каковъ былъ. Есть еще словесные документы, довольно отрывочные, изъ которыхъ извѣстно, что у евреевъ были троякаго рода покрышки для головы, и по всѣмъ описаніямъ евреи больше всего были схожи съ аравитянами. Впрочемъ, обо всемъ этомъ довольно подробно говоритъ книга Вейса „Исторія костюма". Эта книга переводится и на русскій языкъ.

Г. Закъ говоритъ, что онъ бы не представилъ разбитаго, измученнаго Христа такимъ, чтобы на немъ могла уцѣлѣть какая-то шапочка. Въ томъ-то и дѣло, что я совершенно иначе представляю себѣ Христа. Я вовсе не опираюсь на то, что могло быть или не быть: это для меня довольно шатко, да притомъ же и мелочь. Чтобы дать вамъ понятіе,—главная основа моей идеи въ Христѣ очень немногосложна и проста, но тѣмъ труднѣе ее исполнить. Когда вы будете имѣть эти нити въ рукахъ, вы сами увидите, чего слѣдовало мнѣ придерживаться и чѣмъ я долженъ былъ пренебрегать. Я просто хотѣлъ вызвать Христа, какимъ онъ представляется въ XIX столѣтіи. Я представилъ его передъ судомъ народа, потому что онъ теперь нуждается въ суж-

деніи болѣе, чѣмъ когда-бы то ни было. „Что вы со мной сдѣлали?.. Но дѣлайте, что хотите, все-таки я убѣжденъ, я вѣрю въ чистую вѣру, что истина, любовь восторжествуютъ!!“ Вотъ что я хотѣлъ, чтобы моя статуя говорила всѣмъ, вѣрующимъ и не вѣрующимъ. Я не хочу вдаваться въ подробности и разсуждать, что такое религія, что такое сознательное и несознательное добро, что Христосъ проповѣдывалъ и чего нынче придерживаются; я только хочу сказать, что онъ вовсе не такой. Вы хорошо знаете, что христіанство проповѣдуетъ и что изъ всего этого выходитъ. Все это остается только одними голыми словами, формой и не больше!

Въ статуѣ я хотѣлъ создать тишину и глубину, внѣшнюю простоту съ внутреннею глубиною, но надо признаться, что эта-то простота больно трудна.

Вотъ все, что я могу сказать вамъ касательно идеи Христа. Впрочемъ все это надо видѣть, а не разсказывать. Въ заключеніе скажу, что я выбралъ моментъ „предъ судомъ народа“ потому, что по-моему въ этомъ моментѣ выступаетъ все то, чѣмъ онъ былъ. Онъ стоитъ передъ народомъ, передъ тѣми, которыхъ онъ столько любилъ и за которыхъ онъ твердо рѣшилъ умереть, а между тѣмъ они же кричатъ: „Повѣсь его, повѣсь его!“

Я надѣюсь, что вы не обидитесь на меня за то, что я столько распространился о Христѣ. Вѣдь это въ своемъ родѣ эгоизмъ. Но повторяю, что надѣюсь, потому что вы хорошо знаете, какъ художникъ занятъ своими произведеніями, когда онъ творитъ ихъ.

Ужъ больно жаль мнѣ Васильева [1]). Я любилъ его какъ человѣка, а еще больше какъ художника, и могу положительно сказать, что врядъ-ли у кого осталось то, что было у Васильева, а именно—поэзія, что и есть главное въ искусствѣ, а въ пейзажѣ въ особенности. Вотъ вамъ два таланта, одинъ за другимъ, такъ поторопились оставить жизнь съ ея волнами: недавно умеръ Гартманъ [2]), а затѣмъ и Васильевъ. Поневолѣ приходится повторять одинъ и тотъ-же вопросъ: отчего у насъ на Руси такъ скоро умираютъ люди, живущіе чувствомъ, какъ поэты и художники? До сихъ поръ отвѣта нѣтъ. Не оттого-ли, что только „пустое сердце бьется ровно“?

Что касается до передвижной выставки, то мое неудовольствіе состоитъ въ томъ, что съ тѣхъ поръ, когда я въ первый разъ получилъ отъ передвижниковъ письмо, что мнѣ позволяется выставить „Ивана Грознаго“ въ Москвѣ, я рѣшительно не зналъ, что съ нимъ сдѣлали, и мнѣ кажется, что долгъ передвижной выставки былъ-бы—увѣдомить своихъ членовъ о результатѣ своего движенія.

Жена моя и дитя здравствуютъ хорошо. Мальчикъ у меня просто герой!

Я просилъ М. П. Боткина передать петербургскимъ художникамъ мое предложеніе, не задумаютъ-ли они устроить выставку въ

---

1) Пейзажистъ Ѳ. А. Васильевъ умеръ въ Ялтѣ 24 сентября 1873 г.

2) Архитекторъ Викт. Алекс. Гартманъ умеръ въ Москвѣ въ іюлѣ 1873 г.

пользу самарцевъ; я бы тогда пожертвовалъ мраморный бюстъ въ пользу этого. Но видно, что художники спятъ и для другихъ.

89. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, 5 (17) февраля 1874 г.

Пишу эти строки, сидя у господъ Ребиндеръ, потому что сейчасъ только былъ у банкира Шмидтъ и Паста, у котораго хотѣлъ размѣнять вексель, который получилъ отъ васъ. Но онъ нашелъ, что вексель чрезвычайно невыгодно размѣнивать по обыкновенному курсу: я теряю 350 франк., такъ какъ за русскіе билеты здѣсь платятъ 3,95 за сто рублей. Онъ прибавилъ, что если вексель былъ-бы на Парижъ, или же на Лондонъ, то я получилъ бы стоимость векселя, потому что русскій курсъ въ Парижѣ стоитъ 344 фр., а здѣсь я получаю на каждый золотой 3 франка 25 сантимовъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что теперь деньги мнѣ очень нужны, я все-же не размѣняю раньше, чѣмъ не спрошу у васъ, нельзя-ли перемѣнить этотъ вексель на Парижъ.

Пожалуйста, какъ-только вы получите это письмо, прошу телеграфировать мнѣ, что дѣлать, конечно, если можно что-нибудь поправить.

Я не столько стою за эти 350 фр., какъ за то, что вашъ банкиръ плохо поступаетъ съ вами.

90. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 6 (18) февр. 1874 г.

Издали спѣшу выразить мою радость, привѣтъ и поздравленіе нашему Мусоргскому. Сегодня утромъ я прочелъ въ „Голосѣ“ объ исполненіи оперы „Борисъ Годуновъ“. И несмотря на все желаніе критика не сказать правду, все-таки видно, что опера имѣла огромный успѣхъ. Тоже самое я сейчасъ прочелъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Опера положительно имѣла большой успѣхъ, и даровитаго автора вызывали по нѣскольку разъ послѣ каждаго акта.

Я же, съ своей стороны, тоже вызываю его, чтобы стать на стражѣ искусства правдиваго и народнаго, которое основано на лучшемъ чувствѣ человѣчества, на истинѣ и на красотѣ. Еще разъ повторяю ваши слова: „и съ новыми силами станемъ продолжать наше общее, хотя и разное дѣло“ [1]). Еще разъ мой привѣтъ побѣдителю, очень и очень радъ за него и за все новое искусство!

91. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, 18 февраля 1874 г.

„За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь“. Такъ

1) Слова изъ посвященія В. Стасовымъ его книги: «Нынѣшнее искусство въ Европѣ» — Рѣпину, Антокольскому и Гартману.

теперь и со мною: работаю, сильно занятъ. Одновременно съ тѣмъ, вы занимаете меня, я все думаю о васъ и пишу вамъ: но тутъ-то и надо-же случиться тому, что забываешь о томъ, о чемъ слѣдуетъ писать. Сегодня лишь-только перечиталъ ваше письмо, сейчасъ же написалъ вамъ отвѣтъ, но торопился и оттого забылъ сказать вамъ главное. Теперь я опять перечиталъ письмо; главное-же состоитъ въ томъ, что вы спрашиваете, повѣрю ли я вамъ, что вы очень довольны и благодарны мнѣ, что я не промолчалъ про ту штуку. Вотъ тебѣ и на! Послѣ всего того, какъ мы знаемъ другъ друга, мы еще стали бы церемониться! Я писалъ вамъ, какъ другу, и довольно! Съ другомъ не стану церемониться, на то и другъ!

Далѣе вы просите отвѣтить скорѣе, „а не то совѣсть васъ будетъ мучить“. Если бы я зналъ, что такъ обезпокою васъ этимъ, то вовсе не писалъ бы вамъ объ этомъ; а теперь, чтобы успокоить васъ, готовъ просидѣть всю ночь и писать, что и дѣлаю сейчасъ. Одного прошу: пожалуйста, не думайте впередъ ни объ этомъ, ни о чемъ-нибудь подобномъ. Кажется, я уже говорилъ вамъ, что крѣпко люблю васъ, люблю сознательно, за вашу добрую и чистую душу, за вашу откровенность, за вашъ простой и прямой умъ, и объявляю вамъ впередъ, что всегда буду говорить прямо и откровенно. Какъ-только окончу „Христа“, сейчасъ опять стану писать и буду пить за ваше здоровье и за здоровье всѣхъ моихъ друзей.

Пока новаго ничего нѣтъ, только все думается про то: за что теперь взяться; но объ этомъ поговоримъ потомъ.

Что бишь я еще хотѣлъ сказать!

Однако довольно, боюсь (право, говорю искренне) надоѣсть своими листками.

92. Къ нему же.

Римъ, 15 (27) февраля 1874 г.

Въ моемъ прошломъ письмѣ я многаго не договорилъ. Еще хотѣлось мнѣ сказать и о воспитаніи и о неправильномъ историческомъ развитіи, и этимъ я хотѣлъ доказать, что не раздѣленіемъ капитала можно доставить человѣку равенство, а лишь только правильнымъ теченіемъ развитія интеллигенціи (впрочемъ, все это не новость). Но теперь, право, у меня больше охоты нѣтъ объ этомъ говорить. Да притомъ я, какъ художникъ, скоро утомляюсь всей этой умственной работой, чувствовать и давать чувству какъ можно больше свободы.

Лучше скажу нѣсколько словъ о своемъ искусствѣ. Здѣсь я въ своемъ сѣдлѣ.

Эхъ, опять не даютъ писать—пора спать. Такъ утверждаетъ жена. Пожалуй, она права, и такъ до завтра... А вы, идя спать, вспомните про меня, что я всегда желаю вамъ спокойнаго и крѣпкаго сна.

На этотъ разъ сдѣлаю исключеніе и поговорю спеціально о здѣшнемъ художественномъ движеніи, во-первыхъ, потому, что на этотъ разъ

дѣйствительно есть нѣчто интересное, а во-вторыхъ потому, что тутъ есть то, что можетъ интересовать насъ, сѣверянъ особенно. Вы хорошо знаете, что здѣсь художники неохотно выставляютъ свои произведенія на выставкахъ, и оттого, если желаешь что-либо видѣть, надо потерять нѣсколько дней для того, чтобы подниматься па сотни лѣстницъ, стучаться въ сотни дверей и смотрѣть на то, что художнику угодно будетъ подставить вамъ, отчего это такъ? Причина простая, хотя вовсе не логичная. Каждый художникъ, насколько можетъ, старается украсить свою мастерскую какъ можно шикарнѣе, и тамъ-то онъ показываетъ свои произведенія. Конечно, при такой обстановкѣ и особенно безъ конкуренціи, картина навѣрное скорѣе выигрываетъ, чѣмъ проигрываетъ. Но, какъ видно, они сами не замѣчаютъ, какъ ихъ мелкое самолюбіе и дѣтскіе интересы вредятъ ихъ общему развитію. Въ такомъ положеніи здѣсь не можетъ развиваться вѣрный критическій взглядъ на современное искусство, и сами художники, благодаря ихъ замкнутости, не могутъ двигаться впередъ. Извѣстно, что художникъ нигдѣ такъ хорошо не видитъ своихъ и другихъ произведеній, какъ на общей выставкѣ, при общей конкурренціи. Но пагубнѣе всего это дѣйствуетъ на начинающихъ художниковъ. Они-то по-истинѣ предоставлены произволу, какъ какъ не существуетъ ни выставокъ, ни критики, которые могли бы бросить вѣрный взглядъ на то, что творится кругомъ въ художественномъ мірѣ. А покуда, здѣсь художественные критики такіе, которые или хвалятъ, или вовсе молчатъ, и часто хвалятъ то, что слѣдовало бы ругать.

Такимъ образомъ, когда здѣсь бываетъ выставка (все-таки бываетъ), то впередъ знаешь, что тамъ ничего особеннаго не найдешь. Публика какъ будто это чувствуетъ, и, дѣйствительно, мало посѣщаетъ выставки.

Но на нынѣшній разъ барометръ какъ будто поднялся на нѣсколько градусовъ, выставка гораздо полнѣе произведеніями, и самыя произведенія какъ будто лучше.

Это обстоятельство объясняется двумя причинами. Первая та, что недавно здѣсь была назначена премія за скульптуру и живопись, по 5000 фр. за каждую. Скульптура получила премію, а живопись до того была плоха, что некому было и давать медали. Все-таки, что было выставлено, то и осталось до самой выставки.

Вторая причина та, что многіе итальянцы, получившіе свои вещи, съ Вѣнской выставки, изъ нихъ нѣкоторые, получившіе за нихъ медали, позволили на этотъ разъ и здѣсь выставить ихъ. Не для того-ли можетъ-быть, чтобы показать свои награды?

Есть еще одна важная причина: это та, что на выставкѣ вдругъ подуло сѣверомъ. Вы входите въ первую залу, гдѣ помѣщена скульптура и живопись, а главное, акварель, и на многихъ аквареляхъ читаете имя извѣстнаго у насъ акварелиста Примацци. Онъ родомъ итальянецъ, но довольно долго живетъ въ Россіи и теперь состоитъ профессоромъ петербургской Академіи Художествъ. И надо сказать правду, что хотя итальянцы не особенно высоко ставятъ его акварели,

но все-же здѣсь онѣ изъ лучшихъ. Потомъ въ этой же залѣ стоитъ группа „Политика“, извѣстнаго нашего профессора Бродскаго, но тутъ, къ сожалѣнію, надо сказать, что эта скульптура была чуть-ли не худшая въ этой залѣ.

Во второй залѣ вы встрѣчаете имя профессора Беллоли, извѣстнаго у насъ конфетнаго портретиста, котораго наши нѣжныя дамы такъ любятъ, особенно тѣ, которыя хотятъ быть лучше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Онъ здѣсь выставилъ около полдюжины подобныхъ портретовъ. Тутъ же въ залѣ, на самой серединѣ, стоитъ бронзовая маленькая группа „Бѣгство изъ Помпеи“, профессора Бродскаго. Эта маленькая группа извѣстна тѣмъ, что, несмотря на свое ничтожество, она повсюду успѣваетъ побывать и вездѣ выставлена на самомъ видномъ мѣстѣ.

Въ третьей и послѣдней залѣ вы встрѣчаете вѣчно докучливое имя, хотя и талантливаго, но всегда однообразнаго и манернаго Айвазовскаго. Потомъ въ этой залѣ красуется картина, точно съ бонбоньерки снятая, но увеличенная, творчества профессора Беллоли, извѣстная у насъ „Купальщица“ и въ pendant къ ней еще одна купальщица (видно, что художнику очень пріятно писать купальщицъ, по многимъ причинамъ). По другую стѣну видишь „этюдъ головы женщины“, профессора Бронникова. Къ чему? Неужто онъ думаетъ, что его творчество до того хорошо, что оно можетъ поднять его имя? Далѣе, вы читаете имена Бранта и Шульца—это уже не профессора, и оттого не стоитъ говорить о нихъ.

Какъ вы видите, Россія плодовита профессорами, до того, что нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ здѣсь на выставкѣ довольно большое мѣсто. Однако надо сказать (хотя бы и не хотѣлось), что среди этихъ художниковъ очень мало замѣчается серьезныхъ художниковъ. Всѣ они болѣе или менѣе владѣютъ кистью, привычно, ловко, но заученно и оттого условно всегда, поверхностно. Итальянцы это хорошо чуютъ, и не только отворачиваются отъ подобнаго творчества и творцовъ, но даже очень недружелюбно отзываются о своихъ (въ особенности о Беллоли). Всего лучше и достойнѣе являются акварели Примацци; тутъ по крайней мѣрѣ видно, что онъ искренне и просто относится къ природѣ и любитъ то, что творитъ.

Объ остальной выставкѣ я не имѣю охоты вдаваться въ подробности, по той простой причинѣ, что не о чемъ особенно говорить. Могу только сказать о нѣкоторыхъ статуяхъ, которыя дѣйствительно радуютъ меня, не потому, чтобы тутъ-то я и нашелъ истинное творчество, а потому, что въ нихъ я нашелъ зачатки новаго и здороваго творчества. Они рѣзко чуждаются тѣхъ, которые вѣрятъ, слѣпо и упорно, во все, кромѣ истины. Они отступили отъ тѣхъ, у которыхъ все еще дотлѣваютъ Канововскія и Торвальдсеновскія традиціи. Къ сожалѣнію, тѣ разъ забрали въ свои руки камертонъ, и изъ-за этого до сихъ поръ все еще раздаются фальшивые звуки подъ ихъ дирижерствомъ. Если бы эти господа серьезно изучали тотъ предметъ, которому они поклоняются, если-бы они изучали не однѣ древнія статуи,

а древнее искусство въ связи съ жизнью, то тогда, безъ сомнѣнія, сами увидѣли-бы свою неосновательность. Если-бы имъ удалось воскресить не только греческое искусство, но и самого грека, то и онъ сказалъ-бы имъ: „Дѣти! Вы не можете созидать то, чего у васъ нѣтъ; не можете также создать греческаго искусства, по той простой причинѣ, что вы не греки, что вы живете не въ тѣхъ условіяхъ жизни. Вы ушли отъ насъ далеко, далеко, больше чѣмъ на 2000 лѣтъ. Вашъ климатъ, ваша природа и образъ жизни другіе, ваша вѣра иная, и иныя ваши убѣжденія. Наши убѣжденія были реальныя, ваши—мистическія; наши боги были полны жизни, ваши—полны страданія; мы умѣли жить, вы умѣете страдать. Вотъ чѣмъ вы разнились отъ насъ до сихъ поръ. Но вы хотите оживить формы, въ которыхъ выражался нашъ идеалъ—жизнь; въ этомъ то и ошибка. Вы можете создать только равносильное, подобное, но не то, что разъ ужъ было создано, иначе вы становитесь подражателями. Мы же никому не подражали, и оттого мы творили, потому что мы въ дѣйствительности искали красоты, а вы въ красотѣ ищете дѣйствительности. Ваше изученіе древняго искусства заслуживаетъ величайшей похвалы, но ваше подражаніе ему есть величайшая нелѣпость. Вы раньше всего должны помнить и знать, что пальма на сѣверѣ рости не можетъ, такъ-же какъ и береза на родинѣ пальмы. Каждая страна имѣетъ свои прелести и богатства, и нищъ духомъ тотъ, кто свои чувства отдаетъ на служеніе чужимъ богамъ, кто не можетъ опереться на самого себя, и ищетъ поддержки у другихъ“.

Дѣйствительно, стоитъ лишь посмотрѣть на свѣтила временъ псевдоклассицизма, на Канову, Торвальдсена, Флаксмана, и т. п. и т. п. Какъ всѣ ихъ подражвнія ничтожны, мелки, въ сравненіи съ самобытными творцами древней Греціи!

Кто побывалъ въ Римѣ, и у кого есть хоть немного пониманія пластики, могъ судить, какъ глядятъ рядомъ поставленныя статуи „Аполлона“ Бельведерскаго и „Персея“ Кановы. Эти статуи поставлены вмѣстѣ поклонниками Кановы и незнающими древняго искусства, изъ одного сознанія сходства ихъ, иначе-бы они такъ не поступили. Этотъ „Персей“ есть чистѣйшее подражаніе Аполлону Бельведерскому; вся разница въ томъ, что Аполлонъ держитъ въ лѣвой рукѣ лукъ, а „Персей“ отрубленную голову (какъ это эстетично! ай да классики!). Въ правой рукѣ Аполлонъ ничего не держитъ, а сосѣдъ его держитъ какой-то крючковатый ножъ; потомъ, одинъ съ колпачкомъ на головѣ, а другой безъ этого. Вотъ и вся разница! И, казалось-бы, что онъ, Канова, долженъ былъ бы создать что-то выше еще, чѣмъ сама статуя Аполлона (такъ какъ предъ Кановой стояло античное произведеніе, а предъ творцомъ Аполлона стояла только натура). Но, увы! Какой каменный этотъ Персей, какъ слабъ и ничтоженъ онъ въ сравненіи съ Аполлономъ!

Подобнымъ искусствомъ, „Персеемъ“, „Вакханками“, и сотнями тому подобныхъ произведеній, которыми такъ плодовита германская раса, восторгаются и могутъ восторгаться лишь тѣ, у кого глубины

чувства никогда не бывало, или чувство уже притупилось. Къ сожалѣнію, такихъ-то очень много еще. Однако, я слишкомъ много говорю, а главное, я отошелъ въ сторону отъ предмета—описанія искусства настоящаго времени въ Римѣ. И такъ, съ удовольствіемъ скажу, что здѣсь между скульпторами я нашелъ много такого, что можетъ радовать каждаго человѣка, сознающаго реальную жизнь и реальное искусство.

Первое мѣсто здѣсь на выставкѣ занимаетъ группа „Смерть одного изъ братьевъ Кайрола", которые погибли въ борьбѣ за свободу и единство Италіи, работа молодого художника Родза (онъ получилъ за это премію—за силу и энергію). Вторая, это статуя „Мать Кайролей". Она, какъ и ея дѣти, была патріоткой и, потерявъ пятерыхъ сыновей, съ гордостью, безъ жалобъ вспоминала о нихъ. Эта статуя—надгробный памятникъ: она недавно умерла. Художникъ, Массини, представилъ ее стоящей, сложа руки, съ опущенной головой, точно она сейчасъ пришла сюда и задумалась надъ вѣчно неразрѣшимымъ вопросомъ: „Зачѣмъ?"

Еще одна статуя, просто этюдъ типа изъ народа: „Каменьщикъ отдыхаетъ". Пожилой человѣкъ, согнувши спину, сидитъ въ разорванной рубашкѣ, штанахъ и сапогахъ, около своей работы и костлявыми руками отламываетъ кусокъ отъ своего хлѣба. Вотъ вся его награда, и вотъ за этотъ черствый кусокъ хлѣба онъ такъ усердно и съ такой опасностью для себя работаетъ. И во всю-то свою жизнь онъ ничего больше не видитъ, какъ только этотъ кусокъ хлѣба. Хорошо еще, если у него уцѣлѣла его сила... Лицо его спокойно, и нѣтъ на немъ ни жалобъ, ни упрековъ, ни отчаянія. Вотъ и теперь, я знаю хорошо, что ничего того, что я говорю и что можно думать, стоя около этого стараго и честнаго труженика, художникъ даже самъ не передумалъ. Но часто бываетъ, что безсознательно, но вѣрно выхваченный изъ натуры типъ гораздо больше и сильнѣе говоритъ сердцу, чѣмъ всѣ эти кудрявыя тенденціи.

Есть на выставкѣ еще двѣ, три статуи, которыя не менѣе достойны того, чтобы говорить о нихъ, но задача моя—не разбирать каждое произведеніе отдѣльно, а указать на движеніе и характеръ времени.

Къ сожалѣнію, и эти работы нельзя назвать вполнѣ художественнымъ творчествомъ: онѣ теперь страдаютъ, главнымъ образомъ, отсутствіемъ гармоніи. Все въ нихъ выходитъ пока неясно, и оттого часто любуешься на отдѣлку какой-либо мелочи и никакъ не видишь цѣльности вещи. Но шагъ сдѣланъ, и надо надѣяться, что послѣ такой тактики они достигнутъ своей цѣли въ искусствѣ.

(Окончаніе будетъ).

Мой дорогой другъ! еще два слова! Вчера я хотѣлъ докончить письмо и все-таки не докончилъ. Шлю его такъ, какъ есть, съ надеждой, что окончу послѣ, но теперь не могу. У меня сегодня праздникъ: „Христосъ" конченъ! Вчера пріѣхала одна ваша знакомая дама съ семействомъ изъ Неаполя, ее зовутъ Лизавета Григорьевна, и я могу прибавить, что все семейство здравствуетъ какъ нельзя лучше.

Эхъ, кабы Елена была совсѣмъ здорова, мы бы сегодня задали пиръ на весь міръ, и пили бы за здоровье всѣхъ лучшихъ друзей. Конечно, и вы были бы тутъ упомянуты. Но надо подождать маленько.

Пока довольно писать, такъ и хотѣлъ-бы теперь обнять васъ и крѣпко, крѣпко расцѣловать. Скажите, не знаете-ли вы, отчего Стасовъ пересталъ писать мнѣ, не поссорился-ли онъ опять съ Праховымъ? Странно, что при этомъ долженъ страдать я; если это правда, то приходится жалѣть.

93. Къ В. В. Стасову.

Римъ, получено 8 (20) февраля 1874 г.

До сихъ поръ я не могъ отвѣчать вамъ по многимъ причинамъ: первая и главная та, что я опять захворалъ. У меня сдѣлался зубной нарывъ, правда и тутъ ничего не было опаснаго, но нехорошо то, что мнѣ пришлось опять хворать, раньше чѣмъ я успѣлъ оправиться отъ прежней болѣзни. И оттого я чувствовалъ, что моральная сторона опустилась у меня на нѣсколько градусовъ, и, чтобы все это выгнать—я предпринялъ маленькое путешествіе, какъ-только оправился. Дѣйствительно, послѣ этого я опять сталъ гораздо бодрѣе. Я объѣхалъ Флоренцію, Пизу, Ливорно, и воротился назадъ (о Флоренціи потомъ буду писать). Вотъ это—первая причина, а за ней слѣдуетъ вторая, и еще, и еще другія. Главное то, что все я не могъ привести самого себя въ порядокъ: болѣзни, работа, гости (русскіе), праздники, карнавалъ—все это воцарило во мнѣ такой безпорядокъ, что я рѣшительно не могъ предаваться цѣликомъ ни работѣ, ни удовольствіямъ (впрочемъ, до послѣднихъ я рѣдко бываю охотникомъ). Потомъ хотѣлось мнѣ во что бы то ни стало прочесть вашу книгу [1]), раньше чѣмъ буду писать. Тутъ надо сказать, что вы очень обрадовали меня этой книгой. Не могу скрыть, что тамъ есть строки, очень пріятныя для меня. Я ихъ принимаю какъ лучшую награду за мой художественный трудъ, да притомъ пусть она служитъ знакомъ нашей непрерывной дружбы. Но я не могу также скрыть и того, что я покраснѣлъ, читая ваши строки. Мнѣ какъ-то было и пріятно и стыдно за такую честь, которую я, кажется, не достаточно еще заслужилъ, особенно же я еще не достаточно доказалъ на дѣлѣ всѣхъ моихъ желаній (вѣдь, между нами говоря, вы еще не вполнѣ вѣрите въ меня?).

Потомъ, мнѣ хотѣлось заодно послать фотографію нашего героя и вашего будущаго друга. Но теперь все кончено: я опять здравствую, знакомые разъѣхались, работа двигается впередъ, книгу читаю, фотографія готова—такимъ образомъ, все кое-какъ стало приходить въ порядокъ, и оттого я и пишу.

Начну прямо съ того предмета, который такъ завлекаетъ насъ и заставляетъ сердца вздрагивать, когда говоримъ о немъ. Я думаю о Франціи. Правда, иногда, и даже часто, мы принимаемъ въ ней живое

[1]) В. Стасовъ: «Нынѣшнее искусство въ Европѣ».

участіе, чисто инстинктивно, совершенно безсознательно, но это тѣмъ лучше доказываетъ, что у насъ есть что-то родное къ ней. Наша симпатія, какъ вообще любовь, чисто интинктивна, душевна, и оттого то, чѣмъ больше любишь человѣка, тѣмъ послѣ извѣстнаго періода больше начинаешь анализировать его. При всей моей любви и уваженіи къ Франціи, отдавая всю справедливость ей, я не могу не замѣтить въ ней нѣкоторые недостатки и даже громадные.

А знаете, что я скажу вамъ: мнѣ кажется—что Францію всѣ могутъ любить и любятъ, хотя нѣкоторые стараются заглушить это въ себѣ, и что она способна любить всѣхъ, но боюсь, что она себя не любитъ, а для цѣлой націи это громадный недостатокъ. Франція много сдѣлала для Европы, но въ сравненіи съ этимъ—ужасно мало для себя! Вотъ уже почти цѣлое столѣтіе, какъ французы все продолжаютъ ѣсть другъ друга, а улучшеній не много! Она, какъ женщина, богата своимъ убранствомъ, блеститъ своею красотою, умна, завлекательна, но... легка и перемѣнчива. Я знаю, что и во Франціи есть много людей, которые—совершенно иные, но все-таки въ цѣломъ нація остается такою. Боюсь сказать, что у нихъ нѣтъ логическихъ выводовъ, они увлекаются настоящимъ: это и хорошо, и дурно. Франція блеститъ своей коммерціей, индустріей (что и составляетъ главную ея финансовую силу), знаніемъ, искусствомъ, а главное своими политическими движеніями. Но все это только среди извѣстнаго слоя общества, а масса народа во Франціи, какъ и вездѣ, остается массой барановъ, которыхъ ведутъ на бой, когда и кому это нужно. Все это отражается на искусствѣ, какъ на одной изъ нѣжнѣйшихъ струнъ человѣчества. Вы говорите, что у нихъ индустрія и искусство богаты своимъ разнообразіемъ—да, это правда! Но не хорошо то, что среди всей этой разнообразности менѣе всего замѣтно „свое“. Конечно, французы блестятъ своими талантами, вкусомъ—это вездѣ проглядываетъ, за что только они ни возьмутся, но ихъ нелюбовь къ своей націи, какъ будто читаешь въ каждомъ ихъ произведеніи. Дѣло въ томъ, что несмотря на весь ихъ талантъ, въ ихъ индустріи рѣшительно нѣтъ ни характера времени, ни своего стиля. Развѣ то только можетъ характеризовать время, что никогда не было такой погони за старымъ, какъ въ настоящемъ. Это можетъ быть похвально только тогда, когда вытекаетъ изъ сознанія необходимости дополненія своихъ знаній; но когда это случается наоборотъ, то, какъ бы тамъ ни было хорошо обработано старое, никогда оно не достигнетъ чего-нибудь новаго, и подобное движеніе можетъ только доказать, что люди идутъ заднимъ ходомъ. Хотя въ искусствѣ это видно въ меньшей мѣрѣ, но все-таки оно не отрадно. Уже не говоря о ихъ скульптурѣ—все у нихъ здѣсь—болѣе или менѣе внѣшняя талантливость вещей, ничего не говорящая душѣ. Сюжеты взяты отовсюду, и нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на свою собственную жизнь. По моему, они продолжаютъ идти по старой дорогѣ, только французскими ногами. Оттого ихъ скульптура способна щекотать глаза, но не больше. А досадно, что происходитъ это именно во Франціи!

Въ живописи мы видимъ многое множество разныхъ разностей, но и тутъ какъ мало національности! Народъ точно не существуетъ. Что значитъ Бретонъ или нѣсколько другихъ ему подобныхъ художниковъ, въ сравненіи съ тѣмъ потокомъ искусства, который льется изъ Франціи!

Одно отрадное явленіе среди французскаго искусства, которое дѣйствительно характеризуетъ время, это Реньо [1]). Надо надѣяться, что онъ не умретъ для будущности, и что его духъ вольетъ въ искусство много свѣтлаго, истиннаго и соотвѣтствующаго времени. Только одна карт. на его: „Маршалъ Примъ"—и довольно! Онъ привѣтствуетъ свободу!..

Дальше я не хочу, да и не могу писать, потому что на немъ я остановился въ вашей книгѣ. Но надо прибавить, что я рѣшительно во всемъ раздѣляю вашъ взглядъ, какъ о выставкѣ, такъ и о разныхъ произведеніяхъ въ отдѣльности.

Теперь скажу нѣсколько словъ и о здѣшнемъ искусствѣ. До сихъ поръ я мало говорилъ объ этомъ, потому что особенно не о чемъ было писать. Здѣсь много работаютъ, но, право, часто досадно, что такія дѣти владѣютъ талантомъ! Лучшіе здѣшніе художники—это испанцы; худшіе—это сами римляне. Художниковъ здѣсь тьма! Но особенно выдающихся никого нѣтъ. Теперь здѣсь выставка, и казалось бы, что хоть одному произведенію слѣдовало бы явиться, которое можно было бы назвать творческимъ, въ полномъ смыслѣ. Но увы! Ни одного нѣтъ! Много милаго, и только! Картины Айвазовскаго вездѣ торчатъ, и здѣсь стали часто появляться, какъ будто они отвѣчаютъ за лучшее!

Недавно здѣсь была назначена премія: 5000 фр. за скульптуру и столько же за живопись. И представьте себѣ, что за живопись некому было дать! И не дали. Какъ это вамъ нравится? Гораздо болѣе отрады чувствуется среди скульптуры. Правда, и тутъ они еще дѣти, но съ хорошими задатками. Теперь идетъ у нихъ ломка стараго, и оттого весьма естественно, что они изъ одной крайности попадаютъ въ другую. Они отскочили отъ псевдо-классицизма, и не желаютъ болѣе подражать чему-то мертвому, а стали гоняться за реализмомъ. Но они далеко не выдерживаютъ еще этого названія и незамѣтно увлекаются въ мелочи. Они никакъ не понимаютъ, да и не чувствуютъ, что такое цѣльность и что такое творчество, а только работаютъ, какъ дѣти, граціозно, мило, но забавно по содержанію и пестро по исполненію. Но, повторю, гораздо лучше крайность теперешняя, чѣмъ старая, и если теперь искусство пойдетъ впередъ, то оно дойдетъ до середины, а старому некуда было дальше и идти: оно совершило свой кругъ и должно было погибнуть, какъ старая и ненужная вещь. Недавно еще 82 художника подали протестъ противъ инвалидной Академіи за назначеніе преміи такому же инвалиду, какъ она сама.

---

[1]) Живописецъ Анри Реньо, убитый на войнѣ съ Пруссіей въ 1810 году. Антокольскій видѣлъ на Вѣнской всемірной выставкѣ 1873 года, лучшее и главнѣйшее его произведеніе: «Маршалъ Примъ передъ входомъ революціонныхъ испанскихъ войскъ въ Мадридъ».

И дѣйствительно, теперь стали замѣнять старыхъ профессоровъ новыми, которые всѣ стремятся къ реализму. Во Флоренціи еще гораздо мертвѣе, чѣмъ здѣсь. У скульпторовъ я рѣшительно ничего новаго не нашелъ. Мнѣ кажется, что Флоренція начинаетъ походить на провинцію: она очень усердно занимается своими постройками, какъ добрая хозяйка своимъ домомъ, и, какъ видно, тамошніе люди этимъ очень довольны и бо́льшаго не желаютъ. Вездѣ строятся маленькіе домики, легкіе, точно карточные, да вдобавокъ здѣсь много обществъ, которыя строятъ и отдаютъ на выплату—такимъ образомъ, каждому охота имѣть домъ. Ну, и Флоренція развивается, но очень поверхностно.

Я посѣтилъ общество художниковъ, которые, соединившись, построили себѣ домъ, мастерскую и тамъ же имѣютъ постоянную выставку своихъ же (никакъ не чужихъ) вещей. Глядѣлъ я на эту выставку, и въ ихъ произведеніяхъ увидѣлъ, что они очень довольны собой и дальше своей мастерской не пойдутъ. Всѣ сюжеты (по крайней мѣрѣ большую часть) они черпаютъ изъ своихъ же мастерскихъ, такъ-же какъ нѣмцы изъ своего пива. У нихъ есть милыя вещи, но, какъ выше сказано — итальянецъ дальше милаго не идетъ. А странно то: когда я вошелъ на выставку, то мнѣ показалось, что я на Петербургской, и даже вѣчно докучливый Айвазовскій тоже тамъ! Они такъ-же грѣшатъ, какъ и нашъ братъ, только сознательнѣе и искреннѣе убѣждены, что дѣлаютъ хорошее дѣло.

Но вотъ что меня удивляетъ въ Италіи вообще: художники и художественный интересъ точно не существуютъ для нихъ самихъ, а все для чужихъ. Вездѣ, куда вы ни поѣдете, повсюду увидите фотографіи, разнообразнѣйшей величины и при разнообразнѣйшемъ освѣщеніи, мѣстныхъ замѣчательныхъ памятниковъ. Если это картина, то на мѣстѣ фабрикуются сотнями копіи; если это изданіе, то и тутъ они ухитряются воспроизводить это изданіе, вырѣзая его рисунки въ миніатюрахъ изъ камней и пр. Извѣстно, что Римъ, Венеція живутъ коммерціей своихъ подражаній. Особенно Римъ. Я ничего не видѣлъ въ индустріи новаго, но за то всѣ ихъ подражанія до того намозолили мнѣ глаза, что часто не шутя сердятъ меня.

Только недавно здѣсь открылся художественный магазинъ, гдѣ можно видѣть фотографіи съ новѣйшихъ художественныхъ произведеній, но и тамъ рѣдко можно найти то, чего желаешь, и надо брать то, что есть.

Я думалъ, что во Флоренціи лучше, но увы! Я отыскалъ художественный магазинъ, и что ни спрашивалъ, ничего тамъ не было: поневолѣ пришлось купить фотографіи съ Деларошевскихъ картинъ въ размѣрѣ карточекъ. Но когда я пришелъ домой и сталъ разсматривать ихъ, то отъ досады бросилъ ихъ въ каминъ, — до того они смахивали на каррикатуры съ его произведеній.

Вотъ вамъ и Италія!

Вчера я не кончилъ письмо, а передъ сномъ сталъ читать вашу книгу и зачитался до того, что не замѣтилъ, что уже была половина

второго. Книга написана плавно, ясно и увлекательно, а главное: въ ней я нахожу то, чего желаю.

Въ одномъ я не могу согласиться съ вами: это о Макартѣ. Вы сравниваете его съ Тиціаномъ и съ Веронезомъ. Уже одно то, что онъ подражаетъ имъ—это доказываетъ, что онъ во сто разъ ниже ихъ стоитъ. И дѣйствительно, раньше всего они, какъ геніи, видѣли въ натурѣ ту силу, ту красоту, тѣ типичности, которыя они передавали такъ ярко и такъ глубоко въ своихъ произведеніяхъ. Ихъ кисть густа, глубока, ихъ рисунокъ строгъ, а главное—все у нихъ полно силы, красоты и правды, и оттого они такъ велики и самостоятельны. А у Макарта—много блеска и много, много виртуозности, онъ можетъ быть великъ для насъ, но онъ ничто въ сравненіи съ Веронезомъ.

Въ вашей книгѣ я читалъ многое о тѣхъ, которые вовсе не по мнѣ, и очень о томъ жалѣю. Но жаль мнѣ еще, что я не нашелъ ничего о Максѣ [1]). Этотъ художникъ—громадный талантъ, съ глубокимъ и тонкимъ чувствомъ, но съ болѣзненной душой, и это отражается на его картинахъ. И объ этомъ, какъ „тѣнь Гретхенъ“, ничего ровно не было на всей Вѣнской выставкѣ.

Далѣе, я не нашелъ у васъ ничего объ одной картинѣ, которая очень нравилась мнѣ, въ сравненіи съ другими: названія ея я не помню, также—чья она, но она помѣщена въ нѣмецкомъ отдѣлѣ въ углу комнаты. Содержаніе ея средневѣковое; дѣло происходитъ послѣ дуэли: молодой раненый находится на дорогѣ, въ крестьянской избѣ; онъ лежитъ, а рана источаетъ кровь; его другъ сидитъ возлѣ него съ опущенной головой, утомленный—видно, что съ трудомъ онъ дотащилъ своего раненаго друга хоть до этого мѣста; сапоги его всѣ въ грязи, и въ комнатѣ чувствуется, что вотъ, вотъ страданіе юноши кончится, но начнется страданіе друга и семейства.

Еще жалѣю, что вы обо всемъ говорили, но отчего-то пропустили пейзажи. Правда, просто невозможно передать ихъ перомъ, но все-таки слѣдовало-бы и о нихъ сказать.

Еще одно слово о Чижовѣ: что онъ сухъ въ работѣ — это почти правда; главное, она пестра и дыровата, но все-таки въ ней много хорошаго.

Теперь скажу нѣсколько словъ и о себѣ, хотя вначалѣ письма уже писалъ про себя.

Теперь я здравствую, но въ общемъ итогѣ не совсѣмъ: каждый день у меня бываетъ что-нибудь новое: сегодня рука болитъ, завтра голова, послѣзавтра желудокъ, тамъ нарывъ и т. д. А все-таки я не теряю бодрости духа, строю огромные планы и живу надеждами. Вѣчно что-нибудь новое: сегодня рука болитъ, завтра голова, послѣзавтра желудокъ, тамъ нарывъ и т. д. А все-таки я не теряю бодрости духа, строю огромные планы и живу надеждами. Что будетъ, чѣмъ кончитъ человѣкъ — это не трудно отгадать, и оттого я не думаю о себѣ въ будущемъ, а работаю, и работаю насколько могу, и настоящее посвя-

---

[1]) Габріэль Максъ, нѣмецкій живописецъ.

щаю будущему. Право, такъ легче живется! Въ Вильнѣ уже выдумали, что я умеръ (поторопились!), и я сталъ получать телеграмму за телеграммой: дескать, живъ ли я еще?

Кстати: вы жалуетесь въ вашемъ письмѣ на прошедшее, что вы немного сдѣлали, и думаете крѣпко о будущемъ. Эхъ, дорогой мой дядя, это мимо, мимо! Подобныя думы только мѣшаютъ дѣлу. И вы ошибаетесь, что мало сдѣлали. Мы ждемъ отъ васъ еще многаго. „Станемъ продолжать наше общее, хотя и разное дѣло" [1]).

94. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 16 (28) февраля 1874 г.

Спѣшу сказать, что вы очень обрадовали меня вашимъ письмомъ, не то я сталъ было думать, что не разсердились ли вы на меня? Хотя я рѣшительно никакой вины не чувствую противъ васъ. Я писалъ-писалъ вамъ не два письма, а цѣлыхъ три, и только сегодня получилъ отвѣтъ. Между тѣмъ, моя слабость — болтать, и скучно, если нѣтъ съ кѣмъ поболтать объ искусствѣ.

Вчера только я послалъ Мамонтову большое письмо, исключительно только о здѣшнемъ искусствѣ. Тамъ много интереснаго, особенно для насъ, русскихъ. Скажу вамъ, что я очень полюбилъ Мамонтова за его прямоту, честность и доброжелательность. Желательно было бы, чтобы побольше было такихъ людей, какъ онъ, на душѣ было-бы отраднѣе.

Теперь скажу нѣсколько словъ и о себѣ. Вотъ что: вчера я кончилъ „Христа". Это для меня большой праздникъ, потому что создать его—это было для меня самое трудное, что я до сихъ поръ сдѣлалъ. Я оставилъ его на нѣсколько дней открытымъ для здѣшнихъ художниковъ. Мнѣ неловко передать вамъ всѣ отзывы объ этой статуѣ, но могу сказать что былъ общій восторгъ. Нѣкоторые приходили уже по нѣскольку разъ. Но, право, я начинаю бояться, что не позволятъ его выставить у насъ. А впрочемъ, все это увидимъ еще! Моего намѣренія не посылать его, покуда, въ Россію,—я не измѣню. Я думаю, что такимъ образомъ я съэкономлю 2—3 фунта крови. Они необходимы мнѣ для будущей работы. Что касается до того, насколько я лично самъ доволенъ „Христомъ", право не могу сказать, потому что все, что было во мнѣ, все я передалъ этой статуѣ, а теперь усталъ и отупѣлъ. Никакая работа не утомляла меня такъ, какъ эта. Одно только могу сказать, что я старался создать эту вещь какъ можно проще, покойнѣе, народнѣе, и въ этомъ создать типъ или духъ „Христа".

Пожалуйста простите, что я такъ отрывисто пишу, — это потому, что не даютъ мнѣ писать,—тамъ въ другой комнатѣ гости, а я ушелъ писать, потому что ужъ больно радъ вашему письму, а какъ Елена обрадовалось! Вы не знаете, что она очень любитъ васъ. Между всѣми моими друзьями, вы у ней—первый!..

Я очень радъ за васъ, что вы работаете, шагаете впередъ, впе-

---

[1]) Слова въ предисловіи книги В. В. Стасова «Нынѣшнее искусство въ Европѣ».

редъ! Когда что-нибудь будетъ напечатано изъ вашей работы, не забудьте обо мнѣ, пришлите сюда, потому что у меня болѣе нѣтъ „Спб. Вѣдомостей“.

Жаль, очень жаль Мусоргскаго. Недавно я писалъ совершенно то же, что вы говорите: „отчего у насъ такъ скоро угасаютъ таланты?“ Я не знаю.—Не оттого ли, что только пустыя сердца бьются ровно? Не оттого ли, что у насъ является раньше сознаніе, чѣмъ знаніе? Душа на волю рвется, а куда?—Ну, и часто натыкается художникъ на тернистую дорогу, вначалѣ двигается, устаетъ, шатается, чахнетъ и падаетъ. Эхъ, Русь! во многихъ жертвахъ она еще нуждается, пока не заживетъ правильной жизнью. Подобныя жертвы будутъ служить подмостками для будущихъ людей. Это, по моему, правда, и тѣмъ грустнѣе.

Я читалъ разборъ оперы „Борисъ Годуновъ“ въ газетѣ „Голосъ“. По моему, ничего я не видѣлъ глупѣе и пошлѣе! Глупо то, что разбиравшій оперу мелочно придирается къ мелочамъ, и вовсе не разбираетъ того, что составляетъ сущности оперы. Главное—оно глупо потому, что онъ путаетъ личности: это непростительно, это значитъ не уважать печатное слово; наконецъ, это несправедливо. Впрочемъ, его пошлыя выходки, что „ничтожество есть реализмъ“, а реализмъ—либерализмъ, и оба они „стараются разорвать оковы времени,“—все это достаточно доказываетъ, что и говорить о такихъ людяхъ не стоитъ. Вѣдь это нѣчто вродѣ художественнаго доноса. Честь и слава „Голосу“! Онъ этимъ часто занимается!

Съ мадамъ Лихачевой [1])—я очень радъ буду познакомиться. Я хорошо помню ее. Жаль, что теперь всѣ мои знакомые разъѣзжаются, а то она-бы ни минуты не скучала здѣсь.

Я бы послалъ вамъ фотографію съ „Христа“, но, во-первыхъ, я еще не снималъ его, а во-вторыхъ, я бы не хотѣлъ, чтобы вы видѣли фотографію раньше, чѣмъ самую статую.

Гена здравствуетъ, но не совсѣмъ хорошо. Я думаю, что ей не совсѣмъ хорошо кормить ребенка, но теперь нельзя отнять его еще, такъ какъ у него зубки ростутъ, хотя совершенно незамѣтно. Все-таки боязно. Вы не повѣрите, насколько онъ смѣтливъ по своему времени!

Теперь я долженъ сдѣлать два бюста — оба заказные. Ужасно скучно, потому что не съ натуры, но дѣлать нечего, надо сдѣлать, и потомъ тронусь въ путь.

Жаль, что раньше я не зналъ, что устраивается Гартмановская выставка: я бы тамъ поставилъ нѣкоторые бюсты; но, во-первыхъ, я не знаю, насколько бы это было кстати, а во-вторыхъ, когда я въ первый разъ узналъ объ этой выставкѣ,—уже было поздно для посылки. Бюстъ Гартмана у меня въ мастерской [2]). Мамонтовъ привезъ его, чтобы вы-

---

[1]) Елена Осиповна Лихачева, дѣятельница въ русскомъ женскомъ дѣлѣ и впослѣдствіи авторъ обширнаго сочиненія: «Исторія женскаго образованія въ Россіи».

[2]) С. И. Мамонтовъ, какъ выше было уже сказано, занимался въ Римѣ, съ успѣхомъ,

сѣчь изъ мрамора, и, надо сказать вамъ, что онъ удивилъ меня! Правда. тамъ много техническихъ недостатковъ, но сдѣлать бюстъ безъ натуры и притомъ, такъ мало занимавшись скульптурой, — это очень много для Мамонтова; при томъ же надо сказать, что къ общему я не могу придираться. Что касается сходства, то пожалуй Гартманъ здѣсь не совсѣмъ похожъ, но все-таки похожъ.

Однако довольно, крѣпко-на-крѣпко обнимаю васъ.

Скоро, когда угаръ выйдетъ изъ головы, напишу побольше, а пока, прошу не забывать меня.

95. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, февраль 1874 г.

Здравствуйте, мой дорогой другъ Савва Ивановичъ! Не могу не писать и не подѣлиться съ вами—моимъ удовольствіемъ. Вотъ уже недѣля, какъ я отдыхаю послѣ окончательной отдѣлки „Христа“, который все стоитъ и принимаетъ восклицанія, поздравленія, выраженія удивленія, и тому подобное. Когда статуя была окончена, я всѣмъ объявилъ это, но этимъ распорядились такъ, что не сказали никому, гдѣ можно ее видѣть (это я сегодня узналъ). Однако, несмотря на это, многіе ходятъ, смотрятъ, потомъ уходятъ, приводятъ еще кого-нибудь; такимъ образомъ „Христосъ“ принимаетъ множество самыхъ лестныхъ отзывовъ.

Надо сказать, что я никакъ не думалъ, чтобы „Христосъ“ настолько могъ понравиться, и никогда еще я не имѣлъ такого успѣха въ публикѣ, какъ здѣсь, среди художниковъ. И странно, я никогда не думалъ, чтобы нѣмцамъ моя работа такъ нравилась; а оказывается, что именно они-то очень усердно меня посѣщаютъ; даже самъ германскій посланникъ сдѣлалъ визитъ „Христу“, а жена его повторила это три раза. Были итальянскіе художники (около 400), были французскіе (очень мало), потомъ нѣмецкіе, польскіе, и т. д.

Да, много было также испанскихъ, и отъ всѣхъ я слышалъ одинъ и тотъ-же отзывъ, и такой, какого я еще никогда не слыхалъ. Но вотъ, что курьезно: до вчерашняго дня никто изъ старыхъ классиковъ не былъ у меня, точно они боялись смотрѣть, чтобы правда имъ глазъ не уколола; но вчера и сегодня и изъ ихъ лагеря было болѣе десятка, и всѣ они наговорили мнѣ кучу комплиментовъ. Я лично не торчу въ студіи, во-первыхъ для того, чтобы не стоять и не напрашиваться на комплименты, а во-вторыхъ, не хочу мѣшать разсужденіямъ тѣхъ, кто глядитъ. А все то, что я разсказываю вамъ, мнѣ передаютъ, или я нахожу на оставленныхъ карточкахъ. Ну и надо сказать, молодцы-же они создавать комплименты.

Что, мой другъ, довольны-вы? Я хорошо знаю, что вы рады моей

скульптурой, подъ руководствомъ Антокольскаго. Въ 1872 — 73 году, и во время пребыванія Гартмана въ Москвѣ, для его архитектурныхъ работъ, С. И. Мамонтовъ подружился съ нимъ, а послѣ смерти его, вылѣпилъ по фотографіи очень замѣчательный бюстъ.

радости. И какъ хотѣлось-бы мнѣ теперь видѣть, расцѣловать васъ. Я знаю, сколько разъ въ день вы были бы въ студіи, какъ вы бы интересовались тѣмъ, что каждый говоритъ; все это я себѣ живо представлю, и тѣмъ болѣе жаль мнѣ, что васъ здѣсь теперь нѣтъ.

Картина Морелли теперь стоитъ у меня. Цѣлый вечеръ я любовался ею; она не безъ недостатковъ, но все-таки это удивительная вещь. Я не хочу теперь о ней говорить, хочу предоставить это Елизаветѣ Григорьевнѣ.

Если что-нибудь будетъ напечатано о „Христѣ", конечно, пришлю вамъ.

Теперь поздно, я усталъ, хочу спать, и оттого кладу перо, съ пожеланіемъ вамъ всего лучшаго, а теперь—душевнаго спокойствія.

96. Къ Ел. Григ. Мамонтовой.

Римъ, 1874 г.

Я не знаю, насколько вы одобрите мою задачу, что я, будучи самъ евреемъ, воспроизвелъ Того, изъ-за Кого пролилось столько еврейской и не-еврейской крови въ теченіе 2000 лѣтъ, такъ что и до сихъ поръ глубокая вражда осталась между христіанами и нехристіанами. Но виноватъ-ли въ этомъ Назарей? Часто мы видимъ, что даже одна опущенная цифра въ началѣ ведетъ къ дальнѣйшимъ ошибкамъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ ошибки болѣе возрастаютъ.

Я лично далекъ отъ всякихъ предубѣжденій, партій, вражды, фанатизма и патріотизма, которые постоянно тормошатъ человѣка. Все это вытекаетъ изъ одного эгоистическаго источника „любить себя и своихъ, презирать всѣхъ другихъ", вотъ общій девизъ, господствующій до сихъ поръ. Духъ мой принадлежитъ мнѣ самому, у меня одна цѣль, одна истина, въ искусствѣ ищу ее и она мой идеалъ, ибо истина и есть высшая цѣль и науки, и искусства.

При созданіи Назарея я руководствовался только истинными фактами, и убѣжденъ, что факты сами по себѣ до того просты и ясны, что не нуждаются ни въ какихъ коментаріяхъ. Но какъ я слышалъ, оказывается, что это не такъ. Московскіе фарисеи, по узкости-ли ума, или же по кривизнѣ души, толкуютъ о моемъ произведеніи такъ, какъ имъ хочется, и какъ для нихъ лучше. Что прикажете дѣлать? Гёте сказалъ, что „людямъ досадно, что истина такъ проста", и онъ правъ. Забавно то, что они судятъ, не видавши самого произведенія, безъ чего невозможно опредѣлить его содержанія; вотъ почему я и хочу коснуться содержанія моей статуи.

Назарей явился, когда израильская нравственность начала падать, когда религія и власть стали злоупотреблять своими правами. Назарей хотѣлъ предупредить ту кровавую трагедію, которая разыгралась 100 лѣтъ спустя, но за это Назарей былъ варварски замученъ. Но тѣмъ не менѣе Іисусъ Назарей, его исторія и судьба составляютъ рѣдкое явленіе въ исторіи человѣчества. Хотя отрывки его ученія и раньше уже существовали, но ни въ комъ оно такъ ярко не воспла-

менилось, какъ въ Немъ, никто такъ искренно и цѣльно не пожертвовалъ своею жизнью ради своихъ идей, убѣжденій и ради человѣчества. Евреи положительно могутъ гордиться, что Іисусъ принадлежитъ къ потомкамъ Моисея, того великаго пророка, который еще раньше возсталъ противъ насилій и рабства,—возсталъ за угнетенный народъ, который, благодаря его энергіи, освободился отъ египетскаго ига.

Если въ сущности еврейской религіи есть хотя сотая часть гуманности, то „Назарей“ не только не возсталъ противъ нея, но напротивъ поддерживалъ ее, онъ повторилъ слова Моисея: „Люби ближняго, какъ самого себя“; онъ, какъ Моисей, возсталъ за народъ противъ фарисеевъ и саддукеевъ, которые поддерживали форму безъ содержанія ради своихъ корыстолюбивыхъ цѣлей. Онъ возсталъ за народъ, котораго эксплуатировали, но, къ сожалѣнію, народъ не понялъ Его чистыхъ словъ, и пролилъ Его кровь за то, что Онъ горячо любилъ его до послѣдней минуты своей жизни.

Разница между Моисеемъ и Назареемъ та, что Моисей былъ великій практикъ, а Назарей былъ великій идеалистъ. Между двумя такими характерами непремѣнно должно было произойти столкновеніе. Моисей по времени и по характеру не совсѣмъ былъ мягкосердеченъ: онъ издалъ цѣлый рядъ строгихъ и энергическихъ законовъ, которыхъ даже самые сильные фанатики не придерживаются,—напримѣръ: „зубъ за зубъ“, или: „кто подойдетъ къ этому городу, тотъ пусть будетъ убитъ“ и т. д. Назарей, напротивъ, какъ идеалистъ, проникнутъ весь гуманностью, душа у него нѣжная, чувствительная, хотя разумная и сознательная. Всѣ отношенія человѣка къ человѣку Онъ хотѣлъ основать не на страхѣ, не на строгихъ законахъ, а лишь только на одной чистой любви и совѣсти; тамъ, гдѣ послѣдняя есть, страхъ и строгость совершенно излишни (время доказало, насколько это осуществимо—горькая истина). Когда къ Нему привели женщину, которую по закону Моисееву слѣдовало побить каменьями, „у кого нѣтъ грѣховъ, пускай возьметъ камень“, сказалъ Онъ, и, только благодаря этой разумной любви, эта преступная женщина стала высоконравственной. Но за такія истины Назарей былъ казненъ, а разбойникъ остался свободенъ.

Прошло сто лѣтъ и больше, Іерусалимъ былъ разрушенъ римлянами. Римъ въ свою очередь сталъ падать отъ чрезмѣрнаго грабежа и эксплуатаціи. Въ Римѣ развелось столько рабовъ, въ томъ числѣ и евреевъ, и жизнь ихъ такъ дешево цѣнилась, что развратные патриціи находили болѣе выгоднымъ кормить рыбъ въ своихъ прудахъ рабами, нежели чѣмъ-либо другимъ. Не удивительно, что только среди такихъ презрѣнныхъ рабовъ могла явиться такая неустрашимость и даже презрѣніе къ жизни, и только среди нихъ могъ раздаться подземный торжественный гимнъ „на смерть, на смерть, какъ Іисусъ за единство, за братство, за общую любовь“; образъ Назарея воскресъ. И вотъ изъ смерти родилась новая свѣтлая идея, облеченная въ религіозную форму (и тутъ во главѣ былъ опять еврей), но тѣмъ не менѣе человѣчество не восторжествовало, да и восторжествуетъ-ли когда-нибудь? По моему,

вся исторія человѣка есть не что иное, какъ драма. Еще человѣкъ не успѣлъ воспринять тѣ великія начала, за которыя онъ боролся, не усвоилъ еще себѣ ихъ простой, но глубокій смыслъ, какъ уже явились мудрецы, лжетолкователи, которые повели человѣка къ аскетизму и фанатизму, а сами стали эксплуатировать его. Явились папы (хранители земныхъ и небесныхъ благъ), явились роскошь, рабство и развратъ. Явились Крестовые походы, костры, и всѣ пошли во имя Христа противъ Христа. Зачѣмъ прикрывать именемъ такого великаго идеалиста, какъ Іисусъ, свое желаніе вредить ближнему, на мѣсто того, чтобы любить его? Зачѣмъ эксплуатировать его великимъ именемъ? Кто теперь христіанинъ? Не странно-ли, не обидно-ли, что геній зла торжествуетъ?

Относительно замысла моего произведенія, я долженъ прибавить, что не касаюсь его исполненія, т.-е. искусства, потому что это вовлекло-бы меня въ длинное разсужденіе, отъ чего я удерживаюсь, чтобы не наскучить вамъ.

97. Къ ней же.

Римъ, 1874 г.

„Христосъ“ давно уже отлитъ изъ гипса, довольно счастливо, онъ гораздо менѣе потерялъ въ гипсѣ, чѣмъ я предполагалъ; говорятъ, что даже нисколько. Когда я открылъ всѣ занавѣси и окна, такъ что со всѣхъ сторонъ падалъ на него свѣтъ, который преимущественно вреденъ для художественныхъ вещей, то и тутъ онъ нисколько не потерялъ. Такимъ образомъ есть надежда, и даже навѣрное, что въ мраморѣ онъ будетъ хорошъ, только все-таки бѣлымъ я бы его не оставилъ, а непремѣнно далъ бы легкій тонъ мрамору. Шлю вамъ отзывъ о „Христѣ“, который былъ напечатанъ въ „Libertà“. Говорятъ, что написалъ его одинъ изъ лучшихъ итальянскихъ критиковъ, и надо замѣтить, что онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, отгадалъ мои мысли. Жаль только, что онъ мало говоритъ объ эксплоатаціи христіанской религіи, и что мой „Христосъ“ является, чтобы напомнить о томъ, къ чему Онъ стремился; впрочемъ, приблизительно онъ говоритъ и это.

Надо замѣтить, что я очень доволенъ, что итальянцы серьезно отнеслись къ моему произведенію; признаюсь, я думалъ, что въ ихъ отзывахъ я найду преимущественно слова: „Carino“, „bello“, и не болѣе того. Радъ, что ошибался. Вижу, что они способны настолько думать и настолько чувствовать, что могутъ развивать то, что у нихъ есть. Чтобы возвратить то, что у нихъ было, надо время, да притомъ время въ благопріятныхъ условіяхъ.

98. С. И. Мамонтову.

Римъ, въ началѣ марта 1874 г.

Вотъ и опять я всталъ на ноги, все прошло, остался только какой-то осадокъ на душѣ. Стараюсь и это выкинуть. Завтра ѣду во

Флоренцію, поѣду въ Пизу, Ливорно и обратно. Этому я очень радъ, хочу провѣтриться, потому что чувствую себя закоптѣлымъ.

Какъ вы видите, работа все откладывается; но дѣлать нечего, я все готовъ дѣлать для своихъ произведеній, ибо безъ нихъ я и жить не хочу.

Въ Вильнѣ всѣ уже оплакивали меня, выдумали, что я померъ. Представляю себѣ, какъ гадко было на душѣ моимъ родителямъ. Бѣдные! Ужъ больно они жалѣли меня.

Новостей здѣсь никакихъ нѣтъ.

Отъ Рѣпина получилъ письмо; зоветъ въ Парижъ и пророчитъ, что тамъ работа моя будетъ имѣть большой успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ апрѣлѣ мы ѣдемъ въ Искію, потомъ на пароходѣ прямо въ Марсель, а тамъ въ Парижъ. Я хочу оставаться тамъ нѣкоторое время, хочу все увидѣть.

Отъ Стасова получилъ книжку, гдѣ на заглавномъ листѣ напечатано: „Посвящается Ильѣ Рѣпину, Мордуху Антокольскому и памяти Гартана“. Вотъ какъ!

Изъ Петербурга я получилъ письмо отъ Крамского, и оказывается, что въ Петербургѣ носятся самые хорошіе слухи о моемъ „Христѣ“. Этого я никакъ не ожидалъ! А все-таки, карманъ прорванъ. Я надѣялся получить кое-что отъ Зои Сергѣевны, но, какъ видно, это еще далеко впереди, и оттого я бы очень и очень просилъ васъ выслать мнѣ 1000 рублей, а если вамъ не трудно, то даже побольше (что бы больше уже не безпокоить васъ), а именно 2000. Это будетъ въ счетъ и за бюстъ „Ивана Грознаго“. Пока довольно, постараюсь выбрать удобное и спокойное время, чтобы написать вамъ побольше и серьезнѣе. А сіе письмо не въ счетъ абонемента.

Бюстъ „Ивана Грознаго“ не будетъ ни на какой выставкѣ, и я его пошлю прямо къ вамъ, по крайней мѣрѣ, я теперь такъ думаю.

99. Къ нему же.

Римъ, 4 марта 1874 г.

Ужасно жалко мнѣ стало васъ, я страстно хотѣлъ бы быть теперь около васъ, поболтать съ вами, обнять васъ и крѣпко, крѣпко прижать къ себѣ, дорогой мой! Я хорошо понимаю ваше теперешнее душевное состояніе. Вы теперь такъ одиноки среди холода и холодныхъ людей, которые способны скорѣе раздражить, чѣмъ утѣшить. Вамъ теперь солнца надо, душевнаго солнца, а между тѣмъ вы такъ одиноки, далеки отъ своей семьи. Но одно могу сказать, что все это еще не такъ плохо. Жить надеждой—это великая вещь, и ожиданіе имѣетъ свою прелесть. А вѣдь вотъ скоро-скоро мы всѣ увидимся въ вашемъ Абрамцевѣ. Жизнь, думаю, пойдетъ хорошо, на душѣ будетъ легко, будемъ работать, и тогда во всемъ найдемъ наслажденіе. Я предчувствую, что скоро мои мечты осуществятся, что мы всѣ дружно будемъ работать на поприщѣ искусства—для блага народа.

Илья Рѣпинъ писалъ мнѣ, что скоро хочетъ возвратиться въ Рос-

сію, въ Москву [1]). Онъ говоритъ, что Борисъ писалъ вамъ объ этомъ. Я самъ думаю о томъ же. Хотѣлось бы, чтобы всѣ мы гнѣздились около васъ, недалеко, такъ чтобы вечеркомъ можно было придти чай пить у большого самовара.

Не понимаю, какъ вамъ могло въ голову придти, что я за что-то могъ сердиться на васъ. Одно лишь могу сказать, что я чувствую, что этого никогда не будетъ, никогда—слышите?!

Затѣмъ я удивляюсь, что вы до сихъ поръ не получили моего письма и фотографической карточки (какъ я радъ, что отгадалъ ваше желаніе).

Вчера пріѣхалъ изъ Неаполя Даниловичъ, онъ видѣлъ тамъ ваше семейство, они всѣ здравствуютъ и въ восторгѣ отъ окрестностей Неаполя.

Я-то здравствую, бодро работаю, съ утра до самаго вечера: и какъ хотѣлось бы еще и еще работать! Въ головѣ много чего роится, а на первомъ планѣ стоитъ „Спиноза" и группа изъ жизни акробатовъ „Послѣ браво!" Этотъ жанръ долженъ быть силенъ. Помните, я когда-то разсказывалъ вамъ объ этомъ.

То, что вы или m-me Гартманъ послали бюстъ Гартмана на выставку [2]), я не только не ругаю, но даже хвалю. Что бы тамъ ни случилось, хорошее-ли, дурное-ли все это ничего; я радъ, что вамъ придется побольше работать (лѣтомъ мы вмѣстѣ будемъ работать). Вчера я былъ въ студіи Попова, и тамъ-то видѣлъ бюстикъ Гартмана; да, ей-ей, вашъ во сто разъ лучше!! [3]).

Ну, однако будьте здоровы, добры, знайте, что всѣ васъ любятъ; это я знаю, а за себя могу и ручаться.

100. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 4 марта 1874 г.

Я удивляюсь, отчего такъ долго ничего не получаю отъ васъ (или мнѣ только кажется, что это долго)? Не знаю, получили ли вы мое письмо съ фотографіями? Я послалъ его по адресу Публичной библіотеки, какъ всегда. Очень хотѣлось бы знать, какъ вы поживаете, что подѣлываете? Отъ Рѣпина я узналъ, что вы очень много работаете, а также, что Адріанъ Праховъ сказалъ вамъ, что будто-бы ему удастся задержать меня въ Римѣ. Во-первыхъ, у насъ съ нимъ объ этомъ даже не было говорено, а во-вторыхъ, надо сказать, что эти опекунскія хлопоты просто раздражаютъ меня до невѣроятности, особенно въ послѣднее время: я это почувствовалъ со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ я всѣхъ слушаю и никого въ отдѣльности не слушаюсь [4]),

---

[1]) Изъ Парижа, куда былъ посланъ Академіей Художествъ по полученіи золотой медали.

[2]) Въ Лондонѣ.

[3]) Викт. Ал. Гартманъ умеръ скоропостижно въ іюлѣ 1873 г., Его бюстъ былъ вылѣпленъ С. И. Мамонтовымъ.

[4]) Всегдашнее и во всѣхъ дѣлахъ любимое изреченіе Антокольскаго.

а дѣлаю сообразно моему собственному разсудку и соображенію. Также отъ Мамонтова я узналъ, что вы устроили выставку изъ вещей Гартмана. Но отъ васъ лично я ничего не знаю. Отчего это? Очень хотѣлось бы мнѣ знать дальнѣйшій ходъ „Бориса Годунова“, такъ какъ „Спб. Вѣдомостей“ не получаю больше, а выписывать не хочется, — скоро мы начнемъ путешествовать, и оттого я бы просилъ статью, гдѣ разбирается эта опера.

Обо мнѣ нечего говорить, а если и есть, то не скажу, пока не получу отъ васъ извѣстія. Еще одна просьба къ вамъ. Чижовъ проситъ: нѣтъ ли портрета Ломоносова въ молодости (я обѣщалъ ему похлопотать у васъ объ этомъ). Я думаю, что въ Публичной библіотекѣ должно быть все, что только возможно, и если есть, то нельзя-ли получить съ этой фотографіи копію?

Онъ теперь работаетъ молодого Ломоносова, и мнѣ онъ не нравится. Но все-таки, коли проситъ, грѣшно отказать, и оттого я позволилъ себѣ безпокоить васъ.

И такъ жду вашего отвѣта, конечно съ нетерпѣніемъ.

101. С. И. Мамонтову.

Римъ, 5 марта 1874 г.

Опять къ вашимъ услугамъ, мой дорогой Савва Ивановичъ.

Я не хочу умолкать, пока не услышу, что вы добры, веселы и главное — не хандрите.

Я не отвѣтилъ вамъ относительно векселя оттого, что люблю деньги и люблю говорить о нихъ лишь тогда, когда ихъ у меня нѣтъ, да притомъ же вы нѣсколько болѣе интересуете меня, чѣмъ говорить о финансовомъ вопросѣ. Однако спѣшу удовлетворить ваше желаніе и отвѣчаю.

Лишь только я получилъ ваше письмо, я сейчасъ же отправился размѣнять вексель, но и тутъ обошлось не безъ нѣкоторыхъ затрудненій. Шмидтъ оттого неохотно хотѣлъ размѣнивать его, что съ этимъ векселемъ надо было справляться на биржѣ (такъ онъ сказалъ), и прибавилъ, что лишь послѣ трехъ дней онъ можетъ выдать мнѣ деньги. Не знаю, вѣрно ли это, но во всякомъ случаѣ онъ сказалъ, что лучше, чтобы я отправился къ тому банкиру, на чье имя написанъ вексель, авось онъ его приметъ безъ какой-то печати, которая должна быть на этомъ векселѣ. Отыскалъ я банкира, но тотъ объявилъ, что необходимо раньше ѣхать въ Officio di bollo, а это на другомъ концѣ города. Дѣлать было нечего. Послѣ долгихъ поисковъ, я нашелъ это мѣсто, но, увы, все было уже закрыто. Надо было и на завтра терять день, и тогда только я получилъ эту смѣну. Мнѣ сказали, что со всѣми векселями, получаемыми на Римъ, нужно совершать такую же процедуру, впрочемъ это опять-таки зависитъ отъ того, на чье имя этотъ вексель, и вѣжливый банкиръ беретъ эти хлопоты на себя. Не совѣтую никогда посылать векселя на Италію.

Вы спрашиваете, отчего я не бралъ у Елизаветы Григорьевны де-

негъ, когда они мнѣ нужны были? Это я сдѣлалъ потому, что ея уже не было въ Римѣ, а мнѣ деньги нужны были очень скоро, и если бы я послалъ въ Неаполь, то все же долженъ былъ бы ждать, по крайней мѣрѣ, дня три, чего я не могъ. Да и кромѣ того, я не хотѣлъ безпокоить Елизавету Григорьевну, вотъ и все!

Ну, вы теперь кончили дѣла, я опять стану приставать къ вамъ. Я думаю, что не дурно-бы вы сдѣлали, если бы пріѣхали на Пасху въ Парижъ (вѣдь это вамъ ничего не стоитъ). Гдѣ я тогда буду—не знаю; это будетъ много зависить отъ финансовыхъ обстоятельствъ, такъ какъ порядочно будетъ стоить подниматься въ Россію и тамъ потерять много времени, ничего не дѣлая. Но во всякомъ случаѣ я буду въ Абрамцевѣ!!! Буду, непремѣнно буду!! А пока надо вооружиться терпѣніемъ и ждать, а это будетъ скоро. Вамъ лишь кажется, что до этого долго.

На-дняхъ шлю вамъ большое письмо, гдѣ говорю исключительно объ искусствѣ, но боюсь его посылать, потому что вы хандрите, а это очень огорчаетъ меня. Я много далъ-бы, если бы могъ сейчасъ васъ видѣть. Хотѣлось бы похвастаться и „Христомъ“. Я не кончилъ Его еще.

Хочу много, много говорить съ вами, мой другъ, но боюсь, право, что для васъ, можетъ быть, лучше всего спокойствіе, а не болтовня.

102. Къ В. В. Стасову.

Римъ, получ. 27 марта 1874 г.

Всего нѣсколько строкъ пишу къ вамъ, ибо теперь некогда! „Христосъ“ формуется, и оттого я очень занятъ и не покоенъ.

Очень вы обрадовали меня портретомъ Модеста Мусоргскаго [1]). Онъ очень хорошъ. Такъ и видишь сдерживаемую силу, которая рвется наружу. Моя душевная благодарность ему. Скоро отдѣльно напишу ему, да и вамъ побольше.

Вчера я получилъ каталогъ выставки произведеній Гартмана, а сегодня и статью вашу о нихъ,—хорошо и просто написана [2]). Я слышалъ, что два скульптора въ Петербургѣ работаютъ его бюстъ,—значитъ, онъ теперь сталъ пользоваться общимъ интересомъ и уваженіемъ. Радъ, что имя Гартмана не умретъ такъ скоро, и навѣрное останется навсегда.

Новости у меня кое-какія есть, только писать некогда. Шлю вамъ газету „Fanfulla“, гдѣ напечатаны, приблизительно, всѣ главные общественные отголоски того впечатлѣнія, какое произвела моя статуя

---

[1]) Портретъ, снятый фотографомъ Лоренцомъ. Лучшій и характернѣйшій портретъ Мусоргскаго. Посылая первый его экземпляръ В. В. Стасову, Мусоргскій писалъ ему 9 января 1874 года: «Вотъ вамъ я, прямо съ первой репетиціи моего «Бориса» (про насъ: распаленный Мусорянинъ). Первый оттискъ, какъ у насъ было сказано...»

[2]) Статья В. В. Стасова: «Выставка рисунковъ Гартмана», напечат. въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 12 марта 1874 г.

„Христосъ“. Много толкуютъ о ней, и лучшаго успѣха я никогда не могу желать.

Фотографію я еще не снималъ. Раньше невозможно было, потому что не было дистанціи, нужной въ мастерской для фотографическаго аппарата; теперь же нельзя будетъ еще такъ скоро снять ее, потому что я велѣлъ отлить его не изъ бѣлаго гипса, котораго терпѣть не могу, а велѣлъ прибавить къ гипсу краски, и вышелъ желтосѣроватый тонъ, довольно пріятный для глазъ. Но фотографъ говоритъ, что надо подождать, пока статуя высохнетъ, потому что желтый тонъ мѣшаетъ. Да надо сказать, что я неохотно исполняю фотографію, потому что хотѣлъ бы раньше познакомить моихъ друзей съ оригиналомъ. Но для васъ надо сдѣлать, постараюсь. Пока больше нечего сказать. Т.-е. хотѣлъ бы я сказать многое, да некогда.

Я забылъ сказать еще, что въ одномъ художественномъ журналѣ говорилось про меня, только не насчетъ „Христа“, а насчетъ одного эскиза, который я подарилъ въ художественное интернаціональное собраніе. Очень хвалятъ.

103. Къ нему же.

Римъ, 29 марта (10 апрѣля) 1874 г.

Опять немного пишу вамъ, потому что хлопоты не даютъ свободно распространиться обо всемъ томъ, о чемъ я бы желалъ.

Теперь сижу и жду докторовъ, чтобы, наконецъ, рѣшить, что̀ мы должны предпринять на лѣто, потому что мой ревматизмъ не совсѣмъ еще заснулъ, и какъ только нехорошая погода, онъ даетъ себя чувствовать. А главное, доктора говорятъ, что если я оставлю его безъ вниманія, то очень легко можетъ случиться, что на будущую зиму онъ отзовется, и тогда не такъ-то легко будетъ его выгнать. Да притомъ же, я вообще не совсѣмъ хорошо чувствую себя. Но есть еще одна причина семейная, и она чуть-ли не главная: Елена не совсѣмъ здорова, и докторъ говоритъ, что это надо захватить въ зародышѣ, иначе можетъ остаться болѣзнь хронической. Она больна вслѣдствіе того, что послѣ родовъ хорошенько не наблюдали за ней. А мы-то совсѣмъ были готовы ѣхать въ Россію, правда не надолго, но всетаки хотѣлось всѣхъ повидать. Теперь опять неизвѣстно, куда вѣтеръ унесетъ насъ. Очень можетъ быть, что на этотъ разъ мы не попадемъ въ Россію. Одинъ только у насъ — молодецъ, это нашъ сынъ, герой!

Хотѣлось мнѣ ѣхать въ Парижъ, годика на два, только вотъ все еще не знаю,—удобно-ли тамъ работать изъ мрамора. Увидимъ!

Вчера я прочиталъ первую хорошую статью въ „Голосѣ“ о выставкѣ Верещагина. Такъ и хотѣлось крѣпко обнять даровитаго художника, которому, по моему, нѣтъ у насъ равнаго (исключая Рѣпина). Только одного боюсь, что въ нѣкоторыхъ картинахъ его идеи преобладаютъ надъ формами. Это, по моему, настолько же не хорошо, насколько худо, когда формы преобладаютъ надъ идеями. Впрочемъ, заочно невозможно быть судьей.

Здѣсь Савва Мамонтовъ пріобрѣлъ картину Морелли. Это хорошо тѣмъ, что у насъ она можетъ принести большую пользу: кисть его (только кисть) очень сильна и проста.

Шлю вамъ еще одинъ отзывъ о „Христѣ“. Говорятъ, что еще есть гдѣ-то, только трудно услѣдить за всѣми газетами.

Вотъ и доктора пришли. Вотъ результатъ: совѣтуютъ ѣхать на Искію: это—островъ около Неаполя.

Тамъ мнѣ ванны брать, а женѣ купаться въ морѣ.

Думаю, что потомъ можно будетъ сѣсть на пароходъ изъ Неаполя въ Марсель, а тамъ въ Парижъ. Увидимъ!

„Христосъ“ уже отлитъ изъ гипса. Хорошо, немного потерялъ противъ глины! Мусоргскому мой привѣтъ. Напишу, непремѣнно напишу вамъ и ему еще.

104. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, весна 1874 г.

Теперь больше, чѣмъ полночь, но я не могу заснуть, не написавъ вамъ хоть нѣсколько строкъ. Авось этимъ немного успокоюсь, потому что теперь я очень встревоженъ.

Дѣло въ томъ, что сегодня я прочиталъ отзывъ объ Адріановскихъ лекціяхъ [1]) и это до того меня озадачило, что я до сихъ поръ не могу прійти въ себя.

Я хорошо знаю, что гг. фельетонисты часто искажаютъ мысли, которыя они разбираютъ; иногда это бываетъ умышленно, а иногда просто потому, что не все они понимаютъ изъ того, что разбираютъ. И именно оттого я могъ еще равнодушно дочитать до того мѣста, гдѣ фельетонистъ съ негодованіемъ нападаетъ на Адріана за то, что тотъ позволяетъ себѣ смѣшивать французскую школу съ грязью, за то, что Адріанъ такъ нападаетъ на новѣйшее направленіе французской школы; что онъ нападаетъ на Реньо за грубый реализмъ (!?), на Жерома за его пристрастіе къ реализму, на Месонье за то, что онъ не творитъ картинъ въ большихъ размѣрахъ... и т. д. и т. д. Ума не приложу! Что это такое? Неужто Адріанъ говоритъ это? Нѣтъ, сто разъ нѣтъ! Сколько я отъ него ни слышалъ, все это противорѣчитъ тому, что говоритъ фельетонистъ. Съ другой стороны, никакъ не могу взять въ толкъ, до чего доходятъ наши критики; неужто настолько возможно перевирать чужія мысли и представлять читателямъ чернымъ то, что бѣло, и обратно.

Бога ради, разъясните мнѣ это, чтобы я могъ яснѣе думать обо всемъ этомъ. Положимъ, что Адріанъ проповѣдуетъ искусство для искусства, что онъ не видитъ прямой связи жизни съ искусствомъ. Но все-таки я никакъ не могу думать, чтобы Адріанъ такъ скоро и настолько перемѣнилъ мысли, и въ свою очередь говорить про черное, что оно бѣло, а про бѣлое—что оно черно.

---

[1]) Лекціи Адріана Викторовича Прахова были читаны въ Спб. въ посту 1874 г., въ Академіи Художествъ.

Однако довольно, съ нетерпѣніемъ жду вашего отвѣта; пожалуйста, поскорѣе.

105. Къ нему же.

Римъ, 10 апрѣля 1874 г.

Вчера мы сдѣлали грустную прогулку, провожали Николая Николаевича туда, куда прошлый годъ провожали Марусю!..[1]) Вотъ и жизнь! Волна принесла, и волна унесла—и зачѣмъ? Зачѣмъ жить, когда безъ дѣла и за ничто приходится умереть? Признаться откровенно, смерть не страшна мнѣ, и человѣкъ, который является на свѣтъ, долженъ знать, что исчезнетъ. Но жаль, когда человѣкъ, исчезая безслѣдно, ничего не оставляетъ за собой такого, чѣмъ могъ бы облегчить человѣчество. Люди вѣрующіе, которые ждутъ въ лучшемъ мірѣ награды и наказанія, умираютъ хоть съ надеждой, что вотъ скоро они опять оживутъ для райской блаженной жизни... Но для насъ, смотрящихъ реально на жизнь, знающихъ, изъ чего она состоитъ и куда возвращается, единственное утѣшеніе—не личная эгоистичная забота о себѣ, а спокойствіе души и возможность сказать самому себѣ: „я сдѣлалъ все, что могъ — я жилъ и не мѣшалъ жить другимъ".

Кажется, не много это, но тотъ, кто можетъ честно это произнести, у кого сердце и умъ чисты, тотъ спокойно уступаетъ свое мѣсто другимъ, съ надеждой, что не весь онъ исчезнетъ, и духъ его останется жить и питать человѣчество.

Жаль, что Николай Николаевичъ всего этого не испыталъ. А человѣкъ онъ былъ хорошій и притомъ очень молодой.

Но остается только пожалѣть, а потомъ умолкнуть на время и снова взяться за работу, торопясь, чтобы минута разлуки не застала и насъ врасплохъ.

Очень жаль Сергѣя Николаевича![2]) Одинъ ударъ за другимъ постигъ его! Тяжело! онъ старается владѣть собой, заглушить поднимающуюся въ немъ бурю—но это не легко! Вчера вечеромъ, когда я получилъ ваше письмо, онъ сидѣлъ у насъ, старался говорить и даже говорилъ развязно, но такъ чувствовалось, что со своей улыбкой онъ глотаетъ рвущіяся наружу слезы.

Эхъ! Всѣ мы стоимъ въ боевомъ строѣ, а если кто выбываетъ,— не смотримъ, а все впередъ, впередъ!!..

И вчера, и сегодня я хлопоталъ уже по своимъ дѣламъ, а сегодня купилъ себѣ даже цилиндръ, а когда торговалъ его, мелькнуло у меня въ головѣ: „смѣшно", но я поскорѣе заплатилъ и нахлобучилъ его себѣ на голову.

Сергѣй Николаевичъ узналъ о смерти дяди сейчасъ, передъ телеграммой.

Что больше писать вамъ? Знаю, письмо не веселое, но ничего, грустить не надо, ибо это ни къ чему не поведетъ.

---

[1]) Н. Н. Ребиндеръ, юноша, скончавшійся въ Римѣ отъ чахотки.

[2]) Родной братъ Н. Н. Ребиндера, также больной чахоткой.

Вы, навѣрное, уже получили мои письма съ отзывами обо мнѣ. Какъ они вамъ нравятся? Признаться, я „Libertà" не особенно хорошо разбираю, потому что, несмотря на то, что она такъ хвалитъ статую, она больше все вертится лишь кругомъ нея, т.-е. больше разбираетъ христіанство, чѣмъ самого Христа. Но и это пожалуй еще не бѣда, и могло бы быть хорошо, если бы она логично разбирала христіанство. Но во всякомъ случаѣ, надо сказать правду, что критикъ очень многое отгадалъ изъ того, что я хотѣлъ создать, а это бываетъ такъ рѣдко!

Когда будутъ еще отзывы, не замедлю послать вамъ, зная хорошо, какъ это васъ интересуетъ и какъ радуетъ. Это я знаю по себѣ.

106. Къ нему же.

Римъ, 17 апрѣля 1874 г.

Радъ, очень радъ, мой дорогой Савва Ивановичъ, что вы угостили меня вашимъ письмомъ, которое я сегодня получилъ, съ 200 руб. Жаль, что вы пишете мало о себѣ, о семействѣ и о Рѣпинѣ. Что онъ работаетъ, я все-таки не знаю. Впрочемъ, я вполнѣ понимаю васъ; вы пріѣхали, наконецъ, на такое короткое время повидаться со своими, что грѣшно требовать отъ васъ большаго. Могу лишь сказать спасибо и за это письмо, которое я читалъ съ большимъ аппетитомъ, да и ваши совѣты принимаю. Жаль, что вы не изволили пожаловать къ намъ въ Римъ. Отъ радости я бы у васъ вырвалъ и послѣдніе волосы. Жаль.

Теперь скажу про насъ. Хорошаго ничего нѣтъ; за то мелкихъ житейскихъ дрязгъ достаточно. Хотѣлось-бы передать вамъ о нихъ подробно (на то же вы и другъ—должны слушать), но на это терпѣнія не хватаетъ.

Вотъ уже почти двѣ недѣли, какъ здѣсь льетъ непрерывный дождь, и это, вмѣстѣ съ сирокко, наводитъ на меня тоску.

19-го сего мѣсяца кончается срокъ квартиры, надо было передать ее. Конечно, не обошлось безъ препятствій; надо было уложиться, съ прислугой покончить. Но тутъ-то няня и вздумала хитрить; я разсердился и отказалъ ей. Тутъ и кухарка ушла (дружба—нельзя иначе)! Такимъ образомъ, мы остались безъ единаго человѣка. Я укладываю и няньчу нашего героя самъ. Елена, бѣдняжечка, просто изъ силъ выбилась. Мы теперь живемъ у Юрасова, у него большая квартира; онъ живетъ надъ Котляревскимъ. Надо сказать, что это воплощенная доброта. Какъ я радъ, что встрѣчаю людей, подобныхъ вамъ, Рѣпину и ему (вотъ вамъ и троица друзей). Да, правда, есть у меня еще одинъ другъ и еще нѣкоторые, во главѣ которыхъ стоитъ Стасовъ. Но надо сказать, что, несмотря на то, что я его уважаю и люблю, чувствуется, что въ глубинѣ души есть между нами какой-то разладъ (это онъ еще раньше самъ замѣтилъ), особенно, когда мы говоримъ объ искусствѣ. Онъ не признаетъ того, что я дѣлаю, и находитъ, что я „все-таки не на настоящей дорогѣ". Это замѣчаніе я получилъ на-

дняхъ, по поводу „Христа“, котораго онъ и не видѣлъ. А я не признаю того, что онъ говоритъ. Дальше онъ прибавляетъ, что ненавидитъ и будетъ ненавидѣть Адріана [1]) за то, что тотъ имѣлъ на меня дурное вліяніе. Ошибается онъ: правда, какъ самая природа, такъ и люди другъ на друга имѣютъ вліяніе. Но я могу сказать, что онъ ошибается, если смотритъ на меня только какъ на талантъ, который настолько малодушенъ и безъ царя въ головѣ, что поддается каждому вліянію. Удивляюсь, что именно онъ это говоритъ, когда знаетъ хорошо, что, какъ только я началъ чувствовать, я жертвовалъ всѣмъ, лишь-бы чувствовать по-своему и по правдивому. Онъ прибавляетъ, что настоящая моя дорога—изображеніе реальнаго, а не идеальнаго міра. Вотъ тебѣ и на! На это я могу только отвѣтить, что настоящая моя дорога есть реальное, но не натуральное. Ясно, что мы начинаемъ не понимать другъ друга. Я еще не писалъ ему отвѣта, но непремѣнно напишу и даже рѣзко буду оспаривать его.

Честь и слава москвичамъ!!! Я слышалъ (отъ Стасова-же), что московскіе купцы, а во главѣ ихъ Димитрій Боткинъ, купили всю коллекцію картинъ Верещагина за 90.000 руб. Ай да Русь! Просто сердце радуется, что есть на Руси такіе художники, какъ Верещагинъ, а главное, что есть Москва, гдѣ есть такіе серьезные люди!

Ну, пока довольно. Какъ видите, хорошаго у меня ничего нѣтъ, да и ничѣмъ хорошимъ я не занимаюсь. Впрочемъ, радуюсь, что это затишье предъ бурей. Хочу работать, да какъ можно посерьезнѣе. Благо есть чудная мастерская. Хочу обставить ее лучше, чѣмъ та, въ которой теперь нахожусь.

Просто совѣстно, что я позволилъ вамъ прогуливаться по Парижу именно тогда, когда вамъ некогда было, и не ради этого вы пріѣхали. Елена ѣдетъ на-дняхъ въ Неаполь, тамъ теперь Бостанжогло, да и Сергѣй Николаевичъ, да Микеле и Лаура [2]) ѣдутъ тоже; онъ теперь просто молодцомъ! Я же остаюсь здѣсь до 20-го мая (нельзя ѣхать раньше).

Герой мой начинаетъ больше понимать, но за то болѣе требователенъ, даже капризенъ. Еленѣ все такъ-же. Жаль, очень жаль мнѣ ея.

Получили-ли вы въ Парижѣ мое письмо, адресованное poste restante? Тамъ были и отзывы здѣшней печати о „Христѣ“. А „Моисей“, точно гвоздь, торчитъ у меня въ головѣ. Крѣпко обнимаю васъ и отъ души цѣлую ваши пухлыя и здоровыя щеки.

107. Къ И. Н. Крамскому.

Римъ (20 апр.), 2 мая 1874 г.

На этотъ разъ не стану долго безпокоить васъ моими строками. Я это говорю потому, что знаю по опыту: если мнѣ пріятно читать, то и

---

[1]) Прахова.

[2]) М. М. Ивановъ и его супруга.

вамъ писать должно быть пріятно. Не въ упрекъ хочу поставить вамъ, что вы не отвѣчаете, Боже сохрани! На этотъ разъ хочу только оправдаться и не больше. Я обращаюсь къ вамъ съ всепокорнѣйшею просьбою. Дѣло въ томъ, что мѣсяца три тому назадъ я былъ во Флоренціи, гдѣ видѣлся съ однимъ бывшимъ ученикомъ Академіи Художествъ, который сдѣлалъ два бюста. Бюсты-то плохіе, да и человѣкъ-то онъ такой-же, но когда замѣшанъ желудокъ, тогда обо всемъ забывается. Я совѣтовалъ ему послать эти бюсты Беггрову и обѣщалъ, что попрошу васъ узнать объ этомъ и просить Беггрова, чтобы онъ тамъ постарался ихъ продать. Думаю, что этотъ господинъ художникъ—имя его К.—навѣрное уже писалъ вамъ объ этомъ; онъ случая не пропуститъ! Но все-таки я въ свою очередь прошу, если можно, не откажите мнѣ въ этой просьбѣ.

Еще одно дѣло. У меня готовъ маленькій „Иванъ Грозный“ изъ мрамора, котораго я сдѣлалъ для того, чтобы съ него отливать нѣсколько бронзовыхъ, которые заказаны мнѣ еще въ Петербургѣ. Оказалось, что за бронзовый съ меня требуютъ вдвое больше, чѣмъ я назначилъ; такимъ образомъ, модель осталась безъ примѣненія. Хочу ее продать, но не знаю, куда послать, и поэтому обращаюсь къ вамъ за совѣтомъ. Куда именно послать его? Беггровъ дорого беретъ, Баринова не знаю, на постоянную выставку не хочу, въ Академію тоже не хочу. А все-таки надо покончить съ этимъ.

Недавно я послалъ бюстъ Боткина изъ мрамора; неудачно онъ вышелъ, въ гипсѣ сто разъ лучше.

108. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ (20 апр.), 2 мая 1874 г.

Вчера я пріѣхалъ и засталъ вашу телеграмму насчетъ картины Тускеца [1]), сейчасъ отправился къ нему и наложилъ печать, потому что все сдѣланное уже безъ васъ есть самое лучшее, слѣдовательно много хорошаго прибавилось, и оттого нечего было и думать.

Прошу лишь передать Лизаветѣ Григорьевнѣ мое поздравленіе съ хорошимъ пріобрѣтеніемъ. Сегодня я ѣду въ Сорренто (наконецъ-то!) и оттого повелъ Тускеца къ Шмидту и Пасту [2]) и просилъ, чтобы банкиръ выдалъ ему требуемую сумму, когда онъ вышлетъ вамъ картину, а я между тѣмъ напишу вамъ, чтобы вы выслали эту сумму на имя Шмидта и Паста, что я теперь и дѣлаю.

За картину я условился съ нимъ на 5000 лиръ итальянскихъ, да притомъ требовалъ, чтобы онъ далъ хорошую раму. Сначала, всего этого онъ не хотѣлъ, но потомъ согласился.

Четыре тысячи франковъ золотомъ я давно получилъ, и ихъ давно уже и нѣтъ. Теперь я опять скучаю безъ нихъ и оттого просилъ (раза два), чтобы вы выслали мнѣ 1000 р. въ счетъ „Христа“, такъ

---

[1]) Испанскій художникъ въ Римѣ.

[2]) Римскіе банкиры.

какъ послѣднія деньги, которыя вы выслали мнѣ, вы получите отъ Солдатенкова, потому что маленькій „Иванъ“ изъ серебра уже высланъ ему.

Такъ какъ это письмо есть чисто дѣловое, то я и не считаю его въ числѣ моихъ писемъ, и теперь нѣтъ ничего, что еще сказать, развѣ только то, что желаю вамъ всѣмъ всего лучшаго, и что всегда думаю о васъ больше, чѣмъ о своихъ братьяхъ.

До 15-го іюля буду въ Сорренто, а потомъ ѣду въ Искію, и адресъ мой въ обоихъ мѣстахъ: poste restante.

109. Къ В. В. Стасову.

Вѣна, 17 (29) мая 1874 г.

Пишу вамъ изъ Вѣны (вотъ какъ!) Какъ видите, все не сидится мнѣ спокойно. Теперь я—все, что хотите, но менѣе всего художникъ и ни къ чему не способенъ. Я просто еще не началъ отдыхать отъ заботъ, а, напротивъ, все болѣе хлопочу: все дѣла, все дѣла, но всѣ они грошевыя, а отстранить ихъ никакъ нельзя!

Теперь я долженъ былъ ѣхать навстрѣчу семейству жены моей и взять къ себѣ ея сестру. Завтра ѣду обратно, и слава Богу! Усталъ, какъ собака, пора отдохнуть!

Представьте себѣ, что я началъ письмо къ вамъ еще въ Римѣ, но не докончилъ, потому что никакъ нельзя было; однако взялъ его съ собой, и что-же? потерялъ его! Но это еще не бѣда, главное-же то, что тамъ была вырѣзка изъ одной итальянской газеты, гдѣ говорится о „Христѣ“, и въ этомъ тоже не было бы особой бѣды, если бы у меня была та газета, но—увы! больше ея нѣтъ, и номера ея я не знаю. Но я думаю, что у Саввы Мамонтова должна быть эта газета. Впрочемъ, можетъ быть, что и онъ не получалъ, также какъ и вы, потому что, кажется, въ одно время съ вами я выслалъ ее и ему. Этотъ фактъ удивляетъ меня, но на то и почта: иногда и она хромаетъ.

Мнѣ очень пріятно было ваше послѣднее письмо, изъ котораго я вижу, что вы (наконецъ) убѣдились, что я не иду назадъ и что я не становлюсь „ординарнымъ“. Но что вы могли видѣть на скоромъ набропкѣ Мясоѣдова? Вѣдь я не хочу посылать фотографію „Христа“, собственно потому, что думаю,—что фотографія никоимъ образомъ не даетъ полнаго выраженія, а портить фотографіей впечатлѣніе я не хотѣлъ. И оттого я жалѣю, что Мясоѣдовъ нарисовалъ моего „Христа“ и послалъ свой рисунокъ къ Крамскому. Теперь дѣлать нечего: обѣщаю снять фотографію, и, если она будетъ удачна, то вы ее получите (отовсюду получаю письма—все просятъ фотографіи). Конечно, Бога ради, не только не надо гдѣ-бы то ни было печатать ее, но даже никому не показывать, на это я беру съ васъ слово (это — моя странность, и вы извините меня).

Скажите, дорогой дядя, получили ли вы послѣднее мое письмо, гдѣ я говорю о памятникѣ Пушкина? Что, какой вашъ отвѣтъ?

Статью о книгѣ Аткинсона я читалъ [1]) и изъ всего этого я одно вывелъ, что этотъ господинъ, очень можетъ быть, любитъ Россію, но самъ —довольно посредственный критикъ. Всѣмъ онъ отпускаетъ по комплименту, и съ плечъ долой! Я даже смѣю думать (не таю грѣха), что эта книга приготовлена для торжественнаго въѣзда одной особы въ Англію. Но, каюсь, беру слова назадъ, потому что не знаю того человѣка. Этимъ я хотѣлъ только сказать, какое впечатлѣніе на меня сдѣлалъ его отзывъ о русскомъ искусствѣ. Безъ сомнѣнія, въ концѣ-концовъ, русское искусство будетъ торжествовать, но теперь ему до этого далеко еще,—Россіи надо знать это, а не зазнаваться, что мы уже знаемъ все. Одна изъ самыхъ сильныхъ чертъ въ русскомъ искусствѣ (то же самое есть и въ русскомъ человѣкѣ), что оно начинаетъ развиваться гармонично. Русскій человѣкъ никогда не доходитъ умомъ до крайностей, и то же самое можно сказать и про искусство: оно никогда не доходитъ, т.-е. не доходило (если только исторія есть для насъ вѣрный свидѣтель), до увлеченія; при этомъ, силы его соотвѣтствуютъ полной нормальности, но все вмѣстѣ надо развивать; благо, что корень хорошій, а цвѣты будутъ.

Такъ вотъ какъ, вы скоро будете дѣдушкой? Ай, будущій дѣдъ! Ну, и слава Богу, поздравляю! Не съ тѣмъ, что вы становитесь дѣдомъ, а съ тѣмъ, что у Софьи будетъ крикунъ. Славные ребята! я люблю ихъ, и какъ няньчусь я съ ними!

Что еще хорошаго? Да, я часто думаю о Третьяковѣ [2]). Такихъ у насъ немного—вотъ о чемъ я думаю. Но знаете, что я начинаю уже быть недовольнымъ, что у насъ стремятся слишкомъ много концентрировать, а между тѣмъ у насъ есть тотъ недостатокъ, что нигдѣ, на всей ширинѣ Россіи, ничего нѣтъ, что бы напоминало объ искусствѣ....

Объ этомъ поговоримъ когда-нибудь послѣ (ахъ, сколько я бы поговорилъ, если бы у меня было время!) А теперь, право, я удивляюсь, что говорю. Правда, я чувствую, что перо не идетъ, потому что я усталъ, а глаза слипаются.

Однако, спокойной ночи!

110. Къ С. И. Мамонтову.

Вѣна, май 1874 г.

Я теперь въ Вѣнѣ, пріѣхалъ за багажомъ и завтра утромъ ѣду обратно. И славу Богу! Авось теперь будетъ возможность отдохнуть. Вы, кажется, уже знаете, что багажъ состоитъ изъ живого существа,—это сестра Елены. Представляю себѣ, какъ она будетъ рада этому подарку.

---

[1]) Статья В. В. Стасова: «Англійская книга о русскомъ искусствѣ и русскихъ художникахъ», напечатанная въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 30 апрѣля 1874 г., № 117.

[2]) Павелъ Михайловичъ Третьяковъ, создатель знаменитой Третьяковской картинной галлереи въ Москвѣ.

Что сказать вамъ?—Нечего!

Ваше дорогое письмо я взялъ съ собой и отъ нечего дѣлать читалъ его въ дорогѣ нѣсколько разъ. У меня мало книгъ было съ собой, и тѣмъ внимательнѣе я ихъ читалъ. Перечиталъ опять кое-что изъ произведеній Пушкина. Хорошо. Надо сказать, что онъ былъ необыкновенно талантливъ и даже геніаленъ, особенно среди русскихъ; но былъ капризенъ и даже избалованъ.

Нельзя сказать, чтобы онъ не зналъ строя и цѣльности сочиненія, не зналъ, что можетъ быть лишняго и мѣшать общему, но онъ часто относится къ этому совершенно небрежно, т.-е. дѣлаетъ отступленіе и начинаетъ говорить то, что у него на душѣ, но не имѣетъ ничего общаго съ даннымъ произведеніемъ. Особенно замѣтно это въ началѣ, и даже больше, чѣмъ до половины, въ „Евгеніи Онѣгинѣ". А впрочемъ, все, что онъ говоритъ, пріятно читать. Иногда онъ высказываетъ глубокія истины, но часто самъ себѣ противорѣчитъ. На то-же онъ и поэтъ—говорить то, что на душѣ у него. Иногда веселъ и счастливъ, а иногда золъ до желчности.

А знаете, я скажу вамъ, что у такого лирическаго поэта, какъ Пушкинъ, всѣ выводы до того печальны, что Пушкинъ самъ является скорѣе отрицателемъ.

Очень немногимъ изъ героевъ его мы можемъ симпатизировать, да и врядъ ли самъ Пушкинъ симпатизируетъ имъ. Вотъ, напримѣръ, даже сама Татьяна,—ну что это такое? Въ чемъ выражается ея человѣческая сторона? Просто въ томъ, что прежде влюбилась — это совершенно обыкновенно; самъ Пушкинъ говоритъ, что она нуждалась въ томъ, чтобы влюбиться въ кого-нибудь. Въ точности словъ не помню, но необыкновенно лишь то, что она сама объясняется въ любви, а Онѣгинъ настолько великодушенъ, что отказывается отъ подобнаго удовольствія, собственно потому, что подобное удовольствіе уже надоѣло ему. И что же въ концѣ-концовъ? Она скучаетъ, отказываетъ женихамъ, и вдругъ ее увозятъ въ Москву. И вотъ, Татьяна является свѣтской дамой, женой искалѣченнаго и стараго генерала, и только благодаря этому нашъ Онѣгинъ влюбляется въ нее до чахотки. Но она героиня, тверда, недоступна и наконецъ (Богъ знаетъ, отчего) принимаетъ Онѣгина, имѣетъ съ нимъ объясненіе и доказываетъ (по крайней мѣрѣ, я такъ понялъ), что она хоть и чиста въ супружеской своей жизни, но вовсе не героиня, и даже не человѣкъ съ чистымъ характеромъ, а просто малодушная женщина; она тутъ говоритъ (или это говоритъ самъ Пушкинъ, это все равно):

Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта
Мой модный домъ и вечера,
— Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ,
За полку книгъ, за дикій садъ...

Скажите, пожалуйста, какой чортъ ее тянулъ продавать свою жизнь

для того, чтобы и въ жизни играть въ маскарадъ? Если она любила и любитъ Онѣгина, что мѣшаетъ ей возвратиться обратно въ дикій садъ и тамъ скучать, или наслаждаться довольствомъ? Она говоритъ, что...

Меня съ слезами заклинаній
Молила мать...

Ай да Таня, какая ты великодушная, какой твердый характеръ у тебя! Скажите! Мать ее просила, чтобы она фальшивила всю свою жизнь, чтобы она любила одного и была вѣрна другому, чтобы со всѣми говорила иначе, чѣмъ думаетъ (въ приличныхъ домахъ иначе не допускается), и наша Таня была настолько великодушна, что удовлетворила просьбу матери,—вотъ такъ примѣръ дѣтямъ!

По-моему, весь этотъ романъ основанъ на тѣхъ двухъ строчкахъ, гдѣ самъ авторъ говоритъ: „Чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ больше нравимся мы ей“.

Я убѣжденъ, если бы самъ Пушкинъ носилъ юбку и былъ бы безъ бакенбардъ, то сказалъ-бы то же, только на мѣсто „женщину“ онъ поставилъ-бы „мужчину“, вотъ и все.

Но не думайте, что я упрекаю автора за то, что онъ выставляетъ такихъ людей, а не другихъ; совершенно напротивъ, это доказываетъ, что онъ вѣренъ природѣ и времени.

Однако не сердитесь и не ворчите на меня, что я вдругъ сталъ разбирать книги. Куда мнѣ! И для этого пріѣхать еще въ Вѣну! Но вотъ отчего я такъ разговорился: я рано всталъ, у моего сосѣда пѣтухъ, и онъ разбудилъ меня. Спасибо ему, теперь, по крайней мѣрѣ, я и у васъ отнимаю нѣсколько минутъ.

Да, я забылъ сказать, отчего именно я читаю Пушкина. Во-первыхъ, для удовольствія, а во-вторыхъ потому, что все думаю объ его памятникѣ. По-моему, то, что я хочу сдѣлать, болѣе всего будетъ характеризировать его, да притомъ будетъ оригинально (это навѣрное) и красиво.

Стойте, я, какъ художникъ, увлекаюсь и не говорю о томъ, что меня такъ интересуетъ. Это именно о финансахъ (чортъ возьми, когда эти финансы перестанутъ безпокоить меня!).

„Иванъ Грозный“ изъ серебра конченъ и долженъ быть уже посланъ. Слѣдовательно 1.500 рублей отъ Солдатенкова вы получите, а теперь (если васъ это не безпокоитъ) прошу вновь 1.000 руб. Выслать ихъ надо на адресъ: Sorrento, poste restante. Это будетъ вѣрнѣе всего, потому что Елена, благовѣрная жена моя, тамъ пробудетъ навѣрное, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ еще!

И такъ, до свиданія. Жалѣю, что не могу забраться къ вамъ хоть на часокъ, поговорить съ вами, расцѣловать васъ всѣхъ и обратно.

111. Къ нему же.

Римъ, май 1874 г.

Черезъ часа полтора ѣду въ Вѣну на встрѣчу семейству моей

I. ЖЕНСКАЯ РУЧКА СЪ ПЕРОМЪ.
Скульптура изъ дерева. 1864.
Находится въ Музеѣ Александра III. Даръ В. В. Стасова.

II. РУКА ЕВРЕЯ-ПОРТНОГО, ДЕРЖАЩАЯ ИГЛУ.
Скульптура изъ дерева. 1864.

жены. Какъ вы видите, я хочу писать, но некогда, и оттого пишу хоть нѣсколько строкъ.

Сегодня я получилъ ваше письмо, а это для меня рѣдкое удовольствіе. Вы, кажется, должны уже знать, что вы для меня. Я горжусь вами, и это правда искренняя, и больше говорить не хочу!

Ну, слѣдовательно, письмо я получилъ съ большимъ удовольствіемъ. Но одно не нравится мнѣ: это то, что вы точно оправдываетесь, что кто-то сказалъ, будто я исполнилъ „Христа" по заказу. Мой дружище, вы не поняли меня. Я, напротивъ, всѣмъ говорю и буду говорить, что я исполнилъ „Христа" для васъ, и я очень радъ, что съ вами въ сватовствѣ; но возсталъ я противъ слова: „исполнилъ по заказу". Эта фраза непріятно звучитъ. Ну, да Богъ съ ними!

Что касается того, что вамъ непріятно, когда вамъ говорятъ, что вы скульпторъ, то я думаю, что и это хорошо, потому что вы стоите на дорогѣ къ тому и вамъ остается только идти впередъ, впередъ!

Прошу васъ моимъ словамъ вѣрить, потому что не лесть я хочу говорить, а правду. Слѣдовательно и вамъ это должно быть пріятно.

Вы простите меня за прошлое письмо: когда я его писалъ, то былъ очень усталый и шутилъ, кажется, довольно плоско.

Я здравствую и, кажется, даже жирѣю, а можетъ быть это мнѣ только кажется. А впрочемъ, очень возможно, что это вѣрно, потому что я ничего не дѣлаю.

Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта насчетъ памятника Пушкину. Однако я выскочилъ! А ну-ка, вдругъ мой проектъ окажется посредственнымъ? Что-жъ! Не надо робѣть!

Какъ хотѣлось бы побѣжать въ Абрамцево; а вѣдь я буду на половинѣ дороги, но только нельзя—багажъ мѣшаетъ!

Что новаго въ художественномъ мірѣ? Здѣсь было довольно много русскихъ художниковъ; теперь здѣсь, проѣздомъ изъ Египта, Маковскій, былъ Мясоѣдовъ, который, между прочимъ, пришелъ ко мнѣ въ студію, когда меня тамъ не было, и срисовалъ „Христа", разъ во весь ростъ (въ маломъ размѣрѣ), и разъ одну голову въ профиль и en face, и послалъ это Крамскому. Вотъ тебѣ и секретничай! Послѣ этого, сниму съ него фотографію и всѣмъ роздамъ, въ виду того, что Мясоѣдовъ срисовалъ его и писалъ о немъ.

Стасовъ (черезъ котораго я и узналъ обо всемъ этомъ) перемѣнилъ мнѣніе о „Христѣ" и теперь говоритъ: „Онъ дѣйствительно ваше полное торжество"; поздравляетъ, обнимаетъ, кричитъ: „ура, виватъ!", но все это какъ-то не совсѣмъ мнѣ даже пріятно. Спрашивается, какое право онъ имѣлъ нападать не видавши, и имѣетъ-ли онъ право восторгаться теперь, основываясь на мнѣніи авторитетовъ, и то судя лишь по маленькому наброску? Развѣ могъ что-нибудь сказать этотъ набросокъ?

Однако боюсь, что вы еще разъ скажете, что я черезчуръ взыскателенъ; да притомъ пора кончить письмо, а не то, пожалуй, я останусь здѣсь ночевать. Не хочу ѣхать, а надо службу исполнить,

тѣмъ болѣе, что это доставитъ удовольствіе Еленѣ. И такъ, надо ѣхать и надо кончить писать; жаль: хочу болтать, ей-ей, болтать, не больше.

Не забудьте вашего старичка, который крѣпко любитъ васъ и бранится, когда забываютъ о немъ.

Фотографія Сергѣя Саввича хороша, но не совсѣмъ; за то выраженіе превосходное. Просто что-то изъ Деларошевскихъ картинъ. Желаю ему силы—умственной, физической и нравственной, и тогда пусть будетъ героемъ. Андрюшу и Воку [1]) цѣлую; вотъ такъ и вижу ихъ.

112. Къ В. В. Стасову.

Римъ, (20 апр.) 2 мая 1874 г.

Только теперь у меня есть возможность писать вамъ, а до сихъ поръ все была возня съ семейными дрязгами. О нихъ и писать не стоитъ, а отнимаютъ они времени, травятъ болѣе, чѣмъ дѣло.

Давно я хотѣлъ писать вамъ, а главное отвѣчать вамъ на послѣднее письмо, въ которомъ я нахожу разныя нападки на меня. Вы еще не знаете меня. Но этотъ отвѣтъ я оставляю до слѣдующаго раза; теперь-же я не расположенъ говорить серьезно, а скажу безъ особенной думы, что всплыветъ на душу.

Фотографію съ „Христа“ вы еще не скоро получите, собственно потому, что я отливалъ его изъ не совсѣмъ бѣлаго гипса, а далъ ему тонъ слегка тепловатый, такъ что раньше, чѣмъ онъ высохнетъ вполнѣ, онъ покрытъ пятнами, и пока нѣтъ возможности его сфотографировать.

Впрочемъ, признаться, несмотря на все мое желаніе, показать вамъ не только фотографію, но даже самаго „Христа“, какъ можно скорѣе (впрочемъ, это послѣднее невозможно еще), я отчасти радъ, что вы не видите фотографію, потому что я хочу уберечь ваше впечатлѣніе до явленія самаго „Христа“ передъ вами. Фотографія никогда не достигнетъ того, чтó даетъ самое произведеніе и скорѣе можетъ только парализовать впечатлѣніе.

Навѣрное вы знаете (не помню, писалъ-ли я вамъ), что я остаюсь здѣсь еще на годъ. Лѣтомъ я поѣду лѣчиться, а потомъ не надолго въ Парижъ и обратно. Я теперь нашелъ хорошую и сухую мастерскую. Ужасъ, какъ хочется работать! Отъ заказовъ отказываюсь, несмотря на то, что обступаютъ меня и очень соблазнительно. Но пока у меня будетъ возможность существовать безъ этого,—не возьму.

До невѣроятности грустенъ тотъ фактъ, что Верещагинъ сжегъ три произведенія,—это не совсѣмъ хорошо рекомендуетъ его, а, главное, досадно то, что несправедливость восторжествовала.

Теперь здѣсь Мясоѣдовъ. Я слышалъ обо всемъ, что происходитъ среди чисто или просто „художниковъ“ и среди „академическихъ художниковъ“. И все то, что происходитъ, мелко, а нѣкоторые поступки со стороны Академіи просто дрянь!! Съ одной стороны, это ужасно вызываетъ какъ можно скорѣе выступить на арену, а, съ

---

[1]) Всеволодъ. Три сына Мамонтова: Сергѣй, Андрей и Всеволодъ.

другой стороны, спрашивается, что мнѣ тамъ дѣлать? Развѣ только раздражать себя, разстроить себѣ нервы. И хорошо, если бы это довело до какихъ-бы то ни было удовлетворительныхъ результатовъ. Но гораздо болѣе я сдѣлаю, если цѣликомъ отдамъ себя творчеству въ искусствѣ. Вѣдь въ этомъ я навѣрное что-нибудь да сдѣлаю. А главное, что удерживаетъ меня,—это то, что я хочу еще болѣе силъ набраться, просто физическихъ, да притомъ какъ можно больше поработать (это и есть мои орудія) и явиться, чѣмъ позднѣе, тѣмъ вѣрнѣе. Пока могу только прибавить, что теперь я очень усталъ, и если-бы теперь взялся еще за одинъ драматическій сюжетъ, то не былъ-бы въ состояніи это выполнить, а нервы и здоровье навѣрное испортилъ-бы. Я какъ-то душевно усталъ; хочу отдыхать, и долго, но отдыхать, не разставаясь съ творчествомъ. Въ головѣ кое-что есть, да и много новаго, но теперь не хочу объ этомъ говорить. Поѣду, отдохну, и тогда увидимъ.

Отъ Рѣпина я часто получаю извѣстія,—онъ работаетъ, и много работаетъ, хвалитъ Парижъ и зоветъ меня къ себѣ; постараюсь исполнить это, хоть не надолго.

Читалъ я отзывы о памятникѣ Пушкина. Что? Въ самомъ дѣлѣ такъ плохъ? Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что конкурсъ есть чушь. Недавно я даже объ этомъ писалъ (не помню къ кому). По-моему, пока не будетъ творца, до тѣхъ поръ и не надо памятника.

Здѣсь новостей нѣтъ, а въ художественномъ мірѣ просто затишье. Недавно меня опять выбрали въ жюри, и, право, премію (хотя очень маленькую, въ 500 франковъ) некому было дать: были классическія произведенія довольно посредственныя, даже по техникѣ, были и реальныя, тоже довольно незрѣлыя, но все-таки реализмъ одерживалъ верхъ.

Какъ вы видите, дорогой дядя, письмо выходитъ похоже на скатерть, состоящую изъ разныхъ пестрыхъ кусковъ матерій. Но сегодня извините меня, право на что-нибудь другое я не способенъ.

Прибавлю еще, что вчера утромъ Елена съ героемъ [1]) уѣхала въ Сорренто,—докторъ прописалъ ей купаться въ морѣ. А я долженъ оставаться еще до 20—8 мая, а потомъ поѣду на Искію, тоже не далеко отъ Неаполя: тамъ буду ванны брать. И потомъ мы поѣдемъ дальше—около Франціи.

Вчера я опять послалъ вамъ здѣшній отзывъ о „Христѣ", зная хорошо, что вы отнесетесь къ этому далеко не довѣрчиво; въ нѣкоторомъ отношеніи вы будете правы.

Критика, которая была въ „Libertà", дѣйствительно доказываетъ, какъ тутъ сильно желаютъ быть критиками, и какъ мало достигаютъ этого. Но шлю вамъ это такъ, для любопытства, да притомъ все-таки пріятнѣе, когда хвалятъ россіянина, чѣмъ ругаютъ его.

Вы не знаете, кто теперь сталъ писать въ „Голосѣ" объ искусствѣ? По-моему, и на мое удивленіе, это что-то рѣдкое, тѣмъ болѣе,

---

[1]) Маленькимъ сыномъ Іегудой.

что въ этихъ критическихъ фельетонахъ виденъ человѣкъ съ знаніемъ, да и искусство онъ понимаетъ. Жаль только, что авторъ иногда въ мелочи вдается.

113. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, май 1874 г.

Вы навѣрное не разъ подумывали, что сталось со старикомъ. А сталъ я всѣмъ чѣмъ угодно, и менѣе всего художникомъ, и не способенъ о чемъ-нибудь дѣльно говорить; а главное это потому, что просто мочи нѣтъ, все въ хлопотахъ изъ-за грошевыхъ дѣлъ, и изъ всего этого пользы мало, а голова кружится!

Разъ пятнадцать я все хотѣлъ писать вамъ, и нѣсколько разъ даже начиналъ, но потомъ засуетишься и даже не знаешь, куда дѣвалось начатое письмо (всюду у меня теперь лабиринты и безпорядокъ). Просто совѣстно мнѣ передъ добрѣйшей Лизаветой Григорьевной, что не пишу ей и не благодарю за подарокъ и за письмо. Но дайте мнѣ маленько со всѣмъ справиться (и справлюсь!), и тогда—только и дѣлай, что пописывай. А пока, дѣлать нечего, надо терпѣть! Я говорю о себѣ, потому что, коли не пишу, то и не читаю; а вы вотъ, дорогой С. И., совершенно наоборотъ: когда читаете, тогда не пишете, а когда не читаете, то тоже и не пишете. Хорошо!

Ну, вотъ вамъ вкратцѣ отчетъ о моихъ подвигахъ.

Былъ я въ Неаполѣ и возвратился; теперь хлопочу о новой мастерской. Мраморъ для „Христа" купленъ (чудный!) Бюстъ Гартмана [1]) абоццатированъ [2]) превосходно (это не я сдѣлалъ). „Иванъ Грозный" изъ серебра готовъ (превосходно!) Бронзовый бюстъ „Ивана Грознаго" тоже готовъ, и очень хорошъ. Бюстъ „Грознаго" изъ мрамора высланъ, бюстъ Боткина высланъ, а я остаюсь здѣсь еще до завтра, потомъ ѣду въ Вѣну на встрѣчу жениной сестрѣ [3]). Пожалуйста, не завидуйте мнѣ за это путешествіе. Обѣщаете?

А все-таки, среди этихъ важныхъ работъ я маленько грѣшилъ, т.-е. думалъ объ искусствѣ, и, представьте себѣ, даже писалъ Стасову. Если не поздно еще, и если комитетъ можетъ ждать, я готовъ дѣлать памятникъ (виноватъ, эскизъ для памятника) Пушкину, если только этимъ никому не буду вредить—(экое великодушіе!)

Я эти строки написалъ потому, что въ головѣ кое-что создалось и руки больно чешутся! Не знаю только, оттого-ли, что работать желаю, или, какъ говорятъ, что деньги будутъ — а будутъ, потому что теперь ихъ нѣтъ; и вотъ оттого я позволяю себѣ спросить, получили-ли вы то письмо, гдѣ я прошу у васъ еще 1000 рублей въ счетъ работы „Христа"? (Вишь, выбрался же я, наконецъ, на дорогу! Хитро писано!)

Когда вы получите сумму отъ Солдатенкова, то прошу васъ ихъ выслать, или удовлетворить мою просьбу, — и тогда вы будете очень

---

[1]) Работы С. И. Мамонтова.

[2]) Abozzato—по-итальянски значитъ: вчернѣ вырубленъ, «оболванепъ».

[3]) Бальбина Юліановна Апатова.

хорошій! Но пока, ждите моего письма, потому что я еще не знаю, куда высылать; а впрочемъ, 3-го іюня я буду еще въ Римѣ.

Что касается рамы для Морелліевской картины, то за нее было условлено 500 фр., но вдругъ Бронниковъ получаетъ письмо, что мастеръ ошибался и подобная рама будетъ стоить не менѣе, какъ 1200 фр. (ай, да мастеръ!). Что вы скажете на это? А вѣдь рама-то нужна, и непремѣнно черная! Мы тутъ думали, думали, и додумались дѣлать раму изъ грушеваго дерева и потомъ вычернить ее, но все-таки не смѣли рѣшить безъ васъ. У живописца Тускеца я былъ, съ тѣхъ поръ, не разъ, а нѣсколько разъ; картина почти готова, и я думаю, что самое лучшее—взять ее, потому что она выходитъ превосходно—хорошо. Я даже думаю, что хорошо-бы дать знать мнѣ объ этомъ по телеграфу (объ этомъ я поговорю съ Лизаветой Григорьевной).

Елена здравствуетъ и живетъ самостоятельно въ Сорренто. Она еще не начала купаться, потому что никто не помнитъ здѣсь такой отвратительной весны. Право хуже петербургской, а главное, какъ зарядилъ дождь, такъ и не переставалъ ровно 17 дней, и все еще теперь небо плачетъ, а вѣтеръ дуетъ.

Право, весело, что я теперь совершилъ еще подвигъ—написалъ вамъ. Теперь, авось, съ легкой руки я буду продолжать писать и къ другимъ.

Пожалуйста, будьте великодушны и простите меня за мое безалаберное письмо; вотъ сейчасъ чуть не разорвалъ его пополамъ, и не послалъ вамъ другого.

Получилъ-ли С. И. итальянскія газеты? Стасовъ говоритъ, что не получилъ. Странно! Завтра получите еще одинъ итальянскій отзывъ о „Христѣ“ (бандероль); есть о немъ также и въ нѣмецкой газетѣ.

Простите, пожалуйста, за шутливый тонъ. Смѣюсь, потому что скучно, одинъ!

114. Къ нему же.

Римъ, май 1874 г.

Вотъ, какъ видите, строчу—собственно для того, чтобы вы не позабыли меня! Пожалуйста, распоряжайтесь мной, какъ желаете. Не просите извиненія, что не пишете, потому что я нисколько не въ претензіи на васъ. Я хорошо понимаю, что когда у васъ есть свободное время, вы должны его отдавать теперь не мнѣ, а своему семейству. Слѣдовательно, пишите только въ Римъ, какъ можно больше. Тогда я конечно узнаю, какъ вы поживаете, а чего-же мнѣ больше?

Мы всѣ здравствуемъ. Вотъ сегодня мы всѣ пили шоколадъ въ честь именинника Андрюши; теперь жду до понедѣльника, и тогда не хочу пить одинъ шоколадъ, а нѣчто другое...

115. Къ В. В. Стасову.

Неаполь, 11 мая 1874 г.

Пишу вамъ теперь всего нѣсколько строчекъ, касающихся исключительно памятника Пушкина.

Я теперь въ Неаполѣ, пріѣхалъ посѣтить семейство. Не знаю, море-ли, волны-ли морскія это сдѣлали, но, какъ бы то ни было, у меня вдругъ воскресъ въ умѣ памятникъ для Пушкина. И о ттого я спѣшу увѣдомить васъ, что если комитетъ можетъ подождать, и если я никому не принесу вреда, то я готовъ сдѣлать эскизъ для памятника Пушкина, безъ всякаго вознагражденія. Но повторяю, если я никому не принесу этимъ никакого вреда.

116. Къ нему же.

Сорренто, 21 мая (2 іюня) 1874 г.

Еще разъ я провинился! Я обѣщалъ въ прошломъ письмѣ, что черезъ два дня напишу побольше, а вмѣсто двухъ дней теперь уже прошло дней шесть! Но дѣло въ томъ, что письмомъ меня вызвали въ Римъ, куда я и поѣхалъ. Между прочимъ, могу сообщить, что „Иванъ Грозный“, маленькій, изъ серебра, уже давно посланъ Солдатенкову и теперь отливается такой-же изъ бронзы. Потомъ здѣсь я далъ отлить голову „Ивана Грознаго“ изъ бронзы, въ натуральную величину. Вышло очень хорошо! Мнѣ этотъ болѣе нравится, чѣмъ изъ мрамора. Вашъ бюстъ уже въ половинѣ работы изъ мрамора, а также и бюстъ Гартмана, сдѣланный Мамонтовымъ. Но главное то, что „Христа“ уже начали изъ мрамора и мраморъ такой чудный, какой рѣдко случается! Вотъ какую новость я нашелъ въ моей студіи!

Еще одно—это фотографія съ „Христа“. Но увы! она совсѣмъ неудачна, и, благодаря этому, я остался въ Римѣ еще на 2 дня. Думаю, что теперь должно выйти хорошо. Но если не будетъ удачно, то ея не получите. Долженъ я вамъ сказать, что фотографія съ „Христа“ очень трудно снимается.

И такъ, кончая съ разными мелочами, я хочу сказать нѣсколько словъ о памятникѣ Пушкина. Разъ уже я сказалъ, что очень радъ сдѣлать эскизъ, то непремѣнно сдѣлаю, и оттого я бы просилъ выслать мнѣ для этого разные матеріалы:

1) Бюстъ (маленькій) автора Пушкина.

2) Костюмъ того времени.

3) Конструкцію, мѣсторасположеніе или планъ.

Вотъ, пока, только это, да и то довольно побезпокоитъ васъ.

Впрочемъ, вы все это дѣлаете охотно.

Ужъ какъ мнѣ хотѣлось-бы сдѣлать этотъ эскизъ и показать вамъ! Что онъ будетъ своеобразенъ, это—несомнѣнно! Но удачно-ли я представляю Пушкина авторомъ, да еще русскимъ, объ этомъ вы будете судить, когда я сдѣлаю.

Жаль, что я не послалъ вамъ моихъ замѣтокъ о его произведеніяхъ. Впрочемъ, это дѣло еще поправимо.

Что касается до того, что вы хотите отдать „Ярослава Мудраго“ и „Ивана III“ куда-то награвировать, то я долженъ сказать вамъ, что охотно бы согласился, но у насъ гравируютъ изъ рукъ вонъ плохо! Особенно въ иллюстраціяхъ. И такъ, если вы желаете, то я ничего не

имѣю противъ того, чтобы награвировать эти два эскиза, но буду имѣть очень много противъ—если сдѣлаютъ плохо.

Здѣсь изъ „Иллюстрацій“ (превосходная, лучшая, что я видѣлъ въ подобномъ родѣ) просили у меня позволенія награвировать что-нибудь изъ моихъ произведеній. Но тутъ-то и заговорило мое патріотическое самолюбіе, потому что оказалось, что они желаютъ взять „Петра“ и „Христа“—на это я не согласился.

Насчетъ отзыва Тургенева, да и вообще русскаго взгляда на французское искусство, напишу вамъ непремѣнно, потому что, по-моему, Русь перестаетъ творить, а начинаетъ подражать. Я говорю о послѣднихъ нѣсколькихъ годахъ, когда Русь, можетъ-быть, ничего особенно грандіознаго не творила, но за то видно было, что она стремится въ искусствѣ къ свободѣ отъ всего чужого и къ самостоятельности, и именно только изъ-за этой естественности, которая преобладала въ русскомъ искусствѣ, оно и имѣло нормальный ходъ развитія. Въ другомъ письмѣ непремѣнно подробнѣе буду говорить объ этомъ.

И такъ, пока я ограничусь обѣщаніемъ только.

О своемъ житьѣ-бытьѣ мнѣ нечего говорить: оно такъ прозаично, (а впрочемъ и поэтично), что не имѣетъ интереса для другихъ. Скажу только, что мы всѣ здравствуемъ отлично, грѣемся подъ Божьимъ солнышкомъ. Тепло! Ѣдимъ, спимъ, глядимъ виды, которые здѣсь такъ хороши, и время идетъ совершенно не по-плебейски, такъ что просто совѣстно становится, что живешь, какъ скотина. Ну, однако, за то постараюсь потомъ наверстать. А теперь, извините, да кстати извините и за это письмо.

Пожалуйста, пришлите мнѣ все то, о чемъ я просилъ. Да вотъ что,—еще просилъ бы я маленькую біографію „Моцарта“. Въ будущемъ письмѣ постараюсь кое-какъ разсказать планъ своего эскиза Пушкина. Авось, удастся, но врядъ-ли!

117. Къ С. И. Мамонтову.

Сорренто, лѣто 1874 г.

Здравствуйте, мой лучшій другъ!

Вчера я написалъ вамъ письмо, но странно—я сидѣлъ на балконѣ и хотѣлъ вложить письмо въ конвертъ, но откуда ни возьмись вѣтеръ вырвалъ письмо и унесъ его въ море! Я бѣжалъ, хлопоталъ, но онъ былъ таковъ! Теперь дѣлать нечего, строчу, чтобы никому не было обидно, и вѣтеръ чтобы не торжествовалъ.

Въ письмѣ было разсказано кое-что о мнѣ, потомъ шелъ отвѣтъ на ваше замѣчаніе о „Моисеѣ“ и вдругъ я началъ Іеремiаду, а кончилъ тѣмъ, что не то цѣловалъ васъ, не то ласкалъ, а какъ-то щипалъ и кусалъ до боли ваше доброе лицо, для того, чтобы вы помнили вашего старичка, который больше чѣмъ любилъ васъ. Ну, какъ видите, плакать о вчерашнемъ письмѣ не стоитъ, тѣмъ болѣе, что я продолжаю писать теперь. Правда, мой другъ, съ моей стороны слишкомъ дерзко взяться за такую задачу, какъ „Моисей“, и тѣмъ болѣе,

что онъ уже разъ созданъ геніемъ Микель-Анджело. Но что прикажете дѣлать, когда онъ представляется въ моемъ воображеніи совершенно инымъ. По моему, „Моисей" раньше всего реформаторъ, законодатель, стратегикъ, администраторъ, но не воинъ, т.-е. такой человѣкъ, который олицетворяетъ человѣческій умъ, и все, что онъ сдѣлалъ, это были лишь плоды долгихъ умственныхъ работъ; кромѣ того, онъ былъ отъ природы необыкновенно энергиченъ и настойчивъ въ своихъ предпріятіяхъ. Но не надо представлять себѣ его энергію до электризаціи, какъ это бываетъ у воиновъ и какъ это сдѣлалъ самъ Микель-Анджело. Электризованная энергія бываетъ особенно у тѣхъ людей, у кого чувство работаетъ больше ума. Но у Моисея, напротивъ, былъ холодный и спокойный умъ, твердый въ своихъ убѣжденіяхъ и устойчивый во всемъ, какъ камень несдвижимый.

Вотъ какъ я смотрю на него со стороны содержанія. Теперь перехожу къ сторонѣ исполненія.

Странно, какое представленіе мы имѣемъ о „Моисеѣ" до сихъ поръ. Онъ для насъ непремѣнно дѣдъ, старецъ, съ необыкновенно длинной и густой бородой, съ густыми бровями, большей частью сердитый, съ геркулесовскими мускулами, часто закутанный въ какой-то плащъ или просто простыню. Между тѣмъ, сама его дѣятельность вовсе не падаетъ на его старческое время. Но мало этого, никто не дерзнулъ подумать, что для созданія „Моисея" необходимо соединить эпоху, мѣстность и типъ. Все это пропущено. Традиція и старое понятіе до сихъ поръ держали насъ съ крѣпко-завязанными глазами, и самъ Микель-Анджело не отсталъ отъ всего этого ни на шагъ. Однако, я долженъ прибавить, что теперь именно я менѣе думаю о немъ, самъ не знаю почему. А впрочемъ, причина простая—одинъ образъ вытѣсняетъ другой. Я забылъ прибавить, что я самъ лично еще не совсѣмъ привыкъ къ идеѣ „Моисея"; меня смущаетъ его деспотизмъ, несмотря на то, что онъ раньше всѣхъ сказалъ: „люби ближняго, какъ самого себя", что онъ уничтожилъ рабство, а также и аристократію, что въ его кодексѣ всѣ равны, что онъ сказалъ: „чужого не обижай, помни, что самъ ты былъ чужой въ Египтѣ". Но странно, что такой геній, какъ „Моисей", отдалъ дань грубости своего времени: „зубъ-за-зубъ". Не люблю я этого!

Послѣ „Моисея" у меня явился образъ для созданія памятника Пушкину. Я написалъ о томъ Стасову, но вотъ ужъ больше шести недѣль, какъ нѣтъ отвѣта и, признаться, общее равнодушіе какъ-то охладило меня самого къ этому дѣлу. Теперь я занятъ совершенно инымъ образомъ, не серьезнымъ (не всегда-же творить только серьезное и грандіозное, это было-бы даже тяжело). Теперь думаю объ одной фигурѣ, которая можетъ быть очень поэтична, а главное, что въ нее можно вложить много души. Это вещь подъ заглавіемъ: „Минута счастья среди несчастья". Представьте себѣ: молодая и слѣпая, да при томъ бѣдная, дѣвушка, душою артистка, съ увлеченіемъ играетъ и поетъ о любви, о счастьи, о томъ миломъ, котораго она никогда не можетъ видѣть; она до того увлечена, что хоть на минуту забываетъ

свое положеніе, а душа ея подпимается высоко, высоко, туда, гдѣ блаженство и торжество.

Кончая письмо, я не могу не поцѣловать васъ за вашу телеграмму, которую вчера получилъ и которая меня очень успокоила.

Что слышно о вашемъ новомъ предпріятіи насчетъ Сибирской желѣзной дороги"? У меня есть одинъ другъ,—честный и образованный человѣкъ, который радъ былъ-бы получить мѣстечко тамъ гдѣ-нибудь, если планъ желѣзной дороги осуществится, потому что онъ теперь безъ мѣста.

Прошу отвѣтить на мои докучливые вопросы.

118. Къ нему же.

Сорренто, лѣто 1874 г.

Сейчасъ я получилъ ваше письмо, а также и вексель. Какъ только поѣду въ Неаполь, такъ сейчасъ пошлю телеграмму къ вамъ, какъ произойдетъ эта получка.

Что касается замѣтки, которую вы прислали, то, конечно, все это довольно забавно, главное, потому, что болтаютъ и спорятъ, даже не видавши предмета. Но все-таки думаю, что подобные нелѣпые толки могутъ вредить не мнѣ, а ходу мысли общества. И оттого, чтобы прекратить всю эту нелѣпую болтовню, я прошу помѣстить въ какомъ-нибудь хорошемъ журналѣ переводъ изъ римскихъ газетъ, особенно изъ художественнаго журнала, который издается во Флоренціи.

Сейчасъ я пишу въ Вильно, гдѣ находится переводъ этихъ газетъ, который вы и получите.

А васъ я очень прошу заняться этимъ дѣломъ, ради справедливости и ради искусства.

Прошу немедленно дать мнѣ знать объ этомъ.

Письма, т.-е. вѣрнѣе сказать, замѣтки о Пушкинѣ, буду продолжать. Завтра или послѣзавтра вы получите тяжеловѣсное письмо. Не сердитесь, ради Бога, за это.

119. Къ нему же.

Сорренто, лѣто 1874 г.

Мои замѣтки о Моцартѣ и Сальери будутъ нѣсколько пространны. Несмотря на то, что это произведеніе довольно короткое, по достоинству оно чуть-ли не первое среди произведеній Пушкина. И оттого впередъ предупреждаю, что, кромѣ хорошаго и глубокаго, я ничего въ немъ не вижу. Правда, есть нѣкоторые недостатки, но они такъ ничтожны, что можно было бы ихъ и не замѣтить. Но, чтобы не показаться Богъ знаетъ кѣмъ, я спѣшу поскорѣе указать на нихъ, чтобы они мнѣ не мѣшали.

Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ лаконичен. Это громадное достоинство положительно рѣдко встрѣчается; но, въ произведеніи „Моцартъ и Сальери", эта лаконичность переходитъ почти въ не-

достатокъ. Особенно это чувствуется у Сальери. Психологическое развитіе его ненависти, вытекающей изъ сильнаго самолюбія и перехода отъ нея къ преступленію, какъ-то слишкомъ кратко развито. Вообще, все произведеніе до того сильно, грандіозно и глубоко, что хотѣлось-бы, чтобы объемъ его былъ гораздо шире. Въ художественныхъ произведеніяхъ непріятно дѣйствуетъ на глазъ, если видишь какой-нибудь ничтожный сюжетъ, размазанный на громадномъ холстѣ, но такъ же дѣйствуетъ и обратное,—когда видишь воспроизведеніе картины серьезнаго содержанія въ миніатюрѣ. Совершенно то-же можно сказать и про словесное искусство. Каждое произведеніе имѣетъ соотвѣтственный содержанію размѣръ и объемъ; и это мы называемъ гармоніей между замысломъ и произведеніемъ. Когда же мы перешагнемъ черезъ этотъ недостатокъ, передъ нами открываются уже одни достоинства Пушкина.

Типы, подобные Моцарту и Сальери, существуютъ, существовали и будутъ существовать не только въ искусствѣ, какъ творцы,—одинъ свободный и естественный, другой какъ труженникъ и рабъ, но во всѣхъ фазисахъ исторіи человѣчества встрѣчаются нерѣдко. Подобные характеры можно найти почти въ каждой щели, куда вы ни заглянете. Можетъ быть, въ отдѣльности, эти черты не такъ рѣзко выказываются, какъ у Сальери, но нѣтъ сомнѣнія, что люди съ подобнымъ самолюбіемъ есть повсюду. Люди, которые не могутъ сами подняться до извѣстной высоты, чтобы быть тамъ первыми и всѣхъ замѣтнѣе, достигаютъ этой высоты тѣмъ, что давятъ вокругъ себя всѣхъ, кто только можетъ равняться съ ними, и, благодаря этому, имъ кажется, что они уже стоятъ выше. Этотъ типъ особенно укоренился и выдается въ наше время, какъ сознательный врагъ всего того, что можно назвать лучшимъ. Подобные характеры тѣмъ опаснѣе для истиннаго таланта, что они раньше всего завладѣваютъ славой, довѣріемъ толпы, и это-то орудіе обращаютъ противъ тѣхъ, кого считаютъ противниками. И при этомъ, ихъ поступки болѣзненны и сознательны, сами они въ своихъ дѣйствіяхъ ненасытны. Разъяснить, откуда вытекаетъ такого рода характеръ, конечно довольно трудно; физіологія и психологія мало разъясняютъ намъ это, но предположенія все-же можно высказать.

Сальери говоритъ: „Ребенкомъ будучи, когда высоко звучалъ органъ въ старинной церкви нашей, я слушалъ и заслушивался; слезы невольныя и сладкія текли“.

Очень можетъ быть, что онъ любилъ музыку, но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что въ подобномъ ребенкѣ кроется творческій талантъ. Можно и любить музыку и дорожить ею, но при всемъ томъ можно не быть въ состояніи творить. Скорѣе можно предположить, что у такого ребенка просто были слабые нервы. Часто мы видимъ людей взрослыхъ, вовсе не творцовъ и музыкантовъ, которыхъ музыка заставляетъ волноваться и плакать. Я думаю, что къ такому характеру, какъ Сальери, скорѣе нужно относиться съ послѣднимъ предположеніемъ; только такимъ образомъ намъ будетъ ясна одна черта

характера Сальери, его болѣзненная нервность, которою онъ страдалъ, и которая впослѣдствіи много зла породила.

Безъ сомнѣнія, этотъ человѣкъ былъ настойчивъ въ томъ, что предпринималъ, до упрямства, и ничѣмъ не пренебрегалъ, лишь бы достичь удовлетворенія своего самолюбія. Онъ говоритъ: „Труденъ первый шагъ, и скученъ первый путь. Преодолѣлъ я раннія невзгоды; ремесло поставилъ я подножіемъ искусству; я сдѣлался ремесленникомъ; перстамъ придалъ послушную, сухую бѣглость“... и т. д. А все-таки у него было больше сухости ума, чѣмъ мягкости сердца. Этотъ настойчивый творецъ, изучая теорію алгебры, дошелъ лишь до той границы, гдѣ кончается теорія, и начинается творчество. Но и за это онъ дорого поплатился. Безпрерывные труды, среди которыхъ онъ проводилъ утомительныя и безсонныя ночи, его уединенность, все это должно было довести этого человѣка до высшей степени раздражительности, до разлитія желчи и жаднаго стремленія уничтожать все, что только можетъ казаться ему его соперникомъ.

Мнѣ представляется, что наша эпоха тѣмъ обильнѣе подобными характерами, что, вообще, благодаря колеблющемуся времени и переходной борьбѣ, нервы какъ-то слишкомъ раздражены. Мы любимъ вещи сильныя, ощущенія потрясающія до слезъ, и наши стремленія идутъ въ стороны отрицательныя, гдѣ дѣйствительно многое необыкновенное находишь.

Совершенно противоположный характеръ у Моцарта. Замѣчу, что я вовсе не придерживаюсь вѣрности историческаго факта. Вѣрно-ли, что Сальери отравилъ Моцарта? Теперь извѣстно, что это фактъ не вѣрный. Но для меня важны эти два характера, какъ олицетвореніе извѣстныхъ типовъ, царящихъ повсюду, и въ извѣстныхъ размѣрахъ существующихъ у большей части людей.

Моцартъ выступаетъ передъ нами, какъ удачный отливокъ природы. Поневолѣ, ставъ выше окружающаго его, онъ былъ свободнымъ творцомъ и естественнымъ человѣкомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова: честенъ, благороденъ, довѣрчивъ, безпеченъ и наивенъ. Худшей стороны жизни онъ и не зналъ, и никогда не подозрѣвалъ, чтобы другой человѣкъ могъ быть чѣмъ-то инымъ, чѣмъ онъ самъ. Одного лишь у него не было,—это сознанія своихъ силъ. Это-то и погубило его! Сколько нехорошо сознаніе своихъ силъ безъ достаточнаго для этаго знанія, столько-же нехорошо и второе безъ перваго. Вообще, гдѣ нѣтъ равновѣсія, люди, подобные Моцарту, не живучи для нашего времени. Они-то являются тѣми херувимами, которые заносятъ къ намъ райскія пѣсни, даютъ человѣку насладиться ими, а потомъ заставляютъ вздрагивать и удивиться той необыкновенной ихъ силѣ, которая не всѣмъ выпадаетъ на долю. Подобные люди освѣщаютъ жизнь, но сами скоро сгораютъ; и это послѣднее происходитъ оттого собственно, что рядомъ съ ними существуютъ типы подобные Сальери, которые съѣдаютъ все, что кругомъ ихъ есть чистаго. И вотъ, между двумя подобными элементами происходитъ та вѣчная борьба, которая существуетъ между сухостью и разсчетливостью ума — и чистотой глубокой души.

Гдѣ загорается подобная борьба, драма неминуема! Грустно то, что до сихъ поръ сухость, холодность, вообще зло, берутъ верхъ.

Да, другъ мой! Геній и злодѣйство несовмѣстимы, такъ же, какъ несовмѣстимы добро и зло.

Даже только однимъ этимъ произведеніемъ Пушкинъ заслужилъ честь и благодарность человѣчества.

Однако, я скорѣе кончилъ, чѣмъ предполагалъ. Жаль: я чувствую, что и его произведеніе, и самъ Пушкинъ, достойны бо́льшаго, чѣмъ мои маленькія замѣтки.

120. Къ С. И. и Ел. Гр. Мамонтовымъ.

Сорренто, лѣто 1874 г.

Друзья мои дорогіе!

Пишу вамъ обоимъ. Зачѣмъ эта обособленность? Обоихъ я люблю васъ, обоими дорожу, и съ обоими хочу говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ. Надѣюсь, что вы не будете на меня сердиты за это, и, когда придется отвѣчать, не станете ссылаться другъ на друга, чтобы писать.

Продолжаю писать о произведеніяхъ Пушкина, потому что продолжаю читать ихъ.

Не знаю, какъ вы смотрите на это. Вѣдь Пушкинъ и произведенія его давно разобраны вдоль и поперекъ, и все то, что я скажу, будетъ не ново. Но пишу для своего собственнаго удовольствія, потому что не все я читалъ, что говорилось о твореніяхъ Пушкина, а вы, какъ желаете, такъ и дѣлаете. Благо я предупредилъ васъ. Но предупреждаю также, что не буду вдаваться въ подробности и буду говорить какъ можно короче. Ладно.

Если-бы у меня спросили, за что Пушкинъ заслужилъ свое имя, я бы отвѣчалъ: „За „Бориса Годунова“ и „Моцарта и Сальери“.

Драма „Борисъ Годуновъ“ по своей зрѣлости и глубокой обдуманности, по своей эластичности и связности, наконецъ, по силѣ талантливости можетъ сравниться съ Шекспировскими произведеніями. Это можно смѣло сказать, когда берешь нѣкоторые типы въ отдѣльности. Но по цѣльности и по постройкѣ плана драма эта много теряетъ.

Еще одинъ недостатокъ имѣетъ эта драма: это то, что она не выдерживаетъ сценической постановки, а это тоже важный недостатокъ. Раньше всего, сценическія вещи пишутся, конечно, для сцены, т.-е. сцена дополняетъ въ произведеніи то, чего авторъ не договорилъ: напримѣръ, описаніе личности, мѣстности и времени, и благодаря этому взаимодѣйствію произведеніе получаетъ свою рельефность и цѣльность.

Такимъ образомъ, сценическое произведеніе, какъ бы оно ни было талантливо исполнено, потерявши возможность быть поставленнымъ на сценѣ, теряетъ и свое значеніе. Таково и произведеніе „Борисъ Годуновъ“.

Отбрасывая эти два недостатка, мы вначалѣ разберемъ то, что есть хорошаго въ драмѣ, а потомъ, какъ водится (всѣ мы не безъ

грѣха, и въ „Борисѣ“ есть недостатки, даже крупные), и о недочетахъ я не умолчу.

Достоинство драмы „Борисъ Годуновъ“ состоитъ, раньше всего, въ талантливомъ творчествѣ, обдуманности до детальности, и въ исполненіи добросовѣстномъ, безъ пристрастія къ предмету.

Есть у него типы, которые необыкновенно ярки и величественны. Особенно сильно и глубоко выступаютъ предъ вами два типа: Пименъ и Шуйскій.

Такъ мало говоритъ этотъ Пименъ и такъ ярко и цѣльно видна его покойная, кроткая и вмѣстѣ съ тѣмъ величественная натура, относящаяся правдиво къ прошедшему и безстрастно къ будущему! Это—дистиллированный типъ, который прошелъ сквозь волненія житейской бури, жилъ, наслаждался и страдалъ—и не упалъ, а, напротивъ, дошелъ до сознанія, что то доброе, къ чему мы стремимся—это правда, любовь и спокойствіе, но искать ихъ надо не въ другихъ, а лишь въ самомъ себѣ. Конечно, мы должны смотрѣть на него, какъ на типъ, принадлежащій своему времени. Подъ словомъ „лучшее, благородное“ понималось то, что онъ отрекся отъ всего мірского, и уединился, для того, чтобы служить своимъ знаніемъ потомству, а молитвой самому себѣ и близкимъ. Одно лишь можно смѣло сказать, что въ какое время и въ какой странѣ ни явился бы подобный типъ, онъ всегда бы стоялъ неизмѣримо выше окружающаго его уровня.

Честь и слава Россіи, что она могла создавать подобные характеры. Жаль лишь, что теперь ихъ не видно. Это положительно идеальный слѣпокъ съ природы, а у Пушкина это геніальное созданіе.

Совершенно иного характера Шуйскій. Это тонкій и острый, и притомъ гибкій характеръ, который, при наружномъ спокойствіи, можетъ дѣлать изъ себя все, что угодно: изгибаться, блеснуть, выпрямиться, потомъ, когда нужно, вытянуться и пролѣзть въ щель, а главное, ни во что не быть замѣшаннымъ. Трудно сказать, насколько подобные характеры способны управлять цѣлымъ государствомъ, но для кабинета и веденія дѣлъ съ другими дипломатическими личностями—подобные типы положительно рѣдки.

Необыкновенно мастерски авторъ рисуетъ его, и главное—просто, коротко и ясно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полно жизни и правды.

Необыкновенно мастерски написана сцена въ корчмѣ: ярко и просто, превосходно обдумано и вмѣстѣ легко и игриво. Это тоже одно изъ лучшихъ мѣстъ. Но за то самъ Борисъ не совсѣмъ удовлетворителенъ; онъ выступаетъ какъ-то туманно и неясно. Первый монологъ его превосходенъ, полонъ творчества, за то послѣдній, когда онъ умираетъ, длиненъ и неестественъ. Человѣкъ, который вотъ-вотъ умретъ, говоритъ такъ долго, безъ утомленія, словно собирается умереть, какъ актеръ на сценѣ, и еще—какъ актеръ, не понимающій своей роли.

Есть въ драмѣ еще одно достоинство, составляющее преимущество уже самого Пушкина. Это то, что онъ поступаетъ не какъ тѣ авторы, которые рисуютъ предъ вами факты и детали и обставляютъ

ихъ до того ясно и подробно, что читатель при чтеніи восторгается или ужасается, но лишь закроетъ книгу, то закроется и клапанъ его воображенія. Пушкинъ часто поступаетъ совершенно иначе. Онъ ставитъ передъ вами живой интересъ, и при этомъ иногда нѣсколькими штрихами вызываетъ ваше воображеніе, выводитъ его на дорогу, указываетъ, куда ведетъ, и вдругъ оставляетъ васъ... Этотъ поэтъ сильнѣе дѣйствуетъ на творчество, ибо ваше воображеніе сильнѣе работаетъ.

Ко всему этому я не стану прибавлять, насколько силенъ и красивъ самый стихотворный языкъ: объ этомъ я умалчиваю, во-первыхъ, потому, что я не любитель стиховъ, исключая лишь народныя пѣсни отдаленнаго времени, т.-е. стихи, получившіе уже миѳическій характеръ; вообще, стихи я допускаю только тамъ, гдѣ преобладаетъ фантазія надъ здравымъ смысломъ, гдѣ творецъ восторженностью своей выходитъ изъ области реальнаго факта. Во-вторыхъ-же, какъ вы видите, я плохо владѣю языкомъ, и потому не имѣю права говорить объ этомъ предметѣ такъ или иначе.

Продолжая говорить о характерахъ, выведенныхъ Пушкинымъ, я долженъ предупредить васъ, что уже больше ничего нѣтъ утѣшительнаго, какъ для самого автора, такъ и для поклонниковъ его.

Одинъ изъ самыхъ неудачныхъ характеровъ—это Самозванецъ. Изъ бѣднаго дьячка, скитавшагося по бѣлому свѣту, Пушкинъ создаетъ типъ, человѣка, сыгравшаго громадную роль въ судьбахъ Россіи.

Все, что онъ дѣлаетъ до вступленія въ Литву, можетъ быть признано правдоподобнымъ, и тутъ можно указать на нѣкоторыя ловкія рѣчи и смѣлыя дѣйствія, такъ что даже трудно вѣрится, чтобы такъ думалъ и дѣйствовалъ девятнадцатилѣтній юноша. Правда, Пушкинъ хотѣлъ изобразить въ немъ все-таки не дюжиннаго человѣка, но если такъ, то онъ тѣмъ фальшивѣе обрисованъ тамъ, гдѣ уже является въ Литвѣ. Лишь только Самозванецъ переступилъ границу Литвы, онъ уже вдругъ преображается. Онъ становится ловкимъ придворнымъ, который принимаетъ пословъ, чаруетъ всѣхъ пановъ и своихъ соотечественниковъ, какъ наприм. восторженнаго Курбскаго и ловкаго Пушкина; говоритъ по-латыни, ловко танцуетъ, владѣетъ саблей и конемъ хорошо правитъ. Признаться — способности необыкновенныя, и всего этого онъ достигъ не болѣе, какъ въ одинъ годъ. И этотъ ловкій и способный герой вдругъ влюбляется и... Происходитъ свиданіе у фонтана, и оказывается, что это не любовь, а лишь только съ одной стороны холодная и честолюбивая панна Марина, а съ другой стороны... ну, извините, тутъ-то я и не знаю, какъ назвать Самозванца. Сначала онъ изливаетъ свою любовь такъ нѣжно и искусно, совсѣмъ не какъ дьячокъ, и даже не какъ простой смертный, а такъ, какъ пишется въ романахъ, но холодная и властолюбивая Марина отвергаетъ это униженіе, потому что она не рада, что сюда пришла; но потомъ, разъ попавшись въ сѣть, онъ выпрямляется и становится гордымъ и холоднымъ и съ необыкновеннымъ знаніемъ и ловкостью защищаетъ свое право, до того, что она покоряется ему;

и тутъ-то оказывается, что онъ знаетъ женщинъ больше, чѣмъ Донъ-Жуанъ (помните его послѣднiй монологъ у фонтана?).

Вообще, весь разговоръ у фонтана до того ловокъ и искусенъ, что ему можетъ позавидовать самый опытный дипломатъ, въ томъ числѣ и самъ Бисмаркъ. И замѣтьте — все это говоритъ и дѣлаетъ двадцатилѣтнiй юноша! Право, было-бы завидно, если-бы все это была-бы правда, но правда только то, что самъ Пушкинъ говоритъ за Самозванца со всей своей силой знанiя. Въ концѣ концовъ, Самозванецъ, который показалъ такую ловкость и обдуманность, является на поле битвы, назначаетъ на завтра сраженiе крайне легко и необдуманно и, проигравши его, плачетъ только о своемъ бѣдномъ конѣ.

Спрашивается — къ чему всѣ эти хитрыя и искусственныя подставки ради искусства? Развѣ только для того, чтобы показать, какъ ловко можно говорить въ книгахъ, и какъ мало правдоподобно это бываетъ въ дѣйствительности. Зачѣмъ говорить не то, что умно, а что дается какимъ-то мудрымъ языкомъ? Безъ сомнѣнiя, Пушкинъ любилъ и изучилъ Россiю, но онъ изучилъ ее только по книгамъ, онъ не заглянулъ въ душу русскаго человѣка; въ его произведенiяхъ, въ его рѣчахъ не чувствуется того чисто древняго русскаго элемента, который такъ чувствуется и понынѣ у русскаго человѣка. Складъ его рѣчи, его логика, его поговорки—всего этого нѣтъ въ произведенiяхъ Пушкина, и нѣтъ этой простой и правдивой красоты.

Но отчего это? Отвѣтъ вотъ какой: самъ Пушкинъ говорилъ, что онъ глубоко изучилъ Шекспира—это съ одной стороны похвально, но ошибка тутъ та, что онъ изучилъ и приблизился къ нему, между тѣмъ великихъ мастеровъ надо изучать для того только, чтобы создать что-нибудь равносильное и своеобразное, какъ это дѣлалъ самъ тотъ творецъ, котораго онъ изучаетъ: каждый талантъ (а генiи и подавно)— долженъ быть самостоятеленъ. И, благодаря этой ошибкѣ, въ произведенiяхъ Пушкина чувствуется что-то чужое, душа не совсѣмъ чисто русская.

Надо прибавить, что, какъ драма, „Борисъ“ тоже не удовлетворяетъ. Характеръ у драмы есть тогда, когда является борьба между двумя противоположными силами; она должна быть основана не на случайности, а на фактахъ, вытекающихъ одинъ изъ другого, какъ въ шахматной игрѣ — съ одной и другой стороны ходы и дѣйствiя бываютъ напряжены и обдуманы. Но если шахматная доска опрокидывается, игра, конечно, прекращается, а все-таки нельзя сказать, что она окончена, потому что результатовъ нѣтъ: никто не проигралъ и не выигралъ.

То-же самое можно сказать и о драмѣ. Когда дѣйствующiй герой случайно умираетъ, конечно драма прекращается, но она остается незаконченной, если смерть не имѣетъ связи съ драмой. Драма „Борисъ“ такая и есть. Какъ съ одной, такъ и съ другой стороны силы напряжены — и вдругъ она прерывается, потому что самъ герой случайно умираетъ. Очень можетъ быть, что, какъ фактъ, это неоспоримо, но

я хотѣлъ указать на эту драму не какъ на исторію, а какъ на созданіе искусства.

Ко всему этому мнѣ еще остается прибавить, что я смотрю на Пушкина тѣми же глазами, что и на Пимена—это необыкновенное явленіе, но отдавшее дань своему времени.

Могъ-бы я еще кое-что сказать, но, честное слово, боюсь надоѣсть вамъ. Я радъ, что кое-какъ кончилъ (хотя не совсѣмъ) свои впечатлѣнія о Пушкинѣ. Впрочемъ, я не вѣрно выразился: о самомъ Пушкинѣ я не хочу говорить, я говорю о немъ лишь настолько, насколько вижу его въ каждомъ его произведеніи.

И такъ, до свиданія. Если мои строки не надоѣдаютъ вамъ (я говорю о подобныхъ тѣмъ, какія я сейчасъ написалъ), то напишите, и тогда я покормлю васъ, потому что время теперь ѣсть. Пишите скорѣе, что у васъ хорошаго, какъ вы поживаете? Я, какъ видите, о своемъ здоровьѣ молчу — значитъ хорошо.

121. Къ И. Н. Крамскому.

Сорренто, 7 (19) іюня 1874 г.

Ну, ну, не сердитесь, житель сѣверныхъ странъ, за то, что я черезчуръ скоро прибѣгнулъ къ радикальнымъ средствамъ и позволилъ себѣ написать вамъ лаконическое письмо. Признаться, я и не раскаиваюсь въ этомъ, потому что очень можетъ быть именно благодаря этому коротенькому письму вы оторвались отъ всѣхъ занятій, и удѣлили нѣсколько строкъ дальнему страннику.

Однако, тише! ни слова больше объ этомъ!

Если кто-нибудь сказалъ, что „Христосъ“ вовсе не будетъ посланъ въ Россію, то это вздоръ. Вѣдь, навѣрное, вамъ хорошо извѣстно, что онъ пріобрѣтенъ Мамонтовымъ, да притомъ я самъ лично скорѣе вовсе не продалъ-бы его, чѣмъ продать не въ Россію (особенно первый экземпляръ). Мои произведенія—это моя сила, безъ которой я двигаться не могу. Подождемъ еще немного, и я явлюсь къ вамъ и всею моею душою цѣликомъ предамся всѣмъ вамъ.

За Семирадскаго и Харламова бояться нечего. Дайте молодости пошалить, обожжется и сама отскочитъ. Мелочь, какъ мелочь, увлекается и пропадаетъ! Ну, туда ей и дорога! А людей болѣе серьезнаго характера не заманишь! По-моему, не въ этомъ бѣда, а бѣда въ томъ, что живые хлопочутъ не о живыхъ, а только о мертвыхъ. Оставимъ въ покоѣ всѣхъ тѣхъ, кого нельзя передѣлать никакими силами. Теперь пора взяться за развитіе искусства въ народѣ, вотъ гдѣ лежитъ основаніе будущаго русскаго искусства. Однако объ этомъ я много говорилъ и много еще буду говорить, въ этомъ-то и состоитъ моя цѣль, для чего и хочу возвратиться въ Россію. Лично же для искусства и для меня—здѣсь лучше. Но повторяю, что все, что я дѣлаю и думаю, потомъ будетъ принадлежать вамъ.

Недавно у меня воскресла идея для памятника Пушкина. Сейчасъ я писалъ объ этомъ Стасову, что если не поздно и если это не повре-

дитъ другимъ, то я сдѣлаю эскизъ для памятника Пушкина, безъ всякаго вознагражденія. Но вотъ теперь болѣе пяти недѣль, какъ я писалъ, и до сихъ поръ ни слуху ни духу, а признаться, благодаря этому молчанію и равнодушію къ этому предмету, я самъ какъ-то охладѣлъ. Да притомъ же, являются другіе образы, другія мысли, которые такъ хотѣлось-бы передать!

Мы живемъ въ Сорренто, семейство остается здѣсь на все лѣто, а я поѣду на мѣсяцъ брать ванны. Вы всегда можете адресовать (т.-е. во все лѣто) въ Сорренто, poste restante. Маленькаго „Ивана Грознаго“ изъ мрамора я думаю вовсе не посылать въ Петербургъ. Бюстъ Боткина посланъ къ М. П. Боткину; получилъ-ли онъ его? Изъ мрамора онъ вышелъ неудачно, хочу отлить самый оригиналъ изъ бронзы, или выдавить изъ terra-cotta.

Отъ Рѣпина ни слуху ни духу; онъ хотѣлъ уѣхать и замолчалъ.

Среди русскихъ художниковъ въ Римѣ затишье, а среди затишья Семирадскій пускаетъ свои фейерверки. Ковалевскій написалъ картину изъ кавказскаго быта (признаться, я не особенно интересовался и содержаніемъ). Но главное то, что онъ дѣлаетъ большіе успѣхи въ колоритѣ, именно въ томъ, чего до сихъ поръ ему недоставало. Онъ нравится мнѣ еще тѣмъ, что къ своему жанру относится добросовѣстно и серьезно.

Что больше писать? Подождите, дайте мнѣ расписаться, и тогда надѣюсь надоѣдать моими письмами, а пока прошу—вспомните меня и не будьте такъ молчаливы. Желаю вамъ побольше свободнаго времени: тогда и я получу отъ васъ нѣсколькими строками больше.

122. Къ В. В. Стасову.

Сорренто, 26 іюня (7 іюля) 1874 г.

Вотъ все болѣе и болѣе думаю о памятникѣ Пушкина и до невѣроятности желаю поскорѣе взяться за это дѣло. Но нельзя,—надо раньше ѣхать на Искію, потѣть среди сильныхъ жаровъ, и потомъ опять немного отдохнуть. Я бы хотѣлъ теперь быть среди васъ, чтобы поговорить, потолковать, поспорить — вообще напиться русскаго воздуха раньше, чѣмъ начну творить русскаго человѣка для русскаго народа. Всего этого я желалъ бы тѣмъ болѣе, что проектъ мой совершенно своеобразный. По крайней мѣрѣ я не хочу дѣлать похоже на то, что до сихъ поръ я видѣлъ, и мнѣ очень интересно будетъ узнать, какъ у насъ на это посмотрятъ. А между тѣмъ здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, съ которымъ можно было-бы посовѣтоваться, поговорить дѣльно. Какъ это подчасъ бываетъ тяжело! Иногда досадно до слезъ! Станешь говорить, а тебѣ отвѣчаютъ морганіемъ глазъ и лѣниво скажутъ въ родѣ: „недурно“, „да“,—„нѣтъ“—вотъ и все, чего можно ожидать на всѣ свои вопросы! Единственная совѣтница это—жена моя. У ней, по крайней мѣрѣ, чутье вѣрное, она принимаетъ живой интересъ въ моихъ планахъ и говоритъ, что чувствуетъ.

Однако, довольно писать — стану разсказывать о проектѣ „Пуш-

кина“, потому что я хочу кое въ чемъ съ вами посовѣтоваться. Хотя я хорошо знаю, что трудно передать словами то, что просится видѣть глазами, но что дѣлать, авось лучше говорить, чѣмъ молчать.

Съ чего начать?

Создать Пушкина, какъ статую, имѣющую связь съ его идеею, а также значеніемъ—трудность довольно сложная. Да притомъ же, трудно уцѣпиться за что-нибудь, чтобы создать что-либо своеобразное. А между тѣмъ это необходимо, даже ради самаго искусства. Пушкинъ для насъ не то, что Гоголь, и даже не то, что Глинка, которые нашли опору для своихъ созданій въ началахъ народнаго искусства и такимъ образомъ двинули это искусство впередъ. Пушкинъ былъ раньше всего сынъ міра, явившійся на сѣверѣ, который онъ такъ горячо полюбилъ. Онъ былъ образованный человѣкъ, да притомъ не изъ „простого“ народа, какъ тогда называли. Тогдашнее образованіе у не-простого народа заключалось тогда въ чисто-иностранныхъ элементахъ, начиная отъ нянекъ, гувернеровъ, и кончая тѣмъ временемъ, когда уже дѣти являются большими героями. Кстати, онъ серьезно занимался, и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что подобнаго юношу съ пылкимъ и предпріимчивымъ характеромъ, какъ Пушкинъ, все поражало, всѣмъ онъ увлекался и многому даже подражалъ. Этого я нисколько не ставлю ему въ упрекъ: во-первыхъ, не онъ былъ въ этомъ виноватъ, во-вторыхъ, тутъ есть свои хорошія стороны, а главное, въ концѣ-концовъ онъ вышелъ побѣдителемъ! Его произведеніе „Моцартъ и Сальери“, по глубинѣ характеровъ, по силѣ талантливости, по ширинѣ замысла и, наконецъ, по цѣльности, можетъ равняться съ самыми замѣчательными созданіями новыхъ и старыхъ временъ Европы (объ этомъ произведеніи я писалъ мои замѣтки Мамонтову). И такъ, между прочимъ скажу вамъ, что это самое лучшее его произведеніе: хотя оно и не вытекаетъ изъ среды сѣвернаго народа, но за то никто такъ не понялъ этотъ сюжетъ и не создалъ его, какъ сѣверянинъ. Намъ остается смотрѣть на Пушкина, какъ на русскаго, который говорилъ русскимъ языкомъ и любилъ его, но чувствовалъ и создалъ его какъ чисто художникъ вообще. Для него раньше всего дорогъ былъ человѣкъ во всѣхъ его фазисахъ душевнаго и умственнаго движенія, и только потомъ уже—къ какой націи онъ принадлежитъ. Онъ не былъ націоналистомъ въ художественномъ смыслѣ, его творчество всегда стояло выше всякой національности, и даже въ его чисто русскихъ произведеніяхъ, каковы наприм. „Борисъ Годуновъ“, все-таки можно отыскать общечеловѣческій характеръ (и объ этомъ произведеніи я тоже писалъ Мамонтову). И такъ, для русскаго человѣка онъ дорогъ не потому, что творилъ изъ матеріаловъ сѣвернаго элемента (чисто русскія произведенія есть лучше, чѣмъ у Пушкина, стоитъ только припомнить: „Бой Калашникова“), а онъ дорогъ тѣмъ, что онъ, русскій, понятенъ всему человѣчеству. И оттого Пушкинъ есть раньше всего: „человѣкъ“ и „поэтъ“ (вотъ его девизъ), и только потомъ уже русскій.

Кончая со своими короткими, и даже черезчуръ короткими мыслями о значеніи Пушкина для русскаго, я перехожу къ тому, какъ онъ пред-

ставляется мнѣ. Но и тутъ я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе. Дѣлать нечего! Главная моя задача въ будущемъ моемъ произведеніи, какъ и въ другихъ — та, чтобы основать художество на истинѣ, а не истину на художествѣ (какъ это дѣлаютъ до сихъ поръ всѣ классики и даже сами французы). Но нигдѣ это такъ не трудно сгармонировать, какъ при созданіи какого-нибудь монумента. Мы требуемъ отъ монумента не только портретную статую, какъ это было у грековъ,—наше желаніе идетъ гораздо дальше. Мы почти всегда желаемъ при этомъ и выраженія всѣхъ доблестей того героя, который удостоенъ монументомъ, и чуть-ли не всей исторіи его, вмѣстѣ съ его значеніемъ для потомства. Къ сожалѣнію, всѣ эти желанія ни разу не были достигнуты: всегда они оставались фальшивы и ходульны. Художникъ хватался за разныя эмблемы, аллегорическія фигуры, лѣпилъ цѣлыми рядами барельефы, для чего требовалось строить чуть не трехъ-этажные пьедесталы, на которые Богъ знаетъ какимъ образомъ вскарабкивался герой, и, благодаря всему этому, положительно всегда пьедесталъ заглушалъ фигуру, такъ что можно было думать, что фигура дѣлается для пьедестала, а не пьедесталъ для фигуры. Мимоходомъ замѣчу, что художники, создающіе подобные монументы, и среди которыхъ было всегда не мало классиковъ, недостаточно изучали тотъ предметъ, за который они брались. Грекъ никогда не дерзнулъ бы дѣлать пьедесталъ выше самой фигуры; для этого у него было достаточно гармоніи чувства. Грекъ гораздо проще подошелъ къ этому предмету: своихъ героевъ онъ представлялъ точно такъ-же, какъ своихъ боговъ. Статуя должна была говорить сама за себя, а пьедесталъ служилъ для того только, чтобы поддерживать статую такъ, чтобы на извѣстномъ разстояніи глаза фигура не терялась. Такимъ образомъ, даже и съ классической точки зрѣнія, пьедесталъ есть ничто иное, какъ искаженіе греческаго. И такъ, Боже сохрани меня подражать классикамъ, въ особенности грекамъ, потому что этого они не терпѣли.

Долженъ я указать еще на одно неудобство, къ которому прибѣгали всѣ скульпторы, но которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, трудно избѣгать. Не знавши достаточно героя, который рисуется на верху пьедестала, трудно объяснить—для чего служатъ всѣ тѣ фигуры и барельефы, которыми обвитъ пьедесталъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ пріемъ всѣмъ такъ знакомъ и привыченъ, что каждый скажетъ: „Вѣроятно всѣ они обозначаютъ всѣ доблести, которыми этотъ полководецъ отличался на полѣ битвы", или: „Эти фигуры вѣроятно суть тѣ самые герои, которыхъ авторъ сочинилъ". И такъ, благодаря нашему чутью и привычкѣ, мы знаемъ или отгадываемъ значеніе этихъ фигуръ. При этомъ, фигуры часто играютъ особую роль для созданій архитектурныхъ линій.

Но, при всемъ томъ, всѣ эти фигуры и барельефы никогда не составляютъ одного цѣлаго съ фигурой, стоящей вверху пьедестала, особенно, если монументъ служитъ для какого-нибудь автора. Кто строитъ подобные монументы, самъ не авторъ и не понимаетъ души и творчества поэта. Если рѣчь идетъ о творцѣ, то мы представляемъ

лучшія минуты жизни, именно тѣ минуты, когда онъ творилъ, когда душа его чувствовала всѣ наши чувства, когда онъ передавалъ намъ то, что у насъ есть самаго важнаго; этимъ онъ и дорогъ намъ и за это онъ заслуживаетъ уваженіе отъ потомства. Именно въ подобныя минуты онъ неразлученъ со своими идеями, онъ носится съ ними повсюду, видитъ ихъ, живетъ съ ними,—однимъ словомъ: творецъ безъ творчества немыслимъ, какъ творчество немыслимо безъ творца. Спрашивается: какую связь имѣютъ всѣ барельефы, фигуры, стоящія внизу пьедестала, и одна для другой не имѣющія никакого значенія, никакой связи, развѣ только ту, что всѣ онѣ прилѣплены къ одному камню?

Изъ всего, мною сказаннаго, ясно, что я не могу удовольствоваться общимъ характеромъ памятниковъ, какіе до сихъ поръ продолжаютъ фабриковаться. Въ нихъ я не вижу искусства, основаннаго на истинѣ, а только одну условность. Они скорѣе могутъ служить архитектурными украшеніями и, наконецъ, въ нихъ нѣтъ даже и намека на связь автора съ его произведеніями.

Изложивъ мой взглядъ на общій характеръ монументовъ, между которыми, впрочемъ, единственное исключеніе составляетъ памятникъ Петра I, въ Петербургѣ, я перехожу къ тому, какъ Пушкинъ представляется мнѣ.

Представьте себѣ—басейнъ, или что-нибудь въ родѣ этого, старый, обросшій травой. Съ одной стороны онъ имѣетъ возвышеніе (болѣе полутора аршина), на которое можно взобраться посредствомъ нѣсколькихъ ступеней; на самой серединѣ этой возвышенности остановился Пушкинъ, одиноко и задумчиво смотрящій въ глубину воды. Оттуда передъ нимъ поднимается „русалка“, со своимъ дитятей на рукахъ, и съ мольбою смотритъ на него; и тутъ-же, у подошвы этой возвышенности, сидитъ „мельникъ“, весь дрожащій и устремляющій глаза на дочь свою...—вотъ одна сцена. Я остановился именно на „Русалкѣ“ потому, что, несмотря на эскизность и неоконченность этого произведенія, все-таки оно является здѣсь вполнѣ русскимъ; болѣе, чѣмъ въ какомъ другомъ. Тутъ чувствуется, что говоритъ чисто русскій человѣкъ; притомъ-же въ этомъ произведеніи создана народная драма.

Помните стихи его „Памятника“, гдѣ онъ говоритъ:

«И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
«Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
«Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ]
«И милость къ падшимъ призывалъ».

Я думаю, что вы не удивитесь, отчего я опираюсь на драму „Русалка“, а не на „Бориса Годунова“, всѣми признаннаго за самое высокое его созданіе. По-моему, несмотря на множество достоинствъ, все-таки въ этой драмѣ есть и недостатки, уже не говоря о томъ, что тамъ не чувствуется народной Руси, а лишь только княжеская. Драма „Борисъ Годуновъ“ не цѣльна, но, главное, тамъ некому ни симпатизировать, ни сочувствовать и некого жалѣть. Прочитавъ всю драму,

остается только жалѣть о времени, которое тогда тяготѣло надъ Русью. Драма „Борисъ Годуновъ" въ высшей степени характерна и интересна, а по художественной обработкѣ въ высшей степени замѣчательна, а по отдѣльнымъ личностямъ полна высокаго творчества. Но я бы не желалъ брать отгуда ни одного героя, между тѣмъ какъ „Русалка" вся основана на драмѣ добра и зла, богатства и бѣдности, противоположеніи высшаго и низшаго класса... и притомъ тутъ вездѣ Русь!

Возвращаюсь еще разъ къ самому памятнику. Я долженъ замѣтить, что я бы желалъ поставить внизу, по сторонамъ ступеней, два лучшіе типа изъ Пушкинскихъ произведеній: это съ одной стороны „Моцарта", когда онъ играетъ свой „Реквіемъ", а съ другой „Сальери", слушающаго его. Но объ этомъ-то я хочу спросить у васъ, на мѣстѣ-ли они тутъ? Не забудьте, что весь этотъ басейнъ могъ быть и безъ Пушкина. Я хотѣлъ выразить, что при подобной обстановкѣ поэтъ способенъ творить, и тутъ-то я хотѣлъ представить творца и творчество.

Все, сказанное до сихъ поръ, касается лишь созданій Пушкина, а о самой статуѣ Пушкина я мало еще говорилъ, но я хотѣлъ передать вамъ только мысли мои, а не памятникъ, котораго еще нѣтъ.

Для ясности моего проекта посылаю вамъ приблизительный набросокъ плана, или, вѣрнѣе говоря, расположеніе мѣстъ, гдѣ фигуры должны находиться. Вы можете себѣ представить, какъ меня интересуетъ вашъ отвѣтъ.

Я бы очень и очень просилъ васъ рѣшительно никому не говорить объ этомъ, потому—это секретъ, который только вамъ я передаю. Когда сдѣлаю эскизъ, тогда, какъ вамъ угодно, и даже думаю, что слѣдовало-бы представить что-нибудь подобное, или именно это самое, въ Комиссію, въ видѣ приложенія къ проекту памятника Пушкина.

Затѣмъ могу сказать, что сегодня я получилъ фотографію, снятую съ „Христа". Какъ фотографія ни превосходна, но все-таки она не совсѣмъ передаетъ выраженіе „Христа".

И такъ, черезъ нѣсколько дней. Еще разъ прошу васъ рѣшительно никому не говорить о моемъ проектѣ, пока не будетъ готовъ эскизъ. Завтра ѣду на Искію, а вы адресуйте письма въ Сорренто, такъ будетъ вѣрнѣе.

Елена шлетъ вамъ дружескій поклонъ, а нашъ герой здравствуетъ. Ей-ей, онъ отличный малый!

И такъ, другъ мой, крѣпко обнимаю васъ.

123. Къ нему же.

Сорренто, 9 іюля 1874 г.

Вамъ вѣрно удивительно, что я такъ надоѣдаю вамъ моими письмами, но дѣлать нечего! Это можетъ служить вамъ доказательствомъ, что я не сплю, работаю, если не руками, то чувствомъ и головою; все думаю и передумываю, и нахожусь въ томъ настроеніи,

когда, знаете, всѣмъ надоѣдаю, спрашиваю, переспрашиваю, совѣтуюсь, слушаю, а кончается тѣмъ, что дѣлаю все, какъ самъ чувствую. Вчерашнее мое письмо навѣрное докажетъ вамъ, что я сильно занятъ проектомъ Пушкина. Вчера вечеромъ я набросалъ карандашомъ этотъ эскизъ, и, признаться, мнѣ совѣстно стало, чего я такъ тороплюсь передать то, что еще вовсе не готово. Во время этого наброска я кое-что измѣнилъ, и дѣло идетъ на ладъ. И мнѣ ужасно хотѣлось вернуть посланное къ вамъ письмо, потому что теперь я хорошо увидалъ, что я вовсе не такъ передалъ вамъ свою мысль и, по-моему, вамъ трудно будетъ составить себѣ какое-нибудь ясное понятіе объ этомъ памятникѣ. Ну, дѣлать нечего! Теперь мнѣ остается убѣдительно просить васъ, ради Бога, — никому ни слова обо всемъ томъ, что я писалъ: это передалъ я вамъ по секрету, но невѣрно. И такъ, письмо пусть канетъ какъ въ воду. Лучше ждите моего проекта, который, кажется, будетъ удаченъ. Сегодня я писалъ въ Римъ къ фотографу, чтобъ онъ выслалъ вамъ фотографіи, снятыя съ „Христа" со всѣхъ точекъ, съ которыхъ онъ снялъ его. Такимъ образомъ, черезъ 4—5 дней вы получите фотографію „Христа", но впередъ говорю, что голова не совсѣмъ удачно вышла, такъ какъ эта статуя разсчитана на возвышенное мѣсто, слѣдовательно, на нее приходится смотрѣть снизу, и при подобномъ положеніи фигура а голова въ особенности, много выигрываютъ, но такъ снять фотографію оказалось невозможно... Сію минуту мнѣ принесли ваше письмо. Спасибо! Я радъ, что вы перестали меня бранить за неаккуратность, и вмѣсто брани посылаете такое доброе и теплое письмо. Однако, сначала кончу то, о чемъ началъ писать, а потомъ вкратцѣ буду отвѣчать на все.

И такъ, удачной фотографіи, которая могла-бы передать характеръ „Христа", положительно невозможно покуда достигнуть, по крайней мѣрѣ, такъ говоритъ фотографъ. Но я уже писалъ, чтобъ опять голову сняли отдѣльно, и тогда вы навѣрно скоро получите ее. „Христа" еще не скоро выставлю въ Европѣ, во 1-хъ потому, что хочу показать его не изъ гипса (въ такомъ видѣ видѣлъ его Суворинъ). Онъ много проигрываетъ. А главное то, что „Христосъ" для меня еще идея „на половину". Я желалъ-бы продолжать и сдѣлать еще одинъ характеръ, не менѣе сильный, чѣмъ „Христосъ", но совершенно противоположный, это — „Мефистофель", во всей его наготѣ, когда онъ держитъ убитаго младенца и хохочетъ, что восторжествовалъ, что презираетъ весь родъ человѣческій! Вотъ вѣчная и всемірная драма. А впрочемъ, я на этомъ еще не остановился, потому что онъ не „pendant" къ „Христу": „Христосъ" есть живое существо, тогда какъ „Мефистофель"—миѳъ.

Далѣе, я хочу сдѣлать мою любимую „Инквизицію". Вообще, если я могъ-бы сдѣлать хоть четвертую долю того, что роится у меня въ головѣ, я былъ-бы счастливый человѣкъ, но проклятое здоровье часто мѣшаетъ мнѣ заниматься свободно, а правую руку частенько ломитъ отъ ревматизма, да вотъ и въ настоящую минуту тоже.

И такъ, если привезу свои работы, то не одного „Христа".

Хочу побывать въ Парижѣ, Лондонѣ, Германіи, а потомъ и на родинѣ. Вы, пожалуйста, не печальтесь, дорогой мой дядя, что не вы первый, а Суворинъ сообщилъ о Христѣ [1]), за то вы первый сообщили обо мнѣ, когда я лежалъ въ пыли, подъ пресомъ Академіи. Благо, что хвалятъ, а мой успѣхъ есть вашъ успѣхъ!

Напрасно вы боитесь, что меня завалятъ работой: вы знаете, что я заказовъ не принимаю, и отъ всѣхъ предложеній руками и ногами отказываюсь.

Изъ вчерашняго моего письма вы увидите, что я совершенно иначе думаю о проектѣ памятника Пушкину. И я долженъ сказать, если-бы у меня не явилось что-то особенное, своеобразное, то я не выступилъ-бы, а теперь сдѣлаю, непремѣнно сдѣлаю! Иначе я разломаю статую, да вмѣстѣ и себя тоже. Но этому не бывать!

О дальнѣйшемъ ходѣ „Христа", въ матеріальномъ смыслѣ, я не забочусь. Вѣрьте, я не многаго хочу отъ жизни: кусокъ ситнаго хлѣба, глину и спокойствіе, а желаніе мое то, чтобы всѣ любили другъ друга и чтобы всѣ законы заключались въ самомъ человѣкѣ.

А пока, крѣпко обнимаю васъ. Мой дружескій поклонъ Мусоргскому. Гена кланяется вамъ, а нашъ герой молодецъ, жаль, что вы его еще не знаете.

P. S. Еще кое о чемъ. Пожалуйста, когда получите фотографію „Христа", прошу—никому рѣшительно не показывайте, одно исключеніе — это Крамскому. Потомъ, прошу какъ можно скорѣе отвѣта. Я также шлю фотографію Мамонтову и Третьякову: послѣдній просилъ у меня, а я ему обѣщалъ. А больше рѣшительно никому! Да и Рѣпину надо послать. Но вотъ чудакъ, отъ него ни слова, спитъ вѣрно!

Вотъ главное, о чемъ я забылъ сказать... Вы напоминаете мнѣ о еврейской школѣ въ искусствѣ, о которой вы въ прошломъ году писали. Да, вещь это хорошая; чѣмъ больше разнообразія въ искусствѣ, тѣмъ лучше. И за это большое спасибо вамъ. Но мнѣ кажется, что это трудно и даже невозможно. Еврей скорѣе принадлежитъ къ извѣстной партіи, чѣмъ къ національности, или, говоря иначе, онъ націоналистъ, который стремится къ космополитизму. По-моему, въ этомъ и заключается высокое значеніе каждой національности. Евреи имѣютъ національнаго только прошедшее, а въ настоящее время—они и русскіе, и французы, и нѣмцы. Но ради искусства я бы готовъ былъ дѣлать все, только для этого надо имѣть больше голоса, чѣмъ у меня есть. Одно, что я могу сдѣлать: это, когда будетъ всемірная выставка, пригласить всѣхъ еврейскихъ художниковъ устроить отдѣльную залу. И такъ какъ эта идея принадлежитъ собственно вамъ, то не мѣшало-бы, если-бы вы черкнули объ этомъ въ „Еврейскомъ Вѣстникѣ" [2]), такъ чтобы можно было и другихъ познакомить съ этими идеями.

Статью о „Христѣ" конечно очень пріятно было мнѣ читать. Я

---

[1]) Статья А. С. Суворина въ «СПБ. Вѣдомостяхъ» изъ-за заграничнаго путешествія.

[2]) «Еврейская Библіотека».

радъ за Россію, моя надежда на нее не угасаетъ. Если желаете знать, чего я всегда желаю: это расширенія искусства въ Россіи. Теперь, кажется все!

Здѣсь такъ жарко, такъ жарко, что просто не знаешь, куда прятаться. Надо еще ѣхать на Искію, а какъ не хочется! Но надо, и завтра утромъ непремѣнно ѣду, а то все откладываю!

124. Къ И. Н. Крамскому.

Ischia, 29 іюня (11 іюля) 1874 г.

Изъ письма В. В. Стасова я узналъ, что вы членъ комиссіи для постройки памятника Пушкина. Признаться, это отчасти дало мнѣ болѣе охоты работать эскизъ. Надѣюсь, что вы всѣ были и будете строги, справедливы и безпристрастны къ этому дѣлу.

Васъ, въ качествѣ члена, я очень и очень благодарю, что мнѣ дали возможность высказать то, что наружу просится. Все время я все занятъ этимъ дѣломъ, думаю и передумываю, и долженъ сказать, если-бы у меня не явилось чего-нибудь особеннаго и оригинальнаго, я бы ни за что въ свѣтѣ не откликнулся, но теперь надѣюсь, такъ какъ все готово, остается только передать. Буду работать изъ глины, и представлю проектъ или изъ гипса, или-же даже изъ бронзы, причемъ представлю также и мои замѣтки, касающіяся этого дѣла. Мнѣ хотѣлось-бы передать мой взглядъ на нѣкоторыя изъ лучшихъ произведеній Пушкина, также на личность и значеніе самого автора. Вмѣстѣ съ тѣмъ я хочу указать на общій или условный, а скорѣе искаженный характеръ памятниковъ, господствующій до сихъ поръ. Но все это впереди еще! Подождемъ и увидимъ.

А пока, прошу посмотрѣть мои фотографіи, снятыя съ „Христа". Я просилъ В. В. Стасова, которому послалъ ихъ, чтобы онъ показалъ ихъ вамъ. Пожалуйста, прошу васъ написать, что скажетъ фотографія душѣ вашей. Но впередъ объявляю, что фотографія не есть статуя. Впрочемъ, это вы и сами хорошо знаете, а также увидите, что голова, или самая суть, не въ фокусѣ фотографіи. Но главный недостатокъ тотъ, что статуя разсчитана на то, чтобы стоять на высотѣ, и только въ такомъ положеніи она выигрываетъ. Но фотографъ ни за что не хотѣлъ снять немного съ плафона: онъ говорилъ, что фигура черезъ это коротка станетъ. Такимъ образомъ онъ снялъ ее съ той точки, которая не совсѣмъ выгодна и для фигуры, и для головы. Впрочемъ, гдѣ существуютъ отговорки, тамъ дѣло не чисто, и оттого прошу васъ смотрѣть и судить. Только поскорѣе дайте отвѣтъ! Вамъ легко представить себѣ, да я этого и не скрываю, что меня очень и очень интересуетъ, что скажутъ петербуржцы? Впрочемъ я просилъ Стасова, чтобы онъ исключительно вамъ показалъ. Ну, такъ пишите скорѣе, да поскорѣе!!

Новостей у меня нѣтъ. Живу на островѣ Ischia: это не далеко отъ Неаполя. Тутъ есть вулканическіе источники, въ которыхъ беру ванны, чтобы выгнать ревматизмъ. Здѣсь до того жарко и душно, что

не знаешь, куда дѣваться. Цѣлый день держишь себя за голову и съ нетерпѣніемъ ждешь, когда солнце исчезнетъ; но и тогда мало облегченія. При такой атмосферѣ конечно всякая охота пропадаетъ работать, да и нѣтъ никакой для того возможности.

Гдѣ вы теперь? Думаю, что вы уѣхали изъ Питера, а куда? Но надѣюсь, что вы оставили свой адресъ.

Какъ ваша жена, кажется Софья Николаевна; если это такъ, то радуюсь, что у меня память навострилась. Ну, а дѣтокъ вашихъ по имени не помню, но я хорошо помню ихъ такъ. Пожалуйста, прошу писать скорѣе и не заставить долго ждать.

125. Къ В. В. Стасову.

Sorrento, 2 (14) іюля 1874 г.

„Гдѣ коротко, тамъ и рвется"—на этотъ разъ это болѣе, чѣмъ правда. Представьте себѣ, что вчера я получилъ письмо отъ Солдатенкова, съ возвращеніемъ моего письма, которое случайно было адресовано и послано къ нему. Право не знаю, какъ это случилось. Но оказалось, что письмо было писано къ вамъ. Чортъ знаетъ, что это такое?! Ужасно досадно! А я-то былъ убѣжденъ, что вы навѣрное давно получили это письмо, которое вотъ теперь у меня въ рукахъ!!!

Какъ это вамъ понравится? Вчера вечеромъ я также получилъ ваше коротенькое письмо на адресъ Café Greco, изъ котораго я узналъ, что вы здравствуете и что комиссія принимаетъ мое предложеніе. Заодно я также получилъ вашъ отвѣтъ на телеграмму. Не могу передать, какъ мы обрадовались, узнавши, что вы здоровы. Особенно безпокоилась вашимъ молчаніемъ Гена; не проходило дня, чтобы она не говорила про васъ и не удивлялась, отчего вы такъ долго заставляете насъ ждать. Наконецъ не вытерпѣли и написали телеграмму. И хорошо сдѣлали! Не хочу теперь отвѣчать подробно насчетъ эскиза Пушкина. Пока скажу только, что я очень доволенъ, что даромъ трудъ мой не пропадетъ, и авось эскизъ будетъ сносный. Но долгое отсутствіе вашего отвѣта какъ-то убаюкало эту идею, потому что въ послѣднее время у меня въ головѣ особенно много носится идей, которыя я хотѣлъ бы всѣ исполнить, потому всѣ онѣ болѣе или менѣе серьезныя.

Жду ваше письмо изъ Неаполя, и тогда буду продолжать.

Наконецъ сейчасъ получилъ изъ Неаполя ваше письмо. Благодарю васъ за праздникъ, т.-е. за письмо, котораго я долго ждалъ. Спѣшу отвѣчать, главнымъ образомъ о дѣлѣ, чтобы успѣть сегодня-же бросить письмо въ ящикъ, а завтра или послѣ завтра на свободѣ поговоримъ побольше и съ удовольствіемъ.

И такъ, передайте комиссіи, что скоро, т.-е. когда только отдохну, я возьмусь за этотъ эскизъ и пошлю его сдѣланнымъ изъ глины или отлитымъ изъ гипса.

Я бы описалъ идею этого проекта, но боюсь, что не достигну цѣли, и оттого лучше молчать, чѣмъ искажать.

Жаль, что именно Тургеневъ такого мнѣнія объ искусствѣ живописи. Харламовъ очень можетъ быть отличнымъ колористомъ (впрочемъ то, что я видѣлъ, не совсѣмъ-то нравится мнѣ), но это еще не значитъ быть художникомъ, т.-е. творцомъ. Что онъ говоритъ, что у Рѣпина будто бы не достаетъ виртуозности, признаться, я ясно не понимаю этихъ словъ, или, лучше сказать,—что именно онъ подразумѣваетъ подъ этими словами?

Но объ этомъ послѣ!

Теперь же и безъ того у меня готовится для васъ большое письмо. Мой адресъ Sorrento: здѣсь семейство остается все лѣто. Я разъ уже былъ на Искіи, но оказалось рано еще; скоро поѣду туда, но не надолго.

Насчетъ фотографіи „Христа"? Представьте себѣ, мнѣ уже давно писали, что „завтра снимутъ фотографію", и до сихъ поръ о ней ни слуха, ни духа.

126. Къ нему же.

Sorrento, 2 (14) іюля 1874 г. [1]).

Мой дорогой другъ, вотъ наконецъ я возвратился изъ Вѣны и теперь блаженствую среди семейства въ Сорренто. Пишу вамъ эти строки, потому что уже два письма написалъ вамъ, но ни на одно не имѣю отвѣта. Не знаю, какъ думать объ этомъ. Мнѣ казалось, что я скоро получу отвѣтъ на первое письмо, такъ какъ тамъ исключительно говорится о памятникѣ Пушкина. Мнѣ остается только думать, что вы не получили письма, и оттого я готовъ повторить его. Дѣло въ томъ, что у меня явилась идея для памятника Пушкина; я сдѣлаю проектъ, если не поздно и если этимъ я никому не сдѣлаю вреда. Впрочемъ, о послѣднемъ я не такъ забочусь, такъ какъ дѣло идетъ не о личномъ интересѣ, а только объ общественной пользѣ, и каждый благоразумный человѣкъ долженъ уступить свои интересы. Я готовъ сдѣлать эскизъ для памятника Пушкина безъ всякаго вознагражденія. Я думаю, что вы не заставите меня долго ждать, ради самаго дѣла и ради меня лично. Прошу какъ можно скорѣе дать мнѣ отвѣтъ, „да" или „нѣтъ". Если „нѣтъ", то чтобы я могъ это оставить и думать о чемъ-нибудь другомъ, потому что въ головѣ у меня носится нѣсколько сюжетовъ, которые всѣ равно дороги мнѣ.

Я начинаю предчувствовать, что изъ этого ничего не выйдетъ. У насъ это часто случается, а между тѣмъ я теперь перечитываю вторично всѣ произведенія Пушкина (вотъ, благодаря памятнику я хоть одно дѣло сдѣлаю). Хочу составить себѣ ясное понятіе, какъ о его произведеніяхъ, такъ и о немъ самомъ. Одну замѣтку о „Евгеніи Онѣгинѣ" я уже послалъ Мамонтову, другую теперь пишу.

Пока новостей нѣтъ. Да вотъ что: я послалъ вамъ одну газету,

---

[1]) Запоздалое письмо Антокольскаго, назначенное для В. В. Стасова, но по ошибкѣ посланное въ Москву къ К. Т. Солдатенкову, а отъ этого обратно отосланное къ Антокольскому въ Италію.

гдѣ говорится обо мнѣ; правда, она старая, но вы ничего не получили, такъ по крайней мѣрѣ получите хоть эту, а больше рѣшительно нѣтъ ничего новаго.

127. Къ нему же.

Сорренто, 10 (22) іюля 1874 г.

Какая досада! я думалъ, что вы навѣрное уже получили фотографію „Христа“, оказывается (сегодня получаю извѣстіе изъ Рима), что фотографія не послана: будто-бы не знаютъ, на какого формата картонѣ наклеить эти фотографіи. По-моему, это — просто лѣнь общая итальянская! Я разсердился и написалъ, чтобы эти фотографіи выслали сюда въ Сорренто, и тогда, дѣлать нечего, я ихъ самъ отправлю. Такимъ образомъ, вамъ придется повременить еще нѣсколько дней.

Теперь я нахожусь въ отвратительномъ расположеніи духа: былъ на Искіи, бралъ тамъ ванны, но черезъ недѣлю вернулся обратно, потому что воздухъ до того тяжелъ тамъ, что я захворалъ. Представьте себѣ: яма или щель, и внизу источникъ съ кипящей водой; вы находитесь надъ источникомъ, а сверху васъ допекаетъ еще солнце и вдобавокъ—безъ вѣтра. По-моему, это въ нѣкоторомъ родѣ похоже на Дантовскій адъ, а между тѣмъ я долженъ буду опять туда ѣхать, потому что дѣйствительно эти минеральныя воды необыкновенно цѣлительны: это видно по тому, что больные быстро поправляются.

Теперь у меня сильное разстройство желудка, вотъ уже четвертый день, и ничѣмъ не могу прочистить его, а боли сильныя. Но это у меня не въ первый разъ,—ничего, пройдетъ!

Что, получили-ли вы мои письма? Думаю, что теперь нечего жаловаться на меня, что я не исправенъ, Какъ вы видите, „радъ стараться!“

Что новаго у васъ? У меня никакихъ новостей, просто начинаю сильно скучать безъ дѣла. А впереди адъ еще! Надо ванны продолжать, иначе докторъ говоритъ, что въ зимнее время будетъ другой адъ: это—адскія мученія ревматизма. Дѣлать нечего, пускай будетъ такъ, когда не можетъ быть лучше.

Что у васъ хорошаго? Я съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ отвѣта на мои письма, насчетъ памятника Пушкину. Да! Вотъ что я хотѣлъ спросить у васъ: откуда вы почерпнули, что правительство закажетъ одинъ экземпляръ „Христа“? Но какъ бы то ни было, какъ бы ни пріятно было получить заказъ „Христа“, ради дыряваго кармана, но я долженъ сказать, что я, напротивъ, буду остерегаться этого удовольствія, чтобы мое произведеніе не постигла та же участь, какъ „Ивана Грознаго“. Какъ хотите, всякое произведеніе—дитя художника, и больно, когда какой-нибудь человѣкъ обращается съ моимъ дитятей какъ хочетъ, на глазахъ его родители, точно на зло. Я думаю, если не уставятъ хорошо „Ивана Грознаго“ въ „Эрмитажѣ“, то я выступлю съ протестомъ. Вообще, хочу начать выступать съ перомъ, также какъ съ рѣзцомъ. Только перомъ хочу разсказывать мои наблюденія и общіе выводы, касающіеся искусства и другихъ предме-

товъ. Но скажите, пожалуйста, — примутъ-ли въ печать нѣкоторыя замѣтки мои? Да притомъ, мое писаніе требуетъ исправленія грамматическихъ ошибокъ. Не будете-ли вы мнѣ въ этомъ помогать? Дайте мнѣ и насчетъ этого отвѣтъ: слѣдуетъ-ли мнѣ заниматься этимъ? Что больше сказать вамъ? Ничего! Отвѣчайте!!!

128. Къ нему же.

Сорренто, 10 (22) іюля 1874 г.

Утромъ я написалъ вамъ письмо, а теперь (12 часовъ) мнѣ принесли ваше, котораго я ждалъ съ нетерпѣніемъ. Раньше всего я долженъ сказать, что меня крѣпко радуетъ, что вамъ нравится общая мысль монумента Пушкина—буду стараться! А затѣмъ стану отвѣчать на всѣ ваши замѣчанія.

1) Самое видное, первое и главное мѣсто въ этомъ монументѣ будетъ занимать самъ Пушкинъ. Басейнъ, или что-нибудь въ родѣ этого, составляетъ нѣчто совершенно отдѣльное, и никоимъ образомъ не будетъ мѣшать ни общей группѣ, ни, въ особенности, самой фигурѣ Пушкина.

2) Монументъ рѣшительно ничего общаго не имѣетъ не только съ фонтаномъ Trevi, но и ничѣмъ вообще не напоминаетъ характера Рима. Вы хорошо знаете, что я терпѣть не могу всякое подражаніе, въ особенности все, что можетъ мнѣ напомнить Бернини, на котораго не могу смотрѣть равнодушно. Этотъ человѣкъ, безъ сомнѣнія — талантъ, но какой-то необузданный, сила каррикатурная. Впрочемъ я очень уважаю бюсты его, въ особенности-же бюстъ Боргезе.

3) Вышина этого проекта будетъ около 6 аршинъ, вдобавокъ самъ Пушкинъ рисуется легко на открытомъ воздухѣ, стоящимъ на равномъ горизонтѣ. Вообще, мнѣ кажется, трудно указать, что такое-то произведеніе должно быть высоко, а не широко, или наоборотъ; главное тутъ, чтобы произведеніе было цѣльно.

4) Для меня, для Пушкина и для всѣхъ должно быть рѣшительно все равно, обставленъ-ли онъ однимъ произведеніемъ своимъ, или десятью. Не произведенія я хочу создать, а главнымъ образомъ творца, когда онъ творитъ, и въ такомъ случаѣ, напротивъ, чѣмъ больше авторъ будетъ обставленъ своими произведеніями, тѣмъ это бо́льшей помѣхой будетъ, — вотъ отчего я колеблюсь поставить тутъ двѣ фигуры „Моцарта“ и „Сальери“, о чемъ именно я и просилъ вашего совѣта.

5) Что касается остротъ, замѣчаній и газетныхъ сужденій, то я долженъ сказать, что хотя мнѣ и пріятнѣе, когда меня хвалятъ, чѣмъ ругаютъ, но никогда я не позволю себѣ дѣлать, ради этого, иначе, чѣмъ я думаю и чувствую. Думаю: плохой тотъ художникъ, который ради того прячетъ свое искусство, чтобы не заслужить порицаній. Главное и раньше всего—будь строгъ къ самому себѣ, обдумай, достигъ-ли ты истины; тогда не бойся ничего и никого — истина восторжествуетъ! Пусть острятъ, что Пушкинъ смотритъ въ воду, куда

онъ уронилъ гривну. Но тотъ не умѣетъ смотрѣть дальше носка сапога Пушкина, и я увѣренъ, что не скажетъ этого тотъ, кто взглянетъ на самое произведеніе, и въ особенности на выраженіе самого Пушкина, а также на русалокъ: вѣдь между ними происходитъ тотъ нѣмой разговоръ, который понимается только чувствомъ. Пушкинъ смотритъ не въ воду, а по водѣ...

6) Я выбралъ именно русалокъ, собственно потому, во-первыхъ (какъ я уже сказалъ), что здѣсь соединяется чисто русскій драматизмъ съ лиризмомъ; во-вторыхъ, потому, что это произведеніе какъ будто соотвѣтствуетъ тѣмъ словамъ, которыя онъ говорилъ въ своемъ „Памятникѣ", и, наконецъ, хоть для того, чтобы не прерывать нескончаемые вопросы: „отчего ты бралъ это, а не вотъ это?"

7) Главное то (говоря между нами), что я рѣшительно не желаю, чтобы ни III, ни IV, ни X отдѣленія были судьями надъ моимъ произведеніемъ. Я думаю и думалъ, что судьями будутъ спеціалисты-художники. Меня вовсе не манитъ этотъ заказъ. Искусство черезъ это не выиграетъ, а здоровье, напротивъ, пожалуй, я попорчу, потому что тутъ придется столкнуться съ разными интригами, низкопоклонничествомъ, и пр. и пр., и все это можетъ привести меня въ бѣшенство.

Что касается до заработка, то, кажется, я разъ уже сказалъ вамъ, что не это составляетъ цѣль моей жизни, и я ни на волосъ не позволю себѣ сдвинуть съ мѣста ни искусство, ни здоровье ради этого!!

Пожалуйста, скорѣе отвѣтъ. А все-таки я отъ души благодаренъ вамъ за ваше доброе желанье, а также замѣчанія. Крѣпко, крѣпко обнимаю васъ.

129. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Іскія, 5 августа 1874 г.

Теперь съ жадностью читаю тѣ книги, которыя получилъ отъ васъ и за которыя отъ души благодарю васъ. Книги сами по себѣ очень интересныя, хотя въ нихъ и мало утѣшительнаго. Право, вся исторія человѣка такъ мрачна и тяжела, что это скорѣе сплошная драма, чѣмъ исторія. Хотя, конечно, есть, были и будутъ единичныя личности, которыя радуютъ (въ русской исторіи подобныя личности встрѣчаются больше среди духовенства, такъ какъ монастырь былъ единственнымъ убѣжищемъ для честныхъ людей). Но именно эти-то люди и есть герои людской драмы. Честность страдаетъ, а зло торжествуетъ. Все это подкрѣпляетъ меня въ моей идеѣ: изобразить Мефистофеля, какъ контрастъ Христу. Извѣстно, что Маргарита родила и бросила ребенка въ воду, и вотъ Мефистофель, одинъ самъ съ собою, хохочетъ надъ своей жертвой. Онъ поднялъ ребенка, и съ торжествомъ говоритъ: „Я вѣчно торжествую!"—Эта фигура рисуется у меня бронзовой, черной, въ темной комнатѣ, съ малюткой въ рукахъ. Одно, что меня останавливаетъ назвать эту статую контрастомъ Христа, это то, что Христосъ былъ живымъ существомъ, въ которомъ соединились всѣ лучшія стороны человѣка, между тѣмъ какъ Мефистофель

есть не что иное, какъ призракъ, черезъ который видны всѣ пороки человѣка.

Я очень радъ, что вы приступили къ вашимъ завѣтнымъ дѣламъ, и желаю вамъ отъ души, чтобы ваши добрыя намѣренія осуществились безъ препятствій.

Я думаю, что школа у васъ пойдетъ такъ-же успѣшно, какъ и лѣчебница ваша. Еще болѣе радъ, что у васъ будетъ первая попытка соединить грамоту съ художественнымъ развитіемъ народа. Вы спрашиваете, какой выборъ фотографій сдѣлать для помѣщенія въ школѣ? По-моему, трудно указать на отдѣльныя картины, потому что не всякій выберетъ, что лучше, такъ какъ у всякаго свой вкусъ. И оттого, я думаю, полезнѣе выставлять тѣ картины, которыя соотвѣтствуютъ чтенію ученика. Напримѣръ, если онъ читаетъ библію, то выставлять хорошія фотографіи съ библейскими сюжетами. Можно взять нѣкоторыя изъ Доре. Если ученикъ будетъ читать русскую исторію, тогда выставить, по возможности, фотографіи съ картинъ изъ русской исторіи, и т. д. Такимъ образомъ, можетъ быть двойная польза: во-первыхъ— наглядное пониманіе исторіи, во-вторыхъ, эстетическое развитіе. Впрочемъ, картины должны занимать главное мѣсто, а около нихъ можно группировать все хорошее. Не совѣтую выставлять много за-разъ; лучше меньше за-разъ, да чаще мѣнять; притомъ-же надо, чтобы эти фотографіи или картины были хорошо обставлены. Въ особенные дни, т.-е. два, три раза въ годъ, можетъ быть общая выставка. Потомъ, необходимо давать награды, книги въ переплетахъ, а наравнѣ съ ними хорошія фотографіи, вставленныя въ рамки. Пускай у него и въ домѣ будетъ хорошая фотографія.

130. Къ В. В. Стасову.

Casamicciola, получено 19 августа 1874 г.

Новостей у меня нѣтъ. Все лѣчусь еще, и нашъ лазаретъ прибавился: жена сюда пріѣхала тоже ванны брать. Но я скоро ѣду въ Римъ, больно надоѣло мнѣ все это, хочу взяться за работу. Такимъ образомъ, въ первыхъ числахъ сентября буду уже въ Римѣ, чему я очень, очень радъ.

Боюсь, что домашнія дѣла вызовутъ меня на двѣ недѣли въ Вильно, и тогда, конечно, буду уже и въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Есть и еще одна причина: у меня есть нѣкоторыя готовыя работы, а нѣтъ финансовъ, и оттого я думаю заодно привезти ихъ и продать. Да притомъ, хотѣлось бы мнѣ осмотрѣть мѣсто, гдѣ долженъ стоять монументъ Пушкина, и посовѣтоваться съ архитекторами, потому что хочу, чтобы все это было въ старинномъ русскомъ стилѣ, въ родѣ часовни, которая стоитъ на Невскомъ проспектѣ около Гостинаго двора [1]). Какъ часто я теперь вспоминаю съ сожалѣніемъ нашего славнаго че-

1) Часовня, сочиненная профессоромъ Ал. Макс. Горностаевымъ, главой новой школы русской архитектуры.

ловѣка и художника—Гартмана! Жаль, что лучшіе люди такъ быстро сгораютъ. Однако пишите скорѣе отвѣтъ.

Адресъ мой: Roma, via Torino.

131. Къ И. Н. Крамскому,

Сорренто, 6 (18) сентября 1874 г.

Сто разъ благодарю васъ за ваше откровенное письмо. Я радъ, что люди говорятъ такъ прямо и откровенно. Давно-бы такъ!

Раньше всего я долженъ предупредить, что буду защищаться, потому что я не совсѣмъ согласенъ съ вашимъ разборомъ.

Главный характеръ вашего письма я не совсѣмъ ясно понимаю. Какимъ образомъ статуя, у которой голова кажется велика, глаза—традиціонные, не соотвѣтствующіе рту, а ротъ въ свою очередь не соотвѣтствуетъ всей фигурѣ, такъ-какъ по-вашему ротъ выражаетъ чувственность, съ маленькою дозою свирѣпости, носъ такой-сякой, за то ноги никуда негодны, однимъ словомъ, говоря короче, статуя безъ головы и безъ ногъ,—какимъ образомъ она можетъ быть въ то же самое время „фигурою поразительною“, „какъ живая стоитъ передъ вами“, какимъ образомъ она сдѣлана „съ такою силою таланта“ и, наконецъ, какъ я „выразилъ все то, что возможно и доступно человѣку“ [1])?

Признаюсь, что во мнѣ не могутъ совмѣститься такія двѣ противоположности.

Вотъ мое первое удивленіе, а затѣмъ слѣдуетаъ и второе.

Говоря о неорганическихъ свойствахъ рта и гл зъ, вы замѣчаете, что „ни одинъ физіологъ по теперешнему состоянію науки не можетъ указать на это, но они лежатъ глубоко въ законахъ впечатлѣнія на человѣческій мозгъ“. Особенно съ послѣднимъ я совершенно согласенъ, и я бы даже прибавилъ: „Скверно, если кто подходитъ къ искусству умомъ, а къ наукѣ чувствомъ“. Такихъ всегда слѣдуетъ отстранять. Но удивительно то, что чувства неодинаковы. „Христа“ видѣло множество разнообразнаго народа, съ чувствомъ болѣе или менѣе высокимъ и низкимъ, и я удивляюсь, что до сихъ поръ никому не бросилось въ глаза именно то, что вамъ бросается. А впрочемъ, можетъ быть, что вы тутъ и правы, такъ какъ я не видалъ тѣхъ фотографій, которыя были посланы, а тотъ, кто видѣлъ статую, пишетъ мнѣ вотъ что: „Фотографія не передаетъ впечатлѣнія оригинала, а потому тѣмъ, кто не видалъ подлинника, ея не должно показывать“, — „въ фотографіи нѣтъ силы въ головѣ, той силы, которая приковываетъ къ оригиналу...“

Но вотъ что я болѣе всего буду отрицать. Вы говорите: „Воля ваша, вліяніе Италіи не совсѣмъ здоровое“. Это я давно слышу. Но такъ-ли это?

---

[1]) Мнѣніе И. Н. Крамского о статуѣ «Христосъ» Антокольскаго можно узнать изъ письма его къ Рѣпину (И. Н. Крамской, его жизнь и переписка, изданіе Суворина, письмо CXIV, стр. 230—231).

По-моему, дѣйствительно все, даже лучшее, можетъ приносить вредъ тому, кто ни въ чемъ не знаетъ пропорціи. То же самое можно сказать и объ Италіи. Я стою за то, что изучать все прошедшее необходимо каждому, мало-мальски здраво чувствующему и думающему человѣку. Но бѣда въ томъ, что человѣкъ не всегда знаетъ границы. Одно изъ двухъ: или онъ боится всего стараго и чуждается его, какъ чего-то вреднаго, или же онъ увлекается до того, что вмѣсто того, чтобы изучать и сдѣлать равносильное, онъ начинаетъ подражать. И то и другое—одинаковыя крайности.

По вашимъ словамъ, я сдѣлалъ у „Христа“ слѣдки „Германика“, и въ этомъ вы видите болѣзненное вліяніе Италіи (статуя „Германика“ находится въ Парижѣ). Жестоко ошибаетесь! И я удивляюсь, что это говорите именно вы. Вы хорошо знаете, что вліяніе, какое-бы оно тамъ ни было, должно отражаться на всемъ существѣ художника, и это должно сквозить вездѣ и повсюду, и никоимъ образомъ въ одной частицѣ отдѣльно. Вы же сами говорите, что „спина, руки, грудь, животъ, словомъ—все такъ реально, и вдругъ гипсовые слѣдки „Германика!“ Вотъ, какъ вы видите, на спину, на руки, на грудь на животъ—Италія имѣла благотворное вліяніе, и я удивляюсь, какимъ образомъ Италія имѣла обратное вліяніе только на слѣдки?

Между прочимъ я долженъ замѣтить, что статуя „Германика“, по моему, вовсе не строго античная; ее можно скорѣе отнести къ пергамской школѣ, гдѣ античной эстетики вовсе нѣтъ, за то тамъ преобладаютъ реальныя формы. Такимъ образомъ, тутъ была-бы не бѣда еще, если-бы я подражалъ ему. Но могу увѣрить васъ, что я всегда терпѣть не могъ „Германика“ за его бездушную статуарность, и прошу вѣрить (впрочемъ могу и доказать), что слѣдки для „Христа“ я сформовалъ съ натуры. Я былъ радъ, когда ихъ нашелъ въ живомъ человѣкѣ, и копировалъ, насколько могъ и насколько диктовало мое чутье, чтобы выдержать гармонію. Если я этого не достигъ, то въ этомъ можетъ быть виновато просто неумѣніе, или-же это еще память отъ нашей всѣми уважаемой Академіи. Но винить въ этомъ вліяніе Италіи, это будетъ настолько-же справедливо, насколько винить знаніе вообще, что оно тяготитъ человѣческую жизнь. Русскіе художники, заѣхавшіе сюда заглянуть только, увѣряли меня въ совершенно противоположномъ, а именно, что въ „Иванѣ Грозномъ“ чуется еще что-то академическое, чего нѣтъ въ „Христѣ“.

Я бы не сталъ объ этомъ такъ пространно говорить, если-бы ваши нападки на Италію коснулись исключительно моей статуи; въ этомъ случаѣ можно было бы доказать, что вы видите одно, а я другое, что чувства наши неодинаковы — и только. Но, къ сожалѣнію, подобныя нападки я уже слышу не въ первый разъ, чему я раньше не симпатизировалъ, да не симпатизирую и теперь.

Возвращаюсь еще разъ къ вашимъ замѣчаніямъ о „Христѣ“. Вы говорите, что физіономія у него традиціонная. Въ этомъ, сознаюсь, вы совершенно правы. Но вѣдь я вовсе не хотѣлъ измѣнять тѣ черты, которыя вошли въ народъ, какъ портретное изображеніе, да притомъ

ЕВРЕЙ-СКУПОЙ.
Горельефъ изъ дерева и слоновой кости.
С.-Петербургъ. 1865.

оно соотвѣтствуетъ извѣстному описанію. Я только хотѣлъ прибавить къ этому типу восточно-еврейскія черты, при томъ черты осмысленныя. Если-бы я позволилъ себѣ измѣнить всю физіономію, то фигура осталась-бы всегда спорнымъ пунктомъ, или, вѣрнѣе говоря, статуя требовала бы подписи, что это „Христосъ", а не другой кто, и многіе были бы совершенно въ правѣ утверждать, что это—не „Христосъ", а Богъ знаетъ кто такой.

Затѣмъ вамъ кажется, что голова велика. Объ этомъ трудно спорить, потому что глаза не равно видятъ. Но одно я могу замѣтить, что Христосъ былъ средняго роста, да притомъ, какъ я разъ уже писалъ, фотографія не снята съ того пункта, на который я разсчитывалъ, т.-е. статуя по-моему должна стоять на извѣстной высотѣ.

Затѣмъ еще спорнымъ пунктомъ у васъ остаются—глаза и носъ. Но надѣюсь, что самая статуя разрѣшитъ это. Не знаю только, справедливо-ли то, что у моего „Христа" „чувственныя губы". Думаю, что вамъ знакомы губы еврейскія, да притомъ губы добрыя: пожалуйста, не смѣшивайте ихъ съ чувственными, уже не говоря — со свирѣпыми.

Въ заключеніе, чтобы показать, какъ чувства разны, я позволю себѣ перевести здѣсь нѣсколько строкъ изъ письма художника Морелли (Morelli), касающихся „Христа" (Морелли тоже еще не видалъ моей статуи): „Раньше всего я хочу поблагодарить за фотографію, которую вы мнѣ прислали съ вашей превосходной статуи. Я очень доволенъ, что могу всегда видѣть ее, я повѣсилъ ее на стѣнѣ въ моей комнаткѣ... Даю цѣловать моимъ дѣтямъ, когда они идутъ спать. Я хочу этимъ сказать только то, что для меня это не статуя, а живая фигура"...

У меня есть къ вамъ большая просьба. Я надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этомъ, тѣмъ болѣе, что это касается и общаго дѣла.

Дѣло вотъ въ чемъ. Вы знаете, что я вызвался сдѣлать эскизъ памятника Пушкина. Отъ В. В. Стасова я получилъ извѣстіе, что комитетъ принялъ мое предложеніе и ждетъ, когда я сдѣлаю этотъ эскизъ. Между тѣмъ, изъ Москвы я слышалъ, что поручено тремъ художникамъ выработать свои эскизы. В. В. Стасовъ писалъ мнѣ совершенно иначе, и конечно я вѣрю сто разъ больше письму Стасова. Но бѣда въ томъ, что онъ обѣщалъ выслать мнѣ на-дняхъ матеріалы, какъ бюстикъ, такъ и разные рисунки костюма того времени, и вотъ съ тѣхъ поръ прошло болѣе 7 недѣль, и я ни одного слова не получилъ отъ него.

Что это значитъ, не могу понять! И оттого я обращаюсь къ вамъ, чтобы вы не отказали въ просьбѣ выслать мнѣ матеріалы, для того, чтобы возможно было приступить къ эскизу. И вообще, въ чемъ тутъ дѣло?

Пожалуйста, извините, что съ этимъ обращаюсь къ вамъ, но вѣрьте, что въ Петербургѣ мнѣ некому писать, какъ только вамъ, да В. В. Стасову, отъ котораго давно не имѣю извѣстій.

132. Къ С. И. Мамонтову.

Сорренто, сентябрь 1874 г.

Вчера я бросилъ письмо въ ящикъ, а теперь, какъ видите, снова пишу. Думаю, что теперь вы не можете жаловаться на меня; а впрочемъ это письмо — результатъ вашего вчерашняго письма, которое я получилъ и за которое большое спасибо—постараюсь отвѣчать на него.

А знаете, дружище, что вы просто безпокоите меня вашимъ неудовольствіемъ. Ей-ей, если вы не оправитесь, то я готовъ прибѣжать, чтобы обогрѣть, расцѣловать васъ, однимъ словомъ — сдѣлать все, что въ моихъ силахъ, для того, чтобы укрѣпить ваши нервы. Я хорошо чувствую и понимаю, какъ пагубно дѣйствуетъ на человѣка, который хочетъ быть честнымъ и справедливымъ, то, что въ отвѣтъ на это онъ получаетъ однѣ лишь насмѣшки и обманъ. А тѣ, отъ кого исходитъ подобное отношеніе, если не стремятся достигнуть имъ своихъ личныхъ цѣлей, то роютъ, не смущаясь ролей кротовъ, норы, обращаются въ змѣевъ, хотя-бы для того лишь, чтобы незамѣтно подползти, укусить, а потомъ опять скрыться въ щель! Подите, разберите характеръ человѣка. Кто онъ: образованный звѣрь, или дрессированная обезьяна?

Но, другъ мой, многое можетъ быть иначе. Я хочу открыть вамъ тайну, которая облегчаетъ жизнь. Это — трудъ, вѣра въ самого себя и снисходительность къ другимъ. Это такъ просто и ясно, что, пожалуй, многіе скажутъ: „Вѣдь это старая пѣсня, всѣмъ извѣстная". Вотъ то-то и обидно, что человѣкъ часто смотритъ на все какъ-то сквозь пальцы, и оттого не видитъ ясно ни своихъ пальцевъ, ни безконечной дали, и не стремится къ этой послѣдней.

Самыя простыя истины мы такъ часто повторяемъ съ самаго дѣтства, что твердимъ ихъ лишь машинально, такъ же, какъ иной разъ нехотя молимся. А потомъ онѣ надоѣдаютъ, и мы бросаемъ ихъ. По-моему, нѣтъ сомнѣнія, что все, что мы знаемъ и знаніемъ чего овладѣли,—результатъ лишь познанія самого себя. Могу положительно утверждать, что всѣ геніальные люди сознавали свою силу, и раньше всего знаніемъ, а потомъ и самосознаніемъ дошли до великихъ результатовъ.

А знаете, мой дорогой другъ, когда я получаю подобныя письма, какъ вчерашнее, я и жалѣю васъ, и удивляюсь вамъ, и ругаю васъ. Природа надѣлила васъ многимъ хорошимъ, и мнѣ больно, что вы такъ разбрасываетесь. У васъ есть тотъ элементъ, откуда должна явиться или развиться внутренняя гармонія, и вотъ отчего я это говорю (кажется, уже не въ первый разъ). Дѣятельность человѣчества теперь раздѣляется на двѣ группы. Первая, небольшая, стремится развивать и изучать все, что дѣлается вокругъ насъ, и даже изучать человѣка съ чисто матеріальной точки зрѣнія. Другая группа собираетъ полученные (благодаря первой группѣ) результаты и выводы и, опираясь на реальные выводы, желаетъ развивать самаго человѣка, т.-е. ту долю гармоніи, которая существуетъ до сихъ поръ среди всѣхъ

слоевъ общества, — изгнать глупость и эксплуатацію. Насколько это осуществимо — еще вопросъ, какъ и остальное множество вопросовъ, еще не разъясненныхъ, и которые только время разъяснитъ. Но на чемъ основывается подобное стремленіе, того оспаривать нельзя, потому что безъ человѣка не можетъ быть ничего, а безъ добра не будетъ и человѣка, потому что зло не есть достоинство человѣка.

Но все то, къ чему стремятся люди съ благими для человѣчества цѣлями, посредствомъ своихъ знаній и понятій, само собой развивается на сѣверѣ. Это та основа, на которой надо строить внутреннюю гармонію—нормальное развитіе и здоровье. Сѣверянина природа надѣлила, главнымъ образомъ, здоровьемъ. Тѣло его нормально и пропорціонально развито, и притомъ умъ и чувство у сѣверянина природой какъ-то согласованы, т.-е. одно надъ другимъ не преобладаетъ.

Мнѣ неловко сказать, что вы или подобныя вамъ личности — типичные представители подобныхъ людей; но говорю вамъ это, во-первыхъ, потому, что вы примете это за простое разъясненіе истины (а на сколько я ошибаюсь, пусть другіе разберутъ), но могу сказать, что во всемъ, что я говорю, я глубоко убѣжденъ. А во-вторыхъ, сознаніе вашего превосходства поведетъ васъ не къ гордости, а лишь къ снисходительности къ другимъ, къ любви къ нимъ и къ вѣрѣ въ самого себя.

Кончая свои философскія разглагольствованія, перехожу къ совершенно другому предмету. Я когда-то сказалъ, что „какъ умъ не довольствуется хлѣбомъ, такъ и желудокъ не довольствуется мудростью". Жалѣю, что теперь именно я долженъ это повторить, а главное, что теперь не одинъ желудокъ не довольствуется тѣмъ, что я мудрствую, а, слава Богу, ужъ ихъ нѣсколько. Что прикажете дѣлать? Поневолѣ начнешь пѣть прозаичнымъ слогомъ. Вотъ, напримѣръ, прочиталъ ваше вчерашнее письмо, гдѣ вы говорите, что 4,000 золотомъ вы давно выслали, а я, кажется, уже нѣсколько разъ писалъ вамъ, что давно ихъ получилъ. Мало того, кажется, я писалъ уже и то, что ихъ давно уже нѣтъ! И того мало — я еще денегъ просилъ, а именно 1,000 руб. Я думаю, что вы вѣрно не получили этого письма, а жена говоритъ: „Навѣрное ты о чемъ-нибудь другомъ писалъ, или же и написалъ, да забылъ послать". Я же могу побожиться, что не одинъ разъ писалъ, а нѣсколько, и всѣ разы самъ опускалъ письмо въ ящикъ. И такъ, для ясности, я теперь повторю, что прошу у васъ одолженія, выслать мнѣ 1,000 руб. въ счетъ работы „Христа". Иначе я лишаюсь возможности мудрствовать, потому что желудокъ мѣшаетъ. А 4,000 золотомъ я давно получилъ и давно уже ихъ нѣтъ, и мѣста, откуда ихъ взять, тоже нѣтъ, исключая П. М. Третьякова, у котораго просить не хочу, до окончанія „Ивана Грознаго". Вашимъ счетомъ, который вы прислали мнѣ, я весьма доволенъ. Я думалъ, что гораздо больше я нагрѣшилъ, чѣмъ оказалось; а главное, я доволенъ тѣмъ, что вы очень добросовѣстно считаете; напримѣръ, насколько мнѣ кажется, я изъ Парижа получилъ не 200 р., какъ это гласитъ счетъ, а 300 руб. Ай-да и коммерческій человѣкъ вы еще!

Скоро вы должны получить отъ К. Т. Солдатенкова 1,500 руб. и тогда цифра эта уменьшится, конечно, по счету, чему я буду очень радъ.

И такъ, мой дорогой, продолжаю писать и о третьемъ предметѣ. Христа ради, вышлите мнѣ книгъ для чтенія, хоть старыя газеты, потому что здѣсь дѣлать нечего и нечего читать; и тѣмъ болѣе потому, что вскорѣ я долженъ буду отправиться на жительство туда, куда меня приговорили на жительство на мѣсяцъ. Это въ Casamiciolo, недалеко отъ Искіи. Я недавно тамъ былъ, потому что Бедекеръ вдругъ до того расхвалилъ его, что у насъ явился аппетитъ ѣхать на Искію, съ семействомъ. Но въ первый разъ я былъ практиченъ, и радъ, что и на этотъ разъ практичность моя увѣнчалась успѣхомъ. Оказалось, что Casamicciolo — яма въ сравненіи съ Sorrento; притомъ, рѣшительно нечего достать здѣсь и все дорого. Такимъ образомъ, лѣто мы останемся въ Sorrento. До сихъ поръ мы жили въ пансіонѣ, и, конечно, намъ это обошлось довольно дорого, но теперь мы беремъ квартиру на четыре или на пять мѣсяцевъ, и квартира прелестная: комнатъ девять, вновь отдѣланныхъ комнатъ, съ видомъ на море, съ террасами, мебелью и всѣми остальными принадлежностями, и за все это на пять мѣсяцевъ 700 франковъ: это значитъ 140 франковъ въ мѣсяцъ. За подобную квартиру въ Римѣ надо платить по крайней мѣрѣ 1,500 франковъ въ мѣсяцъ. Хоть просто оставайся ради этого.

Что дорогая, но недобрая Лизавета Григорьевна, какъ поживаетъ? Все возится со своими щенятами? И скажите, пожалуйста, чѣмъ же я виноватъ? Отчего она такъ позабыла своего старичка? Хорошо-ли на старости быть забытымъ старыми друзьями? Теперь я молчу, но скоро она получитъ письмо съ жалобой. Думаю, что этимъ она не будетъ довольна, а главное и тѣмъ, что ей придется оторваться на нѣсколько минутъ отъ своихъ цыплятъ. Что Сергѣй, Андрюша, Вока, какъ они поживаютъ? А Александра Татоновна, что, какъ она? Ничего? Ну, а какъ поживаетъ добрый человѣкъ, мечтатель, философъ и зѣватель? Гдѣ онъ теперь? Довольно болтать, заболтался.

Да, постойте, постойте, милый другъ, я забылъ отвѣтить вамъ еще на одинъ вопросъ. Вы спрашиваете, успокоился-ли я насчетъ замѣтки въ „С.П.Вѣдомостяхъ", потомъ прибавляете, что вы думали, будто я подозрѣваю васъ, не отъ васъ-ли исходитъ эта замѣтка. За исповѣдь хвалю и благодарю, а за злыя помышленія выругать не мѣшаетъ. Какъ вамъ не стыдно такъ нехорошо думать! Знайте впередъ, все, что говорю съ вами, просто дружескія слова: что думается, что чувствуется, то и говорится. И, ради Бога, не имѣйте никакихъ заднихъ мыслей. Знайте, тамъ, гдѣ начинается сомнѣніе, тамъ кончается вѣра.

Что? Теперь довольны? а все-таки вашъ другъ и какой еще!

Маркъ.

133. Къ нему же.

Римъ, сентябрь 1874 г.

До слезъ вы обрадовали насъ вашимъ письмомъ. Не скрываю

что мнѣ было скучно, и даже очень, безъ вашихъ писемъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ казалось, что обо мнѣ мало-по-малу начинаютъ забывать. Но я радъ радехонекъ, что хотя долго молчатъ, но все-таки не забываютъ меня.

Недавно я получилъ довольно странное письмо отъ Крамского, въ которомъ онъ разбираетъ „Христа". Этотъ художникъ, можетъ быть, хорошо понимаетъ, но плохо разбираетъ, и потому, при первомъ ударѣ, онъ самъ разбивается вдребезги. Онъ разобралъ „Христа" до того, что „Христосъ" остался безъ головы и ногъ. Но все-таки „Христосъ" (безъ головы и ногъ) „поразителенъ"; тутъ есть „сила таланта", и я „сдѣлалъ все то, что возможно и доступно человѣку". Это главный характеръ письма; затѣмъ онъ говоритъ, что я сдѣлалъ ноги съ антиковъ, и въ этомъ онъ видитъ вредное вліяніе Италіи. Между тѣмъ, онъ крайне удивляется, что руки, грудь, спина, животъ—все это сдѣлано „съ такимъ реализмомъ!" И вдругъ, гипсовые слѣдки „Германика!" Оказывается, что на руки, спину, грудь и животъ Италія имѣла благотворное вліяніе, и остается только удивляться, какимъ образомъ она имѣла обратное вліяніе только на „слѣдки"! Конечно, я отвѣтилъ, но думаю, что еще лучше отвѣтитъ сама фигура, когда она появится въ Россіи.

Отъ Стасова я получилъ почти то же, хотя онъ говоритъ съ большимъ толкомъ. Вся фигура ему очень нравится. Только не голова,— именно то, что всѣмъ больше всего нравится. Для дополненія, и заодно, передамъ нѣсколько строкъ изъ письма Morelli: „Раньше всего я хочу поблагодарить за фотографію съ вашей превосходной статуи, которую вы прислали мнѣ. Я очень доволенъ, что могу ее видѣть всегда. Я повѣсилъ ее на стѣну въ моей комнатѣ и даю цѣловать моей малюткѣ, когда она идетъ спать. Я хочу этимъ сказать, что для меня это не статуя, а только живая фигура"...

Вотъ теперь разберите сами, кто правъ; оказывается, что всѣмъ не угодишь. Ну, да это исторія старая, но всегда остается новой. Да объ этомъ и говорить не стоитъ!

Я думаю пріѣхать къ вамъ не надолго, и жена моя тоже одобряетъ вашъ совѣтъ; если-бы я могъ, то я готовъ хоть завтра поѣхать, но не могу, потому что заканчивается „Иванъ" изъ мрамора. Но я непремѣнно поѣду, хоть не надолго. Главная цѣль моего путешествія та, чтобы наконецъ отыскать пристань, куда можно было-бы пристать, потому что я уже усталъ оставаться такъ долго въ неизвѣстности. Когда мы увидимся, тогда обо всемъ поговоримъ. Но, не знаю почему, мнѣ все кажется, что въ Россіи я не останусь.

И я думаю сдѣлать вотъ что: продать тамъ свой домъ, собрать деньги и уѣхать въ Парижъ, работать только ради искусства, работать нѣсколько лѣтъ, и только потомъ, когда я сдѣлаю все то, что у меня на душѣ, тогда только я опять выступлю. Этого я ужасно хочу! При этомъ надо прибавить, что мраморъ я оставляю, онъ больше мнѣ не по душѣ. И я радъ буду, когда мнѣ возможно будетъ работать одному, потому что я не способенъ быть хозяиномъ мастерской. Это мнѣ стоитъ достаточно здоровья.

А впрочемъ, повторяю, когда увидимся, тогда обо всемъ поговоримъ, если вы пожелаете внимательно слушать меня.

Знаете, я въ восторгѣ отъ нѣсколькихъ строкъ вашего письма, касающихся сюжета „Мефистофеля". Такъ говоритъ только поэтъ души. „Трепетъ и ужасъ имѣютъ свою прелесть". Расцѣловалъ-бы васъ сейчасъ, люблю васъ, мой дорогой другъ, слушать. Нельзя не сказать, что и Елизавета Григорьевна совершенно права тамъ, гдѣ она говоритъ о томъ-же предметѣ: что для насъ столь безотрадное явленіе, какъ „Мефистофель", не можетъ поднять нашу нравственную силу. Если Христосъ даетъ намъ вѣру во все лучшее, то Мефистофель наоборотъ. Теперь прошло то время, когда люди жили безпечно, не замѣчая тѣхъ недостатковъ, съ которыми они родились; и оттого творчество, которое пробуждаетъ наши нервы, какъ будто уже больше не удовлетворяетъ насъ, потому что нервы наши ужъ слишкомъ возбуждены и разстроены, и нуждаются въ спокойствіи. Какъ будто мы готовы воскликнуть: „Довольно бичевать. Мы сознаемъ то, что вокругъ насъ. Мы это оплакиваемъ, мы устали, слезъ нѣтъ больше; да какъ быть лучшими?"—Все это правда, но извѣстно, что художникъ есть ничто иное, какъ отраженіе общественнаго строя; и будь художникъ хоть съ семью головами, пускай онъ поднимается какъ угодно высоко, но разъ онъ истинный художникъ, онъ не можетъ создать того, чего нѣтъ, а совершенно наоборотъ—чѣмъ онъ больше художникъ, чѣмъ душа у него болѣе чутка, тѣмъ вѣрнѣе онъ творитъ то, что вокругъ него происходитъ, въ ясныхъ и неясныхъ формахъ.

Ко всему этому я могу прибавить старыя, но истинныя слова: „Все отъ народа и для народа". Къ сожалѣнію, драма долго еще будетъ течь отъ народа для народа. Еще разъ возвращусь къ этому предмету, когда буду писать къ Лизаветѣ Григорьевнѣ, которой цѣлую ручки и прошу не забывать старика, а теперь, пока, прошу извинить меня за это!

134. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 27 сентября (4 октября) 1874 г.

Лишнее будетъ сказать, до какой степени вы обрадовали насъ вашимъ письмомъ. Признаюсь (простите меня за откровенность), что я думалъ о васъ гораздо хуже, чѣмъ Рѣпинъ, и ужасно радъ, что ошибался. Жаль только, что житейскія дрязги и у васъ вязнутъ подъ ногами какъ грязь; видно, никто не избавленъ отъ этого, а впрочемъ для разнообразія—ничего!

За ваши замѣчанія о „Христѣ" шлю вамъ большое спасибо. Главное за то, что вы говорите объ этомъ предметѣ, какъ о фотографіи, а не какъ о самомъ оригиналѣ (совершенно иначе сдѣлалъ другой, о которомъ рѣчь впереди). Я надѣюсь, когда самое произведеніе явится у васъ, оно гораздо краснорѣчивѣе скажетъ, въ чемъ дѣло, чѣмъ всѣ мои старанія убѣдить и выяснить словесно.

Но не могу умолчать и долженъ возразить вамъ, гдѣ вы говорите о восточныхъ лбахъ вообще. Вы находите, что Ивановъ былъ совер-

шенно правъ, когда сдѣлалъ „Христа“ низколобымъ, и въ доказательство этого вы указываете на черкесовъ, азіатовъ, арабовъ, ссылаетесь па этнографическіе музеи и т. д. На все это я могу отвѣчать, что идеалъ для „Христа“ я не искалъ среди этихъ народовъ. Не съ френологическимъ комментаріемъ въ рукахъ я подошелъ къ нему, а лишь только воспроизвелъ то, что видѣлъ и чувствовалъ въ дѣйствительности среди евреевъ.

Кто не видалъ и не знаетъ тѣхъ массъ бѣдняковъ, оборванныхъ и голодныхъ евреевъ, которые день и ночь проводятъ въ синагогѣ, гдѣ и спятъ на голыхъ доскахъ, въ заразительнѣйшей атмосферѣ, по 40 и по 50 человѣкъ въ одной комнатѣ, кто не видалъ эти экзальтированныя или эксцентрическія лица, когда они занимаются темнымъ, запутаннымъ, по ихъ любимымъ талмудомъ,—тотъ не можетъ себѣ представить той среды евреевъ, изъ которой вышелъ „Іисусъ“.

Подробно описывать ихъ я не берусь, ибо это завлекло бы меня слишкомъ далеко. Но могу сказать, что эти бѣдняки, эти лохмотники всегда составляли (и до сихъ поръ составляютъ) еврейскую интеллигенцію.

Все это люди съ горячими головами, любящіе горячо думать и мыслить надъ талмудическими мудрыми предметами. Что можетъ заставить этихъ отшельниковъ отъ роскоши мірской—перемѣнить ихъ убѣжденія? Ничто на свѣтѣ! Что они могутъ перенести и перетерпѣть за свои убѣжденія? Все на свѣтѣ. А что ждетъ ихъ въ жизни за все это? Ничто! Награду они видятъ въ самихъ себѣ, и въ темной, безконечной дали будущей жизни. Странно, что среди нихъ я рѣшительно не запомнилъ ни одного низколобаго, а совершенно напротивъ, впечатлѣніе остановилось на высокихъ и подвижныхъ лбахъ (не говоря уже о старикахъ). Когда онъ углубленъ въ книгу огромнаго размѣра, которая лежитъ передъ нимъ,—онъ то поднимаетъ брови, то сжимаетъ ихъ, то досадливо морщится, то радостно сіяетъ.

Въ особенности, когда они думаютъ, тогда все, что есть на головѣ, не касается лба, все это сидитъ на затылкѣ, какъ будто выражаетъ ихъ символъ: „Все мы можемъ перенести и перетерпѣть, но ни единаго волоса, если онъ мѣшаетъ намъ мыслить“.

Вотъ, дорогой другъ, та среда, которая выдерживаетъ упорный натискъ въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ, это среда, изъ которой вышли „Христосъ“ и „Спиноза“.

Чтобы создать реальнаго „Христа“, очень мало еще знать, и даже чувствовать Евангеліе, а также изучать азіатовъ и арабовъ.

Возвращаюсь еще разъ къ тому, что вы говорите, что высокій лобъ еще не значитъ, чтобы въ немъ заключался высокій умъ, но совершенно напротивъ, вамъ даже непріятно видѣть у молодыхъ высокіе лбы, которые бываютъ только у стариковъ.

Какъ вамъ сказать? Съ научной точки зрѣнія, мы не можемъ спорить, такъ какъ до сихъ поръ еще не доказано, гдѣ и какъ именно выражается умственное развитіе. Остается только спорить о томъ, какъ кто смотритъ на этотъ предметъ: въ такомъ случаѣ, можетъ

быть вы по-своему правы, что черкесы и азіаты—низколобы, также, какъ я по-своему буду правъ, сказавъ, что евреи, особенно талмудисты—высоколобы. И тутъ та разница, что черкесы еще не мыслители, а евреи—интеллигентный народъ. Я иду еще дальше, и скажу, что у евреевъ именно лобъ развитъ оттого, что они мыслятъ, и оттого, что съ дѣтства у нихъ развиваютъ память. Это доходитъ до того, что мальчикъ восьми—десяти лѣтъ кончаетъ всю библію и выучиваетъ до 20 листовъ въ недѣлю этого запутаннаго талмуда, со всѣми комментаріями, и все наизусть, а люди пожилые читаютъ и выучиваютъ талмудъ, ходя по комнатѣ взадъ и впередъ. По-моему, развивать мозгъ—то же самое, что развивать какую-бы то ни было часть тѣла. И не оттого-ли именно у пожилыхъ людей лобъ поднимается? Иначе, чѣмъ бы мы могли объяснить, что именно только лобъ развивается, а не другая часть тѣла?

Все, что я сказалъ, не вполнѣ относится къ „Христу" (на фотографіи), потому что, дѣйствительно, на фотографіи утрированъ лобъ. Думаю, это оттого, что голова „Христа" немного наклонена, а еще болѣе оттого, что въ оригиналѣ лобъ крутой — слѣдовательно онъ не такъ можетъ показаться великъ, какъ на фотографіи, гдѣ онъ плоскій. Вообще, никто не удовлетворяется фотографіей, особенно когда видитъ оригиналъ.

Отъ Крамского я недавно получилъ письмо, гдѣ онъ разбираетъ „Христа", но, признаюсь, я хорошенько не разобралъ смысла этого письма, до того оно неясно и противорѣчиво.

Приблизительно о „Христѣ" онъ говоритъ, что это—поражающая фигура, что она исполнена съ силою таланта, что она какъ живая стоитъ передъ нимъ, и, наконецъ, что я сдѣлалъ все, что только возможно и доступно человѣку. Но между тѣмъ онъ рѣшается не оставить „камня на камнѣ" (какъ онъ выражается) и „разобрать эту поражающую фигуру такъ, что она останется безъ ногъ и головы" (буквально). А все-таки спасибо ему, что онъ говоритъ такъ откровенно и безцеремонно; жаль только, что въ этомъ самъ путается и падаетъ.

Я отвѣчалъ ему, и между прочимъ спросилъ о васъ, и просилъ, чтобы онъ выслалъ мнѣ рисунки для памятника, которые онъ получилъ отъ васъ, и за которые большое и пребольшое спасибо вамъ. Также мой нижайшій поклонъ съ благодарностью художницѣ Собко [1]). Надѣюсь скоро увидѣться съ нею, и тогда постараюсь трудомъ отплатить ей.

Между прочимъ, скажу вамъ вещь не безъинтересную, особенно для васъ: недавно здѣсь былъ неаполитанскій художникъ Морелли (навѣрное вы слышали о немъ). Онъ смотрѣлъ „Христа" очень долго и внимательно (и онъ теперь болѣе недоволенъ фотографіей). И на что, думали бы вы, онъ напалъ со свойственной ему энергіей? На то, что художники-скульпторы до сихъ поръ не раскрашиваютъ своихъ статуй,

---

[1]) Нат. Петр. Собко нарисовала, для Антокольскаго, наброски съ нѣкоторыхъ проектовъ памятника Пушкина.

въ полномъ смыслѣ этого слова. Вотъ вамъ и союзникъ! Я долженъ прибавить, что не знаю, какъ его болѣе предпочитать, какъ художника или какъ человѣка? Истинный художникъ есть истинный человѣкъ, а поступки его, просто—самопожертвованіе.

Я теперь работаю бюстъ Милютина, и пора его кончить, а то просто совѣстно.

Черезъ мѣсяцъ кончается „Иванъ Грозный“ изъ мрамора, и это тоже пора,—третій годъ, что онъ работается. Дѣйствительно, это работа китайская, особенно кресло.

Вотъ вчера принесли мнѣ первый отливокъ маленькаго „Ивана Грознаго“ изъ бронзы. Очень хорошо, только дорого: за одинъ отливокъ 300 лиръ.

Рвусь въ Россію! (конечно не надолго), и тогда надѣюсь поговоримъ и поспоримъ съ вами вдоволь, а пока пишите скорѣе. Что Софія?

135. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, 3 (15) октября 1874 г.

Въ настоящую минуту голова идетъ у меня кругомъ отъ разныхъ разностей, и никакъ не можетъ попасть на свое мѣсто. Я несовсѣмъ здоровъ, видно простудился немного, однако пишу, потому что писать надо.

Тутъ, въ этомъ письмѣ, будутъ у меня просьбы, отвѣты и разныя разности. Разъ, вечеромъ, когда мы всѣ сидѣли у Сергѣя Николаевича [1]), котораго я крѣпко полюбилъ, и который не совсѣмъ хорошо чувствуетъ себя, благодаря простудѣ, мнѣ сказали, что для меня есть письмо въ Café Greco отъ васъ, и статья Маркати. Этому я не повѣрилъ, зная хорошо, что вы не такъ щедры на письма, и въ особенности на тяжеловѣсныя. Однако, я не выдержалъ, побѣжалъ, и досталъ ваше письмо съ фотографіями вашихъ работъ. Этимъ вы очень обрадовали меня, а за то я долженъ сказать, что вамъ дѣлаетъ честь, что вы искренно продолжаете заниматься скульптурой. Успѣхъ въ этомъ дѣлѣ виденъ только на портретѣ генерала [2]). При этомъ я долженъ сказать, что вездѣ вы начинаете выдерживать общее (это важно), но въ деталяхъ есть недостатки. Главный недостатокъ тотъ, что вы работаете сами, т.-е. безъ посторонняго указанія. Поэтому, непремѣнно, когда я пріѣду, намъ надо будетъ заняться серьезно, вмѣстѣ, хоть недѣльки двѣ. Я думаю, что это облегчитъ васъ. Адріанъ [3]) мало похожъ; потомъ, вы часто дѣлаете бюсты съ поднятыми головами: этого надо избѣгать, а просто наблюдать, какъ обыкновенно субъектъ держитъ голову, а вамъ остается только такъ и дѣлать. Но, повторяю, когда пріѣду, обо всемъ поговоримъ. Фотографія съ портрета Елизаветы Григорьевны просто не нравится мнѣ. Я удерживаюсь разбирать ее, потому что по фото-

---

[1]) С. Н. Ребиндеръ, молодой человѣкъ, больной, изъ высшаго круга.

[2]) Баронъ Дельвигъ, съ котораго впослѣдствіи писалъ портретъ Рѣпинъ.

[3]) Адріанъ Викторовичъ Праховъ.

графіи трудно судить, а во-вторыхъ, вы сами сказали, что фотографія сдѣлана въ видѣ шалости; не говорю еще потому, что скоро самъ увижу портретъ.

Картина Morelli [1]) на-дняхъ будетъ выслана. Рамка готова, картина въ рамкѣ чрезвычайно много выигрываетъ, да и сама рамка довольна красива.

Съ рамкой была маленькая задержка: рѣзчикъ пришелъ и заявилъ, что онъ ошибся въ цѣнѣ, а теперь за такую рамку, изъ чернаго дерева, онъ хочетъ около 2000 лиръ. Дѣлать нечего, надо было заказать изъ грушевого дерева, и подъ черное полировать ее (такъ дѣлаются всѣ). И такимъ образомъ... (перерывъ).

---

22 октября 1871 г.

Дорогой мой другъ Савва Ивановичъ! Вотъ сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я началъ письмо, и до сихъ поръ, когда, наконецъ, чувствую себя свободнымъ, чтобы продолжать его. Обидно, что время да и кровь уходятъ не на дѣльныя вещи, а лишь только на повседневныя дрязги. Особенно много крови стоитъ мнѣ мастерская. Я не созданъ быть хозяиномъ, командовать и вести разные счета, безъ которыхъ здѣсь немыслимо заниматься мастерской и руководить моделями. Ну, и эксплуатируютъ меня. Послѣ того я кричу, порчу кровь—и продолжаю дѣлать глупости. Обидно еще то, что эти мерзавцы мѣшаютъ моимъ принципамъ. Какъ я ни стараюсь подойти къ нимъ поближе, попроще, считать ихъ равными человѣку, — но оказывается, что у нихъ (а можетъ быть и въ природѣ) одно изъ двухъ: или будь ты хозяиномъ, а я рабомъ, или я буду хозяиномъ, а ты рабомъ. Такіе мерзкіе люди здѣсь. Но думаю, что это можетъ быть въ Италіи при ихъ испорченности характеровъ.

Однако, довольно оплакивать то, чего исправить не можешь, нужно стремиться къ возможному.

И такъ, продолжаю старый разговоръ. Рамка будетъ у васъ недѣли черезъ двѣ, она уже выслана; картина очень выигрываетъ. Она стоитъ 400 лиръ. О ней хлопоталъ художникъ Шольцъ больше меня.

Здѣсь былъ К. Т. Солдатенковъ. Начались обѣды, шампанское и тосты. Все это было хорошо, даже очень хорошо, однако хорошо и то, что все это скоро прошло.

Былъ здѣсь С. М. Третьяковъ, онъ уѣхалъ, а жена его осталась здѣсь на нѣсколько недѣль. Онъ мнѣ нравится... Вотъ вамъ все, что у насъ дѣлается. Правда, очень мало?

Теперь опять не могу продолжать, потому что чувствую, что начинаю болтать. Правда, можно сказать: „что за бѣда, вѣдь мы свои“, но и болтать нѣтъ охоты. А вѣдь у меня есть очень важная просьба и я все медлю сообщить вамъ, въ чемъ дѣло. Какъ видите, дѣловой человѣкъ я! До завтра, простите меня за мою медленность.

Вашъ другъ жметъ васъ крѣпко и цѣлуетъ.

---

[1]) «Богоматерь, идущая съ Голгоѳы».

136. Къ В. В. Стасову.

Римъ, получ. 8 (20) октября 1874 г.

Мой привѣтъ вамъ за то, что возстали за правду противъ лжи [1]). Это дѣлаетъ вамъ честь и всѣмъ вашимъ друзьямъ, которые могутъ гордиться вами.

Извѣстіе объ отказѣ Верещагина здѣсь давно извѣстно [2]) и, конечно, это вызвало разные толки вкривь и вкось, о которыхъ и распространяться не стоитъ. Я думалъ, что все это болтовней и кончится. Однако, къ сожалѣнію, Петербургъ доказалъ, что когда въ морѣ поднимается буря, то у нихъ достаточно грязи для забавы. Какъ только появился Верещагинскій отказъ, поднялась стая воронъ, и за то, что человѣкъ осмѣлился коснуться стараго порядка, они привязали его къ позорному столбу и прочли надъ нимъ пасквильный приговоръ: „отечество въ знакъ благодарности своему таланту". Какъ видно, вначалѣ еще кипѣли затаенныя злоба и зависть, но тогда рѣшительно отказались отдать отчетъ въ свое время. Но теперь, когда бездарнѣйшій и безобразнѣйшій циникъ выступилъ со своей нелѣпой статьей, доходящей до подлости, тогда многіе поторопились ему повѣрить, чтобы высказать свою благодарность художнику, свою честь Россіи и свой интересъ къ самому себѣ. Просто больно и стыдно за Россію, что въ ея средѣ находится такое безобразіе, и все подъ видомъ приличія. Подлость!

О Верещагинѣ могу только сказать, что онъ идеалистъ, но, къ сожалѣнію, не практикъ: онъ не долженъ былъ сжигать своихъ картинъ, когда удостоился получить выговоръ [3]), а также не возмущаться, когда поднесли ему профессуру; слѣдовало просто не обращать вниманія ни на одно, ни на другое, а продолжать свой путь. Но въ подобныхъ случаяхъ легче давать совѣты, чѣмъ исполнять ихъ, особенно истинному художнику, у котораго чувство чисто и чутко. Онъ поступилъ, если не практично, то благородно, и если въ первомъ можно винить его, то во второмъ—должно хвалить его.

Но вотъ что удивляетъ меня: до сихъ поръ ищутъ причину поступка Верещагина въ немъ самомъ, между тѣмъ, если ужъ подняли разговоръ о профессурѣ, то слѣдовало бы выставить причину подобнаго неуваженія. Скажу вамъ чисто серьезно, что мнѣ пріятно получать или слышать ободреніе моихъ произведеній, и точно также, напротивъ, непріятно слышать порицаніе ихъ. Но подобные приговоры важно слышать отъ тѣхъ, кому вѣрю, зная ихъ справедливость, компетентность въ этомъ дѣлѣ и, наконецъ, зная, что съ этимъ мнѣніемъ соединяется художественный отголосокъ всѣхъ. Но не такова въ настоящемъ Академія Художествъ: она перестала быть авторите-

---

[1]) Клеветы и выдумки живописца Тютрюмова противъ В. В. Верещагина.

[2]) Отказъ отъ званія профессора Академіи Художествъ.

[3]) Выговоръ отъ двухъ генераловъ, одного штатскаго, другого военнаго, за симпатичное отношеніе къ туркестанцамъ, изображеннымъ въ его картинахъ.

томъ въ искусствѣ, она болѣе не органъ общественной потребности, она идетъ совершенно въ разрѣзъ съ потребностью времени, она не можетъ развивать ни художника, ни искусства вообще на началахъ истины, потому что направленіе ея ложно. Она придерживается того псевдоклассическаго направленія, которое получила еще во время постройки своего дома. Вотъ, по-моему, гдѣ кроется разладъ новаго искусства съ академическимъ. Я лично довольно жилъ, наблюдалъ и испытывалъ разныя разности въ зданіи Академіи, и послѣ всего того могу сказать, что эти авторитеты, имѣющіе право признавать и не признавать профессорство, какъ знакъ высшаго достиженія искусства, по своей вялости рѣшительно не имѣютъ никакихъ правъ даже быть воспитателями молодыхъ художниковъ. Но при всемъ томъ, если-бы профессура назначалась даже авторитетами, то все-таки всякое званіе, и въ особенности профессорское, не совсѣмъ благотворно отзывается на художникахъ. Одинъ старый художникъ очень вѣрно замѣтилъ, когда его спросили: „Отчего N. сталъ такъ плохо работать?“ — „А оттого, что званіе профессора получилъ“. И дѣйствительно, мы немало видимъ примѣровъ, что художники изо всѣхъ силъ рвутся къ званію профессора, а какъ только они получатъ его, то торжествуютъ, точно будто получили его за то, что такъ долго трудились, а послѣ этого чего больше? „Довольно, я усталъ, ибо больше ничего не получу“. Но подобное ребяческое стремленіе къ званіямъ, а не къ художеству—просто постыдно для самаго искусства.

Вотъ съ этой точки зрѣнія Верещагинъ совершенно правъ, что „профессорство вредно“, и это знаетъ не онъ одинъ; но не правъ въ томъ, что поторопился произнести это публично. А почему не правъ, объ этомъ мы поговоримъ съ вами въ другой разъ. Теперь-же довольно. Лишнее будетъ сказать, до какой степени меня интересуетъ дѣло Верещагина. Я отъ души благодаренъ за то, что вы снабжаете меня газетами. Вы не ошиблись, что это будетъ интересовать меня, и могу прибавить—„какъ мой собственный интересъ“.

Очень хорошо сдѣлало Общество художниковъ, что заявило о томъ, что не раздѣляетъ гнусности Тютрюмова. Что это за болванъ пишетъ въ „Русскомъ Мірѣ“ [1])? Надо сказать, что „Русскій Міръ“ не можетъ похвастаться тѣмъ, что на почвѣ его обитаетъ столько воронъ и съ плохимъ вкусомъ. Вотъ гдѣ онъ видитъ высоконравственныя идеи: въ картинѣ Семирадскаго! Значитъ, высоконравственныя личности онъ видитъ въ актрисахъ изъ оперетокъ Офенбаха. Хвала тебѣ, „Русскій Міръ“! Отличаешься, нечего сказать!

Что я писалъ вамъ въ прошломъ письмѣ о Крамскомъ? Пожалуйста, напишите мнѣ, я не помню, а это очень интересуетъ меня.

Пожалуйста, не разсказывайте никому того, что я пишу вамъ, ибо иначе придется писать обдуманныя письма, а я этого ни за что не хочу!

Что Софія, отчего вы не пишете о ней?

---

[1]) Профессоръ живописи Тютрюмовъ.

137. Къ И. Н. Крамскому.

Римъ, 21 октября 1874 г.

Несмотря на мою природную наклонность со всѣми спорить и ссориться, съ вами я хочу только перваго, а никакъ не послѣдняго, и оттого спѣшу отвѣтить вамъ.

Когда я послалъ фотографію В. В. Стасову, я просилъ, чтобы онъ рѣшительно никому не показывалъ ее, исключая только васъ. Мнѣ кажется, что этого достаточно, чтобы показать вамъ, насколько меня интересовало слышать именно ваше мнѣніе о „Христѣ".

Вы были настолько добры, удовлетворили мое желаніе. Письмо ваше я прочиталъ со вниманіемъ, понялъ его насколько могъ, и отвѣчалъ на него, насколько понялъ. И теперь я готовъ повторить, что за ваше письмо я отъ души благодаренъ, но съ нимъ я не могъ и не могу согласиться. За это, надѣюсь, вы нисколько не будете въ претензіи, а также и за то, что я подъ скорымъ впечатлѣніемъ написалъ В. В. Стасову то, что у меня подвернулось подъ перо. Но вы просите исправить мою ошибку и извѣстить Стасова, что слова, приписываемыя мною вамъ, сказаны не были, и ихъ въ вашемъ письмѣ нѣтъ.

Раньше всего я долженъ замѣтить, если я передъ вами въ чемъ-нибудь виноватъ, то только въ рѣзкости моихъ выраженій и никакъ не въ „искаженіи" вашихъ мыслей.

Затѣмъ, раньше чѣмъ исполнить вашу просьбу, я позволю себѣ буквально переписать изъ вашего письма тѣ строки, отъ которыхъ вы желаете, чтобы я отказался. Вотъ онѣ: „Вы видите, дорогой мой Маркъ Матвѣевичъ, что я какъ будто рѣшился не оставлять камня на камнѣ, и ротъ-то, и глаза-то, и носъ-то, и еще что найду,—все это не такъ".

Дѣйствительно, я виноватъ, что не въ точности передалъ ваши выраженія, и пропустилъ слова „какъ будто", но, по-моему, смыслъ остается одинъ и тотъ-же. Во всякомъ случаѣ, мнѣ крайне прискорбно, что случилось такъ, что я далъ волю перу... Но я никогда про васъ ничего дурного не говорилъ, а также ничего не выдумывалъ на вашъ счетъ. Я всегда относился къ вамъ съ глубокимъ уваженіемъ, и мнѣ прискорбно, что подобная мелочь можетъ вызвать между нами какое-нибудь недоразумѣніе. Я готовъ сдѣлать все, чтобы отстранить это, а также готовъ писать къ Стасову, но не иначе какъ съ тѣмъ, чтобы доказали мнѣ, что я искажалъ ваши мысли, и что словъ, сказанныхъ мною, въ вашихъ письмахъ нѣтъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ къ вамъ, а на этотъ разъ, прибавлю, и съ удивленіемъ

Вашъ Маркъ Антокольскій.

138. Къ И. Е. Рѣпину.

Римъ, осень 1874 г.

Дорогой и молчаливый Илья!

Давно, очень давно получилъ я твое лаконическое письмо, и ви-

повать, что до сихъ поръ не отвѣчалъ тебѣ. По письму я увидѣлъ, что ты больше работаешь, чѣмъ разговариваешь, и я не хотѣлъ писать, во-первыхъ потому, что не хотѣлъ мѣшать, во-вторыхъ, признаюсь въ своей слабости, хочу письма читать, когда самъ подобныя письма пишу. Теперь опять возобновляю старую свою привычку и, какъ видишь, строчу, съ надеждой, что на этотъ разъ мнѣ авось удастся получить твое сердечное письмо въ отвѣтъ.

Я теперь сижу дома, мнѣ не совсѣмъ здоровится: это не новость, но, благодаря этому, у меня есть возможность, да и охота бесѣдовать съ тобою. Слышалъ я о тебѣ отрывками, и все, что слышалъ, очень радуетъ меня, а главное, какъ Стасовъ говоритъ, что ты сдѣлалъ громадный успѣхъ по живописи, и что картина твоя „Парижская кофейная“ „чудна по краскѣ“. Очень радъ буду, если мнѣ удастся увидѣть ее, особенно потому, что, признаться, для меня довольно трудная задача—извлечь изъ такой прозаичной жизни, какъ жизнь въ кофейной, что-нибудь художественное, особенно для тебя, жившаго такъ мало въ Парижѣ.

Ты также писалъ, что получилъ заказъ на сюжетъ „Садко“. Мнѣ любопытно знать, гдѣ именно ты думаешь ее исполнить? Я думаю, что ты настолько благоразуменъ и настолько хорошо чувствуешь русскую поэзію, что Парижъ не заглушитъ тебя: тѣмъ ярче можно будетъ видѣть невозможность создавать народное искусство „внѣ своего народа“.

Вотъ все, что я знаю о тебѣ и что я хотѣлъ тебѣ сказать.

Что касается до меня, то съ тѣхъ поръ, какъ я послалъ послѣднее письмо къ тебѣ, случилось у меня здѣсь не мало мелкихъ новостей; въ свое время, очень можетъ быть, я написалъ бы тебѣ о нихъ, но теперь все это прошло, какъ все проходитъ, и о нихъ нечего распространяться.

Мастерская у меня теперь превосходная, большая, сухая, свѣтлая; за это плачу 140 лиръ въ мѣсяцъ. Квартира тоже превосходная и недорогая, такъ что жаловаться нельзя. Но вотъ бѣда — не работается, какъ бы я желалъ, то-есть работается вяло. Причины разныя: во-первыхъ, здоровье мѣшаетъ мнѣ; во-вторыхъ, въ эту зиму я не могу взяться за серьезную работу потому, что долженъ кончать старые заказы, какъ-то: два бюста (они сдѣланы уже изъ глины), потомъ фигуру въ натуральную величину для памятника [1]), который работается: не смотря на то, что онъ выходитъ болѣе или менѣе оригинально, поэтично, но все-таки душа лежитъ у меня ближе къ моимъ собственнымъ сюжетамъ, притомъ теперь предстоитъ мнѣ сдѣлать эскизъ для памятника Пушкина, и по этой причинѣ и по многимъ другимъ причинамъ я долженъ ѣхать въ Россію. Все это вмѣстѣ отниметъ у меня годъ времени! Ужасно досадно, но дѣлать нечего, а если при всемъ томъ будешь только досадовать и ничего не сдѣлаешь, то потомъ больше досадно и больше дѣла. Главное, я недоволенъ тѣмъ, что вызвался сдѣлать эскизъ для памятника Пушкина. Во-первыхъ, такого-сякого

---

[1]) Памятникъ княжны Маріи Алексѣевны Оболенской, въ Римѣ.

эскиза дѣлать не хочу, а чтобы сдѣлать что-нибудь особенное, то, не смотря на то, что въ основѣ онъ готовъ, но раньше чѣмъ создать, хотѣлось мнѣ повидать мѣсто, поговорить съ людьми, посовѣтоваться съ архитекторами, однимъ словомъ, сдѣлать основательно. И потомъ что? Если не одобрятъ его, то жаль было-бы времени и труда: если же его одобрятъ, то все-таки дѣлать его ни за что не хочу! Не хочу тратить три-четыре года, когда за это время я могу сдѣлать не менѣе важное, чѣмъ памятникъ Пушкина, и проведу время гораздо спокойнѣе, потому что хорошо знаю, сколько разныхъ разностей придется перечитать. Тутъ интрига, зависть, начальство и все что угодно, а на какое лихо со всѣмъ этимъ связываться!! Искусство нисколько не потеряетъ отъ того, если я буду работать свои работы, а сдѣлать эскизъ для того, чтобы другой исковеркалъ его въ исполненіи (если онъ будетъ одобренъ) — врядъ ли это можетъ вытерпѣть художникъ. Я разсчиталъ, что лучше совсѣмъ отказаться отъ этого, и теперь я получилъ письмо, что „Комитетъ памятника Пушкина" очень торопитъ меня, чтобы представить мой проектъ не позже конца декабря. Конечно, я никакъ не могу этого, и если комитетъ не дастъ мнѣ болѣе свободнаго времени, то, несмотря на то, что жаль и пожалуй неловко съ моей стороны будетъ, но все-таки долженъ буду оставить все это.

Болѣе всего я бы хотѣлъ теперь сдѣлать статую „Сократа", въ минуту смерти, когда онъ уже выпилъ свой ядъ. Я думаю, что по трагичности положенія эта фигура должна будетъ производить сильное впечатлѣніе. Передъ глазами лежитъ жертва за идею, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой смерти есть что-то торжественное и успокоительное. Человѣкъ этотъ умѣлъ жить, а также умереть за идею, и его спокойное лицо и поза какъ будто говорятъ: „Ну вотъ, и перешагнулъ я, и теперь... теперь, если вы вѣрите въ вѣчность человѣчества, то вѣрьте и въ то, что идея добра восторжествуетъ, если вы будете болѣе любить идею и человѣчество, и менѣе дорожить собой. Если вы не вѣрите въ это, то куда вы стремитесь? За что вы ведете такой ожесточенный бой? Смотрите, борьба идетъ не за жизнь, а лишь только за смерть". А впрочемъ, мой монологъ тутъ совершенно лишній: искусство дорого, когда оно вызываетъ душевное настроеніе—и только, а что тогда чувствуешъ и думаешь, можетъ сказать только каждый за самого себя, потому каждый думаетъ и чувствуетъ по-своему.

Я не послалъ тебѣ фотографіи „Христа", потому что фотографія не передаетъ моего созданія, особенно выраженія „Христа". Я послалъ фотографію къ В. В. Стасову, и онъ совершенно въ правѣ былъ сказать, что голова не нравится ему. Видѣлъ фотографію также и Крамской, но онъ написалъ мнѣ по этому поводу большое письмо, гдѣ говоритъ и за и противъ, то-есть разбираетъ, но, признается, мало понялъ. Между тѣмъ какъ здѣсь итальянцы меня хвалили, недавно еще, то-есть....

(Конца письма не сохранилось).

139. Къ В. В. Стасову.

Римъ, получ. 2 (14) ноября 1874 г.

И вдругъ все притихло у васъ! Я все жду, нѣтъ ли еще новостей съ академикомъ Тютрюмовымъ? Но вотъ, до сихъ поръ напрасно. Не знаю, считать-ли это только затишьемъ передъ бурею, или же они остановились, чтобы собрать свѣдѣнія и начать процессъ. Во всякомъ случаѣ не думаю, чтобы ничѣмъ это кончилось. Этого нельзя, это невозможно!

Вотъ каждый день я все рвусь ѣхать въ Россію, и каждый день остаюсь на мѣстѣ. Причины разныя, и когда пріѣду, разскажу. Главное, что болѣе всего безпокоитъ меня, это финансовое положеніе. Работа идетъ впередъ, издержки большія, а тутъ пора заплатить долгъ Гинцбургу, и я тороплюсь отдать его.

Посылаю вамъ фельетонъ, который недавно вышелъ въ здѣшнемъ журналѣ „Il progresso" 27 (15) окт. Интересно то, что тутъ итальянцы перестаютъ относиться къ другимъ снисходительно, а, напротивъ, сознаютъ, что они не такіе, какъ прежде думали.

Больше новостей у меня нѣтъ. Нѣтъ ли у васъ? До свиданія.

Однако, всѣ настаиваютъ на томъ, чтобы я ѣхалъ, когда въ Россіи установится погода, т.-е. когда замерзнетъ Нева, потому что, говорятъ, теперешній мѣсяцъ—самый дурной. Я думаю, что воспользуюсь этимъ совѣтомъ.

140. Къ нему же.

Римъ, 14 (2) ноября 1874 г.

Я былъ совсѣмъ готовъ къ поѣздкѣ въ Россію, и вчера долженъ былъ выѣхать. Но многіе, и въ томъ числѣ жена Гена, не позволили мнѣ ѣхать раньше, чѣмъ установится погода въ Россіи. И тутъ, какъ на грѣхъ, третьяго дня я почувствовалъ ревматическія боли, не тамъ, гдѣ онѣ были прошлый годъ (въ правой рукѣ), а теперь въ голени правой ноги. При этомъ, вчера я нечаянно пересѣкъ третій палецъ на лѣвой рукѣ, такъ что теперь рука виситъ на петлѣ. Вообще, у меня что день, то новость! А впрочемъ, могло-бы быть и хуже.

Что касается проекта памятника Пушкина, то, кажется, я писалъ вамъ, что цѣль поѣздки моей въ Россію есть также и проектъ Пушкина: во-первыхъ, потому, что я рѣшительно отказываюсь дѣлать что-нибудь русское внѣ Россіи, и во-вторыхъ, раньше, чѣмъ воспроизведу эту вещь, мнѣ хотѣлось-бы увидать мѣсто, поговорить съ людьми, посовѣтоваться съ архитекторомъ—вообще обстоятельно осмотрѣться и хорошенько подышать русскимъ воздухомъ. И все это несмотря на то, что тутъ дѣло идетъ только объ эскизѣ. По-моему, здѣсь-то и есть все творчество. По крайней мѣрѣ, для меня это — такъ: я раньше создаю, а потомъ производу, а разъ плохо созданіе— плохо и произведеніе. Такимъ образомъ, эскизъ для памятника Пушкина я разсчитываю дѣлать въ Россіи, когда пріѣду. Это можетъ случиться менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, т.-е. какъ только установится погода,

а также — Нева, и тогда я готовъ ѣхать, конечно, если здоровье не будетъ мѣшать. Я распорядился такъ, что въ эту зиму я не начну ничего серьезнаго, раньше чѣмъ не докончу старые счеты, какъ-то: заказные два бюста, которые давно безпокоятъ меня и которые уже готовы изъ глины; потомъ фигуру, которую работаю; наконецъ, проектъ монумента Пушкина. Какъ видите, я готовъ работать надъ проектомъ для Пушкинскаго памятника, и оттого я бы просилъ васъ все это передать комиссіи. Но прибавлю, что очень прошу ихъ дать мнѣ болѣе свободнаго времени, нежели сколько они назначили, потому что спѣшныхъ работъ я не могу дѣлать. По-моему, тутъ долженъ быть важенъ не тотъ вопросъ, когда будетъ сдѣлано, а какъ будетъ сдѣлано.

Повторяю, что я въ свою очередь убѣдительно прошу Комитетъ дать мнѣ свободное время до конца марта мѣсяца (по крайней мѣрѣ). Очень можетъ быть, что проектъ и раньше будетъ готовъ, но, говорю не отъ гордости, а по искренности, — я не могу работать срочныя работы, особенно если срокъ такой короткій. Что касается печати, которая упрекаетъ ихъ въ вялости, то думаю, тутъ нечего обращать на это особенное вниманіе, потому что подобные упреки несправедливы. Я думаю, что печать должна знать, что не Комитетъ въ этомъ виноватъ, такъ какъ тутъ дѣло идетъ объ исполненіи этого проекта, а не объ осужденіи, которое долженъ произносить Комитетъ, въ случаѣ недовольства исполненіемъ проекта. При этомъ Комитетъ можетъ (если пожелаетъ) отвѣчать, что въ задержкѣ памятника виноватъ я:—я не боюсь криковъ, когда они несправедливы.

Ради Бога, дайте мнѣ скорѣйшій отвѣтъ о результатѣ Комитета относительно памятника Пушкина, какой-бы тамъ результатъ ни былъ, и, если можно, отвѣчайте телеграммой, потому что, если Комитетъ по какимъ-нибудь причинамъ не можетъ ждать дольше до конца декабря, то я крайне буду жалѣть, что я не успѣю, а тогда, пожалуй, незачѣмъ будетъ мнѣ торопиться ѣхать теперь, когда можно работать.

Вы можете себѣ легко представить, какъ интересуетъ меня отвѣтъ Комитета, потому что я теперь нахожусь въ странномъ состояніи: не знаю—ѣхать или нѣтъ?

Письмо Коцебу [1]) очень радуетъ меня. Оно болѣе благородно, чѣмъ обыкновенное благородство. Меня радуетъ, что есть добрые и честные люди, которые готовы заступиться противъ несправедливостей поступка; меня радуетъ это настолько, насколько возмущаетъ пасквильная статья академика Тютрюмова. Послѣдняя его статья забавляетъ меня тѣмъ, что собака хочетъ превратиться въ льва: онъ говоритъ свысока, но въ концѣ не выдерживаетъ роли, и беззубую собаку узнаешь.

А все-таки начали-ли дѣло судебное? Меня это очень интересуетъ, потому что тутъ должно открыться много кое-чего, касающагося академіи, ея дряхлости и т. д. Однако довольно!

---

[1]) Профессоръ живописи Коцебу писалъ В. В. Стасову, изъ Мюнхена, о негодованіи всѣхъ мюнхенскихъ художниковъ по поводу Тютрюмовскаго дѣла. Письмо это было напечатано.

Мой привѣтъ и поздравленіе Софьѣ, матери съ дочкой!

„Ярославъ Мудрый“ и „Иванъ III“ будутъ-ли награвированы? Или какъ-нибудь иначе изданы? И гдѣ, въ какомъ журналѣ они будутъ помѣщены?

Теперь я долженъ бы былъ послать работы, которыя стоятъ у меня готовыя, чтобы продать ихъ въ Россіи. Но мнѣ крайне непріятно, что я долженъ отложить это, такъ какъ, благодаря дѣлу о памятникѣ Пушкина, я не знаю какъ распорядиться: можетъ быть мнѣ вовсе не придется ѣхать. Пожалуйста, поторопите Комитетъ дать мнѣ скорѣйшій отвѣтъ на это письмо.

141. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, 28 октября 1874 г.

. . . . .

Какъ вы видите, дорогой мой другъ Савва Ивановичъ, нѣсколько дней тому назадъ, когда я писалъ вамъ письмо, я обѣщалъ, что завтра поговорю обо всемъ, что вокругъ меня и во мнѣ происходитъ; и лишь теперь только у меня есть свободное время исполнить это.

Но, съ другой стороны, благодаря длинному промежутку, я готовъ отказаться болтать о томъ, о чемъ нѣсколько дней тому назадъ я бы не умолчалъ. Причина простая—вы хорошо знаете, что я хуже художника, и поэтому каждую мелочь я слишкомъ принимаю къ сердцу, и тогда этими мелочами готовъ всѣмъ надоѣдать. Но время проходитъ, нервы угомоняются, и тогда я самъ себѣ говорю то, что другой сказалъ-бы мнѣ во всякое время: „Охота тебѣ на все смотрѣть сквозь увеличительное стекло! Если ты будешь всегда такимъ, то ни одного глотка воды спокойно не проглотишь—и тамъ есть маленькія животныя, которыхъ ты долженъ проглотить. Не обращай на это никакого вниманія!“

Какъ все это хорошо! Но не хорошо то, что подобныя логическія размышленія появляются довольно поздно, т.-е. часто, когда я уже испорчу себѣ нѣсколько унцій крови, когда нервы убаюкиваются отъ усталости, тутъ и является разсудокъ со своими логическими доводами. На этотъ разъ по разнымъ стеченіямъ обстоятельствъ я никому не надоѣлъ моимъ пискливымъ тономъ, чему весьма радъ.

Видите, дорогой другъ, что теперешнее письмо похоже на плохую книгу, гдѣ длинное предисловіе и короткое, пустое содержаніе. Что-жъ, это можетъ только доказать, что теперь я не способенъ писать талмудическія письма. Серьезныхъ новостей нѣтъ, а о мелочахъ не хочу писать. Какъ поживаетъ Елизавета Григорьевна? А Андрей Саввичъ какъ? Меня безпокоитъ, что она не пишетъ. До сихъ поръ она была аккуратна.

Картина Морелли давно выслана. Вамъ придется тамъ за все уплатить, т.-е. за ящикъ и за провозъ, потому что столяръ такъ распорядился безъ моего вѣдома. А между тѣмъ, у меня еще остались деньги изъ 500: изъ нихъ я отдалъ только 400 лиръ, а остальныя у меня; пріѣду, мы сочтемся. Пожалуйста, пишите, что скажутъ о картинѣ. Вы также ничего не писали мнѣ о картинѣ Тускеца. Все это очень любопытно знать.

Стасовъ снабжаетъ меня статьями о дѣлѣ Верещагина съ Тютрюмовымъ. Я долженъ сказать, что ничто меня такъ не возмущало, какъ этотъ скандалъ. Ну вотъ, просто охота пропала даже ѣхать. Крайностей и подлостей у насъ еще черезчуръ много. И охота лѣзть туда, гдѣ такъ скверно! Кто-бы ни пріѣхалъ, того считаютъ своимъ долгомъ ошпарить кипяткомъ, чтобы ему не было холодно, или, наоборотъ, облить его холодной водой, чтобы онъ привыкъ къ тамошнему холоду. Объ этомъ я съ Стасовымъ переписываюсь. Я не знаю, насколько вы интересуетесь этимъ, но я увѣренъ, что и вы неравнодушно смотрите на это.

Два бюста я кончилъ, теперь работаю эскизъ для памятника Марусина. Кажется, что онъ будетъ поэтиченъ и соотвѣтствовать мѣсту, гдѣ будетъ стоять. „Христосъ“ почти уже абоцаттированъ [1]) очень хорошо, а также и мраморъ очень удачный. Теперь, окончивъ эскизъ, я могу ѣхать, но медлю, самъ не знаю почему; видно, что ѣхать больше нужно, чѣмъ желаешь.

Ну вотъ, окончивъ все, что могъ сообщить вамъ, я возвращаюсь къ просьбѣ, о которой просилъ еще въ прошломъ письмѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: я долженъ барону Гинцбургу 2256 руб.; къ сроку я не могъ уплатить ему, поэтому я написалъ и просилъ, если можно обождать еще мѣсяца три, т.-е. когда „Иванъ Грозный“ будетъ оконченъ, тогда у меня будетъ свободныхъ 4000 руб. Онъ на это согласился. Поэтому я бы васъ очень и очень попросилъ, если васъ это не особенно затруднитъ, взять этотъ долгъ на себя, а ему выплатить эту сумму. Я попрошу Третьякова, когда окончу „Ивана Грознаго“, чтобы онъ возвратилъ эти деньги. Пожалуйста, если можете, не откажите мнѣ, а если нѣтъ, то поскорѣе отвѣчайте мнѣ.

Что Адріанъ Праховъ? Какъ онъ двигается?

Что Мстиславъ Викторовичъ? [2]) Мой сердечный поклонъ. Отъ Елизаветы Григорьевны жду письма...

Шлю еще статьи о „Христѣ“. Такимъ образомъ, все-таки чѣмъ-нибудь же надоѣдаю. Говорятъ, что итальянская статья очень хороша, а нѣмецкая, старая, похожа на ту, которая въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ была.

142. Къ нему же.

Римъ, 17 ноября 1874.

Я думаю, что скоро получу вашъ отвѣтъ на мое послѣднее письмо, но все-таки строчу.

Дѣло въ томъ, что на всякій случай я бы очень просилъ васъ, если васъ не особенно затруднитъ, выслать мою шубу въ Вильно, по адресу: m-me Михалинѣ Апатовой, Виленская улица, въ собственномъ домѣ. Пожалуйста, извините, что я столько безпокою васъ. Ужасно досадно, что вы мало безпокоите меня.

---

[1]) Abozzato — оболваненъ.

[2]) Мстисл. Викт. Праховъ.

Какъ вы видите, я крѣпко думаю пріѣхать, и даже распорядился такъ, что вчера долженъ былъ выѣхать, но добрые люди удержали меня, чтобы я не пріѣхалъ раньше, чѣмъ установится погода. Да притомъ, какъ на грѣхъ, случилось такъ, что ревматизмъ опять явился ко мнѣ, но на этотъ разъ въ колѣняхъ. Такимъ образомъ, хотя я рѣшилъ ѣхать, но надо быть болѣе осторожнымъ. Между прочимъ я долженъ прибавить, что ревматизмъ сопровождается легкой ломотой.

Еще одна задержка случилась третьяго дня. Я получилъ письмо отъ В. В. Стасова, что Комитетъ памятника Пушкина торопитъ меня, чтобы я представилъ свой проектъ не позже, какъ въ концѣ декабря. Срокъ больно короткій, да притомъ я, признаться, не особенно доволенъ тѣмъ, что связался съ этимъ эскизомъ, во-первыхъ, потому, что исполнять его я ни за что не хочу. Хорошо знаю, что, какъ только начну (а тутъ вопросъ еще, одобрятъ-ли мой проектъ), начнутся зависть, интриги, начальство и все, что угодно, между тѣмъ какъ я могу жить покойно, а искусство не только не потеряетъ, а, напротивъ, выиграетъ, если я предамся своей задушевной идеѣ—хотя памятникъ Пушкина и хорошо работать. Ну, а дѣлать эскизъ для того, чтобы другой исковеркалъ его въ своемъ исполненіи, этого, знаете, не вытерпѣть душѣ художника.

И такъ, взявъ во вниманіе всѣ эти соображенія и еще то, что Комитетъ не даетъ мнѣ болѣе свободнаго времени, какъ ни жаль будетъ, все-таки придется отказаться отъ всего этого.

Я послалъ письмо въ Комитетъ съ просьбой, чтобы дали мнѣ свободное время до конца апрѣля, а если нельзя имъ будетъ это сдѣлать, то и мнѣ нельзя будетъ дѣлать своего, чему я внутренно буду радъ.

Однако нельзя теперь мнѣ тронуться съ мѣста раньше, чѣмъ не получу отъ нихъ отвѣта.

Вѣдь если не эскизъ, то, спрашивается, къ чему теперь мнѣ ѣхать, когда я могу спокойно работать? А поѣду, когда придется отдыхать. Вотъ какъ часто случается совсѣмъ другое, чѣмъ думаешь.

Меня очень удивляетъ и даже безпокоитъ то, что такъ давно не получалъ никакихъ извѣстій отъ Лизаветы Григорьевны. Что Андрюша?

Бронниковъ проситъ меня передать вамъ его просьбу. Онъ сказалъ, что разъ вы были въ его мастерской и сказали, что другъ вашъ Чижовъ желаетъ имѣть портретъ Иванова; теперь этотъ портретъ можно видѣть у Третьякова, Павла Михайловича, и если г. Чижовъ желаетъ, то можетъ посмотрѣть. Если ему понравится, то о цѣнѣ рѣчи не будетъ.

Какъ вы видите, какъ ни хотѣлось мнѣ оставить васъ въ покоѣ, все-таки поневолѣ приходится безпокоить васъ.

Что, получили вы картину Морелли?

143. Къ нему же.

Римъ, декабрь 1874 г.

Пожалуйста, не сердитесь на меня за то, что я такъ мало пишу. Могу только тѣмъ утѣшить васъ, что ни къ кому не пишу. Ужъ время

такое: лѣнь, да притомъ работаю много, только ничего не видать. Разъ началъ работать голову, только не пошло, и радъ былъ, что оставилъ попрежнему; теперь работаю слѣдки и тому подобное: какъ вы видите, интереснаго мало.

У васъ въ семействѣ всѣ здравствуютъ отлично, чего же больше? Елена все какъ-то не совсѣмъ здорова; докторъ напугалъ насъ, что надо брать мамку (вотъ тебѣ и на!); но теперь, кажется, идетъ къ лучшему, и очень можетъ быть, что все обойдется благополучно.

Сегодня мы торжественно будемъ глотать шоколадъ въ честь именинника Воки [1]), надѣемся повторить это и въ пятницу, въ честь Андрюши, а въ понедѣльникъ заключить такимъ же праздникомъ въ честь васъ самихъ. Урра!! Желаю вамъ всѣмъ самаго лучшаго, что только есть для человѣка. Аминь!

Колпакъ-же я, что раньше не догадался послать вамъ письмо такъ, чтобы оно явилось какъ разъ тогда, когда и мы, и вы поднимаемъ бокалы и желаемъ другъ другу всю жизнь радоваться. А теперь обнимаю васъ, какъ достойнаго моего друга и какъ именинника.

Прошу передать мой привѣтъ Мстиславу Викторовичу [2]). Что еще бы писать? Пока довольно, до слѣдующаго раза.

А ей-ей хотѣлось многое множество написать вамъ, только лѣнь стало. Старикъ вашъ

Маркъ.

144. Къ нему же.

Вильно, зима 1874 г.

Сейчасъ я пріѣхалъ въ Вильно. Ужасно хочу поскорѣе видѣть васъ, но терпѣніе, терпѣніе. Съ терпѣніемъ доберусь и къ вамъ.

Жалѣю, что не засталъ здѣсь шубы, тѣмъ болѣе, что боюсь, что вы навѣрное ее выслали, и мы съ ней разъѣдемся, такъ какъ я ѣду въ Петербургъ не позже понедѣльника. Если можно, дайте мнѣ телеграммой знать, гдѣ находится шуба, а не то бѣда!

145. Къ В. В. Стасову.

Москва, 19 декабря 1874 г.

Я не писалъ вамъ до сихъ поръ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, каждый день я думалъ ѣхать и порѣшилъ-было ѣхать сегодня; во-вторыхъ, получивъ отъ Н. П. Собко письмо, гдѣ она передаетъ о вашемъ желаніи, чтобы я сказалъ нѣсколько словъ о Верещагинѣ, я охотно взялся за перо. Но долженъ признаться, что у меня силы не хватаетъ, чтобы передать то впечатлѣніе, которое сдѣлали на меня произведенія Верещагина. Однако я написалъ и хотѣлъ-было какъ можно скорѣе послать вамъ статью свою. Но пришлось задержать ее, потому что С. И. Мамонтовъ поправляетъ мои грамматическія ошибки.

---

[1]) Всеволодъ, сынъ Мамонтовыхъ.

[2]) Прахову.

Впрочемъ, завтра или послѣ завтра я могу выслать свою „замѣтку“, или „впечатлѣніе“, о Верещагинѣ.

Я долженъ сказать вамъ, что я рѣшилъ работать здѣсь въ Москвѣ, потому что вчера получилъ письмо отъ А. Прахова, который видѣлъ комнату, отведенную мнѣ для работы. Онъ говоритъ: „Комната никуда не годится, не только для скульптурной мастерской, но добрые люди своихъ собакъ туда не пустили бы. Комната съ замерзшими стеклами, черезъ которыя не проникаетъ почти никакого свѣта; чтобы было сколько-нибудь тепло—надо затопить плиту, въ которую вдѣланъ котелъ съ водою, и посредствомъ котла комната нагрѣвается“. Признаюсь, отводъ довольно почтенный. Благодарю ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ удивляюсь ихъ гостепріимству. Ну, да Богъ съ ними! Въ ту-же минуту я распечаталъ письмо отъ жены, которая чуть ли не ругаетъ меня и убѣждаетъ, чтобы я все это бросилъ, потому что боится за мое здоровье. Она говоритъ: двѣ вещи, какъ работа и волненіе, вмѣстѣ немыслимы, въ особенности для меня.

Сознаюсь, что во многомъ она права, но я теперь черезчуръ далеко ушелъ, чтобы возвращаться. Надо кончить! И такъ, я остаюсь здѣсь, потому что здѣсь есть все для того, чтобы работать. Да притомъ, здѣсь далеко отъ всѣхъ художественныхъ дрязгъ, которыми полонъ Петербургъ,—я отдыхаю. Здѣсь я ни съ кѣмъ не вижусь изъ художниковъ, и тѣмъ лучше,—я ихъ избѣгаю. Теперь художники взялись вести администрацію, а администраторы—искусство. Выйдетъ толкъ большой! Пусть каждый направляетъ свои силы на то, къ чему онъ болѣе всего способенъ, а лучше всего для художника то, когда онъ занимается своимъ дѣломъ.

Мой сердечный поклонъ Дмитрію Васильевичу, а также его женѣ, имя которой никакъ не могу запомнить.

Что хорошаго новаго?

Мой дружескій поклонъ вашему брату и сестрѣ Собко. Крѣпко жалѣю, что мои занятія съ нею прерваны. Жаль, но какъ было дѣлать? Теперь пріѣхалъ, опять надо начинать хлопотать, а времени жаль больно: и то его много ушло пока напрасно.

146. Къ С. И. Мамонтову.

Москва, декабрь 1874 г.

Наконецъ, на мою радость, мы сегодня только очутились въ вашемъ домѣ. Хорошо! Главное—спокойно; этого-то именно я и жаждалъ. Жаль только, что васъ не засталъ уже здѣсь; теперь оказывается, что вы-то давно уѣхали. Я, впрочемъ, это предчувствовалъ, но все какъ-то не вѣрилось. Во всякомъ случаѣ, радъ за васъ, что вы теперь въ Италіи [1]), около Sorrento; пожалуйста, порадуйтесь и за меня, что я отдыхаю теперь отъ усталости въ вашемъ гостепріимномъ домѣ.

---

1) По указанію доктора Захарьина, для отдыха отъ переутомленія.

Мы уже успѣли поболтать съ вашей старушкой, но чувствую, что это только начало.

Со мною пріѣхала и невѣстка моя, которая очень кланяется вамъ.

У васъ въ домѣ я нашелъ всѣхъ—слава Богу! ну, и слава Богу.

Пожалуйста, накупите какъ можно больше старинныхъ вещей; это благородная страсть, которая впослѣдствіи оказывается и полезной. Только, Бога ради, будьте осторожны, потому что всюду больше поддѣлки, чѣмъ настоящаго.

Когда будете покупать что, то не иначе, какъ съ гарантіей. Если они не даютъ, то будьте увѣрены, что дѣло неладно.

Ну, на сегодня остается только крѣпко обнять васъ отъ души.

147. Къ нему же.

Москва, декабрь 1874 г.

Хотѣлъ было я писать вамъ много, только это уже въ другой разъ, а теперь скажу вамъ, что всѣ ваши домашніе герои (именно, въ полномъ смыслѣ этого слова) здравствуютъ. Всѣ они сильно радуютъ меня. Славные молодцы! Дай Богъ, чтобы и впередъ такъ шли.

Весь вашъ домъ [1]), конечно, по старому сильно нравится мнѣ, а въ особенности я былъ пораженъ вашей новой столовой: вы настоящій художникъ, да еще и скульпторъ. Я рѣдко видалъ подобныя столовыя. Вашъ же кабинетъ, хотя тоже хорошъ, но менѣе нравится мнѣ; впрочемъ, это можетъ быть оттого, что онъ еще не убранъ, и еще оттого, что тамъ долженъ стоять „Христосъ", а между тѣмъ негдѣ его поставить тамъ [2]).

Это мы уже здѣсь всячески комбинировали съ вашей старушкой; очень можетъ, что удастся хорошо поставить его въ кабинетѣ, но для этого надо будетъ пересѣчь кабинетъ драпировкой, которую можно очень хорошо и грандіозно задрапировать, и отъ того кабинетъ, помоему, можетъ только выиграть, такъ какъ драпировка не во всю стѣну, а лишь до половины, да и то часть подобрана будетъ къ верху. Но объ этомъ въ другой разъ.

Что вамъ сказать о себѣ? Слава Богу, то, что здѣсь я отдыхаю, и этого одного ужъ будетъ съ меня! Горю нетерпѣніемъ скорѣе взяться за работу. Я теперь въ такомъ положеніи, что остается мнѣ одно—работать; работать, но не показывать, особенно своимъ милымъ соотечественникамъ. Не во время я попалъ теперь среди нихъ; а очень можетъ быть, что этого „времени" никогда и не будетъ.

Раньше всего меня успѣли выругать хорошенько, да и мои работы: что у меня, дескать, продажный талантъ, потому что я жидъ (ей-Богу). Ну, что прикажете дѣлать? И это тѣ же самые люди, которые сердятся, когда другой имъ носъ утираетъ.

---

[1]) Въ Москвѣ.

[2]) Столовая и кабинетъ были огромныхъ размѣровъ и освѣщались двумя окнами, также громадныхъ размѣровъ.

Ну, будьте здоровы и освѣжитесь хорошенько: это, я чувствую, необходимо для каждаго, живущаго здѣсь.

Ваша старушка, добрая, сто тысячъ разъ добрая Елизавета Григорьевна, очень кланяется вамъ.

Моя невѣстка, которую зовутъ здѣсь: баба, бабулька и бабочка, очень вамъ кланяется.

148. Къ В. В. Стасову.

Москва, 28 декабря 1874 г.

Сейчасъ я возвратился съ выставки Верещагина, и не могу успокоиться раньше, чѣмъ не напишу вамъ нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ художникѣ.

Раньше всего я долженъ сказать, что по недостатку помѣщенія, картины его не разставлены въ должномъ порядкѣ, т.-е. нѣкоторые номера перемѣшаны,—и такимъ образомъ утрачена послѣдовательность и цѣльность впечатлѣнія. Но тѣмъ не менѣе, почти никогда искусство не охватывало такъ цѣльно всего существа моего, какъ произведенія Верещагина. Въ нихъ я вижу, или вѣрнѣе чувствую, все то, что могучій художникъ въ силахъ былъ передать. Верещагинъ не одинъ изъ тѣхъ людей, которые теоретически убаюкиваютъ свои чувства тѣмъ, что жизнь безъ борьбы существовать не можетъ и что побѣдитель правъ. Видно, что онъ не раздѣляетъ мнѣніе: „цѣль оправдываетъ средства". Онъ раньше всего человѣкъ впечатлительный, живущій не прошедшимъ и будущимъ, а только настоящимъ, и притомъ онъ художникъ съ глубокою и чуткою душой. Ему нѣтъ дѣла до выводовъ, потому что не ими онъ можетъ увлекаться, а факты настоящей жизни охватываютъ и поражаютъ всю душу поэта: и чувство, и скорбь, и страданія его ярко выступаютъ изъ каждой его картины. Чтобы передать все, что накипѣло у него на душѣ, ему мало было большого холста и яркой кисти. На помощь себѣ онъ призвалъ и другое искусство—словесность, чтобы воспѣть человѣческія страданія:

«Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ;
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать мать-сыра земля».

Странно, два художника изъ двухъ міровъ сошлись на одну дорогу. Когда читаешь эти надписи на картинахъ Верещагина, поневолѣ вспоминаешь подпись Микель-Анджело на его спящей фигурѣ — „Ночь", которая столько разъ была цитирована: — „Сладко спать, а еще слаще окаменѣть. Тогда ничего не видишь и ничего не слышишь,— вотъ мое желаніе, мое счастье... ахъ, говори тише..." Между этими двумя художниками есть что-то общее, если не въ искусствѣ, то въ ихъ внутренней жизни.

Да это иначе и не могло быть: человѣкъ - художникъ, который горячо чувствуетъ, а не холодно разсуждаетъ, очутился въ варварской странѣ, гдѣ звѣрскіе поступки человѣка затушаютъ чувство справед-

ливости. Его поражала продажа дѣтей, подземный „клоповникъ“, и сотни подобныхъ явленій. Онъ стоялъ въ бою грудью противъ вражескихъ пуль; передъ нимъ разыгрывалась трагедія войны во всей своей наготѣ, и это все подъ чистымъ и безконечнымъ небомъ, подъ божескими лучами солнца, обогрѣвающими пятна человѣческой крови.

Первыя тринадцать картинъ, самыя большія по размѣру и сильнѣе выполненныя, посвящены одной и той-же идеѣ, и кончаются апоѳеозомъ войны. Эта послѣдняя, впрочемъ, сильнѣе по мысли и по чувству, чѣмъ по художественной формѣ, но тутъ-то оно и простительно, потому что эта картина есть не что иное, какъ занавѣсъ, опускающійся послѣ продолжительнаго спектакля.

Часто я слышу возраженія, какъ отъ любителей искусства, такъ и отъ спеціалистовъ, которые составляютъ себѣ понятіе объ искусствѣ болѣе по традиціямъ, чѣмъ по собственнымъ чувствамъ. „Это не искусство“—говорятъ они, „потому что картины эти не представляютъ ничего благороднаго и высокаго“. Зачѣмъ такъ узко смотрѣть на искусство, что только высокое и благородное оно должно создавать?—Искусство есть не что иное, какъ выраженіе ощущеній души во всѣхъ ея фазисахъ. Задача художника: вызвать эти ощущенія въ художественной формѣ. Если художественное творчество не застываетъ на оболочкѣ глаза зрителя, а достигаетъ внутри человѣка глубокихъ ощущеній, каковы: смѣхъ, плачъ, радость, печаль и т. д., если творчество завлекаетъ зрителя въ область дѣйствительности, опоэтизированной художникомъ, такъ, что онъ перестаетъ видѣть краски, композицію, и весь остальной механизмъ художника, тогда творецъ торжествуетъ—онъ достигъ своей цѣли! Отъ степени интеллигенціи художника зависятъ выборъ сюжета и самый взглядъ на искусство. Чѣмъ болѣе онъ развитъ, тѣмъ шире горизонтъ его, и тѣмъ глубже и вѣрнѣе онъ чувствуетъ.

Всматриваясь въ первыя тринадцать—пятнадцать картинъ Верещагина, не знаешь, которой изъ нихъ отдать преимущество. Почти всѣ одинаковаго достоинства. Но послѣ того возбужденнаго состоянія, въ которомъ находишься среди этихъ произведеній, поневолѣ отдыхаешь у „гробницы святого“... Въ ней чувствуешь что-то загробное, гдѣ двери жизни закрываются передъ тобой—все тамъ спокойно, величаво и молчаливо... и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то таинственная сила ласкаетъ и манитъ тебя... куда?.. Почти всю картину занимаетъ гробница въ чудномъ архитектурномъ мавританскомъ стилѣ, и только въ сторонѣ стоитъ небольшая группа хивинцевъ съ понуренными взорами и съ чувствомъ благоговѣнія: они пришли воздать благодарность за побѣды. „Хвала тебѣ, богъ войны! Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, нѣтъ Бога, кромѣ Бога“.

Нужно удивляться тонкости художественнаго такта, который онъ вложилъ во всѣ произведенія свои, а въ эту картину въ особенности. Размѣры, пропорціи, композиціи—все это вмѣстѣ соотвѣтствуетъ одному и тому-же поэтическому настроенію. Сюда не хочешь ничего прибавить, ничего убавить, нигдѣ не чувствуешь малѣйшей неловкости, ничего

искусственнаго, и при всемъ томъ кисть необыкновенно сильна и легка, и, не смотря на пестроту восточныхъ костюмовъ, картины цѣльны и гармоничны. При всемъ томъ всякое содержаніе соотвѣтствуетъ своему размѣру картины. Я не знаю, сознательно-ли это дѣлалъ художникъ, но его двѣ большія картины противорѣчатъ этому: „Война у двери Тамерлана“, которая есть самая сильная по живописи, вторая — „Нищіе у дверей мечети“, ведущіе войну съ докучливыми насѣкомыми. Впрочемъ въ послѣднемъ произведеніи можетъ быть и есть содержаніе, но не ясное, да и вообще не поэтичное.

Отбрасывая эти два спорные пункта, Верещагинъ остается вездѣ одинъ и тотъ-же, даже въ картинѣ „Подземный клоповникъ“, которая больше всѣхъ по размѣру и слабѣе всѣхъ по исполненію. Но тутъ размѣръ картины своеобразенъ и вся она сильно дѣйствуетъ на зрителя. Здѣсь художникъ хотѣлъ выразить всю глубину и мракъ, куда спускали несчастныхъ по веревкѣ—тутъ есть что-то дантовское.

Мимоходомъ замѣчу одну странность. Многіе упрекаютъ Верещагина въ не-эстетичности, ужасаются, что онъ позволилъ себѣ показать кровь на картинѣ. Положимъ, что это можетъ быть и правда. Но въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ мы такъ равнодушно и даже съ увлеченіемъ смотримъ, въ живописи,—на баталіи, которыя вообще безъ крови не происходятъ? Какимъ образомъ юное поколѣніе воспитывается на сюжетахъ: „Разрушеніе Іерусалима“, „Смерть Патрокла“, „Убіеніе младенцевъ“, и на сотняхъ подобныхъ же сюжетовъ? Не оттого-ли это, что часто мы рождаемся кривыми, вокругъ насъ все криво, но мы этого не замѣчаемъ: „привычка—вторая натура“. Главной заботой художника было достичь цѣльности впечатлѣнія своимъ творчествомъ, и оттого въ сюжетахъ, гдѣ участвуютъ двигающіеся предметы, какъ напримѣръ: „Смертельно раненый“, „Высматриваютъ“, и т. д., — въ нихъ видна какая-то торопливость кисти, точно эти картины не окончены. (Сознательно-ли онъ это сдѣлалъ или по чувству—въ это я не вхожу, а говорю, что вижу). Но дѣло въ томъ, что этимъ онъ хотѣлъ передать, и передалъ самое движеніе фигуръ. Когда передъ вами кто бѣжитъ, вы не можете разсмотрѣть деталей, и видите только общее. Этотъ оригинальный пріемъ художника становится яснѣе, когда всматриваешься въ другія его картины, гдѣ предметы не двигаются:—тутъ художникъ заботится и о детальности, и о цѣльности, и съ одинаковой любовью выполняетъ и то, и другое.

Послѣ цѣлаго ряда картинъ большого размѣра, идетъ у Верещагина еще и другой рядъ картинъ, — картины малаго размѣра. Онѣ имѣютъ этнографическій характеръ, и въ нихъ тотъ-же художникъ и поэтъ.

Затѣмъ идетъ множество этюдовъ, писанныхъ масляными красками и рисованныхъ карандашомъ, — и вездѣ чувствуется одна и та-же рука.

Передавши вкратцѣ впечатлѣніе, произведенное на меня картинами Верещагина, я долженъ еще указать на два существенныхъ ихъ недостатка. Главное, что среди этого множества картинъ нѣтъ разно-

образности времени дня. Въ нихъ нѣтъ ни восхода, ни утра, ни вечера, ни ночи, а почти всѣ, за исключеніемъ только двухъ картинъ небольшого размѣра, представляютъ все одинъ и тотъ-же характеръ дня. Потомъ кисти рукъ почти вездѣ страдаютъ неоконченностью. Тутъ-же прибавлю, что въ нѣкоторыхъ мертвыхъ фигурахъ, которыя впрочемъ на картинахъ играютъ второстепенную роль, чувствуется манекенность.

Затѣмъ остается только пожелать творцу этихъ картинъ, чтобы онъ указалъ намъ и на другую сторону жизни человѣка. Если исторія его есть не что иное, какъ исторія борьбы добра со зломъ, то рядомъ съ зломъ существуетъ и лицевая сторона человѣка—свѣтлая, высокая, которая поддерживаетъ насъ въ минуты невзгоды, и на которой зритель могъ-бы отдыхать послѣ вседневныхъ волненій.

Безъ сомнѣнія, явленіе Верещагина есть явленіе болѣзненное, но необыкновенно сильное и поэтичное. И, если кто изучалъ искусство, если кто признаетъ, что искусство есть вѣрнѣйшій барометръ времени, тотъ не станетъ упрекать творца въ односторонности и, быть можетъ, поневолѣ остановится и задумается надъ ней.

149. Къ нему же.

Москва, 28 декабря 1874 г.

Теперь только рѣшаюсь я послать вамъ мои замѣтки о Верещагинѣ. Сознаюсь, что ихъ нельзя напечатать, какъ разборъ, даже въ исправленномъ видѣ. Да я и не хотѣлъ писать статью о немъ, а хотѣлъ только выразить мое впечатлѣніе, и какъ я понимаю его.

То, что я написалъ, слишкомъ лаконично и оттого я просилъ-бы васъ облечь это въ форму письма къ вамъ. Объ этомъ я бы очень просилъ васъ. Еще прошу, раньше, чѣмъ вы напечатаете, дайте мнѣ ваше мнѣніе объ этой замѣткѣ.

Я началъ работать эскизъ, и даже сдѣлалъ маленькій эскизъ въ родѣ „болванчика“, чтобы видѣть общее. Пока я недоволенъ, однако надо надѣяться.

Лишнее будетъ сказать, какъ мнѣ чувствительно ваше отсутствіе: мнѣ все хочется показать вамъ свою вещь, поговорить съ вами. Но какъ было сдѣлать иначе? Главное, жаль было времени, а здѣсь все было готовое, и это соблазнило меня.

Мало я бываю у другихъ, главное, стараюсь не наткнуться на здѣшнихъ художниковъ—вообще этотъ народъ въ послѣднее время дѣйствительно раздражаетъ меня. Здѣсь, какъ я слышалъ, художники не совсѣмъ довольны Верещагинымъ. А знаете причину? Они говорятъ, что у него содержанія нѣтъ!!?! Какъ это вамъ нравится? (По моимъ замѣткамъ вы увидите, что это совершенно наоборотъ). Да вообще художники теперь такой народъ, что рады-радехоньки, коли оказывается случай бросить грязью въ грудь своему близкому.

И такъ, дорогой мой дядя, я теперь работаю и спокоенъ душою. Дѣйствительно, Питеръ раздражалъ меня. Но цѣлительное лѣкарство

я нашелъ не въ Москвѣ, а въ самомъ себѣ, т.-е. я уединился. Работа идетъ своимъ чередомъ, жаль, что не могу съ вами совѣтоваться, говорить, а то просто не съ кѣмъ.

Пока до свиданія.

Буду еще писать, какъ только у меня будетъ время.

Гдѣ вы думаете это напечатать? Если въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", тогда хорошо!

150. Къ нему же.

Москва, 29 декабря 1874 г.

Сегодня былъ у меня день отдыха, и оттого я могъ посѣтить выставку Верещагина въ третій разъ. И вотъ что я долженъ прибавить: что на этотъ разъ онъ еще больше понравился мнѣ, особенно по силѣ краски, но за то въ деталяхъ рисунка онъ хромаетъ.

Что касается до разнообразія кисти, въ которой слѣпцы упрекаютъ его, то по-моему это чистѣйшій вздоръ! [1]). Эти господа, по зависти-ли, или по узкости понятій, не понимаютъ, или знать не хотятъ, что все это было сдѣлано не въ 3 года, какъ они утверждаютъ, а въ 6 лѣтъ (какъ это видно по каталогу): въ подобное продолжительное время манера кисти можетъ мѣняться не одинъ разъ; но въ картинахъ Верещагина (если всматриваться хорошенько), и перемѣны-то въ кисти не замѣтно. Я думаю, что эти господа не поняли, что Верещагинъ работалъ болѣе по чувству, чѣмъ по художественнымъ традиціямъ, или формуламъ. У него есть разнообразность въ характерѣ письма, т.-е. нѣкоторыя его картины очень окончены, а нѣкоторыя наоборотъ. Но объ этомъ я говорилъ въ моей замѣткѣ, а именно, что оконченность является у него только въ недвигающихся предметахъ, между тѣмъ какъ въ движущихся—наоборотъ. Обо всѣхъ этихъ деталяхъ, я думаю, и спорить нечего, особенно съ такими молодцами. Хочу въ этомъ стать выше, и не заводить брани съ собаками. Думаю, что безпристрастная оцѣнка его произведеній даетъ автору вѣрнѣйшее и достойнѣйшее мѣсто. Если не поздно еще, то я бы хотѣлъ перемѣнить въ замѣткѣ моей одну фразу, гдѣ я говорю о рисункѣ. Тамъ у меня сказано, что: „кисти рукъ страдаютъ у него своей неоконченностью", потомъ — „что въ нѣкоторыхъ мертвыхъ фигурахъ чувствуется манекенность". Все это надо вычеркнуть и прибавить: „вообще рисунокъ у Верещагина не твердъ, тамъ, гдѣ являются тѣла; особенно слабая, хотя эффектная картина, это — „продажа ребенка".

Я долженъ сказать вамъ, что эта картина больно не нравится мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ.

Пожалуйста, дайте мнѣ объ этомъ скорѣйшій отвѣтъ. Потомъ,

---

[1]) Нѣкоторые русскіе художники, особливо Тютрюмовъ, старались увѣрить нашу публику, что картины свои Верещагинъ писалъ не самъ, а нанятые имъ разные мюнхенскіе художники. На это послѣдовалъ оффиціальный протестъ со стороны 700 мюнхенскихъ художниковъ, присланный профессоромъ Коцебу В. В. Стасову, и этимъ послѣднимъ напечатанный.

очень прошу, если можно, достать для меня фотографіи съ проектовъ памятника Пушкина. Это собственно затѣмъ, чтобы видѣть, насколько они окончены, потому что я работаю довольно эскизно, не знаю, хорошо-ли это будетъ. Конечно, для художниковъ и знатоковъ это все равно, но не знаю, какъ посмотрятъ на это другіе.

Что, вы все также заняты? Какъ я хочу повидать васъ!!!

Къ 151. С. И. Мамонтову.

Москва, декабрь 1874 г.

Радъ за васъ, дорогой мой другъ Савва Ивановичъ, радъ, что вы теперь въ Италіи и, слава Богу, здравствуете. Ну, давно бы такъ! Радъ еще, что, можетъ быть, мы еще увидимся въ Парижѣ. Всѣ въ вашемъ домѣ здравствуютъ и хорошо учатся.

О себѣ нечего разсказывать. Продолжаю лѣниться подъ предлогомъ усталости. Но сегодня мы уже ѣдемъ въ Питеръ. Мнѣ только жаль вашей старушки, что она устанетъ, да и будетъ тревожиться о своихъ дѣтушкахъ. Попробую еще отговорить ее.

Я все думалъ о вашей новой пристройкѣ, и додумался наконецъ до того, что на лѣто вы должны непремѣнно передѣлать вашъ кабинетъ и лѣстницу, ведущую въ большой кабинетъ.

Мнѣ очень жаль, что вашъ кабинетъ такъ съѣденъ разными колонками, платформами и такъ анти-декоративенъ. Если мы увидимся, я самъ потолкую съ вами объ этомъ; если же нѣтъ, то Елизавета Григорьевна передастъ вамъ все.

На вашу столовую я все больше и больше любуюсь.

Видѣлъ я также вашу послѣднюю скульптурную работу. Женскій барельефъ по работѣ и лѣпкѣ очень хорошъ; менѣе удаченъ мужской. Я очень радъ, что вы хоть рѣдко работаете, но все же не забываете своего призванія.

152. Къ В. В. Стасову.

Москва, 1 января 1875 г.

Опять пишу къ вамъ. Извините, впередъ постараюсь быть болѣе умѣреннымъ въ письмахъ. Но теперь я хочу, я долженъ высказать вамъ нѣсколько словъ.

Не знаю, можетъ быть нехорошо я дѣлаю, что слѣдующія строки пишу къ вамъ. Но я пишу правду и мнѣ все равно — правду всѣмъ скажу! Сегодня я прочиталъ послѣдній нумеръ „Спб. Вѣдомостей“ [1]). Тяжело стало у меня на душѣ! Жаль, больно жаль разставаться съ органомъ, который вынесъ меня на свѣтъ Божій. Въ ту самую минуту, когда я очутился въ стѣнахъ Академіи Художествъ, этотъ органъ отыскалъ меня и не оставлялъ до сихъ поръ. Насколько онъ

---

[1]) Съ начала 1875 года «Спб. Вѣдомости» перестали издаваться подъ редакціей Валент. Θедор. Корша.

былъ справедливъ въ своихъ сужденіяхъ обо мнѣ — объ этомъ пускай другіе скажутъ. Но я лично не могу не признать моей благодарности за ту нравственную и художественную поддержку, которую оказалъ мнѣ этотъ органъ, а въ этомъ я былъ не единичнымъ фактомъ. Шлю мой привѣтъ всѣмъ моимъ собратьямъ по чувству и по симпатіи.

Листья мѣняются, а корни остаются: таково человѣчество. И мы надѣемся, что наша общая симпатія къ дѣйствительности только теперь разгорится, а не загаснетъ.

153. Къ нему же.

Москва, 1 января 1875 г.

Не дождавшись вашего отвѣта, я пишу вотъ что: только теперь я прочиталъ фельетонъ Суворина, откуда узналъ, что „Спб. Вѣдомости“ переходятъ въ руки графа Саліаса. Говорятъ, что онъ человѣкъ совершенно другого направленія—слѣдовательно и газета получитъ другой характеръ. Я не знаю, одобрите ли мою замѣтку о Верещагинѣ, или нѣтъ, но тутъ я былъ искрененъ и старался быть безпристрастнымъ (за это я ручаюсь). Но какъ-бы то ни было, я не желаю и не хочу, чтобы хоть одно слово мое было напечатано въ той газетѣ, объ образѣ дѣйствій которой я ничего не знаю. И оттого убѣдительно прошу васъ не дѣлать для меня того, что можетъ противорѣчить вашему образу мыслей.

Во вчерашнемъ письмѣ вы упрекаете меня и говорите: „какъ вамъ не совѣстно обманывать меня“.

Изъ письма, которое было послано въ пятницу (а сегодня вторникъ), вы увидите, что на этотъ разъ я не обманулъ васъ. Фактъ — сильное убѣжденіе и оттого на этотъ разъ я умолкаю. Но чтобы еще разъ не получить отъ васъ подобнаго упрека, я долженъ прибавить, что я никогда никого не обманулъ, а тѣмъ болѣе васъ, котораго люблю.

Съ Новымъ годомъ!!

Сегодня я послалъ телеграмму къ Беггрову, чтобы онъ взялъ вещи для продажи, но не за такой безбожный процентъ, какъ онъ беретъ. Если онъ согласится, то ладно, а то право не знаю, что дѣлать, куда дѣвать? Однако простите, что столько безпокою васъ, зная хорошо, что вы очень заняты.

Послѣзавтра посылаю деньги въ контору. Чтобы чортъ побралъ его, какъ дорого! Кончится тѣмъ, что „за что купилъ, за то и продалъ“, а хорошо, если продамъ.

Дѣло идетъ, какъ колеса немазанныя,—но ничего, можетъ быть еще хуже.

Я хотѣлъ-было пріѣхать въ Петербургъ дня на четыре, да больно времени жаль, жаль потому, что благодаря всѣмъ этимъ праздникамъ, время таетъ. Какъ я ни стараюсь замыкаться, праздникъ проходитъ сквозь щели.

154. Къ нему же.

Москва, 2 января 1875 г.

Мнѣ было сказано, что сегодня, 2-го января, день вашего рожденія. Если это такъ, то жалѣю, что не могу быть сегодня у васъ (на это я разсчитывалъ, да вчера я себя гадко чувствовалъ), тѣмъ не менѣе ничто не мѣшаетъ мнѣ и издали послать вамъ мои пожеланія. А желаю я вамъ всего лучшаго, жить въ удовольствіи среди вашего разсадника, какъ по искусству, такъ и проч. и проч.

Вчера я послалъ вамъ одного здѣшняго студента, котораго хотя я и не совсѣмъ хорошо знаю, но, какъ мнѣ кажется, это долженъ быть человѣкъ хорошій. Я познакомился съ нимъ у Мамонтова и просилъ взять для васъ маленькаго „Ивана Грознаго" изъ бронзы. Я желаю, чтобы онъ остался у васъ на память. Это рѣшено и подписано не только мною, но и даже женою, которая того-же желаетъ. Надѣюсь, что за это вы не станете ругать меня, какъ Рѣпина. Пожалуйста, не сердитесь на меня сегодня, а тамъ—воля ваша [1]). Теперь я бы просилъ васъ одолжить мнѣ его для того, чтобы на время его выставить въ магазинѣ и собрать на него подписчиковъ.

Куда поставить его, я еще не рѣшилъ, такъ какъ послалъ телеграмму къ Беггрову и отвѣта еще не послѣдовало—вотъ уже третій день.

Прочиталъ я статью вашу о дѣлѣ Верещагина съ Тютрюмовымъ. Теперь значитъ я лишній [2]). Ну, все равно, въ другой разъ.

155. Къ нему же.

Москва, 8 января 1875 г.

Ваше вчерашнее письмо обрадовало меня и столько-же удивило. Я послалъ вамъ маленькаго „Ивана Грознаго" изъ бронзы, и вы находите въ этомъ какое-то „жалованье отъ художниковъ", и что подобные подарки стѣсняютъ ваше свободное отношеніе. Признаюсь,— вы могли это сказать кому угодно, но только не мнѣ. Я думалъ, что наши отношенія другъ къ другу настолько выяснились, что подобные подарки, цѣнные или не цѣнные, все равно,—не могутъ (да и не должны) имѣть вліяніе ни направо, ни налѣво. И оттого я въ свою очередь позволю себѣ сказать, что донынѣ наши отношенія были не какъ художника къ критику, а лишь только какъ человѣка къ человѣку, и съ этой точки зрѣнія я называю васъ дядей и все готовъ дѣлать. Но коль скоро это можетъ повліять на вашу свободу, то я не только готовъ отказаться отъ подобныхъ подношеній, но даже отъ всего, что дорого мнѣ въ жизни—это я говорю вамъ истинно и рѣшительно.

---

[1]) В. В. Стасовъ не согласился принять этого подарка, считая, что это слишкомъ цѣнная, въ матеріальномъ отношеніи, вещь.

[2]) Т.-е. лишнею становится статья Антокольскаго о Верещагинѣ. Она и осталась ненапечатанною.

Помимо того, что я хочу быть честнымъ человѣкомъ, при этомъ я еще и самолюбивъ. Желаете ли принять мой знакъ уваженія, или нѣтъ— это совершенно дѣло ваше, очень можетъ быть, что вы и правы.

Но я повторяю, что готовъ скорѣе лишить себя пальца на правой рукѣ, чѣмъ мѣшать свободнымъ отношеніямъ гдѣ бы то ни было, и въ особенности между нами. Но рѣшительно никакъ я не думалъ, чѣмъ это можетъ мѣшать?

Что касается до моей работы, то, благодаря праздникамъ, она не совсѣмъ быстро идетъ. Я сдѣлалъ маленькій болванчикъ цѣлаго эскиза, а статуя самого Пушкина совсѣмъ готова. Да, но не совсѣмъ я доволенъ имъ: онъ вышелъ у меня черезчуръ старческимъ, длиннымъ, и оттого-то я сегодня началъ вновь дѣлать его.

Лишнее будетъ сказать, какъ я желалъ бы показать его вамъ. Жаль, что это такъ трудно, надо маленько потерпѣть. Что касается общаго проекта памятника, то кажется, что будетъ хорошо и особенно своеобразно, и притомъ художественно. Пожалуйста, если можно, напечатайте мои замѣтки о Верещагинѣ (конечно не въ „Спб. Вѣдомостяхъ"), а если можно, то гдѣ-нибудь въ хорошемъ журналѣ, т.-е. въ газетѣ, или въ „Пчелѣ", которая должна выйти. Этого я прошу потому, что нѣкоторымъ людямъ я сказалъ уже заранѣе, что напишу замѣтку о Верещагинѣ. Работы выставляю у Беггрова. Тамъ я думаю выставить также „Ивана Грознаго" изъ бронзы, и я бы просилъ пока выставить его.

Также я бы просилъ раньше показать вашему брату Дмитрію Васильевичу голову „Ивана Грознаго" изъ бронзы. Если она ему понравится, то радъ буду, коли она останется у него; если же нѣтъ, то прошу немедленно выслать, потому Дмитрій Петровичъ Боткинъ проситъ тоже эту голову. Цѣна ей—450 руб., маленькому „Ивану Грозному"—250 руб., у Беггрова назначена—300 руб.

Обо всемъ этомъ Бога ради прошу дать мнѣ скорѣйшій отвѣтъ. Жду съ нетерпѣніемъ отъ васъ письмо.

156. Къ нему же.

Москва, 8 января 1875 г.

Пожалуйста, прошу передать брату вашему Дмитрію Васильевичу, что если онъ и беретъ бюстъ „Ивана Грознаго" изъ бронзы, тѣмъ не менѣе я убѣдительно прошу выслать его сюда. Нужно его показать, потому что здѣсь есть желающіе, и я могу получить два заказа навѣрное. Ради Бога не сердитесь на меня, объ этомъ же прошу и Дмитрія Васильевича. Если можно, то какъ можно скорѣе вышлите этотъ бюстъ.

157. Къ нему же.

Москва, 16 января 1875 г.

...Палка „Ивана Грознаго" была выслана. Къ ней надо придѣлать металлическій наконечникъ: иначе нельзя, но пока оставимъ это—

и безъ того довольно хлопотъ. Вы ничего мнѣ не писали про вашего брата Д. В. Надѣюсь, что онъ не сердитъ на меня? Что касается моей замѣтки о Верещагинѣ, то объ этомъ не хочу теперь спорить: во-первыхъ, теперь некогда, и во-вторыхъ, очень можетъ быть, что вы по-своему правы, насколько и я по-своему.

Вы говорите, что въ моей замѣткѣ будто есть: „Верещагинъ нарочно писалъ поверхностне, не основательно, не выработанно — всѣ фигуры движущіяся". Дядя, насколько помню, этого тамъ нѣтъ. Кажется, тамъ есть, что Верещагинъ дорожитъ впечатлѣніемъ, которое на него сдѣлано, а не традиціонными формулами, и творитъ, какъ чувство диктуетъ ему. Когда онъ творитъ или работаетъ, то вполнѣ входитъ въ роль и это поневолѣ отражается на его произведеніи — вотъ что я хотѣлъ сказать тамъ! И въ этомъ, по-моему, Верещагинъ остается вѣренъ самому себѣ. И за что я такъ вѣрю въ творчество его: онъ творитъ то, что душа диктуетъ ему, то, что онъ видитъ передъ собой, когда творитъ.

Однако довольно! А замѣтку, пожалуйста, и не печатайте, я на счетъ этого не обижусь. Не въ томъ сила моя, и я охотно отстранюсь.

Теперь скажу вамъ о себѣ.

И второй Пушкинъ готовъ, лучше, много лучше перваго, всѣмъ нравится, а впрочемъ и первый всѣмъ нравился, да только не мнѣ. Теперь Пименъ выступаетъ на арену, увидимъ! Но я долженъ прибавить, что все остальное пойдетъ у меня скоро, довольно эскизно, потому что терпѣнія и времени не хватаетъ. Жаль, что не могу показать вамъ все это, больно жаль!

№№ „Пчелы" видѣлъ и читалъ; жаль, что это было въ чужомъ домѣ, я не могъ прочитать все. Не важно, далеко не важно! Если хотите, то можете тамъ отпечатать „Инквизицію", но только, какъ вы сказали, гравировать ее въ Парижѣ. А кто будетъ рисовать ее?

Здѣсь новостей нѣтъ. Я никуда не хожу, а болѣе всего избѣгаю здѣшнихъ художниковъ. Я не знаю, хорошо ли это я дѣлаю, но не жалѣю, потому что не знаю ихъ.

Не знаете ли вы, что работаютъ мои конкурренты, одну ли фигуру Пушкина имъ позволено дѣлать, или они сами желаютъ представить цѣлую композицію—это очень интересуетъ меня.

Кажется, я возьму заказъ исторической портретной статуи—это графа Панина, бывшаго министра при Екатеринѣ II. Какъ я ни желалъ бы не связываться съ этими заказами, но на одинъ я рѣшился, потому что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо — буря въ головѣ и разстройство въ карманѣ. Дѣло въ томъ, что родители просятъ, братья просятъ, сестры просятъ—всѣ они по-своему правы, крайне нужно. До сихъ поръ я ихъ пичкалъ временными лѣкарствами, но все это было на время и только; теперь же я рѣшилъ во что бы то ни стало лѣчить радикально. Я началъ съ родителей.

За портретную статую изъ мрамора—или изъ бронзы—все равно 10.000 рублей.

158. Къ нему же.

Москва, 16 января 1875 г.

Только что хотѣлъ отправить письмо къ вамъ, какъ получилъ второе письмо отъ васъ, что „Иванъ Грозный“ изъ мрамора пришелъ не въ трезвомъ видѣ. Скверно! Но дѣлать нечего, не всегда свистѣть, приходится иной разъ покричать и поморщиться.

Палка такъ и должна была быть, поэтому я хочу здѣсь заказать металлическій жезлъ (посеребренный). Но что остальное отломилось— это гадко. Пьедесталъ подъ кресломъ былъ сдѣланъ отдѣльно, а низки были изъ одного куска со стуломъ — значитъ, что отъ пьедестала отклеилось, а отъ кресла отломилось. Ну что же? Да ну съ нимъ! Право не даромъ же я назвалъ: „злосчастный маленькій „Иванъ“. Съ самаго начала и вотъ до сихъ поръ съ нимъ все идетъ навыворотъ. Я хотѣлъ было поѣхать, но рѣшилъ ни единаго гроша больше не тратить на него. Довольно, будетъ!!! Пожалуйста, пригласите кого-нибудь склеить, вотъ и все!

Пожалуйста, дорогой дядя, не тревожьтесь—все это трынь-трава! Скверно, но бѣда не великая, ей - ей!!

159. Къ нему же.

Москва, 18 января 1875 г.

Не дождавшись вашего отвѣта, пишу снова, что дѣлать? Нужно! Нужно настолько, насколько не хотѣлось-бы безпокоить васъ.

Нуженъ мнѣ портретъ Моцарта. Нуженъ на всякій случай портретъ Мазепы, а также необходимы портреты Бориса Годунова и Пугачева.

Ихъ можно найти въ фотографическихъ снимкахъ на „портретной выставкѣ“.

Конечно, фигуры вокругъ памятника будутъ такъ эскизны, что тутъ и не бѣда будетъ, если онѣ будутъ нѣсколько не похожи, но все-таки не мѣшаетъ имѣть ихъ около себя.

Второй Пушкинъ уже третій день готовъ; онъ лучше перваго, несравненно лучше, но все-таки я еще имъ недоволенъ. Недоволенъ потому, что душѣ нѣтъ простора среди моего творчества. Отовсюду разныя дѣла и хлопоты не даютъ мнѣ покоя; кромѣ того разлука съ семействомъ, когда теперь я долженъ былъ-бы быть тамъ (въ апрѣлѣ ждется прибыль); наконецъ, меня мучаетъ то, что раньше, чѣмъ что-нибудь будетъ, я столько времени растрачиваю, что одна статуя изъ моего творческаго міра вонъ. Ко всему этому надо прибавить, что хотя семейство Мамонтова такое прелестное—такіе люди рѣдко встрѣчаются, такъ они по-дружески и искренно обходятся со мною, что меня просто радуетъ, что среди мрака есть такія свѣтлыя и теплыя мѣстечки,—но моя мастерская, т.-е. комната, въ которой я занимаюсь, не удобна для работы: окна очень низенькія. Вотъ при всемъ этомъ и не удивительно, что работа не двигается. Какъ вы знаете меня — въ

искусствѣ я гораздо постояннѣе, чѣмъ въ жизни. Тутъ я настойчивъ до упрямства, и разъ дѣло начато, то кончу, непремѣнно кончу.

Правда, часто бываетъ, что въ подобныхъ случаяхъ я похожъ на пьянаго, возвращающагося домой, который шатается, рисуетъ зигзагами дороги, но все-таки, хотя поздно, а домой доберется. Пушкинъ вышелъ у меня высокаго роста (но, думаю, это не бѣда). Онъ у меня сидитъ съ тетрадью въ рукахъ, которую только-что кончилъ читать, и задумался, или, вѣрнѣе выражаясь, замечтался (помните, разъ я вамъ показалъ, какъ онъ сидитъ). Но вотъ что нѣкоторые говорятъ (да и навѣрное многіе скажутъ еще), что Пушкина живого мы знаемъ веселаго, а у меня онъ задумчивъ. Да, съ точки зрѣнія внѣшности—это такъ, но дѣло въ томъ, что монументъ есть нѣчто иное, чѣмъ обыденная портретная статуя. Въ послѣдней мы ищемъ похожаго Пушкина, такого, какого мы знали на балахъ, на вечерахъ, какъ его видѣли въ театрѣ, или въ дружеской бесѣдѣ. Въ монументѣ же мы желаемъ видѣть его выраженіе идей или дѣятельности.

Кто знаетъ Пушкина, уединеннаго отъ всѣхъ, замкнутаго со своимъ твореніемъ, когда онъ передаетъ въ чудныхъ формахъ все то, что у него накипѣло? Я хочу видѣть Пушкина именно тогда, когда онъ творитъ, когда онъ наединѣ самъ съ собою; хочу заглянуть во внутренній его міръ—чѣмъ онъ и дорогъ намъ, а этотъ міръ—это творенія его, гдѣ онъ наравнѣ съ другими поэтами, какой-бы тамъ ни было величины, какъ они отражаются сами въ своихъ произведеніяхъ отъ ногъ до головы.

А знаете-ли вы, мой дорогой дядя, какъ бы я ни желалъ видѣть среди Пушкинскихъ героевъ такихъ, которые представляли-бы что-нибудь свѣтлое, великое, счастливое, но къ сожалѣнію ихъ нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Правда, у него есть „Петръ I“, но вѣдь одинъ въ полѣ не воинъ; затѣмъ у него есть еще „Пименъ“, но онъ хотя личность спокойная, благородная, но это человѣкъ старый, надломленный, уставшій отъ житейскихъ бурь. Остальные же герои его—всѣ страдающіе, и съ ними-то Пушкинъ жилъ, носилъ ихъ въ себѣ, ихъ прочувствовалъ. Вотъ отчего я не могу и не хочу дѣлать его восторженнымъ пѣснопѣвцемъ, подобнымъ небесной птичкѣ, поющей намъ райскія пѣсни. По-моему, онъ—нѣчто серьезнѣе, онъ творецъ, чувствующій не только окружающую природу, но и самую глубину души человѣческой.

Чисто лирическія вещи, по-моему, были для него отдыхомъ послѣ серьезныхъ трудовъ.

Ну, довольно—все то, о чемъ я говорю, по-моему, не новость, жалѣю только, что эту старую новость не всѣ знаютъ; не знаютъ, гдѣ раки зимуютъ, также не знаютъ, гдѣ искать духъ поэта...

Что работы мои, какъ онѣ идутъ въ продажѣ? Поправленъ-ли маленькій „Иванъ“ изъ мрамора? Какъ видите, я совсѣмъ спокоенъ насчетъ этого. Право, сердце у меня не просторное, и чтобы всякую дрянь впускать туда, тамъ на это и мѣста не хватитъ, лопнетъ.

Извините, пожалуйста, что я болтаю, виноватъ! Право виноватъ!

Въ послѣднее время я сталъ молчаливъ, какъ всѣ это замѣчаютъ, а въ томъ числѣ и я самъ; за то больно много, черезчуръ больно много болтаю. Но болтаю отъ души.

Что вашъ братъ Д. В.? Надѣюсь, онъ не сердитъ на меня за то, что я просилъ прислать сюда голову „Ивана Грознаго"? Видѣлъ-ли онъ эту голову? Объ этомъ вы ничего не говорите. Беретъ-ли онъ маленькаго „Ивана", изъ бронзы? Это мнѣ надо знать. Я думаю, что это показалось ему дорого. Въ такомъ случаѣ, что-же вы помалчиваете? Я еще въ претензіи на васъ, что вы не высказали вашего мнѣнія о моей Верещагинской замѣткѣ, когда я вторично настаивалъ. Отчего вы сейчасъ ничего не сказали? Я люблю защищать себя, но люблю и другихъ замѣчанія слушать, особливо отъ васъ, потому что увѣренъ, что вы говорите искренно.

Когда пойдете мимо Беггрова, попросите, чтобы онъ далъ мнѣ знать о заказахъ, полученныхъ имъ. Это мнѣ нужно знать каждый разъ, потому что тогда я буду писать въ Римъ, чтобы готовили нужные экземпляры.

160. Къ нему же.

Москва, 21 января 1875 г.

Жалѣю, что у насъ не слишкомъ-то хорошо понимаютъ тонкость отливки въ бронзѣ. Дѣло въ томъ, что вся хитрость отливки состоитъ въ томъ, чтобы передать, какъ можно вѣрнѣе, лѣпку и манеру художника, а не то, чтобы потомъ какой-нибудь мастеръ прошелъ ее, какъ это дѣлается у насъ и въ Парижѣ. Чтобы достичь этого, надо втрое болѣе времени, и во столько же разъ оно труднѣе и, конечно, гораздо дороже. И, наконецъ, самъ художникъ долженъ пройти каждый экземпляръ на воскѣ, такъ какъ каждый экземпляръ отливается отдѣльно изъ воска. Но во всякомъ случаѣ, не думаю, чтобы у насъ онъ стоилъ только 80 руб. Въ Римѣ онъ стоилъ мнѣ 120 руб. Такимъ образомъ я рѣшительно никакъ не могу отдать дешевле, чѣмъ по 250 рублей: вѣдь чего-нибудь да стоитъ скопировать его. Тутъ надо болѣе года труда. А около этого дѣла я былъ едва-ли не каждый часъ. Но я думаю назначить по 225 руб. и отлить въ Питерѣ. Впрочемъ тутъ надо сдѣлать оговорку, что по 225 руб. можно брать только тогда, когда будетъ достаточно подписчиковъ, и если цифра ихъ будетъ превышать десять, по крайней мѣрѣ. Я вижу, что у насъ мало понимаютъ толка въ этомъ.

Голову „Ивана Грознаго" я продалъ за 800 рублей. Но при этомъ я объявилъ, что не стану дѣлать болѣе чѣмъ два еще экземпляра. Но мнѣ совѣтуютъ отдать за 600 и продолжать отливать сколько угодно экземпляровъ. Признаюсь, это мнѣ не по душѣ. Чтобы заниматься мнѣ самому отливками и изданіями и хлопотать въ мастерской,— для этого придется много времени потратить, чего я никакъ не желалъ-бы. Я скорѣе согласенъ былъ-бы передать кому-нибудь это право. Объ этомъ прошу вашего совѣта, онъ дорогъ для меня. Не переговорите-ли вы объ этомъ съ Беггровымъ? А впрочемъ, лучше подождать,

увидимъ. И такъ, пока объ этомъ ни слова никому, и раньше всего вашъ совѣтъ.

Что касается отвѣта Лаверецкаго, то, по-моему, это просто глупо; здѣсь чувствуется какая-то раздражительность и досада. Да что-же я-то ему сдѣлалъ? Пускай бы тѣ ненавидѣли меня, кто проигралъ на конкурсѣ, тутъ я понимаю, тутъ есть самолюбіе, зависть, какъ у всѣхъ миніатюрныхъ людей. Но онъ-то что? А впрочемъ Богъ съ нимъ!!

Вотъ что мнѣ пришло на мысль: кто-же будетъ экзаменовать мои работы эскиза Пушкина? Неужели Лаверецкій и подобная ему мелочь? Право будетъ забавно!

Я радъ, что маленькій „Иванъ Грозный", который выставленъ у Беггрова, остается за вашимъ братомъ Дмитріемъ Васильевичемъ, но не радъ, что онъ заплатилъ цѣну, назначенную мною: думаю, что дорого, я желаю сбавить цѣну какъ для него, такъ и для всѣхъ другихъ, кто уже записался.

Здѣсь я получилъ заказъ на „Ивана Грознаго" (маленькаго).

Пожалуйста, дайте мнѣ скорѣйшій отвѣтъ о томъ, что сдѣлано съ палкой? У меня работа двигается, кажется, хорошо. Только я порѣшилъ больше одного эскиза не дѣлать, больно много времени онъ беретъ.

161. Къ нему же.

Москва, 14 февраля 1875 г.

Что здѣсь въ Москвѣ дѣлается, не знаю—я никуда не хожу и ни съ кѣмъ не вижусь. Впрочемъ виноватъ! Я видѣлся съ Перовымъ два раза. Онъ до невѣроятности несимпатиченъ, какъ человѣкъ, и, между нами говоря—какъ художникъ. По-моему, у него есть талантъ, но онъ никогда не поднимается въ область поэзіи, все у него проза, и проза напыщенная. Въ картинахъ у него все есть (впрочемъ далеко не все), а только нѣтъ — теплоты душевной. Онъ принадлежитъ къ партіи, какъ вы выражаетесь, „наемныхъ плакальщиковъ", которые не плачутъ, а воютъ. Да ну съ нимъ!

Что касается меня, то все у меня идетъ хорошо: маленькія фигурки вокругъ Пушкина несравненно удачнѣе у меня выходятъ, чѣмъ самъ онъ. Многіе восторгаются, но не надо говорить „гопъ" раньше чѣмъ перескочишь. За это время я успѣлъ поняньчиться съ правою рукою — ревматизмъ полюбилъ ее больше, чѣмъ я. Одно, что тутъ скверно, то, что формовщиковъ хорошихъ нѣтъ, и я плачу, боюсь, что все придется везти въ Питеръ, чтобы тамъ отливать. А это—рискъ! Но какъ быть иначе?

Еще одна бѣда: это то, что у меня нѣтъ спеціалиста-архитектора, съ которымъ я бы могъ посовѣтоваться и передать ему архитектурную часть. Адресъ Ропета я потерялъ, и разъ спрашивалъ у васъ, но не получилъ отвѣта. Онъ въ Петербургѣ еще?

Скоро я кончаю мои работы, а между тѣмъ архитектурная часть еще не начата. Хочу ѣхать въ Питеръ докончить, да некуда ѣхать поселиться, чтобъ работать.

Боюсь, что сдѣлаю еще и другого Пушкина: я все недоволенъ еще; окружающія фигуры убиваютъ его.

Сколько я бы далъ, чтобы вы видѣли мой эскизъ! Но надо потерпѣть, дѣлать нечего!

Я хочу писать къ Исѣеву — просить у него мастерскую на недѣльку, а можетъ быть на двѣ. Какъ вы посовѣтуете?

Что мои работы, которыя находятся у Беггрова? Если подписка идетъ туго, то я-бы просилъ маленькаго „Ивана" снять, и передать вашему брату, которому очень кланяюсь, и также женѣ его (имя забылъ).

Пора ѣхать домой, гонятъ. Вы знаете, что Елена должна скоро родить.

162. Къ нему же.

Москва, 25 февраля 1875 г.

Только теперь я бросилъ стэкъ и свободно могу вздохнуть, хотя теперь около 12 часовъ ночи. Но все-таки не могу не писать. Теперь почти все кончено! Правда, работалъ я не какъ человѣкъ, а какъ лошадь: съ утра до поздней ночи, почти безъ отдыха—это не потому, что очень много работы, а просто раньше все шло до невѣроятности вяло, и все главное я сдѣлалъ въ послѣднія двѣ недѣли. Вотъ и причина, отчего я не могъ до сихъ поръ отвѣчать вамъ; надѣюсь, вы не сердитесь на меня?

Комната теперь мнѣ не нужна, потому что Савва Мамонтовъ привезъ для меня форматора изъ Петербурга. Главная теперь остановка за пьедесталомъ. Не знаю, что лучше сдѣлать: архитектурный, или-же скалу. Послѣднее не по душѣ мнѣ:—хотя это выходитъ, иногда, фантастично, но какъ-то почти всегда искусственно и барочно, а сдѣлать какую-нибудь архитектурную сильную вещь — тутъ-то я и бастую. Завтра ѣду совѣтоваться насчетъ этого съ архитекторомъ Далемъ; я не знаю его, но слышалъ о немъ, какъ о хорошемъ архитекторѣ.

Нѣсколько разъ я начиналъ писать къ Ропету, но увидѣлъ, что посредствомъ переписки ничего не будетъ: надо видѣть все сдѣланное, и тогда соотвѣтственно этому дѣлать пьедесталъ. А крѣпко жаль мнѣ, что не могу имѣть съ нимъ дѣла.

Впрочемъ, завтра увижу, что изъ этого будетъ; если хорошо, тогда ладно, стану доканчивать эскизъ здѣсь; но если увижу, что дѣла двигаются туго, тогда возьму шапку въ охапку и поѣду къ вамъ въ Питеръ. Конечно, предварительно напишу вамъ, а то пожалуй и телеграмму пошлю, чтобы отыскать помѣщеніе для составленія этого проекта. Интересно, какой-то онъ будетъ?!

Савва Мамонтовъ передалъ мнѣ, что вы сказали ему, что конкурсъ будетъ перваго марта навѣрное, а я испугался, потому что мой проектъ замедлится еще на нѣсколько дней. И оттого я телеграфировалъ Я. К. Гроту [1]), спрашивалъ, имѣю-ли возможность выставить

[1]) Академикъ Яковъ Карловичъ Гротъ, бывшій лицеистъ, предсѣдатель Комиссіи Пушкинскаго монумента.

не раньше 10-го марта, на что онъ отвѣчалъ, что въ крайнемъ случаѣ я имѣю право до 31-го марта.

Теперь остается только полюбопытствовать, на когда-же назначенъ для другихъ этотъ конкурсъ: когда я выставлю, или-же къ первому марта? С. И. Мамонтовъ навѣрное все передалъ вамъ, что только касается меня и моей работы проекта, и вы навѣрное знаете, что второго эскиза я не дѣлаю. Объ этомъ я очень жалѣю, но нельзя — времени мало, а надо спѣшить домой. Пора, давно пора, жена должна родить, и я тамъ долженъ быть.

А знаете, дорогой дядя, мнѣ кажется, что изъ этого кваса — пива не будетъ. Мнѣ кажется, что люди закричатъ, что это дорого, гдѣ брать деньги для подобнаго сооруженія!

И знаете, что я думаю и чѣмъ былъ-бы отчасти доволенъ? Это, въ случаѣ, если мой проектъ понравится и будетъ задержка за деньгами, то я тогда готовъ сдѣлать только одного Пушкина, а остальное сдѣлать въ маломъ видѣ, какъ оконченную модель, и оставить ее гдѣ-нибудь въ музеѣ. Во-первыхъ, созданіе художественное все равно будетъ, и во-вторыхъ, когда только вздумается, тогда и можно было-бы додѣлать остальное, такъ какъ оконченная модель будетъ уже существовать.

Однако говорятъ: „Не говори „гопъ“ раньше чѣмъ не перескочишь“. Обо всемъ этомъ мы успѣемъ еще поговорить, лишь-бы эскизъ былъ похожъ на дѣло. Сегодня — довольно! Усталъ, и голова у меня какъ доска.

Простите, дорогой мой дядюшка, что такъ долго не отвѣчалъ и наконецъ отвѣчаю, какъ передъ сномъ. Но надѣюсь поправиться, а теперь, признаюсь, руки не двигаются.

Пожалуйста, пишите скорѣе. Что слышно обо всемъ? Что „Пчела?“ Радъ буду, когда она лопнетъ, потому что это не что иное, какъ вода, разбавленная патокой: липко, приторно и не сытно! Ради самаго Адонаи—ничего не печатайте тамъ изъ моихъ вещей, потому что онѣ выходятъ хуже, чѣмъ каррикатуры. Я бы просилъ васъ также ничего обо мнѣ не печатать раньше, чѣмъ будетъ выставленъ эскизъ.

Съ Рѣпинымъ мы давно не переписываемся. Хотѣлось бы коечто спросить у него, да некогда писать.

По-моему, совершенно лишнее было, что вы напечатали отрывки изъ его письма. Но объ этомъ мы лично будемъ говорить. Или, скорѣе, перестанемъ говорить, потому, что когда сто разъ дѣлаемъ хорошо и одинъ разъ нѣтъ, то объ этомъ и говорить нечего.

163. Къ нему же.

Москва, 5 марта 1875 г.

Эскизъ конченъ, и завтра вечеромъ я ѣду въ Петербургъ. Пожалуйста, вышлите мнѣ надежнаго человѣка, который помогъ-бы мнѣ перенести эту обузу. Куда? Право не знаю еще. Я спросилъ у Грота, гдѣ выставить, и онъ отвѣчалъ: „Въ Академіи Наукъ, спросить Кей-

зера“ (покорно благодарю!). Между тѣмъ, я узналъ изъ вашего вчерашняго письма, что конкурсъ назначенъ въ концѣ марта (чортъ бы ихъ побралъ совсѣмъ!). Вѣдь я именно просилъ, чтобы срокъ мнѣ дали только до 10-го марта. А теперь, что мнѣ остается дѣлать: ждать, или оставить эскизъ у какого-то Кейзера? А я не хочу ни того, ни другого!!

Странно, отчего, когда я приближаюсь къ Питеру, нервы начинаютъ у меня гулять! А оттого, что вотъ почти десять лѣтъ я прожилъ въ этомъ городѣ, и въ эти десять лѣтъ никакъ не могу насчитать десяти дней, въ которые бы я прожилъ счастливо. Въ послѣднее время я опять испытываю подобное же чувство. А знаете, дорогой мой дядя, что я сильно досадую на себя, зачѣмъ я дѣлалъ этотъ эскизъ. Если-бы они хотѣли, они могли-бы относиться къ этому дѣлу болѣе человѣчно и должны были бы знать, что у художника играетъ большую роль его самолюбіе. А пока, въ награду за мой трудъ, меня обливаютъ холодной водой! Теперь я долженъ выставить мой трудъ на съѣденіе такимъ лицамъ, какъ Лаверецкій! Онъ будетъ судить меня! Прекрасно! Я не скрываю, что это бѣситъ меня! Добро, если-бы онъ былъ только плохой художникъ, но и человѣкъ-то онъ не лучше. А между тѣмъ, не скрою, что сознаю свое превосходство надъ ними. Это можетъ показаться вамъ заносчивостью, но, право, говорю вамъ искренно: знаю себя хорошо, со всѣми моими недостатками и достоинствами.

Я хочу поставить эскизъ гдѣ-нибудь у васъ или, если-бы вашъ братъ Д. В. позволилъ-бы мнѣ, то я бы охотно выставилъ его у него, хоть для того, чтобы показать вамъ.

164. Къ нему же.

Петербургъ, мартъ 1875 г.

Сейчасъ получилъ ваше письмо, и тяжело стало мнѣ за васъ. Право, я думалъ, что вы спокойно живете въ своемъ гнѣздѣ и тамъ согрѣваете своимъ участіемъ всѣхъ нуждающихся и трудящихся. Что за проклятая атмосфера, въ которой вы тамъ такъ тяжело дышете?

Что касается просьбы моей, то, ради Бога не безпокойтесь: все это не къ спѣху, Гинцбургъ можетъ ждать въ крайнемъ случаѣ.

Право, не хочется ѣхать, и я не буду плакать, коли изъ проекта Пушкина ничего не выйдетъ. Все было бы хорошо, если-бы я могъ спокойно работать то, чтó душа диктуетъ. Но... охъ! люблю и вмѣстѣ ненавижу деньги. Они во многомъ мѣшаютъ мнѣ! Но все это ничего, пройдетъ, главное—надо не плакать, а работать.

Пишу эти строки второпяхъ; скоро побольше напишу. Вижу, что вы нуждаетесь въ душегрѣйкѣ. Крѣпко жалѣю, что Москва не можетъ дать вамъ этого. Вѣрно, отовсюду холодомъ вѣетъ. Позвольте же мнѣ крѣпко обнять и отъ души приласкать и расцѣловать васъ. Радъ буду, когда сдѣлаю это безъ спроса.

165. Къ С. И. Мамонтову.

Петербургъ, мартъ 1875 г.

Дорогой вы мой. Зная, что васъ сильно интересуетъ ходъ памятника, я долженъ сказать о немъ еще слова два. Притомъ я сейчасъ ѣду, и по всей вѣроятности безостановочно. Такимъ образомъ не могу же уѣхать, не пожелавъ вамъ отъ души всего добраго. И такъ, насчетъ памятника Пушкина: онъ все продолжаетъ дебютировать съ успѣхомъ. Вчера былъ почти весь Совѣтъ, и, какъ видно, главная задержка будетъ въ деньгахъ; а впрочемъ, можетъ задержкой будетъ и чудо какое-нибудь. Такимъ образомъ, теперь это будетъ зависѣть больше отъ Москвы, чѣмъ отъ всей Россіи. Желаю Москвѣ хорошаго памятника, а себѣ успѣха. В. Стасовъ очень кланяется вамъ. Онъ сказалъ, что отдѣльно будетъ писать вамъ и просить группу, на которой мы снялись всѣ вмѣстѣ.

Крѣпко обнимаю васъ. Черезъ $^1/_2$ часа ѣду.

166. Къ В. В. Стасову.

Петербургъ, 12 марта 1875 г.

Ровно черезъ 10 минутъ ѣду. Мнѣ очень жаль, что сегодня не увижусь съ вами. Особенно послѣ вчерашняго прощанія, мнѣ все кажется, что скоро увижусь съ вами: можетъ быть, это такъ и будетъ. Я рѣшительно не знаю, что сказать вамъ, а говорить съ вами хочу! Желаю вамъ всего добраго, полнаго здоровья, и не думать такъ мрачно. Благодаря этому, мнѣ часто приходится говорить вамъ то, чего не хочется говорить въ глаза, чтобы это не было похоже на лесть.

167. Къ нему же.

Римъ, 18 марта (4 апрѣля) 1875 г.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я здѣсь, а что могу сказать вамъ? Очень мало. Все я нашелъ, какъ себѣ представлялъ. Въ домѣ я жду прибыли, и это самый важный интересъ для меня, а кругомъ все по старому блѣдно и мертво. Впрочемъ, не для всѣхъ это такъ— для гостинницъ и трактировъ (а этимъ занимается большая половина римлянъ) теперь самое интересное время, когда получается дань отъ иностранцевъ. Но все это для зрителя—нуль—сто разъ это бывало, сто разъ еще повторится, а проку отъ этого мало, какъ для посторонняго зрителя, такъ и для самихъ итальянцевъ. Живя преимущественно иностранцами, они развиваютъ у себя все, что только можетъ унижать человѣка, и никоимъ образомъ то, что возвышаетъ его; въ особенности они теряютъ самодѣятельность. Ну, ихъ!

Вотъ что важнѣе для меня: читалъ я вашу статью о моемъ эскизѣ — конечно, это было лестно для меня, хотя по моему не слѣдовало-бы такъ рано говорить объ этомъ (а впрочемъ все равно).

Читалъ я потомъ лай Литовченко [1]), и, представьте себѣ, дѣйствіе онъ произвелъ на меня противоположное—порадовалъ меня. Своей выходкой ясно грубой и злостной онъ замахнулся такъ, что раньше всего себя ударилъ—и по дѣломъ! А впрочемъ, я увѣренъ, что многіе отъ радости готовы не заглядывать въ справедливость, а съ удовольствіемъ хлопотать и кричать „браво" каждому, кто только возьметъ камень, чтобы бросить въ меня. Я это говорю потому, что очень мало знаю художниковъ, которые были-бы раньше всего справедливы! Ну, и это все равно мнѣ! Я радъ, что среди нихъ есть все-таки нѣсколько честныхъ и знающихъ дѣло.

А знаете, дорогой дядя, больше всего мнѣ жаль, что вамъ приходится вести полемику съ такими раздражительными людишками, какъ Литовченко: нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть дѣло съ дураками. Правда, ихъ вездѣ много, но нигдѣ нѣтъ такихъ злостныхъ, какъ у насъ, и нигдѣ столько ихъ, какъ у насъ.

Какія новости есть теперь? Пожалуйста, не думайте, что все я принимаю къ сердцу. Могу сказать вамъ искренно, что я хорошо зналъ раньше, что будетъ много вылазокъ противъ меня, которыя я съ отвращеніемъ отстраняю и не допускаю до себя, именно потому, что это—вылазки, а не критика. И я долженъ сказать вамъ, если даже и не состоится этотъ проектъ, то и къ этому я останусь равнодушенъ. Все равно! Идея создана, эскизъ есть, и маленькая моделька будетъ. Я слышалъ, что въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" также была статейка, или замѣтка о моемъ эскизѣ, правда-ли это? И кто это писалъ?—Можетъ быть, тамъ подписано. Если правда, то, пожалуйста, пришлите мнѣ, а то до сихъ поръ я ни отъ кого не получилъ ни слова. Вчера я получилъ газету „Голосъ" № 70 изъ Петербурга, но неизвѣстно отъ кого. И вотъ все, что я получилъ.

И такъ, пока довольно писать, потому очень много приходится мнѣ писать, особенно домашнихъ дѣлъ.

168. Къ С. И. Мамонтову.

Рима, 4 апрѣля 1875 г.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я блаженствую здѣсь. И довольно. Завтра берусь за работу. Всю дорогу, почти до Флоренціи, тревожилъ меня холодъ, вѣтеръ и снѣгъ, такъ что мало было разницы между петербургской погодой и здѣшней. Когда мы пріѣхали сюда, небо плакало и подъ ногами было грязно и скользко. Теперь же погода чудная, такъ что работать не хочешь и все тянетъ туда, туда, въ даль. Хочется быть среди горъ, лѣсовъ, наединѣ съ природой... Но надо работать, а еще нужнѣе письма писать, потому что чувствую себя виноватымъ передъ вами своимъ молчаніемъ.

Новостей вокругъ рѣшительно нѣтъ. Все по старому пусто и глухо. Знакомыхъ мало, и тѣ какъ-то расползлись по разнымъ угламъ, а

---

[1]) Живописецъ Ал. Дм. Литовченко.

коли соберутся, то переливаютъ изъ пустого въ порожнее. Правда, иностранцевъ много, но этому пускай радуются барышники римляне, а для нашего брата всѣ они не что иное, какъ легкія волны, продолжающія омывать итальянскій берегъ, — изъ всего этого проку мало.

Какъ вы видите, какъ только я заѣхалъ сюда, такъ стало не о чемъ писать. Главный интересъ мой теперь то, что мы ждемъ со дня на день новостей въ домѣ, и подобное выжидательное положеніе можетъ продолжаться еще недѣли двѣ-три (кто знаетъ?). Какъ только кризисъ пройдетъ, сейчасъ навѣрное сообщу вамъ.

Что же у васъ-то, какія новости, дорогой другъ мой? Откликнитесь и не давайте долго ждать старичку, который болѣе, чѣмъ часто, думаетъ о васъ. Что Дрюша? Что Сергѣй? Пожалуйста, пишите о нихъ побольше. А какой молодецъ нашъ герой [1])! (пожалуйста, не смѣйтесь). Ходитъ, бѣгаетъ, похорошѣлъ, поумнѣлъ, веселый и забавный мальчуганъ. Ни минуты на мѣстѣ, цѣлый день правая рученка занята карандашомъ, и все мажетъ; ничто не можетъ замѣнить ему карандашъ. Артистъ, и баста!

Я читалъ статью Стасова [2]). Жаль, что онъ рано напечаталъ ее. Потомъ читалъ выскочку Литовченко. Все это въ порядкѣ вещей. Я зналъ напередъ, что такъ оно и будетъ. Подобныхъ молодцовъ у насъ много, зубовъ у многихъ много, а правды мало. Да ну ихъ! Я слышалъ, что въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ тоже была замѣтка объ этомъ эскизѣ; правда? если да, то, пожалуйста, пришлите: интересно.

Благодаря поспѣшности отъѣзда, я много чего забылъ, напр. не заплатилъ форматору. За всѣ эти работы я далъ ему всего 5 рублей. Потомъ вы заплатили форматору изъ Петербурга. Пожалуйста, запишите все это, потому что это безпокоитъ меня.

Я также забылъ описать первый эскизъ старика Пушкина Рачинскому; и что еще? Кажется, ничего больше.

Пожалуйста, пишите. Это первая просьба, а вторая—прошу всѣмъ передать мой сердечный привѣтъ. Москву я до того полюбилъ, что теперь мечтаю, какъ бы навсегда поселиться въ ней.

169. Къ нему же.

Римъ, 7 апрѣля 1875 г.

Раньше, чѣмъ начну строчить къ вамъ большое письмо, я тороплюсь сказать, что сейчасъ получилъ ваше письмо съ векселемъ, и знаете, не стану скрывать, что вы очень обрадовали меня этимъ, за что я вамъ очень и очень благодаренъ, потому что, скажу вамъ по секрету, никогда, послѣ тріумфа „Ивана Грознаго“, я не находился въ такомъ затруднительномъ финансовомъ положеніи. Это дошло до того, что я

---

[1]) Сынъ Антокольскаго, Іегуда.

[2]) «Модель монумента Пушкина, работы Антокольскаго», статья В. Стасова, напеч. въ «Голосѣ» 11, 17 и 20 марта, и 20 апрѣля 1875 г., №№ 70, 75, 79, 117.

даже познакомился съ Monte di pieta [1]), гдѣ закладываются вещи (секретъ!). И все потому, что я сильно разсчитывалъ, что получу отъ другихъ,—тѣхъ, которые обѣщали. Однако, надо сказать правду, что все это очень забавляетъ меня, ей-ей. Это имѣетъ свою прелесть. Очень не мѣшаетъ иногда поститься, особенно тогда, когда знаешь, что къ вечеру тебѣ поднесутъ такое славное блюдо, и какъ оно вкусно будетъ: совсѣмъ не то, что всегда.

Я совершенно оправился послѣ моего маленькаго путешествія. Послѣ того я скоро окончилъ голову „Христа", какъ говорятъ многіе, къ лучшему. Это общій отзывъ. Теперь опять вяло идетъ работа, но это уже не такая бѣда, потому что главное сдѣлано. Вы, конечно, уже давно знаете, что ваше семейство теперь находится въ Неаполѣ. А какъ скучно стало послѣ ихъ отъѣзда, просто центра не стало. Это не только мое мнѣніе, а общее. Всѣ сидятъ по домамъ. Вчера я получилъ письмо отъ Елизаветы Григорьевны. Оказывается, что и она скучаетъ наравнѣ съ нами. Тѣмъ лучше.

Это письмо не въ счетъ абонемента. Скоро напишу большое письмо обо всемъ, что думаю. Хочется передать вамъ. Ужасно хотѣлось знать мнѣ, какъ вы нашли В. В. Стасова, и объ этомъ хотѣлъ бы знать подробно ваше мнѣніе.

Всѣ мы здравствуемъ, и Елена очень и очень кланяется вамъ. Вы, навѣрное, не знаете, что она очень любитъ васъ, но она не умѣетъ этого высказать.

Шлю вамъ свою фотографическую карточку, а также и фотографію нашего героя [2]), онъ просто молодецъ, у него уже есть зубки и явились они совершенно нормально, безъ признаковъ чего-нибудь непріятнаго.

Еще нѣсколько словъ, потому что не могу промолчать! На-дняхъ мнѣ попалась газета „Голосъ" № 44. Къ моему удивленію, въ этомъ № говорится объ искусствѣ, что рѣдко случается съ этими газетами. Тутъ одинъ человѣкъ говоритъ о художественномъ достоинствѣ фотографіи Деньера; другой, корреспондентъ изъ Москвы, говоритъ о тамошней художественной выставкѣ; наконецъ, фельетонъ усердно старается быть какъ можно болѣе серьезнымъ и, полный достоинства своей художественной критики, разбираетъ оперу „Борисъ Годуновъ".

О первой замѣткѣ не стану говорить, потому что не хочу мѣшать коммерціи.

Корреспондентъ-же изъ Москвы напоминаетъ мнѣ того сумасшедшаго, который долго говорилъ такъ серьезно, что слушатели убѣдились, что онъ вовсе не сумасшедшій, что онъ совершенно логично говоритъ, и пришли въ недоумѣніе, за что его обвиняютъ въ сумасшествіи. Но въ концѣ, когда посѣтители стали откланиваться и спросили, съ кѣмъ имѣютъ честь говорить, тотъ, не затрудняясь, отвѣчалъ: „съ японскимъ императоромъ". Все, что корреспондентъ пишетъ, кажется такъ резонно и логично,

---

[1]) Римскій ломбардъ.

[2]) Сынъ Іегуда.

особенно о картинѣ Якоби, что приходишь въ недоумѣніе, какимъ же образомъ утверждаютъ, что у насъ художественныхъ критиковъ нѣтъ! И одинъ нѣмецъ позволилъ себѣ печатно потѣшаться на этотъ счетъ, говорить, что у насъ знатоковъ мало, но за то критиковъ бездна!

Но не успѣлъ я еще разгадать причину своего недоумѣнія, какъ тутъ-же корреспондентъ заговорилъ такъ... и я оставилъ сумасшедшаго.

Корреспондентъ разсыпается въ похвалахъ именно той ходульной и вычурной картинѣ [1]), которая состоитъ изъ фальшивѣйшихъ тоновъ, начиная отъ самой Туснельды и кончая Тиберіемъ; все это ложно, манерно, и плоско, да къ тому еще скверно нарисовано. Подобныя картины являются тогда, когда художникъ доживаетъ свой третій періодъ: именно, на закатѣ своей дѣятельности онъ перестаетъ наблюдать природу, и творитъ по привычкѣ и условно; ну и выходитъ манерно, холодно, вычурно, театрально. Вотъ такова и есть картина Пилоти.

Что касается до серьезности фельетоннаго критика, то одно могу сказать, что до сихъ поръ я увидѣлъ у этого барина лишь то, что онъ защищаетъ старыхъ и нападаетъ на новыхъ композиторовъ. Правъ ли онъ былъ, или нѣтъ, объ этомъ я не хочу говорить, но сей фельетонъ исполненъ глупости и пошлости. Онъ глупъ потому, что критикъ забываетъ объ уваженіи къ справедливости, и вмѣсто того, чтобы разбирать оперу, онъ разбираетъ съ мелочностью характера, или. вѣрнѣе говоря, придирается къ мелочамъ, а главное, затрагиваетъ здѣсь личность—а это изъ рукъ вонъ! Пошлъ онъ еще потому, что этотъ разборъ можно назвать художественно-артистическимъ доносомъ. Ничтожества онъ выдаетъ за реалистовъ, реалистовъ за либераловъ, которые хотятъ освободиться отъ оковъ времени. Что это? Не доносъ ли?

Ну, теперь будетъ читать, а главное, разбирать мое нескладное письмо.

170. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 26 марта (9 апрѣля) 1875 г.

Ужасно мнѣ было досадно получить отъ васъ выговоръ, что я подвожу васъ подъ непріятности. Спѣшу отвѣтить, что тутъ вышло маленькое недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что я поручилъ Адріану Прахову, какъ разобрать, такъ и составить этотъ эскизъ [2]), собственно потому, что онъ очень близко живетъ отъ Академіи Наукъ, и только. Я не хотѣлъ занимать васъ этимъ дѣломъ, потому что у васъ и безъ того его довольно много.

Что касается переговоровъ объ этомъ эскизѣ, то, какъ вначалѣ, такъ и теперь, прошу, чтобы вы вели ихъ съ комиссіей памятника Пушкина.

---

[1]) Картина Пилоти «Туснельда».

[2]) Эскизъ памятника Пушкина состоялъ изъ нѣсколькихъ гипсовыхъ фигурокъ, которыя надо было раскупорить и вынуть изъ ящиковъ, а потомъ составить изъ нихъ предположенную авторомъ группу.

Какимъ образомъ этотъ эскизъ выставляется у Полицейскаго моста [1])? Вѣдь тамъ свѣтъ далеко не удовлетворителенъ?

Всѣ эти недоразумѣнія вышли благодаря тому, что я очень торопился ѣхать. Это письмо можете показать, если вы этого захотите. Сейчасъ буду писать объ этомъ Прахову, а впрочемъ совершенно лишнее.

Мы все ждемъ обновку въ домѣ, а Гепа все продолжаетъ насъ обманывать.

Пока новостей нѣтъ. Я теперь работаю. Получили-ли вы мое письмо изъ Рима? Скоро побольше напишу, а пока не сердитесь на меня, дорогой дядя! Объ этомъ я очень прошу.

О нетерпимости академика Литовченко я уже читалъ. Я ждалъ, что такъ будетъ, когда еще брался за работу этого эскиза, потому что тогда художники встрѣтили меня съ какой-то злобой, не потому, что въ этомъ виноватъ былъ я (ибо, если-бы они здраво вникли въ дѣло, то увидѣли-бы, что тутъ нечего было нападать на меня), а просто потому, что отрадно бить другого, когда злоба съѣдаетъ человѣка, а нигдѣ такъ не развитъ типъ Сальери, какъ именно среди художниковъ. Если художникъ обиженъ природою, то точно въ этомъ виноватъ другой художникъ. Таково человѣчество, да ну, Богъ съ ними!

Ботта [2])—чортъ его возьми! Если можно, то столько ему и заплатить, а если нѣтъ, то заплатить и выругать его за подобную безсовѣстность [3]). Пожалуйста, не принимайте всего этого къ сердцу. Это будетъ для меня хуже всего!!!

171. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, 11 апрѣля 1875 г.

И еще и еще сто разъ, мой дорогой другъ! Сегодня я всталъ съ головной болью; уже нѣсколько дней, какъ здѣсь погода отвратительная, и это такъ отражается на моихъ дрянныхъ нервахъ! Однако, это не мѣшаетъ мнѣ жить, думать и даже дѣйствовать.

Мастерскую я нашелъ въ новомъ кварталѣ. Дорогая, но за то сухая и свѣтлая. Я съ этимъ поторопился, потому что рѣшилъ дѣлать „Христа“ изъ мрамора, и думаю, что лучше всего исполнить это въ Римѣ. Притомъ, я поторопился захватить эту мастерскую, потому что охотниковъ было на нее много. Одно лишь безпокоитъ меня: авось въ самомъ дѣлѣ въ Парижѣ лучше и легче можно все исполнить. Надо ждать, и тогда мы увидимъ, что вы скажете.

„Христосъ“ отлитъ давно, очень удаченъ. Онъ далеко не настолько потерялъ, насколько я разсчитывалъ. Другіе даже говорятъ,

---

[1]) Въ помѣщеніи общества «Поощренія Художниковъ» (оно тогда такъ называлось).

[2]) Ботта—хозяинъ мраморной мастерской.

[3]) Слишкомъ высокія цѣны по исправленію, сбору и установкѣ модели памятника Пушкину.

что онъ выигралъ. Но это, я думаю, потому, что гипсъ не совсѣмъ бѣлъ, а я далъ ему легкій тонъ. Вотъ отчего я рѣшился сдѣлать его изъ мрамора. Но и мрамору я хочу дать тонъ—легко-оливковый. Все это увидимъ еще.

Очень радъ, что Адріанъ [1]) такъ хорошо идетъ впередъ, и очень грустно мнѣ, даже досадно до озлобленія, что у насъ такіе дрянные и безсовѣстные господа разборщики.

Очень жаль также, что Адріанъ и Стасовъ такъ враждуютъ. Впрочемъ, гдѣ бьютъ кремень, тамъ летятъ искры, а въ такой мрачной странѣ и искры могутъ кое-что освѣщать.

Скажу вамъ по секрету, что я лично не могу вполнѣ сочувствовать ни первому, ни второму: оба правы, и оба неправы. У каждаго есть своя доля правды, какъ это вообще бываетъ у крайностей, но есть и доля неправды. Я же, между тѣмъ, сижу далеко отъ всего этого, и кую стрѣлы (но не словесныя, не какой-нибудь разборъ готовлю—Боже сохрани меня отъ этого), а просто хочу, чтобы самое искусство мое за себя говорило—чего надо придерживаться и что надо отбросить.

Когда мы всѣ провожали Елизавету Григорьевну до Чивитта-Веккіи, у меня явилась мысль (сидя въ вагонѣ) сдѣлать статую „Моисея". Этотъ сюжетъ настолько же старъ и избитъ, насколько и „Христосъ", но главное то, что онъ явится совершенно инымъ, не такимъ, какъ всѣ его себѣ представляютъ и думаютъ о немъ. Вотъ вамъ приблизительно мое представленіе о немъ.

Представьте себѣ человѣка въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, полнаго жизни и энергіи, крѣпкаго, какъ физически, такъ и умственно, и кромѣ того съ непреклонной силой воли. Онъ твердо сидитъ, одна нога его переброшена черезъ другую, тѣло опущено, точно онъ отдыхаетъ, голова наклонена и задумчива, глаза слегка прищурены, брови слегка сдвинуты—это бываетъ, когда голова сильно работаетъ. Лѣвой рукой онъ машинально перебираетъ свою короткую бороду, а правая лежитъ спокойно на колѣняхъ, гдѣ „лежатъ и десять заповѣдей"; онъ пишетъ, онъ ихъ создаетъ. Вдобавокъ, надо помнить, что типъ Моисея будетъ чисто еврейскій, чуть-чуть съ примѣсью египетскаго, а костюмъ чисто египетскій. Какъ вамъ это нравится? Зная хорошо, что по идеѣ нравственной, или, вѣрнѣе, человѣческой, Моисей далеко отстаетъ отъ Христа, и, пожалуй, для насъ Христосъ представляетъ живой интересъ, между тѣмъ какъ Моисей очень мало, или даже почти ничего общаго съ современнымъ человѣчествомъ не имѣетъ. Но за то онъ очень много выигрываетъ въ чисто-художественномъ смыслѣ. Притомъ же эта работа будетъ оригинальна, а главное, это просто физическая потребность для меня.

Я чувствую, что если я теперь вернусь къ какому-нибудь драматическому сюжету, я навѣрное растрачу свое здоровье и, пожалуй, ничего не сдѣлаю. Я хочу отдыха и отдыхать хочу на творчествѣ-же.

---

[1]) Адр. Виктор. Праховъ.

172. Къ нему же.

Римъ, 12 (24) апрѣля 1875 г.

Крѣпко обнимаю васъ за то, что вы крѣпко обрадовали меня своимъ письмомъ. Наконецъ-то получилъ я извѣстіе, что вы всѣ здравствуете и не забываете вашего старичка, который теперь еще болѣе, чѣмъ прежде, не перестаетъ думать о васъ.

Что сказать вамъ о себѣ!

Въ мастерской я работаю, дома отдыхаю, и право, нѣтъ никакой охоты куда-либо ходить, когда дома хорошо.

Елена все еще всѣхъ обманываетъ, даже самого доктора, такъ что ждали мы, ждали прибыли, и перестали ждать.

Странно: несмотря на то, что я теперь нахожусь въ какомъ-то выжидательномъ положеніи (во всѣхъ отношеніяхъ), все же я никогда не чувствовалъ себя настолько душевно спокойнымъ, насколько теперь. Отчего это такъ? Не знаю.

Можетъ быть оттого, что, когда сознаніе твое твердо, не обращаешь вниманія на то, что люди бросаются на тебя съ яростью. Душа твоя чиста, и внутреннее твое спокойствіе подымается до чувства гордости, точно душа сама себѣ твердитъ на каждомъ шагу: „Я права, и оттого спокойна“.

Не знаю, худо-ли это, хорошо-ли, но что оно такъ, это фактъ. При всемъ томъ, есть еще одна причина моего спокойствія. Думаю, что никогда еще я не заглядывалъ такъ глубоко въ хаосъ петербургской жизни, какъ теперь. И больно, и смѣшно стало... Правда, у насъ есть искренняя публика. Но гадки актеры, которые забавляютъ публику тѣмъ, что подставляютъ другъ другу ножку. Я убѣдился, что у насъ трудно собрать трехъ человѣкъ, которые дружно пѣли-бы одинъ и тотъ-же мотивъ, будь это похоронный маршъ, торжественный гимнъ, или же „кувыркомъ“ изъ оперетки Оффенбаха. Нѣтъ, другъ мой, среди такихъ людей я не хочу быть ничѣмъ, хочу оставаться самимъ собой.

А знаете, какіе у меня скверные глаза? Вѣдь я нигдѣ не вижу лучшаго!

Я убѣдился, что теперь мнѣ надо работать, работать какъ можно больше, и какъ можно дальше стать отъ всего этого хаоса. Это я сразу видѣлъ, какъ только пріѣхалъ въ Петербургъ.

Что касается работы эскиза для „Пушкина“, то я нисколько не жалѣю, что сдѣлалъ его, но нисколько не желаю дѣлать его еще разъ, и теперь я готовъ отказаться отъ этой работы въ пользу людей, обиженныхъ природой. Я знаю, вы, пожалуй, скажете, что это нехорошо, что я, напротивъ, долженъ стараться, во чтобы-то ни стало, сдѣлать этотъ монументъ.

Но дѣло въ томъ, что не художникъ ставитъ памятники, а лишь время и народъ, и каждый памятникъ выражаетъ гораздо больше время, въ которое онъ былъ поставленъ, чѣмъ того, кому онъ ставится.

Нападеніе инквизиціи на евреевъ въ Испаніи во время тайнаго празднованія ими Пасхи.
Горельефъ изъ дерева и воска (впослѣдствіи отлитъ изъ бронзы).
С.-Петербургъ. 1868.

По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ это было такъ. У насъ-же пока ничего не создаютъ, и даже хотятъ разрушить то, что возможно создавать... Но при всемъ томъ, не думайте, что при этомъ я не различилъ среди хаоса свѣтлыхъ и честныхъ личностей; есть, есть, и даже очень много, но и они, я думаю, будутъ согласны со мной въ томъ, что лучше всего въ такомъ случаѣ не бросаться головой внизъ, а работать, какъ можно больше и нормальнѣе надъ собою.

Поглядѣлъ я на людей, показалъ и себя, теперь впечатлѣнія есть, руки служатъ еще—ну, и работай, создавай, что душа тебѣ диктуетъ!

Боже! какъ я хотѣлъ-бы видѣть свѣтъ въ искусствѣ! И какъ много тѣни въ живомъ человѣкѣ! Она то и мѣшаетъ мнѣ.

Ну, кончу письмо, оно похоже... Впрочемъ, оно ни на что не похоже. Просто болтовня о томъ, что подвертывается подъ языкъ, не больше, какъ результатъ минутнаго настроенія, о которомъ забываешь, лишь только оно проходитъ.

Въ мастерской все идетъ хорошо. „Христосъ“ подвигается и на будущей недѣлѣ долженъ придти хорошій финиторъ [1]. Я работаю памятникъ Марусинъ [2]) въ натуральную величину. Ну, вотъ и все, простите, больше нѣтъ.

Римское искусство тоже мало создало. Монтеверди сдѣлалъ группу изъ двухъ фигуръ, но, къ сожалѣнію, на этотъ разъ оказалась чепуха. Онъ хотѣлъ выразить что-то въ родѣ: „вдохновенный итальянскій трудъ“. Передъ вами стоитъ рабочій, въ сапогахъ и рубашкѣ; голова его опущена и задумчива (превосходно сдѣлана), но подъ нимъ стоитъ женская крылатая полуголая фигура. Не знаешь хорошенько, что она дѣлаетъ, удерживаетъ-ли она его, или гонитъ? Притомъ, фигура какъ-то ломается. Непріятно дѣйствуетъ то, что видишь предъ собой реальнаго человѣка, какихъ мы видимъ сто тысячъ разъ въ день, и тутъ же аллегорическую фигуру „вдохновенья“. Вотъ вамъ и философія въ искусствѣ. Чортъ побери ее тамъ, гдѣ она не нужна, и пошли ее Богъ туда, гдѣ ей мѣсто. Въ искусствѣ надо раньше всего глубоко чувствовать разумному человѣку, а не философствовать тому, кто ничего не понимаетъ.

Сейчасъ я получилъ письмо отъ Адріана. Какъ видно, люди ругаютъ меня, а главное смотрятъ на мой эскизъ сквозь Стасова. Ну, Богъ съ ними.

Ну, пока довольно. Пожалуйста, не сердитесь на меня, что я такъ мало пишу вамъ. Я хочу написать свои замѣтки о Римѣ, а, благодаря тому, что много хочу, я ничего не пишу. Какъ только напишу, тотчасъ вамъ пришлю. Пора начать дѣйствовать хоть издали.

173. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 17 (29) апрѣля 1875 г.

Не получая отъ васъ такъ долго писемъ, я начинаю думать, что

---

[1]) Finitore—работникъ-мраморщикъ, заканчивающій тонкую работу мраморной статуи.

[2]) Маруся—княжна Марья Алексѣевна Оболенская.

вы дѣйствительно сердиты на меня. Если это такъ, то мнѣ остается только крѣпко пожалѣть и замолчать. Но я не хочу этому вѣрить, по крайней мѣрѣ раньше, чѣмъ не удостовѣрюсь въ дѣйствительности.

Новостей у меня рѣшительно никакихъ. Вотъ почти мѣсяцъ, что мы въ тревожномъ состояніи — все ждемъ прибыли, и до сихъ поръ ничего нѣтъ еще. Странно, что всѣ такъ обманулись, въ томъ числѣ и докторъ.

Я работаю заказъ, слѣдовательно объ этомъ и говорить нечего. Впрочемъ и тутъ я сдѣлалъ все, что могъ, и надѣюсь, что и эта работа не пройдетъ незамѣченною, по своей своеобразности и поэтическому содержанію. И это все, что я могъ сдѣлать для подобной работы, какъ надгробный памятникъ. Онъ ставится одной умершей здѣсь дѣвушкѣ, нашей знакомой [1]).

Вокругъ меня тоже новостей мало. Среди нашихъ художниковъ я почти не бываю и этимъ я дѣлаю хорошо имъ, а себѣ въ особенности, потому никогда не могъ и не съумѣю дѣлать по ихнему.

Что касается до проекта Пушкина, что я давно уже выкинулъ его изъ головы. Такой результатъ, какой онъ теперь испытываетъ, я предвидѣлъ еще тогда, какъ только пріѣхалъ въ Петербургъ. Теперь такое время въ искусствѣ, что надо не дѣлать, а ломать, и этимъ теперь всѣ заняты. И каждый по своему старается что-нибудь переломить, хотя-бы кости ближнему. И все это дѣлается безсознательно, съ какимъ-то озлобленіемъ! И эти люди восторгаются, когда ближній споткнется! Ну, довольно! Богъ съ ними или чортъ съ ними—все равно!

Въ заключеніе могу сказать, что разъ я сдѣлалъ великаго Петра (и, право, онъ вышелъ недурно), и результатъ я вынесъ такой: впередъ не дѣлать великихъ глупостей. Теперь же я сдѣлалъ монументъ, и хотя вышло тоже недурно, но будьте увѣрены, что впередъ я не стану дѣлать подобныхъ монументальныхъ глупостей, а именно никогда не стану дѣлать ни статуй, ни монументовъ для того, чтобы ослы экзаменовали ихъ... Я думаю, что теперь вы скажете, что я правъ былъ, когда, пріѣхавши въ Россію, не хотѣлъ браться за этотъ эскизъ. У насъ въ Россіи теперь бой: другъ друга бьютъ, ну, и пускай ихъ!

Какъ вы видите, дорогой дядя, я болтаю отъ нечего дѣлать. Monteverde [2]) сдѣлалъ группу, на этотъ разъ, по-моему, неудачно: онъ пустился въ оригинальность — и вышла чепуха. Но объ этомъ въ другой разъ.

174. Къ нему же.

Римъ, 18 апрѣля (1 мая) 1875 г.

Сегодня я получилъ ваше письмо. Оно ужасно обрадовало меня! Болѣе всего въ жизни дорога для меня искренность. Вы же интере-

---

[1]) Княжна Марья Алексѣевна Оболенская, родная сестра княжны Екатерины Алексѣевны Оболенской, во второмъ бракѣ жены знаменитаго врача, Сергѣя Петровича Боткина.

[2]) Скульпторъ.

суетесь судьбою моихъ произведеній больше, чѣмъ я самъ. Вы находите, что несчастнѣе идеи, какъ ѣхать въ Москву работать эскизъ, я не могъ выдумать, при этомъ вы восклицаете отъ досады: „Какой чортъ дернулъ васъ ѣхать въ Москву!“ Да, дорогой другъ, по-моему ужъ лучше сказать: „Какой чортъ дернулъ меня вступить въ это вязкое болото! Зачѣмъ я вызвался дѣлать эскизъ?..“ Но дѣло сдѣлано, и прошлаго не воротить. Ошибка состоитъ въ томъ, что я не строго придерживался пословицы: „Половина работы дуракамъ не показывается“. И помните, сколько разъ я твердилъ, что конкуренція не будетъ равна, такъ какъ я дѣлаю эскизъ, только какъ выраженіе основной идеи, да притомъ эскизъ сложный, между тѣмъ какъ другіе дѣлаютъ модель въ одну фигуру, гдѣ можно все показать, даже и экспрессію. Оказалось, что толпа этого не понимаетъ. Они не понимаютъ, тѣмъ болѣе, что мой родъ искусства слишкомъ новъ для нихъ. Но все это въ порядкѣ вещей, и ради Бога не смущайтесь этимъ! Я же, совершенно напротивъ, несмотря на разные толчки, непріятные мнѣ, только первыя двѣ минуты внутренно торжествовалъ, что инстинктъ не обманулъ меня—я раньше видѣлъ, что изъ этого ничего не будетъ. Теперь же я радъ, что буду работать самъ для себя, а не для толпы, чтобы, какъ это случилось съ Петромъ I, не случилось и съ теперешнимъ эскизомъ.

Что касается статьи Прахова, то я долженъ признаться—она какъ-то покоробила меня. Но я не хочу объ ней распространяться, такъ какъ сама статья ясно говоритъ сама за себя.

Мнѣ очень жаль, что идей моихъ не хотятъ понять, приписываютъ мнѣ, что я будто бы держался стиховъ Пушкина, и именно Богъ знаетъ какихъ! Глупцы спрашиваютъ: „Отчего герои идутъ къ Пушкину, а не отъ него“ и т. д. и т. д.

Если приводить стихи Пушкина, которые совершенно бы соотвѣтствовали его творческому настроенію и въ одно и то же время моему эскизу, то я предлагаю слѣдующіе стихи, которые я впрочемъ прочиталъ тогда, когда эскизъ былъ уже готовъ, и которымъ я очень обрадовался:

Вотъ они:

«И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ.
Трепещетъ и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ —
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей...»

Это вы найдете въ его стихотвореніи „Осень“. Если не поздно, то думаю, что не мѣшало бы сообщить эти стишки коммиссіи во время жюри. Это, я думаю, много поможетъ, чтобы дураковъ отчасти заставить молчать. Новостей у меня нѣтъ. Работаю, и въ усъ не дую—все равно: это былъ мой девизъ, когда я началъ.

Итакъ, спѣшу скорѣе кончить, чтобы успѣть сегодня послать. У насъ новостей никакихъ еще. Елена очень и очень кланяется вамъ. А герой нашъ—просто герой!

175. Къ нему же.

Римъ, 4 (16) мая 1876 г.

Ваше обѣщаніе скоро писать тянется довольно долго. Между тѣмъ у насъ есть новость въ домѣ, а именно дочь Эсфирь, а по-русски Софія. Она явилась 12-го, въ 3 часа утра. Елена здравствуетъ, и все идетъ своимъ чередомъ.

Какъ же вы поживаете, что у васъ хорошаго? Надѣюсь, что вы выбросили изъ головы памятникъ Пушкина? Право, я патріотъ только въ искусствѣ, и съ этой точки зрѣнія искусство нисколько не потеряетъ, если я стану работать что-нибудь другое, что дорого для меня, а не монументъ Пушкина.

Что касается того, что люди торжествуютъ своею посредственностью, то на это не обращаю никакого вниманія. Пусть дураки торжествуютъ, тѣмъ хуже для нихъ,—тѣмъ скорѣе они сами упадутъ.

Правда, вы пожалуй скажете, что съ моей стороны я не долженъ желать другимъ того, что признаю не хорошимъ. Это такъ, но я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы указать на дѣйствительное искусство, и за это я получилъ то, что всѣ получаютъ, когда осмѣливаются говорить правду. Теперь я отхожу къ старому. Дѣло въ томъ — не художникъ ставитъ монументъ, а время и народъ, и въ каждомъ монументѣ скорѣе виденъ знакъ, когда онъ былъ сдѣланъ, чѣмъ знакъ того, *кому* онъ былъ созданъ. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ это было такъ. И потому, довольно объ этомъ! Дай Богъ всѣмъ всего хорошаго, а мнѣ всего лучшаго.

Къ Рѣпину я до сихъ поръ еще не писалъ, но скоро непремѣнно напишу. Бѣда, что хочу много писать, и благодаря этому пишу мало. Сюда пріѣхалъ художникъ изъ Парижа. Я остановилъ его, чтобы разузнать что-нибудь о Рѣпинѣ, только толковаго ничего я не узналъ. Художникъ сказалъ, что онъ въ Парижѣ скучаетъ, хочетъ въ Россію, сталъ нервенъ и впечатлителенъ—вотъ и все, чего я могъ добиться.

Недавно я былъ въ мастерской Ковалевскаго, который живетъ здѣсь второй годъ уже. И я долженъ сказать, что я вынесъ очень пріятное впечатлѣніе. Этотъ художникъ достоенъ особаго уваженія за свое серьезное отношеніе къ своему предмету. Я думаю, что не много есть художниковъ, которые бы рисовали столько, сколько онъ, и притомъ такъ досконально изучили бы свою спеціальность. Но главное, онъ страдалъ до сихъ поръ колоритомъ и недостаткомъ поэзіи въ картинахъ, но теперь въ работѣ его видно, что эти недостатки онъ преодолѣлъ. Теперь онъ началъ большую картину, аршина въ 3 ширины; сюжетъ для своей картины онъ выбралъ изъ римской жизни, и на этотъ разъ довольно характерно и своеобразно.

Почти всегда художники трактуютъ здѣсь такіе сюжеты, гдѣ на

сценѣ непремѣнно являются чучаръ и чучарка въ праздничныхъ костюмахъ, съ бубенчиками и т. п., или римскую Кампанью съ ея быками, а вдали непремѣнно — акведуки; подобныхъ картинъ видишь въ Римѣ столько, что наконецъ глазъ мозолитъ на каждомъ шагу. Ковалевскій представилъ массу народа, тутъ происходитъ кипучая работа въ разнообразнѣйшихъ движеніяхъ: они вскапываютъ горы, и передъ нами раскрывается два міра—старый мертвый Римъ и новый... Вотъ стѣна выглядываетъ уже, тутъ колонна, тамъ арка, а тутъ мраморный торсъ, фигура человѣка, далѣе обломки Капитолія и т. п.

Я думаю, врядъ ли кто не испытывалъ страннаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразнаго впечатлѣнія, при видѣ этой кипучей жизни. Васъ сразу охватываетъ цѣлый процессъ мыслей, которыя невозможно совмѣстить въ одно и то-же время. И пріятно становится вамъ, и вы радуетесь, хотя сами не знаете отчего. И вдругъ, среди этого выступаетъ какая то саркастическая улыбка, и опять, помимо воли, точно она говоритъ тебѣ: „Вотъ и человѣчество... вѣчный муравейникъ.“

Отбрасывая въ сторону выборъ сюжета, не знаю, думалъ ли такъ художникъ, но я передаю свое впечатлѣніе, и, разсматривая художественныя достоинства, я увидѣлъ, что эскизъ также пріятенъ, какъ по содержанію, такъ и по краскамъ и по расположенію фигуръ, гдѣ и лошади играютъ довольно значительную роль. Типы ихъ художникъ уже съумѣлъ характерно набросать (эскизъ довольно оконченъ, какъ эскизъ). Все это само говоритъ за себя, и отъ души можно поздравить художника: во-первыхъ, съ тѣмъ, что онъ отрѣшился отъ банальной живописи, къ которой, какъ видно, никогда его не влекло, и во-вторыхъ, съ тѣмъ, что онъ обратился прямо къ жизни и природѣ.

Повторяю, если картина будетъ исполнена такъ, какъ обѣщаетъ эскизъ, она будетъ одной изъ лучшихъ картинъ нашихъ художниковъ. А ваша прямая обязанность въ удобномъ случаѣ поговорить о немъ.

Что у Беггрова слышно?. Ничего? Скоро, т.-е. черезъ недѣлю, высылаю ему фигурки „Ивана Грознаго“. Что, не поздно будетъ? Раньше нельзя было.

Пишите скорѣе, что дѣти все еще плачутъ-ли о томъ, что головку имъ моютъ? О, Русь, милое и буйное дитя!

Сейчасъ принесли мнѣ „Голосъ“, гдѣ напечатана ваша статья [1]). Превосходно! Спасибо очень и очень!!

176. Къ нему же.

Римъ, 9 (21) мая 1875 г.

Сейчасъ я получилъ ваше письмо. Спѣшу спросить: когда вы ѣдете въ Парижъ? Хочу съ вами тамъ встрѣтиться и потомъ ѣхать въ Лондонъ. Очень не хорошо, что вы такъ захворали, и хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что вы поправляетесь. Пишите скорѣе, какъ ваше здоровье. Пожалуйста!!

---

[1]) Статья В. В. Стасова о памятникѣ Пушкина.

Нѣсколько дней тому назадъ я послалъ вамъ письмо: тамъ я сообщилъ, что у меня явилась дочь Эсѳирь, обѣщаетъ быть красавицей, но не царицей.

Тамъ я также вкратцѣ сообщалъ, что статью вашу читалъ послѣ того, какъ кончилъ писать письмо. Лишнее будетъ сказать, что я читалъ ее съ такимъ чувствомъ, какъ и вы ее писали. А знаете, что послѣ вашей статьи я уже не сталъ болѣе презирать всѣхъ этихъ сѣверныхъ воронъ, а просто жалѣть ихъ. Ужъ черезчуръ комично и жалко! Богъ съ ними! Теперь надѣюсь, что никто, также и вы, не станете упрекать меня, что я не ѣду въ Россію. Поѣду, но не теперь, а когда поѣду, то не для того, чтобы выступать на судъ ословъ.

Я здравствую отлично. Работаю, насколько могу, только безъ особеннаго рвенія и успѣха. Если бы у меня не были связаны руки заказами, я непремѣнно сталъ бы работать то, что у меня назрѣло въ головѣ, а именно—статую, и очень боюсь, что не выдержу, чтобы не начать, слѣдовательно и кончить.

177. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, 9 (21) мая 1875 г.

Я думаю, раньше, чѣмъ дойдетъ это письмо, вы узнаете, что преэктъ Пушкина остался не за мной. Воронину не угодило мое искусство, и я могу лишь повторить слова Спинозы, когда онъ получилъ проклятье. Узнавъ, что евреи отлучаютъ его отъ себя, онъ улыбнулся и сказалъ: „Они принудили меня къ тому, чего я самъ давно желалъ“.

Теперь я наставилъ парусъ, и корабль мой плыветъ въ другомъ направленіи. Ладно!

О нашемъ житьѣ-бытьѣ вы навѣрное уже знаете. У насъ въ домѣ появилась дочь Эсѳирь, обѣщаетъ быть красавицей, но не царицей. Все обстоитъ благополучно. Ну, вотъ и все, чего я желалъ.

Простите, что пишу мало. Теперь некогда, въ другой разъ напишу побольше, а теперь просто не даютъ.

Вчера я получилъ письмо съ двумя статьями. Стасова статью я раньше читалъ, другую и читать не хочу. Это образчикъ тупоумія. Ну, пускай продолжаетъ на здоровье. Я остаюсь тѣмъ самымъ, какимъ былъ, и даже съ нѣкоторой гордостью.

Когда вы выслали багажъ Лимонина? Онъ очень нуженъ мнѣ. Пожалуйста напишите!!

Я слышалъ, что вы все хлопочете въ Петербургѣ. Желаю вамъ полнѣйшаго успѣха. А когда вы этого достигнете, то не забудьте о старичкѣ, который очень желаетъ видѣть васъ довольнымъ и радостнымъ. Что, не забудете?

Я забылъ у васъ книги. Пожалуйста вышлите мнѣ ихъ, а также и рисунки (фотографіи) Гартмана.

Теперь скажу два слова и о себѣ. Я работаю памятникъ Ма-

руси [1]). Бѣда въ томъ, что до сихъ поръ я еще ни гроша не получилъ за него, и, признаюсь, начинаю отчаяваться, что и не получу. Обѣщаютъ и не даютъ; деньги есть, но не даютъ ихъ, а я крѣпко надѣялся на нихъ и крѣпко обмануть, по крайней мѣрѣ до сегодняшняго дня. Подождемъ еще маленько, авось все пойдетъ къ лучшему.

Пожалуйста, объ этомъ ни слова другимъ, конечно за исключеніемъ Елизаветы Григорьевны, которой я очень и очень кланяюсь. Но, несмотря на всѣ эти бугорки, я себя чувствую отлично.

178. Къ нему же.

Римъ, 15 (27) мая 1875 г.

Пишу вамъ нѣсколько словъ второпяхъ, больше теперь некогда; работаю и хлопочу, но безъ пользы, по-старому. Желаю вамъ во всемъ несравненно большаго успѣха.

Бога ради, посвятите мнѣ минуточку времени и сообщите, когда именно вы выслали бюстъ Милютина. Это для меня очень важно, потому что абоццаторъ [2]) стоитъ безъ дѣла, и нѣтъ ничего другого дать ему.

Скоро и мы выберемся изъ Рима, здѣсь становится до того жарко, что нѣтъ возможности ходить по улицѣ

Въ мастерской все идетъ хорошо.

Мы всѣ здравствуемъ, но съ разорванными карманами. Надеждъ теперь у насъ много, но денегъ мало. Пока всѣ обѣщаютъ, но никто не даетъ, даже за тѣ вещи, которыя окончены. Особенно я недоволенъ тѣмъ, что связался съ памятникомъ Марусинымъ. Толку не могу никакъ добиться; послѣ долгихъ обѣщаній я насилу получилъ 300 рублей. Это для меня только на зубочистки—не больше. Однако обѣщаютъ, что скоро дадутъ и на починку кармана.

Вотъ какъ идутъ у меня пока дѣла. А право, забавно—больше жизни. Право, это хорошо для разнообразія.

Ну, милый мой другъ, пока довольно. Не ругайте и вы меня, не разлюбите и вы, когда всѣ меня разлюбили въ Россіи.

Мой сердечный поклонъ старушкѣ вашей, да и дѣткамъ мой привѣтъ. Скоро побольше и подѣльнѣе напишу, а теперь пишите вы, пока я не разсердился на васъ.

179. Къ нему же.

Sorrento, 7 іюля 1875 г.

Рекомендую вамъ Дмитрія Ивановича Угриновича, съ которымъ я познакомился въ Sorrento. Вотъ что я могу сказать о немъ:

---

[1]) Княжна Марія Алексѣевна Оболенская.

[2]) Abozzatore—работникъ, выполняющій первоначальную общую форму скульптурнаго произведенія.

Человѣкъ онъ честный, деликатный, привязчивый (и все это даже черезчуръ).

Жаль, что онъ не совсѣмъ здоровъ, и, благодаря этому, часто видитъ дѣйствительность въ черномъ свѣтѣ (плачетъ!). Умомъ онъ ничего, но изъ провинціи.

И такъ, главныя черты его характера—это честность, деликатность и доброта.

Мнѣ кажется, что это все такъ, а впрочемъ—сами увидите.

Я рекомендую его вамъ, потому что вы, какъ люди добрые, не оттолкнете его отъ себя, и вообще вашъ домъ можетъ имѣть благотворное дѣйствіе на него.

180. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 25 мая (6 іюня) 1875 г.

...О себѣ писать нечего—все идетъ по прежнему, только въ послѣднее время я не работаю: просто охоты нѣтъ. Да притомъ-же погода до того странная и до того дѣйствуетъ на меня, что я положительно отупѣлъ: то сразу жарко и сирокко дуетъ, что не совсѣмъ благотворно дѣйствуетъ на нервы, то вдругъ—дождь и холодъ. Главное, я недоволенъ, что теперь ѣду отдыхать въ Sorrento, послѣ отдыха. Я радъ былъ-бы остаться здѣсь и работать, но семейство не желаетъ, чтобы я здѣсь оставался: во-первыхъ, одинъ, и, во-вторыхъ, среди жаровъ. Еще однимъ я недоволенъ, что набралъ заказовъ, и ни откуда ни гроша. Это просто бѣситъ меня!! Теперь я работаю памятникъ, и на это пока еще ничего не получилъ, несмотря на то, что нѣсколько разъ уже обѣщали выслать. Вотъ вамъ:—думалъ, что этими заказами я немного облегчу свое финансовое положеніе, а оказывается, что хуже еще себѣ-же дѣлаю. Благодаря тому, что я надѣялся на разныя обѣщанія, я остался на бобахъ, и если-бы не успѣли придти ко мнѣ тысяча рублей изъ дому, то было-бы положительно безвыходное положеніе. Теперь я рѣшилъ, если не придутъ деньги за заказъ, то оставлю его, несмотря на то, что потерялъ два мѣсяца на это (что прикажете дѣлать: нынѣшній годъ мнѣ суждено работать даромъ, и къ этому еще нужно прибавить расходъ—мои деньги и кровь); бросаю работу, и впередъ за другія не стану браться, пока не получу трети денегъ.

Нѣсколько дней тому назадъ я отправилъ къ Беггрову два бронзовыхъ экземпляра „Ивана Грознаго", скоро подоспѣютъ и другіе.

Что, когда же вы ѣдете?

Мы ѣдемъ въ Sorrento, и я по-старому долженъ буду брать ванны на Искіи; туда я поѣду въ іюлѣ. Теперь можете адресовать въ Sorrento—poste restante, потому что 14-го мы уѣзжаемъ.

Пишите скорѣе, скучно! Ужасно, какъ хочу взяться за свои работы (не за заказы).

181. Къ С. И. Мамонтову.

Неаполь, іюль 1875 г.

Трудно передать вамъ, какъ я теперь нуждаюсь въ дружескомъ

словѣ. Я не получаю ни отъ кого рѣшительно ни слова, всѣ притихли, а между тѣмъ, я еще не совсѣмъ отвыкъ отъ дружеской болтовни (а отвыкать надо будетъ). Вотъ почему я такъ радуюсь, когда получаю ваши дружескія письма, и досадую, когда это случается наоборотъ.

Жаль, что вы послали двухъ Милютиныхъ [1]). Жаль денегъ, они теперь очень нужны, но дѣлать нечего, потому что дѣло сдѣлано.

На счетъ памятника Пушкина: случилось то, что я предвидѣлъ, когда еще только что ступилъ ногою въ эту вязкую петербургскую полосу. Но... мимо!! а самъ впередъ, впередъ!! Жаль, что и Суворинъ сталъ такой („и ты, Брутъ, тоже!“). Право, я въ самомъ дѣлѣ начинаю чувствовать свое превосходство надъ ними. Это не хвастовство, а сознаніе.

Сегодня я получилъ извѣстіе (отъ Риццони), что памятникъ Пушкина отданъ Опекушину. Это меня нисколько не поразило, не удивило, а, напротивъ, я какъ-то остался доволенъ, что народъ нашелъ своего ваятеля. Ну, да Богъ съ ними, а я постараюсь быть самимъ собой. Я еще радъ, что наши патріоты не станутъ болѣе упрекать меня, что я живу за границей, теперь, кажется, имъ ясно будетъ, что если я поѣду, то скорѣе сдѣлаю себѣ вредъ, чѣмъ другимъ пользу. Для Россіи раньше всего надо имѣть не слабые нервы, а крѣпкія веревки, и съ помощью послѣднихъ кое-чего достигнешь. Однако, довольно; простите, заболтался.

Завта утромъ мы ѣдемъ въ Sorrento, Villa Maja. Можете себѣ представить, какой хаосъ теперь у насъ. Но все-таки я не могъ не написать вамъ хоть кое о чемъ, а главное пишу потому, что обрадовался вашему письму. Думаю, что теперь всѣ противъ меня, только не вы, другъ мой дорогой. Вы во мнѣ умѣете читать лучше всѣхъ. Вы понимаете меня, и этимъ я до невѣроятности дорожу. И вотъ, постараюсь оправдать себя. Я только теперь начинаю. Чѣмъ больше людей противъ меня, тѣмъ сильнѣе я противъ нихъ. Одинокимъ бороться противъ многихъ—право, въ этомъ есть своя прелесть. И такъ, другъ мой Савва, теперь только терпѣніе, терпѣніе. Этого у меня хватитъ. Когда пріѣду въ Sorrento, когда я подышу свободно (а теперь некогда), я напишу много, много о разныхъ разностяхъ, а главное—результаты моихъ наблюденій, надѣюсь, что это будетъ для васъ не безынтересно. Мой сердечный и низкій поклонъ старушкѣ Елизаветѣ Григорьевнѣ. Что, пріѣхала ли Сѣрова? Какъ она поживаетъ? Какъ Елена завидуетъ вамъ, что она въ Абрамцевѣ, а не въ Sorrento! Я очень желаю видѣть ее, поссориться и опять уѣхать.

А все-таки я очень люблю ее.

Я получилъ письмо отъ Стасова (это было уже давно). Онъ пишетъ, что былъ очень боленъ, и съ тѣхъ поръ ни слова. Это молчаніе очень безпокоитъ меня. Пожалуйста, если знаете что-нибудь о немъ, напишите.

---

[1]) Два гипсовыхъ экземпляра бюста Н. А. Милютина, вылѣпленнаго Антокольскимъ послѣ смерти Милютина.

И такъ, пока шлю вамъ эти два полулиста (все уже уложено, только это и осталось, а писать очень хотѣлось, простите за мою лѣнь).

Скоро напишу побольше. Новостей у насъ никакихъ. Мы здоровы,—чего-же больше?

182. Къ В. В. Стасову.

Sorrento, 4 (16) іюля 1875 г.

...Я совсѣмъ пересталъ получать письма изъ Россіи, такъ что въ теченіе 7-ми недѣль ваше теперешнее письмо есть первое. Въ Парижъ я не поѣду: во-первыхъ потому, что, по предписанію доктора, я теперь купаюсь въ морѣ; во-вторыхъ, жарко (а я думалъ, что вы гораздо раньше поѣдете), а главное, я рѣшилъ будущей весной переѣхать съ семействомъ въ Парижъ совсѣмъ.

Гораздо отраднѣе будетъ, если вы пріѣдете къ намъ въ Римъ осенью. Пожалуйста, постарайтесь, кругъ небольшой вы сдѣлаете, а между тѣмъ это будетъ хорошо, особенно для насъ. Теперь я отдыхаю, но для очищенія совѣсти и работаю. А работаю голову „Спинозы", и съ нетерпѣніемъ жду, чтобы время прошло и энергично взяться за работу. Главное, хочу пріѣхать въ Парижъ еще съ одной статуей. Сверхъ того у меня много заказовъ, впрочемъ послѣднее не совсѣмъ вѣрно еще, потому что задатка я не получилъ, а курсъ моей работы теперь упалъ въ Россіи—такимъ образомъ, чего добраго, очень можетъ быть, что заказчики остановятся: въ Россіи все возможно. Но это очень мало трогаетъ меня—все равно, не этого я теперь ищу.

Какой адресъ Эліасика? Онъ обѣщалъ писать, но я не получилъ отъ него ни одной строчки. Я очень радъ, что онъ такъ хорошо идетъ, также очень радъ, что онъ не поступилъ въ Академію, до которой я вообще не большой охотникъ, гдѣ таланты сводятся на общую дорожку; чтобы этого избѣжать, надо, по крайней мѣрѣ, вступить въ нее зрѣлымъ человѣкомъ. Чѣмъ позже онъ вступитъ въ Академію, тѣмъ лучше. Семья моя здравствуетъ отлично. Гепа очень обрадовалась, когда прочла, что можетъ быть вы пріѣдете. Она говоритъ, что тогда готова за 3 недѣли раньше начать печь для васъ пирожки.

Здѣсь въ Sorrento точно русская колонія; здѣсь немало и художниковъ, а гдѣ художники, тамъ не всегда всѣ—люди. Ну, да Богъ съ ними!

Рѣпина навѣрное увидите,—отчего онъ не отвѣчаетъ?

183. Къ С. И. Мамонтову.

Sorrento, 8 (20) іюля 1875 г.

Только теперь у меня явилась охота и возможность писать вамъ, хотя заранѣе не знаю, о чемъ писать. Я теперь опять отдыхаю въ Sorrento, и было-бы совсѣмъ хорошо, если бы отдыхалъ я не послѣ отдыха.

Во всякомъ случаѣ, на душѣ у меня легко и свободно. Отчего?

Не знаю, право, но думаю, что сильно дѣйствуетъ на меня природа, которая здѣсь такъ грандіозна, величественна и спокойна. Ничего я такъ не люблю, и нигдѣ я не видалъ столь гармоничной и успокаивающей природы, какъ здѣсь. Я долженъ сказать, что въ послѣднее время природа дѣйствуетъ на меня благотворнѣе даже, чѣмъ музыка, хотя отъ послѣдней я никогда не отказываюсь. Люблю ее какъ великую прелесть жизни. Тѣмъ не менѣе, она творческимъ образомъ дѣйствуетъ на меня. Я подчиняюсь ей, всякій инструментъ, всякій звукъ дѣйствуетъ на мои нервы и настраиваетъ ихъ, какъ творецъ ихъ желаетъ.

Иногда душа расцвѣтаетъ, какъ цвѣтокъ при восходѣ солнца, жаждетъ струи свѣжаго чистаго утренняго воздуха, точно вся душа моя и весь я — мы хотимъ обновиться и жить иначе, не такъ, какъ теперь.

Иногда, напротивъ, душа сжимается до боли, до отчаянія, и жалко становится все, что вокругъ есть, а въ томъ числѣ и самого себя. Но въ обоихъ случаяхъ одинаково мнѣ сладко, и отъ этого одинаково устаешь.

Не такова природа, которая не давитъ васъ своими гигантскими размѣрами. Здѣсь передъ вами морской глубокій разливъ; глазамъ просторно, и на горизонтѣ они встрѣчаютъ чудный и живой Везувій, который грандіозно рисуется на чистомъ небосклонѣ. Контуры его спокойно и плавно спускаются къ морю, и опять подымаются, колыхаясь надъ поверхностью его. Какъ я люблю эти линіи, эту живую гору и весь заливъ ея. По часамъ я сижу и бесѣдую съ этой природой, и не замѣчаю, какъ проходятъ часы. На завтра повторяется то-же, послѣ завтра опять и опять. И уходишь отъ нея безъ душевныхъ волненій, спокойно, и, право, какъ будто смѣшно становится, что вотъ у подошвы этой горы есть человѣческій муравейникъ, гдѣ не даютъ другъ другу спокойно жить...

Однако, при всемъ томъ, я еще недоволенъ, хочу работать и работаю. Конечно, за что-нибудь серьезное браться здѣсь нельзя: мнѣ на это и времени мало, и мѣста нѣтъ; а пустяками заниматься не могу! И оттого я началъ голову „Спинозы“ въ натуральную величину; потомъ буду работать эскизы, лично для своего собственнаго удовольствія.

Въ мастерской (въ Римѣ) все идетъ у меня своимъ чередомъ. „Христосъ“ былъ начатъ финиторомъ [1]), но пришлось его оставить, потому что безъ себя я не позволю работать.

Что у васъ хорошаго? Хотя я впередъ знаю вашъ отвѣтъ, что вокругъ васъ ничего хорошаго нѣтъ, что всѣ продолжаютъ играть въ жмурки, но я по старой привычкѣ все еще желаю, чтобы и на сѣверѣ было свѣтло и тепло, чтобы температура атмосферы, а главное знаній, не упала на точку замерзанія. А это часто бываетъ, даже иногда на нѣсколько градусовъ ниже нуля.

---

[1]) Finitore—работникъ, заканчивающій мраморную работу.

23 іюля. Три дня тому назадъ я началъ письмо къ вамъ, и только теперь его кончаю. Простите за лѣнь мою. Здѣсь такъ хорошо, такъ хорошо, что давно я не былъ столь спокоенъ духомъ, такъ добръ; и при всемъ томъ я стремлюсь каждый день не пропускать даромъ, работаю или читаю. Жизнь здѣсь я установилъ регулярно: утромъ мы подымаемся въ 7-омъ часу, пьемъ молоко, ѣдимъ, и отправляемся по своимъ угламъ; каждый чѣмъ-нибудь занятъ до двухъ часовъ. Затѣмъ, въ два мы обѣдаемъ, читаемъ что-нибудь легкое, ходимъ гулять, пьемъ молоко, въ 8 ч. ужинаемъ, а въ 10 идемъ спать.

Здѣсь въ Sorrento собралась почти цѣлая русская колонія. Кромѣ многихъ русскихъ, которыхъ мы не знаемъ, здѣсь Ивановъ съ семействомъ, Тарасовъ, Барановъ, Ребиндеръ, который живетъ съ нами, нѣкто Цвѣтаевъ, археологъ, который часто пріѣзжаетъ сюда изъ Неаполя, нѣкто Толстопятовъ, который здѣсь живетъ; кромѣ того, должны пріѣхать Рицциони и другіе.

Но всѣ они не мѣшаютъ мнѣ; я почти никуда не хожу, а они всѣ знаютъ, что до двухъ часовъ мы заняты, а въ десять бай-бай идемъ.

Финансовая лихорадка тоже утихла у меня, а карманный желудокъ хорошо дѣйствуетъ. Надѣюсь, что до сентября я буду спокоенъ. Я бы просилъ васъ взять къ себѣ эскизы, а также работы изъ мрамора, которыя находятся у Беггрова, если они еще не проданы.

Я хорошо знаю, что курсъ на мои произведенія теперь упалъ въ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ Питерѣ, между тѣмъ какъ у себя во мнѣніи я нисколько не упалъ, и вотъ отчего я думаю, что лучше было бы спрятать ихъ до поры до времени, пока курсъ не поднимется опять.

Надѣюсь, что вы не откажете дать гдѣ-нибудь мѣстечко моимъ произведеніямъ.

Что сталось со Стасовымъ? Нездоровъ ли онъ, уѣхалъ ли, или просто не пишетъ? Я не спокоенъ, боюсь, что онъ нездоровъ.

Дѣтки у насъ здравствуютъ. Леля растетъ, похудѣлъ, капризничаетъ, не ѣстъ, за то Эсѳирь добрая и красивая.

Теперь кое-что о чемъ-то другомъ.

Мнѣ попался въ руки „Русскій Вѣстникъ“ за май мѣсяцъ, гдѣ напечатана статья „Искусство и позитивизмъ“. Эту статейку я началъ читать съ особымъ удовольствіемъ. Мнѣ казалось, что авторъ желалъ сгруппировать въ одно цѣлое идеализмъ съ реализмомъ, содержаніе съ формой, и этимъ разъ навсегда установить ясное понятіе о самомъ значеніи искусства, въ чемъ мы особенно нуждаемся. Къ сожалѣнію, сколько удачно начата статья, столько же неудачно она кончается. Эта неудача происходитъ отъ двухъ причинъ.

Во-первыхъ, авторъ не основывается на необходимыхъ данныхъ, даже поверхностно знаетъ теорію искусства, а главное, не входитъ въ самый процессъ творчества, для чего необходимо и самому имѣть въ душѣ извѣстную долю художественнаго элемента. Это одно.

Во-вторыхъ, у автора въ мозгу торчитъ особенный заржавѣлый винтъ—самый устарѣлый и невѣрный взглядъ на значеніе искусства. И такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ выходитъ, что авторъ лишь

поднялъ пыль и, открывъ старую книгу, надъ которой опочивала эта пыль, сказалъ лишь, что назначенiе искусства состоитъ въ томъ, чтобы возвысить человѣка, облагородить его, что въ искусствѣ должна существовать только положительная сторона, т.-е. радостное, высокое и благородное, что не должно въ немъ быть драматическихъ эффектовъ, что теперь представитель реализма — Оффенбахъ, и, наконецъ, что искусство должно идти впередъ, подобно наукѣ, указывая на то, что̀ можетъ быть лучшаго, а не на то, что̀ есть дурного.

Вотъ что значитъ подойти къ искусству умомъ, а къ наукѣ чувствомъ. Тутъ всегда будетъ чувствоваться нѣчто въ родѣ того, какъ если надѣть лѣвый сапогъ на правую ногу.

Люди, способные носить на плечахъ собственную голову, болѣе или менѣе ясно сознаютъ, что̀ хорошо, что̀ худо, и каждый отдѣльно стремится отстранить дурное и овладѣть хорошимъ, и каждый въ отдѣльности постольку этого достигаетъ, поскольку онъ способенъ къ этому. Но не таковъ процессъ въ искусствѣ. Дѣло въ томъ, что наука, какъ продуктъ разума, можетъ легко переноситься въ область будущаго, и тѣмъ самымъ отстранить отъ себя настоящее. Она можетъ отгадывать и указывать впередъ, основываясь на законахъ природы, и въ то же время не знать о томъ, что̀ близко къ ней въ данное время. Между тѣмъ, искусство, какъ продуктъ чувства, всегда останется вѣрнымъ настоящей дѣйствительности. Истинный художникъ, какъ бы онъ ни сознавалъ, что теперь нехорошо, что цѣль жизни состоитъ въ томъ, чтобы достигать всего лучшаго, никоимъ образомъ не можетъ остаться нейтральнымъ къ настоящему. Напротивъ, чѣмъ болѣе чутко онъ чувствуетъ, тѣмъ глубже онъ захватываетъ жизнь, тѣмъ вѣрнѣе на немъ отражается обликъ его времени. Художникъ не можетъ создать комическаго, когда въ жизни существуетъ драма; онъ не можетъ создать высокаго, когда въ дѣйствительности его нѣтъ; онъ всегда и во всякое время остается вѣренъ себѣ и жизни, какъ художникъ и человѣкъ. Какъ художникъ, онъ по своей специальности всегда стремится къ свѣту, къ лучшему. Жизнь окутать въ поэзiю—таковъ процессъ искусства во всѣхъ его фазисахъ. Но, какъ въ человѣкѣ впечатлительномъ, въ немъ концентрируется, помимо его собственныхъ старанiй, жизнь съ ея интересами.

Вотъ оттого я думаю, что излишне проповѣдывать умнымъ людямъ въ искусствѣ, что̀ именно оно должно творить. Лучше пускай они потрудились бы, чтобы самая жизнь стала лучше: тогда положительная сторона сама собой явится въ искусствѣ.

Ну, какъ видите, дорогой другъ, у меня все еще старая привычка калякать! Я не удержался, чтобы не пофилософствовать. Что дѣлать? Языкъ чешется. Довольно!

184. Къ нему же.

Sorrento, 11 (23) iюля 1875 г.

Отъ души поблагодарилъ я почтальона за то, что онъ поднесъ мнѣ ваше письмо, дорогой другъ мой Савва Ивановичъ!!

Спѣшу отвѣчать, потому что вы разбудили меня отъ долгаго сна. А какъ хорошо и сладко спится здѣсь, точно дитяти въ люлькѣ...

Что сказать вамъ, дорогой мой другъ? Я уже совсѣмъ отдохнулъ и готовъ снова взяться за работу, но съ одной стороны жена не позволяетъ, говоритъ, что надо больше отдохнуть, а съ другой стороны невозможно теперь ѣхать въ Римъ, тамъ теперь отвратительно скверно.

Такимъ образомъ, я стою среди всего этого, сложа руки, и долженъ признаться, что начинаю скучать, а работать здѣсь — значитъ не дѣлать ни того, ни другого.

Лѣто здѣсь странное. Какъ вездѣ, у насъ теперь всѣ эти прелести, которымъ только и подобаетъ быть на сѣверѣ; и я долженъ сознаться, что все это недурно, когда среди жаровъ Богъ окачиваетъ холодной водой. Но, благодаря этому, надо полагать, я и простудился: все время кряхтѣлъ, охалъ, былъ мраченъ, и даже золъ, глоталъ лекарство, но хорошо то, что все это проходитъ. Докторъ изъ Неаполя слушалъ меня и нашелъ, что у меня очень нервное сердце. Это для меня старая исторія, безъ которой я бы ничего новаго не создалъ, и надо надѣяться, что эта старая исторія устарѣетъ у меня еще больше.

О памятникѣ Пушкина я повторяю: пока мимо! Не хочу тратить больше времени на то только, чтобы доказать имъ, что я правъ, а они виноваты. Пускай говорятъ, что хотятъ, мнѣ все равно. Важнѣе для меня продолжать выражать свои душевныя идеи, съ которыми я сросся, и которыя для меня дороже, чѣмъ все на свѣтѣ. Будущее это докажетъ лучше, чѣмъ я теперь.

Въ Неаполѣ, на выставкѣ, думаю ничего не выставлять, потому что хочу весной явиться въ Парижъ. Хочу испытать парижскія впечатлѣнія раньше, чѣмъ другія. Жаль, что приходится одной рукой работать для желудка, а другой для души. Какъ-бы хотѣлось теперь начать новую статую, но дѣлать нечего, надо дѣлать возможное, а не то, пожалуй, ничего не сдѣлаешь.

Къ Беггрову я непремѣнно напишу. Жду только отъ него отвѣта на мои письма. Впередъ благодарю васъ за вашъ уголокъ для моихъ работъ. Я думаю, лучше было бы поставить ихъ въ Абрамцевѣ. Какъ вы думаете?

Эскизъ я получилъ. Дѣйствительно, я просилъ выслать его, но я думалъ, что письмо мое къ вамъ раньше придетъ, чѣмъ отправятъ эскизъ.

Скажите, пожалуйста, думаете-ли вы о Римѣ на зиму? Конечно, желаю вамъ всѣмъ и такъ всего лучшаго. Но, право, если вы не пріѣдете, то будетъ больно скучно. Сергѣй Николаевичъ ѣдетъ на зиму въ Ментону, Ивановъ въ Россію, а сестра Елены домой; такимъ образомъ, всѣ знакомые наши расползаются.

Сѣрову [1]) желаю долго здравствовать.

Ну, пока довольно. Скоро напишу побольше. Теперь нечего больше писать; главное, не забудьте вашего старичка. А мнѣ не забыть васъ,

---

[1]) Валентину, впослѣдствіи живописцу.

потому что у меня мало такихъ, о котырхъ я помнилъ-бы такъ, какъ о васъ.

185. Къ И. Е. Рѣпину.

Sorrento. Villa Maja, 16 (28) іюля 1875 г.

Здравствуй, милый другъ мой Илья, я радъ, что наконецъ-то я получилъ отъ тебя вѣсточку; теперь знаю, куда писать. Впрочемъ не это одно было причиной моего долгаго молчанія: вѣчная ошибка моя, которая вѣчно повторяется и отъ которой никакъ не могу избавиться, состоитъ въ томъ, что я всегда хочу писать много, особенно когда есть о чемъ поговорить, но очень рѣдко могу выполнить желанія мои: сто разъ начинаю писать и почти столько-же разъ не выполняю этого... (здѣсь вырванъ, по неосторожности, уголъ листа)...

Здѣсь такъ хорошо, такъ успокоительно дѣйствуетъ на меня природа, что право у меня теперь нѣтъ ни малѣйшей охоты разсказывать тебѣ о разныхъ эпизодахъ изъ болотнаго міра, а главное, потому, что я не хочу портить ни своей крови при этомъ воспоминаніи, ни твоей.

Скажу тебѣ только, что никогда духъ Сальери (Пушкинскаго) не царствовалъ у насъ такъ, какъ теперь, въ особенности въ Питерѣ. Совершенно невѣроятно, какъ люди оскотинились, какъ отъ души злорадственно восторгаются, когда имъ удастся подставить кому-нибудь ногу (опять вырванъ уголъ листа)... Не думай, что . . . . . мнѣній, который я вывелъ потомъ, когда началась глупѣйшая полемика о памятникѣ Пушкина. Нѣтъ, другъ мой, въ такомъ случаѣ я былъ-бы не выше ихъ. Я говорилъ и писалъ это женѣ, какъ только ступилъ ногою на наши русскія земли. Тогда хотѣлось мнѣ бѣжать обратно, но вездѣ есть друзья: они уговаривали меня, и я былъ настолько неопытенъ, что остался, хотя и не въ Питерѣ. Конецъ исторіи памятника Пушкина ты навѣрное слышалъ. Все, что случилось, нисколько не удивило меня—это я предвидѣлъ, и мнѣ остается только поблагодарить моихъ друзей и недруговъ, что они помогли мнѣ вылѣзть изъ этого вязкаго болота, на которое я имѣлъ неосторожность ступить. Жаль только, что я время потерялъ, но все-таки не безъ пользы. Теперь я паруса направилъ въ другую сторону, и радъ, что теперь опять свободенъ и могу дѣлать то, что душа диктуетъ. Ну, довольно, кажется заговорился, довольно!

Какъ-же ты-то поживаешь? Отчего ты такъ мало говоришь о себѣ, о томъ, что подѣлываешь? Какъ твое здоровье? И обо всемъ ты молчишь—это совсѣмъ нехорошо.

У насъ дочь красавица, ее зовутъ Эсѳирь. Сынъ нашъ растетъ на славу. Вотъ и теперь онъ стоитъ позади меня, обнялъ меня, толкуетъ со мной и не даетъ писать. Елена здравствуетъ и шлетъ вамъ свой привѣтъ. Сергѣй Ребиндеръ, который живетъ съ нами, тоже просилъ передать вамъ разныя нѣжности. Онъ все такой-же хорошій человѣкъ, какъ прежде, жаль только, что здоровье его не совсѣмъ-то скоро поправляется.

Скажи, пожалуйста, долго-ли ты думаешь еще оставаться въ

Парижѣ? Разъ я остановилъ художника „не отъ міра сего“—Жуковскаго, и сталъ разспрашивать о тебѣ, но положительнаго ничего не могъ добиться. Я узналъ только, что ты скучаешь и хочешь обратно въ Россію. Съ моей стороны, не желаю тебѣ скучать и не совѣтую такъ скоро возвращаться въ Россію: тамъ ничего не найдешь и ничуть не опоздаешь, особенно не опоздаешь желчь разводить въ себѣ, или иконостасы плодить — а это единственные два исхода для нашихъ русскихъ художниковъ. Въ Россію ты всегда поспѣешь, а изъ Россіи выѣхать не всегда удастся: это будетъ гораздо труднѣе. А знаешь, если-бы ты теперь пріѣхалъ въ Россію, именно въ самый расцвѣтъ петербургской погоды, когда въ 10 часовъ утра только что начинаешь кое-что различать изъ предметовъ, небо давитъ тебя точно свинцовая плита, подъ ногами мокро, скользко и грязно, а иногда еще косой мокрый снѣгъ, который безъ церемоніи хлопаетъ тебѣ прямо въ лицо! Куда ни пойди, вездѣ какое-то озлобленіе встрѣчаешь, и не успѣешь еще самъ себя расшевелить, какъ глядь — и сумерки, а ночь тамъ длинная, безконечная. Конечно, ты все это хорошо знаешь, и даже, можетъ быть, все это опоэтизируешь себѣ. Но помнишь твой-же разсказъ о томъ, какъ ты пріѣхалъ въ Петербургъ, и тебѣ казалось, что колокольня въ Чугуевѣ гораздо выше Исакіевскаго собора? Да, другъ мой, чтобы видѣть дѣйствительность, надо не поддаваться чувству, особенно когда чувство у тебя не сознательное, а вытекаетъ только изъ личной симпатіи. По крайней мѣрѣ въ подобныхъ случаяхъ это такъ. Ну, объ этомъ довольно.

Какъ я завидую тебѣ, что ты былъ въ Лондонѣ! А вѣдь я тоже хотѣлъ-было побывать, и именно съ тобой вмѣстѣ. А вотъ отчего. Недѣлекъ шесть тому назадъ, я получаю письмо отъ Стасова, что онъ былъ нездоровъ и что онъ ѣдетъ въ Парижъ, и поѣдетъ въ Лондонъ съ тобой, коли ты захочешь. Я обрадовался этому случаю, и сейчасъ-же написалъ ему, спрашивая, когда онъ ѣдетъ, для того, чтобы возможно было намъ встрѣтиться въ Парижѣ. Но отвѣта не пришло. Съ кѣмъ-же ты ѣздилъ? А между тѣмъ я неспокоенъ, здоровъ-ли онъ? Какъ хочешь, а этотъ человѣкъ лучшій изъ людей, какихъ я только встрѣчалъ. Конечно, и онъ способенъ дѣлать промахи, и очень сильные, но съ кѣмъ изъ насъ этого не случается? Онъ былъ очень огорченъ, что ты не писалъ ему.

Статья въ „Пчелѣ“, а также и рисунокъ на деревѣ эскиза моего (главное—безъ позволенія), изданный Адріаномъ Праховымъ — вотъ, какъ видишь, вотъ какъ друзья способны удружить. Надѣюсь, что скоро ты получишь и хорошую фотографію.

Теперь—я не буду лѣтомъ въ Парижѣ, а буду весной съ „Иваномъ Грознымъ“ и съ „Христомъ“ и, можетъ быть, останусь въ Парижѣ надолго.

186. Къ С. И. Мамонтову.

Sorrento, 18 (30) іюля 1875 г.

Только что прочиталъ я въ „Голосѣ“ грустную вѣсть о смерти

Валентины Сѣровой [1]). Что это такое? Я просто пораженъ такъ, что не могу ничего сказать вамъ. Бога ради не медлите сообщить мнѣ, что за причина ея смерти.

Чортъ знаетъ, что такое!!

Ради Бога, сообщите мнѣ обо всемъ, мнѣ все это какъ-то не вѣрится. Что съ мальчикомъ, Тоней? Гдѣ онъ теперь? Я готовъ взять его къ себѣ, но гдѣ же онъ тогда будетъ учиться? Вообще, если что-нибудь нужно для него, я готовъ на все. Пишите, ради Бога. Скорѣе, скорѣе!!!

187. Къ В. В. Стасову.

Sorrento, 11 (23) августа 1875 г.

Очень вы обрадовали насъ вашимъ письмомъ, хотя мы хорошо знаемъ, что теперь вы находитесь въ разъѣздахъ, и оттого вамъ было некогда писать. Тѣмъ не менѣе, мы съ нетерпѣніемъ ждали отъ васъ извѣстій... Да притомъ мнѣ самому было скучно безъ дружескихъ, хотя дальнихъ словъ. Какъ на грѣхъ, я ни отъ кого не получаю ни одной строчки. А вы знаете, что побесѣдовать съ близкими людьми, которыхъ уважаю, поспорить съ ними—это для меня просто необходимо въ жизни, какъ воздухъ и солнце, и если не могу этого достичь при личномъ свиданіи, то, по крайней мѣрѣ, хоть письменно.

Теперь я нахожусь въ Sorrento, среди лимонныхъ рощъ, около моря, а передо мной—Везувій. Но увы! Ни то, ни другое, ни третье не способно долго удовлетворять меня, и въ этомъ право я не совсѣмъ виноватъ. Въ Sorrento хорошо, чудно какъ хорошо, но только какъ въ мягкой кровати послѣ усталости; но здѣсь невозможно долго оставаться, также какъ въ мягкой кровати невозможно долго перекачиваться съ боку на бокъ.

Теперь я достаточно отдохнулъ, чтобы начать скучать. И дѣйствительно, я теперь одного желаю, какъ-бы поскорѣе прошло время, чтобы возможно было поѣхать въ Римъ и серьезно начать работать. А здѣсь это невозможно: какъ-то чувствуешь себя точно развинченнымъ, таешь подъ жгучими лучами солнца. Вотъ уже давно я началъ голову „Спинозы“ (этюдъ) и до сихъ поръ нѣтъ достаточно энергіи, чтобы кончить ее. Странно, что это за разбаловывающій климатъ здѣсь!! А вѣдь уѣдемъ, непремѣнно будемъ жалѣть, и когда потомъ пріѣдемъ, непремѣнно будемъ опять восторгаться; но опять-таки кончится тѣмъ, что надоѣстъ, и отъ души будемъ ругать то, чѣмъ раньше восторгались. Вотъ, что значитъ дѣйствовать не въ мѣру! Впрочемъ, надо и то сказать, что тутъ я самъ болѣе виноватъ, чѣмъ природа. Виноватъ я потому, что отдыхаю послѣ отдыха: меня очень безпокоитъ и досадуетъ, что прошлый годъ ушелъ такъ глупо и безвозвратно.

Боже мой, какъ бы я желалъ теперь видѣть васъ! Видѣть друга, передать ему все, все, что накипѣло на душѣ, все, что передумалъ—это для меня просто необходимо! Ужасно досадно, что вы не можете

---

[1]) Дочь композитора А. Н. Сѣрова.

пріѣхать! А мы тутъ уже позволяли себѣ часто мечтать, какъ мы увидимся, какъ вмѣстѣ проведемъ время и даже не забыли вашихъ любимыхъ пирожковъ.

Жаль, очень жаль, что вы не пріѣдете! А какъ-бы мы были рады вашему пріѣзду, какъ были бы благодарны вамъ за это!

Пріѣздъ Рѣпина немало радуетъ меня. Очень близко я чувствую его къ себѣ, несмотря на то, что очень рѣдко мы переписываемся и еще рѣже видимся. Если онъ хочетъ ѣхать, то теперь самое лучшее время, потому что теперь жары начинаютъ спадать, а потомъ начнутся дожди, что не совсѣмъ удобно для него. Обо мнѣ рѣшительно нечего сказать или, говоря иначе, теперь я рѣшительно ничего не умѣю о себѣ сказать—въ головѣ пусто и гладко. Одно могу сказать, что готовлюсь много работать, какъ только пріѣду въ Римъ. Есть много заказовъ, но и не вытерплю, чтобы не сдѣлать что-нибудь для своей собственной души.

Я думаю, что хорошо было-бы сдѣлать попытку—сгруппировать еврейскихъ художниковъ, для того, чтобы имъ развивать свою самостоятельность. Чтобы это развивать, необходима какъ нравственная поддержка, такъ и матеріальная. Главное, хотѣлось мнѣ обратить вниманіе на развитіе у евреевъ индустріальныхъ издѣлій, которыя имѣютъ очень тѣсную связь съ искусствомъ, а главное, свою самостоятельную силу. (Повторяю здѣсь все то, что вы однажды сами предлагали). Чтобы что-нибудь начать въ этомъ родѣ, раньше всего нужно разузнать: сколько теперь есть еврейскихъ художниковъ, потомъ: насколько они сильны для того, чтобы посредствомъ ихъ можно было двигать это дѣло впередъ, и, наконецъ, надо подумать о томъ, что слѣдуетъ предпринять, чтобы развивать искусство (наглядное) среди евреевъ. Я самъ не знаю, сколько еврейскихъ художниковъ. Вотъ недавно я узналъ, что рядомъ со мною живетъ скульпторъ еврей-американецъ, получившій воспитаніе въ Берлинѣ, получившій премію и также заказъ памятника. Пріѣхалъ онъ сюда работать. Человѣкъ съ дарованіемъ, жаль только, что академическая схоластика испортила его вкусъ. Потомъ, недавно уѣхалъ отсюда пенсіонеръ французской академіи, медальеръ-еврей, очень способный. Вообще, еврейскихъ художниковъ здѣсь больше, чѣмъ я думалъ.

Мнѣ кажется, хорошо было-бы поговорить объ этомъ съ барономъ Г. О. Гинцбургомъ. Что касается меня, то я готовъ сдѣлать для этого все, что только будетъ зависѣть отъ меня. Вотъ почти цѣлое лѣто думаю объ этомъ, и долженъ признаться, что яснаго и прямого пути для этого я еще не усвоилъ себѣ. А сознаю, что это было-бы болѣе, чѣмъ хорошо! Я думаю, что когда буду въ Парижѣ, то тамъ всего этого возможнѣе будетъ достичь.

188. Къ С. И. Мамонтову.

Sorrento, 29 августа 1875 г.

Здравствуйте, дорогой другъ Савва Ивановичъ!

Представьте, что сталось со мною? Я сталъ лѣнивъ письма пи-

сать! Неправда-ли, это диковинка? Вотъ уже давно у меня въ головѣ какъ-то все застыло. Мысли ни съ мѣста, въ душѣ какая-то апатія, и нѣтъ охоты разогрѣвать мозгъ. Какъ это ни странно, но тѣмъ не менѣе это такъ, и я долженъ сказать, что я не особенно этому удивляюсь: это вытекаетъ изъ двухъ причинъ: во-первыхъ, здѣсь, среди этой чудной природы, можно только отдыхать послѣ усталости, но никакъ не дѣйствовать, а я уже достаточно отдыхалъ, чтобы начать скучать. Это я и дѣлаю, и, благодаря этому, я нахожусь въ какомъ-то глупомъ состояніи. Во-вторыхъ, часто, отдыхая физически, я думаю о новыхъ мотивахъ для искусства, и это даетъ мнѣ пищу на довольно долгое время. А теперь какъ-то все давнымъ-давно готово въ моихъ идеяхъ для моихъ будущихъ работъ: образы стоятъ предо мною, и я какъ будто виноватъ, что не выливаю ихъ въ дѣйствительныя формы. Теперь единственное мое желаніе — какъ-бы поскорѣе взяться за работу. Буду работать, работать и работать. Теперь я съ нетерпѣніемъ жду, когда возможно будетъ возвратиться въ Римъ, но, какъ на грѣхъ, теперь здѣсь такъ жарко, что просто нѣтъ возможности дышать (я говорю о Неаполѣ и Римѣ, а въ Сорренто отлично). Все время я нахожусь въ такомъ глупомъ состояніи, что даже не воспользовался дивнымъ случаемъ поскорѣе завести переписку съ человѣкомъ, возвратившимся съ того свѣта. Скажите, пожалуйста, В. С. Сѣровой, что письмо ея я давно получилъ и, какъ только расшевелятся мои пальцы, я непремѣнно докончу давнымъ-давно начатое къ ней письмо. Скажите также доброй и дорогой Елизаветѣ Григорьевнѣ, чтобы она и не смѣла сердиться на меня за то, что я столько разъ собирался ей писать, и ни разу не кончалъ. Причина все одна и та же.

Между прочимъ, позвольте сказать вамъ, дорогой другъ, что и вы дѣлаете то же самое, что и я, насчетъ писемъ. Кажется, я ужъ давненько не получалъ отъ васъ ни слова. Впрочемъ, это я говорю вамъ по секрету.

Какъ всѣ у васъ поживаютъ?

Здѣсь всѣ здравствуютъ, спятъ, зѣваютъ, потомъ зѣваютъ и спятъ. Ну, чего больше?

Стасовъ теперь въ Парижѣ. Я ждалъ его сюда, но недавно получилъ письмо, что онъ не пріѣдетъ; это опечалило меня. За то, по словамъ его, сюда ѣдетъ Рѣпинъ, чтобы сдѣлать нѣсколько этюдовъ для своей новой картины. Я жду его, какъ манны небесной.

Сергѣя Ребиндера ждемъ на зиму въ Ментону. Ну, вотъ вамъ всѣ новости. Что у васъ, что вы думаете впередъ? Не думаете-ли пріѣхать сюда? Это былъ-бы для меня просто рай. Пожалуйста, пишите.

Изъ Рима я получилъ извѣстіе, что ящики съ бюстами прибыли, но оба разбиты вдребезги. Когда пріѣду въ Римъ, напишу, можно-ли ихъ склеить, а если нѣтъ, то придется выслать еще одинъ бюстъ, дѣлать нечего!

Что, бываетъ-ли у васъ Невревъ? Пожалуйста, передайте ему мой дружескій привѣтъ. Какъ поживаетъ П. А. Баташовъ (пред-

ставьте, его фамилію я никакъ не могъ припомнить). Мой сердечный поклонъ ему.

Вотъ что я хотѣлъ сказать вамъ: недавно я получилъ письмо отъ княгини Мещерской, которая извѣщаетъ меня, что на-дняхъ ея управляющій занесетъ вамъ 2000 рублей. Я надѣюсь, что вы не откажетесь принять ихъ; и если онъ принесъ ихъ вамъ, то очень прошу выслать мнѣ; это будетъ какъ разъ кстати. Я-бы просилъ выслать ихъ вексемемъ въ Парижъ на 3 мѣсяца, а впрочемъ, вы навѣрное знаете, какъ лучше.

Къ Беггрову я писалъ, чтобы онъ выдалъ вамъ бюстъ изъ мрамора, также и „Ивана Грознаго“ изъ мрамора.

Пожалуйста, посмотрите, чтобы они были хорошо уложены для переправки. Надѣюсь, что вы это сдѣлаете для меня. Извините меня, ради Бога, за мое письмо, вѣдь сказано, что море у меня теперь на точкѣ замерзанія. Я остаюсь здѣсь до 10-го сентября, а семья до 1-го октября; во всякомъ случаѣ, можете еще писать на адресъ— Sorrento, Villa Maja.

Крѣпко обнимаю васъ мысленно и очень хотѣлось-бы, что бы это случилось въ дѣйствительности и какъ можно поскорѣе.

189. Къ В. В. Стасову.

Sorrento, 29 августа (10 сентября) 1875 г.

. . . До сихъ поръ я все ждалъ Рѣпина, а онъ не только не ѣдетъ, но даже и письма не шлетъ. Теперь я пересталъ ждать его.

Здѣсь я остаюсь до 15-го сентября, уже давно хочу уѣхать, только всѣ находятъ, что теперь будто-бы лучшее время для купанья, а мнѣ кажется, что изъ всего этого мало проку мнѣ. Пока я знаю одно достовѣрно, что здѣшнія жары скверно дѣйствуютъ на мои нервы!

Съ нетерпѣніемъ жду, чтобы прозябаніе мое кончилось, и начать работать, работать и работать, если здоровье не измѣнитъ мнѣ. Правда, мнѣ не все придется работать для души и для разума: очень много придется работать и для желудка и для кармана, но все-таки я доволенъ, потому—авось это дастъ мнѣ возможность впередъ не трепетать передъ копѣйкой, и свободно работать то, что душа диктуетъ. Тѣмъ болѣе послѣднее время доказало мнѣ, какъ шатко наше общественное мнѣніе: вдругъ человѣкъ теряетъ милость, не зная самъ за что, а главное, что никто и не знаетъ этого! Такъ, говорятъ: онъ такой, сякой, и оттого работа его не подобаетъ намъ. Мнѣ кажется, что теперь курсъ мой палъ—въ Россіи, по крайней мѣрѣ. Вотъ двѣ мраморныя вещи, какъ были поставлены у Беггрова, такъ и до сихъ поръ онѣ тамъ стоятъ. Но за то надо сказать, что я нисколько не падаю у себя во мнѣніи, а напротивъ! Я вѣчно терпѣть не могъ, когда вѣтеръ гналъ меня сзади, и всегда крѣпнулъ, когда я шелъ противъ вѣтра. Но, чтобы теперь разсчитывать возвратиться въ Россію, думаю, что это будетъ съ моей стороны въ высшей степени неблагоразумно. Это значило-бы отдать себя на борьбу съ комарами. Я хочу

раньше всего работать, и много работать, и тогда трудъ мой гораздо краснорѣчивѣе будетъ говорить самъ за себя, чѣмъ всѣ мои теперешнія старанія. Однако довольно объ этомъ! Заболтался, самъ не знаю отчего; просто, видно, надоѣло молчать.

Пожалуйста, сходите къ Беггрову и попросите, чтобы онъ не медлилъ дѣломъ насчетъ маленькихъ фигурокъ „Ивана Грознаго", а то просто нѣтъ охоты продолжать. Кромѣ того, что приходится платить за запаковку, распаковку, провозъ, комиссію и т. д. приходится еще ждать деньги нѣсколько мѣсяцевъ. Между тѣмъ, я выкладываю свои деньги, а ихъ лишнихъ нѣтъ у меня. Просто: „овчинка не стоитъ выдѣлки". Я просилъ Беггрова, чтобы онъ деньги или выслалъ мнѣ, или вамъ передалъ. Когда получите, тогда, очень прошу васъ, выпишите для меня газету „Голосъ" на 6 мѣсяцевъ; потомъ, укажите мнѣ хорошій художественный журналъ — французскій или нѣмецкій, — все равно. Вообще прошу васъ, не оставьте меня безъ умственной пищи. Если что-нибудь будетъ новаго въ литературномъ мірѣ, пожалуйста, вышлите—выборъ предоставляю вамъ.

Зиму, кажется, мы будемъ проводить мирно, въ уединеніи—друзей вовсе не будетъ у насъ въ Римѣ, а знакомыхъ тоже мало. Впрочемъ, послѣднихъ и не надо! Надоѣла мнѣ эта пестрая толпа людей, между которыми ничего нѣтъ общаго, и которые сходятся только въ одномъ: въ бездѣльничаньи.

Семейство мое здравствуетъ. Іегуда и Эсѳирь просто растутъ на славу. Я жду отъ васъ длиннаго письма, навѣрное вы сообщите мнѣ обо всемъ, что вы видѣли замѣчательнаго и новаго, въ особенности очень желаю знать о Рѣпинѣ. Что Мусоргскій? Какъ поживаетъ ваша Софія? Пишите обо всемъ, и что новаго въ художественномъ мірѣ, потому что безъ васъ я ничего не знаю, ибо ни съ кѣмъ не имѣю переписки.

190. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, сентябрь 1875 г.

Сейчасъ получилъ я ваше сердечное и дружеское письмо, и не могу не сказать хоть вкратцѣ, что̀ теперь у меня на душѣ. Впрочемъ, вы хорошо знаете меня, и оттого вамъ легко отгадать, что̀ теперь во мнѣ происходитъ. Прибавлю только, что я потомокъ тѣхъ евреевъ, на которыхъ Моисей жаловался, что они „народъ упрямый, не сгибающій шеи", хотя-бы и передъ самой судьбой. Теперь я, какъ лихой конь, получившій сильный и больный толчокъ шпорами — несусь въ аттаку, впередъ, впередъ!!.. Мнѣ кажется, что я уже встрѣтился съ смертью и заглянулъ ей прямо въ лицо, и послѣ того она болѣе не страшна мнѣ. Я не боюсь ея, а лишь страшно ненавижу, и теперь дѣлаю все, чтобы не попасть, какъ трусъ, въ ея ловушку. Хочу жить, хотя-бы на зло самой смерти, хочу дѣло дѣлать на зло самому злу.

Я теперь сильно работаю и этимъ лечусь. Я теперь очень занятъ и, какъ только кончу „Сократа", ѣдемъ въ Россію, и тогда не замедлю явиться къ вамъ.

Ужасъ какъ хочу поскорѣе видѣть васъ! Думаю прожить у васъ недѣльки двѣ — три, а потомъ ѣхать на воды. Куда? Не знаю. Куда доктора пошлютъ.

Въ Римъ не хочу больше возвращаться, думаю пожить теперь немного въ Парижѣ, или во Флоренціи, все это будетъ зависѣть отъ эскулаповъ.

Надо сказать вамъ, что у насъ было въ домѣ еще нѣкоторое прибавленіе къ нашимъ несчастіямъ, а именно: за два дня передъ нашими праздниками, мамка вздумала эксплуатировать насъ, и вдругъ потребовала Богъ знаетъ чего, а чтобы доказать свою силу, бросила ребенка, а сама ушла. Пришлось отнять ребенка отъ груди. Было нехорошо; слава Богу, что теперь все это кончено. Потомъ, когда я началъ работать „Сократа", вдругъ сильный стукъ, и что-же? — полъ — „Сократа" обвалилось! Какъ вы видите, страшно не везетъ. Но и „Сократъ" установленъ, и я скоро кончаю его. Все это было-бы ничего, если-бы проклятый кошмаръ не подкрадывался часто: на сердцѣ подымается что-то гадкое и идетъ все выше и выше, останавливается у горла. Больно! Но ничего, больше не кричу! Остерегаюсь, чтобы жена не погубила своей жизни изъ-за меня и ребенка.

Скажите, другъ мой, что у васъ теперь дѣлается? Представляю себѣ, сколько вы теперь трудитесь! Ну, и дай Богъ вамъ всего лучшаго, чтобы вы всегда побѣждали во всемъ. Одно только: ради Бога, не торопитесь жить, не уходите слишкомъ въ дѣло; это необходимо для васъ, да и для всѣхъ, васъ окружающихъ.

„Христа" заканчиваю изъ мрамора; онъ очень удаченъ. И такъ, черезъ мѣсяцъ онъ будетъ совсѣмъ готовъ.

Какія инструкціи вы дадите относительно его? Пожалуйста, пишите.

191. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 18 сентября (7 октября) 1875 г.

. . . Я началъ работать не шутя, и если здоровье не измѣнитъ мнѣ, то много буду работать.

О работахъ своихъ я говорить не буду, знаю впередъ, что онѣ не особенно понравятся вамъ, собственно потому, что тутъ заказы. Но не забываю и о самомъ себѣ, несмотря на то, что на шеѣ лежатъ заказы. Я все-таки началъ новую статую: — „Смерть Сократа". Конечно, это вовсе не будетъ новостью, какъ самъ „Христосъ", но надѣюсь, что этой фигурой я съумѣю создать совершенно новое впечатлѣніе. Конечно, лишнее будетъ сказать, что я не дѣлаю того, что разъ сто было сдѣлано: какъ онъ, Сократъ, пьетъ чашу съ ядомъ. Однако замолчу объ этомъ, потому что убѣдился, что мои работы лучше говорятъ за себя, чѣмъ я ихъ описываю.

. . . Представьте себѣ, что мошенникъ Беггровъ насчиталъ на меня 26 рублей за то, что получилъ мои ящики (т.-е. маленькія фигурки „Ивана Грознаго") съ желѣзной дороги, между тѣмъ, какъ я меньше заплатилъ за весь провозъ. Чортъ съ нимъ!

У меня есть кое-что выслать изъ бронзовыхъ вещей для продажи, но просто охоты нѣтъ, да притомъ не знаю, на чье имя. Къ Беггрову я болѣе не желаю адресовать, а другихъ не знаю, да и ни съ кѣмъ не переписываюсь.

Мой Пушкинъ (эскизъ) итальянцамъ сильно нравится, конечно критикъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ гораздо большій знатокъ, а всётаки они смѣло называютъ русскихъ „ослами“.

Фигурку Пушкина я отливаю изъ бронзы, а также нѣкоторыя изъ маленькихъ фигурокъ, въ томъ числѣ и Пугачева.

192. Къ И. Е. Рѣпину.

Римъ, 15 (27) октября 1875 г.

Твое письмо я давно получилъ, но не отвѣчалъ сейчасъ потому, что не совсѣмъ здоровъ: все возился съ проклятымъ желудкомъ, но теперь хорошо, да и все семейство тоже не совсѣмъ здравствовало, но теперь все по-старому.

Здѣсь теперь Солдатенковъ, онъ остается еще нѣсколько дней, а потомъ ѣдетъ прямо въ Парижъ. Здѣшніе художники ухаживаютъ за нимъ до тошноты; просто не знаешь, что это такое: раболѣпство или лицемѣрство. Но странно то, что въ подобныхъ демонстраціяхъ принимаетъ участіе и Семирадскій. Неужто все это для того, чтобы продать картинки? А впрочемъ, очень можетъ быть, что я ошибаюсь, очень можетъ быть, что тутъ дѣйствительно происходятъ сердечныя изліянія, или просто отъ нечего дѣлать. Пожалуйста, не говори никому, о чемъ я пишу тебѣ вообще.

Кто-то здѣсь выдумалъ нелѣпость, что ты бѣжишь изъ Парижа, не знаю кто. Конечно, не Семирадскій и не Ковалевскій, а какой-нибудь дуракъ; но думаю, что есть умники, которые слушаютъ подобныя нелѣпости и не считаютъ долгомъ опровергать ихъ. Что прикажешь дѣлать, мой другъ,—право смѣшно! Если хочешь, чтобы никто ничего не говорилъ о тебѣ, то отстоpонись и перестань шевелить мозгами и руками. Но если осмѣлишься двигаться, особенно впередъ, то знай, что шавка всегда повѣдаетъ о тебѣ, съ лаемъ, да и не одна шавка, особенно, если замѣтятъ, что ты хоть на вершокъ выше другихъ. Что касается до меня, то я непремѣнно хочу двигаться впередъ, и непремѣнно, чтобы шавка провожала меня—право веселѣе! Этотъ курьезъ я передалъ тебѣ собственно для того, чтобы ты хорошенько посмѣялся, да и только.

Мы же проводимъ время мирно и хорошо, никуда не ходимъ, ни съ кѣмъ не встрѣчаемся, читаемъ книги, журналы, ходимъ въ театръ, а главное, работаемъ. Такъ и проводимъ время, правда безъ мудрецовъ, но за то и безъ глупцовъ.

Сегодня я получилъ письмо отъ Стасова; радъ, что онъ здравствуетъ, а это главное, что и требовалось, а то я уже думалъ и передумалъ то и се.

Главный предметъ письма его состоитъ въ томъ, что онъ отъ всей

души желаетъ возвратить меня на путь истины, потому что я ударился въ казенщину, рутинность и т. д. Говоря откровенно, я нисколько не сержусь на него за это, за то и нисколько не слушаюсь, хотя со вниманіемъ слушаю его.

Странно, есть люди, которые хотятъ стать выше, взглянуть на дѣло шире, хотятъ видѣть въ искусствѣ болѣе разнообразія, а между тѣмъ сами не замѣчаютъ, что становятся односторонними и рѣшительно ничего не терпятъ изъ всего того, что только не подходитъ къ ихъ міросозерцанію. Удивляюсь, какъ подобные люди не видятъ, что всякій человѣкъ есть новость на свѣтѣ, что всякая эпоха, всякая нація, и всякая партія во всякое время смотритъ на искусство совершенно иначе. Кто между всѣми правъ? На это каждый отвѣтитъ за себя, что „я правъ".

В. В. нападаетъ на меня, что я трогаю избитые сюжеты. Положимъ, что это такъ, но развѣ въ томъ дѣло? Главная суть въ томъ, какими глазами авторъ посмотритъ на эти старые сюжеты. Я знаю, что главный недостатокъ художника не въ томъ, что онъ берется за сюжетъ, который уже былъ представленъ, а въ томъ, что онъ не умѣетъ смотрѣть на этотъ сюжетъ собственными глазами, а смотритъ чужими глазами.

Если тебѣ интересенъ мой взглядъ на этотъ старый сюжетъ „Сократа", то я могу вкратцѣ высказать тебѣ это.

Представь себѣ человѣка, достигшаго высшаго сознанія человѣчества; онъ совершилъ свой путь съ успѣхомъ, за это надъ нимъ совершается приговоръ: „умереть раньше, чѣмъ природа назначила это", и онъ умѣетъ умереть такъ же, какъ умѣлъ жить. Безъ всякихъ тревогъ онъ выпиваетъ чашу яда и закрываетъ глаза спокойно и торжественно... онъ побѣдилъ даже самую смерть... Случалось ли когда-нибудь тебѣ взглянуть смерти въ лицо? Послѣ страданій, послѣ тревогъ, послѣ всѣхъ гадостей, которыя мы встрѣчаемъ на пути жизни, ты видишь человѣка угомонившагося; лежитъ онъ неподвижно, а лицо его молчаливо и торжественно, и ты не отыщешь на немъ ни просьбы, ни зависти, ни страданія, а увидишь какое-то колоссальное спокойствіе, точно онъ, этотъ человѣкъ, вошелъ вглубь себя и разрѣшилъ загадку жизни... и страшно, и любопытно становится тебѣ, глядя на эту неподвижную вѣчность, и тебя охватываетъ какое-то таинственное желаніе... чего именно? Этого ты не можешь разрѣшить, такъ же какъ не можешь разрѣшить, отчего именно человѣкъ рождается, а если рождается, то отчего онъ торопится жить и не даетъ другимъ жить?...

Да, другъ мой, есть смерть, которая внушаетъ тебѣ не ужасъ, не отвращеніе, а напротивъ—ты видишь какую-то мирную или міровую душу, и какую еще!..

Если бы я былъ въ Россіи, то, очень можетъ быть, что тамъ что-нибудь другое поражало бы меня, и конечно тогда, пожалуй, Стасовъ былъ бы правъ, если-бы онъ сталъ меня упрекать, зачѣмъ я творю на такіе отдаленные сюжеты.

Но теперь, живя въ Римѣ, воля твоя, я не могу работать ни

на русскіе сюжеты, ни на еврейскіе, а еще меньше на итальянскіе. Все, что я сдѣлаю въ этомъ родѣ, будетъ все не то, не то, что слѣдуетъ; всегда извѣстную дань приходится отдать духу итальянскому, да притомъ я хочу теперь, хочу дѣлать тѣ сюжеты, которые всѣмъ извѣстны, потому что я хочу съ этимъ выступить въ Европѣ, а не въ Россіи.

Очень желалъ бы я сдѣлать „Сократа", и съ тремя произведеніями явиться въ Парижъ. Увидимъ, что скажутъ!

Скажи, пожалуйста, отчего ты совѣтуешь мнѣ привезти въ Парижъ только „Христа"? Я думаю, или привезу всѣ три статуи (конечно, если „Сократъ" будетъ удаченъ), или ничего: во-первыхъ, потому, что ни за что я не хочу выставлять „Христа" на дворѣ, и во-вторыхъ, что произведенія мои требуютъ интимности, и только тогда могутъ производить извѣстное желаемое впечатлѣніе.

Скажи, пожалуйста—есть-ли въ Парижѣ мѣсто, гдѣ бы можно было бы выставлять отдѣльно? Это мнѣ очень важно знать. Я долженъ сказать тебѣ, что я очень жалѣю, что ты дольше не остаешься въ Парижѣ. Мнѣ было бы очень удобно, если бы ты остался еще на годикъ. Гдѣ теперь Полѣновъ? Передай ему мой поклонъ; ну, а Савицкій, гдѣ онъ теперь, не знаешь?

Пиши скорѣе, да не лѣнись. Не можешь ли ты прислать мнѣ фотографіи съ твоихъ произведеній? Очень мнѣ желательно видѣть, что ты сдѣлалъ.

Я думаю, что картина „Странники" должна быть хороша. Почему я такъ думаю—не знаю, но думаю, что не ошибаюсь въ предчувствіи. Не сердись, что столько я наболталъ. Что дѣлать, другъ мой! кому же надоѣдать болтовнею, какъ не другу?

193. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 29 октября (10 ноября) 1875 г.

Я слышалъ, что нѣкоторые художники желаютъ пожертвовать что-нибудь изъ своихъ произведеній въ пользу герцеговинцевъ. Этому я очень радъ и очень желаю присоединиться къ этимъ художникамъ, и отдать бюстъ „Петра" изъ мрамора для того же назначенія. Лишнее будетъ сказать, что это я дѣлаю ни какъ христіанинъ, ни какъ славянинъ, а какъ человѣкъ, вообще сочувствующій герцеговинскому дѣлу.

Бюстъ „Петра" находится теперь или у Беггрова, или же у С. И. Мамонтова. Въ обоихъ случаяхъ достать его вамъ будетъ не затруднительно.

Если бюстъ проданъ, то въ такомъ случаѣ я не замедлю выслать такой же.

Кстати о Беггровѣ, что это такое: вѣдь до сихъ поръ молчитъ онъ, бестія! Такъ просто нельзя съ нимъ дѣло имѣть. Я хотѣлъ-было послать: бюстъ „Ивана Грознаго", бюстъ „Боткина" (оба бронзовые), потомъ двѣ маленькія фигурки „Ивана Грознаго", но право охоты

нѣтъ. Вообще, я пересталъ заниматься изданіемъ моихъ вещей, не стоитъ! О себѣ сказать нечего — все по старому, да и похварываю все по старому. Что дѣлать, другъ мой дядя, не всегда же по бѣлымъ камушкамъ ходить.

194. Къ нему же.

Римъ, 2 (14) ноября 1875 г.

Кажется, я забылъ попросить васъ, чтобы заявленіе мое о пожертвованіи бюста „Петра I" въ пользу герцеговинцевъ было напечатано (если это возможно), собственно потому, что я ни за что не желаю быть навязчивымъ, ни христіаниномъ, ни славяниномъ.

Я здравствую отлично, усердно началъ работать, и оттого прошу извиненія, что теперь такъ мало пишу.

195. Къ И. Е. Рѣпину.

Римъ, 6 ноября 1875 г.

Мой дружокъ Илья!

Очень благодаренъ тебѣ за твое сегодняшнее письмо. Спѣшу отвѣтить, потому что нехорошо откладывать.

Твое письмо обрадовало меня во всѣхъ отношеніяхъ. Я радъ, во-первыхъ, потому, что тебѣ нравится идея „Сократа"; это теперь для меня нравственная поддержка. А воля твоя, какъ бы человѣкъ ни былъ увѣренъ въ себѣ, но постоянное одиночество мѣшаетъ ему.

Здѣсь не съ кѣмъ совѣтоваться, все это птички небесныя, а если между ними найдется одинъ, два человѣка, отъ которыхъ можно было бы услышать что-нибудь дѣльное, то вмѣсто совѣта ты услышишь фырканье, шатанье, а сердечнаго ни на грошъ. Да Богъ съ ними!

Кажется, я сказалъ уже тебѣ, что эскизъ „Сократа" давно готовъ, остается только приняться за него серьезно, но тутъ-то именно и приходиться работать вовсе не то, чего душа желаетъ, а то, чего желудокъ требуетъ. Что дѣлать, другъ мой! Надо дѣлать такъ, чтобы и желудокъ былъ доволенъ, да и разсудокъ цѣлъ.

Я очень радъ, что ты здравствуешь, работаешь и не обращаешь вниманія на лай маленькихъ собачекъ. Желаю тебѣ всего лучшаго отъ всей души.

Стасову я написалъ вразумительное письмо, буду надѣяться, что онъ перестанетъ давать мнѣ совѣты и читать нотаціи.

О смерти Карпо [1]) ты слышалъ конечно, и даже, какъ меценаты щедро заплатили за гробъ его, и какъ скупо платили ему за искусство при жизни. Читалъ ты вѣроятно также, какъ одинъ фельетонистъ въ газетѣ „Голосъ" вначалѣ поднялъ Карпо на пьедесталъ, а потомъ сталъ отдавать ему похвалы и поклоны (а нѣтъ ничего хуже того, что фельетонистъ возьмется говорить что-нибудь серьезное, тутъ всегда выходитъ, что баба сапоги шьетъ.

---

[1]) Карпо — знаменитый французскій скульпторъ.

Что Карпо талантъ, объ этомъ всѣ знаютъ, и никто не станетъ говорить иначе, но что Карпо новаторъ въ искусствѣ, объ этомъ знаетъ только фельетонистъ, да еще подобные ему, которые готовы говорить обо всемъ, и не сказать ничего. Но чтобы Карпо имѣлъ громадное вліяніе и на русскую скульптуру — объ этомъ, я думаю, никто не знаетъ, и даже въ томъ числѣ самъ фельетонистъ. Этотъ же фельетонистъ говоритъ, что онъ могъ бы указать, кто у насъ изъ лучшихъ скульпторовъ подражаетъ Карпо, только не хочетъ назвать по имени, чтобы не обидѣть, такъ какъ они желаютъ имѣть свою собственную русскую скульптуру.

Да здравствуетъ милая матушка Россія! Грудь-то у тебя широкая, но голова-то, голова...

По-моему, насколько Карпо реалистъ по формѣ, настолько же онъ рутинеръ по сбдержанію. Вѣдь не все-ли равно, сдѣлать разныхъ плясуній съ французскихъ моделей, или чортъ знаетъ съ какихъ?

Все это старыя вещи, только на изнанку. Не то, не то есть выраженіе нашихъ душевныхъ потребностей. Впрочемъ, я говорю какъ сѣверный человѣкъ, а очень можетъ быть, что у француза иныя потребности и иные взгляды. Очень боюсь сказать (но думаю, что не ошибусь), что французы часто смѣшиваютъ скульптуру самостоятельную со скульптурой индустріальной, или декоративной (все равно!).

Это и неудивительно, если мы вспомнимъ, что художественная индустрія это та сила, которою они побѣждаютъ всѣхъ своихъ сосѣдей.

Скажи, пожалуйста, до какихъ поръ ты остаешься въ Парижѣ? Я думаю, что нечего торопиться мнѣ, если работы не будутъ выставлены на Парижской выставкѣ. Я хочу пріѣхать въ Парижъ какъ можно скорѣе, но, съ другой стороны, я непремѣнно желалъ бы привезти съ собою и „Сократа“.

Я даже думаю пріѣхать сначала одинъ, осмотрѣть, и, если найду удобное помѣщеніе, то нанять мастерскую и тамъ выставить мои вещи, какъ я это сдѣлалъ въ Римѣ. Но это послѣднее дѣло; главное, мнѣ придется торопиться, если ты скоро уѣзжаешь изъ Парижа, а я бы непремѣнно желалъ застать тебя еще на мѣстѣ. Я здравствую, но не всегда. Семейство мое здравствуетъ.

Дѣтки растутъ отлично, желаю, чтобы и впредь шло хорошо, да и того же самаго желаю и вамъ. Какъ поживаютъ ваши дѣтки?

Ну, довольно. Будь здоровъ и дай поскорѣе отвѣтъ, главное напиши, до какихъ поръ ты остаешься въ Парижѣ, а тамъ я рѣшу, какъ быть. Постой, еще что-то хочу сказать тебѣ.

Я сдѣлалъ еще одинъ эскизъ; не знаю—знаешь ли ты эту идею (она давно у меня сидитъ въ головѣ); это подъ названіемъ „За кулисами послѣ браво“. Тутъ акробатъ игралъ своимъ дитятею ради потѣхи для публики и такъ, что съ бѣднымъ ребенкомъ сдѣлалось несчастье. Тотъ, въ своемъ смѣшномъ костюмѣ, еще сидитъ на полу и держитъ своего полуживого ребенка на рукахъ, а между ними происходитъ та нѣмая и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокая душевная драма, ко-

которую можно выразить только рѣзцомъ или кистью, но невозможно передать словами. Вотъ и все.

Какъ видишь, дорогой другъ, все-таки я не дремлю. Я долженъ еще сказать, что я давно думаю о статуѣ „Мазепа послѣ проиграннаго сраженія“: фигура должна быть сильная, выразительная, но для этого мнѣ надо быть непремѣнно въ Россіи, чего теперь я не могу достигнуть, да при томъ дай Богъ только, пока здоровье есть, еще кое-что дѣлать.

Ну, однако довольно хвастаться; при всемъ томъ часто у меня бываетъ такой „катценъ-яммеръ“, что не знаешь куда дѣваться. Думаю, что всѣ въ сто разъ лучше работаютъ, чѣмъ я. Право это тогда особенно, когда работа не клеится. Еще разъ—будь здоровъ! Твой другъ Маркъ.

Когда увидишь Полѣнова, передай ему мой поклонъ; радъ за него.

196. Къ В. В. Стасову.

Римъ, получено 19 ноября 1875 г.

Сегодняшнее письмо ваше очень и очень обрадовало меня, а главное то, что вы все тотъ-же милый, дорогой дядя!

Спѣшу отвѣчать вкратцѣ: во-первыхъ, потому, что сегодня я усталъ, какъ собака, и во-вторыхъ, у меня ревматизмъ опять явился, и оттого мнѣ не совсѣмъ удобно писать.

Бюстъ „Петра“ изъ мрамора я охотно отдаю въ пользу герцеговинцевъ. Это рѣшеніе было не только тогда, когда я писалъ вамъ объ этомъ, но давнымъ-давно я еще хотѣлъ пожертвовать гораздо больше; только пока отдаю этотъ бюстъ. Я не деньги жертвую, которыхъ у меня нѣтъ, а лишь только трудъ, чѣмъ я и богатъ. И такъ, добрый дядя, не думайте больше и передайте бюстъ туда, куда слѣдуетъ.

Подписываться на „Голосъ“ не надо, такъ какъ одинъ сосѣдъ мой уже подписался—слѣдовательно и я буду читать. На „Отечественныя Записки“ хорошо было-бы подписаться, только съ новаго года не стоитъ, такъ какъ весною я непремѣнно ѣду въ Россію и останусь лѣтомъ въ Вильнѣ. Это я дѣлаю для жены, которая очень соскучилась по роднымъ, да еще надо будетъ устроить тамъ дѣла на счетъ дома, потому что, какъ онъ до сихъ поръ существуетъ, продолжать такъ положительно невозможно.

197. Къ нему же.

Римъ 19 (31) ноября 1875 г.

Наконецъ-то я дождался вашего отвѣта. Очень грустно было узнать, что вы похварываете, но что дѣлать—это участь всѣхъ людей, которые заняты не столько головою, сколько чувствомъ. Вѣдь только „пустыя сердца бьются ровно“. На этотъ разъ я позволю себѣ похвастаться, что и у меня не пустое сердце и, слѣдовательно, оно тоже неровно бьется, и даже очень неровно, такъ что, когда док-

торъ въ Неаполѣ выслушивалъ меня, то сказалъ, что сердце у меня очень нервное, и при этомъ сдѣлалъ такую выразительную мину, что можно было подумать, что не все онъ сказалъ еще. Однако, чортъ съ ними со всѣми! Я нисколько не думаю объ этомъ; надо работать, работать и работать; жаль, что приходится останавливаться—здоровье мѣшаетъ мнѣ: проклятый катарръ въ желудкѣ не даетъ мнѣ покоя.

Я очень радъ, что вы говорите со мною такъ искренно и откровенно, но долженъ сказать вамъ, что вы ошибаетесь, если думаете, что я становлюсь ординарнымъ и теряю свою самостоятельность. Объ этомъ я бы могъ много поговорить съ вами и, конечно, съ полною убѣдительностью доказать вамъ противоположное, но пора вамъ знать меня, и то, что я гораздо лучше владѣю рѣзцомъ, чѣмъ перомъ, и оттого я лучше буду надѣяться, что работа моя сама за себя скажетъ.

Но все-таки выскажу вамъ, что я отъ всей души желаю быть реалистомъ. Да, это мой идеалъ! Только реалистъ не въ узкомъ смыслѣ слова. Я съ полнымъ сознаніемъ отдаю справедливость всякому искусству во всякое время. Всѣхъ хорошо знать, но отвратительно имъ подражать (это я уже нѣсколько разъ высказывалъ). Нехорошо, потому, что не только всякая эпоха, всякая нація не похожи другъ на друга, но и всякая эпоха и народъ смотрятъ своеобразно на одну и ту же вещь; даже всякій человѣкъ отдѣльно есть новость на свѣтѣ: его наружный видъ, его внутренній образъ мыслей, его натура — все это не похоже на другихъ и, слѣдовательно, его созданіе тоже не должно быть похоже на созданія другихъ, а раньше всего должно соотвѣтствовать ему самому, и потомъ всему, что окружаетъ его. Уродство въ искусствѣ не то, что художникъ берется за старый сюжетъ, а то, что онъ дѣлаетъ его такъ, какъ другіе. Что мнѣ за дѣло, что за „Сократа" брались многіе? А я скажу: сколько ни смотрю на этотъ избитый сюжетъ, онъ всегда остается для меня новъ, новъ потому, что я не смотрю на него чужими глазами. Я долженъ сказать еще: за какіе сюжеты я бы ни брался—въ нихъ всегда будетъ отражаться все то, что накипѣло у меня на душѣ. Обвинять меня въ томъ, что я не чувствую и не живу настоящей жизнью—это, по-моему, крайне несправедливо.

Вы были-бы правы, когда требовали-бы отъ меня сюжетовъ національныхъ, если-бы видѣли меня среди моей національности. Но здѣсь, живя въ Римѣ, сдѣлать что-нибудь русское или еврейское, — это, по-моему, сто разъ будетъ хуже, чѣмъ ничего не дѣлать.

Новостей у меня мало. Семейство мое поочереди хворало, но теперь все хорошо. Работа идетъ не быстро и не медленно, а такъ себѣ. Живемъ мы мирно и хорошо, но почти особнякомъ. Съ здѣшними русскими художниками я мало видаюсь, да и нѣтъ ни малѣйшей охоты встрѣчаться съ ними, потому что всѣ ихъ интересы всегда сводятся на личные и мелкіе интересы, а итальянскихъ художниковъ нельзя ни бранить, ни знакомиться съ ними, потому что они дѣти.

Какъ мнѣ кажется, я не повезу въ Парижъ на выставку ни

одно изъ моихъ произведеній, потому что, какъ Илья Рѣпинъ сообщилъ мнѣ, всѣ скульптурныя вещи на Парижской выставкѣ выставляются на большомъ дворѣ, а этого я не хочу для себя. Я думаю, что мои работы болѣе интимныя, съ ними непремѣнно нужно оставаться наединѣ, а не то, чтобы ихъ выставлять среди скульптурнаго лѣса. А впрочемъ, если можно будетъ гдѣ-нибудь отдѣльно выставить, тогда дѣло другое.

Недавно я прочиталъ въ фельетонѣ „Голоса" о смерти французскаго скульптора Карпò (это было для меня не новостью). Очень жаль, что у насъ люди слегка берутся за то, о чемъ они не хорошо знаютъ. По странному характеру, свойственному только русскому человѣку, фельетонистъ превозноситъ все, что не свое. Онъ не только увѣряетъ, что Карпò есть новаторъ въ искусствѣ, но даже и то, что у насъ въ Россіи нашлись подражатели, которыхъ онъ не желаетъ называть по имени. Плохо же онъ понимаетъ, въ чемъ именно задача новаго искусства, и еще менѣе понимаетъ самое новое искусство.

По-моему, Карпò, по внѣшней формѣ—реалистъ, но по содержанію—такой же рутинеръ, какъ и всѣ. Конечно, я нисколько не хочу оспаривать громадности его таланта, но онъ односторонenъ. Кого онъ ни дѣлалъ, всѣ у него смѣются. Вообще, по-моему, въ сущности онъ сдѣлалъ только то, что перемѣнилъ форму, т.-е. промѣнялъ кости на камни, но содержаніе у него осталось старое: геніи, вакханки и т. д., и т. д.

Пожалуйста, сходите къ Беггрову,—это просто скверно, какъ онъ поступаетъ.

198. Къ нему же.

Римъ, получено 7 декабря 1875 г.

Пишу второпяхъ, потому я теперь занятъ только тѣмъ, что работаю и хвораю, и потомъ хвораю и работаю. Проклятый желудокъ! онъ горько надоѣдаетъ мнѣ.

Я крайне удивленъ, что вы такъ энергично протестуете противъ пожертвованія моего бюста „Петра" въ пользу герцеговинцевъ. Конечно, въ этомъ я вижу, что вы вѣрный другъ мой и мое совершенно такъ-же дорого вамъ, какъ свое. За это я даже не благодарю васъ, потому что какъ-то глупо благодарить за дружбу. Но вотъ что я скажу: пора мнѣ наконецъ сознать, что я гораздо меньше дѣлаю, чѣмъ могу (я не говорю—въ области искусства). Вѣдь крайне желательно было-бы, кромѣ художника быть также и человѣкомъ. Такъ что-же я дѣлаю для этого? Къ сожалѣнію — ничего, ровно ничего! У меня есть доброе желаніе, пожалуй даже полное сознаніе, что и какъ сдѣлать. Но что-жъ изъ этого? — Опять-таки ничего! Ношусь съ проектами, говорю, болтаю (только въ послѣднее время большею частью сталъ помалчивать), а время уходитъ такъ быстро и незамѣтно, а я все жду и жду... Но вы скажете: отчего-же я здѣсь сижу, отчего я не появляюсь на полѣ дѣятельности? Эхъ, другъ мой! вѣдь „одинъ въ полѣ не воинъ", да и не въ такихъ воинахъ, какъ я,

нуждается сѣверъ. По разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, физическая сила моя разстроена, она не въ состояніи будетъ долго перенести сѣверной атмосферы, или, говоря наоборотъ, сѣверъ не терпитъ такихъ разстроенныхъ организмовъ: онъ уничтожаетъ ихъ и потомъ выбрасываетъ ихъ, какъ волны разбитый челнокъ. Однако, я отошелъ отъ самаго предмета.

Теперь я вызвался пожертвовать бюстъ изъ мрамора, который я лично оцѣнилъ въ 2,000 рублей, и который мнѣ самому стоитъ ровно четверть (а между прочимъ, буди сказано, что и этой четверти до сихъ поръ я не получилъ за него). Вы находите, что это необузданно съ моей стороны? Странно! И именно потому, что это говорите вы, добрый дядя. Правда, говоря вообще, я отъ души терпѣть не могу всякую рѣзню, хоть-бы тамъ рѣзали моего будущаго убійцу. Но когда уже люди вышли изъ терпѣнія, и съ оружіемъ въ рукахъ протестуютъ противъ насилія и деспотизма, и когда эти люди обращаются за помощью и хлѣбомъ къ человѣчеству, то, право, не хорошо подавать имъ крошки, а не отрѣзать имъ кусокъ хлѣба. А мы этого не дѣлаемъ собственно потому, что другіе не дѣлаютъ.

Теперь я долженъ сказать, что вначалѣ я желалъ пожертвовать также и маленькаго „Ивана Грознаго“ изъ мрамора, и вызвать всѣхъ художниковъ на принятіе участія въ этомъ, но перваго я не сдѣлалъ потому, что послушался другихъ, а второго—потому, что и безъ меня было сдѣлано подобное заявленіе (вы знаете, что я всегда опаздываю, но все-таки успѣваю). Теперь я представляю себѣ, какимъ безумцемъ вы стали-бы называть меня, если-бы я вызвался дать и „Ивана Грознаго“ изъ мрамора, а теперь самъ отказываюсь дать и „Петра I“. Какъ видите, я неупрямъ, собственно потому, что убѣжденъ: дай Богъ имѣть только добрую волю, а что дать и кому дать—у насъ всегда найдется достаточно мѣстъ.

Вчера я получилъ отъ г-на Собко письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ, что Беггровъ проситъ, чтобы я принялъ участіе въ пожертвованіяхъ герцеговинцамъ, но при этомъ проситъ, чтобы онъ уговорилъ меня пожертвовать не бюстъ „Петра I“ изъ мрамора, а лучше маленькаго „Ивана“ изъ бронзы. Въ такомъ случаѣ у меня есть голова „Ивана Грознаго“ изъ бронзы (въ натуральную величину), которая мнѣ самому стоитъ столько, сколько маленькій „Иванъ“ изъ бронзы, и если они желаютъ, то пускай напишутъ, согласны-ли они заплатить за провозъ и за упаковку (это обойдется около 40 руб.), и тогда я немедленно вышлю.

Какъ вы видите, я щедръ на свои работы, но не особенно на деньги,—причину вы сами знаете.

Двѣ маленькія фигурки, которыя вы получите, или уже получили, прошу передать Беггрову (я ихъ выслалъ по желѣзной дорогѣ до Вильно).

P. S. Скажите пожалуйста Беггрову, что за каждую фигурку—235 рублей, дешевле не могу. Надо сказать вамъ, что эти двѣ фигурки—самой лучшей отливки изъ всѣхъ до сихъ поръ отлитыхъ, и

если вашъ братъ пожелаетъ перемѣнить, то это онъ можетъ сдѣлать.

199. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 28 декабря 1875 г. (8 января 1876 г.).

Лишнее будетъ сказать, какъ меня радуетъ продажа маленькаго „Ивана Грознаго“ изъ мрамора. Эти деньги для меня точно найденныя, да притомъ какъ разъ когда нужно. Тѣмъ лучше!

Я въ свою очередь поздравляю васъ съ огромнымъ успѣхомъ вашихъ лекцій [1])! Это тѣмъ болѣе радуетъ меня, что успѣхъ вашъ былъ не среди профановъ (какъ это большею частью бываетъ на публичныхъ лекціяхъ), а среди знатоковъ того предмета, о которомъ вы говорили (объ этомъ я читалъ въ „Голосѣ“ № 350). Но нечего обращать вниманіе на цѣлый рядъ пустоголовыхъ, которые часто сердятся, сами не зная отчего, а просто потому, что они безъ мозговъ и безъ зубовъ. Все-таки я очень радъ, что ваша прочитанная лекція—отличный урокъ для нихъ и вашъ успѣхъ въ этомъ есть отличная пробка, чтобы заткнуть имъ рты.

Жду съ нетерпѣніемъ, когда лекція будетъ напечатана, и тогда, конечно, вы не забудете обо мнѣ.

Деньги нужны, и оттого я очень прошу васъ прислать мнѣ ихъ [2]), но только лучше русскими бумажками. Пожалуйста, похлопочите, чтобы немедленно они были высланы, только застрахованныя.

Здоровье мое не совсѣмъ хорошо—вотъ уже четыре недѣли, какъ я не могу выкарабкаться изъ разныхъ непріятностей: въ груди отозвалась старая болѣзнь (легкій бронхитъ), а еще хуже это проклятый желудокъ! Когда становится очень больно, я сжимаюсь и притихаю, а когда проходитъ, я опять около работы. Однако, я энергію еще не потерялъ—работаю на славу. „Сократъ“ двигается впередъ; онъ еще не задрапированъ, но за то голова его совсѣмъ кончена. Были у меня нѣкоторые изъ лучшихъ итальянскихъ художниковъ, въ томъ числѣ и Морелли, и, какъ видно, онъ имъ сильно нравится. Однако, поживемъ и тогда увидимъ. Одного жаль и часто становится мнѣ просто непріятно,—это, что я здѣсь рѣшительно одинъ-одинехонекъ: друзей здѣсь у меня—всего только одинъ, да и тотъ не художникъ и больной. Правда, знакомыхъ здѣсь можно найти, но я требую искреннихъ бесѣдъ, а не приличной и вмѣстѣ съ тѣмъ пустой болтовни — уже лучше я буду молчать и думать про себя.

Давно уже я читалъ описаніе замѣчательнаго монумента Пушкина, работы Иванова (это описаніе я получилъ отъ С. И. Мамонтова). Боже мой, что это за ребячество!!! А видно, что дитя дѣте-

---

[1]) Въ одномъ изъ собраній «Общества русскихъ архитекторовъ» конца 1875 г. В. В. Стасовъ прочелъ лекцію, подъ заглавіемъ: «Столицы Европы». Текстъ этой лекціи былъ, впослѣдствіи, напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы», за февраль и мартъ 1876 года.

[2]) Отъ Беггрова.

любитъ, и, можетъ быть, оттого именно меня и не полюбили. И спасибо имъ за это, сто разъ спасибо!

Не получили-ли вы отъ Рѣпина чего-нибудь? Я—ни слова! Видно, онъ очень занятъ, работаетъ. Что теперь дѣлаетъ Крамской, видаетесь-ли вы съ нимъ? Не говорите ему, что я работаю „Сократа", а поклонъ прошу передать.

Очень хотѣлось-бы мнѣ явиться въ Парижѣ нынѣшней весной, со всѣми тремя статуями: „Иваномъ Грознымъ", „Сократомъ" и „Христомъ". Кажется, что успѣю, но объ этомъ до завтра, а теперь спѣшу отправить письмо, чтобы не опоздать на почту.

200. Къ нему же.

Римъ, 29 декабря 1875 г. (9 января 1876 г.).

По вчерашнему обѣщанію я продолжаю писать, тѣмъ болѣе, что все еще сижу дома и только завтра начинаю работать.

Хочу поговорить съ вами объ одномъ сюжетѣ, который меня очень интересуетъ: это „Борисъ Годуновъ". Думаю, что онъ въ своемъ родѣ драматическое явленіе, къ которому далеко не безъ пристрастія относились наши художники. Благодаря этому онъ не обрисованъ довольно рельефно. Во всякомъ случаѣ, не объяснить желалъ-бы я эту фигуру, Боже избави меня! Вѣдь нехорошо, когда „сапожникъ блины печетъ, а баба сапоги шьетъ". Я желаю создать его и смотрю на него, какъ на богатый и весьма интересный матеріалъ, который можно облечь въ характерную и художественную форму. Эта фигура давно стояла передо мною, но до сихъ поръ не довольно ясно. Теперь же, кажется, она явилась мнѣ довольно выразительно. Очень желаю дать вамъ хоть малое понятіе объ этой фигурѣ, какъ она представляется мнѣ, но боюсь, что этого не съумѣю, потому что она изъ тѣхъ фигуръ, которыя надо видѣть (на подобіе „Ивана Грознаго"), и тогда все становится ясно,—во всякомъ случаѣ попробую.

Я представляю его въ концѣ царства, когда онъ наединѣ роется въ своихъ секретныхъ бумагахъ. И что-же? Все передъ нимъ—доносы, жалобы, доносы, доносы... Онъ судорожно сомкнулъ руки, пальцы въ пальцы, самъ наклонился впередъ и какъ-то въ сторону; облокотился на ручку кресла, подъ которымъ лежитъ подобная-же бумага. По лицу его, усталому, встревоженному и какъ-то болѣзненному, скользитъ досадливая и вмѣстѣ съ тѣмъ саркастическая улыбка... Что онъ тогда думаетъ и что происходитъ у него въ глубинѣ души? Это, мнѣ кажется, будетъ ясно для каждаго настолько, насколько каждый понимаетъ его. Вѣдь и объ „Иванѣ Грозномъ" тоже каждый думалъ по-своему, также какъ и я по-своему, когда творилъ его, а между тѣмъ нельзя сказать, чтобы эта фигура была не характерная и не художественная.

Теперь, дорогой дядя, прошу вашего мнѣнія объ этомъ. Не помню, сказалъ-ли я вамъ, что я сдѣлалъ эскизъ „Акробатовъ" — вышло недурно, и даже хорошо. Содержаніе вы знаете, и оттого я не стану здѣсь распространяться.

Новостей здѣсь нѣтъ, по крайней мѣрѣ мало. Ковалевскій кончаетъ свою картину. Идея этой картины, которую я себѣ представилъ, когда видѣлъ ее начатою, потерялась, за то въ ней очень много жизни и правды. И въ краскахъ она тоже очень пріятна, хотя далека отъ всякихъ эфектовъ. Я думаю, что онъ никогда не будетъ считаться выдающимся художникомъ среди публики, но за то среди художниковъ онъ будетъ весьма уважаемъ.

201. Къ нему же.

Римъ, 3 февраля 1876 г.

. . . О себѣ мнѣ нечего сказать—я все еще не пересталъ хворать, также какъ и работать. „Сократъ" подвигается къ концу, и можете себѣ представить мое теперешнее состояніе:—я просто усталъ, да притомъ какъ-то одурѣлъ. Впрочемъ это со мною бываетъ всякій разъ, когда я работаю что-нибудь серьезное—значитъ, дѣло переходное. „Иванъ Грозный", изъ мрамора, въ натуральную величину давно готовъ; также скоро будетъ готовъ „Христосъ", тоже изъ мрамора, такъ что можно было бы послать ихъ на Парижскую выставку. Только Рѣпинъ ни за что не совѣтуетъ выставлять ихъ тамъ. Онъ говоритъ (и, по-моему, совершенно основательно), что работы мои не декоративныя: онѣ не бьютъ своими линіями и выставлять ихъ на дворѣ, подъ открытымъ небомъ, безъ освѣщенія, положительно нехорошо! Съ моими работами надо оставаться наединѣ, и тогда впечатлѣніе будетъ полное и сильное. Онъ совѣтуетъ лучше ихъ выставить гдѣ-нибудь отдѣльно; но сколько хлопотъ и возни будетъ, особенно мнѣ, не знающему ни Парижа, ни его обычаевъ, ни языка! Да притомъ сколько времени и денегъ надо потерять на это. И за что? При этомъ надо еще сказать, что разъ выставишь въ Парижѣ, то же надо будетъ сдѣлать и въ Петербургѣ, а этого я ни за что не хочу. Не хочу потому, что теперь какъ-то тамошніе люди не понимаютъ меня, также какъ не поняли эскиза Пушкина. Но это была-бы не бѣда еще, вѣдь не важно, что кричатъ, а тутъ дѣло въ томъ, что люди рады-радехоньки будутъ придраться къ чему-бы то ни было, лишь-бы повредить, а при выставкѣ „Христа" для подобныхъ людей будетъ поле обширное. Нѣтъ, дорогой другъ мой, по-моему гораздо благоразумнѣе будетъ до поры до времени не рисоваться „Христомъ", особенно теперь, въ Петербургѣ (повторяю—люди не поймутъ меня). Лучше подожду еще немного, а тамъ явится, „Сократъ", да еще одно произведеніе и еще одно — вотъ тогда непремѣнно побываю съ ними и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и въ Германіи, конечно и въ нашемъ благословенномъ Петербургѣ. Въ то время пускай говорятъ, что хотятъ, тогда все равно, а теперь я желаю одного: это—спокойствія, а потомъ работать, работать и работать, пока только силы есть.

Какъ вы видите, очень можетъ быть, что скоро мои работы появятся въ Москвѣ, но только не на выставкахъ

Деньги отъ Беггрова я получилъ. Очень и очень благодаренъ

вамъ за то, что вы распорядились ихъ выслать. А вѣдь онъ не говоритъ, кто именно купилъ. Впередъ я непремѣнно сдѣлаю съ нимъ условіе, что онъ долженъ говорить, кто покупаетъ, а также адресъ покупателя, ибо я хочу знать, гдѣ находится моя работа.

202. Къ нему же.

Римъ, 17 (29) февраля 1876 г.

Пишу вамъ только нѣсколько словъ, и то крайне не радостныхъ. Нашего дорогого сына, моего маленькаго идеала, больше нѣтъ на свѣтѣ! Страшно это говорить мнѣ! Мнѣ все еще не вѣрится, намъ кажется, что онъ гдѣ-то близко, очень близко, но мы его не видимъ больше въ дѣйствительности. Сегодня шестой день, какъ онъ покинулъ насъ, а мы все еще не можемъ опомниться отъ тяжелаго удара. Залетѣла райская птичка въ нашъ станъ, порадовала насъ, погордились мы ею, и вдругъ поднялась и улетѣла отъ насъ. Куда, куда?.. Тяжело, другъ мой, такъ тяжело, что и жить не хочется. Въ головѣ шумитъ, а въ душѣ поднимается такая буря, что если я себя не переломлю, то природа скоро переломитъ меня.

Не могу теперь ни о чемъ писать больше. Пишите же вы, если любите меня.

203. Къ нему же.

Римъ, 5 (17 марта) 1876 г.

Пишу вамъ только нѣсколько строкъ: во-первыхъ, потому, что я теперь ни о чемъ порядочно не могу говорить, душа все еще надорвана и скомкана, и я дѣлаю все, чтобы выправить ее; во-вторыхъ, я теперь сильно работаю, ибо только это способно заглушить мое внутреннее волненіе. Право смѣшно, что приходится пѣть, когда изъ глубины души рвутся крики отъ боли, а еще смѣшнѣе то, что подобныя фальшивыя ноты способны заглушить искренніе стоны. Но во всякомъ случаѣ могу сказать, что дѣлаю все, что только зависитъ отъ насъ, чтобы устоять отъ вихря, который кружится вокругъ. Нѣтъ, мой другъ дядя! Я не съежился, чтобы покорно принимать удары отъ природы. Я никогда не боялся смерти, а теперь просто ненавижу ее. А разъ я живу, то всѣми силами буду оспаривать свое право на это.

Теперь у меня одно желаніе, какъ бы поскорѣе кончить „Сократа“ и вырваться отсюда, чтобы никогда не возвращаться.

Черезъ мѣсяцъ кончаю „Сократа“, конечно, если болѣзни оставятъ меня въ покоѣ, и тогда ѣдемъ прямо въ Россію, поскорѣе повидаться съ моими немногими, но искренними друзьями, и конечно съ первымъ вами.

Елена очень и очень кланяется вамъ, она теперь для меня не Гена, а Геній.

Пожалуйста, скажите, что съ Ивановымъ [1]? Недавно я получилъ

---

[1]) М. М. Ивановъ, нынче музыкальный критикъ, знакомый Антокольскаго, въ 70-хъ годахъ, въ Римѣ.

отъ него два письма, которыя очень опечалили меня—видно, что человѣкъ весь ушелъ въ себя, а тамъ происходитъ страшный сумбуръ. И все оттого, что внѣшняя обстановка, средства для завтрашняго дня, давятъ его. Пожалуйста, подайте ему руку, вѣдь онъ тонетъ. Жаль, крѣпко жаль, вѣдь у него есть талантъ! Пожалуйста, дядя, ради человѣчества и ради меня въ особенности!

Скоро буду писать еще, не буду ждать вашего отвѣта, а вы пока пишите побольше, побольше.

204. Къ нему же.

Римъ, мартъ 1876 г.

По причинѣ всегдашней моей болѣзни, докторъ приговорилъ меня къ тому, чтобы я остался на нѣсколько дней караулить домъ, и оттого у меня есть достаточно времени бесѣдовать съ вами.

Раньше всего о дѣлѣ, только слушайте.

Меня очень удивляетъ, что г. Кауфманъ или семейство талантливаго писателя Оршанскаго желаютъ, чтобы именно я придумалъ надгробный памятникъ для этого писателя; между тѣмъ, на это есть только 600 руб. Признаюсь, хитро съ ихъ стороны такое предложеніе, а съ моей стороны будетъ еще хитрѣе что-нибудь сдѣлать относительно такой цифры. Дальше, мнѣ было даже досадно, что люди хотятъ сдѣлать что-нибудь хорошее, но при этомъ жалѣютъ своего пальца, а чужой шеи не жалѣютъ. Но въ этомъ нисколько не виноватъ самъ писатель Оршанскій.

Вотъ что я могъ придумать для него на эти скудные 600 рублей. Четырехугольный камень, въ родѣ жертвенника (жертвенники были тоже и у евреевъ). На него положена „кипа книгъ“ довольно высоко, и на самомъ верху поставлено хребтомъ его сочиненіе, надъ которымъ повѣшенъ вѣнокъ, кончающійся еврейской эмблемой, подъ названіемъ: „Магенъ Давидъ“, т.-е. „защитникъ евреевъ“. Это въ родѣ звѣзды, вотъ такъ: ✡. Это особенно идетъ для него, такъ какъ онъ защищалъ еврейскій вопросъ, слѣдовательно и самихъ евреевъ.

Я не знаю, насколько вамъ это понравится, но это все, что я могъ придумать на эти средства, и при условіяхъ еврейскихъ требованій. Затѣмъ остается вопросъ, какъ исполнить подобную задачу? Помоему, никто такъ аккуратно не сдѣлаетъ этого, какъ Эліасикъ, конечно, если ему дать маленькій эскизикъ, и тогда можно будетъ пьедесталъ сдѣлать изъ камня, а группу книгъ—изъ бронзы. Однако, несмотря на то, что мои и Эліасикины труды будутъ безъ вознагражденія, все-таки не ручаюсь, чтобы было достаточно на это 600 рублей.

И такъ, вотъ мои послѣднія слова:

1) Хочу подождать, пока пріѣду въ Россію, ибо теперь рѣшительно некогда болѣе говорить объ этомъ.

2) Я жертвую эскизъ, если подходитъ идея, высказанная мною выше.

3) Ни подъ какимъ видомъ не могу брать на себя эти хлопоты, въ случаѣ, если имъ вздумается просить меня объ этомъ [1]).

Теперь перехожу къ „Спинозѣ“. Какъ ни обидно, что я всегда являюсь, такъ сказать, передъ закрытыми дверями, все-таки я радъ, что и другіе думаютъ о немъ, да еще больше, чѣмъ я. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я все думаю о Спинозѣ, а тутъ именно онъ явился вдругъ въ нѣсколькихъ видоизмѣненіяхъ и, чего добраго, даже въ римской тогѣ, а между тѣмъ я все еще продолжаю быть недоволенъ тѣмъ, что онъ не достаточно ясно является передо мной, чтобы можно было создать статую, вполнѣ похожую какъ на него, такъ и на его содержаніе.

Какъ видите, въ будущемъ году будутъ праздновать двухсотлѣтній его юбилей, а я даже рѣшительно ничего не сдѣлалъ для этого. Началъ было, въ Sorrento, бюстъ его, да тамъ и оставилъ.

Однако къ дѣлу. Кажется, вы говорили, чтобы я написалъ объ этомъ барону Г. О. Гинцбургу, и тогда, можетъ быть, мнѣ отдадутъ этотъ монументъ безъ конкурса. Я долженъ сказать вамъ, что скорѣе я позволилъ бы отрубить себѣ указательный палецъ, чѣмъ къ кому-нибудь писать объ этомъ. Во-первыхъ, потому, что этого не позволяетъ мое самолюбіе, а также и честь моя; во-вторыхъ, что подобный поступокъ ни къ чему не поведетъ. Одно изъ двухъ: если знаютъ меня за достойнаго человѣка, въ особенности художника, которому можно было бы поручить подобную задачу, тогда пускай сами ищутъ меня; съ другой же стороны, если не знаютъ меня, тогда рѣшительно не помогутъ ни мои письма, ни мои увѣренья, что я-молъ дескать отличный художникъ, ради Бога вѣрьте мнѣ въ этомъ. Отъ всего такого подальше, подальше! У меня на умѣ что-то есть посерьезнѣе. А именно вотъ что: хочу сдѣлать статую Спинозы безъ вознагражденія за трудъ. Бога ради, не говорите, что я не имѣю права сдѣлать это, относительно моего финансоваго положенія. Вѣдь потратилъ же я годъ, здоровье и деньги на эскизъ Пушкина, чтобы помѣшать нашимъ сѣвернымъ воронамъ, такъ отчего же тутъ не потерять столько же и на болѣе цѣльную вещь. Мнѣ будетъ кровно обидно, если Спиноза будетъ рисоваться въ античной позѣ. И объ этомъ поговоримъ, когда увидимся.

У меня есть еще одинъ планъ. Я слышалъ, что хотятъ строить новый мостъ вмѣсто Дворцоваго въ Петербургѣ. И на этотъ разъ мнѣ очень хотѣлось бы, что-бы образовалась группа: изъ инженера, архитектора, и скульптора — создать вещь, соотвѣтствующую какъ практической, такъ и художественной сторонѣ (а для города это необходимо). У меня есть проектъ, который конечно долженъ подвергнуться разбору съ практической стороны, и тогда авось мнѣ удастся

---

[1]) По плану Антокольскаго, эскизъ памятника Оршанскому, выдающемуся юристу и ученому, былъ выполненъ И. Я. Гинцбургомъ очень даровито и красиво, и вскорѣ потомъ самый памятникъ воздвигнутъ надъ могилой Оршанскаго.

наконецъ сдѣлать что-нибудь для нашихъ жителей болота. Пожалуйста, если вы увидите инженера Чайковскаго, поговорите съ нимъ объ этомъ, а я въ свою очередь поговорю съ вами, когда увидимся.

Я все думаю, что мостъ будетъ отчасти своеобразенъ, да и красивъ. . . . . .

Что касается до настоящихъ моихъ занятій, то „Сократъ“ кончается. Говорятъ, что это будетъ одно изъ лучшихъ моихъ произведеній. Но подождемъ немного, и тогда увидимъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ мы, по всей вѣроятности, будемъ въ Парижѣ, потомъ поѣдемъ въ Россію. Тамъ будемъ совѣтоваться съ Боткинымъ, и если онъ скажетъ, что Парижъ ничего для меня, тогда я тамъ и застряну.

Хочу сдѣлать еще одну колоссальную статую, и это будетъ послѣднимъ словомъ моимъ въ томъ родѣ искусства, которымъ я теперь занимаюсь, а тамъ дальше буду дѣлать что-нибудь другое и новое.

205. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Римъ, весна 1876 г.

Мнѣ кажется, что давно, очень давно я не писалъ вамъ, а можетъ быть это мнѣ кажется только. Какъ бы то ни было, у меня есть сильное желаніе сказать вамъ хоть нѣсколько словъ, хотя самъ я еще не знаю, о чемъ начать говорить. . . . .

У меня теперь работа въ самомъ разгарѣ, такъ что даже некогда говорить. Я долженъ сказать вамъ, что я страшный лѣнтяй, когда у меня достаточно времени, и страшно неразсчетливъ, когда достаточно денегъ. Благодаря этому, приходитъ время, когда недостаточно ни того, ни другого. Теперь работаю какъ лошадь, благодаря тому, что раньше лѣнился и прихварывалъ. Я раньше отсюда не уѣду, пока не окончу начатой статуи Панина. Насчетъ этого я больше, чѣмъ упрямъ. Какъ только кончу работу, такъ уѣдемъ, или, скорѣе, убѣжимъ изъ Рима, какъ Энохъ со своими дочерьми. Я долженъ сказать, что для другихъ, можетъ быть, здѣсь рай, но для насъ—просто Содомъ. Вотъ уже нѣсколько дней, послѣ холода подулъ вѣтеръ сирокко. Тьфу, что это за вѣтеръ! Жаркій, густой, воздухъ удушливый, тѣло горитъ, точно обсыпано горячимъ пескомъ. Состояніе при этомъ страшно нервное, не хочешь работать, не хочешь думать, не хочешь спать, хочется бѣжать, бѣжать, а побѣжишь—еще хуже! Я-то ничего еще, молчу, но бѣдная Елена просто не можетъ сидѣть на мѣстѣ. Она все еще не поправляется, такъ что приходится прибѣгать къ доктору. Какъ только будетъ возможно, отправлю ее въ Sorrento; думаю, что тамошній воздухъ успокоитъ ее, а потомъ, когда окончу работу, тогда уѣдемъ куда-нибудь на воды, да и купаться въ морѣ: это для нея необходимо. Вообще думаемъ нынѣшнее лѣто полѣчиться. Удастся ли намъ это? Впереди столько хлопотъ, столько, что хотѣлось бы заснуть и все это время проспать. Ну, ну, ничего, можетъ быть все это устроится гораздо лучше, чѣмъ я предполагаю.

206. Къ В. В. Стасову.

Венеція. Получено 5 апрѣля 1876 г.

Пишу только нѣсколько строкъ, больше некогда. Я всѣ силы напрягаю, чтобы кончить работу и уѣхать. Куда? Пока не рѣшено, увижу, какъ себя буду чувствовать. Съ большимъ удовольствіемъ я прочиталъ вашу статью въ „Вѣстникѣ Европы" (давно бы такъ) [1]). Да пошлетъ вамъ Адонаи всего хорошаго, а главное, долгую жизнь, чтобы вы побольше написали подобныхъ статей (это теперь ваше прямое дѣло и обязанность), и никогда больше не писали фельетоновъ. Охота вамъ трогать нашу гниль!

Ковалевскій отправилъ вчера картину свою въ Петербургъ. Пожалуйста, поторопитесь посмотрѣть ее, когда она появится у васъ. Эта живая народная сцена въ живыхъ краскахъ навѣрное понравится вамъ. Этотъ художникъ заслуживаетъ особеннаго вниманія еще тѣмъ, что онъ рѣшительно отказывается отъ баталическихъ картинъ—слѣдовательно и отъ матеріальныхъ средствъ, которыя для него необходимы,—и взялся за народныя сцены. Желаю отъ души, чтобы картина эта скорѣе продалась; но, благодаря размѣру, боюсь, что покупатель не скоро найдется.

Черезъ двѣ недѣли думаю кончить „Сократа", и тогда я пошлю вамъ фотографію, если будетъ хорошая.

Пожалуйста, узнайте у Беггрова, нѣтъ-ли у него какихъ-нибудь новостей для меня, а главное—денегъ, онъ долженъ мнѣ 400 руб. и все молчитъ. У меня готовы для отсылки къ нему: бюстъ „Ивана Грознаго" изъ мрамора, да такой-же изъ бронзы, только боюсь, что теперь скоро лѣто—значитъ, трудно будетъ продавать, такъ какъ всѣ начинаютъ разъѣзжаться. И такъ я вышлю, только не спѣша.

Лично о себѣ я не говорю вамъ, собственно потому, что нечего сказать, а о дѣлахъ и разныхъ разностяхъ я откладываю до того времени, когда мы увидимся, и тогда на свободѣ поговоримъ съ вами. Буду торопиться, чтобы застать васъ въ Петербургѣ, за нѣсколько недѣль до вашего отъѣзда.

207. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, май 1876 г.

Хотѣлось много писать, но тяжело говорить о томъ, что уходитъ отъ насъ безвозвратно [2]). Тяжело еще потому, что въ такихъ случаяхъ вполнѣ сознаешь свое безсиліе. Помочь ничѣмъ не можешь, а слова... Эхъ, какъ пусто звучатъ слова въ такихъ случаяхъ; вѣчно каждый говоритъ одно и то же, хотя съ разными варіаціями: „Что дѣлать, на то воля Божья", „надо думать о живыхъ, а не о мертвыхъ", „надо мириться", и такъ далѣе, безъ конца далѣе.

---

[1]) Статья: «Столицы Европы», о которой уже говорено выше.

[2]) Здѣсь рѣчь идетъ о кончинѣ Ѳедора Ивановича Мамонтова, брата Саввы Ивановича.

Что касается меня, то, право, я не знаю, что лучше: жизнь или смерть? Старые мудрецы говорятъ: „Счастлива та душа, которая вовсе не родилась“. Конечно, это объясняетъ намъ только то, что жизнь никогда не была красна. Для меня же ясно одно: чѣмъ больше мы дорожимъ нашей жизнью, тѣмъ тяжелѣе живется; чѣмъ больше боишься смерти, тѣмъ страшнѣе умереть. Это, я думаю, извѣстно всѣмъ, но никто объ этомъ знать не хочетъ. Мы слишкомъ заняты собою, слишкомъ собою дорожимъ, чтобы позволить себѣ подумать, что мы той-же самой породы, что и наша прабабушка, и что съ нами случится то же самое, что случилось съ нашей прабабушкой.

Да, дружокъ мой, счастливъ тотъ, кто живетъ сознаніемъ, что онъ не вѣчный гость, что родится для того, чтобы умереть, что надо пользоваться жизнью,—своимъ природнымъ богатствомъ, пока живется, счастливъ тотъ, кто умѣетъ жить и умѣетъ умереть. Конечно, такіе счастливцы рѣдки, но они не могутъ не быть нашимъ идеаломъ. Я же со всей силой моего желанія стараюсь смотрѣть вдаль, стараюсь забыть вчерашній день, если этотъ день заслонилъ эту даль; жаль только, что не всегда удается; но это мое сильнѣйшее желаніе. Однако, не думаю, что подобные поступки эгоистичны; я думаю, наоборотъ, что подобные поступки уничтожаютъ эгоизмъ.

О себѣ скажу вамъ вкратцѣ: я кончилъ статую „Панина“ и поѣхалъ въ Неаполь посмотрѣть художественную національную выставку. Не стану объ этомъ распространяться, потому что, благодаря этому, письмо не будетъ окончено, да притомъ интересъ не Богъ вѣсть какой. Скажу только, что на выставкѣ царствуетъ пустота, абсолютная пустота; точно художники представляютъ новую породу, у которой мозгъ ушелъ въ подошвы. О живописи говорить нечего,—есть много хорошаго, конечно, но еще больше дряни. Есть даже нѣкоторыя очень хорошія, но ни одна не выходитъ изъ ряду вонъ. За то скульптура, особенно неаполитанская, представляетъ нѣчто новое. Между прочимъ, я долженъ сказать, что я вовсе не зналъ, на какой высокій пьедесталъ скульпторы ставятъ меня. Но имъ-то, по достоинству, я бы одну щеку поцѣловалъ, а въ другую далъ-бы пощечину; и это было-бы вполнѣ справедливо.

Скульптура до того правдива, талантлива и въ своемъ родѣ нова, что нельзя ихъ за это не расцѣловать; но съ другой стороны до того груба, противна и мерзка, что нельзя ихъ не ругать. Постараюсь достать фотографіи съ этихъ произведеній, чтобы дать вамъ понятіе о нихъ. Я же, все-таки, очень радъ, что ничего самъ не выставилъ на этой выставкѣ, а вѣдь очень хотѣлъ; также очень радъ, что не принадлежу къ жюри. Я былъ туда избранъ, только не могъ быть, потому что я не итальянецъ. Послѣднему я особенно радъ, потому что тамъ начались разные скандалы.

До перваго іюня мы останемся здѣсь, главное еще потому, что здѣсь я теперь думаю начать работать голову „Христа“ на распятіи, когда Онъ издаетъ послѣднее дыханіе. Вокругъ будетъ надпись: „Прости имъ, они не знаютъ, что творятъ“. Въ pendant къ этой

„Головѣ“ я хочу сдѣлать голову „Мефистофеля“, а вокругъ нея надпись: „Люди, мою ненависть я пою вамъ“.

Вы понимаете мое теперешнее настроеніе по этимъ двумъ работамъ. У меня есть еще нѣкоторые сюжеты, которые я бы сдѣлалъ только въ Абрамцевѣ. Но не знаю, удастся-ли намъ пріѣхать, причина та, что и тамъ я не буду имѣть покоя. Я долженъ сказать вамъ, что у меня много родственниковъ, которымъ всѣмъ поголовно скверно, и, конечно, я у нихъ Ротшильдъ. Они никакъ не хотятъ повѣрить, что у меня нѣтъ денегъ, не вѣрятъ, потому что у насъ есть домъ; и несмотря на то, что каждый годъ я имъ раздаю около 1000 руб., а въ нынѣшнемъ году я роздалъ до 1500 руб., все-таки они не перестаютъ безпокоить меня; особенно теперь я получилъ письмо, благодаря которому я рѣшилъ не ѣхать въ Россію.

Впрочемъ, мы не знаемъ, что еще будетъ.

Наконецъ-то „Иванъ Грозный“ въ Москвѣ. Я очень жалѣю, что послалъ голову „Христа“, но я думалъ, что получу за это деньги. Статуя „Христа“ стоитъ у меня совсѣмъ оконченная. Голову я самъ прошелъ, насколько могъ, и, конечно, этимъ она много выиграла, если не все. Теперь же хочу отлить „Христа“ изъ бронзы: въ Неаполѣ отливаютъ очень хорошо и дешево.

Ну, простите за это письмо. Выболталъ, что было у меня на душѣ, да и то, конечно, не все.

Мой привѣтъ всѣмъ, а васъ крѣпко обнимаю, еще крѣпче цѣлую, дорогой мой другъ. Будьте только вы здоровы, не допускайте, чтобы житейскія невзгоды портили ваши нервы.

208. Къ В. В. Стасову.

Вильно, 27 мая 1876 г.

Уже десять дней, какъ я здѣсь, каждый день рвусь ѣхать въ Петербургъ, и все остаюсь на мѣстѣ.

Здѣшнія наши семейныя дѣла въ сильномъ разстройствѣ и, какъ мнѣ теперь ни непріятно возиться съ подобными дѣлами, но оставить ихъ будетъ еще хуже. И такъ, надо еще немного потерпѣть. При всемъ томъ, третьяго дня со мной случилось что-то въ родѣ холеры: страшная боль въ животѣ, рвота и сильный поносъ, да притомъ еще и лихорадка, все это продолжалось ночь и цѣлый день. Теперь все это прошло.

Если бы вы знали, какъ я желаю поскорѣе ѣхать въ Петербургъ, для докторскихъ совѣтовъ, а еще просто для того, чтобы наконецъ отвести душу. Хотя я знаю хорошо, что кромѣ васъ въ Петербургѣ почти никого больше нѣтъ для меня, но мнѣ необходимо увидѣть людей, поговорить съ ними, да и провѣрить себя.

Странно, отчего я такъ боюсь Петербурга? Мнѣ все кажется, что искусство тамъ вянетъ, что оно поддерживается только искусственно, что сами художники не искренно преданы своему дѣлу, что одна часть ихъ заботится только о себѣ, а другая часть заботится

тоже о себѣ, и при этомъ интригуетъ противъ другихъ. Наконецъ, послѣдняя часть виляетъ около Академіи и поддерживаетъ самыя рутинныя формы, самые вредные для русскаго искусства принципы, ради крестика и гроша. Хочу во что бы то ни стало убѣдиться въ этомъ досконально, потому что я все утѣшаю себя тѣмъ, что: ну, авось это не такъ еще! Авось я смотрю на нихъ сквозь черное стекло! Дай Богъ, дай Богъ! Повторяю, дай Богъ, чтобы мнѣ найти лучше, чѣмъ мнѣ думается. Буду тогда больше чѣмъ радъ.

Здѣсь, въ Вильнѣ, я тоже не нашелъ ничего отраднаго, кромѣ спячки и прозябанія, кромѣ застоя въ дѣлахъ. Въ здѣшнихъ евреяхъ чувствуется какая-то унылость,—говорятъ, что вражда противъ евреевъ усиливается. Печать дѣлаетъ, что хочетъ, а между тѣмъ въ защиту евреевъ ничего не принимаютъ, ни продажная газета „Голосъ", ни „Биржевыя Вѣдомости", ни „Спб. Вѣдомости", а своего органа они не имѣютъ. Не могу сказать, чтобы сами евреи не были виноваты въ этомъ. Спрашивается—отчего у евреевъ не было до сихъ поръ своего органа, не исключительно для того, чтобы вести полемику, а чтобы интересоваться жизнью дня, какъ всякая передовая газета? Вѣдь есть же довольно способныхъ людей, которые могли бы добросовѣстно за дѣло взяться. Но бѣда въ томъ, что для первоначальнаго почина подобная газета нуждается въ искусственной поддержкѣ со стороны богатыхъ людей,—вотъ этихъ-то евреевъ я и виню.

Между прочимъ, я слышалъ, что и Суворинъ, какъ фельетонистъ, тоже примкнулъ къ общему крику. Воля ваша, видѣть существующія несправедливости—точно въ порядкѣ вещей. И ни одинъ голосъ не возвышается даже со стороны интеллигентныхъ людей—это просто возмутительно!

А впрочемъ, и съ этимъ фактомъ хотѣлось бы мнѣ познакомиться поближе. Ну, довольно объ этомъ!

Пожалуйста, когда вы увидите Эліасика, передайте ему, что когда я пріѣду въ Петербургъ, то возьму его съ собою.

209. Къ нему же.

Вильно, 30 мая 1876 г.

Пожалуйста, дайте немедленный отвѣтъ: когда пріѣзжаетъ Боткинъ въ Петербургъ? Это мнѣ необходимо знать, потому что очень нездорово будетъ для меня сидѣть въ удушливомъ Петербургѣ и ждать Боткина. Жары очень нехорошо дѣйствуютъ на меня. Также прошу написать, когда вы уѣдете за границу, и когда Рѣпинъ пріѣзжаетъ? Бога ради, не медлите отвѣтомъ—мнѣ необходимо повидаться съ Боткинымъ какъ можно скорѣе, а между тѣмъ не хочется сидѣть въ Петербургѣ и ждать его.

210. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, 7 іюля 1876 г.

Вчера пріѣхала къ намъ Вал. Сем. Сѣрова. Мы, конечно, много

поговорили обо всемъ, и я узналъ, что вы теперь сильно заняты, работаете до усталости. И вдругъ у меня явилось страстное желаніе обнять васъ, приласкать и развлечь вашу усталую душу.

Я хорошо понимаю, и, пожалуй, еще больше чувствую, что подобныя дѣла нуждаются въ величайшей бдительности, отъ которой устаешь во сто разъ больше, чѣмъ каменотесъ, тѣмъ болѣе, что теперь среди массы народа, который безпокоитъ васъ, навѣрное много такихъ, которые стараются къ вамъ поддѣлаться разными манерами, лишь бы немного надуть. А на вашу чуткую душу это, безспорно, не совсѣмъ отрадно дѣйствуетъ.

Теперь вы представляетесь мнѣ машинистомъ, переправляющимся черезъ длинный мостъ; онъ прибавляетъ пару и пускаетъ локомотивъ во всю силу, ибо знаетъ, что чѣмъ быстрѣе, тѣмъ вѣрнѣе; а разъ пустилъ съ силой, остановиться опасно.

Я не знаю отчего, но я вѣрю, что вы навѣрное переправитесь и достигнете берега. И тогда, въ тихой бесѣдѣ, со спокойной душой вы отрете потъ со своего лица и скажете: „Съ трудомъ я достигъ желанной цѣли, теперь слѣдуйте за мной — я всѣмъ желаю добра“. И, повторяю, какъ ни жаль мнѣ васъ теперь, но все же я не жалѣю васъ, потому что вѣрю въ вашу побѣду.

О себѣ почти нечего сказать. Что касается житейскихъ дрязгъ и тому подобнаго, вы навѣрное все знаете отъ Елизаветы Григорьевны. Прибавлю только, что нынѣшняя зима была у меня очень бурная. Я много страдалъ, много хворалъ и много создалъ. Конечно, все это вмѣстѣ немало утомило меня; однако ничего, ей-Богу ничего, и даже, напротивъ, я какъ-то выпрямился, въ головѣ яснѣе стало; не хочу тратить ни времени, ни труда, и даже чувства, понапрасну; тороплюсь; хочу и я тоже свершить свой путь, и тогда авось и мнѣ удастся сказать то же, что и вы.

Вы навѣрное знаете, что я скоро буду у васъ (и безъ вашего приглашенія); такимъ образомъ, до свиданія.

211. Къ В. В. Стасову.

Вильно, 15 іюля 1876 г.

Навѣрное вы ждете меня въ Петербургѣ, а между тѣмъ я уже здѣсь въ Вильнѣ. Это случилось помимо моей воли. Дѣло въ томъ, что жена моя Гена сдѣлала мнѣ сюрпризъ: неожиданно явилась въ Абрамцево (имѣніе Мамонтова). Конечно, это сильно обрадовало меня, и рѣшено было ѣхать обратно черезъ Петербургъ, но материнское чувство взяло верхъ: она начала тосковать о ребенкѣ, который остался въ Вильнѣ. Дѣлать было нечего—надо было отвезти ее домой по кратчайшему пути, а именно черезъ Смоленскъ.

Очень жаль, что это такъ случилось. Мнѣ кажется, что мы недостаточно наговорились, я все былъ въ хлопотахъ, торопился, да и, благодаря этому, былъ сильно усталый. Мнѣ думалось: вотъ на обратномъ пути, когда хорошенько отдохну, когда время будетъ посвобод-

нѣе,—и пока я все это думалъ... трахъ! и я долженъ былъ направиться въ Вильну. Генѣ тоже сильно досадно, зачѣмъ она одна поѣхала—и въ этомъ вина ея; но она не виновата, что такъ торопилась, потому что дѣйствительно ребенокъ былъ не совсѣмъ здоровъ; пригласили доктора и онъ успокоилъ насъ.

Что касается меня, то я сильно желаю еще разъ повидаться съ вами, и, какъ только мнѣ возможно будетъ, буду еще разъ въ Петербургѣ.

Пожалуйста, не знаете-ли вы: выѣхалъ-ли Рѣпинъ изъ Парижа, и когда именно онъ будетъ въ Петербургѣ? Очень хотѣлось бы остановить его въ Вильнѣ, чтобы онъ маленько отдохнулъ, да и мнѣ очень желательно повидать его. Если же это не удастся, то постараюсь пріѣхать въ Петербургъ.

Мой привѣтъ Мусоргскому. Я все еще слышу его звуки, которые такъ сильно нравятся мнѣ, особенно „Хованщина".

Пожалуйста, пока не сердитесь на мое короткое письмо, да и вообще не сердитесь на меня. Сегодня мы съ дороги, слѣдовательно кости не отдохнули настолько, чтобы побольше писать. Но завтра или послѣзавтра напишу побольше, и тогда обо всемъ.

212. Къ нему же.

Почтовый вагонъ между Москвой и Вильно, 22 іюля 1876 г.

Бога ради, отдайте бюстъ „Петра" изъ мрамора Славянскому Комитету [1]). Дайте мнѣ возможность быть человѣкомъ. Мнѣ теперь 34 года, а я до сихъ поръ все только говорю и мало дѣлаю того, что каждый порядочный человѣкъ долженъ сдѣлать.

Конечно, бюстъ я отдаю не во имя патріотизма (я не славянинъ), а во имя человѣчества, чтобы помочь страдающимъ людямъ. Надѣюсь, что вы, дорогой другъ мой, не откажете мнѣ въ этомъ. Если же вы также теперь откажете мнѣ въ этомъ, какъ когда-то, то я обращусь къ другому.

213. Къ нему же.

Вильно, 29 іюля 1876 г.

Волей-неволей мнѣ приходится еще разъ обмануть васъ (да не менѣе и самого себя). Дѣло въ томъ, что теперь пріѣхать въ Петербургъ мнѣ рѣшительно невозможно: во-первыхъ, потому, что какъ разъ теперь я предпринимаю довольно крупную починку въ нашемъ домѣ, и во-вторыхъ, потому, что теперь съѣхались всѣ наслѣдники фамиліи Апатова [2]), чтобы наконецъ покончить съ наслѣдствомъ, которое травитъ меня уже четвертый годъ. Нужно замѣтить, что я тутъ представитель той партіи, которая желаетъ только одной справедливости; къ сожалѣнію, противоположная партія состоитъ изъ крайне испорченныхъ

---

[1]) По поводу сборовъ всякаго рода пожертвованій по поводу Турецкой войны.

[2]) Семейство жены Антокольскаго.

людей, такъ что просто приходится имѣть дѣло съ . . . . Надѣюсь, что теперь такъ или иначе все это кончится. Какъ вы видите, дорогой дядя, среди отдыха я тоже не отдыхаю.

Можете себѣ представить, какъ обидно было мнѣ не увидѣть теперь Рѣпина, а онъ въ свою очередь просто — чудакъ. Хоть бы раньше написалъ, что мы-молъ проѣзжаемъ черезъ Вильно. Что картина его? Бога ради, напишите, когда увидите ее. Какъ-же они сами поживаютъ? У меня много есть кое о чемъ писать, да только некогда. Между прочимъ я долженъ сказать вамъ, что Верещагинъ, да тоже и Куинджи, менѣе стали мнѣ нравиться, чѣмъ прежде: перваго я нашелъ недостаточно сильнымъ (можетъ быть, что тогда, т.-е. когда я былъ въ Москвѣ, я имѣлъ такое настроеніе) и, признаюсь, я пожималъ плечами. Неужели это изъ тѣхъ родовъ искусства, которое васъ вначалѣ поражаетъ, а потомъ васъ покидаетъ? Впрочемъ, повторяю, тутъ я еще не увѣренъ. За то второй художникъ положительно начинаетъ надоѣдать мнѣ, и я боюсь, что изъ него выйдетъ въ своемъ родѣ Айвазовскій, т.-е. что онъ постоянно будетъ наигрывать на одной стрункѣ одно и то же. Ну, довольно, пишу второпяхъ— слѣдовательно, не все надо читать, что въ строкѣ сказано.

Насчетъ бюста „Петра“ прошу удовлетворить меня, а насчетъ чаши, если можно, то прошу поскорѣе переслать мнѣ ее по почтѣ.

214. Къ нему же.

Вильно, 3 августа 1876 г.

Какъ только явится возможность, буду писать вамъ обо всемъ, а теперь рѣшительно не могу, не потому, что нѣтъ свободнаго времени, а просто голова не на своемъ мѣстѣ.

Очень радъ, что „Петръ“ пристроенъ, и желаю, чтобы славяне побѣдили, какъ онъ самъ. Какъ поживаетъ авторъ „Садко“? [1]). Пожалуйста, напишите.

Завтра уѣзжаетъ отъ насъ маленькій Эліасъ. Онъ очень радуетъ меня: у него положительно талантъ. Онъ здѣсь сдѣлалъ бюстъ (въ маломъ размѣрѣ) весьма недурно. Особенно онъ теперь очень много мыслитъ, любитъ спорить—вообще видно, что мозгъ у него не дремлетъ, а пробуждается съ успѣхомъ. Жаль одного, что пока у него Талмудъ, т.-е. наклонность къ софизму. А талантъ у него, какъ мнѣ кажется, будетъ скорѣе нѣжный, чѣмъ серьезный. Какъ бы то ни было, изъ него будетъ человѣкъ—это навѣрное.

Между прочимъ, о Талмудѣ я долженъ сдѣлать оговорку. Для евреевъ, въ настоящее время Талмудъ имѣетъ значеніе двоякое: замѣчено, что тотъ, кто упражняется въ Талмудѣ, имѣетъ умъ чрезвычайно гибкій, способный къ пріобрѣтательности, находчивый—вообще умъ шлифованный; съ другой стороны, Талмудъ нехорошъ тѣмъ, что учитъ дѣлать зигзаги, а не указываетъ кратчайшіе пути, т.-е. простоту и ясность.

---

[1]) И. Е. Рѣпинъ, авторъ картины «Садко въ подводномъ царствѣ».

215. Къ С. И. Мамонтову.

Вильно, 13 августа 1876 г.

Мое молчаніе просто непростительно, и даже почти похоже на свинство. Но что прикажете дѣлать? Я теперь весь поглощенъ разными желудочными дѣлами, которыя нисколько не могутъ интересовать васъ, потому что и мнѣ они опротивѣли. Бѣдная башка моя совсѣмъ одурѣла отъ грошевыхъ дѣлъ. Только теперь я начинаю чувствовать, какую силу имѣетъ грошъ, и какъ онъ можетъ притянуть къ себѣ въ грязь человѣка, и сколько при этомъ надо упругости, чтобы этому не поддаваться. Боже мой! Крыльевъ хочу, чтобы улетѣть подальше, подальше отъ этой удушливой заразной атмосферы!!

Нашу поѣздку мы отложили до перваго сентября. Тогда ѣдемъ непремѣнно. Что же, дорогой? Ѣдете вы съ нами? Съ вашей стороны будетъ непростительно, если вы не поѣдете. Ради Бога, постарайтесь. Маленько отдохнуть для васъ необходимо, какъ воздухъ.

Дѣла денежныя, кажется, приходятъ къ концу. Говорю „кажется", потому что не вѣрится, пока совсѣмъ не придетъ все къ концу.

Противъ воли я долженъ былъ дѣлать починку въ нашемъ домѣ, такъ какъ флигель не могъ дольше держаться, а продать весь домъ невозможно, потому что покупателя нѣтъ подходящаго.

Мой привѣтъ всѣмъ добрымъ людямъ, каждому, кто только имѣетъ честь перешагнуть Абрамцевскій мостикъ...

216. Къ нему же.

Вильно, 17 августа 1876 г.

Что же Рѣпинъ?

Что картина его? Вѣдь все это не мало интересуетъ меня! Ну, а съ бюстомъ „Петра I", вѣдь надо распорядиться тогда, когда на это есть нужда. Бога ради, такъ или иначе, дайте объ этомъ рѣшительный и скорѣйшій отвѣтъ.

...У насъ новостей нѣтъ. Мы собираемся уѣзжать 1 сентября. Ну, чего же больше? Потомъ, мы понемногу прихварываемъ каждый по очереди. Но вѣдь это—старая пѣсня, которую надоѣло мнѣ постоянно напѣвать. Представляю себѣ, какъ это пріятно всѣмъ слушать.

Когда увидите Рѣпина, прошу передать нашъ старинный и всегдашній поклонъ, пускай онъ не сердится, что я не пишу. Я теперь очень занятъ и похожъ на ходячую чучелу. За то я сердитъ на него, что онъ подражаетъ мнѣ въ молчаніи.

Посылаю вамъ отрывокъ изъ письма Сѣрова къ женѣ моей, изъ котораго вы увидите, что не одинъ Крамской такого мнѣнія о „Сократѣ". Отрывокъ же прошу переслать.

217. Къ И. Н. Крамскому.

Вильно, сентябрь 1876 г.

Здравствуйте, дорогой И. Н.! Сильно вы обрадовали меня ва-

шимъ письмомъ, которое я получилъ черезъ Стасова. Что сказать вамъ въ отвѣтъ? Вѣдь скоро, скоро я надѣюсь увидаться съ вами въ Парижѣ, но все-таки радъ радехонекъ тоже и писать вамъ. Ваше письмо подуло на меня дальнимъ, знакомымъ, чистымъ воздухомъ, и какъ я радъ впивать въ себя эту струю чистаго воздуха, особенно сидя здѣсь въ отвратительной и заразительной атмосферѣ. Здѣсь душно, вонь, и чахнешь, какъ осенній листъ. Боже мой, какъ тяжело здѣсь живется! Благословенное мое родное Вильно, колыбель моего дѣтства, о которомъ съ омерзѣніемъ вспоминаю, и теперь не оставляетъ меня. Никогда оно не казалось мнѣ такимъ противнымъ, какъ теперь. Здѣсь нынче все въ застоѣ, люди охаютъ и кряхтятъ, духовная жизнь обращена на преферансъ, за то другіе два сильныхъ элемента преобладаютъ и поддерживаютъ равновѣсіе Вильны; элементы эти—не что иное, какъ проценты и взятки: первыми занимается мой собратъ, вторыми—чиновничья порода.

Я спрашивалъ одного еврея, отчего онъ такіе проценты беретъ? „Помилуйте, отвѣтилъ онъ, отчего не брать, когда наши деньги находятся подъ рискомъ? Вѣдь турецкихъ бумагъ курсъ низокъ, а процентъ великъ, потому что онѣ рискованныя".—„Ну, отчего-же вы даете взятки?" спросилъ я.—„Мы даемъ потому, что иначе нельзя: „не помажешь, не поѣдешь", „рубль говоритъ, рубль молчитъ", вотъ что пословицы говорятъ; не дашь—тѣмъ хуже для тебя, а кому охота проиграть даже тогда, когда виноватъ?!.." Правъ ли еврей, виноватъ—какъ бы то ни было, Вильно процвѣтаетъ. Что касается административныхъ порядковъ, то могу разсказать вамъ довольно краснорѣчивый фактъ, который происходитъ теперь со мною. Конечно вы хорошо знаете, какъ получается заграничный паспортъ въ Петербургѣ. Къ сожалѣнію, далеко не такъ это у насъ въ Вильнѣ, несмотря на то, мы живемъ подъ однимъ и тѣмъ-же градусомъ широты. Сказали мнѣ, что для полученія заграничнаго паспорта надо имѣть свидѣтельство отъ частнаго пристава, потомъ надо его также отъ полиціймейстера. Досталъ я какъ одно, такъ и другое. Потомъ сказали, что это надо подать губернатору. Это я и сдѣлалъ. Оказалось, что для этого надо подать лично губернатору прошеніе, притомъ также надо доставить обязательную записку, для чего—не знаю! Я и это сдѣлалъ. Губернаторъ былъ настолько благосклоненъ, что принялъ всѣ эти бумаги, только замѣтилъ, что не знаетъ, получу-ли я паспортъ заграничный, такъ какъ въ моемъ свидѣтельствѣ на постоянное жительство не значится, что мнѣ можно уѣзжать за границу. На это я замѣтилъ въ свою очередь, что другого вида на жительство у меня нѣтъ, и что я постоянно получалъ заграничные паспорта въ Петербургѣ. Прошеніе было принято, и черезъ два дня надо было придти за паспортомъ. Придти-то я пришелъ, только паспорта все таки еще не получилъ, потому что надо было заплатить пять рублей. Для этого надо было пойти въ казначейство, гдѣ въ свою очередь потребовали, чтобы было подано объявленіе. Нечего было дѣлать, все было сдѣлано, что приказывали. Квитанцію объ этихъ деньгахъ я долженъ былъ отнести обратно къ

губернатору. Входя, я отиралъ потъ съ лица и подумалъ: „Ну, славу Богу, кончено!“ Но, увы, и тутъ я ошибался! Послѣ долгаго ожиданія, такъ какъ чиновникъ изволилъ читать или разсуждать о мирѣ Турціи со славянами, чиновникъ сказалъ: „Хорошо, приходите завтра къ полиціймейстеру, и тамъ вы найдете вашъ паспортъ“. Покусалъ я губы, и потомъ подумалъ: „Чѣмъ-же губы-то мои тутъ виноваты?“ Такъ я дождался завтрашняго дня, и опять совершенно понапрасну. У полиціймейстера паспорта не было, по той простой причинѣ, что отъ губернатора его не послали, а не послали потому, что во-первыхъ, на свидѣтельствѣ полиціймейстера не было сказано, что и для жены препятствій не имѣется. Потомъ сказали, что не могутъ выдать мнѣ паспортъ, такъ какъ я принадлежу къ привилегированному сословію, слѣдовательно паспортъ на выѣздъ за границу долженъ разрѣшить самъ генералъ-губернаторъ. На этомъ я пока долженъ остановить свой разсказъ объ охотѣ за паспортомъ, потому что послѣдній отвѣтъ я слышалъ сегодня. А что дальше будетъ, ей Богу, не знаю! Я наконецъ просилъ, чтобы мнѣ возвратили мои бумаги, и я поѣду въ Петербургъ добывать паспортъ. На это мнѣ отвѣтили: „Обратитесь къ правителю канцеляріи“, котораго не было. Замѣтьте, завтра—воскресенье, послѣзавтра — табельный день, и я только теперь то и дѣлаю, что жду паспорта. О, милое Вильно, мою злобу я завѣщаю тебѣ!!

Простите, дорогой И. Н., что я наговорилъ вамъ столько пустяковъ. Но, право, легче стало на душѣ, когда высказался. При всемъ томъ я долженъ сказать, что среди подобнаго водоворота я долженъ имѣть дѣло съ людьми довольно сомнительными на счетъ честности. Однако, среди тумана есть кое-гдѣ и звѣзды, только надо ихъ отыскивать, надо хорошенько и пристально приглядѣться. Однако, довольно обо всемъ этомъ Надѣюсь, что скоро выберусь на чистый воздухъ, и тогда выправлю широко грудь свою и выправлю спину, и тогда буду громко воспѣвать двуногихъ звѣрей.

Я въ свою очередь тоже виноватъ, что до сихъ поръ не писалъ вамъ, и потихоньку скажу вамъ, что немножко радъ, что и вы виноваты: теперь мнѣ немного легче оправдываться. Но, надѣюсь, что вы и безъ того поймете изъ этого письма, въ какомъ лабиринтѣ я теперь живу. Дай Богъ силу вырваться поскорѣе, поскорѣе!!

Въ началѣ лѣта я не писалъ вамъ потому, что ждалъ, когда побываю въ Петербургѣ и Москвѣ, чтобы было о чемъ писать. Потомъ, когда побывалъ и воротился обратно; тогда очутился здѣсь, точно среди клещей.

Въ началѣ я упрекалъ себя, что не пишу, но все-таки не писалъ; потомъ я сталъ даже стыдиться, и все-таки не писалъ; наконецъ, сталъ себя ругать, и все-таки до сихъ поръ не писалъ. А писать хотѣлъ я главнымъ образомъ о моихъ впечатлѣніяхъ относительно искусства, и, конечно, раньше всего о томъ, что касается васъ.

Видѣлъ я портретъ жены Третьякова [1]). Я долженъ сказать, что

[1]) Портретъ, писанный Крамскимъ.

ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ.
Статуя. С.-Петербургъ. 1871.

въ первый разъ вижу такой портретъ среди современннаго искусства. Это — живая, рельефная, реальная фигура, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по живописи довольно оригинальная. При этомъ сама живопись — совершенство, т.-е. ея не видно, она исчезла, а это и есть живопись.

Есть также маленькіе недостатки, которые легко исправить. Главный — это фонъ. Зелень около ногъ изумительно хороша, между тѣмъ. чѣмъ выше, тѣмъ небрежнѣе писано, такъ что вокругъ самой фигуры зелень исчезаетъ, и вмѣсто того—является просто неопредѣленный фонъ. По-моему, вы должны досовершить ту оригинальность, которая тамъ есть. Вы должны сдѣлать фонъ наравнѣ съ фигурою такъ, какъ это видно въ дѣйствительности, въ поэтическія минуты дня. Потомъ, самое платье, по моему, слишкомъ ровно отрѣзано внизу, да притомъ надо тамъ-же прибавить его пальца на два. П. М. Третьяковъ сказалъ, что въ началѣ и вамъ это такъ казалось, но при провѣркѣ на натурѣ, оказалось это вѣрно. Все это такъ, но я говорю, что мнѣ кажется. Повторяю, все это мелочи, сто разъ мелочи, главное есть, и то, что есть, превосходно хорошо.

Также превосходенъ портретъ Шишкина, писанный на воздухѣ. Портретъ-же Мельшикова менѣе всѣхъ удаченъ по живописи [1]).

Скажу вамъ еще, повторяю, что мнѣ кажется. Это то, что вы написали мой портретъ лучше всѣхъ по колориту; въ этой работѣ есть то, что старые мастера, на старомъ языкѣ, называли: кисть беретъ золотыя краски. Объ этомъ скажу вамъ окончательное слово, когда еще разъ увижу мой портретъ.

Представьте себѣ, пейзажъ Куинджи сталъ мнѣ не нравиться, а между тѣмъ, какъ сильно въ началѣ онъ мнѣ нравился по своей поэтичности и по своей оригинальности! Нравился онъ мнѣ въ началѣ потому, что видѣлъ я тогда только одно его произведеніе. Теперь-же не нравится потому, что видѣлъ я ихъ нѣсколько, и всѣ они — игра на одной и той-же струнѣ. Творчество должно быть какъ высоко, такъ и разнообразно, иначе закрывай свою лавочку и строй фабрику.

Картины Рѣпина [2]) я не видалъ; писалъ мнѣ о ней Стасовъ, но я не хочу повторять съ чужихъ словъ. Одно я долженъ сказать, что въ началѣ, когда онъ началъ, я былъ удивленъ выборомъ сюжета. Рѣпинъ реалистъ, а не фантазистъ, притомъ онъ раньше всего свой, а потомъ—всѣхъ, и оттого мѣсто его въ Россіи, среди русскихъ, тутъ я жду отъ него выраженія таланта. Одного до сихъ поръ я не могъ хорошенько опредѣлить: русскій-ли онъ историкъ, или жанристъ? Стасовъ очень хвалитъ самую живопись, и это неудивительно. Стасовъ говоритъ, что нѣтъ у фантазіи достаточной силы, и если это правда, то по моему,—это тоже неудивительно. Но вотъ что, отчего же вы-то ничего не пишите объ этой картинѣ?

---

[1]) Портреты работы Крамскаго.

[2]) «Садко въ подводномъ царствѣ».

218. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, 1876 г. (сентябрь ?).

Хотя мнѣ теперь нечего писать, но чтобы исполнить свое обѣщаніе и этимъ сдѣлать вамъ удовольствіе—радъ стараться!

И такъ, пишу пока не письмо, а только увѣдомленіе. Мы всѣ здравствуемъ какъ нельзя лучше. У васъ въ домѣ все идетъ тихо, смирно, покойно и хорошо. Мы другъ друга не забываемъ и часто по прежнему видимся.

Я взялся за работу и уже подвинулъ ее на вершокъ, не больше. Сегодня совершенно не дали мнѣ работать, хотя охота была. Между прочимъ, въ студіи было семейство изъ высшаго круга, и одинъ изъ членовъ семейства подошелъ къ бюсту Боткина и воскликнулъ: „Ахъ, какъ похожъ Милютинъ!“ Но я не могъ удержаться и наказалъ его тѣмъ, что поправилъ его, сказавъ, что это бюстъ не Милютина, а Боткина.

И такъ, пока до свиданія.

Сіе письмо пишу у васъ въ домѣ.

219. Къ нему же.

Римъ, 2 октября 1876 г.

Сегодня 2-го октября — вотъ какъ! Спѣшу отвѣтить на ваше письмо, которое сегодня получилъ. Очень радъ, что мое молчаніе заставило васъ написать нѣсколько строкъ, и это доказываетъ (по крайней мѣрѣ я такъ хочу думать), что я для васъ не чужой, чѣмъ я горжусь и буду гордиться.

Я думаю, что вы уже давно получили мое письмо, а также и Елизавета Григорьевна; такимъ образомъ вы знаете, что я еще здѣсь, что письмо съ деньгами (которыхъ, впрочемъ, уже нѣтъ) я получилъ. Я вамъ душевно благодаренъ, что вы такъ часто спасаете меня.

Не смотря на то, что я недавно писалъ вамъ, я не помню, говорилъ-ли вамъ о цѣли моего путешествія, и вообще, что я думаю о дальнѣйшемъ своемъ житьѣ-бытьѣ. Я ѣду, и поѣздка должна рѣшить мою судьбу, если не навсегда, то надолго, т.-е. гдѣ я, наконецъ, поселюсь. Я долженъ сказать вамъ, что мнѣ сильно надоѣло вести такую кочующую жизнь. Теперь буду въ Россіи, подышу той атмосферой, увижу, какъ она подѣйствуетъ, какъ на моральное, такъ и на физическое состояніе. Если хорошо—тогда привѣтъ тебѣ, Русь, я вашъ! Если нѣтъ, то сдѣлаю то, что давно задумалъ, а именно: продамъ нашъ домъ, уѣду въ Парижъ, и тихо, безъ шума, одиноко поработаю нѣсколько лѣтъ, исполню всѣ мои задушевныя идеи, и только потомъ явлюсь на свѣтъ Божій. Я долженъ прибавить, что работы изъ мрамора хочу прекратить, мои работы также хороши и изъ бронзы. Я это хочу сдѣлать потому, что я рѣшительно не могу со всѣми заниматься, портить кровь; при всемъ этомъ, издержки въ студіи такъ велики, что не смотря на хорошія цѣны, которыя я беру за свои

работы, я не могу свести концы съ концами. Не проходитъ мѣсяца, чтобы мнѣ не искать денегъ; хорошо, спасибо вамъ, что вы столько разъ выручали меня.

Вотъ, мой другъ, я прошу васъ, я даже, какъ другъ, требую, чтобы вы дали мнѣ совѣтъ, а впрочемъ, когда увидимся, тогда поговоримъ обо всемъ пообстоятельнѣе. Я-бы сейчасъ уѣхалъ, только хочу быть при томъ, какъ заканчивается „Иванъ Грозный“ изъ мрамора, а теперь, болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо быть тутъ. Недѣли черезъ три онъ, должно быть, будетъ готовъ. При этомъ мнѣ было-бы совѣстно пріѣхать въ Москву, не сдѣлавши бюстъ Милютина, и, наконецъ, я до сихъ поръ долженъ былъ отыскивать для насъ квартиру.

Новаго у меня ничего не прибавилось, какъ только то, что теперь передо мной стоитъ маленькій „Иванъ Грозный“. Онъ посеребренъ, и въ общемъ очень хорошо выглядитъ; думаю, что онъ пойдетъ въ ходъ, только некогда съ нимъ возиться. Я теперь кончаю бюстъ Милютина. Его хвалятъ, а, впрочемъ, хвалятъ итальянцы, и извѣстно, что итальянецъ хвалитъ, то русскій выругаетъ.

Я не знаю, брать-ли мнѣ съ собою работы, которыя теперь находятся у меня готовыми — какъ бюстъ „Петра I“, бюстъ „Ивана Грознаго“ изъ бронзы, маленькій „Иванъ“ изъ мрамора, и, наконецъ, онъ же изъ бронзы. Признаться, не люблю я съ ними возиться. Пишите скорѣе,—тогда похвалю, когда пріѣду.

220. Къ нему же.

Парижъ, октябрь 1876 г.

Привѣтъ, сто разъ привѣтъ вамъ, дорогой мой Савва Ивановичъ!

Я опять на свѣтѣ Божьемъ, гдѣ есть просторъ для души и разума. Наука и искусство имѣютъ своихъ слушателей и почитателей. Интеллигенція, соль жизни и человѣчества, процвѣтаетъ здѣсь потому, что за нею есть уходъ; духовный огонь горитъ потому, что каждый поддерживаетъ этотъ пламень у другого.

Вотъ какъ представляется мнѣ Парижъ, въ которомъ я теперь живу. Вамъ легко понять, въ какомъ настроеніи я теперь нахожусь. Не могу сказать, чтобы оно было праздничное; но оно также и не болѣзненное. Во мнѣ какой-то трепетъ, какъ въ ребенкѣ, попавшемъ впервые въ храмъ, гдѣ все торжественно и празднично, а стройный хоръ голосовъ, раздающихся надъ нимъ, еще не вполнѣ понятенъ его юной душѣ. Правда, хотя воображенье мое представляло себѣ все въ гораздо большемъ размѣрѣ, но во-первыхъ тутъ не Парижъ виноватъ, а лишь одно воображеніе мое, потому что издали мелочи всегда тускнѣютъ, между тѣмъ, какъ вблизи, напротивъ, онѣ-то именно и выступаютъ такъ, что мѣшаютъ видѣть общее; во-вторыхъ, если здѣсь я нашелъ еще не совсѣмъ то, что представлялось моему воображенію, то все же несравненно больше, чѣмъ гдѣ-либо. Да притомъ, развѣ есть совершенство на свѣтѣ? Блаженъ еще тотъ человѣкъ, у котораго идеалъ приближается къ совершенству.

Не смотря на громадное стеченіе народа, чего я никогда не любилъ и не люблю, здѣсь все же живется удобнѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было.

Про жизнь въ Парижѣ можно сказать: „за чѣмъ пришелъ, то и нашелъ". Правда, есть не мало людей, которые раздражены Парижемъ и ругаютъ его именно потому, что не нашли здѣсь того, чего ожидали. Но вольно же имъ было желать невозможнаго. Что касается меня, то перестаю желать, чтобы французъ былъ моимъ судьей и произносилъ надо мной приговоръ. Мнѣ кажется, очень ошибочно требовать, чтобы французы старались понять тебя, войти въ твое положеніе, изучать твою манеру.

Этотъ народъ менѣе другихъ старается, менѣе другихъ входитъ въ чужіе интересы и менѣе другихъ изучаетъ то, что не относится къ французамъ. Они болѣе даровиты, чѣмъ умны, болѣе художники, чѣмъ ученые, больше живутъ чувствомъ, чѣмъ умомъ. Французъ менѣе изучаетъ прошлое, отдаленное, онъ меньше склоненъ къ отвлеченной философіи, чѣмъ нѣмецъ, менѣе склоненъ къ логическимъ выводамъ, чѣмъ англичанинъ: онъ весь составляетъ одинъ цѣлый организмъ впечатлѣнія.

Французъ, вѣчно живой, веселый, беззаботный, шутитъ при всякой возможности и живетъ шутя, точно онъ вошелъ въ кумовство съ жизнью и шутливо выманилъ у кумушки все, что она лишь въ состояніи дать.

Слышали вы здѣсь бездну ихъ дѣтскихъ пѣсенекъ? Всѣ онѣ игривыя, шумливыя и смѣшныя; малютка засыпаетъ подъ веселымъ напѣвомъ, начинаетъ прислушиваться, и хохочетъ отъ пѣсенъ. Онъ растетъ подъ эти пѣсни и все хохочетъ, выростаетъ, и съ улыбкой идетъ на встрѣчу жизни, онъ старѣетъ и все улыбается, и эту улыбку онъ передаетъ своимъ внучатамъ.

Скажите, Бога ради, чего лучшаго желать отъ жизни, если уже такъ случилось, что человѣкъ попалъ въ ея колею.

Прибавьте къ этому, что всѣ улыбаются ему на встрѣчу, всѣ признаютъ, что онъ дѣйствительно даровитъ, и что онъ видитъ, какъ всѣ стараются подражать ему, и вы поневолѣ скажете, что онъ правъ въ своихъ поступкахъ, даже тогда, когда наивно говоритъ, что французы—первая нація въ мірѣ.

„Да, мы, французы, знаемъ только свой языкъ, но этотъ языкъ всѣ знаютъ, такъ же, какъ и насъ; мы же никого знать не хотимъ!"

Франція по отношенію къ Европѣ есть то же самое, что игривая женщина по отношенію къ мужчинѣ;—мужчина вѣчно серьезенъ, вѣчно озабоченъ, смотритъ на женщину, какъ на легкое созданье, и никоимъ образомъ равной себѣ не считаетъ, и все-таки она имѣетъ власть надъ нимъ (хотя онъ этого и не признаетъ). Разсердится-ли онъ за я какую-нибудь выходку, она игриво и кокетливо подойдетъ къ нему, вначалѣ шутливо успокоитъ его, а потомъ и заставитъ его сдѣлать именно то, чего она желаетъ. Онъ будетъ сознавать, что нехорошо дѣлаетъ, но улыбка и ласки берутъ верхъ, и онъ сердито идетъ испол-

пить то, чего не хочетъ, бормоча про себя: „экая баба дура". А эта баба-дура вѣчно царствуетъ, онъ же—вѣчно озабоченный и серьезный, ея слуга покорный.

Она задаетъ всему тонъ, а онъ снисходительно повторяетъ за ней.

Главная ихъ сила — это искусство, вкусъ и фантазія, но не въ абсолютномъ смыслѣ этого слова. Наглядное искусство преобладаетъ надъ духовнымъ, т.-е. живопись и скульптура надъ литературнымъ искусствомъ, а литература надъ музыкой. Они гораздо больше предпочитаютъ впечатлѣніе, глаза—впечатлѣнію чувства. Ихъ главный художественный критикъ Тенъ силится доказать, что главное въ искусствѣ—ф о р м а, а не идея; о б р а з ъ, а не мысль.

Французъ не критикуетъ, не анализируетъ искусства, а чувствуетъ по своему, и если какое-нибудь произведеніе не подходитъ подъ его чувство, если оно ничего н говоритъ ему по-французски, то такая вещь выбрасывается имъ за бортъ.

И хотя нѣкоторое сочувствіе вы тутъ всегда встрѣтите, но вѣдь никогда нѣтъ правилъ безъ исключеній, а тутъ въ Парижѣ, благодаря скопленію такой массы людей, тѣмъ болѣе есть и исключенія, какимъ является и такое сочувствіе.

Ко всему этому, и въ заключеніе, я прибавлю еще одну характерную черту этого, столь своеобразнаго и замѣчательнаго народа. При всей своей мягкости и игривости, они инстинктивно становятся самовластны, если сила на ихъ сторонѣ. Это замѣчается даже въ ихъ отношеніи къ своимъ дражайшимъ половинамъ. Они не относятся къ женѣ деспотично: французъ этого и не желаетъ. Напротивъ, онъ очень нѣжно будетъ обходиться съ нею, какъ съ самой дорогой вещью, которая можетъ доставить очень много удовольствія въ жизни, но много свободы онъ ей не даетъ. Ея дѣло—почитать мужа, а дѣло мужа—почитать жену, и на этомъ дѣло кончается. Цѣлый день мужъ проводитъ въ хлопотахъ, а вечеръ на воздухѣ, около кофейной, а жена возится съ дѣтьми, стряпаетъ, а главное — одѣвается и переодѣвается.

Можно спросить, какимъ образомъ этотъ, столь беззаботный, хотя и даровитый народъ, задаетъ такой тонъ всей Европѣ? Почему и какимъ образомъ онъ именно пролилъ столько крови за благо человѣчества, а самъ менѣе другихъ пользовался этимъ благомъ?

По моему, дѣло объясняется очень просто. Есть двоякій типъ людей, стремящихся создать лучшій строй человѣчества: первые—это идеалисты. Они убѣждены въ возможности улучшенія человѣчества, вѣруютъ въ это до фанатизма, и, какъ фанатики, готовы жертвовать собою во имя этой идеи.

Другой типъ—это люди, сильные духомъ. Они не мучаютъ себя и живутъ свободно и счастливо, но не стерпятъ, если кто-нибудь позволитъ себѣ положить свою руку на ихъ плечо. Они тутъ-же сбросятъ съ себя эту ненавистную руку съ такой силой, на какую только способенъ человѣкъ въ цвѣтѣ энергіи и силы. Если же и это не помогаетъ, они съ яростью бросаются на притѣснителя, забывая о своемъ

настоящемъ положеніи и о послѣдствіяхъ. Это люди съ горячей кровью и съ такой же головой. Въ обоихъ случаяхъ я долженъ прибавить, что часто инстинктъ бываетъ столько же вѣренъ, какъ математическій выводъ.

Въ заключеніе буду надѣяться, что вы не разсердитесь за мой длинный разборъ. Я хотѣлъ только формулировать свое первое впечатлѣніе: я считаю его очень важнымъ. Очень можетъ быть, что потомъ, проживя больше времени здѣсь, я посмотрю на этотъ народъ иначе.

Но все-таки я не могъ не высказать того впечатлѣнія, которое сдѣлалъ уже на меня этотъ загадочный и все-таки замѣчательный народъ.

Теперь скажу и о насъ. Нельзя сказать, чтобы все у насъ шло, какъ по маслу. Совершенно напротивъ. На каждомъ шагу бугорокъ и препятствіе. То я мучился въ Вильнѣ, оттуда выбрался, или, говоря вѣрнѣе, вырвался, какъ муха изъ паутины,—и вотъ я свободенъ и радостно стремлюсь въ Парижъ; но и тутъ злой духъ преслѣдуетъ меня. Вотъ цѣлый мѣсяцъ, что мы ищемъ мастерскую, мы просто изъ силъ выбились, но все напрасно. Нельзя даже достать на-время хотя маленькую мастерскую въ одну комнату, чтобы можно было работать. И теперь мы должны, скрѣпя сердце, уѣхать въ Римъ, зимовать. Здѣсь уже холодно становится, и для путешествія это не совсѣмъ хорошо. Дождались, нечего сказать!

Въ финансовомъ отношеніи, тоже нельзя сказать, чтобы мы что-нибудь выиграли, тутъ тоже напротивъ. Но ничего.

Бѣда еще не такъ велика, чтобы іереміады пѣть. Я теперь хочу одного: работать, работать. А здравствуемъ мы всѣ съ перемѣннымъ счастьемъ.

Какъ же вы-то поживаете, дорогой другъ? Дѣла-то, дѣла какъ?

Скажите, пожалуйста, какое вліяніе имѣютъ на ваши дѣла тревожные слухи о войнѣ? Боюсь, что не совсѣмъ хорошее, и это очень безпокоитъ меня.

Дай Богъ, чтобы эти слухи о войнѣ лишь слухами и остались. Я вообще не поклонникъ великихъ войнъ, которыя просто позорятъ человѣчество, а теперешняя война нехороша въ особенности.

Желаю Россіи, чтобы она свободно достигла всѣхъ своихъ желаній и благъ, но за-то желаю ей также не пролить ни капли крови. Пускай она выиграетъ поле сраженія на дипломатическомъ поприщѣ.

Нельзя сказать, чтобы теперь не было для этого самое удобное время, но нельзя сказать и того, что Россія особенно много выиграетъ, если бой начнется. Тутъ игра весьма опасная, а главное, продолжительная. Если бы эта война такъ же быстро произошла, какъ прусско-французская, то въ такомъ случаѣ Россія могла бы застать всѣхъ врасплохъ, а теперь всѣ государства давно уже вытянулись и смотрятъ съ напряженнымъ вниманіемъ. А, впрочемъ, зачѣмъ я все это говорю? Вѣдь это все не болѣе, какъ комментаріи къ вещамъ, которыя закрыты отъ насъ.

Какъ же ваши дѣтки поживаютъ? Пожалуйста, не заставляйте меня такъ долго ждать, и пишите, когда лишь у васъ будетъ возможность. Ваши письма меня всегда оживляютъ. Ну, будьте здоровы, и, повторяю, не забывайте меня такъ долго.

Мнѣ теперь такъ холодно, что я насилу пишу. Скоро напишу вамъ отдѣльно, касательно нашего житья бытья.

221. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, получено 11 октября 1876 г.

Я теперь въ такомъ одурѣломъ состояніи, что положительно не помню, писалъ-ли я вамъ или нѣтъ? Хорошо знаю только одно, что въ добромъ желаніи недостатка не было.

Вотъ уже цѣлыхъ 10 дней, какъ мы здѣсь въ Парижѣ, откуда и выбраться не желаемъ. Меня радуетъ не столько самъ Парижъ, отъ котораго я ждалъ, хотя больше, чѣмъ нашелъ, а все-таки нашелъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, но меня радуетъ то, что здѣсь я нашелъ много хорошихъ людей, и всѣ они русскіе художники.

Бѣда только въ томъ теперь, что я все еще не устроился и, несмотря на мое желаніе, врядъ-ли удастся мнѣ нынѣшней зимой устроиться. И это собственно потому, что очень трудно отыскать мастерскую по направленію къ Monmartre, гдѣ большею частью живутъ русскіе художники. Такимъ образомъ, въ случаѣ, если не найду здѣсь мастерской, придется зимовать, т.-е. работать въ Римѣ, тѣмъ болѣе, что тамъ мастерская моя будетъ порожняя. Жаль, что мы немного поздненько пріѣхали! Какъ вы видите, положеніе наше довольно странное, зато будемъ надѣяться весной непремѣнно здѣсь устроиться.

Впечатлѣніе мое отъ Парижа трудно передать, да къ чему? Вѣдь вы хорошо знаете его и безъ меня. Есть очень много вещей, которыя поразили, а нѣкоторыя очень удивили меня. Но обо всемъ этомъ въ другой разъ, когда голова придетъ болѣе въ порядокъ, а пока я пріѣхалъ не для того, чтобы смотрѣть, но чтобы осмотрѣться, что я и дѣлаю, хотя не совсѣмъ успѣшно.

Однако, при всемъ томъ, я не перестаю думать начать что-нибудь серьезное, и очень жалѣю, что время уходитъ. Я довольно отдыхалъ, или, говоря вѣрнѣе, я довольно долго не работалъ, а теперь уже пора торопиться и взяться за работу.

Мы всѣ понемногу перехворали, но все это для насъ, кажется, въ порядкѣ вещей.

Какъ же вы поживаете? Ваше путешествіе было не совсѣмъ изъ пріятныхъ, берегите себя—это главное.

222. Къ нему же.

Парижъ, получено 25 октября 1876 г.

. . . . Съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ вами въ Петербургѣ, я не отдыхалъ ни духомъ, ни тѣломъ, а главное—мои хлопоты, мое

безпокойство, мои тревоги, не принесли никому пользы, а только вредъ.

Надо быть не художникомъ, а чѣмъ-нибудь инымъ, чтобы возможно было перенести всѣ тѣ непріятности при распутываніи семейныхъ паутинъ, которыя, къ сожалѣнію, выпали на мою долю. Тяжело, просто тяжело, когда имѣешь дѣло съ людьми не равными тебѣ: одни не чисты по совѣсти, другіе тупые, третьи такъ далеко отстали отъ настоящаго, что разумныхъ словъ и слышать не хотятъ, а лишь только удовлетворяй ихъ старыя привычки. Главное то, что въ сущности дѣло было мелкое, или, говоря попросту, дрязги. Но маленькіе люди дали этому дѣлу такое значеніе, что просто точно дѣло шло о жизни и смерти. Люди хворали, волновались, плакали, ссорились, и мнѣ пришлось все это распутывать, а главное то, что многіе нападали на меня, за то, что я не совсѣмъ принимаю ихъ сторону. Изъ всѣхъ этихъ дрязгъ я вырвался, точно изъ клещей.

Пріѣхавъ сюда, я здѣсь тоже не угомонился: переходъ былъ слишкомъ рѣзокъ, точно я попалъ изъ огня да въ воду. Жизнь, полная интереса, свѣта разумнаго, бодрой силы—вотъ что пришло мнѣ на встрѣчу, когда я сюда пріѣхалъ. Навѣрное все подобное съ каждымъ бываетъ, когда въ первый разъ попадаешь сюда; вѣрно также и съ вами случилось, и потому я объ этомъ замолчу. Прибавлю только, что тутъ между мною и другими есть маленькая разница: всѣ большею частью пріѣзжаютъ сюда только смотрѣть, а я пріѣхалъ сюда больше осмотрѣться, чѣмъ смотрѣть. Желая оставаться здѣсь надолго, нашему брату, имѣющему за собою нѣсколько сотъ пудовъ мрамора, двигаться не такъ-то легко. Такъ что надо хорошенько осмотрѣться, чтобы потомъ не раскаяваться. Къ сожалѣнію, мы пріѣхали сюда въ первый разъ, и, главное, слишкомъ поздно. Теперь время, когда квартиры перемѣняются. Мы до сихъ поръ бѣгали и отыскивали мастерскую—и все понапрасну. А теперь, усталые, и скрѣпя сердце, ѣдемъ обратно въ Римъ, зимовать.

Боже мой, когда я наконецъ отдохну, какъ порядочный человѣкъ? Видно никогда. Мой характеръ таковъ, что развѣ отдохну разъ навсегда. Ну, что за бѣда, не буду жалѣть!.. Мнѣ начинаетъ жизнь надоѣдать.

Теперь отвѣчу вамъ на ваши вопросы:

1) Чашу я давно получилъ, и не можетъ быть, чтобы я не отвѣчалъ на это; впрочемъ утверждать не стану: живя въ такомъ угарѣ, удивляюсь, какъ до сихъ поръ я не забываю, какъ носить свою голову на плечахъ.

2) Письма ваши о Сѣровой были посланы къ m-me Сѣровой, только не мною. Я поручилъ это другому, который это исполнилъ, такъ какъ я былъ занятъ.

3) Крамского я видѣлъ и передалъ ему то, что вы сказали, также видѣлъ и Васнецова, который пріѣдетъ въ Петербургъ мѣсяца черезъ два или три. Онъ кончаетъ начатую картину. Впрочемъ онъ сказалъ, что давно писалъ вамъ.

За Мусоргскаго я очень радуюсь. Ну, дай Богъ ему всего, чего только талантъ можетъ достигнуть. За то я очень удивляюсь Кутузову—скажите, Бога ради, вы нашли сюжетъ для него, и онъ принимаетъ его и будетъ это обрабатывать [1])? Что же это такое? Какой-же онъ послѣ этого творецъ? Это, по-моему, достойно работника, исполняющаго заказы.

Пріѣхавши сюда, я нашелъ двухъ старыхъ своихъ знакомыхъ, удивившихъ меня своимъ талантомъ. Оба они — женщины, вы ихъ знаете. Первая—это m-me Эритъ-Віардо [2]) (между прочимъ она кланяется вамъ): она создала такія сильныя и превосходныя вещи въ музыкѣ, что просто трудно вѣрить, что это сдѣлано женщиной. Лучшая ея вещь—„Каинъ“ на текстъ Байрона. Странно, что она лицомъ похожа на мужчину, только симпатичнаго. А въ музыкѣ она такъ сильна и энергична, какъ кисть Розы Бонеръ и какъ перо Ж.-Сандъ.

Вторая—это Ел. Ив. Бларамбергъ [2]). Она написала нѣсколько повѣстей, и я долженъ сказать, что навѣрное она дастъ много превосходныхъ вещей русской литературѣ. Тургеневъ очень хорошо отзывается о ней. Главное, хорошо то, что обѣ эти женщины — люди превосходные. Когда я уѣду изъ Парижа, мнѣ будетъ во сто разъ больше жаль ихъ, чѣмъ даже Лувра.

Эліасику прошу кланяться. Я не писалъ къ нему собственно потому, что въ минуты невзгоды достается хуже всего тому, кто ближе.

Теперь, набѣгавшись вдоволь на холодѣ, мы двигаемся въ путь въ среду, такъ-что второе письмо пишите мнѣ въ Римъ.

Хочу работать, работать и работать. Только тогда я живу и мучаюсь не безъ пользы, а то все быть только съ самимъ собою становится противно.

За сообщеніе о „Моисеѣ“ [4]) очень и очень благодаренъ. Очень удивляетъ меня, что костюмъ Моисея долженъ составлять смѣсь египетскаго и ассирійскаго: я до сихъ поръ все думалъ, что какъ типъ, такъ и костюмъ его должны носить отпечатокъ египетскаго съ еврейскимъ, такъ какъ, бывши въ пустынѣ, онъ многое оставилъ египетское, какъ напримѣръ, Моисей запрещаетъ брить бороду и т. п.

А впрочемъ, пожалуй, вы и правы, что тогда костюмы были не чисто египетскіе, а съ примѣсью отъ тѣхъ странъ, черезъ которыя они проходили.

„Моисея“ я пока оставилъ. Думается мнѣ теперь о чемъ-то другомъ, но во всякомъ случаѣ я буду очень радъ, когда получу подробности о немъ.

---

[1]) Поэма «Гашишъ», которая была впослѣдствіи напечатана въ сочиненіяхъ графа А. А. Кутузова.

[2]) Дочь знаменитой пѣвицы Віардо-Гарсіа. Она была одно время на петербургской оперной сценѣ.

[3]) Въ замужествѣ Ардова.

[4]) По просьбѣ Антокольскаго, В. В. Стасовъ сообщилъ ему доступныя въ настоящее время въ археологической и исторической литературѣ свѣдѣнія о Моисеѣ.

223. Къ И. Н. Крамскому.

Римъ, 4 (16) ноября 1876 г.

. . . . Сегодня я узналъ, что Третьяковъ долженъ пріѣхать сюда сегодня или завтра. Когда увижу его и онъ увидитъ мои работы, напишу, какое впечатлѣніе онѣ на него произвели.

Что касается меня, то я уже началъ работать, но, увы, не то, о чемъ я такъ мечталъ, а просто работаю по заказу портретную статую Панина. Это необходимо ради спасенія собственнаго желудка. Вообще, я нахожусь точно въ похмѣльѣ, когда голова трещитъ, а въ карманѣ свиститъ вѣтеръ.

А все-таки я не жалѣю, что пріѣхалъ сюда зимовать: здѣсь я гораздо больше сдѣлаю. Притомъ, начинаю „Сократа" изъ мрамора; хотя онъ обойдется больно дорого, но дѣлать нечего, надо его сдѣлать.

Что касается мастерской, то все-таки очень прошу присматривать мастерскія, и если найдется хорошая, то взять ее. Этакъ, думаю, будетъ лучше: во-первыхъ, мы нисколько не увѣрены, во-что обойдется мастерская, которая въ томъ домѣ, гдѣ живетъ Боголюбовъ, а во-вторыхъ мы не знаемъ, долго-ли еще придется терпѣть отъ банкировъ, которые такъ безжалостно обрѣзываютъ и общипываютъ русскія бумажки.

Касательно войны навѣрное и вы знаете обо всемъ. Какъ мнѣ кажется, воздухъ тяжелый, будетъ гроза. Я нисколько не поклонникъ всякихъ дракъ, но видно, что этого не миновать. И такъ, что должно быть, пусть будетъ поскорѣе.

Я работаю, и только о томъ мечтаю, когда наконецъ можно будетъ опять пріѣхать къ вамъ въ Парижъ.

Когда вы увидите Ел. Ив. Баламбергъ, то попросите отъ меня, пускай она узнаетъ о магазинѣ, который отдавался подъ мастерскую. Мой сердечный поклонъ ей, скоро буду писать ей отдѣльно. Да пожалуйста, скажите мнѣ, можетъ-ли этотъ магазинъ быть хорошъ для меня (вѣдь вы его видали). Также я очень просилъ-бы Петра Алексѣевича, когда узнаетъ условія хозяина насчетъ студіи, сообщить намъ. Сердечный поклонъ ему отъ насъ! Здѣсь новостей мало, всѣ охаютъ и кряхтятъ, что иностранцевъ мало, что однако не мѣшаетъ дороговизнѣ.

Какъ только Третьяковъ пріѣдетъ, уѣзжаю въ Каррару, мраморъ покупать.

Жена моя очень и очень кланяется вамъ. Она до сихъ поръ все была въ хлопотахъ, такъ какъ только вчера мы окончательно приютились къ квартирѣ, которая больно дорого обходится, гораздо дороже парижскихъ.

Завтра я долженъ получить фотографіи „Сократа". Если онѣ будутъ хороши, тогда, конечно, скоро получите ихъ въ разныхъ видахъ.

И такъ, дорогой мой Иванъ Николаевичъ, до слѣдующаго раза; скоро буду опять писать къ вамъ, а пока простите за мое безсодержательное письмо. Да о чемъ писать-то?

224. Къ И. Я. Гинцбургу.

Римъ, ноябрь 1876 г.

Дорогой Илья! Какъ ты поживаешь? Надѣюсь, что ты уже пересталъ хворать. Что ты теперь подѣлываешь? Совѣтую тебѣ часто ходить въ Эрмитажъ и разсматривать разныя художественныя изданія, которые В. В. тебѣ укажетъ. Ты не можешь себѣ представить, что это за пища для художника! Совѣтую также разсматривать внимательно увражи серьезныхъ эпохъ, а не упадка. Старайся свыкнуться съ жизнью, и тогда увидишь, что это за богатство—истинное, чистое, душевное, искусство, и послѣ этого, конечно, старайся дѣлать по-своему, что твоя душа диктуетъ. Но знакомство съ серьезными произведеніями не дастъ тебѣ легко относиться къ своему труду. Буду надѣяться, что ты послушаешься меня.

То, что Черкасовъ [1]) предлагалъ, пожалуй, недурно, хотя немного наивно и даже странно, въ особенности для нешаблонныхъ художниковъ. Дѣло въ томъ, что компановать сейчасъ послѣ задачи, или, говоря вѣрнѣе, подъ диктовку—это значитъ компановать условно, подъ рецептомъ. Это хорошо только для внѣшнихъ художниковъ. Надѣюсь, что ты принялъ предложеніе Черкасова лишь до извѣстной степени.

Я работаю сильно, я работаю проектъ [2]), только Бога ради никому ни слова, кромѣ В. В., да и того проси, чтобы и онъ никому не сказалъ. Я надѣюсь, что черезъ недѣлекъ 5—6 я буду въ Петербургѣ, и объ этомъ никому ни слова.

Не слышно-ли что-нибудь относительно проектовъ? [3]) Что говорятъ?...

225. Къ В. В. Стасову.

Римъ, получено 8 ноября 1876 г.

. . . . Не думайте, что мнѣ здѣсь скучно, нисколько! Я все еще хлопочу, барахтаюсь, какъ муха, попавшая въ воду (да право, между мною и мухой есть что-то общее): вотъ муха перестаетъ барахтаться, крылышки у ней уже мокрыя, и сама она выбивается изъ силъ. Казалось-бы, и была такова, потому что мертва. Но нѣтъ: вода подъ ней высыхаетъ, солнышко ее припекаетъ, и она оживаетъ, поднимается крылышками и опять жужжитъ и надоѣдаетъ всѣмъ. И я теперь тоже все барахтаюсь, хочу подняться, высвободиться, но до сихъ поръ больно трудновато. Видно, надо ждать, когда и для меня солнце появится, а пока вездѣ и повсюду пасмурно: и въ головѣ, и на душѣ, и въ карманѣ. А главное пасмурно потому, что я самъ, дуракъ, виноватъ въ этомъ. Мнѣ, какъ мухѣ, надоѣло сидѣть на мѣстѣ, я поднялся и полетѣлъ надъ водою—встрѣтился со своею роднею, обрадовался, захотѣлось мнѣ ее поцѣловать... ну, и оказалось, что все

---

[1]) П. П. Черкасовъ, инспекторъ классовъ Академіи Художествъ

[2]) Проектъ статуи «Сократа».

[3]) Проекты памятника Пушкина.

это было не больше, какъ оптическій обманъ. И я попалъ въ воду. Вотъ, что значитъ пожелать своихъ увидать! Если бы я не пожелалъ ѣхать въ Россію, въ Вильну, тогда было бы все хорошо; но я поѣхалъ и потерялъ время, деньги и здоровье, а главное, даромъ безъ пользы для кого-бы то ни было. Теперь денегъ у меня мало, а ихъ надо много; въ перспективѣ ихъ тоже не видно; работа не продается, курсъ низокъ, того и смотри, что будетъ еще ниже. „Сократа" надо сдѣлать изъ мрамора, ибо на всемірную выставку изъ гипса не принимаютъ, а я туда хочу непремѣнно послать его вмѣстѣ съ „Христомъ". И такъ, я думалъ, думалъ, хотѣлось мнѣ взяться за „Акробатовъ" (о чемъ я уже давно мечталъ), но плюнулъ и взялся выполнять заказъ. А досадно, право очень досадно, ибо вы, можетъ быть, знаете, какъ я не охотно работаю заказы. Вотъ прихожу я утромъ въ мастерскую, постою, постою около работы и непремѣнно найду причину, чтобы уйти. Такъ время и идетъ, а заказъ стоитъ себѣ, да стоитъ. Хорошо еще, что теперь я буду работать портретную статую, и еще лучше, что разумная заказчица дала мнѣ полную свободу дѣлать такъ, какъ Богъ на душу положитъ—такъ что, кажется, этотъ заказъ не будетъ изъ скучныхъ (буду работать статую Панина). Хоть это меня радуетъ. Помнится мнѣ, какъ за 25 рублей серебромъ я долженъ былъ работать какихъ-то купидоновъ и непремѣнно въ стилѣ Пуссена (пусть провалился-бы онъ, этотъ орнаментщикъ); однако же я сдѣлалъ это, да еще такъ, что иные восхищались. Ну, теперь мнѣ думается, когда я съумѣлъ тогда сдѣлать такъ, что дамы восхищались, то теперь и подавно съумѣю.

Вы, пожалуйста, дядюшка, не сердитесь за мое теперешнее письмо: конечно, я болтаю, но что дѣлать; надо-же писать, иначе и вы перестаете писать мнѣ.

Мы здѣсь поселились на 6 мѣсяцевъ. Буду съ терпѣніемъ ждать, и считать дни и мѣсяцы, когда они пройдутъ, и тогда—въ Парижъ, въ Парижъ! Лишь-бы только въ карманѣ не было сквозного вѣтра.

Пожалуйста, спросите Беггрова, не продалъ-ли онъ маленькаго „Ивана Грознаго" изъ бронзы? У меня есть много готовыхъ работъ, какъ, напримѣръ: голова „Ивана Грознаго" изъ мрамора, очень удачная; потомъ та же голова изъ бронзы и, наконецъ, маленькій „Иванъ Грозный" изъ серебра (превосходной чеканки). Но боюсь посылать: во-первыхъ, Беггровъ подаетъ больно длинные счета, и во-вторыхъ, и это главное,—то, что врядъ-ли теперь въ такое тяжелое время можетъ что-нибудь продаваться. Если же продажа идетъ по-прежнему, тогда пошлю; только прошу вашего совѣта, куда посылать: къ Беггрову-ли, или же на постоянную выставку?

226. Къ нему же.

Римъ. Получено 26 ноября 1876 г.

...Я ничего не дѣлаю, и только все вожусь съ желудкомъ. Женѣ моей тоже нездоровится,—вообще мы проводимъ время очень глупо,

дѣлаемъ ошибку за ошибкой, хотимъ поправиться, и выходитъ еще хуже. Однимъ словомъ, послѣднее время напоминаетъ мнѣ старые годы, только съ той разницей, что тогда я считалъ на гроши, а теперь на рубли. Ну, надѣюсь, что и это пройдетъ. Теперь я началъ заказъ статуи „Панина"; надо кончить его непремѣнно до весны, а тамъ—въ Парижъ.

Если будетъ фотографія хорошо снята съ „Сократа", то не замедлю выслать вамъ, сегодня же долженъ былъ получить первый пробный экземпляръ.

Вотъ и вся моя теперешняя жизнь: пуста, сѣра и гладка. Буду надѣяться, что тучи опять пройдутъ: тогда крылья выпрямлю и полечу высоко, высоко. А пока я самъ не свой.

Ну, пишите же вы, что у васъ тамъ новаго? Здѣсь же ничего новаго нѣтъ—всѣ спятъ и точно сквозь сонъ охаютъ и кряхтятъ, что время тяжелое, что мало американцевъ наѣхало, и мало дѣлъ художники дѣлаютъ.

227. Къ И. Н. Крамскому.

Римъ, 25 ноября (7 декабря) 1876 г.

Хотѣлось бы мнѣ писать вамъ обо всемъ подробно, но къ сожалѣнію подробно не о чемъ писать. Послѣ Парижа показалось мнѣ здѣсь все какъ-то блѣдно, сѣро и мертво. Всѣ шныряютъ съ постными выраженіями; купцы жалуются, что иностранцевъ мало, художники жалуются, что мало у нихъ покупаютъ, модели жалуются, что художники мало работаютъ. Остается и мнѣ пожаловаться, что больно все это мнѣ надоѣло, потому что, кромѣ всего этого, я теперь самъ не свой; главное—уже начинаю больно чувствовать эту спеціальную римскую скуку. До сихъ поръ я все былъ занятъ, все хлопоталъ о вседневныхъ мелочахъ, которыя хотя и надоѣдаютъ тебѣ хуже комаровъ, но, право, интереснѣе, чѣмъ грѣться на солнцѣ какъ котъ. Конечно, результатъ одинаковъ, все равно ничего путнаго не дѣлаешь, но покрайней мѣрѣ процессъ интереснѣе; а что такое и самая жизнь, какъ не одинъ процессъ? Ну, довольно объ этомъ. Сегодня я вовсе не желаю философствовать, особенно когда на душѣ кошки скребутъ, а въ умѣ черти возятся. Теперь хочу только веселиться, кружиться, уставать, сладко засыпать, обо всемъ забывать, хочу спать долго-долго, чтобы всю жизнь проспать, и желанія мои хоть во снѣ увидать. Эхъ, другъ мой, мало-ли чего желаешь! Остается только „желаніе".

Мнѣ кажется, что никогда не кишѣло вокругъ меня столько непріятностей, какъ теперь. Каждый день получаю все новыя и новыя непріятности, да какія!.. Мнѣ это напоминаетъ старые годы, только съ тою разницею, что тогда я былъ рыбка маленькая, плавалъ неглубоко, да и воды не требовалъ большой, имѣлъ дѣло съ такими же рыбками, какъ я самъ. Теперь же говорятъ, что я щука, да щука большая, значитъ рыбный царь, какъ евреи называютъ; значитъ я все могу сдѣлать, всѣмъ помогать, никого въ обиду не давать, изъ черного—бѣлое создавать. Вотъ чего требуютъ мои родные отъ меня, и

я долженъ сказать, что хотя ихъ требованія и не логичны, но всетаки мнѣ ихъ крайне жаль, потому что они дѣйствительно теперь крайне несчастны. А хуже всего то, что они такъ запутались, что рѣшительно я не въ силахъ ихъ распутать. Съ другой стороны, если я теперь дѣйствительно щука въ сравненіи съ прежнимъ, то и имѣю я дѣло со щуками, которыя не даютъ мнѣ покоя. Сказка тутъ коротка: есть у насъ домъ, отъ котораго мы имѣемъ больше безпокойства, чѣмъ денегъ. Лѣтомъ я вздумалъ его немного реставрировать, думалъ, что обойдется не дорого, и когда я уѣзжалъ изъ Вильны, я разсчиталъ, что онъ обойдется не болѣе какъ въ 3000 р., такъ какъ ремонтъ уже кончился. Оказалось, что потомъ я получилъ счетъ ровно вдвое больше. Спасибо, обдѣлали! Хотя я долженъ сказать, что я никого въ этомъ не обвиняю, кромѣ самого мастера.

При этомъ здоровье мое неладно. Опять проклятый желудокъ; да будь-же онъ, наконецъ, проклятъ! Нигдѣ онъ такъ не надоѣдалъ мнѣ, какъ здѣсь. Нечего сказать, Италія—страна, для многихъ пріятная, но для нашего брата крайне опасная. Я все мечтаю, какъ-бы поскорѣе прошла зима. Женѣ моей тоже нездоровится. Однимъ словомъ—весело! Буду надѣяться, что все это пройдетъ, и тогда обѣщаю, что перестану хныкать.

Вчера уѣхалъ Третьяковъ. Онъ заказалъ картину для своего брата какому-то испанцу за 15,000 франковъ. Ну, и на здоровье! Я видѣлъ потомъ работы и картины этого испанца. Этотъ джентльменъ есть подражатель Фортуни до послѣдней тошноты, и, по-моему, за подобныя вещи я бы далъ палки, а не деньги. Онъ заказалъ также картину у нѣкоего Котарбинскаго за 300 р.—и все это по рекомендаціи Риццони. Вѣрно-ли это—не знаю, но говорятъ, что такъ.

Вотъ вамъ римскія новости, не правда-ли, много?

Здѣсь застрялъ русскій художникъ, нѣкто Романъ. Ковалевскій очень хорошо знаетъ его. Человѣкъ, кажется, хорошій и не безъ способностей, только бѣда: Викторъ-Эманунлъ въ долгъ ему не даетъ, и онъ, бѣдный, перебивается, какъ нельзя хуже. Ему случайно попались маленькіе этюды Иванова, сами по себѣ неважные, но все-таки это интересно, какъ работа Иванова. Онъ хочетъ продать ихъ, всѣ три—за 100 франковъ, да и то, какъ на грѣхъ, никто брать не хочетъ. Вотъ оттого-то я и написалъ вамъ объ этомъ большое предисловіе, чтобы просить васъ, авось въ Парижѣ кто-нибудь скорѣе купитъ. Думаю, что скорѣе всего купитъ А. П. Боголюбовъ, которому, между прочимъ, я очень, очень кланяюсь. Когда буду посылать фотографію „Сократа", тогда вмѣстѣ и ихъ пошлю. Надѣюсь, что вы не откажете въ этомъ.

Отъ Рѣпина я получилъ письмо. Онъ теперь у себя дома, именно у себя дома. Отъ него опять повѣяло свѣжестью и бодростью. Описываетъ онъ свое житье-бытье до того завлекательно, что такъ и хотѣлось бы побывать тамъ и пожить такою жизнью. Оно теперь мнѣ привлекательнѣе тѣмъ болѣе, что я какъ разъ кончаю книгу „Въ лѣсахъ". Очень мнѣ она нравится: это капитальное произведеніе. Такъ

просто, ровно и сильно написано; цѣлая народная жизнь! Главное хорошо, что безъ утрировки.

Сегодня я получилъ письмо изъ Москвы; движеніе и оживленіе тамъ такія сильныя, какъ никогда не бывало. Раскатилась душевная волна, и всѣ требуютъ борьбы. Я стою далеко и не увлеченъ этою волною, поэтому могу хладнокровно разсуждать, что миръ былъ бы самое разумное, что только можетъ быть послѣ глупости, а если уже война, то на-смерть и не противъ турокъ, а противъ англичанъ, намъ надо получить отъ нихъ обратно то, что они взяли у насъ послѣ Крымской кампаніи, а о томъ, что кричатъ „наши братья-славяне", право, не стоитъ и говорить. Теперь же выходитъ такъ, что великодушные британцы отдѣлываются деньгами, а мы—кровью.

Я долженъ прибавить, что Третьякову тоже очень нравится мой портретъ. Хотя, правда, онъ судья не Богъ знаетъ какой, но все-таки, какъ мнѣ кажется, чутье у него хорошее. Ему также нравятся и мои послѣднія работы; онъ тоже говоритъ, что „Христосъ" лучше „Ивана Грознаго", а „Сократъ" лучше „Христа".

Дай Богъ, чтобы это была правда.

Для моего портрета я сдѣлалъ золотую раму (не вытерпѣлъ-таки, нечего сказать люблю я себя!). Портретъ сильно пожухъ и просится быть покрытымъ лакомъ. Елена передала мнѣ, что вы желали взять его къ себѣ, и тамъ вы приведете его въ порядокъ. Какъ видите, я не могу съ нимъ разстаться. Дайте раньше на него налюбоваться, а потомъ будетъ по вашему. Ну, будетъ болтать!

Пишите вы, если желаете, чтобы я сдѣлалъ то же. Когда вы увидите Е. И. Баламбергъ и Віардо, то отъ меня кланяйтесь. Я все собираюсь писать имъ, и до сихъ поръ не писалъ. Буду, буду.

Какъ поживаетъ Васнецовъ? Ну, а картина его какъ? Отъ Стасова я не получаю писемъ, а Рѣпинъ говоритъ, что между ними была размолвка.

Третьяковъ купилъ также у Бронникова картину: pendant къ „Пиѳагорійцамъ"; онъ также купилъ этюдъ за 100 рублей.

Говорятъ, что Семирадскій назначилъ за свою картину 300,000 франковъ. Мало!

„Ивана Грознаго" изъ мрамора я долженъ отправить въ Москву сегодня-же. Ругаются за задержку.

Былъ я въ Каррарѣ, купилъ мраморъ для „Сократа". Я теперь занятъ созданіемъ грошей, и поэтому работаю статую „Панина".

228. Къ В. В. Стасову.

Римъ, получено 8 (20) декабря 1876 г.

Ваше письмо застало меня въ такомъ же плохомъ состояніи духа, какъ и васъ мое. Отовсюду идутъ непріятности, одна за другой, а главное—болѣзни: желудочное разстройство и нервная болѣзнь не даютъ мнѣ покоя. Душно и безотрадно часто бываетъ такъ, что хоть руки наложи на себя.

Страшно, что въ вашемъ домѣ случились такія несчастья, и одно за другимъ [1]). Съ тѣхъ поръ, какъ въ нашемъ домѣ случилось подобное, я вздрагиваю всякій разъ, когда слышу о смерти, закрываю глаза, затыкаю уши и гоню прочь отъ себя мысли, которыя давятъ меня.

Лучше стану отвѣчать на ваше письмо, въ которомъ ни съ того, ни съ сего вы опять нападаете на мое направленіе. Скажите, пожалуйста, отчего это? Вѣдь вы хорошо знаете, что я изъ потомковъ Моисея — значитъ больно упрямъ: у всѣхъ я спрашиваю, а дѣлаю по своему. Кажется, что это чуть ли не ваши собственныя великія слова обо мнѣ: „Я слушаю, но не слушаюсь". При этомъ, можете ли вы такъ рѣзко осуждать меня, не видѣвши моихъ послѣднихъ произведеній, именно тѣхъ, на которыя вы такъ нападаете? Зачѣмъ же вы, незамѣтно для себя, становитесь деспотичнымъ въ вашихъ требованіяхъ? Зачѣмъ вы не даете каждому идти по своему? Развѣ вы не знаете, что лучше сто тысячъ разъ заблудиться, чѣмъ разъ слѣпо повиноваться кому бы то ни было,

Пожалуй, разбирайте, критикуйте, но раньше дайте высказать все, что накипѣло на душѣ. А главное, я еще не положилъ своего рѣзца. Чего же вы желаете отъ меня? Быть націоналистомъ? Когда же я былъ имъ? Развѣ „Иванъ Грозный" (признанный вами за лучшее мое произведеніе) есть моя національность? Развѣ я по образу мыслей и симпатіямъ могу считаться націоналистомъ? По вашему, нѣтъ искусства безъ національности. По моему, это почти такъ, но все таки не совсѣмъ такъ: художникъ не долженъ творить національныхъ сюжетовъ внѣ своей національности—это я испыталъ на Петрѣ I, и, можетъ быть, благодаря этому, я пока и оставляю всякіе національные сюжеты. Вы находите вреднымъ для меня, что я сижу за границей. Согласенъ, это вредно и для меня, и для другихъ. Много, много далъ бы я, чтобы быть тамъ, куда влечетъ меня; быть въ странѣ, для которой я работаю, откуда я жду будущности во всемъ, также и въ искусствѣ. Но отчего я самъ тамъ не живу, въ этомъ вы можете винить: Питеръ, самую Россію, судьбу, Академію, но только никакъ не меня! Это моя больная струнка, которую вы не должны были бы трогать. Но вы какъ будто не хотите знать объ этомъ, не хотите разобрать меня, какъ человѣка, приговореннаго русскими эскулапами жить почти въ изгнаніи. Что же мнѣ остается дѣлать? Все-таки брать сюжеты изъ современной жизни? Да что дѣлать, когда идеалъ мой идетъ дальше, когда въ настоящемъ я не нахожу пищи для моего творчества, когда даже я и не люблю настоящаго, и вся жизнь моя, и надежда—въ будущемъ. Гдѣ же утолить жажду мою? Въ чемъ я могу выразить мою душевную боль, какъ не въ людяхъ сильныхъ, могучихъ духомъ, которые вѣчно какъ тѣни стоятъ передъ человѣчествомъ во всей его исторіи! Подобныхъ личностей мы называемъ „историческими", ихъ всѣ знаютъ съ колыбели еще, о нихъ всѣ слышали, но

---

[1]) Смерть молодой племянницы Ольги, за границей, и нервная болѣзнь племянницы Маріи.

никто ихъ не видѣлъ. Такъ вотъ я и хочу показать ихъ. Если кто захочетъ подумать надъ моими произведеніями, тотъ увидитъ, что эти личности бросаютъ перчатку, они вызываютъ: „пускай явится передъ ними тотъ, у кого совѣсть не чиста", они вызываютъ у человѣка его человѣческое достоинство, пробуждая въ немъ спящую личность, его внутреннее „я".

Такъ вотъ, дорогой дядя, я хочу сказать, кому я хочу служить.

О виртуозности исполненія, о желаніи этимъ приблизиться къ совершенству—я тутъ и не говорю. Меня не увлекаетъ одно техническое выполненіе, если при этомъ нѣтъ соотвѣтствующей мысли. Въ концѣ концовъ я могу сказать, что я убѣжденъ: работы мои, изъ какой эпохи и національности ни были-бы взяты, всегда останутся произведеніями современными для современнаго человѣчества, а главное: онѣ не умрутъ.

Таковъ взглядъ мой, таково убѣжденіе мое, перемѣнить его я не хочу и не могу. Хочу быть самостоятельнымъ, и никому не принадлежать, кромѣ самому себѣ. Вѣрны ли мои убѣжденья или фальшивы, объ этомъ пускай судятъ другіе, но они мои собственныя, и я какъ фанатикъ вѣрю въ справедливость и въ вѣрность ихъ. Иначе я не сталъ бы работать и никто не сумѣетъ убѣдить меня въ противоположномъ раньше, чѣмъ я самъ не буду убѣжденъ.

Что касается до „Нападенія Инквизиціи", то я нисколько не отказываюсь отъ нея, но не дѣлаю ее просто потому, что считаю ее очень серьезной, и оттого я не совсѣмъ доволенъ ею.

Вотъ вамъ, дорогой дядя, тутъ я весь, какой есть. Впрочемъ вы хорошо знаете меня и безъ того. А чѣмъ вы можете быть недовольны во мнѣ, того я не знаю.

Конечно, я могу только повторить съ вашихъ словъ то, что Рѣпинъ сказалъ, а именно, что намъ нечего расходиться. Совершенно напротивъ, и тѣмъ болѣе, что я не вижу причины, за что именно намъ разойтись. И я долженъ сказать вамъ, что я не мало удивился вашимъ словамъ объ этомъ.

Вы не агитаторъ, а художественный критикъ. Вы должны отдать каждому свое справедливое достоинство и недостатки, но вы не должны гнать всѣхъ по одной доскѣ. Пускай каждый идетъ по своему, лишь бы только честно и по мѣрѣ силъ своего таланта доходилъ до цѣли. Нѣтъ человѣка, который былъ бы похожъ на другого. Тоже самое должно быть и въ искусствѣ: можетъ быть это именно и составляетъ цѣльность въ жизни.

Кажется, мнѣ нечего болѣе прибавить здѣсь, какъ только съ терпѣніемъ ждать вашего отвѣта. Кромѣ этого, я могу еще прибавить, просто по искренности моей, что мнѣ крайне непріятно было-бы потерять стараго друга, если вы находите, что подобной дружбы я не стою, не какъ человѣкъ, а какъ художникъ. А что значитъ въ жизни старый, добрый и искренній другъ—это можетъ знать только человѣкъ, жившій долго, узнавшій горе и печали.

Съ моей стороны нѣтъ ни малѣйшей причины не называть васъ все тѣмъ же другомъ, какимъ вы были до сихъ поръ.

Что касается фотографіи, которую Праховъ обѣщаетъ напечатать въ своей „Пчелѣ“, то я не знаю, кто далъ ему на это позволеніе? По всей вѣроятности онъ думаетъ, что я, какъ старый товарищъ его, не откажу ему, когда онъ попроситъ моего позволенія въ этомъ. Но до сихъ поръ я ничего подобнаго не получилъ.

Посылаю вамъ съ этимъ письмомъ статью обо мнѣ. Вы конечно не будете довольны ею, и я, грѣшный, тоже не доволенъ. Есть мѣста очень курьезныя, за то нѣкоторыя сужденія очень вѣрныя объ „Иванѣ Грозномъ“; по крайней мѣрѣ, они близко подходятъ къ тому, что я хотѣлъ выразить въ этой статуѣ. А также и о „Христѣ“. Фотографія „Сократа“ готова давно, только не совсѣмъ хороша, и оттого у меня нѣтъ охоты посылать ее. Вообще, до сихъ поръ у меня нѣтъ фотографіи, которая могла бы сравниться съ фотографіей „Ивана Грознаго“, а также—со статуей „Вольтера“ [1]). Честь и слава Гофферту. И здѣсь всѣ находятъ, что фотографія его превосходна,

Статья обо мнѣ была давно написана, но до сихъ поръ я не могъ ее получить. Говорятъ, что есть еще гдѣ-то статья.

229. Къ И. Н. Крамскому.

Римъ, 3 (15) декабря 1876 г.

Посылаю вамъ фотографіи „Сократа“. Пожалуйста, напишите мнѣ скорѣе, какъ онѣ вамъ понравятся. Можно-ли посылать ихъ и другимъ, въ Россію? Передаютъ-ли онѣ хорошо оригиналъ? Меня онѣ не совсѣмъ удовлетворяютъ, но снималъ я два раза, денегъ стоило много, хлопотъ тоже, а больше нѣтъ охоты хлопотать о нихъ. Хочу послать ихъ другимъ, хочу похвастаться (слабость человѣческая), но боюсь, чтобы не случилось того-же, что было съ „Христомъ“, и оттого раньше всего посылаю вамъ, и никому не пошлю, пока не получу отъ васъ отвѣта. Если вы найдете, что фотографіи хороши, то можете показать ихъ кому хотите; если-же онѣ не хороши, то Бога ради спрячьте ихъ подальше.

Я началъ работать надъ статуей „Панина“.

Новостей у меня никакихъ. Все попрежнему. Не можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ жду, когда вырвусь изъ этого проклятаго Рима. Помимо того, что здѣсь сонная жизнь, что здѣсь скучно, какъ въ лѣсу,—воздухъ здѣшній для меня до того вреденъ, что теперь я больше, чѣмъ когда-либо, убѣдился въ этомъ. До сихъ поръ здѣсь было тепло, т.-е. дулъ сирокко, а это до того отвратительно дѣйствуетъ на нервы, до того скверно чувствуешь себя физически и нравственно, что не знаешь, куда дѣться, что дѣлать.

---

[1]) Снимки петербургскаго фотографа Гофферта.

Но вотъ, погода перемѣнилась, и я ожилъ, сталъ просто счастливъ, только это длилось не долго. Вчера вечеромъ я чувствовалъ себя что-то опять неладно, цѣлую ночь скверно спалъ, нервы гуляютъ: погода видно измѣнилась, и дѣйствительно это такъ.

Странно, что сталось со Стасовымъ? Писалъ, писалъ я ему, долго онъ заставилъ меня ждать, и вотъ получаю наконецъ письмо, но какое! Что онъ совсѣмъ хотѣлъ-было прервать со мною переписку и не видаться даже со мною никогда, и за что? За то, что я измѣнилъ направленіе, что я не оправдалъ его надеждъ, что я сталъ „армейскимъ“ художникомъ, что у меня нѣтъ самостоятельности и т. д. Замѣтьте, что уже не въ первый разъ онъ ругаетъ мои произведенія, не видавши ихъ. Скажите, Бога ради, на что это похоже? Да, видно, что между нами существуетъ пропасть. Онъ просто пересталъ понимать меня, оставилъ меня юношей и находитъ меня теперь старикомъ. На что это похоже! Мнѣ его просто жаль, потому что у него все это искренно. И, даже получивши подобное письмо, я не могъ на него разсердиться, потому что онъ говоритъ не отъ злости, а съ искренностью, и ему самому это больно. Но онъ ошибается, онъ несправедливъ. Въ другой разъ, пожалуй, я промолчалъ-бы, но такъ какъ это письмо застало меня въ римскомъ настроеніи духа, то я написалъ ему письмо, въ которомъ вкратцѣ высказалъ себя и его, а также и отношеніе его ко мнѣ. Послѣдствіемъ этого письма, я думаю, будетъ одно изъ двухъ: или онъ наконецъ пойметъ меня и мы будемъ по прежнему, или-же разстанемся. Какъ это ни странно, какъ ни противно мнѣ это, я жалѣю до невѣроятности, мнѣ просто больно: ни съ того, ни съ другого, здорово живешь, давай разстанемся! Все-таки не могъ я постоянно жить точно подъ опекой и постоянно отъ него слышать одно, а мнѣ дѣлать другое. Мы оба смотримъ совершенно съ разныхъ сторонъ.

Съ фотографіями также посылаю вамъ эскизы Иванова. Пожалуйста, если въ Парижѣ нѣтъ мѣста для нихъ, то просто перешлите ихъ обратно сюда. Что у васъ новаго?

230. Къ нему же.

Римъ, 13 (25) декабря 1876 г.

Не хочу описывать вамъ, какъ я вамъ благодаренъ за всѣ хлопоты, а главное за участіе, которое вы принимаете во мнѣ (пожалуйста, пусть слова мои не покажутся вамъ казенными — я не знаю, какъ иначе выразить вамъ мою благодарность).

Не отвѣчаю телеграммою на ваше письмо, во-первыхъ, потому, что хорошо знаю эту мастерскую. Я ходилъ съ Харламовымъ, который и нашелъ ее. Я былъ тамъ нѣсколько разъ и все-таки рѣшилъ не брать ея. Такъ какъ я разсчитывалъ оставаться нынѣшнюю зиму въ Парижѣ, то конечно она была для меня слишкомъ сыра (теперь дѣло другое). Потомъ, она показалась мнѣ недостаточно свѣтлою. Не знаю, какъ теперь, но тогда свѣтъ заслонялъ съ одной стороны заросшій

садъ, а съ другой—рынокъ. Правда, есть одно окно съ превосходнымъ свѣтомъ, но это только одно окно. Во всякомъ случаѣ, мастерская превосходна. Но останавливаетъ меня одно, это—финансовый расчетъ. Главное, мы не знаемъ, съ какого числа можно взять эту мастерскую; если съ новаго года, то оказывается, что мы даромъ будемъ платить за девять мѣсяцевъ, такъ какъ не раньше сентября будущаго года я начну работать въ Парижѣ, потому что лѣтомъ я не работаю, притомъ поѣду куда-нибудь лѣчиться. Но главное то, что мы хотимъ въ нынѣшнемъ году сдѣлать маленькую экономію.

Есть еще одно важное обстоятельство, которое останавливаетъ меня. Я хочу сдѣлать еще статую: только статую Спинозы, который наконецъ явился передо мною такъ, какъ я желалъ видѣть его, а послѣ этой статуи я начинаю „Нападеніе инквизиціи на евреевъ“. Въ послѣднее время я много думаю о ней. Для послѣдняго произведенія хороша также и живописная мастерская. Во всякомъ случаѣ, какъ бы то ни было, что-бы тамъ ни случилось, весною я оставляю Римъ и ѣду въ Парижъ. Дѣлаю, какъ говоритъ Боголюбовъ: сжигаю корабли, чтобы нельзя было отступить, а тамъ—что Богъ дастъ!

И такъ, принимая все это въ соображеніе, я долженъ сказать: какъ-бы мастерская ни была хороша, все-таки жаль платить за лишнихъ девять мѣсяцевъ, особенно теперь это для насъ расчетъ, потому что въ Вильнѣ насъ порядкомъ ощипали.

Впрочемъ, говорю, — а можетъ быть это вовсе не та самая мастерская, которую мы видѣли. Вотъ вамъ нѣкоторые признаки, по которымъ вы ясно узнаете, та ли она или нѣтъ: 1) домъ новый, весь состоитъ исключительно изъ мастерскихъ; 2) домъ четырехъ-этажный; одной стороной онъ выходитъ на рынокъ, а другою въ садъ, который помѣщается на противоположной сторонѣ улицы, и 3) хозяинъ уже имѣетъ домъ, который тоже занимаютъ все художники. Если это тотъ домъ, то нечего особенно торопиться, потому что, какъ я уже сказалъ, свѣтъ не идеальный. Можетъ быть, теперь это не замѣтно, когда на деревьяхъ листьевъ нѣтъ, но когда я осматривалъ его, деревья были еще густы и, конечно, они-то очень и мѣшали.

Тороплюсь послать вамъ сегодня это письмо; завтра-же буду еще писать обо всемъ подробнѣе. Главное, я думаю, что на мастерскія самая большая надежда лѣтомъ, и оттого я теперь такъ спокоенъ.

231. Къ нему же.

Римъ, 14 (26) декабря 1876 г.

Навѣрное вы получили мое первое письмо и навѣрное сами порѣшили, что дѣлать, т.-е. оставить эту мастерскую, если приходится занять ее съ новаго года, такъ какъ въ такомъ случаѣ мнѣ придется платить за 9 мѣсяцевъ, совершенно даромъ. Если-же хозяинъ можетъ согласиться, чтобы плата начиналась, когда я пріѣду, тогда дѣло другое. Но я думаю, что онъ на это не согласится, и въ такомъ случаѣ нечего и думать. Да и васъ прошу, дорогой И. Н., Бога ради

не тревожиться о мастерской, благо лучшее время впереди еще. Весною я пріѣду на выставку, и тогда порѣшимъ. Портретъ я, конечно, непремѣнно пошлю; скажите только, когда надо его выслать, и я не замедлю исполнить это. Онъ теперь очень пожухъ.

Скажите, Бога ради, отчего вы не пишете ни слова о себѣ? Вѣдь этакъ, пожалуй, я стану подражать вамъ, ну и конечно не будетъ хорошо. Какъ ваша работа? Это для меня главное.

О себѣ сказать мнѣ нечего. Кончаю одинъ заказъ и начинаю другой: музыка не веселая, а поплатиться придется, дѣлать нечего. И все-таки я доволенъ, что въ нынѣшнюю зиму я не началъ ничего дѣльнаго; право, мнѣ теперь кажется, что дѣльнаго ничего-бы не вышло. „Акробаты" были у меня на умѣ, но уплыли далеко въ туманъ. За то выступилъ „Спиноза", и я долженъ сказать, что очень доволенъ. У меня страстное желаніе сдѣлать его. А затѣмъ — „Нападеніе инквизиціи на евреевъ"; и объ этомъ я въ послѣднее время много думалъ, много перемѣнилъ и, конечно, къ лучшему, хотя общее остается прежнее. Вотъ два главныхъ произведенія, которыя теперь меня занимаютъ. Да, вообще, въ послѣднее время я много думаю о нихъ и долженъ сказать, что во многомъ я остаюсь недоволенъ, даже и въ „Сократѣ". Но это ничего, если человѣкъ самъ собою недоволенъ: тогда, по крайней мѣрѣ, можно поправиться; главное — необходимо сознаніе, убѣжденіе, а затѣмъ энергія. Но бѣда, что и другіе недовольны мною, да такъ, что я съ ними не могу согласиться. Вы хотите знать, что за причина со Стасовымъ? Право, причины я и самъ не знаю. Онъ нападаетъ на меня за то, зачѣмъ я сижу за границею, зачѣмъ я беру сюжеты не изъ нашего міра, зачѣмъ я не становлюсь націоналистомъ, однимъ словомъ зачѣмъ я такой, каковъ я есьмъ, и зачѣмъ я не другой.

Странно, часто бываетъ, что люди, проповѣдующіе свободу, сами не замѣчаютъ, какъ они становятся тиранами. Люди, которые хотятъ вырваться изъ одной крайности, тащутъ и другихъ въ другую крайность, и знать не хотятъ, что другой уже и побывалъ въ крайностяхъ, откуда успѣлъ вырваться, и сталъ на свое мѣсто. Стасовъ не замѣчаетъ, что онъ формалистъ, только не въ античномъ смыслѣ слова; онъ находится—въ другой крайности: для него важнѣе всего—народная внѣшность, типичность, характерность, вотъ что для него главное; между тѣмъ это можетъ интересовать художника только молодого, а потомъ оно для него не болѣе, какъ матеріалъ, какъ средство для передачи своего душевнаго волненія. При этомъ онъ не видитъ, что каждый человѣкъ есть новость на свѣтѣ. Ничего нѣтъ вполнѣ похожаго на другое, и это разнообразіе, эта пестрота, можетъ быть, и составляетъ цѣльность въ жизни. То же самое и въ искусствѣ. Чѣмъ больше разнообразія, чѣмъ меньше похожаго другъ на друга, тѣмъ искусство становится выше. Задача критики—остановить всякую фальшь, но не гнать всѣхъ на одну доску. Повидимому, Стасовъ не признаетъ, что есть художники-идеалисты, для которыхъ важнѣе всего идеи ихъ, внутренній міръ, полный борьбы. Подобные художники становятся

рабами своихъ идей, и съ одинаковымъ рвенiемъ и чувствомъ они работаютъ Христа, мужика, попа, жида, чорта, если ими могутъ передать то, что чувствуютъ, если могутъ произвести впечатлѣнiе и этимъ выяснить свои идеи. Но хуже всего то, что онъ недоволенъ мною, недоволенъ моимъ направленiемъ, недоволенъ работами моими, не видавши ихъ!!

Я не могъ оставаться передъ нимъ въ долгу, благо письмо его застало меня въ тяжеломъ состоянiи духа. Я отвѣчалъ, какъ могъ. А жаль мнѣ его, вѣдь онъ искреннiй человѣкъ, добрый, онъ весь какъ на ладони, со всѣми достоинствами и недостатками. Но дѣлать было нечего!

Читалъ я о Рѣпинѣ, Полѣновѣ. Нечего сказать, матушка Россiя подвигается во всемъ въ послѣднее время, идетъ впередъ, впередъ, да только съ закрытыми глазами...

До многаго я додумался, что мы плаваемъ высоко, шагаемъ широко (благо есть просторъ), знаемъ мало и требуемъ многаго („нраву не препятствуй!"), что у насъ больше критиковъ, чѣмъ знатоковъ. Но до одного я не могъ додуматься, отчего въ насъ, русскихъ, сидитъ духъ Сальери, этого нѣмца? Да, видно, въ своемъ отечествѣ нѣтъ пророковъ, и вотъ этотъ франтъ нашелъ себѣ прочное мѣстечко среди русскихъ: зависть, злоба, желанiе затоптать человѣка въ грязь за то только, что онъ осмѣлился быть талантливымъ, за то, что другiе хвалятъ, за то, что онъ помимо воли своей сталъ равенъ съ ними, а Боже сохрани, если выше ихъ. Каждый народъ радуется, гордится, даже утрируетъ, если у него появляется талантъ; у насъ — его встрѣчаетъ только одна злоба. Въ началѣ ничего еще, но бѣда, если этотъ человѣкъ войдетъ въ славу: тутъ-то всѣ начинаютъ стараться закидать его грязью. Обмараютъ его хорошенько и потомъ опять жалѣютъ. Эхъ, диво-дивное дѣлается у насъ на Руси! Диве̂нъ Богъ!

Здѣсь по-прежнему пусто, сыро, грязно, дождливо, а голубого неба — ни-ни! Признаться, небо здѣсь хорошо, когда оно свѣтитъ, только ужъ больно оно молчаливо.

Въ художественномъ мiрѣ не лучше. Слышалъ я (да навѣрное и вы слышали), что Семирадскiй продалъ свою картину за 200,000 франковъ; даже какой-то шутъ напечаталъ про это въ итальянской газетѣ, и оно было перепечатано въ „Голосѣ". Оказывается, что это пуфъ! Никто и не спрашивалъ. А говорятъ еще, что только Верещагинъ на это мастеръ. Больше новостей здѣсь нѣтъ; всѣ спятъ по-прежнему. Ну, и слава Богу!

Вотъ о чемъ я-бы очень желалъ слышать вашъ совѣтъ. Хочу послать мои работы на неаполитанскую выставку, которая откроется въ февралѣ мѣсяцѣ. Но боюсь, не будетъ-ли это во вредъ для парижской выставки. Не лучше-ли мнѣ сперва выставить свои вещи въ Парижѣ? Или не будетъ мѣшать выставить раньше въ Неаполѣ, а потомъ въ Парижѣ? Объ этомъ желаю и прошу вашего скораго совѣта.

232. Къ нему же.

Римъ, конецъ декабря 1876 г. или начало 187, г.

Пожалуйста, не сердитесь на меня. Право, я на вашемъ мѣстѣ разсердился-бы. Въ самомъ дѣлѣ: хлопочешь, бѣгаешь и наконецъ находишь мастерскую, радуешься, пишешь и—получаешь отвѣтъ вовсе не такой, какого ждалъ. Но, дорогой мой другъ, дѣла такъ были до сихъ поръ плохи, что я сталъ просто побаиваться за будущность; да притомъ деньги, которыя были у меня въ запасѣ, исчезли, какъ дымъ: съ одной стороны потому, что въ Вильнѣ меня общипали, съ другой стороны, я началъ работать „Сократа" изъ мрамора, на что понадобится около 10,000 франковъ. Кромѣ того, какъ вы сами хорошо знаете, курсъ плохъ (здѣсь не лучше, чѣмъ въ Парижѣ). Сегодня мы получили письмо изъ дому, съ извѣстіемъ, что домъ нашъ, который строился, отданъ въ аренду, и денежная часть отчасти немного легче у насъ будетъ, по крайней мѣрѣ—въ перспективѣ, и оттого мы порѣшили просить васъ о слѣдующемъ. Если мастерская еще не отдана и если вы находите ее хорошею, то берите ее; конечно, если съ апрѣля мѣсяца, тѣмъ лучше; если-же нѣтъ, то дѣлать нечего, и надо брать теперь; но попрошу васъ взять только часть мастерской...

Новостей у насъ ни на грошъ. Я работаю, но это не болѣе, какъ предисловіе къ серьезнымъ работамъ. Жаль только, что предисловіе слишкомъ долго тянется.

Скажите, пожалуйста, что вы скажете о слѣдующемъ сюжетѣ: „Несчастная любовь". Дѣвушка, сумасшедшая, сидитъ на берегу воды (рѣки, моря, все равно), гдѣ-то высоко, и качаетъ полѣно вмѣсто ребенка. Это мой старый, давнишній сюжетъ, а разсказываю его не потому, что онъ сильно занимаетъ меня теперь, а просто хочу слышать, что вы скажете.

Вотъ что! Очень боюсь, что задаю вамъ слишкомъ много вопросовъ, вы человѣкъ очень занятой, особенно теперь, и оттого, прошу васъ, отвѣчайте мнѣ на тѣ только вопросы, которые вы найдете достойными отвѣта, а остальные, пожалуйста, выкиньте вонъ, за бортъ. Обѣщаете?

Мой дружескій привѣтъ А. П. Боголюбову.

Что теперь дѣлаетъ Ковалевскій? Такъ ничего и не знаю, что у васъ тамъ подѣлывается; кажется, каждый работаетъ, а вовсе не живетъ парижской жизнью, какъ привыкли ее понимать, легко, игриво и беззаботно.

Повторяю еще разъ, что я вполнѣ предоставляю вамъ, дѣлайте, какъ хотите и какъ найдете лучше: брать-ли теперь мастерскую или потомъ. Денежныя соображенія тутъ устраняются. Если возьмете ту мастерскую, то главное, чтобы угловое окно осталось за мною, тамъ лучшій свѣтъ.

233. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, конецъ 1876 г.

Ура! И у насъ праздникъ! Сегодня я послалъ письмо къ вамъ, и сегодня же принесли мнѣ изъ Café Greco ваше письмо; дорогой мой

Савва Ивановичъ! Вначалѣ я подумалъ, что это уже отвѣтъ на мое письмо, но когда разсчиталъ, то оказалось, что это будетъ больно скоро; да притомъ оказалось, что письмо ваше отдыхало въ Café Greco уже нѣсколько дней послѣ длинной поѣздки, а я, какъ на грѣхъ, все время не ходилъ туда.

Что сказать вамъ за это? Поблагодарить? Мало. Похвалить? Тоже мало. Жаль, что теперь васъ нѣтъ здѣсь. Расцѣловалъ бы я васъ хорошенько, и тогда было бы какъ разъ хорошо.

Вы, навѣрное, получили мое первое письмо, и потому я буду теперь исключительно отвѣчать на ваше письмо.

Я вторично обрадовался извѣстію, что дѣло ваше идетъ благополучно. Правда, то же самое я уже зналъ отъ Григорія Ивановича, но все же былъ радъ слышать подтвержденіе этого отъ васъ самихъ. Хорошія вѣсти я готовъ слышать по нѣскольку разъ подрядъ, за то скверныя и слышать не хочу. Но вы все же не правы, если думаете, что писать и разсказывать своему другу надо только хорошія вещи, а скверныя надо глотать и въ себѣ перерабатывать. Я не того мнѣнія: думаю, что радостью и печалью надо дѣлиться съ человѣкомъ, который сочувствуетъ. Сочувствіе друга — это половина утѣшенія. Да при томъ же, зачѣмъ заглушать въ себѣ горе? Это рѣшительно ни къ чему не ведетъ. Оно тамъ горитъ и жжетъ, а если и потухаетъ, то малѣйшая искра находитъ тамъ мѣсто. По моему, лучше какъ можно скорѣе высказать все, все; тогда на душѣ легче.

Впрочемъ, можетъ быть, духъ вѣры еще не потухъ въ васъ, а тогда, тогда, дѣло другого рода—въ минуты невзгоды она замѣняетъ лучшаго друга. Я же, увы! не могу похвастаться этимъ. Я нуждаюсь въ людяхъ, какъ мистикъ въ религіи.

Повторяю, я очень и очень радъ за васъ. Главное то, что половину пути вы прошли и ясно видите передъ собою цѣль—тогда торжество и будетъ! А главное, что совѣсть и добро сопутствуютъ вамъ. Ахъ, другъ, я вполнѣ понимаю подобное чувство, и въ этомъ, по моему, высшее блаженство. Буду съ нетерпѣніемъ ждать вашей телеграммы, когда, Богъ дастъ, вы окончите это дѣло, а до тѣхъ поръ не хочу получать отъ васъ телеграммъ. Буду ждать только этой телеграммы, и когда получу, позову васъ отдыхать послѣ борьбы, и наслаждаться жизнью, для того чтобы опять выступить на поприщѣ дѣятельности, но въ другой сферѣ, въ духовной.

Ну, объ этомъ потомъ, потомъ, раньше кончайте это трудное дѣло, да поможетъ вамъ Адонаи.

Фотографіи съ „Сократа" не могу посылать вамъ, не смотря на то, что послать ихъ я, можетъ быть, больше желалъ бы, чѣмъ вы получить. Но не посылаю потому, что фотографія неудачна. Такъ говорятъ и не совѣтуютъ мнѣ посылать—тѣ, чьимъ мнѣніемъ я дорожу. Впрочемъ, сегодня я еще разъ заставилъ снимать фотографіи: увижу, если будетъ хорошо, конечно потороплюсь выслать.

Бюстъ Гартмана давно готовъ и даже уложенъ, но не посылалъ я его потому, что здѣсь не принимали багажъ до Москвы,

такъ какъ не ручались, дойдетъ ли. Теперь же дорога опять открыта.

Если тамъ за вами осталось что-нибудь, то хорошо будетъ, если вы пришлете мнѣ, потому что я боюсь, какъ бы не сѣсть опять на мель. Впрочемъ, этого, можетъ быть, и не случится, а если и будетъ, то тогда успѣю еще погоревать, а пока незачѣмъ. Изъ этихъ же денегъ запишитесь для меня на „Вѣстникъ Европы", а также на „Голосъ", на полгода.

Скажите, пожалуйста, какъ дѣла въ Россіи! Вотъ у меня есть нѣкоторыя готовыя работы, надо ихъ посылать, но право нѣтъ охоты. Все думаю, что никто ихъ теперь не купитъ. Среди этихъ работъ есть маленькій „Иванъ Грозный", чеканенный изъ серебра.

Сегодня я кончилъ фигурку Маруси: всѣ говорятъ, что хорошо.

Адріанъ [1]) не хорошо сдѣлалъ, что напечаталъ въ своемъ журналѣ [2]) объявленіе о моихъ произведеніяхъ: онъ даже не спрашивалъ у меня объ этомъ. Я же молчу, потому что не хочу вредить ему. Жаль человѣка, даже когда онъ ошибку дѣлаетъ. Да пускай это останется между нами. При этомъ я долженъ сказать, что хоть я вовсе не симпатизирую его направленію въ „Пчелѣ", и не симпатизирую потому, что тамъ никакого направленія нѣтъ, но по иллюстраціямъ художественныхъ вещей „Пчела" чуть ли не первая у насъ, и за это большое ему спасибо.

Сегодня я очень много работалъ и очень усталъ я.

Адресъ нашъ: Via S. Nicolo di Tolentino, № 57, piano Secondo [3]), недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы жили, гдѣ вы въ первый разъ изволили кушать супъ съ одеколономъ. Чудное время было! Жаль, крѣпко жаль, что оно уплыло, много далъ бы я за тогдашній одинъ день.

„Сократа" работаю изъ мрамора для всемірной выставки.

За бюстъ Гартмана—1065 лиръ итальянскихъ.

234. Къ В. В. Стасову.

Римъ, получено 26 января 1877 г.

Не могу передать вамъ, какъ обрадовало насъ ваше письмо. Правда, мнѣ ни за что не хотѣлось вѣрить, что вы разстанетесь со мной, но, не получая такъ долго отвѣта, мнѣ было очень непріятно, если не мучительно. Главное за что, спрашивается, разставаться-то? Да съ кѣмъ еще! У меня старыхъ друзей гораздо меньше, чѣмъ пальцевъ на правой рукѣ, и я долженъ сказать, что я очень дорожу ими.

Пишу сегодня коротенькое письмо собственно потому, что хочу сказать вамъ хоть что-нибудь. А между тѣмъ я работалъ цѣлый день безъ отдыха, и усталъ какъ собака.

Не могу передать вамъ также, какъ поразила меня смерть баро-

1) Праховъ.

2) Пчела.

3) Второй этажъ.

нессы Анны Гинцбургъ [1]). Ужасно!! Ужасно!! Я случайно узналъ это по газетамъ, и все не вѣрилъ. Авось это не такъ! Но по вашему письму выходитъ, что это именно — такъ. Когда я узналъ, то цѣлый день ходилъ не ѣвши, и какъ сумасшедшій! Странно: есть люди, которыхъ какъ-то ни за что не соединяешь съ мыслью о смерти!

Я хотѣлъ было писать къ Г. О. Гинцбургу, но... что мнѣ писать? Если бы я могъ хоть чѣмъ-нибудь облегчить его горе, я бы, кажется, позволилъ себѣ отрубить тотъ палецъ, которымъ пишу. Но писать сочувствіе—это, по моему, напрасно. Развѣ онъ самъ не знаетъ, что подобная женщина, какъ бывшая его жена, не только была имъ уважаема, но, я думаю, нѣтъ человѣка, который не полюбилъ бы ее. И по моему—этого она вполнѣ заслуживала.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я знаю объ этомъ, и боюсь сказать женѣ, зная хорошо, какое это произведетъ на нее сильное и тяжелое впечатлѣніе. Между тѣмъ, она въ послѣднее время стала очень нервная, и все ей нездоровится. А скрыть отъ нея—этого я никогда не сдѣлаю.

Посылаю вамъ плохую фотографію съ „Сократа". Впечатлѣнія она не дастъ вамъ, но понятіе объ этой статуѣ вы все-таки будете имѣть.

Главное — фотографія не удачна, потому что статуя желтая, и притомъ пятнистая. Впрочемъ, у меня нѣтъ счастія съ фотографіей. Лучше пускай сами оригиналы будутъ удачны.

Если фотографія не понравится вамъ, то не показывайте ее никому. Крамскому положительно не понравилась фотографія. Онъ говоритъ, что она не даетъ ни малѣйшаго понятія о фигурѣ „Сократа", за исключеніемъ головы. Но онъ видѣлъ только большую фотографію, безъ маленькихъ; авось маленькія больше подскажутъ.

Дайте мнѣ ваше мнѣніе объ этомъ, какъ можно скорѣе.

235. Къ нему же.

Римъ, 23 января (4 февраля) 1877 г.

У меня былъ маленькій антрактъ: я былъ боленъ, и до сихъ поръ болѣзнь продолжается. Но хуже всего то, что болѣзнь хроническая

У меня такъ много есть такого, о чемъ надо сказать вамъ (по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ кажется), что я не знаю, съ чего начать.

Странно, въ послѣднее время противъ меня возстали природа, судьба и благородный людъ, и вы не можете себѣ представить, какъ я радъ, что хоть вы не въ томъ числѣ.

Однако, несмотря на все это, я чувствую себя бодрымъ, какъ никогда. Правда, иногда подымается душевный кошмаръ, но онъ не дѣйствуетъ на мои нервы, какъ всегда. Хуже всего то, что я самъ собою недоволенъ. Вы хотите знать, что я теперь думаю, какіе планы у меня впереди? Вотъ въ томъ-то и бѣда, что никакихъ. Цѣлый рой

---

[1]) Супруга барона Гор. Ос. Гинцбурга.

нхъ у меня въ головѣ, но я ничѣмъ не доволенъ, также какъ и собою. Никогда я столько не думалъ, не искалъ, какъ въ послѣднее время, и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда я не ощущалъ такой пустоты, какъ теперь. Правда, я нисколько не отчаиваюсь: о прошедшемъ я не жалѣю, а въ будущее вѣрю!

Но довольно! Чувствую, что мнѣ тѣсно, хочу вырваться, жажду новой жизни, новой дѣятельности, обновиться хочу, какъ Фаустъ, только не въ жизни, а въ искусствѣ!

Теперь я дошелъ до того мѣста, откуда можно и надо оглянуться, потому что не хочу быть тѣмъ храбрымъ воиномъ, который бросается въ аттаку съ закрытыми глазами.

Что я вынесу изъ теперешняго кризиса моего, того я не знаю, только одно знаю, что я сдѣлалъ все, что желалъ, создалъ то, что меня такъ неотступно преслѣдовало, а дальше идти по этому направленію—некуда: по крайней мѣрѣ, чтобы я ни сдѣлалъ теперь, все это будутъ новыя увертюры на ту-же тему. При этомъ я просто начинаю жаждать силы свѣжей, бодрой въ искусствѣ, хочу свѣта, потому что довольно я оставался на живой сторонѣ, и хотя въ моей работѣ есть и сила духовная, и свѣтъ, и борьба, и торжество, но я просто усталъ, хочу окунуться въ жизнь, въ ту жизнь, которая бьетъ ключомъ.

Повторяю, я не знаю, переходъ-ли совершается со мною, или просто бредъ это, но, какъ-бы то ни было, долго такъ не можетъ оставаться. Я одного желаю и прошу васъ: не трогать теперь этого больного мѣста,—дайте мнѣ возможность самому дойти до цѣли.

Если-бы я былъ теперь въ Россіи, тогда, я знаю, я не такъ мучился-бы, душа была-бы сыта и мнѣ нечего было-бы больше и желать. Но не все можетъ быть такъ, какъ хочется. Ну, я замолчу объ этомъ!

Недавно я кончилъ одинъ заказъ и началъ другой, который надо кончить непремѣнно до весны. Это — портретная статуя, въ натуральную величину, графа Панина, бывшаго министра при Екатеринѣ II.

Можете себѣ представить, какой машиной я при такихъ работахъ! Но хорошо и то, иначе пришлось-бы совсѣмъ плохо насчетъ карманнаго багажа. А вотъ бѣда, мы постоянно хвораемъ, и это сильная задержка. Когда кончу работу, мнѣ надо будетъ ѣхать, сначала въ Парижъ, а потомъ на воды въ Эмсъ, куда меня посылаютъ, а жена должна будетъ ѣхать куда-нибудь на желѣзныя воды, а потомъ куда-нибудь купаться въ морѣ. Какъ видите, надо шибко работать, потому что предстоятъ хорошія издержки. Послѣ всего этого, надо будетъ поселиться въ Парижѣ, хотя и онъ далеко не по душѣ мнѣ. Но это, по крайней мѣрѣ, лучшее изъ худшаго. Эхъ, въ Россію, въ Россію-бы! Тамъ-бы я ожилъ! Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется.

Отъ Рѣпина я получилъ письмо изъ Малороссіи. Оно сильно обрадовало меня. Здѣсь отъ него такъ и вѣетъ новой силой. Онъ совсѣмъ обновился, и я даю голову на отсѣченіе, что онъ сдѣлаетъ многое множество чудныхъ произведеній. Въ этомъ я болѣе чѣмъ увѣренъ.

Вы спрашиваете, какого я мнѣнія о картинѣ Семирадскаго? Что сказать вамъ? Его направленіе идетъ совершенно въ разрѣзъ съ моимъ. Такимъ образомъ, уже по одному этому я не могу отозваться о картинѣ въ его пользу. А впрочемъ, я долженъ сказать, что у меня нѣтъ рѣшительно никакой охоты говорить о ней.

Сдѣлайте мнѣ великую милость, переговорите съ Григоровичемъ, приметъ-ли онъ мои произведенія на постоянную выставку, для продажи? Съ Беггровымъ у насъ вышло маленькое недоразумѣніе: онъ сильно обидѣлся, оттого, что я нехорошо отозвался о счетѣ, который подалъ Ботта. Онъ принялъ это на свой счетъ. Теперь, если посылать къ нему, то надо будетъ черезъ третье лицо, а этого я ни за что не хочу; притомъ я дѣйствительно не могу принимать такихъ счетовъ, какъ, напримѣръ, за раскупорку, да притомъ что будто-бы 10 рабочихъ открывали ящики, тогда какъ всего надо при этомъ одного или двухъ.

Какъ-бы то ни было, благодаря этому, у меня стоятъ цѣлую зиму нѣкоторыя произведенія для продажи, въ томъ числѣ очень удачная мраморная голова „Ивана Грознаго“ и маленькій „Иванъ“ изъ серебра (чеканенный).

Не получая отъ васъ такъ долго писемъ, я попробовалъ-было просить Прахова узнать причину, но и отъ него до сихъ поръ ни отвѣта, ни привѣта.

Пожалуйста, помогите мнѣ въ этомъ. Вообще я предоставляю все это вамъ: дѣлайте, какъ хотите, т.-е. можетъ быть вы найдете лучшимъ выставить у Фельтена [1]). Только никакъ не на годичную выставку.

Я знаю, что далеко не все сказалъ, что хотѣлось, но усталъ.

Въ вашу старость я не вѣрю. По крайней мѣрѣ по письмамъ вы—тотъ-же, вѣчно тотъ-же. А согласитесь, быть въ какомъ-то переходномъ состояніи, вотъ съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Россіи—это не совсѣмъ ловко.

236. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, 6 февраля 1877 г.

Вчера я получилъ письмо изъ вашей конторы, и былъ крайне удивленъ, что въ немъ былъ вексель для меня на 1000 рублей. Думаю, что тутъ ошибка, что вмѣсто 1000 франковъ я получилъ столько-же рублей.

Пожалуйста, напишите, что дѣлать мнѣ съ этими деньгами?

У насъ новостей никакихъ, только та, что я все еще не перестаю хворать. У меня дѣлается что-то странное въ горлѣ. Впрочемъ, можетъ быть, что это ничѣмъ дурнымъ не кончится.

Я продолжаю работать статую „Панина“. Жаль, что теперь, благодаря горлу, я долженъ отдыхать совершенно не во-время.

Получили-ли вы фотографію „Сократа“, большую и малую? Я ихъ

---

[1]) Художественный магазинъ Фельтена.

давно выслалъ. Вы можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ жду вашихъ словъ объ этомъ. Хорошо знаю, конечно, что фотографія не можетъ дать вамъ того впечатлѣнія, какое даетъ статуя, но понятіе объ этой статуѣ вы, навѣрное, уже имѣете. Напишите, пожалуйста, поскорѣе.

Былъ здѣсь проѣздомъ Барановскій, обѣщалъ на обратномъ пути погостить у насъ подольше. Мы ждали его изъ Неаполя, и, представьте себѣ наше удивленіе и огорченіе, когда вмѣсто его мы получили извѣстіе изъ Кракова, что дочь его умерла!!! Ужасно, до чего это покоробило насъ; жаль, очень жаль намъ этого старика, особенно его, такого любящаго отца.

Хотѣлъ я-было написать ему, но что писать? Я чувствовалъ, что слова, которыя буду говорить, будутъ лишь слова, безъ помощи, и глупыя слова по отношенію къ его горю.

Что у васъ въ Москвѣ новаго? Отчего я такъ давно не получаю писемъ отъ Елизаветы Григорьевны? Это немного тревожитъ насъ, такъ какъ мы знаемъ, что она аккуратна. Бога ради, держитесь хорошо, чтобы доктора и не впускать въ свой домъ.

Жена моя поправляется, но лѣтомъ, по всей вѣроятности, поѣдетъ куда-нибудь на желѣзныя воды. Я тоже поѣду—въ Эмсъ; слѣдовательно, не одна царская семья тамъ будетъ—и я тоже.

Простите мое торопливое письмо. Я теперь на положеніи паціента, а потому слишкомъ гордъ, чтобы писать.

237. Къ нему же.

Roma, 3 (15) февраля 1877 г.

Только что всталъ я съ кровати, гдѣ пролежалъ почти недѣлю, и сейчасъ пишу вамъ.

Не могу не выразить вамъ своего чувства благодарности за вашу доброту ко мнѣ. Вчера мы получили „Вѣстникъ Европы“ и вотъ уже нѣсколько дней, какъ получаемъ „Голосъ“. Какъ мы рады этому! У меня нѣтъ словъ, чтобы выразить это.

Этимъ вы избавили меня отъ несносной скуки, которая безъ спросу помѣстилась со мною рядомъ на кровати.

Право, книги, жизненные интересы—это для меня лучшее лѣкарство.

Еще разъ благодарю васъ отъ души и крѣпко обнимаю васъ.

Я давно простудился, лѣчился и все не поддавался; наконецъ, усталъ и слегъ.

Теперь я опять на ногахъ; теперь надо собраться съ силами, чтобы покончить съ ненавистными эскизами и бѣжать изъ еще болѣе ненавистнаго Рима. Онъ вреденъ для меня, какъ для здоровья, такъ и для духа. Здѣсь мелко, мертво и скучно!

Отчего вы не пишите, получили-ли фотографію „Сократа“? Очень можетъ быть, что фотографія не удовлетворяетъ васъ.

Теперь посылаю вамъ фотографію „Христа“; она тоже не совсѣмъ

удачна, но по крайней мѣрѣ она не пятниста, и оттого лучше другихъ; да притомъ, разъ она сдѣлана, то я и посылаю.

Бюстъ Гартмана я выслалъ давно уже на медленномъ поѣздѣ. Надѣюсь, что вы не сердитесь на меня за это. Я жалѣлъ вашихъ денегъ. Не знаете-ли вы, полученъ-ли „Иванъ Грозный“ въ Москвѣ? Вотъ уже около двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ посланъ, и я не знаю, куда онъ пропалъ, а между тѣмъ я долженъ еще получить за него отъ Третьякова 1000 р., которые онъ обѣщалъ выслать, какъ только получитъ своего „Ивана“.

Мой другъ, что-же будетъ съ „Христомъ“? Мнѣ жаль, и даже немного непріятно, что этимъ я прибавилъ для васъ лишнія хлопоты, а между тѣмъ знаю и чувствую, что вы теперь въ самомъ разгарѣ дѣла.

Когда же вы наконецъ отдохнете, хоть маленько, хоть настолько, чтобы немного освѣжиться? Вѣдь вамъ придется еще вѣрно много шагать, пока, наконецъ, не дойдете до цѣли.

Ну, объ этомъ въ другой разъ.

Боголюбовъ пишетъ, что собирается ѣхать въ Москву. Можетъ быть, тамъ домъ себѣ купитъ и останется. Рѣпинъ, Полѣновъ тоже стремятся туда. Жаль, что у меня еще не отросли крылья, а то и я бы пріѣхалъ къ вамъ. Можно было бы сдѣлать много хорошаго.

Праховъ прислалъ мнѣ свою „Пчелу“. Боже мой! Что это за приличная пустота! Журналъ разукрашенъ, шрифтъ ясенъ, а читать нечего, однимъ словомъ, медъ да сахаръ.

Пишите же пожалуйста, да притомъ не забывайте сказать, какъ мнѣ быть съ векселемъ, который вы прислали.

Здѣсь умеръ архитекторъ Ивановъ [1]). Домъ свой, а также деньги, около 50.000 франковъ, онъ завѣщалъ нѣмецкому археологическому институту. Тамъ же должны издать какъ его произведенія, такъ и братнины, а потомъ передать ихъ въ Румянцевскій музей.

Представляю себѣ, какую рожу скорчитъ при этомъ извѣстіи Z. Ихъ любимецъ предпочелъ нѣмца. А вѣдь Z. любилъ его, любилъ его брата, какъ старые изношенные римскіе башмачки. Экая жалость!

Ну, будьте же вы здоровы (слышите!!) непремѣнно!

238. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 23 февраля (2 марта) 1877 г.

Спѣшу отвѣтить на ваше сегодняшнее письмо. Завтра или послѣзавтра буду больше писать, а теперь зубы болятъ. Представьте себѣ — я думалъ, что мой проектъ монумента Оршанскому не совсѣмъ нравится, и оттого они всѣ такъ прилично молчатъ. Я даже думалъ, что этотъ памятникъ давно уже сдѣланъ.

Жаль, что молчали такъ долго, и еще больше жаль, что этотъ вопросъ подняли именно теперь, когда я изо всѣхъ силъ работаю,

---

[1]) Братъ знаменитаго живописца, Алекс. Андр. Иванова.

чтобы кончить заказы и уѣхать изъ Рима, гдѣ окончательно не везетъ мнѣ.

Теперь я работаю статую въ натуральную величину, довольно трудную, и недавно еще кончилъ фигуру, тоже въ натуральную величину—дѣвушку. И представьте себѣ—всѣмъ сильно нравится эта портретная фигура, которая сдѣлана для монумента (надгробнаго): всѣ находятъ, что сюжетъ самъ по себѣ очень оригиналенъ и поэтиченъ. Но объ этомъ въ другой разъ.

И такъ, нынѣшнюю зиму я очень занятъ, и притомъ сильно прихварываю. Однако вслѣдствіе того я нисколько не думаю отказаться отъ своего обѣщанія. Только я никакъ не могу согласиться, чтобы эскизъ былъ напечатанъ (въ особенности именно эскизъ): за это я уже не разъ былъ наказанъ. Такимъ образомъ, я хочу, чтобы по крайней мѣрѣ волкъ былъ сытъ, и коза цѣла—хочу исполнить ваше желаніе, сдержать слово, и чтобы мое художественное самолюбіе не страдало при этомъ. Такъ вотъ какъ: я сдѣлаю эскизъ, но предлагаю на мѣсто гравюры приложить фотографію. Здѣсь это довольно дешево стоитъ (за 100 штукъ, безъ наклейки, около 60—70 лиръ). Такъ по моему будетъ скорѣе, лучше и не дороже. Но это еще не главное. Раньше я сдѣлаю, а потомъ увижу, какъ будетъ лучше. Главное въ томъ, повторяю, что я жертвую въ пользу этого дѣла мой эскизъ (хочу, чтобы это было извѣстно), и не больше. Этотъ памятникъ—не художественное произведеніе, а орнаментальное, и оттого мнѣ тутъ нечего дѣлать. Я долженъ прибавить, что послѣ монументной глупости Пушкина, я далъ себѣ слово никогда не имѣть дѣла съ общественными монументами. Хорошо-ли я это сдѣлалъ или нѣтъ—это другой вопросъ, но по возможности буду стараться сдержать мое слово.

И такъ, дорогой дядя, если желаете, чтобы я сдѣлалъ этотъ эскизъ, то:

1) Предоставьте мнѣ право выбрать фотографію или гравюру, для приложенія къ журналу.

2) Я сдѣлаю эскизъ изъ глины, и передамъ его, кому вы прикажете, а потомъ отстранюсь.

Если вы на это согласны, то не замедлите написать; я-то скоро сдѣлаю этотъ эскизъ. При этомъ, для сокращенія мнѣ времени, прошу прислать мнѣ также кальки съ еврейской архитектуры [1]). Что, согласны, дядюшка? Сколько помню, еще раньше я тоже сказалъ, что не могу взять на себя дальнѣйшій ходъ этого памятника.

Еврейская ассоціація, о которой вы говорите, была бы превосходнымъ дѣломъ.

Давайте руку, крѣпко жму!

---

[1]) Въ это время В. В. Стасовъ приготовлялъ матеріалы для сочиненія о еврейскомъ древнемъ орнаментѣ и для того собиралъ матеріалъ изъ рисунковъ, находящихся въ древне-еврейскихъ рукописяхъ Императорской Публичной Библіотеки.

239. Къ нему же.

Римъ, 2 (14) марта 1877 г.

Спѣшу отвѣчать на ваше письмо, а также выслать фотографію, снятую съ эскиза для надгробнаго памятника Оршанскаго. Этотъ эскизъ сдѣланъ съ моего рисунка, подъ моимъ наблюденіемъ и, главное, подъ мою диктовку и съ моими поправками. Не знаю, какъ это вамъ понравится, но мнѣ кажется, что вы должны быть удовлетворены. Главное, не забудьте, что художественная фантазія не могла здѣсь разыграться, по скудости средствъ и по условности еврейскихъ требованій, по части религіознаго искусства. Мнѣ кажется, что этотъ проектъ долженъ нравиться также по своей оригинальности, только „Звѣзда" вышла довольно крупная; но это дѣло поправимое; главное, не забудьте, что это только эскизъ, а не модель. При этомъ „перо" тоже не вышло ясно. Но все это мелочь.

Что касается до гравюры, то, конечно, я долженъ тутъ уступить, хотя мнѣ это очень непріятно; только убѣдительно прошу отдать сдѣлать это хорошему граверу. Пусть тутъ сдѣлаютъ нѣкоторый фонъ, а также и какую-нибудь цѣпь вокругъ памятника, на четырехъ тумбочкахъ; пусть она будетъ легкая и никакъ не превышаетъ перваго камня: напротивъ, она должна быть гораздо ниже. Я думаю, что для этого непремѣнно нужно обратиться къ Ропету [1]), которому я самъ очень симпатизирую. Напишите, пожалуйста, какъ ему нравится моя выходка.

Навѣрное вы уже получили мое письмо, гдѣ я описываю этотъ памятникъ подробно, а также говорю, что сдѣлаю два эскиза. Поэтому я не стану описывать этотъ эскизъ, а другого не буду дѣлать, потому что этотъ—оригиналенъ.

Теперь буду говорить о самомъ существенномъ, именно о томъ, что вамъ надо воспользоваться временемъ и удобствомъ, пока я здѣсь, и потому совѣтую заказать здѣсь эту работу за 2000 лиръ, что на наши деньги составляетъ теперь 630 руб. Затѣмъ, будутъ стоить также: перевозка, нижній камень, который можно сдѣлать на мѣстѣ, въ крайнемъ случаѣ изъ кирпича и цемента, наконецъ колонки, цѣпь и постановка. На все это, я думаю, понадобится еще около 300 рублей. Думаю, что столько можно собрать, когда будутъ о томъ печатать. И такъ, рѣшайте и дайте, какъ можно скорѣе, отвѣтъ, лучше телеграммой, потому что очень жаль времени: надо пользоваться имъ, чтобы это было сдѣлано, пока я здѣсь.

Я забылъ прибавить, что вѣнокъ будетъ, конечно, мраморный, но позолоченный.

Ну, кажется, съ моей стороны сдѣлано все, и теперь только остановка за вами. Дайте скорѣйшій отвѣтъ. Via S.Niccolò di Tolentino, 57.

Теперь мнѣ еще нужно сказать, что я нисколько не смѣюсь и

---

[1]) Архитекторъ Ив. Павл. Ропетъ.

не ругаюсь за ваши требованія отъ меня: скажу только, что я крайній въ этомъ отношеніи.

„Софію“ я давно выкинулъ изъ памяти вонъ, „Акробаты“ очень дороги сердцу моему, жду только возможности сдѣлать ихъ. Думалъ я прошлой зимой дѣлать ихъ, также и нынѣшней зимой, но, по всей вѣроятности, мнѣ и будущей зимой не удастся ихъ сдѣлать, потому что я хочу теперь дѣлать „Спинозу“, который долженъ поспѣть на Парижскую Всемірную выставку. Я долженъ это сдѣлать, хотя знаю хорошо, что „Акробаты“ выкажутъ больше разнообразія среди моихъ работъ. Но я рѣшилъ сдѣлать раньше „Спинозу“, ради того, чтобы другой кто (какъ я уже разъ сказалъ) не поставилъ его рисующимся передъ публикой на площади.

Мнѣ также дорога „Инквизиція“, которую я непремѣнно сдѣлаю, только дайте мнѣ стать твердою ногою на почвѣ, чтобы я могъ свободно творить, наконецъ, то, что давно задумалъ. Но, спрашиваю, отчего вы постоянно говорите мнѣ, что я не могу слушаться васъ? Вы хорошо знаете меня, что все это ничего не поможетъ—что дѣлать, я неисправимъ. Вы знаете, дорогой дядя, что я скажу вамъ: въ этомъ отношеніи намъ мѣшаетъ то длинное пространство, которое отдѣляетъ насъ другъ отъ друга. Чтобы досконально знать и изучать другъ друга, видно, недостаточно одной переписки, а между тѣмъ вотъ уже 5 лѣтъ, какъ мы разстались, да, вѣрно, пять лѣтъ—не то, что пять дней... Въ одномъ, если не убѣдить васъ, то прошу вѣрить мнѣ, что я нисколько не соскользнулъ съ той дороги, которую я давно, очень давно, выбралъ, и по которой все продолжаю идти и пока еще не остановился. Мнѣ очень дорого то, что я уже сдѣлалъ, но дороже то, что я еще долженъ сдѣлать. Подождемъ и увидимъ!... Одно, что мнѣ мѣшаетъ—это здоровье, потомъ—желудокъ, не потому, что тамъ катарръ, а потому, что онъ постоянно ѣсть хочетъ, и, благодаря этому, я долженъ работать иногда то, что заказываютъ.

У меня къ вамъ еще просьба. Не слышали-ли вы, принимаетъ-ли Россія участіе въ Парижской выставкѣ? Если да, то какъ долженъ поступить художникъ, желающій участвовать въ этой выставкѣ? Когда была Вѣнская выставка, художники получили отъ Академіи бумагу, въ которой каждый художникъ отмѣчалъ: сколько у него произведеній, какихъ величинъ и т. д. Теперь-же какъ? Можетъ быть, теперь самъ художникъ долженъ думать о себѣ? А тогда, что надо дѣлать для этого? Вѣдь если я буду ждать, то, пожалуй, и не дождусь ничего хорошаго. Сама Академія думаетъ обо мнѣ столько-же, какъ о прошлогоднемъ снѣгѣ, да думаетъ-ли еще она о комъ-нибудь, кромѣ себя, да еще о тѣхъ, кто подхватываетъ брошенную имъ кость?

Еще, скажите пожалуйста—правда-ли, что на Парижскую выставку не принимаютъ скульптурныхъ произведеній изъ гипса, а непремѣнно требуютъ вещей изъ бронзы, мрамора, терракотты и т. д.?

Объ Эліасикѣ я долженъ сказать, что меня очень радуетъ его

страсть къ лѣпкѣ, но все-таки я еще не увѣренъ, что изъ него выйдетъ: живописецъ или скульпторъ? Конечно, тутъ надо предоставить ему самому свободный выборъ. Лѣтомъ я замѣтилъ, что у него столько-же любви къ рисункамъ, сколько и къ скульптурѣ. Въ обоихъ случаяхъ онъ, кажется, равно силенъ, потому что я видѣлъ у него нѣкоторые рисунки очень миленькіе. Вы спрашиваете, отчего я не пишу ему,—да вѣдь онъ самъ такой-же лѣнтяй, а что мнѣ дорого, то́ знаю о немъ черезъ васъ. Мы ни на волосъ не забываемъ его, и любимъ, какъ всегда.

Вотъ что еще! Благо бумага есть, хотя времени мало, но уже расписался, такъ ужъ надо кончить все.

Вы знаете, что я теперь работаю портретную статую Панина. Для этого мнѣ нужны вѣрные тогдашніе костюмы. Конечно, они есть вездѣ, а также больше всего здѣсь, но я-бы очень желалъ ихъ сличить съ нашими сѣверными тогдашними костюмами временъ Екатерины II.

Носили-ли тогда длинный парикъ, и какую прическу? Какъ тутъ у меня нарисовано (рисунокъ), или другую? Потомъ, башмаки—имѣла-ли у нихъ подошва такой видъ (рисунокъ)? Но, главное, наконецъ, что было: теплые зимніе плащи, или шубы, которыя называются петровскими плащами? И еще: кресло мнѣ хотѣлось-бы имѣть большое, подлиннѣе и менѣе баро́чное. Если вы можете это доставить мнѣ, то, конечно, можете представить себѣ, какъ это будетъ важно и дорого для меня, а благодарить за это—не стану.

Надо попросить Эліасика, чтобы онъ сдѣлалъ рисунокъ кресла, съ подробнымъ размѣромъ, по вашему указанію. Все это очень нужно мнѣ, и очень скоро.

240. Къ нему же.

Римъ, получено 5 марта 1877 г.

Во́тъ уже нѣсколько разъ, что я начинаю письмо, и все не кончаю. Видно, дѣла да хлопоты не свой братъ—все тормозятъ меня и не даютъ покоя.

Я очень радъ, что бюстъ „Петра“ проданъ [1]). Желаю отъ души, чтобы эти деньги не ушли на порохъ, чего я такъ терпѣть не могу!

Вотъ „Сократъ“ не нравится — жаль! Буду надѣяться, что вы когда-нибудь станете довольны моей работой. Но не это удивляетъ меня, а вотъ что: въ вашемъ письмѣ вы говорите, что кто-то написалъ въ газетѣ о моемъ „Сократѣ“ очень лестное для меня, потомъ прибавляете, что теперь я долженъ быть „доволенъ“. Эхъ, дядя, дядя! Вѣдь я давно пересталъ сидѣть на академической скамейкѣ: не восторгаюсь, когда въ газетѣ говоритъ обо мнѣ кто-то, не горжусь, когда какой-то Васильчиковъ изволитъ благодарить меня, и не печалюсь, когда кто-то дурно говоритъ обо мнѣ. Но неужели вы не знаете, что все это я презираю, какъ дешевыя минутныя побѣды? Все это—

1) Въ пользу славянъ.

мелочь, сто разъ—мелочь! Мнѣ дороги только люди близкіе мнѣ, имъ я передаю чувства мои, съ ними я дѣлюсь результатами того, что душа моя создала. Я счастливъ, когда въ нихъ нахожу отголосокъ, когда они понимаютъ меня и сочувствуютъ мнѣ, а до остальныхъ незнакомыхъ—мнѣ и дѣла нѣтъ.

Вотъ, дорогой дядя, какой я сталъ теперь, не правда-ли: совсѣмъ не похожъ на вашего прежняго Марка? Вы хотите знать, какъ мы проводимъ время? Просто никакъ; опять работаемъ, хлопочемъ, а по вечерамъ читаемъ, чихаемъ, кашляемъ и отъ скуки зѣваемъ... Не правда-ли, очень весело?

Есть у насъ также нѣкоторые знакомые, но это такъ себѣ—модная мебель въ гостиной: стоитъ она на мѣстѣ — ничего, отнимешь—пусто, а сидѣть на ней неловко. Правда, здѣсь есть у насъ одинъ очень хорошій молодой человѣкъ, котораго мы очень любимъ, но онъ бѣдный больной, чахоточный, и каждый день почти наканунѣ смерти. Боже мой, какъ подчасъ бываетъ скучно! Хорошо еще, что мы получаемъ кое-какія книги да журналы, только къ сожалѣнію книги, какъ здѣшнее небо, часто хорошее, за то молчаливое всегда.

Пожалуйста, скажите Эліасику, что я очень доволенъ, что онъ работаетъ фигуры и портреты. Только совершенно лишнее тратить время на такія мелочи, какъ: боченокъ, кадка и т. п. Онъ долженъ наблюдать, подражать самой жизни, а на всѣ эти мелочи и мусоръ, которые онъ дѣлаетъ, жаль время тратить, особенно ему.

Теперь приступаю къ дѣлу. Раньше всего я долженъ сказать, что въ планѣ памятника для Оршанскаго я кое-что перемѣнилъ. Если помните—я раньше предлагалъ сдѣлать четырехъ-угольный камень, въ родѣ алтаря, или жертвенника, гдѣ набросаны книги, кончающіяся двумя книгами, созданными авторомъ; подъ ними повѣшенъ лавровый вѣнокъ, который кончается эмблемой, означающей „Защитникъ евреевъ“ и имѣющей форму звѣзды.

Теперь же я думаю сдѣлать три ступени, ведущія къ архитектурному пьедесталу, который сложенъ изъ книгъ разнообразной величины—это складывается изъ кирпичей. Конечно, разнообразіе книгъ и кладки, и при этомъ сохраненіе архитектурной линіи должны выйти изъ фантазіи художника. Надъ этимъ-же пьедесталомъ лежитъ большая открытая книга, гдѣ написаны красною краской, точно кровью, слова изъ пѣсни: „Плачь іудеевъ“: „Лучше забуду правую руку мою, чѣмъ забуду тебя, градъ Іерусалимъ“. Окончаніе этого пьедестала остается то же самое, что было. Впрочемъ, можетъ быть, еще все это перемѣнится, а можетъ быть я сдѣлаю два эскиза (вотъ какъ, гуляй!), и тогда увижу, который изъ нихъ будетъ лучше. Но вотъ, что главное: на-дняхъ я видѣлъ одного работника, очень талантливаго и добросовѣстнаго, который хочетъ взяться за это дѣло, т.-е. все это (только безъ ступеней) сдѣлать изъ мрамора за 2000 лиръ, или почти за 600 рублей. Такимъ образомъ, если можно собрать деньги за провозъ, за постановку этого памятника, тогда я бы посовѣтовалъ не медлить и дать отвѣтъ. Я думаю, что надо непремѣнно добыть эти

остальныя деньги: во-первыхъ, потому, что это баснословно дешево, такъ какъ весь памятникъ долженъ имѣть вышины — 3 арш. и 7 вершк., такимъ образомъ, если сбросить 1 аршинъ на эти 3 ступени, которыя должны сдѣлаться на мѣстѣ (здѣсь ихъ не стоитъ дѣлать — провозъ обойдется дороже, чѣмъ сдѣлать ихъ на мѣстѣ), то все-таки остается 2 арш. 7 вершк. вышины, изъ мрамора, который надо отдѣлать со всѣхъ сторонъ. Къ этому надо прибавить, что все будетъ сдѣлано во сто разъ лучше, чѣмъ у насъ, по той простой причинѣ, что у насъ за эти деньги оно и немыслимо. И въ концѣ-концовъ я—тутъ, слѣдовательно, это будетъ дѣлаться подъ моимъ наблюденіемъ. Я долженъ прибавить, что работникъ оттого вызвался сдѣлать это такъ дешево, что онъ теперь безъ работы. Я уже сдѣлалъ рисунокъ, и онъ долженъ завтра или послѣзавтра придти ко мнѣ, обложить эскизъ, и тогда переделаю, что понадобится. Такимъ образомъ, на-дняхъ можетъ-быть вы получите фотографію съ эскиза (скоро?) Денегъ же за фотографію я не возьму и если это долженъ уплатить издатель „Еврейской Библіотеки“ [1]), то пускай эти деньги пойдутъ въ пользу монумента.

Пожалуйста, какъ бы это сдѣлать, чтобы никто не сдѣлалъ статуи „Спинозы“ раньше меня? Мнѣ кажется, что я имѣю право желать этого. И оттого прошу васъ переговорить съ Г. О. Гинцбургомъ (кажется, онъ завѣдуетъ дѣломъ собранія денегъ для монумента Спинозы), чтобы не заказывали никому до Парижской всемірной выставки. Мнѣ крайне обидно будетъ, если кто-нибудь сдѣлаетъ его, рисующимся передъ публикой, какъ это часто бываетъ. Вѣдь вотъ уже почти пятый годъ, какъ я хожу кругомъ да около этой статуи, а все до сихъ поръ не могъ попасть на то, что мнѣ надо. Три эскиза сдѣлалъ, чего никогда еще не бывало у меня, но все было напрасно, и наконецъ, когда онъ явился передъ мной такъ, какъ я желалъ, вдругъ кто-нибудь предупредитъ меня—это будетъ очень обидно! Вѣдь я раньше началъ думать о Спинозѣ, чѣмъ всѣ другіе, по поводу монумента для него—слѣдовательно, я не хочу уступить первенства своей идеи. Этого не допускаетъ мое художественное самолюбіе, а помочь тутъ можете только вы.

Ну, простите за мое торопливое письмо. Теперь очень поздно, кажется часъ ночи, а я цѣлый день работалъ, усталъ.

241. Къ нему же.

Римъ, получено 29 марта 1877 г.

Ужасно я усталъ. Теперь работаю за десятерыхъ, такъ что вечеромъ не чувствую себя, а между тѣмъ и писать надо.

Вчера я написалъ письмо къ вамъ, съ извѣстіемъ, что рисунковъ не получалъ, и думалъ даже, что они пропали. Сегодня же я ихъ получилъ черезъ желѣзную дорогу—очень, очень благодаренъ вамъ за нихъ. Но пользы они мало принесли мнѣ, хотя всѣ матеріалы—превосход-

---

[1]) Ал. Ландау.

ные, потому что я передумалъ, и дѣлаю теперь статую Панина, сидящимъ въ креслѣ, одѣтымъ въ богатый кафтанъ. Для этого у меня есть гравированный портретъ его да еще бюстъ. Самое главное, мнѣ было необходимо его кресло, но то кресло, которое вы прислали, похоже болѣе на рококо, а этого я ужасно не люблю. Терпѣть не могу этотъ гнилой и вмѣстѣ съ тѣмъ необузданный стиль, такъ что лучше сдѣлаю кресло въ стилѣ, нѣсколько раньшемъ по времени; при томъ, я нашелъ у Вейса [1]) довольно подходящее кресло. Какъ-бы то ни было, я очень радъ, что вы такъ добры для меня. Пожалуйста, не перемѣняйте ничего въ эскизѣ для памятника Оршанскаго; по-моему самое оригинальное тамъ то, что изъ книгъ сложенъ архитектурный пьедесталъ (никакъ не жертвенникъ—тутъ вообще его нѣтъ). „Звѣзду" же можете сдѣлать немного меньше, такъ какъ это было сдѣлано второпяхъ, наскоро. Да и вообще прошу считать это эскизомъ, а никакъ не моделью—это всегда двѣ разныя вещи. Какъ вамъ нравится этотъ шельма Кауфманъ? Я думаю, что всѣ они очень щедры на словахъ, но очень скупы на дѣлѣ—это теперь общая болѣзнь, хорошо еще, что не всѣ заражены ею.

Что касается до меня, то я все работаю, работаю какъ волъ, а все еще не могу заштопать карманы. Насчетъ этого никогда мнѣ не было такъ скверно, какъ въ этомъ году; при этомъ извѣстно: „гдѣ коротко, тамъ и рвется"; среди родни моей всѣ поголовно сильно страдаютъ отъ финансоваго недуга. Дѣлаю, что могу, но бѣды такъ велики, что это словно капли въ морѣ. Однако, нынѣшній годъ родные стоятъ мнѣ уже 1500 рублей и все еще у меня просятъ еще и еще. Представьте себѣ, при этомъ, плохой нашъ курсъ, который очень вредитъ мнѣ. Недавно я долженъ былъ выбросить кусокъ мрамора, который оказался никуда не годнымъ, а это немало стоило. И не далѣе, какъ сегодня, получаю бумагу отъ здѣшняго Munizipio, въ которой сказано, что я долженъ платить 1500 франк. годового налога. А между тѣмъ деньги неоткуда получить.

Ну, будемъ надѣяться, что все это пройдетъ.

Бога ради, напишите мнѣ насчетъ Парижской всемірной выставки: художникъ долженъ самъ заботиться, или-же кто-нибудь позаботится о немъ? Я ничего не знаю, а между тѣмъ, говорятъ, что надо непремѣнно хлопотать мнѣ, иначе я останусь и на этотъ разъ за дверьми. Но что мнѣ нужно для этого сдѣлать, объ этомъ никто не знаетъ, также и я самъ. Пожалуйста, узнайте подробно, что дѣлается у насъ, и что надо сдѣлать, чтобы попасть на выставку? Буду надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ этомъ.

Право, я долженъ сказать, что меня начинаетъ мучить совѣсть, за то что я такъ эксплоатирую васъ, но у меня нѣтъ никого другого, кромѣ васъ.

Вы ничего не говорите о торжествѣ, которымъ былъ встрѣченъ Семирадскій? Я читалъ про него въ „Голосѣ", который волной грязной

---

[1]) Weiss, Kostümkunde.

воды вначалѣ забрызгалъ Тургенева, Рѣпина, немало досталось также барышнямъ [1]), а теперь онъ такъ раскачался по поводу праздника Семирадскаго, точно море въ скверное время. Впрочемъ, хорошо еще то, что тутъ онъ больше умиляется и восхищается! И за это колоссальное ему спасибо!

Да, дорогой другъ, скверное время! Теперь—искусство только то, о которомъ не надо думать, ни серьезно чувствовать. Лучше всего то, которое щекочетъ глаза.

242. Къ нему же.

Римъ, 13 (25) апрѣля 1877 г.

У меня много набралось отвѣтовъ для васъ, жаль только, что все некогда было писать. На-дняхъ кончаю статую „Панина", и теперь я работаю до того, что къ вечеру себя не чувствую. Вообще я работаю отъ 10 утра до 6 вечера, почти безъ отдыха. Сегодня-же есть маленькая задержка въ работѣ, и оттого пользуюсь временемъ, чтобы поговорить съ вами обо всемъ.

Представьте себѣ, что статуя Панина вышла хоть куда! Онѣ разнообразитъ мои работы, но Богъ съ ней! Я радъ, что кончилъ заказъ, который имѣетъ для меня немалый интересъ: я получаю за него 10.000 руб. Да, получаю, только не получилъ еще, а пока у меня нѣтъ теперь и десятой доли, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, такъ что я серьезно думалъ ѣхать въ Россію, чтобы заложить нашъ домъ. Благодаря Саввѣ Мамонтову, я этого не сдѣлалъ, потому что онъ меня вытащилъ изъ бѣды, ну, и спасибо ему! Вотъ, дорогой дядя, работаю сколько могу и какъ могу. Работаю то колоссальныя вещи, то заказы—кто хочетъ, хвалитъ, кто, наоборотъ, отъ души ругаетъ, а денегъ все-таки нѣтъ, никто ихъ не даетъ, даже тотъ, кто долженъ дать. Теперь-же война неожиданно создалась, по крайней мѣрѣ для меня, которая совсѣмъ доканаетъ меня! Курсъ русскихъ денегъ здѣсь убійственный, хоть бросай все и бѣги прятаться въ Россію! Бѣда только въ томъ, что я ужъ больно упрямъ: знаю, что скверно, чувствую, что будетъ еще хуже, а все-таки не брошу того, что разъ начато. Хочу кончить „Сократа" во что бы то ни стало, хочу кончить всѣ мои работы до осени, чтобы можно было съ ними наконецъ выступить передъ Европой. Долго я трудился для этого, съ терпѣніемъ ждалъ и теперь, когда исполненіе желанія моего приближается къ концу, надо быть глупцомъ, трусомъ, или просто безхарактернымъ, чтобы бросить орудіе при первомъ выстрѣлѣ. Нѣтъ, этому не бывать!

Я рѣшилъ слѣдующее: кончаю „Панина", и мы ѣдемъ отдыхать, гдѣ-нибудь около моря. Въ это время, можетъ быть, выяснится, какіе размѣры приметъ война; если она ограничится локализаціей, тогда мы остаемся внѣ Россіи; если же война приметъ широкіе размѣры, тогда ѣдемъ въ Россію къ Мамонтову, въ Абрамцево, гдѣ выстроимъ вели-

---

[1]) Женскій вопросъ.

колѣпную мастерскую, въ которой буду работать и ждать, когда буря утихнетъ. Но, если она утихнетъ къ осени, тогда беру всѣ мои работы (которыя къ этому времени будутъ готовы) и ѣду прямо въ Парижъ, и тамъ, не дожидаясь всемірной выставки, дѣлаю изъ моихъ работъ частную выставку. Если-же въ Парижѣ это удастся мнѣ, то двину ихъ дальше въ Берлинъ, а тамъ въ Петербургъ, Москву, такъ что потомъ пускай Академія дѣлаетъ съ моими работами что хочетъ, можетъ даже не посылать ихъ въ Парижъ, какъ она когда-то сдѣлала съ „Иваномъ Грознымъ". Я слишкомъ долго работалъ, слишкомъ долго терпѣлъ, чтобы наконецъ не освободиться отъ зависимости. Никогда я не желалъ такъ, какъ теперь, быть свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Сегодня я получилъ заявленіе отъ Комитета для отправки художественныхъ вещей на всемірную выставку. Между прочимъ я долженъ замѣтить, что мнѣ какъ-то странно, что я получилъ это заявленіе именно тогда, когда, благодаря вамъ, припомнилъ Сомовъ обо мнѣ. Между тѣмъ я сегодня узналъ, что другіе художники, какъ Рицциони и Поповъ, получили подобныя заявленія уже больше чѣмъ мѣсяцъ тому назадъ. Что это значитъ: забыли? или просто некогда было писать имъ? Впрочемъ, очень можетъ быть, что Сомовъ—прекрасный человѣкъ, можетъ быть, что тутъ простое совпаденіе случилось вашего спроса и его отсылки бумаги ко мнѣ объ этомъ вопросѣ. Можетъ быть, что въ Академіи Художествъ всѣ—распрекраснѣйшіе люди, но исторія или, вѣрнѣе сказать, шутка, которую они сыграли съ „Иваномъ Грознымъ" на Вѣнской выставкѣ, очень еще памятна мнѣ. И оттого на этотъ разъ я не особенно желаю довѣрить имъ то, чего съ такимъ трудомъ я добился въ теченіе многихъ лѣтъ. Конечно, на это заявленіе, что я получилъ отъ Академіи, я отвѣчу немедленно, но отвѣчу не какъ всепокорнѣйшій баранъ: „буду пѣть, и подъ этимъ свое дѣло разумѣть". Если Академіи вздумается еще разъ сыграть со мной шутку, то это, конечно, на этотъ разъ ей не совсѣмъ удастся, и мои работы появятся не въ русскомъ отдѣлѣ, а скорѣе всего въ итальянскомъ. Конечно, это будетъ въ случаѣ послѣдней крайности. Надѣюсь, что до этого не дойдетъ (дай Богъ, дай Богъ!), но я хочу сказать, что буду теперь защищать свои работы до послѣдней возможности. Надѣюсь, что итальянцы дадутъ мнѣ больше мѣста среди своихъ произведеній, чѣмъ русскіе—это говорю не съ гордостью, а скорѣе съ горечью и болью. Но это—правда, горькая правда! Посмотрите вотъ хоть сейчасъ: въ Неаполѣ открылась художественная національная выставка, на которой художественныхъ произведеній до 2000 №№; вотъ эти-то художники выбрали себѣ жюри, и среди ихъ знаменитостей, какъ: „Вела" (авторъ „Наполеона I"), Дюпрé, и я тоже попалъ. Правда, уставъ выставки говоритъ, что иностранецъ не можетъ быть жюри, но фактъ тотъ, что не только среди своихъ, но даже среди массы иностранцевъ-художниковъ, которые разбросаны по всей Италіи—я одинъ былъ выбранъ въ жюри, да еще гдѣ, въ Неаполѣ, гдѣ, я думалъ, и не знаютъ меня. Конечно, это—мелочь, но все-таки,

хоть и въ мелочахъ, Италія высказываетъ своего уваженія ко мнѣ въ десять разъ больше, чѣмъ Россія. Горько, противно искать „пророчество“ не въ своемъ отечествѣ! Но знаете, что униженный мужичокъ отвѣчалъ, когда панъ билъ его розгами долгое время, а онъ не только не кричалъ, но лежалъ и грызъ хлѣбъ. Панъ спрашиваетъ: „Что ты дѣлаешь?“ А мужичокъ отвѣчаетъ: „Что-жъ, когда пану вздумается меня бить цѣлый день, то я за это не буду ѣсть?!“ Эта шутка, этотъ смѣхъ, пропитанные запахомъ холопской крови, да, холопской, но все-таки человѣческой, можетъ доказать, до чего паны и мужики дошли, что между ними не было правды, за исключеніемъ права—силы.

Я же съ своей стороны могу прибавить, что у меня было терпѣніе работать пять лѣтъ, но я готовъ работать еще десять, двадцать лѣтъ, работать до послѣдней минуты жизни, насколько силъ хватитъ, лишь бы оставить послѣ себя хоть маленькій слѣдъ въ русскомъ искусствѣ. Люди не даютъ мнѣ сдѣлать этого, но понапрасну—я сдѣлаю, одержу побѣду, вѣрю въ это полною вѣрой, потому что я правъ! У меня много враговъ, но они и враги самого искусства—эти прохвосты, лакеи, которые подслуживаются, но не служатъ интересамъ русскаго искусства—вотъ противъ нихъ то я и буду бороться до послѣдней минуты дыханія.

Что сказать вамъ о монументѣ „Спинозы“? Вѣдь вы хорошо знаете, какой я противникъ монументныхъ работъ, гдѣ художникъ—не свободный творецъ, а работаетъ, какъ ремесленникъ, за извѣстное вознагражденіе, къ извѣстному сроку, и оттого я думаю, что во всей Европѣ нѣтъ ни одного задушевнаго монумента, который былъ-бы вызванъ изъ глубины души художника. При томъ, рутинность, условность въ этомъ дѣлѣ дошли до того, что всякое нововведеніе, всякая даже попытка къ этому строго наказываются тѣмъ, что подобные монументы выбрасываются вонъ. Но это не все еще: мы привыкли смотрѣть на монументъ, какъ на украшеніе города—у него значенія немногимъ больше, чѣмъ у фонтановъ. Никому въ голову не приходитъ, что всякое содержаніе требуетъ не только своей формы, своего размѣра, но даже своего мѣста, гдѣ ему соотвѣтствуетъ быть, и оттого у насъ одинаково рисуются на пьедесталахъ, среди площади: агитаторы, полководцы и мыслители. Пусть ставятъ среди площади монументы первыхъ, но никакъ не монументы мыслителей, въ особенности же такихъ, какимъ былъ Спиноза. Нѣтъ, поставить его гдѣ-нибудь среди площади — значитъ поставить около позорнаго столба того, кто его создалъ, кто распорядился и кто согласился на это.

Говорить объ этомъ подробно, у меня нѣтъ охоты сегодня, да и то я, кажется, слишкомъ разболтался. Скажу только: чтобы создать Спинозу, надо прочувствовать его; создать его—значитъ создать душу, а не форму одну; чтобы понять подобное созданіе, чтобы отъ него происходило впечатлѣніе полное—нужно, чтобы произведеніе было одиноко, уединенно, каковъ онъ самъ былъ—и созерцательно въ самомъ себѣ.

При этомъ, по программѣ распорядителей распорядились такъ, что точно тутъ дѣло идетъ о какомъ-нибудь подрядчикѣ,—не обозна-

чили мѣста, гдѣ онъ долженъ быть поставленъ: въ саду-ли, на площади-ли или около стѣны гдѣ-нибудь? Они также не обозначили суммы, какую могутъ истратить на этотъ монументъ, чтобы художникъ зналъ, въ какихъ границахъ онъ можетъ держать свою фантазію. Вѣдь можетъ-же случится, что художникъ сдѣлаетъ удачный проектъ, но проиграетъ благодаря только тому, что не зналъ цифры. Все это хотя не практично, но по крайней мѣрѣ можно еще простить, а чего нельзя— такъ это того, что распорядители удерживаютъ за собою право: назначать премію, и при этомъ отдавать дѣлать другому, по эскизу получившаго премію. Конечно, на подобную сдѣлку могутъ согласиться только ремесленники, но никакъ не художники.

Что касается меня, то я скорѣе себѣ отрублю правую руку, чѣмъ буду работать по чужому эскизу, и готовъ скорѣе разломать свой эскизъ, чѣмъ дать кому-нибудь выполнить его.

Не могу пропустить одну вашу странную фразу: вы говорите, что боитесь того, что, можетъ быть, тутъ у меня не будетъ удачи, потому что теперь рѣчь идетъ уже не о Россіи, а о Европѣ.

Чего вамъ бояться? Точно въ Россіи мнѣ всегда удавалось, а въ Европѣ я всегда фіаско терпѣлъ! Думаю, что до сихъ поръ было наоборотъ. При этомъ могу увѣрить васъ, что и здѣсь бездарность всегда выйдетъ съ торжествомъ, и однимъ бездарнымъ созданіемъ будетъ больше. Конечно, нельзя заранѣе угадать и, можетъ быть, кто-нибудь создастъ чудную вещь, но, судя по тому, что до сихъ поръ дѣлалось съ монументами, можно съ увѣренностью сказать: если тутъ кто сдѣлаетъ чудную вещь, то это будетъ просто чудо! Дай Богъ, дай Богъ, я первый буду въ восторгѣ! И такъ, думаю, что именно оттого, что Спиноза мнѣ такъ дорогъ, я не стану конкуррировать.

Вотъ на столѣ у меня лежитъ поконченное письмо къ Г. О. Гинцбургу, въ которомъ говорю объ этомъ предметѣ пространно и говорю почти то же, что вамъ.

Статью о Семирадскомъ присылайте, непремѣнно присылайте, прошу васъ. Я не читаю „Новое Время“ просто потому, что самъ издатель, можетъ быть, и хорошій человѣкъ, но плохая у него скрипка.

Что это за чудо, что Кауфманъ извиняется, что теперь нѣтъ денегъ у семейства Оршанскаго?! Какъ-же онъ, безсовѣстный, безпокоилъ людей, да мало того, и обманывалъ ихъ, сказавъ, что деньги собраны, и все упрекалъ меня черезъ васъ: „Что Антокольскій? Когда же онъ, наконецъ, сдѣлаетъ, что обѣщалъ?“ Ну, вотъ я и сдѣлалъ, и что-же? Ничего. А знаете, что изъ ничего ничего и выходитъ. Нѣтъ, не ничего, а на этотъ разъ я тоже полудуракомъ остаюсь, и это навѣрное ничѣмъ не кончится, какъ со всѣми моими донъ-кихотскими работами.

Если же вы непремѣнно хотите печатать этотъ надгробный памятникъ (чего-бы я очень и очень просилъ не дѣлать), то пускай нарисуетъ его Ропетъ, а не Эліасикъ, который срисуетъ вѣрно, но тутъ необходимъ опытный и бойкій рисовальщикъ. Я долженъ сказать вамъ, что вы очень огорчите меня, если это будетъ не совсѣмъ удачно награвировано.

Ну, кончаю нескончаемое письмо. Что, дядя, вы навѣрное не совсѣмъ довольны ни мною, ни этимъ письмомъ? Да что дѣлать, я самъ, грѣшный человѣкъ, тоже ничѣмъ и никѣмъ недоволенъ. Я не доволенъ тѣмъ, что солнце грѣетъ меня: я хочу, чтобы человѣческая душа, его чувство грѣли-бы меня; хочу свѣта, а не мрака; хочу видѣть лучшее, что представляется въ человѣкѣ, но этого нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! А между тѣмъ, вѣра не покидаетъ меня—вѣрю, что будетъ когда-нибудь то, что хочу теперь видѣть. Часто бываетъ со мною, что я хочу хохотать, адски, демонически хохотать на все и на всѣхъ, а часто я готовъ плакать, плакать и жаловаться, какъ ребенокъ на все и на всѣхъ.

Ну, будетъ, не люблю самъ себя, когда душевная буря даетъ себѣ волю. Я сегодня нервный.

243. Къ нему же.

Римъ, 24 апрѣля (5 мая) 1877 г.

Пишу лишь нѣсколько строкъ, потому что рука болитъ—нарывъ выступилъ.

„Сократъ" конченъ. Ну, такимъ образомъ можно будетъ подумать о поѣздкѣ.

И. Н. Крамской здѣсь, точно съ неба свалился для меня. Ужасно онъ обрадовалъ меня своимъ прiѣздомъ; съ нимъ можно по крайней мѣрѣ говорить о томъ, что на душѣ накопилось, а то здѣсь русскіе—просто колпаки, а итальянцы—дѣти.

„Сократъ" нравится ему больше всего, что я до сихъ поръ сдѣлалъ. Онъ просто въ восторгѣ, а впрочемъ, когда-нибудь онъ разскажетъ вамъ самъ. Онъ далъ намъ слово—обѣдать у насъ каждый день, что аккуратно исполняетъ, и чему мы очень рады.

Больше новостей нѣтъ. Здоровье мое какъ-то лучше. Я сталъ лѣчиться гомеопатіей, и, право, съ тѣхъ поръ лучше. А можетъ быть, и безъ того было-бы лучше. Ну, все равно, только мнѣ лучше. Не знаю, что впереди будетъ.

Фотографію съ „Сократа" пришлю или самъ привезу, только опять никому не показывайте.

Крамской началъ мой портретъ.

На плечахъ моихъ лежитъ еще одинъ заказъ, который надо кончить.

Но разсчитываю выѣхать около 15 мая, по-нашему.

244. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Римъ, весна 1877 г.

Раньше, чѣмъ говорить о себѣ, хочу передать вамъ, что Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ желаетъ поближе познакомиться съ вами. Мы съ нимъ много говорили про васъ, про Абрамцево и про все, что находится тамъ, и онъ желаетъ побывать у васъ въ Абрамцевѣ.

Лишнее говорить, какъ я радъ этому, радъ потому, что, кромѣ

того, что онъ честный и добрый, онъ и простой человѣкъ, однимъ словомъ превосходный. Я убѣжденъ, что вы скоро сойдетесь съ нимъ, какъ я, и оттого прошу васъ принять его въ вашемъ домѣ, какъ принимаете меня—вашего старичка. Думаю, когда онъ увидитъ Абрамцево, онъ навѣрное поработаетъ тамъ, и я надѣюсь, что вы дадите ему возможность исполнить это. И такъ, въ добрый часъ! Еще одинъ превосходный человѣкъ въ нашемъ лагерѣ.

245. Къ ней же.

Римъ, весна 1877 г.

О себѣ нечего сказать, право, да притомъ какъ-то странно говорить о себѣ, объ искусствѣ, когда зловѣщая буря поднимается. Говорить развѣ для того, чтобы по возможности заглушить то, чего не хочешь ни слышать, ни видѣть. Ахъ, лучше всего спать, спать, для того, чтобы все это показалось сномъ, хотя-бы тяжелымъ сномъ, но все-таки не дѣйствительностью, которая позоритъ человѣческій духъ. Хотѣлось-бы, чтобы человѣчество не прибѣгало больше къ войнѣ, но факты показываютъ намъ каждый день, что человѣкъ далекъ еще отъ этого; ну, довольно говорить объ этомъ, навѣрное и вы устали говорить все о томъ-же.

Я теперь работаю, какъ лошадь, отъ десяти утра до шести часовъ вечера, почти безъ отдыха, даже завтракать не хожу. Такимъ образомъ вы не удивитесь, если я скажу, что статую Панина кончаю нанияхъ, и статуя выходитъ далеко не смѣшная. Я теперь вдвое радъ: радъ, что кончаю, радъ, что освобождаюсь отъ заказа, который для меня былъ просто мученіе. Несмотря на то, что я такъ сильно работалъ, все-таки не чувствую усталости, по крайней мѣрѣ, духомъ. Теперь желаю, чтобы поскорѣй прошелъ отдыхъ, и опять-бы мнѣ взяться за работу, но на этотъ разъ за такую, которую душа диктуетъ.

Что теперь съ нами будетъ, куда мы дѣнемся, сами еще не знаемъ. „Куда ни кинь, вездѣ клинъ". Пока лучше не думать, потому что напрасно; будемъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, а теперь такія обстоятельства, на которыя съ увѣренностью разсчитывать нельзя. Сегодня одно, а завтра можетъ быть телеграмма принесетъ совсѣмъ другое.

246. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, 17 (29) мая 1877 г.

До сихъ поръ я не могъ писать вамъ, да и теперь нѣтъ еще возможности свободно говорить съ вами. Разныхъ житейскихъ дѣлъ накопилось у меня столько, что просто перо падаетъ изъ рукъ, до того я тороплюсь, до того мнѣ некогда.

Дѣло въ томъ, что, окончивъ статую „Панина", я поѣхалъ въ Неаполь на художественную выставку (о ней потомъ когда-нибудь). Пріѣхавши обратно, я началъ голову „Христа" въ горельефѣ, и только теперь она

кончена; да, кончена именно тогда, когда ѣхать надо, надо упаковываться, надо перебираться въ другую студію, надо со всѣми сговориться, однимъ словомъ, надо уѣхать, и все оставить въ порядкѣ. Какъ на грѣхъ, въ домѣ не все ладно: одна прислуга захворала и не пришла, другая больна. Ребенокъ нашъ сильно напугалъ насъ, и сегодня было у насъ три доктора. Какъ разъ вчера пріѣхала прямо къ намъ Зоя Сергѣевна. Поди и хлопочи о ней. Она привезла много сладкихъ, истинно аристократическихъ словъ, но ни гроша денегъ, несмотря на то, что это слѣдуетъ и что она обѣщала.

Сегодня я получилъ отъ васъ вексель на 1000 рублей, за который я очень благодаренъ вамъ, а не то пришлось бы еще сидѣть у моря и ждать погоды.

Крайне удивляюсь, что вы не получили моихъ писемъ, гдѣ говорится о полученіи мною денегъ отъ васъ.

Получили-ли вы бюстъ Гартмана? Вы ничего не говорите объ этомъ. Получили-ли вы также 1000 рублей отъ С. М. Третьякова? Онъ давно уже получилъ „Ивана Грознаго", и спрашивалъ, кому передать остальныя деньги, которыя слѣдуютъ мнѣ отъ него, и я указалъ ему передать вамъ. Я слышалъ, что онъ пеняетъ на меня за то, что провозъ обошелся ему очень дорого. Но чѣмъ я-то тутъ виноватъ? Если коммиссіонеръ мошенникъ, то въ чемъ я-то виноватъ? А что они мошенники — это вѣрно! Съ однимъ я имѣю до сихъ поръ дѣло за то, что вмѣсто 240 рублей я заплатилъ 400 рублей. Это оказалось вѣрно, ясно, и все-таки до сихъ поръ я не получилъ этихъ денегъ обратно, да навѣрное и не получу.

Мы ѣдемъ въ Viareggio, около моря, это недалеко отъ Флоренціи. Такимъ образомъ мы будемъ на дорогѣ въ Парижъ.

На-дняхъ посылаю фотографію со статуи „Панина", а также съ горельефа „Христа". Я уже, кажется, сказалъ вамъ, что „Христосъ" представленъ на крестѣ (одна голова его), когда Онъ испускаетъ послѣдній вздохъ. Кругомъ надпись: „Прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ".

247. Къ нему же.

Римъ, май 1877 г.

Мой дорогой другъ Савва Ивановичъ, хотѣлъ-было я давно писать вамъ, но не писалъ потому, что все ждалъ васъ. Ждалъ, ждалъ и, наконецъ, пересталъ—хотя еще не совсѣмъ А жаль, что вы не пріѣхали, у меня уже составился превосходный планъ, какъ бы мы хорошо провели время. Видно, этотъ планъ достигнетъ той же участи, что и всѣ мои планы—они всегда остаются превосходными только въ воображеніи. Теперь же я долженъ говорить съ вами именно о томъ, о чемъ мнѣ хочется менѣе всего; но дѣлать нечего, надо поскорѣе покончить съ этимъ разговоромъ. Теперешнія мои дѣла немного запутались, конечно не настолько, чтобы сѣсть на мель окончательно. Я долженъ ждать прилива денегъ, на которыя я разсчитывалъ, но къ сожалѣнію онѣ-то и опоздали не по моей винѣ. Какъ на грѣхъ, „Иванъ

Грозный" изъ мрамора гдѣ-то замѣшкался, и благодаря этому я не получаю отъ Третьякова моихъ 1000 руб. Какъ на грѣхъ, я купилъ кусокъ мрамора для фигуры Маруси [1]), который оказался никуда не годнымъ; благодаря этому, я не могу кончить монументъ, слѣдовательно тоже не могу получить денегъ. Что касается Мещерской, то и тутъ я долженъ получить деньги, такъ какъ кончаю изъ глины статую Панина. Только опять бѣда! Бѣда въ томъ, что мнѣ крайне неловко просить, да притомъ сегодня я получилъ письмо отъ нея, что она ждетъ прибавленія семьи; какъ-же тутъ просить денегъ? Остается только надѣяться, что она сама догадается сдѣлать это. Но пока разсчитывать на это нельзя.

Между тѣмъ я долженъ гнать работу впередъ, а тутъ то и бѣда, что не съ чѣмъ. Если можете поручиться за меня, чтобы получить гдѣ-нибудь 4 тысячи рубл., которыя получатся отъ Третьякова и княгини Мещерской, то, конечно, этимъ окажете мнѣ большое одолженіе; избавите меня отъ лишнихъ хлопотъ. Иначе трудно уѣхать, а также трудно и оставаться на мѣстѣ.

Не могу сказать, чтобы мой балансъ былъ совершенно плохъ, наоборотъ, но бѣда только въ томъ, что у меня нѣтъ оборотныхъ денегъ на расходы. Вотъ каковы мои финансы: отъ Мещерской я долженъ получить 8000 рублей, отъ Мордвинова 1000 рублей, отъ Третьякова 1000 рублей; кромѣ того у меня есть приготовленныя работы на 4000 рублей, въ томъ числѣ маленькій „Иванъ Грозный" изъ сесеребра, а также очень удачная голова „Ивана" изъ мрамора. И такъ, всего 17000. Правда, чтобы докончить эти работы, понадобится еще около 4-хъ тысячъ рублей. Но за то у меня еще есть „Сократъ", который подвигается очень успѣшно и отъ котораго жду, кромѣ имени, также и удовольствіе для желудка.

Ну, слава Богу, кончилъ! Я надѣюсь, что вы сдѣлаете для меня все возможное. Обо мнѣ самомъ сказать нечего; работаю усердно и довольно успѣшно, такъ что нынѣшней зимой, несмотря на то, что я долго отдыхалъ, все-таки окончилъ фигуру Маруси, сдѣлалъ статую Панина; кромѣ того, временами я работаю около статуи „Христа" изъ мрамора; конечно, работаю, когда есть особенная охота, и долженъ сказать, что я этимъ очень доволенъ. Голова „Христа" изъ мрамора положительно стала хороша, осталось еще немного закончить. Пожалуйста, не судите „Христа" по мраморному бюсту, который получитъ Третьяковъ. Повторяю, что статуя положительно хороша и нисколько не похожа на бюстъ Третьякова. Мнѣ очень хотѣлось отлить „Христа" изъ бронзы во Флоренціи, гдѣ отливаютъ изъ бронзы точно изъ гипса, но очень дорого просятъ, и при томъ „того" нѣтъ...

Новостей здѣсь мало, хотя городъ оживленъ; вездѣ встрѣчаете новыя лица, кто пріѣзжаетъ, кто уѣзжаетъ; кто съ выраженіемъ лю-

---

[1]) Надгробный монументъ княжны Маріи Алексѣевны Оболенской, на римскомъ кладбищѣ, сдѣланный Антокольскимъ.

бопытства блуждаетъ повсюду и благоговѣйно изучаетъ Бедекера; кто, наоборотъ, съ выраженіемъ усталости шагаетъ, держа Бедекера подъ мышкой. Если васъ эти новости мало интересуютъ, то вѣрьте, дорогой другъ, здѣсь это самыя пріятныя и самыя важныя новости.

Римъ празднуетъ только тогда, когда гости съѣзжаются, когда у нихъ боковые карманы рвутся, а у иностранцевъ пустѣютъ.

Художественная Неаполитанская выставка была открыта торжественно, старались придать этому событію большую важность. Говорятъ, что тамъ художественныхъ произведеній до 2500. Жаль только, что не выставилъ никто изъ здѣшнихъ первыхъ художниковъ. Ни Морелли, ни Паницци, ни Вела (авторъ „Наполеона I“), ни даже Монтеверде, ничего не выставили.

Съ здѣшними знаменитостями случается та-же бѣда, что вездѣ— выбиваются изъ силъ, пока получатъ свои лавры. Разъ ихъ пріобрѣли, въ виду колоссальныхъ заказовъ (а здѣсь это самое высокое блаженство), они принимаются отдыхать на своихъ золотыхъ лаврахъ.

Когда окончу фигуру Панина, я тоже поѣду посмотрѣть выставку, и тогда буду писать подробнѣе, т.-е. болѣе обстоятельнѣе объ этой выставкѣ и о здѣшнемъ художественномъ движеніи вообще. Послѣднее очень интересуетъ меня. Я, право, не знаю: радоваться-ли мнѣ, или плакать, что и я ничего не выставилъ на Неаполитанской выставкѣ. Признаться, иногда я очень жалѣю, хотя сознаю, что жалость и раскаяніе—глупыя вещи; разумный человѣкъ всегда долженъ сдѣлать такъ, чтобы потомъ не жалѣть и не раскаяваться. Если-же выходитъ наоборотъ, то, значитъ, онъ сдѣлалъ не хорошо.

„Сократъ“ подвигается очень успѣшно, такъ что душа радуется. Надѣюсь, что онъ будетъ законченъ въ концѣ сентября. Жаль, очень жаль, что нынѣшней зимой мнѣ не удалось сдѣлать что-нибудь порядочное—„Акробатовъ“, или „Мефистофеля“. Ну, это уже не по моей винѣ.

Хотѣлось мнѣ выставить „Сократа“ и „Христа“ отдѣльно въ Парижѣ, не дожидаясь всемірной выставки, потомъ выставить ихъ въ Лондонѣ, Берлинѣ и въ Петербургѣ, и только потомъ выставить ихъ на всемірной выставкѣ. Хочу сдѣлать это потому, что работы эти нуждаются, чтобы на нихъ сосредоточились.

Что, будетъ у васъ время, чтобы выбраться сюда? Вы ничего не говорите объ этомъ, а между тѣмъ, только благодаря вашему молчанію я все еще не перестаю ждать васъ.

Я забылъ еще сказать, если вы устроите мои дѣла относительно финансовъ благополучно, то думаю, лучше будетъ выслать деньги не векселемъ, а процентными бумагами: такъ какъ курсъ пониженъ, то я могу положить ихъ здѣсь въ банкъ, и брать на нихъ деньги.

Такимъ образомъ, есть возможность выждать улучшенія курса, а это когда-нибудь же будетъ. Отвѣчайте, пожалуйста, поскорѣе, такъ какъ у меня мало времени для того, чтобы осмотрѣться передъ отъѣздомъ.

248. Къ нему же.

Римъ, іюнь 1877 г.

У меня къ вамъ маленькая просьба и надѣюсь, что на этотъ разъ вы отвѣтите, хотя-бы лаконически.

У васъ въ Петербургѣ находятся мои работы, которыя я желалъ-бы ликвидировать, потому что деньги нужны. А нужны онѣ оттого, что добрые люди заказываютъ работы и не платятъ, и благодаря этому, я сѣлъ на мель.

Если можете продать кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ эти работы, я былъ-бы вамъ очень и очень благодаренъ. Вотъ приблизительно мои цѣны: за „Ивана Грознаго“ изъ мрамора прежде было 5000 франковъ, а теперь три тысячи.

„Иванъ Креститель“ изъ бронзы—прежде 6000 франковъ, а те перь 3500.

„Бронзовый быкъ“—прежде 1000, а теперь 700 франковъ.

„Голова Данта“—200 франковъ.

Теперь, что сказать вамъ о себѣ?

Только теперь начинаю работать... А впрочемъ о себѣ и обо всемъ другомъ въ другой разъ.

Вы хотѣли осенью поѣхать въ Италію. Идетъ, дорогой старикъ!

Желаю вамъ отъ души всякаго удовольствія, но все-же прошу подождать весны, и тогда всѣ мы вмѣстѣ туда.

Отчего старушка, добрая Елизавета Григорьевна, не пишетъ? Не могу простить и вамъ одному молчанія, а тутъ и старушка подражаетъ вамъ. Нѣтъ, пожалуйста, пишите оба.

249. Къ нему же.

Римъ, іюнь 1877 г.

Скоро-скоро я освобождаюсь отъ работы, стану отдыхать, и тогда много, очень много буду бесѣдовать съ вами. А теперь сотни разъ желаю по-старому поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ моихъ старыхъ друзей, но никогда нѣтъ для этого возможности, до того много я работаю. Къ сожалѣнію, работа эта скорѣе физическая, нежели духовная. Но что прикажете дѣлать? Парижъ больше, чѣмъ какое-либо другое мѣсто, даетъ почувствовать, что желудокъ не есть разсудокъ. Хотѣлось-бы мнѣ, во что-бы то ни стало, освободиться отъ хлопотъ и заботъ о завтрашнемъ днѣ. Но мечтать объ этомъ для меня все равно, что гоняться за собственной тѣнью. Вотъ, кажется, она около стоитъ, стоитъ лишь протянуть къ ней руки, а все-же очень трудно поймать ее. Такъ, напримѣръ, и сегодня, при всемъ моемъ желаніи побесѣдовать съ вами, мнѣ некогда.

Повторяю, жду съ нетерпѣніемъ часа, когда освобожусь отъ каторжной работы, и тогда я опять воскресну среди моихъ старыхъ друзей. Насколько я занятъ, вы убѣдитесь, когда я перечислю всѣ работы, которыя я сдѣлалъ за эту зиму. Послѣ этого, надѣюсь, вамъ не особенно будетъ удивительно, что я такъ молчу и не пишу ни къ кому.

Сдѣлалъ я статую Полякова въ натуральную величину, половину статуи „Спинозы", потомъ три бюста (портреты), портретный барельефъ, величиной въ квадратный аршинъ, и наконецъ еще голову „Мефистофеля" и „Іоанна Крестителя". Кромѣ всего этого, я потерялъ время на поѣздку въ имѣніе, но за то ни минуты не идетъ у меня на что-нибудь лучшее. Вообще въ эту зиму я чувствую, что сталъ очень прозаиченъ, но все-же не унываю. Скоро, очень скоро получите подробныя свѣдѣнія о насъ, обо всемъ, насъ касающемся, а пока, убѣдительно прошу, не удивляйтесь, а главное, не сердитесь на меня. Между прочимъ я долженъ сказать, что вы нисколько не лучше меня въ этомъ отношеніи. А вѣдь у васъ, я думаю, больше свободнаго времени, чѣмъ у меня.

Мы все еще здѣсь и никуда не выѣхали, отчасти оттого, что до сихъ поръ время было отвратительное, и теперь только третій день, какъ настало лѣто. Да при томъ жена не хотѣла оставить меня здѣсь одного, потому что работу я кончаю лишь черезъ дней 10.

Но сегодня докторъ настоялъ, чтобы жена уѣхала на берегъ моря; это необходимо и для нея, потому что теперь она въ интересномъ положеніи, и для нашей дочери, которая прелесть, до чего умна, красива, по крайней мѣрѣ симпатична и жива, но, къ сожалѣнію, очень нервна, какъ папа и мама.

Ну, какъ же вы то поживаете? Что у васъ хорошаго? Какъ дѣтки ваши? Ужасно, какъ давно я не получалъ изъ Россіи ни слова. Можетъ быть, что въ этомъ я виноватъ... Нѣтъ! на половину только.

Хотѣлось, думалось побывать у васъ въ это лѣто... Но мало, что хочется и думается! Не всѣ желанія сбываются. А между тѣмъ... Крѣпко обнимаю васъ по-старому и цѣлую васъ отъ души.

250. Къ нему же.

Viareggio, іюнь 1877 г.

Скажите, Бога ради, что значитъ то, что отъ васъ ни слуха, ни духа. Вѣдь вы даже обѣщали пріѣхать, а между тѣмъ, ни сами не ѣдете, ни вѣсточки о себѣ не даете.

Между тѣмъ мы застряли здѣсь еще на нѣсколько дней, потому что неожиданно пріѣхала моя невѣстка, и познакомила насъ со своимъ мужемъ, котораго мы не знали до сихъ поръ.

На-дняхъ уѣхалъ къ вамъ въ Москву Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ. Я очень желаю, чтобы вы познакомились съ этимъ отличнымъ человѣкомъ поближе. Я увѣренъ, что вы другъ другу понравитесь. Объ этомъ я уже писалъ Елизаветѣ Григорьевнѣ, но повторяю это еще разъ потому, что передъ отъѣздомъ онъ сказалъ, что будетъ у васъ въ Москвѣ; между тѣмъ очень можетъ быть, что онъ и не застанетъ васъ, такъ какъ вы навѣрное теперь въ постоянныхъ разъѣздахъ, а это будетъ мнѣ крѣпко жаль.

Ѣдемъ въ воскресенье, но куда именно, право, хорошенько не знаемъ еще, потому что стали совѣщаться съ однимъ докторомъ, и

по его совѣту пригласили другого, а, конечно, гдѣ два доктора, тамъ три разныхъ мнѣнія. Ну, теперь остается всѣхъ слушать, или же никого не слушаться; а я навѣрное поступлю такъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ дѣлаю, т.-е. у всѣхъ спрошу, а сдѣлаю—по своему, и по всей вѣроятности поѣду въ Киссингенъ. Во всякомъ случаѣ это надо рѣшить сегодня или завтра.

Ну, дорогой другъ! Теперь у васъ да и у всѣхъ болѣе интересная новость вертится на языкѣ: „Миръ, миръ, миръ!“ Что-то теперь у насъ будетъ! Дай Богъ всего хорошаго, будемъ надѣяться, что вездѣ будетъ миръ, спокойствіе и довольство другъ другомъ. Но знаете, какое странное чувство я испытываю за всѣхъ? Будто всѣ встрѣчаютъ извѣстіе о мирѣ, точно изнуренный больной новое лѣкарство для выздоровленія: „Ахъ, это хорошо, очень хорошо, но я такъ усталъ, такъ изнуренъ, такъ часто принималъ подобныя лѣкарства, что теперь мнѣ все уже безразлично“.

Дай Богъ, чтобы у насъ этой дряхлости не было слышно нигдѣ, а особенно въ Россіи. Дай Богъ, чтобы она наконецъ образумилась и создала для своего внутренняго блага все то, чего еще такъ мало у насъ создано. Хотя мы съ гордостью можемъ сказать, что идемъ къ цивилизаціи быстрыми шагами, но не надо убаюкивать себя этимъ. Мы во многомъ стоимъ еще далеко позади Европы. У насъ есть способность догонять другихъ, и дай Богъ, чтобы все шло къ этому безъ внутреннихъ тормозовъ.

Ну, на эту тему можно много говорить и сто разъ повторить то, что каждому изъ насъ извѣстно. А именно оттого я и останавливаюсь, чтобы пожелать и вамъ полнаго довольства и счастливаго окончанія вашего предпріятія, а себѣ желаю поскорѣе услышать про это.

251. Къ нему же.

Viarreggio, albergo Russia (Toscana), 4 (16) іюня 1877 г.

Не сердитесь за мое долгое молчаніе. Я даже очень радъ этому, и очень жалѣю, что безпокоилъ моими письмами добрую Елизавету Григорьевну, которая и безъ того навѣрное очень растревожена. Представляю себѣ, въ какомъ настроеніи она теперь. Для ея молчаливой, но чуткой души, должно быть ужасно перенести одинъ ударъ и готовиться къ другому, еще болѣе чувствительному, именно въ то время, когда и безъ того сердце волнуется среди кровавыхъ волнъ.

Ну, скажите, Бога ради, имѣлъ-ли я право писать ей и жаловаться на свою судьбу? Боже мой, какой я маленькій въ сравненіи съ тѣми, кто теперь въ сто тысячъ разъ больше страдаютъ, чѣмъ я, и въ сто тысячъ разъ энергичнѣе молчать, чѣмъ я.

Я очень радъ, что теперь не имѣю что писать о себѣ. Нѣтъ у меня ничего, ни хорошихъ, ни дурныхъ новостей. Послѣ продолжительной ванны, которой судьба угостила меня, я какъ-то заснулъ крѣпкимъ сномъ; спитъ мой умъ, спитъ мое чувство, сплю и я богатырскимъ сномъ.

Я какъ-то отупѣлъ, одурѣлъ, день за днемъ идетъ себѣ безъ пользы и безъ цѣли: утромъ встаю, пью кофе, потомъ гуляю, потомъ слегка читаю и зѣваю, потомъ обѣдаю, послѣ обѣда тоже ничего не дѣлаю, и наконецъ засыпаю со свистомъ и храпомъ. Ну, скажите Бога ради, не скотина-ли я? За то я и здравствую, какъ скотина. Если-же правда, что по-звѣрски жить, значитъ по-звѣрски и здравствовать, то въ pendant къ этому есть другое древнее изреченіе, что „человѣкъ сознаніемъ узнаетъ страданіе"; въ такомъ случаѣ я предоставляю мудрецамъ разрѣшить, что лучше. Я-же теперь отъ этого отстраняюсь и иду дальше со своей бесѣдой.

У насъ въ домѣ, повидимому, все уладилось; правда съ судьбой я еще не сдѣлалъ мирнаго договора; очень можетъ быть, что она опять угоститъ меня холодной ванной. Въ такомъ случаѣ я и теперь буду придерживаться своего стараго изреченія: „надѣйся на все лучшее, готовься ко всему худшему". Что дѣлать? Битой собакѣ палки не показывай.

Я нарочно умалчиваю и не говорю о томъ, что такъ всѣхъ волнуетъ; но если что-нибудь способно еще безпокоить мой тупой сонъ, то это Карсъ и вообще весь холодъ на Востокѣ. И вотъ, именно оттого-то я и не хочу говорить объ этомъ. Да что и могу я сказать? Вѣдь нашъ разговоръ тутъ короткій. Можно, напримѣръ, спросить: „Читали-ли вы газеты?" На этотъ вопросъ, конечно, послѣдуетъ удовлетворительный отвѣтъ, значитъ оба мы знаемъ однѣ и тѣ же новости. Послѣ такого разговора слѣдуетъ какое-то вовсе нежелательное молчаніе, и все-таки молчишь, потому что въ душѣ мы оба, каждый по-своему, думаемъ одно и то-же, а именно: какія-то новости принесетъ намъ завтрашній день? И вотъ, ждемъ, молчимъ, а сердце бьется—и не спишь. Правда, есть и такіе смѣльчаки, которые пускаютъ во весь ходъ свои фантазіи. Но этого, я думаю, мы оба не одобряемъ...

И такъ, пускай бьютъ въ барабаны, пускай играетъ торжественная музыка, чтобы заглушить стрѣльбу и біеніе тысячи сердецъ.

Посылаю вамъ фотографію со статуи графа Панина. Пожалуйста, напишите, остался-ли онъ тѣмъ-же спиритуалистомъ съ гнилымъ носомъ, какъ и прежде? Съ той-же фотографіей я посылаю еще и другую—съ головы „Христа". Это отрывокъ изъ того внутренняго настроенія, которое я ношу въ себѣ уже давно. Эту голову я считаю одной изъ своихъ задушевнѣйшихъ работъ.

Напишите, пожалуйста, какъ она понравится вамъ, особенно въ связи съ предыдущими работами, которыя я сдѣлалъ нынѣшней зимой? Навѣрное, Елизавета Григорьевна передала вамъ содержаніе этихъ работъ.

252. Къ В. В. Стасову.

Viareggio, получено 4 іюля 1877 г.

Не браните меня, дорогой дядя, за мое долгое молчаніе. Въ этомъ я виноватъ передъ вами, но все-таки не совсѣмъ. Послѣдніе

два мѣсяца я выдержалъ много внѣшнихъ и внутреннихъ толчковъ, отъ которыхъ кряхтѣлъ и охалъ. Было не хорошо, скверно и даже отвратительно, и я жаловался, бѣсился, а все-таки ничего не могъ сдѣлать. Что я могъ тогда сказать вамъ? Зачѣмъ такъ часто надоѣдать добрымъ друзьямъ своей дорогой персоной? Вѣдь я и безъ того не говорю ни о чемъ другомъ, какъ только о своемъ дорогомъ „я"! Охъ, какъ это надоѣло мнѣ! Представляю себѣ, каково другимъ!

Я очень радъ, что до сихъ поръ не писалъ вамъ, по крайней мѣрѣ хоть на этотъ разъ избавилъ васъ отъ слушанія скучнаго концерта—„Плачъ Іериміинъ".

Теперь-же, слава Богу, кажется, у насъ все уладилось. Но послѣ всего этого я впалъ въ какой-то летаргическій сонъ; спитъ мое чувство, спитъ мой умъ, сплю и я крѣпкимъ сномъ, точно послѣ долгихъ и тяжелыхъ трудовъ. Ничего не хочется видѣть, ничего не читаю, а когда читаю, то все-таки ничего не понимаю. Впрочемъ я не жалуюсь на это: по моему, животная жизнь—это здоровая жизнь, а по-животному жить для меня теперь необходимо, по крайней мѣрѣ это дастъ мнѣ возможность выдержать еще нѣсколько житейскихъ аттакъ. А боевой человѣкъ безъ аттакъ не живетъ!

Хотѣлъ было я разсказать вамъ про свое житье-бытье, но нѣтъ, сто разъ нѣтъ, не стоитъ, тѣмъ болѣе, что все это прошло, да и мнѣ самому теперь кажется, что все это была мелочь, только сгущенная мелочь. Скажу только, что финаломъ всему этому было то, что бѣдная Елена родила на концѣ пятаго мѣсяца, и благодаря этому была сильно больна. Что касается меня, то я ничего, остался тѣмъ же. Вѣдь для меня ровно ничего: одной каплей жить больше или меньше. Я даже думаю, что разбавка желчи для меня необходима: безъ этого я никуда не годенъ.

Очень давно я хотѣлъ писать вамъ довольно подробно объ итальянской художественной выставкѣ въ Неаполѣ, и особенно о неаполитанскихъ скульпторахъ. Послѣдніе очень интересуютъ меня—они затѣваютъ что-то новое. Когда вы спрашивали меня о нихъ, то я сказалъ: за одно—я бы одну щеку поцѣловалъ, но за другое—я бы другую щеку побилъ. Я даже хотѣлъ писать цѣлую статью, но вотъ житейская буря нахлынула и все унесла, а теперь, какъ я уже разъ сказалъ, я ни къ чему не способенъ. Скажу только, что въ Неаполѣ есть нѣкоторые очень талантливые и оригинальные художники, только: во-первыхъ, они—дѣти еще, и во-вторыхъ, по-моему искусство должно быть основано на правдѣ, но не быть голой правдой. А у нихъ, кромѣ этого, голая правда является въ отвратительныхъ формахъ, въ формахъ „лацзароновъ". Но, повторяю, между ними есть очень оригинальные и талантливые люди. Всѣ эти художники, оказывается, у меня были по нѣскольку разъ, я думаю, это оттого, что Морелли очень агитируетъ въ мою пользу. Всѣ они отзываются о моихъ работахъ съ энтузіазмомъ. Они еще страдаютъ тѣмъ, что являются въ скульптурѣ импрессіонистами. Если въ живописи въ извѣстныхъ мо-

ментахъ это имѣетъ значеніе, то въ скульптурѣ держаться не можетъ, тѣмъ болѣе, когда рѣчь идетъ о недвижущихся фигурахъ. Объ этомъ нужно много говорить, но я знаю, что выражаюсь неясно, такъ что подобный разговоръ оставимъ до другого раза.

Я кончилъ статую „графа Панина“ довольно удачно. Также началъ мою собственную работу, т.-е. то, что душа диктовала. Эта работа должна состоять, собственно говоря, изъ трехъ работъ, изъ которыхъ каждая будетъ сама по себѣ, но вмѣстѣ это достигнетъ своей цѣли, а цѣль та, что этимъ кончается все мое душевное желаніе сказать, что только я имѣлъ сказать христіанамъ, которые вовсе не христіане.

Работа эта состоитъ изъ трехъ горельефовъ: первый—это голова „Христа на распятіи“, съ подписью: „Прости имъ, они не вѣдаютъ, что творятъ“. Въ панданъ къ этой головѣ будетъ голова Мефистофеля, съ надписью: „Людъ мой, ненависть я пою тебѣ“. А въ серединѣ будетъ большой горельефъ: это окно, откуда смотритъ французская королева Екатерина Медичи со своимъ сыномъ Карломъ на уличную рѣзню въ Варѳоломеевскую ночь. Я не стану описывать выраженія ихъ лицъ: по моему, тутъ будетъ надъ чѣмъ поработать, но скажу только, что это, по моему, есть узелъ драмы. Кругомъ будетъ подпись: „во имя Христа противъ Христа“. Все это будетъ освѣщено луннымъ свѣтомъ, въ родѣ того, какъ я сдѣлалъ въ эскизѣ „Нападеніе Инквизиціи“. Ну, этимъ, кажется, я заканчиваю мою теперешнюю работу.

Затѣмъ есть у меня цѣлый рядъ маленькихъ реальныхъ работъ, которыя я хочу непремѣнно произвести. Между ними только двѣ комическаго содержанія: это, какъ іезуитъ гонится за шляпой, вторая—швейцаръ въ важномъ костюмѣ зѣваетъ отъ скуки.

Далѣе есть у меня: „Леди Макбетъ“, „Король Лиръ“, потомъ есть что-то, что очень дорого мнѣ: это—красивая и молодая монахиня сидитъ на скамейкѣ въ углу, гдѣ-нибудь въ саду, совершенно изнуренная, измученная; талія ея слегка обличаетъ, что она преступница; душевное выраженіе ея тутъ должно быть сильное. Ну, и объ этомъ довольно.

Но есть еще у меня вещь, о которой я поговорю въ другой разъ, а пока будетъ съ меня.

Право, я не ждалъ, чтобы удалось мнѣ столько настрочить, потому что кромѣ дѣловыхъ писемъ я не пишу теперь ничего, да и тѣ съ трудомъ—этого никогда не бывало со мною прежде.

Черезъ десять дней я ѣду въ Эмсъ, потомъ, можетъ быть, поѣду въ Швальбахъ.

Я забылъ сказать, что голова „Христа“ уже сдѣлана и даже фотографія снята, также и со статуи „Панина“. Хочу послать вамъ, только какъ на грѣхъ фотографія со статуи вышла черезчуръ большая, и оттого приходится посылать ее не иначе, какъ по желѣзной дорогѣ, что хлопотливо, да при томъ же и дорого стоитъ. Авось найду въ Эмсѣ, черезъ кого послать.

Фотографію Вольтера [1]) я получилъ, только мой человѣкъ изъ студіи (это настоящее „Солнце") разорвалъ ихъ при распаковкѣ. Статью о Фальконетѣ я никогда не получалъ [2]).

Не помню, писалъ-ли я вамъ, что сдалъ студію въ Римѣ; такимъ образомъ, отступленіе обратно въ Римъ почти невозможно.

Скажите, Бога ради, будетъ-ли русское искусство на парижской всемірной выставкѣ? Если всѣхъ такъ интересуетъ война, какъ насъ здѣсь, то, думаю, что нечего и думать о выставкѣ. Что касается до меня, то, право, мнѣ все равно—будетъ-ли моя работа на всемірной выставкѣ, или нѣтъ: во-первыхъ, потому, что я хочу сдѣлать отдѣльную выставку моихъ работъ, и во-вторыхъ, я хочу, чтобы и послѣдніе три барельефа были, разомъ съ остальными работами, выставлены—это будетъ заключеніе моего душевнаго протеста.

Въ Академію Художествъ я не писалъ еще отвѣта на бумагу, которую получилъ насчетъ выставки. Думаю, что не поздно еще; если же времени мало, то прошу васъ передать имъ, что у меня есть довольно много новыхъ работъ: „Сократъ" и „Христосъ" изъ мрамора, портретная статуя графа Панина изъ бронзы, голова „Петра" изъ мрамора, два бюста съ натуры: одинъ изъ мрамора, а другой изъ бронзы, потомъ портретъ-барельефъ изъ мрамора, и, наконецъ, три барельефа изъ бронзы. Такимъ образомъ, всѣхъ вмѣстѣ будетъ 10 произведеній, которыхъ рознить я не желаю, и для которыхъ прошу хорошее освѣщеніе: верхній и боковой свѣтъ. Только подъ этимъ условіемъ я могу послать ихъ.

Я терпѣлъ 5 лѣтъ, и нигдѣ не выставлялъ; могу терпѣть и еще годикъ, но за то, когда рѣшусь явиться передъ публикой, то хочу, чтобы работы мои были хорошо освѣщены. Кажется, на будущей парижской выставкѣ будутъ выставляться всѣ художественныя произведенія, сдѣланныя въ послѣднія десять лѣтъ—въ такомъ случаѣ хорошо было-бы также послать и „Ивана Грознаго", такъ какъ я не считаю, что онъ былъ уже на всемірной выставкѣ.

Я долженъ сказать вамъ по секрету, что я бы желалъ сдѣлать выставку изъ моихъ работъ и чтобы сборъ съ нея былъ въ пользу сиротъ, оставшихся послѣ теперешней войны. Конечно, это очень много будетъ зависѣть отъ моего собственнаго кармана.

А главное, что я и забылъ сказать! Какъ я былъ опечаленъ, когда прочиталъ, что Верещагинъ раненъ, а еще болѣе было досадно, до боли, когда въ итальянскихъ газетахъ было напечатано, что онъ умеръ. Но скоро я прочиталъ въ „Голосѣ" все подробно, и оказывается, что рана у него не опасная, и доктора увѣряютъ, что черезъ

---

[1]) Здѣсь говорится о фотографіи съ бронзовой макетки «Вольтеръ», сдѣланной Гудономъ (раньше большой статуи) для Екатерины II, и принадлежавшей въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XIX-го столѣтія—графу Андрею Шувалову. В. В. Стасовъ распорядился снять эти фотографіи и послалъ ихъ Антокольскому.

[2]) Статья В. В. Стасова: «Два французскихъ скульптора и одна скульпторша», напечатанная въ «Древней и Новой Россіи», 1877, № 4.

нѣсколько недѣль онъ будетъ здоровъ. (Дай Богъ поскорѣе!). Вотъ это-то послѣднее извѣстіе очень обрадовало меня, а то была-бы чувствительная потеря для русскихъ вообще.

Скажите Бога ради, гдѣ теперь Илья Рѣпинъ? Я слышалъ, что онъ былъ въ Москвѣ, только не былъ у Мамонтовыхъ. Это онъ не хорошо сдѣлалъ—люди они очень хорошіе, и навѣрное всѣмъ имъ взаимно было бы хорошо. Какъ поживаетъ Крамской? Вотъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ изъ Парижа, я о немъ ничего не знаю. Передайте имъ обоимъ одинаковый дружескій и задушевный поклонъ отъ меня. Какъ поживаетъ нашъ Илья Гинцбургъ? Гдѣ онъ теперь? Кончилъ-ли онъ экзамены, и что думаетъ теперь начать? Когда увидите его, передайте ему, что я прошу его обо всемъ написать мнѣ подробно.

Скажите пожалуйста, какъ подвигается г-жа Собко?

Ну, наговорилъ же я вамъ съ три короба, довольно! Пишите же вы, вѣдь и вы такой же, какъ я.

Такъ, пожалуй, можно и быть недовольнымъ другъ другомъ.

253. Къ И. Н. Крамскому.

Киссингенъ, лѣто, 1877 г.

Буду молчать обо всемъ, о чемъ такъ давно желаю бесѣдовать съ вами, и на этотъ разъ пишу къ вамъ просьбу. Конечно, я вполнѣ увѣренъ, что вы мнѣ не откажете.

Пожалуйста, обратите вниманіе на молодого художника г. Хананова, онъ же и податель этого письма. Я его не знаю, но знаю человѣка (очень хорошаго), который интересуется судьбою этого художника.

Г. Ханановъ достигъ того возраста въ искусствѣ, когда серьезный совѣтъ можетъ рѣшить его будущность. Пожалуйста, посмотрите его работы, и дѣйствительно-ли ему пора ѣхать за-границу, чего онъ такъ желаетъ. По разсказамъ другихъ, я думаю, что ему еще рано ѣхать, но, не видѣвши работъ, очень трудно судить. Прошу еще разъ, сдѣлайте это для меня и посовѣтуйте ему, какъ вы находите лучше.

Про все, что хотѣлось мнѣ сказать, что душу такъ волнуетъ, не буду теперь говорить; для этого надобно время и спокойствіе: къ сожалѣнію, у меня до сихъ поръ не было ни того, ни другого. Скажу только, что нынѣшней зимой я очень много хворалъ и очень много работалъ. Когда я обратно пріѣду домой, то пошлю вамъ фотографіи съ моихъ новыхъ работъ, конечно съ предлиннымъ письмомъ.

Римъ я окончательно оставляю и ѣду въ Парижъ.

Я теперь въ Kissingen, гдѣ пью воды и беру ванны. Кажется, это помогаетъ мнѣ.

Адресъ мой: Viarreggio (Toscana), Albergo di Russia. Когда вздумаете, дайте о себѣ знать. Впрочемъ, мы остаемся тамъ до 15-го октября, потомъ ѣдемъ въ Парижъ.

254. Къ В. В. Стасову.

Kissingen, получено 19 августа 1877 г.

Пишу только нѣсколько словъ, да и то для того, чтобы извѣстить васъ, гдѣ я нахожусь, и чтобы вы не сердились на меня, что я не отвѣчаю на ваше письмо, которое я давно здѣсь получилъ изъ Эмса.

Я началъ писать вамъ очень длинное письмо, но здѣсь ничего невозможно дѣлать, просто лѣнь. И такъ какъ я состою на положеніи паціента, то даже поощряю эту лѣнь.

Скажу только: во-первыхъ, какъ будетъ возможность, я докончу это длинное письмо, и буду писать обо всемъ подробно, какъ вы сами желаете; во-вторыхъ, отсюда я ѣду еще виноградомъ лѣчиться, по всей вѣроятности въ Montreux, это около Vevey. Я отливаю теперь статую „графа Панина“ и „Христа“ изъ бронзы. Самъ-же рѣшилъ ѣхать въ Парижъ, а не въ Россію, гдѣ будетъ мнѣ нечего дѣлать, въ особенности негдѣ.

Какъ вы видите, дорогой дядя, я не дремлю, работаю, реставрирую себя, и думаю еще начать работать не шутя.

Конечно, первой работой моей будетъ „Варѳоломеевская ночь“. Насчетъ этого будьте покойны, вѣдь мнѣ стоитъ только начать, а начатаго я до сихъ поръ еще никогда не бросалъ. Голову „Христа“, сдѣланную мною, я не считаю началомъ. Я долженъ сказать вамъ, что вначалѣ я хотѣлъ-было создать новый типъ „Христа“, но, подумавъ, рѣшилъ сдѣлать именно христіанскій, а не другой типъ, потому-что идея моя противъ католицизма. У этого „Христа“ я искалъ глубины выраженія, но не новизны.

Здѣсь я остаюсь еще 11 дней. Потомъ навѣрное сообщу, гдѣ буду. Пишите, Бога ради, если есть время: здѣсь мнѣ скучно, даже очень скучно, и однако же ничѣмъ не могу заниматься.

255. Къ С. И. Мамонтову.

Киссингенъ, 23 сентября 1877 г.

Хотѣлъ я было упрекать васъ за ваше долгое молчаніе, но не хочу дѣлать этого потому, что и самъ тоже заслуживаю подобнаго же упрека. Если стану оправдывать себя тѣмъ, что молчаніе мое было не безъ причины, то навѣрное то же самое было и у васъ. Мнѣ остается только убѣдительно просить васъ, напишите намъ хоть нѣсколько строкъ. Вѣдь вотъ почти полгода прошло, какъ мы не имѣемъ отъ васъ ни строки. Главное насъ очень удивляетъ, что отъ доброй Елизаветы Григорьевны тоже ни слова. Что тамъ у васъ? Чуется, что что-то не ладно. Дай Богъ, чтобы я въ этомъ ошибся, дай Богъ, чтобы причиной этого было паденіе моего курса.

Мнѣ кажется, курсъ мой сильно упалъ, хотя я у самого себя не только не упалъ, но даже поднялся. Повторяю, дай Богъ, чтобы причиной вашего молчанія было только это, и ничего больше.

Кромѣ всего этого, и здѣсь тоже хорошо чувствуется дурное время, которое каждый теперь переживаетъ. Буря ворочаетъ житейскій корабль, и при каждомъ движеніи корабля вся внутренность передвигается съ болью. Вы же стоите, такъ сказать, среди волнующагося моря. Вокругъ васъ раздаются глухіе стоны, отчаянные крики. Выраженіе лицъ полно отчаянія и отваги. Люди готовы жертвовать всѣмъ и всѣми.

Все это хорошо чувствуется и здѣсь; и здѣсь тоже сердце бьется такъ скоро, какъ подъ ружейными выстрѣлами на полѣ битвы, но здѣсь тяжелѣе тѣмъ, что вокругъ видишь только равнодушныя лица, а среди нихъ немало такихъ, которыя совершенно противорѣчатъ нашему настроенію.

Когда мнѣ жутко, имъ весело, здѣсь, хотя во сто разъ меньше чѣмъ гдѣ-либо, но все-таки немало туркофиловъ, которые носятъ мѣдное распятье на мѣдной груди. А знаете, что говорили еврейскіе большіе мудрецы: „Для общей бѣды находишь половину утѣшенія“ [1]).

Но страшная бѣда еще не на полѣ битвы. Мы затопимъ турокъ въ русской крови, благо крови въ Россіи достаточно, и каждый охотно отдаетъ ее на пользу отечества. Бѣда въ насъ самихъ: наше теперешнее сознаніе, что у насъ не было и нѣтъ знанія, гнететъ до боли нашу душу.

Россія великодушна, добра, не жалѣетъ своей крови для пользы человѣчества, но Россія слишкомъ великодушна, слишкомъ добра, слишкомъ увлекается, и это губитъ насъ. Это дѣлаетъ ей честь, но никакъ не пользу.

Помните-ли, я всегда проповѣдую, что одно чувство безъ разума столько же нехорошо, какъ голый разумъ безъ чувства.

Безъ сомнѣнія, славянофилы скажутъ (а кто теперь не славянофилъ?), что теперешняя война самая популярная, самая правдивая, самая нравственная въ принципѣ, что это не война, а крестовый походъ ради человѣческаго спасенія, что этого похода самъ народъ желалъ.

Совершенная правда,—отвѣчу я,—но зачѣмъ же вы, передовые люди, подстрекали народъ, зачѣмъ обманывали его! Зачѣмъ вы увѣряли его, что мы шапками закидаемъ своего врага, и одного русскаго совершенно достаточно противъ десяти турокъ? Зачѣмъ вы повели русскій довѣрчивый народъ на бой, не узнавши и не изучивши раньше своего врага? И, наконецъ, зачѣмъ вы стремитесь осуществлять великія идеи раньше, чѣмъ исполните самыя маленькія, самыя простыя, тѣ, которыя кишатъ вокругъ васъ каждый день?

Но довольно объ этомъ, не теперь время упрекать.

Теперь у насъ должно быть одно главнымъ: силой единодушной энергіи выйти во что бы то ни стало съ честью изъ теперешняго положенія.

Не могу всего высказать, потому что много всего накипѣло у меня на душѣ. Теперь у меня одно задушевное желаніе: или быть въ огнѣ среди всѣхъ, или же повторять слова Микель-Анджело: „Сладко

---

[1]) или скорѣе: „въ общей бѣдѣ находишь половину утѣшенія“.

спать, а еще слаще окаменѣть, тогда ничего не слышишь, ничего не видишь".

Чтобы больше не говорить объ этомъ, буду говорить о чемъ-нибудь другомъ.

Знаете, что набожные люди дѣлаютъ, когда у нихъ горе накопляется? Зажгутъ свѣчу, помолятся Господу Богу, поплачутъ, поплачутъ, и имъ точно легче становится. Я же, конечно, дѣлать этого не могу, но зато въ такія минуты вхожу въ свой творческій міръ, и тамъ изливаю все, что есть на душѣ. И право, тогда будто легче становится.

Можетъ быть отъ этого, а можетъ быть отъ того, что черезчуръ долго я былъ занятъ своей дражайшей персоной, все время отдыхалъ, жилъ, какъ звѣрь и реставрировалъ себя,—да и теперь ѣду кончать эту реставрацію, т.-е. ѣду въ Montreux на виноградъ; но какъ бы то ни было, теперь я чувствую, что сталъ страстно нетерпѣливъ, хочу начать работать, работать и работать; вообще я опять пробудился.

Я не ѣду въ Россію: тамъ, во-первыхъ, негдѣ работать, а во вторыхъ, нѣтъ надежды сбыть какъ-нибудь работу, хоть для одного желудка; въ Россіи у меня теперь на одно лишь надежда—на простуду, или-же, навѣрное, на порчу крови.

Въ Парижѣ, лишь только пріѣду, приступаю къ работѣ.

Но главное, тутъ не эгоистическая цѣль. Гораздо важнѣе для меня выполнить эту художественную задачу, которую я давно начертилъ себѣ, и отъ которой я не отступилъ вотъ въ теченіе 5-ти лѣтъ.

Вы хорошо знаете мое положеніе, знаете, что все время я, такъ сказать, лавировалъ между разсудкомъ и желудкомъ. У меня было достаточно терпѣнія, чтобы работать и ждать, мелкое художественное самолюбіе запряталъ я далеко, чтобы никто не могъ до него добраться. И оттого я, въ теченіе всего этого времени, нигдѣ ничего не выставлялъ.

И вотъ, когда осуществленіе моего желанія подходитъ къ концу, когда остается мнѣ сдѣлать послѣдній шагъ, тогда нечего идти назадъ, потому только, что я встрѣтилъ на дорогѣ неожиданное препятствіе. А что въ нынѣшнемъ году у меня больше препятствій, чѣмъ когда либо—это вѣрно; но что я ихъ перешагну, въ это я тоже вѣрю внутри себя.

Нынѣшній годъ для меня вообще неожиданный. Не ожидалъ я, что жена захвораетъ, изъ-за чего и до сихъ поръ приходится коптѣть въ гостиницѣ. Не ожидалъ я, что самому мнѣ придется столько времени реставрировать себя. Наконецъ, не ожидалъ я, что война вспыхнетъ, а еще болѣе не ждалъ я, что она будетъ такъ продолжительна. Ну, конечно, благодаря этому, дѣло идетъ круто, а за заказы, которые я сдѣлалъ въ расчетѣ на русскія деньги, теперь мнѣ приходится получать половину, благодаря скверному курсу.

Однако ничего. Скверно, но я не иду назадъ, тѣмъ болѣе, что девизъ мой: „дойду, или упаду". Я надѣюсь, что дойду, и скоро.

Надѣюсь, что скоро мы встрѣтимся съ бокалами въ рукахъ

(помните наше условіе?). Напишите, пожалуйста, когда именно вы доканчиваете Донецкую дорогу? Что касается меня, то мнѣ остается еще сдѣлать барельефъ изъ „Варѳоломеевской ночи“, и тогда мнѣ можно будетъ выступить передъ Европой. И такъ, можно сказать: „до скораго свиданья“! Неужто вы не пріѣдете въ Парижъ весной?

Вотъ вкратцѣ реестръ моихъ работъ, которыя должны быть выставлены: „Христосъ“, „Сократъ“, голова „Петра“, бюстъ Стасова, барельефъ „Безвозвратная потеря“—все это изъ мрамора; потомъ голова „Христа на Распятіи“, статуя графа Панина, бюстъ Боткина — все это изъ бронзы. Кромѣ этого, нынѣшней зимой я долженъ сдѣлать горельефъ изъ „Варѳоломеевской ночи“, который будетъ изъ бронзы. Между прочимъ, я долженъ прибавить, что голова „Христа на Распятіи“ уже отлита изъ бронзы, и очень удачно. Главное то, что статую „Христа“ отливаютъ изъ бронзы. Это очень радуетъ меня. Но что печалитъ меня, это то, что я отдалъ отливать статую Панина.

Очень боюсь, что онъ много потеряетъ, между тѣмъ, какъ раньше, мнѣ, напротивъ, казалось, что онъ долженъ много отъ этого выиграть. Этого промаха я простить себѣ не могу.

Впрочемъ, можетъ быть, что чортъ не такъ страшенъ, какъ его себѣ представляешь.

Очень можетъ быть, что первая работа моя въ Парижѣ будетъ бюстъ Тургенева.

Я крѣпко жалѣю, что „Петръ I“ такъ безвозвратно пропадаетъ.

Недавно я получилъ письмо отъ заводчика въ Петербургѣ [1]), который проситъ меня, чтобы я убралъ эту статую, иначе онъ не ручается за ея цѣльность, такъ какъ мѣсто, которое она занимаетъ, теперь нужно ему. Я, конечно, ничего не отвѣчалъ; да и что же я могъ отвѣчать? Между тѣмъ, здѣсь всѣ въ восторгѣ отъ одной ея фотографіи. Но что дѣлать? Ничего не подѣлаешь!

Я долженъ писать вамъ о дѣлѣ, и, собственно говоря, съ этого слѣдовало-бы мнѣ и начать. Но такъ, какъ я, поступаютъ всѣ лѣнтяи: самое трудное оставляютъ на конецъ.

Я обѣщалъ вамъ уплатить свой долгъ, лишь только получу деньги отъ Мещерской. Я ихъ получилъ, и даже въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ ожидалъ, но время съѣло у меня много. Но это ничего. Прошу васъ убѣдительно сказать мнѣ прямо, можете-ли вы подождать, пока я вывернусь изъ этого омута. Конечно, я буду вамъ больше чѣмъ благодаренъ, потому что это облегчитъ меня во многомъ. Главное, мнѣ не придется ѣхать въ Россію, чтобы заложить тамъ нашъ домъ. Но если деньги теперь нужны вамъ, то я, конечно, не замедлю исполнить это. Пожалуйста, дайте мнѣ скорый отвѣтъ.

Вы ничего не говорите, получили-ли вы отъ С. М. Третьякова 1000 руб.

Я слышалъ, что онъ дуется на меня за то, что ему пришлось запла-

---

[1]) Никольсъ и Плинке, собственники очень извѣстнаго тогда въ Петербургѣ „Англійскаго магазина“, также литейной мастерской.

тить дорого за провозъ Ивана Грознаго. Но чѣмъ-же я тутъ виноватъ?

Я также не знаю, получили-ли вы бюстъ Гартмана изъ мрамора. Какъ онъ сдѣланъ? Довольны-ли вы?

Теперь скажу вамъ нѣсколько словъ и о себѣ. Здоровье мое все такъ-же, какъ было раньше. По-моему, Киссингенъ мало пользы принесъ мнѣ. Говорятъ, что теперь нельзя еще ничего заключить, что результаты будутъ видны зимой. Но, пока, я пріѣхалъ сюда чуть живой, и лишь здѣсь опять ожилъ. Здѣсь я купаюсь, и это очень хорошо для меня. Но завтра-же ѣду въ Montreux, гдѣ пробуду не больше недѣлекъ двухъ. А тамъ въ Парижъ и за работу.

Елена все какъ-то не совсѣмъ здорова, хотя лицомъ поправилась: все не совсѣмъ нормально чувствуетъ себя, несмотря на то, что цѣлое лѣто мы прожили въ гостиницѣ, чтобы избавить ее отъ хлопотъ. Черезъ шесть дней и она тоже поѣдетъ въ Парижъ. Дочь наша славная—прелесть. Она очень радуетъ насъ. Ну, чего-же больше? Кажется ничего.

Матеріальное положеніе мое тоже недурно. Если нѣтъ пока наличныхъ денегъ, за то много работы готовой. И такъ, не сегодня, такъ завтра будетъ-же когда-нибудь сто тысячъ франковъ отъ тѣхъ работъ, которыя у меня уже сдѣланы.

Теперь остается мнѣ просить васъ, откликнитесь послѣ долгаго молчанія, пишите мнѣ обо всемъ, всемъ, что у васъ тамъ есть, а главное, какъ поживаетъ ваше семейство.

Елена дружески кланяется вамъ и Елизаветѣ Григорьевнѣ. Цѣлую васъ всѣхъ. Все тотъ-же старикъ, только теперь немного постарѣвшій, Маркъ, который не перестаетъ просить у васъ хоть нѣсколько строкъ Христа ради. Адресъ нашъ: Paris, place Clichy, № 91.

Прибавлю, что всѣ пророчатъ мнѣ много хорошаго въ Парижѣ. Но, по моему, не говори гопъ, пока не перескочишь.

256. Къ И. Н. Крамскому.

Place Clichy, 91, Paris. 8 (20) октября 1877 г.

Послѣ годичнаго молчанія я вновь бесѣдую съ вами, дорогой другъ И. Н. На этотъ разъ буду придерживаться пословицы: „Лучше поздно, чѣмъ никогда“. Прошу васъ сдѣлать то же самое, и только въ такомъ случаѣ буду надѣяться получить отъ васъ отвѣтъ—если не сейчасъ, то, по крайней мѣрѣ—когда-нибудь. Но мнѣ сказали, что вы сильно работаете теперь, и я очень рискую, что письмо попадетъ къ вамъ столько же не во-время, какъ мой пріѣздъ сюда, что, конечно, будетъ очень печально. Буду очень жалѣть, но все-таки не буду унывать; въ обоихъ случаяхъ я утѣшаюсь тѣмъ, что, вѣдь, хуже уже не будетъ. Вѣдь я пріѣхалъ сюда только потому, что „какъ ни кинь—все клинъ“. Что касается васъ, то, вѣдь, вотъ цѣлый годъ я ничего не получалъ отъ васъ, значитъ я привыкъ къ вашему молчанію, а надежда на полученіе вашего отвѣта—радуетъ меня.

Я долженъ сказать, что радуюсь, что все время не писалъ вамъ; радуюсь потому, что избавилъ васъ отъ того ощущенія, когда слушаешь знакомый мотивъ на разстроенномъ фортепіано—письма мои были бы на это похожи. Время не ласкало меня, а я все кряхтѣлъ, охалъ, кашлялъ, чихалъ, бѣсился, сердился... а бурное время гнуло меня направо и налѣво, точно тростникъ. Хорошо еще, что только гнуло, и не сломало!

О дѣятельности моей тоже нечего сказать. Правда, я много работалъ, но ничего не сдѣлалъ, хотя работалъ, какъ волъ, какъ никогда. Результатъ отъ этого былъ слѣдующій: карманъ слегка опухъ, голова опустѣла, а здоровье даже значительно пошатнулось. Но послѣ лѣтняго бездѣйствія, и, въ особенности, послѣ странствованія по минеральнымъ водамъ, дѣло приняло другой оборотъ, все уравновѣсилось по старому, т.-е. опухоль кармана исчезла, голова разумнѣе стала, а здоровье реставрировано. Значитъ, все по старому.

Когда мои дѣла начинаютъ скверно идти, я всегда становлюсь ярымъ консерваторомъ, жажду, чтобы все было по старому, а какъ только старое возвращается, я опять жажду новаго: въ такомъ состояніи я теперь и нахожусь.

Чтобы кончить мой „историческій очеркъ“ послѣдняго года, я долженъ прибавить, что прошлой зимой я окончилъ женскую фигуру для надгробнаго памятника, сдѣлалъ портретъ-статую гр. Панина, а въ награду за это я сдѣлалъ для себя голову „Христа“, умирающаго на крестѣ. Въ этой головѣ я ничего новаго не создалъ, по типу она чисто традиціонная, чисто христіанская. Я старался сдѣлать не новое, а только глубокое, тѣмъ болѣе, что по идеѣ она должна имѣть связь съ работой, которую начну здѣсь, и которая должна быть именно такая-же. Голова представлена послѣ долгихъ страданій, лицо измученное, искаженное; волосы, мокрые отъ продолжительнаго холоднаго пота, облѣпили лицо, зрачки закатились уже, вѣки крѣпко сомкнуты отъ страданій, которыя выражаются бровями слабо, чисто рефлективно, ротъ слабо раскрытъ, уста засохшія. И въ такомъ состояніи онъ въ послѣдній разъ поднялъ голову, и издалъ послѣдній вздохъ со словами: „Прости имъ, они не вѣдаютъ, что творятъ!“ Эти слова будутъ написаны.

Этотъ горельефъ я сдѣлалъ очень скоро, въ четыре сеанса, онъ отлитъ уже изъ бронзы очень удачно и находится здѣсь. Впрочемъ, я очень боюсь, что описалъ его сильнѣе, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности.

Теперь же хочу сдѣлать или, скорѣе говоря, выразить то, что такъ долго удерживалъ:

Представьте себѣ окно Лувра, въ ночь св. Варѳоломея. Оттуда смотрятъ виновники драмы, которая происходитъ передъ ихъ глазами. Тутъ стоятъ Карлъ IX, Екатерина Медичи и еще одинъ ихъ родственникъ. Для экспрессіи есть гдѣ развернуться, она должна быть сильна, и все вмѣстѣ должно быть, какъ было, т.-е. настоящее окно даже со стеклами и освѣщено луннымъ свѣтомъ. Но кромѣ этого,

представьте себѣ, наверху виднѣется голова Христа, умирающаго со словами: „Прости имъ, они не вѣдаютъ, что творятъ“, а внизу—якобы послѣдователи Христа, ярые фанатики, производятъ рѣзню „во имя Христа, противъ Христа“. (Такое названіе будетъ имѣть этотъ горельефъ. Впрочемъ, еще подумаю объ этомъ).

Этимъ-то я и заканчиваю міровое христіанское безобразіе.

Что вы скажете насчетъ этого новаго сюжета? Мнѣ кажется, что это должно быть довольно оригинально и сильно. Но, Боже мой, какъ мнѣ достанется отъ классиковъ за подобное трактованіе! Будетъ забавно.

Я принужденъ на время пріостановить письмо, потому что руки до того озябли, что я весь дрожу отъ холода. И такъ, продолженіе до слѣдующаго раза.

Немного погрѣвшись, я продолжаю писать.

Не въ отрадный часъ я пріѣхалъ сюда; время тяжелое, а для меня оно вдвое тяжелѣе. Курсъ русскихъ денегъ очень низокъ, а мой собственный курсъ совсѣмъ упалъ, и мнѣ кажется, что всѣ забыли обо мнѣ. Старыхъ друзей около меня нѣтъ, вдали-же они молчатъ, а новыхъ друзей, въ томъ положеніи, въ какомъ я теперь нахожусь, трудно и пріобрѣсти. Иногда я пробую стучаться въ сердце какого-нибудь стараго друга, но въ отвѣтъ ни единаго звука. Правда, есть еще у меня нѣкоторые знакомые, но они охотно являются только тогда, когда я произведу какой-нибудь трескучій фуроръ, когда попаду въ ряды извѣстныхъ. Тогда они выползаютъ, радушно обнимаютъ меня и съ чувствомъ произносятъ:—гдѣ-же вы пропадаете? Отчего васъ не видать? Приходится отыскивать васъ!

Пріѣхали мы сюда какъ въ лѣсъ. Хорошо еще, что нашли А. П. Боголюбова: онъ человѣкъ съ очень теплой душою. Придется блуждать и искать самому, но это не бѣда, а напротивъ: учишься самостоятельности. Взялъ я ту большую мастерскую, которую вы рекомендовали мнѣ, Rue Bayen, 31, за 2500 франковъ въ годъ, но она будетъ свободна только съ новаго года, а пока я нашелъ недурную мастерскую на 3 мѣсяца. Вообще, въ нынѣшнемъ году мастерскія есть. Теперь-же остается только работать; но это не бѣда, а напротивъ, это единственное счастье. Главная бѣда въ томъ, что мнѣ придется еще ѣхать въ Римъ, гдѣ оканчивается „Сократъ“, ѣхать во Флоренцію, гдѣ отливается статуя „Христа“ и статуя „гр. Панина“. Все это надо будетъ привезти сюда и выставить, — но гдѣ? Самъ еще хорошенько не знаю. Конечно, русскій отдѣлъ дастъ мнѣ порядочное мѣсто, если онъ не сыграетъ со мною того, что сыгралъ со мною на Вѣнской выставкѣ, и, наконецъ, если онъ не будетъ дробить мои работы: тогда, конечно, мнѣ нечего лучше и желать; въ противномъ случаѣ, я ни за что не желаю тамъ выставлять. Придется сдѣлать отдѣльную выставку, но вѣдь это не такъ легко. Хуже всего то, что карманы мои находятся въ чахоточномъ состояніи. Однако я нисколько не унываю, и иду бодро смѣлыми шагами впередъ. Чѣмъ больше препятствій, тѣмъ у меня больше желанія преодолѣть ихъ. И такъ: дай Богъ только бѣды—деньги будутъ.

Я бы очень просилъ васъ помочь мнѣ въ одномъ дѣлѣ.

Именно: если можете, поговорите съ кѣмъ-нибудь изъ завѣдующихъ русскимъ отдѣломъ на будущей выставкѣ въ Парижѣ, чтобы я зналъ, будетъ-ли тамъ мѣсто для моихъ работъ, такъ какъ у меня будутъ 4 статуи, 3 барельфа и 4 бюста, и не могутъ-ли мнѣ указать мѣсто, гдѣ они будутъ поставлены. Я хорошо понимаю, что подобное порученіе трудно исполнить, но прошу васъ, сдѣлайте для меня, что возможно. Вы хорошо знаете, что я 5 лѣтъ готовился къ этому празднику, и если въ этомъ году я не съумѣю отпраздновать его какъ слѣдуетъ, то у меня хватитъ терпѣнія ждать еще, до болѣе благопріятнаго времени. А. П. Богомоловъ совѣтуетъ мнѣ выставить отдѣльно, но если помѣщеніе на всемірной выставкѣ будетъ, то мнѣ думается, будетъ лучше.

Буду вамъ еще писать, а теперь голова у меня набита всякой всячиной, надо устроиться еще. Но главное пишите.

257. Къ С. И. Мамонтову.

Парижъ, октябрь 1877 г.

На этотъ разъ приходится мнѣ безпокоить васъ такого рода просьбой, какихъ я всегда избѣгаю; и если я разъ позволилъ себѣ сдѣлать исключеніе, то и вы, надѣюсь, пощадите мое исключеніе, и исполните мою просьбу. По крайней мѣрѣ я этого прошу, если это возможно.

Податель этого письма молодой инженеръ, ищущій практики [1]). За него ручается мой самый вѣрный другъ, справедливый человѣкъ. Значить, и я могу ручаться за него во всѣхъ отношеніяхъ.

И такъ, если можете сдѣлать для него что-нибудь, то для меня сдѣлаете этимъ больше, чѣмъ что-нибудь.

Я, право, не знаю, когда именно вы получите это письмо, и оттого на всякій случай пожелаю вамъ всего хорошаго и, какъ всегда, крѣпко обниму васъ.

258. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 10 (22) октября 1877 г.

Мнѣ кажется, если-бы я замолчалъ навсегда, то никто изъ друзей моихъ и не сталъ-бы спрашивать, что со мною сталось. По крайней мѣрѣ теперь, чтобы получить извѣстіе отъ кого-нибудь, приходится писать, писать и писать. Конечно, этому я не удивляюсь: чтобы кто-нибудь интересовался мной, какъ человѣкомъ, на это я никогда не претендовалъ, Боже сохрани меня отъ этого! На это у меня еще осталось довольно здраваго смысла. А чтобы интересовались мною, какъ художникомъ, необходимо заинтересовывать всѣхъ моими произведеніями какъ можно чаще. Я-же этого не дѣлаю, а, напротивъ, упорно и продолжительно молчу, хотя настолько же упорно и настойчиво работаю. Но не

---

[1]) Кацъ.

выставляю моихъ работъ передъ публикой, не гонюсь за скорыми и легкими побѣдами, и заглушилъ въ себѣ мелкое авторское самолюбіе. Ну, конечно, за все это я получаю то, что долженъ получить: курсъ мой падаетъ очень сильно, меня начинаютъ забывать (это я хорошо почувствовалъ особенно здѣсь), и я мало-по-малу становлюсь одинокимъ среди огромнаго шумящаго лѣса. Не думайте, однако, что это огорчаетъ меня... нисколько! Вы, кажется, хорошо знаете меня, и знаете, что я терпѣть не могу, когда вѣтеръ гонитъ меня сзади, а люблю борьбу, люблю рѣзать вѣтеръ, какъ парусная лодка рѣжетъ волны: чѣмъ больше противъ меня всего, тѣмъ болѣе я противъ всѣхъ—это моя стихія, въ ней я живу, и нахожу пищу для искусства и для себя.

И такъ, пока, пускай будетъ, что есть, что быть должно. Я-же надѣюсь, что скоро придетъ время, когда я выступлю передъ свѣтомъ, и, надѣюсь, одержу побѣду моимъ терпѣніемъ, больше нежели шумомъ.

Изъ Киссингена я обѣщалъ писать много, но приходится припомнить старую пословицу: „Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“—я неожиданно захворалъ. Кризисъ минеральныхъ водъ былъ до того силенъ—я такъ страдалъ, что черезъ силу пріѣхалъ домой полуживымъ, полуразрушеннымъ. Долго пришлось мнѣ отдыхать, пока я наконецъ могъ уѣхать въ Montreux, чтобы подышать тамъ горнымъ воздухомъ и полѣчиться виноградомъ. Это лѣченіе положительно поставило меня на ноги, и теперь я чувствую себя отлично. Послѣ этого лѣченія, я съ семействомъ пріѣхалъ сюда, и вотъ уже 10 дней, какъ мы хлопочемъ, чтобы какъ-нибудь устроиться и мнѣ начать работать.

Въ трудную минуту мы пріѣхали сюда, и точно въ лѣсъ: изъ знакомыхъ у насъ здѣсь никого нѣтъ, а если кое-кто и есть, то интересуются нами столько-же, какъ прошлогоднимъ снѣгомъ. Спасибо доброму Боголюбову, только онъ одинъ принимаетъ во мнѣ участіе. Но, право, совѣстно его эксплоатировать такъ часто и ради всякой мелочи; поэтому приходится самому блуждать и отыскивать все, что необходимо.

Съ И. С. Тургеневымъ я только разъ видѣлся: видно, что онъ очень занятъ. У Гинцбурга я былъ два раза. Но странно, нѣкоторые знакомые стараются отыскивать въ моей физіономіи что-то особенное, а народъ, въ особенности лакеи, когда я прихожу спрашивать хозяина, непремѣнно думаютъ, что я пришелъ снять мѣрку на пальто, или на сапоги. И оттого доступъ къ хозяину, особенно въ первый разъ, мнѣ не легко дался; во второй разъ я оставилъ записку и просилъ назначить время, когда могу придти, но и на это отвѣта не послѣдовало. Такимъ образомъ, я до сихъ поръ не видалъ Тургенева.

Мастерскую я нашелъ очень хорошую, большую, но довольно дорогую—2500 франковъ въ годъ. Она состоитъ изъ трехъ комнатъ, хорошо отдѣлана; только немного далеко, но и это не бѣда. Мнѣ можно будетъ занять ее только съ новаго года, а пока я нашелъ

небольшую мастерскую на 3 мѣсяца. Теперь-же я хлопочу, чтобы устроиться поскорѣе и начать тотъ барельефъ, о которомъ я давно писалъ вамъ.

Голову „Мефистофеля“ я дѣлать не буду, а голова „Христа“ уже давно сдѣлана, и даже отлита изъ бронзы—очень хорошо.

Барельефъ изъ „Варѳоломеевской ночи“ долженъ быть оригиналенъ до дерзости: вѣдь я задумалъ сдѣлать совершенно настоящее окно, даже со стеклами, освѣщенное луннымъ свѣтомъ. Этотъ барельефъ я очень тороплюсь сдѣлать, потому что хочу, чтобы онъ поспѣлъ къ моей, или же къ всемiрной выставкѣ.

Вообще нынѣшней зимой у меня работа съ хлопотами пропадетъ! Придется мнѣ еще ѣхать въ Римъ, чтобы докончить „Сократа“ изъ мрамора, и привезти всѣ мои работы сюда. А потомъ надо хлопотать о выставкѣ; но если въ русскомъ отдѣлѣ не будетъ мѣста для всѣхъ моихъ работъ, то я ни за что не выставлю тамъ, и въ такомъ случаѣ сдѣлаю отдѣльную выставку. Конечно, и это не обойдется безъ большихъ хлопотъ, но чтобы достигнуть своей цѣли, чтобы отпраздновать тотъ праздникъ, для котораго я готовлюсь вотъ уже пять лѣтъ, и ради котораго я много пережилъ, для него и теперь не отступлю передъ какимъ-бы то ни было препятствiемъ, и буду стремиться впередъ безъ усталости, пока силъ хватитъ.

Хуже всего то, что финансовое положенiе очень плохо у меня и это составляетъ для меня самое крупное препятствiе. Я рѣшительно во всемъ отказываю себѣ, а все отдаю на работы. И всего этого очень мало еще, но „тотъ не солдатъ, кто не надѣется быть генераломъ“.

Уже очень давно я просилъ васъ, чтобы вы поговорили съ распорядителями художественнаго отдѣла на Парижской выставкѣ насчетъ моихъ работъ. Вы-же обѣщали поговорить и дать мнѣ точный отвѣтъ, а между тѣмъ я до сихъ поръ ничего не получалъ. Третьяго дня я писалъ насчетъ этого также къ Крамскому, отъ котораго не имѣлъ извѣстiй вотъ почти годъ. Неужели никто не откликнется мнѣ и не поможетъ хлопотать хоть въ этомъ!

Пожалуйста, если есть въ вашей библiотекѣ матерiалъ для моего сюжета, не скупитесь. Правда, и здѣсь можно все отыскать, но первое время я все еще нахожусь здѣсь какъ въ лѣсу; притомъ всякiй матерiалъ никогда не лишнiй. Я теперь читаю исторiю Мишлэ объ этомъ этюдѣ, но лучше, если былъ-бы переводъ его на русскiй языкъ: дѣло гораздо скорѣе пошло-бы.

И такъ, теперь очередь за вами. Пишите мнѣ обо всемъ. Я-же не отвѣчалъ и не отвѣчаю на всѣ вопросы, заданные мнѣ въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, и думаю, что по моему письму видно, что вначалѣ я не могъ, а теперь уже поздно.

Не знаете-ли вы чего-нибудь о Рѣпинѣ?

Ну, на этотъ разъ довольно!

Будьте здоровы и не лѣнитесь писать, когда пожелаете.

Жена моя очень и очень кланяется вамъ, а дочь наша—прелесть!

ИВАНЪ III.
Эскизъ изъ глины.
Группа, предполагавшаяся для Александровскаго моста въ С.-Петербургѣ.
Римъ. 1873.

259. Къ Е. Г. Мамонтовой.

Римъ, осень 1877 г.

Я былъ на водахъ въ Kissingen, куда послалъ меня докторъ Фридрейхъ. Вначалѣ я чувствовалъ себя порядочно, но потомъ очень странно, и наконецъ до того нехорошо, до того я страдалъ, что пріѣхалъ домой неузнаваемымъ отъ изнуренія. Говорятъ, что все это еще ничего не доказываетъ, что пользу этихъ водъ нельзя почувствовать раньше, какъ черезъ мѣсяцъ. Конечно, если это правда, а не утѣшеніе, то я буду этому очень радъ. Здѣсь живу второй день, и чувствую себя лучше, и даже аппетитъ появился, чего тамъ вовсе не было. Отдохнувъ здѣсь немного, я опять ѣду лѣчиться; только теперь виноградомъ: для этого поѣду, по всей вѣроятности, въ Montreux.

Все время я никому не писалъ, и, конечно, ни отъ кого ничего не получалъ: это наказаніе за мое молчаніе. Оказывается, если я вѣчно буду молчать, то вѣчно буду наказанъ.

Что съ нами теперь будетъ, очень трудно сказать. Мучительное время теперь мы переживаемъ; такъ все натянуто, что невозможно строить плановъ, можно только говорить о томъ, что желаешь. Меньше всего мы желаемъ оставаться въ Италіи, это будетъ разрушительно для здоровья. Въ Россію желаемъ ѣхать, но что намъ тамъ дѣлать? Къ этому надо еще прибавить, гдѣ же мнѣ тамъ работать? Для искусства, для скульптуры особенно, такъ мало тамъ приспособленій, такъ много затрудненій, что зима пройдетъ, пока успѣю оглядѣться. Желаю также ѣхать въ Парижъ, но очень боюсь; для этого потребуется очень большой расходъ, а именно тогда, когда въ скоромъ времени прихода не предвидится. Но все-таки я стою больше за Парижъ: надо дойти до цѣли, а не отходитъ отъ нея; буду работать до крайности, до послѣдней возможности, въ финансовомъ отношеніи. Я надѣюсь, что это натянутое время должно прійти къ концу. Многіе пророчатъ мнѣ много хорошаго, но я этимъ не убаюкиваю себя. Пока я терпѣливъ и настойчивъ.

260. Къ ней же.

Парижъ, 13-го октября 1877 г.

Не могу передать вамъ ни письменно, ни словами, какъ я обрадовался, получивши сегодня ваше письмо. Я отъ радости просто вспрыгнулъ, а какъ Елена обрадовалась! Ну, дайте скорѣе вашу руку и взамѣнъ получайте всего меня!

Вчера я послалъ вамъ письмо на вашъ старый адресъ — думаю, что все-таки вы получите его. Тамъ вы найдете много лишняго, а также кое-что обо мнѣ, оттого сегодня не буду повторять всего этого.

Ваше единственное письмо въ Киссингенъ я получилъ. Но вѣдь я сейчасъ-же отвѣчалъ вамъ и обѣщалъ скоро отвѣтить на всѣ ваши вопросы — значитъ вы должны были бы все уже знать, если бы получили мое письмо, но оказывается, что нѣтъ.

Въ вашемъ послѣднемъ письмѣ вы не говорите мнѣ о разныхъ планахъ насчетъ выставки, а также ни слова о Ропетѣ, къ которому я пойду завтра же. Вы также тамъ ничего не совѣтуете мнѣ — значитъ, полученное письмо мною въ Киссингенѣ не то, о которомъ вы говорите.

Пожалуйста, пишите все, что знаете, время теперь дорого, добрый совѣтъ дороже, а добрая дружба еще дороже.

Что касается до вызова Елены въ судебный округъ, то это дѣло насъ не касается. Конечно, очень непріятно марать свое имя въ разныхъ чистыхъ и нечистыхъ дѣлахъ... но что дѣлать? Хочешь дѣлать добро, то за это надо доплатить еще.

Видите, дѣло въ томъ: отецъ моей жены оставилъ нѣсколько домовъ, еще больше долговъ, съ прибавкою нескончаемыхъ разныхъ тяжбъ, вдобавокъ же оставилъ нѣкоторыхъ нехорошихъ наслѣдниковъ, и въ заключеніе, такое разумное завѣщаніе, что самъ Маккіавелли не разобралъ бы. Конечно, главные наслѣдники все забрали себѣ въ руки, но вотъ потребовалось приданое для сестры Елениной—начались разныя комбинаціи, споры, торги, наконецъ выторговали, но не все, и въ заключеніе мы еще должны были дать обязательство, что не будемъ вмѣшиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать согласіе на окончаніе неоконченнаго еще процесса. И вотъ, навѣрное это-то и есть одинъ изъ подобныхъ процессовъ.

261. Къ С. И. Мамонтову.

Парижъ, ноябрь-декабрь 1877 г.

Наконецъ-то ваше рѣдкое, но мѣткое письмо получилъ я — и обрадовался. Я радъ, что вы умѣете преодолѣть и перенести разныя царапины и раны, которыя непремѣнно получаешь на жизненномъ пути, особенно когда хочешь идти не по старой, испорченной дорожкѣ. Я радъ, что среди всего этого вы все-таки подвигаетесь впередъ во всѣхъ отношеніяхъ. Дай же вамъ Богъ и впередъ такъ; тогда, я увѣренъ, вы оставите за собой добрый и хорошій слѣдъ на каждой пройденной станціи.

Ваше живое описаніе смерти Чижова [1]) сильно поразило меня.

Странно то, что, чего ты больше всего долженъ ждать, того меньше всего и ждешь. При чтеніи вашего письма сердце какъ-то вдругъ защемило и заболѣло у меня.

Но какъ ни дорогъ онъ намъ, какъ намъ ни жаль его, все-же надъ могилой его намъ не слезы проливать, а вѣнки бросать, уже потому одному, что онъ жилъ не для себя, а потому и не умеръ для насъ.

Духъ его останется живъ для насъ и для нашего потомства. Подобные люди освѣщаютъ путь жизни, какъ звѣзды ночной мракъ.

---

[1]) Писатель объ искусствѣ и одинъ изъ славянофильскихъ дѣятелей. Умеръ въ ноябрѣ 1877 г., въ Москвѣ.

Да притомъ онъ не былъ изъ тѣхъ людей, которые становятся жалки среди несчастій; нѣтъ, онъ былъ противоположнаго закала. Духъ его росъ по мѣрѣ несчастій, которыя постигали его, и наконецъ онъ такъ хорошо жилъ и такъ счастливо умеръ, что намъ остается только завидовать, а не оплакивать его. По крайней мѣрѣ я крѣпко завидую.

Когда я читалъ ваше описаніе его смерти, руки дрожали у меня; если бы я тогда заговорилъ, голосъ сдѣлалъ бы то же самое, а если-бы я тогда сталъ около него и заглянулъ бы въ его лицо, то, навѣрное, задрожалъ бы весь душой и тѣломъ, потому что я увидалъ-бы предъ собою святость. Да, добрый другъ мой, вы понимаете, что я тутъ говорю, понимаете, потому что поняли мой идеалъ—смерть Сократа.

Если я имѣлъ счастье представить себѣ и передать смерть Сократа, то вы были болѣе счастливы тѣмъ, что подобную торжественную смерть видѣли въ дѣйствительности. Конечно, тутъ не предшествовало той драмы, что была у Сократа, но нѣтъ сомнѣнія, что и Чижовъ стремился туда же, куда и Сократъ.

Надѣюсь, вы не думаете, чтобы я тутъ панегирикъ воспѣвалъ, вѣдь мертвый въ лести не нуждается. Вы скорѣе пожалѣйте меня: сколько я думалъ и передумалъ, пока понялъ и полюбилъ жизнь и смерть, подобныя Сократовской, и оттого поймете также, что именно я чувствовалъ, когда читалъ о такой торжественной смерти. Высоко подымаю я шляпу надъ головой и низко кланяюсь его доброму генію; вѣчный покой ему, а въ потомствѣ его слава.

Высшее выраженіе почтенія, которое мы можемъ ему воздать, это—не забывать его, и идти по его слѣдамъ.

И такъ, впередъ, не оплакивая вчерашній день, а стараясь о томъ, чтобы послѣ-завтра не пришлось оплакивать завтрашній.

Мнѣ-же теперь часто приходится оплакивать прожитые дни, потому что они проходятъ безъ слѣда, но и упрекать себя въ этомъ я тоже не могу: такія обстоятельства надо терпѣть и умѣть пережидать, и притомъ не терять энергіи.

Странно. Никогда у меня не было столько надеждъ, какъ теперь; за то никогда не было такъ мало и денегъ, и никогда, къ сожалѣнію, я въ нихъ такъ не нуждался. Здѣсь все дешево, одинъ лишь карманъ дорогъ. Вообще страннаго много. Но это не можетъ пугать меня, и я не останавливаюсь. Да ну! Стоитъ-ли объ этомъ говорить? Зачѣмъ заранѣе плакать, что вотъ-молъ бѣда близко! Вѣдь она еще тебя не настигла, можетъ быть и не настигнетъ, пройдетъ мимо, а пока—сколько надеждъ!!! Ахъ, какъ я себя презираю, когда хныкаю!!

Вотъ съ нетерпѣніемъ жду, когда переберусь въ новую мастерскую и начну творить. Тогда, конечно, я встрепенусь, а теперь, если пою іереміады, то это только потому, что ничѣмъ серьезнымъ я не занятъ. Работаю я бюсты, а это нисколько не удовлетворяетъ меня. За то голова сильно работаетъ. А все-таки поругать себя слѣдуетъ. Если-бы вы знали, какъ я доволенъ всякій разъ, когда выругаю

себя—просто на душѣ легче становится, точно у фанатика послѣ исповѣди.

Довольно о себѣ.

Здѣсь художники затѣяли хорошее дѣло. Конечно, въ числѣ другихъ и я принимаю въ этомъ живое участіе. Создается здѣсь художественный кружокъ, съ благотворительной цѣлью. Когда уставъ будетъ утвержденъ и напечатанъ, конечно, и вы получите экземпляръ, но пока считаю долгомъ передать вамъ вкратцѣ, чего именно мы желаемъ. Изложу вамъ вначалѣ цѣль, средства и раздѣлъ капитала, а потомъ попрошу и отъ васъ содѣйствія въ этомъ добромъ дѣлѣ. Скажу еще, что въ этомъ добромъ дѣлѣ принимаютъ живое участіе всѣ добрые люди изъ Россіи, находящіеся здѣсь. Въ числѣ ихъ самъ посланникъ, консулъ, И. С. Тургеневъ, Боголюбовъ, Гинцбургъ и т. д. Всѣ они члены-учредители, и такъ какъ общество намѣрено обратиться къ русскимъ любителямъ искусства, чтобы тѣ приняли участіе въ этомъ дѣлѣ, то я, надѣясь на вашу доброту и зная, что вы не откажетесь, прямо записалъ васъ въ члены-учредители, тѣмъ болѣе, что списокъ учредителей уже заполненъ, а потомъ будутъ принимать членовъ закрытой баллотировкой. Что, очень сердитесь на меня?

Цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы сблизить русскихъ художниковъ, находящихся въ Парижѣ, дѣлать выставки изъ русскихъ произведеній, ознакомить съ ними Парижъ, и заботиться о продажѣ ихъ, устраивать художественныя библіотеки, основать фондъ въ 25 тысячъ франковъ, и, наконецъ, ссудную кассу для художниковъ, которая будетъ выдавать ссуды подъ залогъ картинъ, или же за поручительствомъ двухъ членовъ; кромѣ всего этого, давать помѣщеніе художникамъ, которые не могли скоро сыскать себѣ мастерскую.

Когда вы получите уставъ, увидите, что мы идемъ къ цѣли довольно медленно, но основательно. Не думайте, однако, что цѣль наша въ томъ, чтобы сосредоточить дѣятельность въ одномъ только Парижѣ. Нѣтъ, тутъ интересы не парижскіе, а русскіе вообще. Не забудьте, что очень немного есть такихъ терпѣливыхъ художниковъ, которые дожидаются получить отъ Академіи художествъ медали „за прилежаніе". Теперь Академія, при всей своей безалаберности, стала очень скупа (да и придирчива) на такія награды, и кромѣ того, Академія всегда умѣла такъ ловко устроивать, что истые таланты рѣдко получали возможность ѣхать за границу. Остается затѣмъ очень много такихъ, которые лишены возможности даже понюхать заграничный воздухъ. Между тѣмъ, если у насъ дѣло пойдетъ, то окажетъ немалую помощь тѣмъ молодымъ художникамъ, которымъ Академія отказала въ признаніи таланта.

Прошу васъ,—пожалуйста, не откажите намъ въ содѣйствіи. Постоянный членъ вноситъ 25 франковъ ежегодно, но общество принимаетъ также всякое добровольное пожертвованіе.

Въ учредительные члены я записалъ васъ и Елизавету Григорьевну, конечно, съ условіемъ, если вы того пожелаете.

Пожалуйста, дайте мнѣ объ этомъ скорый отвѣтъ.

Относительно „Христа“, я прошу васъ дать мнѣ возможность показать его здѣсь. Скоро будетъ готовъ „Сократъ“ изъ мрамора, и по всей вѣроятности они оба будутъ выставлены на всемірной выставкѣ въ русскомъ отдѣлѣ. Вчера я получилъ отъ Стасова увѣдомленіе, что комиссія проситъ меня, если желаю, выставить не двѣ вещи, какъ предполагалось вначалѣ, а нѣсколько.

Очень затруднительно дать вамъ прямой отвѣтъ относительно вашего дома. Безъ сомнѣнія, очень и очень жаль покинуть домъ, гдѣ хранится столько воспоминаній пережитаго. Конечно, если есть возможность передѣлать его, слѣдуетъ это сдѣлать. Но мнѣ кажется, что этой возможности нѣтъ: залъ очень неудобный; онъ узокъ, низокъ и длиненъ. А я надѣюсь, что ваше положеніе въ свѣтѣ потребуетъ болѣе гармоничнаго устройства зала. Кромѣ того, и семейство прибавляется. Такимъ образомъ, какъ ни жаль продать домъ или покинуть его (а какъ это жаль, я чувствую по себѣ; я самъ люблю его, точно тамъ что-то родное мнѣ), но все-таки надо вамъ строить новый, хорошій, солидный домъ, а старый никакъ сейчасъ не продавать, а подождать, пока вы не свыкнетесь съ новымъ домомъ. Я это говорю просто потому, что оно мнѣ кажется такимъ, сообразуясь съ психологіей человѣка. Часто людямъ становится жаль какой-либо вещи собственно потому, что новая кажется не такъ хороша, какъ старая, а старая кажется хороша потому, что ея уже нѣтъ. Надо при этомъ прибавить, что мое дѣло совѣтовать, а ваше дѣло дѣлать, какъ находите лучшимъ.

Въ заключеніе скажу вамъ, что̀ я дѣлаю и что̀ думаю дѣлать. Дѣлаю я—ровно ничего, по крайней мѣрѣ на то похоже; за то я задумываю сдѣлать что-то большее, чѣмъ ничего. Удивлю же я консерваторовъ и людей традиціи. Удивятся и закричатъ на разные голоса. Я сдѣлаю—или окно изъ Варѳоломеевской ночи, или же нападеніе инквизиціи на евреевъ во время молитвы. Обѣ эти темы совершенно оригинальны, по трактованію, въ скульптурѣ. Но какъ именно я хочу представить это, я бы охотно передалъ вамъ, но убѣжденъ, что на словахъ тутъ ничего не выйдетъ: надо видѣть. Скорѣе всего, когда сдѣлаю эскизъ, пришлю вамъ фотографію съ него.

У меня очень много готовыхъ работъ, которыя можно отдать на выставку, только врядъ-ли всѣ ихъ я выставлю. Хотѣлось-бы мнѣ ихъ выставить просто для продажи.

Кажется, я уже писалъ вамъ, что, бывъ во Флоренціи, я тамъ такъ увлекся превосходствомъ ихъ бронзовой отливки, что отдалъ отливать, кромѣ „Панина“, также и „Христа“. Если Христосъ выйдетъ лучше изъ бронзы, то, конечно, онъ вашъ, буде пожелаете; но не думаю, чтобы изъ бронзы онъ былъ лучше, чѣмъ изъ мрамора. Онъ превосходенъ особенно послѣ того, какъ я отдѣлалъ его. Впрочемъ, вѣдь я надѣюсь лѣтомъ видѣть васъ. Жду васъ, какъ манны небесной. Тогда увидите сами и скажете свое мнѣніе. И такъ, теперь у меня на рукахъ: „Христосъ“, „Сократъ“, бюсты „Ивана“, маленькій и серебряный, голова „Христа“ изъ бронзы. Надѣюсь, что какъ

только курсъ мой здѣсь поднимется, ихъ расхватаютъ, какъ блины, а пока терпи и жди.

Ну, кажется, я все сказалъ вамъ, что могъ, что имѣлъ.

262. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, получено 9 декабря 1877 г.

Какъ только получите это письмо, прошу выслать мнѣ медленнымъ поѣздомъ эскизъ—„Нападеніе Инквизиціи". Я долженъ сказать вамъ, что въ головѣ у меня этотъ сюжетъ все растетъ, все улучшается—значитъ, я думаю о немъ довольно часто, и все-таки надѣюсь сдѣлать его, потому что все не перестаю любить его. Теперь-же мнѣ кажется, что онъ вполнѣ созрѣлъ. Дай Богъ, чтобъ онъ былъ исполненъ хоть на половину, какъ я представляю его себѣ, не только въ общемъ, но каждый типъ отдѣльно (вы знаете, что я компаную все въ головѣ, а не на бумагѣ).

Что касается „Окна изъ Варѳоломеевской ночи", то и тутъ происходитъ совершенная ломка, такъ какъ первоначальную идею мнѣ пришлось радикально измѣнять послѣ того, какъ я осмотрѣлъ мѣсто, откуда, по преданію, Карлъ IX стрѣлялъ. Оказывается, что это—окно съ балкономъ. Это дало мнѣ новую пищу для работы. Конечно, вначалѣ я чуть совсѣмъ не отказался отъ него, потому что первая моя идея была совершенно разстроена, но, подумавши, я нашелъ, что тутъ можетъ быть гораздо цѣльнѣе и оригинальнѣе, но за то больше работы. Если помните, первоначальной идеей было у меня просто сдѣлать окно, откуда стрѣляютъ. Такимъ образомъ, фигуры должны были быть поясныя. Это было-бы очень хорошо, если-бы окна Луврскія не были такъ страшно высоки и если бы дѣйствіе происходило черезъ окно, а не на балконѣ; теперь же, представьте себѣ, что я просто задумалъ сдѣлать балконъ, гдѣ стоитъ группа изъ трехъ фигуръ. Этотъ балконъ съ рѣшеткой выступаетъ изъ рамы, а фономъ этой рамы будетъ дверь. Я пробовалъ сдѣлать эскизъ, и выходитъ довольно (если не сказать „очень") интересно. Но теперь является вопросъ: стоитъ-ли этотъ сюжетъ, чтобы на него было потрачено столько труда? Вы хорошо знаете, что я строго держусь того, что всякое содержаніе должно имѣть свой размѣръ, и не только размѣръ величины, но даже и размѣръ труда. Но пока я все думаю и придумываю, время идетъ, идетъ и идетъ быстрѣе, чѣмъ этого желаешь.

Впрочемъ, я и не могу начать этой работы, такъ какъ моя настоящая мастерская еще не свободна, а въ старой начинать не стоитъ: слишкомъ много хлопотъ потомъ предстоитъ съ перевозкой.

Пока—я работаю, но рѣшительно ничего не дѣлаю. Между прочимъ, я дѣлаю бюстъ покойницы баронессы Анны Гинцбургъ. Хочу это сдѣлать въ благодарность за стипендію, которой я пользовался отъ семейства Гинцбургъ. Но, можете себѣ представить, какъ трудно сдѣлать бюстъ безъ натуры, всегда все выходитъ недодѣланнымъ.

Здоровьемъ не могу похвастаться, но хуже всего то, что жена моя совсѣмъ нездорова, хотя на лицѣ этого не видно.

Здѣсь собирается художественный русскій кружокъ. Въ этомъ принимаютъ участіе всѣ любители искусства, хотятъ устроить этотъ кружокъ прочно, и даже съ благотворительной цѣлью. Очень, и даже очень буду радъ, если изъ этого что-нибудь выйдетъ!

Ну, наконецъ-то Плевна взята! Точно десять горъ съ плечъ долой!

263. Къ нему же.

Парижъ, получено 21 декабря 1877 г.

Сейчасъ только получилъ ваше письмо. Спѣшу отвѣтить раньше всего, что навѣрное пропало то мое письмо, въ которомъ я отвѣчалъ на ваше предложеніе насчетъ устройства выставки моихъ работъ, а также и насчетъ Ропета. Его до сихъ поръ мнѣ все-таки не удалось видѣть, несмотря на то, что я былъ у него два раза. Да и онъ разъ писалъ мнѣ, спрашивая, когда онъ можетъ ждать меня.

И такъ, я не буду повторять того, что писалъ, тѣмъ болѣе, что насчетъ выставки оказывается, по вашему послѣднему письму, что дѣло принимаетъ другой оборотъ, т.-е. что мнѣ будетъ возможно выставить мои работы прямо на всемірной выставкѣ. Только въ такомъ случаѣ очень прошу васъ передать г. Сомову, что я очень желаю, чтобы и „Иванъ Грозный“ былъ въ числѣ моихъ произведеній, потому что на Вѣнской выставкѣ онъ явился передъ закрытыми дверями, когда жюри давно прошли.

Мнѣ кажется, если даже я не успѣю сдѣлать что-нибудь новое для выставки, то все-таки будетъ довольно солидно, если будутъ тамъ разомъ три мои главныя работы: „Иванъ“, „Христосъ“ и „Сократъ“. Кромѣ этихъ, будутъ еще: голова „Петра I“, которая находится въ Петербургѣ въ домѣ Гинцбурга, и наконецъ 2—3 бюста и одинъ барельефъ—голова „Христа“. Есть еще одинъ пунктъ, который я желалъ-бы разъяснить: это насчетъ перевоза моихъ работъ сюда, если онѣ будутъ приняты на выставку. Можетъ быть Комитетъ приметъ на свой счетъ привозъ и отвозъ моихъ работъ?

Я никогда не сталъ-бы объ этомъ говорить, если-бы нынѣшній годъ былъ-бы хоть мало-мальски лучше. Я и теперь, несмотря на мое затруднительное финансовое положеніе, не буду настаивать на этомъ. Но если это входитъ въ правила, т.-е. если Академія беретъ на себя расходы по всѣмъ работамъ: отсылаетъ и привозитъ ихъ обратно, и если это не будетъ исключеніемъ для меня, то я ничего противъ этого не имѣю.

Впрочемъ, объ этомъ, прошу васъ, раньше самимъ подумать, и дѣлать, какъ найдете лучше и благоразумнѣе. Можетъ-быть лучше будетъ, чтобы не говорить объ этомъ. Признаюсь, я еще не подумалъ объ этомъ.

Что касается „Варѳоломеевской ночи“, то, сколько мнѣ помнится, я не говорилъ, что совсѣмъ оставилъ ее. У меня закралась только мысль:

стоитъ-ли потратить на это столько труда? Настолько-ли велико содержаніе, чтобы убить на него столько времени и труда? Это, безъ сомнѣнія, оригинальная вещь, но и только. Я не могу сказать, чтобы Карлъ IX или Екатерина Медичи были мнѣ симпатичнѣе, хоть въ десятую долю, противъ типовъ „Инквизиціи“. Вотъ, на чемъ я остановился и на что прошу прямого отвѣта.

„Инквизицію“ же я совсѣмъ перемѣнилъ въ обстановкѣ. Она была у меня представлена въ ночь Пасхи, теперь-же я хочу представить ее во время молитвы. Обстановка будетъ несравненно интереснѣе, т.-е. множество характерныхъ вещей, кромѣ того разваленный столъ, который теперь играетъ тамъ такую роль, уходитъ на задній планъ, или-же его вовсе не будетъ, а на мѣсто его будутъ типическія лица, въ томъ числѣ старый и слѣпой раввинъ, который силится встать со своего мѣста,—вообще разнообразія должно быть тутъ больше. Только, какъ видите, и тутъ опять, помимо моихъ желаній, женщины не являются.

Вы знаете, что я раньше всего человѣкъ идеи: у меня являются раньше мысли, а потомъ формы (у другихъ это случается наоборотъ), и какъ только идея овладѣла мною, я становлюсь ея рабомъ. Тутъ есть много хорошаго, но также и дурного. Что дѣлать? Я таковъ.

Сегодня я кончилъ бюстъ старшаго Гинцбурга. Работалъ я его у нихъ — было очень неудобно, но главное неудобство въ томъ, что у меня была старая фотографія, которой пользоваться было опасно и неудобно. При томъ, самый оригиналъ имѣлъ свободныхъ всего только пятьдесятъ минутъ, да какъ онъ сидѣлъ еще! Не только бюста, но даже фотографіи нельзя было снять. Но странно то, что бюстъ вышелъ хоть куда! Все семейство въ восторгѣ! И въ самомъ дѣлѣ, онъ у меня вышелъ довольно характерно. А вы знаете его физіономію, какъ она затруднительна для скульптуры. Но, благодаря этому бюсту, я не могъ докончить бюста баронессы Анны Гинцбургъ. Онъ долженъ быть скоро конченъ, конечно, если работа не будетъ капризничать. Ваше предложеніе сдѣлать Анну Гинцбургъ изъ слоновой кости очень хорошо, только я не могу оставить его, когда дѣло идетъ на ладъ, особенно къ концу. Шею и грудь я сдѣлалъ слегка открытыми, какъ онѣ вамъ представляются.

Между прочимъ я долженъ замѣтить, что существуетъ ея маска, только до того искаженная, что объ этомъ и припоминать не слѣдовало-бы. За то есть превосходный рисунокъ, снятый Крамскимъ послѣ ея смерти. Замѣчу еще, что Бонна написалъ ея портретъ, и сдѣлалъ что могъ; а, какъ французъ, онъ не могъ не польстить ей: онъ сдѣлалъ ее слишкомъ моложавой, при томъ лицо не матовое, какъ у нея было, а красочное—впрочемъ, задача была очень мудреная.

Баронъ Горацій Гинцбургъ хочетъ сдѣлать пьедесталъ къ бюсту очень затѣйливый. Только, знаете, я совѣтовалъ ему вмѣсто всего этого сдѣлать слѣдующее: есть у евреевъ одна реальная пѣсня, конечно религіозная, гдѣ воспѣвается женскій еврейскій идеалъ, и всѣ

слова, которыя тамъ говорятся, почти цѣликомъ относятся къ ней. И вотъ я совѣтовалъ воспроизвести этотъ женскій идеалъ въ лицѣ баронессы Анны. Эту пѣсню поютъ въ пятницу вечеромъ, именно значитъ въ тотъ день, когда она умерла. Но, по всей вѣроятности, изъ этого ничего не будетъ, да притомъ-же у меня столько есть своихъ проектовъ, что я и не настаиваю. Все, что я тутъ говорю, пускай останется между нами, потому что, кажется, баронъ не желаетъ гласности.

Въ Парижѣ я почти еще не былъ, то-есть еще не углублялся въ него. По музеямъ я только пробѣжалъ, но рѣшительно ничего еще не изучалъ. Впрочемъ, все-таки о немъ столько интереснаго можно сказать, что вкратцѣ говорить положительно не стоитъ. Какъ только почувствую себя наконецъ на мѣстѣ, стану посылать вамъ письма болѣе интересныя, чѣмъ тѣ, которыя посылалъ до сихъ поръ. А пока, право не до того.

Стану говорить теперь о томъ, съ чего собственно слѣдовало-бы начать: здѣсь мы затѣяли очень хорошее дѣло. Разскажу о немъ вкратцѣ для того, чтобы вы могли сообщить о томъ въ вашихъ газетахъ, какъ новость. Задумали мы устроить здѣсь художественный кружокъ, съ благотворительной цѣлью; пока набралось 50 членовъ-учредителей, въ томъ числѣ здѣшній посланникъ, консулъ, И. С. Тургеневъ, Боголюбовъ. Семейство Гинцбурга по всей вѣроятности приметъ въ этомъ живое участіе, также Поляковъ, такъ какъ и въ прошломъ году онъ далъ на подобную же цѣль 1000 франковъ. Можно сказать, что всѣ художники принимаютъ въ этомъ лихорадочное участіе, конечно въ томъ числѣ и я. Мною былъ составленъ проектъ устава, и былъ одобренъ, послѣ чего я передалъ его другимъ, для редактированія. Разскажу вкратцѣ, если съумѣю, цѣль кружка, средства ихъ, а также распредѣленіе средствъ.

Цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы сблизить здѣшнихъ русскихъ художниковъ,—устроить еженедѣльные вечера, художественную библіотеку, ссудную кассу для художниковъ, давать помѣщеніе художникамъ, не имѣющимъ возможности скоро отыскивать себѣ мастерскія, и наконецъ устраивать художественныя выставки (конечно, здѣсь рѣчь идетъ объ исключительно русскихъ художникахъ); ознакомить ихъ съ Парижемъ и подавать помощь нуждающимся художникамъ.

Общество имѣетъ средства изъ слѣдующихъ источниковъ: изъ ежегодныхъ взносовъ постоянными членами (не менѣе 25 франковъ), изъ выручки съ устраиваемыхъ концертовъ, лотерей и т. п., и по 10% изъ выручки отъ проданныхъ на выставкѣ вещей. Кромѣ этого, общество принимаетъ всякое пожертвованіе.

Общество располагаетъ средствами слѣдующимъ образомъ: раньше всего оно покрываетъ текущіе расходы, какъ-то: на помѣщеніе, освѣщеніе, отопленіе и т. д., а изъ оставшейся суммы 20% пойдутъ на устройство художественной библіотеки, и остальные 80% откладываются для образованія основного фонда въ 25.000. Когда эта цифра будетъ достигнута, распредѣленіе измѣнится: 15% пойдутъ на отопленіе художественной библіотеки, 30% отдадутся русскому консулу для по-

дачи помощи русскимъ подданнымъ, находящимся здѣсь въ Парижѣ, а остальныя суммы пойдутъ на основной фондъ. Пятая часть изъ основного капитала образуетъ ссудную ссуду для художниковъ; ссуды будутъ выдаваться подъ залогъ картинъ, или же при поручительствѣ двухъ членовъ.

Вотъ главная основа. Лишнее будетъ сказать, что общество заботится главнымъ образомъ не о себѣ, и я могу увѣрить васъ, что цѣль тутъ можетъ состоять вотъ въ чемъ: при теперешней безобразной Академіи Художествъ, которую я всегда называлъ „мышеловкой", и которая имѣетъ широкій входъ и узкій выходъ, при ненормальности ея направленія и давленія на молодыхъ художниковъ, очень многіе талантливые художники лишаются возможности даже подышать заграничнымъ воздухомъ, между тѣмъ именно для нихъ здѣсь будетъ громадная поддержка. Могу васъ также увѣрить, да и вы сами хорошо увидите, что забота наша не ограничивается парижскими русскими художниками, но цѣль тутъ—все русское вообще.

Пожалуйста, напечатайте эту новость, да и отъ себя прибавьте нѣсколько теплыхъ словъ для благого начала. По всей вѣроятности, общество само обратится печатно ко всѣмъ, кому русскій художественный интересъ дорогъ,—у нихъ мы просимъ помощи для безпомощныхъ молодыхъ талантовъ, да и вообще для искусства въ Россіи.

Пригласите, пожалуйста, вашего брата, не пожелаетъ-ли онъ быть у насъ членомъ? А вы желаете? Признаюсь, я хотѣлъ-было васъ записать въ члены-учредители, да только какъ-то не смѣю, не потому, что сомнѣваюсь въ томъ, что вы желаете намъ добра, а есть люди, которые готовы сдѣлать все, что могутъ, только нигдѣ не желаютъ быть членами. Я тоже былъ такой до сихъ поръ, но ради добраго дѣла, гдѣ могу быть мало-мальски полезенъ, какъ видите, я—членъ. Между прочимъ я долженъ прибавить, что нашъ Комитетъ будетъ выбранъ по всей вѣроятности изъ слѣдующихъ лицъ: почетный президентъ—графъ Орловъ (здѣшній посланникъ), консулъ, Тургеневъ, Боголюбовъ, баронъ Гинцбургъ, Татищевъ и еще не знаю кто.

Ну, будетъ на сегодня. Сегодня я работалъ, какъ волъ, цѣлый день, а теперь просто перо не ходитъ, да и мысли тупы какъ-то стали, а глаза липнутъ.

Жду Крамского. Время-ли писать теперь объ Академіи? Мнѣ кажется, что она недостаточно подгнила, для того, чтобы свалить ее. А все-таки громадное спасибо ему за это доброе дѣло.

Я забылъ спросить васъ: правда-ли, что Академія распорядилась, чтобы на всемірную выставку было послано по два произведенія отъ всякаго художника, безъ разбора таланта и достоинства, или величины произведеній. Много безсмыслицъ она дѣлаетъ, но такая нелѣпость превосходитъ всякое ожиданіе. Впрочемъ, что можетъ быть забавнѣе того, что monsieur Якоби, который не умѣетъ черты провести безъ камеръ-обскуры, состоитъ, говорятъ, профессоромъ рисованія у насъ, а Орловскій еще почище.

Если дѣйствительно изъ Россіи будетъ посланъ всякій хламъ,

то я останавливаюсь, чтобы подумать: стоитъ-ли высылать и мои вещи на выставку?

264. Къ С. И. Мамонтову.

Римъ, декабрь 1877 г.

Я маленько виноватъ передъ вами. Слѣдовало давно писать вамъ. Но въ подобныхъ случаяхъ бываетъ вотъ что. Когда не пишешь старому другу долгое время, само собой разумѣется, становится какъ-то неловко, стыдно и отчасти даже и совѣстно; хочешь начать писать, но не знаешь, съ какого конца, и кончаешь тѣмъ, что все-таки не пишешь; между тѣмъ время идетъ, и неловкость увеличивается, стыдъ тоже растетъ. Ну, конечно, все труднѣе становится оправдать себя.

Впрочемъ, со мной дѣло еще не совсѣмъ такъ. Главнымъ образомъ, я не писалъ потому, что вѣдь вы сидите съ утра до ночи у себя въ кабинетѣ надъ разборомъ философскихъ трактатовъ, не чистите себѣ ногти, сидя около утренняго самовара. Нѣтъ, другъ, теперь дѣло кипитъ у васъ. Васъ запрягли въ дѣло, всѣ понукаютъ васъ, всѣ гонятъ васъ, а вы съ трудомъ тащите ихъ, а всѣ тѣ, что сидятъ у васъ на спинѣ, кричатъ: „Отлично! мы подвигаемся хорошо!"

Хорошо, нечего сказать. Не желалъ бы я теперь быть на вашемъ мѣстѣ; потомъ—да, пожалуй, а теперь—нѣтъ, слуга покорный, не хотимъ. Ваше дѣло дѣлаетъ вамъ честь. Чести и я бы желалъ, только не такъ работать, какъ вы работаете.

Вотъ еще одна причина, отчего я такъ долго молчалъ. Ваша дорогая старушенька навѣрное передастъ вамъ все, что касается нашего житья-бытья. Думаю, что это можетъ облегчить мою вину.

О чемъ же писать вамъ, дорогой мой другъ? Право не знаешь, съ чего начать. Вѣдь я такъ давно не писалъ вамъ, а за это время столько разныхъ разностей было, да притомъ такихъ противныхъ, что, право, лучше начать съ конца.

Дѣла мои не Богъ вѣсть какія, да и тѣ идутъ какъ-то по лѣсамъ, по горамъ, по проселочнымъ путямъ. Хорошо еще, что энергіи я не теряю, а, напротивъ, какъ будто энергичнѣе сталъ. Правда, вздумалъ было я отчаиваться, но опомнился, и теперь я опять молодецъ, опять убаюкиваю себя мыслями, мечтаю и летаю высоко, высоко. Однимъ словомъ, я опять творецъ-чародѣй, уничтожаю и создаю...

Теперь не горюю, не жалуюсь, не восторгаюсь, значитъ присмирѣлъ, но не поддался. Живу надеждой, работаю, сколько могу; жаль одного, что работаю теперь больше по привычкѣ, чѣмъ отъ души, Но что дѣлать?! Заказы! А, видно, безъ этого не прожить.

Бываютъ минуты, когда хочется дурить; кажется, такъ бы и кинулся изо всей силы на то, что давно просится изъ души вонъ. Но терпѣніе, терпѣніе, колоссальное терпѣніе сдерживаетъ меня.

Теперь кончаю памятникъ Маруси; больно надоѣла мнѣ эта работа, но ничего, благо кончаю. Затѣмъ мною начата статуя Панина, и я его сдѣлаю, и увидите даже, что похвалятъ меня за него, глав-

ное за то, что статуя будетъ безъ содержанія: значитъ, никому не придется ни задуматься, ни криво понять меня; значитъ, незачѣмъ будетъ и ругать.

Впрочемъ и это мнѣ все равно!

За то, когда кончу, о, тогда царство мое! Тогда опять буду волноваться, радоваться, страдать и, наконецъ, торжествовать; однимъ словомъ, буду творить и буду жить за десятерыхъ!!.

Послѣ моего отъѣзда изъ Абрамцева, судьба пошла какъ-то не за меня, а противъ меня. Не послушался я васъ и сталъ ремонтировать часть флигеля въ нашемъ домѣ. Считали, что это обойдется не болѣе, какъ въ 2000 рублей. Потомъ, какъ водится, цифры стали увеличиваться, и дошло до 6000. Но смѣшно то, что теперь домъ нашъ похожъ на старый кафтанъ съ новыми рукавами.

Наконецъ вырвался я изъ Вильны; проклялъ ее отъ души, и не за одно это. Пріѣхавши въ Парижъ, я нашелъ его куда меньше, чѣмъ ожидалъ. (Впрочемъ въ этомъ виновато мое глупое воображеніе). Набѣгались мы, потаращили мы глаза на городъ городовъ, поискали тамъ счастья, поискали, и устали; наконецъ плюнули и уѣхали. Не могу сказать, чтобы здѣсь было лучше. И тамъ, и здѣсь, все имѣетъ свою хорошую и оборотную сторону. Не стану описывать ихъ, вы сами хорошо знаете эти два города. Могу только сказать, что теперь мы страдаемъ спеціальной римской скукой. Никого здѣсь нѣтъ, и не съ кѣмъ душу отвести. Русскихъ художниковъ здѣсь было всегда мало, какъ по качеству, такъ и по количеству, а нынѣшній годъ ихъ еще меньше, да и ихъ я не вижу. По крайней мѣрѣ я сохраняю свое спокойствіе.

Правда, здѣсь иногда бываетъ небо очень хорошо, но и оно уже очень молчаливо. А для здоровья здѣсь хуже всего; особенно, когда ненавистный вѣтеръ широко подымается. Тогда нервы мои какъ запрыгаютъ! И я издаю фальшивые и рѣзкіе звуки; а хуже всего то, что я тогда самъ себя ненавижу.

Извнѣ тоже не могу сказать, чтобы меня что-либо радовало. Ничего хорошаго не получаю, а, напротивъ, отовсюду недовольство, упреки и даже обвиненія. Обвиняютъ меня—какъ-то: зачѣмъ я сижу за границей, зачѣмъ я не націоналистъ, зачѣмъ беру такіе сюжеты, которые мнѣ нравятся, однимъ словомъ, негодуютъ на меня, зачѣмъ я не другой, а такой, какъ есть. Нападаютъ за мое направленіе и ругаютъ мои работы, не видавши ихъ. А послушали бы эти прогрессисты, что другіе говорятъ про меня: „Онъ залгался, онъ голый реалистъ, онъ не понимаетъ ни красоты, ни значенія искусства, дѣлаетъ жида на мѣсто „Христа“, дѣлаетъ мертваго „Сократа“ на мѣсто живого, онъ просто революціонеръ!“ А я все это слушаю, и глотаю себѣ на здоровье. И право, нѣтъ никакой охоты отвѣчать. Одни ругаютъ, не видавши того, что ругаютъ, другіе и видѣли, да не поняли. Кто изъ нихъ правъ? По-моему, это тотъ, кто между ними стоитъ, слѣдовательно я могу утѣшиться сознаніемъ, что правымъ остаюсь я; я ни къ кому не принадлежу—ни къ новымъ революціонерамъ, ни къ старымъ

тиранамъ; духъ мой свободенъ, иду, куда онъ влечетъ меня. Дорогъ мнѣ не процессъ, а результатъ. Я крѣпко надѣюсь, что творчество мое когда-нибудь будетъ понято. Въ мои творенья я вложилъ все, все, что я носилъ въ себѣ, имъ я передалъ все, что волновало и радовало душу мою, мое страданье и торжество, а теперь мнѣ остается молчать и надѣяться.

Теперь я ношусь съ двумя произведеніями. Первое—это „Спиноза". Не могу вамъ передать, какъ этотъ образъ сжился со мной, и какъ я радъ, что наконецъ онъ явился передо мной такъ, какъ я этого давно желалъ.

Этотъ маленькій человѣкъ съ колоссальнымъ духомъ выступилъ изъ средневѣковаго мрака, какъ подводная скала. Рвутся-ли вокругъ нея мутныя, громадныя струи воды, волны-ли набѣгаютъ и со злорадной силой бросаются на нее, ревъ, брызги, пыль столбомъ подымается, падаетъ, разбивается, и опять набѣгаютъ волны,—а она все такъ же невозмутима, такъ же горда, величава и молчалива среди волнъ, какъ среди лучей солнца.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ овладѣлъ сознаніемъ, онъ остался вѣренъ самому себѣ, и ужъ ничто не могло поколебать его, ничто не пугало его, ничто не льстило ему, и онъ ничему не покорялся. Ни фанатизмъ, который пылалъ вокругъ него, ни фанатическій ножъ, ударившій его въ грудь (фактъ), ни проклятье, ни изгнаніе, ни отказъ невѣсты, ни бѣдность, ни обѣщаніе золота, ни царская милость, ни сожженіе книгъ его—ничто, ничто не помрачило свѣтлый умъ его, ничто ни смутило его чистую, ясную, дѣвственную душу.

Онъ остался невозмутимъ, спокоенъ и величественно молчаливъ. А духъ его высоко, высоко поднялся, и какъ звѣзда горитъ на небосклонѣ до сихъ поръ; не видятъ и не понимаютъ его лишь тѣ, у кого совѣсть нечиста, у кого умъ помраченъ, кто не понимаетъ истины, свѣта и добра.

Ахъ, Спиноза, тобой можно гордиться, тебѣ можно завидовать! Если-бы я могъ, тебѣ-бы я передалъ душу мою!

Нѣсколько дней тому назадъ былъ у насъ проѣздомъ Барановскій. Ужасно обрадовалъ онъ насъ, особенно тѣмъ, что у васъ дѣло идетъ благополучно, а я, признаться, очень былъ неспокоенъ. Ну, хорошо, что дѣло идетъ. Дай же вамъ Богъ и впередъ такъ.

Дойдетъ ли это письмо до Новаго года? Впрочемъ, все равно; теперь или потомъ, я всегда желаю вамъ всего лучшаго. Какъ ясно представляется мнѣ, что теперь дѣлается въ вашемъ домѣ. А какъ бы я желалъ побывать еще разъ среди васъ во время праздника. Жаль, что не могу помочь установкѣ елки для дѣтей.

У васъ теперь вѣрно все еще таки холодно, а у насъ до послѣднихъ нѣсколькихъ дней было просто чудное, прекрасное лѣто въ лучшее свое время, теперь же опять дождь, слякоть, а я въ подобные дни чувствую себя отвратительно.

Началъ я „Сократа" изъ мрамора, хочу показать его во время всемірной выставки въ Парижѣ. Изъ общихъ отзывовъ я могъ понять,

что многимъ, или даже всѣмъ, нравится „Сократъ" больше, чѣмъ „Христосъ". Какъ бы то ни было, но хорошо то, что я не иду назадъ.

Жена моя все какъ-то похварываетъ. И для нея тоже нехорошъ здѣшній воздухъ.

Дочь наша растетъ и радуетъ насъ. Очень ужъ она живая, умница, да и красивая.

265. Къ И. Н. Крамскому.

Парижъ, 16 (28) января 1878 г.

Разъ пятнадцать я все начиналъ писать вамъ, дорогой И. Н., и всякій разъ не кончалъ. Буду надѣяться, что на этотъ разъ мнѣ болѣе посчастливится.

Я теперь нахожусь въ томъ состояніи, когда одна скучная работа кончается, а другую, подобную-же, приходится начинать. Такое состояніе вы хорошо понимаете, и оттого распространяться объ этомъ я не стану.

Раньше, чѣмъ буду что-либо говорить, я долженъ поблагодарить васъ отъ всей души за подарокъ, который получилъ черезъ добраго Алексѣя Петровича Боголюбова. Этотъ офортъ мнѣ очень нравится, и я теперь очень радъ, что имѣю его у себя.

О вашей статьѣ [1]) по поводу Академіи Художествъ я долженъ сказать вамъ, что она очень мнѣ нравится, и я радовался, читая ее. (Мимоходомъ скажу, что И. С. Тургеневу она тоже очень нравится).

Главное хорошо то, что у васъ факты вытѣснили всякую брань и ругательства, какъ это было до сихъ поръ у насъ въ газетахъ. Притомъ же, самые факты до того осязательны и внушительны, что противникъ можетъ сердиться, грызться, даже, пожалуй, кусаться, но не можетъ опровергнуть ихъ, потому что они правдивы. Но что мнѣ больше всего понравилось, это вашъ разсказъ о томъ, что вы сами пережили въ Академіи. Это до того рельефно и ясно (по крайней мѣрѣ для меня), что досада и злоба душили меня, когда я читалъ. Это напомнило мнѣ все то, что я самъ пережилъ въ этомъ удушливомъ зданіи, несмотря на то, что я былъ тамъ гораздо позднѣе, чѣмъ вы. Но еще досаднѣе то, что теперь все идетъ хуже и хуже... Но тутъ же я утѣшаюсь тѣмъ, что „нѣтъ худа безъ добра", и какъ ни худо теперь въ Академіи, но все-таки сердце радуется именно потому, что „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше". По крайней мѣрѣ, когда мнѣ разсказываютъ, что́ теперь творится въ Академіи, я всегда остаюсь доволенъ: она сама съѣдаетъ себя гораздо лучше, чѣмъ справедливый противникъ могъ-бы это сдѣлать. Она очень правильно и быстро идетъ въ пропасть, и лучше всего оставить ее въ покоѣ и не трогать ее, потому что это можетъ задержать ее на нѣкоторое время—и только. Сознаюсь, что послѣднія слова мнѣ гораздо легче сказать, чѣмъ другому, стоящему лицомъ къ лицу съ Академіей, уже потому только, что „чѣмъ

[1]) «Задачи Искусства» въ «Новомъ Времени» 1877 г.

дальше отъ глазъ, тѣмъ легче на сердцѣ"; притомъ же я не желаю имѣть съ ней что-нибудь общее.

Если-же она когда-то наступила мнѣ на ногу до того больно, что вотъ до сихъ поръ я принужденъ лѣчиться въ чужихъ краяхъ, то это было давно; конечно за это никакъ не могу не пожелать ей всякаго добра, хотя-бы для того только, чтобы она никому больше не наступала на ногу такъ больно и такъ несправедливо. Все-таки признаюсь откровенно, что я больше не волнуюсь, когда говорю о ней.

Все это я высказалъ вамъ, чтобы сказать, какъ я былъ радъ, читая вашу статью, но при всемъ томъ не могу скрыть моего опасенія, что вы выступили противъ Академіи не во время; но разъ уже выступили, то мой совѣтъ не прекращать; надо давать всякій часъ по ложкѣ. Конечно, я вовсе не желаю (навѣрное и вы тоже), чтобы провалилась Академія, или деньги, которыя она получаетъ: Академія сама по себѣ превосходное зданіе, что и говорить, да и деньги, которыя она получаетъ ежегодно, тоже весьма почтенныя, съ ними можно сдѣлать много хорошаго. Я желаю только, чтобы провалилась, хоть сквозь землю, проклятая система, которая „во имя искусства" уничтожаетъ всякое самобытное искусство.

Это зданіе представлялось мнѣ всегда колоссальной мышеловкой, гдѣ широкой... да что тутъ толковать о ней; мое чувство, навѣрное, какъ чувство каждаго, кто имѣлъ случай провести въ стѣнахъ Академіи свою молодость, спитъ, пока не расшевелятъ его, а разъ пробуждается, то вмѣстѣ съ нимъ пробуждается и злоба и негодованіе. Пускай же первая кровь, которая показалась у меня изъ горла, падетъ на нее черпымъ пятномъ.

Ну, довольно, мнѣ приходится много волноваться, и поэтому я стараюсь щадить себя.

Навѣрное Алексѣй Петровичъ писалъ вамъ уже о нашемъ обществѣ, которое здѣсь развивается, хотя медленно, за то болѣе или менѣе основательно. Навѣрное вы получите скоро печатный уставъ, и тогда предоставляю вамъ самому судить о нашей цѣли. Если же найдете все хорошимъ, то, Бога ради, подайте намъ руку; мы нуждаемся въ сочувствіи, а еще больше въ добрыхъ людяхъ.

Говоря вкратцѣ, въ чемъ состоитъ наша цѣль, это, во первыхъ, помочь молодымъ художникамъ, желающимъ усовершенствоваться. Вы хорошо знаете, многимъ-ли изъ талантовъ удается побывать за границей? Я думаю, что не ошибусь, если скажу наугадъ, что десятая доля талантливыхъ художниковъ имѣла возможность побывать за границей, остальные же, увы, махнули рукой и остаются дома, сердиться на судьбу.

Кромѣ того, у насъ есть еще цѣль: мы желаемъ сблизить художниковъ и любителей. Вообще я надѣюсь, что когда вы прочтете нашъ уставъ, то увидите, что нашъ интересъ не есть интересъ только парижскій, а русскій вообще.

Конечно, намъ не совсѣмъ легко удалось все это состряпать.

Начались интриги, доносы въ родѣ того, что мы, молъ, хотимъ подъ видомъ благотворительности пропагандировать соціализмъ и т. д., но все это уничтожено было, когда ясно былъ выработанъ уставъ. Съ этимъ уставомъ мы обратимся къ каждому, кому дорого русское искусство и цивилизація вообще,—говоря проще, кому понравится уставъ, хотя бы какъ пара сапогъ, ну, тогда носи себѣ на здоровье, а намъ отъ этого только прибыль; кому же онъ будетъ давить, какъ сапогъ—мозоли, тогда, значитъ, уставъ не по твоей мѣркѣ скроенъ, отдай назадъ! Но я надѣюсь, что всякій честный человѣкъ, и въ особенности художникъ—отнесется къ этому сочувственно. Только одни злые чиновники могутъ на насъ сердиться, хотя бы для того только, чтобы выслужиться, какъ усердные и тупые рабы.

Теперь скажу нѣсколько словъ о себѣ, хотя, странно, о себѣ рѣшительно мнѣ нечего сказать. Я хлопочу, и цѣлый день топчусь до усталости, а все-таки ни съ мѣста! Меня утѣшаютъ тѣмъ, что это потому, что ничего серьезнаго я еще не начиналъ, и говорятъ, что самое серьезное, что я пока сдѣлалъ, это то, что пріѣхалъ сюда. Но наконецъ, что дѣлать: когда нехорошо на душѣ, то всякую чепуху принимаешь за утѣшеніе. Пока-же факты говорятъ, что вотъ цѣлую зиму я блуждаю и ничего не сдѣлалъ, значитъ однимъ произведеніемъ въ моей жизни меньше.

Нынѣшней зимой хотѣлъ я-было сдѣлать одну очень дерзкую по своей формѣ вещь. Это должно было быть нѣчто въ родѣ „Нападенія инквизиціи на евреевъ“, но пока думалъ и раздумывалъ, время ушло такъ быстро, какъ оно уходитъ въ Парижѣ!

Кромѣ того, несмотря на здѣшній превосходный климатъ, который очень хорошъ для всякаго желудка, и для моего въ особенности, все-таки карманъ мой сталъ чахнуть, такъ что я очень обрадовался, когда мнѣ предложили сдѣлать два бюста. И такъ, лѣкарство было подано во время, и карманъ мой спасенъ.

Кромѣ этихъ двухъ бюстовъ, я сдѣлалъ бюстъ Тургенева, очень удачный, въ глинѣ, но когда принесли его отлитымъ изъ гипса, я въ первый разъ сталъ проклинать скульптуру и благословлять живопись, до того бюстъ сталъ неузнаваемъ.

Теперь я устаю, въ хлопотахъ по устройству студіи—Rue Bayen, 31. Студія важная, та самая, про которую вы въ прошломъ году писали мнѣ.

Что вамъ больше сказать? Харламовъ сдѣлалъ смѣющуюся головку, и по краскамъ она дѣйствительно хороша. А. П. Боголюбовъ работаетъ неутомимо и удачно. А больше, право, не знаю, что сказать про нашихъ здѣшнихъ художниковъ.

Мой „Христосъ“ изъ мрамора и нѣсколько бюстовъ пріѣхали уже сюда; „Сократъ“ скоро окончится тоже. Увидимъ, что будетъ, а будетъ—ничего.

Какъ вы видите, дорогой И. Н., я говорилъ правду, что о себѣ нечего мнѣ сказать, остается только спросить, какъ вы поживаете и семейство ваше какъ?

Что картина ваша, подвигается? Пріѣдете-ли вы къ намъ на выставку? Если да, то мы заранѣе абонируемъ васъ на все время. Пишите только, когда именно вы думаете пріѣхать. Я совершенно забылъ поблагодарить васъ за хлопоты, которыя вы имѣли изъ-за меня. Я очень радъ, что на этотъ разъ комиссія отнеслась ко мнѣ болѣе благосклонно. Значитъ, всѣ мои работы будутъ на-лицо. Къ сожалѣнію, ихъ будетъ гораздо меньше, чѣмъ я предполагалъ. Будутъ всего: „Христосъ“, „Сократъ“, горельефъ „голова Христа“, „Иванъ Грозный“ и нѣсколько бюстовъ—вотъ и все. Портретъ-статую „Панина“ я думаю не выставлять, да притомъ же я тогда не успѣю кончить то, что задумалъ для выставки.

266. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 16 января 1878 г.

Съ охотою принимаюсь писать вамъ, хотя некогда и усталъ отъ хлопотъ и отъ работъ весьма не благодарныхъ—работать бюстъ съ фотографіи. Однако охотно работаю, такъ какъ это для барона Горація Гинцбурга, и столько-же охотно пишу.

Ваше письмо насчетъ Эліасика глубоко обрадовало меня. Я давно знаю, что онъ идеалистъ въ благородномъ смыслѣ этого слова; я очень радъ, тѣмъ болѣе, что и вы такого-же мнѣнія о немъ. До вашего письма я говорилъ съ Гораціемъ Гинцбургомъ о немъ, и онъ обѣщалъ увеличить стипендію. Только, какъ навѣрное вы уже знаете, старикъ Гинцбургъ умеръ [1]). Конечно не теперь, но все-таки скоро надѣюсь опять напомнить ему объ этомъ, буду стараться сдѣлать все, что возможно, и поскорѣе.

Здѣсь я нашелъ двухъ мальчиковъ евреевъ, тоже скульпторовъ. Они изъ Россіи. Тамъ есть общество для сиротъ, которое посылаетъ ихъ въ главныя столицы, для обученія разнымъ ремесламъ. И вотъ, между ними нашлись такіе, у которыхъ—положительно талантъ, хотя пока трудно опредѣлить, какой степени. Одного изъ нихъ рекомендовалъ мнѣ Тургеневъ, которому рекомендовалъ его въ свою очередь здѣшній скульпторъ, профессоръ. И вотъ стали хлопотать за него, и добрый Урій Гинцбургъ, братъ Горація, сейчасъ вызвался давать 50 франковъ въ мѣсяцъ. Кромѣ этого, Тургеневъ даетъ ему 20 франковъ, я же даю помѣщеніе, гдѣ ему спать, и работать подъ моимъ руководствомъ. Вотъ, какъ видите, онъ здѣсь втрое больше обезпеченъ, нежели нашъ маленькій другъ Гинцбургъ, да притомъ, какая разница! Оба юноши съ характеромъ, одинъ (здѣшній) черный хлѣбъ пока, а другой (въ Петербургѣ)—просто деликатесъ.

Послѣ этого, да и послѣ вашего письма, можете себѣ представить, какое сильное желаніе у меня явилось облегчить жизнь нашему Эліасику. Я надѣюсь, что это случится очень скоро.

Третьяго дня я перебрался въ мою новую студію, очень хорошую,

[1]) Іезевлій Гинцбургъ, отецъ барона Горація Іезевліевича Гинцбурга.

только пока хлопотливо устраиваться. Недавно мы перебрались на новую квартиру, Avenue Mac-Mahon, 5. Какъ мастерской, такъ и квартирой мы очень довольны.

Скажите, пожалуйста, вы ничего не говорите, пріѣдете-ли вы сюда на всемірную выставку? Я самъ разсчитываю, что навѣрное пріѣдете, только когда именно?

Нашъ художественный кружокъ подвигается здѣсь медленно, но это-то и хорошо, потому что основательно.

Навѣрное на-дняхъ пошлю вамъ печатный уставъ, пока же скажу только, кто именно выбранъ въ члены комитета: Тургеневъ, консулъ Кутани, Боголюбовъ, Ханыковъ, Татищевъ, баронъ Горацій Гинцбургъ, и между ними моя дражайшая персона. Признаюсь, я тутъ не на мѣстѣ, что я громко и заявилъ, но пристали, и я долженъ былъ принять. Почетный президентъ нашего общества—здѣшній нашъ посланникъ, человѣкъ очень хорошій, какъ кажется.

Кажется, я просилъ васъ, чтобы вы напечатали объ этой новости въ газетахъ, но вы этого не сдѣлали—не знаю почему. Если не сдѣлали, то тѣмъ лучше, потому что нужно молчать до поры до времени.

Статью Крамского я получилъ [1]), прочиталъ съ удовольствіемъ, но все-таки остаюсь при своемъ мнѣніи, что теперь было не время писать объ этомъ.

Вы сказали, что тамъ между прочимъ есть обо мнѣ и Рѣпинѣ, но о себѣ я не прочиталъ ни строчки, да онъ и хорошо сдѣлалъ: я хочу, чтобы забыли обо мнѣ въ Россіи, по крайней мѣрѣ на время.

Кажется, что Крамской знаетъ о моемъ желаніи и повторяю: онъ хорошо сдѣлалъ, что ничего не говорилъ обо мнѣ.

Что касается Анатолія Мамонтова, то тутъ такая путаница, что, право, трудно распутать, тѣмъ болѣе, что это зависитъ болѣе отъ него, нежели отъ меня.

Видите, когда я былъ въ Москвѣ въ первый разъ, мы съ нимъ познакомились у Гартмана. Онъ увидѣлъ фотографію съ „Ивана III“, и заказалъ мнѣ экземпляръ изъ бронзы. Я охотно взялся за это, думая, что эскизъ сохраненъ въ Римѣ. Я сдѣлалъ его почти передъ моимъ отъѣздомъ въ Россію, когда я ѣхалъ жениться, и поручилъ сохранить его. Пріѣхавъ назадъ въ Римъ, я увидѣлъ, что отъ „Ивана III“ остались только куски. Сталъ я собирать ихъ, но форму снять было невозможно; сталъ я копировать изъ воска, но и тутъ было не совсѣмъ удачно: воскъ оказался твердый. Такъ дѣло и осталось. Между тѣмъ, пріѣхалъ я во второй разъ въ Москву, и передаю ему все, что случилось; при этомъ предлагаю выбрать одно изъ трехъ: или взять тѣ 100 рублей назадъ, которые я получилъ, или взять за это что-нибудь другое изъ моихъ работъ, или же, наконецъ, ждать, когда у меня будетъ возможность сдѣлать эту статуэтку снова. Онъ отъ денегъ рѣшительно отказался, что-нибудь другое взять изъ моихъ

---

[1]) Статья Крамского: «Судьбы русскаго искусства», № III, напечатанная въ «Новомъ Времени», № 647.

работъ тоже не пожелалъ, а желаетъ ждать. Я же, признаюсь, и забылъ объ этомъ. Теперь, что мнѣ дѣлать: оригиналъ пропалъ, начатое изъ воска стоитъ у меня до сихъ поръ только въ Римѣ, а перевести оттуда сюда мудрено. Что мнѣ тутъ дѣлать? Неужели всѣ остальныя мои работы ничто въ сравненіи съ „Иваномъ III“? Если онъ будетъ сильно настаивать, то дѣлать нечего—сдѣлаю кое-какъ, насколько сумѣю.

Кстати, пожалуйста, спросите у Беггрова, продана-ли голова „Ивана Грознаго“ изъ бронзы?

А знаете ли, кто купилъ бюстъ „Петръ I“? Художникъ Громэ—это меня отчасти радуетъ: значитъ, онъ еще не такъ скверенъ.

Я разъ какъ-то сказалъ, когда меня спросили, гдѣ теперь находится „Петръ I“: „Можетъ быть онъ уже и не существуетъ“. Горацій Гинцбургъ желаетъ взять его и отлить изъ бронзы для себя, только для того, чтобы онъ не пропалъ. Но я этого не желаю: вопервыхъ, потому, что отъ этого мнѣ не будетъ ни тепло, ни жарко; во-вторыхъ у „Петра“ дѣйствительно есть недостатки, чисто техническіе. Ну, а если такъ, то пускай онъ лучше пропадетъ!

Хорошо, что я успѣлъ кончить бюстъ стараго Гинцбурга: какъ разъ въ тотъ день, какъ я кончилъ, онъ захворалъ.

267. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, получено 31 января 1878 г.

. . . . Конечно ваше молчаніе не безъ причины, но между тѣмъ мнѣ очень важно знать: беретъ-ли Комитетъ голову „Петра I“, а также и „Ивана Грознаго“ на всемірную выставку. Вѣдь срокъ приближается.

Насчетъ Эліасика я уже говорилъ съ Гораціемъ Гинцбургомъ: конечно, онъ не отказывается увеличить ему стипендію, но насколько именно—объ этомъ я не знаю еще. Конечно, я хочу возвратить ему то, отъ чего онъ самъ отказался. Но вотъ опять бѣда: я не могу теперь идти къ нему—у нашего ребенка корь, и въ такихъ случаяхъ приходится цѣлыхъ три недѣли жить отшельникомъ. Но я думаю, что въ воскресенье онъ будетъ у меня въ мастерской, которая наконецъ кое-какъ устроена, и тогда я переговорю съ нимъ окончательно.

Надѣюсь, что на будущей недѣлѣ я возьмусь наконецъ за работу. Конечно, къ выставкѣ я ничего не успѣю сдѣлать, но хочу непремѣнно начать работать, хоть для того, чтобы на душѣ не было такъ тяжело, а то время идетъ, идетъ, здоровье идетъ, идетъ, деньги идутъ, идутъ, а досада растетъ, растетъ до колоссальныхъ размѣровъ.

Кажется, я уже писалъ вамъ, что Горацій Осиповичъ Гинцбургъ хочетъ отлить изъ бронзы „Петра I“, такъ какъ я отдалъ одинъ экземпляръ въ его распоряженіе,—оказывается, что онъ хочетъ отлить „Петра“ для того, чтобы поднести эту статую Государю, для постановки ея на дворѣ Арсенала. Я омылъ свои руки, и убѣдительно просилъ его дѣлать, что онъ хочетъ, только не отъ моего имени. Я попалъ!! Ка-

жется, онъ именно хотѣлъ сдѣлать это отъ моего имени. Но я надѣюсь, что онъ уважитъ мою просьбу, и не сдѣлаетъ того, что мнѣ непріятно. Скажите, Бога ради, зачѣмъ вмѣшивать меня туда? Развѣ для того, чтобы мнѣ получить крестъ за храбрость. Нѣтъ, слуга покорный, я могу сидѣть дома, крестовъ не получать, а постукивать рѣзцомъ. Но какъ-бы то ни было, поступокъ Горація Осиповича удивляетъ меня. Этотъ человѣкъ достоинъ всякаго уваженія и глубокой любви.

Что еще сказать вамъ? Ну, вотъ, хоть то, что „Христосъ" изъ мрамора стоитъ у меня въ мастерской, и хотя его ни одинъ художественный глазъ еще не видѣлъ, но я уже знаю, что онъ пройдетъ здѣсь незамѣченнымъ,—по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется. Когда у меня будетъ больше досуга, я непремѣнно опишу вамъ мои наблюденія и выводъ относительно французовъ, а главное, здѣшнихъ художниковъ; теперь же я воздержусь. Скажу вамъ только одно, что я ничуть не падаю духомъ передъ ними, а напротивъ, они даютъ мнѣ смѣлость и увѣренность въ себѣ, хотя они сами по-себѣ, а я самъ по-себѣ. До сихъ поръ между нами ничего общаго нѣтъ, нѣтъ! (вѣдь нужно же быть такимъ самоувѣреннымъ и нахальнымъ, какъ я!

Ну, простите, что я прерываю письмо,—не даютъ писать—ребенокъ плачетъ, а жена сильно устала. Пишите же вы, пожалуйста скорѣе.

Что съ головой „Іоанна Грознаго", которая находится у Беггрова?

268. Къ нему же.

Парижъ, получено 18 февраля 1878 г.

Ваше письмо, котораго я съ нетерпѣніемъ ждалъ, я наконецъ получилъ. Очень благодаренъ вамъ за всѣ отвѣты на мои вопросы. Къ сожалѣнію, я тамъ не нашелъ главнаго отвѣта на мой главный вопросъ, а именно: я давно спрашивалъ у васъ относительно „Ивана Грознаго": я хочу непремѣнно, чтобы онъ здѣсь былъ, если не на всемірной выставкѣ, то по крайней мѣрѣ въ „Salon". Я просилъ, чтобы комиссія выставки взяла его съ собою, а также и голову „Петра I", которая находится у Horace Ginzbourg'а въ Петербургѣ. На эти вопросы я до сихъ поръ не имѣю отъ васъ никакого отвѣта; между тѣмъ выставка у васъ тамъ уже открыта, вещи собираются, а времени становится мало, даже черезчуръ мало. Скажите мнѣ, Бога ради, что мнѣ дѣлать? Вѣдь я не знаю, какъ тутъ быть. Если коммиссія не хочетъ брать ни „Ивана Грознаго" изъ гипса, ни „Петра I" (мраморная голова), то чортъ съ ними! Не въ томъ можетъ быть для меня остановка! Въ такомъ случаѣ я самъ попрошу Горація Осиповича Гинцбурга переслать мнѣ голову, а также вытребую „Ивана Грознаго" изъ Рима, хотя тамъ не совсѣмъ хорошій слѣпокъ: время уже довольно испортило его. Но что дѣлать—разъ забралъ что-нибудь въ голову, освободиться или отстать отъ этого—очень трудно для меня.

И такъ, убѣдительно прошу васъ, если комиссія не беретъ гипсовый слѣпокъ „Ивана Грознаго“ и голову „Петра“, то по крайней мѣрѣ не замедлите дать мнѣ знать объ этомъ, чтобы знать, какъ мнѣ тутъ быть.

Относительно Эліасика, кажется, улажено: Горацій Осиповичъ сказалъ мнѣ, что уже написалъ въ Петербургъ, чтобы тамъ выдавали ему то, что ему нужно, т.-е. увеличить стипендію.

Что касается Ропета, то въ нашихъ поступкахъ мы оба виноваты, и въ этомъ отношеніи я очень радъ, что я тутъ не одинъ; впрочемъ постараюсь быть у него на-дняхъ еще разъ, хотя думаю, что у него можетъ найтись больше свободнаго времени, чѣмъ у меня.

Что касается сюжета „Софіи“, то могу утѣшить васъ, что сюжетъ этотъ не пропалъ. Я слышалъ, что Рѣпинъ теперь работаетъ на этотъ сюжетъ. Я очень радъ, что онъ наконецъ-то взялся за историческую живопись. Это-то и есть настоящая дорога его. Я никогда не былъ согласенъ съ тѣми, которые утверждали, что онъ „жанристъ“, болѣе, нежели „историкъ“. У Рѣпина слишкомъ богатая душа, а гдѣ онъ можетъ излить свою душу въ краскахъ? На страницахъ русской исторіи. Въ это я крѣпко вѣрю. Дай Богъ, чтобы онъ въ этомъ не остылъ.

Я же работаю что-то другое, что, надѣюсь, обрадуетъ васъ, когда оно будетъ готово. Однако, это не „Инквизиція“.

Между прочимъ я долженъ сказать, что я получилъ заказъ отъ Горація Осиповича—„Спинозу“!!!

Это случилось вчера только, пока еще окончательно не договорено, но думаю, что слова его совершенно достаточно. Я нарочно спряталъ эту пріятную новость для васъ на десертъ къ этому письму.

Простите, что сегодня я мало пишу вамъ, мнѣ какъ-то нездоровится вотъ уже больше недѣли: простудился, и желудокъ гуляетъ у меня, да и нервы тоже не отстаютъ.

Вотъ Маркъ, который ждетъ отъ васъ съ нетерпѣніемъ скораго отвѣта.

269. Къ нему же.

Парижъ, получено 5 марта 1878 г.

Навѣрное вы уже видѣлись съ Гораціемъ Осиповичемъ — слѣдовательно вкратцѣ знаете обо мнѣ. Также онъ навѣрное показалъ вамъ картину сына его, Марка. Что скажете про эту картину? По-моему, если-бы онъ продолжалъ, изъ него вышелъ-бы замѣчательный колористъ; къ сожалѣнію, онъ боленъ. Я очень радъ, что картина его была принята для посылки на всемірную выставку—для мальчика это хорошее поощреніе.

Въ прошломъ письмѣ вы сказали, что будете писать о произведеніяхъ, назначенныхъ на всемірную выставку. Если вы уже написали, то, пожалуйста, пришлите. Что Рѣпинъ посылаетъ? Есть-ли много скульптурныхъ работъ? Высланъ-ли „Иванъ Грозный“? Отчего не взяли бюстъ „Петра I“? Этотъ бюстъ я очень люблю.

Наконецъ-то я видѣлся съ Ропетомъ. Я очень радъ, что откопалъ его, но насчетъ выставки онъ ничего не можетъ сдѣлать для меня, да притомъ теперь оно и не нужно.

Что касается до меня, то я все еще не взялся за серьезную работу. Я уже-было приступилъ къ работѣ „Акробатовъ", все было готово для этого, но меня отвлекъ заказъ. Я долженъ сдѣлать шесть бюстовъ. Въ другое время я-бы и руками и ногами отказался отъ этого, но въ такія тяжелыя времена, какъ теперь, я принялъ этотъ заказъ тѣми-же руками и ногами. Что дѣлать—постоянно идти противъ теченія нѣтъ силъ: приходится останавливаться для отдыха. А я крѣпко жалѣю, что не началъ „Акробатовъ". Можетъ-быть, если-бъ началъ, то, несмотря на то, что деньги до крайности нужны, я-бы все-таки не бралъ этого неинтереснаго заказа.

Кажется, я уже писалъ вамъ, что статуя „Христосъ" уже здѣсь у меня въ мастерской. Видно, что она дѣлаетъ впечатлѣніе на всѣхъ: на-дняхъ даже явилась статья о ней (получайте!). Статью написалъ Віардо, обо мнѣ онъ писалъ чортъ знаетъ какъ, уже какъ истинный врагъ, какъ французъ, но о „Христѣ" онъ отозвался очень тепло. Впрочемъ, все то, что онъ писалъ обо мнѣ — это не его вина, навѣрное кто-то ему такъ передалъ. Третьяго дня былъ у меня Ренанъ, на котораго „Христосъ" сдѣлалъ тоже сильное впечатлѣніе: онъ долго смотрѣлъ и восторгался. Но все это я пока очень мало беру въ соображеніе. Конечно, мнѣ пріятно слушать мнѣніе отъ людей, которыхъ уважаю, но все это не обезпечиваетъ успѣха. Помните, когда я выставлялъ на день эскизъ Пушкина, какъ восхищались этимъ эскизомъ, а потомъ, когда выставилъ его передъ публикой, то какъ затоптали его!

Теперь я жду сюда статую „Сократа" изъ мрамора, а также статую „Христа" изъ бронзы, да еще одну портретную статую, тоже изъ бронзы.

Посылаю вамъ уставъ нашего здѣшняго кружка. Онъ постоянно все расширяется. Теперь у насъ идетъ лотерейный розыгрышъ въ пользу сиротъ, оставшихся послѣ войны. Каждый художникъ далъ изъ своихъ работъ кое-что, а любители дали разныя художественныя вещи. Все это разыгрывается въ пять тысячъ франковъ—по пяти франковъ билетъ. Билеты почти всѣ уже розданы. Какъ видите, мы дѣлаемъ больше, чѣмъ художники въ Россіи.

Какой чудный портретъ сдѣлалъ Харламовъ—просто прелесть! [1] Я слышалъ, что Верещагинъ здѣсь, но никто не видитъ его.

270. Къ нему же.

Парижъ, получено 12 марта 1878 г.

Меня сильно напугали, увѣряютъ, что работы мои не будутъ всѣ приняты на всемірную выставку, просто потому, что можетъ пріѣхать сюда для разстановки вещей вовсе не тотъ, кто обѣщалъ, и что я тогда

[1] Портретъ знаменитой Віардо-Гарсіа.

не могу выставить сколько мнѣ угодно, и разставить ихъ, какъ мнѣ угодно. Конечно, если сюда пріѣдетъ г. Сомовъ, тогда нечего и говорить, что все будетъ устроено, какъ слѣдуетъ. Онъ—человѣкъ съ пониманіемъ искусства, и я надѣюсь, что когда онъ увидитъ мои работы, то сдѣлаетъ все, что возможно будетъ сдѣлать. Но если не онъ пріѣдетъ, а Богъ знаетъ кто? И вотъ, въ такомъ случаѣ я очень и убѣдительно прошу васъ спросить: кто именно сюда ѣдетъ, чтобы размѣстить произведенія. И, если не г. Сомовъ, то я попрошу комиссію прислать мнѣ бумагу съ тѣми же словами, которыя вы передали мнѣ.

Надѣюсь, что вы и это сдѣлаете ради меня и ради моихъ работъ, потому что, если дадутъ мнѣ скверное мѣсто, я все-таки рѣшительно откажусь выставить ихъ. Я это говорю только вамъ, такъ какъ нисколько не хочу стращать этимъ; знаю хорошо, что никто не испугается. Но я надѣюсь, что до того и не дойдетъ, и что хорошее мѣсто получу, если г. Сомовъ пріѣдетъ. Если-же нѣтъ, то мнѣ надо отъ комиссіи бумагу — иначе тутъ можетъ выйти недоразумѣніе: тотъ, кто будетъ разставлять, имѣетъ право выгнать меня съ выставки и помѣстить всѣ вещи по-своему: я тутъ дескать хозяинъ, а вы кто?

Все это передаю вамъ послѣ долгаго спора объ этомъ. Бога ради, успокойте меня, и дайте скорый отвѣтъ. Новостей у меня нѣтъ, жду отъ васъ чего-нибудь новаго.

271. Къ нему же.

Парижъ, получено 4 апрѣля 1878 г.

Мнѣ все никакъ не удается побесѣдовать съ вами отъ души. Странно, какой городъ Парижъ! Здѣсь время бѣжитъ, какъ нигдѣ, и все некогда, хотя бы даже ты ничего не дѣлалъ.

Впрочемъ, это послѣднее не совсѣмъ правда: въ послѣднее время я очень много работаю; къ сожалѣнію, все это не то, чего бы я желалъ. Въ послѣднее время мой карманъ сталъ хворать сильно, а какъ лѣкарство, я глотаю бюсты, каждыя двѣ недѣли по одному, и это спасаетъ меня.

Между тѣмъ, сюда пріѣхалъ „Сократъ“ изъ мрамора, но голова и тѣло были до того плохо выполнены, что я просто не узналъ его. Дѣлать было нечего, я самъ сталъ работать, и работалъ съ азартомъ, за то съ успѣхомъ. Теперь онъ уже почти оконченъ, и по понедѣльникамъ его можно видѣть у меня въ студіи. Я долженъ сказать, что какъ ни нравится „Христосъ“, но „Сократъ“ нравится гораздо болѣе. Это общій голосъ, за исключеніемъ одного. Но гораздо лучше подождемъ, и тогда увидимъ, когда они будутъ выставлены на всемірной выставкѣ. Впрочемъ, я и не ручаюсь за то, что они будутъ выставлены.

Скажите Бога ради, не совѣстно-ли Академіи, что они не берутъ моего бюста „Петра“, собственно потому, что дорого обойдется его провозъ. Вѣдь только одинъ бюстъ!! Неужели ничего другого изъ скульптуры они не берутъ по той же причинѣ. Ну, а „Ивана Гроз-

наго“ допроситься нельзя? Такъ пускай-же они знаютъ, что я не собака, чтобы лизать палку, которою меня бьютъ. Я съ моими средствами самъ притащилъ всѣ мои работы сюда, и ни отъ кого не просилъ, чтобы помогли мнѣ. Но я не стерплю, если со мною опять начнутъ разыгрывать ту же комедію, что была на Вѣнской выставкѣ! И такъ, очень можетъ быть еще, что я сдѣлаю самостоятельную выставку, если голова „Петра“, и въ особенности „Иванъ Грозный“, не будутъ на всемірной выставкѣ.

Пожалуйста, напишите, когда именно г. Сомовъ уѣзжаетъ изъ Петербурга сюда: хочу свидѣться съ нимъ и переговорить—у меня только одна надежда на него. Буду также особенно радъ, если нашъ общій знакомый Собко пріѣдетъ тоже.

Скажите, пожалуйста, видѣли-ли вы Г. О. Гинцбурга? Онъ ѣдетъ сюда, и останется только нѣсколько дней. Но мнѣ хочется знать, что съ Эліасикомъ насчетъ стипендіи. Чѣмъ все это кончилось? Если до сихъ поръ ничѣмъ, то, повторяю, я вовсе не намѣренъ это оставить такъ, и непремѣнно отыщу случай дѣло поправить.

Что касается до статьи, которую Віардо написалъ о моихъ работахъ, то, по-моему, она очень странная; въ особенности онъ говоритъ обо мнѣ, Богъ знаетъ что. Если она васъ интересуетъ, я пошлю вамъ ее вмѣстѣ съ нашимъ уставомъ здѣшняго общества.

А что касается передвижной выставки, то нахожу, что это дѣло весьма хорошее, и желаю ей всѣхъ благъ, но послѣ той комедіи, которую они сыграли со мной съ „Иваномъ Грознымъ“, участвовать въ ней я не желаю, до тѣхъ поръ, пока не сквитаемся. А вы знаете меня, я слово люблю сдерживать.

Меня очень и очень радуетъ за Рѣпина. Дай Богъ, чтобы онъ поднялся какъ можно выше! Я никогда не отчаявался въ немъ, несмотря на то, что было время, когда всѣ жужжали, что-молъ Рѣпинъ пошелъ назадъ.

Что касается до насъ лично, то въ общемъ итогѣ мы здравствуемъ, но не совсѣмъ еще, какъ-бы этого хотѣлось.

Хотѣлось бы мнѣ наконецъ поговорить съ вами обо всемъ томъ, что я видѣлъ здѣсь въ Парижѣ, о результатѣ моихъ впечатлѣній, но для этого надо гораздо больше времени и спокойствія, чѣмъ у меня теперь есть, да притомъ самый Парижъ не скоро разглядишь, чтобы серьезно говорить о немъ. И такъ, лучше говорить о немъ не торопясь. Скажу вамъ только, что для меня въ Парижѣ, несмотря на всю его прелесть, многія стороны очень загадочны. Мнѣ кажется, что ни у одного человѣка не сидятъ такъ крѣпко двѣ души въ одномъ тѣлѣ, какъ у француза. Въ особенности же меня очень смущаетъ ихъ традиція въ искусствѣ: виртуозная сторона въ этомъ дѣлѣ у нихъ раньше всего и выше всего, и даже это—все, чего они желаютъ отъ искусства. Это теперь общее стремленіе и требованіе (я говорю здѣсь исключительно о художникахъ). Думаю, что народъ, и въ особенности интеллигентная часть чутка ко всему, и пускай только явится геній, онъ ихъ непремѣнно всѣхъ увлечетъ. Но пока у нихъ—Бонна (Bonnat) и

Каролюсъ Дюранъ (Carolus Durand) — боги; несмотря на то, что оба они только портретисты, т.-е. настоящіе виртуозы, въ томъ смыслѣ, какъ это бываетъ у музыкантовъ, которые превосходно разыгрываютъ то, что передъ ихъ глазами лежитъ написанное, но создать отъ себя, творить онъ не можетъ.

272. Къ С. И. Мамонтову.

Парижъ, весна 1878 г.

Если-бы вы знали, какъ часто рвешься написать вамъ хоть нѣсколько строкъ, мой дорогой другъ С. И., вы бы навѣрное не только не сердились на меня за мое долгое молчаніе, но даже и простили бы меня. Я очень жалѣю, что мнѣ не удается побесѣдовать съ вами и съ вашей старушкой такъ по душѣ; не проходитъ дня, чтобы я не вспомнилъ васъ, если не въ разговорѣ съ кѣмъ-нибудь, то хоть въ письмѣ: ужъ очень хотѣлось бы повидать васъ и отъ души побесѣдовать досыта.

Ваше послѣднее письмо очень обрадовало меня, какъ всѣ письма ваши вообще, но оно очень огорчило меня тѣмъ, что вы снова погружены въ матеріальныя дѣла, отъ которыхъ душа черствѣетъ и страдаетъ. Въ такія минуты надо надѣвать, на защиту души, желѣзный панцырь, выкованный изъ силы воли, для того, чтобы душа не стала именно такой. Конечно, мнѣ гораздо легче совѣты давать, нежели вамъ ихъ принимать, а въ особенности исполнять, но повторяю, надо это дѣлать по возможности. Впрочемъ, я надѣюсь, вѣрю и убѣжденъ, что, какъ бы вы ни были погружены въ эти болотныя дѣла, вы все-же въ концѣ-концовъ выйдете изъ всего этого побѣдителемъ.

О нашей жизни нечего и говорить. Вотъ гдѣ живется хорошо! Но надо было бы жить въ три раза больше, чтобы вездѣ побывать и всѣхъ повидать. И какъ я ни не люблю этого, какъ я ни стараюсь экономить время, чтобы раньше всего поработать, все же значительную часть дня поневолѣ отдаешь этому. Вотъ главное, что меня смущаетъ здѣсь; а что касается до остального, то, въ строгомъ смыслѣ говоря, жаловаться я не могу. Климатъ здѣшній, несмотря на его сѣроватость и частую блѣдность, все же лучше для меня, нежели римскій. Общества и знакомыхъ здѣсь набралось много, такъ что часто приходится отмахиваться отъ нихъ. Можетъ быть, среди нихъ и есть хорошіе люди, и можетъ быть даже очень хорошіе, но ни единаго не могу назвать серьезнымъ другомъ: впрочемъ, такого и не скоро сыщешь.

Что касается моихъ работъ, то, во-первыхъ, я раньше всего долженъ сказать, что мои работы здѣсь уже на-лицо, студія у меня есть хорошая, и онѣ поставлены довольно удачно. Ко мнѣ ходитъ очень много народа и, какъ видно, всѣмъ сильно все нравится. До сихъ поръ стояли мои всѣ работы, за исключеніемъ „Сократа", и среди нихъ конечно властвовалъ „Христосъ", и, какъ видно, произвелъ на всѣхъ желаемое впечатлѣніе, въ томъ числѣ и на Ренана. Теперь же

пріѣхалъ сюда и „Сократъ", къ сожалѣнію, въ такомъ печальномъ видѣ, въ особенности голова и тѣло, что просто не узнать въ немъ оригинала. Дѣлать было нечего, сталъ я работать молоткомъ съ азартомъ и увлеченіемъ, и теперь все это кончено; конечно это было къ лучшему, во-первыхъ оттого, что опять я могъ докончить его такъ, какъ самъ чувствую, а во-вторыхъ потому, что теперь можно сказать, что онъ былъ законченъ мною. Я долженъ сказать, что, какъ ни нравится „Христосъ", какъ ни старались всѣ разсыпаться въ похвалахъ ему, все же видно, что „Сократъ" преобладаетъ; впрочемъ, есть люди, которымъ „Христосъ" больше нравится, и прибавлю, что въ Италіи „Сократъ" остался непонятымъ, за то „Христа" до настоящаго времени все еще славятъ; вотъ не далѣе, какъ третьяго дня, я получилъ изъ Флоренціи (гдѣ отливается статуя „Христа" въ натуральную величину) такое восторженное посланіе, что даже счелъ его крайностью. Между прочимъ получилъ я отъ тамошняго одного ученаго, Де-Губернатиса, даже сонеты въ стихахъ (экій старина!).

Между прочимъ, я долженъ сказать, что у меня былъ Поляковъ, съ котораго я сдѣлалъ бюстъ (какъ говорятъ, очень удачный), и ему понравился „Христосъ" до того, что онъ хотѣлъ пріобрѣсть его, если-бы онъ не былъ проданъ; но я сказалъ, что раньше, чѣмъ фигура явилась на свѣтъ, она уже принадлежала вамъ.

Скажите, ради Бога, какое мѣсто ему предназначено, т. е. главное—какое освѣщеніе вы для него устраиваете? Бога ради, пощадите меня и позаботьтесь о моемъ дѣтищѣ и о своемъ произведеніи, какъ художникъ съ артистической душой. Я говорю это потому, что думаю не выставлять его ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ публично, дабы не возбуждать нашихъ дурацкихъ фарисеевъ, которыхъ у насъ во сто тысячъ разъ больше, чѣмъ гдѣ-либо—больше потому, что они властвуютъ надъ всѣмъ, какъ нигдѣ. Вѣдь представьте себѣ, что здѣшній посланникъ не ѣдетъ ко мнѣ въ студію лишь потому, что не можетъ допустить, чтобы еврей сдѣлалъ Христа — каково! А между тѣмъ другіе посланники бываютъ. Вотъ и оправдалась пословица: „Нельзя быть пророкомъ въ своемъ отечествѣ". И такъ, очень можетъ быть, что у васъ будетъ единственное мѣсто, гдѣ его можно будетъ видѣть.

О моихъ новыхъ работахъ, къ сожалѣнію, нечего сказать. Чтобы пережить теперешнее тяжелое время, которое отразилось раньше всего на искусствѣ, я поневолѣ долженъ работать бюсты; это для меня просто тяжело, но дѣлать нечего. Впрочемъ, мнѣ и невозможно было взяться въ текущую зиму за что-нибудь серьезное. Было очень много разныхъ хлопотъ; все рвался начать что-нибудь, такъ до сихъ поръ и рвусь напрасно. И такъ все, что я сдѣлалъ нынѣшней зимой, это всего только пять бюстовъ, которые болѣе или менѣе удачны. Жаль только, что бюстъ Тургенева не такъ удаченъ, какъ я желалъ бы того.

Мое финансовое положеніе теперь таково же, какъ всегда: надеждъ много, а денегъ мало. Буду же я надѣяться, что это когда-нибудь кончится. Это будетъ, вѣрно, зависѣть отъ того, какъ курсъ

мой будетъ стоять на здѣшнемъ художественномъ рынкѣ. Будемъ-же надѣяться, что будетъ хорошо.

Бога ради, простите меня, что до сихъ поръ я не могу отдать вамъ своего долга. Я часто думаю о немъ, и при первой возможности возвращу вамъ съ величайшей благодарностью. Вы, конечно, такъ добры, что даже не напоминаете объ этомъ, но мнѣ не вспоминать невозможно: я и не забываю.

Между прочимъ, скажу вамъ, что „Христосъ" отлитъ изъ бронзы и на-дняхъ сюда пріѣдетъ. Увидимъ, изъ чего онъ будетъ лучше!

Я совсѣмъ позабылъ поблагодарить васъ за то, что вы исполнили мою просьбу относительно молодого инженера Каца. Этимъ вы сдѣлали мнѣ большое одолженіе.

Что касается нашего художественнаго кружка, то, конечно, васъ и вашу старушку выбрали въ члены единогласно, и я со своей стороны благодаренъ имъ. Вмѣстѣ съ письмомъ посылаю нашъ уставъ. Вы спрашиваете, какія у васъ обязанности? Очень простыя; если не больно много будетъ, пришлите 100 р. за васъ обоихъ.

Общество подвигается очень хорошо; въ нынѣшнемъ году мы собрали больше 10.000 франковъ, изъ которыхъ 5.000 франковъ въ пользу раненыхъ. Это было собрано съ лотереи, въ которой разыграли здѣсь художественныя вещи, пожертвованныя этимъ обществомъ.

Три раза прерывали меня, и все не могу кончить этого письма, потому что пишу, какъ только есть свободная минута, а когда она приходитъ, чувствую себя до того усталымъ, что не знаю, что пишу.

Я теперь работаю семейство Полякова, т.-е. бюсты всей семьи. Я долженъ сказать, что дѣти его очень симпатичны, но есть между ними далеко не красивыя; онъ же самъ вышелъ у меня удачно; но сказать, что интересно работать безъ содержанія, я не могу, тѣмъ болѣе, что я вовсе не хочу записаться въ портретисты. И такъ я теперь работаю даже два бюста заразъ—утромъ одинъ, а вечеромъ другой. Можете себѣ представить, до чего я устаю! Повторяю, дѣлать нечего, можетъ быть это будетъ уже мой послѣдній заказъ, можетъ быть удастся послѣ того работать уже то, что хочу, а не то, что приказываютъ. Представьте себѣ, что нѣкто предложилъ мнѣ сдѣлать „Моисея" въ колоссальномъ размѣрѣ, конечно изъ мрамора. Этому предложенію я, конечно, обрадовался, тѣмъ болѣе, что объ этой статуѣ я давнымъ-давно думаю. И я взялся бы за нее, если бы она не была задумана въ грандіозныхъ размѣрахъ и не пришлось бы на нее посвятить года два времени. А чтобы начать такую работу, надо запастись провіантомъ, чтобы въ теченіе этого времени карманъ не охалъ и не кряхтѣлъ, да притомъ надо обезпечить себя, чтобы возможно было выполнить его изъ мрамора; а между тѣмъ, теперь такое бурное время, что думаешь лишь, какъ бы спасти свой дражайшій желудокъ.

И такъ, я обрадовался, что подобный заказъ самъ является; но когда я сталъ разсказывать тому человѣку, какъ думаю изобразить

„Моисея“, что хочу его представить сидящимъ, мнѣ возразили: „Нѣтъ, какъ можно сидящимъ! Напротивъ, я его представляю себѣ стоящимъ, имѣющимъ жестокій профиль!!“ И такой невѣжда въ искусствѣ представляетъ себѣ, что смыслитъ что-нибудь въ художественномъ творчествѣ. Послѣ этого я объявилъ, что лучше не исполню этой работы, чѣмъ дѣлать иначе, чѣмъ чувствую. И такъ, я лучше и не стану дѣлать. А жаль, право. Я думаю, что „Моисей“, какъ я его задумалъ, былъ-бы самымъ лучшимъ моимъ созданіемъ.

Пора кончить это письмо, а не то, пожалуй, опять не дадутъ кончить.

Если-бы вы знали, какъ намъ непріятно то, что вы не будете на всемірной выставкѣ [1]). Точно свадьба безъ жениха. Но не буду распространяться объ этомъ, потому что непріятно мнѣ даже говорить и вспоминать объ этомъ. Лучше буду надѣяться, что, Богъ дастъ, вы сдѣлаете намъ сюрпризъ. Вотъ-то будетъ балъ! Я тогда непремѣнно выпью, одинъ, бутылку шампанскаго!

273. Ел. Гр. Мамонтовой.

Парижъ, 20 апрѣля (3 мая) 1878 г.

Не писалъ я просто потому, что некогда; кромѣ того, хлопочу, бѣгаю, при этомъ работаю самую прозаичную работу, которая противна мнѣ, а дѣлать нечего, надо заниматься прозой, хотя-бы для того, чтобы потомъ была возможность заниматься поэзіей. Кромѣ того, городъ такъ великъ, а шаги человѣческіе такіе короткіе, что очень трудно располагать временемъ такъ, чтобы и волки были сыты, и козы цѣлы. Ко всему этому надо еще прибавить, что нигдѣ время такъ быстро не идетъ, какъ здѣсь. Чтобы не разбросаться, надо держать себя крѣпко въ рукахъ, иначе непремѣнно попадешь въ общій водоворотъ и поплывешь съ теченіемъ массы, по поверхности жизни, всего касаясь, но ни къ чему не прицѣпляясь. Здѣшняя жизнь очень заманчива, особенно для не-парижанъ, а еще болѣе для тѣхъ, кто не знаетъ жизни. Я-же, грѣшный человѣкъ, стараюсь жить, какъ хочу, а не какъ Парижъ велитъ. Впередъ не могу хвастаться, что мнѣ это удастся, но обѣщаю, что буду стараться. Задача не совсѣмъ легкая, особенно пока я не совсѣмъ упрочилъ себя здѣсь. Время идетъ быстро, и некогда даже письменно передать все то, что приходится каждый день передумывать и перечувствовать. За это я уже наказанъ тѣмъ, что мои друзья платятъ мнѣ той-же монетой, и мнѣ приходится по мѣсяцамъ сидѣть, не услыхавъ ни отъ кого ни слова. Впрочемъ этому я и не удивляюсь: теперь мы переживаемъ такое время, когда каждый поневолѣ думаетъ о себѣ, сидитъ съежившись и прячется, какъ птица во время бури. О теперешнемъ состояніи русскаго человѣка можно много говорить, но я предпочитаю лучше молчать, ждать, ждать и ждать, авось лучше будетъ, или же тер-

---

[1]) 1878 года.

пѣніе лопнетъ. И такъ, буду говорить обо всемъ, о чемъ угодно, только не о томъ, что волнуетъ меня. Я человѣкъ, у котораго душа маленькая, а если я ее еще взволную, то отъ нея ничего не останется.

Я такъ давно не писалъ вамъ, что теперь не знаю, съ чего начать. Ну, начну хоть съ того, что сегодня происходитъ открытіе выставки, составляющей гордость республиканскаго правленія. Къ сожалѣнію, время далеко не благопріятствуетъ этому предпріятію, а особенно сегодняшній день, дождь и солнце чередуются одинъ съ другимъ. Въ началѣ былъ дождь, потомъ показалось солнце, точно для того, чтобы выманить парижанъ на улицу и угостить ихъ холоднымъ душемъ. Ну, и былъ же ливень на славу! (Бонапартисты радуются этому, вотъ антипатріоты). Да и намъ, признаюсь, нечего радоваться, что затѣяли выставку. Мнѣ кажется, что она будетъ въ старомъ платьѣ, только съ новыми рукавами. Все, что было на всѣхъ выставкахъ, а на Вѣнской въ особенности, все это будетъ здѣсь вновь выставлено, но будутъ и новыя произведенія. Какъ-бы то ни было, отъ души желаю имъ всего хорошаго, тѣмъ болѣе, что и я участвую на выставкѣ со всѣми моими работами. Русскій отдѣлъ, конечно, не только не готовъ еще, но даже картины не пріѣхали. Утѣшаютъ, что въ концѣ мая будетъ готово. Дай Богъ. Только спрашивается, отчего-же до сихъ поръ не готово? У меня была возможность быть на открытіи выставки. Я не люблю всякаго рода офиціальностей, а потому предпочелъ послать жену, а самъ остался въ студіи, наединѣ, что такъ рѣдко случается со мною въ послѣднее время. Началъ работать, но работа такая прозаичная, что я бросилъ, и радъ побесѣдовать съ вами.

Всѣ мои работы уже здѣсь и, конечно, между ними и „Христосъ", и „Сократъ". Они сильно конкурируютъ, но, какъ видно, „Сократъ" беретъ верхъ. Теперь близко время, услышимъ, что объ нихъ скажутъ на всемірномъ рынкѣ. Не думаю, чтобы мои работы были изъ самыхъ лучшихъ, но однако не думаю, чтобы онѣ были и изъ самыхъ худшихъ. Лучше подождемъ и увидимъ. Я выставлю „Христа", по всей вѣроятности, и изъ бронзы, и изъ мрамора. Я это сдѣлаю потому, что, право, самъ хорошенько не знаю, изъ чего онъ лучше. Лично я симпатизирую бронзѣ, въ ней Онъ больше приближается къ оригиналу изъ глины, весь Онъ цѣльнѣе и яснѣе. Къ сожалѣнію, руки и ноги не совсѣмъ удачно отлиты. Въ мраморѣ-же всѣ детали болѣе закончены, Онъ красивѣе, но нѣтъ той экспрессіи, что въ бронзѣ. Я бы очень много далъ тому, кто разрѣшилъ-бы, что дѣйствительно лучше. Многіе говорятъ, что въ мраморѣ Онъ лучше, но только не всѣ, въ числѣ послѣднихъ Эритъ Віардо [1]) и я. И такъ, буду надѣяться видѣть васъ здѣсь (чего жду больше, чѣмъ самой выставки). Вы увидите обоихъ заразъ, и тогда можете взять того, который будетъ вамъ больше по душѣ. Кромѣ этихъ двухъ статуй, я

---

[1]) Пѣвица, падчерица знаменитой Полины Віардо-Гарсіи.

выставилъ „Сократа“ изъ мрамора, котораго я здѣсь самъ докончилъ, особенно голову, которую почти вновь сдѣлалъ. Потомъ голову „Христа“ на крестѣ, барельефъ изъ мрамора, бюстъ Стасова и бюстъ „Петра I“, да еще и „Ивана Грознаго“. И такъ, всѣхъ восемь нумеровъ. Что, молодецъ я? Вѣдь главное мое дѣло было — сдѣлать, а тамъ, что дальше будетъ, это дѣло другихъ.

Теперь я работаю бюсты, бюсты и бюсты, и такъ мнѣ это надоѣло, что не знаю, какъ ихъ докончу; а надо еще сдѣлать три съ половиною, и сдѣлать непремѣнно раньше, чѣмъ мы уѣдемъ отсюда. За то, потомъ, я надѣюсь, мнѣ безъ заботы можно будетъ грѣться около искусства. Мы остаемся здѣсь до 10-го іюля. Неужто вы до этого времени не будете здѣсь? Вообще, кажется, многихъ мы ждали и никого не дождемся. Это будетъ очень обидно! Мы живемъ мирно. Парижъ очень хорошъ для меня, какъ климатъ, и хотя я часто прихварываю, но во всякомъ случаѣ далеко не такъ часто, какъ это было въ Римѣ. Знакомыхъ у насъ тоже во сто разъ больше, чѣмъ въ Римѣ. Жаль только, что французскій языкъ очень затрудняетъ меня, а то я могъ-бы познакомиться съ очень интересными людьми, которые желаютъ знакомства со мною. Очень жаль, что здѣсь общій уровень женскаго образованія, сравнительно съ нами, очень печальный. Правда, и между француженками есть замѣчательныя женщины, но ихъ слѣдуетъ считать исключеніемъ. Дочь наша прелесть, красотка и умница. Недавно она произвела фуроръ въ публикѣ. Она смотрѣла на дѣтскій театръ (такихъ здѣсь много на улицахъ). Тамъ, между прочимъ, мужъ билъ свою жену, всѣ дѣти хохотали, хлопали въ ладоши и кричали браво, и только она одна расплакалась. „Онъ злой, за что онъ бьетъ ее“, и больше не желала смотрѣть. „Ce n'est pas joli!“ твердила она. Всѣ хотѣли расцѣловать ее за это.

274. Къ С. И. Мамонтову.

Парижъ, май 1878 г.

Право, не знаю, что сталось со мною теперь. Когда приходится письмо писать, то это точно домъ строить, а до сихъ поръ ничего такого не водилось за мною. Это мнѣ крайне обидно, тѣмъ болѣе, что теперь здѣсь столько новостей, столько интереснаго, что можно писать, писать и писать; а я-то дѣлаю наоборотъ: лѣнюсь, лѣнюсь— просто обидно!

Кажется, я очень давно не писалъ вамъ. Да, не писалъ, не поблагодарилъ и даже не побранилъ за подарокъ, который мы получили черезъ г. Кукина [1]). Мы ему обрадовались до того... право, не знаю, до чего; во всякомъ случаѣ я чуть не крикнулъ отъ радости (кажется, я это и сдѣлалъ). Можете себѣ представить, что ждетъ васъ, когда вы-то пріѣдете!

---

[1]) Ив. Семен. Кукинъ, директоръ шелковой фабрики Влад. Григ. Сапожникова (брата Ел. Григ. Мамонтовой).

Совершенно пропустилъ я самое главное. Позвольте поздравить васъ и, главное, вашу добрую, дорогую старушечку со счастливымъ переходомъ и съ увеличенiемъ семейства. Дай вамъ Боже вѣчно радоваться на ваше семейство и на всѣхъ, окружающихъ васъ. Аминь!

Случайно я поймалъ здѣсь Арцыбушева, который прiѣхалъ сюда лишь потому, что ему была изъ Парижа всего одна ночь ѣзды, а оказалось въ запасѣ еще денька два времени; главное-же потому, что Парижъ теперь представляетъ слишкомъ жирное лакомство для интеллигентныхъ людей. Какъ-бы то ни было, онъ случайно прiѣхалъ и я случайно поймалъ его. Думалъ, что онъ прямо отъ васъ, но оказалось, что новости были старыя; все-же, между прочимъ, онъ разсказалъ мнѣ и новость—какъ и что вы думаете перестроить.

Я долженъ сказать вамъ мое мнѣнiе, что если желаете тамъ поставить „Христа", то онъ будетъ окончательно убитъ тамъ, и это будетъ крайне печально, какъ для меня, такъ и для васъ, и, наконецъ, больше всего для того, кто придетъ его смотрѣть. И это будетъ тѣмъ более жалко, что „Христосъ" потеряетъ тамъ свою хорошую репутацiю.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ мои работы выставлены. Съ ними происходитъ то, что со всѣми моими работами: толпа проходитъ мимо, а знатоки восхищаются. Я знаю мнѣнiе Жерома [1]) и другихъ; они самыя лестныя для меня, а здѣшнiй директоръ искусства сказалъ, что это лучшая скульптура изъ всѣхъ, какiя находятся въ иностранномъ отдѣлѣ.

Но сказать, что я совсѣмъ доволенъ, что выставилъ свои работы среди общаго хаоса, я не могу. Въ моихъ работахъ слишкомъ мало внѣшняго, онѣ слишкомъ серьезны, чтобы бросаться въ глаза толпѣ, народу, да тогда еще, когда въ глазахъ рябитъ и они устаютъ, утомляются.

Сколько я наблюдалъ, масса толпится около тѣхъ произведенiй, гдѣ на первомъ планѣ убiйство и кровь, или-же около картинъ, которыя страшно велики, или-же, наоборотъ, страшно малы. Что прикажете дѣлать? Толпа тотъ же ребенокъ. Ей надо разжевать и положить въ ротъ, и тогда только она проглотитъ питательную пищу. Иначе она хватаетъ Богъ знаетъ что. Вотъ, когда покричатъ и укажутъ, она и станетъ искать, про что эго говорятъ.

Я забылъ сказать, что между моими работами всѣмъ больше всего нравится „Христосъ",—даже глядятъ завзятые клерикалы. Это, по-моему, объясняется тѣмъ, что „Христосъ", если не выигралъ на выставкѣ, то и не проигралъ; а „Сократъ" положительно проигралъ, потому что у него голова наклонена, а свѣтъ на выставкѣ падаетъ сверху, такъ что вся голова въ тѣни.

Но, Боже мой, черезъ сколько мерзостей пришлось мнѣ перешагнуть, пока я получилъ порядочное мѣсто для своихъ работъ! Дѣло въ томъ, что и здѣсь показала себя Академiя Художествъ, у которой личные интересы гораздо выше нацiональной чести.

---

[1]) Жеромъ – знаменитый французскiй живописецъ,

Казалось бы, что здѣсь выставка для того, чтобы каждое государство показало, что у него есть лучшаго, чѣмъ оно можетъ гордиться; въ этомъ должна состоять конкурренція. Для этой цѣли судьями выбираются люди, которые любятъ равно какъ искусство, такъ и свое отечество: только такіе люди могутъ быть безпристрастны и стараются выставить на показъ то, чѣмъ дѣйствительно можно гордиться.

Къ сожалѣнію, пріѣхалъ сюда распорядителемъ нѣкто Якоби [1]), человѣкъ мелкій, безхарактерный, притомъ заносчивый, глупый и наконецъ—трусъ. Всѣ, кто не за Академію—враги его, и вотъ, раньше всего, онъ тутъ сталъ мстить всѣмъ, кто участвуетъ въ передвижной выставкѣ: мстить тѣмъ, что отвелъ имъ самыя неудачныя мѣста. И, благодаря этому, часто приходится отыскивать лучшія картины. Что касается меня, я тоже врагъ, и вотъ онъ позволилъ себѣ сказать, что дастъ мнѣ лучшее мѣсто изъ оставшихся. Конечно, онъ не сдержалъ слова, потому что я получилъ все, чего только желалъ, такъ какъ вся комиссія страстно желала, чтобы я выставлялъ, а я прямо сказалъ, что если не получу первыхъ мѣстъ для скульптуры, то ничего и не выставлю.

Онъ струсилъ и сдался. Теперь же будетъ стараться давить на жюри, гдѣ онъ, къ несчастью, находится представителемъ. Но надѣюсь, что и тамъ онъ будетъ безсиленъ.

Ну, скажите, Бога ради, когда же вы пріѣдете сюда? Боже мой, если не теперь пріѣдете, то когда же? А отдохнуть и поглотать освѣжительной атмосферы необходимо для васъ и для старушечки вашей. Ну, будьте же здоровы всѣ, дома и внѣ дома.

275. Къ нему же.

Парижъ, май 1878 г.

Несмотря на то, что у меня нѣтъ ни минуты времени, что я работаю, какъ ломовая лошадь, до усталости, у меня все-же есть сильнѣйшее желаніе сказать вамъ хоть вкратцѣ, что у меня на душѣ. У насъ былъ г. Чокаловъ [2]). Конечно, я разспрашивалъ у него обо всемъ; къ сожалѣнію, на всѣ мои вопросы я получилъ неутѣшительные отвѣты. Одно только утѣшительно мнѣ было слышать—это, что Донецкая дорога кончена, но тутъ-же онъ прибавилъ, что вамъ предстоитъ взять другую. Конечно, въ этомъ дѣлѣ я человѣкъ совершенно посторонній, и врядъ-ли даже имѣю право говорить объ этомъ,—но имѣю-ли я право молчать? Могу-ли я молчать? потому что люблю васъ по-прежнему, и ваши интересы меня интересуютъ сильно.

Какъ-бы то ни было, считайте меня старымъ ворчуномъ и, пожалуй, жаднымъ, а я все-таки во-имя старой дружбы буду говорить все то, что есть у меня на душѣ.

---

[1]) В. И. Якоби, профессоръ живописи Академіи Художествъ.

[2]) Юноша-инженеръ.

Вы хотите взять постройку еще одной желѣзной дороги. Конечно, это было бы вовсе не плохо, если-бы послѣ этой вы не пожелали еще одну, потомъ еще, потомъ еще, и дальше, и дальше.

Когда вы хлопотали о Донецкой дорогѣ, я очень сочувствовалъ вамъ, желалъ вамъ всего хорошаго во всѣхъ отношеніяхъ; я хорошо видѣлъ, что не только самое дѣло было очень полезно, но и человѣку нужно было очень много для того, чтобы умѣть много сдѣлать. Но теперь я долженъ прибавить, что вы должны сказать: до сихъ поръ и не дальше; въ этомъ выразится цѣльность вашего характера, не искусство—увлекаться, а умѣнье—во-время остановиться. А остановиться, по моему, вамъ необходимо, по крайней мѣрѣ, на время, потому что вы не сможете выиграть того, что можете проиграть, а именно здоровья. Мнѣ Чокаловъ сказалъ, что вы уже начинаете страдать чѣмъ-то, а это совсѣмъ нехорошо!! Если хотите сдѣлать доброе дѣло, то спасайте раньше всего свое здоровье — это старая истина, извѣстная всѣмъ, но никѣмъ не проводимая въ жизнь. Однако не думаю, чтобы вы объ этомъ не подумали.

Кромѣ этого, мнѣ кажется, что вся эта возня съ желѣзными дорогами тащитъ васъ слишкомъ въ одну сторону, такъ что вамъ даже некогда было пріѣхать сюда, посмотрѣть на всемірную выставку. Правда, вы человѣкъ живой, энергичный, вамъ нужна, необходима дѣятельность, но развѣ вы не можете направить вашу дѣятельность, вашу энергію, ваши административныя способности на другую дорогу, которая если не болѣе, то по крайней мѣрѣ не менѣе полезна, чѣмъ желѣзная дорога? Я даже думаю, что не вы съ вашей чистой душой призваны быть дѣятелемъ желѣзной дороги; въ этомъ дѣлѣ необходимо имѣть кровь, холодную, какъ ледъ, камень на мѣстѣ сердца и лопаты на мѣстѣ рукъ. Вѣдь вы сами все это лучше меня знаете, что мнѣ вамъ объ этомъ говорить! Мое дѣло только напомнить вамъ. Вотъ вы были въ бою, много царапинъ получили на душѣ, побѣдили, получили раны, ну, а теперь отдохните; теперь ждетъ васъ искусство—и это не громкая фраза, а истина; въ этомъ дѣлѣ вы можете сдѣлать добра себѣ и другимъ больше, чѣмъ кто-либо, больше даже, чѣмъ всѣ вмѣстѣ, и въ этомъ Россія нуждается не меньше, чѣмъ въ желѣзныхъ дорогахъ.

Я не хочу входить въ подробности, говоря объ этомъ предметѣ. Главное и самое первое для васъ — отдыхъ. Это вы обязаны себѣ дать, какъ разумный человѣкъ и отецъ семейства.

Простите и не сердитесь на меня за мою назойливость.

О себѣ некогда распространяться, неинтересно. На-дняхъ ѣду въ Италію, дней на десять только, не для отдыха, а за дѣломъ. Хорошо еще то, что мы всѣ понемножку здравствуемъ.

Да, вотъ что: главное чуть не позабылъ. Я хотѣлъ было привезти свои работы, именно весной, въ Петербургъ, но Академія оказалась такъ добра, что не дала мнѣ помѣщенія, да притомъ пошли тревожные слухи о чумѣ, и затѣмъ мнѣ самому теперь некогда, такъ что я отложилъ свою выставку въ Россіи до осени.

Позволите-ли вы мнѣ задержать „Христа“ вашего до этого времени.

Если я отдамъ вамъ эту статую, то выставка не состоится никогда, и это будетъ очень жаль, потому что у меня набирается коллекція очень интересная, и хотѣлось-бы мнѣ выставить ее непремѣнно въ Россіи, въ Петербургѣ, въ пику Академіи, и никоимъ образомъ уже не въ Академіи.

276. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, получено 13 іюня 1878 г.

Къ стыду моему, я до сихъ поръ не писалъ вамъ ни о себѣ, ни о всемъ томъ, что здѣсь происходитъ интереснаго и замѣчательнаго. Но при этомъ я долженъ сказать, что у меня навѣрное больше 15-ти писемъ начато къ вамъ, и ни одного изъ нихъ я не могъ кончить, а это происходило оттого, что я былъ въ страшныхъ хлопотахъ и время у меня было на-расхватъ. Кромѣ того, что здѣсь интереснаго столько, что не знаешь куда раньше бѣжать смотрѣть, у меня были свои личныя дѣла: вначалѣ насчетъ мѣстъ на выставкѣ, которыя мнѣ пришлось положительно отвоевывать, потомъ разстановка вещей—все это брало у меня времени пропасть; при этомъ были такія большія растраты крови! Но кромѣ всего этого, я долженъ каждый день исполнять прозаичныя работы, т.-е. бюсты... что дѣлать? Хорошо и то, а то могло-бы быть еще хуже.

Я и теперь сильно занятъ, и оттого буду писать обо всемъ, что только возможно писать какъ можно вкратцѣ, тѣмъ болѣе, что все-таки я не теряю надежды, что вы сами пріѣдете сюда.

Что касается до моихъ работъ, то онѣ получаютъ, повидимому, очень хорошую репутацію, но, какъ мнѣ кажется, только среди спеціалистовъ и серьезныхъ знатоковъ, для остальной же французской публики онѣ остаются непонятыми, пока. Это я объясняю себѣ тѣмъ, что публикѣ необходимы кричащія вещи: кровь, пожары, ужасъ. Я наблюдалъ, что до подобныхъ сюжетовъ публика охотница, а тоже, если передъ ея глазами—колоссальная картина. Кромѣ того, мои работы менѣе всего декоративны: онѣ не бьютъ въ глаза, напротивъ, въ нихъ надо всматриваться, а среди такого моря искусства, какъ здѣсь, публикѣ некогда останавливаться: она никогда не найдетъ вещь, если никто не подтолкнетъ ее; наконецъ мнѣ кажется, что мой родъ работы слишкомъ новъ для нихъ. Во Франціи, какъ почти вездѣ, скульптура играетъ второстепенную роль въ искусствѣ—это видно уже по одному тому, какъ мало всегда публики вокругъ скульптуры на выставкѣ, и какъ много ея гнѣздится вокругъ живописи. Скульптура до сихъ поръ болѣе декоративна; публика ищетъ пластику безъ содержанія, и выходитъ часто то, что въ превосходныхъ формахъ нѣтъ ни капли души. И все большею частью повсюду миѳологія и еще хуже—аллегорія, къ которой мы остаемся холодны, какъ самый мраморъ.

Вотъ видите, какой я самоувѣренный, готовъ всѣхъ обвинять, но только не себя! Въ жизни это не хорошо — сознаюсь, но за то въ

искусствѣ это отъ многаго спасаетъ меня. Скажу еще больше: это помогаетъ мнѣ вѣрить въ то, что я дѣлаю, и въ то, во что я вѣрить долженъ.

Что касается просьбы вашей сообщить вамъ (на ушко) то, что вы слышали о моихъ работахъ въ Петербургѣ, то, при всемъ моемъ желаніи, я ничего не могу сказать вамъ. Вѣдь я могу тоже сказать, что и я слышалъ, и намъ обоимъ остается вѣрить или не вѣрить, смотря изъ какого источника это идетъ. Для меня-же приличнѣе молчать—скажу только, что знатокамъ мои работы сильно нравятся.

Только вчера здѣсь получили остальныя картины, и въ томъ числѣ картину Рѣпина. Очень жаль, что она немного проиграла въ краскахъ, но все-таки видна сила мастера. Однако подождемъ и увидимъ, что скажутъ.

Бога ради, не давайте печатать съ вашихъ фотографій „Христа" и „Сократа": онѣ убійственно скверны! У меня есть фотографіи со второстепенныхъ моихъ работъ. Какъ фотографіи, онѣ превосходны и можно печатать ихъ не безъ интереса. Это—голова „Христа на крестѣ" и портретная статуя графа Панина.

Навѣрное Эліасикъ пріѣдетъ сюда, но когда? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, скажите ему, а не то онъ долженъ будетъ отложить поѣздку до октября. По-моему, онъ можетъ уже вступить въ Академію. Онъ уже настолько подготовленъ, что основа знаній въ рукахъ у него—пора ему начинать съ искусствомъ.

277. Къ С. И. Мамонтову.

Парижъ, іюнь 1878 г.

И такъ, самое главное вы уже знаете изъ телеграммы. Не знаю лишь хорошенько, не исказили-ли ее, потому что я писалъ на русскомъ языкѣ латинскими буквами; иначе я не могъ писать, потому что здѣсь эта новость пока секретъ.

Какъ-бы то ни было, теперь могу на время свободно вздохнуть, ну хоть бы для того, чтобы потомъ опять взяться серьезно за работу. Вы, можетъ быть, уже хорошо изучили меня и знаете, что я вовсе не люблю отдыхать на лаврахъ, особенно теперь, когда сдѣланъ лишь первый шагъ.

Мнѣ придется дѣлать еще много шаговъ для того, чтобы сказать себѣ: „Теперь довольно, я сдѣлалъ въ искусствѣ то, чего желалъ".

И такъ, какъ мнѣ ни пріятно, что я получилъ первую награду, да еще *первымъ*, какъ мнѣ ни пріятно, что здѣсь всѣ знатоки отзываются о моихъ работахъ лучше, чѣмъ я желалъ и ожидалъ, все же скажу, что не это мое послѣднее слово. Надо еще много, много работать и не останавливаться.

Теперь я одного еще желаю: имѣть возможность работать то, что душа диктуетъ, а не продавать себя, свое время для того, чтобы успокаивать желудокъ—и мучить разсудокъ. Но надѣюсь, что послѣ

этого успѣха и матеріальныя мои обстоятельства поправятся—и тогдѣ я—царь царей. Но, Боже мой, сколько пришлось мнѣ пережить, перестрадать, сколько барьеровъ пришлось перешагнуть, сколько бревенъ было брошено подъ мои ноги, сколько тупыхъ лбовъ я долженъ былъ перешибить, чтобы доказать свою правоту. И все это было тѣмъ труднѣе, что я хотѣлъ идти своимъ путемъ, ни у кого не просить помощи, никому не кланяться, никому не быть обязаннымъ и благодарнымъ—но, какъ видно, это-то и раздражало людей съ нечистой совѣстью.

Надѣюсь, что отнынѣ жить мнѣ будетъ легче.

Теперь очередь за вами. Помните нашъ уговоръ. Въ этомъ году я выставляю свои работы на судъ публики, а вы кончаете не менѣе трудную задачу. Кончайте скорѣе вашъ колоссальный трудъ, и дайте поскорѣе обнять себя, и порадовать другъ друга отъ души.

Между прочимъ скажу, что вашъ „Христосъ" отличился, и онъ-то и получилъ médaille d'honneur, да еще первымъ нумеромъ. Затѣмъ очень нравится здѣсь бюстъ „Петра", именно того „Петра", котораго забраковали въ Россіи. Что касается „Сократа", то, благодаря нашему распорядителю Якоби, который изъ кожи лѣзъ вонъ, чтобы парализовать мой успѣхъ, онъ сильно проигралъ; но, какъ вы видите, не однимъ, такъ другимъ я свое взялъ.

Чтобы показать, до чего этотъ представитель нашей Академіи Художествъ старался сдѣлать все, что могъ, противъ меня, я разскажу слѣдующее. А впрочемъ, чортъ съ нимъ, не стоитъ все это разсказывать. Когда увидимся, разскажу обо всемъ. Могу прибавить только то, что онъ добивался того, чтобы честь русскаго искусства пострадала, лишь-бы я не получилъ награды. Правда, послѣ меня и Семирадскій получилъ тоже médaille d'honneur, но это случилось уже потомъ, послѣ раздачи медалей всѣмъ. Министерство прибавило еще три подобныхъ же медали, чтобы раздать ихъ иностранцамъ за живопись, потому между прочимъ и Семирадскій получилъ одну изъ этихъ прибавочныхъ медалей. Какъ бы то ни было, но Россія одержала теперь побѣду на поприщѣ искусства на европейскомъ конкурсѣ, несравненно большую, чѣмъ подъ Плевной.

Ровно десять лѣтъ тому назадъ Россія тоже конкуррировала на художественной выставкѣ, но тогда она получила только одну маленькую медаль, да и то эту медаль получилъ Кочубей, который, Богъ знаетъ почему, считается русскимъ художникомъ, а постоянно живетъ въ Мюнхенѣ. Теперь же, кромѣ двухъ большихъ премій, Харламовъ, Ковалевскій и, кажется, Чижовъ получили маленькія золотыя медали; что касается до серебряныхъ, то о нихъ результаты не извѣстны еще.

Мы-то, слава Богу, здравствуемъ, но намъ пора уѣхать, особенно пора ѣхать въ Киссингенъ воду пить. Такимъ образомъ, не позже 12-го мы уѣзжаемъ.

Я надѣюсь побывать у васъ будущей зимой, потому что надѣюсь сдѣлать выставку своихъ работъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ. Ну, довольно болтать.

278. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, получено 22 іюня 1878 г.

Мнѣ крайне жаль, что не могу передать вамъ телеграммой того, что сейчасъ хочу сказать вамъ. Не могу потому, что это пока секретъ. Вашъ Мордухъ немного отличился: какъ говорятъ, изъ четырехъ большихъ премій, которыя были назначены за скульптуру и архитектуру, я получилъ одну, да и то еще первымъ номеромъ. Каково? А? Теперь оказывается, что здѣсь всѣ тузы въ искусствѣ очень хвалили мои работы, и почти всѣ сказали, что мои работы лучшія изъ всѣхъ, какія есть на выставкѣ въ скульптурномъ отдѣлѣ. Впрочемъ, я говорю то, что слышалъ—правда-ли это или нѣтъ, того я не знаю. Я-же за что купилъ, за то и продалъ, а больше не имѣйте ничего на мнѣ. А впрочемъ сброшу свою скромность и скажу вамъ прямо, что я хорошо знаю себя и хорошо видѣлъ, что дѣло мое никоимъ образомъ не будетъ проиграно, если никто не будетъ особенныхъ барьеровъ строить противъ меня. Но одинъ видѣлъ и не повѣрилъ въ мои способности, несмотря на то, что всѣ со всѣхъ сторонъ жужжали ему въ уши, что меня черезъ пальцы не пропустишь. Но онъ остался непобѣдимъ въ своихъ глупостяхъ. Я говорю о художникѣ Якоби, или, какъ я называю его „Якобы нашъ профессоръ", который пріѣхалъ сюда, точно губернаторъ изъ повѣсти Щедрина: со всѣхъ сторонъ важенъ и надутъ, какъ пустая бутылка съ золотымъ ярлыкомъ. Онъ готовъ былъ желать: лучше пускай Россія никакихъ большихъ наградъ не получитъ, лишь-бы Антокольскій не получилъ. И дѣйствительно, когда оказалось, что Россія не имѣетъ представителя жюри по скульптурѣ, Якоби профессоръ объявилъ жюри, что онъ проситъ дать мнѣ награду наравнѣ съ Чижовымъ (я тутъ пропускаю цѣлую свалку, которую имѣлъ съ нимъ въ теченіе четырехъ недѣль изъ-за мѣста для моихъ работъ: онъ просто не хотѣлъ давать мнѣ его. Спасибо доброму Боголюбову, который тутъ-же прибавилъ: „А я желаю, чтобы жюри разсудило по своему благоусмотрѣнію". Вообще, наша выставка стояла-бы вверхъ дномъ, если-бы не Боголюбовъ, который тоже немало крови себѣ испортилъ, имѣя дѣло съ такимъ перекрестомъ,—какъ Якоби. Что касается до меня, то я вѣрно ничего-бы не выставилъ, если-бы Боголюбовъ не вмѣшался. Но теперь все это кончено, и чортъ съ ними, съ такими людьми, какъ Якоби!

Между прочимъ я долженъ сказать, что и Семирадскій получилъ одну изъ большихъ премій [1]). Но это произошло просто случайно: онъ получилъ большую золотую медаль, но когда все это было роздано, изъ министерства пришли еще три подобныхъ медали, чтобы раздать исключительно иностранцамъ за живопись, а раздать просто некому было. И такъ, получили добавочныя: Матейко, Маккартъ и Семирадскій. Такимъ образомъ, вначалѣ роздали восемь médailles d'honneur, а потомъ прибавили еще три.

---

[1]) За картину «Свѣточи христіанства».

Маленькія золотыя медали получили: Ковалевскій, Харламовъ и Чижовъ. Что касается серебряныхъ, то здѣсь еще ничего не извѣстно. Мнѣ крайне жаль, что о Рѣпинѣ не слышно, также и о Крамскомъ. Удивляюсь, но долженъ сказать, что картина Рѣпина дѣйствительно проиграла тамъ, а картины Крамского такъ разбросаны во всѣ стороны, что не даютъ никакого впечатлѣнія о цѣльномъ образѣ художника. Очень нравится здѣсь этюдъ Рѣпина.

Пожалуйста, скажите Эліасику, чтобы онъ не ѣхалъ теперь сюда, потому что какъ разъ мы теперь уѣзжаемъ на воды. Лучше пускай онъ пріѣдетъ въ началѣ октября, тогда мы будемъ уже здѣсь.

279. Къ нему же.

Парижъ. Получено 2 іюля 1878 г.

...Жюри кончено (художественный отдѣлъ), и на этотъ разъ живопись получила у насъ одну большую медаль (médaille d'honneur). Ее получилъ Семирадскій, потомъ Харламовъ и Ковалевскій получили медали 2-й степени, а Крамской—3-й степени. Что касается до медали 1-й степени, то вначалѣ получилъ ее Семирадскій, но такъ какъ потомъ онъ получилъ médaille d'honneur, то 1-й степени вовсе не получилъ русскій отдѣлъ. Что касается до скульптуры, то Чижовъ получилъ не 2-й медаль, а медаль 3-й степени.

Между прочимъ, я могу похвастаться тѣмъ, что мнѣ дали медаль даже безъ баллотировки. Этимъ я не хвастаюсь передъ вами, а передъ тѣми, кто изо всѣхъ силъ старался парализовать мой успѣхъ, хоть оффиціальнымъ образомъ. Говорятъ, что даже просили, чтобы вовсе ничего не было дано мнѣ, но къ этому слуху нужно относиться осторожно. Оффиціально, т.-е. письменно, просилъ Якоби, чтобы мнѣ дали награду наравнѣ съ Чижовымъ. Ну, да все это — мелочь, и хорошо, что это кончено. А въ свое время, въ особенности, когда мнѣ приходилось отвоевывать себѣ мѣсто на выставкѣ, тогда я довольно крови испортилъ себѣ.

280. Къ нему же.

Парижъ. Получено 8 іюля 1878 г.

Пишу эти строки второпяхъ, какъ разъ наканунѣ отъѣзда.

Какъ я ни сильно желаю остаться здѣсь и подождать васъ, но меня гонятъ въ шею вонъ отсюда, иначе я опоздаю на лѣченіе водами и затѣмъ на виноградное лѣченіе. Главное, я долженъ разсчитать такъ, чтобы какъ разъ въ началѣ сентября быть уже въ Montreux, такъ какъ только этотъ мѣсяцъ и есть виноградное лѣченіе, между тѣмъ какъ до того времени я долженъ продѣлать лѣченіе водами, да потомъ еще двѣ недѣли отдыхать, иначе нельзя начать лѣченіе виноградомъ. Какъ одно, такъ и другое для меня необходимы, потому что я сталъ сильно нервенъ. Я-бы давно поѣхалъ уже, только передъ отъѣздомъ пріѣхала Бальбина Юліановна [1]) съ мужемъ, и они задер-

[1]) Сестра Гены Юліановны Антокольской.

жали нас на нѣсколько дней. Конечно, мы мало бывали вмѣстѣ, но что дѣлать? Надо-же накрахмалить себя, чтобы крѣпко держаться будущей зимой, и вновь начать работать серьезно.

И такъ, дѣлать нечего, я долженъ оставить все, чего только желаю, чтобы полѣчиться.

Я ѣду завтра въ Heidelberg, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ, и оттуда навѣрное поѣду въ Киссингенъ. Жена моя ѣдетъ въ окрестности Vosges (во Франціи) тоже воды пить.

Крѣпко жалѣю, что судьба не даетъ намъ свидѣться, но я думаю зимой побывать въ Петербургѣ, авось тогда... А жаль, что не теперь!..

281. Къ нему же.

St. Moritz, получено 21 августа 1878 г.

Вотъ я пропустилъ время, и теперь не знаю, куда адресовать къ вамъ. Когда получилъ ваше письмо изъ Парижа, я не могъ отвѣчать, до того было скверно на душѣ. Какъ только мы пріѣхали въ Interlaken, жена схватила сильный бронхитъ, и, благодаря этому, мы застряли на мѣстѣ болѣе пяти недѣль, и никуда не могли высунуть носа, тѣмъ болѣе, что погода была отвратительная (вотъ и лѣченіе!) Какъ только жена поправилась, хотя и не совсѣмъ, я поѣхалъ провѣтриться. Брожу я по горамъ, по лѣсамъ, одинокій, какъ дикарь, часто ѣзжу и часто пѣшкомъ хожу. Хочу здоровья набраться, чтобы имѣть силы сдѣлать то, что задумалъ, и вотъ попалъ сюда, въ St.-Moritz. Черезъ денекъ—два я уже ѣду въ Montreux, на виноградное лѣченіе, авось это-то болѣе удастся. Впрочемъ, сомнѣваюсь: лѣто было довольно несносное, чтобы можно было сносному винограду поспѣть.

Я крѣпко жалѣю, что мнѣ не удалось побывать съ вами въ Лондонѣ, въ Британскомъ музеѣ, объ этомъ я давно мечталъ. Однакоже это, я надѣюсь, сбудется когда-нибудь, но о чемъ я не мечталъ и что не сбудется больше, это — побывать тамъ съ такимъ обществомъ... [1]) жаль, но дѣлать нечего!

Я очень радъ, что работы мои нравятся и Верещагину, но при этомъ я не принимаю тѣ замѣчанія, которыя онъ дѣлаетъ, особенно все то, что касается „Христа".

Гораздо вѣрнѣе то, что мы неодинаковыхъ мнѣній о „Христѣ". Но то, чего я желалъ, я сдѣлалъ. Что касается „Сократа", то о немъ нечего говорить: онъ пропалъ на выставкѣ, потому что у него голова опущенная, а свѣтъ падаетъ на него сверху — такимъ образомъ самую суть-то — лицо и не видно. Впрочемъ, я не стану себя защищать: это скверно, если авторъ защищаетъ свои произведенія. Каждая работа должна сама себя защищать, т.-е. говорить за себя. Но вотъ, чему я удивляюсь: вы мнѣ нынче все разсказываете то,

---

1) Въ Лондонъ тогда ѣздили, изъ Парижа, со всемірной выставки, вмѣстѣ: Дм. Ал. Ровинскій, Ив. Павл. Ропетъ, Ник. Петр. Собко и В. В. Стасовъ.

что другіе говорятъ, а сами что скажете? Отчего это вы ничего не сказали?

Насчетъ Эліасика, я все-таки надѣюсь видѣть его въ Парижѣ. А знаете, если-бы онъ могъ, то у меня явилась идея: не лучше-ли ему было-бъ учиться искусству здѣсь, въ Парижѣ? Тутъ—я, притомъ еще воздухъ и пища тоже лучше, а объ искусствѣ и говорить нечего. Отъ души желаю ему побольше здоровья, а Петербургъ для этого не годится.

Стипендію онъ, кажется, навѣрное получитъ въ такомъ размѣрѣ, какъ я просилъ для него у Горація Осиповича. Объ этомъ я говорилъ съ сыномъ, Давидомъ Гинцбургомъ, и онъ обѣщалъ, что все это устроитъ.

Можетъ-быть вы найдете какого-нибудь талантливаго мальчика изъ евреевъ, а главное, и хорошаго человѣка, который нуждается. Я знаю одного господина, который не прочь дать 100 франковъ въ мѣсяцъ, только съ условіемъ, что я поручусь, что изъ этого воспитанника выйдетъ хорошій художникъ и порядочный человѣкъ. Согласитесь сами—это очень щекотливое условіе. Вотъ недавно я наткнулся здѣсь на одного юношу, талантливаго, отыскалъ для него 50 франковъ въ мѣсяцъ; кромѣ этого я и Тургеневъ стали давать ему еще по 30 франковъ, но онъ оказался мальчикомъ-пройдохой, не безъ способности, однако я умылъ себѣ руки насчетъ него.

282. Къ И. Н. Крамскому.

Интерлакенъ, 25 іюля (6 авг.) 1878 г.

Сто разъ хотѣлъ я было писать къ вамъ и, конечно, всѣ сто разъ не писалъ; впрочемъ, разъ написалъ письмо къ вамъ почти до конца, но все-таки не докончилъ его. Теперь, право, не знаю, радоваться-ли мнѣ этому, или жалѣть, потому что я тогда писалъ подъ впечатлѣніемъ злобы и отчаянія. Это было, когда я долженъ былъ выступить съ моими работами на всемірной выставкѣ, а люди съ черною душою стали мнѣ поперекъ дороги. Тогда со сжатыми кулаками я боролся и отвоевывалъ силою каждый шагъ, каждый вершокъ впередъ. Что мнѣ было дѣлать? На ихъ сторонѣ была сила, а на моей сторонѣ—правота. Впрочемъ, они были сильны, пока не давали мнѣ мѣста въ своемъ отдѣлѣ, а разъ я это завоевалъ, они стали терпѣть фіаско за фіаско. Я подразумѣваю подъ словомъ „они“—представителя нашего искусства, Якобія, профессора рисованія въ Академіи Художествъ. Пріѣхавши сюда, онъ хотѣлъ создать изъ себя губернатора изъ повѣсти Щедрина, но роль не была имъ выдержана, онъ самъ себя выдалъ, тѣмъ болѣе, что не встрѣтилъ здѣсь подчиненныхъ. Относительно меня онъ сказалъ: „Да, я дамъ ему лучшее мѣсто изъ оставшихся“, однако не совсѣмъ успѣлъ сдержать слово и уступилъ (какъ онъ самъ выразился) только потому, что мы, т.-е. я и Боголюбовъ, „поймали его за горло“. Между прочимъ я долженъ сказать, что очень много обязанъ Алексѣю Петровичу Боголюбову: онъ сильно парализо-

валъ старанія Якобія. Но я долженъ также сказать, что Якобій относился враждебно не только ко мнѣ, но и ко всѣмъ „передвижникамъ". (Это слово я услышалъ въ первый разъ, и сейчасъ-же переиначилъ его по-своему, — слово „передвижники" я передѣлалъ въ слово „подвижники").

Послѣ первой неудачи онъ началъ стараться парализовать мой оффиціальный успѣхъ. Какъ онъ самъ говоритъ всѣмъ, онъ до того одинаково любитъ меня и Чижова, что просилъ для насъ одинаковой награды, но, говорятъ, эту просьбу онъ подалъ послѣ того, какъ ему не удалась первая, которая была еще хуже. Какъ-бы то ни было, онъ и тутъ потерпѣлъ жестокое фіаско.

Все это я пишу вамъ не для того, чтобы разсказать, съ кѣмъ я имѣлъ дѣло: не то было мнѣ больно, что Якобій имѣлъ власть и силу парализовать нашъ художественный успѣхъ, а то, что у насъ тамъ дѣлается, когда этотъ слабый двусмысленный человѣкъ, у котораго личная злоба заглушаетъ честь патріотическую, ѣдетъ какъ представитель искусства. Но тутъ не одинъ Якобій; я давно замѣтилъ, что мы стали раздражительны, нервны, недовольны никѣмъ и ничѣмъ, рѣшительно никѣмъ и ничѣмъ; мы ругаемъ, бранимъ себя и своихъ, каждый патріотическій успѣхъ въ лицѣ кого-бы то ни было раздражаетъ насъ, мы ничего не одобряемъ, а все критикуемъ, мы готовы съѣсть другъ друга, и въ лицѣ нашего заклятаго врага мы готовы, какъ скорпіонъ, нанести самому себѣ смертельный ударъ. Вотъ вамъ наше положеніе и состояніе. Чѣмъ больше я изучаю другіе народы, тѣмъ больше узнаю русскій народъ. Мы переживаемъ тяжелый фазисъ.

Чтобы закончить это письмо, въ которомъ я написалъ не то, что хотѣлъ, а то, что вырвалось изъ души (признаюсь, не люблю я говорить на эту тему), я сообщу вамъ еще одну новость. Вчера я узналъ, что я выбранъ единогласно членомъ-корреспондентомъ Парижской Академіи Художествъ, а также Академіи города Урбино, гдѣ родился Рафаэль. Какъ видите, не въ своемъ отечествѣ приходится искать пророчества. Горькія, но истинныя слова, по крайней мѣрѣ относительно Россіи.

283. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 3 (15 окт.) 1878 г.

Только вчера пріѣхалъ я изъ Рима, гдѣ провелъ 10 дней надъ окончаніемъ надгробнаго памятника изъ мрамора. Притомъ тамъ работается изъ мрамора также нѣсколько бюстовъ моихъ, и въ томъ числѣ бюстъ баронессы Анны Гинцбургъ, который вы такъ усердно искали у меня въ студіи. Жалѣю, что не нашли. За то надѣюсь, что всѣ мои бюсты вы увидите весною въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ остальными вещами, находящимися теперь на здѣшней выставкѣ.

Жалѣю, что надгробнаго памятника не увидите въ Россіи—онъ остается въ Римѣ. Жалѣю потому, что это одна изъ счастливыхъ моихъ работъ по замыслу (да и не совсѣмъ плохо исполнена), за то крайне несчастлива она въ матеріальномъ отношеніи, и еще больше

въ моральномъ. Ни одна изъ моихъ работъ не причинила мнѣ столько порчи крови, какъ эта, и все благодаря тому, что все я хочу быть Донъ-Кихотомъ. Что дѣлать? Старыя болѣзни не скоро вылѣчиваются.

Жду съ нетерпѣніемъ, чтобы запереться отъ всѣхъ и войти въ свой міръ, и тамъ всему предаться моей любимой, дорогой фигурѣ „Спинозы". Ему-то я хочу передать душу свою.

Вотъ что занимаетъ меня теперь. Это—все, и больше ничего.

Ну, мой дорогой дядя, если вы поймете мое теперешнее настроеніе, то навѣрное простите меня, что на этотъ разъ я буду мало писать относительно того, что я хочу, что я долженъ написать. Къ этому я долженъ прибавить, что у меня теперь накопилось ни больше, ни меньше, какъ 12 отвѣтовъ на 12 писемъ. На нѣкоторыя я буду отвѣчать съ удовольствіемъ, какъ и на ваши, за то есть и такія письма, на которыя приходится отвѣчать съ отвращеніемъ. Однако, надо отвѣчать, также какъ надо явиться или заявить, что пріѣхалъ, и это очень тягостно для меня, но здѣсь и это необходимо. Что дѣлать! Надо дань отдать, хоть для того, чтобы имѣть право удержать за собой свою оригинальность.

Вы спрашиваете у меня про газеты, гдѣ было писано про меня,—вѣдь все время я былъ въ разъѣздахъ и былъ отъ всего того, что дѣлается и что пишется о выставкѣ, очень далеко!

Встрѣтился я со многими нѣмцами, которые всѣ говорятъ, что много читали о моихъ работахъ, гдѣ говорится о нихъ съ восторгомъ, особенно о „Христѣ". То же самое слышалъ я и въ Италіи, гдѣ, кажется, интересуются мною больше, чѣмъ въ Россіи, и я долженъ сказать, немного и любятъ меня. Но все это я слышалъ и очень мало читалъ, а если и читалъ, то не дочиталъ. Ко всему привыкаешь, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ критиковъ не попалъ въ цѣль. Ни одинъ не разбиралъ серьезно то, что художникъ думалъ и чувствовалъ, когда работалъ, что именно художникъ хотѣлъ сказать. Когда отгадано и выяснено творчество—только тогда становится ясна та душевная красота, которая, по-моему, составляетъ цѣль искусства. (Конечно, я не говорю о техническомъ выполненіи: эта сторона должна быть доведена до совершенства).

Между прочимъ замѣчу, что одинъ здѣшній критикъ упрекалъ меня за то, что я сдѣлалъ руки „Христа" не достаточно красивыми, между тѣмъ Верещагинъ находитъ, что руки „Христа" недостаточно пролетарны! [1]) Какъ видите, не совсѣмъ удобно идти по срединѣ, часто за это достается съ обѣихъ сторонъ.

Но все это ничего; главное, мнѣ смѣшно читать мои біографіи, которыя въ послѣднее время появлялись то тамъ, то сямъ. Смѣшно то, что авторы, которые большею частью „сочиняютъ" мою біографію, стараются придать моей жизни какую-то пикантность. Она у нихъ состоитъ въ томъ, что раньше стараются выставить меня просто маленькимъ звѣрькомъ, безъ души и безъ энергіи... и вдругъ, о чудо! въ одно

[1]) Отзывъ В. В. Верещагина В. В. Стасову на словахъ, въ личной бесѣдѣ.

прекрасное утро я проснулся и геніемъ сталъ! Одинъ даже увѣряетъ, что до „Ивана Грознаго“ я рѣшительно ничѣмъ не отличался отъ посредственности, и никто не подозрѣвалъ, что у меня такой талантъ.

А впрочемъ, мало-ли что говорятъ! Поговорятъ, поврутъ и перестанутъ, а тамъ дѣло возьметъ свое.

Вы спрашиваете также, кто писалъ мой портретъ? Отвѣчу, что вамъ очень знакомый художникъ—Крамской, когда онъ былъ въ Римѣ.

Простите, Бога ради, за это торопливое письмо, дайте мнѣ только войти въ работу, и тогда будетъ больше о чемъ бесѣдовать, а теперь мнѣ остается только пожелать вамъ всего хорошаго, а главное здоровья, а себѣ желаю—поскорѣе получить отъ васъ письмо.

Черезъ нѣсколько дней ѣду въ Амстердамъ, на нѣсколько дней, ради „Спинозы“. Хочу заглянуть въ ту среду, откуда онъ вышелъ, подышать тамошнимъ воздухомъ, посмотрѣть національный музей, а потомъ поскорѣе назадъ! Что изъ всего этого выйдетъ? Это предоставляю вамъ самимъ отгадать.

284. Къ нему же.

Парижъ, получено 17 ноября 1878 г.

Наконецъ-то я собрался писать вамъ, несмотря на то, что и сегодня я усталъ, какъ и каждый день устаю. Я теперь сильно работаю. Мнѣ очень жаль, что ни отъ кого не получаю ни строчки, и тѣмъ болѣе отъ васъ. Я теперь очень далекъ отъ упрековъ и обидчивости, но выскажу тотъ фактъ, что, послѣ моего нѣкотораго успѣха здѣсь въ Парижѣ, всѣ мои друзья (впрочемъ, ихъ гораздо меньше, чѣмъ пальцевъ на рукѣ) словно сговорились и перестали писать ко мнѣ, точно я нанесъ всѣмъ какую-то обиду. Но, повторяю, я теперь далекъ отъ упрековъ кому-бы то ни было, и вотъ оттого я прямо обращаюсь къ дѣлу.

Уже больше мѣсяца я работаю надъ „Спинозой“. Можете себѣ представить, съ какой жадностью накинулся я на него, тѣмъ болѣе, что почти уже два года я принужденъ былъ продавать свое время ради желудка, т.-е. брать заказы. Только странно, ни одна фигура не далась мнѣ такъ трудно, какъ эта! Сколько эскизовъ я сдѣлалъ! А дѣлать эскизы или этюды—я крѣпко не люблю. По-моему, все, что первое, то прочно, въ особенности впечатлѣнія любви и творчества. Нѣтъ, не въ томъ дѣло.

Теперь недавно, когда я обложилъ фигуру „Спинозы“, у меня опять явилось сомнѣніе и опять мученіе; и вотъ только вчера мученія кончились, и я продолжаю работать. За то мученія были не безъ плодовъ. Что изъ всего этого выйдетъ—это, конечно, мы увидимъ. Раньше я все представлялъ себѣ „Спинозу“ въ коломѣ домашнемъ, какъ часто Рембрандтъ представляетъ евреевъ. Онъ сидѣлъ, погруженный въ философскія думы: это была минута, когда онъ получилъ извѣстіе, что его книги жгутъ повсюду. Но это была только прелюдія. Я думаю, что никто и ничто не могли сдвинуть съ мѣста эту скалу,

эту гигантскую душу, помѣщавшуюся въ такомъ маленькомъ тѣлѣ. Онъ всегда думалъ дальше и глубже, чѣмъ о вседневныхъ человѣческихъ поступкахъ, онъ говорилъ, что человѣческіе поступки онъ разбираетъ, какъ математическія формулы. Главное, трудно было создать эту кроткую, скромную и глубокую душу, любящую и прощающую всѣхъ, эту внѣшнюю бѣдность и внутреннее богатство, это слабое тѣло рядомъ съ желѣзнымъ характеромъ, а среди всего этого— его генiй—вотъ что трудно для меня! Но главное еще то, что нечѣмъ выразить все это. Онъ спокоенъ, невыразимъ, великъ и крѣпокъ, какъ скала!

Что изъ всего этого выйдетъ, повторяю, увидимъ.

Затѣмъ прошу у васъ маленькаго одолженія, хоть ради самого Спинозы. Дѣло въ томъ, что у меня единственный и лучшій портретъ (т.-е. гравюра) Спинозы, который находится при послѣднемъ изданіи Ауербаха (письма Спинозы). Эта гравюра снята съ портрета, находящагося въ Голландіи и писаннаго Van-der-Spik'омъ, художникомъ, у котораго Спиноза жилъ. Конечно, этотъ портретъ можетъ считаться лучшимъ и вѣрнѣйшимъ; однако, я желалъ бы имѣть портретъ, рисованный имъ самимъ съ себя, и который служитъ до сихъ поръ главнымъ матеріаломъ.

У васъ въ библіотекѣ находится цѣлая коллекція портретовъ Спинозы. Прошу васъ указать мнѣ, гдѣ можно ихъ пріобрѣсти, а главное, конечно, первый; другого почти и не надо. Конечно, и здѣсь я могу найти, въ библіотекѣ, эти портреты, но вѣдь мнѣ надо имѣть ихъ въ мастерской.

Если нѣтъ возможности пріобрѣсти, главное послѣдній, то нельзя-ли снять съ него фотографію, да какъ можно скорѣе?

Если можно это сдѣлать, то убѣдительно прошу, и также прошу скорѣе отвѣтить мнѣ.

285. Къ нему же.

Парижъ, получено 15 декабря 1878 г.

Я до того отвыкъ писать, что вотъ уже нѣсколько дней собираюсь писать вамъ, и только теперь съ трудомъ собрался.

Начну съ того, что мнѣ крайне жаль, что я не получилъ снимка съ гравюры Спинозы, а мнѣ кажется, что у васъ лучшій матеріалъ. Я говорю о той гравюрѣ, которая была сдѣлана съ его собственна о рисунка перомъ.

Здѣсь въ библіотекѣ я нашелъ нѣсколько портретовъ съ него, но ни одинъ не похожъ на другой. Впрочемъ, мнѣ обѣщали достать изъ Амстердама все, что тамъ есть, а не то я и самъ поѣду.

Я очень желаю устроить выставку въ Петербургѣ изъ моихъ работъ, а набралось ихъ теперь почти вдвое больше противъ того, что вы видѣли на Парижской выставкѣ. Вѣдь, кромѣ портретной статуи графа Панина, я сдѣлалъ въ этомъ году семь бюстовъ; сверхъ того бюстъ Боткина, да еще Мамонтова, который давно сдѣланъ, да кромѣ того навѣрное еще кое-что сдѣлаю. Но вопросъ—гдѣ выставить?

Очень боюсь, что Академія Художествъ откажетъ дать мнѣ свои залы. Въ такомъ случаѣ—негдѣ выставить, надо будетъ ждать, когда передвижная выставка выстроитъ для себя что-нибудь, и тогда, авось, они позволятъ мнѣ сдѣлать у нихъ отдѣльную выставку, конечно, подъ извѣстными условіями.

Между прочимъ, я хорошенько не понимаю того, что вы говорите, что отчасти я обязанъ Академіи Художествъ, а скоро еще разъ буду обязанъ тѣмъ, что навѣрное она дастъ мнѣ званіе профессора, когда я выставлю свои работы.

Я, право, не знаю, чѣмъ я ей обязанъ, развѣ тѣмъ только, что даже за одну голову „Петра I“ они потребовали за провозъ на всемірную выставку. Неправда-ли, это очень мило?

Затѣмъ, здѣсь пронесся слухъ, будто я получилъ Владиміра, но это, навѣрное, вздоръ, ибо я ничего до сихъ поръ не знаю.

Что касается профессорства, то это для меня ни больше, ни меньше, какъ турецкая бумага, курсъ которой не очень-то высокъ.

Вы спрашиваете, неужели я навсегда пересталъ думать о деревянныхъ работахъ? Да, долженъ я на это отвѣтить, и желалъ-бы, если браться, то браться за это, какъ можно позже въ жизни, потому что подобную кропотливую работу, которая отнимаетъ пропасть времени, не на творчество, а просто на техническое исполненіе, можно дѣлать только два раза въ жизни, а именно: или когда ты слишкомъ молодъ, или же когда ты слишкомъ старъ, а въ возрастѣ посрединѣ надо творить, пока творчество не устало. Я въ свою очередь спрошу у васъ: неужели для васъ важнѣе матеріалъ, или, говоря вѣрнѣе, настолько важенъ матеріалъ, что для этого надо убить время, въ теченіе котораго можно творить?

Что касается до меня, то больше всего я полюбилъ бронзу, особенно флорентинскую: отливокъ очень тонкій, такъ что сохраняется все, что было въ глинѣ. При этомъ тонъ у бронзы прелестный. Вообще въ бронзѣ я чувствую силу и прочность и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезность.

Я сильно работаю. Кромѣ „Спинозы“, который уже въ половинѣ работы, я сдѣлалъ бюстъ по заказу, а также и голову „Крестителя“, просто для себя.

Простите меня, Бога ради, за это вялое письмо. Сегодня я, просто, какъ въ угарѣ, и совсѣмъ растерялся. Дѣло въ томъ, что сегодня пришло извѣстіе изъ Мадеры, что умеръ сынъ барона Горація Гинцбурга. Я его очень любилъ и не разъ это говорилъ. Я его любилъ, какъ сердечнаго человѣка и какъ художника, который обѣщалъ громадно много. Вообще я долженъ сказать, помимо моихъ личныхъ симпатій къ нему, мы потеряли необыкновенный талантъ, какъ колориста; мы потеряли именно то, чего недостаетъ русской живописи. Я даже могу смѣло увѣрить, что онъ былъ-бы первымъ колористомъ среди русской школы живописи.

Пожалуйста, если можете, то очень хорошо было-бы помѣстить о немъ нѣсколько строкъ. Вотъ вамъ все, что я знаю о немъ.

Маленькій Маркъ родился художникомъ, человѣкомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Къ сожалѣнію, онъ родился страдальцемъ: онъ былъ больной. Долго мать его боролась съ нимъ противъ смерти, долго оберегала она его, и казалось, что она спасла его отъ всего, но смерть унесла раньше мать, точно будто для того, чтобы получить бо́льшій доступъ къ нему.

Когда мальчику было четыре года, ему сдѣлали операцію, и на другой день, когда ему стало лучше, онъ уже срисовалъ все, что видѣлъ изъ окна. Таково было начало его искусства. Я видалъ его за послѣдней его работой. Почти уже лишенный силъ, онъ докончилъ прелестный портретъ своего маленькаго брата, который, по-моему, лучше всего, что онъ сдѣлалъ (опять по колориту).

Несмотря на его страданія, которыя сильно мѣшали ему заниматься, все-таки онъ успѣлъ на 17-мъ году сдѣлать то, что достойно было выставить на всемірной выставкѣ. Онъ умеръ раньше 20-ти лѣтъ отъ роду.

Простите меня за эти грустныя извѣстія.

286. Къ С. И. Мамонтову.

Парижъ, весна 1879 г.

Послѣ вашей телеграммы мы ждали, ждали васъ, и перестали ждать.

Сперва мы думали, что вы прилетите сюда, какъ соколъ ясный, чтобы встрѣтить раннюю весну. Но вотъ и весна почти проходитъ, а соколъ, какъ видно, гдѣ-то замѣшкался, заснулъ и остался. А жаль, очень жаль—наговорили-бы мы съ три короба, отвели-бы душу, успокоились-бы, и пошли-бы наслаждаться искусствомъ, да удить разныя старинныя вещи. Надо сказать вамъ правду, что въ этомъ отношеніи я желалъ-бы быть вашимъ Мефистофелемъ, тѣмъ болѣе, что дѣло это благородное, а для Россіи это крайне необходимо. Хотѣлось-бы мнѣ, чтобы современемъ набралось у васъ столько хорошихъ вещей, чтобы назвать ихъ „Мамонтовскій музей“, какъ теперь называютъ другіе музеи. Я надѣюсь, что въ концѣ-концовъ вы все-таки дадите уговорить себя.

У насъ теперь открытъ Salon, и, конечно, цѣлые легіоны художниковъ выставили свои баттареи, идетъ борьба, а намъ, зрителямъ, остается только любоваться. Въ этомъ году есть много хорошихъ вещей, хотя замѣчательныхъ все-таки нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, отрадно то, что въ этомъ году, какъ видно, французскіе художники вступили на болѣе реальную, твердую почву. Нимфы, амуры, аллегоріи стараются и обращаются къ дѣйствительной жизни, и, безъ сомнѣнія, при французской виртуозности въ техникѣ, они могутъ надѣлать пропасть прелестныхъ вещей. Но, конечно, все это въ отношеніи трактованія сюжетовъ, а сами сюжеты все такіе-же безсодержательные, какъ и парижанки. Надо художникамъ хорошую, серьезную подготовку, чтобы они умѣли смотрѣть на жизнь, понимать ее, вникать вглубь и выхва-

-тывать оттуда душу съ корнемъ. Но этого придется еще долго ждать, потому что французы не находятъ надобности въ этомъ. А если-бы они это и сознали, то раньше надо воспитать новое поколѣніе. Но во всякомъ случаѣ, будемъ радоваться тому, что есть: хорошо то, что идетъ къ лучшему.

Мы думаемъ уѣхать отсюда раньше, чѣмъ предполагали, уѣдемъ прямо въ St.-Jean de Luz. Въ этомъ году просто не работается, но этому есть много причинъ, главная—нѣтъ душевнаго спокойствія. Пробовалъ я заставить себя работать, но изъ этого ничего не выходитъ, такъ что я сломалъ начатое—и подѣломъ! потому что хотѣлъ было сдѣлать самое легкое—маленькія вещи. А мнѣ не того надо. Хотѣлъ-бы я много писать вамъ, но всего не передашь письменно.

Пріѣзжайте и успокойте бурную душу, а тогда, авось, и работа пойдетъ.

Но, кромѣ этого, я страдаю оттого, что у меня слишкомъ много сюжетовъ, которые другъ друга перебиваютъ. Я сдѣлалъ нѣсколько эскизовъ, каждый по себѣ хорошъ, каждый стоитъ, чтобы его выполнить; но не знаешь, за что раньше взяться. И кончается тѣмъ, что ничего не начинаешь. При всемъ этомъ, надо сказать вамъ, какъ другу, что за большія вещи мнѣ теперь боязно взяться, потому что онѣ сопряжены съ большими расходами, а потомъ можетъ случиться, что останутся у меня на рукахъ, какъ „Сократъ" и „Петръ I". Фатальный у меня „Петръ I". Сначала я потратилъ на него годъ времени, привезъ его въ Петербургъ и напрасно: выругали только. Теперь, привезъ его обратно, реставрировалъ его, на что опять потерялъ 4 мѣсяца, отлилъ его изъ бронзы, а денегъ за него не могу получить до сихъ поръ—заказчикъ не даетъ, и даже не отвѣчаетъ. И все это загнало меня теперь такъ, что приходится сидѣть у моря и ждать погоды. Ну, послѣ этого просто руки не подымаются, чтобы взяться за что-нибудь серьезное.

Я, наконецъ, написалъ Беггрову, чтобы онъ передалъ вамъ все, что у него есть изъ моихъ вещей. „Мефистофель" вашъ, а остальное прошу сохранить до поры до времени, когда курсъ мой подымется и будетъ спросъ.

287. Къ В. В. Стасову.

Interlaken, получено 24 августа 1879 г.

Я не отвѣчалъ вамъ сейчасъ-же на ваше письмо, потому что мнѣ хотѣлось поговорить съ вами въ болѣе удобное и болѣе свободное время. Теперь-же я достигъ этого: сижу въ Швейцаріи, пью сыворотку, отдыхаю, нервы спокойны, и даже самъ я сталъ на подобіе куска холоднаго мяса,—такимъ образомъ теперь самое удобное время поговорить спокойно. Да кромѣ того, я не могъ тогда отвѣчать вамъ, потому что былъ погруженъ въ тяжкія работы, которыя долженъ былъ кончить безъ любви и желанія. Можете себѣ представить, что значитъ каждое утро гнать себя въ шею — работать. Теперь-же все это — дѣло прошлое, и я-бы даже желалъ не только не говорить объ этомъ, но

даже забыть, потому что я, какъ художникъ, не долженъ былъ работать подобную работу, но какъ человѣкъ вообще, у котораго часто бываетъ желудокъ одинаково силенъ и логиченъ разсудкомъ, я все-таки сдѣлалъ это. Такимъ образомъ, я не могу принять никакихъ поздравленій съ успѣхомъ, или-же съ окончаніемъ работъ ни отъ кого, а еще меньше отъ васъ.

Правда, кромѣ этого я сдѣлалъ нѣкоторые бюсты, болѣе или менѣе удачные, но это для меня больше, чѣмъ интересъ второстепенный въ искусствѣ. Работа-же, которую могу назвать для себя сдѣланной, это голова „Мефистофеля" (бюстъ), которая давитъ открытую и опрокинутую книгу. Я это сдѣлалъ на тему, когда онъ „проклинаетъ знаніе". Я хотѣлъ представить типъ, менѣе опошленный, менѣе комичный и менѣе фантастичный, а болѣе серьезный, и, главное, болѣе жизненный среди насъ. Однако, не могу похвастаться, чтобъ этимъ я былъ доволенъ, хотя очень эту вещь и хвалятъ; но вѣдь не всегда то хорошо, что хвалятъ, точно также и наоборотъ. Да притомъ-же, истинный художникъ находитъ свой приговоръ въ самомъ себѣ: онъ работаетъ раньше всего для своей собственной потребности. Тутъ вопросъ долженъ быть только тотъ: насколько его внутренняя потребность соотвѣтствуетъ общей и только. Говоря другими словами, можно сказать: насколько художникъ чувствуетъ современныя чувства.

Рядомъ съ „Мефистофелемъ" я сдѣлалъ отрубленную голову „Іоанна Крестителя": тутъ положенъ и мечъ, завернутый въ тряпье. Повторяю, что эти вещи, какъ всѣ мои вещи, я сдѣлалъ раньше всего для себя, никого не хотѣлъ этимъ допекать, а сдѣлалъ такъ, чтобы облегчить желчь и горечь, которыя иногда черезчуръ накопляются у меня. Кромѣ этихъ работъ, я сдѣлалъ барельефъ молодого художника, умершаго раньше времени. Я говорю о сынѣ барона Горація Осиповича. И это я сдѣлалъ почти для себя, безъ запроса и безъ вознагражденія, и оттого это вышло по крайней мѣрѣ настолько, что имѣетъ художественный интересъ, а сдѣлалъ я это потому, что любилъ этого юношу, также какъ люблю и весь домъ Гинцбурга.

Какъ вы видите, „изъ большихъ тучъ малый дождь", т.-е. я много работалъ, а вышелъ малый результатъ. За то, по крайней мѣрѣ, этотъ годъ дастъ мнѣ возможность работать хоть годика два собственно для себя, а это не маловажно.

Теперь вы почти знаете причину моего молчанія. А впрочемъ, хотя это главное, такъ какъ я почти ни къ кому не писалъ, но есть еще кое-что. Только не думайте, Бога ради, чтобы я обидѣлся на статью, въ которой вы выразили свое мнѣніе обо мнѣ [1]). Конечно, это было-бы крайне нелѣпо. Кромѣ того, я теперь уже настолько пересталъ быть ребенкомъ (слава Богу пора!), чтобы не уважать чужихъ мнѣній, въ

---

[1]) Въ своей статьѣ: «Наши итоги на Всемірной Выставкѣ» («Новое Время» декабрь 1878—январь 1879 г.) В. В. Стасовъ выражалъ свое сожалѣніе о томъ, что въ послѣднее время талантъ Антокольскаго нѣсколько объевропеился и даже объитальянился.

особенности, когда они искренни, хотя и совершенно не быть согласнымъ съ ними. А этой-то искренностью я больше всего дорожу у васъ. Но къ этому прибавлю: вѣдь послѣ вашей статьи вы-то сами перестали писать, и даже самую статью не прислали мнѣ. Скажите пожалуйста, отчего это?

Я-же, и не скрываю того, по-своему толковалъ: „Если ты, Юпитеръ, сердитъ, значитъ не правъ". Но не статья ваша, ни даже молчаніе, не могли огорчить меня, а лишь только результатъ всего этого, а именно: что даже вы перестали совсѣмъ понимать меня; теперь я остался, чисто, одинъ во всемъ свѣтѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что это за странность: тѣмъ, которымъ лично я могу нравиться, не нравится моя работа, а тѣ, которымъ нравится моя работа, начинаютъ такой гвалтъ, когда я начинаю говорить объ искусствѣ, что просто хоть уши заткни!

А воля ваша, въ чемъ хотите, только въ искренности моихъ работъ, т.-е. въ передачѣ всего моего „я" въ моихъ работахъ, думаю, даже и враги не упрекаютъ меня. Но въ чемъ-же причина? А по-моему, очень просто, вотъ въ чемъ: многіе хвалятъ меня, многіе ругаютъ меня, и никто не понимаетъ меня (т.-е. моей работы). Мнѣ очень жаль, что въ этомъ числѣ находитесь и вы, въ послѣднее время. Въ результатѣ выходитъ то, что я одинъ стою. Ну, что-жъ? Робѣть не надо; можетъ-быть, оно тѣмъ и лучше.

Я вовсе не желаю, и притомъ думаю, что будетъ совершенно лишнее доказывать, въ чемъ состоитъ наше недоразумѣніе. Мы много писали уже объ этомъ другъ другу, и результатъ вышелъ тотъ, что вы совсѣмъ перестали писать, — значитъ вовсе не согласны. И только послѣ долгаго молчанія вы говорите: „Что-жъ, давайте снова переписываться"—потому „что стали менѣе требовательны и теперь рады, если отыщете у человѣка хоть что-нибудь, и это вы готовы цѣнить".

Я-же въ свою очередь готовъ поблагодарить за снисхожденіе ко мнѣ, если во мнѣ вы находите хоть что-нибудь (а, ей-ей, и этого не думалъ). Но къ этому прибавлю, что и тутъ я разнаго мнѣнія съ вами. Все живое, человѣческое я могу любить, ненавидѣть или-же совсѣмъ быть равнодушнымъ; васъ-же (вѣрьте моей искренности) я люблю, люблю, какъ искренняго, прямого и честнаго человѣка, но не могу согласиться съ вами насчетъ моего искусства.

Я сознаю искренно, что я, какъ человѣкъ, и гроша не стою, но какъ художникъ стою чего-то побольше. Такимъ образомъ, если не могу удовлетворить васъ своимъ искусствомъ, то чѣмъ-же больше удовлетворить? Подумайте, вы, добрый, честный человѣкъ, и отвѣчайте. Теперь мнѣ кажется, что совсѣмъ ясно для васъ, отчего я молчалъ, хотя молчать было больно. Но что-же мнѣ оставалось дѣлать? Впрочемъ не думайте, что только вами я недоволенъ, я теперь никѣмъ и ничѣмъ не доволенъ, а еще менѣе всего — собою. Все, что я дѣлаю, все не то, чего вы желаете. Да вѣдь я не могу сдѣлать то, чего другой не только желаетъ, но даже чувствуетъ; также и другой не можетъ навязать мнѣ свое чувство. Задача каждаго кри-

тика—стать на точку зрѣнія художника, т.-е. брать въ соображеніе эпоху, націю, мѣстность и т. д., и, наконецъ, личность самого художника. И тогда, только тогда, оцѣнка его будетъ правильна. А впрочемъ, нечего мнѣ указывать другимъ, когда часто я самъ нуждаюсь въ указаніяхъ.

Всегда любящій васъ и, что-бы ни случилось, никогда не перестающій любить и уважать васъ М. Антокольскій.

Я остаюсь здѣсь до будущаго воскресенья, потомъ ѣду въ Trouville, гдѣ мое семейство находится теперь. Тамъ думаю остаться до перваго сентября, а потомъ въ Парижъ, приниматься за „Спинозу", только, несмотря на то, что я далеко уже вошелъ въ работу, по всей вѣроятности я оставлю его и начну вновь. Какъ видите, могу-ли я быть доволенъ собой, когда недоволенъ своимъ трудомъ?

288. Къ нему же.

Парижъ, получено 6 ноября 1879 г.

Очень давно я не писалъ вамъ, хотя было и есть о чемъ поговорить съ вами, только, къ сожалѣнію, я до того занятъ, что просто иногда и ѣсть некогда. Теперь же я очень радъ, что есть у меня хоть часокъ, чтобы по крайней мѣрѣ начать писать, а тамъ авось и кончу. Раньше всего я долженъ сказать, что я очень обрадовался вашему письму, и не менѣе извѣстію, что вы, наконецъ-то, оставили эту двусмысленную газету—„Новое Время". Когда я прочиталъ первые два нумера этой газеты, я какъ-то инстинктивно отворотился отъ нея, и съ тѣхъ поръ никогда не бралъ ее въ руки.

Очень обрадовало меня также, что вы участвовали въ жюри для разсмотрѣнія проекта синагоги въ Петербургѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что вы останавливались на проектѣ Бахмана. Къ сожалѣнію, ничего больше я не знаю объ этомъ, кромѣ того только, что онъ сочиненъ въ мавританскомъ стилѣ. Въ такомъ случаѣ, я очень боюсь, чтобы это не было подражаніе Берлинской синагогѣ, которая въ планѣ есть подражаніе протестантской церкви, а протестантская церковь, въ свою очередь, есть подражаніе католической. Такимъ образомъ выходитъ, что мы подражаемъ тому, чему меньше всего должно были-бы подражать. Да вообще, вы хорошо знаете, какой я противникъ всякаго подражанія. Но самое главное то, что мавританскій стиль меньше всего подходитъ къ духу еврейской религіи, по крайней мѣрѣ насколько я понимаю какъ одинъ, такъ и другой. Стиль этотъ слишкомъ легокъ, слишкомъ кокетливъ; въ этомъ стилѣ есть волшебная роскошь, въ которой обрѣтаются сказочные цари, но никоимъ образомъ нѣтъ того, что внушаетъ страхъ и благоговѣніе. „Богъ безконечный, сильный, могущественный, грозный, терпѣливый и милосердный, но строго карающій"—вотъ приблизительно, какъ сами евреи представляютъ себѣ своего единаго Бога. По-моему, гораздо скорѣе

къ этому духу подходитъ египетскій, или же ассирійскій стиль. Тутъ болѣе всего и божественнаго, суровости, могущества, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень много библейскаго характера. И ко всему этому онъ не менѣе красивъ, но, конечно, все зависитъ отъ силы таланта архитектора, который берется за подобную задачу.

А знаете, что сейчасъ приходитъ мнѣ въ голову? Что евреи болѣе всего имѣютъ права претендовать на египетскій стиль, потому что вѣдь въ теченіе 400-лѣтняго рабства, всѣ они исключительно занимались постройками, и нѣтъ сомнѣнія, что ими было создано множество грандіозныхъ вещей. Но тутъ-же, кромѣ всего этого, я поневолѣ припоминаю синагогу въ Вильно: по-моему, стоитъ обратить на нее вниманіе. Говорятъ, что она раньше принадлежала караимамъ; говорятъ также, что она была построена 400 лѣтъ тому назадъ. Но послѣднее положительно невѣрно: по стилю видно, что она построена въ концѣ XVII столѣтія. Какъ бы то ни было, несмотря на то, что она крайне обезображена доморощенными мастерами, которые очень любятъ пестроту,—все-таки общій ея видъ внушаетъ идею чего-то могущественнаго и грандіознаго. Конечно, я говорю только о внутренности, потому что кругомъ она опять крайне обезображена всякими пристройками: тутъ и рыбный рынокъ, и жидовская улица, тутъ-же живетъ и народъ крайне бѣдный и, слѣдовательно, тутъ сгущеніе населенія и грязи до невѣроятности. Но когда вы все это минуете, то входите въ большія ворота, надъ которыми надпись изъ псалма: „Это божественныя ворота, въ которыя благочестивые входятъ“. Эти ворота съ колоссальными желѣзными дверями ведутъ прямо въ синагогу. Самая же синагога почти квадратная, огромныхъ размѣровъ, а также очень высокая, больше чѣмъ три этажа, кругомъ стѣнъ трехъярусныя окна, смотрящія прямо въ синагогу—это трехъ-ярусная галлерея, которая ведетъ въ синагогу для женщинъ. Плафонъ синагоги сводчатый, и въ срединѣ поддерживается четырьмя большими колоннами. Построенъ на возвышенности амвонъ, или столъ для чтенія; онъ очень интересенъ и характеренъ, притомъ довольно художественъ по своей легкости и вышинѣ (онъ почти подпираетъ потолокъ). Ко всему этому надо прибавить, что синагога стоитъ въ глубинѣ двора, такъ что изъ желѣзныхъ воротъ ведутъ къ ней 20—30 ступеней (довольно широкихъ размѣровъ) прямо въ синагогу. Теперь можете себѣ представить то грандіозное впечатлѣніе при входѣ въ этотъ храмъ, когда вы весь этотъ храмъ видите не въ перспективѣ, а какъ на ладони. Я не знаю, очень можетъ быть, что дѣтское воспоминаніе объ этой синагогѣ сильно подкупаетъ меня, но во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что эта синагога больше всего соотвѣтствуетъ духу еврейской религіи. При этомъ еще разъ повторяю, что я тутъ говорю не о стилѣ, а о концепціи. А впрочемъ, очень можетъ быть, что и Бахмановскій проектъ не лишенъ своего достоинства,—ну, и дай Богъ! А пока я только сильно возстаю противъ мавританскаго стиля—онъ, по моему, вовсе не идетъ для синагоги.

Наше здѣшнее общество, т.-е. художественный кружокъ, дѣлаетъ большіе успѣхи, и я думаю, что каждый русскій человѣкъ, кому дорого все высокое, долженъ радоваться. Это будетъ значить, что русскій человѣкъ начинаетъ уважать себя. До сихъ поръ-же, стоило, бывало, переѣхать русскую границу, какъ онъ старался стушеваться и меньше всего быть похожимъ на русскаго. Этого никогда не дѣлаетъ ни англичанинъ, ни французъ, ни нѣмецъ въ особенности, а каждый націоналистъ непремѣнно старается свивать, на чужбинѣ, свое гнѣздышко, гдѣ всѣ они сходятся для поддержанія своего гражданскаго достоинства. Ничего подобнаго до сихъ поръ среди русскихъ (внѣ Россіи) не было, и оттого было отрадно, когда явилась попытка образовать русскій кружокъ въ такомъ центрѣ, какъ Парижъ. Наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность каждому молодому художнику заглянуть въ чужіе края, и посмотрѣть, что творится внѣ Россіи. Думаю, что и это должно имѣть свою благотворную цѣль, такъ какъ Академія Художествъ совсѣмъ перестала посылать своихъ питомцевъ за границу. И отчего? Думаю, оттого, что „людямъ досадно, отчего истина такъ проста: имъ хочется перехитрить самую природу“— это приблизительно говоритъ Гёте, и это-то перехитреніе нигдѣ такъ не широко, какъ у насъ въ Россіи: мы всегда живемъ много, и дѣлаемъ мало.

Ну, полно разсуждать, или философствовать; и скажу вамъ, что въ послѣднее время общество наше получило большой толчокъ къ лучшему.

Дѣло въ томъ, что, благодаря посѣщенію Парижа великими князьями, нашъ кружокъ устроилъ импровизированную выставку въ честь Цесаревича. Эта выставка была устроена и убрана роскошно даже (благодаря барону Горацію Гинцбургу), и хотя она была очень маленькая, но право премилая. Въ назначенный день всѣ художники и весь комитетъ собрались принять дорогихъ гостей. Они остались, кажется, очень довольны.

Цесаревичъ пріѣхалъ съ супругой, съ принцессой Уэльской, съ В. К. Алексѣемъ Александровичемъ, и я долженъ сказать вамъ совершенно безъ малѣйшаго преувеличенія, что гости наши, въ особенности Цесаревичъ, положительно обворожили всѣхъ, до того они были просты, добры и искренни. Всѣ гости приняли отъ насъ званіе „почетныхъ членовъ“, а Цесаревичъ принялъ даже подъ свое покровительство это юное общество. Все это для насъ очень важно, потому что до сихъ поръ очень многіе относились къ намъ крайне недовѣрчиво, а многіе даже враждебно, сплетничали, будто наше общество пропагандное и т. д.; теперь-же члены растутъ, какъ грибы, а слѣдовательно и средства.

Кромѣ всего остального, это важное посѣщеніе имѣетъ хорошее начало совершенно съ иной стороны. Но чтобы разсказать въ чемъ тутъ дѣло, я долженъ разсказать вамъ кое-что о моихъ замыслахъ.

Самая задушевная идея, съ которою я ношусь ужъ многіе годы, это—развивать вкусъ въ народѣ. Вначалѣ я думалъ, что мнѣ будетъ

возможно жить въ Россіи и, слѣдовательно, самому начать это дѣло, но впослѣдствіи я во многомъ разочаровался, да притомъ у меня недостаточно времени, а главное энергіи и авторитетности, чтобы поднять и дать ходъ этому важному вопросу. Чтобы сказать вамъ вкратцѣ, въ чемъ именно состоитъ осуществленіе этого плана, надо раньше всего образовать общество дешевой художественной фотографіи, фотогравюры и т. п., каждаго художественнаго педагогическаго предмета, а главное, разсылать въ школы фотографіи, гравюры и т. п., только для того, чтобы ихъ развѣшивать по стѣнамъ, въ особенности въ тѣхъ школахъ, гдѣ близко есть фабрики. Это желательно, потому что я крѣпко убѣжденъ, что разъ мальчикъ привыкнетъ видѣть въ дѣтствѣ хорошія вещи, онъ потомъ уже не удовлетворится нехорошими. При этомъ я замѣчу, что ничто такъ не сильно въ этомъ отношеніи, какъ дѣтское впечатлѣніе. Помните, что я здѣсь говорю не объ ученіи, а просто о привычкѣ глаза. Подобное развѣшиваніе, или постоянная выставка должны быть передвижными: такимъ образомъ провисѣвши въ какой-нибудь школѣ два мѣсяца, предметы перейдутъ въ другую, а изъ другой переходятъ въ третью. Такимъ образомъ, изъ немногаго можно сдѣлать многое. Наградами для учениковъ должны быть и хорошіе рисунки, наравнѣ съ хорошими книгами, но всякій рисунокъ непремѣнно долженъ быть вправленъ въ рамку. Потомъ, лучшіе ученики изъ какихъ-нибудь ремесленныхъ училищъ должны быть посланы въ Парижъ для усовершенствованія, чтобы потомъ поступать учителями въ ремесленныя училища.

Я нарочно останавливаюсь именно на этомъ, потому что этотъ пунктъ начинаетъ отчасти осуществляться.

Въ честь посѣщенія Цесаревичемъ нашей выставки, баронъ Горацій Осиповичъ заявилъ, что онъ принимаетъ на свой счетъ издержки первыхъ трехъ учениковъ, которые будутъ отправлены сюда для усовершенствованія изъ школы Цесаревича. Эти ученики будутъ подъ наблюденіемъ Боголюбова и моимъ.

Подобныхъ учениковъ предлагаютъ высылать каждый годъ по три. Конечно, это пока—капля въ морѣ, но на благо каждому доброму начинанію! Теперь Горацій Осиповичъ задумываетъ пріобрѣсти домъ для нашего общества, но такъ какъ тутъ встрѣчаются разныя комбинаціи, то покуда это рѣшено только въ принципѣ.

Чтобы не забыть: я долженъ сказать вамъ, что здѣсь (кажется давно) проживаетъ художникъ, нѣкто Егоровъ [1]. Я очень давно слышалъ о немъ, но не былъ знакомъ хорошо съ его работами, а съ нимъ и до сихъ поръ не знакомъ. Я слышалъ, что этотъ художникъ бѣдствуетъ и постоянно хвораетъ. Вслѣдствіе этого нашлись добрые люди, которые вздумали разыграть въ лотереѣ вещи его работы,

1) Евдокимъ Алексѣевичъ Егоровъ, сынъ извѣстнаго живописца временъ Александра I и Николая I, профессора Алексѣя Егоровича Егорова.

очень многочисленныя, и при этомъ было выручено около 4000 франковъ. Недавно я лучше познакомился съ его работою, и онъ положительно поразилъ меня. Онъ преимущественно расписываетъ керамики: это, по-моему, рѣдкій талантъ, особенно своею оригинальностью. Можно положительно сказать, что онъ совершенно единственный въ своемъ родѣ, а главное, онъ чисто національный художникъ: онъ работаетъ, или, говоря вѣрнѣе, разрабатываетъ русскіе сюжеты: русскую византію, русскія сказки и былины, и русскую исторію. Все, что до сихъ поръ я видѣлъ, необыкновенно своеобразно и художественно, и я никакъ не постигаю, что онъ такъ мало знакомъ у насъ. Бога ради, обратите на него вниманіе, подайте руку этому рѣдкому художнику. Помните, и нашего Шварца мало цѣнили при его жизни. Мы горько пожалѣли, когда онъ умеръ, и спохватились, что при жизни мало цѣнили его, но если во второмъ мы дѣйствительно виноваты передъ Шварцемъ, то не можемъ упрекать себя въ его смерти, потому что онъ умеръ естественной смертью. Если-же мы не обратимъ вниманія на Егорова, то я очень боюсь, чтобы впослѣдствіи намъ не пришлось упрекать себя, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ, потому что Егоровъ болѣетъ— средства его очень скудны. Пожалуйста, откликнитесь. Боюсь, чтобы потомъ не было поздно. А вы умѣете дать искру жизни, у васъ сила въ добромъ желаніи и въ искренности, и вы это можете передать посредствомъ пера. Этотъ художникъ второй феноменъ, какъ Шварцъ, а впрочемъ, если вы не вѣрите мнѣ, то я постараюсь выслать вамъ что-нибудь изъ его работъ. Я постараюсь пріобрѣсти нѣкоторыя изъ нихъ для себя, потому что просто очень полюбилъ его своеобразный родъ.

Кромѣ того, вчера я видѣлся съ Солдатенковымъ, который здѣсь былъ проѣздомъ; онъ обѣщалъ купить у Егорова что-нибудь. Завтра-же постараюсь познакомиться съ Егоровымъ, и потомъ еще разъ возвращусь къ этому предмету, такъ какъ пишу это письмо урывками, иначе некогда. Какъ-бы поскорѣе успѣть сообщить вамъ обо всемъ, чего я бы желалъ.

Теперь скажу вамъ кое-что и о себѣ. Послѣ моего отдыха въ Швейцаріи, я думалъ-было сейчасъ же взяться за „Спинозу", главное потому, что во время моего отдыха я совсѣмъ перемѣнилъ его въ головѣ, и мнѣ кажется, что только теперь я нашелъ его, т.-е. настоящаго „Спинозу", ибо до сихъ поръ я все-таки не совсѣмъ былъ доволенъ: ничего не выходило своеобразнаго и типичнаго. И такимъ образомъ, не смотря на то, что онъ у меня былъ почти въ половинѣ работы, я съ радостью брался за другое. Но теперь скажу, что онъ есть!

Однако-же я не могъ браться сейчасъ за эту работу, потому что перемѣнилъ квартиру, такъ какъ наша оказалась мала, благодаря тому, что мы ждемъ прибыли семейства. При этомъ мы стали омеблировываться, въ первый разъ послѣ нашей свадьбы. Но, Боже мой, какъ это трудно! Сколько хлопотъ, денегъ и здоровья уходитъ на это! Я этого не предвидѣлъ, а главное, мнѣ больно, что пришлось

встрѣтиться съ грязною стороной прозаической жизни. Мнѣ просто больно за самыхъ избранныхъ людей, каковы французы. Боже мой, какая борьба за грошъ! Сколько предосторожности надо принимать, чтобы не быть надутымъ. И еще все это надо сдѣлать деликатно. Насколько они добры для своихъ бѣдныхъ (а это замѣчательно), настолько-же эти самые люди безжалостны къ другимъ, въ особенности къ иностранцамъ, да еще русскимъ. И какъ ловко, какъ деликатно они надуваютъ! Выходитъ, что живодеры вездѣ есть, только вездѣ рвутъ зубы съ болью, а въ сущности французы не меньшіе живодеры, и даже, пожалуй, болѣе того, но вмѣсто одного зуба выдернутъ вдругъ два. Только они и тутъ артисты своего дѣла: дерутъ ловко и незамѣтно. Кромѣ этого, есть тутъ прозаическая гадкая сторона.

У меня было нынче кое-какое занятіе получше, именно я работалъ бюстъ великаго князя Константина Николаевича, по заказу Полякова, но какъ это ни было пріятно, а тѣмъ не менѣе было и крайне трудно, потому что великій князь былъ боленъ: онъ лежалъ въ постели, и тутъ-же я долженъ былъ работать, да еще иногда въ другой комнатѣ, а времени у меня было всего на всего—9 дней. Но въ это же самое время я долженъ былъ принимать у себя въ студіи великихъ князей. Какой простой, искренній и задушевный человѣкъ Цесаревичъ! Онъ былъ у меня два раза: въ первый разъ одинъ, а во второй разъ съ Цесаревной, великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ и принцессою Уэльской. Онъ пріобрѣлъ у меня „Христа" въ натуральную величину, за 25.000 франковъ, и еще маленькаго „Ивана Грознаго", чеканеннаго изъ серебра, за 7.000. Но для меня (скажу вамъ откровенно) не столько важна эта покупка (хотя и это тоже немаловажно, зачѣмъ грѣха таить), но гораздо больше для меня значило его доброе, ласковое отношеніе ко мнѣ, а впрочемъ, кажется, тоже и ко всѣмъ.

Какъ вы видите, въ моральномъ и денежномъ отношеніяхъ жаловаться я не долженъ теперь.

Уже если говорить о денежномъ отношеніи, то я долженъ сообщить вамъ, что недавно я получилъ еще заказъ: отлить мою статую „Петра I" изъ бронзы, но пока это не должно быть гласно. Кромѣ того, я получилъ заказъ сдѣлать статую „Моисей". Эту статую я давно желалъ сдѣлать, раньше, чѣмъ „Сократа", но потомъ побоялся, такъ какъ „Сократъ" оставался не проданъ, слѣдовательно финансы не дозволили мнѣ рискнуть еще бòльшее предпріятіе. Можете себѣ представить, какъ я теперь радъ!

Моя выставка въ Петербургѣ должна состояться скоро: во-первыхъ, потому, что само собою разумѣется давно пора; во-вторыхъ, заказчики требуютъ свои вещи, и, наконецъ, великій князь Владиміръ Александровичъ обѣщалъ мнѣ дать помѣщеніе для выставки въ Академіи Художествъ. Но если бы онъ и не далъ помѣщенія, все равно я бы привезъ мои вещи въ Петербургъ, и если бы не нашелъ помѣщенія съ хорошимъ свѣтомъ, то сдѣлалъ бы выставку съ вечернимъ

освѣщеніемъ. Мнѣ кажется, что это должно было бы дать очень хорошіе результаты, но послѣднее я держу въ секретѣ, авось придется это сдѣлать, кто знаетъ? Видно, что друзей въ Академіи у меня много: они-то и стараются подкладывать камушки на дорогѣ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Мнѣ казалось, что великій князь Владиміръ Александровичъ былъ предубѣжденъ противъ меня, но потомъ мнѣ стало казаться, что, увидавъ мои работы, онъ переубѣдился. Какъ бы то ни было, но я до сихъ поръ крѣпко вѣрю, что человѣку надо честно и искренно трудиться, и тогда лучшимъ результатомъ будетъ подобный трудъ.

Работы у меня теперь набралось не мало, и я думаю, что если перевозить ихъ всѣ въ Петербургъ на выставку, то понадобится цѣлыхъ два вагона.

Вотъ реестръ моихъ работъ. Изъ мрамора: статуи „Христа“ и „Сократа“, портретная статуя С. С. Полякова (впрочемъ сомнѣваюсь, чтобы она поспѣла); барельефъ Марка Гинцбурга и моего дитяти, умершаго; голова „Ивана Грознаго“, вашъ бюстъ, голова „Петра I“, бюстъ „Краевскаго“, бюстъ „Анны Гинцбургъ“, бюстъ „барона Гинцбургъ“, три бюста изъ семейства „С. С. Полякова“, бюстъ „Н. А. Милютина“ и, наконецъ, голова „Мефистофеля“. Потомъ, изъ бронзы: статуя „Христосъ“, портретная статуя графа „Панина“, бывшаго канцлеромъ при Екатеринѣ II, голова „Ивана Крестителя“, бюстъ „Боткина“, бюсты опять „Краевскаго“ и „Мефистофеля“, барельефъ „Христа“ (голова) на крестѣ и, наконецъ, бюсты Тургенева и великаго князя Константина Николаевича.

Кромѣ этого, я отлилъ изъ гипса модель надгробнаго памятника, которую я сдѣлалъ въ Римѣ.

Какъ вы видите, не легко все это двинуть съ мѣста.

Мнѣ, кажется, остается теперь пожелать вамъ всего хорошаго и поскорѣе получить вашъ отвѣтъ о томъ, какъ вы-то поживаете? Я слышалъ отъ m-me Стасюлевичъ, что вашъ трудъ скоро появится въ „Вѣстникѣ Европы“, чему я и очень радъ.

Я далеко не кончилъ письмо, но обо всемъ, что̀ касается моихъ идей и искусства вообще, я поговорю въ болѣе удобное время, а именно, когда погружусь въ ту среду, а пока я просто хуже, чѣмъ проза. Скажу только, что въ будущей моей серіи будетъ что-то посерьезнѣе и своеобразнѣе, а главное будетъ меньше заказовъ и больше своего.

Между прочимъ я узналъ здѣсь, совершенно случайно, что здѣшнее правительство подарило всѣмъ, кто получилъ на всемірной выставкѣ первыя преміи, по роскошной севрской вазѣ. Почти всѣ уже это получили, только не я. Говорятъ, что моя ваза должна находиться въ Академіи Художествъ, и потому я очень прошу васъ узнать какъ-нибудь объ этомъ. Думаю, что и тутъ Академія сама по себѣ будетъ настолько любезна, что и не потрудится даже сообщить мнѣ объ этомъ, если даже подобный подарокъ и хранится у нихъ; но если у нихъ вазы нѣтъ, то надо мнѣ это знать: значитъ она

гдѣ-нибудь застряла. Говорятъ, что ваза эта стоитъ около 800 франк., но тутъ: „Ахъ, не милъ мнѣ твой подарокъ, дорога твоя любовь“ [1]).

289. Къ нему же.

Парижъ. Получено 19 ноября 1879 г.

Спѣшу отвѣчать на ваше хорошее и доброе письмо.

Извѣстіе объ Эліасикѣ скверное, и оттого, во что бы то ни стало, надо предупредить, чтобы его болѣзнь не развивалась, а то, знаете, пожалуй будетъ поздно. И оттого, раньше всего отправьте его сюда, а здѣсь мы увидимъ, куда послать его. Но во всякомъ случаѣ надо, чтобы Боткинъ назначилъ для него мѣсто пребыванія, при этомъ надо просить, чтобы онъ снабдилъ его свидѣтельствомъ, безъ котораго невозможно будетъ ему ѣхать. И какъ только онъ его получитъ, то пускай онъ не медлитъ ни минуты и пріѣзжаетъ прямо ко мнѣ. Я надѣюсь, что добрые люди не откажутся помочь ему, но, пока, я вышлю завтра или послѣ-завтра 200 франковъ ему на дорогу. Думаю, что ему понадобится Италія, но и туда мы пошлемъ его. Бога ради, не откладывайте этого, и беритесь за это дѣло какъ можно скорѣе, а доброй воли и энергіи у васъ хватитъ, какъ на все хорошее, такъ и на это. Раньше всего прошу у васъ скораго отвѣта.

Относительно синагоги, я, конечно, остаюсь при своемъ и думаю, что мое мнѣніе не столько остроумно, сколько правдоподобно. Но къ этому я долженъ прибавить, что я вовсе не поклонникъ какого-бы то ни было стиля, и много, очень много далъ-бы, и даже на колѣни сталъ бы передъ тѣмъ, кто наконецъ пересталъ-бы подражать и создалъ-бы свой собственный стиль. Подумайте только, что каждая нація, въ каждую эпоху, въ особенности въ средніе вѣка, имѣла своихъ геніевъ, которые никому ни въ чемъ не подражали и создавали свое собственное, и въ какихъ величественныхъ и художественныхъ формахъ! А мы-то разбогатѣли: все къ нашимъ услугамъ, мы гордимся, что идемъ впередъ, а сами не замѣчаемъ, что носимъ все старое и старинное, но только на изнанку, и не замѣчаемъ, что все пятимся назадъ, какъ раки. А знаете, чѣмъ мнѣ представляются всѣ эти стили? Убогимъ, которому подарили богатое, но чужое платье, и какъ онъ ни старается приноровить къ себѣ это платье, но каждый сейчасъ видитъ, что оно не на его станъ, не для него сшито и никоимъ образомъ не идетъ ко всему остальному. Правда, была эпоха, когда мы-было пробудились, увлеклись и подражали рабски, не спрашивая, идетъ-ли это къ намъ, соотвѣтствуетъ-ли оно нашему времени, потребности и опыту. Но право же довольно! Теперь пора бросить все это, и создать что-то самостоятельное, индивидуальное, внести что-нибудь свое, а не постоянно пользоваться чужимъ добромъ, за которое потомство строго осудитъ насъ, если мы будемъ такъ продолжать.

---

[1]) Вскорѣ потомъ ваза была доставлена Антокольскому изъ Петербургской Академіи Художествъ.

Но не думайте, что я не люблю и не боготворю всякое старинное творчество, въ особенности когда оно уже становится историческимъ. Нѣтъ, я страстный поклонникъ старинныхъ мастеровъ, люблю ихъ горячо, собственно потому, что они были геніями, никому не подражали, и оттого-то именно и учатъ насъ быть самостоятельными и никому не подражать, но непремѣнно изучать прежнихъ, для того, чтобы не подражать имъ.

Но когда подобныя явленія не колятъ намъ глаза, когда мы привыкли видѣть, что нищіе ходятъ въ богатыхъ, хотя старыхъ зипунахъ, съ голыми колѣнками, и привыкли къ этому потому, что ихъ тысячи на свѣтѣ, то, конечно, дѣлать нечего—надо довольствоваться и ими. И оттого, когда рѣчь шла о синагогѣ, которая будетъ въ мавританскомъ стилѣ, я хотѣлъ выбрать изъ двухъ золъ наименьшее. Но при этомъ, думаю, что все-таки есть возможность и окна сдѣлать, и планъ, соотвѣтствующими нашимъ потребностямъ, какъ по климату, такъ и по гигіенѣ, но все-таки при этомъ сохранить даже строгій стиль. Конечно, дай-то Богъ, только для этого здоровую башку надо, съ широкой фантазіей.

Если вы хотите въ печати привести мои мысли относительно этой синагоги, то прошу начать съ того, что я тутъ написалъ о стиляхъ вообще. Я думаю, что это важно не для одной синагоги: пора перестать быть рабами и явиться народными творцами. Право, больше чѣмъ пора!

Что касается нѣкоего Гордона, о которомъ вы мнѣ пишете, что онъ нападаетъ на насъ за то, что мы придаемъ такое значеніе „Магенъ-Давидъ", какъ еврейской эмблемѣ, то въ сущности я очень удивляюсь неразборчивости этого г. Гордона. Охота ему была развести подобные крупинки въ цѣлой чашѣ воды, да еще публикѣ подносить это! Но если на то пошло, то я скажу, что по-моему, и для меня, рѣшительно все равно, была-ли, или не была въ старину эта эмблема (да въ скобкахъ скажу еще, вѣдь не могла же она создаться при Давидѣ). Создалась-ли она въ XIV столѣтіи, или позже, или раньше— для меня уже довольно того, что она существуетъ уже очень давно, и существуетъ въ народѣ крѣпко, настолько же, насколько существуютъ у всякаго народа всякія легенды, сказки, былины, преданія или эмблемы. Безъ сомнѣнія, все это создано не на основаніи критическихъ соображеній, а народной фантазіей, и чѣмъ больше времени проходитъ, тѣмъ больше поэзіи и фантазіи оно получаетъ. Я же охотно уцѣпился бы за эту эмблему уже просто потому, что и безъ того наша религія крайне бѣдна пластическими формами, и разъ таковая существуетъ, то я удивляюсь охотѣ Гордона изгонять ее, и для какой цѣли? Онъ забылъ еврейскую пословицу, что „привычка уничтожаетъ законы", и оттого лучше было-бы не устанавливать такихъ законовъ, которые могли бы ломать привычки.

Если вамъ угодно, и вы еще не отвѣчали ему, то, если находите, что въ моихъ словахъ есть логика, можете и это напечатать. Къ сожалѣнію, я не читалъ его статьи. Я до сихъ поръ еще не вы-

писалъ „Разсвѣтъ“, и читалъ только первый нумеръ. Программа очень и очень нравится мнѣ: это моя всегдашняя мысль была. Я говорилъ здѣсь только какъ отвѣтъ на ваше письмо.

Мое теперешнее письмо крайне торопливо, потому что я спѣшу отослать его какъ можно скорѣе, ради Эліасика, и оттого я долженъ прекратить его на сегодня. Буду на-дняхъ писать еще письмо о моихъ новыхъ идеяхъ, которыя навѣрное понравятся вамъ, но пока онѣ сильно тревожатъ меня. Жаль, что время идетъ да идетъ. Просто страшно, что въ сущности я такъ мало серьезно работалъ. Хотя работаю, но все то, что могу, далеко не то, чего я хочу.

Относительно Егорова тоже въ другой разъ.

Насчетъ севрской вазы, то я получилъ изъ Академіи, что она находится у нихъ и просятъ прислать за ней.

Вашу статью въ „Молвѣ“ я получилъ, очень благодарю. Я читалъ ее съ удовольствіемъ, очень много вѣрнаго и правды, но можно было-бы сказать больше правды не въ утѣшеніе французамъ.

Что касается до Курбэ, то я бы желалъ поговорить о немъ не второпяхъ, и оттого въ другой разъ, но главная моя мысль та, что онъ можетъ быть очень цѣлителенъ и освѣжителенъ для французовъ. Онъ, конечно, крайній, т.-е. натуралистъ, а не реалистъ, и я думаю, что въ концѣ-концовъ, между двумя крайностями выйдетъ нѣчто среднее и цѣльное, т.-е. реализмъ. Но для насъ, русскихъ, онъ не наставникъ, просто потому, что то, что у насъ въ избыткѣ, того у нихъ нѣтъ, и наоборотъ... А впрочемъ некогда, поговоримъ въ другой разъ.

Я теперь работаю бюстъ в. к. Николая Николаевича-Старшаго, но эта работа не утомляетъ меня.

Когда увидите Крамского, то отъ меня сердечный поклонъ ему; много разъ я собирался писать ему, а все-таки не написалъ.

Относительно „Магенъ-Давидъ“ я могу еще прибавить, что онъ до того сильно вкоренился у евреевъ и до того любимъ у нихъ, что онъ не только изображается на свиткахъ Торы, на украшеніяхъ, на серебряныхъ предметахъ и на драпировкахъ передъ „Святая Святыхъ“ и т. д., но даже при иллюминаціяхъ и на домашнихъ украшеніяхъ, если это имѣетъ связь съ религіей. Эта невинная эмблема является вездѣ, на всемъ земномъ шарѣ.

Думаю, если будете печатать мои слова относительно Гордона, то прошу всякія рѣзкости, не идущія къ дѣлу, выбросить, а говорить то, что можетъ выяснить его. Я вовсе не желаю фехтовать на словахъ, и говорю ради самаго дѣла.

290. Къ нему же.

Парижъ, 5 (17) декабря 1879 г.

Посылаю вамъ для Эліасика 200 франковъ, о которыхъ я говорилъ давно. Нѣсколько дней тому назадъ я видѣлъ madame Ginzbourg, дочь Горація (прелестный человѣкъ!), которая сказала мнѣ, что она

уже писала отцу объ Эліасикѣ, и получила отвѣтъ, что отецъ обѣщалъ намъ сдѣлать все, т.-е. послать его на свой счетъ за границу. Это не мало обрадовало меня: во-первыхъ, потому что это дѣло хорошее, да еще для человѣка, котораго я люблю, и во-вторыхъ, оно меня радуетъ, потому что чувство мое относительно Горація Осиповича до сихъ поръ не обманывало меня. Онъ всегда и вездѣ выказываетъ свою доброту и благородство, гдѣ только это возможно и гдѣ это нужно. Дай Богъ ему всего хорошаго, а главное, чтобы онъ больше не зналъ семейныхъ невзгодъ! Такимъ образомъ Эліасикъ можетъ уже двигаться въ путь, но когда это будетъ!

Я еще разъ убѣдительно прошу сдѣлать мнѣ большое одолженіе и похлопотать насчетъ „Петра I“: это теперь, какъ оказывается, очень спѣшно. Пожалуйста, прошу вашего скораго отвѣта. Насчетъ выставки Верещагина ничего не могу сказать вамъ пока, но непремѣнно скажу вамъ обо всемъ, какъ только мнѣ удастся повидать ее, ибо до сихъ поръ это не удалось еще мнѣ. Я нарочно воздерживаюсь отъ тѣхъ сужденій, которыя приходилось мнѣ слышать. Здѣсь даже и въ журналахъ что-то уже пробѣжало, но пока упорно буду молчать, пока самъ не увижу, а скоро увижу и напишу.

Здѣсь все продолжаются морозы, и вовсе не шуточные; нагрѣваніе съ трудомъ происходитъ за двойныя цѣны. Но главная бѣда въ томъ, что очень холодно работать: приходишь въ мастерскую, начинаешь мѣшать глину,—холодно и сыро, просто боюсь за ревматизмъ, ну и бросаешь! Просто бѣда! Въ эту зиму всего-на-всего я сдѣлалъ два бюста, изъ которыхъ одинъ удался мнѣ: это бюстъ великаго князя Николая Николаевича.

На-дняхъ я отсылаю статую „Христа“ изъ бронзы въ Петербургъ, такъ какъ Цесаревичъ ее купилъ и требуетъ свое—онъ правъ.

291. Къ нему же.

Парижъ, получено 17 декабря 1879 г.

Въ прошломъ письмѣ, кажется, я обѣщалъ скоро писать объ Егоровѣ и вообще обо всемъ, а главное выслать денегъ на пріѣздъ Эліасика сюда. Къ сожалѣнію, я до сихъ поръ не могъ сдѣлать ни того, ни другого. Теперь-же надѣюсь, что буду поаккуратнѣе. Но все-таки я жду до сихъ поръ какого-нибудь извѣстія объ Эліасикѣ, и лишнее сказать, что онъ интересуетъ меня очень и очень.

Между прочимъ, я долженъ сказать, что здѣсь теперь такіе холода, что доходитъ до 10° по Реомюру, а здѣсь, при плохомъ устройствѣ квартиръ, эти холода еще болѣе ощутительны. Такимъ образомъ, лучше всего ѣхать ему прямо въ Римъ.

Наконецъ-то я посѣтилъ Егорова, о которомъ могу передать вамъ кое-какія подробности, хотя при этомъ ничего новаго. Уже семь мѣсяцевъ, какъ онъ помѣстился въ лѣчебницу, гдѣ лѣчится холодной водой, и это повидимому приноситъ ему пользу, такъ какъ теперь онъ уже въ состояніи пройти нѣсколько шаговъ самъ. И онъ, да и вся

обстановка его, крайне печальны. Живетъ онъ въ одной маленькой, да и не теплой комнатѣ, за которую платитъ 700 франковъ, съ пенсіономъ.

Повидимому, мое посѣщеніе сильно обрадовало его и ободрило, и сейчасъ даже онъ сталъ работать, а то, кажется, онъ сильно упалъ духомъ и даже началъ компановать какихъ-то купидоновъ, лишь-бы угодить публикѣ, и, конечно, это только — отчаянная попытка, которая никогда ни къ чему не приведетъ.

На меня онъ произвелъ впечатлѣніе художника стараго закала, но я замѣтилъ, что онъ человѣкъ, страдающій какимъ-то хроническимъ недугомъ: при встрѣчѣ съ чужимъ человѣкомъ онъ улыбается какъ-то наивно и печально, точно онъ хочетъ этимъ сказать: „Пожалуйста, простите, что я страдаю; я радъ за васъ, что вы не знаете моихъ страданій“,—вотъ это мое первое моментальное впечатлѣніе.

Мнѣ сказали, что онъ раньше велъ жизнь бурную, но пріѣздъ его сюда, да тоже и жена его и болѣзнь—заставили его вести болѣе регулярную жизнь. Я право не знаю, насколько это имѣло вліянія на его искусство; конечно, вліяніе это не можетъ быть хорошимъ, да тоже не знаю, насколько это въ сущности—правда, но какъ-бы то ни было, теперь онъ хочетъ жить и работать, а намъ, кажется, нечего особенно заглядывать за кулисы человѣческой жизни. Если пѣвецъ хорошо поетъ, то чего мнѣ больше отъ него надо? При болѣе тщательномъ разсмотрѣніи его работы, я могу еще разъ повторить, что, несмотря на то, что онъ убійственно плохо рисуетъ, да и рисуетъ отъ себя еще, но все-таки въ національномъ духѣ, столь сильно родномъ для насъ, что право не всегда и не вездѣ встрѣтишь что-нибудь подобное.

Главное—его духъ и искренность. Онъ настоящій русскій человѣкъ, приготовляющій свое любимое и національное блюдо у себя на родинѣ, а не одно изъ тѣхъ русскихъ блюдъ, которыя приготовляются въ культурныхъ ресторанахъ. Вотъ въ этомъ-то родѣ и являются его работы, и право я не знаю, какъ иначе характеризовать ихъ. Егоровъ не только превосходенъ въ сочиненіяхъ на сюжеты изъ русской исторіи, сказокъ и былинъ, но не менѣе силенъ и въ жанрѣ, гдѣ только дѣло касается русскаго мужичка. Какъ тутъ, такъ и тамъ, его вещи просто стильны. Въ этомъ согласенъ со мною и такой изящный, но не русскій, относительно національности произведеній, какъ Харламовъ.

Между прочимъ я долженъ замѣтить, что на всемірной выставкѣ ничего изъ его работъ не было куплено ни однимъ русскимъ, а все большею частью французами. У меня теперь есть нѣсколько этюдовъ его, и въ томъ числѣ: „Шествіе царя Алексѣя Михайловича“, которое было замѣчено всѣми на всемірной выставкѣ. Однако, только недавно купила эту вещь за полцѣны, и то изъ милости (за 500 фр.) какая-то старушка француженка. Я-же просилъ ее, чтобы она сдѣлала мнѣ еще одну милость и уступила мнѣ, и на завтра просьба моя была удовлетворена. Затѣмъ Поляковъ пріобрѣлъ у него два этюда

его: „Зима“ и „Осень“. Только не думайте, что тутъ какая-то пошлая аллегорія,—„Зима“ представляетъ просто бабу съ мужикомъ въ лѣсу, куда они сошлись, чтобы порубить дровъ, а „Осень“—это грязная дорога, по которой бредутъ нищіе—вотъ и все. Постараюсь послать ихъ въ Петербургъ, и тогда, я убѣжденъ, они понравятся и вамъ столько-же, какъ и мнѣ.

Но не менѣе его удивляетъ меня жена его. Она тоже занимается маіоликами, только въ особенномъ родѣ, а именно въ стилѣ старинной русской орнаментики. Вещи ея могутъ нравиться и не нравиться, смотря кому, тутъ нечего спорить о вкусахъ, но, безъ сомнѣнія, каждый, кто увидитъ ихъ, скажетъ, что она владѣетъ этимъ родомъ въ совершенствѣ. Она превосходно и характерно рисуетъ фигуры, но этимъ какъ-то не щеголяетъ, и, напротивъ, старается (и достигаетъ того) какъ-бы не выходить изъ рамокъ орнамента. Я поневолѣ вспомнилъ Гартмана, онъ-бы навѣрное восторгался ею. Какое это чудное примѣненіе къ русской архитектурѣ! Но нечего думать о прошедшемъ, надо заботиться о настоящемъ. И эти оба человѣка не могутъ выработать вмѣстѣ 700 франковъ въ мѣсяцъ, а подобныхъ мѣсяцевъ набралось много... Скажите, Бога ради, не печально-ли это?

Я давно написалъ это письмо, но не послалъ его вамъ до сихъ поръ, потому что разъ я оставляю хоть на день письмо у себя, значитъ никогда уже не пошлю его, потому что все кажется: это не понравится, это просто болтовня, ну, и не посылаю. А впрочемъ, я написалъ даже два письма, и одно изъ нихъ все-таки посылаю теперь, такъ какъ тамъ идетъ рѣчь почти исключительно объ Егоровѣ, а еще разъ повторять одно и то-же не хочется. Между тѣмъ я успѣлъ уже получить ваше письмо и ваши похвалы, которыхъ не принимаю просто потому, что, во-первыхъ, я ихъ не заслуживаю, и во-вторыхъ, потому что вы хорошо знаете, что я, какъ человѣкъ, не придаю себѣ никакого значенія въ жизни; другое дѣло какъ художникъ, и оттого очень прошу разбирать, ругать или хвалить мои работы—это будетъ дѣло! А то меня?... Охота вамъ думать обо мнѣ и о моихъ поступкахъ.

За то я въ свою очередь долженъ сказать вамъ, что меня до слезъ трогаетъ ваше чисто-человѣческое отношеніе (по-моему больше, чѣмъ отеческое) къ этому талантливому, больному, но беззащитному, юному Эліасику. Дай Богъ, чтобы наши старанія принесли пользу его здоровью! До сихъ поръ я не могъ выслать вамъ деньги для него: здѣсь, чтобы куда-нибудь сходить, значитъ день потерять, особенно теперь, когда дни коротки, какъ въ Петербургѣ, а извозчики и вообще всякое сообщеніе гораздо хуже, чѣмъ въ Петербургѣ, просто бѣда! Особенно для бѣднаго народа! Зима захватила ихъ врасплохъ, да такая зима, какой никто не помнитъ здѣсь: было время, когда доходило до 22°, да и то въ городѣ. И представьте себѣ здѣшнее противное отопленіе, легкость построекъ и вообще ихъ пренебреженіе

къ зимѣ. Теперь, благодаря морозу и снѣгу, нѣтъ подвоза: провизія дорожаетъ, отопленіе тоже, газъ не горитъ, а бѣдный человѣкъ сидитъ съежившись, потому что онъ не можетъ ни работать, ни ходить на работу. Повторяю, просто бѣда! Всѣ говорятъ, что никто не помнитъ подобной зимы, однако я думаю, что человѣкъ отъ природы не злопамятенъ. Такимъ образомъ, я уже думалъ, что Эліасику нечего ѣхать сюда, развѣ что это будетъ будто станція. По-моему, лучше ему ѣхать прямо въ Италію, да и то въ глубь, т.-е. прямо въ Неаполь. Тамъ теперь двое моихъ знакомыхъ. Одинъ—Жуковскій, сынъ извѣстнаго нашего поэта, превосходный человѣкъ! Но для подобнаго путешествія надо много денегъ, и я началъ уже хлопотать, только думаю, что не надо гоняться за двумя зайцами, и оттого убѣдительно прошу васъ переговорить объ этомъ съ барономъ Гораціемъ Гинцбургомъ. Я-же, со своей стороны, сдѣлаю то же самое письменно, и надо раньше всего добиться отъ него отвѣта. Я надѣюсь, что онъ, какъ добрый человѣкъ, сдѣлаетъ все, что можетъ.

Теперь нѣсколько словъ обо мнѣ.

Я давно уже хотѣлъ побесѣдовать съ вами, такъ-сказать, наединѣ, только ни прежде, ни послѣ не удалось мнѣ это. Врядъ-ли и теперь мнѣ это удастся.

Раньше всего я долженъ сказать, что при всемъ моемъ желаніи пріѣхать въ Россію, все-таки думаю, что это не удастся мнѣ скоро, по крайней мѣрѣ не раньше весны. Причина тому та, что я ужаснулся, когда оглянулся назадъ и увидѣлъ, что два года живу въ Парижѣ, два года упорно работаю и все-таки для искусства мало произвелъ. Что дѣлать, я не виню себя въ этомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я сюда пріѣхалъ, я получилъ много почета, но очень мало денегъ, а Парижъ требуетъ гораздо больше, чѣмъ какой-либо другой городъ. И оттого, поневолѣ я сталъ принимать заказы. Тутъ все вышло наоборотъ, то-есть: я получилъ денегъ много и почета не мало. Затѣмъ деньги уходятъ, и не остается ни того, ни другого. Однако, благодаря удачнымъ заказамъ и пропасти наработанныхъ мною бюстовъ, я все-таки кое-что собралъ. Теперь же я остановился, т.-е. эпоха бюстовъ у меня прошла, и пора начать творить. Но теперь я долженъ сдѣлать выставки—значитъ надо опять время терять, чуть-ли не цѣлую зиму. Такимъ образомъ, мнѣ приходится потерять одно серьезное творчество въ моей жизни. Оттого, послѣ долгой думы я рѣшилъ, что цѣль и задача мои: больше работать, нежели показывать, что я работаю (это давнишній мой принципъ). Можно будетъ показывать мои вещи тогда, когда я буду отдыхать, а теперь время работать. „Спиноза“ уже начатъ! Тѣмъ и лучше.

Въ то время, какъ я физически работалъ, умъ мой отдѣльно работалъ, и оттого много новыхъ сюжетовъ сидятъ у меня въ головѣ и не даютъ мнѣ покоя. Всѣхъ ихъ не перечтешь, но главный для меня: это—„Вѣчный жидъ“. Я крайне удивляюсь, что до сихъ поръ никто не трогалъ столь колоссальнаго и поэтическаго сюжета.

Потомъ, мнѣ хотѣлось сдѣлать русскую старинную церковь, гдѣ

отпѣваютъ сына „Ивана Грознаго“. Эта церковь должна быть въ родѣ моей „Инквизиціи“ (по освѣщенію), и тутъ мнѣ хотѣлось представить, съ одной стороны „Ивана Грознаго, терзающагося подъ звуки церковнаго пѣнія, а съ другой стороны: хоръ пѣвчихъ со всей экспрессіей увлеченія, какъ артистовъ.

Затѣмъ идетъ очень своеобразный сюжетъ: „Виновники Варѳоломеевской ночи“. Тутъ я хочу представить просто существующій до сихъ поръ балконъ (цѣликомъ), и тамъ находятся: Екатерина Медичи и сынъ ея Карлъ IX; онъ судорожно даетъ первый выстрѣлъ. Съ ними еще одинъ изъ ихъ родственниковъ.

Наконецъ, статуя „Моисея“, которая уже и заказана, и „Спиноза“. О другихъ не буду говорить, пока самъ еще не совсѣмъ ими доволенъ.

Наконецъ, скажу вамъ, что несмотря на то, что я здѣсь теперь устраиваюсь, все-таки думаю, какъ-бы убраться вонъ изъ Парижа, который очень хорошъ, только все-таки не для меня. Я не парижанинъ и настолько дикарь и упрямецъ, что не хочу, чтобы парижская атмосфера поглотила меня. А тотъ, кто не хочетъ, или не можетъ подчиняться, поддѣлываться или же просто искренно увлекаться всѣмъ парижскимъ, долженъ убираться отсюда вонъ, иначе трудновато здѣсь живется. Но куда убраться? Вотъ вопросъ, котораго никакъ рѣшить я не могу! Здѣсь одно хорошо: здоровьемъ чувствую себя хорошо. А впрочемъ еще-бы! Я ничего еще серьезнаго не сдѣлалъ здѣсь. Подождемъ и увидимъ.

Я не знаю, какимъ образомъ фотографіи съ моихъ работъ находятся у m-me Стасюлевичъ? Должно быть, баронъ Горацій Гинцбургъ далъ ихъ ей, а впрочемъ, объ этомъ я не жалѣю, лишь-бы только она не стала всѣмъ ихъ показывать. У меня были приготовлены для васъ фотографіи съ тѣхъ работъ, которыя вамъ не приходилось еще видѣть, но такъ какъ вы уже видѣли ихъ, то я передамъ ихъ вамъ лично. Къ сожалѣнію, вы не пишете, съ какихъ именно работъ вы видѣли фотографіи. Здѣсь всѣмъ (почти безъ исключенія) сильно нравится „графъ Паппинъ“ (статуя изъ бронзы). Что касается до меня, то я дальше не могу назвать ее, какъ только портретной статуей. Мнѣ-же больше нравится надгробный памятникъ. Если вы ихъ не видѣли, то прошу написать мнѣ, и тогда я не замедлю выслать его вамъ.

Скажу въ заключеніе, что я кончилъ бюстъ великаго князя Николая Николаевича. Онъ вышелъ въ глинѣ очень удачно.

У меня большая просьба къ вамъ: не можете-ли вы обратиться въ англійскій магазинъ, чтобы они выслали мнѣ статую „Петра I“. Наконецъ я рѣшилъ отливать ее изъ бронзы, тѣмъ болѣе, что она заказана, хотя очень дешево. Но мнѣ очень хотѣлось-бы раньше, чѣмъ отливать, кое-что немного передѣлать въ ней. За укладку и за транспортъ я заплачу здѣсь, а посылайте — медленнымъ поѣздомъ. Главное затрудненіе въ томъ, что эта статуя стоитъ у нихъ почти 7 лѣтъ—я право не знаю, что имъ дать за это, и сколько они же-

лаютъ. Но думаю, что самое лучшее: дать имъ работу, а этого добра много у меня предвидится. Вообще, если-бы я былъ въ Петербургѣ, то пришлось-бы мнѣ переговорить съ ними, чтобы они издавали мои работы. А теперь, кромѣ такихъ работъ, какъ „Иванъ Грозный“ и „Христосъ“, я долженъ сдѣлать 30 бронзовыхъ бюстовъ въ натуральную величину—это для Россiи; кромѣ того, хочу издать большiе и малые бюсты великихъ князей. Конечно, если они хорошо сдѣлаютъ: это первое и главное условiе и второе—недорого.

Бога ради, помогите мнѣ въ этомъ, и если можно выслать, то чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, а отъ васъ прошу скораго отвѣта.

Мы ждемъ очень скоро прибыли семейства, и оттого намъ пришлось нанять квартиру подходящую, и самимъ, въ первый разъ послѣ женитьбы, устраиваться. Ну, я и не радъ: дорого, хлопотливо, а главное—радуешься пустякамъ.

292. Къ С. И. Мамонтову.

Парижъ, конецъ 1879 г.

Не удивляйтесь, что я такъ рѣдко пишу къ вамъ. Я очень занятъ; хотя изъ всего этого пока выходитъ мало проку, однако я работаю почти безъ отдыха.

Раньше всего хочу просить васъ: ради Бога, не сердитесь на меня, что до сихъ поръ я не могу отдать вамъ свой долгъ. Что дѣлать? Не быть мнѣ богатымъ настолько, чтобы спокойно жить, но это уже дѣло привычное. Но быть кому-нибудь должнымъ, это уже безпокоитъ меня. Однако я, какъ фанатикъ, не теряю надежды, что будетъ-же когда-нибудь лучше!! И теперь было-бы очень недурно, если бы не проклятый Парижъ, гдѣ жизнь вдвое дороже и расходы въ студiи вдвое больше, чѣмъ въ Италiи.

И такъ, я все-таки надежды не теряю, и при первой возможности отдамъ вамъ свой долгъ съ благодарностью, а это можетъ случиться скоро. Вы вѣдь навѣрное знаете, что я думаю прiѣхать въ Петербургъ, и тамъ сдѣлать выставку своихъ работъ, которыхъ накопляется все больше и больше; авось финансовыя мои дѣла пойдутъ лучше; впрочемъ, тогда увидимъ. Вѣдь все зависитъ отъ того, какъ приметъ меня наша раздражительная публика. Теперь вопросъ только въ томъ, дастъ-ли мнѣ Академiя помѣщенiе для выставки. Очень можетъ быть, что на этотъ разъ она отвѣтитъ, что высшее начальство не разрѣшаетъ. Тогда нечего будетъ дѣлать,—получите вашего „Христа“ прямо на домъ, а кто пожелаетъ его видѣть, пусть безпокоитъ васъ лично.

Я крѣпко задумалъ ѣхать обратно въ Италiю, просто потому, что здѣсь очень много приходится работать заказовъ, которые рѣдко бываютъ прiятны, а карманъ все-же остается такой же худой, прямо изъ-за того, что расходы огромные.

Я работаю „Спинозу“, который мнѣ заказанъ [1]). Эта статуя мнѣ

[1]) Барономъ Г. О. Гинцбургомъ.

очень по душѣ, я стараюсь, какъ могу, и, конечно, буду счастливъ, если статуя удастся мнѣ. Къ сожалѣнію, мнѣ приходится часто отрываться, чтобы работать бюсты, по заказу для профановъ. Недавно, благодаря этому, мнѣ было до того скверно на душѣ, что хотѣлось во что-нибудь вылить свою горечь, и сдѣлалъ я тогда отрубленную голову „Іоанна Крестителя". Говорятъ, что работа удачная. Однако мнѣ этого мало, и я началъ голову „Мефистофеля". Это только одна голова, которая стоитъ на маленькомъ пьедесталѣ, и все это служитъ какъ-бы прессомъ для перевернутой открытой книги, на листахъ которой написано: „Vernunft und Verstand ist die Wissenschaft", и т. д. Здоровье мое такъ себѣ; то-же самое можно сказать и о женинномъ. Она, между прочимъ, очень кланяется вамъ.

Какъ вы видите, все это старая исторія, которая вѣчно остается новой. А между тѣмъ я работаю, и голова не утомилась еще, и сильно работаетъ. Все, что я теперь дѣлаю, трынъ-трава, въ сравненіи съ тѣмъ, что я задумалъ сдѣлать. Крѣпко надѣюсь начать новую работу на будущій годъ, если, конечно, буду здравствовать. Сердце что-то стало безпокоить меня.

Желаю вамъ всего новаго. Живите, веселитесь, и дай Богъ, чтобы всѣ вокругъ васъ веселились.

Хорошо помню время, которое провелъ у васъ, и не забуду его никогда. Я всегда благодаренъ буду за то, что у меня осталось такое свѣтлое воспоминаніе о вашемъ семейномъ радушіи и гостепріимствѣ. Все это я нашелъ у васъ въ то время.

Какъ же вы поживаете? Я какъ-то очень давно не получаю ничего ни отъ васъ, ни отъ кого; иногда бываетъ скучно безъ этого, но привычка!

293. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, Avenue d'Eylau. 6 января 1880 г.

Я получилъ бумагу изъ Академіи Художествъ, что, въ видѣ особаго исключенія, великій князь позволилъ мнѣ сдѣлать отдѣльную выставку въ Академіи.

Кромѣ того, всѣ просятъ свои работы, и надо ихъ отдавать, иначе финансы пострадаютъ, и вотъ, благодаря всему этому, я рѣшилъ ѣхать. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Работы я уже начинаю отправлять. Онѣ будутъ въ дорогѣ вѣрно мѣсяцъ, и, такимъ образомъ, недѣль черезъ пять я надѣюсь пріѣхать открыть выставку. Эліасикъ пишетъ, что вы распорядились, и уже отправлена голова „Петра I". Я думаю, что тутъ ошибка: я просилъ васъ о всемъ „Петрѣ", а изъ вашего письма видно, что вся статуя „Петра" выслана, за что отъ души вамъ благодаренъ.

Между прочимъ я долженъ сказать вамъ, что жена покойнаго Сѣрова обратилась ко мнѣ съ просьбою: взять на себя трудъ, сдѣлать надгробный памятникъ на могилу покойнаго ея мужа, отъ чего, конечно, я отказался: просто, не хочется. Но за то я съ удовольствіемъ сдѣлать готовъ эскизъ, а выполнить можетъ уже каждый. У меня

уже есть идея, очень, по-моему, удачная. Эхъ! не даютъ писать, говорятъ нельзя—боленъ. До другого раза.

Не знаете-ли вы адреса Сѣровой? Я по неаккуратности запряталъ куда-то письмо такъ, что не могу найти, а отвѣтить надо-же что-нибудь. Опять не даютъ писать.

294. Къ С. И. Мамонтову.

Paris, Avenue d'Eylau 18. 10 (22) января 1880 г. (Passy).

(Это наша новая квартира, милости просимъ).

Очень давно хочу писать вамъ, несмотря на то, что вы не дѣлаете этого и сами, но никакъ не могу собраться съ духомъ и написать такъ, какъ дѣлалъ это во время оно. Что со мною сталось въ послѣднее время, право не знаю. Куда-то торопишься, спѣшишь, ни надъ чѣмъ не останавливаешься, и идешь все дальше и дальше. Мысли и впечатлѣнія, какъ волна за волною прибываютъ, каждый день новинка: она приноситъ то тревогу, то радость, но она-же хоронитъ вчерашній день съ его жизнью.

Теперь именно хорошій случай начать писать къ вамъ, и я опять буду стараться писать, торопясь, безъ оглядки. Скажу вамъ раньше всего, что на свѣтъ Божій явилась у насъ дочка, какъ разъ въ нашемъ домѣ, около кровати матери. Дочери теперь 4 дня, ну и поздравляю! Не сообщить вамъ объ этомъ считаю за грѣхъ.

Жена очень кланяется вамъ, дочка тоже будетъ кланяться, если не будете продолжать молчать до тѣхъ поръ, пока окончательно не забудете о насъ. Женѣ—слава Богу, хорошо, дочкѣ тоже, вотъ и все!

Теперь дальше, дальше!

Долгое время колебался я, ѣхать-ли этой зимой, дѣлать выставку, и когда пронесся слухъ, будто я ѣду, я въ то-же время рѣшилъ именно какъ разъ наоборотъ; но потомъ, благодаря многимъ обстоятельствамъ, а главное тому, что въ этомъ году какъ-то не работается, я, наконецъ, рѣшилъ ѣхать. Сказано, сдѣлано. Теперь ящики уложены и черезъ нѣсколько дней поѣдутъ, а затѣмъ, черезъ недѣль пять, я и самъ подъѣду (тогда, конечно, побывать въ Питерѣ и не побывать противъ Спасскихъ казармъ, считаю тоже грѣхомъ. А можетъ быть, что и не такъ).

Жаль только, что въ Питерѣ соберутся 4 выставки вмѣстѣ: академическая, передвижная, Верещагинская и моя. Хорошо еще, что такъ. А не то очень боюсь, чтобы не быть пятымъ колесомъ, чего добраго. Вѣдь тутъ зависитъ все отъ того, какъ по вкусу потрафишь.

Не знаю, что дадутъ выставки академическая и передвижная, но нѣтъ сомнѣнія, что выставка Верещагина произведетъ сильное впечатлѣніе картинами изъ послѣдней войны. Тутъ онъ теперь какъ разъ хватаетъ за сердце, да и за больныя его струны.

Тутъ множество семействъ траура еще не сняли, у многихъ свѣжо въ памяти то, что они перечувствовали; многіе еще не успѣли дочитать того, что писалось о войнѣ; а тутъ живо, наглядно, во всей наготѣ являются передъ вами всѣ ужасы войны, съ отвратительнѣйшей стороны. Положимъ, что художники найдутъ множество недостатковъ, критики скажутъ, что онъ одностороненъ, но это потомъ, потомъ! Лишь когда рана окончательно заживетъ, Верещагинъ займетъ должное мѣсто въ исторіи искусства Россіи; но теперь всѣмъ достаточно впечатлѣнія, одного намека, и сердце защемитъ до боли, а тогда можно-ли думать и разсуждать?

Здѣсь, конечно, не было того, что будетъ въ Россіи, потому что французы отнеслись къ этому, какъ къ чужому горю. Не наша, дескать, хата горѣла, и оттого судъ былъ строже, хотя въ общемъ не разберешь: одни восхваляли его, а другіе—напротивъ; одни видѣли въ немъ замѣчательный талантъ, а другіе никакого, но общій выводъ былъ тотъ, что въ индійскихъ этюдахъ онъ несравненно выше, чѣмъ въ картинахъ изъ войны, и что онъ слабъ въ смыслѣ живописи. За то онъ оригиналенъ, талантливъ и смѣлъ.

Что касается до меня, то я смотрю на него по-своему. Думаю, что это дѣлаетъ каждый. Для меня истинно талантливо произведеніе лишь тогда, когда содержаніе и исполненіе одинаково сильны; тамъ, гдѣ я вижу глубокое содержаніе, но недостатокъ въ исполненіи, я говорю, что это произведеніе искусства имѣетъ недостатки, и, наоборотъ, исполненіе хорошее, но безъ содержанія я назову такимъ-же неудовлетворительнымъ. Такимъ образомъ, смотря съ этой точки зрѣнія на картины Верещагина, которыя дѣлятся на двѣ половины: индійскіе этнографическіе этюды и картины изъ послѣдней войны, я вижу въ этюдахъ художественное исполненіе, но недостатокъ содержанія, а картины, наоборотъ, богаты содержаніемъ, но бѣдны исполненіемъ, и оттого вездѣ впечатлѣніе получается какое-то неполное: чего-то не хватаетъ, что-то не додѣлано. Многіе говорятъ, что содержаніе его картинъ одностороннe, но это дѣло другого рода—не мое. И въ односторонности можно быть искреннимъ, а это важно въ искусствѣ, если даже не самое главное. Къ этому прибавляю, что двѣ самыя большія картины—вмѣстѣ и самыя плохія. Плохо, изъ рукъ вонъ плохо!

Странно, постарѣлъ-ли я, или больше знаю, но теперь, хотя и очень цѣню большой талантъ Верещагина, но не такъ имъ восторгаюсь, какъ тогда, когда мы съ вами ѣздили вмѣстѣ смотрѣть его картины въ первый разъ. Раньше онъ представлялся чуть-ли не полубогомъ, непочатымъ, дѣвственнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ энергично протестующимъ противъ всѣхъ ужасовъ человѣчества; но когда я присмотрѣлся и прислушался, то оказалось, что и на этомъ солнцѣ есть маленькія пятна... Всѣ мы одинаковы грѣшны. А впрочемъ, объ этомъ говорить нечего. Во всякомъ случаѣ, онъ для меня все тотъ же, не подлежащій сомнѣнію. Ну, довольно о немъ.

Какъ жизнь идетъ? Какъ поживаетъ милый Рѣпинъ? Вообще, хотѣлось бы мнѣ знать обо всемъ, по крайней мѣрѣ, о многомъ, но вы

ни о комъ не пишете, даже не о себѣ. А уже коли упрекать, то позвольте мнѣ сдѣлать вамъ еще одинъ упрекъ, за то, что до сихъ поръ я не знаю, сколько мнѣ внести за васъ въ наше художественное общество, гдѣ вы числитесь членомъ. Вѣдь я только представилъ васъ, и вы тотчасъ были приняты безъ баллотировки, а между тѣмъ отъ васъ даже ни слова, хорошо-ли я сдѣлалъ.

Какъ я уже сказалъ, въ этомъ году я мало работалъ, хотя пропасть передумалъ. Множество новыхъ сюжетовъ явилось на свѣтъ Божій; но до сихъ поръ я долженъ былъ работать лишь для того, чтобы потомъ имѣть возможность дѣлать то, что хочу, а не то, что долженъ. Теперь же идетъ періодъ заказовъ, и въ особенности бюстовъ. Впрочемъ, я очень радъ, что и этотъ родъ удается мнѣ. Не радъ только продолжать это.

Теперь ѣду въ Россію обновиться.

295. Къ Андрею Алекс. Краевскому.

Paris. 11 (23) января 1880 г.

Простите меня, глубокоуважаемый Андрей Александровичъ, что по причинѣ моего нездоровья я не могъ во-время прислать вамъ мое поздравленіе съ Новымъ годомъ, а также поблагодарить отъ души за добрую память обо мнѣ. Вашъ мраморный бюстъ уже уложенъ и черезъ дня три я отошлю его вмѣстѣ съ остальными моими работами прямо въ Петербургъ, гдѣ думаю дѣлать отдѣльную выставку. Жду съ нетерпѣніемъ вашъ бронзовый бюстъ изъ Неаполя, куда я отослалъ его для отливки изъ бронзы. Жду потому, что думаю—изъ бронзы будетъ даже лучше, чѣмъ изъ мрамора. Какъ только получу (а это можетъ случиться на-дняхъ), такъ непремѣнно сейчасъ отошлю, а затѣмъ и самъ пріѣду.

296. Къ И. Н. Крамскому.

Парижъ, 27 января (8 февр.) 1880 г.

Только теперь, наконецъ, удалось мнѣ отправить въ Россію мои работы, всего не больше пятисотъ пудовъ бронзы и мрамора. Пора расплатиться, чтобы имѣть кредитъ. Впередъ начать работать ничего нѣтъ на то похожаго. Но не въ томъ дѣло.

Вмѣстѣ съ этимъ я отправилъ 12 керамическихъ работъ художника Егорова, который находится здѣсь въ крайне печальныхъ обстоятельствахъ. У него параличъ, живетъ онъ въ лѣчебницѣ больше 8-ми мѣсяцевъ, и онъ съ женою, которая тоже очень хорошо работаетъ, не могутъ выработать 700 франковъ, чтобы хоть уплатить свои мѣсячные расходы. А между тѣмъ на нихъ необходимо обратить вниманіе. Онъ въ своемъ родѣ художникъ единственный. Правда, въ его работахъ пропасть ошибокъ, онъ убійственно рисуетъ, большею частью ребячески и отъ себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ до того по-русски, до того характерно и сильно, что во многихъ работахъ онъ становится стилистомъ. Она-же работаетъ русскіе орнаменты, и тоже превосходно. Я

слышалъ, что на передвижную выставку принимаются акварели, нельзя-ли также принять и керамики? Главное—надо-бы продать ихъ и дать ходъ его работамъ.

Посылаю также бронзовую голову „Христа" для васъ. Долгъ платежемъ красенъ; простите только, что поздно, но лучше поздно, чѣмъ никогда.

Читалъ я статью Стасова объ Ивановѣ [1]). Она хороша, горячо написана. Только когда мы перестанемъ слышать всякаго рода обвинительныя и защитительныя рѣчи? Когда мы, наконецъ, услышимъ, такъ сказать, судебный приговоръ? Когда мы перестанемъ смотрѣть на все въ увеличительное стекло? Вѣдь изъ этого выходитъ, что иногда принимаешь мошку за слона, а иногда не можешь проглотить ни одной капли воды, чтобы въ ней не видѣть чудовища. Было время, когда все это было хорошо и необходимо, но теперь, я думаю, пора ударить въ середину, и нечего бояться, что съ малыми силами мы очутимся подъ перекрестнымъ огнемъ. Пускай скажутъ, что безпристрастіе—свойство старости, но все-таки оно лучше, нежели ребячество.

Я не желаю трогать всего того, что касается самого Иванова, хотя-бы ради того, что о мертвыхъ надо говорить либо хорошее, либо ничего, т.-е. мертвымъ принадлежитъ хвала. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ тутъ-же такъ уничтожать Брюллова? Вѣдь онъ тоже считается мертвымъ. Положимъ, что Ивановъ дѣйствительно больше соотвѣтствуетъ нашей внутренней сѣверной потребности, нежели Брюлловъ. Но я думаю, что придетъ время (въ особенности теперь, когда во всемъ такъ быстро смѣняется одно другимъ), когда Ивановъ съ его послѣдователями и довершителями покажется тоже уже отжившимъ, потому что новая жизнь, новый духъ и новое время потребуютъ и вызовутъ новыя лица, которыя удовлетворятъ новому порядку вещей. И тогда неужели отпоютъ отходную всѣмъ предшественникамъ ради новопришельцевъ? Будущность темна; очень можетъ быть, что это именно такъ и случится, и тогда—хвала генію, стремящемуся все впередъ и уничтожающему все предшествовавшее! А можетъ быть, что этого и не случится. Можетъ быть, люди успѣютъ передраться настолько, что сами почувствуютъ необходимость, чтобы кто-нибудь ихъ разобралъ и помирилъ.

А впрочемъ—я замолчу. Соломонъ говоритъ, что говоръ серебро, а молчаніе золото. Представляю себѣ, какъ всѣ нѣмые богаты, а теперь никому больше не завидую, кромѣ богатыхъ; на этотъ счетъ я давно съострилъ, что готовъ послѣднюю рубашку отдать, лишь бы только быть богатымъ, хотя-бы для того, чтобы имѣть возможность не брать противныхъ заказовъ, другими словами, не продавать времени, а это я дѣлалъ вотъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Хвалю себя за то, что это дѣлалъ, но буду себя ругать, если впередъ сдѣлаю. Вѣдь я для того-то и работалъ по заказамъ, чтобы потомъ имѣть возможность

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1880, январь.

ихъ презирать. Ну вотъ, оттого-то я и сказалъ въ началѣ письма, что теперь начну работать что-то ни на что не похожее. А впрочемъ, желаю, чтобы публика осталась болѣе довольна моими работами, нежели я самъ.

Мнѣ все нездоровится. Однако—дѣлать будетъ нечего—прiѣду въ Питеръ черезъ недѣльки три, и тогда мы наговоримся, а то здѣсь приходится держать языкъ за зубами: не съ кѣмъ поболтать и душу отвести.

297. Къ С. И. Мамонтову.

Парижъ, февраль 1880 г.

Не правда ли, странно съ моей стороны такъ долго молчать? Молчу я, который любилъ до сихъ поръ такъ много болтать. Что прикажете дѣлать: до сихъ поръ я жилъ только для того, чтобы работать, ну и работалъ умомъ и душою, творилъ и мечталъ, и охотно дѣлился своей мечтой, своимъ впечатлѣнiемъ съ тѣмъ, кто меня слушалъ, кто мнѣ сочувствовалъ. Теперь-же дѣло повернулось въ обратную сторону: благодаря обстоятельствамъ, а въ особенности Парижу, я сталъ работать только для того, чтобы жить, ну и сталъ самой худшей прозой. Не мечтаю, не думаю, некогда бороться съ вѣтряными мельницами, гоняться за собственной тѣнью, думать, что вотъ-вотъ она близко отъ тебя. Но все-же, чѣмъ дальше бѣжишь за нею, тѣмъ дальше она отъ тебя. Отъ подобной житейской погони поневолѣ устаешь и замолкаешь.

Я долженъ сказать, что я упорно работалъ долгое время только то, что мнѣ казалось достойнымъ искусства, отказываясь отъ разныхъ выгодныхъ заказовъ, но принужденъ былъ на время отказаться отъ своего идеала—„быть свободнымъ и независимымъ въ области искусства и творить только то, чего душа проситъ“. Причиной этому была отчасти война, которая и мнѣ дала почувствовать отчасти матерiальную нужду, благодаря тому, что по неопытности я бралъ заказы у Мещерской и (фамилiю нельзя разобрать) на рубли, а не на франки. Кромѣ всего этого въ теченiе всего этого времени я ничего не продавалъ. Главное же въ томъ, что я вѣрилъ, что правда наконецъ возьметъ свое, и эту правду я искалъ въ Парижѣ. Тутъ, дескать, всемiрный рынокъ, здѣсь все оцѣнятъ, а разъ оцѣнятъ, то продолжай свободно преслѣдовать свой идеалъ. Но впослѣдствiи оказалось, что чести было много, а денегъ мало, а одной чести, безъ денегъ, очень недостаточно еще для того, чтобы можно было жить независимо. И такимъ образомъ нечего было больше ждать, нечего было сжимать кулаки и проклинать человѣчество и судьбу. Я, напротивъ, какъ-то энергичнѣе и бодрѣе сталъ, тѣмъ болѣе, что хорошо видѣлъ, что нечего болѣе ждать извнѣ, что моя жизнь, мое искусство зависятъ лишь отъ собственныхъ мозолей на рукахъ. И такимъ образомъ, я обрадовался, когда С. С. Поляковъ предложилъ мнѣ весьма выгодный заказъ. Я съ жадностью взялся за него и выполнилъ насколько могъ лучше. Послѣ этого я работалъ еще и еще, и представьте себѣ, что тутъ я счастливъ настолько, что

въ скоромъ будущемъ у меня будетъ возможность осуществить свой старый идеалъ—опять предаться вполнѣ творчеству. Впрочемъ и теперь я уже не могу жаловаться, такъ какъ теперь уже начинаю это осуществлять, благодаря тому, что еще въ прошломъ году я получилъ такой отрадный заказъ, какъ вашъ, когда вы сказали мнѣ: „Я хочу имѣть отъ васъ то, что вы сами любите". И такимъ образомъ была создана статуя „Христосъ". Я, право, не могу назвать это заказомъ. Просто, разумный человѣкъ далъ возможность художнику высказать то, что художника волновало. И такимъ образомъ обѣ стороны оказываются удовлетворенными. Когда я сказалъ одному человѣку, что хочу дѣлать статую „Спинозы", онъ сказалъ: „Если вы желаете ее дѣлать, то дѣлайте для меня" [1]. И такимъ образомъ, еще въ прошломъ году я началъ свою любимую статую. Вы давно знаете, какъ долго я о ней мечталъ. Но я принужденъ былъ оставить ее на серединѣ работы, отчасти потому, что все еще не былъ доволенъ ею, а отчасти оттого, что подошли спѣшныя работы.

17-го августа лишь я могъ оставить Парижъ и хоть немного отдохнуть, потому что чувствовалъ себя сильно уставшимъ. И вотъ, сидя въ Швейцаріи, совершенно одинокій (такъ какъ доктора раздѣлили насъ съ женой и направили въ противоположныя стороны—ей море, а мнѣ горы), предо мною, наконецъ, возникла фигура „Спинозы", и именно такою, какой я ее давно желалъ видѣть. И теперь мнѣ кажется, что я нашелъ его образъ. Само собой разумѣется, что я ничуть не жалѣю уничтожить все, что до сихъ поръ было сдѣлано, и теперь съ жадностью начинаю новое.

Недавно еще я получилъ не менѣе разумный заказъ: сдѣлать статую „Моисея". О ней я мечталъ не менѣе, чѣмъ о „Спинозѣ", и если статуя „Моисея" удастся мнѣ, то это будетъ мое послѣднее слово въ смыслѣ лучшаго въ моей области искусства. Этотъ заказъ, впрочемъ, еще не окончательно рѣшенъ, но по всей вѣроятности онъ состоится.

Наконецъ, я получилъ еще отрадный заказъ: отлить изъ бронзы мою статую „Петра I". Этотъ заказъ вдвойнѣ пріятенъ для меня; во-первыхъ потому, что моя работа не заглохнетъ и получитъ свою жизнь, а во-вторыхъ въ матеріальномъ отношеніи это тоже дастъ кое-что. Ну, скажите, Бога ради, какъ не сказать мнѣ: „слава Богу"! Я думаю, и вы скажете то же самое. Но самое главное то, что Цесаревичъ, который положительно всѣхъ, а въ особенности меня, обворожилъ своей добротой и простотой, пріобрѣлъ у меня статую „Христа" изъ бронзы и маленькаго „Ивана Грознаго" изъ серебра.

Я долженъ еще прибавить, что я сдѣлалъ по заказу Полякова бюстъ великаго князя Константина Николаевича.

Ну, какъ видите, дорогой другъ, и вы, дорогая Елизавета Григорьевна (не знаю почему, но когда пишу это письмо, думаю о васъ обоихъ), что, наконецъ, и у меня горизонтъ проясняется. Но какъ

[1] Баронъ Г. О. Гинцбургъ.

только я получу возможность остаться вполнѣ свободнымъ въ выборѣ мѣста, я оставлю Парижъ,—онъ, право, не по мнѣ. Конечно, въ Парижѣ все можно найти, но тамъ преобладаетъ форма, форма безъ содержанія, а меньше всего здѣсь душевной простоты.

Впрочемъ, о Парижѣ въ другой разъ, потому что о Парижѣ надо говорить долго, съ оговорками, а главное, безпристрастно, а теперь мнѣ некогда; боюсь, чтобы это не завлекло меня слишкомъ далеко; а тамъ, того и гляди, письмо останется не посланнымъ. Между прочимъ я долженъ сказать, что однажды, сидя въ Швейцаріи, я началъ писать къ вамъ предлинное письмо; тамъ были, такъ сказать, итоги моихъ наблюденій и впечатлѣній о Парижѣ. Писалъ я много и долго, и наконецъ ушелъ погулять; но когда возвратился, то нашелъ, что вѣтеръ разнесъ всѣ листки по разнымъ концамъ, и такимъ образомъ я не нашелъ ни начала, ни конца. Тѣмъ и кончилась исторія съ длиннымъ письмомъ. Повторять того же я уже не могъ и не могу, даже теперь. Скажу только, что въ сущности, какъ бы русскій ни симпатизировалъ французу, оба, въ концѣ-концовъ, остаются все-таки другъ другу чужды и непонятны, и чѣмъ дальше, тѣмъ рѣзче эта рознь обрисовывается. Это происходитъ просто оттого, что мы, какъ юный народъ, любимъ и чтимъ во всемъ, а въ жизни болѣе всего, чувство прямое, простое и глубокое, а о формѣ думаемъ уже потомъ. Французъ же, наоборотъ, и въ жизни, и во всемъ, раньше и больше всего требуетъ формы, такъ что я на этотъ счетъ давно позволилъ себѣ съострить, что французы не знаютъ, гдѣ кончается вѣжливость и начинается искренность.

Но не думайте, что я тутъ кому-нибудь отдаю преимущество и вижу въ одномъ недостатокъ француза, а въ другомъ достоинство русскаго. Нисколько! я думаю, что каждый по своему совершенно правъ. Представьте себѣ юношу, который пристаетъ къ старику и разсказываетъ ему про свои увлеченія, чувства, любовь; у старика много чутья, пониманія, опытности, и даже страсти, но все это нисколько не похоже на то, чѣмъ обладаетъ юность. Скажите, пожалуйста, кого тутъ можно винить или оправдать? Каждый, конечно, правъ по-своему. Мы, однако, любимъ французовъ, любимъ ихъ потому, что они дѣйствительно сильны, необыкновенно увлекаемся ими, какъ ученики своими профессорами. Чѣмъ больше увлеченіе, тѣмъ больше искренность, но тѣмъ больше и опасность. Впослѣдствіи большого труда стоитъ умѣрить свое увлеченіе, подражаніе образцамъ и стать снова крѣпкимъ и самостоятельнымъ. Вотъ послѣднее намъ крайне необходимо: необходимо дополнить то, чего у насъ не хватаетъ и откинуть то, чего у насъ избытокъ. Я тутъ подразумѣваю необходимость пріобрѣсть форму и нѣсколько умѣрить чувство, которое не всегда на мѣстѣ, т.-е., говоря проще, соединить форму съ содержаніемъ; и когда мы этого достигнемъ, нѣтъ сомнѣнія, что споръ о первенствѣ въ искусствѣ будетъ рѣшенъ въ нашу пользу.

Однако скверная привычка, отъ которой до сихъ поръ я не могу вылѣчиться—это при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ непре-

мѣнно пофилософствовать, и оттого, конечно, я не всегда говорю складно. Поспѣшу же прекратить это; оно, право, будетъ во сто разъ лучше.

Какъ бы то ни было, но моя мечта—удрать отсюда. А между тѣмъ судьба гонитъ меня къ обратному. Жили мы годъ съ небольшимъ мирно, да тѣсна и мала квартира, хоть она и очень уютна: оказалось, что въ скоромъ будущемъ понадобятся еще одна комната и еще одинъ человѣкъ. Такимъ образомъ, оставаться на старомъ мѣстѣ было немыслимо, и мы стали искать новое помѣщеніе. Меблированныя квартиры казались намъ очень дороги, а не меблированныя не дешевле. Однако изъ двухъ золъ меньшимъ казалось взять не меблированную квартиру и самимъ меблировать. Думали мы, что дѣло это такъ скоро дѣлается, какъ сказка сказывается; оказалось наоборотъ. Казалось также, что такъ намъ дешевле обойдется, но и тутъ оказалось обратное. Главная бѣда въ томъ, что Богъ далъ мнѣ кое-какой вкусъ, но при этомъ не соразмѣрилъ съ нимъ денегъ, а здѣсь скорѣе можно прожить съ одними деньгами, нежели съ однимъ вкусомъ. Но, слава Богу, послѣ порчи достаточнаго количества крови, послѣ нашихъ неосторожностей и ихъ обмановъ, мы уже почти на-половину устроились. Теперь есть надежда, что если мы потратимъ еще столько-же крови, денегъ, а главное времени, то окончательно устроимся.

Какъ видите, дорогой другъ, балансъ поневолѣ увеличивается, и все это приковываетъ къ мѣсту и не даетъ двигаться. За то у насъ прехорошая квартира и, право, очень большая, такъ что наша дочка (прелестный ребенокъ, между прочимъ) не хочетъ идти гулять, не смотря на то, что гулять она очень любитъ, больше чѣмъ папа. И не хочетъ потому, что говоритъ: „Здѣсь достаточно есть мѣста, гдѣ гулять“.

Все это я веду къ тому, чтобы пригласить васъ пріѣхать, наконецъ, къ намъ безъ обмана. Уже, по-моему, лучше пріѣзжайте прямо, не обѣщая раньше, нежели раньше обѣщать, а потомъ не пріѣхать. А впрочемъ, не торопитесь. Скоро я приглашу васъ лучше, заодно, и на новоселье и на крестины. Что, согласны?

Я же поневолѣ долженъ буду пріѣхать къ вамъ въ Россію очень скоро. Говорю „поневолѣ“ потому, что мнѣ хотѣлось пріѣхать весной, но обстоятельства принуждаютъ поторопиться выставкой, потому что всѣ просятъ своихъ заказовъ и, по-моему, всѣ совершенно правы. Но, Боже мой, какъ мнѣ не хочется дѣлать выставки изъ моихъ работъ! Да и на что эта выставка? Я давно пересталъ надѣяться быть пророкомъ для своего отечества, а особенно для его художниковъ и журналовъ. Не знаю почему, но мнѣ кажется, что непремѣнно всѣ встрѣтятъ меня съ кулаками, просто потому, что мое самолюбіе не страдаетъ, какъ ихъ. Впрочемъ, для меня, право, все это равно. Моихъ способностей никто не прибавитъ похвалой и не убавитъ порицаніемъ. Пойду своей дорогой, а они своей, и въ концѣ-концовъ каждый непремѣнно получитъ свое.

А все-таки я радъ, что поѣду въ Петербургъ, ну хоть бы для

того, чтобы повидать васъ всѣхъ. Жаль только, что нельзя мнѣ будетъ оставаться долго у васъ, очень жаль. Если бы я могъ поѣхать весной, какъ мечталъ, то могъ бы кончить „Спинозу", сдѣлать выставку, а потомъ со всѣмъ багажемъ пріѣхать къ вамъ или куда-нибудь по-близости. Не хорошо долгое время прожить, не побывавъ въ Россіи. Это имѣетъ, по крайней мѣрѣ можетъ имѣть, нехорошія послѣдствія. Въ концѣ-концовъ, отъ своихъ отстанешь, а къ чужимъ не пристанешь.

Сегодня у меня былъ какой-то господинъ (имя позабылъ). Между прочимъ онъ говорилъ о Донецкой дорогѣ, какъ о замѣчательнѣйшей въ Европѣ. Онъ не зналъ, что я вашъ другъ, и я съ гордостью сказалъ ему это!

298. Къ нему же.

Парижъ, мартъ 1880 г.

Около первыхъ чиселъ апрѣля здѣшняго стиля, я думаю быть въ Петербургѣ. Не знаю, сколько придется мнѣ тамъ оставаться, потомъ буду въ Москвѣ и по всей вѣроятности поѣду опять въ Самару. Вотъ хотѣлось-бы мнѣ спросить у тебя, могу-ли я заѣхать къ тебѣ на квартиру въ Петербургѣ?

Если это тебѣ не мѣшаетъ, то прошу тебя дать мнѣ знать объ этомъ въ Вильну, Виленская ул., д. Апатова.

Мои дѣла все еще, какъ сажа бѣла, но я не падаю духомъ, и искусство отъ этого не страдаетъ. Пока у меня родилась еще одна статуя. Какъ всѣ говорятъ, это pendant къ статуѣ „Христа" [1]). Говорятъ даже, что это лучшая вещь изъ всего, что я до сихъ поръ сдѣлалъ. Радъ за себя, что хоть съ этой стороны не приходится разочаровываться, а не то оставалось-бы только себѣ пулю въ лобъ послать. Я очень недоволенъ и тобой, что и ты ни строки мнѣ не написалъ. Сожалѣю, потому что тебя я люблю.

Я выставилъ свои работы въ „Salon" [2]), но ихъ поставили до того безсовѣстно плохо, что это бросается въ глаза каждому, и каждый говоритъ: „Какъ жаль, что такъ плохо поставлено". „Спинозу" запрятали въ самый уголъ, такъ что трудно его и отыскать, безъ свѣта, или, говоря вѣрнѣе, съ отвратительнымъ свѣтомъ, на маломъ ободранномъ пьедесталѣ; рядомъ съ нимъ двѣ огромныя собаки.

Когда я увидалъ это, то невольно пришло мнѣ на мысль, что эта обстановка очень характерна и является эмблемой жизни „Спинозы"; онъ одинокъ и далекъ отъ всей пошлости, которой такъ полна жизнь. Здѣшняя въ особенности со всей своей фальшью, даже и въ искусствѣ; здѣшній „Salon" мнѣ всегда на нервы дѣйствуетъ, а въ этомъ году особенно сильно. Я намѣренъ написать нѣсколько статей обо всемъ, что я здѣсь увидалъ и узналъ, не только въ жизни, но и въ искусствѣ. Думаю, что это будетъ не безполезно и не безъинтересно.

---

[1]) «Спиноза».

[2]) Въ Парижѣ.

Здѣсь теперь Сергѣй Третьяковъ. Это типъ человѣка, гоняющагося только за тѣмъ, что трудно достать, желающаго имѣть только то, чего нѣтъ у другихъ. А какъ французы ловко пользуются этими слабостями! У здѣшнихъ купцовъ искусство—своего рода биржа со своимъ haut и bas. Въ началѣ покупаютъ всѣ картины умершаго художника, разсылаютъ повсюду требованія произведеній именно этого художника, зная хорошо, что ни за какія деньги нигдѣ ихъ нельзя достать; а потомъ, на какой-нибудь знаменитой продажѣ втискиваютъ одну изъ этихъ картинъ, и вгоняютъ ее въ баснословную цѣну. Такъ, напримѣръ, недавно за небольшую картину Милле [1]) нагнали цѣну въ 165 тыс. фр. Потомъ во всѣхъ газетахъ трубили, что такой-то американецъ пріобрѣлъ ее, и послѣ этого, когда курсъ художника достаточно поднялся, купецъ начинаетъ по одиночкѣ вытаскивать его картины и ловить такихъ любителей, какъ Третьяковъ. Хороша жизнь здѣсь!!!

299. Къ В. В. Стасову.

Петербургъ, 20 марта 1880 г

Пожалуйста, будьте такъ добры, сообщите въ „Голосъ", какъ слухъ, слѣдующее: выставка моя продолжится еще не болѣе 15 дней. Въ теченіе этого времени, по всей вѣроятности, выставка будетъ освѣщена вечеромъ свѣтомъ, потомъ работы перевозятся въ Москву и будутъ выставлены въ домѣ С. И. Мамонтова, гдѣ будутъ показываться исключительно при освѣщеніи, такъ какъ дневной свѣтъ тамъ недостаточенъ для скульптурныхъ работъ.

Вы знаете, что вечерній свѣтъ былъ моей первоначальной идеей въ томъ случаѣ, если-бы Академія Художествъ не дала мнѣ помѣщенія.

С. И. Мамонтовъ пріѣхалъ сюда. Онъ настаиваетъ, чтобы выставка была у него. Я этому очень радъ.

300. Къ С. И. Мамонтову

Парижъ, первая половина 1880 г.

Вашъ „Lied ohne Worte" я получилъ, и не могу удержаться, чтобы не поблагодарить васъ за этотъ прелестный подарокъ.

Фотографія ваша до того прелестна, что радуешься и смѣешься съ вами вмѣстѣ. Дай же Богъ вамъ всегда радоваться и смѣяться.

Абрамцевская богиня прелесть, прелесть! Расцѣлуйте ее, пожалуйста, отъ меня [2]).

Однимъ словомъ, про все я повторяю: „прелесть, прелесть!" И это совершеннѣйшая правда.

Жена въ восторгѣ отъ фотографіи. У насъ новостей ни-ни! Вотъ развѣ что: я сдѣлалъ бюстъ Тургенева; всѣмъ онъ очень нравится; осталось только докончить, и все было бы готово.

---

[1]) Картина «Angelus».

[2]) Здѣсь говорится о Вѣрѣ Саввишнѣ, старшей дочери Мамонтовыхъ.

Но вотъ, бѣдный Тургеневъ захворалъ такъ, что онъ долженъ пролежать по крайней мѣрѣ недѣльки три, я же хотѣлъ-было кончить бюстъ, а вмѣсто того, чтобы пойти впередъ, ушелъ назадъ, т.-е. испортилъ бюстъ окончательно. Отъ этого на душѣ кошки скребутъ. Жаль, но дѣлать нечего. Теперь надо ждать его выздоровленія—авось дѣло поправлю.

Мы всѣ здравствуемъ и слава Богу. Начинаю (только теперь) „Окно изъ Варѳоломеевской ночи".

Вотъ, должно быть, оригинально (особенно въ скульптурѣ), и очень смѣло. Если не будетъ этого, то выйдетъ, наоборотъ—очень смѣшно.

Это случается со всѣми оригинальными вещами; но, надѣюсь, я и впередъ не сдѣлаю ничего смѣшного, какъ не дѣлалъ этого и до сихъ поръ. А бюста-то Тургенева право жаль. Когда я сказалъ Боголюбову, что бюстъ испорченъ, онъ чуть не ударилъ меня за это. А если бы онъ это сдѣлалъ, то былъ бы совершенно правъ, тѣмъ болѣе, что лишь наканунѣ онъ былъ у меня и восторгался бюстомъ.

А все-таки, поглядишь на вашу фотографію, и весело становится при мысли, какой вы добрый! Вамъ не достаетъ Надежды и тогда вы воплотите въ себѣ Вѣру, Надежду, Любовь. Пожалуйста, расцѣлуйте вашихъ дѣтокъ отъ меня, въ особенности Абрамцевскую богиню, да и старушечку вашу. Недавно я писалъ ей письмо. Пускай она отвѣтитъ. Я же буду писать ей почаще.

Елена, старуха моя, слава Богу, ничего, держится, чувствуетъ себя лучше, чѣмъ въ Римѣ, несмотря на то, что погода здѣсь ой-ой какая: сыро, сѣро, скользко, грязно и темно.

Впрочемъ, громко говорить о подобныхъ вещахъ и оговаривать Парижъ запрещено. Всѣ это знаютъ, однако всѣ кокетничаютъ съ нимъ, какъ съ избалованной женщиной.

301. Ел. Гр. Мамонтовой.

Парижъ, первая половина 1880 г.

Здѣсь собралось все, что есть выдающагося въ Европѣ, для того, чтобы побороться другъ съ другомъ, побороться, помѣриться и показать все, что сдѣлано лучшаго человѣкомъ. Сколько конгрессовъ, сколько концертовъ, сколько обмѣновъ мыслями, не говоря уже о томъ, что можно видѣть на выставкѣ; всего не перечтешь. И когда пріѣзжаешь сюда, такъ много есть на что смотрѣть, что вначалѣ до того одурѣешь, что хочется скорѣе бѣжать вонъ, особенно когда пріѣзжаешь не надолго. Но уѣхавши, ясно сознаешь, что везешь съ собою душевное богатство, что пріобрѣлъ что-то такое, чего ни за какія деньги нельзя пріобрѣсти.

Я теперь начинаю работать статую „Спинозы" наконецъ! Знаете, какъ давно онъ сидитъ у меня въ головѣ, и какъ я люблю его. Да при томъ же онъ уже заказанъ. Дай Богъ, чтобы заказчикъ не раскаялся. Много мнѣ хочется выразить статуей „Спинозы", хочется передать ему всю мою душу.

Нашъ маленькій художественный кружокъ все растетъ, просто сердце радуется, когда побываешь тамъ. Сходятся многіе поболтать, поговорить, поскучать и разойтись. Шутки въ сторону, дѣло идетъ хорошо, членовъ прибавляется, и все люди почтенные. У насъ помѣщеніе теперь важное. Скоро состоится литературный и музыкальный вечеръ въ пользу нашего общества. Зала дается даромъ, освѣщеніе тоже, хоръ и оркестръ тоже даромъ. Надѣемся кое-что собрать.

302. Къ ней же.

Парижъ, 1880 г. Первая половина года.

Въ мастерской моей мало творится. Вотъ уже больше года, какъ живу среди прозы, и это сильно отражается на моемъ настроеніи духа. Я радъ, что все это кончается, и буду благодарить Бога, если не повторится. Надѣюсь, что нѣтъ.

Мое горячее желаніе, чтобы въ Москвѣ, именно въ Москвѣ, сосредоточилось русское искусство, иначе всякая отдѣльная сила, какъ она бы ни была сильна сама по себѣ, должна зачахнуть. Пишу я объ этомъ В. Д. [1]). Когда увидите Сурикова, прошу передать ему мой сердечный привѣтъ. Прошу фотографію съ его послѣдней картины [2]), за что буду очень, очень благодаренъ. Вы знаете мое мнѣніе о ней, и какъ я люблю ее; по моему, это первая русская картина историческая. Можетъ быть она шероховата, можетъ быть недокончена, но въ ней за то столько преимуществъ, которыя во сто разъ выкупаютъ всѣ недостатки.

303. Къ ней же.

Парижъ, лѣто 1880 г.

Больше чѣмъ когда-либо мнѣ нужно-бы превратиться въ растеніе, такъ чтобы ничего не чувствовать, ничего не слышать, не думать, не волноваться, а только дышать и быть наединѣ съ природой. Жаль только, что такого состоянія не такъ легко достигнешь. Голова не спокойна, даже во время болѣзни передо мной носились образы и просились создать ихъ. Самъ лежишь на постели, а кажется, что тѣло и голова ничего не имѣютъ общаго. Хочу я дѣлать „Спинозу“, „Моисея“, „Акробата“, „Мефистофеля“, „Христа на крестѣ“, „Нападеніе инквизиціи“, и много еще другихъ, новыхъ вещей, а приходится вмѣсто всего этого сидѣть сложа руки... Ну, довольно плакать, это право хуже всего!

Ужасно я радъ, что „Христосъ“ уже у васъ. Не можете себѣ представить, до чего я былъ непокоенъ: дошелъ ли онъ до васъ благополучно? Хотѣлъ даже телеграфировать вамъ, потому что я здѣсь получилъ ящикъ съ формой „Петра I“, которая до того была плохо уложена, что пришла вдребезги разбитая.

---

[1]) Поленову.

[2]) «Утро стрѣлецкихъ казней».

Москва переживаетъ теперь счастливую, небывалую минуту въ Россіи. Вся интеллигенція разныхъ оттѣнковъ собралась, чтобы единодушно чествовать память геніальнаго Пушкина. Это единодушіе отрадно, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время только и дѣлали, что бранились, ругались, обвиняли другъ друга въ своихъ собственныхъ ошибкахъ. Теперешнее явленіе въ Москвѣ рѣзко отличается отъ прошлаго, какъ свѣтлый свѣтъ отъ черной тѣни. Дай Богъ, дай Богъ, чтобы русскіе наконецъ стали любить себя и своихъ, любить сознательно, по достоинству, а не какъ эгоистичная мать своего ребенка. И вотъ, шагая одиноко по комнатѣ, я мысленно присоединяюсь къ этому празднику, столь замѣчательному, и отъ глубины души шлю Россіи мой привѣтъ и пожеланіе, чтобы твердыми и особенно ровными шагами шла она впередъ, ради блага человѣчества. Скажу больше: меня радуетъ это единство настолько, что я вдвое благодаренъ Пушкину. Онъ причиной этого единодушія, передъ судомъ поэта всѣ правы и всѣ равны, всѣ любятъ и прощаютъ другъ друга. Одно царапнуло меня по душѣ, это рѣчи, рѣчи, безконечныя рѣчи, точно устроили перегонки съ призами. Кто лучше похвалитъ, кто краснорѣчивѣе выразится, кто остроумнѣе скажетъ, тотъ будетъ награжденъ потокомъ „браво“ и „ура“. Эти рѣчи я пока знаю только по телеграммамъ.

304. Къ ней же.

Парижъ, лѣто 1880 г.

Послѣзавтра въ добрый часъ ѣду во Флоренцію, чтобы осмотрѣться тамъ раньше, чѣмъ переѣхать окончательно. И если тамъ дѣйствительно такъ дешево, какъ разсказываютъ, тогда—да здравствуетъ Италія! Милости просимъ туда! Я не знаю, что тамъ ждетъ меня, но чувствую, что успокоюсь душевно, когда тамъ буду жить. Что̀ бы мнѣ еще сказать вамъ, дорогіе мои жители Абрамцева? Сказать нечего, а хотѣлось-бы мнѣ сидѣть среди васъ, молча мечтать и душевно отдыхать. Но пока это не суждено, приходится волноваться, и за себя, и за другихъ, думать и бороться за эту дурацкую жизнь. Право не стоитъ!

О, Русь, Русь, сладокъ медъ твой, но ужъ больно ты кусаешься! Эхъ, пойду я искать пророчества не въ своемъ отечествѣ. Что дѣлать, не отъ радости я этого желаю.

Въ Италіи объявленъ конкурсъ (2-й) на монументъ Виктора Эммануила. Надо сказать вамъ, что я врагъ всякаго конкурса, но ужъ давно у меня готова для него идея, до того своеобразная, красивая и серьезная (все это, можетъ быть, мнѣ только кажется такъ), что недавно я писалъ объ этомъ художнику Морелли. И если они сдѣлаютъ для меня нѣкоторыя уступки, то я буду конкуррировать. Вообще, хочу стучаться во всѣ двери, авось кто-нибудь и отворитъ мнѣ, и я найду то, чего ищу въ жизни, а главное — въ искусствѣ.

305. Къ С. И. Мамонтову.

Парижъ, осень 1880 г.

Прости, что до сихъ поръ я не могъ выслать тебѣ головы „Ивана Крестителя“. Лишь только на-дняхъ съумѣю это сдѣлать, потому что кончается мой отдыхъ и на-дняхъ я возвращаюсь въ Парижъ.

Очень, очень радъ, что ты не отказалъ мнѣ принять этотъ маленькій подарокъ. Называю его маленькимъ, потому что это только, такъ сказать, проценты отъ друга за дружбу и за гостепріимство, которое я нашелъ въ вашемъ домѣ. Изъ римскихъ друзей изъ давно минувшихъ дней у меня остался только вашъ домъ. Что прикажешь дѣлать? Время мѣняется; съ годами иной разъ восторгъ превращается въ разочарованіе, радость въ грусть, и все это потому, что въ молодости не берешь людей такими, какіе они есть; да и сами-то люди, друзья-то, были тогда молоды, въ нихъ дѣйствительно было много хорошаго, чистаго, они были полны стремленія къ идеалу, къ свѣту. Но жизнь—что война. Мало кто остается не раненымъ, не изувѣченнымъ навсегда, душой и тѣломъ. А все-таки въ этомъ мало урока для будущаго, и наши дѣти тоже будутъ восторженны, тоже будутъ дѣлать множество промаховъ, станутъ требовать отъ жизни и людей невозможнаго и, наконецъ, тоже разочаруются, махнутъ рукой и пойдутъ тянуть лямку, какъ всѣ. Хорошо еще, если только это постигнетъ ихъ, а можетъ быть и что-нибудь худшее, храни ихъ Боже!

Ты, навѣрное, читалъ, или и читать не хотѣлъ, про походъ перьевъ, предпринятый противъ меня моими противниками.

Вначалѣ это возмутило меня, и я даже хотѣмъ имъ доказать судебнымъ порядкомъ всю ихъ гнусную подлость, ибо для этого у меня есть письменные документы; но потомъ я плюнулъ и расхохотался. Что пользы, если я докажу пошляку, что онъ пошлякъ? А пошляковъ теперь больше, чѣмъ грибовъ послѣ дождя. Не лучше-ли мнѣ идти по своей дорогѣ и безъ озлобленія дѣлать свое дѣло? Начну работать, увлекусь и пройду въ другой міръ, міръ, полный гармоніи, правды и возвышеннаго добра. Вѣрь, это не фразы. По-моему, кто умѣетъ отойти отъ меркантильной жизни, хотя-бы на часъ въ день, кто можетъ хоть на минуту подняться надъ житейскими дрязгами и успокоиться душой и сердцемъ, тотъ всегда будетъ счастливѣе, правдивѣе и добрѣе, а кто теперь-же можетъ это сдѣлать, тотъ вдвойнѣ счастливъ, ибо теперь царитъ духъ прозы со всѣми ея гнусными сторонами. Слова: благородство, рыцарское заступничество, добро, справедливость, милосердіе—существуютъ теперь только въ лексиконѣ, а въ дѣйствительности мы видимъ пошлость, ханжество, псевдо-патріотизмъ, прислужничество, людей ловкихъ, съ холодной душой, съ черствымъ сердцемъ, думающихъ только о своихъ эгоистическихъ цѣляхъ; для этого они готовы продать не только свое отечество, свою совѣсть, но даже мертваго своего отца. Они прикрываются словами: „патріотизмъ“, „религія“, и эксплоатируютъ это въ свою пользу. Масса-же, именно сѣрая масса, вторитъ ей. А теперь къ этому происходитъ сильное вле-

ПЕТРЪ I.
Статуя. Римъ. 1872.

ченіе: всѣ играютъ въ патріотизмъ такъ же страстно, какъ въ винтъ. И это, можетъ быть, и умилительно. А „Новое Время“ торжествуетъ, подписывается на своихъ столбцахъ за всѣхъ: „мы“; льстятъ, поощряютъ эту игру, натравляютъ всѣхъ противъ всѣхъ, кто только не сочувствуетъ подобному увлеченію, проповѣдуютъ чуть-ли не кулачную расправу; и кончается это тѣмъ, что она копаетъ глубокую пропасть въ сердцѣ самой Россіи. Она создаетъ крайнюю правую и крайнюю лѣвую. Та-ли задача истиннаго патріота, искренно любящаго Россію и желающаго ей свѣтлаго будущаго? Не раздоровъ, не насилія, по крайней мѣрѣ, должны мы желать, а прогресса. Посредствомъ добра и справедливости должны мы поднять народный духъ, а главное — единство Россіи. Если люди думаютъ, что единство религіи даетъ спокойствіе государству, то слѣдуетъ припомнить Варѳоломеевскую ночь: послѣ этой ночи и Катерина Медичи думала, что она подарила Франціи цѣльность и внутреннее спокойствіе. Однако, первая революція доказала, что политическія страсти не менѣе сильны, чѣмъ религіозныя. Торквемада, знаменитый инквизиторъ, тиранъ и фанатикъ, тоже думалъ спасать католиковъ Испаніи, и потому добился изгнанія евреевъ,—евреевъ, лучшихъ работниковъ,—и великая Испанія пала къ ногамъ Европы.

Нѣтъ, дорогой другъ, не того мы должны желать. Необходимо искоренить зло, гдѣ бы оно ни торчало, но и ловить добро, гдѣ бы оно ни было; другими словами, надо каждому дать то, чего онъ заслуживаетъ; но для этого надо быть раньше всего не пристрастнымъ и не фанатикомъ, не адвокатомъ, не прокуроромъ, а строгимъ судьей. Старинная пословица говоритъ: „Кто силенъ, тотъ и правъ“. Но я думаю, что слѣдовало сказать иначе: „Если хочешь быть сильнымъ, будь раньше справедливъ“.

306. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Аркашонъ, 5 октября 1880 г.

Очень радъ, что наконецъ могъ выйти изъ своего молчанія: до сихъ поръ я былъ занятъ собою больше, чѣмъ эгоистъ. Дѣлалъ все, что доктора предписывали мнѣ. Теперь, по ихъ же указанію, я пріѣхалъ въ Аркашонъ, сижу среди сосноваго лѣса, рѣшительно ничего не дѣлаю, если-бы не обѣщаніе докторовъ окончательно поправить меня, въ чемъ впрочемъ сомнѣваюсь, потому что я все покашливаю, но меня утѣшаютъ, и я, какъ ребенокъ, даю себя утѣшать.

Скажу вкратцѣ, гдѣ я странствовалъ все это лѣто. Былъ я въ началѣ въ Cauterets, для одного лѣченія, потомъ поѣхалъ отдыхать на берегъ моря, къ семьѣ, но тамъ опять почувствовалъ себя не ладно и съ женой поѣхалъ на воды, такъ какъ и ей необходимо было полѣчиться. Дѣтокъ же нашихъ мы оставили на берегу моря. Можете себѣ представить, что мы пережили, благодаря этой разлукѣ, но дѣлать было нечего. Послѣ вторичнаго лѣченія мы опять возвратились къ дѣтушкамъ. Теперь жена съ дѣтьми поѣхала въ Парижъ,

а я остался въ Аркашонѣ, среди сосноваго лѣса, брожу цѣлыми днями по нему, точно звѣрь. Правда, иногда бываетъ въ немъ чудно хорошо, можно положительно полюбить лѣсъ. Когда же душа начинаетъ жаждать новой дѣятельности, работы, тогда и лѣсъ со своею невозмутимостью не способенъ успокоить. Надо силу, чтобы удержаться отъ всего, къ чему влечетъ душа; при этомъ хорошо сознаю, что если теперь не вылѣчусь, то уже никогда, а я такъ хочу еще жить, у меня, помимо моего эгоистичнаго стремленія къ жизни, столько думъ о будущемъ, столько времени я пожертвовалъ, чтобы въ будущемъ пріобрѣсти свободу. Теперь, когда наконецъ я ее пріобрѣлъ, жаль не досказать про искусство того, что я началъ говорить. Думаю, что все сдѣланное мною до сихъ поръ только предисловіе; думаю, что я только теперь брошу перчатку живописи, и что скульптура пріобрѣтетъ утраченное ею значеніе въ жизни, иначе она должна окончательно исчезнуть. Какъ вы видите, исторія моя коротка; я надѣюсь, и оттого бодръ, смотрю будущему прямо въ лицо, авось впредь буду имѣть попутный вѣтеръ въ моей жизни, а не противный, какъ до сихъ поръ. Плановъ работъ у меня пропасть, но я не буду на этотъ разъ говорить о нихъ; помню, въ прошломъ году я много говорилъ о будущихъ моихъ работахъ и очень мало сдѣлалъ. Пусть въ этомъ году будетъ наоборотъ.

307. Къ ней же.

Парижъ, 29 октября 1880 г.

Къ сожалѣнію, я все еще не выпрямился окончательно, чтобы гордо и съ энергіей взяться за работу, которой я такъ жажду. Боже мой, сколько у меня мыслей, впечатлѣній, сколько новыхъ и богатыхъ сюжетовъ, остается только передать ихъ, но сердце напрасно усиленно бьется: приходится сидѣть у моря и ждать погоды. Но скоро я возьмусь за работу. Для начала, ради увертюры, я дѣлаю головку нашего ребенка младшаго [1]); это будетъ раковинка, въ которой находятъ перлы, и на мѣсто перла будетъ ея головка. Какъ видите, это будетъ нѣчто больше, чѣмъ бюстъ. Бюстъ, по правдѣ сказать, слишкомъ прозаиченъ, въ особенности, когда сама голова не говоритъ за себя. Вообще, моя теперешняя цѣль состоитъ въ томъ, чтобы не только осмыслить, оживить скульптуру, дать ей жизненный интересъ, который ближе нашему сердцу, но еще опоэтизировать и самый мраморъ, чтобы и въ немъ нашлась хоть доля виртуозности. Тогда только скульптура можетъ претендовать на любовь современниковъ и будущаго поколѣнія, иначе между скульптурой и самой жизнью цѣлая пропасть, и если такъ продолжится, то скульптура приговорена къ погибели. Наше время слишкомъ грубо, слишкомъ реально, буржуазно, чтобы оно нуждалось въ холодныхъ, бѣлыхъ миѳологическихъ статуяхъ, въ особенности большихъ размѣровъ. Теперь нѣтъ болѣе ни роскошныхъ, частныхъ, колоссальныхъ дворцовъ, нѣтъ болѣе такихъ же размѣровъ мо-

[1]) Дочь Анна.

ценатовъ, за то есть множество маленькихъ любителей, со своими маленькими квартирами. Они-то и хотятъ картинъ въ малыхъ размѣрахъ, которыя не особенно-бы утруждали внутреннее чувство, а пріятно щекотали глазъ, чтобы было красиво. Ну, а объ скульптурѣ и рѣчи нѣтъ.

Трудность современной задачи состоитъ въ томъ, что надо бороться противъ влеченія къ внѣшности, и помочь скульптурѣ завоевать себѣ такое-же положеніе, какъ у ея сестры живописи. Что касается до меня, то мнѣ пріятнѣе видѣть передъ собой задачу, и чѣмъ она больше и недоступнѣе, тѣмъ больше является желанія и энергіи. Что прикажете дѣлать? Думаю, что таковъ человѣческій характеръ вообще.

Какъ вы видите, я все-таки готовлюсь много сдѣлать. На это и желаніе есть, есть и надежда, не хватаетъ только малости, а именно здоровья. Будемъ-же надѣяться, что съ терпѣніемъ оно возвратится. Докторъ утѣшаетъ меня тѣмъ, что у меня въ груди ничего нѣтъ; теперь остается только поберечь себя и правильно держать діэту, а главное—мало работать и много ѣсть (но послѣднее не такъ-то легко для художника), и тогда я буду совсѣмъ хорошъ въ концѣ зимы. Правду ли онъ говоритъ?

308. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, получено 1 февраля 1881 г.

Боже мой, сколько времени я не бралъ пера въ руки! Я сталъ настоящимъ русскимъ идеалистомъ: много думаю и мало дѣлаю, а еще меньше пишу. Впрочемъ, въ послѣднемъ, слава Богу, никто не упрекаетъ меня, даже изъ моихъ близкихъ друзей, которые, къ сожалѣнію, очень, очень немногочисленны. Иногда мнѣ кажется, что курсъ мой упалъ, что люди начинаютъ забывать меня, но это-же даетъ мнѣ столько бодрости, что я готовъ скорѣе этимъ гордиться, нежели печалиться.

Что сказать вамъ о себѣ? Пока ничего хорошаго, хотя я глубоко вѣрю, что можетъ быть хуже. Но это не утѣшаетъ меня, и я надѣюсь, что въ концѣ-концовъ будетъ лучше.

Здоровье мое все еще не важно, однако лучше, чѣмъ даже я предполагалъ. Работаю почти каждый день, конечно, все еще не такъ, какъ прежде. По вечерамъ я не только не выхожу, но даже и не думаю, хотя бы даже письменно.

Однако-же я кое-какъ реставрировалъ статую „Петра". Эта статуя доѣхала сюда до того уродливой, до того разбитой и частями склеенной, что мнѣ хотѣлось-бы бросить ее и начать новую. Представьте себѣ, она стояла гдѣ-то подъ дождемъ, и этотъ дождь по мѣстамъ смылъ нѣсколько гипсъ, а по мѣстамъ просто дыры надѣлалъ. Я сталъ залѣплять ихъ воскомъ, но тутъ оказалось, что трогать старую работу все равно, что машинный шовъ: пошла, пошла, такъ что всю статую, оказалось, надо передѣлывать. Теперь, пожалуй, лучше,

чѣмъ было, но какая каторжная работа! Слава Богу, что она уже кончена! Теперь я отдыхаю надъ работою „Спинозы“, но эта работа переходная. Мысли мои забѣгаютъ впередъ. Мнѣ хочется сдѣлать очень много, жаль только, что это не согласуется съ моими силами. Однако увидимъ, что дальше будетъ.

Что слышно о Московской выставкѣ? Представьте себѣ: я послалъ въ Академію Художествъ цѣлый реестръ моихъ работъ, и при этомъ просилъ позволить мнѣ быть внѣ конкурса. И вотъ, уже полгода прошло, и нѣтъ никакого отвѣта. Не знаю даже, попадетъ-ли моя работа на выставку. Но теперь свѣтъ таковъ, поэтому не надо и не къ чему удивляться. Часто думаю и мы вспоминаемъ съ Эліасикомъ о васъ, и чтобы хоть чѣмъ-нибудь выразить наши чувства къ вамъ, я предложилъ ему скопировать вашъ бюстъ въ маломъ видѣ. Онъ будетъ работать, какъ всегда, подъ моимъ наблюденіемъ. Когда будетъ готово, вы навѣрное получите его.

Здоровье Эліасика хорошо, но онъ все еще хилый, хотя до того поправился, что и не узнать его. Онъ все-таки хочетъ быть скульпторомъ, а не живописцемъ. Дѣлать нечего, но я очень боюсь, что въ такомъ случаѣ ему предстоитъ, отчасти, терпистый путь. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ родился для живописи, и никоимъ образомъ для скульптуры. Я часто говорю ему объ этомъ, но онъ продолжаетъ свои скульптурныя работы.

309. Къ нему же.

Парижъ, 23 февраля (5 марта) 1881 г.

Меня очень огорчило ваше извѣстіе о Мусоргскомъ [1]). Къ сожалѣнію, подобная-же печальная исторія у насъ не первая; дай Богъ, чтобы по крайней мѣрѣ она была послѣдняя. До сихъ поръ у насъ не держались таланты. Чѣмъ выше талантъ поднимался, тѣмъ быстрѣе онъ падалъ. Такъ или иначе, почти всѣ сошли со сцены раньше времени. Пересчитывать мнѣ ихъ нечего — сами хорошо знаете. Съ нашими художниками повторяется то-же самое: они вскарабкиваются вверхъ до извѣстнаго времени, пока не получатъ профессора, а потомъ, если не кончаютъ своего существованія раньше времени, какой-нибудь трагической смертью, то просто съ закрытыми глазами катятся внизъ, а иногда внизъ головой.

Насчетъ Куинджи я совершенно вашего мнѣнія. Но вотъ, отчего это у насъ въ Россіи, во всѣхъ родахъ искусства, требуется если не тенденція, то по крайней мѣрѣ здравый смыслъ, то-есть идея, содержаніе, которыя говорили-бы уму и сердцу,—и рядомъ съ этимъ восторгаются чистѣйшими пейзажами, которые у насъ процвѣтаютъ и охотно покупаются. Конечно, комментаріевъ на это можно найти много, но я не желаю распространяться объ этомъ. Однако-же, во всякомъ случаѣ у насъ искусство представляется мнѣ далеко не въ отрадномъ видѣ.

---

[1]) Извѣстіе объ опасной, безнадежной болѣзни Мусоргскаго.

Въ искусствѣ, какъ и во всемъ, у насъ есть сознаніе безъ знанія, талантъ безъ формы, техника и сила безъ примѣненія.

Ну, теперь скажу пару словъ о себѣ. Я теперь сильно работаю статую дорогого „Спинозы“, которому отъ всей души мнѣ хотѣлось-бы передать эту душу. Только очень боюсь, что онъ не достижимъ для меня. Этотъ человѣкъ не „драма“, какъ вы говорите. Онъ твердъ и спокоенъ какъ скала, чистъ какъ утренняя роса, скроменъ какъ ангелъ и высокъ какъ сама природа. Какая драма можетъ существовать внутри его, когда онъ говоритъ: „Я прохожу мимо человѣческаго зла, ибо оно мѣшаетъ мнѣ служить идеѣ Бога“. Далѣе онъ говоритъ: „Я разбираю человѣческіе поступки, какъ математическія выкладки“. И все это было у него не фразы, и никто болѣе его не доказалъ это на дѣлѣ. Я дѣлаю его все-таки сидящимъ, уже почти больнымъ, то-есть въ послѣднее время его жизни, и надѣюсь, если не удастся совсѣмъ то, чего-бы я желалъ, то все-таки кое-что выйдетъ, не въ смыслѣ оригинальности, а просто по-своей глубинѣ.

Но, Боже мой, сколько новыхъ сюжетовъ у меня тѣснится въ головѣ! Чтобы имѣть возможность цѣликомъ быть преданнымъ искусству, то-есть не брать заказовъ, я сильно подумываю оставить Парижъ и опять перебраться въ Италію, куда-нибудь въ недорогой городъ и работать, работать. Только опять здоровье мое и тутъ выходитъ помѣхой. Не вездѣ въ Италіи хорошо для меня.

Недавно я получилъ письмо изъ Дерптскаго университета, въ которомъ меня просятъ, чтобы я принялъ участіе въ конкурсѣ на статую знаменитаго Бэра. Этотъ конкурсъ долженъ быть между шестью скульпторами въ Европѣ. Но, признаюсь, грѣшный я человѣкъ, я такъ и не принялъ этого предложенія: отчасти по причинѣ моего здоровья, а главное потому, что я опять вошелъ въ свой внутренній міръ, откуда ни за какія блага не хотѣлось мнѣ выйти, развѣ только нужда опять заставила-бы. Какъ мнѣ ни жаль не дѣлать статуи Бэра, все-таки я утѣшаюсь тѣмъ, что авось время не пропадетъ даромъ.

Со статуей „Петра“ пришлось мнѣ возиться не мало, но теперь, слава Богу, кончено, не только моими руками, но даже руками форматоровъ, и теперь онъ красуется у меня въ мастерской даже лучше, чѣмъ прежде былъ. Странно, очень часто бываетъ, что поэты и художники считаютъ лучшими своими вещами именно тѣ, которыя имѣютъ мало успѣха въ публикѣ. Кто между ними правъ, одинъ Богъ знаетъ, и вотъ оттого скажу вамъ, что „Петра“ я считаю до сихъ поръ одной изъ лучшихъ вещей моихъ.

Эліасикъ сильно работаетъ. По-моему, онъ здѣсь дѣлаетъ большіе успѣхи, но онъ почувствуетъ это только тогда, когда возвратится домой. Одно, что мнѣ кажется, онъ не будетъ драматикомъ. У него много находчивости, остротъ, но не хватаетъ души въ самой серединѣ. А впрочемъ, годы мѣняются и мѣняютъ человѣка; авось онъ въ своемъ родѣ сдѣлаетъ еще много хорошаго. Вашъ бюстикъ уже оконченъ и теперь сохнетъ. Очень благодаренъ за извѣстіе, что моя работа будетъ на Московской выставкѣ. Я-же по всей вѣроятности не пріѣду.

310. Къ нему же.

Парижъ, получено 3 апрѣля 1881 г.

Тяжело мнѣ начать писать, потому что тяжело мнѣ говорить о смерти Мусоргскаго [1]). Она поразила насъ всѣхъ, хотя мы и были вами предупреждены, что онъ безнадеженъ. Ужасно жаль, жаль и больно до глубины души, что смерть похитила у насъ еще одинъ лучшій талантъ, который незамѣнимъ. Хотѣлось-бы мнѣ много говорить, но чувствую свое безсиліе и мнѣ остается только молчать и молча любить то, что геній его завѣщалъ намъ.

Дай-же Богъ, чтобы это, по крайней мѣрѣ, былъ послѣдній выдернутый у насъ зубъ.

Чуть-ли не въ одно время съ Мусоргскимъ здѣсь умеръ еще одинъ изъ лучшихъ дѣятелей и талантливый музыкантъ—Николай Рубинштейнъ. Я успѣлъ снять съ него маску. Противныя эти маски! На нихъ лежитъ холодный, тяжелый отпечатокъ смерти, и, чтобы придать этой маскѣ хоть какую-бы ни было художественную форму, я придѣлываю подушку, освѣжаю волосы и т. д. Потомъ я хочу отлить эту вещь изъ бронзы и подарить Московской консерваторіи.

Скажите, пожалуйста, сняли-ли маску съ М. Мусоргскаго? По крайней мѣрѣ хоть фотографію? Если да, то благоволите прислать мнѣ, буду очень благодаренъ.

Еще не успѣлъ я проводить Н. Рубинштейна, какъ здѣсь умеръ одинъ изъ нашихъ учениковъ, присланный сюда изъ Петербургскаго ремесленнаго училища, для усовершенствованія. Жаль, во-первыхъ, молодого, честнаго трудящагося человѣка, но жаль его еще и потому, что къ этому дѣлу я очень близко стою. Но, къ сожалѣнію, сильные люди взяли это дѣло въ свои руки, т.-е. поторопились, и теперь я очень боюсь, что моя идея, чтобы сюда присылать молодыхъ людей изъ ремесленныхъ школъ для усовершенствованія, не увѣнчается успѣхомъ. На первыхъ-же порахъ прислано сюда ихъ четверо; обставлены были они прекрасно: на нихъ не жалѣютъ ни денегъ, ни труда, но они до того плохо подготовлены во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ того, что меньше всего къ дѣлу идетъ, а именно образованія, что одинъ, нисколько не затрудняясь, перемѣнилъ свое ремесло слесаря на чеканку, другой поѣхалъ назадъ домой — здѣсь, дескать, учиться нечего, столярная работа у насъ лучше, а главное—привольнѣе; третій умеръ, а всѣхъ, какъ я сказалъ, было и всего-то четверо! Теперь нѣтъ у меня охоты говорить и разсуждать объ этомъ, а все-таки жаль мнѣ.

Какъ вы видите, дорогой дядя, только и слышно—смерть, смерть и смерть, просто не знаешь куда спрятаться! Хотѣлось-бы мнѣ сказать то-же, что сказалъ Микель-Анжело: „Сладко спать, еще слаще—окаменѣть и т. д.“ Но надо работать, а окаменѣть еще успѣемъ. Но среди всего этого я опять цѣлый мѣсяцъ отдыхалъ — сначала рука

---

[1]) Мусоргскій умеръ 15 марта 1881 года.

болѣла, ревматизмъ должно быть, потомъ и горло заболѣло, а теперь и это прошло, работаю!

Здѣсь была русская художественная выставка. Жаль, что она была маленькая, однако-же здѣшніе журналы подхватили ее и расхвалили. Ну, спасибо и за эту милость! Между прочимъ я далъ на выставку этюдъ Рѣпина, сдѣланный осенью — это голова для картины „Бурлаки“. Это до того сильно, что я всегда любовался ею, и вотъ я далъ ее на выставку и всѣ въ одинъ голосъ хвалили.

Скажите, пожалуйста, что за человѣкъ музыкантъ Щербачевъ? Онъ привезъ мнѣ отъ васъ поклонъ. Дайте мнѣ, пожалуйста, хоть вкратцѣ портретъ его, и хотя я самъ могу отчасти рисовать, но я не знаю его, а вы давно, можетъ быть, очень давно, знаете его.

„Спиноза“ идетъ къ концу. Когда будетъ готовъ, пришлю вамъ фотографію. А впрочемъ, готовъ-то онъ будетъ не раньше, какъ мѣсяца черезъ два.

Эліасикъ сдѣлалъ бюстъ Щербачева, очень, очень недурно: онъ вообще дѣлаетъ успѣхи, только не въ здоровьѣ.

Ахъ, да! Я забылъ сказать: представьте себѣ—я раскрасилъ барельефъ Марка [1]), и хоть куда! Вы-бы навѣрное хлопнули меня по плечу за это. Я много думаю объ этомъ родѣ скульптуры, только тутъ, по-моему, отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ.

311. Къ нему же.

Парижъ, получено 23 апрѣля 1881 г.

Мнѣ хотѣлось подождать писать еще нѣсколько дней, чтобы заодно уже сказать вамъ о „Salon“, который скоро открывается. Только подумалъ, что ждать не стоитъ, потому что врядъ-ли мнѣ придется чѣмъ-нибудь восторгаться, а критиковать не хочу, ну, хоть для того, чтобы не развести у себя лишнюю желчь. Навѣрное опять будетъ нѣсколько блестящихъ дамскихъ портретовъ—это главное; потомъ будетъ пропасть картинъ изъ исторіи, такихъ, какія намъ намозолили глаза; затѣмъ будутъ: плафоны, нимфы, аллегорія, немного пейзажей и еще меньше души. Правда, иногда и послѣдняя прорывается, только ужъ очень рѣдко, а вообще на выставкѣ чувствуется, — точно у художниковъ вырвана душа и голова часто набита ничѣмъ другимъ, кромѣ ваты, до того уже здѣсь безсодержательны картины, которыя удовлетворяютъ французовъ—а слѣдовательно и всю Европу. Но за то, что касается чувства глаза, то-есть формы, виртуозности въ краскахъ, они дошли почти до совершенства, по крайней мѣрѣ они стоятъ въ этомъ отношеніи неизмѣримо выше, чѣмъ всѣ остальные въ Европѣ. Однакоже я говорю „почти“, потому что по техникѣ живописи они еще совершенныя дѣти, въ отношеніи старыхъ мастеровъ, какъ Веласкецъ, Рембрандтъ, Паоло Веронезе и т. д.

Что касается скульптуры, то въ этомъ отношеніи французы жи-

[1]) Барона Гинцбурга.

вутъ особнякомъ отъ міра сего, точно они заспули пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и только-только теперь встали, и никакая убѣдительная логика не въ состояніи убѣдить ихъ въ этомъ. Да, очень, очень трудно разубѣдить французовъ въ ихъ ошибкахъ, пока они сами того не увидятъ. Они очень недружелюбно смотрятъ, если кто-нибудь имъ укажетъ на то, въ чемъ они и сами видятъ, что тотъ правъ, однакоже: „какое имѣетъ право чужестранецъ, котораго приняли и терпятъ изъ милости, изъ вѣжливости, — прійти и указывать еще недостатки!“ Это они считаютъ даже дерзостью, потому что лучшая похвала, какую они могутъ сказать чужестранцу, это—что онъ похожъ на нихъ, и ни за что не хотятъ допускать, что есть такіе чудаки, которые принимаютъ подобныя похвалы за обиды! „Чего больше желаетъ иностранецъ (разсуждаетъ французъ), какъ не быть похожимъ на француза? Вѣдь тогда онъ достигаетъ блаженства, тогда онъ счастливый между смертными, а вѣдь это признаетъ вся Европа за французами. И въ доказательство, что они ничьей литературой и искусствомъ не занимаются, но за то рѣшительно всѣ занимаются ихъ литературой, ихъ искусствомъ,—они никуда не ѣдутъ—за то всѣ пріѣзжаютъ къ нимъ. Реномэ во Франціи—это реномэ и слава во всей Европѣ, и т. д.“. Какъ вы видите, они совершенно правы, считая себя выше другихъ, хотя въ отдѣльности и не правы.

Возвращаясь еще разъ къ скульптурѣ, я долженъ замѣтить, что если скульпторы не хотятъ знать того, что дѣлается вокругъ ихъ, то никто изъ живыхъ не хочетъ знать ихъ. Это наглядно видно на выставкѣ: когда въ залахъ живописи духота и давка, люди спускаются внизъ, чтобы усѣсться, покурить, подышать, и заодно посмотрѣть на цѣлый лѣсъ скульптурныхъ статуй, которыя бѣлы и холодны, какъ снаружи, такъ и внутри. Да кромѣ того еще нагляднѣе это можно замѣтить, такъ сказать, на художественномъ рынкѣ: когда живопись мало-мальски сносную берутъ на расхватъ, до скульптуры, какъ-бы тамъ ни было хорошо все сдѣлано, никто и не дотрогивается.

Впрочемъ тутъ не одни скульпторы виноваты; очень многое зависитъ отъ настроенія общества. Я рѣдко видалъ, чтобы художникъ обладалъ въ совершенствѣ всѣми тѣми качествами, которыя требуются для искусства; у него непремѣнно есть одна преобладающая сторона, на которой онъ часто играетъ и выѣзжаетъ. То же самое можно сказать и про всякаго, и въ особенности про цѣлую народность. Мы хорошо знаемъ, по исторіи искусства, что всякая эпоха имѣла свои идеалы: то брала верхъ живопись, то наоборотъ скульптура; теперь-же, какъ видно, предпочтеніе отдается живописи. Конечно, объ этомъ только я одинъ жалѣю; жалѣю еще, что я ничѣмъ не доволенъ, и еще больше жалѣю, что недовольны многіе вмѣстѣ со мною. Что прикажете дѣлать? Видно только тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.

Я все еще продолжаю работать статую „Спинозы“. Она еще не начинала мнѣ надоѣдать. Его чудныя слова: „Я прохожу мимо зла человѣческаго, ибо оно мѣшаетъ мнѣ служить идеѣ Бога“ я часто повторяю, въ родѣ молитвы, передъ началомъ работы. Теперь мнѣ остается только работать, ну, хоть для того, чтобы не думать.

Крайне жалѣю, что не могу исполнить вашего желанія, сдѣлать бюстъ Мусоргскаго, потому что хорошо сдѣлать очень, очень трудно безъ натуры, а худо дѣлать я не хочу. Да вообще, опытъ научилъ меня не конкуррировать, не реставрировать и не дѣлать бюстовъ безъ натуры, потому что, говоря словами Торвальдсена, „реставрировать труднѣе, чѣмъ дѣлать отъ себя новое“. Сдѣлаешь хорошо—никто не замѣтитъ; думаютъ, что иначе и быть не могло; но за то сдѣлаешь хоть мало-мальски нехорошо, — непремѣнно всѣ замѣтятъ: говоря по нашему, будутъ „ржать“. То же самое можно сказать и про бюсты.

Какъ я радъ за Рѣпина! [1]) Въ его чистоту и доброту души я всегда вѣрилъ, хотя въ деталяхъ онъ иногда бываетъ нервенъ, какъ мы всѣ грѣшные; но тамъ, гдѣ дѣло касается чего-нибудь крупнаго, онъ всегда выростаетъ и выпрямляется больше, чѣмъ во весь ростъ. Не менѣе я всегда вѣрилъ и былъ убѣжденъ въ томъ, что никто у насъ не обладаетъ такой силой голоса, какъ онъ—это я ему прямо говаривалъ, а знаете: сказать прямо и выслушать прямо у насъ не любятъ, все равно и хорошее и дурное. Мнѣ было досадно, когда, во время бытности моей въ Россіи, и раньше, на него нападали, Богъ знаетъ, за что! За то теперь всякій его успѣхъ отъ души радуетъ меня. Да, тутъ еще душа говоритъ и дѣлаетъ помимо практики жизни. Вѣдь поступокъ его съ портретомъ Мусоргскаго въ высшей степени благороденъ, въ особенности, когда принять въ соображеніе, что онъ не богатъ, да и еще семьянинъ [2]). Пожалуйста, когда увидите его, расцѣлуйте заодно тоже и за меня.

Художникъ Мункачи, венгерецъ—навѣрное знаете его имя—недавно окончилъ колоссальную картину: „Христосъ передъ Пилатомъ“. Удивительно хорошо! Онъ по пятницамъ показываетъ ее публикѣ. Это очень граціозная вещь, только Христосъ никуда не годится; а впрочемъ очень можетъ быть, что съ тѣхъ поръ и это поправлено. Кромѣ того, мнѣ показалось, что онъ недостаточно прочувствовалъ эту сцену, и оттого всѣ у него говорятъ, всѣ жестикулируютъ, кричатъ, въ то время, когда одинъ ораторъ стоитъ передъ Пилатомъ и обвиняетъ Христа. Я думаю, тотъ, кто видѣлъ или прочувствовалъ подобный сюжетъ, представилъ-бы поменьше жестикуляціи, но побольше души. Насколько эта картина произвела шума и насколько онъ самъ ее цѣнитъ, можно заключить изъ того, что въ „Salon“ выставить онъ не пожелалъ, и предложилъ 50 тысячъ франковъ за то, чтобы дали ему въ „Salon“ отдѣльное помѣщеніе, но только въ „Salon“. Каково, а?

Я надѣюсь, что наши русскіе художники въ „Salon“ будутъ не изъ послѣднихъ, а это много.

---

[1]) Рѣчь идетъ о томъ, какъ И. Е. Рѣпинымъ былъ написанъ портретъ Мусоргскаго въ послѣдніе дни его жизни, въ военно-сухопутномъ госпиталѣ.

[2]) Рѣпинъ отдалъ весь гонораръ за продажу его портрета въ Третьяковскую галлерею на сооруженіе монумента Мусоргскому надъ его могилой, вслѣдствіе его предложенія.

312. Къ Е. Г. Мамонтовой.

Парижъ, весна 1881 г.

Я думалъ, что я совсѣмъ, навсегда сгорбился, съежился, ушелъ въ самого себя, чтобы никому не мѣшать, и чтобы никто мнѣ не мѣшалъ сидѣть въ моей норѣ и думать, думать и ничего не выдумывать. Но вдругъ старикъ выпрямился, стряхнулъ съ себя старую пыль, и расходился такъ, что опять сталъ жаждать повидать всѣхъ старыхъ друзей, поговорить съ ними, разспросить ихъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ, точно я только что возвратился изъ-за моря; явилась жажда поспорить, послушать другихъ и самого себя, только не иначе, какъ съ друзьями. Всѣ мои думы и философіи вылетѣли изъ окна, и вотъ до сихъ поръ не возвратились, гнаться же за ними я не въ состояніи. Ну, да и Богъ съ ними! Съумѣемъ поговорить отъ души и безъ философіи. Раньше всего, скажите, пожалуйста, какъ поживаете вы и вся ваша семья? Какъ поживаютъ всѣ наши старые знакомые и нѣкоторые молчаливые друзья? Гдѣ теперь Бларамбергъ, Сѣрова? Какъ поживаютъ и что подѣлываютъ Рѣпинъ, Васнецовъ, Полѣновъ? Навѣрное они работаютъ сильно, теперь передъ Московской выставкой, на которой, увы, я не буду! Мнѣ было очень жаль, что во всю зиму никого изъ друзей я не видалъ здѣсь. И вспомнилъ я старое былое время въ Римѣ, когда ждалъ милыхъ, дорогихъ гостей. Сколько жизни, искренности, простоты тогда было, а теперь опять, увы, не то! Сидимъ въ Парижѣ, и какъ я ни упрямился (а это я умѣю), но все-таки поневолѣ я отдалъ дань, и во всю мою жизнь не износилъ столько бѣлыхъ перчатокъ, сколько здѣсь въ Парижѣ за одну зиму. А гдѣ бѣлыя перчатки, тамъ царствуютъ холодныя души. Нѣтъ, вонъ, вонъ отсюда, изъ этого колоссальнаго всемірнаго рынка, гдѣ все покупается и все продается, рѣшительно все, все, чѣмъ человѣкъ владѣетъ и чѣмъ онъ богатъ. Хочу я не массы людей, а только нѣсколькихъ друзей; хочу чистой, дѣвственной природы, она меня учитъ и успокаиваетъ. Боже мой, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду, когда удастся мнѣ вырваться изъ этого безпокойнаго, сто тысячъ разъ безпокойнаго, города Парижа. Между тѣмъ работаю по возможности, конечно, какъ можно больше. Теперь не только „Петръ“ опять воскресъ, но скоро, чего добраго, меня можно будетъ поздравить съ новорожденнымъ „Спинозой“: главное уже сдѣлано. Если же удастся скоро, т.-е. мѣсяца черезъ два, кончить эту статую, тогда не уѣду прежде, чѣмъ сдѣлаю одну маленькую вещь, которая ужъ очень просится, чтобъ я ее создалъ.

313. Къ С. И. Мамонтову.

Парижъ, весна 1881 г.

За всю зиму я одно, только одно письмо написалъ, и только къ вамъ, да и того не кончилъ. Послѣ этого можно удивляться, какимъ я сталъ теперь. Но что прикажете дѣлать? Разбитая чаша никогда, никогда не можетъ быть полна, а теперь я на нее и похожъ. Но

разъ оно такъ случилось, поневолѣ приходится лавировать такъ, чтобы хоть одно цѣльное сдѣлать вмѣсто трехъ половинныхъ, а главное—не терять почвы подъ собою.

Однако, не думайте, дорогой мой другъ, чтобы суть дѣла была такъ печальна, какъ мое предисловіе. Правда, что, поддерживая свое теперешнее здоровье, мнѣ приходится вести себя осмотрительно; я долженъ отказываться отъ свѣта, отъ людей, по вечерамъ сидѣть дома, и не только не заниматься чѣмъ-нибудь серьезнымъ, но даже не отводить душу въ бесѣдѣ съ друзьями, хотя бы и письменно. Я не долженъ много говорить, особенно спорить. Все это не очень-то важно, и хуже этого то, что ради меня здоровые люди должны терпѣть эти невзгоды. Но за то днемъ, когда я ухожу работать, я чувствую себя, въ мастерской, совершенно въ своемъ мірѣ. Право, вѣдь, бѣднякъ радуется только тогда, когда находитъ потерянное, я же радуюсь, когда могу работать; и повѣрите-ли мнѣ, что я тогда совсѣмъ здоровъ. Работа лучшее средство для меня, чтобы не охать и не кряхтѣть. Жаль только, что до сихъ поръ работа моя была не совсѣмъ веселая, да и не легкая, но теперь все это кончилось, и я уже отдыхаю на работѣ надъ „Спинозой", и работа является у меня переходной.

До сихъ поръ я реставрировалъ статую „Петра". Благодаря тому, что она стояла восемь лѣтъ подъ дождемъ, она была до того испорчена, что мнѣ пришлось надъ нею работать не меньше, чѣмъ надъ новой статуей, пока я привелъ все въ порядокъ. Теперь она будетъ отлита изъ бронзы, и я очень радъ, что мой трудъ не пропадетъ, особенно, что онъ останется для потомства; авось тѣ люди будутъ болѣе безпристрастны и не такъ жестоко будутъ ругать ее, да притомъ-же имъ некому будетъ тогда завидовать.

Насколько мнѣ было не по душѣ реставрировать „Петра", настолько же я радовался, когда опять приступилъ къ работѣ „Спинозы". Но, Боже мой, какъ онъ труденъ и недосягаемъ! Когда я работалъ „Ивана Грознаго", я былъ въ безвыходномъ положеніи, благодаря людской несправедливости ко мнѣ. Помню, что я тогда сказалъ, кажется, Крамскому: „Хорошо, теперь это для меня тѣмъ лучше. Чѣмъ больше люди бѣсятъ меня, тѣмъ лучше будетъ „Иванъ Грозный". Но теперь, хотя я и постарѣлъ и отчасти успокоился, мое теперешнее настроеніе отчасти соотвѣтствуетъ тому, чтобы передать „Спинозѣ" всю душу свою; но, Боже мой, какъ это трудно! Вѣдь художникъ не можетъ чувствовать глубже, чѣмъ захватываетъ его личное чувство, такъ же, какъ ученый не можетъ идти дальше того, что охватываетъ его понятіе. Я же чувствую себя страшно микроскопичнымъ въ сравненіи съ нимъ. Спиноза говоритъ между прочимъ: „Я разбираю человѣческіе поступки лишь по-математически"... Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Я прохожу мимо зла человѣческаго, ибо оно мѣшаетъ мнѣ служить идеѣ Бога". Это были у него слова не пустыя, а тѣсно связанныя съ дѣломъ. Несмотря на то, что на него градомъ сыпались нападки, упреки, угрозы и клевета, онъ никогда не возмущался, не злился и не отвѣчалъ, а продолжалъ свой путь; онъ былъ твердъ,

какъ скала, чистъ, какъ утренняя роса, и дѣвственъ, какъ сама природа.

Чтобы имѣть возможность занимать маленькую комнатку и кормить себя овсянкой съ молокомъ, которую онъ самъ и стряпалъ, онъ занимался шлифованіемъ оптическихъ стеколъ; и однако-же, онъ былъ доволенъ, никого и никогда не безпокоилъ, даже когда былъ боленъ, никогда не жаловался, а когда друзья предлагали ему денегъ, отклонялъ это, хотя самъ охотно давалъ другимъ, когда у него были деньги. Онъ отказался отъ профессуры, жилъ, хотя опрятно, но бѣдно, и все это для того, чтобы служить идеѣ Бога. Скажите, пожалуйста, чѣмъ выразить это олимпійское спокойствіе, скромность и вмѣстѣ съ тѣмъ силу и величіе ума? Остается одно—сказать: „авось Богъ поможетъ“.

Чѣмъ меньше я работаю, тѣмъ больше думаю, и иногда думы очень возмущаютъ духъ мой; иногда такъ хочешь сказать: „развернись, поле, развернись, лѣсъ, дай волю моей бурной душѣ“. Но силы, силы физическія не соотвѣтствуютъ этому. А все-таки, мнѣ кажется, кончится тѣмъ, что я еще удивлю всѣхъ чѣмъ-то, право!

Я хотѣлъ-было конкуррировать на монументъ Виктора Эммануеля [1]): тамъ есть, гдѣ дать волю бурной душѣ. А главное, у меня есть идея, небывалая по своей грандіозности; но конкурсъ до того противенъ мнѣ, притомъ-же, если даже я получилъ-бы первую премію, я болѣе не хозяинъ своей идеи, и они могутъ поручить исполненіе кому угодно. А если такъ, то охота же, чтобы другой коверкалъ мою идею? Я отказался.

Отказался я также конкуррировать на статую знаменитаго ученаго Бера [2]). Я утѣшаю себя тѣмъ, что, авось, искусство ничего не потеряетъ отъ этого, а у меня и безъ того есть много такого, чѣмъ заложить прочный камень въ зданіе скульптуры.

Какъ видите, дорогой другъ мой, у меня порядочно-таки пусто, но какой здѣсь быть содержательности, когда я знаю только свою тихую квартиру и мастерскую. Людей ко мнѣ мало ходитъ: знакомыхъ у меня здѣсь мало, а друзей и вовсе нѣтъ. Знакомиться ради знакомства я не могу и не хочу; для этого надо визиты дѣлать, а этого я терпѣть не могу. Когда ко мнѣ приходятъ, мнѣ мѣшаютъ и утомляютъ меня, а на этомъ весь Парижъ вертится. Все хорошо здѣсь, лишь одинъ я не гожусь никуда. Въ послѣднее время я сильно подумываю о поѣздкѣ обратно въ Италію; думаю, что во всѣхъ отношеніяхъ это лучше для меня, т.-е. для моего здоровья и кармана. Правда, что тамъ, пожалуй, еще больше я буду скучать, но тамъ, по крайней мѣрѣ, кругомъ природа, а здѣсь я точно стою въ водѣ по шею и прошу пить.

Изъ Россіи ничего ни отъ кого не получаю, точно всѣ обрадовались, что я пересталъ писать; даже Стасовъ, и тотъ не пишетъ. И вотъ, поневолѣ приходится искать удовлетворенія въ самомъ себѣ.

---

[1]) Викторъ Эммануилъ умеръ въ 1878 году.

[2]) Беръ, академикъ Императорской Академіи Наукъ, умеръ въ 1876 году.

Въ заключеніе поговорю и о дѣлѣ: посылаю вамъ рисунокъ канделябра, который мнѣ не очень нравится, особенно по цѣнѣ. Но я долженъ сказать вамъ, что мы всюду ходили и нигдѣ не нашли того, что хотѣли. Есть канделябры готическіе, но они скорѣе костелные; по рисунку-же конечно никто не хочетъ дѣлать; притомъ же по рисунку обошлось-бы очень дорого. Этотъ фабрикантъ сдѣлалъ эту вещь для меня, какъ для художника, притворившись, что онъ эту вещь такъ дешево дѣлаетъ именно по этой причинѣ. На всякій случай, я посылаю вамъ рисунокъ и прошу отослать его обратно, такъ какъ фабрикантъ объ этомъ просилъ.

Бога ради, простите, что я такъ неисправно исполняю ваши порученія, но здоровье мое теперь мнѣ помѣха.

314. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 5 (17) мая 1881 г.

Тяжело дышется, задыхаюсь отъ волненія, больно мнѣ за евреевъ и стыдно за русскихъ. Насъ обвиняютъ и бьютъ, бьютъ и опять винятъ, и т. д., но главное, почти всѣ находятъ, что это въ порядкѣ вещей, потому что жиды-эксплуататоры и все что угодно. Но будьте увѣрены, чѣмъ бы жидъ ни занимался, хоть бы астрономіей, искусствомъ и наукою вообще, вездѣ, гдѣ онъ ни явится конкуррентомъ, вездѣ онъ будетъ нетерпимъ, потому что вездѣ онъ выкажетъ свое превосходство. Нашъ злѣйшій врагъ—наши способности. Но это не новость. Еще во времена фараоновъ собрался совѣтъ и разсуждали: „Можетъ быть, евреи станутъ размножаться, станутъ умнѣе насъ и будутъ властвовать“—и вотъ, благодаря этому, началась египетская четырехсотлѣтняя работа. Какъ вы видите—это старая исторія, вѣчно новая, ужасная, раздирающая! Но довольно! Буду говорить о чемъ угодно, только не объ этомъ; буду говорить, чтобы заглушить мою подавляемую боль.

Помню, когда-то я читалъ о какой-то чумѣ, чуть ли не въ Петербургѣ: тогда группа музыкантовъ собралась и играла какъ можно громче, чтобы заглушить стукъ молотковъ, забивавшихъ крыши гробовъ.

Я не умѣю играть, и потому буду по крайней мѣрѣ говорить о музыкантахъ, къ сожалѣнію уже не живыхъ, да заодно и о мертвомъ искусствѣ, которое здѣсь въ Парижѣ такъ парадируетъ своимъ похороннымъ маршемъ. Я не ошибся, когда предсказалъ вамъ въ моемъ прошломъ письмѣ о „Salon“, и теперь могу утверждать, что на выставкѣ все, все есть, кромѣ души. Но этого не надо говорить французамъ: во-первыхъ, потому что они страшно самолюбивы, какъ всѣ квасные патріоты, а потомъ французы понимаютъ душу только въ формахъ. Какъ хотите, непонятно,—но оно такъ. Но я, слава Богу, не французъ (хотя и нисколько не горжусь, что я русскій подданный), и оттого я остаюсь при своемъ, и буду утверждать, что чувство глаза еще далеко не есть чувство души. Если французы, и нѣкоторые даже русскіе французы, утверждаютъ, что ихъ трогаетъ красота, хотя-бы

даже ваза, то не надо разувѣрять ихъ въ этомъ, это будетъ совершенно напрасно. Но не буду забѣгать впередъ.

На выставку было прислано 9200 картинъ (только!), забраковано 6700, осталось 2500. Отъ такого строгаго выбора можно было ожидать, что тутъ будутъ перлы искусства, тѣмъ болѣе, что газеты, по обыкновенію, трубятъ заранѣе, что-дескать такой-то художникъ выставилъ, вѣрнѣе послалъ въ „Salon", портретъ коктессы X..., и что это будетъ солнце выставки; другой говоритъ въ томъ же родѣ о другомъ художникѣ, только на мѣсто солнца говоритъ про звѣзду. Но Боже мой! Ни солнца, ни звѣздъ не видать на выставкѣ, а только разноцвѣтныя облака: должно быть, за этими-то облаками и спряталось солнце.

Выставка въ этомъ году до того плоха, что можно было бы выбросить еще добрую половину оставшагося, и оттого выставка нисколько не пострадала-бы, а публика много выиграла-бы: она не утомилась-бы, смотря на то, чего не слѣдуетъ вовсе показывать. Даже французская печать не скрываетъ, что выставка въ этомъ году очень слабая, только приписываетъ это тому, что французы слишкомъ самоувѣренны, и оттого посылаютъ въ „Salon" что попало, между тѣмъ какъ иностранцы, наоборотъ, старательно выбираютъ, и оттого на выставкѣ лучшія картины—чуть ли не иностранныя. Какая бы ни была причина, но фактъ тотъ, что въ этомъ году выставка „не очень хорошая", за то навѣрное на будущій годъ французы постараются, благо будетъ какая-нибудь ничтожная конкурренція, въ родѣ иностраннаго искусства. Притомъ у нихъ есть еще и пропасть самолюбія. Ну, слава Богу, хоть въ этомъ можетъ быть иностранцы окажутъ услугу французамъ, а вѣдь еще недавно одна партія художниковъ подняла вопросъ, чтобы иностранцевъ не допускать на выставку. Какъ видите, мать никогда не довольна, когда чужая невѣста красивѣе ея дочки, въ особенности когда чужая среди своихъ гостей. Бѣда — конкурренція!!

Скульптура еще болѣе отличилась. Просто устаешь смотрѣть— все это какія-то конвульсивныя истерическія созданія! Право, я-бы все выбросилъ, въ томъ числѣ и моего „Петра I", до того онъ тамъ плохо, безбожно плохо поставленъ и освѣщенъ! И это оттого, что я не французъ, не искалъ, не ходилъ по чернымъ лѣстницамъ, не хлопоталъ: „ну, этотъ не хлопочетъ, значитъ доволенъ собой, и тогда чего-же лучше?"

Между этими стопудовыми гирями изъ мрамора, иногда есть нѣсколько хорошихъ бюстовъ. Затѣмъ есть маленькая фигурка музыканта-негра, раскрашенная. Работа превосходная: вотъ это-то и есть лучшая вещь на выставкѣ! Въ этой маленькой фигуркѣ много смѣлости, дерзости и вылѣплена она мастерски; по моему, она удачно и раскрашена. Но всего этого еще недостаточно для такой выставки.

Есть еще одна группа раскрашенная, но этотъ художникъ до того зашелъ далеко, что просто противно смотрѣть, а сработана у него вещь талантливо. Ужъ лучше бы онъ показывалъ внутренности человѣка, нежели его наружность. При этомъ же можетъ—чепуха! Видите: сидитъ нищій съ отрѣзанной ногой, притомъ слѣпой, на гла-

захъ у него надѣты синія очки, въ родѣ дорожныхъ, съ клапанами, у него на головѣ какая-то дорожная шляпа, въ родѣ каски, ротъ открытъ, онъ кричитъ, или гримасничаетъ, а тутъ-же стоитъ дама, очень красивая, должно быть кокотка, или просто аристократка. Не знаю, что она тутъ дѣлаетъ? Хотѣлъ-ли художникъ показать нищету и богатство, или тутъ драма,—Богъ его знаетъ. Но въ общемъ противно.

Кстати, скажу вамъ и про свою раскраску: барельефъ Гинцбурга, по моему, мнѣ не удался. Во-первыхъ потому, что подобный родъ скульптуры не для раскраски: тутъ надо быть спеціальнымъ пейзажистомъ; притомъ же въ скульптурѣ пейзажъ настолько выраженъ, что чуть что-нибудь больше, то прямо мѣшаетъ; во-вторыхъ, неудаченъ мой барельефъ потому, что каждый художникъ, когда онъ начинаетъ работать, непремѣнно долженъ имѣть въ виду и краски, если хочетъ, чтобы произведеніе его было цвѣтистое, иначе и быть не можетъ.

Заодно, скажу еще о себѣ. Я теперь кончаю „Спинозу". Онъ вдругъ сталъ мнѣ страшно не нравиться: не самъ „Спиноза", а работа моя. Мнѣ кажется, что я чепуху дѣлаю. Можетъ быть, я усталъ, заработался. Можетъ быть, мое настроеніе этому причиной, но, по моему, тутъ все еще не то, не то! Придется на время оставить его.

Я взялъ заказъ на статую „Ермака". Вначалѣ я отказался отъ этого, но потомъ вдумался—онъ мнѣ сильно понравился, и я согласился. Но заказъ этотъ пока и не на бумагѣ даже (это для Новочеркаска). Сначала надо будетъ разобрать какой-то соборъ: это продолжится $1^1/_2$ года; потомъ будетъ закладка новаго собора; освященіе новаго собора должно совпасть съ освященіемъ памятника. Какъ видите, можно добрыхъ два раза умереть, пока соборъ будетъ выстроенъ! Такимъ образомъ, я право не знаю, брать-ли этотъ заказъ, или нѣтъ? Но во всякомъ случаѣ я просилъ-бы васъ выслать мнѣ, если есть какой-нибудь матеріалъ для „Ермака", или указать, гдѣ можно будетъ его найти.

Что касается портрета покойнаго Мусоргскаго, то я по-прежнему отказываюсь отъ бюста, но не отказываюсь, если позволено мнѣ будетъ, сдѣлать это-то въ родѣ барельефа, только не надгробнаго. Лишь при такихъ условіяхъ я охотно сдѣлаю его.

Вашу біографію Мусоргскаго я читалъ въ „Вѣстникѣ Европы": началъ только. Дай Богъ вамъ здоровье за такое доброе дѣло, а главное—за искреннюю душу!

Я забылъ сказать, что венгерскій художникъ Мункачи выставилъ для публики свое колоссальное произведеніе—„Христосъ передъ Пилатомъ". Что тамъ ни говори, а талантъ у Мункачи такой, которому въ Парижѣ нѣтъ равнаго. Жаль только, что главныя фигуры—самыя слабѣйшія. Христосъ и Пилатъ—плохи. Тургеневъ сказалъ, что это плохой алмазъ въ драгоцѣнной оправѣ. Онъ правъ, и все-таки картина поражаетъ.

P. S. Только что получилъ „Порядокъ" [1]), гдѣ вы такъ сильно

---

[1]) Газета, издававшаяся М. М. Стасюлевичемъ.

расхвалили меня. Я просто покраснѣлъ отъ этого, потому что совершенно отвыкъ отъ похвалъ. Въ послѣднее время я слышалъ только одну брань и слабыя похвалы.

315. Къ нему же.

Парижъ, получено 4 іюля 1881 г.

„Спинозу" я такъ и не кончилъ, усталъ, должно быть, отъ холодныхъ душей, которые принимаю два раза въ день и которые дѣйствуютъ очень хорошо на меня. Но я отчасти доволенъ, что отдохну, освѣжусь и тогда скоро—въ какихъ-нибудь десять дней—кончу и, можетъ быть, еще къ лучшему. „Петра I", несмотря на то, что онъ былъ убійственно выставленъ, журналы все-таки замѣтили и нѣкоторые пишутъ такъ восторженно, что приходится удивляться. Нѣсколько замѣтокъ я послалъ Урію Гинцбургу [1]), такъ какъ онъ заказалъ мнѣ эту статую. Мнѣ крайне жаль, что у меня нѣтъ ихъ больше, чтобы и вамъ послать, просто показать, что не правы тѣ, которые упрекаютъ васъ за то, что вы когда-то похвалили эту статую.

Скажите, Бога ради, не знаете-ли вы, куда дѣвалась моя статуя „Сократъ?" Пожалуйста, если знаете, напишите. Я оставилъ ее въ Академіи Художествъ, а между тѣмъ тамъ, повидимому, не было ея на выставкѣ.

Если-бы вы знали, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду, когда начну свои новыя работы! Сколько надеждъ я на нихъ возлагаю! Всѣ онѣ будутъ малыхъ размѣровъ и не изъ мрамора, а только изъ бронзы, и всѣ по-своему своеобразны, другъ на друга не похожи. Нѣкоторыя изъ нихъ—старые мои сюжеты, какъ, напр., „Инквизиція", „Пугачевъ въ клѣткѣ передъ публикой", и множество другихъ.

Все это уже готово, все просится вонъ изъ души наружу, но, Боже мой! гдѣ взять силъ? Хотѣлось-бы мнѣ такъ поработать годика два, по крайней мѣрѣ, если не больше, и тогда устроить здѣсь, а потомъ въ Англіи, отдѣльную выставку всѣхъ моихъ работъ. Ну, чего гадать, надо раньше работать и работать.

Дня черезъ 2—3 ѣду на воды около Ліона, только можете адресовать прямо сюда: мнѣ перешлютъ.

Ну, какъ видите, письмо пустое, нечего писать, а впрочемъ, есть-то-есть, только не хочу будить больную рану. Лучше замолчу: теперь такое время, что каждый знаетъ свое горе про себя и не хочетъ надоѣдать другимъ. Положеніе насъ, евреевъ, въ Россіи, все еще продолжаетъ быть не отрадно... О чемъ, бишь, хотѣлъ я сказать? Эліасикъ хотѣлъ ѣхать назадъ домой, я даже уговариваю его сдѣлать это; впрочемъ, я объявилъ ему разъ навсегда, что онъ совершенно самостоятеленъ. Если онъ захочетъ совѣта,—я могу ему дать его, но онъ долженъ поступать, какъ ему самому покажется лучше. Въ этомъ направленіи я старался всю зиму, потому что замѣтилъ, что онъ привыкъ, чтобы около него была нянька.

---

[1]) Братъ барона Ораса Осиповича Гинцбурга.

Правда, здѣсь онъ можетъ усовершенствоваться въ техникѣ несравненно лучше, чѣмъ гдѣ-либо, но для него больше, чѣмъ для кого-бы то ни было, надо выбраться отсюда, просто потому, что онъ во-первыхъ молодъ, недостаточно самостоятеленъ и увлекается больше, чѣмъ нужно. Если у него есть какая-нибудь индивидуальность, то здѣсь онъ положительно потеряетъ ее, и взамѣнъ сдѣлается подражателемъ, благо здѣсь, слава Богу, есть на что засмотрѣться по ловкости формы, при ничтожности содержанія души и искренности.

Статья о Мусоргскомъ [1]) очень живо и интересно написана вами. О чемъ-бы еще? Довольно!

316. Къ С. И. Мамонтову.

Royat, 30 августа 1881 г.

Очень и очень радъ, что вы оторвали меня хоть на время отъ летаргическаго сна. Теперь я не живу и ничего не чувствую, а просто отдыхаю, можетъ быть оттого, что прежде слишкомъ больно чувствовалъ, волновался и усталъ; а впрочемъ, кому не больно въ наше эпидемическое время? Но что объ этомъ толковать? Мимо!

Отвѣчу на вашъ вопросъ относительно заказа, чтобы съ нимъ покончить. Именно покончить, потому что мнѣ кажется, что изъ этого кваса пива не будетъ. Повторяю, что это мнѣ кажется, а впрочемъ—кто знаетъ? Я долженъ сказать, что недѣлекъ семь тому назадъ я получилъ письмо отъ С. М. Третьякова, съ тѣмъ же предложеніемъ. Тамъ говорилось, что окружной судъ [2]) рѣшилъ не сзывать конкурса на статую покойнаго Государя, а только предложить нашимъ извѣстнымъ скульпторамъ представить свои мнѣнія и цѣны, и что главнымъ образомъ они разсчитываютъ на меня.

Какъ вы видите, это хоть и не строгій конкурсъ, но все-же нѣчто въ этомъ родѣ, т.-е. торгъ съ переторжкой. Если я попрошу не дороже, то предоставятъ работу мнѣ. Что я могъ отвѣчать на это? Во-первыхъ, я питаю душевную ненависть и отвращеніе ко всякаго рода конкурсамъ въ области творчества, и ни за какія блага, ни ради какой крайности, не желаю пойти по этой шаткой дорогѣ. По моему глубокому убѣжденію, конкурсъ существуетъ лишь для тѣхъ, кто любитъ наживу, или кому онъ нуженъ изъ крайности. Въ обоихъ случаяхъ получиться можетъ все, за исключеніемъ искренности и души, потому что для нихъ конкурсъ не цѣль, а средство. А гдѣ нѣтъ души, нѣтъ искренности, тамъ нѣтъ и творчества. Я не вѣрю, чтобы художники работали тутъ ради славы, ради извѣстности: для этого есть достаточно разнаго рода выставокъ. Не вѣрю также, чтобы работали изъ патріотизма (теперешняя эпидемія). Вѣдь если я буду участвовать

---

1) Статья В. В. Стасова, напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы», 1881, май и іюнь.

2) Московскій окружной судъ. С. М. Третьяковъ былъ въ то время московскимъ городскимъ головой.

на конкурсѣ статуи Виктора Эммануеля, то и это будетъ называться патріотизмомъ?

Еще труднѣе мнѣ было сказать что-нибудь относительно своего мнѣнія. Вѣдь надо раньше подумать, прочувствовать, и тогда только можно писать, да и то оно часто бываетъ совсѣмъ наоборотъ.

Наконецъ, моя цѣна далеко превышаетъ сумму, которая на это имѣется. Во всякомъ случаѣ, я сказалъ, что за статую покойнаго государя, изъ мрамора, въ натуральную величину, я назначаю 20 тыс. руб., и чѣмъ дальше, тѣмъ пропорціонально дороже. Въ такомъ случаѣ, я думаю, навѣрное предпочтутъ другого; нисколько не сомнѣваюсь, что другіе возьмутъ ту цѣну, которую имъ предложатъ, благо скульптура у насъ далеко не такъ избалована, какъ, напримѣръ, живопись.

Все это приблизительно я уже писалъ С. М. Третьякову, и очень удивляюсь его молчанію. Онъ, повидимому, моего письма не получилъ, а между тѣмъ я отвѣтилъ ему очень скоро послѣ полученія его письма, да еще послалъ его застрахованнымъ. А можетъ быть, что онъ и сердитъ на меня еще за мой отказъ участвовать въ конкурсѣ на статую Бера. Впрочемъ, не думаю этого: онъ вѣдь хорошо долженъ понимать, что я не могу идти противъ самого себя. Во всякомъ случаѣ, я-бы просилъ дать мнѣ объ этомъ отвѣтъ.

Что мнѣ сказать вамъ о себѣ? Теперь я реставрирую свое не совсѣмъ прочное здоровье, чтобы потомъ имѣть возможность начать новую работу въ области скульптуры. Только объ этомъ и мечтаю, это моя теперешняя надежда, и ею я теперь живу. Это происходитъ, можетъ быть, оттого, что я чувствую, что тутъ съумѣю высказаться, высказать свою силу, между тѣмъ какъ въ остальномъ сознаю свое безсиліе. Жаль только, что теперешнее мое лѣченіе не совсѣмъ удачно. Доктора послали меня на этотъ разъ на вулканическую почву, между тѣмъ какъ самъ я былъ на нее похожъ.

Здѣсь я живу среди такихъ невыносимыхъ жаровъ, что нервы стали еще властнѣе надо мною. Однако я не падаю духомъ. Богъ поможетъ, тѣмъ болѣе, что въ будущей моей работѣ нервы мои скорѣе помогутъ, чѣмъ повредятъ. Нервность вѣдь моя спеціальность.

Часто хотѣлось мнѣ писать вамъ, высказаться, и еще чаще думалъ я о васъ, и однако предпочиталъ молчать; отчего? право, самъ не знаю. Впрочемъ, говорятъ вѣдь, что друзей узнаешь, когда они не мѣшаютъ другъ другу молчать иногда, но за то тѣмъ охотнѣе говорятъ потомъ и слушаютъ другъ друга.

Статую „Спинозы“ я все еще не кончилъ. Осталось всего дней на восемь работы, и я каждый день хожу только кругомъ работы и ничего не могу подѣлать. Да и какъ можно было до этой поры, когда мое душевное настроеніе вовсе не соотвѣтствовало его гигантскому спокойствію, ясности и величію. Онъ въ правѣ былъ сказать: „Я прохожу мимо зла человѣческаго, потому что оно мѣшаетъ мнѣ служить моему Богу—природѣ“. Это та истина, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь. И какъ высоко онъ поднялся надъ зломъ человѣческимъ, которое кишѣло у ногъ его! Какъ великъ онъ былъ въ своей скромной

простотѣ и какъ онъ богатъ былъ душевно въ своей бѣдной обстановкѣ! Жалко, что не могу быть даже младшимъ ученикомъ его. Я чувствую его лишь иногда только, но не всегда.

Какъ только кончу эту статую, прощаюсь съ большими произведеніями, и, можетъ быть, надолго, и предприму цѣлый рядъ маленькихъ работъ, которыя въ своемъ родѣ будутъ не мелочью. Это теперь мнѣ крайне необходимо. Я задыхаюсь, мнѣ надо сказать многое, и одного произведенія въ годъ недостаточно.

Кромѣ того, я надѣюсь, что въ области скульптуры этотъ родъ работы будетъ новъ, и такимъ образомъ можетъ быть удастся мнѣ положить прочную основу новаго рода искусства.

Вы хорошо знаете, что въ исторіи искусства живопись и скульптура всегда боролись другъ съ другомъ. То одна, то другая брала верхъ. Теперь же вѣкъ живописи, а скульптура пала; конечно, въ этомъ виноваты время, народъ и сами скульпторы; мнѣ крайне-бы хотѣлось хоть съ этой послѣдней стороны дать толчокъ скульптурѣ. Отъ этого она не только не пострадаетъ, но, надѣюсь, даже много выиграетъ. Независимо отъ всего этого, мнѣ хотѣлось-бы на досугѣ сдѣлать цѣлый рядъ каррикатуръ на нашихъ милыхъ согражданъ: это будетъ хорошій отводъ для желчи, которая отъ времени до времени накопляется у меня. Я даже задумалъ издавать каждый мѣсяцъ каррикатуры, а въ скульптурѣ это будетъ новостью своего рода.

Какъ видите, дорогой мой другъ Савва Ивановичъ, тѣломъ я старъ, но не душою. Хочу еще многаго—да удастся-ли мнѣ все это сдѣлать?.. Мое финансовое положеніе не представляетъ опасности, но, чтобы сдѣлать все то, о чемъ я мечтаю, надо быть обезпеченнымъ годика на три—четыре, а на моемъ горизонтѣ нѣтъ ни одной свѣтлой надежды.

Вы говорите, что мое имя вспоминается съ уваженіемъ. Это очень удивляетъ меня. Послѣ моей выставки я убѣдился, что покуда я не для Россіи. Курсъ мой упалъ настолько, что я послалъ нѣкоторыя работы къ Беггрову, и вотъ, больше года, какъ ни на грошъ ничего не продалось. А изъ этого я заключаю, что если я не для Россіи, то и Россія не для меня. Буду надѣяться, что это печальное время скоро пройдетъ, и каждый найдетъ то, чего заслуживаетъ.

Впрочемъ, все это не касается меня: я мечтаю только о томъ, чтобы уйти въ свою скорлупу, въ свой художественный мірокъ, и тамъ творить, творить—Боже мой, только не заказы!

Мнѣ очень досадно, что я говорю все только о себѣ. Но что-же остается мнѣ сказать, когда кругомъ все такъ обстоитъ, что хочется забыться?

Скажу еще, что я реставрировалъ „Петра“ и выставилъ его въ Salon'ѣ, гдѣ онъ былъ поставленъ убійственно. Однако же всѣ отнеслись къ нему съ почетомъ, и многіе писали, что это была лучшая вещь на выставкѣ. Говорю это потому, что въ Россіи, 8 лѣтъ тому назадъ, меня выругали за него и до сихъ поръ онъ гнилъ на заводѣ.

Теперь у меня дружеская просьба къ вамъ. Буду надѣяться,

что вы не огорчите меня, и согласитесь исполнить мое задушевное желаніе.

Видите-ли, если никто не желаетъ пріобрѣтать мои работы, то и я еще настолько гордъ, что въ свою очередь не желаю ихъ продавать; такимъ образомъ я прекращаю посылать свои работы въ Россію, по крайней мѣрѣ для продажи; но тамъ у меня есть, между прочимъ, голова „Мефистофеля", и я прошу васъ принять ее отъ меня въ знакъ памяти и дружбы. Я люблю эту работу, а назадъ ее брать тоже не желаю, и лучшее мѣсто для нея будетъ у васъ. Еще разъ прошу не огорчить меня и принять ее отъ меня, да, да, да!!

Что новаго въ художественномъ мірѣ? Какъ поживаетъ Рѣпинъ? Что онъ подѣлываетъ? Что Васнецовъ? Полѣновъ? Мой сердечный поклонъ имъ всѣмъ.

Ужъ очень хотѣлось-бы мнѣ побывать у васъ въ Абрамцевѣ, такъ чтобы успокоить свою волнующуюся душу. Но страшно. Боюсь ѣхать въ Россію, какъ-бы опять не захворать. Вѣдь всякій разъ вывожу оттуда какую-нибудь болѣзнь. И только это, а больше ничего.

Ну, а вы, старый старичокъ, не думаете заглянуть въ Парижъ? Хорошо было бы. Обрадовали бы насъ!

Будьте здоровы и не забывайте писать мнѣ даже и когда дѣла никакого не будетъ.

317. Къ Ел. Григ. Мамонтовой.

Парижъ, осень 1881 г.

Я молчалъ просто потому, что прячусь и ежусь въ своей скорлупѣ, когда атмосфера тяжелая. Есть одна очень остроумная молитва: „Защити меня, Боже, отъ моихъ друзей, а отъ враговъ я самъ съумѣю защититься". Мнѣ кажется, что это должна теперь сказать Россія. Она должна просить, чтобы Богъ защитилъ ее отъ теперешнихъ фанатичныхъ и больныхъ патріотовъ, которые тянутъ ее назадъ, въ пропасть. Говорить, спорить объ этомъ, доказывать теперь это—невозможно; говорятъ, что хандра имѣетъ свою логику, а въ такомъ случаѣ спорить и доказывать—все равно, что спорить со слѣпымъ о цвѣтахъ. Не могу я передать, до чего все это меня разстраиваетъ, и, благодаря этому, у меня накопилось столько желчи, что создался въ моемъ воображеніи уродъ физическій и нравственный, который преслѣдуетъ меня. Если его создать, это будетъ нѣчто сильнѣе и отвратительнѣе, чѣмъ Мефистофель, потому что это не будетъ миѳическій злой духъ, а будетъ реальный, живой и новый. Но этого мало; мнѣ хотѣлось бы его посвятить потомкамъ подобныхъ ему людей въ моемъ отечествѣ, какихъ теперь много расплодилось; но во всякомъ случаѣ я еще не теряю надежды, что и въ этотъ разъ Россія устоитъ противъ увлеченій, противъ всякихъ крайностей. Въ концѣ-концовъ, она опомнится и пойдетъ твердыми шагами по дорогѣ просвѣщенія и прогресса, пойдетъ впередъ, а не назадъ, ко временамъ „Ивана Грознаго". Дай Богъ!

Эту зиму я очень мало сдѣлалъ, хотя много работалъ. Все сидѣлъ около „Спинозы", который наконецъ удался мнѣ. Просто заколдована была эта статуя для меня; еще прошлой весной я сказалъ, что „Спиноза" почти готовъ, но, не кончивъ, уѣхалъ отдыхать, послѣ того, что ничего не сдѣлалъ.

Пріѣхалъ я назадъ, и съ нимъ случилось то-же, что и съ моими письмами: если я оставляю ихъ на завтра, или перечитываю что написалъ, то они не нравятся мнѣ, и я рву ихъ. „Спинозу" же я началъ передѣлывать, освѣжать, и долго бился, пока наконецъ, въ одинъ прекрасный день, голова его не отвалилась. Ну, поволновался я, погорячился, и сдѣлалъ, т.-е. опять поправилъ. И вотъ, наконецъ, онъ былъ конченъ. Всѣ говорили, что это моя лучшая работа; славянофилы говорили, что лучшая послѣ „Ивана Грознаго", а западники— что лучшая послѣ „Христа" и „Петра". Но представьте-же мое положеніе, когда я далъ его отливать, то форматоры до того исковеркали его въ деталяхъ, что вотъ теперь, послѣ отливки, я долженъ былъ сдѣлать бѣлый воскъ, подходящій къ гипсу, и опять работаю надъ нимъ. Какъ это вамъ понравится? Даже фотографія, снятая съ него въ глинѣ, и та не удалась. Но, слава Богу, я и это кончаю. Попытаюсь еще разъ снять фотографію, авось будетъ лучше, и тогда пришлю вамъ моего дорогого, но злополучнаго „Спинозу".

Теперь думаю начать нѣсколько маленькихъ работъ; во-первыхъ потому, что большія работы трудно начинать, и во-вторыхъ потому, что уже поздно, а оставлять на зиму не слѣдуетъ; отчасти-же и потому, что я уже немного усталъ для серьезной работы; притомъ мое давнишнее желаніе было попробовать, между прочимъ, другого рода скульптуру, чтобы расширить рамки ея, чтобы она была болѣе удобоварима для нашей жизни и обстановки, чтобы къ ней возбудить интересъ, который она положительно потеряла. Эти работы по всей вѣроятности пойдутъ у меня скоро.

Между прочимъ, я сдѣлаю „Сиротку" и „Слѣпую дѣвушку-музыкантшу"; во всемъ этомъ не столько серьезнаго, сколько своеобразнаго въ трактованіи. Еще я думаю сдѣлать нѣсколько шекспировскихъ типовъ—„Короля Лира", „Леди Макбетъ" и другихъ, все это въ маломъ видѣ, конечно.

Что сказать вамъ новаго въ художественномъ мірѣ? Здѣсь въ этомъ году не было особенно замѣчательныхъ вещей, за то было много выставокъ; кромѣ обыкновенной ежегодной, еще двѣ художественныя выставки; была еще женская акварельная выставка общества „Свободы", общества „Независимыхъ" (impression), еще норвежская, шведская и, наконецъ, наша русская (я не буду говорить о Верещагинской, которая была неудачна и потерпѣла полное фіаско). Надо сказать правду, что я прямо удивляюсь, какъ иногда мало надо, чтобы потрафить на публику, по крайней мѣрѣ на рецензентовъ. Когда задумали эту русскую выставку, я протестовалъ, потому что въ сущности мы не были приготовлены, а еще выставили на самомъ видномъ мѣстѣ Парижа. Посылаю вамъ каталогъ, и вы сами

увидите, до чего она была бѣдна по содержанію: почти ни одной творческой вещи, а все этюды, головки, да портреты. Однако-же публика шла, правда очень немного, но это уже извѣстно, что французъ вовсе не любитъ платить денегъ, въ особенности на чужую выставку и концерты. Тутъ онъ ждетъ, чтобъ ему заплатили за то, что онъ ходитъ. Такимъ образомъ, было на выставкѣ всего 2500 человѣкъ въ теченіе мѣсяца; за то болѣе двадцати пяти журналовъ писали о ней, и все съ хорошими отзывами. Очень понравился всѣмъ эскизъ „Бурлаки“ Рѣпина, принадлежащій теперь художнику Дмитріеву. За него одинъ англичанинъ предлагалъ 1500 франковъ, только тотъ уѣхалъ, и теперь эскизъ проданъ русскому, нѣкоему Голубеву, за 1100 франковъ. Я это разсказываю, чтобы вы имѣли понятіе, насколько понимается вещь, гдѣ есть истинное творчество, хотя и въ зачаткѣ.

Я забылъ еще сказать, что теперь у меня въ мастерской находится „Петръ I“ изъ бронзы; онъ выигралъ въ этомъ матеріалѣ вдвое.

318. Къ В. В. Стасову.

Антверпенъ, получено 19 октября 1881 г.

Пишу, какъ и обѣщалъ вамъ. Раньше всего отъ души благодарю васъ 100,000 разъ за дружбу, удовольствіе и за компанію [1]). И такъ, до свиданія непремѣнно. Насилу отыскалъ я портретъ Спинозы. Портретъ-то и плохой, но думаю, что внѣшнее сходство должно быть. Но тутъ не тотъ Спиноза, какого мы представляли себѣ, этого созерцательнаго, кроткаго, добраго, всѣмъ прощающаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильнаго, спокойнаго и глубокаго,—этого и въ поминѣ нѣтъ. Гравюра съ него вѣрна и меня она вполнѣ удовлетворяетъ. Я же, послѣ моихъ странствованій по музеямъ, взялъ и поѣхалъ въ Антверпенъ. Завтра въ моемъ распоряженіи около $1^1/_2$ часа, чтобы обѣжать музей и посмотрѣть на Рубенса. Въ 12 часовъ дня уѣду въ Парижъ, и прибуду туда въ 7 часовъ вечера.

Усталъ я сегодня маленько, а потому и пишу такъ коротко. Мой сердечный привѣтъ всѣмъ парижскимъ гостямъ.

Пишите, какъ вы добрались до Берлина въ такой холодъ, будучи такъ легко одѣты. Правда, день былъ сегодня чудный, но холодный. Мнѣ было холодно ногамъ всю дорогу, но что дѣлать, „любишь кататься,—люби и саночки возить“.

Крѣпко отъ души обнимаю васъ и сто тысячъ разъ благодарю за теплую душевную компанію.

319. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Парижъ, октябрь 1881 г.

Боже мой, сколько можно видѣть хорошаго на свѣтѣ среди зла!!

---

[1]) Въ концѣ лѣта и въ началѣ осени Антокольскій совершилъ поѣздку въ Голландію и Бельгію вмѣстѣ съ В. В. Стасовымъ.

Послѣ васъ пріѣхалъ [1]) Стасовъ и мы, недолго думая, поѣхали въ Голландію и, несмотря на отвратительную погоду, я все-таки всю дорогу радовался, какъ ребенокъ, до того мнѣ все казалось ново, свѣжо и хорошо, главное, конечно, галлереи, въ художественномъ отношеніи. Я какъ будто ожилъ, я чувствую въ себѣ какую-то свѣжую художественную струю послѣ того, что̀ я видѣлъ; и вотъ, получивши ваше письмо, я подумалъ сейчасъ-же о васъ. Хорошо было-бы еще разъ побывать поосновательнѣе тамъ, такъ какъ мы, такъ сказать, только повсюду заглянули, да притомъ съ вами вмѣстѣ, люблю я мечтать о хорошемъ.

Помечтайте же и вы, друзья мои, авось общую мечту можно будетъ осуществить. Послѣ моей прогулки по музеямъ, у меня точно новыя крылья отросли и, конечно, я летаю выше, и оттого „Спиноза“ будетъ лучше. Никто не будетъ такъ любить эту работу, какъ я, душою. Я слишкомъ много думалъ и сжился съ нею; ей, такъ сказать, передалъ я всю душу свою, и оттого она такъ дорога мнѣ, кромѣ того, что она такъ трудно далась мнѣ. Между тѣмъ, для другихъ она недостаточно доступна, отчасти потому, что въ этой статуѣ нѣтъ того элемента, который сразу и сильно дѣйствуетъ на зрителя; во-вторыхъ въ ней мало поэзіи, да и трудно опоэтизировать философію. Но за то, тотъ, кто пойметъ его, полюбитъ и не разстанется съ нимъ. Впрочемъ, „chi lo sa“ [2]), въ подобныхъ случаяхъ нечего слушать мать, когда она хвалитъ своего ребенка.

Вотъ Стасову „Спиноза“ не понравился, и сегодня онъ прислалъ мнѣ свое мнѣніе о немъ. Мнѣ остается пожимать плечами. Что дѣлать? Я старался создать не такъ, какъ хотятъ другіе, и даже не такъ, какъ бы я хотѣлъ, а такъ, какъ было нужно, и по возможности поближе къ правдѣ, облекши въ художественную форму; да кромѣ того, я желалъ создать не эпизодъ изъ жизни Спинозы, а возсоздать его самого.

Ну, довольно говорить объ этомъ. Буду счастливъ, когда удачно кончу, такъ какъ я хочу, а тамъ буду любить его, какъ всѣ мои произведенія.

320. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, получено 28 октября 1881 г.

Чтобы закончить наши путевыя впечатлѣнія, мнѣ хочется еще подѣлиться съ вами тѣмъ, что я вынесъ изъ Антверпенскаго музея.

Я долженъ сказать, что я очень доволенъ, что заглянулъ въ Антверпенъ: тамъ я нашелъ столько хорошихъ, чудныхъ произведеній, что не зналъ, куда раньше глядѣть, тѣмъ болѣе, что времени было крайне мало. Обо всѣхъ не стану распространяться, но мнѣ хотѣлось-бы остановиться на Рубенсѣ, потому что это нашъ спорный пунктъ. Вы уже хорошо знаете мое мнѣніе о немъ: когда я смотрю

---

[1]) 3 (15) октября 1881 г.

[2]) Кто знаетъ?

на цѣлый рядъ его блестящихъ картинъ, находящихся въ Луврѣ, то беретъ досада, что такой геній такъ усердно лизалъ полъ, на которомъ стояла Медичи. Мнѣ давно замѣчали, что Рубенса надо видѣть въ Антверпенѣ, чтобы имѣть о немъ полное понятіе. Признаюсь, я отъ души желалъ видѣть тутъ что-то такое, что дало-бы мнѣ лучшее понятіе о немъ. Но увы! Послѣ осмотра Антверпенскаго музея, мое мнѣніе о немъ не только не ослабѣло, но даже, напротивъ, усилилось. По-моему, Рубенсъ въ живописи то-же самое, что Бернини въ скульптурѣ: оба—въ высшей степени талантливы, доходятъ до геніальности, оба сильные, необузданные, доходятъ до рококо; у обоихъ въ рѣдкихъ случаяхъ проявляется внутренняя искра, но въ большинствѣ случаевъ—внѣшняя риторика, паѳосъ и фальшь; оба они любили одинаковые типы, у обоихъ тѣ-же апостолы и мученики, похожіе скорѣе на кузнецовъ съ Круповскаго завода, тѣ-же Мадонны и Магдалины; это жирныя, откормленныя и оплывшія матроны, живущія въ роскоши и развратѣ. Къ этому надо еще прибавить, что оба они были замѣчательные портретисты.

Смотришь на произведеніе Рубенса „Христосъ на крестѣ“, считающееся лучшимъ изъ его произведеній, и удивляешься этой риторикѣ, этой внутренней пустотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ его внѣшней силѣ.

Нѣтъ, дорогой мой дядя, видно, что онъ былъ слишкомъ счастливъ, чтобы перечувствовать и создать драму; онъ, какъ видно, недостаточно любилъ, вѣрилъ и недостаточно былъ увѣренъ въ томъ, что онъ творилъ, точно для него было все равно работать вакханку или Христа; видно, что онъ легко переходилъ отъ одного предмета къ другому. Повторяю: чтобы быть творцомъ, надо искренно любить или ненавидѣть всею душой и тѣломъ, и только тогда можетъ выйти истинное и искреннее, глубокое созданіе. Помню, разъ какъ-то вы писали мнѣ: „Чѣмъ больше я живу, тѣмъ больше я нахожу, что у человѣка главное—душа“. Это можно сказать и относительно искусства, въ особенности, когда оно соединено съ художественной формой, а техника безъ души,—это будетъ „грудь безъ сердца“, какъ Гете говоритъ.

Что мнѣ сказать про Вандейка? Говорятъ, что яблоко недалеко катится отъ своего дерева, только у Вандейка все часто съ примѣсью сладости.

Я забылъ сказать: говорятъ, что лучшее созданіе Рубенса—это его „Кермесъ“; думаю, что это дѣйствительно, можетъ быть, лучшее его созданіе, потому что тутъ онъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ.

Совершенно противоположное это—чудное, замѣчательное созданіе Матсиса (Matsys): „Снятіе Христа съ креста“. Эта картина находится въ средней залѣ, и, навѣрное, вы хорошо знаете ее? Боже мой, что тамъ за наивность, чистота душевная, искренность, благородство, и вмѣстѣ съ тѣмъ все въ высшей степени живо, художественно, удивительно и реально. Я просто не могъ оторваться отъ этой картины, и по-моему это лучшая картина музея, хотя и кромѣ нея есть тамъ пропасть чудныхъ картинъ. Я побѣжалъ купить съ нея и съ другихъ

картинъ фотографіи, но, Боже мой, какое фальшивое и плохое понятіе даютъ фотографіи!

Я пріѣхалъ домой благополучно, всѣхъ нашелъ въ порядкѣ, съ прибавленіемъ Бальбины Юліановны съ сыномъ.

Началъ работать; радъ, что ѣздилъ въ Голландію, и еще больше я радъ, что съ вами. Слава Богу!

321. Къ нему же.

Парижъ, получено 10 ноября 1881 г.

Я очень радъ былъ получить ваше дружеское письмо. Я также радъ, что вы откровенно высказываете ваше мнѣніе относительно „Спинозы“, хотя согласиться съ вами я не могу. Вы хотите моего поясненія, что такое выражаетъ и что долженъ выражать собой „Спиноза“? Что именно онъ выражаетъ—это сказать мнѣ трудно, потому что—одно изъ двухъ: или онъ дѣйствительно ничего не выражаетъ, или-же вы недостаточно всматривались въ него. „А что онъ долженъ собой выражать?“

По-моему, „Спиноза“ долженъ выражать собой Спинозу всего цѣликомъ, какъ „Иванъ Грозный“, „Христосъ“ выражаютъ свои особенныя индивидуальности, какъ мы ихъ изучали, знаемъ и представляемъ себѣ. Чтобы создать ихъ—надо изучать, прочувствовать, охватить ихъ со всѣхъ сторонъ, и тогда сдѣлать не такъ, какъ другіе хотятъ, то-есть не рутинно и даже не такъ, какъ самъ-бы хотѣлъ, а такъ, какъ быть должно. Правда въ искусствѣ выше всего, но чѣмъ больше правды, тѣмъ сильнѣе должны быть художественныя формы, и тогда только созданіе можетъ быть истиннымъ творчествомъ.

Такой задачи теперешняго реальнаго искусства и того принципа я держусь во всѣхъ моихъ работахъ, и въ томъ числѣ и въ „Спинозѣ“.

Затѣмъ скажу, какъ я представляю себѣ „Спинозу“... А впрочемъ, что я могу сказать на словахъ, когда мой рѣзецъ недостаточно говоритъ вамъ. Ясно, что мы разно представляемъ себѣ „Спинозу“. Вы думаете, что я бралъ въ „Спинозѣ“ исключительно сторону человѣка. Вы ошибаетесь. Правда, и эту сторону я глубоко уважаю, въ особенности, когда она соединена съ геніальностью, да притомъ-же я скульпторъ, не могу создавать содержаніе безъ формы, а разъ форма входитъ въ мою задачу искусства, то я и тутъ стараюсь остаться вѣрнымъ самой правдѣ.

Но вы думаете, что именно формы мои не соотвѣтствуютъ его внутреннему содержанію. Вы хотите видѣть его: „активнымъ“, „разрушительнымъ“, „сильнымъ“ и „могучимъ“—напрасно, потому что такимъ онъ никогда не былъ. Вы не хотите видѣть его ни „слабымъ“, ни „больнымъ“; и опять напрасно, потому что именно такимъ-то онъ и былъ. Что касается до духа его, то именно тутъ-то и замѣчательно, что въ такомъ слабомъ, хиломъ и болѣзненномъ тѣлѣ сохранился такой глубокій, ясный и спокойный умъ, и при этомъ столь кроткая, добрая, чудная душа. Онъ не только понималъ человѣка и природу,

но и глубоко чувствовалъ и любилъ ее, и, благодаря всему этому, онъ такъ высоко поднимается надъ всѣми. Его не трогаютъ ни невѣжи, которые на него нападаютъ и пересмѣиваютъ, его не смущаетъ и бѣдная обстановка; онъ даже мало заботится о своемъ здоровьѣ. Все это не занимало его, все это не могло сдвинуть его ни направо, ни налѣво. Тихими шагами, но безъ остановки, безъ усталости, шелъ онъ далеко вглубь человѣческихъ и природныхъ тайнъ, тамъ онъ находилъ свой тайный міръ, свой отдыхъ и наслажденіе. И онъ имѣлъ полное право сказать: „Я прохожу мимо зла человѣка, ибо оно мѣшаетъ мнѣ служить идеѣ Бога“. Вотъ въ этихъ-то словахъ выражается весь онъ, какъ великій человѣкъ и великій философъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ они ясно характеризуютъ то положеніе, въ которомъ онъ жилъ и умеръ. Только онъ могъ распознавать тайны природы, „служить идеѣ Бога“, потому что онъ „шелъ мимо зла человѣка“. Онъ былъ великъ въ своемъ спокойствіи, ясности и глубинѣ, въ своемъ чистомъ пониманіи самыхъ чистѣйшихъ вещей. Вы находите его разрушителемъ, а я, напротивъ—созидателемъ. Я не знаю, съумѣлъ-ли я высказать все то, что хотѣлъ. Мнѣ кажется, что я о моихъ работахъ говорить не могу, потому я ихъ больше чувствую.

Но вотъ что мнѣ хотѣлось сказать вамъ. Если въ Европѣ не понимаютъ меня даже тѣ, которые хвалятъ, то это не удивительно, потому что скульптура упала: она не въ модѣ, ею не интересуются даже знатоки и любители, которые пишутъ цѣлые томы о посредственныхъ картинахъ; да притомъ, въ Европѣ я чужой, не свой. Что меня не понимаютъ и даже отчасти не хотятъ понимать въ Россіи, это меня тоже не удивляетъ, и это ясно показала моя послѣдняя выставка. Меня нисколько не удивитъ, если даже никто не пойметъ „Спинозы“. Но что вы не понимаете меня, это удивляетъ и печалитъ меня, а пора понимать меня! Просто руки опускаешь.

Впрочемъ, я долженъ прибавить, что во всѣхъ моихъ работахъ дѣйствительно есть ошибка: это то, что я показываю ихъ неоконченными, а въ моихъ работахъ это много значитъ. Вотъ теперь, благодаря моей поѣздкѣ по Голландіи, я какъ-то освѣжился, я какой-то художественный строй втянулъ въ себя, и послѣ этого я увидѣлъ, что „Спинозу“ работалъ какъ-то не энергично, вяло (я говорю въ отношеніи техники). И вотъ, теперь не осталось ни одного мѣстечка, которое не было-бы передѣлано. И дѣйствительно стало лучше.

Теперь я мечтаю, какъ бы окончить его, и тогда я войду въ новый міръ, начну новую художественную жизнь, думаю и уже передумываю все до подробностей, а сюжетовъ—пропасть.

Дома у себя я нашелъ все благополучно. Мадамъ Бальбина пріѣхала съ сыномъ, умнымъ. Она все такая же живая и милая, какъ дитя.

Получилъ я письмо отъ Рѣпина—обѣщаетъ поѣхать въ Голландію, но я тому не вѣрю, потому что какъ-то самъ говоритъ не увѣреннымъ тономъ.

Верещагинъ гремитъ, и я отъ души радъ. Дай Богъ, чтобъ все

получили то, чего заслуживаютъ, если не въ своемъ отечествѣ, то по крайней мѣрѣ на чужбинѣ.

Мой поклонъ Эліасику. Я радъ, что онъ думаетъ обо мнѣ, а я думалъ, что онъ скоро забудетъ.

Я серьезно думаю пробраться во Флоренцію.

322. Къ нему же.

Парижъ, получено 11 декабря 1881 г.

Маттэ я видѣлъ [1]) и передалъ ему ваше порученіе, 31 франкъ отдалъ, и если у васъ есть еще кое-какое порученіе, то хотя я и не совсѣмъ аккуратный насчетъ этого, однако исполню для васъ охотно.

Въ эту зиму все никакой нѣтъ у меня возможности сосредоточиться, войти въ работу. Представьте себѣ, что мать жены сильно заболѣла, жена съ сестрою конечно поѣхали въ Вильно, гдѣ все идетъ очень нехорошо, и Богъ знаетъ, сколько времени еще пройдетъ. Я сильно боюсь, чтобы жена не захворала отъ всего этого, потому что это—человѣкъ, который не щадитъ себя ни въ мирное, ни въ тревожное время. Я же остался здѣсь съ дѣтьми, да еще съ племянничкомъ. И послѣ этого пойди да работай „Спинозу"! А онъ сильно требуетъ окончанія, потому что этимъ я заключаю одинъ періодъ моихъ работъ, а тамъ... Ну, что тамъ гадать, лучше подождемъ и увидимъ.

Недавно я сдѣлалъ одинъ женскій бюстъ. Боже мой, какъ не хотѣлось мнѣ его дѣлать! И за то, Боже мой, какъ плохо сдѣлалъ я его! Просто самъ себѣ удивляюсь, просто дѣтская работа. Не думайте, что это мнѣ кажется! Нѣтъ, если хорошо сдѣлаю, я тоже хорошо это вижу, и тогда глажу себя по головкѣ. Вообще мнѣ кажется, что я перестаю видѣть; кажется, что у меня мало энергіи, и это, я замѣтилъ, случилось со мною послѣ моей поѣздки въ Россію, или, говоря вѣрнѣе, послѣ моей болѣзни. А впрочемъ, можетъ быть, что это только временное. Хорошо еще, что я самъ это вижу—значитъ есть надежда, что поправлюсь. Во всякомъ случаю, замѣтьте, что это—первая моя жалоба на самого себя. Хотѣлось-бы никогда не жаловаться, въ особенности на самого себя.

Здѣсь въ художественномъ мірѣ русскомъ—ничего. Говорятъ, что завтра откроется выставка Верещагина въ редакціи „Голоса". Молодецъ! Читалъ вашу первую статью о немъ [2]). Я радъ, что вы знакомите съ русскими, какъ они плюютъ на то, чѣмъ всѣ восторгаются (въ Европѣ).

Насчетъ масокъ [3]), то, пожалуйста, собирайте ихъ и пока храните у себя, а потомъ я скажу вамъ куда ихъ переслать, потому что я еще не рѣшилъ, изъ чего ихъ отливать. Можетъ быть я сниму ихъ

---

[1]) Вас. Вас. Маттэ, граверъ, въ то время пенсіонеръ Академіи за границей.

[2]) Статья В. В. Стасова: «Вѣнская печать о Верещагинѣ», напечатанная въ газетѣ «Порядокъ» 2 и 9 декабря 1881 г. №№ 332 и 339.

[3]) Маски нѣкоторыхъ великихъ русскихъ людей.

гальванопластикой, ради точности, хотя я не люблю этотъ способъ. Только, пожалуйста, прошу доставать, главное, оригиналы, а не тѣ маски испорченныя, которыя находятся въ продажѣ. У меня здѣсь ихъ три: маска Рубинштейна, Н. А. Милютина, и не дальше какъ вчера я получилъ отъ сына маску Мицкевича.

Простите за это пустое и минорное письмо, авось потомъ лучше пойдетъ. Мой сердечный поклонъ вашему брату Д. В. и дочери.

323. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Парижъ, ноябрь—декабрь 1881 г.

Въ послѣднемъ нумерѣ „Вѣстника Европы" есть очень милая сказка Тургенева [1]); жаль только, что это подражаніе итальянскимъ новелламъ. Прудонъ сказалъ правду, что подражаніе есть шагъ назадъ. Впрочемъ, у поэтовъ не спрашивается: зачѣмъ? Отвѣтъ на это простой: „потому что такъ хочу". Согласитесь сами, развѣ послѣ этого можно спорить? А все-таки, большое спасибо Тургеневу: онъ первый показалъ, что намъ теперь лучше всего забываться, спать, бредить въ фантастическомъ снѣ.

Кажется, я начинаю ворчать, а мнѣ теперь это совсѣмъ не подобаетъ: вѣдь теперь я работаю „Спинозу", такъ сказать живу въ немъ. Жаль, что не могу даже быть подражателемъ его.

Вчера со статуей случился маленькій казусъ, а именно: голова отвалилась. Какъ это вамъ нравится? Хорошо еще, что не много повредило. Во всякомъ случаѣ, вчера и сегодня я цѣлый день работалъ до усталости, а все еще не привелъ въ порядокъ. Кажется, что я уже писалъ вамъ, что я всю статую освѣжилъ, перелѣпилъ такъ, что драпировка теперь свѣжѣе, а главное—художественнѣе.

О чемъ я всего болѣе теперь мечтаю, это о моихъ будущихъ работахъ. Для меня это начало новой художественной жизни. Можете себѣ представить, куда я улетѣлъ воображеніемъ.

Здѣсь въ художественномъ мірѣ ничего не слышно, а здѣшняя политика не занимаетъ меня. Я никуда не хожу, и такимъ образомъ я весь въ работѣ. Впрочемъ я забылъ сказать, что недавно я былъ занятъ еще однимъ дѣломъ, а именно—цѣлую недѣлю возился съ докторами: я хворалъ, но теперь опять молодцомъ, до слѣдующаго раза. Еще позабылъ я сказать, что работаю женскій бюстъ, по заказу. Пожалуйста, пожалѣйте меня, страсть какъ не хочется работать, но дѣлать нечего.

324. Къ С. И. Мамонтову.

Парижъ, 6 февраля 1882 г.

Твою добрую телеграмму, и также впослѣдствіи и 1000 рублей, я получилъ. Лишнее говорить, насколько эти деньги пришли кстати, и какъ я благодаренъ тебѣ за твое доброе дружеское одолженіе. Я

---

[1]) «Пѣснь торжествующей любви», въ «Вѣстникѣ Европы», ноябрь 1881.

очень-очень радъ, что свѣтъ еще не безъ добрыхъ людей, какъ ты. Я долженъ сказать, что въ послѣднее время я столько горькаго испыталъ, столько разочаровался въ людяхъ, которыхъ прежде уважалъ, что, право, это могло-бы подкосить всякую вѣру въ добро, справедливость и взаимную любовь. Я убѣдился, что люди уважали меня только тогда, когда я былъ à la mode; что приглашали меня обѣдать, пяньчились со мной только для того, чтобы показать меня другимъ въ видѣ десерта, или же прославить себя. Но когда дѣло дошло до бѣды, когда они узнали, что я вовсе не богатъ, да притомъ-же перестали обо мнѣ говорить (потому что я давно ничего не выставлялъ), то стали отворачиваться, третировать меня съ высоты своего величія, читать мнѣ нотаціи, давать дружескіе совѣты, и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ не только ничего не сдѣлали для меня, но среди нихъ есть такіе, которые не платятъ даже того, что съ нихъ слѣдуетъ. Очень больно, когда ясно видишь, что здѣсь уважаютъ человѣка не за его дѣятельность, а за богатство, нажитое этой дѣятельностью.

Пока всѣ думаютъ, что ты богатъ, обыкновенно обступаютъ тебя, ищутъ тебя и стараются высосать все, что имъ нужно; но Боже сохрани, если они узнаютъ, что ты бѣденъ. Никогда не простятъ тебѣ этого; скорѣе простятъ мерзавца, — и тогда всѣ злорадно станутъ разбирать тебя по косточкамъ. Но все это скорѣе меня забавляетъ, чѣмъ возмущаетъ. Я хорошо знаю, что школа пошлости не Франція, а Парижъ.

Возмущаетъ меня иногда то, что желудокъ не соглашается съ разсудкомъ, что онъ требуетъ своего; да притомъ-же у меня не одинъ желудокъ. Возмущаетъ меня еще и то, что я все-таки стою на извѣстной высотѣ, знаю, что я не лакей публики и, наконецъ, дожилъ до извѣстныхъ лѣтъ, и все-таки я не могу добиться того, чтобы не заботиться о завтрашнемъ днѣ. Я дошелъ до того, что хотѣлъ-было продать все, что есть у меня въ домѣ (я разсчитывалъ получить за это около 30,000 франковъ), уѣхать въ Италію, гдѣ дешевле живется, и тамъ скромно продолжать свое существованіе. Но это немыслимо: во-первыхъ, время здѣсь до того плохо, что за все пришлось-бы взять половину, а во-вторыхъ, я могу это сдѣлать только тогда, когда рѣшу окончательно оставить Парижъ. Но у меня осталась еще одна надежда: это издавать мои работы въ малыхъ размѣрахъ. Надѣюсь, что это спасетъ меня. Но тутъ-то опять препятствіе относительно заклада дома.

Теперь оказывается, что довѣренность, которую я выслалъ, не годна, что тамъ я называюсь „Маркъ“, какъ и въ паспортѣ, а въ домашнихъ документахъ „Мордухъ“. Чтобы выхлопотать новую довѣренность, необходимо три мѣсяца времени, потому что она должна быть послана въ Петербургъ, въ министерство иностранныхъ дѣлъ. А затѣмъ начнутся хлопоты съ банкомъ. И все это изъ-за 10 тысячъ рублей.

Ты, другъ, пишешь въ телеграммѣ, что въ концѣ мѣсяца вышлешь мнѣ еще, но я не знаю, на какихъ условіяхъ. Для меня лучше всего было-бы, если-бы ты могъ взять у меня всѣ документы

по дому и достать для меня еще 4,000 рублей. Тогда я прекращу всякіе переговоры относительно заклада дома, которые отравляютъ меня. Если-же ты этого не можешь, то, Бога ради, не стѣсняйся: я хорошо знаю, что ты готовъ сдѣлать для меня все, что тебѣ возложно. Но во всякомъ случаѣ прошу скорѣйшаго отвѣта.

Мои внѣшнія невзгоды, конечно, отражаются немного неблагопріятно на искусствѣ. Я очень много работаю и относительно мало дѣлаю. Но хуже всего то, что я разлюбилъ свою теперешнюю работу, на которую было потрачено немало времени, больше двухъ мѣсяцевъ. Это случается со мной въ первый разъ. Я теперь удивляюсь, какъ я могъ полюбить этотъ сюжетъ, который вовсе не подходитъ къ ряду моихъ остальныхъ работъ. Сюжетъ этотъ — „Офелія“ Шекспира. Я думалъ вначалѣ сдѣлать ее въ маломъ размѣрѣ, а кончилъ тѣмъ, что началъ ее въ большомъ. Все шло прекрасно, и относительно выполненія и, какъ выраженіе типа Шекспира, удачно.

Но впослѣдствіи, когда я уже работалъ, я осмотрѣлся и увидѣлъ, что разныхъ „Офелій“ и „Гретхенъ“ столько, что мнѣ стало тошно.

Правда, и тутъ я могъ-бы высказаться болѣе сильно, чѣмъ я видалъ у другихъ, и болѣе своеобразно, но охота мнѣ была браться за „Офелію“, когда у меня есть во сто тысячъ разъ лучшіе сюжеты, чѣмъ „Офелія“, которая въ сущности ничего изъ себя не представляетъ. Какъ-бы то ни было, я хотѣлъ было ее уничтожить, но помоему, обѣднѣть, умереть и поглупѣть — всегда успѣешь, торопиться въ этомъ нечего, а потому я пока совсѣмъ отстранилъ ее и началъ новую работу, болѣе міровую, а потому и болѣе серьезную. Лишнее сказать, что я теперь ею увлекся до того, что совсѣмъ не чувствую всѣхъ моихъ невзгодъ.

Сюжетъ этотъ изъ временъ перваго христіанства. Святая мученица, женщина, пострадавшая жестоко за свое убѣжденіе, за свою вѣру и любовь къ ближнему (ее ослѣпили), сидитъ гдѣ-то въ углу, устремивъ лицо къ небу, точно съ нимъ бесѣдуетъ, на колѣняхъ она держитъ нѣчто въ родѣ дощечки, гдѣ написано: „миръ вамъ“; около нея набросаны кѣмъ-то пальмовыя вѣтки, ожерелья, монеты, а вокругъ нея масса голубей гнѣздится на рукахъ, на плечахъ и т. д.

Ахъ, другъ мой, не умѣю я высказать перомъ того, что представляю себѣ. Подожди немного, когда, Богъ дастъ, ты сюда пріѣдешь, тогда, авось, она сама все разскажетъ тебѣ лучше.

Для меня это идеальнѣйшее существо, которое могло родиться среди начала христіанства, когда истина любви къ ближнему не была еще ничѣмъ помрачена, когда она еще не превратилась въ фанатизмъ.

Она высока для меня не только потому, что съумѣла пострадать за человѣчество, но еще и потому, что страданія, этотъ варварскій поступокъ съ нею, не ожесточили ее, она осталась вѣрна Христу, Который сказалъ: „Прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ“, и она шлетъ всѣмъ безъ различія свое: „миръ вамъ“.

Это великое примиреніе, которое у насъ изсякло и погасло.

Блаженъ тотъ, кто имъ владѣетъ.

Подобныя ясныя, свѣтлыя и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткія натуры составляютъ отраду человѣчества. Таковъ между прочимъ, былъ и Спиноза.

Ну, довольно поговорилъ я сегодня, и все-таки долженъ кончить просьбой относительно отвѣта, и притомъ наискорѣйшаго.

Отъ души цѣлую тебя и прошу расцѣловать отъ меня Васнецова.

Ну, задалъ же я тебѣ работу чтеніемъ этого письма!!!

325. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 13 апрѣля 1882 г.

Кажется, что очень давно я уже не писалъ вамъ, и, надо сказать правду, въ эту зиму я порядкомъ-таки полѣнился. Почему? — трудно сказать. Но думаю, что сѣверная атмосфера имѣла на меня въ этомъ году отвратительное вліяніе. Боже мой, что тамъ дѣлается — какія фанатическія дикія увлеченія, какая жадность на травлю жидовъ! Все это похоже на Флорентинскую чуму, разница только въ томъ, что теперь изъ больныхъ умственно никто, къ сожалѣнію, не умираетъ, а продолжаетъ другихъ заражать. Но все-таки я глубоко вѣрю, что такъ не можетъ и не должно продолжаться. Я вѣрю, что русскій здравый смыслъ возьметъ верхъ надъ всякими крайностью и ложью.

За всю зиму я ничего не сдѣлалъ, кромѣ статуи „Спинозы". Странно, что эта статуя была для меня точно заколдованная: препятствія и неудачи были съ нею на каждомъ шагу. Но главной непріятностью было то, что одинъ разъ я нашелъ голову—упавшей. Дѣлать нечего, надо было снова работать. Теперь недавно, когда я далъ отливать его изъ гипса, то испортили его до того, что потомъ я совсѣмъ не узналъ его, и послѣ многихъ треволненій и порчи крови, долженъ былъ вновь реставрировать—воскомъ на гипсѣ. Теперь утѣшаютъ меня тѣмъ, что все это послужило для меня къ лучшему. Я-бы выслалъ вамъ фотографію, только какъ? Завтра только получу съ него нѣсколько оттисковъ, и тогда постараюсь послать черезъ кого-нибудь. Теперь же приступаю къ работѣ маленькихъ вещей, и потихоньку приготовляюсь къ „Нападенію Инквизиціи". Вотъ все, что я могу сказать о себѣ. Какъ видите, не спорая была зима, да и не интересно время я провелъ.

Для русскихъ здѣшнихъ художниковъ произошла въ эту зиму цѣлая эпоха: они въ первый разъ сдѣлали самостоятельную выставку. И надо сказать правду, что „смѣлость города беретъ" — сдѣлали это будто-бы съ благотворительной цѣлью, то-есть въ пользу нашего общества, и оттого требовали съ французовъ по 1 франку за входъ, столько же, сколько платятъ въ „Salon". Конечно, никто на свѣтѣ столько не любитъ платить, какъ французъ, въ особенности даромъ, то-есть за вещи, которыя не прославлены, и оттого народа было относительно мало, а впрочемъ есть такіе, которые находятъ, что 2,500 человѣкъ, за все время выставки—совершенно довольно. Но за то жур-

налы писали чуть-ли не всѣ, и какъ еще писали! Что касается лично до меня, то мнѣ осталось только моргать глазами, да удивляться. Всѣ хвалили, но никто не разбиралъ.

Впрочемъ, одинъ только дѣльный критикъ писалъ, какъ понимающій дѣло, и онъ, конечно, не всѣхъ гладилъ по-шерсти—это въ „Intransigent“. И знаете, что больше всего ему понравилось: это эскизъ „Бурлаковъ“—Рѣпина, подаренный имъ художнику Дмитріеву. Съ моей точки зрѣнія, онъ совершенно былъ правъ: тутъ хотя эскизъ, но все-таки видна сила таланта, творчество человѣка, который не плаваетъ по поверхности общаго теченія, а ныряетъ глубоко въ душу человѣка. За этотъ заброшенный эскизъ одинъ англичанинъ давалъ 1,500 франковъ, только какимъ-то образомъ это не состоялось, теперь же купилъ его нѣкто Голубевъ за 1100 франковъ. Пусть не сердится Рѣпинъ, что его эскизъ проданъ, это сдѣлалось не потому, что Дмитріевъ не любитъ эту работу, а по другимъ причинамъ. Но какъ-бы то ни было, я разсказываю объ этомъ подробно нарочно, чтобы показать справедливость нашего мнѣнія о талантѣ Рѣпина. И мнѣ очень больно, что въ Россіи его такъ мало понимаютъ, что онъ долженъ былъ понизить свое творчество до портретовъ. Вѣдь будь онъ французъ, у него было-бы все, и талантъ его бы росъ, а не глохнулъ-бы. Такъ-то!

Что въ вашемъ художественномъ мірѣ? Какъ идетъ ваша большая работа? Часто и съ удовольствіемъ вспоминаю, какъ мы путешествовали: благодаря вамъ, я много превосходныхъ перворазрядныхъ вещей видѣлъ. А Рубенсъ хотя и геніаленъ, но все-таки лакей, лизунъ, и, хуже всего—не искренній человѣкъ. Да, чѣмъ больше думаю о немъ, смотря на его работы, тѣмъ больше я убѣждаюсь въ этомъ.

Вчера былъ у меня въ студіи художникъ Мункачи. Онъ предлагалъ мнѣ помѣняться художественными вещами: ему очень нравятся „Мефистофель“, голова „Ивана Крестителя“ и барельефъ „Христа“. Онъ предлагалъ написать мой портретъ, а чтобъ я за это далъ ему, что я самъ пожелаю. Только жаль, у меня уже есть два превосходныхъ, по-моему, портрета, сдѣланныхъ Крамскимъ, и оттого я предлагалъ ему сдѣлать лучше портретъ моей жены. Буду очень радъ, если это удастся, а впрочемъ почти нѣтъ сомнѣнія, что это такъ будетъ.

326. Къ нему же.

Парижъ, получено 28 апрѣля 1882 г.

Отъ конторы барона Гинцбурга вы получите за меня около 92 рублей. Очень прошу васъ купить на эти деньги „Всеобщую исторію“ Шлоссера, переведенную на русскій языкъ: ихъ, кажется, 18 томовъ; потомъ, прошу васъ выписать для меня газету „Голосъ“, еврейскій журналъ „Восходъ“, и если останутся еще деньги, то купите для меня „Исторію костюма“ Вейса, тоже на русскомъ языкѣ, изданія Солдатенкова, и заодно выпишите для меня журналъ „Разсвѣтъ“...

Новостей у меня нѣтъ, я работаю, но ничего особеннаго; за то приготовляюсь къ „Нападенію Инквизиціи на евреевъ".

Простите, что на этотъ разъ такъ мало пишу, въ другой разъ буду побольше марать, а теперь работаю, модель ждетъ.

Пожалуйста, скажите мнѣ, какъ находитъ Горацій Осиповичъ „Спинозу"? Какъ вамъ нравится, я не спрашиваю, такъ какъ вы не особенно одобряете его.

Я очень удивляюсь, что отъ Гор. Ос. нѣтъ ни слова въ отвѣтъ— значитъ и ему тоже не совсѣмъ нравится. Ну, что дѣлать?... Буду утѣшаться тѣмъ, что въ свое время и самъ „Спиноза" былъ не понятъ.

327. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Парижъ, весна 1882 г.

У васъ въ Москвѣ теперь большое движеніе—выставку открываютъ; надѣюсь, что вы скажете мнѣ, что тамъ будетъ хорошаго и какое впечатлѣніе сдѣлаетъ на васъ художественный отдѣлъ, хорошъ-ли свѣтъ, и какъ мои работы выставлены. А какъ я жалѣю, что онѣ выставлены—зачѣмъ колоть глаза кому-бы то ни было? Вотъ ужъ давно у меня въ мастерской находится „Петръ I-й" изъ бронзы; въ этомъ матеріалѣ онъ во сто разъ лучше; притомъ у меня оконченъ и „Спиноза". Вы-бы и не узнали его, и однако-же я не только не послалъ ихъ на Московскую выставку, но даже не послалъ въ здѣшній „Salon". Многіе говорятъ, что это просто моя фантазія, но вы не можете себѣ представить, до чего мнѣ досадно на здѣшнихъ художниковъ, а на скульпторовъ въ особенности. Надо сказать, что во французскомъ искусствѣ вообще преобладаетъ форма, техника, виртуозность, а по-моему все это только средства для искусства, и оттого при всемъ этомъ нѣтъ ни содержанія, ни души творчества. Но, что обиднѣе всего, это, что ни одинъ художникъ, ни один критикъ не остановился на вопросѣ, откуда искусство явилось, чего оно хочетъ отъ жизни, и куда ему надо идти, т.-е. какой идеалъ у него былъ и какой долженъ быть. Если вы спросите у лучшихъ художниковъ, всѣ они отвѣтятъ по рутинному шаблону, что „мы создаемъ" и что „есть созданіе, есть искусство". „Если мы создаемъ новый оригинальный рисунокъ, то это и есть искусство". Конечно, они правы, если разъ они не чувствуютъ и не хотятъ вложить душу въ искусство, то тогда искусствомъ можно назвать все, все, въ томъ числѣ и индустріальную промышленность, однимъ словомъ все, что щекочетъ глаза и не трогаетъ душу.

Какъ я былъ радъ недавно перечесть письма Иванова; мнѣ кажется, что онъ и до сихъ поръ стоитъ одиноко, и врядъ-ли кто такъ глубоко и искренно думалъ, какъ онъ. Помните-ли вы мѣсто, когда онъ ѣдетъ въ Лондонъ, чтобы увидаться съ Герценомъ, и что Герценъ говоритъ о немъ. Что это за глубокая, святая душа! И вмѣстѣ съ тѣмъ, это исповѣдь для всѣхъ художниковъ. А здѣсь художники такіе

безсодержательные! За то — съ огромнымъ вкусомъ. Они навѣрное посмѣялись-бы надъ чистыми словами Иванова.

Ну, довольно объ этомъ. Тамъ добро, гдѣ насъ нѣтъ. И вотъ, благодаря этому, я опять думаю о переселенiи въ Италiю, но только во Флоренцiю. Хочу это сдѣлать, во-первыхъ, потому, что усталъ быть подъ шумомъ вѣтряныхъ мельницъ; во-вторыхъ, жизнь очень дорога здѣсь, а будущность моя очень мрачна. Я ни на что не надѣюсь, да мнѣ и ничего не нужно, кромѣ возможности заниматься чистымъ искусствомъ (лишь не заказы). Вотъ почему я хочу во Флоренцiю, жизнь тамъ дешевле, да притомъ меня тамъ больше знаютъ и цѣнятъ. Такимъ образомъ мнѣ легче тамъ будетъ развивать мой новый родъ искусства, и не буду я тамъ одинъ воинъ въ полѣ, какъ здѣсь.

328. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, получено 9 мая 1882 г.

Теперь я изъ всѣхъ силъ бьюсь, чтобы собрать деньги и поѣхать во Флоренцiю, собственно потому, что тамъ дешево жить, и жить, да работать чисто для искусства. Живя здѣсь, я ничего не сумѣю сдѣлать.

Еще не отвѣчалъ мнѣ до сихъ поръ Беггровъ, у котораго я просилъ, чтобы онъ передалъ всѣ мои работы, находящiяся у него, Саввѣ Мамонтову, просто потому, что моихъ работъ никто не покупаетъ теперь, и я не желаю, чтобы онѣ занимали у него мѣсто, да притомъ-же не желаю, чтобы онѣ кому-бы то ни было мозолили глаза. И отъ него никакого отвѣта!

У меня новостей нѣтъ. Работаю, но пока безъ результата. Однако надѣюсь, что и результатъ будетъ, лишь-бы деньги, да вонъ изъ Парижа.

Съ какимъ удовольствiемъ я прочиталъ письма Иванова! Я очень и очень благодаренъ вамъ за то, что вы доставили мнѣ возможность ихъ перечитать. Сегодня же пишу М. П. Боткину и поблагодарю за книгу,—поздно, что дѣлать, но лучше поздно, чѣмъ никогда.

Я сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ эскизовъ, только взяться за нихъ теперь невозможно.

Пожалуйста, не скупитесь на письма, а то опять вползу въ свою раковинку, какъ улитка, и перестану писать всѣмъ. Будьте здоровы.

Пожалуйста не сердитесь и не удивляйтесь, что я пишу вамъ о моихъ дѣловыхъ дрязгахъ, денежныхъ дѣлахъ,—но вѣдь на то-же вы другъ, вы должны все выслушивать.

329. Къ нему же.

Парижъ, 16 (28) iюня 1882 г.

Очень, очень виноватъ передъ вами, въ особенности тѣмъ, что вы прислали мнѣ книги и газеты, а я-то даже и не поблагодарилъ васъ. Но, право, самъ не знаю, что со мною стало? Должно быть,

что я уже черезчуръ хорошій и вѣрный барометръ, и такъ какъ погода у насъ странно перемѣнчивая, непостоянная, то я уже заранѣе знаю объ этомъ—нервы не даютъ мнѣ покоя. И это дошло до того, что я даже захворалъ: со мною въ одинъ день сдѣлалось что-то такое, что я въ первый разъ подумалъ—„Ну, капутъ!“ Однако-же этого не случилось, за то я прохворалъ двѣ недѣльки, раньше чѣмъ совсѣмъ оправился. Я не работаю, за то проектовъ, плановъ у меня масса въ головѣ. И одинъ другому, къ сожалѣнію, мѣшаетъ: сегодня я думаю объ одномъ, завтра уже о другомъ, послѣ-завтра—о третьемъ и т. д. При этомъ не хочется начинать что-нибудь серьезное передъ отъѣздомъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень досадуешь на себя, что ничего не дѣлаешь. А что дѣлать? Просто руки не поднимаются, когда видишь кругомъ такое равнодушіе къ скульптурнымъ произведеніямъ. Кому они нужны теперь? При этомъ я нахожусь въ нѣсколько исключительномъ положеніи: здѣсь я чужой, а въ Россіи я нѣчто еще хуже, чѣмъ чужой, а именно—еврей. Притомъ, ни здѣсь, ни гдѣ-бы то ни было, я не хочу плавать въ общемъ теченіи, ни идти по стоптанной дорожкѣ, ни плясать по чьей-бы то ни было дудочкѣ. Ну, конечно, такіе люди могутъ найти только единичное сочувствіе, но въ массѣ они не терпимы, и, что хуже всего, на нихъ не обращаютъ даже вниманія.

Но хуже и этого то, что финансы начинаютъ меня мучить: послѣ моей студенческой жизни, здѣсь случается со мною это въ первый разъ, и знаете, благодаря кому?—Одному моему сердечному другу. Мнѣ была заказана статуя „Петра“ изъ мрамора. Я привезъ его изъ Петербурга, вновь передѣлалъ его, на что потерялъ новыхъ 4 мѣсяца, при этомъ около 5000 франковъ, и статуя до сихъ поръ стоитъ себѣ, вотъ уже второй годъ—и ничего.. Писалъ я заказчику, просилъ денегъ разъ, два, послалъ телеграмму, еще телеграмму съ оплаченнымъ отвѣтомъ, а отвѣта нѣтъ, какъ нѣтъ... А между тѣмъ денегъ-то надо до зарѣзу, и неоткуда ихъ брать. Хотѣлъ-было заложить нашъ домъ, но это—процедура длинная, проценты страшные, да теперь и время такое, что даже не охотно даютъ деньги подъ закладъ дома. А между тѣмъ тутъ столько денегъ выходитъ, и мы до того не умѣемъ жить, что просто страшно становится за будущее. Дѣлать нечего, надо ретироваться назадъ, то-есть уѣхать въ Италію, тѣмъ болѣе, что это давнишнее мое желаніе.

Тамъ, по крайней мѣрѣ, на половину менѣе страшно живется, потому что тамъ, въ особенности во Флоренціи, въ половину дешевле, чѣмъ здѣсь, да притомъ Парижъ не по душѣ мнѣ, ни ихъ жизнь, ни ихъ искусство. У нихъ все форма и это—главное, а для меня нѣтъ формы безъ содержанія, какъ и содержаніе не должно быть безъ формы. Для нихъ высшее искусство—это декоративное, а для меня это—искусство второстепенное, если не третьестепенное. Въ ихъ искусствѣ, за немногими исключеніями, нѣтъ духовной стороны—души, а для меня душа—главное въ искусствѣ. Ихъ искусство, главное—для глазъ только, а для меня глазъ только проводникъ, а главное—

душевное—чувство. Правда, въ одиночныхъ художникахъ я нахожу сочувствіе къ моимъ работамъ, но для массы я—совсѣмъ чужой. Наконецъ, чтобы имѣть здѣсь извѣстность, совсѣмъ недостаточно одного таланта, хоть какой-бы онъ тамъ ни былъ: надо при этомъ нѣкоторую ловкость, шарлатанство, и, скажу еще больше—безчестность, а всего этого я или не могу, или не хочу, хоть руки рѣжьте, не могу и не хочу!

Разсудите сами, создаю-ли я самъ себѣ одинокое положеніе, или же дѣйствительно я нахожусь въ странномъ положеніи, помимо своей воли? Надо прибавить, что у меня въ Петербургѣ находились нѣкоторыя мои работы; теперь я убавилъ на половину цѣны, раньше одинъ меценатъ желалъ купить одну изъ этихъ работъ, но когда я ему чистосердечно сказалъ, что продаю теперь на половину меньше, чѣмъ онъ думалъ, то я даже и отвѣта не получилъ. Должно быть онъ подумалъ: „Эге! Какой-же ты важный художникъ, если у тебя никто не покупаетъ, даже за половину цѣны! И какой-же ты важный человѣкъ, когда тебѣ нужно денегъ! А если такъ, то можно съ тобою и не церемониться: не только не покупать, но даже и не отвѣчать“. Ну, онъ и не отвѣтилъ. Должно быть, что въ самомъ дѣлѣ курсъ мой очень низко стоитъ вездѣ, и въ Россіи въ особенности.

Ну, довольно. Видите, какой я эгоистъ, все время говорю только и только о себѣ и своихъ дѣлахъ. Да что-же мнѣ говорить? Правда, очень много думаешь обо всемъ, но есть-же время, когда по необходимости свое „я“ выступаетъ впередъ, какъ-бы мизерно оно ни было, и тогда право ни о чемъ не хочешь разсуждать и философствовать.

Сегодня или завтра уѣзжаю въ Италію на нѣсколько дней; потомъ ѣду прямо въ Cauterets, тамъ пробуду недѣльки три, и затѣмъ спущусь въ St.-Jean de Luz, гдѣ будетъ жить семейство мое.

330. Къ С. И. Мамонтову.

Biarritz, 17 (31) іюля 1882 г.

Дорогой мой старикъ Савва Ивановичъ! Говорить о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ тѣхъ ужасныхъ несчастій, которыя преслѣдуютъ Россію за послѣдніе дни, кажется мнѣ непростительнымъ. Но при этомъ невольно вспоминается мнѣ маленькій анекдотъ: „Разъ панъ разсердился на своего мужичка, и сталъ его сѣчь. Мужичокъ молчитъ. Панъ сталъ его больше сѣчь. Мужичокъ все молчитъ. Тогда пана взяло любопытство, отчего мужичокъ молчитъ, и онъ заглянулъ ему въ лицо. И что же онъ увидѣлъ? Мужичокъ преспокойно грызетъ корку хлѣба. „Что ты дѣлаешь?“ яростно закричалъ на него панъ, но мужичокъ отвѣтилъ ему: „А что, какъ пану угодно будетъ бить меня цѣлый день, то я все буду не ѣвши?“

И, правду сказать, если-бы мы все подрядъ принимали къ сердцу, право, намъ сердца давно-бы ужъ не хватило. Вначалѣ волнуешься, страдаешь, изнываешь, но не успѣешь оглянуться, какъ еще и еще новыя бѣды обрушиваются на тебя, и подъ этими ударами начинаешь утомляться.

чувство какъ-то притупляется, и поневолѣ начинаешь соглашаться съ мужикомъ. А впрочемъ, если кто не согласенъ съ нимъ, то это значитъ, что онъ недостаточно настрадался еще. Что-же касается меня, то я очень радъ, когда могу хоть на время обмануть кошмаръ, давящій меня вотъ уже болѣе года, и говорить о чемъ угодно, только, Бога ради, не о злобѣ дня. Какъ меня ни возмущаютъ разныя желѣзнодорожныя катастрофы, морскія крушенія, но во сто тысячъ разъ больше возмущаетъ меня то, что болѣе ужасныя катастрофы, лишь въ другихъ формахъ, совершаются вокругъ насъ, благодаря человѣческой глупой подлости.

Но довольно. Не хочу душу свою разстраивать для того, чтобы пѣть людямъ о своей ненависти къ нимъ. Если люди не понимаютъ человѣческихъ обязанностей и идутъ во имя Христа противъ Христа, возбуждаютъ у темныхъ людей самые низкіе инстинкты, учатъ грабить, жечь, насиловать дѣтей на глазахъ матери, если имъ это позволяетъ религія, совѣсть, законъ...

Ахъ, развѣ только это творится у насъ! Но довольно—подальше отъ нихъ! Мы-же не должны подражать имъ: напротивъ, мы должны стараться идти своей дорогой и за зло платить добромъ, тѣмъ болѣе, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей, и нельзя-же за нѣсколькихъ винить всѣхъ огуломъ.

Правда, мой послѣдній девизъ былъ: „не цѣловать палку, которая тебя бьетъ", но бьютъ-же злые, подлые люди и тѣмъ самымъ портятъ себя еще больше.

И такъ, впередъ, впередъ, во имя всего лучшаго для человѣка, впередъ, пока ты живъ!

Послушайте, мой добрый старикъ, мнѣ хотѣлось поговорить съ вами объ одной идеѣ, которая меня занимаетъ вотъ уже восемь лѣтъ, а именно, о развитіи въ народѣ вкуса, о поднятіи въ Россіи индустріальнаго искусства. Много я думалъ объ этомъ, много наблюдалъ и изучалъ, и съ каждымъ годомъ все больше и больше убѣждаюсь въ необходимости разбудить народное творчество, которое до сихъ поръ почти еще не тронуто. Если Россія хочетъ быть членомъ европейской семьи или равной ей, то она должна идти одинаково прогрессивно во всемъ, какъ въ наукѣ и искусствѣ, такъ и въ индустріи.

Правда, въ послѣднее время было создано много ремесленныхъ школъ, и даже двѣ-три художественно-ремесленныя школы, но первыя даютъ только возможность не голодать, а вторыя ровно ничего не сдѣлали дальше маіолики. Далѣе этого ничто не идетъ.

А впрочемъ, лучше взглянемъ на факты. Раньше всего позволю себѣ разсказать хоть вкратцѣ о причинѣ моего интереса къ данному дѣлу въ настоящее время. Планъ мой о развитіи вкуса въ народѣ я давно предлагалъ разнымъ лицамъ,—я тогда писалъ груды плановъ и проектовъ о томъ, чтобы съ наименьшей тратой денегъ, съ наибольшей экономіей времени, осуществить эту идею. Тогда я даже добился того, что меня просили составить докладную записку, и обѣщали представить меня министру народнаго просвѣщенія, но, сознаюсь откро-

венно, хлопотать я не умѣю, а хорошо знаю, какое значенiе имѣетъ докладная записка безъ хлопотъ. Кромѣ того, я ясно видѣлъ, что меня не понимаютъ.

Когда я сталъ излагать свои идеи разнымъ лицамъ, стоящимъ во главѣ этого дѣла, всѣ они отвѣчали мнѣ приблизительно слѣдующее: „Куда народу вкусъ, когда онъ грамоты еще не знаетъ“. — „Но вѣдь одно не мѣшаетъ другому“, замѣтилъ я. „Нѣтъ, мѣшаетъ, и даже очень мѣшаетъ; что можетъ сдѣлать необразованный человѣкъ?“ Остается невѣждою! Если-бы они понимали то дѣло, которымъ руководятъ, то сознавали-бы, что вкусъ съ образованiемъ могутъ создать чудеса, и одно другому не только не мѣшаетъ, но даже сильно помогаетъ. Они увидали-бы, что дать ремесленнику образованiе—значитъ перенести центръ тяжести съ ремесла въ науку. Теперешнiе французскiе ремесленники, безъ сомнѣнiя, образованы, но исключительно въ своей спецiальности, т.-е. каждый ремесленникъ почти доскопально знаетъ всякiй стиль, когда онъ явился, кѣмъ и почему онъ былъ созданъ; притомъ всѣ они владѣютъ въ совершенствѣ не только техникой своего дѣла, но и карандашомъ, а потому почти каждый изъ нихъ артистъ своего дѣла, онъ работаетъ, и тутъ онъ творитъ. Вотъ почему у нихъ на такой высокой ступени стоитъ индустрiальное производство. А благосостоянiе ихъ всякому извѣстно. Прибавлю еще, что совершенство ихъ ремесла зависитъ еще и отъ того, что у нихъ каждая спецiальность подраздѣляется на еще болѣе мелкiя развѣтвленiя.

А у насъ какъ?

Года три тому назадъ, мнѣ удалось заинтересовать моей идеей одного богатаго человѣка, и, благодаря совершенно случайному обстоятельству, этотъ богачъ вызвался содержать въ Парижѣ 4-хъ стипендiатовъ, которые и были присланы изъ лучшей школы въ Россiи, т.-е. изъ ремесленной школы покойнаго Цесаревича. Цѣль моя тутъ была: поднять уровень индустрiальнаго художества, и для этого я предлагалъ образовать въ Парижѣ нѣчто въ родѣ института, куда-бы прiѣзжали лучшiе ученики изъ ремесленныхъ русскихъ школъ, для усовершенствованiя, подобно тому, какъ это дѣлается съ художниками. Тогда побывавшiй въ такомъ институтѣ ремесленникъ могъ-бы стать учителемъ подобнаго заведенiя въ Россiи.

И вотъ, для опыта подобнаго нововведенiя, прiѣхали въ Парижъ 4 ученика стипендiата, присланные, какъ лучшiе ученики своей школы; они стали подъ мое наблюденiе; очень живое участiе въ этомъ принималъ и А. П. Боголюбовъ. Спрашиваю я у нихъ: чѣмъ они занимаются, что они умѣютъ дѣлать.—„Мы? все понемножку“. То-есть какъ все!?“ „Мы учились много“... „Постойте“ перебилъ я, „скажите порядкомъ, чему вы учились?“

И дѣйствительно, они многому учились, и по вѣрному вычисленiю оказалось, что изъ шести лѣтъ занятiй въ школѣ они лишь полтора года изучали ремесла, а остальное время другiе предметы. Но этого мало. Кромѣ ихъ спецiальности, они должны были знать еще

два побочныя ремесла, т.-е., будучи столяромъ, надо было знать еще токарное ремесло и быть рѣзчикомъ; будучи слесаремъ, знать литейное дѣло и механику вообще.

Между прочимъ, замѣтьте, что въ программу ихъ образованія не вошелъ ни одинъ такой предметъ, какъ исторія индустріи, изученіе химіи и т. п. Такимъ образомъ, они пріѣхали сюда образованными, но въ ремеслѣ круглыми невѣждами.

Поневолѣ вспомнилъ я господъ чиновниковъ, въ звѣздахъ, ревностно хлопотавшихъ о благѣ родины.

О Русь, Русь, когда-то ты, наконецъ, сознаешь, что ты ничего не знаешь?!

Знаютъ-ли эти господа, что, напримѣръ, въ средніе вѣка были менѣе образованы ремесленники, чѣмъ нынѣшніе французы, и однакоже это имъ не мѣшало еще лучше работать, въ особенности создавать. Да, скверно, когда къ наукѣ подходятъ чувствомъ, а къ искусству умомъ, да и вообще скверно, когда вещь стоитъ не на своемъ мѣстѣ.

Возвращусь къ разсказу объ ученикахъ.

Благодаря извѣстному казенному методу преподаванія, каждый ученикъ старается получше надуть своего учителя, и чѣмъ больше онъ успѣваетъ въ этомъ, тѣмъ бо́льшимъ хватомъ считается онъ среди своихъ товарищей. Благодаря этому, мы вначалѣ были введены въ заблужденіе. Они просто получали деньги на свое содержаніе (а содержаніе у нихъ было, какъ у художниковъ-пенсіонеровъ), но работать вовсе не хотѣли. Когда мы узнали объ этомъ, мы устроили надъ ними контроль. Но и это мало помогло.

Одинъ даже работалъ всего 8 дней въ мѣсяцъ; когда стали ихъ упрекать и стращать, что отошлемъ ихъ обратно, они впали въ амбицію. Одинъ отвѣтилъ, что онъ достаточно обезпеченъ изъ дому, что вовсе не желаетъ продолжать ремесло, такъ такъ чувствуетъ призваніе къ высшимъ наукамъ, и просилъ отослать его обратно на родину, гдѣ онъ и попалъ въ среду нигилистовъ и былъ осужденъ (кажется, на вѣчную каторгу). Второй изъявилъ нежеланіе продолжать изученіе того ремесла, которое онъ себѣ избралъ, потому что, будучи сыномъ художника Пожалостина, онъ чувствуетъ въ себѣ потребность посвятить себя болѣе художественной отрасли; на это онъ и получилъ разрѣшеніе отъ правленія школы. Третій, болѣе добросовѣстный, къ сожалѣнію, умеръ, а четвертый, способный рѣзчикъ, просто лѣнился. Вначалѣ онъ жаловался, что ему даютъ дѣлать все одно и то-же, но вскорѣ онъ и самъ убѣдился, что не умѣетъ лучше работать. При этой исторіи мы немало навозились, такъ какъ они уходили изъ мастерскихъ, несмотря на то, что мы отдали ихъ въ лучшія мастерскія, и принятіе ихъ туда стоило намъ большого труда и хлопотъ.

И послѣ всего этого, станутъ навѣрное обвинять во всемъ Парижъ и вообще всѣхъ, кого угодно, лишь-бы не себя!

Но во всякомъ случаѣ это не страшитъ меня, и если первый блинъ былъ неудаченъ, то вообще не слѣдуетъ опускать рукъ. На-

противъ, надо изучить дѣло, и неудобства устранить, а неудобства эти я видѣлъ съ перваго же раза. Если-бы мнѣ было поручено вести это дѣло по-своему, то никогда бы я не допустилъ посылать учиться учениковъ, не знающихъ ни одного иностраннаго языка, хоть первоначально. Необходимо посылать такихъ, которые уже нѣсколько лѣтъ на практикѣ, въ серьезности которыхъ и преданности дѣлу, которому они себя посвятили, можно было-бы уже убѣдиться, а не присылать мальчиковъ, только-что оторвавшихся отъ школьной скамьи.

Но главное, за это дѣло, т.-е. за устройство школъ, должны браться специалисты, которые знаютъ и любятъ свое дѣло, и притомъ люди съ развитымъ вкусомъ, а не доморощенные самородки, крикуны, или чиновники со звѣздами.

Сознавая свою силу въ этомъ направленіи и зная, что теперь скорѣе отзовутся на мой призывъ евреи, благодаря гоненіямъ, которымъ они подвергаются, мнѣ хотѣлось извлечь изъ настоящаго положенія дѣла извѣстную пользу. И вотъ я ухватился за мысль образовать въ Парижѣ общество, состоящее изъ членовъ, цѣлью которыхъ было бы развитіе среди евреевъ ремесла, а среди ремесленниковъ— изящнаго вкуса. Это было-бы превосходно, съ одной стороны потому, что среди нихъ увеличилось-бы число дѣльныхъ и притомъ честныхъ тружениковъ, которые были бы, слѣдовательно, внѣ всякаго обвиненія въ эксплуатаціи, въ чемъ теперь обвиняютъ всѣхъ ихъ такъ огульно.

Во-вторыхъ, это сдѣлало бы изъ нихъ людей менѣе чувствительныхъ ко всякимъ напастямъ и преслѣдованіямъ, такъ какъ дѣльный ремесленникъ вездѣ можетъ найти себѣ хлѣбъ. А что евреи будутъ еще преслѣдуемы, все равно, на какомъ поприщѣ они бы ни стояли, это вѣрно, и это говоритъ вамъ еврей-художникъ, изучившій хорошо барометръ человѣка и направленіе вѣтра.

Казалось бы, что это осуществимо, но представьте себѣ, что и тутъ я встрѣтилъ разныя катушки, подбрасываемыя подъ ноги. Я, право, не знаю, какая фатальность меня преслѣдуетъ. Очень можетъ быть, что всѣ планы мои и проекты дѣйствительно только того и заслуживаютъ, чтобы разбиваться, словно маленькія волны объ огромную скалу, а можетъ быть и то, что всѣ эти проекты являются раньше времени, и потому не привлекаютъ сочувствія къ себѣ.

Но я все-таки не падаю духомъ, и буду буравить до тѣхъ поръ, пока не доберусь до сознанія необходимости понять это дѣло и помочь ему.

Какъ только возвращусь въ Парижъ, я опять вооружусь терпѣніемъ и начну всѣмъ надоѣдать этимъ. А впрочемъ и теперь я уже заинтересовалъ нѣкоторыхъ людей.

Но независимо отъ этого, мнѣ хотѣлось-бы сказать вамъ, дорогой мой старикъ, слѣдующее.

По моему глубокому убѣжденію, вмѣсто того, чтобы тратить столько милліоновъ и труда на устройство всякихъ школъ, лучше было-бы, если бы нашлись въ Москвѣ люди дѣятельные и образовали-бы

общество съ извѣстнымъ капиталомъ. Цѣлью этого общества должно было-бы быть—образовать и развивать художественное ремесло, а также и вкусъ среди рабочей массы. Для этого надо было-бы устроить не школы, а мастерскія, какъ-то: мебельную, обойную, бронзолитейную, стеклянную (для устройства оконъ съ цвѣтными стеклами), потомъ переплетную и т. д. Общество получаетъ 10% съ дохода, а остальныя деньги идутъ на расширеніе этого дѣла, какъ-то: на посылку достойныхъ ремесленниковъ за границу для усовершенствованія, на образованіе музеевъ, на изданіе на русскомъ языкѣ разныхъ касающихся данной отрасли художественныхъ журналовъ и т. д.

Что это можетъ быть великимъ благомъ для всей Россіи, въ этомъ я глубоко убѣжденъ, а что этому обществу предстоитъ колоссальная будущность, я въ этомъ тоже не менѣе убѣжденъ. Это не фраза, а моя глубокая увѣренность, послѣ долгаго изученія какъ этой отрасли, такъ и почвы, на которой я предлагаю ее развивать.

Притомъ-же не забудьте, что я самъ былъ 10 лѣтъ ремесленникомъ.

Но, повторяю, надо, чтобы взялись за это дѣло люди достойные, честные, безкорыстные и съ сознаніемъ.

Я, дорогой Савва Ивановичъ, предлагаю вамъ начать это. Вы можете созвать такихъ-же, какъ вы, людей. У васъ есть любовь къ доброму и полезному дѣлу; у васъ есть и время, и знаніе, и въ особенности административныя способности, а главное—душа художника. За чѣмъ-же дѣло можетъ стать? Если только за деньгами, то вы имѣете достаточное вліяніе на людей, чтобы они откликнулись на вашъ зовъ.

Мнѣ кажется, что на это откликнутся не только частные люди, но самъ городъ и правительство. Вѣдь вотъ, получаетъ же Барбедьень въ Парижѣ больше полумилліона субсидіи ежегодно. Но сто тысячъ разъ повторяю, что за это дѣло должно браться только людямъ серьезнымъ, къ которымъ имѣли-бы всѣ довѣріе, да притомъ сами эти люди должны быть преданы своему дѣлу душой и тѣломъ, иначе оно будетъ испорчено въ самой своей основѣ.

Конечно, лишнее сказать, что если образуется такое общество, я готовъ служить всѣмъ, чѣмъ только могу, и если понадобится въ первомъ году по художественной части мое присутствіе, я охотно пріѣду.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что мнѣ будетъ очень жаль, если вы, по обыкновенію, заставите меня ждать вашего отвѣта черезчуръ долго, а главное, если вы не первый примете въ этомъ дѣлѣ участіе.

Хотѣлось-бы мнѣ сказать вамъ что-нибудь о себѣ, но, право, жизнь состоитъ изъ такихъ мелочей, о которыхъ и говорить не стоитъ. Я всегда радъ, когда удается не говорить о себѣ.

А впрочемъ это рѣдко случается, что часто огорчаетъ меня.

Мы часто говоримъ о васъ, а я сожалѣю, что не могу васъ втянуть въ любовь къ старымъ вещамъ. Это благородная страсть, вообще очень полезная, а для изученія Россіи въ особенности.

Предложилъ-бы я вамъ хоть собрать коллекцію переплетовъ, а также коллекцію матерій. Представьте себѣ, вѣдь у насъ-бы меня высмѣяли, если-бы я разсказалъ, что существовали переплетчики-художники! Что-же касается до матерій, то г. Сапожниковъ скажетъ вамъ, какъ это полезно для индустріи, а художники подтвердятъ вамъ, какъ это важно для развитія вкуса вообще. А между тѣмъ какъ тѣ, такъ и другіе предметы пока еще не очень трудно пріобрѣтать, въ особенности мнѣ, живя въ Парижѣ, и пріобрѣтать не очень дорого. Но старинныя вещи не имѣютъ своего неисчерпаемаго источника; напротивъ, съ каждымъ годомъ становится ихъ все меньше и меньше, а желающихъ пріобрѣтать ихъ все больше и больше.

Я забылъ сказать, что мысль объ основаніи въ самомъ сердцѣ Россіи, т.-е. въ Москвѣ, художественнаго разсадника, навѣяна была мнѣ разговоромъ съ г. Чекаловымъ, который находится здѣсь. Онъ говорилъ мнѣ, что желалъ-бы устроить въ Москвѣ столярную мастерскую.

Въ заключеніе прибавлю маленькую... нѣтъ, большую просьбу, съ которой давно собирался обратиться къ вамъ, но не обратился до сихъ поръ потому, что всякая просьба всегда связываетъ мнѣ языкъ; вотъ почему я все ее и откладывалъ.

Дѣло тутъ все о томъ же инженерѣ г. Z. Скажу вамъ по секрету правду: я теперь даже и не припоминаю, въ чемъ именно состоитъ его просьба. Ко мнѣ такъ давно обратились съ нею, что я успѣлъ забыть ея содержаніе, и теперь замѣняю ее своей собственной: будьте такъ великодушны, спросите у него самого, и если можете удовлетворить его просьбу, то сдѣлайте это, все равно, что для меня самого. Что прикажете дѣлать? Рука руку моетъ. Родственникъ его много хлопочетъ безвозмездно, прямо по дружески для меня, и я очень, очень радъ возможности что-нибудь сказать въ его пользу, если удастся сдѣлать для него что-нибудь.

Еще одна просьба.

Ради Бога, простите, что столько безпокою васъ этимъ, и еще простите, что пишу вамъ такъ много.

Я слышалъ, что скоро у васъ будетъ своя церковь. Очень радъ! Молитесь за меня, грѣшнаго еретика. Я также слышалъ, что вы намѣрены крестить всѣхъ еретиковъ; очень радъ, что въ спискѣ ихъ меня нѣтъ, значитъ гласъ народа гласъ Божій—я не еретикъ!

Цѣлую васъ всѣхъ отъ души и крѣпко, очень крѣпко, до боли, обнимаю васъ. Что наша выставка?

Сожалѣю, что не удалось мнѣ побывать въ Абрамцевѣ и что-нибудь сдѣлать для церкви.

331. Къ В. В. Стасову.

Biarritz, 20 іюля (1 августа) 1882 г.

Спѣшу отвѣчать на ваше письмо, которое только что получилъ. Раньше всего я долженъ сказать, что я очень, очень сожалѣю, что не

зналъ дня вашихъ именинъ, какъ не знаю и своего. Надо сказать, что только разъ въ своей жизни я праздновалъ свой подобный день: это было, когда я кончилъ „Христа", и праздновалъ это такъ, ради курьеза, потому что мнѣ тогда было ровно столько же лѣтъ, сколько и Христу—33. Послѣ же этого, я опять позабылъ. А впрочемъ это не оправданіе: надо сказать правду, что я ужъ очень безалаберный и беззаботный въ этомъ отношеніи человѣкъ. Какъ-бы то ни было, спѣшу пожелать вамъ еще многіе, многіе годы, а главное—добраго здоровья, годы работы въ пользу всего того, что вамъ дорого. Желаю вамъ этого отъ всей души, какъ теперь, такъ и всегда.

Вы сожалѣете, что я не сдѣлалъ бюсты: ни Мусоргскаго, ни Гартмана. Я тоже сожалѣю, но, Боже мой, развѣ только объ этомъ приходится сожалѣть, когда оглядываешься назадъ на пройденное? Къ сожалѣнію, всегда жалѣешь, когда примешься поправлять свои ошибки. Прудонъ говоритъ, что раскаянье является всегда послѣ глупости—это совершенная правда, но сожалѣніе является послѣ неудачи, совершенно независимо отъ глупости, и отъ мудрости.

Вы хорошо знаете, что судьба бросила меня далеко отъ Россіи, и, конечно, дѣлать бюсты за глаза—невозможно, а теперь дѣлать послѣ смерти (Гартмана) не хочу. Что же касается до другихъ бюстовъ, которые я сдѣлалъ ради денегъ, то мнѣ тогда ничего другого не оставалось. Что прикажете дѣлать? Не ласкаетъ меня моя родина.

Послѣ успѣха въ Парижѣ въ 78 году, мнѣ казалось, что для будущаго я буду обезпеченъ, по крайней мѣрѣ настолько, что не буду больше думать о завтрашнемъ днѣ. Всѣ мои товарищи по успѣху, когда они возвратились на родину, дѣйствительно, все получили: ихъ приняли съ радостью, а меня—съ завистью, точно какой-то колоссальный вредъ я имъ сдѣлалъ, до того злобно они относились ко мнѣ еще во время выставки. Когда я потратилъ цѣлую зиму, большія деньги и здоровье, и пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы показать свои десятилѣтніе результаты, что Россія тогда сдѣлала для меня? Ничего,—всѣ шавки лаяли, и всѣ порядочные люди молчали. Но этого мало: послѣ всѣхъ хлопотъ я усталъ, простудился и сталъ харкать кровью: такъ вотъ, что я получилъ отъ Россіи. А знаете-ли вы, дорогой мой дядя, что послѣ этой выставки я не получилъ съ Россіи ни полгроша за работы и за столько-же я не продалъ ни одной изъ тѣхъ работъ, которыя оставилъ въ Россіи для продажи. Такъ что, вотъ послѣ столько времени я принужденъ былъ взять ихъ обратно. А вѣдь жить-то надо, и жизнь въ Парижѣ ужъ больно кусается. Ну, послѣ этого, я спрошу, что другіе-бы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Клянчить у знакомыхъ, какъ я дѣлаю это теперь, и то еще свои заработанныя деньги? О, если бы вы знали, какъ это мнѣ отвратительно, какъ эта нищенская жизнь мнѣ противна теперь! Это напоминаетъ мнѣ то время, когда я былъ ученикомъ, и за пять рублей долженъ былъ обивать пороги. Но теперь повторяется это-же самое только въ увеличенныхъ размѣрахъ. Вотъ, вѣдь прошу-же я теперь пенсію взамѣнъ моихъ работъ, и могу увѣрить, что и это мнѣ противно, потому что я ду-

малъ, что до этого никогда я не дойду, что талантъ мой достаточно обезпечитъ мою независимость, мою свободу дѣйствій.

А впрочемъ, насколько у меня есть чутья, то могу заранѣе сказать, что изъ всѣхъ хлопотъ А. П. Боголюбова ничего не выйдетъ, и поэтому я питаю мало надежды [1]).

Чтобы покончить съ іереміадами, которыя я поднялъ, благодаря тому, что вы затронули мое больное мѣсто, я долженъ прибавить, что наконецъ-то я получилъ изъ Россіи отвѣты на мои требованія уплатъ, и деньги 2000 франковъ.

...Ну, теперь о дѣлѣ уже не матеріальномъ, но важномъ. Сожалѣю, что конгрессъ не можетъ состояться. Сознаю, что поздно, но не сознаю, что если-бы онъ состоялся, то былъ-бы столько-же безплоденъ, какъ всѣ европейскіе конгрессы. Мнѣ кажется, что русское поле, въ особенности въ области искусства, менѣе обработано, и потому каждое дѣйствіе, даже слово, были-бы болѣе замѣтны, врѣзались-бы глубже. Но теперь уже поздно, и нечего говорить. А впрочемъ, я говорилъ объ этомъ еще въ началѣ зимы, но встрѣчалъ такія холодныя вытянутыя лица, что самъ отсталъ. Скоро потомъ я увлекся работой и всѣми гадостями, которыя мнѣ приходилось переживать за послѣднее время. И вотъ, только теперь, когда, такъ сказать, я немного перевелъ духъ, я опять принялся думать объ этомъ. Но теперь уже поздно, и потому больше говорить не будемъ.

За то у меня есть еще другой болѣе серьезный проектъ. О немъ я говорилъ не далѣе, какъ третьяго дня, на 28 страницахъ, и послалъ его къ Саввѣ Ивановичу Мамонтову. Авось удастся, что онъ приметъ въ этомъ дѣятельное участіе.

Дѣло въ сущности слѣдующее: вотъ уже десять лѣтъ меня занимаетъ идея о поднятіи вкуса среди народа, въ особенности среди рабочаго народа. Въ свое время я хлопоталъ объ этомъ у разныхъ богачей, которые меня не поняли, и потому мнѣ не сочувствовали. Мнѣ тогда хотѣлось создать цѣлую сѣть какъ-бы маленькихъ передвижныхъ выставокъ, которыя пересылались-бы изъ одной школы въ другую. Эти выставки должны были состоять изъ разныхъ фотографій, гравюръ и т. д., снятыхъ съ лучшихъ художественныхъ вещей; онѣ должны были-бы быть развѣшены тамъ, гдѣ дѣти учатся и отдыхаютъ. Такимъ образомъ, передъ ихъ глазами были-бы постоянно хорошіе образы и разъ въ дѣтствѣ они привыкали-бы видѣть хорошія вещи, то, конечно, потомъ не понравились-бы имъ дурныя. При этомъ я предлагалъ дарить на экзаменахъ картинки, рядомъ съ книгами. Но я шелъ еще дальше—я предлагалъ снять фотографіи съ лучшихъ нашихъ русскихъ произведеній, издавать ихъ по возможно дешевымъ цѣнамъ, и, если можно, то дѣлать обмѣны съ иностранными.

Но тогдашнія хлопоты мои были напрасны, въ особенности, когда

---

[1]) Антокольскій здѣсь ошибся: хлопоты А. П. Боголюбова оказались вовсе не безплодны: Антокольскому была назначена пожизненная пенсія въ 2000 рублей въ годъ, въ уплату за двѣ его статуи: «Сократа» и «Мефистофеля».

приходится еще мнѣ быть постоянно внѣ Россіи. Но вотъ, живя все время за границей, я все больше и больше убѣждаюсь въ необходимости этого. Художниковъ-мастеровъ у насъ вовсе нѣтъ, и навѣрное вы засмѣялись-бы даже, если-бы вамъ сказали, что въ среднихъ и древнихъ вѣкахъ были: слесаря-художники, переплетчики-художники, и даже стекольщики-художники! Вообще, народный геній—творчество не особенно быстро растетъ у насъ, развѣ только въ русскомъ стилѣ. Что-же касается всего остального, то почти всѣ фабриканты наши выписываютъ себѣ образцы изъ-за границы и копируютъ ихъ, уже не говоря о томъ, что почти ни одинъ ремесленникъ не знаетъ никакого стиля, ни характера, и не умѣетъ владѣть карандашомъ, и потому ничего не можетъ создать. Правда, въ послѣднее время создалось у насъ много школъ, и даже художественно-ремесленныхъ, но, Боже мой, какими зигзагами онѣ идутъ, и часто даже назадъ, то-есть вмѣсто пользы приносятъ чистый вредъ, въ особенности, когда взять въ соображеніе, сколько времени и денегъ на это теряется.

Не думайте, дорогой дядя, что я говорю это безъ данныхъ: нѣтъ, я говорю это послѣ того, что изучилъ на практикѣ всю эту несостоятельность. Объ этомъ подробно я писалъ третьяго дня, и потому не хотѣлось-бы мнѣ сегодня все это повторять вновь. Скажу вамъ только, что послѣ долгихъ мелкихъ неудачъ мнѣ удалось склонить (и то благодаря совершенно случайнымъ обстоятельствамъ) барона Гораса, и онъ взялся выписать на свой счетъ 4-хъ учениковъ изъ школы Цесаревича. Они и были все время подъ моимъ наблюденіемъ. Мнѣ хотѣлось образовать въ Парижѣ нѣчто въ родѣ института, куда присылали-бы лучшихъ учениковъ для усовершенствованія, какъ это дѣлается съ художниками; потомъ, возвращаясь обратно въ Россію, они могли-бы быть достойными учителями, или просто сами заводили-бы мастерскія, куда можно было-бы отдавать учениковъ въ обученіе.

И вотъ, тутъ пришлось мнѣ видѣть всю негодность подобныхъ школъ, и даже превратное вліяніе, которое онѣ имѣютъ на воспитанниковъ.

Конечно, результатомъ ихъ пребыванія за границей не могутъ оставаться довольны ни школа, ни баронъ Горацій, ни я, и если такъ дальше пойдетъ со всѣми остальными школами, то хоть закрывай ихъ.

Но вотъ теперь у меня явилась мысль: образовать общество въ Москвѣ, съ цѣлью развивать, среди народа и среди ремесленниковъ, вкусъ и всякаго рода техническія познанія. Это общество вноситъ свой капиталъ по паямъ, устраиваетъ нѣсколько художественно-ремесленныхъ мастерскихъ, какъ-то: мебельную, обойную, бронзово-литейную, слесарную, стеклянную (для цвѣтныхъ стеколъ) и переплетную. Общество получаетъ 10% изъ своихъ взносовъ, а остальной заработокъ (а онъ можетъ образоваться большой) идетъ на улучшеніе этого дѣла, какъ напримѣръ: на посылку лучшихъ подмастерьевъ за границу, на изданіе, на русскомъ языкѣ, художественно-ремесленнаго журнала, съ рисунками, и на разные музеи, касающіеся этого рода дѣятельности. При этомъ я, какъ художникъ, бывшій самъ десять лѣтъ ремеслен-

никомъ и столько-же лѣтъ изучавшій это дѣло, вездѣ предлагаю свои услуги, на первыхъ порахъ, пока оно крѣпко не установится само.

Могу васъ увѣрить, я глубоко убѣжденъ, что если только это дѣло осуществится, то это будетъ въ сто тысячъ разъ полезнѣе и грандіознѣе, чѣмъ всякія школы, стремящіяся къ этому-же, и на которыя тратится столько милліоновъ. Мнѣ еще кажется, что въ этомъ долженъ принять живое участіе самъ городъ, и даже правительство должно помочь насчетъ средствъ.

Я говорилъ раньше, что послалъ длинное письмо С. Мамонтову, съ цѣлью разбудить его, но, боюсь выговорить, русскій геній спитъ, потому что русскій человѣкъ спитъ, и потому сомнѣваюсь, способенъ-ли я разбудить кого-нибудь, хоть-бы сотнями писемъ, и потому обращаюсь къ вамъ—помогите этому дѣлу. Я глубоко убѣжденъ, что вы съумѣете въ сто разъ больше меня сдѣлать это. А что это дѣло колоссальное и осуществить его не трудно, въ этомъ я глубоко убѣжденъ, и не менѣе убѣжденъ, что въ васъ найду сочувствіе, какъ ко всякому доброму дѣлу. Но надо дѣйствовать скоро и энергично, на что вы способнѣе, чѣмъ кто-либо другой.

Что-же касается до меня, то въ настоящее время у меня, независимо отъ этого, есть еще и другіе проекты, которымъ уже данъ ходъ.

Не помню, говорилъ-ли я вамъ, что и въ Парижѣ я собираю общество съ той-же цѣлью, но исключительно для русскихъ евреевъ. Тутъ цѣль моя, во-первыхъ, состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ дѣятельныхъ людей и научить ихъ любить ремесло, такъ какъ въ послѣднее время всѣ бросаются исключительно на высшее образованіе, точно ремесленникъ не можетъ быть образованнымъ. Но откуда имъ это знать? Потомъ, мнѣ хотѣлось, чтобы они были менѣе чувствительны ко всякимъ преслѣдованіямъ, такъ какъ хорошій ремесленникъ вездѣ можетъ найти себѣ не только обезпеченіе, но даже и благосостояніе. Кромѣ всего этого, я художникъ, да притомъ часто прихварываю, и потому того и смотри, что-нибудь опять задержитъ меня, и некогда будетъ думать о томъ, что́ такъ сильно интересуетъ меня. Потому прошу васъ не откладывать и помочь этому дѣлу.

Статью о русскихъ художникахъ въ Парижѣ писалъ Ивановъ: онъ теперь въ Парижѣ.

Очень хорошая статья появилась во французскомъ журналѣ „Parlement“, 16 іюня о моемъ „Спинозѣ“. Это писалъ, говорятъ, одинъ талантливый критикъ, горячій поклонникъ Спинозы. Онъ случайно увидѣлъ фотографію у И. С. Тургенева. Самой статьи я не имѣю, видѣлъ только одну маленькую замѣтку, и то какъ цитату въ одной критикѣ „Salon'a“.

Очень сожалѣю, что вы не продолжали своей статьи о всероссійской выставкѣ, а я уже радовался, потому что рѣшительно ничего не знаю о ней, а по тому, что̀ читалъ, не могъ получить ни малѣйшаго понятія о ней.

А. П. Боголюбовъ передалъ мнѣ, что вы удивляетесь тому, что журналы, посланные мнѣ въ Парижъ, пришли обратно въ Петер-

бургъ. Это и меня очень удивляетъ, но я спрошу: какіе это были журналы? Если это ежемѣсячный „Восходъ“, то я только всего разъ получилъ его, и потомъ сожалѣлъ, что больше не получаю его, такъ какъ именно этотъ-то журналъ я и желалъ получать, а между тѣмъ, какъ еженедѣльный „Восходъ“ и „Разсвѣтъ“, я получаю аккуратно.

332. Къ нему же.

Biarritz, 26 іюля (7 августа) 1882 г.

Только теперь имѣю возможность отвѣтить на оба ваши письма, которыя были одно лучше другого. Не могъ я отвѣчать до сихъ поръ потому, что, поѣхавъ въ Cauterets лѣчить горло, я тамъ захворалъ такъ, что насилу выбрался оттуда, не кончивъ лѣченія. Теперь я опять въ Biarritz'ѣ, гдѣ опять чувствую себя по-прежнему.

Отвѣчу раньше всего на второе письмо, и, конечно, лишнее будетъ сказать, что все тамъ, отъ начала до конца, сильно обрадовало меня. Можетъ быть удастся мнѣ, наконецъ, работать то, что я хочу, а не то, что долженъ; при этомъ мнѣ очень отрадно, что я начинаю находить нравственную поддержку. Немало радуетъ меня, видя какъ вы, дорогой дядя, радуетесь этому. Имѣть немного друзей, какъ вы— достаточно, можно жить, чтобы жизнь не казалась мрачной.

Перехожу къ первому письму, и, надо раньше всего сказать, что я уже не помню, что̀ именно я писалъ вамъ, что̀ повидимому такъ огорчило васъ, но во всякомъ случаѣ, навѣрное то, что было на душѣ.

По письму видно, что вы думаете, что я падаю духомъ, что меня огорчаетъ то, что я не получаю парадныхъ наградъ и фейерверочныхъ успѣховъ. Ахъ, дорогой дядя, какъ вы ошибаетесь! Вѣдь мы хорошо знаемъ, кто большею частью ихъ получаетъ! Слѣдовательно, и завидовать имъ нечего. Хорошо также знаемъ, кто со злостью лаетъ на всякую самостоятельность. На нихъ я никогда не обращалъ вниманія, и если люди успѣвали раздражить меня, то отъ этого только выигрывалъ ходъ моего искусства. Помню, когда я работалъ „Ивана Грознаго“, при крайне трудныхъ обстоятельствахъ (какъ это хорошо вамъ извѣстно), я тогда сказалъ, кажется, Крамскому: „Хорошо,—чѣмъ больше они бѣсятъ меня, тѣмъ лучше выйдетъ „Иванъ Грозный“. То же самое, только съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, я бы могъ и теперь сказать. Но если-бы вы знали, какія нравственныя муки я пережилъ въ послѣдніе два года, какія адскія мучительныя раны я носилъ въ душѣ, благодаря тѣмъ позорнымъ поступкамъ, которые русскій, хотя и темный, народъ совершалъ надъ евреями. Если-бы вы знали, какъ больно разочаровываться въ своемъ идеалѣ, который ты лелѣялъ, любилъ и считалъ лучшей будущностью человѣчества, и что̀-же—вотъ этотъ идеалъ дико хохочетъ тебѣ въ глаза и безпощадно бьетъ тебя по лицу, топчетъ и унижаетъ тебя! Вотъ это все способно свалить не только меня, нервнаго, но всякаго, даже не чувствительнаго человѣка. И вѣрьте мнѣ, мой дорогой дядя, если-бы у меня не было сознанія, что такъ поступаютъ люди, которые не вѣ-

даютъ, что дѣлаютъ и бьютъ себя еще больше, чѣмъ другихъ; если-бы у меня не было убѣжденія, что въ Россіи есть еще достаточно здравомыслящихъ людей, которые съумѣютъ въ концѣ-концовъ дать отпоръ этому дикому средневѣковому безумію—повторяю, если-бы не это, тогда я проклялъ-бы все человѣчество. Вотъ, мой дорогой дядя, отчего я смотрю на мой неуспѣхъ въ Россіи не какъ на личный, а какъ на неуспѣхъ евреевъ вообще.

Но что мнѣ было всего болѣе досадно, это — что при всемъ этомъ я чувствовалъ свое безсиліе, пробовалъ кричать, писать, обращался къ людямъ съ авторитетомъ, прося ихъ замолвить слово, но все это было напрасно.

Когда пріѣду въ Парижъ, я непремѣнно пришлю вамъ копію съ двухъ писемъ, которыя я послалъ къ И. С. Тургеневу, а онъ въ отвѣтъ назвалъ ихъ „замѣчательными". Они будутъ когда-нибудь напечатаны. Только не теперь, потому что они не цензурны. И все-таки онъ самъ не сказалъ о нихъ ни слова! Но довольно, можетъ быть вся эта эпидемія скоро пройдетъ, и человѣчество опять пойметъ, что убивать другъ друга не за что, все равно они всѣ умрутъ.

Изъ моего послѣдняго письма вы увидите, что, несмотря ни на что, я остался въ отношеніи къ Россіи все прежнимъ. Желаю отъ всей души русскимъ всего лучшаго, и тогда некому имъ будетъ завидовать. Отъ всей души желаю имъ свѣта, потому что только онъ можетъ спасти ихъ отъ грубыхъ заблужденій.

Мнѣ очень, очень досадно, что вы порвали съ газетой „Голосъ", но все-таки у насъ есть много возможности помогать правому дѣлу.

Вы спрашиваете, не затѣваю-ли я того-же самаго, что уже затѣяла школа Штиглица. Надо на это сказать вамъ, что этой школы я не знаю, за то досконально знаю школу, такъ называемую „Цесаревича". Она, къ сожалѣнію, никуда не годится и, вмѣсто пользы, приноситъ вредъ. Да и вообще я противъ всякихъ системъ ремесленныхъ школъ. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ я все это изучаю, подробности объ этомъ я на 28 страницахъ написалъ Мамонтову, и потому мнѣ не хочется теперь снова повторять это. Художество въ ремеслѣ не можетъ подняться, пока молодые люди не будутъ посылаться за границу для усовершенствованія, ну, хоть-бы для того, чтобы впослѣдствіи быть хорошими преподавателями или мастерами. Кромѣ того, необходимъ художественно-ремесленный журналъ, а главное надо, чтобы онъ былъ толково составленъ и дешевъ. Но, конечно, еще главнѣе то, чтобы на мѣсто школъ создать мастерскія, а въ ученики брать молодыхъ людей, кончившихъ уѣздное училище. Я глубоко убѣжденъ, что подобный ходъ дѣла не только не обременителенъ для ремесленнаго училища, но, напротивъ, можетъ дать матеріальную прибыль, а самое дѣло можетъ во сто тысячъ разъ больше выиграть.

Я думаю обратиться къ теперешнему министру народнаго просвѣщенія: [1]) его очень хвалятъ, и, кажется, вы хорошо знаете его.

---

[1]) Ив. Дав. Деляновъ, впослѣдствіи графъ.

Независимо отъ этого, я хлопочу о томъ, чтобы создать въ Парижѣ общество, цѣль котораго была-бы нѣчто въ этомъ-же родѣ, но только спеціально для евреевъ. Уставъ уже готовъ, и есть много сочувствующихъ этому среди самихъ ремесленниковъ, желающихъ усовершенствоваться. Но я желалъ-бы, чтобы сами евреи, даже зажиточные, сознавали всю важность художественнаго ремесла — это можетъ имъ дать вездѣ обезпеченіе въ жизни, сократить разорительность въ случаѣ преслѣдованія и, наконецъ, дать имъ возможность примѣнять свои интеллектуальныя способности къ болѣе раціональному дѣлу. Я даже думаю, что это одно изъ главныхъ условій, которыя могутъ современемъ разрѣшить еврейскій вопросъ. Я говорю про свободный частный интеллектуальный трудъ. А кто не хочетъ быть самостоятельнымъ, тотъ долженъ быть рабомъ.

Этимъ я заканчиваю статью, которую пошлю вамъ тотчасъ послѣ моего пріѣзда въ Парижъ. Впрочемъ надо замѣтить, что замѣтка моя напечатана въ журналѣ „Восходъ". Но тамъ очень странно начинается статья такъ: „Мы получили отъ нашего корреспондента, художника Антокольскаго, слѣдующее". Признаюсь откровенно, какъ мнѣ ни лестно быть ихъ корреспондентомъ, но всякую навязанную мнѣ честь я отвергаю. Въ другой разъ я не потерплю, чтобы такіе господа жаловали и казнили меня по произволу.

На этой мелочи я не остановился-бы, конечно, если-бы не замѣтилъ, что еще другая наша интеллигенція третируетъ меня, какъ пѣшку. А почему? право не знаю. Думаю, однако, потому, что я неправильно пишу (другихъ грѣховъ за мною не водится, кажется): точно будто-бы уже доказано, что кто правильно пишетъ, тотъ правильно и думаетъ.

Кстати, разскажу вамъ одинъ маленькій фактъ, изъ котораго вы увидите, какого обо мнѣ мнѣнія наша интеллигенція. Послѣ того, какъ я сдѣлалъ „Ивана Грознаго", виленскій еврейскій интеллигентный кружокъ вздумалъ устроить для меня ужинъ, и знаете, чѣмъ онъ главное тутъ затруднился? Тѣмъ: о чемъ они будутъ говорить со мною? Въ тонкости искусства о н и не посвящены, а во что-нибудь другое врядъ-ли я посвященъ. И они были немало удивлены, когда я заспорилъ съ ними именно не объ искусствѣ. Впослѣдствіи они чистосердечно сознались мнѣ въ этомъ.

Вы спрашиваете, что я задумываю теперь, какія работы у меня на очереди? Надо сказать, что иногда одинъ страдаетъ отъ голода, а другой оттого, что переѣлся. Я теперь принадлежу къ послѣднимъ въ смыслѣ сюжетовъ. Въ послѣднюю зиму я не много работалъ, за то много думалъ, и даже три эскиза наконецъ сдѣлалъ, а вы знаете, эскизовъ я не люблю. Но нынче сдѣлалъ, чтобы освободиться немного.

Первый сюжетъ, это: „Женщина борется съ орлицей", или „Борьба двухъ матерей". Эта женщина достала гнѣздо, а орлица на это налетѣла. Вещь эта, по-моему, можетъ быть красива, но чисто декоративна, и потому я предоставляю это создать — французамъ. У нихъ

врожденная способность къ декоративному искусству, но не къ духовному и не къ идеальному. По крайней мѣрѣ я замѣтилъ слѣдующіе факты: во-первыхъ, тотъ, что эти два искусства—совершенно разныя, и я очень удивляюсь, какъ до сихъ поръ никто не сдѣлалъ этого различія, и изъ-за этого выходитъ вся путаница въ пониманіи современнаго искусства, и французскаго въ особенности.

Въ то время, какъ Италія, Германія, Голландія стояли высоко по части духовнаго или идеальнаго искусства, когда у нихъ гремѣли такія имена, какъ Тиціанъ, Рафаэль и сотни другихъ, которыхъ вы сами хорошо знаете, Микель-Анджело, Рембрандтъ, Валаскезъ,—Франція не можетъ выставить ни одного подобнаго. Между тѣмъ, именно въ это время въ декоративномъ искусствѣ было наоборотъ, то-есть Франція стояла выше всѣхъ. Только теперь, послѣ 40-хъ годовъ, Франція стала высоко въ живописномъ и скульптурномъ искусствѣ. Но насколько ея родъ творчества дѣйствительно соотвѣтствуетъ духовному, или душевному, или идеальному искусству (называйте, какъ хотите), это покажетъ только будущность. Покуда-же, я могу сказать, что современное искусство, въ сравненіи со средневѣковымъ, стоитъ очень низко, а въ смыслѣ стремленія и пониманія его, происходитъ хаосъ, или по крайней мѣрѣ переходъ отъ чего-то прежняго къ чему-то новому. Замѣчу еще, что и въ декоративномъ искусствѣ нашъ вѣкъ ничего не создалъ: въ этомъ отношеніи нашъ вѣкъ чисто подражательный, до рабства, и самъ никакого стиля не создалъ. Одно, что можно сказать, это, что теперь преобладаетъ „вкусъ". Но, какъ видно, этого еще недостаточно для того, чтобы быть творцомъ.

Я ушелъ немного въ сторону. Что прикажете дѣлать? Семитическая наклонность высказывается у меня: нѣтъ-нѣтъ, да и начинаю мечтать, пускаюсь въ разсужденія, благо что есть случай. Но я считаю этотъ предметъ настолько важнымъ, что даже самъ задумалъ-было писать объ этомъ. Но такія вещи я всегда начинаю, но никогда не кончаю.

Другой эскизъ у меня: „Христосъ, желающій обнять всѣхъ страждущихъ". Но и этому сюжету, по всей вѣроятности, не суждено осуществиться.

Лучшій и удачнѣйшій эскизъ мой нынче — это фигура „Мефистофеля". Онъ, съежившись, сидитъ на скалѣ, а у ея подошвы волна выбросила ребенка Маргариты. Говорятъ, что эта вещь уже и теперь производитъ впечатлѣніе. Мефистофель вышелъ и дьявольскій, и хорошій.

Но кромѣ этого, кромѣ „Моисея" и „Инквизиціи", у меня часто выступаетъ въ головѣ „пророкъ Іеремія": то онъ одинъ, блуждающій на развалинахъ, то онъ среди цѣлой группы людей. Но, вообще, моя мысль здѣсь не окончательно еще установилась.

Но что еще меня теперь занимаетъ: это „пророчица Деввора". Благодаря ей, я уже нѣсколько ночей не спалъ. Но надо мнѣ еще собрать матеріалъ.

Когда я буду въ Парижѣ, я пошлю вамъ копію съ моего про-

екта памятника Виктору-Эммануилу. Если я не приму участія въ конкурсѣ, то единственно потому, что не признаю конкурсовъ въ области художественнаго творчества. Поэтому я рѣшилъ обнародовать мои идеи, но не раньше, какъ когда разные дураки потерпятъ опять фіаско. Вы увидите, что этотъ проектъ лучшій изъ всего того, что я до сихъ поръ въ состояніи былъ придумать.

Ну, довольно! Сами пожелали обо всемъ узнать, теперь не ругайте меня, что я столько вамъ написалъ.

333. Къ нему же.

Cauterets, 4 (16) августа 1882 г.

Еще не успѣлъ я получить отвѣта на мою послѣднюю просьбу, какъ уже пишу вамъ еще одну. Когда-то онѣ кончатся? Теперь дѣло вотъ въ чемъ: въ „Восходѣ“ я прочиталъ корреспонденцію изъ Могилева, гдѣ появился молодой талантъ, очень много обѣщающій въ живописи; только, конечно, всегда въ такихъ случаяхъ все дѣло, или вся бѣда—въ деньгахъ. Если этотъ человѣкъ—дѣйствительно что-то выходящее изъ ряда вонъ, мнѣ не трудно будетъ достать для него кое-что, только провинціалы такъ часто ошибаются, что вмѣсто того, чтобы сдѣлать человѣка счастливымъ, дѣлаютъ его положительно несчастнымъ. По крайней мѣрѣ, изъ двадцати подобныхъ случаевъ девятнадцать навѣрное ошибочны. Я хорошо знаю, что достаточно, чтобы молодой человѣкъ скопировалъ что-то съ фотографической карточки, для того, чтобы уже заключили, что онъ, если не великій, то уже навѣрное настоящій „художникъ“. А согласитесь сами—если въ музыкѣ записать въ музыкантовъ-спеціалистовъ всѣхъ тѣхъ, кто только умѣетъ бренчать на фортепіано, то было-бы больше музыкантовъ, чѣмъ слушателей. А между тѣмъ, въ живописи это положительно такъ, и вотъ почему въ Академію вступаютъ молодые люди съ полною надеждою, а выходятъ разбитыми, искалѣченными страдальцами на всю свою жизнь. Странно, что Академія до сихъ поръ этого не видитъ; но страннѣе еще то, что никто не обратитъ на это вниманія. А впрочемъ, если бы кто-нибудь и осмѣлился писать объ этомъ, то ни одна газета не приняла-бы статьи. Это, дескать, противъ Академіи Художествъ. А такого смѣльчака навѣрное объявили-бы еретикомъ, ну и на костеръ его!

Какъ-бы то ни было, а чтобы хоть мало-мальски сдѣлать что-нибудь въ этомъ направленіи, притомъ только въ своемъ районѣ, то-есть среди евреевъ, я пишу письмо въ ту-же газету „Восходъ“, и посылаю его вамъ въ этомъ письмѣ. Изъ него вы увидите, что для будущихъ молодыхъ талантовъ, когда они дѣйствительно такіе, я прошу адресоваться ко мнѣ: въ такихъ случаяхъ я не замедлю дать мое заключеніе. По моему глубокому убѣжденію, тысячу разъ лучше быть отличнымъ ремесленникомъ, чѣмъ посредственнымъ художникомъ. Пожалуйста, поправьте мое письмо по грамматикѣ, и отошлите его въ редакцію. Вы такъ балуете меня, что я заранѣе увѣренъ, что не откажете мнѣ въ этомъ.

Приложеніе къ предыдущему письму: текстъ, назначенный для газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости“.

„Въ вашей многоуважаемой газетѣ, въ „Недѣльной хроникѣ“, № 30, была помѣщена корреспонденція изъ Могилева, гдѣ говорится о вновь появившемся въ этомъ городѣ молодомъ многообѣщающемъ живописцѣ, не имѣющемъ средствъ для своего усовершенствованія.

„Вслѣдствіе этого, я покорно прошу г-на автора корреспонденціи выслать мнѣ въ Парижъ (Avenue d'Eylau, № 18) что-нибудь изъ работъ этого начинающаго художника. Если онъ дѣйствительно окажется чѣмъ-нибудь замѣчательнымъ, я постараюсь найти для него средства. Но при этомъ я долженъ замѣтить, что любители искусствъ, къ сожалѣнію, не часто отгадываютъ будущіе художественные таланты. По крайней мѣрѣ, сколько я убѣдился изъ личнаго опыта, почти всегда изъ двадцати юношей только одинъ оправдываетъ возлагавшіяся на нихъ надежды, а иногда и того не случается. А между тѣмъ ничего нѣтъ печальнѣе, какъ быть посредственнымъ художникомъ: это положительно страдалецъ на всю свою жизнь.

„Мнѣ хотѣлось-бы предупреждать подобныя печальныя явленія, конечно насколько это мнѣ возможно. И потому я очень прошу всѣхъ присылать мнѣ, въ подобныхъ случаяхъ, работы начинающихъ еврейскихъ художниковъ. Я не замедлю сообщать имъ мое заключеніе, которое быть можетъ не окажется иногда безполезнымъ.

„Я просилъ бы присылать, кромѣ рисунковъ, этюды, писанные красками, а также что-нибудь изъ композицій, хотя-бы даже наивно составленныхъ. Рисунки-же съ фотографій не годятся“.

Антокольскій.

334. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Cauterets, 25 августа 1882 г.

Живу теперь въ Cauterets, куда доктора сослали меня въ одиночное заключеніе; хорошо еще, что могу писать, а то право можно было-бы съ ума сойти.

Я заранѣе радуюсь тому, что, Богъ дастъ, намъ удастся въ эту зиму видѣться, но только для этого извольте пріѣхать въ Парижъ, потому что, какъ мнѣ ни хотѣлось уѣхать, но все-таки я долженъ былъ остаться на эту зиму здѣсь. Надо ликвидировать квартиру, съ которой я связался контрактомъ, а еще есть и мастерская. Весною, можетъ быть вмѣстѣ поѣдемъ, т.-е. вы будете насъ провожать. Отчего вы ни слова не пишете про фотографію „Спинозы“, которую я послалъ вамъ вотъ уже добрыхъ мѣсяца три-четыре тому назадъ, черезъ извѣстнаго Дубасова.

Крѣпко сожалѣю, что не удалось мнѣ побывать въ этомъ году въ Абрамцевѣ и посмотрѣть вашу церковь; сожалѣю, что тамъ ничего нѣтъ изъ моихъ работъ; а впрочемъ, я слышалъ, что скоро вы собираетесь крестить всѣхъ еретиковъ, чего добраго пожалуй и меня, но

могу побожиться, что я не еретикъ, а въ кого я вѣрю, это секретъ; во всякомъ случаѣ не въ погоду, которая постоянно обманываетъ меня. Мнѣ было-бы крайне отрадно, если-бы вы не сочувствовали моимъ планамъ, о которыхъ я уже писалъ вамъ.

Что сказать вамъ о себѣ? Жилъ я въ Біаррицѣ, надо было ѣхать въ Cauterets, не хотѣлось, вѣдь отъ добра добра не ищутъ, а потому я все откладывалъ поѣздку, наконецъ поѣхалъ и сожалѣю. Вотъ уже 10 дней, какъ здѣсь живу одиноко, среди облаковъ. Лѣченіе до сихъ поръ произвело на меня обратное дѣйствіе, благодаря скверной погодѣ, которая въ этомъ году во Франціи исключительна, да притомъ чѣмъ-нибудь я всегда долженъ страдать, гдѣ бы я ни былъ. Однако не надо быть малодушнымъ, буду выдерживать до конца, т.-е. еще 10 дней, потомъ возвращусь въ Біаррицъ, гдѣ останусь съ семействомъ еще три недѣли, и наконецъ въ Парижъ, за работу. У меня пропасть новыхъ сюжетовъ, но, по всей вѣроятности, я начну статую „Мефистофель“, о которой я навѣрное уже писалъ вамъ. Голова, которая такъ нравится въ Россіи, только этюдъ для цѣлой фигуры. Эскизъ я сдѣлалъ еще передъ моимъ отъѣздомъ, и выходитъ очень своеобразно, кажется художественно и выразительно, а впрочемъ, Богъ дастъ, увидимъ.

335. Къ С. И. Мамонтову.

Cauterets, августъ 1882 г.

Хотѣлось-бы на время превратиться въ кусокъ горнаго камня, чтобы дать моимъ жиламъ новую жизнь, въ которой онѣ теперь такъ нуждаются для новыхъ работъ. Если-же прервать молчаніе, то слѣдовало-бы писать то, чего душа хочетъ, и все высказать. А сколько теперь въ ней горючаго матеріала!

Но на этотъ разъ мнѣ хоть и не придется молчать, но не придется и высказывать свои душевныя желанія. Что прикажете дѣлать? Не хочу писать вамъ писемъ, подобныхъ теперешнему, однако долженъ. Трудно сказать, до чего меня осаждаютъ съ разныхъ сторонъ просьбами давать всѣмъ рекомендательныя письма то къ тому, то къ другому. Представить себѣ не можете, до чего я не люблю это дѣлать, да вообще терпѣть не могу слова „протекція“. До сихъ поръ я болѣе или менѣе ловко отбояривался, но на этотъ разъ принужденъ отступить съ поля битвы, и пообѣщать, что буду писать вамъ. Дѣло идетъ о томъ самомъ инженерѣ, о которомъ я уже писалъ вамъ, и вы сдѣлали мнѣ тогда удовольствіе, дали ему работу. Его зовутъ Кацъ. Положа руку на сердце, я долженъ сказать, что я даже удивляюсь, зачѣмъ тутъ мое посредничество? Кажется, дѣло такъ просто. Если онъ хорошій инженеръ, если онъ вамъ нуженъ, и если вы имъ были довольны, то и говорить, кажется, нечего. Но, какъ сказано, я далъ слово написать вамъ о немъ, это слово я далъ одному хорошему пріятелю, которому много обязанъ, даже на моемъ пути художника.

Конечно, я буду очень радъ, если всѣ три условія подойдутъ. Но если хоть одно изъ нихъ не подходитъ, то, Бога ради, не обра-

щайте вниманія на мое ходатайство. Боже сохрани меня быть хоть сколько-нибудь въ претензіи за это.

Я долженъ еще сказать, что отъ меня разъ выпросили карточку къ вамъ (не знаю, былъ ли этотъ человѣкъ у васъ): это нѣкто Вольковыскій, зять сестры моей жены, которую вы видали въ Петербургѣ и которая пріѣхала со мною вмѣстѣ къ вамъ. Онъ ждетъ отъ меня до сихъ поръ письма, но я вѣдь ихъ хорошо не знаю. Если они придутъ, то прошу васъ только принять ихъ и поступить по справедливости, не обращая никакого вниманія на меня.

Ну, слава Богу, кончилъ! Скажу теперь и о себѣ пару словъ. Сижу теперь въ Пиренеяхъ и борюсь противъ стихійной силы. Хочу, если не совсѣмъ выздоровѣть, то стать, по крайней мѣрѣ, крѣпче, по старому, и скрипѣть какъ старый колосъ, лишь бы только продолжать идти впередъ, впередъ, безъ остановки, пока судьба не сломитъ меня, и я упаду, но только около моихъ работъ и за моими работами.

Теперь дѣлаю все возможное: сижу на 920 метрахъ высоты, беру ванны, души, пью воды, полоскаюсь и глотаю минеральныя приправы, такъ что почти цѣлый день я занятъ собой. Что, развѣ не достоенъ я похвалы за такой подвигъ? Здѣсь, въ Cauterets, я останусь еще недѣльку, а потомъ поѣду отдыхать на столько же времени къ моему семейству, которое находится недалеко, въ St.-Jean de Luz, а потомъ поѣду съ женой въ другое мѣсто, продолжать лѣченіе, а послѣ всего этого думаю еще предпринять виноградное лѣченіе, да хоть немного побывать на морскомъ берегу.

Послѣ этого уже нельзя будетъ сказать, что я брался за реставрацію себя спустя рукава. Какъ видите, я дѣлаю даже больше, чѣмъ все, лишь бы не кряхтѣть больше. Да было-бы просто глупо именно теперь хворать и, чего еще добраго, умереть: вѣдь до сихъ поръ я боролся, чтобы жить и работать болѣе или менѣе свободно; много силъ и здоровья я отдалъ за это, теперь же настало время, когда думалъ начать все сызнова, и вдругъ... Нѣтъ!! Сто разъ нѣтъ! Буду работать еще на славу. Повторяю, Богъ дастъ, увидимъ. А впрочемъ, къ чему тутъ отгадывать? Я вѣдь буду работать безъ шума, и по прежнему нигдѣ ничего не выставлю, особенно въ Россіи, гдѣ не признаютъ меня пророкомъ.

Будьте здоровы, не удивляйтесь этой болтовнѣ, вѣдь я теперь не человѣкъ, а растеніе, не больше.

Если будетъ случай и охота, пишите по слѣдующему адресу: St.-Jean de Luz (Basses Pyrénées). Poste restante.

336. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 3 октября 1882 г.

Пишу только отвѣтъ. Хотѣлось бы много поговорить съ вами, чтобы душу отвести, но некогда, въ другой разъ—теперь-же къ дѣлу.

Дѣйствительно, есть много сходнаго съ моимъ „Ивановомъ Гроз-

нымъ", но я никогда не видѣлъ ни картины, ни рисунка Шустова [1]), Мункачи тоже, думаю, никогда не видѣлъ моего „Ивана Грознаго", такъ какъ я привезъ эту статую на выставку въ то время, когда „Мильтонъ" его уже былъ готовъ. Надо при этомъ еще прибавить, что проѣздомъ, кажется, въ Вѣнѣ, гдѣ-то въ галлереѣ я нашелъ картину (новой школы), гдѣ одна фигура поразила меня своимъ сходствомъ съ „Иваномъ Грознымъ". Вообще, если хотите, часто совершенно случайно художники сходятся. Вспоминаю, при этомъ, появившіяся въ одно время двое „Похоронъ": Кнауса и Вотьэ. Да вообще, это часто встрѣчается. Но если, наконецъ, желаете знать мое личное мнѣніе о работахъ моихъ, то я скажу вамъ, что я считаю „Ивана Грознаго" одною изъ слабыхъ работъ моихъ: во-первыхъ, по техникѣ, и во-вторыхъ, чтобы достигнуть его выраженія, я употребилъ много средствъ, т.-е. движенія мускулами. Впослѣдствіи, чѣмъ дольше я работалъ, тѣмъ болѣе старался утоньчать свои статуи, т.-е. достигать внутренняго содержанія, душевнаго выраженія наименьшими средствами. А впрочемъ, я это дѣлалъ безъ малѣйшаго принципа, а просто потому, что сюжеты или фигуры мои по чувству и содержанію были тоньше и глубже. Конечно, очень многіе находятъ, что лучшая работа моя это—„Иванъ Грозный", но „вольному воля, а свободному рай".

Лучшая работа моя по лѣпкѣ: это—„Сократъ"; по драматичности, новизнѣ и драпировкѣ—„Христосъ"; по трудности, задушевности—„Спиноза", котораго я больше всего люблю. Люблю я также и „Петра", по его грандіозности. Увы! ни „Петръ", ни „Спиноза" до сихъ поръ не поняты. Но, повторяю, я вовсе не настаиваю, чтобы вы, или кто-нибудь другой, согласились со мною: это мое личное мнѣніе, которое, по всей вѣроятности, при мнѣ и останется.

„Спиноза" дѣлаетъ на всѣхъ одинаково сильное впечатлѣніе; говорятъ, что фотографія ничего не передаетъ.

У меня здѣсь есть тоже дядя, который любитъ, повидимому, меня какъ вы, дядя. Это извѣстный скульпторъ Гюльомъ, бывшій директоръ Академіи Художествъ. Теперь онъ читаетъ лекціи объ искусствѣ въ Сорбоннѣ, вмѣсто Шарля Бланъ. Ну, вотъ онъ всегда находитъ, что я не даромъ копчу небо. Посылаю вамъ его маленькій отзывъ обо мнѣ въ „Revue des deux mondes". Вы хорошо знаете, что я не люблю посылать вамъ вырѣзки. Но ихъ въ этомъ году было у меня около ста—всѣ онѣ какъ нельзя лучше отзываются обо мнѣ. Но всѣхъ этихъ писателей я не знаю, а его знаю и считаю его авторитетомъ—вотъ почему и посылаю вамъ. Жаль, что у меня не сохранился его отзывъ о „Петрѣ". Онъ могъ-бы вамъ доказать, что не вы одни хвалили его.

Думаю теперь о многомъ: хочу дѣлать „Мефистофеля" статую (эскизъ готовъ), „Вѣчнаго жида", статую „Моисея", „Іеремію" (въ нѣсколькихъ видахъ онъ представляется мнѣ); наконецъ пророчица „Деввора" очень меня занимаетъ. Но всѣхъ ихъ не сдѣлаешь, да и

[1]) Шустовъ, ученикъ Академіи Художествъ, 60-хъ годовъ XIX-го столѣтія.

средства немного тормозятъ меня. Однако объ этомъ въ другой разъ. Пожалуйста, обо всемъ этомъ никому ни слова.

337. Къ нему же.

Парижъ. Получено 12 октября 1882 г.

Мнѣ очень трудно исполнить ваше порученіе, главное, потому, что я не придаю особеннаго значенія всему тому, что говорится обо мнѣ, а это просто потому, что я не охотникъ любоваться въ зеркалѣ самимъ собою. Я не собираю всѣ выписки. Читаю ихъ ради любопытства, и когда хвалятъ, то и слава Богу. Но надо при этомъ сказать, что еще ни разу я не слышалъ о моихъ работахъ серьезной критики. Кто ругаетъ, кто хвалитъ ихъ, но ни разу не слышалъ: „почему“? И, благодаря этому, если когда-либо я сдѣлаю отдѣльную выставку, то при каждомъ отдѣльномъ произведеніи я напишу въ каталогѣ мои мысли, и то, почему создалось у меня такое-то произведеніе. Думаю, что тогда ясно будетъ самое произведеніе.

Ваше порученіе я могу исполнить только отчасти, то-есть вышлю вамъ все, что найдется у меня подъ руками. Я впередъ хорошо знаю, что очень многаго не хватитъ, въ особенности крупныхъ статей, изъ которыхъ я отослалъ иныя заказчикамъ, а другія родителямъ. А впрочемъ, всѣ онѣ носятъ одинъ и тотъ-же характеръ: хвалятъ очень поверхностно, потому что газетные критики не имѣютъ возможности о каждомъ произведеніи писать много, этого размѣръ газеты не позволитъ.

Сегодня вечеромъ соберу ихъ всѣ и сейчасъ пошлю.

Очень радъ, что вы раздѣляете мое мнѣніе относительно „Ивана Грознаго“ и моихъ работъ вообще. Къ сожалѣнію, я тогда писалъ вамъ второпяхъ, какъ и сейчасъ пишу это письмо, и потому ни тогда, ни теперь не могъ и не могу сосредоточиться, чтобы объ этомъ дѣлѣ поговорить съ вами пообстоятельнѣе. Но прибавлю только, что, по моему, въ „Иванѣ Грозномъ“ еще много академическаго, много изысканнаго, дыроватаго, а главное, что работалъ я его съ употребленіемъ многихъ средствъ. Кто не знаетъ, что посредствомъ тѣни гораздо легче округлить вещь, чѣмъ безъ всякой тѣни и освѣщенія? То же самое и во всемъ остальномъ въ искусствѣ. Но всего этого требовало самое содержаніе. Вообще я считаю „Ивана Грознаго“ мучителемъ и мученикомъ, смѣсью высокаго съ подлымъ, силы съ трусостью, а такіе люди—больные, и въ своей болѣзни искренни во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Я очень удивляюсь и часто думалъ, отчего русскіе любятъ больше „Ивана Грознаго“, чѣмъ „Петра“, который совершенно противоположенъ Ивану? Мнѣ именно хотѣлось создать изъ этихъ двухъ фигуръ свѣтлую и темную стороны жизни въ русской исторіи. Но знаете, дорогой дядя, что восемь лѣтъ тому назадъ, я пришелъ къ печальному выводу и выводъ этотъ съ каждымъ днемъ во мнѣ укрѣпляется: не любятъ „Петра“, какъ не любятъ всякаго идеала, потому

что въ жизни его нѣтъ. Да если-бы и стремились къ нему, если-бы идеалъ и находился-бы гдѣ-нибудь даже въ зародышѣ, то искусство—такая чувствительная фотографія—замѣнило-бы его, литература сдѣлала-бы попытку создать его, а между тѣмъ въ нашей литературѣ являются все только отрицательные критическіе герои. Русская жизнь за послѣднее время сложилась нескладно; я много разъ говорилъ, что у насъ есть сознаніе безъ знанія, мы спали долго и проснулись быстро, и потому хотимъ наверстать время, лихорадочно торопимся, и все падаетъ у насъ изъ рукъ. Становишься нетерпѣливымъ, раздражительнымъ и подозрительнымъ, обвиняешь другихъ въ своихъ поступкахъ, все критикуешь, анализируешь, и потому ни единой капли воды не можешь проглотить, безъ того, чтобы въ ней не увидѣть чудовища. Да, дядя, Русь чего-то жаждетъ, и, чтобы утолить свою жажду, глотаетъ свои собственныя слезы. Вотъ отчего Русь любитъ „Ивана Грознаго", а я нѣтъ: я люблю только тѣхъ, кто былъ мученикомъ за свѣтлыя идеи, за любовь къ человѣчеству. Вотъ почему, послѣ этихъ двухъ такихъ личностей, какъ „Иванъ Грозный" и „Петръ Великій", я сталъ воспѣвать не силу, не злобу, не разрушеніе, а страданіе человѣчества. Въ этомъ я больное дитя своего времени.

А впрочемъ довольно. Эхъ, семитъ, семитъ я! Началъ я говорить второпяхъ, чуть не стоя на дорогѣ, и заговорился до того, что чуть-ли самъ знаю—хорошо-ли, правильно-ли понимаете вы меня, когда я горячусь и тороплюсь?

Главное, что теперь меня занимаетъ: это—деньги. Вы скажете, что я жидъ, но, ей-Богу, всѣ любятъ деньги, въ особенности когда ихъ нѣтъ, а у меня теперь, что говорится, ни гроша.

...Да нѣтъ, чортъ побери, я и безъ денегъ сто разъ больше сдѣлаю, чѣмъ другіе съ деньгами: все это не только не смущаетъ меня, но, напротивъ, тутъ-то я и вспоминаю мое превосходство надъ ними и горжусь, какъ самъ дьяволъ, когда онъ поймаетъ преступника и тащитъ его на страшный судъ.

Насчетъ пенсіи тоже дѣло еще не рѣшено. Правда, министръ двора обѣщалъ доложить Государю, и надѣется, что это исполнится (это я знаю навѣрное), но: „пока толстый похудѣетъ, худой издохнетъ". Дороги мнѣ деньги, когда ихъ у меня нѣтъ, а не тогда, когда они у меня есть. Ну конечно, все перемелется и все мука будетъ.

Надо сказать вамъ еще, что я отъ души тронутъ, видя какъ старикъ Боголюбовъ такъ искренно хлопочетъ обо мнѣ, да вообще онъ такой расторопный, что намъ просто стыдно. Видѣли вы его послѣднюю картину „Морское сраженіе" или, вѣрнѣе, „взрывъ турецкаго монитора", изъ послѣдней войны? Мнѣ кажется, что это лучшая его вещь.

Ну, будетъ! И будьте здоровы. Отъ души желаю вамъ всего. Очень радъ, что вы такъ энергично работаете. Пожелайте и мнѣ того-же самаго.

338. Къ нему же.

Парижъ. Получено 15 октября 1882 г.

Вотъ что я могъ собрать, торопясь, потому что долженъ былъ уѣхать изъ Парижа, такъ какъ тамъ теперь свирѣпствуетъ брюшной тифъ, а я все время возился съ желудкомъ. Могу сказать только, что всѣ остальные отзывы болѣе или менѣе одно и то-же.

Двухъ статей спеціально о моихъ работахъ нѣтъ у меня.

Въ прошломъ письмѣ я эскизно набросалъ свой взглядъ на работу „Ивана Грознаго“ и почему въ Россіи „Ивана Грознаго“ считаютъ лучшей моей работой. Хотѣлось-бы мнѣ продолжать и пока сказать отдѣльно о „Петрѣ I“, и потомъ объ остальныхъ, но бумаги нѣтъ, а сегодня воскресенье—лавки заперты, да притомъ я немного усталъ съ дороги.

Замѣтки не слѣдуетъ обратно присылать, можете ихъ пожертвовать Богу, то-есть бросить въ огонь.

339. Къ нему же.

Парижъ. Получено 18 октября 1882 г.

Мнѣ кажется, что для васъ будетъ болѣе интересно знать мой взглядъ на современное состояніе искусства вообще, чѣмъ о моей работѣ въ частности. Попробую набросать эскизъ.

Вы хорошо знаете, что въ разныхъ эпохахъ преобладали: то грубая сила, то чувство, то разумъ. Думаю, однако, что совершенства человѣкъ можетъ достигнуть только тогда, когда всѣ три силы являются вмѣстѣ. Но, увы, до сихъ поръ мы этого не видимъ, за исключеніемъ Греціи, да и тамъ рабство, слѣдовательно господство силы, было въ полномъ ходу. О нашемъ же времени могу сказать приблизительно то, что Бѣлинскій сказалъ о Гоголѣ и Герценѣ: „У одного весь умъ пошелъ въ чувство, а у другого все чувство пошло въ умъ“. Наше время соотвѣтствуетъ послѣднему, какъ средніе вѣка соотвѣтствовали первому. Литературу и музыку я позволю себѣ оставить пока въ сторонѣ, чтобы продлить нашу бесѣду, и укажу только на изобразительное искусство.

Что мы тамъ видимъ? Насколько въ умственномъ направленіи мы дѣлаемъ гигантскіе шаги впередъ, настолько въ изобразительномъ искусствѣ мы дѣлаемъ гигантскіе шаги назадъ. Прудонъ говоритъ, что „всякое подражаніе есть шагъ назадъ“, и въ этомъ отношеніи онъ совершенно правъ. Наше время въ изобразительномъ искусствѣ ничего не создало, а только подражаетъ. Возьмите нашу архитектуру, нашу домашнюю обстановку, и вездѣ вы увидите подражаніе такому-то стилю. Мы только и пользуемся тѣмъ, что наши предки создали, а нашъ стиль какой? Поневолѣ приходится отвѣчать: „никакой“.

Перейдемъ отъ декоративнаго искусства къ идеальному, гдѣ главнымъ содержаніемъ является внутренній духовный міръ человѣка. Что вы тутъ увидите? Въ средніе вѣка идеалъ былъ—религія. Тутъ

художникъ передавалъ все то, во что вѣрилъ, былъ убѣжденъ и считалъ исцѣленіемъ для человѣчества; теперь-же религіозное искусство совсѣмъ исчезаетъ, а новый идеалъ не создается, кромѣ мелкаго буржуазнаго, часто тенденціознаго, ничего общаго не имѣющаго съ искусствомъ—это я говорю отчасти о Германіи, и о насъ, но такъ какъ въ настоящее время центръ искусства во Франціи, то остановимся немного на ней.

Очень странно то, что въ то время, когда въ среднихъ вѣкахъ преобладаетъ искусство высокое, духовное, въ то время, когда въ сосѣднихъ къ Франціи государствахъ можно было насчитать цѣлый сонмъ такихъ геніальныхъ талантовъ, какъ: Микель Анджело, Рафаэль, Тиціанъ, Паоло Веронезе, Гольбейнъ, Альбертъ Дюреръ, Рубенсъ, Рембрандтъ и еще, еще такихъ, какъ Веласкезъ, Франція-же не можетъ выставить ни одного мало-мальски подходящаго ко всѣмъ имъ. Но въ то-же время мы видимъ и обратное движеніе относительно декоративнаго искусства. А именно: въ то время и въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ являлись геніальные художники, мною перечисленные, декоративное искусство стояло очень низко сравнительно съ французскимъ. Изъ этого я позволю себѣ вывести то небольшое заключеніе, что декоративное искусство и духовное искусство имѣютъ совершенно два различныхъ теченія. Можно глубоко думать, чувствовать и геніально передавать это въ художественныхъ соотвѣтственныхъ формахъ, но при этомъ все-таки не умѣть создавать красивыхъ фантастическихъ формъ; и наоборотъ, декоративное искусство можетъ быть очень пріятнымъ для глазъ, но для духовнаго искусства глазъ не что иное, какъ проводникъ для чувства, которое и заставляетъ то радоваться и смѣяться, то грустить и иногда даже плакать.

Такимъ образомъ, французы ничего не имѣютъ за собой для того, чтобы доказать, что они художники-идеалисты, т.-е. художники, имѣющіе дѣло съ человѣческой душой во всѣхъ ея фазисахъ. За то прошедшее говоритъ очень ясно, что никто не достигъ такого совершенства въ декоративномъ искусствѣ, какъ французы. И не даромъ до сихъ поръ Франція держитъ скипетръ индустріи.

Однако-же среди французовъ былъ одинъ скульпторъ, создавшій одну статую-портретъ, дѣйствительно замѣчательную: это — Гудонъ. Но одна ласточка весны не дѣлаетъ, хоть бы и пѣла больше, чѣмъ Гудонъ создалъ. Нѣтъ правила безъ исключенія.

Я не стану говорить о томъ сыромъ, или, точнѣе, томъ времени паденія въ искусствѣ, которое держалось отъ конца XVII приблизительно до 50-хъ годовъ нашего столѣтія. Этотъ упадокъ надо считать общеевропейскимъ. Послѣ него искусство опять стало подниматься, и теперь многимъ кажется, что французы достигли какого-нибудь совершенства, но Боже мой, какъ это ошибочно.

Когда посмотришь на все то, что творится въ „Salon“, то поневолѣ спрашиваешь: въ чемъ же тутъ совершенство? Если въ виртуозности красокъ, въ техническомъ усовершенствованіи, то какими-же мы оказываемся дѣтьми въ сравненіи съ такими средневѣковыми

гигантами, какъ: Рембрандтъ, Тиціанъ, Веласкезъ, Паоло Веронезе и другіе! Если ищешь содержанія въ искусствѣ, того, что мы называемъ обыкновенно драмой, трагедіей, комедіей, юморомъ—однимъ словомъ, всего того, что заставляетъ говорить нашу душу, то этого у нихъ еще меньше на-лицо, такъ что поневолѣ приходишь къ заключенію, что мы и французы составляемъ двѣ противоположныя крайности: у французовъ главное—какъ что сдѣлано, а у русскихъ главное—что сдѣлано. По-моему, ни одно, ни другое не достигаетъ совершенства искусства. Можетъ оно быть достигнуто лишь тогда, когда обѣ крайности сольются. Вотъ это-то и есть мой идеалъ.

Для меня искусство не есть правда, также какъ правда не есть искусство: каждое въ отдѣльности ничего не достигаетъ, а оба вмѣстѣ достигаютъ многаго, очень многаго. У насъ, за послѣднее время, какъ вездѣ во всѣхъ явленіяхъ и стремленіяхъ жизни, являются разныя партіи. Франція сама въ свою очередь разбивается на осколки, именующіе себя тоже партіями. То же самое происходитъ и въ искусствѣ. Кажется, что очень недавно мы знали только двѣ партіи: идеалисты и реалисты; теперь же, слава Богу, прибавились къ нимъ: натуралисты, импрессіонисты, пре-рафаэлисты и т. д. И при всемъ этомъ, тутъ происходитъ настоящее столпотвореніе и смѣшеніе языковъ и понятій. Часто натуралистомъ зовутъ реалиста, реалистомъ—идеалиста, и т. д., и т. д. Позволю себѣ высказать свой взглядъ на всѣ эти названія. Идеалисты, по-моему, тѣ, которые основываютъ искусство на правдѣ, натурѣ; реалисты—тѣ, которые передаютъ только то, что видятъ. Во всемъ этомъ существуютъ оба теченія: положительное и отрицательное. Импрессіонистовъ можно бы назвать „наивистами“: если-бы они не имѣли за собой тенденціозности, узкой замашки, то ихъ дѣло было-бы хорошо, имѣло бы отрезвляющее вліяніе на многихъ художниковъ-рутинеровъ, работающихъ по общепринятымъ условіямъ и шаблонамъ; говорю,—было-бы хорошо, но, покуда, этого еще нѣтъ.

У пре-рафаэлистовъ—просто чепуха.

И такъ, дорогой дядя, если мы говоримъ о Франціи, то, значитъ, говоримъ о Европѣ, потому что въ настоящее время Франція дѣйствительно преобладаетъ надъ всѣми. Но очень ошибочно думать, и ошибочно думаютъ теперь очень многіе, что французское искусство стоитъ чуть ли не на самой высотѣ своего призванія. У меня спросятъ: а жанръ, а пейзажи? И на это я отвѣчу: да это не новость—фламандцы и голландцы давно уже, еще двѣсти лѣтъ тому назадъ, создали и то, и другое, и чуть-ли не въ совершенствѣ.

Я хорошенько не знаю, насколько я передалъ вамъ ясно мои мысли: знаю одно, что часто у меня перо не способно слѣдить за моими мыслями, и потому часто бываютъ опущенія и неясности. Боюсь, чтобы именно теперь не случилось именно этого самаго, и потому лучше вамъ не читать того, что я набросалъ, а то навѣрное многое вамъ не понравится. Лучше разорву, а другое—Богъ знаетъ, когда напишу, а вѣрнѣе—никогда.

Хотѣлось-бы мнѣ въ заключеніе сказать вамъ нѣсколько словъ

относительно еврейскихъ рисунковъ, которые вы желаете издать [1]). Я ихъ видѣлъ, и отъ нѣкоторыхъ, въ особенности, въ восторгѣ: это просто художественная ширина. Но у Гинцбурговъ есть еще и другіе рисунки XV столѣтія, итальянской работы—они удивительно хороши! Тутъ авторъ стоялъ на высотѣ своего призванія, по отчетливости рисунка, по вкусу. По краскамъ они всего болѣе превосходны. Но одно печально, то, что самостоятельности нигдѣ не замѣтно. Рисунки эпохи еврейской то-же самое, что рисунки всякой эпохи вообще. А впрочемъ, иначе и быть не могло: вѣдь во все это время евреи находились не у себя дома! То-ли дѣло рисунки Луврскаго музея, какъ, напримѣръ, рисунки Гробницъ Царей: тамъ есть что-то свое особенное. Но одно можно сказать положительно: это, что у семитовъ вкусъ поднялся тамъ, гдѣ искусство было разлито.

Я предлагалъ, чтобы и рисунки изъ XV столѣтія были изданы вмѣстѣ съ прочими, потому что врядъ-ли когда-либо найдется другой такой случай. И для этого я предлагалъ издавать, въ книгѣ, въ половину величины нѣкоторые второстепенные рисунки. Я думаю, и даже убѣжденъ, что изданіе не только не проиграетъ отъ этого, но даже выиграетъ. Баронъ Давидъ не желалъ говорить объ этомъ съ вами, боялся, какъ-бы это не огорчило васъ, и потому я набрался вмѣсто него этой смѣлости. Надѣюсь, что вы не разсердитесь на меня за это.

340. Къ нему же.

Biarritz. 28 октября 1882 г.

На этотъ разъ мнѣ хотѣлось-бы поговорить съ вами вотъ о чемъ.

Въ русскихъ газетахъ я прочиталъ, что комиссія памятника для покойнаго Государя не осталась удовлетворена конкурсомъ, и рѣшила ходатайствовать о разрѣшеніи другого конкурса. Скажу вамъ, наконецъ, что по моему глубокому убѣжденію, конкурсъ вообще не выдерживаетъ критики, но онъ уже совсѣмъ безсмысленъ въ области духовнаго искусства. И вотъ, поэтому, раньше всего посмотримъ на практическую сторону конкурса.

Во-первыхъ, большая часть первоклассныхъ художниковъ не принимаетъ участія въ конкурсахъ: они и безъ того обезпечены работой, за которую получаютъ хорошее вознагражденіе, и поэтому они вовсе не желаютъ работать на авось. Во-вторыхъ, серьезные конкурсы объявляются интернаціональными; и такимъ образомъ очень легко можетъ случиться, что первая премія достанется иностранцу, который вовсе не знаетъ ни той національности, гдѣ онъ премированъ, ни типовъ, ни ихъ характера, и не любитъ ихъ. Такимъ образомъ, что-же онъ можетъ дать больше, чѣмъ одну внѣшность?

---

[1]) В. В. Стасовъ приготовлялъ въ то время, на основаніи многочисленной и драгоцѣннѣйшей коллекціи древнихъ еврейскихъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки, сочиненіе, съ обширнымъ атласомъ, о древне-еврейскомъ орнаментѣ. Текстъ долженъ былъ быть написанъ по-русски и по-французски, барономъ Д. О. Гинцбургомъ и В. В. Стасовымъ.

Представьте себѣ такой случай: очень вѣроятно, что первая премія достанется художнику вовсе неизвѣстному, который еще ничѣмъ не успѣлъ заявить себя. Неужели ему поручать выполнить эту серьезную работу? Вѣдь это было-бы очень рискованно, тѣмъ болѣе, что есть двоякій родъ художниковъ: одни очень способны работать малыя вещи съ извѣстнымъ шикомъ, а это очень идетъ для проектовъ. Но эти художники оказываются несостоятельными, когда дѣло доходитъ до серьезнаго выполненія. Другіе художники, наоборотъ, не способны обработывать свои эскизы, потому что эскизы работаются ими для самихъ себя, и только имъ понятно, что можетъ изъ этого выйти. Но когда они начинаютъ серьезно выполнять свою мысль, то лишь тогда они высказываютъ все то, что невозможно было видѣть на эскизѣ, точно будто на эскизѣ они экономили свое чувство для того, чтобы сохранить его для дѣла. Такимъ образомъ, на конкурсахъ можетъ выиграть скорѣе первый художникъ, чѣмъ второй.

Но положимъ, что все это было предупреждено и предусмотрѣно, и потому конкурсъ объявляетъ, „что премированный не можетъ разсчитывать на полученіе заказа“. Въ такомъ случаѣ, я спрошу: для чего-же все это дѣлалось? Неужели комиссія будетъ давать одному премію, а другому—заказъ? Неужели порядочный художникъ возьмется выполнять творчество, которое не ему принадлежитъ. Да это и невозможно. Ни одинъ художникъ не способенъ обработать то, что не зародилось внутри его самого. А если художникъ возьмется за такую вещь, то я могу завѣрить, что одно изъ трехъ: или это не серьезный человѣкъ, или онъ дѣлаетъ это отъ крайности, или отъ жадности. Во всѣхъ трехъ этихъ случаяхъ онъ будетъ точно мачиха, которая не способна замѣнить мать.

Теперь перейдемъ къ болѣе серьезному вопросу, а именно къ духовной сторонѣ монумента. Пускай каждый художникъ спроситъ чистосердечно самого себя: во имя чего онъ работаетъ? То, за что онъ берется, есть-ли это плодъ его фантазіи, дитя его творчества, дитя, которое онъ лелѣялъ многіе годы, о которомъ долго думалъ, съ которымъ сжился и, наконецъ, изъ-за котораго много перестрадалъ, пока вызвалъ его на свѣтъ Божій? Положимъ, что мѣстные художники скажутъ, что они конкурируютъ потому, что ихъ вдохновляетъ идея, потому что дѣло идетъ о чемъ-то имъ родномъ и дорогомъ. Если это правда, то все-таки не въ очень значительныхъ размѣрахъ. Но что скажутъ иностранцы? Во имя чего они работаютъ? Думаю, что отвѣтъ тутъ ясенъ и безъ словъ. Я увѣренъ, что всѣ они отвѣтятъ гораздо проще, чѣмъ—патріоты, а именно, что они конкурируютъ, чтобы получить заказъ—вотъ и все. Да конкурсъ во многихъ отношеніяхъ хуже всякаго заказа. Всякій конкурсъ говоритъ приблизительно слѣдующее: „Попробуйте—срока столько-то, денегъ отпущено столько-то“, и затѣмъ, никакая молитва не поможетъ, чтобы прибавить немного больше времени или денегъ. Такимъ образомъ, всѣ работаютъ въ извѣстныхъ стѣсненныхъ рамкахъ, да и то на авось. Вотъ почему до

сихъ поръ нѣтъ въ Европѣ ни одного монумента, который заключалъ бы въ себѣ творчество высокаго по глубинѣ и оригинальности полета: однимъ словомъ, нѣтъ такого памятника, который былъ-бы выше посредственности. И не только одни монументы—всѣ заказныя драмы для сцены, оперы, оды—все это не выходитъ изъ рамокъ рутинности и фальши. Иначе и быть не можетъ, потому что творчество не получается ни на мѣру, ни на вѣсъ, ни за какія деньги. Его никто не можетъ заказать, даже самъ авторъ самому себѣ. Тотъ, кто понимаетъ истинное значеніе искусства, легко уразумѣетъ, что талантъ самъ по себѣ, безъ глубокаго убѣжденія, вѣры и любви къ тому, за что онъ берется, а главное, безъ искренности, не дастъ духовнаго или душевнаго искусства—творчества. Конкурсъ можетъ создать только декоративную сторону искусства, которая можетъ ласкать глазъ, но не тронетъ чувства.

Было время, когда аллегорія и разные аттрибуты замѣняли всякія живыя слова и чувства, когда вмѣсто души была сантиментальность, и вмѣсто глубокой страсти былъ паѳосъ. Въ такія времена можно было затѣвать конкурсы, и художникамъ очень легко было удовлетворять потребности времени. Теперь же, слава Богу, это ходульное время миновало, пора, чтобы и сами конкурсы миновали, по крайней мѣрѣ въ области духовнаго искусства. Но, къ сожалѣнію, недостатки, съ которыми мы рождаемся, не замѣтны для насъ, и если кто-нибудь указываетъ на нихъ, то его считаютъ вреднымъ, какъ нарушителя установленныхъ порядковъ. И вотъ почему я очень хорошо знаю, что слова мои ни къ чему не поведутъ, хотя-бы они были опубликованы во всѣхъ газетахъ. При этомъ всѣ скажутъ, что я-дескать гну въ свою сторону. Я нисколько не боюсь того, что скажутъ, но спрашивается: зачѣмъ-же напрасно гусей дразнить? Теперь такое время, что чтó ни сдѣлаешь, чтò ни скажешь — все думаютъ одинаково скверно: пойдешь направо — скверно, пойдешь налѣво — скверно, станешь въ серединѣ — опять скверно. Но хуже всего то, когда ты еврей.

Но надо сказать вамъ правду, что помимо всего этого, я очень, очень далекъ отъ всякихъ общественныхъ заказовъ. Они непремѣнно сократятъ твою жизнь на добрыя десять лѣтъ, если только не совсѣмъ сведутъ тебя въ могилу. Даже самъ Фидіасъ, въ золотую эпоху, тоже не избѣгнулъ обвиненія, что-дескать укралъ горсть золота изъ драпировки Зевса, и оправдался только тогда, когда золото сняли и свѣсили. Микель-Анджело откупился отъ обвиненія тѣмъ, что отказался отъ вознагражденія за постройку купола св. Петра. Послѣ этого, куда намъ, дуракамъ!

Въ заключеніе скажу вамъ, что пенсія моя уже утверждена Государемъ, и слава Богу!

Въ Парижѣ скверно и не здорово, и потому-то я сижу у моря и жду погоды; здѣсь-же, въ Біаррицѣ, хорошо, дешево и сердито.

341. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Парижъ, осень—зима 1882 г.

Я началъ было статую „Христа“ для Малютина, [1]) какъ получилъ извѣстіе, что конкурсъ не состоялся, и что теперь Государь ждетъ моего эскиза.

Буду надѣяться, что съ Божьей помощью выйдетъ что-нибудь порядочное. Я очень сожалѣю, что не удалось мнѣ видѣть конкурсъ, а также внимательно осмотрѣть мѣсто, гдѣ долженъ быть поставленъ монументъ, и хотя я убѣжденъ, что у меня ничего не будетъ похожаго на то, что было на конкурсѣ, однако надо-же знать, чѣмъ люди бываютъ недовольны. Мнѣ кажется, что у меня будетъ строго стильно, оригинально, ясно, а главное — задушевно. Мнѣ очень хочется выйти изъ этой рутинной области, общепринятой для монументовъ, отъ которой насколько вѣетъ оффиціальностью, настолько-же и холодомъ. Повторяю, надѣюсь, что и тутъ Богъ поможетъ мнѣ. Теперь остается только сдѣлать его, ибо въ головѣ онъ совсѣмъ готовъ, но работа эта спѣшная, и я очень просилъ-бы добраго Вас. Дмитр. [2]), а также и Виктора [3]), съѣздить въ Историческій музей и сдѣлать для меня легкій набросокъ съ тѣхъ эскизовъ, которые удостоились вниманія, и, конечно, съ тѣхъ, которые были премированы, а также и планъ мѣста. Повторяю, что дѣло очень спѣшное; если-же со всего этого есть фотографіи, тогда, конечно, это будетъ всего лучше. У меня въ мастерской очень оживленно: работаетъ 6 человѣкъ, и каждый молоткомъ.

342. Къ ней же.

Парижъ, осень—зима 1882 г.

Радуюсь за васъ, что вы ѣдете въ Римъ. Какъ меня туда тянетъ, особенно теперь, когда вы тамъ будете, когда можно было-бы вспомнить молодость. Адріанъ [4]) разсказалъ мнѣ, что когда онъ увидалъ вторично Помпею, то у него слезы навернулись на глазахъ. Вспомнилъ онъ безмятежное время, проведенное среди развалинъ, а теперь, сколько времени уплыло, и что было сдѣлано? Природа жестоко наказываетъ, выступаютъ морщины, сѣдина, и, поневолѣ, сожалѣніе о прошломъ. Хуже всего то, что эта оглядка не есть урокъ для будущаго, и впередъ не съумѣешь пользоваться жизнью, сознать, что только разъ живемъ. Мы—рабы самихъ себя, условій времени и привычекъ. Блаженъ тотъ, кто можетъ стряхнуть съ себя все это, и жить простою, естественною жизнью, соотвѣтствующею потребностямъ природы, своимъ сознаніемъ добра, а не быть вѣчнымъ слугою каприза времени. По-моему, итальянское небо, богатство природы, вѣчно улы-

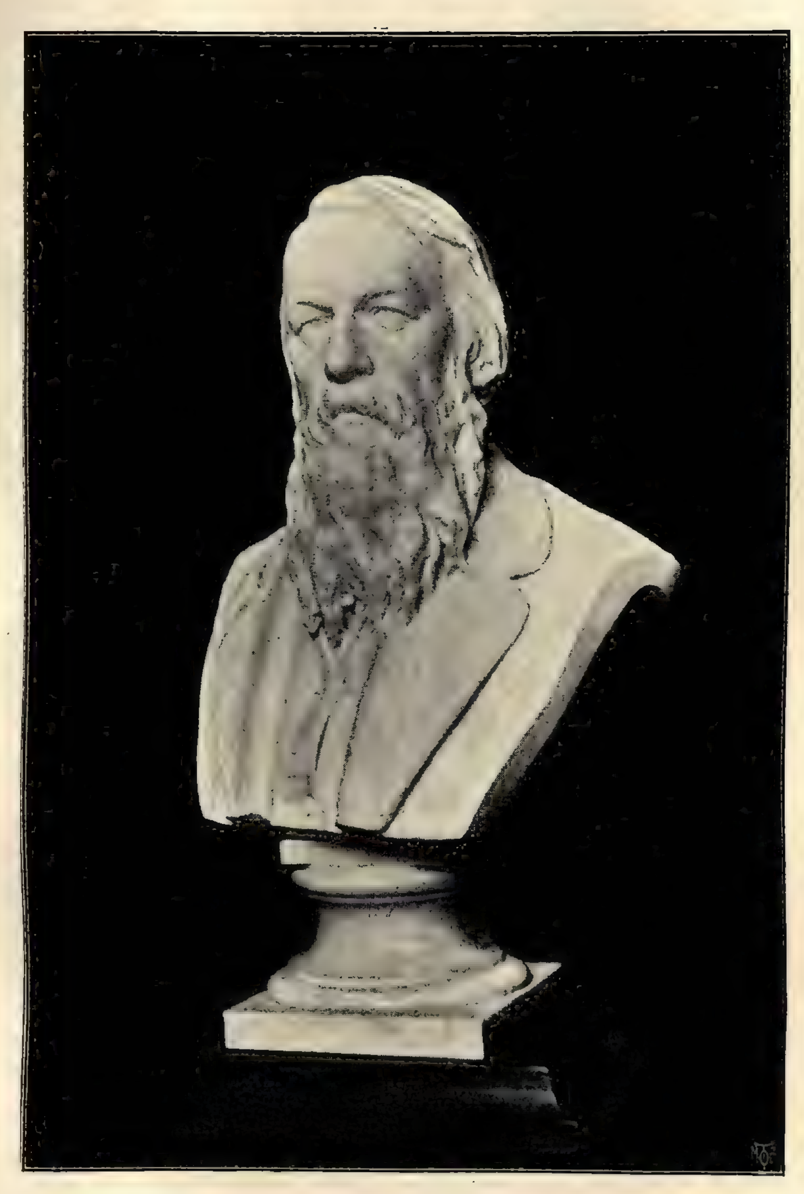
---

[1]) Малютинъ—извѣстный московскій фабрикантъ.

[2]) Полѣнова.

[3]) Викторъ Михайловичъ Васнецовъ.

[4]) Адріанъ Викторовичъ Праховъ.

В. В. СТАСОВЪ.
Бюстъ. С.-Петербургъ. 1873.

бающейся, празднично одѣтой, манитъ васъ къ себѣ, ласкаетъ и успокаиваетъ и шепчетъ вамъ: „Живи просто, наслаждайся мною, не убѣгай отъ меня, вѣдь я твоя, и мы оба принадлежимъ одному Творцу, зачѣмъ-же ты убѣгаешь отъ меня, живешь въ искусственной атмосферѣ? Зачѣмъ ты суетишься и съѣдаешь себя, какъ ржавчина желѣзо? Вѣдь ты, и друзья твои, и враги твои, уйдете въ вѣчное забвеніе, гдѣ нѣтъ ни злобы, ни зависти, а одна только тайна. Такъ отчего-же ты не хочешь быть моимъ другомъ, сыномъ и братомъ?“

Пожалуйста, когда будете въ Неаполѣ, поклонитесь отъ меня Везувію, и скажите ему, что никогда не забуду его, вѣчно буду помнить, какъ часами сидѣлъ на отвѣсныхъ скалахъ Соррентскихъ береговъ, какъ передо мною разстилался Неаполитанскій заливъ, а на горизонтѣ плавнымъ контуромъ гордо подымался красавецъ Везувій, поднимался до облаковъ, дышалъ, какъ живое существо, дыханіе его часто доносилось до меня. Я любовался его мѣняющимися цвѣтами, особенно при закатѣ солнца, я отдыхалъ, успокоивался послѣ мятежныхъ, душевныхъ треволненій. Скажите Италіи, что рвусь къ ней душою и тѣломъ, потому что полюбилъ ее, и люблю ее крѣпко, крѣпко. Вотъ какія порученія даю вамъ, сожалѣю только, что я теперь въ плѣну, работаю, а слѣдовательно не могу оторваться. Хуже всего, что работа капризничаетъ не по моей винѣ, а потому, что я не могу найти красивую модель.

Пожалуйста, Бога ради, пришлите мнѣ фотографію Тургенева, снятую въ Москвѣ, у Панова. Фотографія замѣчательная, рѣдко видалъ я такую. Ихъ двѣ, въ особенности хороша одна изъ нихъ; мнѣ она крайне необходима, потому что я хочу пользоваться ею для маленькихъ бюстовъ.

343. Къ ней же.

Парижъ, осень—зима 1882 г.

Очень обрадовали меня ваши два письма, первое изъ Флоренціи, а второе уже изъ Рима. Я наблюдалъ, что люди, ѣдущіе въ Италію, и люди, ѣдущіе въ Парижъ, совершенно два различные типа.

Первые ѣдутъ для того, чтобы отдыхать, наслаждаться природой, искусствомъ и углубляться въ исторію далекаго прошлаго. Однимъ словомъ, чтобы пополнить свои духовныя потребности. Люди-же, ѣдущіе въ Парижъ, теряютъ большую часть времени на бульварахъ, въ кафе, гдѣ пьютъ, шляются по магазинамъ и т. д. Все это, чтобы удовлетворить грубой физической потребности и необузданнымъ страстямъ. Насколько первые мнѣ симпатичны, настолько вторые мнѣ противны; но противнѣе всего, что мнѣ до сихъ поръ приходится чахнуть среди этой пошлости. Очень, очень жалѣю, что меня нѣтъ теперь въ Римѣ. Мнѣ кажется, я-бы ходилъ и наслаждался до усталости. Получивши ваше письмо, я мысленно представляю себѣ васъ вездѣ, гдѣ искусство и природа, и даже чувствую, что вы вспоминаете меня.

Что-же касается меня, то я на этотъ разъ скоро перешелъ отъ

слова къ дѣлу, и уже работаю „Святую мученицу". Мнѣ кажется, что я съумѣю вложить въ нее одну изъ моихъ любимыхъ идей: „примиренie", хотя лично самъ я не всегда способенъ на это, благодаря моей нервной раздражительности.

344. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 29 декабря 1882 г.

Я радъ, что вы здравствуете, сильно и энергично работаете, и что наконецъ вы оцѣнены по достоинству, съ чѣмъ отъ души и поздравляю. Послѣ этого вамъ остается долго, долго здравствовать, и много, много еще работать, чего отъ души и желаю вамъ, а намъ радоваться и гордиться. Очень удивляюсь вашему терпѣнiю и охотѣ перечитывать мои письма: представляю себѣ, сколько хлама вамъ пришлось перелистывать. Вы затронули одинъ очень важный и больной для меня вопросъ: вы вспоминаете мнѣ слова, сказанныя мною десять лѣтъ тому назадъ относительно „еврейства". Да, дорогой дядя, я это могу и теперь повторить съ бо̀льшею настойчивостью, но что прикажете дѣлать — сила обстоятельствъ сильнѣе, чѣмъ воля человѣка. Жизнь, какъ море. Новыя бури приносятъ новыя волны, которыя увлекаютъ тебя броситься среди нихъ, и онѣ унесутъ тебя еще дальше. Результатъ-же тотъ, что новая жизнь принесетъ тебѣ новыя впечатлѣнiя, и, слѣдовательно, новые сюжеты, которые станутъ преслѣдовать тебя неотступно день и ночь, пока ты ихъ не создашь.

Чтобы воспроизводить евреевъ такъ, какъ я ихъ знаю, необходимо жить среди нихъ, тамъ, гдѣ эта жизнь кругомъ тебя клокочетъ и кипитъ, а дѣлать за глазами будетъ то-же самое, что художнику работать безъ натуры. Какъ-бы онъ ни напрягалъ всѣ свои способности, какъ-бы ни относился къ своей работѣ добросовѣстно, искренно и горячо, все-таки въ ней недоставать будетъ многаго, а главное — того духа, который такъ характеризуетъ нацiю и эпоху. Тотъ, кто хочетъ заниматься нацiональными сюжетами, долженъ творить на мѣстѣ, иначе лучше и не трогать.

Среди евреевъ я-бы могъ быть еврейскимъ скульпторомъ въ смыслѣ внѣшности, отличительности; среди русскихъ — русскимъ, а внѣ ихъ, къ сожалѣнiю, я не могу быть ни тѣмъ, ни другимъ. Но все-таки я и х ъ, о т ъ н и х ъ, д л я н и х ъ, Какъ далеко ни отходилъ-бы я въ своихъ произведенiяхъ отъ настоящаго, изъ какой эпохи и нацiональности я-бы ни бралъ сюжеты для моихъ работъ, все-таки все это результатъ тѣхъ долгихъ думъ и впечатлѣнiй, съ которыми я живу, которыя меня отравляютъ и опять воскрешаютъ. Вся душа моя принадлежитъ той странѣ, гдѣ я родился и съ которою свыкся; весь я принадлежу тѣмъ, кого раньше другихъ я назвалъ своими. На сѣверѣ сердце мое бьется сильнѣе, я глубже тамъ дышу и болѣе чутокъ къ всему, что тамъ происходитъ. Только издали я какъ-будто вижу его болѣе ясно, рельефно, цѣликомъ. Все это принесло мнѣ много горя, много ночей я не доспалъ, волновался изъ-за него, изъ-за

этого сѣвера, но къ сожалѣнію испыталъ очень мало радости. А все-таки я отказался уйти отъ него, жить другою жизнью. Забыть его я не могу и не хочу. Вотъ почему все, что-бы я ни сдѣлалъ, будетъ результатомъ тѣхъ задушевныхъ впечатлѣній, которыми матушка Русь вскормила меня. И я могу сказать только: „Сладокъ медъ твой, только ужъ больно ты кусаешься".

Вотъ, дорогой дядя, почему я имѣю право называть себя русскимъ скульпторомъ болѣе, чѣмъ всякій другой. Надѣюсь, что придетъ время, когда увидятъ, что въ моихъ работахъ больше всего отражается, и не въ однихъ внѣшнихъ чертахъ, весь духъ, пропитывающій всякую душу, живущую въ Россіи и любящую ее.

Что-же касается до евреевъ, то именно теперь, какъ разъ, когда я работаю большую и послѣднюю (надѣюсь) статую „Мефистофеля", которому немало своей желчи я передаю, я также работаю и „Шайлока" Шекспира и барельефъ: „Вѣчный жидъ". Надѣюсь, что это только начало, а впрочемъ, Богъ знаетъ, очень можетъ-быть, что необходимость опять заставитъ меня дѣлать какую-нибудь глупость. Денежное мое положеніе теперь такое, какого никогда у меня не бывало—плохо изъ рукъ вонъ! Шутка сказать, вотъ почти 3 года я не продавалъ ничего ни на грошъ. Теперь продаю лишнія античныя вещи. Что дальше будетъ, кто знаетъ! Вы говорите, что главная задача моя—это драма. Помню, что когда я былъ юношей, я былъ очень шаловливъ, но узналъ жизнь—и сталъ другой.

Вы хотите цитировать разныя мѣста изъ моихъ писемъ [1]). Только, пожалуйста, не то, что касается французовъ и французскаго искусства.

345. Къ нему же.

Парижъ. Получено 8 января 1883 г.

Относительно древне-еврейскихъ рисунковъ скажу, что дѣйствительно я пересматривалъ ихъ второпяхъ, да притомъ я и спорить не стану съ вами объ этомъ, потому что вы въ сто разъ больше знаете въ этомъ, чѣмъ я. Обѣщаю, когда выйдетъ этотъ почтенный трудъ, буду разсматривать это внимательнѣе и сообщать вамъ.

Но за то съ бо́льшею настойчивостью буду защищать старое и новое искусство, о которомъ я писалъ вамъ въ позапрошломъ письмѣ. Мнѣ кажется, что вы не вѣрно поняли меня, или, скорѣе, я не ясно высказался. По крайней мѣрѣ, изъ вашего письма я заключилъ, что вы думаете, будто я привожу имена старыхъ мастеровъ, передъ которыми надо слѣпо и безусловно преклоняться.

Мнѣ кажется, вы знаете мои поговорки: „Надо все изучать, и ничему не подражать... Если невозможно сдѣлать что-нибудь лучше, то стараться дѣлать равносильное, но нисколько не похожее".

Когда спорятъ: что лучше въ искусствѣ—содержаніе или форма, для меня это все равно, какъ если-бы спросили: „что лучше—лѣвый

[1]) Въ предполагавшейся статьѣ В. В. Стасова: «25 лѣтъ русскаго искусства».

глазъ или же правая нога?“ И то, и другое не хорошо, когда не достаетъ у иного организма.

Форма безъ содержанія и содержаніе безъ формы одинаково не хороши; превосходно, когда оба они вмѣстѣ. Точно также, я не понимаю спора о реализмѣ, натурализмѣ, идеализмѣ, націонализмѣ и т. д. Главное для меня, какъ въ искусствѣ, такъ и въ жизни, это—душа, искренность.

Художникъ только тотъ, кто столько-же страстно любитъ человѣка, какъ и свое искусство; кто вѣритъ, глубоко убѣжденъ въ правотѣ своего творчества; кто отдаетъ всю свою жизнь искусству для человѣчества. Только у такихъ горитъ искра Божія, горитъ ярко, непотушимо. Это и есть главное въ искусствѣ. Тамъ, гдѣ кончается душа—начинается смерть. Вотъ мое мѣрило въ искусствѣ, все равно, къ какому времени и народу оно-бы ни принадлежало. Въ искусствѣ XIV и XV вѣковъ видна какая-то тишина, робость, точно художникъ до того былъ проникнутъ своимъ идеаломъ, до того любилъ и вѣрилъ въ свое созданіе, что онъ, благодаря этому, воспроизводилъ его съ какою-то боязнью и благоговѣніемъ.

Къ этому надо еще прибавить, что благодаря ихъ содержательности, идеѣ, душѣ, тѣ люди выражали эту идею даже тогда, когда воспроизводили просто портреты. И потому тогдашнія работы носятъ отпечатокъ какой-то тишины, грусти, полны задушевности и искренности, до наивности. За то техника ихъ часто суха, несвободна, робка и мало виртуозна.

Не то мы видимъ въ XVI и половинѣ XVII вѣка, въ особенности у итальянцевъ. Форма, виртуозность въ краскахъ достигаютъ небывалаго совершенства. Роскошь, прелесть человѣческаго тѣла воспроизводится въ совершенствѣ, вездѣ дышетъ полная, свѣжая, здоровая жизнь, даже когда они воспроизводятъ аскетовъ, мучениковъ. Но за то нѣтъ тутъ той задушевной теплоты, той искренности въ своемъ внутреннемъ идеалѣ, какія видны у предыдущихъ художниковъ.

Причины всему этому вы, дорогой дядя, лучше меня знаете, и потому я не стану распространяться объ этомъ. Точно также не стану распространяться о дальнѣйшей судьбѣ искусства, а прямо сдѣлаю переходъ къ настоящему, и, чтобы не вдаваться въ детали, прямо приближусь къ моей цѣли.

По моему глубокому убѣжденію, и на сколько я старался познать, настоящій вѣкъ не создалъ въ искусствѣ ничего подобнаго тому, о чемъ я говорилъ выше. Да и вообще нашъ вѣкъ—вѣкъ анализа, пробужденія, вѣкъ разума; однимъ словомъ, называйте какъ хотите, но не вѣкъ искусства. Живопись, архитектура и скульптура оказались несостоятельными во всѣхъ отношеніяхъ.

Начнемъ съ архитектуры и спросимъ, что она создала самостоятельнаго въ нашемъ вѣкѣ? Отвѣтъ будетъ равняться нулю, ибо все, что она строитъ, все это въ такомъ-то и такомъ-то стилѣ. Это все взято отъ того или другого, и больше ничего, а о своемъ собственномъ стилѣ никто и не задумывается. До нашего вѣка, въ каждой

странѣ, каждая эпоха приносила съ собою свой особенный типъ и характеръ, изъ чего и вырабатывался свой особенный стиль, а въ послѣднихъ эпохахъ стиль мѣнялся четыре раза въ одно столѣтіе. У насъ-же нѣтъ даже и попытки сдѣлать что-нибудь свое.

За архитектурой идетъ индустрія, которая до того сознаетъ свое безсиліе, что не только подражаетъ старинѣ, но просто развиваетъ свой вкусъ на счетъ старинныхъ изданій, до того онъ кажется превосходнымъ въ сравненіи съ настоящимъ, гдѣ проза покорила поэзію.

Мнѣ теперь не совсѣмъ удобно писать: лежу въ постели, у меня флюсъ, лихорадка, по ночамъ не сплю; все это не опасно, но непріятно, а, впрочемъ, я радъ, что есть у меня времени вдоволь для того, чтобы наговориться досыта и передать все, все, что у меня накопилось за послѣдніе годы. Мнѣ кажется, что обо всемъ этомъ я всегда неохотно говорилъ, а говорилъ почти исключительно только о себѣ: это очень легко, безобидно, но, наконецъ, и противно. Съумѣю-ли я теперь передать вамъ все? Вѣдь мы говоримъ теперь объ искусствѣ, и то въ извѣстной формѣ. А впрочемъ, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Архитекторъ отличается отъ живописца тѣмъ, что у перваго главное основаніе—математическая логика, умъ, а у второго—чувство. Архитекторамъ нѣтъ ни малѣйшей надобности справляться съ дѣйствительностью, наблюдать и изучать человѣка; между тѣмъ, какъ живописцу—это крайне необходимо. Но для обоихъ одинаково важно исполненіе; для обоихъ важны художественная форма, вкусъ, которые должны быть доведены до совершенства и соотвѣтствовать содержанію.

Казалось-бы, такія простыя вещи каждому должны быть извѣстны, въ особенности художнику, но, къ сожалѣнію, теперь время такое, что никто и знать этого вовсе не хочетъ, и первый-же самъ художникъ. А потому теперешнее движеніе искусства не имѣетъ подъ собою реальной почвы. Всякое новое явленіе—только перемѣна декорацій, но суть остается все та-же.

Псевдо-классики подражали греческимъ произведеніямъ рабски, льстиво, и никому въ голову не приходило, что если уже подражать, то самимъ грекамъ. Это научило-бы ихъ, по крайней мѣрѣ, быть самостоятельными, потому что греки были таковы. Они никому не подражали, а, главное, подражаніе грекамъ научило-бы ихъ относиться къ жизни и къ своимъ созданіямъ серьезно, искренно и просто; но что еще важнѣе—псевдо-классики увидѣли-бы тогда, что у грековъ никогда не было искусства для искусства, а всякое содержаніе вызывало свою форму. И, надо сказать правду, никто въ мірѣ не достигалъ этого такъ геніально, какъ греки.

Жестоко ошибаются тѣ, которые думаютъ, что греки были абсолютно идеалисты и создавали абсолютную красоту. Нѣтъ, раньше всего они подчинялись строго идеѣ, содержаніемъ которой задались. Когда грекъ работалъ Геркулеса, вся сила его творчества была сосредоточена на томъ, чтобы изобразить силу человѣка, и это достигалось ими въ совершенствѣ. Право, я не могу сказать, чтобы „Геркулесъ“ былъ

очень красивъ, но за то я долженъ сказать, что художникъ вполнѣ достигъ своего идеала.

То-же самое можно сказать и про „Фавна" и про другія личности, и, наконецъ, про ихъ портретныя статуи, которыя достигаютъ въ высшей степени реалистическихъ совершенствъ, и часто даже безпощадной правды со всѣми особенностями, „неправильностями", по понятіямъ нашихъ академиковъ (каковы: кривизна лица, жилистость и мозолистость ногъ, а главное—индивидуальность формъ)—все это являлось у нихъ потому, что они боготворили раньше всего идею.

Разъ я дѣлаю портретъ, я долженъ показать человѣка такимъ, каковъ онъ есть, а не такимъ, какимъ я желалъ-бы его смѣрить моимъ художественнымъ, традиціоннымъ аршиномъ.

Конечно, совершенно другое было дѣло, когда рѣчь шла о „Венерѣ Милосской": она была благодатной идеей красоты, и красота выступала здѣсь въ своемъ совершенствѣ.

Таковы были греки. Ихъ не понимали, но за то ими восхищались и увлекались. Если-же бы поняли ихъ, то не стали-бы тратить силы и время понапрасну, а старались-бы создать свое, то, что намъ дорого и что близко нашему сердцу; старались-бы понять нашъ вѣкъ, нашъ духъ, и тогда форма сама собою явилась-бы. Къ сожалѣнію, искусство нашего времени не съ того конца начало, а начало съ формы, и потому въ немъ нѣтъ содержанія, души. Но кто-же не знаетъ, что форма безъ душевнаго содержанія то же самое, что тѣло безъ души.

Помню, что когда я пріѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ мнѣ хотѣлось познать тамошнюю премудрость, мнѣ всѣ сказали, что мнѣ надо учиться у Бегаса, потому что онъ реалистъ. И я былъ крайне удивленъ, что весь реализмъ состоялъ только въ томъ, какъ Бегасъ трактуетъ тѣло, а сюжеты оставались тѣ-же: фавны да нимфы. Но это было лѣтъ 16 тому назадъ [1]), а впрочемъ, и теперь есть реалисты, и ихъ не мало, такого-же сорта. Но истинными реалистами мы называемъ тѣхъ, кто воспроизводитъ событія изъ дѣйствительной жизни. И это совсѣмъ не новость, этимъ занимались не только голландцы и фламандцы въ среднихъ вѣкахъ, но и всѣ люди еще раньше среднихъ вѣковъ. Стоитъ только взглянуть на миніатюры въ манускриптахъ, гдѣ находится такая масса реальныхъ изображеній, цѣлыя сцены, прямо выхваченныя изъ жизни. Во-вторыхъ, надо обратить вниманіе на то, что теперешніе реалисты, за очень немногими исключеніями, смотрятъ на жизнь такъ, какъ псевдо-классики на грековъ, а именно—съ внѣшней стороны.

Я забѣжалъ впередъ. Останавливаюсь и спрашиваю: что именно создало искусство въ нашъ вѣкъ? Какія особенности у него есть? Мнѣ скажутъ: реализмъ. Но вѣдь это не новость, притомъ-же онъ до сихъ поръ все только цѣпляется за вѣтви, а до корня наши художники все-таки не добрались! Всякая внѣшняя отличительность, всякій этнографическій костюмъ принимаются за реализмъ!

---

[1]) Въ 1867 году.

Затѣмъ мнѣ укажутъ на пейзажъ.

На это надо отвѣтить, что въ пейзажѣ живопись дѣйствительно пошла впередъ, но не создана имъ.

Наконецъ, скажутъ мнѣ еще, что заслуга новой живописи въ томъ, что теперь сдѣлана попытка возсоздавать прошедшую исторію. Но въ послѣднее время этотъ родъ живописи мало-по-малу оставляютъ, и притомъ-же, надо сказать правду, что несмотря на то, что, за историческіе сюжеты брались лучшіе таланты и на нихъ были потрачены лучшіе годы жизни, все-таки, несмотря на многія достоинства, не созданъ ни одинъ типъ, который народъ въ самомъ дѣлѣ принялъ-бы за того, кого знаютъ по исторіи.

И такъ, резюмируя, я говорю, что нашъ вѣкъ хотѣлъ создавать, но пока еще не создалъ; ищетъ, но пока еще не нашелъ. Дай Богъ, чтобы въ скоромъ будущемъ онъ достигъ своего совершенства. Онъ только тогда этого достигнетъ, когда художественная душа будетъ чувствовать не одну только гармонію красокъ, но и гармонію другихъ чувствъ; когда художникъ будетъ прислушиваться къ біенію сердца, не только у отдѣльныхъ индивидуумовъ, но и у всего народа; когда художникъ съумѣетъ подняться высоко надъ всѣмъ этимъ, и, наконецъ, когда у него самого будетъ биться сердце одинаково со всѣми и за всѣхъ. Только тогда явится истинное художественное творчество, которымъ нашъ вѣкъ будетъ гордиться, какъ своею особенностью.

Не знаю, хорошо-ли я выражаюсь и ясно-ли, но знаю только, что мнѣ хотѣлось-бы выражаться лучше. Но что прикажете дѣлать? Теперь я не чувствую надъ собой головы, а только какое-то свинцовое ведро.

Не говорилъ я о скульптурѣ, потому что говорить о ней не стоитъ. Скажу только то, что разъ уже сказалъ, а именно, что она все еще находится точно въ летаргическомъ снѣ: ходитъ, работаетъ, лѣпитъ,— и даже хорошо, а все-таки продолжаетъ спать крѣпкимъ сномъ. Все, что дѣлалось 50 лѣтъ тому назадъ, дѣлается и теперь: тѣ же геніи, аллегоріи, столько-же прекрасно, но лживо; тѣ же юные Давиды и т. д. и т д. Правда, есть какія-то попытки, но повторяю, все это выражается только во внѣшнихъ пріемахъ, въ перемѣнѣ костюма, а съ этимъ далеко не уйдешь.

Велика моя надежда на нашу милую, но жестокую Россію. Хорошо она начала свое искусство, и я глубоко вѣрю, что она скажетъ свое особенное, свѣжее слово среди международнаго искусства. Но я иду еще дальше: я вѣрю, что она подѣйствуетъ освѣжающе на другихъ. Дорога она мнѣ не тѣмъ, что она реалистка, этнографистка, а тѣмъ, что она старается понять человѣческую душу, духъ народа, его радости и горе, его настроеніе и стремленіе, вездѣ она ищетъ творчества души, а какъ это дорого и велико въ искусствѣ! Но ко всему этому, мы еще юноши и это далеко не бѣда, напротивъ! Хорошо, если-бы только мы не стали вытягивать бороду и усы, чтобы поскорѣе они выросли, и чтобы намъ быть похожими на стариковъ.

Въ нашей русской жизни я замѣчаю какое-то нетерпѣніе, торо-

пливость; всѣ быстро хватаются за все, и столь-же быстро охлаждаются: что насъ интересовало вчера — сегодня уже забыто, и вмѣсто этого является какой-нибудь новый и новый интересъ. Поэтому мы много начинаемъ, но мало, почти ничего не кончаемъ. Какъ результатъ всего этого, чувствуется неудовольствіе, нетерпѣніе, раздражительность, доходящая до нетерпимости; а благодаря этому, мы все больше и больше хмуримся, входимъ въ себя, углубляемся во внутреннее свое „я", разбираемъ его безпощадно подъ анатомическимъ ножемъ, и разсматриваемъ подъ микроскопомъ, односторонне, не такъ, какъ оно есть, а какъ мы хотимъ его видѣть въ данномъ случаѣ. И потому вся наша литература, не исключая классической, наполнена исключительно отрицательными субъектами, и до сихъ поръ нѣтъ нигдѣ попытки на положительные типы. Да мы теперь и знать ихъ не хотимъ! Мы мрачно настроены, мы слезъ жаждемъ, точно слезы утоляютъ жажду, и глотаемъ-же мы свои собственныя слезы!

Не думайте, что я, сидя здѣсь, не прислушиваюсь къ біенію сердца Россіи. Нѣтъ, издали видишь ее еще лучше, понимаешь ее еще глубже и становится она твоему сердцу еще ближе.

Насколько правильно мое сужденіе относительно Россіи, пускай скажетъ ея литература, которая не создала ни одного положительнаго типа, просто потому, что такого нѣтъ въ дѣйствительности.

За литературой идетъ живопись, только она еще не умѣетъ всецѣло отдаваться житейскимъ бурямъ, какъ литература. Пока живопись создаетъ жизнь робко, какъ-то неумѣло, но все-таки часто съ апломбомъ. Почти вездѣ господствуетъ роковой вопросъ: „зачѣмъ?" „что?" Точно и она подходитъ къ своему холсту не душою, а умомъ, съ предвзятой идеей. До сихъ поръ живопись не создала ни одного русскаго историческаго типа и ни одного крупнаго эпизода изъ нашей внутренней жизни. При этомъ въ русской живописи замѣчается только два теченія: главное это—пейзажъ, а затѣмъ народный жанръ. У перваго часто проявляется поэзія и задушевность; за то у второго, Боже мой, что за проза! Все ноетъ, стонетъ, точно всѣ превратились въ „наемныхъ плакальщиковъ".

Какъ вы когда-то выразились: хотятъ расчувствовать публику къ мужичку, а сами не понимаютъ этого мужичка, или-же, если и понимаютъ, то узко, односторонне. И неужто нѣтъ у этихъ мужичковъ своей особенной стихійной силы, своей поэзіи, своего могущества, ширины и глубины, какъ это понялъ Кольцовъ? И неужто, создавши все это, не полюбятъ этого мужичка еще больше и не пожелаютъ ему лучшей участи? Помню, когда наши художники сладко дремали, и имъ снились финиковыя деревья, Амуръ и Психея, летающіе другъ за другомъ, идеальныя пастушки, итальянскіе танцоры, вы тогда грозно и громко протестовали противъ такого прозябанія. И вы вправѣ гордиться, что разбудили нашихъ художниковъ: они стали оглядываться вокругъ себя и присматриваться къ жизни. Все это, конечно, вамъ очень дорого, и потому, въ вашихъ послѣднихъ двухъ статьяхъ, которыя дѣйствительно превосходны, гдѣ вы сводите итоги

за послѣднія 25 лѣтъ [1]), вы допускаете нѣкоторыя погрѣшности, о которыхъ умалчивать никакъ не слѣдовало-бы—какъ въ слабости техники, рисунка и красокъ, даже у нашихъ лучшихъ художниковъ. А вѣдь рисунокъ—это тотъ-же языкъ, которымъ мы учимся ясно выражаться; а краски—это та-же поэзія, музыка, которыя такъ хорошо помогаютъ народу вылить свою душу въ народныхъ пѣсняхъ. При этомъ скажу вамъ, что изъ четырехъ русскихъ богатырей русскаго искусства цѣльнѣе всѣхъ Рѣпинъ въ „Бурлакахъ", а самостоятельнѣе Шварцъ.

Конечно, все, что я говорю теперь вамъ, я говорю точно про себя. Я не настаиваю, чтобы кто-нибудь согласился со мною: мнѣ кажется, со мною никто не согласенъ. Въ искусствѣ, правая сторона называетъ меня—реалистомъ, лѣвая—рутинеромъ. Евреи думаютъ, что я христіанинъ, а христіане ругаютъ меня, почему я жидъ; евреи упрекаютъ, зачѣмъ я сдѣлалъ „Христа", а христіане упрекаютъ, зачѣмъ сдѣлалъ такого „Христа"? Все это пришлось мнѣ выслушивать.

Наконецъ, здѣсь всѣ убѣждены, что я русскій, а въ Россіи всѣ убѣждены, что я чужой; и часть ихъ, потому только, что я хочу быть самостоятельнымъ, идти впереди искусства, а не позади его; а другая часть—потому, что я не православнаго вѣроисповѣданія. Ахъ, Русь, неужели ты отталкиваешь того, кто вѣрилъ въ тебя, любилъ тебя, и любилъ тебя по-своему? Но какъ жестоко ты наказала меня за мою привязанность къ тебѣ, наказала, и какъ еврея, и какъ человѣка! Ахъ, Русь, жестока ты къ чужимъ и жестока къ самой себѣ!

И такъ, стою я среди перекрестнаго огня. Трудно устоять, въ особенности одному, но... „а все-таки земля вертится" [2]).

Мой поклонъ Эліасику, пожалуйста, пускай не унываетъ, что туго достаются ему медали; ничего, свое онъ возьметъ. Я тоже могу похвастаться, что мало медалей получилъ я въ Академіи, а все-таки живъ остался. Еще прошу, пускай не сердится за мое долгое молчаніе.

346. Къ нему же.

Парижъ. Получено 15 января 1883 г.

Я забылъ сказать вамъ, что фотографію „Спинозы" я вышлю надняхъ черезъ брата Оршанскаго. Но если фотографія нужна вамъ скорѣе для провѣрки, то таковая находится у барона Гинцбурга.

Хотѣлось мнѣ сказать вамъ, что въ Петербургѣ находится нѣсколько моихъ работъ на квартирѣ у Саввы Мамонтова, которыя я отдалъ-бы наполовину дешевле, чѣмъ было назначено до сихъ поръ, а именно: за „Ивана Грознаго" изъ мрамора (бюстъ) раньше назначено было 2000 руб., а теперь я отдалъ-бы за 1000 руб. Пожалуйста, спросите у Беггрова, авось онъ найдетъ покупателя. Конечно, все это перемелется, и мука будетъ, но пока и смѣшно и досадно.

---

[1]) Статьи, напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы»: «25 лѣтъ русскаго искусства».

[2]) Слова Галилея.

Получили-ли вы мое нескончаемое письмо? Мнѣ кажется, что я писалъ его точно во снѣ; представляю себѣ, сколько тамъ недосказаннаго, неяснаго, да и разобрали-ли вы тамъ что-нибудь? Сожалѣю, что послалъ его, такія письма не надо писать въ постели.

Теперь я опять смотрю пѣтухомъ, хотя порядкомъ, да и глупо, перемучился. Говорятъ, что „Мефистофель“ идетъ у меня хорошо. Еще-бы! Я теперь въ такомъ настроеніи, что адъ и черти помогаютъ мнѣ.

347. Къ нему же.

Парижъ. Получено 18 января 1883 г.

Говорятъ, что бѣднякъ радуется тогда, когда находитъ потерянное. На этотъ разъ радуюсь и я, что вы, слава Богу, поправляетесь. Отъ души желаю вамъ полнѣйшаго выздоровленія и бодрости.

Что вы, дорогой дядя, не будете согласны съ моимъ послѣднимъ письмомъ, это я предчувствовалъ и, кажется, въ письмѣ высказалъ это; но чтобы мы совсѣмъ расходились, этого я и теперь не чувствую. Но неужто вы такъ поняли мое письмо, какъ отвѣтили мнѣ?

Опять приходится сказать себѣ: „Чортъ знаетъ, какъ я пишу, что никто не понимаетъ“. Иначе, ей-Богу, вы не написали-бы такого письма. А все-таки я упрямъ, и не желаю оставить поле битвы, тѣмъ болѣе, что правда за мною.

Вы говорите, что я вѣрую въ старое искусство, а вы въ новое. Нѣтъ, дядя, я не вѣрую въ него, а любуюсь имъ, какъ любуюсь прозрачностью моря, куда, однако, не желалъ-бы попасть, потому что тамъ не моя сфера, и, попавши туда, я сталъ-бы трупомъ безъ души. Мнѣ кажется, что въ прошломъ письмѣ я не высказалъ того, что вы приписываете мнѣ. Между нами та разница, что вы вѣрите въ „настоящее“ искусства, а я въ его „будущность“, потому что современное искусство скользитъ по жизни, но не затрагиваетъ ее настолько, чтобы стать выразительницей жизни. Европейское искусство начало съ формъ, и потому не можетъ добраться до души; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ я этого не вижу. Все искусство, за немногими исключеніями, все это народное, раскрашенное съ большимъ вкусомъ, но все это—превосходныя бутылки съ плохимъ виномъ. Иногда точно передана дѣйствительность, а все-таки творчества, отъ котораго хватало-бы меня за сердце, отъ котораго смѣялся-бы я отъ души, однимъ словомъ, такого, которое говорило-бы творческимъ языкомъ,—такого нѣтъ. Нѣтъ и потребности на это, нѣтъ и такого человѣка, который далъ-бы этому направленіе. Приблизительно все это я сказалъ уже вамъ въ прошломъ письмѣ, и теперь повторяю, и до старости буду повторять, пока не увижу, что искусство заговорило и люди стали его понимать.

Конечно, это мое собственное убѣжденіе, и я не имѣю ни малѣйшаго желанія навязывать его кому-бы то ни было, потому что я хорошо знаю, что напрасно порохъ теряю. Да притомъ, что человѣкъ,

то новость на свѣтѣ. Но почему-же вы желаете меня убѣдить? Почему вы указываете мнѣ, чѣмъ я былъ, чѣмъ есть, и чѣмъ быть долженъ? Мнѣ кажется, что вы, болѣе, чѣмъ кто другой, должны знать, что это напрасно, потому что я остаюсь вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, хотя они и не совершенны. Но при всемъ этомъ замѣчу, что все-таки вы должны согласиться со мною хоть въ немногомъ, и вотъ почему я уже указалъ, что я вовсе не вѣрю въ старое искусство настолько, насколько вы въ новое, а вѣрую лишь въ его будущее. Какъ видите, разница сократилась какъ разъ на половину. Потомъ вы говорите, что я не признаю русскаго искусства. Извините; напротивъ, кажется, въ прошломъ письмѣ я высказалъ мою глубокую вѣру въ русское искусство, потому что оно хорошо начало; вѣрю, что оно скажетъ новое слово въ европейскомъ искусствѣ и т. д.

Но зачѣмъ хватать рыбку раньше, чѣмъ вытянулъ удочку? Зачѣмъ превозносить его, какъ совершенство, раньше, чѣмъ оно стало таковымъ въ дѣйствительности?

При этомъ-же въ вашей статьѣ я вовсе не вижу, чтобы вы назвали русское искусство совершенствомъ. Такъ въ чемъ же между нами разница? Та, что вы видите достоинства, и пропускаете недостатки, а я вижу достоинства и недостатки, о которыхъ умалчивать не хочется. Я не отказываюсь отъ своихъ словъ; напротивъ, утверждаю, что при всѣхъ здоровыхъ и глубокихъ задаткахъ не хватаетъ ему еще очень много. Часто оно копируетъ жизнь, но не такъ часто понимаетъ ее.

Стоитъ только вѣрно написать современный костюмъ, и этотъ художникъ уже принятъ за реалиста; поплачетъ кто-нибудь надъ мужичкомъ, и тотъ уже вдвое реалистъ. А нѣтъ, дорогой дядя, другой такой картины, какъ „Бурлаки". Пока она одна только и есть, а „одна ласточка весны не дѣлаетъ". И все-таки это хорошая предвѣстница!

Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ очень хорошихъ художниковъ, но всѣ они блеснули, точно случайно, одинъ разъ только въ жизни и опять исчезали.

Большая часть лучшихъ художниковъ дѣлала только по одной картинѣ за всю жизнь, и дѣлала въ началѣ карьеры. Они только обѣщали и потомъ исчезали. Таковы—Поповъ, Мясоѣдовъ, Пукеревъ, Прянишниковъ, Соломаткинъ. И что-жъ? Неужели послѣ этого радоваться, ставить имъ 5 съ плюсомъ? А впрочемъ, счастливъ тотъ, кто довольствуется малымъ. Увы! Я—нѣтъ, нѣтъ, дорогой дядя, сто тысячъ разъ нѣтъ! Я жду отъ Россіи не того, и глубоко убѣжденъ, что она дастъ въ тысячу разъ больше, когда разовьется во всю свою ширину и глубину, когда потребность на искусство будетъ не только въ Петербургѣ и въ Москвѣ, когда искусство будетъ—душевная потребность всего русскаго народа. О, тогда не будетъ искусственнаго прививанія; художникъ не зачахнетъ раньше, чѣмъ успѣлъ развиться. Тогда и не будетъ искусственной Академіи художествъ, которая кладетъ ходульную печать на душу художника. Да, да, тогда будетъ

именно то, что было въ среднихъ вѣкахъ, только при лучшихъ условіяхъ и при иномъ свѣтѣ.

Въ заключеніе, хотѣлось мнѣ еще сказать вамъ, зачѣмъ вы упрекаете меня даже въ томъ, чего я еще не сдѣлалъ? Вы говорите о „женщинѣ, борющейся съ орломъ“. Мало-ли что мнѣ взбредетъ въ голову! Ошибка моя только въ томъ, что я все болтаю. Но утѣшаюсь я тѣмъ, что никто не бываетъ безъ грѣха.

За то впередъ буду молчаливѣе насчетъ такихъ вещей. Покажу ихъ, когда онѣ будутъ готовы, и тогда, воля ваша—ругайте или хвалите. Понравится вамъ—буду радъ; нѣтъ—не буду сердитъ, даже когда будете сердиться.

Слава Богу, что хоть вы не продаете своей правды ради дружбы. На то и данъ человѣку умъ, чтобы онъ думалъ, языкъ, чтобы говорилъ, и воля, чтобы не подчиняться другимъ.

Еще одно слово: вы говорите, что въ вашей будущей статьѣ я буду играть крупную роль. Очень благодаренъ, но даже и не удивляюсь, потому что, какъ-бы вы ни были противъ моего искусства, все-таки хорошо знаете, что на безрыбьѣ и ракъ рыба. „Такъ вотъ“, скажутъ: „какого онъ мнѣнія о себѣ! Врешь, въ доказательство, что онъ отъ Россіи ничего не получилъ, кромѣ брани“. А я затяну мою любимую пѣсенку: „Меня не любятъ, и не надо—мнѣ все равно“ [1])... Но пора закончить письмо, а то и конца не будетъ. Нѣтъ ничего скучнѣе спора, въ особенности, когда знаешь, что каждый останется при своемъ.

P. S. Я забылъ сказать вамъ еще относительно себя. Во-первыхъ, очень трудно сказать, чѣмъ-бы я былъ, если-бы остался въ Петербургѣ. Очень можетъ быть, что сталъ-бы ничѣмъ, какъ мои собратья по искусству. Во-вторыхъ, для меня вовсе не упрекъ, что я занимаюсь историческими аристократами. Да, я страстно люблю такихъ аристократовъ, какъ Спиноза и ему подобные. Мой идеалъ въ искусствѣ это—душа, и чѣмъ у кого-нибудь она шире и глубже, тѣмъ она дороже мнѣ.

Я удивляюсь, что у насъ господствуетъ какая-то фанатическая нетерпимость ко всему, что будто-бы не народное. Кто-же не знаетъ, что въ искусствѣ чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ оно лучше, а идти всѣмъ по одной дорожкѣ будетъ тѣсно, скучно и надоѣдливо, потому что однообразіе—смерть для искусства.

Лучше всего, пускай каждый дѣлаетъ то, что онъ чувствуетъ, любитъ и можетъ, а не то, что отъ него требуютъ. И тогда онъ будетъ въ сто разъ искреннѣе, чѣмъ теперешніе плакальщики о народѣ, которые воспроизводятъ мужичка, любуются имъ и, однако-же, сами не хотятъ быть на мѣстѣ мужичка. Кто больше любитъ человѣка бѣднаго—тотъ-ли, кто создаетъ его самого, или же тотъ, кто создаетъ для него? Это еще вопросъ; и мы еще не знаемъ, кто лучше дѣйствуетъ — тотъ-ли, который спускается до него, или-же тотъ,

---

[1]) Романсъ Даргомыжскаго.

который старается поднять его къ себѣ. Но повторяю, что, можетъ быть, и оба хороши, если это дѣлается искренно, отъ всей души, а не по модѣ.

А то, что вы упрекаете меня, что я по другимъ рельсамъ пошелъ, этого запретить я не могу. Могу только сказать, что я все тотъ-же.

Помните-ли вы, какъ вы спорили со мною, когда я сдѣлалъ „Ивана Грознаго"? Кажется, это было гдѣ-то по дорогѣ, и мы такъ стояли добрыхъ два часа. Чудное время тогда было! Потомъ, помните-ли вы, какъ вы нападали на меня за „Петра I"? Потомъ, помню еще хорошо, когда получилъ отъ васъ письмо въ Римѣ по поводу „Христа". Вы тогда говорили приблизительно то-же, что и теперь. Но послѣ всего этого, вы не можете сказать, что я по новымъ рельсамъ пошелъ. Нѣтъ, я иду по старымъ, но такимъ, которые вамъ не симпатичны, а мнѣ дороги, какъ сама жизнь. Я давно сказалъ, что мы согласны, когда стоимъ возлѣ какого-нибудь художественнаго произведенія, одинаково любуемся, но не согласны, когда начинаемъ спорить объ искусствѣ.

Наконецъ, я, въ свою очередь, буду просить васъ, Бога ради, не сердитесь на меня, мнѣ это будетъ больно. Я люблю васъ и дорожу вами очень, и именно потому, что вы во всемъ, раньше всего, искренни.

348. Къ Е. Г. Мамонтовой.

Парижъ, весна 1883 г.

Наконецъ я взялся за статую „Мефистофеля". Въ нее я не мало переливаю своей собственной горечи. Тяжело его работать, но надѣюсь, что скоро его сдѣлаю. Но вотъ въ чемъ бѣда: я сочинилъ для него два эскиза: одинъ—онъ сидитъ на скалѣ, одинъ самъ съ собою; другой—въ костюмѣ Фауста, настоящимъ философомъ, который всѣхъ обманываетъ, въ томъ числѣ и зрителя, который подходитъ къ статуѣ. Думаю, что въ этомъ вся сила Мефистофеля. Я такъ недавно окончилъ философа, сидящаго въ креслѣ, настоящаго, великаго, истиннаго философа, который составляетъ рѣдкую противоположность Мефистофелю, но все-таки форма остается приблизительно та же: фигура, сидящая въ креслѣ. Я не рѣшился начать снова, чтобы въ самомъ дѣлѣ не повторяться. Кромѣ того, у меня есть другая маленькая статуетка, которая почти уже начата: это „Шайлокъ или Венеціанскій купецъ". Кромѣ того, еще „Вѣчный Жидъ". Вообще, я теперь, какъ капризная барыня, которая не знаетъ, что надѣвать, благодаря тому, что у нея есть много что надѣвать. Какъ бы то ни было, я работаю теперь много, больше чѣмъ видно.

Здѣсь, какъ вамъ навѣрное уже извѣстно, умеръ Гамбетта. Смерть его произвела на всѣхъ подавляющее впечатлѣніе. Похороны были такія, какихъ я еще не видывалъ; но и тутъ главную роль играла форма, точно французы не способны чувствовать, а только

любоваться. Притомъ же музыка, которой было много, играла не траурные марши, а какіе-то побѣдоносные, а иногда даже что-то въ родѣ мазурки; затѣмъ колоссальные вѣнки, которые несли и везли (а ихъ было, какъ говорятъ, до 5000): лучшіе изъ нихъ заслужили даже браво. Вообще не чувствовалось, чтобы народъ грустилъ о той потерѣ, которую онъ понесъ; за то все, что касается до внѣшности, до парадности, было дѣйствительно грандіозно.

349. Къ ней же.

Парижъ, весна 1883 г.

Я работаю, и скоро у меня будетъ готова статуя „Мефистофель самъ съ собою". Кавелинъ сказалъ, что я создалъ Мефистофеля наканунѣ его смерти. Нѣтъ, я создалъ его наканунѣ его рожденія. Мнѣ кажется, что вы замыселъ этой статуи знаете, и потому я долженъ только прибавить, что, сдѣлавши ее, я освобождаю свою душу, до того эта статуя преслѣдовала меня; въ ней я передалъ всю желчь своего негодованія и презрѣнія ко всѣмъ потомкамъ его, которыхъ въ послѣднее время накопилось больше, чѣмъ когда-либо. Но вмѣстѣ съ тѣмъ—это послѣдняя большая статуя, которую я дѣлаю, затѣмъ у меня цѣлый рядъ сюжетовъ въ новыхъ скульптурныхъ формахъ. Всѣ они будутъ въ малыхъ размѣрахъ. Мефистофеля я представилъ съежившимся на скалѣ, руки его положены на колѣна. На правую руку онъ уперъ голову. Онъ у меня совсѣмъ голый. Говорятъ, что это моя лучшая вещь. Но мало-ли что говорятъ; вѣдь извѣстно, что каждому непремѣнно нравится то, чего онъ самъ ищетъ. Мечтаю я сдѣлать его изъ мрамора, и представляю себѣ, какъ онъ будетъ хорошъ въ особенности, когда рядомъ съ нимъ будетъ стоять „Христосъ" (вѣдь я мечталъ сдѣлать свою особенную выставку). Еще мечтаю выбраться отсюда, но куда? Самъ не знаю, думаю во Флоренцію. Но уѣхать отсюда мнѣ необходимо, если желаю остаться вѣрнымъ самому себѣ и не продавать мои способности за гроши.

350. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 24 февраля 1883 г.

Только вчера удалось мнѣ прочесть вашу статью о скульптурѣ. (отъ васъ я до сихъ поръ ея не получилъ) [1]). Меня очень радуетъ, что вы такого мнѣнія о моихъ работахъ. Этимъ я даже горжусь, хотя скажу вамъ по секрету, что подобнаго отзыва я не ждалъ, потому что чувствую себя не заслужившимъ его; за то надѣюсь, если живъ буду, когда-нибудь заслужить его. Ваша статья единственная до сихъ поръ, гдѣ разбиралась моя работа серьезно, а то я только и слышалъ:—„хорошо", или же „дурно". Благодарить васъ за это,

[1]) Въ рядѣ статей подъ названіемъ: «25 лѣтъ русскаго искусства», «Вѣстникъ Европы», февраль 1883 г.

конечно, будетъ смѣшно, а потому, чтобы не казаться смѣшнымъ, буду молчать.

Надо при этомъ прибавить, что я думалъ, что вы непремѣнно выругаете меня, хотя, признаюсь, я этого не заслужилъ. Но иногда ничего не подѣлаешь—противъ теченія не поплывешь, и вотъ почему я былъ еще болѣе удивленъ, когда прочелъ совершенно противоположное.

Мнѣ не только пріятно, но и очень дорого то теплое, дружеское чувство, съ которымъ вы писали обо мнѣ. Это чувствуется въ каждой строкѣ. Что-же касается до остальной статьи, то она коротка, но хороша. Къ ней я еще возвращусь въ другой разъ: теперь я боюсь, какъ-бы не затянуть этого письма, и, чего добраго, не кончить, а я теперь работаю запоемъ.

Надѣюсь, что черезъ мѣсяцъ „Мефистофель" будетъ оконченъ. Онъ и теперь уже всѣмъ сильно нравится. Что же касается меня, то я ничего не могу сказать, но знаю одно, что потребность воспроизвести его у меня была такъ сильна, что, сдѣлавъ его, я освобождаю свою душу. Уже много, очень много отвратительнаго накопилось у меня на душѣ, а впрочемъ, подождемъ и увидимъ, что изъ него выйдетъ. Сперва я сдѣлалъ одинъ эскизъ—Мефистофель сидитъ, съежившись, на скалѣ. Группировка очень удачна, онъ заложилъ одну ногу на другую, руки положилъ на колѣни, а на нихъ поставилъ свою вытянутую голову. У ногъ его я хотѣлъ-было сдѣлать, что волна выбросила ребенка Маргариты, но потомъ отстранилъ этого ребенка, потому что это съузило-бы идею, да притомъ было-бы и не ясно. Я не сдѣлаю Мефистофеля одѣтымъ: во-первыхъ, костюмъ уже опошлилъ-бы эту замѣчательную „фигуру-драму", да притомъ у него костюмъ также съузилъ-бы идею, такъ какъ костюмъ показываетъ время, а не безконечность. Разъ Мефистофель есть идея, нѣчто общечеловѣческое, то онъ, конечно, не можетъ принадлежать ни къ какой расѣ, ни къ какому времени. Вмѣсто ребенка, мнѣ хотѣлось сдѣлать надписи, какъ это видно въ Швейцаріи или въ Италіи на развалинахъ, надписи, которыя путешественники оставляютъ на разныхъ достопримѣчательныхъ мѣстахъ. Эти-то надписи должны были-бы заключать имена разныхъ великихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и пошлыхъ людей. Но боюсь, что это скорѣе остроуміе, чѣмъ искусство, а главное, что тутъ все-таки натяжка. А впрочемъ, все это относительно мелочь; когда буду кончать, тогда еще успѣю подумать о скалѣ; теперь-же, когда работаю его, то думаю исключительно о тѣхъ личностяхъ, которыя мнѣ антипатичны.

Другой эскизъ это—Мефистофель въ костюмѣ Фауста. Мнѣ казалось, что ужъ если показывать Мефистофеля, то нигдѣ онъ не будетъ такъ типиченъ, такъ сказать, вѣрно исполняющимъ свою роль, какъ въ маскарадномъ костюмѣ.

Въ томъ-то и дѣло, что всѣ думаютъ, что имѣютъ дѣло съ философомъ, съ великимъ человѣкомъ, но увы! Какъ часто и жестоко ошибаются! Тутъ, подъ кажущейся наружностью, сидитъ злой духъ,

врагъ человѣчества и всякаго живого, добраго, человѣческаго движенія. Эскизъ уже производитъ впечатлѣніе главное потому, что зритель, разсматривая его, становится втупикъ! „Кого я вижу?" Тутъ много кой-чего, много разнообразнаго—и даже нѣкоторый юморъ. А главное, мнѣ хотѣлось вамъ сказать, что „Нападеніе на евреевъ" стоитъ на очереди, или, вѣрнѣе, на станкѣ.

„Ура"! закричите вы, дорогой дядя. Ура! закричу и я. Когда, Богъ дастъ, я удачно окончу, то хочу ее посвятить вамъ. Лишнее сказать, что я объ этой вещи давно, очень давно думаю, все былъ ею недоволенъ, и только недавно перекомпоновалъ ее всю.

Общее остается то-же самое, только теперь она будетъ совсѣмъ не та, что прежде: всѣ мелочи, дребедень вонъ. Вмѣсто пасхальнаго вечера, я дѣлаю молитвенный домъ; раньше нужно было подписать, что это пасха, а то могли-бы подумать, что тутъ происходитъ пирушка. Притомъ-же, въ подобной обстановкѣ много мелочей, какъ стаканы, кувшины и т. п.—все это дѣйствительно могло быть при пирушкѣ. То-ли дѣло—молитвенный домъ! Сама обстановка—пластична, широка, просторна; при этомъ свитки священные, „талесъ", который надѣваютъ во время молитвы и, наконецъ, пальмовыя вѣтки, съ которыми молятся въ извѣстное время года.

Еще одну маленькую новость скажу вамъ: въ первый разъ я началъ писать красками, и, право, вовсе не такъ трудно; если-бы я занимался мѣсяцевъ шесть, то владѣлъ-бы кистью свободно, для портретовъ въ особенности; однако надѣюсь, что живописцемъ никогда не буду, тѣмъ болѣе, что тамъ мнѣ дѣлать нечего.

Гораздо полезнѣе для меня, да и для искусства, если буду продолжать скульптуру, въ особенности когда мнѣ необходимо еще столько поработать, чтобы наконецъ выяснить, чего я желаю, и упрочить за собою завоеванный шагъ.

Ѣду я въ Россію не на радость, а заложить нашъ домъ. Это единственное оставшееся мнѣ средство, если я не желаю промѣнять свои убѣжденія и талантъ на гроши. Вы знаете, какъ мнѣ противно брать заказы вообще, и въ особенности тѣ, которые мнѣ не по душѣ. Да еще теперь, когда у меня столько задушевныхъ сюжетовъ впереди. Вы говорите: почему бы мнѣ не перебраться совсѣмъ въ Россію? Ахъ, дорогой дядя, если-бы вы знали, какъ я чувствую себя здѣсь одинокимъ, среди этой шумной, быстрой кипучей жизни, какъ мнѣ здѣсь тяжело дышется! А все-таки въ Россіи будетъ мнѣ еще тяжелѣе. Здѣсь мнѣ не помѣшаютъ: я одинокъ, но утѣшаюсь тѣмъ, что всѣ люди для меня чужіе, какъ и я для нихъ; а чувствовать себя не своимъ среди своихъ, получать пощечину отъ своего брата, быть ежедневно подъ молотомъ невѣжества, равнодушія и несправедливости—нѣтъ, для этого я сталъ слишкомъ нервенъ. Но, можетъ быть, у меня еще хватило-бы духу поѣхать жить въ Россію: вѣдь что касается матеріальнаго положенія, то тамъ навѣрное мнѣ было-бы лучше, но что я одинъ могу сдѣлать? Моя работа связана со многимъ: у насъ убійственно формуютъ, еще убійственнѣе отливаютъ изъ бронзы, и со-

всѣмъ не умѣютъ работать изъ мрамора. Мастерскихъ у насъ тоже нѣтъ; но послѣднее не важно. Вы не видали, какъ отлитъ мой эскизъ „Нападеніе инквизиціи“—за подобную работу надо сѣчь на площади! Когда я работалъ эскизъ „Пушкина“, то съ формовкой имѣлъ столько хлопотъ и столько испортилъ себѣ крови, что думалъ—не выдержу. Кончилось тѣмъ, что пришлось выписывать форматора изъ Петербурга, а этотъ былъ не лучше. Вы скажете: почему-же другіе благополучно обходятся? Да, другіе благополучно обходятся, и совершенно удовлетворяются такой убійственной отливкой, какъ у Шопена и Соколова. А меня, представьте себѣ, и въ Парижѣ не удовлетворяетъ бронзовая отливка, хотя, конечно, она въ сто тысячъ разъ лучше, чѣмъ у насъ. Конечно, все это можно было-бы создать самому, но часто является у меня вопросъ: что лучше и благоразумнѣе, предаться-ли цѣликомъ искусству, или пропагандировать идеи о томъ, какъ распространять искусство? Благоразуміе говоритъ за первое: во-первыхъ потому, что на второе я не способенъ, а во-вторыхъ потому, что я пробовалъ уже хлопотать кое о чемъ, и въ отвѣтъ было: смертельная тишина, молчаніе и равнодушіе.

Ко всему этому прибавьте, что здоровье мое все-таки не геркулесовское. Всякій разъ, какъ я бываю въ Россіи, я возвращаюсь больнымъ, харкаю кровью. Климатъ-ли это, или же столько вещей меня возмущаютъ—не знаю, можетъ быть и то, и другое.

Послѣ всего этого, что-же мнѣ остается дѣлать? И наконецъ, развѣ я не могу любить то, что достойно любви издали? Развѣ я не могу знать своего отца, брата, несмотря на то, что насъ раздѣляетъ разстояніе?..

На-дняхъ я получилъ, наконецъ, оффиціальную бумагу относительно пенсіи.

Не забывайте меня, пишите, единственнымъ корреспондентомъ изъ Россіи остались вы, передъ которымъ я иногда открываю свою душу.

Постараюсь отвѣтить Эліасику на его хорошее письмо. Пока я очень радъ, что онъ работаетъ; даже отчасти радъ, что онъ встрѣчаетъ столько препятствій—это своего рода школа. Это даетъ особенную энергію бороться; а то, что за прелесть идти, когда вѣтеръ гонитъ тебя сзади!

351. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 6 марта 1883 г.

Будьте такъ великодушны, скажите Эліасику, пускай онъ вышлетъ мнѣ тотъ № „Восхода“, гдѣ было перепечатано изъ „Екатеринославскаго листка“ мое частное письмо къ одному изъ начинающихъ художниковъ. Какъ мнѣ передавали, это письмо полно лжи. Конечно, мнѣ было-бы все равно, что напечатали мое частное письмо, хотя-бы тутъ должно было быть мое согласіе, но я очень боюсь, что это письмо можетъ повредить другимъ начинающимъ художникамъ, и потому я вынужденъ буду возстановить истину.

Дѣло въ томъ, что послѣ моей замѣтки въ „Восходѣ“, ко мнѣ стали присылать рисунки со всѣхъ концовъ Россіи. Между авторами есть четверо-пятеро такихъ, которые дѣйствительно обѣщаютъ быть художниками, если они будутъ добросовѣстно заниматься. Въ отвѣтѣ одному изъ нихъ я позволилъ себѣ сильно его похвалить, съ цѣлью подѣйствовать на отца мальчика, который былъ сильно противъ того, чтобы его сынъ занимался „пустяками“, а желалъ, чтобы онъ лучше стоялъ за прилавкомъ. Письмо дѣйствительно подѣйствовало, но уже слишкомъ. Послѣ него я вдругъ получаю вопросъ, гдѣ лучше учиться ему: въ Парижѣ или въ Россіи? И не дождавшись моего письма, юноша является въ Парижъ. Я, конечно, былъ сильно удивленъ и настаивалъ на томъ, чтобы онъ сейчасъ-же ѣхалъ обратно домой, а онъ взялъ да напечаталъ въ „Екатеринославскомъ листкѣ“ мое письмо въ такомъ смыслѣ, что дескать я отыскалъ мальчика-генія, и выписалъ его сюда въ Парижъ, и еще другіе ждутъ такого-же моего вызова. Но я боюсь, что въ одинъ прекрасный день появится здѣсь и еще одинъ мальчикъ, и потомъ другой и третій, а потомъ извольте возиться съ ними и отправлять ихъ обратно! А послушаются-ли они?

Когда другихъ я выписываю, значитъ здѣсь хорошо. Главное-же то, что ложно можетъ быть истолкованъ мой взглядъ на начинающихъ художниковъ. По моему глубокому убѣжденію, каждый начинающій художникъ долженъ быть въ той средѣ и атмосферѣ, гдѣ онъ выросъ; отъ нихъ онъ можетъ получить свои впечатлѣнія, а его искусство— получить свое выраженіе. Однимъ словомъ, въ своей сферѣ онъ можетъ быть типиченъ, характеренъ и индивидуаленъ, но разъ юноша оставляетъ свою родину, все это онъ сразу теряетъ. На чужбинѣ, пожалуй, онъ можетъ достигнуть въ техникѣ больше лоску, но за то ничего больше. Онъ отъ одного берега отстанетъ, а къ другому не пристанетъ. На родинѣ, можетъ быть, не поймутъ его, а чужіе не захотятъ понять.

Чужая страна хороша, но только для усовершенствованія, когда чувство и разумъ уже крѣпки; когда ясно сознаешь, что своей родинѣ ты не измѣнишь, потому что самъ составляешь часть родины.

Такъ вотъ, раньше, чѣмъ успѣютъ сдѣлать что-нибудь хорошее— выйдетъ гадость! Надо это пресѣчь, не надо, чтобы недоразумѣнія разрослись...

Одна лондонская иллюстрація желаетъ познакомить свою публику съ русскими художественными произведеніями. Здѣсь одинъ господинъ получилъ по этому поводу письмо, съ просьбою обратиться ко мнѣ съ вопросомъ: не желаю-ли—я дать имъ что-нибудь изъ моихъ работъ для начала, такъ какъ они почему-то считаютъ меня первымъ художникомъ въ Россіи. Конечно, я охотно послалъ имъ фотографіи. По словамъ корреспондента, они тамъ пришли въ восторгъ. Всѣ пять фотографій уже гравируются. Просятъ еще. Въ это-же время этотъ господинъ послалъ замѣтку о моихъ работахъ, но получилъ ее обратно, потому что было найдено, что она недостаточно подробна. Онъ обратился ко мнѣ. Что же я могу ему сказать? Это всегда дѣло довольно щепетиль-

ное. Къ счастью, вышла ваша статья, откуда, по всей вѣроятности, будетъ позаимствовано очень много [1]).

Еще одна просьба: я случайно узналъ, что наше правительство принимаетъ участіе въ Амстердамской всемірной выставкѣ. Пожалуйста, узнайте, кто завѣдуетъ этимъ, и возьмутъ-ли они на свой счетъ укладку и транспортъ моихъ вещей изъ Парижа и обратно?

Если да, то у меня есть два героя, которые связаны съ Амстердамомъ, это „Петръ" и „Спиноза". Оба, къ сожалѣнію, изъ гипса. При этомъ могу послать еще кое-что.

352. Къ нему же.

Парижъ. Получено 10 апрѣля 1883 г.

Пишу всего нѣсколько строкъ: я теперь кончаю статую „Мефистофеля" и потому очень занятъ. Не могу сказать, чтобы ваше послѣднее письмо очень обрадовало меня. Очень боюсь, какъ-бы намъ не разойтись, а это было-бы для меня большое лишеніе! Очень досадно, что всякій разъ, когда я пріѣзжаю въ Россію, это бываетъ всегда не совсѣмъ во-время. Думаю, что и теперь я ѣду не во-время. Но что дѣлать, мнѣ ѣхать необходимо, иначе я поѣхалъ-бы съ вами, куда хотите, хоть на край свѣта, лишь-бы вонъ изъ Парижа. Тяжело, очень тяжело живется мнѣ въ немъ! Онъ не для меня, какъ и я не для него. Ну, Богъ съ нимъ! Когда-нибудь разскажу вамъ обо всемъ подробно, а теперь, навѣрное, и вамъ тоже некогда.

Насчетъ отливщика Морана, я очень удивляюсь, почему именно онъ долженъ доказать мнѣ, что въ Россіи не хуже отливаютъ, чѣмъ въ Парижѣ? И что изъ этого будетъ, если онъ мнѣ это докажетъ, или не докажетъ? Лично я буду очень радъ, если окажется, что у насъ отливаютъ такъ-же, какъ и въ Парижѣ, но до сихъ поръ я этого не видѣлъ, и три раза испыталъ на своихъ работахъ. Да притомъ-же надо сказать, что и въ Парижѣ вовсе не идеально отливаютъ; сожалѣю только, что у насъ въ Россіи не совсѣмъ разборчивы насчетъ отливокъ. Но и объ этомъ въ другой разъ, потому что теперь пришлось-бы много говорить.

Меня очень возмутилъ поступокъ „папеньки", который такъ безсовѣстно и такъ беззастѣнчиво эксплоатируетъ мой отзывъ относительно способностей его сына. Все это столько же подло, какъ и отвратительно, но мальчикъ, думаю, тутъ не при чемъ.

Если-бы вы видѣли, то, что мнѣ присылали, вы-бы то-же самое сказали, что и я. Къ этому надо прибавить, что запросовъ я получилъ 13, а отзывовъ я далъ всего 4, т. е. тѣмъ, которые этого заслуживали.

Въ заключеніе скажу вамъ, что я очень, очень радъ за Рѣпина, за его успѣхъ, и здѣсь объ этомъ говорятъ. Я никогда не сомнѣвался, что онъ у насъ первый.

---

1) Статья В. В. Стасова: «Двадцать пять лѣтъ русскаго искусства». Скульптура. Февраль 1883 г. «Вѣстникъ Европы».

353. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Парижъ, апрѣль—май 1883 г.

Сегодня я кончилъ „Мефистофеля". Онъ производитъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Говорятъ, что это лучшая моя работа, но я этому не вѣрю, уже потому, что онъ, по симпатичности сюжета, уступаетъ остальнымъ, за исключеніемъ „Ивана Грознаго". Но, во всякомъ случаѣ, онъ своеобразенъ среди моихъ работъ и сильный контрастъ „Христу", „Сократу" и „Спинозѣ". Этой работой я заканчиваю цѣлую серію работъ. „Мефистофель" есть нѣчто въ родѣ финала, я бросаю его всѣмъ въ лицо. „Мефистофель" есть продуктъ всѣхъ временъ, и нашего въ особенности. Наше время—переходное, мутное, очень удобное для ловцовъ, но это далеко не все. Мой „Мефистофель" есть загадочность, чума, гниль, которая носится въ воздухѣ; она заражаетъ и убиваетъ людей. „Мефистофель"—это неутолимая злоба, злоба безъ дна, безпощадная, отвратительная, способная гнѣздиться въ больномъ тѣлѣ съ разлагающейся душой; онъ болѣетъ, страдаетъ оттого, что все, все пережилъ, разрушился и не можетъ больше жить, наслаждаться жизнью, какъ другіе около него; онъ безсиленъ духомъ, ничего не можетъ создать, но сильна его зависть, самолюбіе, сознаніе своего безсилія. Теплые весенніе лучи солнца жгутъ его, раздражаютъ и ослѣпляютъ его взоры; всякая радость, смѣхъ, юный поцѣлуй—раздражаютъ его; онъ хочетъ, чтобы все кругомъ него всегда было мрачно, мертво, пусто и безжизненно, какъ онъ самъ; идти среди мрака, рыться въ землѣ подъ ногами, какъ кротъ, разрушать, создавать несчастныхъ, видѣть кровь, слезы—все это успокоиваетъ, удовлетворяетъ его, но все-таки онъ не наслаждается, потому что жажда его ненасытна.

Вотъ каковымъ я представляю себѣ „Мефистофеля". Можно сказать, что я такого придумалъ, что это только моя фантазія, можно спросить, гдѣ-же я такого видѣлъ? Да, такого мы никто не видимъ, но чувствуемъ его дыханіе, чувствуемъ его чудовищную лапу, нажимающую нашу грудь, чувствуемъ свое безсиліе кричать, однимъ словомъ—чувствуемъ кошмаръ. Сдѣлалъ-же я его не по своей волѣ, и надо еще сказать, что не хотѣлось мнѣ его дѣлать. Этюдъ, который я уже раньше сдѣлалъ, былъ только слабымъ выраженіемъ его. Тогда я думалъ, что этимъ этюдомъ я отдѣлаюсь отъ этой черной тѣни, которая преслѣдовала меня день и ночь, но, какъ видно, обманывать свое чувство во сто тысячъ разъ труднѣе и мучительнѣе, чѣмъ чужое чувство,—и такъ, подъ диктовку души я создалъ „Мефистофеля". Повторяю, и сто тысячъ разъ буду повторять, что желалось-бы мнѣ лучше воспѣвать человѣческое счастье, его величіе, а не его страданіе, но я не могу дѣлать того, чего не чувствую, и, еще болѣе, того, чего не вижу. Художникъ съ нервами есть только зеркало, время—и не больше. Тотъ, кто черезчуръ хитритъ, одинаково не годится, какъ и тотъ, кто совсѣмъ не думаетъ и не чувствуетъ; въ первомъ случаѣ выходитъ каррикатура, а во второмъ просто безсмыслица, какъ у огром-

наго большинства европейскихъ, и особенно французскихъ, художниковъ. Но вѣренъ-ли я времени, люблю-ли я человѣка, искрененъ-ли я въ своихъ работахъ, объ этомъ предоставляю судить другимъ. Буду надѣяться, что когда-нибудь поймутъ меня лучше, поймутъ, что я одинаково преданъ человѣчеству, какъ и искусству, а одно безъ другого всегда будетъ неполно.

Въ заключеніе скажу вамъ, что я, какъ видите, совсѣмъ отклонился отъ Гётевскаго „Мефистофеля“, такъ что моя работа не есть переводъ изъ литературы въ скульптуру, не есть иллюстрація, а только мой собственный злой духъ. Почему-же я называю его „Мефистофелемъ“, спросите вы. А просто потому, что это названіе болѣе удобоваримо для массы. „Мефистофель“ какъ-бы болѣе реально воплощенъ среди человѣчества; ему всегда придаютъ видъ человѣка въ костюмѣ, безъ крыльевъ и атрибутовъ. Я забылъ еще сказать, что я представилъ его совсѣмъ голымъ: это потому, что такимъ образомъ онъ освобождается отъ Гётевской поэмы, а во-вторыхъ—костюмъ стѣснялъ-бы мою идею, такъ какъ костюмъ указывалъ-бы на время и расу людей, а „Мефистофель“ общечеловѣченъ и вѣченъ.

Черезъ дней десять, самое позднее, я ѣду въ Россію. Въ Петербургѣ я останусь мѣсяцъ, чтобы поставить „Петра I“ въ Петергофѣ, а потомъ поѣду къ вамъ въ Москву, чтобы повидаться съ вами. Лишнее говорить, какой это будетъ праздникъ для меня. Если-бы вы знали, какъ я чувствую себя одиноко здѣсь, какъ Парижъ мнѣ отвратителенъ, вы-бы не удивились, какъ я радуюсь убѣжать изъ него, въ особенности въ Россію, гдѣ, среди пустоты и непониманія искусства, все-таки есть люди, которые поймутъ тебя, обласкаютъ, передъ которыми можешь высказаться и отдохнуть, а здѣсь я чужой душой и тѣломъ.

354. Къ ней же.

Парижъ, апрѣль—май 1883 г.

...Я не работалъ, во-первыхъ, просто потому, что кошки на сердцѣ скребли, а во-вторыхъ потому, что очень трудно было достать натуру. Здѣсь передъ выставкой ничего нельзя достать, ни за какія деньги, ни модели, ни форматора, ни костюма, ни рамочника. Хорошія модели взяты; за три, за четыре мѣсяца впередъ надо записываться на модель. Не понимаю, право, какъ это можно, чтобы художникъ зависѣлъ отъ модели,—дескать, черезъ мѣсяцъ отъ такого часа до такого буду творить, затѣмъ черезъ недѣлю въ такой-то день то-же самое. Нѣтъ, это можетъ только ремесленникъ, а не творецъ. А впрочемъ, здѣсь художники большею частью ремесленники, а не творцы. Вчера былъ послѣдній день пріема въ „Salon“. Просто противно видѣть было, какъ по всѣмъ улицамъ спѣша тянутся возы съ картинами—все на выставку. Говорятъ, что здѣсь больше художниковъ, чѣмъ извозчиковъ, ну, можете себѣ представить, сколько геніевъ среди нихъ, и все это спѣшитъ, точно на лошадиную скачку. Каждый хочетъ и старается заявить о себѣ какими-бы то ни было средствами.

Очень многіе художники пишутъ спеціально для „Salon", разсчитывая на извѣстный свѣтъ, и на то, что иные тона выигрываютъ тамъ. Ну, скажите, ради Бога, развѣ это искусство? Нѣтъ, это въ своемъ родѣ коммерція. Я не виню самихъ художниковъ, а только то пагубное направленіе, которое скорѣе всего зависитъ отъ ненормальности условій нашей теперешней жизни.

Пока моя „Мученица" не готова, я все буду чувствовать гору на плечахъ, буду праздновать только тогда, когда окончу ее. А впрочемъ, тогда придется еще кончать „Офелію"; это въ своемъ родѣ милая работа. Въ послѣднее время я много около нея работалъ, и она улучшилась; теперь жаль бросать ее. Я работалъ также эскизы для Московскаго историческаго музея—перваго книгопечатника въ Россіи. Какъ видите, я все-таки работаю, а все пропасть осталось еще сдѣлать, ухъ, какъ много!

Стасовъ пишетъ мнѣ, что на постоянной выставкѣ находится мой портретъ, писанный Васнецовымъ.

Здѣсь начинаетъ сильно биться русскій пульсъ, чему я очень радъ. Кромѣ нашего общества, гдѣ собираются, даются концерты и т. д. На-дняхъ любители наняли театръ и дали первый спектакль (конечно, на русскомъ языкѣ); жаль, что я не могъ быть тамъ. 24-го Рубинштейнъ дастъ концертъ въ пользу нашего общества.

355. Къ ней же.

Парижъ, весна 1883 г.

Работаю, думаю и живу только надеждою, что въ концѣ-концовъ буду побѣдителемъ. Дѣлаю все возможное, чтобы выступить передъ Европой, сильно готовлюсь. Вообще не сижу, сложа руки, и не жду манны съ неба. Лишнее говорить, что здоровье главное, вотъ я на минуту и остановился. Хуже всего то, что для меня въ этомъ вопросѣ нѣтъ авторитета. Каждый купецъ хвалитъ свой товаръ—каждый докторъ свое мѣсто.

Если вы увидите доктора Вента, спросите его мнѣніе. Онъ русскій—слѣдовательно, относительно этого вопроса можетъ быть безпристрастенъ, да притомъ онъ немного знаетъ меня и достаточно Флорентійскій климатъ.

Сожалѣю, что вы не были на концертѣ Рубинштейна; онъ былъ очень удачный.

Теперь здѣсь время выставокъ. Есть одна русская, которая находится на бульварахъ. Надо сказать, что теперь столько частныхъ выставокъ, что не успѣваешь всѣ посѣтить.

Каждый по-своему думаетъ, что онъ-то и есть левъ. Къ сожалѣнію, часто приходится отмѣчать „се левъ, а не собака". Въ самомъ дѣлѣ, чтобы дѣлать такія выставки, надо быть или нахаломъ, или глупцомъ, или-же наконецъ самоувѣреннымъ сумасшедшимъ. Къ этому роду выставокъ принадлежатъ и наши теперешнія выставки. Первая состоитъ изъ набросковъ, которые художники дѣлали во время коро-

націи. Согласитесь сами, что набросокъ не есть произведеніе искусства, слѣдовательно нечего его совать публикѣ. Вторая же выставка— это наша, куда каждый отсылаетъ не лучшую свою вещь, лучшую онъ посылаетъ въ „Salon“ или въ Россію. Такимъ образомъ, наша выставка состоитъ изъ оставшихся вещей. Послѣ этого можно-ли подносить это здѣшней публикѣ, какъ образецъ русскаго искусства? Между тѣмъ мы такъ нуждаемся въ оцѣнкѣ! Если ужъ необходимо показываться, то ни въ коемъ случаѣ не такимъ манеромъ. Пробовалъ я это высказывать, но каждый принимаетъ это на свой счетъ, каждый думаетъ больше о себѣ, чѣмъ о другомъ, затрогивается самолюбіе, и кончается тѣмъ, что желаніе пощеголять, обратить на себя вниманіе беретъ верхъ, и выставка составляется.

Меня заподозрили въ недоброжелательствѣ, и вотъ почему въ этомъ году я стою въ сторонѣ. Я работалъ немного, сдѣлалъ модель для статуи перваго русскаго книгопечатника.

356. Къ В. В. Стасову.

Москва, 11 (23) мая 1883 г.

Пишу всего нѣсколько словъ, потому что сегодня же я ѣду въ Самару, по совѣту Боткина. Очень радъ, что „Мефистофель“ нравится вамъ; что же касается до драпировки, то признаюсь, я и самъ недоволенъ ею. Много я думалъ и ничего не могъ придумать, а оставить открытымъ—ни за что. Мой „Мефистофель“ не классическая статуя, а слишкомъ реальная, чтобы оставить ее открытой. Что-же касается руки, то сдѣлалъ я ее судорожной настолько, насколько это позволяло мое чувство мѣры. А, впрочемъ, надо прибавить, что я еще много кое-чего оставилъ для исправленія въ мраморѣ; но я радъ, что главное дѣло сдѣлано, и еще болѣе радъ, что вамъ онъ нравится. Мнѣ самому кажется, что „Мефистофель“—новая нота въ моей работѣ.

Что-же касается меня, то, кажется, я опять оживаю и становлюсь нормальнымъ. Поѣду на кумысъ, въ хорошую обстановку, и надѣюсь, что Россія, въ концѣ-концовъ, излѣчитъ меня отъ того, что раньше я получилъ отъ нея. Но что уже никакъ невозможно, это — сердце, которое разыгралось, и очень. Но это не смущаетъ меня, впередъ!!! Буду бороться, и коли умирать, то бодро, среди борьбы. Но плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется побѣдить, и потому я надѣюсь еще много, много работать; сожалѣю только, что матеріальное положеніе связываетъ меня. Въ среднихъ числахъ іюля надѣюсь быть въ Петербургѣ, на обратномъ пути. Очень радъ, что мнѣ удается еще разъ увидѣть васъ и горячо, крѣпко обнять, да и Рѣпина, которому шлю мой привѣтъ.

357. Къ Ел. Григ. Мамонтовой.

С. Богатое, 31 мая 1883 г.

Я доѣхалъ благополучно. Жаль только, что въ Нижнемъ все-таки пришлось переждать 24 часа, такъ какъ американскій пароходъ

на этотъ разъ не пошелъ, просто потому, что я долженъ былъ на немъ ѣхать. Но завтра-же я поѣхалъ на пароходѣ „Суворовъ". Превосходный, удобный, просторный, чистый, недурно кормятъ, скоро ходитъ, ванны и электрическое освѣщеніе, такъ что вы какъ дома. Но Боже мой, что это за прелесть Волга!! Я ничего подобнаго никогда не видалъ, да врядъ-ли когда увижу. Волга дѣйствительно матушка Россіи, гордость, которую она сама еще не сознаетъ. Удивляюсь, отчего она такъ мало воспѣта поэтами, отчего такъ мало тронута живописцами, особенно пейзажистами? Поневолѣ вспоминаешь стихи изъ „Пѣсни пѣсней": „не гляди на меня, что я такъ черна, это лучи солнца обожгли меня".

Путешествіе по Волгѣ было для меня скорѣе пріятной прогулкой, и, несмотря на то, что по ночамъ я не совсѣмъ хорошо спалъ, я все-таки не чувствовалъ усталости. Я пріѣхалъ сюда, т.-е. въ Самару въ 4 часа утра, меня встрѣтилъ докторъ, который былъ нарочно высланъ, и поѣхалъ дальше по желѣзной дорогѣ, на разстояніи трехъ часовъ отъ Самары. Мѣстность здѣсь превосходная. Вотъ гдѣ непочатый край. Что это за земля, какое богатство и какъ хорошо здѣсь. Село лежитъ на 800 футовъ выше уровня моря, несмотря на то, что мы живемъ почти въ степи. Съ балкона видна даль на разстояніи 70 верстъ. Какъ это грандіозно! Это въ своемъ родѣ море. Кумысъ тоже здѣсь превосходный, и какая разница съ тѣмъ, который я пробовалъ у васъ. Наконецъ, какъ здѣсь ухаживаютъ за мной! Такъ, какъ за чужимъ, да вдобавокъ за знаменитостью. Люди здѣсь дѣйствительно превосходные и радушные. Я очень доволенъ, что пріѣхалъ сюда. Увидимъ, что Богъ дастъ дальше. При всемъ этомъ вчера пріѣхалъ докторъ, спеціалистъ по кумысу и груднымъ болѣзнямъ. Онъ ничего особеннаго не нашелъ у меня. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же я пріѣхалъ сюда? Но все-таки я радъ.

Что новаго въ Абрамцевѣ? Начали-ли собирать свѣдѣнія относительно Аксаковыхъ? [1]) Хотѣлось-бы мнѣ отыскать мѣсто, гдѣ срублена была береза, его любимая [2]). Въ стихахъ его есть что-то трогательное.

Погода здѣсь мягкая, но дождливая, что̀ здѣсь, какъ говорятъ, рѣдкость. Для кумыса это превосходно, потому что трава пушистая, но для питья кумыса это не хорошо.

Дѣти одной матери наговорили мнѣ: чужіе виноградники беречь, а свой запустить.

358. Къ ней же.

Село Богатое, 9 іюня 1883 г.

Здѣсь хорошо и очень хорошо. Село довольно людное, жизненное, промышленное. Очень хороши прогулки, есть гдѣ охотиться, гдѣ рыбу удить; однимъ словомъ, раздолье, въ особенности для глазъ, ка-

---

[1]) Въ прежнее время, село Абрамцево принадлежало Аксаковымъ.

[2]) Ивана Сергѣевича Аксакова.

кая чудная панорама! Степь въ сто тысячъ разъ красивѣе моря. Какое разнообразіе переливовъ вы видите на этомъ огромномъ пространствѣ! Къ сожалѣнію, я могу довольствоваться однимъ только видомъ, потому что на звѣрей и птицъ не охочусь, рыбы не ловлю, а гулять могу только по близости, потому что много времени отнимаетъ питье кумыса. Когда я пріѣхалъ, то свѣсился, оказалось, что я не превышаю 3-хъ пудовъ 23-хъ фунтовъ! Не знаю, отчего я такъ упалъ въ цѣнѣ. Дорога-ли утомила меня, невѣрны-ли были вѣсы, оттого-ли, что я перемѣнилъ зимній костюмъ на лѣтній? Во всякомъ случаѣ, я здѣсь сталъ дешевле на 6 фунтовъ. Очень любопытно будетъ, когда пріѣду обратно къ вамъ, что тогда? Насколько буду у васъ человѣкомъ съ вѣсомъ?

На-дняхъ мы ѣдемъ въ Оренбургъ, чтобы тамъ видѣть ярмарку, или „мѣновой дворъ", какъ здѣсь это называютъ. Очень интересно, должно быть, судя по тѣмъ нѣсколькимъ типамъ, которые я здѣсь встрѣтилъ.

359. Къ ней же.

Село Богатое, лѣто 1883 г.

Я особенно радъ и счастливъ, что наша дружба не ржавѣетъ отъ старости. Я этимъ очень дорожу и горжусь. Три вещи мнѣ очень дороги: это истина, дружба и искусство; чѣмъ больше они старѣютъ, тѣмъ для меня они дороже, ближе моему сердцу. Въ этомъ отношеніи я отчаянный консерваторъ.

Что мнѣ сказать вамъ про себя? Я дѣлаю все возможное, чтобы продлить жизнь. Пью кумысъ, уже 9 стакановъ въ день, а надо будетъ дойти до 15-ти, а если больше, то тѣмъ лучше. Потомъ ѣмъ, гуляю, сплю, подобную жизнь я называю отдыхомъ послѣ работы. Такая растительная жизнь почти всегда приноситъ мнѣ пользу, не только физическую, но и духовную. Я давно говорилъ, и опять повторяю, что человѣкъ возмущаетъ меня, музыка волнуетъ, а природа успокаиваетъ. Это вѣрно, и для меня ясно, какъ день. Тотъ, кто хочетъ стать выше толпы, ближе къ истинѣ, онъ долженъ какъ можно больше сообщаться съ природой. Она многому научитъ его. Это старая истина, однако-же рѣдко кто ею пользуется. Еще сегодня я лежалъ въ полѣ и смотрѣлъ въ синюю даль. Высоко надо мною поднималось колоссальное, необъятное небо. Серебристыя облака тихо плавали по воздушному пространству, таяли и мѣняли формы. Туда поднялся жаворонокъ съ какою-то радостною ликующею пѣснью, и навѣрное онъ пѣлъ для меня. Мнѣ казалось, что въ ея звукахъ слышался и упрекъ, и насмѣшка, и сожалѣніе надъ нашимъ братомъ. Онъ какъ разъ поднимался надъ моей головой, и какъ хотѣлось мнѣ тоже хоть немного подняться съ нимъ! Но я чувствовалъ, что я прикованъ къ землѣ, чтобы бороться, чтобы намъ съѣдать другъ друга, и въ чужихъ слезахъ находить себѣ удовольствіе. Человѣчество можетъ гордиться, что оно все создало для человѣка, только главное забыло: человѣкъ самъ-то еще несовершененъ; онъ, можно

сказать, и геніаленъ, и хитеръ, но не уменъ, не великодушенъ, и не справедливъ. Дороже всякой философіи, всякаго новаго изобрѣтенія должно быть наше духовное состояніе, наша справедливость по отношенію къ другимъ. Да, если-бы человѣкъ менѣе хитрилъ, былъ-бы болѣе простъ, тогда онъ былъ-бы и болѣе счастливъ. Впрочемъ, можетъ-быть я тутъ невѣрно высказался, и потому долженъ прибавить, что я боготворю человѣческое знаніе, но оно не должно заглушать всего того, что̀ составляетъ нашъ духовный справедливый идеалъ. Но довольно объ этомъ.

360. Къ И. Я. Гинцбургу.

Въ Оренбургской губ., лѣто 1883 г.

Дорогой Илья, очень, очень хотѣлось-бы мнѣ видѣть тебя здѣсь и вмѣстѣ съ тобой поѣхать. Но мнѣ приходится пригласить тебя сюда отъ себя. Это-то именно мнѣ и затруднительно, такъ какъ я самъ нахожусь здѣсь въ качествѣ гостя [1]). Дѣло другое было-бы, если-бы я находился въ заведеніи, что на будущій годъ я и сдѣлаю непремѣнно, если поѣду.

Здѣсь остаюсь всего до 5-го августа и буду въ Петербургѣ около 10-го.

Новостей у меня, конечно, никакихъ. Живу я здѣсь жизнью идіотской, пью кумысъ до отвращенія, и глупѣю отъ него до невозможности. Буду особѐнно радъ, когда покончу съ этимъ. Пожалуйста, по возможности бери меньше заказовъ на бюсты и побольше дѣлай своей собственной творческой работы. Вѣдь у тебя не было еще ничего на выставкѣ. Берись серьезно за твоего „Донъ-Кихота“. Изъ этого можетъ выйти хорошая вещь, если ты за нее возьмешься серьезно.

Во время моего пребыванія въ Петербургѣ я часто видался съ В. В., часто говорили о тебѣ. Онъ даже прочиталъ намъ одно изъ твоихъ писемъ; оно удивило меня тѣмъ, что у тебя есть ясный взглядъ на вещи, и еще съ критическимъ оттѣнкомъ: это меня очень порадовало. Но еще больше я буду радъ, когда ты самъ начнешь творить. Тогда и другіе станутъ иначе относиться къ тебѣ, люди, понимающіе дѣло.

Повторяю, я не могу пригласить тебя сюда въ гости, да скажу тебѣ по секрету, что я и самъ не радъ, что въ этомъ году сюда попалъ. Какъ-бы то ни было, все-таки—до скораго свиданія. Дѣти мои перехворали коклюшемъ; это болѣзнь не опасная, но мучительная. Благодаря этому, они должны были оставаться въ Парижѣ среди сильнѣйшихъ жаровъ, и вотъ только десять дней тому назадъ какъ они попали въ Biarritz.

361. Къ В. В. Стасову.

Село Богатое, Оренбургская желѣзная дорога. 24 іюня 1883 г.

Только что получилъ письмо, въ которомъ Эліасикъ извѣщаетъ меня съ радостью о вашемъ прибытіи. Да, я тоже присоединяюсь—

---

[1]) У гг. Левенсонъ.

радъ, что вы благополучно совершили такое далекое путешествіе, да такъ скоро. Представляю себѣ, сколько прелестей вы снова видѣли. Ай да дядя!

Буду въ Петербургѣ около 8-го, и тогда я облечу съ вами весь вашъ маршрутъ: всѣ музеи, всѣ достопримѣчательности, которые вы видѣли.

Лѣченіе мое только на половину удачно, потому что отвратительная погода замучила меня. Здѣсь глубокая петербургская осень, вотъ уже 12 дней просто отвратительно! Не пишу больше потому, что писать нечего. Нечѣмъ восторгаться, некого бранить (хоть-бы второе). Я весь ушелъ, какъ улитка, въ свою раковину, за то у васъ...

Пишите пожалуйста. Изъ Петербурга пишутъ мнѣ, что „Петръ" имѣетъ большой успѣхъ. Правда-ли это?

Вотъ удивительно, какъ у насъ скоро мѣняются взгляды, точно какъ и погода! Но все-таки я радъ этому; радъ и за васъ, что все-таки, въ концѣ концовъ, только вы правы. Помните, когда я выставилъ „Петра", то единственный человѣкъ, отъ котораго я выслушалъ похвалу, были вы. Кажется, что за это вамъ порядкомъ досталось.

Какъ поживаетъ Рѣпинъ? Пожалуйста, мой привѣтъ ему. Я видѣлъ его картины въ Москвѣ, сильно понравились онѣ мнѣ. Теперь, кажется, никто не оспариваетъ, что у насъ онъ первый живописецъ по силѣ кисти.

362. Къ нему же.

Село Богатое. 6-го іюля 1883 г.

Письмо ваше таки дошло до меня, и я спѣшу отвѣтить, что мнѣ крайне хотѣлось-бы повидать васъ, а главное попасть ко дню вашихъ именинъ. Это былъ-бы для меня сюрпризъ, потому что я ни разу не имѣлъ случая покушать за ваше здоровье.

Постараюсь, насколько возможно будетъ, попасть въ Петербургъ въ этотъ день. Но гдѣ вы тогда будете—въ городѣ, или, вѣрнѣе, на дачѣ. Въ такомъ случаѣ, гдѣ она и какъ мнѣ туда попасть?

Это будетъ единственный пиръ, на которомъ я хочу пить и веселиться, а затѣмъ я долженъ буду жить спокойно, беречь себя, и не расходовать то здоровье, которое мнѣ удалось здѣсь накопить. По словамъ докторовъ, мнѣ необходимо спокойствіе, иначе все мое лѣченіе пойдетъ къ чорту. Между тѣмъ, какъ мнѣ быть осторожнымъ, все-таки въ Петербургѣ ждетъ меня не мало хлопотъ. Да ну съ этимъ! Часто скучно становится такъ усердно заниматься своей дорогой персоной. Но ничего не подѣлаешь; говорятъ, что бѣда никогда одна не приходитъ. Я дѣлаю все, что въ моихъ силахъ, чтобы ни въ чемъ не упрекать себя по отношенію жены и дѣтей.

Я много разъ поборолъ свою болѣзнь, буду надѣяться, что и теперь будетъ то же самое. Впрочемъ, говорятъ, что теперь я вовсе не выгляжу больнымъ. У меня краска на лицѣ, но я нездоровъ; я хожу, сплю, однако-же и теперь хожу съ повязанной шеей. Доктора говорятъ, что берегъ моря, въ особенности Biarritz, гдѣ теперь находится моя семья, будетъ для меня очень полезенъ, особенно послѣ

кумыса. Кажется, я уже писалъ вамъ, что живу здѣсь точно датскій принцъ [1]).

Тутъ помѣщеніе, уходъ, столъ, кумысъ, прогулки—все это одинаково великолѣпно.

При этомъ и семейство Левенсонъ. Они очень, очень хорошіе люди, въ особенности хозяйка дома. Кажется, она задалась цѣлью отнять у меня болѣзнь и дать мнѣ новую жизнь. Родная мать не могла-бы больше заботиться обо мнѣ, чѣмъ она. Но что особенно меня поразило—это Волга, степь. Скажите мнѣ, дорогой дядя, я спрашиваю у всѣхъ: отчего наши поэты такъ мало воспѣвали гордость Россіи, подобную, чудесную, своеобразную и грандіозную природу? Отчего наши живописцы, въ особенности пейзажисты, не создали даже ни одного этюда степи? Вѣдь это, въ своемъ родѣ, море! Зачѣмъ наши художники или копошатся около себя, точно близорукіе, или-же вдругъ становятся такими дальнозоркими, что хватаются за Индію и прочее, за все то, что не такъ дорого нашему сердцу! Но что тутъ спрашивать! Вѣдь Самара еще недавно была мѣстомъ ссылки, стоитъ-ли въ такомъ случаѣ объ этомъ говорить. Но нѣтъ, здѣсь золотое дно для многихъ—тоже и для художниковъ.

Конечно, теперь я ни о чемъ и не думаю. У меня дѣлится годъ, какъ у медвѣдя, съ тою только разницей, что онъ лѣтомъ бодрствуетъ, а зимой лежитъ и сосетъ свою лапу, а я наоборотъ. Теперь мнѣ кажется, что я и не скульпторъ,! Но я не горюю—настанетъ осень, и я опять войду въ свою колею.

Конечно, слѣдуетъ оставить работу Эліасика до моего пріѣзда; каждый его успѣхъ сильно радуетъ меня.

Представляю себѣ, сколько чудесъ вы разскажете мнѣ о вашемъ путешествіи; я теперь уже готовлюсь слушать.

363. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Село Богатое, лѣто 1883 г.

Вы наконецъ меня очень обрадовали вашимъ письмомъ, обрадовали, во-первыхъ, тѣмъ, что вы, слава Богу, здравы и бодры—и хорошо дѣлаете, потому что, по моему глубокому убѣжденію, жизнь требуетъ жизни, и только смерть требуетъ покоя. Но только, чтобы жизнь была какъ дневной свѣтъ, какъ солнце, грѣющее и проливающее теплоту на окружающихъ.

Погода гонитъ меня вонъ отсюда, ужъ очень она стала непривѣтлива. Жаль уѣхать, не допивъ до 150 бутылокъ кумыса. Когда выѣду, дамъ вамъ извѣстіе телеграммой.

364. Къ ней же.

Село Богатое, 22 іюля 1883 г.

Просто досадно, представьте себѣ, что вотъ 12-й день, какъ

---

[1]) Гамлетъ.

здѣсь все непрерывные вѣтры, холодно, дождь, отвратительно; говорятъ, что этого никогда не бывало, но тѣмъ досаднѣе, что случилось это именно тогда, когда я пріѣхалъ. Конечно въ такую погоду лѣченіе никуда не годится. Завтра всѣ ждутъ перемѣны погоды, но пока дождь идетъ, а ночью былъ нынче такой вѣтеръ, что спать не далъ. Я разсчитываю быть въ Абрамцевѣ около 5-го—7-го; ѣду я на Самару. Пріѣду въ Москву около 5-го послѣ обѣда, и потому останусь спать, и на завтра только поѣду къ вамъ и останусь у васъ день или два.

365. Къ И. Я. Гинцбургу.

Лѣто 1883 г.

Дорогой Илья! Твое пессимистическое письмо я получилъ и нисколько не одобряю твоего опасенія насчетъ твоей будущности. Хуже всего то, что ты самъ себя пугаешь, и это мѣшаетъ тебѣ всецѣло предаться истинному творчеству. Развѣ искренно влюбленный спрашиваетъ себя, чѣмъ будутъ *жить*? А если онъ это спрашиваетъ, тогда любовь не юная, а опоздалая. Надо раньше всего не думать о послѣдствіяхъ, а начать работать, увлекаться сильно, страстно полюбить свою идею, бороться за нее, отстаивать со всей своей силой души, выдержать испытаніе, невзгоды, и тогда, только тогда творчество будетъ плодомъ твоего душевнаго состоянія. Оно будетъ цѣльное, какъ выкованное изъ одного куска желѣза. Да, все, что я здѣсь говорю, не фразы, а истина, которую отчасти я и самъ испыталъ. Ты долженъ стряхнуть съ себя многое, крѣпко стать на свои ноги и трижды подчеркнуть свое „я“. Если ты не успѣлъ этого сдѣлать до сихъ поръ, то у тебя еще время не ушло. Главное—не разбрасываться на мелочи. Мелочь съѣдаетъ у тебя самое главное, именно твой талантъ. Не говори мнѣ, что ты не способенъ ни на что крупное—это вздоръ. Вѣдь ты даже и не пробовалъ. Попробуй сперва сбросить всю мелочь, которая отнимаетъ у тебя массу времени (какъ я увѣренъ). Затѣмъ попробуй уговорить себя, что, въ сущности, твое опасеніе не имѣетъ основанія, потому у тебя есть талантъ, знаніе и сознаніе. Такъ вотъ какой отвѣтъ я шлю тебѣ на твое пессимистическое настроеніе, ибо твое положеніе далеко не такое, какъ ты думаешь.

Погода здѣсь скверная; мнѣ все нездоровится. Какъ поживаетъ нашъ В. В.? Низко кланяюсь ему. А Рѣпинъ гдѣ? Уже тоже въ Петербургѣ? Когда увидишь, передай и ему мой поклонъ, и скажи обоимъ, что я чрезвычайно радъ, что прожилъ съ ними хорошіе часы.

366. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Село Богатое, лѣто 1883 г.

Когда именно пріѣду, еще и самъ не знаю, это будетъ зависѣть главное отъ погоды. Хорошей-то повидимому въ этомъ году вовсе не будетъ; если такъ, то я прибуду въ Москву 7-го или же 8-го. Если-же

погода разгуляется, тогда пріѣду 12-го утромъ, по желѣзной дорогѣ. Пожалуйста, распорядитесь, чтобы письма, которыя придутъ на мое имя, задержать до моего пріѣзда. Изъ дому я получаю удовлетворительныя извѣстія. Дѣти поправляются, да притомъ и объ эпидеміи не слыхать больше; вообще она утихаетъ. Недавно у нихъ былъ ночью переполохъ: сосѣдній домъ горѣлъ, пришлось вынести дѣтей и держать ихъ до утра у чужихъ. Вообще, повидимому, Богъ насъ любитъ, и потому, когда бросаетъ, то подкладываетъ мягкую подушку, но, право, было-бы лучше не бросать и не стлать подушекъ. А впрочемъ не знаю, что лучше.

Погода кислая, что́ для кумыса нехорошо, да и самъ кумысъ уже сталъ не тотъ; для него, главное, необходимо захватить первый сезонъ, когда сѣно пушистое, сочное, а теперь приходится кормить кобылъ искусственнымъ образомъ. Притомъ здѣшній татаринъ безбожно надулъ насъ: онъ скосилъ луга, которые были отданы ему подъ пастбище, продалъ сѣно, получилъ деньги и уѣхалъ.

Ахъ, какой привольный край здѣсь!

367. Къ ней же.

С.-Петербургъ, лѣто 1883 г.

Я не писалъ вамъ до сихъ поръ потому, что нечего было писать. Мнѣ хотѣлось сказать вамъ что-то хорошее, что́ могло бы васъ обрадовать, но хорошаго здѣсь я не нашелъ до сихъ поръ; какая-то фатальность преслѣдовала меня. Куда я ни шелъ, вездѣ неудача, но теперь повидимому стрѣлка перемѣнилась.

Былъ я въ Петергофѣ. „Петръ" мой всѣмъ сильно нравится, чему я очень радъ. Видѣлъ я гр. Воронцова-Дашкова, который принялъ меня очень просто и любезно, а сегодня ѣду представляться Государю, чему я очень радъ.

Очень можетъ быть, что завтра я поѣду дальше. И вдругъ мнѣ жаль стало оставить Россію, что-то щемитъ на душѣ. Правда, часто она больно кусается, но недолго питаешь злобу къ ней, боль проходитъ и все забывается; а тамъ, на чужбинѣ, что́ тамъ ждетъ меня? Повѣрите-ли, что я усталъ отъ скитальческой жизни; всѣ прелести, которыя я тамъ встрѣчаю, кажутся мнѣ чужими, точно на чужой пиръ я попалъ, точно тамъ, далеко, дома, я оставилъ свою семью, своихъ друзей, съ которыми я сроднился. Но что прикажете дѣлать, не живи такъ, какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велитъ.

Я не могъ докончить письма, которое пролежало до сихъ поръ. Вчера я поѣхалъ въ Петергофъ представляться Государю. Онъ разспрашивалъ обо всемъ, сказалъ, что статуя „Петра" великолѣпна, что бронзовый „Христосъ" будетъ стоять въ Эрмитажѣ, тамъ же и „Сократъ". Спрашивалъ о „Спинозѣ" и о „Мефистофелѣ" и сказалъ вообще присылать ему всѣ фотографіи съ моихъ будущихъ работъ, въ томъ числѣ и фотографію „Мефистофеля"; пожелалъ мнѣ всего хорошаго, и я въ душѣ пожелалъ ему то-же самое.

Потомъ я отправился къ Полякову, гдѣ былъ пораженъ извѣстіемъ, что любимая его дочь умерла отъ родовъ; ужасно больно мнѣ это было, жаль мнѣ ихъ очень, очень.

Обѣдалъ я у Рубинштейна (все тамъ-же, въ Петергофѣ). Тамъ я нашелъ Давидова, віолончелиста, съ которымъ я въ первый разъ познакомился. Они задержали меня, говоря, что будутъ играть, и дѣйствительно, я слышалъ такой концертъ, какой рѣдко слышатъ даже самые близкіе Рубинштейна. Онъ игралъ вмѣстѣ съ Давидовымъ, и, однако, какъ ни сильно, ни величественно лились эти звуки, все не могли они заглушить моего чувства. Передо мной все носилась сквозь туманъ фигура дочери Полякова. Поздно ночью я пріѣхалъ домой, усталый и разбитый, и дома еще не могъ заснуть. Вотъ какія противорѣчивыя впечатлѣнія я тутъ нашелъ. Скорѣе домой, потому что здѣсь я израсходую все то, что набралъ за все лѣто.

368. Къ ней же.

С.-Петербургъ, іюль 1883 г.

Говорятъ, что статуя „Петра“ вызываетъ значительный интересъ. Постоянная толпа около него, восторгаются, но и критикуютъ. Послѣднее неудивительно; скорѣе удивительно, что восторгаются, время теперь такое. Я все мечтаю сдѣлать изъ моихъ работъ постоянную выставку, и еще больше мечтаю всѣ мои работы сгруппировать и обставить такъ, какъ я желаю, и чтобы остались онѣ такъ навсегда нетронутыми. Вотъ тогда-то я бы издалъ мой собственный каталогъ, съ объясненіемъ моихъ работъ.

Кажется, Савва Ивановичъ говорилъ мнѣ, что послѣ смерти Погодина не оказалось Пушкинскаго сюртука. Когда я съ С. И. пришелъ къ Погодину смотрѣть сюртукъ, то онъ вынулъ его изъ квадратной тумбы, на которой стоялъ, кажется, бюстъ Пушкина. Въ этой тумбѣ была потайная дверца, которая открывалась въ сторону стола. Очень можетъ быть, что объ этомъ не всѣ знали. Я былъ-бы очень счастливъ, если-бы мое сообщеніе могло послужить къ открытію столь драгоцѣнной вещи.

369. Къ ней же.

Біаррицъ, августъ 1883 г.

Тяжелое извѣстіе о смерти нашего дорогого И. С. Тургенева сильно поразило всѣхъ. Извѣстіе это застало меня въ постели, а то я непремѣнно поѣхалъ-бы на похороны, чтобы въ послѣдній разъ низко, очень низко поклониться его гробу. Очень дорогъ онъ намъ всѣмъ, а мнѣ еще больше. Я много нашелъ въ немъ, а потому много и потерялъ. Мы дѣлаемъ для него серебряный вѣнокъ. Въ душѣ я сознаю, что это одна только пустая форма. Не вѣнокъ дорогъ, а память о немъ, но чѣмъ это выразить? Что можно сдѣлать больше для того, кого уже нѣтъ?

Относительно моего плана издавать ежемѣсячно статуэтки,—онъ

все больше и больше затягиваетъ меня. Конечно, очень можетъ быть, что это съ моей стороны ошибочно, но кто не ошибается? Дѣло въ томъ, что я вовсе не желаю дѣлать каррикатуры, а вѣрнѣе это будетъ сатира. Конечно, это не высокій родъ искусства, но наше время нуждается въ этомъ, а въ искусствѣ это еще небывалое. Главное, тутъ можно высказать все то, что накопилось на душѣ, ужъ слишкомъ много шутовъ наплодилось. Видно, что публика любитъ одну только глупость, чтобы забавляться; ну, я и заставлю ихъ смѣяться, пока сами они не скажутъ, что довольно. Да притомъ же, отчего не попробовать? Не пойдетъ, брошу.

370. Къ ней же.

Петербургъ, августъ 1883 г.

Давно собирался я писать вамъ, но о чемъ? До сихъ поръ я былъ самъ не свой, не жилъ въ своей сферѣ, не творилъ, былъ дѣловымъ человѣкомъ, впрочемъ никуда негоднымъ. Не могу сказать, чтобы дѣла мои подвинулись, да притомъ не думаю, чтобы другихъ дѣло это также интересовало, какъ меня, развѣ моихъ противниковъ; но самъ я какъ-то подвинулся, успокоился, опомнился и просвѣтлѣлъ, хотя мои подозрѣнія, за которыя такъ часто и такъ охотно упрекаютъ меня, оправдались какъ дважды-два четыре. Теперь я жду окончанія моего дѣла спокойно, равнодушно и, что бы ни случилось, скажу,—все къ лучшему. Мои мысли теперь заняты другимъ: старые идеалы, други моего сердца, воскресли передо мною во всей ясности. Ихъ-то я теперь желаю обнять и создать. Всѣ они друзья человѣчества, сколько души можно въ нихъ вложить! Жаль только, что въ этомъ году, въ особенности въ послѣдніе два мѣсяца, я такъ безпощадно израсходовалъ здоровье. Желанія сильны, а мускулы слабы. Мнѣ кажется, что за послѣднее время я даже посѣдѣлъ, вотъ что значитъ быть нервнымъ и все принимать къ сердцу. Но великъ Богъ! Много я пережилъ, и это пройдетъ. Могу прибавить, что здѣсь всѣхъ, не менѣе, чѣмъ меня, возмутило установленіе протокола насчетъ моего проекта. Радъ, что во-время узналъ, съ кѣмъ имѣю дѣло, и если дальше брандмейстера и почтмейстеры станутъ поправлять мои работы, то конечно лучше не браться за это дѣло; пускай кто-нибудь другой соглашается на это, но не я.

Однако сижу я здѣсь и жду, хотя меня тянетъ домой. Жду и дѣлаю все, что отъ меня зависитъ, т.-е. стараюсь быть терпѣливымъ, чтобы потомъ не упрекать себя, даже если мнѣ придется совсѣмъ отказаться.

371. Къ В. В. Стасову.

Biarritz, 4 (16) сентября 1883 г.

До сихъ поръ я не писалъ вамъ, дорогой В. В., потому что не о чемъ было. Единственная новость была печальна. Это — смерть И. С. Тургенева. Она поразила меня, несмотря на то, что я былъ

къ этому давно приготовленъ. Но знаете поговорку: „что имѣемъ не хранимъ, потерявши—плачемъ“. Многіе потеряли въ немъ многое, а я больше всѣхъ. Живя здѣсь, среди столь быстраго жизненнаго теченія, гдѣ чувствуешь свое одиночество, такой человѣкъ, какъ Иванъ Сергѣевичъ, былъ для меня неоцѣненъ.

Затѣмъ была у меня еще одна новость, которая, впрочемъ, еще не прошла. Это то, что я опять хворалъ и пролежалъ 10 дней въ постели; правда, болѣзнь была глупая — зубной нарывъ, но промучила она меня порядочно. Если-бы не эта дурацкая болѣзнь, я-бы теперь былъ уже въ Парижѣ и работалъ-бы.

Въ Италію на зиму я не ѣду. Я давно, очень давно задумалъ издавать періодическія сатирическія статуэтки. Мнѣ хотѣлось-бы создать много героевъ изъ всемірной комедіи, начиная отъ политическихъ и кончая разными пошляками и шарлатанами, которые морочатъ свѣтъ. Теперь-же эта идея такъ окрѣпла у меня, что скоро послѣ моего пріѣзда въ Парижъ я приступлю къ этому. Мнѣ кажется, что это нѣчто еще небывалое въ скульптурѣ. Что касается до сюжетовъ, то ихъ у меня пропасть. Теперешняя жизнь поневолѣ напрашивается, чтобы смѣяться надъ ней до боли, до слезъ. Пока прошу объ этомъ никому ни слова, и, по всей вѣроятности, я выступлю подъ псевдонимомъ — по крайней мѣрѣ, на первый разъ.

372. Къ нему же.

Biarritz, 23 сентября 1883 г.

Относительно бюста И. С. Тургенева я-бы такъ ничего и не предпринялъ-бы, если-бы не ваше напоминаніе и желаніе. Мнѣ казалось, что это въ родѣ торговой эксплуатаціи; но очень можетъ быть, что я уже черезчуръ щепетиленъ. Теперь же все сдѣлано, т-е. все, что я могъ. Одинъ бюстъ выслалъ на имя Эліасика для передачи Беггрову, но при этомъ я телеграфировалъ вамъ для передачи Эліасику, чтобы онъ взялъ пока бюстъ, находящійся у Поляковыхъ. Только вотъ вчера я получилъ письмо отъ нихъ, что они пріѣзжаютъ въ Парижъ. Такимъ образомъ, я не знаю, удалось-ли Эліасику достать оттуда бюстъ. Но пустить его въ маломъ размѣрѣ изъ терракоты я все-таки не желаю, потому что это для меня ужъ слишкомъ грошевое дѣло, а главное—хлопотливое. Эліасикъ желаетъ все это взять на себя въ мою пользу. За кого онъ меня считаетъ? Неужели я захочу чужими руками жаръ загребать?

Въ виду того, что есть немало хорошихъ людей, желающихъ имѣть бюстъ Тургенева и не могущихъ дать дорого, то тутъ Эліасикъ издастъ свой бюстъ изъ терракотты. Только не отъ моего имени и не въ мою пользу.

Я-же дальше маленькаго бронзоваго не иду. Цѣну на нихъ я уже писалъ Эліасику и повторяю:

Изъ мрамора	2000 р.
Въ маломъ видѣ	600 р.

Изъ бронзы, въ натуру . . 600 р.
Въ маломъ видѣ . . . . 150 р.

Думаю, что на подобныя цѣны много охотниковъ не найдется—покажется дорого.

Что прикажете дѣлать, теперь такое время, что скульптура дешево цѣнится, а живопись наоборотъ.

Между моими сатирическими сюжетами находятся также 2 фигурки (панданъ): „Современный живописецъ“ и „Скульпторъ“. Живописецъ—молодой, настоящій французскій элегантъ,—въ бархатной курткѣ, бантики на шеѣ и въ башмакахъ, тоненькіе и длинные усики, какъ ноготь на мизинцѣ. Онъ пишетъ маленькую картину, въ родѣ голой женщины, представляющей „утро“, или тому подобное. На картинѣ написано: „цѣна 50,000 ф.“ и „Vendu“ (продано), а другая фигура представляетъ скульптора, одѣтаго въ блузу, съ молоткомъ въ рукѣ, рабочій колпакъ на головѣ; онъ вырубаетъ голову сатира, на которой написано: „цѣна 100“, и „A vendre“ (продается).

Впрочемъ, это не изъ удачныхъ моихъ сюжетовъ. Болѣе удачные, это—современныя личности, главное,—политическіе и другіе дѣятели, которыхъ я окрестилъ общимъ именемъ: „современные нарывы“.

По моему, они всѣ шуты среди всеміряой комедіи.

А между тѣмъ, дѣла мои такъ плохи, что въ одно и то-же время хочется и плакать, и смѣяться. Только въ пятницу вечеромъ буду въ Парижѣ, и тогда увидимъ.

Относительно мадамъ Воль [1]), то ради Бога не посылайте ей гравюръ съ моихъ работъ. По моему, и фотографія не передаетъ ничего вѣрно, такъ какъ въ моихъ работахъ главное — экспрессія, но если вы уже послали, то все равно, дѣлать нечего. Все-таки напишите ей, что я вышлю ей всѣ фотографіи, только адреса ея не знаю. Что касается до разныхъ статей обо мнѣ, то у меня ничего нѣтъ, кромѣ вашихъ, которыя не отдамъ ни за какія блага.

То, что было писано обо мнѣ въ англійскомъ журналѣ, есть у Мамонтова, онъ его выписываетъ и я попрошу его послать вамъ этотъ нумеръ. Будьте здоровы, дай вамъ Богъ всего лучшаго—энергіи и бодрости, потому что вы еще очень многимъ необходимы.

Мнѣ кажется, мадамъ Воль думаетъ, будто Богъ знаетъ какъ много обо мнѣ писано; но пусть она не забудетъ, что я скульпторъ, а европейскіе критики отводятъ 10 страницъ живописи и десять словъ скульптурѣ, да притомъ-же я рѣдко выставляю.

373. Къ Е. Г. Мамонтовой.

Парижъ, 1883 г. 10 октября.

Ваше письмо я получилъ здѣсь, въ Парижѣ, и очень радъ, что и вы перебрались на зиму въ свое гнѣздо. Но еще болѣе радъ, что

---

[1]) Янка Воль, венгерская писательница, пріятельница Листа, поклонница Антокольскаго; домъ ея, въ Буда-Пештѣ, былъ очень извѣстнымъ литературнымъ и музыкальнымъ центромъ.

скоро мы опять увидимъ васъ. Надѣюсь, что вы пріѣдете съ вашимъ старикомъ. Радъ еще за Полѣнова, что онъ прямо ѣдетъ въ Римъ. Не радъ я за Васнецова только. Безъ меня отсюда выслали вамъ наконецъ всѣ ваши книги. Костюмы не оказались въ продажѣ, т.-е. у того книгопродавца, у котораго мы покупаемъ, а у другого дорого, а потому я велѣлъ выслать вамъ свой экземпляръ, и, такимъ образомъ, вы будете имѣть ихъ въ превосходномъ переплетѣ. Кажется, вы это любите. Что-же касается до меня, то я люблю, чтобы хорошая книга была одинаково пріятна, какъ для чувства, такъ и для глаза. Хорошая книга должна быть убрана нарядно, какъ невѣста. Очень не люблю видѣть въ шкапу книги съ однообразными черными спинами.

Простите, что пишу такъ торопливо, да и не разборчиво: усталъ очень. Что касается до матеріи для вашего брата [1]), то съ этой оказіей я не могъ, но скоро постараюсь кое-что выслать. Пока я здѣсь одинъ, но семья пріѣдетъ на-дняхъ.

374. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, получено 20 октября 1883 г.

Я ужасно виноватъ передъ вами, что до сихъ поръ ничего не отвѣтилъ на ваши два добрыя письма. Но что прикажете дѣлать— хлопотъ у меня много, а здоровья мало; главное, я чувствую упадокъ силъ, а это хуже всего. Вотъ, поработаю день и становлюсь ни на что не похожъ, потомъ долженъ отдыхать. Но къ дѣлу:

1) пожалуйста, напишите M-me Воль, чтобы она не произносила приговоръ раньше, чѣмъ получитъ фотографіи всѣхъ моихъ работъ.

2) Ел. Гр. Мамонтова писала мнѣ, что получила ваше письмо и тотчасъ-же выслала вамъ англійскій журналъ; слѣдовательно, объ этомъ больше нечего распространяться.

3) Что касается X., то я добровольно отказался отъ долга, во-первыхъ потому, что онъ разорился до того, что я ни за какія блага не хочу быть вмѣстѣ со всѣми эксплуататорами, говоря другими словами, я не хочу участвовать въ его разореніи, хотя эти деньги кровныя, и, скорѣе, онъ меня разоряетъ. Во-вторыхъ, я не хочу этого потому, что онъ, дѣйствительно, не только дуракъ, но и негодяй: представьте себѣ—онъ даже не считаетъ себя должнымъ мнѣ, на томъ основаніи, что мнѣ нечего показать изъ бумагъ, т.-е. за то, что я честно довѣрилъ ему. За то я очень радъ моему поступку, хотя у меня ни гроша. Получилъ немного—расплатился кое-какъ, и опять вѣтеръ свиститъ у меня въ карманѣ. Но перемелется, мука будетъ. Главное—здоровье, а богатство—впереди.

4) Задумалъ я много и разнообразнаго, все это въ малыхъ размѣрахъ, изъ бронзы, съ инкрустаціями, съ эмалью, а нѣкоторыя—прямо изъ серебра. Я это дѣлаю не только для того, чтобы поразить бо-

1) Владиміръ Григорьевичъ Сапожниковъ, извѣстный фабрикантъ шелковыхъ издѣлій въ Москвѣ.

гатствомъ матеріала,—думаю, вы хорошо знаете, что я еще не такъ палъ, чтобы обратить мой талантъ въ гешефтъ,—а дѣлаю это просто для того, чтобы разнообразить, а главное—создать художественность.

Вотъ вамъ нѣсколько названій моихъ работъ: „Одиночное заключеніе“, „Сиротка“, „Одинокая“ „Акробатъ съ ребенкомъ“—драма послѣ комедіи, „Гладіаторъ, обмывающій кровь послѣ боя“, „Святая мученица“, „Каторжникъ“. Что, довольно? Какъ видите, дорогой В. В., остановка только за здоровьемъ, и еще кое за чѣмъ.

Я чуть не забылъ относительно писемъ Тургенева. У меня есть отъ него не письма, а записки, такъ какъ я съ нимъ не корреспондировалъ. Впрочемъ, разъ я писалъ ему по поводу еврейскаго вопроса, онъ отвѣтилъ коротко, но интересно. Въ свое время я напечатаю это письмо отдѣльно, чтобы рельефнѣе вызвать этотъ вопросъ; только, какъ на грѣхъ, я спряталъ его гдѣ-то такъ, что не могу отыскать. Что-же касается его записокъ, то онѣ не имѣютъ интереса для печати, но я пошлю ихъ вамъ, и тогда сами разсудите.

Я спрошу княгиню Урусову; у нея, навѣрно, есть болѣе интересныя письма.

Будьте здоровы. Радуюсь за Рѣпина и стыжусь его—я поступилъ передъ нимъ, какъ свинья. Мой нижайшій поклонъ ему. Еще разъ желаю вамъ всего хорошаго.

P. S. Жена моя нашла первый парижскій отзывъ обо мнѣ; писалъ ихъ Віардо, только тамъ біографія моя довольно фантастична. Вообще, я замѣтилъ, что часто разсказываютъ обо мнѣ сказки. Другой онъ-же писалъ, и для нихъ, можетъ быть, интересно, что онъ проводитъ параллель между мною и Мункачи.

375. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Парижъ, 29 октября 1883 г.

Сожалѣю, что время идетъ у меня не совсѣмъ споро. Началъ я двѣ вещи заразъ,—первая: это „Офелія“, изъ которой, думаю, выйдетъ что-то оригинальное и сильное, а другая: „Въ неволѣ“: это вещь настолько оригинальная, что въ скульптурѣ она—ересь. Это—средневѣковое окно съ выступающей рѣшоткой, за которой видна дѣвушка, вотъ и все. Очень боюсь, что въ наше неразумное время, неразумные люди, которымъ все к а ж е т с я и которыхъ все пугаетъ, скажутъ, что я тутъ представилъ „нигилистку“; но вы хорошо знаете, что я не такъ мелоченъ, чтобы тратить годы на вопросы дня. Для меня гораздо важнѣе вопросы жизни. Но наше неразумное время знать не хочетъ ничего разумнаго, всякое новое явленіе истолковываютъ въ дурную сторону. Но остановиться изъ-за нихъ и пугать себя ими—значитъ дѣлать то-же, что они. Авось придетъ болѣе нормальное время, и каждый узнаетъ своего.

Читали-ли вы въ „Новостяхъ“, отъ 14-го октября, замѣтку изъ Одессы, какъ тамъ чествовали Тургенева? Просто больно и смѣшно, что у насъ, у русскихъ, то-же что у Байрона, который сказалъ, что

у него двѣ души въ одномъ тѣлѣ; но хуже всего, что онѣ такъ быстро мѣняются. Вы хорошо знаете, что я терпѣть не могу чрезмѣрныхъ увлеченій, особенно у взрослыхъ; но еще болѣе ненавистно мнѣ быстрое охлажденіе. Кажется, еще очень недавно чествовали И. С. Тургенева, какъ полубога, мнѣ хотѣлось сказать нѣсколько словъ въ защиту его, опровергнуть слухъ, что онъ далъ денегъ на запрещенное изданіе. Мнѣ кажется, что объ этомъ много писали, ни никто не знаетъ одного замѣчательнаго факта, который характеризуетъ его доброту, такъ сказать, его человѣческое отношеніе къ нуждѣ ближняго. Разъ я пришелъ къ нему и засталъ его грустнымъ, что рѣдко случалось. „Представьте себѣ,—сказалъ онъ мнѣ,—сегодня въ первый разъ въ жизни я долженъ былъ отказать человѣку въ помощи"; замолчалъ, пожалъ плечами и прибавилъ: „Ничего не подѣлаешь", и опустилъ голову. Слова эти я хорошо запомнилъ, такъ-же какъ и тогдашнее его грустное выраженіе. Видно, что тяжело ему было отказать человѣку, который протянулъ къ нему руку. И. С., какъ видите, никому никогда не отказывалъ ни въ чемъ. Онъ не былъ политикомъ, но былъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Для него было безразлично, кто протягивалъ руку и просилъ помощи—еврей-ли, полякъ-ли, русскій-ли, добръ-ли тотъ человѣкъ, или преступенъ,—это было просто „милосердіе". Вотъ видите, я давно не читалъ русскихъ газетъ, сегодня открылъ и возмутился.

Поговоримъ лучше о дѣлѣ. Пожалуйста, постарайтесь повидать Васнецова и попросите его нарисовать костюмъ дьячка, въ которомъ долженъ быть изображенъ Иванъ Федоровъ, первый книгопечатникъ въ Россіи. Общій костюмъ я знаю, но не помню, долженъ-ли быть у него стоячій воротникъ; потомъ попросите его зарисовать тогдашній станокъ, который находится въ древней типографіи; но еще лучше, если найдетъ брошюрку, въ которой напечатанъ этотъ станокъ.

Скажите ему, что я кланяюсь ему въ поясъ и прошу сейчасъ это сдѣлать. Сурикова видѣлъ, но не много разъ. Онъ мнѣ нравится, въ особенности за его горячность и искренность, и какъ-бы еще непочатую свѣжесть. Мнѣ кажется, что только у насъ встрѣчаются подобные типы, которые до старости остаются студентами. Тутъ много прелести, хотя и немало шаткости. А впрочемъ послѣднее можетъ и не относиться къ Сурикову. По-моему, онъ много обѣщаетъ, если найдетъ въ Россіи поддержку, а не стѣну и равнодушіе, которое можетъ убить всякій талантъ.

376. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 30 октября 1883 г.

Здѣсь просятъ, для англійскаго журнала, матеріала, касающагося нашихъ художниковъ. Я указалъ на Верещагина, на Рѣпина, на Шварца и на Перова. Помогите, пожалуйста, популизировать русское искусство. О всѣхъ нихъ вы много писали, но еще больше знаете. Пожалуйста, пришлите сначала то, что касается Верещагина или Рѣпина, и кромѣ

этого необходимы фотографіи съ ихъ лучшихъ произведеній. Передайте мою просьбу Рѣпину: пускай онъ пришлетъ фотографіи съ „Бурлаковъ“, съ „Крестнаго хода“ и съ „Сумасшедшаго“.

Что мнѣ сказать вамъ о себѣ? Нечего, я работаю, но ничего интереснаго, на-дняхъ начинаю „Сиротку“.

Я получилъ заказъ: сдѣлать бюсты „Христа“ и „Мефистофеля“ изъ мрамора.

Очень радъ случаю, чтобы немного передѣлать голову „Христа передъ судомъ народа“, который въ деталяхъ не удовлетворяетъ меня теперь. Такъ, напримѣръ, волосы надъ лбомъ немного риторичны, носъ толстъ и т. д.

Что̀ насчетъ бюста Тургенева? Неужели онъ кажется для всѣхъ одинаково дорогъ? Неужели всѣ одинаково дешево любятъ его? Печально, а также смѣшно во всѣхъ отношеніяхъ.

Надо прибавить, что я уменьшилъ цѣну, противъ того, какъ было напечатано.

А все-таки земля вертится!!! И я остаюсь при той цѣнѣ, какая была нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а теперь удивляюсь, что тогда она никому не казалась дорога. Недавно одна барыня, впрочемъ, отчасти сумасшедшая, влюбилась въ мой барельефъ „Христосъ“, такъ, что пришла въ экстазъ и заказала мнѣ сдѣлать его изъ мрамора. Я сказалъ свою цѣну, и былъ очень удивленъ, когда эта дама вздумала торговаться со мною изъ-за 1000 ф., удивился тѣмъ болѣе, что она никогда ни съ кѣмъ не торгуется, а я сказалъ ей ту-же цѣну, что и всѣмъ. Такъ она и разлюбила моего „Христа“ за 1000 фр., которые для нея столько-же значатъ, какъ для насъ копейка. Мнѣ кажется, что тутъ не обошлось безъ чьего-то посторонняго вмѣшательства. Но знаете мою всегдашнюю пѣсенку: „меня не любятъ—и не надо“ и т. д.

Вообще вокругъ меня бушуетъ непогода, я насилу держусь на ногахъ. Хуже всего у меня теперь карманъ; но все-таки перемелется, мука будетъ. Право, я крѣпко вѣрю, что и на моей улицѣ праздникъ будетъ.

377. Къ нему же.

Парижъ. Получено 11 декабря 1883 г.

Вы удивляетесь, отчего я стучусь въ двѣ двери. Напрасно. Когда есть опасно больной, тогда стучатся въ двери къ нѣсколькимъ докторамъ. Что прикажете дѣлать, мое теперешнее финансовое положеніе—глупо; при томъ-же—„гдѣ тонко, тамъ и рвется“, „на кого Богъ, на того и люди“. Все это иногда даже забавляетъ меня; я утѣшаюсь тѣмъ, что не принадлежу къ теперешнимъ моднымъ художникамъ, которые умѣютъ ловко выжимать сокъ изъ своихъ лавровъ. Здѣсь того, кто этого не дѣлаетъ, считаютъ глупымъ. Продажность, подкупъ прессы дѣлается до того открыто, что каждый непремѣнно скажетъ пошлую фразу: „Что прикажете дѣлать, теперь безъ рекламы ничего не подѣлаешь“. Очень можетъ быть, что я ни такъ, ни сякъ не гожусь

здѣсь для французовъ. Для нихъ въ искусствѣ внѣшняя, крайняя риторика, форма, чувство, поза—выше всего; а содержаніе, душа—только предлогъ. И когда содержаніе не отвѣтствуетъ формѣ, они, безъ церемоніи, передѣлываютъ по-своему. Особенно это сильно чувствуется въ области скульптуры. Они не задумываются дѣлать Давида голымъ и т. п.

Именно такая работа имѣетъ вездѣ громадный успѣхъ, не только среди публики, но и среди художниковъ. Надо еще прибавить, что они до того увѣрены въ своемъ превосходствѣ надъ всѣми другими, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до того ревнивы къ чужому искусству, что все чужое ставятъ ниже своего.

Послѣ этого, скажите, ради Бога, не лишній-ли я здѣсь? Да гдѣ я на своемъ мѣстѣ? Въ милой Россіи? Сомнѣваюсь, но довольно объ этомъ!

Деньги изъ Кабинета Его Величества я получилъ, но думаю, что короче и вѣрнѣе будетъ получать посредствомъ довѣренности.

У меня новаго, въ особенности хорошаго, ничего нѣтъ—работаю и хвораю. Теперь, кромѣ всего стараго, прибавилась еще головная боль—приливъ крови къ головѣ. Не знаю, отъ усталости-ли это, или же отъ другихъ причинъ; но какъ-бы то ни было, а каждый вечеръ болитъ голова и изъ носа кровь идетъ неудержимо.

Скажу вамъ по секрету, что жизнь начинаетъ меня тяготить, я спасаюсь только въ студіи, стоя около работы.

Тогда думаешь, что дѣйствительно я дѣлаю что-то такое, что можетъ облегчить или улучшить человѣчество и меня самого, а, въ сущности, ничего подобнаго я не дѣлаю. Мало меня понимаютъ, и никому особенно я не нуженъ. Работу свою долженъ продавать съ поклономъ, съ протекціей, и, однако, не настолько, чтобы могъ спокойно работать, да и умереть. Я теперь работаю двѣ вещи за-разъ: „Офелію" и жанръ—„Тюремное окно, у котораго сидитъ молодая дѣвушка".

Знаю, что наши пошляки прицѣпятся къ этому и скажутъ, что, дескать, нигилистку я тутъ представляю. Но для меня важнѣе вопросъ жизни, чѣмъ вопросъ дня, и потому я тутъ не представляю ни русскій типъ, ни русское окно. Я думалъ-было обѣ вещи дѣлать въ малыхъ размѣрахъ, а кончилъ тѣмъ, что началъ въ натуральную величину. Вотъ увидимъ, понимаю-ли я женщину настолько, какъ мужчину. Вѣдь меня упрекали, отчего я не дѣлаю женщины.

378. Къ нему же.

Парижъ, 29 декабря 1883 г.

Давно ничего я не получалъ отъ васъ; видно, некогда, да и мнѣ, признаться, то же самое. Притомъ-же и писать-то не о чемъ.

Я давно работаю, но все точно лошадь, которая топчетъ подъ собою мельничное колесо—ходитъ, ходитъ, а все на одномъ мѣстѣ.

Я долженъ теперь обратиться къ вамъ съ всепокорнѣйшей прось-

бой—это насчетъ моей пенсіи. Дѣло въ томъ, что мнѣ не хотѣлось безпокоить васъ этимъ, притомъ-же Боголюбовъ, который тоже получаетъ пенсію, сказалъ мнѣ, что онъ получаетъ ее черезъ посольство, только надо каждый разъ писать прошеніе. Я такъ и сдѣлалъ; думалъ, что скоро получу отвѣтъ—но не тутъ-то было!

Видно, что я простой смертный, притомъ мы считаемъ день днемъ, а въ присутственныхъ мѣстахъ считаютъ день мѣсяцемъ. По ихнему счету намъ, повидимому, придется долго жить, но и долго ждать. А я-то этого и не могу, потому что мое финансовое положеніе находится все еще въ остромъ кризисѣ, и вотъ поэтому я рѣшилъ, что пока что будетъ, а вы будьте такъ добры, вышлите мнѣ формулу довѣренности на ваше имя, или же на имя почтеннаго Н. П. Собко. Здѣсь я засвидѣтельствую въ посольствѣ и пришлю вамъ обратно, а вы получите и вышлете мнѣ деньги.

Простите, дорогой В. В., что на сей разъ пишу только о дѣлѣ, но это дѣло не даетъ мнѣ говорить о чемъ-нибудь другомъ.

Будьте здоровы и по прежнему энергичны.

379. Къ нему же.

Парижъ. Получено 4 января 1884 г.

О себѣ писать нечего, работаю и немного хвораю, но это не новость.

Что у васъ новаго? У васъ тамъ, кажется, теперь много художественныхъ интересовъ: выставка Верещагина, Маковскаго, и скоро начнутся — передвижная выставка и Академическая съ сюрпризами. Казалось-бы, что у васъ Божья благодать, а между тѣмъ я слышалъ недавно, что собираютъ на надгробный памятникъ Тургеневу. Идею памятника одинъ остроумно придумалъ и всѣ одобрили. Памятникъ долженъ изображать простую мраморную плиту съ надписью: „Тургеневъ". Если это правда, то можете передать самому предсѣдателю, Григоровичу, что это такъ просто, такъ просто, что дикіе варвары не могли-бы проще придумать, а еще заботятся о распространеніи искусства! Ну, да что тутъ говорить? Можетъ-быть, это неправда.

Говорятъ, что Рѣпинъ опять началъ что-то замѣчательное.

380. Къ нему же.

Парижъ. Получено 9 января 1884 г.

Что касается моихъ работъ, о которыхъ вы говорите, то вы хорошо знаете, что у каждаго есть свое мнѣніе и убѣжденія, которыми онъ руководствуется. Я много думалъ и думаю всякій разъ, пока начинаю что-нибудь, но въ концѣ-концовъ дѣлаю то, что чувство мнѣ диктуетъ. Я долженъ сказать, что часто оно не практично, но оно властно надо мною, и я покоряюсь, потому что чувство—такой-же источникъ для искусства, какъ умъ для науки.

Повторяю вамъ еще разъ, что никого, никогда не послушаюсь

относительно искусства, даже своего собственнаго разсудка, кромѣ чувства.

Но какъ-бы то ни было, мнѣ очень дороги не только ваши похвалы, но и ваши порицанія, потому что они искренни, а это, какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ, такая драгоцѣнность, что съ каждымъ днемъ она становится все рѣже и рѣже.

Что касается моего новаторства, то напрасно вы думаете, что съ проявленіемъ моего юношества я показалъ что-то новое. Это было новое въ Петербургѣ, но не въ Европѣ. По-моему, моя дальнѣйшая работа важнѣе для искусства: во-первыхъ, потому, что вмѣсто ходульнаго классицизма, риторики и разнаго художественнаго фехтованія, въ особенности въ скульптурѣ, я стараюсь придать ей истину, искренность и, по возможности, серьезный смыслъ, да притомъ больше душевнаго содержанія. Но этимъ я не довольствуюсь—мнѣ дорога реальная правда, и не менѣе дорога художественная форма. Такъ говоритъ мое чувство, и такъ я дѣлаю. Я убѣжденъ, что я правъ, и что мою работу поймутъ потомъ. Повторяю—въ этомъ я глубоко убѣжденъ, иначе я не сталъ-бы работать.

Очень радъ, что вы такъ много работаете, особенно я радъ за біографію Шварца.

381. Къ нему же.

Парижъ. Получено 23 января 1884 г.

Здѣсь предпринимается художественный энциклопедическій словарь; славянскій отдѣлъ предоставленъ одной особѣ—нашей соотечественницѣ и хорошей знакомой [1]). Она обращается ко мнѣ за указаніемъ матеріала, а я знаю только одно подобное нѣмецкое изданіе. Мнѣ кажется, что Сомовъ писалъ тамъ біографіи русскихъ художниковъ. Вотъ эту-то книгу я и прошу прислать, да еще что знаете.

Что касается до нашей полемической переписки, то, право, охота вамъ фехтовать ради фехтованія. Кажется, вы знаете, что никто на свѣтѣ не разубѣдитъ меня въ томъ, въ чемъ я убѣжденъ. Если-бы я зналъ, что могу васъ въ чемъ-нибудь убѣдить, то могъ-бы сказать столько-же противъ васъ, сколько вы противъ меня, но я хорошо знаю, что старый дубъ трудно гнуть, да и я тоже пересталъ быть отросткомъ. Такъ зачѣмъ всѣ эти препирательства? Могу только сказать, что вы принадлежите къ 50—60 годамъ, когда ложь, подражаніе и крайнее равнодушіе въ искусствѣ вызвали противоположную крайность, это—безпощадную правду въ искусствѣ. Теперь-же мы достигли того возраста, когда ни то, ни другое не удовлетворяетъ насъ. По моему, не вы меня, а я васъ имѣю право упрекать въ отсталости.

Но Боже мой, что за вздоръ!! Зачѣмъ навязывать другому свои убѣжденія и взгляды, въ особенности на искусство, да еще художнику. Мы слишкомъ страдаемъ отъ однообразія. Жанръ и пейзажъ—вотъ и все. Неужели нѣтъ ничего больше? Неужели исторія, былины, народ-

1) Г-жа Луканина, писательница, жена доктора въ Казани.

ная фантазія не имѣютъ мѣста въ искусствѣ? Ради Бога, дайте просторъ художественной индивидуальности, и чѣмъ больше будетъ разнообразія въ искусствѣ, тѣмъ лучше.

Пускай только каждый творитъ то, что душа ему диктуетъ, и тогда она вѣрнѣе скажетъ, что нужно времени. Скверно, когда художникъ работаетъ то, чего отъ него требуютъ, хоть-бы это требованіе было справедливо. Выше всего я ставлю въ искусствѣ—искренность, задушевность. Только тотъ говоритъ правду, кто отражаетъ то, что въ воздухѣ носится. Что касается лично меня, то еще разъ повторяю—мой личный идеалъ въ искусствѣ—глубокая задушевность, правдивость и художественное совершенство. Это—то искусство, которое было, есть и будетъ.

Но вотъ, вы упрекаете меня въ томъ, что я рутинеръ, что я ушелъ на итальянскіе рельсы, и т. д. А знаете, что противоположный лагерь упрекаетъ меня въ томъ, что я, дескать, реалистъ, святотатствую въ искусствѣ и т. д. Что-же это значитъ? То, что я не принадлежу ни вашимъ, ни нашимъ, а только самому себѣ. Это я чувствую на каждомъ шагу.

Вѣрьте мнѣ, что не искусство страдаетъ отъ меня, а я отъ него, потому что преданъ ему, что не хочу мѣнять свои убѣжденія и взгляды.

Ахъ, дорогой В. В., если-бы вы знали, какія нравственныя невзгоды я здѣсь переношу, какъ мучаюсь за завтрашній день, за то, что хочу остаться вѣренъ самому себѣ, и, наконецъ, какъ я нуждаюсь въ людской душевной теплотѣ, тогда сказали-бы, что у меня еще есть все то, что было прежде.

Но довольно, бросимъ всѣ эти препирательства, которыя въ сущности ни къ чему не ведутъ.

382. Къ Е. Г. Мамонтовой.

Парижъ, 2 февраля 1884 г.

Не слѣдовало-бы мнѣ сегодня писать вамъ, потому что сегодня я въ особенно странномъ настроеніи, и не долженъ-бы имъ мѣшать вашимъ впечатлѣніямъ отъ Италіи, но право легче становится, когда выскажешься, особенно другу, который слушаетъ тебя и сочувствуетъ тебѣ. Дѣло въ томъ, что въ первый разъ въ жизни я разлюбилъ свою работу, „Офелію“; не кончивши ея, я разлюбилъ потому, что насмотрѣлся на разныхъ „Офелій“, „Гретхенъ“: ихъ пропасть, да притомъ-же я самъ на себя удивляюсь, какъ я могъ отдать всю свою душу такому, въ сущности, пустому содержанію. Сегодня я пошелъ съ рѣшимостью сломать ее, несмотря на то, что больше половины сдѣлано, и можно сказать, что то, что сдѣлано, вполнѣ удачно соотвѣтствуетъ Шекспиру. Но не разломалъ, у меня духа не хватило; вѣдь я считаю свои произведенія моими дѣтьми. Я открылъ ее, а она подаетъ мнѣ цвѣты полыни и говоритъ: „Она горька, какъ раскаяніе“. Какъ-бы то ни было, я долженъ былъ оставить ее; можетъ

быть, сломавъ ее, я впослѣдствіи раскаивался-бы, можетъ быть я просто усталъ, надоѣло работать, или-же просто внѣшнія невзгоды отражаются у меня на самомъ ходѣ творчества. Вообще, въ эту зиму я много работаю, но не совсѣмъ счастливо, недоволенъ я. А впрочемъ, я только-что окончилъ маленькій восковой бюстикъ Тургенева. Потомъ очень удачно, хотя настолько-же и грустно, я сдѣлалъ голову на смертномъ одрѣ одной нашей знакомой. Вышло впечатлительно, и вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что хотѣлось мнѣ выразить: „Вѣчный сонъ".

Теперь не знаю, что именно начать. У меня два сюжета, которые меня одинаково сильно занимаютъ. Первый—это „Вѣчный жидъ"— исхудалая, жилистая фигура, насколько усталая, настолько-же и энергичная. Оборванный, обросшій, съежившись, идетъ онъ безостановочно противъ бури и вѣтра, который развѣваетъ остатки его лохмотьевъ. Это эмблема не только еврейства, но и всѣхъ угнетенныхъ.

Второй сюжетъ—совершенно въ другомъ родѣ. Святая мученица, изъ временъ перваго христіанства, когда любовь къ ближнему, охота жертвовать собою для блага человѣчества, были чисты и искренни, и въ своемъ родѣ давали блаженство. Молодая женщина сидитъ, ей выкололи глаза, на лицѣ должна быть выражена идея христіанскаго смиренія, покорности и блаженства; она съумѣла пострадать за благо человѣчества. Она обратилась къ небу, и точно съ нимъ бесѣдуетъ, а кругомъ нея множество голубей, которые сидятъ у нея и на спинѣ, и на рукахъ. Хочется мнѣ еще дать понять, что проходящіе бросили къ ея ногамъ, гдѣ лежитъ доска съ надписью „миръ вамъ", кто пальмовую вѣтку, кто цвѣты, кто монеты. Очень любопытно мнѣ знать, какъ вы посмотрите на это, и что изъ двухъ предпочтете. Мнѣ кажется, что лично, для меня, теперь лучше начать второй, просто для того, чтобы отдохнуть на чемъ-то возвышенномъ, а не на мрачномъ; а впрочемъ, трудно мнѣ сказать, что лучше. Пожалуйста, отвѣчайте сейчасъ-же.

383. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 12 февраля 1884 г.

Отъ m-me Wohl я получилъ письмо съ такимъ же приблизительно содержаніемъ, какъ и ваше. Я радъ, что все-таки я не такъ одинокъ, какъ это мнѣ кажется здѣсь. Здѣсь риторика, вычурность заглушаютъ все здравое, искреннее, глубоко сердечное. Здѣсь люди не могутъ понять, что кромѣ внѣшней красоты есть и другая, которая, если не дороже, то по крайней мѣрѣ не менѣе дорога, чѣмъ внѣшняя,— это—красота душевная.

Въ наше время она и должна быть основнымъ идеаломъ искусства. Впрочемъ, и всѣ остальные европейскіе художники, въ особенности скульпторы, придерживаются той-же рутины, что и французы, кто искренно, хотя и слѣпо, а кто просто потому, что на легкія вещи есть спросъ. И вотъ, поэтому-то я считалъ-бы себя счастливѣйшимъ, если-бы мнѣ удалось ясно выразить въ скульптурѣ свой идеалъ и

указать на болѣе широкую дорогу. Правда, есть люди, которые считаютъ меня чуть-ли не сумасшедшимъ. Это въ особенности здѣсь. Во всякомъ случаѣ считаютъ меня не нужнымъ, иначе мое положеніе въ финансовомъ отношеніи не было-бы такъ мрачно; но эту участь не я первый испытываю, и это не пугаетъ меня, хотя часто огорчаетъ, въ особенности, когда безсочувственно относятся ко мнѣ именно тѣ, отъ которыхъ я долженъ былъ ждать сочувствія. Я говорю о милой Россіи.

Но какъ-бы то ни было, ваше хорошее предложеніе дать попутешествовать моимъ работамъ по Европѣ есть и мое давнишнее желаніе. Только для скульптора это не такъ-то легко: во-первыхъ, необходимо, чтобы работа была выполнена изъ мрамора, или-же изъ бронзы, а для этого необходимы деньги, которыхъ у меня теперь и нѣтъ; а во-вторыхъ, теперь общее увлеченіе живописью. Скульптуру не любятъ, а скорѣе терпятъ. И потому я очень сомнѣваюсь, чтобы общество художниковъ [1]) взяло на свой рискъ перевозъ и устройство выставки, однимъ словомъ, на тѣхъ-же условіяхъ, какъ они сдѣлали съ Верещагинымъ. Но если моя работа можетъ имѣть и въ другихъ городахъ успѣхъ, какой она имѣетъ въ Пештѣ, то я очень просилъ-бы васъ списаться съ кѣмъ знаете, относительно выставки. Я могу снабдить выставку 10—12 вещами, но самыми лучшими. Только надо спросить, насколько гипсъ будетъ хорошъ для выставки? Если общество художниковъ согласится, то я готовъ сдѣлать рѣзкій шагъ— продать нашъ домъ и на эти деньги выполнить мои работы изъ мрамора. Я глубоко убѣжденъ, что послѣ подобнаго путешествія мое финансовое положеніе можетъ быть разъ на всегда обезпечено тѣмъ, что послѣ этого могутъ продаваться мои работы въ маломъ размѣрѣ. Прошу васъ заняться этимъ дѣломъ, ради меня, и ради искусства.

Я рѣшилъ написать записку къ В. К. Владиміру Александровичу по поводу Академіи художествъ. Къ тому побудило меня мое послѣднее пребываніе въ Россіи. Когда В. К. былъ у меня въ мастерской, я просилъ у него на это позволеніе, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ онъ относился ко мнѣ болѣе снисходительно.

Разговоръ у насъ былъ слѣдующій. Онъ замѣтилъ, что я все-таки не совсѣмъ поправляюсь. На что я отвѣтилъ, что въ сущности я только страдаю нервами, но это спеціальная необходимость всякаго художника, иначе онъ творить не способенъ. Затѣмъ онъ замѣтилъ, что надо мнѣ отдать справедливость, что „Мефистофель“ дѣйствительно замѣчателенъ; а когда я заговорилъ о моемъ желаніи выразить свое мнѣніе относительно Академіи художествъ, такъ какъ я слышалъ, что тамъ предлагаются улучшенія, онъ отвѣтилъ: „Хорошо, вы напишете мнѣ вашими нервами“. И вотъ, завтра или послѣзавтра я отправляю эту записку, а копію съ нея пошлю вамъ. Вы увидите, что я высказалъ все, что у меня на душѣ. Я не знаю, какая участь постигнетъ эту записку. Одни говорятъ, что я пишу понапрасну, потому

---

[1]) Нѣмецкихъ.

что слушать не станутъ; другіе говорятъ, что я только разсержу ихъ, потому что правды не слѣдуетъ говорить, и т. д. Я-же надѣюсь, что все-таки ее прочтутъ и поймутъ, что я желаю только разумнаго и добраго. Но во всякомъ случаѣ я исполняю свой нравственный долгъ. Пословица говоритъ: „Голый разбоя не боится". Мнѣ терять нечего, а вмѣстѣ съ тѣмъ, я надѣюсь, что В. К. обратитъ вниманіе на эту записку. Пока объ этомъ никому ни слова.

Я работалъ „Офелію". Дѣло шло къ концу, но вдругъ я разлюбилъ ее! Всѣ говорятъ, что я создалъ новый типъ, но, по моему, это личный характеръ, который страдаетъ за свою собственную любовь, вообще, мелкую.

Можетъ быть окончу ее, а скорѣе, что нѣтъ.

Я теперь работаю нѣчто болѣе серьезное, а главное свое, не чужое, что было уже разъ создано. Это изъ первыхъ временъ христіанства: „Святая мученица", или же „Христово дитя". Молодая дѣвушка сидитъ гдѣ-то въ углу Рима. У нея глаза ослѣплены. Значитъ, она пострадала за свои убѣжденія, и, однако-же, не оробѣла, осталась вѣрна самой себѣ. Она сидитъ, устремивъ глаза къ небу, точно бесѣдуетъ съ нимъ. Въ лѣвой рукѣ она держитъ дощечку, на которой написано: „Миръ вамъ", а проходящіе набросали у ногъ ея пальмы, вѣнки, ожерелья, монеты. Около нея пріютилось множество голубей. Все это вмѣстѣ своеобразно и поэтично и, если нравится мой памятникъ, находящійся въ Римѣ [1]), то эта вещь въ сто разъ важнѣе, какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ.

Я забылъ сказать вамъ относительно матеріала для энциклопедіи, что она ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ, о чемъ вы упоминаете, а потому прошу выслать, пока, книжку Сомова.

384. Къ нему же.

Парижъ. Получено 24 февраля 1884 г.

Я теперь много работаю, но не совсѣмъ здоровъ, да и на душѣ грустно, и потому сегодня я не расположенъ писать.

Я опять не получаю отъ васъ отвѣта относительно довѣренности, а между тѣмъ она мнѣ очень необходима, а потому я рѣшилъ написать довѣренность на имя Эліасика, которую вы завтра получите для передачи ему.

385. Къ нему же.

Парижъ. Получено 29 февраля 1884 г.

Не помню, передалъ ли я вамъ одинъ анекдотъ изъ жизни Шварца, случившійся въ 56 г. на всемірной выставкѣ [2]).

Въ ресторанѣ онъ встрѣтился съ однимъ русскимъ (который самъ

---

1) Памятникъ княжны М. А. Оболенской.

2) Въ это время В. В. Стасовъ писалъ біографію Шварца и со всѣхъ сторонъ собиралъ о немъ свѣдѣнія.

передалъ мнѣ этотъ анекдотъ), и русскій, между прочимъ, сказалъ ему: „Я не знаю, зачѣмъ прислали сюда такія негодныя картины, какъ Шварца“. Шварцъ нисколько не сконфузился и сказалъ русскому: „Къ вашимъ услугамъ. Я Шварцъ, не претендую быть художникомъ, я тутъ чиновникъ“ и т. д. въ этомъ родѣ [1]). Я не знаю, насколько этотъ русскій правдиво передалъ мнѣ событіе, во всякомъ случаѣ, если это было такъ, то это очень рельефно характеризуетъ его скромность и незаносчивость, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ у выскочекъ, дилетантовъ и полу-художниковъ.

Я самъ только разъ видѣлъ Шварца, и запомнилъ его, точно видѣлъ вчера. Онъ произвелъ на меня очень отрадное впечатлѣніе, хотя между нами ничего особеннаго не произошло. Я пришелъ къ нему по поводу всемірной выставки, куда взяли и мои работы: „Еврей портной“ и „Скупой“ (не помню какимъ образомъ это случилось). Когда я пришелъ къ нему, онъ меня очень радушно принялъ и даже попросилъ сѣсть.

Видите, дорогой дядя, какъ мало надо, чтобы освѣтить мракъ— иногда достаточно искры кремня или спички. А наша Академія была тогда для меня мрачна и холодна, какъ Нева въ темныя ночи.

Я все продолжаю работать мои странныя работы. Здѣшняя жизнь меня огорчаетъ и возмущаетъ, и потому я почти все время провожу у себя въ мастерской, иногда наслаждаюсь музыкой и часто отдыхаю, по возможности, среди природы.

Здѣсь люди, большею частью, возмущаютъ меня.

Дорогъ мнѣ у человѣка не умъ его, не ловкость, а его искреннее, правдивое чувство, которое я считаю алмазомъ. Умъ-же для меня не что иное, какъ шлифовка этого алмаза. Но когда я вижу ту-же шлифовку на простыхъ стеклахъ, то мнѣ остается только отворачиваться. Вся бѣда моя состоитъ въ томъ, что я довольно хорошо узнаю человѣка (по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется), и потому я ясно вижу то, чего не слѣдовало-бы видѣть.

Записки къ В. К. Владиміру еще не посылалъ—она неудачно была переписана.

386. Къ нему же.

Парижъ. Получено 9 марта 1884 г.

Вы удивляетесь, что я перешелъ отъ оборонительнаго дѣйствія на наступательное. Что прикажете дѣлать—такое мое положеніе, я теперь раздражителенъ. Причинъ этому много, и потому, кого я люблю, того и браню; а кто меня любитъ, тотъ не разсердится на меня; тотъ съумѣетъ разобрать, что говорится отъ сердца, что правда, и что просто придирка, и въ обоихъ случаяхъ не будетъ сердиться. Наконецъ, мнѣ кажется, что мой переходъ долженъ васъ радовать, это можетъ только доказать вамъ, что я вовсе не заснулъ еще, а, напротивъ, думаю только

[1]) На всемірной парижской выставкѣ 1867 г. В. Г. Шварцъ былъ распорядителемъ русскаго отдѣла.

теперь выступить. Не знаю, знаете-ли вы мой характеръ хорошо, но насколько я себя знаю, я всегда иду къ цѣли очень медленно, часто отступаю, сильнѣе приготовляюсь, чтобы, наконецъ, цѣль была достигнута вѣрнѣе. Я самъ сострилъ относительно себя, что приближаюсь къ цѣли, точно пьяный домой, но онъ непремѣнно дойдетъ, несмотря на всѣ препятствія. Моя теперешняя и давнишняя цѣль это—выставка всѣхъ моихъ работъ, во всѣхъ центрахъ Европы. Для этого я закладываю нашъ домъ, ѣду въ Италію, чтобы работы выполнить изъ мрамора и бронзы (въ гипсѣ показывать ихъ—все равно, что смерть), и тогда двинусь среди моихъ работъ.

Первое мѣсто будетъ занимать „Нападеніе инквизиціи на евреевъ". Я хорошо знаю, что̀ вы на это скажете: „Ну, онъ столько разъ говорилъ это, и не сдѣлалъ, такъ что и теперь я сомнѣваюсь". Но я прошу не сомнѣваться въ этомъ. Кажется, я уже сказалъ вамъ, что въ то-же время я готовлю мои работы и въ малыхъ размѣрахъ. Надняхъ былъ у меня одинъ изъ первыхъ кулаковъ искусства, нѣкто Жоржъ Пети. Онъ сказалъ, что я буду здѣсь имѣть сказочный успѣхъ. Не знаю только, насколько онъ сказалъ это искренно, но другіе говорятъ, что главное для меня—Англія, здѣсь-же скульптура до того пуста и банальна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до того самоувѣренно эгоистична, что всякая новость не принимается по достоинству, а по шуму, который надѣлываетъ, хотя-бы въ отрицательномъ смыслѣ. Здѣсь все, что только à la mode, хватается на вѣсъ золота; нѣкоторыя вещи—просто поразительно. Такъ, напримѣръ, недавно Corot [1]) былъ въ такомъ страшномъ ходу, что цѣны на его картины поднимались до баснословныхъ размѣровъ; и вотъ все пріѣлось, теперь курсъ его падаетъ все ниже. Два года тому назадъ, Энгръ былъ въ загонѣ, такъ что рисунокъ его можно было купить за 200 ф.; теперь-же за тотъ самый рисунокъ платятъ 7000 ф. и больше. То-же самое можно сказать и относительно старинныхъ вещей. Нѣкоторыя страшно поднимаются въ цѣнѣ, просто потому, что такой-то знаменитый коллекціонеръ сталъ ихъ покупать, и, наоборотъ—падаютъ, когда такой-же знаменитый коллекціонеръ перестaлъ ихъ покупать. Истинныхъ знатоковъ и любителей искусства здѣсь гораздо меньше, чѣмъ это кажется.

Вообще, когда ближе прислушаешься къ біенію пульса человѣческой жизни, то, право, стыдно и досадно становится за человѣчество и, въ особенности, за французовъ. Не знаю, можетъ быть, нигдѣ не лучше, но я могу сказать только то, что до моего пріѣзда сюда я ничего не зналъ подобнаго тому, что̀ узналъ здѣсь. И на все, отъ чего я содрогался, мнѣ отвѣчали съ улыбкою:—„Какой же, дескать, ты провинціалъ!"

Нѣтъ, дорогой дядя, теперь я стою на распутьи, передъ мною двѣ дороги. На первой написано: „Если ты хочешь быть богатъ, жить въ почестяхъ, быть въ славѣ—не придерживайся строго своихъ убѣжденій, живи, какъ всѣ, плавай по общему теченію и спрячь свою

[1]) Коро̀—пейзажный живописецъ.

совѣсть куда-нибудь подальше". Вторая говоритъ: „Если туда пойдешь, ты будешь ничто, люди тебя не замѣтятъ, ты будешь выброшенъ изъ жизни, какъ трупъ изъ моря; но ты будешь признанъ, когда тебя не будетъ".

Лишнее сказать, что̀ я предпочитаю. Однако, довольно говорить, пора и дѣло дѣлать, а вотъ уже цѣлая недѣля, какъ я не работаю, а работы пропасть.

Я обѣщалъ послать вамъ записку, которую хочу,—нѣтъ, хотѣлъ-было, послать В. К. Владиміру Александровичу относительно Академіи художествъ. Когда я написалъ ее, то тогда только подумалъ, что посылать не стоитъ. У меня тамъ ни одного нѣтъ друга, да притомъ всѣ очень узки во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что нечего спорить съ слѣпцами о цвѣтѣ. Но все-таки, ради курьеза, пошлю ее вамъ, если это вамъ любопытно.

Я никого не вижу, да и видѣть не желаю, слѣдовательно, ничего не знаю, знаю только свою мастерскую и домъ.

Будьте здоровы и не сердитесь, если я васъ обидѣлъ.

387. Къ нему же.

Парижъ. Получено 14 марта 1884 г.

Ваше письмо обрадовало меня. Я вижу, что вы все тотъ-же для меня, что и были, и, надѣюсь, будете.

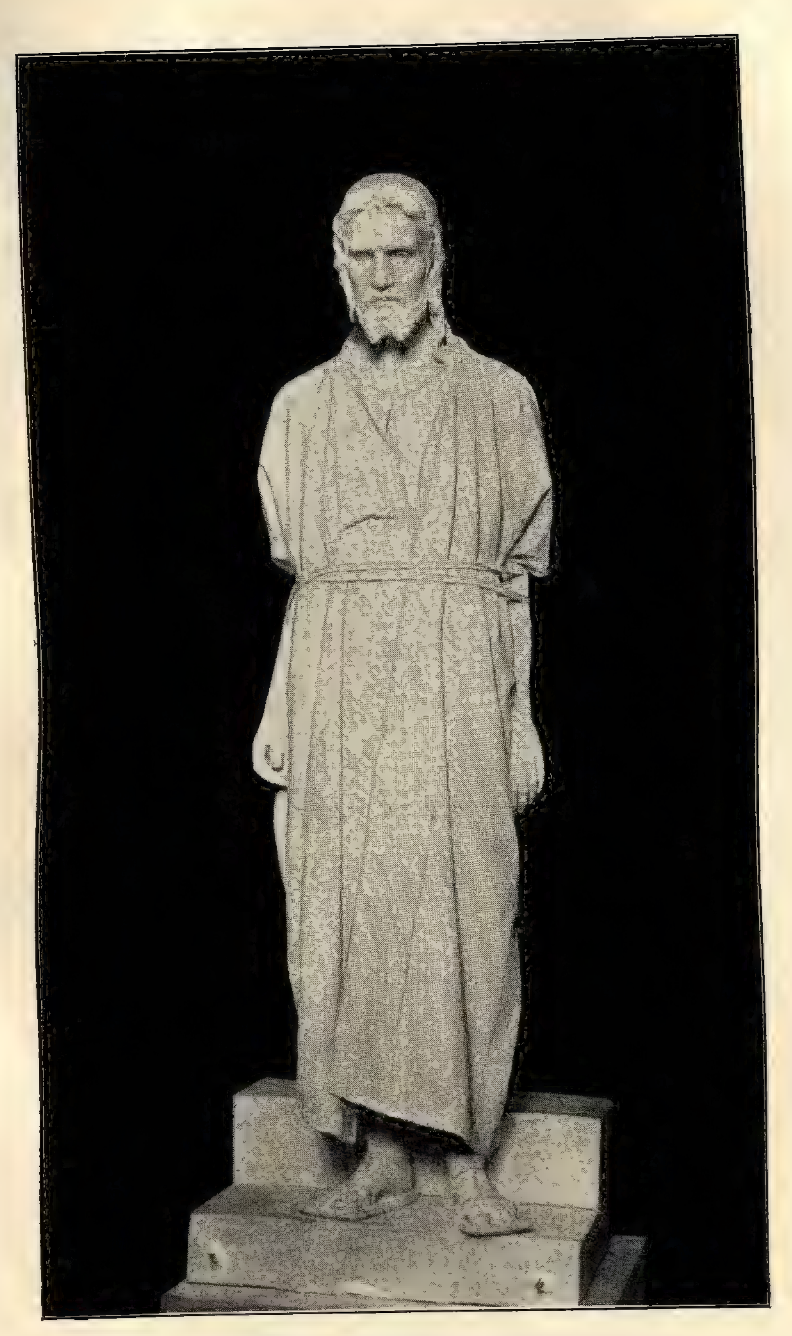
Я очень радъ за Эліасика, что онъ имѣетъ заказы, но очень боюсь, чтобы это не отвлекло его отъ изученія, въ которомъ онъ еще нуждается, въ особенности съ натуры (цѣльныхъ фигуръ), да и въ композиціяхъ. Если же заказы не мѣшаютъ ему, тогда я вдвое радъ. Особенное удовольствіе доставило мнѣ извѣстіе о Рѣпинѣ. Вы знаете, какъ я люблю его, и потому всякій успѣхъ его сильно радуетъ меня. Пожалуйста, поклонитесь ему отъ меня.

Очень сожалѣю, что Васнецовъ выставилъ мой портретъ: это просто торопливый, неоконченный этюдъ. Подобная выставочная работа можетъ скорѣе повредить ему, чѣмъ помочь; а между тѣмъ, я очень высоко ставлю его въ нашемъ искусствѣ. Это въ своемъ родѣ Шварцъ. Онъ столько-же слабъ въ исполненіи, въ краскахъ (нѣтъ, немного сильнѣе), но за то у обоихъ необыкновенно сильно развита индивидуальность. Васнецовъ внесетъ въ русское искусство новую область, какъ и Шварцъ. Кто видалъ его картины, непремѣнно согласится со мною.

Что-же еще тамъ на выставкѣ? Пока я ничего не читалъ о ней, пожалуйста, пришлите.

Здѣсь на бульварахъ открылась выставка русскихъ художниковъ (надо прибавить, совсѣмъ особый сортъ). Присланы были сюда „наброски", какъ они сами выражаются, съ коронаціи. Авторами называютъ—Якоби, Микѣшина, Каразина и т. д.

О достоинствахъ ихъ искусства сказать нечего. Яблоко можетъ быть узнаваемо по дереву. Впрочемъ, я пока еще не видалъ ихъ вещей,

ХРИСТОСЪ ПЕРЕДЪ НАРОДОМЪ.
Статуя. Римъ. 1876.

по художники, которые видѣли, очень смущены тѣмъ, что эта выставка принадлежитъ русскимъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, къ намъ все еще такъ недовѣрчиво относятся, мы такъ нуждаемся въ завоеванiи себѣ въ Европѣ нѣкоторой авторитетности, что подобное шарманочное искусство можетъ просто уронить, а не поднять мнѣнiе о русскомъ искусствѣ.

Нельзя-ли подѣйствовать на этихъ господъ ради честнаго имени русскаго искусства?

Я удивляюсь, что такой порядочный человѣкъ, какъ *** тоже туда попалъ. Говорятъ, что это хуже всякой олеографiи.

Еще одна новинка въ этомъ родѣ: ученикъ, впрочемъ, нигдѣ не учившiйся, нѣкто Фридбергъ, или Файбергъ, уже давно надоѣдаетъ всѣмъ своимъ старанiемъ достигнуть славы портретомъ покойнаго государя. Теперь-же у него хватило смѣлости, или, говоря вѣрнѣе, дерзости, сдѣлать цѣлый проектъ для памятника покойнаго государя (сдѣлали они вдвоемъ и печатно разсылаютъ всѣмъ приглашенiя придти полюбоваться). Могу себѣ представить, что тамъ за уродства!

Я хорошо зналъ этого шарлатана. Когда я сюда прiѣхалъ, онъ былъ здѣсь въ школѣ. Его отрекомендовали Тургеневу, тотъ отрекомендовалъ его мнѣ, и я горячо принялся за его дальнѣйшее воспитанiе. Выхлопоталъ для него пенсiю, далъ ему мастерскую, бралъ для него учителя и т. д. Кончилось тѣмъ, что я вынужденъ былъ выгнать его; съ тѣхъ поръ онъ шляется повсюду, нигдѣ не учится, всѣмъ надоѣдаетъ. И вы увидите, что это пойдетъ въ ростъ.

Черезъ десять дней и наша убогая выставка откроется. Я, вообще, противъ того, чтобы утруждать публику изъ-за мелочи. Но что прикажете дѣлать?

Каждый думаетъ про себя, что онъ слонъ, и что у людей такъ плохо устроены глаза, что они скорѣе замѣтятъ муху.

Если устрою выставку, то, по всей вѣроятности, начну съ Лондона, на который много надѣюсь. Пока-же я работаю. Подчасъ лѣнюсь. Усталъ немного.

388. Къ нему же.

Парижъ. Получено 29 марта 1884 г.

Ваша статья [1]) сильно нравится мнѣ: она, во-первыхъ, искренно и горячо написана, но главное—что вы энергично отстаиваете правое дѣло среди несправедливости и пошлости, господствующихъ у насъ въ печати. Надо сказать вамъ, что я давно не читалъ русскихъ газетъ, просто потому, что и онѣ начинаютъ меня возмущать и волновать, а мнѣ хотѣлось на время отдохнуть отъ душевныхъ треволненiй и на время отдалиться отъ этой пошлости.

Дѣло въ томъ, что въ теперешнее время, когда газеты перестали

[1]) Статья В. В. Стасова: «Наши художественныя дѣла» (передвижная выставка), напечатанная въ «Новостяхъ» 15 и 19 марта 1884 г.

служить для выраженія общественнаго мнѣнія, а превратились въ аферу и продаютъ каждую строчку по таксѣ, когда люди пишутъ не по убѣжденію, а только то, что можетъ понравиться публикѣ, лишь для того только, чтобы обогащать свой карманъ, и ради этого извращаютъ факты, развращаютъ публику и вводятъ ее въ заблужденіе,—послѣ всего этого остается только съ отвращеніемъ отвернуться отъ всѣхъ этихъ пошляковъ.

Кромѣ того, во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ они до того нахальны, до того беззастѣнчиво судятъ о томъ, о чемъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, что часто тошно становится, слушая ихъ.

Все это вы утверждаете въ вашей статьѣ. Правда, въ газетахъ иногда встрѣчается искреннее мнѣніе, но одна ласточка весны не дѣлаетъ.

Что значитъ здѣсь одна, двѣ газеты, которыя неподкупны и независимы, въ сравненіи съ пятьюдесятью другими газетами, гдѣ вы можете печатать что угодно, за извѣстную плату, и, что обиднѣе всего, именно такія газеты публика читаетъ больше остальныхъ, а честныя они называютъ скучными. На подобныя слова я разъ отвѣтилъ, что въ аду должно быть веселѣе, чѣмъ въ раю. Въ Россіи этотъ газетный развратъ никогда не былъ такъ распространенъ, какъ теперь. Вотъ почему мнѣ кажется, что насколько книга полезна, настолько газеты вредны, и потому я неохотно ихъ читаю.

Въ заключеніе, и кстати, разскажу вамъ маленькій фактъ изъ дѣятельности газеты Z. Пожалуйста, не говорите: „Ну, еще-бы, но прошу указать мнѣ на что-нибудь лучшее, т.-е. на болѣе порядочную газету?“ Дѣло вотъ въ чемъ: здѣсь находится корреспондентъ этой газеты, который вздумалъ написать цѣлую коллекцію портретовъ здѣшнихъ русскихъ художниковъ. Этотъ корреспондентъ разъ явился и ко мнѣ, но меня тогда не было; пришелъ во второй разъ, на этотъ разъ я отказался, подъ предлогомъ, что очень занятъ и назначилъ ему прійти въ третій разъ съ надеждой, что онъ не придетъ. Однако-же пришелъ: дѣлать было нечего, пришлось ему дать нѣкоторые отвѣты на вопросы.

Прошло нѣкоторое время, встрѣчаю этого корреспондента въ нашемъ обществѣ. Онъ какъ-то ежится отъ неловкости и, наконецъ, въ одинъ прекрасный день, начинаетъ объясняться и извиняться, что статья его обо мнѣ не напечатана. Онъ сказалъ, что въ теченіе шести лѣтъ въ первый разъ случилось, что корреспонденція его не напечатана.

И знаете почему? (впослѣдствіи я узналъ уже не отъ него).—Потому, что я еврей!!! Послѣ этого остается сказать, что онъ ограждаетъ русскаго не только отъ разныхъ кулаковъ, но и отъ всего хорошаго—какъ напримѣръ наука и искусство, просто потому, что это въ его аферистскихъ расчетахъ. Не даромъ И. С. Тургеневъ иначе его не называлъ, какъ... и когда разъ я хотѣлъ-было возразить въ здѣшней газетѣ, онъ сказалъ мнѣ: „Мой дружескій совѣтъ—никогда не полемизируйте съ газетами, я разъ замаралъ руки съ Z. и теперь сожалѣю“.

Теперь начну относительно письма, которое вы мнѣ прислали. Постараюсь отвѣтить вамъ. Скажу, что меня очень, очень радуетъ это письмо, и я очень, очень вамъ благодаренъ за столь горячее участіе ко мнѣ.

Мнѣ кажется, что слѣдуетъ адресоваться и къ другимъ подобнымъ-же художественнымъ кружкамъ; только при этомъ необходимо послать и фотографіи съ моихъ работъ, иначе люди не получатъ о нихъ понятія.

Я работаю много, и было-бы хорошо, если-бы при этомъ я не хворалъ. Должно быть это отъ усталости. Впрочемъ, въ эту зиму жаловаться не могу.

P. S. Только-что получилъ вашу вторую статью, за которую очень благодаренъ. Ради Бога, пишите побольше и присылайте. Искусство еще очень сильно нуждается въ васъ, какъ сама жизнь въ искреннихъ людяхъ.

Однако, эта статья менѣе обрадовала меня, но въ этомъ не вы виноваты, а ходъ нашего искусства. Изъ вашей статьи я вижу, что у насъ процвѣтаетъ, такъ сказать, буржуазное искусство. На первомъ планѣ портреты, затѣмъ пейзажи, и, наконецъ, бытовыя картины. Все сильное, глубокое, трогательное и высокое—выгнано. Жаль!!!

За то сто разъ хвала Рѣпину. Что-бы враги его ни говорили, онъ все-таки сильнѣе другихъ, идетъ твердыми шагами.

Изъ скульпторовъ указываете всего только какого-то Г. Если это тотъ, котораго я видѣлъ у васъ въ послѣдній мой пріѣздъ, то не совсѣмъ онъ нравится мнѣ. Главное, не могу переварить всякаго неуча, который дешевыми средствами хочетъ достичь дорогихъ вещей. Ради Бога, не щадите неуча, какъ-бы талантливъ онъ ни былъ. И чѣмъ больше талантъ, тѣмъ менѣе это ему простительно.

389. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Парижъ, 1 мая 1884 г.

Сегодня, наконецъ, я кончилъ „Святую мученицу". Сожалѣю очень, очень, что вы не здѣсь. У меня пропала всякая охота здѣсь кому-нибудь показывать свои работы. Трудно передать вамъ, до чего искусство и сами художники опошлили всякое искреннее чувство, душевную глубину и правду. Теперь на выставкѣ, какъ всегда, масса картинъ, но всѣ онѣ до того пусты, вульгарны, что я удивляюсь, неужели художники превратились въ декораторовъ сомнительныхъ кафе? Подъ предлогомъ эстетики, и даже гуманности, пишутся женскія фигуры во всевозможныхъ позахъ, и все это до того ложно, ходульно, что поневолѣ возмущаешься до глубины души.

Здѣсь я, какъ сумасшедшій, надъ которымъ насмѣхаются. Насмѣхаются даже и наши русскіе французы, что я все вожусь съ идеями; они говорятъ: пускай онъ лучше поучится у французовъ. Скульптура не должна быть ничѣмъ инымъ, какъ декораціей, и т. д.

Что прикажете дѣлать, каждый оправдываетъ свое чувство, свои

убѣжденія, а если у него ничего нѣтъ, то старается доказать, что все это лишнее. Таковы здѣсь большей частью люди. Но отвратительнѣе всего то, что русскіе, пріѣхавшіе сюда, до того подражаютъ французамъ, что становятся хуже французовъ. Въ „Salon“ я выставилъ „Спинозу“ и „Мефистофеля“, и, какъ я ждалъ, такъ и случилось: тоже и на этотъ разъ мнѣ отвели самое послѣднее мѣсто, и это случается каждый разъ, какъ я выставляю. Странно то, что на всемірной выставкѣ меня осыпали наградами, какъ перваго, а теперь стараются меня давить, какъ только могутъ. Я не думаю, чтобы въ моихъ работахъ былъ такой рѣзкій переходъ къ худшему. Это не огорчаетъ меня, моя судьба не идетъ по попутному вѣтру, но это только возбуждаетъ во мнѣ бодрость и энергію, хотя я и сознаю, что одинъ въ полѣ не воинъ.

У меня есть маленькая просьба къ вамъ, а именно: мнѣ необходимо знать, гдѣ теперь находится графъ Уваровъ. Здѣсь теперь Третьяковъ, который сказалъ мнѣ, что гр. Уваровъ былъ боленъ, и потому провелъ всю зиму въ Италіи. Я сдѣлалъ для него эскизъ „перваго книгопечатника въ Россіи“, и хотѣлось бы мнѣ показать ему этотъ эскизъ.

390. Къ ней же.

Петербургъ, 7 іюля 1884 г.

Вотъ уже почти недѣля, что я здѣсь, и не знаю, сколько мнѣ придется еще оставаться, потому что предвидится сдѣлать бюстъ государя. Если же нѣтъ, то я надѣюсь пріѣхать въ Москву на будущей недѣлѣ, а оттуда опять ѣхать въ Самару. Лишнее говорить, насколько нетерпѣливо я жду времени, когда можно будетъ видѣть и обнять васъ всѣхъ отъ всей души. Жаль, что пріѣхалъ я сюда поздно, потому, что теперь время, когда всѣ уже разъѣхались, и такимъ образомъ не всѣхъ вижу, кого-бы желалъ.

Что Полѣновъ, Васнецовъ? Надѣюсь, что ихъ всѣхъ я увижу опять вмѣстѣ, въ Абрамцевѣ, куда я и стремлюсь, а пока прошу передать имъ мой сердечный привѣтъ.

Погода здѣсь не ахти какая! Такъ что лѣта еще не было, и, благодаря этому, я плачу дань петербургской погодѣ, сплю плохо, хлопочу много, но за то мнѣ предстоитъ пріятная перспектива, а именно: отдыхъ въ Абрамцевѣ, среди васъ.

391. Къ В. В. Стасову.

Самара, 13 іюля 1884 г.

До сихъ поръ я вамъ не писалъ—во-первыхъ, я застрялъ въ Абрамцевѣ [1]), потому что сюда не было возможности пріѣхать, благодаря отвратительной погодѣ, которая была до моего пріѣзда (всего шесть дней тому назадъ). А скверная погода для кумыснаго лѣченія убій-

[1]) Помѣстье С. И. Мамонтова.

ственна. Но въ Абрамцевѣ было не лучше, при томъ, это—сырое мѣсто, такъ что я простудился. Теперь-же я не писалъ, во-первыхъ, потому, что лѣнь, а во-вторыхъ, странно сказать, некогда. Утромъ встаю и сейчасъ ухожу вглубь степи, тамъ пью кумысъ и гуляю, а при этомъ некогда да и нельзя работать. Такъ проходитъ до часу дня. Обѣдаю, отдыхаю немного, и опять кумысъ пью; однимъ словомъ, я теперь живу растительною жизнью, какъ я это дѣлаю всегда во время отдыха. Тогда глупѣю и тупѣю—и не огорченъ. Странно, но это такъ: отдыхаю, какъ и работаю—съ увлеченіемъ. Теперь къ дѣлу.

Пожалуйста напишите m-me Wohl, что я постараюсь прислать въ Буда-Пештъ что-нибудь, конечно такое, чтобы не ударить лицомъ въ грязь. Но что именно послать, еще самъ не знаю. Для меня легче послать „Петра I" и еще что-нибудь изъ мелкихъ. Хорошъ-ли тамъ будетъ „Петръ I"? Пожалуйста спросите, да при томъ—на чей счетъ провозъ? Это довольно грузная статуя.

Что за прелесть степь! Полюбилъ я ее, какъ море и лѣсъ.

Въ нѣсколько дней я загорѣлъ, какъ жареный бифштексъ, такъ что носъ сталъ лосниться. Послѣ этого не думаю, чтобы здѣсь было холодно. Въ тѣни 30%, а тѣни мало.

392. Къ нему же.

Петербургъ, 27 августа 1884 г.

Я хорошенько не знаю адреса Рѣпина, а потому пишу къ вамъ для немедленной передачи ему о дѣлѣ, очень важномъ для него. Во первыхъ, его со свѣчами искали по всему Петербургу и даже гдѣ-то въ Левашевкѣ [1]). Его требовали экстренно въ Петергофъ относительно эскиза, который былъ одобренъ государемъ, но сдѣланы были нѣкоторыя замѣчанія. Я видѣлъ этотъ эскизъ и долженъ сказать, что замѣчанія очень резонны. Какъ-бы то ни было, я очень радъ за него и очень жалѣю, что онъ не попалъ въ Петергофъ.

Теперь пускай онъ немедленно отправится по слѣдующему адресу.... Что касается меня, то мои дѣла, какъ сажа бѣла.

Теперь ѣду въ Москву, гдѣ буду работать два бюста. Боже мой, какъ мнѣ не хочется этого, такъ-же, какъ не хочется и ждать, но деньги нужны! А пока нѣтъ чистаго, не нужно выливать грязнаго. Буду работать и терпѣливо ждать... А для моего здоровья требуется что-то другое, но что дѣлать!

393. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Петербургъ, августъ 1884 г.

Завтра въ часъ я оставляю Питеръ; не можете себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ и нетерпѣніемъ я жду этого часа. Конечно жду, какъ эгоистъ, чтобы вырваться изъ этого зачумленнаго болота;

---

1) Дачное мѣсто близъ Парголова.

но какъ человѣкъ, я уѣзжаю съ камнемъ на сердцѣ, оставляя этихъ больныхъ, раздраженныхъ людей, которые обвиняютъ и съѣдаютъ другъ друга за то, что сами виноваты.

Не думайте, чтобы я огорчился, что не имѣлъ здѣсь успѣха; напротивъ, теперь здѣсь имѣть успѣхъ—значитъ соотвѣтствовать теперешнему настроенію, а это было-бы очень печально. Я очень хорошо зналъ, что попаду сюда не во время, но мое пребываніе здѣсь показало мнѣ многое. Я видѣлъ ясно, какой горизонтъ передо мной; видѣлъ, куда идти впередъ, для того, чтобы стоять одинокимъ среди толпы, мучиться между двумя крайностями и выдерживать перекрестный огонь. Это имѣетъ конечно свои трудности, но и свое блаженство. Я былъ и есть патріотъ, за что три раза былъ битъ. Первый разъ за „Петра", второй за эскизъ „Пушкина", и наконецъ теперь, и теперь, ради того же патріотизма. Не стану больше цѣловать палки, которая меня бьетъ, и потому о теперешнемъ моемъ пребываніи въ Россіи могу сказать, что „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше".

Я теперь удаляюсь изъ Россіи надолго, буду работать, работать и работать ради истинныхъ, здоровыхъ, чистыхъ потребностей человѣка, но ни за что не стану эксплуатировать человѣческіе нервы, нѣтъ! Пускай человѣкъ дойдетъ до пониманія высокаго значенія искусства. Недостойно то искусство, которое спускается и рабски удовлетворяетъ капризы толпы, особенно въ то время, когда прежде всего надо учить понимать, отличать грубый эффектъ отъ истинной простоты. Глубина во всемъ понимается не сразу.

Жаль мнѣ только въ Россіи нѣсколькихъ добрыхъ, хорошихъ людей. Жаль мнѣ оставлять ихъ, но и ихъ мало здѣсь. Пріѣхалъ я сюда одинъ и уѣзжаю одинъ. Ну, не лишній ли я человѣкъ теперь въ Россіи?

Сегодня я сдѣлалъ генеральную репетицію вечернему освѣщенію. Жаль, что вы не видали. „Христосъ" выигралъ на сто процентовъ, и я остался очень доволенъ собой. Выставка открывается на третій день Пасхи и останется открытой всего шесть дней. Будетъ! Кто захочетъ, пускай поспѣшитъ, а я убѣжденъ, что никто не захочетъ. Но для меня и это теперь безразлично. Я съ своей стороны долженъ былъ сдѣлать все, что возможно, чтобы довести до конца то, что начато. Хотя такой глупости, какъ моя выставка, не повторю больше. „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше". Никогда не чувствовалъ я себя такимъ бодрымъ; точно теперь только я сорвался съ академической скамьи.

394. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, декабрь 1884 г.

Дорогой Илья! Пишу всего нѣсколько строкъ, потому что работы много, а проку мало; просто работа закапризничала.

Фотографію съ твоей работы [1]) получилъ. Она очень, очень пра-

---

[1]) «Мать разсказываетъ сказку своему маленькому сыну».

вится мнѣ. Это лучшее, что ты до сихъ поръ сдѣлалъ, и сдѣлано оно очень хорошо во всѣхъ отношеніяхъ: и компановка, и экспрессія превосходны. Одно жаль: зачѣмъ ты сдѣлалъ лицо матери такимъ некрасивымъ? Но у каждаго свой стиль. Еще я радъ, что кромѣ этого ты и еще поработалъ. Непремѣнно выставь все это вмѣстѣ, иначе оно не имѣетъ смысла. Теперь тебѣ необходимо дать о себѣ знать, а то, чего добраго, и не будутъ знать, что ты въ Петербургѣ. Вообще необходимо тебѣ, начинающему, отрекомендоваться.

395. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 26 декабря 1884 г. (7 января 1885 г.).

Я давно не писалъ вамъ, кажется, ни разу съ тѣхъ поръ, какъ мы уѣхали изъ Петербурга. Не писалъ, несмотря на то, что кромѣ всегдашняго моего желанія бесѣдовать съ вами, мнѣ все время нужно было писать вамъ, и все-таки я не собрался.

Работаю много, время коротко, дни бѣгутъ быстро, а работа очень медленно подвигается. Къ этому гнилая погода, которую мы имѣемъ здѣсь всю зиму, туманы и темнота, которые здѣсь часто бываютъ такіе, что въ часъ дня мы завтракали при вечернемъ свѣтѣ— все это нехорошо для моего здоровья и для моего душевнаго настроенія.

Однако, работа все-таки, хоть медленно, но подвигается. Я началъ статую „Христа“ (заказъ). У меня работается изъ мрамора нѣсколько бюстовъ за-разъ; все, конечно, подъ моимъ наблюденіемъ. Теперь я разрабатываю проектъ для памятника покойному государю (ради Бога, объ этомъ никому ни слова). Мнѣ хотѣлось-бы разсказать вамъ содержаніе проекта, но времени мало, и притомъ врядъ-ли я съумѣю вамъ передать, въ особенности форму. Да, наконецъ, я надѣюсь скоро пріѣхать въ Россію, конечно, съ проектами, и тогда сами увидите.

Надѣюсь, что они всѣмъ понравятся.

Но главная цѣль сегодняшняго письма—это, чтобы поздравить васъ, дорогой Владиміръ Васильевичъ, съ Новымъ хорошимъ, добрымъ годомъ!! Дай вамъ Богъ долго здравствовать, бодрствовать и вашей бодростью пристыдить молодыхъ, какъ вы это дѣлали до сихъ поръ; продолжать творить добро, какъ въ наукѣ, искусствѣ, такъ и въ жизни.

Теперь нѣсколько словъ относительно пріобрѣтенія коллекціи Базилевскаго. Я убѣжденъ, что это васъ сильно радуетъ, потому что, послѣ пріобрѣтенія Эрмитажа, это—крупнѣйшее пріобрѣтеніе. Знаете-ли вы эту коллекцію? Скоро она прибудетъ въ Россію, и, навѣрное, о ней вы будете писать, потому что это пріобрѣтеніе составляетъ эпоху въ нашемъ индустріальномъ искусствѣ. Я надѣюсь, что она много пищи дастъ нашимъ молодымъ, да и старымъ [1]). Подобный крупный фактъ

[1]) Антокольскій ошибся въ своемъ предположеніи. Съ 1885 г. и по 1902 г. великолѣпная коллекція Базилевскаго не дала никакихъ результатовъ ни для русской науки, ни для русскаго искусства.

не обходится (какъ всегда это бываетъ) безъ разныхъ сказокъ, сплетенъ и т. п. Всѣхъ ихъ не стоитъ передавать, но недавно я слышалъ, будто у васъ говорятъ, что тутъ есть половина вещей фальшивыхъ. Я этому не вѣрю. Что Базилевскій не изъ важныхъ знатоковъ, что онъ продалъ, какъ маклакъ, съ барышемъ, что онъ форсировалъ въ газетѣ—это вѣрно; но, все-таки, не думаю, чтобы онъ настолько рискнулъ опозорить свое имя и продать отечеству фальшивое за дѣйствительное; вѣдь, рано, или поздно, правда откроется. Но что меня крайне удивляетъ это—какъ можно было пріобрѣсть подобную покупку, не давъ предварительно осмотрѣть ее спеціалисту? Пріобрѣсть даже безъ каталога! Насколько достойно удивленія, настолько же непростительно тѣмъ людямъ, которые пріобрѣли эту коллекцію, что они такъ халатно вели дѣло. Впрочемъ, что теперь помогутъ наши разговоры? Досадно только, что люди повели это дѣло такъ нескладно.

Нѣтъ-ли у васъ вѣрнаго рисунка (конечно, приблизительно) Александра Невскаго въ латахъ? Если есть, то, пожалуйста, пришлите, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

396. Къ нему же.

Парижъ. Получено 4 марта 1885 г.

Пишу вамъ только пару словъ, да и то второпяхъ, такъ какъ я почти наканунѣ отъѣзда въ Петербургъ. Я везу съ собою эскизъ проекта для монумента покойному государю, который немало времени у меня отнялъ.

Я написалъ вамъ большое письмо, но не окончилъ, теперь уже не стоитъ. Меня сильно удивило ваше молчаніе, но, по всей вѣроятности, не безъ причины, какъ и у меня.

397. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 5 апрѣля 1885 г.

Я очень сожалѣю о вчерашнемъ спорѣ—силы наши были неравныя. Я вообще послѣднее время очень раздражителенъ. Въ другое время я велъ-бы споръ болѣе стройно, а теперь не взыщите.

Относительно моего письма, я прошу не печатать отрывки: все, или ничего, а то лучше всего, когда я самъ напишу. Въ такомъ случаѣ я попросилъ-бы очень—дать Эліасику переписать это письмо, такъ какъ у меня ничего не осталось.

Я завтра ѣду и очень этому радъ.

Желаю вамъ всего лучшаго, бодрости, энергіи и здоровья. А все-таки я съ вами несогласенъ.

398. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 4 мая 1885 г. [1]

Я нисколько не благодаренъ вамъ за то, что прислали мнѣ про-

---

[1]) Это письмо Антокольскаго напечатано было съ сокращеніями въ «Новостяхъ» 9 мая 1885, вмѣстѣ со статьей В. В. Стасова подъ заглавіемъ: «По поводу лекціи профессора Ландцерта о картинѣ Рѣпина».

честь статью Ландцерта. Я теперь нездоровъ, мнѣ необходимо спокойствіе, а эта дребедень возмутила меня, какъ и многихъ. Ну, скажите ради Бога, не правъ-ли я, что у насъ бабы шьютъ сапоги, а сапожники пекутъ пироги?

Ландцертъ—анатомъ, читаетъ лекціи о высшемъ искусствѣ, говоритъ ученикамъ то, что подобало-бы говорить профессорамъ искусства, но гдѣ-же они? Отчего они попрятались? Вѣдь изъ этого выходитъ, что Ландцертъ осрамилъ не Рѣпина [1]), а самихъ профессоровъ. Онъ-то читаетъ лекцію „по просьбѣ нѣкоторыхъ изъ вашихъ товарищей" и позволяетъ себѣ разсуждать объ искусствѣ, какъ „не спеціалистъ", и гдѣ? въ самомъ-то зданіи Академіи художествъ! Неужели молодежь не нашла кого-нибудь, дѣйствительно спеціалиста, который-бы разъяснилъ имъ значеніе искусства и т. д.?

Должно быть, Ландцертъ не знаетъ, что плохо, когда къ наукѣ подходятъ чувствомъ, а къ искусству умомъ. Въ подобныхъ случаяхъ всегда лучше наоборотъ.

Мнѣ кажется, что никто не станетъ оберегать и предостерегать учениковъ отъ Рембрандта, Рубенса за то, что они плохо рисовали; отъ Рафаэля за то, что онъ былъ не колористъ; отъ Микель-Анжело за то, что онъ былъ „недостаточно эстетиченъ", какъ о немъ выразился, кажется, знаменитый профессоръ Брунъ. Всѣ эти геніальные художники имѣли свои недостатки, и намъ въ голову не придетъ упрекать ихъ или умалять ихъ достоинства. Каждый изъ нихъ имѣлъ свое особенное совершенство, которое приковываетъ насъ и заставляетъ забывать ихъ недостатки. Ландцертъ, повидимому, не знаетъ, что гдѣ душа, тамъ и красота, гдѣ искренность, тамъ и вѣра, гдѣ наивность, тамъ и трогательность, гдѣ сила, тамъ и изумленіе. Что-же касается выбора сюжета, то это зависитъ чисто отъ степени интеллектуальности человѣка, его чувства, такта и гармоніи.

Но если Ландцертъ хотѣлъ поразить Рѣпина, то выборъ его крайне неудаченъ. Пускай говорятъ, что хотятъ, можно упрекать Рѣпина, но уже никоимъ образомъ—какъ плохого рисовальщика.

Какъ техникъ, Рѣпинъ рѣшительно не имѣетъ равнаго среди насъ. Дай Богъ Академіи побольше выпускать подобныхъ техниковъ; намъ-бы оставалось только радоваться. Къ сожалѣнію, ихъ что-то не видать вотъ уже многіе годы,—ничего похожаго на Рѣпина.

Но посмотрите, какую манеру Ландцертъ выбралъ: раньше всего, онъ сомнѣвается, читалъ-ли кто-нибудь изъ его слушателей „Лаокоона" Лессинга. Потомъ утверждаетъ, что только одно лишь невѣжество можетъ утверждать, что наука въ дѣлѣ искусства не можетъ принести пользы, объ этомъ никто не станетъ спорить.

Наука хороша, что и говорить—вещь великая, но не должно забывать, что каждая наука имѣетъ свою спеціальность, гдѣ она ком-

[1]) Лекція профессора Ландцерта, читанная передъ учениками Академіи художествъ и напечатанная въ «Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ», 1885, апрѣль, трактовала о картинѣ Рѣпина: «Иванъ Грозный и его сынъ».

петентна, и не должна забѣгать въ чужія области, въ особенности, съ авторитетомъ. Быть астрономомъ—это еще не даетъ права разсуждать объ анатоміи, и анатому—о задачахъ высшаго искусства.

Впрочемъ, охота вамъ, право, заниматься этой статьей, да еще мнѣ присылать! Читать все, что пишутъ—не хватитъ времени жить, да еще отвѣчать!

399. Къ нему же.

Парижъ. Получено 27 мая 1885 г.

Я очень, очень благодаренъ вамъ за вашу статью, которую прислали мнѣ [1]). Очень радъ въ особенности, что вы такъ энергично взялись защищать правое дѣло противъ всего того, что мѣшаетъ намъ двигаться впередъ. Вотъ гдѣ тормазъ!

Какъ жаль, что я не получилъ статьи самого Опекушина въ „Новомъ Времени". Впрочемъ, мнѣ достаточно чувствуется вонь изъ тѣхъ нѣсколькихъ словъ, которыя вы цитируете въ своемъ отвѣтѣ. Этого достаточно, чтобы знать, что за помойную яму они вылили на меня. Я этому очень радъ; надѣюсь, что это возмутитъ каждаго порядочнаго человѣка, я радъ, что это даетъ мнѣ возможность развить свои силы, высказать все то, что давно возмущаетъ меня. Но стоитъ-ли тратить силы противъ Опекушина? Вѣдь онъ только подставной, за нимъ прячутся болѣе важные пошляки. Боюсь, что отвѣчать Опекушину—значитъ бить по вѣтвямъ, а не по стволамъ.

Мнѣ очень желательно знать: какое дѣйствіе имѣли мое письмо и ваша статья относительно лекціи Ландцерта. Пожалуйста, напишите.

Посылаю вамъ мой отвѣтъ на статью Опекушина. Эта статья не что иное, какъ варіація на ту же тему, но тутъ есть нѣчто новое.

Будьте такъ добры, дорогой В. В., выправьте ее такъ, какъ это сдѣлали съ моимъ письмомъ и, пожалуйста, скорѣе отошлите ее въ редакцію. Вы увидите, что въ началѣ, когда я говорю о конкурсѣ, я нарочно говорю сдержанно, за то достается достаточно Опекушину за его дерзкую клевету, и я не оставилъ въ покоѣ тѣхъ, кто прячется за его спиною. Вы стоите ближе къ котловинѣ, видите, гдѣ клокочетъ, кто подкидываетъ огонь, и потому лучше можете знать, насколько хорошъ мой отвѣтъ, мѣтко-ли я попадаю въ цѣль.

Что относительно судьбы моего проекта? Неужели вы все еще думаете, что изъ этого что-нибудь выйдетъ? Я думаю, что изъ этого ничего не будетъ; теперь-бы я желалъ одного—знать, наконецъ, что я не ошибаюсь.

Я сталъ писать мои „Воспоминанія" изъ академической жизни. Это не біографическій очеркъ—я говорю о себѣ ровно настолько, на-

---

[1]) Статья В. В. Стасова по поводу статьи скульптора Опекушина, въ «Новомъ Времени», противъ Антокольскаго и его проекта памятника Александра II, была напечатана въ «Новостяхъ» 18 мая 1885 года.

сколько необходимо для разъясненія нашего художественнаго воспитанія. Надѣюсь, это прочтется съ интересомъ. Я думаю скоро уѣхать отсюда, раньше всего въ Biarritz, а потомъ, по всей вѣроятности, въ Италію, готовить всѣ мои работы изъ мрамора. Тамъ будетъ мнѣ стоить ровно вчетверть дешевле, а это для меня большой расчетъ, тѣмъ болѣе, что контрактъ квартиры у насъ кончается теперь.

Будьте здоровы, бодры. Поклонитесь Рѣпину, пусть онъ не взыщетъ съ меня, что я не былъ у него,—онъ знаетъ, какъ я люблю его.

Я забылъ сказать, что въ моихъ „Воспоминаніяхъ" я говорю немало о Рѣпинѣ. Эти воспоминанія состоятъ изъ цѣлаго ряда писемъ, гдѣ я легче могу высказаться. Впрочемъ, писаніе—дѣло для меня очень медленное, гораздо легче я лѣплю.

400. Къ нему же.

Парижъ. Получено 27 мая 1885 г.

Вчера я послалъ вамъ мой отвѣтъ Опекушину, написанный наскоро. Сегодня я подумалъ, что начало письма нѣсколько пространно и, пожалуй, лишнее совсѣмъ—можетъ быть не стоитъ передъ нимъ развивать свою теорію, а просто надо дать урокъ. А потому—не лучше-ли начать письмо въ слѣдующей редакціи:

„Четырнадцать лѣтъ я тщательно избѣгалъ всякаго рода конкурсовъ и всего того, что сопутствуетъ имъ. А теперь мнѣ приходится состязаться, если не на конкурсѣ, то изъ-за конкурса, съ однимъ изъ его героевъ.

Г. Опекушинъ хочетъ знать—честно ли я поступилъ со своими товарищами, идя на конкурсъ помимо ихъ. Спрошу съ своей стороны: честно-ли онъ поступаетъ, упрекая меня въ этомъ и умалчивая о тѣхъ другихъ проектахъ, которые были представлены тоже помимо конкурса?

Но если г. Опекушинъ желаетъ только добиться отъ меня отвѣта, то я охотно отвѣчу, именно потому, что я не конкуррирую, что я не хочу торговать своимъ чувствомъ: это я предоставляю монументальныхъ дѣлъ мастерамъ, для которыхъ всякаго рода искусство не есть цѣль, а средство. Истинный художникъ не можетъ чувствовать за вознагражденіе въ такомъ-то размѣрѣ, подъ такимъ-то условіемъ и доставить свое чувство къ такому-то сроку. Казалось-бы, чего проще: если я не конкуррирую, то лишаюсь возможности получить премію и даже заказъ, но для г. Опекушина непостижимо, что есть художники, не идущіе по старымъ рутиннымъ дорожкамъ, осмѣливающіеся имѣть свои убѣжденія и ставящіе свой принципъ выше всякихъ денежныхъ расчетовъ.

Если-же я теперь сдѣлалъ проектъ для памятника „покойнаго государя"... и т. д.

Я думаю, что такъ будетъ короче и сильнѣе. Дальше прошу продолжать, какъ во вчерашней запискѣ.

Ради Бога, прошу ничего не измѣнять и лишь только придать стройный характеръ, какъ вы это сдѣлали съ моимъ прошлымъ письмомъ.

Впрочемъ, я нарочно посылаю вамъ сегодняшнюю редакцію—прошу выбрать, что найдете лучше, т. е. оставить-ли цѣликомъ, какъ вчера я послалъ, или-же съ сегодняшнимъ измѣненіемъ.

Я разсчитываю, что оба письма получатся вмѣстѣ, такъ какъ случайно вчера мое письмо было послано застрахованнымъ, слѣдовательно, оно получится днемъ позже.

Будьте здоровы, не сердитесь на меня, что столько безпокою васъ, тутъ дѣло не столько мое личное, сколько общее.

401. Къ нему же.

Парижъ. Получепо 15 іюня 1885 г.

До сихъ поръ я не могъ отвѣтить на ваши два письма. Я увлеченъ странной работой—пишу мои записки: „Періодъ Академіи". Ради Бога, никому объ этомъ ни слова; тамъ и о васъ есть. Теперь къ дѣлу.

Я очень радъ, что вы поступили съ моимъ письмомъ такъ хорошо и не напечатали его. Послѣ того, какъ я познакомился съ письмомъ Опекушина, я убѣдился, что подобнымъ людямъ отвѣчать не стоитъ. Да съ какой стати стану я отдавать отчетъ Опекушину? Я не желаю входить съ нимъ ни въ какія объясненія. Повторяю—не желаю, и не позволю себѣ никогда, развѣ крайняя необходимость заставитъ меня. Если онъ опять потребуетъ отъ меня отвѣтъ, то вотъ что пока я могу отвѣтить: „Опекушинъ настойчиво и неоднократно добивается отъ меня отвѣта. Неужели онъ не довольствуется отвѣтомъ В. В. Стасова? Неужели онъ думаетъ въ самомъ дѣлѣ, что я позволю себѣ входить съ нимъ, или ему подобными, въ какія-бы то ни было объясненія"?... Теперь другой вопросъ—вы говорите, что мой отвѣтъ не полонъ. Да, это я и самъ увидалъ, когда перечиталъ письмо Опекушина; но не полонъ далеко не въ тѣхъ пунктахъ, о которыхъ вы говорите. Относительно того, что я не говорю, почему я сдѣлалъ проектъ,—какъ мнѣ сказать? Какъ могу я замѣшать сюда разговоръ мой съ Государемъ? Этотъ разговоръ былъ-бы очень, очень не лестенъ для нихъ, но все-таки не могу этого сказать печатно. Притомъ-же, если я не признаю конкурса, если я сдѣлалъ свой проектъ послѣ того, какъ оба конкурса показали свою несостоятельность, тогда какъ и многіе другіе дѣлали—въ чемъ же тутъ грѣхъ? Просто—хотѣлъ! Развѣ кто можетъ, въ особенности они, наложить печать на мою свободу творчества?

Вы говорите, что я не довольно основательно упрекаю Опекушина въ томъ, что онъ, зная хорошо о другихъ представителяхъ внѣ конкурса, умалчиваетъ о нихъ и нападаетъ на одного меня. Вѣдь въ его уважаемой газетѣ было сообщено, что, дескать, я теперь конкуррирую съ Микѣшинымъ, Бариновымъ и Чижовымъ, какъ это хорошо, высокая справедливость этого „требовала". Кто имъ заказалъ эти

проекты? Какимъ образомъ они попали въ Комиссію и, именно вмѣстѣ съ моимъ, не спрашивая—желаю-ли я конкуррировать? (Это сообщеніе о конкурсѣ было въ одномъ изъ писемъ изъ Москвы, въ „Новомъ Времени", значитъ онъ зналъ, какъ котъ, что въ кухнѣ стряпаютъ; если-бы онъ отъ этого отнѣкивался, я уличилъ-бы его во лжи). Ну, да чортъ съ нимъ! Но, что забавнѣе всего—тотъ самый Опекушинъ, который упрекаетъ меня въ „передержкѣ", самъ сдѣлалъ малость: взялъ „Патріаршее мѣсто", котораго оригиналъ находится теперь въ „Историческомъ музеѣ" (оно носитъ слѣды вліянія персидскаго), поставилъ внутри Государя, и вотъ тебѣ монументъ! Хоть-бы постыдился и что-нибудь измѣнилъ—нѣтъ, ничего!..

А хорошо было прицѣпить тутъ вопросъ о моемъ еврействѣ? Могу сказать, что я больше христіанинъ, чѣмъ онъ. Но положимъ, что даже мой полу-эскизъ похожъ въ планѣ на полукругъ зданія,—въ такомъ случаѣ, ничего нельзя сдѣлать квадратнаго, потому что и это напомнитъ вамъ что-то, нельзя сдѣлать статую стоящую потому, что уже есть стоящая статуя?

Поймите тотъ нелѣпый упрекъ, что „Иванъ Грозный" похожъ на „Вольтера". Но вѣдь это развѣ потому только, что оба сидятъ! Что есть общаго у Ивана Грознаго съ Вольтеромъ? Точно также и здѣсь. Они не понимаютъ, что тутъ вся задача въ идеѣ, въ содержаніи. Они говорятъ, что мое описаніе—реклама. Ну, а если они увидятъ проектъ, и проектъ окажется выше, чѣмъ мое описаніе? Они находятъ, что въ моемъ эскизѣ нѣтъ ничего оригинальнаго, основываясь на невидѣнномъ. Вотъ я-то видѣлъ больше 60-и ихъ проектовъ: каждый навѣрное старался сдѣлать что-то особенное, новое, и что-же? Всѣ они, болѣе или менѣе, похожи другъ на друга, а въ общемъ и совсѣмъ похожи, точно одна рука дѣлала.

Наконецъ, я забылъ сказать что это значитъ „понадергать"? Развѣ въ нашемъ вѣкѣ есть какое-нибудь новое созданіе въ архитектурѣ? Развѣ всѣ наши архитекторы не дергаютъ изъ стариннаго русскаго стиля? Подъ предлогомъ разработки, дѣлаютъ безобразія? Развѣ самъ Храмъ Спаса не „надерганъ", только безъ вкуса? Тутъ именно то, что называется: „если кто не умѣетъ дѣлать хорошо, дѣлаетъ богато".

Закончу письмо, потому что если разбирать нашихъ рутинеровъ, а главное—беззастѣнчивыхъ, то не будетъ конца. Я радъ, что статья ваша попала въ цѣль, дай вамъ Богъ то-же и впредь!

Мои „Записки" займутъ около шести печатныхъ листовъ. Онѣ скоро будутъ готовы; очень хвалятъ, но „не скажи гопъ раньше, чѣмъ перескочишь".

402. Къ нему же.

Парижъ. Получено 12 іюля 1885 г.

Теперь, повидимому, всѣ отдыхаютъ, въ томъ числѣ и почта. Это отчасти понятно—кому теперь охота сидѣть въ душныхъ комнатахъ, нагнувшись за письменнымъ столомъ, когда природа манитъ васъ къ

себѣ? Думаю, что именно благодаря этому я ни отъ кого не получаю извѣстій. Да отъ кого-же мнѣ и получать ихъ? Пробовалъ я писать къ одному, и къ другому, всѣ молчатъ, да и отъ васъ, добрѣйшій В. В., тоже давно ничего не получалъ.

До сихъ поръ я сидѣлъ въ Парижѣ, отчасти потому, что долженъ былъ кончить дрянные бюсты, къ которымъ, по ихъ анти-художественности, я не чувствовалъ влеченія, но я долженъ былъ кончить ихъ, чтобы получить деньги, и все-таки не получилъ. Затѣмъ задержало меня дѣло, которое я затѣялъ въ Петербургѣ—издавать свои работы и везти ихъ по Европѣ. Оказалось, что получать деньги, даже отъ тѣхъ, которые обѣщаютъ, гораздо труднѣе, чѣмъ кажется. Вначалѣ немало хлопотъ было, пока спѣлись, обѣщали; теперь слово должно перейти въ дѣло. Ну, можете себѣ представить, сколько возни, ожиданій и „безотвѣтности". Они могутъ просто жилы вытянуть. Пока, отъ этого дѣла я имѣю только однѣ непріятности. Увидимъ, что дальше будетъ, очень можетъ быть, что придется плюнуть на это и отъ души выругаться,

Между тѣмъ, я давно окончилъ мои „Записки". Онѣ обнимаютъ шесть печатныхъ листовъ, говорятъ—очень интересны. Теперь остановка за тѣмъ, чтобы исправить въ нихъ грамматическія ошибки: за это у меня просятъ по 50 рублей съ листа.Думаю, что это дороговато, какъ по вашему?

Какъ программа Эліасика? Когда рѣшится его судьба? Какъ-же вы всѣ поживаете? Есть ли художественная новость? Что подѣлываетъ Рѣпинъ? Пожалуйста, поклонитесь всѣмъ.

403. Къ нему же.

Динаръ, получено 13 августа 1885 г.

Ваше любезное, доброе письмо я давно получилъ.

Скажу вамъ, что ваше доброе предложеніе сильно тронуло меня. Мнѣ было пріятно читать даже ваши дружескіе упреки. Но мнѣ никогда въ голову не приходило позволить себѣ эксплуатировать вашу доброту для столь кропотливаго и нелегкаго дѣла, какъ поправлять мой текстъ, что могло-бы отнять у васъ немало времени. Нѣтъ, этого я не позволю себѣ.

Но я прошу васъ пересмотрѣть эти „Записки", когда я пошлю ихъ вамъ, какъ мою подлинную рукопись, такъ и исправленное, и настаиваю, чтобы тамъ ничего не было передѣлано, кромѣ правильности языка.

Скажите мнѣ теперь, добрѣйшій В. В., когда именно думаете вы побывать въ Парижѣ, а главное—въ Лондонѣ? Мнѣ очень хотѣлось-бы побывать именно съ вами въ Лондонѣ. Съ вами я увижу въ три дня то, что самъ увидалъ-бы въ три недѣли, а то, пожалуй, и въ три мѣсяца. Я теперь обрѣтаюсь въ Dinard près St.-Malo. Отсюда къ Лондону рукою подать. Здѣсь мы останемся до 15 сентября по нашему, т.-е. новому стилю.

Я очень радъ, что Эліасику удастся сдѣлать эту статую, а то,

признаться, я побаивался за его здоровье—такая большая дура не по силамъ ему.

Не видали-ли вы, на его проѣздѣ черезъ Петербургъ, Боголюбова? Что, не слыхать-ли что-нибудь насчетъ монумента? Работаютъ-ли его вновь?

Мнѣ говорили, что въ Москвѣ памятникъ считаютъ за мной. Такъ-ли? Сомнѣваюсь.

Долго мнѣ здѣсь нездоровилось, и при этомъ я упалъ съ лѣстницы и сильно ушибся; долго болѣло, но теперь все прошло.

404. Къ нему же.

Парижъ, 27 сентября 1885 г.

Я думалъ ѣхать въ Италію, но оказывается невозможнымъ потому, что „Мефистофель" еще не оконченъ изъ мрамора. Да при томъ здѣсь былъ князь Долгорукій [1]): я самъ ужъ не засталъ его, но мнѣ передали, что они всѣ считаютъ, что монументъ пока за мной. Не понимаю, что тутъ за игра. У меня теперь такая новая грандіозная идея этого монумента, что я готовъ былъ-бы опять взяться за него, но что изъ этого? Такимъ образомъ и конца не будетъ. Не достаточно того, что самъ этого хочу, надо еще, чтобы и меня хотѣли, а главное, чтобы мнѣ не мѣшали.

Что Эліасикъ, тоже молодецъ! нечего сказать. Теперь, по всей вѣроятности, судьба его рѣшена; онъ получилъ, навѣрное, медаль, а онъ хоть-бы слово написалъ! Это просто нехорошо. Да вообще я ничего не знаю, что дѣлается у васъ, не знаете-ли вы, въ какомъ фазисѣ находится монументъ; дѣйствительно-ли отдано другимъ дѣлать проекты, или это неправда? Я уже пересталъ-было думать о немъ, но вотъ опять обнадежили меня и все это такъ глухо, шатко, что желательно было-бы узнать конецъ: да или нѣтъ.

Нашу квартиру мы передали, контрактъ окончился, и потому мы живемъ на бивуакахъ, т.-е. наняли меблированную квартиру на нѣсколько мѣсяцевъ, пока всѣ работы не окончатся и пока я не узнаю что-нибудь относительно монумента.

Да вотъ еще что.—Здѣсь теперь Половцовъ, я говорилъ съ нимъ относительно выставки „Мефистофеля", и, въ случаѣ надобности, нельзя-ли у него въ школѣ Штиглица выставить его. Онъ на это охотно согласился. Но хорошо-ли будетъ съ моей стороны тамъ выставить его? Не лучше-ли на передвижной выставкѣ? Оно, конечно, лучше, но тутъ дѣло съ мраморомъ: таскать на какія-нибудь лѣстницы—дѣло очень не легкое. Вотъ почему я прошу васъ узнать, со стороны, относительно всѣхъ этихъ неудобствъ. При этомъ, убѣдительно прошу васъ говорить объ этомъ не отъ моего имени, потому что въ сущности я и самъ не знаю, гдѣ выставить? Надо взять въ соображеніе, что статуя не мнѣ принадлежитъ, и, очень можетъ быть, что придется выставить тамъ, гдѣ

---

[1]) Московскій генералъ-губернаторъ.

укажутъ, или-же вовсе не выставлять. Вмѣстѣ съ этой статуей думаю еще кое-что выставить. Статуя-же будетъ готова черезъ два мѣсяца, а въ Петербургъ она прибудетъ черезъ три мѣсяца. Боголюбова я еще не видалъ,—онъ еще не пріѣхалъ, не видали-ли вы его?

Я теперь взялся за работу заказа.

Мой планъ—сдѣлать изъ моихъ работъ выставку и везти ее по Европѣ—пока подвигается туго. Собрано подписчиковъ всего на 80 т. франковъ, передано было это дѣло X., а онъ уѣхалъ, не передавъ другому. Начались письма, упрашиванія, Иванъ киваетъ на Петра, Петръ на Сидора и т. д.

Я заявилъ, что сумма денегъ будетъ достаточна, а если не хватитъ, то свои доложу, и во всякомъ случаѣ можно начать дѣло. Я просилъ начать, вносить деньги, но тутъ-то всѣ и остановились, а между тѣмъ, я пока послѣднія крохи израсходовалъ на это.

405. Къ нему же.

Парижъ. Получено 20 октября 1885 г.

Наконецъ-то, получилъ ваше письмо, которое меня очень обрадовало, хотя содержаніе его не особенно радуетъ меня. Во-первыхъ, не хорошо, что вы были не совсѣмъ здоровы, но съ кѣмъ этого не случается? Слава Богу, что это прошло. Во-вторыхъ, повидимому, у насъ искусство не совсѣмъ процвѣтаетъ: оно идетъ, если не назадъ, то впередъ, но черепашьимъ шагомъ. Просто грустно, что у насъ всего три „цѣлыхъ“ художника, а семь „половинныхъ“, и то какая давка, какая тѣснота среди нихъ! Ни для кого мѣста нѣтъ, другъ другу бока отбиваютъ даже на передвижной выставкѣ, среди петербургскихъ и московскихъ художниковъ. Хуже всего то, когда москвичи начнутъ — значитъ никогда не кончатъ, или же кончатъ ничѣмъ, какъ это случилось и случается съ ихъ „Головами“, или съ монументами. Странный народъ, право — подавай имъ именно то, чего сами не знаютъ, чего у нихъ нѣтъ. Вотъ недавно одинъ москвичъ сказалъ мнѣ: „Позвольте, господа, какое право мы имѣемъ поручать художнику ставить монументъ по-своему? Намъ необходимо раньше всего выяснить себѣ: кто такой тотъ, которому мы собираемся ставить монументъ, его достоинства, его заслуги, и, когда это будетъ вполнѣ выяснено, тогда только будетъ возможность составить программу, по которой созывается конкурсъ“.

Согласитесь сами, что съ точки зрѣнія практика, это—перлъ московской философіи о художественномъ творчествѣ. Что можетъ быть лучше и проще, когда свѣдущіе люди будутъ руководить чувствомъ художника. Они раньше всего оцѣнятъ, что стоитъ и чего заслужилъ такой-то герой. Но я боюсь сказать, что даже и тогда, сколько людей будетъ на этомъ важномъ засѣданіи, столько-же будетъ и мнѣній, если не больше. Но и тутъ мнѣ пришлось слышать другое мнѣніе о монументѣ: „Гораздо проще, замѣтилъ другой, еслибы на эти деньги выстроить какое-нибудь богоугодное заведеніе. Зачѣмъ монументъ, отъ котораго никому не будетъ ни холодно, ни тепло“.

Такъ какъ я уже заговорилъ о москвичахъ, то разскажу вамъ еще одинъ эпизодъ, довольно характерный, но еще больше печальный.

Лѣтъ восемь, если не больше тому назадъ, получаю письмо отъ покойнаго графа Уварова: сдѣлать эскизъ монумента для перваго книгопечатника въ Россіи.

За эскизъ онъ предлагаетъ мнѣ вознагражденіе, и, въ случаѣ, если эскизъ будетъ одобренъ Государемъ, то работа, конечно, останется за мной. Тогда я былъ слишкомъ самостоятеленъ, чтобы отвѣтить на подобныя предложенія, и не отвѣчалъ.

Въ годъ коронаціи я былъ въ Москвѣ, заходилъ съ Боголюбовымъ въ Историческій Музей, гдѣ встрѣтился съ графомъ Уваровымъ. Боголюбовъ представилъ меня, и онъ шутя сказалъ, что на меня золъ за то, что я не хочу сдѣлать статую первопечатника. Мое положеніе тогда было затруднительное, и я обѣщалъ начать. При этомъ онъ самъ назначилъ за эскизъ 1000 рублей. Я уѣхалъ въ Парижъ и сдѣлалъ этотъ эскизъ. Между тѣмъ, графъ Уваровъ захворалъ, я ждалъ его выздоровленія и, къ сожалѣнію, дождался его смерти. Прошелъ годъ. Наконецъ, я спрашиваю въ Археологическомъ Обществѣ, куда давно былъ посланъ проектъ статуи: „кто заплатитъ мнѣ 1000 руб., и какая участь постигла самую работу?“ Въ отвѣтъ на это я получаю протоколъ, который ясно доказываетъ, что мой эскизъ былъ подвергнутъ экспертизѣ, и по совѣту знатоковъ было рѣшено, что эскизъ мой негоденъ, потому что я представилъ его какъ рабочаго, между тѣмъ, какъ онъ былъ не только рабочій, но и высоко-нравственный человѣкъ, который много пострадалъ за преданность свою дѣлу. Чортъ-бы ихъ побралъ! Точно рабочій не можетъ быть высоко-нравственнымъ человѣкомъ! Точно это какой-то недостатокъ, что я представилъ его въ минуту того труда, который онъ страстно любилъ и за который пострадалъ! Точно это недостатокъ, что поэта представляютъ, когда онъ творитъ, а полководца на полѣ битвы! Да я-бы спросилъ у нихъ: „Господа, какимъ образомъ можно въ скульптурѣ, да еще въ эскизѣ, показать высоконравственность“? Затѣмъ идетъ дальше критика, касающаяся красоты, линій, археологіи, точно тутъ рѣчь идетъ не объ эскизѣ, а о полномъ творчествѣ!

Послѣ этого, я еще убѣдился въ томъ, что невѣждамъ половину работы нечего показывать. Они, какъ истинные... думаютъ то же самое, что и докторъ Ландцертъ: „коли я-дескать докторъ и могу судить о тифѣ или лихорадкѣ, то объ искусствѣ и подавно“. Въ заключеніе, протоколъ предлагаетъ мнѣ передѣлать всѣ мои промахи, но, однако, безъ прибавленія денегъ. Если-бы я зналъ, что мой проектъ попадетъ въ какую-бы то ни было комиссію, то я-бы ни за какія блага не принялъ этотъ заказъ. Но между мною и графомъ Уваровымъ ни слова не было о комиссіи. Теперь у меня и руки не поднимаются, чтобы отвѣтить имъ, и остается на все это, также на 1000 рублей, плюнуть—и только. Да хранитъ меня Богъ и впередъ имѣть заказное дѣло съ кѣмъ-бы то ни было. Это было и есть мое идеальное желаніе.

Относительно монумента говорятъ, что опять будетъ конкурсъ съ

программой. Не знаю, правда-ли это, но, во всякомъ случаѣ, я этимъ не печалюсь. Мое теперешнее желаніе совершенно другое. Ну, да Богъ съ нимъ! Жаль только, что у насъ такъ туго идетъ искусство.

Меня крайне интересуетъ результатъ программы Эліасика: очень боюсь, что разными замѣчаніями они замучатъ какъ Эліасика, такъ и работу.

Мое дѣло относительно изданія моихъ работъ пока не состоится. Вотъ уже полгода прошло, подписчиковъ для меня достаточно, но дѣло ни съ мѣста, а между тѣмъ я на это уже не мало израсходовалъ денегъ. Все это до того меня сердитъ, что я отказываюсь совсѣмъ. Вообще, если я никѣмъ недоволенъ, то не мало и собою. Досадно, что такъ долго прожилъ въ Парижѣ и долженъ былъ брать заказы, чтобы имѣть возможность жить тутъ. Досадно, что столько хламу я надѣлалъ въ теченіе этого времени, но „лучше поздно, чѣмъ никогда"—я все-таки радъ, что у меня хватаетъ духа обернуться ко всему этому спиной и начать жить прежнею жизнью. „Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ".

Мы оставляемъ Парижъ и переѣзжаемъ въ Флоренцію, гдѣ жизнь дешевая, а удобствъ для работы больше, даже чѣмъ здѣсь. Одно только—не знаю, какъ я климатъ перенесу. Тамъ вѣтрено, а это вовсе нехорошо для горла. Однако, это не сейчасъ, а мѣсяца черезъ три, четыре.

Жаль, если мнѣ не удастся выставить въ Парижѣ „Мефистофеля". Это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и печально. Право, у насъ не Богъ знаетъ какъ богата скульптура, и гнать ее не подобаетъ; а между тѣмъ, она здѣсь не въ ходу, и потому у насъ тоже—что дѣлать?

Жена моя шлетъ дружескій поклонъ, съ пожеланіемъ всего лучшаго, я же присоединяюсь и желаю вамъ продолжать здравствовать и быть, чѣмъ были и чѣмъ есть.

P. S. Скажите, писалъ ли я вамъ, что фотографію я послалъ въ Пештъ, къ М-е Wohl, и она—давно ея собственность.

Говорятъ, что страшныхъ враговъ я нажилъ тѣмъ, что заступился за Рѣпина. Все это мало интересуетъ меня. За Рѣпина нечего мнѣ было заступаться, онъ въ этомъ не нуждается, но меня болѣе всего возмутило то, что Ландцертъ такъ... и съ такимъ апломбомъ читалъ въ Академіи лекцію объ искусствѣ. Это всегда меня возмущало: нигдѣ, какъ у насъ, не перемѣшано сознаніе того, для чего каждый призванъ, и потому у насъ никто не стоитъ на своемъ мѣстѣ. Это-то и есть главный нашъ тормазъ. Вотъ что меня возмущаетъ до глубины сердца.

Если будетъ „Мефистофель" гдѣ-нибудь выставленъ въ Петербургѣ, тогда, чего добраго, и самъ я пріѣду и „Записки" напечатаю; если-же нѣтъ, то останусь спокойно сидѣть здѣсь и ждать лучшей будущности.

„Мефистофель" будетъ готовъ только черезъ два мѣсяца, и попадетъ въ Петербургъ черезъ три, такъ какъ мѣсяцъ продолжится перевозка. Вашу статью въ „Новостяхъ", о Брюлловѣ и Ефремовѣ, я читалъ:

она обрадовала меня, такъ какъ дошла до меня раньше, чѣмъ ваше письмо. Она дѣльно написана [1]).

406. Къ нему же.

Парижъ. Получено 14 ноября 1885 г.

Я-таки порядочно пристаю къ вамъ, но что дѣлать, у меня почти нѣтъ другого такого друга, какъ вы, ну, и пользуюсь.

Теперь дѣло вотъ въ чемъ. Кто-то сообщилъ въ газету „Новости“, будто мое здоровье внушаетъ серьезное опасеніе и что на зиму я ѣду въ Италію, и т. д. Я, право, не знаю, кому охота заниматься мною, а тѣмъ болѣе, моимъ здоровьемъ. Слава Богу, вексельный курсъ я не поколеблю, торговлей не занимаюсь, и никто не пострадаетъ и не выиграетъ отъ того, что здоровье мое такое или иное. Во всякомъ случаѣ, это сообщеніе болѣе чѣмъ странно! Я, конечно, очень радъ, что это неправда и что я имѣю возможность опровергнуть это. Это опроверженіе посылаю раньше къ вамъ, и прошу васъ очень, сейчасъ пересмотрѣть и послать въ редакцію,

Я очень, очень радъ за Эліасика, хотя не сомнѣвался, что онъ этого, т. е. золотой медали вполнѣ достоинъ, но опасался, чтобы тутъ не вмѣшалось мое имя, которое въ Академіи можетъ скорѣе повредить, чѣмъ помочь.

Пожалуйста, передайте ему отъ меня какъ мой поклонъ, такъ и горячее поздравленіе. Цѣлую васъ обоихъ крѣпко.

При письмѣ къ В. В. Стасову, получ. 14 ноября 1885 г.

Для „Новостей“

М. Г. Въ вашей многоуважаемой газетѣ за № 306 было сообщено, что мое здоровье внушаетъ серьезное опасеніе и что на зиму я ѣду въ Италію, и т. д. Это сообщеніе болѣе чѣмъ странно. Если я могу кого-нибудь интересовать, то съ удовольствіемъ сообщу, что послѣ лѣтняго отдыха я чувствую себя такъ хорошо, какъ никогда, и совсѣмъ пересталъ думать о болѣзни. Въ Италію поѣду, по всей вѣроятности, не раньше весны, когда окончу начатыя работы.

Ѣхать туда я давно задумалъ, чтобы цѣликомъ отдаться искусству и имѣть возможность жить, избѣгая заказовъ. Весь вопросъ въ томъ, насколько итальянскій климатъ хорошъ для моего здоровья, ибо Римъ, положительно, мнѣ не годился.

Примите и пр., и пр.

407. Къ нему же.

Парижъ. Получено 16 ноября 1885 г.

Я совсѣмъ расписался, а главное совсѣмъ безалаберно: недавно

---

[1]) Статья В. В. Стасова о Ефремовѣ, Брюлловѣ и Жуковскомъ напечатана въ «Новостяхъ» 1885 года, 6 октября.

я послалъ вамъ письмо съ опроверженіемъ, что я слава Богу здоровъ— зачѣмъ сплетни распускать? Зачѣмъ класть здоровую голову на больную подушку? А сегодня я подумалъ, что лучше всего, если вы сами отъ себя опровергнете это, такъ какъ въ моемъ опроверженіи я нескладно выражался. А знаете, дорогой В. В., очень и очень можетъ быть, что я ошибаюсь, но не выдумали-ли эту болѣзнь мои недоброжелатели? Не имѣетъ-ли связи эта выдумка съ дѣломъ памятника? Повторяю, что очень можетъ быть я ошибаюсь, потому что отгадать— дѣло мудреное; но на всякій случай отвѣтить необходимо, а то, если я промолчу, значитъ, что выдумка—правда, и тогда, чего добраго, могутъ опереться на это, чтобы не дать мнѣ этого заказа, который, скажу вамъ между нами, я совсѣмъ вычеркнулъ изъ моего реестра надеждъ. Я хорошо знаю, что некому у насъ дѣлать этотъ памятникъ для Александра II, но хорошо сознаю теперь и то, что не мнѣ его дѣлать—не дадутъ, а въ случаѣ чуда, то раньше заключютъ, чѣмъ дадутъ.

Я работаю упорно и все думаю о поѣздкѣ въ Италію,—авось тамъ мнѣ возможно будетъ осуществить мои старые идеалы.

Прошу кланяться отъ меня всѣмъ друзьямъ, если таковые у меня есть.

408. Къ нему же.

Парижъ. Получено 26 ноября 1885 г.

Очень, очень благодаренъ вамъ за вашу любезность; сегодня я получилъ также и высланныя вами деньги—1050 рублей пенсіи. Признаться, я не столько ждалъ денегъ, сколько вашего письма. Къ сожалѣнію, вы написали всего нѣсколько словъ.

Вашимъ опроверженіемъ въ газетѣ, касающемся моего здоровья, я вполнѣ доволенъ и отъ души благодаренъ. Это все, что нужно было.

Новостей здѣсь никакихъ, а если есть, то такія, которыя вы и безъ меня знаете или же которыя вамъ неинтересны.

Что же у васъ? Что Рѣпинъ подѣлываетъ? Когда и гдѣ будетъ передвижная выставка? Когда окончится ваше изданіе „Еврейскій орнаментъ?“ Я кончаю статую „Христа“ (заказъ). Кажется, что выходитъ нѣчто интересное. „Мефистофель“ изъ мрамора будетъ оконченъ черезъ 3—4 недѣльки. Если выставлю „Мефистофеля“ въ Петербургѣ и если буду печатать въ этомъ году мои „Записки“, то тогда, чего добраго, и самъ пріѣду; если нѣтъ, то остаюсь здѣсь.

Сюжеты мои не даютъ мнѣ покою, нѣкоторые между ними очень симпатичны; кромѣ этого, я задумалъ начать нѣсколько типовъ изъ Шекспира. Они будутъ въ маломъ форматѣ. Жаль, что дни здѣсь теперь такіе короткіе, сѣрые и туманные, что совсѣмъ работать нельзя, да въ такіе дни какъ-то и не работается.

409. Къ нему же.

Парижъ. Получено 9 декабря 1885 г.

Какъ я благодаренъ вамъ за брошюру [1]), а также за газеты, присланныя вами, изъ которыхъ я узналъ, какъ искренно чествовали память даровитаго Мусоргскаго [2]). Какъ жаль, что и меня тамъ не было, и еще болѣе сожалѣю, что ничего своего существеннаго не могъ внести я въ это дѣло. Въ особенности, повторяю, меня радуетъ та искренность, которая чувствуется въ каждомъ словѣ и дѣлѣ. Право, въ это столь прозаическое время, когда другъ друга грызутъ, когда озлобленіе не имѣетъ предѣловъ, когда пошляки берутъ верхъ и будто ратуютъ за справедливость,—это скромное, но дружеское, теплое торжество составляетъ контрастъ и даетъ бодрость и надежду сказать: „Еще Россія не истлѣла!! Дай Богъ, дай Богъ! дай Богъ побольше такихъ, какъ вы, и какъ всѣ вы!“

Вашу брошюру я прочелъ залпомъ, да и не трудно было. Но зачѣмъ тамъ и мое имя упоминается? Я такъ мало сдѣлалъ, о чемъ очень, очень сожалѣю.

Написана эта брошюра искренно, горячо, какъ другъ добраго дѣла и человѣчества.

Очень понравилась мнѣ рѣчь Полины Степановны [3]): чувствуется, что это говоритъ человѣкъ съ душою и отъ всей души, человѣкъ любящій и понимающій.

Да здравствуетъ лучшая будущность!

Да здравствуйте и всѣ вы!

410. Къ нему же.

Парижъ. 15 декабря 1885 г.

Наконецъ-то я получилъ отъ васъ желаемое мною письмо. Спѣшу отвѣтить—во-первыхъ, что деньги получилъ всѣ сполна и, во-вторыхъ, что вы совершенно напрасно безпокоитесь, будто вы остались мнѣ должны за прошлый разъ: насколько помню, то рѣшительно ни гроша. „Новое Время“ я не читалъ и читать не буду, потому что нѣтъ ни малѣйшей охоты читать гадость. Вы, навѣрно, помните мое плохое четверостишіе, которое я написалъ, бывши еще въ Академіи. Вотъ они: „И больно, и смѣшно, если кто мараетъ, впрочемъ все равно, пускай дуракъ читаетъ“.

Сознаюсь, что эти стихи очень плохи, но, все-таки, остаюсь имъ вѣренъ до сихъ поръ.

Но нѣчто поважнѣе, посерьезнѣе и поглубже сказалъ Спиноза:

---

[1]) Брошюра В. В. Стасова: «Памяти Мусоргскаго», была раздаваема въ день открытія памятника Мусоргскому надъ его могилой, на кладбищѣ Александро-Невской Лавры въ Петербургѣ; она перепечатана въ «Полномъ собраніи сочиненій» В. В. Стасова, въ III-мъ томѣ.

[2]) «Новости», съ описаніемъ открытія памятника Мусоргскаго.

[3]) Полина Степановна Стасова.

„Прохожу мимо зла человѣческаго, ибо оно мѣшаетъ мнѣ служить идеѣ Бога“.

Согласитесь сами, какъ ни ребячески мои стихи, а все-таки они подходятъ къ словамъ Спинозы.

А знаете, дорогой В. В., почему такіе субъекты, какъ Буренинъ, глумятся надъ всѣмъ, что мало мальски изъ ряда вонъ? Это не тотъ безпощадный сатирикъ, который хохочетъ отъ боли, и сквозь слезы бичуетъ свое дитя, именно потому, что это уже послѣднее средство,— но тотъ, у котораго чувство человѣчности испорчено до мозга костей. Это современный, выработавшійся типъ, который съ озлобленіемъ готовъ все уничтожать, надъ всѣмъ надругаться, все осквернить, все, что есть мало-мальски честнаго, хорошаго, вышеобыденнаго, просто потому, что ничего подобнаго онъ не можетъ ощущать у себя. У такихъ субъектовъ чрезмѣрное тщеславіе, самолюбіе, вмѣстѣ съ бездарностью. Они за все хватаются, мечтаютъ о будущемъ величіи, и напрасно,—вездѣ они встрѣчаютъ неудачи, ихъ дѣятельность вездѣ одинаково плоха. Бросаются они писать и писать—все напрасно, все выходитъ ниже посредственности. Это ихъ бѣситъ, они становятся раздражительны, часто мрачны; винятъ не себя, а среду, въ которой живутъ. Каждый чужой смѣхъ, восторгъ, успѣхъ раздражаетъ ихъ и приводитъ въ отчаяніе. Они готовы на все—на клевету, на пасквили; изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы уничтожить того, кто головою выше ихъ. У этихъ людей злоба заглушаетъ всякое чувство справедливости. Они одного желаютъ, чтобы всѣ были такими-же ничтожными, несчастными, какъ они сами. Ихъ радость составляетъ чужое горе, чужія слезы могутъ ихъ успокаивать. Вотъ какой новый типъ развивается у насъ.

Покойный Кавелинъ сказалъ, что я создалъ „Мефистофеля“ наканунѣ его смерти, а по моему—наканунѣ его рожденія. Моего „Мефистофеля“ я почерпнулъ не изъ Гёте, а изъ настоящей, дѣйствительной жизни,—это нашъ типъ—нервный, раздраженный, больной; его сила отрицательная, онъ можетъ только разрушать, а не создавать; онъ это хорошо сознаетъ, и чѣмъ больше онъ сознаетъ, тѣмъ сильнѣе озлобленіе его. Такіе субъекты сами себя съѣдаютъ, но это случается не скоро. Онъ падаетъ подъ давленіемъ массы преступленій.

Я не хочу этимъ сказать, что Буренинъ олицетворяетъ Мефистофеля, нѣтъ, Боже сохрани, слишкомъ много чести будетъ. Но такихъ, какъ Буренинъ, у насъ цѣлый легіонъ; да, именно, у насъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, и въ каждомъ сидитъ частица Мефистофельскаго духа. Мнѣ хотѣлось даже подписать подъ статуей: „посвящаю пошлякамъ“. Но лучше пускай вещь сама за себя говоритъ. Не люблю я ни ярлыковъ, ни комментаріевъ подъ художественными произведеніями.

Кто жилъ здѣсь и наблюдалъ, какъ французы чествуютъ своихъ людей, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, какъ они ими гордятся, и сопоставляя, какъ у насъ чешутъ бока такихъ людей, поневолѣ приходишь къ заключенію, что они—истинные патріоты: они любятъ себя

и своихъ, гордятся своими, какъ родители своими удачными дѣтьми, а мы... нѣтъ, мы не любимъ себя—вотъ наша бѣда! Похвалите когонибудь, скажутъ—онъ льститъ, поругаете, въ особенности, пикантно—всѣ съ удовольствіемъ будутъ хохотать. Это вы можете видѣть ежедневно на улицѣ: упадетъ кто-нибудь, сломаетъ себѣ шею, у всѣхъ, за немногими исключеніями, выступаетъ на лицѣ улыбка.

Ну, довольно объ этомъ! Кстати про „Мефистофеля".—Что же будетъ съ нимъ? Оказывается, что скульптура, и въ особенности моя,—точно пасынокъ у васъ—нигдѣ ее притулить не могу! Хочу выставить—и негдѣ. У передвижниковъ, повидимому, надо кланяться, но скажу вамъ по правдѣ, что тамъ у меня ровно столько друзей, сколько въ Академіи художествъ, начиная отъ самого..... Крамского. Такъ не лучше ли выставить въ Академіи художествъ? Вѣдь не цѣловаться же мнѣ съ ними!

Моя задача только одна—показать мою работу публикѣ. Мнѣ необходимо помѣщеніе, и неужели нельзя будетъ выставить, если передвижники не пожелаютъ? Ну, да Богъ съ ними.

Скажу вамъ еще: я вовсе не гонюсь за общественнымъ мнѣніемъ Петербурга, въ особенности насчетъ „Мефистофеля". Это, именно, та статуя, которая больше всего подходитъ для нашихъ полуинтеллигентныхъ башибузуковъ. Будьте здоровы.

411. Къ нему же.

Парижъ. Получено 29 января 1886 г.

Я, къ сожалѣнію, на Новый годъ до того простудился, что насилу оправился, и теперь еще не взялся за работу. Это совсѣмъ разрушило мнѣ всѣ мои планы, а также и карманъ; а жаль, очень жаль, что я захворалъ. Все шло ладно, хорошо... вдругъ все опрокинулось. Теперь я самъ не знаю, когда именно буду у васъ, а побывать очень хотѣлось-бы, и отчасти даже нужно. Главное, мнѣ хотѣлось-бы выставить моего „Мефистофеля", только не хотѣлось-бы отдѣльно, а приклеить его къ какой-нибудь выставкѣ, хоть-бы къ академической, мнѣ все равно; но съ условіемъ, чтобы выставить его прилично. Если въ Академіи, то съ условіемъ, чтобы онъ былъ выставленъ тамъ, гдѣ былъ выставленъ „Иванъ Грозный", т.-е. въ конференцъ-залѣ, отдѣльно. Какъ вы думаете, дадутъ?

Относительно монумента я и думать перестaлъ, и не сдѣлаю ради него ни шагу. Что-бы ни случилось,—мнѣ все равно!

Я желаю выставить „Мефистофеля" тамъ, гдѣ былъ выставленъ „Иванъ Грозный" потому, что это будетъ воспоминаніе событія, свершившагося 15 лѣтъ тому назадъ. Я не люблю праздновать именинъ. Къ чему? Чего мнѣ радоваться? Тому, что годъ прошелъ? Тутъ мало радости, а какой будетъ будущій годъ, кто знаетъ? И я долженъ сказать, что и теперь мнѣ грустно становится, когда вспоминаю, что 15 лѣтъ прошло. Мнѣ кажется, а можетъ быть и всѣмъ кажется, что я мало жилъ, мало работалъ... да кстати, тутъ и ваше письмо, въ

которомъ вы опять упрекаете меня. Вы не перестаете меня упрекать, какъ и я не перестаю быть съ вами несогласнымъ. Но во всякомъ случаѣ ваши упреки всегда имѣютъ свои хорошія стороны. Вы заставляете меня оглянуться и еще болѣе убѣдиться въ несправедливости вашихъ упрековъ. Не стану входить въ длинныя препирательства и замѣчу только, что вы находите лучшей вещью моей „Ивана Грознаго". Спрошу, отчего лучшая—ну хоть не „Спиноза?" Вы находите, что нѣтъ статуи выше „Вольтера", опять спрошу: чѣмъ хуже „Спиноза?" Но оставимъ „Вольтера" въ сторонѣ съ его греческою хламидою, съ такой-же прической, сидящимъ на креслѣ современной ему эпохи; оставлю его, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ письмѣ вы о немъ не вспоминаете, а вспомнилъ я, потому что хорошо знаю вашъ взглядъ.

Я опять спрашиваю, почему вы находите, что „Иванъ Грозный" лучше „Спинозы?" По моему, оба одинаково искренно и реально исполнены, но вся разница между этими двумя типами та, что одинъ—звѣрь и больной, а другой—тоже больной, только философъ и человѣкъ. Одинъ страдаетъ отъ подозрительности, отъ ненасытности казнями, которыя потомъ терзаютъ и мучатъ его, а другой—просто отъ невзгодъ, а можетъ быть и отъ недостатка пищи. Одинъ уничтожаетъ жизнь, а другой старается создать ее на идеальныхъ основаніяхъ—какая пропасть между ними!

412. Къ нему же.

Парижъ. 8 февраля 1886 г.

Извѣстіе о проектѣ Прахова не совсѣмъ удивило меня. У насъ все неожиданные сюрпризы, и нисколько не удивлюсь, если именно онъ получитъ. Ну, что-жъ? Значитъ Россія нашла своего скульптора.

Но какъ-бы тамъ ни было, я всѣ эти дрязги давно выкинулъ изъ головы вонъ. Въ этомъ болотѣ непремѣнно нужно быть чортомъ, да и то, чего добраго, ногу сломаешь. Я хочу чистое дѣло, или же никакого!!! Могу только взяться за дѣло подъ условіемъ абсолютнаго довѣрія, какъ ко мнѣ лично, такъ и къ моему таланту, иначе невозможно. А такъ какъ этого никогда не будетъ, то, слѣдовательно, и думать нечего объ этомъ.

413. Къ нему же.

Парижъ. Получено 14 февраля 1886 г.

Не дождидаясь вашего отвѣта, опять пишу, и опять съ просьбою: все о томъ-же злополучномъ „Мефистофелѣ", котораго не знаю какъ пристроить. На этотъ разъ прошу васъ очень, спросить въ Академіи художествъ (оффиціально), могутъ-ли они принять на свою выставку моего мраморнаго „Мефистофеля"? При этомъ я просилъ-бы выставить его отдѣльно, въ конференцъ-залѣ, гдѣ когда-то былъ выставленъ „Иванъ Грозный", и выставить такъ, какъ былъ выставленъ „Иванъ Грозный", т.-е. верхній свѣтъ закрыть; изъ драпировки сдѣлать полу-

кругъ, и въ срединѣ поставить статую. Могу еще прибавить, если Академія желаетъ, то можетъ назначить отдѣльную плату за „Мефистофеля“, которую они, по своему усмотрѣнію, могутъ употребить въ пользу благотворительности. Я это спрашиваю черезъ васъ, дорогой В. В., во-первыхъ для того, чтобы получить скорѣйшій отвѣтъ, и во-вторыхъ потому, что я не имѣю ни малѣйшаго желанія вести съ ними оффиціальную переписку. Вы-же можете просто, словесно переговорить и сейчасъ узнать, какъ дѣло обстоитъ. Если-же они станутъ отнѣкиваться, ссылаться на то-то и то-то, то не стоитъ и говорить дальше. Для меня совершенно безразлично—будетъ ли „Мефистофель“ выставленъ для публики, или нѣтъ, но чтобы избѣгнуть упрека, я дѣлаю все, что отъ меня зависитъ.

Я-же готовлюсь въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и все не перестаю думать о европейской выставкѣ. Она была почти осуществима...

Когда именно я поѣду въ Россію—не знаю, но врядъ-ли раньше мая, когда совсѣмъ тепло станетъ.

Недавно былъ у меня въ мастерской венгерскій художникъ Мункачи. Онъ увидалъ этюдъ „Осенью“ Рѣпина, и онъ ему сильно понравился. Мнѣ хотѣлось передать это Рѣпину. Про Мункачи говорятъ, что несомнѣнно то, что онъ огромный талантъ, и есть у него искреннія минуты, когда онъ бываетъ наединѣ съ художникомъ. Мнѣ крайне жаль, что такой художникъ, какъ онъ, которому природа и судьба все дали—все-таки гонится за бисеромъ и фольгой, заискиваетъ расположеніе толпы и подчасъ ради этого эксплуатируетъ свой талантъ. Это язва нашего времени. Никто такъ не портитъ искусство, какъ купцы, у которыхъ художники не только на откупу, но часто и въ кабалѣ. Кто знаетъ, тоже и Мункачи не въ томъ-ли же числѣ? Потому что онъ ведетъ жизнь чрезвычайно широкую и роскошную; и вотъ изъ художника превращается въ какого-то фабриканта. Онъ не слушаетъ и не ждетъ того, что скажутъ—все это откуплено впередъ; что за дѣло купцу, что скажетъ знатокъ? Ему нужна толпа, насколько богатая, настолько же и невѣжественная. Недавно онъ окончилъ картину „Смерть Моцарта“; на мой взглядъ онъ опустился еще на одну ступень ниже. Но вотъ какъ онъ оповѣстилъ весь міръ объ этомъ. Надо сказать, что къ нему всѣ охотно ходятъ, потому что онъ задаетъ балы, обѣды, вечера, потому что онъ въ модѣ и, наконецъ, для того, чтобы сказать что-нибудь новое въ обществѣ: дескать, „я видѣлъ вотъ что!“ и т. д. На этотъ разъ онъ задалъ музыкальный вечеръ, куда были приглашены, главнымъ образомъ, весь дипломатическій міръ, всѣ посланники цѣлаго міра, съ женами и дочерьми и со всѣмъ штатомъ. Неужели это и есть первые знатоки искусства? Ясно, что тутъ искусство на заднемъ планѣ, что тутъ искусство лишь только средство. Конечно, въ „Фигаро“ заранѣе была расхвалена какъ его картина, такъ и будущій его вечеръ. Огромная его мастерская превратилась въ концертный залъ, амфитеатромъ была его картина. Когда весь народъ усѣлся, картина была освѣщена и изъ-за нея раздался „Реквіемъ“ Моцарта. Конечно, для толпы это было что-то необыкно-

венное, но въ сущности—иллюзія произвела совершенно противоположное. Представьте себѣ, хоть на минуту, что дѣйствительно казалось, что поютъ не за картиной, а тѣ, которые представлены на картинѣ поющими. Но вотъ, вы слышите только органъ и видите, что и на картинѣ поютъ.

Хоръ замолчалъ, и написанныя фигуры остаются съ открытыми ртами, а Моцартъ какъ поднялъ руку, такъ она и застыла на воздухѣ. Какъ-бы то ни было, Мункачи достигъ своего; и вотъ теперь картина выставлена для публики, и весь Парижъ говоритъ о ней. Очень, очень жаль, что и такіе художники падки на подобныя вещи.

Вчера я видѣлъ А. П. Боголюбова, которому передалъ, т.-е. далъ прочесть ваше письмо о Праховѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что консулъ передалъ ему, что нѣкто Z. хочетъ адресоваться къ вамъ для того, чтобы вы напечатали его статью про наше здѣшнее общество и про посланника тоже. Думаю, что это со стороны его одно только хвастовство, а можетъ быть просто сплетня. Вы не станете вѣрить каждому на словахъ, тѣмъ болѣе, когда его не знаете. Да вы сами лучше знаете, какъ поступить въ случаѣ, если-бы онъ сталъ адресоваться къ вамъ; но, на всякій случай, я долженъ предостеречь васъ отъ него—это желчный, озлобленный человѣкъ, который думаетъ о себѣ, что онъ лучше всѣхъ, умнѣе всѣхъ, геніальнѣе всѣхъ и что одна только случайность заставила его быть незамѣченнымъ; однимъ словомъ, самолюбіе доводитъ его до огромныхъ страданій и озлобленія на все и на всѣхъ, и нѣтъ человѣка, которому-бы онъ не наступилъ на ногу. Своими выходками онъ довелъ всѣхъ до того, что его единогласно осудили и хотѣли исключить изъ общества, но когда общее собраніе собралось, онъ подалъ заявленіе, что самъ отказывается отъ членства.

Строго говоря, я смотрю на него, какъ на человѣка страждущаго, больного, больного отъ самолюбія. Онъ жалокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ несносенъ до того, что и меня разъ вывелъ изъ терпѣнія. Случилось это давно. Онъ вздумалъ учиться лѣпкѣ; мастерская моя была къ его услугамъ; потомъ мы стали всегда вмѣстѣ отправляться завтракать, конечно, къ намъ; потомъ мы часто вмѣстѣ и обѣдали; онъ сталъ своимъ человѣкомъ, часто давалъ выговоры прислугѣ за невкусную пищу, а затѣмъ намъ; однимъ словомъ, чуть-ли онъ не сталъ хозяиномъ, а мы гостями, и все это дѣлалось до того рѣзко, грубо, что въ первый разъ въ жизни я сказалъ человѣку: „оставьте мой домъ“. Такъ вотъ вамъ портретъ того человѣка, который дѣйствительно-ли думаетъ адресоваться къ вамъ, или-же это просто сплетня, но во всякомъ случаѣ я сообщилъ вамъ.

Прочелъ я въ газетѣ, что скоро будетъ поставлена „Хованщина“ Мусоргскаго. Бѣдное дитя, котораго забыла родная мать! Чѣмъ болѣе думаю о немъ, тѣмъ болѣе мнѣ жаль его, и, что печальнѣе всего—это, часто мы продолжаемъ грызть и загрызать до смерти подобныхъ-же Мусоргскихъ и замѣняемъ ихъ — кѣмъ? Разными сволочами, которые пріобрѣли авторитетъ потому только, что они нахальнѣе другихъ кричатъ. Дай Богъ, чтобы „Хованщина“ была понята, чтобы

она была оцѣнена и чтобы на могилѣ Мусорскаго была вплетена еще одна лавровая вѣтка.

Читалъ я также съ удовольствіемъ вашу статью про первый выпускъ рисунковъ, издаваемыхъ Обществомъ поощренія искусства [1]). Меня радуетъ каждое подобное изданіе, это для насъ насущный хлѣбъ, и агитировать, дѣйствовать въ этомъ направленіи давно пора. Въ вашей статьѣ есть много вѣрнаго, правдиваго и мѣткаго, по чего мнѣ жаль—это, что изданіе начато не съ копій съ оригиналовъ, а съ композицій учениковъ. Мы ощущаемъ недостатокъ именно въ знаніи источниковъ, это первая необходимость; ученическая-же программа какъ-бы тамъ ни была хороша—все-таки останется ученической. Главнѣе и дороже всего теперь для насъ—рисунки съ лучшихъ оригиналовъ. По-моему, они начали не съ того конца. Но главное, чего намъ недостаетъ, это—художественнаго ремесленнаго журнала, доступнаго рабочимъ.

Право, не лучше-ли имѣть одну школу, какъ школа Общества поощренія, или какъ школа Штиглица, и вмѣстѣ съ тѣмъ работать въ томъ-же направленіи, только другими средствами. Боюсь сказать, что у насъ думаютъ о Петербургѣ, и не думаютъ о Россіи.

Статуя „Мефистофеля“ отсылается завтра.

414. Къ нему же.

Парижъ. Получено 1 марта 1886 г.

Отъ всей души привѣтствую васъ за то, что вы такъ чутко откликнулись на прекрасную мысль Лансерэ [2])—устроить „скульптурную выставку“. Пора давно, чтобы сами скульпторы подумали о себѣ. До сихъ поръ скульптура была въ загонѣ, не въ модѣ, на нее было мало спроса, и скульпторамъ жилось очень плохо, сравнительно съ живописцами. Но оставимъ матеріальную сторону. Я спрошу: неужели скульптура не можетъ вызвать всеобщаго сочувствія? Неужели она не можетъ создать человѣка, войти въ его душу, затрагивать то, что насъ волнуетъ, интересуетъ; то, что мы страстно любимъ и сильно презираемъ? Однимъ словомъ, неужели она не любитъ человѣка такъ-же, какъ живопись, и не имѣетъ права требовать взаимной любви? Но что мы видимъ на дѣлѣ? Скульптура точно незаконорожденная, точно подкидышъ; на всѣхъ выставкахъ для нея отводятъ мѣсто въ передней, въ корридорахъ, а то и просто на дворѣ, куда публика ходитъ освѣжиться, или просто за своей надобностью. За что такое пренебреженіе, за что такая немилость? Я не стану говорить про нашу скульптуру—ее почти и нѣтъ; но посмотрите даже и здѣсь, и вы скажете, что я правъ, сто разъ правъ. Конечно, тутъ есть свои причины.

Мнѣ кажется, что въ Парижѣ истинной любви къ искусству нѣтъ, да врядъ-ли есть духовное искусство, т.-е. то, которое содержательно. У

---

[1]) Статья В. В. Стасова, напечатанная въ «Новостяхъ» 6 февраля 1886 г.

[2]) Лансерэ—талантливый русскій скульпторъ того времени.

нихъ есть только искусство внѣшнее, которое чередуется по модѣ. То, что вчера было идеаломъ, чему поклонялись и за что платили шальныя деньги — сегодня забыто, и на его мѣсто вступаетъ въ моду то, на что вчера смотрѣть не хотѣли. Но Богъ съ ними!

Что меня всегда огорчало, это то, что незамѣтно мы подражаемъ Парижу. Ему подражаютъ даже узкіе патріоты въ дѣлахъ общественныхъ, но то-же самое случается и со скульптурой. Въ Парижѣ на нее нѣтъ спроса, она въ пренебреженіи—у насъ точь-въ-точь то-же самое. На выставкахъ она или вовсе не является, или является отдѣльно гдѣ-нибудь, въ углу, точно зачумленная. Вотъ почему мнѣ такъ нравится идея Лансерэ—создать самостоятельную выставку, доказать, что и скульптура имѣетъ право гражданства въ искусствѣ.

Какъ жаль, что онъ не подождалъ моего „Мефистофеля", я-бы охотно далъ его выставить вмѣстѣ съ другими.

Въ заключеніе скажу вамъ и про талантъ самого Лансерэ. Я всегда глубоко уважалъ его, но не могъ примириться съ его неграмотностью, и лишь только года два тому назадъ я видѣлъ его произведеніе у его пріятеля, г. Малютина. Это были нѣсколько „Киргизовъ" верхомъ, передъ скачкою. Тутъ онъ окончательно побѣдилъ меня. По моему, это превосходная вещь, которою могутъ гордиться не только у насъ, но и въ Европѣ. Дай Богъ ему долго здравствовать, продолжать трудиться и имѣть успѣхъ.

Что же насчетъ моего „Мефистофеля"? Онъ давно уже въ дорогѣ [1]). А впрочемъ, если онъ не будетъ выставленъ именно такъ, какъ я хочу, то плакать не буду.

Чѣмъ окончился проектъ Прахова?

На этой недѣлѣ кончаю новаго „Христа", чисто традиціоннаго. (Заказной, но не совсѣмъ).

415. Къ нему же.

Парижъ. Получено 5 марта 1886 г.

Наконецъ я получилъ отъ васъ давно ожидаемое письмо. У меня словъ нѣтъ выразить вамъ всю мою благодарность. Меня радуетъ, что на свѣтѣ есть еще такіе, какъ вы. Скажу вамъ искренно, безъ лести, что вашей дружбой можно гордиться, что я и дѣлаю. Дѣло о выставкѣ „Мефистофеля" рѣшено, хотя еще не совсѣмъ — надо ждать, что Великій Князь Владиміръ скажетъ. Если дѣло устроено, тогда мнѣ надо будетъ просить министра двора, графа Воронцова-Дашкова, чтобы онъ позволилъ выставить эту статую. Конечно, я надѣюсь, что онъ позволитъ, но все-таки просить необходимо, потому что статуя давно отправлена, и я надѣюсь, что не позже, какъ черезъ недѣльку послѣ полученія этого письма, она уже будетъ на мѣстѣ. Но я не могу писать министру раньше, чѣмъ не получу отъ васъ окончательнаго отвѣта. Какъ жаль мнѣ художника Лансерэ! Неужели онъ долженъ

[1]) Изъ Италіи въ Россію.

встрѣтить смерть въ Петербургѣ потому только, что Петербургъ не даетъ ему возможности убѣжать отъ жестокаго климата? Просто печально то, что у насъ, такъ или иначе, художники — люди не долго живущіе. Я уже писалъ вамъ, что его идея,—сдѣлать скульптурную выставку и возбудить въ публикѣ интересъ къ ней,—мнѣ чрезвычайно нравится.

Теперь я не менѣе радъ, что Эліасикъ Гинцбургъ [1]) сдѣлалъ попытку раскрашивать скульптуру. Правда, этимъ здѣсь давно занимаются, но все-таки недостаточно художественно. Какъ-бы то ни было, я радъ его попыткѣ. Что касается лично меня, то въ искусствѣ я не люблю ни абсолютно бѣлое, ни абсолютно черное. Да этого никогда ни у какой націи и не было, тѣмъ болѣе,—у художественной націи. Бѣлое въ скульптурѣ явилось во время Возрожденія и крѣпко держится до сихъ поръ. Вотъ почему я заранѣе привѣтствую вашу статью объ этомъ процессѣ. Я глубоко убѣжденъ, что она не пройдетъ даромъ, и что она будетъ новымъ толчкомъ въ дѣлѣ скульптуры [2]).

Въ прошломъ письмѣ я писалъ вамъ, что кончаю „Христа". Эта статуя у меня давно задумана и давно сдѣланъ ея эскизъ; но вотъ подвернулся удачный случай, и я сдѣлалъ ее по заказу для надгробнаго монумента. Человѣкъ, который похороненъ подъ этимъ монументомъ, былъ русскій, изъ народа, страстно любившій народъ; онъ сдѣлалъ для него все, что могъ; а все, что онъ сдѣлалъ, было до того разумно, искренно и, слѣдовательно, полезно, что онъ пріобрѣлъ общую любовь тамъ, гдѣ жилъ и умеръ. Кромѣ того, это былъ просвѣщенный умъ. Онъ былъ профессоръ. Вообще онъ творилъ разумное, полезное. Монументъ будетъ стоять на фабрикѣ, среди трудящагося народа. Тамъ „Христосъ" мой скажетъ: „Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся" и т. д. Все это я говорю вамъ такъ, между прочимъ. Главное-же, мнѣ хотѣлось вамъ сказать, что „Христосъ"—въ византійскомъ стилѣ. Все сѣдалище его я хотѣлъ-было сдѣлать изъ узорчатой эмали, но оказалось, во-первыхъ, страшно дорого, а во-вторыхъ климатъ этого не выдержитъ. Затѣмъ я думалъ сдѣлать насѣчку изъ золота и платины, — оказалось тоже невозможно. Теперь-же я рѣшаюсь мѣстами орнаментально вызолотить. Какъ видите, и я хлопочу о томъ, чтобы внести что-то новое въ монотонную скульптуру. Виноватъ, я невѣрно выразился—если мнѣ удастся сдѣлать что-нибудь въ этомъ направленіи, то это будетъ вовсе не ново, а повтореніе стараго, въ чемъ мы часто такъ нуждаемся при всемъ прогрессѣ.

Тема для Эліасика очень благодарная, не сомнѣваюсь, что ему это удастся.

Недавно былъ затронутъ въ газетахъ вопросъ о фокусахъ въ искусствѣ. Это было говорено по поводу картонной обстановки картины Сухоровскаго и, заодно, про венгерскаго художника Мункачи. По-моему, объ этомъ слѣдовало-бы поговорить болѣе серьезно. Я вовсе

---

[1]) Ученикъ, впослѣдствіи пріятель Антокольскаго.

[2]) Предполагавшаяся В. В. Стасовымъ статья о цвѣтной скульптурѣ не была написана.

не вижу что-то ужасное въ томъ, чтобы стараться соединить два искусства вмѣстѣ. Поэзію съ музыкою соединилъ народъ самъ; далѣе является театръ, который соединяетъ даже нѣсколько искусствъ вмѣстѣ. Кромѣ театра, и церковь дѣлаетъ то-же самое. Какъ тутъ, такъ и тамъ задача одна—какъ можно полнѣе выразить наше настроеніе и посредствомъ этого достигнуть эстетическаго или религіознаго настроенія. Я не понимаю, почему всѣмъ кажется такимъ ужаснымъ, когда стараются соединить живопись съ другимъ искусствомъ? Вѣдь это не ново. Я вовсе не хочу этимъ оправдать картонную обстановку Сухоровскаго, а также рекламу Мункачи; скажу больше—я поклонникъ чистаго, не смѣшаннаго искусства, просто потому, что часто одно бываетъ въ ущербъ другому: это до сихъ поръ такъ было въ оперномъ искусствѣ. Когда два искусства соединяются, одно всегда бываетъ слабѣе и въ ущербъ другому. Но разъ это принято и, такъ сказать, вошло въ нашъ эстетическій кодексъ, то не слѣдуетъ быть рутинеромъ, надо быть послѣдовательнымъ. Вся задача у художника—его искренность и любовь къ искусству, и онъ долженъ при этомъ знать, что отъ великаго до смѣшного—одинъ шагъ. Вы-бы очень хорошо сдѣлали, если-бы и объ этомъ поговорили въ печати.

416. Къ И. Я. Гинцбургу.

Получено изъ Парижа 9 марта 1886 г.

Пишу тебѣ всего нѣсколько строкъ. Тороплюсь кончить статую „Христа". Она будетъ кончена завтра, а затѣмъ прощай большія статуи, я ихъ болѣе не буду дѣлать безъ заказа. Въ головѣ у меня торчитъ пропасть сюжетовъ, и всѣ они, надѣюсь, будутъ исполнены въ маломъ размѣрѣ. Но къ дѣлу. Раньше всего меня радуетъ, что ты утвержденъ на конкурсъ (объ этомъ писалъ мнѣ М. П. Боткинъ), и что сюжетъ данъ превосходный. Жаль, что мнѣ не задавали этого сюжета. Я надѣюсь, что дѣло у тебя все пойдетъ отлично.

Ты навѣрно уже знаешь, что я раньше мая мѣсяца не пріѣду въ Петербургъ и что, благодаря В. В. и его стараніямъ, „Мефистофель" будетъ выставленъ въ залахъ Академіи Художествъ, именно тамъ, гдѣ былъ когда-то выставленъ „Иванъ Грозный". Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы онъ былъ и выставленъ такъ, какъ когда-то былъ выставленъ „Иванъ Грозный". Ты навѣрно помнишь ту выставку, и потому при постановкѣ постарайся переговорить съ кѣмъ слѣдуетъ, чтобы верхній свѣтъ въ конференцъ-залѣ былъ закрытъ. „Мефистофель" долженъ быть поставленъ приблизительно вотъ какъ (рисунокъ).

Впрочемъ, обо всемъ этомъ я еще буду писать М. П. Боткину, и надѣюсь, что онъ сдѣлаетъ все возможное. Кромѣ того, необходимо заказать глухой ящикъ. Онъ долженъ быть связной. Размѣръ его слѣдующій: длина 85 сантиметровъ, ширина 70 и вышина 40. Этотъ ящикъ слѣдуетъ поставить на желѣзный кругъ (вертящійся), который посланъ вмѣстѣ съ статуей, и затѣмъ на ящикъ поставить статую; такимъ образомъ статуя будетъ вертѣться вмѣстѣ съ пьедесталомъ;

но чтобы замаскировать кругъ, слѣдуетъ внизу ящикъ обшить черными планками вотъ какъ (рисунокъ).

417. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, получено 15 марта 1886 г.

Крайне сожалѣю, что въ прошломъ письмѣ я до того неясно выразился, что вы совершенно иначе истолковали мою мысль, и потому раньше всего необходимо разъяснить это. Вы писали прошлое письмо въ тотъ моментъ, когда про мое желаніе еще не было доложено великому князю, слѣдовательно, дѣло еще не было рѣшено въ окончательной формѣ, и потому я просилъ васъ сообщить мнѣ, когда это случится и тогда я буду просить министра двора, чтобы онъ позволилъ выставить эту статую. Это необходимо, во-первыхъ, потому, что статуя послана на его адресъ, а во-вторыхъ, что она не мнѣ принадлежитъ, и, наконецъ, необходимо это ради вѣжливости. Вообще, иначе вышло-бы недоразумѣніе. Но такъ какъ скоро послѣ вашего письма я получилъ также письмо и отъ М. П. Боткина, что дѣло устроено, то я давно уже послалъ письмо къ графу Воронцову-Дашкову. Теперь я надѣюсь, что статуя уже стоитъ въ Академіи, такъ какъ я получилъ извѣстіе отъ экспедиціонера, что статуя прошла русскую границу 1 (13) числа этого мѣсяца.

Никакихъ писемъ я не писалъ ни Исѣеву, ни великому князю, и если теперь напишу Исѣеву, то чтобъ поблагодарить только за его любезность.

Вы просите меня, чтобы я писалъ вамъ еще про раскраску скульптуры. Скажу вамъ правду, что въ детальности я не помню, что я писалъ вамъ про это въ прошломъ письмѣ, но я думаю, что тутъ всякія слова лишни. Каждый, кто только любитъ истинное искусство, его прогрессъ, а не свою рутинную привычку, съ чѣмъ онъ сроднился, къ чему онъ приросъ, тотъ пускай прогуляется по любому музею, и онъ увидитъ, что съ тѣхъ поръ, какъ искусство стало выражаться, стало передавать видимые и воображаемые предметы, оно всегда черпало изъ дѣйствительности и искало возможности поближе подойти къ ней. Я не хочу этимъ сказать, что тѣ художники были натуралисты—нѣтъ, но, безъ сомнѣнія, они сильно опирались на дѣйствительность, а эта дѣйствительность прошла черезъ руки творца и вышла художественной, и впослѣдствіи дошла до высшаго выраженія искусства. Вы хорошо знаете, что я глубоко уважаю греческое искусство, и можетъ быть оттого я его и изучаю, а не подражаю ему. Я уважаю его за его совершенство и самостоятельность, и если въ чемъ-нибудь подражаю древнему искусству, то именно его самостоятельности, а не мастерству. Но на этотъ разъ, то-есть по части раскраски въ скульптурѣ, намъ приходится сильно присматриваться, раньше всего, къ грекамъ и затѣмъ къ другой самостоятельной эпохѣ — къ эпохѣ христіанскаго искусства, такъ называемой до-Рафаэлевской, когда искусство было, скорѣе можно сказать, началомъ самостоятельнаго

развитія, какъ своей формы, такъ и своего выраженія, до степени творчества. У обоихъ мы встрѣчаемъ, однако-же, одно и то-же относительно раскраски скульптуры. Теперь всѣмъ извѣстно, что греки раскрашивали свои статуи, если не въ грубыхъ, то-есть многосложныхъ краскахъ, какъ теперь это дѣлается въ католическихъ церквахъ, то всегда въ двухъ, трехъ гармоническихъ тонахъ. Часто они прибѣгали къ золоту, слоновой кости и красной и синей краскѣ. Совершенно то-же мы видимъ и въ христіанскомъ искусствѣ. У обоихъ мы встрѣчаемъ одно поразительное сходство. Все, что носило названіе пластики и архитектуры, всегда было разноцвѣтно; но, главное, оба эти художества избѣгали двухъ крайностей, это абсолютно черной и абсолютно бѣлой краски. Лишь только во время Возрожденія, когда искусство (многіе выражаются такъ: „когда оно освободилось отъ своихъ оковъ“, а я выражаюсь иначе: когда оно потеряло свою самостоятельность), какъ по части духа, такъ и по части формы, стало подражать античному искусству, когда стали откапывать бѣлыя статуи, а такъ какъ краски въ землѣ отъ времени — исчезли, то скульпторы стали тоже дѣлать статуи бѣлыя и даже полировали ихъ. Скоро этотъ родъ искусства сдѣлался необходимымъ, въ особенности во времена Людовика XIV-го, когда вся обстановка и самая архитектура были преимущественно золотыя и бѣлыя. То-же самое продолжалось и въ позднѣйшее время; все доходило даже до абсурда во время обѣихъ имперій, когда французы, во что-бы то ни стало, хотѣли быть греками, не взирая на климатъ, на привычки, на религію, но именно съ этимъ-то абсурдомъ намъ часто и приходится бороться. Теперь-же во всемъ происходитъ пробужденіе и исканіе, и оно происходитъ также и въ искусствѣ. Мы ищемъ, ищемъ новаго и постоянно наталкиваемся на старое. Теперь здѣсь, и въ особенности въ Вѣнѣ или Германіи, раскрашиваютъ пока только терракоты и раскрашиваютъ превосходно съ большимъ талантомъ и умѣньемъ, но, повторяю, это не что-то новое, а старый законъ. Да, дорогой мой Владиміръ Васильевичъ, чтобы создать что-нибудь новое, часто необходимо оглянуться назадъ и начать сызнова, ибо нѣтъ и не можетъ быть настоящаго безъ прошедшаго, а будущности безъ настоящаго. Наше движеніе, наше исканіе сильно меня радуетъ; это—жизнь, ибо застой есть смерть, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ-бы хотѣлось, чтобы каждое открытіе было художественно, симпатично, полно выраженія нашихъ душевныхъ силъ и могло-бы помогать намъ жить.

Вотъ вамъ болѣе, чѣмъ эскизъ моихъ думъ про раскраску скульптуры. Не могу однако умолчать про одно обстоятельство, которое весьма важно въ дѣлѣ раскрашиванія. Часто я слышу споръ про манеру раскрашивать глаза въ скульптурѣ. Одни утверждаютъ, что зрачки должны быть выдолблены, другіе наоборотъ, и въ доказательство они ссылаются на античныя статуи, которымъ псевдоклассики подражали цѣликомъ. Разсматривая эти античныя статуи, я всегда былъ пораженъ однимъ: какимъ образомъ изъ незрячей статуи скульпторы стали вдругъ дѣлать не только зрячую, но даже просто встав-

ляли у ней глаза? Положимъ, что это произошло не вдругъ, но гдѣ-же переходъ? По-моему, ларчикъ открывался очень просто: раньше на гладкой поверхности глазное яблоко раскрашивалось, а потомъ вставляли тутъ эмалированный глазъ. Мнѣ приходилось видѣть архаическую бронзовую статуэтку, гдѣ вмѣсто глазъ были вставлены алмазы. Странно то, что въ христіанскомъ архаизмѣ, то-есть въ византійской скульптурѣ, повторяется совершенно то-же самое, то-есть у металлической фигуры бываютъ вставлены глаза преимущественно изъ черныхъ камней. Обо всемъ остальномъ въ другой разъ.

418. Къ нему же.

Парижъ. Получено 29 марта 1886 г.

Мучаетъ-же меня „Мефистофель", и еще говорятъ, что я виноватъ! Когда больной выздоравливаетъ, не хвалятъ доктора; за то онъ всегда виноватъ, когда болѣзнь принимаетъ неудачный исходъ. Главное говорятъ, я виноватъ потому, что никому не сообщилъ, на чей адресъ послана статуя. Но если-бы хотѣли вникнуть, то поняли-бы, что я не могъ иначе поступить, какъ поступилъ. Я не могъ послать на другой адресъ, кромѣ министра, такъ какъ работа для Государя; тѣмъ болѣе, когда отъ него не получилъ позволенія, т.-е. отвѣта на мою просьбу о томъ, чтобъ выставить статую. Ни я, и никто не виноваты въ этомъ, а если винить, то развѣ только всѣхъ, а главное—канцелярскія процедуры. Вѣдь теперь, чего добраго, я получу позволеніе выставить, когда выставка уже будетъ закрыта. Что мнѣ сказать вамъ объ этомъ? Скажу только, что виню себя въ неопытности и довѣрчивости къ людямъ. Я думалъ, что мною хоть мало-мальски интересуются (о васъ тутъ рѣчи нѣтъ), но оказывается, что Петербургъ для меня точно заколдованъ. Въ немъ я не прожилъ почти ни одного свѣтлаго дня, а напротивъ—всякій разъ, когда тянусь къ нему, онъ больно-пребольно наказываетъ меня.

Поневолѣ вспоминаю я все время, прожитое въ Петербургѣ во время моего ученія, а когда я могъ восторжествовать, то былъ отравленъ болѣзнью. Затѣмъ, сейчасъ послѣ свадьбы, я поѣхалъ въ Петербургъ праздновать медовый мѣсяцъ. Я тогда выставилъ „Петра", и что-же? Фіаско!! А вѣдь впослѣдствіи онъ доказалъ, что достоинъ былъ лучшей участи. Затѣмъ проектъ памятника Пушкину—мой десятилѣтній трудъ, который я выставилъ послѣ всемірной выставки,—прошлый разъ мой проектъ памятника Государю, и вотъ теперь, когда я хотѣлъ-было самъ отпраздновать пятнадцатилѣтній трудъ, тѣмъ болѣе, что въ моей работѣ происходитъ переломъ! Просто Петербургъ—моя злая мачиха; она загнала меня и не допускаетъ къ себѣ. Да послужитъ мнѣ это послѣднимъ урокомъ. Я не скрываю, что отъ подобныхъ уроковъ мнѣ больно-пребольно. Но у меня еще хватитъ силъ устоять противъ многихъ невзгодъ. Петербургъ является къ нимъ лишь только придаткомъ. Лишнее сказать, что теперь я ни за что не хочу, чтобы статуя была выставлена.

419. Къ нему же.

Парижъ. Получено 31 марта 1886 г.

Вчера я написалъ вамъ цѣлую іеремiаду, и очень о томъ жалѣю, сегодня же узналъ, какъ изъ письма Эліаса, такъ и изъ телеграммы экспедиціонера, что статую „Мефистофель“ поставятъ въ Эрмитажѣ, и что министръ не разрѣшилъ ее выставить, такъ какъ Государь еще не видалъ ея. Такимъ образомъ, остается только спросить: какъ-же Рѣпинъ выставилъ? И какъ поступаютъ другіе? Какъ-бы то ни было, я радъ, что вся эта процедура окончилась и что, какъ потомъ выяснилось, тутъ никто не виноватъ, и не я. Теперь мнѣ досадно, что я столько утруждалъ васъ, дорогой В. В. Но и въ этомъ я не виноватъ, вѣдь я былъ такъ увѣренъ, что мнѣ дадутъ выставить мою статую, что и минуты не сомнѣвался въ томъ, да, повидимому, и никто не сомнѣвался. Я не знаю, что Академія на это скажетъ, а можетъ быть и ничего не скажетъ, тѣмъ болѣе, что изъ газетъ я узналъ, что академическая выставка обогатилась нѣсколькими скульптурными вещами миланскаго художника. Меня удивило, что статья подписана В. С. Конечно, я хорошо знаю, что это не вы, а какой-нибудь мямля, или кто-нибудь подобный; но боюсь, что многіе скажутъ, что это вы. (Тамъ говорится, что произведенія поставлены въ „циркулѣ“ [1]), значитъ—тоже отдѣльно).

Теперь остается одна маленькая тревога: во-первыхъ—какъ статуя дошла, и во-вторыхъ—какъ ее тамъ выставятъ? Чего добраго, они готовы поставить ее между окнами, а то задомъ къ свѣту, и хуже всего, что такъ можетъ остаться навсегда. Вотъ почему я просилъ-бы васъ (вѣчно васъ, и въ радости, и въ печали—все вы) похлопотать, чтобы статуя была удачно поставлена, а главное—имѣла свѣтъ; тѣмъ болѣе, что никто ее еще не видалъ, и ея успѣхъ много зависитъ отъ постановки.

Совершенно случайно я узналъ сегодня, что избранъ членомъ берлинской Академіи художествъ. А я думалъ, что никто меня не знаетъ и не интересуется мною. Ну, пускай это послужитъ урокомъ для тѣхъ, кто противъ меня.

420. Къ И. Я. Гинцбургу.

Апрѣль, 1886.

Фотографію я получилъ [2]) и очень радъ былъ увидѣть твое первое серьезное, то-есть болѣе зрѣлое, творчество. Сюжетъ очень милъ и исполненъ очень хорошо. Вещь не безъ недостатковъ въ рисункѣ, но я боюсь о нихъ говорить, такъ какъ фотографія иногда обманыва-

---

[1]) Рядъ залъ, составляющихъ кругъ, «circolo» (по-итальянски), около круглаго двора внутри Академіи художествъ.

[2]) Статуя: нагой мальчикъ, спускающійся къ водѣ, купаться.

етъ. Во всякомъ случаѣ, все-таки скажу: по фотографіи мнѣ показалось, что вытянутая нога больше, чѣмъ сокращенная, что руки коротки относительно ногъ и, наконецъ, что голова въ профиль не совсѣмъ симпатична—носъ и затылокъ. Но еще разъ повторяю, необходимо видѣть вещь въ дѣйствительности такъ, какъ она есть, и тогда можно будетъ судить про нее болѣе правильно. Очень радъ я былъ видѣть твою фотографію; на ней ты кажешься не скучающимъ. Не забудь, что ты теперь переживаешь майскій мѣсяцъ жизни, когда она развивается во всей своей красѣ, энергіи, веселости и собирается дать свои плоды. Такъ старайся-же не пропустить это время и не проспать, а живи сознательно, и твори, и не забывай слово „добро".

Я жду съ нетерпѣніемъ твоего рисунка съ программой, но боюсь, что пока ты будешь собираться, я уже буду въ Петербургѣ. Думаю тамъ быть въ половинѣ мая. Я теперь ничего не дѣлаю, то-есть дѣлаю, но ничего особеннаго.

Какъ ты поживаешь? Здоровье твое какъ? Какъ поживаетъ нашъ В. В.? Отчего ты не отвѣчаешь мнѣ на вопросъ относительно того, что хотятъ устроить въ честь его?

421. Къ нему же.

Апрѣль, 1886 г.

Очень благодаренъ тебѣ за оба твои письма и за всѣ хлопоты, которыя я тебѣ причинилъ, и главное—совершенно понапрасну. Лишнее сказать, что подобнаго результата я не ждалъ, да думаю, что и никто не ждалъ. Вѣдь была-же выставлена картина Рѣпина. Какъ-же другіе-то поступаютъ въ такихъ случаяхъ? Теперь остается еще одна маленькая тревога: это неизвѣстность, какъ и въ какомъ состояніи дошла въ Петербургъ статуя, и какъ она выставлена? Вѣдь статуя еще не являлась передъ публикой, и ея успѣхъ много зависитъ отъ обстановки и свѣта. Думаю, что ты былъ настолько благоразуменъ и передалъ пьедесталъ въ Эрмитажъ. Жду съ нетерпѣніемъ извѣстій про „Мефистофеля".

Представляю себѣ, какъ Академія недовольна этимъ исходомъ и вмѣстѣ мною. Но какъ-же выяснилось, что я въ этомъ не особенно виноватъ?

Теперь, какъ поживаешь? что подѣлываешь? Неужто у тебя нѣтъ фотографіи „Мальчика, спускающагося купаться?" Пришли мнѣ также набросокъ твоей композиціи. Тутъ я могу быть тебѣ полезенъ даже за глазами. А впрочемъ, дѣло это не такъ легко, какъ оно кажется сначала.

Недавно я получилъ письмо отъ Матэ, который, между прочимъ, пишетъ, что затѣвается почтить В. В. тѣмъ, чтобы учредить стипендію его имени. Лишнее сказать, что я этому очень радъ и сильно этому сочувствую. Но, по-моему, не лучше-ли вмѣсто стипендіи—учредить премію по какой-нибудь художественной отрасли? Мнѣ это кажется болѣе почетно и болѣе соотвѣтствуетъ дѣятельности В. В. На-

пиши мнѣ, пожалуйста, какъ дѣло обстоитъ и на чемъ остановились [1]). Я пока обѣщаю (можешь передать отъ моего имени) 500 фр., и если понадобится, то я дамъ и больше. Надѣюсь, что В. В. не знаетъ объ этомъ.

Рядомъ съ этимъ я завѣщаю мраморный бюстъ его въ Публичную Библіотеку [2]).

Про меня нечего сказать; а впрочемъ, вотъ маленькая новость: я выбранъ членомъ въ Берлинскую Академію художествъ. Моимъ недоброжелателямъ эта новость будетъ не совсѣмъ пріятна. Это можетъ быть отвѣтомъ тѣмъ, кто увѣряетъ, что Стасовъ захвалилъ меня и что онъ своими похвалами портитъ меня. А впрочемъ, не стоитъ даже прислушиваться къ тому, что говорятъ, потому что слова-то эти—глупость. Главное, надо идти своей дорогой, быть преданнымъ своимъ убѣжденіямъ, творить, что душа диктуетъ, и жить увѣренностью, что если теперь тебя не понимаютъ, то когда-нибудь поймутъ.

422. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 27 апрѣля 1886 г.

Почему въ послѣднее время я такъ рѣдко получаю отъ васъ извѣстія? Вы должны знать, что я до сихъ поръ все такъ-же жаденъ на ваши письма; а между тѣмъ, чѣмъ годомъ дальше, тѣмъ переписка наша становится рѣже. Положимъ, что мы достаточно высказались, достаточно другъ друга знаемъ, но это не должно быть причиной нашего продолжительнаго молчанія.

Думаю даже совершенно напротивъ—потому что мы не знались, мы вели переписку, чтобы другъ друга узнать. Теперь мы и узнали другъ друга, и успѣли сродниться. Вотъ почему ваши рѣдкія письма мнѣ недостаточны, тѣмъ болѣе, что я неохотно веду переписку съ другими и неохотно высказываюсь.

Нѣсколько времени тому назадъ, вы просили меня написать вамъ мое мнѣніе о раскрашиваніи скульптуры. Я тотчасъ, не задумываясь, исполнилъ ваше желаніе, и однако на это отвѣта не послѣдовало, и до сихъ поръ я не знаю даже, получили-ли вы это письмо и насколько оно удовлетворило васъ.

Статуя „Христосъ“ (въ византійскомъ стилѣ) давно окончена, теперь доканчиваю два бюста, и думаю пріѣхать къ вамъ, просто для того только, чтобы взглянуть на васъ, да и вы на меня—и уѣхать.

Я очень радъ, что дѣло съ проектомъ памятника получило опредѣленное положеніе—но надолго-ли? Во всякомъ случаѣ, за себя я очень радъ. Я никогда не желаю невозможнаго, а теперь совсѣмъ пересталъ желать этой работы—тутъ самъ чортъ ногу себѣ выломитъ. Не даромъ пословица гласитъ, что лучше съ умнымъ проиграть, чѣмъ съ дуракомъ выиграть.

---

[1]) Рѣшено было издать полное собраніе сочиненій В. В. Стасова. Напечатаніе ихъ кончено ко 2-му января 1894 года.

[2]) Бюстъ этотъ помѣщенъ 15-го іюля 1904 г. въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Навѣрно вы уже давно читали, что комиссія этого монумента назначила новый, т.-е. третій конкурсъ. Это нисколько не удивило меня, и не удивятъ, если назначатъ четвертый и пятый конкурсъ, и если, наконецъ, дѣло кончится ничѣмъ. Ну, да Богъ съ нимъ! Вѣкъ живи и вѣкъ учись. Можетъ быть, что въ дѣлѣ монументовъ я достаточно наученъ.

Здѣсь теперь выставка, я еще тамъ не былъ; говорятъ, что въ живописи есть много хорошаго, а въ скульптурѣ—ничего. Да скажу вамъ правду, что я немного усталъ отъ французскаго искусства. Въ немъ мало глубины и очень много внѣшности. Они затрагиваютъ въ своей живописи—все, но по всему они только скользятъ. Много вкуса, но мало чувства; часто превосходное тѣло, но безъ души и смысла. Эта односторонность далеко не удовлетворяетъ меня. Еще меньше—ихъ скульптура. Тутъ они еще больше придерживаются старыхъ традицій; то, что дѣлалось въ прошломъ столѣтіи, дѣлается и понынѣ. И эти традиціи мѣшаютъ имъ идти впередъ: тѣ-же аллегоріи, что были, тѣ-же миѳологіи, та-же внѣшность во всемъ. Только теперь французы ухватились за нашу русскую литературу и съ удивленіемъ читаютъ ее. Думаю, что это дастъ возможность французамъ взглянуть и на наши другихъ родовъ искусства, скажу больше—это дастъ имъ толчокъ, заставитъ ихъ оглянуться вокругъ, изучать другіе народы и перестать считать себя избраннымъ народомъ. По моему глубокому убѣжденію, французы должны обновиться, потому что они высказались, и то, что они сказали—уже устарѣло. Время и жизнь требуютъ обновленія, иначе все будетъ ничто!

Скажу еще больше. То, чего французы хотѣли достигнуть посредствомъ крови и насилія, будетъ теперь достигнуто посредствомъ чувства, доброты. И эта миссія принадлежитъ, мнѣ кажется, Россіи. Однако, не думайте, чтобы я восторгался нашимъ настоящимъ. Нисколько! Но я крѣпко вѣрю, что изъ настоящаго, въ концѣ-концовъ, выйдетъ что-то хорошее, доброе, болѣе человѣчное, чѣмъ теперь.

Ну, довольно объ этомъ! Скажу вамъ, что я не идеалистъ. Мнѣ очень хотѣлось-бы быть лучше живымъ индюкомъ, чѣмъ мертвымъ полковникомъ, но повторяю: я не желаю невозможнаго, да притомъ правда раньше всего.

423. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Парижъ. Весна 1886 г.

Мы устраиваемся здѣсь окончательно. Доволенъ-ли я этимъ? Не могу сказать, я предпочелъ-бы Россію или Италію, но въ Россіи невозможно, а въ Италіи неудобно, а потому изъ двухъ крайностей пришлось выбрать середину. Но, Боже мой, сколько хлопотъ и денегъ стоило это. Пословица говоритъ: береженаго Богъ бережетъ, я же могу сказать наоборотъ: о беззаботномъ Богъ заботится. Теперь я удивляюсь, какъ мы могли взять такую квартиру и думать объ устройствѣ ея, когда въ перспективѣ ничего не было видно! Вотъ Богъ по-

слалъ на нужды дня. Теперь роптать не могу, а тамъ опять Богъ дастъ. Благодаря устройству квартиры, я еще не взялся серьезно за работу, а сдѣлалъ только нѣсколько эскизовъ, а именно: „Ермака", который вышелъ удачно, также „Нестора" и эскизъ для портретной статуи барона Штиглица. Только завтра начинаю серьезно работать. Не имѣете-ли извѣстій отъ Васнецова? отъ Сѣровой? Что дѣлается въ нашемъ художественномъ мірѣ, какъ подвигается картина Полѣнова?

424. Къ ней же.

Парижъ. Весна 1886 г.

Здѣсь цѣлый годъ есть на что смотрѣть: выставки не прерываются, то тутъ, то тамъ, и представьте—цѣлый годъ смотришь и все-таки въ концѣ-концовъ чувствуешь душевную пустоту, точно голодный, которому снится, что онъ ѣстъ, а встанетъ не менѣе голоднымъ. Кто въ этомъ виноватъ? Они или я? Объ этомъ приходится спорить безконечно. Казалось-бы, чего проще брать французовъ такими, каковы они есть, но въ томъ-то и бѣда, что мы, художники, этимъ не удовлетворяемся, на то мы и художники, а не рабы. Правда, иногда и я смотрю на нихъ спокойно, тогда, когда въ состояніи запереть свою душу на ключъ и спрятать ее далеко отъ самого себя; тогда я свободно прохаживаюсь по выставкамъ, стараюсь объяснить себѣ ихъ искусство по ихнему, и даже любуюсь, какъ будто по ихнему, но какъ только душа со мною, какъ только она начинаетъ предъявлять свои требованія, тогда выставка не только не успокаиваетъ, а даже раздражаетъ. Хотя-бы одна капля чувства, хотя бы немного глубины. Вездѣ вкусъ, техника, все то, что хорошо для декоративнаго искусства, для глазъ, но не для души.

425. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 10 мая 1886 г.

На-дняхъ придетъ къ вамъ молодой человѣкъ, нѣкто Кадушинъ. Онъ художникъ литографъ, изучившій это дѣло здѣсь въ Парижѣ. Убѣдительно прошу васъ, дорогой В. В., обратите на него вниманіе и сдѣлайте для него возможное. Этотъ человѣкъ меня сильно интересуетъ, и вотъ почему. Но чтобы разсказать вамъ толкомъ, необходимо начать немного издали.

Еще во время всемірной выставки я убѣдился въ скудости нашей художественно-ремесленной производительности и въ силѣ и богатствѣ французской на этомъ-же попрощѣ. И тогда у меня явился вопросъ: почему мы посылаемъ для усовершенствованія за границу ученыхъ, художниковъ и не дѣлаемъ того-же самого съ художниками-ремесленниками? Эта отрасль не менѣе важна, чѣмъ двѣ другія. Мнѣ пришла мысль образовать здѣсь кружокъ изъ людей, сочувствующихъ этому дѣлу, для того, чтобы молодые художники-ремесленники могли-бы здѣсь усовершенствоваться и потомъ быть полезными въ Россіи, пе-

редавая свои знанія другимъ. Конечно, сочувствія я ни откуда не встрѣтилъ. Одни говорили: „Пожалуй скажутъ, что мы здѣсь нигилистовъ разводимъ“, другіе—что „подобная попытка уже была“ и что „изъ этого ничего не вышло“ и т. д. Ну, конечно, одинъ въ полѣ не воинъ, дѣлать было нечего. Но вотъ случай. Цесаревичъ, теперешній Государь, былъ здѣсь, былъ у художниковъ, всѣхъ обласкалъ, былъ даже въ помѣщеніи нашего Общества, которое находится въ домѣ барона Гинцбурга. Дѣти Гинцбурга поднесли Цесаревичу цвѣты. Городъ расчувствовался, и тутъ-же предложилъ взять на свой счетъ 4-хъ учениковъ изъ школы Цесаревича, для ихъ усовершенствованія здѣсь, въ Парижѣ, и чтобы эти ученики развивались подъ нашимъ наблюденіемъ. Благодаря этому, дѣло пошло роскошно. Нашъ комитетъ опредѣлилъ, сколько необходимо каждому мальчику. Оказалось, что больше десяти франковъ въ день (сосчитайте сколько каждый отдѣльно стоилъ въ теченіе трехъ лѣтъ). Такъ вотъ что значитъ случай! Я-же просилъ десятую долю и не имѣлъ успѣха.

Но вотъ пріѣхали ученики, я сталъ у нихъ разспрашивать, что они умѣютъ, чему учились. Оказалось, что они всему учились, все знаютъ и ничего не знаютъ. Въ школѣ они провели шесть лѣтъ, строго соблюдая всѣ праздники, и даже, кажется, табельные дни. Изъ этихъ шести лѣтъ, четыре съ половиною они учились всему, только не тому, къ чему были призваны; за то остальные полтора года они учились ремеслу, но изучали не одно ремесло, а цѣлыхъ три вмѣстѣ. Такъ, напримѣръ, столяръ долженъ былъ немного умѣть и въ токарной работѣ, и знать работу рѣзчика. Послѣ этого, можете себѣ представить, что это были за ремесленники! А претензій было много. Они думали, что присланы для того только, чтобы все наблюдать, все узнать, а не работать, такъ какъ будущая судьба ихъ—быть преподавателями въ такихъ заведеніяхъ, откуда они сами вышли. А тутъ заставляютъ ихъ работать все одно и то-же! И такъ какъ содержаніе они получаютъ, и даже хорошее, то они предпочли вовсе не ходить въ мастерскую. Не стану вамъ разсказывать, сколько намъ приходилось возиться съ ними, скажу только, что въ концѣ-концовъ блинъ комомъ вышелъ. Одинъ, къ сожалѣнію, умеръ, и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, умеръ лучшій изъ нихъ; другой объявилъ, что чувствуетъ наклонность къ высшему образованію, бросилъ Парижъ (тѣмъ болѣе, что родители были вовсе не бѣдные), поѣхалъ въ Россію и, какъ говорятъ, кончилъ жизнь очень скверно... Третій, сынъ гравера Пожалостина, послѣ пребыванія въ нѣсколькихъ мастерскихъ и большой потери времени, объявилъ, что не желаетъ быть тѣмъ, чему учился, т.-е. слесаремъ, а хочетъ быть чеканщикомъ, на что онъ получилъ благословеніе отъ той школы, изъ которой вышелъ. Пробывъ годъ этимъ ремесленникомъ, онъ влюбился въ шестнадцатилѣтнюю француженку, женился, и это былъ, кажется, его главный успѣхъ. Тутъ не мѣшаетъ прибавить одну побочную иллюстрацію: влюбленный юноша прибѣжалъ съ просьбой къ доброму И. С. Тургеневу, который никому не отказывалъ. Онъ написалъ барону Гинцбургу письмо, и Гинцбургъ выдалъ 1500 фран-

ковъ для женитьбы. Вотъ-то благодѣяніе!!! Я-же, не знавши объ этомъ, заупрямился и, конечно, остался въ дуракахъ. Четвертый—рѣзчикъ, очень способный, но гуляка.

Вотъ вамъ исторія перваго нашего опыта. После трехъ лѣтъ баронъ Гинцбургъ пересталъ давать деньги, и школа перестала присылать своихъ питомцевъ, такъ тѣмъ и кончилось.

Но сюда часто пріѣзжаютъ начинающіе художники. Евреи пріѣзжаютъ сюда потому, что, кончивши въ провинціи рисовальную школу, они ѣдутъ въ Петербургъ, чтобы поступить въ Академію художествъ вольнослушателями, такъ какъ сдать полный гимназическій курсъ они не въ состояніи. Но евреямъ вольнослушателямъ запрещено жить въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, они остаются посрединѣ — отъ одного берега отъѣхали, а къ другому пристать трудно. И вотъ они бросаются вездѣ и всюду, и сюда пріѣзжаютъ. Подобные молодые люди больше способны, чѣмъ талантливы, и вотъ я придумалъ направить ихъ именно въ область индустріальнаго искусства. Для меня во сто разъ лучше быть хорошимъ ремесленникомъ, чѣмъ плохимъ художникомъ. И представьте себѣ, для этого вовсе не нужны большія средства: достаточно поддержать ихъ первые нѣсколько мѣсяцевъ, и потомъ они сами уже заработаютъ настолько, что въ состояніи будутъ жить, а впослѣдствіи хорошо жить.

Такъ вотъ этотъ Кадушинъ одинъ изъ первыхъ піонеровъ въ этомъ дѣлѣ. Вы увидите его работу и сами будете судить. Я очень дорожу имъ, потому что еще нѣсколько такихъ удачныхъ опытовъ—и дѣло само собою пойдетъ. Я убѣжденъ, что только опытами можно достигнуть во сто разъ лучше, чѣмъ деньгами. Но остановиться исключительно на однихъ евреяхъ—я не намѣренъ. Я все мечтаю о подъемѣ художественно-ремесленной производительности въ Россіи вообще. Для Россіи это столько-же необходимо, какъ и азбука для народа. Что-же касается евреевъ, то только въ производительномъ, честномъ трудѣ заключается ихъ будущность. Это я говорилъ уже сто тысячъ разъ на всѣхъ углахъ и перекресткахъ. Но надобны примѣры, и удачные примѣры—и тогда дѣло пойдетъ само собой.

Теперь у меня на рукахъ еще одинъ, кажется, удачный субъектъ, который учится лѣпить орнаменты. Я крѣпко вѣрю, что докажу, насколько я правъ, когда говорю, что ремесленныя школы, въ особенности у насъ, чистый абсурдъ, развратъ. Развратъ—потому, что народное добро тратится даромъ. Въ этомъ отношеніи, я иду даже дальше, чѣмъ консерваторъ — я не хочу, чтобы было такъ, какъ при нашихъ отцахъ и дѣдахъ, а такъ, какъ это было въ среднихъ вѣкахъ въ Европѣ. Тогда не было ремесленной школы, не было Академіи художествъ—и все-таки были ремесленники и художники, гораздо болѣе превосходные, чѣмъ теперь. Не тратились милліоны на разныя подобныя учрежденія, а давались заказы, которые производились въ мастерскихъ. Но вы не можете себѣ представить, съ какимъ трудомъ я добываю кое-какія крохи для этихъ молодыхъ людей. Разъ, цѣлый годъ мнѣ приходилось выпрашивать нѣсколько сотъ франковъ для

этого дѣла, а когда я сталъ уже черезчуръ настойчиво просить, то мнѣ, наконецъ, совсѣмъ отказали. Послѣ всего сказаннаго, вы поймете, почему я такъ горячо прошу васъ принять участіе въ этомъ молодомъ человѣкѣ, который придетъ къ вамъ. Я глубоко убѣжденъ, что вы не откажете, а напротивъ, потому что вѣрю въ вашу доброту и чуткость ко всему хорошему [1]).

Ну, на этотъ разъ наговорилъ много, но интересно-ли? Да, интересно.

426. Къ нему же.

Парижъ. Получено 11 мая 1886 г.

Только-что получилъ ваше письмо. Въ послѣднее время ваши письма составляютъ для меня рѣдкость, и потому несмотря на то, что вчера вечеромъ я отправилъ къ вамъ письмо, все-таки спѣшу отвѣчать вамъ. Во-первыхъ, я долженъ сказать, что меня сильно радуетъ ваша дѣятельность — дай вамъ Богъ и впредь продолжать такъ же энергично, а главное—долго, долго...

Меня очень удивляетъ, что Рѣпинъ такой противникъ раскрашенной скульптуры. Онъ, какъ колористъ, больше чѣмъ кто-либо долженъ былъ-бы знать, что въ искусствѣ нѣтъ абсолютно ни бѣлаго, ни чернаго—это двѣ крайности, которыхъ всякій избѣгаетъ. Да что тутъ говорить и доказывать на словахъ! Надо посмотрѣть, что дѣлалось до XVI столѣтія, и что теперь начинаютъ дѣлать, и тогда, я убѣжденъ, всякій споръ прекратился бы. Однако-же надо прибавить, что не всякая раскраска безусловно хороша. Тутъ необходимъ долговременный опытъ, навыкъ, а главное—талантъ. Тутъ не можетъ быть рѣчи про ту раскраску, которая старается подражать натурѣ: скульптура въ этомъ не столько нуждается, какъ живопись, потому что скульптура одной своей рельефностью уже достаточно приближается къ дѣйствительности. Затѣмъ раскраска должна отнять монотонность, въ особенности бѣлизну, какъ это дѣлалось въ Греціи, а въ средніе вѣка въ Европѣ, и вообще когда въ искусствѣ, при высокомъ процвѣтаніи, стремились не къ краскамъ, или къ тому, что мы называемъ красочнымъ, а къ тону. Палитра Тиціана состоитъ всего изъ 7—8 красокъ, а посмотрите, какихъ чудесъ онъ достигъ этой скудной палитрой! Не видать той живописи, какую мы теперь привыкли видѣть, а видна натура; онъ не раскрашивалъ натуру, а передавалъ ее въ скромныхъ краскахъ полною гармоніею. Возьмите хоть любой старинный портретъ, или картину великихъ мастеровъ, въ томъ числѣ и Веласкеца, и вы убѣдитесь, во-первыхъ, въ точности передачи дѣйствительности и во-вторыхъ, что въ дѣйствительности вовсе нѣтъ того множества красокъ, какое составляетъ богатство теперешней палитры. Съ другой стороны, возьмите теперешній портретъ или картину, въ особенности портретъ.

---

[1]) Кадушинъ былъ пристроенъ, на первое время, при извѣстномъ литографическомъ заведеніи генерала А. А. Ильина, въ Петербургѣ и впослѣдствіи былъ однимъ изъ очень хорошихъ литографовъ въ этомъ городѣ.

Чего-чего тутъ нѣтъ! Но меньше всего самой жизни. Вотъ той-же гармоніи, той-же граціи въ краскахъ необходимо придерживаться и въ скульптурѣ, и только при такихъ условіяхъ она достигнетъ своего процвѣтанія. Но не слѣдуетъ ограничиваться однимъ раскрашиваніемъ. Металлическіе предметы составляютъ другое богатство, уже не говоря про свойства разнообразности цвѣтовъ самаго металла. Но тутъ является на помощь и инкрустація эмали, и тому подобное.

Помню, когда я былъ въ Академіи, существовало убѣжденіе, что раскрашиваніе есть упадокъ искусства; приводили въ примѣры римское античное искусство временъ упадка, когда драпировка и другія части статуй вырабатывались изъ мрамора разныхъ цвѣтовъ. На это я могу теперь сказать, что во время упадка все одинаково скверно дѣлается; не цвѣта виноваты въ этомъ упадкѣ, а отсутствіе чувства гармоніи, ибо въ искусствѣ нѣтъ другихъ законовъ, кромѣ закона гармоніи, а затѣмъ все остальное зависитъ отъ степени таланта.

Вы говорите, что хотите приводить цѣлыя цитаты изъ моихъ писемъ [1]), но, пожалуйста, будьте такъ добры, сглаживайте ихъ: вѣдь я пишу не для печати; затѣмъ убѣдительно прошу до возможности смягчить мой отзывъ про французское искусство. Я боюсь, что это можетъ мнѣ повредить. Про нихъ у меня есть много кой-чего сказать, но буду говорить про это обстоятельнѣе въ свое время, а пока надо быть сдержаннымъ. Я долженъ сказать, что мои „Записки", которыя я писалъ въ прошломъ году, я уже совсѣмъ окончилъ. Говорятъ, что тамъ будетъ 7 печатныхъ листовъ, говорятъ также, что записки очень интересны; онѣ обнимаютъ періодъ отъ вступленія моего въ Академію и до моего выхода оттуда. Затѣмъ хотѣлось-бы мнѣ написать про Италію, Францію, и опять закончить отечественнымъ искусствомъ. Не могу съ увѣренностью сказать, что осуществлю этотъ планъ, но во всякомъ случаѣ, какъ видите, я намѣренъ говорить про французское искусство, и тогда не бѣгло.

427. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Парижъ, конецъ весны 1886 г.

Мнѣ жаль, что наши ряды рѣдѣютъ въ Москвѣ. Вотъ и Васнецовъ уѣхалъ [2])... А онъ человѣкъ, который вноситъ художественную, теплую струю въ наше теперешнее черствое, холодное, прозаическое время. Но такихъ людей, какъ онъ, намъ именно теперь и необходимо, ихъ теперь такъ мало, такъ мало, что грустно становится. Относительно вашей постановки „Снѣгурочки" [3]) я читалъ рецензію; тамъ говорится почти то же самое, что и вы сказали, а именно: что постановка была художественная, достойная изумленія, но что публика осталась равнодушной. Повидимому, ее трогаетъ скорѣе балаганъ.

---

[1]) Въ статьѣ: «25 лѣтъ русскаго искусства».

[2]) За границу.

[3]) Декораціи (большинство) и всѣ костюмы были сочинены В. М. Васнецовымъ.

Что прикажете дѣлать? Публика, какъ вездѣ, публика, къ ней надо быть снисходительными, а главное—не требовать отъ нея того, чего у нея нѣтъ. Что касается лично до меня, то я почти разочаровался въ томъ, что искусство можетъ развить въ публикѣ высокія чувства; въ особенности одно только искусство. Наши чувства гармоніи, красоты и добра зависятъ не отъ одного искусства, а отъ многаго еще другого. Но это еще не было-бы такъ ужасно, если-бы у насъ не чувствовалось еще нѣчто худшее, а именно какая-то беззастѣнчивость, и не только среди массы, но даже и среди интеллигенціи. Выражается это въ забѣганіи въ чужія сферы, въ томъ, чтобы сѣсть не на свое мѣсто и судить обо всемъ вкривь и вкось, просто потому, что Богъ далъ языкъ и руки. Если-бы люди честно, а главное серьезно, относились къ себѣ, къ предмету, который составляетъ ихъ спеціальность, если-бы каждый относился добросовѣстно къ спеціальности другого, тогда каждый сталъ-бы на свое мѣсто и достигъ бы извѣстнаго результата. И въ общемъ, жизнь и дѣятельность наша шли-бы болѣе правильными шагами, а то теперь всѣ ходятъ точно ощупью, зигзагами.

Вотъ вамъ маленькая иллюстрація: знаете-ли вы, что эскизъ, который я сдѣлалъ для графа Уварова, „Первый книгопечатникъ въ Россіи", забракованъ—не графомъ, нѣтъ, онъ, къ сожалѣнію, умеръ, а комиссія состояла изъ членовъ общества археологіи, которые почему-то сочли своимъ долгомъ, не спросивъ у меня, въ чемъ дѣло, собраться, обсудить и забраковать, на томъ основаніи, что я представилъ его „рабочимъ, а онъ не только былъ просто рабочимъ, но высоконравственнымъ человѣкомъ, пострадавшимъ за свое дѣло, которое сильно любилъ". Что вы скажете на это? Точно работникъ не можетъ быть высоконравственный, точно я ошибку сдѣлалъ, что представилъ его именно около той работы, которой онъ былъ преданъ и за которую пострадалъ.

Казалось, чего проще представить философа въ минуту его размышленія, поэта въ минуту его творчества, а полководца—сидящимъ на конѣ! Да притомъ, какъ можно выразить въ скульптурѣ, да еще въ эскизѣ, высокую нравственность? Но это еще не все. Они находятъ, что эскизъ некрасивъ, и потому беззастѣнчиво учатъ меня, какъ было бы лучше. Просто руки не поднимаются имъ отвѣчать, ибо пришлось-бы имъ высказать много горькой истины; а извѣстно, что доброму—слово помогаетъ, а злому даже палка не помогаетъ. Что тутъ говорить, они все-таки останутся правыми. Замѣтьте, что это сливки художественнаго общества; послѣ этого не удивительно, что у насъ расплодилось столько критиковъ и такъ мало знатоковъ.

Какъ я мечтаю о Флоренціи! Какъ мнѣ хочется назадъ, не только въ Италію, но вообще назадъ, быть тѣмъ, чѣмъ былъ тогда: мало имѣлъ, мало и хотѣлъ имѣть, за то какъ я былъ независимъ! Ни отъ кого, ни въ комъ, ни въ чемъ не нуждался, и жилъ всецѣло для искусства. Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, сколько компромиссовъ я долженъ былъ дѣлать съ моимъ талантомъ! Дѣлать бюсты, брать заказы..

да ну ихъ! Просто противно вспоминать! Хорошо бы еще, если-бы осталось что-нибудь, именно, какъ я мечталъ, для того, чтобы свободно жить для искусства. Ну, довольно объ этомъ, что было, того не вернешь.

Будьте такъ добры и потрудитесь послать за моимъ проектомъ памятника Императора Александра II-го, и поставить его гдѣ-нибудь. Если что-нибудь выйдетъ изъ него, тогда жаль, чтобы онъ погибъ; если же ничего не будетъ, тогда опять жаль его: тогда пусть онъ сдѣлается достояніемъ Абрамцева. Пожалуйста, передайте отъ меня поклонъ Полѣнову, я совсѣмъ виноватъ передъ нимъ: во-первыхъ, я обѣщалъ ему копію съ ангеловъ на эскизѣ, да притомъ-же у меня его картинка, которую я отошлю обратно. Но какъ быть съ первымъ обѣщаніемъ?

Наши дѣти стали ходить въ пансіонъ. Онѣ очень довольны, и повидимому ими тоже очень довольны, а благодаря этому—и мы тоже довольны.

Я теперь работаю статую „Христа“ для памятника [1]). Христосъ будетъ чисто традиціонный, по костюму, но душу вездѣ можно вложить. Работа эта наполовину уже подготовлена, и надѣюсь, къ новому году она будетъ окончена.

Жизнь у насъ идетъ своимъ чередомъ, быстро, незамѣтно и даже скучновато. Поклонъ всѣмъ.

427 а. Къ В. В. Стасову.

Москва, 16 іюня 1886 г.

Вотъ что могу сказать вамъ: N больше не служитъ у Мамонтова.

Я разсказалъ С. И. Мамонтову ваше мнѣніе о немъ, и онъ отъ души хохоталъ, въ особенности когда тотъ послѣ крещенія пришелъ къ вамъ расцѣловаться, и на это вы отвѣтили: „Ну и остались вы с..... с.....!“

Онъ собирается самъ (т.-е. Савва) писать вамъ.

Я здравствую, но не совсѣмъ. Третьяго дня со мною случилось нѣчто нехорошее—рвота, колики въ животѣ и поносъ. Я думалъ, не холера-ли? Однако, скоро послѣ все это прошло.

428. Къ нему же.

Biarritz. Получено 14 іюля 1886 г.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я здѣсь, въ Biarritz.

Хорошо здѣсь, только жарковато, за то на берегу моря всегда вѣтерокъ. Жара не располагаетъ къ дѣятельности, но особенно лѣниться въ этотъ разъ мнѣ не хотѣлось-бы; такъ какъ за зиму накопилось много дѣла. Необходимо раньше всего выяснить себѣ типъ и характеръ „Ермака“ и „Нестора“. Для этого я буду просить васъ помочь мнѣ. Прежде всего я буду просить прислать мнѣ сюда литературу, которую вы найдете нужной; у меня есть всего только Карамзинъ и Соловьевъ, а послѣдній, кажется, не весь. А потому прошу

[1]) Фабриканту Малютину.

васъ прислать мнѣ тѣ тома, которые содержатъ вышеупомянутые сюжеты. Костомарова также слѣдуетъ прислать. Сожалѣю, что не пріобрѣлъ ихъ самъ, но не сдѣлалъ я этого потому, что мнѣ казалось, что все это у меня есть, а теперь, благодаря нашему переѣзду, у насъ все въ ящикахъ спрятано, такъ что добраться до нихъ нѣтъ возможности.

Главное для меня тутъ—археологическая сторона, въ особенности то, что касается „Нестора". Эта сѣдая древность для меня далеко не ясна, а потому все, что вы найдете нужнымъ, прошу васъ сфотографировать или скопировать; послѣднее слѣдуетъ поручить молодому художнику, за вознагражденіе.

Я надѣюсь, дорогой мой В. В., что вы не откажете мнѣ въ этомъ, какъ ни въ чемъ не отказывали до сихъ поръ, и я заранѣе приношу вамъ мою задушевную благодарность.

Я долженъ сказать, что для „Ермака" я снялъ фотографіи съ нѣкоторыхъ вещей, находящихся въ Оружейной Палатѣ. Какъ жаль, что у меня пропалъ калькъ съ рисунка Шварца, сдѣланный имъ для сценическаго костюма „Ивана Грознаго". Между прочимъ, скажу вамъ, что проѣздомъ я въ Парижѣ, въ одномъ магазинѣ, нашелъ старинный русскій чехолъ (сейчасъ позабылъ, какъ оно называется), въ чемъ стрѣлы хранились. Онъ черный, кожаный, шитый серебромъ; на лицевой сторонѣ двуглавый орелъ, держащій въ каждой лапѣ по большому мечу, который пересѣкаетъ или заслоняетъ крылья; потомъ два льва, стоящіе на заднихъ лапахъ; ниже грифонъ крылатый, тоже держащій мечъ; надъ орломъ, по угламъ, солнце и луна, на другой сторонѣ тисненый жидкій рисунокъ, также славянская надпись, которую трудно разобрать. Въ Оружейной Палатѣ такихъ много, но врядъ-ли есть они въ частныхъ рукахъ. Я думаю, что тисненыя буквы содержатъ должно быть имя того, кому оно принадлежало. Эта вещь, во всякомъ случаѣ, для меня находка, теперь болѣе чѣмъ когда-либо кстати. Если это васъ интересуетъ, я пришлю вамъ фотографію.

Нашъ домъ миніатюрный, комнаты тоже, мебель и столъ, на которомъ теперь пишу, такіе миніатюрные, что трудно писать, однако же, моя жена ухитрилась поставить тутъ же мою фотографію и вашу, такъ что я пишу и смотрю на васъ.

429. Къ нему же.

Biarritz, 17—29 іюля 1886 г.

Пишу отъ двоякой досады—во-первыхъ потому, что не могу быть среди васъ и радоваться вмѣстѣ съ друзьями, которые васъ любятъ и почитаютъ. А во-вторыхъ—что, благодаря моей разсѣянности, я ошибся на цѣлый день [1]). Это съ моей стороны непростительно. Я, зная себя, просилъ въ Петербургѣ, чтобы увѣдомили меня еще недавно, я въ письмѣ просилъ Эліасика. А впрочемъ, можетъ быть и не поздно. Во всякомъ случаѣ, сегодня у насъ на столѣ красуется бутылка шампан-

[1]) 15 іюля—день св. великаго князя Владиміра.

скаго, и мы пьемъ за ваше здоровье, съ пожеланіемъ вамъ долго, долго здравствовать, бодрствовать и служить намъ всѣмъ примѣромъ. Когда душа полна, она и искренна; въ эти минуты говоришь то, что на душѣ, и даже то, чего въ другой разъ не говорилось-бы. А потому вотъ что я скажу вамъ теперь: ваша искренность, сердечность, горячность, съ которыми вы встрѣчали все, что у насъ являлось хорошаго; ваше душевное возмущеніе, которое вызывала у васъ всякаго рода фальшь— дали вамъ право быть у насъ, и впереди насъ, бойцомъ за правду, за истинное искусство и за новую эру, которую вы, отчасти, сами увидали.

Конечно, у васъ есть много недоброжелателей—это доказываетъ только, что больной глазъ не любитъ свѣта, что кривая душа не любитъ, когда правду говорятъ. Но рядомъ съ этимъ у васъ есть много искреннихъ друзей, которые васъ любятъ и гордятся вами.

Среди нихъ—и вашъ покорнѣйшій слуга. Вѣрьте мнѣ, я сегодня непремѣнно хочу, чтобы мнѣ вѣрили, потому что я искрененъ, можетъ быть болѣе, чѣмъ когда-либо. Молодая сила, которая сгруппировалась около васъ, всѣ добрые, искренніе и талантливые люди. Всѣ они дѣти вашего духа, и всѣ мы приносимъ вамъ горячую благодарность. Спасибо вамъ, дорогой намъ всѣмъ В. В., сто разъ спасибо за поддержку и за помощь для двиганія искусства. Да здравствуетъ русское искусство, полное великой будущности, да здравствуетъ Русь вмѣстѣ съ вами, В. В.!

Высоко поднимаемъ наши скромные бокалы и издали шлемъ вамъ привѣтъ. Наши чувства не менѣе полны, чѣмъ бокалы, и пѣнятся сильнѣе шампанскаго.

430. Къ нему же.

Biarritz. Получено 12 августа 1886 г.

У меня набралось много писемъ писать, и первое къ вамъ. Оба ваши чудныя письма мы получили: мы читали ихъ съ великимъ нетерпѣніемъ, въ особенности первое, такъ что я и жена вырывали его изъ рукъ другъ у друга, дескать „ты тихо читаешь“, а когда жена читала, я съ нетерпѣніемъ на другую страницу заглядывалъ. Насъ сильно интересовалъ нашъ общій праздникъ [1]). Да, дорогой В. В., именно общій, иначе я не понимаю. Мы праздновали наравнѣ съ вами, мы радовались вашею радостью и равно осушили свои бокалы за ваше здоровье. Повторяю, намъ всѣмъ было на душѣ весело и свѣтло, это я чувствую, ибо иначе и быть не можетъ. Сожалѣю только, что есть какія-то проволочки на счетъ бюста [2]). Это просто изъ рукъ вонъ! Надѣюсь,

---

[1]) 15 іюля, въ день св. Владиміра, В. В. Стасову былъ поднесенъ, на дачѣ въ Парголовѣ, огромный адресъ отъ петербургскихъ и московскихъ художниковъ и композиторовъ, съ массою рисунковъ. Онъ воспроизведенъ фототипіей и подробно описанъ въ началѣ I-го тома изданія сочиненій В. В. Стасова.

[2]) Въ день 15 іюля въ Императорскую Публичную Библіотеку поступилъ мраморный бюстъ В. В. Стасова, работы Антокольскаго, поднесенный Библіотекѣ обществомъ русскихъ художниковъ.

однако, что начальство уважитъ общее желанiе и ваше достоинство и, все-таки, позволитъ поставить вашъ бюстъ въ библiотекѣ. Это мое давнишнее желанiе, и это будетъ непремѣнно такъ, а не иначе. Я вышлю его ужъ только послѣ моего прiѣзда въ Парижъ, потому что надо его укладывать, а безъ меня не хочу.

Передайте всѣмъ друзьямъ мой искренний привѣтъ. Этотъ праздникъ соединилъ насъ всѣхъ вмѣстѣ и рѣзко оттѣнилъ золото отъ позолоты. Лишнее сказать, какъ глубоко я сожалѣю, что меня не было среди васъ. Помилуйте, уже сорокъ четыре года прожилъ я, и ни одного живого не могъ чествовать (да и никого), чтобы высказать то, чего честные люди заслуживаютъ. Согласитесь, что одно присутствiе на такомъ сердечномъ праздникѣ—есть въ своемъ родѣ душевный праздникъ. Прошу, если можно, пришлите мнѣ вашу фотографическую группу. Неужели не сняли фотографiи съ вашего художественнаго адреса? Кто его сочинилъ, кто рисовалъ—объ этомъ вы ни слова не говорите.

До сихъ поръ я не писалъ вамъ потому, что записался. Я опять строчу и скоро пришлю вамъ кое-что, а можетъ быть даже и для печати.

Мнѣ кажется, что никогда лѣто не казалось мнѣ такимъ продолжительнымъ, какъ нынѣшнее. Это потому, что работать хочется. Я съ нетерпѣнiемъ жду матерiала отъ васъ для работы.—За высылку „Новостей“ очень благодаренъ. Обѣ ваши статьи читалъ: очень живо, хорошо, а главное оригинально [1]). Но насчетъ Манэ я не могу согласиться съ вами: по-моему, этотъ художникъ столько-же поверхностенъ, какъ и всѣ французы. Вся его заслуга въ томъ, что онъ иначе посмотрѣлъ на положительную часть искусства; но сердечность, глубина, душа вообще—крайне поверхностна и даже пуста. Вы хорошо знаете искусство, которое не содержитъ глубины, которое щекочетъ только глазъ, это—та же размалеванная декоративная бутылка съ плохимъ виномъ. Но говорить теперь объ искусствѣ, въ особенности серьезно, я не способенъ, потому что только-что позавтракалъ, а въ такихъ случаяхъ—желудокъ полонъ и голова пуста.

Что теперь Элiасъ, какъ его здоровье? Какъ работа? Если все у него благополучно, то скажите ему, что онъ маленькiй свинья — я давно писалъ ему, а онъ даже не удостоилъ меня отвѣтомъ.

Жена сердечно кланяется вамъ и желаетъ вамъ, какъ и я, всего лучшаго, долго, долго здравствовать, а намъ радоваться.

Недавно получилъ я изъ Берлина отвѣтъ, и просятъ мою бiографiю. Я думаю послать вамъ ее по-русски, а вы пришлите мнѣ ее потомъ сюда по-французски, чтобы былъ ужъ одинъ почеркъ. Бiографiя всего въ нѣсколько строкъ.

---

[1]) Статья В. В. Стасова: «По поводу романа Зола «Oeuvre», напечатана въ «Новостяхъ» 2 и 8 iюня 1886 г.

431. Къ нему же.

Biarritz. Получено 8 сентября 1886 г.

Что значитъ, что такъ давно я не имѣлъ отъ васъ никакихъ извѣстій? Я до сихъ поръ все ждалъ, поджидалъ, и дождаться не могу. Здоровье ваше, надѣюсь, вполнѣ хорошо; письмо мое, надѣюсь, тоже дошло благополучно. А я все жду матеріала для „Нестора" и „Ермака". Скоро я уже возвращусь въ Парижъ, начну работать, а отъ васъ еще ничего нѣтъ. Я-же, между прочимъ, опять кое-что написалъ, и этому очень радъ—пора художникамъ высказывать, что они думаютъ и чувствуютъ. Необходимо это, въ особенности, въ наше время, которое есть время переходное, когда большая часть публики и сами художники не знаютъ, чего хотятъ отъ жизни и искусства, и, благодаря этому, не могутъ сговориться и не понимаютъ другъ друга. Но опаснѣе всего, что и у насъ начинаетъ торжествовать не талантъ, а шарлатанство, меркантильность. Они шумятъ, умѣютъ товаръ лицомъ показать и морочить публику. Такихъ людей среди художниковъ развивается, съ каждымъ днемъ, все больше и больше. Вообще необходимо разъяснять публикѣ, предостерегать ее, чтобы она не принимала фальшиваго за настоящее, позолоты за золото. Но сознаю, что лично одинъ я ничего не могу сдѣлать: необходимо сгруппироваться и общими силами говорить, протестовать, будить и возбуждать интересъ, любовь къ искусству.

Я теперь написалъ „О красотѣ", которой нѣтъ—именно такой, какую понимаютъ рутинеры и попугаи. Это займетъ листа два, если не больше. Затѣмъ я написалъ еще сатирическую легенду о сотвореніи художественнаго міра; думаю, что послѣднее не мало удивитъ васъ—вѣдь вы съ этой стороны меня не знаете.

Но я долженъ сказать вамъ: какъ мнѣ кажется—талантъ создаетъ природа, а сатиру—время. Для того, чтобы писать сатиру, необходимо, чтобы у автора много кое-чего накопилось на душѣ. Сатира всегда процвѣтаетъ въ ненормальное время. А впрочемъ—сатира сатирѣ рознь; можетъ быть, что моя и двухъ грошей не стоитъ.

Думаю въ эту зиму начать печатать мои „Записки", а потомъ время отъ времени буду продолжать.

Что же касается до статьи „о красотѣ", то какъ только пріѣду въ Парижъ, я ее перепишу и пошлю вамъ для просмотра.

Больше новостей у меня нѣтъ. Никогда я такъ мало ни отъ кого не получалъ писемъ, какъ это лѣто, и никогда такъ мало не писалъ, какъ это лѣто.

Чѣмъ кончилось съ Крамскимъ въ отношеніи къ передвижникамъ? Что подѣлываетъ Рѣпинъ? Какъ идетъ программа Эліасика? Наконецъ, и главное—какъ вы поживаете, что подѣлываете?

А знаете, что я скажу вамъ, дорогой В. В.? Я не знаю отношенія Крамского къ передвижникамъ и не знаю также причины этого раздора, но мнѣ очень, очень жаль этихъ раздоровъ, а еще больше—неподвижности передвижниковъ. По-моему: начали за здравіе, а кончатъ за упокой. Самое начало дѣла несомнѣнно прекрасное, достойное

НАДГРОБНЫЙ МОНУМЕНТЪ КНЯЖНЫ М. А. ОБОЛЕНСКОЙ.
Римъ. 1876.

хвалы, но уже слишкомъ прямолинейна ихъ задача. Ежегодно выставлять, посылать, дивидендъ получать—и только? Нѣтъ, отъ такихъ людей, какъ они, желательно было-бы видѣть болѣе плодовитой дѣятельности и менѣе меркантильности.

432. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Біаррицъ, 24 октября 1886 г.

Я очень, очень виноватъ передъ вами, что такъ давно не писалъ вамъ. Не подумайте, что я забылъ объ этомъ, или лѣнился—нисколько! Нынѣшнее лѣто было странное. Я совсѣмъ записался, да такъ, что странно казалось писать письма. И благодаря этому, я никому не писалъ, даже дѣловыхъ писемъ. Теперь-же приходится исправлять свою ошибку и у всѣхъ просить извиненія за долгое молчаніе. Но что прикажете дѣлать, когда я нахожу отдыхъ въ писаніи; а когда предаюсь этому дѣлу, то не могу писать другого. Не могу лѣпить двѣ вещи заразъ, не могу служить двумъ богамъ.

Вначалѣ я чувствовалъ себя въ Біаррицѣ отлично. Чего лучше: я да волны, и никого больше! Правда, народу было много, но все чужіе. Мои мечты и мое спокойствіе они не нарушали. Что за прелесть эти волны! Смотришь на нихъ, и цѣлая жизнь, цѣлая вѣчность проходитъ мимо васъ со своими треволненіями и страстями. На берегу я сидѣлъ съ тетрадкой, и писалъ про искусство, про жизнь, и чувствовалъ, что я близокъ къ идеѣ добра. Знаете, какъ утомительно, мучительно, жить и дѣйствовать сомнѣваясь, и вдругъ какое утѣшеніе: почувствовать подъ собою почву, почувствовать, что не заблуждался, а шелъ именно туда, куда хотѣлъ. Сознавать, что идея красоты родственна идеѣ добра, понять, что такое красота! Это для нашего брата великое утѣшеніе. Живется отраднѣе и работается увѣреннѣе. Вотъ на эту тему я кое-что и написалъ.

Теперь начался русскій сезонъ. Несмотря на отдаленность разстоянія, на плачевный курсъ, русскихъ въ Біаррицѣ тьма; по всему городу, какъ пчелы, они жужжатъ на родномъ языкѣ: и отрадно, и печально. Отрадно слышать родные звуки и печально думать, почему мы такъ мало любимъ свое? Почему мы свой виноградникъ запускаемъ, а за чужимъ ухаживаемъ? Неужели у насъ на Руси нѣтъ ничего милѣе Біаррица? Почему мы не умѣемъ устраивать своихъ уютныхъ уголковъ?

Начались шапочныя знакомства. Утомительно, всѣ скучаютъ, не знаютъ, какъ время убить, ходятъ по набережной, и непремѣнно тамъ, гдѣ всѣ ходятъ, гдѣ толкаются, и ни на шагъ дальше, къ морю, гдѣ слышенъ говоръ волны. Ходятъ для того, чтобы слегка ухаживать, мужчины за дамами, буржуа за аристократами, чиновники за министрами, а дураки за дураками; переливаютъ изъ пустого въ порожнее, говорятъ потому, что языкъ чешется, потому, что молчать мочи нѣтъ. Убѣжалъ-бы я изъ Біаррица, но куда? Вѣдь я не одинъ, я здѣсь съ немалымъ багажомъ, а багажъ дорогой мнѣ. „Спиноза“ кончается въ

мраморѣ. „Мученица“ начата. Вообще, въ мастерской много дѣтей творчества. Приступаю къ эскизу „Нестора“ и „Ермака“.

433. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Парижъ, октябрь 1886 г.

Мы только-что пріѣхали изъ Біаррица, гдѣ оставались дольше, чѣмъ предполагали, благодаря тому, что тамъ я лѣпилъ бюстъ Великаго Князя Алексѣя Александровича. Не сожалѣю, что тамъ остался дольше; если-бы могъ, то совсѣмъ остался-бы тамъ. Ужь больно хороша природа, слишкомъ крѣпко я полюбилъ ее, да и какъ не полюбить? Мы оставили Біаррицъ еще въ полномъ разгарѣ лѣта. Всѣ еще ходили подъ бѣлыми зонтиками, прячась отъ солнца. Иногда, бывало, уйдемъ куда-нибудь въ поле или по дорогѣ; все тихо, безмятежно, все залито солнцемъ, которое не жжетъ тебя, обогрѣваетъ. Люди тамъ такъ-же хороши, какъ хороша природа, живутъ они тихо, мирно, трудятся безъ злобы, зависти, не жаждутъ быть чѣмъ-то инымъ; они не израсходываютъ свои силы, свое здоровье безразсудно, не торопятся жить, все дѣлаютъ медленно, зная хорошо, что время не догонишь, оно само уйдетъ скорѣе человѣка. Боже, сколько-бы я далъ, если-бы могъ видѣть передъ собою даль, горизонтъ, горы, поля, а не фасады 6-ти этажныхъ домовъ, гдѣ кипитъ лихорадочная жизнь; тутъ всѣмъ некогда, всѣ торопятся, другъ друга перебиваютъ, толкаютъ, другъ у друга вырываютъ, а рядомъ съ этимъ идетъ горячая дѣятельность, пріобрѣтаютъ, сочиняютъ, издаютъ, обогащаютъ, поднимаютъ духъ, культъ, развиваютъ всѣ удобства къ вашимъ услугамъ: телефонъ, телеграфъ, локомотивы, воздушные шары, машины, чего лучше? Да здравствуетъ прогрессъ! Ну, а человѣкъ самъ настолько-же улучшился? Но довольно объ этомъ, мы въ Парижѣ, и сами начинаемъ толкаться и торопиться.

434. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 25 октября 1886 г.

„Наконецъ-то!“—навѣрное скажете вы. „Наконецъ-то,“—говорю и я, что могу отвѣтить на ваши добрыя письма и дать знать о себѣ. Въ Biarritz'ѣ я торопился окончить кое-что по части литературы [1]), и долженъ сказать вамъ, дорогой В. В., что перомъ я гораздо хуже владѣю, чѣмъ рѣзцомъ; и хуже всего то, что я сознаю это, а потому становлюсь похожимъ на картину Замакойса „Монахъ и осень“ [2])—оба упрямы и другъ другу уступить не хотятъ. Затѣмъ начался отъѣздъ, шапочныхъ знакомствъ много, погода чудная, и все-таки я ѣду сегодня-же... Нѣтъ, завтра, а то не лучше-ли отложить поѣздку на нѣсколько дней?.. Наконецъ—ѣду; сидя въ вагонѣ, я твердо рѣшаю,

1) Автобіографія Антокольскаго.

2) Современный живописецъ въ Парижѣ.

какъ только пріѣду въ Парижъ, первымъ дѣломъ отвѣтить добрымъ друзьямъ, а то ни на что не похоже, даже свинство! И тутъ-же самъ себѣ диктую будущее письмо; главное не забыть то-то и другое-то. Но, увы! какъ только я пріѣхалъ въ Парижъ, тотчасъ все было отодвинуто на второй планъ—начинается новая бѣготня, новая жизнь: тотъ хочетъ меня видѣть, другого я хочу видѣть, и все это необходимо, неотложно. То-же самое бываетъ со мною всякій разъ, когда я пріѣзжаю въ Парижъ. А въ этотъ разъ прибавились еще новыя хлопоты: необходимо устроить квартиру, возиться съ рабочими, ждать въ мастерской посѣтителей и т. д. Теперь-же, хотя я еще далеко не угомонился, но все-таки настолько, что могу собраться съ мыслями и начать работать.

Начну съ того, что всѣ ваши письма я получилъ, за что я вамъ болѣе чѣмъ благодаренъ.

Главное, мнѣ дорогъ портретъ Нестора (но вопросъ — насколько это дѣйствительно его портретъ) и удостовѣреніе, что портретъ Ермака есть поддѣлка позднѣйшихъ временъ. Значитъ, нечего мнѣ искать и блуждать. За всѣ эти сообщенія я горячо обнимаю васъ, да и кромѣ этого я всегда и мысленно дѣлаю то-же.

Что сталось, наконецъ, съ Крамскимъ? Знаете, дорогой В. В., что я имѣю поводъ быть недовольнымъ Крамскимъ, какъ вѣроломнымъ другомъ. Можно быть недовольнымъ имъ за то, что онъ первый-же ораторствовалъ за передвижниковъ, и противъ Академіи онъ становится такимъ ренегатомъ. Все это нехорошо, очень нехорошо, но нехороши и наши передвижники: ихъ дѣйствія крайне узки, односторонни, а потому они обречены на смерть. Все должно обновляться, идти прогрессивно. То, что было вчера прекрасно, сегодня можетъ казаться никуда негоднымъ. Но хуже всего то, что передвижники преслѣдуютъ больше свою, чѣмъ общественную выгоду. Группа такихъ талантливыхъ людей, какъ передвижники, могла-бы сдѣлать въ сто тысячъ разъ больше, чѣмъ она сдѣлала, если-бы была у нихъ у всѣхъ истинная любовь къ прогрессу, къ народному искусству. Дѣло въ томъ, что недостаточно самимъ работать: необходимо идти на встрѣчу публикѣ, дать ей возможность понять и полюбить свое искусство. Конечно, единичный художникъ не въ силахъ это сдѣлать, но цѣлая группа, къ которой питали-бы безграничное довѣріе, могла-бы сдѣлать въ сто тысячъ разъ больше. Они не заботились ни о дешевыхъ фотографіяхъ, ни о журналѣ, ни о чемъ другомъ, а только о томъ, на что уставъ ихъ указываетъ. Уставъ—законъ, но когда онъ становится узкимъ—онъ смѣняется.

Рѣпину желаю успѣха въ его новой задуманной работѣ, но боюсь, что все, не касающееся Россіи, ему слабѣе подчиняется.

Что же наконецъ съ Эліасикомъ? Вѣдь онъ долженъ былъ давно окончить программу.

Представьте себѣ, какъ мнѣ было жаль, когда узналъ отъ m-me Левенсонъ въ Biarritz, что вашъ братъ праздновалъ серебряную свадьбу. И почему я не зналъ это во-время! Хотѣлъ-было писать, но подумалъ,

что яичко дорого на Пасхѣ; ну, а коли лучше поздно, чѣмъ никогда, то и теперь шлю имъ мое горячее поздравленіе и постараюсь къ золотой ихъ свадьбѣ быть болѣе внимательнымъ.

Скажите мнѣ, пожалуйста, добрѣйшій В. В., куда переслать мнѣ вашъ бюстъ? Онъ ждетъ приказаній. Мнѣ-бы очень, очень хотѣлось прислать его прямо въ Публичную Библіотеку. И чѣмъ кончились различныя проволочки по этому дѣлу?

Статья ваша про Академію въ Римѣ очень хорошая, а главное—правдивая съ начала до конца [1]).

Недавно вышла исторія Академіи художествъ. Это я узналъ по газетамъ вчера, и представьте себѣ, какая странность—я тоже написалъ исторію Академіи художествъ, только въ сатирическомъ смыслѣ; я озаглавилъ ее „Легенда о сотвореніи художественнаго міра".

Мнѣ кажется, что вы, съ этой стороны, меня не знаете; ну, скоро будете судить, насколько я мѣткій стрѣлокъ. Только, ради Бога, никому ни слова. Если моя статья появится въ печати, то подъ псевдонимомъ. Я создалъ „Ивана Грознаго", „Мефистофеля", когда душа была возмущена и переполнена: то-же самое и теперь. Впрочемъ я это написалъ такъ, между прочимъ. Въ это лѣто я писалъ болѣе серьезно.

Пишите мнѣ, ради Бога, и не оставляйте отвѣтъ, какъ я—вамъ не примѣръ.

Мы всѣ теперь простужены, одно только утѣшеніе, что и всѣ другіе простужены, согаситесь сами—утѣшеніе не большое.

„Спиноза" изъ мрамора кончается. „Мученица" начата, мраморъ превосходный. „Мученица" особенно нравится всѣмъ.

Недавно у меня была греческая королева, которая, повидимому, была тронута моей работой. Она была очень проста и очень любезна со мною, и даже прислала свой альбомъ, чтобы я тамъ написалъ ей что-нибудь.

Здѣсь теперь Третьяковъ. Всякій разъ, когда я вижу нашихъ меценатовъ, или думаю о нихъ, меня крайне возмущаетъ ихъ узкость, и сколько они ни думаютъ о своей самостоятельности, а все думаютъ за нихъ иностранцы. Пошла мода на живопись и презрѣніе къ скульптурѣ—у насъ повторяется то-же самое. Требуютъ колорита, или акварели, или является мода на что-нибудь другое—мы тотчасъ приходимъ въ телячій восторгъ, и повторяемъ обще-европейскій восторгъ.

А скажите, пожалуйста, почему скульптура въ такомъ презрѣніи сравнительно съ живописью? Развѣ она не искусство? Развѣ она не можетъ достигнуть того-же, чего другія искусства? Намъ говорятъ, что скульптура плоха, но когда будетъ потребность въ скульпторахъ, вѣрьте, что между плохими найдутся и талантливые. А знаете, что я сейчасъ думаю? Что вашъ нравственный долгъ—придти скульптурному искусству на помощь. Для васъ должны быть всѣ дѣти равны. Я-бы самъ сталъ говорить объ этомъ, но подумаютъ, что я преслѣдую эгоистическія цѣли.

---

[1]) Напечатана въ «Новостяхъ» 29 сентября 1886 г.

Будьте здоровы, дорогой мой В. В.

P. S. Отъ N. я давно получилъ письмо, на которое онъ просилъ сейчасъ отвѣтить, но я все-таки не отвѣтилъ; нѣтъ, написалъ, но не послалъ. Онъ просилъ у меня одолжить ему подъ вексель 4000 руб., а какъ разъ у меня тогда не было столько же копѣекъ; я даже подумалъ, что судьба насмѣхается надо мною—люди считаютъ меня такимъ богатымъ, что я могу дать такую сумму такъ легко, какъ Поляковъ или Штиглицъ. Что я могъ отвѣтить ему? Нѣтъ!—Не повѣритъ. Дать? Не могъ. „Ну, подумалъ я, зачѣмъ выворачивать карманы и божиться, что у меня нѣтъ, пускай подумаютъ обо мнѣ, что хотятъ". Да чортъ-бы побралъ всѣ эти векселя, а меня сохрани Боже отъ нихъ! Избѣгаю ихъ давать, какъ избѣгаю брать.

435. Къ нему же.

Парижъ. Получено 28 октября 1886 г.

Вотъ видите какой я—коли молчать, то отъ всей души, за то коли берусь писать, то тоже запоемъ. Но когда пишу, значитъ думаю, живу и дѣйствую; а когда молчу—сплю.

Сегодня я прочелъ вашу статью про Листа въ „Новостяхъ" [1]). Я всегда радъ встрѣтить ваши слова въ печати, радъ еще тому, что вы живо, неустанно продолжаете идти впередъ общимъ движеніемъ, среди группы честныхъ тружениковъ. Отзывъ Листа для насъ всѣхъ равно знаменателенъ, въ особенности, въ области музыки. За это приходится намъ низко поклониться передъ его памятью. Этимъ онъ оказываетъ огромную услугу не только музыкѣ вообще, но и тѣмъ единичнымъ талантливымъ труженикамъ, которыхъ нужно чтить, какъ святыхъ, взявши въ соображеніе, что̀ они переносятъ во имя искусства. Въ прошломъ году я случайно встрѣтилъ здѣсь Листа; это было на концертѣ Рубинштейна. Онъ ходилъ постоянно съ m-me Мункачи, которая эксплуатировала его. „Вотъ и г-нъ Антокольскій", сказала она, когда мы очутились среди толпы носъ съ носомъ. „А!—сказалъ онъ улыбаясь, очень радъ, помните, когда я былъ у васъ въ мастерской въ Римѣ?" Но тутъ волна народа обступила его, и я очутился очень далеко отъ него. Онъ былъ у меня въ мастерской лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, и я былъ удивленъ, что онъ теперь помнитъ меня и мою мастерскую; я и не подозрѣвалъ, что онъ интересовался мною; а потомъ какъ я жалѣлъ, что не пригласилъ его въ мою мастерскую, чтобы представить ему остальныхъ дѣтей моего творчества! Знаете, дорогой В. В., такіе люди долго живутъ и послѣ смерти. Я теперь очень жалѣю, что Мункачи не привелъ его ко мнѣ. Жаль—я имѣлъ-бы случай низко поклониться ему.

Вчера я взялъ еще заказъ—портретную статую барона Штиглица. Все это прекрасно, я этому радуюсь, но не совсѣмъ-то, потому что

[1]) Статья В. В. Стасова: «Венгерецъ и венгерка о Листѣ» напечатана въ «Новостяхъ» 14 ноября 1886 г.

мои задушевные сюжеты, которые, къ сожалѣнію, нравятся только мнѣ одному, да еще вамъ (а можетъ быть еще кому-нибудь), должны всѣ быть отложены.

Сюда пріѣхалъ Маковскій (Константинъ), онъ намѣренъ пробыть здѣсь всю зиму.

Русскій кружокъ двигается. Молодежь имѣетъ центръ, и это очень много. Къ сожалѣнію, А. П. Боголюбовъ не совсѣмъ здоровъ, а онъ въ кружкѣ главный человѣкъ. Но по всей вѣроятности это скоро пройдетъ,—у него сыпь на лицѣ. Онъ былъ очень доволенъ вашей статьей про „тюрьму", которая проектируется въ Римѣ для молодыхъ художниковъ.

436. Къ нему же.

Парижъ. Получено 7 ноября 1886 г.

Я сдѣлалъ эскизъ „Нестора". Мнѣ кажется, что очень удачно. Теперь я работаю эскизъ „Ермака". Главное, мнѣ хотѣлось въ немъ выразить русскую смѣлость, удальство, при полной бодрости, силѣ. Вотъ почему я одѣваю его не какъ казака, не какъ князя, а просто одѣтымъ во что попало, т.-е. не по-княжески и не ратникомъ, а немного и то, и другое. А впрочемъ, все это можетъ быть еще передѣлано.

Кажется, я сказалъ вамъ, что я долженъ также дѣлать портретную статую барона Штиглица.

Скажите, добрѣйшій Владиміръ Васильевичъ, куда выслать вашъ бюстъ? Пишите, пожалуйста.

Я-же вошелъ въ дѣло—работаю, слѣдовательно опять живу для искусства, а потому буду и говорить о немъ, а пока спѣшу послать это письмо.

437. Къ нему же.

Парижъ. Получено 14 ноября 1886 г.

Вотъ какъ я стараюсь наверстать мое долгое молчаніе — пишу даже тогда, когда не о чемъ писать. А впрочемъ, прежде всего могу выразить вамъ мое сожалѣніе насчетъ Эліасика. Я не знаю, насколько удачно или неудачно онъ выполнилъ свою программу, думаю однако, что ужъ не такъ плохо. Но Богъ съ ними, все это меня совсѣмъ не огорчаетъ, вѣдь и я тоже ничего не получилъ отъ Академіи, и, однако-же, слава Богу, кое-какъ живемъ, кое-что дѣлаемъ, никого не обижаемъ и честь Россіи не затрагиваемъ. Дай Богъ, чтобы и Эліасикъ съ честью продолжалъ творить и трудиться. Но все это доказываетъ, до чего доводятъ вообще эти золотыя медали. Ихъ получаютъ большею частью зазубриваніемъ—люди тупоумные, посредственные, а таланту приходится спуститься до посредственности, до рутинности, чтобы получить медаль! Боже мой, сколько приходится потомъ отряхивать съ себя того слоя рутины, который набирается, сидя въ Академіи. Да, дорогой В. В., не плыть пообщему теченію—не легко, за то чувствуешь свое достоинство. Во всемъ этомъ меня трогаетъ то живое участіе, какое вы принимаете въ Эліасѣ. Это для него большое утѣ-

шеніе. Но въ сторону сентиментальность, необходимо посмотрѣть на дѣло еще иначе.

Здѣсь, когда даютъ медаль въ „Салонѣ", то даютъ не только за то произведеніе, которое было туда представлено, а берутъ въ соображеніе талантъ художника, его заслуги, вообще, дѣлаютъ общій выводъ. Думаю, что это необходимо примѣнять вездѣ и къ каждому.

Положимъ, что у ученика насморкъ именно въ тотъ день, когда онъ долженъ держать экзаменъ; благодаря насморку, онъ плохо отвѣчаетъ и проваливается. Но вѣдь учителя хорошо знаютъ, что онъ отличный ученикъ, что онъ круглый годъ отлично учится. На что мнѣ, спрашивается, экзаменъ? Но „такъ заведено—скажутъ,—а ты, милый мой, не старайся передѣлать цѣлый міръ—не по силамъ тебѣ это". А все-таки, отвѣчу я, каждый долженъ дѣлать то, что́ можетъ, а главное—не молчать о томъ, что его возмущаетъ. Храмъ создается изъ единичныхъ кирпичей, общими усиліями; пускай же каждый принесетъ въ честь храма то, что можетъ, и зданіе будетъ создано. Въ этомъ отношеніи я знаю васъ перваго: вы не откладываете, не говорите „куда мнѣ!" У васъ живо отражается то, что событіе дало вамъ, и благодаря этому вы одинъ сдѣлали больше, чѣмъ многіе другіе.

Вчера я опять прочелъ вашу статью о передвижникахъ. Я не восторгаюсь, что передвижники стоятъ впереди, было время, когда я ихъ называлъ „подвижники". Теперь же они пріобрѣли общую симпатію, общее сочувствіе. Отъ всей глубины души желаю имъ стоять на той вышинѣ, какую они заслужили. Эти люди—піонеры. Но я боюсь, что дѣятельность ихъ однообразна: жизнь не любитъ этой однообразности; ежегодно дерево смѣняетъ свои листья, и листья каждый годъ тѣ же, да все-таки не тѣ. Спрошу—за пятнадцатилѣтнюю ихъ дѣятельность, какіе плоды они принесли? Увеличили-ли любителей? Развилось-ли искусство? Думаю, что ни то, ни другое.

Въ этомъ трудно ихъ винить—таланты не создаются, а рождаются. Но, повторяю, и сто разъ повторяю: кому Богъ много далъ, отъ того много и требуется. А отъ нихъ всѣ имѣли-бы право требовать хоть-бы изданія художественнаго журнала, хоть-бы изданія фотографій ихъ-же произведеній.

За то совершенно по душѣ пришлась мнѣ Академическая выставка. Спустя пятнадцать лѣтъ, наконецъ, додумалась тоже посылать. Да искренно ли, изъ любви-ли къ искусству дѣлается это? Вы, правда, замѣтили, что никто не можетъ пострадать отъ многихъ выставокъ; да пускай ихъ! но отъ тормоза, отъ того, что бросаютъ палки подъ колесо, искусство можетъ порядочно пострадать, т.-е. опять тормозиться. Въ этомъ отношеніи Академія опять становится тормозомъ. Но велика сила Россіи—не затормозить! Можно провести одного, двухъ, трехъ, но не всѣхъ; въ концѣ-концовъ ложь, неискренность выступаютъ очевидно для всѣхъ. Вотъ почему Академическая выставка, несмотря на всю оффиціальную силу, должна уступить дерзкимъ художникамъ, осмѣливающимся не слушаться конференцъ-секретаря.

Не знаю, передала ли вамъ Л. П. Свѣчникова мои „Записки".

Пожалуйста, прочитайте ихъ и скажите, что найдете тамъ нехорошаго. Главная цѣль моихъ „Записокъ“ это—объясниться съ публикой, не какъ „я“ лично, а какъ художникъ вообще. Думаю, что это крайне необходимо.

Я состряпалъ эскизъ „Нестора“. По композиціи оригинально, но вѣдь за это иногда достается.

438. Къ Е. Г. Мамонтовой.

Парижъ, осень 1886 г.

Слышалъ я драму Толстого [1]), это—неаполитанское искусство въ скульптурѣ, только грандіознѣе, т.-е. такъ же сильно, какъ и отвратительно. Впрочемъ не все. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ такъ-же великъ, какъ и возмутителенъ. Это геніальный художникъ, съ анатомическимъ ножемъ въ рукахъ, которымъ онъ добирается до глубины сердца, причиняя ужасную боль. Но что всего больше удивляетъ меня, это то, какъ Толстой, который только и видѣлъ опору въ народѣ, который любилъ этотъ народъ до обожанія, вдругъ показалъ въ немъ испорченность до апогея. Мнѣ говорили, что эта драма такъ реальна, такъ натуральна, что дальше идти нельзя. Это совершенная правда, но, прибавлю, дальше идти некуда, а потому слѣдуетъ бить отбой.

439. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 24 ноября 1886 г.

Поступокъ Академіи противъ Эліасика [2]), повидимому, сильно возмущаетъ васъ, да и есть за что, когда тамъ собралась ватага бездарныхъ, которые ворочаютъ судьбою русскаго искусства. Когда имъ плюютъ въ глаза, какъ это случилось на Берлинской выставкѣ, они на годичномъ актѣ во всеуслышаніе говорятъ, что это „Божья роса“, что „вся пресса отнеслась къ нимъ съ похвалою“. Послѣ такого извращенія, что дальше говорить съ ними? Остается только одно изъ двухъ: обличить ихъ во лжи, или-же, еще лучше, оставить ихъ сгнивать, и какъ можно подальше быть отъ нихъ.

Я радъ за Эліасика, что онъ сознаетъ свое достоинство и не падаетъ духомъ. Мнѣ остается только присоединиться къ вашему мнѣнію: конечно, жаль денегъ, но еще болѣе жаль своей индивидуальности, своей самостоятельности! А быть покорнымъ слугой еще четыре года, когда болѣе всего необходимо стряхнуть съ себя всю академичность, можетъ отозваться не совсѣмъ хорошо на дальнѣйшей судьбѣ.

Во всякомъ случаѣ, Эліасикъ сдѣлалъ все, что могъ, и для насъ онъ останется тѣмъ-же, чѣмъ былъ.

---

[1]) «Власть тьмы».

[2]) Отказъ въ преміи и медали.

Вы удивляетесь, почему я дѣлаю статую Штиглица тогда, когда разъ сказалъ, что съ мертвыхъ больше работать не буду. Но статуя— не бюстъ: въ статуѣ я творю, а въ бюстѣ — подражаю. То, чего можетъ недоставать въ бюстѣ, въ фигурѣ можетъ быть дополнено чѣмъ-нибудь другимъ.

Вы также удивляетесь, почему я такъ нападаю на передвижниковъ. Это — за ихъ однообразное дѣйствіе; за то, что оно скорѣе съуживается, чѣмъ расширяется; за то, что они недостаточно отстаиваютъ честь русскаго искусства, какъ это случилось на иностранныхъ выставкахъ; наконецъ, за то, что, видя, какой сильный тормозъ у насъ въ искусствѣ, они постоянно безмолвствуютъ, дескать „моя хата съ краю". Не забудьте, дорогой В. В., кому Богъ много далъ, отъ того много и требуется. А передвижники стоятъ на такой вышинѣ въ общественномъ мнѣніи, что они могли-бы и должны-бы сдѣлать въ сто разъ больше, чѣмъ сдѣлали. Не говорите, пожалуйста, мнѣ, что „это не ихъ „задача". Это задача каждаго порядочнаго человѣка и художника, а тѣмъ болѣе цѣлаго общества художниковъ, которымъ дорого русское искусство.

Я теперь работаю эскизъ „Ермака". Я долженъ сказать вамъ, что я всегда неохотно дѣлаю эскизы. У каждаго художника своя манера, а у меня всякій эскизъ ослабляетъ творчество, ибо я достаточно ясно вижу, что долженъ дѣлать, и лучше у меня выходитъ, когда не дѣлаю предварительно эскиза. Но теперь я поставленъ въ такое положеніе, что эскизъ необходимъ, и не могу сказать, чтобы это было мнѣ легко. Приходилось сдѣлать сперва „Нестора", и еще не успѣлъ войти въ эпоху того времени, какъ пришлось отскочить отъ него и проникнуться нашимъ вѣкомъ, т.-е. сдѣлать эскизъ для статуи барона Штиглица. И вотъ я теперь опять стою около „Ермака". Эти быстрые скачки мнѣ очень не по душѣ.

Между прочимъ, я вчера видѣлъ А. П. Боголюбова, который сказалъ мнѣ, что врядъ-ли „Ермакъ" носилъ сапоги, а скорѣе „поти". Это родъ лаптей, сдѣланныхъ изъ кожи, и такъ-же перевязанныхъ на ляжкахъ, какъ лапти.

Если-бы это такъ было, то я воспользовался-бы этимъ, потому что оно въ сто разъ художественнѣе, чѣмъ сапоги.

Пожалуйста, какъ только получите письмо, отвѣчайте на этотъ пунктъ, хотя боюсь, что отвѣтъ, все равно, опоздаетъ.

Мы кое-какъ перебрались на новую квартиру. Когда пріѣдете къ намъ, и прямо къ намъ, на новоселье? Милости просимъ.

Бюстъ вашъ на-дняхъ будетъ отправленъ по адресу, и я долженъ вамъ сказать правду: какъ только его тронули съ мѣста, такъ и жаль мнѣ стало—вѣдь вы постоянно стояли предо мною, не въ домѣ, а въ мастерской, гдѣ я творилъ, думалъ и работалъ.

Насчетъ моего пріѣзда, очень можетъ быть онъ и состоится: все изъ-за эскизовъ, а говоря вѣрнѣе—изъ-за денегъ. Чортъ-бы ихъ побралъ! И такъ ихъ много здѣсь надо, а тутъ устройство квартиры, которая вгоняетъ меня, ухъ, какъ далеко!

440. Къ нему же.

Парижъ. Получено 9 января 1887 г.

Наконецъ, я получилъ ваше письмо, которое я ждалъ съ нетерпѣніемъ. Я такъ и чувствовалъ, что тутъ что-то неладно съ вашимъ молчаніемъ, и очень огорченъ, что вы были не совсѣмъ здоровы. Но слава Богу, что все прошло. А впрочемъ, кто абсолютно здравствуетъ? Кто въ своей жизни не былъ боленъ? Я въ этомъ отношеніи обстрѣленный — частенько хвораю, и долженъ сказать вамъ, что болѣзнь, иногда, служитъ мнѣ нравственнымъ отдыхомъ, хотя конечно физически устаю. Совершенно другое съ людьми, которые рѣдко хвораютъ: въ такихъ случаяхъ они больше вредятъ себѣ, чѣмъ болѣзни. Я очень, очень радъ, что „Записки" мои вамъ нравятся, и очень сожалѣю, что онѣ такъ выполированы [1]). Я долженъ сказать вамъ, что я написалъ ихъ и, не пересмотрѣвъ, сейчасъ отдалъ поправлять. При этомъ я умолялъ поправлять только грамматическія ошибки, а все остальное сохранить. Вы хорошо знаете, какъ я дорожу индивидуальностью; пускай неправильно, но свое; тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію даже И. С. Тургенева, „у меня не русскій языкъ, но своеобразный, и пахнетъ какимъ-то особеннымъ букетомъ". Это онъ самъ мнѣ сказалъ. Что касается ошибокъ, то онъ сказалъ, что „необходимо поправлять ихъ такъ, чтобы вы цѣликомъ остались", тѣмъ болѣе, что и слогъ у меня хорошій.

Вотъ за это-то взялась нѣкая m-me Луканина, которая твердила то-же, что и Иванъ Сергѣевичъ. Записки она взяла съ собою въ Петербургъ, и я просилъ передать ихъ вамъ. Что она съ ними сдѣлала и какъ—я узналъ только изъ вашего письма. Конечно, такъ оставить я не желаю, да кромѣ того, перечитавъ свою рукопись, много койчего придется вычеркнуть и прибавить.

Что-же касается вашихъ замѣчаній, что въ нихъ много пропущено, то замѣчу, что я не намѣренъ писать о моемъ дѣтствѣ—дѣтство мое слишкомъ мрачно, да такъ мрачно, что я съ содроганіемъ вспоминаю, а писать мнѣ о немъ тяжело. Да притомъ-же, подобныя автобіографіи очень интересны, но для этого, во-первыхъ, необходимо сдѣлаться знаменитымъ и, во-вторыхъ, для знаменитости ужъ больно избито: „жилъ-былъ дѣдъ и баба, у нихъ были куча дѣтей, много хлопотъ и невзгодъ и ни гроша денегъ. Тяжело жилось всѣмъ, но еще тяжелѣе младшему сыну—онъ былъ нелюбимъ, всѣмъ ненавистенъ; кто хотѣлъ, тотъ билъ его; кто хотѣлъ, тотъ гналъ его; онъ всегда былъ неправъ, всегда виноватъ, и всегда доставалось ему за всѣхъ. Его никто не ласкалъ, не цѣловалъ, не мылъ, не чесалъ; онъ былъ оборванецъ, замарашка. И чудо! Этому-то и достался золотой башмачокъ, изъ него-то и вышелъ знаменитый..." Не правда-ли, этимъ начинаются всѣ автобіографіи знаменитыхъ художниковъ, въ томъ числѣ и моя.

Очень интересно, но не ново. Гораздо для меня важнѣе пере-

[1]) Г-жей Луканиной, см. ниже.

ходъ, именно—мое пребываніе въ Академіи. Я вовсе не имѣлъ въ виду главное себя. Мнѣ просто хотѣлось объясниться съ публикой, и думаю, что этимъ сослужу добрую службу молодымъ художникамъ и самому искусству.

Затѣмъ, нѣкоторыя изъ вашихъ замѣчаній дѣльны, и я постараюсь ими воспользоваться.

„Записки“ мои можете дать Рѣпину прочесть, такъ какъ о немъ тамъ много говорится, да притомъ, можетъ быть, онъ кое-что припомнитъ мнѣ.

И такъ, эти „Записки“ только отрывки; когда-нибудь я, все-таки, напишу свое дѣтство, а затѣмъ хотѣлось мнѣ разсказать мои впечатлѣнія въ Италіи и житье-бытье Парижское, и сравнить все это съ нашимъ искусствомъ.

Въ заключеніе, я все-таки выношу отрадное впечатлѣніе отъ нашего искусства. Будущность его еще впереди — это правда, но правда и то, что этой будущности положено основаніе.

441. Къ нему же.

Парижъ. Получено 4 апрѣля 1887 г.

Ужасно поразила меня смерть И. Н. Крамского.

Правда, всѣ мы были къ этому приготовлены, но мы только тогда начинаемъ жалѣть, сокрушаться, когда слышимъ роковое слово — „умеръ“! Но странное дѣло,—въ ту минуту меня это не поражаетъ, а сильнѣе поражаетъ впослѣдствіи. То-же самое случилось съ извѣстіемъ о смерти Крамского—выслушалъ я, повидимому, равнодушно, но всю ночь промучился. Умеръ И. Н. Крамской для искусства, какъ дѣятель, и въ этомъ я не знаю равнаго ему. Можетъ быть благодаря его дѣятельности, онъ умеръ раньше времени. Это былъ человѣкъ, который не останавливался на одной точкѣ, хотя-бы эта точка была золотая. Тотъ, кто ищетъ совершенства,—не можетъ до старости удовлетвориться тѣмъ, что пріобрѣлъ въ молодости, той малостью, которой хватаетъ только для маленькихъ душъ. Вы хорошо знаете, что онъ былъ душою преданъ артели. Можно даже сказать, что художественная артель есть его созданіе, такъ-же какъ и Общество передвижниковъ. Но остался-ли онъ доволенъ ими? На этотъ вопросъ могу отвѣтить положительно: нѣтъ.

Подводя впечатлѣнія, вывезенныя изъ Россіи, я не безъ сожалѣнія долженъ сказать, что за мною осталось нѣсколько грѣшковъ, и я спѣшу покаяться—главное, что мнѣ не удалось подписаться на адресѣ, поднесенномъ нами вамъ. Какъ это случилось—не знаю, но случилось; но великъ Богъ, будемъ еще въ Россіи! Потомъ еще каюсь, что не устроилъ свиданія съ Рѣпинымъ. Эти два грѣшка—словно два черныхъ пятнышка передъ обоими моими глазами, и они постоянно преслѣдуютъ меня. Но авось когда-нибудь, Богъ дастъ, я поправлю свои грѣхи. А пока, прошу передать Ильѣ, что я ни въ чемъ не перемѣнился, и что онъ, какъ и вы, есть и будете тѣми, что были для меня раньше. Я-же

долженъ заняться теперь прозаическою работою, что вовсе не соотвѣтствуетъ моему теперешнему настроенію.

Боголюбовъ продолжаетъ кричать, что, дескать, съ моей стороны будетъ не патріотично отказываться отъ участія въ конкурсѣ на монументъ покойнаго Государя; что это можетъ повредить мнѣ и т. д. Я-же остаюсь при своемъ—одно изъ двухъ: или не хотятъ меня, или-же не понимаютъ меня, и, въ обоихъ случаяхъ, конкуррировать мнѣ незачѣмъ.

442. Къ нему же.

Парижъ. Получено 6 апрѣля 1887 г.

Вчера послалъ вамъ письмо и забылъ просить у васъ одолженія, а именно—подписаться для меня на газету „Новости" на 9 мѣсяцевъ, деньги вышлю вамъ съ благодарностью.

Если увидите кого-нибудь изъ редакціи „Вѣстникъ Европы", Пыпина или Стасюлевича, то будьте такъ добры и спросите, какъ имъ нравятся мои „Записки"? Это очень интересуетъ меня. А. Н. Пыпинъ знаетъ эти записки, ему очень нравятся. Но что дальше говорятъ?

Кое-какія вставки я уже сдѣлалъ въ своихъ „Запискахъ", и долженъ сказать вамъ правду—не люблю я вставокъ, онѣ всегда замѣтны и не особенно клеятся съ цѣльностью. Но, все-таки, кое-какія вставки дѣлаю ради фактовъ.

Теперь я прибавлю нѣсколько словъ относительно И. Н. Крамского, а также нѣсколько анекдотовъ, которые я слышалъ о Пименовѣ—очень они характерны и своеобразны. Затѣмъ надѣюсь скоро окончить еще одну маленькую статейку; это будетъ какъ-бы продолженіе моихъ „Записокъ", но уже болѣе серьезное.

Очень огорчаетъ меня нездоровье моей жены, она сильно ослабла, хотя, повидимому, безъ причины; но думаю, что порядочно повредилъ ей докторъ, который лѣчилъ ее во время моего отсутствія. Теперь надѣюсь, что дѣло лучше пойдетъ, потому что она теперь въ рукахъ хорошаго доктора, который знаетъ ее давно.

Эліасикъ теперь въ Лондонѣ, оттуда поѣдетъ въ Амстердамъ и обратно сюда. Затѣмъ посмотритъ Салонъ и поѣдетъ въ Италію. А скажу вамъ по секрету—лучше-бы онъ поѣхалъ въ Динабургъ, и тамъ сдѣлалъ что-нибудь изъ еврейскаго быта, нежели свой глупый сюжетъ,—„какъ мать пугаетъ ребенка".

443. Къ Ел. Григ. Мамонтовой.

Парижъ, весна 1887 г.

На-дняхъ здѣсь открывается художественный „Salon", или, говоря вѣрнѣе, художественный базаръ. Увидимъ, что за диковинки тамъ будутъ. Впрочемъ, эта выставка всегда меня поражаетъ, если не качествомъ, то количествомъ.

Говорятъ, что въ этомъ году было прислано болѣе 9000 картинъ, а скульптуры болѣе тысячи. Больше половины картинъ забракованы,

каждый старается только, чтобы на него обратили вниманіе, и благодаря этому, пишетъ не какъ слѣдуетъ, а какъ лучше для „Salon“.

Нѣсколько дней тому назадъ была выставлена огромная картина венгерскаго живописца Мункачи. Сюжетъ — „Распятіе“. Этотъ художникъ представляетъ изъ себя печальный продуктъ нашего времени, и особенно художниковъ, живущихъ въ Парижѣ. Право, слѣдовало-бы поподробнѣе написать объ этомъ для предостереженія нашихъ молодыхъ художниковъ. Художникъ Мункачи вышелъ изъ народа (онъ былъ, кажется, раньше столяромъ), но скоро бросилъ ремесло и началъ заниматься искусствомъ. Въ 70-хъ годахъ онъ въ первый разъ произвелъ огромное впечатлѣніе своею небольшой картиной „Осужденный“.

Въ Венгріи есть обычай, когда кого-нибудь осуждаютъ на смерть, то за три дня до казни онъ доступенъ публикѣ. Мункачи мастерски создалъ эту вещь. Съ тѣхъ поръ онъ продолжалъ писать картины изъ народной жизни, приблизительно все изъ одной сферы, но на всемірной выставкѣ онъ поразилъ своею превосходною картиной „Мильтонъ, старый, слѣпой, диктуетъ своимъ дочерямъ“.

Это была картина до того искренняя, цѣльно-художественная, что онъ получилъ за нее первую награду.

Съ тѣхъ поръ имя его было упрочено. Около этого времени онъ женился на очень богатой вдовѣ. Казалось-бы, тутъ-то и работать ему на славу, но не тутъ-то было! Онъ сталъ жить на всѣхъ парахъ, это еще не бѣда, потому что художникъ можетъ проживать свои деньги, но не талантъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже достаточно заработалъ; но онъ отдался въ руки эксплуататору, съ которымъ сталъ обдѣлывать дѣла. Онъ бросилъ свой прежній родъ искусства, и сталъ заниматься религіозными сюжетами на огромныхъ холстахъ. Первая картина въ этомъ родѣ была: „Христосъ передъ Пилатомъ“. Эта картина имѣла огромный успѣхъ, и хотя успѣхъ былъ раздутъ, но здѣсь никто не обращаетъ вниманія ни на подкупъ газетъ, ни на другія подобныя гадости. По моему, дѣйствительно, въ этой картинѣ было еще много достоинствъ, но я уже тогда видѣлъ, что онъ идетъ не по своей дорогѣ, и что если онъ такъ дальше пойдетъ, то непремѣнно свихнется, главное потому, что въ этой картинѣ уже не было той искренности, единства и цѣльности, какъ въ предыдущихъ его картинахъ. Но хуже всего, что онъ сталъ искать риторическихъ фразъ, фальшивыхъ позъ. Конечно, въ такихъ случаяхъ глубокаго впечатлѣнія не получалось, потому что все было выдумано, а не прочувствовано. Многіе тогда говорили, что его „Христосъ“ похожъ на моего; между нами буди сказано, онъ взялъ у меня фотографію съ моего „Христа“: въ это время мы и познакомились съ нимъ. Но его бутафорская обстановка и мишурныя украшенія оттолкнули меня. Я видѣлъ, что и въ жизни, какъ въ искусствѣ, у него одна и та же ходульность. Онъ дѣлаетъ все, чтобы заставить говорить о себѣ. Его картина въ это время объѣхала всю Европу, собрала около 100,000 денегъ, и въ концѣ-концовъ доказала ясно, что онъ промѣнялъ свой талантъ на деньги, и что у него искусство не цѣль, а только средство. Это онъ еще больше дока-

залъ своей картиной „Распятіе". Эта картина еще больше, чѣмъ предыдущая, искусственна и ходульна, ею онъ окончательно обличилъ себя. Бываютъ у художниковъ неудачныя вещи, бываетъ, что художникъ быстро старѣетъ, и не можетъ дать ту-же свѣжесть чувства, ту же силу искренности, какъ въ молодости; все это случается, но способъ выставокъ его картинъ вполнѣ доказываетъ, что онъ бьетъ на эффектъ для массы профановъ, что онъ пренебрегаетъ здравымъ отзывомъ людей компетентныхъ. Для него важнѣй всего—произвести побольше шума и выручить побольше денегъ.

Его торгашъ [1]) выстроилъ огромную галлерею съ шикомъ. За недѣлю раньше онъ далъ балъ, потомъ заставилъ журналы говорить обо всемъ, что будетъ въ его галлереѣ; было описано даже, какъ везли картины. Затѣмъ онъ открылъ адресный календарь и разослалъ 50,000 приглашеній, исключительно вечернія, отъ 8-ми до 11-ти часовъ. Входъ—длинный, узкій корридоръ, гдѣ была давка. Но этого-то и нужно было. За день раньше были разосланы такія-же приглашенія всей прессѣ. И тутъ не обошлось безъ угощенія. Но за то, въ средѣ здѣшнихъ художниковъ — общее негодованіе. Журналы не только ничего дурного не говорятъ, но даже говорятъ похвальныя и пустыя фразы. Такой господинъ ничѣмъ не пренебрегаетъ.

Написалъ я много, но право не знаю, насколько вамъ все это интересно. Меня-же все это до глубины души возмущаетъ, какъ и многое другое здѣсь. Послѣ выставки Мункачи у меня было такое отвратительное настроеніе, что я опять сталъ думать, не лучше-ли убраться отсюда во-время. Но куда?

Не сердитесь, что на этотъ разъ я столько наболталъ, право легче на душѣ стало.

444. Къ Ел. Гр. Мамонтовой.

Парижъ, весна 1887 г.

Причина моего долгаго молчанія была, во-первыхъ, въ томъ, что отдыхалъ послѣ многихъ всевозможныхъ треволненій. Среди отдыха я много писалъ, и между прочимъ—мои „Воспоминанія" о томъ, когда я сидѣлъ на академической скамьѣ. Это займетъ около пяти печатныхъ листовъ, и по всей вѣроятности появится въ печати. Не могу сказать, чтобы эти воспоминанія очень радовали меня. Напротивъ, я нахожусь въ тяжеломъ настроеніи,—во-первыхъ, жаль прошлаго, но его не возвратишь, а главное, я не вижу, чтобы искусство хоть въ чемъ-нибудь достигло въ своихъ положительныхъ стремленіяхъ; и самъ человѣкъ, и сама цивилизація не достигли своего идеала. Но объ этомъ, одно изъ двухъ, или приходится много говорить, или же ничего. Надѣюсь когда-нибудь съ вами обо всемъ этомъ болѣе обстоятельно поговорить.

---

[1]) Поль-Пети, собственникъ очень извѣстной художественно-торговой фирмы въ Парижѣ.

Я еще началъ „Письма изъ Италіи“, затѣмъ буду писать „Изъ Парижа“, и наконецъ мои „впечатлѣнія о русскомъ искусствѣ“.

Когда-нибудь вы увидите, что время свое я не израсходовалъ даромъ. Теперь мы въ Парижѣ; хотѣли-было ѣхать во Флоренцію, но нельзя еще, работа не кончена; надо еще подождать мѣсяца три, а между тѣмъ квартиру мы уже отказали, и пока живемъ въ меблированныхъ комнатахъ.

445. Къ С. И. Мамонтову.

Парижъ, весна 1887 г.

Дорогіе друзья!

Совершенно случайно, да и то поздно, узналъ я, что въ вашемъ домѣ былъ большой семейный праздникъ—Сережа кончилъ свое ученіе и вступилъ на военное поприще.

Да, было чему тутъ радоваться: это въ своемъ родѣ то-же, что поставить первый локомотивъ на рельсы.

Шлю вамъ свое, хотя и позднее, но тѣмъ не менѣе, сердечное поздравленіе. Дай Богъ, чтобы Сережа шелъ впередъ правильно и смѣло, быстро, какъ тотъ локомотивъ, чтобы въ вашемъ домѣ всегда были радость и веселье и чтобы на васъ радовались всѣ, кто любитъ все правдивое и хорошее. При вѣсти о радостномъ событіи въ вашемъ домѣ мнѣ припомнилось ваше первое посѣщеніе моей мастерской. Вы и Елизавета Григорьевна тогда пришли съ Сережей, и пока вы разсматривали мои работы, Сережа вскарабкался на рабочій столикъ (я тогда работалъ „Петра I“) и вылѣпилъ ружье, эмблему его будущей дѣятельности. Вспоминается мнѣ и мое первое посѣщеніе Абрамцева; помню, что ты, Савва Ивановичъ, одѣлъ меня въ бѣлую холстинную блузу, въ какихъ вы всѣ тамъ ходили, и я сталъ одинаковъ со всѣми вами. Съ тѣхъ поръ вашъ домъ сталъ мнѣ дорогъ, въ немъ я нашелъ пріютъ, въ немъ я часто отдыхалъ, отдыхала и моя усталая душа. Вы-же приняли меня, какъ родного, какъ друга, и, вѣрьте моей искренности, если я до сихъ поръ не могъ вознаградить васъ за это, то тѣмъ не менѣе старался всегда отплатить вамъ тѣмъ-же.

Съ тѣхъ поръ прошли многіе, многіе годы, лучшіе годы жизни, полные надеждъ и упованій. А хуже всего то, что съ тѣхъ поръ мы успѣли постарѣть и немножко охладѣть; дымкой занесло намъ дальній горизонтъ, и когда отъ насъ требуютъ кипучей идеальной дѣятельности, мы, безъ грусти, безъ сожалѣнія, но съ нѣкоторой достойной гордостью, указываемъ на нашихъ дѣтей, на подростающее поколѣніе, которое готовится замѣнить насъ.

Помнишь-ли ты, дорогой Савва Ивановичъ, нашъ разговоръ по этому поводу, когда мы однажды ѣхали изъ одного дома, полнаго роскоши, но откуда вѣяло пустыннымъ холодомъ, потому что въ домѣ не было дѣтей, будущихъ элементовъ жизни? Домъ этотъ былъ похожъ на гирлянды живыхъ, но срѣзанныхъ цвѣтовъ.

И такъ, благословенно дерево, дающее плоды, благословенны ро-

дители, имѣющіе дѣтей, умѣющіе передать свою жизнь, свое „я" достойнымъ дѣтямъ. Да будете-же и вы благословенны.

Что касается меня, то я одного лишь боюсь, чтобы, когда я когда-либо пріѣду къ вамъ, то не стали-бы вы на меня указывать, какъ на папинаго пріятеля, этого почти домашняго инвалида, съ которымъ нечего дѣлать и котораго надо лишь оставлять въ покоѣ.

Что мнѣ сказать вамъ про себя?

Знаете, когда на свѣтъ Божій является у родителей первый ребенокъ, что это за семейная радость! Сколько нарочныхъ, телеграммъ посылается бабушкамъ, тетушкамъ и друзьямъ. Сколько поздравленій! Какой общій интересъ къ новорожденному! Всѣ заботятся о немъ, всѣ о немъ говорятъ, всѣ слѣдятъ за его первымъ зубкомъ, первымъ шагомъ, первымъ словомъ.

При второмъ ребенкѣ родители извѣщаютъ своихъ дорогихъ родственниковъ ужъ только письменно, что дескать „Богъ далъ мнѣ сына—(или дочку); все благополучно, все идетъ своимъ чередомъ".

Про третьяго ребенка уже извѣщаютъ только при оказіи, а про четвертаго и пятаго совсѣмъ не говорятъ, а когда отецъ встрѣчаетъ пріятеля, тотъ съ улыбкой ему замѣчаетъ: „что, пятый пошелъ? Поздравляю! торопись, братъ"!

Родители-то всѣхъ дѣтей одинаково любятъ, всѣ они имъ одинаково дороги, и только имъ однимъ, пока не выхолятъ и не выведутъ ихъ въ люди. А тамъ, дальше, уже смотря по достоинству.

То-же самое со мной и съ моими произведеніями. Про нихъ и я самъ теперь неохотно говорю, а другимъ они мало интересны. Жду, пока не выведу ихъ въ свѣтъ, и тогда, авось, они сами за себя заговорятъ.

Да, я давно рѣшилъ, что лучшіе мои друзья, лучшая моя защита, лучшая моя опора—это мой трудъ, мое творчество, мои духовныя дѣти, и лучшее, что я могу дѣлать теперь, да, именно теперь, это—молчать, молчать и молча трудиться и творить.

Когда люди угомонятся и перестанутъ кричать: „Бей всѣхъ, а тамъ Богъ разберетъ, кто еретикъ и кто праведникъ", когда люди съумѣютъ отличать великое отъ невеликаго, тогда поймутъ и меня.

Будьте здоровы, старые друзья мои.

446. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 3 мая 1887 г.

Здѣсь мнѣ сказали, что статую „Вольтеръ" уже перенесли въ Эрмитажъ. Въ такомъ случаѣ хорошо было-бы пристать къ барону Горацію Осиповичу, чтобы онъ подарилъ „Спинозу" въ Публичную Библіотеку на мѣсто „Вольтера". Починъ къ этому я уже сдѣлалъ, но мнѣ онъ всегда отказываетъ. Остается только продолжать съ большей энергіи и авторитетомъ. Время теперь удобное—„Спиноза" почти оконченъ, а у него на „Спинозу" мѣста нѣтъ.

Заодно не могу не высказать своего сожалѣнія, что бюстъ вашъ

поставленъ въ такомъ мѣстѣ, куда публика не заглядываетъ [1]); а между тѣмъ, наглядное или пластическое искусство сдѣлано для того только, чтобы на нихъ смотрѣть.

Вотъ почему убѣдительно прошу васъ передать мое горячее желаніе, кому слѣдуетъ, чтобы бюстъ былъ поставленъ именно тамъ, гдѣ мы всѣ художники намѣтили, т.-е. тамъ, гдѣ вы провели ваши 40 лѣтъ дѣятельности и гдѣ прошло столько великихъ людей, въ томъ числѣ и мы малые.

Буду надѣяться, что мое авторское желаніе будетъ уважено, тѣмъ болѣе, что тамъ у васъ всѣ люди почтенные, глубокоуважаемые всѣми, въ томъ числѣ и мною.

У насъ въ домѣ лазаретъ, просто наказаніе! Но слава Богу, что отдѣлываемся тревогой.

Я не знаю, какая у васъ весна, но здѣсь достойна Петербургской, потому и болѣзни.

Теперь здѣсь много выставокъ, ихъ всегда много. Между прочимъ у George Petit есть выставка подъ ярлыкомъ „Интернаціональная", а въ сущности тутъ просто то, что вытащено изъ его магазиновъ, а тамъ больше всего произведеній „импрессіонистовъ". Хоть убейте меня — я ихъ не понимаю. У одного, а именно у главнаго и даже знаменитаго, Манэ, написано море, а я принялъ это (честное слово) за огородъ.

Думается мнѣ, что я не рутинеръ, и радъ-радехенекъ идти навстрѣчу всему новому и хорошему; но когда умъ за разумъ заходитъ— тутъ остается только хлопать глазами и пожимать плечами. Далѣе, много есть у него подражателей на разные лады. А все-таки они остаются тѣми-же французами рутинерами до мозга костей: то-же пустое, а подчасъ и пошлое содержаніе, съ голыми бабами на первомъ планѣ, которыхъ встрѣчаешь милліонами на всѣхъ выставкахъ. Впрочемъ, тамъ есть одна хорошая вещь у Манэ, это „Вокзалъ". Въ немъ много правды, движенія и своеобразія, но, конечно, ничего законченнаго.

Тамъ-же есть и новая скульптура. Мнѣ сказали, что какая-то газета отозвалась объ авторѣ этой скульптуры, что теперешній вѣкъ будетъ называться именемъ его. Но онъ забылъ прибавить, что развѣ только съ точки зрѣнія абсурда. Этого художника можно считать роднымъ братомъ Бельгійскаго сумасшедшаго живописца [2])—то же аллегорическое и фантастическое содержаніе, которое доходитъ до болѣзненности; все это доведено до уродливой неестественности, и все-таки, нельзя сказать, чтобы у этого скульптора не было таланта (имя его Роденъ): есть куски, вылѣпленные превосходно, но какъ и у импресіонистовъ—все не окончено. Онъ выставилъ 4 фигуры изъ гипса, больше натуры [3]). Одинъ старикъ, съ геркулесовскими руками и но-

---

[1]) Кабинетъ директора библіотеки.

[2]) Рѣчь идетъ здѣсь о Вирцѣ.

[3]) Эта группа—«les bourgeois de Calais», прославленное въ 70-хъ годахъ произведеніе. Сюжетъ: депутаты осажденнаго англичанами города Калэ выносятъ побѣдителямъ ключи города.

гами, держитъ огромный ключъ, а шея обвернута веревкою; вторая фигура въ такой-же хламидѣ, съ такой-же веревкой на шеѣ, только съ бородой, да притомъ въ другой позѣ; далѣе, опять человѣкъ въ томъ-же костюмѣ, только съ кривляніемъ до уродства. Все это онъ называетъ „буржуа“ (второе слово забылъ) [1]).

Ну, что скажете на это? Можетъ быть тутъ кроется какой-нибудь философскій трактатъ, но тутъ я, бѣдный, перестаю понимать что-нибудь.

Я забылъ сказать еще, что выставлена маска съ проказой или другой какой-то скверной болѣзнью. Такъ вотъ какъ далеко искусство зашло. Да здравствуетъ натурализмъ!

447. Къ нему же.

Парижъ. Получено 13 мая 1887 г.

Я радъ, что вы такъ горячо относитесь къ памяти умершаго Крамского.

Это дѣлаетъ великую честь нашему времени, и вамъ въ особенности. Отдать справедливость человѣку, который это заслужилъ, значитъ, быть самому справедливымъ, помнить добро и не думать о злѣ.

Просьба ваша къ Боголюбову — передана письменно. Онъ скоро будетъ въ Петербургѣ, и навѣрное будетъ у васъ. Онъ сказалъ мнѣ, что хочетъ обратиться къ вамъ, чтобы вы редактировали „Записку“, которую онъ хочетъ подать Государю насчетъ пилочнаго искусства. Пожалуйста, объ этомъ никому ни слова!!! Я же съ своей стороны прошу васъ переговорить съ нимъ насчетъ новаго конкурса. Но откуда вы взяли, что я буду работать на этомъ конкурсѣ? Я спрашивалъ только у васъ, какъ-бы тутъ выйти мнѣ съ честью, и при этомъ не повредить себѣ въ глазахъ Государя? Такъ какъ, главное, Боголюбовъ и Третьяковъ настаиваютъ, чтобы я непремѣнно конкуррировалъ, на томъ только основаніи, что отказъ мой можетъ сильно компрометировать меня и что этимъ я могу много потерять. Я-же вовсе не хочу конкуррировать, ибо хорошо знаю, что тутъ болото, и такъ или иначе сухо не выкарабкаюсь. Недавно былъ у меня съ Боголюбовымъ объ этомъ длинный разговоръ, и я успѣлъ упросить его, чтобы онъ узналъ, не будетъ-ли Государь противъ, если я откажусь отъ конкурса. Если этотъ отказъ дѣйствительно можетъ мнѣ повредить, тогда дѣлать нечего—придется дѣлать, но съ условіемъ, чтобы конкурсъ былъ отложенъ до весны. Заодно не забывайте переговорить съ нимъ насчетъ „Спинозы“. Онъ имѣетъ вліяніе на барона Гинцбурга, и такимъ образомъ, авось общими силами можетъ быть дѣло устроится, хотя я не ручаюсь.

Я не мало удивленъ тѣмъ, что у Крамского нашлись мои письма, даже много. Но насколько я помню, мы мало переписывались; у меня

[1]) De Calais.

осталась въ памяти переписка относительно „Христосъ передъ народомъ“. Онъ по фотографіи нашелъ, что у Христа ноги „Германика“, что шапочка лишняя и т. д. Я же отстаивалъ все это. Но потомъ, увидавъ „Христа“, онъ сказалъ мнѣ: „Я беру свои слова назадъ“. Затѣмъ вышло какое-то недоразумѣніе, что-то очень обидное, мнѣ кажется — относительно васъ; но я отвѣтилъ ему сдержанно и убѣдительно, послѣ чего онъ опять ретировался назадъ. Все это вмѣстѣ заняло нѣсколько писемъ. Но гдѣ они? Вотъ вопросъ. Благодаря моимъ переѣздамъ, многое находится вверхъ дномъ. Вообще, я не думаю, чтобы письма его ко мнѣ представляли отличительныя его черты. На сколько мнѣ помнится, тамъ ничего особеннаго не было. Но постараюсь, если найду, тогда, конечно, пришлю вамъ.

Вчера я былъ на выставкѣ Манэ. Конечно, раньше всего надо сказать, что онъ былъ или, вѣрнѣе, теперь сталъ близокъ только сердцу французовъ. Онъ говоритъ, такъ сказать, на ихъ нарѣчіи, которое имъ однимъ только и понятно. Мнѣ остается этому только вѣрить, но и на то моя добрая воля—могу и не повѣрить, и немного сомнѣваться. Дѣйствительно-ли Манэ такъ близокъ сердцу французовъ, искренно-ли французы имъ увлекаются и, наконецъ, дѣйствительно-ли Манэ былъ такой великій живописецъ, какіе только во Франціи рождаются и только имъ понятны? Я-же не буду смотрѣть глазами француза, а иностранца, и потому скажу коротко: Манэ — талантъ, но теперь онъ попалъ на художественную биржу, курсъ его стоитъ очень высоко, но нисколько не обезпечиваетъ его, что въ одинъ прекрасный день курсъ его не упадетъ, какъ это случилось съ Коро. Мнѣ нужно много самообладанія, чтобы говорить объ этой отвратительной биржѣ.

Французы говорятъ (я самъ это слышалъ), что только французы въ состояніи цѣнить прекрасное и съ достоинствомъ любить искусство. Я-же вижу, что искусство здѣсь въ рукахъ купцовъ; нѣтъ ни одного самаго маленькаго талантика, который не состоялъ-бы на откупу у торгаша, а о крупныхъ и говорить нечего—всѣ они проданы! Можете себѣ представить судьбу искусства, когда она находится въ рукахъ кулаковъ. Гдѣ тутъ высокій порывъ, идеалъ, стремленіе стать выше толпы? Задача каждаго купца—расхвалить свой товаръ, поднять его цѣну, и все только для того, чтобы какъ можно больше нажить. А для этого всѣ средства, — чистыя и нечистыя, въ ходу. „А ты, творецъ, не лукавь, не хитри; дѣлай, что отъ тебя просятъ. Разъ ты сталъ нравиться, то не разбрасывайся—дѣлай все въ томъ-же родѣ“. Вотъ ихъ катехизисъ, а художники — жалкіе акробаты. Чѣмъ болѣе прославляются, тѣмъ усерднѣе кувыркаются. Вспомните, сколько разъ, даже Мейсонье дѣлалъ „Читальщика у окна“. Не думаю, чтобы у него былъ недостатокъ въ такихъ скудныхъ сюжетахъ. Просто—спросъ былъ. То же самое и съ Манэ. Онъ часто повторяется до тошноты; но справедливость требуетъ сказать, что у него есть 3—4 прелестныхъ произведеній; при этомъ надо еще сказать, что во многихъ замыслахъ онъ самостоятеленъ, оригиналенъ, но рядомъ съ этими у него масса того хлама, который есть у любого художника въ папкахъ.

448. Къ нему же.

Парижъ. Получено 9 іюня 1887 г.

Я завтракаю въ мастерской, гдѣ провожу цѣлый день. Жду завтрака, и вмѣсто него принесли мнѣ ваше письмо, которое я проглотилъ тоже съ аппетитомъ, и сейчасъ пишу отвѣтъ, хотя ѣсть сильно хочется. Сейчасъ работаю статую барона Штиглица. Навѣрное она мало васъ интересуетъ, и на это я нисколько не могу быть на васъ въ претензіи, потому что я самъ скорѣе желалъ-бы творить, нежели работать. Но я сто разъ повторялъ и, по всей вѣроятности, еще сотни разъ повторю мое изреченіе: „Насколько умъ не довольствуется хлѣбомъ, настолько желудокъ не довольствуется мудростью". Что прикажете дѣлать? Парижъ очень благотворно дѣйствуетъ на желудокъ—аппетитъ огромный, страсть какъ хочется жить комфортабельно! Даже я немного развинченъ.

Вотъ на-дняхъ я, послѣ работы, пошелъ домой кругомъ черезъ Булонскій лѣсъ. Народъ скачетъ верхомъ, ѣдутъ въ колясках графы, князья, кокотки, виноторговцы, банкиры, а также люди безъ имени и прозвища; а я, усталый, измученный послѣ дневного гимнастическаго упражненія всѣми мускулами, что̀ я дѣлалъ? Статую барона Штиглица!!! Для чего? спрашивается. Только для того, чтобы успокоить желудокъ. Да здравствуетъ Парижъ, развивающій желудокъ и развинчивающій разсудокъ! Часто на меня такая дурь находитъ, что я готовъ перемѣнить Парижъ на самое маленькое мѣстечко, на-подобіе Парголова,—лишь-бы жить свободно, а главное, свободно творить; а то выходитъ, что, въ концѣ-концовъ, человѣкъ становится рабомъ своихъ собственныхъ прихотей. Охъ, что за деспотическая власть „свои прихоти"! Не желаю никакому порядочному человѣку узнать это. Но я несогласенъ съ вами насчетъ московскаго монумента. Я смотрю на него не съ матеріальной точки зрѣнія, а какъ на возможность художнику расправить свои творческія крылья. Я былъ-бы очень счастливъ, если-бы мнѣ въ жизни удалось сдѣлать что-нибудь художественное, индивидуальное. Но, увы! не суждено мнѣ это, а все благодаря пакости, мерзости, съ Академіей во главѣ, которая тормозитъ искусство. И сколько челяди, помощниковъ набрала себѣ теперь милая Академія!

Вы не можете себѣ представить, какъ меня возмутилъ отвѣтъ Чуйко [1]. Я лично не знаю его, но въ отвѣтѣ своемъ онъ выставилъ себя безцвѣтнымъ, бездарнымъ человѣкомъ, стараясь защищать себя и заглушить истину. Эти господа все бредятъ Рафаэлемъ, Микель-Анджело, всѣмъ тѣмъ, что̀ съ дѣтства наполнило все ихъ существо. Конечно, Рафаэль, Микель-Анджело сами по себѣ хороши, но тошно становится, когда они постоянно на языкѣ у людей, которые переварить ихъ не могутъ, и вмѣсто истинныхъ Рафаэлей, являются лишь только отрыжки. Можно уважать Рафаэля, и это нисколько не помѣшаетъ дѣлать свое, помимо Рафаэля.

---

[1]) Чуйко—писатель о художествѣ, классическаго настроенія.

Недавно я получилъ письмо отъ Боголюбова. Онъ передалъ мнѣ разговоръ съ Государемъ Императоромъ. По смыслу его мнѣ ничего не остается, какъ только просить отстрочки конкурса. А какъ мнѣ этого не хочется!!!

Я немного досадую на васъ, что вы, въ сущности, могли-бы узнать ходъ дѣла, и долженъ-ли я, или не долженъ, принять участіе въ конкурсѣ, ибо я нисколько не желаю быть пораженъ пигмеями. Вы должны были-бы это сдѣлать ради меня и ради самого искусства; а между тѣмъ, вы, повидимому, открещиваетесь отъ этого, будто изъ этого ничего не выйдетъ художественнаго. Но я-же повторяю: дайте мнѣ свободу дѣйствій—я удивлю васъ всѣхъ. Вы хорошо знаете, что хвастаться я не люблю, но я хорошо знаю свою силу, и тутъ я вынужденъ высказаться.

Радуюсь за Рѣпина. Жаль, что у меня нѣтъ здѣсь ничего отъ Крамского; все по всей вѣроятности осталось въ Римѣ вмѣстѣ съ „Сократомъ" и другими вещами. Радуюсь, что вы много работаете и бодры. Я-же похвастаться этимъ не могу: хотя я много работаю, но нѣтъ проку. О „Ермакѣ" и „Несторѣ" пока не думается: не такъ я теперь настроенъ, да притомъ-же терпѣть не могу дѣлать оконченные эскизы. Гораздо больше люблю дѣлать все совсѣмъ безъ эскизовъ,—по крайней мѣрѣ больше волненій, больше жизни и творчества.

Эліасикъ теперь, по всей вѣроятности, уже въ Италіи. Онъ въ восторгѣ не только отъ Мадридскаго музея, но и отъ тамошнихъ новѣйшихъ искусствъ. Я этому отъ души радъ — по крайней мѣрѣ, онъ уже не будетъ такъ падокъ на французское искусство. Но при этомъ онъ разсуждаетъ, конечно, по-своему, и какъ ему пріятнѣе. Главное для него въ искусствѣ—природа. Но говорятъ, что „на Бога надѣйся, а самъ не плошай". То-же самое можно сказать художнику и относительно природы: „на природу надѣйся, а самъ не плошай".— „Безъ природы все, и съ природой все". Дѣло въ томъ—надо умѣть брать отъ природы, а не ждать, что она дастъ тебѣ. Первое будетъ творчество, а второе—подражаніе, а чего добраго и ниже фотографіи. Въ первомъ высказывается плодовитость воображенія, а въ другомъ—бѣдность фантазіи. На это французы молодцы, всѣ имъ апплодируютъ и никто не замѣчаетъ, что это просто жалко.

Вотъ недавно я еще разъ проходилъ по выставкѣ: есть нѣкоторые художники, которые трогаютъ душу. Это меня сильно обрадовало. Но что значитъ „нѣкоторые" или „нѣсколько"? Среди 5000 есть много художниковъ, которые берутъ, именно, только то, что природа имъ даетъ, а потому выходитъ у нихъ какъ-то въ видѣ случайности. Пошла мода на Буланже [1]), и на выставкѣ десятки его портретовъ. Пастеръ, Шарко тоже во множествѣ экземпляровъ огромныхъ размѣровъ. Случится-ли пожаръ, выпадетъ-ли снѣгъ, или случилась кровавая драма—все это темы для художника. Не случись этого, остались-бы худож-

---

[1]) Генералъ Буланже, тогдашній претендентъ на мѣсто президента Французской Республики.

ники сидѣть сложа руки, или писали-бы свою мастерскую. Пожалуй, можно сказать, что это чуткость художника, откликающагося на всякое проявленіе. Но именно, такъ какъ все это случайныя явленія, фельетонныя или хроникерныя, составляющія интересъ минуты, то на это художникъ не долженъ тратить годы. А впрочемъ, у каждаго барона своя фантазія, и у меня тоже — своя. Пускай каждый дѣлаетъ по-своему, лишь было-бы хорошо, искренно, и тогда будетъ разнообразіе, а не однообразіе.

Ну, довольно, я много наболталъ, а завтракъ-то совсѣмъ остылъ. Будьте здоровы, я-же буду сердитъ, если забудете меня опять на долгое время.

А бюстомъ вашимъ, все-таки, я недоволенъ, въ чемъ и выражаю свой протестъ.

Мои записки будутъ печататься въ „Вѣстникѣ Европы" въ сентябрѣ и октябрѣ.

449. Къ нему же.

Парижъ. Получено 15 іюня 1887 г.

Озаглавить мои записки надо такъ: „Отрывки изъ моихъ воспоминаній". А затѣмъ хотѣлось-бы мнѣ посвятить ихъ первой женщинѣ, которая дала мнѣ толчокъ впередъ. Это—жена бывшаго Виленскаго генералъ-губернатора Назимова. Я до того глубоко цѣню ея доброту, и такъ ей благодаренъ, что послѣ смерти ея мнѣ хотѣлось сдѣлать ей надгробный монументъ, въ которомъ выразилось-бы все, чѣмъ она была. Представьте себѣ—на нѣсколькихъ каменныхъ ступеняхъ стоитъ тяжелый, тоже каменный крестъ, обвитый плющемъ; среди креста углубленіе, откуда смотритъ голова Христа добро и ласково; онъ призываетъ всѣхъ къ себѣ, а у подножія креста двое дѣтей, повидимому, сироты. Старшій поднимаетъ младшаго, а младшій обнимаетъ Христа и цѣлуетъ его прямо въ губы, какъ когда-то свою мать. Такова она и была для всѣхъ—и для меня. Но матеріальныя средства удержали меня отъ этого. Теперь посвященіе ей моихъ первыхъ „Записокъ" дало-бы мнѣ, такъ-сказать, моральное удовлетвореніе. Я помню ея имя и забылъ отчество; но могу узнать.

Мнѣ говорятъ, что печатать „Записки" теперь не время — такъ какъ я, все-таки, втянулся въ конкурсъ, и, чего добраго, онѣ много могутъ повредить мнѣ, потому что Академія ужъ навѣрно не погладитъ меня по головкѣ. Но вѣдь и до сихъ поръ она меня не ласкала; притомъ-же я убѣжденъ, какъ и вы,—въ томъ, что дадутъ дѣлать монументъ кому угодно, только не мнѣ. Развѣ случится чудо какое-нибудь, въ родѣ того, что министръ почтъ полюбитъ искусство, а что еще важнѣе, пойметъ его [1]). А между тѣмъ, я хорошо знаю этого министра, и очень сожалѣю, что онъ состоитъ членомъ комиссіи; но хуже всего, что онъ тамъ не единственный въ своемъ родѣ.

Но вотъ чего никакъ не понимаю, это то, что вы такъ отстра-

[1]) Графъ Ив. Матв. Толстой.

няетесь отъ подобной задачи. Почему вы думаете, что Фальконетъ могъ сдѣлать подобное дѣло, а я, грѣшный, нѣтъ? По-моему, если вы любите музыку, архитектуру, вы должны любить не только этотъ монументъ, гдѣ столько простору для фантазіи, а также и всякаго рода искусства, какъ выраженіе народнаго творчества. Вѣрующій говоритъ: „все въ Божьихъ рукахъ“, а мы, грѣшные, должны сказать: „все дѣло въ художникѣ“. Я надѣюсь, что создамъ что-то такое, что̀ и васъ порадуетъ. Вотъ почему прошу васъ раньше всего принять участіе, если не въ монументѣ, то во мнѣ, какъ творцѣ.

Послѣ письма А. П. Боголюбова, мнѣ осталось только просить комиссію отложить конкурсъ до марта 1888 г., и если онъ уважитъ мою просьбу, тогда, дѣлать нечего, полечу въ болото. Но на этотъ разъ ничто не удивитъ меня. Я иду на „нѣтъ“, а если паче чаянія—будетъ „да“,—тогда тѣмъ лучше. Какъ только получу удовлетворительный отвѣтъ (а, по всей вѣроятности, получу, такъ какъ и другіе конкурренты тоже просятъ отстрочки), то, по возвращеніи въ Парижъ, я начну; а пока, скоро ѣду отдыхать. Куда? еще и самъ не знаю.

Очень хотѣлось-бы мнѣ получить сотню фотографій Барщевскаго, но подожду отвѣта и тогда вышлю вамъ деньги и скажу, какія [1]).

Вотъ, что мнѣ хотѣлось написать въ видѣ предисловія: „Рѣшаясь издать часть моихъ воспоминаній, я имѣю въ виду то обстоятельство, что въ нашемъ маленькомъ разсадникѣ искусства, несмотря на свою молодость, уже успѣли развестись сорныя травы, готовыя заглушить его. Теперь многіе говорятъ и пишутъ объ искусствѣ и, повидимому, охотно; а потому нѣкоторые прочтутъ мои воспоминанія не безъ интереса“.

Вотъ и все, а можетъ быть и лучше ничего, я не мастеръ „вставлять“: во всемъ этомъ непремѣнно видны будутъ бѣлыя нитки.

Отъ Эліасика я получилъ извѣстіе, что онъ уже въ Италіи. Ноги поправились, только чувствуется, когда много ходитъ. Очень сожалѣю, что онъ попадетъ въ Римъ, именно, теперь; теперь тамъ адъ, да и Рѣпинъ поѣхалъ туда не во-время.

450. Къ нему же.

Парижъ. Получено 15 іюня 1887 г.

Ну, высѣкли-же вы этого Б. и пребольно, и хорошо [2]). Но кто его не хлесталъ? Плюнешь ему въ глаза, а онъ утверждаетъ, что это роса небесная. Зналъ я его давно, и казался онъ мнѣ тогда порядочнымъ человѣкомъ, потому что находился среди порядочныхъ людей. Теперь оказывается, что тогдашняя порядочность и теперешняя пошлость—одно только фабричное дѣло. Повторяю, кто его не щелкалъ,

[1]) Фотографіи Барщевскаго, снятыя въ продолженіе многихъ годовъ, съ архитектурныхъ, разныхъ художественныхъ и этнографическихъ памятниковъ древней Россіи, образуютъ коллекцію, болѣе, чѣмъ изъ 3000 листовъ.

[2]) Статья В. В. Стасова: «Моимъ оппонентамъ», напечатанная въ «Новостяхъ» 13 іюня 1887 г.

а онъ все лѣзетъ: дескать, „дай-ка подеремся. Публикѣ потѣха, а намъ прибыль“.

Вотъ каковъ онъ! Этотъ циникъ говоритъ о приличіи; этотъ нравственный уродъ толкуетъ о красотѣ, о возвышенномъ; говоритъ обо всемъ, распинается за всѣхъ и за всѣхъ подписывается „мы“. Знаете, я давно хотѣлъ-было издать каррикатуру въ скульптурѣ, и вотъ среди многихъ и онъ. Мнѣ хотѣлось представить его шутомъ съ ослиными ушами, нагнувшись выставилъ мягкую часть и кричитъ: „бейте, людямъ потѣха, а намъ прибыль“! Но это въ сторону.

Такимъ намъ кажется Б. ежедневно, онъ сквозитъ въ своихъ перлахъ созданій. Но присматриваясь поближе къ его физіономіи, мнѣ кажется, что онъ когда-то могъ быть порядочнымъ человѣкомъ, только искушеніе, бѣдность, алчность толкнули его въ сторону—и пошелъ онъ катиться по наклонной плоскости все ниже и ниже. Но чѣмъ ниже, тѣмъ труднѣе возвратъ, ибо для этого нужна сила воли, характеръ, совѣсть, а взамѣнъ всего этого у него одно только самолюбіе, да еще огромное самолюбіе, такое, которое готово заглушить все остальное. И вотъ онъ силится доказать, что онъ правъ, хотя внутренно сознаетъ, что онъ лжетъ и часто по заказу. Но это-то сознаніе бѣситъ его, онъ сознаетъ, что есть порядочные люди, которые ни отъ кого не зависятъ, что такимъ и онъ могъ-бы быть, но не есть, совѣсть его затемнѣла. Что-же ему остается дѣлать? Сознаться? А самолюбіе! Ни за что! И вотъ онъ желчно нападаетъ на все и на всѣхъ. Что ему кажется порядочнымъ и чистымъ, онъ старается доказать это, хотя внутренно и убѣжденъ въ противномъ. Хуже всего то, что подобныхъ Б. развелось у насъ много. Это въ своемъ родѣ болѣзнь, и болѣзнь опасная, заразительная.

Я распространился объ этомъ нравственномъ уродѣ потому, что всѣ они вмѣстѣ создали мнѣ типъ моего „Мефистофеля“. Пусть-же они поклоняются ему, пусть боготворятъ, пусть клевещутъ на все хорошее, имя имъ всегда останется: „ничтожество“.

451. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, іюнь 1887 г.

Я только-что получилъ твое письмо (третье), изъ котораго, наконецъ, узнаю, что адресовать надо тебѣ въ Римъ. Хорошо, что ты догадался сказать, ибо все время я не зналъ, куда надо адресовать.

Раньше всего спѣшу выслать тебѣ твои 200 ф. На-дняхъ пойду въ контору, и вышлю тебѣ, сколько получу. Я попрошу твою стипендію за три мѣсяца. Очень жаль, что путешествіе обошлось тебѣ такъ дорого во всѣхъ отношеніяхъ. Главное, жаль здоровья. Этого ужъ не купишь ни за какія деньги. Но за то усиленное путешествіе, съ приключеніями, рѣзче остается въ памяти. Жаль также, что ты попадаешь въ Римъ въ такую жарищу. Положимъ, что ты достаточно насмотрѣлся на искусство; оно наполнило все твое существо и подогнало работать. Но гдѣ ты теперь станешь работать? Для этого надо

обзавестись. А впрочемъ, уголковъ въ Римѣ не мало. Главное, жаль, повторяю, что ты тамъ именно теперь, не раньше и не позднѣе. Римъ теперь невыносимъ. Очень радъ, что ты нашелъ въ Мадридѣ нетолько старыхъ мастеровъ, но и новыхъ, которые тебѣ по душѣ.

Радъ я въ особенности тому, что у тебя немного слабѣетъ тяготѣніе къ французскому искусству, къ его искусственной простотѣ. Но ты говоришь приблизительно, что испанскіе художники потому оригинальны, сильны и своеобразны, что каждый имѣетъ въ виду одно только истинное—природу. На это я скажу тебѣ старую пословицу: „На Бога надѣйся, а самъ не плошай". Природа для художника тоже божество; но для того, чтобы ее создать, надо быть художникомъ, чувствовать ее, а главное, умѣть брать отъ нея, и никоимъ образомъ не ждать того, что она дастъ. Природа питаетъ художника, и въ ней ты найдешь отголосокъ своихъ чувствъ, если чувство вѣрно понимаетъ природу, какъ внѣшній ея строй, такъ и внутреннее ея значеніе. Помоему, двѣ крайности нехороши въ искусствѣ: это—подводить природу подъ условность, а второе—слѣпо подчиняться природѣ. Будь царемъ природы, а не рабомъ ея, но при этомъ не будь деспотомъ. Люби ее всей своей душой; пусть она наполнитъ все твое существо; вѣчно думай о ней, вѣчно наблюдай ее, и тогда узнаешь главнѣйшую ея прелесть, то, что болѣе всего подходитъ для творчества. Кто не знаетъ классическаго анекдота, что какой-то ученикъ обратился къ Фидіасу и спросилъ: „На чемъ мнѣ учиться"? И тотъ указалъ на толпу. Значитъ, и Фидіасъ черпалъ изъ толпы, для толпы. Но я вовсе не проповѣдую тебѣ этого. Лучше всего, будь такимъ, какимъ ты есть, а главное, простымъ, искреннимъ, и люби природу какъ свое творчество, всей своей душой. Это высшее благо для художника.

Я все продолжаю возиться съ прозою, т.-е. со статуей Штиглица.

452. Къ нему же.

Парижъ, 24 іюня 1887 г.

Я получилъ твое письмо изъ Флоренціи. Въ Римѣ ты навѣрное уже нашелъ мое письмо съ 200 ф.; въ понедѣльникъ вышлю тебѣ еще.

Думаю, что Флоренція лучше Рима, а для тебя въ особенности; но время-ли тебѣ работать? Это еще вопросъ, и навѣрное ты лучше меня объ этомъ знаешь.

Я все продолжаю работать. Баронъ „Штиглицъ" уже совсѣмъ прилично одѣтъ, но окончить статую у меня нѣтъ силъ. Вялъ я сталъ. Можетъ-быть для болѣе интересной работы и нашлась-бы у меня энергія, но для него—у меня ея ужь не хватаетъ. То-же самое и съ бюстомъ Кавелина. Не идетъ! Не мастеръ я работать портреты съ фотографій, да не этого я и добиваюсь.

Жена опять была нездорова, но теперь прошло. Анюта сама на-

писала преуморительное письмо; не знаю, послала-ли она его тебѣ. Вообще обѣ мои дочери очень интеллигентны.

Когда увидишь Рѣпина, передай ему отъ меня сердечный поклонъ, и спроси, не думаетъ-ли онъ поѣхать обратно въ Россію черезъ Парижъ? Мы остаемся здѣсь до 6 іюля, ибо ждемъ доктора, нашего знакомаго изъ Россіи, и потомъ только рѣшимъ ѣхать куда-нибудь, куда докторъ прикажетъ.

Пиши обо всемъ, а также что видишь, думаешь и работаешь.

Все, что узнаю отъ тебя, я передаю В. В. Стасову и вообще часто говорю съ нимъ о тебѣ, все, что нахожу хорошаго и нехорошаго, а между тѣмъ ты и не подозрѣваешь, что за тобой слѣдятъ.

453. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 2 іюля 1887 г.

Я все не получаю отъ васъ вѣсточки, и все даромъ поджидаю.

Въ прошломъ письмѣ я просилъ васъ взять мои „Записки“ подъ вашу корректуру; при этомъ послалъ вамъ нѣчто въ родѣ предисловія къ этимъ „Запискимъ“. Пожалуйста, выбросьте это за бортъ, какъ лишній баластъ, зачѣмъ подчеркивать? Вѣдь плохо, когда приходится подписывать—„се левъ, а не собака“. Лучше пускай вещь говоритъ сама за себя.

Только-что написалъ я А. Н. Пыпину, чтобы онъ далъ вамъ мои „Записки“ для корректуры, конечно, если пожелаете. Имя и отчество, кому посвящаю эти записки, скоро сообщу.

Илья Гинцбургъ теперь во Флоренціи. Онъ хочетъ взяться за работу, но теперь во Флоренціи не рай, а адъ. Я не совѣтую ему начинать теперь работу; лучше приберечь силы на зиму, да притомъ-же средствъ ему не хватитъ. Писалъ я барону, но отвѣта еще не получилъ, и врядъ-ли скоро получу.

Рѣпинъ теперь по дорогѣ въ Мюнхенъ.

Я не участвую въ конкурсѣ на памятникъ покойному Государю. Меня принудили принять участіе, я просилъ отсрочить конкурсъ, ибо въ такое короткое время ничего порядочнаго нельзя сдѣлать, въ особенности, лѣтомъ. Но я получилъ формальный отказъ, на что сейчасъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ пусть не разсчитываютъ на меня. Съ чѣмъ и поздравляю васъ, поздравьте-же и вы меня.

Послѣ долгихъ колебаній и совѣтовъ съ докторами, ради жены рѣшено ѣхать въ Biarritz, куда на-дняхъ мы и направляемся.

Я написалъ интересную статью, въ видѣ продолженія „Записокъ“, „Что такое красота“, за которой я такъ всегда гнался. Она меньше печатнаго листа, но интереснѣе моихъ „Записокъ“, по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ. Скоро вы ее получите въ рукописи.

Если вы въ перепискѣ съ Суриковымъ, то нельзя-ли получить фотографію съ картины его „Боярыня Морозова“ которую я считаю чисто-русскимъ творчествомъ, и до сихъ поръ нѣтъ у насъ ничего подобнаго.

454. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ. Іюль 1887 г.

Спѣшу, чтобы не опоздать на почту. Высылаю тебѣ еще 200 ф., а скоро вышлю еще, такъ какъ скоро и я получу за тебя деньги изъ конторы, ибо они обѣщали мнѣ выдать за тебя за два мѣсяца впередъ.

Я радъ, что ты остаешься во Флоренціи; сожалѣю только, что и я не тамъ. Ужъ очень люблю я этотъ городокъ: и уютно, и красиво, и недорого.

Поклонись Ильѣ Рѣпину. Что онъ тамъ подѣлываетъ? У насъ новостей нѣтъ. Я пересталъ работать, потому что не работается, а изъ-подъ палки работать трудно.

Доктора посылаютъ жену въ Овернь. Это вовсе не по дорогѣ въ Biarritz. Боюсь, что это будетъ очень хлопотливо и потеряется много времени, ибо очень я не люблю этихъ „Ермаковъ"; но что прикажешь дѣлать?

Очень жалѣю, что ты рѣшилъ не ѣхать сюда. Надо осматривать другихъ, хоть-бы и своихъ враговъ по искусству, а не избѣгать ихъ. А впрочемъ, выставка уже закрыта. Пиши обо всемъ.

455. Къ Ел. Григ. Мамонтовой.

Salies de Béarn. Августъ 1887 г.

Давно не писалъ я вамъ. Просто не писалось. Это лѣто живется намъ какъ-то нехорошо, возимся съ докторами, ѣздили на воды, лѣчимся, охаемъ, страдаемъ отъ неудобствъ здѣшнихъ неустройствъ, и все-таки продолжаемъ лѣчиться. Кому лѣченье въ прокъ идетъ, тому докторъ говоритъ: „а видите, какой результатъ блестящій". На кого ванны дурно дѣйствуютъ, онъ говоритъ: „это ничего, даже хорошо, результатъ будетъ потомъ, а пока поддержите коммерцію". Мы теперь въ Salies de Béarn, мѣстечко смрадное, жаркое, душное. Городокъ историческій и очень интересный, улицы и домишки сохранили характеръ XVI вѣка, но, идя туда, можно буквально задохнуться отъ смрада. Что человѣкъ не убираетъ, то солнце выдыхаетъ. Собираются сюда иностранцы, потому что здѣсь сильный соленый источникъ, который надъ многими совершаетъ чудеса, особенно надъ дѣтьми, но за то для нѣкоторыхъ эта вода положительно вредна. Насколько эта вода сильна, можно заключить изъ того, что въ ваннѣ находится 60 кило соли. Очень цѣлительна она для малокровныхъ.

Такъ вотъ куда мы попали. Мы здѣсь единственные русскіе, а гдѣ русскіе не бываютъ? Пріѣхали мы главнымъ образомъ для жены, она въ послѣднее время страдаетъ малокровіемъ, а потому и нервами. Дѣти тоже берутъ ванны, и это очень хорошо для нихъ; буду надѣяться, что будетъ хорошо и для жены. Я ради компаніи, и по совѣту доктора тоже началъ ванны брать, но чуть Богу душу не отдалъ, пришлось потомъ цѣлыхъ десять дней поправляться. Радъ, что все это кончается. Прибавлю еще, что здѣсь гостинницы дороги, а, глав-

пое, такъ плохо построены, что когда ходятъ въ сосѣдней комнатѣ, то мебель, посуда на столѣ и вы сами танцуете. Чихнетъ кто-нибудь въ сосѣдней комнатѣ, а у васъ отдается точно эхо. Все это было-бы смѣшно и забавно, если-бы не мѣшало спать.

Ужасно плохо устроена жизнь на французскихъ водахъ, втрое хуже германскихъ и вдвое дороже. Все время я живу точно въ чаду: не думается, не пишется, не ѣмъ, плохо сплю, а между тѣмъ мнѣ необходимъ отдыхъ, а мой отдыхъ — спокойствіе и уединеніе. Съ нетерпѣніемъ жду возвращенія въ Парижъ, и хотя тамъ не ждетъ меня отдыхъ, но жизнь пойдетъ не такъ глупо.

„Записки" мои появятся въ печати въ „Вѣстникѣ Европы" въ сентябрѣ и октябрѣ.

456. Къ И. Я. Гинцбургу.

Salies de Béarn. Августъ 1887 г.

Наконецъ я пишу; уже давно я этого не дѣлалъ. Не писалось, потому что здѣсь я чувствовалъ себя нехорошо, совсѣмъ нехорошо. Вздумалъ, по совѣту доктора, и я брать здѣсь ванны, чуть Богу душу не отдалъ, такъ что потомъ пришлось поправляться деньковъ десять. Еще не успѣлъ я поправиться, какъ долженъ былъ ѣхать въ Парижъ экстренно по дѣламъ и на обратномъ пути простудился такъ, что пріѣхалъ съ кашлемъ и безъ голоса. Хорошо еще, если ванны помогутъ, а то жариться въ этомъ вонючемъ, удушливомъ мѣстечкѣ, при неудобствѣ жизни и дороговизнѣ, жариться цѣлыхъ шесть недѣль — это будетъ жестоко, если не будетъ хорошаго результата.

Дальнѣйшія деньги отъ барона получишь черезъ контору; я далъ имъ твой адресъ, и они мнѣ обѣщали. Высылаю тебѣ 50 ф. Выслалъ-бы тебѣ и больше, если-бы было. Но не знаю, что со мною дальше будетъ; пока касса моя сильно высохла. Да и не удивительно: здѣсь намъ стоитъ день, съ ваннами, 80 ф. и больше. Я радъ, что ты работаешь, и еще болѣе буду радъ, если работа будетъ успѣшна. Ты не говоришь мнѣ, что именно ты творишь, но это твой секретъ. Каждый художникъ дѣлаетъ по-своему, и никто не можетъ на это претендовать.

457. Къ В. В. Стасову.

Salies de Béarn. Получено 10 августа 1887 г.

Долго мнѣ пришлось ожидать ваше послѣднее письмо, и я ждалъ его съ нетерпѣніемъ, а получивъ, не могъ сейчасъ отвѣтить. Не могу сказать, чтобы ваше послѣднее письмо обрадовало меня, вы, вмѣсто того, чтобы радоваться, поете Іереміаду. Зачѣмъ оглядываться назадъ? Это недостойно браваго воина. Пусть это дѣлаютъ люди, какъ, напр., Буренинъ и ему подобные; люди, у которыхъ совѣсть не чиста, которые желаютъ понравиться,—а передъ вами горизонтъ чистъ и ничѣмъ не помраченъ. Дѣло нашего брата—идти впередъ безъ остановки, безъ оглядки, и ужъ коли суждено человѣку умереть, то только среди

дѣятельности во имя прогресса. Такъ-то, дорогой мой В. В., не мнѣ вамъ это говорить, а вамъ мнѣ. Вотъ я и началъ писать мою жизнь въ Парижѣ, и вспомнились мнѣ также наши путешествія по Голландіи. Вѣдь я тогда съ вами, или, вѣрнѣе, благодаря вамъ, увидѣлъ въ семь дней то, чего самъ-бы не могъ увидѣть въ семь недѣль и больше. И такъ, пью за ваше здоровье, за много хорошихъ дѣлъ, которыя вамъ еще предстоятъ.

Что-же касается меня, то я провожу время теперь отвратительно (впрочемъ, можетъ быть и хуже). Впереди много хорошаго не предвидится ни въ матеріальномъ, ни въ моральномъ отношеніи. Пріѣхали мы въ Biarritz недѣлекъ шесть тому назадъ. Biarritz встрѣтилъ насъ на этотъ разъ громомъ и молніей, и проливнымъ дождемъ, продолжавшимся восемь дней и ночей. Въ такое-то время приходилось намъ искать квартиру, и результатъ былъ тотъ, что моя жена еще больше уставала, а я порядкомъ простудился, такъ что докторъ посовѣтовалъ намъ лучше убраться теперь изъ Biarritz, пока нервы окончательно не разстроились. Мы поднялись въ Salies de Béarn, мѣсто соленыхъ ваннъ. Для дѣтей это превосходно, чему я очень радъ; для жены, надѣюсь, будетъ здѣсь хорошо, а что касается до меня, то я не знаю—ванны-ли, жары-ли, которыя мы испытали здѣсь, но со мною сдѣлалось что-то въ родѣ холерины, и я пролежалъ нѣсколько дней. Оправившись, я получилъ извѣстіе, что мнѣ необходимо и неотложно надо быть въ Парижѣ. На обратномъ пути я простудилъ горло, такъ что совсѣмъ охрипъ; вдобавокъ и жена не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ. Что-же касается кармана, то онъ не лучше, и хуже всего то, что я не предвижу, откуда брать. Правда, у меня есть заказы, но ихъ надо напередъ выполнить. Вообще, мнѣ трудно живется въ Парижѣ.

Что-же касается духовной стороны, то мнѣ предстоитъ работать, т.-е. докончить статую барона Штиглица. А между тѣмъ, я сгораю жаждой сдѣлать что-нибудь изъ моихъ дѣтей. Я представляю себѣ не „Нестора“, не „Ермака“, а жанровую вещь. Много разъ я думалъ объ этомъ сюжетѣ и все отходилъ отъ него, — видно, еще недостаточно я созрѣлъ; а теперь я только и брежу что этимъ сюжетомъ. Но все перемелется, и мука будетъ! Было хуже, будетъ лучше. Пускай Богъ думаетъ обо мнѣ, ибо я ничего не могу придумать.

Теперь къ дѣлу. Высылаю вамъ довѣренность, пожалуйста, пришлите въ Biarritz poste restante, куда ѣду на-дняхъ и останусь тамъ до конца сентября новаго стиля. Я остался совсѣмъ безъ денегъ. Что-же касается до „Записокъ“, то буду очень радъ, когда онѣ выйдутъ, а также радъ, что вы будете корректуру держать. Только я долженъ сказать, что послѣ вашихъ справедливыхъ замѣчаній насчетъ чрезмѣрнаго старанія, я пересматривалъ „Записки“ два раза съ Ел. Петр. Свѣшниковой; много прибавилъ и кое-что вычеркнулъ, такъ что остался доволенъ; кому я давалъ читать „Записки“, тоже остались довольны. Попрошу только еще вотъ что:

1) Всѣ лица, которыя я обозначаю буквами, замѣнить просто иксомъ и точками.

2) Затѣмъ давать „Запискамъ“ общее названіе: „Отрывокъ изъ моихъ воспоминаній“ или „изъ моихъ Записокъ“, или же замѣнить слово „моихъ“ словомъ „Антокольскаго“.

3) Наконецъ, сказать, что я посвящаю „Записки“ Анастасіи Назимовой, скончавшейся тогда-то. Точное ея имя и отчество, и число, когда она умерла, я постараюсь достать вамъ. Эта женщина первая подала мнѣ руку. Разсказываютъ даже, что она нашла меня гдѣ-то на улицѣ, но это неправда. Во всякомъ случаѣ, я глубоко чту ея память. Послѣ ея смерти мнѣ хотѣлось сдѣлать ей надгробный монументъ, но это не состоялось, а теперь я хочу почтить ея память моими „Записками“.

Кажется, все, что я имѣлъ вамъ сказать.

Скоро вы получите еще одну мою маленькую рукопись. Это нѣчто въ родѣ продолженія моихъ „Записокъ“. Говорю „нѣчто“, потому что, въ сущности, оно не имѣетъ ничего общаго съ моимъ разсказомъ о житейскихъ дѣлахъ. Какъ только получите, во-первыхъ, прошу васъ, дать мнѣ свое мнѣніе, а затѣмъ выправить, гдѣ нужно, дать переписать въ двухъ экземплярахъ, одинъ переслать мнѣ, а другой передать А. Н. Пыпину для печати.

Еще вотъ что: мѣсяца два, если не три, тому назадъ, я получилъ отъ m-e Wohl ея „Записки“ про Листа, гдѣ она вспоминаетъ и обо мнѣ. При этомъ она прислала мнѣ фотографію, изображающую моего „Мефистофеля“, а напротивъ него молодого человѣка (поэта) въ позѣ „Мефистофеля“, и профилемъ похожаго на „Мефистофеля“.

Недавно я послалъ ей нѣсколько фотографій, въ томъ числѣ и фотографію съ головы „Мефистофеля“ en face, но получилъ отъ экспедиціонера отвѣтъ, что въ Буда-Пештѣ не знаютъ ея имени. Пожалуйста, если вы будете ей писать, сообщите ей, что я послалъ: но можетъ быть, что я перевралъ ея имя.

458. Къ нему же.

Парижъ, 17 августа 1887 г.

Только что получилъ ваше письмо, изъ котораго вижу, что наши письма разошлись, и очень боюсь, что мое письмо пришло немного поздно, такъ что, чего добраго, вы уже отдали обратно корректуру, о чемъ я буду очень сожалѣть, если не будетъ обозначено, кому ихъ посвящаю, и если первыя буквы именъ останутся именно тѣхъ, о комъ я не лестно говорю. За то я очень радъ, что выставили полныя имена добрыхъ людей. Если можно еще сдѣлать о чемъ я просилъ и прошу теперь, то буду очень радъ и благодаренъ.

Что касается до невѣрности, кто именно первый писалъ про „Ивана Грознаго“ [1]), то убѣдительно прошу, пусть редакція отъ себя исправитъ, т.-е. внизу, въ выноскѣ. Вечеръ, о которомъ вы говорите,

[1]) Антокольскій написалъ въ своихъ «Запискахъ», что первую статью объ «Иванѣ Грозномъ» написалъ въ «СПБ. Вѣдомостяхъ»—Тургеневъ, тогда какъ ее написалъ В. В. Стасовъ; Тургеневъ-же—вторую.

я припомнилъ, но тогда, когда уже было поздно [1]). Скажу вамъ откровенно, что я терпѣть не могу вставокъ, всегда выходитъ какъ-то не такъ. Въ этихъ „Запискахъ“ я пробовалъ кое-что вставить и крайне недоволенъ. Но объ этомъ эпизодѣ когда-нибудь буду говорить отдѣльно, или дополню, когда все будетъ написано: а то и вы не умолчите объ этомъ.

Въ прошломъ письмѣ я уже сказалъ вамъ, что теперь пишу „мою жизнь въ Парижѣ“. О себѣ приходится очень мало говорить, за то говорю про всѣхъ и все, что мимо меня пронеслось; и вотъ, на первыхъ же страницахъ я говорю о Крамскомъ.

Я-бы охотно и съ великимъ удовольствіемъ писалъ-бы о немъ больше, подробнѣе, писалъ-бы ради дорогой памяти, ради семьи, ради вашего желанія, но ей-ей не съумѣю. Письма его Богъ знаетъ гдѣ мною запрятаны; насчетъ этого я страшно безалаберный; наши бесѣды не были бурны; притомъ-же онъ больше слушалъ мою болтовню, чѣмъ самъ говорилъ. Что-же послѣ этого могу я сказать что-нибудь особенно характерное? А впрочемъ попробую. Выйдетъ что-нибудь порядочное—ладно, нѣтъ—не прогнѣвайтесь. Ужъ лучше ничего не сказать, чѣмъ сказать ничего.

Мы все еще въ Salies de Béarn, но завтра или послѣзавтра ѣдемъ въ Biarritz, всего два часа туда ѣзды. Съ нетерпѣніемъ жду возвращенія въ Парижъ, чтобы взяться за дѣло, а то просто смертельная скука; да мозгъ и сердце какъ-то притупляются здѣсь; видно довольно отдыхать; здѣсь даже не могъ продолжать „Записки“, даже письма не пишутся. Вотъ глупое состояніе! Оно бываетъ у меня рѣдко, но бываетъ.

459. Къ нему же.

Biarritz, 24 августа 1887 г.

Сто тысячъ разъ благодарю васъ за все и за хлопоты. Вексель получилъ и еще разъ благодарю отъ души. Скажу вамъ правду, что я безцеремонно обращаюсь къ вамъ всякій разъ, какъ мнѣ нужно, и всякій разъ мнѣ и совѣстно, и жаль, что безпокою васъ такими мелочами; то-ли дѣло важное. Но изъ всего Петербурга, да и изъ всей Россіи, вы для меня единственный человѣкъ, котораго я чувствую близкимъ себѣ. Другого В. В. у меня нѣтъ. Вотъ лѣтъ 17—18, какъ мы ведемъ переписку, и, кажется, я этого вамъ никогда не говорилъ, хотя слова были совершенно лишнія. Изъ этого вы можете заключить, что я не люблю объясняться, говоря вѣрнѣе, не любилъ до сихъ поръ. Но, во-первыхъ, чѣмъ больше живу, тѣмъ больше узнаю людей и тѣмъ больше цѣню и дорожу моими друзьями, которыхъ у меня очень мало. Да притомъ-же, почему не говорить правды? Въ особенности хорошую правду? Мы, русскіе, къ сожалѣнію, этого не любимъ, назы-

---

[1]) Вечеръ въ сентябрѣ 1869 года, на которомъ въ первый разъ былъ въ гостяхъ у Антокольскаго, въ Петербургѣ, В. В. Стасовъ, по приглашенію Антокольскаго и его товарищей: Рѣпина, Семирадскаго, Васнецова, Ковалевскаго, Максимова и другихъ.

ваемъ это „сентиментальностью“, „нѣжничаніемъ“ и т. д. Я самъ былъ того мнѣнія, но сожалѣю объ этомъ крѣпко. Почему намъ другъ другу говорить только то, что составляетъ критику? Сознайтесь сами, что это крайне односторонне. И такъ, лучше, коли говорить, то всю правду сказать—и лучшее, и худшее.

Вашу статью въ „Новостяхъ“ [1]) я, конечно, читалъ съ удовольствіемъ. Оно и меня крайне поразило; казалось, чего проще сдѣлать выводъ изъ физіологическаго процесса, что все идетъ прогрессивно, что мозгъ наслѣдственъ; а тутъ откуда ни возьмись, глядь—художникъ, талантъ является, талантъ, который не замѣчался ни у дѣдушки, ни у бабушки. Ваше замѣчаніе до того важно, что я сожалѣлъ только, что оно появилось въ ежедневной газетѣ, а не въ журналѣ.

Между нами говоря, я очень сожалѣю, что А. П. Боголюбовъ опять хлопочетъ обо мнѣ: этимъ онъ не дѣлаетъ мнѣ большой услуги. Я давно выбросилъ весь этотъ хламъ изъ головы и позабылъ объ этомъ, чему былъ немало радъ. Скажите сами, кому охота лѣзть въ болото, кромѣ лягушекъ? Я радовался этому, и вдругъ опять вставляютъ мнѣ кость въ горло и говорятъ: „Пой!“ Покорно благодарю, не хочу! Пусть они берутъ свой отказъ назадъ, я-же не возьму, по крайней мѣрѣ буду карабкаться сколько съумѣю, сколько силъ хватитъ!

Крайне сожалѣю, что письмо мое съ просьбой о „Запискахъ“ пришло немного поздно, по крайней мѣрѣ во второй части, по возможности, выбросьте первыя буквы именъ, главное букву С. (Семирадскій).

Я началъ-было писать о Крамскомъ, но что я предвидѣлъ, то и случилось, т.-е. ничего не вышло, ибо заказывать тутъ нельзя себѣ. Главное, странно то, что несмотря на то, что мы другъ другу симпатизировали, хорошо знали другъ друга, со всѣми достатками и недостатками, все-таки я не имѣю что сказать о немъ, какъ воспоминаніе, потому что въ сущности мы мало и рѣдко видались. Я иногда видѣлъ его во время моего пріѣзда, и рѣдко мы оставались наединѣ, чтобы поболтать о чемъ-нибудь по душѣ. Только въ послѣдній разъ я сталъ горько жаловаться на передвижниковъ, что такіе достойные люди такъ упорно молчатъ въ художественной дѣятельности, и что ихъ душевныя качества не передаются потомству въ наслѣдство. Я указалъ, что давно необходимо было передвижникамъ открыть школу или мастерскую; я убѣжденъ, что они занимались-бы своими учениками съ любовью, а не ради ремесла, какъ это дѣлается въ Академіи бездарными людьми, и этимъ они облегчили-бы участь молодыхъ талантовъ и не блуждали-бы впотьмахъ, какъ я и мнѣ подобные. Упрекалъ также, что они такъ равнодушно смотрятъ на то, какъ въ Академіи чахнетъ русское искусство. Я долженъ сказать, что онъ всегда больше слушалъ меня съ напряженнымъ вниманіемъ, чѣмъ самъ говорилъ. Это вниманіе, этотъ сконцентрированный взглядъ рѣзко врѣзы-

[1]) «Художественная статистика», напечатанная въ «Новостяхъ» 13 августа 1887 г.

вались мнѣ въ память,—и сейчасъ точно вижу его. То-же самое случилось и въ послѣдній разъ. Но когда я кончилъ, онъ все еще продолжалъ смотрѣть на меня, и потомъ съ грустью произнесъ: „Поздно!" и прибавилъ: „Все, о чемъ вы теперь говорите, я говорилъ давно моимъ товарищамъ, но они меня не поняли. Они были того мнѣнія, что изъ этого ничего не выйдетъ". Согласитесь сами, что изъ подобныхъ отрывочныхъ замѣтокъ ничего невозможно создать. То-ли дѣло нарисовать его портретъ, дать оцѣнку его дѣятельности! Но это ужъ не было-бы воспоминаніемъ, а чѣмъ-то другимъ, и это вы сдѣлаете въ сто разъ лучше меня.

Мои теперешнія короткія „Записки", или вѣрнѣе отвѣтъ на запросъ „Что такое красота?", все-таки не шлю вамъ, просто потому, что мнѣ крайне совѣстно безпокоить васъ даже такими вещами, которыя могутъ сдѣлать другіе. Чѣмъ дороже мнѣ ваша готовность, чѣмъ дороже ваша доброта, тѣмъ меньше долженъ я эксплуатировать ихъ. Лучше сохраню ихъ на что-нибудь поважнѣе.

Новостей у меня нѣтъ. „Записки" мои очень медленно двигаются—жена не даетъ мнѣ работать, такъ какъ, въ сущности, вмѣсто того, чтобы поправиться за лѣто, я ухудшился: я потерялъ 3 кило вѣса.

Сегодня пріѣзжаетъ сюда Боткинъ, посовѣтуюсь съ нимъ, хотя крайне этого не желаю—я знаю, какого онъ мнѣнія обо мнѣ.

460. Къ нему же.

Вильно, 4 іюля 1887 г.

Пишу вамъ совершенно случайно изъ Вильны, гдѣ встрѣтилъ г. Кадушина. Это молодой литографъ, обучавшійся въ Парижѣ подъ моимъ наблюденіемъ. Онъ, кажется, хорошо работаетъ, и при этомъ очень симпатичный человѣкъ. Я сегодня пріѣхалъ и сегодня ѣду.

Надѣюсь, что вы не совсѣмъ сердитесь, что я, какъ Іуда, обманулъ васъ передъ моимъ отъѣздомъ.

461. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, сентябрь 1887 г.

Я до сихъ поръ не могъ собраться писать тебѣ; отчасти лѣнь, а главное—работалъ перомъ и стекой. Я тутъ вылѣпилъ бюстъ В. К. Алексѣя Александровича, и это отняло у меня много времени. Да еще и души беру. Всѣ эти занятія поглощаютъ все мое время, и дни проходятъ быстрѣе, чѣмъ я-бы желалъ. Благодаря этому бюсту, я застрялъ здѣсь дольше, чѣмъ слѣдуетъ, потому что не всегда В. К. позируетъ; а между тѣмъ я пропустилъ свиданіе съ барономъ насчетъ тебя. Жаль, очень жаль, но ничего сдѣлать не могъ. Теперь вся надежда на переписку, и надо будетъ это сдѣлать черезъ барона Давида. Я надѣюсь, что работа тебѣ удалась. Не думай, что мнѣ твои сюжеты не нравятся. Мнѣ нравится уже одно то, что ты сильно ихъ любишь и на-

вѣрно вложишь въ свою работу много души и искренности. Это столько-же необходимо въ искусствѣ, какъ и техника; а гдѣ они идутъ рука объ руку, тамъ произведеніе всегда будетъ симпатично.

Изъ Россіи я рѣшительно ни отъ кого ничего не получаю. Мои „Записки" (первая половина) уже вышли въ „Вѣстникѣ Европы", а вторая половина должна выйти на-дняхъ: первую половину Б. встрѣтилъ съ пѣной у рта, глумился, лгалъ, какъ это можетъ дѣлать только Б., но это не возмущаетъ меня, напротивъ, ободряетъ: я продолжаю свое.

462. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 30 октября 1887 г.

Не могу больше скрывать, что ваше молчаніе на этотъ разъ сильно удивляетъ меня, тѣмъ болѣе, что обо мнѣ не молчатъ и потѣшаются кто хочетъ и какъ хочетъ. На этотъ разъ со мною случилось то-же, что во время моей выставки въ Академіи художествъ. Тогда никто не обращалъ вниманія на то, что это мой 10-лѣтній трудъ, за который я получилъ на всемірной выставкѣ все, что только возможно было получить. Въ такихъ случаяхъ не говорятъ, что такой-то получилъ то-то, а говорятъ, что Россія все идетъ впередъ. Я думалъ, что этимъ я доставлю удовольствіе, но извѣстно—хочешь, напримѣръ, поѣхать куда-нибудь, найдешь всѣ причины для того, чтобы ѣхать; не хочешь—опять найдешь всѣ причины, чтобы оставаться дома. Тогда-же не были расположены хвалить меня, и достаточно было двухъ-трехъ бюстовъ личностей, къ которымъ публика относится несимпатично, чтобы разругать все. Теперь то-же самое: въ „Запискахъ" придираются ко всякой мелочи, чтобы забраковать все, и тѣшатся, какъ хотятъ и сколько хотятъ; и это „потѣшеніе" входитъ въ моду. Признаюсь, я хорошо зналъ, что мы склонны запачкать всякую бѣлизну, ну хоть потому, что погода отвратительна, что она наводитъ сплинъ, что свѣтъ рѣжетъ глаза. Я зналъ, что многіе не знаютъ меня, но не зналъ, что большая часть людей и знать меня не хочетъ.

Чтобъ показать, насколько теперь въ ходу нападать на меня, разскажу маленькій фактъ, который довольно ярко характеренъ. Только объ этомъ, пожалуйста, никому ни слова.

Прихожу я къ Боголюбову, онъ обрадовался мнѣ, и давай по-дружески чествовать меня за мои „Записки", откровенно и отъ души. Онъ говорилъ, что, дескать, онѣ явились не во-время, что онѣ поверхностны, что я взялъ Академію только съ смѣшной стороны; зачѣмъ я назвалъ ихъ „Автобіографія" и т. д. и д. Я, конечно, защищался, какъ могъ, и послѣ долгаго спора я взялъ „Вѣстникъ Европы", который лежалъ у него на столѣ, и что-же? Къ моему удивленію, „Записки" мои оказались не разрѣзанными. На вопросъ, читалъ-ли онъ вторую часть, онъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, только началъ".

Точь-въ-точь случилось у меня то-же и съ другимъ художникомъ, и я убѣдился, что теперь всѣ охотнѣе бранятъ меня, чѣмъ разби-

раютъ. Но это не возмущаетъ меня нисколько! Я беру отъ людей то, что они могутъ дать, и не требую отъ нихъ больше, чѣмъ они могутъ. Я иду своей дорогой, ибо ясно сознаю, что дорога предо мною. Но что меня опять огорчаетъ, это то, что даже тѣ немногіе друзья, которыхъ я имѣю, умываютъ руки и молчатъ. Не только никто не замолвилъ ни слова за меня, но даже никто не удостоилъ меня письменнымъ словомъ; и среди нихъ и вы, дорогой В. В. Но ваше молчаніе во сто разъ больше огорчаетъ меня, чѣмъ молчаніе всѣхъ ихъ вмѣстѣ.

Но довольно объ этомъ, можетъ быть Б. въ самомъ дѣлѣ правъ! Во всякомъ случаѣ, я получилъ урокъ, и постараюсь имъ воспользоваться.

Надо умѣть смотрѣть чорту прямо въ глаза—и тогда будущность не такъ страшна.

463. Къ Е. Г. Мамонтовой.

Парижъ, октябрь—ноябрь 1887 г.

Какъ поживаете, что у васъ новаго, что новаго въ мірѣ вообще и въ художественномъ въ особенности? Я давно ни отъ кого не получалъ ни слова, удивляюсь и не знаю причины этому; страннѣе всего то, что послѣ моихъ „Записокъ“ всѣ какъ-то замолчали, а между тѣмъ, несмотря на лай нѣкоторыхъ, онѣ все-таки всѣмъ нравятся.

Мы нехорошо проводимъ нынѣшній годъ, я все кряхчу и охаю; причина тому та, что я сильно простудился; но хуже всего то, что и жена стала прихварывать. Въ мастерской тоже плохой урожай. Я много работаю, но все это не творчество. Лишь только недѣльки черезъ двѣ, я начну „Нестора“, и тогда, по всей вѣроятности, и духъ у меня не будетъ такой угнетенный, какъ теперь.

Дѣти только радуютъ насъ, да хранитъ ихъ Богъ, и всѣхъ дѣтей.

Гдѣ теперь Васнецовъ, какъ онъ поживаетъ? что подѣлываетъ? А Суриковъ гдѣ? Скажите пожалуйста В. Д. [1]), что жду теперь отъ него опять большой картины, и буду крайне сожалѣть, если онъ не скоро возьмется за нее. Годы идутъ, идутъ своимъ чередомъ, и чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Нечего ждать, надо пользоваться, пока энергія не остываетъ.

464. Къ ней же.

Петербургъ, осень 1887 г.

Я все еще здѣсь, и по всей вѣроятности не скоро уѣду. Вчера я представлялся Государю, который положительно очаровалъ меня своимъ обхожденіемъ. Тутъ была и Государыня съ дѣтьми. Бюстъ Государя я начну черезъ 10 дней, а пока я получилъ заказъ сдѣлать бюстъ министра графа Толстого. По всей вѣроятности буду также дѣ-

[1]) Вас. Дм. Полѣновъ.

лать бюстъ Государыни. Государь заказалъ „Мефистофеля“ изъ мрамора. Ему понравились также, по фотографіямъ, эскизы конныхъ статуй [1]). Слава Богу, на это и дальше надѣюсь.

465. Къ ней же.

Петербургъ, осень 1887 г.

Я теперь опять сижу въ выжидательномъ положеніи, потому что бюстъ Государя еще не началъ, и неизвѣстно, когда начну; только послѣзавтра буду знать, и то еще не увѣренъ въ этомъ. Бюстъ министра графа Д. А. Толстого давно оконченъ, теперь работаю бюстъ Гинцбурга. Все это хорошо матеріально, но для разсудка и для здоровья вообще—нисколько. Но грѣшно жаловаться,—слава Богу и за это.

Я въ самомъ дѣлѣ думаю еще разъ побывать у васъ, видно ужъ больно понравилась мнѣ Москва, но пока все это зависитъ отъ бюста Государя. Если-же буду въ Москвѣ, то сдѣлаю одинъ или два бюста, посмотрю на эскизы проектовъ для монумента покойнаго Государя. Если-же тамъ не будетъ ничего выдающагося, то я отдѣльно сдѣлаю проектъ.

Погода здѣсь совсѣмъ петербургская, такъ что я прошу пожалѣть меня, тѣмъ болѣе, что меня, кажется, никто не жалѣетъ. Благодаря погодѣ, а отчасти и моей лѣни, я почти нигдѣ не бываю, рѣдко куда хожу обѣдать. Не могу сказать, чтобы я жилъ въ себѣ самомъ, т.-е. жизнью духа, думалъ объ искусствѣ: нѣтъ, я еще все тотъ-же прозаикъ, котораго вы видѣли, когда я работалъ бюсты. Все это надоѣло мнѣ, я чувствую себя усталымъ, и если-бы не сила воли и не стыдъ передъ самимъ собою, то я бросилъ-бы все это, и убѣжалъ-бы какъ можно подальше, чтобы опять пожить идеалами. Но жизнь жестока и часто немилосердна. Въ послѣднее время я часто испытывалъ ея жестокость, и потому я теперь сижу здѣсь, чтобы оградить себя отъ дальнѣйшихъ невзгодъ, хотя-бы годика на два, три. Буду счастливъ, когда начну работу по душѣ: это теперь моя мечта, на теперешнее время я смотрю, какъ на переходное.

Ну, довольно объ этомъ, я точно оправдываюсь; да, признаюсь, и въ самомъ дѣлѣ мнѣ неловко, точно я дѣлаю что-то предосудительное.

Изъ этого письма вы легко можете заключить, какъ пуста въ настоящую минуту моя жизнь. Утѣшаюсь тѣмъ, что потомъ, впереди сколько созданій у меня. Стоитъ только закрыть глаза и пожелать ихъ видѣть, они сейчасъ-же ясно явятся передо мною, готовыя, уже изъ прочнаго матеріала.

Ну, да Богъ съ ними пока.

---

[1]) Ярославъ Мудрый, Иванъ III.

466. Къ ней же.

Парижъ, осень—зима 1887 г.

Я давно въ Парижѣ. Надо было устроить свое гнѣздо, хотя я и не перестаю думать объ Италіи и надѣюсь, что это будетъ послѣдняя зима въ Парижѣ. Надо было также привести въ порядокъ свою мастерскую, да наконецъ собраться съ силами и начать работать. Все это, на этотъ разъ, давалось мнѣ не совсѣмъ легко: во-первыхъ, потому, что въ первый разъ я почувствовалъ упадокъ силъ при началѣ работы, такъ что долженъ былъ опять отдыхать, во-вторыхъ, карманъ все еще не заштопанъ. Я теперь работаю не совсѣмъ веселую и отрадную работу, да притомъ-же и не интересную для другихъ. Это умершая дочь Полякова. Очень радъ буду кончить ее, потому что подобныя работы очень тяжелы. Завтра, послѣзавтра будетъ конецъ, и тогда я начну мои задушевныя маленькія работы. Ихъ накопилось у меня много, и всѣ онѣ давно просятъ меня создать ихъ; но всѣ онѣ не тѣ, о которыхъ я писалъ вамъ разъ: о сатирическихъ сюжетахъ; нѣтъ, то былъ просто напоръ желчи, и мнѣ хотѣлось хохотать вмѣсто слезъ. Но когда я взялъ глину въ руки, когда началъ бесѣдовать съ искусствомъ (говоря старческимъ языкомъ), тогда душа заговорила болѣе человѣческимъ чувствомъ, и опять захотѣлось мнѣ отогрѣть усталую человѣческую душу, обласкать, и развеселить ея страданія и скорби, и воспѣть ихъ въ художественной формѣ. Однимъ словомъ, опять явилась надежда, что рано или поздно мнѣ удастся раздуть и зажечь у человѣка потухающую искру жалости и великодушія къ ближнимъ, а главное—справедливости. Вотъ какіе сюжеты я хочу и долженъ выполнить: „Сиротка“, „Одинъ въ полѣ не воинъ“, „Гладіаторъ, обливающій руки послѣ боя“, „Святая мученица“, „Акробатъ съ ребенкомъ, или драма послѣ комедіи“, „Одиночное заключеніе“, „Каторжникъ“, и, наконецъ, нѣсколько Шекспировскихъ типовъ. Объ этомъ, конечно, пожалуйста, никому ни слова.

467. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 15 ноября 1887 г.

Откуда вы взяли, дорогой В. В., что я сокрушаюсь о томъ, что дураки пошлости пишутъ и что я будто-бы прошу отъ васъ, или отъ кого-бы то ни было, заступничества? Вы знаете меня вотъ ужъ около 20 лѣтъ, и не можете сказать, чтобы когда-либо и кого-либо я просилъ объ этомъ. Я считаю подобныя просьбы низостью, недостойною чести автора. Боюсь сказать, что вы не вникнули въ смыслъ моего письма. Когда я прочелъ статью Б., я тогда уже писалъ, что его ругань—лучшая похвала для меня. Прибавлю теперь, что онъ самъ на себѣ доказалъ, что дуракамъ на половину работы не слѣдуетъ показывать; а его глумленія, будто я скрываю, что я еврей, что я жаденъ, какъ жидъ и т. д., опровергаются во второй половинѣ „Записокъ“. Не о томъ, сто разъ не о томъ я сокрушаюсь, а вотъ о чемъ: послѣ

моихъ „Записокъ“ и статьи Б. всѣ мои друзья точно сговорились и замолчали. Ждалъ я мѣсяцъ, другой — и ни отъ кого ни слова. Вы говорите, что „Записки“ всѣмъ нравятся, а мнѣ откуда знать объ этомъ? Печать бранитъ, друзья молчатъ, а здѣсь встрѣчаю одно только оскаливаніе зубовъ. Теперь оказывается, что всему этому виновата почта. Но что за причина, что именно въ это время такъ провинилась почта? Оказывается, что не одни ваши письма пропали. Какъ-бы то ни было, я констатирую фактъ, что послѣ письма съ деньгами (моя пенсія) я ничего не получалъ отъ васъ до вчерашняго дня, хотя адресъ мой хорошо извѣстенъ какъ въ Biarritz'ѣ, такъ и здѣсь.

Вы ставите мнѣ въ примѣръ всѣхъ нашихъ корифеевъ, на которыхъ нападали и нападаютъ. Могу увѣрить васъ, что въ этомъ и я не новичекъ, ибо для того, чтобъ принимать всѣ глупости къ сердцу, надо имѣть въ запасѣ другое и третье сердца. Но все-таки, они мнѣ не въ примѣръ, между ними и мною значительная разница. Эти люди жили у себя, среди своихъ; на нихъ нападали, но тутъ-же были друзья, съ которыми они жили душа въ душу; они имъ сочувствовали, возмущались нападками; однимъ словомъ, жили, все-таки, среди добрыхъ людей. Я-же далеко отъ всего и всѣхъ, до меня долетаютъ только отзвуки того, что мнѣ дорого и родно. Мое одиночество среди чужой толпы во сто разъ хуже, чѣмъ одиночное заключеніе.

Чтобы получить отъ васъ всѣхъ живое слово, приходится мѣсяцами ждать, а то иной разъ чуть-ли не выпрашивать; а бываетъ иногда и хуже: спрашиваю, что новаго, какое впечатлѣніе произвела моя работа—мнѣ отвѣчаютъ въ родѣ того: у „Маши насморкъ“, „Коля хорошо выдержалъ экзаменъ“, и разсказываютъ чуть-ли не о томъ, что пирогъ пригорѣлъ и т. д. и т. д. и ни слова о томъ, о чемъ я спрашивалъ. Еще одно, къ чему я не могу оставаться равнодушнымъ, это то, что изъ-за меня ругаютъ цѣлое племя, и чѣмъ больше глумятся надъ нимъ, чѣмъ больше топчутъ его въ грязь и преслѣдуютъ,—тѣмъ болѣе я пристаю къ нему. Я вовсе не тотъ фанатикъ, который считаетъ евреевъ „избраннымъ народомъ“; я не тотъ слѣпецъ, который не видитъ ихъ недостатковъ. Я отъ всей души презираю процентничество, міроѣдство, кулака, кто-бы онъ ни былъ—жидъ, русскій, или татаринъ. Но обвинять всѣхъ огульно, сбрасывать съ своей больной головы на чужія плечи — это оскорбляетъ меня въ сто тысячъ разъ больше, чѣмъ личное оскорбленіе. И, что больнѣе всего, это то, что оскорбляетъ тебя народъ, или, говоря вѣрнѣе, масса, которую ты любишь и которой отдаешь свою жизнь.

Эта брань, это гоненіе не на словахъ, а фактически примѣнены, и Мефистофель торжествуетъ!!! Вотъ противъ чего я давно собираюсь бороться; я хорошо знаю, что это не подъ силу мнѣ, что я упаду, но молчать—эхъ, дорогой В. В., молчаніе—худшее наказаніе.

Но объ этомъ въ другой разъ, а пока я хотѣлъ вамъ обратно перебросить ваше обвиненіе, и сказать вамъ въ свою очередь, что въ послѣднемъ письмѣ вы кругомъ неправы.

Я продолжаю работать, только все прозу, потому и не говорю объ

этомъ; между тѣмъ, у меня въ головѣ цѣлый рой сюжетовъ, къ которымъ не могу приступить. Боюсь, что рѣшусь на крайность, т.-е. сожгу корабли, чтобы нельзя было отступать.

Я хочу объявить въ газетѣ, что никакихъ заказовъ не принимаю. А тамъ будь, что будетъ!

„Христіанскую мученицу“ пріобрѣлъ у меня П. М. Третьяковъ. Я радъ, главное, тому, что она будетъ хорошо помѣщена.

Могу еще сказать, что я давно задумалъ издавать въ скульптурѣ каррикатуры; начать, конечно, съ самыхъ ярыхъ пошляковъ, такъ сказать, литературныхъ міроѣдовъ.

468. Къ нему же.

Парижъ. Получено 28 декабря 1887 г.

Нѣсколько дней тому назадъ ко мнѣ адресовалась изъ Мюнхена интернаціональная юбилейная выставка, которая, должно быть, начата нынѣшнимъ лѣтомъ,—съ просьбою, чтобы я повліялъ на русскихъ художниковъ принять участіе въ этой выставкѣ. Изъ этого ясно видно, что они плохо знаютъ, какого мнѣнія обо мнѣ въ Россіи, и какъ мало я могу повліять на кого-бы то ни было. А потому лучшій мой совѣтъ былъ, чтобы они обратились къ тремъ главнымъ группамъ, на которыя, къ сожалѣнію, раздѣлены наши художники. Я указалъ на Академію художествъ, на передвижниковъ и на здѣшнихъ художниковъ, ради удобства посылки.

Я не знаю адреса передвижниковъ, и не знаю, къ кому обратиться, а потому я далъ вашъ адресъ для передачи ихъ желанія передвижникамъ. Не знаю, получили-ли уже это вы? Я, съ своей стороны, обѣщалъ имъ содѣйствовать, въ чемъ съумѣю, и все мое содѣйствіе состоитъ въ томъ, чтобы просить передвижниковъ расширить немного свой горизонтъ: путешествіе художественныхъ произведеній столько-же необходимо, какъ самому путешествовать. Надо на людей посмотрѣть, себя показать и съ другими сравнивать. Это въ своемъ родѣ спортъ: у себя дома можетъ казаться все хорошо, но среди другихъ мы видимъ себя въ настоящемъ видѣ! Да притомъ-же неужто въ нихъ не заговоритъ патріотическое самолюбіе? я не говорю о томъ самолюбіи, которое у насъ теперь болѣзнью стало, но о томъ, которое можетъ поднять и воздвигнуть человѣка отъ долгаго сна. Неужто наши художники остались равнодушны къ той пощечинѣ, которую мы всѣ получили на Берлинской выставкѣ? Нѣтъ, пора, чтобы Европа имѣла къ намъ довѣріе и получила лучшее мнѣнія, чѣмъ какое было до сихъ поръ.

Это должны сдѣлать наши русскіе художники, если не во имя себя, то во имя всей Россіи. Вы можете имъ передать все это цѣликомъ, и мнѣ остается просить также у васъ содѣйствія. Впрочемъ, если это хорошо, то вы навѣрное сдѣлаете все возможное и безъ всякихъ просьбъ.

Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ вы говорите, т.-е. спрашиваете,

читалъ-ли я вашу статью о портретѣ графа Толстого Рѣпина? Я забылъ тогда отвѣтить вамъ, что не читалъ, потому что давно не получалъ газеты „Новости". Должно быть моя подписка кончилась.

Кони прислалъ мнѣ свою маленькую брошюрку по поводу изданія на русскомъ языкѣ „Этики" Спинозы, подъ редакціей Модестова.

Я-бы васъ очень просилъ выслать ее мнѣ, а также письма И. Н. Крамского. На-дняхъ пошлю вамъ довѣренность для полученія денегъ, и тогда будутъ у васъ деньги для подписки на годъ на „Новости" и „Вѣстникъ Европы".

Скоро пріѣдетъ къ вамъ Эліасъ, и все это можете ему поручить.

Я былъ все время несовсѣмъ здоровъ и, благодаря этому, работа моя застряла, но скоро ее кончаю, а главное, сейчасъ-же берусь за „Нестора". Это будетъ для меня, въ своемъ родѣ, праздникъ, потому что я войду въ міръ творчества; а пора — я совсѣмъ измучился.

469. Къ Ел. Григ. Мамонтовой.

Парижъ, январь 1888 г.

Поздравляю васъ съ новымъ добрымъ и хорошимъ годомъ; дай Богъ, чтобы вы здравствовали вмѣстѣ со всѣми окружающими васъ. Дай Богъ, чтобы у васъ въ этомъ году были радость, миръ и спокойствіе. О себѣ сказать нечего; работаю—вотъ и все; остается только сказать: „Чему бы дитя ни радовалось, лишь-бы не плакало".

Въ этомъ году у меня урожай относительно работъ; многія вещи оканчиваются изъ мрамора, и ими я очень доволенъ, притомъ-же оканчиваю статую „Христа", который выходитъ въ своемъ родѣ хорошо; и еслибы не необходимость заставила меня ѣхать въ Россію, то этимъ-бы не окончилось.

Относительно моего здоровья жаловаться, слава Богу, не могу. Дай только Богъ, чтобы и впредь было не хуже. Одно, что меня тревожитъ, это то, что у насъ не искусство ведетъ впередъ публику, а публика идетъ ему на встрѣчу, и пошлость торжествуетъ до того, что у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія выставлять мои работы. Остается жить въ будущемъ. Вы не пишете, забрали-ли вы мой проектъ въ Историческомъ музеѣ. Вы не можете себѣ представить, до чего я жалѣю—не этотъ эскизъ, не заказъ, а годъ творчества. Уже въ прошломъ году я могъ сдѣлать то, что сдѣлалъ въ этомъ году; но прошлаго не воротишь, остается только стараться, чтобы впередъ подобныхъ глупостей не повторять.

469 а. Къ ней же.

Парижъ, начало 1888 г.

Про себя не имѣю, что писать, особенно хорошаго. Все возился съ докторами и аптекою, главное для жены. Въ прошломъ году, когда я пріѣхалъ, я не узналъ ея, и съ тѣхъ поръ приходится лѣчиться и

лѣчиться. Лѣченье для нея было превосходно, но зимою она все израсходовала, что набрала лѣтомъ. Я тоже простудился и медленно поправляюсь, хотя особеннаго ничего нѣтъ.

Въ мастерской проза и только: по крайней мѣрѣ такъ было до сихъ поръ; теперь-же я начинаю статую „Нестора"—это другое дѣло. Но теперь мы живемъ въ такое время, когда каждый спрашиваетъ другого: что же дальше будетъ?

Миръ? Не вѣрю. Собственно говоря, Европа давно уже воюетъ, только еще первый выстрѣлъ не раздался. Прибавлю—и слава Богу, но минуемъ-ли его? Просто жутко становится, но благодаря этому мы здѣсь теперь въ моду пошли.

Теперь все здѣсь хорошо, что русское; даже то, что нехорошо, тоже хорошо. Въ театрѣ разыгрываютъ „Власть тьмы" Толстого. Въ домашнихъ спектакляхъ идетъ „Институтка" Тургенева. Кричатъ: „Да здравствуетъ Россія!" Въ кондитерскихъ появились „Шуваловскіе пирожки". Однимъ словомъ, русское самолюбіе должно быть удовлетворено, а главное, польщено. Наконецъ, образовалось франко-русское художественное общество. Французы будутъ насъ популяризировать у себя, а мы ихъ. Признаться, тутъ бой можетъ быть неравный, и изъ всего этого можетъ выйти то, что скорѣе мы сдѣлаемся французами (даже у себя дома), нежели французы станутъ русскими. Найдется немало близорукихъ, которые отъ этого художественнаго союза будутъ въ восторгѣ, въ особенности тѣ, которые не хотятъ служить, а хотятъ подслуживаться. Меня лично все радуетъ, что съ нами тутъ ни происходитъ, исключая этого союза: тутъ бракъ неравный. Очень интересно, какъ у васъ относятся ко всему этому? Ну, да ну съ нимъ совсѣмъ!!

Что же теперь въ художественномъ мірѣ? Какъ поживаетъ Полѣновъ, что онъ подѣлываетъ? Будетъ грѣшно, если ничего не дѣлаетъ; а въ Москвѣ можетъ это случиться. Какъ поживаютъ ваши? Но видите, сколько вопросительныхъ знаковъ я наставилъ. Только отвѣчайте.

470. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 27 января 1888 г.

Письмо къ А. П. Боголюбову передано.

Мой племянникъ умница, и я удивляюсь вашему терпѣнію. Я-же, къ сожалѣнію, ничего не могу сдѣлать, не могу обивать пороги и выпрашивать рекомендацій. Каждый долженъ брать то, что возможно, что заслужилъ. Всю жизнь я избѣгалъ, по возможности, рекомендацій. Прибавлю, что подобныя прошенія я очень часто получаю, и мнѣ осталось-бы только бросить искусство и заниматься ходатайствами, и заниматься неуспѣшно, потому что часто просятъ невозможнаго.

Что-же касается выставки въ Петербургѣ „Спинозы", то тутъ немного напуталъ Рѣпинъ, и, благодаря этому, мнѣ и въ этотъ разъ не удастся выставить его въ Петербургѣ.

Дѣло въ томъ, что я думалъ-было выслать не мраморнаго, а гипсоваго „Спинозу“, ибо посылка и провозъ обойдется въ три раза дешевле и легче передвигать его. Но для того, чтобы отправить гипсоваго, мнѣ нужно было сформовать оригиналъ, потому что самъ оригиналъ запачканъ, грязенъ. И вотъ, получивши письмо Рѣпина, я оставилъ эту работу, а теперь вновь начать трудно; теперь здѣсь, передъ Salon, рабочихъ, въ особенности хорошихъ, трудно найти, да и времени мало уже. Что же касается мраморнаго, то провозъ обойдется очень дорого, тѣмъ болѣе, что придется отправлять его обратно сюда. Мнѣ хотѣлось-бы раньше выставить его здѣсь, а это врядъ-ли позволитъ баронъ Гинцбургъ.

Ну, что дѣлать, не суждено! А впрочемъ, въ этомъ не судьба виновата, а безалаберность нашихъ братьевъ художниковъ, и, конечно, раньше всего я самъ виноватъ.

Пересылаю вамъ письмо изъ Мюнхена, полученное мною недавно. Изъ этого письма вы увидите, что одновременно отправлено такое-же и вамъ; почему вы его не получили—не знаю; но когда получите, то слѣдуетъ войти съ ними въ переговоры—авось они возьмутъ на свой счетъ перевозъ. Если говорятъ, что русскія картины до сихъ поръ еще не продавались за границей, то это именно потому, что ихъ мало знаютъ за границей, а потому и мало цѣнятъ; и именно вслѣдствіе этого необходимо ознакомить Европу съ нашимъ искусствомъ, какъ это было сдѣлано съ нашей литературой. Одно, чего я боюсь—это то, чтобы наши художники не соблазнились европейскимъ золотомъ и ихъ буржуазными потребностями. А я вѣдь цѣню въ нашемъ искусствѣ именно ту искренность, глубину, которыя бываютъ только въ молодости.

Только теперь я окончилъ всѣ прозаическія мои работы, которыя во сто разъ больше здоровья мнѣ стоятъ, чѣмъ творчество, потому что мучаешься, волнуешься, ругаешь себя, работаешь чуть не изъ-подъ палки, и все это потому, что самъ себѣ рабъ, рабъ своихъ прихотей. Какъ хотите, а, живя въ Италіи, я былъ болѣе строгъ къ себѣ, а также къ выбору работъ. Здѣсь живется тяжело—жизнь дороже, курсъ низкій, дѣтки подростаютъ, потребностей больше, а потому иногда дѣлаешь вовсе не то, что хочешь, что душа диктуетъ. Но я утѣшаю себя тѣмъ, что больше не завлекутъ меня на прозаическое поприще.

Я началъ „Нестора“, чему я немало радъ, но врядъ-ли окончу его въ этомъ году, тѣмъ болѣе, что мѣсяца черезъ два я думаю быть въ Петербургѣ. Конкурсъ на монументъ императора Александра II, какъ знаете, опять не состоялся, и я обратился въ комиссію съ предложеніемъ сдѣлать имъ три проекта, которые могутъ исполнить другіе. Главное, мнѣ хотѣлось не монумента, а творить; мнѣ очень хочется показать мое творчество и, съ другой стороны, искусство. Но не думаю, чтобы это осуществилось, потому что, какъ я узналъ потомъ, комиссія задумала совсѣмъ другое и, конечно, сдѣлаетъ то, что она хочетъ, а не то, что я хочу.

Здѣсь задумываютъ создать, такъ сказать, франко-русское искусство. Деталей не могу вамъ передать, но здѣсь образовалось общество. состоящее изъ литераторовъ, каковы Александръ Дюма, Зола и Маснэ, Хотятъ давать концерты, состоящіе изъ русскихъ композиторовъ, устраивать выставки русскихъ картинъ и т. д. и т. д. Все это подъ дирекціей мадамъ Аданъ. Но, какъ видно, здѣшнее посольство не сочувствуетъ этому, въ особенности потому, что это подъ дирекціей Аданъ. Говоря строго, я не знаю кто выигрываетъ отъ этого, можетъ быть обѣ стороны, а можетъ быть и то, что большая рыба проглотитъ маленькую.

Я не могу продолжать писать—настраиваютъ фортепіано, и подъ этотъ шумъ я пишу. Хорошій инструментъ, только больно грузный, въ особенности для здѣшнихъ комнатъ.

P. S. Только-что получилъ второе ваше письмо относительно „Спинозы". Я хорошенько не понялъ: вы хотите, кажется, чтобы для васъ здѣсь сняли форму съ мрамора. Разъ статуя будетъ у васъ, зачѣмъ снимать форму? А для того, чтобы снять здѣсь форму, это займетъ много времени. Вообще, мнѣ-бы хотѣлось установить форму отношеній между мною и передвижниками, не только для „Спинозы", но и навсегда, ибо у меня накопилось много работъ, которыхъ русская публика еще не видала. Но, думаю, лучше отложить это до моего пріѣзда.

Письмо изъ Мюнхена я невѣрно прочелъ, тамъ говорятъ, что „пошлютъ" къ вамъ.

Письма изъ Мюнхена не посылаю, потому что это теперь излишне.

471. Къ нему же.

Парижъ. Получено 1 февраля 1888 г.

Въ этомъ году придется чинить не только здоровье и карманъ, но и нашъ домъ (въ Вильнѣ), который совсѣмъ разваливается и, какъ развалина, причиняетъ намъ больше хлопотъ, чѣмъ пользы.

Здѣсь пресерьезно думаютъ устраивать артистическое франко-русское общество. Въ этомъ дѣлѣ принимаютъ участіе самые выдающіеся люди художественнаго міра. Ихъ пока 60, но думаютъ привлечь еще многихъ. Хотятъ основать первоначальный капиталъ въ милліонъ франковъ, и создать нѣчто въ родѣ клуба, съ залой для выставокъ, концертовъ и драматическихъ представленій, собрать 1000 членовъ, вносящихъ по 100 фр. ежегодно,—здѣсь это дѣло весьма легкое, эту сумму можно собрать въ одинъ день—на то и Парижъ. Дай только Богъ, чтобы всѣ относились къ дѣлу искренно, чтобы оно было продолжительно, а главное—одинаково полезно для всѣхъ.

Конечно, я передаю вамъ то, что слышалъ отъ людей, близко стоящихъ къ этому дѣлу. Что-то у насъ скажутъ на это?

Въ прошломъ письмѣ я писалъ вамъ, что предложилъ комитету сдѣлать нѣсколько проектовъ для памятника императора Александра II, конечно, не даромъ. На это я сегодня получилъ достойный отвѣтъ, а

именно, что, если я желаю сдѣлать проектъ на свой рискъ, то они съ удовольствіемъ принимаютъ мое предложеніе. Дудки! ужъ коли такъ, то лучше займусь своимъ дѣломъ и не буду бороться съ вѣтряными мельницами. Я думалъ, что они должны меня желать, какъ я ихъ, и что имъ легче рисковать деньгами, чѣмъ мнѣ временемъ. Сознаю теперь, что лучшаго отвѣта я и не заслуживалъ. Сознавать свои ошибки стыдно, но не грѣшно.

Вчера посѣтила мою мастерскую Сара Бернаръ. Она пришла отъ моихъ работъ въ такой экстазъ, что была тутъ лучше, чѣмъ на сценѣ въ лучшей роли. Говорю это вамъ потому, что она ваша любимица, какъ артистка. Завтра она еще разъ будетъ. Что мнѣ ей сказать отъ васъ?

Въ вашемъ Петербургѣ я замѣтилъ маленькую отрыжку парижскихъ модъ, впрочемъ, пока невинную, а именно—начинаютъ описывать въ газетѣ картины раньше, чѣмъ онѣ являются на судъ публики. Это опасно—это можетъ превратиться въ рекламу для молодцовъ.

472. Къ нему же.

Парижъ. Получено 20 января 1888 г.

Ваше письмо принесло мнѣ много радости и печали. Радъ я самому письму, потому что тамъ вижу васъ тѣмъ, какимъ были вы для меня прежде и всегда. А, признаюсь откровенно, въ послѣднее время мнѣ казалось, что мои истинные, старые друзья немного охладѣли ко мнѣ, а ихъ у меня всего два, много—три, и потерять ихъ хуже для меня, чѣмъ потерять всякое состояніе. Хуже всего то, что я не зналъ, за что все это,—за собою я не чувствовалъ никакого грѣха.

Я туго знакомлюсь и еще туже дружусь, а потому у меня друзей мало; ихъ мало, но они хорошіе, и разставаться съ ними мнѣ тяжело.

Изъ Вильно я получилъ письмо, что деньги получены исправнѣйшимъ образомъ. Что-же касается до нашихъ счетовъ, то хоть убейте меня—ничего не знаю, не помню, и даже не помню, были-ли у насъ какіе-нибудь денежные расчеты; а если и были, то навѣрное деньги за мною, а не за вами, потому что вы имѣете привычку оставлять у себя чужихъ денегъ на разныя порученія гораздо меньше, чѣмъ нужно, а никоимъ образомъ не больше. Вотъ, напримѣръ, сейчасъ вы задержали всего только 20 руб., а между тѣмъ одна только газета „Новости“ стоитъ почти столько, а я просилъ-бы еще прислать мнѣ „Письма И. Н. Крамского“. Даромъ не хочу получать ихъ, такъ какъ это для извѣстной цѣли.

И охота вамъ сокрушаться изъ-за такихъ мелочныхъ счетовъ! Да ну съ ними! Что за важность—должны-ли вы мнѣ, или долженъ я вамъ. Деньги, вообще, много мѣшаютъ въ жизни; они не должны мѣшать *намъ*, а потому все, что вы писали мнѣ объ этомъ, я не принимаю въ серьезъ.

Жду я писемъ покойнаго Крамского съ нетерпѣніемъ; ими вы

сильно заинтересовали меня. Что-же касается лично меня, то, сколько я слушалъ его, зналъ его по письмамъ, полученнымъ мною отъ него, (къ сожалѣнію, они гдѣ-то запрятаны такъ, что трудно отыскать), я всегда заключалъ, что онъ скорѣе человѣкъ, чѣмъ художникъ, и прибавлю—человѣкъ умный, честный, искренній, горячо преданный успѣхамъ искусства, а русскаго въ особенности, но разсужденія его всегда были, какъ-бы вамъ сказать,—не прямолинейны; а иногда онъ дѣлалъ такіе выводы, съ которыми я не могъ согласиться. Помню, однажды, когда я работалъ статую „Христосъ", я писалъ ему, что думалъ, и, конечно, про шапочку. Я получилъ отъ него сильный отпоръ,—что, дескать, это невозможно. Онъ тогда писалъ (кажется) портретъ Зака, извѣстнаго финансиста-еврея, съ которымъ говорилъ объ этомъ предметѣ, и они совѣтовали мнѣ лучше бросить шапочку гдѣ-нибудь у ногъ, но говорили, что надѣть ее на голову—невозможно. Жаль, что письма запрятаны. Впослѣдствіи онъ и доказалъ это въ своемъ „Христѣ", котораго создалъ реальнымъ, но позабылъ историческую реальность, а потому Христосъ и вышелъ у него и не нашимъ, и не вашимъ, т.-е. не удовлетворилъ ни религіозное чувство, ни историческую вѣрность. Далѣе, я послалъ ему плохую фотографію моего „Христа". Онъ и тогда отвѣтилъ мнѣ, что у Христа ноги „Германика". И еще что-то не понравилось ему. Потомъ, когда онъ увидѣлъ „Христа" въ натурѣ, т.-е. окончательно созданнымъ, онъ взялъ слова свои назадъ. Впрочемъ, я помню еще, что разъ я получилъ отъ него письмо, отъ котораго я пришелъ въ такой восторгъ, что, прочитавъ его, я перечиталъ его потомъ еще три раза. Что-же касается моего проекта Пушкина, то его отрицательный отзывъ очень удивляетъ меня: когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, значитъ раньше, чѣмъ я началъ, я, конечно, поспѣшилъ сообщить ему свои думы, и онъ пришелъ отъ нихъ въ восторгъ.

Что это вздумалось Боткину прійти къ вамъ и разсказывать, что онъ писалъ мнѣ о васъ? Вѣдь это было давно, и я успѣлъ все это позабыть. Странно!

Мой племянникъ очень, очень огорчаетъ меня. Его личный глупый и пошлый поступокъ (если дѣйствительно онъ уже крестился) не трогаетъ меня. Вы вѣрно замѣтили, что „туда ему и дорога!", но жаль мнѣ его родителей. Его отецъ, а мой братъ, честнѣйшій, добрѣйшій человѣкъ, прибавлю—и беднѣйшій. Онъ беретъ отъ меня что-нибудь только въ крайности, а въ крайности онъ почти всегда. Еще недавно я выслалъ ему и другому брату 500 руб., отъ которыхъ они отказались, и просили лучше поручиться за нихъ у кого-нибудь. Я послалъ имъ мой вексель на 1000 руб.; оказывается, что въ моемъ родномъ городѣ меня и знать не хотятъ, т.-е. не довѣряютъ мнѣ 1000 руб. даже подъ вексель, и это—даже мои друзья, несмотря на то, что я никому не долженъ ни копейки и никогда подъ залогъ ничего не бралъ. Вотъ такъ мучается братъ, борется съ жизнью. Жаль мнѣ еще своихъ родителей, это—центръ, куда сходится все горе отъ всего многочисленнаго семейства бѣдняковъ. Что имъ ни дашь, они дѣлятся

съ другими; а даешь имъ мало—всего 600—700 руб. въ годъ, потому что приходится давать не имъ однимъ. Ну, простите, что ввелъ васъ въ семейныя тайны, „не все золото, что блеститъ".

Вы совершенно вѣрно замѣтили, что мои лучшія произведенія—національныя. Еще-бы! Какъ ни изучай чужое, какъ ни старайся наблюдать его—все-таки свое знаешь и любишь больше. Но, кажется, я уже писалъ вамъ, что я столько-же русскій, сколько еврей, и наоборотъ; таковымъ я отъ природы; но раньше, чѣмъ евреемъ и русскимъ, я желалъ-бы быть человѣкомъ. Если-бы сквозь мою національную призму я могъ-бы подняться до человѣчности, тогда я былъ-бы счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Но для того, чтобы быть „національнымъ" художникомъ, необходимо жить среди своей націи, чего, къ сожалѣнію, я не могу по двумъ причинамъ: ни здоровье, ни обстоятельства не позволяютъ мнѣ этого. Вотъ живи со слабою грудью, съ художественными нервами среди двадцати шести градусовъ мороза, а то среди духа такихъ чиновниковъ, которые на каждомъ шагу готовы наносить обиды потому только, что меня зовутъ „Мордухъ".

Вашъ другъ Мордухъ или Мардохей.

473. Къ нему же.

Парижъ. Получено 26 февраля 1888 г.

Только-что прочелъ вашу статью о выставкѣ въ Академіи художествъ [1]). Нѣтъ, не прочелъ, а проглотилъ ее, до того она была мнѣ по душѣ; точно масло по рту прошло. Вотъ скоро будетъ выставка собакъ, и, навѣрное, тамъ будетъ посѣтителей, если не больше, то и не меньше. Но Бѣлинскій уже давно замѣтилъ, что въ райкѣ одинаково апплодируютъ — что водевилю, что Шекспиру.

Очень хорошо то мѣсто, гдѣ вы нападаете на содержаніе вмѣстѣ съ формою, ибо одно безъ другой немыслимо. Форма, или виртуозность, хороша, что и говорить, но хороша, когда соотвѣтствуетъ содержанію; но когда убиваетъ содержаніе, всякій здравый смыслъ, то она сама становится безсмыслицей. Жаль только, что вы такъ мало говорите объ историческихъ предметахъ.

Въ „Новостяхъ" я прочелъ насчетъ всемірной выставки въ Парижѣ, что художники, желающіе выслать, должны сами выбрать коммиссара.

А на чей счетъ будутъ посылать вещи? Принимаетъ-ли правительство участіе,—если не прямое, то косвенное? Обо всемъ этомъ ни слова.

Можетъ быть у васъ тамъ больше знаютъ?

---

[1]) Статья В. В. Стасова: «Выставка живописи и архитектуры», напечатанная въ «Новостяхъ» 14 февраля 1888.

474. Къ нему же.

Парижъ. Получено 27 февраля 1888 г.

Когда я вчера писалъ вамъ письмо, то еще не зналъ, что выбранъ въ „Membre associé“ парижской Академіи. Честь весьма рѣдкая, а для русскаго искусства—въ первый разъ.

Буду надѣяться, что у насъ не обругаютъ меня за это, какъ это частенько бываетъ. И такъ, я теперь полноправный членъ здѣшняго Института; имѣю право засѣдать и подавать голосъ. Мнѣ вчера сказали, что это больше, чѣмъ преподнести „гражданство“. Какъ-бы то ни было, спѣшу сообщить вамъ первому, какъ первому другу. Что еще мнѣ пріятно (зачѣмъ скрывать правду?) это то, что я выбранъ вмѣсто живописца [1]), т.-е. я конкурировалъ не только со скульпторами, но и съ живописцами и архитекторами.

А между тѣмъ, нашъ рубль падаетъ и падаетъ; это наводитъ панику и на меня, и, чего добраго, мнѣ придется убраться во-время во-свояси. Конечно, я думаю, что вы первый будете этому рады; но въ прошломъ вашемъ письмѣ, въ концѣ, т.-е. въ заключеніи, вы прибавили четыре знаменательныхъ слова, которыя въ коментаріи не нуждаются: „Вотъ и живи тутъ!“

Жить въ Россіи, среди равнодушія къ искусству, среди презрѣнія къ еврейству, слѣдовательно, и ко мнѣ; среди холода и ненастной погоды, наконецъ, среди неудобствъ для работы; прибавьте, жить мнѣ, такому нервному, хилому, значитъ — прекратить жизнь. Нѣтъ, пожалѣйте меня, а еще больше и самое искусство. Моя жизнь, мое чувство, мое искусство принадлежатъ Россіи; ей я отдаю то, что беру отъ нея; а потому я хочу жить для нея, а не безрасудно умереть изъ-за нея.

Писалъ-ли я вамъ, что П. М. Третьяковъ пріобрѣлъ у меня статую „Святая мученица“, или, какъ я еще ее называю: „Не отъ міра сего“. Долго я съ нимъ торговался, и, конечно, отдалъ ему значительно дешевле. Наконецъ, условіе заключено, и вотъ пріѣзжаетъ В. К. Константинъ Константиновичъ, который тоже давно желалъ ее пріобрѣсть. Про эту статую говорила ему его сестра, королева греческая, бывшая у меня въ прошломъ году и пришедшая въ такой восторгъ, что стала искать фотографію ея по всему Парижу. Мнѣ-же она прислала свой альбомъ, чтобы я тамъ написалъ что-нибудь. Брату она написала очень много. Я сказалъ ему, что статуя уже запродана, но еще не окончательно. Я спрашивалъ у Третьякова: позволитъ-ли онъ сдѣлать повтореніе? А про бронзу и рѣчи не было. На что онъ мнѣ отвѣтилъ: „Если вамъ дороже даютъ, то можете продать, я-же возьму что-нибудь другое у васъ“. Между тѣмъ, тутъ вовсе не шла рѣчь о деньгахъ, а потому подобный отвѣтъ я отклонилъ, хотя дѣйствительно могъ-бы взять значительно дороже. И такъ статуя осталась за нимъ, а В. К. волей-неволей пришлось отказать. Но вотъ еще бѣда: мы условились на рубль, а рубль-то таетъ да таетъ. Таковы

[1]) Вмѣсто умершаго бельгійскаго живописца Галлэ.

мои дѣла въ послѣдній годъ, а винить въ этомъ я никого не могу, ибо я самъ виноватъ. Ну, будетъ болтать.

А все-таки, я очень доволенъ сегодняшнимъ днемъ; давно уже не баловали меня.

475. Къ нему же.

Парижъ. Получено 7 марта 1888 г.

Вашу статью, по поводу статьи В. Соловьева [1]), получилъ и прочиталъ съ удовольствіемъ. Также прочелъ самую статью В. Соловьева въ „Вѣстникѣ Европы" и очень, очень сожалѣю, что онъ взялся судить объ искусствѣ, въ которомъ не компетентенъ, а главное, осудилъ такъ скоро, голословно, безъ доказательствъ. Чѣмъ больше вглядываюсь, чѣмъ больше вдумываюсь, тѣмъ больше убѣждаюсь, что именно русскому искусству предстоитъ великая будущность, и опять-таки именно потому, что оно не пошло по стопамъ всѣхъ, „по расчищенной дорожкѣ", какъ, по мнѣнію В. Соловьева, шла наша наука. Правда, въ старое время искусство наше было не наше (т.-е. до половины нашего столѣтія): оно было навязанное, а потому чисто подражательное, безъ творчества и вдохновенія. Но въ томъ-то и достоинство его, что русское искусство стряхиваетъ съ себя все чужое и старается выработать свое, самостоятельное. Извѣстно, что подражаніе есть шагъ назадъ, а самостоятельность, какова-бы она ни была, уже значительный шагъ впередъ. Если у насъ нѣтъ техническаго совершенства, эстетическихъ формъ, то это еще далеко не значитъ, что его у насъ совсѣмъ нѣтъ или не будетъ. Будетъ, непремѣнно будетъ по-своему, соотвѣтствующее нашему внутреннему настроенію. Кто не знаетъ, что всякое искусство вырабатывается соотвѣтственно содержанію, иначе говоря—всякое содержаніе вырабатываетъ свои художественныя формы. И греки, и христіане начали, именно, отъ содержанія, и мало-по-малу оно воплотилось въ художественныя формы, полныя совершенства. Въ этомъ отношеніи, мы переживаемъ теперь первую половину фазиса исторіи народа, а именно—когда онъ идетъ вверхъ, когда онъ бодръ и энергиченъ, когда воодушевленъ лучшими сторонами человѣческихъ стремленій, когда, наконецъ, онъ за всѣхъ, а не всѣ для него; какъ это уже бываетъ во второмъ фазисѣ исторіи народа,—когда этотъ народъ старѣется, душевная энергія слабѣетъ и идея добра превращается въ эгоистическую самозащиту, тогда искусство начинаетъ услаждать и усыплять. И вотъ является та эстетика со всѣмъ лоскомъ, въ которой содержаніе—гниль.

Если-бы мы стали гнаться за европейскимъ искусствомъ, то это было-бы съ нашей стороны величайшею ошибкою, потому что мы никогда не догнали-бы и остались-бы жалкими подражателями.

Скоро прибудетъ къ вамъ замѣчательная выставка изъ лучшихъ произведеній лучшихъ французскихъ художниковъ. Я самъ ихъ не ви-

---

[1]) Статья В. В. Стасова: «По поводу статьи Вл. Соловьева» напечатана въ газетѣ «День» 21 февраля 1888 г.

СОКРАТЪ.
Статуя. Римъ. 1877.

далъ, этимъ заправляютъ люди, знающіе дѣло больше, чѣмъ я. Но одни имена уже чего стоятъ! Тутъ будутъ: Мейсонье, Кабанель, Бонна, Дюранъ, Невиль, Детайль и проч. и проч. Все это уже укладывается. Говорятъ, что, конечно, преобладающій элементъ будутъ портреты, что̀ очень жаль.

Я замѣтилъ, что въ эпоху упадка искусства устремляются на портреты, и лучшіе портреты были созданы, именно, во время упадка духовныхъ силъ. Да оно и понятно — общій интересъ, общія стремленія, общая любовь съуживаются.

Міръ раздѣляется на клѣточки, и эти клѣтки, въ свою очередь, раздѣляются на клѣточки и т. д. и д. Такъ что у каждаго субъекта образуется маленькій, узкій мірокъ (хоть семейный), гдѣ онъ полноправно властвуетъ. Вмѣсто великихъ людей — міровыя событія; вмѣсто картинъ религіознаго содержанія, онъ заказываетъ свой собственный портретъ, на память своему потомству — дескать, жилъ-былъ тогда-то Добчинскій.

Можетъ-ли быть еще больше самообольщенія!

Посылаю вамъ заголовокъ новаго журнала новой моды „La vie franco-prusse". Уже по виньеткѣ можете заключить, что тамъ дальше. Чуть-чуть и мой портретъ не попалъ туда; слава Богу, что увидалъ во-время.

Въ прошломъ письмѣ я много навралъ относительно моего выбора въ здѣшній институтъ. Что меня выбрали—это такъ; что я имѣю право засѣдать одѣтымъ въ историческій мундиръ съ пальмами, если мнѣ угодно—тоже правда; но чтобы я былъ единственнымъ или первымъ въ Россіи—это совсѣмъ неправда. Вчера мнѣ доставили уставъ института, гдѣ я отыскалъ, что въ Россіи есть нѣсколько „Membres correspondants" по разнымъ отраслямъ (цѣлыхъ 4) изъ артистовъ-же: „Рубинштейнъ, Штромъ архитекторъ; да кромѣ того, одинъ Membre associé, кажется, Чебышевъ. Что это дается только разъ въ теченіи 12—15 лѣтъ,—опять неправда. Нашего брата, т.-е. живописцевъ, скульпторовъ, архитекторовъ, граверовъ, а главное музыкантовъ—10. Старшій, Verdi получилъ это званіе въ 1864 году, а всѣ остальные до меня.

Разсказываю вамъ это потому, что терпѣть не могу лжи, въ особенности, хвастовства.

476. Къ нему же.

Парижъ. Получено 9 марта 1888 г.

Вотъ какъ я расписался—пишу къ вамъ, да и только, нисколько не справляясь, есть-ли у васъ время читать мои письма. Вчера послалъ вамъ письмо, а на этой недѣлѣ, кажется, оно было не первое, сегодня-же опять пишу. Дѣло въ томъ, что сегодня я прочелъ въ газетѣ „Новости" замѣтку о моемъ выборѣ въ здѣшнюю Академію. Я догадываюсь, что это было сдѣлано вами, ибо другому никакого дѣла нѣтъ до меня, за то вы во много разъ и дороже мнѣ.

Сегодня я слышалъ отъ одного москвича, будто Рѣпинъ выходитъ изъ Общества передвижниковъ. Это очень, очень опечалило меня, и я отъ души желалъ-бы, чтобы это была неправда.

У насъ такъ мало художниковъ, такъ мало, что стыдъ и срамъ, если среди нихъ еще будутъ раздоры. Мы нуждаемся въ единствѣ, въ стойкости,—иначе и эта горсть честныхъ тружениковъ исчезнетъ. Каждый, такимъ образомъ, обязанъ заглушить въ себѣ свое „я", и со всей силой быть уступчивымъ ради самого дѣла.

Передайте, пожалуйста, Рѣпину мою горячую просьбу не дѣлать этого и, если даже уже сдѣлалъ, то пусть онъ покажетъ, что стоитъ выше всякой личности, и поправитъ ошибку свою. Но, все-таки, думаю, что это только невѣрный слухъ. Чему буду очень и очень радъ.

Что еще сказать вамъ? Погода скверная, и, благодаря ей, я въ скверномъ настроеніи духа. Сегодня въ первый разъ выхожу въ гости „повечерять", и буду обѣдать запросто съ Чайковскимъ и Есиповой. Перваго я знаю мелькомъ; когда-то я обѣдалъ съ нимъ и покойнымъ Рубинштейномъ, тоже запросто. Увидимъ, насколько онъ перемѣнился съ тѣхъ поръ, въ особенности теперь, когда проходитъ черезъ рядъ тріумфальныхъ арокъ. Жаль только, что эти-то самыя арки строятся такими непрочными руками—какъ „Фигаро", „Мадамъ Бенардаки" и имъ подобные. А между тѣмъ, онъ достоинъ чего-то болѣе прочнаго, хотя-бы съ меньшимъ шумомъ.

477. Къ нему же.

Парижъ. Получено 10 мая 1888 г.

Я не писалъ вамъ до сихъ поръ, потому что не о чемъ было писать; да при томъ, женѣ все нездоровится, я немного хвораю, карманъ тоже и, благодаря всему этому, я все не въ духѣ.

Теперь я передѣлываю эскизъ „Ермакъ". Мнѣ хотѣлось-бы сдѣлать его въ томъ стеганомъ кафтанѣ, въ которомъ находится русскій всадникъ въ книгѣ Герберштейна, а на головѣ у него помѣщенъ шишакъ, вмѣсто стеганаго колпака; наконецъ, щитъ сдѣлать не заброшенный за плечи, а надѣтый на руку, сдѣлать Ермака въ рукавицахъ того времени (конечно). Но вотъ бѣда — оказалось, что у меня нѣтъ рисунка Герберштейна; я рылся въ книгахъ разныхъ изданій—и напрасно. Вотъ почему я рѣшился обратиться къ вамъ со всепокорнѣйшей просьбой — выслать мнѣ калькъ всадника, находящагося въ книгѣ Герберштейна. Это мнѣ очень къ спѣху, потому что я давно собираюсь выѣхать въ Россію; только бюсты Императора и В. К. затянулись гораздо дольше, чѣмъ я разсчитывалъ. Теперь пріѣду не раньше, чѣмъ недѣль черезъ 5. Что Эліасикъ? Послѣднее письмо отъ него я получилъ изъ Италіи, а затѣмъ, какъ въ воду канулъ. „О Брутъ, и ты тоже!!!"

P. S. Въ послѣднія нѣсколько лѣтъ я совсѣмъ нигдѣ не выставляю, тѣмъ не менѣе, часто вспоминаютъ обо мнѣ [1]).

---

1) При письмѣ былъ приложенъ печатный пригласительный билетъ на вечернее собраніе, 19 мая, въ общество «Union chrétienne de jeunes gens», гдѣ должно было состояться чтеніе на тему «Un sculpteur russe» (Антокольскій).

478. Къ нему же.

Парижъ. Получено 3 іюня 1888 г.

Спасибо вамъ большое за кальку съ рисунка Герберштейна, а также за ваше письмо, которое, въ послѣднее время, стало рѣдкимъ, но дорогимъ гостемъ. „Ермака" я не испорчу, не бойтесь. Будетъ хорошо—оставлю, нѣтъ—брошу, а попробовать—отчего бы нѣтъ? У меня много набралось кое-чего, о чемъ можно было-бы поболтать, но въ послѣднее время я совсѣмъ отвыкъ отъ корреспонденціи — мало получаю и мало отвѣчаю, такъ что много писать теперь мнѣ трудновато. Вотъ что значитъ привычка. Да сказать вамъ правду, я боюсь писать именно эту правду—ей-ей такъ. Что прикажете дѣлать? Въ послѣднее время, можно сказать, я и послѣднихъ друзей потерялъ— кто умеръ, въ комъ я разочаровался, а кто обидѣлся, что я правду сказалъ.

Я теперь похожъ на родителей, у которыхъ померли дѣти одинъ за другимъ; осталось у нихъ одно дитя, послѣднее дитя! Какъ они дрожатъ надъ нимъ, какъ они его оберегаютъ отъ малѣйшей простуды, просто не даютъ ему дышать свѣжимъ воздухомъ; однимъ словомъ, они стали трусами. Вотъ такимъ я сталъ въ отношеніи моихъ друзей. Да, дорогой другъ, отъ болѣзни мы теряемъ людей, а отъ правды — друзей. Конечно, вы скажете: „нѣтъ, это неправда", а я отвѣчу вамъ на это—„правда, сущая правда... знаю я это по опыту". Дружба—въ своемъ родѣ увлеченіе; у друга видишь непремѣнно то, что хочешь видѣть, и далеко не то, что въ дѣйствительности есть. Горе той дружбѣ, когда начинается анатомическій анализъ. Какъ-бы другъ друга ни любили друзья, все-таки съ правдой необходимо обращаться осторожно, какъ съ огнемъ, иначе, смотришь—одна искра можетъ превратиться въ пламя. Было время, когда я болталъ и болталъ охотно; а теперь, иной разъ, хочешь взяться за перо и повѣдать, разсказать кому-нибудь, что клокочетъ въ душѣ, и самъ себѣ говоришь: „Дуракъ ты! неужели, въ самомъ дѣлѣ, твое сердце такъ плоско, что ничего въ себѣ совмѣстить не можетъ? Молчи! Твоему волненію одно мѣсто, одинъ складъ, это—твоя мастерская; въ твои произведенія ты долженъ вкладывать свою душу, все, что переживаешь, что чувствуешь и думаешь—они лучшимъ и болѣе чистымъ языкомъ разскажутъ, чѣмъ твое разглагольствованіе подъ впечатлѣніемъ минуты". Вотъ вамъ маленькая исповѣдь или причина, изъ-за которой я въ послѣднее время такъ неохотно пишу. Я не писалъ про французскую выставку, про вашу статью, про Верещагина и, наконецъ, про Рѣпина. Не писалъ потому, что это дѣло прошлое, непоправимое, а, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ говорить, огорчать и, что еще хуже, сердить? Нѣтъ, лучше молчать! Да при томъ, вы не спрашивали моего мнѣнія. Но теперь нехотя долженъ вамъ отвѣчать.

Газету „Новости" я получаю. Ваши статьи читаю съ большимъ удовольствіемъ, еще-бы! онѣ, отчасти, замѣняютъ мнѣ ваши письма. Въ нихъ я всегда вижу васъ тѣмъ-же искреннимъ, добрымъ Владимі-

ромъ Васильевичемъ, любящимъ русское искусство и правду, за которую онъ готовъ распинаться. Въ запискѣ покойнаго Крамского къ Рѣпину, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о васъ; онъ сравниваетъ васъ съ Бѣлинскимъ; говоритъ (приблизительно), что ваша критика—только впечатлѣніе дня, не имѣющая будущности. Что же изъ этого? Есть люди, которые не написали въ своей жизни ни одной строчки, и это не мѣшало имъ имѣть огромное вліяніе на людей, и имя ихъ осталось жить, какъ и имя Бѣлинскаго. Да, вообще, сравненіе плохой аргументъ, плохая мѣрка, просто потому, что ни одинъ человѣкъ не подходитъ къ другому ни въ чемъ—ни по формѣ, ни по складу содержанія. Необходимо брать каждаго человѣка такъ, какъ онъ есть, безъ постороннихъ мѣрокъ. Каждыя выдающіяся личности стоятъ другъ отъ друга отдѣльно; и только люди слабые, маленькіе, стараются подражать извѣстной величинѣ и быть на нее похожими. А коли уже пошло на сравненіе, то пускай кто-нибудь укажетъ на кого-нибудь, кто былъ-бы похожъ на васъ. И такъ, что бы ни говорили, я, все-таки, остаюсь при своемъ! Мое убѣжденіе, мое мнѣніе о васъ совершенно другое и непоколебимое. Но это вовсе не мѣшаетъ мнѣ видѣть ваши промахи. Не могу сказать, чтобы вы въ вашихъ сужденіяхъ всегда были правы. Вы въ душѣ художникъ, увлекаетесь, какъ художникъ—и слава Богу!

Кажется, что мое предисловіе вышло длинное, черезчуръ длинное; а это потому, что мнѣ хочется быть какъ можно безпристрастнѣе въ моихъ сужденіяхъ; а осудить собираюсь многое.

Про французскую выставку я ничего не могъ сказать вамъ потому, что не видалъ, что было послано, я только слышалъ о ней, и слышалъ не совсѣмъ одобрительные отзывы. Говорили, что посылаютъ (въ Россію) вещи второстепенныя, хотя имена первостепенныя. Тѣмъ не менѣе, ваша статья о нихъ была мнѣ не по душѣ. И вотъ почему. Раньше всего я долженъ сказать, что я не поклонникъ художественнаго франко-русскаго союза, просто потому, что я врагъ всякой искусственности въ искусствѣ. Серьезное, истинное искусство, прямо вытекающее изъ глубины души, должно быть свободно, какъ всякое серьезное, искреннее слово. Такое искусство было когда-то, но тогда не было академій. Завели академіи, и искусство сдѣлалось ходульнымъ; оно пошло казеннымъ маршемъ на ложную дорогу, чуть-ли не подъ барабаннымъ боемъ. Впрочемъ, академія сама по себѣ не виновата, ибо она продуктъ времени. По-моему, истинному художнику ничего не слѣдуетъ давать, ни на что не слѣдуетъ ему указывать, но взамѣнъ этого надо дать ему возможность самому брать. Костыли хороши только для больныхъ, подпорки—для разрушающагося дома; искусству-же слѣдуетъ дать только правильный ростъ—и только. Вотъ почему я такъ противъ искусственности. Но въ данномъ случаѣ мы поступили нехорошо съ французской выставкой. Они были приглашены участвовать своими картинами на петербургской выставкѣ съ благотворительною цѣлью; они приняли наше приглашеніе и явились къ намъ, какъ гости (кто ихъ приглашалъ, это уже домашнее дѣло). Но разъ они у насъ, и какъ гости, то заслуживали болѣе гостепріимнаго пріема.

а меньше всего нападокъ, и еще меньше всего, именно, отъ васъ. Вы находите, что цѣны, назначенныя ими за картины, огромны. Я спрошу—имѣетъ-ли искусство установленную цѣну? Смотря какъ, для кого—бѣдняку дороже кусокъ хлѣба, чѣмъ сотни картинъ; а богатому дороже картина, чѣмъ тысяча картинокъ въ видѣ банковыхъ билетовъ. Художники назначаютъ дорого, но въ чемъ они тутъ виноваты? Каждому вольно дать или не дать; но дѣло въ томъ, что даютъ, и какъ еще! Вотъ на-дняхъ была распродажа картинъ. Одна картина Troyon пошла за 175 т. фр., другая, его-же, за 110 т. франк. Одинъ русскій меценатъ заплатилъ 50 т. рублей за картину. Между тѣмъ, какъ съ нашимъ братомъ онъ торгуется, не хуже жида, а намъ предлагаетъ крохи. Что дѣлать! И за то ему спасибо. Вотъ съ этой точки зрѣнія, французская выставка была для насъ, художниковъ, даже полезна, хоть-бы въ матеріальномъ отношеніи. Есть, однако, люди, которые утверждаютъ, что излишнее богатство портитъ художника. Я готовъ съ этимъ согласиться, но необходимо согласиться со мною, что бѣдность не менѣе мѣшаетъ художнику, если не больше. А бѣдствуетъ у насъ не мало талантливыхъ людей, достойныхъ лучшей участи Покойный Крамской находилъ, что „заграничные художники прежде всего смотрятъ, гдѣ торчитъ рубль“, и онъ тутъ!

Впрочемъ, я въ своей автобіографіи уже замѣтилъ, что мы, русскіе, переѣзжая границу, одно изъ двухъ—или таемъ, или бранимся. Я самъ принадлежу ко второй категоріи и бранился долго, пока не взялъ пера въ руки и сталъ писать и разбирать все, т.-е. пока мои впечатлѣнія не подверглись анализу.

Тогда только я увидалъ, какъ мы легко относимся ко всему, что намъ чужое и незнакомое, и какъ мы безтолково бранимся. Чего проще—пріѣхалъ въ Парижъ, забрался на тріумфальную арку обозрѣть Парижъ, и все сразу узналъ; а затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ говорить о немъ, что Богъ на душу положилъ. А я вотъ что скажу вамъ послѣ долгихъ годовъ наблюденія: писать о Парижѣ то же, что писать комментаріи о Дантѣ, Гамлетѣ, Донъ-Кихотѣ и другихъ великихъ твореніяхъ.

Сколько ни пиши, все еще остается что писать; сколько остроумія ни было-бы потрачено, все еще остается сказать что-нибудь новое, потому что великія созданія захватываютъ не одну сторону человѣка, а цѣлую массу людей со всѣми его душевными изгибами. Въ такихъ созданіяхъ отражается вся эпоха; они прототипы своего времени, а потому, говоря о нихъ, необходимо знать человѣка, и человѣка тогдашняго, и не только одного или нѣсколькихъ, заключающихся въ произведеніи, а все и всѣхъ, что тогда окружало жизнь; и, наконецъ, все это необходимо знать досконально, глубоко; а такъ какъ человѣкъ большею частью загадоченъ, то отсюда и происходятъ тѣ безконечные комментаріи, которые далеко еще не окончены. Слѣдуетъ прибавить, что, въ сущности, каждый человѣкъ адвокатъ своего внутренняго „я“; каждый съ горячностью защищаетъ свой складъ мыслей и убѣжденія; съ такой-же горячностью онъ нападаетъ на все,

что не подходитъ къ нему; охотно обвиняетъ другого, но себя — никогда. Особенно рельефно это замѣтно въ письмахъ, когда человѣкъ пишетъ подъ вліяніемъ минуты, не подвергая даже собственной критикѣ (впрочемъ, о письмахъ рѣчь еще впереди). Только немногіе истинные философы и истинные художники поднялись до объекта. Одни вслѣдствіе своего глубокаго и яснаго, прибавлю—и холоднаго, анализа ума, а другіе—вслѣдствіе чуткаго инстинкта. Судить-же о Парижѣ по одному или по десяти фактамъ очень опасно, и еще опаснѣе осудить его по первому впечатлѣнію. Это я испыталъ на себѣ, и то же самое вижу на другихъ. Въ Парижѣ все есть, и все въ колоссальныхъ размѣрахъ — и дурное, и хорошее; и великое, и пошлое; все видишь тутъ, точно сквозь увеличительное стекло, и каждый непремѣнно видитъ именно то, что хочетъ видѣть (приблизительно то же самое я говорю въ своихъ запискахъ о Франціи. Онѣ еще далеко не окончены).

Однако, я не хочу защищать Парижъ. Нѣтъ, онъ не мой идеалъ. Но я сожалѣю объ одностороннемъ взглядѣ, о легкомъ отношеніи къ тому, что мнѣ не нравится.

Такое-же отношеніе у меня и къ Верещагину. Дѣлаетъ онъ выставку—хороши-ли его картины или дурны, имѣли онѣ успѣхъ или нѣтъ—этого вопроса я здѣсь касаться не буду. Почему? Не хочу, ну просто не хочу. И вотъ, является къ нему какой-то оборванецъ, репортеръ какихъ-то газетъ, и проситъ денегъ, иначе писать похвалы онъ не станетъ. Это ужасно, неприлично, пошло. Но зачѣмъ тутъ обвинять большую часть прессы? А главное, будто-бы это причина его неуспѣха! И еще онъ поручилъ разсказать это у насъ печатно. Я спрошу одно: какимъ образомъ печатались раньше сотни хвалебныхъ статей про его выставку? Одно изъ двухъ—или газеты писали по своему убѣжденію, или-же... Нѣтъ, ни за что не хочу допустить второе, но допускаю, что Верещагинъ несправедливъ, несправедливъ и неблагодаренъ.

Въ „Новостяхъ“ кто-то написалъ: „Наконецъ французская печать вынуждена была заговорить о Верещагинѣ“.

Зачѣмъ этотъ крикливый тонъ? Кто печать принуждалъ, да еще хвалить? Тутъ точно рѣчь идетъ объ инцидентѣ Скобелева.

„Воспоминанія“ Рѣпина о покойномъ Крамскомъ я еще не читалъ. Я, къ стыду моему, долженъ сказать, что даже не зналъ о нихъ существованіи, а узналъ про нихъ я изъ статьи Буренина, которую, впрочемъ, не читалъ, какъ и другія никогда не читаю. Для нѣкоторыхъ Буренинская литература то же, что рюмка водки на похмѣлье. Хорошо! Но я мерзости не читаю и въ водкѣ не нуждаюсь. Я былъ крайне обрадованъ вашей статьей, гдѣ вы уличили вора. Какъ хорошо, какъ художественно хорошо, виртуозно вы вздернули его, этого... какъ всегда покойный Тургеневъ называлъ его. Я даже хотѣлъ было послать вамъ телеграмму съ большимъ спасибо. Объ одномъ я жалѣлъ—зачѣмъ вы вспомнили обо мнѣ? Зачѣмъ тормошить мусоръ, когда онъ уже успѣлъ покрыться зеленою травою? А все-таки, большое спасибо вамъ. Я думаю, что это въ душѣ скажетъ вамъ каждый,

у кого сердце еще не превратилось въ корыто, а самъ онъ не сталъ свиньей. Наконецъ, лишь только недавно я досталъ письма покойнаго Крамского, и то случайно, благодаря Боткину, который у меня ихъ оставилъ.

Вы много разъ обѣщали мнѣ выслать ихъ, я много разъ напоминалъ вамъ, и все-таки не выслали, навѣрно забыли, хотя забывчивость не въ вашемъ характерѣ. Но это—мелочь.

Письма Крамского въ высшей степени интересны; я не знаю до сихъ поръ подобныхъ писемъ художника въ печати. Въ этихъ письмахъ чувствуется сила, нервная дрожь, горячность, но сдержаннаго темперамента; и вообще слышишь художника умнаго, серьезнаго, говорящаго о дѣлѣ искусства, какъ спеціалистъ. А все-таки, лично для меня, новаго я нашелъ мало—отчасти потому, что я хорошо зналъ покойнаго Крамского, и отчасти потому, что такъ или иначе, а приблизительно такъ думала и думаетъ цѣлая плеяда художниковъ—его сверстники. Одни это доказывали словомъ и дѣломъ (искусство), другіе—однимъ дѣломъ, третьи—словомъ безъ дѣла, и, наконецъ, четвертые—которые не могутъ выразить ни словомъ и ни дѣломъ, но тѣмъ не менѣе, отлично понимаютъ и сочувствуютъ. Необходимо замѣтить, что подъ словомъ „дѣло“ я подразумѣваю дѣло чисто художественное, творческое. Крамской принадлежалъ къ третьей категоріи художниковъ. Его можно назвать умнымъ, серьезнымъ художникомъ, но никоимъ образомъ великимъ художникомъ. Въ творчествѣ онъ не поднимался выше посредственности. Главнаго выраженія души, за которымъ онъ такъ гнался, онъ именно и не достигъ. Его „Христосъ въ пустынѣ“, это—„Христосъ въ сомнѣніи“, я уже тогда назвалъ его „сомнительнымъ Христомъ“. Большая картина его, на которую онъ потратилъ столько силъ и времени — не окончена. Я ее не видалъ и строго судить о ней не могу, но, по отзывамъ другихъ, она слаба. Остаются его портреты, гдѣ онъ дѣйствительно мастеръ, но не въ краскахъ: въ нихъ онъ остался прозаикомъ. Но если онъ ничего не могъ сдѣлать въ искусствѣ, то много старался сдѣлать для искусства. И сдѣлалъ онъ много, очень много, за что мы всѣ были и остались ему очень признательны. Именно въ этомъ больше, чѣмъ въ чемъ другомъ, онъ заслуживаетъ общаго уваженія.

Что-же касается его сужденій, то въ нихъ не хватаетъ какъ-то простора. Со многимъ можно согласиться, но со многимъ нѣтъ. Онъ имѣлъ свою излюбленную дорожку, свой идеалъ, какъ каждый художникъ — свое. Иной разъ, въ сужденіяхъ объ искусствѣ онъ глубоко серьезенъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла; а иной разъ его сужденія чисто ребяческія и, какъ ребенокъ, онъ высказываетъ полное незнаніе того, что осуждаетъ. Иной разъ онъ опять судитъ раздражительно, какъ говорятъ—„рубитъ съ плеча“. Самъ онъ былъ художникъ-христіанинъ въ душѣ, а христіанское искусство, даже въ лучшемъ его расцвѣтѣ, было для него книгой закрытой. Любилъ онъ говорить и спорить, и говорилъ много, иногда очень много, до туманности. Я лично острилъ по этому поводу, что Крамской всегда начнетъ про предметъ съ сере-

дины и обходитъ его кругомъ, но никогда не подходитъ къ нему прямо. Въ письмахъ онъ короче, яснѣе, но и тутъ онъ иногда говоритъ на шести страницахъ то, что можно сказать въ шести строкахъ. Съ друзьями отношенія его (съ очень немногими) были трогательны, но съ товарищами дѣло обстояло иначе—онъ былъ съ ними скрытенъ и говорилъ наоборотъ противъ того, что думалъ, а иногда и того хуже. Послѣднее мнѣ теперь особенно досадно, потому что въ своихъ „Запискахъ" я привожу его мнѣніе о французской школѣ. Я хорошо запомнилъ, какъ онъ былъ недоволенъ, когда я назвалъ французскую школу „передней передъ итальянской" (рѣчь шла про старинныхъ мастеровъ, которые находятся въ Луврѣ).

Эта скрытность, эта двойственность могутъ быть полезны въ политикѣ, отчасти въ дѣлѣ, но среди товарищества, среди искусства—никуда не годятся. Въ похвалахъ онъ дѣлалъ одинъ шагъ впередъ, и три назадъ. Вотъ вамъ, дорогой В. В., въ нѣсколькихъ строкахъ портретъ покойнаго Крамского. Таковымъ я зналъ его при жизни, таковымъ онъ представился мнѣ въ письмахъ своихъ.

Что же касается нашихъ личныхъ отношеній, то не лучше-ли все предать забвенію?

Если взвѣсить его хорошее и дурное—непремѣнно хорошее перевѣситъ, не въ томъ, что онъ писалъ объ искусствѣ, а въ томъ, что онъ сдѣлалъ для искусства.

Онъ, какъ художникъ-дѣятель, стоитъ гораздо выше своихъ современниковъ. И такъ, забудемъ наши личные счеты и отдадимъ ему должную справедливость и благодарность за то, что онъ сдѣлалъ.

Въ письмахъ можно узнать человѣка. Еще-бы! Вездѣ узнаемъ человѣка, во всѣхъ его дѣяніяхъ, вездѣ душа его торчитъ, какъ краденый пень въ мѣшкѣ.

Но осудить человѣка по письмамъ—опасно. О письмахъ вообще мнѣ и хотѣлось завести рѣчь. Не люблю я читать письма чужого человѣка, да вообще письма, не адресованныя мнѣ; не люблю их читать ни при жизни, ни вскорости послѣ смерти, когда умершій такъ живо и ясно продолжаетъ еще жить въ нашей памяти, когда прошлое еще не предано забвенію. Умеръ человѣкъ, но память о немъ еще жива, и вдругъ — замки долой, роются въ его потаенныхъ ящикахъ, въ его душевныхъ тайнахъ, и печатно повѣщаютъ всему міру о томъ, какъ человѣкъ думалъ и дѣлалъ, вольно и невольно. И все это позволяютъ себѣ только потому, что мертвый не можетъ подняться изъ гроба и закричать: „Veto"! Обождите ради Бога!! Какъ это допускаютъ друзья, родственники и, наконецъ, жена и дѣти умершаго—это для меня непонятно. Иной разъ видишь человѣка въ письмахъ какъ разъ на изнанку. Кто знаетъ, подъ какимъ настроеніемъ, при какихъ обстоятельствахъ письма писались. Иной разъ человѣкъ не въ духѣ, ну, просто потому, что свинцовыя тучи несутся надъ нимъ и давятъ его чувство, пишетъ—и письмо его выходитъ плаксивымъ; тучи разсѣются—и онъ готовъ написать о томъ-же предметѣ, но уже въ другомъ тонѣ.

Письмо мое залежалось, и цѣлыхъ 9 дней прошло.

Теперь не знаю, послать-ли его, такъ какъ я самъ скоро буду у васъ. Все-таки, пошлю, хоть ради того, чтобы не спорить при личномъ свиданіи. Я теперь избѣгаю спора, не потому, что разлюбилъ спорить, а потому, что споръ сталъ вреденъ для моего горла.

И такъ, продолжаю писать, какъ ни въ чемъ не бывало. Я остановился на той мысли, что не придаю письмамъ важнаго значенія въ области ума, въ особенности, когда это пишетъ субъектъ увлекающійся, съ горячимъ темпераментомъ.

Замѣтьте, дорогой В. В., что подобные субъекты нуждаются въ томъ, чтобы съ кѣмъ можно было-бы раздѣлить свои впечатлѣнія. И вотъ—онъ вспылитъ ни за что, ни про что, хватается за перо и поднимаетъ цѣлую бурю въ стаканѣ воды, говоря вѣрнѣе, изъ-за стакана воды; но успокоится—и самъ надъ собою хохочетъ.

Правда, бываетъ, что сообщенія, или разоблаченія, въ минуты пыла очень интересны, но съ ними необходимо обходиться осторожно, осторожнѣе, чѣмъ таскать кастрюли изъ горячей печки.

Говорятъ, что первое впечатлѣніе очень цѣнно, но, думаю, развѣ только въ области искусства, но никакъ въ области ума, критики, гдѣ необходимо раньше всего досконально знать предметъ, который хочешь разбирать.

Право, читая письма покойнаго Крамского, хочешь умолять своихъ друзей и недруговъ: „Ради Бога, не судите меня по письмамъ,—иной разъ страсть брала верхъ, иной разъ увлеченіе личностью брало верхъ надъ всѣмъ, что достойно уваженія. Неужели въ моихъ работахъ не видите меня лучше, яснѣе? Вѣдь тамъ-то я и вложилъ всѣ свои мысли, всю мою душу. Это мои дѣти, мои сокровища, которыя я лелѣялъ и день, и ночь; съ ними я вставалъ, съ ними я засыпалъ; они, и только они—зеркало моей души, а все остальное—бредъ. Ради Бога, уничтожьте мои письма—мой бредъ!!! Они только сорная трава среди цвѣтовъ!!“

А впрочемъ, я говорю только о себѣ, о томъ, что мнѣ приходилось испытать при чтеніи писемъ покойнаго Крамскаго. Сами-же письма очень интересны, хотя не со всѣми можно согласиться. Притомъ-же они не могутъ подвергаться строгой критикѣ, потому что это письма и не больше.

Вотъ сколько я наговорилъ, а между тѣмъ половины, даже четверти я не сказалъ изъ того, что хотѣлось-бы мнѣ сказать. Въ заключеніе могу только прибавить, что много далъ-бы, чтобы быть съ вами согласнымъ, но каждый человѣкъ рабъ своихъ убѣжденій, и подобныхъ рабовъ вы первый, и раньше всѣхъ, презираете.

479. Къ нему же.

Берлинъ. Получено 28 іюля 1888 г.

Пишу вамъ изъ Берлина, гдѣ остановился всего на нѣсколько часовъ, чтобы дождаться слѣдующаго поѣзда. Эти нѣсколько часовъ—

единственное свободное время, которое я имѣлъ до сихъ поръ. Просто стыдъ и срамъ—бѣгу, хлопочу, точно дѣловой человѣкъ, точно никогда и не былъ я художникомъ. Но это—участь всѣхъ, кто пріѣзжаетъ на родину на короткое время; тѣмъ не менѣе я не хочу, ни за что не хочу, чтобы все подобное часто повторялось—ибо оно вредно для здоровья и для самого искусства, которымъ я дорожу больше, чѣмъ жизнью.

Но къ дѣлу. Вашу статью обо мнѣ—мнѣ удалось читать уже въ Вильнѣ, т.-е. третьяго дня (сегодня вторникъ). Согласитесь сами, что это лучшій отвѣтъ на пошлость, которою занимаются теперь не только большая часть прессы, но и публика. Говорю я это потому, что дѣло московское не совсѣмъ прочное. Тамошній голова встрѣтилъ меня со словами: „А мы тутъ пережили цѣлую пертурбацію—конкурсъ хотятъ! Говорятъ, что вы участвовали на конкурсѣ Пушкина".

„На конкурсѣ Пушкина я не участвовалъ и не участвую ни на какомъ конкурсѣ, — отвѣтилъ я,—если-бы я смотрѣлъ на созданіе монументовъ, какъ на наживу денегъ, то принялъ-бы въ нихъ участіе; но есть вещи, которыя выше всякаго денежнаго расчета. Что-же касается до теперяшняго заказа и заказовъ вообще, то они похожи на женитьбу—недостаточно, чтобы только одна сторона желала, необходимо желаніе обѣихъ сторонъ, да и чтобъ желаніе обѣихъ сторонъ было-бы одинаково сильно. Я еще не началъ дѣла, и если отъ этого кому-нибудь можетъ быть непріятность, то я отказываюсь". Вотъ, приблизительно, отвѣтъ, который я далъ, на что послѣдовало возраженіе—и дѣло пока слажено. Но мой идеалъ—не то; и, вообще, я надѣюсь, что въ скоромъ времени я совсѣмъ откажусь отъ какихъ-бы то ни было заказовъ и отъ кого-бы то ни было.

А вся надежда моя—на нашъ домъ, который черезъ 2—3 года будетъ давать намъ около 8000 руб. ежегодно. Итакъ, теперь, окончивъ мои дѣла, ѣду немного отдохнуть. Буду писать уже изъ Biarritz, куда и прошу адресовать.

480. Къ нему же.

Biarritz, 19 (7) августа 1888 г.

У васъ, навѣрное, времени мало, а у меня, наоборотъ, теперь времени много, вотъ почему я такъ часто пишу; да и по правдѣ сказать, и писать есть о чемъ. Ругать и плевать на меня, повидимому, вошло въ моду, а потому мнѣ-бы хотѣлось, чтобы фактъ о моемъ выборѣ въ французскій Институтъ, про который я писалъ вамъ въ прошломъ письмѣ, былъ обнародованъ, если найдете удобный случай и, вообще, если оно удобно. Можно назвать В. К. Лейхтенбергскаго не по имени, но слова его, переданныя секретаремъ А. П. Боголюбову, очень важны для обузданія этихъ клеветниковъ. Онъ, какъ просвѣщенный человѣкъ, не дѣлаетъ различія между блондиномъ и брюнетомъ, не ставитъ вопросъ церкви выше государственнаго; для него, повидимому, всѣ равны. Онъ говоритъ: „дабы эта великая честь до-

сталась русскому"—значитъ, для него я русскій, а для псевдо-патріотовъ—нѣтъ; для нихъ я ничего не стою, а для него—стою великой чести.

Я забылъ въ прошломъ письмѣ прибавить одну черту, говорящую въ мою пользу.

Когда я пошелъ поблагодарить Бонна, какъ президента (на этотъ годъ онъ былъ выбранъ), то онъ отвѣтилъ: „Васъ выбрать было не трудно. Вашу работу всѣ помнятъ, а потому вы были выбраны единогласно".

Ну, а кто хлопоталъ за меня въ Берлинѣ? Кто въ Америкѣ, гдѣ я состою почетнымъ членомъ? Но насколько я придаю важное значеніе всѣмъ этимъ оффиціальнымъ успѣхамъ, можетъ объяснить тотъ фактъ, что я четыре года не зналъ, что состою прессоромъ нашей Академіи художествъ, и лишь только случайно узналъ это. Такъ вотъ какъ я хлопочу объ этомъ. Я не скрываю, что всѣ эти почести очень лестны для меня, тѣмъ болѣе, что я ихъ не добиваюсь. За все время моего пребыванія въ Парижѣ, я ни разу не былъ въ Институтѣ, несмотря на то, что состою ихъ корреспондентомъ; и лишь недавно, когда былъ представленъ, я тамъ засѣдалъ въ первый разъ. Все это я высказываю безъ всякой скромности; но вѣдь до сихъ поръ я никому не говорилъ объ этомъ, и не говорилъ-бы, если-бы не былъ вынужденъ говорить, хотя-бы ради самозащиты.

Рядомъ съ этимъ, хотѣлось-бы мнѣ, чтобы было обнаружено, какъ безцеремонно со мною поступили при представленіи проекта на монументъ Императора Александра II (опять, если удобно). Я спрашиваю, по какому праву судили мой проектъ вмѣстѣ съ другими, безъ моего вѣдома и позволенія? Но со мною, повидимому, никто не церемонится. Если-же оно такъ дальше пойдетъ, если гоненія на меня не прекратятся, то я намѣренъ обратиться къ общественному мнѣнію съ вопросомъ: заслужилъ-ли я право гражданства, признаютъ-ли они меня своимъ, и имѣю-ли я право считать себя русскимъ? Если да—то имѣю право на все русское; если нѣтъ—дѣлать нечего, придется съ досадою взять посохъ въ руки и искать по міру добрыхъ людей. Мой языкъ понятенъ для всѣхъ, авось они поймутъ мой талантъ, мою скорбь... Но пока подождемъ, что дальше будетъ.

А теперь я спрошу, не видали-ли вы г. Ропета [1])? Я жду съ нетерпѣніемъ его наброска для того-же злосчастнаго проекта „Екатерина II". Пожалуйста, когда увидите его, прошу отдать ему мой поклонъ съ просьбою поторопиться, ибо срокъ короткій.

Обо мнѣ сказать нечего; отдыхаю, сижу у моря и жду погоды, а погода здѣсь измѣнчива.

Будьте здоровы, бодры. Отъ души преданный вамъ. Я не знаю, что пишется въ русскихъ газетахъ, ибо я ничего не получаю, даже газеты „Новости".

---

[1]) Архитекторъ И. П. Ропетъ сочинялъ пьедесталъ для монумента Екатерины II Антокольскаго.

481. Къ нему же.

Biarritz. Получено 10 августа 1888 г.

Только что получилъ вашу статью въ отвѣтъ „Гражданину“ и его „читателямъ“. Лишнее сказать, какъ глубоко благодаренъ я вамъ за то, что вы защищаете мою честь. Въ такое время, какое мы теперь переживаемъ, вы мнѣ еще дороже, вы чуть-ли не единственный, который открыто выступаетъ противъ лже-патріотизма, ханжества; противъ такихъ господъ, какъ Григоровичъ и ему подобные. Эти господа готовы гнуться по вѣтру; они, на подобіе жалкаго раба, предупреждаютъ прихоти своего развращеннаго господина. Къ сожалѣнію, имя имъ теперь легіонъ. Вы открыто доказываете, что патріотизмъ патріотизму рознь; что можно быть патріотомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкомъ; что можно любить себя, и желать своимъ всего лучшаго, но и не презирать другихъ. Да чужой-ли я? Вотъ вопросъ, на который хочу получить категорическій отвѣтъ. Что дурного я сдѣлалъ Россіи? Я преданъ ей всецѣло, всей душой; ея жизнь, ея исторія стала мнѣ дорога, дороже своей. Мою жизнь, мой талантъ я ей посвятилъ. Если я получаю въ Европѣ славу и почетъ, то не какъ еврей, а какъ русскій. Спрашиваю—за что меня такъ больно бьютъ и отталкиваютъ именно тѣ руки, въ которыя я бросился?

Не думайте, дорогой В. В., что меня такъ глубоко огорчаетъ то, что на меня нападаютъ и клевещутъ; а огорчаетъ меня то, что мой любимый кумиръ такъ оскверненъ, что онъ такъ низко упалъ, что свой своего не узнаетъ...

Ваша статья ясна, убѣдительна, въ особенности тѣмъ, что кладете факты на факты. Но убѣдитъ-ли она кого-нибудь: ханжу и лже-патріота? Они сами хорошо знаютъ, что лгутъ и подличаютъ, но это теперь въ модѣ, это теперь очень выгодно. Но великъ Богъ и русская земля! Думаю и глубоко убѣжденъ, что не вся Россія заражена пошлостью; въ этомъ крѣпка еще моя вѣра.

Я думаю, что гоненіе на меня далеко еще не окончено, и клеветы и выдумокъ будетъ еще много, а потому на всякій случай передаю вамъ факты, какъ я былъ выбранъ въ французскій Институтъ и какъ я конкурировалъ.

Я долженъ сказать раньше всего, что Эфруси я вовсе не знаю. Это такіе важные аристократы,—что куда мнѣ до нихъ!

Изъ Гинцбурговъ остался въ Парижѣ только младшій братъ Соломонъ, и, несмотря на то, что онъ живетъ въ двухъ шагахъ отъ насъ, я ни разу не былъ въ его домѣ. Такъ вотъ кто, по мнѣнію „Гражданина“, распинался, чтобы меня выбрать въ члены Института. Но случилось это слѣдующимъ образомъ: однажды получаю записку отъ Боголюбова, въ которой онъ сообщаетъ мнѣ, что у него былъ секретарь герцога Лейхтенбергскаго и сообщилъ ему, что меня желаютъ выбрать въ члены въ Институтъ. Боголюбовъ, не понимая въ чемъ дѣло, отвѣтилъ, что я давно состою тамъ членомъ-корреспон-

дентомъ, а потому лучше предложить кого-нибудь другого. Боголюбовъ присовокупилъ въ запискѣ: „Боюсь, что я тутъ напуталъ, чего вовсе не желаю, ради товарищества“. И дѣйствительно, онъ ничего не понялъ, ибо на завтра онъ получилъ уже письмо отъ секретаря герцога, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что къ герцогу пришелъ знаменитый архитекторъ Гарньé, тотъ, который построилъ Оперу, и сказалъ, что хотятъ выбрать меня въ члены-иностранцы, что датскій посланникъ хлопочетъ о комъ-то своемъ, котораго Институтъ не знаетъ, и предпочитаютъ меня; а потому герцогъ проситъ Боголюбова дать обо мнѣ свѣдѣнія, т.-е. списокъ моихъ работъ, гдѣ онѣ находятся, сколько мнѣ лѣтъ и т. д. „Желательно было-бы, чтобы эта большая честь досталась русскому, а не иностранцамъ“. Это письмо съ припиской Боголюбова я на завтра получилъ. Боголюбовъ просилъ, чтобы я самъ составилъ списокъ моихъ работъ, такъ какъ онъ можетъ ошибиться; при этомъ онъ прислалъ конвертъ, на которомъ былъ имъ написанъ адресъ герцога, куда я долженъ былъ вложить списокъ моихъ работъ и отослать герцогу, что я и сдѣлалъ. Дней черезъ десять я прочелъ въ газетѣ о моемъ избраніи. Только тогда я пошелъ поблагодарить герцога и былъ у него въ первый разъ. Оказалось, что онъ былъ у меня въ Римѣ лѣтъ 12 тому назадъ, а теперь черезъ 12 лѣтъ я увидалъ его вторично. Такъ вотъ, если кому я благодаренъ въ выборѣ, то отчасти герцогу. Отмѣчу—онъ сынъ великой княгини Маріи Николаевны, которая спасла мою жизнь и талантъ. Меня упрекаютъ, что я конкуррировалъ. Я ни разу не конкуррировалъ; модель на памятникъ Пушкина я привезъ изъ Москвы и выставилъ его въ Академіи наукъ, и сейчасъ уѣхалъ; что потомъ съ нимъ сталось—не знаю, не знаю также, кто съ нимъ распорядился, чтобы онъ былъ выставленъ среди другихъ. Но съ нашимъ братомъ мало церемонятся. Еще болѣе возмутительный фактъ случился съ монументомъ для Императора Александра II.

Я привезъ модель, выставилъ. Собирается комитетъ, приглашаютъ меня для объясненія, а затѣмъ просятъ меня удалиться, чтобы обсудить. На завтра прихожу и вижу, что около моего проекта выставлены акварельные проекты. „Кто? какимъ правомъ?“—закричалъ я.—„А господинъ Розановъ выставилъ ихъ послѣ вашего ухода“. Отмѣчу еще одинъ фактъ, что модель, все-таки, была одобрена, но съ такими измѣненіями, что я самъ предпочелъ отказаться, что и сообщилъ министру Двора. Все это такъ, но отъ клеветы не убережешься. Хорошо, что у меня есть документы, есть доказательства, но вѣдь эти господа ни передъ чѣмъ не останавливаются. Я теперь сдѣлался предметомъ гоненій, и мнѣ разъ навсегда хочется знать—имѣю-ли я право считать себя русскимъ и работать статуи русскихъ великихъ людей? Если гоненія продолжатся—дѣлать нечего, пойду искать пророчества не въ своемъ отечествѣ. Грустно, больно, но что дѣлать? Авось свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

Меня не то огорчаетъ, что два-три крикуна нападаютъ на меня, а то, что одна часть сочувствуетъ, другая молчитъ, а третья

отстала и устала. Вѣдь если не вы, то никто за меня пальца о палецъ не ударитъ. А я цѣловать палку, которою бьютъ, не хочу.

Я не рабъ, и еще меньше—собака. Скажите, что мнѣ дѣлать?

482. Къ нему же.

Biarritz. Получено 15 августа 1888 г.

Ваше короткое письмо очень обрадовало меня. Во первыхъ, что буду имѣть рѣдкій подарокъ—изданіе г. Звенигородскаго, которому спѣшу выразить мою глубокую благодарность за обѣщаніе [1]). Этотъ подарокъ будетъ мнѣ вдвое дороже, такъ какъ вы принимаете въ немъ живое дѣятельное участіе. Во вторыхъ, я радъ, что вы отовсюду получаете комплименты за статью въ защиту меня [2]). Значитъ, Русь не безъ добрыхъ людей. Но вчера мнѣ передали, что Буренинъ опять обрушился на меня и, за меня, на васъ, и обрушился самыми гнусными средствами. Вотъ почему я думаю, что дѣло должно принять другой оборотъ. Чтобы заставить его замолчать разъ навсегда, а главное, чтобы возстановить мою честь—необходимо прибѣгнуть къ одному изъ двухъ: или попросить Третьякова и другихъ, чтобы они опровергнули, что я заискивалъ у нихъ для полученія заказа, а что они сами предпочли обратиться ко мнѣ, какъ это и было въ дѣйствительности; или же притянуть этихъ господъ за диффамацію и клевету въ судъ. По-моему, если дѣйствовать, то полумѣры не годятся, а потому я думаю, что второе средство болѣе цѣлесообразно. Пусть судъ публично разберетъ, кто честно и кто подло поступаетъ. У меня въ рукахъ переписка, которую я велъ съ Третьяковымъ по поводу заказа для думы; у меня также письмо секретаря герцога, по поводу моего выбора во французскій Институтъ, о которомъ я уже писалъ вамъ. Но, кромѣ того, за меня можетъ быть мнѣніе всѣхъ художниковъ, всей Европы; стоитъ только послать фотографіи моихъ работъ всѣмъ академіямъ и клубамъ главныхъ центровъ Европы, съ просьбою высказать свое мнѣніе: заслужилъ-ли я тѣхъ наградъ, которыя я получилъ на всемірной выставкѣ. Я глубоко убѣжденъ, что наше торжество будетъ полное. Слава Богу, до сихъ поръ почести, которыя дали мнѣ въ Европѣ, даны единогласно. Вотъ почему я убѣдительно прошу васъ дѣйствовать въ ту или другую сторону: намъ необходимы факты и факты.

Если вы найдете за лучшее прибѣгнуть къ гласности суда, то лучше всего обратиться къ Спасовичу съ просьбою не отказать мнѣ въ его защитѣ. Жаль только, что теперь такое время года, когда всѣ

---

[1]) Въ это время готовилось въ печати изданіе А. В. Звенигородскаго: «Исторія эмали», стоившее 120.000 рублей и получившее великую знаменитость въ современной Европѣ красотой и совершенствомъ своего атласа, переплета и картинокъ, и необычайными учеными заслугами текста.

[2]) Статья В. В. Стасова «Опять г. Буренинъ», напечатанная въ «Новостяхъ» 9 августа 1888.

въ разбродѣ,—и Академіи, и клубы закрыты до конца сентября. Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ отставать и уставать. Я вполнѣ надѣюсь на вашу дружбу, энергію и защиту моего добраго имени.

Здѣсь теперь адвокатъ князь Урусовъ, съ которымъ я познакомился, конечно, пока шапочно. Первый комплиментъ, который онъ мнѣ сказалъ, былъ слѣдующій: „Я недавно обѣдалъ въ Парижѣ у принцессы Матильды (сестра Бонапарта). Она говорила о васъ съ такимъ энтузіазмомъ“. Я хотѣлъ было сказать, что у насъ обо мнѣ противоположнаго мнѣнія, но ничего не сказалъ.

Если Спасовичъ, по какимъ-либо соображеніямъ, не пожелаетъ защищать меня, то хорошъ-ли князь Урусовъ? Я его не знаю, и не знаю, захочетъ-ли онъ идти противъ этихъ господъ. Конечно, поднимать такую бурю изъ-за Буренина не стоитъ. Но Буренинъ только отрыжка извѣстнаго сорта людей; ибо, какъ низко человѣкъ ни упалъ-бы, все-таки, чтобы онъ пришелъ въ такое собачье остервенѣніе и кусалъ людей, которыхъ не знаетъ и не имѣетъ повода къ этому—не понимаю. Помогите-же мнѣ, дорогой В. В., придавить этого сорта людей, которые для Россіи и человѣчества вреднѣе бѣшеныхъ собакъ.

P. S. Я думаю, что къ французской Академіи и къ художникамъ долженъ обратиться или мой адвокатъ, или же я самъ лично, т.-е. кто-нибудь отъ моего имени.

Еще я долженъ сказать, что нужны такіе документы, какъ напримѣръ письма; конечно, они у меня не при себѣ, а въ Парижѣ, а потому доставить мнѣ ихъ очень затруднительно; хотя, если очень нужны будутъ—дѣлать нечего, придется самому поѣхать.

Необходимо дѣйствовать энергично. Скажите, дорогой В. В., что мнѣ надо дѣлать?

Конечно, коли притянуть, то вмѣстѣ съ Буренинымъ и „Читателя“ въ „Гражданинѣ“.

483. Къ нему же.

Biarritz. Получено 24 августа 1888 года.

Вашу прекрасную горячую статью я получилъ.

Вы ясно доказываете, до чего теперь дошли нѣкоторые литераторы, какъ у нихъ умъ и сердце помрачены.

Эти господа дѣйствительно торгуютъ своею совѣстью, своимъ отечествомъ и всѣмъ, чѣмъ угодно. Они создаютъ смуты, травятъ всѣхъ противъ всѣхъ, клевещутъ и обвиняютъ тѣхъ, кто только не окрашенъ въ ихъ цвѣтъ. Эти господа, въ своемъ родѣ, анархисты. Низкіе душою, они возстаютъ противъ всѣхъ, кто владѣетъ душою, самостоятельностью. Они говорятъ: „Кто не за насъ, тотъ противъ насъ“; на что анархисты имъ отвѣчаютъ: „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Въ концѣ-концовъ, и тѣ, и другіе сходятся и другъ другу помогаютъ. И тѣ, и другіе возбуждаютъ дикіе инстинкты; и тѣ, и другіе хотятъ видѣть будущность Россіи не иначе, какъ переходя черезъ потоки крови. Да хранитъ насъ Богъ отъ этого! Истинный, благородный патріотъ, же-

лающій своему отечеству добра и мира; и всѣхъ благъ, долженъ стремиться поднять свой народъ именно посредствомъ мира и добра. Но какое дѣло этимъ господамъ до всего этого! Они льстятъ патріотическому чувству и пляшутъ подъ модный мотивъ патріотизма. Эти господа—люди большею частью эгоисты, жаждущіе повышенія больше, чѣмъ добра своему отечеству.

Да хранитъ Богъ Россію отъ лже-патріотовъ, отъ ханжей; да вообще хранитъ Богъ Россію отъ ея мнимыхъ друзей, ибо отъ своихъ враговъ она сама съумѣетъ защититься. Да, дорогой мой В. В., подобный сортъ людей можетъ только явиться въ наше время: это истинные нарывы „Новаго времени".

По-моему, вступать съ этими людьми въ какой-бы то ни было споръ — не стоитъ. Сколько ни плюйте имъ въ глаза, они все-таки станутъ увѣрять своихъ читателей, что это была небесная роса.

Эти-то нарывы, одно изъ двухъ—или ихъ надо вырвать съ корнемъ, или отвернуться отъ нихъ съ презрѣніемъ. Но для того, чтобы выдавить эти нарывы, спрашивается: созрѣли-ли они? Если нѣтъ, то при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ все тѣло задрожитъ и закричитъ: „Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ; мы знаемъ, что это нарывы, но до поры-до-времени приходится съ ними няньчиться".

Я знаю много домовъ, которые въ душѣ ненавидятъ ихъ, какъ только можно ненавидѣть нарывъ на самомъ чувствительномъ мѣстѣ, и все-таки газета „Новое время" лежитъ у нихъ на столѣ. Одни это дѣлаютъ отъ трусости, другіе отъ глупости, а третьи просто отъ подлости; дескать я—вашъ, я—патріотъ.

Въ концѣ-концовъ выходитъ, съ одной стороны—деморализація, а съ другой стороны — прибыль. Есть даже такіе, которые увѣряютъ, что теперь самое лучшее читать „Новое время" и играть въ винтъ.

Съ нетерпѣніемъ жду вашего мнѣнія относительно моего желанія—притянуть этихъ господъ въ судъ. Въ такихъ случаяхъ намъ необходимо прислушиваться, что скажутъ люди объективные.

Здѣсь, среди моихъ бумагъ я нашелъ интересное письмо, а именно—первое письмо С. М. Третьякова, который мнѣ пишетъ, по порученію городского головы, предлагая мнѣ взять на себя заказъ—памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ. Съ позволенія г. Третьякова, можно было-бы заставить „Новое время" напечатать это письмо,—и это была-бы имъ чувствительная пощечина. Но за то эти собаки могутъ накинуться на С. М. Третьякова, а главное, на московскаго городского голову. Хорошо-ли это будетъ съ моей стороны?

Я чуть не забылъ поблагодарить васъ за рѣдкій подарокъ, доставленный мнѣ отъ г. Звенигородскаго—его изданіе. Конечно, прошу васъ очень передать ему мою искреннюю благодарность за обѣщаніе. Этотъ подарокъ будетъ для меня вдвое дороже, такъ какъ вы принимаете въ немъ живое участіе.

Будьте здоровы, бодры и энергичны.

484. Къ нему же.

Biarritz. Получено 30 августа 1888 г.

Вложенное письмо съ 100 ф. прошу передать Ильѣ, я даю ему нѣкоторыя порученія, которыми не хочу затруднять васъ. Но гдѣ теперь Илья? Если его нѣтъ въ Петербургѣ, то бѣда! Хоть самъ пріѣзжай за покупками. Если его теперь дѣйствительно нѣтъ въ Петербургѣ, то я опять къ вашей милости—загляните, о чемъ я пишу ему, и дайте кому-нибудь это порученіе, потому что оно мнѣ очень нужно.

Здѣсь я нашелъ отрывокъ свитка „Пятикнижія", писаннаго на кожѣ. Это принадлежало когда-то синагогѣ въ Сарагоссѣ (если я не перепуталъ названія города), и когда маршалъ Примъ посѣтилъ эту мѣстность, то жители поднесли ему этотъ манускриптъ, какъ рѣдкость. Предлагаютъ купить не дорого. Дѣйствительно-ли рукопись, писанная на кожѣ — рѣдкость? Не писалось-ли на кожѣ гдѣ-нибудь и въ позднѣйшія времена? Объ этомъ я также писалъ Давиду Гинцбургу, ибо я самъ профанъ въ этомъ.

Этотъ отрывокъ свитка имѣетъ шесть метровъ длины и 65 сантиметровъ ширины, вообще онъ курьезный. Прошу объ этомъ отвѣтить.

Въ слѣдующемъ письмѣ разскажу вамъ о моей встрѣчѣ съ г. Забѣлинымъ въ Москвѣ.

А пока, желаю вамъ всего лучшаго.

484а. Къ С. И. Мамонтову.

Biarritz. Августъ 1888 г.

Совершенно случайно узналъ я, что ты желалъ пріобрѣсть моего „Мефистофеля" изъ бронзы. Если это правда, то тебѣ я охотно отдамъ его за 20 т. фр. вмѣсто 30, какъ назначено.

Что сказать про себя? Теперь не такъ живется, какъ хочешь, а какъ Богъ велѣлъ; у меня теперь отливъ, все изъ рукъ валится, и ничего не подѣлаешь. Кажется, не поглупѣлъ я еще, не хуже прежняго работаю, съ совѣстью въ сдѣлку не вступаю, отъ всѣхъ сторонюсь, прячусь въ свою скорлупку, нагибаюсь, какъ слабая былинка, пока буря пройдетъ—и все напрасно: друзья отстаютъ, а враги кричатъ, что мочи есть. Что за странность? Кому я мѣшаю, кому дѣлаю зло? Противъ меня подняли даже нѣчто въ родѣ агитаціи. Клевещутъ; одни вѣрятъ, подхватываютъ и передѣлываютъ на свой ладъ, другіе имъ вторятъ, а третьи руготню анонимно раздѣляютъ тѣмъ, что массѣ сочувствуютъ и поддерживаютъ (фактъ). Но что эти дураки могутъ мнѣ сдѣлать? Отнять заказы? Но руки мои, чувство мое—остаются при мнѣ. Моихъ работъ изъ мрамора и бронзы они не въ силахъ укусить никакими злыми зубами, потому что эти работы переживутъ ихъ всѣхъ.

Спиноза говорилъ: „Я прохожу мимо зла, потому что оно мѣшаетъ мнѣ служить идеѣ Бога". Я создалъ его изъ мрамора; ему же передаю душу свою! Но великъ Богъ! Бросаютъ меня, а я падаю на подушки.

До сихъ поръ моимъ противникамъ не удалось больше, какъ посвистать, а мое дѣло—работать. Въ концѣ-концовъ, твой старый Маркъ не осрамитъ своихъ старыхъ друзей.

Кончилъ я „Нестора“, кончилъ „Ермака“, сдѣлалъ удачное произведеніе для Терещенко, а теперь передъ моимъ отъѣздомъ я сдѣлалъ одинъ проектъ, довольно странный, но мнѣ кажется, по мысли это лучшее, что до сихъ поръ я сдѣлалъ: маякъ, изображающій Христа въ колоссальномъ размѣрѣ, идущаго по морю спасать корабли. Одной рукой онъ держитъ поднятый крестъ, откуда льется свѣтъ, а другою благословляетъ.

Конечно, статуя эта должна быть поставлена далеко отъ берега, и стоять должна безъ пьедестала, прямо на морѣ. Лишнее сказать, что я не имѣю ни малѣйшей надежды, чтобы этотъ проектъ когда-либо осуществился, но все-таки я его сдѣлалъ.

Кажется, что этимъ я закончу циклъ моихъ работъ. Теперь мнѣ-бы хотѣлось сдѣлать цѣлый рядъ пророковъ и, по возможности, женскихъ фигуръ. Конечно, не глупыхъ, не пошлыхъ. Ахъ, лишь-бы силы не измѣнили. Въ послѣднее время я какъ-то чувствую упадокъ силъ, и конечно не безъ причинъ.

Теперь спрошу: какъ ты поживаешь? Какъ вы всѣ поживаете? Елизавета Григорьевна? Дѣти? Сережа, Кока, Андрюша въ нашемъ лагерѣ отлично работаютъ. Гдѣ теперь Сергѣй? Очень меня онъ интересуетъ. А что Вѣрушка или Вѣрунька? Невѣста? Шурка дѣвица? Это я заключаю по своимъ—онѣ ростутъ, радуютъ и какъ-то пугаютъ меня. Что-то они всѣ выиграютъ въ жизненной лотереѣ, особенно красныя дѣвицы?

Скажи, пожалуйста, Елизаветѣ Григорьевнѣ, пусть она не сердится, что я все время молчалъ. Да что говорить; я не люблю минорнаго тона. Подождемъ, когда и на моей улицѣ будетъ праздникъ. А въ это я еще крѣпко вѣрю. Вѣдь послѣ отлива всегда бываетъ приливъ.

Мы теперь все въ томъ-же Біаррицѣ. Консерваторы мы—не мѣняемся и не мѣняемъ. Только въ этомъ году Біаррицъ мнѣ измѣнилъ: нервы гуляютъ! Противники-комары, дѣйствительные, а главное—иносказательные, преслѣдуютъ меня. Однимъ словомъ, отливъ. Пожалуйста, поклонись отъ меня Абрамцовымъ. Шлю имъ мой сердечный привѣтъ.

Вотъ еще одно: спрошу твоего совѣта. Какъ мнѣ сдѣлать съ Н. П. Малютинымъ? Фактъ тотъ, что одинъ изъ братьевъ ихъ фирмы заказалъ мнѣ надгробный монументъ для бывшаго ихъ директора мануфактуры (Дмитріева), замѣчательнаго директора фабрики, за 25 тысячъ рублей. Я сдѣлалъ, сообщилъ, писалъ, писалъ, писалъ, такъ что стало стыдно, телеграфировалъ, просилъ, умолялъ. Наконецъ 14 т. рублей получилъ, осталось получить 11 т. Опять ждалъ годы, опять писалъ и опять ни разу онъ мнѣ не отвѣчалъ. Зимой онъ былъ въ Парижѣ, былъ въ моей мастерской, пришелъ въ восторгъ отъ статуи „Христа“, такъ что рѣшилъ сдѣлать на могилѣ повтореніе его, или что-нибудь другое, а это онъ возьметъ къ себѣ. Далъ онъ еще маленькій заказъ, маленькаго „Нестора“, обѣщалъ выслать денегъ, какъ только

пріѣдетъ въ Москву, и конечно не сдержалъ слова. Я опять писалъ, и разъ, и два, и три, телеграфировалъ, и все напрасно: нѣтъ отвѣта. Прислалъ треть, и отказался платить болѣе. Что это такое? Неужто можно такую священную вещь тормозить? И еще такая фирма, какъ Малютинъ? Вѣдь я, зная Николая, какъ представителя формы, исполнилъ заказъ для фабрики.

Что мнѣ теперь дѣлать? Остается только въ судъ подать. Вѣдь дѣло это тянется 6 лѣтъ, а теперь деньги мнѣ необходимы до зарѣзу. Пожалуйста, ради старой дружбы, не откажи мнѣ въ совѣтѣ и, главное, дай его какъ можно скорѣе.

У тебя навѣрное есть знакомый адвокатъ, нельзя-ли ему поручить? 11 тысячъ для Малютина ничего не составляютъ, а я надъ этой вещью много трудился. И такъ, я прошу отвѣта.

Жена моя шлетъ тебѣ сердечный поклонъ. Она не измѣнилась—молодецъ! А я почти побѣлѣлъ. А волосы! О, волосы, шапка моя, куда ты дѣвалась? Еще разъ—будь здоровъ.

485. Къ В. В. Стасову.

Biarritz. Получено 14 сентября 1888 г.

Только что получилъ ваше письмо, за которое очень благодарю. Дѣйствительно, не стоитъ начинать процесса съ такими клеветниками по ремеслу, какъ „Новое время" и „Гражданинъ". Это-бы значило, что я придаю значеніе ихъ лаю и сталъ-бы съ ними на одной доскѣ. На кого не клеветали, не лаяли? На всѣхъ, кто мало-мальски сталъ выше посредственности. Въ концѣ-концовъ, правда брала свое. Да ну ихъ! Пусть лаютъ—полаютъ и отстанутъ, а коли нѣтъ—пусть рвутъ себѣ глотку. Лучше всего идти своей дорогой; этому учитъ меня Спиноза. И такъ, какъ видите, вскорѣ послѣ того, какъ я послалъ вамъ письмо, я увидалъ, какъ ошибочно мое желаніе вступить въ бой съ такимъ пошлякомъ, какъ Б.; напротивъ, пусть клевещетъ и, чѣмъ больше, тѣмъ омерзительнѣе онъ станетъ.

Не стану я также ничего дѣлать, чтобы доказать правильность моего выбора въ Институтъ и въ берлинскую Академію. Зачѣмъ? Разъ что я съ презрѣніемъ не отвѣчаю имъ на все, разъ что я не хочу дать никакого значенія тому, что они клевещутъ, то не долженъ и этого дѣлать. Это выходило-бы какъ разъ наоборотъ; но главное, чтобы доказать правильность моего выбора, пришлось-бы до нѣкоторой степени подвергнуть опасности честь Россіи передъ Европой, чего я не хочу ни за что! (то же самое я только что писалъ С. М. Третьякову). Да что за охота показывать всѣмъ—дескать, смотрите, какой я обѣленный. Будь это сто тысячъ разъ правда—все равно, люди, которые не хотятъ вѣрить—не повѣрятъ; хоть тутъ распинайся не повѣрятъ. Но самый лучшій судъ—это время, къ нему аппелируютъ всѣ честные люди. И такъ, да здравствуетъ пошлость, коль скоро пошлость такая вкусная пища! Нашему-же брату остается только ждать, пока пошлость дойдетъ до чертиковъ.

Будьте здоровы, энергичны и работайте много и хорошо, и намъ помогайте.

Жду съ нетерпѣніемъ матеріалъ отъ Эліасика. Отъ Ропета рисунки [1]) получилъ и долженъ сказать, что разъ Мейерберъ сказалъ Скрибу: „Ваши стихи превосходны, а потому они портятъ мою музыку".

486. Къ нему же.

Biarritz. Получено 16 сентября 1888 г.

Только что получилъ ваше вторичное письмо, на которое вторично поспѣшу сказать, что, по здравомъ размышленіи, я рѣшительно отказываюсь вести процессъ съ пошляками. Теперь, къ сожалѣнію, такое время, когда пошлякамъ живется привольно. Ихъ — тьма. Повидимому, никто не хочетъ служить истиннымъ интересамъ человѣчества и отечества, за то подслуживаться, льстить, подличать и клеветать— очень въ ходу. Къ великому еще сожалѣнію, очень многіе, даже благородные люди, не видятъ этого. Въ такихъ случаяхъ что за польза, если намъ и удается выдавить какой-нибудь нарывъ, какъ, наприм., Б., — все равно: вмѣсто него явится другой такой-же нарывъ.

Вотъ иное дѣло, когда общество само увидитъ, какой уродъ ихъ дитя, „Новое время" и ему подобныя; какую монополію они пріобрѣли, чтобы ругать и клеветать все, что только стремится къ свѣту; какъ они эксплоатируютъ общественное мнѣніе, какъ они опошляютъ печатное слово и русскую честь,—и тогда подобные органы сами падутъ.

Вотъ я сижу и думаю. Когда вы напечатали свой отзывъ о французскихъ художникахъ [2]), нашлось немало художниковъ, которые печатно протестовали. А теперь, когда одного изъ ихъ собратьевъ оклеветали и оплевали, никто и пальцемъ не пошевелилъ. При такихъ обстоятельствахъ лучше всего и мнѣ молчать, молчать и идти своей дорогой. Есть болѣе полезныя дѣла, чѣмъ тратить здоровье и время на то, чтобы доказать пошляку, что онъ пошлякъ.

Вначалѣ я думалъ-было аппелировать къ европейскимъ художникамъ. Отъ этого моя честь много-бы выиграла; но, во-первыхъ, зачѣмъ соръ изъ избы выносить, а во-вторыхъ—это было-бы слишкомъ много чести „нововременцамъ". Пусть они продолжаютъ клеветать, лгать и доносить—это ихъ дѣло; а мое дѣло—продолжать трудиться безъ озлобленія, трудиться во имя добра и искусства. Европа и будущность за мной.

Благодарю васъ очень за разъясненіе насчетъ еврейской рукописи, по шрифту она мнѣ кажется не очень старой.

---

[1]) Пьедесталъ для Екатерины II.

[2]) Статья В. В. Стасова: «Двѣ художественныя выставки», напечатанная 13 апрѣля 1888 г. въ «Новостяхъ».

487. Къ нему же.

Парижъ. Получено 20 октября 1888 г.

Въ послѣднее время вы очень скупы стали на письма. Вы два раза писали, да и то давно, „пока" только нѣсколько строкъ, и съ тѣхъ поръ отъ васъ—ни слова; за то вчера я получилъ вашу статью съ 20-ю письмами Тургенева [1]). Я ее не прочелъ, а проглотилъ—ужъ очень интересна она, и, кромѣ того, третья глава [2]) очень остроумна, прибавлю, и серьезна; а въ общемъ—это одна изъ вашихъ серьезныхъ работъ, даромъ, что она легко читается.

Ну, вотъ за это большое спасибо вамъ! ай-да В. В.!

Статья доставила мнѣ удовольствіе, а за васъ радость. Повторяю—въ вашей статьѣ все интересно, любопытно, много жизни и остроумія. Въ самомъ дѣлѣ, когда я былъ студентомъ, меня удивляло, какъ наши старшіе братья по искусству, изъ музыкантовъ и литераторовъ, мало понимаютъ своего младшаго брата; за то обратно—чѣмъ художникъ меньше по разряду, тѣмъ больше онъ знаетъ своего старшаго брата, тѣмъ сильнѣе онъ его любитъ и восторгается имъ. Кто изъ насъ не потѣлъ по цѣлымъ вечерамъ въ райкѣ, въ театрѣ, чтобы слышать музыку; кто изъ насъ не недосыпалъ ночей, зачитываясь литературными произведеніями? А кому изъ этихъ музыкантовъ и литераторовъ интересна живопись и скульптура? А про архитектуру и рѣчи нѣтъ. Я иду дальше—рѣдкій живописецъ хорошо понимаетъ скульптуру, мало ее понимаетъ и еще меньше любитъ; за то скульпторъ долженъ все знать. Иной разъ я просто прихожу въ недоумѣніе отъ этого. Въ чемъ тутъ дѣло? Казалось-бы, все должно было быть наоборотъ. Но вы съ вашей статьей точно колумбовское яйцо поставили,—пока мы думали, недоумѣвали, вы ясно разложили. А все-таки вопросъ „почему?" остается вопросомъ.

Что вамъ сказать о себѣ? Нечего, потому что ничего интереснаго у меня нѣтъ. Когда я не творю, я чувствую себя глупымъ и тупымъ. Впрочемъ, я теперь дѣлаю модель Екатерины II. Но задержка опять не за пьедесталомъ Ропета, а за тѣмъ, что фасадъ зданія Думы не одобренъ и назначили новый конкурсъ. Мнѣ-же хотѣлось-бы связать пьедесталъ съ фасадомъ. За то я скоро возьмусь за „Нестора". Ну, тогда дѣло другое—буду тогда жить, страдать, мучиться, и среди всего этого—буду счастливъ. О, художники странный народъ! недаромъ Байронъ сказалъ, что въ его тѣлѣ двѣ души. Но думаю, что творчество именно и состоитъ изъ двухъ противоположныхъ элементовъ, изъ борьбы двухъ равныхъ силъ. Впрочемъ, въ нѣсколькихъ словахъ трудно это высказать, а чтобы говорить теперь много—мнѣ некогда. Но мнѣ нужно поговорить съ вами еще о слѣдующемъ.

Во время моего пребыванія въ Москвѣ (я тамъ пробылъ всего

---

[1]) Статья В. В. Стасова: «Двадцать писемъ Тургенева и мое знакомство съ нимъ», напечатанная въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1888, октябрь.

[2]) Мнѣнія разныхъ русскихъ писателей объ искусствѣ.

нѣсколько часовъ) я, между прочимъ, забѣжалъ въ Историческій музей и тамъ съ удовольствіемъ, совершенно случайно, встрѣтился съ г. Забѣлинымъ, въ первый разъ въ жизни. Конечно, я воспользовался этимъ и сталъ разспрашивать его объ археологическихъ вопросахъ, касающихся Ермака и Нестора. Я разсказалъ ему, какъ я представилъ ихъ и какъ они у меня одѣты.

Насчетъ типичной шапки, которая служила вмѣсто шишака, онъ сказалъ, что она была стеганная на ватѣ, изъ шелковой матеріи, и что она надѣвалась во время парада. Мнѣ кажется, что это, можетъ быть, и правда, но не вяжется съ логикой. Опять повторяю—„мнѣ кажется", что она надѣвалась за неимѣніемъ металлической, и во время мороза; да притомъ-же, насколько помнится, она вовсе не шелковая, а просто ситцевая, судя по рисункамъ. Затѣмъ мы отправились посмотрѣть храмъ, что въ Кремлѣ, который теперь „реставрируютъ" [1]). Мнѣ казалось, что его не реставрируютъ, а переписываютъ, потому что изъ стараго очень мало осталось,—почти одинъ только контуръ. Но все-таки теперь во сто разъ лучше, чѣмъ до сихъ поръ было, потому что разъ храмъ уже былъ переписанъ „барочною" рукою, когда-то, то приходилось все это чуждое смыть; а теперь, по крайней мѣрѣ, придерживаются контура. Затѣмъ мы пошли осматривать четыре маленькія церковки, которыя помѣщаются подъ четырьмя куполами. Тамъ живопись на иконостасѣ, да и самъ иконостасъ—свѣжи и совсѣмъ нетронуты, отчасти, по всей вѣроятности, потому, что мало туда ходили, но главное потому, что весь иконостасъ писанъ на лавѣ, и рамки обнесены эмалевыми пластинками. Между прочимъ, на иконостасѣ были изображены четыре апостола; конечно, работа временъ Ивана Грознаго. Апостолы изображены пишущими Евангеліе на колѣняхъ. „Вотъ,—сказалъ мнѣ почтенный Забѣлинъ,—вотъ какъ писали въ XI вѣкѣ, а потому и понятно, почему ихъ почеркъ былъ такъ неровенъ; впослѣдствіи, когда рука и книга стали опираться на пюпитръ, почеркъ сталъ тверже". Въ этихъ замѣчаніяхъ много логичнаго и остроумнаго, но насколько дѣйствительно въ XI вѣкѣ писали только на колѣняхъ, это, по-моему, еще вопросъ. Дѣйствительно, на Востокѣ писали и пишутъ до сихъ поръ, сидя, поджавши ноги и держа рукопись на колѣняхъ. Въ самое древнее время въ Египтѣ дѣлалось тоже самое. (Въ Луврѣ есть такая древняя статуя). Но въ восточныхъ рукописяхъ вовсе не видно, чтобы почеркъ ихъ былъ нетвердъ потому только, что они писали и пишутъ на колѣняхъ. Что-же касается до нетвердости почерка въ XI вѣкѣ, то можно объяснить это молодостью или старостью народа, ибо та-же нетвердость и неправильность видны и въ ихъ индустріальномъ искусствѣ; и это-то придаетъ имъ своего рода прелесть, съ отсутствіемъ сухости.

Но все это одни только предположенія и догадки, на этомъ остановиться нельзя; правда, у меня въ рукахъ два изображенія, которыя представляютъ людей, пишущихъ на пюпитрахъ, но это значительно

---

[1]) Благовѣщенскій соборъ.

позднѣйшая эпоха. А потому я обращаюсь къ вамъ. У васъ въ библіотекѣ навѣрно найдется кто-нибудь, кто-бы могъ мнѣ разъяснить этотъ вопросъ. А между тѣмъ время не терпитъ, и даже передѣлывать нельзя, такъ какъ эскизы были уже представлены Государю. Здѣсь мнѣ совѣтуютъ не мудрить, не хитрить лукаво, и дѣлать; вѣдь хорошо, а хорошее отъ хорошаго не ищутъ.

Но этотъ совѣтъ исходитъ отъ людей, которые дѣйствительно не мудрятъ, немного хитрятъ и умѣютъ подлаживаться ко всему тому хорошему, которое въ сущности вовсе и не хорошо.

Здѣсь Маковскій выставилъ, частнымъ образомъ, свою картину „Смерть Ивана Грознаго", да и свой плафонъ. Намъ, художникамъ, отъ этого ни тепло, ни холодно; онъ злоупотребляетъ своимъ талантомъ: это богатый буржуазный художникъ. Плафономъ своимъ онъ здѣсь никого не удивилъ: этотъ родъ искусства истасканъ у самихъ-же французовъ до тошноты. А про картину его „Иванъ Грозный" распространяться не буду,—это значило-бы старое вновь начинать. Но, право, пора бить отбой, пора отступиться отъ Ивана Грознаго. Кто его не мучилъ за то, что онъ былъ мучителемъ и мученикомъ? Ну, и будетъ. Неужели вся русская исторія только на немъ одномъ вертится? Да если-бы и было такъ, то на все мѣра есть. Не надо повторять художникамъ въ отношеніи публики „Демьянову уху". Вѣдь это можетъ выдать самихъ-то художниковъ, ихъ скудность воображенія и незнаніе русской исторіи. А какіе чудные сюжеты есть тамъ и помимо Ивана Грознаго!

Что подѣлываетъ Илья? Ужасно жаль мнѣ его, и я думаю даже выписать его. Въ мастерской у меня онъ найдетъ что работать и кусокъ хлѣба; только бѣда, что онъ не даетъ себя учить, а я нервный— боюсь, чтобы не произошла у насъ стычка.

Вотъ уже дней 20, какъ я здѣсь, а семья осталась въ Biarritz, тамъ теперь еще жарко, всѣ еще купаются. Ну, да этотъ годъ исключительный.

Будьте здоровы. Пишите, помимо словъ „пока".

488. Къ нему же.

Парижъ. Получено 11 ноября 1888 г.

Ваше рѣдкое письмо получилъ. Спѣшу отвѣтить по порядку. Но еще вопросъ: скоро-ли окончу я это письмо, потому что у меня не столько серьезнаго дѣла, сколько мелкихъ хлопотъ, которыя безпокоятъ хуже комаровъ. Печатные отзывы про вашу статью о Тургеневѣ не удивляютъ меня: когда пошлость торжествуетъ, то искренность и всякія честныя стремленія—осмѣяны. Въ подобныхъ случаяхъ ничего не подѣлаешь, будешь только Донъ-Кихотомъ, будешь только сражаться съ вѣтряными мельницами. Самое лучшее, что можно сдѣлать, это—ждать и пережидать, пока эпидемія пройдетъ, пока пошлость дойдетъ до стѣны и сама ударится объ нее лбомъ. Я говорю это такимъ людямъ, у которыхъ есть болѣе благородная и широкая дѣятель-

ность, чѣмъ борьба съ пошляками. Я подразумѣваю васъ и нашего брата художника. Когда люди перестаютъ узнавать своихъ, когда мелкая эгоистическая личность заглушаетъ интересы родины, науки, искусства и всего человѣчества,—всего лучше отдѣлиться отъ всего этого и предаться высшимъ познаніямъ, куда пошлость не можетъ проникнуть. Это будетъ въ сто тысячъ разъ полезнѣе, чѣмъ доказывать пошлякамъ, что они пошлы: все равно никто не услышитъ. Какова публика, таковъ и ея отголосокъ.

„Вы читали?"—спрашиваю я.—И читать не стану.—„Такъ откуда знаете?"—Читайте „Новое время". То-же самое сказали Рѣпину обо мнѣ.

„А знаете,—говорятъ мнѣ дружескимъ тономъ,—попросите Стасова, чтобы онъ о васъ не писалъ".—Это почему?—Потому, что онъ Богъ знаетъ что пишетъ".—Откуда вы это взяли?—„Читайте „Новое время".—А то, что Стасовъ писалъ самъ, значитъ вы не читали?—„Нѣтъ, не читалъ".

А еслибы знали, что̀ Стасовъ въ своей жизни перенесъ, какъ горячо онъ отстаивалъ всякое самостоятельное, оригинальное явленіе, какъ онъ его оберегалъ и, наконецъ, какъ искусство шагнуло впередъ за послѣднія 25 лѣтъ,—наконецъ, еслибы эгоизмъ не восторжествовалъ, тогда-бы иначе относились къ Стасову.

Вотъ сейчасъ читаю біографію Бородина. Тамъ какъ разъ приводится отзывъ Листа о новой русской музыкѣ; ну, и выходитъ, что Тургеневъ былъ бо̀льшій знатокъ въ музыкѣ, чѣмъ Листъ. Да чортъ-бы ихъ побралъ, этихъ болтуновъ, нашихъ критиковъ; просто тошно становится, когда читаешь ихъ, когда о нихъ слышишь и думаешь!

Что-же касается „Ермака", то все, что вы говорите,—я знаю. Колпакъ этотъ, или шапочка, былъ у меня въ рукахъ. У меня есть съ нея фотографія, и я очень сомнѣваюсь во всемъ томъ, что Забѣлинъ говорилъ мнѣ объ этомъ. Болѣе вѣроятнымъ казалось мнѣ его замѣчаніе относительно „Нестора". Но тѣмъ болѣе обрадовало меня ваше опроверженіе. „Несторъ" скомпанованъ очень удачно и очень жаль было-бы передѣлывать его.

Пьедесталъ Ропета очень нравится мнѣ. Но всегда либо скульптура подчиняется архитектурѣ, либо наоборотъ. Въ первомъ случаѣ, можно указать на храмы, на фасады; во второмъ—на пьедесталы и на монументы вообще. Тутъ архитектура то-же самое, что фонъ для картины, или, вѣрнѣе, это рама, это талантливый аккомпанементъ. Онъ долженъ помогать, а не захватывать первое мѣсто. А потому тотъ, кто берется за монументъ, долженъ быть самъ архитекторомъ; по крайней мѣрѣ онъ долженъ быть способенъ на это, и только тогда выйдетъ что-нибудь цѣльное, органическое. Такимъ образомъ, въ пьедесталѣ Ропета есть много превосходныхъ мотивовъ; они превосходны сами по себѣ, но слишкомъ богаты. Значитъ, вся бѣда тутъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ свой рисунокъ не тогда, когда я былъ въ Петербургѣ, иначе мы-бы навѣрное спѣлись, и вышло-бы то, что я хочу, что онъ хочетъ и что дѣйствительно гармонично. Но дѣло еще

впереди. Я пока дѣлаю, что могу, а когда получу заказъ, тогда мнѣ навѣрное придется дѣлать вновь, а если нѣтъ, тогда я-то получу вознагражденіе, а Ропетъ за что-же даромъ будетъ работать?

Письмо посылаю неоконченнымъ, завтра буду продолжать, а пока будьте здоровы.

489. Къ нему же.

Парижъ. Получено 12 ноября 1888 г.

Продолжаю вчерашнее письмо на первой попавшейся подъ руку бумагѣ, чтобы не откладывать въ долгій ящикъ.

Насколько наши нравы портятся, насколько меркантильны интересы, раньше всего не только въ общественной жизни, но даже среди искусства—разскажу вамъ объ этомъ маленькій фактъ изъ среды здѣшнихъ художниковъ. Изъ этого могла-бы выйти великая гадость. Вы знаете, что въ Парижѣ существуетъ общество русскихъ художниковъ, съ благотворительною цѣлью. Для чего оно существуетъ? Такъ, чѣмъ-бы дитя ни тѣшилось, лишь-бы не плакало. Въ теченіе десятилѣтняго своего существованія общество помогло молодымъ и разнымъ другимъ художникамъ всего на сумму около 2000 франковъ, кажется, да, кажется, и того нѣтъ, потому что необходимо было раньше создать неприкосновенный капиталъ въ 40 т. фр., въ чемъ, конечно, они и успѣли. Впрочемъ, нѣкоторымъ они косвенно сдѣлали добро. Но это было вначалѣ, когда каждый искренно стремился сдѣлать что-нибудь по мѣрѣ силъ и возможности. Теперь-же, когда собрана достаточная сумма, оказывается, что въ сущности и давать, т.-е. помогать—некому.

Затѣмъ, они открыли классы для молодыхъ учениковъ, пріѣзжающихъ въ Парижъ учиться. И выходитъ, что русскіе пріѣзжаютъ въ Парижъ, чтобы учиться у русскихъ. Не правда-ли, тутъ много логики? Ну, да все это ничего, именно ничего—и не вредно, и не полезно. Но вотъ, общество, повидимому, все еще скучаетъ—жалуется, что денегъ мало, что выставлять — негдѣ, а что именно выставить — тоже ничего нѣтъ. Но послѣднее пустяки,—и на выручку является какой-то пройдоха съ слѣдующимъ предложеніемъ: „Господа,—говоритъ онъ имъ,—зачѣмъ вамъ маяться, собирать крохи и собираться не въ роскошномъ помѣщеніи? Хотите 15 т. фран. ежегоднаго дохода, лучшій залъ въ Парижѣ для выставокъ, концертовъ, а сверхъ того для художниковъ столъ на половину дешевле, чѣмъ для другихъ? Все это мы вамъ дадимъ, только одна малость требуется отъ васъ: выхлопочите, чтобы у васъ позволено было въ карты играть. Все, что я обѣщаю вамъ, я говорю отъ имени анонимнаго общества, располагающаго капиталомъ въ 500.000 франковъ. Какъ видите, дѣло пойдетъ широко“. Дѣло соблазнительное. Но какъ тутъ быть—общество состоитъ подъ покровительствомъ высочайшихъ особъ, самъ посолъ—президентъ, да и собрались, на этотъ разъ, по счастью, люди порядочные. А потому рѣшили „нѣтъ“. Но за первымъ предложеніемъ послѣдовало второе. „Вы, дескать, оставайтесь съ Богомъ сами по себѣ, а мы создадимъ „русскій

художественный клубъ"—тоже сами по себѣ. Только вы въ количествѣ 21 члена должны быть основателями этого клуба и выхлопотать позволеніе. На этотъ разъ собраніе было многолюдное, и люди были точно на подборъ, а потому всѣ единодушно закричали: „А, въ такомъ случаѣ, если обходъ найденъ, ширмы поставлены—грѣшить можно. Да тутъ-же рѣшительно никакого и грѣха-то нѣтъ. Всѣ здѣшніе клубы таковы, вездѣ играютъ въ карты, и только на картахъ и держатся клубы".

Напрасно я старался поставить вопросъ:—нравственна или нѣтъ игра въ карты вообще? Имѣетъ-ли что-нибудь общаго искусство съ картами? Честно-ли будетъ воспитывать художниковъ, или помогать имъ, изъ выручки отъ картъ? Не будетъ-ли это похоже на то, какъ если-бы общество покровительства животныхъ дало-бы въ свою пользу бой быковъ и т. д. и т. д. Но всѣ эти доводы были тщетны. Я оказался упрямымъ, безпокойнымъ, не желающимъ добра своимъ младшимъ братьямъ по искусству, за которыхъ Боголюбовъ такъ ораторствовалъ и распинался. Благодаря этому у насъ съ нимъ была первая стычка. Надо прибавить, что тутъ дѣло происходитъ съ анонимнымъ обществомъ, Богъ знаетъ съ какими пройдохами, желающими просто-на-просто завести игорный домъ, что здѣсь такъ трудно открыть, въ особенности передъ всемірной выставкой. „За" сильно стоялъ раньше всего самъ Боголюбовъ, потомъ Маковскій (Константинъ), Леманъ, Романъ. Харламовъ молчалъ, Прянишниковъ отсутствовалъ; „за" были еще Яблочковъ, Шуберскій (продавецъ печей, нажившій огромное состояніе) и проч. и проч. Такъ что я одинъ остался на полѣ и, конечно, былъ побитъ на голову. Затѣмъ стали собираться (безъ меня), обсуждали проектъ новаго клуба, но, къ счастью, посольство не одобрило его и только благодаря ему дѣло не состоялось. Теперь остается только, чтобы наши художники вошли въ сношеніе съ господами, которые пожелаютъ открыть—публичный домъ.

Вотъ вамъ художественный идеалъ нашего времени; а что говорить о принципѣ? Не правда-ли—все это довольно пошловато? Низко, мерзко и подло! И такихъ-то господъ „Новое время" поддерживаетъ.

Да, кстати, нѣсколько дней тому назадъ, въ „Новостяхъ" среди художественныхъ новостей (№ 301) было сообщено, что лондонская редакція „Art Journal" посвятитъ одинъ изъ первыхъ томиковъ—мнѣ. Книжка будетъ снабжена шестью иллюстраціями, рѣзанными на деревѣ, изъ моихъ работъ и т. д. Удивляюсь, какъ я ничего объ этомъ не знаю.

Если вы что-нибудь знаете, прошу васъ сообщить.

Я теперь кончаю проектъ памятника Императрицѣ Екатеринѣ II; кончаю также бюстъ Кавелина, а затѣмъ сдѣлаю эскизъ для надгробнаго памятника Надсону, и тогда увидимъ, что изъ этого выйдетъ.

Между тѣмъ, буду очень радъ, если Эліаснку удастся сдѣлать, а главное—хорошо сдѣлать, бюстъ великаго князя Михаила Николаевича. Здѣсь тоже была рѣчь обо мнѣ, т.-е. чтобы я его сдѣлалъ, но это такъ и заглохло. Такъ что я буду очень радъ, когда ему удастся сдѣлать.

Больше пока ничего нѣтъ. Ахъ, да! забылъ еще про всемiрную выставку поговорить; тоже, кажется, это въ своемъ родѣ паутина. А что за человѣкъ г. Андреевъ? Состоится-ли нашъ художественный отдѣлъ? Андреевъ увѣрялъ, что ключъ находится въ Петербургѣ.

490. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ. Ноябрь 1888 г.

Мнѣ очень жаль, что ты такъ сильно принимаешь къ сердцу то, что не получилъ медаль. Правда, ты этого не говоришь, но все-таки мнѣ это легко понять. Однимъ могу утѣшить тебя: и учитель твой тоже не получилъ медали, и увѣряю тебя, если-бы онъ конкуррировалъ, тоже не получилъ-бы ея; въ этомъ я былъ увѣренъ всегда, а тоже и теперь. Только у посредственныхъ людей все обстоитъ благополучно. Они могутъ дѣлать все, что угодно. При этомъ на твоемъ новомъ поприщѣ могу тебѣ еще пожелать, чтобы ты нашелъ въ искусствѣ то, что я нашелъ, т.-е. самостоятельность и сочувствiе. Не думаю, однако, что этому причина талантъ: есть люди пiонеры съ высокимъ достоинствомъ, которые, благодаря ихъ самостоятельности и оригинальности, испытываютъ при жизни не только несочувствiе, но даже гоненiе. Это-то гоненiе и несочувствiе менѣе всего желательны каждому честному труженику. Но знаешь, для художника существуетъ два мiра: это—житейскiй, со всѣми его треволненiями, и—художественный, гдѣ онъ черпаетъ силу вдохновенiя, радость и наслажденiе, даже при самыхъ плохихъ обстоятельствахъ.

И такъ, ты перескочилъ цѣлыхъ четыре года, т.-е. съ тобой случилось то, что случилось-бы четыре года спустя: ты сталъ свободнымъ художникомъ, вышелъ изъ опеки рутинеровъ, тормозящихъ искусство. Съ этимъ я не менѣе поздравляю тебя, чѣмъ если-бы ты получилъ медаль. Но при этомъ, прошу тебя помнить мой завѣтъ: честность и искренность. Если эти два слова ты полюбишь, ты будешь достойнымъ человѣкомъ и художникомъ. Эти два слова спасутъ тебя, въ нихъ ты найдешь все и всегда; при невзгодѣ и при торжествѣ эти два слова поднимутъ твою бодрость духа, твое сознанiе, что ты съ чистой душою. И такъ съ Богомъ!! Не унывай! Путь для тебя широчайшiй.

Если у тебя есть кое-какiе заказы и если ты можешь ихъ исполнить здѣсь, то тѣмъ лучше. Тебѣ необходима теперь перемѣна, хотя наврядъ-ли найдешь ты здѣсь такихъ горячихъ, искреннихъ людей, да еще любящихъ тебя, какъ В. В. Этого человѣка, чѣмъ больше живу, тѣмъ болѣе люблю, люблю именно за его честность и искренность.

У меня какъ разъ есть для тебя мѣсто, гдѣ работать, такъ какъ я взялъ другую мастерскую, которая была напротивъ. А къ концу весны поѣду обратно въ Россiю, куда-нибудь въ деревню.

Передай мой сердечный поклонъ В. В. И какъ меня ни трогаетъ, что онъ такъ близко принимаетъ твой интересъ къ сердцу, все-таки необходимо сказать, что хорошо то, что случилось.

Я только теперь вхожу въ работу. Мнѣ сильно мѣшаетъ устройство квартиры. Почти все приходится дѣлать вновь, а это стоитъ много денегъ, здоровья и времени.

491. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 25 ноября 1888 г.

Пишу вамъ отвѣтъ второпяхъ, чтобы не запоздать почты. Г. Павлиновъ [1]) спрашиваетъ, намѣренъ-ли я продолжать работать „Перваго русскаго книгопечатника?" Отвѣчу—съ удовольствіемъ. Но на какихъ условіяхъ? Вы помните, что покойный графъ Уваровъ заказалъ мнѣ эскизъ за 1000 руб., съ условіемъ, что если эскизъ будетъ одобренъ Государемъ, то и заказъ будетъ за мною. Къ сожалѣнію, графъ умеръ, 1000 руб. я не получилъ, а эскизъ очутился въ комиссіи, гдѣ былъ разсмотрѣнъ, и на этомъ дѣло и остановилось. Теперь-же, если имъ угодно, чтобы я продолжалъ эту работу, то необходимо знать, сколько на это есть капитала? Гдѣ онъ долженъ быть поставленъ, и изъ чего долженъ быть сдѣланъ? Ибо объ этомъ ничего не было говорено. Наконецъ, что именно отъ меня хотятъ и что я получу?

Неужто и вы хотите писать про Башкирцеву? Это меня удивляетъ. Впрочемъ, я не зналъ ее и затрудняюсь сказать, насколько она дѣйствительно была талантлива, умна и т. д. Боюсь, что она одна изъ тѣхъ учениц, которыя держатъ скрипку, а учитель—смычокъ. Конечно, можетъ быть, что я и ошибаюсь, но по опыту и наблюденію могу сказать, что, за немногими исключеніями, всѣ онѣ большей частью такія. Судя по всему тому, что я видалъ, я могу прибавить, что талантъ у нея былъ небольшой, и то—чисто подражательный. Вообще, боюсь, что если-бы она не была единственною дочерью богатыхъ родителей, то о ней, право, въ сто разъ меньше говорили-бы и кричали, чѣмъ это случилось въ дѣйствительности. Можетъ быть я ошибаюсь, но такое мнѣніе я вынесъ изъ всего того, что видѣлъ и слышалъ о ней.

Кончилъ я наконецъ бюстъ Кавелина. Послѣ него я опять закаюсь когда-либо дѣлать портреты, въ особенности, безъ натуры. Это ядъ для художника. Кончилъ я также набросокъ памятника для Надсона: фотографію пришлю. Но что дальше будетъ? Хочу, чтобы работа его досталась Эліасику, но захочетъ-ли этого г-жа Ватсонъ? Вообще, Эліасику просто не везетъ. Пока онъ мечталъ сдѣлать бюстъ В. К., Беренштамъ, скульпторъ, уже сдѣлалъ или дѣлаетъ его благодаря стараніямъ Боголюбова.

Послѣ моей стычки съ Боголюбовымъ, по поводу клуба съ картами, или просто игорнаго дома, онъ совсѣмъ на меня разсердился.

---

[1]) Андрей Михайловичъ Павлиновъ, архитекторъ, писатель и изслѣдователь русской архитектуры, состоявшій на службѣ при Оружейной Палатѣ въ Москвѣ.

Что прикажете дѣлать? Не даромъ о немъ говорятъ, что въ одной рукѣ онъ держитъ мыло, а въ другой сажу [1]): кого обмоетъ, того потомъ запачкаетъ, и это онъ теперь со мною продѣлываетъ.

Скоро, по всей вѣроятности, появятся фотографіи моихъ работъ въ окнахъ Беггрова. Я рѣшилъ пустить ихъ въ ходъ. Увѣряютъ, что на нихъ много охотниковъ. Можетъ быть — теперь, когда ихъ трудно получить. Наконецъ-то получилъ я письмо изъ Лондона, письмо съ просьбою выслать мои фотографіи (для журнала). Здѣсь гадости продолжаются, въ другихъ сферахъ и другихъ родовъ; а я, какъ эгоистъ, радуюсь, что меня тамъ нѣтъ.

Какой-то Александровъ устраиваетъ русскій балъ въ весьма широкихъ размѣрахъ, въ пользу французскаго Краснаго Креста. Ловко заручился онъ здѣсь громкими именами, а эти люди не подозрѣвали, что это предпріятіе—чистая эксплуатація, такъ какъ только 30% валового сбора онъ дастъ Красному Кресту, а то, что останется — себѣ въ карманъ. Напечатали въ газетахъ, назвали всѣхъ по имени; конечно, роскошный залъ... Вдругъ всѣ спохватились и кричатъ: „Не хотимъ, насъ обманули, ввели въ заблужденіе!“ Просто смѣхъ и стыдъ— и только.

492. Къ нему же.

Парижъ. Получено 10 декабря 1888 г.

Въ позапрошломъ письмѣ я писалъ вамъ про происшествія въ нашемъ клубѣ, а вотъ вамъ еще.

Здѣсь въ русской колоніи разыгрался „Ревизоръ“ Гоголя, только въ дѣйствительности. Пріѣзжаетъ сюда изъ Петербурга какой-то господинъ, съ весьма благотворительною цѣлью, а именно—устроить здѣсь благотворительный балъ въ пользу франко-русскаго Краснаго Креста. И устроилъ, да еще какъ!—подъ флагомъ здѣшнихъ лучшихъ русскихъ аристократовъ и аристократокъ. Говорятъ, что господинъ этотъ къ каждому изъ нихъ приходилъ съ извѣщеніемъ, что всѣ, дескать, согласны принимать участіе, на что получалъ отвѣтъ: „А ну, если всѣ, то и я“. Потомъ, когда они встрѣчались, каждый считалъ своимъ долгомъ сказать другому комплиментъ: „Я принялъ участіе въ этомъ благотворительномъ балѣ только потому, что вы приняли“, на что получалось въ отвѣтъ: „Какъ? я принялъ участіе именно только потому, что вы“. Переполохъ былъ немалый, а счетовъ не меньше. Надо прибавить, что патронессы, большею частью, старушки, дамы съ уваженіемъ и почетомъ; онѣ почти никуда не ходятъ и мірскихъ суетъ не касаются. Что имъ дѣлать? Вотъ и отправили депутацію къ послу; а посольство, извѣстно, на то имъ и языкъ данъ, чтобы скрывать свои мысли, а потому они тамъ услышали: да и нѣтъ... Но... впрочемъ... а впрочемъ, отчего нѣтъ, однако... такъ какъ...

И на этомъ разговоръ кончился. Пошла депутація домой и стала разсуждать,—что-бы значилъ такой отвѣтъ. Одни нашли его совершенно

[1]) Чтобы не сказать хуже.

удовлетворительнымъ, а другіе сомнѣвались. Между тѣмъ благонамѣренный господинъ узналъ объ этомъ—и давай скорѣе ковать желѣзо, пока горячо. Напечаталъ въ газетѣ, устроилъ декорацію, нашелъ француженокъ въ русскихъ красныхъ сарафанахъ, разослалъ билеты съ программой. И вдругъ оказалось, что этотъ господинъ не настоящій благонамѣренный, а Хлестаковъ. Балъ-же—чисто коммерческое предпріятіе. Настоящій-же господинъ пріѣхалъ только на-дняхъ, онъ имѣетъ важное письмо, а потому передъ нимъ двери всѣхъ кабинетовъ раскрываются сами собой, и онъ встрѣчаетъ сотни тысячъ рукъ, желающихъ его обнять. Можете сами себѣ представить, что за симъ происходитъ, а главное, что происходитъ не на сценѣ, а за кулисами, о чемъ, къ сожалѣнію, не могу написать, такъ какъ не знаю, потому что живу въ моей грязной мастерской и не касаюсь всего этого. Ну, да все это житейскія мелочи, про которыя можно сказать — перемелется, все мука будетъ. Жаль только, что мельницу строятъ въ Парижѣ, на чужбинѣ.

Теперь разскажу вамъ болѣе серьезно про болѣе серьезное дѣло, а именно—про наше участіе въ Парижской всемірной выставкѣ.

Вотъ что о ней я узналъ вчера только, ибо до сихъ поръ я никуда не ходилъ и никого не видалъ.

Дѣло дошло до того, что назадъ идти невозможно, а довести до конца крайне желательно, если не желаемъ и на этотъ разъ осрамить себя, какъ часто бывало.

Мѣста на выставкѣ намъ дано 1100 квадр. метровъ, и, надо прибавить, мѣсто очень почтенное!

Вообще французы дѣлаютъ для насъ все возможное.

До сихъ поръ разобрано экспонентами 600 кв. метровъ; кромѣ того, съ каждымъ днемъ число экспонентовъ увеличивается. Расходъ по устройству выставки обойдется всего въ 175.000 франк., на прошлую-же выставку было ассигновано 800 т. франк. Какъ видите, разница маленькая.

Расходъ въ 175 т. фран. покрывается изъ выручки продажи мѣстъ, ресторана и т. д. Лишнее сказать, что средства крайне малы, все приходится дѣлать въ обрѣзъ, а деньги выжимать откуда только возможно. Необходимо прибавить, что здѣшній комитетъ состоитъ большею частью изъ комерсантовъ, смотрящихъ на свое дѣло чисто съ коммерческой точки; вотъ почему я крайне боюсь, что вмѣсто выставки у насъ будетъ базаръ.

Что касается до художественнаго отдѣла, то онъ до сихъ поръ остается сиротой, ибо здѣшнимъ членамъ никакого дѣла до него нѣтъ. И скажу вамъ, что я думаю—они не прочь, чтобы художественный отдѣлъ вовсе не состоялся, просто потому, что это дѣло не доходное, а убыточное для нихъ. Художники мѣста не покупаютъ, картинъ на свой счетъ не высылаютъ, а денегъ на все это ассигновано только 6000 руб. Кромѣ того, здѣсь безурядица до сихъ поръ страшная: въ сущности, не знаешь, къ кому обратиться; не знаешь, кто держитъ палку въ рукѣ, кто именно настоящій-то капралъ.

Здѣсь одному только Роману поручили составить комитетъ художниковъ [1]), но Боголюбовъ совсѣмъ не желаетъ, чтобы художественная выставка устроилась; остальные-же не хотятъ создать расколъ, и находятся въ выжидательномъ положенiи. Между тѣмъ, въ газетахъ говорятъ, что во главѣ художественнаго отдѣла находится Константинъ Маковскiй. Не знаю, что на это передвижники скажутъ. Думаю, однако, что, по всей вѣроятности, и они пожелаютъ имѣть свой голосъ и возможность порядочно выставить свои произведенiя. Вотъ какъ до сихъ поръ дѣло обстоитъ. Однако, несмотря на всѣ эти неурядицы, художественный отдѣлъ состоится—дурно-ли, хорошо-ли, жидко-ли, пусто-ли, —а все-таки состоится, потому что экспоненты изъявляютъ желанiе и, по всей вѣроятности, нѣкоторые пришлютъ вещи на свой счетъ.

Здѣшнiе русскiе художники тоже принимаютъ участiе. Такимъ образомъ, выставка будетъ, и будетъ срамъ, а виноваты будемъ мы сами.

Поневолѣ вспоминаешь болѣе чѣмъ печальное положенiе, въ которомъ мы находились три года тому назадъ на всемiрной выставкѣ въ Берлинѣ. Англiя, Бельгiя, Австрiя, Германiя имѣли роскошные залы, заботливо убранные; они не жалѣли ни денегъ, ни труда; художественныя произведенiя, лучшiя ихъ духовныя богатства, были выставлены во всемъ своемъ блескѣ. Каждая нацiя явилась на всемiрный турниръ празднично, гордо, съ увѣренностью въ своихъ силахъ, съ убѣжденiемъ, что побѣдятъ. И побѣдили, и доставили честь и славу своей родинѣ.

А мы—пришли, какъ убогiе, бѣдные нищiе. И намъ по достоинству отвели мѣсто передъ порогомъ — и было тутъ тускло, грустно, больно и стыдно. Нѣтъ, мы не должны желать подобнаго повторенiя.

Пожалуйста, переговорите съ кѣмъ знаете, пусть художники соберутся и потолкуютъ, и скажутъ, что дѣлать, что они намѣрены дѣлать. Пора знать, время коротко.

Какая странность со мною вчера случилась. Послѣ работы я отправился къ Егорову [2]), который производитъ на меня всегда тягостное впечатлѣнiе. Этотъ художникъ достоинъ лучшей участи. Онъ весь разбитъ параличемъ, безъ движенiя и языка, а подчасъ и безъ куска хлѣба; живетъ чуть-ли не подаянiемъ; въ комнатѣ холодно и пусто. А между тѣмъ, право, онъ въ своемъ родѣ одинъ и единственный достоинъ высокой похвалы и глубокаго уваженiя. Отъ всѣхъ работъ его такъ и пахнетъ Русью, дальнею Русью, не хуже, чѣмъ отъ Шварцовскихъ произведенiй, а работы его, все-таки, никто и въ грошъ не ставитъ, а если ихъ покупаютъ, то только изъ милости. Онъ работаетъ орнаменты чисто въ русскомъ стилѣ такъ, что если-бы вы ихъ увидали, то пришли-бы въ восторгъ. Не надо забывать, что у него нѣтъ возможности слѣдить за новыми изданiями русскихъ орнаментовъ, и все-таки все, что онъ ни дѣлаетъ—прекрасно, превосходно. При-

---

[1]) Романъ—русскiй живописецъ, давно основавшiйся въ Парижѣ.

[2]) Евдокимъ Александровичъ Егоровъ, сынъ профессора Ал. Егор. Егорова, извѣстнаго живописца Александровскаго и Николаевскаго времени, первой половины XIX вѣка.

бавьте, что въ печальной его участи виноваты многіе, въ томъ числѣ и мы, а главное, одинъ человѣкъ, о которомъ я не хочу теперь злословить. Вотъ съ какимъ настроеніемъ я отправился домой повечерять. Знаете, чѣмъ теперь занимаюсь? Перечитываю нашихъ русскихъ классиковъ, другими словами, молодость вспоминаю. И вдругъ, поздней ночью на улицѣ, раздался хоръ русской пѣсни: „Эй, ухнемъ!" Сердце затрепетало, я побѣжалъ къ окну быстрѣе моей маленькой дочки. Что это такое? вѣдь я въ Парижѣ, и твоя грусть, Русь, твои жалобы теперь и сюда достигаютъ? Но отчего я такъ вздрогнулъ? Ты мнѣ дорога? Да, дорога. Но отчего ты меня не любишь? Отчего ты сама себя не любишь? Отчего ты любишь только тѣнь свою? Отчего ты мучаешь себя и мучаешь тѣхъ, кто любитъ тебя?

Вчера я не могъ окончить письмо, и хорошо, что не послалъ. Вотъ что я узналъ по поводу выставки: здѣсь надѣются, что въ концѣ концовъ правительство не дастъ посрамить русскій отдѣлъ. Но кто тогда будетъ капраломъ? Хорошо, если-бы еще Боголюбовъ. Все-таки на Бога надѣйся, а самъ не плошай.

P. S. Вчера я выслалъ фотографію наброска для надгробнаго памятника поэту Надсону. Не знаю, какъ фотографія дошла до васъ, и ясно-ли тамъ выражено то, что мнѣ хотѣлось. Надъ цоколемъ я поставилъ архитектурный обломокъ въ видѣ кронштейна (форма, конечно, еще не обработана). Онъ отчасти напоминаетъ раннюю смерть поэта. Надъ кронштейномъ поставленъ бюстъ поэта и повѣшена арфа, гдѣ сквозь толстыя струны видно будетъ имя поэта. Вотъ все. Лишнее сказать, что проза всегда убиваетъ поэзію, гдѣ ей только возможно, и что матеріальныя средства не даютъ возможности развернуться, какъ иной разъ желательно художнику. Правда, говорятъ, что талантъ не въ богатствѣ, что вся задача въ томъ, чтобы сдѣлать красиво, ясно, коротко и дешево. Но именно достигнуть первыхъ трехъ вещей недешево. То, что я набросалъ, все находятъ яснымъ и симпатичнымъ. Это все, чего я могъ желать. Какъ-бы то ни было, пусть Эліасикъ покажетъ эту фотографію Боттѣ [1]) для составленія смѣты. А васъ прошу показать ее г-жѣ Ватсонъ, которую прошу извинить меня за мое молчаніе; постараюсь скоро оправдать себя, если набросокъ не есть достаточное оправданіе.

Что-же касается памятника, то лучше ничего не говорить г-жѣ Ватсонъ. Если онъ только подходящій, тогда пусть Эліасикъ пріѣдетъ, и тогда мы все устроимъ, благо дѣло тутъ состоитъ всего въ одномъ бюстѣ.

493. Къ нему же.

Парижъ, получено 15 декабря 1888 г.

Пожалуйста, дорогой В. В., сдѣлайте доброе дѣло, перепишите письмо, которое я посылаю тутъ-же, и пошлите его въ печать. Я не успокоюсь, пока оно не будетъ напечатано. Я упрекаю себя, почему

[1]) Извѣстный итальянскій мраморныхъ дѣлъ мастеръ.

до сихъ поръ я не сдѣлалъ этого—авось, хоть въ чемъ-нибудь его участь [1]) была-бы облегчена и судьба менѣе жестока.

Долженъ я сказать, что все, что я говорю о немъ, не утрировка и еще меньше реклама, а только мое искреннее убѣжденіе.

Въ „Nouvelle Revue“ появилась статья о русскихъ художникахъ, проживающихъ въ Парижѣ, въ которой насъ обмалевали и облизали такъ, что просто тошно становится, а про Егорова, конечно, — ни слова. Но вотъ что я хочу еще сказать: мы теперь собираемся состязаться съ другими на всемірной выставкѣ; хотѣлось-бы награды получить, хотѣлось-бы отличиться: неужели-же мы получимъ то или другое не по достоинству, не по справедливости, а только ради кумовства? Нѣтъ, лучше увольте, скажу я имъ. По моему, вамъ необходимо коечто написать по поводу этой статьи, полной лести. Сожалѣю, что и я тамъ упомянутъ, но если-бы зналъ, гдѣ упаду—подушечку подложилъ-бы.

Недавно вы писали мнѣ, что было-бы хорошо мнѣ сдѣлать выставку вмѣстѣ съ Рѣпинымъ.

На это скажу вамъ, что дѣло это хорошее, но одна ласточка весны не дѣлаетъ, двѣ—тоже нѣтъ. При томъ-же не слѣдуетъ дробиться. Если передвижники принимаютъ участіе на всемірной выставкѣ, то необходимо идти съ ними заодно, чтобы побѣда была полная. Но если по какимъ-либо причинамъ передвижники не пошлютъ своихъ картинъ на всемірную выставку, тогда дѣло другое; тогда можно нѣсколькимъ соединиться и сдѣлать отдѣльную выставку на славу. Очень желалъ-бы я знать, что у насъ говорятъ, а главное—что думаютъ сдѣлать у васъ по поводу парижской выставки. Здѣсь-же только лебедь, щука да ракъ, а главное—болото.

Ну, кажется, обо всемъ писалъ, теперь очередь за вами.

Для печати.

Давно собирался я писать вамъ про нашего страдальца—художника Егорова. Здѣсь въ Парижѣ много русскихъ; теперь о русскихъ много говорятъ и пишутъ, а онъ—точно забытъ. Вчера я посѣтилъ его,—и тяжело было смотрѣть ему въ глаза, тяжело и стыдно за себя и за другихъ.

Егоровъ больной, парализованный, безъ движенія, безъ языка, а подчасъ безъ куска хлѣба; въ домѣ пусто и холодно...

Сидитъ онъ среди своихъ произведеній, которыхъ никто въ грошъ не ставитъ, а если кто ихъ и пріобрѣтаетъ, то скорѣе изъ милости, чѣмъ изъ любви къ его искусству. Я навѣрное знаю, что только благодаря добрымъ людямъ онъ до сихъ поръ не умеръ съ голоду. А между тѣмъ онъ лучшую участь заслужилъ. Г. Егоровъ художникъ у насъ въ своемъ родѣ единственный и замѣчательный. Онъ первый сталъ передавать на фарфорѣ, на блюдахъ, малыхъ и большихъ, рус-

---

[1]) Е. А. Егорова, о которомъ говорено въ предыдущемъ письмѣ.

скую жизнь, русскую исторію, сказки и былины. И передавалъ ихъ съ такою любовью, съ такимъ знаніемъ, у него столько искренности и наивной индивидуальности чисто русской, что онъ положительно заслуживаетъ славы наравнѣ съ покойнымъ Шварцемъ. Несмотря на то, что тяжкая болѣзнь заставляетъ его скитаться на чужбинѣ, онъ ни на единую іоту не потерялъ „свое" и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣлъ то, что придаетъ его работѣ особенную прелесть. Краски его строги и гармоничны, типы—характерны, въ особенности средневѣковые, изученные детально.

Неужели никто не вспомнитъ о немъ, неужели онъ такъ и останется неоцѣненнымъ и забытымъ?

494. Къ нему же.

Парижъ. Получено 31 декабря 1888 г.

Въ сущности мнѣ не о чемъ писать вамъ, но, узнавъ отъ Эліасика, что 2-го января день вашего рожденія, я не могу удержаться отъ лакомства—писать вамъ, поздравить васъ и пожелать вамъ именно то, чего всѣ ваши искренніе друзья желаютъ. А желаютъ они вамъ много, очень много, даже трудно выписать.

Пожалуйста, когда будете сидѣть за столомъ и поднимать бокалы и обниматься другъ съ другомъ, вспомните, что вдали отъ васъ есть еще одинъ другъ, который тоже поднимаетъ бокалъ и мысленно обнимаетъ васъ.

Съ этимъ письмомъ посылаю еще два—къ Рѣпину и къ Эліасику. По всей вѣроятности, Рѣпинъ дастъ вамъ прочесть или скажетъ въ чемъ дѣло. Я-же не успокоюсь, пока не увижу, что передвижники расширили свой кругъ дѣятельности.

Кромѣ всего этого—съ Новымъ годомъ!!!

495. Къ нему же.

Парижъ. Получено 31 декабря 1888 г.

Шлемъ вамъ нашъ задушевный привѣтъ съ горячимъ желаніемъ всего лучшаго на Новый годъ. Дай вамъ Богъ долго здравствовать, полной энергіи и дѣятельности и продолжать защищать правду и справедливость и побѣждать пошлость и пошляковъ!!!

Вчера я получилъ ваше письмо и не могу сказать, чтобы меня оно особенно обрадовало. Не обрадовалъ меня именно тонъ этого письма. Какъ?! Вы, старый, испытанный воинъ, стоявшій всегда смѣло, безъ колебанія въ первыхъ рядахъ, теперь говорите, что теперь у васъ „все подъ гору идетъ". Неужели васъ смущаетъ, что вамъ предпочитаютъ какого-то X. Что вамъ теперь возможности нѣтъ высказаться въ газетахъ—это правда, но что изъ этого? Слава Богу, ваша главная сила не въ этомъ. Передъ вами болѣе серьезныя задачи, болѣе глубокія идеи, чѣмъ газеты, которыя дѣйствительно „идутъ подъ гору". Было время, когда газетамъ довѣряли въ томъ, что онѣ говорили;

думали, что тамъ пишутъ и заправляютъ этимъ избранные, чуть-ли не боги; и я долженъ прибавить, что тогда чуть-ли не такъ и въ самомъ дѣлѣ было. Но теперь, когда публика убѣждается въ противномъ, когда пресса превратилась въ аферу, когда въ сущности каждый старается главное для себя, во имя другого, то многіе тогда уже начинаютъ говорить: „Все это вздоръ—мнѣніе газеты—одно, а мнѣніе публики—другое".

Нѣтъ, дорогой В. В., вы не „идете подъ гору" и ничто у васъ не „идетъ подъ гору". Вы продолжаете идти прямо своей дорогой, только чаще попадаются подъ ноги вамъ—пошлость и пошляки. Что же касается до вашихъ 65 лѣтъ, то у насъ такимъ именно и представляютъ „хохома"—мудреца въ полной силѣ ума и дѣятельности. Правда, печально, когда пошляки плодятся, но въ такомъ случаѣ остается только повторить слова Спинозы: „Я прохожу мимо человѣческаго зла, ибо оно мѣшаетъ мнѣ служить идеѣ Бога", ибо, слѣдуетъ прибавить, въ концѣ-концовъ, правда возьметъ свое. Это онъ и доказалъ.

Вотъ вы жалуетесь, что отдаютъ предпочтеніе какому-то X. Что прикажете дѣлать, когда почти вездѣ охотно превращаютъ Шекспира въ водевили—лишь-бы было смѣшно, забавно, а главное—лишь-бы подгадить другому и изъ этого сдѣлать прибыль.

Вотъ недавно Боголюбовъ предпочелъ мнѣ Беренштама и уговорилъ Z. дать ему нѣсколько сеансовъ, а не мнѣ; хотя Боголюбовъ самъ сказалъ мнѣ, что рѣчь шла обо мнѣ и что Половцовъ сказалъ Z., что добра отъ добра не ищутъ, а лучше отдать бюстъ испытанному художнику Антокольскому. Боголюбовъ прибавилъ еще, что Z. и онъ, конечно, поддержали предложеніе Половцова. Кажется, что можетъ быть яснѣе? А въ сущности вышло наоборотъ. А именно,—что тотъ-же Боголюбовъ хвастался, какъ онъ удачно устроилъ дѣло Беренштама. Вы думаете, онъ это сдѣлалъ изъ любви къ искусству? Нисколько,—просто, дескать, „Антокольскій зазнался, больше ему не кланяется—это уже слишкомъ. И его расхваливаютъ". Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ меня здѣсь выбрали въ Институтъ—ему неспокойно спится.

Но этого мало,—онъ не брезгаетъ натравливать рецензентовъ, корреспондентовъ разныхъ журналовъ на кого угодно; въ минуты изліянія онъ самъ это высказалъ, и именно по поводу всемірной выставки, противъ которой онъ былъ сильно вооруженъ.

...И неужели ради этого, ради нихъ я опущу руки и стану хуже работать? Ни за что! Самое лучшее: стать выше всѣхъ этихъ мелочей и идти своей дорогой, ибо, повторяю,—въ концѣ-концовъ, „правда возьметъ свое".

Поговоримъ лучше о добрѣ: письмо мое появилось въ „Новостяхъ"; не знаю, какое впечатлѣніе оно произвело, чего добраго, пошляки и за это выругаютъ меня. Но, тѣмъ не менѣе, кое-что я уже успѣлъ сдѣлать для Егорова: главное, было куплено у него для Государя Императора на 1000 руб., и я получилъ извѣстіе, что эти вещи очень

поправились. Потомъ кое-что я успѣлъ и здѣсь сдѣлать для него; а главное, мнѣ-бы хотѣлось, чтобы его вещи были выставлены на передвижной выставкѣ. Но гдѣ именно онѣ находятся теперь, трудно сказать; навѣрное у всѣхъ сострадательныхъ людей онѣ валяются на чердакѣ. У меня-же есть два маленькихъ блюда и одно большое.

У Полякова должны быть два и очень хорошихъ, у Солдатенкова тоже два, и тоже хорошихъ. Такъ вотъ хоть-бы ихъ выставить пока.

496. Къ Е. Г. Мамонтовой.

Парижъ. Конецъ 1888 г.

Ваше письмо немало удивило меня, обрадовало, но я сожалѣю, что мы не около васъ, въ Римѣ. Римъ—это нашъ потерянный рай, гдѣ мы оставили молодость, лучшее время жизни, по крайней мѣрѣ лучшее время моей жизни. Сколько воспоминаній воскресло во мнѣ при чтеніи вашего письма! Какъ задрожало и затрепетало сердце, точно оно можетъ обновиться, точно молодость можетъ возвратиться, и можно опять зажить беззаботною жизнью! Я убѣдился, что дважды никогда ничего одинаково не повторяется, особенно жизнь. Надо благодарить Бога, что Онъ далъ намъ такія впечатлѣнія, которыя хранишь, какъ святыню; боязно заглянуть въ нихъ, боязно, что увидишь ихъ завялыми.

Если-бы Римъ и не трогали практическія руки, если-бы онъ остался такимъ-же, каковъ былъ, для насъ онъ все-таки уже не будетъ тѣмъ, чѣмъ былъ. Правда, мы увидимъ его, какъ стараго дорогого друга, обрадуемся, подумаемъ про себя съ грустью: „Однако, какъ онъ опустился“, а опустился не другъ, а мы. Старымъ костямъ надо солнца потеплѣе, погорячѣе.

А все-таки у меня сильное желаніе на старости поѣхать въ Италію, и тамъ, среди природы и среди культа древняго и новаго міра, дожить жизнь.

497. Къ ней же.

Парижъ. Начало 1889 г.

...Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Чѣмъ дальше откладываешь писать, тѣмъ труднѣе начать. Можетъ быть, это одна изъ главныхъ причинъ, что я до сихъ поръ не написалъ вамъ.

Во все время, что я не писалъ вамъ, моя жизнь была похожа на лѣтній сонъ среди комаровъ. Ничего въ сущности крупнаго, интереснаго не произошло и разсказывать не о чемъ, а все-таки послѣ тревожнаго сна встаешь на завтра разбитымъ, съ головною болью. Я утѣшаюсь тѣмъ, что въ сущности вся жизнь похожа на борьбу съ комарами, утѣшаюсь потому, что „среди общей бѣды находишь себѣ половину утѣшенія“, по крайней мѣрѣ такъ пословица гласитъ. Вмѣстѣ всякія страданія, лишенія менѣе чувствительны. Ну, какъ-бы то ни было, дурно-ли, хорошо-ли, но время прошло безвозвратно, а писать все-таки не о чемъ. Нѣтъ, есть о чемъ; но о томъ, что есть,

писать не стоитъ, все это та-же исторія, борьба съ комарами. До сихъ поръ въ мастерской господствовала проза, бюсты, мелкіе заказы и т. д. Я волновался, сердился, а все-таки нужно было работать. Лишь только недавно все это кончилось. Затѣмъ я сдѣлалъ модель для монумента Екатерины II-й, говорятъ, удачно; по-моему, потому удачно, что самъ же я сдѣлалъ и архитектуру. Такимъ образомъ явилось нѣчто цѣлое, органическое. Отдать-же архитектуру архитектору, а скульптуру скульптору—выйдетъ всегда то, что каждый по-своему старается сдѣлать какъ можно лучше, одинъ другому не хочетъ подчиняться; и выходитъ, что каждый самъ по себѣ хорошъ, но вмѣстѣ они не годятся. Есть архитектура, которая подчиняется скульптурѣ, какъ, напримѣръ, въ монументахъ; бываетъ и наоборотъ, когда скульптура подчиняется архитектурѣ—это во всѣхъ большихъ постройкахъ. Я говорю это по адресу вашего сына, которому слѣдуетъ это знать. Къ сожалѣнію, въ началѣ обученія всѣ знаютъ твердо азбучныя истины; но чѣмъ больше учатся и мужаютъ, тѣмъ больше ихъ забываютъ. Нынче трудно объяснить себѣ тѣ противорѣчія, которыя часто, почти всегда, встрѣчаешь въ архитектурныхъ постройкахъ: несоотвѣтствія между формой и содержаніемъ, между красотой и удобствомъ. Непремѣнно одно убиваетъ другое.

Я просто ожилъ, когда принялся опять за статую „Нестора". Теперь онъ значительно подвинулся. Надѣюсь, что окончу его до весны, т.-е. къ всемірной выставкѣ, если только вообще выставлю, ибо до сихъ поръ еще ничего не извѣстно. Главное: денегъ и картинъ нѣтъ, если Третьяковъ ихъ, картинъ, не дастъ. Да и тогда не знаю, выставлю-ли я, потому что пока тутъ просто мутная вода, гдѣ каждый хочетъ ловить рыбу, и, конечно, раньше всего для себя только, а затѣмъ для никого.

Осень была во всей Франціи рѣдкая. Въ Парижѣ здоровье скоро расходуется; въ Парижѣ не живутъ, а горятъ, и скоро сгораютъ.

Всякая мелочь столько времени беретъ, за всякую мелочь приходится столько бороться, а всѣ мелочи вмѣстѣ такая огромная проза, отравляющая жизнь! Даже мелочи нельзя никому довѣрить, не рискуя разочароваться. Однимъ словомъ, за всѣмъ надо самому слѣдить, все надо знать, гдѣ что покупается, а если не знаешь, попадешься. А между тѣмъ, разстоянія такія длинныя, время такъ скоро уходитъ, а дни теперь такіе короткіе, сѣрые, туманные! Пока было здоровье, все это не замѣчалось, но теперь трудновато становится. Поневолѣ скоро израсходуешь то, что въ теченіе лѣта накопилъ. Мнѣ иной разъ такъ и хочется все бросить и уѣхать подальше отъ шума, отъ житейскаго ада, гдѣ великое и подлое такъ смѣшано, такъ перепутано, что не разберешь своего отъ чужого. Уѣхать съ семьей туда, гдѣ меньше людей и больше природы,—но мало-ли чего хочется!

Единственное утѣшеніе—это наши дѣтки. Они, слава Богу, учатся превосходно, всегда и вездѣ первыми, потому что они милыя, умныя и хорошія. Отъ всего сердца радуюсь, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то начинаю тревожиться за нихъ, за ихъ будущность.

498. Къ ней же.

Парижъ. Начало 1889 г.

Что вамъ сказать про насъ? Живемъ мы точно на Васильевскомъ острову. По крайней мѣрѣ я: знаю только домъ и мастерскую. Здѣшняя жизнь мнѣ чужая, чужая, а потому боюсь ея, а боюсь потому, что она можетъ у меня много отнять и мало дать. Впрочемъ и здѣсь есть добрые, хорошіе и серьезные люди, но они не изъ нашей сферы, и ихъ приходится отыскивать, а сами они никого не ищутъ.

Я теперь работаю „Нестора“; говорятъ, что хорошо, но младшій ребенокъ у родителей всегда лучшій. Жаль, что я долженъ буду оставить мою работу и ѣхать къ вамъ, да и не къ вамъ въ Римъ, а въ Москву, куда меня зовутъ по поводу монумента Императрицы Екатерины II. Я дѣлалъ модель, она одобрена единогласно всѣми, и мое присутствіе необходимо, какъ говоритъ г. Алексѣевъ (городской голова), чтобы противостоять пустымъ интригамъ.

Здѣсь всѣ готовятся къ всемірной выставкѣ, но ничего не дѣлаютъ, такъ что, говоря вѣрнѣе, всѣ желаютъ участвовать въ томъ, чтобы нашъ русскій отдѣлъ былъ блестящій, но только другъ другу мѣшаютъ. Вся бѣда въ томъ, что денегъ нѣтъ, а правительство не дастъ. А потомъ и передвижники отказались участвовать, потому что и тамъ разладъ. Печально, что разладъ не только въ этомъ, но и во всемъ, что ни предпринимай.

499. Къ ней же.

Avenue Mac-Mahon. Парижъ, весна 1889 г.

Что сказать вамъ про насъ? Жизнь складывается изъ такихъ мелочей (по крайней мѣрѣ у меня), о которыхъ писать много не стоитъ, а совсѣмъ не писать—не хочу, благо, что писать есть охота. Ежедневная борьба съ комарами не дала мнѣ возможности опомниться, все хлопоталъ, бѣгалъ и право былъ такъ этимъ увлеченъ, какъ мальчикъ, который гоняется за мухами. Да и результатъ былъ такой же, какъ у мальчика. Теперь-же, Богъ далъ, я простудился, и какъ ни желаю, все-таки долженъ сидѣть дома вотъ уже третій день. Какъ только я почувствовалъ себя лучше, взялся за это письмо; однако сказать вамъ что-нибудь получше все-таки нечего. Мы находимся въ томъ переходномъ состояніи, когда ничего положительнаго не можемъ сказать. Когда не можемъ сказать ни д а, ни н ѣ т ъ, потому что мѣшаетъ слово п о ч т и. Кажется, что почти „да“, а между тѣмъ не можемъ сказать этого, потому что п о ч т и мѣшаетъ и можетъ быть также п о ч т и нѣтъ. Вообще такое положеніе гораздо непріятнѣе, нежели худшее положеніе, но опредѣленное. Я представляю себѣ, что тѣнь моя идетъ передо мной, я гоняюсь за ней, но достичь ее не могу. И такъ слушайте. Мы п о ч т и устроились, студія моя п о ч т и готова, работы мои п о ч т и на половину уже здѣсь, онѣ п о ч т и всѣмъ нравятся. Дочь наша была п о ч т и больна, но теперь она п о ч т и

выздоровѣла. Я тоже въ общемъ итогѣ почти здравствую, но теперь почти боленъ. Наконецъ, я почти получилъ очень пріятный заказъ, то-есть сдѣлать статую по своему выбору. Пересталъ почти думать о деньгахъ, но сейчасъ почти безъ гроша, однако, можно сказать почти навѣрное, что скоро они опять появятся. Нѣсколько моихъ русскихъ друзей почти забыли меня, и оттого почти никто не пишетъ. Нашъ здѣшній кружокъ (художественный) почти уже совсѣмъ организовался. Всемірная выставка почти уже готова. Миръ съ Турціей почти уже устроенъ, и новая война почти на носу.—Ну, скажите, Бога ради, чего намъ больше желать, а я все не доволенъ, все не доволенъ!!

Чтобы вамъ сказать больше, чѣмъ что-нибудь, скажу вамъ, что наше здѣшнее художественное общество продолжаетъ дѣйствовать, хотя очень медленно, но все-таки хорошо. Теперь мы устроили лотерею изъ вещей, подаренныхъ художниками, въ пользу раненыхъ; вещей у насъ довольно много, и среди нихъ есть очень недурные пейзажи Боголюбова, премилая головка Харламова, есть даже у насъ рисунки здѣшнихъ знаменитостей, какъ Бонна̀. Билеты уже продаются, всего ихъ пока 1000, по 5 франк., расходятся они очень быстро. Здѣшніе художники вздумали на самихъ билетахъ рисовать что-нибудь, такимъ образомъ однимъ Боголюбовымъ билетовъ уже продано болѣе 25, а такіе билеты доходятъ по цѣнѣ до 20 франк. Какъ видите, что-нибудь все-таки дѣлается. Ну, а что ваши русскіе художники дѣлаютъ? Продолжаютъ рисовать въ „Иллюстраціи“ Гоппе всѣ ужасы войны, сидя на Васильевскомъ острову въ 18-й линіи? Вообще я долженъ сказать, что я очень доволенъ нашимъ кружкомъ. Проводимъ время мирно, хорошо и съ пользой.

Я удерживаюсь писать теперь мое впечатлѣніе о Парижѣ, несмотря на то, что сильно того желаю. Я не дѣлаю этого потому, что думаю, что чѣмъ позднѣе скажу, тѣмъ вѣрнѣе.

500. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ. Лѣто 1889 г.

Фотографію проекта памятника для Оршанскаго я высылаю вмѣстѣ съ этимъ письмомъ. Очень жалѣю, что ты назначилъ себѣ всего только 300 руб. Это изъ рукъ вонъ. Необходимо, чтобы Ботта спустилъ цѣну на 1800 руб., по крайней мѣрѣ, чтобы тебѣ оставалось хоть 500 р.: это немного, очень немного.

Что-же касается до памятника Надсона, то никоимъ образомъ нельзя выйти изъ смѣты; необходимо сдѣлать пьедесталъ, соотвѣтствующій цѣнѣ, которую Ботта назначилъ. Бюстъ отличный, хорошъ, и я уже отдалъ отливать его изъ бронзы, и какъ только онъ будетъ готовъ, сейчасъ вышлю, чтобы удобнѣе было скомпоновать пьедесталъ. Вышлю его еще для того, чтобы можно было спросить еще немного денегъ, потому то, что я взялъ, будетъ все затрачено, тогда и тебѣ кое-что достанется... Я очень радъ, что ты вздумалъ сдѣлать В. В.

въ ростъ [1]). Это особенно хорошо въ скульптурѣ, и если тебѣ удастся, то навѣрное будешь имѣть успѣхъ; въ матеріальномъ отношеніи также, потому что подобная скульптура всѣмъ желательна.

„Нестора“ доканчиваю. Осталось работы всего деньковъ на восемь. „Ярославъ“ [2]) вышелъ въ фаянсѣ на славу, только больно кусается—дорого.

Новостей здѣсь нѣтъ, а если есть, то я о нихъ ничего не знаю, потому что никого не вижу и никуда не хожу, просто потому, что всѣ еще въ разъѣздахъ. Слышалъ я только, что много гадостей творится на выставкѣ ради наградъ. Въ русскомъ отдѣлѣ дошло даже до кулачнаго боя. Все это прекрасно, да и самыя награды принесутъ одинъ только вредъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ были розданы на этотъ разъ. Да я и не вижу въ наградахъ никакой пользы, если-бы онѣ даже были розданы правильно. Все это одно только щекотаніе самолюбія слабыхъ или падкихъ людей, и только. А впрочемъ, награды имѣютъ одну существенную цѣль—это реклама для толпы, и вотъ почему разныя фирмы такъ добиваются ихъ. Обо всемъ этомъ хочу писать нашему В. В., и если онъ найдетъ хорошимъ, а главное—полезнымъ, то пусть напечатаетъ, а пока шлю ему сердечный и нижайшій поклонъ, такъ-же какъ и парголовцамъ, Будь здоровъ, бодръ и энергиченъ, а за этимъ все придетъ само собою.

501. Къ нему же.

Парижъ, лѣто 1889 г.

Я опять получилъ запросъ о цѣнѣ твоей статуэтки [3]), я сказалъ—2000 ф. Удивляюсь, что всѣ спрашиваютъ и никто не покупаетъ. Можетъ-быть дорого? Кто знаетъ? Во всякомъ случаѣ видно, что вещь нравится. Не забудь или, вѣрнѣе, не халатничай насчетъ Тиффани [4]). Дай ему скорѣйшій отвѣтъ и предложи ему войти съ нимъ въ соглашеніе, чтобы постоянно для него работать.

За камень для Надсона я желалъ-бы самъ заплатить. Скоро буду писать отдѣльно и больше, а пока скажу только, что я кончилъ маленькую модель (въ аршинъ) статуи „Христа“, идущаго къ морю спасать корабли. Эта статуя должна стоять прямо на морѣ и изображать маякъ; значитъ, она будетъ колоссальныхъ размѣровъ. Конечно она никогда не будетъ осуществлена, но я дѣлалъ ее потому, что замыселъ казался мнѣ заманчивымъ.

Что у васъ хорошаго? Здѣсь никого не вижу, а потому ничего и не знаю.

---

[1]) Небольшая статуэтка, которая лѣтомъ 1889 г. и была вылѣплена И. Я. Гинцбургомъ, на дачѣ, въ Парголовѣ.

[2]) Голова Ярослава Мудраго.

[3]) На парижской выставкѣ.

[4]) Тиффани—хозяинъ художественно-промышленной американской фирмы въ Парижѣ.

502. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 1 января 1890 г.

Только что отправилъ письмо къ вамъ и тотчасъ получилъ ваше письмо. Оно сильно обрадовало меня, хотя и не совсѣмъ—не радуетъ меня именно то, что вы стали прихварывать. Эліасикъ писалъ мнѣ обо всемъ, но, грѣшный я человѣкъ, я докторамъ не довѣряю. Былъ я разъ уже приговоренъ къ смерти ими, затѣмъ возился съ ними десятки лѣтъ, а съ тѣхъ поръ, какъ ихъ всѣхъ забросилъ — чувствую себя лучше. Вѣрю я только въ строгую діэту, что и васъ молю, дорогой мой, сдѣлать. Если у васъ дѣйствительно переутомленіе нервовъ, значитъ, имъ надо дать отдохнуть; да и работали-же вы въ послѣднее время! Я только удивлялся и хлопалъ глазами, вы работали не какъ человѣкъ, а какъ гигантъ. Ну, еще разъ прошу васъ, молю васъ ради васъ, ради друзей, которые крѣпко любятъ васъ, отдохнуть, и отдохнуть порядочно; а тамъ опять за дѣло.

Отвѣчу вамъ тоже по пунктамъ, только начну наоборотъ—съ самаго послѣдняго и самаго интереснаго, а именно, съ Академіи художествъ. Это для меня сюрпризъ, ибо даже сотой доли не знаю, ничего не знаю; знаю только изъ газетъ, что графъ Бобринскій назначенъ вице-президентомъ, вотъ и все. Не знаю, можетъ быть потому, что я совсѣмъ вошелъ въ свою скорлупу—въ мастерской работаю усердно, дома отдыхаю, читаю, или мнѣ читаютъ; а въ нашемъ пресловутомъ клубѣ не бываю, съ нашими художниками не вижусь,—и очень, очень доволенъ, потому что кромѣ глупости ничего тамъ и нѣтъ. Все это создано для одного человѣка, который очень любитъ властвовать. Ну, пускай его: „чѣмъ-бы дитя ни тѣшилось, лишь-бы не плакало“. Конечно, за это мнѣ мстятъ; говорятъ, что онъ самъ (Боголюбовъ) разсказываетъ обо мнѣ разныя небылицы, въ самыхъ непривлекательныхъ формахъ à la Буренинъ, хотя при этомъ онъ считаетъ своимъ долгомъ подчеркнуть, что онъ—мой другъ.

Ну, не справедливо-ли то, когда просятъ у Бога: „Храни меня, Богъ, отъ друзей, потому что отъ враговъ самъ себя охраню“. И что Боголюбовъ можетъ сказать на меня, кромѣ однѣхъ только выдумокъ или извращенныхъ фактовъ? И что я ему сдѣлалъ? Тьфу, какъ мелокъ человѣкъ, т.-е. онъ!

Очень радъ писать Ильѣ Рѣпину, только будетъ-ли онъ отвѣчать? Сомнѣваюсь. Недавно я получилъ отъ него письмо, которое было скорѣе похоже на записку,—нѣтъ, скорѣе на телеграмму. Правда, при этомъ приложенъ былъ его этюдъ... Впрочемъ, скажите ему, что я кланяюсь ему низко, сердечно и скоро напишу ему много.

Радуюсь, что мое длинное письмо понравилось вамъ хоть до нѣкоторой степени. А я думалъ, что вы совсѣмъ его забраковали.

Относительно „Ермака“, конечно, я стараюсь сдѣлать похарактернѣе, но типичнѣе и художественнѣе, я радъ сдѣлать высокій стоячій воротникъ, только у Герберштейна онъ является при стеганомъ кафтанѣ, который служилъ (по всей вѣроятности) вмѣсто коль-

чуги, точно такъ-же, какъ подобныя шапки служили вмѣсто шлема. Да притомъ-же кафтаны эти были длинные, а не короткіе. Но хуже всего то, что я не совсѣмъ полный господинъ тутъ. А впрочемъ, употреблю все, что отъ меня зависитъ, чтобы создать „Ермака“, какъ его чувствую; одно несомнѣнно,—что онъ не будетъ у меня въ путахъ (какъ на эскизѣ), а въ русскихъ сапогахъ, со вздернутыми вверхъ носками!

Матеріалъ, который хранится въ Строгановскомъ музеѣ, очень, по-моему, сомнительный.

Исторія говоритъ, что Ермакъ утонулъ отъ тяжести брони, которая была на немъ. Она была желѣзной, съ мѣдной оправой, съ золотымъ орломъ на груди. Затѣмъ, побѣдители раздѣлили между собою: верхнюю броню одному человѣку, а нижнюю—другому.

Самое большое удовольствіе вы мнѣ доставите, нѣтъ, вѣрнѣе, самое большое удовольствіе каждый сдѣлаетъ мнѣ, если станетъ выписывать вашу статуэтку изъ бронзы [1]); и я исполню все съ радостью, только я тутъ исполнитель, а распорядитель тутъ Эліасъ, какъ авторъ.

Будьте здоровы, совсѣмъ здоровы, добрый, дорогой мой В. В., отъ всей души желаю вамъ свѣтлаго, здороваго и радостного Новаго года.

503. Къ нему же.

Парижъ. Получено 30 января 1890 г.

Чѣмъ меньше вы пишете, тѣмъ больше я желаю знать, какъ вы поживаете, что подѣлываете и т. д. и т. д. Вотъ почему я опять строчу—авось откликнетесь; да, правду сказать, мнѣ самому желательно побалакать съ вами, такъ, просто, по душѣ. Дѣла мои не совсѣмъ ладны—хворалъ рукою, желудкомъ, а теперь карманомъ.

Я работаю теперь „Ермака“. Статуя-то большая, я-же ростомъ маленькій, руки у меня короткія — поневолѣ приходится карабкаться на подмостки, на ящики, стоять по цѣлымъ днямъ на цыпочкахъ, съ поднятыми вверхъ руками, ну, и я будто-бы переутомилъ себѣ нервы, по крайней мѣрѣ такъ докторъ увѣряетъ. А по-моему это былъ просто ревматизмъ, а можетъ быть и то и другое вмѣстѣ. Ну, ничего, я къ этому привыкъ—рука болѣла не въ первый разъ и, по всей вѣроятности, не въ послѣдній, точно такъ-же, какъ и желудокъ. Докторъ совѣтуетъ не такъ усиленно работать, почаще отдыхать. Даже наши милые художники спрашиваютъ, чего-же я такъ тороплюсь? Какіе они милые, право; не знаютъ, что у творца охота пуще неволи, что онъ не знаетъ ни часа, ни времени, ни пищи, ни отдыха; въ минуты творенія художникъ упоенъ, увлеченъ, забывая все и всѣхъ—тоже и самого себя.

Несмотря на сильную боль въ рукѣ, у меня на душѣ все-таки

---

[1]) Статуэтка В. В. Стасова, во весь ростъ, И. Я. Гинцбурга, была отливаема изъ бронзы въ Парижѣ, у знаменитаго отливщика Тьебо, подъ наблюденіемъ Антокольскаго.

было весело, даже празднично, потому что кое-что удалось сдѣлать, именно то, чего я такъ сильно желалъ. Голова „Ермака" почти совсѣмъ готова, сдѣлалъ я ее всего въ два дня; вся-же фигура вылѣплена еще неодѣтой. Вылѣплена она можетъ быть черезчуръ, но это такъ, ради самого себя, ради художественнаго удовлетворенія.

Уже теперь говорятъ, будто „Ермакъ" лучше „Петра". Ну, пускай говорятъ; коли это правда, то тѣмъ лучше. А по-моему—не надо говорить „гопъ" раньше, чѣмъ перескочишь.

Мои противники увѣряютъ всѣхъ и каждаго, будто я не понимаю тѣлесной красоты, что я не люблю женщинъ и ихъ тѣлесную красоту. Ну, пускай говорятъ, но раньше пускай посмотрятъ на „Ермака"; пускай убѣдятся, что чувство мое владѣетъ моими руками, а не наоборотъ; что же касается женщинъ, то не скрываю, что я предпочитаю симпатичность—красотѣ, нѣжную красоту — вульгарной; да притомъ-же, голыхъ женщинъ такъ много создано уже безъ меня, имя имъ — легіонъ. Если-бы у меня было время, а еще если-бы я жилъ двѣ жизни, тогда можетъ быть я сдѣлалъ-бы и то, и другое, но, къ сожалѣнію, живу, какъ и всѣ—одну только жизнь, а потому некогда: надо торопиться, ибо я еще и десятой доли не высказалъ того, чего мнѣ хотѣлось, и надо сдѣлать то, что еще не сдѣлано. А впрочемъ, надѣюсь скоро показать, что я люблю все, что хорошо, все равно, гдѣ-бы оно ни проявлялось—въ мужскомъ или женскомъ тѣлѣ.

Бѣда только въ томъ, что не всегда можешь дѣлать то, что хочешь.

Я такъ и не знаю, что именно происходило въ нашей Академіи художествъ. Отъ Боголюбова я кое-что узналъ; и представьте, я этимъ нисколько не былъ удивленъ. Гораздо болѣе удивительно то, какъ могли эти господа удержаться такъ долго и на такомъ видномъ мѣстѣ?

И здѣсь происходятъ ссоры и передряги среди художниковъ. Но— ну съ ними, право, всѣхъ ихъ метлой! — съ личности началось, личностью кончается. Я-же стараюсь быть, по возможности, далеко отъ всего этого; далекъ я также и отъ нашего кружка—„яблоко далеко отъ дерева не падаетъ". Теперь хотѣлось-бы мнѣ поговорить насчетъ моей выставки. Вотъ и поговорю. Дѣло вотъ въ чемъ. Во-первыхъ, мнѣ очень жаль, что моя идея выставить вмѣстѣ съ нашими не увѣнчалась успѣхомъ; я предлагалъ, писалъ, а просить и, что хуже, выпрашивать—я не желаю. Къ моему предложенію остался равнодушенъ не только Рѣпинъ, но даже и Похитоновъ. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ ни отъ кого ни слова; а Похитоновъ съ тѣхъ поръ даже не заходитъ ко мнѣ, повидимому, тоже ждетъ моей просьбы. Я-же предложилъ совмѣстную выставку не ради себя лично, а ради русскаго искусства вообще.

Я-же самъ могу выдержать выставку и, надѣюсь,—не осрамлю наше искусство.

Вотъ стоило-бы мнѣ только заикнуться—и здѣшній художественный клубъ (гдѣ я даже и не членомъ) предлагаетъ къ моимъ услу-

тамъ ихъ залъ, декорацію, службы; они же берутъ на свой счетъ печатанье и разсылку билетовъ. Мнѣ остается только привезти и отвезти работы мои. Казалось-бы, чего лучше? и все-таки я думаю, раздумываю и до сихъ ни на чемъ еще не остановился. Во-первыхъ, потому, что терпѣть не могу „моду", теперь-же здѣсь господствуетъ мода любви къ русскимъ. Хуже всего, что этой модой пользуются разные молодцы, и я-бы не хотѣлъ быть среди нихъ. Я-бы желалъ слышать трезвую и безпристрастную критику. Но несмотря на любовь къ русскимъ, меня увѣряютъ, что если я не стану дѣлать того, что здѣсь и вездѣ въ большихъ городахъ дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ, то не только я не буду имѣть успѣха, но просто обругаютъ. Перспектива не заманчивая. А я скорѣе положу обѣ руки на отсѣченіе, нежели позволю шарлатанить моими трудами—слишкомъ долго я ихъ работалъ, слишкомъ трудно они мнѣ достались. Я уже не первой молодости, имя у меня есть, положеніе тоже, слава Богу; потому и не подобаетъ мнѣ на старость осквернить свою совѣсть, тѣмъ болѣе, что я этого не дѣлалъ въ молодости.

Мы, русскіе, хотимъ познакомить Европу не только съ нашимъ искусствомъ, но и съ источникомъ ея, т.-е. и съ нашимъ чувствомъ. Въ этомъ отношеніи я сто разъ хвалю М. П. Бѣляева. Несмотря на то, что онъ потерпѣлъ убытки [1]), что наша музыка не имѣла бульварнаго успѣха, все-таки онъ восторжествовалъ своей чистой душой—онъ никому не кланялся, ни отъ кого не получалъ похвалъ и ставилъ принципъ честности выше всего.

Да, дорогой В. В., я до сихъ поръ крѣпко держусь устарѣлой истины, что только отъ честнаго художника можно ожидать искренняго искусства. Если честность, какъ швейная машина, гдѣ-нибудь прорвется, то и пошла, пошла... Если творецъ не честенъ въ своемъ дѣлѣ, его искусство не будетъ искренно; оно будетъ, можетъ-быть, талантливо, можетъ-быть онъ будетъ стараться казаться искреннимъ, но это будетъ только поддѣлка, близкая къ истинѣ, но не будетъ истиной; будетъ позолоченная, но не золотая, а гдѣ нѣтъ этой искренности, тамъ нѣтъ настоящаго творчества. Но за то были мнѣ дороже тѣ похвалы, которыя шли изъ чистаго источника; и этимъ могутъ гордиться наши музыканты, ибо похвалъ имъ было все-таки немало; если были рутинные или злонамѣренные отзывы—то гдѣ ихъ нѣтъ? У насъ-же ихъ еще больше чѣмъ гдѣ-нибудь. Но какъ-бы то ни было, такъ или иначе, но все-таки музыкальное зерно было заброшено на новую почву и, рано или поздно, оно дастъ пышные плоды.

Кстати, заодно уже скажу вамъ, что отпоръ, который вы дали Буренину, былъ очень удаченъ, въ особенности первый, въ видѣ

---

[1]) Въ 1889 г. М. П. Бѣляевъ далъ два большихъ оркестровыхъ концерта русской музыки въ Парижѣ, въ залѣ Трокадеро, во время всемірной выставки. Главные русскіе композиторы и солисты были тогда привезены имъ изъ Петербурга въ Парижъ.

открытаго письма къ издателю [1]) Только жаль, что вы печатали это въ газетѣ, которая мало распространена, а это—то же, что выругаться въ углу у себя въ комнатѣ.

Изъ всего, что я сейчасъ сказалъ, вы видите, до чего мнѣ не хочется выставлять; къ этому прибавлю, что не люблю я выставки вообще: вѣдь это, въ нѣкоторомъ родѣ — заискиваніе у публики, намѣреніе ждать ея благосклоннаго вниманія и сужденія вкривь и вкось; но это, повидимому, неизбѣжно. Вѣдь концертъ—та же выставка; а впрочемъ, та да не та: музыку не выставляютъ въ музеяхъ, храмахъ, на площадяхъ, а живопись, скульптуру—да; слѣдовательно, для остальныхъ трехъ искусствъ есть точка исхода и помимо выставки.

Но есть что сказать и въ пользу моей выставки. Во-первыхъ, теперь какъ разъ, у меня набралось много вещей, онѣ скоро должны будутъ разойтись, кто куда; и парижанамъ труднѣе будетъ забраться въ Россію, чѣмъ брать мои работы изъ России. Затѣмъ, если я сознаю, что дѣлаю что-то новое, то, чего нѣтъ въ французской скульптурѣ, — то зачѣмъ прятаться? Надо выставить, показать именно здѣсь; я это долженъ сдѣлать, если не ради себя самого, то ради идеи искусства; пусть не поймутъ, пусть ругаютъ; вѣдь коли бояться волковъ, то не надо въ лѣсъ ходить. Всякое начало трудно, а я здѣсь началъ—и съ успѣхомъ. И не думаю, чтобы всѣ такъ-таки и ругали меня, всѣ не понимали,—будутъ разные. Скажу больше: я убѣжденъ, что не буду имѣть большого успѣха, и еще меньше—шумнаго; именно потому, что для этого ничего не стану дѣлать; да притомъ-же я скульпторъ, а въ нашъ вѣкъ скульптура не въ модѣ. Но тѣмъ не менѣе успѣхъ буду имѣть, ибо чуткіе французы—не на бульварахъ. Какъ видите, дорогой мой В. В., все еще раздумываю, ибо есть столько „за", сколько „противъ". Пока еще ни на что я не рѣшился; да притомъ-же, между нами говоря, выставка будетъ стоить все-таки нѣсколько тысячъ франковъ. Одинъ провозъ и отвозъ чего будетъ стоить! затѣмъ—устройство; затѣмъ—нѣкоторыя вещи непремѣнно надо отлить изъ бронзы, а въ карманѣ у меня, какъ на грѣхъ, сквозной вѣтеръ. И, наконецъ, сколько времени все это займетъ! А я долженъ кончить работу, иначе и денегъ не получу.

Если порѣшу, тогда сейчасъ-же напишу вамъ.

504. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ. Февраль, 1890 г.

Пребольшое спасибо тебѣ за твое сегодняшнее письмо. Буду ждать съ нетерпѣніемъ конца, то-есть утвержденія модели. Что-же

---

[1]) Статьи В. В. Стасова: «Письмо къ Суворину», напечатанное въ газетѣ «День» 11 октября—и «Новыя продѣлки Буренина», напечатанныя въ газетѣ «День» 28 октября 1889 г.

касается де Морана[1]), то не знаю, на что рѣшиться. Хуже всего то, что они сами не понимаютъ, насколько ихъ литейная слаба.

Статуэтка нашего В. В. вышла превосходно. Она была отлита у Тьебо и стоитъ 250 фр. И не дорого, и не дешево. Какъ жаль, что конечности у этой статуэтки не докончены. Досадно тѣмъ болѣе, что все остальное превосходно. Можно было-бы выставить ее въ Salon, но какая-же охота зарекомендовывать себя въ небрежности. Вѣдь нельзя-же всѣмъ разсказать, что „было холодно, некогда". Нѣтъ, ты долженъ докончить эту прекрасную статуэтку, и тогда—впередъ!! Еще разъ я долженъ напомнить тебѣ, что подобная работа крайне интересна и благодатна во всѣхъ отношеніяхъ, а ты съумѣешь это сдѣлать какъ никто, и будешь художникомъ особеннымъ, въ своемъ родѣ. Постарайся сдѣлать подобныхъ портретныхъ статуэтокъ нѣсколько, и тогда ты будешь упроченъ и крѣпко станешь на своихъ ногахъ. Въ этомъ я убѣжденъ. Бюсты съ карточки—это чахотка для таланта, а тѣмъ паче для молодого таланта. Избѣгай этого сколько можно. Еще промежду портретныхъ статуэтокъ ты долженъ дѣлать и историческія. Начинай прямо съ Пушкина; вѣдь до сихъ поръ нѣтъ ничего подобнаго относительно него: то онъ похожъ на современнаго адвоката, проглотившаго длинную палку, то просто на проигравшагося шулера. Я убѣжденъ, что ты съумѣешь дать ему настоящій типъ и характеръ, съ запахомъ 30-хъ годовъ. Эхъ, будь только энергиченъ, бодръ; не хандри, работай съ любовью, съ убѣжденіемъ и съ вѣрой въ самого себя.

Очень ужъ я огорченъ тѣмъ, что у нашего В. В. все голова болитъ. Средство отъ этой боли — отдыхъ. Но В. В. не изъ тѣхъ, которые удовольствовались-бы отдыхомъ, какъ нашъ братъ, грѣшный. Крѣпко сожалѣю, что задалъ я ему еще хлопотъ насчетъ моей довѣренности. Хотѣлъ-было посылать тебѣ, но подумалъ, не обидится-ли онъ.

Въ мастерской у меня теперь все идетъ тихо. Надѣюсь, скоро снова я возьмусь энергично.

Выставку въ Петербургѣ надѣюсь сдѣлать только на будущій годъ, а пока пускай. Будь здоровъ и работай, и слушайся стараго друга, который желаетъ тебѣ одного только добра.

NB. Когда станешь передѣлывать статуэтку В. В., постарайся съузить площадь подъ ногами до минимума, а то она уже слишкомъ раскинута. Ножку у столика подвинь поближе, вотъ и все. Рѣшительно все, что только можно—отрѣжь; это чисто скульптурная задача.

Пожалуйста, пришли мнѣ „Катакомбы" фонъ-Фриккена.

Когда додѣлаешь оконечность у статуэтки В. В., тогда я отолью и для себя одну, если ты позволишь. На это надѣюсь. Не знаю отчего, но я во сто разъ больше люблю малую, хорошую фигурку, чѣмъ большую, а впрочемъ—искусство не имѣетъ размѣра. Хорошо то, что хорошо, въ маломъ-ли, въ великомъ-ли—все равно.

---

[1]) Бронзовый литейщикъ въ Петербургѣ.

505. Къ В. В. Стасову.

Парижъ. Получено 5 февраля 1890 г.

Сегодня или завтра вышлю вамъ вашу статуэтку изъ бронзы [1]); она вышла точь-въ-точь какъ была изъ гипса; жаль только, что гипсъ былъ до того хрупокъ, что пришлось сдѣлать новую форму. Цвѣтъ бронзы я велѣлъ сдѣлать свѣтлый, потому что темный теряетъ сходство.

Попробую, авось мнѣ удастся выслать статуэтку черезъ оказію—будетъ скорѣе. Будьте такъ добры, пришлите мнѣ адресъ М. В. Ватсонъ. Я сдѣлаю новый бюстъ Надсона; скоро онъ будетъ готовъ, по крайней мѣрѣ, я имъ теперь занятъ и очень радъ, что я рѣшился на это—дѣло это общественное, деньги собраны съ трудомъ, и надо—либо дѣлать хорошо, либо—ничего. Стараюсь.

506. Къ нему же.

Парижъ. Получено 16 февраля 1890 г.

„Ермакомъ" я все продолжаю быть доволенъ: голова, шапка совсѣмъ готовы, остается только одѣть его. Но довольны-ли будутъ имъ другіе? Вотъ вопросъ. А впрочемъ, будь, что будетъ, а кривить душою въ творчествѣ не могу.

Я очень радъ, что ваше здоровье поправляется; я этого ожидалъ, а все-таки, радъ былъ услышать отъ васъ это пріятное извѣстіе, пріятное во всѣхъ отношеніяхъ.

Радъ я также, что Эліасикъ подвигается впередъ, но все-таки настоящая его дорога это—портретныя статуэтки; тутъ „малъ золотникъ, да дорогъ".

Съ выставкой все я еще не рѣшилъ. Въ послѣднее время у меня отливъ—все не идетъ, все не удается; все точно изъ рукъ валится, и, если выставка не удастся, будетъ просто бѣда! Вотъ и проектъ мой „Екатерина II" тоже провалился; а какъ вы думаете, могъ-ли бы я его сдѣлать помимо комиссіи? Что прикажете дѣлать, есть положенія, когда всякое слово лишнее. Странно, однако, то, что еще недавно Илья писалъ мнѣ, со словъ Ропета, что въ комиссіи все идетъ благополучно, въ мою пользу, что остается только представить на утвержденіе Государя, и вдругъ—вотъ тебѣ и на! Странно, очень странно. Слава Богу, что я не привыкъ падать духомъ.

Но хорошо—меня не хотятъ, и я не хочу. Будетъ исторія монументовъ, не мнѣ ее создать. Въ началѣ зимы былъ здѣсь П. В. Жуковскій, онъ тоже проектируетъ сдѣлать модель для монумента покойному Государю въ Москвѣ. Проектъ его можетъ быть лучше всѣхъ, до сихъ поръ представленныхъ, но онъ не скульпторъ, а потому онъ обратится ко мнѣ; тѣмъ болѣе, что, по его словамъ, въ

---

[1]) Статуэтка В. В. Стасова, вылѣпленная во весь ростъ скульпторомъ И. Я. Гинцбургомъ, была отлита изъ бронзы у Тьебо, подъ надзоромъ М. М. Антокольскаго.

высшихъ сферахъ убѣждены, что никто не съумѣетъ сдѣлать покойнаго Государя, какъ я. Тогда ужъ я сказалъ, что не пойду ни въ какія комиссіи; а, если угодно, то я радъ сдѣлать, но помимо всякихъ комиссій. Однако оказывается, что у насъ присяжныя комиссіи сильнѣе всего, сильнѣе творцовъ, и необходимѣе творцовъ, даже геніальныхъ. Боюсь, что онъ теперь сидитъ въ Royat—и компонуетъ свой проектъ, въ надеждѣ, что я предоставлю ему статую покойнаго Государя; а я послѣ штуки съ „Екатериной II" рѣшаюсь никогда и никоимъ образомъ и ни подъ какимъ видомъ не участвовать въ монументахъ. Подожду еще только, что скажетъ мнѣ по поводу этого Алексѣевъ [1]).

Но вотъ вопросъ, на который убѣдительно прошу васъ отвѣтить: неужели для того, чтобы заказать портретъ, или портретную статую, въ такомъ мѣстѣ, какъ Дума, нужно не только разрѣшеніе, но даже проектъ? Да еще чтобы проектъ этотъ прошелъ сквозь чистилище, сквозь адъ и сатану — и тогда только... Да ну съ нимъ совсѣмъ, стоитъ еще тратить минуты на разсужденія!

P. S. Уже нѣсколько дней, какъ ваша статуэтка выставлена. Жду заказовъ изъ бронзы.

507. Къ нему же.

Парижъ. Получено 2 апрѣля 1890 г.

Что это значитъ, что до сихъ поръ ни отъ кого ни слова? Даже Илья не пишетъ, какъ дошла ваша статуэтка, и остались-ли вы довольны отливкой.

Какъ вы поживаете? Почему никто не пишетъ? И, какъ на грѣхъ, въ этомъ году я никакой русской газеты не получаю, такъ что ничего не знаю, что у васъ подѣлывается въ художественномъ мірѣ.

У меня ничего новаго; я все еще вожусь съ „Ермакомъ"; иногда онъ капризничаетъ, а я прихварываю; но все это у меня, какъ будто, въ порядкѣ вещей.

Выставки не дѣлаю; за то другіе сдѣлали, и такъ скоро, такъ ловко, прибавлю—и такъ неуспѣшно! Просто жалко было видѣть, какъ этотъ старецъ-художникъ (Айвазовскій) продѣлывалъ все то, что дѣлаютъ молодые художники, жаждущіе славы и денегъ. Конечно, оффиціальный успѣхъ онъ имѣлъ, но не больше того, и тѣмъ болѣе жаль. Спрашивается—на какое лихо ему все это нужно было? Денегъ что-ли у него нѣтъ, славы нѣтъ? Дѣтямъ приданое нужно дать? Или примѣръ нуженъ молодымъ художникамъ? Или, наконецъ, славу Россіи надо создать? Попросилъ онъ здѣсь всѣхъ на открытіе своей выставки, было около 100 человѣкъ; былъ и самъ президентъ, который былъ принятъ нашимъ посломъ. Казалось, чего лучше? Но на завтра выставка, все-таки, была пуста. Конечно, скажутъ, что въ этомъ виновата здѣшняя публика. Она, дескать, знаетъ только себя и своихъ и знать не хочетъ чужихъ. Въ такомъ случаѣ—зачѣмъ лѣзть? Да еще

---

[1]) Московскій городской голова.

съ 28-ю картинами, писанными на старости лѣтъ и исключительно съ эффектами.

Изъ Москвы я получилъ извѣстіе, что проектъ памятника Екатерины II совсѣмъ отложенъ. Не красиво въ этомъ дѣлѣ то, что самъ предсѣдатель увѣрялъ, что, дескать, все идетъ въ мою пользу; и конечно, все это былъ чистѣйшій вздоръ. Мнѣ необходимо расплатиться съ г. Ропетомъ, который трудился и хлопоталъ; я не хочу, чтобы трудъ его не былъ вознагражденъ, потому что онъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ: да тѣмъ болѣе, что я самъ трудился не даромъ.

508. Къ нему же.

Парижъ. Получено 11 апрѣля 1890 г.

Наконецъ-то я получилъ вѣсточку изъ Петербурга. Илья пишетъ, что вы собираетесь въ Крымъ, или на Кавказъ. Я этому очень радъ, потому что убѣжденъ, что перемѣна воздуха, а главное, перемѣна худшаго на лучшее, навѣрное будетъ для васъ превосходна во всѣхъ отношеніяхъ. Жаль только, что я не могу быть съ вами. Докторъ гонитъ меня уѣхать куда-нибудь отдохнуть, но не могу—„Ермакъ“ на шеѣ. Необходимо раньше всего окончить, а тамъ увидимъ. Мнѣ очень скучно, не имѣя отъ васъ ни словечка, но ничего, раньше всего будьте здоровы, а тамъ наверстаемъ. Эліасикъ пишетъ, что доканчиваетъ вашу фигуру; если только доканчиваетъ, а не передѣлываетъ, то я этому очень радъ, иначе — Боже сохрани! Доканчивать надо только руки и сапоги, затѣмъ базисъ съузить. Вотъ все, а остальное до того хорошо, до того удачно, что лучше и желать нельзя. Онъ обѣщалъ выслать мнѣ экземпляръ. Жду съ нетерпѣніемъ, и тогда отолью изъ бронзы для себя.

Я теперь ничего не работаю, а только отдыхаю; это по приказанію доктора. Ну, куда ни шло! Отчего не побаловать себя и не дать себѣ отдыха дней на десять, тѣмъ болѣе, что работа впрокъ нейдетъ.

За то какія новыя грандіозныя идеи у меня есть! Онѣ вовсе не соразмѣрны съ моимъ физическимъ состояніемъ. Конечно, я сознаю, что все это на практикѣ—химера, т.-е. онѣ никогда не будутъ осуществимы, по крайней мѣрѣ, многое; но, тѣмъ не менѣе, я дѣлаю эскизы—пусть остаются. Я знаю, что мнѣ не суждено сдѣлать что-нибудь порядочное въ Россіи, въ монументномъ искусствѣ, но въ этомъ не я виноватъ. Ну, хочу оставить, по крайней мѣрѣ, эскизы, тутъ никто не можетъ мнѣ запретить, никто не можетъ интриговать, камни подъ ноги бросать; упрекать, что имѣлъ счастье или несчастье родиться евреемъ; однимъ словомъ, тутъ я свободная птица, творецъ, ничего не желающій, кромѣ того только, что—творить. А про сюжеты-то не скажу пока ничего, даже и вамъ.

Ахъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось спокойствія, хлѣба и глины, много глины; теперь надо къ этому прибавить—и крѣпкія руки. Ну, довольно болтать; право, я чувствую, что только болтаю; но ничего, подождемъ маленько—и дѣло сдѣлаемъ, и какъ еще!

Говорятъ, что въ Академіи художествъ много перемѣнъ. Говорятъ, что передвижники пошли на компромисъ; говорятъ, что я навѣрное обо всемъ этомъ знаю. А я скажу, что ни о чемъ я ничего не знаю, да откуда мнѣ и знать? Знаю только, что люди другъ другу говорятъ, а что именно—не знаю; и выходитъ, что знаю-то много, а въ сущности—ничего.

509. Къ нему же.

Royat. Получено 14 (26) августа 1890 г.

Ждали, ждали вѣсточки отъ васъ; наконецъ, получили и обрадовались, что вы слава Богу здравствуете. Жаль только, что вы и тутъ занимаетесь дѣломъ; докторъ правъ, сто разъ правъ, что запрещаетъ вамъ заниматься; а вы сто разъ не правы, что не слушаетесь его. Вамъ необходимо думать—зачѣмъ вы пріѣхали, и то, что найдете въ Зальцбургѣ, не найдете дома. И такъ, всякое дѣло для дома, а лѣченіе для Зальцбурга; да при томъ-же, для дѣятельныхъ людей, отдыхъ то-же дѣло, это въ своемъ родѣ накачиваніе воды для того, чтобы потомъ напоръ былъ сильнѣе и орошеніе плодовитѣе... А какой контрастъ между нами — даже стыдно разсказывать, что я ничего не дѣлаю, буквально ничего; и не то, чтобы я удерживался отъ дѣятельности, а просто не хочется. Время проходитъ точно въ дремотѣ, даже писать лѣнь, даже къ вамъ. Пишу, сидя въ креслѣ, держа бумагу на колѣняхъ, а передо мной горы, зелень и небо, которыя ласкаютъ меня, успокаиваютъ и... и убаюкиваютъ. А между тѣмъ, я чувствую, что это мнѣ необходимо, что это моя реставрація, безъ которой я давно развалился-бы.

Мы здѣсь больше трехъ недѣль; и я завтра-же кончаю мой курсъ лѣченія; завтра-же ѣду денька на два въ Парижъ; пріѣду обратно сюда, а что дальше будетъ—не знаемъ еще; хотѣли ѣхать въ Biarritz, но тамъ вблизи эпидемія. Но раньше всего скажу, что ваши упреки даже дороги мнѣ, потому что они не только искренніе, но и дружескіе, только вы сами противорѣчите себѣ—вы сами говорите, что вы первый, а не Тургеневъ, заговорили про „Ивана Грознаго“, значитъ вы больше значенія придаете творчеству „Ивана Грознаго“, больше важности, чѣмъ самому первому моему шагу—„Еврей-портной“.

Въ такомъ случаѣ, я остался вѣренъ самому себѣ, ибо послѣ „Ивана Грознаго“ я создалъ еще четыре прототипа русской исторіи (кромѣ эскизовъ). Но и еврейская исторія не чужда мнѣ: не забудьте, что я создалъ „Христа“ и „Спинозу“. Но, скажете вы, я создалъ и „Сократа“, и „Мефистофеля“, и „Христіанскую мученицу“; да, но въ томъ-то и дѣло, что моя эмблема—пчела, а источникъ мой—человѣческая душа. Я беру отовсюду добро, для того чтобы унести его въ мой родной пчельникъ. Этнографія, да еще односторонняя, всегда была и будетъ у меня лишь только средствомъ, какъ формой для выраженія моего внутренняго „я“.

Что прикажете дѣлать, берите меня такимъ, каковъ я есть, но есть я то, чѣмъ былъ прежде, и останусь тѣмъ, чѣмъ есть...

Я не окончилъ письма и опять разлѣнился—просто стыдъ и срамъ. Впрочемъ, не одна лѣнь тутъ причиной — мы всѣ понемногу перехворали, было нѣчто въ родѣ холерины. А между тѣмъ, вы уже въ Петербургѣ, въ Парголовѣ. Ну, въ добрый часъ! Дай Богъ вамъ здравствовать и быть совсѣмъ, совсѣмъ здоровымъ.

Сегодня я получилъ бумагу изъ Академіи, гдѣ спрашиваютъ моего мнѣнія по поводу устава Академіи художествъ. Подобная бумага, навѣрное, всѣмъ разослана; боюсь, что подобныя письменныя мнѣнія, столько разнообразныя, могутъ скорѣе запутать дѣло. Впрочемъ, будемъ надѣяться, что все будетъ хорошо.

510. Къ нему же.

Парижъ. Получено 28 августа 1890 г.

Мнѣ крайне совѣстно, что безпокою васъ такими пустяками, какъ получка и отправка денегъ. Но странно сказать, я не имѣю къ кому обратиться въ Петербургѣ, кромѣ васъ. Во всякомъ случаѣ, больше этого не случится, постараюсь, чтобы впредъ получалъ за меня домъ Гинцбурга, а пока убѣдительно прошу простить мнѣ. Я-бы теперь попросилъ домъ Гинцбурга, но для этого необходимо завести переписку, а между тѣмъ... Мнѣ теперь нужны деньги, потому что я долженъ уплатить за мраморъ для „Нестора“ и за другой мраморъ; надо платить рабочимъ, и сверхъ того деньги намъ самимъ нужны, потому что денегъ ушло гораздо больше, чѣмъ мы думали, благодаря разнымъ лѣченіямъ, которыя доктора прописывали намъ всѣмъ, по всей вѣроятности, отъ нечего дѣлать. Да ну ихъ всѣхъ, не люблю я докторовъ вообще. Да кто ихъ любитъ? А водяныхъ и подавно.

Какъ-же вы поживаете? Какъ доѣхали до Петербурга, и какъ чувствуете себя вообще? Пожалуйста, если не затруднительно, пишите главное объ этомъ.

Что новаго въ академическомъ мірѣ? Чѣмъ кончится московскій монументъ? А знаете, я боюсь, чтобы выступъ, гдѣ должна стоять статуя и откуда такой хорошій видъ, не заслонилъ-бы снизу часть Кремля. А впрочемъ, не видавши, ничего не могу сказать.

Я здѣсь всего денька на два, а затѣмъ ѣду обратно въ Royat, гдѣ и буду ждать вашего письма.

Погода все время была неблагопріятная—все дожди; и сверхъ того, почти всѣ перехворали холериной; не опасно, но все-таки непріятно. А вѣдь Royat считаютъ спасеніемъ и отъ желудка. Впрочемъ, всѣ воды одинаково чудесны, за исключеніемъ минеральныхъ, которыя даже на мѣстѣ не настоящія.

Будьте здоровы. Пишите.

511. Къ нему же.

Biarritz. Получено 15 сентября 1890 г.

Пишу уже изъ Biarritz'а, куда мы пріѣхали только-что, и пишу второпяхъ, чтобы пока поблагодарить васъ за высылку денегъ и за

всѣ хлопоты, которыя мы причинили вамъ; но что прикажете дѣлать? Говорятъ, что нѣтъ фатальности, что въ судьбѣ нѣтъ прилива и отлива, какъ въ природѣ. А между тѣмъ, со мною случилось нѣчто странное: собрались мы уже выѣхать изъ Royat, но тутъ дочка захворала, затѣмъ я; погода стала непріятная, а надо ѣхать; тутъ оказалось, что мошенникъ, продавецъ старья надулъ меня на 1000 фр., а тутъ не только денегъ, но даже письма ни отъ кого; и лишь только послѣ долгаго терпѣнія, я сразу, въ одинъ день, получилъ семь писемъ и три письма съ деньгами, хотя одно письмо раньше.

И такъ, еще и еще сто разъ благодарю васъ за всѣ ваши дружескія хлопоты, которыя всегда трогаютъ меня и радуютъ, что на свѣтѣ есть такой добрый человѣкъ, какъ вы, и что этотъ человѣкъ и есть мой добрый старый другъ, другъ вѣрный, другъ испытанный въ горѣ и радости.

Ваше письмо полно художественныхъ интересовъ.

Про монументъ ничего не скажу, развѣ поможешь? Радуюсь только, какъ дитя, что меня тамъ нѣтъ посрединѣ.

Радъ, что картина Рѣпина такъ успѣшно идетъ и очень сожалѣю, что онъ употребляетъ такъ много своей силы на другія дѣла.

Радъ также, что онъ написалъ вашъ портретъ во весь ростъ [1]), навѣрное будетъ превосходный; но опять горько сожалѣю, что онъ оставляетъ передвижниковъ, говоря вѣрнѣе, что передвижники сами себя оставляютъ.

Про Боголюбова вы очень вѣрно сказали, только недостаточно.

Письмо Верещагина не читалъ (сожалѣю), слышалъ только, что онъ сильно возстаетъ противъ посылки пенсіонеровъ въ Римъ.

Слышалъ я также, что Боголюбовъ сильно хлопочетъ, чтобы создать русскую Академію въ Парижѣ, на подобіе французской въ Римѣ. Это значитъ ужь просто съ моста да въ воду. Чудно, право— французы посылаютъ своихъ пенсіонеровъ въ Римъ, а мы къ французамъ. Если французы для насъ авторитетъ, то намъ остается только дѣлать то, что они дѣлаютъ, иначе выходитъ, что отъ гуся овесъ берутъ. Намъ необходимо раньше всего создать людей, зрѣлыхъ художниковъ—и тогда посылка за границу разрѣшится сама собою.

Но со школьной скамьи посылать молодежь за границу — вездѣ одинаково скверно, опасно и вредно. Вы мнѣ сказали, что графъ Толстой истинно порядочный человѣкъ, искренно преданный своему дѣлу; такъ постарайтесь переговорить съ нимъ, и если ему угодны мои аргументы, то я къ его услугамъ. Намъ нельзя отстраниться отъ столь важнаго художественнаго вопроса ради самого искусства. Если люди, стоящіе во главѣ этого дѣла, искренно преданы, желаютъ только добра русскому искусству, то каждый изъ насъ долженъ дѣлать все, что отъ него зависитъ, говорить, что думаетъ и требовать только возможнаго.

Мое мнѣніе объ Академіи я написалъ и давно отослалъ. Вы

---

1) Портретъ В. В. Стасова, во весь ростъ, но малыхъ размѣровъ.

знаете мой идеалъ: это—средніе вѣка, когда не было Академій, выставокъ, чиновъ и наградъ. Но возможно-ли это теперь? Расцвѣтъ средневѣковаго искусства былъ конкретно связанъ съ общественнымъ уровнемъ. Тогда вся Флоренція волновалась, когда Бенвенуто отливалъ своего „Персея" изъ бронзы — выйдетъ или не выйдетъ это удачно? А теперь торжество, когда богачъ, невѣжда въ искусствѣ платитъ милліоны за картину Миле [1]).

Вотъ почему, на вопросъ о нашей Академіи художествъ, я высказалъ только то, что возможно сдѣлать при условіяхъ Академіи. Скоро вышлю вамъ черновую того, что я послалъ въ Петербургъ.

512. Къ нему же.

Biarritz. Получено 21 сентабря 1890 г.

Въ прошломъ письмѣ я просилъ васъ переговорить съ графомъ Толстымъ относительно русской Академіи въ Парижѣ. Послѣ того, какъ я послалъ письмо, я подумалъ и раскаялся, что вмѣшался въ дѣло, гдѣ чувствую себя безсильнымъ, и вмѣшиваю васъ тоже. Вѣдь все равно, что тамъ ни говори, они навѣрное сдѣлаютъ по-своему; да притомъ-же, въ прошломъ письмѣ я не договорилъ, что, по-моему, поѣздка за границу не только не вредна, но крайне полезна, какъ всякому образованному человѣку. Но вся тутъ задача въ томъ: кого посылать и куда, для чего посылать; однимъ словомъ, необходимо раньше создать художника зрѣлаго, съ сознаніемъ, который могъ-бы пользоваться европейскимъ богатствомъ, но при этомъ не терялъ-бы своей индивидуальности, своей самостоятельности.

Вотъ почему я всепокорнѣйше прошу, если еще не поздно, то совсѣмъ оставить это дѣло.

Скоро я возвращусь въ Парижъ и возьмусь вновь за „Ермака". Вотъ тамъ-то я какъ разъ на своемъ мѣстѣ. По всей вѣроятности, всю драпировку я вновь передѣлаю, такъ же, какъ и ноги, которыя отъ тяжести подались.

Мы въ Biarritz'ѣ, климатъ для насъ подходящій, да и погода стоитъ райская, но говорятъ, что у васъ то-же самое.

513. Къ нему же.

Парижъ. Получено 22 октября 1890 г.

У меня остался всего одинъ только другъ, съ которымъ иногда охотно отъ души болтаю. Этотъ другъ, кажется, и любитъ, и слушаетъ мою болтовню, только не всегда откликается на нее. Если я лѣнюсь писать, то не безъ причины: съ годами я страненъ становлюсь. Люди стали пошлости говорить—я отстранился отъ нихъ. Люди стали подлость творить—я закрылъ глаза. Люди стали ругать меня—я заткнулъ уши. Люди мерзости печатаютъ—я пересталъ читать. Люди забыли

---

[1]) «Angelus».

меня—и слава Богу! Могу оставаться самимъ собою и творить то, что душа проситъ. Что можетъ быть выше, полезнѣе этого?

Теперь доканчиваю „Ермака", готовлюсь къ выставкѣ: рубятъ изъ мрамора „Нестора", „Сидящаго ангела", повторяютъ „Христа передъ судомъ народа", отливаютъ „Мефистофеля", и, наконецъ, издаются въ уменьшенномъ видѣ нѣкоторыя мои работы.

Прислушивались-ли вы, дорогой другъ, къ рубкѣ мрамора въ тишинѣ? Для меня это, въ своемъ родѣ, музыкальные звуки, звуки, извлекающіе духъ, жизнь изъ глыбы мрамора. Теперь эти звуки мнѣ еще дороже, слаще: они поютъ мнѣ геройскій маршъ — впередъ! Готовлюсь доказать, что я живъ и бодръ, и правъ, что не закопалъ своего таланта, что пошлость не озлобила меня, что мракъ не омрачилъ меня, что, наконецъ, моими скудными средствами тоже я пою любовь къ ближнему, миръ и прощеніе; и пою это гораздо раньше, чѣмъ другіе.

И такъ, съ 1873 года мой маленькій талантъ, какъ маленькій челнъ, все пробирался среди подводныхъ камней, пока не достигъ берега. Но... поймутъ ли меня люди? Да еще здѣсь въ Парижѣ?

Мои средства скудны, ограничены, а люди привыкли смотрѣть на мраморъ и только наслаждаться имъ, какъ формою; люди не знаютъ и не хотятъ знать, что мраморъ умѣетъ не только показаться, но и говорить искренно, отъ души; что скульпторъ не только въ состояніи доработать, но и чувствовать другія чувства. А впрочемъ, зачѣмъ думать, что будетъ? Я не жду похвалы, но не жду и руготни. Если у насъ не поймутъ меня сегодня, поймутъ меня завтра, послѣзавтра, когда-нибудь, а поймутъ, непремѣнно поймутъ, въ этомъ я убѣжденъ, въ этомъ вѣра моя крѣпка, и съ этою вѣрою я спокойно умру. Ну, довольно цѣловать себя въ зеркало; пока и всегда одно—впередъ!!!

Видѣлъ я Боголюбова, онъ тоже всегда за одно—впередъ! Онъ тоже не унываетъ съ своимъ уставомъ Академіи художествъ и навѣрное восторжествуетъ скорѣе, чѣмъ кто-либо. Отъ него я узналъ, что онъ, Харламовъ и Леманъ составляютъ подробный уставъ. Вотъ тріо: рыба, гусь да воробей! Онъ хотѣлъ, чтобы и я принялъ въ этомъ участіе, но я не хочу и сожалѣю, что писалъ, ибо изъ этого квасу—пива не будетъ, и кончится тѣмъ, что какой-нибудь дилеттантъ восторжествуетъ, какъ это случилось съ монументомъ Императора Александра II. О немъ я тоже слышалъ самые нелестные отзывы; только одинъ Боголюбовъ хвалитъ, но при этомъ рисуетъ этотъ монументъ такъ, что можетъ разсмѣшить больного. Не понимаю ни его, ни его рисунка.

514. Къ нему же.

Парижъ. Получено 25 ноября 1890 г.

Не получивъ вашего письма, мнѣ было скучно; получивъ его, не стало мнѣ веселѣе—ужь много грустнаго вы разсказали мнѣ; но хуже всего то, что вы сами какъ-то стали терять увѣренность въ своихъ силахъ. А почему? Не потому ли, что вы написали превосходную вещь

„Жанна Д'Аркъ“ [1])? Да, это дѣйствительно серьезная и превосходная статья. Вы тутъ, какъ всегда, первый указали на то геніальное явленіе въ декоративномъ искусствѣ, которое положительно заслужило всемірное удивленіе. Да, рѣшетчатая декорація и превращеніе костра въ золотую статую столько-же геніальны, какъ и башня Эйфеля, только художественнѣе, главное, рѣшетчатая декорація. И однако-же, никому въ голову не приходило не только серьезно о ней поговорить, но даже просто указать на то, что и тутъ французы превзошли самихъ себя. О, въ декоративномъ искусствѣ нѣтъ другихъ французовъ, кромѣ французовъ! Но кромѣ того, что вы первый указали, вы еще съумѣли серьезно и увлекательно разсказать всю исторію Жанны д'Аркъ. Такъ вотъ, не это-ли причина, что вы стали сомнѣваться въ своихъ силахъ и способностяхъ писать? Или еще то, что васъ отовсюду просятъ и приглашаютъ писать? Нѣтъ, дорогой мой, вы всегда шли навстрѣчу разсвѣту, всегда стояли за правду, указывали на таланты, появлявшіеся на горизонтѣ, карали и обличали пошлость и бездарность. Вотъ этого мы ждемъ и впередъ отъ васъ. Да, пусть множатся ваши враги, лишь бы рука ваша крѣпко держала перо. И такъ, мимо нихъ, впередъ!

Я сильно огорченъ, что Рѣпину такъ плохо живется; тогда поневолѣ съеживаешься въ своей скорлупѣ; и хоть-бы повидаться, поговорить, высказаться—все-таки какъ-то легче на сердцѣ становится. Хотя, по правдѣ сказать, что тутъ подѣлаешь? Что Эліасикъ подѣлываетъ? Что же онъ-то молчитъ? Должно быть и онъ тоже вошелъ въ свою раковину, какъ ему-то живется? Я все работаю „Ермака“, идетъ хорошо, только крайне медленно.

Въ послѣднее время много новыхъ сюжетовъ у меня народилось, и между ними „Іуда Маккавей“! Впрочемъ, въ сюжетахъ недостатка нѣтъ, лишь бы только здоровье, руки, время, спокойствіе, да хлѣбъ и глина.

Скоро моя мастерская будетъ запружена статуями, всѣ онѣ—мои старые друзья, мои дѣти; готовлюсь ихъ ввести въ свѣтъ, выставить ихъ на судъ публики. Но понравятся-ли онѣ, мои замарашки? Онѣ не массивны, не декоративны, даже не красивы, зачѣмъ грѣха таить, говорю, кажется, правду, хотя „у родителей глаза большіе“; но за то онѣ тихи, грустны и симпатичны, да и задушевны. Понравятся-ли онѣ этимъ модникамъ-французамъ? Да посмотрятъ-ли хоть они на моихъ провинціаловъ? Но пока не унываю, хлопочу, волнуюсь, порчу себѣ кровь, тороплюсь и тороплю другихъ, потому что работы еще пропасть, а времени мало. А денегъ, денегъ-то сколько уходитъ, и сколько еще уйдетъ! А какъ на грѣхъ, ихъ-то и нѣтъ; уже двѣ недѣли, какъ опять я сижу на мели; не то, чтобы совсѣмъ ихъ не было, а просто задержка—не высылаютъ, не торопятся выслать.

Выставка моя будетъ тамъ, гдѣ въ первый разъ выставилъ Ве

---

[1]) Статья В. В. Стасова: «Жанна д'Аркъ» въ ипподромѣ, въ Парижѣ—была напечатана въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», ноябрь 1890 г.

рещагинъ: залъ превосходный, да и мѣсто не дурное. Выставка должна быть въ апрѣлѣ—значитъ, и время удобное, только успѣю-ли? Стараюсь успѣть. Я выставлю 9 статуй, изъ нихъ—6 мраморныхъ, 1 бронзовая и 2 гипсовыя. Затѣмъ 7 малыхъ произведеній. Всѣ они изъ мрамора и бронзы; затѣмъ нѣсколько бюстовъ и, наконецъ, „Нападеніе инквизиціи". Если успѣю сдѣлать другой эскизъ—ладно; нѣтъ—передѣлаю старый, т.-е. кое-что поправлю. Мнѣ кажется, что не мѣшало-бы довести до свѣдѣнія публики, что я издаю свои произведенія въ уменьшенномъ видѣ—65 сантиметровъ вышины. Они издаются у знаменитаго литейщика Барбедіенъ.

Пока издаются „Несторъ", „Мученица" да „Спиноза", и издается лишь только извѣстное число экземпляровъ; они будутъ номерованные и именные, стоимость каждаго 3000 франковъ. Нѣсколько подписчиковъ я уже имѣю, но чѣмъ больше, тѣмъ лучше, потому что пока расходы не малые. „Несторъ" уже уменьшенъ, въ маломъ размѣрѣ онъ лучше, чѣмъ въ большомъ. Кромѣ того, я намѣренъ послать къ Беггрову фотографіи моихъ работъ.

Такъ вотъ какъ мы стали стучаться въ дверь. Что прикажете дѣлать—хочу убѣдить всѣхъ добрыхъ и злыхъ, что я живъ, дышу, думаю и чувствую, и работаю. Одни порадуются этому, а другіе позлятся; послѣднимъ-то я и хочу посвятить моего бронзоваго „Мефистофеля".

N. B. Подписываться на мое изданіе можно у Барбедіена.

515. Къ нему же.

Парижъ. Получено 26 ноября 1890 г.

Третьяго дня я писалъ вамъ, а теперь опять строчу. Дѣло въ томъ, что, подумавши, мнѣ кажется неудобнымъ публиковать въ газетахъ о моемъ изданіи раньше, чѣмъ „Несторъ" не будетъ отданъ Государемъ Императоромъ. А потому, лучше немного повременить; а впрочемъ, что вы скажете на это? Повторить мои работы въ копіяхъ для выставки—разрѣшено. Нѣсколько времени тому назадъ я читалъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ", въ телеграммѣ изъ Петербурга, что берлинская Академія художествъ выбрала меня своимъ постояннымъ членомъ. Правда-ли это? Я ничего не знаю.

Знаете, я сдѣлалъ новый бюстъ Надсона. Онъ занялъ у меня больше времени, чѣмъ у Эліаса и, говоря по совѣсти, въ концѣ концовъ, онъ вышелъ не лучше, если не хуже, чѣмъ его бюстъ. Во всякомъ случаѣ, пошлю оба; пусть ругаютъ меня, какъ художника, но какъ человѣкъ, я сдѣлалъ все, что могъ.

516. Къ нему же.

Парижъ. Получено 30 декабря 1890 г.

Съ Новымъ, добрымъ, хорошимъ, здоровымъ годомъ!!!

Дай вамъ Богъ, дорогой мой В. В., въ душѣ спокойствія, въ

карманѣ много злата, въ рукахъ крѣпости, чтобы съ друзьями крѣпко обниматься, съ друзьями крѣпко цѣловаться.

И такъ, раскупорись, вино, разлейся рѣкой, развесели душу угрюмую, укрѣпи душу усталую, разбуди сонныхъ, гони лѣнивыхъ— Новый годъ встрѣчать, всю ночь пировать, новую зарю встрѣчать. Старый вашъ другъ, конечно, лучше новыхъ двухъ. Маркъ.

517. Къ Ел. Григ. Мамонтовой.

Парижъ, конецъ 1890 г.

Цѣлый годъ—дурно, хорошо, а все-таки жаль, что онъ прошелъ, что въ этомъ году создалъ такъ мало хорошаго, и такъ много глупостей. Чѣмъ болѣе человѣкъ старѣетъ, тѣмъ годы идутъ быстрѣе, точно съ горы катишься, и все болѣе торопишься, боишься, что не успѣешь, что не сдѣлаешь того, что хочешь, что не доживешь до того, чего ждешь, на что надѣешься, не увидишь своего идеала... А потому я теперь совсѣмъ вошелъ въ свою скорлупу, въ самого себя, отстранился даже отъ горсти русскихъ художниковъ. Лучше всего и полезнѣй всего—работать, творить. Чувствую, что въ этомъ только моя сила, мое призваніе, и на этомъ поприщѣ я сдѣлаю во сто тысячъ разъ больше, чѣмъ бороться съ комарами, съ вѣтряными мельницами. Правда, иной разъ не хватаетъ мнѣ двухъ, трехъ добрыхъ, сердечныхъ, разумныхъ людей, съ которыми мнѣ можно было-бы отвести душу. Но гдѣ ихъ взять? Во всякомъ случаѣ, не здѣсь; да при томъ-же дружба, какъ и любовь,—когда ищешь, не найдешь.

518. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 10 февраля 1891 г.

Давно началъ я писать вамъ, но записался до того, что не кончилъ письмо, и оно такъ и осталось до сихъ поръ неоконченнымъ; а письма, которыя остаются у меня на завтра, а еще паче—на долгое время, я уничтожаю, потому что, перечитывая ихъ, мнѣ все кажется не такъ, не ладно, не складно, ну, однимъ словомъ просто глупо. Не люблю я читать своихъ писемъ, какъ не люблю смотрѣть на себя въ зеркало.

При всемъ томъ, мнѣ приходится возиться въ эту зиму, какъ никогда, съ людьми, съ мраморомъ, бронзой, съ рабочими, а съ послѣдними возиться хуже, чѣмъ съ чертями. Не даромъ Микель-Анджело (кажется, онъ) сказалъ, что живопись для женщинъ, а скульптура для мужчинъ.

Въ результатѣ выходитъ, что къ марту я никоимъ образомъ не успѣю сдѣлать своей выставки—просто нѣтъ физической возможности. Я опоздалъ на цѣлыхъ полтора мѣсяца.

Но къ дѣлу. Конечно, буду очень, очень радъ сдѣлать статую

Петра I, тѣмъ болѣе, когда это угодно Государю Императору [1]). Но пріѣхать въ этомъ году я не думалъ, да и не могу; а потому я съ своей стороны убѣдительно прошу васъ быть посредникомъ между нами въ этомъ дѣлѣ. Но раньше всего необходимо выяснить, идетъ-ли тутъ рѣчь о моемъ Петрѣ I въ немного меньшемъ видѣ? И какая сумма у нихъ есть на это? Это главное, а затѣмъ все остальное—детали.

Скажу вамъ, главнѣе всего то, что это угодно Государю Императору.

Скоро напишу вамъ о житьѣ-бытьѣ въ художественномъ кружкѣ; просто смѣхъ и горе, да и только; да и у васъ они тоже хороши. Я слышалъ, что напечатали всѣ мнѣнія, поданныя по поводу Академіи художествъ, не спрашивая тѣхъ, кто подалъ; по крайней мѣрѣ у меня не только не спросили, желаю-ли я этого, но даже не потрудились, ну хоть ради вѣжливости, прислать мнѣ экземпляръ. Если-бы я зналъ, что это для печати и не такъ спѣшно (срокъ доставленія не былъ отмѣченъ), тогда, конечно, я болѣе обдуманно писалъ-бы. Но съ такимъ братомъ, какъ я, зачѣмъ тутъ церемониться?

519. Къ нему же.

Парижъ, 1 марта 1891 г.

Пользуюсь передышкою, чтобы побесѣдовать съ вами по душѣ. „Ермакъ“ оконченъ, но не совсѣмъ—осталось только сдѣлать колечки на кольчугѣ, работа кропотливая, чисто механическая, на что у меня терпѣнія не хватаетъ. Скоро возьмусь за новую работу, но сюжетовъ у меня пропасть; хочется все сразу сдѣлать, всѣ одинаково вполнѣ созрѣли, и всѣ одинаково просятся выступить; но по всей вѣроятности, я сдѣлаю то, что составляетъ контрастъ съ „Ермакомъ“, который порядочно измучилъ меня чисто физически; да вообще въ послѣднее время я чувствую упадокъ силъ, т.-е. устаю скоро отъ всего.

Въ прошломъ письмѣ я писалъ вамъ о дѣлѣ насчетъ Петра I. Теперь-же хочу отвѣтить вамъ на ваше позапрошлое письмо отъ Новаго года. Согласитесь сами, что я немного опоздалъ, и даже очень много; но что прикажете дѣлать? Все время я былъ точно въ угарѣ; торопился и торопилъ другихъ, а дѣло двигается, какъ немазанное колесо на проселочной дорогѣ—медленно, а иной разъ—ни съ мѣста. И кончилось тѣмъ, что я опоздалъ во всемъ. Значитъ, все было напрасно, только кровь себѣ портилъ и денегъ ушло пропасть—точно вода сквозь рѣшето. Теперь-же я спокоенъ, потому что все равно ничто не поможетъ.

Получивши ваше письмо, я былъ отъ души радъ, что моимъ карикатурнымъ слогомъ могу доставить вамъ хоть минуту удовольствія.

---

[1]) Рѣчь идетъ здѣсь о статуѣ Петра I, Антокольскаго, которую предполагалось, въ нѣсколько уменьшенныхъ размѣрахъ, поставить въ одной изъ залъ Главнаго Штаба. В. В. Стасовъ писалъ объ этомъ Антокольскому, по порученію тогдашняго товарища военнаго министра, генерала Н. Н. Обручева.

А здѣсь происходили пиры, торжества—чествовали А. П. Боголюбова, его 50-лѣтнюю морскую службу. Бряцали тарелками, ножами, шампанское лилось рѣкой, языкъ развязался, а душа вышла на распашку. Сколько рѣчей говорилось, да какихъ еще! Боголюбовъ отдалъ контръ-банкетъ, и тутъ-же подарилъ всѣмъ около 300 рисунковъ, а ему за это золотую палитру поднесли, а онъ за это всѣмъ въ ноги кланялся, а ему за это громкимъ „ура“ отвѣчали, и шампанскимъ запивали.

Однимъ словомъ, пиръ горой стоялъ; двѣ ночи пировали и два дня у всѣхъ голова болѣла; и всѣ остались довольны.

А между тѣмъ, въ томъ-же Парижѣ проживаетъ такой-же художникъ, какъ Боголюбовъ, бывшій его пріятель, а теперь врагъ (я говорю про Егорова). Сидитъ онъ убогій, убитый, съежившись, дрожа отъ холода; сидитъ онъ безъ рукъ и ногъ, безъ языка, прибавлю—и безъ куска хлѣба. И грустно, и печально смотрѣть въ мрачную даль; хоть-бы кто подумалъ о немъ—никто!

Пробовалъ я напоминать, но странно — всѣ точно оглохли. Да стоитъ-ли думать о чужой печали, когда на душѣ такъ радостно!

Эхъ! ударьте въ барабаны, трубите въ іерихонскія трубы! Пусть пройдетъ пошлость торжественнымъ маршемъ! Мимо! Скорѣе! И къ чорту!

Искусство здѣсь торжествуетъ, художники гордятся, да честь и слава имъ—они не только умѣютъ работать, но умѣютъ и свой товаръ лицомъ показать. Отовсюду ихъ просятъ, вездѣ ихъ выставляютъ и вездѣ они побѣждаютъ. Народъ даровитый, богатый, а потому и довѣріе неограниченное. Всѣ находятъ у нихъ не только хорошимъ то, что дѣйствительно хорошо, но даже то, что дѣйствительно плохо. Да при томъ-же, французское искусство большею частью не идеальное, т. е. здѣшніе художники (въ общемъ) не борятся съ вѣтряными мельницами, не отшельники, не монахи, а просто идутъ теченіемъ своего времени; они создаютъ то, что можетъ быть примѣнимо въ жизни, на что есть спросъ, и что можетъ обогащать. Къ сожалѣнію теперешнее направленіе чисто буржуазное, вкусъ—изысканная красота и пустота. Только что получилъ отъ васъ длинное письмо; спѣшу выразить мое сожалѣніе, что вы такъ много хлопотъ имѣете изъ-за меня, а я, право, не стою этого. Во всякомъ случаѣ, я сто разъ благодарю васъ; а впрочемъ, вы не любите, чтобы я благодарилъ васъ, а потому просто мысленно обнимаю васъ.

Я радъ, что вы нашли мое мнѣніе по поводу Академіи художествъ не только удовлетворительнымъ, но даже хорошимъ. Но вы совершенно вѣрно замѣчаете, что „оно не лишено нѣкоторой поверхностности“. Еще-бы! Писалъ я это на водахъ, среди дремоты и лѣченія; писалъ второпяхъ, потому что тутъ было халатное или безцеремонное отношеніе ко мнѣ и къ дѣлу. Они не обозначили, когда именно мнѣнія должны быть представлены; если-бы я зналъ, что имѣю времени, какъ потомъ оказалось, 3 мѣсяца, и если-бы я зналъ, что они

будутъ печататься, тогда одно изъ двухъ: или я старался-бы писать пополнѣе, или совсѣмъ не писалъ-бы, и сдѣлалъ-бы, по всей вѣроятности, второе, потому что я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, что изъ этого ничего не выйдетъ,—поговорятъ, устанутъ и отстанутъ. Но очень можетъ быть, что комиссія кое-что выработаетъ полезное, хорошее, и все-таки дѣло не подвинется, потому что нѣтъ истинныхъ талантовъ, а уставъ ихъ не создастъ; и когда эти таланты появятся, тогда они съумѣютъ завлечь всѣхъ и всѣхъ заставятъ дѣлать, что дѣйствительно хорошо. Мы пересматривали здѣсь списокъ комиссіи и субъ-комиссіи, и сожалѣемъ только объ одномъ—почему Исѣева тамъ нѣтъ, ибо среди этой пестроты онъ-бы навѣрное восторжествовалъ.

Мнѣ кажется, что передвижники идутъ своимъ чередомъ; они никогда не были противъ Академіи художествъ, по крайней мѣрѣ, если-бы они были противъ, то имъ слѣдовало-бы если не уничтожить ее, то создать нѣчто лучше Академіи; они могли-бы создать мастерскія, куда ученики стекались-бы массами; они могли-бы имѣть на нихъ не только художественное вліяніе, но даже и духовное. Но, несмотря на то, что Академія такъ плохо шла до сихъ поръ, а ихъ довѣріе такъ высоко поднималось, они все продолжали идти по своей узкой дорожкѣ; такъ они и добрались до тѣхъ дверей, откуда они и вышли.

Прочитавъ ваше письмо по поводу Петра I, я былъ не мало удивленъ тѣмъ, что Государь указалъ, чтобы статуя была мною сдѣлана, а они, повидимому, желаютъ отдать другому. Притомъ, они предлагаютъ мнѣ такія сдѣлки, какихъ я никогда ни съ кѣмъ не дѣлалъ. А потому я долженъ сказать, что оригиналовъ моихъ работъ я никогда не уступалъ и не уступлю никому ни за какія блага, такъ же какъ и моего права.

Поэтому, если вы такъ добры и будете нашимъ посредникомъ, то прошу васъ еще сдѣлать послѣдній шагъ. Сами къ нимъ не ходите, а непремѣнно напишите имъ слѣдующее:

1) Что я съ удовольствіемъ берусь сдѣлать повтореніе моего „Петра I“, въ немного уменьшенномъ видѣ, какъ они этого желаютъ; а если имъ угодно поручить мнѣ эту работу, то цѣна ей—изъ бронзы, съ доставкой до Петербургской таможни—четырнадцать тысячъ рублей.

2) Если они сами хотятъ отдать отлить ее въ Петербургѣ, тогда остается только высчитать стоимость отливки (около двухъ тысячъ руб.): по крайней мѣрѣ, здѣсь потребовалось-бы не больше.

3) На всякія другія комбинаціи—я не согласенъ.

Прибавлю, что цѣна, которую я назначилъ, есть моя обыкновенная цѣна, равная для всѣхъ.

Прошу передать Ильѣ Рѣпину мой привѣтъ; онъ хорошо сдѣлалъ, что ничего не написалъ по поводу Академіи, ибо онъ состоитъ въ комиссіи, слѣдовательно, онъ долженъ быть объектъ, судъ, а не субъектъ. Къ сожалѣнію, не всѣ послѣдовали его примѣру; многіе высказали свое мнѣніе; слѣдовательно, они въ комиссіи будутъ отстаивать раньше всего свое, что имъ будетъ гораздо легче, чѣмъ тѣмъ,

которые не участвуютъ. Такимъ образомъ, каждый членъ комиссіи будетъ въ одно и то-же время адвокатомъ своего „я“ и судьей чужого „я“. Ну, и прекрасно.

Жду статуэтку Эліасика съ нетерпѣніемъ [1]). Какъ только получу, сейчасъ пошлю ее на выставку въ „Salon“. Боголюбова не просилъ и не буду просить о немъ—боюсь, чтобы этимъ не оказать Эліасику медвѣжью услугу. Боголюбовъ теперь, кажется, въ ладахъ съ Беренштамомъ, и, навѣрное, не изъ любви къ искусству.

520. Къ нему же.

Парижъ, 2 марта 1891 г.

...Я самъ не думалъ, не гадалъ, чтобы такъ скоро нужны были деньги, но обсчитался, ей-Богу! Самъ себя обсчиталъ, и еще какъ! Думалъ, что имѣю гораздо больше денегъ (въ банкѣ), чѣмъ оказалось; и когда пошелъ просить, то мнѣ отвѣтили очень лаконично, но очень непріятно: „Нѣтъ“. Такъ и сѣлъ на мель, вовсе не кстати. Впрочемъ, на мель всегда садятся не кстати.

Въ мастерской расходы продолжаются, и въ довольно крупныхъ размѣрахъ: еженедѣльно около 500 франковъ. Кромѣ мрамора, самой мастерской и отливки изъ бронзы; ну, а домъ своимъ чередомъ.

Тьфу ты пропасть! Когда, наконецъ, стану я много получать и никому ничего не давать? А вѣдь всѣ думаютъ, убѣждены и даже готовы присягнуть, что у меня милліоны, только запрятаны. Ну, пускай ихъ, мнѣ что изъ этого? Ни холодно, ни жарко, развѣ только больше завидуютъ; ну, когда это составляетъ пищу для завистниковъ, то пускай ихъ! Все это мелочи, безъ которыхъ точно день не полонъ; но все это—есть, было и прошло, и слѣдъ простылъ; все это навѣты желчной клеветы; все это сгоняется вѣтромъ, точно наносная пыль, и смывается житейскими волнами. А истина останется чистой, какъ бѣлые камешки у берега моря, какъ бѣлый мраморъ, какъ статуя моя. Поживемъ и увидимъ, а если мы не доживемъ, то наши дѣти увидятъ. А пока, признаться, мнѣ живется не легко. Знакомые, мнимые друзья сбросили свои овечьи шкурки и выступили въ своемъ настоящемъ видѣ—волки, какъ есть волки! А ну ихъ!!

Люди, которые выбираютъ скульптора Шрейдера [2]), очень мало понимаютъ въ искусствѣ; а тогда главный вопросъ составляетъ—кто дешевле, а кто дешевле, тотъ и лучше. Впрочемъ, не думаю, чтобы кто-либо назначилъ на много дешевле, чѣмъ я; а если и немного дешевле, то навѣрное много хуже. Я назначилъ то, что бралъ-бы съ каждаго. Если находятъ дорого, то пускай ихъ; но если они дадутъ скопировать мою статую кому-нибудь другому, то я, какъ авторъ, буду этому противиться по возможности.

---

[1]) «Маленькій музыкантъ».

[2]) Статуя Петра I, для Главнаго Штаба.

521. Къ нему же.

Парижъ, 21 марта 1891 г.

Я значительно опоздалъ съ моимъ отвѣтомъ, во-первыхъ, потому, что сильно торопился окончаніемъ „Ермака", который занялъ у меня въ два раза больше времени, чѣмъ я разсчитывалъ. Тороплюсь, авось я выставлю всѣ мои новыя работы вмѣстѣ, если, конечно, дадутъ мнѣ мѣстечко, и если мѣсто будетъ удовлетворительное, на что, впрочемъ, мало надѣюсь.

Но главное, я не отвѣчалъ на ваше послѣднее письмо потому, что слишкомъ уважаю васъ и слишкомъ цѣню нашу старую дружбу, чтобы теперь писать другъ другу объясненія нашихъ поступковъ.

Что касается дѣла о статуѣ Петра I, то рѣшительно не понимаю, что именно васъ „удивило" и „поразило" настолько, что вы отказались продолжать быть посредникомъ.

Во всякомъ случаѣ, это не должно васъ огорчать, потому что, какъ мнѣ кажется, изъ этого кваса пива не будетъ; по крайней мѣрѣ, такъ я заключаю изъ вашихъ писемъ. Тѣмъ не менѣе, я хочу возстановить истину, чтобы не казаться вамъ такимъ ужаснымъ. Въ вашемъ первомъ письмѣ по этому дѣлу вы говорите: „Государь одобрилъ все это, но на докладѣ написалъ, чтобы статую Петра дѣлалъ Антокольскій".

Это точная выписка изъ вашего письма. На основаніи этого я и писалъ вамъ, что буду отстаивать свое право. Что, же касается цѣны, то, повторяю—я столько бралъ со всѣхъ, столько я бралъ за „Христа", за „Нестора" и за другихъ, которыхъ не считаю копіями, а повтореніемъ. Копируется чужое, а свое повторяется; да и немало крови приходится портить и на хорошія повторенія. Я дорого беру,—можетъ быть; но знаю хорошо, что мнѣ самому дорого, втрое дороже стоитъ, чѣмъ другому. Пускай лучше упрекнутъ меня, что я дорого беру; за то, надѣюсь, никто не упрекнетъ меня въ томъ, что я плохо или недобросовѣстно сдѣлалъ. И такъ, я съ своей стороны тоже немало былъ пораженъ и удивленъ, получивъ отъ васъ отказъ быть посредникомъ и оставить посредничество именно какъ разъ посрединѣ. Думаю, что это неловко для насъ обоихъ, а потому предпочитаю ждать, когда Главный Штабъ обратится самъ ко мнѣ, и тогда только отвѣчу.

Статуэтку Эліасика я давно получилъ, только безъ проволоки, на которой онъ играетъ; я заказалъ ее додѣлать и отослать въ „Salon".

Скоро напишу ему, а пока скажу только, что у насъ убійственно отливаютъ—дорого, скверно—и всѣ довольны. Чего же больше? Хороша наша скульптура, хороши и наши приправы.

Да что тутъ говорить. Знаете ли вы, какъ нѣкоторые извѣстные художники здѣсь работаютъ? Напачкаютъ красками холстъ, такъ, чѣмъ ни попало; потомъ складываютъ этотъ холстъ пополамъ—краски на краски, потомъ разнимаютъ—и эффекты часто получаются поразительные: какія-то горы, отраженія, глубокое небо, облака; остается только докончить, и картина готова. Не думайте, что это каламбуръ,

острота,—нисколько; объ этомъ пресерьезно разсказалъ мнѣ нашъ Похитоновъ (честный труженикъ, котораго я люблю и очень уважаю), и разсказалъ онъ, что это передали ему какъ секретъ. И вотъ, за такія-то картины хвалятъ: „Колоритъ, колоритъ какой!"—и денегъ, денегъ сколько за это! А у насъ искусство на пуды покупаютъ, а скульптуру съ публичныхъ торговъ отдаютъ—кто подешевле.

За то баритоновъ, примадоннъ въ буковыхъ футлярахъ держатъ. Ну, и за то имъ спасибо.

522. Къ нему же.

Парижъ, 25 апрѣля 1891 г.

Смѣхъ и горе—да и только. Слушайте, добрые люди, что со мною случилось; пусть радуются враги и печалятся друзья. А случилось со мною вотъ что: чтобы сдѣлать отдѣльную выставку, необходимо столкнуться съ рекламой, съ журналистами, и, чтобы всего этого избѣгнуть, я рѣшилъ послать всѣ мои работы на выставку въ Champ du Mars, предварительно предупредивъ ихъ, что я желаю послать 10—12 произведеній—результатъ послѣднихъ десяти лѣтъ, на что они преучтиво, прелюбезно отвѣтили, что могу послать сколько хочу. Послалъ я 11 вещей, и еще 3 долженъ былъ прислать. Вотъ списокъ, поданный имъ.

1) „Спиноза", 2) „Несторъ", 3) „Мефистофель", 4) „Христіанская мученица", 5) „Надгробный памятникъ ребенку", 6) „Христосъ, призывающій всѣхъ", 7) „Ермакъ", 8) Ярославъ Мудрый", 9) „Вѣчный сонъ", 10) „Офелія", 11) Голова Христа—„Послѣдній вздохъ", 12) „Барельефъ Марка Гинцбурга", 13) „Бюстъ В. К. Николая Николаевича" и 14) „Бюстъ Боткина". И—о ужасъ!—всѣ забраковали, за исключеніемъ „Барельефа Марка", „Бюста Боткина" да еще одной статуи.

Я протестовалъ и требовалъ все принять или же все возвратить. Собрали еще разъ жюри и рѣшили принять еще 3 вещи. Тогда я потребовалъ возвратить мнѣ всѣ обратно, на что они отвѣтили, что этого не позволяютъ ихъ правила; и кончилось тѣмъ, что они вынуждены были возвратить мнѣ все. Такъ вотъ какъ здѣсь чествуютъ нашихъ, и именно тогда, когда наши собираются торжественно чествовать французскихъ художниковъ. Конечно, трудно обвинять всѣхъ изъ-за 4—5 человѣкъ, имена которыхъ и неизвѣстны, но иллюстрація довольно наглядна и поучительна. Вдобавокъ, въ одной газетѣ появилась статейка, довольно ехидная—будто я умолялъ возвратить мнѣ вещи потому, что отказъ повредитъ моему реномэ; что я стращалъ ихъ, будто отказъ повредитъ ихъ выставкѣ въ Москвѣ и т.-д.; однимъ словомъ, выставили меня въ смѣшномъ видѣ. А остальныя газеты всему этому чистосердечно повѣрили и перепечатали (знаемъ, откуда вонь идетъ!). Но что вы-то скажете на это, боецъ за русское искусство? Хороши мы! Хороши и наши друзья.

523. Къ нему же.

Парижъ, 25 апрѣля 1891 г.

Въ прошломъ письмѣ я забылъ попросить васъ,—въ случаѣ, если вы пожелаете писать насчетъ исторіи съ выставкой, то очень, очень прошу не писать противъ французскихъ художниковъ. Въ этомъ виноваты только 3—4 человѣка, какъ я уже сказалъ, а не всѣ; всѣ, напротивъ, очень возмущены этимъ поступкомъ. Жаль только, что мнѣ не удалось помѣряться съ ними,—поборолъ-бы я ихъ! Это я говорю безъ преувеличенія и безъ хвастовства. Въ этомъ году у нихъ ничего особеннаго нѣтъ.

Я забылъ также написать, что работа Эліасика принята и выставлена. Очень радъ, желаю ему успѣха отъ души!

524. Къ И. Е. Рѣпину.

Парижъ, 28 апрѣля 1891 г.

Дорогой Илья.

Въ послѣдніе дни я все хлопоталъ, были непріятности. И это былъ мой отдыхъ послѣ „Ермака", который стоитъ уже отлитый изъ гипса. Исторію съ моими работами, какъ здѣсь поступили со мною, ты навѣрное уже знаешь изъ моего письма къ В. В. Стасову. Слава Богу, мнѣ удалось спасти мои работы изъ рукъ невѣжественныхъ художниковъ. Но я имѣю немало враговъ и мнимыхъ друзей, которымъ досадно, что я вышелъ изъ этой глупой исторіи не израненнымъ, а побѣдителемъ—именно, достигъ своего. Теперь партія моя далеко не проиграна, а напротивъ, потому что всѣ порядочные художники и друзья на моей сторонѣ. Теперь я долженъ сдѣлать выставку всѣхъ моихъ произведеній, но не хочу пользоваться шумомъ. Пускай это дѣлаютъ эксплуататоры, художники-коммерсанты. Но я сдѣлаю выставку осенью. И вотъ, они то подпускаютъ въ газетахъ ехидныя статейки, то повсюду кричатъ, что я долженъ непремѣнно отвѣчать, и если молчу, значитъ правда то, что на меня наговариваютъ. Первымъ въ шеренгѣ оказывается тотъ-же вѣчный Боголюбовъ. Да чортъ съ ними совсѣмъ!

Только такимъ людямъ теперь и честь и слава; такихъ людей одинаково опасно имѣть какъ другомъ, такъ и врагомъ.

Но я думаю, что въ Петербургѣ не лучше относятся ко мнѣ. Оказывается, что всѣ посылаютъ мнѣ свои письма въ Петербургъ, въ Академію художествъ, а тамъ какимъ-то образомъ они и пропадаютъ. Я навѣрное знаю, что изъ Берлина я получилъ приглашеніе участвовать на ихъ теперешней выставкѣ; но, къ сожалѣнію, я узналъ объ этомъ только теперь, когда уже поздно. Они послали мнѣ также извѣщеніе о выборѣ меня почетнымъ членомъ, а я, не знавши объ этомъ, ничего и не отвѣтилъ. Вышло—и неловко, и жаль! Сходи, пожалуйста, въ Академію и наведи справки, куда все это дѣвалось? Твоя фигурка выставлена. Хорошо, что ты послалъ ее не въ Champ de Mars.

МЕФИСТОФЕЛЬ.
Статуя. Парижъ. 1884.

Будь здоровъ и пиши, что новаго, что новаго въ художественномъ мірѣ? Видѣлъ я только мелькомъ Боголюбова, да говорить съ нимъ нѣтъ охоты.

525. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 3 мая 1891 г.

Здѣсь кто-то пустилъ клевету и глумленіе противъ меня, и добрые друзья глотку рвутъ, чтобы я отвѣчалъ. Самая большая причина—Боголюбовъ. Господи, когда-же онъ успокоится! Быть въ одно и то же время и другомъ, и врагомъ, вѣчно сидѣть на двухъ стульяхъ, или между двумя стульями—вотъ его ловкость! Одной рукой писать, а другой моргать—вотъ штука, вотъ дѣятельность, безъ которой онъ жить не можетъ. Въ нашемъ обществѣ есть каррикатурный альбомъ, гдѣ онъ самъ себя изобразилъ собакой въ будкѣ, съ цѣпью на шеѣ. Кто болѣе цинично и вѣрно изобразилъ себя? И этотъ человѣкъ даетъ законы искусству! Эхъ, хорошее время, хороши и мы!

526. Къ нему же.

Парижъ, 4 мая 1891 г.

Опять пишу вамъ, но что дѣлать? Но на этотъ разъ, слава Богу, не для себя, хотя предпочелъ-бы на этотъ разъ не писать. Сегодня въ 3 часа утра скончался страдалецъ — художникъ Егоровъ; страдалъ и умеръ одинокимъ. Я не жалѣю, что онъ умеръ—смерть лучше его жизни, но больно за людскія отношенія къ нему. Быть такими жестокими и безжалостными—это больно, ужасно больно!

При жизни собирали для него, вотъ и на похороны собираемъ.

Пишу о немъ пару словъ, которыя посылаю вамъ. Пожалуйста, пересмотрите и отошлите въ „Новости“.

Надѣюсь, что вы и на сей разъ не откажете въ маленькой услугѣ доброй памяти бывшаго художника, какъ вы никогда никому ни въ чемъ не отказывали, и дѣлали все, что было въ вашихъ силахъ.

Некрологъ, приложенный къ предыдущему письму [1]).

Парижъ, 4 мая 1891 г.

Умеръ нищій художникъ, успокоился страдалецъ—Евдокимъ Алексѣевичъ Егоровъ, сынъ заслуженнаго профессора Императорской Академіи художествъ. Мать его была дочерью извѣстнаго скульптора—профессора Мартоса. Родился онъ въ 1832 году. 16 лѣтъ тому назадъ съ нимъ случился первый ударъ, и у него отнялась нога. Онъ пріѣхалъ сюда лѣчиться; девять лѣтъ тому назадъ съ нимъ случился второй ударъ—Евдокимъ Алексѣевичъ остался безъ руки и языка. Съ тѣхъ поръ начались его страданія; онъ страдалъ физически и нравственно. Жилъ онъ почти подаяніемъ; работа его покупалась добрыми

[1]) Напечатанъ въ «Новостяхъ», въ маѣ 1901 г., за подписью Антокольскаго.

людьми Христа ради. Заслужилъ-ли онъ такую участь?—Нѣтъ!—отвѣчу я, — сто разъ нѣтъ. Евдокимъ Алексѣевичъ былъ художникъ, и художникъ изъ ряда вонъ. Пусть скажутъ, что онъ грѣшилъ рисункомъ, и все-таки онъ былъ стилистъ и, въ своемъ родѣ, единственный — другого такого нѣтъ. Прошу запомнить мои слова; я глубоко убѣжденъ, что будущность оцѣнитъ его лучше. Прибавлю еще, что съ тѣхъ поръ, какъ я его узналъ, я зналъ его честную дѣтскую душу: онъ ни о комъ не говорилъ и не помышлялъ дурного и, съ чистою душою, онъ скончался безъ злобы и упрека. Кто любитъ русское искусство, кто имѣетъ его работу, того прошу хранить ее, или отдать въ „Историческій музей", для того, чтобы память Евдокима Алексѣевича осталась навѣки среди насъ.

527. Къ нему же.

Парижъ, 5 мая 1891 г.

Только что получилъ ваше письмо, гдѣ вы говорите о „подлой" статьѣ парижскаго корреспондента „Новаго Времени". Что эта ...... газета пишетъ обо мнѣ разныя мерзости, это меня не удивляетъ и не трогаетъ; объ этомъ всѣ знаютъ и, думаю, тоже не удивляются. Статью я не читалъ, какъ не читаю „Новое Время" вообще. Отвѣчать газетчикамъ низкой пробы—не стану, а тѣмъ паче—писателямъ „Новаго Времени". Говорятъ, что мерзость неисчерпаема—кому угодно, пускай тамъ нюхаетъ на здоровье! Кто меня знаетъ, тотъ не повѣритъ; а кто меня не знаетъ, тотъ современемъ узнаетъ.

Посылаю вамъ статью изъ „Matin". Все, что здѣсь говорится—правда, все остальное—ложь. Я переписывался только съ президентомъ выставки; я предупредилъ, что желаю выставить на ихъ выставкѣ 10—12 произведеній—результатъ послѣднихъ 10 лѣтъ. На это я получилъ отвѣтъ, что могу послать сколько мнѣ угодно. Я поблагогодарилъ и прибавилъ: „Потому что я очень дорожу тѣмъ, чтобы всѣ мои вещи были выставлены вмѣстѣ".

Съ репортеромъ я говорилъ приблизительно то, что говорилъ съ репортеромъ „Matin"—я всѣхъ просилъ ничего не говорить и не дѣлать шума именно въ то время, когда въ Москвѣ открывается французская выставка, тѣмъ болѣе, что надѣюсь—дѣло устроится мирно. Вотъ и все. Отдѣльный залъ я не просилъ, да если-бы и просилъ, то не вижу въ этомъ грѣха. Если найдете нужнымъ, то пошлите статью „Matin" въ „Новости"; если нѣтъ, то плюньте на все это, какъ я.

Жюри выставки (ихъ всего шесть скульпторовъ) поступило со мною грубо, не по-французски. Посылаю вамъ иллюстрированный каталогъ; посмотрите на скульптуру—и вы поймете, почему они меня не хотѣли съ моими 14 произведеніями. Но раздули эту исторію наши милые собратся по ремеслу; на это у меня немало данныхъ, да чортъ съ ними! Съ собаками на поединокъ не ходятъ; надо себя уважать, людямъ честь отдавать и отъ собакъ свою честь оберегать. Подождемъ и увидимъ. Моя партія не проиграна. Подождемъ. Терпѣніе

на это у меня есть. Хочу кататься и стану саночки возить—и буду кататься.

Исторіи съ „Петромъ I" рѣшительно не понимаю, не понимаю, что, въ чемъ вы тутъ меня обвиняете. Я сказалъ свою цѣну, нашли дорого—не дали, и пострадалъ только и только я.

Монументъ Надсона, это—мой кошмаръ, но что дѣлать? Хотѣлъ было я сдѣлать все, что могъ, чтобы волкъ былъ сытъ и коза цѣла; и вышло, что и волкъ, и коза оба на меня: дѣло вышло неудачно.

Бюстъ Эліасика, вылитый изъ бронзы, не удовлетворилъ меня. Я началъ вновь и поработалъ чуть-ли не столько, сколько „Ермака" и, въ концѣ концовъ, вышло все не лучше. Оба бюста высланы, за провозъ и пошлина уплачена—здѣсь. Пускай посмотрятъ: если останутся недовольны, то я готовъ деньги возвратить. Я чую, что они будутъ недовольны—и вотъ потому бѣду поневолѣ отстраняю и откладываю.

528. Къ нему же.

Парижъ. Получено 12 мая 1891 г.

Кто-то сжалился надо мной и анонимно прислалъ мнѣ номеръ „Новаго Времени" по городской почтѣ, съ подчеркнутымъ краснымъ карандашомъ мѣстомъ, гдѣ парижскій корреспондентъ, пріятель многихъ здѣшнихъ художниковъ и другъ и креатура Боголюбова, такъ усердно глумится надо мной, ругается и клевещетъ.

Все это столько же смѣшно, сколько и пошло. Но мнѣ кажется, что мои противники теряютъ самообладаніе и ругаются хуже извозчиковъ. По-моему стыдно и отвѣчать подобнымъ людямъ; они сами дойдутъ до черточки, до стѣнки, гдѣ ударятся лбомъ; вѣдь на все есть мѣра. Интереснѣе всего то, что я начинаю узнавать слова, фразы и мнѣнія обо мнѣ, и кому они принадлежатъ. Гаденькій же корреспондентъ тутъ только гадкое орудіе и только. Итакъ, искренніе патріоты возмущены не тѣмъ, что мой десятилѣтній трудъ былъ забракованъ четырьмя-пятью скульпторами, которые сами не имѣли ничего порядочнаго выставить, а тѣмъ, что я не отвѣчалъ на глупую выходку репортера, что не попался въ ихъ сѣть, что не сдѣлалъ скандала, на славу Россіи.

Въ моихъ рукахъ переписка, по поводу выставки, съ президентомъ. Имѣю также довольно вѣскіе документы по поводу статуи Екатерины II и объ избраніи меня въ члены здѣшняго института. Но не знаю, колеблюсь, опубликовать-ли ихъ, или же дать имъ лаять? Если опубликовать, то мнѣ хотѣлось-бы въ „Вѣстникѣ Европы", а потому копіи съ этихъ документовъ переслалъ туда Александру Николаевичу Пыпину. Не знаю, что изъ этого выйдетъ, да имѣю-ли и право печатать письма, не спрашивая тѣхъ, кто ихъ писалъ. А врядъ-ли мнѣ позволятъ. Если печатать, то за-разъ обо всѣхъ этихъ трехъ эпизодахъ, потому что въ свое время „Новое Время" не менѣе глумилось надо мною, чѣмъ теперь. Навѣрное документы васъ поинтересуютъ, а потому прошу

васъ повидаться съ А. Н. Пыпинымъ. Прошу и у васъ совѣта. Если рѣшите молчать, то я просилъ А. Н. передать вамъ копіи съ этихъ документовъ, пока не пришлю вамъ оригиналы для сохраненія въ Публичной Библіотекѣ.

Теперь разскажу вамъ кое-какія детальныя закулисныя мелочи исторіи съ выставкой. Ларчикъ открывается просто.

Третьяго дня мы обѣдали въ одномъ домѣ; тамъ былъ также одинъ членъ комитета выставки. Мы оба не были представлены другъ другу (есть-же здѣсь многіе дома, гдѣ не представляютъ другъ друга даже на обѣдахъ), но когда мы прощались съ хозяевами и вышли, тогда, по всей вѣроятности, онъ спросилъ, кто мы, и узнавши, онъ выбѣжалъ къ намъ въ переднюю, обхватилъ меня и сказалъ: „Если-бы я зналъ раньше, что это вы! (Мы и раньше встрѣчались, но не знали одинъ другого). Зачѣмъ вы отобрали свои произведенія? Мы всѣ были возмущены поступкомъ жюри—скульпторовъ: три раза собирали экстренное засѣданіе. Мы не хотѣли возвращать вамъ ваши произведенія. Мы хотѣли, чтобы они всѣ были выставлены, и этимъ протестовать противъ жюри—скульпторовъ. Въ этомъ году мы растратили 100 т. фр. на новое помѣщеніе скульптуры. Въ нашихъ интересахъ было привлекать скульпторовъ, чтобы помѣщеніе было полно, а не пусто, какъ теперь. Но вы не знаете, что это за люди, Далу и Родэнъ. Это сектанты, они не допускали никого, даже и васъ. Вдобавокъ они ссорятся между собою и другъ друга хотятъ сжечь. Мы немало нелестныхъ комплиментовъ отпускали имъ, но по уставу ничего не могли сдѣлать. Они въ своемъ жюри полновластны. Теперь хотимъ уничтожить этихъ сектантовъ тѣмъ, что въ будущемъ году хотимъ, чтобы пріемъ былъ произведенъ баллотировкой всѣми членами общества, а не жюри“.

Все это передаю вамъ слово въ слово.

Въ прошлое письмо вкралась неточность. Вы спрашивали, правда-ли, что я просилъ отдѣльной залы. Я отвѣчалъ, что нѣтъ, думая, что тутъ рѣчь идетъ о теперешней выставкѣ. Теперь, перечитавъ обвинительный актъ, скажу, что это правда: просили меня участвовать, я и просилъ: дали, и, благодаря интригамъ, у меня залу и отняли. Когда разскажу подробно, вы увидите что и тутъ правда за мною.

529. Къ нему же.

Парижъ, 22 мая 1891 г.

Большое, пребольшое спасибо за все и за всѣ хлопоты, которыя я причинилъ вамъ за послѣднее время. Но надѣюсь, что теперь всему этому конецъ. А впрочемъ, не знаю, что вы и что А. Н. Пыпинъ скажете. Но думаю, что теперь не время вступать въ бой съ чортомъ—въ темныя ночи ихъ праздникъ; ну, пускай пляшутъ; а намъ остается терпѣливо ждать зари, когда добрые люди пробудятся. А знаете, что я скажу вамъ: все это исходитъ, вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, отъ здѣшняго нашего милаго кружка художниковъ, который послѣ смерти И. С. Тургенева перешелъ въ руки Боголюбова. Этотъ человѣкъ ни

на что высокое, хорошее неспособенъ; за то необыкновенно ловокъ на разныя интриги—тайныя и явныя; необыкновенно способенъ разставлять сѣти; кто не за него, тотъ противъ него,—и тому не сдобровать. Секретарь его—Романъ—не лучше его, можетъ быть ловчѣе, но менѣе силенъ; Харламовъ—добродушный, но единица; Леманъ тоже добродушный, но нуль; порядочный человѣкъ—только Похитоновъ, но его здѣсь нѣтъ. Еще одинъ — мягкій тюфякъ, стоптанный башмакъ подъ женской ногой бывшей жидовочки, и вслѣдствіе этого терпѣть не можетъ жидовъ. Остальные — пресмыкающіеся льстецы, ищущіе расположенія сильныхъ. Такъ вотъ кто тутъ составляетъ силу русскихъ художниковъ. Пока Тургеневъ былъ живъ,—все шло ладно, мирно, даже Боголюбовъ казался порядочнымъ человѣкомъ, точно стыдился. Но послѣ смерти Тургенева, Боголюбовъ сталъ президентомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самовластнымъ.

А ну съ ними со всѣми!!! Право, стоитъ-ли съ ними такъ долго возиться; это я приписываю только моему нездоровью: я тоже все прихварываю, притомъ-же погода здѣсь такая, что не запомнятъ—сыро и холодно, точно въ октябрѣ; я вожусь съ желудкомъ, а желудокъ даетъ дурное настроеніе духа. А тутъ еще мерзость, пошлость, гадость; обвиняютъ меня словами „Новаго Времени“, или это газеты обвиняютъ ихъ словами; во всякомъ случаѣ, они между собою солидарны, друзья, и какіе еще! Хорошо живется на свѣтѣ! А кому хорошо живется? Не разумно-ли я дѣлалъ, что все время прятался въ своей мастерской, дома, какъ въ скорлупѣ: высунулъ носъ—и по носу досталось, и подѣломъ!!!

530. Къ И. Я. Гинцбургу.

Лѣто 1891 г.

Посылаю тебѣ счетъ, полученный мною отъ экспедиціонера за провозъ статуэтки... Очень любопытно мнѣ знать, какъ у васъ нашли отливку и есть-ли охотники на другіе экземпляры. Необходимо замѣтить, что если-бы было ихъ нѣсколько за-разъ, то, конечно, они обошлись-бы дешевле. Пожалуйста, пиши почаще про В. В. Ужъ очень онъ дорогъ мнѣ. Я радъ, что онъ чувствуетъ себя хорошо, настолько, что хочетъ вновь взяться за свою кипучую дѣятельность, но все-таки ему не слѣдуетъ пока работать слишкомъ много. Береженаго Богъ бережетъ. В. В. пишетъ, что ты сдѣлалъ превосходную вещь. Отъ души радъ; смотри только: не киснуть и не хандрить! Будь энергиченъ и дѣятеленъ.

На выставкѣ въ Академіи будутъ вещи ученицы моей [1]). Она теперь въ религіозномъ настроеніи. Напиши, какъ найдешь ее и какъ найдутъ другіе. Выставляешь-ли ты что-нибудь?

Что за штуку сыграла со мною техническая комиссія! Это имъ такъ и подобаетъ. Но все-таки гадко. Что прикажешь дѣлать? Меня

[1]) Княжна Шаховская, скульпторша.

не хотятъ ни подъ какимъ видомъ, и я не хочу; въ такихъ случаяхъ все къ лучшему. И такъ, у меня все продолжается отливъ, ну, а послѣ отлива всегда бываетъ приливъ. Жаль, что В. В. написалъ мнѣ про памятникъ всего два слова прописью. А изъ Москвы до сихъ поръ ни слова. Хоть-бы конецъ!! Пиши, пожалуйста, въ чемъ тутъ дѣло. Ермакъ до сихъ поръ. . . . .

531. Къ В. В. Стасову.

27 іюня 1891 г.

Наконецъ-то я получилъ ваше письмо, по которомъ просто-напросто соскучился. Чуть-ли не до потолка вспрыгнулъ я отъ радости при извѣстіи, что можетъ вы будете въ Парижѣ; только зачѣмъ такъ поздно? Черезъ нѣсколько дней мы уѣзжаемъ, не пріѣдете-ли вы къ намъ въ Biarritz на нѣсколько дней, отдохнуть? Это было-бы вамъ полезно, а намъ пріятно, а затѣмъ вмѣстѣ поѣхали-бы мы куда вы захотите. Если этого нельзя, тогда дѣлать нечего—постараюсь пріѣхать къ вамъ въ Парижъ, только пріѣзжайте. Жду вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ. Если-бы вы ускорили вашъ пріѣздъ, тогда я остался-бы васъ ждать. Съ Эліасикомъ чисто фатально, точно самъ чортъ дразнитъ его—работа всѣмъ нравится [1]), всѣ спрашиваютъ, цѣна недорогая — и все-таки никто не покупаетъ. Что могу я тутъ сдѣлать? Пефали писалъ, уговаривалъ, но вѣдь онъ раньше всего дѣлецъ. Если и отъ него не получу удовлетворительнаго отвѣта, тогда дѣлать нечего, придется ждать осени—авось вмѣсто отлива будетъ приливъ. У меня въ этомъ году тоже все отливы, ничего не подѣлаешь. Да будетъ, что будетъ! Не хочу больше тащиться за Богомъ, пускай Богъ меня тащитъ—авось и вытащитъ; самъ-же я немного усталъ.

Я все думаю устроить выставку; но какъ это трудно! Всѣ лучшія мѣста заняты за годъ впередъ. Да стоитъ-ли и хлопотать, тратить силы, время и деньги, чтобы убѣдить дурака, что онъ глупъ, пьяницу, что онъ не трезвъ, а пошляка, что онъ гадокъ—все равно не убѣдишь.

То, что вы пишите про С. и другихъ, очень любопытно. Ахъ, если-бы вы знали, что тутъ за болото и какіе черти водятся въ немъ! Но объ этомъ въ другой разъ; теперь нѣтъ охоты говорить ни про нихъ, ни про скульпторовъ, а скажу только нѣсколько словъ про портретистовъ вообще.

Многіе думаютъ, что въ портретѣ сходство—все. У насъ въ домѣ виситъ портретъ, сдѣланный дилеттантомъ, лицо en face, носъ въ профиль—и похожъ, да какъ еще! Фотографія дѣлаетъ болѣе похоже, и все-таки это не искусство. Художникъ долженъ передать весь характеръ, гдѣ кромѣ сходства свѣтится содержаніе души.

Но вотъ что я скажу — умный художникъ сдѣлаетъ портретъ глупца съ трудомъ, но глупецъ умнаго—никогда! Впрочемъ, пускай

---

[1]) На выставкѣ въ Парижѣ.

ихъ! И все-таки буду очень, очень радъ, если Эліасику удастся сдѣлать бюстъ Толстого.

Но изъ всего этого я вывелъ заключеніе, что мое мнѣніе о „Новомъ Времени“ было до сихъ поръ ошибочно. Сначала я думалъ, что эта газета кидается на меня съ такимъ озлобленіемъ потому, что я вашъ другъ; затѣмъ думалъ — потому, что я еврей; теперь же оказывается — ни то, ни другое. Такъ что тутъ за причина? Мнѣ все сдается, что причиной тутъ все тотъ-же художникъ-дилеттантъ, у котораго душа двоится, какъ въ разбитомъ зеркалѣ.

Такъ вотъ до чего я додумался. Вы съ С. въ корреспонденціи, и если у него осталось совѣсти хоть на полгроша, то хорошо-ли будетъ вызывать этотъ полгрошъ на третейскій судъ? Тогда, авось, что-нибудь да выяснится; только полугрошовая совѣсть, какъ свѣчной огарокъ—не успѣешь зажечь, какъ уже онъ потухаетъ съ угаромъ. Стоитъ ли начинать? Что вы на это скажете?

Документы, посланные Пыпину, навѣрное пропали, иначе онъ-бы отвѣтилъ. Посылаю вамъ другой экземпляръ (тоже копіи). Они касаются моего здѣшняго выбора (въ академики), монумента Екатеринѣ II и послѣдней здѣшней исторіи съ выставкой. Эти документы сохранились у меня случайно.

Нѣкоторое время тому назадъ я послалъ вамъ иллюстрированный каталогъ выставки; въ этотъ каталогъ, по правиламъ, должно войти не менѣе одного изъ произведеній каждаго художника; значитъ онъ понятіе даетъ полное. Посмотрите, пожалуйста, что за бѣдность содержанія у живописцевъ, и что за пошлость у скульпторовъ, и какъ мало послѣднихъ.

Такъ вотъ съ кѣмъ я имѣлъ дѣло.

N. B. На счетъ С. даю вамъ право дѣйствовать какъ угодно; боюсь только, чтобы этотъ... не во зло употребилъ мою наивность.

Радуетъ меня очень и очень, что графъ Л. Н. Толстой такой прекрасный человѣкъ.

532. Къ нему же.

Biarritz, 22 августа 1891 г.

Вспомнилъ я, что скоро день вашего рожденія. Спѣшу поздравить васъ и пожелать отъ всей души, раньше всего три вещи: здоровья, здоровья и здоровья; а затѣмъ долго здравствовать, быть довольнымъ собою и всѣми, кого любите; быть энергичнымъ, много работать, много радоваться, много жить, каждый годъ пить за свое здоровье, къ друзьямъ писать, чтобы и они не забывали пить за ваше здоровье.

Вотъ все, что хотѣлось мнѣ теперь сказать вамъ; но гдѣ вы теперь?

Удивительно, что и отъ васъ я не имѣю ни строчки; я давно послалъ вамъ копіи съ нѣкоторыхъ писемъ, а еще раньше послалъ Пыпину, и отъ него ни слова; должно быть нечего отвѣчать.

Я теперь реставрирую свое здоровье довольно успѣшно. Жаль, что карманъ остается по-прежнему безнадежнымъ. Новостей ни отъ кого не получаю, ничего не знаю, а не знающій ничего и знать не хочетъ.

533. Къ нему же.

Biarritz, 25 августа 1891 г.

Пишу изъ Biarritz, куда я только что пріѣхалъ — одновременно съ вашимъ письмомъ. Раньше всего, скажу вамъ, что трудно мнѣ выразить, какъ я благодаренъ вамъ, какъ благодарна жена моя за всѣ тѣ добрыя минуты, часы и дни, которые мы провели вмѣстѣ такъ хорошо и съ такой пользой. Жена не хочетъ вѣрить, что я, бывши такъ мало времени въ Лондонѣ, такъ много видѣлъ; а я заранѣе зналъ, что съ вами увижу въ два дня то, чего самъ не увидалъ-бы въ три недѣли.

Я радъ, что уѣхалъ, что не мѣшаюсь въ это дѣло; наше дѣло— только выставлять. Поклонитесь Эліасику, скажите, что я очень, очень радъ, что онъ вылѣпилъ статуэтку графа Льва Толстого, а главное, что она такъ удалась.

534. Къ И. Е. Рѣпину.

Biarritz, 10 августа 1891 г.

Дорогой Илья!

Узнаешь-ли ты почеркъ мой? Сомнѣваюсь. Не узнаешь почерка потому, что мы съ тобой не переписываемся, а не переписываемся— почему, не знаю, да врядъ-ли и ты знаешь—дескать, такъ случилось, такъ привыкли, и, кажется, такъ и должно быть. А на самомъ дѣлѣ вовсе не „должно" было-бы быть такъ. Кто не знаетъ, что даже лошади бѣгутъ вмѣстѣ скорѣе, чѣмъ въ одиночку, а старые друзья и подавно. Да при томъ-же, теперь бѣжать по-одиночкѣ и неудобно и опасно—теперь время такое, что свой своего не узнаетъ; теперь свой своего готовъ загрызть; теперь, мой другъ, свои люди составляютъ компанію: лебедь, щука и ракъ. Однимъ словомъ, времячко отрадное, прелестное. Если бѣжишь скорѣе другихъ—ты вызываешь зависть; если устаешь — ты вызываешь восторгъ; если-же хочешь дальше бѣжать—Боже мой, сколько камней, палокъ встрѣтишь по дорогѣ! За то порой надъ тобой несутся черные вороны; подъ ногами ползаютъ холодныя гадины, и поневолѣ продолжаешь бѣжать, спотыкаться, падать, вставать и опять бѣжать,—бѣжать подальше отъ всѣхъ: отъ черныхъ воронъ, отъ холодныхъ гадинъ; бѣжать, чтобы поскорѣе выбраться на чистую дорогу и чтобы увлечь за собою такихъ же усталыхъ, какъ ты самъ.

Хорошъ-ли я, а? Что прикажете дѣлать! таковъ я есть. Не всегда можно быть хорошимъ и одинаковымъ для всѣхъ. Спроси, пожалуйста, теперь у каждаго встрѣчнаго: хорошъ-ли я; и навѣрное

получишь отрицательный отвѣтъ, хотя тѣ и не знають, хорошъ-ли я или дуренъ. И все это отъ того, что теперь я переживаю отливъ. За что ни возьмусь—все одинаково отчаливаетъ отъ берега помимо моей воли и желанія; все какъ-то изъ рукъ вонъ валится, даже старые друзья. Право, иной разъ нехорошо на душѣ, хочешь обнять стараго друга—и обнимаешь мыльный пузырь, а между руками образуется пустое пространство, похожее на туннель. Таковъ въ своемъ родѣ москвичъ.

Да и что общаго между нами? Было время, когда всѣ мы вмѣстѣ стремились къ идеалу, но пошли потомъ по разнымъ дорогамъ и растерялись. Перекликались, устали и отстали, а теперь — куда! Дѣти уже выступили на смѣну прежнихъ, а у этихъ дѣтей другія мысли и чувства, другіе идеалы чѣмъ наши; они можетъ быть и лучше меня, но чужды мнѣ.

А впрочемъ, что мнѣ заниматься ими, когда они не занимаются мною; когда въ минуты радости или печали они одинаково молчатъ. Хорошо еще, что я не теряю вѣры въ самого себя; вѣрю, что въ концѣ-концовъ свѣтъ побѣдитъ мракъ, и тогда каждый увидитъ своего дружка въ настоящемъ свѣтѣ. А пока надо на все смотрѣть съ высоты Эйфелевой башни и говорить: „все то, что было и есть, все то, что есть и что будетъ и все то, что было, есть и будетъ, все пройдетъ, и все вѣчно останется тѣмъ же“.

Ну, скажи самъ, мой другъ, чѣмъ я не философъ? Развѣ худо я перелистываю старые календари?

Однако, я вовсе не для того началъ письмо, чтобы болтать, а для того, чтобы дѣло говорить. И между тѣмъ, вотъ сколько я наговорилъ, а про дѣло все еще ни слова. Да дѣло-ли въ самомъ дѣлѣ то, что предстоитъ мнѣ, то, о чемъ я буду говорить! Слушай же: здѣсь затѣвается русская выставка. Ты навѣрное уже знаешь, какъ дѣло это началось и какъ оно теперь обстоитъ. Не знаю, что ты на это скажешь, я же ничего не скажу, просто потому, что теперь трудно предсказывать. Пока есть только одно доброе желаніе, но нѣтъ еще головъ и рукъ, нѣтъ еще множества вещей, а главное, нѣтъ хорошихъ вещей. Во всякомъ случаѣ, если дѣло это состоится, то крайне желательно и необходимо, чтобы первоклассные художники сплотились и составили-бы одно цѣлое, для того, чтобы произведенія были отборныя, чтобы сорныя травы не заглушили ихъ и чтобы выступить съ силой и возвратиться съ побѣдой; чтобы надъ нами не было диктаторовъ; а хуже всего, чтобы темныя силы не управляли нами.

Боголюбовъ можетъ быть тутъ очень полезенъ, но необходимо, чтобы онъ дѣлалъ все сообща и не слушался отдѣльныхъ личностей.

Необходимо, чтобы ты, В. Маковскій, Куинджи, Суриковъ, Полѣновъ, Васнецовъ и проч. и проч. стояли въ этомъ дѣлѣ заодно и дѣйствовали бы заодно, и тогда только художественный отдѣлъ будетъ имѣть успѣхъ.

Прошлая выставка осрамила русское искусство; мы-же должны выручить нашу честь, въ особенности, когда на это есть случай. Мы

должны показать Европѣ, что стоимъ больше гроша, — ибо до сихъ поръ насъ и въ грошъ не ставятъ. За одно только я боюсь—за нашу вѣчную апатію. „А ну ихъ совсѣмъ!“ скажутъ многіе. Это было-бы ужасно! Какая-то убійственная дремота чувствуется въ этихъ роковыхъ словахъ. Никто въ мірѣ не скажетъ этого, коль скоро рѣчь идетъ о чести своей родины; а мы это скажемъ, непремѣнно скажемъ. Но пока время проходитъ въ разговорахъ, пока еще никто не увѣренъ, что выйдетъ изъ всего этого—я продолжаю идти и стучаться во всѣ двери. Я долженъ отдать заказчикамъ ихъ работу, а раньше, чѣмъ отдать ее, я хочу сдѣлать выставку изъ моихъ работъ въ Петербургѣ. В. В. мнѣ сказалъ, что и ты собираешься сдѣлать выставку; такъ не думаешь-ли ты, что намъ обоимъ было-бы интересно, чтобы наши выставки состоялись одновременно въ Академіи Художествъ? Или вмѣстѣ? Но кажется, что лучше было-бы одновременно. Впрочемъ, это детали. Главное—отвѣчай. Я хочу выставить „Нестора“, „Спинозу“, „Ермака“, „Мученицу“, надгробный памятникъ для Терещенко, „Мефистофеля“, „Ярослава Мудраго“, „Вѣчный сонъ“, „Офелію“ и еще нѣсколько бюстовъ.

Будь здоровъ, мой дорогой, старый, молчаливый Илья!

Добрый В. В. повелъ меня нынче къ Маргери [1]) обѣдать и повспоминать прошлое. Тамъ мы праздновали твой день рожденія и нашу 25-лѣтнюю дружбу, и вторично пили шампанское; пили и за твое здоровье; пили, чтобы старая дружба не ржавѣла, чтобы намъ быть бодрымъ, энергичнымъ, и чтобы не терять увѣренности въ самомъ себѣ.

И такъ, впередъ, вѣчно впередъ!

535. Къ В. В. Стасову.

Biarritz, 8 сентября 1891 г.

Я все еще радъ, что вы пріѣзжали въ Парижъ, что мы вмѣстѣ ѣздили въ Лондонъ, что вмѣстѣ восторгались дивными созданіями и что поболтали по душѣ; радъ даже качкѣ на морѣ. Все это встряхнуло меня, вывѣтрило и выбило изъ меня моль и разный другой соръ. Теперь мнѣ кажется, что я свѣжъ,—точно обновленъ, конечно, до поры до времени, пока людская гадость опять не засоритъ, опять не потушитъ душу мою.

Во всякомъ случаѣ, теперь чувствую себя свѣжимъ, бодрымъ,—точно послѣ легкаго и пріятнаго сна. И все это благодаря вамъ, вамъ, дорогой мой В. В.—Навѣрное Рѣпинъ давно уже получилъ мое письмо. Новаго я ничего ему не сказалъ, кромѣ того, что сказалъ вамъ, а именно,—что если наши хотятъ выступить въ Европѣ, то необходимо выступить съ полною силою, и тогда только можно будетъ показать, что и у насъ бьется сердце, и не слабѣе, чѣмъ у иностранныхъ художниковъ. Но для этого необходимо дѣйствовать заодно и имѣть въ

---

[1]) Извѣстный парижскій ресторанъ.

виду, раньше всего, общій интересъ. Вы, дорогой В. В., навѣрное сдѣлаете все, что возможно, чтобы тутъ достигнуть согласія, это главное, и раньше всего; и тогда мы всѣ вмѣстѣ будемъ торжествовать. Конечно, лучше всего личные переговоры, а не письменные; въ этомъ вы совершенно правы. Только, все-таки, необходимо подготовить, получить согласіе извѣстныхъ личностей, т.-е. художниковъ, главное въ принципѣ, дабы нечистая сила не имѣла тутъ мѣста и не мутила насъ. Постарайтесь повидать нѣкоторыхъ петербургскихъ художниковъ и написать московскимъ—что они скажутъ? Это по-моему необходимо. Вы говорите, что корреспондентъ „Н. В." „почти слово въ слово" говоритъ то, что Боголюбовъ писалъ вамъ: „явно, что онъ писалъ подъ его диктовку". То-же самое сказалъ я вамъ, когда въ „Новомъ Времени" появилась нахальная статья противъ меня того-же корреспондента. Но это не мѣшало Боголюбову въ то же время писать, кому онъ нашелъ нужнымъ, что онъ возмущается всѣмъ этимъ, и даже напалъ на „Новое Время". Боже мой, какъ долго я довѣрялъ ему, говорилъ ему все, что было у меня на душѣ, совѣтовался съ нимъ во всемъ—и какъ онъ все это употребилъ во зло! Какъ много онъ вредилъ мнѣ въ послѣдніе годы! Теперь я поневолѣ сталъ съ нимъ остороженъ, осмотрителенъ, и совѣтую моимъ друзьямъ дѣлать то-же самое.

За Эліаса я очень, очень радъ, и еще сто разъ повторю, что его дорога—дѣлать портреты, онъ это дѣлаетъ, какъ никто, всѣ-же его сюжеты—относительно слабы. За то сильно опечалило меня, что „свѣдущіе люди" такъ сильно провалились со своимъ преобразованіемъ Академіи художествъ. Я не знаю, что они тамъ сдѣлали, но во всякомъ случаѣ навѣрное лучше, чѣмъ было, ибо хуже, чѣмъ теперь, быть не можетъ. А вѣдь это продолжается 25 лѣтъ, а 25 лѣтъ въ наше быстрое время—это много, ужасно какъ много, и ничему оно насъ не научило, кромѣ только того, чтобы повторять старое. Хорошо, если-бы старое было дѣйствительно хорошее, но старая система есть только тормозъ для искусства. А впрочемъ, если не желаютъ реставраціи, то пусть она валится!

Скажите Ильѣ, что я жду отъ него письма, да тоже и отъ васъ, дорогой В. В. Видались-ли вы съ графомъ Толстымъ, и дадутъ-ли мнѣ помѣщеніе въ Академіи художествъ для выставки? Видались-ли вы съ товарищемъ министра, генераломъ Обручевымъ [1])?

Теперь уже чувствую, что достаточно отдыхалъ, скучно, хочу начать работать, но что? Боюсь сказать—я сталъ относительно сюжетовъ, какъ юноша относительно любви—часто измѣнчивъ. То, чѣмъ прежде я былъ сильно увлеченъ, теперь не трогаетъ меня, потому что новые сюжеты увлекаютъ меня. Я давно думаю дѣлать или создать цѣлый рядъ библейскихъ фигуръ; но навѣрное все кончится одной только „думой". На этотъ разъ я опять возвращаюсь къ старому сюжету — „Ева". Эта фигура очень благодарная, какъ по внѣшней формѣ, такъ

[1]) По части статуи Петра I для Генеральнаго штаба.

и по внутренней экспрессіи. Я задумалъ ее представить, когда она вкушаетъ яблоко и приходитъ въ сознаніе. Сюжетъ очень трудный, но сильно желаю сдѣлать что-нибудь женственное. Меня упрекаютъ, что я мало дѣлалъ женщинъ и что даже не умѣю ихъ дѣлать. Но для меня все равно, что говорятъ; я самъ чувствую, что женскій элементъ играетъ малую роль въ моемъ искусствѣ, я стараюсь постоянно быть разнообразнымъ; бросаюсь только туда, гдѣ есть глубокое человѣческое содержаніе; а между тѣмъ, чувствую, что оно далеко еще не полно, именно потому, что женскаго пола я еще почти совсѣмъ не трогалъ.

Рядомъ съ „Евой" у меня задумана борьба двухъ матерей. Это—женщина-дикарка полѣзла за гнѣздомъ, но тутъ налетѣлъ орелъ и между ними завязалась борьба. Затѣмъ, я давно задумалъ сдѣлать молодую дѣвушку, больную: „разбитая жизнь". Но въ этомъ мало пластичности, да и сюжетъ модный, а я всего, что модно, сильно избѣгаю—мода дѣло проходящее, а искусство—то, что было, есть и будетъ. А „Деввора?" спросите вы. Представьте себѣ, дорогой, она, эта прекрасная фигура, не совмѣщается въ моемъ воображеніи, я ее не вижу, ничего не подѣлаешь. Думаю—это потому, что она явилась не во мнѣ, а внѣ меня. Идея эта ваша, а не моя, а потому навѣрное никогда я не создамъ ее.

536. Къ нему же.

Biarritz, 22 сентября 1891 г.

Ваше письмо удивило меня, обрадовало и тронуло до глубины души. Трудно передать, до чего отрадно находить сочувствіе, тѣмъ болѣе у людей, которыхъ любишь и кѣмъ дорожишь. Я недавно сказалъ, что чувство безъ сочувствія то-же, что растеніе среди Ледовитаго океана; сочувствіе для чувства то-же, что солнце, что роса.

Но, Боже мой, какіе ненастные дни теперь стоятъ и какъ рѣдко проглядываютъ солнечные лучи! За то тѣмъ отраднѣе, тѣмъ дороже и милѣе солнце и тѣмъ довѣрчивѣе тянешься къ нему и раскрываешь передъ нимъ всю свою душу,—потому что оно и есть источникъ жизни.

Такъ вотъ чѣмъ вы теперь для меня, дорогой мой, благородный другъ В. В.! Когда буря реветъ и заглушаетъ правдивый голосъ чувства человѣческаго, когда раскаты грома раздаются, какъ адскій смѣхъ, когда съ одинокихъ деревьевъ отрываются листья, вѣтви, а сами они гнутся и готовы сломаться,—вы первый и единственный спѣшите поддержать ихъ, не взирая ни на ревъ, ни на бури, ни на адскій смѣхъ.

Такъ вотъ до какой откровенности на старости лѣтъ мы договорились! Вотъ что вызвало ваше дорогое для меня письмо! Да, послѣ 27 лѣтъ нашихъ споровъ и разговоровъ, мнѣ остается только сказать всю правду, хотя-бы и хорошую правду—подчеркиваю нарочно—вѣдь это стыдятся сказать, боятся, чтобы не приняли этого за лесть, за сентиментальность; но не мнѣ теперь льстить вамъ, не вы примете

отъ меня или отъ кого-бы то ни было лесть; пусть этимъ займутся пошляки и дураки. И такъ, слушайте. Вамъ нечего завидовать мнѣ, а коли завидовать,—то скорѣе мнѣ вамъ. Въ теченіе 27 лѣтъ вы дали мнѣ много и ничего не брали отъ меня; а за это я всегда въ душѣ говорю вамъ большое, огромное спасибо. Вы всегда были дороги мнѣ, а теперь еще дороже. Дороги вы навѣрное и не мнѣ одному...

Навѣрное, тоже благодаря вамъ я получилъ отъ Академіи художествъ 2 книжки съ мнѣніями художниковъ по поводу пересмотра устава. Бѣгло перелистовалъ я все и долженъ сказать, что тамъ нашелъ много хорошаго, много дѣльнаго; главное обрадовало меня, что наши художники вовсе не такъ глупы, какъ о нихъ думаютъ; и дай Богъ многимъ иностраннымъ художникамъ такъ говорить, думать и чувствовать; конечно, есть тутъ тоже немало нелѣпостей, но семья безъ урода рѣдко бываетъ. И все-таки, въ общемъ мало цѣльнаго, мало глубины и ясности; всѣ точно занимаются шлифованіемъ стеколъ; всѣ какъ-то бьютъ по вѣтвямъ и не касаются ствола, и еще меньше корня; да притомъ-же, найти худое гораздо легче, чѣмъ хорошее. Почти всѣ находятъ, что все зависитъ отъ Академіи—и техника, и творчество, и даже художественный подъемъ вообще. Это крайне ошибочно—искусство идетъ рука объ руку съ прогрессомъ, съ народнымъ благосостояніемъ вообще.

Тутъ одна Академія, даже самая раціональная—ничего не подѣлаетъ. Художники безъ любителей вѣчно останутся—Шекспиромъ безъ сапогъ. Не забудьте, что наглядное искусство—не литературное, которымъ одинаково пользуются и наслаждаются и бѣдный и богатый; чтобы купить картину, построить храмъ, надо благосостояніе, и притомъ чувство, потребность къ этому.

Очень невѣрно думаютъ многіе художники, что они могутъ создать любителей. Въ этомъ отношеніи не дурно мнѣніе Корзухина, хотя и тутъ онъ высказываетъ разныя разности, добрую половину лишняго, но въ главномъ онъ требуетъ возможнаго. Впрочемъ, какъ я уже сказалъ, не у него одного много хорошаго, есть иные даже и лучше его. Но худо то, что предлагаютъ много, громоздятъ законы, правила, а въ сущности—чѣмъ меньше законовъ, чѣмъ меньше указаній и преградъ, тѣмъ лучше и проще. Главное, чтобы во главѣ преподавателей стояли люди талантливые, искренно преданные своему дѣлу. Но гдѣ ихъ взять? А безъ нихъ ничего не подѣлаешь. Плохой уставъ среди талантливыхъ профессоровъ сносенъ; хорошій уставъ среди плохихъ—одинаково плохъ; а хорошъ для хорошихъ профессоровъ тотъ уставъ, который проще, который не связываетъ талантливаго преподавателя буквою.

Я не знаю, что именно было выработано изъ всѣхъ этихъ мнѣній, но если ничего лучшаго, чѣмъ то, что было сказано въ этихъ книжкахъ, то, право, нечего мѣнять кости на камни. А впрочемъ хуже не будетъ.

Постараюсь, въ заключеніе, дать вамъ маленькую характеристику нѣкоторыхъ мнѣній, которыя я нашелъ болѣе или менѣе типичными.

Я долженъ сказать, что характеристика будетъ не серьезная, и даже прошу принять это какъ шутку, потому что все это шутка и есть.

Боголюбовъ прямо пошелъ на ва-банкъ съ увѣренностью, что сорветъ банкъ; вотъ что значитъ опытный игрокъ!! Онъ представилъ не свое мнѣніе, а законченный уставъ, выработанный и выписанный изъ иностранныхъ уставовъ. Но онъ забылъ, что не каждому всякая шляпа къ лицу; одна и та-же шляпа одному не лѣзетъ на голову, а другому спадаетъ на глаза.

Мясоѣдовъ—діагностикъ хорошій, хотя немного односторонній, но рецептъ его не спасительный.

Ярошенко и діагностикъ вѣрный. Онъ занимается, такъ сказать, накожными болѣзнями; видно, для внутреннихъ онъ не спеціалистъ.

Семирадскій находитъ, что „вся бѣда въ томъ, что въ Академіи художествъ не отдаютъ такого-же почтенія жанру, какъ исторической живописи". И только? Для разумнаго человѣка это очень лаконично, но очень мало.

Во всякомъ случаѣ, для историческаго живописца это очень великодушно; я великодушныхъ хвалю, только не всегда, не теперь и не въ этомъ дѣлѣ.

Григоровичъ находитъ, что „въ совѣтѣ Академіи художествъ должны участвовать и любители искусства" (понимай: онъ самъ).

Худяковъ говоритъ то-же, но не довольствуется этимъ и желаетъ, чтобы „число любителей имѣло преобладающій вѣсъ". Тутъ откровенность съ наивностью (чтобы не сказать больше) такъ обнялись, что нельзя ихъ рознять, и не знаешь, гдѣ начинается одно и кончается другое. За это я имъ подарю девизъ: спеціалисты для спеціалистовъ, а дилеттанты для дилеттантовъ. Это лучше всего доказываетъ его статья.

Жуковскій „вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Худякова"—вольному воля, а спасенному рай—но прибавляетъ, что „исторія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ доказываетъ, что расцвѣтъ искусства былъ религіозный". Я-же скажу: исторія всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ доказываетъ, что человѣкъ не ракъ—назадъ не идетъ. Дальнѣйшее его изложеніе прекрасно, совсѣмъ такъ, какъ всѣ теперь думаютъ, но невѣрно и къ дѣлу не идетъ.

Медальеръ Алексѣевъ говоритъ, что „существующая коллекція медалей не полна"; остается только принять это къ свѣдѣнію и сожалѣть, „что онъ никогда не пользовался ими для преподаванія"; радуемся, но, тѣмъ не менѣе, съ плохимъ наставникомъ далеко не уйдешь. Въ заключеніе онъ проситъ: Ваше высокопревосходительство! Ѣдете въ Петербургъ, такъ извольте сказать кому слѣдуетъ, что въ такомъ-то городѣ живутъ Бобчинскій и Добчинскій.

Мнѣніе Пименова читалъ, но ничего не понялъ.

Мнѣніе группы архитекторовъ навѣрное должно быть очень вѣрно—бумага, циркуль и масштабъ—тутъ ошибокъ быть не можетъ; только всѣ они забыли, что у другого собрата свой циркуль, свой масштабъ

и своя бумага есть, и всѣмъ этимъ не измѣришь ни творчества, ни души художника.

Въ заключеніе скажу и о себѣ: я самъ не лучше и не хуже другихъ; это не скромность, это, все вмѣстѣ взятое—чепуха. И вотъ мое заключеніе: для того, чтобы дѣйствительно сдѣлать что-нибудь хорошее, полезное въ Академіи художествъ, необходимо концентрировать нѣсколько выдающихся художниковъ, а затѣмъ уже писать уставъ.

Къ Боголюбову писать не буду,—онъ не отвѣчаетъ; къ вамъ буду еще писать, и съ удовольствіемъ, а пока довольно болтать.

537. Къ С. И. Мамонтову.

Біаррицъ, 5 октября 1891 г.

Дорогой Савва Ивановичъ и дорогая Елизавета Григорьевна! Только вчера я получилъ тяжелое извѣстіе о смерти дорогого Дрюши [1]). Это извѣстіе привезъ мнѣ Остроуховъ. Оно поразило меня какъ громъ, такъ что и по сейчасъ я не могу опомниться. Что мнѣ сказать вамъ, дорогіе мои друзья? Да и что я могу сказать? Ваше горе сильнѣе всякихъ словъ, сильнѣе всякаго утѣшенія. Я это самъ испыталъ, но мое горе было въ сравненіи съ вашимъ невелико, хотя и все равно, отрѣжуть-ли указательный палецъ или мизинецъ—это одинаково больно. Больно иногда мнѣ и теперь, когда вспоминаю. Вотъ почему я живо сочувствую вашей ужасной долѣ. Въ такихъ случаяхъ остается только сказать: великъ Богъ! Человѣкъ смертенъ. Все пройдетъ, всѣ помремъ. Обидно только то, что иногда дѣти перегоняютъ своихъ родителей и этимъ причиняютъ имъ глубокую, мучительную боль, неутѣшное горе. Но я вѣрю всей душой въ ваши душевныя силы, вѣрю, что вы съумѣете нести тяжелый крестъ и сохраните себя для остальныхъ вашихъ дѣтей, да тоже и для людей.

Какъ-бы мнѣ хотѣлось теперь быть около васъ, горячо обнять васъ, говорить или молчать, лишь-бы облегчить ваше горе хоть на минуту, хоть на секунду.

Бога ради, храните себя.

Не могу сегодня больше писать. Я чувствую, что я не въ силахъ сказать вамъ что-нибудь путное, хотя желаніе мое сильно. Могу сказать лишь, что ваше горе сильно отозвалось на мнѣ. Я всегда радовался вашей радости, ваша печаль печалила и меня. Но того, что случилось, я не ожидалъ.

Пишите, когда вамъ вздумается писать. Главное, хотѣлось-бы мнѣ знать, какъ вы перенесете боль вашей утраты.

538. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 31 октября 1891 г.

„Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится". Теперь часто слышится эта пословица; теперь и мнѣ приходится повторить ее. А

---

[1]) Сынъ Мамонтовыхъ, Андрей.

вѣдь если-бы я не получилъ вашего вчерашняго удивительно-короткаго и грознаго письма, я не писалъ-бы и сегодня, ей-ей! Зачѣмъ грѣхъ таить! Не писалъ-бы по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, изъ Biarritz'а не отвѣчалъ я потому, что не могъ отвѣтить на предлагаемый мнѣ заказъ — необходимо было собрать справки, сколько что будетъ стоить.

Сюда я пріѣхалъ недавно, и, какъ жадный, началъ сочинять, хлопотать, а затѣмъ сталъ откладывать отвѣтъ потому, что тяжело отвѣчать. Я вообще не мастеръ сочинять дѣловыя письма; тутъ каждое слово должно имѣть свой вѣсъ, каждая строчка—свой размѣръ, и все письмо — свою атмосферу, чтобы не было слишкомъ холодно и слишкомъ тепло; вездѣ на каждой строчкѣ хоть караульнаго приставляй—дескать, держись чинно, мирно, важно, безъ фамильярности, но и безъ буйства. Вотъ тутъ-то я совсѣмъ и пропалъ; а тутъ еще въ письмѣ я нашелъ такую цидулку, что руки совсѣмъ опустились. Въ письмѣ я нашелъ такое примѣчаніе, что по справкамъ оказалось, что Шредеръ за такую-же оригинальную статую получаетъ 1,500 рублей, а за отливку по парижской системѣ (!) 1,200 рублей.

Что мнѣ на это имъ отвѣтить?

Боже мой, когда-то перестанутъ у насъ покупать искусство по размѣру и по вѣсу? Что за диво, что искусство у насъ такъ чахнетъ! Всѣ эти генералы навѣрное прекрасные, почтенные люди, но въ искусствѣ они, повидимому, ни-ни! И я вправѣ повторить то, что одинъ генералъ сказалъ когда-то Тургеневу: „Слава Богу, что я не писатель".

Что можетъ остаться Шредеру? Вѣдь надо мастерскую, глину, каркасъ, модель, костюмъ, формовку; все это мнѣ самому стоитъ больше, гораздо больше, чѣмъ 1,500 рублей, и вдобавокъ годъ работы, если не больше.

Я-же получаю за подобную статую отъ 20 до 25 тысячъ изъ бронзы или мрамора, и то еле-еле концы съ концами свожу. Такъ вотъ извольте-ка имъ все это разъяснить—не повѣрятъ, а коли повѣрятъ, то скажутъ „деретъ", „жадный", „ату его!!!" При всемъ моемъ добромъ желаніи сдѣлать для нихъ особенное исключеніе, все-таки, меньше 6,500 рублей рѣшительно никакъ не могу; въ эту сумму и отливка изъ бронзы у самаго перваго—„Тьебо".

При этомъ я долженъ еще прибавить, что статуя моя „Петръ I" имѣетъ всего 232 сантиметра вышины, т.-е. всего на 20 сантиметровъ больше, чѣмъ они желаютъ. Такъ не лучше-ли дать имъ прямо дубликатъ изъ бронзы за ту-же цѣну? Вѣдь „Петръ I" долженъ быть выше другихъ,—каждое содержаніе требуетъ свою форму, величину. Но какъ все это имъ объяснить? Не будете-ли вы такъ великодушны и растолкуете имъ въ чемъ тутъ дѣло? Вѣдь оффиціальными корреспонденціями ничего не скажешь; а то еще я думаю быть въ эту зиму въ Петербургѣ и тогда лично переговорю; но если можете теперь переговорить, тѣмъ лучше.

Заодно скажу вамъ и про „парижскую систему", про этотъ ярлыкъ, который литейщикъ Гавриловъ наклеилъ на себя.

Я хорошо не знаю Гаврилова, и, можетъ-быть, онъ и порядочный человѣкъ и превосходный литейщикъ, но зачѣмъ онъ тутъ чихается „парижской системой?“

Вотъ, какъ онъ достигъ этой системы. Однажды въ мою мастерскую явился молодой человѣкъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Чижова [1]); этотъ молодой человѣкъ и былъ тотъ Гавриловъ. Онъ хотѣлъ поступить здѣсь на хорошій заводъ, чтобы усовершенствоваться. Я зналъ, что здѣсь это очень трудно; тѣмъ не менѣе, я свелъ его къ Тьебо и просилъ позволенія для него осмотрѣть заводъ; мы обошли всюду и все осматривали; послѣ этого онъ со мною простился, и съ тѣхъ поръ я больше не видалъ его. Но черезъ два-три мѣсяца я слышу, что онъ уже въ Петербургѣ и позналъ всю мудрость — отливаетъ „по парижской системѣ“.

Вотъ что значитъ—пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ.

Теперь кое-что и о дѣлѣ. Здѣсь проѣздомъ былъ графъ Толстой; онъ чрезвычайно нравится мнѣ, и я убѣжденъ, что онъ человѣкъ, который много добра сдѣлаетъ. Конечно, много палокъ будутъ бросать ему подъ ноги, частью отъ зависти, частью изъ любви къ искусству; тѣ люди, конечно, создадутъ все—и сплетни, и клевету, и недоразумѣнія. По крайней мѣрѣ, таково мое впечатлѣніе; не знаю, выдержитъ-ли онъ этотъ напоръ, но крайне желательно, чтобы онъ не показалъ тыла, чтобы потомъ противъ себя ничего не имѣть: что возможно—спасать, чего нельзя—бросать, а руль свой отстаивать.

Я представлялся великому князю Владиміру Александровичу; на этотъ разъ онъ былъ со мною очень любезенъ. Великій князь сказалъ, что онъ съ удовольствіемъ готовъ помочь русской выставкѣ въ Парижѣ; только немного поздно, и что программа слишкомъ большая, такъ какъ хотятъ, чтобъ была и ташкентская, а я сверхъ того предлагаю ознакомить публику и со старинными русскими вещами. Но все это можетъ получить только свою цѣну, когда Государь одобритъ. Говорилъ я объ этомъ и съ графомъ Толстымъ; съ нимъ-же говорилъ и Боголюбовъ. Графъ отвѣтилъ мнѣ то-же, что и Боголюбову, что онъ охотно готовъ содѣйствовать этому лишь только, какъ членъ комитета. Вы, по-моему, никто другой, какъ вы, только вы съумѣете повести это дѣло прямолинейно и скоро, безъ партій и безъ тормаза; главное, безъ партій. Программа, по-моему, должна остаться прежняя, та, о которой я раньше писалъ вамъ.

Необходимо, чтобы изъ комитета пріѣхали нѣкоторые сюда. Боголюбовъ съ слабымъ характеромъ, а тутъ нуженъ сильный устой.

Я видѣлся съ нимъ, просилъ писать вамъ, и онъ самъ вамъ напишетъ.

Закончу письмо вашими словами: „Что у васъ въ Парижѣ дѣлается?“ Отчего ваши письма похожи на телеграммы? Не хочу! Положимъ, у васъ теперь навѣрное много дѣла, но я тутъ чѣмъ-же погрѣшилъ?

---

[1]) Профессоръ скульптуры М. А. Чижовъ.

539. Къ нему же.

Парижъ, 14 ноября 1891 г.

Получилъ ваше грозное письмо и нисколько не сержусь на васъ. Вы правы, но и я не виноватъ. Вѣдь я не думалъ, не гадалъ, что у насъ работаютъ трехъ-аршинную статую за 1,500 руб.; право, это въ своемъ родѣ художественный голодъ, и хуже всего, что это мало кто признаетъ. А впрочемъ, смотря кто и какъ работаетъ и сколько времени на это употребляетъ. Знаю, что можно отвалять тотъ-же сюжетъ и той же величины—въ шесть недѣль и въ годъ. Но, чтобы все это покончить, я можетъ быть напишу въ Главный Штабъ, если самъ скоро не пріѣду; а пріѣду скоро, если дѣло русской выставки въ Парижѣ устроится; дѣло, кажется, теперь за вами.

Сегодня я видѣлъ Боголюбова, который сказалъ мнѣ, что онъ вамъ обо всемъ подробно писалъ; значитъ, мнѣ тутъ распространяться нечего; остается только повторить и просить васъ—собирайте лучшихъ художниковъ, потолкуйте и выработайте программу. Что именно могутъ они послать? Конечно, вещи должны быть отборныя. Затѣмъ, крайне необходимо сговориться, и сговориться ясно, что можетъ быть допущено на выставку, кромѣ художественныхъ произведеній, и что нѣтъ. Вѣдь тѣмъ, которые рискуютъ деньгами—прямой разсчетъ какъ можно больше барыша получить; и, въ такихъ случаяхъ, выставка можетъ превратиться въ огромный базаръ подъ русскимъ флагомъ, гдѣ искусство затонетъ.

Конечно, можетъ быть этого не случится, но зачѣмъ ждать—авось, когда можно этого избѣгнуть? Но главное, чтобы въ это дѣло не вмѣшался партійный вопросъ. Тутъ дѣло идетъ о чести и успѣхѣ русскаго искусства, и необходимо, чтобы хоть тутъ всѣ спѣлись и уступали другъ другу по возможности. Такъ вотъ, по-моему и по мнѣнію другихъ, только вы съумѣете сдѣлать это, вы, и только вы, и никто другой.

Что-же касается моей выставки, то я самъ еще не знаю, когда сдѣлаю ее въ Петербургѣ. Всѣ работы готовы, вопросъ только въ томъ, состоится-ли наша парижская? Если „да", то я долженъ сдѣлать свою выставку въ Петербургѣ какъ можно скорѣе, чтобы потомъ отвезти все это обратно. Если-же выставка не состоится, чего не думаю, и о чемъ буду жалѣть—тогда сдѣлаю выставку, когда она совпадетъ съ академической.

Вотъ, дорогой В. В., сколько хлопотъ мы просимъ отъ васъ.

Я знаю, какъ вы дорого цѣните русское искусство, какъ оно вамъ мило и цѣнно и какъ вы будете радоваться и восторгаться, когда наша выставка за границей состоится. Вѣдь чуть-ли не въ первый разъ мы будемъ показывать наши наряды въ настоящемъ видѣ.

Получилъ я отъ Эліасика письмо, но отчего онъ такъ мало говоритъ о себѣ? Что его статуэтка — графъ Толстой? Думаю, не худо будетъ, если онъ пришлетъ ее сюда, отлить одинъ экземпляръ. Эта

статуэтка навѣрное будетъ имѣть здѣсь успѣхъ; говорю, несмотря на то, что ея не видалъ. Жду съ нетерпѣніемъ отъ васъ письма.

540. Къ нему же.

Парижъ, 15 ноября 1891 г.

Вчера писалъ вамъ, сегодня опять пишу, и почти то же самое, потому что считаю нѣкоторые пункты очень важными. Необходимо выработать програму выставки,—что можно и чего нельзя допустить, иначе можетъ случиться, что нашъ художественный отдѣлъ, или, вѣрнѣе, весь русскій отдѣлъ, будетъ только предлогомъ для разныхъ увеселительныхъ заведеній. Боголюбовъ тутъ дѣйствуетъ одинъ, не спрашивая и не совѣтуясь ни съ кѣмъ. Онъ поручилъ Потемкину отыскать капиталъ; но кто даетъ капиталъ,—не знаю. Безъ сомнѣнія, тѣ, которые дадутъ капиталъ, постараются извлечь какъ можно больше себѣ барыша; это ихъ прямой разсчетъ, и чтобы извлечь барышъ, не будутъ брезгать никакими средствами.

Конечно, можетъ быть этого и не случится, но необходимо быть на-сторожѣ; вѣдь вышло-же, что хотѣли озолотить нашъ бѣдный художественный клубъ, только-бы дать имъ русское знамя. Наша задача должна быть: хорошо или ничего; выступить съ силою и возвратиться съ побѣдою и съ честью. Поговариваютъ о русскомъ театрѣ—хорошо; о русскомъ концертѣ—превосходно; о русской кухнѣ—на здоровье; о русскихъ калачахъ—ну, и довольно.

По-моему, необходимо, чтобы пріѣхали сюда хоть двое—трое уполномоченныхъ отъ нашихъ художниковъ, съ одобреніемъ великаго князя. Такъ дѣло пойдетъ скорѣе и вѣрнѣе. Надо видѣть мѣсто, которое даютъ намъ, условиться насчетъ программы выставки. Если нѣкоторые даютъ денегъ, хотятъ быть хозяевами, то все-таки они должны быть зависимы отъ тѣхъ, съ кѣмъ они составятъ условіе, чтобы условіе не было нарушено.

Наконецъ, уполномоченные должны знать, что мы можемъ выставить, сколько мѣста надо и во сколько обойдется привозъ, отвозъ, укладка, страховка и жизнь персонала, который будетъ завѣдывать выставкой, и, наконецъ, службы.

Жду съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта, во-первыхъ, потому, что времени вообще мало, и, во-вторыхъ, мнѣ лично для выставки необходимо, по возможности скорѣе, узнать: состоится или не состоится выставка въ Парижѣ?

Если она состоится, то, какъ я вчера уже сказалъ, я пріѣду въ Петербургъ по возможности скорѣе, чтобы потомъ все это отвезти обратно сюда; если-же не состоится, тогда я сдѣлаю маленькую выставку у себя въ мастерской, а повезу мои работы ужъ тогда, когда Академическая выставка будетъ открыта. Если-же Парижская выставка состоится, тогда я попросилъ-бы дать мнѣ отдѣльное мѣсто, гдѣ-бы я могъ выставить всю коллекцію моихъ работъ, которая находится у меня въ мастерской, изъ бронзы и мрамора. Необходимо замѣ-

тить, что отдѣльное мѣсто я думаю огородить на выставкѣ. Впрочемъ, это послѣднее дѣло и объ этомъ нечего теперь говорить.

Дней черезъ 10—15 я пошлю вамъ мой письменный трудъ по поводу искусства. Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы это было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“ и совпало-бы съ выставкой въ Петербургѣ. Я началъ „Еву“. Говорятъ, что я не умѣю дѣлать женскихъ фигуръ; теперь настало время рѣшить кто правъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ работать, меня всегда упрекали въ томъ, чего я еще не сдѣлалъ. Кажется, я не одностороненъ, но отъ меня требуютъ, чтобы я игралъ на всѣхъ инструментахъ. Поиграю на послѣднемъ — авось укрощу моихъ противниковъ. А впрочемъ, какое мнѣ дѣло до нихъ! Могу сказать вамъ, что если-бы я не усталъ на драпированіи „Ермака“,— усталъ именно потому, что драпировка или костюмъ состоитъ изъ кусковъ, гдѣ трудно ихъ вмѣстѣ согласовать, — я-бы взялся за спокойное, ясное произведеніе, которое давно просится, какъ и многіе другіе сюжеты.

541. Къ нему же.

Парижъ, 23 ноября 1891 г.

Ужъ сильно вы обрадовали меня сегодня, дорогой В. В. Ваша статья „Изъ поѣздки по Европѣ“, которую я сегодня получилъ, настоящій бальзамъ для меня. Она просто разгладила мои морщины; она до того хороша, жива, искренна, а главное—дѣльна, что давно я не слышалъ отъ васъ подобнаго; въ ней вы являетесь такимъ бодрымъ, свѣжимъ, что по прежнему вы за поясъ заткнете такихъ десятерыхъ, какъ я, честное слово! Я всегда говорилъ и всегда буду говорить, что съ вами можно видѣть въ одинъ день то, чего самъ не увидишь въ цѣлый мѣсяцъ.

Вашу статью я не прочелъ, а проглотилъ; она столько же интересна, сколько поучительна, и столько-же и правдива. Ай да В. В.! Да здравствуетъ В. В.! Да здравствуетъ душа широкая, могучая, русская добрая душа! Да исчезнетъ узкая, дрянная душонка! Да будетъ день!!! Аминь!

Но это не мѣшаетъ мнѣ удивляться и даже начинать сердиться на васъ, что вы оставляете меня такъ долго безъ отвѣта на мое послѣднее письмо. Или можетъ быть мнѣ только кажется, что такъ долго?

Что же: будетъ или не будетъ выставка? Мнѣ все равно, но я долженъ знать. Боголюбова не вижу, да и не хочу тутъ особенно вмѣшиваться. Скажу только одно—если сильные, дѣльные художники не возьмутъ этого дѣла въ свои руки, то блинъ комомъ выйдетъ, а въ такомъ случаѣ ужъ лучше ничего не дѣлать. Эліасику писалъ, спрашивалъ, когда именно въ Академіи художествъ годичная выставка; это необходимо знать мнѣ, и знать въ точности, когда она откроется и закроется. Не забудьте, что дѣло мое сложное—перевезти мою батарею не совсѣмъ легко; для этого необходимо не меньше шести недѣль. Такъ надо-же мнѣ знать, когда именно я выведу своихъ духовныхъ

дѣтей въ свѣтъ. Ахъ, нѣтъ, это будетъ для меня не праздникъ, а хуже чѣмъ сквозь строй!

542. Къ нему же.

Парижъ. 7 декабря 1891 г.

Ужасно усталъ я отъ работы, отъ житейскихъ дрязгъ и отъ хлопотъ; да притомъ еще не совсѣмъ здоровъ. Ко всему этому я привыкъ, давно привыкъ, но въ концѣ-концовъ начинаешь уставать. Однако, я пишу потому, что тороплюсь.

Телеграмма отъ Эліасика, въ отвѣтъ на мой вопросъ о выставкѣ, была для меня настоящимъ сюрпризомъ, совсѣмъ неожиданнымъ и непріятнымъ—не ожидалъ я, что годичная выставка въ Академіи будетъ такъ скоро; досадно то, что я у всѣхъ спрашивалъ объ этомъ, и никто не отвѣчалъ. Ну, что дѣлать, вотъ скоро опять войду въ моду—авось люди будутъ хоть немного внимательнѣе. Такъ вотъ, передъ отъѣздомъ я сталъ хлопотать—хочу открыть хоть на нѣсколько дней мою мастерскую для публики, потому что не думаю, чтобы устроилась русская выставка въ Парижѣ. Да притомъ-же теперь, какъ я слышалъ, уже желаютъ не русской, а франко-русской выставки. Не знаю, хорошо-ли, или дурно это, повторяю—не знаю, еще не подумалъ, некогда. Успѣю отвѣтить, когда меня спросятъ, а пока, слава Богу, никто не спрашиваетъ. Если дѣло устроится—скажу: слава Богу; если, паче чаянья, не устроится, скажу—все къ лучшему!

Но вотъ, кромѣ работы, дѣла, я занятъ былъ еще однимъ очень страннымъ дѣломъ, именно я выжималъ экстрактъ изъ моего мозга и этотъ экстрактъ разлилъ на 97 страницъ. Не знаю, что вы на это скажете? Говорятъ, что очень хорошо, а по-моему очень нехорошо—не сладко, не гладко! Тутъ я бѣгу, точно на конькахъ по ухабистой, ледянистой дорогѣ. Это—менѣе, чѣмъ эскизъ, но люди находятъ, что глупостей тутъ я не говорю, и то, о чемъ говорю, не безполезно. Прочтите, пожалуйста, до конца, только скоро, потому что это дѣло спѣшное; и если правда, что люди говорятъ, то прошу передать А. Н. Пыпину для „Вѣстника Европы". Но при этомъ буду просить одной божеской милости: именно—напечатать не позже, какъ въ февральской или мартовской книжкѣ, и все разомъ. Тутъ будетъ, по всей вѣроятности, не больше двухъ печатныхъ листовъ. Но я забѣгаю впередъ. Главное-же, хочу слышать, что вы на это скажете, и что скажетъ А. Н. Пыпинъ.

Ахъ, В. В., побалуйте хоть вы меня немножко. На душѣ гадко, мерзко, отвратительно,—точно я проглотилъ что-то нехорошее. Но побалуйте не похвалами, правду—раньше всего. Коли другъ правды не скажетъ, то кто-же другой? Но вотъ насчетъ дѣла.

Пересмотрите раньше вообще, тутъ вы увидите нѣкоторыя переправки карандашомъ; если найдете, что такъ хорошо, то перепишите чернилами, если-же нѣтъ, то вычеркните. Затѣмъ, я сдѣлалъ маленькую перестановку—съ 12 листа къ 30-му. Наконецъ, страницы 46 и

47 я подчеркнулъ карандашомъ—это, по-своему, хорошо, но къ дѣлу мало подходитъ, слѣдовательно, по моему мнѣнію, совсѣмъ надо выбросить. Но другіе находятъ, что не нужно.

Ну, такъ разберите, кто правъ.

Надѣюсь завтра получить письмо отъ Эліаса. Я тороплюсь, чтобы вещи мои поспѣли къ годичной выставкѣ. Графъ Толстой обѣщалъ дать мнѣ то помѣщеніе, гдѣ когда-то была моя первая большая выставка, въ 1880 г. Конечно, я крѣпко вѣрю тому, что онъ сказалъ.

Багажа у меня будетъ не больше двухъ вагоновъ, а впрочемъ, можетъ быть и больше. Но великъ Богъ, вѣра моя крѣпка, не впервые иду я противъ вѣтра. Да помогутъ мнѣ добрые люди и вы—первый.

N. B. Перестановки съ 12 страницы на 30-ю—не надо, и такъ хорошо; только насчетъ 46 и 47, гдѣ я говорю о Biarritz, подумайте и скажите. По-моему это лишнее.

543. Къ нему же.

Парижъ, 9 декабря 1891 г.

Только что получилъ ваше письмо и спѣшу раньше всего сказать, что, къ моему великому сожалѣнію, я никакъ не могу сейчасъ пріѣхать къ вамъ, такъ какъ я открываю мою мастерскую на нѣсколько дней для публики; затѣмъ, дней 12 пройдетъ, пока ихъ уложатъ, такъ что не раньше, какъ черезъ 18 дней, я могу прибыть въ Петербургъ.

Во всякомъ случаѣ, я буду очень радъ, если мой „Ермакъ“ имъ понравится, а если съумѣю что-нибудь сдѣлать для Новочеркаска, тѣмъ болѣе, что бывшій наказный атаманъ войска Донского, покойный Краснокутскій, котораго я хорошо зналъ, давнымъ-давно заказалъ мнѣ этотъ монументъ, и даже условіе состоялось; но тутъ онъ вышелъ въ отставку; я-же не хотѣлъ безпокоить его; думалъ, что все-таки отдадутъ работу мнѣ. Но никто ко мнѣ не обращался, а затѣмъ, я слышалъ, что дѣло это поручили Микѣшину. Махнулъ я на это рукой. Начинать исторію!—Не стоитъ. Но документы по этому поводу хранятся у меня до сихъ поръ.

Такъ вотъ исторія „Ермака“, и если я его сдѣлалъ, то, все-таки, благодаря покойному Краснокутскому. Конечно, я тогда сказалъ цѣну, которую они сами нашли умѣренной.

Какъ видите, если дѣло теперь состоится, то оно до извѣстной степени будетъ и законно. Прошу все это передать, а также сказать мнѣ, сколько времени князь Святополкъ-Мирскій останется въ Петербургѣ? Если дѣло это настолько серьезно, что есть прочныя надежды, тогда прошу телеграфировать мнѣ, и я пріѣду, хотя мое пребываніе здѣсь теперь при укладкѣ—крайне необходимо. Если-же, паче чаянія, дѣло не устроится, то буду крѣпко сожалѣть. Такъ вотъ, убѣдительно прошу переговорить, и тогда дайте мнѣ знать: коли спѣшно, то телеграммой.

Фотографія мало передаетъ оригиналъ.

Навѣрное вы получили письмо отъ Боголюбова; онъ мнѣ сказалъ, что писалъ вамъ обо всемъ, что здѣсь устраивается франко-русская выставка, на что есть капиталъ въ 3 милліона. Хотятъ здѣсь устроить смѣшанный комитетъ изъ франко-русскихъ; хотятъ, чтобы и я тамъ былъ, но я не буду, откажусь. Я хочу раньше всего знать программу—иначе боюсь, чтобы русская выставка была только предлогомъ, и чтобы она не была заглушена разными базарами.

Что вы то на это скажете?

И такъ, можетъ быть до скораго свиданія.

Получили-ли вы мою рукопись? Будьте объективны.

544. Къ нему же.

Парижъ, 17 декабря 1891 г.

Наконецъ я сдѣлалъ то, чего не хотѣлъ-было дѣлать и что такъ давно долженъ былъ-бы сдѣлать, именно—открыть мою мастерскую для публики, хоть на нѣсколько дней. Конечно, время для этого крайне неудобное, притомъ мастерская моя далеко отъ центра, холода стоятъ теперь здѣсь довольно сильные, чего французы боятся больше всего; наконецъ меня здѣсь почти не знаютъ. Но все-таки, я сдѣлалъ это и доволенъ. Доволенъ тѣмъ, что самъ себя увидалъ. А знаете, какое чувство я теперь испытываю? Чувство „Скупого рыцаря", право, не скрываю — зачѣмъ грѣхъ таить! Да по-моему это совсѣмъ и не грѣхъ, что я люблю своихъ духовныхъ дѣтей столько, сколько скупой рыцарь любилъ свое золото.

Я всегда говорилъ себѣ: захочу я—зажгу я свѣчи, открою свои сундуки, и золото, какъ искры, все засвѣтится дрожащимъ свѣтомъ и ослѣпитъ всѣхъ... Что сильнѣе, могущественнѣе золота? Что? Творчество, дорогой другъ, человѣческій духъ, чистая любовь. Если-бы вы видѣли, какъ я убралъ свою мастерскую, какъ отъ этого творенія мои кажутся наряднѣе—вы-бы отъ души порадовались. Сколько-бы я далъ, чтобы вы это видѣли, именно вы, вы, мой единственный вѣрный другъ.

Здѣсь я на чужбинѣ, среди немногихъ друзей (можетъ быть ни одного нѣтъ) и среди многихъ враговъ, которые дѣлаютъ мнѣ все, что только могутъ, вредное. Сожалѣю и не удивляюсь. Сегодня былъ первый день открытія мастерской! Народу было мало, но кто былъ разъ, тотъ придетъ во второй разъ.

Но что мнѣ за дѣло до толпы, до тѣхъ людей, которыхъ я не знаю! Вамъ извѣстно, что я индивидуалистъ и страстный поклонникъ индивидуальныхъ личностей, которыя не идутъ по увлеченію толпы, а идутъ самостоятельно туда, куда ясное сознаніе влечетъ ихъ. Эти сильные люди знаютъ, откуда, куда и зачѣмъ стремиться. Часто они становятся мучениками, жертвой безразсудной толпы, но, въ концѣ-концовъ, ихъ духъ, идея восторжествуютъ. Ихъ-то я почти всю свою жизнь и воспѣвалъ. Вотъ три мыслителя, три мученика трехъ различныхъ культовъ: „Сократъ", „Христосъ" и „Спиноза". Прибавлю къ

этому и типъ первыхъ христіанъ, а среди нихъ вѣчно измученнаго отъ своей злобы „Мефистофеля"... Наконецъ, вотъ страданіе—и смерть успокаиваетъ всѣхъ... Поймите меня, мой другъ, имъ я отдалъ мои лучшіе годы, почти полжизни; я отказался отъ многаго, многаго; жилъ и живу здѣсь среди шумнаго водопада, который заглушаетъ все; но я оберегалъ себя отъ этого шума, жилъ не много лучше, чѣмъ отшельникъ—никуда не ходилъ, никого не видалъ, и все, что вынесъ въ душѣ, я вносилъ въ мастерскую. Но поймутъ-ли меня? Поймутъ-ли, что рядомъ съ моими идеалами — мучениками за идею, я воспѣвалъ будущность Россіи въ лицѣ „Петра I", „Ярослава", „Ермака" и „Нестора?" Поймутъ непремѣнно; въ этомъ вѣра моя крѣпка!

Мой другъ, я не успѣлъ окончить этого письма, и можетъ быть оно и лучше. Сегодня четвертый день выставки, и теперь я могу положительно сказать, что наша взяла!!! Моя выставка завоевываетъ общій восторгъ; почти во всѣхъ газетахъ появились самые сочувственные отзывы, въ особенности въ „Débats", статья графа де Вогюэ.

Постараюсь всѣ собрать и вамъ отослать. По всей вѣроятности, будутъ еще и другіе.

Будьте здоровы. Хотѣлъ-бы больше писать вамъ, но некогда.

И тутъ мои братики по искусству ведутъ себя какъ слѣдуетъ—ихъ приходило всего 2—3.

Изъ посольства—никто.

Хорошо поле, хороши и ягодки.

Обнимаю васъ крѣпко и отъ всей души.

545. Къ нему же.

Парижъ, 31 декабря 1891 г.

Пишу второпяхъ—некогда, теперь и на моей улицѣ праздникъ. Жаль только, что не съ кѣмъ радоваться! Мой успѣхъ растетъ, зависть противниковъ тоже; они дѣлаютъ все, что возможно, чтобы тормозить мой успѣхъ, но не въ силахъ остановить его. Я въ третій разъ вынужденъ продлить выставку, несмотря на то, что время до и послѣ Новаго года крайне неудобное, что я живу очень далеко отъ центра, что меня здѣсь почти не знаютъ, что теперь здѣсь немало больныхъ; наконецъ, что я открылъ выставку безъ рекламъ, а главное—среди явныхъ враговъ и мнимыхъ друзей. Несмотря на все это,—я имѣю здѣсь успѣхъ не меньшій, если не большій, чѣмъ когда-то съ „Иваномъ Грознымъ" въ Петербургѣ. Не забудьте при этомъ, что я скульпторъ. Скульптура не въ модѣ, ею мало интересуются, на выставкахъ въ скульптурномъ отдѣленіи почти всегда пусто; критики говорятъ о ней бѣгло; словомъ, все было противъ меня, но со мною былъ Богъ и мои произведенія. Прошлой весной мои противники торжествовали—имъ удалось вытолкать меня за дверь, выпачкать въ лужѣ чернильной грязи и выставить меня у позорнаго столба. И стали смотрѣть на меня—кто съ презрѣніемъ, кто съ сожалѣніемъ; мои противники торжествовали, а мои друзья молчали. И вдругъ—дерзость

какая!—я рѣшаюсь показать публикѣ мое творчество, моихъ уродовъ, которые были забракованы жюри. И гдѣ, когда, какимъ образомъ? Всѣ были увѣрены, что я потерплю фіаско. Вотъ маленькая иллюстрація: я послалъ въ нашъ русскій клубъ 20 пригласительныхъ билетовъ; и когда ихъ предложили членамъ, то тѣ спрашивали съ сарказмомъ: „Даромъ“? Другіе отвѣтили: „Даромъ“.—„Много можно получить?“—„Сколько угодно“. Оффиціальный міръ и вся русская колонія отнеслись ко мнѣ не лучше. Помню, когда Айвазовскій сдѣлалъ здѣсь выставку, вся русская колонія, съ посломъ во главѣ, всѣ были въ первый день; на завтра-же, въ томъ-же полномъ составѣ, привели президента республики и, несмотря на всѣ эти рекламы и на русскихъ репортеровъ,—все это кончилось пуфомъ.

Ко мнѣ же вначалѣ русскіе почти не приходили (конечно, я говорю о знати). Эти послѣдніе приходили, какъ оффиціальный міръ, художники тоже, но успѣхъ мой росъ. Главное, меня трогало то, что нѣкоторые приходили разъ, потомъ второй разъ, и очень многіе по нѣсколько разъ. Наконецъ, и президентъ республики удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ, и я не могу сказать, чтобы я злоупотреблялъ его посѣщеніемъ, какъ рекламой, потому что я назначилъ закрыть выставку въ воскресенье, а онъ посѣтилъ выставку на завтра—въ понедѣльникъ. Странно, однако, то, что до сихъ поръ въ русскихъ газетахъ о моей выставкѣ ни слова, несмотря на то, что здѣсь всѣ газеты говорили и говорятъ еще о ней. Мало-ли, много-ли, но всегда хорошо. Постараюсь завтра или послѣзавтра послать вамъ вырѣзки изъ газетъ.

546. Къ нему же.

Парижъ, 6 января 1892 г.

Завтра Новый годъ—и въ добрый часъ для всѣхъ и, въ особенности, для васъ. Дай вамъ Богъ всего лучшаго, свѣтлаго, радостнаго; быть бодрымъ, энергичнымъ и работать много и хорошо, по прежнему; быть довольнымъ друзьями и самимъ собою. Все это желаемъ вамъ отъ всей души искренно и горячо.

N. B. Пользуясь случаемъ послать вамъ иностранные отголоски о моихъ работахъ, конечно, не посылаю вамъ сотни мелкихъ и повтореній.

547. Къ нему же.

Парижъ, 8 января 1892 г.

Получилъ вашу статью по поводу выставки Рѣпина, прочелъ ее, и грустно становится, грустно во многихъ отношеніяхъ. Я давно замѣтилъ, и много разъ высказалъ, что когда за границей появляется талантъ, то всѣ стараются создать ему пьедесталъ, а у насъ всѣ стараются превратить талантъ въ пьедесталъ — и тогда кто хочетъ, тотъ и становится на немъ; часто съ грязными ногами и еще чаще съ грязными намѣреніями. Отчего это? Отчего такое озлобленіе у насъ всегда, и теперь въ особенности? Вѣдь теперь, когда двое встрѣ-

чаются, — то вмѣсто обычнаго слова: „здравствуй", плюютъ другъ другу въ глаза. Я думалъ, что только здѣсь среди русскихъ растетъ крапивникъ — оказывается, что у насъ въ Парижѣ только цвѣточки еще, настоящія-же ягодки у васъ, куда я скоро пріѣду и, по всей вѣроятности, придется наѣсться ими до тошноты.

Хороша наша критика, хороша и милая толпа, которая ею питается и вдохновляется. Здѣсь критики просто болтаютъ, а у насъ просто лаютъ.

А знаете, чего мнѣ жаль? Это—того, что вы, единственный человѣкъ, который такъ радуется и привѣтствуетъ всякое новое явленіе въ искусствѣ, а тѣмъ болѣе крупное явленіе, не выступили первымъ въ первые-же дни выставки; вашимъ горячимъ словомъ навѣрное возбудили-бы всеобщее вниманіе и заставили-бы замолчать многихъ. Если Рѣпинъ не удовлетворяетъ,—то кто у насъ лучше Рѣпина? Если Рѣпинъ не соотвѣтствуетъ современному идеалу,—то гдѣ этотъ идеалъ? Его какъ-то не видно, да не только его, но даже порядочнаго человѣка. Просто возмутительно: выставили два крупныхъ художника [1]), одинъ—результатъ своего долголѣтняго труда, а другой—трудъ всей своей жизни. И празднуютъ юбилеи разныхъ художниковъ. Почему-же имъ такая черная неблагодарность? Но вотъ что я хочу сказать: моя выставка здѣсь и выставка Рѣпина и Шишкина въ Петербургѣ открыли мнѣ глаза. И задумался я крѣпко—посылать или не посылать въ этомъ году мои работы въ Петербургъ. Вотъ вопросъ, который еще не разрѣшенъ. По увѣреніямъ Боголюбова, который увѣряетъ меня въ дружбѣ и которому ни на грошъ я не вѣрю по прежнему, здѣсь-то я побѣдилъ, заставилъ замолчать своихъ враговъ, но въ Петербургѣ это будетъ трудно. Тутъ, по-моему, онъ правъ. Я знаю, что за мной ведется грѣхъ: Богъ наградилъ меня талантомъ, но главнѣе то, что Богъ создалъ меня евреемъ; а теперь такого большого грѣха не прощаетъ никто. Здѣсь, среди французовъ и англичанъ, моя работа вызвала удивленіе, а среди русскихъ—раздраженіе. Сотни газетъ здѣшнихъ и иностранныхъ говорили и печатали про меня, а наши соотечественники ни слова, точно въ самомъ дѣлѣ я на родинѣ хуже чужого, точно я тамъ въ карантинѣ. Если милые русскіе такъ поступаютъ со мною здѣсь, то что-же будетъ у васъ, тамъ, въ самомъ-то разсадникѣ? Единственная надежда моя—на государя. Но теперь время такое, что не до искусства. Такъ вотъ, не лучше-ли, не благоразумнѣе-ли будетъ мнѣ подождать, а пока направить весь мой багажъ въ Лондонъ, гдѣ навѣрное я буду имѣть успѣхъ? Не думайте, что я думаю объ этомъ охотно: нисколько, но что прикажете дѣлать? Мой путь въ Россіи, больше чѣмъ для кого-либо, скользокъ, а мнѣ болѣе крѣпко чѣмъ кому-либо подбили подошвы подковами. Что вы на это скажете? Во всякомъ случаѣ, надѣюсь на этой недѣлѣ выѣхать изъ Парижа, такъ что надѣюсь на будущей недѣлѣ видѣть васъ, и тогда мы серьезно все это обсудимъ, а пока прошу объ этомъ никому ни слова. Я по-

[1]) И. Е. Рѣпинъ и И. И. Шишкинъ.

лучилъ отъ А. Н. Пыпина письмо, что статья моя будетъ напечатана; но хороша-ли она? вотъ что я желалъ-бы знать.

548. Къ нему же.

Москва, 18 февраля 1892 г.

Сегодня ѣду уже домой, и пора, кажется. Но передъ отъѣздомъ хочу сказать вамъ большое русское спасибо за все, все, за всю доброту, ласку и сердечность, которыя я встрѣтилъ у васъ, и ни у кого другого, кромѣ васъ.

Виленское дѣло кончилось благополучно, тѣмъ болѣе, что никто и не думалъ чѣмъ-нибудь злоупотреблять; вотъ и все, что я могу сказать вамъ о дѣлѣ, и говорю только потому, что вы приняли это къ сердцу. Я очень благодаренъ вамъ и за то, что вы отсовѣтовали мнѣ ѣхать прямо въ Вильну,—это былъ-бы напрасный проѣздъ. Пожалуйста, мой нижайшій поклонъ и благодарность вашему брату за хлѣбъ соль и за радушный пріемъ, который встрѣтилъ и буду еще встрѣчать въ домѣ Стасовыхъ, какъ у васъ, такъ и у вашего брата.

Эліасу мой привѣтъ. Что у него новаго? Это очень, очень интересуетъ меня.

Ужъ очень желалъ-бы я, чтобы Академія заказала его группу изъ мрамора. Что публика говоритъ?

Что хорошаго у передвижниковъ? есть-ли козыри? Попросите Эліаса, чтобы онъ сходилъ въ Hôtel de France, гдѣ я жилъ, и спросилъ-бы у швейцара и у тѣхъ, кто стоитъ у телефона,—не спрашивалъ-ли меня кто-нибудь и куда письма адресованы? Говорю это и прошу потому, что разъ случилось, что меня повсюду искали, я сидѣлъ на кумысѣ, а меня искали потому, что Государь требовалъ меня.

Конечно, этого не можетъ быть теперь, но отчего не спросить?

Когда увидите Римскаго-Корсакова или жену его, то будьте такъ добры, передайте имъ, что я горько сожалѣю, что не былъ у нихъ; сожалѣю и прошу извиненія. Вчера получилъ статейку все еще про мою выставку; по-моему, это самая лучшая, жаль только, что газета провинціальная.

Съ Боголюбовымъ я примирился, надолго-ли? Дай Богъ надолго.

549. Къ нему же.

Парижъ, 7 марта 1892 г.

Посылаю письмо казацкому генералу и переписку съ покойнымъ Н. Краснокутскимъ [1]); посылаю также и фотографію статуи „Ермакъ". Если дѣло это состоится—буду радъ, теперь въ особенности. Картина Маковскаго (не Константина), про которую вы пишете,—дѣйствительно сюжетъ захватывающій; да что говорить—онъ молодецъ въ искусствѣ

---

1) Атаманъ Войска Донского.

и идетъ не уставая. Пожалуйста, пришлите вашъ печатный отзывъ, а также вашу статью обо мнѣ. Благодаря моему пріѣзду въ Петербургъ, наши не выписали „Новости" для меня; самъ же я лѣнивъ на эти процедуры. Но что совсѣмъ не хорошо,—это, что жена моя ихъ не получила; помню, я послалъ съ письмомъ, а она не получила, странно! Какъ-бы тамъ ни было, остается только просить васъ выслать, пожалуйста!

Въ Москвѣ я не долго оставался. Съ Мамонтовымъ я покончилъ худымъ миромъ: все-таки лучше, чѣмъ ссора. Затѣмъ, день я пробылъ въ Витебскѣ и, наконецъ, застрялъ въ Вильнѣ, чтобы покончить окончательно съ дѣломъ дома, въ чемъ и успѣлъ. Сюда я пріѣхалъ и тоже не отдыхаю—не то, чтобы началъ работать, а просто хлопочу. Что прикажете дѣлать, быть скульпторомъ въ наше время не совсѣмъ легко,—начиная съ того, что сама работа не легкая, и кончая глиной; но это далеко еще не конецъ: начинается дѣло съ форматоромъ, затѣмъ съ отыскиваніемъ мрамора, а тамъ дѣло съ рабочими, и слава Богу, когда все это кончается благополучно. Иной разъ оказывается, что мраморъ неудачный, или работникъ напортилъ. Но вотъ, наконецъ, все преодолѣно, работа совсѣмъ окончена; но куда ее дѣвать? Кому она нужна? Она грузна—тяжело передвигать, трудно помѣстить и вдобавокъ оно не въ модѣ. На выставкахъ скульптура ютится въ переднихъ, коридорахъ, на улицѣ, въ садахъ; словомъ—скульптура утеряла свое обаяніе, свой престижъ. И въ такое-то время я хочу дѣлать выставку, да еще гдѣ—на чужбинѣ; трудно, очень трудно; ну, вотъ и хлопочу.

Въ Витебскѣ съ меня сняли фотографію, кажется хорошо, если не испортятъ ретушовкой.

Что новаго съ Эліасомъ? Радъ, что онъ получилъ такой странный заказъ, странный потому, что очень трудно выполнить его. Пожалуйста, передайте всѣмъ домашнимъ сердечный поклонъ, въ особенности Надеждѣ Васильевнѣ, съ пожеланіемъ всего лучшаго.

550. Къ нему же.

Парижъ, 7 апрѣля 1892 г.

Не писалъ долго потому, что нездоровится, хлопочу и немного работаю. Меня массируютъ, бьютъ, щиплютъ, значитъ боль болью должно выгонять, какъ клинъ клиномъ. Но все это навѣрное скоро пройдетъ, хлопоты кончатся, стану работать и все пойдетъ по-старому.

Главное, о чемъ я хотѣлъ-было писать, это—объ одномъ странномъ явленіи въ искусствѣ, которое сильно поразило меня. Я говорю о выставкѣ „Rose-Croix" [1]), которая надѣлала здѣсь много шуму. Въ сущности это выставка сумасшедшихъ художниковъ, иначе и назвать ихъ нельзя. На этой выставкѣ было всего много—и мистицизмъ, и симво-

---

[1]) Соціально-художественная мистическая секта «Rose-Croix», главою которой былъ прославившійся въ то время въ Парижѣ Sar-Peladan.

лизмъ, и кабализмъ, и даже геометрія и, наконецъ, то, что самъ художникъ навѣрно затруднился-бы разъяснить; словомъ, все и меньше всего—искусства, а больше всего сумасбродства. Эти художники-новаторы хотятъ создать новый идеалъ въ религіи, въ жизни и въ искусствѣ, и ищутъ его внѣ религіи, внѣ жизни и внѣ искусства, ищутъ въ облачныхъ пространствахъ, между небомъ и землей, и выходитъ просто бредъ больныхъ людей, кошмаръ.

Недавно мнѣ пришлось разсматривать рисунки Федотова и, между прочимъ, когда онъ уже былъ боленъ. Они очень схожи съ тѣмъ, что я видѣлъ здѣсь. Какъ жаль, что не могу вамъ все описать! Не могу потому, что тутъ ровно ничего не понимаю.

Вотъ предѣтски нарисованъ храмъ. Далѣе этотъ храмъ превращается въ чудовище, отъ глазъ лучи, отъ рукъ и груди тоже лучи, и отъ разрѣзаннаго живота то-же самое; еще далѣе, того-же автора, опять храмъ, а на храмѣ лежитъ одноглазое чудовище, и отъ этого глаза, какъ отъ волшебнаго фонаря, свѣтъ, который освѣщаетъ небесныя планеты. Этотъ сумасшедшій художникъ издалъ и свою теорію искусства, основанную на геометріи.

Вотъ тамъ и остатки импрессіонизма до-рафаэлевскаго, подражаніе Японіи, и, повторяю — то, чего самъ чортъ не разберетъ; вдобавокъ, за красной занавѣской кто-то читаетъ вполголоса, съ ужасной интонаціей:—„Богъ великъ, небо необъятно,"—замолчитъ и опять начнетъ то-же самое. Эти новаторы читаютъ, играютъ свои пьесы, даютъ концерты. Самъ затѣйщикъ одѣвается въ тогу, какъ представляютъ средневѣковыхъ чародѣевъ. Вотъ на эту выставку публика устремилась; смотрятъ—кто въ недоумѣніи, кто находитъ страннымъ, но необычайнымъ; кто повторяетъ то, что другіе говорятъ, а кто просто хохочетъ отъ души и въ общемъ—посмотрятъ, поговорятъ и позабудутъ. Всякое явленіе охватываетъ общественное настроеніе и держитъ его до тѣхъ поръ, пока новое явленіе не выступитъ и не замѣнитъ первое. Таковъ Парижъ, и большіе города вообще. Но, по-моему, такое явленіе, какъ выставка „Rose-Croix", не должно пройти безслѣдно; это явленіе столько поразительно, сколько и поучительно. Подобныя явленія бываютъ результатомъ безпочвенности, безсодержательности въ жизни; это значитъ, что люди лгали, лгали и залгались—кричатъ „назадъ", старецъ хочетъ быть ребенкомъ, а лягушка воломъ. Эти явленія не что иное, какъ нарывы на больномъ тѣлѣ; это—плоды лжи и лицемѣрства.

Но, какъ болѣзненны ни были-бы подобныя явленія, они все-таки во сто разъ болѣе искренни, чѣмъ легіонъ художниковъ, которые заглушаютъ искусство. Странные, сумасшедшіе правы! Не правда-ли, это странно звучитъ, но тѣмъ не менѣе это протестъ, на который могутъ рѣшиться только сумасшедшіе—протестовать противъ такихъ избранныхъ художниковъ, какими они себя здѣсь считаютъ! Спросите, пожалуйста, у любого художника, что такое искусство, именно то, которымъ онъ такъ чванится? А впрочемъ, чего тутъ много расписываться—сами хорошо знаете теперешнюю пустоту въ искусствѣ.

И выходитъ, что у ребенка и у старца, выжившаго изъ ума, мозгъ одинаково плохо работаетъ. Статью вашу обо мнѣ я получилъ и передалъ женѣ, за что она шлетъ вамъ пребольшую благодарность.

Затѣмъ, недавно получилъ ваши три статьи объ академической и передвижной выставкахъ. Это былъ для меня настоящій бальзамъ; главное меня радуетъ то, что вы тутъ все тотъ-же энергичный, передовой боецъ, какъ и прежде. Хорошо, превосходно сдѣлали, что съ такою силою ударили въ центръ нашихъ разслабленныхъ художниковъ и безразборчивой публики. Отъ всей души желаю, чтобы ваша статья подѣйствовала на нихъ отрезвляющимъ образомъ.

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, картины Маковскаго (К.) продались въ первый-же день? Что за гадость! Ну, видно у насъ еще много свиней. Получилъ также и ваше рѣдкое письмо, спѣшу отвѣтить.

Фотографію „Ермака" я не выслалъ потому, что опоздалъ оказію; да признаться откровенно, я смотрю на это дѣло, какъ на покойника, и если оно воскреснетъ, то будетъ чудо. Что прикажете дѣлать,—люди стали смотрѣть другъ на друга односторонне, а главное, враждебно.

Теперь—исторія моей выставки... да ну ее совсѣмъ! Теперь въ сотый разъ я убѣдился, что умѣю только работать и не умѣю товаръ раскладывать. Хуже всего то, что подобное дѣло отнимаетъ у меня много времени; странно—не могу быть занятъ двумя вещами за-разъ. Хотя одно изъ нихъ было-бы и не художественное дѣло, но оно мѣшаетъ всецѣло предаться художественному дѣлу. Раньше, чѣмъ поѣхать въ Россію, я сговорился съ Зедельмейеромъ [1]), который обѣщалъ поѣхать въ Лондонъ и тамъ устроить; но онъ поѣхалъ лишь тогда, когда я уже пріѣхалъ, и вотъ, получаю отъ него письмо, что онъ только-что возвратился изъ Лондона, и что тамъ лучшія мѣста уже заняты и освободятся только осенью. Я обратился къ Petit [2]). Онъ отрекомендовалъ мнѣ своего корреспондента тамъ, который имѣетъ хорошую галлерею на хорошемъ мѣстѣ. Черезъ Petit я вошелъ съ нимъ въ переговоры и чуть-чуть не заключилъ съ нимъ формальнаго условія; но тутъ-же я получилъ телеграмму отъ одного моего пріятеля, который собралъ свѣдѣнія, что у этого господина сомнительная репутація, а довѣрить такому человѣку все, да еще на чужбинѣ, въ особенности въ Лондонѣ, я побоялся. Да притомъ-же мнѣ и отсовѣтовали.

Такимъ образомъ въ Лондонѣ въ этомъ году ничего не будетъ; жаль, но что дѣлать—первый блинъ комомъ. Я обратился въ Мюнхенъ, куда послалъ фотографіи, и какъ только они ихъ получили, я имѣлъ отъ нихъ телеграмму, что они будутъ очень счастливы, если будутъ имѣть мою коллекцію у себя на интернаціональной выставкѣ; что мнѣ дадутъ все, что я пожелаю; они берутъ все на свой счетъ—и провозъ и отвозъ обратно; они-же даютъ мнѣ от-

---

[1]) Устроитель многихъ парижскихъ выставокъ.

[2]) То-же.

дѣльный залъ. И такъ, въ этомъ году—Мюнхенъ, а тамъ, что Богъ дастъ. Долженъ еще сказать, что для Лондона я долженъ былъ рисковать болѣе 10 тысячъ франковъ, тутъ почти ничѣмъ.

Лишнее сказать, какъ будемъ рады видѣть васъ здѣсь. Въ этомъ году мы останемся здѣсь довольно поздно. Выставка въ Мюнхенѣ открывается 1 іюня; можетъ быть поѣду немного раньше, чтобы разставить свои вещи; я не имѣю никакого понятія о тамошнемъ помѣщеніи.

Много русскихъ художниковъ, проживающихъ здѣсь, послали свои картины въ „Salon", но почти всѣмъ отказали. На обѣ выставки было послано около 14 тысячъ художественныхъ произведеній, и почти двѣ трети забракованы. Кромѣ того, круглый годъ, то тутъ, то тамъ разныя выставки. Ну, чуть не до тошноты доходитъ здѣсь искусство!

551. Къ нему же.

Парижъ, 9 апрѣля 1892 г.

Вчера получилъ я ваши статьи по поводу „юбилея" Солнцева [1]) и „Двадцатилѣтіе передвижниковъ" [2]), и сейчасъ проглотилъ ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Хороши были ваши три фельетона въ „Новостяхъ" [3]), но эти статьи въ сто разъ лучше. Это — однѣ изъ лучшихъ вашихъ страницъ: просто, ясно, сильно, убѣдительно и искренно, горячо. Не могу сказать вамъ, какъ онѣ радовали меня, и радовали тѣмъ болѣе, что вы все тотъ-же,—нѣтъ, лучше, пожалуй.

Но, знаете, дорогой В. В., прочитавъ вашу превосходную статью о „передвижникахъ", мнѣ, какъ скульптору, завидно стало — отчего никто не любитъ насъ—черненькихъ? Не говорю о себѣ, слава Богу, жаловаться не могу; но тутъ рѣчь идетъ о цѣлой отрасли искусства, которая просто въ загонѣ; съ ней обращаются, какъ съ пасынкомъ, какъ съ вещью ненужной, но терпимой. На выставкахъ она играетъ роль привратника; это искусство выставляютъ на дворахъ, на лѣстницахъ, въ переднихъ, корридорахъ, и рѣдко когда ее впускаютъ въ самый храмъ искусства, гдѣ живопись выставлена въ новыхъ, ослѣпительныхъ золотыхъ рамахъ, гдѣ истинная давка отъ публики. Кто хочетъ покурить, кто пыли наглотался, а кто просто усталъ, тотъ идетъ скульптуру смотрѣть. Критика тоже мало занимается ею. Самиже художники-живописцы не лучше: они смотрятъ на своихъ младшихъ собратьевъ съ сожалѣніемъ, а часто съ презрѣніемъ. Меценаты

---

1) «Памяти Ѳ. Г. Солнцева»—статья, напечатанная въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1892, апрѣль.

2) «Двадцатилѣтіе передвижниковъ»—статья, напечатанная въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1892, апрѣль.

3) «Выставка Антокольскаго въ Парижѣ» въ «Новостяхъ» 14 января 1892, № 14; «Женская русская народная выставка» въ «Новостяхъ», 17 февраля 1892, № 38; «На выставкахъ въ академіи и у передвижниковъ»—въ «Новостяхъ» 3 и 18 марта 1892, №№ 62 и 77.

наполняютъ свои галлереи картинами съ громкими именами, а бѣдная скульптура стоитъ въ передней гдѣ-то въ углу; а часто и нигдѣ не стоитъ, и никто, никто не подаетъ ей руки; никто не хочетъ эманципировать ее. Говорятъ, что скульптура грузна, да притомъ же мало у ней общаго съ жизнью; но есть и картины еще грузнѣе, съ античными сюжетами; есть и скульптура, малая по размѣру, но полная жизнью. Но нѣтъ, давай намъ живопись! Я еще удивляюсь, что при такомъ холодномъ сочувствіи, какъ держится это искусство и не чахнетъ окончательно?

Вѣдь молодому начинающему художнику дорога просторная—куда хочешь, туда и иди, на живопись-ли, или на скульптуру; и если начинающій художникъ жертвуетъ матеріальными выгодами, потому что страсть его сильнѣе, чѣмъ холодная логика, то этимъ онъ уже доказываетъ, что у него есть Божья искра. Но если изъ такихъ художниковъ выходятъ классики, то въ этомъ не всегда они виноваты. Но я пойду дальше и скажу, что скульпторы достойны уваженія уже потому, что идутъ по своему призванію, несмотря на то, что впереди у нихъ только тернистая дорожка.

Таково положеніе скульптуры въ Европѣ. Мы-же, къ сожалѣнію, во всемъ гонимся за Европой, какъ слѣпой на костыляхъ—тяпъ да ляпъ, да не туда! Ну вотъ, что сдѣлали передвижники для скульптуры? Ничего. Они выгнали вонъ своего младшаго брата, потому, дескать, что дорого обходится его содержаніе. Что сдѣлали наши меценаты? Опять ничего. У Третьякова нѣсколько тысячъ картинъ и ни одного скульптурнаго произведенія [1]). Что дѣлаютъ критики? Опять ничего. Ахъ, обогрѣйте, приголубьте это загнанное искусство, пора, давно пора—и оно расцвѣтетъ не хуже, чѣмъ живопись.

Дорогой В. В., вы столько превосходныхъ дѣлъ натворили въ своей жизни, вы столько разъ выступали смѣло, энергично за правое дѣло, у васъ, наконецъ, есть и друзья скульпторы, и на вашей обязанности лежитъ привести эти оба искусства въ гармонію, къ миру и согласію, растолковать всѣмъ, что и скульптура можетъ говорить человѣческому сердцу, какъ живопись. И она тоже любитъ и имѣетъ право на любовь! Полюбите-же насъ черненькихъ!

Что касается меня, то о себѣ не хотѣлось мнѣ и говорить. Скажу только одно—я дѣлаю все возможное, чтобы скульптура получила свое гражданское право. Это отчасти причина тому, что на выставкахъ я не прошу отдѣльныхъ помѣщеній. До сихъ поръ, кажется, и не слышно было, чтобы скульптура, и въ особенности скульпторъ, дѣлали свою выставку и привлекали общественное вниманіе. Безъ хвастовства скажу, что я это сдѣлалъ—и удачно. Теперь предлагаю здѣшнимъ скульпторамъ соединиться и дать сраженіе живописи. Ахъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось, чтобы что-нибудь изъ этого вышло; чтобы

---

1) Подъ конецъ своей жизни, П. М. Третьяковъ сильно былъ занятъ мыслью устроить у себя, при своемъ музеѣ живописи, также и музей скульптуры. Онъ объ этомъ не разъ говорилъ и писалъ В. В. Стасову.

можно было найти серьезную поддержку среди серьезныхъ, искреннихъ людей, какъ вы. Все то, что говорятъ о трудности перевоза— все это вздоръ. Вы знаете, что мюнхенская выставка беретъ на свой счетъ всѣ мои работы, вѣсомъ около 15 тысячъ кило. Знаете, во сколько обойдется перевезти весь этотъ багажъ въ Лондонъ? Всего въ 700 франковъ. Однимъ словомъ, не надо бояться волковъ, и тогда смѣло пойдемъ въ лѣсъ и прорубимъ себѣ дорожку. Помогите только, добрые люди!

Я очень сомнѣваюсь, чтобы мнѣ удалось здѣсь образовать отдѣльную скульптурную выставку—во-первыхъ, я здѣсь не свой, а чужой; во-вторыхъ, здѣсь рутина крѣпче черепаховой скорлупы; и въ третьихъ, для этого надо первоклассныхъ художниковъ; но они завалены работой, а ни о чемъ другомъ они не думаютъ. Но тѣмъ не менѣе, попробую, а пока жду своей очереди. Въ Мюнхенѣ, какъ уже сказалъ, я буду имѣть отдѣльный залъ. Постараюсь устроить его такъ, какъ въ моей мастерской—просто, но красиво; отъ этого скульптура выигрываетъ столько, сколько картина отъ рамы. Затѣмъ, пріѣду къ вамъ, авось найдутся охотники сгруппироваться и сдѣлать то-же, только въ широкихъ размѣрахъ.

Ну, наговорилъ я вамъ съ три короба и возвращусь къ вашей статьѣ—ужь больно хороша она.

552. Къ нему же.

Парижъ, 2 мая 1892 г.

Давно ничего не получалъ я отъ васъ, хотя уже въ третій разъ пишу вамъ.

Должно быть не о чемъ писать; а здѣсь теперь сезонъ выставокъ, есть кое о чемъ писать, только некогда, лѣнюсь. Странно, но и это иногда дѣло для художника. Только недавно сталъ я работать. Всѣ мои вещи давно уже поѣхали въ Мюнхенъ, и черезъ нѣсколько дней самъ поѣду, чтобы окончательно устроить. Залъ дали мнѣ центральный, по плану очень хорошій; не знаю, что дальше будетъ, но пока я очень доволенъ во многихъ отношеніяхъ.

Посылаю вамъ письмо, полученное мною отъ нѣкоего Генкеля [1]), который проситъ меня снабдить его біографическими замѣтками, а ихъ у меня рѣшительно нѣтъ. Я такъ и отвѣтилъ ему, что „адресуюсь къ моему старому другу, который, навѣрное, не замедлитъ прислать вамъ положительныя данныя“. Я спрашивалъ здѣсь о журналѣ, гдѣ г. Генкель хочетъ писать, и мнѣ сказали, что журналъ этотъ очень хорошій.

Выставокъ здѣсь съ каждымъ годомъ все больше и больше, и все хуже и хуже. Вы знаете, когда бываетъ рѣзкая погода—дожди и

[1]) Нѣмецкій литераторъ, долго жившій въ Россіи, писавшій по-русски и много издававшій статей и цѣлыхъ журналовъ («Сѣверное Сіяніе»), а съ 80-хъ годовъ переселившійся въ Мюнхенъ и съ тѣхъ поръ пишущій по-нѣмецки въ нѣмецкихъ журналахъ.

жары, всѣ говорятъ: „не запомнимъ такой погоды"; въ сущности-же, такая погода частенько и ежегодно бываетъ. Дѣло въ томъ, что человѣкъ въ этомъ отношеніи не злопамятенъ. Вотъ ругаетъ, ругаетъ онъ скверную погоду, а какъ только солнце покажется, онъ перестаетъ хандрить и ругаться, улыбается и все забыто. Но на нынѣшній разъ, право, про выставку можно сказать, что „не запомнимъ" такой, и если-бы дѣйствительно удалась какая-нибудь выставка, то всѣ забыли-бы то, чего раньше не запомнили.

А впрочемъ, и письмо мое теперешнее похоже на нынѣшнюю выставку—ужъ что-то очень кудряво вышло: хотѣлъ-было сказать много, и ничего не сказалъ.

А знаете, кто обрушился теперь на художниковъ? Сама газета „Фигаро", и я долженъ сказать—по дѣломъ. Это сто разъ полезнѣе, чѣмъ пресловутые куплеты, похвалы Альберта Вольфа [1]). Рѣзкая критика непремѣнно отрезвитъ самоувѣренность здѣшнихъ художниковъ, у которыхъ просто умъ за разумъ заходитъ. Они борятся между собою, каждый хочетъ быть оригинальнымъ, быть замѣченнымъ, попасть какъ разъ въ центръ людей—и все мимо и мимо. А впрочемъ, обо всемъ этомъ не скажешь въ двухъ словахъ. Но я радуюсь, что то пустое пространство, которое находится въ умѣ художниковъ, было замѣчено.

Когда-же вы пріѣдете? Ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ. Куда Эліасъ пропалъ? Пріѣзжайте и оставайтесь у насъ по возможности подольше.

Навѣрное отвѣтите въ Мюнхенъ.

Нѣтъ-ли, кстати, чего-нибудь отъ казацкаго генерала? Неужели моя переписка съ покойнымъ Краснокутскимъ въ воду канула? Что-то не вѣрится.

Я хотѣлъ-было ѣхать въ Мюнхенъ выставить или, вѣрнѣе, разставить тамъ свои произведенія, но получилъ извѣстіе, что они пришли благополучно и уже разставлены какъ нельзя лучше; и все на ихъ счетъ, даже укладка.

Удивляюсь!!

553. Къ нему же.

Парижъ, 17 мая 1892 г.

Послѣднее время я часто пишу вамъ и часто ничего не получаю отъ васъ въ отвѣтъ. Это иногда задѣваетъ мое самолюбіе, но объясняю это тѣмъ, что навѣрное дѣла у васъ много, времени мало, писать не о чемъ и отвѣчать тоже нечего. А у меня тутъ какъ разъ наоборотъ—дѣлъ почти никакихъ, почти не работаю; руки свободны, а языкъ страсть какъ чешется, но поболтать-то не съ кѣмъ. Однако-же болтовню отложимъ на другой разъ и поговоримъ о дѣлѣ.

Навѣрное Дм. Вас. и Пол. Ст., которымъ, между прочимъ, очень и очень кланяюсь, передали вамъ, какъ мы здѣсь живемъ и дышемъ,

[1]) Критикъ газеты «Фигаро».

и о томъ, что отъ петербургскаго предводителя дворянства я получилъ приглашенiе сдѣлать нѣсколько проектовъ для памятника покойному Императору Александру II. Къ сожалѣнiю, предложенiе было крайне не ясно—говорится только, что для этого собрано 150 т. руб. и что мои проекты пойдутъ на утвержденiе Государя, и что они обращаются ко мнѣ по указанiю министра Императорскаго Двора. Я отвѣтилъ, но, мнѣ кажется, своимъ отвѣтомъ я ни на шагъ не разъяснилъ дѣла; можетъ быть, даже напротивъ. Я просилъ выяснить: „будетъ-ли утвержденъ мой проектъ помимо технической комиссiи?" А почему имъ знать? Для этого придется сдѣлать запросъ—вонъ куда! А если сдѣлаютъ подобный запросъ, то врядъ-ли получатъ удовлетворительный отвѣтъ. Да можно-ли дѣлать подобные запросы? это бы значило—идти прямо противъ порядка. Гораздо важнѣе выяснить слѣдующее: обратились-ли съ этимъ предложенiемъ только ко мнѣ одному, или-же и къ другимъ, какъ это однажды сдѣлали съ проектами въ Москвѣ? Если обратились только ко мнѣ, то я охотно сдѣлаю три проекта; если одинъ изъ нихъ будетъ одобренъ и утвержденъ Государемъ, то право выполненiя остается за мной; если-же проекты мои окажутся неудовлетворительными, то въ такомъ случаѣ должны мнѣ уплатить за мой трудъ по 3000 руб. за каждый проектъ, т.-е. 9000 руб.

Мой-же вопросъ о технической комиссiи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ слѣдуетъ выяснить только частнымъ образомъ. Д. В. Григоровичъ обѣщалъ мнѣ, что когда прiѣдетъ въ Петербургъ, то постарается повидаться съ Трубниковымъ; не знаю, удалось-ли ему это, такъ какъ онъ навѣрное теперь сильно занятъ. Но какъ-бы то ни было, я убѣдительно прошу разъяснить это и поставить это дѣло на рельсы. Я никоимъ образомъ не долженъ отказываться отъ этого дѣла, или затемнить, или тормозить его, или-же, наконецъ, быть причиной одного изъ двухъ, главное потому, что это происходитъ по указанiю министра Императорскаго Двора: повидимому, онъ желаетъ мнѣ всего хорошаго, и я не долженъ отстраняться. Да и само дѣло это почтенное. Надо идти на штурмъ, бороться и побѣдить.

Жду съ нетерпѣнiемъ скораго отвѣта.

554. Къ графу И. И. Толстому.

Paris, 25 мая 1892 г.

Обращаюсь къ вашему сiятельству по слѣдующему поводу: я получилъ отъ Академiи художествъ приглашенiе участвовать во всемiрной выставкѣ въ Чикаго. Конечно, я принимаю это предложенiе съ большимъ удовольствiемъ, только, къ сожалѣнiю, всѣ мои произведенiя теперь находятся въ Мюнхенѣ, гдѣ и пробудутъ до сентября. Затѣмъ, я желалъ-бы еще выставить ихъ въ Петербургѣ, между тѣмъ какъ срокъ доставки въ Петербургъ для отправки въ Чикаго 15 августа. Какъ тутъ быть? Нельзя-ли отправить нѣкоторыя изъ моихъ произведенiй позже? Если это окажется невозможнымъ, то всепокорно прошу взять то, что находится въ Эрмитажѣ. Но мнѣ очень хотѣлось-

бы послать, главное, „Нестора“, „Ермака“ и „Спинозу“. Я убѣжденъ, что ваше сіятельство сдѣлаете все возможное.

Говорятъ, что на театральной выставкѣ въ Вѣнѣ лучшіе отдѣлы—русскій и французскій: русскій—по содержанію, а французскій по отдѣлкѣ. Отъ всей души желаю, чтобы и въ Чикаго повторилось то-же самое. Уже и теперь французы много пишутъ объ этой выставкѣ, даютъ банкеты и очень много говорятъ. Какъ-бы мнѣ хотѣлось, чтобы и наши душевныя богатства показались во всемъ блескѣ, чтобы свѣтились и грѣли, какъ утренняя заря. Вѣдь это наша гордость, наша радость, все наше состояніе. Отчего-же намъ прятать ихъ и отъ себя и отъ другихъ?

Выходи, красавица, изъ своего чертога. Давно пора!

555. Къ нему же.

Парижъ, 28 (16) октября 1892 г.

Прежде, чѣмъ начать говорить о дѣлѣ, я долженъ просить извиненія, что не писалъ до сихъ поръ, и что буду писать не совсѣмъ разборчиво.

Я не писалъ до сихъ поръ потому, что былъ не совсѣмъ здоровъ, а буду писать не совсѣмъ разборчиво потому, что правописаніе мнѣ не дается: я этимъ страдаю давно, и, кажется, оно уже стало хроническимъ.

Глубоко благодаренъ вамъ, дорогой графъ, за ваше любезное письмо и за вниманіе, которое вы мнѣ оказываете. Вы спрашиваете, что я скажу о ходѣ выставки въ Чикаго?

Печально, ваше сіятельство, печально во всѣхъ отношеніяхъ! Представляю себѣ, какъ вы принимаете это къ сердцу, и совершенно сочувствую вамъ, графъ. Искусство, говоря высокимъ слогомъ, зерцало души всего народа, а наши сильные чуть-ли не плюютъ на него! Что можно сдѣлать съ 8000 руб. при нынѣшнемъ нашемъ курсѣ, да еще въ Америкѣ, гдѣ нашъ рубль меньше, чѣмъ здѣсь франкъ? Благодаря дороговизнѣ, 8000 р.—это значитъ ровно на столько, чтобы пріѣхать, повидать и... истратиться, да какъ еще! По-моему тутъ вопросъ необходимо поставить ребромъ: „либо хорошо, либо ничего“. Въ 1878 году, если не ошибаюсь, на парижскую всемірную выставку было ассигновано 70 тысячъ руб., но то Парижъ, не Америка. Право, „было-бы все это смѣшно, если-бы не было такъ грустно“.

Что-же касается лично меня, то, принимая во вниманіе 50-пудовыя гири нашихъ скульпторовъ, я могу послать только „Петра I“ изъ гипса, да еще барельефъ головы „Христа“—и только; а жаль, я могъ-бы послать еще кое-что, и, надѣюсь, не осрамилъ-бы русскаго искусства. Не удобнѣе-ли послать отсюда въ какой-нибудь ближайшій портъ, гдѣ нашъ корабль долженъ пройти, чѣмъ посылать въ Петербургъ раньше? Еще одинъ вопросъ:

Я-бы могъ послать еще кое-что на свой счетъ, но во 1) не знаю, во сколько это обойдется, а во 2) будетъ-ли мѣсто на выставкѣ?

Я могъ-бы послать „Спинозу“, „Мефистофеля“ да еще „Христа передъ судомъ народа“. Все это изъ мрамора и бронзы.

Гораздо больше интересуетъ меня моя выставка въ Петербургѣ, и тутъ-то убѣдительнѣйше прошу васъ, глубокоуважаемый графъ, оказать мнѣ ваше содѣйствіе. Все, что я пришлю, одинаково дорого мнѣ, все это—дѣти мои, которыхъ впервые я долженъ вывести въ свѣтъ, всѣ они изъ Россіи и для Россіи.

До сихъ поръ я все готовился, даже фотографій моихъ произведеній не появлялось въ продажѣ, и только для того, чтобы не парализировать впечатлѣнія (вотъ какой я ревнивый). Они, по всей вѣроятности, черезъ мѣсяцъ прибудутъ въ Петербургъ, на имя Академіи. Самъ-же я пріѣду въ первыхъ числахъ января. Это не всѣ, что были на выставкѣ въ Мюнхенѣ, а только работы послѣднихъ 12 лѣтъ. Я желалъ-бы, чтобы моя выставка открылась недѣльки за 2 до годичной выставки и продолжалась-бы до закрытія выставки.

556. Къ нему же.

Парижъ, 29 октября 1892 г.

Сегодня я послалъ вамъ письмо и сегодня-же получилъ ваше сердечное письмо, которое сильно тронуло меня. Сотни разъ благодарю васъ за вашу доброту и горячее отношеніе къ дѣлу искусства, которое для каждаго народа то-же, что роса для земли. Дай Богъ побольше такихъ, какъ вы, графъ! И тогда искусство будетъ обогрѣто, оно расцвѣтетъ и дастъ прохладу и отдыхъ, какъ пышное растеніе; тогда наше искусство не будетъ случайностью, капризомъ нѣсколькихъ меценатовъ, а сознательной необходимостью, какъ выраженіе нашего духовнаго идеала. Да хранитъ васъ Богъ!

Изъ моего вчерашняго письма вы уже знаете, графъ, въ чемъ состоитъ моя просьба. Если нѣтъ мѣста на выставкѣ, то прошу выбрать изъ моего реестра, что найдете лучше. Если денегъ нѣтъ на укладку для обратной отсылки изъ Чикаго, то я возьму это на свой счетъ; словомъ, я вполнѣ довѣряю вашему сіятельству свои произведенія и прошу распоряжаться ими, какъ найдете лучше.

Еще одна маленькая просьба: не позволите-ли послать изъ Мюнхена мои произведенія къ вамъ въ Академію, съ обозначеніемъ: „для выставки въ Чикаго“, какъ это должно сдѣлать съ „Петромъ?“

Это, думаю, освободитъ меня отъ таможенныхъ хлопотъ, да притомъ, дѣйствительно, я-бы желалъ, чтобы они были выставлены въ Чикаго.

Для удобства и сокращенія расхода не позволите-ли послать прямо изъ Парижа?

557. Къ нему же.

17 (5) декабря 1892 г.

Не отвѣчалъ сейчасъ-же на ваше доброе письмо и на телеграмму потому, что былъ не совсѣмъ здоровъ. Я сильно боролся съ ревматизмомъ, который оказался сильнѣе меня.

Считаю долгомъ выразить вамъ глубокую благодарность, дорогой графъ, за ваше доброе обѣщаніе помочь мнѣ въ устройствѣ выставки, чтобы я могъ показать своихъ духовныхъ дѣтей передъ русской публикой. Ваше горячее сочувствіе къ дѣлу искусства отрадно, теперь тѣмъ болѣе, что наши мысли и чувства теперь какъ-то слишкомъ засорены разными невзгодами и т. п., нервы стали раздражительны до нельзя, и въ такихъ случаяхъ лучшее лѣкарство—отдыхъ и духовная пища, а это можетъ дать искусство. Мы всѣ понемногу стремимся къ гармоніи, именно къ той гармоніи, которая миритъ всѣхъ на поприщѣ справедливости.

Черезъ 3—4 недѣли, надѣюсь, работа прибудетъ въ Петербургъ. Я очень и очень благодаренъ вамъ, дорогой графъ, за обѣщаніе освободить меня отъ таможни,—болѣе всего пугавшее меня. Я и безъ того буду имѣть достаточно расходовъ, не говоря уже о потерѣ времени, а между тѣмъ я мало жду матеріальныхъ благъ отъ выставки.

За провозъ заплачу здѣсь.

558. Къ В. В. Стасову.

Мюнхенъ, 14 іюня 1892 г.

Не знаю, гдѣ застанетъ васъ мое письмо, но навѣрное гдѣ-нибудь, и, гдѣ бы то ни было, одинаково желаю вамъ, чтобы оно застало васъ въ наилучшемъ здоровьѣ.

Я здѣсь застрялъ помимо моей воли: сперва былъ занятъ переустройствомъ моей выставки, она много выиграла. Я спасъ, что могъ, но не совсѣмъ. Затѣмъ, здѣшній король, или регентъ, назначилъ мнѣ аудіенцію и на завтра пригласилъ меня къ обѣду. Скажу больше—король далъ мнѣ обѣдъ, каково!

Да, это такъ; я знаю, что онъ спрашивалъ у президента выставки, кого я здѣсь знаю, и кого пригласить, чтобы мнѣ было пріятно. Во время обѣда я сидѣлъ около короля по лѣвую сторону, значитъ на самомъ почетномъ мѣстѣ. Послѣ обѣда онъ повелъ меня смотрѣть свои картины, а затѣмъ онъ опять усадилъ меня возлѣ себя и своего сына, такъ что я сидѣлъ среди нихъ; тогда стали подавать кофе, сигары и т. д.

Не скрываю, дорогой В. В., что я этому очень радъ, радъ въ особенности потому, что мы теперь переживаемъ тяжелое время, и что есть уголокъ, гдѣ мы не презираемы; жаль только, что этотъ актъ не дойдетъ до моей родины, хотя здѣсь всѣ о немъ говорятъ.

Затѣмъ, нашъ добрый посолъ, графъ Остенъ-Сакенъ, уговорилъ меня поѣхать въ Байрейтъ, слушать Вагнера. Сказано, сдѣлано—я телеграфировалъ, получилъ билетъ и завтра, въ среду, ѣду.

Но какъ вы-то поживаете?

Вы уѣхали—и солнце спряталось, погода стала прегадкая. А какъ хорошо провели мы время вмѣстѣ,—это было точно сонъ! Жаль, что оно такъ скоро прошло. Пишите.

559. Къ нему же.

Biarritz, 10 августа 1892 г.

Спѣшу сказать вамъ, что деньги получилъ, за что очень и очень благодаренъ вамъ. Теперь мнѣ остается только получить ваше письмо и тогда я буду совсѣмъ спокоенъ. Адресъ мой—просто Biarritz, меня тамъ знаютъ.

Посылаю вамъ вторую серію вырѣзокъ изъ французскихъ газетъ, вѣроятно, это не послѣднія. Мнѣ совѣстно, что безпокою васъ этимъ, но тутъ дѣло идетъ не о медали (Богъ съ ней!), а о тенденціозномъ укрывательствѣ факта. Всѣ французскія газеты печатаютъ о своихъ, а наша пресса молчитъ. Скажу больше—русская пресса мною пренебрегаетъ, а французская меня принимаетъ. Не странно-ли это?

Какъ въ Мюнхенѣ, такъ и здѣсь, въ Парижѣ, русскіе художники не замѣтили, что я числюсь среди французскихъ художниковъ во всѣхъ журналахъ. Стыдно! Но надѣюсь, что вы этого не оставите.

А впрочемъ, ну ихъ совсѣмъ! Я не сирота.

560. Къ нему же.

Biarritz, 8 (20) августа 1892 г.

Мы очень безпокоимся, что отъ Эліаса ничего не получаемъ. Какъ онъ поправляется? Теперь такое тревожное время вездѣ, что поневолѣ тревожишься; приходится у всѣхъ разспрашивать, и всѣмъ приходится не отвѣчать. Впрочемъ, и здѣсь даже, въ Biarritz'ѣ, поговариваютъ о холерѣ, но я не вѣрю—здѣсь ея никогда не было, у страха глаза велики. Тѣмъ не менѣе, убѣдительно прошу вѣсточки.

Не знаю, присылаетъ-ли вамъ Генкель вырѣзки изъ нѣмецкихъ газетъ; я недавно получилъ сразу штукъ десять—короткихъ и длинныхъ, тамъ есть и цѣлый фельетонъ обо мнѣ, всѣ—очень хорошіе отзывы, нѣкоторые даже восторженные; въ общемъ не хуже, если не лучше, чѣмъ парижскіе. Замѣчу, что всѣ меня считаютъ русскимъ, кромѣ самихъ русскихъ.

Пожалуйста объ Эліасикѣ успокойте насъ.

561. Къ нему же.

Biarritz, 10 (22) августа 1892 г.

Только что получилъ ваше письмо, которое несказанно обрадовало меня. Но какъ поживаете? Какъ себя чувствуете? Жду обо всемъ обстоятельнаго письма.

Изъ Мюнхена я отъ всѣхъ получаю поздравленія съ полученіемъ п е р в ы м ъ, п е р в о й золотой медали. Во французскихъ газетахъ объ этомъ вездѣ напечатали: они почему-то пріютили меня къ своимъ (какая честь!..) А у насъ—на пари иду, что не будетъ ни слова.

Ради курьеза посылаю вамъ цѣлый пакетъ вырѣзокъ, которыя сегодня получилъ и навѣрное еще получу.

Какой безобразникъ Я. С. Поляковъ! Еще мѣсяца два тому на-

задъ я просилъ у него денегъ: долженъ и молчитъ. Теперь его нѣтъ въ Петербургѣ, пойди, ищи его по Европѣ.

Отъ Трубникова ни слова, не знаю даже, получилъ-ли онъ мое письмо. Впрочемъ, я такъ и предвидѣлъ—изъ такого кваса пива не сдѣлаешь. Не имѣете-ли вы чего нибудь отъ Генкеля? Какой прекрасный человѣкъ! Я получилъ только отъ него поздравленіе. Самое лестное письмо получилъ я отъ нашего посла въ Мюнхенѣ. Какъ жаль, что не всѣ таковы.

562. Къ нему же.

Biarritz, 10 (22) августа 1892 г.

Вырѣзка, которую посылаю вамъ въ этомъ письмѣ и которая была напечатана навѣрное не только въ „Новостяхъ", очень характерна, она говоритъ сама за себя. Тутъ опять почему-то проглядѣли меня—удивительно! Какой чортъ старается задержать все, что касается меня, и не пропускаетъ въ Россію? На какое лихо это ему нужно? Просто загадка. Вначалѣ я вздумалъ сердиться, но потомъ расхохотался отъ всей души: вѣдь въ концѣ концовъ я поймаю бѣса за копыта, ей-ей поймаю, только помогите. Такихъ проказъ пропускать нельзя; онѣ столько-же смѣшны, какъ и подлы. Убѣдительно прошу васъ повидать кого-нибудь изъ „Новостей" и попросить ихъ помочь мнѣ поймать вѣдьму, черную кошку: вѣдь и ихъ вводятъ въ заблужденіе. Боюсь, что тутъ есть бѣсъ въ видѣ юдофоба, или юдофобъ въ видѣ бѣса, только на этотъ разъ полякъ ужъ слишкомъ въ то-же время старается о своихъ, и этимъ выдаетъ самого себя.

О полученіи первой золотой медали я получилъ оффиціальное извѣщеніе; но кромѣ этого я получилъ отъ нашего премилаго посла въ Мюнхенѣ письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ, что въ печатномъ спискѣ о полученіи наградъ среди скульпторовъ мое имя „стоитъ первымъ съ обозначеніемъ присужденной мнѣ золотой медали первой степени". Это-то чортъ и проглядѣлъ! Нѣтъ, пора сказать: „до сихъ поръ и не дальше"; объ этомъ прошу васъ очень.

563. Къ нему же.

Biarritz, 25 августа 1892 г.

Ваше письмо, которое я только что получилъ, до того поразило меня, что я позабылъ о своемъ горѣ и о всемъ остальномъ. Это что-то невѣроятное, чудовищное!!! Да у насъ чума, настоящая чума мозговая, голодъ душевный! Да, какъ этотъ милый Мясоѣдовъ и другіе сумасшедшіе 20 лѣтъ молчали и не говорили вамъ того, что сейчасъ говорили? Зачѣмъ-же онъ или они—праведники—дали вамъ 20 лѣтъ лгать [1])? Честно-ли это съ ихъ стороны? Да что спрашивать у боль-

---

[1] Рѣчь идетъ о письмахъ Гр. Гр. Мясоѣдова, доказывавшаго В. В. Стасову, будто-бы отъ имени всѣхъ своихъ товарищей-передвижниковъ, что писательская дѣятельность Стасова была, въ продолженіе 20 лѣтъ, только въ высшей степени вредна Товариществу передвижниковъ. Письма эти сохраняются въ Имп. Публ. Библіотекѣ.

ныхъ резона, а логику у сумасшедшихъ! Но иллюстрація поразительная, и очень, очень печальная. Я надѣюсь, я убѣжденъ, что вы перенесете этотъ сюрпризъ съ мужествомъ, хотя подобный сюрпризъ отъ тѣхъ, кого 20 лѣтъ любилъ и за кого распинался,—больнѣе остраго удара врага. Что дѣлать! То случилось теперь, что я предвидѣлъ давно. Помнится, когда-то я писалъ объ этомъ Ильѣ Рѣпину, но это было уже давно. То были тогда только цвѣточки, а теперь вотъ и ягодки настоящія, которыми, если ихъ ѣсть, отравишься. Но главное, куда все это ведетъ? Просто страшно подумать! Отъ всей души желалъ-бы я, чтобы русская пословица „перемелется, все мука будетъ" оправдалась. Но такъ-ли? Какъ ни мало люблю я пессимизмъ, но онъ плюетъ въ глаза, бьетъ въ носъ, закрадывается въ душу. Да прочь его къ чорту!!!

Больно мнѣ за Эліаса; но куда онъ теперь поѣдетъ? На какія-бы то ни было воды поздно. Но главное и необходимое—онъ долженъ перемѣнить воздухъ; въ такихъ случаяхъ это лучшее лѣкарство, а лучше еще—родной воздухъ (l'air natal), чѣмъ часто лѣчатъ здѣшніе французы, и часто очень успѣшно. Совѣтую ему также прибѣгнуть къ liquorice-powder: это порошокъ, который надо принимать, около чайной ложки, на ночь, по мѣрѣ надобности, и это вещь крайне безвредная и освобождаетъ отъ запоровъ, что въ такихъ случаяхъ очень важно.

Не менѣе грустная новость отъ Ильи Рѣпина (непремѣнно напишу ему).

Вообще тройка наша замедляется—тяжело, дорога ухабистая, а тутъ и плутать еще достается, да еще изрядно; но не устаетъ, тянетъ по мѣрѣ силъ, и авось, съ Божьей помощью, войдетъ въ чистую колею, на широкую дорогу, а пока „эй, ухнемъ!"

Вашу разрозненную статью я еще не получилъ, я заранѣе шлю вамъ огромное спасибо; навѣрное черезъ недѣлю выйдетъ и вторая половина. Въ наше время и то великая милость.

Изъ дому все еще ничего не получаю. Это сильно тревожитъ меня. Боюсь, не боленъ ли мой шуринъ, а можно и заболѣть. Или его тормошатъ, бѣднягу.

Увидимъ, что дальше будетъ? Если дальше такъ пойдетъ, то я пріѣду раньше, чѣмъ думалъ, и если не добьюсь чего-нибудь радикальнаго, то уѣду изъ Россіи надолго, или, говоря вѣрнѣе, долго не пріѣду въ Россію и высылать мои произведенія на выставку не буду. Конечно, отъ этого проиграетъ раньше всего никто, какъ я самъ; но что дѣлать? Вѣдь въ такомъ случаѣ я не обезпеченъ, что и мнѣ подбросятъ динамитъ или что-нибудь подобное. Хорошее времячко!!!

564. Къ нему же.

Biarritz, 26 іюля 1892 г.

Гдѣ вы теперь? Пишу и не знаю куда адресовать, думаю—лучше всего въ Петербургъ. Послѣ того, какъ мы разстались, я писалъ вамъ два письма, первое изъ Мюнхена—о томъ, какъ тамошній регентъ меня

чествовалъ:—сперва я былъ у него на аудіенціи; затѣмъ онъ устроилъ для меня обѣдъ, посадилъ около себя на самомъ почетномъ мѣстѣ; послѣ обѣда повелъ меня разсматривать картины; потомъ мы опять усѣлись пить кофе. Все это продолжалось два часа, а мнѣ казалось—цѣлый день, и я радъ былъ, когда наконецъ былъ дома.

Второе письмо я вамъ писалъ изъ Парижа, писалъ о томъ, что былъ для васъ на почтѣ, но мнѣ отвѣтили, что вы сами должны просить, чтобы переслали ваши письма,—постороннія просьбы не принимаются въ уваженіе.

Затѣмъ, въ томъ-же письмѣ я поздравилъ васъ съ вашимъ годовымъ праздникомъ и желалъ вамъ тогда, какъ желаю теперь и всегда, всего лучшаго, всего того, что вы сами себѣ желаете. Но получили-ли вы эти письма? Мнѣ кажется, что нѣтъ, иначе вы-бы навѣрное откликнулись, а то вѣрить не хочется, чтобы послѣ такой чудной прогулки [1]), послѣ такого обилія вина и шампанскаго [2]) такая засуха, и послѣ столькихъ горячихъ рѣчей такое упорное молчаніе. А вѣдь вы обѣщали не то! Теперь пишу вамъ изъ Biarritz'а, и на этотъ разъ хочу вамъ разсказать тѣ впечатлѣнія, которыя я вынесъ отъ Вагнера... Нѣтъ, говоря вѣрнѣе, мнѣ необходимо высказаться... слушайте.

Я былъ въ Байрейтѣ, и былъ одинъ, и это мѣшало мнѣ наслаждаться вполнѣ: восторгъ то-же, что слезы — удержать ихъ трудно; еще труднѣе ихъ глотать. Но стопъ! Разскажу вамъ все по порядку, кратко, конечно, насколько съумѣю.

Послѣ вашего отъѣзда я занялся устройствомъ выставки. Работа моя сильно выиграла, но не совсѣмъ; затѣмъ пошли обѣды. Въ понедѣльникъ я собрался уже ѣхать домой; передъ отъѣздомъ пошелъ я проститься съ нашимъ предобрымъ, прелюбезнымъ посломъ. Тамъ я засталъ одного музыканта, заговорили о музыкѣ и, конечно, о Бетховенѣ и Вагнерѣ; я, какъ всегда, восторгался первымъ, но не вторымъ; всѣ были противъ меня; даже самъ гостепріимный хозяинъ, очень любящій музыку, не поддерживалъ меня, и сталъ разсказывать о Вагнерѣ чудеса. При этомъ онъ уговаривалъ меня поѣхать въ Байрейтъ, тѣмъ болѣе, что первое представленіе предстояло въ четвергъ, т.-е. черезъ четыре дня, остановка была только за билетомъ. Сейчасъ я телеграфировалъ въ Байрейтъ, получилъ удовлетворительный отвѣтъ, и дѣлать было нечего. Между тѣмъ, погода стала портиться, настали холода и дожди, и вотъ въ такую погоду я пріѣхалъ въ Байрейтъ. Былъ-ли я этимъ доволенъ? Конечно нѣтъ. Потерялъ четыре дня, затѣмъ очутился въ захолустьи, гдѣ плохо спалъ, плохо ѣлъ, голова трещала, но повторяю—дѣлать было нечего! Городъ еще не оконченъ, чистится; запоздалые купцы торопливо суетились—кто прибивалъ вы-

[1]) По Рейну, послѣ Реймса, втроемъ: М. М. Антокольскій, И. Я. Гинцбургъ и В. В. Стасовъ.

[2]) Рейнвейнъ—на пароходѣ; шампанское, въ Реймсѣ, на знаменитой фабрикѣ шампанскаго, фирмы Roedérer—какъ проба, предложенная хозяиномъ при осмотрѣ фабрики его съ ея громадными подземными галлереями.

вѣску къ своей импровизированной лавочкѣ; кто тащилъ бѣлье, посуду для домашней необходимости, кто раскладывалъ свой товаръ, состоящій исключительно изъ „мелкой индустріи вагнеризма"—каковы всевозможныя фотографіи во всевозможныхъ видахъ: самого Вагнера, его театра, дома, гроба, актеровъ и актрисъ, и проч. и проч. И все это изображено не только на бумагѣ, но и на вѣерахъ, платкахъ, тарелкахъ и даже на ложкахъ, брошкахъ и т. д. и т. д. Но надо отдать справедливость байрейтцамъ, — все это сдѣлано ужъ очень безвкусно и вовсе не дешево. А между тѣмъ, чуть-ли не каждый часъ поѣздъ привозилъ новыхъ гостей, которые проѣзжали по городу между любопытными байрейтцами, стоящими шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицы. Мало-по-малу городъ наполнился иностранцами всевозможныхъ народовъ, говорящихъ на всевозможныхъ языкахъ, среди которыхъ преобладалъ нѣмецкій. Но вотъ три часа, и цѣлая вереница пѣшеходовъ и каретъ потянулась по извѣстной аллеѣ, ведущей къ театру. На всѣхъ лицахъ выраженіе было почти одно и то же—точно передъ отпущеніемъ грѣховъ; но, признаться, мнѣ было не до нихъ—я самъ былъ въ нѣкоторомъ возбужденномъ состояніи. Театръ поразилъ меня, не столько своей колоссальностью, сколько своею простотой; онъ простъ и удобенъ, какъ только можно себѣ вообразить. Это не тѣ пошлые театры, куда собираются большею частью не для того, чтобы наслаждаться искусствомъ, а для того, чтобы наряженнымъ показаться самому и повидать другихъ тоже наряженными. Тутъ Вагнеръ сдѣлалъ все, что только могъ сдѣлать геній, чтобы создать театръ для искусства, а не искусство для театра, какъ это было до сихъ поръ.

Тутъ я на секунду остановлюсь и разскажу маленькій фактъ изъ своей жизни. Я не хочу цѣловать себя въ затылокъ, не хочу, потому что это невозможно и безполезно, но тѣмъ не менѣе этотъ маленькій разсказъ выходитъ точно поцѣлуй въ свой затылокъ.

Это было въ Римѣ, во время работы „Христосъ передъ судомъ народа", значитъ 19 лѣтъ тому назадъ. Однажды, послѣ работы, усталый, я пошелъ бродить по окраинамъ Рима и вошелъ въ церковь Santa Maria Maggiore — церковь въ стилѣ Ренесансъ, съ колоннами, взятыми изъ Villa Adriana—терпѣть не могу подобныя церкви. Онѣ вовсе не христіанскія, а какая-то смѣсь притворства языческаго съ христіанскимъ, гдѣ рядомъ съ веселостью стиля прилѣплены черные кресты съ головами труповъ, гробы и надгробные памятники. Все это обдало меня холодомъ, и я хотѣлъ поскорѣе уйти. Но я заглянулъ въ одну боковую капеллу, очень богатую. Я сталъ разсматривать скульптуру. Вотъ, въ одной нишѣ мраморная статуя, изображающая молящагося попа; рыцарь среднихъ вѣковъ храбро стоитъ гдѣ-то на карнизѣ; храбро — потому, что сзади онъ прикрѣпленъ желѣзомъ. Среди этой мертвечины, священникъ собирался къ службѣ. Но вдругъ, совершенно неожиданно на хорахъ запѣли пѣвцы такъ стройно и задушевно, что все вокругъ меня ожило и получило другой смыслъ: и попъ, и рыцарь, казалось, стали молиться и слушать, какъ и я.

Только тогда я понялъ магнетическую силу музыки; понялъ всю

безобразность нашихъ концертовъ, когда дама въ бальномъ платьѣ или мужчина во фракѣ стоятъ на подмосткахъ, держа ноты, и поютъ круглымъ ртомъ. Во-первыхъ, это просто неэстетично, какъ неэстетично видѣть, какъ ѣдятъ; во-вторыхъ, само искусство пѣнія—что-то идеальное, непостижимое; а видѣть этотъ идеалъ передъ собою во фракѣ, видѣть, откуда выходятъ эти божественные звуки—просто парализуетъ наслажденіе. Во время представленія все это улаживается—тутъ и дѣйствіе, и костюмы, и обстановка; но концертъ—просто не хорошо. Я тогда уже думалъ, что звуки, какъ и свѣтъ—должны падать сверху, и смотрѣть, откуда идутъ эти звуки, то-же, что силиться смотрѣть на солнце. Но, кромѣ этого, съ тѣхъ поръ я сталъ мечтать о соединеніи пластическаго искусства съ музыкой: музыка даетъ обратное настроеніе—она оживляетъ пластическое искусство, какъ и слова, (мнѣ теперь вспоминается, что объ этомъ я уже когда-то писалъ вамъ).

Но вотъ, проходитъ немного времени, и я слышу, что Вагнеръ устроилъ новый театръ, гдѣ оркестръ спрятанъ. Этому я сильно обрадовался: я тогда уже понялъ, что онъ далъ огромный толчокъ сценическому искусству. Но тогда я понялъ не все: надо было быть на мѣстѣ, видѣть и слышать, чтобы придти въ такой сумасшедшій восторгъ, въ какомъ я былъ во время представленія „Парсифаля". Во время представленія свѣтъ въ театрѣ совсѣмъ потушенъ, и вы ничего не видите, ничто не можетъ отвлекать глаза, за то вы весь концентрируетесь на сценѣ.

Но что это за сцена, что за музыка, что за обстановка!!! Все ново и поразительно, начиная съ подъема занавѣса, который не завивается передъ зрителемъ вверхъ, какъ это до сихъ поръ существуетъ вездѣ, и гдѣ видны сперва сапоги актеровъ, затѣмъ туловище и, наконецъ, голова.

Даже перемѣна картинъ тоже нова и поразительна. Передъ вами какимъ-то волшебнымъ движеніемъ носятся картины изъ „Тысячи и одной ночи". Декорація въ своемъ родѣ геніальна, въ особенности храмъ въ Романскомъ стилѣ. И какъ все тамъ исполняется! Какъ тщательно хорошо! Какими опытными актерами и какими сильными голосами. Но главное—сама музыка. Впрочемъ, все вмѣстѣ до того цѣльно, одно другому до того соотвѣтствуетъ и такъ хорошо, упоительно,—что я не замѣчалъ, какъ время прошло, и жалѣлъ сильно, когда представленіе кончилось.

Удивительна личность Вагнера, и весьма рѣдкое явленіе, не только потому, что онъ геніальный музыкантъ, но и потому, что у него умъ съ чувствомъ, музыка съ практикой идутъ рука-объ-руку. Преобразованіе театральной обстановки столько-же замѣчательно, какъ и его музыка.

Послѣ „Парсифаля" я не поѣхалъ домой, какъ разсчитывалъ, а постарался достать билетъ на „Тристана". А какъ можно не напиться, когда жаждущимъ стоишь у источника? И знаете, что я скажу вамъ—я закаялся послѣ „Парсифаля" слушать „Тристана": насколько пер-

вое полно совершенствъ, настолько второе — полно недостатковъ. Главное то, что Вагнеръ не знаетъ размѣра человѣческихъ нервовъ. „Тристанъ“, всего въ трехъ актахъ, изображаетъ три фазиса любви; но Боже мой, какъ они длинны, скучны, и длинны и скучны, потому что неестественны; какіе тамъ длинные монологи, тирады и разсужденія, и это—у страстныхъ, чуть-ли не первобытныхъ натуръ! Нѣтъ, такъ можно любить только умомъ, выдуманно; и все время влюбленные до того кричатъ, что въ концѣ концовъ говоришь себѣ: „Ну, пускай такъ, лишь-бы скорѣе конецъ“. Обстановка на кораблѣ (въ первомъ актѣ) и пѣсни матросовъ поразительны, такъ-же какъ и три пастуха (въ послѣднемъ актѣ).

Конечно, къ моимъ разсужденіямъ о музыкѣ надо относиться осторожно—я не спеціалистъ, я слѣпецъ, нотъ не читаю, но говорю только то, что непосредственно мое чувство диктуетъ.

Конечно, послѣ того, что я видѣлъ и слышалъ, я не стану больше спорить, кто выше, Бетховенъ или Вагнеръ, ибо спорить объ этомъ трудно. Это двѣ совершенно различныхъ силы, которыя трудно ставить рядомъ и пустить ихъ на конкурсъ. Вагнеръ въ сто разъ больше нѣмецъ, чѣмъ Бетховенъ; за то Бетховенъ во сто разъ больше обще-человѣкъ, чѣмъ Вагнеръ. Бетховенъ—продуктъ шампанскаго, Вагнеръ—продуктъ пива. Не думайте, дорогой В. В., что этимъ я хочу сказать колкость, или же парадоксъ ради краснаго словца; подумайте, что во время Бетховена неизмѣримо меньше пилось пива, чѣмъ теперь, а съ этимъ необходимо считаться: вліяніе пива на характеръ—огромное, то-же, что опіумъ на Востокѣ; не даромъ въ музыкѣ Вагнера чувствуется дальній Востокъ—тотъ-же диссонансъ, таже медлительность и тягучая плавность, но величественно. А все-таки, да здравствуетъ шампанское!

Кажется довольно, довольно! Тѣмъ болѣе, что завтра я собираюсь еще писать вамъ, но уже чисто о дѣлѣ.

Но имѣете-ли вы теперь время читать? Я буду ждать вашего письма съ нетерпѣніемъ, только ради Бога безъ предисловія—дескать, пишу сегодня второпяхъ, всего нѣсколько словъ. Я сижу теперь въ Biarritz'ѣ и скучаю, какъ бѣсъ на крышѣ храма. Ни отъ кого ничего не получаю и ничего не знаю. Читаю только газеты, но газета не другъ—читай, а самъ смотри въ оба: вретъ, дескать.

И такъ, пишите, 1) какъ поживаете, 2) какъ всѣ вокругъ васъ поживаютъ, 3) гдѣ вы теперь, 4) ну, и довольно.

565. Къ нему же.

Biarritz, 27 августа 1892 г.

На этотъ разъ разскажу вамъ такое дѣло, касающееся лично меня, что вы ахнете. Вотъ второй день, какъ дрожу отъ волненія и досады! Но постараюсь быть хладнокровнымъ и разскажу все по порядку.

Лишнее напомнить вамъ, какъ часто газеты въ послѣдніе годы

клевещутъ на меня и глумятся надо мною. Я-бы могъ ихъ документально опрокинуть, какъ картонный домикъ, но съ клеветниками по ремеслу—правды не добьешься; напротивъ, плюнешь имъ въ глаза, а они еще станутъ всѣхъ увѣрять, что это Божья роса. Мимо, мимо нихъ! Пусть они займутся своимъ гнуснымъ ремесломъ, а я своимъ дѣломъ.

Но это только увертюра, а вотъ и первый актъ. Приблизительно одновременно съ газетными нападками случилось съ моимъ двоюроднымъ братомъ, въ моемъ родномъ городѣ, что-то необычайное, насколько возмутительное, настолько-же и загадочное. Надо сказать, что мой двоюродный братъ—человѣкъ скромный, тихій, честный и... бѣднякъ; ни съ кѣмъ въ пререканія не входитъ и живетъ самъ собою, радуясь, что кое-какъ день прожилъ. Держитъ онъ гдѣ-то лавчонку; и вотъ, въ одинъ прекрасный день, входитъ мальчикъ и проситъ позволенія положить на минуту узелокъ: онъ сейчасъ пойдетъ обратно и возьметъ его. Сейчасъ послѣ ухода мальчика вбѣгаетъ околодочный и—цапъ узелокъ; въ немъ оказалось не болѣе и не менѣе—какъ машинка для фальшивыхъ монетъ. Составили протоколъ, скрутили бѣдняка и засадили куда слѣдуетъ.

Родные бросились туда, сюда, но безуспѣшно. Но сынъ его, не окончившій юристъ, взялся за это дѣло, конечно, съ энергіей. Отыскали мальчика, мальчикъ сказалъ, что узелокъ далъ ему его отецъ, который уже успѣлъ бѣжать, но и его успѣли поймать. Отецъ мальчика—еврей, состоящій сыщикомъ при полиціи, сознался, но прибавилъ, что онъ это сдѣлалъ по приказанію частнаго пристава. Еврея засудили въ Сибирь; тѣмъ дѣло и кончилось. Антрактъ.

Проходитъ почти годъ; для меня до сихъ поръ загадочно, кому была охота губить невиннаго человѣка и какая тутъ цѣль?

Но вотъ второй актъ.

Я сталъ получать письма отъ моего шурина (онъ занимается моимъ домомъ), что въ послѣднее время частный приставъ (другого квартала) сталъ особенно придирчивъ; золъ, какъ муха передъ бурей; а тутъ еще эпидемія. Приходитъ коммиссія, указываетъ, что надо дѣлать, а приставъ указываетъ свое, грозитъ, что онъ насъ въ тюрьму засадитъ и т. д. Тутъ дѣло шло о деревянныхъ сараяхъ, и мы рѣшили совсѣмъ сбросить ихъ, тѣмъ болѣе, что это мое давнишнее желаніе. Я опять получилъ письмо, что частный приставъ былъ въ домѣ съ строительной коммиссіей и взялъ подписку у моего шурина сдѣлать все до 1-го сентября. Я опять пишу ему, чтобы онъ сдѣлалъ, что необходимо. И вотъ, третьяго дня утромъ получаю я два письма изъ дому—одно отъ сестры, которая извѣщаетъ меня, что въ нашемъ домѣ былъ пожаръ и что нашъ домъ въ опасности. Надо сказать, что нѣсколько недѣль тому назадъ былъ пожаръ въ сосѣднемъ домѣ, и, благодаря глухой стѣнѣ въ нашемъ домѣ, пожаръ былъ потушенъ. Причиной пожара поджогъ; но, главное, что вы думаете? Частный приставъ хочетъ привлечь моего шурина къ отвѣтственности какъ поджигателя!!! Надо быть ослѣпленнымъ злобою, чтобы допустить, что

мой шуринъ—отецъ семерыхъ дѣтей, 15 лѣтъ состоящій на казенной службѣ въ качествѣ старшаго учителя народной еврейской школы, получившій награды за усердіе, поджегъ деревянный сарай, подвергая опасности домъ, который онъ недавно перестроилъ вновь (при чемъ мой отецъ былъ убитъ) и который стоитъ почти вдвое больше, чѣмъ страховка. Подвергать опасности жильцовъ—и все для того, чтобы получить нѣсколько сотъ рублей отъ страхового общества для меня! Не абсурдъ-ли это? Не возмутительно-ли, не подло-ли, не пошло и гнусно-ли! Что мнѣ дѣлать? Жаловаться? Но гдѣ? Когда заступили еврея въ прошлой исторіи, всѣ говорили, что отрубили у него только хвостъ, а голова осталась. Найду-ли я правду при такомъ настроеніи умовъ, когда фанатики засмотрѣлись на свой идеалъ, какъ на солнце—до слѣпоты, а другіе мутятъ еще, чтобы въ мутной водѣ рыбу половить!

Второе письмо было отъ шурина, который второпяхъ пишетъ мнѣ, чтобы успокоить меня, такъ какъ онъ узналъ, что сестра писала мнѣ; онъ говоритъ, что частный приставъ не можетъ насъ привлечь къ суду; но одинъ уже тотъ фактъ, что онъ желаетъ этого—чудовищенъ!

Странно, однако, вотъ что: случайно-ли, что наша пресса глуха и нѣма ко всѣмъ успѣхамъ, которые я имѣю теперь за границей, и въ то-же время такъ чутка ко всякимъ клеветамъ? Случайно-ли, что газеты, гдѣ меня ругаютъ, анонимно разсылаются моимъ знакомымъ, друзьямъ и тѣмъ, кто пріобрѣтаетъ что-нибудь у меня? Случайно-ли, что какой-то сыщикъ хотѣлъ оклеветать въ криминальномъ поступкѣ человѣка, близкаго мнѣ, носившаго мое имя? Наконецъ, случайно-ли, что теперь въ не менѣе криминальномъ поступкѣ хотятъ оклеветать честнаго человѣка, близкаго мнѣ какъ по родству, такъ и по дѣлу? Или есть тутъ какая-нибудь связь? Отъ всей души я желалъ-бы, чтобы это было случайно, но тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ. Чѣмъ я обезпеченъ, что потомъ что-нибудь болѣе ловкое мнѣ подбросятъ? Я опять спрашиваю: что мнѣ дѣлать? Но главное, за что меня такъ преслѣдуютъ? Кому я дурное что сдѣлалъ? У кого я хлѣбъ отнимаю? Богъ наградилъ меня талантомъ,—но я не закапываю его въ землю, не торгую имъ, не срамлю русскаго имени нигдѣ, какое-бы ни было теперь тяжелое время.

И все-таки я не перестаю вѣрить въ силу души Россіи; всѣ мои работы, всѣ мои чувства, думы, вся радость и горе, которыми мой духъ питается,—все это отъ Россіи и для Россіи. Не я-ли всю свою жизнь преслѣдовалъ одну мысль? Не я-ли воспѣвалъ и воспѣваю русскихъ героевъ? Наконецъ, за что мои братья подвергаются фальшивымъ криминальнымъ обвиненіямъ? За то-ли, что я еще не разочаровался въ Россіи?

О, дорогой В. В., есть одно ужасное проклятіе, ужаснѣе всѣхъ: „будь правдивъ, какъ праведникъ, и нигдѣ правды не найти тебѣ“; и это проклятіе мы испытываемъ теперь. Но лучше-ли отъ того нашимъ гонителямъ? Куда они стремятся?

Испанія изгнала евреевъ и сама пала къ ногамъ Европы.

Французская революція показала, что политическая страсть столько-же сильна, если не сильнѣе, чѣмъ религіозная.

Не того-ли хотятъ добиться фанатики? Пусть они оглянутся назадъ и увидятъ, какъ далеко они ушли отъ истины.

Ну, довольно, высказался—и какъ-будто легче стало. Но что вы, вы-то, мой старый, вѣрный, дорогой другъ, скажете на все это? Дайте мнѣ, ради Бога, совѣтъ: молчать, скрежетать зубами и глотать слезы, перенести обиды и позоръ, или выступить въ бой, въ неравный бой? Съ нетерпѣніемъ жду извѣстій изъ Вильно, подробнаго письма, но до сихъ поръ не получилъ—это опять меня безпокоитъ.

566. Къ нему же.

Biarritz, 27 іюля 1892 г.

То, что я обѣщалъ вчера, исполняю сегодня, т.-е. пишу. Еще-бы! Поневолѣ станешь писать, хлопотать и людямъ надоѣдать, когда страдаешь хроническою болѣзнью „каверны въ карманѣ". Да, это такая болѣзнь, что современные доктора оказываются безсильными.

Посылаю вамъ довѣренность и убѣдительно прошу достать мои деньги (изъ Кабинета) какъ можно скорѣе. Я жду изъ нѣсколькихъ мѣстъ денегъ, но врядъ-ли дождусь,—теперь каникулы, всѣ понемногу лѣнятся, въ особенности деньги посылать; да кромѣ того, теперь такое время, что никого не отыщешь. Да, теперь скверное, отвратительное время; а все-таки, каверны въ карманѣ даютъ себя знать.

Посылаю вамъ вырѣзку изъ „Новостей" и спрошу: что за притча, что моей славѣ сопутствуетъ какая-то слѣпая тѣнь, которая ничего не видитъ, не видитъ и не слышитъ. Недавно я имѣлъ въ Парижѣ такой успѣхъ, какъ никто никогда, и успѣхъ честный; могъ-же кто-нибудь изъ нашихъ корреспондентовъ сообщить объ этомъ въ Россію, хоть пару словъ! Да, могли, но никто этого не сдѣлалъ. Теперь-же мои работы въ Мюнхенѣ, худо-ли, хорошо-ли, все-таки—мои работы самыя импонирующія тамъ; и вотъ, оттуда сообщается всякій вздоръ, а обо мнѣ ни слова. Что это за чудо? Пожалуйста, разгадайте мнѣ эту загадку. Право, слѣпая тѣнь около меня ходитъ. Конечно, рано или поздно она свое возьметъ. Рано утромъ и поздно вечеромъ я все пою свою старую пѣсенку: „И больно, и грустно, когда кто мараетъ и т. д.", остается развѣ только прибавить: „И отрадно, и весело, когда никто обо мнѣ ничего не прибавляетъ". А все-таки, досадно, что такой вздоръ печатается на страницахъ „Новостей".

Ну, сегодня я не расположенъ много болтать; раньше дайте поправить каверну въ моемъ карманѣ.

567. Къ нему же.

Biarritz, 31 августа 1892 г.

Опять пишу вамъ. Вчера получилъ газету „Новости", гдѣ на-

НАДГРОБНЫЙ ПАМЯТНИКЪ
дочери г. Терещенки.
Парижъ. 1888.

печатана ваша статья обо мнѣ [1]). Сто разъ спасибо вамъ, дорогой, старый, вѣрный другъ!

Что статья была разрознена—думаю, что даже хорошо; тѣмъ болѣе, что сейчасъ на завтра печаталась вторая половина, и, конечно, какъ и слѣдовало ожидать,—„Новое Время" откликнулось (его еще я не читалъ, но говорятъ) и по своему обыкновенному .....скому способу старается „хорошенько провалить меня въ глазахъ русской публики". Дурни они, дурни, мой мраморъ и бронза не по зубамъ имъ; пускай грызутъ, коли имъ охота, пока не разломаютъ себѣ зубы.

Здѣсь находится самъ апостолъ русской пошлости—самъ X., и надо видѣть, какъ низко гнутъ передъ нимъ спины важные чиновники.

„Хороши наши свиньи, хорошо и наше корыто!" Я все еще не могу опомниться отъ вашего послѣдняго письма—отъ поступка Мясоѣдова и ему подобныхъ.

Такъ поступаютъ люди, кичащіеся своимъ благородствомъ, своими нравственными принципами! Такъ-то они вознаграждаютъ за 20 лѣтъ преданности и любви! 20 лѣтъ молчали и только теперь они бросаютъ васъ, какъ изношенную перчатку. Эти люди больные, больные головою и сердцемъ; но, во всякомъ случаѣ, иллюстрація нашего времени поразительная!!! И вотъ вамъ въ заключеніе маленькая новость, тоже достойная нашего времени. Въ Монте-Карло французы устраиваютъ международную художественную выставку. Среди членовъ комитета, изъ иностранцевъ—Мункачи и нашъ старецъ Боголюбовъ. Что можетъ быть милѣе этого! Чудныя картины, писанныя въ возвышенномъ духѣ, будутъ выставлены въ игорномъ домѣ! Еще одинъ шагъ—и мы увидимъ художественную выставку въ публичномъ домѣ, гдѣ вмѣсто мраморныхъ „Нимфы" и „Діаны" будутъ стоять сами модели, самаго перваго сорта кокотки, которыя и получатъ почетныя медали.

Въ вашей статьѣ я читалъ такіе отзывы обо мнѣ, какихъ я не получалъ; а можетъ быть вы не получали то, что я получилъ; на всякій случай, пересылаю. Изъ дому все еще ничего нѣтъ; молчу, терплю,—боюсь телеграфировать, чтобы не тревожить ихъ еще больше.

Ради Бога, постарайтесь повидать кого-нибудь изъ моихъ, узнайте, въ чемъ дѣло, и дайте совѣтъ, а если можно—и помощь.

568. Къ нему же.

Biarritz, 11 (23) сентября 1892 г.

Статуя „Петра I" послана уже недѣльки двѣ тому назадъ. Посылаю письмо, которое я получилъ по поводу этого отъ литейщика; прошу переслать его генералу Бильдерлингу.

Какъ-же вы поживаете, дорогой В. В.? Я все еще не опомнился

---

[1]) «Торжество Антокольскаго въ Мюнхенѣ», двѣ статьи В. В. Стасова, напечатанныя въ «Новостяхъ», 21 и 22 августа 1892 г.

послѣ поступка грубіяна Мясоѣдова. Это такое крупное чудовище, которое можно видѣть только во снѣ.

Но кто, когда и какой благородный человѣкъ не получалъ черной неблагодарности отъ своихъ современниковъ? И чѣмъ выше, крупнѣе личность, тѣмъ благодарность чернѣе. Вы знаете, что я никогда не былъ поклонникомъ толпы; знаю ихъ силу, ихъ чувство, ихъ мощь и глубину—но они нуждаются въ провожатыхъ; и куда провожатый ни повелъ-бы ихъ, туда они и пойдутъ, какъ на гору, такъ и съ горы. Но мой идеалъ, именно, тѣ провожатые, которые любили народъ, какъ свое дѣтище; которые вели ихъ къ свѣту, къ знанію и правдѣ. Увы! Народъ за это часто ихъ бичевалъ нравственно и физически; но за то эти мученики, какъ маяки ночью, указываютъ путь всѣмъ поколѣніямъ всѣхъ вѣковъ.

Скажите ради Бога, неужто вамъ не гордиться, что вы теперь похожи на нихъ, что пьете съ ними вмѣстѣ горькую чашу? О, да, вы должны гордиться, вамъ есть въ чемъ позавидовать.

Ну, довольно объ этомъ, не всѣ такіе, какъ „неподвижники"; у васъ есть немало и друзей, которые дѣлятъ вмѣстѣ съ вами и радость, и печаль. А знаете пословицу—„общая печаль—половина утѣшенія".

Скажите, правда-ли, что вы намѣрены отвѣтить князю Волконскому на его почти эстетическую статью?

Самъ отецъ теперь здѣсь (тоже порядочная штука): онъ любезенъ и . . . . . до-нельзя. Такъ вотъ, онъ далъ мнѣ прочесть эту статью, вышедшую отдѣльно.

Бебе—и только! Онъ начинаетъ, какъ Сократъ, отъ опредѣленія, что не истинно, чтобы разъяснить, что истинно. Но не лучше-ли было-бы, если-бы онъ, какъ Сократъ, сказалъ: „Я одно знаю, что ничего не знаю". Нѣтъ, лучше не отвѣчать.

Я продолжаю отъ скуки писать; передѣлываю статью объ искусствѣ, и сверхъ того написалъ много о Парижѣ, тоже въ формѣ писемъ.

Посылаю вамъ вырѣзки изъ писемъ изъ Петербурга; эти письма составляются въ Парижѣ по газетамъ и по разнымъ свѣдѣніямъ; но видно, что ваша статья произвела эффектъ.

Про Мюнхенъ и что тамъ говорятъ—больше ничего не знаю.

569. Къ нему же.

Парижъ, 2 ноября 1892 г.

Давно, очень давно я собирался писать вамъ, и, можетъ быть, хорошо, что не писалъ. Все время я велъ борьбу—стыдно сказать—съ комарами! Стыднѣе всего то, что они замучили меня; правду сказать—мелочи, дрязги, злоба дня вовсе не идутъ къ моимъ нервамъ. Я готовъ бороться скорѣе съ медвѣдемъ, чѣмъ съ роемъ комаровъ; только ужъ очень обидно, когда житейскіе комары такъ сильно при-

стають и одолѣвають. Притомъ, въ этомъ году и Biarritz имѣлъ для меня обратное дѣйствіе; причина этому та, что почти все время дулъ обратный вѣтеръ—сирокко, который такъ сильно раздражаетъ нервы; ну, и при этомъ, кстати, и карманъ у меня захворалъ. Этому причиной—добрые... нѣтъ, не добрые люди, которые обѣщали и надули; другіе просто надували ужъ безъ всякихъ обѣщаній. Все это кончилось тѣмъ, что я заперся на семь замковъ и сталъ смотрѣть на берегъ моря и ждать лучшихъ дней; а пока видѣлъ только Biarritz съ его публикой. Что это за публика! Что это за мелочь, чтобы не сказать чего-нибудь хуже. Думаю, что туда больше не поѣду—опротивѣлъ мнѣ не столько Biarritz, нѣтъ, эта природа вѣчно грандіозна и глупости не творитъ, а дрянненькій людъ, который просто отравляетъ атмосферу, да наши русскіе—самая верхняя плева кислаго молока. Тамъ встрѣтите и отставныхъ, и настоящихъ генераловъ, которые крестятся и говорятъ: „Слава Богу, что я не писатель"; тамъ встрѣтите и отставныхъ министровъ, имѣвшихъ видъ прошлогоднихъ календарей; тамъ и не настоящіе товарищи настоящихъ министровъ, дающіе всѣмъ примѣръ набожности и волокитства; тамъ и самъ X.—апостолъ газеты, за которымъ всѣ ухаживаютъ, такъ что онъ въ правѣ хвастаться, что къ нему министры тайкомъ ходятъ. А дамъ, дамочекъ, кавалеровъ, шулеровъ сколько! Въ казино я никогда не бываю, но ихъ достаточно вездѣ. Такъ вотъ какъ мы живемъ и здравствуемъ; но говорятъ, что и вы прихварываете, и въ этомъ ужъ не люди виноваты, а вы сами,—вы не щадите себя, работаете не по силамъ; ну, и навѣрное милые люди не оставляютъ васъ въ покоѣ, какъ, напр., желчный Мясоѣдовъ и ему подобные.

Эхъ, ѣли-бы они себя, и всѣ сказали-бы имъ „на здоровье"; анъ нѣтъ, они хотятъ ѣсть другихъ—дескать, вкуснѣе; и выходитъ не Мясоѣдовъ, а Людоѣдовъ.

Здѣсь въ художественномъ мірѣ пусто; сезонъ любви къ искусству еще не начался, а репортеры-вороны еще не прилетѣли. Говорятъ, что Боголюбовъ пріѣхалъ, но я его еще не видалъ и, по всей вѣроятности, не скоро увижу, какъ и другихъ нашихъ художниковъ. Что я могу имъ сказать? Что могутъ они мнѣ сказать? Не видятъ меня—не завидуютъ мнѣ; не вижу я ихъ—не сержусь на нихъ. Да Богъ съ ними, только бы меня оставили въ покоѣ.

Теперь здѣсь, и должно быть вездѣ, всѣ готовятся къ всемірной выставкѣ въ Чикаго, и правду сказать, зачѣмъ грѣхъ таить, немного обидно, немного смѣшно и очень досадно, что всѣ художники находятъ все это въ порядкѣ вещей, какъ должно быть и иначе быть не можетъ; но чего они такъ волнуются? Что такое Чикаго для насъ, художниковъ? Развѣ тамъ Аѳины? Развѣ они ѣдутъ на Олимпъ, гдѣ именитые старцы, доки въ искусствѣ, раздадутъ намъ пальмовыя вѣтки? Помилуйте, вѣдь тамъ всѣ—торговцы жирными свиньями; можетъ быть они люди прекрасные, но знаютъ толкъ въ искусствѣ, какъ ихъ свиньи въ апельсинахъ. Ну, сказали-бы, по крайней мѣрѣ, наши братики откровенно, что, дескать, ѣдемъ за море не разуму набираться, пальмы

доставать, а ѣдемъ золото загребать. Если-бы я послалъ туда что-нибудь, то исключительно для этой цѣли. Америка для французовъ—дойная корова, и всѣ это знаютъ, и никто этого не скрываетъ; а если мы хотимъ тоже достать хоть нѣсколько капель молочка, то ужъ надо ѣхать не такъ, какъ мы ѣдемъ,—иначе, чего добраго, вмѣсто молочка, коровушка станетъ брыкаться. А то на художественный отдѣлъ, на самое-то зерцало души Россіи—отпускаютъ изъ общей суммы 900.000 только 8.000!!! Это значитъ—купи себѣ аршинъ нитокъ, состряпай для всѣхъ балахоны, чтобы подруженьки явились среди своихъ нарядными, чтобы быть не хуже другихъ, а то, если можно—и лучше. Помилуйте, вѣдь при такой суммѣ, при теперешнемъ курсѣ, да еще въ Америкѣ, гдѣ нашъ рубль равняется здѣшнему франку!—Значитъ, жить тамъ представителямъ искусства придется впроголодь, да на гвоздѣ для развѣшиванія картинъ, въ случаѣ надобности, и самимъ повѣситься. Я вполнѣ понимаю, какъ это досадно графу Ивану Ивановичу и вполнѣ сочувствую ему.

Кстати, вчера я получилъ отъ него письмо: добрый графъ очень желаетъ, чтобы и я туда что-нибудь послалъ; но больше 50-ти пудовъ нельзя посылать, а мои дѣти ужъ больно тяжеловѣсны. Я готовъ послать на свой счетъ, но не знаю, во сколько это обойдется; да, чего добраго, подмочатъ, разломаютъ, и какой прокъ будетъ изъ всего этого?

Пальму получить? Будетъ: старѣюсь, да притомъ-же для меня Европы хватитъ.

Скажите, пожалуйста, не знаете-ли вы чего-нибудь новаго изъ Мюнхена? Я ничего. На-дняхъ писалъ, чтобы укладывали вещи и отправили ихъ въ Петербургъ, а за ними и я пріѣду.

Это будетъ въ первыхъ числахъ января, и тогда васъ перваго обниму, и крѣпко.

Заказъ проекта для памятника покойному Государю почти состоялся. Предлагаютъ мнѣ сдѣлать 2 проекта за 5.000 руб., на что я и согласился.

Статуя „Петра I“ для Главнаго Штаба давно отослана, и, вмѣсто русскаго спасибо, я получилъ извѣстіе, что Бильдерлингъ требуетъ отъ меня подробнаго отчета. Передаю вамъ это безъ всякихъ коментаріевъ. А Поляковъ хочетъ отослать двѣ статуэтки назадъ—будто-бы я ему сказалъ по 1000 фр., а не по 3 т. фр. Тоже очень красиво!

Пожалуйста, если можно, необходимо напечатать въ газетѣ, что въ магазинѣ Барбедьена (въ Парижѣ) издаются мои работы въ уменьшенномъ видѣ, вышиною около одного аршина. Это изданіе будетъ нумерованное, личное, т.-е. будетъ обозначено имя покупателя, и, вмѣсто марки, будетъ мой портретъ, какъ это дѣлалось въ среднихъ вѣкахъ и какъ это дѣлается многими теперь и здѣсь.

Цѣна каждой—3000 фран. Каждой статуи будетъ издано только 50 экземпляровъ: необходимо впередъ записаться. Теперь ужъ изданы: „Несторъ“, „Спиноза“, „Христіанская мученица“ и „Петръ I“. Бу-

дутъ еще издаваться: „Мефистофель“ и „Христосъ передъ судомъ народа“.

Одновременно слѣдуетъ, чтобы Эліасъ попросилъ объ этомъ О., чтобы помѣстилъ объ этомъ въ газетѣ.

То, о чемъ я прошу—не моя идея, а ваша, о которой Эліасъ вчера мнѣ сообщилъ въ своемъ письмѣ.

Портретъ мой высылаю вамъ сегодня-же. Какъ я радъ, что Эліасъ сдѣлалъ статуэтку Верещагина! Въ особенности, какъ говорятъ, что это самая удачная. Значитъ онъ идетъ впередъ, браво, браво!

Я вновь сталъ работать „Еву“, но чувствую, что эта глупая красота точно подкидышъ въ моей мастерской, и среди другихъ стыдно показывать ее. Но надо окончить, я люблю красивый бокалъ со старымъ виномъ. Думалъ я было начать „Моисея“, но тутъ подвернулся заказъ. И такъ, не всегда—какъ хочется, а какъ Богъ, а иногда карманъ, велитъ.

Да, кстати, что скажете объ изданіи моихъ работъ Булгаковымъ? Я смотрю на это только какъ на хорошій каталогъ. А вы какъ?

570. Къ нему же.

Парижъ, 22 ноября 1892 г.

Раньше всего посылаю вамъ мою, давно обѣщанную вамъ фотографію.

Затѣмъ посылаю вамъ маленькую замѣтку, отъ которой вы будете хохотать, какъ надъ достовѣрнымъ образчикомъ газетной новости, которая, по всей вѣроятности, была перечитана вездѣ, такъ какъ она попала даже сюда въ посольскіе органы. Затѣмъ, скоро уѣдутъ мои произведенія къ вамъ, а потомъ я и самъ пріѣду, если только буду живъ и здоровъ. Только все я не могу рѣшиться: отослать-ли все, что вы видѣли въ Мюнхенѣ, или только то, что я сдѣлалъ въ послѣднія 12 лѣтъ? Дѣло въ томъ, что отсылка обратно въ Парижъ мнѣ ничего не стоитъ, а въ Петербургъ—все на мой счетъ. Впрочемъ, все зависитъ отъ того, что скажетъ добрый графъ Иванъ Ивановичъ. Жду отъ него отвѣта на мое послѣднее письмо, такъ какъ хочу послать нѣкоторыя изъ моихъ произведеній въ Чикаго, на мой счетъ, конечно.

Скоро вышлю вамъ мою прошлогоднюю статью, передѣланную, а главное—она значительно больше и столько-же лучше и яснѣе. Я очень, очень благодаренъ вамъ, что въ прошломъ году вы были такъ строги ко мнѣ: это всегда, какъ и теперь, ведетъ къ лучшему.

Теперь эта статья содержитъ четыре печатныхъ листа. Пожалуйста, передайте Пыпину,—нельзя-ли напечатать скоро, чтобы она появилась во время моей выставки. Это послужитъ, отчасти, объясненіемъ моимъ собственнымъ стремленіямъ.

Больше новостей нѣтъ. Передайте, пожалуйста, Дм. Вас., что заказъ проекта памятника покойнаго Государя состоялся, и я еще и еще разъ благодаренъ ему за его переговоры.

571. Къ нему же.

Парижъ, 24 ноября 1892 г.

Пересматривая мою рукопись въ черновикѣ [1]) я нашелъ мѣстечко (и навѣрное есть не одно), гдѣ необходимо прибавить для ясности нѣсколько словъ; это будетъ приблизительно на страницахъ 20—25, а именно тамъ, гдѣ я говорю о реализмѣ въ Греціи. Начинается у меня такъ: „Собственно говоря, самый чистый реализмъ это—греческая пластика; въ ихъ миѳологіи фантастическія фигуры являются только въ видѣ фавна, и то лишь какъ полу-бога; всѣ остальныя полны жизненной реальностью. То же самое можно сказать и про формы ихъ. Онѣ ясны, чисты; въ нихъ отсутствіе пестроты, мелочности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ просты и естественны, гораздо проще и естественнѣе, чѣмъ во времена готическаго искусства, ренесанса и, въ особенности, чѣмъ искусство ближайшихъ къ намъ временъ. Глядя на парѳенонскіе торсы Фидіаса, на ихъ естественное положеніе, на ихъ реальное исполненіе, съ увѣренностью можно сказать, что сама природа не могла-бы создать ничего проще, естественнѣе, яснѣе и величественнѣе. Удивляюсь только“... и т. д. Вотъ эту-то вставочку я убѣдительно и прошу замѣнить. За одно прошу передать Эліасу, что отъ Булгакова я получилъ письмо; онъ на все согласенъ, и альбомъ въ работѣ. Онъ проситъ мою фотографію, но у меня ея нѣтъ, а потому прошу Эліаса одолжить ему свою.

572. Къ нему же.

Парижъ, 24 ноября 1892 г.

Третьяго дня я писалъ вамъ, вчера послалъ вамъ фотографіи, сегодня мою рукопись—и опять пишу. А вы все-таки ни гу-гу!

Рукопись прошу прочесть и передать А. Н. Пыпину; я ее не озаглавилъ,—пусть назовутъ, какъ хотятъ; я забылъ также подписать свое имя, пусть напечатаютъ. Переписано—не ахти.

Пожалуйста, отмѣтьте какъ можно побольше красныхъ строкъ—легче читается.

Но главное, что вы-то скажете?

Здѣсь я кое-кому показывалъ, нашли... а впрочемъ, въ рукописи всѣ сочиненія прекрасны. Былъ-бы я очень радъ, если-бы это напечаталось одновременно съ моей выставкой, которая начнется послѣ Новаго года. Пожалуйста, похлопочите.

Я жду письма отъ графа Ивана Ивановича, чтобы знать насчетъ выставки въ Чикаго. Я думаю послать въ Петербургъ все то, что было въ Мюнхенѣ, и раздѣлю все это на двѣ части, т.-е. то, что уже было выставлено—и то, что еще не было выставлено. Только ужъ больно кусается провозъ.

Я работаю, къ сожалѣнію, скорѣе для желудка, чѣмъ для разсудка,—и все-таки проку мало, хоть-бы и для одного желудка.

---

[1]) Статья о художествѣ.

Никто ни гроша не даетъ, все обѣщаются. Благодаря этому вотъ уже два мѣсяца какъ маюсь,—смѣхъ и горе! Конечно, потомъ сразу со всѣхъ концовъ посыплются деньги, но пока я теперь золъ, какъ бѣсъ, и раньше всего на самого себя. Нѣтъ, не быть мнѣ Поляковымъ никогда!

573. Къ нему же.

Парижъ, 26 декабря 1892 г.

Наконецъ-то я получилъ отъ васъ письмо и не скажу, чтобы вы обрадовали меня тѣмъ, что вы прихварываете. Но щадите-ли вы себя? Думаю, что нѣтъ, и въ этомъ главный секретъ вашей болѣзни; думаю, что это вѣрно и что я имѣю право сказать вамъ это, потому что хорошо знаю васъ; знаю, какъ вы хлопочете, волнуетесь не за себя, а за всѣхъ, кого любите, за все, что васъ возмущаетъ. Но что прикажете дѣлать, и машина требуетъ для себя остановки и чистки, для того, чтобы она могла и впередъ исправно дѣйствовать; а намъ и подавно это нужно! Поневолѣ иногда приходится останавливаться на самомъ ходу, щупать свой пульсъ и освѣдомляться: не торопится-ли онъ быстрѣе, чѣмъ слѣдуетъ, не расходуетъ-ли онъ больше силъ, чѣмъ можетъ? Но странно, вотъ что значитъ симпатія—ѣздить вмѣстѣ, радоваться вмѣстѣ и вмѣстѣ хворать! Теперь и вашъ покорный слуга прихварываетъ, но я къ этому привыкъ. Хуже всего то, что я ничего не работалъ, а отъ этого страдаетъ какъ душа, такъ и карманъ.

О всей исторіи съ Верещагинымъ я очень жалѣю; должно быть и глупость одна не ходитъ; хуже всего, когда умный человѣкъ споткнется—паденіе сильнѣе да и встать труднѣе. Прудонъ говоритъ: „Раскаяніе всегда бываетъ послѣдней глупостью". Но глупцы не могутъ раскаиваться, потому что не видятъ своей глупости, а видятъ ее только умные. Среди послѣднихъ я считаю Верещагина. Я убѣжденъ, что онъ самъ скоро увидитъ и круто повернетъ на настоящую свою дорогу. Что прикажете дѣлать, бываетъ-же съ людьми, что они не хотятъ быть тѣмъ, чѣмъ есть: часто лучшій актеръ воображаетъ, что настоящій его инструментъ—скрипка. Впрочемъ, и я самъ должно быть немного грѣшу этимъ.

Казалось-бы, что проще, что лучше, какъ сидѣть въ мастерской и работать, а дома лежать, читать и думать, или просто отдыхать; такъ нѣтъ,—думаю, что могу писать, да еще умныя вещи говорить; право, пора отрезвиться и сказать себѣ разъ навсегда, что владѣю лучше рѣзцомъ, чѣмъ перомъ. И въ такихъ случаяхъ нужно придерживаться лучшаго. Вы понимаете, почему я это говорю: говорю по поводу все той же статьи, и очень боюсь, какъ-бы и мнѣ тоже не выкинуть съ нею глупости.

Такъ вотъ, хочу быть теперь умнѣе умнаго, а именно—не каяться послѣ глупости, а предупредить ее, т.-е. просто не печатать.

Что касается „Евы" [1]), то она значительно поправилась, но все-

[1]) Статуя Антокольскаго, имъ начатая, но оставшаяся неоконченною.

таки я ее брошу — она ничего общаго не имѣетъ съ моей работой; это глупая красота, а ничего я такъ худо не переношу, какъ глупость въ жизни, въ искусствѣ, да еще у себя.

Такъ вотъ, я ее бросаю; но хуже всего то, что ничего путнаго не начинаю. Не потому, что не хочу, что сюжетовъ нѣтъ, а потому, что не могу. Надо сказать вамъ секретъ: вотъ болѣе года, какъ я сижу безъ заказовъ; при этомъ была сдѣлана мною та ошибка, что я потерялъ столько времени на глупую красоту. Какъ-бы то ни было, матеріальныя средства сильно дали себя знать—и поневолѣ берешь работу, которую тебѣ предлагаютъ. Впрочемъ, работа довольно симпатичная, но все-таки это не то, чего я хочу; это—чужія дѣти на воспитаніи, а не свои.

Ну, довольно болтать, тѣмъ болѣе, что скоро я самъ пріѣду и надѣюсь застать васъ здоровымъ, бодрымъ, энергичнымъ, чего отъ всей души желаю вамъ всегда, и теперь на Новый годъ въ особенности.

И такъ, съ Новымъ, хорошимъ и здоровымъ годомъ!!!

Мое поздравленіе всѣмъ вашимъ.

574. Къ графу И. И. Толстому.

Мюнхенъ. Начало 1893 г.

Прежде всего отъ всей души желаю вамъ всего лучшаго на Новый годъ. Дай Богъ, чтобы всѣ ваши желанія увѣнчались успѣхомъ и чтобы русское искусство, въ лицѣ Академіи и вообще, процвѣтало. Аминь!

Мои произведенія уже выѣхали изъ Мюнхена. Я выставляю 21 номеръ, въ числѣ коихъ—7 большихъ статуй, какъ-то: 1) „Спиноза“, 2) „Мученица“, 3) „Несторъ“, 4) „Ермакъ“, 5) „Надгробный памятникъ“, 6 и 7 „Христосъ“ (изъ бронзы). „Несторъ“ и „Ермакъ“ принадлежатъ Государю Императору, остальные предназначены для выставки въ Чикаго.

Въ Петербургъ пріѣдетъ одинъ изъ близкихъ мнѣ людей, который устроилъ мою выставку въ 1880 году и очень удачно. Къ сожалѣнію, онъ—еврей, и права жительства въ Петербургѣ не имѣетъ. Въ прошлый разъ ему выдали свидѣтельство изъ Академіи Художествъ, и этого было достаточно. Съ тѣхъ поръ положеніе евреевъ въ Россіи еще больше ухудшилось, и поэтому я просилъ Эліаса Гинцбурга обратиться къ вамъ, глубокоуважаемый графъ, помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ самому безпокоить васъ объ этомъ не хотѣлось, да, сознаюсь откровенно, я удерживаюсь говорить объ этомъ. Въ наше ненормальное время мы доходимъ до того, что вся Европа кричитъ: „кто не за насъ, тотъ противъ насъ“, но я все-таки надѣюсь на русскій здравый умъ и чуткость души, что въ концѣ концовъ правда и добро возьмутъ верхъ. Это—моя вѣра и надежда. Этимъ-то я и живу.

Завтра вышлю вамъ прошеніе по поводу права жительства этого

господина, котораго зовутъ Зильберманомъ, но я его называю Гольдманомъ, потому что онъ дѣйствительно „золотой“ человѣкъ.

И такъ, глубокоуважаемый графъ, скоро прибудутъ къ вамъ мои духовныя дѣти, которыхъ и вручаю вамъ и прошу вашего покровительства.

Скажу только одно: вся моя горечь и печаль, всѣ мои радости, все, что вдохновляло меня, что создано мной,—все это отъ Россіи и для Россіи!

Еще разъ отъ всей души желаю вамъ, добрый графъ, всего лучшаго на Новый годъ!

575. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 7 февраля 1893 г.

Выставка устроена. Я сдѣлалъ все, что могъ. Теперь она ждетъ сочувствія, чтобы мои чувства и мысли были поняты. Это случится, если не сегодня, то завтра, послѣ-завтра, когда-нибудь. Я не въ силахъ выразить вамъ, глубокоуважаемый графъ, мою глубокую признательность за ваше доброе, сердечное сочувствіе къ искусству вообще, и ко мнѣ въ особенности. Я пріѣхалъ сюда среди холода, среди вьюги и вихрей; я знаю, что теперь больше, чѣмъ когда-либо, многія мои произведенія будутъ непріятны, какъ свѣтъ для воровъ; имъ-то теперь предстоитъ печальная участь—молчать, или опять быть освистанными, но эти люди жалки, имя ихъ—„ничтожество“; они никого и ничего не любятъ, кромѣ себя. Вы ихъ не побоялись, потому что ваше сознаніе добра и справедливости сильнѣе ихъ. И такъ, если я теперь выставляю, если мои произведенія съумѣютъ хоть на іоту возбудить чувство добра, то во многомъ—благодаря вамъ, добрый графъ. Я хотѣлъ-было послать вамъ нѣсколько входныхъ билетовъ на ваше усмотрѣніе, но выставка настолько-же ваша, сколько и моя.

А впрочемъ, я самъ получилъ вчера вечеромъ нѣсколько подобныхъ билетовъ, передаю ихъ вамъ съ удовольствіемъ.

576. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, мартъ 1893 г.

Все то, что ты написалъ мнѣ насчетъ Верещагина, очень интересно, но я боюсь, что тутъ только дымъ, да и то только табачный. Когда-то я сильно восторгался имъ, но затѣмъ мнѣ стало казаться, что, говоря высокимъ слогомъ, онъ не держитъ знамя искусства высоко надъ собой, а драпируется имъ. Но Богъ съ нимъ! Все-таки онъ сила.

577. Къ нему же.

Парижъ, мартъ 1893 г.

Статью Буренина я не читалъ и читать не желаю. Должно-быть это слишкомъ пошло, какъ всегда. Но меня интересуетъ только одинъ

пассажъ, а именно, что онъ отвѣчалъ на то, что В. В. ему указалъ, что я могу привлечь его къ суду за злостныя клеветы.

И въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ-ли это сдѣлать? Тогда на судѣ я-бы могъ доказать. ихъ недобросовѣстность и доказалъ-бы ее не однимъ читателямъ „Новостей“, но и „Нов. Врем.“, а это очень важно не только для меня, но и для общаго дѣла вообще. Вѣдь пора выступить противъ нихъ, а то своими гнусными поступками они могутъ заразить всѣхъ. Повторяю, пора выступить, потому что на этотъ разъ многіе отрезвляются отъ травли жидовъ. Постарайся повидать Д. В. и барона Гинцбурга. Что они на это скажутъ? И въ такомъ случаѣ я могу выслать кое-какой матеріалъ, изъ котораго будетъ ясно, какъ разъ наоборотъ тому, въ чемъ мои противники меня обвиняютъ.

578. Къ нему же.

Парижъ, мартъ 1893 г.

Оба письма твои со статьей В. В. я получилъ, и знаешь, что я тебѣ скажу? Хотя вся эта перебранка рѣшительно ни къ чему не ведетъ, вѣдь съ пошляками столько-же трудно спорить о самыхъ простыхъ логическихъ вещахъ, какъ съ пьяными, но я радуюсь, видя этого благороднаго старца, который, не зная усталости, все продолжаетъ бороться съ чудовищами, несмотря на то, что онъ остался одинъ среди мертвой дружины. Честь и слава ему; это-то и есть настоящій бoецъ. Если-бы было побольше такихъ какъ онъ, пошлость не заѣла-бы насъ такъ жестоко, какъ теперь. Посылаю тебѣ вырѣзку изъ здѣшней маленькой газеты „Русскаго Парижанина“; какъ видишь, его цитируютъ. Видно, у многихъ совѣсть хотя заглохла, а дышетъ еще.

Кого ни встрѣчаю, всякій смотритъ на меня съ недоумѣніемъ, дескать, здоровъ-ли я? Не съѣли-ли меня въ Петербургѣ? Вѣдь здѣсь всѣ читаютъ только „Новое Время“, думаютъ какъ эта газета и понимаютъ въ искусствѣ не больше чѣмъ ихъ критикъ Б. Что за гадость, пошлость и мерзость! Когда будетъ всему этому конецъ?

579. Къ нему же.

Парижъ. Получено 1 апрѣля 1893 г.

Какъ поживаешь? Здоровье какъ? Надѣюсь, что мое письмо застало тебя совсѣмъ молодцомъ. И все-таки тебѣ надо теперь беречься, такъ какъ у васъ теперь навѣрное ледоходъ. А здѣсь, здѣсь полное лѣто; жарко, ходятъ даже въ однихъ сюртукахъ. Но боюсь, чтобы потомъ не расплатиться за раннее лѣто. Новостей никакихъ нѣтъ. По прежнему я никого не вижу и видѣть не хочу, отдыхаю, вѣрнѣе чѣмъ отдыхалъ, потому что сталъ работать. Въ Берлинъ посылаю „Петра“, „Христа передъ судомъ народа“ да еще два барельефа. Всѣ они давно уложены, чтобы послать ихъ въ Чикаго, но Богъ съ ними тамъ! Пришлось-бы много тратиться, а Богъ знаетъ, какъ дошли-бы вещи.

До которого числа выставка будетъ открыта? Про нее навѣрное

всѣ забыли уже; не забылъ только одинъ я. Я написалъ статью. Мнѣ хотѣлось-бы напечатать ее въ день закрытія выставки. Писана у меня въ спокойномъ тонѣ. Послѣзавтра пошлю ее къ вамъ; прошу показать ее А. Н. Пыпину, Стасовымъ и графу Ив. Ив. Толстому, и пусть сдѣлаютъ, что лучше. Мнѣ все равно; я высказался—хоть-бы только для себя, въ углу, и все какъ-то легче на душѣ.

Ты-бы пріѣхалъ сюда помогать мнѣ работать. Теперь какъ разъ у меня работа есть; и для разнообразія и для здоровья тебѣ было-бы лучше. А впрочемъ, теперь надо тебѣ бюстъ Полякова сдѣлать. Подумай.

580. Къ нему же.

Парижъ, апрѣль 1893 г.

Наконецъ-то я дома, и на душѣ такая-же прелесть, какъ и въ природѣ. Солнце свѣтитъ, сухо и весело, деревья распускаются,—словомъ, природа празднуетъ свою весну, свою свадьбу.

Что у тебя новаго? Началъ-ли ты работать бюстъ? Что говорятъ про статуэтку графа И. И. Толстого? По-моему, статуэтка такъ-же хороша, какъ и онъ самъ.

Что новаго на выставкѣ? Теперь, должно-быть, тихо.

Напечатано-ли объявленіе насчетъ изданія? Сообщено-ли великому князю Сергѣю Александровичу, что статуэтку „Христа“ можно повторить? Слѣдишь-ли ты за газетами? Не сердятся-ли на меня друзья, что я убѣжалъ, не простившись со многими? Замолчало „Н. В.“, или продолжаетъ перестрѣливаться? Здѣсь всѣ только и читаютъ что „Н. В.“, по крайней мѣрѣ всѣ русскіе, и это очень жаль, потому что и здѣсь среди русской колоніи скверная отрыжка всего нехорошаго, что слышно въ Россіи. Ну, да ну съ ними!

Я просилъ тебя выписать для меня „Новости“. Какъ поживаетъ В. В.? Передай ему сердечный поклонъ и скажи, что скоро напишу ему.

Конечно передай поклонъ и графу И. И. Я очень тронутъ всѣмъ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ для меня, и очень горжусь этимъ. Сейчасъ пойду подышать хорошимъ, здоровымъ, свѣжимъ воздухомъ, и право думаю, что люди портятъ у насъ и климатъ. Будь лучше климатъ, люди были-бы менѣе озлобленные, болѣе разумные и болѣе логичные. Ну, что дѣлать? Не намъ это передѣлывать.

581. Къ нему же.

Парижъ, 24 апрѣля 1893 г.

А знаешь, что меня трогаетъ и радуетъ? Это то, что ты такъ горячо принимаешь къ сердцу все, что меня касается.

Я радъ, что твое предсказаніе сбылось, т.-е. что моя статья имѣла успѣхъ. Отъ всей души я желалъ-бы еще, чтобы она не была словомъ въ пустынѣ, чтобы она была понята тѣми, кто до сихъ поръ такъ вредилъ не только евреямъ, но и русскимъ вообще.

А впрочемъ, не всѣ статью поняли (да этого и желать нельзя). Здѣсь я далъ ее прочесть одному русскому и одному жидку; оба нашли „не дурно", а послѣдній даже зѣвнулъ при этомъ (фактъ). Впрочемъ, зѣвалъ онъ и при всемъ. Хуже всего то, что ты все прихварываешь; да, правду сказать, кто теперь не хвораетъ? Даже здѣсь, гдѣ солнце паритъ, и то всѣ перехворали. А все-таки тебѣ необходимо перемѣнить воздухъ. Хоть въ Царское поѣзжай, только перемѣни. Не махнешь-ли ты сюда? Мы остаемся здѣсь еще два мѣсяца, и работу найду для тебя, такъ что дорога окупится.

Ты хорошо сдѣлалъ, что написалъ въ Мюнхенъ. Послалъ-ли ты Верещагину?

582. Къ нему же.

Парижъ. Получено 1 мая 1893 г.

Третьяго дня вечеромъ я получилъ твою телеграмму о несчастномъ случаѣ съ любимымъ моимъ произведеніемъ [1]). Что на это сказать? И что поможетъ? Лишнее сказать, какъ это извѣстіе поразило меня. Вотъ вторая ночь, какъ почти не сплю, стараюсь побѣдить себя, стараюсь быть философомъ. Это жертва нашего невѣжества. Это ужасно! Жду съ нетерпѣніемъ твоего письма, чтобы узнать подробности этого несчастнаго случая. Конечно, въ матеріальномъ отношеніи, отвѣтственъ тутъ всецѣло Ботта [2]), но кто заплатитъ мнѣ за душу свою? Кто это въ состояніи? Оригиналъ разрѣзанъ на куски и хранится въ мастерской Барбедьена, цѣлъ-ли онъ тамъ? Что теперь скажетъ Третьяковъ [3])? Тяжело дышется у васъ, тяжело и работать. Ну, довольно. Что случилось—того не поправишь. Надо стараться владѣть собою, иначе ничего не будетъ. Будь-же и ты энергиченъ, а главное здоровъ, не порти себѣ кровь, этимъ ничего не поможешь. Вѣдь я представляю себѣ, какъ это тебя поразило. Да немало виновата и Академія, имѣющая такія подъемныя машины. Чортъ-бы ихъ побралъ совсѣмъ! Не волноваться, не падать духомъ, слышишь! Будь молодцомъ, тогда стану любить тебя еще больше.

583. Къ нему же.

Парижъ, 3 мая 1893 г.

Только-что получилъ твою телеграмму, а затѣмъ и письмо. Не скрываю, что ваше распоряженіе о разбитой статуѣ сильно огорчило меня. Зачѣмъ не констатировали въ точности, кто именно тутъ причина несчастья? Зачѣмъ не оставили всего до новаго моего распоряженія? Зачѣмъ дали Боттѣ увезти статую? Зачѣмъ В. В. писалъ Третьякову? Что тутъ была за спѣшность, а главное, что будто легко

---

[1]) При подъемѣ, изъ нижняго въ бель-этажъ, въ Академіи художествъ, мраморной статуи Антокольскаго: «Христіанская мученица», ящикъ сорвался съ веревокъ и упалъ, и голова статуи отломилась.

[2]) Петербургскій мраморщикъ, устанавливавшій статую.

[3]) Пав. Мих. Третьяковъ, заказчикъ.

поправить? Все это ошибка на ошибкѣ. Теперь, конечно, Ботта свалитъ вину на Академію, а Академія на Ботту. Хуже всего для меня то, что Третьяковъ хочетъ ее получить въ такомъ безобразномъ видѣ. Не могу согласиться, чтобы это произведеніе оставалось, въ единственномъ экземплярѣ, въ безобразномъ видѣ. Къ чорту матеріализмъ! Родители пристраиваютъ своихъ дѣтей, но не продаютъ ихъ. Когда я работалъ ее, я менѣе всего думалъ о деньгахъ. Охотно отдамъ деньги назадъ, и въ этомъ духѣ прошу В. В. повліять на Третьякова, иначе я самъ буду барахтаться, насколько силъ у меня хватитъ. Прости, что пишу все это: на первомъ моемъ полѣ битвы, но все-таки я не кованный изъ желѣза.

Я не могу позволить притронуться къ статуѣ, не видавши ея самъ. Для Ботты все равно какъ поправлять ее: на вершокъ ниже шеи, на вершокъ правѣе,—лишь-бы съ рукъ спустить. Если она еще въ ящикѣ, то закрыть и запечатать формальнымъ порядкомъ, до новаго распоряженія. Я теперь слишкомъ неспокоенъ, чтобы что-нибудь сказать путное, т.-е. распорядиться. Если она вынута изъ ящика, тогда опять констатировать, что̀ отбито, нѣтъ-ли трещины. Онѣ навѣрное есть, только увидѣть ихъ не такъ легко; надо помочить чистой водой, главное—пьедесталъ, чистою губкою. Повторяю, все это надо констатировать формальнымъ порядкомъ и затѣмъ окутать ее и запечатать.

Конечно, во всемъ этомъ я никого не виню, въ особенности тебя. Ты такой-же практикъ какъ и я, да и В. В. тоже большой практикъ! Но все это къ лучшему.

Не сердись на меня, я вообще сегодня не въ духѣ. А тутъ и телеграмма, которая непріятно подѣйствовала на меня.

584. Къ нему же.

Парижъ. Получено 5 мая 1893 г.

Ну, какъ поживаешь послѣ всего этого? Боюсь, что только потомъ почувствуешь; а можетъ быть и нѣтъ, дай Богъ!

Прочитавъ твое подробное письмо о печальномъ случаѣ, я еще больше былъ возмущенъ поступкомъ Ботты, который хотѣлъ потихоньку склеить и отправить статью такъ въ Москву. По-моему, онъ положительно отвѣтствующее лицо, и хотя Д. В. говоритъ, что онъ можетъ отговориться, что между нами нѣтъ письменнаго условія, но онъ взялся за это (онъ разъ уже деньги получилъ) и является отвѣтствующимъ лицомъ. Боюсь, что придется мнѣ имѣть съ нимъ тяжбу. Главное, возмущаютъ меня его хитрые поступки послѣ несчастія. Сказалъ-бы: виноватъ, ну тогда мы сговорились-бы легко; но видно, что онъ далеко не порядочный человѣкъ.

Съ нетерпѣніемъ жду отвѣта отъ Третьякова. Навѣрно В. В. съ своей стороны уже писалъ ему. Третьяковъ въ своемъ родѣ великодушно жестокъ. Не желаю ни того, ни другого, и лучшій исходъ—было-бы возвратить ему деньги. Въ такомъ безобразномъ видѣ оста-

вить мое лучшее произведеніе въ единственномъ экземплярѣ—не могу, не хочу! Я могу перенести все, что касается лично меня. Пусть мнѣ кровью обольютъ сердце, пусть меня ранятъ! Я буду молчать; но на мои произведенія, на моихъ духовныхъ дѣтей я не позволю нападать. Я работалъ не изъ-за денегъ только.

Письмо В. В. очень хорошо, моя сердечная ему благодарность. Напечатано-ли мое письмо? Боюсь за урѣзки, хотя тамъ и нечего урѣзать. Удивляюсь желанію Нотовича выставить дѣло въ такомъ безобразномъ видѣ, Боже сохрани!

Бюстъ „Мефистофеля“ скоро будетъ отлитъ и высланъ.

Я сталъ лучше спать, и какъ на грѣхъ по ночамъ паровозъ двигается назадъ и впередъ по улицѣ какъ разъ подъ нашими окнами, для придавливанія дороги.

Вотъ что меня удивляетъ. Мнѣ кажется, что у васъ главный вопросъ: приметъ или не приметъ Третьяковъ статую? Если не приметъ—то бѣда. У меня все это какъ разъ наоборотъ. Я и слышать не хочу, чтобы статуя была сохранена въ такомъ плачевномъ видѣ. Приметъ-ли Третьяковъ мое условіе или не приметъ, т.-е. предложеніе сдѣлать другую, но я все равно сдѣлаю это, сдѣлаю во что бы то ни стало, потому что тутъ для меня моральная сторона сто тысячъ разъ важнѣе матеріальной.

Что Ботта говоритъ, что можно поправить, это возмутительно. Я предлагаю ему раздѣлить со мною несчастіе, разумѣется въ матеріальномъ отношеніи. Спроси, что онъ скажетъ на это?

285. Къ нему же.

Парижъ, 7 мая 1893 г.

Очень мнѣ интересно знать, что̀ сказали про мое послѣднее письмо. Я не боюсь: оно писано кровью. Боюсь только одного: чтобы редакція не урѣзала его, хотя тамъ и нѐчего урѣзывать.

Я просилъ тебя въ одномъ письмѣ, чтобы дали мнѣ знать, получилъ-ли В. В. мои документы по поводу нападокъ на меня. Навѣрное, ты получилъ мое письмо во время катастрофы, и тебѣ было не до того. Но удивляюсь В. В.: вѣдь онъ человѣкъ очень аккуратный, а между тѣмъ его молчаніе меня безпокоитъ. Мы, какъ пасынки, сами должны охранять себя отъ зловредныхъ элементовъ, и если есть документъ, который можетъ доказать нашу невинность, то намъ болѣе чѣмъ кому-либо другому надо хранить его. Пожалуйста, если „Гнусное время“ (иначе не стоитъ называть извѣстную газету) будетъ чавкать на мое письмо, что будетъ еще гнуснѣе, то пришли мнѣ поскорѣе ихъ статью. Она меня изъ моей позиціи не выбьетъ. Я буду продолжать свое дѣло. Думаю, что это письмо должно произвести свое впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, „Новости“ мало читаются; по крайней мѣрѣ здѣсь почти исключительно все только нововременцы.

Ни отъ кого нѣтъ ни слова, и если-бы не отъ тебя, я ничего не зналъ-бы, что дѣлается.

586. Къ нему-же.

Парижъ, май 1893 г.

Твое послѣднее письмо живо обрисовало наше искусство. Мало талантовъ, мало любителей и еще меньше понимающихъ людей. Можетъ-быть перемелется и мука будетъ, но именно это будетъ мякина, а у насъ ея теперь въ избыткѣ. Что дальше будетъ?

Мои дѣла—какъ сажа бѣла, и все это въ порядкѣ вещей. Я писалъ къ графу Бобринскому [1]), но только просилъ уплаты денегъ, ибо не предвижу результата проекта. Вотъ и все. Просить я никогда ни у кого ничего не просилъ, а тѣмъ паче у г. Сперанскаго, котораго вовсе не знаю. Да что толку-то въ просьбѣ? Зачѣмъ напрашиваться на отказъ. Вѣдь знаешь, что въ дѣлѣ заказа то-же, что въ дѣлѣ женитьбы: недостаточно, чтобы только одна сторона хотѣла брака, необходимо, чтобы обѣ стороны сильно его хотѣли. А теперь время такое, что меня не хотятъ; да врядъ-ли хотятъ ставить и памятникъ-то покойному Государю.

Ты хорошо сдѣлаешь, коли пріѣдешь сюда. Въ такомъ случаѣ уже лучше во время Salon; все-таки освѣжишься. Мы еще здѣсь тогда будемъ.

Въ этомъ году я съ четырехъ сторонъ получилъ приглашенія участвовать на разныхъ европейскихъ выставкахъ, но ни на одну ничего не посылаю. Чести отъ нихъ много, но тольку-то мало. Особенно интересно будетъ въ будущемъ году въ Венеціи; да притомъ-же самое приглашеніе съ заманчивымъ содержаніемъ. Право, слѣдовало-бы напечатать въ назиданіе, какъ на родинѣ относятся къ своимъ и какъ на чужбинѣ относятся къ тѣмъ-же людямъ. А впрочемъ, кого теперь убѣдишь въ чемъ-нибудь?

587. Къ нему-же.

10 мая 1893 г.

Вчера получилъ я твое письмо въ отвѣтъ на мое... Я его хорошо помню. Я его писалъ въ не совсѣмъ спокойномъ настроеніи духа. Что дѣлать? День на день не приходится. Бѣда, какъ говорятъ, одна не ходитъ. Случилась катастрофа, ну что дѣлать: если изъ-за всего или, вѣрнѣе сказать, всякій разъ умирать—приходилось-бы частенько умирать! Но бѣда въ томъ еще, что послѣ катастрофы возись еще съ Третьяковымъ, съ Боттой да еще другимъ надоѣдай, упрекай, и совсѣмъ понапрасну; ну, не обидно-ли это? Тутъ еще и письмо мое не напечатано. Это въ своемъ родѣ неудача: точно отказали принять твое произведеніе въ Salon. Но главная досада это — что тебя такъ безбожно эксплоатируютъ. Когда наконецъ кончится все это?

Если Третьяковъ согласится взять статую такъ, какъ она теперь есть, то я отдаю ее ему за то, что отъ него получилъ, потому что все

---

[1]) Графъ А. А. Бобринскій, вице-президентъ Академіи Художествъ.

равно Ботта доплатитъ (пусть это останется между нами), и конечно за эту цѣну оно будетъ уже не единственное. Но почему онъ такъ медлитъ съ отвѣтомъ? Какъ-бы мнѣ хотѣлось все это скорѣе съ плечъ долой!!!

Почему Нотовичъ не хотѣлъ печатать мое письмо? Навѣрное онъ тебѣ сказалъ причину. Подожду до завтра, послѣзавтра; навѣрное ты мнѣ объ этомъ уже писалъ.

Будь здоровъ, спокоенъ, энергиченъ, работай много и съ успѣхомъ, а главное—будетъ волноваться.

Какъ видишь, этимъ дѣло не подвинешь ни на вершокъ. Письмо отъ Нотовича попроси назадъ и передай Влад. Васильевичу; эта неудача для меня урокъ. Я не удивляюсь.

588. Къ нему-же.

Парижъ, 16 мая 1893 г.

Я не писалъ до сихъ поръ, потому что не совсѣмъ мнѣ здоровится. Впрочемъ, я разъ писалъ В. В. Очень радъ, что Академія купила голову „Іоанна Крестителя". Не помню, сколько я назначилъ. Довѣренность на полученіе денегъ вышлю завтра или послѣзавтра. Надо-ли мнѣ писать, и кому писать?

Отъ Третьякова я получилъ письмо; онъ поетъ все одно и то же. Я отвѣчалъ ему, что пусть онъ возьметъ эту статую въ реставрированномъ видѣ за 12 т. р. замѣсто 15 т. р., но пусть онъ позволитъ мнѣ сдѣлать „повтореніе". Хочетъ, пусть онъ беретъ эту статую, пока я сдѣлаю ему другую, или деньги обратно. Я думаю, что съ моей стороны я дѣлаю все, что могу сдѣлать, чтобы спасти мое произведеніе отъ вѣчнаго уродства, и надѣюсь, что послѣ такихъ легкихъ условій онъ выберетъ одно изъ этихъ трехъ. А впрочемъ, кто знаетъ? Во всякомъ случаѣ, я остаюсь при своемъ предложеніи.

В. В. находитъ, что мнѣ необходимо пріѣхать, чтобы уладить дѣло. Боюсь, что своимъ пріѣздомъ я надѣлаю еще больше хлопотъ моимъ друзьямъ. Чего добраго, имъ придется хоронить меня. Нѣтъ, пусть будетъ, что будетъ, а этому не бывать. Я не боюсь встрѣчаться съ чудовищемъ, но съ комарами—ни за что!

Когда увидишь Нотовича, скажи ему, что на будущей недѣлѣ будетъ готова голова „Мефистофеля", и тогда сейчасъ ему ее вышлю.

Всѣ въ нашемъ домѣ слава Богу. Всѣ шлютъ тебѣ поклонъ съ пожеланіемъ всего лучшаго.

589. Къ нему-же.

Парижъ, май 1893 г.

Не могу сказать, чтобы твое письмо очень обрадовало меня. Ты все-таки прихварываешь. Это, конечно, нехорошо, отвратительно, но хуже, когда терпѣнье теряешь и опускаешься. Мой другъ, во время болѣзни необходимо быть еще больше философомъ, чѣмъ во время

здоровья. Не забудь, что ты пережилъ когда-то страшныя болѣзни. Будь терпѣливъ и остороженъ,—переживешь и это. Волненіемъ ничего не подѣлаешь. Мы похожи на мужицкихъ лошадокъ: всего достается намъ, и ничего, мы выносливы, двигаемся, хотя медленно, но слава Богу. Въ послѣднее время я тоже порядочно измучился, страдалъ ревматизмомъ, да какъ еще! Четыре ночи я спалъ сидя въ креслѣ; лечь было невозможно. Теперь прошло, хотя не совсѣмъ еще; а работы набралось много, работать необходимо. Какъ странно: не хворалъ-же я, когда былъ свободенъ.

Ты совѣтуешь мнѣ прислать въ Петербургъ какъ можно больше произведеній, но это сопровождается большими расходами и еще больше—хлопотами. Я посылаю слѣдующія статуи: 1) Ермакъ, 2) Несторъ, 3) Спиноза, 4) Мученица, 5) Надгробный памятникъ, 6) Мефистофель, 7) Христосъ изъ бронзы, 8) Петръ I, а затѣмъ головки: 9) Христа, 10) Іоанна Крестителя, 11) Ярослава Мудраго, 12) Офеліи, 13) Статуя Полякова (если дадутъ), 14) бюстикъ Тургенева, 15) Проектъ маяка, и можетъ-быть еще два-три бюста, да еще „Ивана Грознаго“, да еще маленькаго „Христа“ изъ мрамора, и наконецъ, можетъ-быть, еще проектъ, который сдѣланъ для Москвы въ Кремль. Какъ думаешь ты, это мало? По-моему—достаточно.

Что значитъ, что отъ В. В. ни слова? Уже есть недѣльки три, что я послалъ ему мою фотографію и рукопись; не знаю даже, получилъ-ли онъ ихъ? Какъ онъ поживаетъ?

Надѣюсь, что работа моя прибудетъ въ Петербургъ черезъ недѣльки три, четыре, а затѣмъ я и самъ пріѣду. А пока скажи мнѣ, пожалуйста, есть-ли у насъ подъемная машина? Есть-ли опытные люди, которымъ можно было-бы поручить поднять статую? Вообще, мнѣ нуженъ будетъ кто-нибудь дѣльный для полученія вещей прямо изъ вагона. Вѣдь у насъ обращаются съ этимъ дѣломъ страшно. Самъ я былъ свидѣтелемъ. Подобныя вещи необходимо поднять изъ вагона блокомъ и опустить на возъ. А у насъ это дѣло просто еще примитивно. На московской выставкѣ уложили такъ, что многое пришло сюда поломаннымъ.

P. S. Передай, пожалуйста, В. В., что я не желаю, чтобы которые-бы то ни было мои эскизы были напечатаны въ „Альбомѣ“ г. Булгакова. А послѣднему скажи тоже, что фотографію моей мастерской я посылаю сегодня же.

590. Къ нему-же.

Парижъ, 20 мая 1893 г.

...Все это мелочь, но желудокъ даетъ скверное расположеніе духа. Все-таки работаю понемногу, и вообще дѣло идетъ у меня своимъ чередомъ.

Какъ-же ты-то поживаешь? Что подѣлываешь?

Здѣсь никого не вижу изъ русскихъ; говоря вѣрнѣе, никто изъ русскихъ не хочетъ меня видѣть. Причина ясная: здѣсь всѣ они чи-

таютъ только „Новое Время“ и не прочь вѣрить всему тому, что тамъ на меня наговариваютъ. Конечно, все это скорѣе меня смѣшитъ, чѣмъ огорчаетъ. Все то, что должно было быть—есть, а что есть—хорошо. Все къ лучшему. Въ это я вѣрю.

Сильно хотѣлось-бы мнѣ развязаться съ нѣкоторыми заказами и начать свой путь въ искусствѣ.

591. Къ нему-же.

Парижъ, 27 мая 1893 г.

Сегодня я отправилъ тебѣ письмо, и совершенно забылъ попросить тебя о слѣдующемъ. Навѣрное ты часто видишься съ А. Н. Пыпинымъ. Спроси у него, пожалуйста, прочиталъ-ли онъ наконецъ мой „опытъ разъяснить, что такое искусство“? И какого онъ мнѣнія объ этомъ? Если удовлетворительнаго, тогда пускай онъ дастъ его печатать; если-же нѣтъ, тогда, конечно, лучше не печатать. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, мнѣ-бы хотѣлось отдѣльно издать „Мои воспоминанія“, или какъ тамъ были названы отрывки изъ моей біографіи. А. Н. отлично знаетъ, какъ это дѣлается, на какой бумагѣ и какой размѣръ. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобъ былъ размѣръ небольшой, бумага хорошая и шрифтъ ясный. Повторяю, А. Н. отлично знаетъ; такъ пускай онъ отдастъ статью въ типографію Стасюлевича. Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы къ осени она была готова.

Понимаешь, когда ты уѣдешь, мнѣ остается только сказать: „На кого ты меня оставишь?“

592. Къ нему же.

Парижъ. Получено 27 мая 1893 г.

Твое письмо нисколько не обрадовало меня тѣмъ, что ты не совсѣмъ хорошо себя чувствуешь. Признаться сказать, у васъ такая продолжительная ненастная погода, что сломитъ хоть кого.

Ты хорошо дѣлаешь, что ѣдешь къ себѣ домой отдыхать; но думаю, не худо было-бы махнуть сюда, а затѣмъ поѣхать намъ троимъ вмѣстѣ куда-нибудь, какъ въ прошломъ году. Подобный моціонъ очень хорошъ для нашихъ нервовъ.

Здѣсь-же ты-бы вылѣпилъ маленькаго „Петра I“, одной величины съ твоими статуэтками. Она должна быть отлита изъ серебра; статуэтка должна быть копіей съ моего „Петра“. За машинную копію все равно я долженъ платить 500 фр., поэтому я думаю, что эта работа не была-бы тебѣ скучна. Статуэтку могъ-бы ты сдѣлать теперь или осенью. Если у тебя теперь нѣтъ денегъ, то бери 100 р. изъ тѣхъ денегъ, которыя ты долженъ мнѣ выслать. Конечно, если онѣ еще не высланы. Что на это скажешь? Теперь салоны открыты, и есть на что посмотрѣть, хотя выдающагося нѣтъ; но тѣмъ не менѣе это славныя шпоры или камертонъ.

Теперь къ дѣлу. Думаю, что лучше всего и проще всего укла-

дывать „Христа“ изъ мрамора и отослать его Малютину, а тамъ увидишь, что онъ скажетъ, если еще не отвѣчалъ Д. В. Стасову. Затѣмъ всѣ остальныя вещи уложишь и отошлешь сюда. Только раньше, чѣмъ отсылать, спроси у барона Гинцбурга, какъ онъ рѣшаетъ со „Спинозою“? Да вотъ я не знаю еще, на чемъ порѣшитъ Третьяковъ. Я просилъ у него, какъ милости, дать мнѣ скорѣйшій отвѣтъ, и вотъ сегодня одиннадцатый день, а отвѣта все нѣтъ еще.

Благодарю тебя, дорогой Илья, за твое сообщеніе, что „Н. В.“ случайно похвалило меня. Эти люди—куда вѣтеръ дуетъ. Представь себѣ, что и П.,—этотъ негодный человѣкъ, который когда-то глумился надо мною не хуже, чѣмъ его собратья,—теперь въ негодованіи отъ поступка „Н. В.“ противъ меня. По крайней мѣрѣ такъ мнѣ передавали.

Посылаю тебѣ нѣсколько берлинскихъ печатныхъ отзывовъ. Жаль, что я поздно вздумалъ подписаться на присылку вырѣзокъ. Посылаю тебѣ и письмо; прочитай мѣсто, гдѣ я подчеркнулъ, и все это передай В. В., которому, конечно, очень, очень кланяюсь. Очень прошу мнѣ сообщить его маршрутъ и когда онъ будетъ здѣсь.

Мое здоровье не важное; все вожусь съ желудкомъ и съ сердцемъ. Видно, мнѣ необходимо порядкомъ отдохнуть.

Всѣ въ нашемъ домѣ шлютъ тебѣ сердечный поклонъ.

593. Къ нему же.

Lucerne. Hôtel Schweizerhof. Лѣто 1893 г.

Пишу всего нѣсколько словъ. Но о чемъ писать? Здѣсь жарко, душно, и вездѣ то-же самое. Я еще не отдыхаю; отдохну только тогда, когда буду наединѣ среди природы.

Твое послѣднее письмо я получилъ. Благодарю тебя очень за все. Радъ, что моя статейка тебѣ понравилась. Я напечаталъ ее въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ потому, что мнѣ такъ посовѣтовали, потому что цѣлился не въ бровь, а прямо въ глазъ, т.-е. потому, что чиновники читаютъ эту газету и, наконецъ, потому, что эта газета очень порядочная. Мнѣ кажется, въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ, чтобы меня слушали не друзья мои, а враги мои. Жаль только, что эта статейка напечатана, когда всѣ въ разбродѣ, когда мало читается вообще. Но все-таки я радъ, что она была напечатана. У меня лежитъ готовая статья по поводу книги графа Толстого „Что такое искусство“. Про книгу-то я мало говорю, но говорю по поводу ея.

На-дняхъ вышлю ее В. В. Какъ поживаешь? Не сиди въ Петербургѣ, если можешь.

594. Къ графу И. И. Толстому.

Парижъ, 31 (19) августа 1893 г.

Прежде всего приношу вамъ сердечное поздравленіе, что, наконецъ, вы стали твердою ногою въ стѣнахъ Академіи художествъ. Теперь-то я вѣрю, что наше искусство потечетъ по новому руслу и до-

стигнетъ наилучшихъ результатовъ, что такъ необходимо для искусства вообще, а для нашего въ особенности. О назначеніи васъ вице-президентомъ Императорской Академіи художествъ писалъ мнѣ Гинцбургъ. Хотѣлъ было я сейчасъ писать вамъ, но, во-первыхъ, не зналъ куда, а во-вторыхъ—раньше хотѣлъ узнать объ этомъ досконально. И вотъ вчера я убѣдился, получивъ письмо Академіи за вашей подписью. Письмо обрадовало меня больше чѣмъ первое, хотя, правду сказать, 2250 руб. золотомъ, которые отъ меня требовали—сумма для меня немаловажная, тѣмъ болѣе, правду говоря, что платить я не долженъ былъ, во-первыхъ потому, что главная работа была сдѣлана для Государя, часть отвезена обратно, а лучшая моя работа разбита [1]), тѣмъ не менѣе иногда и патина не въ силахъ помочь. Скажу больше, мнѣ кажется, что если-бы не вы, дорогой И. И., то требованіямъ пошлины не было-бы конца. И такъ, послѣднее письмо обрадовало меня не только въ моральномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи, и все—благодаря вамъ. Мнѣ остается сердечно благодарить васъ за все и за вашу готовность защищать насъ отъ всякихъ невзгодъ.

Я чувствую себя теперь совсѣмъ молодцомъ. Я уже отдохнулъ, послѣ выставки, а главное—послѣ катастрофы со статуей „Мученица" и послѣдствій этой катастрофы. Теперь остается только одно—дать подписку: никогда не дѣлать выставки моихъ произведеній въ Россіи.

Вездѣ принимаютъ мои работы съ распростертыми объятіями, а у насъ—кулаками; нигдѣ не бросаютъ мнѣ палки подъ ноги. Поэтому я перескакиваю вездѣ первымъ, у насъ-же послѣднимъ. А ну ихъ! Не стоитъ объ этомъ говорить!

Лучше скажите, какъ вы поживаете? Какъ ваше семейство? Да хранитъ васъ Богъ для нихъ и для насъ!

595. Къ нему же.

Biarritz, 14 (2) сентября 1893 г.

Ваше сердечное письмо я получилъ. Не могъ я сейчасъ отвѣтить вамъ потому, что въ послѣдніе дни мы всѣ какъ-то немного простудились, но теперь—всѣ здоровы.

Ваша задача, графъ, дѣйствительно нелегкая, а все-таки я радъ, что она досталась именно вамъ. Вамъ, графъ, придется вести борьбу съ двухъ сторонъ: матеріальной и моральной. Съ первой, надѣюсь, вы справитесь, а надъ второй—вѣрю, вы одержите побѣду; это въ вашихъ силахъ, поэтому-то изъ-за перваго не слѣдуетъ терять второго—ни на волосъ. Духовное значеніе было всегда главнымъ, а теперь, въ наше меркантильное время—оно все. Скажу больше: я лично придаю мало значенія всякимъ уставамъ, главное и раньше всего—люди должны быть честными, способными и талантливыми, а ихъ-то и мало. Но волна создаетъ содержаніе а вы, графъ, надѣюсь, создадите людей. Объ одномъ умоляю васъ, дорогой графъ: не требуйте ни отъ себя,

[1]) «Христіанская мученица», у которой отбита голова, при перестановкѣ.

ни отъ другихъ невозможнаго. Я знаю, что теперь окружаютъ васъ люди разные: въ маскахъ и на изнанку. Я крѣпко вѣрю, что вы съумѣете различать... Простите великодушно, что я позволяю себѣ говорить вамъ объ этомъ. Что-же касается недовольныхъ, то ихъ всегда было, есть и будетъ вездѣ много. Ну ихъ! Мимо! Мимо! А впрочемъ, жизнь была-бы скучна безъ нихъ.

Сердечно благодарю васъ, графъ, за ваше сочувствіе къ моимъ радостямъ и печалямъ. Катастрофа съ „Мученицей" дѣйствительно огорчила меня, и не столько сама катастрофа, сколько тупое упрямство Третьякова. Это мнѣ доказываетъ, что онъ любитъ картины, музей, какъ свою вещь, но не любитъ и не почитаетъ искусство въ широкомъ смыслѣ слова.

То, что я получилъ медаль на Берлинской выставкѣ, удивило и немало обрадовало меня. Послѣ оргіи съ битьемъ стеколъ, которую вызвала моя выставка въ Петербургѣ, это—доказало мнѣ, что есть люди посерьезнѣе, которые въ наукѣ и искусствѣ неизмѣримо выше, чѣмъ политически и въ расовыхъ кастахъ. Въ этомъ отношеніи честь и слава нѣмцамъ! Вотъ моя благодарность имъ!

Проектъ памятника Императору Александру II еще не совсѣмъ заглохъ, и, кажется, на этотъ разъ выйдетъ что-нибудь, конечно, если захотятъ и не станутъ бросать мнѣ палки подъ ноги господа въ родѣ Боголюбова.

Теперь вопросъ только въ томъ, какъ представить проектъ? Только для этого ѣхать въ Петербургъ—рискованно, а прислать—пожалуй отвѣта не будетъ.

596. Къ И. Я. Гинцбургу.

Начало зимы 1893 г.

Благодарю тебя за письмо. Жаль, очень жаль, что ты прихварываешь. Главное, остерегайся сырости. Радъ, конечно, что ты удачно работаешь. Въ приложеніи къ „Новостямъ" я видѣлъ твою мастерскую, гдѣ ты работаешь Верещагина, а Верещагинъ навѣрное Владиміра Васильевича [1]). Все это вмѣстѣ сильно обрадовало меня. Ну, дай Богъ, дай Богъ, и все впередъ и все лучше и лучше. Только скажи, пожалуйста, отчего ты самъ на себя клевещешь, будто ты натуралистъ? Ну, развѣ ты не думаешь, не чувствуешь раньше, чѣмъ приступить къ дѣлу? А твой „Донъ-Кихотъ?" А портреты? Развѣ они не доходятъ до творчества? Натуралисты—это люди или художники, которые дошли до крайности и уперлись лбомъ въ стѣну. А впрочемъ — таково мое личное мнѣніе.

Отъ Булгакова ни слова, и я рѣшительно не понимаю, почему я еще забылъ сказать, что я-бы не желалъ, чтобы его альбомъ явился раньше, чѣмъ будетъ моя выставка. Пожалуйста, постарайся повидать

---

[1]) Это невѣрно. В. В. Верещагинъ писалъ, на память, небольшой пейзажъ, подаренный имъ потомъ Нат. Ѳед. Пивоваровой.

его какъ можно скорѣе. Конечно, если здоровье позволяетъ тебѣ. Надѣюсь, что да. И такъ, теперь я уже подумываю о выставкѣ въ Петербургѣ. Только я не рѣшилъ еще, выставить-ли все то, что было въ Мюнхенѣ, или только половину, то, что было сдѣлано только за послѣднія 12 лѣтъ. Это зависитъ отъ того, что я пошлю на выставку въ Чикаго.

597. Къ нему же.

Парижъ, 20 ноября 1893 г.

Не хотѣлось мнѣ больше безпокоить тебя, но я долженъ. Прости Бога ради; самъ не радъ, но что дѣлать?

Первое и главное то, что самъ я не поѣду въ Россію этой зимой. Проектъ мой памятника Императора Александра II я посылаю. Навѣрное придется его гдѣ-нибудь выставить, освѣтить. Не позволишь-ли ты написать графу Бобринскому, чтобы онъ адресовался къ тебѣ?

Затѣмъ я хочу поднять вопросъ насчетъ Ботты. Вѣдь въ концѣ-концовъ я пострадалъ, если не матеріально, то морально, а онъ даже объ этомъ и не думаетъ, такъ что прислалъ даже мнѣ счетъ за установку этой статуи. Пожалуйста, переговори съ нимъ по-человѣчески. До сихъ поръ я старался этого дѣла не раздувать, чтобы не вредить его интересамъ, но все-таки онъ отвѣтственъ за несчастіе. Что онъ на это скажетъ?

Наконецъ, отъ Малютина все то-же молчаніе. Опять я телеграфировалъ къ нему и думаю, что участь этой телеграммы будетъ та-же. Мнѣ придется опять припасть съ просьбой къ Д. В., чтобъ онъ и на этотъ разъ взялъ это дѣло въ свои руки, или кому-нибудь поручилъ его подъ своимъ наблюденіемъ. Постарайся повидать его и посовѣтуйся съ нимъ.

Но это не конецъ. Еще одна просьба. Видаешь-ли ты Пыпиныхъ? Бываешь-ли ты у нихъ? Такъ вотъ. Скажи ему, что моя статья объ искусствѣ послана тобою давно, и что я апеллирую къ нему насчетъ приговора В. В. Убѣдительно прошу, пусть онъ прочтетъ и скажетъ совершенно объективно свое мнѣніе о ней, и тогда только рѣшу печатать или не печатать ее. Заодно передай имъ мой сердечный привѣтъ съ пожеланіемъ всего лучшаго.

Такъ вотъ видишь, сколько порученій, сколько хлопотъ! Самъ удивляешься, откуда они берутся. Было время, когда я сидѣлъ спокойно въ своей скорлупѣ. Никто меня не безпокоилъ, и никого я не безпокоилъ, а теперь дѣла, дѣла, все дѣла; а работать когда?

Я получилъ статью Рѣпина [1]). Она меня возмутила не тѣмъ, что онъ пишетъ то, что теперь думаетъ, и какъ разъ наоборотъ, противъ того, что прежде (это съ нимъ часто бываетъ), а тѣмъ, что онъ такъ хватилъ В. В. Это изъ рукъ вонъ уже плохо. Я написалъ ему пре-

---

[1]) Статья И. Е. Рѣпина: «Письма объ искусствѣ», помѣщенная въ «Театральной газетѣ» 31 октября 1893 г. № 22, письмо первое.

длинное письмо и сказалъ, что онъ ни въ чемъ не правъ. Но что изъ этого? Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ; фактъ останется фактомъ. За В. В. необходимо встать. Но мнѣ-ли? Это значило—прилить масла въ пожаръ и поднять такой огонь, что черти будутъ радоваться, а мнѣ-бы хотѣлось какъ разъ наоборотъ. А впрочемъ увидимъ, что отвѣтитъ мнѣ Рѣпинъ. Представляю себѣ, какъ В. В. огорченъ; да и есть за что.

Будь здоровъ; главное—это: будь остороженъ.

Читалъ-ли ты всѣ гимны, которые мнѣ пишутъ берлинскія газеты? И у насъ никто про нихъ ни слова. Вотъ что значитъ—быть въ модѣ. Но это мелочь; въ концѣ-концовъ правда свое возьметъ.

598. Къ графу И. И. Толстому.

Парижъ, декабрь 1893 г.

Я получилъ списокъ новыхъ членовъ Академіи художествъ, среди которыхъ прочелъ и свое имя, за что я вамъ очень и очень благодаренъ.

И такъ, старое умерло, новое воскресло. Съ Новымъ годомъ!!! Дай вамъ Богъ достичь полной гармоніи въ дѣлѣ, да и самое дѣло пусть достигнетъ гармоніи.

599. Къ нему же.

Парижъ, декабрь 1893 г.

Здѣсь уже начинаютъ поздравлять съ Новымъ годомъ; начну это и я, и прежде всего обращаюсь къ вамъ, дорогой графъ. И такъ, дай вамъ Богъ счастья, здоровья, энергіи и успѣха во всемъ на Новый годъ и всегда, чего и желаю вамъ отъ всей души. О себѣ не буду говорить—не хочется. Легче, да и письмо будетъ короче. Скажу только, что на кого Богъ, на того и люди. Никогда со мною не обращались такъ безцеремонно, какъ теперь. Это немного меня радуетъ, но и немного огорчаетъ. Въ жизни людей вообще, а въ жизни художника въ особенности, бываютъ приливы и отливы. На это можно сказать арабское изреченіе: „И то пройдетъ".

Я знаю, какъ вы теперь заняты, и не знаю, насколько моя рѣчь будетъ кстати, по крайней мѣрѣ во-время, но, тѣмъ не менѣе, я буду говорить: что прикажете дѣлать?—Сердце не камень. Все-таки желаю русскому искусству полнаго и пышнаго расцвѣта, отъ всей души, тѣмъ болѣе теперь, когда и наше искусство стало сыро, жидко и плохо. Публика это мало понимаетъ, а художники мало чувствуютъ. И вотъ, ради общаго стимула было-бы хорошо, мнѣ кажется, приглашать европейскія знаменитости участвовать въ Петербургской выставкѣ, какъ это дѣлаетъ Мюнхенъ и Берлинъ, которые приглашаютъ не только живописцевъ, но и скульпторовъ. Расходъ на провозъ—не Богъ вѣсть какой, да онъ, пожалуй, и окупится, а польза несомнѣнно громадная. Наши художники мало ѣздятъ, а у себя въ комнатѣ, особенно

съ низкимъ потолкомъ, всегда кажешься высокъ ростомъ. Къ сожалѣнію, этому оптическому обману поддаются у насъ всѣ.

Всѣ—это я говорю по поводу того, что на-дняхъ мнѣ удалось видѣть одного извѣстнаго пейзажиста, онъ же и мой сосѣдъ: позвалъ онъ меня смотрѣть морскую картину, которую онъ написалъ въ Тулонѣ во время франко-русскихъ празднествъ. Признаться откровенно, терпѣть я не могу этихъ оффиціальныхъ картинъ, которыя работаются меньше всего изъ любви къ искусству! Но дѣлать нечего—пошелъ я и былъ пораженъ именно отсутствіемъ всего того, что художники въ подобныхъ случаяхъ навѣшиваютъ и прикрашиваютъ. Художникъ—нѣмецъ и лгунъ. Картина вышла у него великолѣпная, да и размѣръ почтенный: $4^1/_2$ метра. Я знаю, что и наши художники были въ Тулонѣ и тоже писали картины, но знаю, что изъ этого выйдетъ нуль. Такъ вотъ,—имѣть рядомъ дѣйствительно художественную вещь было-бы очень полезно, какъ для молодыхъ начинающихъ, такъ и для старыхъ сознающихъ, и для публики непонимающей.

Повторяю, у васъ теперь, дорогой графъ, столько дѣла, что вамъ не до того, но думаю, что это важно и необходимо, и было-бы хорошо именно теперь.

Заодно уже скажу вамъ, дорогой графъ, то, что давно мнѣ хотѣлось сказать: я не знаю, какъ до сихъ поръ шло въ Академіи преподаваніе эстетики, и даже шло-ли оно? Притомъ, преподавалась-ли она вмѣстѣ съ исторіей искусства, или самостоятельно; не знаю также, насколько хорошо она преподавалась. Но если отдѣльно, — то позволяю себѣ указать, или, вѣрнѣе, обратить ваше вниманіе на одного молодого талантливаго человѣка, это—князя Волконскаго. Конечно, онъ еще начинающій, неустановившійся, во многомъ я лично съ нимъ не согласенъ, но за то онъ въ высшей степени одаренъ, художникъ въ душѣ, съ даромъ слова, и человѣкъ, способный будить чувства и умъ, а послѣднее, признаться, важнѣе для меня, чѣмъ сама эстетика. Весь вопросъ—насколько онъ подготовленъ для такого дѣла.

600. Къ М. П. Боткину.

26 (14) декабря 1893 г.

Пословица говоритъ: „Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ“. Приблизительно то же самое можно сказать и про письма: чѣмъ дальше откладываешь, тѣмъ труднѣе начать. Но долженъ-же я наконецъ начать. Впрочемъ я не зналъ, куда именно вамъ адресовать.

Про ваше великое горе мы узнали уже поздно, и намъ не хотѣлось вновь тревожить вашу рану, пока она не залѣчится, да залѣчится-ли она?

Восемнадцать лѣтъ тому назадъ мы испытали такое же горе, и вотъ до сихъ поръ, когда вспоминаешь, сердце откликается съ содроганіемъ и пребольно.

Конечно стараешься убѣдить себя: „вѣдь не все всходитъ, что сѣешь, вѣдь все пройдетъ“, но убѣдить себя не всегда удается, а

между тѣмъ жизнь идетъ своимъ чередомъ со всѣми треволненіями, точно въ самомъ дѣлѣ все пройдетъ и только мы останемся.

Но въ смерти, кромѣ ужаснаго, есть что-то великое, таинственное, что-то торжествующее, это ключъ къ нашимъ душамъ; блаженъ тотъ, кто умѣетъ этимъ ключомъ ее раскрывать.

Да, дорогой Михаилъ Петровичъ, если-бы люди почаще думали объ этомъ, человѣчеству не жилось-бы такъ плохо, добро восторжествовало-бы. Не удивляйтесь, что я говорю объ этомъ, но вѣдь не разъ я возвращаюсь къ этой темѣ въ моихъ произведеніяхъ.

Я ничего не могу сказать вамъ въ утѣшеніе, для этого перо мое слишкомъ слабо, несмотря на то, что желаніе мое сильно. Но надѣюсь на вашу ясность ума и сердца, что съумѣете себя преодолѣть, тѣмъ болѣе, что вы принадлежите своимъ дѣтямъ, которыя нуждаются въ васъ.

Про насъ нечего сказать, время странное, ненормальное, болѣзненное, и это отражается на всемъ, и если-бы не вѣра, что все пройдетъ, то оставалось-бы опустить руки. Но вѣра моя крѣпка, и я продолжаю работать. Мастерская и домъ—вотъ мои точки опоры. Въ мастерской работать устаю, дома отдыхаю среди семьи и, каюсь, среди библо [1]), которые попрежнему люблю. Что прикажете дѣлать, иногда они меня успокаиваютъ, за то часто они и мой горизонтъ расширяютъ. Внѣ этого, теперешняя внѣшняя жизнь мало меня интересуетъ, да въ ней что-то мало хорошаго. Ну, простите, что наговорилъ вамъ съ три короба.

Отъ всей души желаю вамъ здоровья и душевнаго спокойствія.

601. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, декабрь 1893 г. [2])

Издали протягиваю вамъ руки, дорогой, сто разъ дорогой мой Владиміръ Васильевичъ, чтобы хоть мысленно обнять васъ крѣпко, какъ вѣрное войско свое знамя, знамя, которое служило намъ примѣромъ, символомъ любви къ правдѣ, къ искусству, къ родинѣ и къ человѣчеству! Ваша дѣятельность славна, ваше прошлое полно борьбы; вы всегда шли впереди насъ, навстрѣчу новой эры въ родномъ искусствѣ, очищая путь тѣмъ, которые шли за вами. Но вы не любили ни слабыхъ, ни слѣпыхъ, вы хотѣли, чтобы каждый изъ насъ былъ равенъ вамъ.

Однажды—это было въ Римѣ—я получилъ отъ васъ письмо, полное упрековъ, и, какъ всегда, полное откровенности. Рѣчь шла объ искусствѣ. Я отвѣчалъ вамъ рѣзко, отстаивалъ свои убѣжденія, какъ могъ, и думалъ: „разсердится на меня мой другъ навсегда!“ Не тутъ-то было.

---

[1]) Bibelots—маленькія произведенія художественной промышленности, металлическія, деревянныя, костяныя, стеклянныя и т. д.

[2]) Письмо это прочитано И. Я. Гинцбургомъ на юбилеѣ В. В. Стасова, въ Императорской Публичной библіотекѣ, 2 января 1894 года.

Вашъ отвѣтъ былъ восторженный. Вы писали, „такихъ-то я и люблю!“ И съ тѣхъ поръ, я еще болѣе понялъ васъ, сильнѣе, горячѣе полюбилъ васъ. Да, вы любите говорить правду, любите и слушать ее, и, напротивъ, вы всей вашей сильной душой ненавидите фальшь и притворство—все равно, гдѣ-бы они ни проявлялись, кѣмъ-бы они ни были высказаны, во имя чего они ни были-бы высказаны.

Вы встрѣчали противъ себя много злобы, потому что у васъ самого много доброты. Но, слава Богу, время васъ не утомило, борьба васъ не осилила, мы ждемъ отъ васъ еще многаго.

Теперь наша маленькая дружина собрала ваши слова въ нѣсколькихъ объемистыхъ томахъ [1]).

Это лучшее, что мы могли сдѣлать: что написано перомъ, того не вырубишь и топоромъ. Эти-то слова и есть лучшій свидѣтель вашего честнаго, неутомимаго труда, лучшій памятникъ вашей дѣятельности.

Честныя, искреннія слова, свѣтлая мысль, какъ сѣмя, не умираютъ никогда. Иной разъ, они долго лежатъ подъ спудомъ наносднаго снѣга, иной разъ вѣтеръ переноситъ ихъ на другую почву; но все равно, не сегодня, то завтра, послѣ-завтра, черезъ годы, когда-нибудь ихъ поймутъ, и тогда всѣ, кто только любитъ родное искусство, всѣ скажутъ вамъ единодушное спасибо!

А пока, мы, ваши друзья, счастливы и гордимся тѣмъ, что мы можемъ сказать то же самое теперь-же.

Ваша честная прямолинейная дѣятельность всю вашу жизнь служила намъ примѣромъ силы, стойкой какъ дубъ, способной скорѣе сломиться, чѣмъ согнуться.

602. Къ М. П. Боткину.

Парижъ, январь 1891 г.

Глубокоуважаемый Михаилъ Петровичъ, съ новымъ годомъ! Дай вамъ Богъ всѣмъ самое лучшее, что только пожелаете. Главное здоровья, счастья и веселья. Что у васъ новаго? Здѣсь пока объ искусствѣ мало говорятъ, не сезонъ еще. Въ библо мало новаго, съ каждымъ годомъ вещи становятся все рѣже и рѣже, да это и понятно. Средневѣковыхъ вещей не изъ земли выкапывать: все, что было, — собрано, выскреблено отовсюду и все это мало-по-малу поступило въ музеи. Частью сами покупаютъ, а большую часть дарятъ, какъ при жизни, такъ и по завѣщанію, и дарятъ и покупаютъ не худшія, а лучшія вещи. Конечно, весной будетъ еще 2—3 интересныхъ распродажи, болѣе или менѣе, какъ каждый годъ, но повторяю, съ каждымъ годомъ всего этого меньше и меньше. Я теперь работаю статую Александра II. Подождемъ и увидимъ.

Въ Петербургѣ, кажется, опять начинаютъ ломать копья противъ

[1]) Изданіе полнаго собранія сочиненій В. В. Стасова, на сумму, составившуюся изъ складчины русскихъ художниковъ и любителей.

меня. Прежде только кричали, теперь стрѣляютъ, безъ крика, но что они могутъ мнѣ сдѣлать дурного? Могутъ высказать свою злость, свое невѣжество, могутъ отнять у меня заказы, но не съумѣютъ отнять у меня одно: свободу творчества, въ этомъ я имъ ручаюсь. Можетъ быть я скоро буду въ Петербургѣ, и тогда все разскажу вамъ.

Повторяю, можетъ быть, такъ какъ я не увѣренъ еще.

Пока-же еще разъ желаю вамъ всего лучшаго на новый годъ и всегда.

603. Къ И. Я. Гинцбургу.

Январь, 1894 г.

Только-что получилъ твое письмо. Очень, очень радъ, что письмо мое къ В. В. нравится; еще больше былъ-бы радъ, если-бы торжество дѣйствительно приняло-бы извѣстные размѣры. В. В. никогда не боялся газетныхъ воронъ, и намъ слѣдовало-бы сдѣлать то же самое. Кто боится волковъ, тому не идти на охоту на нихъ. Мнѣ казалось наоборотъ: въ случаѣ нападокъ на него, какъ разъ былъ-бы удобный случай взяться за перо. Отъ этого никто не проигралъ-бы, а искусство, чего добраго, можетъ-быть что-нибудь и выиграло-бы. Можно не соглашаться съ В. В. въ частностяхъ, но въ общемъ онъ—человѣкъ необыкновенный. Его заслуга передъ русскимъ искусствомъ огромная и неоцѣненная. Къ сожалѣнію, мы слишкомъ близко стоимъ, чтобы видѣть общее.

Съ нетерпѣніемъ жду подробнаго описанія чествованія. Навѣрное былъ и обѣдъ.

604. Къ нему же.

Январь, 1894 г.

Извѣстіе о томъ, что чествовали В. В. такъ единодушно и съ такимъ энтузіазмомъ, сильно меня удивило, но сильнѣе еще меня обрадовало. Признаться, ничего подобнаго я не ожидалъ; но тѣмъ лучше; тѣмъ болѣе я радъ, что еще не у всѣхъ чувство очерствѣло.

Мнѣ хотѣлось знать все подробно, и я ничего не знаю. Ты обѣщалъ мнѣ „завтра“ написать, и до сихъ поръ я ничего не получилъ. Благодаря Еленѣ [1]) я узналъ еще кое-что, но и она пишетъ немного, думая, что навѣрно уже все я знаю, а я ничего не знаю.

Ты пишешь, что ни отъ Льва Толстого, ни отъ Рѣпина, ни отъ Звенигородскаго не было ни слова. Это обидно. Да что это за боги, которые не хотятъ знать людей, да еще друзей своихъ [2])?

Елена пишетъ, что въ „Восходѣ“ чуть-ли не на цѣлой 6 страницѣ написана привѣтственная телеграмма. Почему въ „Восходѣ“? Отъ кого?

Не знаешь-ли, получилъ-ли Рѣпинъ мое письмо, посланное на адресъ Caffé del Greco? И если до сихъ поръ оно тамъ валяется, то

---

[1]) Племянница Антокольскаго.

[2]) Отъ всѣхъ трехъ были получены письма, но немного запоздали.

нѣтъ-ли у тебя въ Римѣ кого-нибудь, чтобы попросить его отослать это письмо (хоть тебѣ) обратно?

Какъ чувствуетъ себя В. В.? Какъ поживаетъ Надежда Васильевна? Да ты самъ какъ поживаешь? Мое здоровье такъ себѣ.

Что новаго въ художественномъ мірѣ? Что дѣлается въ Академіи? Что насчетъ моего проекта? Что „Спиноза“? Видалъ-ли ты Д. Васильевича? Что онъ говоритъ по поводу Малютина? Вообще, какъ видишь, дѣла у меня много, а толку мало. Повидимому, мой курсъ въ Россіи теперь низко стоитъ; на меня, человѣка, смотрятъ, какъ на жидка, а на меня, художника, какъ на сапожника. Это я чувствую даже здѣсь.

Отъ В. В. получилъ его двѣ статьи. Въ нихъ много хорошаго и дѣльнаго. Главное—не слова, а дѣло. Но все-таки я не остался доволенъ „рознью между художниками“ [1]), начиная отъ Антоника Пруста. Этотъ господинъ просто пройдоха, что доказало панамское дѣло. Онъ не преслѣдуетъ никакой цѣли, кромѣ своей личной. Расколъ между художниками произошелъ опять-таки не ради какихъ-то возвышенныхъ принциповъ, а просто изъ-за личностей. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Извѣстно, что на Всемірной выставкѣ иностранный отдѣлъ былъ крайне слабъ. Тѣмъ не менѣе бумажныя награды были розданы болѣе чѣмъ щедро, и не не признаннымъ талантамъ, какъ это утверждаетъ В. В., а просто бездарнымъ (большей частью). Достаточно сказать, что самоучка скульпторъ Тургеневъ получилъ самую первую награду; что Романъ былъ вице-президентомъ жюри, а роздали наградъ столько, что изъ 660 экспонентовъ (вообще) русскаго отдѣла, преміи получили 620. Но художники, получившіе награды на Всемірной выставкѣ, имѣютъ право посылать свои произведенія въ Salon помимо жюри. Такимъ образомъ, Salon рисковалъ быть наводненъ посредственными произведеніями. Вотъ противъ этого-то и протестовало большинство художниковъ. Но Месонье, бывши президентомъ жюри, держался противоположнаго мнѣнія. Онъ самъ обвѣшенъ разными высшими наградами и почетами, а кричалъ: „Не надо наградъ!“ Еще-бы! За нимъ кричали всѣ тѣ, которымъ трудно было достать ихъ. И такъ, расколъ состоялся; въ новый составъ вошли всѣ, кто хотѣлъ, и, между прочимъ, Романъ и Прянишниковъ. Такъ вотъ какіе передовые-то эти люди. Думаю, что это довольно характеристично. Что-же касается до самаго „Salon“ на Марсовомъ полѣ, то мнѣ остается только повторить то, что однажды я высказалъ въ своей автобіографіи, когда осмотрѣлъ выставку одного въ Берлинѣ извѣстнаго скульптора. Это все тотъ-же самый псевдо-реализмъ наряду съ псевдо-классицизмомъ. Оба заботятся только о внѣшности; оба утрируютъ дѣйствительность; оба другъ друга стоятъ.

Такъ вотъ какъ опасно подойти къ дѣйствительности со своею мѣркою. Поэтому-то и выводъ В. В. ложенъ.

---

[1]) Статья В. В. Стасова: «Хороша-ли рознь между художниками», напечатанная въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», январь 1894 г.

Что-же касается до статьи о Третьяковѣ [1]), то она несравненно лучше, дѣльнѣе. Тутъ много фактовъ, дѣла, но опять-таки односторонняго. Впрочемъ, до извѣстной степени оно простительно. Я самъ раньше былъ того-же мнѣнія про Третьякова въ особенности, и про москвичей вообще. Но пословица говоритъ: „Надо съѣсть съ человѣкомъ шесть кулей соли, раньше чѣмъ его узнать"; а я съѣлъ, очень солено, за то и узналъ ихъ. Это меценаты, да, но и самодуры. Чугунными руками они сѣютъ поле искусства; выжатыми слезами и кровью художниковъ они орошаютъ его. Такъ вотъ мой припѣвъ имъ. Я имѣю право сказать это, и вѣчно буду повторять.

Я ждалъ съ нетерпѣньемъ твоего письма, думалъ-было узнать подробно. Что прикажешь дѣлать? Я жаденъ сталъ на новости, но ты мало пишешь.

Раньше всего всѣ очень огорчены болѣзнью Надежды Васильевны. Это прекрасная женщина; дай Богъ ей здоровья.

Не знаю, что дальше будетъ въ Академіи. Надо ждать; но дождемся-ли мы именно того, чего мы такъ жаждемъ, покажетъ будущность. Я не вижу людей съ широкимъ горизонтомъ, а между тѣмъ все зависитъ отъ того, кто возьметъ скрипку въ руки.

Я писалъ моему племяннику, чтобы онъ переговорилъ съ Боттой. Я вовсе не намѣренъ дарить ему. Мое здоровье такъ себѣ. Ну, будетъ, думаю, марать.

Мое мнѣніе про обѣ статьи не буду писать В. В. Дѣйствительно, не хочу огорчить его. Зачѣмъ? Вѣдь уже напечатано.

605. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 26 января 1894 г.

Получилъ ваше прекрасное, молодое, живое письмо; только вы напрасно бичуете себя: я и не думалъ быть въ претензіи на васъ за ваше молчаніе. Съ какой стати! Развѣ я не художникъ, человѣкъ и другъ, чтобы не чувствовать, не понимать и не знать, какъ васъ дергали и тормошили со всѣхъ сторонъ? Но вѣдь свои люди сочтутся, да, наконецъ, развѣ вашъ праздникъ былъ не мой? Я торжествовалъ, я вдыхалъ широкой грудью сѣвера! Слава Богу, живо еще людское чувство!!! Меня радуетъ, что людская совѣсть проснулась, что тѣ, которые послѣднее время были такъ сильно противъ васъ, преклонились передъ вами. И такъ, живо доброе чувство! Живъ и нашъ добрый другъ Владиміръ Васильевичъ! Какъ-бы мнѣ хотѣлось, чтобы люди, наконецъ, поняли другъ друга, примирились и обнялись. Да, повторяю—обнялись, но не проглатывали другъ друга.

О себѣ на этотъ разъ есть мало что сказать—все дрязги, да дрязги, мелочи... Да ну съ нимъ!

Я работаю удачно, но медленно—какъ-то несовсѣмъ здоровится.

---

[1]) Статья В. В. Стасова: «П. М. Третьяковъ», напечатанная въ «Русской Старинѣ», декабрь 1893 г.

Утомительная жизнь, которую я велъ въ дѣтствѣ и въ молодости, кажется, теперь даетъ себя знать. Впрочемъ, можетъ быть, на старости пристала ко мнѣ модница-инфлуэнца. Я забылъ сказать, что въ день вашихъ именинъ [1]) мы съ жадностью пили за ваше здоровье; жена и дѣти пожелали вамъ еще долго, долго здравствовать.

Навѣрное, у васъ въ библіотекѣ уже есть изданіе Сабашникова [2]), я написалъ о немъ нѣсколько словъ, но, кажется, слабо; если не одобрите,—не посылайте для печати въ „Новости". Но сказать что-нибудь необходимо—этого заслужили и издатель, и книга. Да, намъ, художникамъ, необходимо идти навстрѣчу всякому благому намѣренію, всякому теплому вѣянію.

И такъ, прошу васъ сказать свое слово. Если-же найдете мою замѣтку хорошей, то передайте Эліасу, а онъ снесетъ ее въ редакцію.

Какъ поживаетъ Эліасъ? Мнѣ просто совѣстно, что я такъ эксплоатирую его своими комиссіями.

Скажите пожалуйста (по секрету), нельзя-ли что-нибудь сдѣлать для него при теперешнемъ новомъ режимѣ въ Академіи? Хоть-бы какъ-нибудь, чѣмъ-нибудь обезпечить его. Мнѣ самому неловко писать графу И. И. Толстому объ этомъ, да навѣрное графъ теперь такъ занятъ, что не отвѣтитъ. Но при удобномъ случаѣ очень, очень прошу вашего авторитетнаго слова.

Можетъ быть у Григоровича что-нибудь есть для него?

606. Къ нему же.

Парижъ, 27 января 1894 г.

Такъ вотъ, дорогой мой В. В., какимъ я непостояннымъ сталъ, какимъ недовольнымъ и больше всѣхъ самимъ собою.

Вчера послалъ я вамъ замѣтку о книгѣ Сабашникова; сказалъ вамъ, что она неважна и дѣйствительно вяла. Такъ вотъ, какъ только послалъ вамъ эту замѣтку, меня досада взяла, я взялъ и сдѣлалъ варіантъ. Въ сущности содержаніе то-же, только въ этой рыбѣ соли и перцу побольше. Такъ вотъ, пересмотрите, что тутъ неправильно—и съ Богомъ! По-моему, такимъ молодымъ людямъ необходимо высказать свое сочувствіе; да онъ этого вполнѣ заслужилъ. Новостей черезъ ночь не могло быть, только сердце, сердце мое, что сталось съ моимъ сердцемъ!? Плохо сплю, оно стучитъ, точно вонъ просится; отдыхать нельзя—работа спѣшная. Но не мнѣ жаловаться—я привыкъ хворать, въ этомъ я закаленъ.

Малютинъ все не отвѣчаетъ; Мамонтовъ, который обѣщалъ переговорить съ нимъ и къ которому я писалъ три раза, тоже молчитъ. Что за странный свѣтъ сталъ!

Я, наконецъ, написалъ письмо къ Z и написалъ все, что было на душѣ. Плюнулъ ему въ лицо и стопталъ подошвою. Письмо отправлю завтра или послѣзавтра; а вамъ нарочно пришлю копію.

---

[1]) Рожденья.

[2]) Сочиненіе Леопардо-да-Винчи, о полетѣ птицъ.

607. Къ нему же.

Парижъ, 11 февраля 1894 г.

Пишу вамъ,—кому же мнѣ писать? Пишу—нѣтъ, не пишу, а кричу—что за время стало! Не узнаю ни себя, ни другихъ. Друзья стали сонные и во снѣ забыли и меня. Было время, когда шла оживленная переписка, обмѣнъ мыслей, все интересовало, все хотѣлось знать; а теперь—я-ли сталъ недостоинъ, или люди стали неряшливы, неопрятны совѣстью? Да гдѣ я? Что со мной? Кто я? Гдѣ моя родина? Куда влечетъ меня? Моего виноградника оберегать не могу, а чужого не хочу. Молю о любви и въ отвѣтъ—презрительное молчаніе. Стучусь въ двери необитаемыхъ домовъ, или въ двери недобрыхъ людей, тутъ мнѣ не отвѣчаютъ, а оттуда меня гонятъ...

Вѣтеръ воетъ, вѣтеръ треплетъ мои волосы и рветъ мою одежду; я изнемогаю, падаю, встаю и иду, иду одинокій, среди равнодушной толпы.

Пусть заревѣтъ буря! Пусть поднимутся волны, какъ хребты гранитныхъ скалъ! Топите меня, глотайте меня—я съ пѣсней имъ навстрѣчу пойду!

Хочу пѣть, хохотать, чтобы хохотомъ глупцовъ тѣшить, умниковъ пристыдить, или въ слезахъ моихъ утопить ихъ. Вотъ пѣсня моя; да я не новость пою. Но къ дѣлу. Въ послѣднее время мнѣ не везетъ въ Россіи—моя выставка потерпѣла крушеніе, лучшее мое произведеніе разбито [1]), курсъ мой упалъ, на мои работы нѣтъ спроса, друзья отстали... Весною возился съ Третьяковымъ, теперь съ Малютинымъ. Мой другъ Мамонтовъ обѣщалъ помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Я писалъ ему, писалъ, просилъ, умолялъ, а онъ — точно заснулъ. Тяжело разочаровываться въ людяхъ, но въ тысячу разъ тяжелѣе разочаровываться въ друзьяхъ. Но это не единственная сказка о немъ. Все это вмѣстѣ пребольно бьетъ меня въ грудь и по карману; а деньги необходимы. Прошу слѣдующія мнѣ,—кто отвѣчаетъ: „завтра", кто даже приглашаетъ меня „явиться въ Москву для полученія".

Мнѣ нездоровится, слабѣю, барахтаюсь, борюсь; часто пишу къ друзьямъ и отсылаю, но чаще мои письма въ печь бросаю—все равно теперь вѣтеръ противъ меня, мои звуки назадъ отгонитъ... А впрочемъ, я говорю о себѣ, чтобы не говорить о другихъ. Люди перестали другъ друга понимать, съузились, озлобились, вотъ и все. Тяжело дышится!

N. B. Я послалъ вамъ замѣтку про книгу о Леонардо-да-Винчи; затѣмъ послалъ телеграмму, чтобы печатали не первую, а вторую замѣтку, которыя вы получили. Въ „Новостяхъ" я еще не встрѣчалъ своей статьи, да врядъ-ли и встрѣчу, навѣрное и не нужно. Будьте здоровы, это главное.

Какъ Эліасъ? Мой привѣтъ всѣмъ.

---

[1]) «Христіанская мученица», упавшая и расшибшаяся, при перемѣщеніи въ Академію художествъ послѣ выставки.

Какъ Надежда Васильевна поживаетъ?

Ради Бога, не утомляйтесь.

Только что прочелъ письмо графа Л. Толстого къ вамъ по поводу вашего юбилея. Что-жъ, лучше поздно, чѣмъ никогда; да само письмо—такъ себѣ.

608. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, январь—фев. 1894 г.

Очень радъ былъ увидать опять твою мастерскую вмѣстѣ съ В. В. и Верещагинымъ [1]). По всей вѣроятности Верещагинъ пишетъ портретъ В. В. Если это такъ, то очень меня это радуетъ. Теперь по крайней мѣрѣ всѣ друзья его, кто только можетъ держать кисть или стеку, сдѣлали его портретъ и этимъ увѣковѣчили его. Осталась только очередь за madame Бёмъ сдѣлать его портретъ.

Я ея не знаю, только навѣрное ты ее знаешь. Скажи ей, чтобы она это сдѣлала. Твою статуэтку Верещагина трудно разбирать въ подробностяхъ, только въ общемъ очень хорошо. Кто описалъ тутъже твою мастерскую? Зачѣмъ ты клевещешь на себя, будто ты натуралистъ? Развѣ ты дѣлаешь только то, что видишь? Неужто чувства твои и мысли не шевелятся раньше, чѣмъ ты начинаешь? А твой любимый сюжетъ „Донъ-Кихотъ?“ А твои портретныя статуэтки—не въ своемъ-ли родѣ творчество? А натуралисты творчество-то и отрицаютъ. Впрочемъ, они ничего не отрицаютъ и ничего не признаютъ. Они—фотографическая машина.

Навѣрное В. В. Стасовъ уже получилъ отъ милаго Полякова статуэтки мои. Пожалуйста, припрячь ихъ до моего пріѣзда. Что съ Булгаковымъ? Отъ него нѣтъ ни слова. Я только что послалъ письмо графу Толстому. Дѣло въ томъ, что провозъ на выставку въ Чикаго теперь стоитъ здѣсь очень недорого. Навѣрное въ Петербургѣ тоже самое. Поэтому я рѣшилъ послать туда нѣсколько статуй. Но есть-ли тамъ достаточно мѣста? И какъ на это посмотрятъ графъ и жюри? Пожалуйста, зайди къ нему, спроси. Навѣрное онъ теперь такъ занятъ, что ему некогда мнѣ и отвѣчать-то.

Я мало работаю, все дѣла есть. Очень, очень трудно бѣжать, писать, хлопотать, имѣть дѣло съ разными рабочими да и самому еще работать. А между тѣмъ работы накопилось много. Что насчетъ моей статуэтки? Нельзя-ли видѣть лучшую фотографію съ статуэтки Верещагина? Какъ твое здоровье? Берегись, главное, сырости. Какъ здоровье В. В.? Поклонись ему очень и очень.

---

[1]) Здѣсь говорится о прекрасной фотографіи, на которой былъ представленъ В. В. Верещагинъ, стоящій передъ мольбертомъ и пишущій небольшой пейзажъ, а И. Я. Гинцбургъ вылѣпливаетъ изъ глины его фигуру; сбоку, тутъ-же, въ мастерской И. Я. Гинцбурга сидитъ В. В. Стасовъ.

609. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 24 февраля 1894 г.

Ваше доброе письмо я получилъ и расхохотался надъ самимъ собой. Такъ вотъ что значитъ писать подъ настроеніемъ минуты! Такъ вотъ какъ трудно судить о людяхъ по письмамъ! Это былъ крикъ, вырвавшійся изъ души, но я скоро забываю, тоже самое прошу и васъ. Согласитесь сами—я хвораю, сердце ноетъ, силы падаютъ, жена хвораетъ, дѣти простужены; сверхъ того—масса побочныхъ непріятностей; а тутъ, въ этой котловинѣ, нѣтъ ни близкихъ, ни родныхъ; нѣтъ ни единаго друга, ни единаго живого чувства; всѣ—какіе-то математическіе аппараты, съ вычисленіемъ дробей. А впрочемъ, я писалъ вамъ, что говорю о себѣ, чтобы не говорить о другихъ. Люди какъ-то запутались, сами надѣлали себѣ рогатки, шлагбаумы, сами бѣгаютъ черезъ нихъ, спотыкаются, падаютъ другъ на друга и другъ друга давятъ.

Но будетъ! Я теперь оправился и опять замыкаюсь въ свою художественную скорлупу. На нѣкоторые пункты въ вашемъ письмѣ я могъ-бы возразить; но повторяю—будетъ! Скажу только то, что говорю всегда: мой идеалъ—глина, хлѣбъ и спокойствіе. Глины могу найти сколько угодно, хлѣбъ—съ трудомъ, спокойствія—нигдѣ. Да кому на свѣтѣ хорошо живется?

Что же касается книги Сабашникова, то я очень удивляюсь, что ее еще не знаютъ въ Россіи, между тѣмъ какъ здѣсь о ней—лучшіе отзывы; и мнѣ хотѣлось-бы идти навстрѣчу каждому, кто идетъ навстрѣчу искусству.

Только что получилъ письмо отъ Ѳ. В. Сабашникова. По всей вѣроятности, онъ пришлетъ вамъ свое изданіе, а то и самъ придетъ. Пожалуйста, примите его, какъ ваше доброе сердце принимаетъ всѣхъ добрыхъ людей, близко къ себѣ; онъ этого заслуживаетъ. Да, мнѣ сильно хотѣлось-бы соединить добрыхъ людей.

Постараюсь познакомить васъ съ этимъ замѣчательнымъ изданіемъ, и тогда, я надѣюсь, вы встрѣтите его съ такимъ-же сочувствіемъ, какъ и я; и тогда я охотно откажусь отъ своего письма и буду просить васъ, чтобы это изданіе не заглохло у насъ.

610. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, февраль 1894 г.

Я тоже на нѣсколько выставокъ приглашенъ, и конечно не на петербургскія, а на иностранныя. Но я не начинающій, я не ищу ни того, ни другого, а по возможности спокойно работать—вотъ этого-то я нигдѣ и не нахожу. Какая удачная статья В. В. Какъ удачно онъ приплюснулъ эту гадину Б.! Но что изъ этого? Отрубишь отъ него хвостъ—останется голова, отрубишь голову—остается хвостъ, и что хвостъ, что голова—оба одинаково живучи, оба одинаковаго достоинства и оба одинаково скверны. Скверно то, что такіе нарывы могутъ быть только на больномъ тѣлѣ.

Если ты здоровъ, если имѣешь о чемъ писать—пиши.

611. Къ нему же.

Парижъ, мартъ 1894 г.

Вотъ уже болѣе трехъ недѣль, какъ ты выставилъ мой проектъ, и до сихъ поръ я не знаю „лобъ“ или „затылокъ“. Не знаешь-ли ты чего? Конечно я такъ часто слышалъ „бракъ“, что нисколько не буду удивленъ и въ этотъ разъ. Гораздо вѣрнѣе это тѣ 2,500 р., которые я долженъ получить въ случаѣ неодобренія. Они-то мнѣ теперь до крайности нужны; поэтому и хотѣлось-бы знать результатъ его какъ можно скорѣе.

У васъ теперь художественный сезонъ, когда публика какъ-будто интересуется искусствомъ. Художники ободряются и слабый лучъ надежды на что-то лучшее воскресаетъ. Но въ Питерѣ бываютъ морозы сильнѣе солнца; объ остальныхъ городахъ и говорить нечего.

Что интереснаго на академической выставкѣ? Что ты выставилъ? Что новаго въ Академіи? Какъ метутъ новыя метлы?

Въ этомъ году я получилъ четыре приглашенія участвовать на выставкахъ. Самая интересная, по-моему, будетъ на будущій годъ въ Венеціи.

Я послалъ бы свои вещи въ Антверпенъ, только ни въ письмѣ, ни въ указателѣ правилъ не разъяснено, куда именно посылать, и на чей счетъ. Не знаешь-ли ты, или В. В. Стасовъ? Какъ онъ поживаетъ? Я плохо, все вожусь съ докторами. Да и не я одинъ. А все-таки надѣюсь черезъ мѣсяцъ окончить группу, надъ которой работаю давно; пора кончить.

Какъ превосходно В. В. притиснулъ къ стѣнкѣ эту гадину, у котораго гнусныхъ именъ—легіонъ.

612. Къ нему же.

Парижъ, мартъ 1894 г.

Письмо Ропета я получилъ вмѣстѣ съ твоимъ. Я сейчасъ отвѣчалъ ему и высылаю сегодня-же его пьедесталъ. Напрасно онъ недоумѣваетъ, потому что въ русскомъ стилѣ считаю его лучшимъ, и его пьедесталъ, конечно, во много разъ лучше моего. Прошу передать ему это. Впрочемъ то-же самое я сказалъ и ему. Да еще прошу, чтобы онъ не сердился, что я забылъ имя и отчество его.

Дѣло Морана прошу изъ головы выкинуть и больше не ходить и не говорить съ нимъ, потому что не стоитъ.

Статуэтки В. В. жду съ нетерпѣніемъ. Теперь, послѣ выставки, всѣ завалены работой, все заказы, но постараюсь, чтобы фигурка была отлита во-время.

Я началъ работать „Ермака“. Думаю крѣпко про выставку. Повидимому Рѣпинъ отсталъ. Я просилъ его черезъ В. Стасова, чтобы онъ что-нибудь выставилъ для лотереи въ пользу неимущихъ художниковъ, для возвращенія ихъ на родину. Мнѣ будетъ очень обидно, если онъ мнѣ ничего не вышлетъ. Всѣ обѣщали, многіе уже и дали; я жду только его, чтобы начать дѣйствовать.

613. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 5 марта 1894 г.

Простите меня великодушно, что опять безпокою васъ моей довѣренностью; я рѣшительно не помню, когда именно въ послѣднiй разъ я получалъ деньги; но все равно, сколько теперь ни получу,— будетъ хорошо; онѣ мнѣ теперь въ особенности крайне необходимы. У насъ изъ дома доктора не выходятъ; никогда не проводили мы такъ плохо зиму во всѣхъ отношенiяхъ, какъ эту.

Нѣкоторое время тому назадъ я писалъ Димитрiю Васильевичу, въ письмѣ была копiя письма къ Z; просите его, чтобы онъ не забросилъ этого письма: повидимому, съ Z. придется вести тяжбу—не хочетъ платить ни подъ какимъ видомъ.

614. Къ Ел. Павл. Антокольской.

Парижъ, мартъ 1894 г.

Милая Елена, раньше всего очень,-очень благодарю тебя за твое письмо со столькими новостями интересными. Отвѣчу по порядку. Статью Рѣпина [1]) не читалъ; она не только мало меня интересуетъ, но даже противна. Я Рѣпина пересталъ понимать, его поступокъ противъ Стасова такой-же, какъ противъ отца родного, а Мефистофель-Буренинъ торжествуетъ. Очень сожалѣю, что Стасовъ отвѣчаетъ; я умолялъ его не дѣлать этого.

Здѣсь статуя покойнаго Государя Александра III произведетъ сильное впечатлѣнiе, а у насъ кто киваетъ головой, а кто критикуетъ, отчего я сдѣлалъ не по ихнему.—Но вѣдь на каждое чиханье не наздравствуешься. Я знаю, что-бы я ни сдѣлалъ, всѣмъ не угожу. Вѣдь не угодилъ всѣмъ своей выставкой. Ахъ, милая Елена, какъ-бы мнѣ хотѣлось быть независимымъ художникомъ, быть зависимымъ только отъ самого себя и меньше всего отъ нашей теперешней толпы.

Кто знаетъ, можетъ-быть тебѣ суждено оказать мнѣ въ этомъ направленiи большую услугу. Именно тѣмъ, чтобы имѣть возможность взяться за посохъ и искать пророчества не въ своемъ отечествѣ. Все, что до сихъ поръ я могу сказать—это то, что на чужбинѣ относятся къ моей работѣ лучше, въ сто разъ лучше, чѣмъ на моей печальной родинѣ. Милая Елена, пойми, что значитъ быть свободнымъ творцомъ, дѣлать то, что душа диктуетъ.

Ну, все равно, скажи всѣмъ: статуя покойнаго Государя останется такой, какой я ее чувствовалъ. Моей задачей было сдѣлать самодержца 130-миллiоннаго народа, сильнаго, добраго и справедливаго. Что должно быть—то я сдѣлалъ, что сдѣлалъ—то должно быть. Теперь къ дѣлу, и вотъ что я могу сказать тебѣ: 1) Для того, чтобы изда-

[1]) Статьи Буренина въ «Новомъ Времени» 1894 года, на которыя В. Стасовъ отвѣчалъ въ «Новостяхъ» 6 и 22 февраля 1894 года.

вать мои работы въ уменьшенномъ видѣ, необходимо предварительно ознакомить публику съ моей работой вообще, а для этого необходимо сдѣлать... (*конецъ письма утраченъ*).

615. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 29 апрѣля 1894 г.

Если я тоже одна изъ капель, которыя долбятъ камень, то покорно прошу передать мое поздравленіе московскимъ художникамъ и любителямъ съ первымъ конгрессомъ. Дѣло это столько-же симпатично, сколько благотворно. Отъ всей души желаю имъ всеобщаго сочувствія.

О себѣ мнѣ нечего сказать, поэтому-то я и не говорю ничего.

Теперь здѣсь ярмарка искусства; много званаго, но мало желаннаго; тѣмъ не менѣе, въ общемъ—симпатично. Не симпатична только, пока, критика,—она чепуху городитъ, въ особенности въ „Фигаро". Это критика кумовства, она катится на подмазанныхъ колесахъ.

Какъ-же вы поживаете? почему отъ васъ ни слова?

616. Къ нему же.

Парижъ, 3 мая 1894 г.

Ваше письмо я получилъ, и вотъ что могу на него отвѣтить: нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я написалъ вамъ письмо, говорилъ то, что было на душѣ, а на душѣ было невесело, и поэтому я наговорилъ много неотрадныхъ вещей. Въ отвѣтъ на него я получилъ отъ васъ холодный душъ; а теперь повторяется чуть-ли не то же самое, что тогда говорилъ. Не въ томъ дѣло, что Сабашниковъ напечаталъ, или не напечаталъ свой трактатъ о Леонардо да-Винчи; хорошо-ли оно, или дурно, сочувствую-ли я подобному труду, или не сочувствую, а дѣло въ вашемъ настроеніи духа. До сихъ поръ онъ былъ окованъ, какъ броненосный панцырь: ни одной трещинки, ни одной скважинки не было, гдѣ-бы могла выступить ржавчина. И что-жъ? Время и васъ тронуло, и какъ еще! А знаете, я этому радъ—я надѣюсь, я вѣрю, что именно теперь вашъ голосъ еще громче зазвучитъ, и, какъ раскатъ эха, онъ понесется привольно по всей Россіи.

Что теперь подлое время—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; что теперь искусство сумбурное—тоже нѣтъ сомнѣнія, и что это чувствуется вездѣ—тоже внѣ всякаго сомнѣнія.

Ваше письмо застало меня какъ разъ, когда я сидѣлъ и строчилъ статейку о здѣшнихъ выставкахъ. Если кончу, если буду доволенъ, то пошлю для печати, и вы увидите, какія чудеса здѣсь творятся. О съѣздѣ москвичей ничего не знаю; что не послали имъ моего привѣтствія (печатнаго)—не плачу; да, кажется, и они меня знать не хотятъ. Вотъ недавно я слышалъ, какъ одна русская патріотка распиналась, доказывая, что Екатерина Великая была не русская, не наша. Ну, что сказать послѣ этого? Остается молчать да свистать.

Теперь здѣсь Рѣпинъ; онъ поздоровѣлъ и помолодѣлъ; онъ любитъ васъ по-прежнему, да никогда и не переставалъ васъ любить; онъ тоже въ такомъ недоумѣніи отъ новаго направленія въ искусствѣ, какъ и я. Онъ хочетъ въ субботу покинуть Парижъ; я-же хочу завтра его покинуть, но только на нѣсколько дней. Я усталъ, на душѣ кошки скребутъ. Илья говоритъ, что нашелъ меня блѣднымъ и въ желчномъ настроеніи; можетъ быть, но знаю, что я былъ и хуже.

Пожалуйста, передайте Димитрію Васильевичу мой привѣтъ и что убѣдительно прошу его поторопить дѣло съ X. Я и отъ этого усталъ. Неужели вы и это порученіе не исполните? Объ этомъ я уже просилъ и Эліаса; ему-то я говорилъ, что я здѣсь встрѣтилъ одного московскаго адвоката, который хорошо знаетъ X; онъ-же вызвался написать ему письмо, но и изъ этого ничего не выйдетъ. Пока, онъ взялъ у меня въ долгъ денегъ; сомнѣваюсь, чтобы онъ отдалъ. Вотъ мой первый дебютъ, а деньги до зарѣзу нужны. Получилъ немного, но чортъ знаетъ откуда появились друзья и просятъ одолжить, а у меня преглупый характеръ: когда имѣю—даю.

Ну, будетъ, могъ-бы разсказать много всякой всячины,—да ну съ ними совсѣмъ!!

Будьте здоровы, совсѣмъ здоровы.

P. S. Только-что прочелъ въ „Новостяхъ" корреспонденцію изъ Москвы о первомъ съѣздѣ. Описаніе не отрадное: видно, что вы правы. Но я, какъ скульпторъ, спрошу: почему изъ насъ никого нѣтъ? Почему о насъ—ни слова? Будетъ? Сомнѣваюсь. А ну и съ ними!

Посылаю вамъ карточку молодого моряка, уѣзжающаго въ Россію для литературныхъ цѣлей. Можетъ-быть (боюсь уже сказать навѣрное) онъ будетъ у васъ, и надѣюсь, что вы его примете съ всегдашней вашей готовностью служить всѣмъ, чѣмъ только возможно служить.

617. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, май 1894 г.

Пожалуйста, отнеси сейчасъ-же эту замѣтку въ редакцію „Новостей"! Изъ нея ты увидишь, въ чемъ дѣло, а дѣло возмутило меня сильно, и молчать я просто не могу. Скажи Нотовичу, что высылаю ему еще статью про здѣшнія выставки. Вообще я намѣренъ отъ времени до времени пописывать. Прошу у него мѣстечка; глупости писать не буду.

Хорошо, что наконецъ съѣздъ художниковъ закрылся. Онъ показалъ одно: насколько публика мало знаетъ художниковъ, а художники самихъ себя.

618. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 9 іюня 1894 г.

Отвѣчу сперва на вторую половину вашего письма. Мнѣ ужасно жаль, что вы такъ сокрушаетесь. Конечно, тутъ есть за что; наши художники въ послѣднее время дѣйствительно стали ходить качаясь; но это вездѣ, да можетъ-ли и быть послѣдовательность у людей,

когда сама природа этого не дѣлаетъ—часто внукъ или правнукъ скорѣе похожъ на своего дѣда, чѣмъ сынъ на отца. Часто люди топчутъ свой идеалъ въ грязи, а потомъ обмываютъ его и ставятъ на пьедесталъ. Все это было, есть и будетъ. А все-таки, крѣпко вѣрю въ то, что, въ концѣ-концовъ, справедливость восторжествуетъ. Не будь у меня этой вѣры—жизнь стала-бы невыносима. Не менѣе я вѣрю въ то, что все, что вы такъ любили всю свою жизнь—останется вѣчнымъ кладомъ. Если художники теперь этого не понимаютъ, то поймутъ потомъ. Вѣдь, повторяю, не всегда люди ходятъ прямолинейно, часто и зигзагами.

Но что меня болѣе всего сокрушаетъ и удивляетъ, это то, что вы уже слишкомъ часто стали думать о смерти. Съ какой стати вамъ умереть? Вѣдь ваши годы какъ разъ годы мудрости; почему вамъ не дожить до 90—100 лѣтъ? Въ это я болѣе вѣрю, чѣмъ вы думаете; это говоритъ мнѣ вашъ могучій духъ, ваша кипучая дѣятельность, которые не могутъ такъ сразу потухнуть. И такъ, объ этомъ не слѣдуетъ ни вамъ думать, ни мнѣ слушать.

Что же касается до обоихъ моихъ писемъ, то каюсь, что я ихъ напечаталъ. Теперь у художниковъ въ ушахъ такой сумбуръ, что лучше не говорить ни съ ними, ни о нихъ; все равно не поймутъ, или не захотятъ понять. Вы, правда, замѣтили, что письма очень коротки, но длинныхъ я и не хотѣлъ писать—во-первыхъ, потому, что я не теологъ, а скульпторъ; во-вторыхъ, потому, что я не критикъ: мнѣ просто хотѣлось вкратцѣ отмѣтить новое теченіе въ искусствѣ. Но вотъ бѣда: разъ началъ, долженъ кончить; посылаю вамъ вторую половину статьи и послѣднюю: пересмотрите, пожалуйста, стоитъ-ли ее печатать, и если да, то немедленно отошлите въ „Новости". Только, ради Бога, не раздваивайте. Что касается приглашенія Нотовича быть его постояннымъ сотрудникомъ, то это, по всей вѣроятности, только любезный отвѣтъ на мою просьбу черезъ Эліаса: дать мнѣ временами мѣстечко въ его газетѣ; но то, что онъ желаетъ—немыслимо: мой конекъ рѣзецъ, а не писаніе.

Вы спрашиваете, что я теперь дѣлаю? Отвѣчу—ничего, или почти ничего. Что думаю дѣлать? а, это—другая статья. Слава Богу, Богъ не обидѣлъ меня ни идеями, ни фантазіей, ни горячимъ желаніемъ дѣлать то, чего душа проситъ. Но что изъ этого? Поневолѣ дѣлаешь далеко не то, чего хочешь; но объ этомъ лучше не распространяться.

А впрочемъ, можетъ быть, зимою, когда у меня будетъ больше свободнаго времени, и если буду здравствовать, я сдѣлаю то, что давно задумалъ: это подъ заглавіемъ „Враги обнялись". Два противника сцѣпились до того, что оба пали мертвые. Такъ, обнявшись, они лежатъ. По всей вѣроятности, я возьму каменный вѣкъ. Это просто потому, что мнѣ хотѣлось полѣпить тѣло для разнообразія, да и содержаніе отъ этого не пострадаетъ.

Кромѣ того, мнѣ хотѣлось-бы создать типъ нѣсколькихъ пророковъ, да еще продолжать воспѣвать Россію. Какъ видите, есть коечто, но это не все.

619. Къ нему же.

Парижъ, 11 іюня 1894 г.

Вчера послалъ вамъ письмо и статью, которая мнѣ сильно не нравится, и до того, что вчера-же вечеромъ усѣлся и написалъ о скульптурѣ—то же, да иначе.

Завтра пошлю вамъ, съ покорнѣйшей просьбой выбросить все то, что я написалъ о скульптурѣ, начиная со словъ: „И такъ, пойдемте на выставку", или, вѣрнѣе, надо оставить эти слова и выбросить все остальное до Детайля, и замѣнить тѣмъ, что теперь вышлю.

Сегодня я прочелъ вашу горячую статью по поводу смерти Ге́. Очень, очень жаль, что онъ подольше не прожилъ; онъ, все-таки, одинъ изъ остатка людей 60-хъ годовъ, остался вѣренъ самому себѣ до гроба, хотя въ послѣднее время говорилъ много лишняго. Но что мнѣ въ его болтовнѣ? Онъ былъ человѣкъ дѣла.

Мнѣ-бы очень хотѣлось видѣть васъ, просто для того, чтобы васъ обнять и по душѣ съ вами поболтать. Но надо ждать; надѣюсь осенью пріѣхать. Меня радуетъ, что, судя по вашей статьѣ, вы, слава Богу, все тотъ-же, тотъ-же чуткій, горячій и энергичный.

Завтра напишу побольше.

620. Къ нему же.

Парижъ, 13 іюня 1894 г.

Мнѣ просто совѣстно, что такъ безпокою васъ письмами, телеграммами, и все изъ-за дурацкой статьи. Я написалъ ее неохотно, сожалѣлъ, что первую написалъ; но разъ началъ, дѣлать нечего — надо кончить. Ну, какъ-бы то ни было, убѣдительно прошу того-же, о чемъ просилъ и вчера, а именно: выбросить изъ моей статьи все то, что касается скульптуры, и замѣнить тѣмъ, что я высылаю сегодня. Правда, и тутъ я говорю почти то-же самое, но только лучше, да немного обширнѣе. Мнѣ, какъ скульптору, не слѣдуетъ говорить о скульптурѣ такъ отрывисто.

Еще объ одномъ покорно прошу: говоря о Детайлѣ и Руабэ, я сказалъ: „очень боюсь, что письмо мое чрезмѣрно растягивается. На выставкѣ 3969 номеровъ, а я сказалъ только о двухъ и т. д." Слѣдуетъ замѣнить вотъ чѣмъ: „Въ живописи болѣе двухъ тысячъ номеровъ" и т. д. Такимъ образомъ, надо перемѣнить только то, что подчеркнуто, и этого требуетъ теперь логика, вытекающая изъ того, что я говорю о скульптурѣ. А затѣмъ, прошу отправить статью въ редакцію „Новостей".

Эліасъ мнѣ передалъ, что вы переживаете разныя новыя невзгоды. Я крѣпко надѣюсь на ваше мужество, вѣдь „и то пройдетъ". Кажется, я уже сказалъ вамъ, что ваша статья о смерти Ге́ очень мнѣ нравится: кромѣ того, что она горячая, прочувствованная, сверхъ того, вы тотъ-же чуткій, полный энергіи человѣкъ. Такимъ я васъ знаю давно.

621. Къ нему же.

Парижъ, 4 іюля 1894 г.

Ваше письмо я получилъ, какъ всегда—съ удовольствіемъ; чѣмъ дольше живу, тѣмъ ваши письма мнѣ дороже. Я теперь работаю, какъ волъ, хвораю, какъ Іовъ, и волнуюсь, какъ бѣсъ.—Ужъ больно люди кусаются.

Брошюру по поводу вашего юбилея я получилъ. Меня радуетъ, что Нотовичъ васъ не забылъ и поднесъ вамъ эту брошюру.

Въ ней все хорошо, прекрасно, за исключеніемъ письма Б.—въ немъ чувствуется огромный эгоистъ.

Что вы собираетесь писать о Ге, это хорошо, но буду болѣе радъ, когда, наконецъ, вы станете писать о себѣ, свои „воспоминанія".

Отъ Ге я никакихъ писемъ не имѣю; я зналъ его мало и короткое время, всего во время окончанія „Ивана Грознаго". Онъ казался мнѣ тогда очень радушнымъ человѣкомъ, хотя немного резонеромъ; такимъ, кажется, онъ оставался всю жизнь.

У него были хорошіе замыслы, иногда даже прекрасные, но у него не было формы или средствъ, чтобы ихъ выразить. Словомъ, это былъ тотъ-же Рудинъ. Ему я подарилъ оригиналъ изъ глины: голову „Ивана Грознаго". Онъ любилъ лѣпить, но лѣпилъ крайне плохо. Извѣстный его бюстъ—„Бѣлинскаго" онъ сдѣлалъ при мнѣ; кое-что я поправилъ. Въ общемъ, я очень сожалѣю о его смерти. Если онъ самъ не былъ изъ великихъ звѣздъ, за то онъ искалъ ихъ и сопутствовалъ имъ. Теперь и такихъ нѣтъ.

Письмо Рѣпина къ вамъ очень, очень огорчило меня; это опять капля горечи въ мою чашу. Тутъ только возьметъ не сила, не убѣжденіе, а время, время.

О себѣ напишу въ другой разъ—завтра или послѣзавтра. Я далъ себѣ отдыхъ на два дня.

Видали-ли вы нашего блаженнаго Боголюбова? Его здѣсь нѣтъ, говорятъ, что онъ теперь въ Россіи.

Ахъ, да! Я забылъ поблагодарить васъ за хлопоты, которыя причинилъ вамъ моей статьей. Очень радъ, что она вамъ нравится. Скажу вамъ правду: мнѣ—нисколько. Я писалъ ее, когда былъ утомленъ—и вышло вяло.

622. Къ нему же.

Парижъ, 5 іюля 1894 г.

Я вынужденъ безпокоить васъ довѣренностью для полученія денегъ. Знаю, ихъ тамъ немного, но теперь мнѣ и крошка дорога.

Никто не хочетъ присылать денегъ,—думаютъ, что я милліонеръ и долженъ работать даромъ. Я не хочу желчи мутить, поэтому удерживаюсь отъ того, чтобы разсказать, какъ и великіе люди поступаютъ со мною: хуже, чѣмъ съ рабомъ! Если дальше такъ пойдетъ, то я соберу всѣ свои крошки, брошу Парижъ, и буду жить скромно гдѣнибудь. За то не завися ни отъ кого.

Ну, дайте только успокоиться нервамъ, все разскажу вамъ; а пока, прошу васъ только не сердиться на меня за то, что безпокою васъ.

623. Къ нему же.

Парижъ, 18 іюля 1894 г.

Чекъ и письмо получилъ, и, какъ всегда, горячо благодарю васъ. Мнѣ остается только умолять васъ: не слишкомъ работать и не слишкомъ принимать къ сердцу все то, что вы теперь встрѣчаете. Если-бы не вы писали мнѣ о Рѣпинѣ, то я рѣшительно не повѣрилъ-бы, хотя мы переживаемъ такое ненормальное время, что всему можно вѣрить и ничему не удивляться. Меня не удивляетъ и то, что какой-то политикъ сталъ писать объ искусствѣ и ругаетъ насъ. Это теперь въ своемъ родѣ политично, да пусть ихъ! Эти господа сами себя сѣкутъ. По-моему, и отвѣчать не слѣдуетъ—слишкомъ много чести; да развѣ возможно доказать дураку, что онъ дуракъ? И что пользы въ томъ, что вы докажете подлецу, что онъ подлецъ? Но боюсь, что мой совѣтъ придетъ слишкомъ поздно; одно изъ двухъ—или вы сами не захотите отвѣтить, или вы уже отвѣтили. Пожалуйста, бросьте бороться со всѣмъ этимъ. Сохраните лучше свои силы на болѣе доброе дѣло, на которое вы способны. Я многаго жду отъ вашихъ „Воспоминаній".

Что вамъ о себѣ-то самомъ сказать? Мнѣ попрежнему нездоровится. Сегодня далъ себѣ отдыхъ, сижу дома, погода не ахти какая, на душѣ не лучше. Хотѣлось-бы мнѣ прогнать скуку, и вотъ я взялся за перо, чтобы поболтать съ вами по душѣ. Но о чемъ? Хорошаго—мало, а дурного—гдѣ его нѣтъ? Хотѣлось-бы мнѣ уѣхать, отдохнуть отъ всего, но не могу—долженъ кончить работу, а долженъ потому, что надо получить деньги, а денегъ надо для того, чтобы поѣхать. Впрочемъ, запою я тутъ свою старую пѣсню: „было хуже, будетъ лучше". Видно, мнѣ суждено всю жизнь бороться, то физически, то матеріально, то морально; а то со всѣми тремя вмѣстѣ, какъ теперь.

Да ну съ ними! „И то пройдетъ". А знаете, можетъ быть все къ лучшему, право; только этимъ я теперь и утѣшаюсь. Если дальше пойдетъ такъ плохо, тогда сдѣлаю крупный поворотъ—продамъ все, что имѣю, соберу всѣ свои крохи, и спущусь на нѣсколько ступенекъ ниже, а то и совсѣмъ оставлю Парижъ—и тогда заживу скромно, но спокойно, безъ заказовъ, за то независимо. И буду работать то, что хочу, а не то, чего хотятъ другіе. Конечно, пока это однѣ только думы, или, вѣрнѣе,—мечты, но это именно мой теперешній идеалъ.

Въ прошломъ письмѣ я обѣщалъ вамъ писать кое о чемъ, что меня такъ волновало и огорчало; но какъ подумаешь,—это въ сущности все только „мелочи", урокъ, за который дорого заплатилъ. Повторяю—мелочи, хотя довольно характерныя...

Эліасъ навѣрное уже пріѣхалъ и скоро уѣдетъ къ графу Толстому. Пожалуйста, передайте ему, чтобы обо мнѣ ничего не говорилъ.

624. Къ нему же.

Парижъ, 3 августа 1894 г.

Какъ поживаете? Что подѣлываете? Почему-то мнѣ кажется, что на этотъ разъ я особенно давно не получалъ отъ васъ вѣсточки. Вчера я кончилъ работу, а сегодня ѣду въ Швейцарію, въ Ferrite, гдѣ моя семья находится уже нѣсколько дней въ Grand Hôtel. Тамъ, вѣроятно, мы не долго останемся, по крайней мѣрѣ я. Я-бы желалъ забраться повыше, хотя не знаю, какая погода будетъ. Въ этомъ году я ѣду немного поздно, а слѣдовало-бы поѣхать гораздо раньше. Мнѣ прописали виноградное лѣченіе, если въ этомъ году будетъ виноградъ. Вообще все дѣлается не такъ, какъ желательно, и въ этомъ трудно винить кого-либо.

Какъ бы то ни было, я радъ, что ѣду отдохнуть. Все къ лучшему! Планы у меня различные, но что будетъ, которые изъ нихъ окажутся лучше—это покажетъ будущее время. Очень можетъ быть, что мы проживемъ часть зимы во Флоренціи, и, если окажется она подходящей, то, чего добраго, совсѣмъ тамъ мы и останемся. Дѣло въ томъ, что работа обходится тамъ на 40% дешевле, чѣмъ здѣсь. Теперь я долженъ сдѣлать двѣ статуи изъ мрамора; здѣсь онѣ обойдутся въ 17 т. фр., а тамъ всего въ 9500 фр. Если и жизнь настолько дешевле, чѣмъ здѣсь, то чего лучше? Лишь-бы только климатъ былъ подходящій.

Получили-ли вы мои письма? Тамъ была всепокорнѣйшая просьба къ вамъ насчетъ моего племянника, да еще замѣтка въ газетѣ; если она не помѣщена, то я не плачу, тѣмъ болѣе, что я забылъ объ одномъ главномъ мостѣ—Аничковскомъ, а это мнѣ, скульптору, непростительно.

625. Къ нему же.

Ferrite, 15 сентября 1894 г.

Какой я неблагодарный сталъ, просто непростительно, стыжусь за себя! Я получилъ ваши оба письма, вы столько сдѣлали для меня, да еще съ такой готовностью, а я, неблагодарный, сижу да молчу!

Хочу вамъ это сказать—да не могу; хочу вамъ объ этомъ-же писать—да лѣнюсь. Ну, на что это похоже? То карабкаюсь на горы, то виноградньмъ лѣченіемъ занимаюсь, то на бисиклетѣ [1]) хочу кататься,—устаешь и только; некогда даже переброситься съ добрымъ другомъ добрымъ словомъ. При всемъ томъ, погода не ахти какая—здѣсь часто дожди и рѣдко солнце. Дѣлаю, что могу, для своей реставраціи, только особеннаго улучшенія нѣтъ; за то порядкомъ отдыхаю. Нѣтъ улучшенія, но нѣтъ и ухудшенія. Я былъ и буду такимъ, какъ и былъ; меня это не радуетъ и не огорчаетъ.

Но къ дѣлу. Ваши оба письма я получилъ; второе только что сейчасъ. Оно меня здѣсь ждало, потому что я былъ въ горахъ. Со-

---

[1]) Велосипедѣ.

жалѣю, что сейчасъ не писалъ вамъ о моемъ удовольствіи и радости, имѣя такого друга, какъ вы, и это больше всего для меня.

И такъ, сто тысячъ разъ благодарю васъ за все, за все; жена тоже въ восторгѣ, не столько отъ результата, сколько отъ вашихъ дѣйствій: и она тоже сердечно вамъ благодарна.

Что у васъ новаго? Я рѣшительно ничего не знаю. Никто, кромѣ васъ, мнѣ не пишетъ. Гдѣ теперь Эліасъ?

На-дняхъ побольше и пообстоятельнѣе напишу обо всемъ, а пока цѣлую васъ, только крѣпко.

626. Къ нему же.

Парижъ, 21 октября 1894 г.

Ваше письмо только что получилъ; я и безъ того собирался писать вамъ, но не писалъ потому, что письмо мое было-бы пусто. Я рѣшительно не поумнѣлъ, за то порядочно облѣнился. Тѣмъ не менѣе, если-бы я получалъ отъ васъ письма, то не замедлилъ-бы вамъ отвѣтить. Разъ только получилъ я отъ васъ письмо съ извѣщеніемъ, что мой племянникъ принятъ въ университетъ (благодаря вамъ), и я не замедлилъ написать вамъ съ огромной благодарностью, какую вы заслужили, что съ удовольствіемъ и повторяю. Кромѣ этого письма, къ сожалѣнію, я ничего не получилъ.

Я дѣйствительно часто отлучался и бродилъ по горамъ: я это люблю, люблю быть иногда наединѣ съ природой, подальше отъ людей, которые теперь мало радуютъ меня. И я не писалъ ни къ кому, для того, чтобы ничего не слышать и ничего не знать. Тѣмъ не менѣе, я написалъ три маленькія замѣтки, каждая величиною въ крупный фельетонъ, и первая о васъ. Это я считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ; скоро онѣ будутъ напечатаны, но гдѣ—еще не знаю.

Что-же касается дѣла, о которомъ вы мнѣ пишете, то у меня теперь никакихъ заказовъ нѣтъ, и я радъ всякому заказу; но сумма, которая назначается—немыслима, по крайней мѣрѣ, для меня. Есть художники, которые ухитряются сдѣлать даже еще дешевле, но я не могу хитрить съ искусствомъ. Наименьше, что могу сказать, это—отъ 14 до 15 тысячъ рублей и то, если заказъ будетъ не одинъ, а больше. Притомъ-же, я не знаю размѣра, и фигура стоячая или сидячая [1].

О дѣлѣ искусства я поговорю въ другой разъ; все, что могу теперь сказать, это то, что я смотрю на это очень пессимистически—изъ ничего ничего и не выйдетъ.

Мой идеалъ—средневѣковой режимъ. Но если это теперь невозможно, то я не противъ Академій. Худо только то, что я не вижу людей. Выходитъ, что промѣняли кости на камни. Что касается передвижниковъ, то, право, они свою пѣсню давно спѣли, и свое дѣло давно сдѣлали.

---

1) Рѣчь идетъ о статуѣ А. В. Звенигородскаго.

Видно, такъ и суждено, что ни одно мое письмо не можетъ обойтись безъ просьбы къ вамъ. На этотъ разъ вотъ въ чемъ дѣло: мѣсяца 4—5 тому назадъ я послалъ адвокату Шайкевичу всѣ нужные документы по поводу дѣла съ Z., и до сихъ поръ отъ него ни слова. Не знаю даже, получилъ-ли онъ ихъ. А между тѣмъ, такъ или иначе, надо дѣйствовать; надо узнать, въ чемъ дѣло, и по возможности покончить съ этимъ. Деньги необходимы, чортъ-бы ихъ побралъ!!!

627. Къ нему же.

Парижъ, 23 октября 1894 г.

Вчера я забылъ спросить имя и отчество Звенигородскаго [1]); здѣсь не у кого спросить, а мнѣ необходимо знать, чтобы поблагодарить его за его чудное изданіе, которое онъ мнѣ прислалъ, благодаря вамъ [2]). Я ничего подобнаго не видалъ и страшно радъ, что его имѣю.

И такъ, еще и еще, сто разъ благодарю васъ за то, что, кромѣ добра, я ничего отъ васъ не получилъ и не получаю. Этимъ я горжусь, какъ никто.

Если можно, то буду очень радъ взять заказъ, о которомъ вы мнѣ писали въ вчерашнемъ письмѣ, но какъ это устроить? Впрочемъ, если обѣ стороны желаютъ, то свадьба устраивается. Мой горизонтъ туманенъ; а тутъ еще болѣзнь Государя. Что будетъ?

Только-что жена прочла, что Государь опять въ опасности. Это ужасно, ужасно!!

628. Къ нему же.

Парижъ, ноябрь 1894 г.

Посылаю вамъ маленькую замѣтку для печати, но раньше всего на ваше разсмотрѣніе—подумайте и рѣшайте—да или нѣтъ. Если „да“, то прошу отослать въ „Новости“. Я написалъ эту замѣтку подъ впечатлѣніемъ того, что я видѣлъ и слышалъ. Въ прошломъ году, во время франко-русскихъ празднествъ, можно было подумать, что это было неискренно, но теперь кому они льстятъ, у кого они заискиваютъ? У покойника? А между тѣмъ, смерть Карно, кажется, не опечалила французовъ столько, какъ смерть нашего Государя. Я не стану разсказывать вамъ о всѣхъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ сочувственныхъ выраженіяхъ, о множествѣ вѣнковъ изъ живыхъ цвѣтовъ, изъ серебра и золота, которые посылаются на похороны; но меня поразило одно изъ нихъ, какъ по идеѣ, такъ и по искренности: продаются букетики, по франку каждый: это букетъ съ бантомъ, и въ немъ оставлено особое мѣсто, гдѣ каждый покупатель пишетъ свое

---

[1]) Александръ Викторовичъ Звенигородскій, послѣдніе годы своей жизни жившій тогда постоянно въ Ахенѣ, Меранѣ и Швейцаріи.

[2]) Роскошно иллюстрированное сочиненіе о византійской эмали, стоившее 120.000 рублей, и вовсе не поступавшее въ продажу.

имя и адресъ, для того, чтобы эти букеты отослать въ Россію и раздавать русскому народу отъ имени французскаго народа во время похоронъ. Этимъ занимается все общество, а остатокъ денегъ пошлютъ въ Россію для какой-нибудь благотворительной цѣли, въ память покойнаго Государя, или на его монументъ. Я убѣжденъ, что подобныхъ букетовъ пошлютъ сотни тысячъ. Вездѣ, гдѣ принимаютъ подписку на нихъ, нѣтъ возможности добиться своей очереди, до того все запружено народомъ. Развѣ это не мило, не трогательно?

О себѣ не имѣю что сказать, рѣшительно нечего. На-дняхъ пошлю въ печать кое-что.

629. Къ нему же.

Парижъ, 20 ноября 1894 г.

Мнѣ стыдно, что я такъ долго мѣшкаю отвѣтомъ на ваше чудное письмо, которое получилъ, конечно, съ удовольствіемъ, и отъ котораго я и жена въ восторгѣ. Оно полно энергіи, свѣжести, искренности, и правдиво, какъ всегда. Все, что вы сказали тутъ — правда, правда, какъ относительно меня, такъ и относительно другихъ. Я дѣйствительно въ послѣднее время мало говорю о своихъ духовныхъ дѣтищахъ, и это съ перваго взгляда признакъ не первокачественный. Но, кажется, я уже вамъ писалъ, что художники по отношенію къ своимъ твореніямъ—тѣ же родители. Вы знаете, сколько радости, сколько телеграммъ летитъ къ разнымъ бабушкамъ, тетушкамъ съ оповѣщеніемъ, что на свѣтъ появился ребенокъ. Замѣтьте, все это при появленіи перваго ребенка. Но когда является второй, тогда уже извѣщаютъ объ этомъ письмомъ; при третьемъ—оказіей; а при четвертомъ ребенкѣ, при пятомъ—уже молчатъ, хотя четвертый, пятый могутъ быть вовсе не хуже, чѣмъ первый и второй. Это разъ; во-вторыхъ—чѣмъ старше дѣлаешься, тѣмъ больше дѣтей у тебя становится, а „большому кораблю большое плаваніе". Поневолѣ иногда дѣлаешь то, что долженъ, а не то, чего хочешь. Но, сверхъ того, я скульпторъ; прибавьте—еще еврей, и какъ первый не въ модѣ относительно живописи, такъ второй относительно человѣчности. Въ послѣдніе два года я много работалъ, но доволенъ-ли я? Это вопросъ. Заказныя работы—пасынки; честные художники дѣлаютъ все, что могутъ, что ихъ чувство диктуетъ; они могутъ замѣнить родителей, могутъ полюбить пасынка, а все-таки это не свой ребенокъ.

Теперь я кончилъ съ заказами; но хотите знать, что я думаю, что ношу въ себѣ? Ахъ, объ этомъ пришлось-бы мнѣ вамъ много, очень много писать. Боюсь начать и потомъ не кончить—ихъ много, очень много. Но что изъ этого? Дай Богъ, чтобы выполнить хоть десятую ихъ долю, да и то при возможности. Скажу только то, что сейчасъ сказалъ—„третьи, четвертыя дѣти—не хуже первыхъ, вторыхъ", но о послѣднихъ молчатъ. Пока-же я просто отдыхаю. Спасти себя—это въ своемъ родѣ дѣло. Я и работаю такую работу, которая не волновала-бы меня, потому что я сталъ очень нервенъ, плохо

спится. Ну, когда поправлюсь, тогда, быть можетъ, и обстоятельства кстати поправятся.

Какъ больно было мнѣ узнать о смерти Рубинштейна. Какая это потеря!

Въ моей послѣдней „Замѣткѣ" я отмѣтилъ сочувствіе французовъ къ намъ, и говорилъ то, что чувствовалъ. Но вотъ, умираетъ русскій геній—и точно это не касается французовъ... Загадка они для меня. Я никого здѣсь не вижу изъ русскихъ художниковъ. Здѣсь Маковскій, но, право, лучше и не быть у него.

Я думаю пріѣхать въ Петербургъ, но не знаю, когда именно. Я могу пріѣхать когда хочу, но когда лучше?

Да, наконецъ, съ Х. кончено.

Шайкевичъ покончилъ съ нимъ на 6000 руб., такъ какъ другихъ документовъ у меня нѣтъ кромѣ его телеграммы, которую онъ призналъ. Чортъ съ нимъ, 4000 рубл. отнялъ у меня. Они не пойдутъ ему на здоровье. Пожалуйста, передайте пока Димитрію Васильевичу мою глубокую благодарность за то, что онъ способствовалъ скорѣйшему окончанію дѣла.

630. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, ноябрь 1894 г.

Какъ ужасна смерть Рубинштейна! И такъ неожиданно! Словно ураганъ вихремъ вырвалъ крѣпкій дубъ съ корнемъ.

Мнѣ кажется, что ты не совсѣмъ одобряешь мою послѣднюю замѣтку, но люди изъ того-же лагеря — наоборотъ. Какъ-бы то ни было, я все тотъ-же, что былъ, пишу, что чувство мнѣ диктуетъ.

Наконецъ посылаю тебѣ двѣ статьи. Обѣ небольшія; одна про „новѣйшихъ критиковъ искусства", а вторая про В. В. Но при этомъ масса просьбъ; первую можно напечатать въ „Новостяхъ", но, Бога ради, не разрѣзать ее на двѣ половины. Прибавлю, она не къ спѣху, и лучше обождать, пока жизнь войдетъ въ свою колею. Но все-таки печатать во время выставки. Вторую-же мнѣ-бы хотѣлось напечатать...

631. Къ В. В. Стасову.

Петербургъ, 5 января 1895 г.

Сто разъ благодарю васъ за вашу превосходную статью о Листѣ [1]). Я проглотилъ ее залпомъ, какъ лучшій ликеръ: она написана превосходно, просто, искренно, разумно, мѣстами красиво и въ общемъ съ любовью.

Хорошо глотать подобныя статьи, когда кругомъ тебя, а слѣдовательно и на душѣ такъ мутно.

Жду вашей статьи о Ге́, вы мнѣ обѣщали, я ее только началъ.

---

[1]) «Новая біографія Листа» (г-жи Раманнъ), напечатанная В. В. Стасовымъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», ноябрь и декабрь 1894.

632. Къ нему же.

Петербургъ, 7 марта 1895 г.

Какая чудная ваша статья сегодня въ „Новостяхъ“ [1]). Чудная и мудрая: „Что ни слово, то молотъ“. Ваши послѣднія статьи вообще особенно мнѣ нравятся.

Посылаю вамъ мои замѣтки о скульптурѣ на корректуру. Если не найдете особенныхъ ошибокъ, то прошу сегодня-же переслать мнѣ ихъ, а то оставить у швейцара у васъ въ библіотекѣ, я заѣду туда послѣ сеанса.

Насчетъ Эліаса, по всей вѣроятности, помѣщу отдѣльно, здѣсь-же оно не кстати.

633. Къ нему же.

Петербургъ, 22 марта 1895 г.

Я не видалъ графа Остенъ-Сакена. Не знаю, гдѣ онъ остановился, и не думаю, чтобы теперь было удобно говорить съ нимъ о подобныхъ дѣлахъ—онъ еще не осмотрѣлся и подобныя просьбы! Не успѣлъ усѣсться, какъ уже просятъ его встать: онъ еще не удовлетворитъ. Таково мое мнѣніе, такъ что, мнѣ кажется, надо подождать.

Какъ поживаете? Надѣюсь, лучше.

Я все сижу у моря и жду погоды, на душѣ—каценъ-яммеръ (Katzen-Jammer).

N. B. Мой совѣтъ — и вамъ не говорить съ графомъ Остенъ-Сакеномъ, повторяю—теперь не время, надо подождать.

634. Къ Ел. Павл. Антокольской.

Парижъ, апрѣль 1895 г.

Милая Леночка.

Какъ поживаешь? Какъ ты доѣхала до твоихъ Карпатъ? И какъ вернулась? Смотри, не слишкомъ уставать.

Какъ я благодаренъ тебѣ за твое милое, сердечное отношеніе ко мнѣ. Я съ удовольствіемъ вспоминаю твои милыя ласки, твои сытные обѣды и ваше чтеніе послѣ обѣда. За все это мысленно цѣлую тебя и васъ всѣхъ.

А знаешь, теперь одной пріятностью больше: ѣхать въ Петербургъ! Не скрываю, я надѣюсь, что ты не возгордишься, у тебя есть нѣкоторые недостатки, какъ у всѣхъ насъ—грѣшныхъ, но за то ты хорошій человѣкъ, очень хорошій, какихъ немного. И Поля хорошая, и Оля, Доня, Мося—тоже.

Про себя мнѣ нечего сказать, я доѣхалъ, слава Богу, хорошо, но поѣздка моя была съ приключеніями забавными, какія могутъ только приключиться со мною. На одной станціи меня обокрали, на другой

---

[1]) Статья В. В. Стасова: «Письмо къ Г. А. Ларошу», напечатанная въ «Новостяхъ» 7 марта 1895 г.

калоши забылъ, на третьей кондукторъ меня надулъ, на четвертой я выбранилъ кассира спальныхъ вагоновъ, и подѣломъ; на французской границѣ опять папку съ рисунками забылъ. А все не по моей винѣ, а по Божескому повелѣнію. Въ заключеніе, конецъ вѣнчаетъ дѣло: я здѣсь въ мастерской работаю, и слава Богу! Дѣло съ заказомъ Чайковскаго (статуи) кажется опять разстраивается, и представь себѣ: въ душѣ я буду этому радъ. Право лучше имѣть дѣло съ творчествомъ, нежели съ олухами. Я послалъ имъ ультиматумъ, сказалъ отъ души то, что слѣдовало мнѣ сказать, потому что имъ вздумалось требовать отъ меня того, что требуется отъ начинающаго, дескать изволь предварительно сдѣлать намъ проектъ, а тамъ увидимъ. Затѣмъ, понравится—примемъ, не понравится—попросимъ передѣлать, или совсѣмъ не примемъ. На это можетъ согласиться только тотъ, кому дѣлать нечего и кому терять нечего. Повторяю, буду радъ, если заказъ не состоится.

635. Къ В. В. Стасову.

Вильно, 11 апрѣля 1895 г.

Мнѣ больно и досадно, что глупыя, дурацкія дѣла такъ закружили меня, что я не могъ зайти къ вамъ передъ отъѣздомъ. Я не выѣхалъ изъ Петербурга, а убѣжалъ. Я былъ какъ въ чаду—я забылъ то, что мнѣ нужно было, растерялъ, что имѣлъ; я опомнился только тогда, когда сидѣлъ въ вагонѣ. Но тутъ я пощупалъ свой карманъ, и онъ оказался пустымъ: я потерялъ деньги, или ихъ вытащили. Къ счастью, это была всего пара десятковъ рублей. Могло случиться хуже. Теперь 7 часовъ утра, сижу въ Вильно, въ 11 часовъ ужъ ѣду дальше, впрочемъ, если мать моя будетъ здорова (она не совсѣмъ здорова). Въ пятницу она была на свадьбѣ, вспомнила свою молодость и пустилась танцовать. Дѣти говорятъ, что ее сглазили; ей 86 лѣтъ, и она все такая-же умница и добрая—въ своемъ родѣ Спиноза, право; даромъ, что ничему не училась, не умѣетъ даже писать, но думаетъ и разсуждаетъ необыкновенно хорошо. Вчера, по случаю моего пріѣзда, мы собрались вокругъ нея и стали ее утѣшать; она улыбнулась и сказала: „Я изъ опасности уже вышла, мои плоды уже расцвѣли; я-же какъ дерево—чѣмъ больше плодовъ, тѣмъ больше нагибаюсь".

Эта женщина вышла замужъ, когда ей было 15 лѣтъ, вела жизнь каторжную, жила главное для другихъ; имѣетъ семеро дѣтей, всѣ почти дѣды и бабушки, чуть-ли не прабабушки. Какъ такую женщину не любить и не уважать?

Будьте здоровы, совсѣмъ здоровы; поскорѣе покидайте Питеръ и пріѣзжайте къ намъ.

636. Къ нему же.

Парижъ, 7 (19) мая 1895 г.

Эліасъ мнѣ пишетъ, что вы поправляетесь. Отчего такъ долго? А я думалъ, что вы давно позабыли о томъ, что были больны. Ну,

ЯРОСЛАВЪ МУДРЫЙ.
Барельефъ. Парижъ. 1889.

такъ будьте здоровы, совсѣмъ здоровы, скорѣе, скорѣе; а затѣмъ вамъ навѣрное придется поѣхать куда-нибудь для перемѣны воздуха. Я не смѣю думать, что вы заглянете сюда. А какъ-бы это было хорошо!!! Мы остаемся здѣсь до августа. Новостей у насъ нѣтъ никакихъ—ни хорошихъ, ни дурныхъ; о первыхъ сожалѣю, а за другія—слава Богу.

Какое свинство со мною устроила комиссія по поводу статуи Чайковскаго! Сговорились насчетъ цѣны, все было хорошо, порядочно потормозили; условились, что копіи съ его вещей мнѣ надо выслать, т.-е. фотографіи и проч., и вдругъ получаю отъ нихъ письмо слѣдующаго содержанія: предварительно я долженъ сдѣлать эскизъ; если онъ имъ не понравится, я долженъ буду передѣлать, или они не дадутъ мнѣ заказа. Но вѣдь это точно конкурсъ, да еще безъ преміи! Не понравится имъ мой проектъ—они обратятся къ другому; другой не понравится—они обратятся къ третьему и т. д. Кто согласится на такія условія? Развѣ только тотъ, кому дѣлать нечего и терять нечего. Я, конечно, отъ этого отказался и написалъ имъ вообще, что я думаю о конкурсѣ; просилъ у нихъ окончательнаго отвѣта какъ можно скорѣе, иначе я начну что-нибудь другое, и тогда условія, которыя я далъ, могутъ радикально измѣниться. И вотъ три недѣли прошли, и ни духа, ни слуха. Чортъ съ нимъ, съ заказомъ! Чортъ съ ними, съ заказами вообще! Не хотятъ—и не надо, и тѣмъ лучше. Я всегда говорю: „Все къ лучшему", а въ такихъ случаяхъ и подавно; видно я доживу свой вѣкъ такъ, безъ заказовъ общественныхъ. Чтобы ихъ получить, надо имѣть и другой талантъ, кромѣ скульптуры.

Я слышалъ, что Рѣпинъ переѣхалъ изъ Академіи художествъ и уѣхалъ въ свое имѣніе. Слышу, молчу, хлопаю глазами и качаю головою—что, развѣ ѣсть ему нечего было?

Здѣсь теперь выставки, онѣ сами по себѣ неинтересны, но явленіе въ высшей степени интересное. По поводу ихъ я написалъ статейку; куда ее послать, гдѣ напечатать—не знаю еще, по всей вѣроятности въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ"—они меня просили.

Простите за мое пустое письмо, но я такъ давно не писалъ вамъ, и мнѣ такъ хотѣлось написать вамъ, что настрочилъ, что Богъ на душу положилъ.

Будьте здоровы, совсѣмъ здоровы и скорѣе.

637. Къ графу И. И. Толстому.

Парижъ, 28 (16) мая 1895 г.

На-дняхъ выслалъ я въ Петербургъ статуэтку „Мефистофеля" изъ бронзы. По всей вѣроятности, заказчикъ обратится къ вамъ съ просьбой освободить его отъ пошлины, какъ работу русскаго художника—убѣдительно прошу васъ не отказать въ этомъ ни ему, ни мнѣ. Я убѣжденъ, что вы сдѣлаете возможное.

Мнѣ стыдно, что до сихъ поръ я не поблагодарилъ васъ и глубокоуважаемую графиню за вашу радушную и гостепріимную встрѣчу, которую мы всегда находили въ вашемъ домѣ.

Я иногда приходилъ къ вамъ отдыхать душою и тѣломъ, и высказать то, что было на душѣ; иногда я говорилъ не совсѣмъ ладно, да складно, но вы меня слушали; я видѣлъ, что вы иногда даже мнѣ сочувствовали, и вотъ, за все это—я отъ души благодарю васъ! Пожалуйста, передайте мой глубочайшій поклонъ глубокоуважаемой графинѣ и вашимъ дѣткамъ.

Что мнѣ сказать о себѣ? Ничего. И я радъ, что не о чемъ говорить о себѣ; возиться со своею душонкою скучно и надоѣло.

Что хорошаго у васъ? Какъ поживаете? Куда ѣдете на лѣто? Что новаго въ Академіи?

Вы знаете мой взглядъ на нее, я жду отъ нея того свѣта, который освѣтилъ-бы всѣхъ одинаково, той теплоты, которая грѣла-бы не однѣ мастерскія. Дождусь-ли?

Теперь въ Петербургѣ навѣрное всѣ укладываются и разъѣзжаются, а сюда, напротивъ, теперь всѣ съѣзжаются. У васъ теперь про искусство и не говорятъ — тихо, а здѣсь—только объ этомъ и рѣчи. На-дняхъ въ какомъ-нибудь журналѣ или газетѣ появится моя замѣтка о теперешнемъ движеніи здѣсь искусства. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь искусство переживаетъ кризисъ, но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что оно вступаетъ въ болѣе здоровый фазисъ, въ особенности—скульптура, чему, конечно, немало я радуюсь.

638. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ. Получено 17 мая 1895 г.

Твое письмо съ фотографіей я получилъ, и за него тебя благодарю. Къ сожалѣнію, фотографія не то, чего я желалъ. Я просилъ у тебя фотографію, снятую съ рисунка или съ акварели, а не съ натуры. Первая снята повидимому не долго, такъ что виденъ весь черепъ безъ волосъ. Вторая-же снята съ натуры въ молодости, т.-е. добрыхъ 10 лѣтъ тому назадъ.

Мы останемся здѣсь до августа. Будемъ очень рады видѣть тебя, да и тебѣ слѣдуетъ не опоздать въ Salon. Скульптуры есть много интересной, особенно среди небольшихъ вещей.

Я написалъ по поводу искусства статью небольшую; пошлю печатать въ „Сѣверный Вѣстникъ“; они меня просили. Очень радъ, что ты кончилъ твоего „Донъ-Кихота“, а главное—что удачно. Дай-же тебѣ Богъ успѣха и золотой мѣшокъ.

Что новаго въ художественномъ мірѣ? Послѣ дремоты всѣ разъѣхались отдохнуть; ну, и спокойной ночи имъ, со сладкими грезами. Не видалъ-ли ты Боткина? Получилъ-ли онъ мое письмо? Я все еще вожусь съ бюстами; новостей у меня нѣтъ. Заканчивается у меня группа изъ мрамора: „Сестра милосердія“. Другую фигуру, „Ангелъ“, рубятъ мнѣ изъ мрамора. Эмиля у меня нѣтъ больше; я одинъ (тоже въ своемъ родѣ событіе дня). Ну, что еще? Боголюбовъ, К. Маковскій на этой недѣлѣ ѣдутъ въ Россію. Боголюбовъ очень расхвалилъ мнѣ картину Маковскаго, а хвалить-то и нечего было. Должно быть,

Маковскій очень хвалитъ картины Боголюбова. Время теперь такое настало, что оба друзьями стали. Радъ, что В. В. поправляется; поклонись ему очень. Пиши и присылай фотографію.

639. Къ нему же.

Парижъ. Получено 23 мая 1895 г.

Думаю, что письмо еще застанетъ тебя въ Петербургѣ. Въ прошломъ письмѣ я забылъ тебѣ сказать по поводу фотографій и отличныхъ вещей, про которыя писалъ Д. В. Стасовъ, для Ташкента. Пожалуйста, передай, что я, конечно, съ удовольствіемъ дамъ свою фотографію въ обмѣнъ его. Что-же касается до старинныхъ вещей, то лучше всего прислать съ нихъ фотографіи. Какъ вышла твоя группа изъ отливки? Не попортили? Когда отъѣзжаешь изъ Петербурга? Когда пріѣдешь сюда? Навѣрное ты уже выслалъ мнѣ фотографію покойнаго Государя въ профиль (не съ натуры). А теперь я надумалъ вотъ что. Гдѣ-то я видѣлъ маленькій бюстъ покойнаго Государя. Бюстикъ крайне каррикатуренъ; вылѣплено неумѣло, но повидимому авторъ зналъ покойнаго Государя и наблюдалъ за нимъ такъ, что матеріалъ можетъ быть для меня очень полезенъ, въ особенности затылокъ. Такъ вотъ, не можешь-ли ты его привезти съ собою сюда? Конечно, что будетъ стоить, то возвращу съ благодарностью.

Отсюда выѣхали въ Петербургъ два друга нашихъ, Боголюбовъ и К. Маковскій.—Первый изъ нихъ распинается за своихъ клевретовъ бездарныхъ, но другихъ у него нѣтъ. Ну, Богъ съ нимъ! Дай Богъ, чтобъ всѣмъ хорошо было, а мнѣ лучше. Какая странность съ статуей Чайковскаго! Вѣдь передъ моимъ отъѣздомъ все было устроено, а затѣмъ я получилъ отъ комитета такое странное предложеніе, какое могутъ только предлагать тѣ, которые ничего не понимаютъ и не желаютъ. По поводу этого я уже писалъ В. В. Вообще мнѣ крайне не везетъ: все изъ рукъ валится, и ничего не подѣлаешь.

640. Къ Ел. Павл. Антокольской.

Парижъ, 3 іюня 1895 г.

Въ послѣднемъ письмѣ ты мнѣ говорила, что графиня тебѣ сказала, что статуя если еще не куплена, то скоро купятъ. Пожалуйста, узнай отъ себя, которая статуя? Есть большая, которая стоитъ въ Академіи, то если она не будетъ куплена черезъ меня, то мнѣ отъ этого не будетъ ни тепло, ни холодно, потому что для музея я-бы могъ сдѣлать другую такую-же. Дѣло въ томъ, что два года тому назадъ Академія Художествъ хотѣла пріобрѣсти ее; тогда баронъ уступалъ мнѣ ее за 30.000 франковъ, и я не назначилъ дороже, но излишекъ я считаю вознагражденіемъ за потерю заказа сдѣлать вторую.

Что графиня Ламсдорфъ тебѣ такъ понравилась, меня это нисколько не удивляетъ,—это рѣдкая, замѣчательная женщина: при своей добротѣ и простотѣ, она и мила и красива.

Леночка, поторопись сюда, потому что мы, можетъ быть, раньше уѣдемъ, чѣмъ разсчитываемъ. У меня работа до того капризничаетъ, что я прихожу въ отчаяніе, но тутъ не одно капризничанье, а неудача, какія со мною рѣдко бываютъ въ работѣ.

Главное, что меня мучаетъ—это глина; я долженъ буду ее выписывать изъ Вильны: оно странно, но я сдѣлаю это.

И здѣсь были такія жары, что дышать было нечѣмъ.

Мы ѣдемъ въ Швейцарію; не поѣдешь-ли ты съ нами вмѣстѣ?

641. Къ ней же.

Парижъ, 25 іюня 1895 г.

Твои оба письма я получилъ—спасибо. Будемъ очень рады, когда ты сюда пріѣдешь, но выставку уже не застанешь; жаль, тамъ въ этомъ году было много интереснаго, особенно среди скульптуры.

Я ничего не дѣлаю и сильно устаю, но за то мечтаю. И какія чудныя мои мечты! Хочу вновь начать работать по старому, то, что душа диктуетъ. А сюжетовъ у меня цѣлый рой. Не хочу больше работать заказы, теперь время дорого мнѣ стало, я на него скупъ сталъ. Хочу отдать свои годы исключительно чистому искусству. Объ этомъ я мечтаю давно, только до сихъ поръ я не рѣшался сдѣлать того, на что я рѣшаюсь теперь. Именно: продать все, что имѣю, собрать какъ можно больше денегъ—а соберу не меньше 400.000 франковъ, и жить, какъ Богъ велѣлъ, ибо я усталъ не столько отъ работы, сколько отъ вѣчной погони за счастьемъ, т.-е. за деньгами, въ которыхъ вѣчно нуждаюсь и вѣчно онѣ меня мучаютъ. Но что я такъ заговорился!!

Ужасно жаль мнѣ, что В. В. опять заболѣлъ, жаль и обидно, а я такъ радовался, что онъ ѣдетъ, и убѣжденъ былъ, что поѣздка будетъ ему хороша. Надѣюсь, однако, когда это письмо дойдетъ до Петербурга, онъ уже будетъ сидѣть въ вагонѣ, гдѣ-нибудь въ дорогѣ.

Я очень радъ, что ты такъ хорошо устроила мамашу, я радъ твоей радости, радъ, что ты такая хорошая, милая, добрая. Надо сказать правду—вы всѣ хороши. Меня также сильно трогаетъ, что вы ѣдете въ Вильно...

Статья давно лежитъ у меня готовая, только мнѣ оставалось отослать ее. Я не могу рѣшить, оставить-ли начало, или выбросить его. Если оставить, то надо зачеркнуть то, что написано красивымъ карандашемъ на второй страницѣ; если-же выбросить, тогда надо начать съ того, что приписано красивымъ карандашемъ: „Здѣсь въ Парижѣ" и т. д. Боюсь, что начало немного фельетонно, рѣшайте сами. Если, чего Боже сохрани, В. В. еще будетъ въ Петербургѣ, то покажи ему, пожалуйста. Что онъ скажетъ? Очень желательно, чтобы статья была напечатана какъ можно скорѣе.

Будь здорова, не уставай, поздравляю тебя за твоихъ учениць, и все-таки не уставай. До скораго свиданія, не такъ-ли?

642. Къ ней же.

Парижъ, 16 (28) іюля 1895 г.

Получилъ твое письмо, запоздалое, но милое. Тебѣ стыдно, что опоздала, такъ вотъ не опаздывай, отвѣчай сейчасъ (другимъ, какъ хочешь), и тогда тебѣ не будетъ стыдно, а мнѣ будетъ пріятно. Радъ, что ты уѣзжала въ Карпаты, радъ, что ты пріѣхала обратно; буду радъ, когда ты опять уѣдешь и опять пріѣдешь, но не въ Карпаты, а сюда. Право, мы до августа останемся здѣсь, а до того времени глина въ мастерской не засохнетъ, значитъ и поработать можно. Что скажешь на это, а? Если-бы ты была теперь здѣсь, ты увидала-бы такую чудную скульптуру! Но объ этомъ рѣчь впереди.

Мы познакомились съ герцогомъ X. и его супругою. Удивительно, какіе они милые, добрые, симпатичные и необыкновенно просты, просты и хороши—рѣдко. Это лучше всего. Она спрашивала, правда-ли, что ты выходишь замужъ за профессора? Какъ разъ въ тотъ же день я получилъ твое письмо и сказалъ рѣшительно: „Нѣтъ“. Если солгалъ, то грѣхъ на твоей душѣ.

Я ничего не работаю, т.-е. работаю, но ничего не выходитъ, я рѣшительно не мастеръ работать портреты по карточкамъ, за то какія хорошія мысли у меня въ головѣ. Я только ими и живу.

Выставка здѣсь замѣчательно интересна. Интересно то, что живопись никогда не была такъ плоха, какъ въ этомъ году, за то скульптура превосходна. Это-то дало мнѣ поводъ написать статейку. Я объ этомъ говорю, точно выпилъ лишнее,—слабость! Сознаю, что напрасно пишу, что у насъ и кулаками не разбудишь, но утѣшаю себя только тѣмъ, что—капля воды долбитъ камень. Такъ вотъ, эту статейку я на-дняхъ тебѣ пришлю, для передачи въ „Сѣверный Вѣстникъ“. Прости, что этимъ тебя утруждаю, но боюсь, что Эліаса уже не будетъ въ Петербургѣ, Влад. Васильевичъ не пишетъ, видно еще не окончательно поправился, поэтому не хочу его безпокоить, такъ вотъ я къ твоей милости, надѣюсь, не откажешь. Конечно, прочитай и напиши, какъ она тебѣ нравится. Статейка вышла содержательная.

Тархановы здѣсь были у насъ на-дняхъ.

643. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ. Получено 19 іюня 1895 г.

Просто досадно, что вы такъ расхворались, а я такъ радовался за тебя и за В. В., но надѣюсь, что вы оба теперь здравствуете.

Въ томъ, что ты говоришь относительно Карлеса [1]), много правды, но надо сокъ выжимать, а корки вонъ бросать. Тонкость отдѣлки въ искусствѣ большая вещь, но тонкость отдѣлки не значитъ еще мелочность. Послѣдняя можетъ довести до натурализма, до пестроты, между тѣмъ какъ первая только до художественнаго совершенства. У Кар-

---

[1]) Карлесъ—французскій скульпторъ.

леса есть и то, и другое. Главное—онъ не творецъ, у него не было художественнаго нерва, Божьей искры. Мало того: онъ немного манеренъ, однообразенъ; но его тонкая отдѣлка превосходна, очень далеко отъ итальянской теперешней мелочи. Но что мнѣ особенно нравится, это его обжигъ, его бронза, и нѣтъ сомнѣнія, что они подкупаютъ сто на сто. Отъ патины, отъ хорошей отливки зависитъ твое произведеніе. Онѣ могутъ погубить его и спасти! Какъ-бы то ни было, въ общемъ меня радуетъ то, что скульптура зашевелилась, ищетъ и, кажется, сразу попала на хорошую дорогу.

644. Къ нему же.

Vevey, 8 сентября 1895 г.

Давно не писалъ я тебѣ, и не писалъ потому, что не могъ; да и теперь пишу украдкой отъ жены. Дѣло въ томъ, что послѣ твоего отъѣзда мнѣ сильно нездоровилось. Жена испугалась, стала возиться съ докторами, а доктора, не зная нашей выносливости, наговорили женѣ что-то, а жена до того чутка, что все видитъ въ преувеличенномъ видѣ, не спитъ, не ѣстъ и все хлопочетъ. Сперва уѣхали въ Юріажъ, но попали не въ пору. Жарко, скверно. Просидѣли мы тамъ три недѣли и насилу оттуда выбрались. Я-же отъ жары потерялъ силы и аппетитъ. Поѣхали на высоту въ Гліонъ надъ Монтрё, но попали съ моста въ воду. Тутъ оказалось еще жарче, 46°, да еще безъ вѣтра, и вотъ мы оттуда спустились, и мнѣ теперь лучше. Мнѣ не жаль себя, а жены. Ея воображеніе сильно работаетъ, и все не въ свѣтломъ видѣ; она ухаживаетъ за мной, сама не доспитъ, не доѣстъ. А въ сущности со мной ничего новаго не происходило, а просто я усталъ, какъ всегда во время весны. Я дѣлаю все, что могу, все, что жена желаетъ, лишь-бы ее успокоить, иначе она сама захвораетъ. Такъ вотъ, она отняла у меня бумагу, перо, книги. Можешь себѣ представить, до чего я скучаю,—ни отъ кого ни слова. Ну, какъ ты поживаешь? Какъ твое дѣло шло? Гдѣ ты теперь?

645. Къ нему же.

Парижъ, 12 октября 1895 г.

Какую печальную новость ты мнѣ сообщилъ! Вѣдь я ничего не зналъ! Ни одной русской газеты не получаю, не читаю, общихъ знакомыхъ здѣсь у меня нѣтъ, словомъ, ничего не знаю, что творится въ Россіи. Какъ жаль! До боли жаль. Умретъ такой человѣкъ какъ Надежда Васильевна [1]), и чувствуешь, точно кто-то зубъ вырвалъ. Что прикажешь дѣлать? Тутъ и сгибаніе, пока буря пройдетъ, не поможетъ. Только послалъ Влад. Васильевичу письмо; не знаю, что я тамъ наговорилъ, да что и сказать-то! Всѣ мы живемъ, и всѣ мы помремъ, славна только смерть того, кто прожилъ хорошо, какъ Надежда Васильевна. А пока мы живемъ, не надо сгибаться.

---

[1]) Н. В. Стасова.

Надѣюсь на душевное богатство В. В., что онъ съумѣетъ побѣдить свое горе.

Хотя теперь не кстати, но все-таки Бога ради старайся не дать В. В. одному оставаться. Старайся развлекать его. Ты это съумѣешь больше чѣмъ кто-либо, потому что больше чѣмъ кто-либо его знаешь.

646. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 12 октября 1895 г.

Больно, пребольно защемило у меня сердце, когда я узналъ отъ Эліаса (только теперь) о вашемъ великомъ горѣ—о кончинѣ Надежды Васильевны. Холодно и пусто какъ-то стало въ душѣ. Такіе люди какъ Н. В. всегда большая рѣдкость, а въ наше туманное время—въ особенности. Она всю жизнь безъ устали высоко держала свѣточъ, освѣщая путь нуждающимся; со свѣточемъ въ рукахъ она и умерла, какъ умираютъ только славные рыцари, идущіе въ атаку за свободу. Эліасъ пишетъ, что никогда не было такихъ похоронъ у женщины, какъ у Н. В.; это показываетъ, что она не даромъ прожила, что она, какъ пахарь, разумно сѣяла полной рукой и что сѣмя имѣло хорошіе всходы...

Слушайте, добрый другъ, Н. В. оставила намъ большое наслѣдство, большой кладъ, золотую урну, полную брилліантовъ, это—ея золотая душа, полная любви къ страждущимъ: для нея солнце грѣло и свѣтило всѣмъ одинаково; для нея, чья-бы то ни была кровь, была одинаково красна, а слезы—одинаково горьки... Изъ-за такого наслѣдства наслѣдники не ссорятся, а только братски обнимаются... Миръ этой доброй, честной, славной женщинѣ; пусть она будетъ для насъ тѣмъ, чѣмъ была прежде—примѣромъ въ дни нашихъ невзгодъ...

647. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ. Получено 14 октября 1895 г.

Твои письма одно другого печальнѣе; но печальнѣе всего—это смерть Надежды Васильевны. Маленькое утѣшеніе еще то, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей, что она цѣнится по достоинству. Когда откроется подписка на стипендію или надгробный памятникъ, то прошу мнѣ сообщить. Какъ хорошо, что у тебя есть такой прекрасный ея бюстъ, и, конечно, кому-же дѣлать большой, какъ не тебѣ? Но знаешь, какой пьедесталъ я предлагалъ-бы тебѣ? Іоническая колонна, какъ чистота стиля, обвита гирляндою изъ маргаритокъ, розъ (женскія имена) и тому подобное, но съ эмблемами Вѣры, Надежды и Любви. Надежда—это ея имя, она сама, а Вѣра и Любовь такъ идутъ къ ней! Все это какъ плющъ обвиваетъ колонну, стремящуюся кверху, гдѣ долженъ быть поставленъ ея бюстъ. Что на это скажешь?

Если не захотятъ, чтобы я сдѣлалъ Чайковскаго и Рубинштейна, тогда я похлопочу, чтобы тебѣ отдали одного изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, но достигну-ли я чего-нибудь? Необходимо, чтобы и другіе хлопотали, да и самому не надо спать.

Пожалуйста, пришли мнѣ статью Л. Я. Гуревичъ про Н. В. и все, что про нее писали, можно заодно и мою статью въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Повидимому, она прошла незамѣтно, а все-таки я желалъ.

648. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 11 ноября 1895 г.

Мнѣ совѣстно, что я постоянно безпокою васъ подобными мелочами, какъ получка денегъ; подобныя вещи могъ-бы сдѣлать и другой, но я-бы ни за что не хотѣлъ нарушать вашу доброту ко мнѣ. Хочу, чтобы она оставалась цѣльной, какъ до сихъ поръ.

Эліасъ очень жалуется, что у него нѣтъ работы; это показываетъ, что онъ не проныра. Я слышалъ, что Боголюбовъ сильно хлопочетъ, чтобы статуя Чайковскаго и въ особенности статуя Рубинштейна были отданы не мнѣ, а другому, его креатурѣ, такой-же дряни, какъ онъ самъ.

Вотъ почему я написалъ В. С. Кривенко: нельзя ли въ такомъ случаѣ дать одну статую Эліасу. Отвѣта не получилъ, и врядъ ли получу. Но вы можете въ свою очередь замолвить словечко; ваше слово въ сто разъ больше примутъ во вниманіе, чѣмъ мое.

Я писалъ Эліасу мою мысль насчетъ памятникъ дорогой Н. В.; не знаю, одобрите-ли вы, но мнѣ-бы сильно хотѣлось, чтобы памятникъ былъ достоинъ ея.

Я попрежнему продолжаю жить точно на необитаемомъ островѣ: никого не вижу, газетъ не читаю, а только книги, и ничего не знаю, что дѣлается у насъ.

Знаю, что въ Академія художествъ бываютъ собранія, акты, такъ какъ объ этомъ меня извѣщаютъ. Отъ здѣшняго русскаго художественнаго общества я тоже получилъ извѣщеніе, что разъ въ мѣсяцъ будутъ собираться въ какомъ-то трактирѣ пообѣдать; взносъ— по 10 франковъ. Не лучше-ли бы вмѣсто обжорства дѣломъ заниматься? А у кого нѣтъ 10 франковъ, значитъ останется дома. Неправда-ли, мило?

Художественное Историческое общество въ Москвѣ выбрало меня въ почетные члены; кажется, это первое почетное мѣсто, которое я занимаю въ Россіи.

Какъ видите, дорогой мой В. В., скучна теперь моя жизнь, а это все оттого, что я еще не совсѣмъ нормаленъ; да я иначе и не помню себя, какъ больнымъ. Хорошо еще то, что поправляюсь.

Только-что прочелъ въ газетѣ, что любители искусствъ въ Орлѣ предпочли поставить бюстъ Тургенева работы Полонской, чѣмъ мой бюстъ. Хорошо?

649. Къ И. Я. Гинцбургъ.

Парижъ, 6 (18) ноября 1895 г.

По поводу статуй Рубинштейна и Чайковскаго я писалъ В. С. Кривенко, Стасову и барону Гинцбургу. Всѣхъ я просилъ, чтобъ ихъ

дали дѣлать если не мнѣ, то по крайней мѣрѣ тебѣ. А Боголюбову я прямо сказалъ, что я слышалъ, что онъ сильно хлопочетъ противъ меня. Отвѣта еще ни отъ кого не получилъ. Въ комитетъ писать не буду. Если они меня хотятъ, то пусть берутъ меня такимъ, какъ я есть. Но если-бы они дѣйствительно хотѣли меня, то давнымъ-давно отдали-бы мнѣ работу. Повидимому, мнѣ не суждено исполнить какой-бы то ни было общественный заказъ; я на это неспособенъ. Я готовъ работать, но только для тѣхъ, кто понимаетъ и любитъ мою работу. Пожалуйста, не отчаявайся. Въ жизни бываетъ разное, не все дѣлается, какъ хочется. Было время, когда и я сидѣлъ безъ работы, а въ карманѣ дулъ сквозной вѣтеръ. Не забудь, что мои расходы крупны; тѣмъ не менѣе, Богъ есть, право. И теперь я не имѣю заказовъ; не знаю, что дальше будетъ, и повторяю: Богъ есть, пусть онъ заботится обо мнѣ, ибо когда я думаю, я рѣшительно ничего не могу придумать, какъ разбогатѣть. А какъ хочется, особенно теперь, когда такъ нужны деньги.

650. Къ М. П. Боткину.

Парижъ, 26 (14) ноября 1895 г.

Всѣ мы очень поджидали васъ здѣсь, и не дождались. Въ Петербургѣ вы мнѣ сказали, что къ этому времени надѣетесь быть здѣсь; видно, что перемѣнили планъ. Мнѣ писали, что вы сильно заняты дѣломъ Національнаго музея. Представляю себѣ, какъ это васъ завлекаетъ. Ну, и дай вамъ Богъ здоровья, бодрости и довести дѣло до конца, т.-е. перешагнуть черезъ разныя палки, брошенныя подъ ноги; говорю это по опыту: знаю, сколько есть завистниковъ. Каждый пріобрѣтаетъ въ такомъ дѣлѣ, и чѣмъ лучше онъ сдѣлаетъ, тѣмъ сильнѣе шипѣніе кругомъ него. Вѣдь не даромъ сложилась такая фабула. Свѣтлячекъ спрашиваетъ у лягушки: „Отчего ты на меня плюешь?“ А лягушка отвѣчала: „Отчего ты свѣтишь?“ Вотъ что мнѣ хотѣлось вамъ сказать. Еще лѣтомъ я слышалъ, что Національный музей хочетъ пріобрѣсти моего „Сократа“. Правда-ли это? Въ такомъ случаѣ вы лучше знаете, ближе стоите къ дѣлу музея, и если слухъ вѣренъ, то вы охотнѣе посодѣйствуете этому. Мраморный принадлежитъ барону Гинцбургу; онъ когда-то хотѣлъ его продать, но теперь ни за что. Но я собираюсь отлить его изъ бронзы восковую систему, которую люблю сто разъ больше, чѣмъ мраморъ, навѣрно вы тоже. Повторяю, если правда то, что мнѣ передали, то очень прошу вашего содѣйствія, тѣмъ болѣе, что въ этомъ году у меня плохой урожай на деньги. Лѣтомъ я порядкомъ прихворнулъ. Но это дѣло мнѣ привычное, теперь слава Богу лучше, даже совсѣмъ хорошо.

Съ античными вещами затишье, купцы жалуются, что трудно доставать и трудно продавать. Сверхъ того, много потеряно денегъ на биржѣ. Тѣмъ не менѣе, когда является хорошая вещь, то она страшно дорога.

Въ художественномъ мірѣ тоже ничего новаго.

651. Къ Ел. Павл. Антокольской.

Парижъ, 6 ноября 1895 г.

Я радъ былъ получить твое письмо, радъ, что ты здравствуешь, что ты бодрая, энергичная, какая была, радъ еще, что ты на досугѣ занимаешься скульптурой; только боюсь, что ты уже слишкомъ работаешь. Сила—тотъ-же капиталъ: израсходуешь ее въ молодости, не будешь имѣть ея въ старости. Жаль только, что подобная простая мудрость достигается только по опыту слишкомъ поздно, и что молодость старости не слушается. Тѣмъ не менѣе, я повторяю: если хочешь хорошо работать, надо хорошенько отдохнуть. Работать послѣ одной уже работы такъ-же безполезно, какъ отдыхать послѣ отдыха.

Про себя мнѣ нечего сказать; я продолжаю лѣчиться, беру холодные души, и это мнѣ хорошо. Органической болѣзни у меня никакой нѣтъ, только слишкомъ нервы разстроены.

Сюжетовъ у меня пропасть и кромѣ „Моисея"; только всѣмъ имъ на время я долженъ сказать: „До свиданія". За то тѣмъ сильнѣе будетъ моя встрѣча съ ними.

Я ужасно радъ, что наши скульпторы зашевелились; дай Богъ, чтобы они нашли сочувствіе: это необходимо, ибо безъ сочувствія чувство то-же, что китайская книга.

Благодарю тебя очень, что ты передала мое порученіе Н. П. Собко. Конечно, отъ него я никакого письма еще не получалъ, я-же послѣ твоего письма сейчасъ ему написалъ, что кувшинъ я беру, что деньги вышлю ему дней черезъ 10—15, т.-е. какъ только получу. Теперь прошу узнать, выслали-ли мнѣ кувшинъ; я просилъ также фотографію съ другихъ вещей.

652. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 15 (27) ноября 1895 г.

Письмо и деньги получилъ; деньгами я очень доволенъ, письмомъ нисколько.

Я знаю, что значитъ проводить безсонныя ночи,—я самъ теперь этимъ страдаю. Недоволенъ я также и тѣмъ, что вы заглушаете вашу безсонницу чуть-ли не барабаннымъ боемъ, т.-е. чрезмѣрной работой. Что касается до меня, то я принимаю холодные души, глотаю бромъ— и чувствую себя лучше. Ради Бога, не тираньте себя! Вѣдь у васъ достаточно силы воли и благоразумія.

Мнѣ очень, очень жаль, что я безпокоилъ васъ получкой денегъ, именно такою мелочью. Отъ души благодарю васъ, но обѣщаю, что больше не буду.

Меня очень трогаетъ то, что вы принимаете такъ къ сердцу мои дѣла, что такъ хлопочете за меня; но къ Стояновскому не стоитъ ходить [1]). Чѣмъ больше я думаю объ этомъ заказѣ, тѣмъ болѣе онъ

[1]) Н. П. Стояновскій—тогдашній вице-предсѣдатель Русскаго Музыкальнаго общества, котораго В. В. Стасовъ намѣренъ былъ просить, чтобъ онъ употребилъ свое вліяніе насчетъ порученія работы статуи Чайковскаго—Антокольскому.

мнѣ противенъ. Противно имѣть дѣло съ олухами, а то и похуже. Тутъ подходящая сфера для такихъ господъ, какъ Боголюбовъ, тутъ омутъ, гдѣ черти плодятся. Этотъ заказъ не выгоденъ, ни для разсудка, ни для желудка, потому что я имъ назначилъ цѣну почти на половину дешевле, чѣмъ обыкновенно беру.

Кстати о Боголюбовѣ: я написалъ ему всю правду, — сказалъ, что получилъ извѣстіе, что онъ сильно хлопочетъ противъ меня. Онъ пришелъ объясняться со мною, увѣрялъ, что не зналъ, что мнѣ хотятъ дать эти заказы; объяснялся въ дружбѣ, лѣзъ цѣловаться и т. д., но мы знаемъ цѣну его поцѣлуямъ. Онъ увѣряетъ, что насъ хотятъ только ссорить, что мнѣ сообщаютъ подобныя извѣстія одни враги. Да ну съ нимъ!

Мнѣ очень интересна выставка Верещагина и ваша статья объ этой выставкѣ. Что Рѣпинъ и Куинджи поссорились, это меня не удивляетъ, какъ они могли до сихъ поръ идти вмѣстѣ. Интересно, что дальше будетъ?

У меня мало новаго, все старое, и то нехорошее. Сюжеты меня ждутъ одинъ другого лучше, а я долженъ докончить нѣкоторые заказы.

Скучно, въ особенности когда еще нездоровится.

653. Къ Ел. Павл. Антокольской.

Парижъ, 8 декабря 1895 г.

Милая, дорогая Елена!

Прости, ради Бога, что я такъ безпокою тебя безо всякой церемоніи. Въ прошломъ письмѣ я забылъ тебя просить о слѣдующемъ. Дѣло въ томъ, что „Сѣверный Вѣстникъ“ не прислалъ мнѣ моей статьи, напечатанной у нихъ. Обыкновенно порядочный журналъ, какъ „Вѣстникъ Европы“, посылаетъ авторамъ 10—15 оттисковъ; я просилъ Гинцбурга, просилъ для меня нѣсколько экземпляровъ, но отвѣта на это не получилъ никакого; между тѣмъ, мнѣ хотѣлось-бы дать коекому прочесть. Выписки изъ этой статьи были и въ американскихъ газетахъ, а я не имѣю что показать, не знаю также, какъ она прошла у насъ; по всей вѣроятности, незамѣтно. По крайней мѣрѣ я ничего не знаю. Ну, прости, что надоѣдаю тебѣ; знаю, что ты очень занята, но знаю, что ты энергичная, а главное—добрая

654. Къ графу И. И. Толстому.

Парижъ, 27 декабря 1895 г.

Я слышалъ, что вы чувствовали себя не совсѣмъ здоровымъ, дай же Богъ вамъ скорѣе выздоровѣть и совсѣмъ забыть объ этомъ, а быть бодрымъ и здоровымъ. Этого желаю вамъ отъ всей души.

Я тоже сильно, т.-е. продолжительно прихворнулъ, такъ что послѣ моей поѣздки въ Петербургъ я ничего не дѣлалъ до сихъ поръ, но теперь, слава Богу, чувствую себя попрежнему, чего отъ души и вамъ желаю.

Мое матеріальное положеніе стало чахнуть, но это еще не большая бѣда. Меня поддерживаетъ будущая работа, которую я задумалъ, и я сгораю нетерпѣніемъ начать ее. Надѣюсь, что еще разъ покажусь, и на этотъ разъ въ иномъ видѣ. А между тѣмъ, житейскія мелочи идутъ своимъ чередомъ: пакость и бросаніе камней мнѣ подъ ноги, даже и здѣсь, и среди нашихъ „артистовъ" водится. Право, не могу иначе назвать ихъ, какъ „артистами" на всѣ руки. Вы понимаете, кого я подразумѣваю.

Мнѣ хотѣлось послать нѣсколько запросовъ въ засѣданіе совѣта, по поводу конкурсовъ вообще, или-же спросить объ этомъ лично васъ, но раньше всего будьте здоровы, совсѣмъ здоровы, а потомъ уже—пойдетъ дѣло.

655. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 1 января 1896 г.

Опять прошелъ годъ, и нельзя сказать, чтобы это насъ радовало. Годъ былъ тяжелый, ужасный для васъ и отчасти для меня. Вы потеряли вашу сестру—дорогое существо, любимое не только вами, но всѣми, кто только ее зналъ; а я порядкомъ похварывалъ, ничего не дѣлалъ. Ну, что дѣлать? такова жизнь—гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ. Жизнь—злая штука, надо умѣть смотрѣть ей прямо въ глаза; иначе, какъ разъ согнешься, она тебя скрутитъ, какъ врагъ врага.

Мнѣ писали, что вы очень заняты, много работаете—это хорошо, это меня радуетъ, это показываетъ мнѣ еще разъ, что вы не сгибаетесь ни передъ кѣмъ, ни даже передъ судьбою. Теперь наступаетъ Новый годъ, и намъ остается только сказать: впередъ!!!

Есть вещи, которыя выше всего и сильнѣе всего, это—нашъ собственный духъ.

Да хранитъ васъ Богъ для себя, для дѣла и для всѣхъ тѣхъ, кто такъ любитъ и уважаетъ васъ.

Вотъ что мнѣ хотѣлось сказать вамъ на Новый годъ, а затѣмъ—и обнять васъ всѣхъ крѣпко-на-крѣпко. „Всѣхъ" значитъ—всѣхъ вашихъ родныхъ—моихъ друзей.

656. Къ нему же.

Парижъ, 16 января 1896 г.

Вчера я получилъ подарокъ—книжку „Недѣли" [1]), но не въ ней дѣло, а въ вашей статьѣ, которую я нашелъ тамъ и отъ которой я въ восторгѣ. Это если не лучшая, то одна изъ самыхъ лучшихъ, что вы написали въ своей жизни; не знаю, что дальше будетъ, но начало превосходно, какъ по содержанію, такъ и по формѣ; это—истинный памятникъ вамъ. Я, кажется, давно говорилъ вамъ, что ваша авто-

[1]) «Недѣля», январь 1896 г., гдѣ помѣщено начало книги В. В. Стасова: «Воспоминанія о моей сестрѣ».

біографія должна быть изъ ряду вонъ; вы столько видѣли, столько встрѣчались съ выдающимися людьми всѣхъ націй, наконецъ, у васъ самихъ столько было событій, что все это, вмѣстѣ взятое, будетъ не только автобіографіей выдающагося человѣка, но и крупнымъ историческимъ источникомъ, очень цѣннымъ и столько-же полезнымъ. Ну, и дай вамъ Богъ долго, долго здравствовать.

О себѣ не пишу—нечего писать.

657. Къ нему же.

Парижъ, 5 февраля 1896 г.

Ваше письмо обрадовало меня, обрадовало во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, я всегда радъ получать ваши письма; во-вторыхъ, послѣднее время они для меня рѣдкость, а въ третьихъ, и главное, вижу васъ въ этомъ письмѣ все тѣмъ-же, какимъ вы были прежде для меня. Не скрываю, что въ послѣднее время я иногда задумывался: почему мы стали такъ рѣдко переписываться; думалъ и гадалъ различно—въ дурную и хорошую сторону. Думалось мнѣ, что люди, т.-е. „друзья, знаютъ другъ друга, когда другъ другу не мѣшаютъ молчать". Думалось мнѣ и иначе, что причина этому время, которое душитъ все хорошее, все свѣтлое и благородное; и тогда поневолѣ входишь въ свою раковину, молчишь и молча ждешь, пока время бурное пройдетъ.

Вы удивляетесь, что я нахожу въ вашемъ писаніи столько хорошаго, прекраснаго; удивляетесь, что другіе объ этомъ молчатъ. Первое—лучшій мнѣ комплиментъ: это значитъ, что я тоже остался тѣмъ, чѣмъ былъ—чуткимъ ко всему искреннему, хорошему и справедливому, какимъ я считалъ васъ всегда, и теперь въ особенности. Слава Богу, что вы не старѣетесь и не слабѣете, и что вы въ сто тысячъ разъ стоите выше цѣлаго легіона теперешнихъ писакъ, превращающихъ печатное слово въ какое-то ремесло, и того хуже.

Еще разъ—вы для меня свѣтлая звѣзда ночью. Поняли?

Что о васъ мало пишутъ, съ вами мало спорятъ—это только подтверждаетъ вышесказанное, именно,—что время наше подлое, прозаическое и, что хуже всего, апатичное ко всему хорошему и возвышенному. За то къ разочарованію и тому подобной мерзости извѣстный классъ людей относится даже сочувственно. Послѣ этого что сказать? Вздрагиваешь отъ ужаса и закрываешь глаза отъ всего окружающаго, „и сладко спать, еще слаще окаменѣть" и т. д.—вотъ что хочешь повторять. Но я человѣкъ, вѣрующій въ приливъ и отливъ; вѣрю, что не всегда бываетъ ночь, что есть разсвѣтъ, день, солнце. Безъ этой вѣры жизнь стала-бы невыносима; и разъ у насъ есть эта вѣра,—мы, во имя ея, должны работать съ увлеченіемъ, несмотря на оргію дикихъ инстинктовъ, мѣшающихъ намъ днемъ и будящихъ насъ ночью. То, что вы пишете, то, что вы создали—не есть фарсъ, и поэтому для публики на галлерейкѣ оно проходитъ незамѣтно; но вашъ трудъ есть тотъ фундаментъ, на которомъ можно прочно строить храмы народнаго искусства.

Что сказать вамъ о себѣ? Никогда я не проходилъ черезъ такіе критическіе фарсы, какъ теперь; но за то никогда я себя не чувствовалъ такимъ сильнымъ, какъ теперь. У меня полное влеченіе къ работѣ, и это сильно поддерживаетъ меня. Я съ нетерпѣніемъ жду, когда кончу разные мелкіе заказы (надѣюсь, черезъ два мѣсяца все будетъ окончено), и возьмусь за серьезную работу. И такъ, благословите меня, добрый другъ, тѣмъ болѣе, что будущая работа вамъ по душѣ, знаю это напередъ.

До сихъ поръ я никому не говорилъ о ней, кромѣ жены; прошу, чтобы это осталось секретомъ между нами. Я задумалъ нѣчто такое-же, какъ „Нападеніе Иквизиціи". Говоря вѣрнѣе, „Нападеніе Инквизиціи" должно пойти въ pendant. Теперь я дѣлаю вещь изъ временъ первыхъ христіанъ. Извѣстно, что передъ смертью ихъ всѣхъ соединяли ночью и задавали имъ пиръ: нѣчто подобное дѣлается и теперь. И вотъ, рано утромъ, привратникъ открылъ рѣшетку—и первые христіане идутъ на смерть съ пѣснями; впереди ихъ молодая экзальтированная дѣвушка. Тутъ и евреи, и римляне, и галлы; тутъ, въ углу сцены, молодая дѣвушка—сестра или невѣста, нехотя будитъ своего возлюбленнаго, заснувшаго сладко къ утру. Таковъ въ общихъ чертахъ общій планъ. Въ pendant къ этому, какъ я уже сказалъ, хочу сдѣлать „Нападеніе Инквизиціи на евреевъ"; а среди группы два врага, обнявшись, лежатъ. Они въ борьбѣ пали мертвыми. Смерть ихъ примирила...

Что вы на это скажете? Во всякомъ случаѣ, я начинаю съ перваго; фигуры будутъ въ половину натуры; а тамъ увидимъ, что Богъ дастъ.

А пока желаю вамъ здоровья и всего лучшаго. Еще разъ прошу никому ни слова.

658. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, февраль—мартъ 1896 г.

Твое послѣднее письмо по новоду выставки очень интересно, очень характерно и не менѣе печально; повидимому, все у насъ идетъ не такъ, а хуже даже, чѣмъ было. Но чѣмъ все это кончится? Очень интересно, что напишетъ В. В. про выставку. Статья его въ „Недѣлѣ" и „Воспоминанія о моей сестрѣ" мнѣ очень нравятся, они полны интереса. Надѣюсь, что онъ не обратитъ вниманія на лай хотя-бы и большихъ собакъ. Въ „Недѣлѣ" же я читалъ бѣглый отчетъ Акад. выставки; скульптуру очень хвалятъ, въ томъ числѣ и твоего „Донъ-Кихота", и это меня порадовало. Я жду твоего отчета, и что говорятъ. Мнѣ интересна работа Залемана: я мало видалъ его работъ, но думаю, что онъ талантливѣйшій изъ нихъ всѣхъ. Эдуардсъ неспособенъ дать что-нибудь выше посредственности. Что Беклемишевъ? Онъ можетъ дать что-то. Вообще, скульптура меня очень интересуетъ. Каковъ ея уровень? Какъ относится къ ней публика? Поощряются-ли они? Я очень доволенъ, что моя серебряная вещь не выставлена, наша публика въ этомъ ни бельмеса не понимаетъ.

У меня мало новостей. Кончаю мелочь и скоро возьмусь за крупное. А ты, пожалуйста, будь философомъ, даже стоикомъ, если можешь. Ты знаешь, я индивидуалистъ, уважаю только индивидуальныя высокія личности, а толпа—стихійная сила, и не больше. Слушаться толпы или поддаваться одинаково опасно. Толпа никогда не почитала своихъ великихъ людей, всегда ихъ тиранила; а теперь мы живемъ среди толпы въ полномъ смыслѣ слова, толпы съ разъяренными инстинктами. Изъ того, что ты пишешь мнѣ про художниковъ, видно, что и они ни на іоту не стоятъ выше толпы. Все это печально, очень печально; но что дѣлать? Иной разъ хватаешься за перо, хочешь сказать то, что накипѣло на душѣ, думаешь, что тебя услышатъ, но тщетно: толпа или спитъ, какъ мать земля сырая, или бушуетъ, какъ буйный вѣтеръ; куда намъ до нихъ!

Я жду, чтобы В. В. взялся за молотъ.

659. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 3 марта 1896 г.

Меня теперь лихорадитъ, вожусь съ зубнымъ нарывомъ, вожусь съ другими непріятностями; все не идетъ, все изъ рукъ валится, сержусь, морщу лобъ и, кажется, даже солнце не по правиламъ свѣтитъ. И вотъ получаю ваши три подарка—„Воспоминанія о моей сестрѣ“, статью о передвижникахъ [1]) и ваше письмо; и право, безъ шутокъ, мнѣ легче стало... Такъ вотъ какъ дороги мнѣ ваши подарки, дороги, какъ отъ дорогого. Статью „Воспоминанія о моей сестрѣ“ я давно прочелъ съ удовольствіемъ; о ней я уже вкратцѣ писалъ Эліасу; теперь-же могу только сказать, что эта статья мнѣ столько-же нравится, какъ и первая; въ ней столько же интереснаго, живого, какъ въ первой, и столько-же искренности.

Я убѣжденъ, что мое мнѣніе не единичное; правда, я слышалъ, что шавки опять нападаютъ на васъ, но я ужасно радъ, что на нихъ вы не обращаете вниманія. Вѣдь каждому свой ростъ и свое значеніе—шавка лаетъ, а слонъ идетъ своей дорогой.

О письмѣ не буду говорить, оно всегда для меня то-же, что хорошій обѣдъ съ дессертомъ, а въ послѣднее время въ особенности. Что касается вашей статьи о передвижникахъ, то она, конечно, для меня то-же, что бальзамъ на рану. Хорошо, очень хорошо то, что вы говорите; никто этого не сказалъ, и десятой доли не скажетъ; но я самъ нахожусь въ такомъ настроеніи духа, что готовъ сказать: мало, еще, еще! Вдвое, въ десять разъ больше! Такъ и надо лже-либераламъ, которые не морщась стали пить изъ того колодца, въ который прежде плевали. Я еще прощаю тѣмъ, которые это дѣлаютъ по нуждѣ—вѣдь „нужда плачетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ“, но за чашку чечевицы никогда! И замѣтьте, какъ вездѣ эти выкресты,

---

[1]) Статья В. В. Стасова: «Замѣтки о 24-й выставкѣ передвижниковъ», напечатанная въ «Новостяхъ» 1 марта 1896

эти перебѣжчики стали ультра-нетерпимы къ прежнему своему идеалу, къ человѣческой правотѣ, и превратились въ какую-то замкнутую секту! Я-бы имъ отъ души простилъ ихъ поступки, если-бы они доказали свою толерантность; если-бы они, ставъ на мѣсто сильнаго, стали-бы защищать правду и справедливость; но для нихъ слова: правда и справедливости то-же, что для нѣкоторыхъ сводъ законовъ, который всегда лежитъ на полу, для того, чтобы удобно было его обойти. Въ общемъ, повторяю, что прежде Академіей управляли бараны, а теперь волки.

Есть одно мѣсто въ вашей статьѣ, съ которымъ я не могу согласиться, это со словами: „Искусство—приговоръ явленій жизни“ [1]). Нѣтъ, дорогой В. В., искусство не приговариваетъ, не казнитъ, а лишь только вызываетъ сочувствіе; искусство не строгій судья, не палачъ, а только—„къ падшимъ милость призываетъ“ [2]). Вотъ великая сила искусства. Но это мелочь въ отношеніи къ общему. И какъ хорошо было-бы, если-бы вы почаще гремѣли и почаще прочищали-бы воздухъ; въ этомъ вы сильны, сильнѣе кого-бы то ни было. Вы искреннѣе, честнѣе, правдивѣе другихъ, и поэтому ваши слова имѣютъ вѣсъ молота.

Боже мой, какъ недавно еще мнѣ самому казалось, что обновленіе Академіи внесетъ столько хорошаго, свѣтлаго и сильнаго въ самое искусство; я и не подозрѣвалъ, что тѣ люди, которые стали во главѣ, вдругъ сбросятъ маску и покажутъ свои родные клыки. Я когда-то съ ними долго говорилъ. Какъ они тогда возмущались противъ ультра-патріотизма, противъ права сильнаго, противъ гоненія жидовъ, поляковъ и нѣмцевъ, а теперь оказывается, что громко ораторствуютъ прямо противоположное.

Да чортъ-бы побралъ всѣхъ жидовъ, нѣмцевъ и поляковъ, гдѣ-бы они ни были и чѣмъ-бы они ни были; тутъ вопросъ не о расахъ, не о блондинахъ и брюнетахъ, а о людяхъ; льются слезы, наносятся кровныя обиды за то, что одному случайная игра природы, или такъ было Богу угодно, суждено родиться татариномъ, а другому киргизъ-кайсакомъ. Гдѣ тутъ справедливость? Гдѣ тутъ логика? Если люди грызутся какъ собаки и хуже собакъ, то ихъ надо отправить на псарню. Да надо-ли намъ грызться? Вѣдь въ общемъ, въ Россіи всѣ бѣдняки. Прочтите статью за прошлый мѣсяцъ въ книжкѣ „Недѣля“, кажется Янышева, который доказываетъ статистическими данными, что мы бѣднѣйшій народъ въ мірѣ, что мы бѣдны дѣятельностью, бѣдны во всемъ, и не потому, что Россія не богата природой, а потому, что не умѣетъ ею воспользоваться. Такъ вотъ, пока маленькія мышки грызутся изъ-за кости, котъ подходитъ въ видѣ французскихъ, бельгійскихъ и американскихъ капиталистовъ,—и всѣ мыши очутятся въ ихъ лапахъ. Но омерзительнѣе всего то, что въ самомъ храмѣ искусства, гдѣ въ сущности художниковъ сравнительно такъ мало, слѣдовательно

---

[1]) Слова Чернышевскаго въ его книгѣ: «Отношеніе искусства въ дѣйствительности».

[2]) Стихъ Пушкина.

и конкурренція немыслима, и тутъ такъ-же грызутся, какъ торговки на базарѣ. Тьфу ты гадость! Впрочемъ, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ солнце стало криво свѣтить, или я самъ въ такомъ состояніи, что вижу все въ кривомъ видѣ. Но мнѣ пишутъ про вышеупомянутыхъ господъ самыя невѣроятныя вещи... Тьма, мутно, темно, какъ на днѣ гнилого пруда.

Простите, что я такъ много наболталъ. А какъ хорошо имѣть друга, который слушаетъ васъ и даже сочувствуетъ! Теперь и это все рѣже и рѣже становится. Во всякомъ случаѣ, польза отъ моего письма та, что оно заглушило хоть немного мою зубную боль. Пожалуйста, пишите.

Очень любопытно посмотрѣть, какая вылазка будетъ противъ васъ за эту статью.

660. Къ нему же.

Парижъ, 18 марта 1896 г.

У меня словъ нѣтъ высказать вамъ мою глубокую благодарность за вашу третью статью о вашей сестрѣ: не за то, что вы мнѣ ее прислали, а за то, что вы ее написали. Такой статьи давно я не читалъ, давно ничего мнѣ не было столько по душѣ, какъ эта ваша статья. Вы знаете, что хотя я и художникъ, но не особенно сентименталенъ; но когда я дочиталъ до строки, гдѣ ваша сестра говоритъ: „Для меня исчезло очарованіе своей собственной семьи, я почувствовала любовь къ всемірной семьѣ“,—повѣрите-ли — слезы навернулись у меня на глазахъ, и я мысленно поклонился низко, низко праху того, кто это сказалъ, и вамъ, дорогой В. В., за то, что вы увѣковѣчили эти слова. Какъ рѣдко слышишь теперь, особенно теперь, что-нибудь подобное!!! И тѣмъ отраднѣе, когда ихъ встрѣчаешь и въ словѣ и въ дѣлѣ. Дальнѣйшее описаніе столько-же хорошо, чудно, превосходно! Я не замѣтилъ, какъ кончилъ, и было мнѣ ужасно жаль, когда кончилъ—мнѣ хотѣлось-бы еще, еще!

Я только что получилъ пару словъ отъ Эліаса; онъ тутъ успѣлъ замѣтить мнѣ, что вамъ не совсѣмъ здоровится. Буду надѣяться, что когда вы получите это письмо, вы и забудете, что были не совсѣмъ здоровы.

Что-же касается меня, то скажу одно—какъ ни противно мнѣ теперь во всѣхъ отношеніяхъ, но все къ лучшему. Пословица говоритъ: „Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится“; я не мужикъ и не перекрещусь, но за умъ, въ концѣ концовъ, возьмусь. Лишнее сказать, какъ радъ я буду увидѣть васъ, а можетъ быть и вторично поѣду съ вами въ Лондонъ.

661. Къ нему же.

Парижъ, 19 мая 1896 г.

Съ тѣмъ-же удовольствіемъ я получилъ вашу послѣднюю статью, какъ и прежде; она столько-же жива, интересна и увлекательно на-

писана, какъ и прежнія. Такъ горячо, искренно можетъ писать только одинъ человѣкъ, это В. В., а до такого дара рѣдко, очень рѣдко кто доживаетъ. Скажу больше—вы пишете какъ юноша и даже лучше прежняго. Ну, и дай вамъ Богъ здоровья, здоровья, и долго, долго здравствовать и писать. Однимъ я недоволенъ—вашимъ молчаніемъ. Наша переписка рѣдѣетъ, какъ волосы на моей макушкѣ. Однажды вы мнѣ писали: „Всѣ измѣнялись, хоть-бы вы, Маркъ, уцѣлѣли“. Теперь очередь сказать вамъ: „Всѣ забыли меня, хоть бы вы, В. В., не забыли меня“.

Жутко становится, когда старыхъ друзей теряешь, новыхъ не пріобрѣтаешь; но еще хуже, когда въ нихъ разочаруешься. Тяжело чувствовать безсочувствіе... Ну, будетъ! Когда пріѣдете сюда? Забыли? Вы мнѣ обѣщали, я не забылъ.

Жду васъ.

662. Къ нему же.

Парижъ, 31 іюня 1896 г.

Вчера пріѣхалъ Эліасъ; онъ передалъ мнѣ, что вы не пріѣдете сюда въ этомъ году—жаль, очень жаль, а мы васъ такъ ждали! Разсказывалъ онъ мнѣ также и про нашихъ художниковъ, и про наше искусство—и тутъ я нашелъ мало отраднаго. А хуже всего то, что вы принимаете это такъ къ сердцу. Конечно, больно видѣть, когда дерево, которое ты садилъ съ такой любовью и такимъ стараніемъ, растетъ бокомъ; когда во-очію видишь то, чего меньше всего желалъ видѣть; когда поневолѣ приходится разочароваться въ своей надеждѣ, которую такъ лелѣялъ въ глубинѣ души. Все это грустно, печально. Но, дорогой В. В., вѣдь исторія не идетъ прямолинейно, а зигзагами; кромѣ того, есть событія подобныя ракетамъ—заблестятъ, превратятся въ дымъ и исчезнутъ; но есть также и событія, которыя вѣчно остаются, какъ звѣзды на небѣ—часто ихъ не видишь, часто они подолгу заслонены облаками, но они есть и будутъ. Сколько вѣковъ надо было, чтобы Шекспиръ или Спиноза были поняты; и какой глубокій смыслъ въ словахъ послѣдняго, когда онъ говорилъ: „Я разбираю человѣческіе поступки, какъ математическія линіи“. Онъ зналъ себя, зналъ окружающихъ, и вѣрилъ въ свою миссію.

Да, здоровое зерно не пропадетъ никогда. Такихъ-же здоровыхъ зеренъ и вы немало засѣяли въ своей жизни; и они никогда не пропадутъ. Это, кажется, я вамъ уже разъ сказалъ, и съ удовольствіемъ теперь повторяю. А что касается до окружающей массы, то на нихъ надо смотрѣть, какъ на колыхающееся море съ его волнами, съ его тѣнистыми хребтами.

Что касается васъ и вамъ подобныхъ, то я смотрю на васъ и на нихъ, какъ на береговыя скалы, какъ на маяки. Нѣтъ, дорогой В. В., остановитесь хоть на секунду и подумайте, сколько вы на своемъ вѣку потрудились, какъ благородна была ваша дѣятельность и какъ чиста ваша совѣсть! Наконецъ, когда море успокоится, когда люди перестанутъ качаться по волнамъ, тогда они лучше увидятъ васъ и больше оцѣнятъ. Не грустите-же, дорогой В. В., это грѣшно.

663. Къ нему же.

Парижъ, 23 іюня 1896 г.

Окончились бумаги, конверты, окончилась и моя возня здѣсь, ѣду отдохнуть.

На-дняхъ я получилъ, наконецъ, письмо отъ Эліаса. Онъ въ Швейцаріи, помѣстился въ какомъ-то идиллическомъ мѣстѣ; я хотѣлъ-было къ нему ѣхать, такъ какъ, по правдѣ сказать, не знаю куда мнѣ ѣхать, хочу ѣхать куда-нибудь, все равно — лишь-бы отдохнуть. Но вотъ, дѣла устроились иначе—ѣду въ Швейцарію-же, гдѣ ждетъ меня русское семейство, которое предпринимаетъ путешествіе на лошадяхъ по Швейцарскимъ горамъ въ теченіе 8—10 дней.

Такъ вотъ, отъ Эліаса-то я узналъ о вашихъ именинахъ и поспѣшилъ поздравить васъ отъ всей души телеграммою; мое поздравленіе повторяю и теперь, я очень благодаренъ Эліасу за такое сообщеніе, потому что каждый годъ я все забываю (о своихъ именинахъ я даже совсѣмъ забылъ). Да и вообще я очень разсѣяннымъ сталъ: надняхъ, съѣвши за столомъ свой компотъ, я спросилъ, отчего мнѣ не даютъ компота.

Прочли-ли вы мою статью, какъ ее находите? Если Стасюлевичъ не напечатаетъ ее, такъ гдѣ-же ее печатать? Съ нимъ это можетъ случиться. Мою прошлую статью онъ не напечаталъ на томъ основаніи, что я слишкомъ развязно пишу (къ молодому другу). „Это то же самое, что явиться въ общество безъ галстука" (такъ онъ мнѣ сказалъ). Я хотѣлъ ему отвѣтить, что безъ галстука лучше, чѣмъ въ крахмальномъ. Такъ вотъ, все можетъ случиться; въ такомъ случаѣ, опять спрашиваю—куда ее помѣстить?

„Сѣверный Вѣстникъ" проситъ, но меня не тянетъ туда, онъ поступилъ со мною несовсѣмъ деликатно, и лишь только на-дняхъ я получилъ за мою прошлогоднюю статью всего 149 франк. Можно жить литературой? Посылаю вамъ нѣсколько вырѣзокъ изъ нѣмецкихъ газетъ, по поводу моей работы, которая тамъ выставлена. Такихъ статей было много. Нѣмцы не распространяются о моей работѣ, но видно, что имъ нравится.

Теперь жалоба на нашихъ художниковъ и все та же: почему они даже и не хотятъ быть лучше? Отчего мы прячемся за ширмы, на чердакъ, въ норѣ? Отчего боимся свѣта, отчего боимся показать свою работу Европѣ? Не ради чванства и хвастовства, а хоть-бы для того, чтобы провѣрить себя въ сравненіи съ другими. Вѣдь только тогда увидишь себя въ настоящемъ видѣ, когда ты окруженъ искусствомъ другихъ странъ; сидя-же у себя дома подъ низкимъ потолкомъ, всегда кажешься самъ себѣ высокаго роста.

Теперь вотъ въ чемъ дѣло: въ Венеціи устраивается международная выставка; обратились къ первоклассным художникамъ, чтобы они приняли участіе въ ихъ выставкѣ, какъ представители. Всѣ сейчасъ имъ отвѣтили положительно, такъ какъ это честь. Изъ русскихъ они обратились къ Верещагину, Рѣпину и ко мнѣ. Вереща-

гинъ ничего не отвѣтилъ, Рѣпинъ отвѣтилъ лишь только послѣ того, какъ я ему написалъ; затѣмъ они обратились ко мнѣ, чтобы я указалъ, кто достоинъ быть приглашенъ на выставку; тогда выставка беретъ на свой счетъ транспортъ туда и обратно; сверхъ того приглашенные художники не подвергаются жюри. Я это указалъ, т.-е. далъ списокъ тѣхъ нашихъ художниковъ, которыхъ знаю. Они пригласили всѣхъ, и вотъ вчера получаю письмо, что никто не удостоилъ ихъ даже отвѣтомъ. Что на это отвѣтить? Больно, что наши художники горды, да еще и невѣжливы. Я хотѣлъ-было напечатать въ газетѣ по этому поводу замѣтку, но думаю, что изъ этого ничего не выйдетъ,— потому что чувствую, что курсъ мой сильно понизился въ Россіи, тѣмъ болѣе, что передвижники никогда меня не жаловали, за то, что я видѣлъ и вижу ихъ насквозь. Не замолвите-ли вы словечка съ бичами? Да стоитъ-ли?

664. Къ нему же.

Парижъ, 27 іюня 1896 г.

Въ послѣднее время, повидимому, вы мало говорите, но много пишете; пишете хорошо, прекрасно, съ той-же ясностью, свѣжестью, полною интереса, какъ и до сихъ поръ.

Я говорю о вашей статьѣ „Воспоминанія о моей сестрѣ". Послѣднюю статью я получилъ, и опять отъ души благодарю.

Вы хорошо сдѣлаете, если возьметесь за теперешнее искусство „обѣими руками". Ваши друзья давно этого ждутъ; вы—единственное несокрушимое дерево, оставшееся послѣ урагана; прочія деревья, составлявшія когда-то цѣлую рощу, лѣсъ...

Наше художество плохо пошло—нѣтъ художниковъ, нѣтъ и искусства. Но, по-моему, самый кризисъ еще не насталъ; будетъ хуже, и только потомъ будетъ лучше.

Академія сдѣлалась притономъ для личныхъ только цѣлей, для интригъ. Говорятъ, что Куинджи вытурилъ Шишкина; теперь, говорить Боткинъ, будетъ баталія между Маковскимъ и Кузнецовымъ; а дальше что? Вы знаете мой взглядъ на Академію: я когда-то писалъ мое мнѣніе о ней. Я не противъ Академіи. Нѣтъ, нисколько, я смотрю на Академію, какъ на колоссальное средство; но я хочу Академію идеальную, талантливую и безпристрастную, но не такую, какъ нынѣшняя, гдѣ изъ-за личныхъ цѣлей дѣлаютъ все, что угодно; безсовѣстно кувыркаются, какъ клоуны въ пѣснѣ Беранже. Кончится тѣмъ, что властителемъ Академіи будетъ или Куинджи, или Боткинъ. Черезъ нѣсколько дней я вышлю вамъ статью мою (манускриптъ), которую хочу помѣстить въ „Вѣстникѣ Европы". Статья въ $2^1/_2$ печатныхъ листа, конечно объ искусствѣ; она раздѣлена на три параграфа: здѣшнее движеніе въ живописи и скульптурѣ; здѣшнее движеніе въ индустріальномъ искусствѣ, и наше движеніе въ искусствѣ. Конечно, статья эта совсѣмъ написана, но въ этомъ году за что я-бы ни взялся, все доставалось мнѣ съ трудомъ.

Какъ только она будетъ переписана, я сейчасъ вышлю ее вамъ

на вашъ судъ. Тамъ вы найдете кое-что горькое и про наше искусство. Какъ видите, и я не молчу. Будемъ съ нетерпѣніемъ ожидать вашъ дальнѣйшій трудъ.

Я все еще не началъ свой барельефъ, хотя онъ подготовленъ къ начинанію. Я все кончаю старыя работы, чтобы быть совсѣмъ свободнымъ.

Не знаю, когда именно буду въ Россіи, можетъ быть черезъ два мѣсяца, а можетъ быть уже осенью.

665. Къ нему же.

Парижъ, 2 іюля 1896 г.

И не думалъ безпокоить васъ, но мой карманъ до того старымъ, дырявымъ оказался, что сколько ни чини, всегда онъ рѣшетомъ смотритъ. Думалъ я было сердиться, плакать, волноваться — ничто не помогаетъ; остается только смѣяться надъ своей судьбой, что и дѣлаю. Въ самомъ дѣлѣ, есть люди, которые умѣютъ устраиваться, жить спокойно, а я живу безъ толку и бьюсь, какъ рыба объ ледъ. А тутъ какая-то фатальность—что бы я ни сдѣлалъ, все изъ рукъ валится. Вотъ цѣлый годъ идетъ такъ. Что дальше-то будетъ? А извѣстно — на кого Богъ, на того и люди. Мой курсъ въ Россіи, повидимому, сильно понизился—четыре небольшія работы послалъ я на выставку и хоть-бы одна изъ нихъ была продана. А когда-то прежде, что я ни посылалъ, все продавалось, и скоро. Въ былое время я и работалъ много... Да что тутъ хныкать! я человѣкъ бывалый, у меня было время разное.

Моей статьи я все еще вамъ не послалъ потому, что далъ ее переписать, и все еще ея не несутъ; когда получу—пришлю. Когда прочтете—прошу, во-первыхъ, сказать, какъ вы ее нашли; а во-вторыхъ, передать ее А. Н. Пыпину для „Вѣстника Европы“, если они будутъ такъ милостивы и примутъ ее.

Какъ ни мало я работалъ, все-таки, въ этомъ году я окончилъ группу изъ мрамора, „Сестра Милосердія“ и „Осень“; обѣ для надгробныхъ памятниковъ. Затѣмъ, „коронаціонное подпошеніе“ и три бюста; главное, бюстъ Императрицы.

Такъ что всѣ заказы кончены, новыхъ ни на грошъ. За то я подготовилъ кое-что для большого барельефа „Первые христіане, идущіе на смерть“. Если хотите, сюжетъ не новъ, но все-таки тутъ есть кое-что новое.

На-дняхъ вышлю вамъ фотографіи съ моихъ оконченныхъ работъ.

666. Къ нему же.

Парижъ, 4 іюля 1896 г.

Когда я писалъ вамъ мое предыдущее письмо, я прочелъ изъ вашей статьи „Воспоминанія о моей сестрѣ“ только половину и лишь только вчера вечеромъ я могъ ее окончить. И именно вторая половина мнѣ особенно нравится. Какъ все это было тогда хорошо, прекрасно, трогательно, и какъ хорошо вспоминать объ этомъ именно

теперь! Что это за теплая струя въ теперешнемъ нашемъ ледникѣ! Но, право, я не знаю, что болѣе трогаетъ меня—плодотворная-ли дѣятельность вашей покойной сестры Н. В., съ ея товарками, или ваше писаніе о нихъ, съ такимъ теплымъ, справедливымъ сочувствіемъ. Вы ни о комъ не забыли, всѣхъ вспомнили добрымъ словомъ, и ваша статья—лучшій памятникъ имъ, лучшій и вамъ.

Мнѣ остается только, вмѣсто словъ, крѣпко, отъ всей души обнять васъ, какъ лучшаго человѣка, котораго знаю, къ которому современная косматая лапа прозы не посмѣла притронуться. Я имѣю, однако, маленькую претензію къ вамъ. Въ вашемъ симпатичномъ письмѣ вы говорите обо мнѣ много лестнаго, но все прибавляете „кажется",—кажется, я такой, сякой. Тридцать лѣтъ вы меня знаете, и въ свою очередь я скажу—кажется, вы должны меня знать, на что я способенъ, а на что и нѣтъ, чтобы не казаться. Правда, не могу за себя поручиться, что если-бы передо мною раскрылось небо, я-бы не призналъ это за чудо; но когда современные собратья дѣйствуютъ такъ, точно у нихъ выросли хвостъ, клыки и рога,—я увѣрился, что это противно мнѣ, какъ и вамъ. И молю Бога объ одномъ: чтобы Онъ не дѣлалъ меня похожимъ на нихъ; чтобы Онъ не ослѣплялъ меня, чтобы я видѣлъ кратчайшую дорогу, ведущую къ истинѣ. И такъ, скажу вамъ еще разъ, что сказалъ вамъ въ позапрошломъ письмѣ: я не противъ Академіи; да я и не формалистъ, во всякомъ дѣлѣ я придаю значеніе не формѣ, а содержанію. Академія, въ рукахъ хорошихъ людей, можетъ создать много прекраснаго,—ибо у нея много средствъ, а безъ средствъ ничего не сдѣлаешь. Но та-же Академія, въ рукахъ плохихъ людей, можетъ только пакостить. Конечно, можетъ быть, лучше было-бы, чтобъ вовсе не было никакой Академіи, какъ ея не было въ среднихъ вѣкахъ, но для этого необходимо, чтобы народъ иначе, лучше относился-бы къ искусству. Когда Бенвенуто Челлини отливалъ своего „Персея", весь городъ волновался—выйдетъ или не выйдетъ онъ удачно, а теперь, если-бы тотъ-же Бенвенуто умеръ-бы отъ голода или огорченія, если-бы его повезли на кладбище на дрогахъ—врядъ-ли кто вспомнилъ-бы его добрымъ словомъ. Но, впрочемъ, тутъ вовсе не объ Академіи рѣчь, а насколько намъ нужно, необходимо искусство; имѣетъ-ли оно благопріятную почву подъ собою? Скажу то, что сказалъ въ краткихъ словахъ въ своей статьѣ, которую вы скоро получите въ рукописи: „Русскій народъ—способный. У него есть Божій даръ, онъ богатъ художественностью, какъ его земля дорогими минералами, но они или непочаты, или же плохо разработаны; въ результатѣ, девяносто милліоновъ народа изъ ста доказываютъ, что отлично живутъ безъ искусства".

667. Къ нему же.

Парижъ, 17 іюля 1896 г.

Деньги получилъ, за что пребольшая вамъ благодарность; такая-же благодарность... нѣтъ, еще большая, за вашу статью. Я ее еще

не читалъ—время передъ отъѣздомъ, возни, хлопотъ—пропасть; притомъ-же кончаю всѣ кропотливыя работы, отъ которыхъ усталъ, и усталъ безцѣльно. За то, скоро останусь одинъ со своими думами, на свободѣ—и тогда, въ видѣ лакомства, на досугѣ прочту вашу статью, конечно, съ удовольствіемъ.

Я прочелъ всѣмъ ваше сегодняшнее письмо; оно состояло всего изъ нѣсколькихъ строкъ, но оно до того сильно, свѣжо и хорошо, что вы, какъ египетскій фараонъ, свяжете еще всѣхъ своихъ враговъ за чубы и однимъ взмахомъ вытряхнете изъ нихъ моль. Но навѣрное вы и тутъ забыли, что вы мнѣ писали. Ну, тѣмъ лучше; значитъ у васъ, слава Богу, попрежнему жизнь ключемъ бьетъ. Ну, и дай Богъ всегда вамъ такъ.

Посылаю вамъ, наконецъ, мою статью „Опять кое-что объ искусствѣ". Пожалуйста, прочтите, если на это хватитъ у васъ терпѣнія, и скажите, какъ вы ее нашли. Боюсь, что мѣстами она немного длинна, главное—писана тутъ о предметѣ, какъ дилеттантомъ; притомъ-же, мой переписчикъ ужъ слишкомъ аккуратенъ—я слѣжу за звучностью языка, а онъ за грамматикой. Уже переписанную я ее перечиталъ, сдѣлалъ кое-гдѣ поправки. Но не лишнимъ-ли вамъ покажется въ первой главѣ мое сравненіе русскаго съ нѣмцемъ и французомъ? Это нѣкоторое отступленіе, можно сократить.

Думаю, что болѣе всего понравится вамъ третья глава, гдѣ я говорю исключительно о русскомъ искусствѣ. Но тутъ, напротивъ, я слишкомъ мало говорю, слишкомъ отрывочно, а главное—слишкомъ эскизно. Мнѣ хотѣлось дать тутъ только толчокъ. Когда прочтете, прошу васъ передать статью А. Н. Пыпину и, если это годно для „Вѣстника Европы", то пусть ее помѣстятъ въ октябрьской книжкѣ. Впрочемъ, я самъ напишу ему объ этомъ. Если-же онъ захорохорится, т.-е. не онъ, а Стасюлевичъ, тогда я помѣщу ее гдѣ-нибудь въ другомъ журналѣ.

Куда поѣду, я еще не знаю, во всякомъ случаѣ, поѣду одинъ; можетъ быть въ Байрейтъ, освѣжиться музыкой, а можетъ быть въ Швейцарію, въ горахъ подышать чистымъ воздухомъ. Во всякомъ случаѣ, пишите на старый адресъ: перешлютъ. Семейство мое поѣдетъ куда-нибудь на берегъ моря.

Эліасъ пропалъ, гдѣ онъ? Не знаете-ли вы?

Въ заключеніе скажу вамъ по секрету, что очень радъ, что моя будущая работа вамъ по душѣ, но не понимаю, почему непремѣнно хорошъ активъ и нехорошъ пассивъ въ искусствѣ? Оба для меня одинаково хороши. Въ жизни одно безъ другого не бываетъ, какъ не бываетъ дня безъ ночи, труда безъ отдыха, и т. д. Сама поэзія, да и симфоническая музыка, тоже въ своемъ родѣ пассивъ; нельзя все творить „активъ", какъ нельзя все творить „пассивъ"; одно другое, повторяю, должно уравновѣшивать. Изображать въ скульптурѣ, или въ живописи „активъ"—значитъ показать только моментъ, можетъ быть, сильный, важный; но все-таки только моментъ; между тѣмъ какъ „пассивъ" есть уже положеніе. Есть, наконецъ, „пассивъ", дѣйствующій

на воображеніе сильнѣе „актива“. Что-же касается моей будущей работы, то, право, я мало думаю, какъ объ одномъ, такъ и о другомъ, а просто дѣлаю, что душа диктуетъ, передаю то, что чувствую, что меня занимаетъ, что меня радуетъ и волнуетъ, такъ, чтобы и другого моя вещь волновала, заставила призадуматься и т. д.

Я вторично пересмотрѣлъ мою статью и отмѣтилъ карандашомъ то, что нашелъ неладнымъ, нескладнымъ. Если это такъ, то прошу замѣнить карандашъ чернилами. Вообще прошу провѣрить, главное—звукъ, а не грамматику; а не то—и то и другое вмѣстѣ.

668. Къ нему же.

Ragatz, 29 іюля 1896 г.

Я неожиданно застрялъ въ Ragatz. Мы хотѣли предпринять путешествіе на лошадяхъ по Энгадину, но погода здѣсь теперь точно петербургская осень, а горы покрыты снѣгомъ. Кажется, я уже писалъ вамъ, что ѣду со своей семьей въ Савою, въ Юріажъ: тамъ ванны для моихъ—хороши, а для меня убійственны.

Не знаю, читали-ли вы мою статью, посланную вамъ передъ моимъ отъѣздомъ; не знаю, насколько она вамъ нравится, но я-бы желалъ сдѣлать тамъ одну маленькую вставочку. Это—въ третьей главѣ, гдѣ я разсказываю то, что я испытывалъ въ своей маленькой сферѣ, какъ скульпторъ. Вставка эта чистый фактъ, но довольно характерный. Вотъ онъ. Живя въ Римѣ, я сдѣлалъ бюстъ одного высоко-интеллигентнаго соотечественника; бюстъ удался, я до сихъ поръ считаю его однимъ изъ лучшихъ моихъ бюстовъ, какъ по сходству, такъ и по лѣпкѣ. Бюстъ былъ отлитъ изъ бронзы, à cire-perdue; патина вышла прекрасная. Нѣсколько лѣтъ спустя я пріѣхалъ въ Петербургъ, случайно увидѣлъ этотъ бюстъ, но не узналъ въ немъ моей работы: лицо было вылужено, какъ самоваръ; волосы расчесаны какъ нитки, а сюртукъ словно набитъ ватой и точно обсыпанъ пескомъ. Оказалось, что бюстъ былъ въ починкѣ, въ рукахъ какого-то литейщика-чеканщика; онъ же покрывалъ и церковные купола. Комментаріи, думаю, тутъ лишни.

Теперь, между нами, скажу, что этотъ высоко-интеллигентный—покойный С. П. Боткинъ. Такъ вотъ, прошу вставить этотъ фактъ—я въ точности не могу указать, гдѣ именно, т.-е. между какими строками; но, кажется,—послѣ того, что я разсказываю о томъ, какъ портили мои бюсты форматоры.

О себѣ мнѣ нечего сказать. Это письмо пишу съежившись отъ холода, душа ушла въ скорлупу. Скоро напишу вамъ обо всемъ, а пока желаю вамъ всего лучшаго.

669. Къ нему же.

Ragatz, 7 августа 1896 г.

Я начинаю безпокоиться, получили-ли вы мою рукопись? Я послалъ ее не въ конвертѣ, а подъ бандеролью; не знаю, хорошо-ли я сдѣлалъ?

. . . Я застрялъ въ Flims; врядъ-ли кто знаетъ эту мѣстность, да и я совершенно случайно попалъ сюда. Ѣхалъ я въ Ragatz, чтобы присоединиться къ одной русской семьѣ и вмѣстѣ поѣхать въ Энгадинъ—перспектива была соблазнительная. Но вотъ уже 12 дней погода до того гадкая, что нельзя и думать о поѣздкѣ въ горы во время тумана, при плачущемъ небѣ, котораго, впрочемъ, и не видишь. По временамъ высокія горы показываютъ свои хребты. Но какъ они посѣдѣли за послѣдніе дни! Въ горахъ очень холодно, а въ Ragatz'ѣ очень сыро, что для меня хуже холода. Такъ вотъ, я забрался сюда, сперва надо ѣхать изъ Ragatz'а до Chur, затѣмъ по узкоколейной дорогѣ до станціи Reuchnach, а затѣмъ два часа на лошадяхъ. Все вмѣстѣ продолжалось $3^1/_2$ часа. Flims очень красивая мѣстность; на вышинѣ 1150 метровъ, сосновый лѣсъ, а посрединѣ, гдѣ могъ-бы стоять дворецъ, стоитъ гостиница, большая, посѣщаемая преимущественно нѣмцами и швейцарцами; тутъ-же и озеро, гдѣ купаются, когда жарко. Теперь-же, 12 августа (новаго стиля), топятъ печки, гдѣ онѣ есть, а здѣсь печки такая-же рѣдкость, какъ и огонь въ нихъ въ такое время года. Завтра спускаютъ обратно и, если погода не поправится, тогда немедленно поѣду на встрѣчу своимъ. Въ такую погоду лучше ѣздить по городамъ, чѣмъ по горамъ. Скоро буду въ Парижѣ, а потомъ поѣду въ Biarritz (одинъ) и тамъ попробую даже купаться.

Мнѣ очень хотѣлось-бы испытать свое здоровье, въ особенности передъ такой работой, какую я задумалъ, но до сихъ поръ мнѣ это не удавалось; напротивъ, благодаря сырости и холоду, меня даже иногда лихорадитъ и я чувствую себя не такъ, какъ слѣдуетъ.

Но женѣ я не говорю объ этомъ, ее и такъ тревожитъ мое отсутствіе.

670. Къ нему-же.

Lausanne, 19 августа 1896 г.

Нашъ человѣкъ поступилъ съ нашей корреспонденціей идіотскимъ образомъ. Собравъ много писемъ, онъ послалъ ихъ, уложивъ въ посылку, и такъ какъ посылка была маловажная, то жена и не открывала ее, и лишь только передъ отъѣздомъ изъ Юріажа она открыла эту посылку и тутъ нашла много писемъ, въ томъ числѣ и ваше, котораго я ждалъ съ нетерпѣніемъ. За то съ большимъ удовольствіемъ я его получилъ и читалъ. Слава Богу, что вы здравствуете (это главное) и что моя статья вамъ нравится. Ваши замѣчанія очень вѣски, но на нѣкоторыя можно возражать.

Вы совершенно правы, что заглавіе статьи не годится; но, признаюсь откровенно, я мало останавливаюсь на заглавіи, хотя сознаю, что заглавіе, въ своемъ родѣ, камертонъ, и что по заглавію часто видно, что именно авторъ хотѣлъ сказать. Поэтому покорно прошу васъ окрестить статью по вашему: „Замѣтки объ искусствѣ“.

Не менѣе вѣско и то, что я назвалъ не всѣ изданія, вышедшія у насъ по поводу индустріальнаго искусства; но всѣ остальныя, или

почти всѣ, изданы не русскими и печатаны внѣ Россіи, поэтому тутъ необходимо сдѣлать одно изъ двухъ: или вставочку, или же оговорку: „такъ, напримѣръ“ или: „такія, какъ“... Впрочемъ мнѣ теперь трудно сказать наизусть, гдѣ именно надо сдѣлать оговорку и какъ; но вы достаточно опытны въ этомъ, тѣмъ болѣе, что всѣ матеріалы у васъ подъ руками.

Что-же касается фотографій, то ихъ я и не имѣлъ въ виду; я о нихъ вспоминаю, но въ другомъ мѣстѣ.

Болѣе спорный пунктъ это — о русскомъ стилѣ. Мое мнѣніе о всѣхъ стиляхъ вы знаете: я ихъ уважаю, боготворю, какъ прошлое народное творчество, но всегда посылаю ихъ ко всѣмъ чертямъ, коль скоро имъ начинаютъ подражать, а „всякое подражаніе шагъ назадъ“, сказалъ, кажется, Прудонъ. Да, дѣйствительно, человѣкъ не ракъ, назадъ не лѣзетъ.

Я отзываюсь съ ироніей о пѣтушкахъ потому, что каждый матеріалъ непремѣнно вызываетъ свои узоры: камни одно, дерево и нитки— другое; а если кружево хотятъ воспроизвести въ камнѣ, а колонны въ кружевѣ—и то, и другое одинаково не выдерживаетъ критики. Такимъ образомъ, я вовсе не противъ орнаментовъ пѣтушковъ, а противъ того, что они не на своемъ мѣстѣ.

Я не люблю московскій стиль не потому, что въ немъ такая смѣсь разныхъ матеріаловъ, а потому, что смѣсь эта крайне неудачная, барочная, слишкомъ ясная; видны обѣ половинки. Оно, пожалуй, характерно, но не цѣльно, и еще меньше изящно. Впрочемъ, мы доходимъ до вкуса, о которомъ и спорить трудно.

Очень, очень благодаренъ вамъ за то, что вы писали о моей статьѣ А. Н. Пыпину; я тоже писалъ ему, но отвѣта еще не получилъ; можетъ быть онъ лежитъ въ Парижѣ. „Сѣверный Вѣстникъ“ давно проситъ меня дать имъ что-нибудь напечатать; я знаю, что и „Недѣля“ охотно напечатаетъ; но первымъ я недоволенъ, а вторая пожалуй раздѣлитъ статью на нѣсколько нумеровъ. Такъ вотъ поэтому я и обратился къ „Вѣстнику Европы“. Теперь остается подождать отвѣта.

Я теперь возлѣ Лозанны, гдѣ встрѣтился съ моей семьей. Я пробуду съ ними недѣльку, затѣмъ долженъ ѣхать въ Парижъ, а оттуда поѣду въ Biarritz подышать свѣжимъ воздухомъ; наконецъ, послѣ всего этого, въ концѣ сентября, я возвращусь въ Парижъ.

671. Къ нему-же.

Парижъ, 11 сентября 1896 г.

Пріѣхавъ сюда, я нашелъ ваше любезное письмо, которое всегда дорого мнѣ. Я очень и очень благодарю васъ за всѣ ваши хлопоты. Я думаю, что „Вѣстникъ Европы“ все-таки напечатаетъ мою статью. Да отчего-бы нѣтъ? Право, немало чепухи я читалъ и въ ихъ журналѣ, такъ почему-бы моей статьѣ быть забракованной? Другіе журналы просятъ у меня, почему-же я долженъ просить у него?

Я очень радъ, что вы ѣдете къ графу Толстому—хорошаго человѣка всегда пріятно видѣть, а такого человѣка, какъ Толстой, тѣмъ паче; да еще говорить, говорить по душѣ, зная, что онъ васъ слушаетъ и сочувствуетъ — право, это то-же для души, что горный воздухъ для нашихъ легкихъ....

Я здѣсь уже остаюсь—надѣюсь скоро начать работать серьезно; а тамъ, что Богъ дастъ. Надѣюсь также быть въ среднихъ числахъ ноября въ Петербургѣ.

672. Къ нему же.

Парижъ, 23 сентября 1896 г.

Я не получаю никакихъ русскихъ газетъ кромѣ „Недѣли", которую высылаютъ мнѣ изъ любезности, поэтому я далеко не знаю всего, что у васъ говорятъ о приготовленіи здѣшнихъ праздниковъ по случаю пріѣзда Государя. Но врядъ-ли кто въ состояніи описать это. Мнѣ кажется, что вся Франція сосредоточилась въ Парижѣ, и весь Парижъ на улицахъ слѣдитъ за убранствомъ города съ увлеченіемъ, какъ дѣти; вездѣ диковинки самыя затѣйливыя. Парижъ хочетъ убраться, какъ невѣста передъ вѣнцомъ, а на это никто не такой мастеръ, какъ онъ. Но что меня лично поразило, это—что среди Champs Elysés всѣ деревья вдругъ пышно расцвѣли, и осень превратилась въ весну!! И это сдѣлано до того искусно, какъ только одни французы это умѣютъ.

Поневолѣ вспомнилъ я декорацію въ Гипподромѣ, для представленія „Жанны д'Аркъ", во время всемірной выставки, о которой вы написали такую превосходную статью. Какъ, тутъ, такъ и тамъ меня поразила геніальность выдумки.—Каюсь, увлекся и я, какъ тотъ сапожникъ, который написалъ на своемъ окнѣ: Ich wohn' in einem Loch und luminire doch [1]). И я тоже вычистилъ свою мастерскую и объявилъ въ газетахъ, что можно видѣть въ теченіе трехъ дней бюсты императора и императрицы. Но дудки! Французамъ теперь не до бюстовъ, даромъ что эти бюсты—именно тѣхъ дорогихъ гостей, о которыхъ всѣ теперь такъ хлопочутъ. Парижанамъ теперь главное—это устройство пріема. А жаль, бюсты удачны.

Государь отлитъ изъ бронзы очень тщательно, а императрица изъ мрамора сдѣлана такъ, что даже французамъ—знатокамъ сильно нравится, главное—своей тонкостью отдѣлки. Вообще, говорю вамъ объ этомъ потому, что обо мнѣ сложилось мнѣніе, будто я не умѣю дѣлать женской красоты. Лишнее сказать, что мои милые мнимые друзья не дремлютъ и тутъ стараются сдѣлать все, что могутъ. Но все равно—свое возьметъ не сегодня, такъ завтра, послѣзавтра, когда-нибудь. Я это часто твержу, ибо въ этомъ увѣренъ.

Меня огорчаютъ не интриги, а вотъ что: на-дняхъ я получилъ изъ Америки письмо отъ одного извѣстнаго критика искусства. Онъ знаетъ мои работы по фотографіямъ; онъ въ восторгѣ отъ нихъ, хо-

---

1) Я живу въ дырѣ, а иллюминацію все-таки дѣлаю.

четъ писать обо мнѣ статью и проситъ малость — выслать ему 12 фотографій лучшихъ моихъ работъ за послѣднія пять лѣтъ. Но когда я сталъ перебирать, что именно я сдѣлалъ за послѣднія пять лѣтъ, я невольно вздрогнулъ, потому что сдѣлалъ сравнительно мало, да и то преимущественно все надгробные памятники разнымъ дамамъ. Вы не можете себѣ представить, до чего это меня огорчаетъ. Можетъ-быть съ моей стороны будетъ нескромно, если я скажу: „Право, я могъ-бы что-нибудь получше сдѣлать". У меня есть удачные замыслы и нѣкоторые даже грандіозные, но для этого нужны годы и годы... А между тѣмъ, жизнь идетъ своимъ чередомъ... я и то уже сильно задолжалъ... Кто знаетъ, можетъ быть я ошибся въ томъ, что въ теченіе 25 лѣтъ мои мысли и чувства принадлежали сѣверу, и до того, что изъ-за него я пренебрегалъ остальнымъ міромъ; можетъ-быть я долженъ былъ-бы искать пророчества внѣ своего отечества; тогда, можетъ-быть, я-бы не такъ скоро посѣдѣлъ, а главное—тогда, можетъ быть, я сдѣлалъ-бы что-нибудь получше надгробныхъ памятниковъ для такихъ золотыхъ свиней, какъ NN., которые торгуются со мною не какъ съ жидомъ, а какъ жиды.

Чтобы охарактеризовать, какъ смотрятъ на меня на родинѣ и на чужбинѣ, я разскажу вамъ два маленькихъ эпизода, случившихся со мною недѣли двѣ тому назадъ. Пріѣхавши сюда, я снесъ къ Z. фотографію серебряной вещи, сдѣланной мною для поднесенія, зная хорошо, что подобныя вещи въ подобномъ стилѣ его интересуютъ; и я не только не былъ принятъ, но мнѣ выслана была фотографія обратно, безъ словъ, безъ обычной фразы—что не могутъ, молъ, меня принять. Словомъ, со мною поступили какъ съ докучливымъ разносчикомъ, продавцомъ мелочей. И я внутренно сказалъ себѣ: „и подѣломъ мнѣ". На завтра я отправился въ Institut на обычное собраніе, гдѣ, по правдѣ сказать, бываю весьма рѣдко; и вотъ, мое присутствіе вызвало маленькую овацію. Президентъ Бона сказалъ даже спичъ. „Господа,—сказалъ онъ,—раньше, чѣмъ открыть засѣданіе, я долженъ выразить мое сожалѣніе, что сегодня собралось недостаточно членовъ, чтобы выразить наше удовольствіе по поводу того, что мы видимъ Антокольскаго среди насъ; будемъ надѣяться, что онъ чаще будетъ удостоивать насъ своихъ посѣщеній".

Такъ вотъ какъ меня принимаютъ у насъ и какъ на чужбинѣ.

Теперь нѣсколько словъ о моей злополучной статьѣ. Я до сихъ поръ не получилъ отъ редакціи „Вѣстника Европы" ни слова,—ни „да", ни „нѣтъ". Что это такое? Неужели я прошу у нихъ милости? Ни за что!!! Я не новичокъ, не начинающій, я говорю объ искусствѣ, и мнѣ кажется, что я заслуживалъ вниманія. Если редакція будетъ мямлить, тогда я покорно прошу вытребовать статью обратно и черезъ мою племянницу передать въ „Сѣверный Вѣстникъ", такъ какъ они давно просили у меня статьи; но съ непремѣннымъ условіемъ: ничего не выбрасывать, а напечатать подъ вашей корректурой такъ, какъ написано.

Простите великодушно, дорогой мой В. В., что я такъ надоѣдаю

вамъ, но я писалъ объ этомъ Эліасу, и отъ него тоже нѣтъ ни слова отвѣта.

673. Къ нему-же.

Парижъ, 6 октября 1896 г.

И такъ, вы сами ходили къ Стасюлевичу; это съ вашей стороны не только добродушно, но и великодушно, ибо я знаю, что вы неохотно ходите въ редакціи.

Какъ мнѣ быть теперь? Мой отъѣздъ откладывается, т.-е. я буду въ Петербургѣ не въ ноябрѣ, какъ предполагалъ, а въ декабрѣ, а тамъ праздники, Новый годъ—время не до чтенія. Такъ вотъ на что я рѣшаюсь: я не прочь уступить, если уступка касается дѣйствительно только мелочей, а не самой сути дѣла, но очень боюсь, чтобы маленькія перемѣны не превратились въ крупныя. Я тоже вполнѣ довѣряю М. М., его доброму отношенію ко мнѣ, но тѣмъ не менѣе я просилъ-бы написать мнѣ: въ чемъ именно состоятъ эти перемѣны, т.-е. маленькія уступки, которыя онъ хочетъ отъ меня „выторговать". Впрочемъ, я предоставляю это на ваше благоусмотрѣніе: стоитъ-ли объ этомъ вести переписку, или же лучше въ самомъ дѣлѣ подождать моего пріѣзда въ Петербургъ? Конечно, второе лучше, но повторяю—жаль, время уходитъ.

Продолженіе вашихъ статей продолжаетъ меня радовать: въ каждой изъ нихъ свой особенный интересъ, и очень большой; въ каждой чувствуется много человѣчности, да и сами факты говорятъ за себя. Я радъ, что вы освѣтили эти факты теплымъ свѣтомъ, а главное—что вы отдали дань каждому изъ нихъ по достоинству.

Въ заключеніе, мнѣ приходится убѣдиться, что гораздо отраднѣе говорить хорошее о хорошихъ людяхъ, чѣмъ дурное о скверныхъ. Увы! Не всегда, не всѣмъ это удается. Въ наше время идешь, какъ по непрочищенному лѣсу, гдѣ проза, меркантильность и пошлость зацѣпляютъ лицо, волосы, рвутъ полы, какъ острые сучья деревьевъ.

Я не зналъ, что и здѣсь я имѣю враговъ и недоброжелателей больше, чѣмъ друзей; они дѣлаютъ мнѣ, что могутъ, но жалки они! Если-бы не карманъ, я-бы стоялъ на тріумфальной аркѣ и хохоталъ-бы надъ всѣми.

Роль Боголюбова жалка, да на этотъ разъ, кажется, интрига ему не удалась. Но чортъ съ нимъ! Не хочу думать о нихъ, не хочу говорить и еще меньше писать.

674. Къ нему-же.

Парижъ, 6 (18) октября 1896 г.

Пишу вамъ всего только нѣсколько словъ, и то для того, чтобы высказать вамъ мой восторгъ по поводу вашей статьи, которая продолжается все съ той-же силою и увлеченіемъ. Послѣдняя такъ-же хороша, какъ и первая, полна интереса, жива и поучительна, да и самое содержаніе симпатично.

Но при всемъ томъ, вотъ что я хочу сказать вамъ. Вы частенько говорите мнѣ: „А когда вы начнете „Инквизицію?“ Въ отвѣтъ я спрошу у васъ: „А когда вы начнете свои „Записки?“ Я объ этомъ думаю всякій разъ, когда читаю ваши статьи (послѣднія). Мнѣ кажется, никогда вы не были такъ цѣльны, гармоничны по содержанію и формѣ, какъ въ послѣднее время, и никто не съумѣетъ разсказать настоящему и будущему поколѣніямъ столько интереснаго, какъ вы. Вы съумѣете сдѣлать то, чего другіе не съумѣютъ. Да, я думаю, я увѣренъ, что ваши „Записки“ будутъ настоящій вашъ памятникъ нерукотворный.

Такъ, ради Бога, беритесь за нихъ съ свойственной вамъ энергіей. Все то, что вы скажете о настоящемъ искусствѣ, т.-е. о больномъ времени, о больныхъ художникахъ, будетъ ничто въ сравненіи съ вашими „Записками“. Это говоритъ мой инстинктъ, да и мое знаніе, мое убѣжденіе.

Я все увлеченъ мелочью и это мѣшаетъ мнѣ взяться за настоящее дѣло, т.-е. за творчество. Но эту зиму я считаю переходной во всѣхъ отношеніяхъ. Главное—здоровье, а имъ я не могу похвастаться.

675. Къ графу И. И. Толстому.

Парижъ, 21 (9) октября 1896 г.

Съ тѣхъ поръ, какъ имѣю честь быть членомъ Императорской Академіи Художествъ, я получаю отчеты о ходѣ дѣла, о выборахъ и т. д. Конечно, я смотрю на это, какъ на благосклонное вниманіе—и только, ибо при всемъ моемъ желаніи когда-нибудь высказаться по тому или другому вопросу,—мнѣ рѣшительно нѣтъ возможности: для этого необходимо стоять близко къ дѣлу, жить въ Петербургѣ, хорошо знать, за кого подавать голосъ и за кого нѣтъ, необходимо притомъже высказывать свое мнѣніе лично, выслушивать возраженія, отстаивать свое и т. д., а дѣлать все это письменно—немыслимо.

На этотъ разъ меня просятъ высказаться за или противъ кандидатовъ въ почетные и дѣйствительные члены, такъ какъ архитекторы располагаютъ недостаточнымъ числомъ голосовъ.

Если на то пошло, то я долженъ сказать, что вообще число голосовъ недостаточно: дѣйствительныхъ членовъ всего 41, изъ нихъ 14 иногороднихъ, такъ что на-лицо остается 27, среди которыхъ 10 члены совѣта. Такимъ образомъ, для того, чтобы прошло какое-нибудь предложеніе Совѣта, имъ не хватаетъ всего только 4 голосовъ. Впрочемъ, я не желаю дѣлать изъ всего этого вопроса, а говорю только лишь „между нами“.

Недавно я писалъ вамъ по поводу берлинской выставки. Надняхъ я получилъ письмо оттуда; меня просятъ обратиться къ вамъ по поводу выставки, такъ какъ Россія принимаетъ въ ней оффиціальное участіе.

Противъ этого я-бы ничего не имѣлъ, но теперь рѣчь не о томъ, а о возстановленіи истины,—поэтому я и отвѣчалъ, что лишь послѣ

приглашенія и послѣ письма ихъ президента я послалъ имъ свою работу на ихъ историческо-юбилейную выставку, какъ членъ ихъ Академіи, и если тутъ вкралась ошибка, то прошу отослать мнѣ мои вещи обратно. Замѣчу, между прочимъ, что письма были получены мною давно, и тамъ ни слова не было о томъ, что Россія принимаетъ участіе на выставкѣ. Должно быть, тогда не былъ еще рѣшенъ этотъ вопросъ. Какъ-бы то ни было, я не могъ иначе поступить, какъ поступилъ. Что-же касается русскаго отдѣла, то, если угодно, я могу послать вещи отсюда, чтобы не причинять вамъ затрудненій. Поэтому убѣдительно прошу васъ, глубокоуважаемый графъ, поступить такъ, какъ вамъ покажется проще, удобнѣе и лучше, тѣмъ болѣе, что я равнодушенъ къ выставкамъ вообще. Я убѣдился, что онѣ приносятъ много больше горя, чѣмъ радостей.

Я теперь началъ новую работу, о которой мечталъ давно. Работа довольно сложная, но она увлекаетъ меня до того, что я чувствую себя бодрымъ и энергичнымъ среди разныхъ житейскихъ невзгодъ, которыя въ послѣднее время неотступно атакуютъ меня. Кромѣ того я заканчиваю двѣ мраморныя фигуры и, кажется, довольно удачно. Затѣмъ, надѣюсь, вы скоро увидите серебряную вещь на подобіе той, что я сдѣлалъ для В. К. Владиміра Александровича, но которая ничего общаго не имѣетъ съ ней. И такъ, всѣ заказы кончены, о чемъ я и не плачу. Между прочимъ, на досугѣ я написалъ статью объ искусствѣ.

Уже нѣсколько дней, какъ я не выхожу изъ дому—простудился, но теперь, слава Богу, это проходитъ, за то имѣю время писать, что и дѣлаю.

Только-что получилъ извѣстіе изъ Берлина, что эскизъ „Спиноза“ прибылъ разбитымъ, хотя онъ былъ уложенъ въ двухъ ящикахъ. Фатальность, ничего не подѣлаешь.

676. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 2 ноября 1896 г.

Я опять начинаю безпокоиться, что ни отъ васъ, ни отъ Эліаса ни слова. Какъ поживаете? Какъ Эліасъ поживаетъ? Это мнѣ главное. Я уже недѣлю въ Парижѣ, начинаю работать. Видно, что горы дѣйствуютъ на меня отвратительно; здѣсь я чувствую себя лучше.

Если будетъ подписка на памятникъ Надеждѣ Васильевнѣ, то надѣюсь, что вы сообщите и мнѣ.

Новостей у меня нѣтъ, никого я не видалъ, да и некого видѣть; къ Боголюбову не пойду, а остальные—маринованныя селедки и только.

Надѣюсь, что весною я покажу вамъ что-то новое, состоящее изъ небольшихъ вещей; но пока не надо говорить „гопъ“ раньше, чѣмъ перескочишь.

Правда-ли, что Боголюбовъ такъ хлопочетъ противъ меня ужъ совсѣмъ открыто? Въ такомъ случаѣ, не пора-ли стать мнѣ въ оборонительное положеніе, а то и въ наступательное? Вѣдь 8 лѣтъ, какъ

я все отступаю, а онъ все наступаетъ. И въ чемъ я ему мѣшаю, почему не даю ему спать? О, людишки!

677. Къ нему же.

Парижъ, 2 (14) ноября 1896 г.

Ваши письма всегда меня радуютъ. Еще-бы! Вы единственный человѣкъ, для котораго я что-нибудь да значу и который меня не забываетъ. Но послѣднее письмо ваше еще и тронуло меня. Я знаю васъ, ваше золотое сердце, знаю, что если-бы у васъ было время и возможность, то вы-бы аккуратнѣе отвѣчали на мои письма, и наша переписка имѣла-бы больше связи,—какъ когда-то, когда на каждый мой душевный вопросъ и треволненіе доносилось эхо изъ родной дали. Но то было давно; теперь жизнь, кажется, становится болѣе хлопотлива; я самъ въ послѣднее время какъ-то ужъ слишкомъ сталъ суетиться и волноваться, такъ что не имѣю возможности войти въ свою художественную скорлупу. Послѣ этого представляю себѣ, какъ васъ обступаютъ и тормошатъ съ разныхъ концовъ.

Про смерть Боголюбова и вы уже знаете подробно, и мнѣ прибавить нечего; лучше спрошу, какъ прошелъ юбилей Ропета. Я въ свое время послалъ ему телеграмму, получили-ли ее?

Вчера я прочелъ въ русской газетѣ, что 4 ноября исполнилось 25 лѣтъ дѣятельности И. Е. Рѣпина. Было что-нибудь по поводу этого? Я и ему послалъ письмо. Я радъ, когда радуются, когда празднуютъ и веселятся—тогда и проходящимъ и бѣднымъ родственникамъ что-нибудь достается.

На меня вдругъ сталъ спросъ въ Америкѣ и въ Англіи; по крайней мѣрѣ изъ трехъ редакцій у меня просятъ фотографіи, чтобы печатать ихъ, а у насъ, чего добраго, даже не перепечатаютъ ихъ.

Такъ вотъ истина: „Не ищи пророчества въ своемъ отечествѣ"; и какую непростительную ошибку я сдѣлалъ, что искалъ его именно въ Россіи и изъ-за Россіи пренебрегалъ всѣмъ міромъ!

678. Къ нему же.

Парижъ, 5 (17) ноября 1896 г.

У меня завелся еврейчикъ—разносчикъ русскихъ газетъ, и, ради поддержки коммерціи, я читаю, что онъ мнѣ подноситъ.

Такимъ образомъ, я узналъ про юбилей Рѣпина и, конечно, поспѣшилъ его поздравить. Далѣе, я прочелъ его печатное письмо, гдѣ много хорошаго, но не все...

И. Е. клевещетъ на самого себя, какъ всегда, во сто разъ больше, чѣмъ заклятые его враги.

Но за то, что онъ отказался отъ юбилея, за это хвалю его. Молодецъ! Что такое у насъ юбилей? Въ теченіе 25 лѣтъ такого-то травятъ, въ день именинъ его славятъ, а послѣ юбилея—опять травятъ, да еще форсированнымъ маршемъ.

„Недѣля“ въ своемъ послѣднемъ нумерѣ перечислила имена художниковъ, получившихъ золотую медаль. 25 лѣтъ тому назадъ, 4 ноября, получили ее: одинъ баварецъ, четыре русскихъ, одинъ полякъ и еще подписался—дуракъ! Почему онъ конфузился назвать еще одного протестанта (Ропета) да... о ужасъ!—еще одного жида (меня). Правда, 4 ноября я не получилъ золотой медали, но взамѣнъ—дипломъ академика. Нигдѣ въ Европѣ въ такихъ случаяхъ никому и въ голову не придетъ отмѣчать касты и вѣроисповѣданіе; а у насъ, повидимому, безъ этого нельзя даже на пирахъ, а на похоронахъ и подавно. А вѣдь „Недѣля“ еще одна изъ порядочныхъ газетъ.

Эліасъ мнѣ пишетъ, что вы собираетесь писать статью о Рѣпинѣ и обо мнѣ по поводу нашей 25-лѣтней дѣятельности. Надѣюсь, что вы настолько меня любите, что этого не сдѣлаете, тѣмъ болѣе, что я собираюсь къ вамъ. Чего добраго, подумаютъ, что я пріѣхалъ справлять свои именины! Но не въ людскихъ мнѣніяхъ тутъ дѣло, а въ томъ, что я теперь далекъ отъ всего этого. Въ моихъ „Воспоминаніяхъ“ я говорю, что я думалъ 25 лѣтъ тому назадъ о значеніи художника.

„.... Люди—это мои арфы; нервы ихъ для меня—струны; своимъ прикосновеніемъ я хочу пробудить въ нихъ любовь, чувство добра...“

Вы знаете, какъ я во многомъ разочаровался, хотя все-таки не отчаиваюсь.

Вотъ, когда мечты мои станутъ фактомъ, тогда я съ удовольствіемъ буду праздновать юбилей; а пока—не на нашей улицѣ праздникъ.

679. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, 5 (17) ноября 1896 г.

Пишу эти строки въ мастерской. Я только что пришелъ. Дома я оставилъ письмо для отправки къ тебѣ, а здѣсь мой еврейчикъ принесъ мнѣ цѣлую кипу газетъ, гдѣ говорится о Рѣпинѣ, и все объ одномъ и томъ же на разныя манеры. Я все еще не успѣлъ перечитать все, но въ общемъ возмутительно! Еще не успѣли стоптать башмаки, въ которыхъ шли поздравлять юбиляра, какъ тѣ-же люди набрасываются на того-же юбиляра, за то, что тотъ обмолвился словомъ. Да въ здоровомъ-ли они умѣ? И не правъ-ли я, что юбилей у насъ только пародія? Въ сущности мы и не умѣемъ праздновать и радоваться другимъ радостямъ, и не правъ-ли В. В., что онъ отказался отъ юбилея?

. . . .

Еще разъ повторяю это, въ случаѣ, если письмо мое будетъ напечатано.

680. Къ нему же.

Парижъ, 12 (24) ноября 1896 г.

Сегодня у васъ празднуютъ юбилей Ропета. Я получилъ письмо отъ В. В., который просилъ прислать ему къ этому дню телеграмму. Вчера я послалъ ее съ удовольствіемъ. Отчего бы нѣтъ? Я радъ, когда

люди радуются, обнимаются, а не кусаются. Дай Богъ всѣмъ хорошее, тогда и на нашу долю выпадетъ что-нибудь. А здѣсь былъ переполохъ: умеръ внезапно Боголюбовъ; ты знаешь наши отношенія, но смерть все покрываетъ, все забываетъ. Когда я узналъ о его смерти, то сердце защемило; жаль. Что у васъ новаго? На этой недѣлѣ былъ у меня здѣшній президентъ республики.

681. Къ В. В. Стасову.

Петербургъ, 29 декабря 1896 г. [1])

Только что проснулся я послѣ пира, и первымъ дѣломъ я взялся за перо, чтобы писать вамъ. Но я не буду выражать вамъ мое горячее чувство и мою глубокую, безпредѣльную вамъ благодарность; не буду потому, что не съумѣю, и потому, что вы знаете, какъ я горжусь вашей 30-лѣтней дружбой, тѣмъ больше вашей отцовской любовью ко мнѣ и заботливостью во имя русскаго искусства. Ваша любовь, ваша заботливость, ваша дружба—лучшая награда въ моей жизни, лучшая поддержка въ минуты невзгодъ и лучшій путеводитель въ моемъ дальнѣйшемъ пути. Повторяю—я горжусь дружбой такого великаго гражданина, какъ вы, носившаго въ себѣ такую великую душу, души котораго хватаетъ на всѣхъ и на все, что дорого русскому искусству и человѣчеству вообще. Но мнѣ хотѣлось сказать вамъ вотъ что: вчерашнее мое торжество было завоевано вами и завоевано побѣдоносно, со славой; это завоеваніе на поприщѣ скульптуры въ Россіи и моей скульптуры преимущественно. Я знаю, какъ апатично теперь относятся къ значенію искусства и къ скульптурѣ въ особенности. Я знаю, какъ относятся и ко мнѣ. Да кто я? Имя мое еврейское, фамилія польская, а паспортъ русскій. Имя мое многимъ, многимъ нелюбимо; фамилія моя никому не нужна; а паспортъ хорошъ, но для того, чтобы убраться куда-нибудь подальше. Среди такого настроенія трудно жить, труднѣе творить. Но нѣтъ, судьба бросила меня среди людей иного закала, среди людей такихъ, какъ вы и вамъ подобные; и вотъ среди васъ я воспитывался и возмужалъ. Вы-же учили меня любить и творить, и вы-же убѣдили меня, что все хорошее, свѣтлое, чѣмъ человѣчество такъ гордится, въ концѣ-концовъ, восторжествуетъ у насъ скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Это моя вѣра и мое убѣжденіе, съ этой вѣрой я живу и творю, съ ней же и умру.

Такъ вотъ кто вы и что вы для меня.

N. B. Сожалѣю, что вчера не съумѣлъ отвѣтить вамъ по достоинству.

682. Къ нему же.

Петербургъ, 9 января 1897 г.

Только-что увидѣлъ у Елены вашу фотографію въ русскомъ ко-

---

[1]) 28 декабря 1896 г., вечеромъ, въ Петербургѣ, въ большой залѣ Общества Поощренія Художествъ праздновался торжественный юбилей Антокольскаго.

стюмѣ, снятую на воздухѣ (кѣмъ?) [1]). Превосходно! Зависть беретъ меня, — почему у меня нѣтъ такой-же. Все, что могу сдѣлать, это— обратиться къ вамъ съ всепокорнѣйшей просьбою подарить и мнѣ такую фотографію.

Ну, какъ вы рѣшили насчетъ чтенія?

Если будете читать, то я долженъ сказать вамъ, что я, конечно, даю вамъ полнѣйшее carte blache—читать какъ вамъ угодно и какъ вамъ заблагоразсудится, по съ условіемъ, что чтеніе вамъ пріятно и по душѣ. Если-же, по какимъ-либо причинамъ, чтеніе вамъ не желательно, тогда, ради Бога, не обращайте вниманія на меня; ибо тутъ моя безконечная цѣль—вы и то, что вамъ пріятно.

683. Къ нему же

С.-Петербургъ, 29 января 1897 г.

Все то, что вы послали, я получилъ и отъ души благодарю. Я и безъ того хотѣлъ вамъ писать, или заѣхать къ вамъ, разсказать слѣдующее: случилась у насъ диковинка—Государь мнѣ заказалъ, а чиновники отказали. Теперь рѣчь идетъ ужъ не о четырехъ конныхъ статуяхъ [2]), а только о двухъ; не о заказѣ, а о желаніи, и поэтому это дѣло препровождается на обсужденіе министру внутреннихъ дѣлъ. По-моему, не па обсужденіе, а на похороненіе. Поэтому, я самъ откажусь отъ дѣла съ чиновниками и комиссіями, такъ какъ горькій опытъ убѣдилъ меня, что съ комиссіей никогда ничего путнаго не выходитъ. Я потерялъ заказъ, но спасу художественную честь; нельзя играть съ художникомъ, какъ съ пѣшкой. Да, тому, кто захочетъ меня проглотить, я въ горлѣ поперекъ стану.

Нѣтъ, дорогой другъ, не дамъ я себя зарѣзать, какъ барана руками пошлаго чиновника, лучше самъ на себя руки наложу, т.-е. откажусь отъ всего.

Вчера я видѣлъ X. [3]), онъ увѣряетъ меня, будто все это къ лучшему; но это значитъ только зубы заговаривать: Кабинетъ враждебно противъ меня настроенъ. Я напишу письмо куда слѣдуетъ, что я буду счастливъ работать по личному приказанію Его Величества, но отъ комиссіи прошу освободить меня.

А знаете, что они сдѣлали? Собрали справки: сколько стоили четыре конныя статуи, что на Аничковомъ мосту, и оказалось, что 5000 р. было заплачено гальваническому заведенію, 2000 р. за отливку изъ гипса, 300 р. за постановку. И они думаютъ, что это все, что статуи стоили!

Хороша наша улица, только ужъ больно ухабиста.

---

[1]) Эта фотографія была снята въ Парголовѣ (Старожиловкѣ) Эд. Эд. Форшъ.

[2]) Для моста Александра II.

[3]) Одинъ служащій въ Кабинетѣ Е. И. В.

684. Къ нему же.

Парижъ, 7 марта 1897 г.

Я прочелъ вашу статью о Ге, и знаете, что скажу вамъ—вы до сихъ поръ писали сильно, искренно и горячо, а тутъ, мнѣ кажется, вы являетесь точно стальнымъ прутомъ, выкованнымъ вашимъ горячимъ сердцемъ. Особенно нравится мнѣ первая половина. И вторая половина превосходна, но первая еще лучше. Честь и слава вамъ, дорогой В. В. Честь и слава намъ около васъ! Теперь мнѣ хотѣлось сказать вамъ то, чего я не могъ сказать лично: „Не дорогъ мнѣ вашъ подарокъ, а дорога ваша любовь. Вы для меня точно отецъ родной и сдѣлали въ сто тысячъ разъ больше, чѣмъ отецъ родной могъ-бы сдѣлать. За такія вещи не благодарятъ, но ихъ не забываютъ. Ихъ всегда вспоминаютъ съ благодарностью. Постараюсь и впередъ заслужить вашу любовь“.

Возвращаюсь къ вашей статьѣ. Я долженъ еще прибавить, что рѣдко какая-нибудь статья доставила мнѣ такое удовольствіе и читана была съ такимъ увлеченіемъ, какъ ваша.

Да хранитъ васъ Богъ для себя, для искусства и для насъ. Аминь!

P. S. Хотите знать что-нибудь обо мнѣ? Я самъ ничего не знаю; только теперь чувствую, до чего усталъ въ Петербургѣ за послѣднее время. Но я успѣлъ немного отдышаться, начинаю работать, т.-е. раскачиваюсь, но все это далеко еще не то, чего я желаю. О заказѣ конныхъ статуй—ни духу, ни слуху; да вообще ни отъ кого ни слова,—ни отъ близкихъ, ни отъ дальнихъ; поэтому я здѣсь уже скучаю попрежнему.

Не увидите-ли вы графиню Z? Можетъ-быть она съумѣетъ дать толчокъ этому дѣлу, главное, мнѣ-бы хотѣлось, чтобы вражда и невѣжество не восторжествовали.

Въ этомъ году Sàlon открывается мѣсяцемъ раньше обыкновеннаго. Когда я сюда пріѣхалъ, пріемъ вещей ужъ былъ прекращенъ, поэтому я не успѣлъ выставить тамъ свитокъ, который мнѣ поднесли [1]). Нѣкоторымъ знакомымъ я показалъ его. Очень нравится, особенно хвалятъ автора, т.-е. Ропета, за оригинальность.

Видѣлъ я здѣсь выставку русскихъ художниковъ, это—лягушки, желающія быть волами. Бѣдные! Но зачѣмъ поощрять, зачѣмъ лгать, что это Богъ знаетъ что! Несчастные газетчики!

685. Къ графу И. И. Толстому.

Парижъ, 22 (10) марта 1897 г.

Прежде всего я-бы желалъ выразить вамъ и глубокоуважаемой графинѣ мою сердечную благодарность за ваше всегдашнее гостепріимство и радушіе, которое я всегда нахожу въ вашемъ домѣ. Вѣрьте, я

[1]) Во время юбилея 1896 года.

всегда это цѣнилъ выше всего, тѣмъ болѣе, что сочувствія и искренняго отношенія въ наше время—меньше всего.

Что-же касается высылки статуи „Петра I" для выставки въ Копенгагенѣ, то лишь завтра она будетъ отправлена туда; только убѣдительно просилъ-бы я распорядителей выставки: беречь эту статую, во-первыхъ, потому, что это оригиналъ и единственный экземпляръ, а во-вторыхъ—она изъ гипса. Затѣмъ, желательно узнать, къ кому направить счетъ за провозъ и укладку?

Какъ поживаете, дорогой графъ? Очень желалъ-бы я, чтобы поскорѣе наступили каникулы и чтобы вы могли отдохнуть душою и тѣломъ отъ всего, что пережито вами за послѣднее время; но за то, надѣюсь, все приметъ раціональное положеніе.

Петербургъ и меня порядкомъ утомилъ, но отдыхать некогда: работаю статую покойнаго государя.

686. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 20 марта 1897 г.

Какъ поживаетъ Римскій-Корсаковъ? Говорятъ, что онъ былъ очень боленъ; я не выписываю русской газеты, чтобы не возбуждать моихъ возбужденныхъ нервовъ; но зато я живу точно на чужомъ островѣ, съ которымъ нѣтъ сообщенія. Дѣлать нечего, надо выписывать, а то вмѣстѣ съ гадостью я пропускаю и интересное.

Что у васъ новаго? Каковъ теперь художественный міръ? Говорятъ, что среди художниковъ теперь хуже, чѣмъ среди актеровъ и актрисъ; а тамъ, кажется, сфера не совсѣмъ здоровая. Тамъ личность, мелочи, дрязги, ничтожество въ порядкѣ вещей. Какъ это жалко и больно!

Какъ сами-то вы поживаете? У меня маленькая просьба къ вамъ. Представляю себѣ, сколько подобныхъ маленькихъ просьбъ вы получаете въ день. Дѣло вотъ въ чемъ! Мнѣ сказали, что вы хороши съ фотографомъ Левицкимъ; отъ него мнѣ нужно достать хорошую фотографію покойнаго государя, en face и въ профиль; притомъ нѣтъ-ли у него фотографіи съ императора въ день коронаціи? Да еще можетъ быть у него есть фотографія безъ ретуши? Лишнее сказать, насколько я буду вамъ благодаренъ. Конечно, о высылкѣ вамъ нечего хлопотать—это можетъ сдѣлать и самъ Левицкій; и я ему съ благодарностью возвращу, что это будетъ стоить.

На-дняхъ вышлю вамъ статейку противъ конкурсовъ, но гдѣ ее печатать?

687. Къ нему же.

Парижъ, 26 марта 1897 г.

Ваше письмо немало удивило меня и сильно огорчило. Да, въ самомъ дѣлѣ, мы живемъ въ такое ненормальное, раздражительное время, когда люди хотятъ другъ друга загрызть, и чѣмъ лучше человѣкъ, тѣмъ сильнѣе желаніе загрызть его.

Поступка Рѣпина не понимаю, не могу объяснить себѣ. По ради Бога, будьте къ нему великодушны, снисходительны, какъ всегда вы были ко всѣмъ. У Рѣпина, какъ у человѣка болѣе сильнаго, впечатлительнаго, отражаются сильнѣе современныя явленія, какъ въ зеркалѣ; онъ точно страдаетъ за себя и за всѣхъ болѣетъ, болѣетъ той-же общей болѣзнью, только въ сильнѣйшей формѣ. Вотъ почему къ нему надо подходить иначе, чѣмъ къ другимъ, иначе, чѣмъ когда-либо. Я все еще продолжаю вѣрить, быть убѣжденнымъ, что въ глубинѣ души онъ все тотъ-же, что и былъ, только теперь онъ платитъ жестокую дань времени. Поэтому, умоляю васъ, дорогой В. В., не принимайте къ сердцу его вспышку и не обращайте на это никакого вниманія. Повторяю,—я тутъ виню, только и только, болѣзненное проклятое время (чортъ-бы его побралъ скорѣе!!!). Время это—личное, эгоистическое, отсутствіе любви и интереса къ общему благу, или, подъ флагомъ общихъ благъ, каждый думаетъ только о себѣ. Поэтому все то, что мы называемъ „добромъ", „возвышенностью чувствъ" и проч. и пр.—все это постепенно съуживается и доходитъ до щелки, откуда нѣтъ выхода, нѣтъ и поворота. Тутъ каждый встрѣчается самъ съ собою, да самъ и въ разладѣ съ собою. Но будетъ.

Будьте только вы для насъ тѣмъ, чѣмъ были вчера, третьяго дня—тѣмъ-же здоровымъ, бодрымъ, добрымъ и великодушнымъ. Намъ необходимо бороться съ этой раздражительностью, а для этого первое условіе—самому не раздражаться. Не такъ-ли, дорогой мой В. В?

Очень вамъ благодаренъ за то, что вы переговорили съ графиней Z; я съ своей стороны напишу письмо графу Воронцову-Дашкову; но если меня не вызовутъ—не пріѣду ни за что! Я въ карты не играю—на авось не иду и живыхъ на мертвыхъ не кладу.

Въ прошломъ письмѣ я просилъ васъ насчетъ фотографій покойнаго государя, снятыхъ Левицкимъ. Навѣрное вы еще не видали его; а потому прошу васъ не забывать объ этомъ, т.-е. напоминаю вамъ среди массы вашихъ хлопотъ и занятій.

Илья писалъ мнѣ, что вы написали превосходную статью о выставкѣ, но я и „Новостей" не получаю.

Когда увидите Левицкаго, спросите его: нѣтъ-ли фотографіи государя въ царскомъ облаченіи, т.-е. во время коронаціи?

О себѣ не пишу потому, что не о чемъ писать.

Будьте здоровы.

Привѣтъ всѣмъ. Какъ поживаетъ Римскій-Корсаковъ?

688. Къ нему же.

Парижъ, 7 апрѣля 1897 г.

Ваши статьи о выставкѣ чрезвычайно мнѣ нравятся [1]), въ особенности первая; третьей я еще не читалъ—не получилъ; но главное,

[1]) Три статьи В. В. Стасова: «Пастырь добрый», напечатанныя въ «Новостяхъ» 18 марта, 23 марта и 4 апрѣля 1897 г. №№ 76, 81 и 93.

меня радуетъ то, что вы взялись за перо теперь, въ такое время, когда всѣ стоятъ и равнодушно смотрятъ, какъ искусство тонетъ. Больно и невозможно не кричать, толкать и будить всѣхъ, какъ на пожаръ.

Вы всегда это дѣлали съ успѣхомъ; надѣюсь, что то-же самое сдѣлаете и теперь, и столько-же успѣшно.

Больнѣе всего мнѣ—ссоры между художниками и между порядочными людьми вообще. Правда, художники не боги, и между ними происходитъ то-же, что вездѣ. Художники, какъ губка, всасываютъ все, и хорошее, и дурное, все въ большомъ количествѣ. (Я разъ это сказалъ одному человѣку, и тотъ напечаталъ въ отношеніи евреевъ, и выходитъ теперь, точно это не мои слова). Но все-таки, есть художники, которые видятъ лучше, дальше, дышатъ тѣми атомами, которые еще въ зародышѣ; словомъ, они—какъ ласточки, предвѣстники весны. Такъ неужели мы живемъ, такъ сказать, еще въ глубокой зимѣ, среди холода и стужи? Неужели нѣтъ и не чувствуется чего-то хорошаго, чего-то новаго, зарождающагося? Мнѣ кажется, что теперь время шевелить, толкать: „Встань, мужичокъ, весна на дворѣ". Надо указать на хорошее, доброе и справедливое—и я все вѣрю, крѣпко вѣрю, что масса людей потянется туда, какъ растеніе къ теплу. Но надобенъ такой человѣкъ, который могъ-бы это сдѣлать, котораго послушались-бы и которому довѣряли-бы. И такой человѣкъ—вы. И вы должны быть счастливы, что на вашу долю выпалъ такой важный удѣлъ. Но для этого я-бы желалъ прежде всего мира, мира и мира; желалъ-бы по возможности соединить художниковъ, дѣйствовать на нихъ, какъ на людей, которые нуждаются, чтобы ихъ обогрѣли, обласкали и соединили. Вотъ почему я не скрываю, что ваша ссора съ Рѣпинымъ мнѣ непріятна; онъ тоже, какъ всѣ художники, нуждается въ томъ, чтобы его пожалѣли, приласкали; онъ нуждается, можетъ быть, больше еще, чѣмъ другіе, потому что у него талантъ сильнѣе и натура болѣе чувствительная. Поэтому, какъ-бы больно онъ ни сдѣлалъ вамъ, все-таки, умоляю васъ, не относитесь къ нему съ досадой, и даже, если можно, ищите съ нимъ примиренія.

Это, мнѣ кажется, было-бы великолѣпно, великодушно, по-рыцарски—на что вы такъ способны! Вашъ поступокъ былъ-бы истинно отцовскимъ, скажу больше—патріотическимъ, потому что вы это сдѣлали-бы во имя искусства, и родного въ особенности, которое вы такъ любите.

Ради Бога, не сердитесь, что я рѣшаюсь говорить съ вами объ этомъ, но я тоже немножко люблю родное искусство. Строго говоря, вѣдь ваша ссора не личная (вы оба достойные люди), а принципіальная: просто люди говорили и не договорились, разсердились—и разошлись. Рѣпинъ пошелъ учить молодежь въ Академіи; трудно сказать, хорошо-ли это или дурно; вѣдь надо же кому-нибудь учить, надо-же у кого-нибудь учиться. Не было-бы ли то-же самое, если-бы онъ открылъ мастерскую внѣ Академіи? Значитъ, тутъ дѣло идетъ не о содержаніи, а о формѣ, т.-е. какъ онъ учитъ и гдѣ онъ учитъ. Но и тутъ не

сама Академія виновата: Академія сама по себѣ, какъ средство—превосходна; никогда частная Академія не дастъ тѣхъ удобствъ, что Академія художествъ даетъ. Само правительство даетъ 300,000 р. въ годъ, даетъ бѣднымъ субсидію, есть тамъ музеи, библіотека, учителя; и все даромъ или почти даромъ. При томъ-же, очень важно, чтобы ученіе происходило въ массѣ, среди многихъ—такимъ образомъ учиться лучше и скорѣе. И такъ, повторяю—Академія сама по себѣ, какъ рессурсъ къ образованію, очень хороша; бѣда только въ томъ, что она попадаетъ въ плохія руки, и, такимъ образомъ, какъ уже не разъ я высказывалъ, Академія становится скорѣе тормозомъ, чѣмъ двигателемъ. И такъ, причиной тутъ—опять люди, люди и только люди.

Я не знаю причины, почему Рѣпинъ пошелъ въ Академію, что именно побудило его: по всей вѣроятности, самыя лучшія намѣренія, какъ-же иначе?

Такъ вотъ, въ сущности, изъ-за чего вы разошлись. Повторяю, причина та, что вы недостаточно объяснились—и только. Теперь ясно, что вы были правы, что ваше пророчество сбылось, но опять потому только, что люди оказались людишками. Такъ надо-же противъ нихъ бороться или лѣчить ихъ.

Я пишу безъ разбора, лучше говоря—не обдумавши, лишь то, что Богъ на душу кладетъ, можетъ быть неладно, нескладно, можетъ быть тутъ много лишняго, а можетъ быть и много недосказаннаго. Я даже не хочу перечитывать того, что я написалъ; если что-нибудь рѣзко—простите; если я переговорилъ—убавьте; если, наконецъ, говорилъ, что вамъ не по душѣ—сердитесь на меня, возражайте, только простите.

689. Къ нему же.

Парижъ. Получено 7 мая 1897 г.

Я очень радъ, что вы затронули такой печальный вопросъ, какъ бѣгство молодыхъ художниковъ за границу. Посылаю вамъ объ этомъ мою замѣтку въ формѣ письма, адресованнаго къ вамъ. Если найдете его удовлетворительнымъ, то прошу исправить мои грамматическія ошибки и послать въ „Новости“. Я нарочно ничего не говорю о причинахъ этихъ горькихъ явленій; по-моему оно имѣетъ болѣе глубокій, горькій корень, чѣмъ это принято думать, но пусть другіе укажутъ, пусть заговорятъ о нихъ, и тогда, можетъ быть, скажу и свое, пока-же я только говорю о явленіяхъ.

Я очень благодаренъ вамъ за всѣ ваши хлопоты для меня, но къ сожалѣнію никакихъ фотографій до сихъ поръ я не получилъ, а жаль — я трачу понапрасну массу времени въ ожиданіи. Если-бы зналъ, что на это понадобится чуть-ли не трехмѣсячная переписка съ надоѣданіемъ еще добрымъ людямъ, тогда конечно самъ-бы озаботился во время моего пребыванія въ Петербургѣ. Мнѣ, главное, необходимъ рисунокъ (калькъ) формы трона царя Михаила Θеодоровича съ низкою спинкою, или Алексѣя Михайловича, не помню хорошенько, вы знаете, какая у меня плохая память, я готовъ перепутать свое собственное

имя. Потомъ мнѣ необходимъ рисунокъ царской мантіи, регаліи. Все это я думалъ навѣрное найти въ Публичной Библіотекѣ (въ Парижѣ), но какъ на грѣхъ тамъ происходилъ какой-то ремонтъ, и до сихъ поръ она была закрыта.

Я очень радъ, что Римскій-Корсаковъ здравствуетъ, и еще болѣе радъ, что онъ продолжаетъ творить такія чудныя вещи.

Очень благодаренъ вамъ за хлопоты и за то, что вы говорите по поводу конныхъ статуй, но я остаюсь при своемъ: не попросятъ—не поѣду, жаль времени, да и здоровья, обоихъ у меня мало. Что скажете про здѣшнюю катастрофу? Вотъ вамъ Ходынка въ Парижѣ [1])!

Про здѣшнее искусство поговорю въ другой разъ, въ этомъ году уровень очень низкій.

690. Къ нему же.

Парижъ, 3 іюня 1897 г.

Надѣюсь, что Эліасикъ давно передалъ вамъ мою статью для печати по поводу конкурса. Что скажете? Гдѣ печатать? Гдѣ вы порѣшите, тамъ и будетъ хорошо. Конечно, мнѣ-бы хотѣлось, чтобы она попала въ цѣль, т.-е., чтобы ее читали тѣ, къ кому она адресована, но это, повидимому, немыслимо: для этого надо писать въ противоположной газетѣ, въ родѣ „Новаго Времени"; но все-таки, надѣюсь, что гдѣ-бы она ни была напечатана, она, хоть слабо, но будетъ услышана.

Мнѣ жаль, что на мое письмо къ вамъ никто не отвѣтилъ, т.-е. мало обратили на него вниманія. Я даромъ поставилъ вопросительный знакъ; а между тѣмъ, это вопросъ, надъ которымъ можно было-бы призадуматься. Повторяю—онъ лежитъ гдѣ-то дальше и глубже Академіи художествъ. Впрочемъ, я уже вамъ писалъ объ этомъ.

И здѣсь, въ Парижѣ, въ искусствѣ количество заглушаетъ качество. Даже острая болѣзнь декадентовъ притупилась, и вмѣсто нея, или, вѣрнѣе, послѣ нея, выступила какая-то немощь: скульптура въ этомъ году такая, какой давно я не видалъ—точно на десять—двадцать лѣтъ она назадъ ушла.

Я хотѣлъ-было объ этомъ писать, но мнѣ кажется, что теперь и писать не стоитъ объ этомъ. Это будетъ голосъ вопіющаго въ пустынѣ. Теперь время не искусства. Да и писать мнѣ некогда—работаю, и въ работѣ, кажется, дѣлаю лучше. Лѣтомъ на досугѣ хочу написать большую статью.

691. Къ нему же.

Vevey. Послѣ лѣта 1897 г.

Пишу всего пару словъ, потому что совсѣмъ отвыкъ писать. Все лѣто никому не писалъ, никому не отвѣчалъ, потому что никто меня не спрашивалъ. Лѣто нехорошо провелъ: выборъ мѣстопребыванія былъ крайне неудачный; при этомъ были такія сильныя жары, что жирные

[1]) Пожаръ и гибель массы народа въ балаганѣ.

жарились, а худощавые сохли, да такъ, что не было мочи кричать. Теперь настала осень, прохладно, дѣятельность пробуждается, и я опять начинаю почесывать себѣ руки; все-таки остаюсь здѣсь еще дней 15, ибо началъ бюстъ,—съ натуры конечно, работать-же по карточкѣ не всегда мнѣ удается, для этого я слишкомъ нервенъ, да и для техники оно убійственно. Я выше сказалъ, что все лѣто не писалъ, за то придумывалъ сюжеты для работы. Прибываютъ сюжеты все новѣе, и лучше, и разнообразнѣе; словомъ, я захлебываюсь, какъ пьяница, который сидитъ въ чану съ водкой, съ завязаннымъ ртомъ.

Откликнитесь словечкомъ, какъ вы поживаете? Какъ проводите время и что подѣлываете?

692. Къ Ел. Павл. Антокольской.

Локарно, октябрь 1897 г.

Какъ видишь, мы все еще въ Locarno. Погода благопріятствуетъ намъ до того, что не хочется уѣзжать, хотя ѣхать необходимо. Пора начинать работать; о работѣ я началъ скучать, и это хорошій признакъ: значитъ я достаточно отдохнулъ. Мы пріѣхали сюда 10 сентября, хотѣли-было заѣхать сейчасъ въ нашу виллу, но погода тогда была ужасная, все дожди, которые держались 8 дней. Заѣхать въ виллу оказалось невозможнымъ. Все, что было сдѣлано чужими руками на деньги барона Гинцбурга, было поверхностно, плохо, неудобно и некрасиво. При этомъ, какъ домъ, такъ и садъ, и земля, 18 лѣтъ были въ запущеніи, и много рѣдкихъ растеній погибло, или было раскрадено. Словомъ, я началъ хозяйничать и увлекся этимъ. Это брало у меня много времени и не мало денегъ. И я не жалѣю, ибо жизнь въ полѣ, съ работой, была для меня лучшимъ лѣкарствомъ. Конечно, какъ иностранецъ неопытный, я много переплатилъ лишняго, но и объ этомъ я не жалѣю. Вилла по своему мѣстоположенію и красотѣ—лучшая въ Locarno. Жаль только, что она немножко далеко и стоитъ почти особнякомъ отъ города. Ходьбы къ ней 45 минутъ, а ѣзды—15; есть и удобное сообщеніе—желѣзная дорога. Домъ самъ по себѣ небольшой, съ небольшими комнатами, но мы устроили его уютно, какъ разъ для насъ. Правда, нѣтъ комнатъ для друзей, но надѣюсь—на будущій годъ и это будетъ. Пока-же приводимъ въ порядокъ то, что есть и что необходимо.

У насъ есть виноградъ, груши, яблоки лучшаго сорта, есть и персики, фиги, но все это, повторяю, было въ запущеніи. Деревья больны, виноградники запущены. Домъ этотъ стоитъ на высотѣ склона горы, подниматься къ нему надо зигзагами, но есть очень хорошая дорога, которая стоила больше, чѣмъ домъ, и теперь, чтобы привести одну дорогу въ порядокъ, необходимо 3—4000 франковъ. Прибавлю къ этому, что воздухъ здѣсь очень здоровый, отсутствіе лихорадки; оно совершенно защищено отъ сѣвера, розаны растутъ круглый годъ, такъ что для зимы это счастливое мѣсто для такихъ, которые нуждаются въ этомъ. Наша же вилла и въ климатическихъ условіяхъ лучше, чѣмъ

другія здѣсь: въ ней зимою теплѣе, а лѣтомъ немного прохладнѣе. Я очень удивляюсь, что такой благословенный уголокъ мало, относительно, посѣщаютъ. Русскіе доктора, живущіе въ Парижѣ и когда-то жившіе здѣсь, совершенно справедливо сказали, что здѣшній климатъ лучше Ниццы и Каннъ. При этомъ, гостиница здѣсь образцовая и относительно очень недорогая; вообще жизнь здѣсь дешева. Не знаю, какъ каждый годъ, но въ эту осень, вотъ въ теченіе 6 недѣль, было 3—4 дождя, остальное время стояла божественная погода. Я сейчасъ пишу съ открытыми ставнями, т.-е. окнами, и съ опущенными шторами, отъ жары; ѣзжу каждый день на лодкѣ по озеру подъ бѣлымъ зонтикомъ. Такъ вотъ откуда пишу тебѣ, милая Елена.

Въ послѣднее время, во французскихъ и англійскихъ газетахъ заговорили обо мнѣ, появились разныя иллюстраціи съ моихъ работъ. Статуя покойнаго Государя имѣетъ здѣсь успѣхъ и появилась въ лучшей иллюстраціи. Въ общемъ хорошо, но сходство и выраженіе исковерканы. Всѣ шлютъ тебѣ поклоны.

693. Къ И. Я. Гинцбургу.

Locarno, октябрь 1897 г.

Твои оба письма я получилъ, они очень интересны. Что графъ Толстой напишетъ и объ искусствѣ нѣчто замѣчательное, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній, и всѣмъ, кого только интересуетъ искусство, остается только радоваться, что онъ заговоритъ про него; но что можно будетъ поспорить о его выводахъ, объ этомъ тоже нѣтъ сомнѣнія. Я давно замѣтилъ, что каждый читаетъ, что хочетъ, понимаетъ, какъ хочетъ, пишетъ обо всемъ и раньше всего о себѣ, и видитъ все и всюду сквозь себя. Поэтому, нѣтъ сомнѣнія, что и графъ Толстой и во взглядѣ на искусство останется прежде всего моралистомъ. Его взглядъ на ренессансъ, на современное искусство, какъ ты мнѣ передаешь,—вѣренъ, но это не новость. Про импрессіонистовъ тоже и даже твой покорнѣйшій слуга три года тому назадъ, описывая здѣшній „Салонъ", говорилъ: „Сумасшедшіе правы" и т. д. Но что интереснѣе всего, это, что теперь всѣ стали писать объ искусствѣ, а это, по-моему, плохой признакъ. Гдѣ начинается сомнѣніе, тамъ кончается любовь, а гдѣ кончается любовь, тамъ нѣтъ и искусства. Французы говорятъ: „Кто не любитъ слишкомъ, тотъ не любитъ достаточно". Это самое можно цѣликомъ перенести и на искусство. И дѣйствительно, странно: чѣмъ лучше разсуждаютъ объ искусствѣ, тѣмъ хуже становится само искусство. Ты пишешь, что и В. В. пишетъ объ искусствѣ. Мнѣ передали, что и Рѣпинъ пишетъ. Наконецъ, и я пишу—такъ вотъ сколько людей пишутъ, а толку-то мало! Впрочемъ, я крѣпко вѣрю въ будущее и сильно разочарованъ въ настоящемъ.

694. Къ графу И. И. Толстому.

Locarno, 18 октября 1897 г.

На-дняхъ императорскій фарфоровый заводъ обратился ко мнѣ

съ предложеніемъ: сдѣлать для нихъ бюстъ покойнаго Государя. Не знаю, можетъ быть мой инстинктъ меня обманываетъ, но мнѣ кажется, что въ этомъ виноваты вы. Мой курсъ на родинѣ все падаетъ: повидимому меня не хотятъ ни подъ какимъ соусомъ, а обращаются ко мнѣ уже тогда, когда конкурсы не помогаютъ, или по приказанію. Какъ-бы то ни было, работы у меня почти нѣтъ никакой, а силы необходимы: корабль, который я тащу,—довольно грузный. Но это, откровенно говоря, мало меня сокрушаетъ; иногда своя работа, по своему собственному вдохновенію, лучше еще оплачивается, да и по художеству куда лучше. Но есть у меня сюжеты, которые не могутъ быть выполнены безъ заказа. Таковъ, между прочимъ, былъ и портретъ покойнаго Государя, за что я очень благодаренъ вамъ, за дружеское вниманіе.

Рѣшительно не знаю, кто написалъ замѣтку по поводу этой статуи въ „Фигаро". Я приказалъ: никого не впускать въ мою мастерскую, а желающіе должны были спросить раньше меня, но подобныхъ охотниковъ, конечно, мало.

Здѣшняя „Иллюстрація" обратилась ко мнѣ съ просьбой: позволить напечатать въ своемъ журналѣ мою статую. Я далъ позволеніе, и теперь каюсь: я думалъ, что эта статуя будетъ издана болѣе тщательно и менѣе торопливо. Въ общемъ вышло хорошо, но оказалось—исковеркано. Я позволилъ сдѣлать эту глупость, думая, что Великій Князь давно успѣлъ показать фотографію, которую послалъ ему болѣе трехъ мѣсяцевъ тому назадъ.

Не знаю, какъ Великій Князь нашелъ мою работу, такъ какъ я получилъ просимую сумму и—больше ничего. Правда, я работаю за деньги, но не исключительно за деньги. (Прошу, чтобы это осталось между нами).

О себѣ мало имѣю сообщить. Какъ видите, дорогой графъ, я все еще балуюсь. И какъ хорошо здѣсь! Все еще ходятъ подъ бѣлыми зонтиками, катаются по озеру; на конькахъ пора, давно пора ѣхать, а природа удерживаетъ, можетъ быть и хорошо: я давно уже сказалъ, что человѣкъ возмущаетъ, музыка возбуждаетъ, но природа успокаиваетъ.

Въ этомъ году я возился съ Villa Baronata—мѣсто прекрасное для баловства, т.-е. для отдыха. Видъ чудный, но она была запущена, заброшена; въ теченіе 19 лѣтъ никто тутъ не жилъ; поэтому, вмѣсто того, чтобы съэкономничать, я сдѣлалъ провалъ въ карманѣ; за то я возился съ рабочими, и это было для меня лучшей наградой: я отдохнулъ душою и тѣломъ и теперь сгораю нетерпѣніемъ работать.

Какъ поживаетъ ваше капризное дѣтище—Академія? Думаю, что у васъ не мало возни. Кроты не дремлютъ, но думаю также, что у васъ достаточно тактики и присутствія духа, чтобы перешагнуть черезъ всѣ препятствія.

Читалъ я статью Рѣпина, отчасти адресованную ко мнѣ, съ чѣмъ имѣю честь поздравить его. Я хочу сдѣлать ему большую непріятность—не отвѣчу ему и сдержу слово. Но откуда онъ взялъ, что я противъ Академіи? Нѣтъ, я противъ плохихъ людей, а это далеко не одно и то же. Ахъ, зачѣмъ онъ пишетъ?

695. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 10 ноября 1897 г.

Мой всегдашній адресъ Paris, Avenue Marceau, 71, другого адреса я не даю вамъ, потому что мое лѣтнее передвиженіе бываетъ различно. Вы жалуетесь, что противъ васъ столько подлости, мерзости выдвигаютъ, мнѣ кажется, что мы оба пьемъ изъ той-же горькой чаши. Просто иной разъ не вѣрится, чтобы люди могли такъ скоро мѣняться, чтобы прозаическій кулакъ такъ прошибъ ихъ хрупкія душонки.

Вы хотите отвѣтить на статью Рѣпина. Ради Бога, не дѣлайте этого. Онъ поступилъ противъ васъ, какъ противъ родного отца; если онъ этого не понимаетъ и не чувствуетъ, то будьте выше его.

Подобная полемика—не обыкновенная полемика, а полемика сына съ отцомъ. Онъ за это достоинъ не отвѣта, а чего-то большаго; но во всякомъ случаѣ, лучшее наказаніе—не отвѣчать ему.

Пріѣхавши сюда, я нашелъ карточку Д. В. Очень, очень сожалѣю, что не имѣлъ удовольствія видѣть его, что онъ не видалъ мои послѣднія работы вообще, и статую покойнаго Государя въ особенности. Эта статуя имѣетъ здѣсь большой успѣхъ; къ сожалѣнію, она появилась въ здѣшней „Иллюстраціи" въ исковерканномъ видѣ, относительно сходства и выраженія. Сожалѣю объ этомъ тѣмъ болѣе, что въ этомъ я самъ виноватъ. А наша добропорядочная публика и художники обрадовались, повидимому, этому, и по гравюрѣ критикуютъ статую. По крайней мѣрѣ, такъ пишутъ мнѣ изъ Петербурга.

Завтра снимаю новую фотографію, у Брюно, довольно большихъ размѣровъ и, если выйдетъ удачно, вышлю вамъ, а то и самъ привезу. Но когда пріѣду въ Петербургъ—не знаю навѣрное. Думалъ быть въ декабрѣ, но, по всей вѣроятности, отложу до поста.

Я теперь началъ статую Императора Александра II, стоячую, въ шинели. Мнѣ хотѣлось-бы сдѣлать его въ костюмѣ лейбъ-гвардейскаго полка, такъ какъ шинель будетъ открыта. Какъ посовѣтуете мнѣ? Т.-е. будетъ-ли это правдиво? Пожалуй, можно сказать, что онъ никогда не носилъ этого костюма: въ самомъ дѣлѣ, на фотографіяхъ, которыхъ у меня много, шинели не видно; а между тѣмъ, это придаетъ ему нѣчто рыцарское. Я началъ безъ предварительнаго эскиза, немножко смѣло, но вы знаете, какъ я не люблю эскизовъ. По-моему, это значитъ два раза творить, а это немыслимо, какъ два раза родить одного и того же ребенка.

Не знаю, что было сказано въ печати по поводу статьи Рѣпина,—я давно не получалъ газетъ, и ни отъ кого ничего не получилъ по этому поводу. Это, можетъ быть, и хорошо—должно быть щадятъ мои нервы.

696. Къ графу И. И. Толстому.

Locarno, 16 ноября 1897 г.

Если В. К. Георгій Михайловичъ еще не показалъ фотографіи Государю, то я постараюсь выслать другую, потому что статуя вышла

изъ гипса лучше, чѣмъ была изъ глины, и я преспокойно смотрю моимъ противникамъ прямо въ глаза: здѣсь статуя имѣла большой успѣхъ.

Я былъ у В. К. Владиміра Александровича два раза, и оба раза, къ сожалѣнію, не могъ видѣть его—не засталъ; хотѣлъ быть и въ третій разъ, но не могъ, потому что простудился, хотя погода чудная, а впрочемъ я не люблю гоняться за счастьемъ: больше люблю, когда счастье гонится за мной, а жаль—очень желалъ-бы показать ему статую!

Гдѣ теперь находится статуя моя „Петръ I", которая была выставлена въ Копенгагенѣ? Выставка, навѣрное, давно закрыта, а статуи обратно я не получилъ—хорошъ порядокъ тамъ! У меня спрашивали цѣну и—все. Вообще, въ этомъ году много у меня спрашиваютъ, и этимъ кончается. Никогда ничего подобнаго со мною не бывало.

Я теперь начинаю работать статую Императора Александра II. Это моя любимая статуя, и—кто знаетъ—можетъ-быть, и послѣдняя въ этомъ родѣ, ибо если со мною будутъ поступать, какъ поступаютъ, то я вынужденъ буду перемѣнить свою обстановку и удалиться куда-нибудь подальше отъ всѣхъ, конечно, во имя искусства. Простите великодушно, что я безпокою васъ мелочами, тѣмъ болѣе, что я знаю, что васъ безпокоятъ и безъ меня.

Замѣчанія министерства Двора.

4 ноября 1897 г.

На представленномъ для цензуры въ министерство Императорскаго Двора снимкѣ съ скульптуры Антокольскаго, изображающей въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, замѣчается:

1) отсутствіе сходства, какъ въ фигурѣ и позѣ, такъ, и въ особенности, въ чертахъ лица;

2) при изображеніи мундира не помѣщено шитья на воротникѣ;

3) не изображены ордена, носимые на груди;

4) не точно и не согласно съ дѣйствительностью изображенъ скипетръ, который къ тому-же погнутъ;

5) на порфирѣ виднѣются рисунки нѣсколькихъ малыхъ государственныхъ гербовъ, тогда какъ особенность хранящейся въ Оружейной Палатѣ порфиры въ Бозѣ почившаго Императора Александра III состояла именно въ томъ, что почти во всю длину порфиры было вышито лишь одно большихъ размѣровъ изображеніе государственнаго герба;

6) драпированіе порфирою спереди мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности и характеру этой императорской регаліи;

7) рисунокъ нижней части трона не имѣетъ ничего схожаго съ престоломъ царя Михаила Ѳеодоровича, на которомъ возсѣдалъ въ дни Св. Коронованія 1883 г. въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ III, и

8) самый замыселъ композиціи едва-ли можетъ быть признанъ удачнымъ: если это есть точная передача одного изъ коронаціонныхъ моментовъ, то при скипетрѣ и державѣ непремѣнно должна была-бы

быть возложена на главу и Императорская Корона, а черты лица слѣдовало-бы изобразить болѣе молодыми; если-же коронаціоннымъ одѣяніемъ имѣлось въ виду выразить идею самодержавія, то казалось-бы, что эта идея недостаточно воплощена какъ въ позѣ, такъ и въ аксессуарахъ.

697. Къ графу И. И. Толстому.

Locarno, 5 ноября 1897 г.

Пишу вамъ наканунѣ отъѣзда въ Парижъ. Уѣзжаю отсюда съ пустымъ карманомъ и пустой головой. Здѣсь было хорошо, но ужъ больно меня обобрали. Что-же дѣлать? Можетъ-быть, Богъ милостивъ—опять дастъ. Я не устаю отъ работы, а устаю отъ исканія ея. Какъ только пріѣду въ Парижъ, начну статую Александра II. Ужасно сожалѣю, что статуя появилась въ печати, но дѣлать нечего: „что перомъ напишешь, того топоромъ не вырубишь“. Вотъ воистину бѣсъ попуталъ: кажется, всегда неохотно даю свои работы въ печать, а тутъ далъ! Въ „Фигаро“ была, вѣрно, перепечатка изъ здѣшней „Иллюстраціи“.

То, что толпа говоритъ, меня мало безпокоитъ—вѣдь правда возьметъ верхъ; но я главное жалѣю, что я васъ, дорогой графъ И. И, поставилъ этимъ въ ложное положеніе, да отчасти и Великаго Князя Георгія Михайловича. Право, уже не знаю, какъ поправить ошибку—Бога ради помогите!

Представляю себѣ, дорогой графъ, сколько трудностей приходится переживать вамъ—возиться съ звѣринцемъ, гдѣ попадаются разные звѣрьки, и добрые, и злые, и хитрые, но, Бога ради, идите широкой дорогой, иначе могутъ васъ завести Богъ знаетъ куда. Я знаю, что гораздо легче совѣтовать, чѣмъ дѣлать, и будь я на вашемъ мѣстѣ, Богъ знаетъ, какъ я правилъ-бы, но, дорогой графъ, вы до сихъ поръ выказывали столько умѣнья, такта и доброты, вы такъ уже знаете всѣхъ, и столько уже повозились со всѣми, что васъ ничто не должно ни пугать, ни раздражать. Пусть каждый дѣлаетъ то, что можетъ, къ чему чувствуетъ призваніе, пусть интриганы интригуютъ, мелкіе пусть путаются въ мелочахъ, а честному человѣку—идти своей дорогой.

Я лично мало вѣрю въ людей настоящихъ, но за то крѣпко вѣрю въ будущихъ, именно потому, что въ концѣ-концовъ каждый найдетъ то, что искалъ, и каждый найдетъ то, что заслужилъ. И такъ, не обращайте вниманія на комаровъ, щадите себя, старайтесь смотрѣть на все съ улыбкою, спокойно. Этимъ вы достигнете того, что ослабите вашихъ недоброжелателей. Простите, дорогой графъ, что я такъ навязываю вамъ свои совѣты, но моя цѣль — это желаніе вамъ добра. Жаль, очень жаль, что я не могу быть теперь въ Петербургѣ, чтобы лично побесѣдовать съ вами отъ души. Надѣюсь быть у васъ въ декабрѣ и, надѣюсь, не надолго. Пріѣду, конечно, не отъ удовольствія, а по необходимости.

Скоро должна появиться моя статейка по поводу конкурсовъ. Какъ

видите, дорогой графъ, и я тоже пишу. Хорошо-ли я дѣлаю? У меня и безъ того масса недоброжелателей, меня и безъ того не любятъ.

Впрочемъ, та-же статья выйдетъ и на французскомъ языкѣ въ здѣшнихъ журналахъ.

Боюсь, что опять неловкость сдѣлалъ, но одна ошибка ведетъ всегда за собой другую. Дѣло вотъ въ чемъ: увидавъ, какъ плохо издана статуя Императора Александра III, я послалъ директору императорскихъ фарфоровыхъ заводовъ фотографію. Боюсь: можетъ-быть, я сдѣлалъ нехорошо, но лучше скажу: „обожжешься на горячемъ, дуешь потомъ и на холодное".

698. Къ Ел. Павл. Антокольской.

Парижъ. Получено 30 ноября 1897 г.

Наконецъ я здѣсь и уже работаю. Статуя императора Александра III имѣла здѣсь большой успѣхъ; къ сожалѣнію, фотографія не совсѣмъ передаетъ впечатлѣніе оригинала, а гравюра съ нея скорѣе каррикатура по сходству и выраженію, а наша публика и художники судятъ по ней. Я сдѣлалъ ошибку, что позволилъ гравировать ее, но прошлаго не воротишь. Впрочемъ я возьму свое. Статья Рѣпина дала очень печальные результаты. Онъ самъ въ такихъ случаяхъ всегда охотнѣе обвиняетъ всѣхъ во всемъ, чѣмъ себя, въ отвѣтъ на это конечно не трудно указать ему, какъ онъ ошибается и противорѣчитъ самому себѣ, но я не буду отвѣчать. Не знаю, что другіе говорятъ, объ этомъ никто мнѣ не пишетъ ни слова.

Въ минуты досуга черкни словечко. А что твоя скульптура?

699. Къ И. Я. Гинцбургу.

Получено 15 декабря 1897 г.

Ужасно огорчили меня твои извѣстія о смерти прекрасной, доброй женщины, Ю. П. Пыпиной [1]). Ужасно жаль, что однимъ добрымъ, сердечнымъ человѣкомъ меньше стало на свѣтѣ. А ихъ вѣдь и безъ того такъ мало стало. Жизнь сдѣлалась только рядомъ тяжелыхъ боевъ, а въ насмѣшку, вознагражденіе—смерть.

Пожалуйста, поблагодари добраго графа Ив. Ив. за его сердечное отношеніе ко мнѣ. Я писалъ къ нему, но жалѣю, что писалъ въ такомъ раздраженномъ настроеніи. Впрочемъ есть чѣмъ раздражаться.

Я теперь значительно успокоился, но не совсѣмъ. Мои противники какъ нарывы: выдавишь ихъ въ одномъ мѣстѣ, они выскочатъ въ другомъ. А я усталъ бороться съ ними, на это уходитъ все мое здоровье, и я рѣшился разъ навсегда выяснить мое положеніе. Я вижу, что отъ меня хотятъ закрыть всѣ дороги, но безъ боя я не

[1]) Супруга академика Ал. Ник. Пыпина.

НЕСТОРЪ.
Статуя. Парижъ. 1889.

дамъ себя проглотить. Мнѣ не предлагаютъ работы, моихъ работъ не пріобрѣтаютъ, да еще стараются отнимать то, что другіе даютъ. И это оттого, что я хочу идти прямолинейно, не раболѣпствовать, оттого, что смотрю на искусство не какъ подрядчикъ и не дѣлюсь добычею. Другой вины за собой я не знаю и, повторяю, я дошелъ до такого положенія, что мнѣ необходимо его выяснить во что-бы то ни стало.

Поступокъ цензуры былъ столько-же возмутителенъ, сколько и грубо невѣжественъ, и какъ грубые, невѣжественные люди, они не могли даже скрыть свое тенденціозное невѣжество: это было въ своемъ родѣ какъ будто увѣреніе, что четыре конныя статуи, тѣ, что на Аничковскомъ мосту, стоили всего 7000 рублей. А вѣдь хорошо, что я имѣю прямое дѣло съ В. В., хорошо, что среди стоитъ графъ, иначе что подѣлаешь, когда только подобное невѣжество торжествуетъ. Ты говоришь, что В. В. хотѣлъ скопировать мое письмо и послать его въ цензуру. Я думаю, что это было-бы недурно, не только лично для меня, но и для искусства вообще, а то, чего добраго, у насъ создастся новая цензура подъ особенной рубрикой „цензура художественной критики". Я-бы тебѣ охотно выслалъ копію съ письма, которое послалъ В. В., но боюсь, что это будетъ не совсѣмъ ловко съ моей стороны. Но я собираюсь послать В. В. нѣкоторые документы на храненіе; въ томъ числѣ и это будетъ, будетъ оригиналъ, дурацкая критика цензора и мой отвѣтъ. Но вотъ что крайне желательно знать, какими матеріалами пользовалась цензура, фотографіей или иллюстраціей.

Я все собираюсь писать В. В., но видишь, какими дѣлами я занимаюсь: воюю съ комарами. Его статья [1]) мнѣ чрезвычайно нравится по своей спокойной логикѣ, убѣдительности и справедливости. Во всемъ томъ, что касается лично до него, В. В. былъ сто разъ правъ; онъ притомъ поражаетъ своимъ спокойствіемъ. Что-же касается искусства, т.-е. перехода Рѣпина, то это такая печальная, безотрадная исторія, что я остаюсь при своемъ мнѣніи. Тутъ приходится его скорѣе сожалѣть. Повторяю, В. В. правъ, сто разъ правъ. Но вѣдь это фатальная и, прибавлю, повальная болѣзнь у насъ, что всѣ выдающіеся художники не выдерживаютъ дольше полжизни, а потомъ они измѣняютъ себѣ: кто спивается, кто умираетъ отъ чахотки, а кто отъ пули. Объ этомъ я уже говорилъ печатно въ статьѣ по поводу Ге. Послѣ этого, нечего удивляться, что и Рѣпинъ сталъ такимъ; жизнь, проклятая жизнь художниковъ среди дикости—вотъ что крутитъ людей.

Я работаю статую Александра II; больше ничего нѣтъ.

700. Къ Ел. Павл. Антокольской.

Парижъ, 16 декабря 1897 г.

Не знаю, извѣстно-ли тебѣ, что цензура при министерствѣ Двора раскритиковала статую Императора Александра III въ пухъ и прахъ—

---

[1]) Статья: «Просвѣтитель по части художества», «Новости», 7, 21 и 25 ноября 1897 г., №№ 307, 321 и 325.

и такъ грубо, одностороние, безъ знанія дѣла! Мнѣ оставалось только хохотать... Къ сожалѣнію, у насъ вообще такъ мало понимаютъ искусство, а скульптуру въ особенности, что самое нелѣпое сужденіе находитъ отголосокъ, тѣмъ болѣе противъ меня, у людей, для которыхъ я бѣльмо на глазу, хотя въ сущности никому зла я не дѣлаю, ни у кого хлѣба не отнимаю,—просто не любятъ меня, потому что уже слишкомъ меня иные хвалятъ. Конечно, цензурной критикѣ я далъ отпоръ, и я вѣрю крѣпкою вѣрою въ Бога, что и они останутся посрамленными, какъ это случалось до сихъ поръ со всѣми тѣми, кто хотѣлъ осрамить меня.

Что-жe касается до самой статуи, то она значительно выиграла, будучи отлита изъ гипса; слѣдовательно, изъ мрамора будетъ еще лучше, и на всякаго, кто ее видѣлъ, статуя производитъ сильное впечатлѣніе.

Что насчетъ „Мефистофеля?“ Цѣну ты спрашивала: для кого? Думаю, что и изъ этого ничего не выйдетъ; вѣдь на кого Богъ, на того и люди!.. Что дѣло съ изданіемъ?

Я теперь работаю надъ статуей императора Александра II (для барона); дѣло идетъ очень успѣшно, и я удивляюсь, отчего онъ не высылаетъ мнѣ денегъ. Такъ вотъ, какъ видишь, мое письмо не совсѣмъ веселое, какъ моя жизнь вообще.

Не вѣрю, чтобы это была участь всѣхъ мало-мальски выдающихся людей; мои товарищи, мои собратья по искусству далеко не переживаютъ того, что я переживаю. Моя вина состоитъ въ томъ, что я родился евреемъ-скульпторомъ, честнымъ и среди русскихъ. Идти прямолинейно, не сгибая спины—трудно! А ты въ особенности пиши скорѣе.

701. Къ гр. И. И. Толстому.

Парижъ, 12 (24) января 1898 г.

Я опять начинаю безпокоить васъ, но что дѣлать? Навѣрное я не единственный. На этотъ разъ—по поводу устройства выставки въ Парижѣ. Вы знаете теперешнее мое положеніе, но я нисколько не унываю, напротивъ: я не перестаю уповать прежде всего на Бога, а затѣмъ на мои работы, поэтому я дѣлаю теперь все, что въ моихъ силахъ сдѣлать, чтобы выступить передъ публикой въ надлежащемъ видѣ. Все то, что было выставлено въ Петербургѣ, будетъ повторено въ мраморѣ и бронзѣ, кромѣ того будетъ прибавлено сюда то, что я сдѣлалъ послѣ выставки и, наконецъ, и главное—большой барельефъ, на который я особенно разсчитываю.

Помимо всего этого, я-бы хотѣлъ издать часть моихъ работъ въ уменьшенномъ видѣ. Словомъ, я собираюсь сдѣлать большія жертвы, но для этого мнѣ необходимо помѣщеніе. Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы мои работы были концентрированы въ одномъ мѣстѣ; притомъ, для большого барельефа необходимо особое боковое освѣщеніе и, конечно, я крайне желалъ-бы, если только возможно, имѣть отдѣльную залу, а въ крайнемъ случаѣ отдѣльный павильонъ, гдѣ-нибудь рядомъ. Поэтому

я и осмѣливаюсь адресоваться къ вамъ, какъ къ президенту художественнаго отдѣла, и глубоко убѣжденъ, что я и теперь, какъ прежде, найду поддержку и что вы сдѣлаете все возможное какъ для меня, такъ и для искусства вообще.

Я очень, очень благодаренъ вамъ, что вы такъ поступили съ фотографіей покойнаго государя. Я теперь работаю статую императора Александра II. До сихъ поръ все идетъ хорошо. Какъ только кончу, я приступаю къ барельефу, о которомъ мечтаю давно. Я хотѣлъ быть теперь въ Петербургѣ, но не лучше-ли будетъ—во время поста? Когда, Богъ дастъ, мы свидимся, я разскажу вамъ обо всемъ гораздо больше лично, чѣмъ на письмѣ.

702. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, апрѣль 1898 г.

Спѣшу успокоить тебя, что всѣ сдѣлаютъ для тебя все возможное и что твои вещи будутъ выставлены хорошо. Никогда не было такой выставки какъ теперь, никогда люди не выказались такими великими и малыми какъ теперь, никогда (между прочимъ) не было и такой массы скульптуры вмѣстѣ какъ теперь. Поэтому, каждый отдѣльный человѣкъ чувствуетъ себя среди общей массы подавленнымъ и все-таки кричитъ. Что-же касается до русскаго отдѣла, то онъ очутился на заднемъ дворѣ.

703. Къ нему-же.

Парижъ, апрѣль 1898 г.

Письма твои я получаю и всегда доволенъ тѣмъ, что ты не забываешь меня. Недоволенъ я только, что ты, повидимому, принимаешь къ сердцу разныя мелочи, дрязги, которыя дѣйствительно могутъ раздражать хуже комаровъ; но онѣ не опасны, ихъ можно выкурить. То, что шавка на тебя полаяла, это старая басня; полаетъ, да и отстанетъ; тѣмъ болѣе теперь, когда всѣ, въ сущности, лаютъ другъ на друга и свой своего не узнаетъ. Очень печальна исторія съ В. В. и Рѣпинымъ. Печальнѣе всего, что теперь болѣе чѣмъ когда-либо необходимо, чтобы порядочные люди сплотились, и дать отпоръ такому разложенію, существующему у насъ среди художниковъ. А тутъ и они не могутъ сосчитаться со своими личными расчетами. Я все-таки виню Рѣпина больше всего потому, что онъ моложе В. В., что В. В. больше добра сдѣлалъ ему, чѣмъ онъ В. В. Да, наконецъ, развѣ за то, что говоришь правду откровенно, хотя-бы и горькую правду, должны друзья превратиться въ враговъ? Все это я скажу всѣмъ прямо и откровенно. Все это больно, очень, очень больно. Больно, что самъ живешь въ такой удушливой атмосферѣ, что дышишь этимъ зловреднымъ воздухомъ и не знаешь, когда всему этому будетъ конецъ. Бога ради, старайся тушить пожаръ, насколько у тебя хватаетъ силъ и возможности, тушить вездѣ, гдѣ можешь, гдѣ горитъ. Конечно, въ такихъ случаяхъ легче говорить, давать совѣты, чѣмъ дѣйствовать съ пользою, но что

дѣлать? Каждый долженъ дѣлать, что можетъ, ибо сидѣть и быть равнодушнымъ наблюдателемъ, любоваться на пожаръ можетъ только такой человѣкъ, съ такими инстинктами, какъ Неронъ.

Я получилъ письмо отъ В. В., который разсказалъ мнѣ подробно ихъ вторичное столкновеніе. Пишу къ Рѣпину и къ В. В., постараюсь сдѣлать все, что могу. И зачѣмъ моя племянница тутъ вмѣшалась? Эхъ, баба!!

Я хочу поѣхать на Пасху на Lago Maggiore, посмотрѣть, полюбоваться на мое будущее гнѣздо. Милости просимъ на новоселье, слышишь? Но пока, я рѣшительно еще ничего не получилъ такого, что-бы дало мнѣ право вступить туда ногою, кромѣ добраго слова барона. Впрочемъ навѣрное скоро все выяснится. У меня новостей нѣтъ. Жаль, что не получаю „Новостей“; я не читалъ статьи В. В. про выставку.

Будь здоровъ, главное—здоровъ. Работай энергично и дай шавкамъ лаять по возможности громче, до охрипа. Пускай онѣ дѣлаютъ свое дѣло, а ты свое.

704. Къ нему же.

Lucerne, Hôtel Schweizerhof, 8 апрѣля 1898 г.

Мы уже здѣсь, будто отдыхаемъ,—шумно и жарко,—но черезъ 3 недѣли надѣюсь быть въ Villa, авось тамъ будетъ лучше, если только не попадемъ къ противоположному контрасту.

По многимъ причинамъ я хотѣлъ-бы теперь ѣхать въ Петербургъ, но боюсь жаровъ хуже чѣмъ морозовъ. Если я не поѣду теперь въ Петербургъ, то поѣду осенью, когда всѣ будутъ въ сборѣ, а пока предприму маленькое путешествіе по Швейцаріи (одинъ), потому что мнѣ необходимо двигаться, чтобы убаюкивать свои нервы, да одному оставаться съ самимъ собою.

Твое письмо я только что получилъ, благодарю тебя за всѣ хлопоты. Мнѣ очень больно, что опять смерть ворвалась въ домъ Стасовыхъ. Это ужасно! Не проходитъ года, даже нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобы не случилась катастрофа. Больше всего мнѣ жаль живыхъ, и В. В. въ особенности. Передай ему, что я его горячо, отъ всей души обнимаю.

Моя работа идетъ своимъ чередомъ. Не знаю, что дальше будетъ, но пока я стремлюсь, какъ дикая лошадь безъ узды, впередъ. То, что я началъ, все продолжается. Пять новыхъ вещей, которыя я сдѣлалъ, уже работаются не только изъ мрамора, камня и бронзы, но дѣлаются и въ маломъ видѣ изъ слоновой кости, золота, эмали и т. д. Можетъ быть все это мелочь, но своя; можетъ быть большія мои работы лучше, но все-таки лучше онѣ, чѣмъ дѣлать надгробные памятники и тому подобное. Но для всего этого надо денегъ, и вотъ я рѣшилъ лучше реализировать все, что у меня есть недвижимости, чѣмъ унизиться до того, чтобы меценаты брали для моего изданія пай по 1000 рубл. ради милостыни (не могу этого вспомнить безъ содроганія). Такъ вотъ отчего я долженъ ѣхать въ Россію. Я продаю нашъ домъ.

705. Къ нему-же.

Парижъ, май 1898 г.

Какъ поживаешь? здоровъ-ли ты? Въ послѣднее время ты жаловался, что теперь все прошло и что ты позабылъ даже объ этомъ.

Сегодня здѣсь первый день выставки въ Salon. Въ этомъ году это пришло раньше обыкновеннаго, потому что торопятся сломать ее въ виду новыхъ построекъ для всемірной выставки. Конечно, я не пошелъ на выставку толкаться среди толпы. Сегодня выставка живыхъ картинъ; смотрятъ другъ на друга, а не на искусство.

Еще вчера всѣ газеты традиціонально забили въ большой барабанъ, каждая отдѣльно посвятила большую статью отчету о выставкѣ. Признаюсь, я ихъ не читалъ—знаю имъ цѣну. Раньше я думалъ, что боги лѣпятъ горшки, а теперь я убѣдился, что лѣпятъ горшечники. Цѣна имъ—грошъ. А между тѣмъ каждый придаетъ имъ большую цѣну. Каждый знаетъ, что газеты врутъ, несутъ чушь—знаютъ и вѣрятъ. Чѣмъ больше живу, чѣмъ больше я смотрю на толпу, тѣмъ меньше я ее жалѣю: жалѣть можно бѣдняка, несчастнаго, но дурака —никогда, въ особенности, когда дуракъ хочетъ быть умнѣе умниковъ. Все это и смѣшно, и печально: печально потому, что отъ этого искусство и художники пошлѣютъ только; смѣшно потому, что они сами себя надуваютъ. А что̀ прикажешь дѣлать? Есть тутъ въ искусствѣ много хорошаго, прекраснаго, но есть также нѣчто такое, отъ чего хотѣлось-бы бѣжать, бѣжать... Хуже всего то, что сюда изъ всей Европы пріѣзжаютъ молодые художники, большею частью мало талантливые: бѣгутъ сюда, какъ бабочки на огонь, и подражаютъ французамъ не въ томъ, что̀ хорошо, а въ томъ, что̀ отвратительно, потому что хорошему они не въ состояніи подражать, труднѣе. Признаться, стыдно, что и наши евреи-скульпторы успѣваютъ такимъ-же манеромъ, а между тѣмъ сюда пріѣзжаютъ еще и еще, и всѣ такіе-же малоталантливые. Что изъ нихъ будетъ?

706. Къ нему же.

Москва, май 1898.

Изъ „Славянскаго Базара“ я переѣхалъ къ Саввѣ Мамонтову, противъ Спасскихъ казармъ.

Здѣсь, въ Москвѣ, художники болѣе независимы, самостоятельны, а потому лучше работаютъ и меньше интригуютъ. Принимаютъ своихъ товарищей хорошо и радушно. Словомъ, здѣсь атмосфера художественнѣе, болѣе чиста, менѣе давитъ, хотя сама художественная жизнь бѣднѣе. Мало кто въ ней нуждается: здѣсь много богатства, но мало вкуса, а „нраву не препятствуй“.

Здѣсь выстроены такіе богатые дома, и такіе безобразные, что это лучше памятника имъ для потомства.

Дѣло съ изданіемъ идетъ плохо, но я не унываю: придется вынести его на своихъ плечахъ. Я крѣпко вѣрую, что оно дастъ мнѣ не-

зависимость. Но храни меня Богъ отъ меценатовъ, а отъ меценатовъ-друзей въ особенности.

Будь здоровъ. Не надѣйся на людей, на мнимыхъ друзей.

707. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 24 мая 1898 г.

Жена очень, очень благодаритъ васъ за ваши письма [1]); они лучше персиковъ, лучше ананасовъ; отъ нихъ вѣетъ ароматомъ чистаго воздуха ранняго утра, они полны жизни, веселости и бодрости. Дай вамъ Богъ долго, долго такъ.

Вашей статьи у меня нѣтъ — знакомые брали читать ее и не возвратили.

Сегодня мнѣ лучше, но все еще берегусь; завтра попробую постучаться къ вамъ.

708. Къ Ел. Павл. Антокольской.

Парижъ, 31 (19) мая 1898 г.

Поневолѣ я долженъ безпокоить тебя; это мнѣ непріятно, зная хорошо, какъ ты занята и какъ устаешь. Но въ тотъ день, или на завтра, на другой день послѣ того, какъ Гинцбургъ уѣхалъ, онъ получилъ мою довѣренность, значитъ это опоздало. Онъ мнѣ сказалъ, что книжку онъ тебѣ передалъ и разсказалъ, какъ получить. Вотъ почему и адресуюсь къ тебѣ за полученіемъ пенсіи. Изъ этихъ денегъ прошу отослать милой мамашѣ 100 р. Это ея карманныя деньги, остальныя прошу выслать сюда; хорошо и вдвойнѣ хорошо было-бы пріѣхать, когда выставка еще открыта и когда мы будемъ здѣсь. Впрочемъ мы и не думаемъ еще о поѣздкѣ, потому что здѣсь до сихъ поръ довольно свѣжо, такъ что весна пропала.

Я продолжаю работать, доволенъ и счастливъ тѣмъ, что работаю не по приказанію людей, а по своему желанію. Все идетъ хорошо; жалѣю только, что прежде ничего подобнаго не дѣлалъ. Я-бы не испытывалъ того, что испытывалъ хотя-бы въ прошломъ году, который представляется мнѣ сплошнымъ кошмаромъ. Какъ поживаешь?

709. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 11 іюня 1898 г.

Вотъ что я хочу сказать вамъ въ отвѣтъ на ваше удивительное, рѣдкое письмо, которое мнѣ такъ польстило.

Тридцать лѣтъ я васъ знаю, люблю и обожаю. Въ теченіе тридцати лѣтъ вы были для меня все—отецъ, другъ и больше. Вы часто дѣлали для меня то, чего ни отецъ, ни другъ не въ силахъ сдѣлать.

---

[1]) В. В. Стасовъ благодарилъ письмомъ своимъ за превосходные фрукты, присланные ему въ Парижѣ Еленой Юліановной Антокольской.

Вы отстаивали меня, защищали грудью, не жалѣя себя; то-же самое вы дѣлали и не для меня одного. Вы защищали насъ, не столько какъ людей, сколько какъ художниковъ, которые нужны Россіи. Вы столько дѣлали для насъ всѣхъ, что и не перечесть, и при этой одной мысли слезы готовы выступить у меня. Но вы еще своею полнотою жизни, своею прямотою, честностью и энергіей подали мнѣ примѣръ идти прямолинейно. И вотъ, послѣ всего этого, вы хотите, чтобы я вамъ говорилъ: „ты“. Нѣтъ! я знаю, что учитель говоритъ своему ученику: „ты“, но не слыхалъ, чтобы ученикъ говорилъ своему учителю тоже: „ты“. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! И не потому, что я васъ недостаточно люблю и уважаю, а потому, что я слишкомъ люблю и уважаю васъ. Правда, въ древности ученики говорили своимъ учителямъ „ты“, но я говорю о современныхъ. А впрочемъ, я не хочу справляться ни у кого—ни у древнихъ, ни у новыхъ. Говорю вамъ то, что душа мнѣ говоритъ.

Я въ восторгѣ отъ того, что̀ вы работаете и хорошо работаете! Это самое лучшее удовлетвореніе въ жизни. Только медвѣди лежатъ въ своей берлогѣ и сосутъ свою лапу, а многіе современные люди хуже медвѣдей — потому что сосутъ не свою лапу, а чужую. Я тоже работаю, я началъ новую статуэтку: „Діогенъ ищетъ правду“ съ фонаремъ въ рукѣ, и я хочу впустить въ фонарь настоящій свѣтъ, посредствомъ электричества.

Я не знаю, что̀ со мной дальше будетъ, но я буду дѣлать все, что въ моихъ силахъ будетъ, чтобы завладѣть свободой творчества. Правда, хватился я за умъ немного поздно, но „лучше поздно, чѣмъ никогда“. Да, загладить свои грѣхи лучше поздно, чѣмъ никогда. А сколько я грѣшилъ въ своей жизни, какія дурацкія статуи я дѣлалъ по заказу! На нихъ то я потратилъ годы... Но еще больше времени я потратилъ на разные проекты для того, чтобы потратить при этомъ еще и здоровье, и послѣднія копѣйки.

Все это глупость, глупость, непростительная глупость! То-ли дѣло теперь! Я вижу, что и въ маленькія произведенія можно вложить столько души и мысли, сколько и въ большія; и вмѣсто одной мысли у меня будетъ ихъ 10—15. Но я не дѣлаю разницы между малыми и большими произведеніями: „Сократа“, напримѣръ, я непремѣнно сдѣлаю въ большомъ размѣрѣ.

У меня остались теперь только вы, и нѣтъ никого больше. Не скрываю, хочу сказать вамъ: „тебя“, но боюсь—добра отъ добра не ищутъ.

Благодарю за вашу статью, за ваши теплыя слова, которыя вы замолвили за меня. Вотъ видите, опять никто другой, какъ вы. Статья горячо написана, какъ всегда—и дѣльно.

О NN. можно было бы сказать—„дуракъ для дураковъ“; къ сожалѣнію, теперь дураковъ много, теперь даже царство глупости. Въ былое время умники говорили: „Я одно знаю, что ничего не знаю“, а теперь дураки говорятъ: „Я одно знаю, что все знаю“, Слѣдуетъ имъ, однако, замѣтить, чтобы они не говорили „гопъ“ раньше чѣмъ перескочатъ.

Я очень доволенъ, что вы довольны моей теперешней затѣей—дѣлать вещи въ маломъ размѣрѣ; но не могу согласиться съ вами, что я долженъ дѣлать только сильныхъ, мощныхъ и здоровыхъ. Безспорно, это хорошо, но и все то хорошо, что хорошо.

710. Къ Ел. Павл. Антокольской.

Парижъ, 1 (13) іюня 1898 г.

Деньги получилъ,—спасибо и пребольшое, жаль только, что мало; у Бога денегъ много, авось въ долгъ дастъ.

Жаль будетъ, если ты не пріѣдешь въ Парижъ; я-же не думаю скоро быть въ Петербургѣ. Я увлеченъ (!) самимъ собою, продолжаю работать и надѣяться, и потому спокоенъ.

Ахъ, Елена, какъ хорошо работать, раньше всего для себя, въ концѣ-концовъ хорошо для всѣхъ и для всего.

У меня начатъ цѣлый рядъ небольшихъ произведеній. Пока окончено всего два, и они производятъ впечатлѣніе не меньшее какъ большія. Надѣюсь, что до моего отъѣзда на дачу такихъ произведеній будетъ окончено пять. Повторяю, я надѣюсь на нихъ, что они будутъ производить впечатлѣніе, большее чѣмъ большія мои работы. Пока трудно только вывернуться, въ крайнемъ случаѣ мнѣ нужно будетъ всего 20 т. р. Я удивляюсь, что ни отъ кого ни слова по поводу этого дѣла; ну, что-же, „все къ лучшему“.

Я чуть не забылъ сказать тебѣ, что на вѣнской выставкѣ мой „Мефистофель“ первый перескочилъ черезъ барьеръ, т.-е. получилъ большую золотую медаль. Каковъ „Мефистофель“? Молодецъ! Я не читаю теперь русскихъ газетъ (этимъ я лѣчу свои нервы), поэтому не знаю, кто еще изъ нашихъ получилъ. Французы многіе получили, среди нихъ трое, большія золотыя медали. Будь здорова.

711. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 20 іюня 1898 г.

На этой недѣлѣ я пережилъ и переживаю большое горе—умерла моя мать, которую я боготворилъ. Надо сказать, что въ дѣтствѣ я не былъ балованъ никѣмъ, я былъ нелюбимымъ ребенкомъ и мнѣ доставалось отъ всѣхъ. Кто хотѣлъ, билъ меня, даже прислуга; а ласкать меня—никто не ласкалъ, еще меньше цѣловалъ. Я не помню, чтобъ меня ласкали. Я донашивалъ старыя одежды, меня звали „истуканомъ“, „оловянныя руки“. Разъ чуть меня не отдали трубочисту. Я былъ на посылкахъ у всѣхъ. Не унижала меня только мать моя; но не за это я люблю ее. Матери есть у всѣхъ. Я люблю ее главное за то, что она была мать для всѣхъ. Я помню наше бѣдное положеніе и, тѣмъ не менѣе, моя мать тайкомъ отъ отца дѣлилась съ бѣдными людьми всѣмъ, что имѣла. Я-то и былъ ея посыльнымъ. Она до послѣдней минуты оставалась такою. Она отдавала другимъ все, что имѣла, оставляя себѣ крохи самыя насущныя, и, если-бы она могла суще-

ствовать безъ этихъ крохъ, она-бы и ихъ отдала. Но болѣе замѣчательна она была по уму, несмотря на ея малую образованность и сильную набожность. Она шла за временемъ, была толерантна. У ней былъ въ высшей степени ясный умъ, даръ слова и, въ своемъ родѣ, философія. Къ ней часто ходили бесѣдовать образованные люди ради удовольствія.

Лишнее сказать, что и она меня любила сильно. Такъ вотъ кого я лишился. Она, слава Богу, дожила до глубокой старости—ей было около 90 лѣтъ, и послѣднее ея письмо было ясное, интересное, какъ и первое. Оставила она себѣ наслѣдниковъ 78 душъ. О ея кончинѣ я узналъ въ прошлую пятницу—12 іюня 1898 года.

Пишу объ этомъ вамъ, и только вамъ, потому что у меня нѣтъ такого близкаго человѣка, передъ которымъ я могъ-бы раскрыть душу и высказать то, что у меня на душѣ.

Вчера я получилъ ваше письмо. Я получаю ваши письма всегда съ великимъ удовольствіемъ. Открылъ я это письмо и, какъ на зло, сталъ читать съ конца. Оказывается, что вы разсердились на меня за послѣднее письмо. Эхъ, дорогой мой, что въ сущности въ кличкѣ? Ни вы, ни я, не придаемъ этому значенія. Ваше сравненіе меня съ Евгеніемъ Онѣгинымъ—неудачно.

Я на „ты“ съ Рѣпинымъ, Полѣновымъ, даже съ Праховымъ, Мамонтовымъ. Что съ этого? Нуль, круглый нуль, выѣденнаго яйца не стоитъ. А мы съ вами дружно идемъ, дай Богъ и впередъ такъ идти. Ну, будемъ называть другъ друга „вы“, „ты“, „я“, „мы“—и въ нашей дружбѣ ничего не прибавится и не убавится ни на іоту. Скажу больше—я боюсь слова „ты“, особенно у насъ. Повторяю—я на „ты“ съ Праховымъ, съ Мамонтовымъ,—можетъ-быть оттого-то и не хочу я васъ называть „ты“.

И такъ, дорогой мой, благословите меня на новый путь. Мнѣ дѣлаютъ всевозможныя пакости—и, слава Богу, я остаюсь тѣмъ-же. Вѣдь знаютъ, что я могъ-бы дать своимъ соотечественникамъ лучшіе памятники, чѣмъ тѣ, что нынѣ дѣлаются; знаютъ, но знать не хотятъ. Я сосредоточился на одинокихъ статуяхъ—теперь и одинокихъ статуй мнѣ не даютъ дѣлать, а если и даютъ, то стараются отнять. И я сосредоточиваюсь на маленькихъ произведеніяхъ. Надѣюсь, что тутъ, по крайней мѣрѣ, никто мѣшать мнѣ не будетъ. И такъ, мой другъ, „все къ лучшему“.

Вы знаете, что „Новостей“ я не получаю, а потому вашу статью прошу прислать.

Если погода не будетъ мѣшать, т.-е. жары, то останусь здѣсь еще мѣсяцъ, съ хвостикомъ даже. А куда потомъ поѣдемъ—не знаю.

Ваши письма у меня всѣ въ цѣлости, главное ваши; правда, они у меня въ безпорядкѣ, но цѣлы.

712. Къ Ел. Павл. Антокольской.

Парижъ, іюль 1898 г.

Милая Елена, не знаю гдѣ письмо застанетъ тебя, но я не могъ

писать тебѣ: работалъ, спѣшилъ, хлопоталъ, волновался,—мы стоимъ на дорогѣ, ѣдемъ, переѣзжаемъ съ квартиры на квартиру, къ счастью въ томъ-же домѣ, ниже, чтобы дамамъ легче было подыматься, такъ что въ домѣ ералашъ, карманъ пустъ, на душѣ (?) — каценъ-яммеръ. Что дальше будетъ—не знаю, пока работаю, работаю и работаю много, можетъ-быть черезчуръ для моихъ лѣтъ, но я живу только и только ею (работой) и не вѣрю ни въ кого кромѣ Бога... Въ мою работу я поработалъ всего только пять небольшихъ вещей. Всѣ онѣ болѣе или менѣе удачны, есть между ними и совсѣмъ удачныя. Больно подчасъ бываетъ, что я стою въ самой водѣ, а пить не могу, я-бы могъ сдѣлать лучше, грандіознѣе того, что дѣлаю, но на меня нѣтъ спроса. Авось съумѣемъ постоять за себя, не такъ-ли, Елена? Больнѣе всего мнѣ теперь то, что я потерялъ матушку—эту умницу, добрую, преданную. Боже мой, что это была за прекрасная женщина, какую великую душу она носила въ себѣ! Но что дѣлать? Я и отъ этого горя прячусь въ мастерскую и заглушаю работой.

Завтра или послѣзавтра ѣдемъ—куда, еще въ точности не знаю, кажется въ Люцернъ.

Ну, будь здорова, по твоимъ письмамъ видно, что ты столько-же знаешь, куда поѣдешь, какъ и мы; по всей вѣроятности никуда не поѣдешь, а пробудешь среди твоихъ милыхъ, добрыхъ друзей Цибульскихъ, которымъ между прочимъ очень и очень кланяюсь, а тебѣ завидую.

713. Къ графу И. И. Толстому.

Парижъ, осень 1898 г.

Отъ души благодарю васъ за ваше любезное письмо, которое я только-что получилъ. Хорошимъ письмамъ я всегда радъ, а тѣмъ болѣе отъ добрыхъ людей. Увы! въ послѣднее время какъ добрые люди, такъ и хорошія письма становятся все рѣже и рѣже, по крайней мѣрѣ, для меня. И я все больше и больше вхожу въ свою скорлупу—ничего не хочу видѣть, ничего слышать, только сердце бьется попрежнему—проситъ жизни, дѣятельности и никакъ не хочетъ разорваться, хотя есть причины отчаиваться. Я все работаю, стремлюсь впередъ, будетъ-ли побѣда на моей сторонѣ, или упаду—не знаю, но остановиться не могу. Работаю много новыхъ работъ, точно—маленькихъ, но въ нихъ можетъ помѣститься душа художника. Надѣюсь, въ скорости покажу вамъ мои результаты. Вы очень характерно обрисовали теперешнее время. „X живъ", но вы, дорогой графъ, не договорили „и пакостничаетъ". Я потихоньку добираюсь до этой гадины, чтобы хорошенько пропечатать его на память потомству.

Что-же касается до всемірной выставки, то хорошо уже то, что по крайней мѣрѣ я знаю, какъ держаться. Очень благодаренъ вамъ, графъ, за извѣстіе по поводу памятника Александру III: какъ разъ я теперь работаю эту статую. Говорятъ, что она будетъ лучше статуи Александра II. Я не могъ всего показать великому князю, потому что

онъ былъ вылѣпленъ пока только безъ одежды, а показать только голову, да и то не оконченную—я не хотѣлъ.

Во всякомъ случаѣ, я теперь работаю надъ этой статуей и надѣюсь, что черезъ 3—4 мѣсяца я уже буду въ состояніи прислать вамъ фотографію.

714. Къ нему же.

Парижъ, осень 1898 г.

Сегодня былъ у меня Боткинъ (М. П.) и сказалъ, что за всѣ три бюста [1]) мнѣ назначаютъ 3000 руб. Онъ прибавилъ, что хотѣли меньше назначить, но онъ настаивалъ. Я попросилъ отослать ихъ мнѣ обратно. Во всемъ этомъ я нисколько не виню Z., но горе дѣлу искусства тамъ, гдѣ вкрадывается политика и политиканы. Я сказалъ Боткину, что обѣщалъ Музею многія изъ моихъ работъ, но не дамъ, пока будутъ тамъ художники политиканы. Боже мой! Что за удушливая атмосфера среди художниковъ! Больно за искусство и стыдно за художниковъ. Умоляю васъ, въ послѣдній разъ умоляю—разъясните правду, вѣдь отливка изъ бронзы бюста великаго князя Николая Николаевича мнѣ самому должна стоить 600 руб., да больше двухъ недѣль работы, все вѣдь надо вновь передѣлывать на воскѣ. Я взялъ за бюстъ Императора 4000 руб., но сколько повтореній я могу дѣлать? Я продаю ихъ по 1000 р. простой отливки, послѣ этого гдѣ ихъ ломка?

У васъ душно тамъ!

715. Къ нему же.

Парижъ, 16 ноября 1898 г.

Давно собирался я писать вамъ, но до сихъ поръ былъ далеко отъ всѣхъ и всего. Жилъ я среди преградъ, занимался землею и больше ничего, а право, это лучшее лѣкарство, лучшій отдыхъ въ то пошленькое время, когда мы живемъ. Но теперь я опять въ Парижѣ и начну опять жизнь со всѣми прелестями и гадостями.

Сегодня великій князь Владиміръ Александровичъ посѣтилъ мою мастерскую. Онъ былъ ко мнѣ особенно милостивъ, а главное для меня то, что онъ остался доволенъ моими новыми произведеніями, въ томъ числѣ статуей Александра III. Сообщаю вамъ объ этомъ, зная, какое участіе вы принимали въ этой статуѣ, когда всѣ на нее нападали, а вы ее отстаивали.

Теперь буду кончать начатую статую Императора Александра II, работу которой я прервалъ въ прошломъ году. Я тогда былъ въ такомъ настроеніи, что не могъ продолжать ее. Такое настроеніе у меня почти каждый разъ бываетъ, когда я возвращаюсь въ Парижъ изъ Петербурга, и чтобы не испытывать этого настроенія, или, по крайней мѣрѣ, рѣже испытывать его, я рѣшилъ въ этомъ году не пріѣзжать въ бурливый Петербургъ—бурливый особенно для меня. То, что мнѣ

[1]) С. П. Боткина, вел. князя Николая Николаевича и Императора Александра III.

сообщаютъ, кажется, приноситъ мало радости для искусства. И такъ, лучше всего—мастерская, работать безъ оглядки, чтобы ничего не видѣть, ничего не слышать, работать и надѣяться, авось, когда-нибудь и на нашей улицѣ будетъ праздникъ.

Говорятъ, что великій всенародный памятникъ Александру II, поставленный въ Кремлѣ—сердцѣ Россіи—созданный великими художниками, далъ трещину, но онъ надтреснутъ въ самомъ началѣ и не это-ли и есть эмблема нашей дѣятельности? Все надтреснуто у насъ по всѣмъ швамъ. Проза, гадость, эгоизмъ—вотъ что теперь въ нашемъ искусствѣ торжество торжествуетъ.

Читали-ли вы мою послѣднюю статью въ журналѣ, названія котораго я не знаю (онъ издается Обществомъ поощренія художествъ [1]). Чего я пишу? Для чего? Для кого? Кому оно нужно? Тысячу разъ скажи пьяному: „иди спать", все равно, что разъ—не поможетъ. А все-таки я хочу вѣрить и надѣяться на лучшую будущность.

Въ моей мастерской теперь есть нѣсколько новыхъ вещицъ, небольшихъ, но я ими доволенъ. Я увлекаюсь ими, вижу, что и въ малыхъ вещахъ можно немало высказать. Я надѣюсь теперь только на Бога и на свои руки—надѣюсь, что только о н и дадутъ мнѣ независимость и свободное творчество.

Что со всемірной выставкой? Дадутъ-ли мнѣ мѣсто, или и тутъ я буду лишнимъ? Мнѣ это необходимо знать заранѣе. Я хочу выставить цѣлую галлерею, около 25—30 вещей—малыхъ и большихъ. Дадутъ-ли мнѣ подобающее мѣсто? Вы объ этомъ лучше знаете, а потому прошу васъ сказать мнѣ это.

Скоро поступятъ въ продажу мои вещи въ уменьшенномъ видѣ,—я это дѣлаю на свой собственный страхъ и рискъ, и тѣмъ лучше.

Какъ видите, и я—атомъ среди атомовъ—хлопочу, волнуюсь, надѣюсь, радуюсь, а все вмѣстѣ—трынь-трава. Жизнь грошевой свѣчки не стоитъ, по крайней мѣрѣ, жизнь художника въ наше время, да и самъ художникъ стоитъ столько-же.

716. Къ нему же.

Парижъ, 5 (17) декабря 1898 г.

Знаю и чувствую, что нахожу у васъ сочувствіе и поддержку, и для меня это тѣмъ дороже, что подобнаго сочувствія я нахожу съ каждымъ годомъ все меньше и меньше. Мнѣ кажется, что меня вообще не любятъ, хотя, если-бы каждый задался вопросомъ, что худого я ему сдѣлалъ, то врядъ-ли онъ нашелъ-бы отвѣтъ на это. Не любятъ меня, по всей вѣроятности, за то, что меня ужъ слишкомъ хвалятъ (не въ Россіи). Но пока покойный государь жилъ, несмотря на общую травлю, на меня только лаяли, а теперь хотятъ кусать, но я спокоенъ: мой мраморъ не по зубамъ моимъ врагамъ, а фальшивымъ—и подавно!

---

[1]) «Искусство и художественная промышленность».

Изъ года въ годъ собираются сѣчь меня, и кончается тѣмъ, что самихъ себя сѣкутъ. Такъ было до сихъ поръ, и надѣюсь на Бога, что и впередъ будетъ то же. И среди такой-то слѣпоты, среди такой-то необузданности—искренность и справедливость большое утѣшеніе. Прошу васъ вѣрить, что я глубоко это цѣню, помню добро и только добро.

Что-же касается новой выходки противъ меня по поводу статуи Александра III, то цензурныя придирки до того грубы, невѣжественны, безъ знанія дѣла, о которомъ они взялись судить, что бѣлыя нитки ясны даже для незрячихъ. Меня это не столько огорчаетъ, сколько удивляетъ. И вы увидите, дорогой графъ, какъ они и въ этотъ разъ уйдутъ посрамленными. По-моему тутъ прямо не иллюстрація [1]), а закоренѣлое недоброжелательство—и только. Я не могу быть отвѣтственъ за плохую фотографію, а за плохой рисунокъ—и подавно, но я не зналъ, что подпаду подъ цензуру: никогда со мною ничего подобнаго не случалось, еще меньше я зналъ, что цензура—въ то же время и художественный критикъ, да еще такой беззастѣнчивый критикъ. Повторяю, все это столько печально, сколько и смѣшно для меня. Я избѣгалъ и буду избѣгать сужденія комиссіи вообще: благодаря имъ, мнѣ не удалось сдѣлать въ моей жизни ни одного памятника не искаженнымъ, ни одного общественнаго заказа (объ этомъ я недавно высказался въ печати). Я ихъ отрицаю, какъ тормозъ для искусства, а цензуру и подавно. Это мое убѣжденіе. За это убѣжденіе я уже немало пострадалъ, но все-таки останусь самимъ собою до гроба. Но что меня удивляетъ и огорчаетъ, это то, что я нахожу такъ мало поддержки со стороны. Мнѣ трудно себѣ представить, какъ онъ могъ допустить, чтобы цензура разыгрывала роль художественнаго критика и критика далеко не безпристрастнаго? Какъ онъ не отослалъ подобную критику обратно, по крайней мѣрѣ, зачѣмъ онъ мнѣ ихъ прислалъ? Послѣ этого, что остается мнѣ дѣлать? Конечно, я готовъ скорѣе не дѣлать такой работы, чѣмъ подпасть подъ судъ вкривь и вкось. Если въ Россіи меня считаютъ настолько ничтожнымъ, что въ моей работѣ ничего хорошаго не находятъ, а все скверно, то я съ гордостью могу сказать, что въ Европѣ — наоборотъ: я слышу отзывы о себѣ, какъ о великомъ художникѣ, и если меня третируютъ у насъ, какъ заморыша, начинающаго художника, то скажу имъ, наконецъ, въ отвѣтъ: „Я—Антокольскій". За мною теперь 20 лѣтъ честнаго труда! Что за моими противниками? Угаръ, какъ послѣ потухающей свѣчки! Я проложилъ себѣ дорогу сквозь тернистый путь, я въ своей жизни не причинилъ никому ни на секунду зла, я, наконецъ, достигъ извѣстной высоты и не дамъ кому-бы то ни было унизить себя, унизить мое честное имя! Да это имъ и не удастся! Кто захочетъ меня проглотить, тому я костью поперекъ горла стану! Если я получаю такую черную благодарность отъ тѣхъ, кого всю жизнь любилъ, и за то, что все-таки кое-что сдѣлалъ для русскаго искусства,—то тѣмъ хуже для нихъ! Но если меня го-

1) Иллюстрація статуи Александра III появилась въ «Figaro», въ Парижѣ, раньше разрѣшенія на то изъ Петербурга.

нятъ изъ моей родины, если, въ самомъ дѣлѣ, меня не хотятъ ни подъ какимъ видомъ,—то остается только взяться за посохъ и быть пророкомъ внѣ своего отечества. Тяжело, очень тяжело сдѣлать это теперь, когда мои годы сосчитаны,—но что дѣлать? Я изнемогаю не отъ работы, а отъ борьбы съ вѣтряными мельницами!

Простите великодушно, что я высказалъ все это вамъ, но кому-же и высказывать, если не друзьямъ сочувствующимъ? Вѣдь съ врагами я не разговариваю.

Въ заключеніе скажу, что мнѣ стыдно, что я такъ много говорю о себѣ. Вѣдь я, вѣрно, не единственный, который борется съ вѣтряными мельницами (чтобы не сказать больше).

Прошу васъ, если можете, сообщите мнѣ, какими матеріалами пользуется цензура для своего приговора—фотографіей, или иллюстраціей? А также, что послужило причиной такого сужденія?

Черезъ недѣлю вышлю хорошую фотографію.

717. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, декабрь, 1898 г.

Благодарю тебя за твое сердечное поздравленіе. Дай Богъ и тебѣ много радости въ жизни и успѣха въ искусствѣ, которое ты любишь такъ же, какъ мы всѣ.

Поступокъ X. до того пошлъ, мерзокъ, возмутителенъ [1]), что вмѣсто того, чтобы волноваться, плакать, приходится смѣяться смѣхомъ „Мефистофеля", смѣяться надъ паденіемъ людей, надъ торжествомъ зла.

Въ сущности, мнѣ на все это плевать: я закаленъ въ бою, мнѣ всю жизнь приходится работать точно въ чужомъ станѣ, но тѣмъ лучше. Моя совѣсть спокойна, моя честь чиста, мой мраморъ бѣлъ и твердъ—проглотить его будетъ трудно моимъ, хотя и многочисленнымъ, противникамъ. Но въ этой исторіи удивляютъ меня не такіе люди какъ X. Это ихъ ремесло—лгать, клеветать, шпіонить и доносить. Удивляюсь только В. В., его слабости довѣрять людямъ, которые недостойны довѣрія. Этотъ X. жаловался на то, что его обошли, что онъ получилъ въ награду какую-то игрушку. Онъ утверждаетъ, что В. В. безхарактеренъ и т. д. И послѣ этого онъ доносилъ на меня рѣзкія небылицы. Тьфу ты чортъ, въ какое время мы живемъ!

Я послалъ мои бронзы для продажи; авось этимъ я куплю себѣ свободу творчества. Онѣ должны прибыть въ Петербургъ на-дняхъ. Я просилъ моего племянника заняться ими. Прошу тебя сказать ему это, помочь словомъ и дѣломъ. Передай сердечный поклонъ графу Ив. Ив. Представляю себѣ, какъ онъ возмущенъ и какъ ему трудно имѣть дѣло съ такими пошляками, какъ Z. и другіе.

---

[1]) Рѣчь идетъ о продажѣ «Музею Александра III» мраморнаго бюста знаменитаго С. П. Боткина, исполненнаго съ натуры Антокольскимъ.

Смерть Третьякова поразила меня. Жаль, очень жаль, и больше всего за искусство.

718. Къ гр. И. И. Толстому.

Парижъ, 10 (22) декабря 1898 г.

Сто разъ благодарю васъ за письмо, за сердечное поздравленіе и за то, что вы сообщили мнѣ по поводу N. Я вполнѣ понимаю негодованіе Y., и теперь поймутъ и мое негодованіе на N. Я зналъ, что этотъ человѣкъ дрянь, но не зналъ, что онъ и въ худшемъ смыслѣ этого слова, т.-е. злостный. Мнѣ не трудно было-бы заплатить ему тою-же монетою, но Боже меня избавь! А потому я буду говорить о касающемся меня лично. Вы знаете, что самую статую, т.-е. самое трудное, я сдѣлалъ сейчасъ, потому что это зависѣло отъ меня лично. Мраморъ-же зависитъ, къ сожалѣнію, уже не отъ меня, а отъ случайностей. Я самъ не зналъ, что мнѣ будетъ такъ трудно достать совершенно безукоризненный мраморъ. Считаю долгомъ замѣтить, что менѣе желтый я-бы давно могъ достать и онъ стоилъ-бы мнѣ дешевле, но для такой статуи, какъ Александра III, мнѣ хотѣлось достать мраморъ чистый, безъ пятенъ, какъ серебро. А что было-бы, если-бы я сдѣлалъ статую изъ мрамора съ шешнями или съ жилами? Не лучше-ли подождать? Тѣмъ болѣе, что такая статуя дѣлается не для насъ, не на одинъ день, а навсегда. Какъ разъ при N. былъ у меня мраморщикъ съ разными образцами. Я объяснилъ N. ихъ достоинства, и недостатки, и меня лично они не удовлетворяли. И такъ, за то, что я не жалѣлъ ни времени, ни денегъ, за то, что я хочу совершенства на меня хотятъ жаловаться, подать въ судъ. Признаться, это слишкомъ много чести для меня—пожаловаться, подать въ судъ потому, что доносчикъ доносилъ, потому что вѣрятъ ему, а не мнѣ! Мнѣ остается только опустить голову и пожимать плечами. Больно мнѣ за теперешнее искусство, стыдно, тяжело быть художникомъ. Что-же касается до позволенія мнѣ сдѣлать статую изъ маслика,—то и тутъ столько несправедливаго, что я даже не хочу оправдываться, передавать только разговоры. Я сказалъ, что лѣтомъ еще я написалъ по поводу неудачи моей съ мраморомъ и по поводу того, что просилъ позволенія сдѣлать статую изъ маслика, и я получилъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія, что мнѣ приказано поторопиться статуей и исполнить такъ, какъ оно было утверждено. Я спросилъ, что значитъ „такъ, какъ оно было утверждено", и Z. мнѣ сказалъ, что про позволеніе вовсе не было сообщено, а отвѣчалъ мнѣ дуракъ У., что же касается его самого, то какъ только онъ пріѣдетъ, то сейчасъ передастъ Y., который навѣрное безъ всякихъ разговоровъ позволитъ.

Чтобы покончить со всѣмъ этимъ, не лучше-ли было-бы мнѣ пока послать статую въ гипсѣ, а тамъ—какъ угодно. Если хотятъ имѣть ее сейчасъ изъ мрамора, то я готовъ сдѣлать это, но не гарантирую качество мрамора, ни его чистоту. Впрочемъ, я вѣдь телеграфировалъ, что надѣюсь, что черезъ 14 мѣсяцевъ статуя будетъ го-

това, такъ какъ есть надежда получить такой мраморъ, какой я хочу. При этомъ посылаю вамъ письмо въ доказательство сказаннаго мною, но подобныхъ писемъ никому больше, кромѣ какъ вамъ лично, я не могу посылать.

Мнѣ остается прибавить, что половину расходовъ на формовку и пересылку статуи я беру на себя и, въ виду того, что я окруженъ такими господами, какъ N., NN. и др., я вынужденъ просить покровительства отъ всякихъ нападокъ и придирокъ; въ этомъ отношенiи я хочу быть гарантированъ; иначе, такъ или иначе, меня съѣдятъ. Мнѣ остается еще просить васъ, дорогой графъ, вы вѣдь знаете N. и меня, знаете, какъ все это гнусно и грустно,—защитите меня! Тѣмъ болѣе, что правда на нашей сторонѣ.

719. Къ нему же.

Парижъ, 12 (24) ноября 1898 г.

Вамъ трудно представить себѣ, какъ обрадовало меня ваше письмо, полученное мною сегодня! Что-бы я дѣлалъ тутъ безъ васъ? Ваше сочувствiе трогаетъ меня до глубины души. Мое положенiе теперь такое, что хотя я чувствую себя однимъ въ полѣ, но уклоняться отъ ударовъ болѣе не стану. „Что должно быть — пусть и будетъ“.

Сегодня я послалъ вамъ 4 большихъ фотографiи той-же злополучной статуи. Фотографiя все еще не совсѣмъ удачна, главное-же неудачна голова: она вышла точно сажей выпачкана; затѣмъ, она не передаетъ того, что теперь въ гипсѣ, а въ мраморѣ будетъ лучше: именно будетъ то, что она представляетъ собою не только эмблему самодержавiя, но и что-то болѣе свѣтлое, чего не было въ глинѣ, чего навѣрное не будетъ и въ бронзѣ. Повторяю, много свѣта безъ тьмы. Нѣкоторые, видѣвшiе эту фотографiю, не совѣтовали мнѣ посылать ее, но разъ есть уже прежняя—эта несомнѣнно лучше... Я самъ хотѣлъ-бы показать статую, но думаю неловко будетъ съ моей стороны. Если фотографiю найдутъ неудовлетворительной,—то, можетъ быть, я вышлю самую статую.

Если-же и статую найдутъ нехорошей,—тогда, надѣюсь, не дрогнетъ у меня рука уничтожить ее, какъ произведенiе неудовлетворительное. Но надѣюсь, авось у насъ не всѣ такiе олухи, какъ эта непрошенная цензурная критика.

Если я теперь не найду правды,—то я рѣшилъ продать всѣ свои пожитки. Соберу около 100 тысячъ и куплю себѣ за это свободу творчества. Конечно, я люблю свою Библiю, но что дѣлать? Если Авраамъ могъ принести въ жертву своего единственнаго сына во имя любви къ Богу, то отчего-бы мнѣ не принести въ жертву мою Библiю во имя искусства? Это я говорю вамъ, какъ другу, и пусть это останется между нами. Конечно, грустно до такого момента дожить, но повторяю: „Что должно быть—пусть будетъ“; все къ лучшему.

Фотографiю я выслалъ сегодня, четвергъ вечеромъ, съ курьеромъ

русскаго посольства. Если еще не доставлено къ вамъ,—то покорнѣйше прошу послать за ними.

Статую изъ гипса видѣла княгиня А. А. Оболенская. Я цѣню ея мнѣніе потому, что она очень хорошо знала покойнаго государя. Пусть спросятъ, что она скажетъ.

720. Къ нему же.

Парижъ, 15 (27) декабря 1898 г.

Мнѣ жаль и досадно, что и вы за ваше сочувствіе ко мнѣ испытываете непріятности. Но что мнѣ дѣлать? И вотъ я рѣшилъ сказать вамъ слѣдующее.

Я такъ усталъ отъ всѣхъ этихъ передрягъ, мнѣ до того опротивѣло бороться съ мелкотою, выслушивать невѣжественные приговоры, указанія и приказанія, стращанія судомъ, затѣмъ оправдываться, доказывать, убѣждать, повторяю, все это до того мнѣ опротивѣло, что, не видя этому конца,—не лучше ли было-бы, если-бы меня совсѣмъ освободили отъ этого заказа? Я охотно возвратилъ бы полученное: у меня теперь какъ разъ случай—продаю домъ, и у меня останется ровно столько, чтобы возвратить. Можетъ быть найдутъ скульптора, который сдѣлаетъ статую лучше и скорѣе, чѣмъ я. Мои недоброжелатели успокоятся, а мнѣ будутъ возвращены свобода, честь и покой.

Я знаю, мои противники будутъ отъ этого въ восторгѣ, но мнѣ все равно. Я вѣрю теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, что эта статуя восторжествуетъ и это будетъ моей местью имъ.

Что вы на это скажете, дорогой графъ! Не правъ-ли я? Главное—возможно-ли это? Вы не можете себѣ представить, какая гадина этотъ X. Удивляюсь, какъ не видятъ этого. Съ нетерпѣніемъ жду вашего отвѣта.

721. Къ нему же.

Парижъ, 28 декабря 1898 г.

Вчера я совсѣмъ забылъ сказать вамъ, что писалъ и къ **, только ничего не писалъ по обвинительнымъ пунктамъ; во 1-хъ, потому, что не хочу и васъ, дорогой графъ, впутывать въ эту печальную исторію, во 2-хъ—не хочу ни оправдываться, ни входить въ препирательство съ доносчиками, не уличая ихъ. Что пользы? Подобные господа подобны нарывамъ на больномъ тѣлѣ: выдавишь одинъ на одномъ мѣстѣ, выскочитъ другой на другомъ, Скажу только, что изъ 4-хъ обвинительныхъ пунктовъ, о которыхъ вы мнѣ сообщаете, лишь одинъ вѣрный, это—что статуя еще не начата. Всѣ остальные лживы, а одинъ переданъ въ искалѣченномъ видѣ, злостно. Прибавлю еще, что послѣ того, какъ со мною поступаютъ, я имѣю право сѣтовать, но сѣтовалъ и **. Какъ бы то ни было, я не желаю болѣе унижаться и не желаю, чтобы другіе меня такъ унижали!

Простите великодушно, что я столько безпокою васъ, но если

не вы заступитесь за меня, если не вы установите правду среди художниковъ, то кто-же?

722. Къ Ел. Павл. Антокольской.

Парижъ, 30 декабря 1898 г.

Прости, что надоѣдаю тебѣ этимъ письмомъ, что дѣлать—ты не первая и не послѣдняя, я многимъ надоѣдаю—увы! Не всегда успѣшно. Скажи, пожалуйста, отчего не шлютъ мнѣ оттиска моей статьи? Писалъ я объ этомъ В. В., Собко, и ни привѣта, ни отвѣта. На-дняхъ я писалъ Эліасу замѣтку въ газету, и опять не знаю результата, т.-е. напечатано-ли? Просто руки опускаются—стоитъ-ли писать, тратить время, думать и чувствовать теперь, когда всѣмъ такъ некогда, когда каждый такъ занятъ самимъ собою? Что это за странное время!

Кстати, только-что прочелъ, что „Новому Времени" запретили розничную продажу. Ого! Это для меня такая новость, какъ трескъ московскаго политика (?). Оба другъ друга стоятъ, и я не скрою, что при такомъ извѣстіи во мнѣ воскресаетъ авторъ „Мефистофеля". Да, да, вѣрно, я имъ давно сказалъ: сегодня мнѣ, завтра тебѣ.

Я теперь кончаю свѣтлую личность императора Александра II; онъ для меня первый послѣ Петра, и буду очень счастливъ, если онъ мнѣ удастся; жалѣю очень, что ты не видала его безъ костюма удачно: теперь я его одѣваю. Между прочимъ я работаю и малыя вещи, которыми увлекаюсь, какъ и большими,—словомъ живу только въ мастерской, среди работы, живу, вѣрую и надѣюсь, несмотря на прозаическое время, которое вытравляетъ всякое живое чувство, какъ ржавчина желѣзо.

Я стою теперь на перепутьѣ, по поводу моего изданія: я для этого недостаточно подготовленъ.

723. Къ ней же.

Парижъ, декабрь 1898 г.

Въ прошломъ письмѣ я забылъ просить тебя о главномъ. Пожалуйста, постарайся видѣть Н. П. Собко и спроси, намѣренъ-ли онъ дѣлать русскую выставку въ Парижѣ, и когда. Объ этомъ уже сообщали здѣшнія газеты. Дѣло въ томъ, что у меня накопилось кое-что новое и даже интересное, такъ что можетъ быть весною я буду въ состояніи сдѣлать выставку; но если будетъ русская выставка, то нельзя-ли соединиться: въ такомъ случаѣ пусть выставятъ здѣсь русскія картины, а я дамъ свою скульптуру, которой хватитъ для всѣхъ. Общество будетъ имѣть то матеріальное удобство, что ему ничего не будетъ стоить моя работа — ни упаковки не будетъ, ни провоза. Но это мнѣ необходимо знать какъ можно скорѣе. Прости, что я обращаюсь къ тебѣ, право мнѣ совѣстно, что безпокою тебя, но что дѣлать, когда другіе не отвѣчаютъ: я писалъ къ Н. П. Собко два раза, но и отъ

него ни отвѣта, ни привѣта. Прибавлю—я писалъ ему не по этому поводу. Какъ ты нашла мою послѣднюю статью въ новомъ журналѣ? Читала-ли ты? Я—нѣтъ еще. И не только еще не читалъ, но даже не видалъ; не присылаютъ; должно быть она прошла незамѣтно.

Скоро увидишь меня въ родѣ уличнаго итальянца съ фигурками на головѣ, выкрикивающимъ: „Купите".

Будь здорова. Не будь художницей—не стоитъ.

Спѣшу сообщить, что Соня обручена съ Монтефіоре. Въ добрый часъ!

721. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 14 января 1899 г.

Только-что получилъ ваше письмо, которому я обрадовался, какъ всегда. Говорятъ, что бѣднякъ радъ, когда находитъ потерянное; такъ и я радуюсь, что вы поправились послѣ вашего головокруженія и опять стали въ первой шеренгѣ боя, на первомъ мѣстѣ, впереди всѣхъ. Но бороться съ декадентствомъ, по-моему—то-же, что съ чумой среди невѣждъ—ничего не подѣлаешь. Трудно уговорить пьянаго идти спать. Я не знаю, какое декадентство у насъ можетъ быть, когда у насъ въ искусствѣ большею частью художники дѣйствительно „Нищіе духомъ" [1]). Люди всегда будутъ говорить глупости, когда не знаютъ, что сказать. Здѣсь въ Парижѣ декадентство, кажется, успѣло отрезвиться; теперь здѣсь стремятся, по крайней мѣрѣ, опоэтизировать искусство, ищутъ что-то другое, но это уже не декадентство. Впрочемъ, и это имъ не удается, потому что они мелки душою. Чего-же хотятъ у насъ? Мнѣ кажется, что лучше дать имъ отрезвиться, а затѣмъ, на похмѣлье, и поговорить съ ними. Я долженъ оправдаться, что я ничего еще не видалъ мало-мальски порядочнаго у нашихъ декадентовъ, ничего не читалъ про нихъ толковаго; можетъ-быть есть, можетъ-быть пишутъ про нихъ превосходно, но, повторяю, я-то не видалъ и не читалъ. Наконецъ, я не вижу даже декадентства въ нашемъ индустріальномъ искусствѣ, именно тамъ, гдѣ фантазія такъ свободна и гдѣ ничего нѣтъ общаго съ дѣйствительностью. Здѣсь французская индустрія воочію показала, что они дѣлаютъ что-то новое, хотя далеко еще не совершенное. Но у насъ? Вѣдь это просто отрыжка европейской кухни, и скверная отрыжка.

Я не знаю, что именно вы писали о Васнецовѣ (до сихъ поръ я такъ и не получилъ ничего отъ Собко) [2]).

Въ Неаполѣ я встрѣтился съ однимъ ученымъ (имя его позабылъ). Это было давно, онъ ученикъ Дарвина, женатъ на русской. И вотъ, получивши большое приданое, онъ выстроилъ тамъ знаменитую лабораторію для изслѣдованія водяного міра. Рѣчь шла о Дарвинѣ, именно

---

[1]) Тогдашняя пьеса на театрѣ.

[2]) Н. П. Собко, издатель журнала «Искусство и художественная промышленность», гдѣ въ первомъ, ноябрьскомъ, № была помѣщена статья В. В. Стасова о Васнецовѣ.

о томъ, какъ онъ относится къ своимъ антагонистамъ. „Да,—сказалъ онъ своимъ ученикамъ,—они придерживаются противоположнаго взгляда“. И это было сказано спокойно, безъ малѣйшей обиды, или раздраженія. Мнѣ кажется, что всѣ истинно великіе люди такъ относятся къ дѣлу. Я говорю дѣло тамъ, гдѣ есть искренность, конечно, не говоря о тѣхъ мелкихъ критикахъ, которые пишутъ только для того, чтобы насолить, или только для того, чтобы расхвалить. Я говорю именно о вашей критикѣ, гдѣ искренность—раньше всего; а на васъ обижаться, за вашъ безкорыстный трудъ—печально! Вотъ все что я могу сказать. Про искусство я теперь не намѣренъ писать, хотя кое-что у меня уже начато.

Я теперь въ такомъ настроеніи, что мнѣ ничто не мило. Я только прячусь въ мастерской и заглушаю свое чувство работой, которая, впрочемъ, и не идетъ, именно благодаря моему растрепанному чувству. Причинъ тутъ много, больше, чѣмъ когда-либо.

Буду ждать вашу статью, и, если можно, вышлите мнѣ хоть по крайней мѣрѣ первый № новаго журнала, гдѣ ваша и моя статьи. Собко прекрасный человѣкъ, но онъ теперь занятъ дѣлами, а поэтому надѣяться на него трудно.

Я боюсь, что въ моемъ дѣлѣ первый блинъ выйдетъ комомъ: я говорю про мое изданіе. Это благодаря нашей халатности и тому, что „много мамокъ — дитя безъ носа“. Выше я сказалъ, что теперь я не намѣренъ писать объ искусствѣ, за то надѣюсь выслать вамъ что-то другое, пока не для печати, а для прочтенія.

725. Къ графу И. И. Толстому.

Парижъ, 20 (8) января 1899 г.

Не писалъ я вамъ до сихъ поръ потому, что не хотѣлъ безпокоить васъ дрязгами, особенно передъ Новымъ годомъ. Думаю, что въ Петербургѣ и вокругъ Академіи и безъ того ихъ много будетъ.

Вы правы, сто разъ правы, что съ моей стороны было-бы опрометчиво отказаться отъ такого заказа, который былъ мнѣ данъ по личному указанію Его Величества. Прибавлю, что это было-бы съ моей стороны не только опрометчиво, но чисто безумно.

Сегодня я сообщилъ великому князю о томъ, что мраморъ, такъ долго отыскиваемый, наконецъ, найденъ. Будемъ надѣяться, что на этотъ разъ мраморъ будетъ удачный.

Вы навѣрное знаете, что Бенуа писалъ мнѣ отъ имени великаго князя, что вопросъ о повтореніи статуи изъ terre-cuite отложенъ до полученія самой статуи. Затѣмъ, въ отвѣтъ на мое письмо я получилъ телеграмму отъ самого Великаго Князя, что ожидаетъ статую 1-го февраля 1900 года.

Такимъ образомъ поражаютъ меня съ двухъ концовъ: хотятъ лишить меня возможности выставить эту статую на выставкѣ, чтобы моимъ противникамъ была возможность вновь судить о ней вкривь и вкось, но я надѣюсь, что великій князь переложитъ свой гнѣвъ на

милость и все-таки дастъ мнѣ восторжествовать, особенно, послѣ сегодняшняго письма. И такъ, будемъ ждать.

Еще разъ и еще сто разъ поздравляю васъ и всѣхъ вашихъ съ добрымъ Новымъ годомъ, дай вамъ Богъ здоровья и счастья.

726. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 20 марта 1899 г.

Сердечно благодаримъ васъ за вашу милую телеграмму. Свадьба [1]) была справлена скромно, но съ помпой; приглашенныхъ почти не было, кромѣ родственниковъ.

Молодые улетѣли, они теперь порхаютъ вокругъ итальянскихъ озеръ. Мы-же остались здѣсь съ тяжелымъ сердцемъ и пустымъ карманомъ.

Мнѣ больно, что Россія находитъ работу для каждой швали, а для меня—нѣтъ.

Я пробовалъ просить, и знаете, чѣмъ кончилось? Обвиняли меня чуть-ли не въ грабежѣ. Я бросился издавать малыя вещи, но для этого нужны расходы. Я обратился къ министру финансовъ, чтобы онъ освободилъ меня отъ пошлины—16 руб. за пудъ: я получилъ отказъ. Наконецъ, я на своихъ плечахъ издаю. Собко увѣрялъ моего племянника, что дѣло пойдетъ блестяще, что изъ 50 тысячъ посѣтителей на ихъ выставкахъ 5 тысячъ спросятъ мои работы, а финалъ вышелъ тотъ, что продалось всего на 1800 рублей. Первые дни какъ-то пошло хорошо, но потомъ остановилось.

Правда, я послалъ не много вещей; но я просилъ открыть подписку, на что мнѣ отвѣтили, что Собко не хочетъ: боится, что я не доставлю во-время, да и публика не хочетъ. Въ дѣйствительности, я думаю, что Собкѣ не до того: онъ набралъ вокругъ себя столько дѣлъ, что ему трудно и справиться съ ними.

При всемъ этомъ, я желчнѣе, чѣмъ когда-либо, прихварываю, работа не идетъ, такъ что хочу совсѣмъ сложить руки, если я лишній.

Въ день свадьбы я простудился, схватилъ инфлуэнцу и четыре дня пролежалъ. Сегодня всталъ, можетъ быть оттого я и не въ духѣ

727. Къ нему же.

Парижъ, 9 апрѣля 1899 г.

Вчера я прочелъ въ здѣшней газетѣ, что графъ Л. Н. Толстой писалъ одному своему пріятелю—финляндцу, что вся интеллигенція Россіи сочувствуетъ имъ по поводу послѣднихъ политическихъ событій, что всѣ желали-бы у себя видѣть такое благоустройство, какъ у нихъ и т. д.

Я не политикъ, не былъ въ Финляндіи, не знаю финляндцевъ, но во всякомъ случаѣ желаю всѣмъ добра и любви другъ къ другу.

---

[1]) Свадьба старшей дочери Антокольскаго, Эсѳири-Софіи съ г. Монтефіоре.

Можетъ быть, финляндцы прекрасный, идеальный народъ, ногами упирающійся въ землю, а головой въ небо; но знаю только одно—если-бы графъ Толстой былъ евреемъ, то, не смотря ни на его великій талантъ, ни на его гуманность—его въ три шеи прогнали-бы изъ Финляндіи. Право, такой человѣкъ, какъ графъ Толстой, долженъ и объ этомъ подумать хоть немножко; вѣдь есть же общество покровителей животныхъ...

Я значительно поправился, хотя все не нахожусь въ хорошемъ настроеніи духа; я тотъ-же разочарованный во всемъ.

Можетъ быть этому причина инфлуэнца, но факты, подлые факты бьютъ въ носъ и щиплютъ душу.

Завтра, послѣзавтра ѣду провѣтриться; жаль, что одинъ, еще болѣе жаль, что не съ вами.

728. Къ графу И. И. Толстому.

Парижъ, 9 (21) мая 1899 г.

Навѣрное вы узнали отъ великаго князя Георгія Михаиловича, что онъ остался доволенъ статуей императора Александра III.

Не могу скрыть, что это было для меня большое удовольствіе и столько же удовлетворенія, особенно послѣ всего того, что дѣлаютъ противъ меня.

Какъ видите, дорогой графъ, каждый беретъ свое, получаетъ то, чего заслуживаетъ. Буду надѣяться, что и впредь мои противники будутъ осрамлены, а друзья мои будутъ радоваться. Увы! теперь такое время, что у всѣхъ—противниковъ больше, чѣмъ друзей. За то тѣмъ дороже они и тѣмъ дороже вы...

Мнѣ писали, что вы были нездоровы; надѣюсь, что теперь все прошло. Надѣюсь также, что вы поѣдете на воды и заглянете въ Парижъ. Понимаете, я желалъ-бы просто видѣть васъ, да и показать, что дѣлаю.

Всю почти зиму я не работалъ, говоря вѣрнѣе—много работалъ, но только портилъ; а вотъ отдохнувши хорошенько, я въ 3—4 дня не только исправилъ испорченное, но значительно подвинулъ впередъ. Великій князь заказалъ мнѣ 3 мраморныхъ бюста для музея.

729. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 8 іюня 1899 г.

Я не отвѣчалъ вамъ на ваше послѣднее письмо потому, что не могъ (не до того мнѣ теперь), да что вамъ отвѣтить? Мнѣ остается только перефразировать ваши-же слова: „30 лѣтъ, какъ я васъ знаю, и во всѣ 30 лѣтъ я никогда и не думалъ обижать васъ". 30 лѣтъ я васъ знаю, и никогда вы такъ не обижались напрасно, какъ теперь. Наконецъ, 30 лѣтъ, какъ я васъ знаю, и никогда вы такъ не обижали меня своимъ обижаніемъ, какъ теперь. И отчего вы обижались? Вы напечатали мое письмо, писали, чтобы я не сердился на васъ; я

отвѣтилъ вамъ, что не сержусь, потому что вы для меня такой-сякой; сожалѣю-же о томъ, что для печати нѣкоторыя выраженія я-бы иначе написалъ. Вотъ и все. И вотъ за это, и тогда, когда намъ обоимъ не по себѣ, когда у васъ въ домѣ всѣ хворають, а я живу, какъ въ аду и не знаю, какъ живу и творю; прибавлю еще—тогда, когда вездѣ кругомъ гадость и глупость—среди всего этого чтобы мы вдругъ уперлись изъ-за слова? Никогда!

Что-же касается Рѣпина, то если кто опять станетъ царапать его, я не буду молчать. Но послѣ вашей превосходной статьи, мнѣ мало остается что сказать.

730. Къ нему же.

Biarritz, 2 сентября 1899 г.

Вы знаете, что до сихъ поръ я избѣгалъ говорить о Дрейфусѣ, а избѣгалъ по многимъ причинамъ: во-первыхъ, меня могутъ подозрѣвать въ пристрастіи, какъ еврея; во-вторыхъ, я живу во Франціи, какъ чужой, и въ третьихъ—и это главное—я чувствовалъ свое безсиліе; наконецъ временами мое чувство брало верхъ надъ разсудкомъ. И вотъ, мнѣ захотѣлось вѣрить, что свѣтъ побѣдитъ тьму, хотя по ходу дѣла я сильно сомнѣваюсь въ этомъ. По этому всему, я и рѣшилъ сказать по этому поводу что-то свое. Это мой долгъ и обязанность, какъ человѣка, и, раньше всего, какъ человѣка. Поэтому, убѣдительно прошу васъ пересмотрѣть прилагаемую при этомъ письмѣ „Замѣтку“, и, если она годится, то отдайте ее печатать, а тамъ увидимъ.

731. Къ графу И. И. Толстому.

Парижъ, 18 іюня 1899 г.

Обращаюсь къ вамъ со всепокорнѣйшей просьбой: не можете-ли вы мнѣ сказать, глубокоуважаемый графъ, въ какомъ положеніи находится дѣло съ художественной выставкой въ Парижѣ? Мнѣ это необходимо знать, я готовлюсь къ ней серьезно. Мнѣ совѣтуютъ устроить отдѣльный павильонъ, но, во-первыхъ, это хлопотливо, а во-вторыхъ, и это главное, я не хочу отдѣляться отъ другихъ. Я убѣжденъ, что вы сдѣлаете все возможное, чтобы русское искусство восторжествовало, и надѣюсь, что я найду мѣсто на всемірной выставкѣ среди своихъ собратьевъ.

Но, какъ вы знаете, мнѣ нужно много мѣста, ибо хочу я выставить много: все то, что здѣсь не было выставлено. Я намѣренъ выставить 10 большихъ статуй и столько-же малыхъ, если не больше еще; въ общемъ отъ 22 до 25 произведеній. Прибавлю еще, что мнѣ необходимъ положительный отвѣтъ.

На-дняхъ кончаю большую статую Императора Александра II. Говорятъ, что удачно. Я все хлопочу по поводу моего изданія и запутался до того, что не знаю, что будетъ со мною. Остаюсь здѣсь еще недѣльки 4—5.

732. Къ нему же.

Парижъ, 26 (14) іюня 1899 г.

Жду вашего отвѣта съ большимъ нетерпѣніемъ. Время идетъ, идетъ и уходитъ. Скоро и я ѣду отдохнуть—усталъ физически и морально. А я все не знаю, что будетъ со мною. Единственная моя надежда на васъ, дорогой графъ, а потому покорно прошу васъ сообщить мнѣ: будетъ-ли уважено мое желаніе выставить въ русскомъ отдѣлѣ то количество моей работы, которое я указалъ въ прошломъ моемъ письмѣ? Наконецъ окончена статуя Александра II. Статую Александра III работаютъ втроемъ. Орнаментистъ утѣшилъ меня, сообщивъ, что для него одного на восемь мѣсяцевъ работы. Не буду удивляться, если мнѣ не повѣрятъ, такъ какъ я самъ не вѣрилъ этому. Увы! Вотъ уже четыре недѣли, какъ онъ работаетъ, а результатъ работы не великъ.

Буду надѣяться, что это моя послѣдняя большая работа. Я увлеченъ теперь совсѣмъ инымъ. Слава Богу, что не теряю энергіи и вѣрю въ то, что въ концѣ-концовъ камни мои заговорятъ и тронутъ людскія сердца. Гдѣ-то застанетъ васъ это письмо?

Будьте здоровы, отдыхайте и вы хорошенько, душою и тѣломъ: навѣрное и вы, дорогой графъ, порядкомъ устали.

733. Къ И. Я. Гинцбургу.

Locarno, сентябрь 1899 г.

Какъ видишь, я все еще здѣсь и очень жалѣю, что здѣсь такъ долго застрялъ. Я слишкомъ увлекся виллой, и это стоитъ мнѣ слишкомъ много времени и денегъ, но надѣюсь, что это будетъ только первые два-три года. Завтра ѣду въ Парижъ работать.

Я удивляюсь, что отъ тебя ни слова, и отъ В. В. такъ рѣдко. Я знаю, что онъ теперь сильно занятъ новымъ своимъ журналомъ; ну, дай Богъ ему энергіи и успѣха. Я лично начинаю немного сомнѣваться. Мы слишкомъ крѣпко спимъ, чтобы разбудить насъ къ художественнымъ интересамъ. Мы слишкомъ стали матеріальны, чтобы стремиться къ идеалу. Конечно, это не резонъ опускать руки; напротивъ, надо больше чѣмъ когда-нибудь толкать, тормошить людское чувство, а тамъ авось успѣемъ хоть что-нибудь. Но надеженъ-ли уже этотъ журналъ? А второй подобный журналъ, издаваемый Мамонтовымъ, Праховымъ, Татищевымъ? Обо всемъ этомъ я ровно ничего не знаю, никто не пишетъ и я ничего не получаю. Не знаю вообще, что творится въ нашемъ художественномъ мірѣ. Да творится-ли что-нибудь?

734. Къ графу И. И. Толстому.

Biarritz, 4 сентября 1899 г.

Вотъ три недѣли я ѣздилъ по лѣсамъ и горамъ, чтобы провѣтриться отъ всего, и теперь я пріѣхалъ въ Biarritz, гдѣ узналъ, что у Великаго Князя Владиміра Александровича былъ великій семейный

праздникъ. Я ужасно сожалѣю, что, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, я не зналъ объ этомъ. Такъ вотъ я осмѣлюсь безпокоить ваше сіятельство всепокорнѣйшей просьбой: если еще не поздно и умѣстно, то покорно прошу передать Великому Князю Владиміру Александровичу мое искреннее и сердечное поздравленіе, съ пожеланіемъ дожить имъ до золотой свадьбы, а затѣмъ до брилліантовой.

Говорятъ, что у васъ въ Петербургѣ нехорошая погода, а здѣсь сегодня только облачное небо, но тѣмъ не менѣе жарко до того, что душно спать, даже при открытыхъ окнахъ.

Сожалѣю, глубокоуважаемый графъ, что васъ здѣсь нѣтъ; ужасно хотѣлось-бы мнѣ, чтобы всѣ добрые люди были вмѣстѣ и пользовались-бы всѣмъ хорошимъ: одному какъ-то неловко.

Скоро у васъ начнется кипучая дѣятельность; хорошо-ли вы отдохнули? Желаю вамъ, главное, здоровья и всего хорошаго.

Какъ только въ Петербургѣ установится погода, а можетъ-быть и санная дорога (зима у васъ какъ-то скоро началась), я сейчасъ пріѣду; привезу фотографію статуи Императора Александра II, если она будетъ удачна.

735. Къ И. Я. Гинцбургу.

Biarritz, получено 2 октября 1899 г.

Твою литературу я получилъ и прочелъ съ удовольствіемъ, особенно вторую часть. Въ первой части видно, что ты еще не расписался; есть тамъ нѣкоторые недочеты, за то вторая часть жива, интересна и завлекательна. Я не думалъ, что ты съумѣешь такое избитое содержаніе сдѣлать такъ интересно. А знаешь, что я скажу тебѣ? Отнынѣ ты долженъ писать и рисовать; это доставитъ тебѣ не мало удовлетворенія морально, равно какъ и матеріально. Во всякомъ случаѣ, хорошо умѣть высказать перомъ то, что нашему брату невозможно высказать рѣзцомъ.

И такъ, мое поздравленіе съ удачнымъ началомъ и мое благословеніе на продолженіе. Только по возможности избѣгай писать въ разсказахъ твой личный взглядъ на вещи; пусть каждая вещь говоритъ сама за себя. Еще болѣе надо избѣгать всякаго резонерства. Задача писателя—дать зеркало души чистое, а тамъ уже нельзя будетъ пенять на нее.

736. Къ графу И. И. Толстому.

Biarritz, 2 октября 1899 г.

Я очень извиняюсь, что не могъ сейчасъ отвѣтить на ваше любезное письмо и поблагодарить васъ, добрый графъ, за то, что вы передали мое поздравленіе Великому Князю. Причиной моего молчанія было то, что дочка моя простудилась и довольно серьезно; слава Богу теперь она поправляется...

Я предвижу, дорогой графъ, сколько мелочного придется вамъ переносить, но это только комары въ жизни: они кусаются, могутъ

раздражать, но они не опасны, а потому мнѣ кажется одно и главное: держать свое сердце запертымъ на семь замковъ и ничего не допускать къ нему. Впрочемъ, сознаюсь, что гораздо легче предлагать, чѣмъ исполнять совѣты. Тѣмъ не менѣе прошу васъ не забыть по возможности моего совѣта.

737. Къ нему же.

Парижъ, 10 октября 1899 г.

Вчера я пріѣхалъ въ Парижъ и началъ хлопотать и готовиться къ работѣ. Вотъ по какому поводу я пишу вамъ: сюда пріѣхалъ одинъ пріятель мой, человѣкъ, котораго и вы, дорогой графъ, отчасти знаете. Это тотъ самый, который такъ удачно и съ такимъ успѣхомъ устроилъ мою выставку въ Петербургѣ. Я сейчасъ подумалъ, что для художественнаго отдѣла на всемірной выставкѣ такой человѣкъ, какъ онъ— кладъ во всѣхъ отношеніяхъ: онъ можетъ быть и администраторомъ, т.-е. получать матеріалъ, развѣшивать его съ толкомъ и знаніемъ дѣла, а главное—экономично.

Если вамъ нуженъ такой человѣкъ, то совѣтую вамъ, дорогой графъ, помѣстить его. Что-же касается до гарантіи, то я гарантирую за него больше, чѣмъ за себя.

Я забылъ сказать, что зовутъ его Зильберманъ, но я зову его Гольдманъ.

738. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 30 ноября 1899 г.

Прежде всего прошу васъ очень не пенять на меня за то, что я не отвѣтилъ вамъ на ваше послѣднее письмо, которое, какъ всегда, мило, дорого мнѣ и, какъ почти всегда, съ упреками, которые не менѣе дороги мнѣ. И это потому, что они отъ васъ—слѣдовательно, искренны и отъ души.

О нихъ-то и хотѣлось мнѣ поговорить съ вами. Но нѣтъ, сперва я долженъ сказать вамъ, насколько меня тронули ваши хлопоты по поводу моей „Замѣтки".

Мнѣ остается только сказать со многими другими, что нѣтъ другого Владиміра Васильевича, кромѣ Стасова.

Ну, и дай вамъ Богъ всего хорошаго, прекраснаго и долго, долго еще хлопотать для всѣхъ.

Вы упрекаете меня въ томъ, что я не дѣлалъ и не дѣлаю портретовъ великихъ людей, которыхъ я встрѣчалъ и встрѣчаю на своемъ вѣку. Ахъ, дорогой мой В. В., если-бы я чувствовалъ за собою только, и только, этотъ грѣхъ, то, право, я могъ-бы умереть со спокойной совѣстью и не бить себя кулакомъ въ грудь и кричать: „хотоси"— виноватъ. Если я въ чемъ себя упрекаю, то только въ томъ, что я не сдѣлалъ портретовъ моей жены и дочерей. Но что прикажете дѣлать—не портреты мой идеалъ въ искусствѣ, а быть мастеромъ на всѣ руки—я не хочу и не могу. По-моему, только коновалы лѣчатъ отъ

всѣхъ болѣзней заразъ. Вотъ здѣсь, напримѣръ, всякій не только строго придерживается своей спеціальности, но очень часто спеціальность дѣлится на множество вѣтвей; а у насъ наоборотъ—хотятъ, чтобы одна вѣтка росла на многихъ деревьяхъ, чтобы она была и сосна, и дубъ и т. д.; чтобы изъ нея можно было дѣлать все—и метлу, и розги, и лопату, и вѣникъ для бани. Я не шучу,—не до шутокъ мнѣ теперь,—а говорю это съ горечью: наше русское страданіе вытекаетъ именно изъ этого, т.-е. изъ того, что мы хотимъ быть на всѣ руки мастерами. Есть еще одна болѣзнь, отъ которой мы страдаемъ, можетъ-быть, еще больше другихъ, это—преобладаніе дилеттантизма.

Да, дорогой другъ, дилеттантизмъ насъ заѣдаетъ, онъ-же и торжествуетъ; дилеттантизмъ во все вмѣшивается, все знаетъ больше всѣхъ и дѣйствуетъ увѣреннѣе всѣхъ. Благодаря дилеттантизму, у насъ такіе достопримѣчательные памятники, какъ Московскій въ Кремлѣ, такъ сказать, въ самомъ сердцѣ Россіи [1]). Благодаря дилеттантизму Мамонтовъ сидитъ подъ замкомъ, Бенуа сдѣлался инспекторомъ художественно-промышленныхъ школъ, а Трубецкой—профессоромъ. Часто бываетъ и такъ: если кто умѣетъ хорошо солить огурцы, у того есть много шансовъ попасть въ чинъ съ окладомъ. Наконецъ, благодаря дилеттантизму, вашего покорнаго слугу обвиняли въ томъ, что онъ хочетъ грабить казну, что четыре конныя статуи стоили всего только 7000 фр.; тѣ-же дилеттанты повѣрили и они-же отняли у меня эту работу, наконецъ, благодаря тѣмъ же дилеттантамъ, я сижу безъ работы, а дилеттанты торжествуютъ!

Нѣтъ, дорогой другъ, не хочу я быть дилеттантомъ, хочу быть спеціалистомъ; будетъ мнѣ чистить сапоги великихъ людей, хочу, чтобы и меня немного почистили. Такъ вотъ почему я не дѣлаю бюстовъ.

Теперь поговоримъ совсѣмъ о другомъ. Посылаю вамъ часть моего новаго труда на ваше сужденіе. Лишнее сказать, что объ этомъ никто ничего не знаетъ и я не хочу, чтобы кто-либо зналъ.

Прочтите, пожалуйста, и скажите, какъ вы нашли, конечно, съ художественной точки зрѣнія. Объ этомъ могутъ знать вы, Димитрій Васильевичъ, Полина Степановна да Эліасъ—и больше никто. Вторая часть будетъ готова въ будущемъ году, ибо я могу писать только лѣтомъ, во время отдыха. Все, что могу сказать, это—что вторая часть интереснѣе, но пока она только вчернѣ.

Скоро я самъ буду у васъ, но, если можно, дайте мнѣ вашъ отзывъ до моего пріѣзда.

739. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, декабрь 1899 г.

Выписки изъ письма Горькаго по поводу сіонистовъ, или, вѣрнѣе, по поводу еврейства вообще, столько-же меня обрадовали, сколько и

---

[1]) Памятникъ Александру II.

удивили. Въ теперешнее тяжелое время, которое мы всѣ переживаемъ, кто не антисемитъ? Всѣ охотно сбрасываютъ свою больную голову на чужія плечи. Эти палліативныя мѣры, въ концѣ-концовъ, еще болѣе портятъ все дѣло. Когда начались еврейскіе погромы, я писалъ И. С. Тургеневу, прося его сказать свое авторитетное слово. Онъ не скоро отвѣчалъ мнѣ, и что отвѣчалъ? Скорѣе отнѣкивался: теперь, дескать, не время (кажется, я передалъ это письмо барону и, кажется, оно было гдѣ-то напечатано).

Десятки лѣтъ спустя я посѣтилъ (въ первый разъ) Л. Н. Толстого. Время было тогда бурное по поводу процесса Дрейфуса. На мой вопросъ, слѣдитъ-ли онъ за этимъ процессомъ, онъ отвѣчалъ: „нѣтъ“.

Немного времени спустя онъ же написалъ статью за финляндцевъ, именно за тѣхъ, которые не пускаютъ евреевъ къ себѣ даже на порогъ. Мнѣ казалось, что только Стасовы и немногіе имъ подобные уцѣлѣли отъ чумы антисемитизма, и вотъ слышу теперь и отъ другихъ голосъ сочувствія. Какъ это теперь рѣдко, какъ это отрадно! Радуюсь, что есть еще добрые люди, которые не бросаютъ все и всѣхъ заразъ въ мусорную яму, не обвиняютъ всѣхъ за немногихъ, а, напротивъ—прислушиваются къ ихъ стону и подаютъ руку сочувствія.

740. Къ В. В. Стасову.

С.-Петербургъ, 10 декабря 1899 г.

Пишу вамъ второпяхъ, всего нѣсколько словъ, и для того только, чтобы сказать вамъ то, чего вчера не успѣлъ сказать. Мнѣ очень, очень больно, что между вами и Рѣпинымъ все еще не могутъ установиться старыя отношенія; больно потому, что друзей становится все меньше и меньше, а враговъ все больше и больше. Виною этого раньше всего наше удручающее время.

Мнѣ кажется, что теперь не только нѣтъ двоихъ людей, которые шли-бы рука объ руку, но каждый человѣкъ ссорится съ самимъ собой; между его правой стороной и лѣвой какой-то разладъ; говоря проще, время больное, не узнаютъ другъ друга.

Я не могу одобрить многихъ, многихъ поступковъ Рѣпина, но я лично никогда не могъ сердиться на него, потому что, по-моему, онъ даже въ своихъ ошибкахъ искрененъ; у него то, что Байронъ говорилъ о себѣ—двѣ души въ одномъ тѣлѣ. И вы, дорогой В. В., не должны его казнить за его грѣхи, а приголубьте за его хорошія качества, которыхъ у него тоже много, много.

Что-же касается до паденія нашихъ курсовъ, то на это я скажу одно—таланты похожи не на звѣзды, а на брилліанты, которые блестятъ только при яркомъ свѣтѣ, а темныя ночи—праздникъ только для воровъ.

741. Къ графу И. И. Толстому.

Петербургъ, 2 января 1900 г.

Не успѣлъ я еще отдохнуть, какъ опять начинаю уставать, вол-

новаться и возмущаться. Трудно бороться съ дураками, а еще труднѣе жить среди пошляковъ.

Рвусь домой.

Если позволите, я приду къ вамъ завтра обѣдать и душу отвести.

Забылъ, въ которомъ часу. Прошу покорно телеграфировать.

742. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 25 января 1900 г.

Пишу, главное, для того, чтобы выразить вамъ мой восторгъ, мою гордость и мою благодарность за ваше доброе сердце, которое вы показали въ особенности во время моей болѣзни. Скажу больше— я не чувствовалъ себя больнымъ, будучи окруженъ такими людьми, какъ вы, добрый, дорогой мой В. В.

Шлю мой привѣтъ и благодарность всѣмъ вашимъ, въ особенности Д. В.

Погода здѣсь отвратительная, ѣхать некуда, сижу дома. Здоровье мое нормально, только, конечно, необходимъ еще нѣкоторый отдыхъ.

Никакихъ плевритовъ нашъ докторъ у меня не констатировалъ; совѣтуютъ ѣхать въ Германію лѣчиться; но я надѣюсь, что какъ только погода поправится, поправлюсь и я.

743. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, 29 февраля 1900 г.

Я думалъ, что больше незачѣмъ будетъ утруждать тебя, но вотъ опять моя просьба къ тебѣ. На этотъ разъ дѣло вотъ въ чемъ. Мнѣ давно обѣщали выслать фотографію съ коронаціонной цѣпи, которую носилъ покойный Государь. Но дѣло это ведется канцелярскимъ образомъ и, повидимому, застряло въ министерствѣ двора, а, между тѣмъ, мнѣ нуженъ этотъ документъ до зарѣза, и врядъ-ли я дождусь его. И я подумалъ, что навѣрное въ Публичной Библіотекѣ есть что-нибудь подходящее (альбомъ или что-нибудь въ другомъ родѣ), такъ нельзя-ли скалькировать или сфотографировать хоть часть этой цѣпи? А то спроси у В. В., точно-ли такую цѣпь носила Императрица Екатерина II? Если ничѣмъ не разнится, то рисунокъ цѣпи временъ Екатерины у меня есть; если-же нѣтъ, то, пожалуйста, вели скалькировать.

Здѣсь новостей мало. Всѣ суетятся по поводу выставки. Будетъ всего вдоволь и для разсудка, и для желудка, и для еще чего. Я-же лично терпѣть не могу тѣ роды выставки, которые разсчитаны на кабачную прибыль.

Въ русскомъ отдѣлѣ тоже въ своемъ родѣ гадость: масса молодыхъ людей, всѣ будто работаютъ, въ сущности-же рѣшительно ничего нѣтъ. Все это, или по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, матушкины сынки, никакого жалованья не получаютъ, за то и ничего не дѣлаютъ, только вокругъ нихъ вертятся воробьи, которые и одобряютъ

все какъ слѣдуетъ. Зильберманъ уже печально наткнулся на подобнаго-же воробья, и всѣ жаждутъ одного—даромъ отличаться и получать крестики. Гадко! У меня даже пропала охота выставить что-нибудь.

744. Къ нему же.

Парижъ, мартъ 1900 г.

Отчего ты не прислалъ мнѣ вторую половину твоей статьи про выставку? Я усиленно работаю, ибо значительно опоздалъ. Главная причина та, что я хотѣлъ-было сдѣлать экономію въ трудѣ, а поэтому вылѣпилъ маленькую статуэтку Екатерины II и далъ ее увеличить, какъ всѣ это дѣлаютъ здѣсь. Но, Боже мой, что они сдѣлали! Далъ другому сдѣлать вторично—и наконецъ самъ началъ, но оказалось, что распутывать чужую путаницу очень трудно. Пожалуйста, постарайся повидать моего племянника Григорія Моисеевича и переговори съ нимъ, о чемъ я ему писалъ. Дѣло въ томъ, что недавно еще я опять убѣдился, что выпускъ моихъ вещей въ коммерцію значительно повредилъ мнѣ. Что прикажешь дѣлать? Люди, большей частью бароны, хотятъ непремѣнно того, чего нѣтъ, а разъ есть, теряютъ желаніе имѣть. Прежде мнѣ давали, сколько я просилъ, а теперь, сколько ни назначу—все дорого. Такимъ образомъ я хочу возвратиться къ прежней системѣ: кому что нужно—пусть закажетъ, а работа моя будетъ не коммерческая, а любительская: поменьше, получше и подороже. Такимъ образомъ, одно изъ двухъ: или взять мои вещи изъ продажи, или продавать ихъ съ аукціона, но въ обоихъ случаяхъ непремѣнно объявить въ газетахъ причину. Какъ видишь, дорогой Илья, меня не хотятъ, и я не хочу другихъ. Это дало мнѣ еще однимъ разомъ больше повода продать все, что я имѣю недвижимости, главнымъ образомъ мою коллекцію старинныхъ вещей. За то я пріобрѣту свободу творчества и не буду столько маяться съ матеріальной стороны. Распродажа навѣрное будетъ въ концѣ мая. Будемъ надѣяться, что хорошо продастся. Правда, какъ разставаться съ излюбленными вещами, которыя очень много расширили мой горизонтъ въ художественномъ отношеніи? Но будемъ философами и скажемъ: „Все къ лучшему".

Я начинаю быть довольнымъ моей теперешней работой; надѣюсь, все будетъ хорошо, и радъ, что дѣлаю памятникъ. Вѣдь это въ первый разъ для меня и, можетъ-быть, и въ послѣдній разъ. Вѣдь подобной оказіи надо ждать еще 30 лѣтъ, но тогда...

745. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 27 марта 1900 г.

Ваша статья въ „Новостяхъ", которую вы мнѣ прислали [1]), до того хороша, до того сильна и разумна, что ужъ не знаю, какъ это и высказать; скажу коротко: вы не только не старѣетесь съ годами,

---

[1]) Статья В. В. Стасова: «Пять выставокъ», напечатанная въ «Новостяхъ» 10, 14 и 20 марта 1900 года, №№ 69, 73 и 79.

но даже молодѣете, лучшимъ, мощнымъ становитесь. Но почему вы не прислали мнѣ продолженія?

Не буду говорить про нравственныхъ уродовъ, которыхъ вы такъ мѣтко и искусно бичуете,—ихъ теперь вездѣ много, съ этими микробами ничего не подѣлаешь, они исчезнутъ только со временемъ. Но я радъ за Верещагина, это въ русскомъ искусствѣ силачъ, который займетъ свое мѣсто, несмотря на микробовъ и червяковъ, которые такъ пристаютъ къ нему.

Относительно моего каталога, боюсь, что изъ большой тучи будетъ маленькій дождь, вѣрнѣе—ничего.

Началъ я съ малаго, скромнаго, и мало-по-малу дошло уже дѣло до альбома, да еще съ шикомъ. По моему, либо хорошо, либо ничего; но для хорошаго мало времени, да и дорого. Хорошій альбомъ изъ 23 фотогравюръ, съ хорошимъ текстомъ, приличнаго формата, въ количествѣ 1000 экземпляровъ, обойдется въ 15,000 фр., и такъ какъ пока у меня денегъ нѣтъ, то пока я и пріостановилъ это; но не унываю и сдѣлаю, непремѣнно сдѣлаю, потому что хочу.

Но покуда вышло тутъ одно маленькое, хорошенькое дѣло. Вотъ въ чемъ его суть: я подумалъ, что вмѣсто того, чтобы писать большіе тексты для альбома (обыкновенно въ такихъ текстахъ для подобныхъ изданій много патоки и еще больше воды), буду я лучше печатать отрывки изъ моей автобіографіи, и васъ попрошу написать приличную préface. Но для этого мнѣ хотѣлось передать вамъ кое-что изъ моего дѣтства, въ видѣ письма, и это я уже и написалъ. Конечно, я много не распространялся тутъ, но все-таки факты довольно интересные; скоро я вышлю все это вамъ.

Какъ я уже сказалъ вамъ,—фотогравюръ будетъ 23, и вотъ какія:

„Иванъ Грозный“, „Петръ I“, „Ермакъ“, „Несторъ“, „Ярославъ Мудрый“, „Императоръ Александръ III“, „Императоръ Александръ II“, „Спиноза“, „Мефистофель“, „Мученица“, „Христосъ передъ судомъ народа“, „Послѣдній вздохъ“, „Голова Ивана Крестителя“, „Христосъ“, „Ребенокъ Терещенко“, „Надгробный памятникъ княжнѣ Оболенской“, „Офелія“, „Сестра милосердія“, „Спящая красавица“, „Мечта“, „Русалка“, „Рах“ и, наконецъ, мой портретъ, писанный Рѣпинымъ (если онъ позволитъ).

Я не рекомендовалъ Нотовичу моего племянника [1]), какъ художественнаго критика (тогда я у него и не подозрѣвалъ этого), а рекомендовалъ его, какъ рисовальщика для его журнала.

Я забылъ сказать вамъ, что, не получивши отъ васъ отвѣта на мою просьбу написать préface къ каталогу, я обратился съ этимъ къ корреспонденту „Новостей“, г. Семенову, пишущему недурно. Но именно здѣсь, тогда, когда онъ долженъ былъ придти ко мнѣ, я получилъ ваше письмо, и, конечно, если вы возьметесь за это дѣло, то,

---

[1]) Леонъ Моисеевичъ Антокольскій, живописецъ, ученикъ Рѣпина, одно время писавшій художественныя статьи въ «Новостяхъ».

во-первыхъ, это будетъ въ тысячу разъ лучше, и это и г. Семеновъ сознаетъ, а во-вторыхъ, мнѣ будетъ несравненно пріятнѣе.

746. Къ нему же.

Парижъ, 27 апрѣля 1900 г.

Все будетъ сдѣлано по вашему. Радъ, что вы пріѣдете сюда смотрѣть диво міра: ничего подобнаго не было и не будетъ [1]). Но ничего не хочу говорить вамъ—пріѣдете и сами увидите. Я страшно недоволенъ собою, своею работою—мнѣ кажется, что и я, и моя работа уже состарѣлись; теперь не то, не того требуютъ; теперь торжество дилеттантизма. Притомъ-же я за послѣднее время ничего порядочнаго не сдѣлалъ. Бюсты и портреты (статуи) отняли у меня массу времени; да и жизнь складывается не такъ, какъ хочешь. Словомъ, у меня Katzen-Jammer такой, какого никогда не было.

За то я надѣюсь, что душою еще не постарѣлъ; и, коли живъ буду, только теперь начну работать, конечно, помимо заказовъ.

И такъ, до скораго свиданія.

747. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, весна 1900 г.

Пребольшое спасибо тебѣ за твое письмо, хотя и опоздалое. Я былъ очень неспокоенъ, и оказывается, что не понапрасну: и ты прихварывалъ, и нашъ дорогой В. В. продолжаетъ жаловаться; за то я радъ, что онъ ѣдетъ на Кавказъ, а ты въ Малороссію.

Жду твою новую, поправленную модель фигурки В. В. Конечно я отолью ее изъ бронзы. Мнѣ сказали, что въ Петербургѣ есть помощникъ (бывшій) Барбедіена, и что онъ превосходно отливаетъ; такъ-ли это? Сомнѣваюсь, иначе ты-бы навѣрное зналъ объ этомъ. Во всякомъ случаѣ узнай, и если дѣйствительно онъ хорошъ, то напиши заодно, сколько у насъ съ пуда пошлины съ бронзы.

Я все время работалъ, работалъ и все безъ толку, такъ что теперь я совсѣмъ отдыхаю. Не знаю, боленъ-ли я потому, что работа капризничаетъ, или-же работа капризничаетъ потому, что я боленъ. Но все равно, потому что результатъ одинаково скверный, а именно: и не работается, и нездоровится. Впрочемъ неудивительно, всю зиму у меня былъ все отливъ, все было скверно, и какъ я ни гналъ его отъ себя, но нервы берутъ верхъ.

При окончаніи „Мученицы“ оказалась на всемъ лицѣ золотая полоска, а внизу трещина, такъ что уголъ базиса можетъ отскочить. Хуже всего то, что Третьяковъ не хочетъ, чтобы статуя была въ двухъ экземплярахъ, а я не хочу, чтобы работа моя была навѣки съ изъяномъ. Конечно, я-бы оставилъ эту статую для себя, не для продажи, но я не знаю, согласится-ли Третьяковъ. Какъ тутъ быть? Не знаю.

---

[1]) Всемірная выставка въ Парижѣ, 1900 г.

Какъ видишь, все сюрпризы. А, да ну съ ними! Повидимому для нашего брата самая жизнь сюрпризъ. Ну, ничего, перемелется—и все мука будетъ. Главное не останавливаться и по возможности идти впередъ, черезъ всѣ эти горки и бугорки.

Про выставку Айвазовскаго навѣрное ты читалъ. Знаешь, картины его то-же, что и наши критики. Что остается мнѣ прибавить? Ничего, и это я и дѣлаю.

Съ русскими художниками я давно не видался; да тамъ, кажется, и новостей-то мало, все идетъ какъ шло; и радостей, и горя тамъ мало, и интереса мало. Увидимъ, что дастъ 2-й Salon. Шуму навѣрное будетъ много; будетъ-ли столько-же толку? Будемъ надѣяться на все лучшее.

Въ домѣ у меня все идетъ, слава Богу, хорошо. Это радуетъ меня больше всего, а то радости какъ-то мало. Но пройдетъ. Въ жизни бываетъ разное. Было-бы все хорошо, пожалуй было-бы смертельно скучно.

Будь здоровъ и пиши, только не забывай про Академію художествъ. Знаю только одно: что новая метла выметаетъ старое; и за то спасибо. А что дальше будетъ, или что сейчасъ тамъ дѣлается, ничего не знаю. Я ни къ кому не пишу, и никто ко мнѣ не пишетъ, а коли кто иногда скажетъ пару словъ, то непремѣнно слѣдующее: „Про Академію вы навѣрное уже знаете, а потому нечего прибавить". Въ этомъ родѣ и ты писалъ, а потому покорнѣйше прошу прибавки, состоящей изъ главнаго.

748. Къ нему-же.

Всемірная выставка, май 1900 г.

Пишу второпяхъ. Теперь всѣ торопятся здѣсь. Выставка—это послѣдняя пляска человѣческаго воображенія, все что только черти могли выдумать. Все нагромождено, одно на другое, задыхаешься и тонешь въ общей массѣ. Но все-таки это въ высшей степени интересно и поучительно. Никогда не увидишь того и столько, какъ теперь. Но Боже сохрани, чтобы оно повторялось, ибо сила человѣческая обанкрутится, воображеніе притупится. Уже теперь всѣ говорятъ: „слишкомъ".

Что касается до экспонентовъ, то всѣ бѣгаютъ какъ собаки во время жары, съ высунутымъ языкомъ, тяжело дыша.

Наше помѣщеніе для скульптуры крайне неудачно. Дѣлаютъ, что могутъ, но вещей слишкомъ много. Твои четыре маленькія вещи помѣщены среди живописи, и это считается особенно почетнымъ, а остальное на виду. Я недоволенъ освѣщеніемъ, но тоже и никто не доволенъ. Статуя Императора Александра III освѣщена убійственно, за то устройство вышло мило и даже шикарно, и сколько зависти за то!!! Трубецкой потребовалъ для себя такое-же помѣщеніе и наполовину достигъ этого. Какъ мнѣ передалъ одинъ человѣкъ, онъ считаетъ, что только два скульптора и есть на свѣтѣ, онъ да Родэнъ. Есть рус-

скіе, которые утверждають, что онъ выше Родэна. Надо ему отдать справедливость, у него есть талантъ, и симпатичный, прибавлю къ этому; онъ очень талантливъ, но все-таки дилеттантъ. А именно это-то теперь и въ ходу, и нѣтъ сомнѣнія, что среди многихъ онъ будетъ имѣть успѣхъ.

Такъ вотъ, хотѣлъ сказать два слова, и расходился.

Отчего ты не прислалъ статуэтку Шишкина? Отчего твои патины такъ черны? Я хотѣлъ нѣкоторыя изъ нихъ просвѣтлить, но будешь-ли ты-то доволенъ?

Перлеманъ, къ сожалѣнію, самое неудачное. Синайскій дѣйствительно много понатерся отъ французовъ.

Большой успѣхъ имѣетъ Трубецкой; на остальныхъ мало кто обращаетъ вниманіе. Беренштейнъ (я вѣчно путаю Беренштамма съ Беренштейномъ), но все равно, ну, скажемъ, Гревистъ [1]), выставилъ слишкомъ много бюстовъ. Между ними есть нѣсколько недурныхъ, но всѣ претендуютъ на первыя награды, а Трубецкому даже пророчатъ медаль.

Да ну ихъ совсѣмъ!!!

749. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 11 мая 1900 г.

До сихъ поръ еще никакихъ критическихъ статей я не получилъ [2]) для васъ, и это потому, что (по всей вѣроятности) никто еще не пишетъ. Виноватъ, пишутъ обо всемъ, но ни о чемъ въ особенности. Такая характеристика теперешней выставки: „Слишкомъ всего много!“ а потому есть на что смотрѣть для того, чтобы ничего не видѣть. Это не софизмъ, а истина. Представьте себѣ обѣдъ изъ ста двадцати блюдъ, который начинается въ 6 часовъ вечера и кончается въ 6 часовъ утра. Вѣдь въ концѣ-концовъ и голова закружится, и тошно станетъ, несмотря на то, что сами блюда подчасъ превкусныя. Вы знаете, что я вообще противъ выставокъ, хотя самъ участвую въ нихъ; и чѣмъ больше выставка, тѣмъ меньше она удовлетворяетъ меня. Я не знаю, хорошо-ли оно въ прочихъ отношеніяхъ, но по отношенію къ искусству—выставки просто убійственное дѣло. Что касается критики, то, по всей вѣроятности, потомъ и это будетъ, но пока газеты занимаются самой выставкой, т.-е. описаніемъ открытія разныхъ отдѣловъ разныхъ государствъ. Затѣмъ, открытія разныхъ ресторановъ и проч. и проч.

Жаль, что у меня времени нѣтъ, а то есть о чемъ писать, есть на что радоваться и о чемъ плакать.

---

[1]) Беренштаммъ дѣлалъ бюстъ президента французской республики, Греви.

[2]) В. В. Стасовъ просилъ Антокольскаго подписаться за него (Стасова) на журналъ «Argus de la presse», собирающій вырѣзки изъ множества всевозможныхъ газетъ о требуемыхъ предметахъ: на этотъ разъ В. В. Стасовъ желалъ получать всѣ статьи о художественномъ отдѣлѣ всемірной выставки.

Но обо всемъ этомъ поговоримъ, когда будете здѣсь.

Теперь-же я вынужденъ затруднить васъ просьбой, а именно—получить за меня пенсію; вы можете это поручить другому. Но оставилъ-ли у васъ Эліасъ книжку?

Вы навѣрное знаете, что я сталъ дѣдушкой; говорятъ, что этому надо радоваться. Ну, я и радуюсь. А между нами говоря, я никогда не праздную своего рожденія—просто потому, что мало радости, когда годъ жизни прошелъ; а какой будетъ будущій—не знаешь.

750. Къ нему же.

Парижъ, 23 мая 1900 г.

Ваше письмо получилъ. Очень, очень благодаренъ вамъ за фотографію портрета Екатерины II, работы Левицкаго, находящагося у васъ въ Библіотекѣ. Въ Hôtel Doré пойду завтра утромъ, и какой-бы отвѣтъ ни получилъ, сейчасъ напишу.

Вырѣзки изъ разныхъ газетъ получаю для васъ, но все только французскія, да и то послѣ долгихъ переговоровъ; видно, что тутъ всѣ голову потеряли, да и есть изъ-за чего. Выставка удивительна!!! Одна бѣда—всего слишкомъ много.

Рѣпина я еще не видалъ, какъ и графа Толстого и Беклемишева; знаю только, что графъ здѣсь, а про остальныхъ не знаю. Видѣлъ я только Z. (къ сожалѣнію). Представьте себѣ—кланяется, какъ подлый рабъ. Видѣлъ я его два раза и оба раза плохо завтракалъ.

То, что Трубецкой будетъ дѣлать статую Императора Александра III, нисколько не удивляетъ меня—это послѣдовательно послѣ памятника московскаго. Теперь царство не только дилеттантизма, но и всякой анти-естественности.

Да ну съ нимъ!

751. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, май 1900 г.

Я сдѣлалъ кромѣ двухъ вещей, которыя ты видѣлъ, также и „Діогена“, „Русалку“ и „Спящую красавицу“. Мнѣ осталось работы всего на нѣсколько дней. Затѣмъ отдохну, для того, чтобы взяться за болѣе серьезную работу. Но вотъ, вѣчно одна и та же бѣда: остановка изъ-за денегъ. Но надѣюсь на Бога, на свои руки и больше ни на кого; надѣюсь и не унываю.

Будь такъ добръ, спроси въ конторѣ Юсупова, прибылъ-ли уже бюстъ государя? И гдѣ теперь самъ князь Юсуповъ?

2) Скажи Фельтену, что въ сентябрѣ я вышлю ему семь бронзовыхъ моделей въ маломъ видѣ, для продажи и пріема заказовъ, скажи ему еще, что охотно дамъ ему за комиссію 15%, но просилъ-бы, чтобы онѣ были хорошо выставлены, въ отдѣльномъ окнѣ, въ среднемъ, если можно, и кругомъ были бы обвѣшены бархатомъ, въ видѣ фона.

3) Наконецъ, узнай въ редакціи „Петербургскихъ Вѣдомостей“,

напечатана-ли замѣтка, которую я имъ послалъ. Если да, то пусть пришлютъ мнѣ нѣсколько номеровъ.

Здѣсь былъ секретарь музея Императора Александра III. Ему статуя очень понравилась. На-дняхъ былъ здѣсь также и графъ Воронцовъ-Дашковъ, который отыскалъ меня, и ему статуя Государя нравится. Такимъ образомъ, мало-по-малу дѣло свое беретъ.

Теперь здѣсь Праховъ, который, между нами говоря, еще меньше прежняго мнѣ понравился.

Я не писалъ В. В. не потому, что не хотѣлъ, а потому, что не могъ: времени нѣтъ, силъ нѣтъ.

Еще одна просьба: постарайся видѣть В. и попроси, чтобы онъ устроилъ такъ, чтобы выслали мнѣ деньги за бюсты. Я давно выслалъ ихъ, а послѣдній вышлю на-дняхъ. Между тѣмъ я все жду за нихъ денегъ. Вѣдь я сдѣлалъ для нихъ за половину цѣны, а они поступаютъ со мною какъ коммерсанты. И конечно, когда я прошу денегъ, значитъ, что мнѣ это очень нужно.

Поцѣлуй отъ меня В. В.

752. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 14 іюля 1900 г.

Я уже безпокоился, что не имѣлъ отъ васъ письма, хотѣлъ-было уже телеграфировать, но какъ разъ въ тотъ-же день я получилъ ваше письмо, которое меня сильно обрадовало. Ради Бога, не оставляйте гостепріимный уголокъ раньше, чѣмъ окончательно поправитесь, и грѣхъ и преступленіе будетъ съ вашей стороны дѣлать иначе. Вы должны это сдѣлать для всѣхъ, кто васъ любитъ, въ томъ числѣ и для меня.

Послѣ васъ я порядочно помаялся—на правомъ глазу сдѣлалось то-же самое, что было на лѣвомъ; а тутъ надо кончать работы, а тутъ еще африканская жара (40% въ тѣни), какой не было въ теченіе 100 лѣтъ! Но вотъ, работу вчера кончилъ, глазу лучше, остается только уѣхать, но куда? Къ намъ въ Локарно? Но тамъ еще жарче. А все-таки ѣду пока самъ, а тамъ увидимъ.

Отъ Эліаса получилъ письмо; радовался, что онъ среди природы, и жалѣю, что я не могъ поѣхать къ нему. Гдѣ онъ теперь?

Нижайшій поклонъ доброму Звенигородскому. Извиняюсь, что не знаю имени и отчества.

753. Къ нему же.

Парижъ, 20 ноября 1900 г.

Я давно, очень давно не писалъ къ вамъ, да я и ни къ кому не писалъ. Я слышалъ о вашемъ горѣ и не могъ откликнуться, выразить вамъ мое сочувствіе. Вы знаете, дорогой В. В. [1]), что ваши радость и горе—мои радость и горе. Не спрашивайте, почему я не писалъ, почему я молчалъ,—на это я не могу вамъ отвѣтить, по край-

---

[1]) Смерть невѣстки В. В. Стасова, Маргариты Матвѣевны Стасовой.

ней мѣрѣ прямо; косвенно-же скажу вамъ, что вотъ уже второй годъ, какъ судьба бьетъ меня по головѣ, точно обухомъ, и безъ перерыва, безъ передышки. Теперь я пользуюсь затишьемъ, чтобы сказать вамъ, что я горюю вмѣстѣ съ вами о потерѣ хорошихъ людей, о близкихъ въ особенности. Но я горюю не о мертвыхъ, а о живыхъ, оставшихся послѣ нихъ; мнѣ жаль васъ, дорогой В. В., мнѣ жаль васъ всѣхъ. Но я слышалъ, что вы, слава Богу, все тотъ-же герой, гордо несете свою сѣдоволосую голову на своей гривѣ, какъ левъ.

Это-то и хорошо, это-то меня и радуетъ и восхищаетъ. Да, будьте вы намъ примѣромъ...

Я началъ работать, т.-е. вхожу въ свою колею, и, какъ видите, сталъ даже писать къ друзьямъ, и первому—вамъ. Вѣдь я не писалъ—не хотѣлъ, не могъ; не хотѣлъ говорить, не хотѣлъ, чтобы кто-либо меня слушалъ; я вошелъ въ свою скорлупу и спрятался далеко, вглубь, пока гроза пройдетъ. Но довольно, все проходитъ.

Жалѣю, что лѣтомъ почти не отдыхалъ, и это, чего добраго, можетъ отозваться на моемъ здоровьѣ, тѣмъ болѣе, что въ эту зиму я собираюсь много работать.

Да чего робѣть, авось Богъ милостивъ.

Что ваши статьи о всемірной выставкѣ? Если написали, пришлите, пожалуйста.

754. Къ нему же.

Парижъ, 26 декабря 1900 г.

Помимо всякой всячины, я беру теперь перо, чтобы высказать вамъ мое желаніе, то, что у меня сейчасъ на душѣ.

Прежде всего я желаю, чтобы вы здравствовали, были бодрымъ, энергичнымъ, какимъ были всегда; чтобы вы радовались всѣмъ, что любите и всѣми, кого любите, и чтобы они радовались вашей радостью.

Я желаю, чтобы съ новымъ годомъ, съ новымъ вѣкомъ началось оздоровленіе въ жизни и въ искусствѣ; чтобы декаденты провалились, какъ черти на сценѣ.

Я желаю видѣть васъ торжествующимъ; видѣть въ искусствѣ въ самомъ дѣлѣ что-нибудь новое и здоровое. Наконецъ, я желаю вамъ долго, долго жить, насъ не забывать и любить. То же самое я желаю и Д. В. и всѣмъ вашимъ.

Пожелайте-же и мнѣ, дорогой В. В., имѣть возможность поскорѣе обнять васъ и расцѣловать крѣпко и горячо.

755. Къ Ел. Григ. Мамонтовой.

Парижъ, 1 января 1901 г.

Часто вспоминалъ васъ, всѣхъ, всѣхъ, и себя среди васъ. Иной разъ вспоминалъ наше житье-бытье въ Римѣ. Мы тогда были молоды, безпечны, веселились и радовались. Мало имѣли, мало желали имѣть, носили свое богатство въ самихъ себѣ, никто ничего не требовалъ отъ

другого, кромѣ теплаго, человѣческаго отношенія, и мы всѣ были вознаграждены. Вспоминается мнѣ еще вашъ домъ, мое пребываніе въ немъ, ваше гостепріимство, ваши ласки мнѣ, всѣмъ, кто бывалъ у васъ. Прошло время, и жизнь оставила на челѣ слѣды, какъ колеса оставляютъ на мягкомъ грунтѣ. Прошла жизнь, какъ лѣтніе дни, и мы побѣлѣли, какъ снѣгъ. Не жалѣлъ-бы я прошлаго, если-бы настоящее было хорошо, но мнѣ кажется, что теперь одно изъ двухъ: или время мѣняетъ людей, или люди мѣняютъ время. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что молодежь живетъ не такъ, какъ мы жили, что наша жизнь была цѣльнѣе, а главное—теплѣе и идеальнѣе.

Какъ-бы тамъ ни было, я вовсе не хочу войти въ свою скорлупу и ждать тамъ старости. Я хочу еще жить подъ солнцемъ, хочу, чтобы оно меня грѣло, хочу жить, но чтобы и друзья жили, какъ жили прежде; хочу, чтобы они радовались, веселились, чтобы всѣмъ было хорошо, хочу, чтобы каждый пользовался своими плодами, но не горькими; хочу, чтобы мои старые друзья были, какъ старое вино. Я хочу жить, творить и любить, хочу, чтобы и въ вашемъ домѣ веселились, пировали и меня приглашали. Наконецъ хочу, чтобы ваши теплыя ласки въ вашемъ домѣ свѣтились, какъ лампады передъ образами. Вотъ чего я хочу, вотъ чего желаю вамъ и всѣмъ вашимъ отъ всей души на новый годъ и на новый вѣкъ.

Я работаю и въ работѣ нахожу утѣшеніе. Правда, говорятъ, что будто я постарѣлъ. Вздоръ. Не вѣрьте. Я всю жизнь работалъ душою, искалъ въ камнѣ душу, а это такая вещь, которая никогда не старѣется... Работа моя стара для тѣхъ только, кто самъ устарѣлъ душою, кто не любитъ здоровыхъ душъ.

756. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 12 марта 1901 г.

Долго не писалъ я вамъ, каюсь и сожалѣю, но Эліасъ навѣрное сказалъ вамъ причину этого. Ужъ не знаю почему, отчего, какимъ образомъ, но въ послѣднее время происходитъ со мною нѣчто небывалое—то одно, то другое, и одно другого хуже, просто отливъ; ну, какъ не вѣрить въ фатальность! Теперь передышка, но надолго-ли?

Я теперь работаю съ азартомъ памятникъ Екатерины II, но и тутъ тоже небывалыя зацѣпки. Мечтаю кончить, постараюсь сдѣлать все, что могу, что идея мнѣ диктуетъ,—вѣдь самое главное выразить содержаніе. Затѣмъ, моя мечта (одна мечта!) на старости посвятить послѣдніе мои годы воспѣванію великихъ людей русской исторіи, главное, эпической.

Этимъ я началъ, этимъ хотѣлъ-бы покончить. Я все еще мечтаю сдѣлать четыре конныя статуи, я даже намѣревался просить, пусть пока дадутъ мнѣ хоть двѣ, хоть одну статую.

Къ сожалѣнію, печальные безпорядки, происходившіе у васъ, заставили меня отложить мое намѣреніе просить—теперь навѣрное никому не до меня.

Лишнее сказать, что ни голова, ни сердце у меня не устали, слава Богу, несмотря на разныя пертурбаціи за послѣдніе два года. Но сила и карманъ порядочно пострадали. Я теперь занятъ—реставрирую себя и реставрирую карманъ.

Я продаю все, что имѣю, чтобы собрать гроши, которые не даютъ мнѣ покоя. Такъ вотъ, дорогой В. В., какими штуками мы занимаемся,—стыдно признаться, но это такъ. Впрочемъ, я эти дни до того устаю отъ работы, что по вечерамъ просто чувствую себя притупленнымъ, поэтому-то можетъ быть я и пишу вамъ о такой прозѣ жизни.

Статуя, которую работаю, больше трехъ метровъ вышины, цѣлый день я на лѣстницѣ, неловко, неудобно; бѣжишь ежеминутно снизу вверхъ и обратно; глина засохла, работаешь, какъ штукатуръ—силою, смотришь вверхъ—одно, внизъ другое. Да, дорогой В. В., скульптору необходимы, кромѣ всего, крѣпкія мышцы.

Ну, что у васъ въ художественномъ мірѣ? Пожалуйста, будемъ говорить только объ этомъ мірѣ, не хочу другого, особенно теперь, когда кругомъ, куда ни сунься, вездѣ худо. Не удивляйтесь, дорогой другъ, въ послѣднее время я много узналъ, много пережилъ, во многомъ разочаровался.

Хочу подальше отъ прозы, хочу поэзіи; хочу неба, а не землю; хочу Бога, а не чертей. Но и тутъ, говорятъ, происходитъ затменіе; кому нужны теперь поэзія, Богъ? Теперь всѣ ищутъ чертей, чертямъ и поклоняются. Говорятъ, что Рѣпинъ написалъ превосходные портреты [1]), радуюсь отъ всей души, главное потому, что кисть его еще не засохла. Одно время была у него усталость, но, какъ видите, прошло. Что же касается портретовъ вообще, т.-е. какъ содержаніе, то никогда я не ставилъ ихъ на высокое мѣсто въ искусствѣ. Чѣмъ больше эгоистовъ, тѣмъ больше процвѣтаютъ портреты. Словомъ, или другими словами, портреты могутъ быть въ высшей степени художественны, но какъ идеалъ—это идеалъ самый низменный. Говорятъ еще, что Рѣпинъ написалъ картину (священную), но неудачную; это меня не удивляетъ: Рѣпинъ реалистъ, онъ превосходно можетъ писать событія земныя, но онъ не долженъ забѣгать въ другія сферы, ибо всегда потерпитъ неудачу, какъ это однажды уже и случилось съ его „Святымъ Николаемъ", который, какъ образъ, былъ не образъ, а какъ картина—не былъ картиной (такъ, кажется, я и сказалъ ему). Кстати, не знаю почему, но, кажется, онъ дуется на меня, но извѣстно: „На кого Богъ, на того и люди". Но ничего, „все пройдетъ", и на моей улицѣ будетъ солнце.

Я получилъ отъ Собко письмо по одному дѣлу, и я только тогда узналъ, что онъ больше не секретарь Общества поощренія искусства, и что онъ издаетъ художественный журналъ. Между прочимъ, онъ спрашиваетъ, нѣтъ-ли у меня чего-нибудь для печати. Можетъ быть было-бы хорошо отдать ему письмо, которое вы хотѣли напечатать

---

[1]) Портреты: графа Л. Н. Толстого, во весь ростъ и босоногимъ, и В. В. Стасова, поколѣнный, въ шубѣ и мѣховой шапкѣ.

Не думаю, чтобы многіе его читали, но самъ Собко хорошій человѣкъ для меня.

Но вотъ вопросъ—не поздно-ли? Теперь многіе навѣрное уже забыли про выставку.

А каковъ Эліасъ! Сегодня я получилъ отъ него его статью, первую половину—хоть куда! „Коваль становится ковалемъ по мѣрѣ того, какъ куетъ“ [1]). Не такъ ли?

Пишите, дорогой В. В. Вотъ если-бы я не могъ писать цѣлый годъ—неужели вы-бы не писали?

Эхъ, не забывайте вы меня, я все тотъ-же, право!

757. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, весна 1901 г.

Salon уже открытъ, газеты бьютъ въ барабанъ и страшно врутъ. Надо самому посмотрѣть, навѣрное тамъ немало хорошаго, но не то, про что газеты кричатъ.

Когда ты пріѣдешь? Про мое изданіе я не забываю, работаю въ этомъ направленіи. Но гдѣ мнѣ отливать, еще не знаю. Здѣсь всѣ очень ревнивы стали къ иностранцамъ; сами ищутъ новыхъ рынковъ, а чужихъ у себя не хотятъ; напримѣръ, фирма Барбедіенъ, оказывается, была вездѣ, также и въ Петербургѣ, гдѣ они намѣревались открыть отдѣленіе, но пошлина ихъ удержала. За то они теперь заламываютъ съ меня такія цѣны, которыя дороже прежнихъ. Но я объ этомъ не плачу. Надо сказать, что самъ Барбедіенъ давно умеръ, домъ его принялъ чисто коммерческій характеръ, а въ художественномъ отношеніи онъ падаетъ. Вообще коммерція идетъ здѣсь неважно; оттого именно они и ищутъ новыхъ рынковъ и такъ ревнивы къ иностранцамъ, хотя этого явно не высказываютъ. Работа моя мало подвинулась впередъ, по разнымъ мелкимъ причинамъ, но я сильно готовлюсь, и начаты нѣкоторыя вещи, которыми я доволенъ.

Какъ поживаетъ нашъ богатырь В. В.? Передай ему, что я цѣлую его, что я написалъ Боткину два письма и сказалъ ему, что было у меня на душѣ. Впрочемъ далеко не все. Конечно онъ обиженъ, да кто любитъ, когда его сѣкутъ? Мимоходомъ досталось и другимъ, навѣрное онъ имъ покажетъ письмо, но я и объ этомъ не плачу. Я вообще теперь въ такомъ настроеніи, что говорю: „До сихъ поръ и не дальше“. До сихъ поръ я все дѣлалъ отступленіе и на меня все наступали, теперь-же вышло, что „на нагнувшуюся вѣтку и козы скачутъ“.

758. Къ нему же.

Парижъ, мартъ или апрѣль 1901 г.

Ты не можешь себѣ представить, какія черствыя души встрѣчаются здѣсь среди евреевъ. Я-бы этому не вѣрилъ, если-бы самъ на

---

[1]) Пословица: «A force de forger on devient forgeron».

себѣ не испытывалъ всѣхъ ихъ гнусностей. Это какіе-то нравственные уроды, и чѣмъ выше, тѣмъ хуже. Просто волосы дыбомъ становятся при одной мысли о нихъ. Вотъ поистинѣ, кого я больше любилъ, тотъ больнѣе мнѣ и сдѣлалъ. Но я рѣзко отдѣляю здѣшнихъ евреевъ отъ русскихъ.

Ты знаешь, что я рѣшилъ продать мою коллекцію старинныхъ вещей, виллу и проч., чтобы собрать живые гроши, и тогда, когда пріобрѣту свободу творчества, я отдѣлю часть времени на борьбу съ этими паразитами. По-моему, если евреи не хотятъ быть униженными, сохранить свою чистоту и достоинство, они сами должны искоренить эту касту людей, отъ которыхъ истинные евреи страдаютъ, отъ нихъ и за нихъ. У меня лежитъ по поводу этого готовая статья. Мнѣ остается только пересмотрѣть ее и тогда выжидать удобнаго времени и напечатать ее. Распродажа моихъ вещей будетъ въ концѣ мая. Чтоже касается до распродажи вещей, о которой я спрашивалъ тебя, то мнѣ совѣтовали не продавать ихъ съ аукціона, а лучше спять съ продажи, особенно, когда я не буду уже имѣть нужды.

Только что мнѣ подали твое письмо. Вторая половина твоей статьи совсѣмъ хороша; по-моему, лучше первой.

Ужасно жаль, что нашъ В. В. прихварываетъ; но я все надѣюсь, надѣюсь, что и онъ поправится.

759. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 20 мая 1901 г.

Я все собирался писать вамъ... нѣтъ, вѣрнѣе—я все поджидалъ вашего письма и, наконецъ, получилъ. Но это было не письмо, а рекомендательная записка [1]), и я сдѣлалъ для этой дамы-художницы все, что могъ, т.-е. очень мало. Причина та, что она застала меня въ очень скверномъ состояніи. Вы не можете себѣ представить, что дѣлается, или что дѣлаютъ съ моей головой. Мнѣ кажется, что она стала головой „турка“, на которой молодцы пробуютъ свою ухарскую силу. Бьютъ мою бѣдную голову судьба, люди близкіе и дальніе, друзья и враги. Вотъ одинъ ударъ съ размаху—ничего, голова моя потряслась немного, и только; вотъ другой ударъ—и опять ничего; но вотъ третій ударъ—побѣдилъ! Силачъ получилъ призъ, достигъ цѣли! Въ доказательство—голова моя потряслась, покачнулась и выставила всѣмъ языкъ!

Вы знаете, что обстоятельства заставляютъ меня разстаться съ моей коллекціей старинныхъ вещей; я знаю, вы не одобряете собираніе подобныхъ вещей, особенно частному человѣку; но что прикажете дѣлать, въ сущности у каждаго есть своя кукла, начиная съ колыбели до смерти; вся разница только въ томъ, что въ разныя времена эта

---

[1]) Графиня М. Н. Рошфоръ, въ замужествѣ Дитрихъ, желавшая изучить въ Парижѣ, на фарфоровой фабрикѣ Дека, способы обжиганія предметовъ изъ terracotta.

кукла получаетъ разныя названія: любовь, страсть, вѣра, идеалъ и т. д., и т. д.

Намъ остается просить одного: „Не разбейте мою куклу—она пуста...“

И такъ, мое единственное удовольствіе, которое я позволилъ себѣ въ жизни, это—собираніе старинныхъ вещей. Я знаю, что это прихоть, но повторяю—единственная, прибавлю—и мой отдыхъ; наконецъ, оно значительно расширило мой горизонтъ. Но я радъ, что наконецъ рѣшилъ разстаться съ моими вещами, не радъ я только тому, что долженъ былъ рѣшиться разстаться.

Навѣрное вы уже получили каталогъ этой коллекціи, а потому больше говорить объ этомъ не буду; прибавлю только, что и эта глупая операція не скоро дѣлается. Это одно. Затѣмъ второе—умерла мать моего зятя [1]), и это надѣлало цѣлый переполохъ; но тутъ я предпочитаю не говорить. Словомъ, бѣдная моя турецкая голова! Она, наконецъ, всѣмъ языкъ показала. Прошу не забывать, что среди всѣхъ этихъ неурядицъ я работаю, работа тяжела (физически), хлопотъ не мало, слѣдовательно и волненій; и, представьте себѣ, дорогой В. В., работа идетъ на славу. Я кончаю статую Императрицы Екатерины II, и, какъ только окончу, ѣду въ Вильну, слѣдовательно и въ Петербургъ, къ вамъ, и тогда обниму васъ и расцѣлую.

760. Къ нему же.

Парижъ. Получено 4 іюня 1901 г.

Напрасно вы благодарите меня, я ровно ничего не сдѣлалъ для вашей знакомой художницы [2]), да и не могъ сдѣлать. Какъ я уже писалъ вамъ, она застала меня въ растрепанномъ состояніи; притомъ я тороплюсь окончить статую Императрицы Екатерины II. Это—статуя не очень большая, всего только $4^1/_2$ аршина вышины; по цѣлымъ днямъ приходится мнѣ стоять на цыпочкахъ на качающейся лѣстницѣ, съ вытянутыми руками и съ высунувшимся языкомъ. Однажды я упалъ съ нея—задомъ и головою о стѣну—и продолжалъ работать. Некогда даже хворать; можетъ быть потомъ почувствую усталость, но, повторяю, теперь некогда. Такъ вотъ, я и отрекомендовалъ вашу знакомую художницу лучшимъ фабрикантамъ керамики, а самихъ фабрикантовъ я предупредилъ: тѣмъ и кончилось.

Очень благодаренъ вамъ за замѣтку про мою продажу [3]). Сегодня третій день. Завтра я узнаю окончательно результаты, но все равно. Благодарю васъ также за утѣшеніе, что съ Тургеневымъ случилось то же самое [4]). Я хорошо помню его продажу, особенно первую.

---

[1]) Монтефіоре.

[2]) Маріи Николаевны Дитрихъ, урожд. графини Рошфоръ, скульпторши.

[3]) Аукціонъ.

[4]) Тургеневъ принужденъ былъ, подъ конецъ жизни, продавать съ аукціона всѣ свои художественныя коллекціи.

На другой день утромъ, т.-е. послѣ продажи, я зашелъ къ нему, онъ еще лежалъ на своей кушеткѣ, обтянутой зеленымъ репсомъ (ужасный вкусъ!) „Вотъ, батенька, Ватерлоо!"—сказалъ онъ мнѣ. Дѣйствительно, картины его продавались очень плохо. Не потерплю-ли я то-же самое? Хотя говорятъ, что на мою продажу пріѣхали люди нарочно изъ Лондона, Мюнхена, Кельна и проч. Я хлопоталъ о томъ, чтобы лучшія вещи были куплены пріѣзжими изъ Россіи (на аукціонѣ), но напрасно, отказались, точно я просилъ милости или одолженія.

Напрасно упрекаютъ меня также въ томъ, что я не даю въ Публичную Библіотеку фотографій съ моихъ работъ [1]). Къ чему ихъ давать! Вы все еще считаете меня чѣмъ-то, а я давно уже думаю, что я лишній: теперь на искренность, на истинное искусство плохой спросъ. Искусство стало прихотью, а не потребностью; оно зависитъ отъ богатыхъ. Хорошо еще, если отъ умныхъ, а много-ли таковыхъ? А поэтому часто, очень часто, художникъ дѣлаетъ то, что долженъ, а не то, что хочетъ. И чтобы достигнуть второго, онъ поневолѣ подчиняется первому; а разъ искусство находится въ такихъ тискахъ, художники часто становятся рабами. Повторяю,—наше время удивительное: куда ни кинь, всюду клинъ. Съ одной стороны неврастенія, декадентство, съ другой биржа и грубый матеріализмъ, а въ серединѣ такъ называемый прогрессъ. Прогрессъ создалъ матеріализмъ, матеріализмъ убилъ идеализмъ. Что-же касается до меня, то я сознаю, что я въ жизни слабохарактеренъ, или, вѣрнѣе, мало практиченъ, но я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы стать независимымъ художникомъ и работать—раньше всего для самого себя, а тамъ, можетъ быть, современемъ, время станетъ лучше.

Какой-то благодѣтель прислалъ мнѣ книжку въ родѣ катехизиса всемірнаго братства. Онъ состоитъ изъ 253 вопросовъ и отвѣтовъ. Неужто это догматы нашего высокоуважаемаго, всѣми излюбленнаго графа Толстого? Признаться, мнѣ больно за него: онъ искрененъ, въ этомъ никто ни на минуту не сомнѣвается, но что это за насилованіе природы? Вѣдь это въ своемъ родѣ декадентство, это катехизисъ, всемірный монастырь съ монашенками только; это какой-то идеальный матеріализмъ, равняющій огонь и воду, это жизнь безъ поэзіи, это бальзамированная мумія. Нѣтъ, нѣтъ, сто разъ нѣтъ!!! Я хочу жить полной жизнью, всѣми фибрами, только разумной жизнью, здоровой жизнью, жизнью правдивой, а не искусственной, я хочу хохота, веселья, хочу неба, солнца и цвѣтовъ, хочу, чтобы всѣ были здоровы, счастливы и правдивы, не хочу утрировать природу, ни въ правую, ни въ лѣвую сторону. Пусть всѣмъ будетъ хорошо, и мнѣ тоже будетъ хорошо. Вотъ мой девизъ. Ахъ, Боже мой, какъ я глупъ, мало-ли чего я хочу, да никто меня-то не хочетъ.

Вы упрекаете меня, отчего я дарю свои вещи разнымъ X., а въ Публичную Библіотеку не дарю фотографій со своихъ вещей. Да, я имѣю слабость дарить, я всѣмъ дарю, и достойнымъ и недостойнымъ,

[1]) Это были обвиненія и упреки со стороны В. С., много разъ повторенные.

а фотографій Публичной Библіотекѣ не дамъ. Часто я вытаскиваю изъ моей папки старыя фотографіи, многія изъ нихъ превратились просто въ бѣлое пятно; такъ нѣтъ-же, дорогой В. В., лучше храните то, чего время не уничтожаетъ.

Увижу васъ скоро, въ добрый часъ, и тогда побольше поговоримъ, если я не буду тогда усталымъ человѣкомъ.

761. Къ нему же.

Парижъ, 2 іюня 1901 г.

Пишу и волнуюсь. Дѣло въ томъ, что вы знаете, какая у меня куриная память: кажется, иногда я забываю не только имена друзей, но и свое собственное; а о числахъ и рѣчи нѣтъ: тутъ я совсѣмъ пасъ. Такъ вотъ, каждый годъ я все путаю и никакъ не могу вбить себѣ въ голову, какого числа день вашего ангела,—когда онъ именно—15 новаго стиля или стараго? Мнѣ кажется, что стараго, а кажется также, что новаго стиля. Если новаго, то это было вчера, но вчера я былъ въ такомъ состояніи, такъ измученъ жарой, что все забылъ, забылъ и самого себя. Хотѣлъ послать вамъ сегодня телеграмму, но сегодня 14 іюня, здѣсь все закрыто. Такъ вотъ, пишу, волнуюсь, сержусь на себя за свою разсѣянность,—вѣдь есть за что досадовать! Но что дѣлать, „что съ воза упало, то пропало“, „лучше поздно, чѣмъ никогда“. А скажу вамъ „поздно“ то, что думаю всегда о васъ и думаю потому, что вы мнѣ дороги; потому, что могу сказать о васъ: „нѣтъ Владиміра Васильевича кромѣ Владиміра Васильевича“. Такъ вотъ какъ вы близки сердцу моему. Я только сильно сожалѣю, что не могу теперь чокнуться съ вами, обнять васъ моими скульптурными руками, расцѣловать васъ горячими поцѣлуями и лично пожелать вамъ долго, долго здравствовать, работать, служить намъ примѣромъ, а намъ радоваться, глядя на васъ.

Да здравствуетъ нашъ Владиміръ Васильевичъ! ура! ура! ура!!!

Про все остальное въ другой разъ, да и нельзя и стыдно говорить сегодня о чемъ-бы то ни было, сегодня день вашъ, сегодня день для васъ и только для васъ.

762. Къ нему же.

Парижъ, 11 іюня 1901 г.

Теперь, повидимому, здѣсь въ модѣ, чтобы газеты занимались продажей старинныхъ вещей. Посылаю вамъ нѣсколько вырѣзокъ изъ нихъ, и вы увидите результаты. Прибавлю, что послѣ освобожденія отъ піявокъ, саранчи, блохъ и клоповъ, т.-е. отъ должниковъ, у меня осталась еще половина—и я доволенъ.

Я все еще не могу успокоиться отъ новаго догмата—„Всемірный монастырь“ (простите, иначе не могу назвать). То, что проповѣдуется трудолюбіе, нравственная чистота, чистота въ помыслахъ и поступкахъ—все это вещи прекрасныя и похвальныя, хотя и не новыя, шесть ты-

сячъ лѣтъ толкуютъ объ этомъ и все безъ толку. Но отрицать науку и искусство, „искусство, дескать, забава, слѣдовательно дѣло пустое“, это для меня, признаться, новость, и весьма непохвальная, по крайней мѣрѣ, непонятная. Я скорѣе понимаю Діогена, когда онъ сказалъ—„не заслоняй мнѣ солнца“; тутъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ отрицаніи онъ былъ цѣленъ, но не понимаю соединенія двухъ крайностей, т.-е. голова и хвостъ безъ средины. Разъ есть Богъ, абстрактное понятіе о Богѣ, какъ-же отрицать воображеніе, философію и искусство? Да что за жизнь, что за вѣра, что за Богъ безъ искусства, безъ поэзіи? Есть-ли прозаичные боги? А если есть, то что это за боги? И зачѣмъ такъ сушить сердца людей? зачѣмъ отрицать смѣхъ и веселье? Только однѣ коровы не смѣются и не веселятся. Подобные религіозные догматы могутъ создать только старцы, сидящіе на потухающемъ кратерѣ, для людей, которые не на много совершеннѣе коровъ. Человѣку даны разумъ, сердце и сила физическая. Всѣ эти три элемента должны быть развиты равномѣрно, ни одинъ изъ нихъ больше въ ущербъ другому. И такъ, блаженъ, кто силенъ, уменъ, добръ и прекрасенъ; кто восторгается поэзіей и созерцаетъ природу. Что касается меня, то жизнь стоила бы всего только грошъ, если-бы царствовала одна гроза или одинъ сознательный умъ. Ну, довольно. Объ этомъ можно было-бы много говорить, а я пишу урывками, не хочу даже перечитать, что написалъ,—иначе навѣрное я сдѣлаю одно изъ двухъ—или буду зачеркивать, или прибавлять.

763. Къ нему же.

Парижъ, получено 12 іюля 1901 г.

Какъ здоровье графа Л. Н. Толстого? Здѣшнія газеты въ одинъ день и напугали, и успокаивали всѣхъ: утромъ сообщили, что графъ опасно боленъ, а вечеромъ, что хорошо провелъ ночь и чувствуетъ себя совершенно нормально. Значитъ, хорошо то, что кончается хорошо—и слава Богу!

Я все еще пекусь какъ въ аду. Никогда я не работалъ при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ теперь. Чтобы хоть чѣмъ-нибудь уменьшить жаръ въ мастерской, мы разливаемъ ведрами воду по полу. Сперва какъ-будто прохладно, но за то потомъ поднимается такое испареніе, что хоть раздѣвайся и вѣникомъ парься; при этомъ глина сохнетъ подъ руками и ломается. Но, слава Богу, сегодня кончилъ, и я свободенъ на время. Я хотѣлъ поѣхать къ Эліасику на нѣсколько дней отдохнуть, и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ поѣхать въ Россію, послалъ къ нему телеграмму, но телеграмма пришла назадъ съ отмѣткою, что кому она адресована, тотъ уѣхалъ. Что-же касается до моей поѣздки въ Россію, то я жду, когда назначатъ новаго генералъ-губернатора въ Вильну, ибо безъ него моя поѣздка будетъ напрасна, такъ какъ только съ генералъ-губернаторомъ я имѣю дѣло. Такимъ образомъ надо ждать.

Я очень благодаренъ вамъ за вашъ добрый отзывъ про мою ста-

тейку о всемiрной выставкѣ, равно какъ и за то, что вы напечатали ее, жалѣю только, что Собко по обыкновенiю не прислалъ мнѣ оттиска [1]), а по правдѣ сказать, я забылъ, что я тамъ писалъ, а не знаю адреса Собко.

Если вы ничего не напечатали про мою продажу, то покорно прошу васъ и не печатать: не стоитъ. Теперь у меня такая полоса, что, что-бы я ни сдѣлалъ,—все одинаково худо, по крайней мѣрѣ такъ иные находятъ, и слѣдовательно—„ату его!“

На-дняхъ приходитъ мой докторъ съ поздравленiемъ. „Съ чѣмъ?“ спрашиваю я. „Какъ-же—съ такой удачной продажей. Ловко! Ну-съ, теперь навѣрное опять вы станете собирать и черезъ десять лѣтъ опять сдѣлаете распродажу?“ Какъ вамъ нравится подобный цинизмъ! Наивность! Выходитъ, что я продалъ мою коллекцiю ради гешефта. Ахъ, бѣдный вашъ Марксъ! Но плевать мнѣ на нихъ всѣхъ. Я нарочно пришлю вамъ всѣ счеты и квитанцiи, и вы увидите, что до сегодня я заплатилъ долговъ около 100.000 франковъ. Такъ вотъ отчего я продалъ мою коллекцiю.

Вы говорите про скульптора Аронсона. Я не знаю его, знаю только его работу. По ней я могу сказать, что если онъ учится еще, то можетъ быть изъ него выйдетъ что-нибудь (хотя ничего великаго). Если-же онъ кончилъ ученiе, то онъ художникъ не безъ способности, но небольшой. Къ великому горю, газеты, т.-е. такiе господа, какъ Z., производятъ его въ генiи (да и не его одного), и этимъ оказываютъ ему дурную услугу. Повторяю, я не знаю Аронсона, но знаю подобныхъ ему другихъ художниковъ, тоже возведенныхъ въ генiи и тѣмъ-же Z. и все что могу сказать, это горькое мое сожалѣнiе, что въ эту чистую сферу искусства ворвались отвратительные микробы!

Я не удивляюсь, что Аронсонъ полѣзъ къ Л. Н. Толстому, но удивляюсь Толстому, какъ онъ даетъ коверкать свою физiономiю разнымъ, и достойнымъ и недостойнымъ, художникамъ. Развѣ это также входитъ въ догматъ „непротивленiя злу“?

Завтра ѣду отдохнуть на нѣсколько дней, куда—самъ не знаю. Я мучусь больше всего отъ жаровъ.

764. Къ нему же.

Парижъ, 16 iюля 1901 г.

Гдѣ теперь Элiасикъ? Что за притча! Мы съ нимъ условились повидаться въ Швейцарiи, отдохнуть нѣсколько дней, а потомъ поѣхать вмѣстѣ въ Петербургъ; и вотъ, я послалъ ему телеграмму по назначенному имъ адресу, и получилъ отвѣтъ, что онъ уѣхалъ. Куда? Съ тѣхъ поръ отъ него ни духу, ни слуху. Это удивляетъ меня и, признаться, безпокоитъ. Онъ сказалъ, что если перемѣнитъ мѣсто, то напишетъ, но я ничего не получилъ. Здоровъ-ли онъ? И гдѣ онъ?

---

[1]) Статья Антокольскаго о парижской всемiрной выставкѣ 1900 года была напечатана въ журналѣ Н. П. Собко: «Искусство и художественная промышленность»... 1901 года.

Тутъ теперь дожди и даже холодновато. Хорошо въ такую погоду куда-нибудь поѣхать — но куда? Ѣхать въ Россію? Для этого я слишкомъ усталъ, а тамъ не отдохну; ѣхать на нѣсколько дней на берегъ моря и ждать тамъ погоды—не стоитъ. И такъ, сижу здѣсь, тѣмъ болѣе, что мнѣ нездоровится. Но вѣдь не вѣчно-же будетъ такъ—сегодня, завтра погода установится, я поѣду на берегъ моря дней на 7—8, а затѣмъ къ вамъ, въ часъ добрый. Пишите, пожалуйста, скорѣе, гдѣ Эліасъ?

765. Къ нему же.

Парижъ, 1 августа 1901 г.

Пишу вамъ на дамской бумагѣ (худшей нѣтъ у меня теперь),—пишу, чтобы сказать вамъ, какъ сильно вы обрадовали меня вашимъ добрымъ письмомъ. Вѣдь моя, такъ сказать, душевная корреспонденція почти начинается вами и кончается вами. Только передъ вами и съ вами я говорю безъ заиканія, пишу безъ помарокъ и поправокъ; пишу, что на умъ приходитъ, что думаю и чувствую.

Вѣдь мысли и чувства то-же, что горящая лампа—не подольешь масла—затухнетъ...

Нервы мои въ послѣднее время были сильно расшатаны; мнѣ необходимо было перемѣнить воздухъ, купаться въ солнечныхъ лучахъ, быть среди природы одному, молчать и любоваться ею и жить, какъ она; а я все не могъ вырваться изъ Парижа. Наконецъ, я поѣхалъ къ берегу моря на 8 дней, чтобы хоть немного укрѣпиться передъ отъѣздомъ въ Россію; но тутъ новые казусы! Пишутъ мнѣ и телеграфируютъ, что у насъ (въ Литвѣ) сильнѣйшіе жары, лѣса горятъ, засухи и т. д. Предсѣдатель по сооруженію памятника Екатеринѣ II умеръ. Въ Вильнѣ административныя реформы (въ высшихъ сферахъ). Всѣ стоятъ на порогѣ и не знаютъ, войти или выйти. Такимъ образомъ, я не имѣю даже съ кѣмъ говорить по дѣлу памятника; а между тѣмъ, по условію я долженъ получить деньги, у меня срочные платежи. Писалъ, но не получаю отвѣта и не знаю, когда получу его. Словомъ, все—дѣло, дѣло, адъ и адъ. Когда-же, наконецъ, хоть немного рай? Что прикажете дѣлать? Въ такихъ случаяхъ ничего не подѣлаешь, и я говорю Богу: „вотъ Тебѣ поводья, Батюшка, поведи самъ меня хоть немного“. Пока же поѣду куда-нибудь возлѣ Ботель, и тамъ буду ждать результата; тѣмъ болѣе, что Ботель недалеко отъ Берлина. Такъ вотъ какъ—людскія предположенія не лучше картонныхъ домиковъ.

Вы между прочимъ говорите, что „Рѣпинъ сталъ такимъ-же помѣщикомъ, какъ я“. Для нашего брата это плохой комплиментъ, да и мы сами мало хвастаемся этимъ. Одинъ человѣкъ сказалъ, что имѣлъ въ своей жизни два счастливыхъ дня—первый, когда купилъ имѣніе, а второй—когда его продалъ. Не трудно догадаться, что было между этимъ.

Какъ жаль, что я не имѣю возможности скоро увидѣть васъ, а мнѣ хочется такъ о многомъ поговорить; письма ни то, ни се, въ

письмахъ нѣтъ голоса, нѣтъ интонаціи, не видно выраженія лица. Въ письмахъ медленнѣе говоришь, чѣмъ голосомъ, не слышишь сейчасъ возраженія, обмѣна мыслей; письменный обмѣнъ мыслей это—слѣпота на дальнее разстояніе, иногда и глухота.

Я хотѣлъ-было разсказать вамъ про одну новую статью, которую уже написалъ; про другую, которую собираюсь писать. Обѣ онѣ сильно занимаютъ меня.

Я, наконецъ, хочу бросить перчатку крайности и болѣзненности, которыми всѣ такъ перечищены; хочу говорить не менѣе откровенно про грубый матерьялизмъ и про многое, многое другое, отъ котораго и за которое я болѣю. Но все это, такъ сказать, каникулярная работа.

Мнѣ хотѣлось также разсказать вамъ, что вынесла моя душа, что хотѣлось-бы мнѣ еще сдѣлать. Вѣдь я еще не все высказалъ; въ моей идеѣ, работѣ нѣтъ еще конца, все это надо еще сдѣлать; другими словами: все еще сидитъ въ камнѣ. И вотъ, когда я сидѣлъ на берегу у моря, предо мною явилась новая эпическая фигура, это — Императоръ Александръ II, какъ когда-то проектъ памятника Пушкина (тоже я тогда сидѣлъ у берега моря). Вы знаете, что я большой поклонникъ реформъ этого Императора; кромѣ того, я былъ его пенсіонеромъ, что врядъ-ли могло-бы случиться теперь. Вы знаете также, что я уже сдѣлалъ эту статую, но врядъ-ли знаете, что я крайне ею недоволенъ. Эта статуя работалась въ худшіе моменты моей жизни, а поэтому она и вышла хуже всѣхъ (это по моему). Но за то я увлеченъ новой идеей, какъ никогда; это по моему будетъ своеобразный апоѳеозъ его великой дѣятельности, будетъ реально: только фигура его и больше никто. Это, конечно, цѣнный памятникъ, но все равно, повторяю то, что однажды уже сказалъ: „Не хочу умереть, пока не сдѣлаю этой статуи“. Послѣ Петра I—для меня Александръ II. Такъ вотъ, всѣ идеи, которыя я въ себѣ носилъ—ушли до поры до времени на второй планъ, я увлеченъ этой фигурой лишь какъ младшимъ ребенкомъ.

Надѣюсь, когда я разскажу вамъ, въ чемъ дѣло, а не то, лучше, когда вы увидите проектъ, вы одобрите меня, ибо онъ и въ художественномъ отношеніи удаченъ.

Пишите на парижскій адресъ, ибо я не знаю, гдѣ буду.

736. Къ И. Я. Гинцбургу.

Locarno, октябрь 1901 г.

Я все еще здѣсь, тупѣю, глупѣю и здоровѣю. До сихъ поръ погода была прекрасная, но теперь начались такіе дожди, что, очень можетъ быть, я буду скоро въ Парижѣ, а тамъ за дѣло пора. Твое письмо обрадовало меня и огорчило; радъ, что ты здравствуешь, думаешь и работаешь перомъ и рѣзцомъ. Очень интересно прочесть, что ты написалъ. Я вѣрю такимъ судьямъ, какъ Пыпинъ и Стасовъ; но если захочешь, чтобы и я прочелъ, то недолго задержу рукопись; а за то, что ты хочешь ее мнѣ посвятить (такъ-ли я понялъ?), я очень, очень благодаренъ. Огорчило меня извѣстіе про дорогого нашего барона

ЕРМАКЪ.
Статуя. 1891.
Первоначальный эскизъ, отлитый изъ бронзы, находится въ Музеѣ Александра III.

Горацiя Осиповича. Въ такихъ положенiяхъ онъ становится въ тысячу разъ дороже еще, и просто не придумаешь, чѣмъ его облегчить. Радуетъ меня только его стоицизмъ. Это удивительный человѣкъ. А знаешь, что я сейчасъ придумалъ? Необходимо, чтобы мы всѣ, кто только былъ прикосновененъ къ его дому, совокупно выразили ему нашу любовь и уваженiе, и вотъ что я придумалъ: необходимо, чтобы всѣ его пенсiонеры, бывшiе и настоящiе, собрались и написали ему адресъ, который выразилъ-бы ему преданность и благодарность за все то, чѣмъ онъ помогалъ имъ. Я первый подпишусь подъ этимъ адресомъ.

767. Къ нему же.

Парижъ, декабрь 1901 г.

Какъ поживаешь? Не простудился-ли ты, когда меня провожалъ?

Сегодня вечеромъ Новый годъ (здѣсь). Не скажу, чтобы это время было прiятное, отовсюду лѣзутъ со счетами, всѣ хватаются за карманы и охаютъ, а тутъ еще подарки да подарки. Завтра пѣснь будетъ другая, завтра всѣ встрѣтятъ тебя съ громкимъ пожеланiемъ всякихъ благъ, косо засматривая на твои руки: что принесешь, что дашь. Словомъ, для нашего брата все это начинается и кончается дефицитомъ. Черезъ 12 дней повторится та-же пѣсня. И кто выдумалъ праздникъ? Для кого онъ праздникъ? Чему радоваться? Что годъ прошелъ? Я лично жалѣю не только о прошедшихъ годахъ, но и дняхъ. А какой годъ будетъ—откуда это знать? Говорятъ, что Новый годъ надо начинать весело, для того, чтобы весь годъ былъ веселый. Ахъ, братъ, если бы наше счастье зависѣло только отъ рюмки, то намъ оставалось-бы только весь годъ пить и на брюхѣ лежать.

. . . .

Я не сторонникъ сiонистовъ, но ничего не говорю и противъ нихъ, „Чѣмъ-бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало". Въ критическомъ положенiи, которое весь мiръ переживаетъ, а въ особенности евреи, необходима точка исхода, идеалъ, хоть-бы призрачный. Въ горькiя минуты и то великое утѣшенiе. Во всякомъ случаѣ хорошо уже то, что у многихъ явилась вѣра и надежда на будущее, лишь-бы не увлекались въ сторону... Иногда бываетъ и такъ: когда не находятъ идеала Бога,—берутъ чорта. Шура разсказывалъ, что тамъ были произнесены многiя рѣчи. Всѣ сводились къ одному знаменателю—восхваленiю самихъ себя. И очень, очень жаль: самовосхваленiе—то-же, что самобичеванiе; гораздо рацiональнѣе было-бы заглянуть вглубь, себя разбирать, свои недостатки и достоинства, не какъ пристрастная мать, а какъ любящiй другъ.

768. Къ Ел. Павл. Антокольской.

Парижъ, 24 декабря 1901 г.

Не знаю, гдѣ застанетъ тебя письмо. Я хочу знать, какъ мама твоя поживаетъ? Я очень, очень сожалѣю, что не видалъ ее! Вообще

въ Петербургъ не надо пріѣзжать на короткое время,—многихъ, кого-бы хотѣлъ видѣть, не видишь, а потомъ—сожалѣешь.

Я еще не началъ работать толкомъ, но надѣюсь, что завтра окунусь въ работу. Какъ будетъ хорошо! Я давно не воспроизводилъ въ работѣ того, что душа диктуетъ. Какъ хорошо сообщаться съ природою,—а съ искусствомъ еще лучше! Тутъ экстрактъ всего, самая точка, гдѣ свѣточи зажигаются. Ахъ! лишь-бы житейскія невзгоды не врывались въ меня бурею! Какъ онѣ мѣшаютъ мнѣ предаваться цѣликомъ творчеству! Но есть-ли жизнь безъ бурь и невзгодъ?

Погода здѣсь совсѣмъ мягкая, а днемъ совершенное лѣто; но я все-таки умудрился простудиться и просидѣть три дня дома.

769. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 28 декабря 1901 г.

Можетъ быть въ другое время я и не писалъ-бы вамъ этого письма, но теперь я, по обыкновенію, простудился, сижу дома, скука, отъ нечего дѣлать читаю. Роясь въ моей безалаберной библіотекѣ, я наткнулся на „Посмертныя письма Крамского“. Я опять прочелъ ихъ, и опять весенней свѣжестью давно минувшихъ дней обдало меня. Сколько воспоминаній, сколько жизни, свѣжести, а главное сколько любви, любви ко всему окружающему, ко всему возвышенному въ этихъ письмахъ! Читая ихъ, я почувствовалъ себя, какъ полковая лошадь, давно выбывшая изъ строя, а теперь натянувшая поводъ подъ ударами кнута. Вдругъ услышала она старый полковой маршъ и, не выдержавъ, задрала хвостъ и пошла вертѣть задомъ. Поневолѣ вспоминаешь и свою молодость, свое увлеченіе, свою вѣру въ добро и людей. Но, Боже мой, какое разочарованіе!!! Даже въ томъ-же Крамскомъ. Рядомъ со страстнымъ увлеченіемъ ко всему хорошему, сколько некрасивыхъ поступковъ, хоть-бы по отношенію ко мнѣ; точно и у него было „двѣ души въ одномъ тѣлѣ“. И Богу и чорту одинаковые поклоны. Положимъ, я не заслужилъ его любви, я не достоинъ его уваженія, но зачѣмъ скрывать это? Говорить мнѣ одно, и думать другое? А главное, зачѣмъ лгать, выдумывать? Прочтите пожалуйста его письмо къ Суворину, затѣмъ къ Рѣпину. Оказывается, что онъ-то и стрѣлялъ въ меня изъ-за угла руками Суворина (помните, какъ послѣдній обрушился на меня за проектъ Пушкина). Не вѣрьте, будто онъ сказалъ мнѣ то, что имъ говорилъ — будто я хотѣлъ изобразить Пушкина царемъ. Что это за вздоръ! И какіе аргументы онъ приводитъ! Почему проектъ мой не можетъ оставаться долговѣчнымъ? Будто оттого, дескать, что греки дѣлали своихъ героевъ только одинокими статуями. Ну, положимъ, что это было его убѣжденіе, и пусть оно оставалось у него таковымъ. Но посмотрите, что онъ самъ надѣлалъ въ своемъ проектѣ „Александръ II“ для Москвы (письмо къ Третьякову). По его-же собственнымъ словамъ, онъ снялъ только потолокъ, оставляя стѣны.

Что это за противорѣчіе! Вотъ Рѣпинъ, тотъ, по крайней мѣрѣ,

поступилъ со мною не такъ, т.-е, по-своему, правда, грубѣе, за то и откровеннѣе. А все-таки, великъ Богъ! Вѣрую, работаю и надѣюсь. Въ послѣднее время друзья отпадаютъ отъ меня, какъ листья отъ дерева. Мнѣ кажется, что я теперь совсѣмъ одинъ; но тѣмъ болѣе гордъ, тѣмъ прямѣе я.

Какъ только поправляюсь, я тотчасъ предаюсь работѣ. Вотъ въ студіи моей, среди моихъ духовныхъ дѣтей, я чувствую себя совсѣмъ хорошо. Забываю про Крамскихъ, про Рѣпиныхъ, про людскія обиды, и отдаю свое чувство, свою любовь, до забвенія, моей работѣ.

Не напыщенно-ли вышло это у меня? Значитъ, я нехорошо высказался. Но вы поймете, дорогой В. В., и безъ всякихъ лишнихъ словъ.

N. B. Только-что получилъ письмо отъ министра внутреннихъ дѣлъ по поводу моихъ конныхъ статуй. Онъ говоритъ, что проектированныя мною четыре конныя статуи относятся къ вопросамъ благоустройства и украшенія города, а потому разрѣшеніе постановки означенныхъ статуй можетъ послѣдовать лишь по окончательному моему соглашенію съ с.-петербургскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ.

Такъ вотъ что значитъ, когда не хотятъ: всѣ превращаются въ глухихъ и нѣмыхъ. „Здравствуй, кума".—„На рынкѣ была" и т. д. Кажется, я писалъ ясно, въ чемъ дѣло, и я вовсе не хлопоталъ о какихъ-то разрѣшеніяхъ на постановку конныхъ статуй. Я говорилъ, что Императоръ мнѣ заказалъ, и почему это до сихъ поръ тянутъ, т.-е. не даютъ мнѣ? Таковъ былъ общій смыслъ моихъ писемъ, но, повидимому, и тутъ насильно милъ не будешь.

Мнѣ пишутъ, что Трубецкой пишетъ комитету, что онъ возвратится въ Петербургъ только подъ тѣмъ условіемъ, если ему будетъ построена новая мастерская. Вотъ тотъ — черезчуръ милъ, молодецъ! Пускай ихъ учитъ! Другъ друга стоятъ. Что касается меня, то я, конечно, плюю на все это. Разъ въ жизни просилъ я у Государя работы—дали и отняли. И по дѣломъ! Зачѣмъ просилъ? Виноватъ, больше не буду.

770. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 2 января 1902 г.

Посланіе.

Эй, сюда! всѣ сюда, живѣй, скорѣй! Настраивайте ваши лиры, ударьте по струнамъ мощно и звучно, созывайте любимыхъ, умѣющихъ любить—сюда, сюда! Станьте стѣной, пойте дружно, славьте славнаго, любимаго и любящаго, нашего дорогого, дорогого и единаго Владиміра Васильевича! Ай да Владиміръ Васильевичъ! Нѣтъ другого, кто-бы насъ такъ ласкалъ и любилъ.

Грудь его широкая, любовь глубокая, душа чистая, думы крѣпкія. Гдѣ другой такой дорогой Владиміръ Васильевичъ? Нѣтъ другого такого, кто-бы думалъ не о себѣ одномъ, радовался-бы за всѣхъ, за

все доброе и хорошее. Гдѣ другой такой Владиміръ Васильевичъ? Нѣтъ другого такого дорогого, кто-бы стоялъ столбомъ за святую правду, за Россію и людей! Эй, живѣй, скорѣй! Ударьте въ бубны веселѣй, пойте и пейте до полночи, до разсвѣта, хваля Владиміра Васильевича!

Пойте и пейте до полночи, до разсвѣта—да здравствуетъ заря, да здравствуетъ нашъ богатырь Владиміръ Васильевичъ! Ура-а-а-а!!!

771. Къ И. Е. Рѣпину.

Парижъ, январь-февраль 1902 г.

Илья Ефимовичъ.

Давно собираюсь писать тебѣ. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ послѣднее мое пребываніе въ Петербургѣ мнѣ передали, что ты сильно жалуешься на меня за то, что до сихъ поръ я не далъ тебѣ что-нибудь изъ моихъ работъ взамѣнъ портрета въ маломъ видѣ, который ты написалъ съ меня. Признаться, мнѣ вѣрится этому съ трудомъ, хотя люди, которые мнѣ это передавали, достойны всякаго уваженія. Какъ-бы тамъ ни было, я считаю долгомъ напомнить тебѣ, что однажды ты самъ сказалъ мнѣ, полушутя—полусерьезно, отчего я не даю тебѣ маленькаго „Ивана Грознаго“? Я предлагалъ тебѣ взамѣнъ его большой бронзовый бюстъ „Ивана Грознаго“, или такой-же бюстъ „Мефистофеля“, такъ какъ маленькаго „Ивана Грознаго“ по страннымъ стеченіямъ обстоятельствъ я до сихъ поръ не имѣю, и лишь только въ послѣднее мое пребываніе въ Петербургѣ мнѣ показали наконецъ отчеканенную модель его.

Мнѣ остается только повторить мое предложеніе; прибавлю, что бюстъ „Мефистофеля“ или „Грознаго“ ты можешь сейчасъ получить, маленькую-же статуэтку я долженъ еще заказать.

Затѣмъ желаю тебѣ всякихъ благъ. Остаюсь твой М. Антокольскій.

772. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, январь 1902 г.

Милый Илья, пишу тебѣ на простынѣ, хотя въ сущности писать не о чемъ.

Только-что получилъ я твое письмо. Благодарю тебя за хлопоты. Ты спрашиваешь, не нужно-ли мнѣ еще что-нибудь. Отвѣчаю: ничего не нужно кромѣ грошей, а поэтому прошу выслать мнѣ остатокъ. Что мнѣ не нравится въ твоемъ письмѣ, это то, что ты хандришь. Я понимаю, что есть изъ-за чего, но все-таки, Бога ради, не поддавайся. Прежде, когда это съ тобою случалось, ты уѣзжалъ; если можешь это сдѣлать теперь—будетъ хорошо. Ничего, потомъ съ свѣжей силою наверстаешь. Что же касается до грошей, то, пожалуйста, не стѣсняйся, бери ихъ у меня въ одолженіе.

Вчера вечеромъ я получилъ письмо отъ В. В., такое, съ такими похвалами, и все за мое посланіе, вѣрнѣе за мою „Пѣснь о Влади-

мірѣ Васильевичѣ“. Подобной похвалы, а тѣмъ паче за мое писаніе, я никогда не получалъ. Онъ и тебя очень хвалитъ, т.-е. твою статью.

Я жалѣю, что ты теперь возишься съ портретами капризныхъ дамъ; но вѣдь ты предвидѣлъ, что она будетъ капризничать. Пожалуйста, если можешь, стряхни съ себя хоть на время весь этотъ ненужный багажъ, который такъ давитъ душу всякаго художника и человѣка. А Петербургъ способенъ навести сплинъ хоть на кого. Возьмись за что-нибудь хорошее, то, что ты любишь; работай, и тогда только найдешь душевное удовлетвореніе, по крайней мѣрѣ какъ художникъ. Безъ этого жизнь горька, особенно теперь. Я это испыталъ на себѣ и дорого поплатился. Я терялъ время и здоровье, и все безцѣльно, т.-е. безъ душевнаго удовлетворенія. Благодарю Бога, что теперь немного вылѣчился. Я возвратился на старую дорожку, я началъ работать по старому. Послѣ моей продажи, у меня осталось немного денегъ, и я ставлю все это охотно на карту, ва-банкъ. Работа, которую я затѣялъ, возьметъ у меня времени три года, а тамъ—пойду-ли я пѣшкомъ или поѣду въ золотыхъ каретахъ,—во всякомъ случаѣ душою буду тогда богаче всѣхъ. Ты навѣрное уже знаешь, что я взялся за „Инквизицію“; но это лишь только третья часть работы. Чтобы достигнуть того, чего хочу, необходимо сдѣлать еще два барельефа (одинъ подобный „Инквизиціи“). Говорю я это тебѣ, чтобы и ты вошелъ въ свою колею и не хандрилъ.

Газету „Россія“ я получаю и ничего не нахожу въ ней; развѣ только,—кто умеръ, кто получилъ чинъ; что въ Москвѣ декаденты устроили выставку и продали всего о д н у картину, и что на Пироговскомъ съѣздѣ возобновили ходатайство объ отмѣнѣ розги. „Русское Богатство“ еще не получалъ; увидимъ, что тамъ пишутъ. Получилъ также я и сочиненія Горькаго: не все нравятся мнѣ, и далеко не все, по крайней мѣрѣ то, что читалъ.

Какъ я радъ, что не сдѣлалъ „Инквизиціи“ 30 лѣтъ тому назадъ, и какъ я радъ, что дѣлаю теперь ее. У меня хранится тогдашняя работа: замыселъ остался тотъ-же, но за то какъ ребячески было скомпановано.

773. Къ нему же.

Парижъ, январь 1902 г.

Я получилъ твое письмо. Я радъ, что ты здоровъ, а то, признаться, я побаивался. Вѣдь время теперь шальное вездѣ. Здѣсь я успѣлъ простудиться (старой хронической болѣзнью, горломъ). Вотъ третій день сижу дома—проходитъ. Да и идти-то некуда. Вездѣ новый годъ, несмотря на гадкую погоду. Благодарю тебя за всѣ твои хлопоты. Когда увидишь Шёне (кажется, такъ зовутъ того, кто занимается продажею картинъ на выставкѣ), спроси у него, не возьмется-ли онъ и мою работу продать. Зильберманъ подговариваетъ меня отливать всѣ мои вещи „cire perdue“ и повезти ихъ по Европѣ. Онъ хочетъ этимъ заняться. Но боюсь—рискованно. Не время теперь, да притомъ и хло-

потливо. Затѣмъ надобенъ контроль... То, что ты говоришь про Трубецкого—удивительно. Но меня ничто не удивляетъ.

Ты просишь порученій; да развѣ ихъ мало у тебя? Но если ты уже такъ добръ, купи мнѣ кой-какія книжки для чтенія. Если можно, то Горькаго; не все, а то, что изъ нихъ получше. Моя библіотека скудна, я—все прочелъ; многаго не хватаетъ—зачитано.

Я жажду работы, но все не могу собраться съ духомъ, т.-е. мѣшаютъ. Въ домѣ, слава Богу, тихо. Мой зять поправляется; есть надежда на полное выздоровленіе. Гоститъ у насъ Шура. Хорошій мальчикъ, только не ровный; притомъ года такіе, да и воспитывался онъ одинокимъ. А то совсѣмъ хорошій юноша. Онъ души въ тебѣ не чаетъ; значитъ, есть за что, за что я тебѣ и благодаренъ. Это меня и радуетъ. Видишь, „долгъ платежомъ красенъ". Такъ-ли пословица говоритъ? Желаю тебѣ всего лучшаго, удачно вылѣпить бюстъ.

774. Къ нему же.

Парижъ, январь 1902 г.

Твое послѣднее письмо я читалъ съ удовольствіемъ и съ любовью, не потому, что ты говоришь тамъ такія вещи, съ которыми я былъ-бы согласенъ, а потому, что оно искренно, тепло; потому, что и ты думаешь и чувствуешь не о себѣ одномъ.

Одновременно съ твоимъ письмомъ я получилъ письмо и отъ В. В.; содержаніе приблизительно то-же, и я только-что кончилъ ему писать. Пожалуйста, прочитай мое письмо: тамъ найдешь если не прямой отвѣтъ, то косвенный. Мнѣ остается только сказать, что если я до сихъ поръ не посвятилъ себя исключительно еврейскимъ сюжетамъ, то можетъ быть отчасти оттого именно, что я еврей. Это не софизмъ, а истина. Не даромъ же кричатъ, что евреи—космополиты; ну и пусть ихъ. А по-моему, вотъ что. Есть четыре степени эгоизма: личный, семейный, національный и общечеловѣческій. Лишнее сказать, который эгоизмъ лучше, кто больше страдаетъ и наслаждается, чья жизнь шире и глубже. Я не могу прослѣдить самого себя, какими путями и почему у меня складывался взглядъ и любовь къ общимъ человѣческимъ идеямъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я помню себя, я иначе не думалъ, хотя вначалѣ и по-ребячески.

Въ памяти моей осталось содержаніе одного письма моего, писаннаго на жаргонѣ къ покойнымъ родителямъ. Это было въ началѣ вступленія моего въ Академію Художествъ. Я тогда разсуждалъ о томъ, что мы родились на всемъ готовомъ, что задача человѣка—отплатить человѣчеству чѣмъ-нибудь и т. д. Съ тѣхъ поръ и понынѣ я все иду той-же дорогой и рѣшительно не раскаиваюсь. Моя „Инквизиція", вмѣстѣ съ другими работами, стремится къ той-же общечеловѣческой идеѣ. У меня будетъ три барельефа и одна группа. Мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что мнѣ удастся наглядно выставить всемірную драму, и что отъ этого мой сюжетъ „Инквизиція" скорѣе выиграетъ, чѣмъ проиграетъ.

Все это, приблизительно, хотя въ иныхъ словахъ, я писалъ и В. В., но мнѣ хочется отвѣчать тебѣ совсѣмъ другое, а именно какъ художникъ художнику. Для тебя не ясно, почему я радъ, что дѣлаю „Инквизицію“ теперь, а не 30 лѣтъ тому назадъ. А это очень просто: потому что у каждаго художника есть три періода: сперва онъ рабъ природы, затѣмъ другъ природы, и наконецъ онъ тиранъ ея. 30 лѣтъ тому назадъ я находился еще въ первомъ періодѣ; надѣюсь, что теперь нахожусь не въ послѣднемъ еще.

Далѣе, ты находишь, что „Иванъ Грозный“ лучшая моя работа. Какъ тебѣ сказать? „О вкусахъ не спорятъ“. Когда „Русланъ и Людмила“ провалились, авторъ воскликнулъ: „Я-бы могъ вырѣзать изъ „Руслана и Людмилы“ десять такихъ оперъ, какъ „Жизнь за Царя“. Не знаю, насколько онъ былъ правъ, не знаю, насколько буду правъ я, повторяя то же самое относительно „Ивана Грознаго“, но мнѣ кажется, что мои статуи „Сократъ“, „Христосъ“ и „Спиноза“ куда выше „Ивана Грознаго“, и не по одному тому, что всѣ они герои—положительные типы, но и по техникѣ они шире, проще. Прибавлю—и труднѣе. Труднѣе воспроизвести спокойное и глубокое море, чѣмъ волнующееся.

Ты говоришь, что ты долго думалъ о томъ, можетъ-ли художникъ-скульпторъ передать въ мраморѣ то, что передумалъ, что его поражало и волновало? Конечно, м о ж е т ъ и д о л ж е н ъ; надо только найти форму выраженія, т.-е. художественную форму.

Наконецъ ты говоришь, что я всегда ставилъ технику, виртуозность на второй планъ. Богъ съ тобой, Илья, я всегда говорилъ и писалъ, что для меня содержаніе безъ формы то же, что форма безъ содержанія, что одно безъ другого немыслимо.

Еще пару словъ про тебя. Ты какъ будто извиняешься, что говоришь про меня то, что думаешь. Бога ради, говори, и почаще; я радъ говорить про искусство, особенно съ искреннимъ художникомъ. У каждаго человѣка горитъ своя лампа, не подольешь—затухнетъ, и только книги и бесѣды поддерживаютъ этотъ огонь.

Въ заключеніе, ты ставишь себя уже совсѣмъ низко на томъ основаніи, что ты жанристъ,—и напрасно: главное богатство человѣка, и художника въ особенности,—это душа. Эту-то Божью благодать можно передать (что ты и дѣлаешь) вездѣ; а маленькія дѣти часто дороже большихъ,—понялъ?

Пожалуйста, если можешь, пришли мнѣ литературу Рѣпина. Деньги я получилъ, и пребольшое спасибо. Запроса на „Ивана Грознаго“ еще не получилъ; получу-ли?

N. B. Прости за почеркъ, голова трещитъ. Ночь провелъ прескверно; не знаю, нервы-ли, или желудокъ, должно быть и то и другое. Погода прескверная тоже, сыро. Сегодня остаюсь дома, оттого я и расписался. Но съумѣешь-ли ты прочитать?

775. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 9 января 1902 г.

Ваше рѣдкое письмо я давно получилъ; ужь самъ не знаю, по-

чему я не отвѣтилъ сейчасъ, хотя слѣдовало-бы. А вотъ почему въ особенности: въ послѣдніе дни у меня происходила перемѣна (о причинѣ я умалчиваю). Какъ-бы то ни было, я вытащилъ мое „Нападеніе Инквизиціи" и поставилъ на станокъ. Въ это-то время я какъ разъ получилъ ваше письмо, именно, гдѣ вы такъ увлекательно говорите про эту работу. Такая случайность! Чѣмъ это объяснить?

Вы понимаете, что значитъ „поставить работу на станокъ?" Это значитъ, что я начинаю работать. Такъ пожелайте-же мнѣ, дорогой мой, добраго успѣха.

Странно еще и то, что ваше письмо застало меня также за рукописью „Еврейская хроника города В". [1]). Я ее пересматривалъ, во многихъ мѣстахъ сократилъ къ лучшему и пишу дальше. Вѣдь то, что вы читали, была только первая половина. Еще одна странность— я началъ эту „Хронику", когда былъ еще въ Академіи. (Въ моей автобіографіи я вспоминаю, какъ Рѣпинъ зубрилъ нѣмецкую грамматику, а я скрипѣлъ перомъ). Именно тогда я писалъ, т.-е. началъ эту „Хронику", и страннѣе всего то, что тогда еще я инстинктивно высказалъ все то, что теперь происходитъ по поводу еврейскаго вопроса. Хотя я лично ни на кого не могъ жаловаться.

Будьте здоровы, мой добрый В. В., желаю вамъ всякихъ благъ на Новый годъ.

776. Къ нему же.

Парижъ, 16 января 1902 г.

Какое письмо я получилъ отъ васъ вчера [2])! Никогда ничего подобнаго я отъ васъ не получалъ; да и вообще я отвыкъ отъ всякихъ похвалъ и, признаться, въ послѣднее время я самъ себя порядочно бранилъ. Если я, въ самомъ дѣлѣ, написалъ что-нибудь хорошее, то въ этомъ вы сами виноваты, я говорилъ только то, что душа мнѣ диктовала. Вотъ три дня какъ я сижу надъ оффиціальнымъ письмомъ и двухъ словъ связать не могу. Вотъ что значитъ теплое отношеніе и холодное отношеніе. Такія письма, какъ тѣ, что я пишу вамъ, я министрамъ не посмѣлъ-бы писать, а если-бы и посмѣлъ, то не могъ-бы ни за какія блага въ мірѣ. И такъ, ваши похвалы—отъ васъ, для васъ и благодаря вамъ. Мнѣ остается только пожелать вамъ всего лучшаго, главное—здравствовать долго, долго. Аминь!

Я теперь очень увлеченъ новой работой: „Инквизиція". Какъ я радъ, что не сдѣлалъ ее 30 лѣтъ тому назадъ, и какъ я радъ, что дѣлаю ее теперь! Тогда вышло-бы ребячество, а теперь, надѣюсь, выйдетъ дѣло. Но „Инквизиція" только часть общаго моего замысла. Не удивляйтесь, дорогой мой, что я мало буду говорить объ общемъ,— не потому, что не хочу, а потому, что по опыту я убѣдился, что чѣмъ больше я говорю о моихъ замыслахъ, тѣмъ меньше я ихъ исполняю.

---

[1]) Вильно.

[2]) Письмо это было написано по поводу статьи Антокольскаго о Парижской всемірной выставкѣ 1900 года.

Вы знаете, что я избѣгаю по возможности дѣлать эскизы; и мнѣ кажется, что я не брался за „Инквизицію“ именно потому, что она была уже разъ сдѣлана.

Эліасъ тоже и меня радуетъ, но только съ другой стороны, т.-е. главное какъ человѣкъ. И это качество я ставлю выше всего, особенно теперь, когда „людей“ такъ мало даже среди художниковъ. Воля ваша, я стараго покроя—я не понимаю и не допускаю художника сквернаго человѣка, а если такіе и бываютъ, то это не художники въ чистомъ смыслѣ этого слова, а какіе-то прохвосты, художники буржуа, для которыхъ искусство не цѣль, а средство. Увы! ихъ теперь много, и какихъ еще!

Пожалуйста, если у васъ въ Библіотекѣ есть какой-нибудь матеріалъ для „Инквизиціи“, главное по части костюмовъ, то я буду вамъ очень благодаренъ, если вы укажете мнѣ ихъ. Я-же, сколько ни искалъ—убѣдился только, что особенныхъ костюмовъ евреи въ то время не носили. Такъ-ли?

777. Къ нему же.

Парижъ, 28 января 1902 г.

Я былъ очень радъ вашему послѣднему письму—подобныя письма точно зеркало, въ которое поневолѣ заглядываешь и гдѣ видишь не только себя настоящаго, но и себя прошлаго. И такъ, я взглянулъ на себя и пишу то, что видѣлъ.

Я возмужалъ, порядкомъ постарѣлъ, но не измѣнился ни на іоту съ тѣхъ поръ, какъ вы знаете меня. Кажется, я давно спрашивалъ: имя мое еврейское, фамилія—польская, паспортъ русскій, кто-же я? Долго думалъ я объ этомъ и убѣдился, что по рожденію я еврей, въ жизни хочу быть человѣкомъ, а въ искусствѣ человѣкомъ-художникомъ.

Когда какой-нибудь благодѣтель открываетъ школу, богадѣльню или кухню для всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій, мы находимъ это въ высшей степени гуманнымъ и справедливымъ. Почему-же и въ душѣ маленькихъ художниковъ не можетъ тлѣть маленькая искра теплоты для всѣхъ, безъ различія вѣроисповѣданья? Можетъ и должна, и только тогда его искусство станетъ въ ряду тѣхъ, про которыя говорятъ, что истинная наука и искусство внѣ національности; она—достояніе всѣхъ. Что касается лично меня, то я давно убѣдился, что смѣхъ и злоба бываютъ различны, но слезы и кровь у всѣхъ одинаково горячи. Въ автобіографіи своей я говорю приблизительно такъ: „О, теперь я знаю, что такое искусство, пусть тысячи скажутъ мнѣ, что я ошибаюсь, и я скажу имъ, что они слѣпые, а я зрячій. Искусство—арфа, нервы—струны; моимъ прикосновеніемъ я пробужу ихъ чувство, вызову добро“.

Я еврей, да, да, можетъ быть, какъ никто; но еврейскаго вопроса, о которомъ вы говорите, въ искусствѣ я не допускаю, просто потому, что на всякій вопросъ въ концѣ-концовъ есть отвѣтъ, и тогда

вопросъ снимается, между тѣмъ какъ искусство есть, было и будетъ. Еврейскій-же вопросъ я свожу на вопросъ общечеловѣческій.

Когда однажды художникъ-скульпторъ показалъ Гарибальди свою работу, изображая жертвы во время бомбардированія, и назвалъ эту группу „совѣсть правительства“, Гарибальди ему замѣтилъ: „Вы-бы вѣрнѣе назвали это: „Глупость народа“. Да, дорогой мой В. В., всѣ страданья, вся пошлость—все вытекаетъ оттуда; прибавлю, что туда и я держу дорогу, и этимъ я окажу евреямъ больше добра, чѣмъ воспѣвая ихъ личное, т.-е. ихъ исключительное страданіе,—конечно, если съумѣю, если буду понятъ, если, наконецъ, успѣю высказаться.

Съ точки зрѣнія искусства, я, право, не знаю—радоваться или плакать оттого, что я не сосредоточиваюсь на одной отрасли сюжетовъ, эпохъ и національностей, т.-е. на еврейской; что затрагиваю разные сюжеты, наконецъ, что въ моей работѣ есть эпосъ, драма и лиризмъ. Все это вытекаетъ изъ того-же, что я хочу оставаться вѣрнымъ самому себѣ (да и не могу иначе). Вы боитесь, чтобы сюжетъ „Инквизиціи“ я не свернулъ на христіанскій. Напрасно. Повторяю, общая моя любовь, общее мое стремленіе это—человѣкъ. То, что я теперь задумалъ, будетъ имѣть всего понемножку, или достаточно; это будетъ міровая трагедія, вытекающая все оттуда-же, изъ „глупости народа“, изъ тьмы и невѣжества. И такъ, дорогой мой В. В., берите меня такимъ, какимъ я есть, „полюбите насъ черненькими“.

Еще пара словъ, касающихся еврейскаго костюма. Я дѣлаю испанскихъ евреевъ конца XV вѣка, временъ Фердинанда Католика, когда инквизиція болѣе всего свирѣпствовала; но тогда евреи носили общіе костюмы и скрывали, что они евреи, только втайнѣ справляли свои религіозные обряды. Если вы имѣете показать мнѣ что-нибудь особенное, конечно, я буду радъ и благодаренъ, только убѣдительно прошу васъ—по возможности скорѣе.

778. Къ нему же.

Парижъ. Получено 8 февраля 1902 г.

Ваше послѣднее письмо тронуло меня до слезъ и обрадовало меня. Вы все тотъ-же, вѣчно тотъ-же, чуткій, отзывчивый, гдѣ сердце бьется во имя чего-то. Вы радуетесь, что я взялся за „Инквизицію“, я—тоже. Главное—то, что я свободенъ, что творю, что работаю для себя, что не долженъ стоять въ переднихъ, стучаться въ чужія двери, выслушивать критики отъ чиновниковъ и столоначальниковъ. Сколько лѣтъ жизни и здоровья я потерялъ на это, а какой отъ того прокъ кому-бы то ни было, а также и мнѣ? Никакого. Повторяю: я радъ и счастливъ, что хоть на старости лѣтъ я вновь оберегаю свое духовное дѣтище, свое искусство. „Не гляди на то, что я такъ черна: то солнечные лучи обожгли меня, я чужой виноградникъ оберегала, свой запустила“. Это говоритъ „Пѣснь пѣсней“; это-же повторяю и я теперь день и ночь. Но повторяю вамъ, что „Нападеніе инквизиціи“ есть только одинъ томъ среди четырехъ.

Меня радуетъ и поражаетъ еще ваше отношеніе къ чужимъ убѣжденіямъ: „Пусть каждый думаетъ на свой фасонъ". Да, дорогой В. В., вашъ взглядъ на это широкій, съ дальнимъ горизонтомъ, и пусть каждый думаетъ по-своему, главное если это искренно, главное если это ведетъ къ одной и той же цѣли, къ добру, къ созиданію, а не къ разрушенію. Наши-же убѣжденія хотя и различны, но они убѣлены нашими сѣдинами, они бѣлы какъ знамя мира.

Но я думаю, что между нашими убѣжденіями есть одно только недоразумѣніе. Вы спрашиваете, можетъ-ли быть искусство космополитическое? Я думаю, какъ и вы—нѣтъ. Но что такое космополитическое искусство? Я знаю одно только такое искусство, это псевдоклассическое, которое повсюду наложило одну и ту-же печать. Даже въ аллегоріи, этомъ фальшивомъ языкѣ искусства, и тутъ уже просвѣчиваетъ что-то особенное: напримѣръ, пусть зададутъ тему, одну и ту-же, въ родѣ „Русалки", „Купальщицы", „Побѣды", „Волны", „Звѣзды", и прочей дребедени—французу, нѣмцу и англичанину, и вы издали укажете, какая работа кому принадлежитъ. Я уже не говорю о настоящемъ искусствѣ, какъ, напримѣръ, историческомъ и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что художникъ лучше сдѣлаетъ портретъ своего отца, чѣмъ портретъ чужого и т. д., но есть въ искусствѣ еще нѣчто другое, чѣмъ внѣшній обликъ: это—содержаніе, мысль и чувство. И тутъ, въ этомъ отношеніи, подъ какимъ угломъ ни сталъ-бы художникъ, какъ-бы далеко онъ ни отошелъ отъ своего народа, онъ все-таки останется вѣрнымъ своему народу, потому что онъ думаетъ и чувствуетъ именно какъ его народъ. Далѣе, ассирійцы, и особенно египтяне, изображали своихъ подвластныхъ или плѣнныхъ съ такою-же точностью, какъ и своихъ. Я думаю, что очень трудно заключить: были-ли тогдашніе художники націоналисты, или интернаціоналисты. Во всякомъ случаѣ, достовѣрно одно, что ихъ искусство отъ этого нисколько не пострадало. Какъ видите, дорогой В. В., все зависитъ отъ того, какъ кто на это посмотритъ. Что же касается меня, то я отъ всей души не желалъ-бы быть похожимъ ни на космополита, ни на націоналиста, да и ни на кого, а только на самого себя.

Я думаю, что еврейскихъ костюмовъ [1]) лучше всего искать въ религіозныхъ готическихъ картинахъ, гдѣ всѣ личности представлены такими, какими онѣ были въ данную минуту, ибо художники не знали тогда, что такое археологія, а дѣлали типы и сцены изъ своей-же среды, изображая ими и Новый, и Старый Завѣтъ. Но для моей работы надо думать главнымъ образомъ о „Маранахъ", т. е. о такихъ евреяхъ, которые на видъ только приняли христіанство, а втайнѣ оставались евреями. Ихъ-то особенно и преслѣдовали, они-то именно и подвергались особеннымъ истязаніямъ. Но среди нихъ, конечно, могъ быть и дѣйствительный еврей, т.-е. человѣкъ, не принявшій христіанства; они-то навѣрное и носятъ (въ тѣхъ картинахъ) особен-

[1]) Для его «Инквизиціи».

ные знаки. У меня была одна готическая картина, именно испанская, гдѣ евреи представлены съ обернутыми въ чалмы головами, въ родѣ мавровъ.

Пожалуйста, пришлите мнѣ указанія по этому вопросу.

779. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, февраль 1902 г.

Какъ поживаешь? Какъ поживаетъ В. В.? Онъ обѣщалъ выслать мнѣ документы насчетъ костюма еврейскаго. Я все жду, жду. Есть-ли „Исторія евреевъ“ Греца на русскомъ языкѣ? У меня только первый томъ; если есть продолженіе, то сдѣлай божескую милость, пришли по возможности скорѣе, деньги вышлю сейчасъ.

Я усиленно работаю „Инквизицію“, только случился казусъ: я началъ не въ достаточномъ размѣрѣ, свѣтъ имѣетъ 1 метръ 80 сент. длины, 90 сент. вышины, такъ что фигуры оказались въ 50 сент., да притомъ я началъ ихъ изъ пластелина. Такъ вотъ, много поработавши, теперь приходится повторить то-же самое, т.-е. начать вновь. Впрочемъ я еще не рѣшилъ, а то-бы я окончилъ раньше, чѣмъ думалъ.

Новостей нѣтъ. Памятникъ Виктору Гюго, который я видѣлъ на выставкѣ, на воздухѣ и въ бронзѣ, значительно выигралъ, такъ что пожалуй онъ одинъ изъ удачныхъ въ Парижѣ.

Я забылъ сказать, что я не дѣлаю особеннаго еврейскаго костюма просто потому, что евреи свободно справляли свои праздники, а мараны, которые прятались, навѣрное носили общіе костюмы; да притомъ-же отличительности еврейскаго костюма ограничивались то цвѣтомъ, то особенными знаками, что въ скульптурѣ играетъ, т.-е. можетъ играть, не особенно рѣзкую роль.

780. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 19 марта 1902 г.

Вы немало обрадовали меня вашими обоими письмами, главное первымъ, потому что я думалъ Богъ знаетъ что, и эти думы сильно тревожили меня. Вѣдь у меня не было не только отъ васъ ни слова, но и отъ Эліаса тоже. Ну, слава Те Господи, что мои тревоги были напрасны.

За рисунки костюма евреевъ [1]) премного благодаренъ; они очень любопытны, крайне желательно было-бы собрать весь этотъ матеріалъ въ одно цѣльное изданіе, хотя то, что вы прислали мнѣ, можетъ быть подвергнуто критикѣ. По-моему, насколько я знаю, я пока еще не вижу особеннаго еврейскаго костюма. Такъ, напримѣръ, еврейскій костюмъ XVI-го вѣка—чисто итальянскій XV-го вѣка; разница лишь та, что капюшонъ на головѣ носился обыкновенно обернутымъ около

---

[1]) По сочиненіямъ Расинэ и Готтенрота.

широкой шапки. То же самое и костюмъ XV-го вѣка отличается тоже только головнымъ уборомъ. Баба съ ребенкомъ очень смахиваетъ на швейцарскій костюмъ; мужикъ похожъ на польскаго еврея XVII-го вѣка; наконецъ, актеръ въ роли „Шэйлока" [1]) чистый винигретъ: маленькая шапочка на головѣ—чисто итальянская, какія носили въ особенности юноши; верхній халатъ—обще-европейскій; рукава съ прорѣзами носили вездѣ, даже въ Россіи; широкій поясъ, нижній костюмъ, особенно одинъ кафтанъ выше другого, чисто восточный.

Вы находите, что и въ „Нападеніи инквизиціи на евреевъ" я придерживаюсь интернаціональнаго взгляда: это не такъ. Положимъ, я въ мысляхъ космополитъ, на моемъ языкѣ это значитъ—человѣкъ, но ни въ одной изъ моихъ работъ нѣтъ этого. Въ „Ермакѣ", „Христѣ", „Несторѣ" и „Спинозѣ"—вездѣ я остаюсь вѣрнымъ рабомъ содержанія; я даже стараюсь мѣнять технику, смотря по эпохѣ.

Но мнѣ кажется, что вы составили себѣ обо мнѣ такое мнѣніе потому, что я, вѣроятно, не ясно высказался. А потому повторяю: я дѣлаю „Нападеніе инквизиціи на евреевъ". Если-бы евреи были терпимы и искупали-бы свой грѣхъ, т.-е. то, что они родились евреями, только тѣмъ, что должны носить особенные знаки и даже особенные костюмы, то имъ нечего было-бы прятаться, и наоборотъ: если они прятались, то навѣрное не носили еврейскихъ знаковъ, чтобы не узнавали ихъ. Вотъ почему я дѣлаю евреевъ безъ особенныхъ знаковъ; да притомъ-же эти знаки незначительны и въ скульптурѣ почти незамѣтны.

Я сильно работаю, необыкновенно хлопочу и порчу себѣ массу крови и—порядочно похварываю. Если-бы не случилось перерыва, то моя работа „Инквизиція" близилась-бы теперь уже къ концу. Но я долженъ ее передѣлать—началъ ее не въ достаточномъ размѣрѣ, да притомъ-же памятникъ Екатерины II сильно меня отвлекаетъ. Я пробовалъ поручить другому слѣдить чисто за матеріальными дѣлами, но оказалось, что архитекторъ сильно напуталъ, такъ что трудно разобраться. Всѣ другъ на друга взваливаютъ, а мнѣ приходилось расхлебывать.

... Здѣсь новостей нѣтъ; скоро откроется и здѣсь художественная выставка, но пока мало о ней говорятъ. Теперь время буровъ и автомобилей. У меня просили какую-нибудь художественную вещь для буровъ, но я не далъ: охотно далъ-бы я вещь для мира, но не для войны, хоть кому-бы то ни было.

781. Къ И. Я. Гинцбургу.

Парижъ, 21 марта 1902 г.

Получилъ твое письмо!!! Я былъ очень удивленъ, что вдругъ такое затишье. Признаться, я очень безпокоился, думалъ, что ты нездоровъ, и это отчасти оказалось правдой; думалъ, что ты куда-то уѣхалъ.

[1]) По англійской иллюстраціи, въ изданіи Шекспира.

Во всякомъ случаѣ, я хотѣлъ уже телеграфировать, но былъ предупрежденъ сперва В. В., а затѣмъ и тобою. Значитъ, все хорошо, что кончается хорошо. Вчера я уже отвѣчалъ В. В. Относительно еврейскаго костюма ты правъ; тамъ пока мало значительнаго. Въ тѣхъ рисункахъ, которые В. В. прислалъ мнѣ, очень мало еврейскаго, за исключеніемъ головного убора. Всѣ они различной эпохи, различныхъ народовъ. Костюмъ, въ которомъ играютъ Шейлока, чистая смѣсь, уже не знаю почему. Все это я писалъ В. В. Ты знаешь, что я когда-то собиралъ старинныя вещи, и сперва хотѣлось мнѣ собрать группу индустріальныхъ вещей исключительно еврейскихъ; но я былъ сильно разочарованъ. Есть вещи съ еврейскими подписями, но самыя вещи мало характерны, по крайней мѣрѣ въ стилѣ. Всѣ онѣ принадлежатъ къ стилю эпохи. Въ музеѣ „Клюни" есть цѣлый отдѣлъ еврейскаго культа, собранный евреемъ-коллекціонеромъ, и тамъ я не могъ почерпнуть что-нибудь особенное, кромѣ мелочей, какъ, напримѣръ, убранство торы и проч. Да и какъ могла развиваться у евреевъ своя особенность?

Для этого надо сперва быть независимыми въ странѣ процвѣтающей, а никоимъ образомъ въ гетто, гонимыми! Гораздо болѣе счастливъ былъ В. В. съ своимъ еврейскимъ орнаментомъ [1]). Это навѣрно создано было во время какого-нибудь халифа, хотя и тутъ корень арабскій.

Я бы просилъ тебя выслать мнѣ гипсовый мой давнишній этюдъ, головку, окрещенную именемъ „Натанъ Мудрый". Въ сущности это былъ этюдъ и довольно удачный для „Инквизиціи"; но если можно выслать его какъ Colis postal, то тѣмъ лучше. Работа „Инквизиціи" шибко пошла, но была прервана работой, а больше хлопотами по поводу памятника, и я не мало крови себѣ испортилъ этимъ. Да притомъ-же я увеличиваю размѣръ сюжета „Инквизиція". На это пошло масса времени.

Еще прошу тебя узнать у графа Ив. Ив. адресъ литейщика изъ бронзы въ Берлинѣ; я потерялъ этотъ адресъ. Я знаю, что комиссія по сооруженію памятника Императору Александру III вела съ нимъ переговоры. Этотъ адресъ крайне нуженъ мнѣ теперь, а поэтому прошу сообщить мнѣ его телеграммою.

782. Къ нему же.

Парижъ, мартъ 1902 г

Я хорошенько не помню, что именно я сказалъ тебѣ въ прошломъ моемъ письмѣ, но по твоимъ словамъ видно, что ты принимаешь поговорки въ прямомъ смыслѣ этого слова, а между тѣмъ, какъ пословицы, поговорки отвѣтственны лишь только за смыслъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о большомъ атласѣ, изъ 25 листовъ, огромнаго формата, отпечатанныхъ въ краскахъ и съ золотомъ, съ воспроизведеніемъ еврейскаго орнамента X, XI и XII стол., почерпнутаго В. В. Стасовымъ изъ коллекцій еврейскихъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки. Сочиненіе это еще не издано въ свѣтъ.

Дѣйствительно, я мало знакомъ съ движеніемъ сіонистовъ, т.-е. съ принципомъ ихъ, тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что каждый порядочный человѣкъ долженъ сочувствовать ему, уже по тому одному, что онъ будитъ человѣческое достоинство и ищетъ исхода,—но горе мое въ томъ, что именно этого исхода я не вижу. Люди хотятъ вырваться изъ вѣковой цѣпи, чтобы попасть на зубы великана, хотятъ вырваться отъ вѣкового позора... Но что такое свобода, позоръ? Пусть сегодня дадутъ всѣмъ евреямъ равноправность, какъ имъ дали ее во Франціи, и тысячи тѣхъ же сіонистовъ сдѣлаются плутами, проходимцами, забудутъ про евреевъ и еврейство; десятки ихъ будутъ позорить сотни евреевъ и будутъ они рабами своихъ скверныхъ инстинктовъ, какъ это я вижу именно здѣсь, во Франціи. Глядя на этихъ вылощенныхъ, извращенныхъ, будто-бы евреевъ, я спрашиваю себя: захотѣлъ-ли бы я мѣняться съ ними лохмотными, забытыми въ гетто, но съ вѣрою и чистою душой?—Сомнѣваюсь, несмотря на всѣ ихъ богатства.

Я лично буду преклоняться передъ сіонистами, какъ и передъ всякимъ, кто ищетъ богатства, главнымъ образомъ не матеріальнаго, а душевнаго.

Сколько тысячъ лѣтъ тому назадъ великій пророкъ Исаія громилъ евреевъ словами Бога: „То не постъ, который я требую отъ васъ", и т. д. А, право, намъ не стыдно и теперь это повторять на разные лады.

Вотъ мой личный идеалъ. Вотъ что я хочу видѣть среди породы, выдержавшей великую борьбу, закаленной въ бою, какъ сталь—огнемъ и водой. Гдѣ-же они?

783. Къ нему же.

Biarritz, 3 апрѣля 1902 г.

Пишу всего нѣсколько словъ. Я здѣсь въ Біаррицѣ для отдыха; здоровье мое совсѣмъ испортилось. Но здѣсь мнѣ не лучше, ибо погода ужасная. Я не писалъ тебѣ до сихъ поръ не потому, что не хотѣлъ, а потому, что не могъ. Главное, мнѣ хотѣлось сказать тебѣ про твои „Воспоминанія". Они чрезвычайно нравятся мнѣ, такъ что я не прочелъ ихъ, а проглотилъ. Написано живо, талантливо и интересно; нѣкоторыя мѣста наивны, и это придаетъ имъ больше прелести. Надо отдать тебѣ справедливость, ты плохо читалъ мнѣ ее въ рукописи, такъ что теперь я не узнавалъ ее, т.-е. твое писаніе. Что говорятъ другіе?—Что касается до меня, то я тебя поздравляю, но жду отъ тебя нѣчто поважнѣе еще, твои воспоминанія о позднѣйшихъ друзьяхъ твоихъ.

Ты говоришь, что будешь въ Парижѣ въ половинѣ іюня. Буду очень радъ видѣть тебя, и тогда мы поговоримъ подробнѣе.

784. Къ нему же.

Парижъ, апрѣль 1902 г.

Пишу съ трудомъ; все хвораю. Много причинъ этому, особенно отвратительная погода, которая теперь вездѣ. Я былъ въ Biarritz'ѣ,

думалъ подышать чистымъ воздухомъ, но это было хуже. Какъ только погода установится, поѣду въ Локарно и разсчитываю оставаться тамъ мѣсяцъ. Если ты все еще думаешь побывать въ Парижѣ, а затѣмъ навѣрное въ Швейцаріи, то въ такомъ случаѣ не заѣдешь-ли ты ко мнѣ? Я буду тамъ одинъ. Какъ мнѣ жаль, что я долженъ былъ остановить работу.

Жду съ нетерпѣніемъ второй части твоихъ „Воспоминаній". Выставка будетъ здѣсь открыта до конца іюня.

785. Къ нему же

Villa Baronata. Locarno (Suisse), 1902 г.

Наконецъ-то я здѣсь,—пока одинъ. Живу нараспашку, совершенно по-деревенски, пью молоко, ѣмъ яйца, иногда костлявую курицу, и все хорошо, прекрасно! Теперь здѣсь вовсе не жарко, постоянно ласкающій вѣтерокъ, а утра и вечера — удивительны! Встаю я въ 5—6 часовъ, засыпаю въ 9—10. А какъ мнѣ это необходимо! Мои нервы въ послѣднее время особенно расшатались. Причинъ много, но я не хочу про нихъ теперь говорить. Какъ-же ты-то теперь поживаешь? Благодарю тебя за твой добрый совѣтъ не ѣхать теперь въ Петербургъ; да я-бы и не поѣхалъ, это было-бы для меня, кромѣ того, что безполезно, но слишкомъ еще утомительно. Я только теперь чувствую, насколько я былъ усталый.

Получилъ-ли В. В. мою статью? Я просилъ его дать тебѣ прочесть ее. Какъ нашъ В. В. поживаетъ? Поцѣлуй его за меня. А какъ статья моя вамъ нравится?

Что новаго въ художественномъ мірѣ? Интересно, какого „Ермака" Беклемишевъ сдѣлаетъ.

У васъ теперь происходятъ большія торжества по поводу открытія памятника Императора Александра II. Жаль, что я не получаю русскихъ газетъ (а можетъ-быть оно и хорошо). Во всякомъ случаѣ я ничего не знаю. По всей вѣроятности Жуковскаго сдѣлали фельдмаршаломъ, а помощниковъ его полководцами (ничто не удивитъ меня). Ну, какъ видишь, всякій народъ имѣетъ такіе памятники, какихъ онъ заслуживаетъ.

Будь здоровъ. Только-что я получилъ письмо (совершенно случайно) изъ Іерусалима, въ которомъ мнѣ сообщаютъ, что Рѣпинъ, который говорилъ про меня, какъ про добраго знакомаго, заканчиваетъ картину „Искушеніе Христа въ пустынѣ".

Будь здоровъ. Другъ твой

Маркъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СТАТЬИ

I.

Петербургъ. Погода сырая, вѣтреная, ждутъ ледохода. Докторъ заставилъ меня сидѣть дома; поневолѣ я долженъ оставаться наединѣ съ самимъ собою. Этому я отчасти и радъ: давно не оставался наединѣ. Это въ своемъ родѣ сообщаться съ природою; видишь себя какъ-то лучше, яснѣе, точно не своими, а чужими глазами; провѣряешь прошедшее и обдумываешь настоящее.

Петербургъ всегда воскрешаетъ во мнѣ давно-давно прошедшее. Вспомнился мнѣ и первый пріѣздъ мой сюда, и первый отъѣздъ въ теплые края, на чужбину. Съ тѣхъ поръ много времени прошло,— ровно пятнадцать лѣтъ. Мнѣ стало грустно, очень грустно, когда картина за картиной пронеслись мимо меня... Вспомнилась мнѣ твоя просьба и мое обѣщаніе разсказать тебѣ что-нибудь изъ моей жизни; теперь я очень радъ исполнить это. Разскажу тебѣ о быломъ времени, пережитомъ мною именно здѣсь. Слушай и будь терпѣливъ: собираюсь писать много.

Жизнь дома не удовлетворяла меня. Моею завѣтною мечтою было ѣхать куда-нибудь учиться. Родители и слышать объ этомъ не хотѣли. Мечты мои они называли „бредомъ", который нужно изъ головы вонъ выкинуть. Они хотѣли видѣть своего сына во-время пристроеннымъ, осѣдлымъ, какъ Богъ и добрые люди велятъ. „Зачѣмъ тебѣ тратить свое здоровье и молодость?—говорили они,—и ѣхать куда-то на край свѣта! Здѣсь тебя всѣ знаютъ, у тебя золотыя руки, легко можешь зарабатывать свой кусокъ хлѣба... а тамъ Богъ еще знаетъ, что будетъ!..."

Но страсть сильнѣе логики: я остался при своемъ. Именно тогда я познакомился съ однимъ большимъ провинціальнымъ идеалистомъ, вѣровавшимъ во все печатное, въ особенности въ нѣмецкія книжки. Онъ любилъ говорить обо всемъ возвышенномъ, и объ искусствѣ въ особенности. Былъ онъ землемѣръ и считалъ себя артистомъ. Я очень полюбилъ этого человѣка, несмотря на то, что за нимъ водились кое-какіе грѣшки. Какъ настоящій артистъ, онъ вѣчно бѣдство-

валъ и иногда слегка запивалъ свое горе. Въ подобныя минуты онъ былъ особенно словоохотливъ.

— Это—стадо барановъ!—говорилъ онъ съ жаромъ, указывая на людскую толпу, проходившую мимо насъ.—Они живутъ безъ души, безъ чувства... Живутъ изо дня въ день, какъ эгоисты... Не смотри на нихъ! Ты—художникъ, царь природы! Ты долженъ не работать, а творить... и только тогда, когда муза твоя захочетъ. Они не понимаютъ меня, и потому я несчастенъ. Совѣтую тебѣ: бѣги отсюда, бѣги въ храмъ искусства; тамъ увидишь все, всему научишься... Увидишь работы первѣйшихъ свѣтилъ въ мірѣ: Микель-Анджело, Рафаэля... на колѣни станешь, будешь молиться передъ ними, чтобы они вдохновили тебя... Вотъ, — указывалъ онъ опять на мимоидущихъ: — они ничего не знаютъ, имъ ничего не нужно... но ты, ты—камень нешлифованный!

Я съ робостью спрашивалъ, видѣлъ-ли онъ работы этихъ величайшихъ геніевъ въ мірѣ.

— Нѣтъ,—со вздохомъ отвѣчалъ онъ,—читалъ о нихъ много... Представляю себѣ: это были боги, а не люди.

Иногда онъ разсказывалъ мнѣ про великихъ мастеровъ: что такой-то придворный художникъ работалъ только часъ въ день, во время восхода и заката солнца; затѣмъ онъ прибавлялъ, что истинные художники только такъ и работаютъ. Разсказывалъ онъ еще, что другой великій художникъ долженъ былъ сдѣлать „Страданія Христа“. Что значитъ человѣческая жизнь въ сравненіи съ вѣчно-геніальнымъ твореніемъ? Нашелся человѣкъ, который охотно отдался на мученіе ради увѣковѣченія страданій Христа. Художникъ создалъ чудо и самъ сейчасъ умеръ. Кончивъ свою картину, онъ сталъ любоваться ею, постепенно отходя назадъ, и, совершенно забывъ, что стоитъ на подмосткахъ—упалъ и Богу душу отдалъ. Всѣ эти разсказы я слушалъ съ замираніемъ сердца: для моего воображенія они имѣли что-то чарующее, придавая будущности особенную прелесть.

Не стану разсказывать тебѣ, любезный другъ, что мнѣ пришлось перенести, пока удалось уѣхать въ Петербургъ. Прошли годы, и, наконецъ, я ѣхалъ! Я былъ въ небесахъ, наверху блаженства и трогательно прощался съ моимъ идеалистомъ-землемѣромъ, который по этому случаю хватилъ немного лишняго и съ чувствомъ благословлялъ меня, напутствуя словами:

— Помни, что искусство безконечно, а жизнь коротка, что искусство—душа...—и т. д.

Самъ я не могъ себѣ отдать отчета въ томъ, что со мною происходитъ... Мнѣ казалось, что я будто несусь на невидимыхъ крыльяхъ, высоко, высоко... въ какомъ-то чудномъ пространствѣ... что могу летѣть, куда хочу, хоть черезъ океаны, выше орла...

Мой другъ! то было первое восторженное чувство юноши, къ которому жизнь еще не успѣла прикоснуться. Я ѣхалъ, конечно, въ третьемъ классѣ. Было тѣсно, но ничего, я не обращалъ вниманія ни на это, ни на провизію, которою мать моя снабдила меня чуть не на цѣлый мѣсяцъ. Третій звонокъ, свистъ—и мы помчались.

Первое неудобство, которое я почувствовалъ, было отъ бутылки рому, торчавшей у меня изъ кармана. Я вынулъ ее и передалъ сосѣду; тотъ откупорилъ, потянулъ изъ нея и передалъ другому; другой передалъ третьему; такъ бутылка обошла весь вагонъ и вернулась ко мнѣ уже порожнею при общемъ хохотѣ.

Было смѣшно, очень смѣшно, и я отъ души смѣялся вмѣстѣ со всѣми. Затѣмъ я сталъ угощать другихъ закуской, и не доѣхали до первой станціи, какъ изъ провизіи моей уже ничего не оставалось. Настала ночь. Мало-по-малу все утихло; вагонъ сильно качало — это убаюкивало пассажировъ; они стали дремать, потомъ храпѣть такъ, что ни свистъ локомотива, ни звонки не могли заглушить ихъ храпа. Всю ночь я не спалъ, а сидѣлъ и смотрѣлъ въ окно, въ темную даль, и думалъ. О чемъ? Не помню. Вагонъ былъ тускло освѣщенъ; по временамъ въ окна заглядывали клубы дыма, вырывавшіеся изъ трубы локомотива; они то медлили у окна, точно просясь, чтобы ихъ впустили, то быстро уносились прочь, стелясь по землѣ и цѣпляясь за темные кустарники.

Настало утро. Пассажиры начали просыпаться, и я не узнавалъ моихъ вчерашнихъ весельчаковъ: у всѣхъ выраженіе было кислое, лицо помятое, волоса растрепанные; всѣ зѣвали, кашляли и хрипло спрашивали: „Скоро-ли станція"? Черезъ нѣсколько времени всѣ стали понемногу охорашиваться; кто, высунувшись въ окно, умывался водою изъ бутылки; кто пилъ чай, а кто поспѣшно опохмелялся. Затѣмъ настала повсемѣстная трапеза: каждый отдѣльно вытаскивалъ какой-нибудь свертокъ изъ своего мѣшка, осторожно развертывалъ его и, сидя бочкомъ, точно прячась отъ другихъ, закусывалъ что Богъ далъ. Около меня сидѣла пожилая женщина, съ задумчивыми, почти страдальческими глазами: видно не мало испытала она въ своей жизни.

— Вотъ озорники,—сказала она мнѣ,—давеча они все отняли у тебя, а теперь прячутся... хоть-бы одинъ сказалъ: милости просимъ!

— Что-же мнѣ-то предлагать,—замѣтилъ я,—когда у нихъ у самихъ мало!

Женщина ничего не отвѣтила, только грустно поглядѣла на меня; самъ не знаю почему, этотъ взглядъ кольнулъ меня и надолго остался у меня въ памяти. Только годъ спустя, я его понялъ. Эта женщина первая коснулась моихъ невидимыхъ крыльевъ и первая вырвала перо изъ нихъ. Какъ я впослѣдствіи растерялъ всѣ остальныя, какъ упалъ съ высоты прямо на землю, въ житейское болото—не знаю, но это случилось; мое странствованіе на крыльяхъ продолжалось недолго.

По рекомендаціи моего сосѣда, того самаго, который возвратилъ мнѣ пустую бутылку на мѣсто полной, я остановился въ Петербургѣ не то въ заѣзжемъ домѣ, не то въ гостиницѣ. Хозяинъ казался мнѣ очень добрымъ малымъ, былъ всегда веселъ и любезенъ, и все предлагалъ мнѣ то одно, то другое, а я конфузился и отказывался... и, несмотря на это, мои сорокъ восемь рублей, составлявшіе весь мой капиталъ, скоро исчезли, и въ первый разъ мнѣ пришлось поститься не во-время. Хозяинъ больше не предлагалъ, мнѣ просить было неловко;

по это мелочи, я все-таки былъ счастливъ, какъ никто на свѣтѣ... вѣдь меня приняли въ Императорскую Академію Художествъ!

Для тебя, мой другъ, не можетъ быть понятно счастье, испытанное мною тогда. Ты всегда шелъ правильно, переходя отъ одной ступени къ другой; такъ ты и достигъ извѣстной высоты. Не то случилось со мною! Я сразу перескочилъ всѣ препятствія, всѣ ступени. Я—академистъ, принятъ въ храмъ искусства, въ высшее учебное заведеніе. Ты спросишь: какъ это случилось? Охотно разскажу тебѣ, но лишь настолько, насколько оно можетъ интересовать тебя, не вдаваясь въ подробности. Оглядываясь назадъ, съ удовольствіемъ могу утверждать, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Правда, много пришлось мнѣ пережить, но безъ этихъ добрыхъ людей я-бы совсѣмъ не пережилъ. Первой среди нихъ была жена бывшаго виленскаго генералъ-губернатора, Анастасія Александровна Назимова. Ея доброе, мягкое, материнское отношеніе ко мнѣ, ея ласковый взглядъ вдохнули въ меня жизнь, и я ожилъ, ибо до нея ко мнѣ никто никогда ласково не относился... Но о моемъ дѣтствѣ и отрочествѣ—въ другой разъ. Назимова не ко мнѣ одному такъ относилась, она оставила по себѣ память о многихъ добрыхъ дѣлахъ, протягивала руку помощи, не спрашивая, кто нуждающійся, и любила ближняго въ широкомъ смыслѣ этого слова. То была истинная христіанка; подобные люди всегда рѣдкость.

Первой моей работой на поприщѣ искусства были двѣ копіи: головы Христа и Божіей Матери, изъ дерева; этого было достаточно, чтобы заинтересовать Назимову.

Отъ нея я имѣлъ письмо къ баронессѣ Э., [1]) которой, кажется, въ то время не было въ Петербургѣ. Мнѣ приходилось ждать недѣли двѣ. Въ теченіе этого времени я каждый день отправлялся на Васильевскій Островъ, ходилъ вокругъ Академіи, засматривалъ въ окна, гдѣ ничего не видѣлъ, завидовалъ каждому входившему, и самъ не смѣлъ перешагнуть порогъ—какая-то священная боязнь удерживала меня. Внутренность Академіи рисовалась въ моемъ воображеніи чѣмъ-то необъятнымъ, чудеснымъ. Тамъ—искусство и поэзія, составляющія гордость и славу человѣчества... Съ каѳедры тамъ говорится о чемъ-то возвышенномъ, чуждомъ всего, что составляетъ меркантильную злобу дня. Тамъ все „избранные Богомъ“, какъ говорилъ мой добрый землемѣръ. Однимъ словомъ, мое воображеніе работало, я лелѣялъ мысль: можетъ быть, кто знаетъ, и я перешагну этотъ порогъ?

Отъ баронессы Э. я получилъ письмо къ профессору Пименову, который похвалилъ мою работу изъ дерева, имѣвшуюся при мнѣ, и освѣдомился относительно моего рисованія. „Куда мнѣ такъ рисовать, какъ здѣсь рисуютъ!“—подумалъ я и отвѣчалъ, что рисовать не умѣю. Этимъ я чуть не надѣлалъ себѣ бѣды, такъ какъ въ Академію принимаются только одни умѣющіе рисовать. Профессоръ нахмурилъ брови, задумался и, взявъ мою работу, повелъ меня къ конференцъ-секре-

---

[1]) Баронесса Эдита Раденъ, старшая фрейлина великой княгини Елены Павловны, какъ-бы ея первый министръ во всѣхъ дѣлахъ.

тарю. Скоро состоялась резолюція: я могу посѣщать скульптурный классъ, а пока долженъ подучиться рисовать въ школѣ. Не помня себя отъ радости, я бросился бѣжать ..—Извозчикъ!—закричалъ я,—вези!—Куда, баринъ?—торопливо спросилъ онъ. Я смутился, позабылъ адресъ квартиры, да и то, что въ карманѣ ни гроша. Но радость моя была сильна; я побѣжалъ самъ быстрѣе лошади, точно кто подгонялъ меня. Готовъ былъ всѣхъ обнять, всѣхъ расцѣловать; чужіе казались мнѣ знакомыми, а знакомые родными. Цѣлый день я говорилъ, разсказывалъ, бѣгалъ, и вечеромъ — усталый, голодный—заснулъ крѣпкимъ сномъ.

На завтра я, конечно, уже былъ въ скульптурномъ классѣ. Это была громадная зала въ шесть—семь оконъ огромныхъ размѣровъ. Создана она была широкою рукою при императрицѣ Екатеринѣ II. Вдоль ея, посрединѣ, стоялъ цѣлый рядъ гипсовыхъ статуй. Мнѣ показалось, что я пришелъ слишкомъ рано и что занятія еще не начались—засталъ всего трехъ учениковъ. Занимались они слѣдующимъ: одинъ усѣлся на скульптурномъ станкѣ, а двое другихъ катали его. Мой приходъ не стѣснилъ ихъ; этому я былъ радъ и сталъ разсматривать все, что тамъ было и что казалось мнѣ такъ ново и дивно. Группа „Лаокоона“ очень обрадовала меня: это были старые знакомые, я видѣлъ ихъ еще въ дѣтствѣ въ стереоскопѣ, привозившемся къ намъ, какъ диковинка. Съ тѣхъ поръ я не могъ забыть „Лаокоона“.

Въ углу дремалъ подслѣповатый сторожъ. Я завелъ съ нимъ разговоръ, но онъ неохотно отвѣчалъ; отъ него я узналъ только, что надо набить доску глиной, и тогда можно начать работать. Онъ прибавилъ еще, что сегодня никакъ нельзя, только завтра.

На завтра я пришелъ въ томъ-же часу и нашелъ тѣхъ-же трехъ учениковъ. На этотъ разъ они обступили меня съ любопытствомъ, я-же смотрѣлъ и не зналъ, какъ начать работать, такъ какъ никогда изъ глины не лѣпилъ. Подумалъ, постоялъ и, давай Богъ смѣлости, началъ по-своему, какъ изъ дерева. Сначала сдѣлалъ глиняную глыбу и потомъ сталъ ее вырабатывать. Мои товарищи сразу увидѣли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, лукаво начали одобрять мой пріемъ и давать мнѣ совѣты, конечно, на выворотъ. Я имъ вѣрилъ и цѣлый день проработалъ съ азартомъ; потъ лилъ съ меня ручьями, время шло быстро. „Но что-же значитъ,—думалъ я,—что ни ученики, ни профессоръ не приходятъ?“ Спросилъ я у своихъ товарищей; они отвѣчали, что сегодня праздникъ—я и тому повѣрилъ. Но на завтра явились опять только тѣ-же трое и никого больше; на послѣзавтра опять то-же. На этотъ разъ они увѣрили меня, что учениковъ-скульпторовъ теперь всего пять, и что профессора не ходятъ сюда, сдѣланныя-же работы нужно носить къ нимъ показывать на квартиру. Первая половина сказаннаго была сущая правда, даже и начало второй, но конецъ... Непремѣнно разскажу тебѣ это, другъ: это въ своемъ родѣ знаменательно не только для меня, но и для самой Академіи художествъ.

По указанію учениковъ, я долженъ былъ снести свою работу къ профессору Пименову, жившему туттъ-же рядомъ; ему-же я былъ отре-

комендованъ баронессою Э. Онъ былъ высокаго роста, худощавъ, съ быстрыми, порывистыми манерами; о немъ ходило много анекдотовъ; въ нихъ онъ представлялся художникомъ съ недюжиннымъ талантомъ, человѣкомъ гордымъ до сумасбродства, энергичнымъ до рѣзкости, но въ то-же время безпечнымъ и немного лѣнивымъ. Всѣ боялись его, не исключая и начальства академіи, а ученики просто избѣгали встрѣчъ съ нимъ.

Кончивъ работу, я, съ помощью сторожа, снесъ ее къ нему. Повидимому, онъ былъ очень удивленъ моей смѣлостью, посмотрѣлъ на меня, на работу и лаконически произнесъ:—Самъ приду.—Въ классѣ ждали меня видимо съ нетерпѣніемъ не только трое моихъ товарищей, но и еще нѣсколько человѣкъ незнакомыхъ.

— Ну, что?—спросили всѣ въ одинъ голосъ, какъ только я вошелъ. Я повторилъ то, что сказалъ профессоръ. Всѣ остались почему-то недовольны моимъ отвѣтомъ: видно, не того ждали. — Не можетъ быть!—говорили одни.—Онъ шутитъ,—говорили другіе.

— Ну, признайтесь,—приставали ко мнѣ,—вѣдь не то было?

Я не сталъ отвѣчать имъ; мнѣ не понравилась ихъ назойливость.

Вдругъ дверь раскрывается, и высокая, гордая фигура Пименова прямо подходитъ къ намъ.—Работаете?—спросилъ онъ, не глядя ни на кого. Всѣ оробѣли; чужіе попрятались и по-одиночкѣ стали исчезать за дверь; остальные начали было показывать свои работы, но Пименовъ порывисто глянулъ направо, налѣво и съ недовольной гримасой произнесъ: — Тьфу, какъ грязно! Развѣ у васъ нечѣмъ заслонить свѣтъ?—спросилъ онъ затѣмъ, указывая на окна. Ученики отвѣчали отрицательно. Онъ еще больше поморщился и закричалъ:—Эй, сторожъ! инспектора позови мнѣ сюда!

Маленькій инспекторъ явился скоро, точно изъ-подъ земли выросъ.—Помилуйте! Какъ это можно?—еще громче закричалъ профессоръ.—Точно казарма: свѣтъ снизу до верху, статуи грязныя... Помилуйте... На нихъ ничего не видать...

Послѣ этого начался новый порядокъ, появились желтыя ширмы на окнахъ, чинились и красились статуи, но, главное, съ тѣхъ поръ скульптурные профессора стали аккуратно дежурить, чего не случалось съ незапамятныхъ временъ. И такъ, благодаря фарсу, который ученики хотѣли сыграть со мной, скульптурный классъ получилъ настоящее свое учебное значеніе.

Профессоръ Пименовъ былъ для меня вовсе не страшенъ, а, напротивъ, очень добръ; онъ хвалилъ меня, какъ за рисунокъ, такъ и за лѣпку, и охотно поправлялъ не только меня, но и каждаго желавшаго слѣдовать его совѣтамъ, а желавшихъ было много и изъ живописцевъ: въ этомъ отношеніи онъ былъ истиннымъ мастеромъ и поправлялъ, какъ никто потомъ. Къ сожалѣнію, онъ началъ хворать, и не прошло года, какъ его уже не стало. Нѣчто странное случилось по отношенію къ моему рисованію. Вначалѣ оно шло неуспѣшно; одинъ изъ моихъ старшихъ товарищей убѣдилъ меня, что доучиваться въ

рисовальной школѣ не стоитъ,—лучше онъ самъ будетъ давать мнѣ уроки, конечно, за деньги. Уроки состоялись; я аккуратно срисовывалъ съ гравюръ и не менѣе аккуратно платилъ учителю, хотя послѣднее было мнѣ гораздо труднѣе, нежели первое.

Однажды я посѣтилъ вечерній рисовальный классъ и былъ крайне пораженъ тѣмъ, что увидалъ. „Такъ рисовать, — подумалъ я, — какъ нѣкоторые рисуютъ, я тоже съумѣю". И, не долго думая, на-завтра принесъ папку, бумагу и сталъ рисовать.

Ко мнѣ подошелъ помощникъ инспектора, очень строгій на видъ, но въ душѣ добрый человѣкъ, и спросилъ, кто мнѣ позволилъ рисовать.

Я не ждалъ подобнаго вопроса и не зналъ, что отвѣчать: развѣ для этого надо позволеніе?—Профессоръ Пименовъ,—сказалъ я и солгалъ. Оказалось, что здѣсь не скульптурный классъ, и надо было держать предварительный экзаменъ рисованія, чего я не зналъ. Но имени Пименова было достаточно для того, чтобы и здѣсь мнѣ было дозволено продолжать заниматься.

Недѣли двѣ послѣ моего вступленія въ Академію Художествъ появился въ скульпторномъ классѣ новичокъ, юноша, повидимому, такойже одинокій, какъ и я. Онъ шелъ по живописи, но, ради толковаго изученія дѣла, пожелалъ раньше полѣпить; онъ выбралъ римскій барельефъ „Антиной", съ котораго и я началъ. Меня поражало сходство юноши съ Антиноемъ: правильное овальное лицо, окаймленное густыми кудрявыми волосами, правильный носъ, сочныя губы и мягкіе, слегка смѣющіеся глаза—все это было у обоихъ почти одинаковое. То былъ ученикъ И. Е. Рѣпинъ. Мы скоро сблизились, какъ могутъ сближаться только одинокіе люди на чужбинѣ.

Я рисовалъ въ вечернемъ классѣ съ гипсовыхъ головъ не лучше другихъ, но и не хуже, и съ нетерпѣніемъ ждалъ прихода профессора. Мнѣ хотѣлось слышать его мнѣніе. Но вотъ скоро и классъ кончается, а его нѣтъ. А между тѣмъ я знаю, что онъ здѣсь, самъ видѣлъ его. Спрашиваю у моего молчаливаго сосѣда по рисованію, что это значитъ, а онъ отвѣчаетъ не то равнодушно, не то презрительно:—Онъ тамъ, на Олимпѣ засѣдаетъ.

— Что это за Олимпъ?—спрашиваю съ недоумѣніемъ.

— А вотъ не знаете, такъ узнаете!

„Странно,—подумалъ я,—отвѣчаетъ точно оракулъ".

Впослѣдствіи я узналъ, что загадочнаго тутъ ничего нѣтъ.

Въ углу средняго класса стоялъ рядъ стульевъ желтаго цвѣта, обитыхъ черною клеенкою. Тамъ, по словамъ учениковъ, собирались профессора для отдыха „послѣ обѣда", и иногда заговаривались до того, что классъ безъ нихъ и кончался. Вотъ этотъ уголъ и прозвали „Олимпомъ", гдѣ старцы раздавали намъ нумера взамѣнъ пальмовыхъ вѣтвей. Ты, другъ, навѣрно находишь, что это смѣшно, неправдоподобно—я самъ былъ вначалѣ такого мнѣнія. Боже сохрани, если-бы кто осмѣлился сказать что-нибудь дурное про академію, притронулся-бы къ моему кумиру... Я-бы назвалъ его дерзкимъ, злостнымъ... Но

потомъ... Суди, однако, самъ. Въ нашемъ классѣ было два профессора: одинъ уже старикъ, доживавшій свой вѣкъ, В—съ; онъ иногда, съ заложенными за спину руками, прохаживался среди учениковъ, дѣлая замѣчанія и давая совѣты, относившіеся, большею частію, къ фону рисунка; другой былъ пейзажистъ; уже одно это названіе ясно говоритъ, что онъ стоялъ не на своемъ мѣстѣ. Какъ-же училъ онъ насъ рисовать фигуры? Никакъ не училъ! Просто никакъ! По крайней мѣрѣ, я почти два года просидѣлъ тамъ и ни разу не видѣлъ, чтобы онъ подошелъ къ ученику. Правда, онъ иногда появится, бывало, въ дверяхъ, постоитъ, посмотритъ и уйдетъ засѣдать на „Олимпъ", точно тамъ его дежурство; и дежурилъ онъ тамъ аккуратно. Все это я увидѣлъ впослѣдствіи, теперь-же я только былъ радъ, счастливъ, что нахожусь въ Академіи художествъ. Чего мнѣ было больше желать? Мои завѣтныя мечты осуществились и въ гораздо большей мѣрѣ, нежели я ожидалъ! Я ходилъ съ поднятою головою, бодро, смѣло, легко, точно кто поднималъ меня... Да, я радовался, я отдавался Академіи всецѣло, всей душой. Усердно посѣщалъ классы и лекціи, работалъ цѣлый день охотно, до поту, до усталости.

Изъ дому я получалъ хорошія письма: всѣ за меня радовались, поздравляли, желали всего лучшаго. Родители даже прислали мнѣ цѣлую корзину всякаго добра. Тамъ я нашелъ жирный пирогъ, дюжину яблокъ, десятокъ селедокъ, полдюжины рубашекъ, двѣ бутылки рому, вязаный шарфъ на шею, да еще нѣсколько рублей денегъ. Жаль только, что яблоки испортились въ дорогѣ, пирогъ пахнулъ селедками, а селедокъ я не могъ съѣсть—негдѣ было ихъ держать. Одну бутылку рому я самъ выпилъ помаленьку, а съ другою случилось чудо: постояла на окнѣ и высохла. Все-таки я былъ очень радъ подаркамъ: они были первою помощью, которую родители подали мнѣ на чужбинѣ. Однимъ словомъ, я былъ доволенъ и счастливъ. Только нѣсколько мѣсяцевъ спустя, на экзаменѣ, меня въ первый разъ охватило какое-то тупое недоумѣніе, когда я получилъ неудовлетворительную отмѣтку. За что?.. За что такой-то получилъ высокій нумеръ, а другой—низкій?.. Вопросительно смотрѣлъ я на рисунки, на всѣхъ окружающихъ, но всѣ были безмолвны и отвѣта не было.—Да что это такое?—обращаюсь я къ моимъ товарищамъ съ умоляющимъ вопросомъ, прошу у нихъ разъясненія и получаю ироническій отвѣтъ въ родѣ: „Ищи кошку!"

Но все это скоро было забыто, и я опять работалъ съ усердіемъ, опять чувствовалъ себя избраннымъ Богомъ!.. А все-таки я былъ радъ, когда наступили каникулы. Меня тянуло домой; хотѣлось увидѣть родныхъ, знакомыхъ, землемѣра, всѣхъ обнять, разсказать всѣмъ мою радость, мнѣ хотѣлось привѣтствовать прелестныя окрестности моей родины, мѣста, куда я въ дѣтствѣ такъ часто бѣгалъ. Не стану описывать эту природу—не съумѣю, да притомъ она уже не разъ была воспѣта. Скажу только, что она и до сихъ поръ имѣетъ для меня что-то чарующее. Правда, въ ней нѣтъ ничего грандіознаго, поражающаго, за то она успокоиваетъ своей гармоніей. Красота ея разнообразна, жизненна, доступна вездѣ безъ потери силъ.

За три дня до отъѣзда, мой маленькій чемоданъ былъ уже туго набитъ моими пожитками, а передъ самымъ отъѣздомъ я переодѣлся по-дорожному, именно надѣлъ длинные сапоги, точно собирался дойти до Вильны пѣшкомъ. Надѣлъ я также и новую академическую фуражку, только-что купленную для пущей важности. Пріѣхалъ я на вокзалъ часомъ раньше, первый подошелъ къ кассѣ, первый отдалъ багажъ и затѣмъ сталъ поодаль въ позу наблюдателя и слѣдилъ за лихорадочной торопливостью, съ которою отъѣзжающіе бѣгали, шныряли, путались и кричали точно на пожарѣ.

„Кто мнѣ равный?—думалъ я,—никто!“ Вспомнилось мнѣ мое дѣтство: именно съ такимъ радостнымъ трепетомъ я ждалъ, бывало, Пасхи, когда въ домѣ все убиралось по-праздничному, полъ усыпался желтымъ пескомъ съ зеленью, а я, надѣвъ новое платье, праздновалъ вмѣстѣ со всѣми восемь дней и восемь ночей...

Вагонъ несется, торопится, но я тороплюсь еще больше. Я поминутно высовываюсь изъ окна, смотрю вдаль, впередъ, въ упоръ вѣтру; а то закрываю глаза и даю вѣтру дуть мнѣ въ лицо и трепать мои волосы. Но вотъ остановка. Чего они тутъ стоятъ?—говорю я съ досадой. Мнѣ отвѣчаютъ, что опоздали на цѣлый часъ. Слезы готовы выступить у меня на глазахъ, точно-бы меня кровно кто обидѣлъ.—На цѣлый часъ!—повторяю я.—Какъ имъ не стыдно! Наконецъ, мы стали подъѣзжать къ Вильнѣ. Я узнавалъ каждое мѣсто, каждую горку, каждую дорожку, гдѣ такъ часто бродилъ; все это мнѣ такое знакомое, такое родное... И вотъ, я въ объятіяхъ родителей; звонкіе поцѣлуи сыплются на меня; вся комната наполнена веселымъ смѣхомъ; всѣ радуются, разспрашиваютъ, какъ поживаю, тащатъ со всѣхъ сторонъ, кто къ себѣ, кто къ свѣту, кричатъ: „Покажись!.. Тотъ самый!“ Отъ радости я совсѣмъ опьянѣлъ. Мальчуганы обступили окна, чтобы посмотрѣть на пріѣзжаго, какъ на жениха. Но не одни мальчуганы любопытствовали; были люди важные, богатые, которыхъ я заинтересовалъ; меня хотѣли видѣть, хотѣли знать, на что я сталъ похожъ, каковъ я въ самомъ дѣлѣ. Къ одному изъ этихъ „важныхъ“ я былъ приглашенъ спустя нѣсколько дней; онъ принялъ меня съ насмѣшливымъ любопытствомъ и спросилъ, что я тамъ дѣлаю (т.-е. въ Академіи).—Фигурки рѣжете? кто-же ихъ покупаетъ?—На что другой, такой-же „важный“, отвѣчалъ за меня:—Мало-ли есть сумасшедшихъ на свѣтѣ!

Во время этихъ веселыхъ дней одно опечалило меня: я не могъ отыскать своего добраго землемѣра. Напрасно я искалъ его вездѣ, напрасно разспрашивалъ о немъ; никто не могъ сказать, гдѣ онъ, куда уѣхалъ, что съ нимъ сталось... какъ въ воду канулъ. Я утѣшался мыслью, что все-таки увижу его, но прошло лѣто, прошло другое, и еще, и еще... и до сихъ поръ совсѣмъ я ничего о немъ не знаю.

Жить за городомъ, какъ мечталъ, мнѣ не удалось; за то я имѣлъ отдѣльную комнату съ крошечнымъ окномъ, выходившимъ куда-то на крышу. Для меня это было особенно заманчиво, напоминая тѣсныя

мастерскія голландскихъ живописцевъ старыхъ временъ. Тамъ-то я и сдѣлалъ свою первую работу изъ дерева: стараго портного-еврея, высовывающагося изъ окна, чтобы вдѣть нитку въ иголку. Не помню, какимъ образомъ эта идея зародилась у меня; да знаетъ-ли вообще художникъ, какъ зарождаются у него идеи? Для меня эта работа была первымъ поцѣлуемъ творчества, первымъ лучомъ свѣта въ лѣтній день. Я работалъ и упивался работой. День, бывало, пройдетъ, а я не замѣчаю... Добрая мать моя приходила напоминать мнѣ, что насталъ часъ обѣда или ужина. Сумерки были временемъ моего отдыха. Среди работы у меня заболѣла рука; она болѣла сильно, но еще сильнѣе было мое увлеченіе; я продолжалъ работать и пошелъ къ доктору только тогда, когда „Еврей-портной“ былъ оконченъ.

Нечего и говорить о томъ, что отецъ мой гордился мною; я былъ у всѣхъ на виду; родные посѣщали мою маленькую мастерскую и восхищались моею работою, за исключеніемъ одного почтеннаго старца, который однажды, внимательно осмотрѣвъ все, пресерьезно замѣтилъ: — Конечно, на то инструменты! —Отецъ сконфузился, а вѣдь думалъ удивить его мною.

Время каникулъ прошло быстро, и вотъ я уже въ Петербургѣ и моя работа на выставкѣ. Первый, кто ее замѣтилъ, это былъ В. В. Стасовъ; своимъ горячимъ отзывомъ онъ заставилъ многихъ обратить на меня вниманіе [1]). Нечего и говорить, насколько самолюбіе мое было польщено. Я тотчасъ побѣжалъ купить шесть нумеровъ газеты и отдалъ за нихъ шестьдесятъ копѣекъ, сумму для меня въ то время не маловажную. Но стоило: въ первый разъ я читалъ похвалы себѣ, читалъ и не могъ повѣрить—въ самомъ ли дѣлѣ въ моей работѣ есть что-то особенное?.. Между тѣмъ, напечатано... О, тогда каждое напечатанное слово имѣло для меня большое значеніе! Не успѣлъ я вдоволь насладиться публичными похвалами, какъ былъ приглашенъ къ одному меценату; онъ хотѣхъ узнать цѣну моей работы. Я сказалъ: сто рублей— что можетъ быть больше? Меценатъ, не говоря ни слова, вручилъ мнѣ эту сумму. Я забылъ поблагодарить, схватилъ шапку и пустился бѣжать домой, отъ радости не чувствуя земли подъ собою. Вдругъ я остановился, подумалъ: „Не сонъ-ли это?“ Осторожно раскрылъ сжатую руку—дѣйствительно, тамъ сторублевая бумажка. Убѣдившись, что это не сонъ, я пустился бѣжать пуще прежняго... Ты смѣешься, я это знаю; теперь мнѣ самому смѣшно вспомнить. Но знаешь-ли ты, что значитъ получить первыя деньги за свой художественный трудъ? Это— первый трофей, первая побѣда, одержанная на поприщѣ искусства; душа моя праздновала эту побѣду всѣми своими силами, какъ это возможно только въ незабвенное время юности. Въ довершеніе моей радости, Академія Художествъ наградила меня малою серебряною медалью—каково? Мнѣ захотѣлось похвастаться, но не было передъ кѣмъ, и я показалъ свою медаль квартирной хозяйкѣ. Хозяйка не повѣрила,

---

[1]) Статья В. В. Стасова: «Наши художественныя дѣла», напечат. въ «Спб. Вѣдомостяхъ», 1869, № 43.

чтобы она была серебряная и—о ужасъ!—чтобы убѣдиться въ этомъ, зажала ее между своими крѣпкими, острыми зубами, сдѣлала на ней двѣ глубокія зарубки и возвратила мнѣ обратно, съ увѣреніемъ, что она оловянная.

Въ этомъ году мнѣ было суждено еще разъ возвратиться на родину съ новою побѣдою. Послѣ „Еврея-портного" я сдѣлалъ изъ слоновой кости „Скупого, считающаго деньги". Я тогда жилъ въ Академическомъ переулкѣ, во дворѣ, конечно, на самомъ верху. Вначалѣ я занималъ полкомнаты, но когда разбогатѣлъ на сто рублей, и сосѣдъ мой выѣхалъ, то перегородка была снята, и я зацарствовалъ на всю комнату. Она была не совсѣмъ удобна для работы,—потолокъ былъ низокъ, окна малы, и это выкупалось развѣ только тѣмъ, что объ этотъ потолокъ удобно было зажигать спички, даже для человѣка такого невысокаго роста, какъ я.

Нечего и говорить, что сто рублей очень скоро вышли; обыкновенный-же мой доходъ состоялъ изъ десяти рублей въ мѣсяцъ. Это были не заработанные десять рублей, не заслуженные, а стипендія; не легко было ихъ достать и не сладко было ихъ брать. Силюсь припомнить, имѣлъ-ли я какое-нибудь понятіе о моей будущности, когда въ первый разъ ѣхалъ въ Петербургъ. Кажется, никакого. Такова сила влеченія въ юности. Меня просто влекло—сильно, безотчетно. Искусство я предпочелъ всему остальному, всему на свѣтѣ. Петербургъ оказался, однако, не той пустыней, гдѣ падала манна небесная; поневолѣ пришлось отыскивать кусокъ хлѣба, во что бы то ни стало. Но гдѣ? Какъ?... Было у меня рекомендательное письмо изъ Вильны къ г-ну Л. Я отправился по адресу, не безъ робости; вошелъ, конечно, не по парадной. Меня позвали въ кабинетъ; я перешагнулъ порогъ и сталъ тутъ-же около двери. Л. принялъ меня ласково, упрекнулъ за мою робость, совѣтовалъ впередъ быть смѣлѣе. „Жизнь робости не пара,—сказалъ онъ,—а смѣлость города беретъ", и кончилъ тѣмъ, что переслалъ меня съ письмомъ къ другому, другой къ третьему, и т. д., и т. д. Началась игра съ мячикомъ: каждый, повидимому, охотно подхватывалъ меня и не менѣе охотно перебрасывалъ меня другому. Наконецъ, одинъ обѣщалъ поговорить съ кѣмъ нужно, обѣщалъ—и позабылъ. Поневолѣ приходилось напоминать не разъ, а нѣсколько. Благодаря этому, мое состояніе духа было не лучше, если не хуже, чѣмъ матеріальное состояніе. Памятенъ мнѣ одинъ случай. Было уже далеко за полдень, я оставался еще натощакъ и поднимался по знакомой уже мнѣ лѣстницѣ... ноги мои дрожали, я готовъ былъ упасть на каждой ступенькѣ... потомъ долго стоялъ около двери, не рѣшаясь взять ручку колокольчика. Наконецъ, когда я дернулъ его и звонокъ жалобно задрожалъ, я весь вздрогнулъ, будто сердце оборвалось. „Не хочу!"—дико закричалъ я, и бросился назадъ по лѣстницѣ. На улицѣ мнѣ показалось, что я вырвался отъ какого-то тяжелаго кошмара, давящаго меня, и сталъ дышать свободнѣе, хотя въ вискахъ сильно еще стучало. Вопросительно посмотрѣлъ направо и налѣво: куда идти? „Не все-ли равно?"—отвѣчалъ я самъ себѣ и по-

шелъ бродить по улицамъ. Вдругъ я остановился, схватился за боковой карманъ и обрадовался: „вѣдь у меня часы, золотые часы!“ То былъ остатокъ моей прежней состоятельности. Подумавъ немного, я ускорилъ шаги и отправился къ одному дальнему родственнику, съ увѣренностью, что онъ не откажетъ мнѣ въ нѣсколькихъ рубляхъ подъ залогъ часовъ, но ошибся. Отвѣтъ его былъ въ своемъ родѣ знаменателенъ. — Видишь, — сказалъ онъ, — брать отъ тебя залогъ нехорошо, какъ-то совѣстно, а такъ дать не могу.—При этомъ онъ, какъ родственникъ и добрый человѣкъ, счелъ долгомъ дать мнѣ отеческое наставленіе: „Поѣзжай, братъ, домой—это будетъ лучше всего. И отчего ты не хочешь быть такимъ, какъ всѣ? Видишь: всѣ мы живемъ и, слава Богу, жаловаться не можемъ, а тебѣ тарелки съ неба подавай! Непремѣнно художникомъ быть—важность какая! Вотъ знаю я одного художника, золотую медаль имѣетъ—пьяница! Медаль заложилъ, а самъ голодаетъ“.

Къ счастію, я скоро узналъ, что Г.[1]) назначилъ мнѣ стипендію: десять рублей ежемѣсячно. Можешь себѣ представить, какъ это было во-время. Изъ этихъ десяти рублей шесть я отдавалъ за квартиру, рубль шелъ на классные расходы, а на остальное живи, какъ знаешь, да еще и слоновую кость купи, и пальмовое дерево, и пр. и пр. Правда, впослѣдствіи мой доходъ увеличился еще на восемь рублей, опять изъ того же источника, но на эти деньги я долженъ былъ нанять учителя французскаго языка. Учитель былъ изъ учениковъ Академіи Художествъ, и, конечно, у насъ пошло такъ-же плохо, какъ первоначально мое рисованье. И вотъ, я кончилъ „Скупого“; онъ щедро вознаградилъ меня, вовсе не какъ скупой. Я получилъ за него царскую премію въ 29 р. 16 к. ежемѣсячныхъ, и получилъ совсѣмъ неожиданно. Можешь себѣ представить мой восторгъ! Я ликовалъ тѣмъ болѣе, что за „Скупого“ же получилъ большую серебряную медаль. Кто могъ теперь оспаривать мою радость, мою гордость, мое богатство? Первымъ дѣломъ моимъ было отказаться отъ восемнадцати рублей частной стипендіи, потомъ съ легкимъ сердцемъ и съ новою побѣдою я возвратился на родину, отдыхать и наслаждаться свободою каникулъ.

На этотъ разъ я нашелъ комнатку за городомъ, въ уголкѣ, среди прелестной природы. Въ первый разъ я наслаждался ею сознательно и наслаждался до упоенія, до усталости. Цѣлыми днями я одиноко бродилъ по густымъ лѣсамъ, увлекаясь всѣмъ, что тамъ видѣлъ; все мнѣ казалось столько же новымъ и интереснымъ, сколько и роднымъ. Уставъ, я ложился на спину и отдыхалъ; глядѣлъ сквозь вѣтви деревьевъ на глубокую синеву высокаго неба и на причудливыя формы серебристыхъ облаковъ, гонимыхъ вѣтромъ; прислушивался къ шелесту деревьевъ, точно разговаривавшихъ между собою и кивавшихъ верхушками, какъ головами, любовался и закатомъ солнца... Насту-

[1]) Іевзель Гавриловичъ Гинцбургъ.

пали сумерки, лѣсъ становился мраченъ и угрюмъ, и я спѣшилъ домой, хотя голодный, но вполнѣ довольный... Часто по ночамъ я не могъ спать. Звонкія трели соловья приводили меня въ восторгъ. Какая-то внутренняя сила кипѣла во мнѣ; я чувствовалъ себя бодрымъ, веселымъ, мнѣ хотѣлось бѣгать, хохотать,—однимъ словомъ, я жилъ полной жизнью.

Около своего домика я развелъ цвѣтникъ. Много вниманія и заботы было посвящено ему; я не знатокъ ботаники, однако это не мѣшало мнѣ любить цвѣты, ухаживать за ними, выпалывать сорныя травы. Какъ радовался я, когда сѣмена, посѣянныя мною, пустили ростки, когда молодыя растенія стали подниматься все выше, и, наконецъ, превратились въ пышные кусты, покрытые цвѣтами, разливавшими вокругъ свой запахъ!.. Разъ небо нахмурилось, поднялся вѣтеръ, блеснула молнія, раздался громъ, и дождь полилъ ливнемъ. Мои цвѣты не выдержали: они гнулись, ломались. Какъ я боролся за нихъ съ грозою! Поднималъ, подпиралъ, поддерживалъ ихъ, бѣгалъ отъ одного куста къ другому, несмотря ни на ливень, ни на вѣтеръ. Но все было напрасно: прошелъ дождь, а мои цвѣты лежали рядами, точно мертвецы на полѣ битвы; напрасно я расправлялъ ихъ, ставилъ имъ болѣе крѣпкія подпорки: въ нихъ не было жизни, и они быстро вяли, превращаясь въ ничто...

Лѣто прошло; настала осень со своими длинными, холодными ночами. Бабочки и мошки вертѣлись около зажженнаго свѣта, точно искали тепла; вѣтеръ качалъ деревья; поблеклые листья облетали и валились на землю... Мой другъ, я нарочно остановился на моемъ житьѣ-бытьѣ въ деревнѣ, потому что оно было для меня послѣдними радостными, безоблачными днями юношества. Мнѣ было тогда двадцать три года, и моя жизнь вступила въ новый фазисъ, полный заботъ, неудачъ и мученій. Хочешь выслушать мою Одиссею? Постараюсь разсказать тебѣ ее какъ можно короче и безъ сентиментальности. Я знаю, что ты не любишь ни сентиментальностей, ни длиннотъ—ты правъ: въ подобномъ случаѣ лучше всего факты, голые факты. И такъ, слушай.

Я вернулся въ Петербургъ, поселился съ Рѣпинымъ въ одной комнатѣ, и въ эту зиму со мною ничего особеннаго не случилось. Въ Академіи Рѣпинъ шелъ отлично: по рисованію онъ сразу сталъ первымъ. Я отсталъ, дѣлалъ все, что дѣлали другіе, только ужь не съ тѣмъ пламеннымъ увлеченіемъ, какъ прежде. Мы всѣ шли постепенно впередъ, но куда? Зачѣмъ?—Этого мы не знали. Намъ было сказано, что мы—ученики Академіи художествъ и потому должны учиться. У кого учиться? Кто отвѣтитъ на загадочные вопросы, заставлявшіе насъ недоумѣвать? Мы были для профессоровъ чужіе, какъ и они для насъ. Ихъ мастерскія были для насъ закрыты, ихъ работъ не было видно на выставкахъ, однимъ словомъ, мы блуждали безъ руководителя, безъ авторитета. Многіе это чувствовали и сознавали, и это выражалось въ мѣткихъ и безпощадныхъ насмѣшкахъ, на которыя молодежь всегда щедра. Какъ шло наше ученіе въ классѣ гипсовыхъ

головъ, я уже говорилъ; здѣсь, въ фигурномъ классѣ, куда я, наконецъ, перешелъ, дѣло шло не лучше.

Правда, тутъ преподавателей было больше: между ними былъ и академикъ Бейдеманъ, относившійся къ своему предмету добросовѣстно—онъ никогда не засиживался по цѣлымъ вечерамъ на Олимпѣ со старшими товарищами; но, увы, я уже не засталъ его. Онъ умеръ неожиданно и странно. Въ его мастерской надъ дверью висѣла гипсовая рука, снимокъ съ работы Микель-Анджело, кажется, съ „Моисея". И вотъ, разъ, когда онъ входилъ въ мастерскую, рука упала ему на голову, и это было причиной его смерти. Въ фигурномъ классѣ я засталъ профессора В., очень добродушнаго и тихаго. Да вообще, какъ люди, всѣ наши профессора были добродушны и почтенны, въ особенности въ натурномъ классѣ. У каждаго изъ нихъ была своя прошедшая заслуга. Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, почти всѣ они были уже утомлены, добродушіе ихъ превратилось въ апатію, свойственную старости, когда наступаетъ время думать о превратностяхъ міра. Тѣмъ не менѣе, никто изъ нихъ не хотѣлъ уступить мѣста болѣе молодымъ, болѣе дѣятельнымъ—одна смерть заставляла ихъ выходить въ отставку.

Профессоръ В. очень аккуратно обходилъ всѣхъ учениковъ, не забывая никого; около каждаго сидѣлъ относительно долго, молча сличая оригиналъ съ рисункомъ. Отыскавъ болѣе удачное мѣсто въ рисункѣ, онъ обводилъ его пальцемъ и съ особеннымъ удареніемъ произносилъ:—Очень хорошо!—Другой профессоръ, Іорданъ, граверъ, на видъ еще бодрый старикъ, любилъ разговаривать съ учениками, прохаживаясь ради моціону, заложивъ руки за спину.

Науки шли не лучше. Боже мой, какъ опасно видѣть все вблизи, въ особенности художнику, рисующему въ своемъ воображеніи все въ увлекательныхъ формахъ!.. А тутъ, что ни увидишь, все не такъ, иначе, нежели представлялось. Раньше я мечталъ: „Вотъ гдѣ услышу о высокомъ значеніи искусства; получу разъясненіе того, что такое художникъ; услышу истину, на которой основана наука; вотъ гдѣ она будетъ изложена мнѣ въ увлекательныхъ рѣчахъ". Мнѣ думалось, что всѣ профессора—люди идеальные, что они часто бесѣдуютъ съ учениками. „Какъ я буду ихъ любить! Да и какъ не любить ихъ? Я любилъ и люблю до сихъ поръ моего землемѣра, и не только люблю, но и уважаю... какъ же ихъ-то не любить?" Я съ жадностью бросился слушать научныя лекціи, силился понимать ихъ, бранилъ себя за непониманіе, старался не пропускать ни слова—и все напрасно. Я недоумѣвалъ, но скоро увидѣлъ, что товарищи относятся къ преподавателямъ не лучше и не хуже, чѣмъ я; ихъ безпощадныя насмѣшки очень меня тѣшили. Интереснѣе всего казалось мнѣ преподаваніе исторіи искусства, и хотя у лектора не было особеннаго дара слова, но онъ, тѣмъ не менѣе, сообщалъ намъ много данныхъ и говорилъ просто и искренно. За то, Боже сохрани—когда онъ брался разъяснять намъ греческую красоту! Помню, разъ онъ предложилъ намъ сдѣлать „прогулку по музею". Казалось-бы, что можетъ быть

болѣе заманчиво? Собралось насъ не мало. Послѣ многихъ комплиментовъ, отпущенныхъ лекторомъ каждой статуѣ, онъ обратился къ намъ съ убѣдительнымъ вопросомъ: „Не правда-ли, тутъ всѣ статуи прекрасны?“ Всѣ мы смотрѣли и не знали, что отвѣчать; оставалось только повѣрить ему на-слово, а на это не всѣ были согласны.

Гораздо хуже шла у насъ всеобщая исторія. Фамилію преподавателя я забылъ. Это былъ человѣкъ очень флегматичный, очень педантичный, весь гладко выбритый и съ краснымъ парикомъ на макушкѣ. Читалъ онъ изъ книги, ровно, монотонно, безъ перерыва и безъ увлеченія. Голосъ его былъ похожъ на дребезжаніе стеколъ кареты, катящейся по плохой мостовой, и при этомъ онъ имѣлъ особенную способность усыплять хоть кого. Еще хуже шло преподаваніе анатоміи. Читалъ ее человѣкъ въ свое время извѣстный, но тутъ уже доживавшій свои послѣдніе годы, сгорбленный, безъ зубовъ и безъ голоса; рѣдко когда пропускалъ онъ лекціи, но рѣдко когда и читалъ больше 10—15 минутъ. Онъ, бывало, правильно разложитъ кости, установитъ скелетъ и, щурясь, оглянетъ ряды пустыхъ скамеекъ, произнося:—Кажется, сегодня господъ (слушателей) не много.—Онъ былъ очень снисходителенъ—эти немногіе слушатели сводились на двухъ-трехъ человѣкъ. Кашлянувъ, преподаватель начиналъ лекцію изъ топографической анатоміи:—Вотъ, господа, лопатка. Лопатка имѣетъ край верхній, край нижній,—и т. д. Все это мы отлично знали изъ записокъ его. И только когда онъ присоединялъ къ этому что-нибудь изъ своихъ воспоминаній, мы слушали охотно. Совершенный контрастъ представлялъ молодой лекторъ Лавровъ, читавшій физику и химію; всѣ слушали его со вниманіемъ и интересомъ. Впослѣдствіи всеобщую исторію читалъ у насъ Эвальдъ; онъ говорилъ, а не читалъ, и говорилъ увлекательно, и потому мы всѣ увлеклись. Еще немного позднѣе, анатомію читалъ докторъ Гепперъ, тоже молодой, искренній, всей душою преданный дѣлу. Мы всѣ ожили, старались наверстать потерянное время; аудиторія всегда была полна; приходили художники, давно окончившіе курсъ. Гепнеръ первый въ своихъ лекціяхъ соединилъ слово съ дѣломъ (онъ привозилъ намъ части труповъ, познакомилъ насъ съ теоріей Дюшень-де-Булоня, считавшагося тогда еще шарлатаномъ, на его теоріи, однако, Дарвинъ впослѣдствіи основалъ свои идеи о „сокращеніи мышцъ“), однимъ словомъ, профессоръ Гепнеръ вдохнулъ въ нашу жизнь что-то свѣжее, новое... Мы тогда узнали, что ничего не знаемъ. Узнали также, насколько наша будущность зависитъ отъ хорошихъ, разумныхъ, а главное—искреннихъ преподавателей. Чѣмъ больше мы это сознавали, тѣмъ круче отворачивались отъ всего дряхлаго, отжившаго, не могущаго вновь ожить, дать жизнь новымъ отпрыскамъ. Всѣ почтенные профессора, о которыхъ я говорилъ вначалѣ, принадлежали прошедшему, а не будущему—не намъ. Однако я далеко забѣжалъ впередъ, впрочемъ для того только, чтобы не возвращаться еще разъ къ этому предмету. Прибавлю, что скоро мы потеряли нашего новаго преподавателя, Гепнера: онъ умеръ раньше времени.

Наша внутренняя жизнь шла своимъ чередомъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ Академіей. Благодаря Рѣпину, я познакомился съ нѣкоторыми товарищами малороссами. Скоро изъ насъ составился тѣсный кружокъ. Мы часто собирались, передавали другъ другу академическія новости, читали, спорили, шумѣли, пѣли и расходились только поздно ночью. Впослѣдствіи къ намъ присоединились, кромѣ товарищей по Академіи, также и нѣкоторые слушатели университета, и кружокъ принялъ нѣсколько болѣе систематическую организацію. Послѣ вечерняго класса мы собирались у каждаго по-очереди; хозяинъ угощалъ чаемъ, калачами, масломъ и сливками, да и свѣтомъ, необходимымъ для рисованія. Каждый изъ насъ по-очереди позировалъ; одинъ читалъ вслухъ, а прочіе, молча, притаивъ дыханіе, рисовали и страшно потѣли. Да и какъ было не потѣть! Собиралось насъ человѣкъ 12—15, всѣ въ шубахъ, въ теплыхъ пальто, у всѣхъ были галоши и палки; все это грудой сбрасывалось въ одну и ту-же комнату—часто такую, что негдѣ было повернуться—на полъ, на кровать, гдѣ попало. Мы пили чай, самовары наставлялись по нѣскольку разъ, паръ столбомъ стоялъ и жара была невыносимая. Мы шутили, острили, разсказывали были и небылицы. Иногда горячо начатый споръ прерывался рисованіемъ. Во время отдыха споръ возобновлялся, но чаще составлялся хоръ; пѣли все что знали: и изъ „Волшебнаго Стрѣлка", и изъ „Жизни за царя", по преимуществу-же малороссійскія пѣсни. У насъ былъ свой запѣвало: это былъ человѣкъ маленькаго роста, тихій, немного грустный, точно чѣмъ-то обиженный; пѣлъ онъ голосомъ небольшимъ, но до того симпатичнымъ, сердечнымъ и унылымъ, что мы никогда не могли его достаточно наслушаться. Онъ, бывало, усядется гдѣ-нибудь, заложитъ ногу на ногу, обниметъ колѣна руками, подниметъ голову, устремитъ взоръ куда-то въ неопредѣленную даль и, самъ раскачиваясь, начнетъ: „Гомонъ, гомонъ надъ дубровой", или что-нибудь изъ множества пѣсенъ, содержаніе которыхъ я, къ сожалѣнію, позабылъ.—Ай да Мариничъ!—говорили мы ему въ похвалу; больше ничѣмъ не умѣли мы отблагодарить его.

Иногда затѣвались у насъ споры, такіе, какіе могутъ быть только въ Россіи. Мы спорили и кричали всѣ вмѣстѣ, не слушая ни другихъ, ни самихъ себя, перескакивая съ предмета на предметъ, не зная, зачѣмъ споримъ, куда ведетъ споръ и что мы хотимъ выяснить, и всегда кончая вовсе не тѣмъ, съ чего начали. Споры затягивались преимущественно тогда, когда на нашихъ вечерахъ были студенты: отчасти потому, что они въ большинствѣ смотрѣли на насъ какъ на добрыхъ, но никуда не годныхъ малыхъ. Искусство казалось имъ праздною забавою, очень дорого стоющею и, въ сущности, никому не нужною. Тогда еще не затихъ знаменитый споръ: „что лучше: яблоко въ дѣйствительности, или яблоко написанное?" Мы тогда еще не знали, что и самый споръ яблока не стоитъ. Рѣчь шла и о томъ, что сапожникъ выше Шекспира и т. д. Студенты наступали на насъ смѣло, съ увѣренностью, старались доказывать свои мнѣнія различными данными... Это было настоящее ночное нападеніе; они

заставали насъ врасплохъ, не вооруженныхъ ничѣмъ. Тѣмъ не менѣе, мы схватывались съ ними, боролись, доказывали противоположное, кричали до хрипоты, далеко за полночь спорили по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, по-одиночкѣ, выносили споръ на улицу, уносили его съ собой домой. На-завтра спорили уже между собою художники. Наши ряды стали колебаться, мы чувствовали, что теряемъ почву подъ ногами. Въ самомъ дѣлѣ: что такое искусство, кому оно нужно, какая его цѣль? Каковъ идеалъ? Чего оно хочетъ отъ человѣка? отъ самой жизни? Какую пользу оно приноситъ? Имѣетъ ли оно право на существованіе?.. Красота? Что такое красота? Они называютъ ее условною, каждый чувствуетъ ее по своему... Они доказываютъ, что негръ предпочитаетъ негритянку, татаринъ отдаетъ преимущество чернымъ зубамъ передъ бѣлыми... Неужели они правы?.. А эстетика? Что такое эстетика? Высшая наука о прекрасномъ. Отчего-же не преподаютъ ее въ Академіи художествъ? Мнѣ говорятъ: чтобы понимать эстетику, надо тонко чувствовать. Я этой науки не знаю, да, должно быть, и тонкаго чувства не имѣю; послѣ этого какой-же я художникъ?.. Они даже совсѣмъ отрицаютъ искусство, а мы не можемъ доказать имъ противнаго. Ничего мы не знаемъ, не знаемъ даже, о какой красотѣ рѣчь идетъ, о внѣшней или душевной. Но споръ, какъ всякій споръ, особенно въ молодости, въ концѣ-концовъ имѣетъ и свои хорошія стороны: онъ будитъ и толкаетъ впередъ. Чего не успѣвали высказать, не поняли, того мы стремительно доискивались внѣ спора, въ книгахъ, въ разспросахъ, и любознательность росла. Мы сознавали, что стоимъ не на твердой почвѣ; что у насъ нечѣмъ защищать того, что мы такъ любимъ, что насъ такъ сильно влечетъ къ себѣ. Мы бросились искать знанія, сами не зная, гдѣ его найти; искали въ книгахъ, читали все, что только было тогда въ переводѣ на русскій языкъ; читали безъ роздыха и безъ системы. Говоря: „мы", подразумѣваю тутъ и моего сожителя Рѣпина, съ которымъ я шелъ почти рука объ руку.

Какъ сейчасъ помню всю обстановку нашей комнаты. Наши кровати стояли въ углу и подъ угломъ; тутъ-же стоялъ столикъ со свѣчей и книгами; почти никогда не засыпали мы безъ чтенія, продолжавшагося далеко за-полночь. Читалась и греческая философія, и Бокль, и Дарвинъ, и историческіе романы.

Перебрали и въ нашей литературѣ все, что было въ ней выдающагося. Такъ время шло.

Въ скульптурный классъ я ходилъ и занимался, но не охотно. Почему?—самъ не зналъ и не отдавалъ себѣ отчета; просто не влекло. Товарищи мнѣ тамъ были не по душѣ. Многіе изъ нихъ были дѣти лѣпщиковъ, монументныхъ дѣлъ мастеровъ, смотрѣвшіе на свое занятіе съ чисто-практической точки зрѣнія. Тамъ былъ только одинъ человѣкъ, къ которому меня влекло, но и то скорѣе изъ сострадания: это былъ въ своемъ родѣ мученикъ или жертва „безумія искусства". Ему было уже лѣтъ за тридцать; когда именно онъ вступилъ въ Академію художествъ, никто не зналъ; онъ же самъ не любилъ говорить

объ этомъ. Былъ слухъ, однако, что вступилъ онъ лѣтъ четырнадцать тому назадъ, и до сихъ поръ все оставался въ первомъ классѣ. Былъ онъ ниже средняго роста, скорѣе пухлый, нежели полный; лицо его тоже было пухлое и доброе, волоса черные и гладкіе, борода жидкая, глаза черные, блуждающіе и губы полныя, съ синеватымъ оттѣнкомъ. Приходилъ онъ въ классъ рано, раньше всѣхъ, и уходилъ позднѣе всѣхъ. Ни на кого не обращалъ вниманія, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, неохотно отвѣчалъ на вопросы и въ особенности на плоскія шутки нѣкоторыхъ товарищей. Все время онъ сидѣлъ почти неподвижно, устремивъ взоръ на предметъ, который старательно срисовывалъ на самой плохой бумагѣ кусочкомъ карандаша, вставленнымъ въ рейсфедеръ. Рисовать онъ начиналъ хорошо, вѣрно, но машинально; тушовка-же никакъ не давалась ему.

Изношенное пальто неизвѣстнаго цвѣта, всегда накинутое на его плечи, и засаленные до глянцевитости рукава ясно говорили о его несостоятельности. Я сталъ наблюдать за нимъ и убѣдился, что онъ часто голодаетъ. Его завтракъ и обѣдъ, повидимому, состояли всегда изъ одного и того-же, а именно изъ куска чернаго хлѣба, приносимаго имъ съ собою въ классъ и украдкой тутъ-же съѣдаемаго. Иногда и того не было, и я это узнавалъ по блѣдности его лица.

Вначалѣ наше знакомство шло туго, потомъ довольно сносно и, наконецъ, совсѣмъ удовлетворительно.

Подойду, бывало, къ нему и тихо спрошу: —Кажется, сегодня вы ничего не ѣли?—Онъ посмотритъ на меня съ удивленіемъ, отведетъ глаза въ сторону и не менѣе тихо отвѣчаетъ:—Нѣтъ.—Онъ даже сталъ ходить ко мнѣ. Но и тутъ онъ былъ тотъ-же! Застѣнчивый, пугливый, тихій и скромный. Я познакомилъ его съ Рѣпинымъ и другими; всѣ они относились къ нему по-человѣчески и, повидимому, онъ этимъ очень дорожилъ.

Разъ нашъ К. совсѣмъ ожилъ и похорошѣлъ. Въ его жизни случились два событія одно за другимъ, и оба не маловажныя. Во-первыхъ, онъ перешелъ во-второй классъ и, во-вторыхъ, получилъ изъ дому нѣсколько десятковъ рублей какого-то наслѣдства. Мы сейчасъ пошли съ нимъ на толкучій, купили пальто, сапоги, шапку и т. д., и, вернувшись домой, весело принялись распивать чай. Онъ тогда сказалъ, что братъ зоветъ его на родину, и, конечно, лучшій мой совѣтъ былъ—уѣхать, но онъ, повидимому, и думать не хотѣлъ объ этомъ.

Разъ я посѣтилъ его резиденцію. Это было гдѣ-то на Маломъ проспектѣ, въ квартирѣ сапожника, въ подвалѣ, гдѣ онъ занималъ маленькую, узкую комнатку съ однимъ окномъ. Обстановка вполнѣ соотвѣтствовала его состоянію, но хуже всего былъ тухлый запахъ сырости и спертый воздухъ, заставлявшій задыхаться даже меня, далеко не такого избалованнаго, какъ теперь. Посѣтилъ я его потому, что онъ нѣкоторое время не приходилъ въ классъ; и дѣйствительно, я засталъ его не совсѣмъ здоровымъ. Дома онъ занимался не менѣе прилежно, чѣмъ въ классѣ. Онъ показалъ мнѣ свою комнату, срисо-

ванную имъ на небольшомъ клочкѣ бумаги масляными красками, со всей ея невзрачной обстановкой: старыми, поломанными стульями, кривымъ комодомъ, одеждой, развѣшанной по стѣнамъ, и отставшими заплѣсневѣвшими обоями. Все это было передано тщательно и тонко выписано, только тускло, безъ дали и безъ жизни. Въ этомъ маломъ рисункѣ онъ отражался весь, какъ всякій художникъ въ своемъ произведеніи; но нельзя сказать, чтобъ у него не было Божьей искры; можетъ-быть, она была маленькая, но все-таки была. Мнѣ даже сказывали, что вначалѣ онъ шелъ въ Академіи недурно и получалъ хорошія отмѣтки, и что только на третномъ экзаменѣ оборвался.

Мое посѣщеніе осталось у меня въ памяти надолго. Это былъ живой человѣкъ, которому-бы не позавидовалъ мертвый, а между тѣмъ онъ жилъ и надѣялся на лучшую будущность. Я сомнѣвался какъ относительно его здоровья, такъ и относительно его карьеры; но что было виновато въ его судьбѣ: безталанность, бѣдствіе или Академія? Оставляя этотъ вопросъ открытымъ, окончу мой разсказъ о немъ. Онъ сталъ чаще хворать, и мы, занятая молодежь, рѣже стали видать его, хотя и видали. Его блѣдное пухлое лицо было во всѣхъ отношеніяхъ неестественно. Разъ встрѣчаю его, и онъ сообщаетъ мнѣ съ какой-то скривленной улыбкой:—А знаете, начальство Академіи не позволяетъ мнѣ больше заниматься тамъ.—Неужто?—невольно вырвалось у меня:—плюньте да уѣзжайте!—Онъ ничего не отвѣтилъ, и мы разстались...

Настали каникулы, прошло лѣто, и опять начались классныя занятія; я вспомнилъ о К. и отправился отыскивать его на прежнюю квартиру, но не нашелъ тамъ ни его, ни сапожника. Куда переѣхалъ сапожникъ, я узналъ; собирался сходить къ нему, чтобы узнать о К., но моя жизнь, какъ я уже выше сказалъ, стала некрасна. Въ такихъ случаяхъ поневолѣ становишься эгоистомъ, концентрируешь свое вниманіе на себѣ, барахтаешься, спасаешься, кричишь отъ боли... и позабываешь обо всемъ остальномъ. Если спросятъ, что сталось съ К., то, къ стыду моему, я долженъ отвѣчать:—не знаю.

Возвращаюсь къ собственной персонѣ. Въ эту зиму я, кажется, ничего не создалъ... Надо сказать, что я отлично запоминаю всѣ факты, всѣ детали, каждое лицо, но никоимъ образомъ не запоминаю времени, когда именно случился тотъ или другой фактъ, и потому, очень можетъ быть, что нѣкоторые эпизоды тутъ перепутаны. Я уже выше сказалъ, что въ скульптурномъ классѣ неохотно занимался, но все-таки занимался не меньше другихъ. Я ходилъ въ классъ каждый день, старательно рисовалъ, перепортилъ массу бумаги и, съ жадностью впиваясь въ снимки съ греческихъ произведеній, слѣпо благоговѣлъ передъ ними, но не ощущалъ той страсти, которая заставляетъ сердце биться сильнѣе обыкновеннаго. Я хотѣлъ полюбить эти статуи всей душой, но не могъ; я упрекалъ себя за отсутствіе тонкаго чувства... Но почему же „Лаокоонъ“ такъ поразилъ меня въ дѣтствѣ, когда я увидѣлъ его еще въ стереоскопѣ? Почему теперь болѣе нравится мнѣ „Умирающій галлъ“, чѣмъ другія? Почему меня влечетъ къ тому, въ чемъ есть выраженіе? Мнѣ говорятъ, что въ „Лаокоонѣ“ сказывается упадокъ грече-

скаго искусства, что „Галлъ“ есть произведеніе искусства малоазіатскаго, далеко не имѣющаго того высокаго значенія, какъ чисто греческое. Должно быть, у меня нѣтъ „тонкаго чувства“. Я пересталъ рисовать и сталъ бѣгать по музеямъ, что-то отыскивая и все-таки останавливаясь передъ тѣмъ, въ чемъ чувствуется жизнь, въ чемъ свѣтится душа... холодныя-же вещи, какъ-бы хорошо онѣ ни были исполнены, отталкивали меня.

Только потомъ я увидѣлъ, насколько инстинктъ мой не ошибался. Могу теперь положительно утверждать, что греки занимались формой для формы только въ декоративномъ искусствѣ, да и то далеко не всегда. Все-же ихъ идеальное искусство есть выраженіе ихъ внутренняго настроенія. Они создавали не статуи, а боговъ, въ которыхъ настолько-же вѣрили всею душою, насколько любили и чтили ихъ. Греки подчиняли форму, соотвѣтствующую данному богу, тому идеалу, который брались создать. Вся ихъ геніальная заслуга состоитъ въ томъ, что они создали своихъ боговъ въ совершеннѣйшей художественной формѣ, полной жизни и правды; но и самый ихъ культъ, религія ихъ способствовали этому, какъ потомъ христіанское міросозерцаніе способствовало созданію въ искусствѣ полнаго выраженія беззавѣтной душевной красоты, достигшей своего апогея, какъ у грековъ достигала апогея красота физическая. Разницу между этими двумя искусствами составляетъ противоположность ихъ содержанія. Греческіе боги не пришли искупить человѣческихъ грѣховъ, они не страждутъ, а полны жизненнаго, реальнаго интереса — только въ совершенствѣ; греческіе полубоги—не христіанскіе мученики, пострадавшіе за вѣру и правду, не аскеты, отдалившіеся отъ мірскихъ суетъ и молящіеся за людскіе грѣхи; нѣтъ, они только усовершенствовали жизнь, съумѣли отличиться, стать выше обыкновеннаго человѣка, хотя-бы въ физическихъ упражненіяхъ.

Разница между греческимъ и христіанскимъ міросозерцаніемъ состоитъ въ томъ, что греки призвали своихъ боговъ къ себѣ и придали имъ свои жизненные интересы, между тѣмъ какъ христіане, совершенно наоборотъ, стремятся къ Богу. Греческіе храмы не колоссальны, не давятъ человѣка своими размѣрами, — часто крышу замѣняетъ открытое небо; они стоятъ на платформѣ, заканчивающейся плоскимъ фронтономъ. Христіанскія готическія церкви всегда точно выростаютъ изъ земли; ихъ безконечныя башни и шпицы стремятся къ небу, а внутренность ихъ скорѣе настраиваетъ на размышленіе о ничтожествѣ и суетности всего мірского, нежели вызываетъ желаніе окунуться въ житейскія волны. Кто-то высказалъ, что искусство развивается во времена упадка. Но какое искусство? Декоративное или душевное? Первое—не что иное, какъ продуктъ вкуса; произведенія его принадлежатъ къ предметамъ роскоши, ласкающимъ глазъ нашъ; оно всегда развивается, когда чрезмѣрное богатство сосредоточивается въ одномъ классѣ общества, какъ это было, напримѣръ, въ древнемъ Римѣ. Но душевное искусство, совершенно наоборотъ, поднимается пропорціонально съ духомъ народа; только у испорченныхъ душъ нѣтъ идеала.

Все это я говорю теперь послѣ многихъ, многихъ лѣтъ, послѣ того, какъ успѣлъ и подумать и даже немного постарѣть; но тогда инстинктъ мой былъ сильнѣе сознанія... за то сколько мученій создалъ онъ мнѣ!

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я Пасхи и, не дождавшись, уѣхалъ домой. Но тамъ ничего хорошаго не ждало меня. Домашнія дѣла шли все хуже и хуже. Сестра моя, только-что вышедшая замужъ, опасно захворала; я засталъ ее въ постели и провелъ около нея четырнадцать дней, послѣ чего вернулся въ Петербургъ, радуясь ея выздоровленію.

Вечерніе классы рисованія еще продолжались. Весной они имѣютъ особенный, странный отпечатокъ. Ламповое освѣщеніе замѣняется дневнымъ свѣтомъ; иногда врываются послѣдніе лучи солнца, заставляющіе невольно оборачиваться въ ихъ сторону. Учениковъ мало; всѣ спѣшатъ домой, на родину, обнять родныхъ, знакомыхъ и среди нихъ отдохнуть и вольно пожить. Самый весенній воздухъ говоритъ что-то, вызываетъ особенное настроеніе, то безотчетно-грустное, то безотчетно-радостное; какой-то трепетъ охватываетъ, куда-то манитъ вдаль... Но меня на этотъ разъ никуда не манило... Классы закрылись, я остался одинъ, остался съ самимъ собой. Впрочемъ. остались и другіе товарищи, съ которыми я иногда гулялъ. Большею частью я былъ одинъ, и тогда-то совсѣмъ предавался своимъ мечтамъ. Меня занималъ все одинъ и тотъ же предметъ—искусство.

Боже мой, какъ тяжело искать любимый предметъ впотьмахъ, въ неизвѣстности! Кто заронилъ въ меня сомнѣніе? Зачѣмъ оно такъ преслѣдуетъ, мучитъ меня? Правда, въ теченіе этого времени я успѣлъ уже кое-что перечитать, и между многимъ другимъ и Прудона: „Объ искусствѣ". Мы ухватились за него точно утопающіе, видѣли въ немъ опору нашихъ стремленій, но внутренно мы не были удовлетворены... Это все не то, не то... душа требуетъ чего-то другого... Помню, разъ ночью съ Рѣпинымъ мы долго шли молча.—А знаешь,—сказалъ онъ вдругъ:—мнѣ кажется, что искусство ни къ чему не ведетъ!—Видно было, что и его мучитъ тотъ же вопросъ. Я нападалъ на него за это, а самъ... Если-бы онъ зналъ, что тогда во мнѣ происходило! Если въ искусствѣ ничего нѣтъ, если оно только праздная забава, то отчего оно такъ сильно влечетъ меня къ себѣ? Отчего я отдался ему, оставивъ родныхъ, отрекшись отъ молодыхъ страстей? Отчего оставилъ сытный кусокъ хлѣба и пошелъ голодать на чужбинѣ, чуть не протягивая руку съ просьбой о милостынѣ? Искусство... Что такое искусство? Почему я такъ страстно полюбилъ неизвѣстное?.. Красота... почему ты не открываешься мнѣ? Неужели, увидѣвъ тебя, узнавъ тебя, я тебя не полюблю? Вѣдь ты должна быть идеаломъ моей будущности, моей жизнью. Неужели всѣ знаютъ то, чего я такъ сильно добиваюсь и не знаю? Отчего-же я не могу разрѣшить разрѣшеннаго другими? Какъ я завидую имъ!.. Да, я тогда завидовалъ всѣмъ и каждому. По цѣлымъ ночамъ я бродилъ вдоль набережной во время тихихъ, чудныхъ бѣлыхъ ночей, свойственныхъ только Петербургу. Иногда, отъ

досады, у меня готовы были выступить слезы; какая-то внутренняя злоба пробуждалась во мнѣ... Я грозилъ кулаками... Кому? За что? Себѣ за свое незнаніе... По часамъ смотрѣлъ я на небо, на Академію художествъ, облитую почнымъ холодомъ и свѣтомъ, на гранитныхъ сфинксовъ, гордо и молчаливо стоявшихъ тутъ-же у спуска Невы, точно два стража; на общій видъ набережной, убѣгающей вдаль, и на дрожащіе огненные столбы, отражающіеся на поверхности воды отъ корабельныхъ фонарей. Все это было спокойно, величаво и молчаливо... Мнѣ вспоминалось еще недавнее прошлое: во время моего перваго пріѣзда я тоже ходилъ вокругъ Академіи. Я сравнивалъ мои тогдашнія чувства съ теперешними... Какая разница между ними! Скажи: неужели сфинксъ есть эмблема твоя, Академія?

Полный усталости, я уходилъ домой тѣмъ, чѣмъ и пришелъ... Я былъ очень радъ, когда жаркое, душное петербургское лѣто прошло. Мало-по-малу жизнь въ Академіи проснулась, товарищи съѣзжались, бодрые, энергичные, съ красными щеками... Пошли рѣчи, разспросы, толки... жизнь пошла своимъ чередомъ. Долженъ замѣтить, что эта зима была для меня переходнымъ временемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, я перешелъ въ натурный классъ; во-вторыхъ, былъ назначенъ новый профессоръ скульптуры; затѣмъ, въ самой Академіи совершились нѣкоторыя реформы; но главное—я познакомился съ однимъ человѣкомъ, имѣвшимъ на меня благотворное вліяніе. Начну по порядку, а то очень боюсь, чтобы написанное не стало похоже на шероховатую мозаику.

Профессоровъ натурнаго класса я уже хорошо зналъ, хотя никогда не имѣлъ чести съ ними говорить. Разъ только разговаривалъ я съ ректоромъ Бруни, когда ходилъ благодарить его за премію, полученную за „Скупого“. Помню, что тогда около него кто-то стоялъ и сталъ давать мнѣ совѣты.—Нѣтъ, нѣтъ,—перебилъ Бруни,—оставьте его: пускай идетъ своей дорогой; у него что-то... новое!.. Съ Богомъ!—заключилъ онъ, и я, поклонившись, ушелъ. Но съ тѣхъ поръ много времени прошло, и теперь онъ врядъ-ли помнитъ меня; притомъ-же онъ рѣдко приходилъ въ классы, и то только на нѣсколько минутъ; здѣсь онъ всегда задумчиво прохаживался тихимъ шагомъ, съ сжатыми губами и высоко поднятыми бровями. Онъ неохотно останавливался, когда докучливые ученики ловили его, такъ сказать, на ходу.

О профессорѣ Басинѣ ученики отзывались, что онъ рѣзокъ, иногда до грубости, но отлично поправляетъ. Когда я перешелъ въ натурный классъ, онъ отъ старости уже пересталъ хорошо видѣть.

Былъ еще профессоръ Марковъ, не стѣснявшійся въ замѣчаніяхъ, и, надо отдать ему справедливость, замѣчанія эти были иногда очень мѣтки. При мнѣ случилось, что одинъ художникъ представилъ видъ съ птичьяго полета. Марковъ положилъ его на полъ, сунулъ руки въ карманы, обошелъ картину кругомъ, пожалъ плечами и заключилъ:—Не знаю, не леталъ...—Злые языки говорили, что онъ получилъ званіе профессора въ долгъ. Случилось это такимъ образомъ:

онъ сдѣлалъ эскизъ „Колизей“ и обѣщалъ исполнить, за что и дали ему званіе профессора, но обѣщаніе осталось обѣщаніемъ, какъ профессоръ профессоромъ и эскизъ эскизомъ. Затѣмъ профессоръ Х. очень добросовѣстно, старательно и даже съ успѣхомъ занимался вечернимъ классомъ и, тѣмъ не менѣе, подвергался насмѣшкамъ за то, что, будучи самъ далеко не первой силы колористомъ, именно о краскахъ и любилъ философствовать передъ учениками, останавливаясь около мольбертовъ. Длинная фигура съ длинной шеей, всегда одѣтая въ узкій костюмъ стараго покроя; подходя къ ученику, онъ, выставивъ лѣвую ногу впередъ и подперевъ правою рукою подбородокъ, глубокомысленно начиналъ:

— Вотъ изволите-ли видѣть, передъ вами натура; если мы остановимся на минуту и спросимъ себя, что такое натура?.. Натура— тѣло, изволите-ли видѣть. Тѣло имѣетъ свойство атласа, на атласѣ всегда есть бликъ... вотъ это и ловите! А потомъ замѣтьте: всѣ выступающія части тѣла красны... вотъ изволите видѣть: уши, носъ, колѣна... Но мы еще поговоримъ... продолжайте... хорошо...

Не менѣе, если не болѣе, подвергался насмѣшкамъ профессоръ Неффъ, извѣстный своимъ слащавымъ колоритомъ. Въ мою бытность въ Академіи, онъ отъ старости почти впалъ въ дѣтство. Мой товарищъ С. особенно удачно подражалъ ему и разсказывалъ намъ о такихъ его наивностяхъ, что мы отъ души смѣялись, не только когда слышали о нихъ, но даже когда и вспоминали; что касается самого профессора, то видѣть его безъ смѣха было невозможно. Разъ, какъ-то вечеромъ, онъ вошелъ въ классъ въ полномъ блескѣ своихъ орденовъ и лентъ и подмигивая всѣмъ намъ своими маленькими масляными глазками. — Что это значитъ?—спрашивали мы другъ у друга, и скоро узнали, что онъ получилъ какой-то важный орденъ; воображая, что всѣ должны знать объ этомъ, онъ пришелъ принять отъ насъ поздравленія. Тогда нѣкоторые „ехидные“ ученики обступили его и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ стали поздравлять. Неффъ принялъ это за серьезное и не менѣе серьезно отвѣчалъ съ нѣмецкимъ акцентомъ:— Я... я вполнѣ заслюжилъ!

С. разсказывалъ, что онъ совѣтовалъ ему быть богатымъ: — Художнику необходимо быть богатымъ, живописцу необходимо „валяться, валяться“ въ краскахъ.—Когда онъ подходилъ къ ученику, то бралъ у него палитру и собственноручно поправлялъ; отходя, онъ серьезно и наивно говорилъ:—Вотъ сейчасъ видно профессора! — Разъ онъ подошелъ ко мнѣ во время вечерняго класса и, увидѣвъ мой рисунокъ, раскрылъ ротъ, точно чудо увидалъ, и таинственно произнесъ: —А-а!— Въ эту минуту напротивъ меня, Богъ знаетъ откуда, выросъ С., и этого было достаточно, чтобы смѣхъ началъ душить меня, до того, что я искусалъ себѣ губы до крови, въ особенности когда Неффъ, усѣвшись на моемъ мѣстѣ и сличивъ мой рисунокъ съ оригиналомъ, сказалъ таинственно: — Я вамъ поправлю. Вашъ рисунокъ хорошъ, очень мнѣ нравится... я вамъ покажу, какъ надо рисовать...—Онъ началъ рисовать ровными штрихами, и при каждомъ поворотѣ карандаша

издавалъ какіе-то звуки въ родѣ: „пуфъ, пуфъ!..“, точно выпуская изо рта набравшійся тамъ паръ. На экзаменѣ я представилъ мой поправленный и похваленный рисунокъ — и что-же? Получилъ за него какъ разъ послѣдній нумеръ! Мнѣ стало стыдно и досадно.

Развѣ это не „пуфъ“?

Что-же касается до скульпторовъ, то на насъ шестерыхъ было двое профессоровъ, кромѣ барона Клодта, имѣвшаго спеціальностью животныхъ и преимущественно лошадей. Его всѣ уважали не меньше, чѣмъ Бруни;—люди, знавшіе его близко, отзывались о немъ съ особеннымъ почтеніемъ. Я видѣлъ его всего разъ, и это мнѣ памятно вдвойнѣ. Во-первыхъ, тогда я лѣпилъ первый этюдъ изъ глины, и мнѣ пришлось вынести нѣкоторыя непріятности. Дѣло въ томъ, что мои товарищи-скульпторы устроили противъ меня стачку, заняли всѣ мѣста, хотя нѣкоторые потомъ и не работали. Оставалось только хлопотать объ устройствѣ новаго мѣста.

Но пока ввели газъ и все устроили, прошло три класса и осталось всего семь. Я принялся за дѣло съ энергіей. Именно тогда баронъ Клодтъ и пришелъ. Я сидѣлъ съ краю, такъ что первый этюдъ, имъ увидѣнный, былъ мой. Онъ остановился, опираясь на свою палку, потому-что немного прихрамывалъ, и серьезно, почти строго, спросилъ: —Давно-ли вы лѣпите?—Я сказалъ. Тутъ же подошелъ дежурный профессоръ и отрекомендовалъ меня.—То-то!—произнесъ баронъ Клодтъ. Это лаконическое замѣчаніе сильно удивило, но вмѣстѣ и ободрило меня. Я кончилъ этюдъ, кончилъ и эскизъ на заданную тему и, представь себѣ мое удивленіе: какъ за этюдъ, такъ и за эскизъ я получилъ первые нумера.

Эта маленькая побѣда въ маленькомъ мірѣ случилась, однако, кажется, съ годъ послѣ того времени, которое я описываю. Въ ту-же зиму въ скульптурномъ классѣ появился новый профессоръ: Реймерсъ. Онъ былъ и скульпторъ и живописецъ. Я сразу почувствовалъ, что отъ него вѣетъ теплотою. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, средняго роста, довольно полный. Его круглое лицо окаймлялось русою бородою; глаза его смотрѣли серьезно, но съ добротою, обхожденіе было просто и искренно; онъ говорилъ отъ сердца и старался передать ученику все, что самъ зналъ. Отъ него я въ первый разъ услышалъ простое разумное замѣчаніе. Я тогда рисовалъ какую-то фигуру; онъ подошелъ, посмотрѣлъ и сказалъ приблизительно слѣдующее:— Надо рисовать фигуры, а не линіи. Когда рисуете, надо чувствовать весь строй человѣка. Карандашомъ вы должны его построить съ сознаніемъ, а не рисовать машинально.

Послѣ перваго эскиза я сдѣлалъ второй, кажется „Исцѣленіе Товія“, и за него тоже получилъ первый нумеръ. Мои товарищи, наконецъ, рѣшили спросить у профессора: почему? Послѣ его объясненія они начали относиться къ нему съ довѣріемъ, а ко мнѣ съ меньшимъ пренебреженіемъ. Профессоръ Реймерсъ относился не знаю какъ къ другимъ, но ко мнѣ съ отеческою заботливостью. Я охотно показывалъ ему какъ начатыя, такъ и оконченныя работы. Разъ онъ спро-

силъ, что я подѣлываю дома. Я отвѣчалъ, что дѣлаю: „Поцѣлуй Іуды". —Хорошо,—отвѣчалъ онъ,—приду.—Это было для меня совсѣмъ неожиданно. Я разсказалъ товарищамъ; они мнѣ не повѣрили: такъ это было у насъ неслыханно. Однако Реймерсъ не заставилъ долго ждать себя; онъ пришелъ, и, къ стыду моему, работа моя изъ глины была засохшая; ясно было, что я давно не работалъ. Но ничего, онъ отнесся къ этому снисходительно, далъ нѣсколько совѣтовъ, ободрилъ меня и ушелъ.

Мой другъ и сожитель, Рѣпинъ, много разсказывалъ мнѣ о Мстиславѣ Викторовичѣ Праховѣ. Всѣ его разсказы были для меня полны интереса, я слушалъ съ жаднымъ вниманіемъ. Знакомыхъ домовъ у меня въ Петербургѣ не было, а такихъ и подавно. Какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ я познакомился съ М. В., не помню, но его серьезное, доброе и вмѣстѣ съ тѣмъ ясное выраженіе лица сразу привлекло меня и осталось въ моей памяти навсегда. Ему было лѣтъ за тридцать; росту онъ былъ средняго, немного сутуловатъ; лицо бѣлое, матовое, съ черною шелковистою бородою и высокимъ лбомъ; глаза, слегка прищуренные, задумчиво смотрѣли куда-то вглубь; носъ былъ прямой, стройный; ротъ строгій и слегка сжатый. По близорукости, онъ всегда носилъ золотыя очки. Вотъ и портретъ его.

Товарищи его по университету—нѣкоторые изъ нихъ уже профессора—очень любили и уважали его, какъ человѣка и какъ серьезнаго ученаго.—Ко мнѣ онъ высказалъ расположеніе; мы мало-помалу сблизились; чѣмъ больше я узнавалъ его, тѣмъ больше любилъ.

Я жадно слушалъ его; онъ говорилъ хорошо, увлекательно, точно читалъ изъ книги. Бывало, придетъ онъ къ намъ и начнетъ разсказывать о чемъ-бы то ни было: объ исторіи, объ искусствѣ, о поэзіи... все слушаешь съ одинаковымъ интересомъ, не силясь запоминать, какъ на лекціяхъ, а рѣчь его, точно мягкая рука, ласкаетъ сознаніе. Настанутъ сумерки, ночь смотритъ уже въ окна, а намъ боязно вспомнить, что пора свѣтъ зажигать... Да и не хочется—зачѣмъ свѣтъ? Рѣчь его еще лучше звучитъ, когда не видишь кругомъ себя прозаической обстановки. Онъ познакомилъ меня и со своимъ домомъ. Жилъ онъ въ самомъ верхнемъ этажѣ, въ небольшой, но чистой и уютной квартирѣ. Семейство у него было многочисленное: четверо братьевъ, двѣ сестры, глава семьи—мать и дядя—братъ ея. Собирались у нихъ по воскресеньямъ, обѣдали. Я эти обѣды хорошо запомнилъ; они всегда были такъ хорошо приготовлены, такъ вкусны, особенно послѣ недѣльныхъ странствованій по кухмистерскимъ. А чего тамъ не наслушаешься! Это была тоже, въ своемъ родѣ, пища на цѣлую недѣлю.

Центромъ семейства была мать. Полная, съ добрымъ, умнымъ выраженіемъ лица, тихая и набожная, она была ласкова ко всѣмъ и ко всѣмъ одинаково привѣтлива. Дѣтямъ она предоставляла полную свободу, и дѣти шли самостоятельно, путемъ старшаго брата, не упо-

требляя во-зло своей свободы. Вотъ въ какой обстановкѣ я вдругъ очутился послѣ многихъ годовъ одиночества.

М. В. Праховъ посѣщалъ насъ часто и снабжалъ книгами, преимущественно поэтическими.—Не засушивайте вашъ умъ слишкомъ, развивайте чувство, орошайте его поэзіей, давайте ему просторъ, и оно само подскажетъ вамъ, что дѣлать...—говорилъ онъ. Въ это время онъ собирался писать „Исторію литературы", и накупилъ массу книгъ, къ которымъ вообще питалъ страсть. Многія изъ нихъ онъ перечиталъ мнѣ вслухъ, больше всего изъ нѣмецкой литературы; спрашивалъ меня о прочитанномъ, сравнивалъ мои впечатлѣнія и самъ многое высказывалъ. Читалъ много и русскаго, и въ особенности изъ Пушкина и Лермонтова. Прочиталъ онъ мнѣ и свой замѣчательный трудъ о „Словѣ о Полку Игоревѣ", къ сожалѣнію, неконченный. Такъ мы проводили вечера. Я чувствовалъ, что мои познанія все болѣе и болѣе обогащаются; я благоговѣлъ передъ этимъ человѣкомъ. Его замѣчанія были для меня закономъ, его авторитетность неограничена. Я и не замѣчалъ нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ его и бывалъ очень недоволенъ, когда мнѣ на нихъ указывали. Онѣ даже нравились мнѣ. При всей своей серьезности, онъ былъ не отъ міра сего. Если, бывало, мать не позаботится объ его ѣдѣ, онъ остается голодный, точно это не его касается. Войдетъ, случалось, въ книжный магазинъ и такъ увлечется книгами, что не выйдетъ, пока купецъ не напомнитъ ему, что пора лавку запирать. Деньгамъ онъ не придавалъ значенія; когда онѣ бывали у него, онъ охотно отдавалъ ихъ первому, кто попроситъ; если кто дастъ ему въ долгъ, онъ позабудетъ о нихъ, какъ и о своихъ. Онъ дѣлалъ въ свою жизнь не мало промаховъ и вредилъ, конечно, прежде всего, самому себѣ. Сердиться на него нельзя было. Много разъ предлагали ему занять каѳедру и въ Дерптѣ, и въ Казани, но онъ всякій разъ отказывался, боясь внести туда только мертвую науку. Онъ мечталъ о другомъ: ему казалось, что нужно раньше внести жизнь и воспитаніе туда, гдѣ ихъ не было, и потому предпочелъ занимать мѣсто учителя гимназіи. Тамъ своимъ живымъ словомъ, своею искреннею добротою онъ сразу заставилъ всѣхъ уважать и любить себя. Не помню, долго ли продолжался этотъ періодъ, кажется, не долго, но, безъ сомнѣнія, это было лучшимъ періодомъ его жизни. Конечно, многіе скажутъ мнѣ, что это былъ человѣкъ странный. Но развѣ каждый изъ выдающихся людей не имѣетъ своихъ странностей? Ломброзо даже проводитъ аналогію между великимъ человѣкомъ и сумасшедшимъ. Думаю, не вѣрнѣе-ли, что великіе люди близки къ сумасшествію. Только изъ натянутой струны мы можемъ извлекать чудные, гармоническіе звуки, но вмѣстѣ съ тѣмъ ежечасно, ежеминутно рискуемъ, что струна порвется. Докончу исторію М. В. Прахова: она не длинна. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ умеръ одинокій, далеко отъ родныхъ. Онъ сталъ хворать, забываться и, наконецъ, угасъ, оставивъ намъ о себѣ добрую память въ наслѣдство и руководство.

Миръ этому человѣку не отъ міра сего!

На моемъ маленькомъ горизонтѣ показалась маленькая тучка, имѣвшая для меня весьма печальныя послѣдствія. Нужно сказать, что я поступилъ въ Академію вольнослушателемъ. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе трехъ лѣтъ; я шелъ вмѣстѣ съ другими, получалъ награды и былъ равенъ всѣмъ остальнымъ. Но тутъ противъ насъ было принято что-то въ родѣ небольшой репрессивной мѣры: отъ всѣхъ потребовали обязательнаго экзамена изъ научныхъ предметовъ; иначе оставляли безъ правъ. Курсъ наукъ раздѣлялся на три класса; каждый классъ былъ двухгодичный. Начинать опять сначала мнѣ не хотѣлось, а дозволить мнѣ держать экзаменъ потомъ—начальство не согласилось. По правдѣ сказать, я тогда былъ слишкомъ безпеченъ, слишкомъ увлеченъ искусствомъ и самимъ собою, чтобы всему этому придавать особенное значеніе; мало заботился о послѣдствіяхъ, особенно о послѣдствіяхъ практическихъ. Да притомъ у меня оставалась одна маленькая надежда: я слышалъ, что для талантливыхъ дѣлается исключеніе; а тогда обо мнѣ уже говорили и успѣли даже убѣдить меня въ моей талантливости.

Между тѣмъ я окончилъ барельефъ „Поцѣлуй Іуды" и далъ отливать его изъ гипса, причемъ впередъ вручилъ работнику на чай. Онъ выпилъ за мое здоровье и отъ удовольствія отбилъ у „Іуды" носъ и приставилъ новый, по своему, увѣряя, что такъ было. На „Іуду" нельзя было взглянуть безъ смѣха; я волновался, приходилъ въ отчаяніе, но дѣлать было нечего: кое-какъ поправилъ, выставилъ его на экзаменъ. Для начальства онъ прошелъ незамѣченнымъ, а товарищи хвалили.

Я отлилъ свой барельефъ въ двухъ экземплярахъ и выручилъ двадцать рублей—ровно столько, сколько стоила отливка. Первый экземпляръ пріобрѣлъ И. Н. Крамской. Тутъ-то я поближе познакомился съ нимъ и съ „артелью" идеальнаго устройства. Отъ всѣхъ и всего я былъ въ восторгѣ. Артель, и въ особенности Крамской, ласково приняли меня, интересовались мною, моею работою, охотно слушали меня, мы иногда цѣлые вечера проводили въ бесѣдахъ. Тамъ познакомился я съ молодымъ и въ высшей степени талантливымъ пейзажистомъ Васильевымъ, умершимъ такъ рано и для себя и для искусства. Тутъ же узналъ „Дѣдушку лѣсовъ", какъ тогда звали пейзажиста Шишкина. Трудно было вѣрить, чтобы этотъ колоссальный человѣкъ, весь обросшій волосами, на видъ серьезный и даже сердитый, былъ въ то-же время добродушенъ какъ ребенокъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, отзывались о немъ всѣ, самъ-же я зналъ его мало. Наконецъ, тамъ же я познакомился съ Д. О., съ его симпатичной молодою женою и со многими другими. Всѣ относились ко мнѣ сердечно и, главное, просто. Собирались обыкновенно по вечерамъ, совершенно по-семейному. Карты и танцы не были въ ходу, за то затѣвались разныя игры—вообще чувствовался просторъ, гдѣ можно было разойтись. У меня осталась въ памяти игра въ жмурки. Какъ сейчасъ вижу громадную фигуру „Дѣдушки лѣсовъ", стоящую посреди залы съ завязанными глазами; нѣсколько изогнувшись впередъ, растопыривъ руки

и ноги, онъ старается ловить насъ въ пустомъ пространствѣ—мы ловко подкрадываемся къ нему, щиплемъ его, тащимъ за фалды сюртука и съ хохотомъ отскакиваемъ въ стороны. На одномъ изъ этихъ вечеровъ даже читалась написанная мною статья по поводу нападокъ на искусство. Я принималъ къ сердцу все, что касается искусства, особенно когда нападали на него. Что именно я тогда писалъ—не знаю; по всей вѣроятности, безсмыслицу, подъ вліяніемъ Прудона.

Однако статья была одобрена, и даже разъ какъ-то И. Н. Крамской подарилъ мнѣ свою фотографію съ надписью: „Бойцу идей".

Эта зима прошла для меня отлично во всѣхъ отношеніяхъ. Я пріобрѣлъ столько знакомыхъ, столько добрыхъ, простыхъ и искреннихъ друзей. Въ ихъ серьезной средѣ я чувствовалъ, что духовно обогащаюсь, что горизонтъ мой расширяется. На каникулы уѣхалъ домой, довольный самимъ собою. Семейныя финансовыя дѣла, между тѣмъ, шли худо; мои—не лучше; мы другъ другу помогать не могли, всѣмъ было одинаково плохо, даже совсѣмъ плохо. Тѣмъ не менѣе я купилъ кусокъ мрамора и отвезъ домой, съ надеждой вырубить изъ него барельефъ: „Поцѣлуй Іуды". Но тутъ случилось слѣдующее: я купилъ вовсе не тѣ инструменты, которые были нужны, и потому рубилъ, рубилъ, все лѣто прорубилъ,—барельефъ такъ и остался недорубленнымъ, я возвратился въ Петербургъ ни съ чѣмъ.

Начались классы, и я за лѣпку скоро получилъ малую серебряную медаль, но съ условіемъ, чтобы выдержать экзаменъ изъ научныхъ предметовъ. Тутъ-то въ первый разъ я на практикѣ испыталъ неудобства моего положенія; сталъ хлопотать, просить, обивать пороги, но все напрасно. Петръ кивалъ на Ивана, Иванъ на Сидора и т. д. Я горячился, волновался, добивался того, чтобы сдѣлали снисхожденіе для меня, какъ дѣлали для другихъ моихъ товарищей, получившихъ право конкурировать. Наконецъ сталъ даже добиваться званія учителя, желая совсѣмъ оставить Академію; но просьба моя не была уважена, чему, впрочемъ, я потомъ былъ радъ. Что оставалось дѣлать? Лѣпить, молчать и ожидать лучшей будущности, тѣмъ болѣе, что внѣ Академіи ничего хорошаго не ждало меня. Въ памяти моей ярко оставался мой первый пріѣздъ въ Петербургъ, когда я искалъ работы, не зная, гдѣ найти ее, и наконецъ нашелъ на Невскомъ у токаря. Я рѣзалъ для него цифры на шарикахъ. Три дня и почти три ночи прорѣзалъ, надавилъ себѣ на ладоняхъ водяные пузыри и получилъ за это ровно пять рублей. Съ тѣхъ поръ заказной работы я больше не имѣлъ. Впрочемъ, это не совсѣмъ вѣрно: разъ артель художниковъ доставила мнѣ работы еще на двадцать пять рублей,—вотъ и все. Чтобы поддерживать свое существованіе, было меньше, чѣмъ недостаточно. Тутъ память немного измѣняетъ мнѣ. Я долженъ предупредить: въ этихъ запискахъ нѣтъ законченныхъ типовъ и эпизодовъ. Я описываю не чужую жизнь, а свою; пишу то, что уцѣлѣло въ моей памяти; къ сожалѣнію, она похожа на желѣзный листъ, покрытый пятнами ржавчины.

Передаю тебѣ все, что помню, безъ реставраціи.

Помнится мнѣ, что по цѣлымъ днямъ я бродилъ по музеямъ; это питало мое чувство и развивало не руки, а меня самого. Я былъ уже въ состоянiи различать не только черное отъ бѣлаго, но и сѣрое отъ чернаго. Сталъ понимать, что въ искусствѣ есть двоякая красота: физическая и душевная; насколько первая принадлежитъ декоративному искусству, настолько вторая свойственна духовному. Понялъ, что между душевной красотой и добромъ есть близкое сродство. Сталъ смотрѣть на античное искусство болѣе сознательно, любовался его величавымъ спокойствiемъ, простотою, пластическою шириною—однимъ словомъ, всѣмъ его внѣшнимъ совершенствомъ; но я любовался всѣмъ этимъ только глазами, я не могъ испытать того духовнаго наслажденiя, которое греки испытывали, и не могъ просто потому, что это были ихъ идеалы, ихъ боги, а не мои.

Не помню, какъ зародился у меня проектъ „Нападенiя инквизицiи на евреевъ во время Пасхи". Не помню также, когда именно: по всей вѣроятности, въ началѣ весны; въ эту пору творчество всегда пробуждается во мнѣ, какъ въ природѣ жизнь. Первый, кому я сообщилъ это, былъ Рѣпинъ; ему очень понравилось, и я принялся за дѣло съ особеннымъ рвенiемъ. Сколько времени проработалъ, опять не помню, но, кажется, долго. Я жилъ тогда одинъ и работалъ свой эскизъ дома изъ глины, въ огромныхъ размѣрахъ, аршина въ три длиною; комната оказалась мала и тѣсна, было неудобно и грязно. Но что все это значило въ сравненiи съ тѣми наслажденiями, какiя я испыталъ! Жаль, что ты не видѣлъ самого эскиза. Сюжетъ взятъ изъ еврейско-испанской исторiи среднихъ вѣковъ, когда евреи и мавры были изгнаны. Многiе евреи приняли тогда христiанство. Но только для виду, а въ душѣ оставались тѣмъ, чѣмъ были прежде. Ихъ звали „мараны", и за ними особенно присматривали, но вѣра сильна. Вотъ, гдѣ-то въ подвалѣ, они собрались праздновать Пасху. Для нихъ, чувствовавшихъ себя несвободными, этотъ праздникъ имѣлъ еще особенное значенiе: онъ напоминалъ объ исходѣ евреевъ изъ Египта... Праздникъ начинается вечеромъ; трапеза убирается богато по возможности; на столъ ставятся, кромѣ богатой посуды, еще и всякiя символическiя яства, а главное—сушеная лепешка, „маца", приготовленная изъ прѣснаго тѣста, на водѣ, безъ соли. Это напоминаетъ поспѣшный выходъ изъ Египта, когда были принуждены брать съ собою незаквашенное тѣсто и потомъ печь его на солнцѣ. Около трапезы, конечно, на самомъ видномъ мѣстѣ, устроено для хозяина дома сидѣнье, обложенное подушками. Хозяинъ сидитъ опершись—символъ, что онъ свободенъ, что онъ больше не рабъ. Передъ нимъ на столѣ блюдо, гдѣ лежитъ „маца"; оно покрыто чистѣйшею и затѣйливѣйшею матерiей, какая только есть въ домѣ. Хозяинъ встаетъ, высоко поднимаетъ блюдо и торжественно произноситъ: „Вотъ бѣдный хлѣбъ, который ѣли наши предки при выходѣ изъ Египта; теперь кто хочетъ, пусть придетъ; кто голоденъ, пусть насытится; тогда мы были проданными, теперь имѣемъ надежду, а въ будущемъ году станемъ дѣтьми свободы!" Затѣмъ онъ опять садится, и начинаются разсказы объ

освобожденіи израильтянъ—разсказы, полные легендарности и чудесъ. Начинается трапеза: ѣдятъ, пьютъ и поютъ псалмы. Но въ это время слышится шумъ, бряцаніе оружія... Всѣ пугаются, поднимается суматоха, паника... Столъ, скамейки, посуда,—все опрокинуто... Бѣгутъ прятаться, хотятъ спасаться, но уже поздно: инквизиція, лютый, безпощадный врагъ, уже здѣсь... Въ этомъ эскизѣ мнѣ хотѣлось показать цѣлый рядъ еврейскихъ типовъ, выработанныхъ историческимъ ходомъ событій; но главное, показать это въ скульптурѣ по-своему, до сихъ поръ еще небывалымъ образомъ. Представь себѣ уголъ комнаты, образуемой двумя стѣнами. У одной поставленъ длинный столъ, гдѣ кругомъ сидѣли евреи; дальше—наглухо закрытая дверь, и около нея всѣ скучились въ минуту паники. У другой стѣны огромная арка, а за аркой видна витая лѣстница, откуда спускается инквизиторъ со своими стражами. Стѣна, къ которой примыкаетъ лѣстница, имѣетъ окно, освѣщающее всю внутреннюю обстановку. Стоитъ только поставить эскизъ этимъ бокомъ къ свѣту, и вся сцена освѣщается черезъ окно барельефа. Какъ-бы тамъ ни было, но я радовался этой работѣ чисто по-ребячески. Особенно памятенъ остался мнѣ вечеръ наканунѣ экзамена. Я тогда былъ въ возбужденномъ состояніи, сердце сильно билось; я чувствовалъ... нѣтъ, не могу описать, что именно тогда чувствовалъ—что-то странное, неопредѣленное; долго лежалъ въ постели, но не могъ заснуть; то съеживался въ комокъ, то потиралъ руки, по которымъ пробѣгала нервная дрожь, то поворачивался на спину и вытягивался во весь ростъ, то бросался изъ стороны въ сторону.

Преобладающимъ чувствомъ была радость: мнѣ казалось, что я что-то открылъ, чуть не Америку... Вдругъ какъ-то неловко повернулся, зацѣпилъ столикъ, стоявшій возлѣ—свѣча, книга, графинъ съ шумомъ и трескомъ полетѣли на полъ, столикъ за ними... Переполохъ вышелъ не малый и разбудилъ моего сосѣда. Самъ я растерялся и началъ отыскивать не спички, а то, что упало. Въ концѣ-концовъ, выругалъ себя хорошенько, какъ за свою ребяческую радость, такъ и за неловкость, закутался въ одѣяло, повернулся лицомъ къ стѣнѣ и постарался заснуть. Спалъ, однако, плохо и всталъ раньше, нежели натурщикъ пришелъ брать мою работу, чтобы отнести ее въ Академію.

Не люблю я вставать зимою. Встаешь впотьмахъ — свѣча горитъ дрожащимъ краснымъ пламенемъ; свѣтъ этотъ рѣжетъ заспанные глаза и заставляетъ щуриться; подальше отъ свѣчи—мракъ; окна смотрятъ въ комнату какими-то огромными черными пятнами. Это не вечерній комфортабельный свѣтъ, а какое-то принужденное, временное, скоро-проходящее освѣщеніе... Въ домѣ холодно...

Пришелъ Иванъ, заспанный, хриплый, что называется, натощакъ... Я скоро одѣлся, мы взяли эскизъ на плечи и понесли его, тихо, осторожно спускаясь съ лѣстницы, стараясь никого не разбудить. Перешли улицу. Около Академіи сторожъ уже очищалъ снѣгъ. Вошли въ зданіе. Утренняя темнота показалась здѣсь мнѣ даже страшна, въ особенности когда сторожъ подошелъ, брянча ключами и неся въ рукахъ

фонарь; мерцающій свѣтъ падалъ на гипсовыя статуи, разставленныя тутъ повсюду; при каждомъ поворотѣ фонаря бѣлая статуя, какъ тѣнь, выступала изъ глубины мрака и опять исчезала, и вмѣсто нея въ другомъ углу выступала другая и также исчезала. Я зналъ, что это не тѣни, зналъ, гдѣ каждая статуя стоитъ, зналъ даже каждую статую, такъ сказать, наизусть, и все-таки послѣ плохо-проведенной ночи было непріятно смотрѣть. Пока мы установили эскизъ и устроили для него особенный боковой свѣтъ, трубы противоположныхъ домовъ стали видны—показалась заря, и скоро совсѣмъ разсвѣло. Кончивъ все, я пошелъ домой, легъ и крѣпко заснулъ... Проснувшись, я не всталъ, а вскочилъ и побѣжалъ въ Академію. Былъ уже 11-й часъ, и экзаменъ кончился. Волненіе мое было сильно. Я встрѣтилъ сторожа, но онъ не торопился подойти ко мнѣ поздравить, чтобы получить на чай, какъ они всегда дѣлали. Я смутился и быстрыми шагами вошелъ въ экзаменаціонный классъ. Около моего эскиза стояла масса народа, и звонкій, юный, беззастѣнчивый хохотъ обдалъ меня. Хохотали и острили по поводу выставленнаго мною эскиза. На меня смотрѣли кто съ сожалѣніемъ, кто съ досадою, кто злорадно; иные просто такъ смѣялись, потому что было весело. Одни находили, что мой эскизъ—дерзость; другіе видѣли въ немъ упадокъ; третьи говорили, что это фантазія, бредъ больного человѣка. Въ особенности потѣшались архитекторы. Они считали себя особенно избранными и не очень охотно братались съ живописцами; по крайней мѣрѣ въ нашемъ кружкѣ ихъ не было.

— Ну, вотъ,—началъ одинъ скульпторъ, подойдя ко мнѣ,—вамъ-бы сдѣлать тамъ дверь, а за нею еще комнату, а тамъ еще и еще, и въ послѣдней сѣсть и распивать чай.—„А ваша голая вакханка, стоящая на морозѣ въ двадцать пять градусовъ, болѣе логична? — отвѣтилъ я ему съ сердцемъ. — Вы рабы, жалкіе подражатели, работники, ничтожество!...“ То-ли, что онъ не ждалъ отъ меня подобнаго отвѣта, то-ли, что выраженіе моего лица особенно поразило его, но онъ ничего больше не сказалъ. Я бросился домой, но дома не сидѣлось; побѣжалъ обратно въ Академію. Я чувствовалъ себя, какъ долженъ чувствовать маленькій, слабый звѣрекъ, почуявшій, что попалъ въ опасное мѣсто. Въ Академіи искали меня отъ имени инспектора. Инспекторъ встрѣтилъ приблизительно слѣдующей фразой:—А, вотъ хорошо, что вы пришли; мнѣ поручено сказать вамъ, любезный — и пошелъ читать нотацію, то ласково, отеческимъ тономъ, то грозно... И нужно отдать ему справедливость, онъ исполнилъ порученіе очень добросовѣстно; говорилъ съ сердцемъ, искренно, но далеко не основательно. Говорилъ онъ долго; смыслъ его рѣчи былъ приблизительно слѣдующій: что я упрямъ, что я все хочу дѣлать по-своему, что не слушаюсь профессоровъ (это было совсѣмъ неправда), и если не хочу слушаться, то зачѣмъ я въ Академіи?.. и т. д. и т. д. Я стоялъ съ опущенною головою и молчалъ.—Знаю,—сказалъ онъ:—вы упрямы, вы не послушаетесь меня... У меня невольно вырвались слова: „Да, дѣйствительно такъ“. Онъ замолчалъ, удивленно посмотрѣлъ на меня и махнулъ рукою, какъ-будто хотѣлъ сказать: „Не стоитъ и времени на тебя терять.“ Я ушелъ.

Единственный, кто меня поддерживалъ, былъ Рѣпинъ, но я и безъ него не упалъ-бы духомъ. Мои нервы напрягались, какъ парусъ противъ вѣтра; я несся впередъ, отстаивалъ свои убѣжденія, свою работу, насколько могъ:

„Докажите, — говорилъ я, — что это не художественно, что это не эстетично“... Я ссылался на двери Гиберта во Флоренціи, на другихъ средневѣковыхъ скульпторовъ. Почему Микель-Анджело назвалъ эти двери „дверьми рая?“ Потому, что онъ былъ геніальный художникъ съ великою душою, видящій достоинства и у другихъ; онъ былъ безпристрастенъ во всемъ, и это возвысило его, а не уронило. Только посредственные художники узки, фанатичны, не терпятъ ничего, кромѣ своего собственнаго; они все мѣряютъ на свой аршинъ, отстраняютъ все, что не подходитъ подъ ихъ мѣрку, и все новое называютъ ересью. Но всѣ мои убѣжденія оставались тщетными. Еще у одного человѣка нашелъ я оправданіе, а именно у М. В. Прахова, и мнѣ этого было достаточно. Увидавъ мою работу, онъ, послѣ продолжительнаго осмотра, положилъ мнѣ руку на плечо и сказалъ внушительно: „М. М., все хорошо, что хорошо. Не законы создаютъ геніевъ, а геніи—законы. Художникъ долженъ развиваться во всѣхъ отношеніяхъ и все-таки дѣлать то, что душа ему велитъ.“

На вечернемъ рисованіи я встрѣчалъ моего любимаго профессора Реймерса.—Ну, что подѣлываете?—спросилъ онъ у меня однажды.—„Ничего“, отвѣчалъ я, и сталъ ему говорить объ эскизѣ.—Успѣете,—перебилъ онъ меня: — надо хорошенько еще подучиться. — Я былъ вполнѣ согласенъ, что и выразилъ. „Но за что мнѣ нотацію читали?

— Кто? — „Инспекторъ“.—Вашъ эскизъ велѣно отливать изъ гипса,—сказалъ онъ, точно съ досадой.—„Объ этомъ мнѣ ничего не говорили“,—отвѣчалъ я. Онъ махнулъ рукою и ушелъ; я остался въ недоумѣніи. Отойдя нѣсколько шаговъ, онъ опять вернулся ко мнѣ и заговорилъ по-дружески совершенно о другомъ; мнѣ показалось, что онъ этимъ хотѣлъ сказать: „Не на тебя я сердитъ, а досадую на другихъ“. Такъ я и до сихъ поръ думаю.

Въ нашемъ маленькомъ академическомъ мірѣ, среди товарищей, я сдѣлался предметомъ разговора; говорили за и противъ. Послѣдняго всегда бываетъ больше—ужъ такъ человѣкъ устроенъ. Какъ-бы то ни было, но мое положеніе въ Академіи стало странное, неопредѣленное. И радъ былъ-бы я оставить ее, но какъ? Неужто такъ, ничѣмъ? Разъ одинъ профессоръ сказалъ мнѣ, что мнѣ большаго и желать нечего. Можетъ быть, въ этомъ былъ комплиментъ, но я, при данныхъ обстоятельствахъ, принялъ это совсѣмъ иначе, какъ-бы за подтвержденіе словъ инспектора. Къ счастью, скоро настали каникулы и я былъ очень радъ уѣхать, чтобъ отдохнуть и забыться; взялъ, однако, съ собою эскизъ „Нападеніе инквизиціи на евреевъ“; мнѣ хотѣлось кое-что передѣлать въ немъ, но не успѣлъ и оставилъ его у своихъ родителей. Лѣто прожилъ недалеко за городомъ съ однимъ моимъ больнымъ пріятелемъ, сдѣлалъ два еврейскіе типа для сюжета „Споръ о талмудѣ“, и затѣмъ возвратился въ Петербургъ.

Тутъ память снова измѣняетъ мнѣ, и я долженъ напрягать ее, чтобы припомнить. По всей вѣроятности, ничего особеннаго не случилось тогда со мною. Говорятъ, что исторія человѣка незамѣтна въ двухъ случаяхъ: когда онъ спитъ и когда онъ счастливъ; но это не совсѣмъ подходитъ ко мнѣ. Я спалъ, конечно, не больше другихъ, но не былъ и счастливъ настолько, чтобы не замѣчать часовъ. Сколько помню, эта зима была для меня чѣмъ-то выжидательнымъ. Скульптурный классъ я мало посѣщалъ, и то больше рисовалъ, чѣмъ лѣпилъ, или, лучше сказать, я почти совсѣмъ не лѣпилъ, всего сдѣлалъ одинъ барельефъ, круглыхъ же статуй ни одной; однако это не мѣшало мнѣ держаться въ натурномъ классѣ на извѣстной высотѣ. Почему я не лѣпилъ? Мнѣ трудно даже самому отвѣтить; могу только сказать, что я силился, заставлялъ себя, и ничего не выходило. Бывало, придешь, возьмешь глину, станешь около гипсовой статуи... но вѣдь она мнѣ такъ знакома, я знаю наизусть каждый ея мускулъ, каждый изгибъ. Въ моемъ воображеніи она стоитъ цѣликомъ; вотъ закрою глаза, захочу видѣть ту или другую статую и ее именно увижу въ своемъ воображеніи. Чего отъ меня хотятъ? Что я долженъ передавать отъ себя, какъ не знаніе, какъ не усвоенное? Развѣ я ихъ не знаю, развѣ не доказалъ этого въ своихъ этюдахъ? Конечно, я еще не художникъ, я еще ученикъ, мнѣ надо еще учиться. Но вѣдь я учусь, не только руками, но всею душою. Что изъ того, что я не дѣлаю всего того, что другіе дѣлаютъ?—Вѣдь результаты не страдаютъ. Зачѣмъ не хотятъ принимать меня такимъ, каковъ я есть? Зачѣмъ заставляютъ насъ всѣхъ идти общимъ маршемъ? Зачѣмъ не хотятъ знать, что каждый человѣкъ есть новость на свѣтѣ, и что это въ особенности справедливо по отношенію къ художнику, который долженъ дорожить своей индивидуальностью? Въ Академію пріѣзжаютъ отовсюду; каждый приноситъ съ собою свой особенный складъ чувствъ и мыслей; зачѣмъ Академія такъ тщательно старается сгладить все это? Пускай учатъ въ Академіи всему, что необходимо знать художнику, но пусть не забываютъ, что въ искусствѣ больше, чѣмъ гдѣ-либо, необходимо разнообразіе, а не однообразіе.

Послѣ неудачи съ эскизомъ „Нападеніе инквизиціи на евреевъ“, я еще болѣе сталъ углубляться въ значеніе искусства, и чѣмъ болѣе искалъ его, тѣмъ болѣе дорожилъ своими инстинктами; я вѣрилъ въ свое чувство, и потому старался развить его, сдѣлать болѣе чуткимъ, болѣе воспріимчивымъ. Впрочемъ, этимъ я былъ обязанъ не себѣ одному, а также и М. В. Прахову, который именно орошалъ мое чувство и развивалъ его постоянными чтеніями изъ лучшей художественной литературы. Его бесѣды были просты и ясны; благодаря ему, я понялъ красоту, ея смыслъ и значеніе, а главное, понялъ высокое значеніе искусства, его силу, умѣющую увлекать человѣка, настраивать его именно въ тонъ тѣхъ аккордовъ, подъ впечатлѣніемъ которыхъ искусство находится въ данный моментъ. Я съ большимъ рвеніемъ бѣгалъ по музеямъ и уже сознательно любовался тѣмъ, что меня притягивало.

Въ концѣ зимы случился небольшой эпизодъ, въ сущности незначительный, но имѣвшій для насъ свой особенный смыслъ. Былъ поздній вечеръ; мы съ Рѣпинымъ сидѣли за столомъ другъ противъ друга; между нами горѣла керосиновая лампа съ бумажнымъ абажуромъ; мы оба были погружены въ свои занятія: онъ, опершись локтями на столъ и поддерживая ладонями голову, не сводилъ глазъ съ нѣмецкой грамматики; я-же писалъ, какъ сейчасъ пишу... къ счастью для моего самолюбія, изъ тогдашнихъ писаній моихъ ничего не уцѣлѣло. Кругомъ насъ царствовала полная тишина, точно нарочно устроенная для нашихъ занятій; только и слышенъ былъ шорохъ моего пера, двигавшагося по бумагѣ. Вдругъ гдѣ-то вдали заиграла итальянская шарманка; жалобно-дрожащіе звуки кого-то умоляли, просили... Странно, что именно эти звуки пробудили насъ обоихъ точно толчкомъ; мгновенно мы оба подняли голову, посмотрѣли другъ на друга и побѣжали открыть форточку: легкій вечерній холодокъ обдалъ наши воспаленныя лица—то былъ первый привѣтъ весны; мы вдыхали эту свѣжесть полною грудью. Звуки стали долетать до насъ яснѣе; мы притаили дыханіе и слушали ихъ, пока они не замерли вдали... Опять посмотрѣли мы другъ на друга, и кто-то изъ насъ произнесъ: „Вотъ и искусство". Захлопнувъ форточку, ушли спать, не говоря другъ другу больше ни слова, какъ-будто боясь выронить то, что запало въ наши души.

Въ эту зиму я испытывалъ горе: умеръ мой любезный профессоръ Реймерсъ [1]). Онъ былъ давно нездоровъ—чѣмъ, не знаю. Онъ умеръ для меня неожиданно. Я сильно чувствовалъ эту потерю—гораздо сильнѣе, чѣмъ радость, когда нашелъ его. Въ памяти у меня осталась печальная картина. Послѣ вечерняго класса мы всѣ пошли на выносъ тѣла. Посреди комнаты, на возвышеніи, стоялъ черный гробъ, обставленный зеленью; восковыя свѣчи горѣли печально, тускло; народу было много, но всѣ слились для меня въ одну массу; сквозь дымъ виднѣлись кое-гдѣ блѣдныя лица, блистали ордена и звѣзды. Черная женская фигура какъ подошла къ гробу, такъ и упала, и громко, горько зарыдала—это была жена Реймерса. Всѣ съ грустью опустили голову; сердце защемило навѣрное не у меня одного. Подняли женщину, убитую горемъ, закрыли гробъ крышкою, и мы, молодежь, понесли его на рукахъ въ церковь, гдѣ простояли долго, чего-то ожидая; наконецъ инспекторъ обратился къ намъ и сказалъ дрожащимъ голосомъ:—„Господа, любимый вашъ профессоръ не встанетъ"... Мы молча разошлись.

На-завтра, на рукахъ понесли мы его на кладбище... Не стану, мой другъ, описывать тебѣ всѣхъ подробностей погребенія—все это такая старая исторія, хотя она для каждаго изъ насъ „такъ нова". Прибавлю только, что послѣ всего на кладбищѣ устроили трапезу. Мы всѣ были голодные и усталые, однако-же и не думали заходить туда; но въ это время подошелъ къ намъ художникъ Келлеръ, пови-

---

[1]) Профессоръ Ив. Ив. Реймерсъ умеръ 25 ноября 1868 года.

димому другъ покойника, и сказалъ:—„Господа, Реймерсъ никогда никому не отказывалъ въ жизни—зайдите!“ Это было лучшее надгробное слово.—Миръ этому доброму человѣку и профессору!

II.

Моя жизнь, послѣ проф. Реймерса, въ Академіи стала еще непригляднѣе, и я задумалъ совсѣмъ оставить Академію и уѣхать куда-нибудь доучиваться. Но куда? Даль всегда заманчива, въ особенности для молодыхъ людей. Мое воображеніе сильно работало: мнѣ казалось, что тамъ всѣ такіе ученые, такъ хорошо понимаютъ искусство... О, тамъ не дадутъ мнѣ упасть,.. и я рѣшилъ ѣхать въ Берлинъ,—ну, хоть посмотрѣть. Остановка была за малымъ: не хватало денегъ. Я обратился къ барону, который раньше еще, при вступленіи въ Академію, снабдилъ меня нужнымъ. Онъ и теперь не отказалъ. Получивъ на дорогу нѣсколько десятковъ рублей, я собрался ѣхать, тѣмъ болѣе, что каникулы уже наступили. Начались формальности. Получивъ нужныя бумаги, я отправился въ иностранное паспортное отдѣленіе. Тамъ встрѣтилъ чиновника, на видъ очень симпатичнаго, который объяснилъ мнѣ, что заграничный паспортъ могу получить только въ Вильнѣ, но если желаю, чтобы выдали его мнѣ здѣсь, то надо по телеграфу снестись съ Вильной. Оказалось, что телеграмма должна стоить ровно столько, сколько билетъ третьяго класса и я, конечно, предпочелъ ѣхать самъ, тѣмъ болѣе, что моя родина лежала какъ разъ по дорогѣ за границу. Я думалъ, что одновременно со мной будутъ отправлены нужныя бумаги, но немного ошибся. Пріѣхавъ въ Вильну, я сталъ каждый день посѣщать канцелярію губернатора и каждый день получалъ одинъ отвѣтъ:—„еще нѣтъ“. Наконецъ, бумаги пришли; я обрадовался, подумалъ: „значитъ, получу паспортъ“; не тутъ-то было; понадобилось навести справки: нѣтъ ли какихъ-нибудь препятствій. Запросъ объ этомъ долженъ идти къ полицеймейстеру, отъ полицеймейстера къ частному приставу, отъ частнаго пристава — къ надзирателю, и потомъ обратно тѣмъ-же чередомъ вернуться въ губернаторскую канцелярію. Сталъ я ходить по канцеляріямъ—занятіе, по правдѣ, не совсѣмъ пріятное. То главнаго нѣтъ, то главный занятъ, то онъ велитъ ждать, то придти въ другой разъ, а тамъ воскресенье, праздникъ, табельный день и т. д. Три недѣли прошло, и дѣло мое подвинулось только на половину—оно находилось въ рукахъ надзирателя. Разъ встрѣчаю стараго знакомаго; увидавъ мое кислое лицо, онъ спросилъ:—„Ты нездоровъ?“—„Вовсе не то, а вотъ досада“... и я разсказалъ ему въ чемъ дѣло.—„Самъ виноватъ,—отвѣчалъ онъ,—еще поняньчишься! Не подмажешь, не поѣдешь“. „Что ты хочешь этимъ сказать: надо взятку дать?“—„Это по вашему, а не по нашему—на чай, на водку...“ отвѣчалъ онъ съ насмѣшкой.—„Да помилуй, какъ дать?“—„Очень просто; бывалъ ты у доктора? Такъ и тутъ. Помни и не будь дуракомъ“.

На завтра я пошелъ въ канцелярію къ надзирателю. Въ сѣняхъ, въ чуланѣ, кричалъ благимъ матомъ какой-то пьяный; онъ ругался и просился вонъ. Въ канцеляріи обыскивали только-что приведеннаго вора, который, между тѣмъ, нахально разговаривалъ, точно это не его касалось. Я подошелъ къ столу писаря и сказалъ ему, зачѣмъ пришелъ. Тотъ началъ цѣлый допросъ:—Сколько вамъ лѣтъ? Гдѣ родились? Откуда ѣдете? Я сунулъ руку въ карманъ, вынулъ нѣсколько серебряныхъ монетъ и положилъ ихъ на столъ. Писарь посмотрѣлъ на меня, быстро закрылъ монеты бумагами и торопливо проговорилъ: —„Хорошо, хорошо"... Я не менѣе торопливо выбѣжалъ вонъ...

Докончу разсказъ о моемъ пребываніи въ Вильнѣ однимъ трагикомическимъ эпизодомъ. Помнишь, я въ прошломъ году привезъ сюда мой эскизъ „Нападеніе инквизиціи на евреевъ" и оставилъ его у своихъ родителей. Представь мой ужасъ, когда я увидѣлъ, что старуха-кухарка распорядилась съ нимъ по своему: она сдѣлала изъ него курятникъ! Я былъ внѣ себя, а она спокойно и флегматично отвѣчала мнѣ:—„Чего кричите? Вѣдь не съѣли-же его, можно вычистить".

Я уже въ Берлинѣ. Не могу сказать, чтобы онъ поразилъ меня послѣ Петербурга; напротивъ, я первымъ дѣломъ сталъ все бранить. Впрочемъ, это свойственно всѣмъ намъ, куда-бы мы ни заѣхали. Я замѣтилъ, что нашъ братъ, пріѣхавши за границу, сейчасъ начинаетъ одно изъ двухъ: или браниться, или-же таять, не то, что нѣмецъ, тащущій свой „фатерландъ" всюду съ собою, или-же англичанинъ, отстаивающій свою индивидуальность до того, что заставляетъ своего сына говорить по-французски „какъ настоящій англичанинъ".

Раньше всего я посѣтилъ, конечно, музей: онъ показался мнѣ гораздо бѣднѣе нашего Эрмитажа. Правда, тамъ были нѣкоторыя картины эпохи „до Возрожденія", чего я не видалъ у насъ, но въ то время я не понималъ еще ихъ прелести; только многіе годы спустя полюбилъ это искусство, полюбилъ потому, что тутъ нашелъ то, чего такъ тщетно искалъ повсюду, именно, выраженіе души. У художниковъ времени „до Возрожденія" палитра бѣдна красками, рисунокъ сухъ, кисть не смѣла, а жидка, но за то сколько души! Сколько сердечной теплоты сказывается у нихъ вездѣ, а главное, сколько искренности! Вся ихъ сила, все ихъ вниманіе концентрировались на томъ, какъ-бы вѣрнѣе передать идеалъ, который они носили въ себѣ, которому вѣрили и который любили со всею горячностью своей геніальной души.

Послѣ „Возрожденія", искусство стало пышнѣе, кисть смѣлѣе, рисунокъ свободнѣе, краски блестящѣе, композиція раскинулась въ широкихъ размѣрахъ, на огромныхъ холстахъ, на стѣнахъ—однимъ словомъ, сила виртуозности развилась во всю свою мощь... Но то, что у первыхъ художниковъ было въ избыткѣ, того уже не доставало у ихъ преемниковъ. Художники уже не молились и не постились передъ тѣмъ, что начинали изображать свой идеалъ, какъ это часто дѣлалось прежде; нѣтъ, мы уже видимъ, что даже первоклассные художники съ одинаковымъ увлеченіемъ работаютъ вакханокъ и мадоннъ—

форма начинаетъ замѣнять духъ. Какъ ни высока была эпоха Возрожденія, въ ней уже чувствуется реторика, которая привела впослѣдствіи къ упадку, къ бароку. Повидимому, двѣ одинаковыя силы не совмѣстимы даже у геніальныхъ людей, какъ двѣ души не совмѣстимы въ одномъ тѣлѣ.

Пожалуйста, не выведи изъ этого заключеніе, что я забраковываю великихъ художниковъ, передъ которыми преклоняется весь свѣтъ. Нисколько! Я не такъ односторонен. Я глубоко чту и уважаю ихъ. Только изъ двухъ великихъ проявленій человѣческаго духа предпочитаю первое, потому что оно цѣльнѣе, искреннѣе и представляетъ собою полное и законченное выраженіе христіанскаго міросозерцанія безъ постороннихъ примѣсей. Однако я отвлекся совершенно въ сторону, и потому спѣшу возвратиться. Мнѣ особенно понравилось устройство скульптурнаго музея; правда, тамъ было еще мало оригиналовъ, за то было сдѣлано все возможное, чтобы музей былъ доступенъ дли массы, нуждающейся въ художественномъ воспитаніи. Гипсовые снимки съ лучшихъ твореній были разставлены согласно ходу развитія искусства; конечно, тутъ много не доставало; но все-таки собраніе было довольно полное и соотвѣтствовало величинѣ помѣщенія.

Я остановился передъ фресками Каульбаха, къ которому уже успѣлъ охладѣть вслѣдствіе его реторичности.

Лучшая изъ четырехъ громадныхъ фресокъ—это Hunnen-Schlacht. Тутъ Каульбахъ является самимъ собой.

Пошелъ я и въ Академію Художествъ, и былъ крайне удивленъ, увидѣвъ тамъ все то-же, что и въ нашей Академіи: у натурщиковъ тѣ-же позы, въ искусствѣ та-же манера, композиція на тѣ-же заданныя темы, та-же условность... Нѣсколько лѣтъ спустя я былъ не менѣе пораженъ, когда въ флорентинской Академіи Художествъ увидѣлъ опять то-же самое... Точно международный заговоръ противъ родного искусства!

Осмотрѣвъ все то, что главнымъ образомъ меня интересовало, пошелъ взглянуть на городъ. Берлинъ теперь не то, чѣмъ былъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Теперь сколько прелести въ его архитектурѣ, какое разнообразіе! Какія чудеса теперь дѣлаютъ изъ терракоты, перемѣшивая ее то съ гранитомъ, то съ позолотой, а то просто съ какою-нибудь легкою окраской. Но тогда было не то. Я помню мой тогдашній въѣздъ въ Берлинъ. Извозчикъ меня везъ долго и медленно все мимо какихъ то заборовъ. Это меня удивило и я спросилъ извозчика:—„Это Берлинъ!"—"Nei", неохотно отвѣчалъ онъ. „А что это?"—„Langenstrasse". Гдѣ-же находится Langenstrasse?"—„In Berlin".

Не стану описывать тебѣ самаго города—это будетъ одинаково утомительно какъ для тебя, такъ и для меня.

Скажу только, что тогда онъ носилъ вполнѣ незаслуженное названіе „Казармы". Монументъ Фридриха II хорошъ, но на половину, а именно, сама конная статуя; къ трехъ-этажному пьедесталу съ условными барельефами я уже тогда питалъ инстинктивное отвращеніе.

Тутъ выходитъ, что не пьедесталъ для статуи, а статуя для пьедестала.

Окончивъ мой бѣглый осмотръ, я пошелъ къ одному ученому теологу; я имѣлъ къ нему визитную карточку съ рекомендаціей отъ такого-же ученаго доктора, какъ онъ. Надо сказать, что это была единственная рекомендація, которую я имѣлъ изъ Россіи; я ни за что не хотѣлъ брать ничего подобнаго. Мнѣ казалось, что моя работа будетъ мнѣ лучшею и вѣрнѣйшею рекомендаціею. Но, увы, скоро я увидѣлъ, какъ жестоко ошибался, какъ мало еще зналъ жизнь.

Ученый теологъ былъ тогда въ отсутствіи, приходилось порядочно долго ждать его. Я пошелъ по городу съ работою подмышкой искать заработка, точь-въ-точь какъ сдѣлалъ, пріѣхавши въ первый разъ въ Петербургъ; но только въ Берлинѣ я ходилъ не по токарнымъ мастерскимъ, а по художественнымъ магазинамъ. Въ одномъ получилъ лаконическій отвѣтъ: „Hier ist kein Platz"; въ другомъ приблизительно то-же самое; въ третьемъ обошлись со мною еще проще и грубѣе,— осмотрѣвъ мою работу и меня, хозяинъ сказалъ: „Да, но кто васъ знаетъ, вы, можетъ быть, это украли!" Я почувствовалъ, что краска стыда бросается мнѣ въ лицо. Мнѣ было досадно, но чѣмъ я могъ доказать, что онъ не правъ? Больше всего я досадовалъ на свою невзрачность, давшую поводъ думать обо мнѣ Богъ знаетъ что. Дѣйствительно, до сихъ поръ я не обращалъ никакого особеннаго вниманія на свой костюмъ, но тутъ разсердился, изъ послѣднихъ денегъ купилъ себѣ новое платье и шляпу, и сдѣлался берлинцемъ хоть куда. Это немного успокоило мое самолюбіе, но дѣло отъ этого не выиграло.— Не лучшій исходъ имѣла и рекомендація къ ученому теологу, котораго я, наконецъ, дождался.

Выслушавъ меня, онъ написалъ письмо, къ другому, по его словамъ, извѣстному художнику. Я остался этимъ доволенъ и пошелъ по данному адресу; ходилъ много разъ, и каждый разъ получалъ тотъ же отвѣтъ: „дома нѣтъ". Наконецъ, услышалъ лаконическое слово: „дома" безъ всякихъ постороннихъ прибавленій. „Извѣстный художникъ" велѣлъ просить меня къ себѣ въ „бюро". „Странно,—подумалъ я:—что есть общаго между бюро и художникомъ?" Послѣ нѣсколькихъ довольно комическихъ объясненій оказалось, что извѣстный теологъ проситъ у извѣстнаго художника работы для меня, но это не могло состояться просто по тому, что я стоялъ передъ маляромъ, занимавшимся окраской крышъ и т. под.—Что мнѣ оставалось дѣлать? Куда ѣхать? Съ досады я заперся и съ увлеченіемъ взялся за новый эскизъ „Нападеніе инквизиціи на евреевъ". На этотъ разъ я сдѣлалъ его въ гораздо меньшемъ видѣ изъ воска и дерева. Впослѣдствіи онъ былъ выставленъ вмѣстѣ съ „Иваномъ Грознымъ".

Въ занятіяхъ время быстро прошло, но не менѣе быстро изсякъ мой кошелекъ. Жилъ я тогда, конечно, не въ гостинницѣ, а у людей небогатыхъ, но честныхъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію ко мнѣ. Не стану тебѣ разсказывать многихъ курьезовъ, случавшихся со мною и другими,—это не касается дѣла; разскажу объ одномъ, самомъ не-

значительномъ изъ всѣхъ, и то только потому, что онъ можетъ позабавить тебя, какъ русскаго. Разъ моя хозяюшка захотѣла мнѣ сдѣлать особенное удовольствіе. Придя какъ-то вечеромъ домой, я по обыкновенію нашелъ свой „Abendbrodt" и тутъ-же какой-то бокалъ съ жидкостью; цвѣтъ ея напоминалъ пиво съ пѣною; пахла она гвоздикой; я поднялъ бокалъ и посмотрѣлъ на свѣтъ—мутно, попробовалъ пить—микстура... „Что это такое?"—спрашиваю у хозяйки. Изумленная и сконфуженная, она отвѣтила мнѣ также отвѣтомъ: — Ахъ, развѣ вы не знаете?—и помолчавъ минуту, прибавила:—вѣдь это чай, вашъ русскій чай!—Гдѣ же вы его взяли?—Въ аптекѣ.

Кончивъ эскизъ, я думалъ-было сходить къ скульптору, который славился тамъ, какъ реалистъ. Но именно тогда открылась выставка, и я пошелъ раньше туда, познакомиться съ его работами. Я тогда не понялъ и до сихъ поръ не понимаю, почему его называютъ реалистомъ. На выставкѣ былъ его „Фавнъ" съ козлиными ногами, безъ сомнѣнія талантливый, но весь реализмъ состоялъ въ томъ, что внѣшняя отдѣлка была болѣе морщиниста—вотъ и все. Подобныя произведенія принадлежатъ псевдо-реализму, существующему наряду съ псевдо-классицизмомъ; оба заимствуютъ свои сюжеты изъ греческой миѳологіи, оба заботятся исключительно о внѣшней отдѣлкѣ, оба утрируютъ, и потому не достигаютъ цѣли... оба одинъ другого стоятъ. Осматривая выставку, я думалъ: „Нѣтъ, видно хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ. Дома не хорошо, и на чужбинѣ не лучше, въ особенности мнѣ, одинокому, бродящему здѣсь какъ въ лѣсу".

Я оставилъ Берлинъ и съ величайшими трудностями и лишеніями добрался до Вильны, а затѣмъ и до Петербурга. Въ Академію немного опоздалъ, но къ этому я относился равнодушно: что мнѣ учиться? Пожалуй, учиться никогда не поздно, весь вѣкъ приходится учиться, но только для того, чтобы идти впередъ, а не такъ, какъ бѣдный К. повторяетъ все одно и то-же. Нѣкоторые изъ друзей моихъ стали уже конкуррентами—для нихъ было сдѣлано исключеніе; мнѣ оставалось только смотрѣть на нихъ съ досадою. Мое положеніе съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже; моя бодрость была надломлена, по-временамъ я падалъ духомъ; у меня не было ни настоящаго, ни будущаго—оставаться въ Академіи было невозможно и добиться отъ нея я ничего не могъ. Единственной моей матеріальной поддержкой оставалась стипендія, но могъ-ли я этимъ довольствоваться?

Да пора было и „честь знать" и уступить ее другимъ.

Трудно мнѣ описать тогдашнее мое состояніе, трудно по двумъ причинамъ: не съумѣю, да и тяжело вспоминать. Бывали минуты, когда я самъ себя не узнавалъ. Я иногда блуждалъ, какъ тѣнь, или сидѣлъ по цѣлымъ вечерамъ дома и думалъ впотьмахъ, а думы мои были темнѣе ночи. При этомъ, извѣстія изъ дому были печальны и самъ я чувствовалъ себя нездоровымъ. Ходилъ къ доктору: онъ далъ мнѣ пилюли, посовѣтовалъ пить молоко, ѣсть нежирное мясо и т. д. Я принялъ эти совѣты съ улыбкой, поблагодарилъ доктора—и, конечно, совѣтовъ его не исполнилъ. Къ тому-же комната моя оказалась сы-

рою, я перемѣнилъ ее и попалъ въ худшую, еще разъ перемѣнилъ, но было то-же самое. Къ довершенію всего я сталъ замѣчать, что старые товарищи относятся ко мнѣ какъ-то странно, не по-прежнему. Одинъ изъ близкихъ друзей высказалъ это довольно рѣзко, и именно вотъ какимъ образомъ. Я постучался разъ въ его мастерскую; онъ открылъ дверь, не отнимая руки отъ замка, сталъ на порогѣ и началъ увѣщевать меня: „Ну, чего ты шляешься?“ Я вспыхнулъ, но онъ вспыхнулъ не менѣе меня и закричалъ: „Нѣтъ, довольно за тебя распинаться... Мнѣ приходится вездѣ спорить за тебя... Я краснѣю... тебя всѣ считаютъ пропащимъ!..“ Съ его стороны это было искренно, дружески, братски сказано, но все-таки для меня очень и очень больно. Нашъ прежній кружокъ мало-по-малу разбрелся: кто оставилъ Академію, кто умеръ, кому дѣло мѣшало, а кому и просто надоѣло; у насъ вообще никто не можетъ похвастаться выдержкою. Было у меня много и другихъ товарищей, уже возмужалыхъ, съ серьезнымъ образованіемъ и съ большимъ или меньшимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ. Мы очень часто сходились и много спорили, тѣмъ болѣе, что я держался мнѣній, противоположныхъ ихъ взглядамъ. Конечно, искусство было для всѣхъ насъ самымъ жгучимъ вопросомъ; но сытый голодному не пара— ихъ жизнь была весела и беззаботна, моя—печальна. Они смотрѣли на меня, какъ на обиженнаго, охотно сочувствовали мнѣ, возмущались... Но все-таки не было полнаго равенства, и это скоро высказалось. Между товарищами былъ одинъ, самый талантливый. Въ Академіи ему все удавалось, все улыбалось, начальство всегда щедро награждало его. Разъ, послѣ подобнаго успѣха, онъ спросилъ у меня: „Ну, Антикъ, скажи откровенно твое мнѣніе обо мнѣ“.—„А знаешь,—отвѣчалъ я:—ты представляешься мнѣ на высокой скалѣ, на краю пропасти; будь остороженъ, еще одинъ шагъ, и ты упадешь“... Товарищъ мой былъ возмущенъ, всталъ, подошелъ ко мнѣ и спросилъ, почему я такъ думаю. „Надо сказать тебѣ,—началъ я опять,—что я говорю это потому, что ты талантъ, и другъ, и умный человѣкъ... и въ такомъ случаѣ предостереженіе не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію. Вотъ недавно одинъ мой товарищъ захлопнулъ передъ моимъ носомъ дверь и не впустилъ меня къ себѣ просто изъ дружбы... Я не обидѣлся, хотя было чѣмъ обидѣться, и принялъ только къ свѣдѣнію. Можетъ-быть, онъ правъ на половину, на четверть, въ чемъ-нибудь, наконецъ“... —Все это хорошо, но объясни мнѣ, почему мое положеніе такъ опасно?—„Потому, что у тебя нѣтъ художественной правды“...—А потвоему искусство должно быть правдой?—„Вовсе нѣтъ; я хорошо знаю, что правда не есть искусство, а искусство не есть правда—потому-то я и говорю о художественной правдѣ“.

И пошелъ споръ о реализмѣ и идеализмѣ, тотъ нескончаемый споръ, который продолжается и донынѣ.

Надо сказать тебѣ, что, къ сожалѣнію, художество не особенно богато терминами; ихъ всего три: идеализмъ, реализмъ и натурализмъ. За то какое разнообразіе мыслей и понятій! Совѣтую, другъ, если тебѣ когда-нибудь придется спорить объ идеализмѣ и реа-

лизмѣ, непремѣнно раньше освѣдомься, что подъ ними понимаетъ твой оппонентъ,—иначе рискуешь докричаться до хрипоты и все-таки ни до чего не договориться. Заодно спроси у твоего противника: допускаетъ-ли онъ идеальное содержаніе въ реальныхъ формахъ, какъ это дѣлалось въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ и какъ теперь это дѣлаетъ твой покорнѣйшій слуга. И если это допускается, то какъ это назвать и подъ какую рубрику подвести?

И нашъ споръ съ товарищемъ окончился ничѣмъ, но послѣ него я почувствовалъ, что между нами обнаруживается, такъ сказать, трещина, которая вначалѣ была почти незамѣтна, но потомъ стала виднѣе.

Подошли экзамены. Я опять выставилъ свой эскизъ: „Нападеніе Инквизиціи на евреевъ“, выставилъ просто потому, что „нагой разбоя не боится“—будь что будетъ, хуже быть не можетъ... И представь себѣ мое удивленіе, когда я узналъ, что за этотъ эскизъ я получилъ третью премію—награду въ 25 рублей... Молодежь встрѣчала меня уже не съ хохотомъ, а молчаливо и съ удивленіемъ; иные были рады за меня, иные остались недовольны... Между послѣдними оказался и тотъ пріятель, съ которымъ у меня былъ споръ о художествѣ; онъ на этотъ разъ получилъ первую премію, а затѣмъ мы окончательно разошлись, и не безъ шума. Чѣмъ я дольше живу, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что очень многіе не терпятъ около себя равной величины — убѣждаюсь и сожалѣю, что это такъ.

Счастье стало мнѣ улыбаться. Послѣ названнаго маленькаго удовольствія, испыталъ большее—случайно познакомился съ В. В. Стасовымъ. Его всѣ знаютъ; рѣдко кто имѣетъ столько враговъ, какъ онъ, потому что рѣдко кто говоритъ такъ рѣзко и откровенно другимъ то, что думаетъ и чувствуетъ. Онъ высокъ ростомъ; лицо его, окаймленное густою бородою, энергично-выразительно; движенія быстры и полны жизни. Онъ не терпитъ сентиментальности и въ особенности фальши, и высказываетъ это всѣмъ, не обращая вниманія на послѣдствія. Часто увлекается со всею горячностью своей натуры и самъ сознаетъ это, но прибавляетъ: „Иначе нельзя, не разбудишь“... Недавно еще, кажется, въ день его рожденія, Ропетъ поднесъ ему что-то въ родѣ эмблемы, изображавшей шпору и спички. И дѣйствительно, рѣдко кто можетъ такъ пламенно возбуждать художественный интересъ.

Можетъ быть, многіе съ нимъ несогласны, но, безъ сомнѣнія, онъ будитъ. Когда личныя страсти улягутся, когда явится судъ безпристрастный и увидитъ, что было сдѣлано въ его время въ русской школѣ и какое живое участіе онъ принималъ во всемъ томъ, что просыпалось, тогда у него будетъ болѣе друзей, чѣмъ враговъ.

Въ Библіотекѣ, гдѣ я встрѣтилъ въ первый разъ Стасова, былъ въ то же время и нашъ лекторъ Горностаевъ, который высказался противъ моего эскиза: „Нападеніе Инквизиціи на евреевъ“... Какъ только В. В. узналъ въ чемъ дѣло, онъ сталъ доказывать противное, и завязался споръ, одинъ изъ тѣхъ споровъ, которые потомъ такъ часто

повторялись между нами письменно и словесно. Послѣ перваго знакомства, я побывалъ у него на дому и, конечно, поспорилъ съ увлеченіемъ, такъ что когда, прощаясь, я случайно увидалъ себя въ зеркалѣ, то себя не узналъ: лицо мое было краснѣе красной рубахи Стасова. Мнѣ стало стыдно, я далъ себѣ слово болѣе не спорить—и не сдержалъ его.

Въ эту зиму я былъ приглашенъ къ одной почтенной дамѣ [1]), пожелавшей имѣть деревянное Распятіе моей работы. По этому поводу между нами начался теологическій споръ, и такъ какъ мы оба были не сильны въ этомъ, то споръ кончился съ ея стороны вздохомъ, съ моей—молчаніемъ. Она удивлялась, что я еврей, а я удивлялся ея удивленію. Она стала говорить о чемъ-то возвышенномъ; я просилъ повторить. Она повторила, и я все-таки ничего не понялъ. На первый разъ тѣмъ и кончилось. Затѣмъ она сама пришла ко мнѣ, начала уговаривать, увѣщевать, просить, чтобы я, чуть-ли не въ видѣ одолженія ей, перешелъ въ христіанство. Я давалъ ей уклончивые отвѣты, что это Богу, видно, было не угодно, иначе онъ не далъ-бы мнѣ родиться евреемъ и т. п. Она ушла, но черезъ нѣсколько дней опять пришла, согласилась дать мнѣ работу, съ условіемъ, однако, чтобы я прочиталъ какую-то молитву, которую она тутъ-же начала диктовать мнѣ. „Ну, хоть на нѣмецкомъ языкѣ", такъ заключила она свою просьбу и кончила тѣмъ, что сама помолилась и вручила мнѣ работу. Черезъ нѣсколько недѣль работа была окончена. Дама была въ восторгѣ и я не менѣе, получивъ за свой трудъ сто рублей. Она осталась до того довольна, что угостила меня чаемъ и сама усѣлась тутъ-же рядомъ; въ это время—звонокъ! Она сконфузилась и велѣла поскорѣе убрать чай.

Мнѣ просто везло. Получилъ еще одинъ заказъ: сдѣлать четырехъ купидоновъ для часовъ и канделябровъ. Помню и сюжетъ: герой его—мальчикъ, похожій на дѣвушку, которая сидитъ тутъ же рядомъ; онъ держитъ въ рукахъ птичье гнѣздо и не даетъ его своей дамѣ, выпрашивающей его. Впрочемъ это не мое творчество; мнѣ дали что-то въ этомъ родѣ въ стилѣ Пуссена—хотѣли только, чтобы было немного получше. Мнѣ кажется, я сдѣлалъ немного похуже, но остались довольны, я тоже, получивъ сто рублей. Ты, пожалуйста, не смѣйся. Что мнѣ твои милліоны! Видишь, можно быть счастливымъ немного меньшимъ. Все это относительно. Я и теперь очень люблю деньги, когда ихъ нѣтъ; но имѣю-ли я рубль или десять—разницы въ радости не ощущаю. Прежде всего я расплатился съ долгами, это въ своемъ родѣ освобожденіе отъ комаровъ; затѣмъ заказалъ себѣ теплое пальто, ибо до сихъ поръ носилъ плэдъ, сдѣлавшійся потомъ „историческимъ".—Я отдалъ его своему наслѣднику по профессіи... И послѣ всего этого у меня еще осталось сто рублей съ чѣмъ-то!! Но это что!.. Академія, наконецъ, переложила свой гнѣвъ на милость и стала заботиться о моей будущности: порѣшили дать мнѣ званіе; какъ

---

[1]) Баронесса Эдита Ѳедоровна Раденъ.

хочешь—дурно-ли, хорошо-ли,—но я шесть лѣтъ проучился въ Академіи Художествъ. За мою оригинальность выдумали и оригинальную награду: именно, дать мнѣ почетное гражданство за отличныя познанія въ скульптурѣ. Впрочемъ, обѣщали только похлопотать объ этомъ, а пока мнѣ опять оставалось ждать.

Въ жизни моей начинался новый періодъ, и печальнѣе и радостнѣе прежняго. То была послѣдняя брешь, которую оставалось пробить, чтобы завладѣть жизнью, свободой, творчествомъ, независимостью—всѣмъ, чѣмъ я теперь владѣю, что мнѣ дорого... Другого исхода не было; я шелъ не останавливаясь, не чувствуя своей усталости, бросаясь впередъ, борясь на жизнь и на смерть... Побѣдилъ! а самъ встать не могъ...

Теперь я уже не былъ прежнимъ юношей, блуждавшимъ по ночамъ вдоль набережной и умолявшимъ звѣзды вразумить его, сказать ему, что такое искусство, научить, куда и какъ идти... Теперь я зналъ себя, зналъ и свою дорогу. Пусть сто тысячъ разъ скажутъ, что я заблуждаюсь, я всегда отвѣчу, что всѣ ошибаются... что всѣ—слѣпцы, а я зрячій. Кто отрицаетъ искусство, тотъ заслоняетъ отъ себя солнце, того жизнь холоднѣе Ледовитаго океана, тотъ никогда не бросался на шею матери и никогда, ни передъ кѣмъ не изливалъ своихъ чувствъ горя или радости. Еслибы меня спросили, кто я, я отвѣчалъ бы:—„Художникъ"; живу одною жизнью, но она наполнена другими жизнями, я чувствую чувства другихъ людей, всѣхъ ихъ одинаково люблю, всѣ они мнѣ дороги; я радуюсь ихъ радости, но еще ближе мнѣ ихъ печаль... Люди—это мои арфы, нервы ихъ для меня—струны; своимъ прикосновеніемъ я хочу пробуждать въ нихъ любовь, чувство добра"... Слабъ я былъ тогда тѣломъ, но духъ мой бодрствовалъ. Я былъ тогда въ томъ переходномъ возрастѣ, когда кажется, что весь міръ можно обнять, когда нѣтъ пространства, нѣтъ препятствій. Подобное состояніе бываетъ только разъ въ жизни, и никогда больше не повторяется. Но къ дѣлу.

Я давно задумалъ создать „Ивана Грознаго". Образъ его сразу врѣзался въ мое воображеніе. Затѣмъ я задумалъ „Петра I". Потомъ сталъ думать объ обоихъ вмѣстѣ. Мнѣ хотѣлось олицетворить двѣ совершенно противоположныя черты русской исторіи. Мнѣ казалось, что эти столь чуждые одинъ другому образы въ исторіи дополняютъ другъ друга и составляютъ нѣчто цѣльное. Я бросился изучать ихъ по книгамъ. Къ сожалѣнію, литература, касающаяся ихъ, такъ сказать, адвокатурная, въ особенности по отношенію къ Петру I. Одни нападаютъ, другіе защищаютъ; объективнаго, безпристрастнаго сужденія и до сихъ поръ нѣтъ. Оставалось только вдумываться, разспрашивать, спорить и самому вывести заключеніе. Оба образа сильно преслѣдовали меня. Я готовъ былъ начать ихъ обоихъ, но какъ? Мое положеніе было таково, что даже одно желаніе было съ моей стороны дерзостью. Гдѣ работать, какъ взяться за дѣло, когда нѣтъ средствъ для самаго необходимаго? Но, проработавъ теперь нѣсколько мѣсяцевъ

и имѣя сто рублей, я рѣшился начать во что бы то ни стало; остановился на „Иванѣ Грозномъ", и хорошо сдѣлалъ: выборъ былъ удаченъ, иначе дѣло мое было-бы проиграно навсегда.

Я опять началъ хлопотать и всѣмъ надоѣдать—занятіе тяжелое и противное, но что же дѣлать? Иногда поневолѣ заставляешь замолчать сердце, когда оно сильно бьется. Получить мастерскую въ Академіи—объ этомъ и рѣчи не могло быть, но мнѣ пришла счастливая мысль попросить позволенія работать въ скульптурномъ классѣ во время каникулъ; признаться, и на это я не надѣялся; за то тѣмъ сильнѣе обрадовался я, когда просьба моя была уважена. Правда, я предварительно долженъ былъ исполнить маленькую обязанность: реставрировать нѣкоторые академическіе барельефы, получившіе когда-то первыя золотыя медали. Эти барельефы были до сихъ поръ запрятаны, и теперь они вновь появились на свѣтъ Божій, только не совсѣмъ въ благополучномъ видѣ: у кого не хватало головы, у кого руки, а у кого ни того, ни другого. Я выбралъ барельефъ покойнаго профессора Пименова, бывшій не въ лучшемъ положеніи. Онъ выдѣлялся среди другихъ своею пластичностью, чистотою линій и энергичностью. Пока я доканчивалъ реставрацію, настали каникулы, всѣ разъѣхались, классы закрылись, и я остался одинъ, царемъ среди массы гипсовыхъ фигуръ.

Я принялся за работу со всею энергіей, которою обладалъ: подъ напѣвъ гнулъ желѣзо, устраивалъ каркасъ, началъ обкладывать фигуру съ лихорадочною торопливостью... Работалъ, не чувствуя ни усталости, ни голода, сердился, волновался, гримасничалъ: то сжималъ ротъ, то раскрывалъ его, удерживая дыханіе... Такъ продолжалось дѣло часъ, два, шесть... Мнѣ хотѣлось передать все то, что я чувствую, все, что пережилъ, вложить свою душу въ эту глину, вдохнуть въ нее жизнь... Каждый штрихъ, каждый мазокъ я дѣлалъ съ трепетомъ... Такъ проходилъ день и наступалъ вечеръ; идя по набережной, я машинально смотрѣлъ на кипучую ея жизнь, на корабли, на цѣлый лѣсъ мачтъ, на здоровыхъ носильщиковъ, а передо мной— все онъ, недовершенный образъ... Я уносилъ его домой и засыпалъ съ нимъ, нетерпѣливо ожидая завтрашняго дня.

Прошло шесть недѣль. Работа быстро подвинулась, почти на половину; передо мною уже сидѣлъ манекенъ; складки клались удачно и я продолжалъ работать съ жаромъ. Знакомые замѣтили мою худощавость, черноту подъ глазами... но я смѣялся, говорилъ, что у меня теперь масляница, что чернота подъ глазами пожалуй есть, но худобы никоимъ образомъ быть не можетъ.

Но знаешь-ли ты грозный образъ мой? Въ немъ духъ могучій, сила больного человѣка, сила, передъ которой вся русская земля трепетала. Онъ былъ грозный; отъ одного движенія его пальца падали тысячи головъ; онъ былъ похожъ на высохшую губку, съ жадностью впивавшую кровь... и тѣмъ больше жаждалъ. День онъ проводилъ, смотря на пытки и казни, а по ночамъ, когда усталыя душа и тѣло требовали покоя, когда все кругомъ спало, у него пробуждались со-

вѣсть, сознаніе и воображеніе; они терзали его, и эти терзанія были страшнѣе пытки... Тѣни убитыхъ имъ подступаютъ, онѣ наполняютъ весь покой—ему страшно, душно, онъ хватается за псалтырь, падаетъ ницъ, бьетъ себя въ грудь, кается и падаетъ въ изнеможеніи... На завтра онъ весь разбитъ, нервно потрясенъ, раздражителенъ... Онъ старается найти себѣ оправданіе и находитъ его въ поступкахъ людей, его окружающихъ. Подозрѣнія превращаются въ обвиненія, и сегодняшній день становится похожимъ на вчерашній... Онъ мучилъ и самъ страдалъ. Таковъ „Иванъ Грозный". Но вотъ вопросъ: почему онъ остался у народа такимъ легендарнымъ? Почему воспѣваютъ его? Почему его ликъ до сихъ поръ заманчивъ для насъ? Почему мое изображеніе его такъ понравилось и приковало всѣхъ? Не потому-ли, что мы любимъ сумерки?..

Два года спустя я создалъ другой образъ, образъ Петра Великаго, совершенно противоположный Ивану Грозному. Мнѣ хотѣлось въ немъ выразить могучую силу русскаго самодержавія. Необыкновенный во всѣхъ отношеніяхъ, это былъ не одинъ человѣкъ, а „отливокъ" изъ нѣсколькихъ вмѣстѣ; у него все было необыкновенно: ростъ—необыкновенный, сила—необыкновенная, умъ—необыкновенный. Какъ администраторъ, какъ полководецъ—онъ тоже былъ изъ ряду вонъ. И страсти, и жестокость его были необыкновенны. То былъ отецъ своего времени: семействомъ его была вся Россія; ее одну онъ любилъ, и любилъ какъ герой; онъ защищалъ ее, какъ орелъ, несущій птенцовъ своихъ на крыльяхъ и выставляющій свою грудь противъ опасности. Онъ былъ бдительнымъ стражемъ, готовъ былъ защищать, но готовъ былъ и нападать на враговъ, при малѣйшей ихъ угрозѣ. Петръ I былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые стараются предупредить опасность, а не бороться съ нею, когда она уже наступила.

Дурно-ли, хорошо-ли я понимаю подобные характеры—это другой вопросъ, но, безъ сомнѣнія, Петръ у насъ единственный. Когда я привезъ статую его изъ Рима и выставилъ ее въ Академіи Художествъ, она прошла незамѣченной большинствомъ, а многіе на нее даже и нападали. Нѣсколько лѣтъ спустя, я выписалъ остатки попорченнаго гипса въ Парижъ, и то совершенно случайно, по капризу одного лица, которое, впрочемъ, статуи потомъ не взяло. Я реставрировалъ ее, выставилъ въ „Salon", имѣлъ успѣхъ, и только тогда наша публика болѣе благосклонно отнеслась къ ней. Опять спрошу: почему?.. Почему намъ Иванъ Грозный болѣе по душѣ, чѣмъ Петръ I? Прямого отвѣта не могу дать, да и вообще не хочу ничего разбирать. Я высказываю свои наблюденія, то, что самъ испыталъ. Впрочемъ я слишкомъ близко стою къ моимъ работамъ, чтобы по нимъ судить о настроеніи общества; предоставляю это будущему, теперь же могу сказать только съ увѣренностью, что наше искусство богато мыслью, въ немъ есть совершенные типы и характеры, есть и положенія, но нѣтъ идеала, притомъ мы вообще меланхолики и предпочитаемъ грусть веселью.— Но я совсѣмъ отклонился въ сторону. Боюсь, что мои записки похожи на Баховскія фуги—фуги безъ музыки, а то и того хуже, на нашъ

родной русскій споръ, начинающійся однимъ и кончающійся совершенно другимъ. Возвращаюсь къ дѣлу...

И такъ, меня предостерегали, а я смѣялся. Кто чувствуетъ себя здоровымъ, тотъ не принимаетъ въ соображеніе, когда ему говорятъ: „Ты нездоровъ, будь остороженъ". Я былъ увлеченъ. Главнымъ для меня былъ онъ, — онъ, Иванъ Грозный; главнѣе, чѣмъ я самъ для себя. Вспоминались мнѣ голландскіе мастера, особенно, кажется, Жераръ Доу, который съ такою любовью и тщательностью отдѣлывалъ не только главное, но и всѣ детали. Я вспомнилъ, какъ мы смѣялись, что онъ по цѣлымъ годамъ не позволялъ убирать въ своей мастерской. „А вѣдь онъ былъ правъ,—говорилъ я самъ себѣ:—передвинутъ какой-нибудь предметъ, съ котораго пишешь, переиначутъ драпировку—и все пропало, хоть вновь начинай".. Не думалось мнѣ, что именно это и со мною случится, и очень скоро. Разъ прихожу въ мастерскую и вижу, что шуба съ манекена сброшена—вся работа пропала! Я схватился за голову и закричалъ не своимъ голосомъ отъ ярости, а сторожъ съ недоумѣніемъ замѣтилъ: „А что-жъ? ужъ больно грязна была"... Я хотѣлъ было двинуться на него съ кулаками, но закашлялся и залилъ полъ кровью... Холодный потъ выступилъ у меня. Сторожъ поблѣднѣлъ и побѣжалъ за водой... Успокоившись немного, я тихо ушелъ домой, а потомъ къ доктору. Выслушалъ онъ, въ чемъ дѣло, посадилъ меня противъ себя и, устремивъ свой взоръ на меня сквозь золотыя очки, началъ: „Сколько вамъ лѣтъ? Чѣмъ занимаетесь? Здоровы-ли родители, живы-ли? Чѣмъ вы питались?" На всѣ вопросы отвѣтъ былъ удовлетворительный, за исключеніемъ послѣдняго. Затѣмъ началось выстукиваніе груди, прикладываніе уха къ ней, искусственный кашель и т. д.

Предписавъ режимъ, докторъ запретилъ мнѣ работать и посовѣтовалъ уѣхать куда-нибудь за городъ для отдыха. Я поѣхалъ домой, пилъ тамъ парное молоко, часто ходилъ въ свой любимый сосновый лѣсъ, опять увлекался всѣмъ видѣннымъ тамъ. Сталъ бодрымъ попрежнему и, повидимому, совсѣмъ поправился. Время прошло быстро; шесть недѣль пролетѣли, какъ одинъ часъ... За то, что было съ моимъ карманомъ... хоть выворачивай его! Но родные—не чужіе: съ ихъ помощью я вернулся въ Петербургъ, захвативъ съ собою красавца-ребенка, у котораго замѣтилъ талантъ. Скоро Эліасъ с т а л ъ л ю б и м ъ в с ѣ м и, и мнѣ помогалъ уже въ барельефахъ на креслѣ Ивана Грознаго. Теперь онъ находится въ Академіи Художествъ, почти въ такомъ-же періодѣ своей жизни, какой я описываю по отношенію къ себѣ, только въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ... Я пріѣхалъ опять не на радость. Въ это время классы должны уже были начаться; начальство Академіи гнало меня вонъ съ моею работою—но куда? Да хоть на улицу. Опять хлопоты, умаливанья, упрашиванья... Но, слава Богу, сердца тронуты. Мнѣ дали маленькую мастерскую на самомъ верху. Чего лучше! Я въ восторгѣ, но какъ перетащить туда „Ивана Грознаго?" Были у меня золотые часы; я снесъ ихъ въ ломбардъ—дорога знакомая, тамъ они часто гостили. Получивъ двадцать рублей, я нанялъ

шестнадцать академическихъ служителей—каждому по рублю—отрѣзалъ отъ статуи самыя тяжелыя части глины (ужасно непріятная работа) и „Ивана Грознаго" понесли на рукахъ вверхъ по винтовой лѣстницѣ; правда, ему немного помяли бока, но что-же дѣлать: гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ. Я былъ радъ, что онъ уже стоитъ на мѣстѣ и что я могу опять работать.

Вначалѣ все шло хорошо, работа двигалась впередъ; правда, въ карманѣ дулъ еще сквозной вѣтеръ, но это было мнѣ привычно; гораздо вреднѣе былъ вѣтеръ, продувшій меня разъ ночью, когда я перебирался черезъ Неву. Пальто мое было не длинно, воротникъ не высокъ, я былъ плохо защищенъ отъ холода—на утро у меня захватило горло, потомъ начался жаръ, потомъ явился докторъ, компрессы и все, что этому сопутствуетъ. Простуда была сильная и держалась долго; я не выходилъ изъ дому, тѣмъ болѣе, что начались сильные морозы.

Разъ утромъ приходитъ сторожъ (уже другой). „Ой, М. М.,—бѣда!"—Что такое случилось?—„Рука отвалилась".—Какъ, какимъ образомъ?—„Да такъ, какъ-бы вамъ сказать, сама собой". Прихожу, смотрю, а руки нѣтъ.... Я не выдержалъ. Говорятъ: Дай Богъ только бѣду, и бѣдные становятся богатыми, а больные здоровыми. Закутавшись я побѣжалъ въ мастерскую.

Оказалось, что сторожъ до того долго мочилъ статую, что глина превратилась въ жидкую кашу. Кое-какъ поправилъ я дѣло и пошелъ доканчивать хворать.

Время шло медленно: днемъ я не могъ дождаться ночи, а ночью—дня. Моими посѣтителями были докторъ и старушка-хозяйка, которая при выходѣ говорила со вздохомъ: „Der gute Antokolski"—точно оплакивала меня. Комната моя была уютная, свѣтлая; около оконъ стояла деревянная лѣсенка, вся обставленная любимою моею зеленью.

Иногда и солнце заглядывало: погрѣетъ меня и поскорѣе спрячется, будто стыдясь, что пришло не во время. Сожителемъ моимъ былъ Эліасъ. Онъ былъ еще ребенокъ тогда, но въ одиночествѣ чувствовать около себя живое существо—большая отрада. Кой-какъ оправился я, по крайней мѣрѣ настолько, что могъ продолжать работу.

Кажется, около этого времени я познакомился съ семействомъ С ѣ р о в а. Обо мнѣ говорилъ имъ нашъ скульпторъ К а м е н с к і й: съ нимъ я познакомился годъ тому назадъ, и онъ мнѣ показался симпатичнымъ, добрымъ. Онъ досталъ мнѣ урокъ рисованія, продолжавшійся, правда, недолго; онъ-же свезъ меня къ Сѣрову, на танцовальный вечеръ. Скоро Каменскій уѣхалъ, а я къ Сѣрову болѣе не ходилъ. Теперь Сѣровы пожелали видѣть мой эскизъ: „Нападеніе Инквизиціи на евреевъ". Пришли они въ мастерскую веселые, повидимому, въ хорошемъ расположеніи духа. Я ушелъ устраивать эскизъ—онъ находился не у меня,—вернувшись, не узналъ я своихъ посѣтителей: они стояли серьезные и задумчивые. Оказалось, что въ мое отсутствіе они познакомились съ „И в а н о м ъ Г р о з н ы м ъ", сдѣлавшимъ на нихъ сильное впечатлѣніе. Мое авторское самолюбіе было польщено. Послѣ этого знакомства я часто бывалъ у Сѣровыхъ. Они привлекали меня не

только какъ хорошіе люди, но и какъ музыканты. Музыка поднимала, обогрѣвала и поддерживала мое существованіе. Я страстно любилъ это искусство еще въ дѣтствѣ. Мнѣ вспоминается, какъ я по цѣлымъ вечерамъ осенью сидѣлъ у окна чужого дома, слушая пѣсни кантора; его мягкій, мелодичный голосъ глубоко западалъ въ мою дѣтскую душу; я повторялъ его молитвы вездѣ и во всякое время; я имъ бредилъ, его пѣніе предпочиталъ пищѣ, всему на свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ прошло много, много тяжелыхъ годовъ, похожихъ на ненастную петербургскую погоду; пришлось многое пережить, бороться за существованіе, за искусство, бороться съ самимъ собой, завладѣвать знаніемъ... Наконецъ, я достигъ того, чего могъ достигнуть, и природа брала свое. Моихъ впалыхъ щекъ и глазъ, блѣдности моего лица зеркало не могло скрыть отъ меня; моя сила была истощена; я сдѣлался нервнымъ, всякая мелочь волновала меня—и вдругъ опять я слышу музыку, и именно ту, которая такъ сильно влечетъ меня къ себѣ, которую я такъ страстно люблю, и притомъ я могу слушать ее сколько хочу и когда хочу, могу упиваться ею до самозабвенія. Иногда я посѣщалъ оперу, но нѣтъ, это было не то... Я люблю музыку во всей ея чистотѣ, когда она говоритъ моей душѣ своимъ чистымъ, мелодичнымъ, самостоятельнымъ языкомъ. Мнѣ всегда хочется быть съ нею наединѣ и только съ ней одной.

Бывало, придешь угрюмый, усталый... Но чудные звуки наполняютъ весь домъ; они охватываютъ тебя, уносятъ куда-то далеко и высоко, въ среду стихійныхъ грозныхъ силъ, враждующихъ между собою: вотъ онѣ схватились—стемнѣло, поднялась буря, вѣтеръ... хоръ злыхъ духовъ примчался, примчался быстрѣе молніи, съ дикимъ хохотомъ, подобнымъ раскатамъ грома... поднялся вихрь, море заколыхалось, забушевало, заревѣло—волны поднимаются грозныя, словно гранитныя скалы, и съ яростью падаютъ въ глубь пропастей, и опять поднимаются, желая затопить весь міръ... Вдали раздается глухой ударъ, трескъ... изъ нѣдръ земли слышны стоны, подобные человѣческимъ... земля разверзается и изливаетъ огненные потоки... Вдругъ—ничего... Я сидѣлъ и не могъ опомниться. Что это: хаосъ? страшный судъ?—„Какъ вамъ нравится?"—спрашиваетъ у меня музыкантъ. Но отъ прикосновенія дѣйствительности я вздрагиваю и могу только произнести: „Бога ради продолжайте"... Гибкіе пальцы опять ударяютъ по клавишамъ, и мнѣ чудятся цѣлые легіоны дикарей... Ряды идутъ, идутъ, бренча оружіемъ... копья и щиты сверкаютъ молніей, земля подъ ихъ ногами, пыль поднимается облакомъ... вдругъ они останавливаются и съ яростью дикихъ звѣрей бросаются впередъ на враговъ... Слышны крики, визгъ, удары оружія... идетъ бой, кровавый, отчаянный, на жизнь и смерть... цѣлые ряды падаютъ, какъ скошенная трава... раздаются стоны умирающихъ, земля пропитана кровью... Но удары слабѣютъ, бой затихаетъ, пыль разсѣялась, а поле, широкое поле покрыто трупами... враги лежатъ обнявшись, точно примиренные, звуки затихли, кругомъ мертвая тишина... И струны опять заговорили, тихо, словно уставшія... Я чувствую себя гдѣ-то далеко, внѣ дѣйствитель-

ности... Я несусь куда-то, а надо мною, высоко въ небесномъ пространствѣ, вьется цѣлый рой бѣлыхъ голубей, спускающійся все ниже и ниже... Но это не голуби, а дѣтскія души, поющія хоромъ... Годы спустя я слышалъ тѣ-же пѣсни въ Римѣ, въ монастырѣ Trinita di Monti... ихъ пѣли чистые голоса; они трогали, вызывали слезы умиленія и раскаянія. Я воображалъ себѣ, что они молятся за человѣческіе грѣхи, выпрашиваютъ прощеніе, молятъ о мирѣ, любви и братствѣ.

Я не забуду послѣдняго вечера, проведеннаго вмѣстѣ съ А. Н. Сѣровымъ. У рояля сидѣли его жена и умная, талантливая Эритъ Віардо. Играли страстно, съ увлеченіемъ, съ знаніемъ дѣла; да и сама пьеса представляла нѣчто необыкновенно грандіозное; въ ней чувствовался широкій размахъ, свойственный только генію. То была девятая симфонія Бетховена. Я попросилъ Сѣрова объяснить ее мнѣ. Онъ сталъ говорить, и самъ увлекся: я слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ... Я понялъ могучіе образы Бетховена, на которые онъ лишь нанизывалъ свои чудные перлы. Великъ, безсмертенъ Бетховенъ!

Не долго гулялъ я на свободѣ. Докторъ опять заперъ меня дома, и на столѣ опять появились сельтерская вода, молоко, бертолетовая соль и другія прелести. Я аккуратно исполнялъ докторскія предписанія, надѣясь скоро поправиться. Прошла недѣля, другая, и я былъ все въ томъ-же положеніи. Наконецъ, поѣхалъ къ самому Боткину. Вечеръ былъ морозный; пальто и плэдъ оказались недостаточными; на дорогѣ продрогъ, и насилу доѣхалъ обратно домой, но за то съ спасительнымъ рецептомъ въ рукахъ. Прошла еще недѣля и больше. Мнѣ сильно нездоровилось, я все не выходилъ изъ дому. Отъ Сѣрова ко мнѣ не приходили, онъ самъ тоже былъ нездоровъ. Добрый М. В. Праховъ не оставлялъ меня, заходилъ по возможности; къ сожалѣнію, въ это время онъ былъ занятъ. Чтобы уладить мое долгое, безвыходное одиночество, онъ устраивалъ у меня нѣчто въ родѣ литературныхъ вечеровъ. Разъ у насъ былъ даже литературный вечеръ; М. В. пригласилъ ко мнѣ Аполлона Майкова, только-что кончившаго свои „Два міра". Я зналъ эту вещь раньше по отрывкамъ, а теперь онъ пожелалъ, чтобы я прослушалъ ее цѣликомъ.

Пригласили нѣсколькихъ другихъ еще. Какъ только мы усѣлись и чтеніе началось, дѣвушка подала мнѣ записку. Прочитавъ ее, я остолбенѣлъ—тамъ было лаконически сказано: „Приходите скорѣй, Сѣровъ умеръ"... Мы знали, что онъ боленъ, но никто не ожидалъ такого трагическаго исхода: онъ умеръ скоропостижно. Идти туда меня не пустили, а вмѣсто меня отправились А. Майковъ и Висковатовъ.

На завтра я стоялъ среди многочисленнаго народа, собравшагося на квартирѣ Сѣрова, и слушалъ печальный напѣвъ панихиды. Пѣлъ хоръ пѣвчихъ изъ Исаакіевскаго собора; они пришли отдать послѣдній поклонъ тому, кто лежалъ передъ ними молча, спокойно, величаво, но уже безъ дыханія... Смерть ужасна, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней есть что-то притягивающее. Точно силишься заглянуть сквозь не-

проницаемый мракъ, откуда никто никогда не возвращался... послѣ мучительной борьбы напряженнаго страданія, лицо умирающаго вдругъ принимаетъ тихій, спокойный и задумчивый видъ, какъ-будто говоритъ тебѣ: „всю жизнь я искалъ то, что теперь нашелъ, теперь я все знаю“...

Подъ стройный напѣвъ душу особенно щемило; хотѣлось плакать, рыдать, но я не могъ, и потому моя внутренняя печаль была еще сильнѣе... Тронулась печальная похоронная процессія къ Невской лаврѣ, откуда возвращаются одни только провожающіе. Мы всѣ искренно пожалѣли Сѣрова и съ грустью вернулись домой.

Говоря объ отшедшихъ, какъ-то странно сейчасъ затѣмъ говорить о себѣ, но такова моя теперешняя задача. Я все не поправлялся. Что мнѣ было дѣлать? Положеніе было незавидное, финансы такіе-же, какъ и здоровье, не лучше и не хуже. Все, что я могъ сдѣлать, это было, не думать. Я читалъ, чинилъ все бѣлье... но болѣзнь давала знать о себѣ. Обрадовался, когда ко мнѣ зашелъ Крамской; я всегда былъ радъ видѣть этого серьезнаго человѣка, горячо относившагося ко всему хорошему. Освѣдомившись о моемъ здоровьѣ, онъ сказалъ прямо и рѣшительно:—вамъ необходимо убраться отсюда.

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ: — Куда? Зачѣмъ? Какъ оставить работу?

— Вамъ надо ѣхать,—повторилъ онъ внушительно.

— Ѣхать?.. Ни за что!—отвѣчалъ я.

— Ну, въ такомъ случаѣ вы здѣсь протянете ноги; прощайте!

— Ну, что-жъ дѣлать,—отвѣчалъ я ему вслѣдъ обидчиво, точно рѣчь тутъ шла только о моемъ самолюбіи. Онъ ушелъ, я остался въ недоумѣніи. „Что они отъ меня хотятъ?“—думалось мнѣ.—„Въ самомъ-ли дѣлѣ моя болѣзнь такъ опасна? Да вздоръ! И сами доктора врутъ, сами хорошенько не знаютъ... Что дѣлать?..“

— „Дойду или упаду, выбора нѣтъ!“—сказалъ я вслухъ, и при этомъ сдѣлалъ быстро нѣсколько шаговъ впередъ: „вѣдь отлично хожу и, пожалуй, работать можно“.—Я сжималъ кулаки, напрягалъ мышцы... Можно, положительно можно, и мѣшкать нечего... Непремѣнно надо дойти, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, а то въ самомъ дѣлѣ упаду. Это рѣшеніе дало мнѣ бодрость и увѣренность.

— „Hast den Muth verloren, hast alles verloren“—сказалъ я себѣ опять вслухъ: „впередъ!“

Первая моя месть обратилась на лекарство: я взялъ стклянку, высоко поднялъ ее, нагнулъ и злорадно любовался на длинную струю жидкости, медленно спускавшуюся въ тазъ грязной воды. „Теперь пойду спать... Воображаю, какъ завтра будетъ удивленъ докторъ, когда увидитъ, что паціентъ его сбѣжалъ“. На другое утро я закутался и пошелъ работать, тѣмъ болѣе, что жилъ почти рядомъ съ Академіей.

Я сталъ заниматься, но мнѣ было трудно; за все это время я очень ослабѣлъ. Нечего и говорить, что напрягалъ всѣ свои силы,—конечно, относительно,—чтобы кончить „Ивана Грознаго“. Инстинктивно

чего-то ждалъ отъ него, надѣясь, что въ концѣ-концовъ Академія признаетъ за мною званіе не почетнаго гражданина, а художника. Я чувствовалъ за собою право на это — всѣ получаютъ, отчего-же мнѣ не получить? Неужто въ самомъ дѣлѣ я не художникъ?.. Мое самолюбіе сильно страдало: семь лѣтъ проработать и получить званіе почетнаго гражданина! Можетъ быть, это что-нибудь и очень важное, но вѣдь я знаю одного поставщика дровъ для казны, который получилъ даже потомственное почетное гражданство. Безъ сомнѣнія, онъ принесъ пользу своему отечеству, и пользу гораздо большую, чѣмъ я. Но если мнѣ дали подобную награду, то отчего-же не дать ему званіе художника, за отличное исполненіе обязанностей?

Кажется, около этого времени пріѣхала въ Петербургъ Великая Княгиня Марія Николаевна, бывшая тогда президентомъ Академіи Художествъ. Академическая выставка кончилась, раздавались награды; одинъ знакомый получилъ то-то, другой то-то и т. д. Не скрываю, что я смотрѣлъ на нихъ съ нѣкоторою завистью и досадой. Мнѣ было досадно, что я не кончилъ „Ивана Грознаго", авось и я-бы получилъ что-нибудь. Вдругъ у меня явилась счастливая мысль: пойду къ начальству, скажу, что у меня есть большая просьба, но что раньше, чѣмъ я выскажу, въ чемъ дѣло, прошу, чтобы осмотрѣли мою работу... неужто мнѣ и въ этомъ откажутъ? Вѣдь профессора должны-же знать, что дѣлаютъ ученики, да еще въ Академіи; а они не знаютъ, что я дѣлаю, ни разу даже не заглянули ко мнѣ. Мои аргументы казались мнѣ очень убѣдительными, и я, не долго думая, пошелъ и сказалъ все, что считалъ нужнымъ. Долго длились для меня эти два дня, въ особенности второй... и никто не пришелъ. Я подождалъ еще день понапрасну, а потомъ еще, и еще, все напрасно... Такъ продолжалось— двѣнадцать дней. „Должно быть позабыли обо мнѣ", — подумалъ я и пошелъ напоминать. Дѣйствительно позабыли, и обѣщали придти сейчасъ. Я побѣжалъ въ мастерскую и сталъ ждать; прождалъ до вечера, потомъ еще три дня, и все напрасно.

Рядомъ со мною занималъ мастерскую художникъ тихій, скромный, онъ работалъ образа и какъ будто стыдился этого, точно это не есть настоящее искусство, точно въ немъ нельзя передать чувства души во всей его полнотѣ, точно древніе мастера не доказали этого. Мнѣ и тогда нравилась въ немъ та религіозная тихость и покорность, которыя невольно трогаютъ васъ. Когда я высказалъ ему свое одобреніе, онъ перебивалъ меня и говорилъ: „Ахъ, нѣтъ, я богомазъ", и со вздохомъ прибавлялъ: „Что дѣлать!" Какъ сосѣди, мы часто видались; я передавалъ ему мои думы и горе; онъ слушалъ меня и повидимому сочувствовалъ какъ мнѣ, такъ и работѣ моей. Послѣ моихъ долгихъ, утомительныхъ ожиданій, я пошелъ передать ему мое новое горе и спросилъ: „Что мнѣ дѣлать?" Въ такихъ случаяхъ непремѣнно спрашиваешь чужого совѣта, хотя хорошо знаешь, что дѣлать нечего и что совѣтъ, который получишь, совсѣмъ не будетъ тебѣ по сердцу.

— Ахъ, знаете,—сказалъ онъ:—сходите еще разъ; ну что дѣлать? Вы теперь въ такомъ положеніи, что необходимо надѣть желѣзную

маску.—„Ни за что въ свѣтѣ!—крикнулъ я:—довольно цѣловать палку, которая бьетъ... будь, что будетъ, я сдѣлалъ все, что могъ".—Въ это время у меня мелькнула новая мысль.—„Да, пойду,—сказалъ я съ живостью,—но не туда!"—И быстрыми шагами отправился къ князю Г. Г. Гагарину. Онъ былъ нашимъ вице-президентомъ и жилъ тутъ-же въ Академіи.

Это было съ моей стороны смѣлостью; формалисты называли это даже „дерзостью" и „окольнымъ путемъ".

Но я не обращалъ вниманія на моихъ противниковъ; я тогда уже зналъ, что значитъ идти снизу вверхъ. Храни меня Богъ и впередъ отъ подобнаго путешествія.

Было около полудня. Князь былъ дома и сейчасъ принялъ меня. Я отрекомендовался, какъ могъ, и сказалъ, зачѣмъ пришелъ. Онъ выслушалъ меня и отвѣтилъ:—„Какъ-же, я васъ знаю; помню вашу работу изъ дерева. Куда-же вы пропали?"—Я пробормоталъ что-то въ отвѣтъ—„Когда мнѣ придти?—спросилъ князь:—сейчасъ?"

И дѣйствительно, не прошло и десяти минутъ, какъ добрый князь уже былъ въ моей мастерской. Работа моя, повидимому, поразила его, и онъ это высказалъ искренно, тутъ-же.—„Чего-же вы желаете?"—спросилъ онъ послѣ осмотра „Ивана Грознаго". Я ему разсказалъ мое положеніе вообще, и теперешнее въ особенности, и просилъ его сдѣлать для меня исключеніе: либо позволить мнѣ конкуррировать, либо дать мнѣ званіе художника.—„Хорошо,—сказалъ онъ:—я постараюсь, сдѣлаю, что можно. Это чудная вещь, замѣчательная. Непремѣнно постараюсь"...—Онъ ушелъ, а я предался мечтамъ. „Вотъ къ кому я долженъ былъ давно обратиться—къ этому доброму человѣку. Я-бы не испыталъ столько горя и не дошелъ-бы до такого положенія. Какую крупную и непростительную ошибку я сдѣлалъ!.. Зато теперь у меня есть искра надежды... Ахъ, лишь-бы она не погасла! Какъ-бы мнѣ хотѣлось, чтобы она воспламенилась, и освѣтила мой дальнѣйшій путь, и обогрѣла мою усталую душу. Вѣдь я стою у дверей жизни, вѣдь я еще не жилъ, какъ люди живутъ, вѣдь должно же когда-нибудь улыбнуться мнѣ счастье. Что, если въ самомъ дѣлѣ всѣмъ такъ понравится „Иванъ Грозный", какъ доброму князю?"

Надежда на минуту воскресила меня: я опять почувствовалъ бодрость духа, нервно потиралъ руки отъ удовольствія, и вдругъ остановился, точно испугавшись своихъ мечтаній. „Преждевременная радость часто отравляетъ жизнь,—сказалъ я себѣ:—судьба не жалуетъ меня; она научила меня надѣяться на все лучшее и приготовляться ко всему худшему; буду ждать фактовъ, а пока никому, даже себѣ, ни слова!"

Спустя нѣсколько дней, въ понедѣльникъ утромъ мнѣ пришли сказать, что Великая Княгиня Марія Николаевна будетъ у меня сегодня-же. Передали мнѣ это сухо, недовольнымъ тономъ, и даже прибавили: „Увидишь!" Извѣстіе было для меня неожиданно, и въ Академіи, кажется, не было слыхано, чтобы Великая Княгиня когда-либо посѣтила мастерскую ученика. Можешь себѣ представить, какъ это

меня обрадовало: сердце мое сильно билось, но я по возможности старался умѣрить свой восторгъ, повторяя себѣ: „Надѣйся на все лучшее и приготовься ко всему худшему!“ (Повторяю это и теперь). Къ радости моей примѣшивался и страхъ; я хорошо зналъ, что сегодня рѣшится моя судьба: быть или не быть. Наконецъ, настала счастливая минута: Великая Княгиня пришла. Моя работа сильно понравилась ей; она хвалила ее, три раза подала мнѣ руку, много разъ поздравляла и заказала для себя эскизъ „Нападеніе Инквизиціи на евреевъ“... Ты, навѣрно, хочешь знать, что я тогда прочувствовалъ. Нервные люди при сильномъ потрясеніи, горестномъ или радостномъ, ничего не чувствуютъ: на нихъ находитъ, такъ сказать, столбнякъ. Такъ было тогда со мною; только нѣкоторое время спустя, когда я остался одинъ, я предался своей радости и слезы мои хлынули неудержимо... Думаю, что ты, мой другъ, не удивишься этому; ты слѣдилъ за моимъ разсказомъ шагъ за шагомъ, ты видѣлъ, что я пережилъ и до какого безвыходнаго положенія дошелъ... Я тонулъ, я молилъ всѣхъ о спасеніи, но меня не слушали... Кому было какое дѣло до дерзкаго, капризнаго, своевольнаго ученика! Теперь я спасенъ и спасенъ женщиною! Она подарила мнѣ жизнь и создала мою славу, и все такъ скоро, такъ неожиданно.

Послѣ посѣщенія Великой Княгини объявили мнѣ, что самъ Государь Императоръ желаетъ посмотрѣть „Ивана Грознаго“. Можешь себѣ представить, какой переполохъ извѣстіе это произвело въ Академіи. Потребовали, чтобъ статуя была снесена внизъ, куда-нибудь въ парадную залу, но я заупрямился. Дѣлать было нечего, торопливо стали чистить и бѣлить корридоры, въ темныя мѣста провели газъ, выстлали коврами дорожку, и къ вечеру, въ четыре часа, объявили, что Государь Императоръ пріѣхалъ. Я стоялъ у раскрытыхъ дверей своей мастерской.

Изъ глубины темнаго корридора, мѣстами освѣщеннаго газомъ, показался Государь. Его величавая фигура съ гордою, благородною осанкою особенно выдавалась на темномъ фонѣ. Блѣдно-мерцающій газъ освѣщалъ его лицо и золото мундира, блестѣвшее искрами при энергическихъ и стройныхъ движеніяхъ. Государь шелъ ровнымъ и увѣреннымъ шагомъ; онъ приблизился ко мнѣ; я поклонился и пошелъ за нимъ въ мастерскую, а весь Академическій штатъ за нами.

— „Хорошо, очень хорошо!“—произнесъ Государь, затѣмъ освѣдомился, откуда я родомъ, еще разъ осмотрѣлъ статую и оставилъ мастерскую. Я бросился внизъ, сообщить мою радость, мое счастье; мнѣ хотѣлось всѣхъ обнять и расцѣловать, но ни одного знакомаго я не встрѣтилъ. На улицѣ шла своя жизнь, не касавшаяся меня: сторожа Академіи стояли кучкой, одолжая другъ другу табачку, нюхали его и флегматично разговаривали. Я подошелъ къ нимъ, сунулъ руку въ карманъ и отдалъ имъ все, что у меня было; они поглядѣли на меня съ недоумѣніемъ, и точно хотѣли спросить, въ чемъ дѣло, но я предупредилъ ихъ и произнесъ весело и внушительно:—„Государь былъ у меня!“—„А-а!“—отвѣчали они протяжно, точно только-что

просыпаясь; но секунду спустя, они хоромъ запѣли:—„Покорно васъ благодаримъ... Дай вамъ Богъ здоровья!"—Поднимаясь по лѣстницѣ, встрѣчаю профессора, кланяюсь ему и думаю: „Онъ-то навѣрное скажетъ мнѣ что-нибудь пріятное".—„А скажите, пожалуйста,—говоритъ онъ:—что вы тамъ такое сдѣлали?"—И вѣдь только что былъ у меня съ Государемъ. Положимъ, онъ оставался сзади, благодаря узкости помѣщенія, но могъ-же подойти потомъ, какъ это дѣлали другіе. Что мнѣ было отвѣчать? Ничего! Я такъ и сдѣлалъ.

Кстати разскажу нѣсколько курьезовъ, касающихся „Ивана Грознаго".—Я имѣлъ столъ у портного. Хозяйка сильно заинтересовалась „Иваномъ Грознымъ", въ особенности послѣ посѣщенія Государя. Всякій разъ на мой привѣтъ: „—Здравствуйте"—она отвѣчала:—„Что, готовъ?—Подразумѣвался „Иванъ Грозный". Конечно я давалъ отрицательные отвѣты; она недоумѣвала и рѣшилась серьезно поговорить со мною.

— „Слушайте,—начала она:—чего тамъ еще не достаетъ? Цѣлый годъ, какъ работаете, самъ Государь видѣлъ, сказалъ „хорошо"—чего вамъ еще?"—„Ахъ, ты, дурочка!—заступился за меня хозяинъ,—вотъ понимаешь, я шью сюртукъ, кончилъ, пуговки пришилъ, наметку вытащилъ, а онъ все-таки не готовъ, потому что еще не вытюженъ. А вотъ, напримѣръ, мѣдникъ: сдѣлалъ онъ кастрюльку и ручку придѣлалъ, и отшлифовалъ, и все-таки не готова, надо еще вылудить, и тогда только...—„А-а...—протянула хозяйка, понявъ наконецъ:—значить надо еще „Ивана Грознаго" „вылудить"...

Мужъ засмѣялся, махнулъ рукой, и она опять осталась въ недоумѣніи.

А вотъ и второй курьезъ. Когда въ мастерской былъ выставленъ „Иванъ Грозный" изъ глины, входитъ разъ молодой франтъ въ наброшенной на плечи шинели съ бобровымъ воротникомъ, въ цилиндрѣ и со стеклышкомъ въ глазу.

— А гдѣ-же господинъ художникъ?—спросилъ онъ громко, среди общей тишины. Ему указали на меня. — А скажите, пожалуйста, — спросилъ меня франтъ:—что онъ выражаетъ? Я не желалъ вступать съ нимъ въ бесѣду и лаконически отвѣчалъ: „Читайте". — „Да тутъ ничего не написано,—возразилъ франтъ,—есть только: „покорно прошу руками не трогать".—„Чего-же вамъ больше?"—сказалъ я.

Наконецъ вотъ тебѣ третій случай. Я выставилъ все того-же „Грознаго" изъ гипса, назначилъ двадцать копѣекъ за входъ. Рано утромъ приходитъ посѣтитель, на видъ хоть куда, и съ билетомъ въ рукахъ. Онъ смотритъ кругомъ, затѣмъ на потолокъ и, наконецъ, обращается къ сторожу: „А гдѣ-же выставка?" — „Вотъ". „Гдѣ?" — „Вотъ эта статуя". Посѣтитель посмотрѣлъ на статую и съ недоумѣніемъ и съ презрѣніемъ сказалъ: „И за это двадцать копѣекъ?" Сдѣлалъ на каблукахъ поворотъ и, разсерженный, ушелъ.

Я долженъ сказать тебѣ, другъ, что статуя далеко еще не была кончена: „Иванъ Грозный" сидѣлъ даже босой, безъ сапоговъ. Прошло еще мѣсяца два, если не больше, пока я кончилъ. Причиною этого

было опять мое нездоровье. Отъ Великой Княгини Маріи Николаевны и отъ Великаго Князя Владиміра Александровича, который только что принялъ бразды правленія въ Академіи Художествъ, я получилъ пособіе; къ сожалѣнію не могъ воспользоваться, такъ какъ одолжилъ эти деньги знакомому, а тотъ позабылъ мнѣ ихъ возвратить; я напоминалъ и просилъ, онъ обѣщалъ принести, и все забывалъ. Благодаря этому, мнѣ было плохо попрежнему, но ты знаешь, что есть двоякаго рода посты, рѣзко различающіеся между собою. Послѣ утомительнаго дня идти спать съ голоднымъ желудкомъ и съ мыслью, что завтра будетъ то-же самое и что одинъ Богъ знаетъ, что еще дальше будетъ—это ужасно! Но поститься, зная хорошо, что къ вечеру ждетъ тебя отличный ужинъ—это не страшно нисколько. Теперь я переживалъ второго рода постъ. Я ожидалъ будущаго съ спокойствіемъ и съ увѣренностью.

Наконецъ дождался великаго дня, когда бросилъ стекъ и сказалъ: „довольно". Въ этотъ день первый, кто пришелъ въ мастерскую, былъ И. С. Тургеневъ. Я сейчасъ узналъ его по фотографической карточкѣ, имѣвшейся у меня въ альбомѣ. „Юпитеръ!" — было первое мое впечатлѣніе. Его величественная фигура, полная и красивая, его мягкое лицо, окаймленное густыми серебристыми волосами, его добрый взглядъ имѣли что-то ласкающее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и что-то необыкновенное; онъ напоминалъ дремлющаго льва: однимъ словомъ, Юпитеръ... Я глазамъ своимъ не вѣрилъ, что передо мною стоитъ—нѣтъ, вѣрнѣе, что я стою передъ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ. Я боготворилъ его, да не я одинъ, а мы всѣ. Сколько разъ онъ заставлялъ трепетать наши молодыя сердца, сколько думъ навѣялъ намъ!.. Мы читали его и перечитывали, читали до поздней ночи и засыпали съ его думами, и на завтра онѣ-же будили насъ нѣжно лаская... да, онѣ будили наши чувства, наше сознаніе... „Ты знаешь?—закричалъ я Рѣпину, вбѣгая въ его мастерскую и задыхаясь отъ волненія, — знаешь, кто у меня сейчасъ былъ? Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ!!!"—„Что-о ты?"—закричалъ, въ свою очередь, Рѣпинъ, и глаза его отъ изумленія сдѣлались совершенно круглые, а ротъ широко раскрылся.—Вотъ, братъ! Но гдѣ? Когда?"

И пошли у насъ толки о Тургеневѣ; мы еще долго говорили и радовались.

Скоро пришелъ ко мнѣ В. В. Стасовъ, и не разъ, а нѣсколько; затѣмъ пришли и другіе знакомые. На другой день послѣ посѣщенія И. С. Тургенева появилась его сочувственная замѣтка, возбудившая не мало интереса. В. В. Стасовъ тоже горячо откликнулся [1]). И затѣмъ народъ хлынулъ въ мою мастерскую. Я совсѣмъ растерялся, былъ точно въ угарѣ, говорилъ, смѣялся, всѣмъ отвѣчалъ. Какое впечатлѣніе произвела моя работа, ты знаешь вѣрно лучше меня. Ты тогда былъ

[1]) Здѣсь память нѣсколько измѣнила М. М. Антокольскому: статья В. В. Стасова объ «Иванѣ Грозномъ» напечатана была въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 13 февраля 1871 г., а статья И. С. Тургенева позже, 19 февраля 1871 г.

въ публикѣ, а я въ мастерской, куда народъ шелъ массами. Вся царская фамилія перебывала. Публика удивлялась, ахала, поздравляла, сожалѣла. Сколько доброжелателей появилось у меня, какіе настойчивые совѣты мнѣ давали—куда ѣхать, что дѣлать... Однимъ словомъ, я сталъ моднымъ... Сколько знакомыхъ очутилось около меня, какъ они гордились мною!

Одинъ важный магнатъ даже поручилъ передать мнѣ, что онъ убѣдительно и настойчиво проситъ меня пожаловать къ нему. Я думалъ, что это навѣрное по дѣлу, надѣлъ фракъ, нанялъ извозчика, поѣхалъ. Магнатъ принялъ меня хорошо, очень былъ радъ меня видѣть; разспрашивалъ, какія идеи у меня теперь, почему я сдѣлалъ „Ивана Грознаго“, что навело меня на эту мысль?

Все было очень умно и хорошо. Потомъ онъ повелъ меня посмотрѣть его галлерею, потомъ бильярдную, наконецъ мы очутились въ передней—онъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и еще разъ повторилъ, что былъ очень радъ видѣть меня... И все! А вѣдь я извозчику отдалъ послѣднія сорокъ копѣекъ и назадъ приходилось идти порядочную даль.

Спасибо художнику Гè, онъ выручилъ меня: взявъ меня разъ подъ руку, онъ отвелъ меня въ сторону и началъ со слѣдующаго предисловія:—„Послушайте, артисту X недавно задавали обѣдъ въ Москвѣ на 600 человѣкъ, а знаете, что тогда у самого артиста не было на извозчика? Не то-же-ли самое теперь съ вами? Всѣ обступаютъ васъ, и никто не спрашиваетъ васъ объ этомъ. Я хорошо знаю, что завтра вы будете богаты, но „завтра“ хорошо для надежды, а не для желудка. Возьмите у меня 25 рублей, вѣдь завтра вы ихъ возвратите“... Оно такъ и случилось; скоро объявили мнѣ, что Государь Императоръ пріобрѣлъ статую „Ивана Грознаго“, затѣмъ самъ совѣтъ Академіи Художествъ пришелъ ко мнѣ въ мастерскую и при мнѣ присудили мнѣ званіе „академика“.

Чувствуешь-ли ты, другъ мой, мое торжество? Я заснулъ бѣднымъ—всталъ богатымъ; вчера былъ неизвѣстнымъ—сегодня сталъ моднымъ, знаменитымъ; былъ ничѣмъ—и сразу сдѣлался академикомъ. Но розы не безъ шиповъ. Меня не огорчали сплетни и навѣты, которые, къ сожалѣнію, въ подобныхъ случаяхъ никогда не отсутствуютъ... Сплетня, какъ фальшивая монета, имѣетъ свою сомнительную цѣнность только у тѣхъ, кто ее сбываетъ,—народъ-же сначала вѣритъ и обманывается, но, въ-концѣ-концовъ, какъ фальшивая монета, такъ и сплетня изнавливаются и исчезаютъ изъ обращенія... Мое торжество было помрачено тѣмъ, что я узналъ, въ какомъ опасномъ положеніи находится мое здоровье; говорили даже, что я боленъ безнадежно. По словамъ Боткина, я остался живъ только по причинѣ расовой выносливости.

Бывали у меня минуты отчаянія. Мрачныя думы, подкравшись, охватывали меня всего и терзали мою душу. „Зачѣмъ я боленъ именно теперь?—говорилъ я самъ себѣ, ломая пальцы,—теперь, когда достигъ предѣловъ своихъ желаній? Зачѣмъ раньше не хворалъ? Можетъ быть

тогда я принялъ-бы смерть съ радостью, какъ избавительницу отъ моихъ страданій, а теперь я жить хочу! Теперь я всего достигъ, все имѣю, не хочу умирать!.. Зачѣмъ раньше не признавали за мною того, что признали сегодня? Зачѣмъ они раньше израпили меня, а потомъ дали то, чѣмъ я уже пользоваться не могу?“ Но эти мрачныя мысли приходили мнѣ въ голову только по временамъ; по возможности я ихъ гналъ отъ себя прочь. Старался не думать, не оставаться наединѣ съ самимъ собою, искалъ людей, говора, веселья. Мой успѣхъ, мое положеніе все-таки ободряли меня, и какъ еще! Меня стали немного баловать, я охотно поддавался этому, мнѣ это было пріятно, и я опять воскресалъ. Я надѣялся, вѣрилъ, и вѣра моя была крѣпка. Меня манила даль, теплая, чудная Италія, о которой я много читалъ и еще больше слышалъ. Я часто напѣвалъ: „Kennst du das Land?“... Туда! Туда и Боткинъ посылаетъ меня—въ уголочекъ рая, спавшій съ неба.

Что можетъ быть большею наградой для кончающаго художника? Я сгоралъ отъ нетерпѣнія скорѣе туда ѣхать, стремился туда душою и тѣломъ.

Наконецъ, третій звонокъ, прощанье, маханье шапками и платками...

Поѣздъ мчался, точно зналъ, что везетъ счастливца, полнаго надеждъ на лучшую будущность. Если-бы ты зналъ, какія думы я тогда думалъ, какую будущность себѣ создавалъ, какіе идеалы, какіе образы тѣснились въ моемъ воображеніи! Но объ этомъ въ другой разъ... Не стану также теперь описывать тебѣ все мое путешествіе вплоть до Сорренто, скажу только, что оно было полно курьезовъ.

Оставилъ я Петербургъ, занесенный снѣгомъ, а тутъ сижу на террасѣ надъ высокой обрывистой скалой, прямо спускающейся въ море, сижу въ тѣни виноградной лозы; передо мною Неаполитанскій заливъ, играющій чудными отливами, а на дальнемъ горизонтѣ, какъ разъ тамъ, гдѣ глазъ нуждается въ отдыхѣ, раскинутъ чудный видъ—видъ Неаполя и Позилиппо, плавно спускающійся къ горизонту, потомъ море, и опять затѣмъ плавный и гордый подъемъ до самаго кратера Везувія. Что это за гармонически математическая линія, точно гигантскій канатъ, колыхающійся надъ океаномъ! А Везувій, живой Везувій, отливающій изумрудными красками, въ особенности при закатѣ солнца! Его дыханіе поднимается ровной струей высоко, высоко въ чистомъ лазурномъ небѣ, не помраченномъ ни единымъ облачкомъ... Бывало, сидишь, любуешься—проходитъ часъ, два... но зачѣмъ отмѣчать время... я созерцаю величіе природы, я спокоенъ духомъ и счастливъ... А знаешь, другъ, человѣкъ можетъ возмущать, музыка волновать, природа-же всегда успокаиваетъ.

Доканчиваю свои записки уже далеко отъ родины, среди культурной жизни, полной прелести... но чужда она мнѣ, моему внутреннему настроенію... Я любуюсь ею, какъ античною статуею, которая ласкаетъ мой глазъ, но не трогаетъ чувства. Поневолѣ переношусь я мысленно къ тебѣ, туда на сѣверъ, въ родной пчельникъ, и сладокъ для меня его медъ, только иногда пчелы больно кусаются; но все-

таки боль проходитъ, и я опять стремлюсь къ тебѣ на сѣверъ. Еслибы ты зналъ, чѣмъ владѣешь!.. Какъ богатъ этотъ сѣверъ, какъ грандіозна и стройна его природа, какое въ ней разнообразіе, что за широта, что за типы, какіе костюмы, нарѣчія и понятія! И какою поэзіею все это окутано!

Вспомнилась мнѣ величавая Волга со своими гористыми и лѣсистыми берегами. Я плылъ по ней въ одну изъ теплыхъ лѣтнихъ ночей; безконечное небо было все усѣяно звѣздами; кругомъ все безмолвствовало, только внизу на пароходѣ раздавалось тихое пѣніе хора въ нѣсколько голосовъ. Это пѣніе было до того уныло, печально и вмѣстѣ съ тѣмъ стройно, задушевно и трогательно, что мнѣ поневолѣ подумалось: „И вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко"... А степь? То-же, что море... тѣ-же разгульныя, буйныя силы стихій, только жизненнѣе.

Помнишь-ли ты, другъ, какъ разъ зимой мы забрались вглубь густого, стараго лѣса? Что за причудливыя формы приняла тамъ природа!.. Все голо, неподвижно, бѣло, точно мраморное. Всѣ вѣтки деревьевъ густо обвѣшаны ледяными кристаллами, какъ бы застывшими небесными слезами... И вдругъ яркій лучъ солнца ворвался туда... какая радость!.. Какъ зажглись, засверкали и задрожали эти милліарды висячихъ кристалловъ, точно лучшіе брилліанты при яркомъ свѣтѣ! Что за богатая, волшебная природа!!

И помнишь-ли еще, когда мы очутились разъ около какого-то болота, гдѣ торчали цѣлые ряды старыхъ, голыхъ пней? Свинцовыя тучи носились надъ нами; кругомъ не было живой души; все было пусто и мертво, точно въ проклятомъ мѣстѣ... Только иногда прилетали вороны, перекликаясь между собою, и опять улетали. Страшно, жутко становилось; сердце билось сильнѣе и поневолѣ повторялись слова: „Проклятое мѣсто"... Гдѣ могучая кисть, которая могла-бы передать все это? Мы любимъ природу? Если-бы мы побольше любили и изучали ее, то меньше любили-бы пейзажи; мы отстраняли-бы ихъ, какъ несовершенный портретъ любимаго нами лица; мы стали-бы требовательнѣе и разборчивѣе. Да любимъ-ли мы вообще искусство? Понимаемъ-ли его? Идетъ-ли оно впередъ? Идутъ-ли къ нему навстрѣчу? Да въ самомъ-ли дѣлѣ искусство такъ необходимо? Способно ли оно пробудить чувство добра? Отвѣчай мнѣ, другъ.

«Вѣстникъ Европы» 1887 г. сентябрь и октябрь.

Письмо къ В. В. Стасову.

Я нисколько не благодаренъ вамъ, любезный В. В., что вы прислали мнѣ напечатанную лекцію г. Ландцерта („Вѣстникъ изящныхъ искусствъ, апрѣль"). Теперь я не совсѣмъ здоровъ, мнѣ необходимо спокойствіе, а эта лекція способна возмутить кого угодно.

Да скажите, ради Бога, не правъ-ли я, что у насъ бабы шьютъ сапоги, а сапожники пекутъ пироги?—Анатомъ читаетъ ученикамъ лекціи о высшемъ искусствѣ, и гдѣ-же? Въ стѣнахъ самой Академіи Художествъ, и при этомъ самъ-же объявляетъ слушателямъ, что онъ это дѣлаетъ „по просьбѣ нѣкоторыхъ изъ ихъ товарищей", и что позволяетъ себѣ говорить объ искусствѣ, „какъ не-спеціалистъ".

Я спрошу: неужели въ нашемъ храмѣ искусствъ нѣтъ ни одного спеціалиста, къ которому „нѣкоторые товарищи" могли-бы обратиться за поясненіями о значеніи искусства вообще, и живописи—въ особенности? Отчего „нѣкоторые товарищи" изъ учениковъ предпочли просить не-спеціалиста вмѣсто спеціалиста? Изъ этого, по моему, выходитъ, что г. Ландцертъ унизилъ не Рѣпина, а только значеніе самой Академіи: онъ этимъ доказалъ, что въ Академіи Художествъ нѣтъ никого, кромѣ него, способнаго объяснять искусство. Не правда-ли, фактъ довольно забавный?

Но это не все. Мнѣ кажется, никто не станетъ оберегать учениковъ отъ Рембрандта или Рубенса, за то, что они бывали иногда небрежны въ рисункѣ, отъ Рафаэля за то, что онъ былъ не колористъ, отъ Микель-Анджело за то, что онъ былъ недостаточно эстетиченъ, какъ выразился одинъ нѣмецкій профессоръ. Всѣ эти геніальные художники имѣли свои недостатки, однако-же, намъ въ голову не придетъ изъ-за того умалять ихъ достоинства. Каждый изъ нихъ имѣлъ свое особенное совершенство, которое приковываетъ насъ и заставляетъ забывать ихъ недостатки. Г. Ландцертъ, повидимому, не знаетъ, что гдѣ душа, тамъ и красота, гдѣ искренность, тамъ и вѣра, гдѣ наивность, тамъ и трогательность, гдѣ сила художника, тамъ и наше изумленіе. Что-же касается выбора сюжета, то это зависитъ чисто отъ степени интеллектуальности человѣка, его чувства, также и гармоніи.

Но если г. Ландцертъ хотѣлъ на-голову поразить Рѣпина, то выборъ его былъ крайне неудаченъ. Пускай говорятъ, что хотятъ, пускай упрекаютъ Рѣпина, въ чемъ угодно, но уже никакъ нельзя упрекать его, что онъ плохой рисовальщикъ. Какъ технику, вообще, Рѣпину рѣшительно нѣтъ равнаго среди насъ, и дай Богъ, чтобы Академія побольше выпускала подобныхъ техниковъ. Тогда намъ-бы оставалось только радоваться. Къ сожалѣнію, ихъ что-то не видать. Вотъ уже многіе годы проходятъ, а все нѣтъ никого, похожаго на Рѣпина.

Но посмотрите, какой маневръ выбралъ г. Ландцертъ. Раньше всего онъ сомнѣвается, читалъ-ли кто-нибудь изъ его слушателей „Лаокоона" Лессинга? Напрасно. Еще и въ мою бытность въ Академіи, когда она была еще не „ученая", не было, сколько я помню, такого ученика, который-бы его не читалъ. А теперь, конечно, и подавно.

Затѣмъ, онъ увѣряетъ, что только одно невѣжество можетъ отрицать пользу науки въ дѣлѣ искусства. Опять напрасно: г. Ландцертъ старается убѣждать въ томъ, въ чемъ никто не сомнѣвается.

Наука, что и говорить, вещь хорошая, великая, но самъ г. Ландцертъ, вѣроятно, знаетъ, что каждая наука имѣетъ свою специальность, гдѣ она компетентна и потому не должна забѣгать въ чуждую себѣ область: если кто-нибудь отличный астрономъ, это еще не рекомендуетъ его, какъ отличнаго анатома, а кто отличный анатомъ, тотъ не есть еще непремѣнно авторитетъ въ дѣлѣ искусства.

«Новости» 9 мая 1885, № 126.

Проектъ памятника Александра II 1887 года [1]).

Въ этомъ эскизѣ мнѣ хотѣлось изобразить жизненную дѣятельность покойнаго Государя, его любовь къ своему народу, благо, созданное имъ и мученическую смерть, къ которой народъ относится съ такимъ чувствомъ благоговѣнія. Всѣ эти важныя событія въ жизни русскаго народа дали мнѣ возможность попытаться создать памятникъ покойному Государю, не съ точки зрѣнія языческаго міросозерцанія, какъ это всегда дѣлалось до сихъ поръ, и гдѣ холодная аллегорія, парадность замѣняютъ чувство, а создать христіанскій памятникъ, болѣе соотвѣтствующій нашему настроенію и дѣятельности покойнаго Государя, гдѣ искренность и душевная теплота говорили-бы сами за себя.

Вообще мнѣ хотѣлось создать жизненный монументъ; выразить въ немъ близкую связь между народомъ и памятью покойнаго Государя; создать монументъ, не огороженный рѣшоткой, а такой, къ которому каждый могъ-бы подходить, отдыхать тутъ и созерцать все великое, славное прошлое.

ОПИСАНІЕ.

Широкія лѣстницы ведутъ на возвышенность, устроенную въ видѣ амфитеатра, образующаго цѣлый рядъ сѣдалищъ. Изъ средины этихъ сѣдалищъ поднимается высокій пьедесталъ, на которомъ покойный Государь сидитъ на тронѣ, облеченный въ порфиру и держащій скипетръ въ правой рукѣ.

Все очертаніе монумента представляетъ изъ себя какъ-бы фигуру съ распростертыми руками, приглашающую всѣхъ къ себѣ. Эти ряды сѣдалищъ я раздѣлилъ на столько мѣстъ, сколько въ Россіи находится губерній, и каждое мѣсто имѣетъ свой губернскій гербъ. Такимъ образомъ, не только каждый подходящій сюда человѣкъ чувствуетъ близость къ своему Государю, но и вся Россія, каждая губернія имѣетъ здѣсь свое мѣсто.

Этотъ полукругъ амфитеатра по обѣимъ сторонамъ заканчивается двумя небольшими фонтанами, у которыхъ каждый могъ-бы утолить

[1]) Эта записка не была напечатана.

свою жажду изъ чистаго источника. Оба фонтана образуютъ изъ себя пьедесталы; подобные-же два пьедестала пересѣкаютъ и длинные ряды сѣдалищъ, и на этихъ пьедесталахъ четыре ангела—символъ четырехъ великихъ дѣяній покойнаго Государя: это: „Освобожденіе крестьянъ", „Гласный судъ", „Воинская реформа" и „Освобожденіе болгаръ". Всѣ эти ангелы держатъ въ одной рукѣ аттрибуты, объясняющіе вышеупомянутыя дѣянія, а въ другой рукѣ большія пальмы, обращенныя къ покойному Государю, какъ символъ мученичества.

Но главная идея мученичества рельефнѣе высказывается въ пьедесталѣ, находящемся подъ статуей покойнаго Императора.

Внутри нижней части пьедестала находится круглое, пустое пространство; кругомъ него идетъ рядъ непрерывныхъ барельефовъ изъ бѣлаго мрамора, представляющихъ хоръ ангеловъ, которые освѣщены неугасаемой лампадой.

Все это видно съ лицевой стороны монумента сквозь рѣшетчатую желѣзную дверь, которая переплетена вѣнкомъ терновника.

Верхняя-же часть пьедестала образуетъ изъ себя четыре обнявшихся креста. Около одного креста, тоже съ лицевой стороны, стоитъ статуя великаго князя Александра Невскаго съ крестообразно-распростертыми руками, въ которыхъ онъ держитъ развернутый свитокъ съ надписью: „Миръ вамъ".

Очень желательно, чтобы предполагаемый монументъ, образующій изъ себя полукруглую площадь, и проектируемый быть поставленнымъ въ сердцѣ Россіи—въ Москвѣ, въ стѣнахъ Кремля, именовался „Площадь мира". На задней сторонѣ этого монумента, лицомъ къ Москвѣ полукруглый амфитеатръ обнятъ длиннымъ барельефомъ, представляющимъ процессію изъ всѣхъ націй Россіи, а въ центрѣ этого барельефа помѣщается сидящая круглая статуя, изображающая Нестора-лѣтописца.

Эта послѣдняя идея зародилась, когда эскизъ былъ уже готовъ, и потому я не могъ его выполнить. Стиля въ этомъ монументѣ я держался въ древне-Византійскомъ вкусѣ. Этотъ стиль можно сравнить съ невѣстою подъ вѣнцомъ. Онъ столько строгъ въ линіяхъ, какъ нѣженъ въ деталяхъ.

Изданіе рукописей Леонардо-да-Винчи [1].

Кто не знаетъ, что чувство безъ сочувствія то же, что растеніе безъ теплоты...

Если-бы искусство не встрѣчало душевной теплоты, оно-бы зачахло и умерло. Правда, нашъ художественный разсадникъ еще не въ расцвѣтѣ, наша дорога еще ухабиста, тѣмъ не менѣе, благодаря сочувствію такихъ людей, какъ Третьяковъ, Солдатенковъ, братья Боткины, Терещенко и др., наше молодое искусство хоть и зигзагами,

1) Эта статья осталась ненапечатанною.

медленно, но все-таки идетъ впередъ. Но мнѣ хотѣлось-бы обратить вниманіе на теперешнее новое поколѣніе этихъ людей, готовое замѣнить старыхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будучи въ Россіи, я совершенно случайно встрѣтилъ молодого человѣка изъ семейства Мамонтовыхъ, который, сдѣлавшись самостоятельнымъ, поставилъ себѣ задачей поднять драматическое искусство въ Россіи, для чего не жалѣлъ ни средствъ, ни усилій. Живя за границей да и не въ этой сферѣ, мнѣ трудно сказать что-нибудь о дальнѣйшей судьбѣ его дѣятельности. Теперь я встрѣчаю другой подобный-же примѣръ, но болѣе поразительный—тоже еще молодого человѣка, Ѳ. В. Сабашникова. Обладая большими средствами, а главное большой любовью къ искусству, онъ выступилъ съ своимъ замѣчательнымъ изданіемъ: „Рукописи Леонардо да-Винчи о законахъ полета птицъ (Manoscritti di Leonardo da Vinci. Codice sul volo degli uccelli. Paris 1893). Изданіе роскошное, полной рукой, in folio, пока на итальянскомъ и французскомъ языкахъ, съ полнымъ текстомъ и превосходными facsimile самого Leonardo-da-Vinci, гдѣ его геній выступаетъ въ особенномъ блескѣ. Поразительное явленіе представляетъ эта плеяда тосканскихъ художниковъ—они были не только геніальны, но ихъ геній точно не вмѣщался въ одной какой-нибудь отрасли... Извѣстно, что Микель-Анджело былъ и архитекторомъ, и живописцемъ, и инженеромъ, и такимъ-же великимъ человѣкомъ. Рафаэль, несмотря на свою молодость, занимался и архитектурой и скульптурой. Большая часть архитекторовъ были въ то же время и скульпторами; большая часть скульпторовъ, какъ Гиберти и другіе, были литейщиками и чеканщиками. Леонардо да-Винчи былъ не только живописцемъ, но и музыкантомъ, и инженеромъ, естествоиспытателемъ, и оказывается, что начало теоріи полета птицъ принадлежитъ ему, такъ же, какъ позже, начало теоріи развитія черепа изъ позвонковъ было положено Гете...

Этотъ новый вкладъ въ исторію искусства ждетъ, разумѣется, критика болѣе компетентнаго, чѣмъ я. Но намъ нельзя не радоваться и не удивляться, что этотъ трудъ принадлежитъ нашему молодому сѣверянину и мы, какъ художники, привѣтствуемъ его отъ всей души. Побольше такихъ, какъ г. Сабашниковъ и художникамъ дышалось-бы легче, и искусство расцвѣтало-бы пышнѣе, человѣческій горизонтъ становился-бы шире и свѣтлѣе, а жизнь—менѣе черствою...

Парижъ. 1894 г.

О В. В. Стасовѣ.

Просматривая три тома сочиненій В. В. Стасова, я поневолѣ вспомнилъ былое время, и картина за картиной прошли мимо меня одна другой чуднѣе, и мнѣ захотѣлось высказать то, что всплыло на душѣ.

— Но вы не должны писать о Владимірѣ Васильевичѣ,—говорилъ мнѣ одинъ знакомый.

— Почему?

— Потому, что ваши сужденія о немъ будутъ пристрастны.

— Пусть убавятъ, сколько угодно, но сколько-бы ни убавляли, все-таки останется достаточно хорошаго! При томъ-же, кто относился къ нему безпристрастно?.. Да я и вовсе не сталъ-бы писать о немъ, еслибы въ послѣднее время среди художниковъ не начало твориться нѣчто до того странное, до того непонятное, что поневолѣ хватаешься за перо, какъ за послѣднее средство.

Я пишу для того, чтобы добрые люди услышали, что думаютъ о Вл. Вас. Стасовѣ его друзья, ибо о томъ, что думаютъ о немъ его враги, всѣ наслышались достаточно. Я пишу, кромѣ того, для того еще, чтобы самъ В. В. слышалъ это именно теперь, а не потомъ, когда онъ уже не услышитъ, когда ему будетъ все равно, что-бы о немъ ни говорили, ни писали. Пишу еще и потому, что это касается русскаго искусства. Наконецъ, я, какъ другъ В. В., имѣю право писать, и не вправѣ дольше молчать.

Повторяю, В. В. мой старый, добрый другъ. Отмѣчаю это съ особеннымъ удовольствіемъ: въ наше время, когда декораціи и дѣйствующія лица такъ быстро смѣняются и измѣняются,—30-лѣтняя дружба такого человѣка, дружба не помраченная ни однимъ облачкомъ,— большая отрада въ моей жизни. Я не забуду, какъ мы въ первый разъ встрѣтились съ нимъ на улицѣ и въ проливной дождь, подъ зонтиками, долго простояли, толкуя о томъ, какая скуфья должна быть у „Ивана Грознаго", и какъ она должна быть надѣта, и т. д. [1]). Я тогда лѣпилъ „Ивана Грознаго"; подобныя свѣдѣнія были для меня существенно необходимы; я былъ весь поглощенъ этой работою, я ждалъ отъ нея чего-то того, чего ждетъ каждый художникъ... назовите это какъ хотите: извѣстностью, славой, богатствомъ... Но онъ, В. В., чего онъ ждалъ отъ нея? Ничего... Изъ-за чего-же онъ такъ волновался, такъ принималъ мою работу къ сердцу, если не изъ-за любви къ самому дѣлу? Я часто думалъ объ этомъ, но В. В. еще чаще напоминалъ мнѣ это подобными-же поступками по отношенію къ другимъ.

Высоко образованный человѣкъ, первоклассный археологъ, страстный любитель всего русскаго, русскаго искусства въ особенности, онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что творится за границей и съ завистью смотрѣлъ на быстрые успѣхи иностранцевъ. Онъ хотѣлъ-бы, чтобы мы, русскіе, не отставали отъ нихъ, а были-бы равны имъ и по возможности скорѣе. Онъ вѣритъ въ эту возможность, вѣритъ въ талантливость русскаго народа, но въ то-же время знаетъ его безпечность. Поэтому-то, и со свойственной ему энергіей и горячностью, онъ торопится и торопитъ другихъ, будитъ, толкаетъ: „Иначе не разбудить!" говоритъ онъ.

---

[1]) Первая встрѣча М. М. Антокольскаго съ В. В. Стасовымъ произошла не въ 1870 г., когда Антокольскій работалъ статую «Ивана Грознаго», а въ 1869 г., когда онъ работалъ «Инквизицію».

Конечно, такой человѣкъ не можетъ не имѣть многочисленныхъ противниковъ, которые дѣлаютъ все, что могутъ, не брезгая никакими средствами для того, чтобы парализовать его дѣятельность. Не имѣя силы и возможности подойти къ нему прямо, логически доказать его несправедливость, они подходятъ къ нему какъ-то бокомъ, смѣшиваютъ его личность съ дѣломъ, глумятся надъ нимъ, подхватываютъ его малѣйшія ошибки, цитируютъ его отдѣльныя фразы, раздуваютъ ихъ и искажаютъ ихъ смыслъ... И надо имъ отдать справедливость—они успѣли во многомъ. Люди, не имѣющіе своего царя въ головѣ, привыкшіе смотрѣть на все чужими глазами и говорить съ чужихъ словъ, охотно присоединяются къ общему хору, и тоже поютъ, хотя фальшиво, но не незамѣтно...

Я не стану перечислять разнообразныя небылицы, распространяемыя о В. В. Стасовѣ. Ихъ такъ много, что для этого мнѣ пришлось-бы написать цѣлые томы, но, къ счастью, онѣ до того нелѣпы, что и писать о нихъ не стоитъ. Я возьму только то, что всплыло наружу, что стало чуть-ли не ходячей монетой. Вотъ съ этими-то нелѣпостями мнѣ и хотѣлось-бы покончить раньше всего.

Въ чемъ обвиняютъ В. В.? Въ самой малости: „Онъ врагъ русскаго искусства“; „совращаетъ молодежь“; „у него нѣтъ возвышенности чувства, нѣтъ и чувства мѣры“; „онъ предпочитаетъ мужицкое искусство античному“; „въ своихъ похвалахъ и порицаніяхъ онъ не знаетъ границъ“; „онъ сдвинулъ Брюллова съ пьедестала“... И только-то?..

Но противники, вызывая его на бой, хватаются за оружіе не съ того конца, а поэтому себя самихъ ранятъ, выдаютъ свою слабость, и этимъ самымъ доставляютъ побѣду своему-же противнику.

„Стасовъ—врагъ русскаго искусства!..“ Да было-ли русское искусство тогда, когда Стасовъ началъ свою дѣятельность какъ художественный критикъ? Художники стараго закала были, быть можетъ, люди честные, искренніе и съ глубокимъ убѣжденіемъ; но воспитанные на Овербекѣ и Флаксманѣ, страстные поклонники Винкельмана и Торвальдсена, они съ благоговѣніемъ охраняли священный огонь, данный Богомъ человѣку, и съ искреннимъ фанатизмомъ нападали на всякій проблескъ реализма, осмѣлившійся ворваться въ ихъ волшебный кругъ. Дѣйствительности они чуждались, дрязгъ жизни они не касались, „законы искусства“ были для нихъ выше всего и выше всѣхъ... Правда, они ихъ не выдумывали и, можетъ быть, даже о нихъ и не думали, зато свято исполняли ихъ, какъ вѣрующія дѣти; какъ дѣти они подражали старшимъ во всемъ—и надо признать это—подражали изумительно, хотя путнаго изъ этого ничего не выходило. Въ погонѣ за прекраснымъ они упускали изъ виду самое прекрасное—душу, истинный источникъ всѣхъ искусствъ, со всѣмъ безконечнымъ разнообразіемъ ея страстей и богатствъ. Будучи въ Академіи Художествъ, я зналъ такихъ двухъ профессоровъ—одного классика, другого романтика. Оба были страстные поклонники прекраснаго, но это не мѣшало имъ обоимъ находиться между собою въ не менѣе страстномъ-же антагонизмѣ.

О нихъ мнѣ разсказывали слѣдующее: однажды оба выставили свои картины; классикъ подошелъ къ картинѣ романтика и, увидавъ фигуру, разодѣтую въ драгоцѣнныя матеріи, бархатъ и парчу, не выдержалъ и со вздохомъ замѣтилъ своему собрату: „На то-ли Провидѣніе одарило тебя талантомъ, чтобы ты сдѣлался художникомъ Гостинаго двора?!" Романтикъ подошелъ затѣмъ къ картинѣ классика—сюжетъ, конечно, миѳологическій, всѣ фигуры нагія,—онъ тоже не выдержалъ и сказалъ: „Вишь, баня какая, даже безъ раздѣленія мужской отъ женской"... Вы смѣетесь, вамъ это кажется забавнымъ, но подобное искусство было тогда въ порядкѣ вещей. Даже такіе геніальные люди, какъ Пушкинъ, воспѣвали статую Пименова, изображавшую голаго дѣтину, играющаго въ бабки... Я Пименова чту, глубоко уважаю какъ художника и профессора; онъ сильно напоминаетъ мнѣ знаменитаго французскаго скульптора Рюда, какъ работою, такъ и горячностью темперамента; но оба они были романтики, смотрѣли на себя какъ на дѣтей Божьихъ, а на остальныхъ какъ на Божьихъ коровокъ... Тѣмъ не менѣе, врядъ-ли и самъ Пименовъ придавалъ большое значеніе этой статуѣ,—она была лишь техническимъ упражненіемъ.

Такъ вотъ приблизительно въ какое время началъ свою дѣятельность Стасовъ. Сколько надо было душевной силы, устойчивости, убѣжденія, вѣры въ себя и въ самое дѣло, для того, чтобы 40 лѣтъ долбить камень, одному выдерживать натискъ многочисленныхъ противниковъ, всевозможныя нападки, насмѣшки и клеветы въ прозѣ и въ стихахъ, отъ всѣхъ, кто хотѣлъ, кто умѣлъ и кто не умѣлъ,—и все-таки онъ продолжалъ идти впередъ, топча и ломая палки, бросаемыя ему подъ ноги, и въ 70 лѣтъ оставаться тѣмъ-же, чѣмъ былъ въ 30, тѣмъ-же бодрымъ, энергичнымъ, чутко прислушивающимся ко всему живому, словомъ—старцемъ, носящимъ въ себѣ молодую душу...

„Стасовъ совращаетъ молодыхъ художниковъ..." Странно! Что-же дѣлали всѣ благочестивые люди въ самой Академіи Художествъ со всѣмъ ея штатомъ, со всѣми профессорами и преподавателями?.. Неужели-же они не были въ силахъ отвратить пагубное вліяніе этого единичнаго человѣка и возвратить въ свое лоно хоть одну заблудшую овечку,—замѣтьте, хоть одну? По крайней мѣрѣ, въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, Академія Художествъ не только не дала талантовъ, которыхъ и дать не могла, такъ какъ они даются только Богомъ, но и техниковъ, которыхъ она могла-бы дать, но не дала, потому что сама потеряла технику, именно—рисунокъ, то, что Энгръ называетъ „честностью въ искусствѣ". И въ этомъ развѣ Стасовъ виноватъ?..

„Стасовъ сбросилъ Брюллова съ пьедестала"... Опять крикъ пигмеевъ на великана. Шутка сказать—сбросить съ пьедестала такой кумиръ, какъ Брюллова... Вѣдь для этого надо быть чуть-ли не Ильей-Муромцемъ... Что-же стоило поклонникамъ Брюллова опять поставить его на прежнее мѣсто? Но они не поставили,—потому что не могли, потому что это было немыслимо... И поэтому-то они и сердятся.

Что Брюлловъ былъ крупный талантъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но что онъ не былъ геніемъ,—это тоже внѣ всякаго сомнѣнія. Онъ,

можетъ быть, былъ талантливѣе своего собрата Бруни, но не геніальнѣе его. Брюлловъ ничего не началъ и ничего не закончилъ. Это былъ крупный талантъ своего времени, со всѣми тогдашними достоинствами и недостатками. То было время рисунка, законченности. Отлично владѣя техникой, съ горячимъ темпераментомъ, искренній въ своихъ порывахъ, Брюлловъ, тѣмъ не менѣе, былъ условенъ въ композиціи. Кисть его, хотя и цвѣтистая, была холодна и напоминаетъ Гвидо-Рени своими синеватыми оттѣнками, какъ у мертвеца. Его портреты превосходны, въ особенности его собственный портретъ, но далеко уступаютъ его предшественнику Левицкому. Въ то время, когда Брюлловъ дошелъ у насъ до апогея, въ Парижѣ Деларошъ успѣлъ затмить его. Его Голгоѳа, въ особенности, проста, искренна, глубоко прочувствована, полна драматизма и душевной скорби. Въ нынѣшнее время, во время погони за красками, во Франціи предпочитаютъ колоритность Делакруа душевной глубинѣ Делароша, но это участь всѣхъ сильныхъ людей, уходящихъ дальше своего времени. Но зачѣмъ намъ искать примѣровъ у чужихъ, когда у насъ есть и свой, который шагнулъ еще дальше. Именно, въ это время нашъ геніальный труженикъ Ивановъ тихо и скромно продолжалъ трудиться надъ своей картиной „Явленіе Христа народу“ и надъ своими замѣчательными иллюстраціями Библіи, къ сожалѣнію мало извѣстными даже у насъ, хотя превосходно изданными... Что-же оставалось дѣлать Стасову? Онъ не могъ закрыть глаза передъ всѣмъ тѣмъ, что творилось вокругъ него. Врагъ реставраціи, компромиссовъ и всякихъ оговорокъ: „но“, „однако“, „такъ-какъ“ и т. д., онъ не могъ въ одно и то-же время служить двумъ богамъ, строить два зданія, одно надъ другимъ, новое надъ старымъ... Не могъ даже, если-бы и хотѣлъ: жизнь слишкомъ сильно стала стучаться въ дверь.

Но говорятъ еще, что „Стасовъ захваливаетъ своихъ фаворитовъ и рѣзко осуждаетъ тѣхъ, кого недолюбливаетъ“. Можетъ быть, можетъ быть, такимъ онъ былъ и въ отношеніи Брюллова,—онъ самъ этого не отрицаетъ. Но французская пословица говоритъ: „Кто не любитъ слишкомъ, тотъ не любитъ достаточно“. Прибавлю: кто сильнѣе любитъ—сильнѣе и ненавидитъ...

Таковъ В. В. Стасовъ. Взявши въ соображеніе то время, когда онъ началъ свою дѣятельность въ художественной сферѣ, и тотъ заколдованный кругъ, который ему приходилось прорвать,—это человѣкъ неоцѣненный.

Утверждаютъ еще, что у В. В. Стасова „нѣтъ возвышенности чувства“. Такъ-ли? Я не знаю болѣе возвышенности чувства, какъ любовь къ Богу, къ правдѣ и къ ближнему. Если Стасовъ не вполнѣ достигъ этого идеала, или не вездѣ въ одинаковой мѣрѣ, то во всякомъ случаѣ—болѣе чѣмъ очень многіе въ наше время.

Но вотъ опять упрекъ: „У него нѣтъ чувства изящества, онъ предпочитаетъ мужицкое искусство античному“. Боже мое! Не всѣ-же могутъ быть энциклопедистами, успѣвать вездѣ и угождать всѣмъ, да притомъ, о вкусахъ и не спорятъ. Я-бы могъ указать на цѣлый рядъ

художниковъ и критиковъ, у которыхъ вкусы и наклонности различны; и неужели-же мы станемъ упрекать ихъ за то, что они не покланяются тому, чему покланяются другіе, что они думаютъ то, что умѣютъ и къ чему призваны, а не то, въ чемъ они не сильны? Подобные упреки напоминаютъ извѣстный разсказъ о евреѣ, который спросилъ въ театральной кассѣ, что сегодня играютъ? Ему отвѣтили: „Марту",— „Марту?" съ удивленіемъ спросилъ еврей,—почему-же не „Травіату?"— Да, но до драгоцѣнныхъ-ли декорацій было тогда Владиміру Васильевичу, когда самыя основы искусства приходилось перестраивать вновь?

Поклонники прекраснаго оплакиваютъ вѣчно лазурное небо. Имъ отвѣчаютъ, что однообразіе столько-же утомительно, какъ и пестрота, что тропическій зной такъ-же невыносимъ, какъ и полярный холодъ. Они горевали о пальмахъ—ихъ утѣшали, что у насъ растутъ зато сосны и березы; они указывали на грацію антиковъ—имъ отвѣчали: полюбите насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Кажется, все это ясно какъ день, а между тѣмъ, вотъ уже 40 лѣтъ, какъ Стасовъ говоритъ приблизительно то-же самое, и никто не хочетъ его понять, несмотря на то, что фактъ совершился, что реализмъ пробилъ свою брешь и сдѣлался господствующимъ, и что сами отрицатели дѣлаютъ то, что отрицаютъ у Стасова. Достаточно было ему сказать слово, чтобы всѣ начинали затыкать уши. Всѣ возмущались его смѣлостью, его рѣзкостью.

Чтобы не казаться голословнымъ, я разскажу слѣдующее. Однажды, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, Стасовъ самъ прочелъ намъ сатирическую статью, написанную на его счетъ Щедринымъ [1]). Статья была, разумѣется, въ обычномъ Салтыковскомъ тонѣ: очень смѣшна, очень зла, немного жестока, и на этотъ разъ не совсѣмъ справедлива. Въ особенности она не была справедлива тамъ, гдѣ касалась Мусоргскаго; въ памяти моей сохранилась слѣдующая фраза: „За перегородкой слышенъ былъ храпъ пьянаго",—намекъ на порокъ Мусоргскаго и на его музыку. Не лучше Щедрина высказался о Стасовѣ и покойный Тургеневъ; онъ воспѣлъ его даже въ одномъ изъ своихъ „стихотвореній въ прозѣ", которое оканчивалось словами: „съ Стасовымъ не спорьте!" Но кто у насъ на Руси спорить умѣетъ? Самъ Тургеневъ отлично зналъ, что никто. Онъ самъ изобразилъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ" русскіе споры, тоже какъ никто. Да правду сказать, и съ самимъ Тургеневымъ спорить было трудно; трудно потому, что „только пустое сердце бьется ровно". Что-же сказать о другихъ, когда такія крупныя величины, какъ Тургеневъ и Салтыковъ, увлекались общимъ теченіемъ и импровизировали „злобы дня" со свойственнымъ имъ талантомъ? Но прошло извѣстное время, умеръ Мусоргскій, личныя страсти улеглись, и надъ нимъ начался судъ болѣе безпристрастный, болѣе справедливый. Надъ его порокомъ никто болѣе не смѣется, а всѣ только сожалѣютъ, что подобныхъ пороковъ у насъ на Руси болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, что этотъ порокъ сгубилъ его, какъ и Кольцова и другихъ. Его

[1]) «Отечественныя Записки» 1874 года, томъ 217.

музыку, по ея свѣжести и оригинальности, ставятъ уже на первомъ мѣстѣ послѣ Глинки. Но вотъ что чуть-ли не на-дняхъ говорилъ, какъ мнѣ передавали, профессоръ М. М. Ковалевскій, здѣсь, въ Парижѣ, на соціологическомъ конгрессѣ: „Послѣднія изслѣдованія профессора В. Ѳ. Миллера доказали вполнѣ справедливость мнѣнія, высказаннаго много лѣтъ тому назадъ Вл. Вас. Стасовымъ, о восточномъ происхожденіи нашихъ былинъ, мнѣнія, встрѣченнаго тогда чуть-ли не общимъ негодованіемъ“. То, что почтенный профессоръ сказалъ о Стасовѣ относительно русскихъ былинъ, то-же самое я могу повторить о немъ и по отношенію къ русскому искусству.

Нѣтъ, Стасовъ не врагъ русскаго искусства, не развращаетъ молодыхъ художниковъ. Онъ всю жизнь шелъ на встрѣчу всему хорошему, всему русскому—всему, что только пробуждалось и поднималось. Онъ радовался каждой Божьей искрѣ, восторгался каждымъ еле-еле пробивавшимся росткомъ, ухаживалъ за нимъ съ любовью, слѣдилъ за его ростомъ, выпалывалъ вокругъ него сорную траву, дрожалъ надъ нимъ и вкладывалъ въ него все то, что ему было дорого. Вспомните, съ какимъ восторгомъ онъ встрѣчалъ каждый восходящій талантъ: картину Мясоѣдова—„Самозванецъ въ корчмѣ“, „Нижегородскую ярмарку“ Попова, „Первый шагъ“ Корзухина, „Колдуна“ Максимова, „Княжну Тараканову“ Флавицкаго, и въ особенности Пероза, Ге, Шварца, Влад. Маковскаго, Рѣпина, Верещагина, товарищей-передвижниковъ вообще! Что-же? Развѣ Стасовъ въ комъ-нибудь изъ нихъ ошибся, развѣ они не заслужили тѣхъ похвалъ, которыя онъ расточалъ имъ?.. И что дурного въ томъ, что онъ увлекался ими съ такой искренностью? Напротивъ, онъ ихъ этимъ вознаграждалъ за то холодное „сочувствіе“, съ которымъ искусство встрѣчаютъ у насъ и донынѣ.

Такъ мало-по-малу русское искусство росло и крѣпло. Если оно еще не расцвѣло вполнѣ, то дайте срокъ: весна придетъ, зажурчатъ ручейки, стволы деревъ одѣнутся яркою зеленью,—и на нашей улицѣ будетъ праздникъ. Если мы сами еще несовершенны, не можемъ вполнѣ достигнуть идеала, то художники, идущіе за нами, будутъ лучше, совершеннѣе насъ... Зданіе не создается сразу, оно начинается съ фундамента, камни кладутся одинъ на другой; сперва выводятъ стѣны, а затѣмъ ихъ и украшаютъ. Лишь-бы только меньше было задержекъ, столько-же зависящихъ отъ „сочувствующихъ“, сколько и отъ самихъ художниковъ.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ въ русскомъ отдѣлѣ всемірной выставки въ Лондонѣ, если не ошибаюсь, была всего только одна картина изъ русской жизни: „Продавщица яблокъ“, Якоби. Она выглядѣла какъ орлиное яйцо, высиженное въ вороньемъ гнѣздѣ. У насъ тогда ничего не было своего: все было заимствовано у другихъ; мы тянулись въ хвостѣ Европы; за нами ничего не признавали; въ семью европейскихъ художниковъ насъ не принимали, никакихъ наградъ мы не получали... А теперь, какая разница!.. Палаты нашихъ любителей полны произведеній *нашего* искуства, русскими картинами, изображающими рус-

скую природу, русскую исторію съ ея героями, русскіе типы, характеры,—со всѣмъ ихъ богатствомъ и невзрачностью, со всѣми ихъ радостями и невзгодами. Европа уже признаетъ за нами права гражданства, мы уже нѣчто, съ нами уже считаются, на выставкахъ на насъ указываютъ, насъ награждаютъ наравнѣ съ другими... Еслибъ у насъ было единство, если-бы мы всѣ жили дружно, а не толкали другъ друга локтями, если-бы мы посылали за границу все то, чѣмъ владѣемъ, что мы прячемъ,—къ намъ питали-бы еще больше довѣрія; а главное, мы сами въ себѣ больше-бы увѣрились, не разочаровывались, не злобствовали и не уходили-бы въ свою скорлупу раньше времени и не кричали-бы оттуда: „плевать на все!..“

Ахъ, если-бы... Но тутъ-то и начинается обратная сторона дѣла... Остановлюсь на одномъ явленіи, по поводу котораго въ сущности я и началъ свою рѣчь...

Любители искусства навѣрное помнятъ еще, какъ образовалось товарищество передвижниковъ. То былъ смѣлый, живой протестъ десятка молодыхъ художниковъ противъ устарѣлой академической рутины. Скоро примкнули къ нимъ лучшіе таланты, и всѣ общими силами, честно и дружно повели дѣло въ гору. Нечего и говорить о томъ, съ какимъ энтузіазмомъ встрѣтилъ ихъ Владиміръ Васильевичъ. Они нашли въ немъ своего истолкователя, онъ объ нихъ писалъ, писалъ и до сихъ поръ не умолкаетъ; онъ на нихъ надѣялся, какъ на залогъ будущаго искусства—и не ошибся. Въ дѣлѣ искусства передвижники явились настоящими подвижниками. Они обратились къ живому источнику—природѣ, и этотъ источникъ оказался неизсякаемымъ. Ихъ картины проникли въ глубь Россіи, въ такіе темные уголки, куда художественный свѣтъ никогда еще не проникалъ; они показали людямъ то, чего тѣ никогда не видали. Впечатлѣніе было огромное; число любителей искусства увеличилось, спросъ на картины усилился; словомъ—въ этомъ направленіи они, какъ художники, сдѣлали то, что могли. Но какъ товарищи—далеко недостаточно... Строго придерживаясь буквы своего устава, они передвигали свои картины изъ города въ городъ, они продолжали вертѣть колесо аккуратно изъ года въ годъ, но безъ всякой новой инициативы, безъ всякаго порыва подвинуть впередъ и расширить свою миссію. Они не пытались основать хоть какой-нибудь художественный журналъ, они не открыли ни своихъ, ни общей мастерскихъ, гдѣ молодые художники могли-бы найти то, чего самому такъ трудно достигнуть. Однѣ галлереи и выставки не могутъ вполнѣ развить художника; необходима еще школа, а главное—руководство. А вѣдь передвижники могли-бы дать это легко: ихъ слава достигла своего апогея, ими гордились, на нихъ указывали, имъ довѣряли, и ихъ вѣское слово въ дѣлѣ искусства имѣло-бы благотворное вліяніе. Мы знаемъ, сколько талантовъ развилось, и сколько ихъ, такъ-сказать, всплыло наверхъ, но знаемъ-ли мы, сколько ихъ заглохло и пошло ко дну?.. Правда, разъ какъ-то передвижники попытались издать художественный альбомъ изъ своихъ оригинальныхъ набросковъ. Альбомъ этотъ въ матеріальномъ отношеніи потерпѣлъ пе-

удачу. Не удалось—и бросили. Не отыскивали причины, почему не удалось, и повидимому не пожелали устранить эту причину.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, между мною и покойнымъ Крамскимъ пробѣжала черная кошка... Мы были въ разладѣ. Владиміръ Васильевичъ примирилъ насъ. Затѣмъ, будучи въ Петербургѣ, я отправился къ Крамскому и засталъ его уже больнымъ. Тѣмъ не менѣе, онъ меня принялъ съ тѣмъ-же оживленнымъ радушіемъ, какъ и всегда, и мы разговорились о прошломъ, о настоящемъ и о томъ, что дѣлается вокругъ насъ,—и, конечно, больше всего объ искусствѣ. Рѣчь зашла и о передвижникахъ. Я заговорилъ съ нимъ о необходимости основать общую мастерскую. Въ Академіи Художествъ техника слабѣла, да и люди выходили оттуда вовсе не художниками... Я говорилъ о нравственной обязанности передвижниковъ удѣлить молодежи хоть частицу того, что они знаютъ, чѣмъ они владѣютъ и т. д. Крамской терпѣливо выслушалъ меня и лаконически отвѣчалъ:

— То-же самое и я предлагалъ передвижникамъ, но это было отклонено.

Въ послѣдніе годы наше искусство сильно понизилось. Въ немъ уже не чувствуется того сильнаго и единодушнаго порядка, стремленія углубляться въ природу и отыскивать въ ней не только русское, но и человѣческое... Теперь, въ послѣднее время, искусство „обстоитъ благополучно"—и того меньше: ровно, сѣро; чувство поверхностное, сюжеты мелки и скудны,—да иначе и быть не могло. Передовые ряды рѣдѣютъ, новые мало прибываютъ: кто умеръ, кто усталъ, а кто отсталъ... Въ такихъ случаяхъ становятся другъ къ другу бокомъ и посматриваютъ другъ на друга искоса... Владиміръ Васильевичъ не могъ этого не видѣть. Онъ давно жалуется и покачиваетъ головой... Онъ пытался однихъ уговаривать, другихъ упрашивать, урезонивать—не дробиться, идти попрежнему дружно... Но тщетно: его не слушали, ему отвѣчали коротко: „отстаньте!" Но онъ слишкомъ любитъ это дѣло, да и не таковъ онъ, чтобы положить оружіе и бить отбой... И вотъ, разъ на общемъ собраніи передвижниковъ, какъ мнѣ передали, нѣкоторые изъ нихъ внесли предложеніе: сдѣлать Вл. В. Стасову „внушеніе"... Къ чести передвижниковъ надо сказать, что это предложеніе не было принято; тѣмъ не менѣе, одинъ изъ нихъ прислалъ ему письмо, въ видѣ благодарности, но, увы—въ видѣ черной благодарности... Содержаніе этого письма можно резюмировать въ трехъ словахъ: „Вы намъ мѣшаете, мѣшаете и, пожалуйста, больше не мѣшайте!" И это говорилъ одинъ изъ передвижниковъ, которымъ Стасовъ всю жизнь былъ такъ преданъ, которыхъ онъ такъ любилъ и на которыхъ такъ надѣялся. И говорилось это кому?.. Семидесятилѣтнему, сѣдовласому старцу!.. Побойтесь Бога! В. В. Стасовъ вамъ мѣшаетъ? Въ чемъ? Подняться или упасть? Двадцать пять лѣтъ онъ васъ убаюкивалъ, пѣлъ вамъ колыбельныя пѣсни, пока вы не выросли, не окрѣпли, пока не выросли у васъ острые зубы, которыми вы укусили его такъ больно... Стасовъ вамъ мѣшалъ?! Отчего-же вы 25 лѣтъ молчали? Отчего-же вы не сказали ему этого раньше?..

А все-таки, пусть кто попробуетъ обидѣть его бывшихъ любимцевъ! Онъ забудетъ свою обиду и грудью станетъ передъ ними, за нихъ, не щадя себя, попрежнему. Еще недавно онъ писалъ мнѣ: „Не удивляйтесь, что я вновь выступаю за X., несмотря на наши ссоры и вражду (!). Я заступаюсь не за настоящаго, а за прежняго X!..“

Таковъ Владиміръ Васильевичъ, таково его отношеніе къ другимъ, таково отношеніе другихъ къ нему... Стасовъ никогда не смѣшивалъ личныхъ отношеній съ дѣломъ... Ради дѣла онъ никогда никому не отказывалъ ни въ чемъ, даже своему врагу. Появится талантъ, онъ бѣжитъ ему навстрѣчу съ распростертыми объятіями, и будетъ съ нимъ возиться какъ мать съ ребенкомъ; выростетъ этотъ ребенокъ, отплатитъ ему зломъ за добро,—онъ отвернется отъ него, какъ отъ человѣка, но останется вѣренъ его таланту. Умретъ этотъ человѣкъ, онъ поторопится написать его біографію, издать его письма, и съ одинаковымъ вниманіемъ будетъ корректировать и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ покойный его жестоко бранилъ.

Есть еще у Стасова одна черта, теперь почти уже рѣдкая: онъ до ногтей патріотъ, но патріотъ прежняго закала: не узкій, не фанатикъ, и еще меньше патріотъ по расчету... Онъ горячо любитъ всю Россію, онъ не раздѣляетъ людей отъ людей, совѣсть отъ религіи, онъ только желаетъ, чтобы каждый былъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть, сохранилъ-бы свою индивидуальность и совершенствовалъ-бы ее для общаго блага и прогресса.

Того, что онъ желаетъ видѣть въ жизни,—того-же самаго онъ требуетъ и отъ искусства.

Теперь пусть кто хочетъ скажетъ, что я отношусь къ нему пристрастно; пусть скажутъ, что и Владиміръ Васильевичъ относится ко всему пристрастно... Хорошо! Въ такомъ случаѣ отбросьте четверть, половину, оставьте десятую долю, одну каплю изъ всего того, что онъ говорилъ... Но прошу только помнить, что когда ваше чувство и умъ засорятся, имѣйте-же мужество проглотить эту горькую каплю: она будетъ вамъ всегда на здоровье...

Мнѣ-же остается сказать слѣдующее: я лично не желаю быть ни лучше, ни хуже своихъ собратій по искусству; не хотѣлось-бы мнѣ ихъ упрекать; не хотѣлось-бы мнѣ также, чтобы изъ-за Стасова наши отношенія измѣнились—этого онъ самъ менѣе всего желаетъ. Мы оба одинаково глубоко ихъ уважаемъ. Поэтому-то я и обращаюсь къ нимъ съ горячею просьбой: доказать на дѣлѣ, а не на словахъ, что я неправъ, что мои опасенія за будущность русскаго искусства напрасны. Этимъ они только обрадуютъ Владиміра Васильевича, и частица этой радости выпадетъ, быть можетъ, на долю и мнѣ.

„Книжки Недѣли, 1895, январь.

Торжество скульптуры.

Недалеко отъ Парижа, въ городѣ Реймсѣ, извѣстномъ своимъ знаменитымъ соборомъ, въ которомъ когда-то короновались французскіе короли, происходило на-дняхъ торжество открытія памятника Жаннѣ д'Аркъ. Объ этомъ не стоило-бы и писать—подобныя торжества вовсе не рѣдкость теперь во Франціи, и газеты чуть-ли не каждый день повѣствуютъ о томъ, что тамъ-то и тамъ воздвигнутъ памятникъ такому-то; иногда подобныя торжества происходятъ и по два раза въ день, при чемъ часто совершенно забываютъ упомянуть объ авторахъ этихъ памятниковъ. Но на этотъ разъ къ общему торжеству присоединилось также и торжество искусства. Виновникомъ его былъ знаменитый скульпторъ Поль Дюбуа. Этотъ художникъ своею наружностью и своими работами напоминаетъ мнѣ Гольбейна. Въ его пріемахъ та-же строгость, честность, искренность и простота, и та-же тщательность въ отдѣлкѣ,—словомъ, своего рода аристократизмъ въ искусствѣ. Поль Дюбуа работалъ надъ этой статуей пять лѣтъ; пять лѣтъ онъ отдавался ей всецѣло, какъ всему, за что онъ берется, не жалѣя ни времени, ни труда, не останавливаясь ни передъ какими издержками. Каждая мелочь у него обработана тщательно, съ любовью. Къ этому торжеству прибыли въ Реймсъ самъ президентъ республики, министры и проч. Когда занавѣсъ былъ снятъ со статуи, раздался взрывъ общаго энтузіазма, гулъ не смолкалъ, кричали вмѣстѣ: „Vive Jeanne d'Arc!", „Vive Felix Faure!"—и „Vive Paul Dubois!" Президентъ обнялъ талантливаго автора и надѣлъ на него большой крестъ Почетнаго легіона (Grande Croix)—самую высшую награду, какая существуетъ во Франціи. Такую награду изъ художниковъ получили только живописецъ Мейсонье—передъ смертью, композиторъ Амбруазъ Тома—по случаю юбилея и теперь—скульпторъ Поль Дюбуа. Я разсказываю объ этомъ эпизодѣ, потому что онъ напоминаетъ былое время Renaissance—и право, не знаю, чему больше удивляться: автору-ли, его произведенію, или его цѣнителямъ?..

Парижъ, 10 (22) іюля 1896 г.

«Новости», 14 іюля 1896 г., № 192.

Письмо къ В. В. Стасову.

Дорогой Владиміръ Васильевичъ. Вы мнѣ пишете, что теперь наши молодые художники толпой бѣгутъ за границу, одни потому, что, будто-бы, у насъ не у кого учиться, другіе потому, что увлеклись новизной импрессіонизма, мистицизма, всего этого неспѣлаго и незрѣлаго искусства. Вы говорите, что люди, любящіе искусство, должны вооружиться противъ этого скитальческаго духа, охватывающаго теперешнюю нашу молодежь. Вы правы. И какъ еще правы! Бѣжать на чужбину

для того, чтобы подражать чужимъ, могутъ только тѣ, которые сами еще неспѣлы и незрѣлы, тѣ, которые врядъ ли и когда-либо впредь созрѣютъ. Эти молодые художники оторваны съ корнемъ отъ своей родной земли и унесены на чужбину, какъ разъ въ ту минуту цвѣта лѣтъ, когда впечатлительность такъ чутка, свѣжа и воспріимчива, когда видятъ и любятъ больше, и привязанность къ родинѣ сильнѣе. Это ужасно. Эти люди здѣсь, какъ паутина на воздухѣ, между небомъ и землею, или какъ Вѣчный Жидъ безъ крова и пристанища, гонимый судьбою. Живя здѣсь, я много испыталъ, много видѣлъ и могъ-бы разсказать много-много печальныхъ исторій. Но мнѣ надо оговориться: я ничуть не противъ заграничныхъ поѣздокъ; напротивъ, я нахожу ихъ крайне необходимыми, крайне полезными всякому мало-мальски образованному человѣку, а художнику и подавно. Скажу больше: кто за границей не бывалъ, кто не видѣлъ всемірныхъ выставокъ, историческихъ памятниковъ искусства, музеевъ—у того мало стимула къ своему родному искусству, у того мало стимула для выполненія своей задушевной думы. Но ѣхать за границу возмужалымъ или голышемъ, ѣхать усовершенствоваться или ѣхать учиться—это двѣ разныя вещи, при различныхъ обстоятельствахъ дающія діаметрально разные результаты, то положительные, то отрицательные. Одинъ возвращается на родину болѣе окрѣпшимъ и съ запасомъ знанія, другой—съ чужою, съ искалѣченною душою.

Я замѣтилъ, что сюда, за границу, пріѣзжаютъ люди двоякой категоріи: одни отъ избытка, другіе—отъ недостатка; и тѣхъ, и другихъ одинаково жаль, но я коснусь только послѣднихъ. Большинство пріѣзжаетъ сюда безъ знанія, безъ языка и безъ средствъ; часто съ малымъ талантомъ, а иногда и совсѣмъ безъ него, зато они страстно влюблены въ свое искусство. Но что дѣлать, когда искусство ихъ не любитъ? „Учиться или топиться!“—Вотъ что они часто повторяютъ. Но чтобы учиться, нужны средства, нужна помощь, а гдѣ ихъ взять? Можно выхлопотать кое-что для одного, для двухъ, но для всѣхъ это немыслимо. Вдобавокъ, жизнь здѣсь дорога, работу достать трудно. Иногда товарищамъ удается направить кого-нибудь на ту или другую скромную, хотя и не менѣе художественную дѣятельность,—я подразумѣваю индустріальное искусство. Къ сожалѣнію, большинство этихъ юношей и понятія не имѣютъ о немъ, не знаютъ и знать его не хотятъ, предпочитаютъ жить впроголодь, питаться чаемъ, лишь-бы заниматься своимъ любезнымъ избраннымъ искусствомъ. Иной разъ больно видѣть этихъ молодыхъ фанатиковъ, ихъ блѣдныя, измученныя лица; видѣть, какъ они кутаются въ свои старенькія легкія одежды и ежатся точно преступники, сознавшіе свою вину. Но какіе они преступники? Кому они зло сдѣлали, кромѣ самихъ себя? За что они мучатся, тратятъ свою молодость, лучшіе годы жизни, да еще на чужбинѣ, одинокіе какъ въ лѣсу?

Надо прибавить, что большинство этой молодежи—люди очень порядочные, достойные всякихъ похвалъ. Но, конечно, нѣтъ семьи безъ уродовъ, и оказываются среди нихъ и такія личности, которыя,

измученныя судьбою, искушенныя практическимъ опытомъ жизни большихъ городовъ, превращаютъ свое искусство въ дешевое средство для достиженія которой-нибудь своей цѣли. Я лично знаю только два исключительныхъ примѣра, двухъ художниковъ, которые учились въ Парижѣ и достигли громкой извѣстности, благодаря только своему таланту. Это—Верещагинъ и Похитоновъ, но такіе художники всегда большая рѣдкость. Оба пріѣхали сюда уже возмужалыми, съ образованіемъ, съ извѣстною эрудиціею, знаніемъ. Да вообще, мы всегда указываемъ на тѣхъ, кому удалось выплыть. Но знаемъ ли мы, сколько другихъ утонуло? Вотъ и сейчасъ предо мною стоитъ грустный фактъ. Одинъ молодой художникъ, скромный, милый, со способностью, не желая никого обременять, никому надоѣдать, сталъ учиться рубить изъ мрамора, уже достигъ успѣха на столько, что могъ безобидно жить своимъ трудомъ, но отъ плохого-ли питанія, отъ чрезмѣрнаго-ли труда, или отъ того и другого вмѣстѣ, онъ захворалъ грудью. Пролежалъ онъ годъ въ госпиталѣ, одинокій, безъ знакомыхъ и родныхъ, среди такихъ-же больныхъ, какъ онъ самъ, умиравшихъ на его глазахъ, отъ той-же болѣзни, какая была у него. Но онъ и тутъ ни къ кому не обращался, да и не зналъ къ кому обратиться; и лишь только на этихъ дняхъ товарищи узнали о немъ, быть-можетъ тогда, когда уже было поздно. Людямъ съ честными правилами всюду жутко,—въ большихъ городахъ и подавно. Имъ приходится своимъ собственнымъ лбомъ пробивать брешь въ чужомъ станѣ, но это рѣдко имъ удается. Однихъ житейское море выбрасываетъ, какъ щепки, другіе тонутъ, какъ упомянутый мною выше скульпторъ, а большинство все несется среди бурныхъ волнъ, крутясь и цѣпляясь за крутые берега.

Но это матеріальная сторона дѣла; главное-же—спрашивается: что эти молодые художники здѣсь дѣлаютъ, чему учатся, чего достигаютъ? Въ общемъ, результатъ не отрадный. Отъ своихъ они отстали, къ чужимъ не пристали.

Я уже разъ описывалъ положеніе здѣсь учащихся художниковъ. Повторю это вкратцѣ. Учащаяся здѣсь масса — съ цѣлаго свѣта, но связующаго элемента между ними нѣтъ никакого. Учатся здѣсь большею частью въ частныхъ академіяхъ, содержимыхъ художниками и даже тогда бывшими натурщиками. Здѣсь каждый, за извѣстное вознагражденіе, можетъ заниматься, рисовать карандашемъ, писать масляными красками, безъ всякой предварительной подготовки. Учатъ главнымъ образомъ техникѣ и ничему больше. Удалось ему написать изрядный этюдъ, головку или фигуру, ученикъ шлетъ ее на выставку и тутъ онъ уже начинаетъ подписываться: „artiste-peintre“ (художникъ-живописецъ). Его картина не принята—у него тотчасъ великое неудовольствіе. А такихъ недовольныхъ много; на выставку посылаются картины и этюды тысячами, и тысячами-же посылаются назадъ. При этомъ надо сказать, что духовная пища учащейся молодежи столько же скудна, какъ и матеріальная. Такіе люди, не успѣвъ окрѣпнуть на родинѣ, таютъ на чужбинѣ подъ чужимъ вліяніемъ. Но вліянія бываютъ различныя, хорошія и дурныя, а попасть подъ дурныя вліянія

всегда легче, чѣмъ подъ хорошія. Легче катиться съ горы, чѣмъ карабкаться на нее. Отъ этого сложилось мнѣніе, что худшій „французъ"—иностранецъ; онъ подражаетъ не лучшей, а худшей сторонѣ французовъ. Причинъ тутъ много, но главная: молодость, впечатлительность, увлеченіе безъ контроля, часто безхарактерность. И вотъ, проходитъ много времени, и нашъ молодой художникъ уже неузнаваемъ; онъ какъ сухая губка всасываетъ въ себя все, не разбирая чистой воды отъ мутной; онъ уже аллегористъ, мистикъ, декадентъ, но чаще всего—ничто. Онъ похожъ на всѣхъ и меньше всего на самого себя. Но жаль становится этого плохого соотечественника, мнимаго „француза", такъ удачно схватившаго верхушки всего легкаго и пустого; онъ по незнанію, по неопытности, сжегъ свое душевное сокровище, свою самостоятельность, свою первую любовь къ родинѣ—и зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы все это перемѣнить на бисеръ, па нынѣшній лоскъ для украшенія своей убогой душонки!

Проходятъ годы, и этотъ художникъ возвращается домой уже какъ чужой, совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Все ему кажется не то и не такъ. Зато онъ уже съ новымъ расчетомъ, у него такое тонкое знаніе того, какъ жить, какъ дѣлаться извѣстнымъ, какимъ не обладаетъ здѣсь, въ Парижѣ, даже бульварный глашатай.

Но что за причина того, что наши художники бѣгутъ, мѣняютъ родину на чужбину, родныхъ па знакомыхъ, и подражаютъ, вмѣсто того, чтобы самостоятельно творить? Они говорятъ: „Виновата академія". Нѣтъ, дорогой Владиміръ Васильевичъ, не то. Въ моей автобіографіи я описывалъ старыхъ профессоровъ, ихъ отношенія къ ученикамъ: хуже быть не могло, а между тѣмъ именно тогда и вышли на свѣтъ такіе художники, какъ Рѣпинъ, Васнецовъ, Ковалевскій, Семирадскій, Полѣновъ, Максимовъ, Поздѣевъ, Суриковъ и много другихъ достойныхъ. Какъ видите, причина не та, а что-то другое. Она лежитъ гдѣ-то дальше и глубже. Но гдѣ именно,—вотъ вопросъ, который требуетъ отвѣта.

Парижъ.

«Новости», 13 мая 1897 г. № 130.

По поводу книги графа Л. Н. Толстого объ искусствѣ.

Вы желаете знать мое мнѣніе по поводу книги гр. Л. Н. Толстого „Что такое искусство?" Къ сожалѣнію, отвѣтить вамъ мнѣ очень затруднительно—и вотъ почему. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ разборъ, такъ и полемика,—разъ они искренни—имѣютъ свой интересъ и весьма важный, но только не въ вопросѣ объ искусствѣ, особенно теперь... Въ искусствѣ никогда не было для всѣхъ дважды-два—четыре, а теперь болѣе, чѣмъ когда-либо. Теперь каждый видитъ въ

немъ то, что хочетъ,- понимаетъ его такъ, какъ можетъ и, говоря о немъ, имѣетъ въ виду прежде всего самого себя, т.-е. свои личныя ощущенія, симпатіи и антипатіи. И такъ, вмѣсто того, чтобы разбирать чужіе взгляды, немножко бѣгло, немножко поверхностно,—какъ это почти всегда дѣлается въ такихъ случаяхъ,—не позволите-ли вы мнѣ самому высказать свои взгляды на нынѣшнее положеніе искусства, а тамъ уже само собою скажется и мое мнѣніе о новой книгѣ гр. Л. Н. Толстого.

Этотъ вопросъ, вопросъ объ искусствѣ, въ наше время крайне характеренъ, крайне неизбѣженъ и настолько-же печаленъ. Если-бы мы были одухотворены истиннымъ искусствомъ, если-бы искусство было нашимъ культомъ, какъ это было въ древности и въ средніе вѣка,—самый вопросъ объ искусствѣ былъ-бы лишнимъ. Вѣдь молодость не спрашиваетъ, что такое любовь, какъ не задумывается и о превратностяхъ жизни. Спрашиваютъ, что такое любовь—тогда уже, когда начинаютъ сомнѣваться въ ней, и говорятъ о превратностяхъ жизни,—когда жизнь уже подходитъ къ концу. Отличительная-же черта нашего времени заключается въ томъ, что никогда еще не бывало столько художниковъ, какъ теперь, никогда не говорили столько объ искусствѣ, какъ теперь, и никогда не было такъ мало истиннаго творчества, какъ теперь. Во всякомъ случаѣ количество заглушаетъ качество, и это одно уже доказываетъ, на сколько въ сущности мало теперь ощущается потребности въ истинномъ искусствѣ, и на сколько само искусство слабо, немощно, безсильно увлекать насъ, заставить наше сердце биться сильнѣе, радоваться и волноваться не за себя одного...

Чего въ сущности искусство достигло въ наше время? Въ музыкѣ—формы оперы, въ живописи—новой вѣтви, пейзажа, далѣе,—способа писать открытый воздухъ, plein air... (замѣтьте: все это формы, способы!), въ скульптурѣ—застой, а архитектура продолжаетъ только подражать прошлому. Искусство въ нашъ вѣкъ сдѣлало только своеобразную эволюцію: начало оно съ псевдоклассицизма, скоро перешло затѣмъ къ романтизму, потомъ къ реализму, далѣе къ натурализму, импрессіонизму... и вдругъ сдѣлало крутой поворотъ къ псевдомистицизму... и ко всевозможнѣйшимъ псевдо... Такимъ образомъ оно съ чего начало, тѣмъ и кончило: начало съ псевдо и кончило имъ-же. Правда, были прекрасныя попытки проникнуть глубже въ душу человѣка, но попытки остались попытками, начало осталось безъ конца, не успѣвши расцвѣть—уже отцвѣло!..

Казалось-бы, что въ наше время искусство завладѣло широкимъ поприщемъ. Оно проникло повсюду: нѣтъ дома, гдѣ-бы не стоялъ рояль, нѣтъ хижины, гдѣ-бы не висѣло эстампа или фотографіи; число художниковъ и рисовальщиковъ удесятерилось, вмѣстѣ съ ними и число художественно-литературныхъ произведеній, выставокъ, критикъ и всевозможнѣйшихъ художественно-литературныхъ изданій. Съ такими колоссальными средствами, прибавлю—и съ такими сильными,—можно было-бы облагораживать души людей, дѣлать ихъ лучшими,

болѣе воспріимчивыми ко всему доброму, прекрасному... Но когда глубже присматриваешься къ этимъ громаднымъ рычагамъ, къ этой необыкновенной дѣятельности, гдѣ сотни тысячъ живописцевъ и скульпторовъ работаютъ и сочиняютъ, и милліоны литографовъ и литейщиковъ печатаютъ, льютъ, или чеканятъ всевозможными способами и манерами; когда ходишь по выставкамъ среди нѣсколькихъ тысячъ картинъ, легіона статуй и т. п., то поневолѣ задаешь себѣ вопросъ: каковы-же нынѣшніе идеалы въ искусствѣ, чего мы требуемъ отъ него и что оно намъ даетъ? Отвѣты, къ сожалѣнію, получаются весьма печальные. Идеала никакого, или почти никакого... Требуютъ отъ искусства милаго, игриваго, красиваго—всего того, что можетъ веселить людей, но не печалить ихъ, что ласкаетъ глазъ, но не трогаетъ чувства. И требуютъ этого люди съ утонченнымъ вкусомъ, люди, главнымъ образомъ, со средствами,—тѣ, которые могли-бы поддерживать искусство болѣе серьезнымъ образомъ. А искусство, волей-неволей, дастъ то, чего требуютъ, тѣмъ болѣе, что большинству художниковъ легче развивать свои руки и глаза, чѣмъ мысль и чувство. Да, легче имъ и работается... И если чувство у художника беретъ верхъ, если онъ изобразилъ то, чѣмъ онъ былъ пораженъ, что онъ полюбилъ, если онъ хоть на-волосъ поднимаетъ голосъ во имя человѣчности,—то будьте увѣрены, что его произведеніе останется непроданнымъ. Такія произведенія никому не нужны.

Есть въ жизни не мало анахронизмовъ, которыхъ мы не замѣчаемъ только потому, что мы привыкли къ нимъ съ дѣтства. Казалось-бы, что каждый народъ стремится обогащать свой языкъ, развивать ловкость рукъ и тонкость зрѣнія, для того, чтобы яснѣе, гармоничнѣе и конкретнѣе высказывать свои мысли и чувства. А мы, обладая этими дивными инструментами, забавляемъ себя и другихъ ихъ причудливыми переливами, увѣряя опять-таки себя и другихъ, что это-то именно и есть настоящее искусство. Эта-то печальная черта и высказалась недавно ярче всего по поводу статуи Бальзака, работы Родена. Тутъ рѣчь не о самой статуѣ, не о томъ, что одни видятъ въ ней величайшее твореніе нашего вѣка, а другіе просто бредъ больного воображенія... Это показываетъ, что мы стоимъ уже не передъ художественнымъ созданіемъ, а передъ вавилонской башней. Мы охотно допускаемъ, что можетъ быть два различныхъ мнѣнія объ одномъ и томъ-же предметѣ, допускаемъ, что защитники этихъ мнѣній могутъ увлекаться—и утрировать ихъ... Но въ наше время это доходитъ до того, что съ трудомъ приходится разбираться въ самыхъ простыхъ, самыхъ элементарныхъ вещахъ, что музыку хотятъ видѣть, а живопись и скульптуру—слышать!

Теперь—точь въ точь, какъ во время псевдоклассицизма,—многіе утверждаютъ, что правда и красота—два главные стимула искусства. Другіе идутъ еще дальше, увѣряя, что искусство—только наслажденіе, красота, солнце, жизнерадостность, ничего не имѣющее общаго съ полезностью, потому что оно само по себѣ полезно... Такъ-ли? Не будетъ-ли это немного эгоистично, немного по-эпикурейски, такъ

сказать, культъ ожирѣвшихъ, для которыхъ красота въ то-же время—чувственное удовольствіе. Если греки говорили, что въ прекрасномъ тѣлѣ—прекрасная душа, то мы можемъ сказать: гдѣ душа, тамъ и красота.

„Правда и красота—это два устоя, на которыхъ зиждется искусство"... Какія это прекрасныя слова, написанныя на пескѣ! Какъ они далеки отъ истины, какъ они одно другому противорѣчатъ въ дѣйствительности нашей нынѣшней жизни. Въ дѣтствѣ насъ сѣкутъ за то, что мы лжемъ, а взрослыми за то, что говоримъ правду; по крайней мѣрѣ, за пріятную правду обзовутъ лицемѣромъ, а за горькую—и того хуже. Пусть женщина позволитъ себѣ показать въ обществѣ носокъ своего чулка—это назовутъ неприличнымъ, но если она идетъ купаться, въ присутствіи того-же общества, въ декольтэ выше колѣнъ—это считается приличнымъ; въ искусствѣ-же та же женщина, изображенная совсѣмъ нагой,—оказывается солнцемъ, жизнерадостностью, т.-е.—красотой. И въ качествѣ „красоты" она изображается во всѣхъ видахъ: то въ видѣ миѳологическихъ богинь, то въ видѣ аллегорій, а то просто въ видѣ „купальщицы", „невольницы" и т. п. скучающихъ или валяющихся голыми на травѣ. Я спросилъ-бы: развѣ миѳологическія богини—наши божества, развѣ аллегорія—не фальшивый языкъ души? Когда мы не умѣемъ говорить просто, прямо и искренно, когда мы не въ состояніи назвать вещи ихъ именемъ, когда мы не можемъ выразить ни величіе событій, ни душу великихъ людей,—мы прибѣгаемъ къ помощи аллегоріи. Наконецъ, спрашивается: не будутъ-ли всѣ эти прекрасныя женщины только приличнымъ предлогомъ для неприличныхъ картинъ?!

Теперь нѣтъ почти ни одного монумента великаго гражданина (а ихъ теперь такъ много!), гдѣ-бы не была изображена рядомъ съ нимъ голая женщина... Иногда ихъ даже три или больше возлѣ одного бюста!.. Бѣдная женщина—чего только изъ нея не дѣлаютъ?! И опять, какое и тутъ противорѣчіе между жизнью и искусствомъ. Въ политическомъ отношеніи женщина почти ничто, въ экономическомъ—не больше, гражданскихъ правъ она не имѣетъ, трудъ ея плохо оплачивается, большинство смотритъ на нее какъ на самку; она должна только любить, рожать и кормить, за то она въ почтеніи, передъ нею встаютъ, ей даютъ вездѣ первое мѣсто,—а въ искусствѣ—она служитъ предметомъ поклоненія. Она—все или вся, какъ Богъ ее создалъ... Она изображаетъ свѣтъ, правду, вакханку, генія, духа, вдохновительницу—и даже республику. И эти раздѣтыя танцовщицы, которыхъ всѣ узнаютъ, эти голыя модели съ прекраснымъ тѣломъ и глупѣйшимъ выраженіемъ—ухаживаютъ за великими гражданами; кто обнимаетъ ихъ, кто надѣваетъ на нихъ вѣнки, кто, какъ влюбленный, пишетъ на камнѣ ихъ имена, кто указываетъ имъ куда-то, а кто шепчетъ имъ на ухо что-то... И это—высшее искусство и красота, утонченнѣйшій вкусъ, мысль и чувство, которые возвышаютъ и облагораживаютъ душу?! Да это скорѣе какой-то магометанскій рай!..

Буду надѣяться, что меня, какъ скульптора, не станутъ подозрѣ-

вать въ томъ, что я отрицаю формы и красоту,—нѣтъ, сто разъ нѣтъ! Я понимаю всю ихъ прелесть, все ихъ великое значеніе въ искусствѣ... Но однѣ формы, одна красота, безъ внутренняго содержанія, для меня то-же, что красивый фасадъ безъ дома. Я глубоко чту греческое искусство, любуюсь его величавостью, его совершенствомъ... Но оно-то именно и учитъ насъ понимать высокое значеніе искусства, не дѣлать ничего для ничего. Каждая греческая статуя имѣла глубокій смыслъ и глубокое содержаніе—содержаніе бога, въ котораго вѣрили и котораго любили всей душой. Но это были греческіе боги, греческіе идеалы, а не наши. Мы-же должны любить свои идеалы, какъ греки любили свои, быть совершенными, какъ были они, и дѣлать такъ, какъ они дѣлали, но не то, что они дѣлали,—и если подражать, то не греческимъ произведеніямъ, а греческимъ творцамъ, которые никому не подражали. Въ ихъ архитектурѣ, мебели, костюмахъ—тотъ-же смыслъ, та-же гармонія между формой и содержаніемъ, то-же стремленіе съ наименьшими средствами достигнуть наивысшихъ результатовъ, и въ общемъ—то-же совершенство. Въ ихъ декоративномъ искусствѣ логика, красота и необходимость вытекаютъ другъ изъ друга и другъ другу необходимы, какъ органическая цѣльность.

Но мнѣ скажутъ, что вѣдь не всѣ-же могутъ быть совершенными... Да, отвѣчу я, и не всѣ должны быть совершенными... Когда открылась выставка Сэръ-Пеладана, надѣлавшая такъ много шума, я писалъ, что это домъ сумасшедшихъ... И странно—сумасшедшіе тутъ были правы, потому что это былъ протестъ именно противъ всего пустого, ходульнаго и банальнаго. Къ сожалѣнію, это были фанатики безъ достаточнаго знанія, они хотѣли раздуть потухшій кратеръ, превратить старость въ молодость, воротить прошлое... повторяю, хотѣли, но не съумѣли. Въ этомъ приняли участіе не только художники, но и литераторы, музыканты—и всѣ вмѣстѣ напрягли свои нервы до изнеможенія, до того, что дали концертъ однажды въ катакомбахъ, освѣщенныхъ факелами... И вотъ, послѣ усиленныхъ попытокъ доставить людямъ душевный моціонъ, эти художники—ослабѣли и утихли. Такова была послѣдняя стадія въ движеніи новѣйшаго искусства. По крайней мѣрѣ теперь на выставкахъ ихъ замѣчается все меньше и меньше, и все больше и больше они возвращаются къ прежнему. Что будетъ дальше, какое направленіе приметъ искусство—мы не знаемъ, знаемъ только одно, что оставаться такимъ, какъ оно есть,—вещь немыслимая.

Заговоривъ о декадентахъ, не могу не отмѣтить одного печальнаго факта, касающагося въ особенности насъ, русскихъ. Я говорю о томъ, что, какъ извѣстно, и у насъ многіе молодые художники увлеклись этой новизной, но—надо сказать правду—увлеклись опять-таки не безъ причины. Въ послѣднее время я былъ въ Петербургѣ на 4-хъ русскихъ выставкахъ. Прежде всего меня поразило: отчего ихъ столько? Отчего-бы не соединить ихъ всѣ въ одну — отъ этого выиграли-бы искусство, публика и сами художники. Выставки эти ничѣмъ не отличались одна отъ другой,—ни школой, ни направленіемъ. Разница

между ними была лишь та, что одна была лучше, другая—слабѣе, но всѣ онѣ страдали однимъ существеннымъ недостаткомъ: отсутствіемъ творчества. Во всемъ чувствовалась какая-то немощь, вялость; нигдѣ, за исключеніемъ картинъ Семирадскаго, не было ни одной исторической картины, ни одного серьезнаго факта, ни одного живого тона; не было ни высокаго полета фантазіи, ни глубокаго чувства, ни мысли; наконецъ, не было даже и того „русскаго духа", по поводу котораго въ послѣднее время такъ много кричали и ломали копья. Зато на выставкахъ все больше и больше преобладала пейзажная живопись, т.-е. пассивное искусство, но не активное. Зато художники раздѣлились на партіи, и стали враждовать между собою.

Зато нѣкоторые художники сдѣлались политиканами, а политиканы—художниками. Зато,—прибавлю еще,—иностранные купцы, фабриканты и проч., стали привозить къ намъ иностранныя картины, устраивать у насъ выставки. Правда, товаръ былъ немножко залежалый—остатки прежнихъ выставокъ, но и за то имъ спасибо—вѣдь у насъ такъ много охотниковъ до разныхъ заморскихъ диковинокъ, не только до картинъ, но даже и до ученыхъ свиней... Зато каждый находилъ на иностранныхъ выставкахъ то, чего искалъ, то, чего не находилъ среди родного искусства. Послѣ этого, что-же удивительнаго въ томъ, что молодые художники съ благороднымъ негодованіемъ и легкими ногами пустились догонять заграничныя новости, чтобы съ помощью финляндцевъ спасать отечественное искусство. Отъ всей души желаю имъ успѣха, только — сомнѣваюсь—не поздненько-ли теперь увлекаться тѣмъ, на что мода за границей начинаетъ уже проходить... Да и что будетъ новаго, если мы будемъ дѣлать уже сдѣланное?! Впрочемъ, надо сказать и то, что я однажды уже сказалъ, что я уже предвидѣлъ и что уже случилось, а именно, что новѣйшее искусство пускаетъ свои корни не въ идеальномъ направленіи, а въ индустріальномъ. Въ этомъ отношеніи искусство дѣлаетъ успѣхи съ каждымъ годомъ все больше и больше. Вотъ куда-бы я совѣтовалъ нашимъ молодымъ художникамъ держать путь... Это во всякомъ случаѣ безъ риска: достигнутъ чего-нибудь—хорошо, нѣтъ—будетъ по крайней мѣрѣ свое. Чтобы показать, на сколько наши художники, особенно молодые, слишкомъ еще молоды, приведу одинъ только фактъ. На последней ихъ выставкѣ—она-же была и первой—было, разумѣется, точь въ точь то-же самое, что и на парижскихъ выставкахъ, т.-е. смѣсь идеальнаго искусства съ декоративнымъ. Художникъ Врубель выставилъ паннò, за это-то паннò и загорѣлся сыръ-боръ—въ миніатюрномъ видѣ совершенно, какъ за статую Рòдена. Одни видѣли въ немъ безсмысленный бредъ, другіе—что-то необыкновенное. Въ дѣйствительности это было не что иное, какъ подражаніе готическимъ tapisseries—такъ называемомъ verdures, гдѣ звѣри, нимфы, перемѣшиваются съ лиственной зеленью. Это паннò было заказано однимъ москвичемъ для его великолѣпнаго дома въ готическомъ стилѣ. Какъ картина—это паннò никуда не годится, а какъ декоративная вещь—весьма недурна. Но вся бѣда тутъ въ томъ, что никто не могъ рѣшить, что это за

звѣри были тамъ нарисованы, къ какой породѣ они принадлежатъ, и звѣри-ли это, или женщины? А поэтому, каждый видѣлъ въ нихъ то, что хотѣлъ.

Но возвратимся къ нашему предмету. Недавно одинъ оптимистъ—иностранецъ, конечно,—съ увлеченіемъ началъ доказывать мнѣ, какіе колоссальные успѣхи сдѣлало современное искусство, насколько вкусъ сдѣлался утонченнымъ, какой громадный запросъ теперь на изящныя произведенія, которыми каждый, кто мало-мальски можетъ, стремится окружить себя,—про богатыхъ и говорить нечего; первоклассныя картины нарасхватъ, на такія картины любители конкуррируютъ между собою—кому достанется, а потому и платятъ неслыханныя цѣны... И изъ этого онъ вдругъ сдѣлалъ неожиданный выводъ (который я, впрочемъ, неоднократно уже слышалъ и отъ другихъ), что нынѣшнее искусство напоминаетъ времена древнихъ эллиновъ, а слѣдовательно и мы тоже!

Что на это сказать? Блаженны вѣрующіе, счастливы сытые, и богаты тѣ, кто умѣетъ обманывать себя и другихъ—вѣдь самообольщеніе то-же, что самообманъ. Что касается меня, то я отъ души желалъ-бы видѣть въ нынѣшнихъ цилиндрахъ и фракахъ—людей, напоминающихъ древнихъ грековъ... Но, увы, мой взглядъ на состояніе нынѣшняго искусства есть результатъ не минутнаго ощущенія, а долголѣтняго наблюденія и горькаго опыта. Когда-то и я глубоко вѣровалъ въ высокую миссію искусства, вѣровалъ въ необходимость каждому сообщаться съ нимъ, вѣровалъ, что оно для души то-же, что роса для полей, что оно облагораживаетъ людей, смягчаетъ нравы и будитъ лучшія чувства. Мнѣ казалось, что это вѣчно будетъ такъ, ибо иначе быть не можетъ. И вотъ, уже посѣдѣвши, я увидѣлъ, что искусство не облагораживаетъ людей, не смягчаетъ ихъ нравовъ, не пробуждаетъ у нихъ лучшихъ чувствъ и добра; я увидѣлъ, что жизнь съ искусствомъ разошлась, что люди полюбили только внѣшнюю оболочку искусства,—тѣло, но не душу... Покупаютъ картины, гравюры—для того только, чтобы завѣсить обои, а завѣшиваютъ ихъ оттого только, что такъ принято. Богатые платятъ шальныя деньги за произведенія первоклассныхъ художниковъ потому, что ихъ хотятъ другіе, а другіе хотятъ потому, что хотятъ первые... Тутъ скорѣе страсть, чѣмъ любовь къ искусству, страсть имѣть, что есть у другого, и имѣть только для того, чтобы другой не имѣлъ. И этимъ заражены даже и самые порядочные люди, даже такіе, какъ нашъ знаменитый коллекціонеръ Третьяковъ, желающій имѣть непремѣнно уникумъ. Повторяю—я говорю это по горькому опыту. Не малую, а можетъ быть и главную, роль играетъ тутъ мода—сегодня мода на акварели, завтра на пастели, послѣ завтра на старинные рисунки и т. д. Есть мода и на художниковъ... Сколько изъ нихъ пережили свою моду, сколько не дожили до нея, а сколько, сколько живутъ ею!..

Укажу еще на одинъ странный фактъ. Новѣйшая живопись сильно поднялась въ цѣнѣ, становится наравнѣ съ произведеніями старинной живописи. Новѣйшая-же скульптура до невѣроятности плохо оплачи-

вается. Плохо оплачивается не потому, что стоитъ ниже новѣйшей живописи,—нѣтъ, а просто потому, что такъ принято... Спрашивается— гдѣ тутъ логика? Нѣтъ, тутъ—все, что хотите, называйте это какъ хотите, только не любовью къ искусству.

Не стану распространяться о причинахъ всего этого. Ихъ много, очень много. Отчасти я о нихъ уже говорилъ, а когда-нибудь поговорю о нихъ еще больше. Но на этотъ разъ мнѣ хотѣлось-бы коснуться выставокъ. Впрочемъ и о нихъ я уже неоднократно писалъ, такъ что мнѣ остается только прибавить нѣсколько штриховъ. Но прежде всего я долженъ сказать, что и у древнихъ грековъ, и въ средніе вѣка не было выставокъ, не было выставочныхъ конкурсовъ, не было всего хорошаго и еще больше всего дурного, чѣмъ сопровождаются вообще выставки. Въ старинныя времена лучшей выставкой для художественныхъ произведеній—было ихъ мѣсто назначенія. Прибавимъ еще, что тогда не было рекламы, которая въ наше время бьетъ въ барабанъ, трубитъ въ трубы, звонитъ въ колокола, называетъ обыкновенныя вещи необыкновенными и лужу превращаетъ въ море... Этимъ дѣломъ теперь занимается пресса—извѣстная часть прессы—и, конечно, не изъ любви къ искусству, чего, впрочемъ, никто и не скрываетъ и чему никто не удивляется. Положимъ, мы живемъ не во времена древнихъ грековъ и не въ средніе вѣка, а среди fin de siècle—полнаго прогресса. Теперь мы глотаемъ дымъ каменнаго угля и всевозможнѣйшія съѣстныя фальсификаціи, живемъ какъ пауки среди сѣтей изъ проволокъ, которыя жужжатъ и звенятъ днемъ и ночью; наши нервы до крайности напряжены, умъ озабоченъ, мы торопимся, намъ все некогда... Ежедневныя новости и всевозможныя впечатлѣнія до того многочисленны, что, не успѣвши переварить одного, мы глотаемъ уже другое. При такомъ порядкѣ вещей, если художники сами не позаботятся о себѣ, если не устроятъ выставки со всѣми удобствами, если никто не станетъ объ этомъ трубить въ уши, не забьетъ тревогу,—то, пожалуй, никто и не очнется отъ вседневной жизни и не пойдетъ смотрѣть на нихъ. И такъ, художники должны бить въ барабанъ...

Прошу еще замѣтить, что благодаря массѣ впечатлѣній, народъ теперь до того избалованъ новостями, что трехдневная новость кажется уже старою, а потому всѣ стремятся быть первыми: репортеръ, напримѣръ, чтобы первому сказать новость, художникъ — чтобы первому показать новость, а человѣкъ изъ публики—чтобы первому увидѣть... Но легко сказать—найти въ искусствѣ что-нибудь новое, когда жизнь уже такъ стара, когда въ большихъ городахъ все такъ условно, когда всѣ пресыщены новостями и, наконецъ, когда сами художники задыхаются въ этой житейской тьмѣ и не въ силахъ выбраться изъ нея прочь, на свободу, на чистый воздухъ...

И такъ, еще разъ—въ наше время выставки необходимы, неизбѣжны; онѣ въ порядкѣ вещей. Выставки бываютъ различны: есть выставки собакъ, цвѣтовъ, лошадей—или concours hippiques и т. п. Каждыя выставки имѣютъ свой сезонъ и къ веснѣ очередь доходитъ

и до художественныхъ выставокъ. Надо сказать правду, что никакія другія выставки не пользуются такимъ успѣхомъ, какъ эти. Поспорить съ ними могутъ развѣ только concours hippiques, куда собирается самая фешенебельная публика. Не буду говорить объ устройствѣ самыхъ выставокъ, со всѣми ихъ закулисными передрягами, о недовольныхъ претенціозныхъ, объ обвиняемыхъ и обвинителяхъ,—скажу только, что вездѣ одно и то-же. Но вотъ двери выставки широко раскрыты и публика неудержимо стремится туда. Олимпійскій праздникъ начался.

Первая часть программы блистательно исполняется прессой. Еще наканунѣ открытія выставки, она оповѣщаетъ всему міру о томъ, какія дивныя, удивительныя произведенія публика увидитъ тамъ—одни другихъ лучше... Такая-то картина—перлъ, такая-то—звѣзда выставки и т. д. Незнающая публика довѣрчиво спѣшитъ увидѣть это диво, скептики-же качаютъ головой и тоже бѣгутъ провѣрить, такъ-ли на самомъ дѣлѣ? Въ общемъ бѣгутъ всѣ, а это именно то, что и надо было.

Такіе пріемы, признаться, сперва сильно шокировали меня. Какъ, цѣлая художественная корпорація, состоящая изъ нѣсколькихъ сотъ, а иногда и изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, съ избранными во главѣ—эти жрецы искусства, носители нравственныхъ принциповъ, эти обладатели душевныхъ сокровищъ—и они нуждаются въ рекламѣ, и они не могутъ обходиться безъ нея?! Какой стыдъ, какой срамъ! Но скоро я увидѣлъ, что и Armées du salut—эти святыя Магдалины съ ихъ кавалерами,—и онѣ тоже сзываютъ людей на молитву, на благое дѣло, уже подлинными трубами и барабанами... Значитъ, опять-таки,—иначе нельзя. Значитъ, надо бить въ барабаны, трубить въ трубы—на благо самого человѣка. Подъ звуки такихъ барабановъ и флейтъ и я побѣжалъ нынче смотрѣть художественную выставку. И дѣйствительно, зрѣлище оказалось поразительнымъ. Огромная площадь—глазомъ не окинуть—покрытая стеклянной крышей, была превращена въ оазисъ, въ волшебный паркъ тропическихъ растеній. Тысячи статуй—мраморныхъ, бронзовыхъ,—разставлены по аллеямъ, по тропинкамъ, на ярко-зеленомъ фонѣ; солнце льетъ свои лучи, птички чирикаютъ, музыка играетъ—вотъ гдѣ великій міръ искусства, рай душевнаго блаженства. Но чѣмъ ближе присматривался я, тѣмъ больше и больше переходилъ отъ восторга въ тупое недоумѣніе, и не оттого, что нехорошо, или произведенія слабы,—нѣтъ: тутъ что ни художникъ, то мастеръ своего дѣла,—а отъ ужасной разстановки этихъ произведеній и отъ того, какъ они на васъ дѣйствуютъ. Выставка сама по себѣ утомительна: легко сказать—пересмотрѣть внимательно нѣсколько тысячъ художественныхъ произведеній, среди которыхъ многихъ сразу и не поймешь, приходится прочитывать тутъ-же выставленныя цитаты, и все-таки ничего не поймешь... Но представьте себѣ концертъ, гдѣ въ одно ухо трубятъ marche funèbre, въ другое шансонетку Оффенбаха, польки, вальсы, отъ которыхъ самъ вихремъ пойдешь... Судите сами: вотъ молящійся кардиналъ, рядомъ женщина, фавнъ съ раковиной, а на раковинѣ стоитъ Венера, далѣе борцы дерутся, бюсты,

тигры, мужчины съ женщинами—голыми, конечно,—цѣлуются, женщина, пляшущая съ бубномъ, Аполлонъ на колесницѣ, запряженной четырьмя лошадьми, Амуръ, статуя какого-то священника, благословляющаго всѣхъ мимо идущихъ, и т. д., и т. д.—до безконечности. Въ отдѣленіи живописи—не лучше. Тутъ ходишь по амфиладамъ комнатъ, изъ одной въ другую—всѣ съ верхнимъ свѣтомъ, такъ что глазъ некуда дѣвать и они поневолѣ скользятъ съ картины на картину. Большинство этихъ картинъ—незатѣйливыя, всѣ онѣ болѣе или менѣе удачные этюды лошадей, звѣрей, природы одушевленной и неодушевленной... Есть картины съ талантомъ, съ настроеніемъ, съ душой, но въ общемъ—выходитъ какое-то смѣшеніе, хаосъ, и на непривычные нервы это дѣйствуетъ какъ лихорадка, бросающая изъ холода въ жаръ, и изъ жара въ холодъ. Что больше всего удивило меня—удивило и удивляетъ—это то, что это никого не поражаетъ: большинство публики ходитъ на художественныя выставки, какъ на выставки цвѣтовъ, собакъ, переходитъ отъ одной картины къ другой, какъ отъ цвѣтовъ къ цвѣтамъ, любуется искусствомъ, какъ какими-нибудь растеніями—ихъ пышнымъ ростомъ, яркостью красокъ и рѣдкостью породы.

Такое-же безотрадное впечатлѣніе выносишь и изо всѣхъ музеевъ всего міра. Тутъ уже нельзя сказать, чтобы произведенія были плохи, но тутъ та-же безтолковая разстановка картинъ и статуй, дѣйствующихъ на васъ различнымъ образомъ, одна другую парализующихъ. Страшнѣе всего то, что въ декоративномъ искусствѣ—совсѣмъ другое. Пусть кто смѣшаетъ въ музеѣ или на выставкѣ стиль Людовика XIV съ готическимъ—такого распорядителя всѣ назовутъ варваромъ, невѣждой. Стилей не смѣшаютъ, ихъ раздѣляютъ, и даже часто извѣстные стили имѣютъ свои отдѣльные музеи. Если такъ, если существуетъ такое чутье въ декоративномъ искусствѣ, отчего-же нѣтъ того-же самаго и въ идеальномъ? Недавно въ Луврѣ открыли отдѣльную залу примитивнаго искусства (въ добрый часъ!), и тутъ-то воочію еще болѣе убѣждаешься, на сколько необходимо раздѣлять извѣстные роды художественныхъ произведеній. Убѣждаешься въ этомъ еще болѣе, когда переходишь изъ этой залы въ другую, гдѣ видишь, напримѣръ, „Снятіе со креста"—плачъ и горе, а надъ нимъ—изображеніе пышной женщины, купающейся въ золотомъ дождѣ.

Изъ этого какой-же выводъ? Все одинъ и тотъ-же: что мы мало ощущаемъ въ себѣ потребность истиннаго искусства—не только толпа, но и корифеи, знатоки, доки, которые по манерѣ до тонкости опредѣляютъ, какая картина какому мастеру принадлежитъ, каковы ея достоинства и недостатки. Эти люди такіе-же знатоки въ искусствѣ, какъ ювелиры въ бриллiантахъ, и любуются искусствомъ, какъ ювелиры блескомъ своихъ камней... Все сводится къ внѣшней сторонѣ искусства—не больше!

„Ну, да!", скажутъ: „Антокольскій пессимистъ, поэтому онъ и видитъ все въ мрачномъ видѣ!" Да что такое пессимизмъ? Кто хочетъ быть пессимистомъ? Кто не любитъ природы, солнца, дѣтскаго смѣха?

Кто не хочетъ жить полною жизнью, быть счастливымъ и видѣть счастливыхъ вокругъ себя? Кто хочетъ разочароваться въ томъ, во что онъ вѣритъ и что любитъ? Пессимизмъ вытекаетъ не изъ своего личнаго „я", а изъ окружающихъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ на это „я". Рождаются умные и глупые, добрые и злые, но не рождаются ни оптимисты, ни пессимисты. Въ дѣтствѣ—всѣ Божія птички: не сѣютъ, не жнутъ, чирикаютъ, купаясь въ солнечныхъ лучахъ. Блаженны тѣ, кто имѣетъ возможность оставаться такимъ до старости, кто идетъ въ жизни съ попутнымъ вѣтромъ, кто не встрѣчаетъ противнаго, или, встрѣчая, умѣетъ побороть его. Не всѣ рождаются подъ счастливой звѣздой, сильными, съ наслѣдствомъ, связями и съ другими удобствами жизни; но не всѣ могутъ со спокойной совѣстью толкать другихъ изъ-за себя.

И все-таки, какимъ-бы я ни былъ пессимистомъ, какъ-бы я ни былъ разочарованъ въ современномъ искусствѣ и людяхъ, къ нему прикосновенныхъ,—все-таки я вѣрю и убѣжденъ, что искусство вѣчно: и было, и будетъ; что оно потребность, прирожденная каждому, каждому народу, даже каждому отдѣльному человѣку. У одного только эта Божія искра горитъ ярче, у другого слабѣе; но она есть, она сопровождаетъ людей отъ колыбели до гроба, на крестинахъ, на свадьбахъ и похоронахъ—вездѣ она. Посредствомъ искусства (пѣнія и слова) мы выражаемъ свои чувства любви, горести и радости, подъ звуки музыки мы смѣлѣе идемъ къ побѣдѣ, подъ тѣ-же звуки оплакиваемъ падшихъ героевъ. Искусство украшаетъ храмы, оно учитъ насъ лучше молиться, сильнѣе любить Бога и чувствовать чувства другихъ. Искусство, какъ однажды я уже сказалъ, это—выразитель и толкователь человѣческой души, посредникъ между Богомъ и человѣкомъ. Искусство говоритъ яснѣе, конкретнѣе, красивѣе—то, что каждый хотѣлъ-бы сказать, но не можетъ. Искусство подобно путевой звѣздѣ, освѣщающей путь тѣмъ, кто стремится впередъ, къ свѣту, хочетъ быть лучше, совершеннѣе. Таковъ истинный смыслъ искусства, таковъ былъ онъ у древнихъ грековъ и въ средніе вѣка. Увы, не такимъ мы видимъ его теперь. Тогда искусство вытекало изъ внутренней потребности, а теперь изъ избытка.

И такъ, если искусство сдѣлалось одностороннимъ для одностороннихъ, если оно не для народа отъ народа, если красота потеряла свое истинное значеніе и сдѣлалась предметомъ эпикуреизма, если она потеряла свое внутреннее содержаніе, наконецъ, если художники не понимаютъ своего высокаго призванія, а критики не умѣютъ имъ растолковать его и толкуютъ совсѣмъ обратное,—то послѣ этого, что-же удивительнаго, что такой великій художникъ, съ такой чуткостью нравственныхъ принциповъ, какъ гр. Л. Н. Толстой, остановился на вопросѣ: „что такое искусство?" Но послѣ этого слѣдовало-бы поставить другой вопросъ: какая-же причина такого нынѣшняго положенія искусства? Яблоко отъ яблони не далеко откатывается. Теперь и въ жизни, какъ и въ искусствѣ, то-же декадентство, тѣ-же крайности, та-же раздвоенность между умомъ и чувствомъ—и та-же пута-

ница. А если нѣтъ идеала въ жизни, то откуда-же быть ему въ искусствѣ? Искусство можетъ дать только лучше того, что есть, но не можетъ дать того, чего нѣтъ. Какъ-бы то ни было, въ книгѣ гр. Толстого можно найти многое, съ чѣмъ вы, можетъ быть, не согласитесь, многое, о чемъ можно спорить, но въ общемъ—это книга удивительная уже по тому одному, что она заставляетъ многихъ оглянуться и задуматься. И тѣ, кто любитъ искусство, какъ человѣка, и обратно,—тѣмъ остается только сказать гр. Л. Н. Толстому большое спасибо!

Парижъ, 1898 г

«Искусство и художественная промышленность», 1898 г., № 1 и 2 октябрь и ноябрь.

Замѣтка.

Здѣсь случилось въ художественномъ мірѣ то, что можетъ случиться только въ Парижѣ. Литературный кружокъ заказалъ извѣстному скульптору Родену статую Бальзака. Послѣ 6-лѣтняго труда, онъ выставилъ эту статую въ Salon; она вызвала общее недоумѣніе, а заказчики отказались признавать въ ней своего любимаго героя. Вотъ и все.

Что-же тутъ удивительнаго? навѣрно спроситъ читатель. Конечно, съ нашей точки зрѣнія, удивительнаго тутъ ничего и нѣтъ; но не такъ смотрятъ здѣсь.

Раньше всего я долженъ сказать, что, несмотря на блестящую французскую технику, на ихъ скульптурное совершенство, тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ статуи Вольтера работы Гудона, они не создали ни одной исторической личности, о которой могли-бы сказать—„такимъ онъ былъ, другимъ быть не могъ". Что-же касается Родена, то его талантъ направленъ совсѣмъ въ другую сторону. Этимъ я не хочу умалить его великое достоинство—нисколько, но извѣстно, что каждый художникъ имѣетъ свою лужу, въ которой онъ плаваетъ свободно, какъ рыба въ морѣ.

Недоумѣваешь только, какъ могли знатоки искусства выбрать Родена для Бальзака, и требовать отъ него того, чего меньше всего тотъ можетъ дать.

Талантъ Родена удивительный и столько же странный; поэтому, въ силу и того и другого, онъ имѣетъ поклонниковъ и подражателей, какъ никто. Никѣмъ такъ не восторгаются, какъ имъ, даже тогда, когда восторгаться нечѣмъ. Такъ, напр., въ прошломъ году онъ выставилъ монументъ Виктору Гюго, изобразивъ его такимъ, какимъ Богъ его создалъ, безъ малѣйшей портняжной принадлежности. Должно быть, поэтъ восхищалъ всѣхъ не столько мощнымъ духомъ, сколько прекраснымъ тѣломъ. Впрочемъ, былъ тутъ и духъ, въ видѣ парящей фигуры, похожей на загорѣвшее тѣло, шептавшій поэту что-то на ухо.

И вы думаете, что эта статуя кого-либо шокировала? Нисколько, напротивъ, критика и публика пѣли ему гимны, да какіе еще!

На нынѣшній разъ Роденъ изобразилъ Бальзака, или хотѣлъ изобразить его,—ночью, вдохновеннымъ. Онъ стоитъ одѣтый не то въ рубашку, не то въ халатъ, отдѣланный немного небрежно—похожій на мѣшокъ съ камнями. Что тутъ удивительнаго? Удивительнаго тутъ ничего и нѣтъ. Виктора Гюго онъ изобразилъ слишкомъ открытымъ, Бальзака слишкомъ закрытымъ. Если понравился первый, почему-же не можетъ удовлетворить второй?

Такъ или иначе, но какъ только разнеслась вѣсть, что заказчики отказываются признавать въ этой статуѣ Бальзака, французское чувство возгорѣлось. Какъ! Отдать на посрамленіе своего? Ни за что! Сейчасъ образовался контръ-комитетъ, изъ художниковъ, литераторовъ; посыпались протесты противъ отказа, открыли подписку для пріобрѣтенія статуи; разослали печатныя воззванія въ пользу Родена; любители предлагаютъ за статую денегъ сколько угодно, самъ Роденъ ежедневно получаетъ сотни писемъ съ поздравленіемъ, съ сочувствіемъ, съ мольбою не отдавать статую въ частныя руки. Газеты подъ особенной рубрикой пишутъ статьи, извѣщаютъ публику о ходѣ дѣла до малѣйшихъ подробностей, и всѣ заинтересованы—чѣмъ это кончится. Но конецъ-ли это? Кто знаетъ, можетъ быть это только начало.

Какъ-бы то ни было, хорошо-ли, дурно-ли исполнена статуя Бальзака, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что общее сочувствіе на сторонѣ Родена.

Карлъ Великій говорилъ: „когда мой священникъ согрѣшитъ, я покрою его своимъ плащемъ“. А французы не только покрываютъ своихъ, но и готовы грудью стать за нихъ. Можетъ быть, это уже черезчуръ, можетъ быть, лучше, если-бы восторжествовала, вмѣсто пылкой любви, безпристрастная правда. Но мыслимо-ли это тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о патріотическомъ самолюбіи? И у насъ тоже такъ, не правда-ли? Мы тоже любимъ своихъ, особенно скульпторовъ.

Недавно съ однимъ скульпторомъ случились три казуса, одинъ другого невѣроятнѣе: у него не только отняли заказъ, но при этомъ хорошенько еще его оклеветали, очернили самымъ возмутительнымъ образомъ, какъ человѣка и художника—и ничего, всѣ молчатъ, молчитъ и скульпторъ. Что-же ему дѣлать? Кричать? Жаловаться? На кого? Извѣстно, что въ концѣ концовъ глиняный горшокъ будетъ разбитъ мѣднымъ; но печальнѣе всего то, что братики и сестрицы по искусству способствуютъ этому,—увѣряютъ, что среди спеціалистовъ всегда такъ можетъ быть.

Но я помню, когда всѣ художники шли дружно къ одной цѣли и поддерживали другъ друга, какъ самого себя; а теперь среди художниковъ народился новый типъ, въ сущности ничтожный и, если-бы не интриги, былъ-бы ничто, но сила его именно въ интригахъ, а поэтому онъ становится сильнѣе всѣхъ. И вотъ, такіе художники, какъ только надѣваютъ вицъ-мундиръ, становятся хуже чиновниковъ, точно мстятъ своимъ собратьямъ за свое ничтожество.

Недавно я былъ въ Петербургѣ, обошелъ всѣ русскія выставки, ихъ было четыре. Всѣ онѣ болѣе или менѣе были милы, хороши; не было ничего такого, что могло-бы возмущать, но и не было ничего такого, что бы трогало, волновало и восхищало; не было ни силы, ни мощнаго духа русскаго творчества; не было ни одной исторической картины, ни одного русскаго типа, за исключеніемъ картины „Несторъ“.

И хоть-бы одно слово, одинъ голосъ протеста — никто! Ни публика, ни критика. Жюри выбралъ картины для національнаго музея Императора Александра III, и опять ничего тутъ не было напоминающаго русское. Поневолѣ спрашиваешь: гдѣ-же тотъ русскій духъ, самостоятельное творчество, о которомъ такъ много говорятъ? Его нѣтъ. Отчего? Оттого, что въ искусство вошелъ новый элементъ—политика. Про этихъ-то политикановъ я поговорю въ свое время отдѣльно, болѣе обстоятельно.

Парижъ. Іюнь 1898.

Письмо къ пріятелю.

...Наконецъ, мнѣ удалось теперь просмотрѣть нѣсколько выпусковъ обоихъ нашихъ художественныхъ журналовъ. Изъ нихъ журналъ „Искусство и художественная промышленность“ поразилъ меня своимъ великолѣпіемъ. Удивительно, какъ все въ немъ роскошно. Но, кромѣ того, это, навѣрное, первый художественный журналъ въ Россіи, изъ всѣхъ, какіе бывали до сихъ поръ.

Скажу болѣе того: это лучшій журналъ, какого можно и должно было-бы желать у насъ, такъ какъ наша публика плохо относится къ художественной миссіи, плохо относятся къ ней теперь у насъ и слишкомъ многіе—къ несчастію—изъ самихъ художниковъ.

Совершенно обратное впечатлѣніе произвелъ на меня журналъ „Міръ искусства“. Прочитавъ теперь статью тамошнихъ господъ противъ Рѣпина, мнѣ хотѣлось выступить противъ этихъ людей, но я рѣшилъ, что съ пьяными толковать не стоитъ. Надо дать имъ выспаться, какъ вотъ здѣсь, въ Парижѣ, уже выспались декаденты. Декадентство уже исчезло въ искусствѣ, изображающемъ одушевленную человѣческую натуру. Его осталось только малость, оно держится только въ пейзажѣ, да и то благодаря импрессіонистамъ (колористамъ). Но оно нѣсколько болѣе держится еще въ декоративномъ искусствѣ и имѣетъ тамъ нѣкоторый успѣхъ, потому что, именно, тутъ, болѣе чѣмъ гдѣлибо, присутствуетъ смѣсь правды со всякими выдумками.

Того остраго декадентства, которое существовало здѣсь немного лѣтъ тому назадъ—теперь уже почти вовсе болѣе не видно. Это было чисто какое-то сумасбродство: можетъ-быть, именно оттого-то оно у насъ и привилось. Но какъ? Не трудно впередъ представить себѣ результатъ, когда сумасбродные люди принимаются *подражать* сумасбродству.

Но меня вотъ что удивляетъ. Какъ наши-то художественные корифеи, художники съ имeнемъ и положеніемъ, художники истинно достойные, въ самомъ дѣлѣ страстно любящіе свое искусство, всю жизнь свою приносящіе ему въ жертву,—какъ они-то могутъ такъ равнодушно смотрѣть на печальное зрѣлище, какъ одни сумасшедшіе забрались на колокольню, а другіе подпиливаютъ ее на потѣху публикѣ. Я спрашиваю: гдѣ наши истинные художники? Отчего они прячутся по угламъ? Отчего они такъ апатично относятся къ священному дѣлу, передъ которымъ, однако, сами-же они преклоняются? гдѣ X, гдѣ У, гдѣ другіе? Я не говорю про Рѣпина. Онъ одинъ исключеніе. Онъ, при всѣхъ, быть можетъ, его недостаткахъ и ошибкахъ, одинъ живетъ живѣе, чѣмъ всѣ остальные, увлекается, иногда заблуждается, кается, но именно это-то и есть сама жизнь, молодость. И если-бы меня спросили, что я предпочитаю, я отвѣтилъ-бы: бурю стоячей водѣ.

Я вспомнилъ про нашихъ корифеевъ не для того, чтобы бороться съ зачумленными, а чтобы отстаивать здоровыхъ...

Парижъ, 4-го (16-го) мая 1899 г.

«Новости», 10 мая 1899 г. № 127.

Статья о Дрейфусѣ [1]).

То, что я предвидѣлъ, то, что должно было случиться—случилось. Дрейфусъ вторично осужденъ... Я говорю — „то, что должно было“, потому, что исторія Дрейфуса—нарывъ на больномъ тѣлѣ. Франція больна...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я говорилъ о французскомъ искусствѣ. Я отмѣтилъ тогда это странное явленіе. Къ сожалѣнію, печать почему-то пропустила нѣкоторыя мои слова, такъ что мысли мои вышли неточны и неясны. Попробую теперь возстановить свой текстъ настолько, насколько память моя позволитъ.

Я отмѣтилъ тогда три странныхъ симптома, появившихся въ одно и то-же время въ трехъ различныхъ слояхъ французскаго общества. Въ высшемъ обществѣ появилась какая-то необузданная страсть въ самомъ развращенномъ смыслѣ. Актеры и актрисы съ самыми скабрезными шансонетками вдругъ вошли въ моду, ихъ приглашали на вечера въ самые почтенные дома; хозяева разсылали приглашенія пожаловать безъ своихъ дочерей, а дочери приглашали своихъ друзей и подруженекъ пожаловать безъ родителей... Низшій слой общества разразился бомбами, а искусство выкинуло урода—выставку.

Года два спустя, я опять говорилъ о французскомъ движеніи въ искусствѣ, и опять отмѣтилъ какую-то болѣзненную напряженность ко всему антиестественному: люди стали искать сильныхъ ощущеній, какъ

[1]) Эта статья осталась ненапечатанною.

наркотическія средства для испорченныхъ желудковъ, и дошли до того, что давали концерты въ катакомбахъ, ночью, съ зажженными факелами. Теперь явилась какая-то жажда кровавыхъ зрѣлищъ; бой пѣтуховъ, бой быковъ стали модой. Въ ту минуту, когда я пишу эти строки, въ Байоннѣ идетъ спектакль—бой быковъ; правда, на этотъ разъ безъ лошадей, за то торреадоры—молодежь лучшаго общества.

Помните картину Жерома „Колизей?“ На аренѣ стоитъ побѣдитель-гладіаторъ, ногою упершись въ горло своего побѣжденнаго противника, который извѣстнымъ знакомъ молитъ пощады, а опьянѣвшій народъ реветъ, рычитъ, указывая пальцемъ внизъ:—„заколоть его!“

Не напоминаетъ-ли эта картина все то, что происходило на процессѣ Дрейфуса? Тутъ не о гладіаторахъ рѣчь идетъ, а о толпѣ, о звѣрскомъ чувствѣ, о толпѣ, жаждущей жертвы...

Не напоминаетъ-ли тогдашнее состояніе людей теперешняго? Тогда партіи заискивали у воиновъ, теперь тоже; тогда была борьба между христіанами и язычниками, между новымъ и старымъ Римомъ; теперь борьба между интеллектуальной силой и свирѣпой силой.

Но можемъ-ли мы оставаться равнодушны къ тому, что происходитъ теперь? Можемъ-ли мы дать французамъ, по выраженію Бисмарка—„жариться въ ихъ собственной крови“. Не отзовется-ли это дурно на томъ, кто этого желаетъ, на томъ, кто равнодушный зритель этого?

Парижъ, 2 сентября 1899 г.

О декадентахъ и о Парижской всемірной выставкѣ.

Замѣтка М. М. Антокольскаго.

Напрасно станете убѣждать пьянаго, что онъ пьянъ,—все равно, спать не пойдетъ. Декаденты должны дойти у насъ до крайности, до истерики, и тогда сами очнутся, какъ это случилось и здѣсь, въ Парижѣ. Время нанесло ихъ, время и смететъ ихъ, только метла оказывается плохая: по угламъ и щелямъ они все-таки остались, ну и пускай—тамъ имъ и мѣсто. Я думалъ, что они съумѣютъ свить себѣ гнѣздо въ промышленномъ искусствѣ, на томъ основаніи, что тутъ не только допускается смѣсь правды съ выдуманностью, но она даже необходима тамъ, — однако и этого не оказалось: отъ ихъ капризовъ сперва какъ-будто хорошо было, потомъ такъ себѣ, а затѣмъ просто тошно становится. Это теперь не мое только личное мнѣніе, а мнѣніе большинства. Всякій разъ, когда я говорю про новѣйшее искусство, я долженъ сдѣлать одну оговорку. Отъ души радовался-бы я всякому новому искусству, если-бы въ немъ было дѣйствительно что-нибудь новое и художественное, но у декадентовъ нѣтъ ни того, ни другого. Все то, что они дѣлаютъ,—есть подражаніе уже сдѣланному, только у нихъ все это какъ-то выходитъ на изнанку. И

такъ, я не врагъ „новаго искусства", а врагъ декадентовъ, анти-естественниковъ,—тѣхъ, которые желаютъ подняться выше природы, уродуютъ ее; я врагъ недоучекъ, дилеттантовъ, которые одно только и знаютъ, будто все знаютъ,—словомъ, я врагъ враговъ искусства.

Многіе удивлялись, что Академія Художествъ намѣрена допустить въ свои стѣны декадентовъ,—сомнѣваюсь, чтобы это было. А впрочемъ, вѣдь наше время—удивительное: оно учитъ насъ ничему не удивляться. Не будетъ удивительно и то, если декаденты допустятъ къ себѣ академистовъ. Горюютъ, что три выдающіеся художника сочувствуютъ декадентамъ; но заражаться можетъ всякій,—заражаются болѣзнями и паны и хамы, и мудрецы и глупцы. А все-таки, какъ ни прививай эту болѣзнь, а русская башка отъ того не заболѣетъ, пожалуй одурѣетъ, какъ это отчасти и случилось. Я видѣлъ рисунокъ въ краскахъ, напечатанный и расхваленный,—онъ изображалъ подобіе лапши, разведенной въ борщѣ. Тутъ, дескать, будущій русскій стиль. Ну, это уже изъ рукъ вонъ.

Въ послѣднее время разныя обстоятельства сильно измѣнили меня, но великъ Богъ! Я устоялъ. Это случилось какъ разъ во время всемірной выставкѣ; она точно иллюстрировала мое внутреннее настроеніе. Я видѣлъ въ ней столько хорошаго, а рядомъ столько дурного, что въ одно и то-же время я радовался и волновался...

Подобной выставки не бывало и врядъ-ли будетъ: она была въ своемъ родѣ знаменіемъ времени конца вѣка и въ своемъ родѣ декадентствомъ, т.-е. желаніемъ произвести по возможности сильнѣйшее впечатлѣніе, мало разсчитывая на человѣческіе нервы,—и вышло то, что одни осматривали ее въ галопъ, точь-въ-точь какъ въ русскомъ отдѣлѣ Кремля проѣзжали черезъ всю Сибирь въ десять секундъ; другіе-же, наоборотъ, подходили къ ней съ подобающимъ благоговѣніемъ, какъ къ розговѣнью послѣ сорокадневнаго поста. Представьте себѣ какую-нибудь огромную залу, ярко освѣщенную, празднично убранную; посреди стоитъ предлинный столъ, которому и конца нѣтъ, а на столѣ—чего-чего только не наставлено. Какіе пироги!—жирные такіе; какія пирамидальныя пасхи! Сколько закусокъ!—на всякіе вкусы, и сколько бутылокъ разныхъ сортовъ и цвѣтовъ! А посреди стола, какъ-бы на тронѣ, или словно герой на пьедесталѣ, лежитъ бѣлый поросенокъ, убранный бумажными цвѣтами и расписанный кондитерскими вензелями,—все это манитъ глазъ и дразнитъ аппетитъ. Да это рай земной! „Батюшки,—всѣ сюда, скорѣе сюда!" И что-же, еле-еле дотронулись до уголка стола, какъ одни уже не могутъ встать, а другіе шапку въ охапку, и были таковы. Всѣ въ одинъ голосъ сказали: „Хорошо, но слишкомъ,—невозможно, мочи нѣтъ!"

Я-же не пришелъ сюда разговѣться,—я просто, какъ всегдашній житель Парижа, ходилъ на выставку часто, не торопясь, и было что посмотрѣть, было чѣмъ восторгаться, чему поучиться. Бывало, войдешь въ машинную галлерею, и духъ захватываетъ, словно я среди какого-то желѣзнаго міра: желѣзо живетъ, стучитъ, свиститъ, двигается,—что это за чудовище! Что за гигантъ! Что за сила! Желѣзо замѣняетъ

человѣка, паръ—его дыханіе; желѣзо работаетъ за тысячи людей и въ тысячу разъ скорѣе, чѣмъ они; желѣзныя грабли то вытягиваются, то сокращаются, поворачивая предметъ своею силою, передавая его какъ-бы изъ рукъ въ руки, пока не выбросятъ его совсѣмъ оконченнымъ. Желѣзныя машины сѣютъ, жнутъ, молотятъ, пекутъ хлѣбъ и кормятъ тысячныя толпы. Цѣлые ряды катушекъ двигаются автоматически какъ солдаты на смотру, чешутъ шерсть, прядутъ нитки, ткутъ матеріи, готовыя одѣть легіоны войскъ... Казалось, какъ ничтоженъ, слабъ, жалокъ человѣкъ въ сравненіи съ этими желѣзными гигантами: попадись онъ въ ихъ грабли, онѣ-бы его стоптали, сломали, изсушили въ порошокъ, раздули его какъ дымъ, а между тѣмъ, именно здѣсь, подъ этими гигантами, человѣкъ властвуетъ, какъ надъ дисциплинированными рабочими. По его велѣнію, гигантскій молотъ однимъ ударомъ превращаетъ желѣзный шаръ въ тонкій листъ; по его-же велѣнію, тотъ-же молотъ разбиваетъ скорлупу маленькаго орѣшка, такъ что ядро остается не тронутымъ.

Въ гигіеническомъ отдѣлѣ такой-же восторгъ. Вы видите мутную воду, полную инфузорій, которыхъ предки ваши глотали. Вы видите старинную больницу (съ четырьмя больными въ одной кровати), куда больные шли какъ въ живой гробъ. Вы видите старинные хирургическіе инструменты, отъ которыхъ люди умирали какъ отъ пытки. А рядомъ съ этимъ вамъ показываютъ—и какой прогрессъ былъ сдѣланъ. Та-же мутная вода превращается на вашихъ глазахъ въ чистѣйшую, какъ кристаллъ; госпитальная чистота, удобство вызываютъ у васъ какое-то благоговѣніе, полное благодарности; хирургическіе инструменты больше не пугаютъ васъ. Вы идете въ другіе отдѣлы, и восторгъ вашъ не ослабѣваетъ,—напротивъ, ваше любопытство, ваша любознательность усиливаются все больше и больше, особенно въ отдѣлѣ образованія. Сколько было сдѣлано для пробужденія у людей знанія и сознанія, сколько школъ теперь на всемъ земномъ шарѣ! Какъ онѣ умножаются, сколько милліоновъ дѣтей обучается, и какъ они обучаются, какіе легкіе методы преподаванія! Вы ни на минуту не сомнѣваетесь, что всѣ эти дѣти навѣрное въ высшей степени симпатичны. Вы вѣрите въ то, что всѣ они выйдутъ порядочными людьми, здоровыми духомъ и тѣломъ, и полезными другъ другу. Да можетъ-ли и быть иначе при нашемъ сознаніи, при нашемъ совершенствѣ, а главное при такихъ огромныхъ средствахъ, когда бумагою можно устлать все небо, перья превратить въ крылья для людей, а буквами заслонить солнце и навести тьму.

Но довольно,—невозможно все описать, особенно бѣгло. Надо сперва быть спеціалистомъ всего, все изучать, разбирать, затѣмъ написать томы, и тогда только картина выставки и восторгъ отъ нея будутъ полные.

Переходя отъ образованія къ гигіенѣ, отъ гигіены къ „Красному Кресту", я очутился въ военномъ отдѣлѣ, и зудъ пробѣжалъ у меня по всему тѣлу,—я остолбенѣлъ... какой огромный отдѣлъ! Стальные стволы пушекъ и ружей, острыя лезвія, малыя и большія, смотрѣли на меня

отовсюду съ холоднымъ блескомъ, какъ вытянутыя змѣи, готовыя обрызгать меня ядомъ... Что это за чудовища? Кто ихъ создалъ,—неужели Богъ? Для кого? И для чего? Всѣ они шипѣли мнѣ одно и то-же: „Смерть, смерть!“ Сильнѣе оборона, сильнѣе разрушеніе—и та-же смерть. Вотъ она! Смотрите на человѣческую кость съ пулями, врѣзавшимися въ нее, выставленную тутъ-же. Смотрите на фотографію, снятую съ поля битвы, усѣяннаго убитыми и ранеными, истекшими кровью подъ жгучимъ небомъ. И за что такая вражда среди людей? И кто враждуетъ между собою?—Неужто тѣ-же питомцы, воспитанные съ такою заботливостью и такимъ упованіемъ? Неужто тѣ же братья инженеры, механики, которыми вы восторгались въ машинной галлереѣ, создавшіе такія изумительныя вещи для прогресса, для облегченія жизни людей? Неужто они-же создали такія адскія машины для уничтоженія другъ друга? Въ одинъ и тотъ-же день я былъ въ раю и въ аду, радовался человѣческому возрожденію и оплакивалъ его смерть, я пѣлъ ему гимнъ—аллилуя и похоронный маршъ... Къ чему мнѣ ваши совершенства, ваши прогрессы,—вы достигли того, что врываетесь въ нѣдра земли, поднимаетесь выше орла, вы достигли его полета, вашъ голосъ, ваши движенія запечатлѣваются на вѣки, ваши слова облетаютъ весь міръ быстрѣе молніи, паръ и электричество переносятъ васъ отъ Запада до Востока, отъ Сѣвера до Юга, надъ всѣмъ этимъ вы властелины и въ своей власти сильны, а все-таки вы ничтожны, потому что вы не въ силахъ укротить людскія злобы, заставить ихъ другъ друга любить и жалѣть.

На чистомъ воздухѣ не лучше: шумъ и гамъ, вездѣ играютъ и пьютъ, пьютъ и играютъ, хлопаютъ браво, а бубенъ, главное, бубенъ, неистовствуетъ, обыкновенные люди въ необыкновенныхъ костюмахъ стоятъ на подмосткахъ и хриплымъ уже голосомъ кричатъ, приглашая всѣхъ видѣть диковинку—первыхъ красавицъ міра, кричатъ съ разныхъ сторонъ; тутъ пляшутъ явайцы, тамъ индѣйцы, тамъ испанцы, а тамъ турчанки, пляски вакханальныя пляшутъ до усталости, до изнеможенія, обливаются холодною водою и опять пляшутъ. Гдѣ хуже—тамъ больше народа; толпятся матери съ дѣтьми, чтобы видѣть „пляску живота“, отъ которой старые люди краснѣютъ.

Очень уже расхваливаютъ разные дворцы (Palais): дворцы костюма, оптическій, женскій, танцевъ, хвалятъ также разныя панорамы, діорамы, стеорамы, гдѣ можно объѣхать весь міръ въ одинъ мигъ. Весь этотъ вздоръ отнимаетъ у васъ массу времени и опоражниваетъ вашъ кошелекъ. Чтобы видѣть всю выставку—стоитъ всего 30 сант., а чтобы попасть въ разныя ямы—400 фр. Какъ это вамъ нравится? Выходитъ какъ разъ наоборотъ противъ народной мудрости: что даромъ (или почти даромъ)—то мило, а что дорого—то гнило, прибавлю, за исключеніемъ двухъ, трехъ вещей, для которыхъ не пожалѣли ни денегъ, ни времени (кстати сказать, кажется, онѣ-то и обанкрутились).

Находясь среди кабаковъ, кіосковъ, панорамъ, театровъ и разныхъ Palais, среди шарлатановъ въ шутовскихъ костюмахъ, а то и

просто въ цилиндрахъ, словно истинные джентльмэны, которые расхваливаютъ дѣвицу въ трико, стоящую тутъ-же,—чувствуешь совсѣмъ не то, что въ машинной галлереѣ, въ гигіеническомъ или образовательномъ отдѣлѣ; чувствуешь совсѣмъ другое, чѣмъ даже въ военномъ отдѣлѣ, гдѣ умный человѣкъ превращается въ хищнаго звѣря. И какая лихорадочная жадность свойственна всѣмъ эксплуататорамъ міра, чтобы приманить по возможности больше барановъ и остричь ихъ!

И такъ, вы идете изъ галлереи въ галлерею, изъ улицы въ улицу, какъ изъ свѣта въ тѣнь, и обратно, и вы все больше и больше убѣждаетесь, какъ много сдѣлано для человѣка, и какъ мало онъ стоитъ того, что сдѣлано для него: геній и шарлатанъ тутъ, рядомъ, съ однимъ успѣхомъ занимаютъ публику...

Въ „Національной улицѣ"—давка, всѣ хотятъ видѣть рядъ роскошныхъ дворцовъ, выстроенныхъ всѣми народами міра. Около каждаго дворца стоитъ цѣлая вереница народа съ пропускными билетами, выхлопотанными имъ еще наканунѣ. Находясь на противоположной сторонѣ Сены, поневолѣ любуешься на эту пеструю, разнообразную архитектуру съ причудливыми шпицами и башнями разныхъ цвѣтовъ и тоновъ,—каждое зданіе носитъ свой отпечатокъ, свою особенность, свою національную гордость. Какъ они живописны! Неужто они осуждены на гибель?—Какъ? Архитекторы, декораторы напрягали всѣ силы своей фантазіи, не жалѣли ничего, ни самихъ себя; ихъ усилія увѣнчаны успѣхомъ—для того, чтобы снести потомъ вонъ ихъ труды. Не вандализмъ-ли это? Купецъ, механикъ, художникъ возвращается съ выставки—или со своими произведеніями, или съ выручкою за нихъ, а архитекторъ съ чѣмъ?—Мало того, что онъ чуть-ли не самъ долженъ разрушать то, что создалъ? Но мои мысли не долго останавливались на этомъ вопросѣ,—я думалъ уже совсѣмъ другое: какъ-бы поскорѣе попасть внутрь этихъ дворцовъ; когда снаружи такъ хорошо, то внутри навѣрное еще лучше, я ни на минуту не сомнѣвался въ этомъ. Вѣдь зданія строятъ для чего-то, а не что-то для зданія. Но скоро моя увѣренность, мое воображеніе разлетѣлись какъ дымъ: я въ Итальянскомъ дворцѣ, какъ на благотворительномъ базарѣ, съ выставленными вещами, далеко не первокачественными, больше всего разныя поддѣлки, какъ-то: венеціанское стекло, кружево, мозаика, дерево и проч.; поддѣлки, нечего сказать, ловкія,—на это итальянцы молодцы, но хвастаться этимъ все-таки не слѣдуетъ.

Въ Испанскомъ дворцѣ совсѣмъ другое. Тутъ ничего нѣтъ поддѣльнаго, а все подлинное, весьма рѣдкое и весьма цѣнное, и все-таки недоумѣваешь столько-же, сколько и въ Итальянскомъ,—для чего все это выставлено? Что общаго тутъ съ прогрессомъ? Остряки увѣряютъ, что выставлено для того, чтобы показать всему міру, что, несмотря на послѣднюю войну, Испанія все-таки не обѣднѣла, ея драгоцѣнности не заложены въ ломбардъ. Впрочемъ, въ Англійскомъ дворцѣ, въ Германскомъ, въ Венгерскомъ, выставлены такіе же драгоцѣнные старинные предметы; только въ Американскомъ не такъ, какъ вездѣ, а

иначе,—тамъ превратили дворецъ просто въ клубъ, правда, мало художественный, немножко прозаичный, за то очень практичный.

Среди всѣхъ великолѣпныхъ дворцовъ я нашелъ также Румынскій, Болгарскій, Финляндскій, а Русскаго не нашелъ—его тутъ нѣтъ.

Почему?—Опять недоумѣваешь. Вообще на выставкѣ то и дѣлаешь, что восторгаешься, удивляешься и... недоумѣваешь. Теперь я недоумѣваю, почему Русскаго дворца нѣтъ среди Англійскаго, Германскаго, Американскаго. Чѣмъ мы хуже ихъ? Но я все-таки отыскалъ и Русскій, да не такъ скоро, и притомъ вовсе не дворецъ. Я спрашиваю: „Гдѣ Русскій дворецъ?"—Мнѣ отвѣчаютъ: „Такого не слыхать, а есть Сибирскій отдѣлъ!—„Не хочу я вашего Сибирскаго отдѣла",—говорю обидчиво,—хочу Русскій дворецъ". Что такое „отдѣлъ?"—Что-то не цѣльное, отрывокъ чего-то. То-ли дѣло „дворецъ",—тутъ въ одномъ этомъ словѣ чувствуешь какую-то національную гордость, особенно здѣсь, на выставкѣ, гдѣ всѣ другъ къ другу очень ревнивы, хотя другъ другу объ этомъ не говорятъ.

И такъ, меня увѣряютъ, что есть только Сибирскій отдѣлъ. „Почему не Русскій?"—спрашиваю.—„Потому, что Сибирскій"!—отвѣчаютъ. Гляжу, „Кремль" передо мною. „Батюшки—отчего не быть ему Русскимъ дворцомъ? Вѣдь это сердце Россіи?" „Снаружи такъ точно, но внутри"... и молчаливымъ движеніемъ руки меня приглашаютъ войти. Я вошелъ, и глазамъ своимъ не вѣрилъ: дѣйствительно, въ главномъ центрѣ—русскаго ни одного, все бритые татары въ пестрыхъ халатахъ, картавымъ голосомъ приглашаютъ меня купить—„товаръ хорошъ, хорошъ". Мой Виргилій ведетъ меня наверхъ, вижу запертая дверь. „Что тутъ такое?"—„Церковь".—„Отчего заперта?"—„Чтобы народъ тутъ не шлялся". Поднимаемся выше, выше, еще выше, и на самомъ верху барьеръ. „А это что?"—„Франкъ за пропускъ".—„За что?"—Увидите". Плачу франкъ, и вижу панораму: „коронація". „И это все?" Изъ приличія молчу, не хвалю и не браню. Спускаемся внизъ—опять барьеръ и опять плата. „Сколько?"—„Три франка".—„За что?"—„Чтобы имѣть удовольствіе прокатиться по Сибири всего въ десять секундъ". О чудо! но я уже совсѣмъ отвыкъ вѣрить здѣшнимъ чудесамъ, а потому... но въ это время въ сосѣдней комнатѣ заиграла музыка,—я туда, и очутился въ трактирѣ, гдѣ французскіе музыканты угощаютъ публику франко-русскимъ репертуаромъ, въ томъ числѣ и гимномъ „Боже, Царя храни". Музыка расчувствовала меня, и я поневолѣ вскрикнулъ: „Ай да молодцы наши, однимъ ударомъ и сколько побѣдъ!" Теперь я понялъ, почему Русскаго дворца нѣтъ среди Англійскаго, Германскаго, Американскаго и другихъ. Тамъ нельзя было помѣстить ни татарскихъ купцовъ, ни панорамы, ни путешествія по Сибири, ни даже ресторана съ музыкою,—вѣдь могли-бы подумать, что мы въ самомъ дѣлѣ какіе-то азіаты. А все-таки, коли подумаешь хорошенько, то спросишь себя: прилично-ли для нашего Кремля—сердца Россіи, помѣстить у себя внутри всѣ эти прелести? Да и для чего построены эти дворцы, Кремль и проч.? Развѣ выставленные предметы проиграли-бы въ индустріальныхъ галлереяхъ? А еще говорятъ, что всѣ эти за-

тѣи стоили милліоны,—навѣрное! И потому тѣмъ больше удивляешься. Но будетъ,—спѣшу во дворецъ „искусства“.

Лишнее сказать, что я посѣщалъ его больше всего,—еще-бы! Разъ, когда я шелъ туда, меня остановила парочка,—повидимому мужъ съ женою, и повидимому провинціалы, хотя одѣты по-парижски: она въ шляпкѣ съ перьями, онъ въ клѣтчатомъ пиджакѣ. „Что это за зданіе?“—спросилъ онъ. „Художественный отдѣлъ“—отвѣчалъ я.—„Это мало меня интересуетъ, а гдѣ можно видѣть карту, подаренную Россіей французамъ? Да, карту,—повторилъ онъ,—стоющую три милліона“.—Я удовлетворилъ его любопытство и растолковалъ ему, какъ отыскать ее. Къ стыду моему, я тоже искалъ эту карту и тоже видѣлъ ее. О, это въ своемъ родѣ всемірная диковинка, передъ которой провинціалы стоятъ съ разинутыми ртами, такъ-что добиться мѣста нельзя. Изъ разноцвѣтныхъ каменныхъ плитокъ вырѣзана географическая фигура и составлена на подобіе флорентинскихъ мозаикъ—вотъ изъ чего состоитъ карта. Я думаю, что если-бы явился какой-нибудь чудакъ и объявилъ премію за современное безвкусіе, то нѣтъ сомнѣнія, что премія досталась-бы этой картѣ, къ великому удовольствію нашихъ индустріальныхъ чиновниковъ. Но Богъ съ ними совсѣмъ,—я уже въ своемъ храмѣ искусства, гдѣ чувствую себя жрецомъ. Я среди своихъ избранныхъ, носителей нравственныхъ принциповъ. Мы воспѣваемъ природу, душевные идеалы; мы, художники,—толкователи между Богомъ и человѣкомъ, мы заставляемъ людей умиляться, плакать и радоваться, мы-же будимъ въ нихъ и лучшее чувство, чувство добра. Всѣ новѣйшія выдумки, какъ паръ, электричество, телефоны, микрофоны и проч., безъ искусства—то-же, что земля безъ росы. Искусство поднимаетъ насъ выше, а чѣмъ выше, тѣмъ легче подниматься, тѣмъ мы ближе къ небу и дальше отъ всего того, что творится подъ нашими ногами. Спросите теперь у любого человѣка: „Кого ты любишь больше всѣхъ?“—и онъ отвѣтитъ: „Самого себя“.—„Что любишь больше всего?“—„Золото“.—„Что выше красоты?“—„То, что намъ нравится“.—„Кого уважаешь больше всѣхъ?“—„Сильныхъ“.—Что такое справедливость?“—„Вещь относительная“.

Когда двое дерутся—ихъ тащатъ въ участокъ. Когда одинъ отнимаетъ у другого рубашку—за это его судятъ. Когда одинъ убиваетъ другого—за это ведутъ его на эшафотъ. Но когда народъ съ народомъ дерется, когда одинъ у другого отнимаетъ родину, когда тысячи убиваютъ тысячи—это считается героизмомъ, за это вознаграждаютъ. Такъ вотъ что такое справедливость!

Но мы въ области искусства,—поэзія ничего общаго съ подобною прозою не имѣетъ. Прошу замѣтить, что нашъ храмъ не картонный, на-живо построенный, какъ прочія зданія выставки, а настоящій, изъ прочнаго камня, на вѣки вѣковъ, во славу грядущимъ поколѣніямъ. Правда, въ него будутъ допущены разныя состязанія: concours hyppiques и другіе, но это мелочь; надо-же хоть чѣмъ-нибудь отдать дань своему времени. Люди полюбили теперь лошадиныя головы, равно какъ искусство и красоту,—ну и пусть себѣ.

Первымъ дѣломъ я бѣгу въ Centenaire на поклоненіе предкамъ: тутъ уже одно то хорошо, что уже никого нѣтъ въ живыхъ,—значитъ, нѣтъ и злобы, зависти и другихъ прелестей, которыя такъ отравляютъ жизнь всѣхъ и жизнь художника въ особенности; тутъ, какъ въ истинномъ храмѣ, всѣ говорятъ почти шопотомъ, всѣ относятся къ твореніямъ какъ къ образамъ, всѣ почитаютъ ихъ, всѣ гордятся ими, каждая картина на вѣсъ золота, и все это, вмѣстѣ взятое, убѣждаетъ меня одинъ разъ больше, что для того, чтобы художникъ достигъ славы и богатства и заставилъ замолчать своихъ завистниковъ,—онъ долженъ прежде всего умереть. Но какая превратность въ жизни бываетъ!—Чему дѣды поклонялись, то дѣти разрушаютъ, и что дѣти разрушаютъ, то внуки возстановляютъ. Теперь Энгра и его школу опять подняли, вычистили и поставили на пьедесталъ. Въ самомъ дѣлѣ, его портреты—такіе, что днемъ со свѣчкой не отыщешь, даже на выставкѣ; такіе-же портреты для меня—Делароша, котораго французы почему-то ни въ грошъ не ставятъ, а почему?—Должно быть потому, что его время еще не пришло. Но тутъ, такъ сказать, лишь только преддверіе рая; спѣшу въ самый рай на поклоненіе современникамъ, логично разсуждая: когда прошлое такъ хорошо, то настоящее куда должно быть лучше. Вѣдь мы живемъ въ удивительное время... Я забылъ сказать, что и декаденты стали тоже въ своемъ родѣ удивительными. Иной разъ и не разберешь: декадентъ онъ, или нѣтъ; говоришь, кажется, съ декадентомъ, а онъ въ душѣ насмѣхается надъ ними. „Такъ отчего-же вы работаете въ декадентскомъ вкусѣ?“—спрашиваешь его.—„Мода“,—лаконично отвѣчаетъ онъ. Бываетъ и такъ: говоришь, кажется, съ порядочнымъ художникомъ, а посмотришь въ душу,—оказывается декадентъ. Говорю это безъ всякаго смѣха: теперь все поддѣлываютъ, есть и поддѣльные декаденты; я лично знаю порядочнаго художника, но, если прикажете,—и онъ декадентъ (кстати, говорятъ, что въ Москвѣ свирѣпствуетъ „инкогеризмъ“ [1]) болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, а это, значитъ, опять оттого, что тамъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, привито настоящее искусство). Такъ вотъ въ чемъ былъ мой страхъ; но, слава Богу, ихъ тамъ нѣтъ, нѣтъ ни настоящихъ, ни поддѣльныхъ,—куда они дѣвались, не знаю, но среди французскаго искусства ихъ нѣтъ. Впрочемъ, потомъ я отыскалъ ихъ,—они дѣйствительно (какъ я уже сказалъ) ютились по угламъ, именно во второстепенныхъ иностранныхъ художественныхъ отдѣлахъ, и гдѣ было меньше искусства, тамъ ихъ было больше.

Иду я изъ залы въ залу съ облегченной душою и торжествую. Всѣ корифеи въ полномъ сборѣ, каждый занимаетъ подобающее ему мѣсто, каждый изъ нихъ выставилъ лучшее изъ лучшихъ своихъ твореній. Всѣ они извѣстны, облюблены и расхвалены всѣмъ міромъ. Встрѣчаю ихъ какъ старыхъ друзей, которыхъ хочешь видѣть всѣхъ за-разъ и по возможности скорѣе. Я бѣгу отъ одной картины къ другой, отъ другой къ третьей. Какой восторгъ! Часъ, другой, третій

[1]) Incohérence—безсвязность.

проходятъ какъ мигъ; но тутъ ноги, мои вѣрные слуги, отказываются больше служить мнѣ... На завтра, послѣзавтра, я бѣгу туда-же,— то-же упоеніе и та-же усталость, а вѣдь я осмотрѣлъ всего только половину, и порядкомъ почти еще ничего. Но въ концѣ-концовъ я все видѣлъ... Всѣ эти дни я купался (если такъ можно выразиться) въ искусствѣ, какъ въ золотомъ дождѣ. Какія творенія,—гармонія, краски, рисунокъ, наконецъ, какой вкусъ, что за изящество! Такъ владѣютъ техникою только одни французы. Въ этомъ отношеніи они, какъ эллины, въ правѣ назвать иностранцевъ „варварами",—рядомъ съ ними можно развѣ только поставить англійское искусство: рѣжьте меня, жгите меня, я все-таки чту и буду чтить англійское искусство, несмотря даже на Трансваальскую войну, чту потому, что въ этомъ искусствѣ, кромѣ техники, чувствуешь самостоятельность, добросовѣстность и добропорядочность воспитаннаго человѣка. Нѣтъ у англичанъ ни правильности, ни вульгарности, нѣтъ и чувственности, даже тогда, когда они трактуютъ женскую наготу.

Я не стану перечислять все то, что видѣлъ, еще меньше разбирать все—это не моя задача, да и слишкомъ далеко это можетъ меня завести; поэтому скажу коротко. Всѣ дни я былъ въ раю, я праздновалъ медовый мѣсяцъ, а потомъ... Боже мой! что случилось со мною потомъ... Я разлюбилъ любимое. Какъ, какимъ образомъ?—Неужто я разлюбилъ формы, красоту, совершенство техники? О, нѣтъ, сто разъ нѣтъ! Но что прикажете дѣлать?—Бываетъ-же, что три года ухаживаешь за женщиной, пока съ ней не заговоришь; иной разъ любуешься на красное яблоко, пока не разрѣзалъ его. Когда я вижу французское искусство,—я любуюсь имъ, оно завлекаетъ меня; но оно наполняетъ удовольствіемъ только половину моего „я", именно мои глаза, мое влеченіе къ внѣшней красотѣ, моя-же мысль, мое чувство остаются незатронутыми, а между тѣмъ и они требуютъ своего, да какъ еще! Они не удовлетворяются одной формой, одной техникой и красотой, они требуютъ нѣчто другое, надъ чѣмъ мы задумываемся,— то, что вызываетъ въ насъ трепетъ, слезы и умиленіе; повторяю, мое внутреннее „я" хочетъ видѣть въ искусствѣ всего человѣка, какъ Богъ его создалъ, со всѣми фибрами его души. Я никогда не отдѣлялъ формы отъ содержанія, и наоборотъ; кто ихъ раздѣляетъ, тотъ одно изъ двухъ: или не художникъ, или не человѣкъ.

Мы, старые художники, воспитанные на русской почвѣ, русскомъ духѣ, въ иное время, среди другихъ обстоятельствъ, смотримъ на задачу искусства, какъ на активную, а не пассивную; чтобы оно насъ будило, а не усыпляло; мы хотимъ отъ него всего того, что оно можетъ и должно дать; мы хотимъ видѣть въ искусствѣ былины, сказки, эпосъ, драму, исторію прошлаго и событія настоящаго; мы хотимъ, чтобы наши собратья творили не одними руками и глазами, но и мыслію, воображеніемъ. Можетъ быть, у насъ еще нѣтъ совершенства техники, вкуса, для достиженія нашихъ желаній, и именно потому-то эти формы, техника, вкусъ, такъ поражаютъ насъ у другихъ. Скажу больше, мы завидуемъ имъ; но мѣнять содержаніе на формы, свѣтиль-

никъ на огонь мыслимо-ли это? Возможно-ли это? Да когда, въ какомъ видѣ, у какого народа, было отдѣлено одно отъ другого?—Никогда! точно также, какъ никогда не было такого раздвоеннаго, такого недомысленнаго искусства, какъ теперь. Когда-то искусство было выразителемъ божественнаго идеала,—теперь каковъ нашъ идеалъ? Когда-то искусство въ самомъ дѣлѣ было посредникомъ между Богомъ и человѣкомъ, а теперь купецъ сталъ посредникомъ между покупателемъ и художникомъ. Когда-то искусство украшало храмы,—теперь украшаетъ главнымъ образомъ богатые дома. Когда-то художники творили святыхъ или идеалы, любимые народомъ,—теперь творятъ портреты самодовольныхъ хозяевъ. Наконецъ, когда-то художники были фанатиками, страстно влюбленными въ свое искусство,—теперь же художники подобны стихотворцамъ у стола богатыхъ патриціевъ.

Въ этомъ отношеніи Германія первая показала, чѣмъ современное искусство должно быть. Ея художественный отдѣлъ былъ превращенъ въ залъ богатаго дома. На стѣнахъ, обитыхъ атласомъ, висѣли только небольшія картины, и ихъ было ровно столько, сколько должно висѣть въ подобныхъ домахъ, и онѣ были съ содержаніемъ, какое подобаетъ подобнымъ домамъ; не было ни одной исторической, ни другой картины, надъ которой приходилось-бы задуматься, какъ художникамъ, такъ и покупателямъ. Какъ онѣ были милы по формѣ, и какъ пусты по содержанію! Были тутъ пейзажи, цвѣтные рынки, были ангелы съ свинцовыми крыльями, были и свиньи, жирныя, лежащія въ грязи, прячась отъ жгучаго солнца, а затѣмъ портреты, портреты... Я люблю портреты,—можетъ быть это лучшее, что остается отъ дурной эпохи, или эпохи упадка, но они плохое знаменіе своего времени,—по крайней мѣрѣ, такъ говоритъ намъ исторія искусства. Чѣмъ выше бывалъ уровень общественнаго идеала, чѣмъ меньше бывало эгоистовъ, тѣмъ меньше бывало и ихъ портретовъ.

Австрійскій отдѣлъ былъ еще откровеннѣе. Австрійцы убрали его такъ, что вышла не зала для картинъ, а картины для зала, и ихъ было ровно столько, чтобы онѣ играли на стѣнахъ, но не заслоняли ихъ, а играли и блестѣли. Конечно, прежде всего тутъ были портреты во весь ростъ.

Иной разъ я выходилъ изъ отдѣла живописи въ открытый портикъ, идущій внутри кругомъ, и смотрѣлъ на огромныя пространства, заставленныя скульптурными произведеніями,—что это была за панорама! Чуть-ли не лучше, эфектнѣе всего, что было на выставкѣ. Бѣлыя, какъ снѣгъ, статуи превращались въ мраморный лѣсъ,—я спускался внизъ и бродилъ по дорожкамъ этого бѣлаго неподвижнаго лѣса, и думы за думами пробѣгали у меня въ головѣ, одна грустнѣе другой. Сколько тысячъ художественныхъ произведеній собрано тутъ! Сколько напряженнаго вниманія, труда, опытности, таланта вложено здѣсь! Какъ художники волновались, напрягали всѣ свои силы, пока ихъ духовныя дѣтища не явились на свѣтъ Божій! Вотъ они всѣ въ сборѣ со всего міра. Вотъ стоятъ молча, какъ на судѣ; публика обходитъ ихъ, кто съ похвалой, кто съ порицаніемъ, а кто ни съ тѣмъ, ни съ

другимъ. И что это за скульптура, опять особенно французская! Что за техническое совершенство, что за мощь изящества! Но что онѣ тутъ дѣлаютъ? Зачѣмъ ихъ тутъ выставили? Что онѣ говорятъ намъ? Отчего онѣ молчатъ? Отчего онѣ такъ ласкаютъ глазъ и такъ мало трогаютъ чувство? О, милое, дорогое мнѣ искусство, какъ ты разошлось вширь, но какъ мало ты пошло вглубь, какъ мало ты поднялось вверхъ! Бѣгу въ „Centenaire", къ старикамъ, сличаю прошлое съ настоящимъ, и еще больше убѣждаюсь въ томъ, что все, что было,— то есть и теперь, ничего больше...

Тема, затронутая мною, не нова. Часто я говорилъ про нее и устно, и письменно, и печатно; но всякій разъ, когда встрѣчаюсь съ нею, я поневолѣ поднимаюсь на дыбы отъ боли. И слава Богу, что нервы мои еще не атрофированы на столько, чтобы не чувствовать ее. Мнѣ больно за нашъ идеалъ, такъ долго мною лелѣянный, и на который я такъ много уповалъ. Мнѣ больно за нашихъ товарищей, все время шедшихъ рука объ руку, а теперь отставшихъ и уставшихъ. Мнѣ больно за всѣхъ и за себя... Но все-таки земля вертится! Въ это я глубоко вѣрю и убѣжденъ въ томъ, а эта-то вѣра и убѣжденіе и даютъ мнѣ силу, бодрость, смотрѣть будущему прямо въ глаза. Я вѣрю, что послѣ ночи поднимется день, что теперь, послѣ конца вѣка, начнется новая эра, свѣжее вѣяніе, и что съ новымъ годомъ, съ новымъ вѣкомъ, начнется и полное выздоровленіе въ искусствѣ,— вездѣ, и у насъ.

Докончу мои замѣтки эпилогомъ о выставкѣ. Онъ не длиненъ. Въ день закрытія, Кларети сравнилъ ее съ умершею любимою женщиной. Онъ правъ, я былъ на ея похоронахъ... Помню, какъ лихорадочно работали въ прошломъ году, готовясь къ этой выставкѣ; били сваи, отвоевывали берега Сены, пускали ихъ подъ парки, превращали въ волшебные замки съ павильонами... Весь свѣтъ, какъ одинъ человѣкъ, откликнулся на французскій зовъ: никто не жалѣлъ ни времени, ни средствъ, ни труда, чтобы прилично явиться на это торжество міроваго прогресса. Навезли отовсюду что могли, цѣлыя галлереи картинъ, цѣлые музеи...

Я посѣтилъ выставку и послѣ ея закрытія. Какая-то торжественность и вмѣстѣ съ тѣмъ странное молчаніе царствовали тамъ. Отъ нихъ поневолѣ утихаешь и застываешь. Тамъ, гдѣ прежде кипѣло народомъ, гдѣ гремѣла музыка, гдѣ раздавался громкій смѣхъ веселыхъ лицъ, гдѣ танцовали, шумѣли, толкая другъ друга,—теперь никого, пусто и молчаливо... кокетливыя постройки, убранныя съ такою заботливостью, стояли съ закрытыми ставнями, какъ что-то одушевленное съ закрытыми глазами, оплакивая прошлыя радости. Только, то тутъ, то тамъ, раздавался стукъ молотковъ, заколачивающихъ товарные ящики, какъ крышки гробовъ... я вошелъ въ скульптурный отдѣлъ. Я не могу выразить, что я тутъ почувствовалъ: что-то странное, непонятное сковало меня; я вырвался оттуда, хотѣлъ-бы уйти назадъ, а шелъ впередъ, все впередъ... легіонъ статуй стоялъ передо мной,

кто съ поднятою рукою, головою, кто сидѣлъ, кто лежалъ съ улыбкою, застывшею на устахъ... Мнѣ казалось, что прежде, среди кипучей вокругъ ихъ жизни, онѣ сами жили, а что теперь какимъ-то волшебнымъ велѣніемъ онѣ застыли и окаменѣли... Кругомъ пусто... только служители прохаживаются, бренча ключами, какъ привратники у могилъ. Только я одинъ шелъ среди этой застывшей жизни, и мнѣ казалось, что она отвѣчаетъ на мои думы. Зачѣмъ ихъ сотворили? Зачѣмъ ихъ выставляли? Зачѣмъ ихъ убираютъ?

„Ну, ну!—раздались голоса укладчиковъ,—тащи ихъ скорѣе! Осторожно, не сломай!“—и вся эта выставка, весь этотъ волшебный міръ прошли, какъ сказка, какъ чудный сонъ... Да, что было... говорятъ, то подобнаго уже больше не повторится никогда.

30 декабря 1900 г. «Искусство и художественная промышленность». 1901 г. Апрѣль № 7 (31) стр. 200—210.

Проектъ статьи объ Опекушинѣ [1]).

Четырнадцать лѣтъ я тщательно избѣгалъ всякаго рода конкурсовъ и всего, что имъ сопутствуетъ. Теперь мнѣ приходится состязаться если не на конкурсѣ, то изъ-за конкурса съ однимъ изъ его героевъ.

Я-бы не сталъ отвѣчать на статью г. Опекушина, напечатанную въ „Новомъ Времени“... Онъ конкуррентъ и неудачный, поэтому не удивительно, что ему было-бы очень желательно поразить меня во чтобы то ни стало. Но все-таки я отвѣчу. Я радъ случаю высказаться относительно конкурсовъ вообще, и объ ихъ меркантильности въ особенности.

Казалось-бы, чего проще—если я не конкуррирую, то лишаюсь возможности получать преміи и даже заказы.

До сихъ поръ мнѣ не приходилось дѣлать не только ни одного монумента, но даже исполнять ни одного общественнаго заказа.

Я не конкуррирую потому, что по моему принципу конкурсъ не выдерживаетъ критики. Можно допустить конкурсъ начиная со статуй боговъ, концепцій и кончая той декоративной областью искусства, гдѣ логика и вкусъ—главная суть. Но въ идеальномъ искусствѣ, т.-е. тамъ, гдѣ непосредственно участвуетъ душевное чувство, подобные конкурсы чистый абсурдъ. Люди, поддерживающіе такіе конкурсы, мало понимаютъ идеальное искусство, какъ и чувство творца.

Я глубоко убѣжденъ, что ни одинъ истинный художникъ не въ состояніи чувствовать за такое-то вознагражденіе, въ такомъ-то размѣрѣ, и доставить свое чувство къ такому-то сроку. Художники, идущіе на конкурсъ, бываютъ одно изъ двухъ: или нищіе дѣломъ, или нищіе духомъ.

---

[1]) Эта статья, написанная въ отвѣтъ статьѣ г. Опекушина въ «Новомъ Времени» 15 мая 1885 г., осталась напечатанною.

Но оставимъ идеальную сторону и посмотримъ прямо съ практической на это дѣло.

Каждому художнику извѣстно, что идея, мысль въ искусствѣ далеко еще не все. Эти идеи должны воплощаться въ художественныя совершенныя формы. Спрошу—что комиссія станетъ дѣлать, когда премію получитъ такой человѣкъ, который не въ состояніи выполнить свою идею; такой, который еще ничѣмъ не заявилъ себя? А вѣдь конкурсъ, большею частью, состоитъ, именно, изъ такихъ художниковъ. Первоклассные-же художники не станутъ тратить свое время, чувство и мысль на авось, и подвергаться суду присяжныхъ, на которыхъ сыплется не мало обвиненій за ихъ, иногда, нескромности. Положимъ, что комиссія предвидѣла это, она отговаривается, что всѣ проекты, получившіе премію,—ея собственность; значитъ, состоятъ въ ея распоряженіи. Комиссія можетъ взять удачную мысль одного и отдать другому выполнить. Опять несообразность! Какой порядочный художникъ возьмется выполнять чужую идею? Это невозможно, это все равно, что воспитывать пасынка. Наконецъ, наглядные факты доказываютъ, что почти на всѣхъ европейскихъ конкурсахъ торжествуютъ посредственности.

Еще недавно Италія хотѣла показать свое искусство въ настоящемъ свѣтѣ. Только и тамъ бездарные художники, большею частью, сильны, конечно, не въ искусствѣ. Щедрою рукою былъ объявленъ конкурсъ на монументъ покойному королю Виктору-Эммануилу, который долженъ былъ стоить 12 милліоновъ франковъ, 50 тысячъ франковъ за первую премію.

Тема благодарная—объединеніе Италіи, да и просторъ большой: тутъ-то можно было развернуть свою творческую фантазію. Да и приманка была не маловажная. Казалось-бы, гдѣ же, какъ не тутъ, да еще въ Италіи, въ самомъ разсадникѣ скульптуры, создать чудо! И что-жъ? Первый конкурсъ оказался неудовлетворительнымъ. Пошли дебаты, точь-въ-точь, какъ у насъ въ миніатюрѣ. Появились Опекушины, клевета, сплетни и всякая другая прелесть. Конкурсъ былъ объявленъ вторично, и присяжные остановились не на скульптурномъ проектѣ, а на архитектурномъ. Стоимость его вышла не 12 милліоновъ, а въ два раза больше Совершенно случайно я видѣлъ этотъ знаменитый проектъ. Онъ состоитъ изъ парадныхъ лѣстницъ, очень замысловатыхъ по формѣ и колоссальныхъ по размѣру. Эти лѣстницы должны заслонять всю Капитолійскую гору, а наверху плоская стѣна съ колоннами въ родѣ базилики; посрединѣ стоитъ конная статуя короля Виктора-Эммануила, которая въ сущности не что иное, какъ придаточная вещь. Я попробовалъ снять эту статую и вмѣсто нея поставить поэта: ничего, монументъ нисколько не потерялъ ни въ формѣ, ни въ мысли. Я совсѣмъ снялъ статую и поставилъ колонну: опять было все равно, гармонія этимъ не была нарушена. Не это-ли и есть торжество конкурсовъ? А вѣдь нельзя сказать, чтобы въ Италіи было недостаточно талантливыхъ художниковъ: ихъ много, только не на конкурсахъ.

Но все это, повидимому, для г. Опекушина непостижимо. Ему

непостижимо, что есть люди, у которыхъ принципъ выше всякихъ денежныхъ расчетовъ; иначе онъ не требовалъ-бы отъ меня отвѣта: — „честно-ли поступаю я по отношенію къ товарищамъ, идя мимо конкурса на памятникъ покойнаго Государя". Я спрошу въ свою очередь: честно-ли г. Опекушинъ поступаетъ, задавъ только мнѣ подобный вопросъ и умалчивая про тѣ другіе проекты, которые были представлены тоже помимо конкурса? Впрочемъ, я отвѣчу только за себя и очень охотно.

Именно потому-то я не конкуррирую, что не хочу торговать своимъ чувствомъ; это я предоставляю монументальныхъ дѣлъ мастерамъ, у которыхъ всякаго рода искусство есть не цѣль, а средство. Если-же я теперь сдѣлалъ проектъ на памятникъ покойнаго Государя, то, во-первыхъ, это случилось, когда оба конкурса показали свою несостоятельность и, во-вторыхъ, я сдѣлалъ это по особымъ причинамъ, о которыхъ считаю себя вправѣ пока умалчивать.

Но что уже совсѣмъ не хорошо, это то, что г. Опекушинъ обвиняетъ меня въ малости—въ томъ, что я „понадергалъ мой проектъ со всего того, что я видѣлъ". Спрошу вторично: „честно-ли г. Опекушинъ поступаетъ", когда такъ беззастѣнчиво клевещетъ? Что я могъ выдергивать изъ земли, на которой ничего не растетъ.

Во время послѣдняго моего пребыванія въ Москвѣ, мнѣ показали рѣдкіе два фотографическіе альбома, снятые съ обоихъ конкурсовъ. Въ первый разъ я ихъ увидѣлъ; да, это въ своемъ родѣ рѣдкость. Я взялъ ихъ съ собою, чтобы показать своимъ друзьямъ, ради забавы.

Совсѣмъ нехорошо со стороны г. Опекушина, что онъ пробуетъ тутъ же втянуть сюда теперешній религіозный вопросъ, и гдѣ-же это— въ нашемъ искусствѣ!! Этого еще не доставало! Помилуйте, у насъ на всю бѣлую Русь всего сто съ небольшимъ художниковъ—и то какая тѣснота, толкотня, другъ другу бока отбиваютъ!

Нашъ художественный лексиконъ обогатился словами „академисты" и „передвижники". Какой фанатизмъ, какая нетерпимость! Они готовы другъ друга съ лица земли стереть. А кто въ этомъ виноватъ, какъ не тѣ привилегированные художники, которые распоряжаются по своему судьбою русскаго искусства?

Читали-ли вы на-дняхъ въ газетахъ списокъ художниковъ, которыхъ произведенія посланы на Антверпенскую всемірную выставку? Нашли-ли вы тамъ имя хоть одного художника изъ противоположной партіи? Кто будетъ виноватъ, что художники, радѣющіе не только о благѣ своего искусства, но также объ успѣхѣ и славѣ своей родины на чужбинѣ, сами себѣ выдадутъ плохой аттестатъ? И это случится непремѣнно, потому что лучшія силы нашихъ художниковъ тамъ отсутствуютъ. Наконецъ, спрошу—кто отъ всего этого страдаетъ, какъ не само искусство? Теперь, чего добраго, г. Опекушинъ и ему подобные потребуютъ отъ художниковъ исповѣдывать передъ ними свои убѣжденія. Достаточно-ли они сами непогрѣшимы?

Г. Опекушина возмущаетъ то, что я употребляю слово „ангеловъ", въ этомъ онъ видитъ чуть-ли не святотатство съ моей стороны. Ну,

а если я назову ихъ на академическомъ языкѣ геніями, что тогда? Тогда ничего? Впрочемъ, если г. Опекушину очень желательно знать мои убѣжденія, мою вѣру, то пока я могу сказать, что я глубоко чту вездѣ все то, что есть добро, и презираю пошлость, гдѣ-бы она ни была; презираю маленькихъ людей, прячущихся въ тогу великихъ героевъ и оттуда махающихъ картоннымъ мечомъ „pour la patrie“. Отъ нихъ храни насъ Богъ!

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

ДОПОЛНЕНІЕ

Письма, доставленныя для настоящаго изданія, послѣ напечатанія всѣхъ предыдущихъ писемъ М. М. Антокольскаго.

314 а. Къ И. С. Тургеневу.

Paris, 4 іюня 1881 г.

Добрый и дорогой Иванъ Сергѣевичъ! [1])

Наше положеніе до того ужасно, что надо имѣть камень на мѣсто сердца, чтобы оставаться равнодушнымъ. Я глубоко убѣжденъ, что вы, какъ поэтъ, стоите выше всякихъ предразсудковъ, всякихъ партій, сами не знающихъ чего онѣ хотятъ,—выше тѣхъ узкихъ патріотовъ, которые проповѣдуютъ: любить только себя и своихъ, а всѣхъ другихъ презирать. И оттого я пишу къ вамъ, чтобы высказать то, что наболѣло у меня на душѣ.

Тяжело становится, когда подумаешь, что тѣ-же люди, которые такъ недавно возмущались ужасами болгарскихъ бѣдствій и съ порывомъ великодушія жертвовали всѣмъ для освобожденія болгаръ, для доставленія имъ человѣческихъ правъ, что они же остаются теперь равнодушными зрителями всѣхъ ужасовъ, совершающихся у насъ на югѣ. Я-бы не хотѣлъ допустить мысли, что молчаніе или равнодушіе есть въ данномъ случаѣ знакъ согласія. Но какъ-же его иначе объяснить, и отчего допустить Европѣ упрекать, что русскіе хуже турокъ? Намъ отвѣтятъ, что „ненависть къ евреямъ племенная и происходитъ отъ экономическихъ условій,—ненависть, которую каждый всасывалъ съ молокомъ матери". Но вѣдь и турки говорили чуть-ли не то же самое, и однако Европа не приняла этого за оправданіе. Но мы теперь въ такомъ ненормальномъ положеніи, что охотно обвиняемъ другихъ въ своихъ собственныхъ ошибкахъ и сами не замѣчаемъ, какъ стали нервны, раздражительны, хотимъ больше чѣмъ можемъ; каждый стоитъ съ краю и думаетъ, что онъ-то и защищаетъ правду. Но вмѣстѣ съ тѣмъ истина истерзана и затоптана въ грязь тѣми, кто ее защищаетъ. Но главное—мы страдаемъ отъ сознанія безъ знанія. Мы хотимъ анализировать все подъ микроскопомъ, и оттого ни одной капли воды не можемъ проглотить, не видя въ ней чудовищъ—и кончаемъ тѣмъ, что тушимъ огонь масломъ. Эти слова я писалъ три года тому назадъ, послѣ поѣздки моей по Россіи. Къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ все значительно

---

[1]) Кромѣ этого обращенія, письмо писано рукою не Антокольскаго.

ухудшилось. А знаете-ли, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, читая теперь описанія путаницы, суматохи, недоразумѣнія, слова „крамольники“, „наускиванія въ Манифестѣ объ избіеніи жидовъ“ и т. д., мнѣ невольно вспоминается одинъ миленькій эпизодъ изъ моего дѣтства. Разъ братъ мой ночью, подъ тяжелымъ кошмаромъ, вдругъ началъ кричать: „Воры въ домѣ“!!! Отъ крика всѣ въ домѣ проснулись и поднялась общая суматоха и гвалтъ. Сонный отецъ кричалъ: „Гдѣ воръ“? Кто-то поймалъ кого-то: „Ой, меня бьютъ!“ Мать узнаетъ голосъ брата и кричитъ: „Кто тебя бьетъ?“ Удары сыпятся градомъ со всѣхъ сторонъ. Услышали сосѣди, стали стучать въ закрытые ставни. Суматохи стало еще больше. Думали, что воры врываются массами; наконецъ, одинъ догадался и закричалъ: „Зажигайте огонь!“ И сцена представилась крайне комичной: всѣ, въ ночныхъ костюмахъ, крѣпко держали другъ друга вмѣсто мнимаго, пойманнаго вора. Въ этой тревогѣ всѣмъ досталось порядкомъ отъ своего ближняго-же, а бѣдный братъ мой пролежалъ потомъ шесть недѣль и насилу поправился. Мнѣ кажется, что нѣчто въ этомъ родѣ происходитъ у насъ на югѣ Россіи. Скажите, Бога ради, развѣ не одни только евреи пострадали и пострадаютъ? Поймали вора—главнаго виновника всѣхъ бѣдъ, и кого-же? Бѣднѣйшій классъ, евреевъ, а развѣ они-то и есть эксплуататоры? Вѣдь отъ эксплуатаціи богатѣютъ, а не бѣднѣютъ. Такимъ образомъ пострадалъ опять тотъ-же бѣдный, который нуждался и нуждается въ помощи наравнѣ съ голодной ватагой, нападающей на него. Но гдѣ причина и ключъ ко всему этому?

Мнѣ кажется, что онъ лежитъ гораздо глубже—и не у однихъ только евреевъ. Евреи всегда были барометромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ временнымъ громоотводомъ всякой народной грозы—ихъ гоняли, обвиняли вездѣ и во всемъ тогда только, когда народное благосостояніе стояло низко, или падало, и наоборотъ. Подобныхъ фактовъ въ исторіи много, ихъ и не перечислишь. Возьмемъ хоть то время, когда дикая орда слѣпыхъ фанатиковъ шла во имя Христа противъ Христа, когда любовь къ ближнему превратилась въ мечъ, когда іезуиты жгли алхимиковъ и чародѣевъ, и за малѣйшій проблескъ знанія обвиняли въ ереси. Это время мы вспоминаемъ теперь съ содроганіемъ, какъ время чувственное, необузданное, не знающее границъ своихъ страстей. И вотъ, во всей этой средневѣковой исторіи проходитъ одинъ постоянный аккомпанементъ: это стоны еврейскаго народа. Но зачѣмъ углубляться въ исторію, факты у насъ на-лицо.

Нѣмцы возгордились надъ французами послѣ побѣды, думали, что стоятъ во главѣ не только штыковъ, но и науки, искусствъ и богатствъ. Но не прошло долгаго времени, какъ они въ этомъ жестоко разочаровались: насильственное богатство въ пять милліардовъ испарилось. Экономическое положеніе затруднилось, появилось неудовольствіе въ народѣ, путаница и раздробленіе парламента, и результатъ всего этого былъ тотъ, что низкія человѣческія страсти выступили наружу. А кто виноватъ? Еврей. Точно онъ новый пришлецъ и не жилъ тутъ раньше, еще до войны, когда нѣмцы дѣйствительно стремились къ истинному

идеалу любви и правды. За нѣмцами пошли другіе, страдавшіе разными недугами, и въ томъ числѣ Россія. То же самое видимъ и наоборотъ: гдѣ всѣ довольны, никто не обвиняетъ другого въ своихъ неудачахъ (потому что ихъ относительно мало), остальнымъ тамъ евреямъ живется мирно, наравнѣ съ согражданами, какъ мы это видимъ во Франціи, Англіи, Америкѣ и у другихъ. Когда французскому художнику, дѣдушкѣ Коро, сообщили, что дерутся на баррикадахъ, онъ пренаивно, но мѣтко замѣтилъ: „должно быть не хорошо живется?" Но кого можно теперь убѣдить въ этомъ, когда народныя страсти забушевали, когда часть интеллигенціи или одобряетъ, или сердится на явленія, не видя причины, когда извѣстная часть печати превратилась въ аферу, разжигаетъ страсти, когда нужно ихъ тушить. А человѣку простому легче катиться съ горы, чѣмъ карабкаться на нее. Такихъ людей легче испортить, чѣмъ исправить. Но какое дѣло до этого русскому Яго: онъ правъ по своему, когда драпируется въ патріотическую тогу и всѣми чистыми и нечистыми средствами агитируетъ противъ ненавистнаго ему жида. Сотни разъ онъ обвинялъ евреевъ въ разныхъ нелѣпостяхъ, и всегда успѣшно; сотни разъ его опровергали. „Евреи высасываютъ кровь изъ народа", агитируетъ онъ, „евреи-шинкари процентщики". Но развѣ народу живется легче тамъ, гдѣ еврея нѣтъ, и развѣ тамъ пьютъ меньше? Кто проценты не беретъ? отвѣчали ему: берутъ банки и государства. Если еврейскіе проценты невыгодны, то пускай открываютъ мелкій кредитъ для бѣдныхъ. Далѣе: „Евреи опасные конкурренты для русской торговли"—тѣмъ-же лучше для покупателей, отъ этого все становится дешевле, а не дороже. „Еврей избѣгаетъ воинской повинности, обходитъ законы, даетъ подкупъ и представляетъ опасную кооперацію", „государство въ государствѣ".—Но кого защищать? Отечество, котораго за нимъ не признаютъ? Дайте имъ гражданство, и не будетъ надобности обходить законъ; наконецъ, будто одни евреи только и даютъ взятки! Да и отчего начальство беретъ? Вѣдь оно-то и должно подавать народу примѣръ правды и справедливости. Поднимите уровень образованія, дайте чиновникамъ возможность жить лучше, и тогда зла будетъ относительно меньше, какъ мы видимъ это въ міровыхъ учрежденіяхъ. Отнимите карантинныя цѣпи отъ ихъ „осѣдлости", и тогда не будетъ тѣсноты, отчаянной конкурренціи и ненависти другъ къ другу, доводящей до столь звѣрскихъ поступковъ.

Въ заключеніе: евреевъ упрекаютъ, отчего они не искореняютъ своихъ недостатковъ? Но отчего-же не даютъ имъ развивать свои способности: тогда недостатки сами собою исчезнутъ. Но тутъ-то и есть камень преткновенія. Видите-ли, боятся: „жидъ идетъ", боятся тѣ, которые сами хотятъ быть великими хоть среди малыхъ; они-то ужасаются, что еврей можетъ ихъ испортить еще больше, точно еврей не можетъ требовать своихъ человѣческихъ правъ, точно онъ не исполняетъ разныхъ государственныхъ повинностей и точно не проливалъ кровь свою на Балканахъ. Развѣ интеллигентный еврей не стремится къ объединенію съ русскими? Развѣ онъ не трудится на пользу общества? Развѣ онъ не чувствителенъ ко всякимъ обидамъ? „Когда вы насъ щекочете,

развѣ мы не смѣемся? Когда вы насъ отравляете, развѣ мы не умираемъ и когда вы насъ оскорбляете, развѣ мы не отомщаемъ?“ (Монологъ Шейлока). Но будьте христіанами, любите правду, будьте великодушны къ своимъ и къ чужимъ бѣдамъ. Мы всѣ страдаемъ общимъ недугомъ. Намъ всѣмъ нужно одинаковое радикальное излѣченіе.

Приписка рукою Антокольскаго.

Я нарочно далъ переписать это письмо, такъ какъ я пишу не совсѣмъ четко, да притомъ съ ошибками. Пишу къ вамъ, какъ художникъ къ художнику, съ увѣренностью, что вы чутко прислушаетесь къ человѣческимъ стонамъ и обидамъ; мнѣ-же будетъ почвой до извѣстной степени знать, что добрый человѣкъ слушаетъ, а право теперь не всѣ хотятъ выслушивать правду. Если это письмо удобоваримо для печати, то я просилъ-бы васъ помѣстить его гдѣ-нибудь, конечно подъ вашей корректурой. Я слышалъ, что вы не совсѣмъ здоровы. Дай-же Богъ вамъ всего лучшаго и долго здравствовать ради насъ всѣхъ. Съ глубокимъ искреннимъ уваженіемъ къ вамъ остаюсь душой любящій васъ

М. Антокольскій.

Во всякомъ случаѣ прошу вашего мнѣнія и отвѣта.

На это письмо И. С. Тургеневъ отвѣтилъ слѣдующимъ:

С. Спасское-Лутовиново, Орловской губ. г. Мценскъ, 4 іюля 1881 г.

Любезнѣйшій Антокольскій.

Вы имѣете право сердиться на меня за то, что я такъ долго не отвѣчалъ на ваше горячее и замѣчательное письмо. Извиняюсь передъ вами и прошу не видѣть въ моемъ молчаніи отсутствіе дружбы къ вамъ, или несочувствіе къ правому дѣлу евреевъ въ Россіи.

Напечатать-же ваше письмо, даже со стилистической корректурой, было-бы немыслимо, и, навлекши на васъ множество непріятностей, принесло-бы только вредъ.—Къ тому-же, ни одинъ журналъ (даже „Порядокъ“) его-бы не принялъ.—Притомъ, этотъ вопросъ въ настоящее время потерялъ свой острый характеръ. Но это письмо останется у меня какъ документъ, свидѣтельствующій и о силѣ вашего патріотизма, и о глубинѣ, и о вѣрности вашихъ воззрѣній. Не теряю надежды, что придетъ время, когда можно будетъ обнародовать этотъ документъ,—но это время, пока еще далекое, будетъ временемъ свободы и справедливости не для однихъ евреевъ.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я живу здѣсь, а черезъ мѣсяцъ я полагаю быть въ Парижѣ. Я тогда, конечно, васъ увижу и порадуюсь какой-нибудь новой вашей работѣ. Здоровье мое порядочно; надѣюсь, что и вы довольны своимъ. Прошу поклониться вашей супругѣ и принять дружеское рукопожатіе отъ искренно преданнаго

Ив. Тургенева.

316 а. Къ И. С. Тургеневу[1]).

Парижъ, осень 1881 г.

Дорогой мой Иванъ Сергѣевичъ!

Я опять пишу вамъ, потому что продолжать безмолвствовать— это значитъ поддерживать теперешнее больное положеніе и дать ему еще болѣе усилиться. Кому дороги правда, добро, человѣчество и свое отечество, тотъ первый долженъ протестовать противъ того, что происходитъ теперь у насъ. Съ одной стороны фанатизмъ и невѣжество разгорѣлись до того, что дальше имъ идти некуда. Девизомъ ихъ очевидно стало: „Кто не за насъ, тотъ противъ насъ!" на что съ другой стороны имъ хоромъ отвѣчаютъ: „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!" Но я убѣжденъ, что не вся Россія еще такъ больна и что тамъ есть еще достаточное число людей здравомыслящихъ и честныхъ, которые выслушиваютъ правду, хотя-бы и горькую правду.

Наше печальное положеніе началось съ тѣхъ поръ, когда лжепророки стали говорить во имя народа. Намъ было пріятно слушать, какъ они льстили нашему патріотическому самолюбію, и мы слушали ихъ, заслушивались и увлеклись... повѣрили имъ, будто-бы народъ требуетъ войны за братьевъ-славянъ; повѣрили, что мы шапками забросаемъ турокъ, и повели полмилліонную армію за Балканы, похоронили тамъ сто тысячъ головъ, израсходовали пять милліардовъ—чуть-ли не остатки народнаго добра—и побѣдили! Навязали болгарамъ конституцію, когда сами побѣдители ея не имѣютъ, потомъ урѣзали эту конституцію, рассорились съ братьями-славянами—вотъ и все!

Что-жъ, развѣ этого мало? Развѣ берлинскій трактатъ не есть позоръ для насъ? Развѣ Австрія не загребла жаръ нашими окровавленными руками? Развѣ финансовое и экономическое положеніе не страдаютъ до сихъ поръ отъ всего этого? Но наше патріотическое самолюбіе до того ослѣпляетъ насъ, что мы не хотимъ этого видѣть, и, вмѣсто того, чтобы стараться поправить прежнія ошибки, мы закусили удила и безъ удержу, безъ оглядки несемся стремглавъ впередъ. Виновники ста тысячъ смертей, создавшіе столько-же вдовъ и сиротъ и безчисленное количество другихъ бѣдствій, получили повышеніе, имъ довѣрили внутреннее управленіе! Послѣ этого, конечно, не трудно было предвидѣть результаты: ложь и фанатизмъ стали господствующимъ элементомъ! Эти довѣренные люди, ободренные своимъ успѣхомъ, а также наградами, полученными за совершенные ими подвиги, повели аттаку на всѣхъ пунктахъ: ужъ не противъ одних мусульманъ, а противъ всѣхъ, кто только не думаетъ и не вѣруетъ такъ, какъ они сами. Въ одно и то же время они стали травить либераловъ, нѣмцевъ, поляковъ и жидовъ; обвинили ихъ въ неблагонадежности, въ нигилизмѣ; назвали ихъ измѣнниками отечеству; однимъ словомъ, травили всѣхъ противъ всѣхъ, и цѣль была достигнута; и вотъ шпіонство, доносы, взяточничество продолжаютъ практиковаться въ колос-

[1]) Кромѣ обращенія и подписи, это письмо писано рукою не Антокольскаго.

сальныхъ размѣрахъ; вездѣ оказываются недочеты, кража; общество деморализовано; подозрительность и недовѣрчивость другъ къ другу доходятъ до озлобленія и вражды... и все это успѣло раздражить всѣхъ мало-мальски здравомыслящихъ людей до того, что изъ мирныхъ гражданъ превратило ихъ въ недоброжелателей продленію подобнаго порядка вещей. Теперь всѣ въ одинъ голосъ желаютъ скорѣйшей развязки этого разлагающагося положенія. Но этого еще мало; наши охранители успѣли раздражить и сосѣднія государства и вкоренить въ нихъ мнѣніе, что Россія жаждетъ войны и что остановка только за деньгами. Болѣе-же всего несправедливо, безсердечно и жестоко они поступили съ евреями. Въ то-же время, когда организованная шайка совершаетъ свой крестовый походъ, ходитъ изъ города въ городъ, возбуждаетъ народъ всякими нечистыми средствами, грабитъ, разбиваетъ и уничтожаетъ мечомъ и огнемъ всякое попадающееся на пути еврейское добро, не обращая вниманія ни на больныхъ, ни на дѣтей, ни на бѣдныхъ,—наши охранители внутренняго порядка и благосостоянія съ своей стороны тоже принимаютъ цѣлый рядъ серьезныхъ мѣръ, но увы! не противъ грабителей, а противъ тѣхъ-же несчастныхъ и разграбленныхъ,—созываютъ комиссіи изъ своихъ креатуръ, гдѣ обсуждается и рѣшается ограниченіе правъ евреевъ и, конечно, рѣшается такъ, какъ это желательно покровителямъ. При этомъ надо замѣтить, что, за немногими исключеніями, евреевъ не допускаютъ въ эти комиссіи—и это дѣлается такъ наивно и беззастѣнчиво, какъ будто этого требуетъ законъ справедливости; они забыли, что даже разбойнику на судѣ даютъ право слова и право защиты. Но это еще не все. Вотъ теперь, когда въ Балтѣ совершаются небывалыя на нашемъ вѣку звѣрства, когда поджигаютъ цѣлыя улицы съ еврейскими домами, въ которыя вталкиваютъ несчастныхъ владѣльцевъ, когда грабятъ, насмѣхаясь надъ всѣмъ святымъ, когда обезчещиваютъ женъ на глазахъ мужей, дѣвушекъ на глазахъ родителей и зубами вырываютъ груди у женщинъ, сопровождая все это хохотомъ пьяныхъ дикарей—охранители внутренняго порядка принимаютъ свои мѣры: выгоняютъ аптекарей, да и вообще тысячи жителей, изъ внутреннихъ губерній Россіи, выгоняютъ даже и тѣхъ, которые прослужили весь свой вѣкъ государству и отечеству, и также не обращаютъ вниманія ни на больныхъ, ни на дѣтей, ни на бѣдность, ни на время года... Послѣ этого нечего удивляться, если всѣ утверждаютъ, что правительство совершенно солидарно съ виновниками этой дикой и безобразной оргіи. А между тѣмъ недавно еще патріоты повѣдали всему міру, что мы, православные, идеалисты, воюемъ за угнетенныхъ. Что это? Не бредъ-ли больного ребенка, или просто насмѣшка надъ всѣмъ святымъ и надъ самими собой? Гдѣ-же правда, совѣсть, жалость? Гдѣ-же христіане, гдѣ религія, проповѣдующая „любить ближняго, какъ самого себя“ и „у кого нѣтъ грѣха, пускай тотъ возьметъ первый камень“ ч т. д.? Гдѣ передовые люди интеллигенціи? Никто не промолвился ни однимъ словомъ сочувствія, ни однимъ словомъ протеста, если не въ пользу евреевъ, то по крайней мѣрѣ хоть для того, чтобы смыть то позорное

кровавое пятно, которое положено на нашъ вѣкъ, на все человѣчество вообще, и на Россію въ особенности. Неужто все, чему насъ учили въ школахъ и въ церквахъ о правдѣ, нравственности, религіи и о всемъ добрѣ, которое дорого человѣку, неужто все это ложь, ложь и одна только ложь,—или-же что-то поверхностное, лишнее, которое стряхивается при малѣйшей бурѣ человѣческихъ страстей? Неужто вся наша цивилизація, вся наша гуманность только маска, подъ которой скрывается алчный эгоистическій звѣрь? А вы, либералы, и вы, старецъ-поэтъ, смягчающій наши нравы, учащій насъ всю свою жизнь любви и прощенію, неужто не содрогается у васъ сердце, не вырывается крикъ ужаса при видѣ того, какъ все это осмѣяно и опозорено шайкою фарисеевъ, которая толкаетъ восьмидесяти-милліонный народъ въ пропасть, создаетъ смуты и междоусобія, и все для того только, чтобы извлекать матеріальную пользу для себя?

Но оставимъ идеальныя требованія, перейдемъ на реальную почву и спросимъ, чего желаютъ наши псевдо-патріоты? Достигнуть единства?—Очень хорошо! Но, во-первыхъ, это не такъ легко, особенно насильственными мѣрами, да притомъ—какая польза будетъ отъ этого русскому народу? Фердинандъ Католикъ, благодаря настойчивымъ требованіямъ инквизиторовъ, выгналъ всѣхъ евреевъ и мавровъ, чтобы охранить католическую религію и этимъ достигнуть единства, но послѣ этого страна пала... и теперь та же Испанія приглашаетъ къ себѣ тѣхъ-же когда-то изгнанныхъ евреевъ, какъ будто для того, чтобы загладить историческія ошибки, но въ сущности для того, чтобы поднять и оживить торговлю и промышленность. Недавно еще турки побоялись поднять знамя пророка, несмотря на то, что ихъ положеніе было крайне критическое; побоялись потому, что это орудіе обоюдоострое. Но урокъ-ли это нашимъ охранителямъ престола и отечества? Положимъ, что имъ удастся достигнуть своей цѣли—выжечь изъ своихъ мѣстъ всѣхъ неправославныхъ—и все-таки единство не будетъ достигнуто просто потому, что абсолютнаго единства нѣтъ въ природѣ. Исторія всѣхъ народовъ учитъ насъ, что политическія страсти не менѣе сильны, чѣмъ религіозныя, что за политическія идеи ведется не менѣе отчаянная борьба, чѣмъ за идеи церковныя. Надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, какъ элементы для подобной борьбы быстро растутъ, какъ и сами охранители престола создаютъ безпорядки и разладъ! Каждый ихъ нелогичный поступокъ создаетъ массу враговъ, каждый несправедливый поступокъ создаетъ революціонеровъ, каждое жестокое дѣйствіе рождаетъ нигилистовъ, уже не одныхъ пролетаріевъ. Бѣдствія, которыя испытаетъ Россія, и ихъ послѣдствія падутъ на тѣхъ, кто создаетъ разладъ между престоломъ и его интеллигентными подданными, кто сталъ лже-пророкомъ, говорящимъ во имя народа, и на тѣхъ, на чьей совѣсти лежатъ сотни тысячъ невинныхъ смертей.

Мы, евреи, униженные, осмѣянные, попранные невѣжественными ногами,—мы не о мщеніи молимъ, а о прощеніи тѣхъ, которые не вѣдаютъ, что творятъ; о томъ, чтобы Богъ пробудилъ ихъ совѣсть и укрѣпилъ ихъ разумъ, и еще просимъ Бога о томъ, чтобы Онъ защи-

тилъ Государя и Россію отъ внѣшнихъ враговъ, и, главное, отъ мнимыхъ внутреннихъ друзей.

364 а. Къ С. И. Мамонтову.

Село Богатое, лѣто 1883 г.

Сегодня день дождливый, пить кумысъ въ такую погоду не слѣдуетъ, гулять невозможно, за то имѣю возможность побесѣдовать съ тобою, другъ.

Скажу тебѣ, что нашъ разговоръ предъ моимъ отъѣздомъ оставилъ во мнѣ очень грустное впечатлѣніе и еще разъ убѣдилъ меня въ томъ, что худшій врагъ и нижайшій рабъ—это человѣкъ самъ себѣ. Первый аргументъ—старая истина, а второй я самъ испыталъ на самомъ себѣ.

Несетъ человѣкъ на себѣ тяжелое бремя своихъ слабостей, сгибается онъ подъ нимъ въ три погибели, стонетъ отъ тяжести, и всетаки не хватаетъ у него ни энергіи, ни силы, чтобы сбросить съ себя, если не все, то по крайней мѣрѣ хоть половину его; и потому, что онъ самъ себѣ радъ, онъ создаетъ себѣ зло и самъ себя наказываетъ. Не думай же, другъ мой, что я говорю это только относительно тебя; нѣтъ, относительно всѣхъ, а въ томъ числѣ и относительно твоего покорнѣйшаго слуги. Разница между нами та, что я какъ-будто отошелъ отъ самого себя. Вижу себя и всѣ свои поступки такъ сказать издали, вижу лабиринтъ, въ которомъ я блуждалъ и не находилъ исхода, паутину, въ которой я путался и барахтался. Раздражаюсь и теперь, вспоминая, и удивляюсь, неужели это былъ я, а не другой? Неужто не было выхода изъ всего этого? Какъ это глупо, что въ сущности я боролся не противъ какого-нибудь крупнаго звѣря, а противъ комаровъ! И что обиднѣе всего, побѣждали меня именно эти вседневные комары, они торжествовали, а я страдалъ, терзался, мучился. Не думай, однако, что только теперь нашло на меня это откровеніе; нѣтъ, я знаю это давно.

Скажу тебѣ еще больше: при моей впечатлительности, которая можетъ довести до полнаго разрушенія организма, я спасаюсь лишь тѣмъ, что почти каждый годъ на время отхожу куда-нибудь, такъ сказать, сообщаюсь самъ съ собой. Я вижу себя далеко отъ всего того, во что я былъ окутанъ, всѣ мои поступки и поступки другихъ далеки отъ меня.

Я вижу всѣ тѣ предметы и причины, которые не давали мнѣ жить, или, вѣрнѣе говоря, отравляли мою жизнь. И они такъ мелочны, такъ ничтожны, что удивляешься, какимъ образомъ могли они прежде представляться такими непреодолимыми гигантами. Я глубоко увѣренъ, что если-бы всѣ люди могли отрѣшиться на время отъ своего „я" и поглядѣть спокойно на пройденный путь, жизнь ихъ была-бы болѣе полна, нормальна и гармонична.

Что-же касается лично тебя, то я очень, очень сожалѣю, что ни твой темпераментъ, ни дѣла, которыя тебя волнуютъ, но безъ кото-

рыхъ ты жить не можешь, не даютъ тебѣ возможности хоть на время сообщиться съ самимъ собой...

644 а. Къ Ел. Павл. Антокольской.

Парижъ, середина 1895 г.

Надо подождать еще мѣсяца три для того, чтобы идти навѣрняка— я надѣюсь, что тогда буду имѣть успѣхъ, ибо приготовлю что-то еще небывалое въ Петербургѣ. Но силъ нѣтъ ждать,—для этого надо имѣть три вещи: деньги, деньги и деньги; но за то когда восторжествую, тогда смѣло покажу моимъ... предлинный посъ.

Я хочу теперь напечатать книжку или сборникъ моихъ статей— стоитъ-ли? Объ этомъ меня просилъ давно извѣстный Чеховъ.

651 а. Къ ней же.

Парижъ, 2-го ноября 1895 г.

Ты навѣрное удивляешься, что я не пишу къ тебѣ, но я не менѣе удивленъ, что ты перестала писать, дескать „не отвѣчаетъ, и Богъ съ нимъ“, — а между тѣмъ я не могъ тебѣ писать.

Мы сперва попали въ Уріажъ, это въ Савойѣ. Лежитъ она въ долинѣ, какъ въ котловинѣ, окруженной горами, душно и такъ жарко, (въ этомъ году были такія жары, какъ и не запомнятъ); при этомъ помѣщеніе скверное и страшно дорого. Прибавь къ этому, что я хворалъ, изнемогалъ отъ жары. Думалъ писать тебѣ, чтобъ ты пріѣхала, но тебѣ было-бы нехорошо. Нѣтъ, лучше оставайся въ своихъ Карпатахъ, среди здоровыхъ, на свободѣ. Мы пробыли въ этой печи три недѣли и насилу выбрались. Должны были ѣхать съ остановками, потому что днемъ невозможно было ѣхать. Совѣтовали намъ ѣхать въ Швейцарію, на высоту 800 метровъ; вездѣ было биткомъ набито народомъ, всѣ прятались на высотахъ. Попали наконецъ въ Гліонъ— это надъ Монтрё—къ сожалѣнію, на солнечной сторонѣ и безъ капли вѣтра; солнце страшно пекло, какъ въ рефлекторъ. Спускались въ Vévey, и я спасался отъ жаровъ тѣмъ, что по цѣлымъ днямъ ѣздилъ по Женевскому озеру. Въ общемъ, ни для кого изъ насъ лѣто не пошло въ прокъ, особенно пострадалъ я. Думаю, что горный воздухъ для насъ не годится, мы любимъ море. Я только теперь начинаю поправляться, начинаю работать. Въ этомъ году я ничего крупнаго не начну, за то сдѣлаю (надѣюсь) много милыхъ небольшихъ вещей. Все лѣто я ничего не читалъ, писемъ рѣшительно ни отъ кого не получалъ, газетъ не пересылали, словомъ ничего не зналъ, не зналъ даже о смерти Надежды Васильевны Стасовой.

Какая это потеря!!! Семейство, навѣрное, очень тяжело переноситъ эту потерю! И здѣсь мы потеряли хорошаго человѣка. Но не будемъ говорить о грустныхъ вещахъ.

Что у васъ хорошаго? Какъ поживаетъ мамаша, сестрица? А ты

какъ? Что въ художественномъ мірѣ? Говорятъ, что интригъ не оберешься. Я еще не знаю, буду-ли въ этомъ году въ Россіи, надо сперва поработать. Работа — это лучшій мой другъ, лучшій мой защитникъ.

Здѣсь ничего новаго нѣтъ; впрочемъ я никого еще не видалъ.

Наконецъ маленькая просьба къ тебѣ. Пожалуйста, сходи къ Николаю Петровичу Собко, онъ живетъ почти противъ тебя; онъ секретарь Об-ва поощренія искусства, ты навѣрное знаешь его; скажи ему, что я просилъ, что если не состоится покупка старинныхъ вещей, т.-е. если Великій Князь ихъ не покупаетъ, то, какъ я уже просилъ, пусть кувшинъ, который я торговалъ, оставитъ за мною. Объ этомъ я просилъ Эліаса, Эліасъ передалъ Стасову, и до сихъ поръ нѣтъ отвѣта.

Какъ поживаетъ В. В.? онъ пересталъ мнѣ писать, боюсь, что онъ не совсѣмъ здоровъ.

691 а. Къ ней же.

Locarno, осень 1897 г.

Здѣсь отсутствіе лихорадки, совершенно защищено отъ сѣвера, розаны растутъ круглый годъ, такъ что для зимы это—счастливое мѣсто для тѣхъ, кто нуждается въ ней; наша-же villa и въ климатическихъ условіяхъ лучше, чѣмъ все кругомъ здѣсь: зимою немного теплѣе, лѣтомъ немного прохладнѣе. Я очень удивляюсь, что такой благословенный уголокъ мало, относительно, посѣщается! Русскіе доктора, живущіе теперь въ Парижѣ и когда-то жившіе здѣсь, совершенно справедливо сказали, что здѣшній климатъ лучше Ниццы и Каннъ.

При этомъ гостиница здѣсь образцовая и относительно очень недорога, да и вообще жизнь здѣсь дешева.

Не знаю, какъ каждый годъ, но въ эту осень, вотъ въ теченіе шести недѣль, было всего 3—4 дождя, остальное время было божественное. Я сейчасъ пишу съ открытыми ставнями, т.-е. окнами и съ опущенными шторами, отъ жары; катаюсь каждый день на лодочкѣ по озеру, подъ бѣлымъ зонтикомъ. Такъ вотъ откуда пишу тебѣ, милая Елена.

Ты спрашиваешь, можешь-ли ты начать переговоры по поводу моихъ изданій; конечно, это, какъ я мечтаю, будетъ большое облегченіе мнѣ въ жизни и никому не во вредъ. Только не надо идти на авось, а навѣрняка, иначе только запачкаешь себя; но ты дѣльная, и навѣрное, если начнешь говорить, то будетъ дѣло.

Въ послѣднее время во французскихъ и англійскихъ газетахъ заговорили обо мнѣ, появились разныя иллюстраціи съ моихъ работъ. Статуя покойнаго государя, повидимому, имѣетъ здѣсь большой успѣхъ и она появилась въ лучшей иллюстраціи; въ общемъ хорошо, но сходство, выраженіе исковеркано.

Всѣ шлютъ тебѣ поклонъ. То, что ты пишешь мнѣ про слухъ о Сонѣ—пуфъ.

712 а. Къ ней же.

Парижъ, іюль 1898 г.

Пишу во весь опоръ, не совсѣмъ здоровится. Ѣдемъ на этой недѣлѣ въ Швейцарію, въ Уріажъ; говорятъ, мѣстность совсѣмъ не модная, прогулокъ пропасть, чему я очень и очень радъ. Думаемъ остаться тамъ около 6 недѣль,—да и жизнь здѣсь недорога—8 франковъ въ день пансіонъ.

М—скіе прицѣнивались къ моимъ работамъ, но не думаю, чтобы что-нибудь изъ этого вышло. Отъ Любови Яковлевны Гуревичъ получилъ письмо, что моя статья будетъ печататься въ августѣ *); въ такомъ случаѣ я лучше желалъ-бы печатать позднѣе, потому что писать больше я не намѣренъ, не стоитъ, во всѣхъ отношеніяхъ не стоитъ. Лучше хорошенько отдохну.

И такъ, можетъ быть, до свиданія въ Швейцаріи!

---

*) Въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ», издательницей котораго была Л. Я. Гуревичъ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦЪ И ПРЕДМЕТОВЪ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1872.

1873.

1874.

1875.

1876.

1877.

1878.

1887.

1888.

1889.

1890.

1891.

1892.

1893.

1894.

1895.

1896.

1897.

1898.

1899.

1900.

1901.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СТАТЬИ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ДОПОЛНЕНІЕ.

ПИСЬМА.

СНИМКИ.

А. Снимки въ текстѣ.

Б. Снимки на отдѣльныхъ листахъ.

8) Рука еврея-портного, держащая иглу. 1864. Скульптура изъ дерева, находится въ Музеѣ Александра III. Даръ княгини Е. П. Тархановой, племянницы Антокольскаго. Снимокъ съ фотографіи, принадлежащей Императорской Публичной Библіотекѣ. — Женская ручка, держащая перо. 1864. Оригиналъ, исполненный изъ дерева, находится въ Музеѣ Александра III. Снимокъ съ фотографіи, принадлежитъ Императорской Публичной Библіотекѣ.

9) Еврей скупой. Горельефъ изъ дерева и слоновой кости. 1865. Снимокъ съ фотографіи, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

10) Портретъ Антокольскаго, рисунокъ И. Е. Рѣпина. 1866. Оригиналъ находится у автора. Снимокъ съ фотографіи, принадлежащей Императорской Публичной Библіотекѣ.

11) Нападеніе инквизиціи на евреевъ въ Испаніи во время тайнаго празднованія ими Пасхи. Горельефъ изъ дерева и воска (впослѣдствіи отлитъ изъ бронзы). С.-Петербургъ. 1868.

12) Иванъ Грозный. Статуя. 1871. Экземпляръ изъ бронзы находится въ Музеѣ Александра III. Экземпляръ изъ мрамора — въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ. Снимокъ съ фотографіи, принадлежащей Императорской Публичной Библіотекѣ.

13) Иванъ III. Конная группа, отлитая изъ гипса. 1872. Снимокъ съ фотографіи, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

14) Петръ I. Статуя. 1872. Изъ числа двухъ экземпляровъ, отлитыхъ изъ бронзы, первый поставленъ передъ дворцомъ Монплезиръ въ Петергофѣ; другой находится въ Главномъ Штабѣ, въ С.-Петербургѣ. Снимокъ съ фотографіи, принадлежащей Императорской Публичной Библіотекѣ.

15) В. Стасовъ. Бюстъ изъ мрамора. 1873. Оригиналъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Снимокъ съ фотографіи, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

16) Христосъ передъ народомъ. Статуя. 1874. Экземпляръ изъ бронзы находится въ Музеѣ Александра III, экземпляръ мраморный принадлежитъ С. И. Мамонтову въ Москвѣ. Снимокъ съ фотографіи, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

17) Надгробный мраморный памятникъ княжны М. А. Оболенской, на кладбищѣ въ Римѣ. 1876. Снимокъ съ фотографіи, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

18) Умирающій Сократъ. Статуя. 1875. Мраморный оригиналъ въ Музеѣ Александра III. Снимокъ съ фотографіи, принадлежащей Императорской Публичной Библіотекѣ.

19) Мефистофель. Статуя. 1884. Мраморный оригиналъ въ Музеѣ Александра III. Снимокъ съ фотографіи, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

20) Портретъ Антокольскаго. 1886. Снимокъ съ фотографіи, исполненной фотографомъ Сребринымъ въ Витебскѣ и находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

21) Надгробный монументъ дочери Терещенко. Оригиналъ изъ мрамора на кладбищѣ въ Кіевѣ. 1888. Снимокъ съ фотографіи, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

22) Ярославъ Мудрый. Бронзовый барельефъ. 1891. Оригиналъ въ Музеѣ Александра III. Снимокъ съ фотографіи, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

23) Несторъ лѣтописецъ. Мраморная статуя. 1889. Находится въ Музеѣ Александра III. Снимокъ съ фотографіи, принадлежащей Императорской Публичной Библіотекѣ.

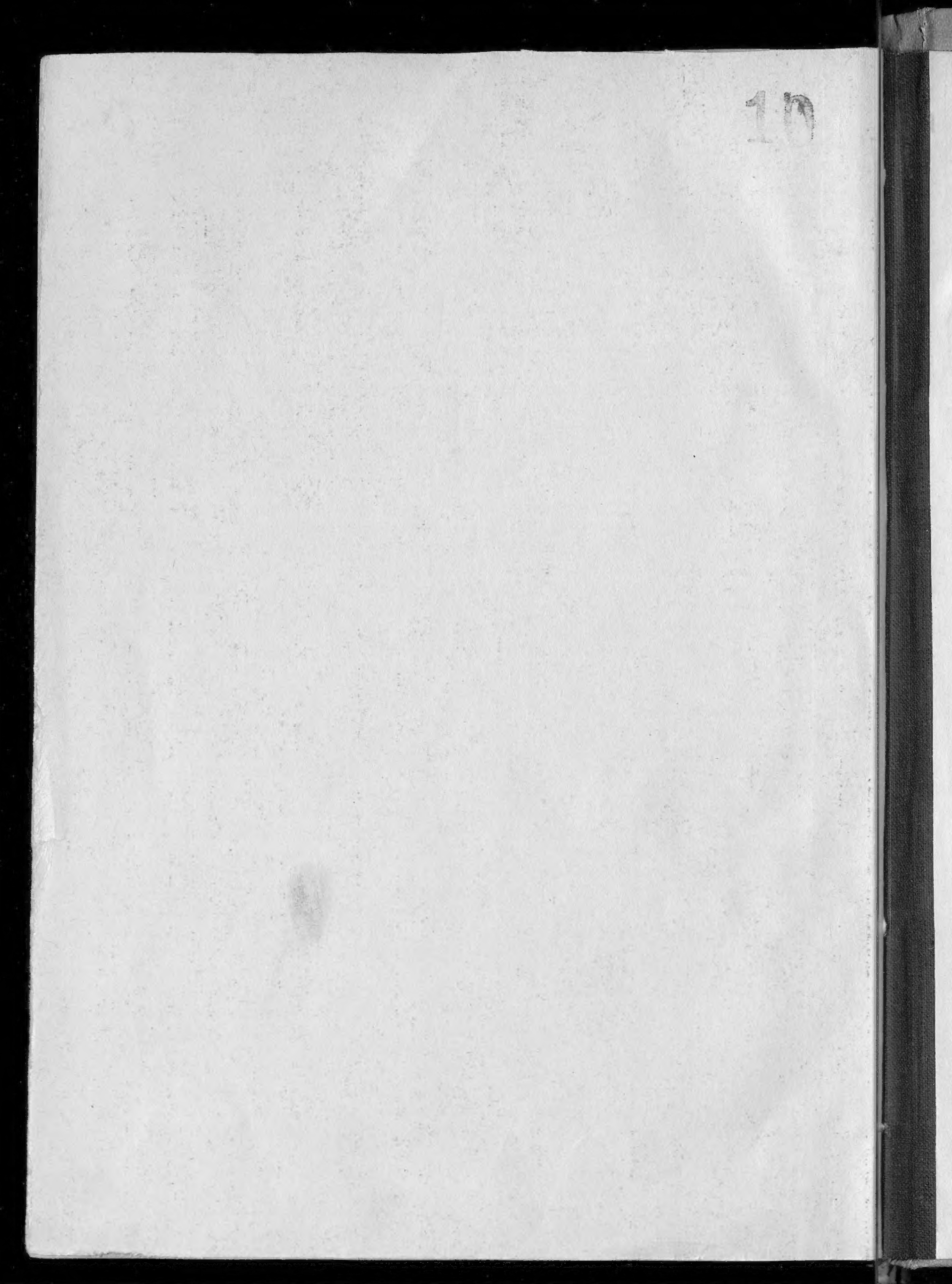
24) Ермакъ. Бронзовая статуя. 1891. И подлинная статуя, и первоначальный эскизъ ея, отлитый изъ бронзы, находятся въ Музеѣ Александра III. Снимокъ съ фотографіи, принадлежащей Императорской Публичной Библіотекѣ и представляющей первоначальный эскизъ.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:			Слѣдуетъ читать:
Стран.	*Строка*		
24	16 снизу	187	1872
56	6 сверху	Борель	Барель
107	12 снизу	К. Н. Крамскій	И. Н. Крамской
384	11 сверху	Богомоловъ	Боголюбовъ
Подъ рисункомъ «Еврей-портной» напечатанъ годъ: 1874			1864

стр. **годъ 1892.**

Напечатано		Слѣдуетъ читать	
№№ 554.	Къ гр. И. И. Толстому 25 мая	№ 554.	Къ гр. И. Ив. Толстому 25 мая
555.	— — — — 16 окт.	555.	— В. В. Стасову 14 іюня
556.	— — — — 29 —	556.	— — — 26 іюля
557.	— — — — 5 дек.	557.	— — — 27 —
558.	— В. В. Стасову 14 іюня	558.	— — — 8 авг.
559.	— — — 10 авг.	559.	— — — 10 —
560.	— — — 8 —	560.	— — — 10 —
561.	— — — 10 —	561.	— — — 10 —
562.	— — — 10 —	562.	— — — 25 —
563.	— — — 25 —	563.	— — — 27 —
564.	— — — 26 іюля	564.	— — — 31 —
565.	— — — 27 авг.	565.	— — — 11 сент.
566.	— — — 27 іюля	566.	— гр. И. И. Толстому 16 окт.
567.	— — — 31 авг.	567.	— — — — 29 —
568.	— — — 11 сент.	568.	— В. В. Стасову 2 ноября
569.	— — — 2 ноября	569.	— — — 22 —
570.	— — — 22 —	570.	— — — 24 —
571.	— — — 24 —	571.	— — — 24 —
572.	— — — 24 —	572.	— гр. И. И. Толстому 5 дек.
573.	— — — 26 дек.	573.	— В. В. Стасову 26 —

10

